

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

INDEX

INDEXED

**ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ.**

ГОДЪ ВОСЬМОЙ.

*QCA

— ЕХЕД

ОТЧЕСТВЕННАЯ

2343

ЗАПИСКИ,

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

Beatae plane aures, quae non
vocem foris sonantem, sed intus
auscultant veritatem docentem.

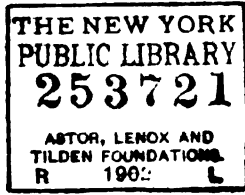
Gersonius.

ТОМЪ XLVII.

23
—
САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ И. ГЛАЗУНОВА И КОМП.

—
1846.

Печатать позволяется. С. Петербургъ, 30 июня 1846.

Цензоры: А. Крылов и А. Мещеряков.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ПРОСТУПОКЪ ГОСПОДИНА АНТУАНА.

Романъ Жоржа Занда.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Промышленная дипломатія.

Когда Эмиль объявилъ отцу, что плотникъ нашелъ себѣ освободителя, и когда отдалъ ему отчетъ въ употребленіи своего дня, господинъ Кардоннѣ сдѣлался задумчивъ, и въ-теченіе нѣсколькихъ минутъ хранилъ молчаніе, столь же загадочное, какъ паузы и вздохи маркиза Буагибб. Но наружная холодность этихъ двухъ чело-вѣкъ не могла условливать между ними никакого сходства въ характеръ. У маркиза она вся происходила отъ инстинкта, привычки

и безсилія, тогда - какъ промышленникъ пріобрѣталъ ее сильнымъ направленіемъ воли. У перваго она зависѣла отъ мѣткости и трудности мысли; у втораго, напротивъ, служила завѣсою и уздою для излишней стремительности мыслей. Словомъ, у господина Кардоннѣ она была притворная: это было заемное достоинство, роль, принятая для первенства надъ другими людьми; и, пока казался холодно-важнымъ, онъ тревожно рассчитывалъ послѣдствія и средства гнѣва, готоваго вспыхнуть. Такимъ-образомъ, когда печальная нерѣшительность господина Буагибó оканчивалась нѣсколькими таинственными, односложными словами, обманчивое спокойствіе господина Кардоннѣ скрывало грозу, которой взрывъ отсрочивалъ онъ по произволу, но которая рано или поздно разражалась въ словахъ точныхъ и значительныхъ. Можно сказать, что жизнь одного питалась своими могучими проявленіями, между-тѣмъ, какъ жизнь другаго истощалась въ подавляемыхъ ощущеніяхъ.

Господинъ Кардоннѣ очень-хорошо зналъ, что убѣдить сына было не легко, а утрашить его крутостью и угрозами невозможно. Онъ слишкомъ-часто натыкался на этотъ энергическій характеръ, слишкомъ испыталъ его силу сопротивленія, хотя дотолъ это бывало только въ мелкихъ дѣтскихъ шалостяхъ, и потому зналъ, что прежде всего надлежало внушить сыну прочное почтеніе. Онъ тщательно избѣгалъ ошибокъ въ его присутствіи, и наблюдалъ за собою чрезвычайно-внимательно.

— Ну, батюшка, развѣ вы недовольны тѣмъ, что бѣдному Жану посчастливилось? сказала Эмиль: — и развѣ не одобрите, что я поспѣшилъ отвѣчать на добрыя намѣренія его избавителя? Я ружался за ваше содѣйствіе, и пусть недовѣрчивый плотникъ научится знать васъ, уважать, даже любить васъ.

— Все это одни слова, отвѣчалъ господинъ Кардоннѣ. — Надо сейчасъ же написать объ немъ. Мой секретарь занятъ, но я надѣюсь, что ты не откажешься занимать иногда его мѣсто въ случаѣ нужды.

— О! отъ всего сердца! вскричалъ Эмиль.

— Пиши же; я буду тебя диктовать.

Господинъ Кардоннѣ продиктовалъ нѣсколько писемъ, исполненныхъ усердія, участія къ виновному, и составленныхъ съ рѣдкимъ духомъ приличія и достоинства. Онъ даже предлагалъ свое поручительство за Жана Жаплу, въ случаѣ, — что впрочемъ невозможно, говорилъ онъ, — если господинъ Буагибó, предупредившій его намѣренія, не устоитъ въ своемъ словѣ. Когда письма были подписаны и запечатаны, онъ велѣлъ Эмилю отправить ихъ тотчасъ же съ нарочнымъ, и прибавилъ:

— Теперь, я исполнилъ твою волю; — я прервалъ свои занятія для того, чтобъ твой любимецъ не терпѣлъ ни малѣйшаго замедленія. Я пойду работать. Черезъ часъ мы сядемъ обѣдать, и потомъ ты побудешь съ матерью, которую цѣлый день оставлялъ одну. Но ужъ вечеромъ, когда рабочіе окончатъ свое дѣло, на-

дѣюсь, ты будешь принадлежать мнѣ, и я поговорю съ тобою о серьезныхъ вещахъ.

— Батюшка, вы сами знаете, что я принадлежу вамъ не только нынѣшній вечеръ, но и всю мою жизнь, сказалъ Эмиль, обнимая его.

Господинъ Кардоннѣ былъ доволенъ собою, что не поддакъ первому движенію досады; этимъ онъ возвратилъ себѣ всю власть надъ Эмилемъ. Вечеромъ, когда заводъ былъ запертъ и рабочіе распущены, онъ ушелъ въ ту часть сада, куда не достигло наводненіе, и долго прогуливался одинъ, размышляя о томъ, что сказать этому ребенку, которымъ такъ мудро было управлять; онъ не хотѣлъ призывать Эмиля до-тѣхъ-поръ, пока самъ не почувствуетъ, что совершенно овладѣлъ собою.

Лихорадочная усталость, — слѣдствіе дня, проведеннаго въ заботахъ и распорядкахъ, видъ опустошенія, еще представлявшійся глазамъ его, и можетъ — быть, также состояніе атмосферы, — все это не очень способствовало утишенію нервного раздраженія, столь обычнаго въ г-нѣ Кардоннѣ. Температура претерпѣла такой внезапный и такой жестокий переворотъ, что не могла не быть ослабленною и необычайною. Тепловатый воздухъ отягченъ былъ густыми парами, какъ въ ноябрь, хотя время стояло лѣтнее. Но это былъ не свѣжій и прозрачный осенній туманъ, а скорѣе какой-то удушающій чадъ, поднимавшійся отъ земли. Аллея, гдѣ прохаживался промышленникъ, окаймлялась съ одной стороны розовыми кустами и другими роскошными растеніями. На другой сторонѣ ея были только обломки, нанесенные и нагроможденные въ безпорядкѣ, огромные камни, пригнанные волнами; и начиная отъ этой точки, гдѣ остановилось наводненіе, до самаго русла рѣки, нѣсколько десятковъ сада покрытыхъ чернымъ иломъ и распешренными красноватыми полосами песка, представляли видъ какого-то американскаго льса, опустошеннаго и вполнину снесеннаго разливомъ Огіо или Миссури. Молодые деревья, опрокинутыя какъ-попало, переплетались стволами и вѣтвями въ лужахъ стоячей воды, не могшихъ протечь сквозь эти случайныя плотины. Прекрасныя растенія, смятыя и загрязненныя, тѣсно усиливались приподняться и лежали въ илѣ, между-тѣмъ, какъ другія, насыщенные влагою, уже распустили на полусломленныхъ вѣткахъ своихъ роскошныя и пышныя цвѣты. Ихъ сладкое благовопіе боролось съ солончатымъ запахомъ илистой земли, и когда слабый вѣтерокъ колебалъ туманъ, эти благоуханія и зловонія странно смѣялись другъ друга. Тысячи лягушекъ, какъ-будто упавшихъ съ дождемъ, квакали въ тростникъ ужаснымъ образомъ; и шумъ завода, котораго еще нельзя было остановить и котораго колеса вертелись попусту, нагонялъ на господина Кардоннѣ судорожное нетерпѣніе. Между-тѣмъ, соловей свисталъ въ уцѣлѣвшихъ кустарникахъ и притѣствовалъ полную луну съ безпечною любовника или артиста. Повсюду была смѣсь счастья съ уныніемъ, безобразія съ красотою,

как-будто могучая природа смѣялась надъ потерями, разорительными для людей, ничтожными для нея, которой нуженъ былъ только ясный день да свѣжая ночь, чтобъ вознаграждать ихъ.

Не смотря на усилія Кардоннѣ сосредоточить мысли свои на семейныхъ дѣлахъ, его поминутно тревожила и развлекала забота о денежныхъ интересахъ. «Проклятый ручей!» думалъ онъ, невольно вперяя взоры въ потокъ, катившійся гордо и насмѣшливо подъ его ногами: «когда же ты откажешься отъ невозможной борьбы? Я съумю оковать и смирить тебя. Еще нѣсколько камней, еще нѣсколько желѣза, и ты потечешь узникомъ въ границахъ, которыми рука моя тебѣ начертить. О! я съумю обуздать твою несмысленную силу, предусмотрѣть твои прихоти, подстрекнуть твою медленность и сокрушить твою ярость. Геній человека долженъ остаться здѣсь побѣдителемъ слѣпаго мятежа природы. Двадцать лишнихъ рабочихъ — и ты почувешь узду. Деньги! все деньги! Одной маленькой горкой золота можно удержать горы воды. Весь вопросъ во времени и срокѣ. Надо, чтобъ мои издѣлія успѣли къ определенному дню, и тогда издержки вознаградятся. Одинъ мѣсяць бездѣйствія и ушынія можетъ все погубить. Кредитъ — пропасть, которую надо рыть безъ устали, потому-что на днѣ ея сокровище прибыли. Станемъ рыть! все рыть! Глушецъ и трусъ тотъ, кто останавливается на пути и позволяетъ по-напрасну пропадать своимъ начаткамъ и предначертаніямъ. Нѣтъ, нѣтъ! въроломный потокъ, женскіе страхи, лживыя прорицанія завистниковъ, вы не устршите меня, не заставите меня отступить отъ моего дѣла, когда я употребилъ на него столько пожертвованій, когда потъ столькохъ людей уже пролился даромъ, когда мой умъ уже потратилъ столько усилій и предприимчивость моя породила столько чудесъ! Эта вода или умчить трупъ мой, или послушно понесетъ сокровища моей промышленности.»

И въ болѣзненномъ напряженіи воли, г. Кардоннѣ топалъ ногою о берегъ въ какомъ-то бышенномъ энтузіазмѣ.

Между-тѣмъ, онъ вспомнилъ, что изъ его собственной утробы вышло препятствіе страшнѣе для его будущности, нежели потоки и буря. Сынъ его могъ всему помѣшать или, по-крайней-мѣрѣ, все разрушить въ одинъ день. Какова бы ни была жесткость и ревнивое самолюбіе человека, онъ никогда не можетъ быть доволенъ, трудясь для одного себя, и нѣтъ капиталиста, который бы не жилъ въ будущемъ чрезъ свои семейныя связи. Кардоннѣ чувствовалъ въ сердцѣ дикую любовь къ сыну. О! еслибъ онъ могъ передѣлать эту непокорную душу, отождествить Эмиля съ своею собственною личностью, — какою гордостью, какою увѣренностью наслаждался бы онъ! Но сынъ, одаренный превосходными способностями ко всему, что не составляло цѣли для отца, казалось, развилъ въ себѣ систематическое презрѣніе къ богатству, и надлежало найти какой-нибудь суставъ, какое-нибудь уязвимое мѣсто, чтобъ впустить въ него эту ужасную страсть. Кардоннѣ зналъ, какія

струны следовало потрясти; но могъ ли онъ столько насловать и изменить натуру собственного ума и собственного таланта, чтобъ не произвести никакого диссонанса? Инструментъ былъ нѣженъ и высть могучъ. Малѣйшій недостатокъ гармоніи въ системѣ, которую онъ собирался излагать, встрѣтилъ бы судью внимательнаго и прозорливаго.

Словомъ, надлежало, чтобъ Кардоннѣ, чловѣкъ гордый и гибкій въѣсть, но въ которомъ привычка господства брала верхъ надъ привычками хитрости, вступилъ въ страшную борьбу съ самимъ-собою, задушилъ въ себѣ всякое порывистое движеніе и заговорилъ языкомъ убѣжденія, котораго не раздѣлялъ совершенно. Наконецъ, чувствуя себя спокойнѣе и считая себя достаточно-приготовленнымъ, онъ велѣлъ позвать Эмиля и воротился ожидать его на то же мѣсто, гдѣ передъ тѣмъ предавался долготу и тяжелому раздумью.

— Итакъ, батюшка, сказалъ молодой чловѣкъ, взявъ съ нѣжностью его руку и очень-взволнованный, ибо чувствовалъ приближеніе минуты, въ которую долженъ былъ узнать, что возьметъ верхъ въ его сердцѣ, сыновняя любовь или страхъ и порицаніе: — я совершенно готовъ почтительно выслушать объясненія, которыя вы мнѣ обѣщали. Мнѣ двадцать-одинъ годъ, и я чувствую, что становлюсь чловѣкомъ. Вы долго мѣшкали освободить меня отъ закона безмолвія и слѣпой довѣренности: сердце мое покорилось сколько могло, но разумокъ мой начинаетъ говорить очень-громко, и я жду вашего родительскаго голоса, чтобъ согласить ихъ. Я увѣренъ, что вы хотите теперь это сдѣлать и отворить мнѣ ворота жизни, — потому-что до-сихъ-поръ я только мечталъ, ожидалъ и искалъ. Я плавалъ въ странныхъ сомнѣніяхъ, и уже много страдалъ, не смѣя вамъ сказать о томъ. Теперь вы меня излечите, дадите мнѣ ключъ отъ лабиринта, въ которомъ я блуждаю; укажете мнѣ на будущее время дорогу, по которой я пойду съ радостью. Счастливъ и гордъ буду я, если въ-силахъ буду идти по ней рядомъ съ вами!

— Сынъ мой, отвѣчалъ г. Кардоннѣ, нѣсколько смутясь этимъ приступомъ, полнымъ сердечной теплоты: — ты привыкъ тамъ, у себя, къ напыщенному языку, которымъ я не умѣю говорить. Такая манера объясняться не годится, потому-что умъ воспламеняется и заносится, а потомъ вскорѣ заблуждается въ избыткѣ чувствительности. Я знаю, ты меня любишь и вѣришь мнѣ. Ты знаешь, что я люблю тебя безраздѣльно, и что будущность твоя — единственная цѣль, единственная мысль моя. Будемъ же говорить разсудительно, холодно, если можно. Обозримъ напередъ твою краткую и счастливую жизнь. Ты родился въ довольствѣ, и какъ я трудился прилежно, то богатство разостлалось подъ твоими ногами такъ скоро и такъ натурально, по-видимому, что ты его и не примѣтилъ. Съ каждымъ годомъ увеличивался объемъ твоей будущей карьеры, и едва ты вышелъ изъ дѣтства, какъ я уже помы-

шлялъ о твоей старости и о судьбѣ дѣтей твоихъ. Ты обнаруживалъ счастливыя склонности, — но все еще къ однимъ пустымъ искусствамъ, къ предметамъ забавы, къ рисованью, музыкѣ, поэзи... Я долженъ былъ ушмать и унимать развитіе въ тебѣ инстинктовъ артиста, когда увидѣлъ, что они угрожали взять верхъ надъ болѣе-нужными и болѣе-серьезными способностями.

«Создавая тебѣ состояніе, я создавалъ тебѣ обязанности. Изящныя искусства—благодать и богатство бѣдняка; но богатство требуетъ силъ покрѣпче, чтобъ нести тяжесть обязанностей, имъ налагаемыхъ. Я разсматривалъ самого-себя, видѣлъ, чего не доставало въ моемъ воспитаніи, и думалъ, что мы-должны взаимно пополнить одинъ другаго, потому-что по закону крови мы несемъ ответственность одного предпріятія. Я зналъ промышленныя теоріи, которымъ посвящалъ себя; но, не искусившись въ практикѣ съ ранихъ поръ, не изучавъ специально своего призванія, достигая только инстинктомъ и чѣмъ-то въ родѣ гаданія до рѣшенія вопросовъ геометріи и механики, принужденъ былъ впадать въ ошибки, пускаться по ложнымъ путямъ, обманываться то своими, то чужими мечтами, наконецъ терять, кроме денежныхъ суммъ, дни, недѣли, голы,—словомъ, время, самый дорогой изъ всѣхъ капиталовъ. По этому я желалъ, чтобъ ты выучился этимъ наукамъ, вышелъ изъ коллегіи, и чтобъ, не смотря на молодость, принудилъ себя къ головоломнымъ трудамъ. Скоро умъ твой принялъ направленіе, удалившее тебя отъ моеи цѣли.

«Изученіе точныхъ наукъ пристрастило тебя, вопреки моеи и твоеи собственной воли, къ естественнымъ наукамъ, и, ударясь въ боковыя пути, ты помышлялъ только объ астрономіи и предавался грезамъ о мірахъ, въ которые мы не можемъ проникнуть. Послѣ борьбы, въ которой не я былъ сильнѣйшимъ, я велѣлъ тебѣ бросить эти науки, ибо не могъ навести тебя на здоровое и полезное ихъ приложеніе; отрекшись же отъ мысли сдѣлать изъ тебя механика, я прискивалъ, чѣмъ бы ты могъ быть мнѣ полезенъ. Когда я говорю: «мнѣ полезенъ», то, нальюсь, ты не ошибаешься на счетъ смысла словъ моихъ. Мое состояніе было твоимъ; я долженъ былъ образовать тебя для дѣла, которое, вѣроятно, скоро истощитъ мою жизнь въ твою пользу. Это въ порядкѣ вещей; я счастливъ тѣмъ, что исполняю свою обязанность, и буду ее исполнять вопреки тебѣ, если ужъ такъ суждено намъ! Но разсудокъ и отеческая любовь не должны ли были побуждать меня сдѣлать тебя способнымъ, если не къ увеличенію, по-крайней-мѣрѣ къ сохраненію и защищенію этого состоянія? Мое невѣдѣніе въ законодательствѣ сто разъ предавало меня въ руки несвѣдущихъ или коварныхъ сорѣтниковъ; я бывалъ добычею этихъ питомцевъ ябеды, которые, не имѣя ни истиннаго знанія, ни здраваго понятія о дѣлахъ, требуютъ слѣпой покорности отъ клиентовъ и вредятъ ихъ важнѣйшимъ интересамъ по глузости, упрямству, самоувѣренности, ложной тактикѣ, пустымъ тонкостямъ и т. п. Я думалъ, что при

ясномъ и быстромъ разумѣ, каковъ твой, ты могъ бы, въ несколько лѣтъ, изучить право и составить себѣ довольно-вѣрное понятіе о подробностяхъ судопроизводства, такъ-что никогда не нуждался бы ни въ какомъ руководителѣ, ни въ какомъ совѣтникѣ, ни въ какомъ, пуще всего, повѣренномъ, кромѣ самого-себя. Я отнюдь не желалъ сдѣлать изъ тебя ратора, адвоката, актѣра судебныхъ мѣстъ; но велѣлъ тебѣ записаться на курсы и держать экзамены... Ты обѣщала мнѣ все это!»

— Чтò же, батюшка? Развѣ и ослушался? Развѣ я не сдержалъ слова? сказалъ Эмиль, удивясь, что г-нъ Кардоннѣ говоритъ съ такимъ пренебреженіемъ о ремеслѣ, котораго почетность и блескъ, всически выхвалялъ, когда надо было уговорить сына вступить на это поприще.

— Эмиль! отвѣчалъ промышленникъ:—не хочу дѣлать тебѣ упрековъ; но ты имѣешь страдательную и апатическую манеру повиноваться, которая во сто разъ хуже послушанія. Еслибъ я могъ предвидѣть, что ты напрасно потратишь время, я немедленно бы придумалъ что-нибудь другое; потому-что, говорю тебѣ, время — капиталъ капиталовъ; а вотъ цѣлые два года твоей жизни прошли — и ты ничего не сдѣлала для развитія своихъ средствъ, то-есть для своей будущности.

— Я, однако, утѣшаюсь противнымъ, сказалъ Эмиль, улыбаясь полукротко и полудурдо: — и могу васъ увѣрить, батюшка, что много занимался, много читалъ, много думалъ... не смѣю сказать много приобрѣлъ, во время своего пребыванія въ Поатѣ.

— О! я очень-хорошо знаю, чтò ты читалъ и чему научился, Эмиль; я замѣтилъ бы это уже по твоимъ письмамъ, еслибъ даже не зналъ черезъ своего корреспондента. Признаюсь тебѣ, вся эта прекрасная философско-метафизико-политико-экономическая наука есть, по моему мнѣнію, вещь самая пустая, самая вздорная, самая химерическая и самая смѣшная, чтобъ не сказать самая опасная для молодости. Твои послѣднія письма заставили бѣ меня, какъ судью, помирать со смѣха, еслибъ, какъ отецъ, я не чувствовалъ смертельнаго огорченія. Увидѣвъ окончательно, что ты съѣлъ на новаго конька и собираешься опять парить въ безвоздушныхъ пространствахъ, я рѣшился призвать тебя къ себѣ, или на время, или на всегда, если не успѣю тебя образумить.

— Батюшка, вы болѣе печалите мое сердце, нежели оскорбляете мое самолюбіе. Очень можетъ быть, что я не согласенъ съ вами: однакожь готовъ выслушать ваши опроверженія на всѣ мои вѣрпанія; но когда въ первый разъ въ жизни я ощутилъ потребность и нашелъ силу излить въ грудь вашу всѣ свои мысли и всѣ движенія, вы отвергаете меня съ ироніей... это очень-больно и огорчаетъ меня больше, нежели вы полагаете!

— Въ твоёмъ дѣтскомъ огорченіи больше гордости, нежели ты думаешь. Развѣ я не отецъ, не лучший другъ твой? Развѣ я не долженъ говорить тебѣ истину, когда ты ошибаешься, и возвра-

щать тебя на прямую дорогу, когда ты блуждаешь? Полно! бросимъ тщеславіе: оно неумѣстно между нами! Я цѣню твой умъ больше нежели ты самъ, потому-что не хочу допускать его портиться отъ дурной пищи. Выслушай меня, Эмиль! Знаю, что у нынѣшнихъ молодыхъ людей мода ставить себя законодателями, философствовать обо всемъ, преобразовывать учрежденія, которыя переживутъ ихъ, изобрѣтать върванія, общества, новую мораль и пр. и пр. Воображенію льстятъ эти вздоры, и они очень-невинны, если не долго длятся. Но надо покидать ихъ на школьныхъ скамьяхъ, и прежде чѣмъ разрушать общество, надо узнать и извѣдать его: тогда скоро заметишь, что оно все-таки лучше насъ, и что всего благоразуміе покоряться ему съ умѣньемъ и терпимостію. Ты уже столько выросъ, что не долженъ тратить свои желанія и размышленія на пустой предметъ. Я хочу, чтобъ ты привязался къ дѣйствительной, положительной жизни, и, вмѣсто того, чтобъ истощаться въ критикѣ на законы, которые нами управляются, ты изучилъ ихъ смыслъ и приложеніе. Если же, напротивъ, это изученіе приводитъ тебя къ реакціи и враждѣ противъ истины, надо его оставить, и постараться найти какое-нибудь полезное занятіе, къ которому ты чувствуешь себя способнымъ. Теперь мы сошлись объясниться и рѣшить дѣло: брось пустыя декламации, брось поэтическіе диерамбы на небо и людей! Бѣднымъ, кратковременнымъ созданіямъ, намъ ли вслѣдовать свою судьбу, предшествовавшую нашему появленію на землѣ, или долженствующую за нимъ слѣдовать? Намъ никогда не рѣшить этой загадки! Напѣ религіозный долгъ трудиться здѣсь безъ отдыха и удаляться отсюда безропотно. Мы обязаны отчетомъ въ своемъ трудѣ поколѣнію, которое намъ предшествуетъ и насъ образуетъ, равно какъ и тому поколѣнію, которое слѣдуетъ за нами и которое мы образуемъ. Отъ-того-то семейныя узы священны и составляютъ неотчуждаемое наследіе, вопреки вашимъ прекраснымъ теоріямъ, въ которыхъ я никогда не могъ добратся толка, потому-что онѣ не зрѣлы, и человѣческому роду нужны еще вѣка, чтобъ онѣ ихъ принялъ. Отвѣчай мнѣ, что ты намъ рѣшь дѣлать?

— Рѣшительно не знаю, отвѣчалъ Эмиль, — изнемогшій отъ всѣхъ этихъ словъ, произнесенныхъ съ самоувѣренною и безчувственною легкостью. — Вы такъ смѣло разсѣкаете вопросы, которые мнѣ надо, можетъ-быть, рѣшать цѣлую жизнь, что я не въ силахъ за вами слѣдовать въ вашемъ пламенномъ стремленіи къ неизвѣстной цѣли. Въроятно, я такъ слабъ и ограниченъ, что не могу находить въ собственной дѣятельности награду или поощреніе за столько усилій. Я не чувствую къ нимъ никакой склонности. Люблю трудъ ума и любилъ бы трудъ тѣла, еслибъ одинъ служилъ другому для пріобрѣтенія сердечнаго довольства; но трудиться для того, чтобъ пріобрѣтать, а пріобрѣтать для того, чтобъ сберечь, или чтобъ еще пріобрѣтать, до-тѣхъ-поръ, пока смерть положитъ предѣлъ этой безотчетной жаднѣ, — все это для меня лишено смысла и привлекатель-

пости. Во мнѣ нѣтъ ни одной способности, которою можно было бы воспользоваться для такого употребленія; я не родился игрокомъ: страстная игра въ повышеніе и пониженіе курса фортуны не произведетъ во мнѣ ни малѣйшаго опущенія. Если мои порывы и одушевленія — не болѣе, какъ пустыя мечты, недостойныя ума серьезнаго, если нѣтъ вѣчной истины, идеала, который можно и должно носить въ душѣ, чтобъ поддерживать себя и направлять между зомъ и неправдъ настоящаго, то я болѣе не живу, нѣ во что болѣе не вѣрю; я готовъ умереть для васъ, батюшка; но жить и бороться подобно вамъ и вмѣстѣ съ вами, для такого труда у меня нѣтъ ни твердости, ни силъ, ни ума...

Г-нъ Кардоннѣ затрепеталъ отъ гнѣва, но воздержался. Не безъ умысла вызвалъ онъ такъ неловко негодованіе и сопротивленіе сына: онъ хотѣлъ заставить его выговорить всѣ свои мысли, — хотѣлъ, такъ сказать, опунать его энтузіазмъ. Когда, по горькому тону и отчаянному выраженію молодаго человѣка, онъ увидѣлъ, что дѣло было точно такъ серьезно, какъ онъ опасался, то рѣшился обойти препятствіе и маневрировать такимъ-образомъ, чтобъ возвратитъ себѣ прежнее свое вліяніе на сына.

II.

БОРЬБА.

— Эмиль! сказалъ промышленникъ съ искусно-поддѣланнымъ спокойствіемъ:—вижу, что мы говоримъ нѣсколько минутъ не понимая другъ друга, и, если будемъ продолжать тѣмъ же тономъ, ты начнешь со мною ссориться и обходиться такъ, какъ-будто ты юный мученикъ, а я старій язычникъ. Изъ чего ты горячишься? При началѣ разговора, я былъ правъ, желая предостеречь тебя отъ энтузіазма. Весь жаръ головы твоей—только капъные юности, и когда ты доживешь до моихъ лѣтъ, когда приобрѣтешь нѣсколько опытности и привычки къ долгу, самъ не будешь понимать, чтобъ нужно было надрывать грудь и звонить такъ громко въ свои убѣжденія, если желаешь быть честнымъ человѣкомъ. Остерегайся восторженности; въ ней говорить одно удовлетворенное тщеславіе... Ну, дитя, не-уже-ли ты думаешь, на-примѣръ, что честность, нравственность, добросовѣстность въ обязательствахъ, человѣколюбіе, состраданіе къ несчастнымъ, преданность родинѣ, уваженіе чужихъ правъ, семейныя добродѣтели и любовь къ ближнему,—все это доблести очень-рѣдкія и почти-невозможныя въ наше время?

— Да, батюшка, я твердо въ этомъ увѣренъ.

— Я думаю иначе. Въ пятьдесятъ лѣтъ я не такой еще мизантропъ, какъ ты въ двадцать; у меня нѣтъ такого худаго мнѣнія о моихъ ближнихъ, вѣроятно потому-что нѣтъ у меня твоей учености и твоей вѣрности взгляда!..

— Ради Бога, не насмѣхайтеся надо мною, батюшка! вы раздражаете мнѣ сердце!

— Хорошо! будемъ говорить серьезно. Я готовъ согласиться съ тобою, что эти доблести составляютъ вѣрованіе и правила небольшого числа людей. По-крайней мѣрѣ, удостовѣрь ли ты согласиться, что они не совершенно-чужды твоему отцу?

— Батюшка, большая часть вашихъ поступковъ показали мнѣ, что дѣлать добро—ваше единственное честолюбіе. Зачѣмъ же слова ваши какъ-будто стараются доказать мнѣ, что у васъ не столь благородная цѣль?

— Именно къ тому я желалъ прійти. Ты допускаешь во мнѣ безупречное поведеніе, и однако удивляешься, что я призываю спокойствіе разума и совѣты здравой логики. Скажи, что бы ты подумалъ о своемъ отцѣ, если бѣ слышалъ его поминутно декламирующимъ противъ тѣхъ, кто не слѣдуетъ его примѣру? если бѣ, ставя себя за образецъ, преисполненный любви и удивленія къ самому-себѣ, онъ терзалъ тебя при всякомъ словѣ собственными похвалами и анафемами на остальное человечество? Ты молчалъ бы и накидывалъ покровъ на его смѣшную слабость, но по-неволь думалъ бы, что твой добрый отецъ огражденъ жалкимъ недостаткомъ, и что тщеславіе вредитъ его достоинствамъ.

— Конечно, батюшка, мнѣ больше нравится ваша скромность и благородная нехвастливость; но когда мы наединѣ другъ съ другомъ, и въ рѣдкихъ, торжественныхъ случаяхъ, когда, какъ нынче, вы удостовѣрили бы открывать мнѣ сердце, не могъ ли бы я восхищаться, слыша, какъ вы превозносите великія идеи и проливаете въ меня святой энтузіазмъ, вмѣсто того, чтобъ видѣть васъ жорнающимъ и презрительно отвергающимъ мои порывы?

— Не великія идеи презираю я, и не надъ твоими добрыми стремленіями насмѣхаюсь. Я отвергаю и хочу истребить въ тебѣ декламацию и хвастовство новыхъ гуманитарныхъ школъ. Не могу терпѣть, чтобъ выставляли за истинны, доселѣ невѣдомыя, правила старыя какъ свѣтъ. Мнѣ хочется, чтобъ ты любилъ долгъ съ неколебимымъ спокойствіемъ, и исполнялъ его съ стоическимъ безмолвіемъ истиннаго убѣжденія. Повѣрь, не со вчерашняго дня мы знаемъ добро и зло, и, чтобъ полюбить правду, тебѣ не стоило насыщаться небесной манной, куря сигары на улицахъ Поатье.

— Можетъ-быть, все это справедливо вообще, батюшка, сказалъ Эмиль, затронутый упорною ироніей г-на Кардонне. — Есть старыя граждане, которые, подобно вамъ, соблюдаютъ добродѣтель безъ хвастовства, и найдутся, можетъ-быть, дерзкіе школьники, которые проповѣдуютъ ее, не любя и почти не зная. Но этой послѣдней черты сатиры я не могу принять ни на свой собственный счетъ, ни на счетъ молодыхъ друзей моихъ. Я не воображаю себя ни чѣмъ другимъ, какъ ребенкомъ, и не хвалюсь никакой опытностью. Напротивъ, съ почтеніемъ и довѣренностію, преисполненный лишь добрыми инстинктами в добрыхъ намѣреніяхъ,

прибѣгаю я къ вамъ просить истины, совѣта, примѣра, помощи и средствъ. Я имѣю за себя только свои юныя желанія и привнесу ихъ вамъ. Возмущаемый страшными противорѣчiями, которыя извѣстны законамъ общества и терпятся ими, я умоляю васъ растолковать мнѣ, какъ вы могли имѣ покориться и остаться честнымъ человѣкомъ. Признаю себя слабымъ и невѣдущимъ, потому что не постигаю возможности этого. Растолкуйте же мнѣ, вмѣсто того, чтобъ осыпать меня холодными сарказмами! Виновенъ ли я, что хочу знать законы своей совѣсти и цѣль моей жизни? Да, вашъ характеръ почтенъ, поведение ваше мудро и умѣренно; сердце ваше добро и рука щедра; вы помогаете бѣдному и вознаграждаете трудъ его. Но куда стремитесь вы столь-прямымъ и столь-вѣрнымъ путемъ? Мнѣ кажется, иногда вы бываете не снисходительны, и строгость ваша часто пугала меня. Я всегда твердилъ себѣ, что ваше зрѣнiе яснѣе и вашъ умъ дальновиднѣе, нежели у мягкихъ и робкихъ натуръ; что временное зло, вами причиняемое, имѣетъ въ виду прочное благо и твердый талантъ; отъ-этого, не смотря на отвращенiе мое къ занятiямъ, вами мнѣ предписываемымъ, не смотря на склонности, пожертвованныя вашимъ тайнымъ видамъ, на желанiя часто подавленные и задущенныя при рожденiи, я поставлялъ себѣ закономъ слѣдовать вамъ и повиноваться во всемъ. Но пришла пора, когда вы должны открыть мнѣ глаза, если хотите, чтобъ я довершилъ это сверхчеловѣческое усилiе. Изученiе права не удовлетворяетъ моей совѣсти: я не понимаю, какъ я могу когда-нибудь вступаться въ боръбы судопроизводства, еще меньше, какъ могу принудить себя, подобно вамъ, выжимать людской трудъ въ свою пользу, если не увижу ясно, куда иду и какую жертву, полезную человѣчеству, принесу цѣною своего счастья.

— Такъ твое счастье состояло бы въ томъ, чтобъ ничего не дѣлать и жить сложа руки, зѣвать на небо, если всякій трудъ раздражаетъ тебя, утомляетъ, даже и право, которому всѣ молодые люди учатся играючи?

— Батюшка! вы сами чувствуете противное тому, что говорите; вы выдали, что я пристращался къ самымъ отвлеченнымъ наукамъ, и останавливали меня, какъ-будто я стремился къ гибели. Вамъ извѣстно, однако, каковы были мои желанiя, когда вы заставляли меня искать матеріальнаго приложенiя наукъ, предпочитаемыхъ мною. Вы не хотѣли, чтобъ я былъ артистомъ и поэтомъ; можетъ-быть, вы были правы; но я бы могъ быть естественныя испытателемъ, по-крайней-мѣрѣ земледѣльцемъ, а вы мнѣ препятствовали въ этомъ. Между-тѣмъ, это было бы также дѣйствительнымъ и практическимъ приложенiемъ науки. Любовь къ природѣ влекла меня къ сельской жизни. Безконечное удовольствiе, какое я находилъ въ изслѣдованiи ея законовъ и тайнъ, вело меня натурально къ тому, чтобъ разгадывать ея тайныя силы и желать управлять ими, оплодотворять ихъ разумнымъ трудомъ. Да, цѣверьте,

таково было мое призваніе. Земледѣліе еще въ дѣтствѣ; крестьянинъ истощается въ грубыхъ трудахъ, исполняемыхъ имъ по рутинѣ; безмѣрные земли остаются невоздѣланными. Наука удешевитъ бы земельныя богатства и облегчила бы трудъ челоуѣка. Мысли мои объ обществѣ согласовались съ мечтою этого будущаго. Я просилъ васъ послать меня учиться на какую-нибудь образцовую ферму. Я былъ бы радъ сдѣлаться крестьяниномъ, работать духомъ и тѣломъ, быть въ безпрестанномъ соприкосновеніи съ людьми и предметами природы. Я учился бы съ жаромъ, проникъ бы, можетъ-быть, дальше другихъ въ область открытій! И, со-временемъ, на какой-нибудь пустой и голой степи, преобразованной моими стараніями, основалъ бы я колонію изъ людей, живущихъ другъ съ другомъ какъ братья и любящихъ меня, какъ брата. Въ этомъ заключалось все мое честолюбіе, вся моя жажда богатства и славы! Безумно ль это было? и зачѣмъ вы потребовали, чтобъ я поѣхалъ изучать французскій кодексъ, который никогда не будетъ моимъ кодексомъ?

— Вотъ, вотъ! сказалъ господинъ Кардоннѣ, пожимая плечами:—вотъ утопія брата Эмиля, гернгутера, квакера, нео-платоника, и Богъ-знаетъ чего еще! Она прекрасна, но нелѣпа!

— Хорошо! скажите же, почему нелѣпа, батюшка; вы всегда произносите приговоръ, не упоминая причинъ!

— Потому-что, смѣшавъ утопію социалиста съ пустыми умозрѣніями ученаго, ты сыпалъ бы сокровища на камень, не добился бы ни хлѣба на неплодной почвѣ, ни людей, способныхъ жить братьями на общей землѣ. Ты безумно тратилъ бы одной рукою то, что я собиралъ бы другою; и въ сорокъ лѣтъ, истощась въ фантазіяхъ, потерявъ геній и вѣру, раздраженный глупостію или развратомъ своихъ учениковъ, можетъ-быть помѣшанный, — потому-что такъ обыкновенно кончаютъ чувствительныя и романтическія души, когда хотятъ осуществить свои грѣзы,—ты воротился бы ко мнѣ изнемогшій подъ своею немощью, озлобленный на челоуѣчество, и устарѣлый для прямой дороги. Въмѣсто того, если ты послушаешься меня и послѣдуешь за мною, мы пойдемъ вмѣстѣ по ровному и вѣрному пути, и меньше, чѣмъ въ десять лѣтъ составимъ состояніе, котораго цифру боюсь сказать... ты не повѣришь.

— Положимъ, что это не такая же грѣза, батюшка, и до-сихъ-поръ мнѣ все равно; что же мы будемъ дѣлать съ нашимъ состояніемъ?

— Все, что тебѣ угодно, все добро, какое будетъ тогда тебѣ мечтаться; потому-что я не опасюсь за твой разсудокъ и благо-разуміе, если ты дождешься опыта жизни и дашь мирно созрѣть уму своему.

— А! такъ мы будемъ дѣлать добро? Да, такъ надо со мною говорить, и я весь слухъ! Какимъ же счастіемъ надѣлимъ мы тогда людей?

— Ты еще спрашиваешь? какой же высрренной тайны ищешь ты въ вещей человѣческихъ? Мы доставимъ цѣлой провинціи благодѣнія промышленности! И развѣ мы уже не идемъ къ тому? Развѣ трудъ не есть источникъ и пища труда? Развѣ мы уже не даемъ труда большому числу людей въ одинъ день, нежели сколько давали его въ-теченіе цѣлаго мѣсяца земледѣліе и мелкіе варварскіе промыслы, которые я стараюсь подавить теперь? Развѣ ихъ жадованіе не увеличилось? Развѣ они не имѣютъ средства пріобрѣтать духъ порядка, предусмотрительность, трезвость, словомъ, всѣ добродѣтели, которыхъ у нихъ не было? Гдѣ же таятся эти добродѣтели, единственное счастье бѣдняка? Въ утомляющемъ трудѣ, въ благотворной усталости, и въ соразмѣрной цѣнѣ труда. Хорошій рабочій имѣетъ духъ семейности, уваженіе къ собственности, покорность законамъ, экономію, привычку и выгоды бережливости. Губить его праздность и дурныя умствованія, которыя она порождаетъ. Займи его, завали его работою: онъ здоровъ, и будетъ еще здоровѣе; онъ перестанетъ грезить о ниспроверженіи общества. Онъ учредитъ порядокъ въ своемъ поведеніи, аккуратность въ домѣ, внесетъ въ него благоденствіе и спокойствіе. Если жъ онъ состарѣется и обезсилѣетъ, сколько бѣ вы ни имѣли доброй воли помогать ему, это будетъ не нужно. Онъ уже самъ помышлялъ о своей будущности; онъ не будетъ нуждаться въ подаваніяхъ и пособіяхъ, какъ нуждается въ нихъ твой пріятель бродяга Жапплу; онъ будетъ истинно-свободнымъ человѣкомъ. Повѣрь, Эмиль, нѣтъ иного средства спасти народъ! Съ прискорбіемъ скажу тебѣ, что это осуществляется медленно, чѣмъ создается утопія; но если предпріятіе трудно и продолжительно, оно достойно такого философа, какъ ты, и я нахожу его не выше силъ работника, подобнаго мнѣ.

— Какъ! въ этомъ весь идеалъ промышленности? сказалъ Эмиль, озадаченный такимъ заключеніемъ.—Для народа нѣтъ другой будущности, кромѣ безустальнаго труда въ пользу одного класса, который никогда не будетъ трудиться?

— Мысль моя не такова, возразилъ господинъ Кардоннѣ. — Я не терплю и гнушаюсь праздныхъ; отъ-этого не люблю ни поэтовъ, ни метафизиковъ. Я хочу, чтобъ всѣ трудились по своимъ способностямъ, и мой идеалъ, если тебѣ нравится это слово, приближается, пожалуй, къ идеалу ученія, которое говоритъ: *каждому по его способности*; вознагражденіе соразмѣрное заслугѣ. Но, въ наше время, промышленность еще не такъ развилась, чтобъ можно было помышлять о нравственной системѣ распределенія. Надо брать вещи какъ онѣ есть, и помогать только возможнаго. Все движеніе въка обращено на промышленность. Пусть же промышленность царствуетъ и торжествуетъ; пусть всѣ люди трудятся, кто рукою, кто головою; тотъ, у кого больше головы, чѣмъ рукъ, пусть управляетъ прочими; онъ имѣетъ право и долгъ обогащаться. Его богатство становится священнымъ, потому-что оно должно прира-

щаться, чтобъ прератывать трудъ и нѣну труда. Пусть же общество всѣми средствами домогается утверждать могущество способнаго челоуька! его способность — общественное благо; и пусть самъ онъ старается безпрестанно усиливать свою дѣятельность! это его личный долгъ, его вѣрованіе, его философія. Вообще, надо быть богатымъ, чтобъ становиться богаче и богаче, какъ самъ ты сказалъ, Эмиль, не понимая того, что говоришь превосходнѣйшую изъ истинъ.

— Итакъ, батюшка, вы даете челоуьку лишь столько, сколько онъ выработаетъ? Но развѣ вы не считаете ни за что челоуька, который не можетъ работать?

— Въ богатствѣ нахожу я средства и возможность помогать слабому и вдиоту.

— А лѣнивому?

— Я стараюсь его исправить; если же не успѣю, предаю его исправительнымъ законамъ, чтобъ онъ не успѣлъ сдѣлаться вреденъ и подвергнуться ихъ строгости.

— Въ совершенномъ обществѣ оно было бы справедливо, потому-что лѣнивецъ составлялъ бы уродливое исключеніе; но, при такомъ строгомъ управленіи, какъ ваше, когда вы требуете отъ трудящагося всѣхъ его силъ, всего времени, всей мысли, всей жизни, можно ли изгонять и покидать лѣнливыхъ!

— При благодѣяніяхъ промышленности, въ короткое время столько бы увеличилось благосостояніе бѣдныхъ классовъ, что было бы легко завести почти даровыя школы, гдѣ бъ ихъ дѣти учились любви къ труду.

— Миѣ кажется, вы ошибаетесь, батюшка; но если въ-самомъ-дѣлѣ богатые будутъ заботиться о воспитаніи бѣднаго, то любовь къ непрерывному труду, неизмѣнному другому вознагражденію, кромѣ маленькой обезпеченности подъ старость, такъ противна природѣ, что никогда не внушитъ этой любви дѣтямъ. Несколько исключительныхъ натуръ, пожираемыхъ дѣятельностью или честолюбіемъ, пожертвуютъ своей юностью; но всякій простодушный, нѣжный, склонный къ мечтательности, къ невниманью и позволительнымъ удовольствіямъ, подверженный потребностямъ любви и спокойствія, составляющимъ законное благоденствіе челоуьческаго рода, бѣжитъ отъ этой тюрьмы безпрестаннаго труда, куда вы хотите его заключить, и предпочтетъ, пожалуй, случайность нищеты обезпеченности неволи. Ахъ, батюшка! по вашей крѣпкой организаціи, по вашей неутомимой силѣ, по вашей стоической воздержности и привычкѣ къ отчаянному труду, вы челоуьки исключительный, и понижаете общество, устроенное по вашему образцу; вы не примѣчаете, что въ немъ окажется удобное мѣсто для однихъ исключительныхъ людей... Позвольте вамъ сказать, ваша утопія страшнѣе моихъ.

— Куда бы хорошо, Эмиль, еслибъ ты могъ имѣть такую утопію! сказаь г. Кардонне съ жаромъ:—она источникъ силы и дра-

гоцѣнное поощреніе для того общества мечтателей, празднующе-цевъ и знатиковъ, которое меня бѣситъ. Будь подобенъ мнѣ; и если мы теперь найдемъ во Франціи сотню людей, похожихъ на насъ, то ручаюсь тебѣ, черезъ сто лѣтъ они перестанутъ быть исключеніями. Дѣятельность заразительна, увлекательна, чудотворна! Черезъ нее Наполеонъ повелѣвалъ Европою: онъ обладалъ бы ею, еслибъ, вмѣсто война, былъ промышленникомъ. О! ужь если ты энтузіастъ, то будь имъ по-моему: стряхни съ себя вялость и раздѣлай тревожную дѣятельность! Если мы не увлечемъ человечества, все-таки откроемъ широкіе пути, по которымъ, при нашихъ потомкахъ, оно устремится впередъ съ священнымъ рвеніемъ!

— Нѣтъ, батюшка, нѣтъ, никогда! воскликнулъ Эмиль, испуганный страшною энергіей г-на Кардоннэ:—не таковъ путь человечества! Тутъ нѣтъ ни любви, ни состраданія, ни нѣжности. Человѣкъ на свѣтъ — не для того, чтобъ знать одно страданіе и повелѣвать только веществомъ. Завоеванія разума въ области идей, наслажденія и отрады сердца, которымъ вы даете одну прибавочную, второстепенную роль въ жизни трудящагося, будутъ всегда благороднѣйшею и пріятнѣйшею потребностью здраво-организованнаго человека. Не-уже-ли-вы не видите, что уничтожаете цѣлую сторону намбрій и благодѣлій природы? что не оставляете человеку вѣчно-трудящемуся вздохнуть и сознать себя? что воспитаніе, направленное къ прибыли, произведетъ только безчувственные машины, а не полныхъ людей? Вы говорите, что постигаете идеалъ, отдаленный на столѣтія, что прійдетъ время, когда каждый будетъ вознаграждаемъ по своей способности? Нѣтъ, эта формула ложна, потому-что не полна, если къ ней не прибавить формулы «каждому по его потребностямъ»; иначе выйдетъ несправедливость, право сильнаго разумомъ и волею, — тѣ же привилегіи въ другихъ формахъ. О, батюшка! вмѣсто того, чтобъ ополчаться съ сильными на слабыхъ, защитимъ слабыхъ отъ сильныхъ. Попробуемъ... Но, въ такомъ случаѣ, уже не будемъ помышлять о богатствѣ, бросимъ собирать капиталы въ собственную пользу. Согласитесь! потому-что я согласенъ; — я, для кого вы трудитесь теперь! Постараемся, отождествиться другъ съ другомъ такимъ образомъ, и отречемся отъ личной выгоды, принимаясь за трудъ. Благо мы не можемъ одни создѣть общество, гдѣ бы всѣ были участниками въ правахъ другъ друга; посвятимте себя, какъ дѣлатели грядущаго, слабымъ и неспособнымъ членамъ настоящаго. Еслибъ геній Наполеона образовался по этому ученію, можетъ-быть, онъ обратилъ бы міръ на путь истины... Найдешь сто человекъ подобныхъ намъ, и пусть наша жажда пріобрѣтенія будетъ священнымъ рвеніемъ, пусть огонь любви пожираетъ насъ; соедадимъ всѣхъ нашихъ работниковъ и всѣ наши выгоды, — пусть наше большое состояніе обратится на пользу всякаго,

кто сообразно своимъ средствамъ и силамъ поможетъ намъ основать его; пусть работникъ, положившій свой камень, будетъ вѣдать столько же матеріальныхъ наслажденій, сколько вы, принесшіе свой геній; пусть онъ также будетъ жить въ хорошемъ домѣ, дышать чистымъ воздухомъ, питаться здоровою пищею, отдыхать послѣ труда, давать воспитаніе своимъ дѣтямъ; пусть наша награда состоитъ не въ суетной роскоши, которою мы можемъ себя окружать, а въ радости дѣлать людей счастливыми: я пойму такое честолюбіе и запылаю имъ. Тогда-то, батюшка, мой добрый батюшка, ваше дѣло благословится! Лѣнь и апатія, которыя раздражаютъ васъ и которыя суть только результатъ необходимости, тогда исчезнутъ сами-собою по ходу вещей! Тогда вы найдете столько усердія и любви вокругъ себя, что не будете уже принуждены истощаться одни для поощренія всѣхъ другихъ. А нынѣ можетъ ли быть иначе? и на чтó вы жалуетесь? Повинуясь закону эгоизма, каждый жертвуетъ своей силою и волею по мѣрѣ получаемой отъ того пользы. Чтó за диво, что вы, все собирающій, будете одни прилежны и ревностны, между-тѣмъ, какъ наемникъ, который получить у васъ милостыню нѣсколько-пощедрѣ, нежели у другаго, служить вамъ съ нѣсколько-большимъ усердіемъ! Вы увеличиваете плату, — прекрасно, спора нѣтъ, и поступаете лучше большей части вашихъ совмѣстниковъ, которые желалибы ее уменьшить; но вы можете удесятерить, усотерить усердіе, возжечь какъ-бы чудомъ пламя преданности, разумъ сердца въ этихъ огрубѣлыхъ душахъ, — и не-уже-ли вы не захотите этого! Почему же, батюшка? Вы любите не наслажденія роскоши, потому-что ничѣмъ не наслаждаетесь, кромѣ упоенія своими проектами и пріобрѣтеніями. Хорошо! отбросьте же личное стяжаніе: вамъ нѣкуда его дѣвать, а я съ восторгомъ отрекаюсь отъ него. Воображаемое богатство, котораго цифру вы сказать боитесь, столько превзойдетъ ваши ожиданія и надежды, что скоро вы будете имѣть средства давать своимъ работникамъ наслажденія моральныя, умственныя и физическія, которыя сдѣлаютъ ихъ новыми людьми, полными, настоящими людьми, — ибо до-сихъ-поръ я нигдѣ еще не вижу такихъ людей. Всякое равновѣсіе потеряно: есть только плуты и глупцы, распорядители и слуги, могучіе и прожорливые орлы, глухие и трусливые воробы, обреченные служить имъ пищею. Мы живемъ по слѣпому закону дикой природы; кодексъ дикаго инстинкта, управляющій звѣремъ, — доселѣ душа нашей мнимой цивилизации, а мы смѣемъ говорить, что промышленность спасетъ міръ, не сходя съ этой дороги! Нѣтъ, нѣтъ, батюшка, ложь и заблужденіе — вотъ всѣ разглагольствія нынѣшней политической экономіи! Если вы принудите меня быть богатымъ и сильнымъ, какъ говорили мнѣ столько разъ, и если, въ силу грубаго денежнаго вліянія, поклонники денегъ пошлютъ меня представителемъ ихъ интересовъ на совѣтъ націи, я выскажу чтó у меня на душѣ, буду говорить, и конечно, одинъ только разъ, потому-что мнѣ велать мол-

чать, или выведутъ мнѣ за сѣданиа; но то, что я скажу, не забудся, и выбравшіе меня раскаются въ своемъ выборѣ!

Споръ продолжался далеко за полночь, и, разумѣется, Эмиль не убѣдилъ отца. Г. Кардоннѣ не былъ ни злой, ни нечестивъ, ни преступенъ умышленно передъ Богомъ или людьми. Онъ даже точно имѣлъ нѣкоторыя практическія добродѣтели и большую спеціальную способность. Но его желѣзный характеръ былъ результатомъ души, совершенно лишенной идеала. Онъ любилъ сына и не могъ понять его. Онъ берегъ и покомилъ жену, но всегда старался только потушить въ ней всякій порывъ, могшій измѣнить его ежедневный порядокъ. Ему хотѣлось покорить Эмиля такимъ же образомъ; но, увидѣвъ, что это невозможно, онъ почувствовалъ жестокою досаду, и даже слезы неудовольствія омочили его пылающія вѣки въ эту бурную бесѣду. Онъ чистосердечно думалъ разсуждать по смыслу логики, въ духъ единой возможной и допускаемой истины. Онъ спрашивалъ себя, по какому велѣнію судьбы у него сынъ мечтатель и утопистъ, и не разъ поднималъ къ небу свои атлетическія мышцы, вопрошая съ невыразимой тоскою, чѣмъ онъ согрѣшилъ, что наказанъ такимъ несчастіемъ.

— Не станемте никогда говорить объ этомъ, батюшка, сказали наконецъ Эмиль, также отирая слезы, которыхъ источникъ былъ глубже въ его сердцѣ: — мамъ никогда не согласится другъ съ другомъ. Я могу только продолжать дѣло покорности и дѣтской любви, не заботясь больше о самомъ-себѣ и о счастьи, которымъ вамъ жертвую. Что вы мнѣ прикажете? Вернитесь ли въ Поэтиѣ и доканчивать тамъ курсъ до-тѣхъ-поръ, пока выдержу экзаменъ? Или оставаться здѣсь и служить вамъ секретаремъ, управляющимъ? Я закрою глаза, и буду работать какъ машина, пока достанетъ силъ. Буду считать себя вашимъ наемникомъ, въ службѣ у васъ...

— И перестанешь считать меня отцомъ? сказалъ господинъ Кардоннѣ. — Нѣтъ, Эмиль, оставайся при мнѣ, будь свободенъ; я даю тебѣ три мѣсяца, въ-теченіе которыхъ, живя въ кругу семейства, вдали отъ мудрованій безбородыхъ философовъ, которые тебя погубили, ты самъ возвратишься къ здравому разсудку. Ты одаренъ крѣпкимъ сложеніемъ, и утомительный трудъ мысли, можетъ-быть, слишкомъ разгорячилъ мозгъ твой. Я принимаю тебя за больнаго и беру въ деревню для излеченія. Гуляй, охотся, вѣди верхомъ, — однимъ словомъ, разлекайся, чтобъ возстановить свое равновѣсіе, которое, мнѣ кажется, нарушено больше общественнаго. Надеюсь, ты умѣришь свою нетерпимость, потому-что твоя внутренность не очагъ же злодѣяства и разврата! Черезъ нѣсколько времени, можетъ-быть, ты самъ скажешь, что пустыя грезы тебѣ надоели, и что ты чувствуешь потребность помогать мнѣ добровольно.

Эмиль склонилъ голову не возражая, и оставилъ отца, обнявъ его съ чувствомъ глубокой скорби. Г-нъ Кардоннѣ, видя, что ему ничего больше не остается, какъ только ждать, долго ворочался въ

постели, и наконецъ заснулъ, скрывъ себя, вопреки своему обычаю, что надо надѣяться на Провидѣнiе больше, чѣмъ на самого себя.

III.

ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ.

Энергическій Кардоннѣ, весь поглощенный своими ежедневными занятіями, или владѣвшій самимъ-собою столько, что не обнаруживалъ ни малѣйшаго слѣда внутренняго страданія, на другой день снова возвратилъ себя свою холодную важность. Эмиль, удрученный страхомъ и скорбью, силъся улыбаться матери, которую тревожилъ его задумчивый видъ и расстроенное лицо. Но, отъ работы, эта женщина потеряла даже проникательность, свойственную ей поду. Все ея способности были притушены; въ сорокъ лѣтъ, она была морально уже восьмидесятилѣтней старухой. Впрочемъ, она еще любила мужа, въ слѣдствіе потребности любить, которая никогда не бывала удовлетворена. У ней не было прогнать него отчуждающаго упрека, потому-что онъ никогда явно не стѣснялъ и не порабощалъ ея; но всякій порывъ ея сердца или воображенія встрѣчалъ съ его стороны проно и какую-то презрительную жадость, и она привыкла не имѣть ни мысли, ни воли внѣ круга, очерченнаго около нея строгой рукою.

Смотрѣть за всеми мелочами хозяйства — сдѣлалось для нея не просто благоразумнымъ и добровольнымъ занятіемъ: ей поставили это въ такой серьезный, въ такой священный законъ, что развѣ римская матрона могла сравниться съ нею въ ребяческой торжественности домашняго труда. Такимъ образомъ, въ лицѣ ея являлся странный анахронизмъ современной женщины, способной разсуждать и чувствовать, но сдѣлавшей надъ собою отчаянное усиліе отстать на нѣсколько тысячелѣтій, чтобъ совершенно уподобиться женщинамъ древности, которыя ставили себя въ честь подчиненность своего пола.

Уродливаго и печальнаго было тутъ одно — именно, что она поступала не по убѣжденію, а (говорила она потихоньку) чтобъ быть спокойною. И она не имѣла этого спокойствія. Чѣмъ больше она приносила себя въ жертву, тѣмъ больше ея повелитель скучалъ ею. Ничто такъ быстро не изглаживаетъ и не разрушаетъ ума, какъ слѣпая подчиненность. Г-жа Кардоннѣ служила тому примѣромъ. Мозгъ ея умашился въ рабствѣ, а мужъ, не понимая, что это былъ плодъ его господства, началъ втайнѣ презирать ее.

За нѣсколько лѣтъ, Кардоннѣ былъ ужасно ревнивъ, и жена его, хотя отбавшая и увядая, еще трепетала при мысли, что онъ могъ подозрѣвать въ ней порывъ вѣтренности. Она привыкла не

слушать и не глядеть, чтобъ, когда ей заговорятъ о какомъ-нибудь мужчинѣ, имѣть право смѣло сказать: «Я на него не глядела; я не знаю, что онъ говорилъ; я не обратила на него вниманія». Много, что осмѣливалась она смотрѣть на сына и спрашивать его; ибо, относительно мужа, если ее и безпокоило усиленіе блѣдности на лицѣ его или суровости во взорѣ, онъ тотчасъ заставлялъ ее потуплять глаза, говоря: «Что же во мнѣ необыкновеннаго, что вы разглядываете меня какъ незнакомаго?» Иногда, по вечерамъ, онъ замѣчалъ, что она плакала, и становился нѣженъ по-своему: «Ну, что тамъ такое? что у васъ за горе? Хотите кѣшемировой шали? Или поѣхать прогуляться въ каретѣ? Нѣтъ? Такъ, вѣрно, капельки замерзли? Выпьемъ изъ Парижа новыхъ, которыя будутъ такъ хороши, что вы не будете жалеть о старыхъ». И въ-самомъ-дѣлѣ, онъ не пропускалъ случая угождать, чего бы то ни стоило, невнятнымъ вкусамъ своей подруги. Онъ даже требовалъ, чтобъ она наряжалась богаче, нежели сколько сама желала. Онъ думалъ, что женщины — дѣти, которыхъ надо за послушаніе награждать игрушками и бездѣлками. «Нѣтъ сомнѣнія» говорила себѣ тогда г-жа Кардоннѣ; «мужъ очень любитъ меня и полонъ ко мнѣ внимательности. На что же мнѣ жаловаться и отъ-чего я всегда грустна?»

Она вѣдала, что Эмиль мраченъ и разстроенъ, и не умѣла выдать у него секрета его печали. Она спросила его о здоровьи и посоветовала раньше ложиться спать. Правда, она предчувствовала что-то посерьёзные слѣдствія бессонницы, но разсуждала, что лучше было оставить горестъ затихнуть въ молчаніи, нежели поддерживать ее, привудивъ ее высказаться.

Вечеромъ, прогуливаясь у входа въ селеніе, Эмиль встрѣтилъ Жана Жашилу, который, воротясь за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ, весело праздновалъ свое прибытіе съ кружкомъ пріятелей на порогъ одного деревенскаго домика.

— Ну, что? сказалъ молодой человекъ, подавая ему руку: — устроились ли ваши дѣла?

— Съ правосудіемъ, да, сударь; но съ бѣдностью еще нѣтъ. Я явился почтительно, объяснился какъ умѣлъ съ королевскимъ прокуроромъ, и онъ слушалъ меня терпѣливо, наставлялъ мнѣ, правда, много словъ въ видѣ поученія; но онъ не злой человекъ, и хотѣлъ уже меня отпустить, общая сдѣлать все, что отъ него зависитъ для избавленія меня отъ наказанія, какъ вдругъ принесли письмо отъ васъ. Онъ прочелъ его, не показывая никакого вида, но принялъ его во вниманіе, потому-что сказалъ: «Хорошо, живи смиренно, приючись гдѣ-нибудь, не воруй дичи впередъ, работай, и все уладится.» И вотъ я здѣсь; друзья хорошо приняли меня, какъ видите, потому-что я уже показываю поселился въ этомъ домѣ. Но надо думать о нужнѣйшемъ, то-есть, о заработкѣ на платье, и ужѣ, до ночи, я обойду деревню и помну работы у добрыхъ людей.

— Послушайте, Жанъ, сказала Эмиль, пошедши съ нимъ: — я не располагаю большими средствами; отецъ давалъ мнѣ жалованье, и не знаю продолжитъ ли его теперь, когда я буду жить съ нимъ; но у меня остается нѣсколько сотъ франковъ, которые мнѣ здѣсь не нужны, и которые прошу васъ принять на одежду и на первыя потребности. Вы очень огорчите меня, если откажетесь. Черезъ нѣсколько дней, ваша неосновательная досада на отца моего пройдетъ, и вы явитесь къ нему за работой; или позвольте мнѣ повросить ее для васъ: онъ заплатитъ вамъ лучше, нежели кто-нибудь другой, и отступитъ, я уверень, отъ суровости своихъ прежнихъ условій: такимъ образомъ...

— Нѣтъ, г-нъ Эмиль, отвѣчалъ плотникъ. — Ничего не нужно, ни вашихъ денегъ, ни работы у вашего отца. Не знаю, какъ обходится съ вами и какъ содержитъ васъ г-нъ Кардоннѣ, но знаю, что подобный вамъ молодой человекъ бываетъ очень затрудненъ, когда не имѣетъ въ карманѣ золотой или серебряной монеты, чтобъ истратить ее при случаѣ. Вы оказали мнѣ достаточно услугъ, я доволенъ вами, и если представится случай, вы увидите, что подали руку не какому-нибудь неблагодарному. А служить нашему отцу тѣмъ или другимъ образомъ—ни за что въ свѣтъ! Я готовъ былъ сдѣлать это, но Богъ не попустилъ. Я прощаю ему, что онъ велѣлъ меня арестовать Кальйб; это было дурное дѣло! Но такъ-какъ онъ, можетъ-быть, не зналъ, что бѣдный малой мой крестьянскъ, и какъ послѣ того писалъ обо мнѣ доброе прокурору, чтобъ меня простили, то я не долженъ помнить зла. Притомъ же, ради васъ, я готовъ теперь забыть всякую обиду. Но помогать строить ваши заводы? нѣтъ! Вы не нуждаетесь въ моихъ рукахъ, вы найдете довольно другихъ, и вамъ известны мои причины. То, что вы тамъ строите, — злая вещь и разоритъ много людей, если не разоритъ всѣхъ когда-нибудь. Ужъ ваши плотины и запруды обмелили всѣ маленькія мельницы, тамъ, ниже вашихъ. Ужъ ваши груды камня и земли испортили всѣ окрестные луга, когда вода унесла все это къ соедамъ. Всегда, видите ли, даже противъ воли, богатый вредитъ бѣдному! Я не хочу, чтобъ говорили, что Жанъ Жанплу пособлялъ разорять свое родимое мѣстечко. Не упоминайте мнѣ больше объ этомъ! Я по прежнему приѣмусь за мелкую работу, и она всегда у меня будетъ. Теперь, когда ваши большія работы занимаютъ всѣхъ моихъ собратій, никто въ селеніи не можетъ найти рабочихъ. Мнѣ достанутся чужіе заказы, которые я имъ опять уступаю, когда у васъ работа кончится. Потому-что, говорю вамъ, вашъ отецъ смазываетъ свое колесо платя дорого покажеться за трудъ рабочимъ; но онъ не долго удержится на этой дорогѣ, иначе издержки превзойдутъ выгоды. Придетъ время... время, которое, можетъ-быть, недалеко, когда онъ начнетъ сбавлять цѣны, и тогда горе тѣмъ, которые промѣняли свою судьбу на заманчивыя обещанія! Они принуждены будутъ плясать по дудкѣ вашего отца, и со-временемъ имъ придется до заръза... Вы не видите?

Тамъ для васъ лучше! Это доказываетъ только, что вы не будете виноваты въ злѣ, которое готовится; но вы ничему не помѣшаете. Прощайте же, добрый человекъ! не говорите обо мнѣ своему отцу, иначе я заставлю васъ солгать. Господь Богъ спасъ меня отъ бѣды; я хочу теперь угождать Ему во всемъ и дваѣтъ только те, что дозволить совѣсть. Самъ бѣдный, я буду полезнѣе бѣднымъ, нежели васъ отецъ при всемъ его богатствѣ. Я буду строить для равныхъ себѣ, и мнѣ будетъ прибыльнѣе платить мнѣ мало, нежели доставать много отъ васъ. Вы сами увидите, г-нъ Эмиль, и все скажутъ, что я говорилъ правду; но ужь будетъ поздно раскаиваться, что протянули голову въ узду.

Эмиль не успѣлъ побѣдить упрямство плотника и воротился домой еще печальнѣе, нежели вышелъ. Предсказанія рабочаго наводили на него неопредѣленный страхъ. У входа въ заводъ встрѣтился онъ съ секретаремъ своего отца, москѣ Галюшѣ, тучнымъ молодымъ человекомъ, очень-способнымъ вести счеты и очень-ограниченнымъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ. Настало время отдыха; Галюшѣ употреблялъ его съ пользою, уля пискарей. Это было его любимое занятіе, и когда пискарей набиралось много въ корзины, онъ считалъ ихъ, и, сложивъ съ числомъ своихъ предъидущихъ завошеваній, съ радостью говорилъ, вытаскивая удочку: «Вотъ 782-й пискарь, что я поймалъ этой удочкою въ-теченіе двухъ мѣсяцевъ. Жаль, что не считалъ ихъ въ прошломъ году!»

Эмиль прислонился къ дереву, глядя какъ улетѣть Галюшѣ. Флегматическое вниманіе и ребяческое терпѣніе этого малаго возмущали его. Онъ не постигалъ, какъ тотъ могъ почитать себя совершенно-счастливымъ потому только, что получалъ жалованье, которое обезпечивало его отъ нужды. Онъ попробовалъ заговорить съ нимъ, полагая, что, можетъ-быть, откроетъ подъ этой грубой оболочкой какую-нибудь искру пламени, какой-нибудь поводъ къ симпатіи, которая сдѣлаетъ ему изъ общества этого молодого человека нравственную отраду въ тоскѣ его. Но г-нъ Кардоннѣ выбиралъ своихъ служителей меткимъ глазомъ и вѣрною рукою. Констанъ Галюшѣ былъ просто кретивъ; ничего не понималъ, ничего не смыслилъ, кромѣ арифметики и веденія книгъ. Когда онъ прѣсиживалъ за счетами двѣнадцать часовъ въ сутки, ему едва оставалось столько разумѣнія, чтобъ ловить пискарей.

Однакожь, Эмиль случайно выманилъ у него нѣсколько словъ, которыя бросили зловищій свѣтъ въ умъ его. Эта человѣческая машина была способна расчитывать выгоды и убытки, и выводить балансъ на листѣ бумаги. Обнаруживая самое полное невѣдѣніе плановъ и средствъ г-на Кардоннѣ, Констанъ сдѣлалъ замѣчаніе, что плата рабочимъ была чрезмѣрна, и что если, черезъ два мѣсяца, она не убавится на половину, то капиталъ, пущенный въ дѣло, окажется недостаточнымъ.

— Но вашему батюшкѣ нѣчего безпокоиться, прибавилъ онъ: — плата рабочимъ дается по мѣрѣ труда, какого отъ нихъ требуютъ.

Когда надо удвоить работу, удвоятся и жалованья. А тамъ, куда дѣло не съ страху, убавляютъ, судя по работѣ.

— Мой отецъ не поступитъ такъ, сказалъ Эмиль.—Бѣ лошадей, можетъ-быть; но съ людьми!..

— Не говорите, судари, возразилъ Галюшкѣ: — вамъ батюшка умный чедорвѣкъ, не ошибется, не безпокойтесь.

И онъ ушелъ съ своими пискарями, радуясь, что уснекомилъ сына на-счетъ наружной неравнотежности отца.

— О! если это точно такъ, думалъ Эмиль, хдея съ возмезіемъ до берегу рѣки: — если въ этой временной щедрости есть жестокий расчетъ! если Жанъ угадалъ справедливо! если мой отецъ, слѣдуя своимъ доктринамъ общества, не имѣетъ добродѣтелей и пресвѣщенія свыше прочихъ спекулянтовъ, чтобъ умѣрять нагубнымъ савдствдмъ своего самолюбія... Но, нѣтъ, быть не можетъ! мой отецъ добръ, онъ любитъ ближнихъ...

Однакожъ, Эмиль терзался смертельной тоской; вся эта двателность, вся эта жданъ, тратимая въ пользу его будущности, внушда ему ужасъ. Онъ спрашивалъ себя, какъ вся эти работавшіе надъ его состояніемъ не возненавидѣли его, и готовъ былъ менавдѣть самъ себя, чтобъ возстановить правосудіе.

Глубокая грусть наполнила душу его еще и неутру; но онъ съ некоторою радостью увидѣлъ приближеніе дня, котораго часть длаженъ былъ посвятить г-ну Буагидо, потому-что рѣшился, не говоря о томъ никому, провести утро въ Шатобрѣнѣ. Когда онъ сѣлъ на лошадь, г-нъ Кардоннѣ подошелъ, чтобъ пошмѣяться надъ нимъ.

— Раденько ты собрался въ Буагидо! Видно, бесѣда любезнаго маркиза кажется тебѣ привлекательною; я бы никогда этого не догадалъ, и не допущаю, какой ты знаешь секретъ не засыпать послѣ каждой его фразы.

— Батюшка, если вы этимъ хотите намекнуть, что моя воздана вамъ не нравится, сказалъ Эмиль, дѣлая неохотно движеніе, чтобъ слѣзть съ лошади; — то я готовъ отказаться отъ нея, хотя бышдлъ сегодня быть у маркиза.

— Мнѣ! возразилъ промышленникъ: — мнѣ рѣшительно все равно, гдѣ бы ты ни скуталъ. Благо въ отцовскомъ домѣ тебѣ всего тамъ нѣе, то желаю, чтобъ дворянскіе дома, которые ты посѣщаешь, развлекали тебя немножко.

Во всякомъ другомъ случаѣ, Эмиль отерочилъ бы свой отъездъ, чтобъ показать или по-крайней-мѣрѣ дать почувствовать, что упрекъ былъ незаслуженъ; но онъ начиналъ догадываться, что отецъ принялъ за тактику насмѣхаться надъ нимъ, когда хотѣлъ заставить его говорить; и какъ онъ чувствовалъ неодолимое влеченіе поблвдвать въ Шатобрѣнѣ, то рѣшился не поддаваться врасплохъ. Хотя ничто въ свѣтѣ не было для него чувствительнѣе насмѣлки любимыхъ имъ людей, однакожъ онъ слѣзая надъ собою условіе и принялъ ее на этотъ разъ въ шутку.

— Я ожидаю, въ-самомъ-дѣлѣ, столько удовольствія у маркиза

Бурше, сказалъ онъ — что: вѣду въ самую дальнюю дорожку, в саваню, вѣроятно, пять или шесть лѣтъ крока, если только вы не имѣете нужды во мнѣ, батюшка. Если жъ я вамъ нуженъ, то охотно пожертвую наслажденіемъ прогулки на открытомъ солнцѣ по странистымъ дорогамъ.

Но г-нъ Кардоннэ не былъ обмануть его стратагемою и отвѣчалъ съ важнымъ, прощипательнымъ взглядомъ:

— Слушай, куда влечетъ тебя молодость! Я не хочу знать объ этомъ, я не безъ причины...

— Хорошо, думалъ Эмиль, пускайся въ галопъ! — если такъ, то я и не хочу знать ни о какихъ угрозахъ!

Нувстауя, что въ груди его пылалъ огонь, онъ поскакалъ во весь опоръ, чтобъ утѣлить его.

— Боже мой, думалъ Эмиль, съуетя нѣсколько минутъ: — отпусти мнѣ мои парывы, которые я не въ силахъ обуздать. Тебѣ известно, что мое сердце исполнено любви, и больше всего въ свѣтѣ жаждетъ почитать и любить отца...

Отъ перешимости ли, или по расчету благоразумія, но онъ сдѣлалъ довольно-далекій объездъ пражде, чѣмъ направляясь въ Шатобренъ, и когда съ вершины холма увидалъ себя очень-отдаленнымъ отъ развалинъ, рисовавшихся на горизонтѣ, то почувствовалъ такое живое сожалѣніе о потерянномъ времени, что далъ шперы лошади, намѣреваясь пріѣхать туда скорее.

Въ моментъ дѣла, онъ подѣлалъ къ замку со стороны Крѣзы меньше, нежели въ полчаса, летѣлъ почти птицею и его разъ полверга въ жизни опасности на пересѣчки, овраговъ и галопированье по краямъ пропасти. Стремительное желаніе, въ которомъ онъ, однако, не могъ дать себѣ отъѣха, придавало ему крылья. «Я не люблю ея», разсуждалъ онъ: «я едва ее знаю, я не могу ее любить! Да и кто тамъ любить по-пустому! Не столько она привлекаетъ меня, сколько ея прекрасный отецъ, ихъ романтической замкъ, ихъ жизнь, волная покоя, счастья, безвѣчности; мнѣ нужно видѣть счастье чужихъ людей, чтобъ забывать, что я самъ несчастливъ и никогда не буду счастливымъ!»

Онъ встрѣтилъ Сильвена Шарасона, свихившаго вершу въ Крѣзу. Мальчикъ кинулся къ нему съ видомъ радости и усердія.

— Госпожи Антуана нѣтъ дома, сказалъ Сильвенъ: — онъ отправился продать съ полдюжины барановъ на ярмарку; но мамзель Жанилла дома, и мамзель Жильберта также.

— Не обезпкою ли я ихъ?

— О! нѣтъ, нѣтъ, г-нъ Эмиль; онѣ будутъ очень-рады видѣть васъ, потому что онѣ часто говорятъ про васъ за обѣдомъ съ господиномъ Антуаномъ. Онѣ говорятъ, что очень любятъ васъ.

— Возьми же лошадей, сказалъ Эмиль — я скорее дойду пѣшкомъ.

— Да, да, скорее, подхватилъ мальчикъ: — вѣтъ: туда, за эта-

рую террасу. Выйдете въ проемъ, прыгните и очутитесь на дворъ. Это жасова дорога.

Эмиль срывалъ на траву, которая заглушила шумъ его шаговъ, и подошелъ къ квадратному навальбону, не испугавъ пары котовъ, которыя уже какъ-будто знали его. Мосьё Сакрипанъ, который былъ не сильнѣе своего господина и не гнушался отправлять, при надобности, должность пастушьей собаки, хотя принадлежалъ къ благороднѣйшей породѣ охотничьихъ собакъ, ушелъ провожать барановъ на ярмарку.

Передъ самымъ входомъ, Эмиль замѣтилъ, что сердце его сильно билось... это волненіе приписалъ онъ быстрому входу по скалу и немного остановился, чтобъ оправиться и войти въ приличномъ видѣ. Онъ слышалъ шумъ прѣлки, и никакая музыка никогда принятіе не звучала его слуху. Потому, глухой свистъ маленькаго рабочаго инструмента замолокъ, и онъ узналъ голосъ Жильберты, которая говорила:

— Да, твоя правда, Жаннелла, мнѣ не весело въ тѣ дни, когда батюшки нѣтъ дома. Еслибъ тебя не было со мною, я, можетъ-быть, совершенно соскучилась бы.

— Работай, дочка, работай, отвѣчала Жаннелла: — работа—вѣрное средство никогда не спучать.

— Я работаю, а мнѣ все-таки не весело. Знаю, что нѣтъ необходимости веселиться; но мнѣ всегда бываетъ весело, я всегда готова сѣсть и прыгать, когда батюшка съ нами. Не правда ли, замечна, еслибъ намъ пришлось жить долго съ нами въ разлуку. мы лишились бы всей нашей веселости и всего нашего счастья! О! жить безъ батюшки — невозможно! легче умереть тотчасъ же.

— Ну, это что за мысли? подхватывала Жаннелла: — откуда что берется въ твоей головѣ? Батюшка твой еще не старъ и здоровъ, слава Богу! Съ чего тебѣ приходится на умъ такіе задеры вѣтъ ужъ дня два или три?

— Какъ дня два или три?

— Ну, да, дня три или четыре, пожалуй! Тебѣ случалось несколько разъ терзаться тѣмъ, что съ нами будетъ, если, чего Боже избави, мы лишимся твоего батюшки.

— Если мы потеряемъ его! вскричала Жильберта. — Охъ! не говори такихъ словъ... отъ нихъ страшно; да я никогда и не думаю объ этомъ. Нѣтъ, нѣтъ! я не могу этого помыслить!

— Ну, вотъ и въ слезы? Фи! сударыня! не хотите ли вы, чтобъ ваша мама Жаннелла тоже расплакалась? Нечто! господи! Антуанъ обрадовался бы, еслибъ увидалъ у насъ заплаканные глаза, воротясь домой! Онъ, пожалуй, также бы заплакалъ, голубчикъ!.. Полно, ты нынче мало гуляла, дитятко; сверни-ка свою шерсть, и пойдемъ кормить куръ. Ты развеселишься глядя на хорешенькихъ цыплятокъ, которыхъ высидѣла твоя Бланка.

Эмиль услышалъ, какъ материнскій поцалуй заключилъ эту рѣчь, и такъ-дакъ женщины должны были встрѣтить его у двери, то

онъ отошелъ и кашлянулъ, чтобъ уведомить ихъ о своемъ при-
бытїи.

— Ахъ! воскликнула Жильберта: — на дворъ кто-то есть! Я
увѣрена, что это батюшка!

Она стремглавъ кинулась на встрѣчу Эмиля, такъ быстро, что,
очутившись передъ нимъ на порогѣ двери, едва не упала ему на
шею. Но какъ ни велико было ея смущеніе, когда она увидѣла
свою ошибку, все оно было меньше смущенія Эмиля; потому-что,
въ невѣжествѣ сердца, она отдѣлалась отъ него хохотомъ, между-
тѣмъ, какъ при мысли объ объятїи, которое назначалось не для
него, но котораго онъ чуть-чуть не получалъ, молодой человекъ
совершенно растерялся. Жильберта была такъ прекрасна съ глаз-
ками еще мокрыми отъ слезъ и съ дѣтскимъ, звонкимъ смѣхомъ,
что онъ былъ какъ-бы ослѣпленъ, и уже не рассуждалъ больше
о томъ, что именно онъ такъ торопился увидѣть, добраго ли Ан-
туана, прекраснаго ли развалина, или прелестную Жильберту.

— Ну! ну! сказала Жаннилла: — вы было насъ испугали; но доб-
ро пожаловать, г-нъ Эмиль, какъ говорить нашъ хозяинъ; г-нъ
Антуанъ теперь скоро воротится. Покаместъ, вы отдохнете; я схо-
жу за виномъ на погребъ.

Эмиль воспротивился этому, и, удерживая ее за рукавъ, сказалъ:

— Если вы идете на погребъ, я пойду съ вами, не за тѣмъ,
чтобъ пить вино, но чтобъ посмотреть подвалъ, который вы опи-
сывали мнѣ такимъ глубокимъ и темнымъ.

— Не ходите теперь, отвѣчала Жаннилла: — тамъ холодно, а вы
разгорѣлись... право, разгорѣлись! вы красны, какъ клубника. От-
дохните немножко; а тамъ, въ ожиданїи г-на Антуана, мы пока-
жемъ вамъ каналы, подземелья, и весь замокъ, котораго вы еще не
видѣли хорошенько, хотя стоить труда посмотреть. Да-съ! люди
привыкаютъ издавна посмотреть нашъ замокъ. Это намъ немно-
го надоедаетъ, и дочка уходитъ читать въ свою комнату, пока
они бьются здѣсь; но графъ Антуанъ говоритъ, что не надо за-
прещать входить, особенно путешественникамъ, которые далеко ѣзди-
ли, и что кто владѣетъ любопытнымъ и интереснымъ мѣстомъ,
тѣмъ не имѣетъ права имѣть другимъ наслаждаться имъ.

Жаннилла отчасти приписывала своему господину разсужденіе,
которое сама вложила ему въ голову и въ уста. Дѣло было въ
томъ, что она собирала съ осмотра развалинъ маленькую сумку,
которую употребляла, подобно какъ все ей принадлежавшее, на
то, чтобъ тайнѣ увеличивать благосостояніе семейства.

Принужденный принять какое-нибудь прохладительное, Эмиль
согласился выпить стаканъ воды, и такъ-какъ Жаннилла въдуша-
лось самой пойдти съ кружкой на родникъ, то онъ остался на-
единѣ съ графиницею де-Шатобрель.

IV.

ДѢСТНИЦА.

Развратникъ можетъ радоваться нечаянному случаю, который дозволяетъ ему быть воедино съ предметомъ его вожделѣній; но чистый и искренно влюбленный молодой человекъ скорѣе приходитъ въ замѣшательство, и почти пугается, когда подобное приключеніе встрѣчается ему въ первый разъ. Такъ было и съ Эмилемъ Кардоннѣ. Почтение, внушенное ему дѣвицею Штотбрѣнъ, было такъ глубоко, что онъ не смѣялся бы поднять глаза на нее въ эту минуту и показать себя, въ чемъ бы то ни было, недостойнымъ доверенности, которую ему оказывали. Жильберта, еще болѣе уважаемая, не чувствовала того же замѣшательства. Мысль, что Эмиль могъ, хотя отъ одного неумѣстнаго ея слова, воспользоваться ея неопытностью, не могла найти мѣста въ ея благородномъ, цѣломудренномъ умѣ, и младенческое невѣдѣніе ея предохраняло ее отъ всякаго подобнаго подговѣнія. Она первая прервала молчаніе, и голосъ ея, будто чародѣйствомъ, возвратила спокойствіе извощенной душѣ юнаго гостя. Есть такіе симпатическіе и проникающіе голоса, что довольно услышать изъскольکو словъ, или произнесенныхъ, чтобъ полюбить, даже не видя въ лицо, человека, котораго характеръ выражаютъ они. Голосъ Жильберты принадлежалъ именно къ числу такихъ голосовъ. Слыша, какъ говорила она, смѣялась или плакала, вы тотчасъ замѣтили бы, что во душѣ ея никогда не бывало злой или хотя просто горькой мысли. Навѣе трогаетъ и чаруетъ въ птицѣ и въ животныхъ не столько мелодія, чуждая нашимъ музыкальнымъ понятіямъ, или необыкновенная сила глубины звука, сколько извѣстный отзывъ первобытной невинности, котораго нигде не можетъ передать на человеческомъ языкѣ. Слыша Жильберту, вы могли бы къ ней приравнять это сравненіе, и самыя пустыя вѣщи, проходя черезъ уста ея, научали бы васъ въсѣмъ смыслѣ выше того, который они сами по себѣ выражали.

— Мы видѣли нашего друга Жана нынче поутру, сказала она; онъ пришелъ на разсвѣтъ и забралъ все инструменты батиска, чтобъ начать первый день своего труда. Онъ вѣдь уже нашелъ себѣ работу, и мы надѣемся, не будетъ въ ней нуждаться. Еще вчера вечеромъ, онъ рассказывалъ намъ все, что вы сдѣлали и хотѣли для него сдѣлать, и увѣраю васъ, не смотря на гордость и можетъ-быть жесткость его отказовъ, онъ очень привѣтливъ.

— То, что мнѣ удалось для него сдѣлать, такъ маловажно, что мнѣ стыдно слышать, когда говорятъ объ этомъ, сказалъ Эмиль.—

Особенно мнѣ неприятно, что упряметво лишаетъ его вѣрныхъ доходовъ, потому-что, кажется, положеніе его еще довольно-свѣдительно. Слызнава начинать въ шестьдесятъ лѣтъ, ни съ чѣмъ, цѣлую жизнь труда, и не имѣть ни дома, ни платья, ни даже нужныхъ орудій, — ужасно, не правда ли, сударыня?

— Однакожь я не боюсь за него, отвѣчала Жильберта. — Выросши въ состояніи совершенно-необезпеченномъ, и живя, такъ-сказать, со-дня-на-день, я, можетъ-быть, сама привыкла къ этой счастливой беззаботности бѣдныхъ. Или характеръ мой таковъ отъ природы, или безпечность Жана успокоиваетъ меня на его счетъ, вѣрно только то, что, при нашемъ свиданіи нынѣе утромъ, никто изъ насъ не чувствовалъ ни малѣйшаго безпокойства. Жанъ довольно весьма-немногимъ! Онъ умѣренъ и здоровъ, какъ дикарь, и никогда не чувствовалъ себя крѣпче, какъ въ тѣ два мѣсяца, которые жилъ въ лѣсу, проводя цѣлый день на могахъ и ночуя всего чаще подъ открытымъ небомъ (*). Онъ увѣряетъ, что арбіне его прояснилось, что молодость его возвратилась, и что, еслибъ всегда было лѣто, онъ не имѣлъ бы никогда нужды жить въ селеніи. Но въ глубинѣ сердца, онъ сохраняетъ неодолимую привязанность къ родной сторонѣ, и, сверхъ того, бездѣйствіе не можетъ долго ему нравиться. Мы уговаривали его нынѣе поселиться у насъ и жить подобно намъ, безъ заботы о завтрацнемъ днѣ. «Мѣста здѣсь много, и материаловъ довольно, — говорилъ ему багюшка, — ты можешь выстроить себѣ тутъ домъ. Я дамъ тебѣ дворовъ и камня и стараго дерева на постройку. Буду помогать тебѣ строить твой домъ, какъ ты помогалъ мнѣ строить мой». Но Жанъ ни за что не соглашался. «Что же, говоритъ онъ, буду я дѣлать, чтобъ чѣмъ-нибудь наполнить свое время, когда вы поселите меня баринномъ? Доходовъ у меня нѣтъ, а я не хочу быть въ тягость вамъ въ-продолженіе какихъ-нибудь тридцати лѣтъ, которыхъ мнѣ еще, можетъ-быть, остается прожить... Еслибъ даже ваше состояніе позволяло, я умеръ бы со скуки. Хорошо вамъ, Г. Антуанъ; вы воспитаны по-своему... Вы не тунеядецъ, — о нѣтъ, вы это доказали! Однако вамъ ничего не стоило вновь привыкнуть жить *господиномъ*; но мнѣ, который уже не долженъ ни бѣгать, ни охотиться, не-ужь-то мнѣ сидѣть сложа руки? Да я сойду съ ума въ первую же недѣлю».

— Значить, сказалъ Эмиль, которому вспомнилась теорія отца в

(*) Есть способы ночевать здорово на вольномъ воздухѣ, не смотря на холодъ климата, — на-пр. способъ, извѣстный всѣмъ прасоламъ, но вѣроятно не приходящій въ голову ни кому изъ столичныхъ читателей. Говорятъ, что сидѣть *сидѣти* въ востыше, подыять одного изъ воловъ на немъ лежащихъ, и самому лечь на его мѣсто. Когда начнешь зябнуть и почувствуешь сырость, дужко только подыять другаго вола. Мѣсто валежанное въ-теченіи нѣсколькихъ часовъ воломъ, всегда совершенно просохло, и отличается пріятной и здоровой чепотью.

безразличности трудъ и старости безъ успокоенія: — Жанъ никогда не почувствуетъ потребности быть на своей вѣкъ, хотя двѣдѣть для того сколько пожертвованій?

— Помилуйте, сказала Жильберта въ несколько удивленная: — развѣ независимость и праздность одно и то же? Я не думаю. Жанъ страшно любитъ трудъ, и вся его независимость въ томъ, чтобъ выбирать трудъ, который ему нравится. Когда онъ работаетъ, чтобъ удовлетворить своей вкусъ и врожденную изобрѣтательность, то работаетъ всего усерднѣе.

— Да, вы правы! сказалъ Эмиль съ внезапной грустью: — въ этомъ все дѣло. Человѣкъ рожденъ всегда трудиться, но сообразно съ своими способностями и по мѣрѣ удовольствія, которое находятъ въ трудѣ. Ахъ, зачѣмъ я не искусный плотникъ! съ какою бы радостью пошелъ я работать вмѣстѣ съ Жапомъ Жапплау, и въ пользу такого мудраго, безкорыстнаго человѣка!

— Ахъ, сударь! сказала Жаннилла, которая возвращалась, неся важно на головѣ глиняный сосудъ, чтобъ прилатъ себѣ видъ силы: — вы говорите точнехонько какъ г-въ Антуанъ. Вѣдь онъ, дѣвеча утромъ, хотѣлъ идти съ Жапомъ въ Гаржилесъ, чтобъ работать съ нимъ по-дневно, какъ бывало прежде: такое доброе у него сердце! «Ты долго помогалъ мнѣ содержать себя» говорилъ онъ: теперь я буду помогать тебѣ. Ты не хочешь принять мой столъ и мою квартиру: прійми по-крайней-мѣрѣ мой трудъ, потому-что для меня цѣна его будетъ излишкомъ.» И графъ сдѣлалъ бы какъ говорилъ. Въ его лѣта и съ его званіемъ, онъ опять пошелъ бы стучать во всю голову по бревнамъ!

— Зачѣмъ же ты помѣшала ему, мама Жаннилла? сказала Жильберта съ одушевленіемъ. — Зачѣмъ Жанъ упорно отказывался? Батюшка отъ этого не захворалъ бы, и это было согласно со всѣми благородными движеніями его жизни! Ахъ, почему и я также не могу владѣть топоромъ и пойдти въ ученицы къ человѣку, который такъ долго давалъ пропитаніе моему отцу, — между-тѣмъ, какъ, вовсе не понимая своей жизни, я выучилась пѣть и рисовать въ ваше угожденіе! Подлинно, женщины не годятся ни къ чему на этомъ свѣтѣ!

— Что, что, женщины ни къ чему не годятся? подхватила Жаннилла: — хорошо же, пойдемъ вмѣстѣ, будемъ лазить по кровлѣ, стругать бревна и вколачивать клинья. Право, я управляюсь еще лучше вашего, даромъ что стара и мала; а тѣмъ временемъ, вашъ папенька, который такъ же ловко владѣетъ руками, какъ лягушка хвостомъ, будетъ прѣсть наши кудели, а Жанъ гладить наше бѣлье.

— Правда твоя, мама, отвѣчала Жаннилла: — прятка моя готова, а я ничего нынче не сдѣлала. Если мы поторопимся, то у насъ будетъ изъ чего спить Жану сукопное платіе къ зимѣ. Пріймусь работать и вознаграждать потерянное время; но ты все-таки не

хочешь, чтобъ батюшка сдѣлался опять плотникомъ, когда ему это угодно.

— Узнайте же правду, сказала Жаннилла съ видомъ торжественнаго признанія: — г-нъ Антуанъ никогда не бывалъ порялочнымъ рабочимъ. Въ немъ больше было усердія, чѣмъ искусства, и если я позволяла ему работать, то для того только, чтобъ онъ не скучалъ и не унывалъ. Спросите у Жана, не вдвое ли больше труда ему стоило поправлять ошибки графа, нежели когда бъ онъ работалъ одинъ? Но графъ имѣлъ видъ человѣка работающаго, — это нравилось заказчикамъ, и ему хорошо платили. А все-таки я никогда не была покойна въ то время и не жалю, что оно прошло. Я всегда боялась, чтобъ г-нъ Антуанъ не обрубилъ себѣ руки или ноги, думая, что рубить по бревну, или чтобъ не свалился съ лѣстницы, когда при разсѣянности своей расположится на ней словно какъ дома.

— Ты пугаешь меня, Жаннилла, сказала Жильберта. — О! если это все было такъ, ты хорошо сдѣлала, что насмѣшками своими отклонила его отъ мысли пойдти работать. И тутъ, какъ во всемъ, ты наше провидніе!

Дѣвица Шатобрѣнъ говорила еще справедливѣе, нежели сама думала. Жаннилла была ангеломъ-хранителемъ, приставленнымъ блюсти жизнь графа Антуана Шатобрѣна. Безъ ея благоразумія, безъ материнскаго попеченія и безъ меткости ея сужденія, этотъ добрый чловѣкъ не прошелъ бы сквозь пицету, не потерявъ нѣсколько въ моральномъ отношеніи. По-крайней-мѣрѣ, онъ не сохранилъ бы своего наружнаго достоинства такъ же хорошо, какъ чистоту своихъ благородныхъ инстинктовъ. Онъ часто погрѣшалъ бы отъ избытка покорности судьбѣ и забвенія самого-себя. Наклонный къ искренности и щедрости, онъ сдѣлался бы невоздержнымъ, завиствовалъ бы недостатки простолюдиновъ вмѣстѣ съ ихъ добрыми качествами, и можетъ-быть наконецъ заслужилъ бы отчасти презрѣніе, которое глупцы и тщеславные выскочки считали себя въ правѣ питать къ нему. Но, благодаря Жанниллѣ, которая, не попереча ему въявь, всегда поддерживала равновѣсіе и возвращала умѣренность, онъ перенесъ испытаніе съ честью, и не пересталъ заслуживать расположеніе и почтеніе умныхъ людей.

Шумъ прялки Жильберты прервалъ разговоръ, или по-крайней-мѣрѣ сдѣлалъ его отрывочнѣе. Она не хотѣла покидать работу, пока не кончитъ; и однакожь торопилась больше, нежели явная причина дѣятельности того требовала. Она просила Эмиля не скучать, слушая монотонное жужжанье, и пойдти осматривать развалины съ Жанниллою; но какъ Жаннилла также хотѣла докончить свою кудель, то Жильберта торопилась вдвое, сама того не замѣчая, чтобъ кончить въ одно время съ нею, и пойдти вмѣстѣ на прогулку.

— Мнѣ стыдно своего бездѣйствія, сказалъ Эмиль, который не смѣлъ заглядываться на хорошенькія ручки и граціозныя движе-

нія молодой дѣвушки, боясь повстрѣчать маленькіе, зоркіе глаза Жаниллы:—нѣтъ ли у васъ для меня тоже какой-нибудь работы?

— А что вы умѣете дѣлать? сказала усмѣхаясь Жильберта.

— Я думаю, все, что умѣетъ дѣлать Сильвенъ Шарассонъ, — отвѣчалъ онъ.

— Послала бы я васъ поливать латуку! сказала Жанилла, захохотавъ:—но это лишило бы насъ вашей компаніи. Не хотите ли завести часы? они остановились.

— Да! они ужъ три дня стоятъ, сказала Жильберта:—и я не могла пустить ихъ въ ходъ. Кажется, въ нихъ что-то сломалось.

— О! это мое дѣло, вскричалъ Эмиль:—я учился протяивъ волю, правда, немножко механикъ, и не думаю, чтобъ устройство этой кукушки было очень-сложно.

— А если вы совсѣмъ сломаете у меня часы? сказала Жанилла.

— Пусть ломаетъ, если угодно, — сказала Жильберта съ видомъ доброты, въ которомъ проявлялась щедрая безпечность отца ея.

— Прошу позволенія сломать ихъ, если такова ихъ судьба, — возразилъ Эмиль:—лишь бы мнѣ позволили замѣнить ихъ другими.

— О! еще бы нѣтъ! Если это случится, сказала Жанилла:—отдайте мнѣ точно такіе же, ни лучше, ни хуже; намъ такіе только и надо; они бьютъ ясно и не оглушаютъ.

Эмиль принялся за дѣло, снялъ нѣмецкую кукушку, и, разсмотрѣвъ ее, нашелъ, что слѣдовало немного счистить пыль внутри. Нагнувшись надъ столомъ подлѣ Жильберты, онъ вычистилъ и тщательно сложилъ деревенскую машину, обмѣниваясь съ жемчужинами разговоромъ, гдѣ шутовство установила родъ фамильярности. Говорятъ, что люди дѣлаются откровенны и привязываются другъ къ другу, когда дѣлаютъ вмѣстѣ; но еще больше, трудясь вмѣстѣ, они чувствуютъ и допускаютъ дружескую короткость. Все трое испытали это; кончивъ свою общую работу, они были почти членами одной семьи.

— Точно, это ваше дѣло, — сказала Жанилла, видя, что часы ходятъ:—вы почти настоящій часовщикъ. Да бишь! пойдемте теперь гулять: я сейчасъ засвѣчу фонарь, чтобъ водить васъ по подваламъ.

Г-нъ Кардоннѣ, сказала Жильберта, когда Жанилла вышла:—вы сейчасъ говорили, что собираетесь обѣдать у маркиза Буагибо; могу ли спросить васъ, какое впечатлѣніе сдѣлалъ на васъ этотъ человекъ?

— Мудрено опредѣлить, отвѣчалъ Эмиль.— Смѣсь отвращенія и симпатіи, такая странная, что мнѣ нужно еще много видѣть его и разсматривать, и еще думать потомъ, чтобъ разгадать этотъ непостижимый характеръ. Не знаете ли вы его, и не можете ли мнѣ помочь?

— Я совсѣмъ его не знаю; мелькомъ видѣла разъ или два въ

жизни, хотя мы живемъ отъ него очень-близко, и, не рассказавъ объ немъ, очень желала бы поглядѣть на него поближе; но онъ презрѣлъ верхомъ по одной дорогѣ съ нами, и какъ скоро изда-лека замѣчалъ насъ съ батюшкой, пускался во всю рысь, кланялся намъ не глядя на насъ, даже по-видимому не зная кто мы, и исчезалъ быстро, — точно какъ-будто хотѣлъ скрыться въ пыли, которую поднимала его лошадь.

— И не смотря на такое близкое соседство, графъ Шатобрънъ не имѣетъ ни малѣйшихъ съ нимъ сношеній!

— Да! это очень-странно, сказала Жильбертъ, понизивъ голосъ съ видомъ навѣнной довѣренности: — но съ вами я могу говорить, г. Эмиль, потому-что, мнѣ кажется, вы проясните сколько-нибудь эту тайну. Батюшка въ молодости былъ очень друженъ съ г-мъ Буагисбб. Я это знаю, хотя самъ онъ никогда не говоритъ о томъ и хоти Жаннелла уклоняется отъ отвѣта, когда я у ней спрашиваю; но Жанъ, которому не больше моего извѣстны причины ихъ разрыва, часто говаривалъ, что видаль ихъ неразлучными. Это всегда заставляло меня думать, что г. Буагисбб вовсе не такъ гордъ и не такъ холоденъ, какъ кажется; потому-что шутливость и живость моего отца не поладили бы съ надменнымъ характеромъ и черствымъ сердцемъ. Я должна также вамъ признаться, что подслушала несколько мнѣшій, высказанныхъ въ разговорѣ у батюшки съ Жаннеллою, въ тѣ минуты, когда они думали, что я ихъ не слыжала. Батюшка говорилъ, что однимъ невознаградимымъ несчастіемъ его жизни была потеря дружбы г. Буагисбб, что онъ никогда не утѣшится въ этомъ, и что еслибъ могъ отдать одинъ глазъ, одну руку и одну ногу за возвращеніе этой дружбы, то не поколебался бы ни на минуту. Жаннелла называла его жалобы глупостями и совѣтовала ему не дѣлать никогда ни малѣйшей попытки, потому-что, какъ говорила она, ей короче извѣстно, что это за человекъ, и что онъ никогда не забудетъ причины ихъ ссоры. «Хотя», говорилъ батюшка: «по мнѣ лучше были бы объясненія; шрека, дуэль, въ то время, когда мы были еще почти равныхъ силъ для поединка, нежели это непреклонное молчаніе и это ледяное уперство, которыя пронзаютъ мнѣ сердце. Нѣтъ, Жаннелла; нѣтъ, на этотъ счетъ я никогда не утѣшусь, и если умру не примирившись съ нимъ, то умру недовольный жизнью.» Жаннелла стала развѣчать его и успывала, потому-что батюшка очень-мягокъ и изжентъ; онъ не любитъ отягощать другихъ своею горестью. Но вы, г. Эмиль, вы такъ любите своихъ родителей, вы поймете, что то тайное горе батюшки всегда лежитъ у меня на душѣ съ-тѣхъ-оръ, какъ я провѣдала о немъ. Не знаю, на что бы я не рѣшилась, чтобъ избавить его отъ этого горя. Цѣлый годъ безпрерывно думаю о томъ, и двадцать разъ мнѣ снилось, что будто я пришла въ Буагисбб, брѣснлась къ ногамъ этого суроваго человека, и говорила ему: «Мой отецъ наилучшій изъ людей и верный изъ друзей. Его добродѣтели сдѣлали его счастливымъ, на-

смотря на то, что онъ разорвался; у него одно только горе, глубокое горе, которое вы можете уничтожить однимъ словомъ.» Но онъ съ гнѣвомъ отталкивалъ меня и прогонялъ отъ себя. Я просыпалась вся въ испугѣ, и разъ ночью, когда я закричала, произнося его имя, Жаннилла вскочила, и обнимая меня сказала: «На что ты думаешь объ этомъ гадкомъ человѣкѣ? онъ не имѣетъ никакой власти надъ тобою и не осмѣлится тронуть твоего батюшку.» Поэтому я поняла, что Жаннилла его невидитъ; но когда ей случается сказать что-нибудь противъ него, батюшка горячо вступается. Что же такое между ними? Можетъ-быть, ещѣ пустяки. Детская обидчивость, ссора по поводу охоты, какъ полагаютъ Жанъ Жаниллу. Если это точно такъ, то нельзя ли бы ихъ помирить? Батюшка также сится маркизь Буагибѣ, и иногда онъ, засыпая на своемъ стулѣ послѣ ужина, произноситъ его имя съ глубокой тоскою... Г-нъ Эмиль! я полагаюсь на вашу великодушiе и благородiе; вывѣдайте, если можно, отъ маркиза всю истину. Я всегда намѣревалась воспользоваться первымъ случаемъ постараться обмануть двухъ человѣкъ, такъ любившихъ другъ друга, и если Жану удалось войти совершенно въ прежнюю милость у маркиза, я многого бы надвядась отъ смѣлости и природнаго ума его. Но онъ также жертва странности этого лица, и я не вижу никого, кромѣ васъ, къ кому бы могла прибѣгнуть за помощiю.

— Будьте увѣрены, что отнынь я непременно буду стараться объ этомъ, отвѣчалъ съ жаромъ Эмиль.

Услышавъ, что возвращается Жаннилла, которой маленькiе деревянные башмаки стучали по плитамъ, онъ вскочилъ на стулъ, какъ будто прикрывая часы, но въ-самомъ-дѣлѣ желая скрыть сладкое волненiе, порожденное въ немъ довѣренностью Жильберты.

Жильберта также была встревожена; она слѣдила большое усилiе, чтобъ открыть сердце свое молодому человѣку, котораго едва знала; а она не была ни такимъ ребенкомъ, ни такой поселянкою, чтобъ не понимала предзнаменiя приличiя. Благородная дѣвушка нѣсколько страдала уже отъ того, что имѣла большой секретъ отъ Жанниллы, но утѣшалась мыслью о чистотѣ своихъ намѣренiй, и не могла считать Эмиля способнымъ къ злоупотребленiю. Первый разъ въ жизни ощутила она инстинктъ женской хитрости, при входѣ своей любезной няньки. Она чувствовала, что лицо ея горѣло, и нагнулась будто искать вголку, которую нарочно уронила.

Прозорливость Жанниллы была такимъ-образомъ обманута двумя дѣтьми, очень-неспособными на всякiя другiя хитрости, и всѣ всаго отправились осматривать подземелья.

Подземелье, находившееся непосредственно подъ квадратнымъ павильономъ, сообщалось съ поверхностью земли крутою лѣстницею, спускавшеюся до ужасной глубины въ утѣсь. Жаннилла шла впередъ, вольнымъ шагомъ, и въ ней замѣтенъ былъ навыкъ, который приобрѣла она въ своей должности чичероне при путешествiяхъ. Эмиль шелъ за нею, очищая дорогу Жильбертѣ, которая

не была ни робка, ни пелочка, но за которую Жаннелла безпрестанно трепетала.

— Берегись, милочка, кричала она ей поминутно. — Господинъ Эмиль, не давайте ей унасти! Она у насъ разсыяна такъ же, какъ и ея батюшка; ужь это въ крови у нихъ. Такія дѣти, что убилась бы сто разъ, еслибъ я не глядѣла за ними на всякомъ шагѣ!

Эмиль былъ радѣхонекъ принять на себя отчасти роль Жаннеллы. Онъ отталкивалъ ногою обломки, и какъ лѣстница становилась все круче и набитѣе, то стѣлѣ себя въ правѣ подать руку, отъ которой сперва отказались, но которую потомъ приняли, какъ довольно-нужное пособіе.

Кто онишесть былъ и уносеніе первой любви въ энергической душѣ? Эмиль такъ сильно задрожалъ, взявъ руку Жильберты въ свою руку, что не могъ уже ни говорить, ни шутить съ Жаннеллой, ни отвѣчать Жильбертѣ, которая также еще шутила; но мало-по-малу совершенно смутилась и не могла вымолвить слова.

Такъ они сошли только съ дѣшину ступенекъ; но, въ теченіе этой минуты, время не существовало для Эмиля, и когда онъ превѣлъ всю слѣдующую ночь въ припоминаніи той минуты, ему показалось, что онъ прожилъ столѣтіе. Съ-тѣхъ-веръ, вся предшествовавшая жизнь его явилась ему какимъ-то сномъ, и личность его какъ-бы преобразилась. Вспоминалъ ли онъ дни дѣтства, голы школы, скуку и радость ученья, онъ уже не былъ страдательнымъ и скованнымъ существомъ, какимъ долготѣ себя чувствовалъ: то былъ любовникъ Жильберты, пережившій эту жизнь, теперь радостную, озаренную певыи свѣтомъ. Онъ видѣлъ себя дѣтатей, видѣлъ себя рывымъ школьникомъ, потомъ мечтательнымъ и безпокойнымъ студентомъ; и эти лица, казавшіяся ему рѣдкими, подобно фазанъ его жизни, снова становились въ его глазахъ единымъ существомъ, существомъ привилегированнымъ, которое торжественно шествовало къ тому дню, когда рука Жильберты должна была попасть въ его руку.

Подземная лѣстница вела къ подонью уютнаго казна, на которомъ стоялъ замокъ. То былъ ходъ для вылазокъ въ случаѣ бѣды, и Жаннелла разсыпалась въ походахъ этому трудному и ученому устройству. Не смотря на совершенное ренессанс, въ какомъ она жила съ своими господами и отъ котораго бы ни за что не отрекалась, сознавая вполне права свои, крошечная женщина имѣла странныя феодальныя понятія, и, въ силу отождествленія съ развалинами Шатобрѣна, удивлялась всему въ этомъ прошедшемъ, которое, правду сказать, представляла себѣ очень-смутно. Можеть-быть также, находила она нужнымъ поунать предполагаемую испанскую гордость Эмиля, превращаясь передъ нимъ старинное могущество предковъ Жильберты.

— Смотрите, сударь, говорила она, вода его изъ тюрьмы въ тюрьму:— вотъ куда сажали людей на усиреніе. Можете они увидѣть тутъ желѣзныя кольца, къ которымъ приващывали ссызанныхъ усиренныхъ.

кровь. Вотъ подавай, гдѣ, говорятъ, трое бунтовщиковъ бѣжи въжарны огромнымъ амбемъ. Тогдашніе бара, видно, имѣли кое-что такое въ своемъ распоряженіи... Сейчасъ мы дамъ вамъ показанъ секретныя темницы; тутъ ужъ было не до шутокъ! О! еслибъ вы небыли здѣсь до революціи, то навѣрное бы скорое крестились, неужли смѣялись.

— Къ-счастью, теперь здѣсь можно смѣяться, сказала Жильберта:— и думать о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ этихъ ужасныхъ легендъ. Благодарю Бога, что я родилась въ такое время, когда инъ едва вѣрится, и люблю наше старое гнѣздо, какъ оно теперь есть, безвредное и навсегда разоренное. Ты сама знаешь, Жаннелла, что батюшка всегда говоритъ кюзюнекамъ обывателямъ, когда они приходятъ просить у насъ камней на постройку домовъ. «Берите, дѣтушки, берите; въ первый разъ они пойдутъ на что-нибудь «доброе!»

— Нужды нѣтъ, возразила Жаннелла:— а все что-нибудь да значить быть нѣкогда первыми людьми въ цѣломъ краю и господани всѣхъ и каждаго!

— Да, сказала дѣвушка:— тѣмъ лучше чувствуется удовольствіе не пугать никого.

— О! такой славъ и такому счастью я вполнѣ заидую! воскликнула Эмиль.

V.

ТАЛЕСМАНЫ.

Еслибъ за недвлю Жильбертъ сказали, что прійдетъ время, когда спокойствіе сердца ея нарушится странными потрясеніями, когда кругъ ея привязанностей не только расширится, чтобъ принять въ себя чужаго человека вѣдѣ за отцомъ ея, Жаннеллою и плотникомъ, но внезапно разорвется, чтобъ помѣстить новое имя посреди этихъ драгоценныхъ именъ, она ни за что не повѣрила бы такому чуду и испугалась бы его. Однакожь, она смутно чувствовала, что теперь образъ молодого человека съ черными кудрями, съ огненными глазами, съ стройнымъ станомъ, слѣдовалъ за ней повсюду и не разлучался съ нею даже во снѣ. Она отвергала такую судьбу, но не могла отъ нея избавиться. Ея кроткая, чистая душа не выдалась на встрѣчу упоенію, ея посвящавшему; но она должна была испытать его, и уже испытывала съ той поры, когда рука Эмиля дрожала и трепетала, прикасаясь къ ея рукѣ. Безмѣрно, таинственно могущество влеченія, котораго ничто не можетъ одолѣть и которое расчленяетъ юностию прежде; чѣмъ оно успѣваетъ спознаться и притомъ къ нападенію или оборонѣ! Нѣсколько-встревоженная первыми порывами этого тайнаго пла-

вещь, Жильберта приняла ихъ сначала игриво. Желость ея не переставала отъ нихъ, и между-тѣмъ, какъ Эмиль уже принужденъ былъ дѣлать усилія, чтобъ скрывать свое волненіе, она еще улыбалась и говорила непринужденно, въ ожиданіи, пока скорбь о его удавленіи и желаніе видѣть его дадутъ ей понять, что его присутствіе обращается для нея въ неизбежную потребность. Жаннилла не покидала ихъ болѣе; но нечувствительно разговоръ ихъ перешелъ на предметы, въ которыхъ Жаннилла, не смотря на свою смысленность, мало разумѣла. Жильберта была основательно обучена, сколько можетъ выучиться дѣвушка въ парижскомъ пансіонѣ, и, надо сказать правду, женское воспитаніе въ послѣднія двадцать лѣтъ значительно подвинулось впередъ въ большей части этихъ заведеній. Свѣдѣнія, здравый смыслъ и поведеніе женщинъ, управляющихъ ими, также улучшились, и заслуженные люди не считали для себя униженительнымъ читать курсы исторіи, литературы и нравныхъ основаній наукъ для этой понятливой и прозорливой породы чловѣческаго рода.

Жильберта получила нѣкоторыя понятія о томъ, что называется пріятными искусствами; но, повинуясь въ этомъ волѣ отца, она болѣе устремляла вниманія на развитіе серьезныхъ способностей. Равно почувствовала она, что изящныя искусства будутъ ей слабою опорой въ бѣдной и уединенной жизни, что домашніе труды займутъ у нея много времени, и что, обреченная на рукодѣлье и трудъ, она должна была образовать свой умъ, чтобъ не страдать отъ пустоты мысли и беспорядочности воображенія. Одна надзирательница, женщина съ достоинствомъ, которую она сдѣлала своимъ другомъ и повѣренною своей стѣспенной участи, такъ направила употребленіе ея способностей, и молодецкая дѣвушка, починивъ мудрость ея совѣтовъ, охотно покорила имъ. Между-тѣмъ, любовь къ учению и умственнымъ занятіямъ послужили для бѣдняжки источникомъ нѣкотораго страданія, съ-тѣхъ-поръ, какъ она шла безъ книгъ посреди развалинъ Шатобреана. Господинъ Антуанъ готовъ бы былъ на все пожертвованія, чтобъ доставать ей книги, елибѣ могъ достигнуть ея желаніе; но Жильберта, видѣвшая недостаточность ихъ средствъ, и желавшая болѣе всего, чтобъ благодѣяніе отца не потерпѣло никакого лишенія, осторогалась помянуть о томъ. Жаннилла разъ-навсегда сказала себѣ, что ея дочка была уже довольно учена, и, судя о ней по самой себѣ, сама еще тѣмась нарядами, она употребляла небольшой остатокъ своей расчетливой экономіи на то, чтобъ отъ времени до времени брать ей ситцевое платье, или покупать кружева. Жильберта называла ядъ, будто принимаетъ эти подарки съ чрезвычайною радостью, чтобъ нисколько не уменьшитъ того удовольствія, которое находила въ этомъ Жаннилла. По украдкоу она вздыхала, одагая, что за ту умеренную цѣну, которой стоить эти подарки, можно бы пріобрѣсти какую-нибудь хорошую книгу. Она употребляла свои досужные часы на безпрестанное перелистываніе книжекъ

гихъ книгъ, которыя привезла съ собою изъ пансіона, и знала ихъ почти наизусть. Разъ или два, не говоря ни слова о своемъ имѣреніи, она убѣждала Жаниллу, управлявшую ихъ общимъ доходомъ и расходомъ, отдать ей деньги, назначавшіяся на новый нарядъ. Но тогда случалось, что Жану были нужны башмаки, либо бѣдные люди сѣснаго селенія нуждались въ бѣль для дѣтей, и Жильберта тратилась на то, что называла нужнѣйшимъ, откладывая до благопріятнѣйшаго для всѣхъ времени покупку книгъ. Кюзіонскій священникъ сужалъ ей сокращенныя творенія нѣкоторыхъ отцовъ церкви и *жизнеописанія святыхъ умодникоу*, которыя долго служили ей отрадою: когда не изъ чего выбирать, умъ принужденъ бываетъ любить серьезно вещь вопреки молодости, которая влечетъ его къ не столь степеннымъ занятіямъ. Для хорошихъ умовъ такая крайность бываетъ иногда благотворна, и когда Жильберта наввно жаловалась Эмилю на свое невѣжество, онъ, напротивъ, удивлялся, что она такъ свѣдуца въ нѣкоторыхъ основныхъ вещахъ, о которыхъ онъ судилъ по чужимъ словамъ, не углубляясь въ нихъ.

При помощи любви и энтузіазма, онъ скоро началъ находить Жильберту чудомъ совершенства, умнѣйшимъ и добрѣйшимъ изъ человеческихъ существъ,—и, относительно, это была правда. Превосходнѣйшее и лучшее существо—то, которое наиболее симпатизируетъ съ нами, наиболее понимаетъ насъ, наилучше умѣетъ развѣивать и питать въ насъ все, что мы имеемъ въ душѣ своей лучшаго; словомъ, — то, которое сдѣлало бы нашу жизнь всего сладостнѣе и полнѣе, еслибъ намъ возможно было совершенно слить его жизнь съ нашею. «О! я хорошо сдѣлалъ, что доселѣ сохранилъ сердце дѣтственнымъ и жизнь чистою», думалъ Эмиль:—«и благодарю Тебя, Господи, что Ты помогъ мнѣ! ибо вотъ во-истину та, которая суждена мнѣ, и безъ которой я вечно бы только прозябалъ и страдалъ».

Въ общемъ разговорѣ, Жильберта выказала свое прискорбіе о недостаткѣ книгъ, и Эмиль тотчасъ угадалъ, что это прискорбіе было глубже, нежели сколько выказывала она Жанилль. Онъ съ горестію подумалъ, что, кромѣ трактатовъ о торговлѣ и специальной промышленности, въ домѣ отца его не было ни одной книги, и что, думая возвратиться въ Поатье, онъ оставилъ тамъ небольшое число литературныхъ произведеній, какія имѣлъ у себя. Но Жильберта намекнула, что въ Буагигбѣ была большая бібліотека. Жанъ изкогда работалъ въ одной обширной комнатѣ, наполненной книгами, и какъ жаль было, что графъ съ маркизомъ не выдался, а то можно было бы воспользоваться такимъ соседствомъ!

Тутъ Жанилла, вставшая ходя, приподняла голову.

— Чай, это куча старыхъ прескучныхъ книгъ, сказала она:—я съ своей стороны ни за что бы не заглянула въ нихъ; я боюсь бы, чтобъ не сдѣлаться такимъ же помѣшаннымъ, какъ тотъ, кто занимается ихъ чтеніемъ.

— Стало-быть, г-нъ Буагиббó много читаетъ? спросила Жильберта:— вѣрно, онъ очень-ученый человекъ?

— Чтò жь проку, что онъ столько читаетъ и сдѣлался такимъ ученымъ? Онъ никогда ни съ кѣмъ не дѣлался этимъ, и самъ не сдѣлался отъ-того ни пѣжигѣ, ни любезнѣе.

Чтобъ больше не говорить о человекѣ, котораго не терпѣла, не приводя, однакожъ, тому причинъ,—Жаннилла отошла на нѣсколько шаговъ по лугу къ своимъ козамъ, какъ-будто за тѣмъ, чтобъ помкнать имъ щипать виноградъ, вившійся при входѣ въ квадратный павильонъ. Эмиль воспользовался мгновениемъ и сказалъ Жильберту, что если въ-самомъ-дѣлѣ въ Буагиббó было такъ много книгъ, то у нея скоро будетъ ихъ вдоволь, хотябъ онъ принужденъ былъ таскать ихъ укладкою.

Жильберта поблагодарила его только улыбкою, не смѣя сегопрождать ее взглядомъ: она начинала чувствовать себя немного-принужденною въ разговорѣ съ нимъ, когда Жаннилла не было подлѣ нихъ.

— Ай-да графъ Антуанъ! сказала Жаннилла, приближаясь:—онъ не торопится домой. Я ужь его знаю: онъ съ кѣмъ-нибудь заболтался! встрѣтилъ старинныхъ пріятелей, угощаетъ ихъ подлѣ ѣлкою, забываетъ время и тратитъ деньги! А тамъ, смотришь, какой-нибудь попрошайка захочетъ у него занять десятокъ или полтора франковъ, либо пригласитъ купить какую-нибудь дрянную козу, или нѣсколько паръ тощихъ гусей,—онъ и согласится! Готовъ бы отдать все, чтò есть при немъ, еслибъ не боялся, что дома побрапнлтъ. Ну, хотъ бы вотъ теперъ: погналъ шестерыхъ барановъ, и если принесетъ въ кошелекъ только птерыхъ, какъ часто случается, конечно! впередъ онъ не пойдетъ безъ меня на ярмарку! Четыре часа уже бьетъ (благодаря г-ну Эмилю, который такъ славно заставилъ бить часы), а я увѣрена, что твой батюшка развѣ-развѣ только теперъ собрался домой.

— Четыре часа! вскричалъ Эмиль: — самое время, когда г-нъ Буагиббó садится за столъ. Мнѣ нельзя терять ни минуты.

— Такъ поѣзжайте скорѣе, сказала Жильберта: — не надо его раздражать противъ насъ еще болѣе.

— Вотъ еще! велика важность, что онъ на насъ сердится! подхватила Жаннилла. — Ну, такъ вы непременно хотите ухватъ, не выдавшись съ господиномъ Антуаномъ?

— Чтò жь дѣлать, хотъ мнѣ и жалъ...

— Куда дѣвался разбойникъ Шарассонъ? закричала Жаннилла.— Вѣрно, спитъ завалившись гдѣ-нибудь и не думаетъ подать вамъ лошади! О, ужь если графа штъ дома, Сильвена не спрашивайте. Эй, негодный шалунъ! куда ты запропастился?

— Зачѣмъ вы не снабдите меня какимъ-нибудь талисманомъ? сказалъ Эмиль Жильберту, пока Жаннилла искала Сильвена и кликала его болѣе громкимъ, нежели точно сердитымъ голосомъ.— Я собираюсь, какъ бродячій рыцарь, проникнуть въ пещеру стараго

эршебинки, чтобъ помытаться похитить у него его тайны и слова, которыя должны положить конецъ вашимъ безпокойствамъ.

— Возьмите, сказала Жильберта, усмѣхаясь и отнимая цвѣтокъ отъ своего пояса: — вотъ вамъ лучшая роза моего сада: можетъ-быть, въ ея благоуханіи окажется благодѣтельная сила, которая усмиритъ осторожность и смягчитъ жестокость нашего врага. Положите ее къ нему на столъ и постарайтесь, чтобъ онъ полюбился ей и понюхалъ. Онъ любитель садоводства и не имѣетъ, можетъ-быть, въ своихъ большихъ цвѣтникахъ такого прекраснаго куста, какъ этотъ—произведеніе моихъ прошлогоднихъ прививковъ. Когда я была владѣтельницей сада тѣхъ старыхъ временъ, и которыя жалеть Жаннелла, я знала бы, можетъ-быть, какое-нибудь заклинаніе, чтобъ придать этому цвѣтку волшебную силу. Но теперь, бѣдная дѣвушка, я умѣю только молиться Богу, и прошу Его пролить кротость въ это жестокое сердце, какъ проливалъ Онъ росу въ эту розовую почку, чтобъ открыть ее.

— Не-уже-ли, въ-самомъ-дѣль, я буду принужденъ оставить ему свой талисманъ? сказала Эмиль, спрятавъ розу на груди: — не-уже-ли не долженъ сохранить ее у себя, чтобъ она пригодилась въ другой разъ?

Тотъ, какимъ она сдѣлалъ свой вопросъ, и волненіе, написанное на лицѣ его, на минуту изумили протосердечную Жильберту. Она поглядывала на него съ недоумѣніемъ, еще не понимая, что за цѣну онъ придавалъ цвѣтку, снятому съ ея груди. Сперва она улыбнулась на слова его, какъ на шутку, потомъ покраснѣла; и какъ въ эту минуту возвратилась Жаннелла, то она ничего не отвѣчала.

Уносимый любовью, Эмиль съ дерзкой быстротою поскакалъ по окатенной тропинкѣ холма. Спустившись внизъ, онъ осмѣлился оглянуться, и увидѣлъ, что Жильберта, съ своей террасы, усаженной розетками, провожала его глазами, хотя по-видимому и занималась подрываніемъ своихъ любимыхъ растений. Одежда она была въ этотъ день не лучше прочихъ дней. Платье ея было чисто, какъ бывало чисто все, что проходило сквозь заботливыя руки Жаннеллы; но оно было такъ часто мыто и глажено, что изъ лилового сдѣлалось неопредѣленнаго цвѣта, подобнаго тому, какой принимаютъ гортензіи, когда вѣнуть. Роскошныя русые волосы, возмущаясь противъ завязокъ, на нихъ вложенныхъ, вырывались изъ этой неволи, и образовывали словно золотой вѣнецъ вокругъ ея головки. Вѣленькій, уютный воротничокъ обрамлялъ ея прекрасную шею и давалъ угадывать изящный контуръ плечъ. Эмилю показалась она сіяющею, при солнечныхъ лучахъ, которые падали на нее перпендикулярно, а она и не думала заслоняться отъ нихъ. Загаръ не могъ коснуться столь роскошнаго тѣла, и она казалась тѣмъ свѣжѣе, чѣмъ тускѣетъ ея былъ блѣднѣе и полинялѣе. Притомъ же, воображеніе двадцатилѣтняго влюбленнаго юноши такъ богато, что не затрудняется нарядомъ. Полинялое платье приняло въ глазахъ Эмиля цвѣтъ прекраснѣе цвѣта всѣхъ странъ Востока, и онъ спрашивалъ

себя, поутру живописцы время въ возрожденія не умѣли такъ величаво одѣвать свои радостныя и ликующія женскія фигуры.

Нѣсколько минутъ стоялъ онъ прикованный къ мѣсту, не имѣя силъ удалиться; и еслибъ не горячность лошади, которая грызла удила в била копытомъ, онъ совершенно позабылъ бы, что маркизу Буагиббъ приходится ждать его еще съ часъ. Надлежало сдвѣлать нѣсколько объѣздовъ, чтобъ достигнуть подошвы холма, и однакожь вертикальное разстояніе было не такъ велико, чтобъ молодые люди не могли ясно видѣть другъ друга. Жильберта пошла медленность всадника, который не могъ рѣшиться потерять ее изъ вида; она вошла въ розовые кусты, чтобъ скрыться; но еще долго глядела на него сквозь вѣтви. Жанилла стояла на прѣтвѣположенной тропицкѣ, чтобъ встрѣтить господина Антуана. Только послышавъ гудеть отъа, Жильберта очулась отъ обаянія, которое ее удерживало. Въ первый разъ она дозволила Жаниллѣ опередить себя встрѣтить его и принять его дорожную суму и палку.

Но вѣрѣ приближенія къ замку маркиза Буагиббъ, Эмиль составлялъ и сто разъ передѣлывалъ планъ атаки крѣпости, въ которой заперлось это перестигнутое существо. Увлекаемый своимъ романическимъ умомъ, онъ воображалъ, что судьба Жильберты, следовательно и собственная его судьба, начертаны таинственными буквами въ какой-нибудь сокровенной цѣпкѣ стараго замка, котораго высокія свѣрыя стѣны постепенно отрывались передъ нимъ. Большой, мрачный, печальный и замкнутый, подобно своему старому владѣльцу, уединенный замокъ какъ-будто вызывалъ дерзкое любопытство. Но Эмиль и безъ того уже былъ подстрекаемъ страстнымъ желаніемъ. Повѣренный и уполномоченный Жильберты, онъ прижималъ къ губамъ уже увядшую розу и говорилъ самъ-себѣ, что у него достанетъ твердости и ловкости для преодоленія всѣхъ препятствій.

Онъ нашелъ маркиза Буагиббъ на крыльцѣ; маркизь былъ не занятъ и безстрастенъ по обыкновенію. Онъ поспѣшилъ извиниться въ заиспаніи, принявшемъ обѣду стараго дворянина, ссылаясь на то, что сбился съ дороги, и что, не зная шѣстности, потратилъ болѣе двухъ часовъ на отысканіе пути. Г-нъ Буагиббъ не разспрашивалъ его о дорогѣ, какую онъ ѣхалъ; онъ какъ-будто боялся, чтобъ не упомянули имя Шатобрѣна; но по утонченной вѣжливости утѣрять; что не принятыя времени и не думалъ скучать ожиданіемъ. Однакожь, его это-то тревожило, какъ Эмиль скоро догадался по нѣкоторымъ сбивчивымъ словамъ, и молодому человѣку показалось, что, посреди глубокой скуки одиночества, раздражительность стараго маркиза живо пострадала отъ неаккуратности молодого человека.

Обѣдъ былъ отличный и подавался съ строгой пунктуальностью старымъ слугою. Это былъ единственный видимый служитель замка. Прочіе, забившись въ кухню, пошмщавшуюся въ подвалѣ, не показывались. Какъ видно, на этотъ счетъ существовало особое приказаніе, и старшина слугъ одинъ имѣлъ даръ не отягощать взо-

ревъ господина. Этотъ старикъ былъ дряхлъ, но такъ привыченъ къ своей службѣ, что маркизъ почти ничего ему не приказывалъ, и когда случалось, что тотъ не угадывалъ его воли, то достаточно было знака, чтобъ старый дворецкій поналъ ее. Его глухота, по-видимому, сообразовалась съ лаконизмомъ г-на Буагбѣ, и можетъ-быть маркизъ былъ также не прочь держать подлѣ себя человека, котораго потускнее зрѣніе не могло читать что-либо на его фюзіоніи; этотъ старикъ былъ скербѣ машина, нежели служитель; и лишенный за дряхлостію возможности сноситься съ мыслью подобныхъ себѣ, онъ потерялъ всякое желаніе къ тому и потребности. Понятно было, какъ эти два старика были способны ужиться другъ съ другомъ, не думая скучать одинъ другимъ: такъ мало заметно было въ нихъ наружной жизни.

Обѣдъ шелъ не скоро, но въ порядкѣ. Собесѣдники пробыли два часа за столомъ. Эмиль примѣтилъ, что хозяинъ почти ничего не ѣлъ, а елъ и бралъ что-нибудь въ ротъ, то для того только, чтобъ поощрять своего гостя отвѣдывать все блюда, которые были многочисленны и изысканны. Вѣна была отборныя, и старый Мартенъ подавалъ горизонтально, безъ малѣйшаго потрясенія, бутылки, покрывая давишиной и почтенной плесенью. Маркизъ едва обмачивалъ губы и дѣлалъ знакъ старому слугѣ налить стаканъ Эмилю, который, привыкнувъ къ большой воздержности, наблюдалъ за собою, чтобъ не дозволить разсудку упасть подъ столь многократными пробави разныхъ образчиковъ барскаго погребя.

— Это вамъ обыкновенный столъ, маркизъ? спросилъ онъ, дивясь внимности такого обѣда для двухъ персонъ.

— Я... я право не знаю, отвѣчалъ маркизъ: — я въ это не вмешиваюсь; Мартенъ завѣдываетъ у меня домомъ. Я никогда не имѣю аппетита и не привычаю, что ѣмъ. Развѣ вы находите, что обѣдъ хорошъ?

— Превосходенъ; и если бѣ я часто имѣлъ честь бывать и вашимъ столомъ, то спросилъ бы Мартена угостить меня не такъ роскошно, потому-что боялся бы сдѣлаться лакомкою.

— Почему жѣ и нѣтъ? Это такое же наслажденіе, какъ и всякое другое. Счастливы тѣ, кто его находятъ!

— Но есть наслажденія болѣе благородныя и менѣе убыточныя, возразилъ Эмиль:—столько людей на свѣтѣ нуждаются въ необходимомъ, что мнѣ было бы стыдно обратить въ потребность излишество.

— Правда ваша, сказалъ г-нъ Буагбѣ съ обычнымъ надомомъ.—Пожалуй, я скажу Мартену, чтобъ онъ готовилъ для васъ попроще въ другой разъ. Онъ полагалъ, что въ ваши лѣта должно имѣть большой аппетитъ; но, кажется, вы кушаете, какъ человекъ, который ужъ вышелъ изъ юношескаго возраста. Который вамъ годъ?

— Двадцать-одинъ.

— Я считалъ васъ старше.

— По лицу моему?

— Нѣтъ, по вашимъ идеямъ.

— Желалъ бы я, чтобъ батюшка слышала ваше мнѣніе, маркизь, и чтобъ съ нимъ согласился, отвѣчалъ Эмиль улыбаясь: — потому-что онъ до-сихъ-поръ обращается со мною, какъ съ ребенкомъ.

— Что за человекъ вашъ батюшка? спросилъ г-нъ Буагибо съ простодушіемъ разсѣянности, которое отнимало у вопроса все, могущее въ немъ показаться невѣжливымъ съ перваго взгляда.

— Мой отецъ, отвѣчалъ Эмиль:—для меня другъ, котораго уваженія я нику и котораго порицанія боюсь. Вотъ что могу сказать вамъ лучшаго, чтобъ представить энергическій, строгій и правдивый его характеръ.

— Я слышалъ, что онъ человекъ очень-способный, очень-богатый и страстно-любящій имѣть вліяніе на дѣла. Это не худо, если онъ пользуется этимъ вліяніемъ въ добрую сторону.

— А какое, по вашему мнѣнію, маркизь, наилучшее употребленіе можно дѣлать изъ вліянія на дѣла?

— Ну! объ этомъ было бы долго говорить! отвѣчалъ вздыхая маркизь:—вы вѣрно это знаете не хуже моего.

Подстрекуемый на мигъ откровенностью, которую Эмиль обнаружилъ передъ нимъ, чтобъ вызвать и это откровенность, маркизь снова впалъ въ свое оцѣпененіе, словно боялся сдѣлать усиліе выйти изъ него.

«Надо непременно разбить эту въковую льдину, подумалъ Эмиль:—можетъ-быть, оно не такъ трудно, какъ полагають. Можетъ-быть, я первый сдѣлаю такую попытку!»

Умалчивая, какъ и слѣдовало, объ опасеніяхъ, которыя внушало ему честолюбіе отца, и о печальной борьбѣ ихъ взаимныхъ мнѣній, онъ съ увлеченіемъ и жаромъ заговорилъ о своихъ вѣрованіяхъ, своихъ симпатіяхъ, даже о своихъ грезахъ на-счетъ будущности человѣческой семьи. Онъ полагалъ, что маркизь прійметъ его за сумасброда, и старался вызвать опроверженія, которыя позволили бы ему наконецъ проникнуть въ эту таинственную душу.

«Нельзя ли добиться выходки презрѣнія или негодованія?» думалъ онъ:—«тогда бы я увидѣлъ крикучую и слабую сторону этого человека.»

И, самъ того не подозревая, онъ принялъ съ маркизомъ ту же тактику, какой предъ тѣмъ слѣдовалъ отецъ его въ разговоръ съ нимъ-самимъ: пустился испровергать и разрушать все, что полагалъ болѣе или менѣе неприкосновеннымъ въ глазахъ стараго легитимиста: дворянство на равнѣ съ деньгами, большую собственность, могущество отдельныхъ лицъ, порабощеніе массъ, іезуитскій католицизмъ, неравенство правъ и наслажденій, основу существующихъ обществъ, господство мужчины надъ женщиною, при-

нимаемую за товаръ въ брачныхъ договорахъ и за собственность въ ученіи публичной морали; — словомъ, все тѣ языческіе законы, которые божественное ученіе не успѣло еще истребить въ гражданскихъ обществахъ и которые допустила политика средне-вѣковой церкви въ Западной-Европѣ.

Господинъ Буагибѣ по-видимому слушалъ внимательно обыкновеннаго; его большіе голубые глаза округлились, какъ-будто, за отсутствіемъ вины, котораго онъ не былъ. Нечаянность такой деклараціи правъ человека привела его въ тяжкое остолебеніе. Эмиль поглядывалъ на свой стаканъ, налитый столетнимъ токэйскимъ виномъ, и намѣревался прибѣгнуть къ нему для того, чтобы придать себѣ *пыла*, если натурального жара его юнаго антуизма будетъ недостаточно для растопленія снѣговой лавины, вставшей надъ нимъ.

Но онъ не имѣлъ нужды въ этомъ источникѣ изобрѣтенія, и слишкомъ ли отвердалъ снѣгъ, такъ-что не могъ оторваться отъ ледника, или, показывая внимательный видъ, маркизъ Буагибѣ ничего не слышалъ; однакожь запальчивая проповѣдь современнаго человека не была прервана и докончилась среди глубокаго молчанія.

— Что же, г-нъ маркизъ? сказалъ Эмиль, дивясь его апатическому терпимости: — согласны ли вы съ моими мнѣніями, или находите ихъ несостоящими опроверженія?

Господинъ Буагибѣ не отвѣчалъ; слабая усмѣшка мелькала на губахъ его, которая раскрылась-было для отвѣта и только вспустила загадочный вздохъ. Но онъ положилъ свою руку на руку Эмиля, и юношѣ показалось, что холодная влажность придавала въ ту минуту нѣкоторый призракъ жизни этой каменной рукѣ.

Наконецъ онъ всталъ и сказалъ:

— Пройдемте пить кофе въ паркъ...

Послѣ паузы, онъ прибавилъ, какъ-будто доканчивая вслухъ фразу, начатую про-себя:

— Потому-что я совершенно одного съ вами мнѣнія.

— Не-уже-ли? вскричалъ Эмиль, смѣло взявъ подъ руку стараго маркиза.

— Почему жь бы и нѣтъ? возразилъ тотъ спокойно.

— То-есть, ко всему этому вы равнодушны?

— О, если бы такъ! отвѣчалъ г. Буагибѣ со вздохомъ, выразительнѣе прежнихъ.

VI.

Оттепель.

Эмиль видѣлъ паркъ Буагибѣ только черезъ изгородь и сквозь решетку. Его поразила красота этого мѣста, могучесть растений и удачное ихъ расположеніе. Природа много дѣлала, но искусство ро-

соблюло ей весьма-разумно. Покатая мѣстность представляла тысячу живописныхъ видовъ, и обильный ручей, вырывавшійся изъ среды скалъ, извилялся по разнымъ направленіямъ, поддерживая свѣжесть подъ этими великолѣпными тѣлами. Дно его в противоположный откосъ оврага, принадлежавшіе также маркизу, покрыты были густой растительностью, которая закрывала часть стѣнъ и изгородныхъ кустарниковъ, такъ-что со всѣхъ возвышеній, откуда можно было любоваться огромнымъ и роскошнымъ пейзажемъ, казалось, будто паркъ достигаетъ горизонта.

— Какое восхитительное мѣсто! сказалъ Эмиль: — довольно видеть его, чтобы увѣриться, что вы великій поэтъ.

— Такихъ какъ я великихъ поэтовъ много на свѣтъ, отвѣчалъ маркизъ: — то-есть людей, которые чувствуютъ поэзію, но будучи въ силахъ проявлять ее.

— Развѣ сказанное или написанное слово есть единственный способъ проявленія? возразилъ Эмиль. — Развѣ живописецъ, величаво изображающій природу, не поэтъ? Если жъ онъ поэтъ, то и художникъ, создающій на самой природѣ, видоизмѣняющій природу, чтобы раскрыть всю красоту ея, развѣ не творить великаго поэтического проявленія?

— Вы наклоняете это въ выгодную сторону, сказалъ г-нъ Буагббъ тономъ лѣниваго снисхожденія, нечуждаго однакожъ благоклонности.

Но Эмиль лучше бы желалъ отъ него опроверженія, чѣмъ этого безпечнаго согласія со всякой мыслью, и уже боялся, что главная атака его будетъ неудачна. «Что бы такое выдумать, чтобы разгорячить его и вывести изъ себя?» разуждалъ онъ. «Ни одна знаменитая въ исторіи осада не сравнится съ этою!»

Кофе былъ поданъ въ хорошенькой швейцарской сырнѣ, которой обрѣтность очаровала на мигъ Эмиля. Но отсутствіе людей и домашнихъ животныхъ въ этомъ сельскомъ убѣжищѣ замѣчалось такъ скоро, что нельзя было поддаться ни малѣйшему обману. Все, однакожъ, было, чему слѣдовало бытъ: и холмъ покрытый мхомъ и поросшіи елями, и струя кристальной воды, падающая у двери въ каменную колоду и вытекающая оттуда съ тихимъ журчаньемъ; и домикъ, весь сдѣланный изъ смолистыхъ деревьевъ, кокетливо украшенный балюстрадами и прислоненный къ гранитной скалѣ; и хорошенькая кровля его съ большими закрапинами; и внутренность мѣблированная по-нѣмецки, даже съ синей глянцовой посудой: все это новое, чистое, блестящее, глухое и пустынное, походило скорѣе на красивую фрейбургскую игрушку, чѣмъ на сельскій домикъ. Даже мертвенныя и холодныя фигуры стараго маркиза и его дряхлаго дворецкаго напоминали раскрашенныя деревянные фигуры, поставленныя туда для довершенія сходства.

— Вы вѣрно бывали въ Швейцаріи, маркизъ, сказалъ Эмиль: — и эта сырня есть ваше любимое воспоминаніе?

— Я мало путешествовалъ, отвѣчалъ г-нъ Буагббъ: — хотя от-

правился однажды съ намѣреніемъ объѣхать весь свѣтъ. На дорожку попалась мнѣ Швейцарія; мѣста мнѣ понравились, и я не поѣхалъ дальше, разсудивъ, что навѣрно мудроно будетъ найти что-нибудь лучше.

— Какъ видно, вы предпочитаете здѣшнюю сторону всѣмъ другимъ, и вернетесь въ нее навсегда?

— Навсегда, разумѣется.

— Это Швейцарія въ миньлаторъ, и если воображеніе тутъ не такъ сильно возбуждается величественными видами, за то и опасности прогулки не такъ велики.

— Я нигдѣ причины поселиться въ этомъ помѣстьѣ.

— Слѣдуетъ ли спросить объ нихъ?

— Развѣ вы въ-самомъ-дѣлѣ любопытствуете ихъ знать? сказалъ маркизъ съ двусмысленной улыбкою.

— Любопытствую? нѣтъ, не любопытствую въ пошломъ и снѣжномъ значеніи этого слова; но, въ мое лѣта, участь другихъ, какъ и своя собственная, бываетъ загадкою, и всегда думается, что въ опытности и мудрости нѣкоторыхъ людей найдешь полезное поученіе.

— Почему вы говорите *нѣкоторыхъ людей*? Развѣ я не похожъ на всѣхъ?

— О! нѣсколько, маркизъ!

— Вы очень удивляете меня, возразилъ г-нъ Буагиббъ рѣшительно такимъ же тономъ, какимъ за нѣсколько минутъ сказалъ: — *я совершенно одинокъ съ самимъ мнѣмъ.*

И онъ прибавилъ:

— Кладите же сахара въ свой кофе.

— Еще болѣе удивляюсь, сказалъ Эмиль, взявъ машинально сахаръ:—какъ вы не привѣтили, что ваше удивленіе, ваша серьезность, даже слѣдуетъ сказать ваша меланхолія, имѣютъ въ себѣ много поразительнаго и торжественнаго для такого ребенка, какъ я.

— Развѣ я васъ пугаю собою? сказалъ господинъ Буагиббъ съ глубокимъ вздохомъ.

— Очень пугаете, маркизъ, признаюсь вамъ откровенно; но не пріймите этой наивности въ худую сторону: ровно столько же вѣрно и то, что неодолимая симпатія влечетъ меня побѣдить это чувство чувствомъ совершенно-противоположнымъ.

— Странно, сказалъ маркизъ:—очень-странно! растолкуйте мнѣ, пожалуйста.

— Это очень-просто. Такъ-какъ въ мое лѣта ищутъ разгадки собственной будущности въ настоящемъ людей серьезнаго возраста, или въ прошедшемъ людей пожилыхъ, то страшно бываетъ видѣть непобѣдимую меланхолію и какъ-бы нѣмое, глубокое отвращеніе отъ жизни на степенныхъ лицахъ.

— А! вотъ почему моя наружность отталкиваетъ васъ. Говорите смѣлѣе. Вы не первый, и я ожидалъ этого.

— Отталкиваетъ—нельзя сказать, потому-что, не смотря на ка-

кое-то магнетическое усыпленіе, въ которое вы меня повергаете, я чувствую къ вамъ странное влеченіе.

— Странное!.. да, очень-странное, и эксцентрическій человѣкъ изъ насъ — вы. Съ перваго взгляда, когда я васъ увидѣлъ, меня поразило ваше несходство съ характерами людей, которыхъ я знавалъ въ молодости.

— И ваше впечатленіе было не въ мою пользу, маркизъ?

— Напротивъ, отвѣчалъ господинъ Буагидъ тѣмъ голосомъ безъ ударенія, который никогда не позволялъ оцѣнивать смысла его отвѣтомъ.— Мартенъ! прибавилъ онъ, наклонясь къ старому слугѣ, который согнулся вдвое, чтобъ его слышать: — можешь взять отсюда все это. Есть еще рабочіе въ паркѣ?

— Нѣтъ, господинъ маркизъ, ужъ никого нѣтъ.

— Такъ запри же за собою дверь, уходя отсюда.

Эмиль остался наединѣ съ своимъ хозяиномъ въ «пустыни» этого парка. Маркизъ взялъ его за руку и повелъ на скалы, висѣвшія надъ сырнею, въ прелестномъ мѣстоположеніи. Солице, понижаясь на горизонтѣ, стлало длинныя тѣни отъ тополей, словно занавѣсь, прерываемый жаркими проблесками съ одного холма на другой. Пурпуровыя окраины небосклопа упирались въ небо ослеповаго цвѣта надъ океаномъ темной зелени, и шумъ деревенскихъ работъ, стихая мало-по-малу, позволялъ явнѣе слышать голосъ ручьевъ и унылое воркованье горлицъ. Вечеръ былъ чудесный, и молодой Кардоннѣ, перенесаясь взоромъ и мыслію на отдаленные холмы Шатобрѣна, впалъ въ сладкую мечтательность.

Онъ считалъ полезнымъ позволить себѣ такой отдыхъ души, чтобъ приступить къ новымъ атакамъ, какъ вдругъ противникъ его сдѣлалъ нечаянную вылазку, прервавъ молчаніе.

— Господинъ Кардоннѣ! сказалъ онъ:—если не изъ одной вѣжливости или не въ шутку вы говорили мнѣ, что чувствуете ко мнѣ родъ симпатіи, не смотря на скуку, которую я, впрочемъ, навожу на васъ, то вотъ тому причина: мы неповѣдуемъ одни правила.

— Можеть ли это быть? вскричалъ Эмиль, озадаченный этимъ признаніемъ и думалъ, что грезить во снѣ. — Я было-думалъ, что вы такъ отвѣчали мнѣ изъ вѣжливости; но не-уже-ли точно я извѣю счастья пайдти въ васъ одобреніе моихъ желаній и грѣзъ моихъ?

— Что же тутъ удивительнаго? возразилъ маркизъ спокойно.— Развѣ истина не можеть открываться въ уединеніи такъ же, какъ и посреди толпы? и развѣ я не столько жилъ, чтобъ выучиться отличать добро отъ зла, правду отъ лжи? Вы считаете меня очень-положительнымъ и очень-холоднымъ человѣкомъ. Можеть-быть, я точно таковъ; въ мои лѣта такъ соскучиваешьса самимъ-собою, что охотно наблюдаешь самого-себя; но, изъ нашей личности, есть общія дѣйствительность, которая столько достойна вниманія, что можеть развлечь нашу скуку. Я долго держался понятій и предразсудковъ, въ которыхъ воспиталъ; безпечность моя такъ хороша: уживалась съ ними, что я и не думалъ разбирать ихъ; сверхъ то-

го, у меня была внутренняя скорбь, недопускавшая подобной мысли. Но когда старость освободила меня от всякаго притяжанія къ счастью и от всякаго личнаго сожалѣнія или интереса, я почувствовалъ нужду дать себѣ отчетъ въ общей жизни существа, и, слѣдовательно, въ значеніи законовъ природы, примененныхъ къ человечеству. Случайно попалось мнѣ нѣсколько брошюръ, занимавшихъ умы въ началѣ тридцатыхъ годовъ; я читалъ ихъ отъ бездѣлья, еще не думая, что въ можно было превзойти смѣлость Жанъ-Жака и Вольтера, съ которыми наслаждованіе примирило меня. Я пожелалъ короче познакомиться съ началами новой школы, и перешелъ къ изученію другаго утописта... Я соглашался съ нимъ и съ прежними, но еще не прозрѣвалъ ясно въ ихъ противорѣчія, еще скорбѣлъ, видя, что старій міръ падаетъ подъ тяжестью теорій, могучихъ своей критической стороною, но сбивчивыхъ и неполныхъ въ своихъ ученіяхъ объ организаціи.

«Дать пять или шесть только, принялъ я, съ совершеннымъ безкорыстіемъ и большимъ довольствомъ ума, начало одной послѣдней системы. Попытки ея послѣдователей казались мнѣ чудовищными, согласно словамъ ихъ противниковъ. Я читалъ журналы и изданія всѣхъ школъ и медленно блуждалъ въ этомъ лабиринтѣ, не скучая усталостію. Мало-по-малу, новая гипотеза разоблачилась для меня отъ всѣхъ своихъ тѣней; хорошіи сочиненія просвѣтили умъ мой. Я почувствовалъ нужду перейти къ заветнѣйшимъ исторіи и къ преданіямъ человѣческаго рода. У меня была довольно-хорошая библіотека, въ которой находились лучшіе историческіе матеріалы и важнѣйшія произведенія прошедшаго. Отецъ мой любилъ чтеніе, а я такъ долго не терпѣлъ его, что даже не зналъ, сколько драгоценныхъ носебій оставилъ онъ мнѣ подъ старость. Я принялся за дѣло одинъ, выучился вновь мертвымъ языкамъ, которые позабылъ, впервые прочелъ по самымъ источникамъ исторію разныхъ вѣрованій и философскихъ системъ, — и наконецъ, великіе люди, вдохновенные мужи, поэты, страдальцы, еретики, ученые, просвѣщенные проповѣдники, нововводители, художники, реформаторы всѣхъ временъ, всѣхъ странъ, казались мнѣ согласными, провозглающими во всѣхъ видахъ, и даже въ своихъ наружныхъ противорѣчіяхъ, одну вѣчную истину, ясную какъ день!

«Съ-тѣхъ-поръ, я уже улавливалъ одному только, что въ наше время, при такомъ множествѣ средствъ, открытій, дѣятельности, разумности и свободѣ мнѣйшій, міръ еще погруженъ въ столь глубокое невѣдѣніе фактовъ и идей, мудашихъ его измѣняться: что есть столько мнимыхъ ученыхъ и мыслителей, принятыхъ и одобряемыхъ обществомъ, и яа одинъ изъ нихъ не умѣлъ употребить долю жизни на тотъ же очень-простой трудъ, какой привелъ меня къ несомнѣнной увѣренности; что, наконецъ, стремлюсь къ обновленію, міръ прошедшаго думаетъ, однакожь, предохранить себя насиліемъ и гнѣвомъ отъ судьбы, которая его мелеетъ и догло-

имѣть, между-тѣмъ, какъ люди, проникнутые будущимъ, не имѣютъ еще столько твердости и разсудка, чтобъ смѣяться надъ порицаніями и гордо признавать свои убѣжденія.

«Вамъ, господинъ Кардоннѣ, который говорите о мечтахъ и утопіяхъ съ краснорѣчіемъ энтузіазма, вамъ я извиняю такой способъ выраженія. Въ ваши лѣта воспламеняются истинною и создаютъ идеалъ, который ставить непожко-высоко и далеко, чтобъ имѣть удовольствіе достигать до него борьбою. Но я не могу, подобно вамъ, воспламеняться истинною, которая мнѣ кажется столько же несомнительною, очевидною и безспорною, сколько вамъ представляется новою, смѣлою и романическою. У меня это результатъ болѣе-глубокаго изученія и болѣе-прочной увѣренности. Я не порицаю вашей живости, но не прочь посоветовать вамъ умѣрить ее возможно, чтобъ излишней запальчивостью не повредить дѣлу. Остерегайтесь: вы такъ счастливо одарены природою, что никогда не сдѣлаетесь смѣшнымъ, и будете любимы даже тѣми, которые будутъ опровергать васъ; но бойтесь, чтобъ, говоря слишкомъ-горячо и слишкомъ-многимъ невѣрующимъ о такихъ важныхъ и высокакъ вещахъ, не породить въ нихъ систематическихъ противорѣчій и недобросовѣстной защиты. Чтò бы вы сказали о юномъ проповѣдникѣ, который говорилъ бы поученія объада? Вы нашли бы, что онъ оскорбляетъ величіе своего предмета. То же съ нашими убѣжденіями, которыхъ предметъ такъ неизмѣримо-великъ. Не станемъ же говорить о немъ легко, на-манеръ политическаго спора. Если вы смѣлки, вамъ надо овладѣть вполне самимъ-собою прежде, нежели начнете говорить; если же вы, подобно мнѣ, флегматикъ, то надо подождать, пока почувствуете въ себѣ нѣсколько увѣренности и непринужденности прежде, чѣмъ откостѣ свое сердце людямъ на-счетъ подобнаго предмета.

«Да, г-нъ Кардоннѣ, не надо подавать повода говорить, что это вздоръ, пустыя грезы, горячка декламаций или припадокъ мистицизма. Довольно ужъ говорили, и довольно слабыхъ умовъ давали право такъ говорить. Мы видѣли передъ своими глазами фазы восторговъ и безпорядочныхъ грезъ одного ученія: это не позволяло уцѣлѣть тому, чтò было въ немъ прочнаго. Такъ и съ другими ученіями и системами. Истина торжествуетъ и идетъ своимъ путемъ, ея какую бы призму на нее ни смотрѣли и во что бы ее ни наряжали. Но было бы лучше, еслибъ, въ наше разумное время, смѣшныя формы слѣплаго энтузіазма совершенно исчезли.

«Согласны ли вы со мною? Не пробилъ ли часъ, когда солидные люди должны вступить въ настоящую область свою, и когда все, чтò доказано въ глазахъ логики, должно провозглашаться логическими мыслителями? Чтò за дѣло, что станутъ говорить, будто это несущественно? Изъ того, что большая часть людей знаетъ и выполняетъ только ложь и заблужденіе, слѣдуетъ ли, чтобъ дальновидный человѣкъ принужденъ былъ идти за слѣпыми въ пропасть? Намъ надо будутъ мнѣ ссылаться на необходимость повинно-

ваться предрассудкамъ: если дѣйствія мои подчинятся ничь ина- сильно, то умъ мой тѣмъ тверже будетъ убѣжденъ въ необходи- мости вопіять противъ нихъ. Заблуждалась ли вѣчная правда, по- тому—что, въ-теченіе восемнадцати вѣковъ, она укрѣплялась мед- ленно и еще не развила въ себѣ осуществлена вполне въ законо- дательствахъ? Теперь же, когда вопросы, воздвигнутые ея идеа- ломъ, начинаютъ проясняться для многихъ изъ насъ, за что же насъ будутъ считать безумцами потому только, что мы видимъ и вѣруемъ, какъ все будутъ видѣть и вѣровать черезъ сто лѣтъ, мо- жетъ-быть? Сознайтесь же, не нужно быть ни поэтомъ, ни про- рочателемъ для того, чтобъ вполне быть убѣждену въ томъ, что вамъ угодно называть высокими мечтами. Да, истина высока, и высоки люди, которые открываютъ ее. Но тѣ, которые, принявъ и ощутивъ истину, находятъ ее очень-хорошею вещью, тѣ во- истину не имѣютъ права гордиться; ибо, если бы, уразумѣвъ ее, они ее отвергли, то были бы просто идиотами и безумцами.»

Г-нъ Буагибó говорилъ съ легкостью удивительною и могъ бы еще долго говорить, — и Эмиль, пораженный изумленіемъ, не по- думалъ бы прерывать его. Юноша ни за что бы не повѣрилъ, чтобъ то, что онъ называлъ своимъ вѣрованіемъ, своимъ идеаломъ, могло развиться въ столь холодной душѣ, и сначала подумалъ, не теряетъ ли оно цѣну въ его собственныхъ глазахъ, когда онъ уви- дѣлъ себя единомышленникомъ подобнаго адепта. Но мале-по- малу, не смотря на медленность своей дикціи, на монотонію сво- его голоса и неподвижность лица, г-нъ Буагибó взялъ надъ нимъ перевѣсъ. Этотъ безстрастный человекъ явился ему живымъ зако- номъ, голосомъ судьбы, изрекающей свои опредѣленія надъ безднѣю вѣчности. Уединенность роскошнаго мѣста, безоблачность неба, которое, утративъ сіяніе солнца, какъ-будто вознесло свой голу- бой сводъ все выше и выше; ночь, спускавшаяся на вѣковыя де- ревя; журчаніе воды, которое, по своей мирной безостановочно- сти, казалось натуральнымъ аккомпаньементомъ этому ровному и спокойному голосу — все погружало Эмиля въ глубокое волне- ніе, подобное таинственному ужасу, какой производиле на юныхъ адептовъ провѣщаніе оракула въ стѣнн священныхъ дубовъ.

— Г-нъ Буагибó, сказалъ молодой человекъ, живо прошикну- тый слышаннымъ: — я не могу ничѣмъ лучше показать покорность вашимъ назиданіямъ, какъ попросивъ у васъ отъ всего сердца про- щенія за способъ, которымъ ихъ у васъ выманилъ. Я отнюдь не думалъ, что вы питаете въ душѣ такія идеи, и влекся къ вамъ во столько уваженіемъ, сколько любопытствомъ. Но теперь, вѣрите, что найдете во мнѣ сыновнюю привязанность, если признаете меня достойнымъ изъявленія вамъ этого чувства.

— У меня никогда не было дѣтей, отвѣчалъ маркизъ, взявъ руку Эмиля въ свою руку и продержавъ ее нѣсколько минутъ: онъ казалъ воскресшимъ, и какая-то жизненная теплота сообщалась его сухой, мягкой кожѣ. — Можетъ-быть, я и не заслуживалъ счастья жить

дѣтей. Можетъ-быть, я дурно воспиталъ бы ихъ. Однакожъ, мнѣ очень жаль, что я лишень этого счастья. Теперь, я готовъ съ покорностью умереть совершенно весь; но если увижу въ постороннемъ какіе-нибудь знаки нѣжности ко мнѣ, прійму ихъ съ признательностью. Я не очень-довѣрчивъ. Одиночество дѣлаетъ робкимъ. Однакожъ для васъ прибѣгну къ некоторому усилію надъ своимъ характеромъ, чтобъ вамъ не терпѣть отъ моихъ недостатковъ, особенно отъ моеи угрюмости, которая всѣхъ пугаетъ.

— Отъ-того, что никто не знаетъ васъ, возразилъ Эмиль: — вы кажетесь не тѣмъ, что вы на-самомъ-дѣлѣ. Васъ почитаютъ сильнѣйшимъ и уперио придерживающимся старинныхъ привилегій. Вѣрно, вы употребляли жестокое противъ себя-самого усиліе, чтобъ другіе не разгадали васъ.

— Зачѣмъ бы я сталъ высказываться? Что нужды, какъ думаютъ обо мнѣ, если въ той средѣ, гдѣ я прозябаю, мои истинныя мнѣнія показались бы еще смѣшнѣе тѣхъ, которыя во мнѣ предполагаютъ? Еслибъ польза дѣла, которому я посвящалъ себя, потребовала моего публичнаго объявленія и публичнаго признанія себя его поклонникомъ, никакая насмѣшка въ свѣтѣ не удержала бы меня; но это признаніе со стороны человека столь-мало любимаго, какъ я, было бы скорѣе вредно, чѣмъ полезно истинѣ. Я не умѣю лгать, и еслибъ кто-нибудь задумалъ меня спрашивать, вѣроятно я сказалъ бы ему то, что сей часъ вамъ высказалъ; но кругъ уединенія ежедневно расширяется около меня, и я не имѣю права жаловаться. Чтобъ правиться, надо быть любезнымъ, а я не могу быть любезенъ, потому-что Богъ отказалъ мнѣ въ некоторыхъ дарованіяхъ, которыя нельзя поддѣлать.

Эмиль умѣлъ найти нѣжныя и правдивыя слова, чтобъ по мѣрѣ силъ своихъ усладить тайную горестъ, таившуюся подъ смиреніемъ господина Буагиббѣ.

— Мнѣ легко довольствоваться настоящимъ, сказалъ старикъ съ печальной улыбкой.—Мнѣ остается немного лѣтъ жить на свѣтѣ; хоть я и не очень-старъ, не очень-болѣзненъ, однако жизнь моя истощена, я это чувствую, и всякій день кровь моя стынетъ болѣе и болѣе. Можетъ-быть, я могъ бы пожаловаться, что мало видѣлъ радостей въ прошломъ; но когда прошлое улетѣло отъ насъ, не все ли равно, каково бы оно ни было? Уношеніе или отчаяніе, сила или слабость,—все исчезло, какъ сонъ.

— Но оставило по себѣ слѣды, возразилъ Эмиль.—Еслибъ даже самое воспоминаніе изглаживалось, то сладкія или горькія ощущенія, нами испытанныя, проливали бы бальзамъ или ядъ въ насъ, и наше сердце было бы спокойно или растерзано, смотря по тому, что оно испыдало. Мнѣ кажется, вы когда-то много страдали, хотя ваша твердость и не хочетъ унизиться до жалобы; это страданіе, которое вы скрываете, можетъ-быть, съ излишней гордостью, усиливаетъ мое къ вамъ уваженіе и мое сочувствіе.

— Я страдалъ больше отсутствіемъ счастья, нежели тѣмъ, что

принято называть именно несчастіемъ. Признаюсь, нѣкоторая гордость точно всегда мѣшала мнѣ искать лекарства въ сочувствіи другихъ. Надо было бы, чтобъ дружба сама пришла ко мнѣ: я не умѣлъ бѣгать за нею.

— Но приняли ль бы вы ее тогда?

— О, разумеется! сказалъ господинъ Буагиббѣ все тѣмъ же холоднымъ тономъ, но со вздохомъ, который проныкъ до глубины сердца Эмиля.

— А теперь, развѣ уже поздно? спросилъ молодой человекъ съ глубокимъ чувствомъ почтительнаго состраданія.

— Теперь... надо бы еще быть въ силахъ вѣрить въ нее, отвѣчалъ маркизъ:—или смѣть ее требовать... да отъ кого?

— Почему же не отъ того, кто слушаетъ и понимаетъ васъ нынче? Можетъ-быть, онъ первый понялъ васъ!

— Правда.

— Такъ что же? развѣ вы презираете мою молодость? считаете меня неспособнымъ къ серьезному чувству? боитесь помолодѣть, подаривъ нѣкоторое расположеніе ребенку?

— А если я состарю васъ, Эмиль?

— Если жъ я, съ своей стороны, буду стараться возратить васъ назадъ, то это будетъ борьба выгодная для насъ обоихъ. Я, навѣрное, приобрету больше благоразумія, а вы, можетъ-быть, найдете нѣкоторое облегченіе своей угрюмой скорби. Вѣрьте мнѣ, господинъ Буагиббѣ, въ мои лѣта не умѣютъ притворяться; если я осмѣливаюсь предложить вамъ свою искреннюю дружбу,—это потому - что чувствую себя способнымъ выполнять ея обязанности и цѣнить ваши благодѣянія.

Г-нъ Буагиббѣ опять взялъ руку Эмиля и пожалъ ее, на этотъ разъ, очень-искренно, не отвѣчая ни слова. При сіяніи луны, восходившей на небѣ, юноша увидѣлъ крупную слезу, скатившуюся по бѣдной щекѣ старика и скрывшуюся въ его серебристыхъ бакенбардахъ.

Эмиль побѣдиль; онъ былъ гордъ и радостенъ. Нынѣшнее юношество оказываетъ предосудительное пренебреженіе къ старости, а нашъ герой, напротивъ, вмѣнялъ себя въ законную гордость, что одолевъ скрытность и недовѣрчивость этого почтеннаго, но несчастнаго человека. Онъ гордился тѣмъ, что доставилъ нѣкоторое утѣшеніе этому покинутому патриарху и загладилъ передъ нимъ забвеніе и несправедливость другихъ. Долго прогуливаясь съ старикомъ въ его прекрасномъ паркѣ и дѣлая ему разные вопросы, которыхъ довѣрчивое простодушіе правилось маркизу, онъ удивлялся, на примѣръ, почему, богатый и свободный отъ всякихъ семейныхъ узъ, г-нъ Буагиббѣ не попробовалъ приступить къ дѣлу и основать какое-нибудь заведеніе сообразно своимъ идеямъ.

— Я не могу этого, отвѣчалъ старикъ.—У меня нѣтъ никакой вѣжливости въ умѣ и въ характерѣ; лѣньность моя неодолима, и я никогда не могъ дѣйствовать на другихъ. Къ этому же дѣлу я

преимущественно былъ бы неспособенъ, потому-что тутъ потребно бы не только составить планъ организація простой и прямѣнмый къ настоящему времени, но и нужны были бы еще моральныя формулы, проповѣдованіе правилъ и чувства. Я признаю необходимость чувства для убѣжденія сердець; но это превышаетъ мои силы. У меня нѣтъ способности увлекаться и раскрываться; въ сердцахъ можетъ нѣтъ столько жизни, чтобъ сообщить краснорѣчіе моему слову. Сверхъ того, мнѣ кажется, что не настала еще пора... Вы думаете иначе? Хорошо, не лишаю васъ этого убѣжденія; вы созданы для трудныхъ предпріятій, и дай Богъ, чтобъ нашли случай дѣйствовать! Что до меня, у меня есть планы для позднѣйшаго времени... для времени, которое настанетъ послѣ моей смерти. Можетъ-быть, я расскажу вамъ объ этомъ когда-нибудь... Посмотрите на этотъ прекрасный садъ, мною устроенный... не безъ намѣренія... Но я хочу узнать васъ короче прежде, чѣмъ выскажу вамъ свои планы; вы извините меня?

— Покоряюсь, и напередъ увѣренъ, что ваше пристрастіе къ этому земному раю не простая охота празднаго владѣльца.

— Однакожь я началъ съ нея. Домъ мой мнѣ опротивѣлъ; ничто такъ не располагаетъ къ лѣни и скукѣ, какъ неизмѣнный порядокъ; вотъ почему вы видѣли этотъ домъ такъ строго и правильно содержимый. Но мнѣ все равно, что въ немъ есть, и признаю вамъ, я даже не ночую въ немъ лѣтъ пятнадцать. Сырня, гдѣ мы пили кофе,—постоящее мое жилище. Въ ней есть спальня и рабочій кабинетъ, которыхъ я не отворялъ вамъ и въ которые никто не входилъ съ-гѣхъ-поръ, какъ они выстроены, ни даже Мартенъ. Не сказывайте никому объ этомъ; иначе меня, можетъ-быть, станутъ преслѣдовать любопытство. Оно уже и такъ довольно осаждаетъ мой паркъ по воскресеньямъ. Окрестные зѣваки бѣгаютъ въ немъ до одиннадцати часовъ вечера, и я возвращаюсь въ него тогда только, когда запрутъ ворота и толпа удалится. Я очень-поздно встаю по понедѣльникамъ, для того, чтобъ рабочіе успѣли сгладить всѣ слѣды нашествія прежде, чѣмъ я увижу ихъ; Мартенъ смотритъ за этимъ. Не обвиняйте меня въ мизантропіи, хоть я отчасти и заслуживаю такое обвиненіе. Лучшо объясните аномалію человека, проникнутаго необходимостью братской жизни, и между-тѣмъ принуждаемаго своими инстинктами убѣгать присутствія подобныхъ себѣ. Я принадлежy къ поколѣнію индивидуальнаго эгоизма, и то, что въ поколѣніи порокъ, во мнѣ болѣзнь... На это есть причины... Но лучше не входитъ въ разбирательство ихъ, чтобъ не вспоминать...

Эмиль не смѣлъ дѣлать прямыхъ вопросовъ, хотя далъ себѣ слово открыть мало-по-малу всѣ тайны г-на Буагидо, по-крайней-мѣрѣ всѣ тѣ, въ которыя замѣшивалась фамилія Шатобрѣновъ. Но онъ разсудилъ, что для одного дня одержано уже довольно побѣдъ, и что прежде, чѣмъ пріобрѣтетъ онъ полную довѣренность, надобно внушить къ себѣ уваженіе и любовь, если можно. Онъ пожелалъ

только имѣть доступъ въ библіотеку, и маркизь обѣщалъ отворить ее для него въ будущее свиданіе, для котораго, впрочемъ, они не назначили дня. Г-нъ Буагиббъ, чувствуя, можетъ-быть, возвращеніе своей недовѣрчивости, хотѣлъ увидѣть, скоро ли Эмиль самъ опять прійдетъ къ нему.

VII.

Буря.

Съ того дня, какъ Эмиль обѣдвалъ у маркиза, онъ больше не жилъ въ родительскомъ домѣ. Правда, онъ проводилъ тамъ ночи и нѣсколько часовъ дня; но умъ его чаще былъ въ Буагиббѣ, а сердце въ Шатобрёнѣ. Онъ часто ѣздилъ въ Буагиббѣ, чаще, можетъ-быть, нежели ѣздилъ бы туда, еслибъ не привлекало его сосѣдство Шатобрёна и не подавали повода обстоятельства первой его поѣздки. Во-первыхъ, онъ отвозилъ книги, и хотя маркизь предоставилъ ему полную волю пользоваться своей библіотекой, однако онъ отдавалъ Жильбертѣ книги одну по одной, чтобъ всегда имѣть предлогъ видаться съ нею. Ни Жаннилла, ни г. Антуанъ нисколько не удивлялись удовольствію, какое Жильберта находила въ чтеніи, ни даже смотрѣли за выборомъ книгъ, — Жаннилла, потому-что не умѣла читать, а г. Антуанъ — потому-что дальновидность не была его достоинствомъ. Но самъ ангель-хранитель дѣвushки не столько заботился о чистотѣ ея помысловъ, сколько Эмиль.

Любовь окружала для него Жильберту непарушимымъ почтеніемъ, и невинность этого ребенка была сокровищемъ, болѣе-драгоценнымъ для него, нежели для отца ея, которому, по выраженію Жанниллы, счастье всегда приходило во снѣ. Такимъ образомъ, собираясь отдать Жильбертѣ книгу какую бы то ни было, историческую, правоучительную, стихотворенія, или романъ, — съ какимъ вниманіемъ перелистывалъ онъ ее, боясь, чтобъ тамъ не встрѣтилось слово, отъ котораго бы могла покраснѣть Жильберта! Если въ довѣрчивомъ невѣдннн своемъ, дѣвushка просила достать ей какую-нибудь серьезную книгу, въ которой, какъ онъ помнилъ, нныя мѣста не должны попадаться на глаза молоденькой дѣвushкѣ, онъ отвѣчалъ, что не нашелъ этой книги въ библіотекѣ Буагиббѣ, что тамъ ея вовсе не было. Мать поступала бы въ подобномъ случаѣ не лучше, и тѣмъ болѣе нѣжная безопасность отца и дочери благопріятствовала (безъ ихъ вѣдома) планамъ обольщенія, тѣмъ болѣе Эмиль поставлялъ себя драгоценнымъ и священнымъ долгомъ оправдывать довѣрчивость этихъ наивныхъ душъ.

Случаи, когда Эмиль могъ бесѣдовать съ Жильбертою о томъ, что происходило между нимъ и маркизомъ Буагиббѣ, бывали очень-

рѣдки: Жаннелла почти никогда не отлучалась отъ молодыхъ людей, а когда они были съ г. Антуаномъ, Жильберта, по привычкѣ и по инстинкту, не отставала ни на шагъ отъ отца. Однакожъ, она скоро узнала, что дружба молодаго Кардоннѣ съ старымъ маркизомъ сдѣлала важные успѣхи и что основывалась на значительности средствъ понятій и убѣжденій. Но Эмиль по-возможности скрывалъ отъ нея слабый успѣхъ своихъ попытокъ на сближеніе двухъ домовъ: въ своемъ мѣствѣ мы скажемъ, каковъ былъ результатъ его стараній. Не теряя надежды успѣть со-временемъ, Эмиль умалчивалъ о своихъ многократныхъ неудачахъ, а Жильберта, понимая затруднительность и щекотливость подобнаго порученія, ни мало не настаивала, опасаясь показаться слишкомъ-нетерпѣливою и требовательною.

Притомъ, надо сказать правду, мало-по-малу Жильберта сдѣлалась менѣе страстна къ успѣху предпріятія, между-тѣмъ, какъ Эмиль, съ своей стороны, чувствовалъ въ себѣ еще полнѣйшій переворотъ. Любовь поглощаетъ всякую другую мысль, и молодые люди, непрерывно думая другъ о другѣ, скоро не имѣли досуга думать ни о чемъ постороннемъ. Все существо ихъ перешло въ чувство, то-есть, въ страсть, и часы летѣли въ упоеніи отъ свиданія, или тянулись въ ожиданіи минуты, которая должна была свести молодую чету.

Странное явленіе представлялось господину Кардоннѣ, который тщательно надзиралъ за сыномъ, и Эмилю, который уже самъ не понималъ, что въ немъ происходило, — и однакожъ это было явленіе весьма-натуральное и неизбежное! Страсть, занимавшая всю первую юность нашего героя, то-есть желаніе учиться, знать и принимать участіе въ общей жизни, уступала мѣсто сладкому усыпленію разума и какъ-бы забвенію любимыхъ теорій. Въ обществѣ, гдѣ бы все было въ гармоніи, любовь навѣрное сдѣлалась бы побужденіемъ къ патриотизму и самопожертвованію. Но когда смѣлые и благородные порывы осуждены на тяжкую борьбу съ окружающими насъ людьми и вещами, тогда личныя привязанности овладѣваютъ нами до такой степени, что усыпляютъ прочія способности. Простой народъ ищетъ въ вниѣ забвенія своихъ лишеній, а любовникъ находитъ во взорахъ любимой имъ женщины какъ-бы напитокъ забвенія для всего остальнаго. Эмиль былъ еще такъ молодъ, что не умѣлъ страдать, не желалъ страдать, и однако ужъ много страдалъ. Теперь, когда счастье посѣтило его, могъ ли онъ отъ него уклониться? Мы должны признаться, но краснѣя за бѣднаго ребенка: онъ не помышлялъ больше ни о законахъ, ни о фактахъ, ни о будущемъ, ни о прошедшемъ міра, ни о порокахъ общества, ни о средствахъ къ его спасенію, ни о человѣческихъ бѣдствіяхъ, ни о предначертаніяхъ судьбы, ни о небѣ, ни о землѣ. Земля, небо, законы природы, судьба, міръ, все для него заключалось въ его любви, и лишь бы онъ видѣлъ Жильберту, лишь бы читалъ свою участь въ

очахъ ея — ему было все-равно, хотя бѣ вселенная вокругъ него разрушилась. Онъ не могъ уже ни раскрыть книги, ни вести спора. Уставъ рыскать по всемъ тропинкамъ, ведущимъ къ любимому предмету, онъ забывался сидя съ матерью, или читалъ ей журналы, не понимая ни слова изъ того, что произносилъ языкъ его; вечеромъ, оставаясь одинъ въ своей комнатѣ, онъ поспѣшно дожидаясь и гасилъ свѣчу, чтобъ не видать внѣшнихъ предметовъ. Мракъ освѣщался для него внутреннимъ огнемъ, его одушевлявшимъ, и къ нему летало его радужное видѣніе. Въ экстазѣ, онъ терялъ всякое сознаніе сна или бденія. Онъ грезилъ съ открытыми глазами и видѣлъ съ закрытыми. Нѣжное, привѣтливое слово, улыбка Жильберты, платье, которыми она коснулась до него мимоходомъ, травинка, которую она сорвала и которую онъ завладалъ, были достаточны для того, чтобъ занять его на всю ночь; и едва свѣталъ день, какъ онъ уже бѣжалъ самъ сѣдлать лошадь, чтобъ уѣхать скорѣе. Онъ позабывалъ о пищѣ и даже не удивлялся, что жилъ такимъ-образомъ одной утренней росой и вѣтеркомъ, дующимъ отъ Шатобрѣна. Онъ не смѣлъ туда ѣздить каждый день, хотя господинъ Антуанъ принималъ бы его все также хорошо. Но въ страсти бываетъ робкая стыдливость, которая боится счастья въ ту самую минуту, когда до него касается. Въ такіе дни, онъ блуждалъ по всемъ направленіямъ и прятался въ лѣсу, поглядывая на шатобрѣнскія развалины сквозь вѣтви, словно боялся, чтобъ его не поймали въ преступленіи.

Вечеромъ, Жанъ Жаплу оканчивалъ свою поденную работу, и такъ-какъ онъ не имѣлъ еще средства нанять квартиру и въ то же время не хотѣлъ быть въ тягость друзьямъ, а ночи стояли теплыя и ясныя, то удалялся въ одну покинутую часовню, на высотахъ, образующихъ центръ селенія, и прежде чѣмъ ложился на солому, служившую ему постелью, ходилъ помолиться въ гаржилесскую церковь. Предпочтительно спускался онъ въ романскій склепъ, гдѣ еще уцѣлѣли слѣды любовитныхъ фресковъ XV-го вѣка. Изъ красиваго окна этого подземелья видны стѣны скалъ и зеленые овраги, гдѣ течетъ Гаржилеса. Плотникъ долго былъ лишенъ отрады любоваться видомъ своего любимаго мѣстечка, и часто прерывалъ мирную, задумчивую молитву свою, чтобъ поглядѣть на пейзажъ; всегда полу-молясь, полу-мечтая, онъ находился въ томъ особенномъ состояніи души, которое испытываютъ простолюдины, крестьяне, особенно послѣ дневной усталости. Тогда-то Эмиль, отобѣдавъ и погулявъ нѣсколько времени съ матерью, приходилъ къ плотнику, любовался вѣсть съ нимъ этимъ прекраснымъ памятникомъ, и наконецъ толковалъ, сидя на вершинѣ холма, обо всемъ, о чемъ не говорилось въ домѣ Кардоннѣ, то-есть о Шатобрѣнѣ, о господинѣ Антуанѣ, о Жавиллѣ, и, въ заключеніе, о Жильбертѣ.

Былъ человекъ, который любилъ Жильберту почти столько же, какъ Эмиль, хотя совершенно иной любовью: этотъ человекъ былъ

Жанъ. Нельзя сказать, чтобъ онъ глядѣлъ на нее какъ на дочь, потому—что къ его отеческому чувству примѣшивалось нѣчто въ родѣ почтенія къ такой избранной натурѣ, нѣчто въ родѣ грубаго энтузіазма, котораго онъ не имѣлъ бы къ собственнымъ своимъ дѣтиямъ. Но онъ гордился ея красотою, добротою, умомъ и твердостью, какъ человѣкъ, знающій цѣну этихъ достоинствъ и живо чувствующій честь благородной дружбы. Семейственность, съ какою онъ выражался на ея счетъ, отбрасывая титулъ графини, по привычкѣ своей называть каждаго по имени, нисколько не уменьшала ипстинктивнаго почтенія, которое онъ питалъ къ ней, и слухъ Эмиля не оскорблялся этимъ, хотя самъ онъ не рѣшился бы сдѣлать того же.

Молодой человѣкъ съ удовольствіемъ слушалъ рассказы объ играхъ дѣтства Жильберты, объ ея добросердечныхъ порывахъ и великодушномъ, деликатномъ вниманіи къ другу—скитальцу, который безъ нея нуждался бы во всемъ.

— Когда я скрывался въ горахъ въ послѣдній разъ, говорил Жапплу: — мнѣ иногда приходилось такъ плохо, что я не смѣлъ выйти изъ разсыпныя скалы, или слѣзть съ густаго дерева, куда прятался поутру. Тогда меня мучилъ голодъ, и однажды вечеромъ, потерявъ все силы отъ истощенія и усталости, шелъ я по горѣ, думая, что до Шатобрѣна еще далеко, и что если дорогою попадутся жандармы, я не въ силахъ буду бѣжать. Вдругъ вижу на дорогѣ маленькую тележку съ нѣсколькими вязанками соломы, и подлѣ — Жильберту, дѣлавшую мнѣ знакъ остановиться. Она пріѣхала въ такую даль съ Сильвенемъ Шарассономъ, ища меня вездѣ и насторожась какъ перепелка подъ кустомъ. Я легъ въ телегу и спрятался въ солому; Жильберта съѣла возлѣ меня, и Сильвенъ отвезъ насъ въ Шатобрѣнъ, куда я въѣхалъ подъ носомъ у жандармовъ, которые искали меня въ двухъ шагахъ оттуда. Въ другой разъ, мы условились, что Сильвенъ принесетъ мнѣ ѣсть въ луццо старой ивы, около льѣ отъ Шатобрѣна; погода была ненастная, проливной дождь, и я ужь думалъ, что шалунъ, который любить пошутиться, притворится, будто забылъ обо мнѣ, или съѣсть мой обѣдъ дорогою. Однакожъ я прошелъ туда въ положенный часъ, нахожу корзинку полную и бережно укрытую отъ дождя, и что же вижу подлѣ ивы? слѣдъ крошечной ножки на мокромъ пескѣ. Я могъ слѣдить за этой бѣдной ножкой далеко по окрестности, гдѣ она не разъ увязала выше шиколки. Бѣдняжка измочилась, загрязнилась, устала, не желая ни кому, кромѣ самой себя, вѣрить заботу о своемъ старомъ пріятелѣ. Еще однажды, она увидѣла, что сызики прямѣхонько направлялись къ одной ветхой развалинѣ, гдѣ я, считая себя въ безопасности, спокойно отдыхалъ въ полдень. Жарá была въ тотъ день жестокая, — въ тотъ самый день, когда вы пріѣхали въ нашу сторону: Что жь! Жильберта бросилась по боковой дорожкѣ, очень-опасной, гдѣ верховые не могли бы за нею ѣхать, и поспѣла четвертью

часа прежде ихъ, раскрасившись, запыхавшись, чтобъ разбудить меня и велѣть мнѣ бѣжать. Она хворала отъ этого, голубушка! а родные ся ничего этого не знали. Вотъ именно почему я была не весела, когда мы съ вами ужинали въ Шатобрёнѣ и когда Жаннела сказала намъ, что Жильберта въ постели. О! у этой крошки всегда было отличное сердце! Еще она всего была съ мой кулакъ, а ужъ видно было, что за красавица, что за умница выйдетъ изъ нея. Напрасно станете, мой любезный, искать другой такой между знатными и богатыми дамами, — никогда вамъ не найдти тамъ такой Жильберты, какъ наша, шатобрёнская!

Эмиль слушалъ его съ наслажденіемъ, предлагалъ ему тысячу вопросовъ, заставлялъ дважды рассказывать однѣ и тѣ же исторіи.

Господинъ Кардоннѣ скоро отгадалъ причину переменъ, прошедшей въ Эмиль. Не стало больше грусти, ни принужденнаго молчанія, ни окольных упрековъ. Казалось, будто Эмиль никогда не бывалъ съ нимъ въ претворчѣи ни о какомъ предметѣ, или будто онъ никогда не замѣчалъ, что отецъ имѣетъ несогласіе съ нимъ вида. Онъ по-прежнему сдѣлался ребенкомъ во многихъ отношеніяхъ, не задыхалъ о томъ или другомъ предметѣ занятій, не выдалъ уже вещей, могшихъ оскорблять его правила, думалъ только о ясныхъ солнечныхъ утрахъ, долгихъ прогулкахъ, о перерывахъ черезъ пропасти, объ отысканіи уединенныхъ мѣстъ и однакожъ не приносилъ домой ни рисунковъ, ни растеній, ни минералогическихъ образчиковъ, какъ бывало прежде. Деревенская жизнь больше всего ему нравилась, страна казалась прекраснѣйшею въ мірѣ; вольный воздухъ и верховая ѣзда приносили ему чрезвычайную пользу; однимъ словомъ, все служило ему ко благу, лишь бы ему давали волю разбѣжать; если же онъ впадалъ въ задумчивость, то выходилъ изъ нея улыбкою, которая какъ-будто говорила: «У меня внутри есть чѣмъ заниматься, и то, о чемъ вы толкуете, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, о чемъ я думаю». Если, какой-нибудь уловкою, господину Кардоннѣ удавалось удержать его дома, онъ казался на минуту огорченнымъ, потомъ вдругъ становился покоренъ, какъ человекъ, котораго нельзя лишить принадлежащей ему доли счастья: онъ немедленно повиновался и садился за дѣло, чтобъ кончить его скорѣе.

— Всему этому причиной какая-нибудь хорошенькая дѣвочка! рассуждалъ господинъ Кардоннѣ:—любовь дѣлаетъ покорною эту мятежную душу. Пріймемъ къ свѣдѣнію. Значитъ, горячка философіи и умствованья можетъ быть вылечена жаждою удовольствій и сантиментальными грезами! Глупъ же я былъ, что не рассчитывалъ на молодость и на страсти. Пусть буря идетъ своимъ порядкомъ,—она унесетъ препятствіе, съ которымъ мнѣ бы не совладѣть; а когда настанетъ время унять бурю, тогда подумаемъ и о средствахъ. Покуда же гуляй и люби, мой бѣдный Эмиль! Съ то-

бою — то же, что съ потокомъ, который противится шпѣ: оба вы покоритесь, когда почувствуете мощную руку властелина!»

Господинъ Кардоннѣ самъ не сознавалъ своей жестокости. Онъ не вѣрилъ въ силу и въ продолжительность любви, и такъ же мало придавалъ важности отчаянію юноши, какъ слезамъ ребенка. Еслибъ ему пришло въ голову, что дѣвица Шатобрѣнъ могла сдѣлаться жертвою его выжидательнаго плана, онъ, можетъ-быть, и посовѣстился бы. По тутъ духъ собственности и правило: *каждый для себя*, препятствовали ему предвидѣть чужой вредъ.

— Дѣло старика Антуана беречь свою дочь, думалъ онъ: — если дѣвица спитъ и не видитъ своихъ собственныхъ опасностей, то у него есть служанка-любовница, которой нѣчего дѣлать, кромѣ того, чтобъ припрятывать вечеромъ въ карманъ ключъ отъ пресловутаго павильйона. Можно, когда надобность потребуеть, и открыть глаза старухъ.

Въ такой увѣренности, онъ оставилъ Эмиля почти полнымъ господиномъ его времени и поступковъ. Онъ только осмѣивалъ и жестоко уличалъ фамилію Шатобрѣновъ при случаѣ, чтобъ предохранить себя отъ упрека въ явной поблажкѣ волокитству сына. По его мнѣнію, графъ Шатобрѣнъ былъ точно бѣдный баринъ, человекъ опозоренный, котораго бѣдность унизила, а праздность оскотинила. Онъ съ чрезмѣрнымъ удовольствіемъ видѣлъ, что прежніе высокіе роды, павши такимъ образомъ, кидались въ объятія народа, не осмѣливаясь искать покровительства и сообщества у новыхъ богачей. Г-пъ Буагибѣ также не находилъ пощады въ его глазахъ, хотя маркиза мудро было упрекнуть въ безпутствѣ и неумѣнны держаться. Богатство, которое тотъ умѣлъ сохранить, было гораздо-непріятнѣе Кардоннѣ, нежели имя Шатобрѣновъ, и если графа онъ презиралъ, то маркиза почти ненавидѣла. Онъ говорилъ, что старикъ годится только для увеселительныхъ домиковъ, и что надо вѣжливѣе краснѣть за глупое употребленіе такой долговременной жизни и такого значительнаго состоянія.

Эмиль обыкновенно вступался за господина Буагибѣ, не признаваясь, однакоже, что видѣлся съ нимъ по два или по три раза въ недѣлю. Онъ боялся, чтобъ, приказавъ ему дѣлать визиты рѣже, отецъ не отпаялъ у него предлога навѣщать обитателей Шатобрѣна, завертывая къ нимъ на минутку, мимоходомъ. Особенно нуждался онъ въ этомъ предлогѣ передъ Жильбертою: хотя онъ и видѣлъ, что со стороны графа Антуана не послѣдуетъ никакого замѣчанія, но опасался Жаниллы, которая могла надоумить дѣвицу Шатобрѣнъ, что ея достоинство требовало держать вдалекѣ отъ себя богатаго молодого человека, немогущаго жениться на ней, по понятіямъ свѣта. Онъ предвидѣлъ, что прійдетъ часъ, когда чувства его будутъ замѣчены. «Но до-тѣхъ-поръ» думалъ онъ: «можетъ-быть, я буду любимъ, и буду въ состояніи объясниться насчетъ искренности моихъ намѣреній».

Эта мысль, натурально, заставляла его предвидѣть упорное и

долгое сопротивление со стороны г-на Кардоннэ; но тогда въ немъ поднималось какъ-бы кипѣнiе смѣлости и воли; сердце его билось, какъ у ратника, кидаящагося на прыступъ и сгорающаго желанiемъ самому поставить свое знамя на проломъ; онъ трепеталъ какъ боевой конь, котораго опляняетъ запахъ пороха. Случалось, когда отецъ обнаруживалъ свой холодный и глубокий гнѣвъ на котораго-нибудь изъ своихъ подвластныхъ, онъ скрещивалъ руки на груди и невольно думалъ: «испугаетъ ли все это меня, когда посягнуть на святыню любви моеи? О, батюшка! могли вы отвернуть меня отъ занятiй, которыя я любилъ... если желаете пожертвованiй отъ моего ума и моихъ наклонностей, позвольте, я также покорюсь; но пожертвовать моею любовью... Нѣтъ! вы такъ благородны и дальновидны, что не потребуете этого! Въ противномъ случаѣ вы увидѣли бы, что если я, какъ сынъ вашъ, люблю васъ, то во мнѣ также ваша кровь, чтобъ и противиться вамъ»...

Въ ожиданiи этого страшнаго дня, о которомъ Эмиль привыкъ помышлять, онъ предоставлялъ тайной досадѣ отца изливаться въ пустыхъ словахъ противъ добраго Антуана и его вѣрной Жаниллы. Онъ даже сдѣлался равнодушенъ къ намекамъ на двусмысленное рожденiе его дочери. Онъ очень-мало заботился о томъ, что въ ея жилахъ текла плебейская кровь, и едва слушалъ то, что г-нъ Кардоннэ говорилъ на этотъ счетъ. Притомъ же, ему казалось обидою для отца Жильберты защищать его отъ другихъ обвиненiй. Онъ улыбался почти какъ невинный страдалецъ, который получаетъ рану и презираетъ боль.

Не смотря на весь свой умъ, Кардоннэ былъ въ заблужденiи и кидался вмѣстѣ съ сыномъ въ пропасть, надѣясь безъ труда удержать его, когда онъ будетъ на краю этой пропасти. Онъ полагалъ, что знаетъ человѣческое сердце, потому-что знаетъ тайну человѣческихъ слабостей; но кто знаетъ одну слабую и жалкую сторону вещей и людей, тотъ знаетъ только половину истины. «Я переломилъ его въ болѣе-важныхъ случаяхъ, а любовишка пустое дѣло», разсуждалъ онъ. Онъ былъ правъ на-счетъ «любовишки»: ее онъ могъ понимать; но истинная любовь была для него идеаломъ недоступнымъ, и онъ даже не догадывался, какiя высокiя, роковыя рѣшенiя можетъ внушать она.

Можетъ-быть, г-нъ Буагибб, съ своей стороны, также немного способствовалъ къ утишенiю мрачной пылкости Эмиля въ дѣлѣ социальныхъ вопросовъ; иногда ледяная увѣренность его раздражала горячаго молодого человѣка; но всего чаще онъ признавалъ, что невозмутимый провозвѣстникъ былъ правъ, терпя съ покорностью настоящее въ чаянiи непремѣннаго будущаго. Когда тотъ говорилъ ему во имя логки идей, то отнюдь не раздражалъ его, подобно господину Кардоннэ, опиравшемуся на логику фактовъ, — успѣвалъ успокоивать его и убѣждать. Если несходство въ ихъ характерахъ внушало наиболѣе-пылкому изъ нихъ какое-то великодушное негодованiе, то хладнокровнѣйшiй скоро бралъ верхъ и

раскрывалъ ту тайную силу, которая была въ немъ и ставила его, такъ-сказать, выше самого-себя. Насмѣшки г-на Кардоннѣ живо ожесточали Эмиля и доводили его почти до увлеченій фанатизма. Высшій разумъ г-на Буагибѣ примирялъ его съ самимъ-собою; онъ гордился одобреніемъ старика такого просвѣщеннаго и такого строгаго въ своихъ выводахъ.

Такъ-какъ они были значительно согласны въ сущности дѣла, то споры не могли быть продолжительны, и какъ вопросъ о преуспѣяніи человѣчества былъ единственнымъ предметомъ, могшимъ выводить маркиза изъ предѣловъ его обычнаго лакеизма, то имъ очень-часто случалось впадать въ безмолвіе мечтательности. Однакожь, Эмиль никогда не скучалъ въ Буагибѣ. Красота парка, библіотека, особлѣво же скрытное, но несомнѣнное удовольствіе, которое находилъ маркизъ въ свиданіяхъ съ нимъ, дѣлали для него эти визиты пріятнымъ и драгоцѣннымъ отдыхомъ, послѣ болѣе-пылкихъ ощущеній. Незамѣтно для него-самого, тамъ создавался новый домъ, гораздо сообразнѣе съ его вкусами, нежели шумный замокъ и отзывавшійся суровымъ управленіемъ домъ отца его. Шатобрѣнъ былъ бы убѣжденъ еще болѣе ему по сердцу. Тамъ, онъ любилъ все безъ изъятія жителей, развалины, даже растенія и домашнихъ животныхъ. Но счастье проводить тамъ жизньъ было то же, что восхождение на небо, и какъ неслабѣ этого сна надлежало снова упасть на землю, то въ Буагибѣ Эмиль падалъ не такъ низко, какъ въ Гаржимесѣ. Замокъ маркиза былъ какъ-бы станціей между небомъ и землею. Благодаря ласковымъ пріемамъ и усерднымъ приглашеніямъ оставаться, онъ тамъ привыкъ считать себя дома, занимался паркомъ, уставлялъ книги и бралъ уроки верховой ѣзды на главномъ дворѣ замка. Мало-по-малу, старый маркизъ началъ предаваться пріятности общества, и иногда улыбка его походила на настоящую веселость. Онъ не зналъ этого, или не говорилъ; но молодой человѣкъ становился ему необходимъ и приносилъ ему жизнь. По цѣлымъ часамъ онъ, казалось, равнодушно пользовался этимъ удовольствіемъ; но если Эмиль собирался ѣхать, блѣдное лицо старика нечувствительно измѣнялось, и вздохъ одышки переходилъ во вздохъ нѣжности и сожалѣнія, когда молодой человѣкъ вспрывалъ на лошадь и торопился съѣхать съ холма.

Наконецъ, для самого Эмиля, ежедневно разгадывавшаго эту таинственную книгу, сдѣлалось очевиднымъ, что душа старика была нѣжна и симпатична, что его терзала глухая, постоянная тоска отъ обреченія себя на одиночество, и что, рѣшаясь на одиночество, онъ имѣлъ другія причины, кромѣ болѣзненнаго расположенія. Эмиль подумалъ, что пришла минута осавать эту рану и предложить отъ нея врачеваніе. Имъ Антуана Шатобрѣна, провозносимое уже много разъ безъ успѣха и терпящееся безъ отголоска въ безмолвіи парка, явилось на устахъ его и оставалось на нихъ укорнѣе прежняго. Маркизъ принужденъ былъ слушать его и отвѣчать.

— Любезный Эмиль! сказалъ онъ самымъ торжественнымъ тономъ, какой когда-либо употреблялъ съ нимъ:—вы можете очень разстроить меня, и, если хотите этого, то вотъ вамъ средство: стоить только вамъ говорить мнѣ о человѣкѣ, котораго вы сейчасъ назвали.

— Знаю, отвѣчалъ молодой человѣкъ: — но...

— Знаете! подхватилъ г-нъ Буагабб: — что вы знаете?

Дѣлая этотъ вопросъ, онъ казался раздраженнымъ, и потухшіе взоры его засветились такимъ мрачнымъ огнемъ, что Эмиль, озадаченный, вспомнилъ слова, сказанныя маркизомъ при ихъ первомъ свиданіи о своей мнимои вспыльчивости, хотя въ то время они были сказаны тономъ, который не открывалъ въ нихъ ничего, кромѣ весьма-забавнаго хвастовства.

— Отвѣчайте же! возразилъ г-нъ Буагабб не столь-рѣзкимъ голосомъ, но съ горькой улыбкою. — Если вы знаете причины моей досады, то какъ осмѣливаетесь напоминать мнѣ о нихъ?

— Если онѣ важны, отвѣчалъ Эмиль: — то вѣроятно я ихъ не знаю; ибо то, что мнѣ говорили о нихъ, такъ ничтожно, что я не могу уже вѣрить слухамъ, вѣда, какъ вы на меня разсердились.

— Ничтожно! ничтожно!... Что же вамъ говорили? Будьте откровенны и не надѣйтесь обмануть меня!

— Когда же я подавалъ вамъ поводъ подозревать меня въ такой низости, во лжи? подхватилъ Эмиль, въ свою очередь нѣсколько-вспыхнувшій.

— Г-нъ Кардоннѣ! сказалъ маркизъ, взявъ руку молодого человѣка рукою, дрожащемъ какъ листъ, готовый сорваться съ вѣтра отъ осенняго вѣтра: — надѣюсь, вы не намерены забавляться моими страданіемъ. Говорите же, скажите, что вы знаете, — я долженъ это слышать.

— Я знаю только то, что говорятъ, и ничего больше. Увѣряютъ, будто изъ-за дикой козы вы разорвали двадцатилѣтнюю дружбу. Будте-бы одно изъ этихъ животныхъ, которыхъ вы держите у себя для забавы, убѣжало съ вашего двора, а графъ Шатобрёнъ, встрѣтивъ его неподалеку отъ дома, имѣлъ неосторожность застрѣлить его. Точно, это было бы большою неосторожностью, потому-что въ здѣшнемъ краю не водятся дикихъ козъ, и Шатобрёнъ долженъ бы догадаться, что эта коза — одна изъ вашихъ любимицъ; но графъ Шатобрёнъ всегда былъ очень разсыанъ, а, право, разсыанность не такой недостатокъ, котораго бы нельзя было простить другу.

— Кто же вамъ рассказывалъ эту исторію? Онъ самъ, вѣроятно?

— Онъ никогда не говорилъ о ней ни со мною, ни при мнѣ. Другой человѣкъ, о которомъ вы также не хотите слышать, хотя бывали милостивы къ нему, Жанъ-плотникъ, сказывалъ мнѣ, что отнюдь не знаетъ между вами другаго повода къ неудовольствію.

— А онъ отъ кого слышалъ такой разсказъ? отъ тамешней служанки, вѣроятно?

— Нѣтъ, маркизъ. Служанка, такъ же какъ и господинъ ея, не говоритъ объ васъ ничего. То, что я сейчасъ вамъ сказалъ, — слухъ, который носится между крестьянами.

— Основаніе исторіи вѣрно, возразилъ г-нъ Буагиббъ послѣ продолжительной паузы, по-видимому успокоившей его совершенно. — Почему же вы этому удивляетесь, Эмиль? Развѣ вы не знаете, что отъ одной лишней капли озеро выступаетъ изъ береговъ?

— Если ваше озеро досады состояло все изъ такихъ капель, то какъ прикажете не удивляться вашей раздражительности? Я не вижу въ графѣ Шатобрённѣ другаго недостатка, кромѣ какой-то влости и постоянной необдуманности. Если только рядъ промаховъ и неловкостей сдѣлалъ вамъ несноснымъ его знакомство, то я не вижу тутъ вашего обычнаго высокаго благоразумія и терпимости. Даже я самъ въ такомъ случаѣ былъ бы терпѣливѣе васъ, — я, котораго вы часто называете волканомъ, — потому-что промахи графа Антуана больше забавляютъ меня, нежели раздражаютъ, и я смотрю на нихъ, какъ на доказательство непринужденности его души и навѣности ума.

— Эмиль, Эмиль, вы не можете судить объ этихъ вещахъ! возразилъ г-нъ Буагиббъ съ замѣшательствомъ. — Я самъ очень-разсѣянъ и терплю отъ своихъ собственныхъ промаховъ. Чужіе промахи для меня нестерпимы... Дружба, говорятъ, живетъ только контрастами. Двое глухихъ или двое слѣпыхъ скучаютъ другъ другаго. Однимъ словомъ, мнѣ надоелъ этотъ человѣкъ. Не упоминайте мнѣ о немъ больше!

— Не могу повѣрить, чтобы это приказаніе было серьезно. Нѣтъ, мой благородный другъ! обратите свое неудовольствіе на одного меня, потому-что я не слушаюся васъ; но не могу не видѣть, что этотъ прискорбный разрывъ — одна изъ главныхъ причинъ вашей грусти. Въ душѣ своей вы упрекаете себя за него, какъ за слабость; и почему знать, не тутъ ли единственный источникъ вашей мизантропіи? Мы съ трудомъ снисходимъ къ другимъ, когда въ глубинѣ насъ-самихъ есть что-нибудь такое, чего мы не можемъ простить себѣ. Я увѣренъ, и смѣю сказать вамъ, что вы утѣшились бы, еслибъ поправили зло, которое такъ давно дѣлаете одному изъ своихъ ближнихъ.

— Я дѣлаю ему зло? Какое же зло? Какое же мнѣніе видѣть отъ меня? Кому я говорилъ о немъ худо? Кому я жаловался? Сами вы знаете ли что-нибудь о моихъ тайныхъ къ нему чувствахъ? Пусть онъ молчитъ, несчастный! Онъ упадетъ въ большую несправедливость, жалуясь на мое поведеніе.

— Онъ и не жалуется, но только оплакиваетъ потерю вашей дружбы. Эта скорбь тревожитъ его сонъ и омрачаетъ иногда ясность его тихой, покорной души. Онъ также не любитъ пронаносить ваше имя; но когда его прозвѣщаютъ при немъ, онъ осы-

пасть его похвалами, и на глазах его навертываются слезы. Сверх того, при немъ есть существо, которое страдаетъ отъ его горести больше его самого — существо, которое почитаетъ васъ, боится и не смѣетъ васъ умолять; нѣжность и признательность этого существа были бы отрадою въ вашемъ одиночествѣ и опорой вашей старости...

— Кто же это такое, Эмиль? сказалъ маркизь, глубоко растроганный. — Не о себѣ ли вы говорите? Не полагаете ли подобнаго условія цѣною вашей дружбы? Это было бы жестоко съ вашей стороны!

— Рѣчь не обо мнѣ, отвѣчалъ Эмиль. — Моя преданность къ вамъ такъ глубока, сочувствіе мое такъ невольное, что онѣ не могутъ поставляться ни въ какую цѣну. Я говорю вамъ о лицѣ, которое знаетъ васъ только черезъ меня и отдастъ справедливость вашимъ великимъ достоинствамъ, — объ особѣ, которая въ тысячу разъ лучше меня, и которую вы полюбили бы отеческой любовью, если бы узнали; словомъ, я говорю вамъ о дѣвицѣ Жильбертъ де-Шато-брѣнь...

Едва произнесъ Эмиль это имя, отъ котораго ожидалъ магическаго дѣйствія, какъ черты маркиза страшно исказились. Худыя и поблеклыя щеки его побагровѣли; глаза выступили изъ впадинъ; руки и ноги пришли въ конвульсивное движеніе. Наконецъ ему удалось промолвить:

— Довольно, сударь, довольно! это ужъ слишкомъ!.. Никогда, никогда не упоминайте мнѣ объ этой дѣвушкѣ!..

И, покинувъ скалы парка, гдѣ происходила описанная сцена, маркизь ушелъ въ сырню, которой дверь крѣпко захлопнулъ за собою.

VIII.

ПОРТРЕТЪ.

Эмиль нѣсколько дней не всталъ въ Буагибб: печаль его была глубока. Сначала его раздражали и сердили несносные, непостижимые капризы маркиза. Но скоро, раздумывая объ этомъ странномъ случаѣ, онъ почувствовалъ сильное состраданіе къ больной душѣ старика, который, среди столь свѣтлыхъ помысловъ и столь нѣжныхъ инстинктовъ, пыталъ въ себѣ какое-то несчастное помѣшательство, какіе-то припадки ненависти и вражды, граничившіе съ умственнымъ разстройствомъ. Такъ единственно могъ объяснить себѣ молодой человекъ дѣйствіе, оказанное на его стараго друга именемъ Жильберты. Его такъ поразило это открытіе, что онъ уже не чувствовалъ твердости продолжать попытку, сдѣлав-

шуюся теперь бесполезною, и рѣшился добросовѣстно разсказать обо всемъ дѣвицѣ Шатобрѣнѣ.

Однажды вечеромъ онъ отправился къ развалинамъ съ тяжелымъ чувствомъ своей неудачи, и въ первый разъ прѣхалъ грустенъ. Но любовь-чародѣйка, своими нечаянными ласками или жестокостями, обманываетъ весь наши предположенія. Жильберта свидѣла одна. Правда, Жаннелла была неподалеку; но какъ она отлучилась изъ дома отыскивать одну изъ своихъ козъ, и какъ на вѣрное не было извѣстно, въ какую сторону пошла она, чтобы или ожидать ее, или идти къ ней, то молодые люди имѣли передъ самими-собою достаточный предлогъ отважиться на бесѣду безъ свидѣтелей. Жильберта также казалась немножко грустна. Она сама не умѣла бы объяснить, почему была грустна, и почему, пробывъ пять минутъ съ Эмилемъ, уже не помнила, что грустила о чемъ-нибудь до его прѣзда.

Въ Шатобрѣнѣ давно отобѣдали; по старинному обычаю, тамъ или въ одни часы съ крестьянами, то-есть, утромъ, въ срединѣ дня, и по окончаніи работъ, что весьма-сообразно съ разсудкомъ для тѣхъ, кто не превращаетъ ночи въ день. Когда Эмиль прѣхалъ, солнце клонилось уже къ закату, а въ эту пору все предметы бывають прекрасны, важны и радостны вмѣстѣ. Эмилю показалось, что онъ до-сихъ-поръ еще не постигалъ всей красоты Жильберты: она поразила его собою,—какъ-будто-бы онъ видѣлъ ее въ первый разъ, какъ-будто въ-продолженіе шести недѣль онъ не жилъ въ какомъ-то восторженномъ созерцаніи... Какъ бы то ни было, онъ однакожь увѣрилъ себя, что досель видалъ только половину ея волосъ и сотую долю прелестей въ ея улыбкѣ, граціи въ движеніяхъ и неоцѣнимыхъ сокровищъ во взорѣ. Онъ могъ только глядѣть на нее и слѣшать, ни о чемъ не помышляя. Все, что она говорила, было такъ поразительно, такъ ново для него! Какъ она чувствовала богатство природы! какъ заставляла его вникать въ совершенство малѣйшихъ подробностей! Если она показывала ему цвѣтокъ, онъ открывалъ въ немъ оттѣнки, которыхъ нѣжности или изящества никогда не замѣчалъ прежде; если она любовалась на небо, ему казалось, что онъ отъ рода не видывалъ такого прекраснаго неба. Пейзажъ, на который она глядѣла, принималъ въ его глазахъ волшебный видъ, и онъ умѣлъ отвѣчать одно только: «О, да! прекрасно, въ-самомъ-дѣлѣ!... о! ваша правда... совершенная правда все, что вы видите и говорите!» Въ душѣ любовниковъ бываетъ уповательная тупость: все означаетъ *я люблю васъ*, и нѣчего искать другаго смысла въ монотоніи ихъ согласія со всемъ.

Однакожь, хотя Жильберта была еще неопытнѣе Эмиля, но, какъ женщина, нѣсколько-яснѣе сознавала то, что сама чувствовала. Эмиль любилъ подобно тому, какъ дышать, не думая, что въ процессъ дыханія ежеминутно является новая загадка или чудо; Жильберта же болѣе давала себѣ отчета и съ большимъ

удивленіемъ чувствовала въ себя увлеченіе. Скоро она сдѣлала усиліе прервать этотъ родъ разговора, въ которомъ говорилось слишкомъ-много именно потому, что ничего не говорилось. Она завела рѣчь о г-нѣ Буагяббѣ, и Эмиль принужденъ былъ сказать, что потерялъ всякую надежду. Все неудовольствіе его пробудилось при этомъ признаніи, и онъ горько жаловался на судьбу, отнимавшую у него единственный случай услужить графу Шатобрёну и угодить Жильберту.

— Ничего! утѣшьтеся! сказала дѣвушка чистосердечно:— я тѣмъ не менѣе обязана вамъ. Благодаря вашему усердію и вашей твердости, я по-крайней-мѣрѣ успокоена на-счетъ важнѣйшаго вопроса, который, признаюсь, терзалъ меня. Смотри на надменное упорство маркиза и великодушное смиреніе отца моего, я впадала въ одно неспособное сомнѣніе. Я воображала, что мой добрый отецъ сдѣлалъ, конечно безъ намѣренія, какой-нибудь важнѣйшій проступокъ, и мнѣ хотѣлось узнать его для того, чтобъ самой его поправить. О! я поправила бы его, хотя бы мнѣ это стоило жизни!... Но теперь...

— Теперь? что же теперь, сказалъ г-нъ Антуанъ, появившись вдругъ изъ-за куртины дикаго кустарника и улыбаясь съ своимъ обыкновеннымъ довѣрчивымъ, открытымъ видомъ:— о чемъ такъ серьезно вы толкуете? что такое поправила бы ты, моя крошка, хотя бы тебѣ стоило это жизни? Видно, она взяла васъ въ духовники, Эмиль, и исповѣдуются, что задавила муху въ-сердцахъ? Такъ ли? Ну же, говорите! мнѣ смѣшно глядѣть на ваше замѣшательство. Не-ужь-то отъ старика-отца есть секреты?

— О, нѣтъ, батюшка! ихъ никогда не будетъ! вскричала Жильберта, обхвативъ рукою плечо Антуана и прижавъ свою розовую щечку къ его загорѣлому лицу. — Если ужъ вы подслушиваете, то принуждены будете узнать, въ чемъ дѣло. Если что покажется вамъ нехорошимъ, вспомните, что вы не имѣете права досадовать, захвативъ печально мою мысль и подслушавъ мои слова. Г-нъ Эмиль! я расскажу ему все; лучше пусть онъ знаетъ. Добрый батюшка, вы огорчаетесь несправедливой враждою маркиза Буагяббѣ изъ-за одной бездѣлки...

— Ой, ой! объ этомъ-то ты будешь говорить? Зачѣмъ? Видь ты знаешь, что это мнѣ непріятно! сказалъ г-нъ Антуанъ, котораго веселое лицо вдругъ измѣнилось.

— Надо говорить, потому-что это будетъ въ послѣдній разъ, возразила Жильберта.— То, что я вамъ скажу, огорчитъ васъ, но сниметъ, я увѣрена, большую тяжесть съ вашего сердца. Полно-те, батюшка, не отворачивайтесь отъ меня, не принимайте разстроеннаго вида, который такъ печалитъ вашу Жильберту! Знаю, вы не любите, чтобъ я упоминала при васъ имя маркиза; вы говорите, что это не мое дѣло, что я ничего не пойму въ вашей съ нимъ ссорѣ. Но это значитъ принимать меня за маленькую дѣвочку, а я уже въ такихъ лѣтахъ, что могу немножко отгадывать ва-

ни непріятности и учиться утѣшать васъ. Вотъ видите: г-нъ Кардоннѣ очень-часто бываетъ у маркиза и пользуется его довѣренностью въ важныхъ дѣлахъ; я спрашивала у него о тецерешии расположеніи г-на Буагибѣ въ-отношеніи къ намъ, и говорила, что мнѣ очень хочется избавить васъ отъ сожалѣнія въ невольномъ оскорбленіи, ему нанесенномъ, — такъ хочется, что я готова была бы пожертвовать для того жизнью... То ли я говорила?

— Дальше? сказалъ г-нъ Шатобрёнъ, поднося къ губамъ хорошенькую ручку дочери съ озабоченнымъ видомъ.

— Дальше? возразила она:—г-нъ Эмиль уже отвѣчалъ мнѣ на то, что я желала знать, то-есть, что г-нъ Буагибѣ до-сихъ-поръ ужасно сердитъ на насъ; но на это не стоить обращать вниманія, потому-что досада его ни на чемъ не основана, и вы, слава Богу, не можете ни въ чемъ упрекать себя. Впрочемъ, я въ этомъ и прежде была увѣрена, батюшка; я боялась только какой-нибудь разсѣянности съ вашей стороны; однакожъ, утѣштесь... хотя васъ и огорчитъ жалкое состояніе вашего прежняго друга... г-нъ Буагибѣ—дѣйствительно то, за что его считаютъ, и вы должны признать это наравнѣ съ другими... бѣдный маркизъ помѣшанъ!

— Помѣшанъ! воскликнулъ г-нъ Антуанъ, пораженный ужасомъ и горестью:—въ-самомъ-дѣлѣ? Вы слышали, Эмиль, что онъ заговаривается? Очень онъ страдаетъ? Жалуется? Подтверждено ли медиками его помѣшательство?... О! какая ужасная новость!

Опустившись на скамейку, добрый Антуанъ напрасно подавлялъ въ себѣ глубокіе вздохи. Его крѣпкая грудь вздымалась, будто готовая разорваться.

— О, Боже! какъ онъ еще любитъ его! вскричала Жильберта, упавъ на колѣни подлѣ отца и осыпая его ласками: — простите меня, простите, батюшка! Я огорчила васъ: я сказала слишкомъ-скоро! Помогите же мнѣ его утѣшить, Эмиль!

Эмиль вздрогнулъ отъ-того, что Жильберта въ безпокойствѣ первый разъ позабыла назвать его *господиномъ* Эмилемъ. Казалось, она обращалась съ нимъ какъ съ братомъ, и въ порывѣ умиленья, онъ также опустился на колѣни подлѣ добраго Антуана, которому по-видимому грозилъ ударъ: такъ раскраснѣлось лицо его и напряглись жилы.

— Успокойтесь! сказалъ Эмиль:—дѣло не дошло до такой степени, и никогда, надѣюсь, не дойдетъ. Г-нъ Буагибѣ не болѣнъ; онъ пользуется употребленіемъ всѣхъ своихъ способностей, и его мономанія,—если можно такъ назвать нерасположеніе его къ вашему семейству, — не новость. Видя такую странность въ челоуѣкъ столь спокойномъ и снисходительномъ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, я долго думалъ, что онъ имѣетъ на это какія-нибудь важныя причины, а теперь принужденъ убѣдиться, что причины у него нѣтъ никакой, что это черта временнаго помѣшательства, которую онъ позабудетъ, если ея не тревожить, и что не вы одна служите

ея предметомъ, потому-что другія лица, на которыхъ онъ никогда не имѣлъ повода жаловаться и которыхъ даже вовсе не знаетъ, внушаютъ ему то же чувство ужаса и болезненнаго отвращенія.

— Говорите точнѣе, сказалъ г-нъ Антуанъ, начинавшій дышать вольнѣе. — Какія именно другія лица?

— Да... во-первыхъ, Жанъ, отвѣчалъ Эмиль. — Вамъ известно, что онъ не имѣетъ никакой причины бояться его присутствія, и что этотъ добрый человекъ самъ рѣшительно не знаетъ, за что маркизъ могъ когда-нибудь на него сердиться.

— Точно нѣ за что на него сердиться ни ему, ни кому-нибудь другому; но я знаю, что онъ предполагаетъ... Бросимъ это! Если дѣло только о Жанъ, то маркизъ ни мало не помѣшанъ: онъ только несправедливъ или ошибается на-счетъ нашего друга-плотника. Однакожъ разуверитъ его въ этой ошибкѣ такъ же невозможно, какъ закрыть рану, которая еще свѣжа въ его сердцѣ. Бѣдный Буагибб! Да, Жильберта, я съ радостью отдалъ бы жизнь, чтобъ доставить ему забвеніе прошлаго!.. Полно говорить объ этомъ!

— Еще одно слово, сказала Жильберта: — потому-что оно объяснить вамъ все, батюшка. Маркизъ сердитъ такъ жестоко не только на Жана Жапплу, но и на меня!.. а меня онъ едва видѣлъ, я никогда съ нимъ не говорила, и ужь конечно онъ ни въ чемъ не можетъ на меня пожаловаться. Когда г-нъ Кардоннѣ,—спросите у него самого,—произнесъ ему мое имя, думая его успокоить, гнѣвъ его опять весь вспыхнулъ. Онъ хлопнулъ дверью, закричавъ, какъ-будто ему упомянули о смертельной непріятельницѣ: «Горе вамъ, если когда-нибудь упомянете мнѣ объ этой дѣвушкѣ!»

Г-нъ Шатобрёнъ опустилъ голову и нѣсколько минутъ сидѣлъ молча. Нѣсколько разъ обтиралъ онъ синимъ клетчатымъ платкомъ свой широкій лобъ отъ пота. Потомъ взялъ руки Жильберты и Эмиля въ свои руки, и свелъ ихъ, самъ того не замѣчая: такъ былъ онъ занятъ какой-то совсѣмъ иной мыслью, нежели мыслью о возможности любви ихъ.

— Дѣтушки! сказалъ онъ: — вы думали сдѣлать мнѣ услугу, а вышло, что только увеличили мое огорченіе; все-таки я благодаренъ вамъ за доброе намѣреніе; но дайте мнѣ слово впередъ не заводить рѣчи объ этомъ предметѣ ни со мною, ни между собой, ни въ присутствіи Жаниллы или Жана,—ни вы, Эмиль, съ г-номъ Буагибб. Никогда, слышите ли: никогда! прибавилъ онъ самымъ торжественнымъ и самымъ рѣшительнымъ тономъ, къ какому только былъ способенъ.

Обращаясь преимущественно къ Эмилю, и еще въ большей разсѣянности крѣпко прижимая его руку къ рукѣ Жильберты, онъ сказалъ съ нѣжностью:

— Любезный Эмиль! дружба ко мнѣ ввела васъ въ большую неосторожность. Помните ли, когда вы вѣхали въ первый разъ въ Буагибб, я сказалъ вамъ: «Не произносите моего имени тамъ, если не хотите повредить моему другу Жану!» Что жъ вышло? вы

наконецъ повредили самому мнѣ, забывъ мою просьбу. Могу вамъ сказать только, что г-нъ Буагибб помѣшанъ не больше насъ съ вами, а если онъ несправедливъ къ Жану и къ моей дочери, которые нисколько не виноваты въ моихъ проступкахъ, такъ это потому-что человекъ натурально замѣшиваетъ друзей и ближнихъ своего врага въ неприязнь, какую тотъ ему внушаетъ. Еслибъ маркизъ Буагибб могъ читать въ моемъ сердцѣ, онъ поступилъ бы очень-жестоко, не простивъ меня; но его страданіе такъ велико, что не дозволяетъ ему видѣть ясно. Уважьте же его скорбь, Эмиль, и не называйте сумасшедшимъ человека, котораго несчастье заслуживаетъ утѣшеній вашей дружбы и всевозможнаго вниманія съ вашей стороны... Ну! общайте же мнѣ впередъ не сговариваясь другъ съ другомъ противъ моего спокойствія, потому-что все, что бъ вы ни затѣяли, будетъ умысломъ противъ меня.

Эмиль и Жильберта въ страхъ общали повиноваться, и Антуанъ сказалъ имъ:

— Хорошо, дѣтушки! Есть неисправимыя бѣды; есть наказанія, которыя надобно сносить молча. Теперь, посмотримте, отыскала ли Жаналла свою козу. Со мною въ корзинѣ есть абрикосы, которые я нарвалъ для васъ, потому-что видѣлъ, какъ Эмиль поднимался по дорожкѣ. Я хочу угостить его новинками моихъ старыхъ деревьевъ.

Послѣ нѣсколькихъ усилій, Антуанъ развеселился легче Жильберты и самого Эмиля. Молодой человекъ уже не смѣлъ пускаться въ толкованія и изслѣдованія, ибо все, имѣвшее отношеніе къ Жильбертѣ, было ему священно; довольно было приказанія Антуана не думать больше объ этомъ дѣлѣ, чтобъ онъ всячески старался отдалить его отъ своихъ помысловъ. Но въ сердцѣ его было много другихъ причинъ къ волненію, и любовь пускала тамъ такіе глубокіе корни, что онъ впадалъ въ разсѣянность хуже графа Шатобрѣна.

Когда онъ очутился одинъ на дорогѣ въ Гаржилесь, въ томъ мѣстѣ, гдѣ дорога къ Буагибб раздвояется, лошадь его, которая равно любила и знала тотъ и другой домъ, пошла по пути въ Буагибб. Эмиль сначала не примѣтилъ этого, а примѣтивъ подумать, что это была воля Провидѣнія, ибо много дней оставлялъ онъ въ одиночествѣ печальнаго старика, котораго обычалъ любить какъ отца, и у котораго, даже съ опасностью подвергнуться дурному приему, надо было повхатъ выпросить прощеніе. Рѣшетку парка не совершенно еще заперли, когда онъ подѣхалъ къ подшвъ холма. Онъ вѣхалъ въ паркъ и направился къ сырнѣ, рассчитывая, что если не застанетъ тамъ маркиза, то навѣрное старикъ придетъ какъ-скоро смеркнется.

Привязавъ Воронка къ наружной галерей нижняго этажа, онъ тихо постучалъ въ дверь швейцарскаго домика, и какъ съ закатомъ солнца поднялся небольшой вѣтеръ, то ему показалось, будто онъ слышитъ шорохъ внутри и слабый голодъ маркиза, при-

казывавшій войдти. Но ему такъ только почудилось, ибо, отворивъ дверь, онъ увидѣлъ, что внутри никого не было. Однакожъ, г-нъ Буагигбó могъ быть въ глубинѣ домика, въ невидимой комнатѣ, куда онъ имѣлъ обычай удаляться по вечерамъ. Эмиль кашлянулъ, скрипнулъ половицею, чтобъ увѣдомить его о своемъ присутствіи, твердо рѣшившись скорѣе уѣхать не выдавшись съ нимъ, нежели переступить порогъ двери, завѣтной для всѣхъ безъ исключенія.

Но такъ-какъ ни малѣйшее движеніе не отвѣчало на шумъ, вмѣ произведенный, то онъ заключилъ, что маркизъ еще въ замкѣ, и хотѣлъ-было пойдти туда, какъ вдругъ вѣтеръ порывисто растворилъ окно и дверь, находившуюся въ глубинѣ покоя. Онъ обернулся къ этой двери, ожидая, что оттуда выйдетъ г-нъ Буагигбó; но никто не появлялся, и Эмиль замѣтилъ внутренность маленькаго рабочаго кабинета, убраннаго столь же небрежно, сколько покои замка убраны были тщательно. Онъ побоялся рѣшиться на нескромность войдти туда, боялся даже издали разсматривать блѣдную и грубую мѣбель, и груды старыхъ книгъ и бумагъ, которую смутно увидѣлъ при первомъ взглядѣ. Но вниманіе его невольно привлекъ женскій портретъ во весь ростъ, поставленный въ глубинѣ этого убѣжища, прямѣхонько противъ него, такъ-что ему нельзя было не видать его, уже не говоря о томъ, что трудно было не заглядѣться на такую прекрасную живопись и на такую прелестную фигуру. Дама одѣта была по модѣ времямъ имперіи; но свѣтло-голубая кашемировая шаль съ богатой каймой, драпировавшая ея плечи, закрывала то, что въ короткой талии могло быть непріятнаго на видѣ. Прическа въ букляхъ, такъ-называемыхъ «натуральныхъ», шла ей къ-лицу; волосы были роскошнаго свѣтло-русаго цвѣта. Ничто не могло сравниться въ нѣжности и очаровательности съ этою юною фizioноміей; навѣрное, это была маркиза Буагигбó, и нашъ герой забылся въ разсматриваніи лица этой женщины, которой жизнь и смерть должны были имѣть столь великое вліяніе на судьбу пустытника.

Но рѣдко портретъ даетъ вѣрное понятіе о характерѣ оригинала, и въ большей части случаевъ можно сказать, что меньше всего портреты бываютъ похожи на подлинникъ. Эмиль представлялъ себѣ маркизу блѣдною и печальною, а видѣлъ щеголеватую красавицу съ величавой и пріятной улыбкой, съ благородной и гордой осанкой. Была ли она такова до или послѣ брака? Или вообще это была натура совершенно-отличная отъ той, которую предполагалъ онъ?

Вѣрно было только одно—что онъ видѣлъ передъ собою восхитительную фигуру, и такъ-какъ онъ не могъ встрѣтить образа юности и красоты, не вспоминая тотчасъ же Жильберты, то началъ сравнивать эти два типа, между которыми мало-по-малу нашелъ сходныя черты. День быстро погасалъ, и Эмилю, несмѣвшему сдѣлать ни шага, чтобъ приблизиться къ таинственному

кабинету, скоро портретъ началъ представляться однимъ неяснымъ образомъ. Свежий цвѣтъ тѣла и русые волосы, выдававшіеся яснѣе прочаго, скоро такъ очаровали его, что онъ какъ-будто глядѣлъ на портретъ Жильберты, и когда не видалъ уже ничего, кромѣ тумана, усѣяннаго летучими искорками, то долженъ былъ прибѣгнуть къ усилю воли, чтобъ вспомнить, что его первое впечатлѣніе, единое вѣрное въ подобномъ случаѣ, не представило ему никакой точной черты сходства между фizioноміей маркизы Буагибб и дочери графа Шатобрѣна.

Эмиль вышелъ изъ сырни, и, не видя никого въ паркѣ, отправился въ замокъ. То же молчаніе, то же уединеніе царствовали на дворѣ. Онъ взошелъ на лѣстницу крыльца, сдѣланнаго въ видѣ башенки, а Мартенъ не явился на встрѣчу ему, чтобъ провозгласить его имя тѣмъ церемоніальнымъ тономъ, котораго никогда не покидалъ, даже для него — единственнаго посѣтителя. Наконецъ, онъ пробрался въ гостиную, гдѣ занавѣсы, опущенные днемъ и ночью, водворяли глубокую темноту, и, объятый безотчетнымъ ужасомъ, — какъ-будто смерть вступила въ этотъ домъ, уже столь мало отъживавшійся жизнью, — кинулся въ остальные комнаты и напослѣдокъ нашелъ г-на Буагибб въ постели. Маркизь былъ блѣденъ и неподвиженъ, какъ трупъ. Послѣдніе лучи дня бросали слабый и унылый свѣтъ въ эту комнату, и старый Мартенъ, который за глухотою не слышалъ приближенія Эмиля, сидя у изголовья господина, казался совершенною статуей.

Эмиль подбѣжалъ къ постели и схватилъ руку маркиза. Рука пылала жаромъ, и когда двое стариковъ проснулись — одинъ отъ усиленія лихорадки, другой отъ дремоты, усталости или бездѣйствія — молодой человекъ скоро увѣрился, что у маркиза не было ничего, кромѣ нездоровья, которое было неважно само — по — себѣ. Однакожь, опустошенія, какія два дня болѣзни произвели въ этомъ хилонѣ и изможденномъ тѣлѣ, были довольно-опасны для будущаго времени.

— А! хорошо, что вы пріѣхали! сказалъ г-нъ Буагибб, слабо пожмая руку Эмиля: — тоска скоро бы доканала меня, еслибъ и вы меня покинули!

Мартенъ, неслыхавшій словъ своего господина, но по-видимому принимавшій на себя отраженіе его мыслей, повторилъ громче, нежели самъ думалъ:

— Ахъ, господинъ Эмиль! хорошо, что вы пріѣхали! Господинъ маркизь очень тосковалъ, не видя васъ такъ долго.

Потомъ онъ разсказалъ, какъ третьяго дня, передъ уходомъ въ паркъ, господинъ маркизь почувствовалъ себя въ жару и вообразилъ *преспокойно*, что умираетъ. Онъ захотѣлъ лечь въ постель, въ этой самой комнатѣ, гдѣ, однакожь, не имѣлъ привычки ночевать, и отдалъ ему разныя приказанія, какъ-будто уже не надѣялся выздороветь. Ночь прошла довольно-безпокойно, и на другой день маркизь сказалъ: «Мнѣ лучше, это пройдетъ; но я усталъ,

какъ послѣ продолжительной дороги; мнѣ надо отдохнуть. Смотри, Мартенъ, чтобъ было тихо; какъ-можно-меньше свѣта, меньше хлопотъ, вовсе не надо доктора, — вотъ все, чего я хочу. Не безпокойся!»

— А какъ я все боялся, продолжалъ старый слуга: — такъ господинъ маркизъ сказалъ мнѣ: «Не бойся, добрякъ; въ этотъ разъ я еще не умру».

— Развѣ маркизъ подверженъ такимъ припадкамъ? спросилъ Эмиль: — сильны ли они? продолжительны ли?

Но онъ забылъ, что Мартену вняты были только рѣчи его господина, и, по знаку послѣдняго, слуга уже вышелъ вонъ.

— Я позволилъ говорить бѣдному глухому слугѣ моему, сказалъ г-нъ Буагибо: — его ничѣмъ бы нельзя было остановить. Но, по его разсказу, не примите меня за труса. Я не боюсь смерти, Эмиль; когда-то я даже очень желалъ ея: теперь ожидаю спокойно. Давно уже чувствую я ея приближеніе; но она подходитъ медленно, и я умру, какъ жилъ, не торопясь. Я подверженъ перемежающейся лихорадкѣ, которая отнимаетъ у меня аппетитъ и сонъ, но которой никто не примѣчаетъ, потому-что она оставляетъ мнѣ довольно силъ для моей небольшой дѣятельности. Я не вѣрю въ медицину: до-сихъ-поръ, она не нашла другаго средства уничтожать болѣзнь, какъ поражая жизнь въ ея источникъ. Подъ какою бы то ни было формой, это все-таки эмпиризмъ, и я лучше хочу пасть подъ Божьей, нежели испрыгнуть подъ человѣческой рукой. Теперешній разъ я страдалъ больше обыкновеннаго, почувствовавъ себя слабѣе духомъ, и, признаюсь вамъ безъ стыда, увидѣвъ рѣшительно, что не могу больше жить одинъ. Старики — сущія дѣти: они прельщаются новымъ счастьемъ; но когда приходится терять его, они не утѣшаются, какъ дѣти; тутъ они опять дѣлаются стариками и умираютъ. Не тревожьтесь тѣмъ, что я говорю вамъ: лихорадка располагаетъ меня къ такой болтливости. Когда выздоровѣю, не буду этого говорить, даже не буду думать; но всегда буду это чувствовать инстинктивно, сквозь свою видимую апатію. Не считайте изъ-за этого себя привязаннымъ къ моей печальной старости. Все равно, годомъ больше или меньше проживу я, и дружеская ли, или другая какая — вѣбудь рука закроетъ глаза тому, кто жилъ одинокимъ. Но такъ-какъ вотъ, спасибо вамъ, вы опять пріѣхали, то станемъ говорить не обо мнѣ, а объ васъ. Что вы дѣлали въ эти скучные дни?

— Мнѣ самому было скучно проводить ихъ вдали отъ васъ, отвѣчалъ Эмиль.

— Не мудрено! Такова жизнь, таковъ человѣкъ. Муча другихъ, мы мучимъ самихъ-себя! Это великое доказательство общности душъ!

Эмиль просидѣлъ два часа у маркиза и нашелъ его гораздо-откровеннѣе и ибжибѣе прежняго. Онъ почувствовалъ къ нему больше привязанности, и далъ себѣ слово не мучить его впередъ. Про-

шьясь, онъ изъявилъ безпокойство, что заставилъ его говорить съ душевлєніемъ; но маркизь отвѣчалъ:

— Не безпокойтесь. Приѣзжайте завтра и увидите меня на ногѣхъ. Не болѣзнь томить, а отсутствіе откровенности сушить и убиваетъ.

IX.

Крѣпость Крозань.

Въ-самомъ-дѣлѣ, на другой день, маркизь былъ почти совсѣмъ-здоровъ и завтракалъ съ Эмилемъ. Ничто больше не нарушало странной дружбы между старикомъ и очень-молодымъ человѣкомъ, и, благодаря послѣднимъ словамъ графа Шатобрѣна, прискорбная догадка на-счетъ помѣшательства уже не омрачала удовольствія, которое Эмиль находилъ въ бесѣдѣ съ господиномъ Буагибѣ. Согласно обещанію, какое далъ Антуану, онъ избѣгалъ упоминать о немъ, и вознаграждалъ себя за то, открывая маркизу сердце касательно всѣхъ прочихъ своихъ секретовъ; ибо не могъ не рассказать ему своего прошедшаго, не могъ не сообщить ему своихъ идей о будущемъ, и, слѣдовательно, своихъ страданій, уснувшихъ на время, но мучительно нескончаемыхъ, которыя сопротивленіе отца навлекло ему и должно было навлечь при первомъ случаѣ еще болѣе. Господинъ Буагибѣ утверждалъ Эмиля въ его намѣреніи быть почтительнымъ и покорнымъ, но удивлялся тому старанію, съ какимъ господинъ Кардоннѣ заглушалъ правдивыя истинныя сына, столь склоннаго къ труду и столь счастливо-одареннаго природою.

Страсть и способность, обнаруженныя Эмилемъ къ земледѣлію, казались ему признаками благороднаго и великодушнаго призванія, и онъ говорилъ самъ себѣ, что еслибъ ему выпало счастье имѣть такого сына, онъ, при жизни еще, могъ бы употребить съ пользою огромное состояніе, которое назначать для бѣдныхъ, но которымъ не умѣлъ по своей мысли воспользоваться въ настоящемъ. Онъ невольно думалъ, вздыхая, что небеснымъ благословеніемъ было бы найти въ сынѣ, въ другѣ, во второмъ себѣ, такое глубокое расположеніе и средства серьезно довершить дѣло своего назначенія. Въ душѣ своей, онъ обвинялъ Кардоннѣ за желаніе посвятить ложному направленію силы и средства, полученныя имъ отъ Бога на добро, и видѣлъ въ немъ слѣпаго, упornaго дѣйствителя, который ставилъ деньги выше счастья другихъ и своего собственнаго, какъ-будто человѣкъ—рабъ матеріальныхъ вещей, а не служитель истины паче всего.

Господинъ Буагибѣ не былъ, по-видимому, существенно-религіозенъ. Эмиль находилъ его всегда очень-холоднымъ въ этомъ отно-

шеніи. Когда мысли его, принимая самый могучій полетъ, къ какому только онъ былъ способенъ, возвышались до воззванія къ Творцу вселенной, — онъ говорилъ: «Имя твое, Господи, Премудрость!» Эмиль прибавлялъ: «Имя твое Любовь!» Тогда старикъ подхватывалъ: «Это одно и то же», и считалъ себя правымъ. Эмиль не могъ его оспаривать; но ясно чувствовалъ, что у маркиза нѣтъ той восторженной страсти, какую онъ-самъ всегда носилъ въ груди своей къ неисчерпаемой благодати Всемогущества. За то, когда внѣшніе факты, бѣдствія, слабость человѣческая и все зло земной юдоли какъ-бы противорѣчили милосердію, и Эмиль впадалъ въ уныніе, — старый логикъ отличался высокостью своей вѣры. Онъ никогда не сомнѣвался и не могъ сомнѣваться. Онъ не имѣлъ нужды видѣть для того, чтобъ знать, говорилъ онъ, и временныя язвы здѣшняго міра такъ же не возмущали въ глазахъ его нравственнаго порядка вѣчныхъ вещей, какъ мимолетныя облака, помрачавшія солнце, не нарушали порядка физическаго.

— Да, говорилъ онъ:—вездѣ логика! Она безконечна въ Божіемъ твореніи; но неполна и неудовима въ каждой вещи порознь, потому-что каждая вещь конечна, даже человѣкъ, хотя онъ самый яркій отблескъ безконечнаго, падающій на этотъ крошечный міръ. Ни одинъ человѣкъ не можетъ понять безконечную премудрость, развѣ только въ состояніи абстракціи; ибо если онъ ищетъ ее внутри себя и вокругъ себя, то никакъ не въ силахъ уловить ее и поверить. Вы часто называете меня логикомъ, —согласенъ: я люблю логику и ищу логики. Чувствую рѣшительную въ ней потребность и не бываю доволенъ ничѣмъ, что ей чуждо. Но логиченъ ли я въ своихъ дѣйствіяхъ и побужденіяхъ? Меньше нежели кто-нибудь на свѣтѣ. Чѣмъ больше наблюдаю себя, тѣмъ больше нахожу въ себѣ противорѣчій, беспорядокъ хаоса. И что жъ! Я только частный примѣръ того, что есть человѣкъ вообще; и чѣмъ больше я нелегиченъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, тѣмъ больше чувствую премудрую логику Сотворшаго, парящую надъ моей слабой головою, которая потерялась бы безъ этого небеснаго компаса и безумно обвиняла бы вселенную въ своей собственной немощи.

Однажды онъ пригласилъ Эмиля въ поле, и они объѣхали верхомъ всѣ обширныя владѣнія маркиза. Эмиль дивился небольшому доходу съ такого земельного богатства.

— Всѣ фермы отдаются за самую крайнюю цѣну, отвѣчалъ маркизъ.—Когда не умѣешь выйдти изъ давныхъ нынѣшней экономіи, то самое лучшее дѣло—какъ-можно-меньше отягощать трудолюбиваго земледѣльца. Вы видите, эти люди мнѣ благодарны, желаютъ мнѣ долгой жизни. Очень вѣрю! Они считаютъ меня добрымъ человѣкомъ, хотя фигура моя имъ и не нравится. Они не знаютъ, что я не люблю ихъ такъ, какъ они это разумѣютъ... Отъ-того я очень-рѣдко рѣшаюсь осматривать свое помѣстье.

Дѣйствительно, уже года съ два маркизь Буагиббѣ не посѣщали своихъ фермъ и не объѣзжали своихъ владѣній. Онъ рѣшался на это не иначе, какъ въ случаѣ крайней необходимости. Всюду его принимали съ изъявленіемъ почтенія и любви, которыя были не безъ примѣси суевѣрнаго страха; его уединенная жизнь и странности дали ему у многихъ крестьянъ прозваніе колдуна. Не разъ во время бури они говори: «Эхъ! еслибъ маркизь захотѣлъ унять градъ, ничего бы ему не стоило! но вмѣсто того, чтобъ дѣлать что можетъ, онъ ищетъ чего-то такого, чего никто не знаетъ, и чего, можетъ-быть, онъ никогда не найдетъ!»

— Ну, Эмиль, что вы сдѣлали бы со всѣмъ этимъ, если бѣ все это было ваше? сказалъ маркизь, возвратясь домой:—я зваль васъ на эту скучную хозяйскую прогулку именно съ тою цѣлю, чтобъ объ этомъ спросить васъ.

— Я попробовалъ бы! отвѣчалъ Эмиль съ живостью.

— Конечно, возразилъ маркизь:—я также попробовалъ бы осуществить свои идеи, если бѣ могъ. Но вѣчего пробовать по пустому; я знаю, что не успѣлъ бы. И вы, можетъ-быть, тоже не успѣли бы!

— Нужды нѣтъ!

— Да, вотъ онъ, безразсудный вопль юности! нужды нѣтъ, что не успѣемъ, лишь бы только дѣйствовать, не правда ли? Поддавшись потребности дѣйствовать и закроемъ глаза на препятствія. А препятствій много, и знаете ли, какое главное изъ нихъ? то, что нѣтъ людей. Умы не созрѣли, сердца не готовы... Нужно еще нѣсколько времени, Эмиль... оно не такъ далеко, какъ полагаютъ; я не увижу его, но вы увидите. И такъ, терпѣніе!... Мы когда-нибудь поговоримъ объ этомъ... Можетъ-быть, скоро, при первой моей лихорадкѣ, когда пульсъ мой будетъ биться побыстрѣе нынѣшняго.

Въ такихъ-то разговорахъ почерпалъ Эмиль силу переносить часы, которые не могъ проводить съ Жильбертою. Однакожъ, былъ одинъ недостатокъ въ его дружбѣ къ г-ну Буагиббѣ, именно недостатокъ возможности говорить съ маркизомъ о Жильбертѣ, рассказывать ему про любовь свою. Но счастливая любовь имѣетъ въ себѣ нѣчто гордое, легко обходящееся безъ участія другихъ; а время, когда Эмиль почувствовалъ бы нужду жаловаться и искать опоры въ отчаяніи, для него еще не наступило.

Въ чемъ же заключалось его счастье? И вы спрашиваете? Во-первыхъ, онъ любилъ,—этого уже довольно для того, кто истинно любить. Во-вторыхъ, онъ зналъ, что былъ любимъ, хотя никогда не осмѣлился бы про это спросить и ему бы не осмѣлился сказать.

Однакожь, туча сбиралась на горизонтѣ, и Эмилю скоро су-
ждено было почувствовать приближеніе грозы. Однажды, когда
онъ уезжалъ изъ Шатобрёна, Жанилла сказала ему:

— Не прѣзжайте дня три или четыре; у насъ есть дѣло въ
окрестностяхъ, и мы не будемъ дома.

Эмиль поблѣднѣлъ; онъ какъ-будто выслушалъ приговоръ свой,
и едва имѣлъ силу спросить, въ какой именно день семейство Ан-
туана вернется домой.

— Можеть-быть, въ концѣ недели, отвѣчала Жанилла. — При-
томъ, вѣроятно, я останусь дома; мнѣ ужъ не подѣлаетъ рыскать
по горамъ, и вамъ не трудно будетъ навѣдаться у меня мимоѣз-
домъ, воротился ли г. Антуанъ съ дочкой!

— Такъ вы позволите сдѣлать вамъ визитъ? сказалъ Эмиль,
сильясь улыбнуться, чтобъ скрыть свою смертельную тоску.

— Почему жъ не такъ, если вамъ это будетъ приятно? возрази-
ла крошечная старушка, присаживаясь съ видомъ, въ которомъ
обнаружилось нѣсколько лукавства. — Я не боюсь, чтобъ меня это
скомпрометировало!

«Кончено!» подумалъ Эмиль. «Мое ухаживаніе замѣчено, и хотя
ни графъ Антуанъ, ни дочь его еще ни о чемъ не догадываются,
Жанилла дала себѣ слово удалить меня. Она здѣсь имѣетъ полную
волю, и минута кризиса настала».

— Хорошо, мамзель Жанилла, сказалъ онъ:—я прѣйду къ вамъ
завтра; мнѣ очень-приятно будетъ потолковать съ вами.

— Какъ мы сошлись! подхватила Жанилла:— мнѣ также хо-
чется съ вами потолковать! Но завтра я обираю конопель, и по-
тому жду васъ развѣ послѣ-завтра. Дѣло рѣшеное, я буду весь
день дома; прѣзжайте! Прощайте, г. Эмиль; мы потолкуемъ по-
приятельски. Видите ли? вѣдь я тоже васъ люблю!

Для Эмиля нѣтъ больше никакого сомнѣнія: старуха догадалась
о его любви. Какой-нибудь услужливый сосѣдъ началъ удивляться,
что такъ часто видитъ его на дорогѣ къ развалинамъ. Антуанъ
еще ничего не зналъ. Жильберта также; потому-что, объявляя
ему о непреодожимномъ отсутствіи отца, дѣвушка, казалось, не
предвидѣла, что Жанилла отправитъ ее съ нимъ. Хитрая нянька
составила свой планъ: сперва удалить Эмиля, а потомъ устроить
отъѣздъ Жильберты невзначай, чтобъ оставить себѣ нѣсколько
дней для утишенія маленькой бури, которую предвидѣла со сто-
роны молодого человѣка.

«Надо будетъ наконецъ говорить», разсуждалъ самъ съ собою
Эмиль: «я зачѣмъ же избѣгать этого неминуемаго предѣла моихъ
тайныхъ желаній? Я скажу ея вѣрной нянькѣ, ея добрейшему
отцу, что люблю ее и домогаюсь ея руки... Попрошу нѣсколько
времени, чтобъ открыться отцу и условиться съ нимъ о выборѣ
карьеры, потому-что еще не имѣю никакой, а надо, чтобъ судьба

ия рѣшилась. Завяжется борьба, но у меня есть силы: я люблю... Дѣло идетъ не обо мнѣ одномъ, я буду имѣть неодолимую твердость, даръ убѣжденія... я уговорю его!»

Не смотря на такую увѣренность, Эмиль провелъ ночь въ ужасномъ безпокойствѣ. Онъ воображалъ себѣ разговоръ, какой у него будетъ съ Жаниллою, и могъ бы напередъ написать все вопросы и отвѣты: такъ хорошо зналъ онъ манеры и непринужденность крошечной женщины. «А! коли такъ, сударь (сказала бъ она ему наѣрное), то поговорите напередъ съ вашимъ батюшкой, устройте дѣло съ нимъ; иначе, что по пустому тревожить господина Антуана условной просьбою и неверными планами? До-тѣхъ-поръ, не ѣзьте къ намъ, или ѣзьте очень-рѣдко; потому—что никто не обязанъ знать ваши намѣренія, и Жильберта не такая дѣвица, которая бы стала слушать васъ не увѣрившись напередъ, что будетъ вашей женою».

Онъ боялся также, чтобъ Жанилла, при своемъ положительномъ умѣ, не сочла грезю возможность согласія господина Кардоннэ, и не запретила ему частыхъ визитовъ, если онъ не представитъ яснаго и вѣрнаго доказательства, что можетъ располагать своимъ выборомъ.

И такъ, несомнѣнно было, что Эмилю слѣдовало сперва объяснить съ отцомъ, а потомъ уже дѣйствовать: ѣздить рѣдко въ Шатобрѣнь, пока не почувствуетъ какой-нибудь надежды побѣдить, либо, если не будетъ никакой надежды, рѣшиться никогда не возмущать счастья шатобрѣнской семьи безполезными признаніями,—удалиться... словомъ, отречься отъ Жильберты...

Но этого-то не могъ понять Эмиль на ряду съ вѣроятными вещами. Легче мысль о смерти можетъ войти въ голову ребенка, нежели мысль отречься отъ любимой женщины въ голову горячлюбленного юноши. Эмиль скорѣе постигалъ возможность разожить себѣ черепъ, нежели возможность отказаться отъ Жильберты. «Хорошо!» думалъ онъ: «завтра же буду говорить и говорить такъ, что могу потомъ не краснѣя явиться въ Шатобрѣнь.»

Пришло завтра, и Эмиль не только не чувствовалъ себя вооруженнымъ всею силою воли, но еще былъ такъ изнуренъ бессонницею и растерзанъ горестью, что побоялся быть нетвердымъ, — и не рѣшился говорить.

Въ-самомъ-дѣлѣ, когда душа расцвѣла сладкой мечтою, можетъ ли быть что-нибудь прискорбіе, какъ увидѣть себя вдругъ посреди жестокой дѣйствительности? Когда мы себѣ сдѣлали сами отъ себя драгоценную тайну изъ целомудренной любви, можно ли хладнокровно обнажать ее передъ другими? Отцу ли, Жаниллѣ ли признаваться въ ней—все-таки значило выставлять свое сердце, полное стыдливой томности и упоенія, на показъ чуждому сердцу, давно затворившемуся для сочувствій этого рода! А онъ мечталъ о развязкѣ совсѣмъ другой и болѣе возвышенной! Не Жильберта ли, перма и одна съ нимъ предъ лицомъ Бога, должна была принять въ

свою душу слово любви, когда оно вылетит изъ устъ его? Свѣтъ и законы чести, столь холодные въ подобныхъ случаяхъ, грозилъ отнять у двѣственности этой любви все, что въ ней было самаго чистаго и идеальнаго! Онъ глубоко страдалъ, и ему уже казалось, что цѣлый вѣкъ горечи прошелъ между его вчерашними грѣзами и мрачнымъ днемъ, который для него начинался.

Онъ сѣлъ на лошадь, рѣшившись искать вдали, въ какомъ-нибудь глубокомъ уединеніи, спокойствія и твердости, необходимыхъ для перенесенія перваго удара. Онъ хотѣлъ избѣгнуть Шатобрѣна; но, самъ не зная какъ, очутился подлѣ него; однакожь проѣхалъ мимо не оборачиваясь, и поднялся на тяжелую дорогу, гдѣ, застигнутый грозою, въ первый разъ увидѣлъ развалины при блескѣ молній. Онъ узналъ скалы, гдѣ тогда пріютился съ Жаномъ Жапплу, и не могъ постигнуть, что еще только два мѣсяца какъ онъ тутъ находится, столь свободный духомъ, такъ владѣющій собою, столь отличный отъ-того, какимъ потѣмъ сдѣлался. Онъ поѣхалъ въ Эгюзонъ, чтобъ обозрѣть всю дорогу, которую проѣзжалъ тогда, и на которой еще не бывалъ съ-тѣхъ-поръ. Но, съ первыхъ же домовъ, видѣ жителей, его разсматривавшихъ, навелъ на него точно такое же чувство ужаса и мизантропіи, какое овладѣло бы маркизомъ Буагидо въ подобномъ случаѣ. Онъ поспѣшно повернулъ на сумрачную, обросшую деревьями дорогу, открывающуюся влѣво, и безъ цѣли пустился въ поле.

Эта неровная, но прекрасная дорога, идущая то по широкимъ скаламъ, то по свѣжимъ лугамъ, то по мелкому песку, окаймленная старыми каштанниками съ дуплистыми стволами, съ могучими корнями, привела его въ широкія пустоши, гдѣ онъ поѣхалъ тихо, довольный, что наконецъ очутился одинъ въ пустынномъ мѣстѣ. Дорога извивалась передъ нимъ то зигзагомъ, то пригорками, по пространствамъ покрытымъ дрокомъ и верескомъ, и по песчанымъ буграмъ, пересѣкаемымъ ручьями безъ опредѣленнаго русла, безъ постоянного направленія. Отъ-времени-до-времени куропатка прижималась въ траву подъ его ногами, замородокъ проводилъ лазурно-огненную черту проносясь стрѣлою надъ болотомъ...

Проехавъ съ часъ, все углубленный въ свои мысли, Эмиль замѣтилъ, что тропинка суживалась, заходила въ кустарники, и потомъ терялась. Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ передъ собою, надъ стремнинами и глубокими оврагами, развалины Крозана, торчавшія острыми стрѣлами по вершинамъ страннаго обрыва, разсѣяннымъ въ пространство, которое едва можно было объять однимъ взглядомъ.

Эмиль разъ уже пріѣзжалъ осматривать эту любопытную крѣпость, но болѣе-прямою дорогою, и какъ задумчивость не позволила ему на этотъ разъ познать мѣстность, то онъ съ минуту былъ какъ-бы во снѣ, пока не опомнился. Ничто такъ не согласовалось съ настроеніемъ души его, какъ дикое мѣстоположеніе и покинутыя развалины. Онъ оставилъ лошадь у какой-то хижины и пошелъ пѣшкомъ по узкой тропинкѣ, которая уступами скалъ при-

идти къ руслу потока; потомъ поднялся по такой же тропинкѣ и пошелъ въ развалины, гдѣ пробылъ нѣсколько часовъ, погруженный въ уныніе, которое, при видѣ столь ужаснаго и въ то же время столь превосходнаго мѣста, доходило въ нныя минуты до сумасшествія.

Въ первые вѣка феодализма строилось немного такихъ прочныхъ крепостей, какъ Крозанъ. Гора, на которой стоитъ она, спускается отвѣсно съ двухъ сторонъ въ два потока, Крѣзу и Седеллу, которыя шумно сливаются у оконечности полуострова, и, перескакивая по огромнымъ порогамъ скалъ, ревуть неумолкаемо. Бока горы страннаго вида и вездѣ усеяны длинными сѣроватыми скалами, которыя, подобно исполинамъ, поднимаются со дна пропасти, или висятъ подобно сталактитамъ надъ потокомъ. Развалины машии до такой степени приняли цвѣтъ и форму скалъ, что во многихъ мѣстахъ мудрено ихъ отличить издали. Трудно сказать, кто кого превзошелъ тутъ въ смѣлости и трагическомъ вдохновеніи, — природа или люди, и нельзя вообразить себѣ на подобномъ театрѣ ничего, кромѣ сценъ непреклонной ярости и вѣчнаго отчаянія.

Подъемный мостъ, темныя вылазныя двери и двойная окружающія стѣна съ башнями и бастионами, которыхъ слѣды еще видны, дѣлали эту крепость неодолимою до изобрѣтенія пушекъ. И, однакожь, исторія мѣста, столь важнаго въ войнахъ среднихъ вѣковъ, почти неизвѣстна. Смутное преданіе приписываетъ основаніе ея сарацинскимъ вождямъ, которые будто-бы долго въ ней держались. Морозъ, бывающій жестокъ и продолжителенъ въ этой странѣ, довершаетъ ежегодное разрушеніе укрѣпленій, разбитыхъ ядрами и превращенныхъ въ прахъ временемъ. Однакожь, большая квадратная башня, построенная дѣйствительно въ сарацинскомъ вкусѣ, еще высится въ срединѣ, и, подкапываемая въ основаніи, ежеминутно угрожаетъ обрушеніемъ, подобно всѣмъ прочимъ остаткамъ. Угловыя башни, которыхъ уцѣлѣли только слѣды, и которыя были поставлены на коническихъ вершинахъ, представляютъ видъ заостренныхъ скалъ; вокругъ нихъ безпрестанно вьются и кричатъ стаи хищныхъ птицъ. Нельзя безъ опасности обойти крепость: во многихъ мѣстахъ, всякая тропинка исчезаетъ, и нога дрожитъ на краю пропасти, въ которую яростно стремится вода.

Только съ верха подзорныхъ башень можно было видѣть приближеніе непріятеля; ибо изъ комнатъ, бывшихъ въ основаніи зданій, и съ возвышенностей горы видъ ограничивался другими обнаженными горами. Но ихъ известковые бока теперь разверзаются, и, открывая плодородныя земли, позволяютъ свободно расти прекраснымъ деревьямъ, часто смываемымъ водою, когда разливъ достигаетъ известной высоты. Нѣсколько ковъ, не столько дикихъ, сколько оборванныхъ дѣтъ, ихъ стерегущія, дѣлятся по развалинамъ и смѣло прѣдаютъ надъ стремнинами. Все полно вѣдичаваго унынія и

такъ богато оттѣнками, что живописецъ не знаетъ на чемъ остановиться. Воображеніе декоратора потерялось бы въ этой роскоши ужаса и страха.

Эмиль провелъ тутъ нѣсколько часовъ, погруженный въ хаосъ своихъ опасеній и предначертаній. Убравъ изъ дома на разсвѣтъ, онъ мучился голодомъ и не сознавалъ физическаго страданія, отъ котораго усиливалось его душевное изнеможеніе. Лежа на скалѣ, онъ глядѣлъ на коршуновъ, вившихся надъ его головою, и думалъ о мукахъ Прометея, какъ вдругъ отдаленные звуки мужскаго голоса, показавшагося ему знакомымъ, заставили его встрепетуться. Онъ всталъ и подбѣжалъ на край стремнины. На противоположной сторонѣ оврага спускались по тропинкѣ три человека. Мужчина въ блузѣ и въ сѣрой шляпѣ съ широкими полями шелъ впередъ и по-временамъ оборачивался къ шедшимъ за нимъ, советуя остерегаться; позади его шелъ крестьянскій мальчикъ, ведя за узду осла, а на ослѣ сидѣла женщина въ очень-поливяломъ лиловомъ платьѣ, въ очень-скромной соломенной шляпкѣ...

Эмиль кинулся на встрѣчу имъ, не разсуждая о томъ, говорила ли ему Жанилла, что его будутъ остерегаться, что, можетъ-быть, примутъ его холодно. Онъ леталъ и прыдалъ, какъ камень, столкнутый по отвѣсному боку пропасти. Онъ пустился птицею, перескочилъ ручей, придавшій съ тщетными угрозами по сколькимъ скаламъ, и явился на противоположномъ склонѣ, чтобъ весело обняться съ добрымъ Антуаномъ, принять изъ рукъ Сильвена Шарассона узду смиренной скотинки, везшей Жильберту, и увидѣть ея сладкую улыбку, ея яркій румянецъ, ея тщетно-скрываемую радость. Жаниллы не было съ ними, Жанилла не говорила ни слова!

Во сколько кратъ счастье кажется слаще послѣ горести! и какъ быстро любовь вознаграждаетъ время, потраченное на страданіе! Эмиль уже позабылъ о вчерашнемъ и не думалъ о завтрашнемъ. Когда онъ опять очутился въ развалинахъ Крозана, ведя съ торжествомъ свою возлюбленную, то ломалъ всѣ вѣтви кустарника, которая могъ достать, и кидалъ ихъ подъ ноги ослу. Потомъ онъ взялъ Жильберту на руки, чтобъ посадить ее на самую роскошную мураву, какую только могъ выбрать, хотя она и не имѣла ни малѣйшей надобности въ подобной помощи, чтобъ сойти съ такого малорослаго и смирнаго осла. Эмиль уже не былъ застенчивъ, потому-что былъ видъ себя; и еслибъ Антуанъ имѣлъ хоть искру проинпательности, то повялъ бы, что подавить эту пылкую страсть было такъ же невозможно, какъ помѣшать Крѣзь или Седеллѣ течь и шумѣть.

— Уфъ! я до смерти проголодался, сказалъ господинъ Антуанъ: — и прежде, нежели узнаемъ, какими судьбами мы встрѣтились такъ кстати, давайте думать только о завтракѣ. Лишній товарищъ намъ не страшенъ, потому-что Жанилла завалила насъ провизіей.

— Открой-ка суму, шалуунъ! сказалъ онъ Шарассону: — а я по-

набѣдаюсъ въ мѣшокъ, который дочка везла за собою. Между-тѣмъ, Эмиль сбѣгаетъ вонъ въ тѣ домики внизу и принесетъ намъ запасъ чернаго хлѣба. Расположитесь у рѣки; горная вода превосходна, если къ ней примѣшать побольше вина.

Скоро на травѣ устроился походный завтракъ. Жильберта слѣзла себѣ тарелку изъ большаго листа лопушника, а отецъ ея разрывалъ порціи чѣмъ-то въ родѣ сабли, что онъ величалъ своимъ карманнымъ ножомъ. Эмиль, кромѣ хлѣба, принесъ молока для Жильберты и дикихъ вишенъ, которыя были найдены отличными, и которыхъ горечь имѣла по-крайней-мѣрѣ ту выгоду, что возбуждала аппетитъ. Сильвентъ, усѣвшись, подобно обезьянѣ, на согнутомъ стволѣ дерева, получилъ долю не меньше другихъ, и съ тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, говорилъ онъ, что тутъ не было главъ мамзель Жаниллы; чтобъ считать куски съ укоризненнымъ видомъ. Эмиль въ одну минуту былъ сытъ. Хотя и смѣются надъ героями романовъ, которые никогда не ѣдятъ, однако несомненно, что влюбленные имѣютъ мало аппетита и что въ этомъ отношеніи рожаны справедливы, какъ жизнь.

Какой восторгъ ощущалъ Эмиль, боявшійся увидѣть Жильберту только суровою и недоверчивою, и нашедшій ее такою же, какою оставилъ наканунѣ, — полною непринужденности и благородной неосмотрительности! И какъ любилъ онъ Антуана за то, что тотъ неспособенъ къ подозрѣнію и сохраняетъ такую искреннюю веселость! Никогда не чувствовалъ онъ самого-себя такимъ веселымъ; никогда не видалъ онъ ни дня прекраснѣе этого сѣраго сентябрьскаго дня, ни мѣстоположенія пріятнѣе и очаровательнѣе этой мрачной крѣпости Крозанъ! И какъ-впрочемъ на Жильберту было въ этотъ день ея лиловое платье, котораго онъ давно на ней не видалъ, и которое напоминало ему день и часъ, когда онъ страстно полюбилъ ее!

Онъ узналъ, что они отправлялись навѣстить одного родственника въ Клавьеръ, но прежде должны были прогостить двое сутокъ въ Аржантонѣ, и, не нашедши никого въ этомъ замкѣ, рѣшились прогуляться въ Крозанъ, гдѣ пробудутъ до вечера, — а на дворѣ былъ еще полдень! Эмилю показалось, что передъ нимъ цѣлая вѣчность... Господинъ Антуанъ привлечь въ тѣни отдохнуть послѣ завтрака и крѣпко задремалъ. Любовниками, взявъ съ собою Шарассона, вздумали пойдти осматривать крѣпость.

х.

Походный ночлегъ господина Антуана.

Шатобрѣнскій пажъ сначала забавлялъ юную чету своими навѣстями; но вскорѣ, увлеченный потребностью бѣгать, пустился гоняться за козами, едва не попалъ въ неприятную раздѣлку съ

пастухами, и наконецъ поладилъ съ ними, играя въ кружки на берегу Крѣзы, между-тѣмъ, какъ Эмиль и Жильберта пошли вдоль Седеллы по другому боку горы.

Такъ-какъ потокъ во многихъ мѣстахъ подмылъ подошву утеса, то имъ приходилось то карабкаться вверхъ, то сходить внизъ, то ступать на скалы вровень съ водою, — и все это не безъ труда и не безъ опасности. Но молодость — охотница до приключеній, и любовь ни въ чемъ не сомнѣвается. Особое провидѣнiе хранилъ ту и другую, и наши любовники храбро отдѣлывались отъ всѣхъ опасностей: Эмиль дрожалъ—не отъ страха, а совершенно отъ другаго чувства, когда приподнималъ или держалъ Жильберту своими руками; Жильберта смѣялась, чтобъ скрыть смущенiе, или чтобъ разсвѣяться отъ него.

Жильберта была сильна, проворна и отважна, какъ горная обитательница: однакожь, преодолевая такимъ-образомъ безпрестанныя препятствiя, она скоро устала, присѣла на мху, на берегу скачущей воды, и кинула шляпку на траву, принужденная подобрать свои распустившіеся волосы, которые висѣли по плечамъ.

— Сорвите, пожалуйста, мнѣ эту хорошенькую наперстянку, вонъ тамъ, сказала она Эмилю, думая, что успеетъ поправить прическу, прежде чѣмъ онъ воротится.

Но онъ сбѣгалъ туда и назадъ такъ скоро, что засталъ Жильберту еще всю покрытую золотистыми волосами, которые насилу могла она собрать въ одну прядь своими крошечными руками. Стоя возлѣ нея, онъ любовался на это сокровище, которое она закидывала назадъ больше съ нетерпѣнiемъ, нежели съ гордостью, и которое давно бы обрѣзала, какъ затруднительное бремя, если бѣ отецъ и Жанилла не противились этому. Впрочемъ, въ ту минуту, она была имъ благодарна, что они не позволили; ибо, не смотря на отсутствiе кокетства, она очень видѣла, что Эмиль утопалъ въ восторгъ, — а она ничего не сдѣлала, чтобъ возбудить его восторгъ! Если красота имѣетъ извѣстные триумфы, которыми любовь не можетъ не утѣшаться, то имѣетъ ихъ именно тогда, когда они бываютъ непредвидѣнны и невольны. Въ-самомъ-дѣлѣ, такіе роскошные волосы служили бы истиннымъ украшенiемъ для женщины, дурной собою, а у Жильберты они были—даромъ, щедротой природы, прибавленною ко всѣмъ другимъ дарамъ ея.

Надо сказать, что, подобно отцу, Жильберта была больше трудолюбива, нежели ловка руками; сверхъ-того, на бѣгу она растеряла всѣ свои шпильки, и тяжелая коса ея, торопливо прикрѣпленная на затылкѣ, дважды распускалась и спадала до ногъ. Взглядъ Эмиля былъ все прикованъ къ ней; Жильберта не видала этого, но чувствовала, какъ-будто пламень страстнаго взгляда раскалялъ вокругъ ея атмосферу. Скоро она пришла въ такое замѣшательство, что забыла этому радоваться, и наконецъ, по обыкновенiю, хотѣла шуткою прервать ихъ взаимное волненiе.

— Я желала бы, чтобъ эти волосы были моими, сказала она: — обрѣзала бы ихъ и кинула бы въ рѣку.

Эмилю былъ случай сказать прекрасный комплиментъ, но онъ промолчалъ. Что такого могъ бы онъ сказать объ этихъ волосахъ, то выражало бы любовь, которою пылалъ онъ? Онъ никогда не прикасался къ этимъ волосамъ, а желалъ этого до смерти. Онъ урядкою поглядывалъ кругомъ. Ограда скалъ и кустарниковъ отдѣляла его съ Жильбертою отъ всего свѣта. Не было ни одной точки на горѣ, откуда можно было бы ихъ увидѣть. Казалось, Жильберта будто-нарочно выбрала это убѣжище для искушенія его, а между-тѣмъ, невинная дѣвушка не имѣла и тѣни подобной мысли, и еще меньше думала, чтобъ тутъ была для нея какал-нибудь опасность.

Эмиль не владелъ больше собою: бессонница, страхъ, печаль и радость зажгли лихорадку въ крови его. Онъ упалъ на колѣни подлѣ Жильберты, взялъ дрожащей рукою горсть непокорныхъ волосъ и потомъ, когда она встрепенулась, выпустилъ ихъ, сказавъ:

— Миѣ показалось, что оса, а это просто клочокъ мха.

— Вы испугали меня, возразила Жильберта, качая головою: — я думала, что змѣя.

Однакожь, рука Эмиля привязалась къ этимъ волосамъ и не могла ихъ оставить. Подъ тѣмъ предлогомъ, чтобъ помочь Жильбертѣ собрать ихъ разсыпавшіяся пряди, которыя оспаривалъ у нея вѣтеръ, онъ сто разъ дотрогивался до нихъ и наконецъ поцаловалъ урядкою. Жильберта по-видимому ничего не замѣтила, и, поспѣшно надѣвъ шляпку на плохо-укрѣпленную прическу, встала и сказала съ видомъ, который желала сдѣлать непринужденнымъ:

— Пойдемте; посмотримъ, не проснулся ли батюшка.

Но она трепетала; внезапная блѣдность изгладила яркія краски со щекъ ея; сердце готово было выпрыгнуть изъ груди; она пошатнулась и прислонилась къ скалѣ, чтобъ не упасть. Эмиль былъ у ногъ ея.

Что говорилъ онъ ей? Онъ и самъ не зналъ, а эхо Крозана не сохранило словъ его. Жильберта не слышала ихъ хорошенько; у нея въ ухахъ былъ шумъ потока, но усиленный во сто кратъ бѣшеніемъ жилъ ея, и ей казалось, что гора конвульсивно шаталась надъ ея головою. У нея не было силъ бѣжать, да она и не помышляла объ этомъ. Напрасно бѣжать отъ любви; когда это чувство закралось въ душу, оно не выйдетъ оттуда и всюду послѣдуетъ за нею. Жильберта не знала, что въ любви есть другія опасности, кромѣ того случая, когда сердце можетъ быть застигнуто врасплохъ, и въ-самомъ-дѣлѣ, для нея не было другихъ опасностей съ Эмилиемъ. Ужь и этой опасности было довольно, и головокруженіе, сию причиняемое, исполнено было неодолимыхъ прелестей.

Жильберта умѣла отвѣчать только одно, — именно повторять съ страхомъ, исполненнымъ тоски и грусти, слова:

— Нвтъ, нвтъ! не надо любить меня!

— Такъ вы меня ненавидите? возражалъ Эмиль.

И Жильберта, отворачиваясь, не имѣла духа солгать.

— Хорошо! если вы не любите меня, говорилъ Эмиль: — не все ли равно для васъ узнать, что я васъ люблю? Позвольте мнѣ говорить вамъ это, потому-что я не могу долше скрывать. Вы равнодушны ко мнѣ, а чѣмъ пренебрегаютъ, того не боятся. Услышите же мое признаніе, и если я оставлю васъ, если перестану къ вамъ ѣздить, по-крайней-мѣрѣ знайте почему: потому-что я умираю отъ любви къ вамъ, потому-что я не сплю больше, не могу ничего дѣлать, теряю разсудокъ, и скоро, можетъ-быть, сказалъ бы вашему батюшкѣ то, что говорю вамъ теперь. Пусть лучше вы удалите меня, чѣмъ другіе. Удаляйте же меня; но теперь выслушайте, потому-что тайна моя душаетъ меня. Я люблю васъ, Жильберта, люблю до безумія...

Сердце Эмиля такъ переполнилось, что излилось въ рыданіяхъ.

Жильберта хотѣла бѣжать; но тутъ же, въ трехъ шагахъ, сѣла и заплакала. Больше счастья, чѣмъ горечи было во всѣхъ этихъ слезахъ. Эмиль скоро подошелъ утѣшать Жильберту, и самъ скоро утѣшился, ибо въ страхъ, который она обнаруживала, была только нежность и грусть.

— Я бѣдная дѣвушка, говорила она: — вы очень-богаты, и батюшка вашъ, говорятъ, думаетъ только о томъ, какъ бы увеличить свое состояніе. Вы не можете жениться на мнѣ, и я не должна думать о замужствѣ въ моемъ положеніи. Развѣ какимъ-нибудь случаемъ встрѣтился бы человѣкъ такой же бѣдный, какъ я, съ нѣкоторымъ воспитаніемъ... но я никогда не рассчитывала на подобный случай. Я съ раннихъ лѣтъ сказала себѣ, что должна помириться съ своей участью, чтобъ привыкнуть благородно чувствовать, то-есть, не завидовать другимъ и создать себѣ простыя привычки, честное занятіе. Я вовсе не думаю о замужствѣ; можетъ-быть, чтобъ найти мужа, мнѣ надо было бы нѣсколько перемѣнить свой образъ мыслей. Если вамъ правду сказать, Жаннелъ на-дняхъ пришла мысль, которая очень меня огорчаетъ. Она хочетъ, чтобъ батюшка искалъ мнѣ мужа. Искать мужа! не правда ли, это стыдно и унизительно? можно ли вообразить что-нибудь хуже? А между-тѣмъ, добрая няня не можетъ понять моего отвращенія, и какъ батюшкѣ слѣдовало быть въ Аржантонѣ для полученія его маленькаго дохода, то она вдругъ нынче утромъ потребовала, чтобъ онъ взялъ меня съ собою и представилъ каждому изъ своихъ знакомыхъ. Мы привыкли слушаться Жаннелы и отправились; но отецъ мой, слава Богу, не умѣетъ пріискивать мужей, и я такъ отвлеку его отъ этой мысли, что наша прогулка не будетъ имѣть никакихъ послѣдствій. Видите, господинъ Эмиль, не надо ухаживать за дѣвушкою, которая не обольщается вздорными надеждами и осуждаетъ себя на дѣвичество безъ сожалѣнія и безъ стыда. Я думала, что вы это понима-

и, и что дружба ваша никогда не возмутитъ моего спокойствія. Позабудте же эту шалость, которая какъ-то мелькнула у васъ въ мозгъ, и глядите на меня какъ на сестру, которая съ своей стороны все позабудетъ, если вы дадите слово любить ее спокойно и чисто. Зачѣмъ вамъ оставлять насъ? Это очень огорчило бы батюшку и меня!

— Огорчило бы васъ, Жильберта? возразилъ Эмиль: — отъ-чего же вы плачете, говоря со мною такъ хладнокровно? Или я не понимаю васъ, или вы скрываете отъ меня что-нибудь. И знаете ли, что я отгадываю? Вы не чувствуете ко мнѣ столько уваженія, чтобъ слушать меня доверчиво. Вы принимаете меня за молодого безумца, который толкуетъ о любви безъ религіи и безъ совѣсти, и думаете, что можно обращаться со мною какъ съ ребенкомъ, которому говорить: «не дѣлай впередъ этого, я прощаю тебя». Или, если вы думаете, что нѣсколькими словами холоднаго разсудка можно потушить серьезную любовь, то вы сами дитя; Жильберта, и не чувствуете совершенно ничего ко мнѣ въ глубинѣ своего сердца. О! Боже мой! не-уже-ли и ваши глаза, которые дѣлываютъ меня, и рука, которая меня отталкиваетъ, — не-уже-ли все это прерваніе или недозрѣлость?

— Чему же вы хотите, чтобъ я вѣрала? сказала Жильберта, стараясь скрыть горьость, которую навлекали ей эти упреки: — разве я могу не знать различія нашихъ состояній? разве я могу не признаться что-нибудь въ судьбѣ...?

— Только-то? О, Жильберта! скажите мнѣ, что толкаетъ это!

— Развѣ этого мало? Развѣ вы думаете, я могу согласиться любить васъ съ увѣренностью, что рано или поздно вы будете принадлежать другой? Мнѣ кажется, любовь есть вѣчность жизни вдвоихъ; вотъ почему, отрекшись отъ замужства, я отреклась и отъ любви.

— И я такъ понимаю любовь, Жильберта! Да, любовь есть вѣчность жизни вдвоихъ! Я даже не понимаю, чтобъ смерть могла положить ей предѣлъ... Развѣ я не сказалъ вамъ всего этого, сказавъ: «я люблю васъ»? О! вы не поняли меня, или не хотите понять; но еслибъ вы любили, вы бы не сомнѣвались. Вы не говорили бы мнѣ, что вы бѣдны, вы не вспоминали бы объ этомъ такъ же, какъ я о томъ не вспоминаю.

— О, Боже мой! я не сомнѣваюсь въ васъ, Эмиль; знаю, что вы, подобно мнѣ, неспособны къ корыстолюбивому расчѣту; но повторю вамъ, можетъ ли мы быть сильнѣе судьбы, сильнѣе воли нашего отца, напримѣръ?

— Да, Жильберта, да, сильнѣе цѣлаго свѣта, если... мы любимъ другъ друга!

Безполезно описывать продолженіе этого разговора. Мы не могли бы представить тѣхъ перемежекъ бязни и унынія, когда Жильберта, становясь разсудительною, то-есть безнадежною, указывала на пренятствія и обнаруживала въ себѣ гордость безъ надутости, —

однакомъ такую гордость, которая рѣшилась предпочесть вѣчное одиночество униженію борьбы съ надменностью богатства. Могли бы мы разсказать, какими честными и искренними доводами старался Эмиль внушить ей довѣренность; но самые сильные доводы, на которые Жильберта не находила возраженій, мы не могли бы передать, ибо все они заключались въ энтузіазмъ и наивной пантомимѣ. Любовники не бываютъ краснорѣчивы, какъ риторы, и рѣчи ихъ, переданныя на бумагѣ, не имѣютъ никакого смысла для тѣхъ, къ кому онѣ не были обращены. Еслибъ послѣ можно было хладнокровно вспомнить, отъ какого пустаго слова иногда теряется рассудокъ, то ни за что бы нельзя было понять, какъ это случилось, и надо бы смѣяться надъ самимъ-собою. Но гордость, взгляды находятъ въ страсти чародѣйственную силу, и вскорѣ Эмиль успѣлъ убѣдить Жильберту въ томъ, чему самъ вѣрилъ въ ту минуту: то-есть, что не было ничего проще и легче, какъ имъ обвиняться, потому-что не было ничего законнѣе и необходимѣе, какъ любить другъ друга всѣми силами.

Благородная дѣвушка любила и не могла остановиться на мысли, что Эмиль былъ самонадвѣнъ и безрассуденъ. Онъ говорилъ, что одолѣетъ предполагаемое сопротивленіе отца, а Жильберта знала господина Кардоннѣ по однимъ невѣрнымъ слухамъ. Эмиль ручался за сдѣйствіе своей невѣжной матери, и это обстоятельство успокоивало совесть дѣвушки. Она скоро раздѣлила самообольщеніе Эмиля, и рѣшено было, что Эмиль будетъ говорить съ своимъ отцомъ прежде, чѣмъ обратится къ отцу Жильберты.

Дѣвушка честолюбивая или эгоистка поступила бы благоразумнѣе. Она подвергла бы болѣе-строгимъ условіямъ сознаніе въ своихъ чувствахъ. Она согласилась бы видѣться съ любовникомъ не прежде того дня, когда онъ явится исполнить все формальности сватовства. Жильбертъ даже не пришли и въ голову все эти предосторожности. Она чувствовала въ сердцѣ нѣчто безконечное, вѣру и почтеніе къ слову своего любовника, неизмѣнныя предѣловъ. Она тревожилась только однимъ—что будетъ причиною безпокойства и огорченія для родителей Эмиля, когда онъ вступить въ разговоръ съ отцомъ. Она не могла долѣе сомнѣваться въ побѣдѣ, которую онъ брался одержать; но мысль о битвѣ была ей прискорбна, и она желала бы отдалить эту страшную минуту.

— Послушайте, сказала она: — къ-чему намъ торопиться? мы счастливы покуда, и такъ молоды, что главное и самое основательное возраженіе вашего отца будетъ именно въ этомъ заключаться: вамъ только двадцать-одинъ годъ, и можно опасаться, что вы еще не довольно узнали характеръ своей невѣсты. Если вамъ велѣть подождать или потребуютъ отъ васъ срока на размышленіе, соглашайтесь на все. Еслибъ даже мы обвинялись черезъ нѣсколько лѣтъ, что нужны? лишь бы мы могли видѣться, потому-что сомнѣваться другъ въ другъ мы не можемъ...

— О! вы праведница! отвѣчалъ Эмиль, цалуя край ея шарфа:— я буду достоинъ васъ.

Воротившись на то мѣсто, гдѣ оставили Антуана, они увидѣли, что онъ уже далеко оттуда разговариваетъ съ знакомымъ величникомъ, и пошли дожидаться его у основанія большой башни. Часы летѣли для нихъ какъ секунды, и однакожь были полны кикъ въка. Чего-чего не насаказали они другъ другу! а сколько еще умалчивали! Наконецъ, счастье видѣть, понимать и любить одинъ другаго ощутили они такъ сильно, что ими овладѣла безумная веселость, и, прыгая какъ серны, они схватились за руки и начали бѣгать по обрывистымъ склонамъ, сталкивая камни въ пропасть; обаянные невидимымъ восторгомъ, они не сознавали опасности подобно дѣтямъ. Эмиль отталкивалъ обломки, или быстро перескакивалъ черезъ нихъ; онъ какъ-будто воображалъ себя въ схваткѣ съ препятствіями, поставляемыми его судьбою. Жильберта не боялась ни за него, ни за себя; хохотала, кричала, рснзвала какъ жаваронокъ въ поднебесьѣ, и уже не думала подбирать кусы, которая развѣвалась по вѣтру и иногда закрывала ее всю подобно огненному шокрову. Когда отецъ засталъ ее въ такомъ восторгѣ, она кинулась къ нему и горячо обняла его, какъ-будто желая сообщить ему все счастье, наполнявшее ея душу. Свѣрая шляпа добраго старика слетѣла отъ этого порывистаго объятія и покатиалась въ оврагъ. Жильберта стрѣлою пустилась ловить ее, а Антуанъ, испуганный такою отважностью, бросился ловить дочь. Оба они находились въ большой опасности, когда Эмиль опередилъ ихъ обонхъ, поймалъ на лету бѣглую шляпу, и, надѣвъ ее на голову Антуана, въ свою очередь сжалъ въ объятіяхъ этого добраго отца.

— Ну, ну! вскричалъ Антуанъ, ведя ихъ почти силою на менѣе-опасную площадку: — оба вы очень радуете меня, но еще больше вугаете! Да ужъ не встрѣтили ль вы тамъ чортовой козы, которая заставляетъ прыгать и бѣгать подобно сумасшедшимъ всѣхъ, кого околдууетъ своимъ взглядомъ? Или здвшній горный воздухъ такъ развеселилъ тебя, шалунья? Очень-радъ; однакожь не рискуй такъ, какъ сейчасъ рисковала. Какъ раскраснѣлась! Какъ прояснѣли у тебя глазки! Вижу, что надо почаще водить тебя гулять: дома у тебя мало движенія. А знаете ли, Эмиль, въ эти дни она меня встревожила? Ничего не вѣла, безпрестанно читала, и я уже сбирался выкинуть всѣ ваши книги за окно, еслибъ это не прекратилось. Къ-счастію, теперь этого не видать, и, благо все прошло, мнѣ хочется свозить ее въ Сен-Жермен-Буагг. Чудесное мѣсто! мы проведемъ тамъ завтрашній день, и, если хотите вѣхать съ нами, мы погуляемъ какъ-нельзя-лучше. А? что скажете? Нужды нѣтъ, что мы будемъ въ Аржантонъ днемъ позже? не правда ли, Жильберта? И не все ли равно, если мы пробудемъ тамъ одинъ день вмѣсто двухъ?

— Что за бѣда, если и совсѣмъ тамъ не будемъ! сказала Жиль-

берта, вспрыгнувъ отъ радости: — поѣдьте въ Сен-Жерменъ, батюшка; я никогда не бывала тамъ. О! какая прекрасная мысль!

— Мы на дорогѣ туда, возразилъ г-нъ Шатобрёнъ: — однакожь надо почевать въ Фрейселинъ, потому-что здѣсь нѣчего и думать о ночлегѣ. Впрочемъ, Фрейселинъ и Конфоланъ стоить посмотреть. Дороги не очень-хороши; намъ придется пропутся въ путь до сумерекъ. Москѣ Шарассонъ, ступайте, задайте овса бѣдной Жансери, которая большая охотница до путешествій, потому-что они для нея единственные случаи полакоматься; отведите осле къ тѣмъ, кто намъ далъ его, туда въ Витру, а потомъ ожидайте насъ, съ моею тачкою и лошадыю г-на Эмиля, по ту сторону рѣки. Мы будемъ тамъ черезъ два часа.

— А я, сказала Эмиль: — напишу пару словъ карандашемъ къ матушкѣ, чтобъ она не тревожилась моею отсутствіемъ, и вѣрно найду какого-нибудь мальчика, который отнесетъ ей записку.

— Посылать такъ далеко этихъ маленькихъ дикарей не совсемъ-то легко. Э! да вотъ намъ и гонецъ, кто-то изъ вашего дома, если не ошибаюсь!

Оглянувшись, Эмиль увидѣлъ Константа Галюшэ, писмоводителя отца своего, который только-что сбросилъ платье на траву, и, обернувъ голову носовымъ платкомъ, собираясь закинуть удочку.

— Ба! Констанъ, вы даже сюда ходите ловить пискарей? сказала Эмиль.

— О! ужъ конечно нѣтъ, сударь, отвѣчалъ Галюшэ съ важнымъ видомъ: — я питаю надежду поймать здѣсь форель!

— Но вы намѣрены воротиться сегодня въ Гаржильесъ?

— Разумѣется, сударь. Батюшка вашъ, не имѣя во мнѣ нужды нынче, позволилъ мнѣ располагать цѣлымъ днемъ; но если Богъ дастъ, я поймаю форель, тотчасъ же уйду изъ этого гадкаго мѣста.

— А если ничего не поймаете?

— Такъ еще больше буду проклипать себя за то, что зашелъ такъ далеко и видѣлъ эту развалину. Ужасъ! Можно ли гдѣ найти мѣсто печальнѣе и замокъ хуже этого? Вѣрте послѣ этого путешественникамъ, которые толкуютъ, что это чудо, и что нельзя жить на берегахъ Крѣзы, не осмотрѣвъ Крезана! Если только нѣтъ рыбы въ здѣшней рѣкѣ, то пусть меня повѣсятъ, коли я покажусь сюда когда-нибудь. Да и на рѣку плоха тутъ надежда; эта свѣтлая вода никуда не годится для ловли удочкою, а бездрастанный шумъ оглушительнъ. У меня голова заболѣла.

— Видно, что вы сдѣлали не очень-вѣрную прогулку, сказала Жильберта, которая въ первый разъ видѣла смѣшную фигуру Галюшэ, и которой прозаическое пренебреженіе его внушало сильную охоту смѣяться. — Однакожь, согласитесь, эти развалины производятъ сильный эффектъ; по-крайней-мѣрѣ, онъ единственный въ своемъ родѣ! Выходили ли вы на большую башню?

— Сохрани меня Богъ, сударыня! отвѣчалъ Галюшэ, польщеннымъ обращеніемъ къ нему Жильберты, на которую глядѣлъ онъ во

но ширину своихъ круглыхъ глазъ, значительно отдаленныхъ одна отъ другаго и перемеженныхъ довольно-страннымъ пучкомъ рыжихъ бровей. — Я отсюда вижу внутренность этого сарая, потому-что онъ весь сквозной какъ фонарь, и, кажется, не стоить, чтобъ изъ-за него сломать себѣ шею.

Принявъ улыбку Жильберты за знакъ одобренія ѣдкой сатиры, онъ прибавилъ тономъ, который считалъ забавнымъ и остроумнымъ:

— Славная сторонка, нечего сказать! тутъ не растеть даже сжемика! Если мавританскіе короли жили не лучше этого, я вознаграю ихъ: хорошъ у нихъ былъ вкусъ; вѣрно, сами они такъ были чудесные ребята! Чай, ходили въ деревянныхъ башмакахъ и брали кушанье пальцами.

— Очень-замысловатая историческая догадка, сказалъ Эмиль Жильбертъ, которая закусила кончикъ платка, чтобъ не захохотать.

— О! я вижу, вы большой насмѣшникъ! возразила она. — Впрочемъ, вы въ правѣ насмѣхаться — вы изъ Парижа, гдѣ все отличнее умомъ и свѣтскостью, и очутились теперь между дикарями.

— Не могу сказать этого по-крайней-мѣрѣ теперь, подхватилъ Галюшэ, кинувъ убійственный взглядъ на прекрасную Жильберту, которую находилъ очень по своему вкусу: — но, говоря откровенно, дѣшная сторона точно поотстала. Посмотрите, какіе оборванные, босые ребятки! Въ Парижѣ, на всѣхъ башмаки, а у кого ихъ нѣтъ, тѣ ужъ и не выходятъ по воскресеньямъ. Я нынче зашелъ было въ одинъ домъ закусить: не оказалось ничего, кромѣ чернаго хлѣба, котораго не стала бы ѣсть собака, да козьего молока, которое вошло псвиною. Не стыдно ли этимъ людямъ жить такъ сдвредно!

— Можетъ-быть, не отъ-того ли это, что они очень-бѣдны и не могутъ жить лучше? сказала Жильберта, возмущенная надменнымъ тономъ мосѣ Галюшэ.

— Скорѣе, развѣ очень-лѣнны, отвѣчалъ онъ, нѣсколько-озабоченный этимъ замѣчаніемъ, которое не приходило ему на умъ.

— А почему вы знаете? возразила Жильберта съ негодованіемъ, котораго Галюшэ не цовилъ.

«Дѣтушка очень-задорна» подумалъ онъ: «и ея бойкій видъ очень мнѣ нравится. Если бы поговорить съ нею подольше, я показалъ бы ей, что я не провинциальный простакъ».

— Каковъ! сказалъ Эмиль Жильбертъ, между-тѣмъ, какъ Констанъ искалъ на берегу червяковъ для удочки: — не правда ли, очень-умень?

— Я боюсь, едва-ли онъ не больше глупъ, чѣмъ простъ, отвѣчала Жильберта.

— Полноте, дѣтушки, вы строго судите, замѣтилъ добрый Антуанъ. — Этотъ дѣтина не краснѣетъ, я согласенъ; но онъ, кажется,

хорошій шалый, и г-нъ Кардоннэ имъ доволенъ. Онъ преобязательный, и раза два или три предлагалъ мнѣ свои услуги; даже подарилъ мнѣ очень-хорошую удочку, какихъ нѣтъ здѣсь: жаль только, я потерялъ ее прежде, нежели воротился домой, и Жанилла въ тотъ день бранила меня почти столько же, какъ тогда, когда я потерялъ шляпу. Что жъ, г-нъ Галюшэ? прибавилъ онъ, возвыся голосъ: — вы обѣщали прійти ловить рыбу въ наши мѣста; я у себя не очень тревожу рыбу; у меня нѣтъ вашего терпѣнія, и потому вы найдете ее вдоволь. Жду васъ на-дняхъ; приходите ко мнѣ завтракать, а потомъ я провожу васъ на хорошія мѣста: тамъ будетъ много для васъ поживы.

— Очень вамъ признателенъ, отвѣчалъ Галюшэ: — непременно явлюсь въ одно изъ воскресеній, если вамъ благоугодно обязать меня своими ласками.

Въ восхищеніи отъ своей фразы, Галюшэ раскланялся какъ-можно-любезнѣе и ушелъ, принявъ порученіе Эмиля къ его родителямъ.

Жильбертъ хотѣлось показать нѣкоторое неудовольствіе отцу за его излишнюю благосклонность къ такому неуклюжему и неприятному человѣку; но сама она была такъ благосклонна, что тотчасъ же пожертвовала ему своимъ отвращеніемъ, и черезъ минуту забыла все, тѣмъ больше, что въ этотъ день была не въ состояніи чувствовать никакой досады.

Эмиль и Жильберта, благодаря настройству душъ своихъ, находили пріятными и забавными всѣ случаи, наполнявшіе остатокъ путешествія. Старая кобыла г-на Антуана, заложенная въ нѣчто похожее на открытую кабріолетку, которую онъ недаромъ называлъ тачкою, дѣлала чудеса ловкости по ужаснымъ дорогамъ, какими они должны были ѣхать къ своему ночлегу. Въ этомъ экипажѣ могли помѣщаться трое, и Сильвенъ Шарассонъ, усѣвшись по срединѣ, *мило* (по его выраженію) правилъ миролюбивою Лантерною. Страшные толчки, претерпѣваемые ими въ этомъ экипажѣ, отнюдь не беспокоили Жильберты и отца ея, непривыкшихъ баловать себя удобствами и останавливаться отъ какой бы то ни было погоды, или дороги. Эмиль ѣхалъ впереди верхомъ, предупреждая ихъ и помогая имъ выходить изъ экипажа, когда дорога была ужъ черезъ-чуръ опасна. Потомъ, когда они выбирались на мягкій песокъ степей, онъ ѣхалъ сзади, чтобъ разговаривать съ Жильбертою и особенно, чтобъ глядѣть на нее.

Никогда щеголь Булонскаго-Лѣса, вперяя взоръ въ блестящую коляску своей торжествующей любовницы, не бывалъ такъ восхищенъ и гордъ, какъ былъ радостенъ Эмиль, провожая обожаемую имъ прекрасную поселянку по неяснымъ тропамъ этой пустыни, при сіяніи первыхъ звѣздъ. Что нужды было ему, сидѣла ли она въ какой-то тачкѣ, запряженной клячею, или въ роскошной каретѣ? Была ли одѣта въ объяръ и бархатъ, или въ полинялый ситецъ? На ней были худыя перчатки, изъ которыхъ видѣлись кончики

ей розовыхъ пальцевъ, державшихся за спинку экипажа. Чтобъ сберечь свой праздничный шарфъ, она сложила его и положила въ кофеекъ; прекрасная, стройная и гибкая талия ея еще лучше обрисовывалась. Теплый вечерній вѣтерокъ, казалось, съ горячностью ласкалъ ея бѣлую, какъ алебастръ, шею. Дыханіе Эмиля сѣшивалось съ вѣтеркомъ, и онъ былъ тутъ безотлучно, какъ шевальеръ, прикованный къ колесницѣ побѣдителя.

Была минута, когда, благодаря неосторожности Сильвена, тачка вдругъ остановилась и лошадь Эмиля чуть не наткнулась объ нее головою. Мосьё Сакрипанъ поставилъ переднія лапы на подножку, думая разумѣть, что онъ усталъ и что пора его взять въ экипажъ. Г-нъ Антуанъ сѣмелъ, чтобъ схватить его за загривокъ и бросить на фартукъ кабриолетки, потому-что у бѣдной собаки не было уже столь гибкихъ ногъ, чтобъ вспрыгнуть высоко. Между-тѣмъ, Жильберта ласкала морду Воронка и проводила своей маленькой ручкой по волнамъ его черной гривы. Сердце Эмиля билось, какъ-будто какой-нибудь магнетическій токъ переносилъ ему эти ласки. Онъ чуть-было не сказалъ на-счетъ счастья Воронка какого-то замѣчанія, такого же недалежнаго, къ какому бы способенъ былъ Галюшэ въ подобномъ случаѣ; но удовольствовался быть глупымъ молча. Человекъ съ умомъ такъ счастливъ, если его настигнетъ подобная глупость!

Ужъ совершенно стемнѣло, когда они пріѣхали въ Фрейселинъ. Деревья и скалы представляли однѣ черныя массы, откуда слышался величавый и торжественный гулъ рѣки. Приятная усталость и свежесть ночи повергли Эмиля и Жильберту въ сладкое усыпленіе. Передъ ними было завтра, цѣлый вѣкъ счастья.

Гостиница, въ которой они остановились, и которая была лучшею во всей деревнѣ, обладала только двумя постелями въ двухъ отдѣльныхъ комнатахъ. Рѣшили, что лучшая комната достанется Жильбертѣ, а г-нъ Антуанъ съ Эмилемъ расположатся въ другой, и что каждый изъ нихъ возьметъ по матрасу. Но когда дѣло дошло до повѣрки мебели, оказалось, что на каждой постели было по одному матрасу, и Эмиль составилъ себѣ дѣтское удовольствіе изъ того, что будетъ спать на соломѣ. Эта мѣра, угрожавшая Шарассону подобной участью, казалось, очень не нравилась шатобрѣнскому наму. Мальчикъ любилъ понѣжиться, особливо въ путешествіи. Привыкши провожать господина во всѣхъ его позадкахъ, онъ вознаграждалъ себя за суровость, на какую Жаннилла осуждала его въ Шатобрѣнѣ, вдоволь надаясь и высыпаясь въ дорогѣ. Г-нъ Антуанъ, подтрунивая надъ нимъ съ грубоватой веселостью, спускалъ ему всѣ прихоти и самъ дѣлался его работъ, говоря съ нимъ какъ съ негромъ. Такъ, на-примѣръ, когда Сильвенъ дѣлалъ видъ, будто чиститъ лошадь и запрягаетъ экипажъ, господинъ его на-самомъ-дѣлѣ работалъ скребницею и ворочалъ колымагу. Если мальчикъ засыпалъ, правя лошадью, Антуанъ протиралъ себѣ глаза, бралъ возжи, и охотнѣе перемогалъ сонъ, нежели будилъ своего наму. Если на ужинѣ была только одна порція мяса: «Вы

гложите кости съ мосьё Сакрипаномъ, говорилъ г-нъ Антуанъ Шарассону, который пожиралъ глазами говядину; но, самъ не замѣчая, добрый старикъ глодаалъ кости и оставлялъ лучшій кусокъ Сильвеву. Лукавый мальчишка зналъ манеры своего господина, и чѣмъ больше ему грозили голодомъ, безсонницей и работой, тѣмъ тверже онъ надѣялся на свою счастливую звѣзду.

Однакожь, когда онъ увидѣлъ, что г-нъ Антуанъ нимало не заботится о его почлегѣ и что Эмиль довольствовался соломою, то началъ, прислуживая за ужиномъ, звать, потягивать руки и говорить, что дорога была длинна, что эта проклятая сторона стояла на краю свѣта, и онъ думалъ уже, что они цѣкогда не дѣбдутъ.

Антуанъ притворился, будто ничего не слышитъ, и хотя ужинъ былъ не очень-вкусенъ, однакожь онъ ѣлъ съ большимъ аппетитомъ.

— Вотъ какъ я люблю путешествовать, говорилъ онъ, — поминутно чокаюсь стаканами съ Эмилемъ въ-сладствіе привычки; перенятая у Жана Жапплю: — когда при мнѣ всё мое удобства и всё мое привязанности. Ни за что не соглашусь въ почтовой каретѣ или на корабль ѣхать одинъ искать счастья. То ли дѣло наслаждаться малымъ, что имѣешь, проѣзжая прекрасную сторону, гдѣ знаешь всѣхъ прохожихъ по именамъ, всѣ дома, всѣ деревья, всѣ колеи! Ну, не все ли одно, что я у себя дома? Еслибъ за столомъ были Жанъ съ Живиллою, я подумалъ бы, что я въ Шатобриъ, потому-что со мною, во-первыхъ, моя дочка и одна изъ лучшихъ друзей; а во-вторыхъ, моя собака, и даже мосьё Шарассонъ, который счастливъ, что видать свѣтъ в ночуетъ въ гостиницѣ по своимъ заслугамъ.

— Хорошо вамъ говорить, сударь, подхватилъ Шарассонъ, который, вмѣсто того, чтобы прислуживать, усѣлся къ камину:—гостиница прѣгадка и спать въ ней надо съ собаками.

— Что жъ, негодяй ты этакой, развѣ ужъ этого не слишкомъ для тебя много? возразилъ Антуанъ, поддѣлываясь подъ сердитый голосъ: — ты долженъ радоваться, что тебя не посылаютъ на нашествіе съ курами! Вотъ еще какой пѣженка! У тебя есть солома, а ты боишься умереть съ голода ночью?

— Извините, сударь, здѣсь не солома, а сѣно; отъ сѣна же голова болить.

— Коди такъ, ложись на голомъ полу подлѣ мосіи постели; я тебя выучу жаловаться. Ты держишься какъ горбатый: эта ортопедическая кровать будетъ тебѣ очень полезна. Ступай, приготовь мнѣ постель, да разстели лошадиную поцону для мосьё Сакрипана.

Эмиль спрашивалъ себя, чѣмъ развяжется шутка, которую г-нъ Антуанъ степенно выдерживалъ до конца, и когда Жильберта удалилась въ свою комнату, онъ пошелъ за господиномъ Антуаномъ въ его спальню, желая посмотреть, успѣетъ ли тотъ убѣдить сво-

его нажа довольствоваться соломою. Графъ забавлялся, заставляя ухаживать за собою какъ за барининомъ.

— Эй! говорилъ онъ:—спить съ меня сапоги, подать фуляръ и потушить свѣчи! Ты растянешься тутъ на полу, и горе тебѣ, если осмѣлишься захрапѣть! Прощайте, Эмиль, ступайте спать, васъ не будетъ тревожить сосѣдство этого негодяя, который не далъ бы вамъ уснуть. Онъ ночуетъ пыпыче на полу, въ наказаніе за его глупыя жалобы.

Проспавъ часа два, Эмиль вдругъ былъ разбуженъ паденіемъ тяжелаго тѣла, повалившагося рядомъ съ нимъ на солому.

— Ничего, это я, сказала господинъ Антуанъ:—не безпокойтесь. Я было подымаюся постелью съ этимъ плутомъ; но подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ ростеть, онъ безпрестанно возится ногами и до того затолкалъ меня, что я уступилъ ему свое мѣсто. Пусть его спить на кровати, если ужъ ему такъ хочется! Мнѣ здѣсь гораздо-лучше.

Таково было примѣрное наказаніе, которое понесъ въ Фрейселинъ шатобрѣнскій пажъ.

XI.

Интрига.

Оставимъ Эмиля, забывшаго о свиданіи, назначенномъ ему Жюльеттою, и рыскающаго по горамъ и доламъ съ предметомъ своихъ вымышлений; перенесемъ на заводъ Кардоннѣ и поспѣдуемъ за жизнью промисестивъ, сплетающихъ судьбу этого молодого челоука.

Господинъ Кардоннѣ начиналъ серьезно безпокойться безпрестанными отлучками Эмиля, и думалъ, что скоро настанетъ пора принять надзоръ и сдѣлать порядочнымъ его поведение. «Теперь онъ развлекается отъ своихъ грѣзъ» рассуждалъ онъ: «спера ему приесться за какое-нибудь полезное дѣло. Разсудокъ мало будетъ смѣнить вліянія на умъ столь наклепный изъ мудрованіямъ. Кажется, конькомъ его сдѣлалась покажется кенюшня, и пусть она останется его забавою; но посмотримъ, вользя ли будетъ замѣнить теорія практикой. Въ его лѣтъ, руководятся больше истинкстами, чѣмъ идеями, хотъ и гордо воображаютъ себя противное; сприважемъ его сначала къ матеріальному труду, хотъ бы то было спротивъ его воли. Онъ такъ трудолюбивъ и смышленъ, что буелеть хорошо дѣлать то, что увидить себя въ необходимости дѣлать. Мало-по-малу какое-нибудь занятіе, которое я принцу ему, сдѣлается для него потребностью. Развъ не всегда такъ бывало съ нимъ? Даже занимаясь правомъ, которое ненавидѣлъ, развъ онъ не учился праву? Хорошо же! пусть онъ доучивается праву, гасивъ даже ненавидѣлъ его все больше и больше, и спалъ опять съ тѣ колдобрества, которыя меня тревожили. Теперь, я знаю, не

«понадобится ни много времени, ни очень-искусной кокетки, чтобъ освободить его отъ педагогической наклейки юныхъ школь».

По время было въ самой срединѣ вакансій, и господамъ Кардоннѣ не имѣлъ непосредственныхъ причинъ отослать Эмиля въ Поатье. Притомъ же, онъ многого ожидалъ отъ его пребыванія въ Гаржилесь, ибо мало-по-малу Эмиль безъ принужденія принимался за занятія, предлагаемыя ему отцомъ время-отъ-времени, и повидимому пересталъ заботиться о цѣли, которой прежде такъ добивался. Всякій трудъ исполнялся Эмилемъ превосходно, и господинъ Кардоннѣ надѣялся освободить его отъ любви когда вздумается, не заставляя его отказываться отъ той покорности и способности, которыхъ плодами иногда пользовался.

Ничто не противорѣчило такъ выдашь госпожи Кардоннѣ, какъ то, чтобъ подавать мужу поводъ замѣчать странное поведение Эмиля. Еслибъ она угадывала счастье, какимъ наслаждался сынъ ея въ своемъ отсутствіи, и тайну этого счастья, она помогала бы ему собластности наружности, и сдѣлалась бы его сообщницей съ еще-большою нѣжностью, нежели благоразуміемъ. Но она воображала, что часто холодный и пасивный топъ господина Кардоннѣ былъ единственною причиною недовольства, чувствуемаго Эмилемъ въ родительскомъ домѣ, и, втайнѣ досадуя на своего повелителя, глубоко скорбѣла, что такъ мало наслаждалась сообществомъ сына. Когда Галюшѣ явился съ извѣстіемъ, что господинъ Эмиль воротится домой не прежде, какъ завтра или послѣ-завтра вечеромъ, она не могла удержать слезъ и сказала вполголоса:

— Ужъ онъ и не почуветь дома! Не хочетъ даже спать здѣсь: видно, мало находить радости!

— Ну! есть о чемъ печалиться! сказалъ господинъ Кардоннѣ, пожавъ плечами.—Развѣ сынъ вашъ дѣвица? чего же боитесь вы, что онъ не почуветь дома? Если вы такъ начинаете, то ваши огорченія не скоро кончатся; это еще первый образецъ вольностей, какія можетъ себѣ позволить молодой человекъ. Констанъ! сказалъ онъ своему секретарю, оставшисъ на-единѣ съ нимъ:—что за люди, съ которыми ты встрѣтилъ Эмиля?

— А! очень-пріятная компанія, сударь! отвѣчалъ Галюшѣ.—Господинъ Антуанъ Шатобрёнъ, добрый человекъ, здоровый весельчакъ, преобходительный въ обращеніи, и дочь его, славная женщина, преловкая, и съ личкомъ хоть-куда.

— Вижу, что ты знатокъ, Галюшѣ, и не пропустилъ ничего изъ прелестей дѣвушки.

— Еще бы! На то глаза, сударь, сказалъ Галюшѣ съ довольнымъ смѣхомъ, ибо рѣдко случалось, чтобъ хозяинъ дѣлалъ ему честь разговаривать съ нимъ о предметѣ, некасавшемся его должности.

— И Эмиль вѣрно съ ними отправился въ романическое путешествіе?

— Полагаю, сударь; я издали видѣлъ его верхомъ, какъ-будто онъ вѣхалъ съ ними.

— Бывалъ ли ты когда-нибудь въ Шатобрёнъ, Галюшэ?

— Какъ же, сударь! Я былъ тамъ однажды, когда господь не было дома, и еслибъ я зналъ, что найду тамъ одну старую служанку, то не сдѣлалъ бы такой глупости.

— Почему же?

— Потому-что павѣрное посмотрѣлъ бы замокъ даромъ, тогда-какъ эта колдунья, выводявъ меня по своей трущобѣ, потребовала съ меня полфранка за услугу. Не безсовѣстно ли обирать людей за то, что они посмотреть такую развалину!

— Я думалъ, что старикъ Антуанъ сдѣлалъ кой-какія поправки съ-тѣхъ-поръ, какъ я тамъ не былъ.

— Какія поправки, сударь! Жалко и глядѣть-то! Они поправили какой-то уголъ величиною въ ладошь, и не могли даже оклеить комнату обоями. Хозяинъ и вполнину не живетъ такъ хорошо, какъ я у васъ. И какъ все печально внутри-то! На дворѣ груды камней, того-и-гляди ноги переломашь, крапива, терновникъ, даже воротъ нѣтъ въ главной аркадѣ, которая похожа на входъ въ Венсенскій-Замокъ, и была бы довольно-красива, еслибъ хоть немножко ее оштукатурили: объ остальномъ и говорить нѣчего! Ни одной твердой стѣны, ни одной крѣпкой лѣсницы; трещины такія, что съ головой увязнешь; плющъ, котораго даже не трудятся вырывать, а, кажется бы, не великъ трудъ! Комнаты безъ половъ и потолкавъ! Признаюсь, здѣшніе жители стѣбуютъ Гасконцевъ, когда хвастаются своими старыми замками и посылаютъ васъ бродить по глухимъ дорогамъ за тѣмъ, чтобъ посмотрѣть на обломки и крапиву! Право, Крозанъ—отличная мистификація, а Шатобрёнъ ничѣмъ не лучше Крозапа!

— Такъ тебя и Крозанъ не прельщаетъ? Однакожь, я увѣренъ, сынъ мой восхищался имъ?..

— Господину Эмилю можно было восхищаться, ведя подъ руку такую хорошенькую дѣвочку! И я на его мѣсть не очень бы жаловался на тамошнюю сторону; но я, надѣявшись наловить форелей и не поймавъ даже пискарля, — я вовсе недоволенъ своей прогулкой, тѣмъ больше, что шелъ пѣшкомъ двадцать километровъ туда, да столько же оттуда, всего четыре мириаметра.

— Ты усталъ, Галюшэ?

— Да, сударь, очень усталъ и очень-недоволенъ! Впередъ меня не поддѣнуть этой крѣпостью мавританскихъ королей.

Довольный своей шуткою, сказанной поутру, Галюшэ повторилъ съ лукавой насмѣшкою:

— Чудесные были эти короли! Чай, ходили въ деревянныхъ башмакахъ и ѣли пальцами.

— Ты сегодня очень-остроумень, Галюшэ, отвѣчалъ г-нъ Кардоннэ, не удостоивая улыбнуться:—но былъ бы еще умиве, еслибъ, будучи влюбленъ такъ, какъ ты теперь, нашелъ какой-нибудь предлогъ время отъ времени навѣщать старика Шатобрёна.

— На что мнѣ предлоги, сударь? отвѣчалъ Галюшэ хвастливымъ

тоюмъ. — Мы съ нимъ коротко знакомы; онъ часто приглашалъ меня ловить рыбу въ своей рѣкѣ, и еще сегодня звалъ завтракать къ нему въ воскресенье.

— Ну, что жь, почему жь тебя не бывать? Я, пожалуй, буду давать тебѣ отпуска отъ времени до времени.

— Покорнѣйше благодарю: если я не нуженъ вамъ, то пойду въ будущее воскресенье, потому-что очень люблю ловить рыбу.

— Галюшѣ, другъ мой, ты глупъ!

— Что, сударь? сказалъ Галюшѣ въ смущеніи.

— Говорю тебѣ, мой милый, спокойно продолжалъ г-нъ Кардоннѣ: — ты глупъ. Ты думаешь только о пискаряхъ, когда можешь влопочиться за хорошенькой дѣвушкой.

— О! отъ этого, сударь, я не прочь! сказалъ Галюшѣ, почесывая за ухомъ съ довольнымъ видомъ: — дѣвушка мнѣ понравилась; право! очень недурна; голубые глаза такіе большіе; русые волосы, длиною, я увѣренъ, въ одинъ метръ пятьдесятъ сантиметровъ; превосходные зубы и преселенная наружность. Я крѣпко бы влюбился, еслибъ захотѣлъ!

— Почему жь ты не хочешь?

— Почему! еслибъ я имѣлъ капитала хоть десять тысячъ франковъ, конечно могъ бы ей понравиться; но когда нѣтъ ничего, нельзя понравиться дѣвушкѣ, у которой тоже ничего нѣтъ.

— Твое жалованье, можетъ-быть, равняется всему ея доходу?

— Да это временное, а старая Жанилла, которая слыветъ ея матерью (оно, признаюсь, немножко бы неприятно сдѣлаться зятемъ служанки), старая Жанилла, вѣрно, пожелала бы небольшого капитальца, на первое обзаведеніе.

— Ты полагаешь, десяти тысячъ франковъ довольно?

— Не знаю, но, кажется, эти люди не имѣютъ права быть очень-честолюбивы. Ихъ домишко не стоить четырехъ тысячъ франковъ; гора, садъ и лужайка на берегу рѣки, вся заросшая тростникомъ; плодовые деревья годятся только на топливо, — все это вмѣстѣ едва-ли принесетъ и сотню франковъ дохода. Говорятъ, что у г-на Антуана есть небольшой капиталъ въ государственномъ банкѣ. Но, вѣрно, какая-нибудь бездѣлица, судя по тому, какъ они живутъ. Дѣло другое, еслибъ хоть тысяча франковъ вѣрнаго дохода, и охотно бы женился на дѣвушкѣ. Она нравится мнѣ, а въ мои лѣта ужъ и пора бы пристроиться.

— У господина Антуана тысяча-двѣсти-франковъ дохода, и это знаю.

— Которые должны обратиться въ пользу дочери, сударь?

— Наверное...

— Но, хоть и онъ призналъ ее, однакожъ, она все-таки побочная дочь, и имѣетъ право только на половину.

— Ну, такъ что жь ты можешь за нее свататься.

— Покорно благодарю-сь! А чѣмъ мы будемъ жить-то? воспитывать дѣтей?

— Конечно, вамъ надо бы имѣть маленькій капиталецъ. Это, пожалуй, и нашлось бы, Галюшѣ, еслибъ счастье твое рѣшительно отъ того зависло.

— Не знаю, какъ благодарить васъ за ваши милости; но...

— Но что? Полно чесать за ухомъ-то, говори.

— Не смѣю, сударь...

— Отъ-чего? Развѣ мы не по-пріятельски разговариваемъ?

— Чувствительно вамъ благодаренъ, возразилъ Галюшѣ:—но...

— Наконецъ, ты выводимъ меня изъ терпѣнія. Говори, что такое?

— Такъ и быть; сударь, назовите меня хоть дуракомъ, а я скажу вамъ все. Вѣдь господинъ Эмиль ухаживаетъ за дѣвушкой.

— Ты думаешь? сказалъ господинъ Кардоннѣ, притворяясь удивленнымъ.

— Если вамъ это неизвѣстно, то мнѣ было бы очень-прискорбно быть причиною неудовольствія между вами и вашимъ сыномъ.

— Такъ объ этомъ носятя слухи?

— Не знаю, говорятъ ли объ этомъ, я никогда не остававшись слушать толки; но самъ давно примѣтилъ, что господинъ Эмиль очень-часто вздиръ въ Шатобрѣнъ.

— Что жъ это доказываетъ?

— Какъ вамъ угодно, сударь, мнѣ все равно... Я хотѣлъ только сказать, что еслибъ я намѣревался жениться на дѣвушкѣ, то не желалъ бы быть вторымъ...

— Понимаю. Но едва-ли мой сынъ серьезно ухаживаетъ за молоденькой дѣвушкой, на которой онъ не захочетъ и не можетъ жениться. Сынъ мой благороденъ, и никогда не унижится до лжи, до фальшивыхъ обѣщаній. Если дѣвушка эта честная,—будь увѣренъ, ея сношенія съ Эмилемъ совершенно-невинны. Вѣдь ты самъ того же мнѣнія?

— Я на этотъ счетъ такого мнѣнія, какое вамъ будетъ угодно.

— Ну, ужъ это черезъ-чуръ сговорчиво! Еслибъ ты былъ влюбленъ въ дѣвицу Шатобрѣнъ, развѣ ты не старался бы лично увѣряться въ истинѣ?

— Безъ сомнѣнія, сударь; но я вовсе не влюбленъ; я видѣлъ ее только одинъ разъ.

— Хорошо! послушай, Галюшѣ: ты можешь оказать мнѣ услугу. То, что ты сейчасъ сказалъ, беспокоитъ меня больше, нежели тебя, и все, о чемъ мы говорили съ тобою въ видѣ предположенія и шутки, имѣетъ по-крайней-мѣрѣ тотъ серьезный результатъ, что предостережетъ меня отъ некоторыхъ опасностей. Повторяю тебѣ: сынъ мой честный человѣкъ; онъ не обольститъ дѣвушки неопытной и бѣдной; однакожъ, выдавъ съ цею часто, онъ можетъ почувствовать къ ней слишкомъ-живое расположеніе, которое навлечетъ наъ обонимъ временныя, но безполезныя огорченія. Мнѣ легко бы прекратитъ все разомъ, тотчасъ удаливъ отъ нея Эмиля; но это воперечію бы моему плану пріучить его къ практикѣ моихъ за-

нятій, и жаль было бы, еслибъ такая маловажная причина принуди-ла меня разстаться съ нимъ въ теперешнихъ обстоятельствахъ. Возьмись же помогать мнѣ. Ты увѣренъ, что тебя хорошо при-мутъ въ Шатобрёнъ: бывай тамъ чаще, такъ же часто, какъ мой сынъ; сдѣлайся другомъ дома. При характерѣ старика Антуана, это будетъ не трудно. Гляди, замѣчай, и передавай мнѣ все, что тамъ дѣлается. Если твое пребываніе тамъ будетъ не нравиться сыну, тогда явно, что опасность существуетъ; если жъ онъ будетъ стараться выжить тебя, держись твердо и смѣло сватайся за дѣ-вушку.

— А если мое сватовство приѣдутъ?

— Тѣмъ для тебя лучше!

— Да, смотря по тому, сударь, до чего дойдетъ дѣло у нея съ вашимъ сыномъ.

— Не-уже-ли ты такъ простъ, что не съумѣешь заблаговремен-но разузнать правду? вѣдь ты отправаляешься туда наблюдателемъ.

— А если я замѣчу, что опоздалъ?

— Тогда отступись.

— Хорошую же роль я сыгравъ: господишъ Эмиль будетъ сер-диться на меня.

— Галюшѣ, я ничего не требую даромъ. Разумѣется, все это не обойдется безъ некоторой скуки и непріятности для тебя; но имѣй въ виду полновѣсную благодарность съ моей стороны за всѣ по-жертвованія, которыхъ я отъ тебя требую.

— Довольно, сударь; еще одно слово: въ случаѣ, если дѣвушка мнѣ полюбится, и я полюблюсь ей, — вѣдь я покуда такъ бѣденъ, что не могу жениться...

— Мы уже упоминали объ этомъ. Я помогу тебѣ устроиться. На-примѣръ, ты обяжешься служить мнѣ въ-теченіе извѣстнаго времени, а я выдамъ тебѣ впередъ пять тысячъ франковъ въ счетъ жалованья, и еще, пожалуй, подарю тысячу пять, если будетъ необходимо.

— Это уже не шутка, не предположеніе? спросилъ Галюшѣ, по-чесывая голову сильнѣе обыкновеннаго.

— Ты знаешь, я шучу рѣдко; а теперь вовсе не шучу.

— Понимаю, сударь; чувствительно вамъ благодаренъ. Стану на часы при господишъ Эмиль, и хитеръ онъ будетъ, если проведетъ меня!

«Будетъ похитрѣе тебя, да это и не трудно», подумалъ госно-динъ Кардоннѣ, когда Галюшѣ ушелъ: «но довольно, чтобъ онъ имѣлъ соперника твоего покроя, и онъ тотчасъ почувствуетъ все неприличіе своего выбора. Если же предпочтутъ подобнаго тебѣ неуклюжаго жениха прекрасному встрѣчному вздыхателю, какъ онъ, это послужитъ ему хорошимъ урокомъ. Въ такомъ случаѣ, небольшо-е пожертвованіе на устройство господина Галюшѣ не Богъ-зна-етъ какъ важно, тѣмъ болѣе, что это удержитъ его въ моей служ-бѣ и отниметъ у него всякую честолюбивую мысль оставить меня.

Но вѣдь это крайній случай моего проекта, и Галюшэ имѣеть двадцать вѣроятностей противъ одной, что его выпроводятъ вонъ черезъ нѣсколько времени. До-тѣхъ-поръ я успѣю придумать что-нибудь получше, и буду по-крайней-мѣрѣ тревожить Эмиля, разсѣривать его, напушу на него врага, съ которымъ онъ не сумѣеть совладѣть,—скуку въ образъ Констана Галюшэ.»

Мысль Кардоннэ была довольно-основательна и, конечно, удалась бы, еслибъ было не слишкомъ-поздно или не слишкомъ-рано для того, чтобъ Эмиль могъ отказаться отъ своихъ мечтательныхъ влывовъ. Всякое соперничество раздражаетъ обыкновенныя души; во душа благородная страдаетъ отъ недостойнаго совмѣстничества. Человѣкъ съ возвышенной натурою непременно охладѣеть къ существу, которое находитъ удовольствіе въ поклоненіи глупца; даже если предметъ его обожанія будетъ переносить терпѣливо это поклоненіе, то уже достаточно, чтобъ онъ покраснѣлъ и удалился. Но Кардоннэ не бралъ въ расчетъ гордости Жильберты...

Эмиль воротился изъ поѣздки восторженнѣе прежняго; онъ былъ въ такомъ энтузіазмѣ и упоеніи, что ему уже казалось невозможнымъ не восторжествовать надо всѣмъ. Благородная Жильберта сильно содѣйствовала его мечтѣ, раздѣляя ее, и въ этомъ случаѣ, въ недалковидности и сердечному увлеченію, она оказалась достойною дочерью Антуана. Эмиль, однакожь, могъ бы нѣсколько упрекнуть себя за то, что зашелъ съ нею далеко, не увѣрившись напередъ въ согласіи г-на Кардоннэ. Съ его стороны, это было ужасною неосторожностью и даже непростительнымъ безразсудствомъ; ибо, безъ помощи какого-нибудь чуда, онъ могъ ожидать отъ отца непремѣннаго отказа. Но Эмиль находился въ томъ воспаленномъ состояніи ума, когда человѣкъ ожидаетъ чудеса и считаеть себя чуть не полубогомъ, потому-что любимъ.

Впрочемъ, онъ воротился въ Гаржилесъ, не опредѣливъ минуты, когда откроеть родителямъ свои чувства; Жильберта требовала, чтобъ онъ не поступалъ опрометчиво, и взяла слово, что онъ встараетъ напередъ мало-по-малу расположить отца и мать къ снисходительности, ведя себя сообразно ихъ желанію. Такимъ-образомъ, Эмиль долженъ былъ загладить свое отсутствіе, которое, безъ сомнѣнія, причинило имъ нѣкоторое безпокойство: онъ рѣшился не отлучаться отъ нихъ всю остальную недѣлю и прилежно трудиться надъ всѣмъ, что отцу вздумалось бы поручить ему.

— Не привѣжайте къ намъ до воскресенья, сказала Жильберта, прощаясь съ нимъ: — тогда мы вмѣстѣ составимъ планъ на будущую недѣлю.

Бѣдняжка чувствовала потребность жить отъ дня до дня и, подобно Эмилю, находила безконечную сладость дѣлать въ душѣ тайну любви, которой глубину и очарованіе они одни понимали.

Эмиль сдержалъ слово; онъ не выѣзжалъ на этой недѣлѣ и только написалъ къ маркизу Буагибѣ дружеское письмо, чтобъ увѣрить его въ своей преданности, на случай, еслибъ подозрительный старикъ встревожился, что не видитъ его. Онъ не отлучался ни на шагъ отъ отца, даже попросилъ у него занятія и хлопоталъ надъ постройкою и управленіемъ завода, какъ человекъ, сильно заинтересованный успѣхомъ предпріятія. Но долго нельзя насилловать своего сердца, и Эмиль не въ состояніи былъ погонять къ труду вялыхъ рабочихъ. Г-ну Кардоннѣ не было никакого пріема въ людяхъ этого сорта: они не имѣли достаточной силы, и соревнованіе дѣятельнѣйшихъ порождало въ нихъ уныніе вмѣсто соревнованія. За работу платилось хорошо; но какъ слабые работники, по недовольству хозяина, видѣли, что ихъ долго не продержатъ, то хотѣли обезпечить себѣ всю возможную выгоду въ настоящемъ и старались выгадывать на пищу. Когда Эмиль видѣлъ, какъ они сядились на мокрый камень, опустивъ ноги въ грязь, чтобъ съѣсть кусокъ чернаго хлѣба съ нѣсколькими сырыми луковичами, подобно Евреямъ-невольникамъ, употреблявшимъ на построеніе пирамидъ, — имъ овладѣвало такое состраданіе, что онъ готовъ былъ скорѣе отдать имъ пить собственную кровь свою, нежели покинуть ихъ такимъ образомъ въ добычу медленной смерти, приготавливаемой трудомъ и лишеніями.

Тогда онъ пытался уговорить отца, если нельзя было спасти такое множество жизней, доставить по-крайней-мѣрѣ имъ какое-нибудь временное облегченіе, кормя ихъ лучше, нежели они сами кормились и давая по-крайней-мѣрѣ имъ вина. Но г-нъ Кардоннѣ черезъ-чуръ-основательно доказывалъ ему, что такъ-какъ въ прошломъ году виноградники померзли, то во всемъ краю нельзя было кушть вина иначе, какъ по очень-высокой цвнѣ, и то только для господскаго стола. Тамъ, гдѣ нѣтъ всеобщей экономіи, легко можно доказать, что частная экономія бессильна производить значительныя улучшенія; тамъ можно доказать неопровержимыми доводами цифръ, что сдѣлало или отступить отъ постройки, или предоставить рабочаго всѣмъ тяжкимъ крайностямъ его состоянія. Г-нъ Кардоннѣ дѣлалъ все возможное для облегченія ада; но это возможное имѣло строгіе предѣлы. Эмиль склонялъ голову и вздыхалъ; онъ молчалъ — и это было сильнѣйшимъ доказательствомъ любви его къ Жильберту, какое только могъ онъ представить.

— Полно! говорилъ ему тогда г. Кардоннѣ: — я вижу, ты никогда не сдѣлаешься мастеромъ въ дѣлѣ надзора; но когда швей не будетъ на свѣтъ, довольно того, чтобъ ты чувствовалъ необходимость имѣть хорошаго управителя вмѣсто себя. Матеріальная сторона всего меньше привлекательна. Ты можешь дѣйствовать съ точкой искусства и науки, которыя есть въ промышленности, какъ и вездѣ. Пойдемъ ко мнѣ въ кабинетъ, пособи мнѣ понять то, что

изъ меня усмелѣется, и употребитъ немножко своего генія на пользу моей бодрости.

Въ теченіе этой недѣли, Эмилю пришлось читать, разбирать, изучать и вкратцѣ излагать разные сочиненія по части гидростатики. Г-нъ Кардоннѣ не вмѣнялъ себѣ этого труда въ непрѣмную необходимость, но имъ онъ испытывалъ Эмиля и восхищался быстротою его соображеній. Подобное занятіе не могло внушить отвращенія уму, преданному теоріямъ. Все, что принадлежитъ къ области науки, можетъ въ послѣдствіи имѣть благотворное примѣненіе; и когда не видишь передъ глазами плачевнаго положенія работныхъ, неразлучнаго съ исполненіемъ всякаго труда, то можно любить въ абстракцію. Г-нъ Кардоннѣ признавалъ высокій разумъ Эмиля и рассуждалъ, что съ такими превосходными способностями невозможно было вѣчно закрывать глаза на то, что онъ вызывалъ очевидностью.

Настало воскресенье. Эмилю казалось, что онъ уже цѣлый вѣкъ не видалъ очаровательнаго Шатобрѣна, гдѣ для него природа была прекраснѣе, воздухъ слаще и свѣтъ ярче, чѣмъ на какомъ-либо другомъ пунктѣ вселенной. Однакожь, напередъ онъ поѣхалъ къ Буагисбѣ, ибо вспомнилъ, что Констанъ Галюшѣ долженъ завтракать въ Шатобрѣнѣ, и надѣялся, что этотъ несносный человекъ уже уйдетъ, если будетъ занятъ рыбной ловлей, когда онъ туда придетъ; но онъ вовсе не предвидѣлъ максимализма г-на Констанъ. Онъ засталъ его еще за столомъ съ г-мъ Антуаномъ. Галюшѣ нѣсколько отяжелѣлъ отъ невыдуманнаго вина, къ которому не привыкъ, и, развалившись на стулъ, говорилъ общія мѣста, между тѣмъ, какъ Жильбертъ, сидя на дворѣ, съ нетерпѣніемъ ожидала, когда какое-нибудь развлеченіе Жаниллы позволитъ ей пойдти на террасу и увидѣть приближающагося Эмиля.

Но за Жаниллою не водилось развлеченій: она какъ ящерица шныгала по всѣмъ закоулкамъ развалинъ, и какъ-разъ очутилась тутъ, чтобъ принять половину привѣтствія, съ которымъ Эмиль обращался къ Жильбертѣ. Однакожь, Эмиль съ перваго взгляда замѣтилъ, что она еще ни о чемъ не говорила.

— Признаться, сударь, сказала Жанилла, картавя манернѣе обыкновеннаго:—вы поступили не очень похвально, и чуть не поссорили меня съ дочкою. На что это пошло? Общаетесь, въ ея присутствіи, называетъ меня, назначаете даже день, когда я должна ожидать васъ, а вмѣсто того вѣдете гулять съ нею, подѣлать предлогъ, что она четырьмя десятками лѣтъ моложе меня! Какъ-будто я провината! какъ-будто я не такъ же легко бѣгаю и не такъ же весело болтаю, какъ и молоденькая дѣвушка! Очень-душно съ вашей стороны, и вы хорошо сдѣлали, что дали вдесялько пройдти моей досадѣ: еслибы вы раньше пріѣхали, то были бы очень-худо приняты.

— Развѣ г-нъ Антуанъ не оправдалъ меня? отвѣчалъ Эмиль: — развѣ онъ вамъ не сказывалъ, какъ печально встрѣтились мы въ Крозанъ, и какъ онъ самъ вдругъ импровизировалъ нашу воззакъ въ Сен-Жерменъ? Извините же меня, любезная мамзель Жанилла, и повѣрьте, что только, бывъ въ десяти льѣ отсюда, могъ я не явиться къ вамъ на свиданіе.

— Знаю, знаю, сказала Жанилла съ значительнымъ видомъ: — г-нъ Антуанъ во всемъ виноватъ; такая внутреняя голова! Но я было-думала, что вы будете разсудительнѣе его.

— Я очень разсудителенъ, моя добрая Жанилла, возразилъ тѣмъ же тономъ Эмиль:—доказательство, что, не смотря на мое желаніе прѣвхать просить прощенія, я провелъ всю недѣлю съ отцомъ, сидя за работою, чтобъ только угодить ему.

— И очень-хорошо дѣлали, голубчикъ. Молодымъ людямъ надо заниматься.

— Впередъ будутъ довольны мною, сказалъ Эмиль, глядя на Жильберту:—батюшка ужѣ простилъ мнѣ потерянное время. Онъ очень-ласковъ со мною, а я отплатчу ему за его доброту, осуждая себя на самыя тяжкія пожертвованія, даже на то, чтобъ видѣться нынче порвже съ вами, мамзель Жанилла. Браните же меня покажистъ скорѣе, но не такъ сильно, и простите еще скорѣе, потому-что, вѣроятно, въ-теченіе нѣсколькихъ недѣль, я принужденъ буду вздѣть рѣдко. Мнѣ предстоитъ много труда, а я упалъ бы духомъ, еслибъ вы на меня сердились.

— Нечего дѣлать! вы добрый человекъ, нельзя на васъ сердиться! сказала Жанилла. —Вижу, прибавила она съ тонкимъ видомъ, понизивъ голосъ: — что мы очень-хорошо понимаемъ другъ друга безъ точныхъ объясненій, и что хорошо имѣть дѣло съ честными и умными людьми, какъ вы.

Эта развизка объясненій, затѣянныхъ Жаниллою, облегчила Эмиля отъ большаго безпокойства. Его положеніе уже само-по-себѣ было довольно-важно, а опасенія и разспросы вѣрной няньки еще больше запутали бы его. Совѣтъ, который дала ему Жильберта—вздѣть рѣже и дать пройти времени, оказался всего благоразумнѣе, и еслибъ она была искусная дипломатка, то едва-ли бы могла поступить лучше на этотъ разъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, сколько браковъ, несоразимѣрныхъ относительно состоянія, дѣлались бы возможными, еслибъ женщина, своей требовательностью, гордостью или недоумчивостью не сплетала для влюбленнаго мужчины цѣпи страданій и безпокойствъ, подъ тяжестью которыхъ онъ теряетъ твердость и благоразуміе, потребныя для одолѣнія препятствій! Жильберта съ дѣтскимъ чистосердечіемъ соединяла спокойный разсудокъ и безкорыстную твердость. Она представляла свой союзъ съ Эмилемъ возможнымъ развѣ черезъ нѣсколько лѣтъ, и чувствовала въ сво-

ей любви довольно силы, чтобъ дожидаться. Это тяжелое будущее казалось ей исполненной вѣры душъ свѣтлымъ днемъ, который надлежало пережить: и въ этомъ случаѣ она была не такъ безумна, какъ можно было подумать. Не благоразуміе, а вѣра двигаютъ горами!

XII.

Чортовъ-Камень.

Очутившись въ стѣнахъ ветхаго замка, Эмиль позабылъ даже имя Констана Галюшэ, и когда вошелъ поздороваться съ г. Антуаномъ, глупая фигура секретаря г. Кардоннэ произвела на него то же дѣйствіе, какое гадкая гусеница производитъ вдругъ на того, кто доверчиво подходитъ къ дереву, чтобъ сорвать плодъ. Галюшэ приготовился встрѣтить Эмиля съ самодовольнымъ видомъ чловѣка, который первый овладѣлъ завиднымъ мѣстомъ и расположенъ милостиво принимать опоздавшихъ. Немногого не доставало, чтобъ онъ встрѣтилъ Эмиля какъ хозяинъ замка. Но холодный и насмѣшливый взглядъ молодаго чловѣка, служившій отвѣтомъ на его пріятельски-усерднымъ привѣтствіемъ, сильно смутилъ его; этотъ взглядъ какъ-будто спрашивалъ у него: «вы зачѣмъ здѣсь?»

Однакожь, Галюшэ, гораздо-больше заботившійся о томъ, чтобъ послужить щедрыя подарки г-на Кардоннэ, нежели доброе мнѣніе Жильберта, сдвигалъ надъ собою усиліе и хотѣлъ припять развязную наружность; но фигура его, невыражавшая, впрочемъ, этого характера, имѣла видъ непривычной наглости, какъ-нельзя-больше неумѣстной въ этомъ случаѣ.

Эмиль вообще примирился съ невыдѣлашнымъ виномъ, и, чтобъ не огорчать г. Шатобрѣна, уже не отказывался отвѣдывать этого вина, когда прѣзжалъ въ замокъ. Можетъ-быть даже, благодаря великому обаянію, которому подвергался въ томъ мѣстѣ, гдѣ дышала Жильберта, онъ успѣвалъ находить этотъ пикетъ вкуса въ всѣхъ тонкихъ винахъ за столомъ отца своего. Но на этотъ разъ, напитокъ показался ему горькимъ, когда Галюшэ, съ видомъ чловѣка, удостоившагося выть съ волками, приблизилъ свой стаканъ къ его стакану, чтобъ чокнуться по примѣру графа Шатобрѣна. Онъ сопровождалъ эту фамильярность движеніемъ локтя и плеча неприятно-грубымъ, думая забавно подражать патриархальной простотѣ г. Антуана.

— Графъ! сказалъ Эмиль, нарочно обращаясь съ Антуаномъ еще почтительнѣе обыкновеннаго: — я боюсь, не заставили ль вы

выпить лишнее г-на Констана Галюшэ. Посмотрите, какъ у него раскраснѣлись и посоловѣли глаза! Остерегитесь; предупреждаю васъ, у него очень-слабая голова.

— Слабая голова, г. Эмиль? Почему же вы думаете, что у меня слабая голова? отвѣчалъ Галюшэ. — Кажется, вы никогда не видали меня пьянымъ!

— Такъ нынче въ первый разъ буду имѣть это удовольствіе, если вы все также будете прихлебывать.

— А вы были бы очень-довольны, еслибъ я началъ дѣлать непристойности?

— Надѣюсь, что этого не случится, если вы послушаетесь моего совѣта.

— Хорошо! сказалъ Галюшэ, вставая съ мѣста: — если г-ну Антуану угодно немножко прогуляться, я готовъ предложить руку мамзель Жильбертѣ, и тогда видно будетъ, прямо ли я хожу.

— Я желала бы лучше не дѣлать такого опыта, отвѣчала Жильберта, которая смѣла у входа въ навильйонъ и ласкала Сакри-вана.

— И вы также вооружаетесь на меня, мамзель Жильберта? подхватила Галюшэ, подходя къ ней: — вы вѣрите тому, что говорить г. Эмиль?

— Дочка моя ни на кого не вооружается, судары! сказала Жаннилла: — не знаю, съ чего вамъ вздумалось заниматься тѣми, кто вами не занимается.

— Если вы не позволяете ей принять мою руку, возражалъ Галюшэ: — какъ вамъ угодно. Кажется, однако, что французская вѣжливость не воспрещаетъ предлагать руку дѣвицѣ.

— Жаннилла не запрещаетъ мнѣ принять вашу руку, сказала Жильберта съ кротостью, исполненною достоинства: — но я благодарю васъ за вѣжливость. Я не Парижанка и не привыкла опираться на что-нибудь, когда хожу. Къ-тому же, наши тропинки не допускаютъ этого обыкновенія.

— Ваши тропинки не хуже крозанскихъ, и чѣмъ онѣ труднее, тѣмъ больше нужды опираться другъ на друга. Я въ Крозанѣ видѣлъ, что вы клали свою прекрасную ручку на плечо г. Эмилю, чтобъ спуститься съ горы... Какъ же! я видѣлъ это, мамзель Жильберта, и очень желалъ быть на его мѣстѣ!

— Г. Галюшэ, еслибъ вы не выпили сверхъ должнаго, сказалъ Эмиль: — то не занимались бы мною столько, и я попрошу васъ не заниматься мною вовсе.

— Ну, ужъ вы, кажется, и разсердились! сказалъ Галюшэ, стараясь принять шутливый тонъ. — Всѣ меня обижаютъ, кромѣ г-на Антуана!

— Можеть-быть, потому, отвѣчалъ Эмиль: — что вы сами чель-чуръ коротко обходитесь со всеми!

— Чтò такое? сказалъ Жанъ Жапплу, входя въ комнату. — Чтò тутъ за споры? Вотъ я помирю всѣхъ. Здорово, голубушка Жанилла; здорово, мой ангелъ Жильберта; здорово, мой добрый Эмиль; здорово, хозяинъ Антуанъ!.. здорово, ты, сказалъ онъ Галюшэ: — я не знаю тебя, но все равно. А! да это прикащикъ дяди Карденнэ! Э! здорово, мой бѣдный Сакрипанъ, я и не замѣтилъ, что ты ко мнѣ ласкаешься.

— Ну! вскричалъ Антуанъ: — лучше поздно, чѣмъ никогда; а знаешь ли, Жанъ, что ты балуешься? Прошу покорно! только одинъ день въ недѣлю можно намъ видѣться, и Богъ знаетъ, какъ долго безъ тебя недѣля; а ты еще приходишь въ воскресенье въ половинѣ дня?

— Послушайте, хозяинъ...

— Я не хочу, чтобъ ты называлъ меня хозяиномъ.

— А если я хочу такъ называть тебя? Я вѣдь былъ же долго твоимъ хозяиномъ; ужь мнѣ надоѣло величаться. Теперь я хочу быть твоимъ работникомъ, для переменъ. Ну-тко, выпить бы, Жанилла; принеси-ка поскорѣе. Я усталъ! Не скажу, чтобъ я былъ на-то-шникъ: добрые гаржидесскіе пріятели ни за что не отпустили меня послѣ объѣда. Надо было сходить посидѣть у тѣтки Ларозъ, а нельзя же за разговорами не промочить горла. Но я шелъ скоро; ужь зналъ, что тутъ вспоминаютъ обо мнѣ. Да, Жильберточка, съ-тѣхъ-поръ, какъ я воротился въ наше мѣстечко, надо воскресенью быть въ сорокъ-восемь часовъ, чтобъ я успѣлъ угодить всемъ пріятелямъ, которые угощаютъ меня!

— Если вы счастливы, Жанъ, это насъ немножко утѣшаетъ за то, что мы видимся съ вами рѣже прежняго, сказала Жильберта.

— Счастливы ли я? возразилъ плетникъ: — вѣтъ на свѣтѣ человека счастливѣе меня!

— Это видно, сказала Жанилла. — Смотрите, какъ онъ пополнѣлъ съ-тѣхъ-поръ, что его не травятъ всякое утро, словно стараго зайца! Нынѣче, онъ каждое воскресенье брѣдетъ бороду! и платье спилъ собѣ недурное...

— А кто прялъ шерсть на этотъ хорошенькій драгетъ? подхватилъ Жанъ: — голубушка Жанилла съ Божьей дочкой! А кто далъ шерсть? овечки моего хозяина! А кто платилъ за все это? это платится вотъ тутъ, дружбою. Не то, что вы, горожанинъ, который весите вышь какое платье! Я не промѣняю своей шерстяной куртки на вашъ сорочій хвостикъ изъ чернаго сукна.

— Я довольствовался бы пряхою, отвѣчалъ Галюшэ, поглядывая на Жильберту.

— Ты? сказалъ плотникъ, въ шутку хлопнувъ Галюшѣ по плечу такъ, что могъ бы заставить присѣсть быка.—Ты! достанутся тебѣ такіа пряхи! И голубка Жаннлла еще молода для тебя, приятель; а что касается до другой, я бы убилъ ее, еслибъ она выпрала для тебя клочокъ шерсти короче твоего носа.

Галюшѣ очень обидѣлся намекомъ на его курносый носъ, и потирая плечо, отвѣчалъ:

— Ну, любезный, у васъ черезъ-чуръ чувствительныя манеры; шутите съ своей братьей, а я съ вами не говорю.

— Какъ-бншь вы зовете этого малаго? сказалъ Жанъ господину Антуану:—я не могу припомнить его проклятое имя!

— Полно! полно, Жанъ! ты немножко на-веселѣ, старикъ! сказалъ господинъ Антуанъ:— не затрогивай господина Галюшѣ; онъ хорошій молодой человекъ, да еще и гость мой.

— Дѣло, хозяинъ! Ну, помиримся же, господинъ Мальюшѣ. Не хотите ли понюхать табачку?

— Я не нюхаю, отвѣчалъ Галюшѣ спѣсиво. — Если господинъ Антуанъ позволить, я встану изъ-за стола.

— Какъ вамъ угодно, молодой человекъ, какъ вамъ угодно, сказалъ помѣщикъ:—господинъ Эмвль тоже не охотникъ до долгихъ засѣданій, и вы можете пойти гулять. Жаннлла покажетъ вамъ замокъ; а не то, пожалуй, ступайте на рѣку, приготовьте свои удочки: мы сейчасъ къ вамъ придемъ и проводимъ васъ на такое мѣсто, гдѣ вы найдете добрую поживу.

— А! точно! сказалъ плотникъ:—это пискарикъ! Онъ то-и-дѣло всякій вечеръ ловитъ пискарей въ Гаржилесъ, и когда съ нимъ заговорить, морщится, потому-что это пугаетъ его рыбу. Пойдемъ же сейчасъ, дадимъ ему поймать что-нибудь получше его дрлнн. Послушайте, Мальюшѣ! если я не помогу вамъ изловить лосося на ужинъ, то готовъ промѣнять свое имя на ваше. Вамъ нѣ зачѣмъ такъ торопиться. Лодка должна быть въ исправности: я недавно починилъ ей брюхо. Тамъ, вѣрно, найдемъ какой-нибудь старый багоръ, а Чортовъ-Камень, гдѣ обыкновенно лососина дремлетъ на солнышкѣ, недалеко отсюда; но тамъ немного-опасно, и одинъ вы туда не попадете.

— Отправитесь всѣ вмѣстѣ, сказала Жильберта: — если Жанъ будетъ править лодкой; это очень веселая ловля и мѣсто чудесное.

— О! если вы пойдете, манзель Жильберта, я съ радостью поеду, отвѣчалъ Галюшѣ.

— Смотри-ка! не бошь, она ѣдетъ для тебя, бумажный маракъ? Малой-то нахаль, хоть куда! Или всѣ таковы въ вашей сторонѣ? Ну! не прикидывайся сердитымъ, не гляди на меня черезъ плечо; вѣдь меня не испугаешь! Коли хочешь быть добрымъ малымъ, я

буду такимъ же; а если, отъ-того, что ты одѣтъ въ черное платье, къ маклеръ, считаешь себя въ-правѣ встать изъ-за стола, когда я еще сижу, то очень ошибаешься. Садись, садись, Малышѣ! я еще не все выпилъ; прихлѣбни-ко со мною.

— Довольно съ меня, сказалъ Галюшѣ, утираясь: — говорить мнѣ, довольно!

Но плотникъ скорѣе раскололъ бы его, какъ планку, чѣмъ вытиснулъ бы изъ рукъ; онъ принудилъ его присѣсть на скамью и проглотить еще нѣсколько стакановъ. Галюшѣ старался храбро покориться злой судьбѣ своей, а г-нъ Антуанъ довольно слабо оборонялъ его отъ насмѣшекъ своего куманька, хотя не разделялъ антипатіи, которую шаружность его и манеры внушали остальнымъ лицамъ.

Эмиль ушелъ мало-по-малу за Жильбертою и Жанвиллою на лугъ, и, не смотря на ревнивый надзоръ крошечной старухи, успѣлъ сказать Жильбертъ, что въ точности исполнилъ ея приказанія и привелъ отца въ такое расположеніе, что могъ признаться ему во всемъ на слѣдующей же недѣлѣ. Но Жильбертъ показалось это смѣшномъ-поспѣшнымъ, и она уговорила его продолжать такую сидячую и трудовую жизнь. Твердость представлялась мнѣ обонитъ лгнвою. Эмиль, увѣренный во заимности, чувствовалъ себя такъ составленнымъ, что долго надвѣялся не быть взыскательнымъ къ фортуна. Въ душѣ его царствовало небесное спокойствіе. Левый и зубойій взоръ Жильберты говорилъ ему такъ много!

На зарѣ счастья любовниковъ, бываетъ минута спокойнаго восторга, когда самый проникательный наблюдатель едва-ли разгадаетъ ихъ тайну по ихъ шаружному виду. Желаніе бесѣдовать вѣдь и видѣться ежечасно, какъ-будто исчезаетъ вѣдь съ безпокойствомъ объясненія. Когда души ихъ связаны взаимнымъ признаніемъ, то ни свидѣтели, ни разлука, не могутъ тяготить и разлучать ихъ на-самомъ-дѣлѣ. Дальновидная Жанвилла обманулась ихъ мирной веселостью и тѣмъ благоразуміемъ, котораго не бываетъ при страданіи или сомнѣніи. Волненіе, нѣсколько разъ мѣщечное Жанвиллою въ молодомъ Кардоннѣ, внезапная краска на лицѣ Жильберты при извѣстныхъ словахъ, которыхъ смыслъ понятенъ былъ ей одной, его худо-скрытая грусть и безпокойство, когда онъ долго не являлся,—все исчезло со времени поѣздки въ Крозанъ, и Жанвилла удивлялась, что обстоятельство, котораго слѣдствій она боялась, произвело такую счастливую перемѣну.

«Значитъ, я ошиблась» разсуждала она: «дочка моя особенно не думаетъ о немъ; а онъ, если и думаетъ, то будетъ молчать, отдаваться мало-по-малу и не возмутитъ нашего покоя. Да, онъ хорошо себя ведетъ, и жаль было бы огорчать его, когда онъ поинилъ меня съ полуслова и самъ себя наказываетъ.»

Еслибъ Жанъ Жанвилу сговорился съ Эмилемъ проучить Галюшѣ и его претензіи, то не могъ бы дѣйствовать лучше; ибо, въ-про-

долженіе цѣлаго часа, пока любовники бродили съ Жаниллою въ окрестностяхъ павильйона, онъ, то насмѣшливой лестью, то открытой силою, удерживалъ его за столомъ и заставлялъ пить волею и неволею. Въ этомъ испытаніи Галюшѣ скоро потерялъ послѣднюю искру смысла, которою надѣлила его природа. Сначала онъ очень возмущался привычками графа и глубоко презиралъ Жана, котораго былъ бы не прочь назвать его товарищемъ по распутству. Лишенный всякой возвышенности въ чувствахъ или идеяхъ, и не стоившій волоска двухъ простыхъ пріятелей, онъ считалъ себя опозореннымъ въ ихъ обществѣ и намѣревался вмѣнить себя передъ своимъ хозяиномъ въ заслугу тяжкую обязанность, какую на себя принялъ. Но, по мѣрѣ того, какъ онъ исцивалъ, разумокъ его потемнѣлся, и когда грубыя чувства его взяли верхъ надъ тайнымъ тщеславіемъ, онъ началъ хохотать, стучать по столу, кричать, хвастаться разными подвигами и вести себя такъ нахально, что Жапплѣ, котораго душа была столь же деликатна, сколько манеры грубоваты, сжалился надъ нимъ и рѣшился читать ему мораль съ серьезнымъ и вмѣстѣ холоднымъ видомъ.

— Пріятель! сказалъ онъ:—вы не умѣете пить: вы дурыны, когда смѣтаетесь, и глупы, когда хотѣте щеголять умомъ. Советую г-ну Антуану подавать вамъ на завтракъ стаканъ воды, когда вы придете къ нему; иначе вы заведете при его дочкѣ такія рѣчи, которыя принудятъ меня вытолкать васъ вонъ. Увидѣвъ насъ на-веселѣ и безъ церемоній другъ съ другомъ, вы подумали, что мы грубые люди, и стояло сдѣлаться точно такимъ же, чтобъ уравняться съ нами. Вы ошиблись!.. У кого нѣтъ худаго на сердцѣ и ничистаго на умѣ, тотъ можетъ быть терпимъ, и еслибъ я даже не стоялъ на ногахъ отъ пьянства, то и тогда не побоялся бы, что на другой день мнѣ придется краснѣть отъ своихъ словъ. Съ вами, кажется, было бы не то! Хорошо вы дѣлаете, одѣваясь въ черное съ ногъ до головы: кто васъ не знаетъ, подумаетъ, что вы господинъ; на самомъ же дѣлѣ, если есть здѣсь мужикъ, такъ это вы, а не я.

Антуанъ старался смягчить пилюлю, а Галюшѣ усиливался разсердиться. Жанъ пожалъ плечами и вышелъ изъ-за стола, чтобъ не имѣть повода дать ему урокъ, болѣе-приспособленный къ состоянію ума его.

Когда они вышли изъ павильйона, Галюшѣ шелъ еще прямо; но голова его такъ отяжелѣла и одурѣла, что онъ не смѣлъ говорить при Жильбертѣ, изъ боязни сказать, вмѣсто одного слова, другое.

— Чтò жь! сказала Жильберта Жапплѣ: — поведемъ ли мы къ Чортову-Камню? Больше года я не была тамъ: Жанилла не соглашается отпускать меня туда съ батюшкой, — говорить, что это очень-опасно, и что тамъ нельзя быть разстлану; но съ тобой, мой

добрый Жанъ, она отпустить меня! По-прежнему ли тверда у тебя рука и вѣренъ глазъ?

— У меня? сказалъ Жапплү: — я такъ же способенъ къ этому дѣлу, какъ былъ въ двадцать-пять лѣтъ.

— Э! да ты не оцѣнишь? сказала Жаннилла, схвативъ за руку Жана и выпрямляясь на цыпочкахъ, чтобы посмотреть ему въ глаза.

— Смотрите, смотрите, пожалуй! сказалъ онъ. — Если вы сдѣшаете то, что я сейчасъ сдѣлаю, я соглашусь, что я пьянъ.

Онъ поставилъ себя на голову кружку воды, которую Жаннилла держала въ рукѣ, побѣждалъ и не уронилъ ея.

— Хорошо, сказала Жаннилла: — я сдѣлала бы то же, если бы могла; но это не нужно, и я въ тебѣ увѣрена. Доверяю тебѣ всю дочку. Мнѣ самой некогда съ вами вхатъ; а вы, г. Эмиль, посмотрите немножко за отцомъ, потому-что онъ способенъ, пожалуй, выльзть изъ лодки среди рѣки, если заговорится или зачуется.

— А кто будетъ присматривать за Мальюшэ? сказалъ Жапплү, унывая на Галюшэ, который шелъ впереди съ г. Антуаномъ. — Я за это не берусь.

— И я тоже! сказала Жильберта.

— Не безпокойтесь, сказалъ Эмиль: — я беру на себя держать его смирно.

— Не ручайтесь, что успѣете, подхватилъ Жанъ: — если онъ не пьянъ, все-таки не лучше. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ совершенно ситъ, а такъ доволенъ. Ему нужна бы постель, чѣмъ юбка.

— Увидяте, какъ онъ будетъ сходить съ горы, сказала Жаннилла: — и если окажется, что онъ можетъ васъ опрокинуть, оставьте его спать на берегу.

Галюшэ уже расположился въ лодкѣ съ г. Шафобрѣномъ, когда прочие подошли къ берегу. Онъ былъ красенъ и молчаливъ. Но когда лодка выплыла на средину рѣки, отъ быстрого теченія ему сдѣлалось дурно, и онъ началъ качаться такъ сильно съ одной стороны на другую, что Жапплү, съ досады, взявъ веревку и на крѣпко привязавъ его къ скамейкѣ, на которой онъ развалился. Въ такомъ положеніи Галюшэ уснулъ.

— Славный у васъ секретарь! сказала Жильберта Эмилю. — Надеюсь, папá, ты впередъ не пригласишь его завтракать?

— Э! Боже мой, чѣмъ же онъ виноватъ? отвѣчалъ г. Антуанъ: — виноватъ Жанъ, который повелъ его насильно.

— Чтò тотъ за человекъ, кто не умѣетъ пить, не напиваясь? сказалъ Жанъ: — хуже чѣмъ дрянъ!

Лодка быстро катилась внизъ до того мѣста, гдѣ скалы сходятся такъ тѣсно, что пробѣжать между ними нельзя, не подвергаясь большой опасности. Жанъ былъ однимъ изъ самыхъ сильныхъ мужицъ въ той сторонѣ. Отважность характера и твердость воли вдвѣятеро увеличивали его физическую силу. Онъ обыкновенно воспламенялся отъ самомагнѣйшихъ предпріятій такъ же горячо, какъ если бѣ дѣло шло о покореніи свѣта, и, не смотря на этотъ юношескій жаръ, обладалъ удивительнымъ присутствіемъ духа. Онъ направилъ лодку на середину рѣки, и въ то самое мгновеніе, когда лодка вѣхала въ узкій проходъ, повернулъ ее поперегъ и предохранилъ отъ толчка, выгнувшись до половины тѣла на скалы, за которыя схватился руками. Эмиль, бодро помогавшій ему, мѣнялся съ нимъ мѣстомъ, и какъ лодка оставалась неподвижна, то вооружились багромъ и молча ожидали появленія добычи. Известно, что рыба всегда плыветъ противъ теченія, такъ-что она прямо шла на лодку, но все-таки не приближалась, испуганная этой непривычной заставкою, и скоро убѣгала назадъ. Ловильщикъ нагибался черезъ лодку, вытянувъ руки сколько можно дальше впередъ. Господицъ Антуанъ и Жильберта, стоя на кодыняхъ сзади, смотрѣли, чтобъ движеніе, которое онъ сдѣлаетъ пустивъ багоръ, не опрокинуло лодки и не увлекло его-самого. Когда очередь приходила плотнику, Жильберта схватывала его за платье, боясь, чтобъ онъ не упалъ въ воду; когда же очередь доставалась Эмилю, дѣвушка просила отца держать его всеми силами; но вскорѣ, не доверяя никому, сама ухватила его блузу, и онъ не разъ чувствовалъ прикосновеніе ея прекрасныхъ рукъ, готовыхъ обхватить его въ случаѣ паденія.

Въ этомъ положеніи, для всѣхъ довольно-опасномъ, вниманіе Жана и Антуана было совершенно поглощено ловлею, и эти ощущенія служили любовникамъ предлогомъ мѣняться взглядами и словами, которыхъ Галюшѣ, хоть и полупроснувшись, навѣрное не въ состояніи былъ понять. Что сказалъ бы г. Кардоншѣ, еслибъ увидѣлъ, какъ усердно агентъ его заслуживаетъ награду?

Наконецъ, одинъ лосось попался, при восторженныхъ крикахъ Жана Жапплү, и Галюшѣ, нѣсколько оживленный видомъ добычи, попробовалъ вмѣшаться въ ловлю. Но его неловкость и упрямство разстроили все дѣло, и Жанъ, вѣ себя, повернулъ лодку, сказавъ:

— Когда вы вздумаете ловить лососину, позжайте съ кѣмъ хотите, только не со мною. Вамъ нужно не этого рода пискарей, и еслибъ мы остались здѣсь дольше, я проломилъ бы вамъ голову этимъ багромъ.

— Сохрани меня Богъ ѣздить съ такимъ певежею, какъ вы! отвѣчалъ Галюшѣ, садясь на край лодки.

— Не садитесь тамъ, возразилъ плотникъ: — вы мнѣ мѣшаете. Лучше бѣ вы помогали грести противъ потока, который твердѣ

ить желѣзо. Видите: г. Эмиль работаетъ какъ лихой товарищъ, имъ, этаной толстый и здоровый, зѣваете на насъ сложа руки!

— Что жь дѣлать! вы сами виноваты, отвѣчалъ Галюшѣ: — вы шлоли меня; я ни къ чему не гожусь.

— Да; но вѣдь вы тяжелы, и если не хотите работать, ступай-те вонъ. — Къ берегу, къ берегу, любезный Эмиль! выгрузимъ на килю лишніе тюки!

Они причалили къ берегу; но Галюшѣ нацѣлъ этотъ поступокъ обиднымъ и отказался выйти вонъ, ругаясь самымъ циническимъ образомъ.

— Тысячу чертей! вскричалъ Жаппау, весь вспыхнувъ: — ты шлошалъ мнѣ поймать славную рыбу, а ужь не заставишь надры-таться для твоей милости.

Онъ вытолкнулъ его изъ лодки; но, упираясь, Галюшѣ поскользнулся промежду лодкою и берегомъ и упалъ по поясъ въ воду.

— Прекрасно! сказалъ Жаппау:— вода разбавитъ въ тебѣ вино.

И онъ быстро отодвинулъ лодку, которую Галюшѣ, въ бѣшен-ствѣ, хотѣлъ опрокинуть.

— А! злой мальчишка! кричалъ плотникъ: — признаться, если бы на свѣтъ хорошіе люди, за то есть и негодяи! Пусть его плещется въ грязи, сказалъ онъ товарищамъ, которые боялись, чтобъ влиный Галюшѣ не утонулъ, хотя мѣсто было и неопасно.—Если бы далеко увязнеть, я захвачу его багромъ за поясъ и вытащу изъ лосося. Да что! будь что-нибудь путное, можно бы еще потрѣвожиться, а то, что никуда не годится, падалъ да пустымъ бу-тылкамъ, всегда всплываютъ наверхъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, Галюшѣ выскочилъ на траву и убѣ-жалъ, грозя кулакомъ.

Этотъ смѣшной случай очень опечалилъ Жильберту. Въ первый разъ она видѣла важную невыгоду взлпшняго добродушія отца. Сельскія и простыя манеры людей, окружавшихъ ее, хотя служи-ли выраженіемъ чистосердечія и доброты, однако начинали нугать ее, потому-что не обезпечивали довольно-просвѣщеннаго и доволь-но-деликатнаго покровительства для ея лѣтъ и ея пола.

«Я бѣдная деревенская дѣвушка» разсуждала она: «и умѣю жить съ крестьянами; но подѣ условіемъ, чтобъ извѣстные дурно-воспитанные полу-горожане не выѣшивались въ бытъ нашъ: пото-му-что тогда крестьяне становятся нѣсколько-дикими въ гнѣвъ, и жизнь, которую я веду, не поставляетъ меня въ безопасность отъ вадлага шценія.»

Тогда она помышляла объ Эмиль, какъ о подпорѣ, назначаемой ей небомъ; но въ то жь время спрашивала себя, въ какой средѣ бы самъ принужденъ будетъ жить, и мысль, что г. Кардоннѣ держалъ при себѣ людей, подобныхъ Галюшѣ, внушала ей какую-то неопредѣленную боязнь на-счетъ его характера и привычекъ.

Жанъ Жадилу, возвращаясь вечеромъ въ Гаржилесъ, нашелъ Галюшэ лежащимъ за-мертво среди дороги. Бѣдный глупецъ, на минуту протрезвившись отъ своего купанья, зашелъ въ харчевникъ просушиться, и, опасаясь за свое здоровье, склонился на увѣщаніе выпить стаканъ водки, которая и доканала его. Онъ тащился буквально на четверенькахъ. Жанъ успѣлъ уже забыть свой гнѣвъ, и къ-тому жь былъ не такой человекъ, чтобъ оставилъ ближняго въ опасности быть раздавлену лошадьми. Онъ подвѣлъ его, терпѣливо перенесъ его угрозы и ругательства, и довелъ, почти неся на рукахъ, до завода, куда Галюшэ, не узнавшій его, вошелъ, вѣдаясь, что оплатитъ злодю, который хотѣлъ утопить его,

СЫНЪ ТАЙНЫ.

Романъ Поля Феваля.

=

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ,

=

РОТОНДА ТАМПЛЯ.

I.

ТУАЛЕТЪ ГЕРТРУДЫ.

Весь Парижъ танцовалъ въ эту ночь, начиная отъ обитателей самыхъ мрачныхъ переулковъ до великолѣпнѣйшихъ частей города. У богатыхъ и бѣдныхъ, честныхъ и безчестныхъ, старыхъ и молодыхъ была въ эту ночь одна цѣль, одна мысль: достиженіе удовольствія какими бы то ни было средствами... И всѣ веселились, всѣ радовались.

Но вотъ все кончилось... утреннее солнце освѣтило слѣды ночныхъ оргій; блѣдное зимнее солнце смотрѣло на пасмурный и усталый отъ удовольствій городъ. Послѣ подобныхъ ночей, въ которыхъ большая половина Парижа забываетъ все для удовольствія, городъ принимаетъ унылый, стыдливый видъ; пробужденіе его пасмурно, какъ пробужденіе пьяницы послѣ отчаянной оргіи...

На бульварѣ встрѣчаются недовольные прохожіе, съ трудомъ передвигающіе ноги и безсмысленно озирающіеся. Изъ цѣвочекъ экипажей, наполненныхъ пьяными, раздаются по-временамъ хриплые, отвратительныя ругательства. — Изъ-подъ слишкомъ короткаго пальто проглядываетъ нижній край испанскаго костюма. — На каждомъ шагѣ встрѣчаешь пьяныхъ, которымъ заботливые городовые сержанты не позволяютъ вадяться по улицамъ.

Все это грустно, гадко, отвратительно. Это оборотъ медали, не имѣющей и хорошей стороны...

Тамцѣ не былъ еще открытъ. Иныя торговки отдыхали послѣ утомительнаго празднованія; другія укладывали свои костюмы до будущаго года.

Въ одномъ только домѣ, выходящемъ на Тампльскую-Площадь, ночь прошла тихо, мирно. То былъ домъ, въ которомъ обиталъ Гансъ Дорнъ.

Гансъ жилъ по одну сторону двора, а семья Реньйо по другую. Квартира Ганса состояла изъ нѣсколькихъ комнатъ, въ которыхъ видно было довольство; у семейства Реньйо была одна комната — бѣдное, жалкое убѣжище, въ которомъ спали старуха Реньйо, Викторія и Гельюлетъ, идиотъ. — Жанъ Реньйо, шарманщикъ, спалъ въ коморкѣ съ маленькимъ окномъ на дворъ.

Когда Жанъ Реньйо не бродилъ по городу съ тяжелой ношей на спинѣ, тогда онъ сидѣлъ у этого узенькаго окна и, подперевъ голову рукою, глядѣлъ на дворъ. Проходили цѣлые часы, а Жанъ Реньйо все сидѣлъ на одномъ мѣстѣ и все глядѣлъ по тому же направленію, на окно комнатки хорошенькой Гертруды... Жанъ Реньйо очень любилъ хорошенькую Гертруду.

Онъ былъ добрый, честный, прямодушный молодой человекъ. Понимая сердцемъ страданія своей матери и бабушки, онъ посвятилъ имъ всю жизнь свою, жизнь полную любви и самоотверженія. Онъ нѣжно любилъ бѣднаго Жозефа, прозваннаго Гельюлетомъ и лишеннаго разсудка... онъ убивалъ себя, чтобъ только доставать хлѣбъ этимъ тремъ драгоценнымъ ему существамъ. Но мысли его принадлежали Гертрудѣ. Онъ любилъ ее наввною, глубокою любовію, согревающею душу одинъ только разъ въ жизни, но остающеюся сладостнымъ воспоминаніемъ до глубокой старости... Онъ полюбилъ ее самъ не зная какъ и за что. Она была такъ добра и такъ мила! Съ кроткой улыбкой и слезами состраданія на глазахъ подавала она милостыню! Жанъ Реньйо видѣлъ все это изъ своего окошечка.

Жанъ былъ мечтательный ребенокъ. Уединенная, кочевая жизнь увеличивала склонность его къ мечтательности. Въ пѣсняхъ, наигрываемыхъ его инструментомъ, онъ внималъ только чистой мелодіи. Господь создалъ его музыкантомъ и поэтомъ — не творящимъ, но сочувствующимъ.

Онъ мечталъ, любилъ и никому не повѣрялъ тайны своей грусти. Гертруда часто видала его передъ своими окнами. Онъ былъ хорошъ собою; умная и кроткая улыбка его проникала ей въ сердце. Гертруда помнила, что когда она была еще ребенкомъ, Жанъ Реньйо часто останавливался у окна ея и забавлялъ ее куколками, кружившимися на передкѣ его шарманки.

Въ то время, Жанъ обходился съ Гертрудой, какъ съ ребенкомъ. Теперь же, проходя по двору, онъ снималъ передъ нею свою фуражку; одинъ взглядъ на нее заставлялъ его краснѣть... Чтобъ лю-

близься ему, онъ скрывался за клетчатую холстинную занавѣску всего окошечка.

Замѣтивъ, что онъ избѣгалъ встрѣчи съ нею, Гертруда спросила его однажды:

— Жанъ, за что вы перестали любить меня?..

Бѣдный шарманщикъ чуть не заплакалъ... не съ горя, а отъ радости. Съ той минуты онъ опять сталъ смѣяться и уже не прятался, но въ полюбоваться Гертрудой. Возвращаясь домой, онъ останавливался на дворѣ, и Гертруда, услышавъ звуки знакомой шарманки, сбѣгала внизъ. Тогда они мѣнялись нѣсколькими словами, говорили о своей будущности... Жанъ Реньё забывалъ грустную действительность и улыбался надеждѣ.

О любви въ краткихъ разговорахъ ихъ не было и поминна. Молодые люди не думали давать имени тому, что ощущали... Чѣмъ болѣе Гертруда понимала, какъ бѣдный молодой человекъ жертвовалъ собою для блага родныхъ, тѣмъ болѣе любила его. Жанъ угадывалъ чувства Гертруды и самъ болѣе и болѣе привязывался къ ней чувствомъ признательности.

Когда старуха, бабушка Жака, была больна, Гертруда ухаживала за нею, утѣшала ее и ласками своими вызывала улыбку на безвѣстныхъ, морщинистыхъ уста старухи.

Викторія же не могла смотреть на Гертруду безъ грусти. Она угадала любовь дѣтей. Гансъ Дорнъ былъ добрый сосѣдь, но рѣшится ли онъ отдать дочь свою за бѣдняка!.. Итакъ, имъ угрожалъ еще новое бѣдствіе... Викторія не сообщала своихъ опасеній старухѣ, потому-что бѣдная мадамъ Реньё и безъ того уже много страдала. У нея была тайна, иногда неволью вырывавшаяся изъ груди, переполненной горечью. Тогда она говорила о сынѣ, котораго помнили некоторые торговки Тампля, и который покинулъ свою семью, лишивъ ее послѣднихъ средствъ.

Этого сына звали Жакомъ. Онъ былъ любимецъ матери, а отецъ далъ ему воспитаніе свыше своего состоянія. Старикъ говорилъ, что бѣгство этого сына нанесло смертельный ударъ отцу, и что съ-тѣхъ-поръ несчастіе тяготѣло надъ бѣдной семьей. Семья обнищала. Братья Жака умерли одинъ за другимъ, и вскорѣ остались только старуха, мать Жака, Викторія, жена старшаго сына Реньё, мать двухъ сыновей, изъ которыхъ младшій былъ илютъ.

Казалось, проклятіе тяготѣло надъ семействомъ Реньё. Въ Тамплѣ сожалѣли о нихъ, потому-что бабушка была старшиною торговки, и болѣе тридцати лѣтъ вывѣска ея была на одномъ и томъ же мѣстѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ какъ-будто опасались: говорили, что они приносятъ несчастіе... Всѣ страшались убійственной заразы—нищеты.

Общее мнѣніе всего рынка состояло въ томъ, что Жакъ Реньё погибъ неизвѣстно гдѣ. Люди добрые говорили, что онъ былъ похищенъ въ Англію. Но у старухи вырывались иногда слова, по которымъ можно было предполагать, что сынъ ея еще живъ... слова

таинственный и безсвязный, выходящія изъ сердца ея въ минуты глубочайшей скорби и невыносимѣйшихъ страданій... Она не отвѣчала, когда ее просили объяснить эти слова...

Совсѣмъ разсвѣло. Это было около того времени, когда Францъ и Жюльенъ д'Омеръ выходили изъ Англійской-Косеиной.

Гансъ Дорнъ почти не спалъ всю эту ночь. Воспоминанія его, внезапно пробужденныя приключеніями того вечера, не давали ему сомкнуть глазъ. Все видѣнное казалось ему сновидѣніемъ. Онъ уже такъ давно пересталъ надѣяться, какъ вдругъ неожиданная встреча обратила опять всѣ мысли его къ прошедшему, къ Замку-Блутгауптъ, полному еще славныхъ историческихъ воспоминаній, къ двумъ молодымъ, прелестнымъ женщинамъ, изъ которыхъ одна клонилась уже къ смерти, а другая счастливо, весело улыбалась...

Маргарита и Гертруда! Дочь знаменитаго графа, преждевременная жертва злодѣянія, — и дочь бѣднаго фермера, цвѣтущая здоровьемъ и молодостью...

Увы! теперь обихъ не стало... а между-тѣмъ обѣ онѣ были еще молоды и прелестны, когда Всевышнему угодно было призвать ихъ къ себѣ!

Отъ Гертруды осталась дочь, существо кроткое, похожее на мать; Маргарита оставила сына, которому теперь не известно даже имя родителей его... Гертруда была любима, счастлива; но гдѣ былъ наследникъ славнаго рода Блутгауптовъ?

Холодная дрожь пробѣжала по жиламъ Ганса... Последний изъ Блутгауптовъ умиралъ, быть-можетъ, въ эту минуту, пораженный жвагой отчаяннаго дуэлиста...

Лицо Ганса было блѣдно; во взорѣ выражался ужасъ; холодныя руки были сложены на колѣняхъ. Неясныя видѣнія мелькали передъ помутнившимися глазами его. Холодный потъ выступалъ на вискахъ...

За перегородкой, Гертруда проворно стягивала шнурки своего корсета, постепенно обрисовывавшаго юныя ея формы. Туалетъ Герруды былъ не продолжителенъ. Она развязала тесемочку, и длинныя, густыя кудри рассыпались по круглымъ, бѣлымъ плечамъ ея. Два или три раза прошли зубцы гребня по шелковистымъ кудрямъ; потомъ она красиво сложила и прикрепила ихъ за головой. Простенькое платьице покрыло корсетъ — и Гертруда была одѣта.

Тогда только она приподняла одинъ уголокъ опущеннаго занавѣса.

Жанъ Реньйо былъ у своего окна и грустно смотрѣлъ на окна комнатки Герруды.

— Бѣдный Жанъ! проговорила молодая дѣвушка съ грустію: — какъ бы я желала утѣшить, осчастливить его!

Потомъ она воротилась къ кровати и преклонила колѣни предъ образомъ Богородицы, привезеннымъ матерью ея изъ Германіи. Гертруда помолилась за Жана, за отца, вѣжно его любимаго, и за всѣхъ несчастныхъ, нуждающихся въ утѣшеніи.

Краткая, наивная молитва ея вознеслась къ небу чистымъ эн-
шомъ...

Когда она встала, на лицѣ ея была прежняя безпечная весе-
лость; она подложила огня въ маленькую желѣзную печку и стала
раздувать его, напѣвая пѣсенку.

II.

Доврякъ Араби.

Гертруда раздувала огонь и пѣла какъ пташка. Свѣжій, звучный
голосокъ ея разносился по комнатѣ.

Когда по угольямъ пробѣжало синее пламя, она пошла за гли-
нянымъ горшкомъ, который осторожно устала на угольа. Даже
въ этихъ простыхъ хозяйственныхъ занятіяхъ все движенія ея бы-
ли живы, граціозны.

По-временамъ голосокъ ея возвышался, по-временамъ походилъ
на тихій ропотъ, по-временамъ совсѣмъ умолкалъ... Тогда хоро-
шенькая головка ея задумчиво опускалась на грудь: она мечтала...
но не долго; внезапно прежняя веселость сіяла на лицѣ ея; туч-
ки, омрачавшая ясный взоръ ея, разсѣивались.

Пока горшокъ нагрѣвался на огонь, она убрала свою постельку
и задернула белые какъ снѣгъ занавѣсы. Въ одно мгновеніе ком-
ната была чиста, красива.

Въ горшкѣ готовился завтракъ. То былъ здоровый, густой въ-
нецкій супъ. Гертруда приправляла его привычною рукою; потомъ
деревянною ложкой наполнила порядочную чашку супа, прикрыла
его фаянсовой тарелкой, повязала голову кисейнымъ платочкомъ и
весельно сбѣжала внизъ.

Сшедъ на дворъ, она взглянула на окно Жана Ренъё, кивнула
свою головою, и лицо молодого человѣка внезапно прояснилось, какъ-
бы освѣщенное солнечнымъ лучомъ.

Гертруда быстро перешла черезъ дворъ.

Лавочки уже отпирались. Въ соседнихъ шинкахъ торгаша и
торговки заливали жажду утренней рюмочкой водки. Трипичники
были почти все по своимъ мѣстамъ.

Близъ шинка подъ вывѣскою *Духъ-Львовъ* была лавочка, раз-
дѣленная на двое. Одну половину занималъ передѣльватель стараго
платя въ новое — биднякъ, не имѣвшій средствъ платить за цѣ-
лую лавку, а другую—одно изъ замѣчательнѣйшихъ лицъ Тамилы
въ 1844 году.

Лавочка эта имѣла едва ли не болѣе жалкую наружность, не-
жели все остальныя. Передъ входомъ постоянно висѣли красные
платоны съ толстыми лампасами и два или три синіе фрака съ
шишурнымъ шитьемъ.

Это была вывѣска, — но вывѣска глупа: всѣ въ Тампль знали, чѣмъ торговалъ хозяинъ этой лавчонки.

Внутренность ея была еще раздѣлена плотной дубовой перегородкой съ полукруглымъ отверстіемъ. Въ перегородкѣ дверь, которая никогда не отворялась. За отверстіемъ, отъ десяти часовъ утра до четырехъ пополудни, сидѣлъ старикъ, по имени Арабі, дававшій деньги въ займы подъ залогъ; каждый день являлся онъ въ известное время, прятался за свою перегородку и уже не показывался до известнаго часа.

Всѣ тампльскіе торгаша долго думали, что Арабі спалъ въ своей лавчонкѣ за неприступной перегородкой. Въ четыре часа, полуоткрытое отверстіе и дверь запирались, но никто не видалъ, какъ выходилъ Арабі.

Можетъ-быть, уходилъ онъ только тогда, когда становилось совсемъ-темно; можетъ-быть, ускользалъ онъ съ другой стороны Ротонды... никто этого не зналъ навѣрное.

Во всемъ Тамплѣ и окрестностяхъ его не было ни одного чело-вѣка, который не зналъ бы хоть по имени стараго ростовщика.

Лѣтомъ и зимою онъ носилъ теплые сапоги поверхъ панталонъ, старую шинелишку съ мѣховымъ воротникомъ и клеѣнчатую фуражку съ длиннымъ козырькомъ, закрывавшимъ лицо его.

Видавшіе его, случайно, ближе — говорили, что лицо его было желто и морщинисто, какъ сушеное яблоко, носъ крючкомъ, губы узкія, глаза маленькіе, но живые, моргавшіе за большими синими очками. Они увѣряли еще, что старому добряку, — такъ называли его, — было по-крайней-мѣрѣ лѣтъ подлѣ сто.

Торгаша боялись его, и немногіе изъ нихъ рѣшились бы пройти въ полночь мимо лавчонки Арабі. Говорили, что въ это время старый добрякъ — или тѣнь его — бродила по опустѣлымъ проходамъ, смотря на землю и отыскивая не обронилъ ли кто мѣдныхъ или другихъ денегъ. Говорили еще, что онъ былъ тотъ провѣлятый Еврей, страдающій уже въ-продолженіи нѣсколькихъ столѣтій и известный во всемъ мірѣ подлѣ именемъ Вѣчнаго Жида.

Не смотря на эти суевѣрные вѣрованія, всѣ, въ случаѣ нужды, спѣшили просить помощи у стараго Арабі, — а нужда почти неразлучная спутница *негоціантовъ* Тампля!

Можно бы, правда, обратиться и къ Мон-де-Пьетѣ, но тамъ требуются нѣкоторыя формальности, тягостныя для закладчиковъ. Добрякъ же Арабі давалъ хоть менѣе оцѣнщиковъ и бралъ большіе проценты, но за то давалъ безъ всякихъ прижимокъ, былъ бы закладъ. Ему не было никакого дѣла до паспортовъ и до мѣста жительства; добрый старикъ не справлялся даже объ имени закладчика и принималъ все безъ разбора: случайно ли *майдимые* часы, золотую ли цѣпочку, или нѣсколько аршинъ сукна. Закладчики думали еще ту выгоду, что добрякъ давалъ имъ займы даже менѣе трехъ франковъ, что запрещено въ Мон-де-Пьетѣ.

За перегородкой находился маленькій прилавокъ, на которомъ въ рядкѣ лежали вещи съ билетиками; если, по простествіи двухъ шель, закладчики не приносили двойной суммы займа, то эти вещи продавались.

Хотя всѣ знали, что панталоны и фраки, висѣвшіе на передкѣ лавочки, ничего не значили, хотя Арабі бралъ незаконные проценты, однакожь никто не доносилъ на него.

Одно обстоятельство будетъ вѣчно покровительствовать лихоимству — именно, нужда.

Ограбленные сначала бѣснлись и клялись погубить стараго плута; но вслѣдъ за порывомъ гнѣва наступало размышленіе: прійдетъ опять нужда, къ кому тогда обратиться?.. Развѣ игрокъ доносить когда-нибудь на игорный домъ, въ который входилъ онъ богатымъ, и изъ котораго выходилъ нищимъ?..

Впрочемъ, всѣ думали, что доносъ на добряка Арабі былъ бы оставленъ безъ вниманія. Вѣроятно, полиція знала очень-хорошо о тайномъ ремеслѣ стараго ростовщика, подкупившаго агентовъ, надзиравшихъ за рынкомъ. Это было довольно-вѣроятно, потому-что агенты старались какъ-можно-рѣже проходить мимо таинственной лавчонки.

Къ ней-то и направлялась хорошенькая Гертруда, вышедъ изъ дома, въ которомъ жила съ отцомъ.

Лавчонка добряка была еще заперта; дощатая дверь была еще закрыта желѣзными заржавленными болтами. Гертруда постучалась.

— Кто тамъ? спросилъ изнутри слабый голосъ.

— Это я, Гертруда.

— Ахъ, благодарю, добрая барышня! радостно отвѣчалъ тотъ же голосъ:—погодите минуточку, я сейчасъ отпущу.

Послышался шумъ за дощатою дверью, и вскорѣ она отворилась.

Гертруда вошла въ маленькую четверугольную, слабо-освѣщенную коморку. Тамъ было живое существо — блѣдная, худощавая дѣвочка, служанка стараго Арабі.

На сыромъ полу коморки лежалъ жесткій матрацъ.

Дѣвочку звали Ноэмией. Въ Тамплѣ называютъ *галифардами* мальчиковъ, служащихъ для разсылки и разноски вещей. Ноэмія занимала эту самую должность у ростовщика и была извѣстна во всемъ Тамплѣ подъ именемъ *Ноно-Галифарды*.

Врядъ ли въ цѣломъ мірѣ было существо несчастнѣе этой дѣвочки. Въ холодныя зимнія ночи она спала въ лавчонкѣ, прикрываясь однимъ ситцевымъ платищемъ. Вѣтеръ свисталъ сквозь щели неплотной двери, а ей нѣгдѣ было укрыться. Ростовщикъ поручалъ ей работы, которыя были ей не по-силамъ, не платилъ ей и едва кормилъ.

Когда она выходила, тампльскія торговки, изъ сожалѣнія къ страдальческому виду ея, давали ей кусокъ хлѣба; но у нея былъ

неприятель, неутешимо преследовавший и обкрадывавший ее съ адскою хитростью.

Идиотъ Генъйолецъ всегда поджидалъ ее, и лишь-только замѣчалъ бѣдную Галифарду съ кускомъ хлѣба въ рукахъ, какъ нападалъ на нее, отнималъ хлѣбъ и билъ въ добавокъ.

Ново убѣгала, громко рыдая. Торгаши нарочно выходили изъ шинковъ, чтобъ посмотреть на эту сцену, и хохотали, — было чему смѣяться. А Генъйолецъ, гордясь своей побѣдой, садился верхомъ на скамью и запѣвалъ пѣсню. Въ вознагражденіе за подвигъ, его подчивали водкой. На другой день онъ дѣлалъ то же, потому-что не находилъ другаго такого слабаго и безобиднаго существа.

Какъ про стараго Арабі, такъ и про служанку его носились странные слухи. Старикъ велъ чрезвычайно-уединенную жизнь и ни съ кѣмъ не знался. У служанки его не было ни родителей, ни родныхъ, — по-крайней-мѣрѣ, никто не зналъ, откуда она. Однакожь, кромѣ Гертруды, приносившей Поэмю каждое утро завтракъ, у нея была еще другая покровительница. Мадамъ Батальеръ подзывала ее къ себѣ каждый разъ, когда она проходила.

По этому обстоятельству рассказывали даже довольно-странный случай.

Однажды на бѣдную Галифарду напалъ, по обыкновенію, врагъ ея Генъйолецъ. Онъ жестоко прибилъ ее и не переставалъ бить, такъ-что бѣдняжка должна была скрыться въ лавку мадамъ Батальеръ, у которой въ это время была красивая, богато-одѣтая дама, покупавшая какую-то бездѣлушку.

Ново-Галифарда съѣла въ уголь, запыхавшись и утирая слезы. Дама посмотрѣла на нее, а потомъ стала шопотомъ разговаривать съ хозяйкой лавки.

Ново была въ то время еще очень-мала и щедушнѣе теперешняго. Она продолжала тихо плакать и закрыла лицо руками... Просидѣвъ нѣсколько времени въ тепломъ углу, бѣдное дитя заснуло...

Тогда богато-одѣтая дама тихонько подошла, наклонилась къ ней и долго смотрѣла на нее съ выраженіемъ нѣжнаго участія; потомъ поцаловала въ лобъ Ново-Галифарду...

Вотъ что рассказывали. Мадамъ Батальеръ увѣряла, что это ложь, выдумка сосѣдокъ-сплетницъ.

Галифардѣ было теперь пятнадцать лѣтъ, но страданія препятствовали развитію и росту ея. Она была щедушна; ни малѣйшая выпуклость, обозначающая развитіе юной дѣвицы, не рисовалась подъ ситцевымъ, дырчавымъ платьемъ. Вообще все тѣло ея отличалось однообразной худобой, бывающей слѣдствіемъ болѣзни, нищеты или горя...

Не смотря, однакожь, на эту худобу, тѣло Ново была тонка и граціозна, черты лица правильны и пріятны. Въ нихъ выражалась кроткая покорность судьбѣ. Иногда бѣдная дѣвочка даже улыба-

на сквозь слезы. Тогда прелестные черные глаза ея, впадые отъ горя, оживлялись въжымъ, пронизательнымъ взглядомъ.

То былъ солнечный лучъ, на минуту падающій на землю въ смурное зимнее утро...

Того, кто сказалъ бы, что Галифарда хороша, назвали бы въ Тамплѣ сумасшедшимъ. Тамъ она внушала къ себѣ много презрѣнія и немного состраданія... А между-тѣмъ, она была прекрасна, какъ нѣмое страданіе, покоряющееся року. Молчаливая грусть ея могла заставить поэта мечтать...

Галифарда съла на свой жесткій матрацъ и съ жадностію ѣла завтракъ, принесенный ей Гертрудой.

Състь, болѣе и болѣе проникавшій въ сырую коморку, освѣщалъ чудную картину. Онъ скользилъ по волосамъ Гертруды и обрисовывалъ очеркъ свѣжаго лица, блиставшаго жизнью, весельемъ и довольствомъ; потомъ падалъ прямо на худощавое лицо Галифарды, оживленное въ эту минуту радостію и признательностію.

Снаружи, какъ-будто для большаго контраста, виднѣлось бессмысленное лицо идиота, заглядывавшаго въ лавчонку и ворчавшаго отъ досады потому-что онъ не могъ завладѣть добычей...

III.

Ново-Галифарда.

Прошедъ нѣсколько разъ передъ лавчонкою стараго Арабі, идиотъ Генъюлетъ спрятался за одинъ изъ столбовъ навѣса. Съ жадностію пса, смотрящаго на кушающаго господина своего, слѣдилъ онъ за каждымъ движеніемъ Галифарды.

— Какъ ты проголодалась, бѣдная Ново! сказала Гертруда, съ улыбкой смотря на нее.

— О, да! отвѣчала дѣвочка:—я очень проголодалась!.. Я умерла бы съ голода, еслибъ вы, мамзель Гертруда, не сжалились надо мною; хозяинъ мой съ каждымъ днемъ становится скупѣе... а если я достану гдѣ-нибудь кусокъ хлѣба, такъ Генъюлетъ отнимаетъ его у меня...

— Приходи къ намъ, бѣдная Ново, когда тебѣ захочется ѣсть...

— Я не смѣю отойти отъ лавки... хозяинъ очень-старъ, но у него достаетъ еще силы бить меня... Притомъ же, чтобъ идти къ вамъ, надобно пройти корридоръ, въ которомъ я могу встрѣтить Генъюлета.

— Такъ ты очень боишься его?

Галифарда задрожала всѣмъ тѣломъ.

— Однажды, сказала она, переставъ ѣсть:—онъ напалъ на меня вечеромъ, на площади... Боже мой! онъ такъ же золъ, мамзель Гертруда, какъ вы добры!.. Генъюлетъ схватилъ меня за волосы,

повалилъ на мостовую, и билъ руками и ногами съ бѣшенствомъ... и чѣмъ болѣе онъ меня билъ, тѣмъ болѣе возрастало его бѣшенство!.. Еслибъ не Германнъ, другъ вашего отца, я думаю, онъ убилъ бы меня...

На глазахъ Галифарды выступили слезы. Гертруда, сильно расстроганная, съѣла возлѣ нея на матрацъ. Генъйолецъ спрятался за столбъ.

— Но за что же онъ такъ ненавидитъ тебя? спросила Гертруда.

— За то, отвѣчала дѣвочка: — что я отняла у него мѣсто... Онъ прежде служилъ у моего хозяина, который прогналъ его за то, что онъ его обкрадывалъ.

Гертруда взяла холодную руку Ноно, стала согрѣвать ее въ своихъ рукахъ и сказала:

— Поторопись, Ноно; — батюшка ждетъ меня.

Въ нѣсколько минутъ Галифарда опорожнила чашку. За столбомъ сердито заворчалъ идиотъ.

— Галифарда все съѣла! проворчалъ онъ: — и ничего не оставила Генъйолету...

Онъ высунулся изъ-за столба. Ноно увидѣла его и задрожала. — Гертруда скоро оглянулась и замѣтила идиота, издали грозившаго кулакомъ своей жертвѣ.

Гертруда взяла изъ рукъ бѣдной Галифарды чашку и встала.

— Онъ бѣдный безумный, проговорила она: — надо простить ему.

— О, я отъ души ему прощаю! съ живостию и съ ангельскимъ выраженіемъ во взорѣ вскричала молодая дѣвочка: — прощаю ему уже потому, что вы любите его брата... Я молю Бога за него и всѣхъ бѣдныхъ родныхъ его.

Яркій румянецъ выступилъ на щекахъ Гертруды.

— Прощай, Ноно! произнесла она тихимъ голосомъ: — нѣтъ ли у тебя еще какой просьбы ко мнѣ?

Галифарда какъ-бы колебалась съ минуту, потомъ опустила глаза, и вѣки ея обозначились на исхудалой щекѣ полукругомъ длинныхъ, черныхъ рѣсницъ.

— У меня есть до васъ просьба, отвѣчала она наконецъ: — но я боюсь опечалить васъ, добрая барышня...

Гертруда, готовившаяся уже удалиться, остановилась. — Ноно взяла руку ея и поцаловала.

— Я такъ счастлива, продолжала она, когда вы улыбаетесь, и такъ несчастлива, когда замѣчаю печаль въ вашихъ глазахъ!

— Говори скорѣе.

— Вчера приходила сюда мадамъ Реньё... бѣдная старуха плакала, и я слышала, какъ она умоляла моего хозяина одолжить ей денегъ.

— Сколько? спросила Гертруда.

— О, много, много! возразила дѣвочка: — я уже говорила вамъ,

то она не можетъ заплатить за свое мѣсто, да это ещё ничего!.. Я узнала, что она много должна и что ее хотять посадить въ тюрьму!

Краска исчезла съ лица Гертруды.

— И Араби не далъ ей денегъ?

Ноно пожала плечами и отвѣчала:

— У нея не было заклада; хозяинъ прогналъ ее и обругалъ.

Головка Гертруды опустилась на грудь; она задумалась.

— Надобно помочь ей, сказала она про-себя. — Прощай, Ноно; завтра я опять прійду.

Когда Гертруда ушла, Галифарда подняла взоръ къ небу и молила Господа, чтобъ онъ даровалъ счастье доброй ея покровительнице.

Гертруда не дошла еще до темнаго корридора, ведшаго къ дому, въ которомъ жилъ отецъ ея, когда худощавый старикъ, закутанный въ камлотовую шинель съ теплымъ воротникомъ и въ старой фуражкѣ съ длиннымъ козырькомъ, попался ей на встрѣчу. Покачиваясь и скользя по сырой мостовой, шелъ онъ къ рынку. За нимъ шла толпа мальчишекъ, изрѣдка и боязливо насмѣхаясь надъ нимъ. Тряся головой и опираясь на длинную палку съ чернымъ костянымъ набалдашникомъ, старикъ перешелъ черезъ Площадь Ротонды.

Это былъ добрякъ Араби, пробиравшійся къ своей лавчонкѣ ратье обыкновеннаго, потому-что наканунѣ былъ день праздничный и лавки не отпирались.

Войдя въ первую коморку, онъ сердито посмотрѣлъ на бѣдную служанку.

— Лѣнивица! проворчалъ онъ: — развѣ я держу тебя для того, чтобъ ты валялась на моемъ матрацѣ до полудня?.. Я далъ тебѣ шерсть, чтобъ ты вязала чулки, когда меня здѣсь нѣтъ... Гдѣ твоя работа, негодная?..

Ноно не отвѣчала, но, робко опустивъ глаза, стояла передъ своимъ хозяиномъ.

— Убери сейчасъ комнату! сказалъ ростовщикъ.

Ноно сложила матрацъ и съ усиленіемъ подняла его. Добрякъ отворилъ дверь въ сосѣднюю комнату; служанка снесла туда матрацъ, и — комната была убрана.

Потомъ Араби вынулъ изъ кармана два большіе ключа, и однимъ отворилъ дверь въ свою контору. Дверь заскрипѣла на петляхъ; старикъ исчезъ, и, секунду спустя, за дубовой перегородкой послышался стукъ желѣзныхъ болтовъ и засововъ. Потомъ отворилось окно, и въ отверстіи его, въ тѣни, появилось лицо ростовщика. — Контора была отворена.

— Пошла, лѣнивица, за моимъ завтракомъ! сказалъ ростовщикъ служанкѣ: — да смотри, скорѣе! не звать на дорогу!

Съ этими словами онъ положилъ три сантима на почернѣлую отъ времени грязную полку, находившуюся передъ полукруглымъ

отверстіемъ. Ноно взяла деньги и поспѣшно удалилась. Минуту спустя, она воротилась съ маленькимъ кускомъ хлѣба и крошечнымъ кусочкомъ сыра, продаваемого за безцѣнокъ по причинѣ порчи.

Арабі принялъ все это своими костлявыми, дѣльными пальцами и взявъ ножикъ, обточенный уже до-нѣльзя, принялся завтракать съ чувственною медленностью, разрывая хлѣбъ и сыръ на микроскопическія частицы.

— Лѣнивица!.. Кто поздно встаетъ, тому не даютъ завтракать!.. Да, я думаю, ты и не голодна... Будь умницей, береги мои вещи и въ-особенности не воруй!.. Воровство — смертный грѣхъ... Если ты будешь хорошо вести себя, такъ въ полдень получишь кусокъ хлѣба и остатокъ отъ моего сыра.

Ноно прошла въ заставокъ, гдѣ хранились заложенные вещи.

Арабі продолжалъ завтракать съ наслажденіемъ, выглядывая изъ своей конторки, точно старая обезьяна, грызущая украденный орѣхъ.

Гертруда, между-тѣмъ, прошла темный корридоръ. — На дворѣ ждалъ ее Жанъ Реньйо, съ шарманкой на спинѣ. Она скоро прошла мимо его.

— Подождите здѣсь, сказала она: — я сейчасъ вернусь.

Скоро добѣжала она до своей комнатки, не взглянула даже на горшокъ, въ которомъ перекипалъ супъ, и поспѣшно отворила простенькій шкапикъ орѣхового дерева. Тамъ лежалъ кошелекъ съ шестью двадцати-франковыми монетами, подаренными ей отцомъ въ разное время. Она взяла этотъ кошелекъ и такъ же скоро сбѣжала внизъ.

Вмѣсто того, чтобъ выйти на дворъ, она подозвала къ себѣ молодого шарманщика. Онъ повиновался ей. Жанъ былъ грустнѣе обыкновеннаго.

Гертруда положила руку на поношенный воротникъ бархатной куртки бѣдняка и нѣсколько секундъ молча глядѣла ему въ глаза... Это уже не была прежняя беззаботная, веселая дѣвушка, съ дѣтскою живостью отгонявшая отъ себя грустныя мысли: теперь на лицѣ ея выражалось серьезное, глубокое участіе.

— Жанъ, проговорила она съ выраженіемъ упрека: — вы часто говорите, что любите меня, а между-тѣмъ вы ко мнѣ недоувѣрчивы!

Шарманщикъ опустил глаза и принужденно улыбался.

— Еслибъ я былъ счастливъ, Гертруда, отвѣчалъ онъ: — то, Богъ свидѣтель, ничего не скрывалъ бы отъ васъ... но, прибавилъ онъ дрожащимъ голосомъ: — зачѣмъ огорчать васъ моими страданіями?

Молодая дѣвушка насупила брови.

— Вы лгали!.. сказала она: — вы никогда не любили и не любите меня!..

Бѣдный Жанъ Реньйо сложилъ руки, и вся любовь его, преданная, почтительная, искренняя, глубокая, выразилась въ его взглядѣ.

— О, Гертруда! промолвилъ онъ тихимъ голосомъ: — не гово-

дѣ этого!.. Я, быть-можетъ, поступаю дурно, любя васъ... потому-что ничѣмъ въ жизни не могу подѣлиться съ вами... развѣ только своими страданіями и горестію... но я люблю васъ, люблю васъ невольно, какъ безумный!

Гертруда отвернула голову, чтобъ скрыть свое волненіе; ей нужно было еще казаться строгой, обиженной...

— Кто любить, сказала она съ усиленіемъ, стараясь сохранить свою строгость: — тотъ доверчивъ... Мнѣ кажется, еслибъ я страдала, то находила бъ утѣшеніе, рассказывая вамъ о своихъ горестяхъ... Но вы, Жанъ, не таковы: вы молчите, и отъ постороннихъ людей узнала я объ опасности, угрожающей вашей бабушкѣ! Шарманщикъ закрылъ лицо руками.

— Не-уже-ли уже весь Тамплъ знаетъ объ этомъ? вскричалъ онъ вѣжливо: — повѣрьте, Гертруда, я самъ только вчера узналъ... не есть люди, истиннымъ угадывающіе чужое горе!.. Кто скажетъ вамъ о нашей бѣдѣ?.. Что говорить про насъ?

Въ выраженіи голоса Жана Реньё было столько боязни, горести, что Гертруда не могла удерживать слезъ своихъ. Она хотѣла отвѣчать, но произнесла нѣсколько несвязныхъ словъ.

Жанъ Реньё понялъ и опять закрылъ лицо обѣими руками. Какъ ошенивая тяжесть, тянула его къ землѣ шарманка; онъ спустилъ ее съ плечъ и, не говоря ни слова, сѣлъ на первую ступень дѣвственны. Гертруда сѣла возлѣ него.

— И такъ, это правда? спросила она.

— Правда! отвѣчалъ шарманщикъ со стономъ, вырвавшимся изъ глубины груди: — хоть бабушка и очень-стара, но не въ тѣхъ еще лѣтахъ, которыя избавляютъ отъ тюрьмы... Вчера вечеромъ матушка рассказала мнѣ о нашемъ бѣдственномъ положеніи... Я сначала думалъ, что мнѣ нужны были деньги только на уплату за мѣсто, и былъ счастливъ, потому-что въ нѣсколько дней заработалъ эту сумму; но бабушкѣ нужно больше, гораздо-больше... Недѣли, мѣсяцы времени надобны для того, чтобъ накопить эту сумму!..

Рыданія прервали слова его.

— Въ тюрьму! продолжалъ онъ: — въ тюрьму, въ ея лѣта!.. Я молодой, прибавилъ Жанъ, поднимая голову: — и не боюсь презрѣнія свѣта!.. Объ одномъ молю Бога: чтобъ меня посадили за бабушку... что мнѣ до того, что стануть говорить люди? Вы, Гертруда, не будете презирать меня, вы будете знать, что я честный человѣкъ...

— Честный человѣкъ и добрый сынъ, мой бѣдный Жанъ! сказала молодая дѣвушка, сжимая руки шарманщика въ своихъ рукахъ: — у васъ благородное сердце, и я горжусь своей любовію къ вамъ!

Во взоръ Жана выражались блаженство и горестъ: на глазахъ были слезы, уста улыбадись.

— Благодарю! проговорилъ онъ: — благодарю!

Послѣ минутнаго восторженнаго молчанія, онъ вдругъ покачалъ головой и сказалъ:

— Но зачѣмъ говорить объ этомъ?.. Не я нуждаюсь въ утѣшеніи, моя добрая Гертруда! Я буду трудиться, работать, и если найду занятіе менѣе-неблагодарное, такъ продамъ свою шарманку... моего бѣднаго товарища и друга! прибавилъ онъ, погладивъ инструментъ рукою:—утѣшавшаго меня тысячу разъ своими унылыми мелодіями... которыя я особенно люблю... Но я продамъ его, продамъ!.. И желалъ бы принести бѣольшую жертву своей бабушкѣ!

Онъ всталъ и хотѣлъ уже накинуть на шею ремень шарманки. Гертруда удержала его за руку.

— Пойдите, проговорила она: — погодите еще минутку; мнѣ нужно переговорить съ вами...

Жанъ повинился, какъ всегда... но Гертруда молчала: она какъ-бы не смѣла или не знала какъ приступить къ тому, о чемъ хотѣла говорить.

Молча сидѣли бѣдныя дѣти на запыленной ступенькѣ старой, худой лѣстницы.

Много было свиданій въ прошедшую ночь подъ шелковыми драпировками, въ тишинѣ роскошныхъ будуаровъ, на эластическомъ бархатѣ дивановъ... Но врядъ ли гдѣ-нибудь было столько любви, преданности великодушной и искренней...

Жанъ и Гертруда любили друга всеми силами души. На истоптанной ступенькѣ, между сырими и грязными стѣнами мрачной лѣстницы было то, что трудно встрѣтить въ великолѣпныхъ жилищахъ: чистое, непорочное сердце дѣвушки, благородное и чистое сердце юноши; взаимная, искренняя любовь; двѣ совѣсти, которыя нѣчего было скрывать и которыя съ гордестію могли открыть предъ цѣлымъ свѣтомъ свои сокровеннѣйшія тайны...

Однакожь, Гертруда все еще колебалась. Она покраснѣла, какъ-бы стыдяся того, чего не могъ произнести языкъ ея.

Жанъ смотрѣлъ на нее съ безпокойствомъ.

— Мнѣ надобно поговорить съ вами, повторила она послѣ краткаго молчанія:—я хочу просить... о! я буду очень несчастна, если вы откажете въ моей просьбѣ!

— Могу ли я отказать вамъ въ чемъ-нибудь, Гертруда?

Молодая дѣвушка насильно улыбнулась и опустила руку въ карманъ.

— Общаетесь ли вы сказать «да»?.. спросила она вкрадчивымъ голосомъ.

— Общаю, отвѣчалъ шарманщикъ.

Тогда Гертруда поспѣшно вынула изъ кармана кошелекъ. Улыбка исчезла съ лица Жана.

— Вы обещались исполнить мою просьбу! вскричала Гертруда умоляющимъ грлосомъ и опустивъ глаза:—возьмите эти деньги и снесите ихъ своей бабушкѣ.

Жанъ не отвѣчалъ; съ испуганнымъ видомъ смотрѣлъ онъ на ишелекъ.

— О, бѣдность! бѣдность! проговорилъ онъ. — Радости другихъ не болѣе отравляютъ наши страданія... Гертруда, благодарю васъ отъ всего сердца... но вашъ отецъ богатъ въ сравненіи съ нами... Въ рыночныя торговки говорятъ уже, что любовь моя къ вамъ не безкорыстна!..

— Не безкорыстна!.. вскричала Гертруда съ негодованіемъ.

— Мы нищія!.. произнесъ шарманщикъ съ горькою безнадежностью.

Гертруда опустила голову: она уже не смѣла предлагать Жану денегъ.

Нѣсколько секундъ спустя, она подняла глаза; лицо ея, обыкновенно безпечное и веселое, приняло выраженіе гордой рѣшимости.

— Жанъ! сказала она тихимъ, но твердымъ голосомъ: — я не знаю и не хочу знать, что говорятъ рыночныя торговки... но еслибъ отецъ мой страдалъ и еслибъ вы предложили мнѣ помощь, я, я, я Богу, я не отвергла бы вашего предложенія...

— Я мужчина, проговорилъ шарманщикъ:—а вы дѣвушка!..

— Итакъ, вы не хотите мнѣ быть обязаннымъ! съ сердцемъ вскричала Гертруда: — подите! вы слишкомъ горды!.. Вы не любите ни меня, ни своей матери!

Жанъ не отвѣчалъ на это обвиненіе; но все страданіе души его выразилось на его блѣдномъ лицѣ.

Гертрудѣ стало жаль его; однакожь она продолжала:

— Нѣтъ! вы не любите меня... потому-что вамъ не жаль огорчить меня... Вы не любите ни матери, ни бабушки, потому-что не хотите спасти ихъ!..

— О, Боже, Боже!.. проговорилъ Жанъ, съ отчаяніемъ всплеснувъ руками.

— Вы не чувствуете состраданія къ другимъ, а думаете только о себѣ!.. продолжала Гертруда.

— Послушайте, сказалъ шарманщикъ умоляющимъ голосомъ:— прикажите, Гертруда, я готовъ вамъ повиноваться... готовъ отдать жизнь свою за мать... Но вы ребенокъ, Гертруда, и деньги эти принадлежатъ не вамъ, а вашему отцу!

— Нѣтъ, мнѣ! вскричала молодая дѣвушка съ надеждой: — о нѣтъ! О, повѣрьте, я не рѣшусь солгать даже для того, чтобъ спасти васъ, Жанъ!.. Деньги эти принадлежатъ мнѣ! Я накопила ихъ, и благодарю за то Всевышняго!..

Жанъ страдалъ... Жанъ былъ счастливѣйшимъ изъ смертныхъ...

Онъ не чувствовалъ въ себѣ силы долѣе сопротивляться. Нѣжный голосъ Гертруды и воспоминаніе объ отчаяніи бабушки уже сильно поколебали его рѣшимость.

— Нѣтъ, не могу! сказалъ онъ еще разъ слабымъ голосомъ: — не могу!

Молнія негодованія блеснула въ глазахъ Гертруды; она опу-

стилась на колѣни, схватила руку Жана и подняла къ нему прелестный, ясный взоръ...

— Прощу васъ! произнесла она умоляющимъ голосомъ.

Зрѣніе Жана помутилось... онъ страстно прижалъ молодую девушку къ сердцу и вскричалъ съ чувствомъ:

— О, какъ я васъ люблю, Гертруда!

Гертруда опустила кошелекъ въ карманъ бархатной куртки шарманщика; потомъ скоро встала, обхватила шею Жана обѣими руками и съ признательною поцаловала его въ лобъ.

— И я люблю васъ! вскричала она, смѣясь сквозь слезы. — Мой бѣдный Жанъ! никогда еще я не любила васъ такъ, какъ теперь!.. Благодарю, благодарю васъ!

И какъ птичка вспорхнула она на лѣстницу и сверху бросила еще улыбку, еще поцалуй бѣдному шарманщику...

IV.

Семейство Реньё.

Противъ оконъ квартиры Ганса Дорна, по другую сторону маленькаго двора, было одно съ узкими и запыленными стеклами, замѣненными по-мѣстамъ бумагой, пропитанной масломъ; сквозь стекла виднѣвъ былъ кусокъ пожелтѣлой отъ ветхости холстины съ заплатами. Это была занавѣска. Она пропускала скудный свѣтъ въ небольшую комнатку, все убранство которой составляли деревянная скамья, старое кресло, набитое соломой, и двѣ жалкія кровати.

При взглядѣ на эту комнату, невольно сжималось сердце. Въ печи не было ни огня, ни воли. У голыхъ стѣнъ не стояло даже шкапа, послѣдней мѣбели нищеты. Смотря на жалкое состояніе кроватей, можно было понять, отъ-чего онѣ были еще тутъ, а не проданы.

Это была квартира семейства Реньё. Бабушка и Викторія спали вмѣстѣ на одной большой кровати; идиотъ Реньёлетъ спалъ на другой. Направо отъ печки была дверь въ коморку Жана.

Старуха неподвижно сидѣла на кровати. Викторія работала надъ какимъ-то питьемъ у окна. Глазъ съ трудомъ могъ слѣдовать за быстрыми движеніями опытной руки ея. Но часто она останавливалась... тусклымъ, безнадежнымъ взоромъ смотрала она на дворъ...

Тогда идиотъ, сидѣвшій верхомъ на скамьѣ, насмѣшливо глядѣлъ на нее и сочинялъ новый пернемованный куплетъ, въ которомъ обивалъ мать въ лѣности. Реньёлетъ былъ не въ духъ. Онъ только-что вернулся домой и былъ чрезвычайно-недоволенъ тѣмъ, что ему не удалось пожитьяся завтракомъ маленькаго Гали-

еды. На окнѣ лежалъ, правда, хлѣбъ; но Генъидётъ только на хлѣбъ сухой хлѣбъ, когда отнималъ его у бѣдной служанки Арика Араби.

— Гдѣ Жанъ? спросила старуха, не произнося еще ни слова съ него утра.

— Онъ уже ушелъ съ своей шарманкой, отвѣчала Викторія.

— Тютю! гига! Какъ бы не такъ! закричалъ идиотъ и, сдѣлавъ гримасу, запѣлъ на свой однообразный ладъ:

Да, да, да, да!

Братъ мой Жанъ играетъ на шарманкѣ,
Да зангрыкаетъ съ хорошенькой сосѣдкой!

И оба сѣются,

Когда мама Реньйо горько плачетъ

На своей постели...

Вотъ тебѣ и праздникъ!

Викторія бросила на идиота взглядъ, исполненный материнскаго отчаянiя.

Бабушка опустила съдую голову на подушку.

— Я сегодня очень-нездорова! проговорила она. — Бѣдная Викторія! мнѣ кажется, что намъ уже не долго вмѣстѣ страдать...

Викторія встала и пододвинула кресло къ кровати.

— Не говорите этого, добрая матушка, сказала она: — конечно, мы очень-несчастливы; но Господь-Богъ еще милостивъ къ намъ, даровавъ намъ добраго, честнаго Жана...

— Правда, правда! сказала старуха: — Жанъ добрый сынъ... мы еще не совсемъ несчастны...

Она хотѣла улыбнуться, но слеза покатилась по морщинистой щекѣ ея; сухими, костлявыми руками закрыла она свое лицо и зарыдала.

Викторія оставила работу; идиотъ попрыгивалъ на скамьѣ и, прерывая свою безконечную пѣсню, кричалъ:

— Ну, пошла же, кляча! ну, пошла!

— Боже мой! говорила старуха: — я не желала бы разставаться съ вами, бѣдные дѣти... но въ мои лѣта тяжело страдать!.. При томъ же, вотъ ужъ двадцать-пять лѣтъ, какъ я плачу каждую ночь... Еслибъ ты знала, какъ я любила его!.. Добрый мужъ мой умеръ, благословляя его...

Викторія облокотилась на спинку кровати. Она не знала, какъ прервать разговоръ, возобновлявшійся каждый день и истощавшій послѣднiя силы старухи.

— Вотъ уже двадцать-пять лѣтъ, продолжала послѣдняя: — какъ я не знаю покоя... Прежде мы были богаты, дочь моя, и всѣ говорили: «Реньйо счастливы»... У меня были прекрасныя дѣти... Ты поминишь, какъ я любила Пьера, твоего мужа! Жозефъ, мой второй сынъ... честный, благородный Жозефъ!.. Жанъ, крестный отецъ твоего старшаго сына... А дочери мой, какъ онѣ были хо-

родня! Въ цѣломъ Парижѣ не было такихъ красавицъ!.. Да, правда, правда: Реньё были счастливы!..

— Успокойтесь, матушка; Богъ милостивъ; все поправится, сказала Викторія.

Старуха пристально посмотрѣла на нее, потомъ отвѣчала глухимъ голосомъ:

— Мертвые не воскресаютъ!.. Потомъ мгновенная молнія блеснула въ потухшемъ взорѣ ея. — Они завидовали семейству Реньё. Да и было чему!.. Самыя выгодныя сдѣлки доставались намъ... мы занимали нѣсколько лавокъ... Помнишь, Викторія? крайняя лавка, которую мы занимаемъ и теперь... была моя; Пьеру, твоему мужу, принадлежали двѣ слѣдующія.. потомъ была лавка Жана, потомъ Жозефа, и наконецъ моихъ дочерей.. Отъ самой площади Ротонды до Колодезной-Улицы были лавки Реньё, людей счастливыхъ, достаточныхъ, здоровыхъ и честныхъ...

Старуха замолчала и провела рукою по лбу, на которомъ выступали крупныя капли пота.

— Матушка! добрая матушка, не вспоминайте о прошломъ!.. произнесла Викторія умоляющимъ голосомъ.

— Оставь меня, дочь моя, возразила старуха:— я молодѣю, вспоминая о быломъ счастьи... О! какъ мы любили другъ-друга, какъ мы были счастливы, собираясь по воскресеньямъ къ обѣду, за общій столъ!.. Старшая дочь моя, бѣдная Марта, пѣла за десертомъ пѣсни, и отецъ ея говаривалъ, что ему пріятнѣе слушать ея пѣніе, нежели пѣніе оперныхъ пѣвицъ... Елена, младшая дочь, читала намъ занимательныя исторіи изъ прекрасныхъ книгъ... исторіи, заставлявшія насъ плакать или смѣяться... сыновья мои разговаривали съ женами, которыхъ нѣжно любили... и вокругъ всего стола были прелестныя дѣти, которымъ счастье улыбалось въ будущемъ... Боже мой! Боже мой! Что стало съ этими радостями и надеждами!..

Бабушка опять закрыла лицо руками.

Викторія отвернулась, чтобъ отереть слезу.

Идиотъ запѣлъ:

Сегодня чистый понедѣльникъ,
А у мамы Реньё денегъ нѣтъ.
Заплатить за мѣсто.
И насъ выгонять, да выгонять,
Вотъ тебѣ и праздникъ!

— Умерли!.. продолжала старуха голосомъ, прерываемымъ рыданіями:— умерли всѣ!.. честные сыновья, счастливыя дочери, улыбавшіеся малютки... всѣ умерли!.. одни за другими... умерли, когда счастье уже покинуло насъ!.. Бѣдный Генёioletъ правъ: у мамы Реньё нѣтъ тридцати-трехъ су, чтобъ заплатить за уголокъ, оставшійся ей въ Тамплѣ!.. У ней ничего не осталось; дѣти ея нищія, а она окончатъ дни свои въ тюрьмѣ.

Гемелетъ вытаращаль безсмысленные глаза.

— Ого-го! закричалъ онъ, смѣясь:—мама Реньйо будетъ съ во-
ни!.. Ого-го-го!

Страшная блѣдность покрывала лицо Викторіи.—Бабушка наклони-
лась къ ней и судорожно сжала ея руку. На лицѣ старухи высту-
пила горькая усмѣшка.

— У меня былъ еще сынъ, проговорила она прерывающимся
голосомъ: — сынъ, имя котораго не хочу произнести... сынъ,
убишій отца и превратившій все наши радости въ горе и отчая-
ніе... Онъ былъ нашъ любимецъ... Мы воспитали его какъ сына
богатыхъ и знатныхъ родителей... Онъ зналъ все то, чего мы не
имели... мы гордились имъ... Увы! гордымъ Богъ противится...
даже мать не должна гордиться своимъ сыномъ!.. Жакъ презиралъ
насъ; онъ стыдился насъ... и часто я видѣла, какъ онъ краснѣлъ,
осукала глаза и отворачивался отъ меня, когда мы встрѣчались
на улицѣ... Онъ боялся, чтобъ кто-нибудь не узналъ, что онъ сынъ
простой тампльской торговки... Но это еще не все, Боже мой!..
Однажды, мужъ мой съ ужасомъ увидѣлъ, что ящикъ, въ кото-
ромъ онъ хранилъ свои деньги, былъ пустъ... Насъ обокрали...
маленькое имущество наше, собранное непосыпными трудами и ли-
шеніями, пропало... Воръ же былъ... нашъ сынъ!

Последнія слова были произнесены глухимъ, почти-невнятнымъ
голосомъ. Старуха съ усиліемъ переводила духъ. Обыкновенно,
дошедъ до этого мѣста разсказа, уже тысячу разъ слышаннаго крот-
кою Викторіею, она умолкала... Но теперь она уперлась на подушку
и, приблизившись къ Викторіи, сказала:

— Дочь моя! вчера я была у священника... знаешь, зачѣмъ?

Викторія отрицательно покачала головой.

— Я спрашивала его, продолжала старуха таинственнымъ го-
лосомъ: — накажетъ ли Богъ сына, если онъ прогонитъ старуху-
мать?

Викторія не понимала; наклонившись еще болѣе къ ней, стару-
ха продолжала:

— Священникъ отвѣчалъ: такой сынъ будетъ проклятъ на этомъ
и будущемъ свѣтѣ!.. Правду ли онъ сказалъ, Викторія?

— Я думаю, матушка.

Старуха опустила на жесткую подушку и стала бормотать
невнятные слова, смысла которыхъ Викторія не понимала.

— Я то же, я то же думаю!.. говорила она: — я думаю, что
Богъ проклянетъ его... а между-тѣмъ, я должна его видѣть!..
Боже мой! не грѣшу ли я, навлекая на голову своего сына про-
клятіе неба?.. Давно ужъ собираюсь я сходить къ нему... Другіе
не узнаютъ его... но могутъ ли лѣта обмануть взоръ матери?.. Я
узнала его, узнала сейчасъ!.. Я знаю, гдѣ онъ живетъ и чѣмъ за-
нимается... онъ очень-богатъ!.. До-сихъ-поръ, я не смѣла просить
у него милостины, потому-что страшилась навдѣчь на него прокля-
тіе Всевышняго!..

Эти слова не доходили до слуха Викторіи, погрузившейся въ собственные размышленія... Старуха тихо, но долго говорила о неблагодарномъ сынѣ... Переполненная душа ея охотно изливала горестъ свою наружу.

— Никто этого не знаетъ, продолжала она: — да и дай Богъ, чтобъ никто не зналъ!.. Онъ обладаетъ милліонами... купилъ себѣ дворянство... Я, какъ мать его, имѣла право стараться узнать, какимъ образомъ онъ разбогатѣлъ... Долго не могла я ничего узнать... но наконецъ открыла его тайну!..

Голосъ ея становился слабѣе и слабѣе. Она бормотала еще нѣсколько мгновеній и наконецъ произнесла слово *преступленіе*... Съ этимъ словомъ, она какъ-будто пробудилась, задрожала, поспѣшно вскочила и, устремивъ безпокойный взглядъ на невѣстку, спросила дрожащимъ голосомъ:

— Что я сказала?.. слышала ли ты, Викторія, слово, отъ котораго зависить жизнь его?..

Викторія показалось, что старуха находится въ лихорадочномъ бреду.

— Чья жизнь? спросила она.

— Не спрашивай! вскричала старуха съ возраставшимъ волненіемъ:—не спрашивай, дочь моя!.. Эта мысль убиваетъ меня!.. О, нѣтъ, нѣтъ! Я не пойду къ нему! Въ тысячу разъ лучше умереть въ тюрьмѣ... Я знаю его: онъ выгонитъ меня... а священникъ сказалъ мнѣ вчера: «Господь не милуетъ дѣтей, отрекающихся отъ своихъ родителей!..»

Бабушка въ изнеможеніи опустилась на подушку; усталые глаза ея сомкнулись. Викторія поправила жесткую подушку...

Только однообразное пѣніе идіота прерывало тишину, наступившую въ бедномъ жилищѣ.

Молчаніе длилось нѣсколько минутъ.

Вдругъ дверь съ шумомъ отворилась, и Жанъ Реньё вошелъ въ комнату, опустивъ шарманку на полъ и двумя скачками очутился возлѣ кровати бабушки.

Яркій румянецъ покрывалъ щеки его; глаза его блистали радостію.

— Бабушка! вскричалъ онъ, опустившись на колѣни возлѣ кровати:—радуйтесь, радуйтесь! Господь Богъ сжалился надъ нами... васъ не посадятъ въ тюрьму!

Старуха съ трудомъ подняла отяжелѣвшія вѣжды. Викторія съ изумленіемъ смотрѣла на сына.

— Я принесъ деньги! вскричалъ Жанъ, смѣясь и плача.

— Деньги! повторила Викторія съ безпокойствомъ.

— Деньги! повторилъ идіотъ и пересталъ пѣть: — ого-го! деньги... Я хочу вѣсть...

Бабушка оставалась неподвижною.

Жанъ Реньё вынулъ изъ кармана шелковый кошелекъ, подаренный ему Гертрудой. Безпокойство Викторія видимо увеличива-

ль... звѣкъ золота заставилъ старуху вздрогнуть, и во взорѣ ея блеснула искра жизни.

— Ого-го!.. произнесъ шопотомъ Генійолетъ, съ жадностью выпрашивъ глаза.

Онъ прилегъ на скамью и притворился спящимъ; но жадный поръ его не сходилъ съ кошелька, въ которомъ звучало золото.

— Откуда у тебя эти деньги? строгимъ голосомъ спросила Викторія.

— Сколько тутъ? спросила бѣдная старуха.

Жанъ высыпалъ на руку шесть золотыхъ монетъ.

— *Святляки!*.. проворчалъ илиотъ:—купите мнѣ водки!..

— Сто-двадцать франковъ! проговорила старуха:—давно уже не видала я золота!..

Викторія схватила руку сына.

— Ради Бога, Жанъ, скажи, гдѣ взялъ ты эти деньги? спросила она.

— А еще сколько? спросила бабушка.

Жанъ уныло опустилъ голову; онъ понялъ, что этой суммы было недостаточно.

— Ничего больше нѣтъ!.. отвѣчалъ онъ:—тутъ все!

— Чтобъ спасти меня отъ тюрьмы, мрачно возразила бабушка:—нужно втрое болѣе этого!..

Между-тѣмъ, Викторія съ материнскимъ безпокойствомъ смотрѣла на Жана. Откуда могъ онъ достать эту сумму?..

— Жанъ, сынъ мой, сказала она умоляющимъ голосомъ:—прошу, умоляю тебя!.. скажи, гдѣ досталъ ты этотъ кошелекъ?

Въ радости своей, молодой человекъ не замѣтилъ безпокойства матери. Бабушка такъ боялась тюрьмы, что сначала и не подумала о томъ, откуда взялись эти деньги; но теперь ей стало стыдно вгонистическаго движенія, и она тоже устремила на Жана безпокойный, строгій взглядъ...

Бѣдный молодой человекъ робко опустилъ глаза, и яркая краска опять выступила на щекахъ его, поблѣднѣвшихъ при послѣднихъ словахъ бабушки. Ему стыдно было признаться, что онъ принялъ эти деньги, какъ подавнiе...

— Говори, Жанъ! произнесла старуха повелительнымъ голосомъ.

Жанъ молчалъ.

— Сынъ мой!.. бѣдное дитя мое! произнесла Викторія задѣвающимъ голосомъ:—о, я не переживу этого несчастія!..

Предъ этимъ непрямо-выраженнымъ обвиненiемъ, Жанъ смѣло поднялъ голову и тихимъ голосомъ произнесъ имя Гертруды.

Илиотъ громко захохоталъ.

Викторія глубоко вздохнула.

— И это ея собственныя деньги! продолжалъ шарманщикъ:—одну часть заработала она собственными трудами, а другую подарилъ ей отецъ!..

Жанъ опять опустилъ глаза. Мать прижала его къ сердцу и поцаловала въ лобъ.

— Жанъ, мой бѣдный Жанъ! говорила она: — прости мнѣ, что я осмѣлилась подозрѣвать тебя!..

Бабушка опять погрузилась въ свои мрачныя размышленія. Прешнія воспоминанія опять овладѣли ею.

Генъюлетъ всунулъ горлышко своей фляжки въ ротъ, и откинувъ голову назадъ, колотилъ ладонью по дну; но въ фляжкѣ не было ни капли.

— Свѣтляки! ворчалъ онъ: — а! у Ганса водятся свѣтляки!.. Я пойду къ нему... мнѣ нужно купить водки...

Викторія посадила Жана на кресло и съ улыбкой смотрѣла ему въ лицо.

— Какъ онъ насъ любитъ! думала она, лаская русыя кудри его, спускавшіяся на воротникъ бархатной куртки: — какъ онъ добръ! и какъ мнѣ стыдно, что я осмѣлилась подозрѣвать его!.. Мой милый, возлюбленный Жанъ, ты простишь мнѣ, не правда ли?.. прибавила она вслухъ:—страданія заставляютъ меня иногда быть мнительной!..

Жанъ покрывалъ руки матери поцалуйми.

— Она кроткая, прелестная дѣвушка, продолжала мать съ грустію.—Она любитъ тебя... Я это давно замѣтила... Каждое утро и каждый вечеръ молю я о ней Бога... за то, что она отдала свое сердце моему Жану, моему сыну, спасающему меня отъ отчаянія, отъ ропота на Провидѣніе!.. О, еслибъ ты зналъ, какъ я люблю ее... и какъ бы мнѣ хотѣлось назвать ее дочерью!..

— Какъ вы добры, какъ вы добры, матушка!.. произнесъ Жанъ, съ наслажденіемъ внимавшій каждому слову матери.

— Еслибъ я была богата, продолжала Викторія, вздохнувъ: — автра же ты былъ бы ея мужемъ... По волю Всевышняго, матери и отцы должны заботиться о счастьи дѣтей... Но у меня ничего нѣтъ, мой бѣдный Жанъ... Отецъ твой умеръ, оставивъ намъ въ наследство нищету... Еслибъ ты былъ одинъ, ты могъ бы трудиться, зарабатывать деньги и, можетъ-быть, Гансъ согласился бь 'отдать за тебя свою Гертруду... (Викторія прижала сына къ своему сердцу). Но на твоихъ рукахъ цѣлая семья!.. продолжала она, не будучи болѣе въ силахъ удерживать слезъ:—ты убиваешь себя въ тщетныхъ усиліяхъ!.. Наше несчастье тяготѣетъ и надъ тобою!.. Знаешь что, Жанъ, мой добрый сынъ? уйди отъ насъ... уйди далеко, далеко!.. Я увѣрена, что тогда мы не будемъ тебѣ въ тягость,—ты разбогатеешь!.. Тогда Гансъ Дорнъ, какъ челоуѣкъ справедливый и добрый, отдастъ за тебя дочь свою!..

Жанъ хотѣлъ прервать слова матери, но не могъ. Она говорила скоро и съ восторженнымъ волненіемъ...

Но голосъ бабушки заставилъ ее умолкнуть. Старуха вдругъ поднялась и сказала твердымъ, рѣшительнымъ голосомъ:

— Викторія! дай мнѣ мое праздничное платье. Я пойду со двора.

Викторія пошла въ уголъ, служившій шкапомъ, и сняла со стѣны платье, завернутое въ продырявленную простыню.

Старуха мрачнымъ взоромъ слѣдила за ея движеніями. Она, казалось, состарѣлась еще десятю годами со вчерашняго дня.

Нѣсколько минутъ спустя, старуха надѣла шерстяное платье темнаго цвѣта, встала съ постели и преклонила колѣни для утренней молитвы... Но она была такъ разстроена и взволнована, что безпрестанно сбивалась, и между латинскими изреченіями твердила:

— Я должна видѣть его!.. Не дай, о Боже, чтобъ онъ прогналъ свою мать!..

Она не хотѣла сказать Викторіи, куда отправлялась, и улалилась молча.

Идіотъ Генъиолѣтъ проводилъ ее до лѣстницы, громко расписывая; потомъ воротился, сталъ у окна, поднимая уголъ занавѣски и, устремивъ бессмысленный взоръ на окна Ганса Дорна, проговорилъ:

— А-га! такъ тамъ водятся свѣтляки... Теперь знаю, гдѣ ихъ можно достать...

Въ то самое время, когда Гертруда возвращалась къ себѣ наверхъ, душевно радуясь побѣдѣ, одержанной надъ отказомъ Жана Реньйо, она услышала голосъ отца, звавшего ее въ сосѣднюю комнату. Гертруда поспѣшно побѣжала къ печи, чтобъ тотчасъ подать завтракъ отцу; но огонь погасъ во время ея отсутствія, и испугившійся супъ простылъ въ горшкѣ. Гертруда собрала уголья и принялась раздувать огонь.

Между-тѣмъ, продавецъ платья скорыми, но неровными шагами продолжался по своей комнатѣ. Промолчавъ нѣсколько минутъ, онъ опять закричалъ:

— Гертруда! Гертруда!

Молодая дѣвушка продолжала раздувать огонь. Она была очень-недовольна привключившеюся несприятностью; однакожь улыбка не сходила съ лица ея, потому-что совѣсть ни въ чемъ ея не упрекала... Она была чрезвычайно-довольна своимъ утромъ; улыбка Жана Реньйо не выходила изъ ея памяти; она любила его болѣе прежняго за услугу, ему оказанную...

Не получая отвѣта, продавецъ платья продолжалъ расхаживать по комнатѣ. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, онъ опять позвалъ дочь, но тщетно: Гертруда въ торопяхъ не отвѣчала на зовъ отца.

Гансъ позвалъ въ третій разъ, и наконецъ Гертруда вошла къ нему съ полной чашкой супу въ рукахъ.

— Здравствуй, папенька! сказала она, ожидая, что отецъ побранитъ ее.

Но Гансъ не произнесъ ни слова; разсѣянно поцаловалъ онъ дочь въ лобъ, и молодая дѣвушка, взглянувъ отцу въ лицо, испугалась ея блѣдности.

На лицѣ Ганса обыкновенно выражалась прямая, открытая ве-

селость. Когда Гертруда взорвалась съ нимъ, онъ обыкновенно обѣими руками бралъ ее за голову и долго, съ любовію и отеческою гордостью, смотрѣлъ ей въ глаза.

Но сегодня не было ни поцалуя, ни улыбки... Брови его были нахмурены, взоръ печаленъ, задумчивъ...

Гертруда посмотрѣла на него съ безпокойнымъ изумленіемъ.

— Никто не приходилъ? проговорилъ Гансъ глухимъ голосомъ.

— Никто, боязливо отвѣчала Гертруда.

— Гдѣ ты была?.. Я нѣсколько разъ звалъ тебя.

Смушенная Гертруда робко извинялась, но Гансъ не слушалъ ея и проворчалъ сквозь зубы:

— Время проходить... а его нѣтъ!

— Не хочешь ли позавтракать, папенька? спросила Гертруда.

— Хочу, хочу... дай сюда...

Гертруда поставила чашку на столъ, возлѣ котораго Гансъ наканунѣ разговаривалъ съ Францомъ, придвинула стулъ и усадила отца.

Гансъ поднесъ ложку супа ко рту; потомъ опять опустилъ ее въ чашку и задумался...

v.

Ожиданіе.

— Тебѣ не нравится сегодня супъ? спросила Гертруда, внутренно раскаяваясь въ томъ, что мало заботилась о немъ сегодня.

Гансъ покачалъ головой. Гертруда тихо поднесла другой стулъ къ столу и сѣла возлѣ отца.

— Папенька, спросила она, робко заскаясь къ отцу: — ты сердитъ на меня?

Вмѣсто ожидаемаго поцалуя, Гертруда встрѣтила неудовольствіе на лицѣ отца: Гансъ Дорнъ пожалъ плечами.

— Боже мой! продолжала Гертруда, принимавшая на себя неудовольствіе отца. — Я сегодня опоздала... я снесла завтракъ бѣдной Галифардъ...

— Что мнѣ за дѣло!.. вскричалъ Гансъ, нетерпѣливо топнувъ ногою.

Онъ никогда еще не обходился такъ съ Гертрудой.

— Папенька, сказала она, со слезами на глазахъ: — прости... впередъ этого не случится...

— Что? спросилъ Гансъ, устремивъ на дочь мрачный взоръ.

Гертруда испугалась этого взора.

— Ты нездоровъ? спросила она съ безпокойствомъ.

Гансъ ударилъ кулакомъ по столу.

— Не-уже-ли я не могу имѣть минуты покоя? вскричалъ онъ
яриво.— Оставь меня! Я хочу остаться одинъ...

Гертруда повиновалась и грустно пошла къ двери. Подходя къ
ней, она опять услышала голосъ отца.

— Никто не идетъ!.. говорилъ онъ:— можетъ-быть, онъ не на-
шелъ дома... можетъ-быть...

Гансъ замолчалъ. Глаза его остановились на той страницѣ от-
крытой книги, на которой онъ вчера вечеромъ записалъ послѣд-
нюю покупку... Что-то необъяснимое приковывало взоръ его къ
этимъ строкамъ... Глубокая горестъ замѣнила досаду, за нѣсколько
мигуть предъ тѣмъ выражавшуюся на лицѣ его.

— Бѣдный юноша, бѣдный юноша!.. произнесъ Гансъ Дорнъ за-
дыхающимся голосомъ:— онъ принесъ мнѣ на память свое послѣд-
нее имущество!.. Слезы выступили на глазахъ Ганса; онъ сердито
захлопнулъ книгу, оттолкнулъ ее отъ себя и вынулъ изъ кармана
большіе серебряные часы.

— Время проходитъ! продолжалъ онъ:— половина десятаго!.. Не
можетъ быть!.. Вѣрно часы мои идутъ впередъ... Гертруда, по-
смотри, сколько на стѣнныхъ часахъ!

Гертруда пошла въ свою комнату и взглянула на часы, висѣв-
шіе противъ ея постели.

— Половина десятаго, отвѣчала она отцу.

Гансъ глубоко вздохнулъ и, облокотившись на столъ, закрылъ
лицо руками. Въ этомъ положеніи онъ оставался нѣсколько минутъ,
мрагивая при малѣйшемъ шумѣ и прислушиваясь къ шагамъ,
 раздававшимся на дворѣ. Въ полурастворенную дверь Гертруда съ
каждымъ безпокойствомъ смотрѣла на отца.

По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, онъ скоро всталъ и съ без-
покойствомъ началъ прохаживаться взадъ и впередъ, не обращая ни
малѣйшаго вниманія на дочь, не спускавшую съ него глазъ.

Мало-по-малу, взоръ Ганса прояснился; даже улыбка выступила
на лицѣ его.

— Какъ я безразсуденъ! проговорилъ онъ:— о чемъ я безпоко-
юсь!.. Конечно, онъ обещалъ прійти; но до меня ли ему теперь?..
У него есть болѣе-важныя дѣла...

Гертруда слышала, но не понимала. Она была счастлива тѣмъ,
что на лицѣ Ганса не было уже мрачнаго выраженія, столько испу-
гавшаго ее.

Гансъ увидѣлъ ее и сдѣлалъ знакъ, чтобъ она подошла.

— Помнишь ли ты его, дочь моя? спросилъ онъ, какъ-бы счита-
вая ненужнымъ произносить имя человека, занимавшаго всѣ его
мысли.

— Кого? спросила Гертруда.

— Не можетъ быть, чтобъ ты забыла его... Стоить взглянуть
на него одинъ разъ... и черты его навѣки врѣжутся въ память...
Онъ былъ здѣсь, года два тому... Сердце мое рвалось къ нему, и

прошедшее, исполненное невыразимых радостей, оживле въ моей памяти...

Онъ замолчалъ, какъ-бы желая дать Гертруду время сказать: — «помню...» но молодая дѣвушка не знала, о комъ говорилъ отецъ ея.

— Странно! продолжалъ онъ съ досадою: — какъ дѣти скоро забываютъ!.. Много ли ты встрѣчала такихъ благородно-гордыхъ людей, съ такимъ повелительнымъ взоромъ, съ такою очаровательною улыбкою?..

— Я видала только одного человѣка, которому не знаю равнаго, отвѣчала Гертруда: — но это было не два года тому, а вчера вечеромъ...

Взоръ Ганса блеснулъ восторгомъ, потомъ омрачился.

— Ты говоришь про молодого человѣка, продавшаго мнѣ свое платье? проговорилъ онъ.

Гертруда утвердительно кивнула головой.

— Правда! сказалъ Гансъ Дорнъ, смягчивъ голосъ: — правда, дочь моя... Онъ тоже благородный, прекрасный молодой человѣкъ... дочь покойной Гертруды Дорнъ должна уважать и любить его...

Молодая дѣвушка взоромъ испрашивала объясненія этихъ словъ; но Гансъ Дорнъ уже молчалъ и опять погрузился въ размышленія.

Наступила минута молчанія, во время котораго Гертруда не переставала думать о томъ, за что она должна любить и уважать молодого незнакомца, — шалуна, хотѣвшаго насильно поцаловать ее и продававшаго весь свой гардеробъ.

— Но я говорю тебѣ о другомъ, милая Гертруда, продолжалъ Гансъ ласковымъ голосомъ, какъ-бы желая помочь дочери вспомнить: — помнишь ли, два года тому, приходилъ ко мнѣ незнакомецъ, руку котораго я цаловалъ почтительно?..

— Помню! вскричала вдругъ молодая дѣвушка: — помню! Мужчина высокаго роста, закутанный въ красный плащъ...

— Именно такъ. О, я зналъ, что ты не могла забыть его!.. Одицъ взглядъ его проникаетъ до глубины души и наполняетъ ея любовью и восторгомъ...

— Взоръ его сверкалъ какъ молнія, проговорила молодая дѣвушка съ невольнымъ трепетомъ: — я боялась его!

— Вы, женщины, всего боитесь... Нѣтъ, Гертруда, этотъ человѣкъ страшенъ только для злыхъ и сильныхъ... Хорошо ли ты вглядывалась въ черты его?

— Не смотря на страхъ, который онъ внушалъ мнѣ, я не могла отвести отъ него взора...

— Не замѣтила ли ты въ немъ чего-то особеннаго, сверхъестественнаго?.. Мнѣ всегда кажется, что ему даровано какое-то высшее могущество...

— Не замѣтила... возражала молодая дѣвушка.

— Какая досада! Дѣти ничего не замѣчаютъ! съ неудовольствіемъ

онъ проговорилъ продавецъ платья. — Когда онъ на меня смотритъ, я чувствую непреодолимую власть его надъ моею совѣстью и волей... Тогда я уже не принадлежу себѣ... По одному слову, одному знаку его я готовъ отказаться отъ всего въ мирѣ... готовъ пожертвовать своею жизнію!..

Щеки Ганса горѣли; жилы на лбу его надулись; онъ говорилъ съ жаромъ, и съ каждымъ словомъ разгорячался больше-и-больше... Звукъ часовъ въ сосѣдней комнатѣ заставлялъ его опомниться. Гансъ замолчалъ и, считая удары, нѣсколько разъ измѣнялся въ лицѣ.

— Десять часовъ! проговорилъ онъ тихимъ голосомъ: — кто знаетъ, живы ли еще мужъ и юноша?..

Потомъ онъ взялъ Гертруду за руку и подвелъ ее къ кровати, гдѣ стояло маленькое распятіе изъ чернаго дерева.

— На колѣни, дочь моя, сказалъ онъ: — и молись изъ глубины души за людей, которымъ угрожаетъ смертельная опасность...

Съ самаго утра, всѣ слова Ганса были загадками для молодой дѣвушки; только послѣднія слова нѣсколько объяснили ей тайну...

— Не-уже-ли-вчерашній молодой человекъ находится въ опасности? спросила она.

— Да! отвѣчалъ Гансъ: — и другой еще...

— О, Боже мой! вскричала Гертруда: — а онъ былъ еще такъ веселъ! онъ говорилъ только о маскарадѣ, думалъ только объ удовольствіяхъ...

— Молись, дочь моя, молись! прервалъ ее Гансъ.

Гертруда сложила руки и стала молиться съ усердіемъ.

— Одинъ изъ нихъ любилъ твою мать какъ братъ, продолжалъ Гансъ, на лбу котораго выступили крупныя капли пота: — а за другаго мать твоя сама была готова отдать жизнь свою...

Гертруда продолжала молиться. — Гансъ Дорнъ не могъ самъ молиться: онъ былъ слишкомъ взволнованъ.

Въ то самое время, когда молодая дѣвушка встала, творя крестное знаменіе, на дворѣ послышались скорые шаги...

Гансъ хотѣлъ броситься къ окну, но остановился... Гертруда стояла возлѣ кровати, устремивъ неподвижный, боязненный взоръ на отца.

Шаги затихли въ корридорѣ, потомъ опять раздались на лестницѣ.

Гансъ приложилъ обѣ руки къ груди.

— Идетъ сюда! проговорилъ онъ шопотомъ. — Слушай... слушай!..

Кто-то сильно постучался въ дверь.

Ноги торговца подкосились.

— Это не онъ! произнесъ онъ съ отчаяніемъ: — онъ такъ не станетъ стучать!..

Стукъ усмивался.

— Отворить, папенька? спросила Гертруда.

— Дѣлай, что хочешь, отвѣчалъ Гансъ Дорнъ, опустивъ отяжелѣвшую голову на грудь.

Гертруда тихо пошла въ другую комнату и отворила дверь.

Кто-то скоро вбѣжалъ, и громкій звукъ поцалужа раздался по комнатамъ. — Молодая дѣвушка отступила съ испугомъ... Францъ долженъ былъ поддержать ее.

— Папенька! папенька! произнесла она: — идите скорѣе! это онъ!..

Но голосъ ея былъ слишкомъ ослабленъ волненіемъ, и отецъ не слышалъ ея зова.

Францъ не зналъ, чему приписать это смущеніе; впрочемъ, онъ и не хотѣлъ думать о немъ, а поддерживая талию молодой дѣвушки, нѣжно цаловалъ шелковистыя кудри ея.

— Эдоровъ ли шарманщикъ? спрашивалъ онъ улыбаясь. — Онъ счастливъ, и я бы очень желалъ быть на его мѣстѣ... О, какіе у васъ прекрасныя волосы!.. счастливъ долженъ быть шарманщикъ, цалуя эти шелковистыя кудри!..

Гертруда приложила палецъ ко рту и показала на полурастворенную дверь въ сосѣднюю комнату.

— А! отецъ тамъ! шепотомъ и съ граціозною безпечною сказавъ Францъ: — онъ не знаетъ о вашей любви?.. Не бойтесь, красавица, я скромнѣе, какъ глухой и буду молчаливѣе, какъ нѣмой... Впрочемъ, по вашимъ глазкамъ вижу, что вы не слишкомъ боитесь нескромности... Вы такъ же добры и невпны, какъ милы, а я негодный болтунъ, потому-что заставляю васъ краснѣть и опускать глазки, которыми не могу довольно палюбоваться.

Съ этими словами онъ взялъ руку Гертруды и поднесъ ее къ своимъ губамъ.

— Увѣряю васъ, продолжалъ онъ кроткимъ, почти-серьезнымъ тономъ: — я полюбилъ васъ какъ сестру... не знаю отъ-чего, но я такъ же скоръ на дружбу, какъ на любовь... Вчера, уходя отсюда, я посмотрѣлъ вамъ въ глаза... Сколько нѣжнаго состраданія было въ вашемъ взглядѣ!.. Я увѣренъ, что этотъ взглядъ принесъ мнѣ счастье!.. Не смотря на то, что я былъ чрезвычайно занятъ въ прошедшую ночь, раза два-три вспоминалъ я о васъ... а сегодня утромъ, когда готовился разстаться съ этимъ свѣтомъ, вашъ образъ явился между образами всѣхъ тѣхъ, кого я люблю...

— Итакъ, вы спаслись отъ угрожавшаго вамъ несчастія? спросила Гертруда съ участіемъ.

Францъ насупилъ брови; потомъ захохоталъ.

— Да, да! отвѣчалъ онъ: — съ такими поединками я преспокойно могу прожить до ста лѣтъ... Нѣтъ худа безъ добра... Впрочемъ, я тутъ самъ рѣшительно ничего не понимаю...

— А папенька ждетъ! сказала Гертруда: — о! еслибъ вы знали, какъ онъ безпокоился, и заставлялъ меня молиться за васъ!

— За меня? вскричалъ Францъ съ изумленіемъ.

Гертруда взяла его за руку.

— Пойдемте, пойдемте... сказала она: — онъ уже больше часа идетъ вась...

Эта сцена продолжалась не болѣе минуты, а между-тѣмъ блѣдный Гансъ потерялъ уже надежду. Онъ все сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, подпиравъ голову руками. Разговоръ въ сосѣдней комнатѣ долеталъ до слуха его невнятнымъ ропотомъ... Онъ очень-хорошо зналъ, что тотъ, кого онъ ждалъ, не сталъ бы терять времени въ разговорахъ. Сначала онъ самъ не рѣшался подойти къ двери: такъ сильно обманутая надежда поразила его сердце... Но потомъ разсѣялись и надежда и опасенія... Гансъ Дорнъ впалъ въ прежнюю мрачную апатію...

Францъ слѣдовалъ за Гертрудою.

— Отецъ вашъ долженъ быть прекрасный человѣкъ! говорилъ онъ: — вчера онъ далъ мнѣ денегъ, а сегодня спасъ вашими молитвами, которыя не могутъ не быть угодны Господу...

— Пойдемте, пойдемте скорѣе! говорила Гертруда.

Вступивъ въ сосѣднюю комнату, она сказала тихимъ голосомъ:

— Папенька, вотъ онъ!

Гансъ оглянулся. Увидѣвъ открытое и веселое лицо Франца, онъ громко вскрикнулъ и вскочилъ. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и, казалось, не могъ перенести слишкомъ-большой радости.

— Гюнтеръ!.. проговорилъ онъ. — Боже! благодарю! благодарю!..

Сложивъ руки на груди, онъ поднималъ кверху взоръ, исполненный признательности...

VI.

Исторія одной ночи.

Францъ былъ чрезвычайно изумленъ сильнымъ смущеніемъ доброго продавца платья. Онъ сначала думалъ, что тутъ должна быть какая-нибудь ошибка, потому-что доселѣ не имѣлъ никакихъ сношеній съ Дорномъ.

Теперь онъ пришелъ къ торгашу по весьма-простой, понятной причинѣ: онъ продалъ свое платье, потому-что не надѣялся остаться въ живыхъ; теперь же онъ хотѣлъ воротить платье.

Онъ хотѣлъ съ перваго слова объяснить причину своего прихода; но его приняли какъ человѣка ожидаемаго. На лицѣ Герруды выражалась радость, а продавецъ платья не могъ прійти въ себя отъ восторга.

— Вотъ добрые люди! думалъ Францъ: — какое живое участіе принимаютъ они во всѣхъ, съ кѣмъ имѣютъ дѣло!..

Францъ подошелъ къ Гансу.

— Благодарю васъ, сказалъ онъ: — за участіе, которое вы принимаете во мнѣ...

Гансъ Дорнъ смотрѣлъ на него съ восторгомъ и не находилъ словъ для отвѣта. Сложивъ на груди руки, онъ не могъ отвѣсти взора отъ благороднаго, смѣлаго и милаго лица Франца.

— Какъ онъ выросъ!.. думалъ онъ: — какъ хорошъ и благороденъ!.. И нѣтъ ни одной раны!.. О, какъ я былъ безрасуденъ, что опасался за него!.. Не сказалъ ли онъ мнѣ, что онъ будетъ спасенъ?.. А развѣ что-нибудь можетъ противиться его волѣ?..

Францъ, улыбаясь, подавъ руку торгашу. Послѣдній съ почтительною любовію коснулся руки его.

— Повѣрьте, сказалъ молодой человѣкъ: — я никогда не воображалъ, чтобъ кто-нибудь принималъ во мнѣ такое живое участіе!.. Не знаю, симпатія ли это, но мнѣ кажется, что и вы мнѣ старый, давнишній другъ... Я забылъ, какъ васъ зовутъ, потому что одинъ только разъ слышалъ ваше имя въ Тампль... Я совсѣмъ не знаю имени вашей дочери, а между-тѣмъ готовъ сдѣлать для ней все, что можно сдѣлать для сестры... готовъ вѣряться вамъ, какъ отцу!

Гансъ сжималъ руку молодого человѣка, хотѣлъ говорить, но не могъ.

— Знаете ли, зачѣмъ я пришелъ? продолжалъ Францъ, садясь безъ церемоніи: — вы меня вчера много спрашивали, и я отвѣчалъ откровенно, потому что мнѣ нечего скрывать... но теперь мнѣ это кажется страннымъ... я въ такомъ положеніи, что малѣйшая вещь можетъ взволновать меня... Скажите жъ мнѣ откровенно, изъ одного ли любопытства вы меня спрашивали?

Гансъ Дорнъ колебался.

«Я долженъ молчать», думалъ онъ. «Онъ не открылъ мнѣ своихъ намѣреній касательно молодого человѣка...» — Молодой человѣкъ, прибавилъ онъ вслухъ съ принужденнымъ спокойствіемъ: — я видѣлъ васъ вчера вечеромъ въ первый разъ... спрашивалъ же я васъ потому что мы по закону обязаны знать тѣхъ, у кого покупаемъ вещи; я долженъ бы спросить васъ еще болѣе, но одно лицо ваше внушило мнѣ довѣренность...

— Благодарю васъ, сказалъ Францъ: — извините, я зналъ, какъ васъ зовутъ, и забылъ...

— Гансъ Дорнъ, отвѣчалъ продавецъ платья.

— Гансъ Дорнъ! повторилъ Францъ. — Теперь я ужъ не забуду имени честнаго, благороднаго человѣка... А какъ зовутъ вашу милую дочку?

— Гертрудой! отвѣчала молодая дѣвушка, садясь къ окну и принимаясь за шитье.

— Гертрудой! повторилъ опять Францъ. — Гансъ и Гертруда, вотъ два имени, которыхъ я не забуду, потому что у меня не много друзей.

И онъ кивнулъ головой хорошенькой дѣвущкѣ, которая опустила голову; слегка покраснѣвъ.

— Въместо свидѣній, которыхъ я отъ васъ требовалъ, продол-

каль Гансъ Дорнъ: — вы рассказали мнѣ въ двухъ словахъ всю исторію... говорили о маскарадѣ и поединкѣ... улыбаясь, сказали вы мнѣ, что, быть-можетъ, это ваша послѣдняя ночь... Люблю подобныхъ вамъ молодыхъ людей!.. Я невольно привя-
млся къ вамъ, своротъ посреди многолюднаго Парижа... Если бѣ мы были убиты, я оплакивалъ бы васъ долго — долго... Все въ васъ нравится мнѣ... У васъ немецкое имя—я самъ Нѣмецъ; кро-
мѣ того, вы похожи на человѣка, которому я служилъ нѣкогда... Вотъ отъ-чего я такъ обрадовался, увидѣвъ васъ сегодня утромъ.
Когда я пожалъ вамъ руку, мнѣ казалось, что я нашелъ друга,
старого, дорогаго друга!..

Францъ еще разъ пожалъ ему руку.

— Знаете ли что? господинъ Дорнъ, сказалъ онъ весело: —
еслибъ я не былъ влюбленъ какъ безумный, такъ женился бы на
вашей дочери... Готовъ биться объ закладъ, что въ цѣломъ Па-
рижѣ нельзя отыскать другаго столь же честнаго и добраго че-
ловѣка, какъ вы!.. Какъ бы то ни было, но я часто буду навѣ-
щать васъ и подарю хорошенкѣй золотой крестикъ миленькой Гер-
трудѣ, надувшей теперь губки и считающей меня, вѣроятно, са-
модобивѣйшимъ человѣкомъ въ цѣломъ мѣрѣ!.. Не пора присту-
пить къ дѣлу: такъ-какъ я живъ и здоровъ, то принесъ вамъ день-
ги, чтобъ выкупить свой гардеробъ.

— Развѣ вы не истратили двухъ-сотъ-пятидесяти франковъ?

— Вотъ еще! вскричалъ Францъ съ неудовольствіемъ: — я и-
стратилъ пятьсотъ!

— Но...

— Ахъ, господинъ Дорнъ! прервалъ его молодой человѣкъ: —
вы не можете представить себѣ, что случилось со мною въ эту
ночь... По-временамъ мнѣ самому не вѣрится... Съ этими словами
онъ вынулъ изъ кармана кошелекъ, наполненный червонцами, и
высыпалъ часть его на столъ.

— Чистое ли это золото? не фальшивыя ли деньги? спросилъ
онъ.

Гансъ взялъ одинъ изъ червонцевъ и долго его разсматривалъ.
Пока онъ повертывалъ его въ рукахъ, глаза его блистали радос-
тію и улыбка выступила на устахъ. Видно было, что не одно
золото занимало его.

— Это чистое золото, отвѣчалъ онъ:—и каждая изъ этихъ мо-
нетъ стоитъ десять флориновъ и тринадцать крейцеровъ австрій-
скихъ... Ужъ не нашли ли вы ихъ?

— Лучше того! возразилъ Францъ. — Это самая забавная часть
моей исторіи... Представьте себѣ, я положилъ деньги, полученные
отъ васъ, въ правый карманъ своего пажескаго кафтана... Я былъ
вараженъ нажомъ, прибавилъ онъ, обратившись къ Гертрудѣ, съ
изумленіемъ смотрѣвшей на золото, лежавшее на столѣ:—это пре-
миленькѣй костюмъ; вамъ онъ былъ бы очень къ-лицу!.. Итакъ,
въ правомъ карманѣ были деньги, лѣвый былъ пустъ... Должно

полагать, что на маскарадахъ бываютъ и воры: искусная рука похитила мое сокровище... все это очень-естественно и возможно... но вотъ что удивительно: пока мой правый карманъ опустошался, лѣвый наполнялся, и—вы видите, что я не остался въ убыткѣ!

Противъ ожиданія молодого человѣка, продавецъ платья не обнаружилъ большаго изумленія. На лицѣ же Гертруды выразилось наивное любопытство.

— Не правда ли, это непостижимо? продолжалъ молодой человѣкъ: — таинственная рука забила въ мой карманъ нарочно для того, чтобъ наполнить его золотомъ?

— Да, это довольно-странно! холодно возразилъ Гансъ Дорнъ.

— Васъ, Нѣмецъ, продолжалъ Францъ:—ничѣмъ не удивишь!.. Нѣтъ, господинъ Дорнъ, это не только странно, но просто непостижимо!.. Пойдите; это еще не все... Я увѣренъ, что когда вы узнаете конецъ моихъ приключеній, такъ, просто, станете въ тупикъ!..

— Извольте рассказывать, сказалъ Гансъ, все еще скрывая свое волненіе подъ видомъ холоднаго равнодушія.

Францъ началъ рассказывать, какъ онъ явился на балъ съ Жюльеномъ д'Одмеромъ. При этомъ имени, вниманіе Дорна улвоилось. Потомъ Францъ говорилъ о мужчинѣ въ нѣмецкомъ костюмѣ, превращавшемся то въ Испанца, то въ Армянина... Франца чрезвычайно изумляло то, что, перемѣняя костюмъ, незнакомецъ перемѣнялъ и выраженіе своей физиономіи. Въ нѣмецкомъ костюмѣ онъ былъ гордъ и серьезенъ, въ испанскомъ веселъ и любезенъ, въ армянскомъ безпеченъ и пьянъ...

Молодой человѣкъ рассказывалъ съ такимъ жаромъ, что Гертруда слушала его, удерживая дыханіе, чтобъ не проронить ни одного слова. Рассказъ казался ей таинственной легендой Германіи, ея родины... Невольно приближала она стулъ свой къ тому мѣсту, гдѣ сидѣлъ молодой человѣкъ.

Гансъ же слушалъ спокойно, хладнокровно. Казалось, нить этой запутанной, таинственной исторіи была въ его рукахъ. Ирѣдка внутреннее волненіе проявлялось на лицѣ его, но онъ старался преодолѣть себя и тотчасъ же принималъ прежній, холодный видъ.

Францъ рассказалъ о встрѣчѣ съ Армяниномъ, о выходѣ изъ театра; о появленіи трехъ незнакомцевъ, какъ-бы слѣдившихъ за нимъ; о томъ, какъ остановились часы въ Англійской-Косейной; и какъ извозникъ, котораго онъ нанялъ, не хотѣлъ ѣхать.

Прибѣжавъ на мѣсто поединка, онъ оглянулся и мелькомъ увидѣлъ Армянина, вылезавшаго изъ кареты, изъ которой онъ самъ вышелъ, потому что лошади едва передвигали ноги. Но в это былъ, вѣроятно, обманъ его воображенія, потому что первый человѣкъ, котораго онъ встрѣтилъ въ Булоньскомъ-Лѣсу, былъ тотъ же незнакомецъ, съ серьезнымъ и благороднымъ лицомъ...

— Онъ дрался за васъ! невольно вскричалъ Гансъ Дорнъ.

Гертруда сложила руки и наклонилась нѣсколько впередъ, чтобы слышать отвѣтъ Франца.

— Кто вамъ это сказалъ? спросилъ молодой человекъ, насунувъ брови и внимательно посмотрѣвъ на продавца платья.

— Никто не сказалъ; я только спрашиваю, отвѣчалъ Дорнъ.

— Вы угадали! вскричалъ Францъ съ прежнею веселою безпечностью: — да, онъ стоялъ лицомъ-къ-лицу съ Вердье, моимъ противникомъ... И какъ онъ дрался!.. Не хуже самого Гризье!.. Когда я прибылъ на мѣсто, незнакомецъ получилъ легкую рану... но лоскъ винъ, потому-что я невольно вскрикнулъ, увидѣвъ его... Но эта была бездѣлица, — двѣ-три капли крови, не больше!.. У бѣдлага Вердье зарыло въ глазахъ... онъ уже не падалъ, а защищался на удачу... мнѣ стало жаль его... Я хотѣлъ-было помочь ему, но не успѣлъ... Вердье упалъ, пораженный въ грудь...

— А незнакомецъ? спросилъ Гансъ, не будучи уже въ состояніи скрывать своего восторга.

— Богъ-знаетъ, куда дѣвался! возразилъ Францъ: — вы можете понять, что вся эта исторія совсѣмъ не правила мнѣ... Вѣдь я не ребенокъ, и мнѣ не нужно защитниковъ... Поздно ли, рано ли, но я рассчитываю съ этимъ человѣкомъ... Утромъ же я былъ такъ пораженъ, что не могъ сказать ни слова. Онъ поклонился секундантамъ Вердье, отеръ шпагу о траву и исчезъ за деревьями...

VII.

ГАРДЕРОБЪ ФРАНЦА.

Хотя Гансъ Дорнъ все еще старался сохранить видъ равнодушія, но открытая, прямая фізіономія его измѣнила ему, и Францъ легко могъ прочесть на ней живѣйшее участіе.

— Онъ сказалъ, что спасетъ его!.. повторялъ Дорнъ про себя съ суевѣрнымъ вѣрованіемъ.

Францъ смотрѣлъ на него и торжествовалъ. Ему удалось изумить Нѣмца.

— А Вердье? спросила Гертруда кроткимъ, нѣжнымъ голосомъ: — убитъ?..

Францъ съ живостію оглянулся. Онъ не замѣтилъ, что Гертруда приблизилась къ нему.

— О, милая Гертруда! сказалъ онъ улыбаясь: — такъ вы принимаете болѣе участія въ Вердье, нежели во мнѣ!.. Нѣтъ, онъ былъ еще живъ, но, кажется, надежды большой не было.. Когда я подошелъ къ нему съ Жюльеномъ, онъ лежалъ на травѣ бѣтъ чувствъ... Секунданты рвали его рубашку, чтобы осмотрѣть рану... Но какъ вы бѣдны, Гертруда! Посмотрите-ка, господинъ Гансъ, какое живое участіе возбуждалъ мой рассказъ въ вашей дочери!..

Яркий румянецъ выступилъ на щекахъ молодой дѣвушка. Она съ упрекомъ взглянула на Франца и отступила къ окну.

— А? что вы скажете, господинъ Дорнъ?.. спросилъ молодой человекъ.

— Я скажу, что у васъ въ эту ночь были весьма-странныя приключенія, весело возразилъ продавецъ платья:—но одного я не понимаю: за что незнакомецъ дрался съ вашимъ противникомъ?

— Этого я и самъ хорошенько не знаю, возразилъ Францъ:— хотя это занимаетъ меня больше всего... Вердѣ былъ безъ памяти, а потому у него нельзя было просить объясненія этой загадки... Когда его уложили въ карету, одинъ изъ свидѣтелей поѣхалъ съ нимъ, а другой остался съ нами. Онъ разсказалъ намъ, что незнакомецъ встрѣтился съ ними шагахъ въ тридцати отъ заставы и что Вердѣ вздрогнулъ при видѣ его.. Незнакомецъ взялъ Вердѣ подъ руку и отвелъ въ сторону.

«Свидѣтель не могъ разслышать ихъ разговора. Незнакомецъ, по-видимому, чего-то требовалъ. Вердѣ не соглашался. Мало-помалу, незнакомецъ разгорячился и сталъ говорить громче. До слуха секундантовъ дошли оскорбительныя слова.

«— Если вы не соглашаетесь, вскричалъ наконецъ незнакомецъ, вынуть изъ-подъ плаща шпагу:— такъ должны сперва драться со мною!

«— Съ удовольствіемъ, возразилъ Вердѣ, надѣясь на свою ловкость.

«Секунданты были призваны, и они становились въ позицію въ то самое время, когда я явился съ Жюльеномъ. Они дрались нѣсколько минутъ... и бѣдный Вердѣ получилъ то, что самъ назначалъ мнѣ...

«Такъ-какъ воображенію моему представились съ большою ясностію всѣ мои ночныя приключенія, то я спросилъ секунданта:

«— Не знаете ли вы, были ли у этого незнакомца личныя причины вызвать господина Вердѣ на дуэль?

«Секундантъ посмотрѣлъ на меня съ улыбкой и спросилъ:

«— Знакомы ли вы съ нимъ?

«— Я видѣлъ его въ эту ночь въ первый разъ.

«— Говорилъ ли онъ съ вами?

«— Ни слова.

«— Въ такомъ случаѣ, возразилъ секундантъ:— нельзя предположить, чтобъ онъ дрался за васъ... Не знаю, что вы сдѣлали Вердѣ, но онъ пришелъ сюда съ твердымъ намѣреніемъ убить васъ... Не можетъ быть, чтобъ пиво, которое вы плеснули ему въ лицо, могло озлобить его до такой степени.

«— Я, право, ничего другаго не знаю.

«— Такъ, вѣроятно, Вердѣ очень злопамятенъ, потому-что онъ ударялся большую часть ночи, чтобъ набить руку... Когда онъ поѣхалъ сюда, онъ разсказывалъ намъ мѣсто и глубину раны, которую нанесетъ вамъ...

«Вотъ все, что я могъ узнать отъ секунданта; онъ самъ ничего болѣе не зналъ. Вы, господинъ Дорнъ, человекъ умный: не можете ли вы объяснить мнѣ эту загадку?.. Полагаете ли вы, что между мстункомъ незнакомца и мною есть какая-нибудь связь?»

— Я увѣрена въ этомъ! невольно вскричала Гертруда.

Продавецъ платья быстрымъ движеніемъ заставилъ ее молчать.

— А я нахожу, сказалъ Гансъ:—что никакой связи нѣтъ и быть не можетъ. Судя по вашему разсказу, незнакомецъ зналъ Вердье, потому-что Вердье смутился, увидѣвъ его... Вѣроятно, у нихъ были свои дѣла.

Францъ посмотрѣлъ сперва на Гертруду, опустившую глаза, потомъ на торгаша, на открытомъ лицѣ котораго выражалось нѣкоторое замѣшательство.

— Чѣмъ болѣе думаю, тѣмъ болѣе теряюсь!.. вскричалъ молодой человекъ послѣ краткаго молчанія.—Въ глазахъ этого человека было странное выраженіе, когда онъ преслѣдовалъ меня въ маскарадѣ... Онъ не даромъ наблюдалъ за мною, и никто не заставитъ меня отказаться отъ того мнѣнія, что я былъ причиной смерти его съ Вердье... Впрочемъ, сказать правду, я весьма-доволенъ тѣмъ, что остался живъ, и не вижу никакой причины сердиться за то, что негодню помѣшали убить меня... Я дѣйствовалъ прямо... следовательно, ни въ чемъ не могу упрекнуть себя... Если должовязый Нѣмецъ дрался за меня, я ему очень благодаренъ!.. Но какъ бы то ни было, если я встрѣчусь съ нимъ, прибавилъ Францъ:—такъ спрошу, какое онъ имѣлъ право защищать меня!..

Лицо юноши омрачилось.

— Можетъ-быть, онъ и имѣетъ на то право, продолжалъ онъ тихимъ голосомъ: — вѣроятно, есть люди, знающіе меня, но мнѣ незнакомые... Тѣ, которые бросили меня въ свѣтъ одного, беззащитнаго, вѣроятно, знаютъ, гдѣ я и что я дѣлаю... Быть-можетъ, въ нихъ заговорила совесть...

Гансъ отвернулся, чтобъ скрыть свое смущеніе.

Кроткій взоръ Гертруды покоился на молодомъ человекѣ, котораго она полюбила еще болѣе съ-тѣхъ-поръ, какъ узнала, что онъ несчастливъ.

Францъ задумался... Приключенія прошедшей ночи пробудили въ немъ неясную боязнь и еще болѣе-неясную надежду. Внутренній голосъ говорилъ ему о его матери, объ отцѣ!.. Но этотъ незнакомецъ не могъ быть его отцомъ, потому-что былъ слишкомъ молодъ... И покинулъ ли бы онъ его, если могъ жертвовать собственною жизнію для спасенія его жизни?..

Францъ часто задумывался, но не на долго; веселая, безпечная натура его всегда брала верхъ надъ задумчивостью... И теперь онъ откинулъ назадъ свои кудри, какъ-бы желая разогнать грустные мысли, и сказалъ Гертрудѣ:

— Полно, принесите мнѣ мое платье, господинъ Дорнъ. Вѣдь я пришелъ сюда не для того, чтобъ надобѣдать вамъ плачевными

исторіями... Кошелекъ мой полонъ: чего же мнѣ больше?.. Къ-чему мучить себя, стараясь разгадывать непостижимыя тайны?..

Гансъ всталъ и пошелъ въ чуланъ, гдѣ тщательно хранился лучший товаръ его.

Францъ снова остался одинъ съ Гертрудою.

Молодая дѣвушка опять принялась за шитье. Она дошивала красивый кружевной воротничокъ.

— Это вы для себя шьете? спросилъ Францъ, чтобъ вступить въ разговоръ.

— О, нѣтъ! отвѣчала молодая дѣвушка: — подобныя вещи мнѣ не по состоянію.

— Для кого же?

— Для дѣвицы, которую вы, вѣроятно, знаете, потому-что сейчасъ произнесли имя ея.

— Я произнесъ имя дѣвицы?.. Не помню.

— Вы произнесли имя брата ея, сказала Гертруда.

— Такъ это для Денизы? вскричалъ Францъ съ живостью, но тотчасъ же опомнился, прикусилъ губу и слегка покраснѣлъ.

Гертруда съ улыбкой посмотрѣла на него и сказала:

— Какъ хороша и, особенно, какъ добра мамзель Дениза д'Одмѣръ!.. Отецъ мой давно знаетъ ея мать, и я иногда бываю у нихъ. Хотя я дочь бѣднаго торговца, однакожъ мамзель Дениза разговариваетъ со мною, какъ съ равной... Ахъ, еслибъ вы знали, г. Францъ, какое у ней доброе сердце!..

Францъ краснѣлъ при каждомъ словѣ Герруды; смущеніе его возрастало.

Глаза Герруды заблестали, какъ-будто-бы внезапная мысль сверкнула въ умъ ея. Лукавая улыбка выступила на ея лицѣ.

— Она открываетъ мнѣ свои секреты, сказала она: — будучи дѣтми, мы часто играли вмѣстѣ, и она не забываетъ того времени... Ахъ, какъ счастливъ будетъ тотъ, кого она полюбитъ!

Францъ вздохнулъ изъ глубины души; ему очень хотѣлось говорить, но онъ удержался. И въ то самое время, когда молодой человекъ былъ чрезвычайно доволенъ своею скромностью, Гертруда, смотрѣвшая на него искоса и съ лукавой улыбкой, громко застѣбывалась.

— Г. Францъ! сказала она, устремивъ на него веселый, открытый взоръ: — мнѣ вчера не даромъ показалось, что я уже видѣла васъ... я долго не могла вспомнить, а теперь знаю... Я видѣла васъ подъ окнами Денизы д'Одмѣръ!

Молодой человекъ сталъ отпираться.

— Нѣтъ, нѣтъ! продолжала Гертруда: — теперь я совершенно увѣрена въ этомъ! вы стояли на улицѣ и смотрѣли... ахъ, какъ вы смотрѣли, г. Францъ!.. А вошедъ въ комнату Денизы, я увидѣла ее у окна; приподнявъ одинъ уголокъ занавѣски, она смотрѣла на улицу...

— Не-уже-ли!... вскричалъ Францъ.

Въ ту самую минуту, когда Гертруда хотѣла отвѣтить, вошелъ отецъ ея съ вѣстиемъ молодого человека:

Дьяволикъ принялась опять за работу.

Францъ возвратилъ Дорну деньги, пожелъ ему руку и простился. Проходя мимо Гертруды, онъ наклонился къ ней и прошепталъ монотонно:

— Если вы ее увидите, скажите, что последние кончались благополучно... для меня.

Гертруда кивнула головой.

— До свиданія! сказалъ Францъ и удалился.

Продавецъ платяа подошелъ къ нему и изорвалъ слѣдныя за укладаннымъ. Когда, наконецъ, Францъ скрылся въ корридорѣ, Гансъ Дорнъ сѣлъ опять къ столу и подперъ голову рукою. Ему нѣ за тѣмъ было болѣе принуждать себя... слезы радости катились по щекамъ его.

Гертруда думала сначала о тайнѣ, которую случайно узнала; — потомъ мало-по-малу мысли ея обратились къ таинственной исторіи, разсказанной Францемъ, и незвольный страхъ овладѣлъ ею. Лицо ея поблѣднѣло, голова опустилась на грудь... Она страшилась таинственнаго незнакомца, которому воображеніе ея придавало сверхъестественное могущество... Онъ рисовался передъ нею въ томъ видѣ, въ какомъ описалъ его Францъ...

Кто-то постучался.

Гертруда задрогнула, хотѣла встать, но остановилась съ дѣтскою боязнью. Наконецъ, не зная отъа, она пошла къ двери, открыла ее, громко вскрикнула и прислонилась къ стѣнѣ...

Боязнь ея какъ-бы вызвала страшное привидѣніе:

На порогъ стоялъ незнакомецъ.

VIII.

ШКАТУЛКА.

Гертруда съ перваго взгляда узнала таинственнаго и грознаго незнакомца, игравшаго такую странную роль въ разсказѣ Франца. Неодомашняя, не стараясь скрывать своего ужаса, стояла она противъ двери.

— Здѣсь живетъ Гансъ Дорнъ, продавецъ платяа? спросилъ незнакомецъ, не переступая еще черезъ порогъ.

Съ этими словами онъ вѣжливо приподнял шляпу и открылъ разсѣченное чело, на которомъ ночь, проведенная безъ сна, не оставила ни малѣйшаго слѣда усталости.

Гертруда робко опустила глаза и такъ смутилась, что не знала, что отвѣчать.

Баронъ фон-Родахъ шагнулъ за порогъ, бросивъ взглядъ, исполненный отеческой нѣжности, на молодую дѣвушку.

— Милое дитя мое, сказалъ онъ:— я вошелъ къ вамъ, не ожидая вашего отвѣта... Вы, вѣроятно, забыли меня, но я узналъ васъ, потому-что хорошо помню вашу добрую мать, на которую вы похожи лицомъ и, вѣроятно, сердцемъ...

Гертруда съ робостию подняла глаза.

Родахъ улыбался; улыбка его была кротка и ласкова.

— Бѣдная Гертруда! проговорилъ онъ, думая не о дѣвущкѣ, стоявшей передъ нимъ, но о другой Гертрудѣ, которая нѣкогда была такъ же мила и молода, но которой теперь уже не было на свѣтѣ...

Но ему нѣкогда было предаваться печальнымъ мыслямъ, а потому, послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія, онъ спросилъ:

— Гдѣ вашъ отецъ, милая Гертруда?

Молодая дѣвушка указала пальцемъ на полурастворенную дверь въ сосѣднюю комнату.

Баронъ фон-Родахъ поцаловалъ молодую дѣвушку въ лобъ и вошелъ въ комнату Ганса.

Поцалуи его заставилъ Гертруду вздрогнуть. Молча сѣла она въ уголокъ, изрѣдка и съ боязнию поглядывая на страшнаго незнакомца.

При входѣ Родаха, Гансъ поспѣшно и почтительно всталъ; баронъ сѣлъ на стулъ, на которомъ за нѣсколько минутъ сидѣлъ Францъ. Гансъ Дорнъ почтительно стоялъ передъ нимъ.

— Онъ былъ здѣсь, — сказалъ продавецъ платя.

— Знаю, отвѣчалъ Родахъ. — Я ожидалъ его на улицѣ.

— Видѣлъ ли онъ васъ?

— Нѣтъ... я сидѣлъ въ каретѣ.

— Онъ мнѣ все рассказалъ, сказалъ Гансъ. — Я угадалъ все, что казалось ему непостижимой тайной... Вы сказали, что спасете его, и спасли... Но вы сами ранены?..

— Ничего, царапина, отвѣчалъ Родахъ. — Запри двери, Гансъ, намъ надобно поговорить о весьма-важныхъ дѣлахъ.

Торгашъ заложилъ желѣзный болтъ у двери, потомъ воротился къ Родаху.

— Теперь вы можете говорить смѣло, сказалъ Гансъ. — Никто не подслушаетъ и не увидитъ васъ.

Точно, никто не могъ подслушать ихъ разговора, потому-что толстая дверь была плотно заперта... Но, провожая взорами медедаго человека, Гансъ отворилъ окно и въ забытьи не закрылъ его; никто не обратилъ на это вниманія, потому-что желѣзная печь достаточно нагревала воздухъ.

Окно было только полурастворено; но вѣтеръ, дувшій снаружи, приподымалъ, по временамъ, кисейную занавѣску... И каждый разъ два жадные вытаращенные глаза устремлялись въ внутренность квартиры продавца платя...

То были глаза идиота Генъйолета, не отходившаго отъ окна, у котораго мы его оставили и надъявшагося высмотрѣть мѣсто, куда съѣздъ причетъ свои *сельляки*. Съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ видѣлъ зомо въ рукахъ брата, эта мысль овладѣла большимъ его воображеніемъ... Онъ зналъ, что за каждую изъ этихъ маленькихъ блестящихъ монетъ можно было достать цѣлую груду мѣднѣныхъ су... а за каждый су рюмку водки.

Генъйолетъ высматривалъ... высматривалъ терпѣливо. По-временамъ онъ напѣвалъ хриплымъ голосомъ куплетъ своей пѣсни, или говорилъ о свѣтлякахъ и о водкѣ.

Онъ видѣлъ Франца только потому, что молодой человекъ подходилъ къ окну. Золота же его онъ не видалъ, потому-что тогда окно было еще закрыто.

Но Генъйолетъ ждалъ, ждалъ терпѣливо.

Когда Гансъ воротился въ комнату, Родахъ распахнулъ свои ящики и вынулъ изъ-подъ мышки небольшую шкатулку, обитую кожей и гвоздями, съ серебряными шапочками.

Тогда только идиотъ увидѣлъ блескъ чего-то, и глаза его засверкали... но вѣтеръ утихъ, занавѣска опустилась и опять скрыла отъ него внутренность комнаты Ганса.

Идиотъ глухо заворчалъ; брови его насупились и онъ сталъ сморщивать съ большимъ вниманіемъ...

Родахъ положилъ руку на шкатулку и сказалъ:

— Поговоримъ сперва о *немъ*; ты правъ, Гансъ, у него благородное, неустрашимое сердце!.. Я наблюдаю за нимъ и готовъ поклясться, что мы не ошиблись!.. Хотя у меня нѣтъ никакихъ новыхъ доказательствъ, но, при взглядѣ на него, кровь древняго рода закипѣла въ моихъ жилахъ, и сердце сказало мнѣ, что это онъ!..

— Голосъ крови и сердца никогда не обманываетъ, возразилъ Гансъ: — я самъ чувствую къ нему невольное влеченіе.. Вы дворянинъ, а я бѣдный васалъ... не смѣю сказать, что люблю *его* столько же, какъ вы... только если нужно будетъ отдать за него жизнь, я охотно отдамъ ее!

Баронъ подаль ему руку; Дорнъ не пожалъ ея, но почтительно поцаловалъ.

— Ему нужна любовь вѣрныхъ васалловъ отца его, продолжалъ Родахъ: — я намѣренъ испытать твою преданность, Гансъ; молодой человекъ окруженъ недоброжелателями: по дѣтской доверчивости своей, онъ легко можетъ попасться въ ихъ сѣти... Есть ли у тебя друзья, на которыхъ можно было бы положиться?

Гансъ подумалъ и отвѣчалъ:

— У меня есть пріятель, которымъ я могу повѣрить все свое маленькое состояніе, накопленное трудомъ, и судьбу дочери.

— Кто они?

— Мои земляки и прежніе блутгауптскіе васаллы... Германнъ, сернеръ замка; Фрицъ, курьеръ; Юганнъ... Гансъ замолчалъ и по-

думалъ; потому продолжалъ:— да! и Иоганну я могу повѣрить свое состоянiе, но не тайну ея!... Эта тайна дороже золота!

— Кто же еще?

Гансъ называлъ еще четверыхъ или пятерыхъ изъ собесѣдниковъ, съ которыми превозмалъ наканунѣ насильнику.

— Хорошо, сказалъ Родахъ:— мы должны благодарить Господа, что можемъ собрать, вдали отъ родины, столькожъ честныхъ и добрыхъ Нѣмцевъ... Переговоры въ каждомъ особа, но узнай сперва степень привязанности ихъ къ прежнимъ ихъ поведенителямъ... Посторопись, потому—что жизнь ея все еще въ опасности.

На лица Ганса опять выразилось боязнь и безпокойство.

— Развѣ родиною не кончатъ? спросилъ онъ.

— Несчастный, вызвавшій ея на дуэль, не скоро поправится... но со вчерашняго вечера я узналъ многое!.. Во всю прошлую ночь я не отдыхалъ ни минуты, и усидя молъ были вознаграждены... Предсказанъ этотъ былъ не случайный, а холодно-обдуманное и расчитанное убійство...

— Убійство! вскричалъ Дорнъ.

— Положительныхъ доказательствъ у меня еще нѣтъ, возразилъ баронъ:— но я пріѣхалъ только вчера, а всего въ одну ночь на слѣдствіе... Однакожъ сегодня же, я увѣренъ, узнаю всю истину.

Баронъ задумался. Гансъ не смѣлъ разсраивать.

— Да, продолжалъ баронъ, какъ-бы отвѣчая на собственныя размышленія:— да, это обстоятельство еще болѣе утверждаетъ мое мнѣніе... если его пресѣдують, значитъ, его боятся... а страши ли бы они бояться его, еслибъ какая-нибудь тайна не придавала ему важности!.. Эти люди богаты и могущественны; у него ничего нѣтъ; онъ ничего не можетъ имъ сдѣлать... Какъ же иначе объяснить ихъ ожесточеніе!..

Родахъ отодвинулъ отъ себя шкатулку и облокотился на столъ.

— Двадцать лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ! произнесъ онъ, понизивъ голосъ. — Они не узнаютъ меня... взоръ ихъ былъ омраченъ ужасомъ, когда они меня видѣли... Но хоть бы они и узнали меня, я не могу медлить... Съ деньгами они всегда найдутъ людей, готовыхъ служить ихъ низкому коварству... Вердѣ обезоружить... но можетъ явиться другой... и, быть-можетъ, я не успѣю защитить его своею грудью...

— О комъ говорите вы, господинъ баронъ? спросилъ Гансъ.

Родахъ посмотрѣлъ на него, какъ-бы не понявъ вопроса.

— На прежнемъ ли мѣстѣ находится домъ Гельдберга и Компанія? спросилъ онъ.

— На прежнемъ, отвѣчалъ Гансъ.

Родахъ опять задумался.

— Притомъ, продолжалъ онъ про себя:— кроме шнага, есть еще тысячи другихъ средствъ избавиться отъ челоуѣка... Я долженъ знать... и потому, смѣло приступать къ барбѣ!

Одною рукою придвинулъ онъ къ себѣ шкатулку, потому что устро-

илъ на Ганса проникательный взглядъ, пробудившій въ глубинѣ души добраго продавца платья цѣлый міръ воспомнаній...

— Вотъ надежда Блутгаупта, проговорилъ онъ.

Гансъ съ любопытствомъ взглянулъ на шкатулку. Родахъ промолчалъ:

— Вотъ единственное оружіе, которымъ я могу бороться съ людьми, завладѣвшими достояніемъ древняго, благороднаго дома... Они сильны и готовы на всѣ средства... Но съ помощію этого талисмана надвоюсь побѣдить ихъ...

Гансъ смотрѣлъ на шкатулку, какъ на нѣчто сверхъестественное.

— Я увѣренъ въ тебѣ, другъ Гансъ, продолжалъ Родахъ, пристально смотря Дорну въ глаза. — Еслибъ я зналъ человѣка болѣе вѣрнаго и болѣе преданнаго, я обратился бы къ нему.

— Благодарю васъ, господинъ баронъ! сказалъ Гансъ съ чувствомъ: — и клянусь, что скорѣе разстанусь съ жизнью, нежели съ сокровищемъ, вѣренными мнѣ вами!

— Вѣрю, отвѣчалъ Родахъ: — и въ твои руки отдаю надежду Блутгаупта. Будь скромнѣе, Гансъ Дорнъ; не говори ничего даже своей дочери!.. Я вступаю въ борьбу, которой послѣдствія нельзя предвидѣть... Въ моихъ рукахъ эта шкатулка не можетъ быть безопасна... береги ее; я приѣду за нею тогда, когда имя Блутгаупта оживетъ съ прежнимъ блескомъ!..

Гансъ почтительно поклонился и сказалъ:

— Клянусь именемъ моей матери, что возвращу вамъ этотъ залогъ, когда вы потребуете его отъ меня.

Родахъ всталъ и вакнулъ плащъ.

— Мнѣ легче, сказалъ онъ: — одной великой отвѣтственностью жить... Теперь скажи мнѣ, Гансъ, гдѣ живетъ молодой Францъ?

Такъ-какъ съ послѣдними словами Родахъ подошелъ уже къ двери, отворенной Дорномъ, то Гертруда разслышала ихъ.

— Боже мой! вскричалъ Гансъ:—я и забылъ спросить его объ этомъ!..

— Я могу узнать, шепнула Гертруда отцу, все еще бросая болѣзненные, недоувѣрчивые взгляды на таинственнаго незнакомца.

— Какимъ образомъ? спросилъ Гансъ Дорнъ.

Гертруда покраснѣла; чтобъ объяснить какимъ образомъ, она должна была извинить чужой тайнѣ... По счастью, у молодыхъ дѣвушекъ, какъ бы онѣ невинны ни были, всегда есть порядочный запасъ женской сметливости.

— Господинъ Францъ говорилъ намъ о виконтѣ Жюльенѣ д'Одвѣрѣ, отвѣчала она.

— Правда! вскричалъ отецъ ея.—Не угодно ли вамъ подождать здѣсь четверть часа, господинъ баронъ? я сбѣгаю и узнаю.

Родахъ посмотрѣлъ на часы.

— Теперь мнѣ некогда, отвѣчалъ онъ:—я послѣ зайду.

Съ этими словами онъ вѣжливо поклонился Гертрудѣ и ушелъ.

Гансъ проводилъ его до-низу, потомъ поспѣшно воротился, чтобъ спрятать вѣренную ему шкатулку.

Онъ поставилъ ее въ шкафъ, ключъ отъ котораго носилъ всегда при себѣ. — Въ то самое время, какъ онъ ставилъ шкатулку на верхнюю полку, солнечный лучъ проникъ въ комнату... серебряные гвозди на шкатулкѣ заблестали...

Продавецъ платья невольно оглянулся и только тогда замѣтилъ, что окно было полурастворено... Вѣтеръ дулъ и подымалъ занавѣску...

Гансу казалось, что весь міръ съ жадностію смотритъ на его драгоценную шкатулку; онъ скоро подошелъ къ окну и, затворяя его, невольно заглянулъ въ противоположныя окна квартиры бѣдныхъ Реннѣй.

Тамъ, за стекломъ, онъ увидѣлъ два странно-сверкашіе глаза... Защитивъ глаза рукою отъ солнца, онъ пристально посмотрѣлъ на противоположное окно, но за запятыми стеклами ничего уже не было видно...

Только старая занавѣска съ заплатками легко колыхалась отъ вѣтра, дувшаго въ щели...

IX.

Обыкновенный праздникъ.

Семейство виконтессы д'Одмѣръ сидѣло за завтракомъ.

Окна столовой выходили на дворъ, и стукъ немногихъ экипажей, провѣзжавшихъ по улицѣ, не доходилъ до слуха сидѣвшихъ за столомъ.

Виконтесса Елена д'Одмѣръ сидѣла между своими дѣтьми, Жюльеномъ и Денизой.

Лицо ея было кротко и сохранило слѣды прежней красоты. Русые волосы вились еще вокругъ бѣлаго лба, на которомъ не было еще ни одной морщинки. Въ молодости, она походила на сестру свою Маргариту... Но сходство это было поразительно при взглядѣ на Денизу. Исключая цвѣта волосъ, молодая дѣвушка была живою портретъ своей тѣтки.

Можно было замѣтить, что, не смотря на раннее время, виконтесса провела уже нѣсколько времени предъ туалетомъ. Волосы ея, становившіеся уже рѣдкими, были тщательно убраны; платье, крѣпко стянутое, умѣряло слишкомъ сильное развитіе нѣкогда прелестной талии. На груди у ней была брошка, въ которую вѣзданъ медальйонъ, подобный видѣнному нами нѣкогда въ рукахъ Раймонда д'Одмѣра. Въ этомъ медальйонѣ заключались волосы Жюльены и портретъ виконта.

Съ перваго взгляда на Елену, можно было узнать сердце и умъ

я. Она была кроткая, добродѣтельная женщина, но вмѣстѣ съ тѣмъ слабая, ума недалняго и безъ всякой силы воли. Въ свѣтъ, гдѣ ума совѣтъ и не нужно, она считалась женщиною умною. Въ свѣтъ часто глупцы слывятся людьми умными...

Послѣ смерти мужа, виконтесса д'Одмёръ находилась долго въ бѣдности. Письмо Отто, побочнаго сына графа Блутгаупта, извѣстало ее о смерти мужа, не объясняя, однакожь, подробностей ее. Елена, не знаящая никогда дѣлъ мужа, а слѣдовательно и копей презрѣннаго Жака Ренью, послала въ Германію повѣреннаго и тогда-только узнала, что какъ наследство отца, такъ и имѣніе Гютера, дяди ее, сдѣлалось законною добычею хищниковъ. Итакъ, съ этой стороны ей нечего было болѣе надѣяться. Родныхъ же своего мужа она почти не знала; притомъ же Раймондъ самъ нѣсколько разъ говорилъ ей, что родные его были такъ же бѣдны, какъ онъ самъ.

Тяжка была жизнь виконтессы; братья иногда помогали ей. У Отто, Альберта и Гёца ничего не было, кромѣ старыхъ изодраныхъ плащей; но для добраго дѣла они всегда умѣли добыть нѣсколько червонныхъ.

Елена воспитала своихъ дѣтей, какъ могла: она была добрая мать, и материнская любовь придавала ей силы и терпѣніе. Жюльенъ и Деніза получили хорошее образованіе. Когда первому минуло восемнадцать лѣтъ, одинъ изъ друзей покойнаго д'Одмера предложилъ Еленѣ опредѣлить его въ одинъ изъ банкирскихъ домовъ. Домъ этотъ основался недавно, но уже пользовался европейскимъ кредитомъ.

Елена охотно согласилась, и Жюльенъ сдѣлался прикащикомъ въ домъ Гельдберга, Рейнгольда и комп.

Это обстоятельство дало кавалеру Рейнгольду случай сблизиться съ виконтессой. Въ то время она была еще очень-хороша собою, и частыя посѣщенія кавалера имѣли, вѣроятно, не совѣтъ безкорыстную цѣль. Впрочемъ, Рейнгольдъ никогда не переступалъ за границы приличія и, къ крайнему изумленію виконтессы, по прошествіи нѣкотораго времени, просилъ у нея руки Денізы.

Надобно, однакожь, сказать, что въ то же время положеніе дѣлъ виконтессы д'Одмёръ значительно измѣнилось. Жюльенъ не былъ болѣе прикащикомъ въ банкирскомъ домѣ: онъ состоялъ въ королевской морской службѣ гардемариномъ первой степени; Деніза только-что вышла изъ одного изъ первыхъ парижскихъ пансіоновъ, и была не только прелестною, образованною дѣвицею, но и богатою наследницею.

Неожиданно виконтесса д'Одмёръ получила огромное наследство послѣ смерти одного изъ родственниковъ своего мужа, котораго она никогда не видала. Не смотря на то, что теперь Елена была богата, она сохранила со времени своей бѣдности особенное уваженіе къ богатству и охотно приняла предложеніе кавалера Рейнгольда, — потому-что онъ былъ богатъ.

Но это еще не все: она сама задумала женить своего сына на графинь Лампюнь. Виконтесса забыла о происхожденіи Эсэирн, потому-что нѣсколько лѣтъ, проведенныхъ въ бѣдности, погасили въ ней огонь прежней гордости. Притомъ же, Жюльенъ любилъ графиню Эсэирн.

Дениза, которой не было еще прямо объявлено предложеніе кавалера, была не только равнодушна, но чувствовала къ нему даже нѣкоторое отвращеніе, въ-слѣдствіе котораго перестала навѣщать семейство Гельдберга, въ которомъ была у ней нѣжно-любимая подруга. Дениза всѣмъ сердцемъ привязалась къ кроткой Лін.

Въ то утро, съ котораго мы начали эту главу, Дениза была чрезвычайно печальна. Въ прелестныхъ, томныхъ глазахъ ея выражалась тайная грусть. Она ничего не ѣла, и даже присутствіе любимаго брата изрѣдка только вызывало на уста ея принужденную улыбку. По-временамъ она какъ-бы приходила въ себя и принуждала себя быть веселою; но—тщетное усиліе! Въ умъ ея была тягостная мысль, которую она не могла разогнать.

Иныя матери скоро угадываютъ тайну сердца дочерей своихъ; другія же какъ-бы упорствуютъ въ своей непроницательности. Виконтесса оскорбилась бы, еслибъ кто-нибудь сказалъ ей:

— Дочь ваша любитъ...

Жюльенъ также не обладалъ особенною проницательностью; однакожь онъ угадалъ то, чего мать его не хотѣла видѣть.

Впрочемъ, Жюльенъ самъ былъ разсѣянъ, задумчивъ, не въ духъ. Удовольствія ночи оставилъ въ немъ непріятное впечатлѣніе. Теперь, когда винныя пары разсѣялись, онъ съ невольнымъ ужасомъ помышлялъ о своей незнакомкѣ. Онъ встрѣтилъ ее послѣ веселаго ужина; интрига скоро завязалась, и во всю ночь Жюльенъ въ какомъ-то страстномъ порывѣ любилъ эту женщину необузданно, безсознательно.

Когда страсть угасла — пробудился разсудокъ. Страшное сомнѣніе вкралось въ умъ молодаго чедовѣка... Пока онъ былъ съ этой женщиной, въ немъ говорила одна страсть; теперь же издали и въ отсутствіи онъ видѣлъ то, чего не видалъ, когда былъ съ незнакомкой: онъ узнавалъ ее...

Сомнѣніе его еще болѣе усиливалось, когда онъ вспоминалъ слова Франца:

— Чтò бы ты сдѣлалъ, еслибъ встрѣтилъ здѣсь женщину, которую любишь?

Впрочемъ, не должно слишкомъ поэтизировать ощущенія молодаго лейтенанта.—У кого послѣ оргіи не бываетъ мрачныхъ мыслей?.. У Жюльена былъ сплинъ. Онъ сидѣлъ задумчивъ и печаленъ, и одна рука его, опущенная въ карманъ, судорожно мала записочку, заставившую его поблѣднѣть въ Англійской-Кофейной.

Одна виконтесса д'Одмѣръ была весела. Съ любовію и гордостью смотрѣла она на красивый мундиръ своего сына, и мысли ея были заняты предстоящими брачными церемоніями, балами...

— Не сердись на сестру, милый Жюльенъ, сказала она, подливая чай:—она сегодня, вѣроятно, нездорова...

— О! я вполне увѣренъ, что Деніза рада мнѣ, разсѣянно возразилъ лейтенантъ.

Молодая дѣвушка подала ему руку и принужденно улыбнулась.

— Я ей дамъ лекарства, и все пройдетъ, продолжала виконтесса д'Одмѣръ: — но какъ ты кстати пріѣхалъ, Жюльенъ!.. Еслибъ ты опоздалъ однимъ мѣсяцемъ, то не могъ бы быть на праздникѣ, который будетъ данъ Гельдбергомъ въ германскомъ замкѣ.

— Что это за праздникъ? спросилъ лейтенантъ разсѣянно.

— Развѣ я не писала тебѣ объ немъ? съ живостію спросила виконтесса д'Одмѣръ. — Удивительный праздникъ!.. Онъ будетъ стоить несметныя суммы... всѣ домогаются чести быть приглашенными... Деніза поѣдетъ... Не правда ли, другъ мой?

— Правда, маменька, отвѣчала молодая дѣвушка, разслушавшая только послѣднія слова матеря.

— Она возьметъ съ собою двѣнадцать балльныхъ платьевъ, продолжала виконтесса съ возрастающимъ жаромъ:—четыре маскарадныхъ костюма... это я все устроила; потому-что, Богу известно, я забочусь о Денізѣ болѣе, нежели о самой-себѣ!.. Ахъ, мой милый Жюльенъ, я не утѣшилась бы, еслибъ тебѣ не удалось быть на этомъ праздникѣ!.. Десять лѣтъ будутъ о немъ говорить... да!

— А рада ли Деніза? спросилъ Жюльенъ.

— Рада ли? съ изумленіемъ повторила виконтесса:—да какъ же не радоваться?

И она посмотрѣла на дочь. Молодая дѣвушка молчала.

— Деніза, продолжала виконтесса съ нѣкоторою досадою: — Жюльенъ спрашиваетъ, рада ли ты, что поѣдешь въ замокъ Гельдберга?

— Очень-рада! проговорила Деніза съ принужденной улыбкой.

Жюльенъ замѣтилъ, что слова Денізы противорѣчили тону, которыми они были произнесены.

Виконтесса продолжала съ таинственною важностью:

— Приглашенія еще не разсланы, но подобный праздникъ трудно скрыть... всѣ наперерывъ другъ предъ другомъ стараются быть приглашенными... Я знаю людей, которые охотно заплатили бы пятьдесятъ лундоровъ за приглашеніе... Но общество будетъ отборное: приглашены будутъ только люди знатные и милліонеры!..

— Не знаю, гдѣ находится замокъ г. Гельдберга, замѣтилъ молодой виконтъ: — но мнѣ кажется страннымъ, что онъ задумалъ перетасить своихъ гостей въ Германію.

— Въ этомъ-то и заключается вся прелесть! вскричала виконтесса д'Одмѣръ. — Это чудесная мысль!.. Замѣть, что замокъ Гельдберга беретъ на себя доставить всѣхъ приглашенныхъ въ Германію... Вся ночтовья аншлажъ будутъ наняты... Всефуру вѣручане

распорядиться, чтобъ на извѣстныхъ станціяхъ были приготовлены роскошные обѣды, завтраки и ужины.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, сказалъ лейтенантъ:—это будетъ очень-любопытно.

— Ты понимаешь, что ни о чемъ не объявлено еще официально, сказала виконтесса, мигнувъ однимъ глазомъ: — мы первые узнали объ этомъ... Кавалеръ Рейнгольдъ бываетъ у насъ почти каждый день... не правда ли, Деніза?

Молодая дѣвушка утвердительно кивнула головой, но, не смотря на всѣ свои усилія, не могла улыбнуться. Грусть ея видимо усиливалась; можно было замѣтить, что она съ трудомъ удерживала слезы...

Но виконтесса д'Одмѣръ ничего не замѣчала. Она была влюблена въ домъ Гельдберга, тратившаго сотни тысячъ франковъ для одного бала. Въ-продолженіи двухъ или трехъ недѣль, съ-тѣхъ-поръ, какъ ей сообщили тайну готовившагося праздника, она мечтала только о поездкѣ въ Германію, о туалетѣ и о счастьи сочетаться родственными узами съ богатой и могущественной фамиліей.

Впрочемъ, виконтесса считала совершенно излишнимъ беспокоиться о маловажныхъ болѣзняхъ молодыхъ дѣвушекъ, а между-тѣмъ она была добрая мать, заботившаяся только о счастьи своихъ дѣтей!

Да и чего не доставало Денізѣ? Докторъ ручался за ея здоровье; у нея было множество новѣйшихъ платьевъ, шляпокъ, кружевъ; ей ни въ чемъ не отказывали; ее возили на балы... О чемъ же она могла горевать?... Блѣдность ея была естественное-сладостіе дѣвическихъ болѣзней... Нѣтъ, Деніза не имѣла никакого права жаловаться, грустить!

А между-тѣмъ, виконтессѣ самой было нѣкогда восемнадцать лѣтъ!.. Тоска любви заставляла и ее горевать, блѣднѣть. Сколько бессонныхъ ночей провела она нѣкогда въ замкѣ Ротѣ!..

Но вѣдь это было такъ давно!.. Нельзя же всего запомнить!

Виконтесса д'Одмѣръ вполне предалась описанію обещаемаго праздника. Жюльенъ начиналъ слушать съ большимъ вниманіемъ: онъ былъ молодъ, и ему говорили объ удовольствіяхъ...

— Когда же будетъ этотъ праздникъ? спросилъ онъ, въ первый разъ наливая себѣ вина.

— Это еще неизвѣстно... Кавалеръ Рейнгольдъ все открываетъ намъ... но мосьѣ Авель фон-Гельдбергъ, распоряжающійся всѣмъ, не назначалъ еще дня... Тебѣ надобно будетъ запастись, Жюльенъ; во-первыхъ, ты долженъ спать себѣ охотничье, а потомъ три или четыре бальные платья, да еще нѣсколько куртуковъ для прогулки... Мундиръ же ты будешь надѣвать только въ особенные случаи... Потомъ... постой, что тебѣ еще нужно?

— Кажется, все, маменька, отвѣчалъ лейтенантъ улыбаясь.

— Видишь ли, другъ мой, возразила виконтесса съ важностію:— я забочусь обо всемъ... на то я и мать, чтобъ объ васъ пещись...

Ну, посуди самъ, въ какое непріятное положеніе ты можешь стать, если вдругъ тамъ окажется въ чемъ-нибудь недостатокъ... Правда, у всѣхъ парижскихъ портныхъ нѣмецкія фамиліи, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ въ Германіи были портные... не забудь же, другъ мой, что женитьба твоя зависитъ, быть-можетъ, отъ этого праздника...

— Моя женитьба! повторилъ лейтенантъ, нахмуривъ брови.

Виконтесса съ изумленіемъ и грустію посмотрѣла на него.

— Ужь не раздумалъ ли ты? спросила она; но такъ-какъ Жюльенъ не отвѣчалъ, то она продолжала съ живостію:—Конечно, другъ мой, это дѣло весьма-важное, и для счастья супруговъ нужно не одно богатство... Но подумай, умоляю тебя... Только милліонеры могутъ задавать подобные балы!

Жюльенъ молчалъ. Виконтесса произнесла таинственнымъ голосомъ:

— Я рассчитала, что этотъ праздникъ будетъ стоить по-крайней-мѣрѣ четыреста тысячъ франковъ!..

Жюльенъ задумался.

— Говорятъ, что она все еще прелестна!.. проговорилъ онъ.

Виконтесса улыбнулась... она успокоилась.

Двѣ крупныя слезы медленно текли по щекамъ Денизы. Никто не обращалъ на нее вниманія, и она могла наконецъ дать волю слезамъ своимъ...

Въ это самое время отворилась дверь въ залу.

— Швея Гертруда Дорнъ желаетъ видѣть барышню, доложила служанка.

Дениза поспѣшно встала, радуясь возможности скрыть свои слезы.

Виконтесса осталась одна съ сыномъ.

х.

Молодыя дѣвушки!..

Виконтесса слѣдила за удалявшейся Денизой радостно улыбаясь.

— Видишь ли, сказала она Жюльену: — по лицу сестры твоей можно бы подумать, что она, бедняжка, очень-нездорова; а лишь-только дѣло дошло до нарядовъ, она и выздоровѣла!

— Она очень перемѣнилась, замѣтилъ Жюльенъ.

— Свадьба все поправитъ, возразила виконтесса.

— Я замѣтилъ на глазахъ ея слезы...

— Э, Боже мой! вскричала виконтесса: — развѣ ты не знаешь, какъ плаксивы молодыя дѣвушки!

Она глубоко вздохнула и, поднявъ глаза къ небу, проговорила:

— О! молодыя дѣвушки! молодыя дѣвушки!..

Потому она отошла отъ стола, села на кушетку и подождала къ себѣ сына.

— Поди сюда, Жюльенъ; сказала она: — и поговоришь о дѣлѣ. Мы теперь одни.

Лейтенантъ сѣлъ на кушетку. Виконтесса положила къ нему на плечо свои бѣлыя, аристократическія руки и нѣсколько минутъ любовалась имъ молча. На лицѣ ея была улыбка любящей, счастливой матери...

— Какъ ты сталъ короче, мой Жюльенъ! сказала она наконецъ плавающимъ голосомъ: — но скажи мнѣ, о чемъ ты грустишь?.. Не стырайся! я замѣтила, что ты не такъ веселъ и беззаботенъ, какъ прежде... Что съ тобою?.. Схвативъ обѣими руками голову лейтенанта, она поцаловала его въ лобъ. — Я горжусь тобою, мой Жюльенъ; продолжала она: — три раза нѣя твое поблѣдилось въ журналахъ... всѣ говорили мнѣ о тебѣ... всѣ говорили: «Онъ дваетъ честь своему имени! При Лудовикъ XV былъ начальникъ эскадры баронъ д'Одмѣръ, а вашъ Жюльенъ, виконтесса, будетъ не-крайней-мѣръ контр-адмираломъ!..» Скажи самъ: когда ли я не гордятся?.. О, благодарю, благодарю тебя, сынъ мой!..

Жюльенъ отвѣчалъ на ласки матери и улыбался ей; но лицо его по-прежнему оставалось озабоченнымъ.

— Воже мой! вскричала виконтесса, внимательно посмотрѣвъ на сына: — ты скрываешь что-нибудь отъ меня, Жюльенъ... Рада Бога, скажи, что съ тобою?.. Ты, можетъ-быть, недоволенъ службой?.. Можетъ-быть, несправедливый или слишкомъ-строгий начальникъ...

— Я совершенно доволенъ своею службой, съ жавостію произнесъ лейтенантъ: — начальники любятъ меня...

— Потому-что ты не нуждаешься ни въ чѣмъ, ни въ комъ, сынъ мой! возразила виконтесса. — Говорятъ, морская служба тягостна... О, я не хочу, чтобъ ты принуждалъ себя... При малѣйшей несприятности подавай въ отставку и прѣзжай въ Парижъ... Ты уже участвовалъ въ двухъ кампаніяхъ, а этого слишкомъ-достаточно для молодого дворянина... Не такъ ли, Жюльенъ?

— Морская служба мнѣ нравится, тѣмъ болѣе, что...

— Что такое?

— Что я не женюсь на графинѣ Эскри...

— Отъ-чего же ты не хочешь жениться на ней, Боже мой?.. Ты любишь ее; мнѣ кажется, что ты ей нравишься; у тебя хорошее состояніе; она удивительно богата... Ты дворянинъ, а это большое достоинство въ ея глазахъ; потому-что, я замѣтила, она аристократка въ полномъ смыслѣ этого слова... Ты красавецъ; она очаровательна!.. Отъ-чего же тебѣ не жениться на ней?

Жюльенъ покачалъ головою.

— Все это правда, матушка, проговорилъ онъ. — Но...

— Но?..

Лейтенантъ получилъ дѣла и пошелъ.

Онъ вспоминалъ о балѣ, но не смѣлъ сообщить матери своихъ сомнѣній... Онъ колебался. Виконтесса настоятельно и съ нѣкоторой досадою требовала, чтобъ онъ объяснился.

— Боже мой! вскричалъ наконецъ молодой человѣкъ:—вы угадали, матушка, я грустенъ... и Эсэиръ причиной моей грусти!

— Отъ-чего?

— Это чрезвычайно-затруднительный вопросъ... Я люблю ее... люблю столько же, какъ прежде... но не могу жениться на ней...

— Почему же?

Жюльенъ не зналъ, что отвѣчать: онъ стыдился своихъ подозрѣній, которыя, однакожъ, все болѣе и болѣе овладѣвали имъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, подозрѣнія эти были чрезвычайно-безразсудны; строгая нравственность дочерей Гельдберга была всѣмъ извѣстна. Никогда клевета не дерзала касаться имени ихъ!.. Въ смущеніи Жюльенъ опустилъ руку въ карманъ... пальцы его коснулись записочки... Онъ совершенно забылъ объ ней. Въ то же мгновеніе смущеніе его прошло, но выраженіе лица сдѣлалось грустнѣе...

Записка эта могла служить отвѣтомъ на вопросы виконтессы и въ то же время препятствіемъ къ браку его съ Эсэирью. Онъ взглянулъ на мать и вынулъ записку изъ кармана.

— Матушка, сказалъ онъ серьезно:— я долго молчалъ, потому что долженъ открыть вамъ странную новость... вы, вѣроятно, поймете и объясните лучше меня это обвиненіе...

— Обвиненіе? повторила виконтесса.

— Да; прочтите и вы увидите, что говорятъ о Гельдбергѣ...

— О Гельдбергѣ!.. это должна быть низкая клевета!

Жюльенъ молча подалъ ей взятую записку. Одинъ уголокъ ея былъ оторванъ.

Виконтесса съ трудомъ разобрала полунстертыя буквы:

«Сестра твоя выйдетъ замужъ за убійцу твоего отца» продолжала она какъ-бы невольнo въ-слухъ: «а ты женишься на дочери...»

Послѣ этихъ словъ былъ оторванъ уголокъ.

Жюльенъ ожидалъ, что мать его съ презрѣніемъ пожметъ плечами и броситъ записку:—однакожъ, ошибся. Виконтесса прочтала ее два или три раза, потомъ возвратила сыну. Руки ея опустились, она прислонилась къ спинкѣ кушетки и задумалась... брови ея сблизились...

Двадцать лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ мужъ ея умеръ, но Елена не забывала его, потому-что была добра отъ природы и всякій разъ воспоминаніе о Раймондѣ пробуждало въ глубинѣ души ея тяжкую грусть...

Жюльенъ молча глядѣлъ на мать.

— Я не въ первый разъ слышу объ этомъ, произнесла она наконецъ съ усліемъ: — но это или ошибка, или клевета... Бѣдный отецъ твой погибъ, какъ и многіе другіе, въ страшной провѣсти, называемой Блутгауптскимъ-Адомъ, въ имѣніи нашего дяди

Гюнтера;.. Кавалеръ Рейнгольдъ честный человекъ... Я готова поклясться въ томъ передъ Богомъ... Я спрашивала его нѣсколько разъ и убѣдилась, что кавалеръ не зналъ даже моего бѣднаго Раймонда... Обвиненіе это есть слѣдствіе недоразумѣнія или сходства именъ... Правда, передъ смертію, отецъ твой былъ въ связи съ человекомъ безнравственнымъ, какимъ-то Реньйо... А ты знаешь, что это имя у насъ въ Германіи переводится Рейнгольдъ...

— Но этотъ Реньйо... прервалъ Жюльенъ слова матери мрачнымъ и грознымъ выраженіемъ голоса.

Виконтесса остановила его.

— Дай мнѣ договорить, сказала она:—этотъ Реньйо былъ человекъ безчестный, но не убійца... Я сама не хорошо знаю эту печальную исторію... Отецъ твой случайно познакомился съ Реньйо и, по-видимому, стыдился этого знакомства, потому-что скрывалъ его отъ меня... Въ нашемъ прежнемъ домѣ, отецъ твой занималъ комнату, совершенно-отдѣльную отъ моей; тамъ онъ принималъ этого Реньйо... Я часто слышала рассказы о немъ, но не помню, чтобъ видала когда-нибудь его самого... Раймондъ умеръ въ Блаутгауптскомъ-Адѣ... Дяди твои, Отто, Альбертъ и Гѣцъ, пріѣхали около того времени въ Парижъ и обвинили господина де-Реньйо... Но исторія, которую они мнѣ рассказали, походила на романъ. Я осведомлялась въ Германіи и узнала, что господинъ де-Реньйо былъ во Франкфуртѣ только мимоѣздомъ и умеръ гдѣ-то въ Австріи...

Елена замолчала. Мать и сынъ просидѣли нѣсколько минутъ молча, подъ вліяніемъ тягостныхъ впечатлѣній.

— Матушка, сказалъ наконецъ лейтенантъ: — вы сдѣлали что могли... Вы, женщина, оставались одиѣ, въ бѣдности, съ двумя дѣтьми... Но я теперь не ребенокъ и вижу, что мнѣ предстоитъ великая обязанность... Я долженъ непременно вѣхать въ Германію и узнать, точно ли умеръ господинъ де-Реньйо.

На глазахъ виконтессы навернулись слезы; она подала сыну руку.

— Позжай въ Германію, сынъ мой! сказала она. — Богъ свидѣтель, я теперь столько же люблю твоего отца, какъ любила въ счастливѣйшее время нашего супружества... Позжай... мы поѣдемъ вмѣстѣ... воспользуемся своимъ пребываніемъ въ замкѣ Гельдберга, чтобъ сдѣлать нужныя разысканія...

Эти слова непріятнымъ образомъ поразили сердце молодого человека.

Виконтесса промолчала нѣсколько минутъ, потомъ продолжала:

— Помнишь ли ты моихъ трехъ братьевъ, Жюльенъ?

— Помню, возразилъ лейтенантъ:—отецъ мой былъ еще живъ, когда трое молодыхъ людей въ красныхъ плащахъ вошли къ нему въ комнату... онъ нѣжно обнялъ ихъ...

— Да, да! произнесла виконтесса съ улыбкой, смѣшанной съ горечью: — они всегда были странны и во всемъ отличались отъ другихъ людей...

— Однакожь, вы прежде любили ихъ! сказалъ Жюльентъ.

— Я и теперь ихъ люблю... Вѣдь они мнѣ братья, и безъ ихъ помощи я не была бы въ силахъ перенести бѣдствія и нищету, только лѣтъ тяготившую надо мною... Но они люди странные!.. Я не могу забыть того, что отецъ твой, Жюльентъ, побѣжалъ въ Германію по ихъ совѣту... Съ-тѣхъ-поръ, я видѣлась съ ними пять или шесть разъ, и всякій разъ они приносили мнѣ помощь... Не смотря на то, я всегда принимала ихъ холодно... Безъ нихъ, Раймондъ не предпринялъ бы злополучнаго путешествія... Не знаю, оскорбила ли ихъ моя холодность, но давно уже я не видала ихъ...

Слова виконтессы д'Одмёръ произвели на молодого человѣка дѣйствіе, совершенно противоположное тому, какого она ожидала. Они внушили ему участіе къ побочнымъ сыновьямъ графа Ульриха. Часто говорили при немъ о трехъ братьяхъ, надъ которыми тяготѣло двойное изгнаніе, изъ семьи и изъ отчизны, но никогда еще онъ не принималъ въ нихъ такого участія, какъ теперь.

— Отъ-чего же я не видалъ ихъ ни разу послѣ смерти батюшки? спросилъ онъ.

— Ты былъ въ коллегіи, отвѣчала виконтесса:—и, сказать откровенно, я всегда распоряжалась такимъ образомъ, чтобъ ты не встрѣчался съ ними, потому-что я боялась вліянія ихъ на твой юный умъ... Я знаю, другъ мой, что они никогда не сдѣлаютъ зла съ намѣреніемъ; но они съ непонятнымъ безразсудствомъ вдаются во все отчаянныя предпріятія... гдѣ есть опасность, тамъ должны быть и они... у нихъ тѣ же политическія идеи, которыя погубили отца моего, графа Ульриха... Они были бѣдны, не знала, гдѣ преклонить голову, а между-тѣмъ, ни одинъ изъ нихъ не возботался о томъ, чтобъ заняться чѣмъ-нибудь... Они безпрестанно вѣшивались въ тайные заговоры, волнующіе Германію; они сражались какъ настоящіе странствующие рыцари противъ мнимыхъ враговъ нашей фамиліи,—существовъ, созданныхъ ихъ пылкимъ, необузданнымъ воображеніемъ!..

— Чтò же они дѣлаютъ теперь? спросилъ Жюльентъ.

— О! ты ничего не знаешь, возразила виконтесса:— потому-что былъ въ морѣ... Но безпорядочное поведеніе ихъ не осталось безъ наказанія... Я трепещу, когда подумаю, что и ты, другъ мой, могъ пойти по слѣдамъ ихъ, еслибъ я рѣшилась вѣрить имъ тебя!..

— Но чтò же стало съ ними?.. съ безпокойствомъ спросилъ Жюльентъ.

— Они въ тюрьмѣ, Жюльентъ... въ тюрьмѣ! И обвинены въ убійствѣ!..

— Въ Вѣнѣ?

— Во Франкфуртѣ.

— А далеко Франкфуртъ отъ замка Гельдберга?

— Въ нѣсколькихъ миляхъ, не болѣе... Но къ-чему этотъ вопросъ?

— Я хочу посвятить моихъ трехъ несчастныхъ дядей: Отто, Альберта и Бѣца.

Виконтесса съ изумленіемъ посмотрѣла на сына.

— Дѣлай что хочешь, Жюльенъ, сказала она: — ты теперь въ такихъ лѣтахъ, что самъ можешь судить о ихъ поведеніи... Однажды, любя ихъ всею сердцемъ, я опасаюсь ихъ и считаю низкой клеветою обвиненіе въ преступленіи, приписываемомъ кавалеру Рейнгольду... Впрочемъ, ты самъ его знаешь... Скажи, какого ты объ немъ мнѣнія?

— Одного съ вами, матушка, отвѣчалъ Жюльенъ разсѣянно.

— Но кто далъ тебѣ эту записку?

— Не знаю.

— Гдѣ же ты получилъ ее?

Лейтенантъ колебался, но секунду спустя, отвѣчалъ:

— На маскарадѣ, въ залѣ Комической-Оперы.

— Въ прошлую ночь?

— Да.

Виконтесса посмотрѣла на сына, потомъ громко засмѣялась.

— А я еще сожалѣла о немъ!.. вскричала она: — я беспокоилась объ утомленіи, написанномъ на лицѣ его!.. Знаю я теперь причину этой блѣдности, любезный виконтъ!.. Вы прекрасно воспользовались первыми минутами своего отпуска... поздравляю!

И она весело поцаловала его.

— Ребенокъ! продолжала она: — и ты можешь такъ серьезно принимать къ сердцу маскарадную шалость... развѣ ты не видишь, что надъ тобою подшутилъ человѣкъ, завидующій твоему счастью!.. Другъ мой! графиня Эсэвръ красавица и богата... У тебя есть соперники!.. Я сама сейчасъ назову тебѣ человѣкъ двадцать... Какъ! ты не понялъ причины этой безымянной клеветы!..

Виконтесса д'Одмеръ говорила съ жаромъ; она защищала дѣло, уже вполнину выигранное въ сердцѣ Жюльена однимъ воспоминаніемъ объ Эсэври.

— Но, возразилъ онъ: — тутъ говорится не обо мнѣ одномъ, а о моей сестрѣ и кавалерѣ Рейнгольдѣ...

Госпожа д'Одмеръ съ улыбкой пожала плечами.

— По всему видно, что ты прямо съ корабля, мой бѣдный Жюльенъ! возразила она.—Я говорила тебѣ сейчасъ о зависти молодыхъ людей... но это ничто въ сравненіи съ завистью молодыхъ дѣвушекъ!.. Не-уже-ли ты думаешь, что онѣ могутъ смотрѣть равнодушно на бракъ твоей сестры съ однимъ изъ первѣйшихъ богачей цѣлой Франціи?.. Онѣ сохнутъ съ досады, и, еслибъ женщины выходили на дуэль, у Денізы была бы, по-крайней-мѣрѣ, дюжина поединковъ!..

— Но мнѣ кажется, проговорилъ Жюльенъ:—что она не слишкомъ дорожить своимъ счастіемъ...

— Пустое, другъ мой!.. Надобно быть женщиной, чтобъ угадывать то, что происходитъ въ сердцѣ молодыхъ дѣвушекъ... Ты

удививъ, что Дениза вернется столь же веселою, какъ она была печальна за завтракомъ... Она бросится къ тебѣ на шею, какъ-быто-бы только-что увидѣла тебя... Увѣряю, ты не узнаешь ея!.. Грусть молодыхъ дѣвушекъ такъ же скоро проходитъ, какъ и приходитъ... говорятъ, это бываетъ отъ раздраженія нервовъ... Кадриль, прогулка, или нарядъ, — вотъ лучшія лекарства въ этомъ случаѣ.

— Кажется, Дениза была прежде благоразумнѣе... съ легкимъ уврекомъ сказалъ лейтенантъ.

— Ахъ, другъ мой, ты не знаешь, какъ странны молодыя дѣвушки!.. О, молодыя дѣвушки!.. Однако я заговорила и отклонилась отъ главнаго предмета... Скажи же мнѣ, Жюльенъ, любишь ли ты еще бѣдную Эсэирь?

— Она сама, быть-можетъ, забыла меня! проговорилъ лейтенантъ.

— Забыть, тебя, Жюльенъ! вскричала виконтесса д'Одмѣръ: — Боже мой! какъ мужчины несправедливы!.. Всякій разъ, когда я встрѣчалась съ Эсэирью—замѣть, Жюльенъ, всякій разъ!—она подходила ко мнѣ и справлялась о тебѣ... Повѣрь мнѣ, другъ мой, я опытна въ этихъ вещахъ: графиня Эсэирь любитъ тебя по-прежнему...

— Возможно ли? проговорилъ лейтенантъ съ радостной улыбкой.

— Зачѣмъ же мнѣ обманывать тебя, сынъ мой?.. Еслибъ ты зналъ, какія удочки она употребляла, чтобъ только заговорить о тебѣ!.. Любящія женщины очень хитры, но за то матери пронырливы, и сколько разъ уклонялась я съ намѣреніемъ отъ ея вопросовъ, чтобъ помучить ея!.. А между-тѣмъ, я ни о чемъ такъ охотно не говорю, какъ о моемъ любезномъ сынѣ... но я хотѣла видѣть сильна ли любовь ея, и смѣло могу сказать, что она отъ тебя безъ ума!

Жюльенъ съ нежностію пожалъ руку матери.

— Благодарю, проговорилъ онъ: — о! благодарю, матушка!.. И я... люблю ея!

— Насилу-то! вскричала виконтесса, съ радостію поцаловавъ сына въ обѣ щеки:—ты не повѣришь, мой добрый Жюльенъ, какъ ты меня обрадовалъ... Я люблю Эсэирь какъ дочь, и бракъ вашъ всегда былъ моею сладчайшею мечтою...

Сердце Жюльена было переполнено; растроганнымъ взоромъ благодарилъ онъ мать. Сомнѣнія его исчезли... онъ стыдился ихъ. Эсэирь любила его! Кто могъ знать это лучше его матери?..

Въ это самое время отворилась дверь въ задъ. Дениза, удивившаяся грустною, печальною, воротилась съ улыбкой на лицѣ.

Казалось, самъ случай оправдывалъ все предсказанія виконтессы. Малыя черты Денизы блистали удовольствіемъ и радостію. Жюльенъ съ изумленіемъ сморгнулъ на нее.

Мать внезапно взглянула на сына.

— Что я говорила тебѣ! сказала она съ торжествующимъ видомъ.

Дениза весело подошла къ матери, поцаловала ее и потомъ бросилась на шею Жюльену.

— Братъ, милый братъ! вскричала она: — какъ я рада, что ты возвратился!..

— Что я говорила? повторила виконтесса.

— Что съ тобою было сегодня утромъ, сестрица? спросилъ Жюльенъ, отвѣчая на ласки Денизы.

— Я была нездорова, возразила молодая дѣвушка, слегка покраснѣвъ: — мнѣ было невыразимо грустно!

— А мамзель Гертруда принесла тебѣ, вѣроятно, лекарство? спросила виконтесса съ добродушной насмѣшкой.

Слова эти, произнесенныя случайно, такъ близко подходили къ истинѣ, что Дениза покраснѣла еще болѣе.

Виконтесса не ошиблась: Гертруда, точно, принесла лекарство. Она говорила о Францѣ... о Францѣ, оставшемся въ живыхъ...

Дениза произнесла нѣсколько невнятныхъ словъ... ей казалось, что мать угадала ея тайну.

— Скажи намъ, пожалуйста, продолжала виконтесса: — какое чудное лекарство разогнало такъ скоро твою болѣзнь и грусть?

Дениза краснѣла болѣе и болѣе.

— Я не понимаю, о чемъ вы меня спрашиваете, матушка, проговорила она тихимъ голосомъ: — Гертруда принесла мнѣ кружевной воротничокъ, заказанный мною для предстоящаго бала у Гельдберга.

Виконтесса громко засмѣялась.

— Что я говорила, Жюльенъ?.. вскричала она въ третій разъ. — Кружева, наряды, бездѣлушки! О, молодыя дѣвушки! молодыя дѣвушки!...

Садясь въ карету, по выходѣ изъ квартиры Ганса Дорна, баронъ фон-Родахъ сказалъ кучеру:

— Въ улицу Виль-л'Эвекъ, къ дому Гельдберга!..

XI.

Прихожая.

Не было еще полудня. Въ великолѣпныхъ конторахъ банкирскаго дома Гельдберга, Рейнгольда и Комп. все кипѣло жизнью. Не смотря на то, что день былъ праздничный, все служащiе были на своихъ мѣстахъ; стальные перья быстро скользили по бумагѣ, и звукъ считаемыхъ денегъ разносился по всѣмъ комнатамъ.

Прохожіе съ завистью заглядывали въ окна, защищенныя же-

лзными рѣшетками, чтобъ насладиться хоть видомъ драгоценнаго штала.

Пять или шесть каретъ съ гербами стояли передъ параднымъ крыльцомъ, съ котораго безпрестанно сходили прикащики всѣхъ виржскихъ банкирскихъ домовъ. У каждаго изъ нихъ были подмышкой или на спинѣ туго-набитые мѣшки. Сундуки Гельдберга входили на публичныя колодцы, изъ которыхъ всѣ черпаютъ, но въ которыхъ не изсякаетъ вода.

Наемная карета, запряженная парой жалкихъ извощичьихъ лошадей, остановилась у крыльца, и баронъ фон-Родахъ соскочилъ на троттуаръ. У крыльца стояла толпа ливрейныхъ лакеевъ, разсуждавшихъ о политикѣ въ ожиданіи господъ своихъ. Величаво посмотрѣли они на челоузка, прїѣхавшаго въ такомъ болѣе-нежели скромномъ экипажѣ.

Не безъ труда пробрался между ними Родахъ и дошелъ до двери конторы, гдѣ встрѣтилъ новое препятствіе. Прикащики, безпрестанно входившіе и выходившіе, преграждали ему дорогу. Обждавъ еще нѣсколько минутъ, онъ вошелъ въ прихожую, гдѣ встрѣтилъ его красивый, видный швейцаръ, присутствіе котораго было такъ же бесполезно, какъ и самая прихожая, ибо чтобъ говорить о дѣлахъ, надбно было пройти въ слѣдующую комнату.

Это была квадратная комната, обставленная скамьями, обитыми железнымъ сафьяномъ. Тутъ-то и была настоящая прихожая.

На скамьяхъ терпѣливо ждали десять или двѣнадцать челоузкъ. Мужчина въ черномъ фракѣ важно прогуливался взадъ и впередъ. Это былъ просто лакей, но его можно было принять по-крайней-мѣрѣ за нотариуса по важности, съ которою онъ прохаживался.

— Можно видѣть господина Гельдберга? спросилъ баронъ.

Лакей, похожій на нотариуса, поклонился съ гордою възлливостью.

— Кого вамъ угодно, господина Гельдберга-отца или сына? проинесъ онъ густымъ басомъ, которому нѣмецкое произношеніе придавало еще болѣе прїятности.

— Господина Гельдберга-отца.

— А!.. Господина Гельдберга-отца нельзя видѣть теперь.

— Такъ потрудитесь сказать мнѣ, въ какіе часы можно его видѣть?

— Ни въ какіе.

— Скажите же мнѣ, наконецъ, когда можно поговорить съ нимъ о дѣлахъ?

— Никогда.

Родахъ съ досадою посмотрѣлъ на важнаго лакея. Ему показалось, что онъ смѣется надъ нимъ. Но едва взглянулъ онъ въ лицо лакею, какъ гнѣвъ его внезапно прошелъ, и онъ отвернулся, какъ-бы желая скрыть свое лицо отъ знакомаго челоузка.

Эта предосторожность была, однакожь, ненужна, потому-что лакей, одѣтый нотариусомъ, не удостоивалъ его взгляда.

— Что дѣлать! возразилъ Родахъ съ притворнымъ равнодушіемъ: — если нельзя видѣть господина Гельдберга-отца, такъ доложитѣ обо мнѣ хотѣ сыну его...

— Очень-хорошо, возразилъ лакей:—это другое дѣло... Но господинъ Авель фон-Гельдбергъ занятъ дѣлами.

— На долго?

— Можетъ-быть.

— А господинъ кавалеръ фон-Рейнгольдъ?

— Завять.

— А донъ Хозе-Ирра?

— Занять.

Родахъ подумалъ съ минуту, потомъ пошелъ къ скамьѣ, сказавъ:

— Я подожду.

— Такъ не угодно ли вамъ будетъ присѣсть? съ гордою вѣжливостью сказалъ важный лакей, когда баронъ уже сидѣлъ.

Люди, ожидавшіе въ прихожей, подсыли какъ-можно-ближе къ двери въ контору. Родахъ же занялъ мѣсто поодаль отъ нихъ и внимательно смотрѣлъ на лакея въ черномъ фракѣ, продолжавшаго прогуливаться взадъ и впередъ. Убѣдившись, что лицо его было ему знакомо, баронъ сталъ разсматривать окружавшіе его предметы.

Никакихъ украшеній не было въ этой комнатѣ; полъ былъ плитняной; въ одномъ углу стояла изразцовая печь. Кромѣ выхода въ сѣни и входа въ контору были еще три двери.

На первой изъ нихъ, на лакированной мѣдной досочкѣ, была слѣдующая надпись:

«ЦѢНРА, общій банкъ для земледѣльцевъ».

На второй — длинными буквами:

«Денежный Заемъ».

На третью, мѣдникъ приколачивалъ золоченую доску съ надписью, сдѣланною красивыми фигурными буквами:

«Железная дорога изъ Парижа въ ...».

«КОМПАНИЯ ВЛАДѢЛЬЦЕВЪ БОЛЬШИХЪ ИМѢНІЙ».

Это было совершенно-новое предпріятіе, только-что пущенное въ публичку.

Родахъ ждалъ терпѣливо; размышленія его не давали ему соскучиться.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ ждалъ, многіе изъ сосѣдей его были крикаты, отпущены и замѣнены другими. Между вновь-прибывшими находилась старуха, въ черномъ, изношенномъ, но еще чистомъ платьѣ.

Одинъ видъ этой женщины внушалъ невольную тоску. Замѣтно было, что она долго, терпѣливо боролась съ горемъ, но наконецъ горе обезсилило ее... въ впалыхъ, тусклыхъ глазахъ ея видны были слѣды горькихъ слезъ...

Робко отворила она дверь въ прихожую и не смѣла войти. Важ-

нѣй лакей, заботившійся о томъ, чтобъ старуха не простудила тѣлой комнаты, попросилъ ее войти.

Дрожащимъ, тихимъ голосомъ объявила она, что желала бы видѣть кавалера Рейнгольда. Важный Нѣмецъ отвѣчалъ ей то же, что онъ сказалъ Родаху, и старуха сѣла на скамью, въ самый отдаленный уголъ. Она сидѣла неподвижно, опустивъ голову на грудь; только мрѣдка, когда громче раздавался звукъ золота, она подымала голову и погружала взоръ въ ту сторону, откуда слышался шумъ.

Во взоръ ея была какъ-бы жалоба отчаянія: то былъ взоръ челоука, умирающаго съ голоду и смотрящаго на хлѣбы, выставленные въ окнахъ булочной...

Время проходило, и безпокойство выразилось на лицѣ старухи. — Позвольте узнать, сказала она, когда важный лакей проходилъ мимо ея: — скоро ли мнѣ можно будетъ видѣть господина кавалера фон-Рейнгольда?

— Подождите, сударыня, подождите, спокойно возразилъ Нѣмецъ.

— Мнѣ некогда ждать, робко проговорила старуха.

— Такъ идите съ Богомъ.

Съ этими словами, Нѣмецъ повернулся и мѣрными шагами пошелъ въ другую сторону. Когда онъ воротился, бѣдная старуха встала, подошла къ нему и, глубоко вздохнувъ, сказала рѣшительнымъ голосомъ:

— Я принесла деньги.

Лакей остановился.

— Такъ что жъ вы прежде не говорили? сказалъ онъ: — вамъ извѣстно было ждать. Потрудитесь пройти въ кассу.

— Извольте видѣть, я принесла только частицу... въ зачетъ...

— А, чортъ возьми! возразилъ Нѣмецъ: — позвольте вамъ доложить, что Гельдбергъ и Компанія никогда въ зачетъ не принимаютъ!

— Потому-то я и желала бы лично повидаться съ кавалеромъ Рейнгольдомъ...

— Понимаю! понимаю... но теперь его нельзя видѣть.

— Послушайте, робко и нерѣшительно сказала старуха:— я некогда знала господина Рейнгольда, и онъ, вѣроятно, меня помнитъ... Потрудитесь только доложить ему, что мадамъ Реньё желала бы переговорить съ нимъ...

Наивно-насмѣшливая улыбка выступила на лицѣ важнаго лакея. Теперь только онъ рѣшился взглянуть въ лицо старухи и отвѣчать:

— Извините, сударыня, очень можетъ быть, что господинъ камеръ зналъ васъ... но и я знаю свою обязанность, а потому не стану его беспокоить... Подождите своей очереди!

Бѣдная старушка глубоко вздохнула и опять сѣла на прежнее мѣсто.

Баронъ Родахъ издали слѣдилъ за этой сценой, но не могъ слышать имени, произнесеннаго старухой. Только видъ ея пробудилъ въ немъ неясное воспоминаніе. Ему казалось, что онъ видитъ ее не въ первый разъ.

Дверь, надъ которою только-что прибили новую надпись, съ шумомъ отворилась, и четыре человека, украшенные орденами, вошли въ прихожую, громко разсуждая. Въ прихожей надѣли они шляпы, не обращая ни малѣйшаго вниманія на присутствующихъ.

— Это хорошая афера, говорилъ одинъ изъ нихъ.

— Разумѣется! отвѣчалъ другой:— а домъ Гельдберга, благодаря Бога, свленъ... вынесетъ на своихъ плечахъ!

— При такихъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, сказалъ третій:— капиталъ скоро удвоится.

— А вотъ и начало! сказалъ четвертый, коснувшись тростью до новой досочки:— главное сдѣлано!

Они громко захохотали и удалились.

Это были, по-видимому, «владельцы большихъ имѣній».

— Скоро ли моя очередь? спросилъ Родахъ, не вставая съ мѣста.

Важный лакей, низко и почтительно поклонившійся только-что прошедшимъ господамъ, не обратившимъ на него ни малѣйшаго вниманія, отвѣчалъ не оглядываясь:

— Не знаю.

Баронъ прождалъ еще около десяти минутъ, въ-теченіе которыхъ дверь въ Контору Железной Дороги два раза отворилась; черезъ прихожую прошли два почтенные человека, на лбахъ которыхъ явственно было написано: акціонеры.

ХІІ.

Бочка Давидъ.

Когда они прошли, возлѣ печки зазвонилъ колокольчикъ и важный лакей поспѣшно удался.

Секунду спустя, онъ воротился и произнесъ съ прежнею важностію:

— Сегодня никого больше не будутъ принимать.

Старуха всплеснула руками и опустила голову, какъ громомъ пораженная.

Два или три человека ушли бормоча что-то сквозь зубы.

Лакей направилъ шаги къ конторѣ.

— Клаусъ! произнесъ баронъ тихимъ голосомъ.

Нѣмецъ остановился, вытаращивъ глаза, но не оглядываясь.

— Клаусъ! повторилъ фон-Родахъ.

Лакей быстро повернулся и однимъ скачкомъ очутился посреди комнаты. Взглянувъ въ лицо барону фон-Родаху, онъ невольно

вскрикнулъ.

Баронъ приложилъ палецъ ко рту.

Клаусъ внезапно замолчалъ; но прежнее изумленіе выражалось на лицѣ его.

— Подойди ко мнѣ, сказалъ баронъ.

Клаусъ повиновался.

— Мнѣ сказали, продолжалъ Родахъ:— что ты служишь у Жидла... но мнѣ не сказали, что ты забылъ своихъ прежнихъ господъ.

На блѣдномъ и важномъ лицѣ Ньмца выступилъ яркій румянецъ; губы его дрожали, въ глазахъ выражалось сильное волненіе.

— Ваше сіятельство... проговорилъ онъ.

— Тсс! этотъ титулъ не принадлежитъ мнѣ... Меня зовутъ барономъ Родахомъ, и ты меня не знаешь.

— Помилуйте! какъ мнѣ не знать! вскричалъ блутгауптскій егеръ.

— Я баронъ фон-Родахъ, говорятъ тебѣ; твои новые господа не должны знать моего настоящаго имени... Я ввѣрилъ тебѣ свою тайну: сохранишь ли ты ее?

Клаусъ приложилъ руку къ сердцу.

— Приказывайте, ваше сіятельство, сказалъ онъ: — я готовъ вамъ повиноваться... О, нѣтъ! клянусь честію, я не забылъ ни васъ, ни вашего благороднаго отца... Я бѣдный человѣкъ, и обязанъ служить, гдѣ прійдется... но сердце мое принадлежитъ прежнимъ господамъ моимъ... Скажите одно слово, и я готовъ служить вамъ.

— Благодарю, возразилъ Родахъ: — ты честный человѣкъ, и я узнаю въ тебѣ нашего васалла... Дай мнѣ руку!

Клаусъ съ восторгомъ схватилъ руку барона. Съ лица его исчезла прежняя тугая, натянутая важность, которую онъ считалъ необходимою принадлежностью чернаго фрака и своей должности... Теперь на лицѣ его выражалось добродушіе и искренняя признательность.

— Приказывайте! сказалъ онъ.

— Мнѣ необходимо сейчасъ же видѣть кого-нибудь изъ компаньоновъ Гельдберга, отвѣчалъ баронъ фон-Родахъ.

— Меня прогонять, какъ собаку,—подумалъ Клаусъ, но, не колеблясь ни секунды пошелъ къ конторѣ, попросивъ Родаха следовать за нимъ.

Старуха Реньйо съ грустью и завистью смотрѣла на всадка:

— А меня! произнесла она: — меня не впускать!

Дверь опять затворилась. Старуха осталась одна. Она подняла къ небу глаза, омоченные слезами, и опять опустила голову на грудь... руки ея, сложенные на коленяхъ, дрожали...

Баронъ фон-Родахъ и Клаусъ молча проходили рядъ комнатъ конторы Гельдберга.

Бывшій васаллъ Блутгаупта шелъ впередъ съ прежнимъ важнымъ видомъ. Онъ былъ одѣтъ гораздо-лучше барона, тѣмъ болѣе, что,

съ самаго прибытія въ Парижъ, послѣдній не успѣлъ ещё переодѣться. Старый дорожный плащъ его и сапоги были покрыты пылью.

Прикащики, конторщики и писаря смотрѣли на него мрачнымъ взглядомъ птицъ, заключенныхъ въ клетку. Родахъ же осматривался съ видимымъ удовольствіемъ.

Въ послѣдней залѣ была круглая чугунная лѣстница въ бель-этажъ. Клаусъ и баронъ пошли по этой лѣстницѣ, и вошли въ маленькую прихожую, гдѣ сидѣлъ лакей, одѣтый такъ же, какъ и Клаусъ. Ему, вѣроятно, было приказано никого не принимать, потому-что онъ всталъ передъ дверью.

— Вы знаете, сказалъ онъ Клаусу:— что никого болѣе не велѣно принимать...

— Это мое дѣло, возразилъ Клаусъ съ видомъ лакея, на котораго возложено особое порученіе. — Пустите, мосѣ Дюранъ, господа ждутъ.

Мосѣ Дюранъ отступилъ, проворчавъ что-то сквозь зубы и весьма-недовольный, что другой зналъ то, чего онъ не зналъ.

Клаусъ на-цыпочкахъ пошелъ къ кабинету. Не смотря на наружную рвительность, онъ дрожалъ подъ своимъ чернымъ фракомъ.

Три раза стукнулъ онъ въ дверь кабинета. Отвѣта не было.

— Не принимаютъ! шепнулъ онъ барону: — ахъ, ваше сіятельство! еслибъ не вы...

— Они тамъ? прервалъ Родахъ.

Клаусъ, лицо котораго было блѣдно, утвердительно кивнулъ головою.

Родахъ взялся за бронзовую позолоченную ручку и сказалъ Клаусу:

— Не безпокойся, тебя не прогонятъ; а если прогонятъ, я возьму тебя къ себѣ въ служеніе.

Внезапная радость засіяла на лицѣ бывшего блутгауптскаго вассала. Только изъ уваженія къ черному фраку онъ не запыгалъ.

Родахъ вошелъ и затворилъ за собою дверь.

Онъ вступилъ въ обширную комнату, меблированную съ строгою роскошью. На противоположномъ концѣ стоялъ большой письменный столъ чернаго дерева, съ рѣзными ножками. Вокругъ камна изъ чернаго мрамора, стояло въ безпорядкѣ нѣсколько креселъ.

Въ комнатѣ никого не было. Родахъ подошелъ къ письменному столу, на которомъ въ безпорядкѣ лежала куча бумагъ съ печатными заголовками... Вдругъ въ сосѣдней комнатѣ послышались голоса. Родахъ оглянулся. Дверь была полурастворена. Онъ подошелъ къ ней. Мягкій коверъ заглушалъ шаги его...

Родахъ заглянулъ въ полурастворенную дверь, но никого не было видно; за то онъ могъ слышать.

Разговаривавшихъ было четверо.

У одного былъ молодой, но довольно-грубый голосъ; у другого

въ выраженіи голоса было что-то приторно-ласкательное; третій говорилъ медленно, докторальнымъ тономъ, и наконецъ, четвертый говорилъ жалобнымъ, стариковскимъ голосомъ.

— Господь, говорилъ именно этотъ голосъ:—у меня сердце разлрается на части и обливается кровію, когда я посмотрю на то, что вы дѣлаете!.. Боже мой! Не-уже-ли такой славный, богатый домъ долженъ допнуть!.. Такія ли дѣла были при достойномъ, почтенномъ старомъ г. Гельдбергѣ?.. Все было просто, чисто, честно! Доходы вѣрные... риска ни малѣйшаго... за то и книги наши можно было хоть напечатать... все на лицо!...

— Пустыя, ничтожныя дѣлишки, почтеннѣйшій мосье Морд! сказалъ приторный голосъ.

— Старинная система! прибавилъ грубый голосъ съ легкимъ гѣмекскимъ произношеніемъ.

Баронъ фон-Родахъ прислушивался внимательно, и на лицѣ его выразилось внезапное безпокойство.

— Не-уже-ли дѣла ихъ плохи? подумалъ онъ.

— Пускай, старинная, да за то хорошая система, продолжалъ добрякъ, котораго называли господиномъ Морд:—за то въ тоглашнее время касса наша была всегда полна... а теперь что? Пусто!

Докторальный голосъ закашлялъ; приторный произнесъ нѣсколько словъ, которыхъ баронъ не могъ слышать.

— Да и нельзя ей быть полною! продолжалъ Морд, постепенно разгорячаясь и повышая голосъ:—что я за кассиръ!.. Такъ только, ради формы!.. Сегодня принесете деньги, а завтра подавай назад!

Всѣ три голоса заговорили вмѣстѣ. Родахъ угадалъ, чьи были эти голоса: приторный—кавалера Рейнгольда; докторальный—Португальца Хозе-Мира; грубый—молодаго Гельдберга.

— Однако послушайте, почтеннѣйшій Морд, сказалъ послѣдній:—мы были заняты важнымъ дѣломъ... Я не думаю, чтобъ вы пришли сюда только для того, чтобъ бранить насъ, какъ школьники?

— Я пришелъ сказать вамъ, возразилъ кассиръ:—что въ субботу вечеромъ у меня было въ кассѣ двадцать-двѣ тысячи франковъ; сегодня утромъ я собралъ по векселямъ сорокъ-пять тысячъ франковъ, потому-что намъ нужно заплатить сегодня около шестидесяти тысячъ...

Кассиръ замолчалъ, и никто не отвѣчалъ. Любопытство заставило Родаха заглянуть въ полурастворенную дверь и на противоположной стѣнѣ увидѣлъ зеркало, въ которомъ отражалась группа изъ четырехъ лицъ: лысаго старика, съ добрымъ и честнымъ лицомъ, — это былъ кассиръ; блѣднаго молодаго человѣка съ незначительной физиономіей и красивыми бакенбардами; длиннаго, худощаваго человѣка съ мрачнымъ, злобнымъ выраженіемъ лица, и наконецъ, нарумяненнаго и набѣленнаго волокиты, съ низкой, лимфѣрной физиономіей, и походившаго на старую кокетку.

Родахъ никогда не видалъ Авеля фон-Гельдберга, но черты Португальца и кавалера Рейнгольда глубоко вѣзались въ его памяти.

Всѣ трое были въ замѣшательствѣ, и видно было, что имъ нетерпѣливо хотѣлось спровадить почтеннаго господина Морѳо.

Но онъ продолжалъ настойчиво:

— Такимъ-образомъ, я могъ произвести уплату, и въ кассѣ осталось бы еще семь тысячъ франковъ... но, открывъ кассу, я не нашелъ въ ней ни одного су...

Компаньоны посмотрѣли другъ на друга.

— Я не бралъ, проговорилъ молодой Гельдбергъ.

— И я не бралъ, сказалъ г. Рейнгольдъ.

— И я, прибавилъ Португалецъ.

Кассиръ бросилъ на нихъ взглядъ, въ которомъ гнѣвъ замѣнилъ уваженіе.

— Такъ, стало-быть, я взялъ ихъ! вскричалъ онъ, бросивъ счетную книгу на столъ: — касса моя похожа на бочку съ четырьмя кранами!.. У васъ, господинъ докторъ, есть ключъ отъ нея; и у васъ, господинъ Гельдбергъ, и у васъ, господинъ Рейнгольдъ!.. наконецъ, у меня четвертый ключъ!.. Не хотите ли вы обвинить меня въ похищеніи вашихъ двадцати-двухъ тысячъ франковъ!

Родахъ слушалъ и хмурилъ брови.

— Двадцать-два тысячи! подумалъ онъ: — а я полагалъ, что здѣсь считаютъ не иначе, какъ милліонами!

И случайно взоръ его остановился на только-что отпечатанномъ объявленіи общества новой желѣзной дороги. Тамъ было напечатано крупными буквами:

«Капиталъ Общества.»

«Сто-девяносто милліоновъ франковъ.»

— Полноте, почтеннѣйшій мосѳ Морѳо! сказалъ, наконецъ, кавалеръ Рейнгольдъ: — ну, прилично ли затѣвать шумъ изъ-за такой бездѣлицы?.. Напишите вексель въ тридцать тысячъ франковъ, и дѣло съ концомъ!

— Легко сказать «напишите»! отвѣчалъ кассиръ: — а когда дѣло дойдетъ до расплаты, тогда что?

— Это наше дѣло, возразилъ АVELь, пожавъ плечами.

— И мое дѣло, г. Гельдбергъ! отвѣчалъ съ доминствомъ старикъ.

— Вы знаете, что на Биржѣ ходятъ мои векселя въ триста тысячъ франковъ безъ вашего бланка, вы знаете, какъ слѣпо я вѣрилъ вамъ!.. У меня, господа, нѣтъ никакого состоянія, а я чловѣкъ семейный...

— Ахъ, мосѳ Морѳо! прервалъ его кавалеръ: — ради Бога, избавьте насъ отъ этихъ подробностей!

— Я знаю, что у васъ есть еще большія средства, продолжалъ

кассиръ:— я былъ бы спокоенъ, еслибъ зналъ все дѣла въ подробностяхъ... но вы ведете особыя книги... и никто, кромѣ васъ, не знаетъ положенія дѣлъ нашихъ съ домоу Яноса Георгія, въ Лондонѣ...

— Это мое дѣло, сказалъ кавалеръ.

— Съ домоу Фан-Прэтта, въ Амстердамѣ, продолжалъ Морѳ.

— Это мое дѣло, возразилъ Авель Гельдбергъ.

— Съ домоу г. де-Лоранса, въ Парижѣ...

— Это мое дѣло, сказалъ докторъ Хозѣ-Мира.

— Дай Богъ, чтобъ хоть съ этой стороны вы были обезпечены, продолжалъ кассиръ: — а то другой надежды нѣтъ!.. Вы сейчасъ спрашивали, зачѣмъ я пришелъ сюда... Затѣмъ, наконецъ, высказать вамъ всю правду. Я долго молчалъ, но не могу больше... двадцать лѣтъ служу я въ домѣ Гельдберга, и благоденствіе его дороже мнѣ собственной жизни...

Старый кассиръ замолчалъ, и Родахъ замѣтилъ, что онъ утеръ слезу.

— Успокойтесь, другъ мой! сказалъ кавалеръ Рейнгольдъ съ видомъ покровительства:— мы все знаемъ, что вы честный и вѣрный слуга...

— Да, да... я честный слуга! съ твердостью возразилъ кассиръ: — а потому и долженъ говорить прямо... Домъ вашъ клонится къ упадку: я не хочу быть свидѣтелемъ совершеннаго его разоренія, а потому прошу представить мнѣ ваши особыя книги и отдать ключи отъ кассы. Въ противномъ случаѣ, прошу искать другаго кассира...

Морѳъ взялъ свою счетную книгу подъ мышку, почтительно поклонился и вышелъ.

Компаньоны остались одни и съ изумленіемъ смотрѣли другъ на друга. Въ-продолженіе нѣсколькихъ минутъ, они молчали.

— Онъ намъ нуженъ, сказалъ наконецъ Рейнгольдъ: — испышка его скоро пройдетъ...

— Во-первыхъ, надобно бы немедленно отдать ему двадцать-двѣ тысячи франковъ, въ которыхъ онъ нуждается, замѣтилъ Авель фон-Гельдбергъ:— а у меня нѣтъ теперь денегъ.

— Ни у меня...

— Ни у меня... сказала въ одинъ голосъ компаньоны его.

— Господа, сказалъ Рейнгольдъ: — Морѳъ правъ въ нѣкоторомъ отношеніи... Я признаюсь, что въ субботу вечеромъ взялъ шесть тысячъ франковъ изъ кассы.

— А я взялъ пятьсотъ лундеровъ въ воскресенье утромъ, прибавилъ Авель.

— Я взялъ остальное вчера вечеромъ, проворчалъ докторъ, засунувъ брови.

— Въ такомъ случаѣ, я не удивляюсь, что кассиръ ничего не знаетъ! сказалъ Рейнгольдъ, засмѣявшись.— Впрочемъ, шутка въ

сторону, господа... Кредитомъ шутить не должно, а если Морд отойдетъ отъ насъ, многое откроется...

— Кто можетъ намъ запретить пользоваться собственными деньгами? сказалъ докторъ.

— Конечно, никто, отвѣчалъ Рейнгольдъ:— но прежде всего должно позаботиться о томъ, чтобъ было чѣмъ пользоваться. Повторяю: мы непременно и сейчасъ же должны достать сумму, нужную кассиру... Подумайте-ка, господа, не прищете ли вы какого-нибудь средства?

Докторъ и Авель задумались.

— Я знаю стараго Морд, сказалъ наконецъ Авель: — и готовъ биться объ закладъ, что у него есть вся сумма... Онъ только пугаетъ насъ...

— А если нѣтъ?

— Ну, такъ займемъ, чортъ возьми!

— У кого? спросилъ Родахъ.

— У насъ есть друзья...

— Конечно; но въ подобныхъ случаяхъ надобно бы имѣть этихъ друзей подъ рукой.

Въ то самое время, когда докторъ Мира готовился сдѣлать свое замѣчаніе, у двери послышался легкій шумъ...

Компаньйоны оглянулись и остолбенѣли... На порогъ стоялъ незнакомецъ. Онъ вѣжливо имъ поклонился.

— Господа! сказалъ онъ: — вамъ нуженъ другъ? Располагайте мною!

хш.

Три компаньйона.

Баронъ фон-Родахъ произнесъ эти слова серьезнымъ голосомъ, въ которомъ была, однакожь, замѣтна гордая насмѣшка.

Появленіе его поразило трехъ компаньйоновъ, подобно громовому удару.

Въ домъ Гельдберга болѣе всего была охраняема неприступность частной комнаты компаньйоновъ. Никто не былъ впускаемъ безъ особеннаго ихъ согласія. Тамъ они могли все говорить и все дѣлать, не опасаясь любопытныхъ: Даже самъ Морд, по должности кассира пользовавшійся многими преимуществами, не смѣлъ входить безъ приглашенія въ залу, въ которой находился Родахъ, и которая называлась нынѣшнимъ именемъ конференц-залы. Морд обыкновенно входилъ по особой лѣстницѣ только въ ту залу, гдѣ Родахъ слышалъ разговоры компаньйоновъ.

Въ конференц-залу имѣли входъ только агенты, ходившіе по особымъ дѣламъ гг. компаньйоновъ, богатые капиталисты и акціонеры, которыхъ нужно было задобривать.

Внезапное и совершенно-неожиданное появленіе посторонняго чловѣка поразило ужасомъ компаньоновъ.

Домъ, подобный дому Гельдберга, можетъ долго устоять на твердыхъ своемъ основаніи, какъ бы ни были истощены его средства. Но для этого необходимо, чтобъ ослабленіе его оставалось непроницаемою тайною. Пока не возбуждено сомнѣніе, коммерческій колоссъ живетъ и идетъ прежнею дорогою. Бываютъ примѣры, что наканунѣ банкротства некоторымъ домамъ вврътъ еще на милліоны; всѣ восхваляютъ эти дома и провозглашаютъ ихъ твердыми въ то самое время, когда они рушатся на своемъ подточенномъ основаніи. Гроза разразилась — отъ могущественнаго дома остались одни развалины и чловѣкъ, спасающійся бѣгствомъ...

Бываютъ еще примѣры, что домъ надежный и твердый внезапно останавливаетъ свои операціи. Онъ какъ-будто чахнетъ подъ тяжестью проклятій... Проклітіе это не что иное, какъ клевета, слухъ, распушенный злонамеренными, о ненадежности этого дома...

Домъ Гельдберга былъ еще силенъ; онъ далеко не истощилъ еще своихъ средствъ, но давно уже клонился къ упадку. Непостижимое поведеніе начальниковъ этого дома, грабившихъ другъ друга и себя самихъ, влекло его къ катастрофѣ, отъ которой могло его спасти только одно изъ коммерческихъ чудесъ, такъ часто случившихся въ наше время. И именно три компаньона надѣялись на такое чудо: надобно было только выгадать время и поддерживать свой кредитъ. Домъ Гельдберга держался въ послѣднее время только своимъ кредитомъ; одно слово, произнесенное самими компаньонами, могло разорить его!..

И вдругъ чловѣкъ посторонній, чужой, слышалъ это слово... онъ зналъ ихъ тайну!..

Они занимались цѣлое утро. Основаніе гигантскаго предпріятія было полезно. Скоро на биржѣ заговорятъ о новой желѣзной дорогѣ общества владельцевъ большихъ импій. Начнутъ покупать и перекупать акціи, тѣмъ болѣе, что въ это же время съ намѣреніемъ былъ распушенъ слухъ о празднествѣ въ замкѣ Гельдберга. Всѣ говорили о немъ и изумлялись колоссальному богатству Гельдберга.

Итакъ, все шло какъ-нельзя-лучше. Одинъ ловкій ударъ, одно предпріятіе должно было не только поднять падавшій домъ, но даже возвысить его надъ важнѣйшими европейскими конторами. И въ это благоприятное время судьба или измѣна поставила передъ тремя компаньонами олицетворенную угрозу!..

Жалобы кассира не тронули ихъ; они презирали затруднительное положеніе своихъ финансовъ, потому-что видѣли передъ собою блистательную будущность... Но вдругъ туча омрачила эту будущность... тайна ихъ не была уже тайною...

Поблѣдивъ отъ бшенства и ужаса, смотряди они на незнакомца.

Баронъ фон-Родахъ глядѣлъ на нихъ холоднымъ, спокойнымъ взоромъ. Онъ научалъ ихъ физиономію, чтобы по нимъ распределять свои дѣйствія.

Докторъ Хозѣ-Мира первый пришелъ въ себя, но отвернулся и молчалъ.

Рейнгольдъ употреблялъ все усилія своего ума, чтобы придумать слова, которыми могъ бы смутить и поразить незваного гостя. Но у кавалера Рейнгольда былъ врагъ, котораго ему трудно было побѣдить... Онъ былъ трусъ до подлости и рѣшался на отчаянныя мѣры только въ такомъ случаѣ, когда ему самому не грозила ни малѣйшая опасность. Двадцать лѣтъ благосостоянія не сдѣлали его лучшимъ. Докторъ же добивался только одного—чтобъ, хоть преступленіемъ, составить себѣ спокойную, счастливую будущность; софисти своей онъ не боялся, потому-что она умолкла уже въ немъ съ раннихъ лѣтъ. Следовательно, достигнувъ своей цѣли, онъ былъ бы, если и не добродѣтель, такъ, по-крайней-мѣрѣ, безвреденъ; между-тѣмъ, какъ кавалеръ Рейнгольдъ отъ природы былъ расположенъ вредить, дѣлать зло.

Но Хозѣ-Мира не вполне достигъ своей цѣли. Онъ не былъ ни спокоенъ, ни счастливъ. Предавъ однажды волю огненнымъ страстямъ своимъ, онъ обезчестилъ молодую дѣвушку, почти ребенка... Въ-послѣдствіи, она сдѣлалась для него орудіемъ небесной кары.

Онъ любилъ. Подъ холодною наружностью его скрывались пылкія, необузданныя страсти. Все бытіе его сосредоточилось въ этой любви. Всѣ горести, всѣ радости его происходили изъ нея. Въ-продолженіе многихъ лѣтъ, онъ тщетно старался побѣдить эту любовь; та, которую онъ любилъ, ненавидѣла, презирала его, а онъ все болѣе и болѣе къ ней привязывался... она поручала ему дѣла безразсудныя, а онъ, человекъ умный, разсудительный — повиновался!..

Хозѣ-Мира, какъ мы уже знаемъ, подобно компаньонамъ своимъ, бралъ деньги изъ общей кассы. Но, увы! руки его служили только проводникомъ. Онъ все отдавалъ любимой женщинѣ и въ награду получалъ презрительную или насмѣшливую улыбку.

Женщина эта была развратна, въ томъ нѣтъ сомнѣнія; но въ-отношеніи къ доктору, она была справедлива. Быть-можетъ, онъ былъ виновникомъ испорченности ея нравовъ.

Есть, говорятъ, два рода ядовитыхъ змій: однѣ бросаются на всѣхъ безъ разбора; другія берегутъ ядъ свой для минуты гнѣва. Рейнгольдъ принадлежалъ къ первому роду, а Хозѣ-Мира ко второму. Рейнгольдъ дѣлалъ зло безъ разбора, Хозѣ-Мира могъ бы сдѣлаться безвреднымъ, еслибъ не имѣлъ причины злиться. Но въ минуту гнѣва, онъ былъ страшнѣе Рейнгольда, потому-что умалъ искусно скрывать и обдумывать все свои дѣйствія.

Хозѣ-Мира былъ головою компаніи. Рейнгольдъ былъ рукою ея. Кавалеру поручались всѣ сдѣлки, потому-что онъ былъ хитеръ,

прошаривъ, вкрадчивъ и всегда сладко улыбающа. Мрачная же интонація доктора отталкивала съ перваго взгляда и внушала непреодолимую недовѣрчивость.

Что же касается до молодаго Гельдберга, то на совѣсти его не было кроваваго преступленія. Онъ не зналъ настоящаго источника своего богатства. Авель былъ просто свѣтскій молодой человекъ, съ дѣтства приученный къ коммерческимъ уловкамъ, которыми спекулянты обманываютъ другъ друга. Лихоимство векорнило и воспитало его; добродѣтелю Авеля была — выгода; нравственностью — ариеметика. А между-тѣмъ, ему было дано прекрасное воспитаніе, въ слѣдствіе котораго въ сердцѣ его осталась пустота, въ умѣ совершенное знаніе четырехъ первыхъ правилъ ариеметики, а въ рукѣ красивый почеркъ.

Сверхъ-того, онъ былъ левъ и приторный любезникъ, любилъ танцовщицъ, обожалъ лошадей, держалъ огромные паріи, какъ Англичанинъ, и самъ рисовалъ покрой своихъ жилетовъ. Люди, любимыя ему, выходятъ иногда въ люди, вопреки аксіомъ: «въ него — ничего не сдѣлаешь...»

Авель первый прервалъ молчаніе. Пока Хозе-Мира осторожно молчалъ, а кавалеръ Рейнгольдъ придумывалъ, что бы сказать, онъ сильно приставилъ лорнетъ къ глазу и дерзко осматривалъ незнакомаго съ ногъ до головы.

— Что значить эта комедія? спросилъ онъ презрительно: — и что нужно этому человеку?

— Этому человеку нужно многое, мосье Авель де-Гельдбергъ, отвѣчалъ баронъ съ вторичнымъ и столь же вѣжливымъ поклономъ: — этотъ человекъ такъ много наслышался о вашемъ домѣ, что охотно желалъ бы вступить съ вами въ сношенія.

Авель еще разъ осматривалъ барона съ ногъ до головы, презрительно пожалъ плечами и повернулся къ своимъ компаньонамъ.

Хозе-Мира внимательно глядѣлъ исподлобья на незнакомца. На лицѣ кавалера Рейнгольда изумленіе смѣнилось тайнымъ ужасомъ. Казалось, лицо незнакомца пробудило въ немъ страшныя воспоминанія.

— Это, вѣроятно, сумасшедшій! сказалъ Авель своимъ компаньонамъ.

— Должно быть, проговорилъ Рейнгольдъ разсѣянно.

— Надобно позвать людей и велѣть его выбросить...

— Конечно, отвѣчалъ кавалеръ едва-слышнымъ голосомъ.

Потомъ, быстрымъ движеніемъ онъ наклонился къ доктору и шепнулъ ему:

— Лицо это мнѣ знакомо!..

— Нѣтъ, возразилъ Португалецъ, опустивъ глаза: — оно только напоминаетъ другое лицо...

— Которое мы давно видѣли?

— Очень-давно!

— Но гдѣ? когда?.. вспомните, докторъ!.. Отъ этого зависятъ развязка этой неприятной сцены.

— Двадцать лѣтъ тому... шепнулъ докторъ.

— Не помню!..

— Старый Гюнтеръ фон-Блутгауптъ...

Кавалеръ махнулъ рукой. Лицо его прояснилось.

— Въ-самомъ-дѣлѣ! вскричалъ онъ: — я ожидалъ худшаго... Но можетъ же быть, чтобъ старый графъ воскресъ... Что же, Авель, продолжалъ онъ, оборотившись къ молодому человеку: — вы хотѣли звонить; зачѣмъ же дѣло стало?

Быстрый разговоръ доктора и кавалера продолжался не болѣе трехъ-четырехъ секундъ. Родахъ все еще неподвижно и скрестивъ руки на груди стоялъ на порогѣ.

— Я призвалъ издалека, сказалъ онъ: — и нарочно для того, чтобъ повидаться съ вами, господа... Увѣрю васъ, вы вѣчно будете раскаиваться, если прогоните меня не выслушавъ...

Авель захохоталъ и пошелъ къ колокольчику; кавалеръ тоже принужденно засмѣялся. Хозе-Мира сохранилъ свой мрачный видъ. Въ то самое время, когда Авель взялся уже за шнурокъ колокольчика, онъ проговорилъ какъ-бы не-хотя:

— Не торопитесь, Авель, сказалъ онъ: — прежде нужно бы узнать...

— Узнать, что? вскричалъ молодой человекъ, дернувъ за шнурокъ.

— Имя того, кого вы хотите прогнать, мосѣ Авель де-Гельдбергъ, сказалъ баронъ Родахъ повысивъ голосъ:—узнать, точно ли онъ сумасшедшій или въ полномъ разумѣ... нищій, или миліонеръ...

— Какое намъ до этого дѣло? прервалъ слова его Авель.

Рейнгольдъ и Мира помѣнялись взглядами.

— Узнать еще, продолжалъ Родахъ спокойно: — не имѣетъ ли человекъ, нечаянно появившійся предъ вами, права войти въ вашу конференц-залу... узнать, наконецъ, не имѣетъ ли онъ въ одной рукѣ средства погубить вашу домъ, не смотря на мнимое благоденствіе его, а въ другой средства спасти его, не смотря на дѣйствительный упадокъ...

Дверь, въ которую вышелъ кассиръ, отворилась въ эту минуту, и на порогѣ явился лакей.

— Вы звонили? спросилъ онъ.

Молодой Гельдбергъ небрежно указалъ пальцемъ на Родаха; но въ то самое время, когда онъ хотѣлъ приказать вывести его, Хозе-Мира произнесъ поспѣшно:

— Никого не впускать сюда!.. Ступай!

Молодой Гельдбергъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на доктора. Лакей исчезъ.

— Объяснитесь, только скорѣе! сказалъ Хозе-Мира, ступивъ шагъ впередъ:—кто вы? что вамъ нужно?

— Гораздо было бы прилично, вскричалъ Авель, отвернувшись съ досадою:— сбросить этого господина съ лѣстницы!..

— Черезъ четверть часа, вы, мосьё Авель, сами поблагодарите господина доктора, сказалъ Родахъ; потомъ, обратившись къ Мирá, онъ продолжалъ: — вы желаете, чтобы я объяснился скорѣе? Извольте; но я долженъ, однакожь, доложить вамъ, что у насъ началось много дѣлъ... Прежде я попрошу у васъ позволенія прійти.

Родахъ осмотрѣлся. Въ этой комнатѣ не было ни одного лишняго стула. Подумавъ съ секунду, онъ веротился въ конференц-залу и сѣлъ на одномъ изъ покойныхъ креселъ, окружавшихъ каминъ.

Компаньйоны остались одни, и Родахъ слышалъ, какъ они о чемъ-то съ живостію перешептывались.

Наконецъ, и они вошли въ кабинетъ. Кавалеръ Рейнгольдъ ласково улыбался; на лицѣ Авеля не было прежняго дерзкаго, пренебрежительнаго выраженія; только Хозе-Мирá былъ тотъ же. Онъ повидъ, какой опасности могло подвергнуть ихъ необдуманное поведение мелодраго Гельдберга. Незнакомецъ, внезапно и неожиданно появившійся между ними, внушалъ ему сильное безпокойство, и онъ предостерегъ своихъ компаньйоновъ, посоветовавъ имъ быть осторожными и вѣжливыми.

Родахъ опустился въ кресло передъ каминомъ.

— Простите мнѣ, господа, сказалъ онъ:—мою безцеремонность... но я только вчера съ дороги и во всю ночь не смыкалъ глазъ... я ужасно усталъ!.. Потрудитесь присѣсть и выслушать меня; наконецъ, мы поймемъ другъ-друга.

Онъ усѣлся въ креслѣ и положилъ ноги на желѣзную рѣшетку каминна.

Компаньйоны сѣли; они замѣтили, что незнакомецъ, сначала столь дурно принятый, брать уже нѣкоторый чертъ съ мадъ нами. Они были у себя, а между-тѣмъ, человекъ этотъ игралъ первую роль. Онъ былъ совершенно спокоенъ, а они — смущены.

— Я былъ здѣсь во время вашего разговора съ кассиромъ, сказалъ баронъ Родахъ.

— И вы подслушивали? вскричалъ молодой Гельдбергъ съ прежнею дерзостію.

— Признаться сказать, подслушивалъ, возразилъ баронъ Родахъ: — я слышалъ весь вашъ разговоръ съ кассиромъ и по уходѣ кассира... Но не безпокойтесь, господа; въ вашемъ разговорѣ я не открылъ ничего новаго... я зналъ все это прежде; итакъ, вамъ нечего бояться...

— Я то же думаю, сказалъ Рейнгольдъ съ улыбкой.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?.. Позвольте вамъ сказать, что кассиръ вашъ вѣщенный и честный человекъ, но слишкомъ-възыскателенъ... Я только удивляюсь, какъ онъ забылъ одинъ счетъ...

— Какой? спросилъ Рейнгольдъ.

— Онъ говорилъ, кажется, о счетѣ ван-Прюгга въ Амстердамъ, о счетѣ Яноса Георгіи въ Лондонъ, и о счетѣ Лоранса въ Парижъ... Но онъ забылъ счетъ Цахеуса Несмера во Франкфуртъ-на-Майнъ...

Лицо Хозе-Мира еще болѣе омрачилось. Молодой Гельдбергъ сталъ слушать со вниманіемъ.

— Но, сказалъ Рейнгольдъ, принужденно улыбаясь:—вѣдь нашъ корреспондентъ и другъ Цахэусъ Несмеръ умеръ...

— Правда.

— Наслѣдниковъ у него нѣтъ...

— Есть, кавалеръ, есть... племянникъ, сынъ сестры его; онъ еще ребенокъ, но ему дали опекуна... Однакожь возвратимся къ вашему кассиру. Мое появленіе спасаетъ васъ отъ непріятности. Если вы отсутстуете кассира, я охотно поступлю на его мѣсто; если же вы намѣрены оставить его у себя, такъ я вамъ сейчасъ же доставлю двадцать-двѣ тысячи франковъ, въ которыхъ вы нуждаетесь...

— Позвольте вамъ замѣтить, сказалъ кавалеръ:—что домъ Гельдберга...

— Будьте откровенны со мною! прервалъ его баронъ, внезапно перемѣнивъ тонъ: — дѣла дома Гельдберга мнѣ такъ же хорошо извѣстны, какъ вамъ самимъ, а потому рѣшайте: — быть мнѣ вашимъ другомъ или врагомъ?

Рейнгольдъ и Мира посмотрѣли на него съ замѣтнымъ ужасомъ. Авель Гельдбергъ ничего не понималъ.

Родахъ вынулъ изъ бумажника двадцать банковыхъ билетовъ и положилъ ихъ на каминъ.

— Позвоните, мосѣ Гельдбергъ, сказалъ онъ:—и отошлите эти деньги въ кассу...

Авель повиновался машинально.

Черезъ минуту слуга унесъ двадцать банковыхъ билетовъ.

Баронъ вынулъ изъ бумажника пять или шесть взятыхъ записокъ.

— Признаюсь, продолжалъ онъ: — что я не надѣялся найти вашъ домъ въ такомъ жалкомъ положеніи... Я пріѣхалъ сюда для полученія двухъ-сотъ тридцати тысячъ франковъ по этимъ векселямъ.

— Двухъ-сотъ тридцати тысячъ франковъ! повторили компаньоны въ одинъ голосъ.

— Срокъ имъ будетъ 1-го марта, продолжалъ баронъ:—къ 1-му марту будущаго года у меня есть еще векселя на двойную противъ этой сумму.

— Но мы были въ дружескихъ и коммерческихъ сношеніяхъ съ покойнымъ Цахеусомъ Несмеромъ, вскричалъ Рейнгольдъ: — и эти векселя не представляютъ дѣйствительнаго долга.

— Такъ затѣвайте процессъ, холодно возразилъ баронъ: — если вы правы, господа... Впрочемъ, не безпокойтесь теперь объ этомъ:

наследникъ Цахеуса будетъ жрать, и его выгоды такъ же, какъ и вы, требуютъ поддержанія дома Гельдберга.

— И ваши? проговорилъ докторъ.

— Вы, вѣроятно, помните, господа, продолжалъ Родахъ, закрывъ бумажинку:— что, годъ тому назадъ, недѣль шесть спустя послѣ смерти Цахеуса Несмера, вы получили письмо, извѣщавшее насъ о прїѣздѣ барона Родаха, пользовавшагося довѣренностью Несмера при жизни его и уполномоченнаго привести дѣла его въ порядокъ.

— Я самъ получилъ это письмо, отвѣчалъ Авель Гельдбергъ:— я не зналъ этого барона; хотя нѣкоторые доводы его были несомнѣтельны, я, однакожъ, рѣшился принять его какъ дворянина; но онъ не прїѣзжалъ.

— Правда, онъ заставилъ васъ ждать, возразилъ незнакомецъ:— но у него были дѣла... онъ путешествовалъ по Швейцаріи и Италіи; но, наконецъ, онъ прїѣхалъ... Баронъ фонъ-Родахъ передъ нами.

XIV.

Три ключа.

При имени барона Родаха, компаньоны поклонились, а Авель нише другихъ.

— Еслибъ вы съ перваго слова открыли намъ свое имя, проговорилъ онъ:— то конечно...

— Молодой человекъ! возразилъ Родахъ:— я не въ первый разъ нѣю дѣло съ негоціантами и обижаюсь только на улицу или въ общество, а не въ кабинетъ... Не трудитесь же извиняться, тѣмъ болѣе, что я самъ виноватъ... Итакъ, я писалъ вамъ въ своемъ письмѣ, о которомъ вы, по-видимому, забыли, что я въ одинъ годъ кончу всѣ дѣла вашего корреспондента и друга Цахеуса Несмера. Я сдержалъ слово. Почтенный Несмеръ ничего не скрывалъ отъ меня. Я зналъ всю настоящую и прошедшую жизнь его; знаю, прибавилъ онъ съ удареніемъ на каждомъ словѣ:— всѣ сношенія, существовавшія между нимъ и вами, господа...

Улыбка Рейгольда превратилась въ гримасу. Самъ Мирá невольно насунулъ брови.

— Я знаю все, продолжалъ Родахъ:— рѣшительно все, начиная отъ смерти графа Ульриха до смерти самого Несмера!

Голосъ Родаха нѣсколько дрожалъ, когда онъ произносилъ имя графа, но лицо оставалось спокойнымъ и твердымъ.

— Одного только я не знаю, продолжалъ онъ:— и именно того, что случилось въ теченіе года, прошедшаго послѣ смерти Цахеуса; надѣюсь получить отъ васъ вѣрныя свѣдѣнія, я прїѣхалъ сю-

да... Случай открылъ мнѣ то, о чемъ вы, можетъ-быть, умолчали бы, именно—о важныхъ опасностяхъ, угрожающихъ дому Гельдберга.

— Господинъ баронъ, возразилъ Рейнгольдъ: — опасности эти болѣе фиктивны, нежели дѣйствительны... У насъ есть предпріятіе, обѣщающее намъ самыя блистательныя выгоды.

— Объ этомъ-то я и хотѣлъ поговорить съ вами... Но еще разъ умоляю васъ, не скрываете отъ меня ничего и не старайтесь меня обманывать; вы главнѣйшіе должники наследника Несмера, а потому наша собственная польза требуетъ, чтобъ мы поддерживали васъ. Считайте же меня однимъ изъ вашихъ компаньоновъ и говорите со мною, какъ съ человѣкомъ, время, вліяніе и состояніе котораго принадлежатъ вамъ.

Рейнгольдъ вскочилъ въ порывѣ признательности и схватилъ руку барона, — она была холодна и судорожно сжимала руку кавалера; но послѣдній не обратилъ на это вниманія и продолжалъ жать руку Родаха.

Авелю и доктору Хозѣ-Мира́ показалось, что блѣдность выступила на щекахъ барона.

— Господа, вскричалъ Рейнгольдъ, обратившись къ нимъ: — я думаю, что колебаться нечего... Мы съ признательностью должны принять предложеніе барона и за откровенность заплатить ему откровенностью.

— И я то же думаю, сказалъ докторъ Мира́.

Во всемъ этомъ разговорѣ было много, чего не понималъ молодой Гельдбергъ; но онъ счелъ за нужное притвориться понимающимъ и повторилъ поклонившись:

— Я то же думаю и съ признательностью принимаю предложеніе господина барона.

— Съ неожиданною помощью, испосланною намъ нашею дробью звѣздою, продолжалъ кавалеръ Рейнгольдъ, которому послѣднія слова барона какъ-бы развязали языкъ: — мы выйдемъ изъ затруднительнаго положенія и найдемъ средства расплатиться съ наследникомъ нашего корреспондента и друга, Цахеуса Несмера... Пользуясь вашимъ позволеніемъ, господа, я расскажу барону въ подробности всѣ наши виды и надежды. Что касается до меня лично, такъ мои дѣла прекрасны: у меня есть свои маленькія предпріятія, находящіяся въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Откупъ лавчонокъ Тампля — дѣло человѣколюбивое и въ высшей степени выгодное; сверхъ того, я намѣренъ вступить въ богатый бракъ; итакъ, вы видите, баронъ, что имѣете дѣло не съ нашими, и что ничего не рискуете, отдавая свой капиталъ въ наше предпріятіе...

— Далѣе? сказалъ Родахъ.

— Что жъ касается до самаго долга, продолжалъ Рейнгольдъ: — такъ у него есть векселя, уилата по которымъ должна произойти въ весьма-непродолжительномъ времени... Акціи на *Цереру* очень возвысились на биржѣ, — и наконецъ, огромное предпріятіе, желѣзная

время изъ Парижа въ *** наводнить опять наши сундуки золотомъ.

— Устроено ли это предпріятіе? спросилъ Родахъ.

— Нѣтъ еще... хе, хе, хе! подобныя предпріятія устроиваются такъ скоро, какъ вы думаете! Они сопряжены съ большими трудностями. Железныя дороги упали въ цѣнѣ; кромѣ того, и въ этомъ предпріятіи насъ останавливаетъ недостатокъ наличнаго капитала... Въ кази говоритъ откровенно, такъ надобно сказать, что до удали отъ дѣла почетнаго друга и компаньона нашего, г. Моисея Гельберга, мы считали милліоны не десятками, а сотнями... Забудьте, что я ни мало не преувеличиваю, потому-что и понынѣ изъ думаютъ, что мы обладаемъ этими огромными суммами...

— Правда, сказалъ Родахъ:—я самъ...

— Это-то и спасетъ насъ, прервалъ его Рейнгольдъ: — до вѣрности мы передочно разорились... Не дѣлайте мнѣ знаковъ, докторъ, я знаю, что говорю, и совершенною откровенностью хочу заслужить довѣренность г. барона.

Авель утвердительно кивнулъ головою.

Кавалеръ продолжалъ:

— Общество владѣльцевъ утверждено уже на прочномъ основаніи и имѣть намъ, я въ томъ увѣренъ, наше прежнее богатство... увеличившееся по нашей же винѣ, господинъ баронъ! прибавилъ Рейнгольдъ со вздохомъ.—Если предпріятіе наше удастся, въ чемъ я не сомнѣваюсь, такъ мы дадимъ нашему дому европейское значеніе и выкупимъ весь долгъ... Повѣрьте, мы приняли всѣ мѣры; ничто не упущено изъ виду; большую часть своихъ наличныхъ денегъ мы истратили на то, чтобъ ослабить роскошью людей, близкихъ намъ... Служащіе у насъ живутъ какъ принцы!.. Всѣ шурвалы говорятъ о нашихъ балахъ...

— Правда, сказалъ молодой Гельбергъ, съ самодовольной улыбкой кручивая усы:—мы задаемъ тонъ въ Парижѣ.

Докторъ не принималъ никакого участія въ разговоръ и казался погруженнымъ въ размышленія. Мрачный взоръ его былъ неподвижно устремленъ на лицо барона Родаха.

— Но этого всего еще не мало, продолжалъ кавалеръ: — балъ не-таки балъ!.. Чтобъ придумать что-нибудь новое, надобно было устроить балъ на Кладбищѣ-Отца-Дашеза...

— Однако, сказалъ баронъ: — я все еще не понимаю, какая связь можетъ быть между вашими балами и...

— И обществомъ владѣльцевъ большихъ имѣній? вскричалъ Рейнгольдъ, громко засмѣявшись.

— По всему видно, г. баронъ, что вы не Парижанинъ, сказалъ Авель съ гордою скромностью челоука, создающаго свое преимущество предъ другимиъ.

— Ахъ, любезнѣйшій баронъ! вскричалъ кавалеръ:—здѣь здѣсь наша добродѣтельная Германія! Балы служатъ вытѣской нашей сумрачности... Конечно, метода эти несколько устарѣла... всѣ

это знают, но все-таки вдаются въ обманъ... Какъ бы то ни было, но мы рѣшились произвести эффектъ новый, чтобъ изумить, ослѣпить всѣхъ... Мы рѣшились пригласить весь парижскій большой свѣтъ въ нашъ замокъ въ Германіи!

— Въ замокъ Блутгауптъ? глухо произнесъ баронъ.

— Именно, въ замокъ Блутгауптъ, возразилъ Авель.

— Это послужитъ намъ средствомъ извлечь пользу изъ недвижимаго имущества, неприносящаго намъ почти никакого дохода, по причинѣ упрямства бывшихъ блутгауптскихъ васалловъ, переселившихся въ разныя стороны... А между-тѣмъ, надо сказать, что это имѣніе представляетъ себою огромный капиталъ... Нашъ почетный другъ и компаньонъ, Моисей Гельдбергъ, въ некоторомъ образѣ виновникъ упадка нашего дома; Богъ-знаетъ отъ-чего ему непременно захотѣлось приобрести въ свое полное владѣніе замокъ, съ зависящими отъ него землями? По этому-то случаю мы и выдали векселя Несмеру, Яносу Георги и фан-Претту... Но дѣло сдѣлано, и жаловаться поздно; надобно лучше стараться поправить его... Мы намѣрены дать въ старомъ замкѣ праздникъ, который будетъ продолжаться двѣ недѣли...

— Для этого нужна огромная сумма, сказалъ баронъ.

— Огромная!.. Но за то праздникъ этотъ вскружитъ всѣмъ голову!..

— Праздникъ будетъ такой, какому не было подобнаго! сказалъ Авель, потирая руки:—балы въ паркѣ...

— Рыбная ловля ночью, какъ въ Шотландіи!..

— Охота при факелахъ, какъ при Фуке!..

— Турниры... какъ на праздникъ Эглинстона!..

— Волшебнo-очаровательныя прогулки!

— Скачки!..

— Охоты за дикими звѣрями!..

— И когда мы воротимся, — въ порывѣ энтузіазма, всѣ акціи на желѣзную дорожку будутъ разобраны въ мигъ...

Баронъ Родахъ подумалъ съ минуту.

— Я одобряю вашу мысль, сказалъ онъ: — и помогу вамъ.

— Вы наше провидѣніе! вскричалъ Рейнгольдъ: — насъ до-сихъ-поръ останавливало только одно:—недостатокъ денегъ!

— Я вамъ охотно помогу, повторилъ Родахъ: — но слова вашего кассира внушили мнѣ некоторую недоверчивость; если вы будете опустошать кассу по мѣрѣ того, какъ я буду наполнять ее...

— Мы дадимъ вамъ формальное обѣщаніе...

— Этого мало, сказалъ баронъ.

— Что жъ вамъ еще угодно? спросилъ Рейнгольдъ.

— Отдайте мнѣ ключи отъ вашей кассы..

Компаньоны стали дѣлать возраженія.

— Господи, продолжалъ Родахъ съ холодною вѣжливостью: — надѣюсь, что вы говорили со мною откровенно... По тому, что вы

нѣ сказали и что я зналъ самъ, мнѣ кажется, будто мы зна- ны уже лѣтъ двадцать... Я охотно соединюсь съ вами и буду поддерживать васъ всеми силами... Но вы должны исполнить мое казаніе.

— Конечно, г. баронъ, требованіе ваше... началъ кавалеръ.

— Какъ вамъ угодно, прервалъ его Родахъ:— я увѣренъ, что если мнѣ вздумалось принять рѣшительныя мѣры и вступить съ мнѣ въ тяжбу, такъ домъ Гельдберга не захочетъ объявить себя самостоятельнымъ за такую ничтожную для него сумму...

— Конечно, проговорилъ Авель, но...

— Позвольте!... Я же, напротивъ, не хочу увеличивать затруднительнаго положенія дома. Я даже предлагаю ему все свое знаніе и вліяніе... Итакъ, мнѣ кажется, вѣрно право предлагать некоторыя условія.

Съ этими словами онъ посмотрѣлъ на часы, потомъ приба- вилъ:

— Мнѣ нужно сообщить вамъ еще многое... время летитъ, а потому рѣшайтесь скорѣе.

Компаньоны взглянули другъ на друга, и, противъ чаянія, докторъ Хозе-Мира первый прервалъ молчаніе.

— Мнѣ кажется, сказалъ онъ, ударяя на каждомъ словѣ и смот- ря въ землю:— требованіе господина барона совершенно спра- ведливо.

Авель и Рейнгольдъ посмотрѣли на него съ изумленіемъ.

Онъ всталъ и вручилъ Родаху свой ключъ съ низкимъ покло- номъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, сказалъ молодой Гельдбергъ, послѣ крат- каго молчанія:—если г. баронъ наполняетъ вашу кассу, такъ ему принадлежатъ и ключи отъ нея!

— Извольте! прибавилъ Рейнгольдъ:— что касается до меня, я вполне доверяю г. барону!

Подавая ключъ Родаху, онъ наклонился къ нему и шепнулъ ему на ухо:

— Я бы желалъ наединѣ переговорить съ вами, г. баронъ; будьте такъ добры, зайдите послѣ ко мнѣ.

Родахъ кивнулъ головою и обратился къ молодому Гельдбергу, подававшему ему ключъ съ другой стороны.

— По окончаніи нашего совѣщанія, шепнулъ Авель:— я бы же- лалъ переговорить съ вами наединѣ, г. баронъ...

Родахъ кивнулъ и ему.

Кто-то постучался, и, по приказанію Рейнгольда, вошелъ слуга, носивъ Дюрантъ, съ двумя письмами.

Авель и Рейнгольдъ обратились къ вошедшему; воспользовав- шись этой секундой, Хозе-Мира слегка коснулся плеча Родаха и шепнулъ ему на ухо:

— Я бы желалъ удостоиться чести поговоить съ вами безъ свидѣтелей...

Рейнгольдъ взялъ письма у слуги.

Одно изъ нихъ было съ городской почты. На другомъ Родахъ съ некоторымъ безвокойствомъ, которое онъ умѣлъ, однакожь, скрыть, увидѣлъ печать почтамта во Франкфуртъ-на-Майнѣ ..

хv.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО.

У Авеля фон-Гельдберга не было такихъ причинъ, какъ у его компаньйоновъ, чтобъ принять насильно-предлагаемую помощь барона Родаха. У него на совѣсти не было страшнаго преступленія. Не смотра на то, и онъ уже не сопротивлялся. Одни векселя, находившіеся въ бумажникѣ Родаха, достаточно убѣждали его. Сверхъ того, молодой Гельдбергъ инстинктивно угадывалъ, что между его домою и Родахомъ была важная тайна. Наконецъ, АVELЬ видѣлъ въ немъ неваго компаньйона, отъ котораго въ-послѣдствіи можно было отдѣлаться, но который теперь являлся избавителемъ...

Рейнгольдъ и докторъ думали почти то же; но они, кромѣ того, вполне понимали, что не могли успѣшно бороться съ противникомъ, вооруженнымъ такимъ страшнымъ оружіемъ. Имъ казалось, что у барона рѣшительно одна съ ними выгода, — и на этомъ-то они основывали всю свою надежду.

Баронъ былъ представителемъ Цахеуса Несмера, бывшаго друга и товарища ихъ; слѣдовательно, признавалъ себя врагомъ враговъ дома Гельдберга. Теперь оставалось еще узнать, въ какой степени баронъ Родахъ былъ представителемъ наследника Несмера. Другихъ доказательствъ, кромѣ словъ его и векселей, представленныхъ имъ, не было. Компаньйоны никогда не слышали о племянникѣ Цахеуса, за опекуна котораго выдавалъ себя Родахъ; но всѣ выгоды въ настоящую минуту были на сторонѣ послѣдняго, и потому нельзя было требовать отъ него-самого никакихъ объясненій, тѣмъ болѣе, что онъ предлагалъ мирный союзъ.

Во всѣхъ поступкахъ своихъ, Родахъ являлся человекомъ доверчивымъ и щедрымъ, и каждый изъ компаньйоновъ просилъ у него особеннаго свиданія, чтобъ употребить эти качества въ свою пользу.

Физиономіи трехъ компаньйоновъ прояснились; дѣла устроились къ лучшему; всѣ были довольны.

Одинъ Родахъ оставался по-прежнему холодно-вѣжливъ. Выраженіе лица его было по-прежнему гордо, спокойное, твердо. Одной секунды было достаточно для него, чтобъ скрыть безпокойство, возбужденное взглядомъ на письмо изъ Франкфурта.

— Это отъ Бодена? спросилъ молодой Гельдбергъ.

— Я думаю, отвѣчалъ Рейнгольдъ, рассматривая адресъ. — Позвольте намъ, господинъ баронъ, прочесть эти два письма...

— Не церемоньтесь со мною, сказалъ Родахъ.

Рейнгольдъ мосизшно распечаталъ письма и сталъ читать про-себя. Онъ насупилъ брови и съ досадою пожалъ плечами.

— Да, это отъ Бодена! сказалъ онъ:—онъ до-сихъ-поръ ничего не могъ узнать!.. Услуги, оказываемая намъ господиномъ барономъ, даетъ ему право знать всѣ наши дѣла, какъ большія, такъ и малыя. . Боденъ, прибавилъ онъ, обратившись къ Родаху съ приятной улыбкой:—одинъ изъ служащихъ у насъ; мы отправили его въ замокъ Гельдбергъ для надзора за приготовлениями къ празднику... Такъ-какъ онъ долженъ былъ проѣхать черезъ Франкфуртъ, то мы поручили ему освѣдомиться, что сталося съ тремя побочными сыновьями Блутгаупта...

— А!.. произнесъ Родахъ съ нѣсколько-преувеличеннымъ равнодушіемъ.

— Да; продолжалъ Рейнгольдъ:—не считаю нужнымъ говорить вамъ, господинъ баронъ, что эти бродяги злѣйшіе враги дома Гельдберга.

— Я знаю это не хуже васъ, возразилъ Родахъ: — что же писать вамъ господинъ Боденъ?

— Ничего! вскричалъ Рейнгольдъ, показавъ плечами съ досадою:—онъ саждалъ въ тюрьму и увяряетъ, будто-бы его не допустили до трехъ братьевъ...

— Больше ничего?

— Онъ пишетъ еще, что всѣ въ городъ уврены, будто теперь они не уйдутъ... Вѣдь вы знаете: они уходили почти изъ всѣхъ германскихъ тюремъ.

— Говорять.

— Нѣтъ, это дѣйствительно такъ.

— Они, кажется, отчаянные молодцы, готовые на все! прибавилъ Гельдбергъ.

— Да, говорятъ, повторилъ баронъ.—Что же еще пишетъ вашъ повѣренный?

— Что тюремный стражъ человекъ строгій, денно и ночью стерегушій узниковъ.

— Да, я знаю его. Мейстеръ Блазіусъ человекъ достойный... что же еще?

— Больше ничего.

Баронъ опустился на спинку кресла.

— Мало, проговорилъ онъ небрежно:—и если вамъ угодно, такъ я могу сообщить вамъ гораздо-болѣе-подробныя свѣдѣнія.

Докторъ Хосе-Мира, погружившійся опять въ размышленія, подвинулъ голову при этихъ словахъ и сталъ внимательно слушать.

— Развѣ вы знаете этихъ людей? спросила амьетъ Рейнгольдъ и Авель.

— Знаю, отвѣчалъ Родахъ:—я самъ прѣхалъ прямо изъ Франк-фурта.

— Вы видѣли ихъ въ тюрьмѣ?

— Нѣсколько разъ въ тюрьмѣ и до того... Вы, вѣроятно, знаете, что одинъ изъ трехъ братьевъ, Отто, вѣрался въ доверенность Цахеуса Несмера, подъ именемъ Урбана Клѳба?..

— Мы слышали объ этомъ, отвѣчалъ Рейнгольдъ:—только послѣ смерти нашего корреспондента Цахеуса, и не хотѣли вѣрять!

— Однакожъ, это сущая правда... Этотъ мнимый Клѳбъ до того умѣлъ поддѣлаться къ общему нашему патрону, что зналъ всѣ тайны его даже лучше меня... Это обстоятельство заставило меня облизаться съ молодымъ человѣкомъ; я часто бывалъ у него по дѣламъ и видалъ его братьевъ.

Различныя ощущенія выразились на лицахъ трехъ компаньоновъ.

Авель былъ блѣденъ, и на лицѣ его былъ написанъ невольный ужасъ. Рейнгольдъ и Хозѣ-Мира съ жаднымъ любопытствомъ смотрѣли на барона.

— Правда ли, что они изумительно похожи одинъ на другаго? спросилъ Рейнгольдъ.

— Сходство есть, возразилъ Родахъ:—но вы знаете, что обыкновенно преувеличиваютъ...

— Походятъ ли они на покойнаго графа Ульриха? спросилъ Хозѣ-Мира, и глаза его засверкали.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Родахъ нѣсколько не колеблясь.

— Что жъ они говорятъ?.. спросилъ Рейнгольдъ.

— Они говорятъ, что убили Цахеуса Несмера, одного изъ убійцъ отца ихъ.

Рейнгольдъ и Хозѣ-Мира вмѣстѣ опустили глаза.

— Какъ! вскричалъ молодой Гельбергъ:—они признаются?..

— Не передъ судомъ... а только передо мною... Они даже гордятся этимъ подвигомъ.

— Какіе закоренѣлые злодѣи! проговорилъ молодой человѣкъ.

— Они люди рѣшительные, сказалъ баронъ, устремивъ холодный взоръ на двухъ компаньоновъ:—разсчитывающіеся только съ своею совѣстію.

— Стало-быть, вы другъ ихъ? проговорилъ Рейнгольдъ.

Баронъ насупилъ брови, и молнія гнѣва сверкнула въ глазахъ его.

— Я баронъ фон-Родахъ, возразилъ онъ, гордо поднявъ голову:—отецъ ихъ отказалъ мнѣ нѣкогда въ рукъ дочери своей, Маргариты... а она любила меня!.. Я поклялся мстить всему роду Блутгауптовъ!..

Слова эти, произнесенныя съ внезапной энергіей, воротили улыбку на уста кавалера Рейнгольда; даже мрачное лицо доктора Мира нѣсколько прояснилось.

— Въ-самомъ-дѣлѣ! вскричалъ Рейнгольдъ:—мнѣ рассказывали

эту исторію... вамъ отказали въ рукѣ молодой графини Маргариты и выдали ее за стараго колдуна Гюнтера...

Лицо барона сдѣлалось задумчивымъ.

— Я былъ почти ребенокъ, произнесъ онъ съ грустію: — когда она уѣхала; мнѣ казалось, что вся будущность моя исчезла въ густомъ туманѣ... Кровь застыла въ жилахъ... О! я жестоко страдалъ... и это первое несчастіе имѣло вліяніе на всю мою жизнь... Я уѣхалъ изъ Германіи... Видѣ замка Рёге раздиралъ мнѣ сердце... Двадцать лѣтъ прошли съ-тѣхъ-поръ, какъ я ни разу не преклонялъ головы подъ кровомъ родительскимъ!

Въ послѣднихъ словахъ, произнесенныхъ медленно и съ грустію, было глубокое выраженіе истины. Мирá вздохнулъ, какъ-будто бы съ груди его спала свинцовая тяжесть; лицо его просвѣтлѣло; онъ почти улыбался.

— Прекрасно, г. баронъ! вскричалъ Рейнгольдъ съ неприятворною радостью и вторично протянувъ руку Родаху: — это обстоятельство еще болѣе сближаетъ насъ!.. Мы тоже ненавидимъ весь родъ Блутгауптовъ по причинамъ, частію вамъ известнымъ... Но я увѣренъ, что побочные сыновья графа Ульриха и въ тюрьмѣ не сдѣлаютъ сложа руки.

— О, нѣтъ! отвѣчалъ Родахъ.

— Чего же они надѣются?

— Во-первыхъ, уйти изъ тюрьмы.

— Вся узники таковы! сказалъ Авель: — но вотъ уже годъ, какъ они сидятъ подъ замкомъ... это говорить въ пользу франкфуртской тюрьмы...

— Но если они и уйдутъ, тогда что?.. спросилъ Рейнгольдъ.

— Они не скрываютъ своихъ намѣреній, отвѣчалъ Родахъ: — они начали уже дѣйствовать и твердо рѣшились достигнуть своей цѣли... майнгеръ Фабрицій фан-Прэттъ первый падетъ подъ кинжалъ ихъ.

Авель съ изумленіемъ вытаращилъ глаза, а компаньоны его немалю вскрикнули.

— Потомъ придетъ очередь Маджарина Яноса Гебрга, продолжалъ Родахъ съ прежнею холодною: — со смертію Маджарина половина принятой ими обязанности будетъ исполнена.

Кавалеръ употреблялъ всѣ усилія, чтобъ удержать на лицѣ улыбку. Хозе-Мирá былъ неподвиженъ и холоденъ, какъ мраморъ.

— Остальное они исполнять разомъ, продолжалъ Родахъ. — Если только смерть не отниметъ у нихъ возможности дѣйствовать, такъ они начнутъ по старшинству съ Моисея Гельдберга...

— Моего отца!.. вскричалъ Авель, вскочивъ съ кресла.

— Молодой человекъ, сказалъ Родахъ: — если вамъ неизвестна исторія вашей фамиліи, такъ и я не берусь рассказать вамъ ее... Но, во всякомъ случаѣ, вамъ известно, что вашъ прекрасный замокъ Гельдбергъ принадлежалъ прежде роду Блутгауптовъ.

— Но вѣдь мы купили его! съ живостию вскричалъ молодой человекъ: — отецъ мой заплатилъ за него!..

— Такъ-какъ не я намѣренъ убить вашего отца, возразилъ баронъ Родахъ съ спокойной улыбкой: — то считаю излишнимъ спорить о правахъ его... Я рассказалъ вамъ только намѣренія трехъ братьевъ по вашему же требованію, господѣ.

Авель съелъ и провелъ рукою по лбу, на которомъ выступили крупныя капли пѣта.

— Я забылъ, проговорилъ онъ: — что крѣпкія стѣны защищаютъ моего отца отъ убійцы!

— Послѣ Моисея Гельдберга, продолжалъ Родахъ, вѣжливо поклонившись доктору: — вѣроятно, придетъ очередь дна Хозе-Мира...

Синеватая блѣдность покрыла лицо Португальца.

Кавалеръ Рейнгольдъ задыхался; въ глазахъ его, устремленныхъ на Родаха, выражался невообходимый ужасъ.

— Послѣ дна Хозе-Мира, продолжалъ баронъ: — разумется!..

— Довольно, довольно!.. проговорилъ кавалеръ задыхающимся голосомъ.

Баронъ замолчалъ.

За тѣмъ послѣдовало довольно-продолжительное молчаніе. Каждый изъ трехъ компаньоновъ по-своему старался преодолѣть свое смущеніе; невыразимо-тягостное чувство овладѣло сердцами ихъ...

Молодой Гельдбергъ очень любилъ своего отца, но себя онъ любилъ еще больше, и потому скорѣе другихъ утѣшался.

Мира, обыкновенно мрачный и пасмурный, взмѣнился немного; отчаяніе же Рейнгольда было самое очевидное.

Все трое молчали и какъ-бы боялись смотрѣть другъ на друга.

Передъ ними, баронъ фон-Родахъ, виновникъ этого смущенія, оставался холоденъ и спокоенъ. Равнодушно смотрѣлъ онъ на компаньоновъ: ни горе, ни радость не выражались на лицѣ его.

По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, Рейнгольдъ собралъ все свои силы, чтобъ стряхнуть иго, надъ нимъ тяготѣвшее. Онъ рассчиталъ, что угрожающая ему опасность была еще далека, и что, когда все сдѣланныя его падутъ, онъ будетъ еще имѣть время принять свои мѣры. Онъ внезапно поднялъ голову и принужденно захохоталъ.

— О, г. баронъ! вскричалъ онъ: — какія мрачныя извѣстія вы намъ сообщаете!..

— Вы сами желали знать намѣренія трехъ братьевъ, и я счелъ долгомъ не скрывать отъ васъ ничего...

— Мы вамъ душевно благодарны, г. баронъ!.. Впередъ мы будемъ осторожны... Такъ вотъ въ какихъ пріятныхъ мечтахъ господѣ побочные сыновья проводятъ время въ тюрьмѣ!.. Очень-хорошо... Если имъ удастся убѣжать, такъ мы примемъ свои мѣры!..

— Для того-то я и предупредилъ васъ, оказалъ Родахъ.

— Тысячу разъ благодаримъ васъ!.. Же, же, же! Теперь госпе-

днѣ побочнымъ сыновьямъ труднѣе будетъ выполнить принятую на себя обязанность... Мейнгеръ ван-Преттъ хитеръ... Я помню во время, когда храбрый Маджаринъ Яносъ Георгъ раздавалъ бы этихъ господъ какъ мухъ! Хотя онъ теперь степенный и почтенный негодянтъ, но я увѣренъ, что гдѣ-нибудь въ углу у него скрывается его старая сабля... Что же насчетъ до насъ, такъ и мы сумѣемъ защититься... не правда ли, докторъ?

Хосе-Мира утвердительно кивнулъ головою.

— Во-первыхъ, продолжалъ кавалеръ: — мы воспользуемся по-мощью въ Германію, чтобы поручить этихъ господъ особому покровительству военного начальства и просить, чтобы ихъ стерегли какъ дикихъ звѣрей...

— Чудесная мысль! вскричалъ Авель.

Кавалеръ совершенно развеселился.

— У меня всегда чудесныя мысли, другъ мой, возразилъ онъ смѣясь: — вѣ доказательство этого я сообщу вамъ еще другую.

— Говорите!

— Мы попросимъ господина барона, чтобы онъ заключилъ съ нами наступательный и оборонительный союзъ противъ побочныхъ сыновей.

— Bravo! вскричалъ Гельдбергъ.

— Такъ-какъ господинъ баронъ былъ съ ними почти въ дружескихъ сношеніяхъ, продолжалъ Рейнгольдъ: — то онъ будетъ имѣть возможность сблизиться съ ними и открывать намъ все ихъ намѣренія... Что вы скажете, господинъ баронъ?

Родахъ колебался.

— Подобная мѣра не нравится, быть-можетъ, вашему благородному примодушію? продолжалъ Рейнгольдъ. — На это я осмѣлюсь замѣтить, что противъ убійцъ всякая мѣра позволительна...

Странный огонь сверкнулъ въ глазахъ барона.

— Всякая мѣра позволительна противъ убійцъ? повторилъ онъ протяжно. — Справедливо, мосье Рейнгольдъ, справедливо!.. Вы убѣдили меня... тѣмъ болѣе, что судьба моя теперь тѣсно связана съ вашею судьбою... Итакъ, положитесь на меня.

Кавалеръ весело потиралъ руки; Авель благодарилъ отъ имени своего отца, а донъ-Хосе-Мира проворчалъ сквозь зубы что-то въ родѣ благодарности.

Прошло три часа; Авель и Рейнгольдъ встали въ одно время.

— Извините, господинъ баронъ, сказалъ молодой Гельдбергъ: — во мнѣ надо вѣхать по нашему дѣлу, которымъ я теперь долженъ пренебрегать менѣе, чѣмъ когда-либо, потому-что, по милости вашей, мы получаемъ необходимые намъ финансы...

— И я долженъ удалиться по той же причинѣ, прибавилъ Рейнгольдъ.

Авель поклонился и вышелъ. Кавалеръ хотѣлъ послѣдовать за нимъ; но Родахъ, спокойно отсутствующій молодого человека, зналъ, остановилъ Рейнгольда.

— Извините, господинъ кавалеръ, сказалъ онъ: — мнѣ нужно сказать вамъ еще слова два о весьма-важномъ предметѣ, о которомъ я не хотѣлъ говорить при вашемъ молодомъ компаньонѣ, непосвященномъ, по-видимому, въ ваши главнѣйшія тайны.

— Извольте говорить, я слушаю, возразилъ Рейнгольдъ садясь.

— Я хотѣлъ поговорить о ребенкѣ, одно имя котораго можетъ однимъ разомъ уронить вашъ домъ...

— О какомъ ребенкѣ? сказалъ кавалеръ, какъ-будто-бы не понимая, а въ дѣйствительности для того, чтобъ обдумать свой отвѣтъ.

— О ребенкѣ, родившемся въ ночь на праздникъ Всѣхъ-Святыхъ, въ замкѣ Блутгауптъ...

Рейнгольдъ притворился, будто-бы внезапно понялъ, и засмѣялся, смотря на Португальца, блѣдное лицо котораго прояснилось.

— Сынъ дьявола? спросилъ онъ.

— Сынъ дьявола, проворчалъ докторъ.

— Сынъ дьявола, повторилъ баронъ Родахъ: — коли вамъ угодно называть его такимъ образомъ... Скажите мнѣ, пожалуйста, можетъ ли онъ быть намъ опасенъ?..

СЫНЪ ТАЙНЫ.

Романъ Поля Февала.

=

Ч А С Т Ъ Ч Е Т В Е Р Т А Я .

=

ДОМЪ ГЕЛЬДБЕРГА.

I.

ВТОРОЕ ПИСЬМО.

Когда въ первый разъ было произнесено имя сына-дьявола, камеръ де-Реньйо сталъ машинально и какъ-бы инстинктивно рыться въ карманъ. Минуту спустя, онъ вскричалъ:

— Письмо!.. Куда я дѣвалъ письмо?..

— Какое письмо? спросилъ Миря.

Камеръ продолжалъ рыться въ карманахъ.

— Я, однакожь, помню, ворчалъ онъ: — было два письма, одно изъ Парижа, другое изъ Франкфурта; одно отъ Бодена, другое отъ Вердье!..

Онъ продолжалъ искать и не находилъ.

При имени Вердье, едва-замѣтная морщина образовалась между бровями барона Родаха.

— Я не смѣшилъ распечатывать письма Вердье, продолжалъ Рейнгельдъ: — напередъ знаю, что онъ мнѣ пишетъ... онъ сдѣлалъ свое дѣло и проситъ вознагражденія; это весьма-справедливо...

— А если онъ не сдѣлалъ своего дѣла? сказалъ докторъ, также начинавшій искать.

Т. XLVII. — Отд. I.

13

— Полноте! вскричалъ кавалеръ: — я ищу письмо только для того, что подобныя вещи не должны теряться; онѣ не должны попадаться кому-нибудь въ руки; что же касается до содержанія его, то я вполне спокоенъ... Но куда же дѣвалось это проклятое письмо?..

Рейнгольдъ безуспѣшно обыскалъ все карманы.

— А всему виной г-нъ баронъ! сказалъ онъ, стараясь подъ видомъ шутки скрыть свою досаду:—внимание мое прежде всего было обращено на извѣстія изъ Франкфурта; потомъ нашъ любезнѣйшій баронъ фон-Родахъ сообщалъ намъ извѣстія чрезвычайно-интересныя... Я заслушался до того, что рѣшительно позабылъ о второмъ письмѣ...

— Я бы желалъ знать, спросилъ Родахъ:—что можетъ быть общаго между молодымъ человѣкомъ, о которомъ мы говорили и потеряннымъ письмомъ?

Рейнгольдъ улыбнулся съ самодовольствіемъ.

— Это маленькая хитрость, придуманная мною, проговорилъ онъ.

— Я бы желалъ знать, продолжалъ баронъ весьма-спокойно: — какъ г-нъ кавалеръ де-Рейнгольдъ и донъ-Хозе-Мира, не говоря уже о старомъ Гельдбергъ, невмѣшивающемся болѣе ни въ какія дѣла, до-сихъ-поръ не нашли средства отправить сына-дѣвола къ отцу его?

Эта пустая игра словъ нисколько не согласовалась ни съ тономъ голоса, ни съ характеромъ барона Родаха. Не смотря на то, она очень понравилась двумъ компаньонамъ: Рейнгольдъ громко захохоталъ, а Мира сдѣлалъ гримасу, замѣнявшую на лицѣ его улыбку.

— Прекрасно, баронъ! чудесно! вскричалъ кавалеръ. — Ха, ха, ха! отослать сына-дѣвола къ отцу! Это чрезвычайно остроумно!.. То-есть, это значитъ—отослать его къ чорту?.. Правда, я самъ удивляюсь, что онъ такъ долго живетъ...

— Особенно при вашей ловкости, возразилъ Родахъ: — мнѣ кажется, мальчишку гораздо-легче спровадить, нежели старика Гюнтера фон-Блутгаупта и жену его Маргариту...

— И да, и нѣтъ, сказалъ Хозе-Мира съ видомъ глубокаго знатока.

— И да, и нѣтъ, повторилъ Рейнгольдъ:—во-первыхъ, мы все-вѣкъ не знали, съ кѣмъ имѣемъ дѣло...

— А кромѣ того, прибавилъ докторъ со вздохомъ сожалѣнія:—мы здѣсь не въ Германія... Ахъ! г-нъ баронъ, вы не можете себѣ представить, какая разница между Парижемъ и славнымъ древнимъ замкомъ, наполненнымъ глупыми или подкупленными слугами, которыхъ можно было увѣрить въ чемъ угодно!..

— Здѣсь же, продолжалъ Рейнгольдъ: — надобно дѣйствовать иначе... Нашъ другъ Несмеръ, вѣроятно, рассказалъ вамъ, какія шѣры мы употребили со старымъ Гюнтеромъ фон-Блутгауптомъ?

— Онъ все разсказалъ мнѣ, отвѣчалъ Родахъ:—и я признаюсь, вы всё шестеро поступили такъ же хитро, какъ и смѣло.

Рейнгольдъ присанился, а докторъ бросилъ на барона взглядъ, исключенный самодовольной важности.

— Но теперь, въ настоящихъ обстоятельствахъ, продолжалъ баронъ:—вы не оправдываете того мнѣнія, которое я составилъ себѣ о вашей ловкости.

— Позвольте... началъ было Рейнгольдъ.

— И я вижу, продолжалъ баронъ:—мнѣ придется помочь вамъ, чтобъ скорѣе покончить съ юношей, жизнь котораго будетъ постоянно угрожать намъ и нарушать наше спокойствіе!

Слова Родаха видимо радовали доктора. На лицѣ его, мнительномъ еще за нѣсколько минутъ, выражалось теперь нѣчто въ родѣ симпатіи. Съ каждымъ словомъ Родаха, онъ чувствовалъ къ нему болѣе и болѣе привязанности и уваженія.

Кавалеръ же, напротивъ, былъ обиженъ. Самолюбіе его сильно пострадало отъ упрека, заключавшагося въ послѣднихъ словахъ Родаха.

— Конечно, г. баронъ, сказалъ онъ нѣсколько-обиженнымъ тономъ:—ваша помощь будетъ намъ всегда полезна... Но теперь, въ настоящемъ обстоятельствѣ, я вынужденъ сказать вамъ, что она приходитъ нѣсколько-поздно...

— Какъ! вскричалъ Родахъ съ притворною радостью:—неужели молодой человѣкъ уже...

— Отправленъ къ своему отцу, отвѣчалъ Рейнгольдъ съ гордостью.

Родахъ сталъ весело потирать руки; холодное выраженіе лица, которое онъ сохранялъ до-сихъ-поръ, придавало контрастомъ своимъ особенный вѣсъ этому движению удовольствія.

Миръ смотрѣлъ на него съ непритворною радостью, а Рейнгольдъ съ гордою скромностью наслаждался удовольствіемъ барона.

Это удовольствіе было такъ живо, что въ искренности его невозможно было сомнѣваться. Еслибъ даже предположить, что компаньоны сохранили еще нѣкоторую недобрчивость къ барону, такъ это движеніе должно было совершенно ихъ успокоить.

Родахъ былъ не лучше ихъ: следовательно, принадлежалъ къ ихъ шайкѣ. Онъ какъ-бы выдержалъ свой экзаменъ; Рейнгольдъ и Миръ, не колеблясь ни минуты, выдали ему дипломъ на братство.

— Чортъ возьми назначенное свиданіе! весело вскричалъ кавалеръ. — Я опоздаю получасомъ... да все равно! Я не могу долѣе противиться желанію дать вамъ, баронъ, болѣе-подробныя свѣдѣнія о молодомъ человѣкѣ, въ которомъ вы, по-видимому, принимаете такое живое участіе...

Рейнгольдъ мигнулъ глазомъ; важный носъ доктора сморщился; Родахъ поклонился улыбаясь.

— Еслибъ я могъ найти проклятое письмо, продолжалъ кавалеръ, заглядывая подъ кресло:—извѣстія мои имѣли бы бо-

лѣе - достоверный видъ... не знаю, куда оно дѣвалось... Найдется! Представьте себѣ, что этотъ мальчишка былъ, въ-продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, прикащикомъ въ домѣ Гельдберга...

— Въ домѣ Гельдберга! повторилъ Родахъ съ крайнимъ изумленіемъ.

— Дá, въ домѣ Гельдберга, любезнѣйшій баронъ! подтвердилъ кавалеръ: — онъ жилъ, водился съ нами, ѣлъ нашъ хлѣбъ, тащовалъ на нашихъ балахъ, а мы ничего не знали, — ничего рѣшительно!.. Но это цѣлая исторія; пускай меня ждуть, а я не могу не рассказать вамъ ее въ нѣсколькихъ словахъ. Вы, вѣроятно, знаете, что перваго ноября 1824 года, въ то самое время, когда мы имѣли полное право надѣяться, что все кончено, сыновья Ульриха сыиграли съ нами прескверную шутку въ замкѣ Блутгауптъ...

— Они унесли ребенка? сказалъ Родахъ.

— Они вдругъ явились изъ-подъ пола, точно демоны! вскричалъ кавалеръ. — Мы не спали цѣлую ночь и исправно подвели къ концу дѣло весьма-немаловажное... Разумѣется, мы были порядочно взволнованы, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, между двумя трупами и колыбелью, явились три побочные сына Ульриха въ своихъ красныхъ плащахъ. Признаться, струсил... даже храбрый, неустрашимый и непобѣдимый Яносъ бросилъ саблю и убѣжалъ, рева во все горло. Мы поспѣшили за нимъ, а побочные сыновья между-тѣмъ распорядились... Дá; еслибъ они не были изгнаны и осуждены въ то уже время, такъ мы не скоро бы раздѣлялись съ нѣмецкими судьями!

«Но, по счастью, полиція столько же ненавидѣла ихъ, какъ любила насъ. Они не дерзнули принять какія-либо мѣры противъ насъ и удовольствовались только тѣмъ, что унесли съ собою ребенка.

«Но и этого было уже много. Они взяли съ собою служанку и пажá, которые могли послужить свидѣтелями въ случаѣ надобности и поставить насъ въ весьма-затруднительное положеніе...»

— Позвольте мнѣ прервать вашъ рассказъ, г. кавалеръ, сказалъ Родахъ: — Цахеусъ Несмеръ часто рассказывалъ мнѣ эту исторію; слѣдовательно, я все знаю... Пажъ и служанка поселились по-ту сторону Гейдельберга съ ребенкомъ. Побочные сыновья снабжали ихъ деньгами, которыя доставали неизвѣстно откуда...

— Они, можетъ-быть, грабили, проворчалъ докторъ.

— Можетъ-быть. Вы стали искать сына-дьявола, нашли его и похитили...

— То-есть, похитилъ Маджаринъ, сказалъ Рейнгольдъ.

— Все это я знаю, продолжалъ Родахъ: — но скажите мнѣ, чтó случилось съ ребенкомъ послѣ этого похищенія?

— Ребенку было тогда около пяти лѣтъ, отвѣчалъ Рейнгольдъ: — и мы рѣшились отправить его во Францію, по весьма-глупой причинѣ... У нашего добраго товарища Яноса всегда были престранные предразсудки! Онъ ни за что не хотѣлъ лишиться ребенка

жени, привезъ его въ Парижъ и отдалъ на руки какой-то женщины, торгующей теперь въ Тамплъ... Эту женщину зовутъ мадамъ Батальёръ.

«Ребенокъ прожилъ у ней два или три года; потомъ, въ одинъ прекрасный день, пропалъ. Мадамъ Батальёръ, которой не заплакали за прошлую треть, не трудилась искать его.

«Вы легко можете догадаться, что съ нимъ тогда случилось: онъ бродилъ по городу и, вѣроятно, нищенствовалъ.

«Однажды я вышелъ изъ биржи. Въ карманѣ у меня былъ бумажникъ, наполненный банковыми билетами и векселями. Когда я сидѣлъ въ карету, мнѣ послышалось, что дѣтскій голосъ кричалъ мнѣ въ-слѣдъ; но я не обратилъ на него вниманія, полагая, что это какой-нибудь вищій... Надобно вамъ замѣтить, что я поставилъ себя за правило не давать милостыни, чтобъ не поощрять негодныхъ тунеядцевъ...

«Лошади мои бѣжали скорой рысью; прежній дѣтскій крикъ слышался за каретой; я замѣчалъ этотъ крикъ только потому, что онъ мѣшалъ мнѣ совершенно углубиться въ занимавшій меня тогда предметъ.

«Карета вѣхала на дворъ нашего дома. Выходя изъ нея, я, по привычкѣ, поднесъ руку къ своему боковому карману... въ немъ ничего не было... Я сталъ рыться, искать: бумажникъ мой пропалъ!

«Тогда я вспомнилъ дѣтскій голосъ, кричавшій за мною, и несная надежда заставила меня воротиться назадъ.

«Я прошелъ недалеко. На углу Улицы-Виль-а'Эвекъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ я слышалъ послѣдній крикъ, сидѣлъ на столбикѣ ребенокъ въ рубищѣ, прижавъ руки къ высоко-подымавшейся груди. Потъ крупными каплями катился по лицу его; онъ, казалось, до того усталъ, что почти задыхался.

«Но лишь-только онъ увидѣлъ меня, какъ вскочилъ и, размахивая моимъ бумажникомъ, побѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу.

«Ребенокъ былъ очень-хорошъ собою, денегъ въ моемъ бумажникѣ было много; но въ-особенности въ немъ была записка, которая могла повредить мнѣ... все это такъ меня обрадовало, что—вѣдь и умнѣйшіе люди дѣлаютъ иногда глупости!—что я сжалился, какъ дуракъ, надъ малюткой, отдалъ его въ школу и въ-послѣдствіи опредѣлилъ въ домъ Гельдберга...»

— Ахъ, г. кавалеръ! сказалъ Родахъ съ прежнею холодностью: — я не узнаю васъ въ этомъ поступкѣ!

— Конечно, возразилъ Рейнгольдъ, стараясь въ самомъ дѣлѣ извиниться: — я самъ не знаю, какъ это со мною случилось. Но, повторяю вамъ, бываютъ случаи, когда и умнѣйшіе люди не знаютъ, что дѣлаютъ... Впрочемъ, можетъ-быть, это послужило и къ лучшему?.. Еслибъ ребенокъ совершенно исчезъ у насъ изъ вида, такъ какой-нибудь злой случай могъ бы столкнуть его съ вобочными сыновьями, между-тѣмъ, какъ теперь...

— Правда, сказалъ Родахъ: — нѣтъ худа безъ добра... Но какъ же вы узнали, что это она?

— О! мы узнали это нескоро... Въ конторѣ у насъ все были чрезвычайно-довольны имъ; онъ исполнялъ свои дѣла прекрасно, и я самъ невольно къ нему привязался. Но я всегда былъ счастливъ, и изъ десяти ошибокъ, которыя дѣлаю, случай или судьба непремѣнно поправитъ девять... Представьте себѣ, что нашъ молодецъ влюбился—и въ кого же? Въ молодую дѣвушку, на которой я самъ собираюсь жениться!

— Въ дочь виконтессы д'Одмѣръ? съ живостью спросилъ Родахъ.

— А вы почему знаете? спросилъ кавалеръ. — Да, именно... Онъ влюбился въ мамзель д'Одмѣръ... Миѣ кажется, прости Господи! что и она; глупенькая; была равнодушна къ нему. Это было опасно... Очень-понятно, что я ничего не сказалъ виконтессѣ, которая такъ проста, что готова была бы взять молодыхъ людей за руки и благословить ихъ на законный бракъ... Я рѣшился лучше дѣйствовать на самого Франца, т. е. выслать его изъ Парижа и помѣстить къ одному изъ нашихъ пріятелей, фон-Прэту или Яносу.

«Однажды вечеромъ, я пошелъ къ нему въ маленькую квартирку, которую онъ занималъ въ Анжуйской-Улицѣ. Его не было еще дома. Однакожъ, правятница впустила меня къ нему.

«Нашъ молодчикъ былъ порядочный игрокъ и расточитель, а потому квартирка его имѣла весьма-жалкую меблировку. Я сѣлъ, чтобъ подождать его и отъ скуки, безъ всякаго дурнаго настрѣенія, принялся разсматривать бѣдное убранство комнатки.

«Вдругъ взоръ мой остановился на медальонѣ, величиною въ пяти-франковую монету, висѣвшемъ на стѣнкѣ надъ его кроватью.

«Въ этомъ медальонѣ былъ портретъ. Миѣ сначала показалось, что это портретъ Денізы д'Одмѣръ.

«Но я ошибался. — Если вы помните графиню Маргариту, то, взглянувъ на Денізу, увидите, что не трудно было ошибиться. — Деніза удивительно-похожа на свою тѣтку.

«Итакъ; въ медальонѣ былъ портретъ графини Маргариты! Вокругъ него была даже рамка, сплетенная изъ русыхъ волосъ... У Денізы волосы каштановые... Но вы знаете, какъ графиня Маргарита походила на виконтессу Елену...»

— Все члены дома Блутгаупта похожи другъ на друга, равнодушно замѣтилъ Родахъ:—говорятъ даже, что я, потомокъ одной изъ графинь блутгауптскихъ; вышедшей за дѣда моего Альберта фон-Родаха, имѣю нѣкоторыя родственныя черты съ членами блутгауптскаго дома...

— Удивительное сходство! внезапно вскричалъ докторъ:—такое, что я даже подумалъ...

Онъ началъ, какъ-бы боясь вполне выговорить свою мысль.

— Нѣтъ! вскричалъ Рейнгольдъ:—я не нахожу большаго сходства между господиномъ барономъ и Блутгауптами, которыхъ я хорошо зналъ... Но Францъ былъ изумительно-похожъ на графиню Мар-

гарту, а следовательно и на Денизу д'Одмёръ... Не могу постигнуть, какъ это сходство не поразило меня съ перваго раза!

«Но возвратимся къ нашему разсказу. Въмѣсто того, чтобъ дождаться молодаго человѣка, я поспѣшно сошелъ внизъ. Мысли мои приняли совершенно-другое направленіе. Я уже не хотѣлъ его посылать ни въ Англію, ни въ Нидерландію, а подальше...»

— Стало-быть, вы узнали его только по одному этому обстоятельству? по медальйону? спросилъ Родахъ.

— Кажется, этого было довольно! отвѣчалъ Рейнгольдъ: — это мнѣ открыло глаза. Я припомнилъ черты молодаго человѣка и убѣдился въ то же мгновеніе... Впрочемъ, у меня было средство убѣдиться еще болѣе, и я употребилъ это средство.

«Случайно встрѣтился я въ Тамплѣ съ мадамъ Батальёръ, которой, лѣтъ четырнадцать или пятнадцать назадъ, нашъ другъ Мадаринъ ввѣрилъ ребенка.

«Въ тотъ же вечеръ отправился я къ ней и сталъ ее разспрашивать. — Она отвѣчала, что ребенка, котораго отдали ей на воспитаніе, звали только Францомъ. Другаго имени у него не было. Но это еще не все: она помнила даже медальйонъ и сказала, что сняла съ него золотую рамку, замѣнивъ ее мѣднымъ ободочкомъ.

«На другой день, я приказалъ начальнику Франца пожурить его за то что бы то ни было. Молодой человѣкъ разсердился, сталъ грубить, и его выгнали.

«Вамъ, можетъ-быть, покажется, что не следовало дѣйствовать такъ скоро. На это я долженъ отвѣчать, что къ намъ ежедневно приходятъ люди, жившіе долгое время въ Германіи. Случай могъ устроить какую-нибудь неприятную встрѣчу...

«Впрочемъ, хоть мы и исключили его изъ нашей конторы, я, однакожъ, не выпускалъ его изъ вида. Онъ перемѣнилъ квартиру, но я поручилъ одному человѣку слѣдить за нимъ и звалъ все, что онъ дѣлалъ.

«Мнѣ бы никогда и на мысль не пришло отправить его... къ отцу, какъ вы говорите, потому-что онъ самъ велъ такую жизнь, что скоро умеръ бы съ голода, еслибъ ко мнѣ не дошла весьма-неблагоприятныя вѣсти, чрезъ одного почтеннаго, добраго человѣка, ходящаго по дѣламъ моимъ въ Тамплѣ.

«Надо замѣтить вамъ, господинъ баронъ, весьма странное обстоятельство: въ Тамплѣ есть цѣлое общество, состоящее изъ прежнихъ блутгауптскихъ слугъ и васалловъ...»

— Не-уже-ли? вскричалъ Родахъ.

— Ихъ тамъ по-крайней-мѣрѣ человѣкъ двадцать-пять, продолжалъ кавалеръ, преувеличивая число, чтобъ придать болѣе интереса своему разсказу: — и всѣ они люди добрые, но безхарактерные, влюбленные въ своихъ старыхъ господъ, поступавшихъ съ ними какъ съ собаками, и питающіе безсмысленную ненависть къ настоящимъ владѣтелямъ замка... Правда, они не могутъ ничего намъ

слышать; но положимъ, что имъ удалось бы найти сына Гюнтера, — ихъ свидѣтельство и друное расположеніе къ намъ могло бы имѣть непріятныя послѣдствія.

«И поручилъ своему агенту, также некогда бывшему васаллу Блутгаупта, разузнать намѣренія и надежды его товарищей. — Онъ человекъ весьма-хитрый, остающійся въ добрыхъ сношеніяхъ съ своими земляками, и въ то же время дельно продающій мнѣ ихъ секреты...»

— А какъ его зовутъ? равнодушно спросилъ Родахъ.

— Иоганномъ, отвѣчалъ кавалеръ: — онъ содержитъ съ женой своей харчевню *Жирафа*, гдѣ потчуетъ пресквернымъ виномъ... Если вамъ нужно имѣть свѣдѣнія о комъ-нибудь изъ этого тяжелаго стада Нѣмцевъ, рекомендую вамъ Иоганна: вы останетесь имъ довольны...

— Благодарю, возразилъ баронъ: — при случаѣ онъ можетъ мнѣ пригодиться... Но, пожалуйста, рассказывайте далѣе...

— Около того времени, продолжалъ Рейнгольдъ: — Иоганнъ долженъ былъ представить мнѣ счеты... Онъ пришелъ ко мнѣ и разсказалъ, что между Нѣмцами погосились неясныя слухи, будто-бы сынъ Блутгаупта въ Парижѣ; они намѣревались отыскать его и помогать ему всѣми средствами.

«Я не показалъ ни малѣйшаго безпокойства предъ Иоганномъ; но слова его заставили меня крѣпко задуматься... Наконецъ, я рѣшился разомъ покончить съ молодчикомъ, безпрестанно угрожавшимъ спокойствію и безопасности дома Гельдберга.

«Докторъ Мира помогъ мнѣ придумать планъ, къ приведенію котораго въ исполненіе я и приступилъ немедленно.

«Францъ попалъ въ весьма-дурное общество и цѣлые дни проводилъ въ трактирахъ. Я отыскалъ одного изъ своихъ агентовъ, нѣкоего Вердѣ, и обѣщалъ ему хорошее награжденіе, если ему удастся затѣять ссору съ молодымъ человекѣмъ. — Вердѣ охотно согласился; онъ отлично дерется на шпагахъ и встрѣчался уже нѣсколько разъ съ Францомъ въ трактирахъ.

«Агентъ мой пошелъ въ трактиръ, гдѣ Францъ проводилъ цѣлые дни и, ужь не помню, какимъ образомъ ему удалось заставить молодого человека выплеснуть ему въ лицо стаканъ пива.

«Оскорбленіе было публичное. Францъ вызванъ на дуэль и... такъ-какъ они дрались сегодня на разсвѣтѣ, то, вѣроятно, теперь прошло уже около десяти часовъ съ-тѣхъ-поръ, какъ послѣдній потомокъ дома блутгауптскаго отправился къ своимъ праотцамъ...»

— Вы такъ думаете? спросилъ Родахъ.

— Я въ томъ увѣренъ, любезный баронъ!

— Это обстоятельство для меня такъ же важно, какъ и для васъ, и я желалъ бы имѣть доказательства...

— Куда дѣвалось это проклятое письмо? вскричалъ Рейнгольдъ съ досадою: — надѣюсь, оно убѣдило бы васъ!..

Онъ всталъ, опять принялся искать и вдругъ замѣтилъ что-то

близъ подъ покулемъ часовъ. Рейнгольдъ радостно вскрикнулъ. Точно, это было письмо, небрежно брошенное на камень и проскользнувшее за часы.

Рейнгольдъ поднималъ письмо надъ головой и вскричалъ:

— Не угодно ли держать пари въ пятьсотъ лундоровъ, что молчишь нашъ убитъ?

— Я никогда не бьюсь объ закладъ, холодно возразилъ Родахъ: — пожалуйста, читайте скорее.

Кавалеръ съ самодовольной улыбкой посмотрѣлъ на письмо; потомъ медленно сталъ распечатывать его.

Родахъ слѣдилъ за всѣми его движеніями съ жаднымъ любопытствомъ.

II.

Любовь Хозѣ-Мира.

Кавалеръ фон-Рейнгольдъ нарочно подстрекалъ мнимо-истеричное любопытство барона. Съ рассчитанною медленностью рвалъ онъ конвертъ письма отъ Вердье и лукаво улыбался.

Баронъ такъ хорошо игралъ роль любопытнаго, что докторъ, опасаясь вывести его изъ терпѣнія, сталъ за пужное вѣнаться въ дѣло.

— Полноте, кавалеръ! вскричалъ онъ: — ваше ребячество неумѣстно... Дѣло серьезное и г. баронъ ждетъ.

— Да, да, онъ ждетъ! вскричалъ Рейнгольдъ засмѣявшись: — это я самъ вижу... Если бъ у меня не было теперь важнаго дѣла, не пощадилъ бы я г. барона и заставилъ бы долго прождать за то, что онъ намъ не вѣритъ... Но я и такъ ужъ опоздалъ...

Онъ сорвалъ конвертъ и развернулъ письмо.

Едва пробѣжалъ онъ первыя строки, какъ тщеславная, самодовольная улыбка будто по волшебству исчезла съ лица его. — Онъ поблѣднѣлъ подъ румянами, которыми было вымазано лицо его... брови его нахмурились, и морщины на лбу приподняли тщетно-привлаженный край его парика.

— Что же? что же? вскричалъ докторъ, испуганный этими недобрими признаками: — не испортилось ли дѣло?

— Кажется, проговорилъ Родахъ холодно: — письмо не содержать въ себѣ ожидаемаго извѣстія...

Рейнгольдъ произнесъ проклятiе и сжалъ кулакъ.

— А, злодѣй! вскричалъ онъ: — негодай!.. Онъ боленъ, раненъ, и проситъ, чтобъ я помогъ ему!.. Какъ бы не такъ!.. Ахъ онъ бродяга, разбойникъ! Я жъ ему заплачу!..

Кавалеръ съ трудомъ говорилъ; лицо его побагровѣло.

— Какъ! вскричалъ баронъ: — вашъ удалецъ раненъ мальчишкой?..

Рейнгольдъ съ бѣшенствомъ смялъ письмо.

— Чортъ его знаетъ! онъ рассказываетъ мнѣ цѣлый романъ... Негодяй!.. Кто бы могъ этого ожидать!..

— Но, наконецъ, что жъ онъ говоритъ? спросилъ Хозе-Миря.

Вместо отвѣта, Рейнгольдъ швырнулъ письмо въ каминъ, но попалъ имъ въ стѣну и измятая бумага, отскочивъ, упала къ ногамъ барона.

Последній наклонился и очень-равнодушно поднялъ письмо.

— Можно мнѣ прочесть?.. или съечь? спросилъ онъ.

— Дѣлайте, что хотите!.. возразилъ Рейнгольдъ, пожавъ плечами: — мерзавецъ!..

Родахъ выправилъ бумагу и сталъ читать вслухъ:

«Почтеннѣйшій кавалеръ...»

— Почтеннѣйшій кавалеръ! повторилъ Рейнгольдъ, заскрежетавъ зубами:—какая дерзкая фамильярность!.. Негодяй!

Баронъ продолжалъ:

«Почтеннѣйшій кавалеръ,

«Я надѣялся сегодня утромъ сообщить вамъ пріятную новость, но адскій случай разстроилъ все, и это стоить мнѣ дороже, нежели «вамъ...»

— Дороже, нежели мнѣ! проиницѣлъ Рейнгольдъ: — вотъ дуракъ-то!..

«Всѣ мѣры, какъ вамъ известно, были приняты», продолжалъ читать Родахъ:—«мы должны были встрѣтиться съ молодымъ человекомъ въ Булонскомъ-Лѣсу, въ семь часовъ утра. Я, какъ слѣдуетъ благородному человѣку, явился первымъ; но, вместо ожидаемаго молокососа...»

— Еще шутить! проворчалъ Рейнгольдъ.

«Но вместо ожидаемаго молокососа», продолжалъ баронъ: — «встрѣтилъ долговязаго Нѣмца, съ которымъ у меня была когда-то «ссора за карты .. Этотъ долговязый, чортъ-знаетъ откуда, узналъ «всѣма-непріятныя для насъ вещи, за которыя я могу отправиться туда, куда не имѣю никакой охоты вѣхать...»

— На галеры, разбойникъ, на галеры! проворчалъ опять Рейнгольдъ.

«Однакожь», продолжалъ баронъ: — «когда онъ сталъ уговаривать меня, чтобъ я оставилъ молодого человека въ покоѣ, я отказалъ ему на отрѣзъ. Тогда онъ заставилъ меня взяться за шпагу, «и, минутою спустя, остріе его шпаги сидѣло у меня въ груди на «два дюйма глубины, по-крайней-мѣрѣ...»

Баронъ опустилъ письмо и, казалось, задумался.

— О, это ему не пройдетъ даромъ! вскричалъ Рейнгольдъ.

— Не горячитесь, господинъ кавалеръ! сказалъ Родахъ почти строгимъ голосомъ:—это дѣло надобно хорошенько обдумать... Оно

чрезвычайно-важно и доказываетъ, что у молодого человѣка есть тайные покровители...

— Правда! вскричалъ Хозе-Мира съ мрачнымъ видомъ.

— Конечно, правда!.. прибавилъ Рейнгольдъ:—но, можетъ-быть, негодяй Вердѣ вретъ?..

— Съ какой же стати ему лгать? спросилъ баронъ.

Рейнгольдъ хотѣлъ-было опять осыпать ругательствами несчастнаго Вердѣ, но удержался; онъ начиналъ уже другими глазами смотреть на дѣло.

— Правда! повторилъ онъ: — если Вердѣ не лжетъ, такъ это предвѣщаетъ намъ грозу... Да кто же этотъ таинственный защитникъ?

Баронъ пожалъ плечами.

— Позвольте мнѣ дочитать письмо, сказалъ онъ.

«Положивъ меня на мѣстѣ, Немецъ исчезъ неизвестно куда. Меня свезли въ мою жансарду, приставили ко мнѣ доктора, но—су меня нѣтъ ни одного су, и я долженъ прибѣгнуть къ вашему «великодушю.»

Кавалеръ отрицательно покачалъ головою.

«Вы, вѣроятно, помните, что вы мнѣ обѣщали. Я раненъ по «вашей милости, и потому вы обязаны вознаградить меня. Впрочемъ, «въ другой разъ мы будемъ счастливы».

«Во ожиданіи вашего посещенія или благосклоннаго отвѣта, «остаюсь преданный вамъ,

«Ж. Б. Вердѣ,

«№ 9, въ улицѣ Пьеръ-Леско».

Баронъ разорвалъ письмо на мелкіе куски и бросилъ ихъ въ огонь, оставивъ у себя въ рукъ только маленькій лоскутокъ, на которомъ былъ написанъ адресъ Вердѣ; потомъ, скрестивъ руки на груди, опустился на спинку кресла.

Рейнгольдъ совершенно растерялся. Этотъ ударъ поразилъ его неожиданно и въ самую минуту его торжества. Онъ самъ не умѣлъ выпутаться изъ бѣды, а большею частію дѣйствовалъ по внушенію другихъ. Въ эту же минуту у него рѣшительно не было ни одной идеи; устрешенному уму его представлялись въ будущемъ новыя опасности, новая борьба.

У молодого человѣка, котораго онъ считалъ беззащитнымъ, были тайные покровители!..

И, вѣроятно, эти люди были сильны и бдительны, если имъ удалось открыть заговоръ, угрожавшій послѣднему изъ Влутгауптовъ... А если они сильны, то, вѣроятно, не ограничатся тайнымъ покровительствомъ молодому человѣку и скорѣ вступятъ въ открытую борьбу съ его гонителями...

Тѣ же мысли занимали доктора; только онъ углублялся въ нихъ болѣе и выводилъ заключенія:

— Надобно дѣйствовать осторожнѣе, сказалъ онъ послѣ краткаго молчанія: — и, во-первыхъ, помочь несчастному Вердѣ; иначе онъ можетъ поставить насъ въ затруднительное положеніе!

— Я самъ того же мнѣнія, прибавилъ баронъ Родахъ: — и, если вы позволите мнѣ сказать, что я думаю, я посоветую вамъ поберечь этого Вердѣ и не отказывать въ его просьбѣ... Богъ-знаетъ, что можетъ случиться!

— Я думаю, замѣтилъ докторъ: — что г. фон-Рейнгольдъ долженъ немедленно отправиться къ Вердѣ, чтобъ получить болѣе подробныя свѣдѣнія о томъ, какъ было дѣло.

Старый Франтъ былъ упрямъ.

— Ня за что не пойду я къ этому негодяю! вскричалъ онъ съ прежнимъ гнѣвомъ: — пусть онъ окопываетъ въ своей канурѣ, я не тронусь съ мѣста, чтобъ помочь ему. Онъ обманулъ меня самымъ низкимъ образомъ и я не хочу его знать!..

— Но... началъ докторъ.

— Не пойду, ни за что не пойду!.. И кто знаетъ? можетъ-быть, это письмо одна уловка, чтобъ заманить меня въ какую-нибудь западню?

— Это очень можетъ быть, сказалъ Родахъ: — но со мною случались болѣе страшныя приключенія... и, если вамъ угодно, я самъ пойду къ этому Вердѣ.

Рейнгольдъ съ досадою пожалъ плечами, между-тѣмъ, какъ докторъ благодарилъ съ жаромъ.

— Теперь, продолжалъ Родахъ: — не стану долѣе удерживать г. кавалера Рейнгольда, у котораго отъ души прошу извиненія въ томъ, что задержалъ его такъ долго... Но я не желалъ бы, чтобъ онъ оставилъ насъ, находясь еще подъ вліяніемъ непріятнаго впечатлѣнія, произведеннаго чтеніемъ этого письма... Нѣсколько минутъ тому, я предлагалъ свою помощь дому Гельдберга; теперь повторяю свое предложеніе и хоть не ручаюсь за успѣхъ, но смѣло могу подать нѣкоторую надежду...

— Развѣ у васъ есть какое-нибудь средство? съ живостію спросилъ Рейнгольдъ.

— Мнѣ приходилось бороться съ болѣшими трудностями, возразилъ Родахъ: — и я выходилъ побѣдителемъ. Итакъ, смѣло могу сказать вамъ: будьте спокойны...

Лицо Рейнгольда прояснилось; онъ всталъ и дружески пожалъ руку барону.

— Вы наше провидѣніе, господинъ баронъ! сказалъ онъ вслухъ; потомъ, наклонившись къ уху Родаха, прибавилъ: — Не забудьте, что черезъ часъ я жду васъ къ себѣ.

Родахъ поклонился. Рейнгольдъ вышелъ.

Лшь-только онъ затворилъ за собою дверь, какъ докторъ придвинулъ свое кресло къ креслу Родаха и старался придать себѣ

ласковый видъ. Надобно сказать, что старанія его были почти тщетны, потому-что, вмѣсто улыбки, на лицѣ его выразилась ка-кая-то гримаса.

Привдвинувшись ближе къ барону, онъ вынулъ изъ кармана большую золотую табакерку и въ размысленіи сталъ ее поглаживать.

Это продолжалось около секунды. Потомъ онъ положилъ табакерку на мраморный карнизъ камня и съ живостію началъ по-тирать руки, мигая то однимъ, то другимъ глазомъ.

Баронъ ждалъ, не говоря ни слова.

Докторъ кашлянулъ, взявъ въ ротъ какую-то пастилку отъ кашля и пригладилъ свои жесткія брови.

Родахъ все ждалъ, не намѣреваясь начинать разговора.

— Да, да, сказалъ наконецъ докторъ, вздохнувъ изъ глубины души:— да, такъ... такъ... теперь я самъ убежденъ въ томъ...

— Въ чемъ? спросилъ Родахъ.

— Въ томъ, что вы, господинъ баронъ, провидѣніе дома Гельдберга... Не скрою отъ васъ, что сначала у меня было подозрѣніе...

— Какое же?

— Пустое, ничтожное. Надо признаться вамъ, господинъ баронъ, что еслибъ вы даже были тотъ, за кого я васъ сначала принялъ, такъ я бы готовъ былъ помогать вамъ всѣми силами... Вы еще не знаете, какъ глубоко я презираю людей, съ которыми мы сейчасъ бесѣдовали!..

— Своихъ компаньоновъ?

— Моихъ компаньоновъ, отвѣчалъ докторъ вздохнувъ : — да, г-нъ баронъ, моихъ компаньоновъ, къ-сожалѣнію!

Первое начало было сдѣлано. Миръ могъ теперь говорить хоть до завтра.

— Мы еще поговоримъ объ этихъ господахъ, продолжалъ онъ: — я сказалъ вамъ, что сначала принялъ васъ за сообщника нашихъ враговъ... даже за одного изъ враговъ... Но все мое подозрѣніе разъяснилось мало-по-малу. Съ-тѣхъ-поръ, какъ мы вмѣстѣ, я не перестаю наблюдать за вами, и все, что я видѣлъ, все, о чемъ догадался, внушило мнѣ полную къ вамъ довѣренность... Если домъ Гельдберга можетъ еще быть спасенъ, такъ только вами, вами однимъ!..

Родахъ молча поклонился.

— Ваши собственные выгоды требуютъ того, продолжалъ докторъ: — и я душевно радуюсь, что вижу наконецъ человека между нами!

— Стало-быть, вы имѣете причины жаловаться на своихъ компаньоновъ? спросилъ баронъ.

— Жаловаться? мало того! отвѣчалъ докторъ Хозе-Миръ, понизивъ голосъ.— Я имѣю причины ненавидѣть, презирать ихъ... Простите мнѣ мою откровенность, г. баронъ, но я хочу, чтобъ домъ Гельдберга былъ спасенъ, и потому считаю необходимымъ объяс-

нить, съ какими людьми вы будете имѣть дѣло... Старый Моисей, какъ вамъ извѣстно, совершенно удалился отъ дѣлъ; онъ человекъ рѣдкій въ коммерческихъ дѣлахъ, но Богъ-знаетъ, чѣмъ онъ теперь занимается! Итакъ, на него полагаться нельзя... Сынъ его, Авель, гордъ и малодушенъ, ума вялаго, испорченъ случаемъ, доставившимъ ему нѣкоторую репутацію между биржевыми глупцами...

— Вы очень-строги, сказалъ баронъ.

— Я справедливъ!.. Кавалеръ Рейнгольдъ былъ бы человекъ совершенный, еслибъ судьба оставила его на прежнемъ мѣстѣ... то-есть, на мѣстѣ промышленника низшаго разряда. Онъ лжетъ довольно-искусно и наглость его можетъ обмануть многихъ; онъ умѣлъ придать себѣ манеры, довольно-близкія къ манерамъ большаго свѣта, и мнѣ случалось встрѣчать глупцовъ, называющихъ его образцомъ свѣтскости... По-несчастью, судьба поставила его однимъ изъ начальниковъ огромнаго банкирскаго дома и это-то совершенно сбило его съ толку... Еслибъ первый актёръ какого-нибудь бульварнаго театра вздумалъ выйти на сцену Французскаго-Театра, его бы освистали: такъ точно пройдоха, славящійся между третьестепенными биржевыми промышленниками, не сумѣетъ владѣть милліонами... Бѣдный умъ Рейнгольда сбился съ толку; онъ вообразилъ себя великимъ экономистомъ, сталъ дѣлать глупости, чтобъ скрыть свою неспособность, и довелъ свое ничтожное тщеславіе до смѣшнаго... Онъ главный виновникъ удаленія отъ дѣлъ стараго Моисея: онъ пустился въ нелѣпыя спекуляціи, мысль о которыхъ могла родиться только въ его пустой головѣ!..

— Эти попытки и спекуляціи, вѣроятно, повредили кредиту дома? спросилъ Родахъ.

— Нѣтъ, возразилъ докторъ: — благодаря Бога, Рейнгольдъ въ этомъ отношеніи еще довольно-хитеръ. Спекуляціи его ограничивались большею частію извлеченіемъ выгодъ изъ нищеты, а нищета, неумѣющая защищаться, не находитъ и силъ жаловаться!.. Человекъ съ умомъ могъ бы извлечь изъ этого огромную пользу!.. Отнимайте у нищаго половину его насущнаго хлѣба, и васъ же назовутъ филантропомъ... Тампльская спекуляція, — дѣло отвратительное, потому-что лишаетъ бѣдняковъ доброй половины ихъ дохода, — дала Рейнгольду репутацію рѣдкаго филантропа... Но самое опасное заключается во множествѣ его предпріятій и въ правѣ брать изъ нашей кассы сколько ему заблагоразсудится... Рейнгольдъ въ нашемъ домѣ тягостное бремя, отвратительное зло, могущее сдѣлаться смертельнымъ, если мы не поспѣшимъ искоренить его во-время...

— Вамъ, какъ доктору, легче всего искоренить это зло, сказалъ Родахъ.

— Господишъ баронъ! возразилъ докторъ: — мнѣ надобно переговорить съ вами о дѣлахъ крайней важности, и я увѣренъ, что вы не раскаетесь, согласившись выслушать меня... Но прежде все-

я, я долженъ сказать вамъ нѣсколько словъ о трехъ дочеряхъ стараго Гельдберга... Младшая изъ нихъ еще ребенокъ. Она не знаетъ ничего о томъ, что дѣлается въ домъ, и старшія сестры успѣли еще погубить ее...

Въ первый разъ съ самаго начала этого разговора, на лицѣ Родика выразилось участіе.

— Средняя, продолжалъ докторъ: — была бы прекрасною женщиной, еслибъ у нея не было старшей сестры. У старшей же есть мужъ, человекъ нѣкогда весьма-богатый, но теперь разорившійся по милости жены... Она прекрасна, какъ ангелъ, и зла, какъ дьяволъ... Велика не она, такъ у насъ въ настоящую минуту было бы въ кассѣ не менѣе двухъ милліоновъ!

— Развѣ у нея есть четвертый ключъ? спросилъ баронъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Мира:—но она пользовалась однимъ изъ нашихъ ключей.

— Куда же она дѣвала столько денегъ?

— Она играетъ страстно — и выигрываетъ чаще, нежели проигрываетъ... Она должна быть очень-богата!.. У нея есть, вѣроятно, агентъ, которому она отдаетъ свои деньги... Это престранная женщина—характера твердаго, ума обширнаго, но безъ сердца... безъ жалости, по-крайней-мѣрѣ! — поправился докторъ, проведя руку по лбу:—въ сердцѣ ея таится глубокая любовь, которая могла довести ее до высокой добродѣтели, а между-тѣмъ глубоко погружена въ пороки... Это существо необъяснимое, понимающее добро, но предающееся злу; женщина рѣшительная, смѣлая, готовая на все и умѣющая скрывать все свои ощущенія... Она—женщина по безпорядочной прихоти, по пылкамъ страстямъ; мужчина — по непреклонной волѣ; демонъ — по холодному коварству и умѣнію обманывать!

Маска ледянаго педантизма, обыкновенно покрывавшая лицо доктора, исчезла. На устахъ его была горькая, грустная улыбка; въ глазахъ мечтательная задумчивость, и слова какъ-бы невольно вылились изъ устъ.

— Я зналъ ее ребенкомъ, продолжалъ онъ медленно и съмягченнымъ голосомъ. — Мнѣ кажется, тогда душа ея была предельно... Я зналъ ее молодою дѣвушкою: тогда мысли ея были нечужды, чисты... Кто объяснить, что такое женщина!.. Судя по настоящему, я не смѣю вѣрить въ прошедшее... Въ-продолженіе предъидущихъ мѣсяцевъ, она держалась въ равновѣсіи между тѣмъ, что люди привыкли называть добромъ и зломъ... Какую бы дорогу избрала она, еслибъ была предоставлена себѣ одной,—не знаю... Но вѣроятно, какой-то таинственный голосъ нашептывалъ ей слова обольщенія... На пути своемъ, она встрѣтила человека, который сказалъ ей, что добродѣтель ложь, что другаго міра нѣтъ... Человекъ коварно-насмѣшливаго, глубоко и искренно-невѣрующаго; человекъ, съ наслажденіемъ остановившаго порывы юной, дѣвственной души и старавшагося преобразовать ее по образу своей

души отжившей, завядшей... Этотъ человекъ любилъ ее пламенно, страстно и... обольстилъ ее...

Докторъ замолчалъ, съ трудомъ переводя дыханіе; дикій, хищный пламень вспыхнулъ въ глазахъ его.

— Торжество его было упомительно! продолжалъ онъ взволнованнымъ голосомъ.—Сара была очаровательна, какъ перлъ восточный... Никогда еще на долю одной дочери Еввы не досталось столько прелестей... Человекъ, обольстившій ее, далеко уже переступилъ за лѣта молодости: онъ могъ бы быть отцомъ своей любовницы; но съ раннихъ лѣтъ этотъ человекъ удерживалъ порывы своего сердца и весь предавался уединеннымъ занятіямъ... Онъ никогда до того времени не любилъ... и передъ нимъ внезапно раскрылся рай!..

Родахъ слушалъ, сложивъ руки на колянкахъ; на лицѣ в ъ положеніи его выражалось самое искреннее равнодушіе.

Докторъ же, напротивъ, былъ въ какомъ-то восторженномъ состояніи.

Это составляло страшный контрастъ: Португалецъ, обыкновенно холодный и молчаливый, высказывалъ единственную страсть своей жизни, и она изливалась изъ груди его печальною, почти-поэтическою жалобою... но жалоба эта касалась слуха барона какъ пустой, ничего-незначащій звукъ: ни участіе, ни другое какое-либо ощущеніе не выражалось на лицѣ Родаха.

А докторъ, увлекаемый своими воспоминаніями, продолжалъ рассказывать, продолжалъ наливать свою душу, какъ ребенокъ, которому наскучило хранить тайну.

— Это длилось два или три мѣсяца, сказалъ онъ. — Послѣ нѣсколькихъ дней такого блаженства, можно жить годы въ одиночествѣ и горь!.. Г. баронъ, угадали ли вы, кто былъ этотъ человекъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Родахъ равнодушно.

Хозé-Мира посмотрѣлъ на него минуту молча.

Казалось, изъ впалыхъ глазъ его, въ которыхъ никогда еще не сверкала даже искра состраданія, готова была выкатиться слеза...

— Это я! вскричалъ онъ глухимъ голосомъ.

Баронъ даже не удивился.

— Слышите ли, баронъ? вскричалъ докторъ почти съ яростію:— это я!.. я овладѣлъ невиннымъ ребенкомъ; въ-продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, старался я передѣлать сердце ея, и за этотъ долгій, великій трудъ наслаждался только два мѣсяца!.. Понимаете ли вы?.. Послѣ этихъ двухъ мѣсяцевъ, я былъ влюбленъ по-прежнему... болѣе нежели прежде!.. я былъ безъ ума отъ нея... и она сдѣлала меня своимъ рабомъ!.. я и теперь рабъ ея... а между-тѣмъ, съ-тѣхъ-поръ прошло пятнадцать лѣтъ!..

Губы Мира судорожно дрежали... Лицо его покрывалось смертною блѣдностію...

III.

Въ четвергъ, 8-го февраля, въ полдень...

— Г-нъ докторъ, сказалъ Родахъ: — я полагаю, что все, вами рассказанное, относится болѣе или менѣе къ настоящему состоянию дома Гельдберга... но не понимаю связи... объясните мнѣ ее.

Въ первый разъ въ жизни докторъ открылъ предъ другимъ человекомъ свою душу... а равнодушіе этого человека болѣзненно поразило его.

Онъ признался въ гнусномъ преступленіи, какъ-будто бы оно было простымъ эпизодомъ первой любви, рассказалъ свои любимѣйшія воспоминанія о счастливыхъ дняхъ... и холодно, равнодушно была встрѣчена его довѣренность...

— Именно, г-нъ баронъ, сказалъ онъ, внезапно принявъ свой обыкновенный, холодный видъ:— все это относится къ дому Гельдберга... Я не осмѣлился бы занимать васъ рассказами, касающимися лично до меня... Одно слово объяснить вамъ все дѣло. Сара должна мнѣ нѣсколько милліоновъ.

— У васъ есть, вѣроятно, документы?

— Ни одного.

Баронъ смотрѣлъ на Марю, ожидая дальнѣйшихъ объясненій.

Но на лицѣ послѣдняго теперь выражалась мнительность: онъ, казалось, раскаивался въ своей поспѣшности; но отступить было поздно.

— Г-нъ баронъ, продолжалъ онъ грустно: — надежда, родившаяся въ моемъ сердцѣ при вашемъ приходѣ, разсѣялась... Холодность, съ которою вы встрѣтили мою довѣренность, заставляетъ меня опасаться, не ошибся ли я въ вашихъ намѣреніяхъ... Одно лишь доскажу все... Я уже говорилъ вамъ, что я безуменъ... и безуміе мое немалочисло, потому-что я вѣчно буду любить эту женщину, ненавидящую и желающую погубить меня... Но и безуменъ имѣть свои свѣтлыя минуты... Вдали отъ нея, я возмущаюсь и пламенно желаю сбросить съ себя яго... мои честолюбивыя мечты, убиваемыя ея деспотизмомъ, пробуждаются съ болѣею силою: я хочу воротить богатство, ею у меня отнятое, хочу поднять домъ Гельдберга, который она съ одной, а Рейнгалдъ и Авель съ другой стороны, поколебали... хочу поднять этотъ домъ въ свою пользу... въ свою и въ вашу, г. баронъ, если вамъ угодно будетъ соединиться со мною противъ моихъ компаньоновъ.

Баронъ, кажется, рѣшился ничему не удивляться.

— Охотно соглашусь на ваше предложеніе, г-нъ докторъ, возразилъ онъ очень-спокойно: — если вы объяснитесь...

На лицѣ доктора Хозе-Мира не было уже и слѣда волненія, произведеннаго разказомъ; но на немъ не выражалась и прежняя неизмѣнная мрачность. Онъ пристально глядѣлъ на барона, и въ глазахъ его сверкали умъ, твердая, непоколебимая воля.

Родахъ холодно, спокойно и молча выносилъ проницательный взглядъ доктора.

— Домъ Гельдберга будетъ въ нашихъ рукахъ, продолжалъ послѣдній: — если мы будемъ дѣйствовать заодно; только съ этой цѣлю я и желалъ переговорить съ вами.

— Говорите, докторъ, я слушаю.

— Вы прибыли изъ Германіи съ значительными документами, уплата которыхъ намъ теперь рѣшительно невозможна; слѣдовательно, мы въ вашихъ рукахъ... но для своей же пользы вы хотите пощадить насъ, и даже помочь намъ... Слушайте же внимательно. «У Авеля нѣтъ ничего, кромѣ полудюжины лошадей, чистой крови, по его мнѣнію; у Рейнгольда, несмотря на всю спекуляцію его, нѣтъ ничего, кромѣ долговъ; графиня Лампюнь богата, но это до насъ не касается. — Относительно же стараго Моисея я рѣшительно не знаю, что сказать; онъ окружаетъ себя таинственностью, которую мнѣ не удалось еще проникнуть... Каждый день запирается онъ у себя въ комнату, и я удостоверился, что никто въ цѣломъ домѣ не знаетъ, что онъ дѣлаетъ.

— Но, во всякомъ случаѣ, какая бы ни была его тайна, мы не можемъ и на него положиться.

— А общественная касса пуста... Понимаете?

— Начинаю понимать. Извольте продолжать.

— Я кончу въ двухъ словахъ. Г-жа де-Лорансъ должна мнѣ огромную сумму... Употребивъ хитрость, я могу воротить свои деньги...

— Дайте?

— Воротить деньги, я буду богатъ въ сравненіи съ своими настоящими компаньонами... Тогда вамъ нужно будетъ передумать; вы должны угрожать намъ процессомъ... У меня одного будутъ въ рукахъ средства удовлетворить васъ... Кажется, ясно; что этимъ способомъ мы, соединившись, завладѣемъ всѣмъ домомъ.

— Правда, сказалъ Родахъ: — не... вѣдь домъ и безъ того уже въ моихъ рукахъ?

— Позвольте. Я могу получить свои деньги на-дняхъ... Если долгъ уплатить вамъ по векселямъ, то вы теряете единственное оружіе, которымъ можете содержать насъ въ страхъ; ибо, между нами будь сказано, господинъ баронъ, хотя тайны, извѣстныя вамъ, весьма-важны, — но вѣдь это давнопрошедшее... отъ Парижа до замка Блутгаупта далеко... да кромѣ того, нужны доказательства...

— Доказательства у меня есть, сказалъ баронъ: — сегодня утромъ я вручилъ одному честному, надежному челоуѣку шкатулку, со-

держашую въ себѣ доказательства, совершенно-достаточныя для того, чтобъ отправить весь домъ Гельдберга на эшафотъ!

Докторъ невольно отодвинулъ кресло и устремилъ на Родаха взглядъ, исполненный ужаса.

Лицо барона было по-прежнему холодно и спокойно.

— Я не говорилъ этого вашимъ компаньонамъ, продолжалъ онъ: — потому-что эти господа тотчасъ же сдались, и угроза казалась мнѣ излишнею съ людьми, которые съ перваго слова признали себя побѣжденными; и вамъ, господинъ докторъ, я это говорю, какъ вы сами видите, очень-спокойно, безъ всякаго намѣренія пугать васъ... Въ доказательство этого, я почти готовъ принять ваше предложеніе.

Лицо Хозе-Мира нѣсколько прояснилось.

— Позвольте узнать, что заключается въ этой шкатулкѣ? проговорилъ онъ съ нѣкоторымъ остаткомъ боязни.

— Извольте; не считаю нужнымъ скрывать отъ васъ этого... Въ ней заключаются ваши письма, господинъ докторъ, изъ замка Блаутгаупта отъ 1823 и 1824 годовъ. Эти письма, — надобно отдать вамъ справедливость, — написаны очень-умно и осторожно, но они поясняются другими письмами Фан-Прэтта, Маджарина, кавалера Фой-Рейнгольда и самого Моисея Гельда, написанными въ разные времена.

— Но какимъ образомъ достались вамъ эти письма? спросилъ Португалецъ.

— Весьма-просто... Цахеусъ Несмеръ былъ вашимъ компаньономъ, но не другомъ. Онъ безпрестанно страшился ссоры между вами, и потому хранилъ верное оружіе въ случаѣ нападенія на него...

— Въ-продолженіе двадцати лѣтъ! произнесъ Мира.

— Да... Вы знаете, какъ Нѣмцы терпеливы и осторожны... Если между нами дойдетъ дѣло до спора, господинъ докторъ, я сообщу вамъ гораздо-болѣе удовлетворительныя свѣдѣнія насчетъ того, что содержится въ моей шкатулкѣ... Но теперь мы въ мирѣ, а потому можемъ продолжать свои переговоры, не пускаясь въ разсужденія о войнѣ, до которой, можетъ-быть, никогда и не дойдетъ дѣло.

Пока докторъ мысленно взвѣшивалъ все выгоды и невыгоды своего положенія, Родахъ продолжалъ, какъ-бы желая успокоить его:

— Взвѣсимъ наши обоюдныя отношенія... Я силенъ, но зачѣмъ мнѣ вамъ вредить?.. Намѣреніе мое ясно: я хочу воротить деньги для молодаго племянника Несмера, порученнаго моею опекою, а вѣсть съ тѣмъ, и себѣ составить, — честнымъ образомъ, разумѣется, — маленькое состоянціе...

Лицо Португальца совершенно прояснилось. Баронъ открылъ наконецъ слабую сторону.

— Вы видите, продолжалъ Родахъ: — я сдѣлалъ уже первый

шагъ... Я далъ вамъ изъ собственнаго своего кармана двадцать тысячъ франковъ и просилъ васъ располагать мною, какъ вамъ угодно. Главная цѣль моя та, чтобъ домъ поправился и могъ уплатить хранящіеся у меня векселя... Вы же предлагаете мнѣ, вмѣсто четвертой доли, цѣлую половину: могу ли же я отказаться?.. Конечно, мнѣ пріятно было показать вамъ, что я могъ бы требовать львиную долю...

— И что вы поступаете великодушно, довольствуясь половиной, прервалъ его докторъ: — отдаю вамъ полную справедливость, господинъ баронъ, тѣмъ болѣе, что намѣренъ просить вашей помощи...

— Въ чемъ?

— Я говорилъ уже вамъ, что люблю Сару, проговорилъ докторъ: — люблю ее безумною, неизлечимую страстью... Я признался вамъ, что сдѣлался ея рабомъ, и что одно слово ея заставляетъ меня забывать все, все!.. Если я самъ вступаю съ нею въ переговоры, напередъ увѣренъ, что ни до чего не достигну... Надѣюсь только на вашу помощь...

— Я готовъ служить вамъ, возразилъ Родахъ не колеблясь: — дайте мнѣ средства, и я буду дѣйствовать.

Докторъ съ видимымъ удовольствіемъ придвинулъ свое кресло, снова погладилъ табакерку и повторилъ всю пантомиму, описанную нами при вступленіи въ этотъ разговоръ.

Нѣсколько минутъ спустя, онъ уперъ локти въ колѣни и наклонился впередъ, потомъ сталъ говорить тихимъ, таинственнымъ голосомъ.

Родахъ слушалъ внимательно.

Это продолжалось минутъ десять, по истеченіи которыхъ баронъ всталъ.

— Я согласенъ, господинъ докторъ, сказалъ онъ: — у меня нѣтъ еще никакихъ особенныхъ дѣлъ въ Парижѣ; следовательно, вы можете назначить какой вамъ угодно часъ и день.

— Надобно сообразиться съ обстоятельствами, отвѣчалъ Мирá: — десятаго числа мы уплачиваемъ предъявляемые векселя... Такъ нельзя ли вамъ восьмагаго?

— Извольте.

— Въ полдень?

— Въ полдень.

— Не забудьте: въ будущей четвергъ, восьмагаго февраля въ полдень, вы будете у г-жи де-Лорансъ.

— Буду непременно.

— Господинъ баронъ, я полагаюсь на васъ и прошу вѣрить, что признательность моя будетъ вѣчна.

Мирá протянулъ къ нему руку. Родахъ пожалъ ее.

Они разстались, и въ то самое время, когда Родахъ переступалъ черезъ порогъ, докторъ повторилъ ему въ-сладъ:

— Въ четвергъ, восьмагаго февраля, въ полдень!..

Это было въ будуарѣ, убранномъ весьма-дорогою мѣбелью, но безъ вкуса, придающаго цѣнность даже простымъ вещамъ.

Разнородная, причудливая мѣбель была украшена позолотой; рѣдкій, драгоценный коверъ разстилался по всему полу; богатые обои, покрывавшіе стѣны, почти исчезали подъ картинами, въ которыхъ самое драгоценное составляли рамы. Но все это стоило огромныхъ денегъ, хотя банковые билеты не придадутъ ни вкуса, ни даже того безсознательнаго такта, который достается въ удѣлъ истиннымъ вельможамъ: голова сахара, закутай ее хоть въ парчу, все-таки останется головой сахара, а торгошья — торгошомъ... Кромѣ картинъ, были статуэтки, японскія вазы и китайскіе уроды. Каминъ уставленъ до-нелѣзя; на консоляхъ нѣгдѣ было положить булавки; этажерки ломались подъ тяжестью разнородныхъ вещей.

Мы описали кабинетъ Авеля фон-Гельдберга.

Онъ сидѣлъ передъ каминномъ, напротивъ барона фон-Родаха.

На молодомъ Гельдбергѣ былъ какой-то невиданный шлафрокъ и необображаемая туфли. Не беремса описывать ихъ, предоставляя это воображенію читателя.

Не болѣе минуты прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ вошелъ баронъ.

Авель только-что раскланялся съ нимъ и предлагалъ ему гаванскую сигару въ какой-то фантастической сигарочницѣ.

Баронъ принялъ сигару, не взглянувъ даже на сигарочницу.

— Боже мой, господинъ баронъ, сказалъ Авель, подавая ему огня въ маленькой жаровнѣ, привезенной съ береговъ Нила: — простите мнѣ великодушно, что я осмѣлился пригласить васъ въ свою бѣдную мансарду.

Баронъ возвратилъ ему жаровню и пустилъ струю дыма, кивнувъ головою.

Быть-можетъ, онъ первый изъ входившихъ въ эту комнату не сказалъ Авелю комплимента на счетъ убранства ея.

Авель оскорбился этимъ, но инстинктивно понялъ, что не имѣлъ ни права, ни возможности выказать своего неудовольствія человеку, котораго долженъ былъ беречь.

— Покорно благодарю васъ, г-нъ баронъ, продолжалъ онъ, небрежно ставя жаровню на каминъ: — что вы вспомнили о моей просьбѣ...

— Я пришелъ, отвѣчалъ Родахъ: — полагая, что вы хотите сообщить мнѣ что-либо важное... наше взаимное положеніе таково, что мы должны дѣйствовать какъ-можно-согласнѣе.

Авель надѣялся-было сблизиться съ Родахомъ; но холодность барона разсѣяла всѣ надежды его, и онъ по-неволѣ отказался отъ фамиллярности.

— Вы не ошиблись, г-нъ баронъ, сказалъ онъ: — именно, мнѣ нужно сдѣлать вамъ предложеніе... душевно желаю, чтобъ вы его приняли... Во избѣжаніе излишней потери времени, пойду прямо къ цѣли.

Родахъ кивнулъ головою и, углубившись въ мягкое кресло, приготовился слушать.

— Вотъ въ чемъ дѣло, продолжалъ Авель:—давно уже я замѣчаю, что у доктора Хозе-Мира и кавалера Рейнгольда есть отъ меня секреты... Сегодня, нѣсколько словъ, произнесенныхъ вами, превратили мои подозрѣнія въ увѣренность. Я не требую у васъ никакихъ объясненій по этому предмету, г-нъ баронъ; но убѣжденъ, что въ прошлой жизни кавалера Рейнгольда и доктора Мира есть какая-то таинственная исторія, въ которую замѣшанъ и отецъ мой...

— Точно, есть, отвѣчалъ Родахъ.

Авель промолчалъ съ секунду, надѣясь, что баронъ прибавитъ нѣсколько словъ; но Родахъ молчалъ и съ медленностію, съ наслажденіемъ новичка курилъ свою сигару, пуская къ верху струйки душистаго, синеватаго дыма.

— И такъ, вы сами подтверждаете мои слова, продолжалъ Авель. — Не смотря на то, что я рѣшительно не знаю, въ чемъ заключается эта исторія, смѣю увѣрить васъ, г-нъ баронъ, что бѣдный отецъ мой не преступникъ... онъ, вѣроятно, дѣйствовалъ по внушенію своихъ компаньоновъ... Я знаю своего отца: онъ слабъ, но добръ... Знаю также и своихъ компаньоновъ... Позвольте мнѣ говорить прямо: Рейнгольда негодяй, способный на все; а мрачный докторъ не лучше Рейнгольда!..

— Не-уже-ли вы только для этого и приглашали меня къ себѣ?.. спросилъ Родахъ, мизинцемъ сбивая золу съ сигары.

— Нѣтъ, г-нъ баронъ, продолжалъ Авель:—я просилъ васъ къ себѣ, потому-что вижу, какое искреннее участіе принимаете вы въ благоденствіи нашего дома, и желаю поручить вамъ дѣло, отъ окончанія котораго зависитъ все!..

Авель замолчалъ на минуту, какъ-бы стараясь припомнить фразы напередъ приготовленной имъ рѣчи, потомъ продолжалъ:

— Мейнгеръ Фабрицій фан-Прэттъ имѣетъ на насъ вексель въ полтора милліона.

— А! произнесъ Родахъ небрежно:—это много!

— Это мнѣ извѣстно лучше, нежели кому другому, потому-что мнѣ поручено вести переговоры съ фан-Прэттомъ... Выведенный изъ терпѣнія, онъ угрожаетъ намъ процессомъ... и, смѣю сказать безъ хвастовства, только благодаря моей дипломатіи, онъ до-сихъ-поръ ограничивался одними угрозами... Но всему есть конецъ... я убѣжденъ, что онъ ни за что болѣе не отсрочитъ.

— А когда послѣдній срокъ? спросилъ баронъ.

— Въ будущую субботу.

— Успѣете ли вы еще написать къ нему?..

— Я ужъ писалъ нѣсколько разъ; новое письмо ни къ чему не послужитъ... Я знаю, что онъ поручилъ уже своему повѣренному здѣсь, въ Парижъ, подать ко взысканію, если въ субботу не будутъ произведена уплата.

Баронъ внимательно разсматривалъ сигару, повертывая ее въ рукахъ.

— Вы сообщили мнѣ весьма-неприятную новость, сказалъ онъ: — но я не могу помочь вамъ.

— Можете, возразилъ Авелъ. — Я имѣю свои причины думать, что мейнгерь фан-Прэттъ не поступалъ бы съ нами такъ жестоко, еслибъ не былъ побуждаемъ къ тому нѣкогда Яносомъ Георгъ и Цахусомъ Несмеромъ, — тѣмъ болѣе, что и его выгоды требуютъ поддержанія нашего дома. Я бы самъ поѣхалъ къ нему, но, признаюсь откровенно, боюсь уѣхать изъ Парижа и оставить домъ въ распоряженіи двухъ человѣкъ, вовлекшихъ его уже въ погибель.

— Да, это понятно, сказалъ Родахъ очень-серьезно.

Это было первое слово, доказавшее, по-видимому, некоторое участіе, и оно крайне обрадовало молодого Гельдберга.

— Между-тѣмъ, какъ вамъ, г-нъ баронъ, продолжалъ онъ: — я готовъ вѣрить все свое состояніе!

— Благодарю за честь.

— Нѣ за что!.. Все находится, что я отъ природы одаренъ весьма pronounced умомъ... я повялъ васъ съ перваго взгляда и уважаю даже за нѣсколько-жесткую откровенность... Притомъ же, вы дворянинъ, а мы, дворяне, скорѣе понимаемъ другъ друга... Еслибъ у этихъ презрѣнныхъ людей, которыхъ я обязанъ называть своими компаньонами, текла въ жилахъ хоть капля благородной крови...

Родахъ даже не улыбнулся.

— Мнѣ кажется, что кавалеръ Рейнгольдъ... замѣтилъ онъ.

Авелъ презрительно пожалъ плечами.

— Плебей, любезнѣйшій баронъ, возразилъ онъ: — плебей отъ волосъ своего парика до пятокъ плоскихъ ногъ!.. Вы не можете представить себѣ, что я переношу съ этими людьми!.. Но возразился къ дѣлу: отношенія ваши къ намъ даютъ вамъ большую силу; но, съ другой стороны, не забудьте, что я ношу имя, на которомъ основанъ весь кредитъ нашего дома... Если мы счастливо покончимъ дѣло съ фан-Прэттомъ, мы спасены... Вы видите, я говорю съ вами откровенно, прошу и васъ поступать также. Не отклонять ли намъ отъ себя этихъ двухъ человѣкъ, которыхъ мы равно презираемъ, и не составить ли союза вдвоемъ?

— Можно, отвѣчалъ баронъ.

Радостная улыбка выступила на лицѣ Авеля.

— Какъ я радъ, что вы съ перваго слова поняли меня, г-нъ баронъ! вскричалъ онъ: — эти два человѣка падаютъ мнѣ до нелѣзя, и я почту себя за честь имѣть такого компаньона, какъ вы, г-нъ баронъ!

Родахъ поклонился.

— О, не думайте, чтобъ я говорилъ вамъ комплименты! продолжалъ молодой человѣкъ. — Для доказательства моего искренняго довѣрія къ вамъ, я сейчасъ же готовъ дружить вамъ и съ фан-Прэттомъ,

отъ рѣшенія котораго зависить вся будущность нашего дома... Согласитесь ли вы взять это дѣло на себя?

— Охотно, возразилъ Родахъ.—Выгоды наши одинаковы; а нѣкоторыя обстоятельства, сообщенныя мнѣ Цахеусомъ Несмеромъ, помогутъ, надѣюсь, уговорить нашего амстердамскаго корреспондента.

Авель улыбнулся весьма-тонко, по его мнѣнью.

— Я самъ надѣялся на эти обстоятельства, сказалъ онъ.—Хоть я и не знаю вашихъ тайнъ, но дѣлаю свои маленькія наблюденія и дѣйствую сообразно съ ними.

— Цахеусъ часто говаривалъ мнѣ, возразилъ Родахъ очень-серьезно:—«молодой г-нъ Гельдбергъ умнѣе не по лѣтамъ!..»

Авель придавъ лицу своему скромную улыбку, въ которой проглядывала наивность гордости.

— Благодарю за комплиментъ! проговорилъ онъ:—но потолкуемте о дѣлѣ ван-Прэтта... Теперь понедѣльникъ, а писемъ приходить сюда изъ Амстердама въ два дня... Если вы не будете у ван-Прэтта въ четверкъ, 8 февраля утромъ, то онъ не успѣетъ написать къ своему повѣренному.

— Въ такомъ случаѣ, возразилъ Родахъ:—я буду у ван-Прэтта въ четверкъ 8-го февраля, утромъ.

— У васъ нѣтъ никакихъ дѣлъ въ Парижѣ?

— Никакихъ; я только-что пріѣхалъ сюда.

Авель радостно потиралъ руки.

— Тѣмъ лучше, тѣмъ лучше! вскричалъ онъ:—я боялся какихъ-нибудь препятствій; но теперь вы дали мнѣ слово, и я спокоенъ... Я недавно видѣлъ, въ нашей конференц-залѣ, какъ вы ведете дѣла, и готовъ прозакладывать голову, что будетъ успѣхъ!

— Надѣюсь, сказалъ Родахъ.

— Когда вы вернетесь, мы прийдемся за моихъ любезныхъ компаньоновъ... Во время вашего отсутствія, я приготовлю все къ атакъ.

Родахъ всталъ и бросилъ остатокъ сигары въ каминъ.

— Полагаюсь на ваше искусство, сказалъ онъ.—Что же касается до меня, то я употреблю все мѣры...

— Не забудьте, что вы должны быть въ Амстердамъ будущій четверкъ, 8-го февраля, никакъ-непозже полудня.

— Я утѣжаю завтра на почтовыхъ и даю вамъ вѣрное слово, что въ будущій четверкъ до полудня буду у достойнаго мейнгера ван-Прэтта.

— Не проводить ли васъ до первой станціи? спросилъ Авель.

— Сдѣлайте одолженіе, если вамъ есть время.

— Такимъ-образомъ, думалъ молодой человекъ:—я удостовѣрюсь, точно ли онъ поведетъ... Завтра же, продолжалъ онъ вслухъ:—я вручу вамъ довѣренность, все документы, и сообщу все нужныя свѣдѣнія... Итакъ, до завтра, г-нъ баронъ!

— До завтра, г-нъ Гельдбергъ!

Два новые компаньона пожали другъ другу руки, и Родахъ удалился.

Когда онъ вышелъ, молодой Гельдбергъ потеръ себѣ руки съ торжествующимъ видомъ.

— Какое бремя я свалилъ съ плечъ долой! вскричалъ онъ: — почтенный баронъ считаетъ себя, вѣроятно, большимъ дипломатомъ, а между-тѣмъ я заставилъ его дѣлать все, что мнѣ хотѣлось...

Послѣ этихъ словъ, онъ макиавелически засмѣялся и заглянулъ въ зеркало, чтобъ посмотреть, не похожъ ли онъ на покойнаго г. де-Талейрана.

Десять минутъ прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ Родахъ вышелъ изъ будуара молодого Гельдберга.

Онъ прогуливался подъ руку съ кавалеромъ Рейнгольдомъ по маленькой террасѣ, на которую былъ выходъ изъ кабинета кавалера.

Они продолжали начатый разговоръ.

— Я знаю, что мы прекрасно поймемъ другъ друга, говорилъ кавалеръ: — во-первыхъ, вы такъ умны, что не можете не согласиться со мною на счетъ глупенькаго Авеля и несчастнаго доктора, безпрестанно напоминающаго мнѣ мелодраматическаго тирана или измѣнника. Дѣ, ихъ непременно надобно отклонить... Во-вторыхъ, вы такъ хорошо знаете дѣла, что не можете не понять необходимости послѣднихъ переговоровъ съ Маджаринномъ Яносомъ Гефрги... Но недостаточно понимать и соглашаться... Надобно дѣйствовать, а времени немного...

— Я готовъ дѣйствовать, возразилъ Родахъ.

— Прекрасно. Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что Маджаринъ Яносъ и шейнгеръ фан-Прэттъ сговорились напасть на насъ въ одно время... Они оба назначили послѣднiй срокъ до 10-го этого мѣсяца... Отразимъ же ударъ, грозящiй мнѣ, и пусть АVELь вѣдается, какъ знаетъ.

— Согласенъ.

— Онъ не раздѣляется съ толстымъ Голландцемъ, и намъ тогда легче будетъ раздавить его...

— Это ясно какъ день.

— Но не надо медлить!.. Времени мало, а чтобъ хорошо покончить дѣло, баронъ, вы должны быть въ Лондонѣ... Позвольте...

Онъ сосчиталъ по пальцамъ, потомъ продолжалъ:

— Въ будущiй четверкъ, 8-го февраля, до полудня.

— Прекрасно, отвѣчалъ Родахъ.

— Однако, подумайте хорошенько... не задержать ли васъ что-нибудь?

— Я только-что прiѣхалъ изъ Германiи и не имѣю здѣсь рѣшительно никакихъ дѣлъ.

— Въ такомъ случаѣ, вы даете мнѣ слово?..

— Даю вамъ верное слово, договорилъ Родахъ:—быть въ Лондонѣ въ будущій четвергъ, 8 февраля, до полудня...

IV.

КАВАЛЕРЪ ФОН-РЕЙНГОЛЬДЪ.

Докторъ Хозе-Мира и Авель фон-Гельдбергъ имѣли весьма-важныя причины прибѣгать къ помощи барона фон-Родахъ.

Мира утомился въ тщетной борьбѣ съ пятнадцатилѣтней любовью, тѣмъ болѣе сильною, что она длилась давно и вкоренилась въ пустомъ сердцѣ, въ которомъ угасли все другія ощущенія.

Авелю не хотѣлось уѣзжать изъ Парижа, гдѣ его удерживали, во-первыхъ, танцовщица и лошади, а во-вторыхъ, опасеніе какой-нибудь измѣны двухъ компаньоновъ во время его отсутствія.

Кромѣ-того, докторъ и Авель видѣли, что весь домъ ихъ находился въ рукахъ Родаха. Значительная сумма, которую онъ далъ имъ, безъ всякой со стороны ихъ просьбы, подала имъ высокое понятіе о его финансовыхъ средствахъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, заставляла предполагать въ немъ сговорчивость и даже легкомысліе, которыми каждый надѣялся воспользоваться.

Вотъ главныя причины ихъ предложеній, совершенно-искреннихъ. Авель и Мира сильно желали подкрѣпить собственную слабость силою этого человѣка, казавшагося богатымъ.

Но ни Авель, ни Мира не имѣли такихъ важныхъ причинъ, какъ кавалеръ Рейнгольдъ.

Онъ былъ въ томъ же положеніи, какъ и они; и у него было трудное дѣло, дѣйствительныя опасности котораго онъ увеличивалъ, по своей трусости. Неудачное окончаніе поединка Вердье съ Францомъ сильно поколебало его самоувѣренность. Онъ былъ боленъ нравственно и вездѣ, куда ни обращался, встрѣчалъ столько опасностей, что помощникъ казался ему необходимымъ.

Въ ту минуту, когда нравственная слабость его была увеличена послѣдней неудачей, одна мысль о свиданіи съ Маджариномъ Яносомъ Георга кружила ему голову, и онъ скорѣе согласился бы видѣть паденіе дома Гельдберга, нежели ѣхать въ Лондонъ.

Маджаринъ былъ человѣкъ грозный. Двадцать лѣтъ не охолодила его воинственной природы,—онъ разбогатѣлъ, но остался прежнимъ дикаремъ и не умѣлъ рѣшать спора иначе, какъ съ саблею въ рукѣ. Своею отчаянною храбростію онъ составилъ себѣ репутацію въ Лондонѣ. Онъ прослылъ львомъ. Въ столицѣ всевозможныхъ эксцентричествъ, все были въ восторгѣ отъ купца, имѣвшаго уже пятьдесятъ дуэлей и незнавшаго за собою ни одного процесса.

Бѣдный кавалеръ Рейнгольдъ охотнѣе бы согласился имѣть пятьсотъ процессовъ, нежели одинъ поединокъ.

Вотъ почему онъ несказанно обрадовался, когда баронъ такъ скоро и охотно принялъ его предложеніе.

— Что за прекрасный человекъ этотъ баронъ Родахъ! Какъ кстати явился онъ въ Парижъ!.. И къ чему повело все его важничанье? Къ тому, что его перехитрили... онъ заплатилъ долгъ, обещалъ дать денегъ къ предполагаемому празднику въ Германіи — празднику, бывшему отчаяннымъ *са-банкомъ* дома Гельдберга; далъ слово поправить неудачу негодяя Вердье; наконецъ, принималъ на себя отчаянное порученіе, которое могло имѣть успѣхъ, но въ которомъ врядъ ли обойдется безъ ранъ. И все это для того, чтобъ поправить дѣла дома, который съ нимъ же затѣветъ процессъ, когда онъ вздумаетъ требовать платы! Удивительный, рѣдкій, достойный человекъ! Какъ хорошо съѣлъ Цахеусъ Несмерть, что отправился на тотъ свѣтъ! Правда, почтенный баронъ иногда грозилъ, и въ рукахъ у него было оружіе, которыми нельзя было презирать; но онъ такъ въжливо дѣйствовалъ этимъ оружіемъ, и вмѣсто того, чтобъ разить, онъ же помогалъ! Добрый человекъ!

Рейнгольдъ внутренно смѣялся надъ нимъ отъ всей души.

— Надобно отдать вамъ справедливость, г. баронъ, сказалъ онъ: — вы прекрасно поняли свою слабую и сильную сторону въ-отношеніи къ намъ... Другой готовъ бы былъ безразсудно принять рѣшительныя мѣры; но вы, по своему уму и знанію людей, поняли опасность этихъ мѣръ. Такимъ-образомъ, вы не только получите все сполна, что вамъ слѣдуетъ, но, кромѣ того, сдѣлаетесь однимъ изъ начальниковъ дома Гельдберга, у котораго, надѣюсь, вскорѣ будутъ только два начальника — вы, да я.

— Надѣюсь, возразилъ Родахъ.

— Надѣйся! думалъ Рейнгольдъ: — будь мраченъ, холоденъ, важничай, пріятель! Ты имѣешь на то полное право, потому-что оказываешь мнѣ важную услугу. — Въ Лондонъ можно дозвать въ тридцать-шесть часовъ, продолжалъ онъ вслухъ: — но на море полагаться нельзя, и я бы совѣтовалъ вамъ увѣхать завтра же утромъ.

Рейнгольдъ дружески пожалъ ему руку.

— По-истинѣ, баронъ, вамъ надобно удивляться! вскричалъ онъ: — вы всегда готовы на все! Для васъ нѣтъ препятствій! Какъ прекрасно пойдутъ дѣла нашего дома, когда мы вдвоемъ будемъ управлять имъ! Что касается до меня, я желаю быть не только вашимъ компаньйономъ, но и другомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова.

Рейнгольдъ произнесъ эту фразу съ удивительнымъ жаромъ.

По мускуламъ холоднаго, неподвижнаго лѣтца лица барона фон-Родаха пробѣжала легкая, едва-замѣтная дрожь. Онъ опустилъ глаза, но не такъ быстро, чтобъ могъ скрыть молнію, сверкнувшую изъ нихъ; морщинки горькой улыбки образовались подъ усами его, служившими по сторонамъ рта.

Все это было дѣломъ одной секунды: Кавалеръ Рейнгольдъ не успѣлъ ничего замѣтить.

Одно только его поразило, именно — странное выраженіе, съ которымъ баронъ отвѣчалъ ему:

— Между компаньонами, г. Рейнгольдъ, всегда должна быть тѣсная дружба, и я охотно принимаю ваше предложеніе.

Кавалеръ посмотрѣлъ на него мнѣтельно: такъ сильно выраженіе голоса Родаха противорѣчиво этимъ мирнымъ словамъ. Рейнгольдъ даже думалъ, что встрѣтитъ недружелюбный, угрожающій взглядъ.

Но въ одно мгновеніе черты барона приняли прежнюю холодную неподвижность.

— Чередъ отъѣздомъ, продолжалъ онъ: — я попрошу васъ дать мнѣ всѣ свѣдѣнія, необходимыя для моей поѣздки въ Лондонъ, и бумаги, касающіяся до возлагаемаго вами на меня порученій.

Рейнгольдъ вошелъ въ свой кабинетъ. Въ ту самую минуту, когда онъ началъ уже отпирать свое бюро, его остановила внезапная мысль.

— Посвященіе въ тайны этого дѣла требуетъ много времени, потому-что оно весьма запутано, сказалъ Рейнгольдъ: — а я, кажется, уже говорилъ вамъ, г. баронъ, о нѣкоторомъ бракѣ, чрезвычайно-важномъ для меня... Теперь наступила именно та эпоха, когда я долженъ играть роль почтительно-влюбленнаго жениха. Я долженъ сейчасъ же ѣхать къ виконтессѣ д'Одмѣръ... Нельзя ли вамъ будетъ зайти ко мнѣ сегодня вечеромъ?

— Невозможно, отвѣчалъ Родахъ: — неожиданное путешествіе заставляетъ меня исполнить сегодня же вечеромъ нѣкоторыя другія дѣла, которыя я хотѣлъ исполнить завтра или послѣзавтра.

— Это не бѣда! Оставьте мнѣ свой адресъ, и я заѣду къ вамъ ночью, въ которомъ часу вамъ угодно будетъ назначить.

Баронъ, по-видимому, колебался.

— Любезный кавалеръ, сказалъ онъ наконецъ: — я человѣкъ странный, прихотливый... я люблю быть всегда свободенъ, а потому во время путешествій своихъ никому не открываю, гдѣ оставаюсь.

При этихъ словахъ, Рейнгольдъ лукаво улыбнулся и погрозилъ барону пальцомъ.

— Я увѣренъ, сказалъ онъ:— что у васъ есть какая-нибудь любовная интрижка... Въ ваши лѣта и съ вашею наружностью, г. баронъ, это весьма-позволительно.

— Вы имѣете полное право давать волю своему воображенію, г. кавалеръ.

— Простите мою нескромность! Но какъ же доставить вамъ необходимыя свѣдѣнія и документы?

Рейнгольдъ задумался.

— Есть одно средство, сказалъ онъ наконецъ:—но я опасуюсь, что и оно не будетъ согласно съ вашими привычками.

— Извольте говорить.

— Отсюда до Булони дилижансъ идетъ скорѣе тяжелой почты...

— Я прямо отъ васъ пойду взять мѣсто.

— Если вы позволите, такъ я доѣду съ вами до конторы дилижансовъ, и доро́гой мы переговоримъ о дѣлахъ.

— Такимъ-образомъ, думалъ про себя Рейнгольдъ:—я удостовѣрюсь, не хочетъ ли онъ обмануть меня...

Но Родахъ охотно принялъ его предложеніе.

— Извольте, сказалъ онъ:—я буду у васъ завтра рано утромъ, и мы выйдемъ вмѣстѣ... Итакъ, до свиданія, г. кавалеръ; желаю вамъ счастливаго успѣха въ дѣлахъ.

Онъ пошелъ къ двери; Рейнгольдъ, продолжая начатый разговоръ, провожалъ его.

Они вмѣстѣ сошли съ парадной лѣстницы и вступили въ контору, гдѣ служащіе готовились расходиться по домамъ.

Въ передней, Клаусъ, въ своемъ черномъ фракѣ, продолжалъ важно прохаживаться взадъ и впередъ.

Въ самомъ отдаленномъ углу комнаты, на скамейкѣ, обитой зеленымъ сафьяномъ, сидѣла одна только просительница.

То была бѣдная старуха Реньё. Она прождала три часа въ молчаніи, стараясь почти удерживать дыханіе съ инстинктивною робостью, достигающею въ удѣлъ нищеты.

Въ то самое время, когда Родахъ и кавалеръ входили въ контору, Клаусъ повторялъ старухѣ въ двадцатый, быть-можетъ, разъ, что ей никакъ не удастся видѣть г. кавалера Рейнгольда.

Старуха не отвѣчала.

Клаусъ вообразилъ уже, что она имѣла намѣреніе позвать въ передней.

Между-тѣмъ, бѣдная старушка уже болѣе пятидесяти разъ говорила себѣ:

— Подожду еще минуту... Если первый человѣкъ, который пройдетъ черезъ переднюю, будетъ не онъ, такъ я уйду...

И первый человѣкъ проходилъ, не удостоивая бѣдной старухи взглядомъ; то былъ не онъ... А между-тѣмъ, бѣдная старуха Реньё все еще ждала...

Ей казалось, что, съ удаленіемъ изъ этого дома, она лишится послѣдней надежды... За дверьми дома ожидалъ ее неизбежный позоръ, а за позоромъ тягостная смерть между сырыми стѣнами тюрьмы!..

И еще разъ отворилась дверь...

Старуха подняла глаза, омоченные слезами... и не вѣрнула глазъ своимъ; вся кровь бросилась ей въ лицо; она скоро встала, и крикъ радости замеръ въ груди ея.

Рейнгольдъ и баронъ Родахъ въ одно время взглянули въ ту

сторону, откуда слышался крикъ. Они увидѣли старуху, протѣгивавшую къ нимъ дрожащія руки.

Лицо кавалера покрылось зеленоютою блѣдностью. Онъ отступилъ, какъ-бы наступивъ на змѣю.

Родахъ узналъ старуху, съ которою, нѣсколько часовъ назадъ, ждалъ въ передней. Обративъ взоръ къ кавалеру, онъ былъ пораженъ его смущеніемъ.

Какая могла быть причина этому внезапному смущенію? Родахъ внимательно посмотрѣлъ на старуху и увидѣлъ умоляющее выраженіе страдальческаго лица ея. Это лицо пробудило въ немъ неясныя воспоминанія. Онъ былъ увѣренъ, что видалъ эту старуху; но когда, гдѣ?..

Старуха продолжала глядѣть на кавалера глазами, полными слезъ.

Кавалеръ не трогался. Онъ вперилъ глаза въ полъ, какъ-будто-бы предъ нимъ явилась голова Медузы.

Родахъ смотрѣлъ то на старушку, то на кавалера.

Клаусъ остановился на противоположномъ концѣ передней. Онъ употреблялъ немовѣрныя усилія, чтобъ сохранить важный и серьезный видъ, который принималъ всегда, когда облакался въ свой черный фракъ, — но не могъ... Издали смотрѣлъ онъ выпуча глаза на эту немую сцену, никакъ не понимая, что могло быть общаго между гордымъ, богатымъ, дерзкимъ кавалеромъ фон-Рейнгольдомъ и несчастной старушонкой, обходившейся почтительно даже съ нимъ, Клаусомъ...

Но его мнѣнію, мадамъ Реннѵ, съ своимъ покорнымъ видомъ и изношеннымъ платьемъ была не что иное, какъ нищая. Какъ же объяснить странное впечатлѣніе, произведенное видомъ ея на одного изъ компаньоновъ могущественнаго дома Гельдберга?..

Какъ ни думалъ Клаусъ, однакожь эта сцена все оставалась для него необъяснимою загадкою.

По мѣрѣ того, какъ длились это молчаніе и неподвижность, смущеніе Рейнгольда становилось все-заключительнѣе. Посматривая губы его дрожали, на лбу образовались внезапныя морщины, на щекахъ выступали то синеватая, то красныя пятна.

Старуха уперлась одною рукою объ стѣну, а другую приложила къ волновавшейся груди; она не могла перенести всѣхъ чувствованій, наполнявшихъ ея сердце; ноги ея подгибались; крупныя слезы катились по морщинамъ, перерѣзывавшимъ впалыя щеки ея.

Наконецъ, она проговорила тихимъ, жалобнымъ голосомъ чье-то имя...

Баронъ Родахъ услышалъ это имя и въ одно мгновеніе понялъ всю тайну этой сцены.

Кавалеръ притворился, будто не слышалъ имени, произнесеннаго старухой; но смущеніе его увеличилось, и нѣсколько капель пота выкатилось изъ-подъ парика его.

Старуха промолчала еще нѣсколько секундъ, потомъ изъ груди

ея вырвался жалобный стонъ... Она покачнулася и какъ безжизненная масса опустилася на скамью.

Родахъ бросился къ ней на помощь. — Около минуты поддерживалъ онъ ее.

Рейнгольдъ не тронулся съ мѣста.

Когда старуха стала приходить въ себя, Родахъ шепнулъ ей на ухо:

— Вы мадамъ Реньё?

Она утвердительно кивнула головой.

— Бѣдная мать!.. проговорилъ баронъ съ выраженіемъ глубокаго состраданія.

— Г-нъ кавалеръ, сказалъ онъ вслухъ, возвращаясь къ Рейнгольду: — не желаю болѣе отнимать у васъ драгоценнаго времени... Эта бѣдная женщина хочетъ наединѣ переговорить съ вами... Прощайте, до свиданія.

Рейнгольдъ бросилъ пронизательный взглядъ на барона. — Ему казалось, что въ словахъ его былъ тайный смыслъ; но лицо Родаха было по-прежнему холодно и спокойно.

— Я знаю эту почтенную даму, продолжалъ онъ раскланиваясь: — это тампльская торговка, мадамъ Реньё... Она несчастна, и если моя рекомендація можетъ послужить къ чему-нибудь, я попрошу васъ, г-нъ кавалеръ, выслушать ея просьбу.

— Конечно... вы, г-нъ баронъ... разумѣется... бормоталъ Рейнгольдъ, не зная, что сказать.

Баронъ, между-тѣмъ, подошелъ уже къ двери, слегка кивнулъ головою Клаусу и исчезъ.

Въ слѣдующей комнатѣ онъ остановился въ задумчивости и какъ-бы прислушиваясь къ тому, что происходило за нимъ.

Станъ его выпрямился; голова поднялась, брови насупились; и въ очеркѣ рта выразилось глубокое презрѣніе.

Въ комнатѣ, изъ которой онъ только-что вышелъ, не было слышно ни малѣйшаго шума. — Баронъ послушалъ еще около минуты и потомъ отворилъ дверь, къ которой подошелъ.

Въ разстояніи и озабоченности, Родахъ не замѣтилъ, что ошибся и вмѣсто того, чтобы выйти въ свѣжій воздухъ, вошелъ въ незнакомую ему комнату.

Полагая, что свѣжій воздухъ за этой комнатой, онъ прошелъ ее, не обращая даже вниманія на окружающіе его предметы. За этой комнатой слѣдовалъ корридоръ, изъ котораго, по нивлію Родаха, вѣроятно былъ выходъ на дворъ.

Но этотъ корридоръ, полъ котораго былъ устланъ мягкимъ ковромъ, заглушавшимъ шаги, оканчивался стеклянною дверью, завѣшенною съ той стороны шелковыми занавѣсками.

За дверью онъ слышалъ два женскіе голоса.

Женщины разговаривали, и барону послышалось, что онъ нѣсколько разъ произнесъ его имя...

V.

Бѣдная мать.

Кавалеръ Рейнгольдъ остался недвижимъ, какъ-бы пораженный громомъ, послѣ ухода Родаха. Послѣднія слова, произнесенныя барономъ, до-нѣльзя увеличили его смущеніе...

Родахъ сказалъ: «я знаю эту женщину...»

Правду ли онъ говорилъ? — Можетъ-быть. — Родахъ былъ человекъ страшный...

Немного часовъ прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ вступилъ въ домъ Гельдберга, явился неизвестно откуда и какъ, и уже покорила своей власти трехъ компаньоновъ.

Онъ все зналъ — какъ вчерашнія, такъ и давно-прошедшія событія. Онъ напомнилъ компаньонамъ тайну, заглаженную, по ихъ мнѣнію, двумя десятилѣтіями!

Но между тайнами г. кавалера фон-Рейнгольда была одна, болѣе другихъ для него важная... Онъ готовъ былъ заплатить деньгами, даже открыть часть другихъ своихъ секретовъ, чтобъ скрыть одну только тайну, касавшуюся бѣдной старухи, удрученной горестями и съ покорностью сидѣвшей въ его передней.

Тягостна была бы для Рейнгольда исповѣдь его, но тягостнѣе всего было въ ней одно признаніе... признаніе въ низкомъ происхожденіи. Его не беспокоило воспоминаніе о преступленіи; въ смущеніи его не было раскаянія: одна тиеславная, унижительная гордость вызывала краску стыда на лицо его... Онъ страдалъ, страдалъ невыразимо и, можетъ-быть, въ первый разъ съ давняго времени сердце забилось въ груди его.

Не отгадалъ ли баронъ, человекъ, одаренный, повидимому, ясно-видѣніемъ, — не отгадалъ ли онъ тайну жизни Рейнгольда?..

Кавалеръ не зналъ, что дѣлать. Онъ стоялъ потупивъ глаза.

Клаусъ инстинктивно понималъ всю опасность своего положенія, будучи свидѣтелемъ сцены, непріятной для его господина; онъ отвернулся и отдалъ бы свое мѣсячное жалованье, чтобъ перенестись какимъ-нибудь волшебствомъ куда-нибудь подальше.

Старая тамльскаѣ торговка ничего этого не замѣчала. Она устремила на кавалера Рейнгольда взоръ, въ которомъ вмѣстѣ выражались и неограниченная любовь и необъятная горестъ. Она замѣтила удаленіе барона только потому, что подумала:

— Теперь онъ остался одинъ... вѣроятно подойдетъ ко мнѣ...

И въ глубинѣ огорченной души ея пробудилась надежда... хотя и весьма-слабая, но все-таки надежда.

Путешественники рассказываютъ о наслажденіи, доставляемомъ одной каплей воды послѣ томительной жажды въ знойныхъ стѣ-

пяхъ. Несчастнѣй узникъ, привыкшій къ мраку своей темницы, принимаетъ и сумерки за блескъ солнца.

Тампльская торговка ждала, и слезы высыхали на рѣсницахъ ея.

Она ждала долго. И въ минуты этого ожиданія, цѣлый міръ воспоминаній пробудился въ душѣ ея.

Она вспоминала то время, когда была молода, хороша собою и когда ей улыбался хорошенькій, бѣлокурый ребенокъ. Ребенокъ былъ золъ, и, казалось, невидимая сила влекла его къ пороку; но какая мать замѣчаетъ подобные недостатки?..

Она вспоминала, какъ ребенокъ подросталъ и всегда господствовалъ надъ товарищами шумныхъ игръ, на Площади-Ротонды... Наконецъ, онъ поступилъ въ школу. Какъ она гордилась этимъ! До него никто изъ всей фамиліи Реньё не бывалъ въ школѣ.

А что говорили сосѣди?.. Что маленькій Жакъ и безъ того уже слишкомъ-смышлентъ... что ему учиться не-зачѣмъ... Но чего не выдумаетъ зависть? Боже мой! какъ мало безпокоили ее въ то время всѣ эти толки!—Ребенокъ исправится, повторяла она; тотъ, кто слишкомъ-умень на двѣнадцатомъ году, становится простякомъ на двадцатомъ, а глупцомъ на тридцатомъ... Пусть только дѣтство пройдетъ—тогда увидятъ!

Дѣтство прошло. Жакъ сдѣлался красивымъ юношей; онъ завывался и изъ всей силы затягивалъ себѣ талью: онъ сталъ тампльскимъ львомъ.

Въ школѣ онъ ничему не выучился, но познакомился съ нѣкоторыми болѣе-богатыми товарищами, и — отецъ Реньё сталъ замѣчать частый недочетъ въ своей кассѣ..

Наступили плохія времена. Бѣдная мать вспомнила, въ какомъ беспорядочномъ видѣ возвращался Жакъ домой послѣ оргій и съ какою насмѣшливою дерзостью отвѣчалъ на выговоры нѣжно-любившаго его отца,..

Тогда со всѣхъ сторонъ сыпались упреки сосѣдей.

— Что мы вамъ говорили, мадамъ Реньё?.. Мы предвидѣли, что этотъ ребенокъ надѣлаетъ вамъ много горя и хлопотъ!..

Какъ живы были всѣ эти воспоминанія въ умѣ ея!

Потомъ она припомнила первую рану, нанесенную дурнымъ сыномъ сердцу матери: бѣгство Жака со всѣмъ наличнымъ имуществомъ своего отца; болѣзнь и смерть старика Реньё, — а потомъ несчастіе... одно несчастіе!..

И по прошествіи двадцати лѣтъ, она опять увидѣлась съ этимъ ребенкомъ, навлекшимъ проклетіе на всѣхъ родныхъ своихъ. Двадцать лѣтъ страдала, терпѣла голодъ бѣдная, престарѣлая мать его!

И, не смотря на то, материнское сердце ея пламенно стремилось къ нему; она любила его столько же, она любила его болѣе, нежели прежде, въ счастливые дни своей жизни!

Ребенокъ возмужалъ, состарѣлся; никто изъ прежнихъ знако-

мыхъ не узналъ бы его... Но, сквозь завѣсу настоящаго, матери видать прошедшее!

Вотъ о чемъ думала старуха. Душа ея пробуждалась къ новой жизни; долгое страданіе казалось ей тяжкимъ, живымъ сновидѣніемъ.

По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, дѣйствительность для нея исчезла; сладостная мечта ввергла ее въ какую-то восторженность... Она сложила руки, опустила глаза, нежно улыбнулась и почти невольно произнесла тихимъ голосомъ:

— Жакъ!.. Жакъ, милый сынъ мой!..

Это были первые слова, произнесенныя ею.

Кавалеръ вздрогнулъ, какъ-бы отъ внезапнаго электрическаго удара.

Быстрымъ, боязливымъ взоромъ окинулъ онъ всю переднюю и увидалъ Клауса, притворившагося, будто онъ ничего не видитъ и не слышитъ.

— Ступай вонъ! сказалъ онъ задыхающимъ голосомъ.

Слова эти были произнесены такъ тихо, что Клаусъ не слышалъ ихъ.

Изъ блѣднаго, лицо кавалера сдѣлалось багровымъ.

— Слышишь ли? вскричалъ онъ, съ яростію сжавъ кулаки: — пошелъ вонъ! вонъ!..

Клаусъ пустился бѣжать безъ оглядки.

Кавалеръ, какъ-бы ожидавшій только этой минуты, подошелъ тяжелыми шагами къ двери, ведущей въ контору, но не могъ дойти до нея и въ изнеможеніи опустился на скамью.

Брови его насупились, и гнѣвъ, злоба, заставили его судорожно сжать губы. Какъ-будто-бы опущенныя вѣки недостаточно защищали его глаза, онъ заслонилъ ихъ еще рукою.

Тампльская торговка была очень-стара. Лѣта и нищета ослабили ее способности. Слишкомъ сильное волненіе ввергло ее въ тихое, спокойное забытѣе.

Во взоръ ея внезапно проявилось безпокойное выраженіе матери, открывающей въ любимомъ сынѣ первое проявленіе страданія. На блѣднѣхъ устахъ ея выступила печальная улыбка.

— Бѣдный Жакъ! повторила она еще разъ.

Старуха Рейнгольдъ видѣла уже передъ собою не кавалера Фридриха Рейнгольда, но прежняго Жака, тампльскаго уроженца; закрывшаго лицо обѣими руками и нуждавшагося въ утѣшеніи.

Она встала тихонько. Ноги ея тряслись, но она ступала твердо... Держась одною рукою за стѣну, обошла она всю скамью и опустилась на нее вольгъ Рейнгольда, придумывавшаго средство, чтобъ какъ-нибудь выйдти изъ этого тягостнаго положенія. Онъ ничего не находилъ.

Озабоченность его была такъ сильна, что онъ не замѣтилъ приближенія старухи, смотрѣвшей на него съ любовью... Медленно и

какъ-бы движимаю невидимою силою, подняла она руки, чтобъ коснуться плеча кавалера,—но не осмѣлилась.

Въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ, сидѣла она съ поднятыми и протянутыми къ плечу Рейнгольда руками, неподвижная и молчаливая... Вдругъ грудь ея подняла глубокій вздохъ... глаза наполнились слезами.

— Жакъ, произнесла она;—ты страдаешь, мой бѣдный Жакъ!..

Рейнгольдъ всколыхъ съ ужасомъ. Глаза его дико, безумно остановились на старухѣ.

— Давно, давно я не видала тебя!.. продолжала старуха Реньё; — но хоть бы ты измѣнился еще болѣе, я узнала бы тебя!.. мой Жакъ! мой милый сынъ! еслибъ ты зналъ, какъ я люблю тебя!

Рейнгольдъ продолжалъ смотрѣть на нее, но не могъ произнести ни слова.

Старуха провела рукою по лбу.

— Я забыла, зачѣмъ пришла сюда, проговорила она, какъ-бы про-себя.—О, Жакъ! какъ Господь милостивъ, что позволилъ мнѣ еще разъ увидѣться съ тобою... посидѣть возлѣ тебя... говорить съ тобою, мой возлюбленный сынъ!..

Она все смотрѣла на Рейнгольда, но, казалось, не видѣла его такимъ, какимъ онъ былъ действительно. Противоприродный ужасъ кавалера, его отвращеніе и боязнь, покрывавшая синеватою бѣдностью его щеки, исчезали отъ взора бѣдной женщины... Она видѣла не печальную действительность, не жестокую истину, но олицетвореніе радостныхъ воспоминаній и надеждъ.

— Жакъ, продолжала она: — я нѣсколько разъ ужъ лоходила до дверей твоего дома... заходила даже на красивый дворъ, гдѣ стояло столько великолѣпныхъ экипажей... Я смотрѣла въ окна, гдѣ столько шелка, бархата, золота... Не-уже-ли все это твое, сынъ мой?.. У насъ, Жакъ, въ комнатѣ, гдѣ ты родился, не было никогда ни шелка, ни бархата; встарину, — ты долженъ это помнить, — окна наши были завѣшены чистымъ коленкоровомъ... Коленкоровыя занавѣсы обветшали, и я замѣнила ихъ самыми простыми холстинковыми... теперь же и въ холстинкѣ столько дыръ, что мы не можемъ скрыть нищеты своей... Я всегда говорила: еслибъ Жакъ зналъ, въ какомъ мы положеніи, онъ непременно пришелъ бы въ квартиру своего покойнаго отца поплакать съ нами и помочь намъ... Но я не осмѣливалась войти въ домъ твой... Я боялась, чтобъ кто-нибудь не узналъ, что я твоя мать.. Поглядѣвъ на блестящія ливреи твоихъ лакеевъ, я упадала духомъ и возвращалась домой, потому-что не осмѣливалась говорить со слугами, такъ богато одѣтыми.

Рейнгольдъ глубоко вздохнулъ. Онъ терпѣлъ страшную пытку.

— Иногда, продолжала старуха:—я поджидала тебя на улицѣ... Я знаю всѣ мѣста, по которымъ ты проходишь, и часто разсѣянный, озабоченный взоръ твой останавливался на мнѣ, бѣдной

старухѣ, стыдливо скрывавшейся въ толпѣ... Мнѣ все казалось, что ты узнаешь меня... и сердце мое билось... я находила еще слезинку въ высохшихъ отъ страданія глазахъ своихъ!..

Она улыбалась такъ, какъ улыбаются счастливые, рассказывая о прошедшихъ горестяхъ; казалось, счастье льстило ей, и она съ грустнымъ удовольствіемъ припоминала прежнія страданія.

Выраженіе лица Рейнгольда мало-по-малу измѣнялось; досада и гнѣвъ замѣняли постепенно прежнее смущеніе.

Но онъ не произнесъ еще ни одного слова.

Старая тампльская торговка не спускала съ него глазъ: она видѣла въ немъ, быть-можетъ, сына любящаго, почтительнаго, которому волненіе и раскаяніе мѣшали говорить.

И не удивительно!.. Она страдала въ продолженіе тридцати лѣтъ. Ослабленная и какъ-бы угасшія способности ея ожили... Въ продолженіе тридцати лѣтъ, во время бессонныхъ ночей, ей грезилась минута свиданія съ возлюбленнымъ сыномъ... Въ продолженіе тридцати лѣтъ она молилась Богу, и теперь была вознаграждена, хотя мнимымъ, но все-таки счастьемъ!..

Но вдругъ тягостная, грустная мысль омрачила лицо ея, и она произнесла глухимъ голосомъ:

— О, Жакъ! много, много дней въ тридцати годахъ... И каждый день произносила я твое имя въ молитвѣ... Ни разу не забыла я этого священнаго долга... Ты сдѣлалъ намъ много зла, сынъ мой; но отецъ твой простилъ тебѣ на смертномъ одрѣ, а я простила еще гораздо-прежде... Твои братья, сестры, всѣ тѣ, которыхъ мы любили, умерли... На многихъ крестахъ на кладбищѣ стоятъ имя Рейнъ!.. Но ты не приходилъ утѣшить насъ, плакать съ нами, только потому-что не зналъ о несчастіяхъ, насъ постигшихъ!.. Да, потому-что у тебя доброе сердце!..

Рейнгольдъ отвернулъ голову съ видомъ крайняго нетерпѣнія.

— О, нѣтъ, нѣтъ! проговорила старуха Рейнъ, лицо которой становилось болѣе и болѣе печальнымъ:— не это огорчило меня... У насъ, въ Тамплѣ, много Нѣмцевъ; отъ нихъ узнала я, что ты въ Германіи... Ахъ, еслибъ ты зналъ, мой бѣдный сынъ, что о тебѣ рассказывали!..

Кавалеръ невольно сталъ слушать со вниманіемъ.

Мы уже говорили, что онъ придумывалъ какое-нибудь средство выйти изъ затруднительнаго положенія. Появленіе матери произвело на него сильное впечатлѣніе, но впечатлѣніе эгоистическое; картина нищеты его родныхъ производила въ немъ досаду, не страданіе...

Старуха продолжала:

— Я долго думала, что всѣ эти толки были низкою клеветой зависти... и теперь, увидѣвъ тебя, то же думаю. Люди, переселявшіеся сюда изъ Германіи, говорили, будто ты приобрѣлъ богатство преступными средствами... Боже всемогущій! сколько разъ предлагала я Тебѣ жизнь мою во искупленіе прегрѣшеній моего

сына!.. Мы говорили, что протіемъ крови, страшнымъ убійствомъ ты приобретаешь золото...

Сердце кавалера забилось. Онъ пожалъ плечами.

— Это клевета! не правда ли? вскричала тампльская торговка въ порывѣ страстной привязанности: — ты не запыталъ честнаго имени бѣднаго отца твоего, и не обкрадывалъ никого, кромѣ насъ!..

Эти оскорбительныя слова не были даже упрекомъ въ устахъ старухи Реньё, потому-что она тотчасъ же прибавила:

— Ты имѣлъ полное право отнять у насъ все, сынъ мой... потому-что все, что у насъ было, принадлежало тебѣ... Обвинители твои солгали, и мнѣ жаль напрасно-пролитыхъ слезъ... Вѣдь я знала, что они всегда тебѣ завидовали!.. Ты былъ умнѣе, красивѣе ихъ... Они не могли простить тебѣ этихъ преимуществъ и выдумали, что ты преступникъ!..

Она замолчала.

Рейнгольдъ желалъ, чтобъ она объяснилась подробнѣе; ему хотѣлось знать, въ какой степени были извѣстны его преступленія.

Но разслабленный умъ бѣдной старухи не могъ долго слѣдить за одной идеей.

Видя, что она молчитъ, кавалеръ опять сталъ придумывать, какъ бы ее спровадить.

Въ подобномъ случаѣ, есть только одно средство, — другаго не придумать и самое пылкое воображеніе; но какъ ни было подло и испорчено сердце Рейнгольда, онъ не рѣшался прибѣгнуть къ этому средству...

Съ-гѣхъ-поръ, какъ онъ случайно взглянулъ на старуху, онъ ощутилъ что-то невѣдомое въ глубинѣ души своей... Эта бѣдная женщина, удрученная горестію, взнемогшая въ страданіяхъ, была—его мать... Онъ не думалъ о ней и двухъ разъ во всю жизнь свою; но какъ бы ни былъ испорченъ человекъ, онъ не можетъ хладнокровно взглянуть въ лицо матери, наклонявшейся надъ его колыбелью... въ лицо, улыбкой отзывавшееся на первую улыбку, живымъ взглядомъ участія на первый крикъ...

Рейнгольдъ какъ-бы вспомнилъ о лѣтахъ своего дѣтства... Холодная натура его согрѣлась... Онъ мысленно произнесъ имя матери—имя, которое помнить человекъ, забывшій даже Бога!

Ему пришла мысль помочь несчастной женщинѣ, всю жизнь которой отравилъ онъ. Да и что ему въ горсти золота?.. Рейнгольдъ былъ такъ тронутъ, что охотно бросилъ бы матери своей луидоровъ двадцать, еслибъ она поскорѣе удалилась, обѣщая никогда не беспокоить его.

Но такое необыкновенное для него состраданіе было непродолжительно. Мысль эта умерла такъ же скоро, какъ и родилась, и, нѣсколько минувъ спустя, Рейнгольдъ самъ удивился, какъ къ нему могла родиться подобная мысль.

Старая торговка старалась, между-тѣмъ, привести въ порядокъ свои мысли.

— Да! проговорила она, воображая, быть-можетъ, что отвѣчаетъ на вопросъ сына: — да, сынъ мой! Я не приходила къ тебѣ отъ того, что мнѣ стыдно было твоихъ лакеевъ... И теперь еще я не могу понять, какъ я рѣшилась прійти къ тебѣ... Боже мой! я стала стара, и память моя ослабѣла... Я ничего не помню... а знаю, что мнѣ нужно было поговорить съ тобою о важномъ дѣлѣ.

Она подняла глаза къ потолку... и вдругъ лицо ея опять покрывлось блѣдностью.

— Жакъ! Жакъ! вскричала она умоляющимъ голосомъ: — теперь я вспомнила, сынъ мой!.. Меня хотѣтъ посадить въ тюрьму... что убьетъ меня... Спаси меня, сынъ мой, спаси мнѣ жизнь!

Ни одинъ мускулъ не измѣнилъ своего положенія на лицѣ Рейнгольда.

Старуха приблизилась къ нему.

Глаза ея были полны слезъ, но она улыбалась... улыбалась, потому-что надежда долго не угаснетъ въ сердце матери...

VI.

ДВѢ СЕСТРЫ.

Рейнгольдъ удалялся отъ старухи сколько могъ и, наконецъ, забился въ самый уголъ.

Начинало смеркаться, и наступившая темнота еще болѣе скрывала отъ матери Рейнгольда выраженіе лица ея сына. Бѣдная мать была игрушкой мечты: только сильный ударъ могъ открыть ей глаза.

Рейнгольдъ, доведенный до крайности, охотно занесъ бы ей этотъ ударъ; но онъ такъ долго молчалъ, что теперь боялся заговорить. Онъ готовъ бы былъ поступить злодѣйски... но и тутъ, какъ во всѣхъ другихъ рѣшительныхъ обстоятельствахъ своей жизни — трусилъ.

— Увы! я такъ стара, продолжала старушка Рейнгольд: — я такъ слаба!.. только отчаяніе придало мнѣ смѣлость явиться къ тебѣ, Жакъ... Я пришла просить у тебя помощи; но, Богъ свидѣтель, я прошу не для себя одной... всѣ братья и сестры твои умерли... Со мной осталась теперь одна Викторія, жена моего добраго Жозефа, съ двумя дѣтьми... Ахъ, Жакъ, у нихъ нѣтъ хлѣба! это несчастіе отяготило и надъ ними... Сынъ мой, будь ихъ спасителемъ, и я умру покойно!

Она коснулась плеча Рейнгольда.

— Слушай, продолжала она съ улыбкой: — теперь я не боюсь болѣе... потому-что ты самъ, не зная того, былъ моимъ преслѣдователемъ... Твой повзвренный въ дѣлахъ, Иоганнъ, безжалостно поступаетъ со мною, — вѣдь онъ не знаетъ, что я твоя мать... Сего-

для прійдуть за мною полицейскіе, чтобъ вести меня въ тюрьму... Жакъ, мой добрый сынъ! Тебѣ стоить только сказать одно слово... и въ какомъ счастьи проведу я остатокъ дней своихъ... потому-что тебѣ, тебѣ, сынъ мой, буду всѣмъ обязана!

Кавалеръ болѣе и болѣе жадся къ стѣнѣ.

Въ минуту материнскаго порыва, бѣдная старуха протянула руки, чтобъ обнять его и прижать къ своему сердцу...

Жакъ Реньйо вскочилъ, холодный, какъ кусокъ мрамора. Онъ уклонился отъ объятій матери и холодно, безжалостно глядѣлъ на нее.

— Сударыня, сказалъ онъ тихимъ голосомъ, но безъ видимаго смущенія:— я васъ не знаю... Что вамъ отъ меня нужно?

Старуха Реньйо сначала не поняла этихъ словъ: такъ сильно подходила она подъ вліяніемъ мечты своей.

— Его голосъ! произнесла она, всплеснувъ руками. — Не-уже-ли ты еще не говорилъ со мною?.. Отъ-чего же теперь, при звукахъ роднаго, знакомаго голоса, такъ сильно бьется мое сердце?..

Рейнгольдъ топнулъ ногою. Не смотря на глубину своего паденія, онъ внутренно сознавалъ свою подлость, и это бѣсило его.

— Я уже сказалъ, что не знаю васъ! вскричалъ онъ сердито. — Слышите ли?.. Я кавалеръ фон-Рейнгольдъ, вѣдскій дворянинъ... а вы — или сумасшедшая, или... плутовка!

Молча смотрѣла на него старуха въ-продолженіе нѣсколькихъ секундъ. Она употребляла всѣ усилія, чтобъ сохранить мечту свою, но боязнь пересидѣла ея волю.

— Сумасшедшая! повторяла она протяжно: — плутовка!.. Боже, Боже! Ты внушилъ мнѣ такую боязнь, а я не повиновалась твоему голосу!.. Плутовка!.. плутовка!.. Сынъ мой отрѣкся отъ матери, умолявшей его о спасеніи своей жизни!..

Кавалеръ почувствовалъ, какъ холодная дрожь пробѣжала по всему его тѣлу. Слова матери подѣйствовали на него, какъ таинственная анаэма... но онъ остался холоденъ и удорствовалъ въ своей подлой жестокости.

Старуха Реньйо едва держалась на ногахъ; изъ стѣсненной груди ее вырывались болѣзненные стоны...

А между-тѣмъ, она все еще надѣялась... и опустилась передъ сидѣмъ на колѣни.

— Выслушай меня, сказала она едва-внятнымъ голосомъ:— выслушай меня, Жакъ! Господь проститъ тебѣ, если ты раскаяешься... Жакъ, сынъ мой, жалься надъ самимъ-собою!..

Такъ-какъ Рейнгольдъ не отвѣчалъ, то она, рыдая, доползла до него на колѣняхъ.

По мѣрѣ того, какъ она приближалась къ Рейнгольду, Рейнгольдъ пятился и дошелъ до двери, ведшей въ контору.

Онъ схватился уже за ручку, но остановился, какъ-бы въ нерѣшимости...

— Сынъ мой! сынъ мой!.. проговорила со стономъ несчастная мать.

Рейнгольдъ насупилъ брови; судорожныя движенія исказили черты лица его... Не завязалась ли борьба въ душѣ его?..

Прошла минута, — и прежняя, безжалостная улыбка появилась на устахъ его.

— Я васъ не знаю, сказалъ онъ въ третій разъ, и поспѣшно отворивъ дверь, громко захлопнулъ ее за собою.

Старуха Реньё осталась одна.

Она встала, выпрямилась и твердыми шагами пошла къ двери. Такими же шагами прошла она съня и дворъ.

Но едва вступила она во дворъ, какъ эта минутная твердость покинула ее; она упала въ изнеможеніи возлѣ одной изъ тумбъ, стоявшихъ противъ воротъ.

Она произнесла нѣсколько словъ... въ нихъ не было проклятія:

— Боже! проговорила она съ чувствомъ: — накажи меня, но сжапись надъ нимъ!..

При домѣ Гельберга былъ обширный и красивый садъ, ограда котораго выходила на Асторгскую-Улицу и узкій переулокъ, ведущій въ Анжуйскую-Улицу. За третьєю стѣною былъ другой садъ.

У стѣны, выходившей на Асторгскую-Улицу, была великолѣпная оранжерея, примыкавшая съ одной стороны къ кіоску, о которомъ мы уже упоминали, и который служилъ некогда убѣжищемъ для любовныхъ интригъ хорошенькой герцогини. Другою стороною, оранжерея примыкала къ дому, то-есть, къ одному изъ двухъ флигелей его, выходившихъ въ садъ.

Въ нижнемъ этажѣ этого павильона былъ будуаръ Лиз Гельберга, прогуливавшейся, въ холодныя зимніе дни, по оранжереѣ, усаженной прелестными, любимыми ею цвѣтами.

Нижній этажъ другого павильона образовывалъ прелестную залу, въ которой обыкновенно сходились двѣ старшія дочери Монселя, когда пріѣзжали къ отцу. Туда же собирались, за нѣсколько минутъ до обѣда, компаньоны Гельберга, г. де-Лорансъ, иногда и самъ старый Жидъ, и оттуда отправлялись всѣ вмѣстѣ въ столовую.

Господинъ и г-жа де-Лорансъ, графиня де-Лампюнь, Авель, докторъ и Рейнгольдъ почти всегда являлись къ семейному обѣду. Это было одно изъ многихъ патриархальныхъ обыкновеній, придававшихъ издали такой добродѣтельный видъ дому Гельберга.

Противъ кіоска, имѣвшаго выходъ въ Анжуйскій-Переулокъ, былъ для симметріи другой кіоскъ. О немъ не рассказывали ничего особеннаго, и онъ именно служилъ только для симметріи.

Этого кіоска почти не было видно изъ дома, ибо садъ Гельберга не былъ однимъ изъ тѣхъ жалкихъ лужковъ, покрытыхъ тощей, бурюю травюю, отънесенныхъ двумя или тремя полузасохшими акаціями, которые известны у Парижанъ подъ названіемъ очарова-

желтыхъ убъжищъ;—онъ не былъ однимъ изъ тѣхъ нездоровыхъ ящиковъ, въ которыхъ сирень имѣетъ желтый или сѣро-бурый цвѣтъ, гдѣ розы цвѣтутъ безъ запаха, гдѣ на большихъ виноградныхъ лозахъ растетъ зеленый крыжовникъ;—онъ не былъ однимъ изъ тѣхъ мѣщанскихъ эдемовъ, защищенныхъ шестью этажами отъ солнца и непронизывающихъ рѣшительно ничего, кромѣ муравьевъ и пауковъ.

То былъ настоящій садъ, съ большими лугами, высокими деревьями, богатою растительностью.

Въ навильионѣ, на-право, сидѣла г-жа де-Лорансъ и графиня Эсоиръ.

Послѣдняя, въ красивомъ утреннемъ туалетѣ, небрежно лежа на кушеткѣ, грѣла ноги у камина и, по-временамъ, лѣнливо шюхала большой букетъ цвѣтовъ, бывшій у нея въ рукѣ. Она была блѣдна; синеватые полукруги отънялись отъ матоваго цвѣта лица подл глазами ея: безумное веселье и удовольствія прошедшей ночи оставили видимые слѣды въ ея красотѣ.

Сара же, сидѣвшая по другую сторону камина, была такъ же свѣжа, какъ и всегда, точно будто-бы провела всю ночь въ спокойномъ снѣ.

Человѣку, посвященному въ веселыя таинства маскарада и Англійской-Косейной, подобная разность между двумя сестрами показалась бы необъяснимымъ чудомъ. Одна устала столько же, какъ и другая...

Одна была полна; въ роскошномъ станѣ ея пропорціональность формъ согласовалась съ ихъ силой; здоровье цвѣло на бархатистыхъ щекахъ ея.

Другая художава; вся фигура ея могла служить образцомъ граціозной, но слабой миловидности; казалось, малѣйшее усиліе могло переломить ее, малѣйшее излишество погубить.

Не смотря на то, сильная женщина была утомлена. *Малютка* же была живѣе, веселѣе обыкновеннаго; миньютюрная талья ея нисколько не утратила своей гибкости; глаза ея блестяли, цвѣтъ лица былъ свѣжъ и дышалъ здоровьемъ.

Есть природы, на которыхъ удовольствія имѣютъ такъ же мало вліянія, какъ огонь на саламандру. Убийственныя для другихъ наслажденія оживляютъ ихъ; онѣ вдыхаютъ въ себя душную атмосфѣру ночной оргіи съ тѣмъ же упоеніемъ, съ какимъ больной вдыхаетъ въ себя благоуханія, распространяемыя весной въ воздухѣ оживляющею природою.

Эсоиръ пришла первая; на таблеткѣ камина, передъ нею, лежала еще раскрытая книга, страницы которой она разсвѣнно пробыгала.

Это былъ, кажется, романъ сердца, — очеркъ женщины, — нѣчто въ родѣ того, что должно валяться въ гостинныхъ, но что никогда не читается.

Малютка держала въ рукахъ красивый театральнй лорнетъ, ко-

торый она уже нѣсколько разъ послѣ своего прихода обращала на окна противоположнаго павильона, принадлежавшаго сестрѣ ея, Лив.

Отошедъ отъ окна, она опять сѣла на прежнее мѣсто, возлѣ кавина, и сказала съ легкимъ выраженіемъ презрѣнія въ голосъ:

— Ты большой ребенокъ, Эсэиръ: всего боишься и, не смотря на желаніе попользоваться жизнію, сидишь въ своемъ углу точно монахиня!

— Не-уже-ли? А вчерашній балъ?.. спросила графиня улыбаясь. Малютка пожала плечами.

— Какой великій подвигъ! вскричала она: — вчерашній балъ!.. Ты произнесла эти слова точно будто тебѣ удалось сдвинуть гору съ мѣста!..

— Говори, что хочешь, отвѣчала Эсэиръ съ нѣкоторою грустію: — но я внутренно убѣждена, что поступила дурно... Еслибъ онъ узналъ меня, Сара!

Малютка громко засмѣялась.

— Боже мой! какъ мнѣ трудно образовать тебя! сказала она: — ты боишься своей тѣни, и тебѣ все кажется, что такъ всѣ и подсматриваютъ за тобою... А между-тѣмъ, ты еще вдова и никто не имѣетъ права мѣшаться въ дѣла твои... Что же бы ты стала дѣлать, Боже мой, еслибъ была на моемъ мѣстѣ?

— Я была бы, вѣроятно, смѣлѣе, еслибъ...

— Еслибъ не любила своего мужа?

— Разумѣется; но я надѣюсь, сестрица, что буду любить Жюльена.

— Да, въ первые дни супружества... но именно по этому ты и должна вознаграждать себя.

— Вознаградить? въ чемъ? спросила Эсэиръ. — Я говорю тебѣ, что надѣюсь быть счастливой...

— Ахъ, бѣдная Эсэиръ, счастье самая скучная вещь въ мірѣ. Любить другъ друга, говорить о своей любви, нѣжно звать, видѣть всегда передъ собою одно и то же лицо, никогда ничего не желать... Ахъ, другъ мой, мнѣ кажется, такое счастье убило бы меня на первой недѣлѣ!

Эсэиръ опять улыбнулась.

— Ты все объясняешь по-своему, Эсэиръ! сказала она: — ты любишь только запрещенный плодъ и, какъ добрая сестра, желала бы имъ подѣлиться со мною.

— Именно! вскричала Малютка: — ты хороша собою, моя бѣдная Эсэиръ, молода, и скучаешь!... Я желала бы привязать тебя къ жизни; потому-что люблю тебѣ. Я желала бы подѣлиться съ тобою своими удовольствіями, чтобъ ты сказала мнѣ когда-нибудь съ признательностію: — благодарю, Малютка; я ничего не знала; ты научила меня жить и любить жизнь!..

Голосъ ея былъ вкрадчивъ, какъ ласка, а искусительный взоръ краснорѣчивѣе словъ.

Эсмеръ долго хранила отрицательную добродѣтель людей лѣнивыхъ: въ глубинѣ души своей она была болѣе добра, нежели зла, что, обыкновенно, увлекаетъ женщинъ; но до-сихъ-поръ Сара имѣла мало на нее вліянія, ибо безпечность графини служила ей защитой. Между-тѣмъ, огонь молодости не угасъ въ душѣ ея: подлѣ нѣсколько-тяжелую безпечностью ея таилась ненасытимая чувственность. Когда ей удавалось преодолѣть свою лѣность, пламя вспыхивало; страстно, неутомимо предавалась она тогда всякимъ наслажденіямъ.

До-сихъ-поръ, Малютка заставляла ее преодоѣлывать свою лѣность и во всемъ, что Эсмеръ сдѣлала дурнаго въ жизни, должно было обвинять сестру ея.

Пропаганда — необходимость всякой падшей души. Сара, престелная, обворожительная грѣшница, хотѣла привить грѣхъ ко всему, ее окружающему. Она наслаждалась, увлекая за собою и другихъ въ своемъ паденіи; величайшимъ ея счастіемъ было распространять около себя заразу испорченности и образовывать прозелитовъ духу зла.

Сара пала еще въ дѣтствѣ. Въ нѣжнѣйшія лѣта нечистое дунуеніе испортило дѣвическое ея сердце. Ее научили отрицать Бога и смѣяться надъ голосомъ совѣсти. Она, подобно учителю своему, доктору Мира, не вѣровала въ добродѣтель, была холодна, рѣшительна и безжалостна.

Но она была женщина: въ злѣ, какъ и въ добрѣ, женщина заходитъ далѣе мужчины.

Малютка превзошла своего учителя.

Именно на тѣхъ, кого мы привыкли любить и кому обыкновенно жертвуемъ собою, простирались злоумышленные замыслы Малютки; мы уже видѣли ее съ мужемъ, видимъ ее съ Эсмерью, подрукою ея дѣтства; увидимъ еще съ Ліей, младшей сестрою, которой чистая и твердая душа отвергла ея отравительное вліяніе.

Сара смѣялась надъ всѣмъ, привыкла всѣмъ играть.

Францъ, бѣдный юноша, случайно попавшійся ей на глаза и пойманный въ сѣти ея дивной красоты, служилъ ей такою же игрушкою, какъ и мужъ ея. Его робкіе вздохи, страстные, юношескіе порывы забавляли ее нѣсколько недель; она поиграла юною, свѣжею его любовію, полною пламенной неопытности и наивной страсти... Потомъ настало пресыщеніе, и она обрадовалась, узнавъ объ онасности, неизбежной, смертельной, предстоящей бѣдному юношѣ...

Она обрадовалась даже прежде, чѣмъ узнала, что Францу известна тайна, могущая погубить ее!

И еслибъ ребенокъ не стоялъ уже на краю скользкой пропасти, она сама подвела бы его къ ней...

Но узнавъ, что Францу известна тайна, имя ея, она объявила ему открытую войну; она ненавидѣла его, живаго или мертваго, все равно. И еслибъ, случайно, щадя Вердье, не щадила дороги

къ его сердцу, то у Франца былъ другой врагъ, смертельный, непримиримый и болѣе-жестокій и смѣлый, нежели самые убійцы Блутгаута.

Впрочемъ, теперь Малютка и не думала о Францѣ; она была увѣрена, что онъ убитъ.

Она была въ веселомъ расположеніи духа; вчерашнія удовольствія, увеличенныя собственно ея опасностью и страннымъ сближеніемъ Эсэиръ съ будущимъ ея мужемъ, оставили въ ней пріятнѣйшія воспоминанія.

Давно уже не была она такъ весела.

Притомъ же, состояніе здоровья г. де-Лоранса было хуже, нежели когда-либо прежде, и ночь, проведенная Малюткой въ удовольствіи, подѣйствовала на него, какъ цѣлый годъ невыразимыхъ страданій.

И ни одна искра того, что происходило въ душѣ Малютки, не проявлялась наружу! Свѣтъ называлъ ее живою, умною, образованною женщиной. Никто-почти не смѣлъ обвинить ее даже въ кокетствѣ, которое иногда — недостатокъ, часто — добродѣтель, всегда — украшеніе женщины.

— Я знаю только одну опасность, сказала она: — именно: страхъ... Кто боится, тотъ произвольно губитъ себя... Зачѣмъ же бояться?.. Въ нашемъ положеніи, никто не осмѣлится и подозревать насъ... Кто, напримѣръ, дерзнетъ подумать, что графиня Эсэиръ...

Она остановилась и презрительно улыбнулась.

— Это-то и спасаетъ насъ! продолжала она. — Представь себѣ гризетку, невѣсту ремесленника. Ремесленникъ встрѣчаетъ въ маскарадѣ маску, похожую на его невѣсту... Долой маску!.. Подобные люди не церемонятся... Между-тѣмъ, какъ виконтъ Жюльенъ д'Одмѣръ цѣлые три часа прогуливается, разговариваетъ, ужинаетъ съ тобою...

Одно воспоминаніе объ этомъ заставило Эсэиръ поблѣднѣть.

— И не узнаетъ тебя! вскричала Малютка съ торжествующимъ видомъ: — изъ этого можно вывести слѣдующее заключеніе: жена мелочнаго лавочника менѣе подвергается опасности, нежели гризетка; жена нотариуса менѣе подвергается опасности, нежели жена лавочника, но женщина высшаго круга не подвергается никакой опасности!..

— Нельзя же всегда надѣвать домино и маску, замѣтила Эсэиръ.

— Малютка пожала плечами.

— Увы! увы! сказала она: — ты пугаешь меня своими замѣчаніями, Эсэиръ!.. Много ли скроютъ тебя домино и маска? Я не знаю маски лучше осторожности, подкрѣпленной туго-набитымъ кошелемъ... Скажи сама, узнавалъ ли меня кто-нибудь?

— А Францъ?

— Онъ умеръ!

— Очень можетъ быть, что и кромѣ его...

— Нѣтъ, не можетъ быть!.. Представь себѣ, что я сама должна была похвастать передъ мужемъ, чтобъ внушить ему подозрѣніе... Это было нужно для нѣкоторыхъ моихъ видовъ...

Эсмеръ со страхомъ посмотрѣла на сестру и проговорила:

— Бѣдный мосѣ де-Лорансъ!

— Жалкій объ немъ! вскричала Малютка, громко засмѣявшись. — Вотъ ужъ десять лѣтъ, какъ онъ слыветъ счастливѣйшимъ мужемъ въ цѣломъ Парижѣ!.. Это общій голосъ... И въ-самомъ-дѣлѣ, еслибъ онъ захотѣлъ...

Выраженіе голоса Сары внезапно измѣнилось; она не договорила ни одной фразы, и свѣтлые глаза ея отуманились задумчивостью.

Какое-то имя было у нея на языкѣ; но она не произнесла его...

Иногда, на днѣ самыхъ испорченныхъ сердецъ, цѣлуетъ одно чувство, подобно прекраснымъ, отдѣльнымъ колоннамъ, возвышающимся надъ развалинами храма и обозначающимъ мѣсто, гдѣ поклонились Всеблагому...

Въ самой оскверненной душѣ есть иногда мѣстечко, свято защищаемое отъ разврата...

Воспоминаніе... чистая любовь... преданность матери...

Малютка замолчала и нахмурилась. Потомъ продолжала рывкимъ, жесткимъ голосомъ:

— Но онъ не захотѣлъ!.. Ты не можешь знать, сестра, какая пропасть между мною и г-мъ де-Лорансомъ! Притомъ же, прибавила она съ прежнимъ веселымъ видомъ: — ты хочешь сдѣлаться виконтессой, почему же мнѣ не желать сдѣлаться маркизой?

— Мужъ мой умеръ... проговорила Эсмеръ.

— Э, Боже мой! мы все смертны! возразила Малютка. — Однако, сестрица, я начинаю замѣчать, что нашъ разговоръ принимаетъ весьма-печальный оборотъ... Я пришла поговорить съ тобою объ удовольствіяхъ, а между-тѣмъ мы облекли мысли свои въ трауръ! Фя! оставимъ въ покоѣ г. де-Лоранса съ его гримасами; скажи мнѣ лучше, весело ли тебѣ было вчера?

— Очень, отвѣчала Эсмеръ шопотомъ.

— Такъ я доставляю тебѣ еще большее удовольствіе... Хочешь ли идти со мною въ мой игорный домъ?

Эсмеръ опустила глаза и не отвѣчала.

Стыдъ — самое неопредѣленное чувство въ человѣкѣ. Смотря по обстоятельствамъ, люди столько же стыдятся добра, какъ и зла. Такъ, на галерахъ, человѣкъ, совершившій незначительное преступленіе, стыдится признаться въ немъ, боясь подвергнуться насмѣшкамъ отчаянныхъ, закоренѣлыхъ злодѣевъ. Онъ не смѣетъ съ гордостью поднять голову, потому-что его преступленіе слишкомъ ничтожно.

Эсмеръ была почти въ такомъ же положеніи въ-отношеніи къ сестрѣ своей. Сара вызывала ее на новый проступокъ... Эсмери стыдно было отказаться.

Малютка молча ожидала отвѣта и искоса посматривала на се-

стру, сидѣвшую съ потушенными глазами. Она не повторила своего предложенія, но только съ коварной улыбкой поджидала добычу...

По прошествіи минуты, она быстро встала, подошла къ окну, и, приставивъ лорнетъ къ глазамъ, стала смотрѣть въ окна противоположнаго флигеля.

Удивляясь молчанію сестры, Эсэиръ медленно подняла голову и спросила:

— Куда ты смотришь, Малютка?

Сара не отвѣчала, но продолжала смотрѣть внимательно.

— Ты опять подсматриваешь за Лией? продолжала Эсэиръ, нѣволью возобновляя разговоръ, котораго старалась избѣгнуть. — Я увѣрена, что бѣдняжка и не думаетъ о безразсудныхъ удовольствіяхъ, насъ занимающихъ...

Г-жа де-Лорансъ повернулась къ Эсэири и, серьезно погрозивъ пальцемъ на окна комнаты Лии, сказала, ударяя на каждомъ словѣ:

— А я увѣрена, что она думаетъ о гораздо худшемъ!

VII.

Слѣза и улыбка.

Въ послѣднихъ словахъ г-жи де-Лорансъ, было какъ-бы прямое обвиненіе противъ младшей сестры ея.

Эсэиръ посмотрѣла на нее съ изумленіемъ; но, замѣтивъ, что Малютка молчитъ, она сама встала и подошла къ окну.

Въ эту минуту, любопытство побѣдило лѣнность ея.

— Что же ты видѣла? спросила она.

— Ничего новаго, возразила Сара: — невинный ангельчикъ нашъ читаетъ любовныя письма... больше ничего!

Она подала лорнетъ Эсэири, которая также навела его на окна противоположнаго павильона.

Вотъ что увидѣла Эсэиръ:

Лиа сидѣла передъ маленькимъ столикомъ, покрытымъ бумагами. На ней былъ бѣлый пеньюаръ, по которому длинными, густыми кудрями рассыпались предѣстныя черныя волосы. Подпервъ голову рукою, она, казалось, погружена была въ глубокую задумчивость.

Солнечный свѣтъ прямо падалъ на лицо ея. Оно было очень блѣдно; во всѣхъ чертахъ его выражалось страданіе.

Глаза Лии были устремлены на распечатанное письмо.

Она не шевелилась, и еслибъ не ровное движеніе груди, высоко подымавшейся подъ легкою тканью пеньюара не обдѣчало въ ней живаго существа, то ее можно было бы принять за мечту поэта, высѣченную изъ паросскаго мрамора.

— Какъ она хороша! проговорила Эсэрь.

Брови Малютки насупидись легкимъ движеніемъ.

— Ей восемнадцать лѣтъ, отвѣчала она.

Эсэрь не поняла всей завистливой горечи, заключавшейся въ лютъ отвѣтъ. Она отдала лорнетъ Саръ.

— Почему же ты думаешь, спросила Эсэрь:— что она читаетъ любовныя письма?

— Я не говорила, что думаю, возразила Малютка:— я сказала, что увѣрена... Эти письма пишетъ къ ней мужчина... ихъ много, а сама читала два письма.

— Не-уже-ли?

— Да; только я попала на два самыхъ незначительныхъ. Они были кратки, ничего не объясняли и только возбуждали мое любопытство... Представь себѣ, даже подписи не было!

— Стало-быть, ты не знаешь, кто ихъ писалъ?

— Не знаю *еще*, отвѣчала Малютка:— но узнаю. Увѣряю тебя, Эсэрь, я не сердита на Лію... она намъ сестра; слѣдовательно, мы должны любить ее... Но не могу забыть, что она приняла холодно наши первыя ласки и какъ-бы оттолкнула насъ отъ себя.

— Мнѣ кажется, ты ошибаешься, Сара. Сначала Ліа была счастлива и весьма-ласкова къ намъ; только въ-послѣдствіи сдѣлалась холодна.

Малютка никакъ не ожидала отъ своей сестры такой наблюдательности.

— Что въ этомъ, вскричала она:— послѣ или прежде сдѣлалась она равнодушна къ намъ? Съ-тѣхъ-поръ, какъ Ліа въ Парижъ,— а этому годъ,—старалась ли она хоть разъ сблизиться съ нами?

— Она робка, сказала Эсэрь.

— Она насъ не любитъ, возразила Сара.

— Ты ошибаешься; она еще не познакомилась съ нами, хорошенько; Ліа воспитывалась не съ нами и, вѣроятно, ея эрзетивность — слѣдствіе полученнаго ею воспитанія. Наша тѣтушка Рахиль обратилась въ христіанскую вѣру, и домъ ея сдѣлался настоящимъ монастыремъ... Вѣроятно, отъ-того и Ліа такъ сурьезна и холодна.

— Лицемеріе! проговорила Малютка:— она убѣждаетъ насъ, первыхъ, потому-что мы не имѣли счастья ей поираздѣться, а вторыхъ, потому-что, вѣроятно, ей есть чѣмъ заняться. Она живетъ здѣсь одна, слѣдовательно, также свободна или даже свободнѣе замужней женщины. Кто знаетъ, доведется-ли она гдѣ-нибудь писать длинныя письма и какъ голубка вдыхаетъ по своимъ голубкѣ?

— Не-уже-ли ты подозрѣваешь?

— Э, Боже мой, сколько! Я говорю только о томъ, что знаю; а то, что я знаю, не внушаетъ мнѣ большой довѣренности къ смиренному виду нашей святоши... Я была вчера вечеромъ у мадамъ Батальеръ.

— А! произнесла Эсэирь съ легкимъ отвращеніемъ и сильнымъ любопытствомъ.

Отвращеніе происходило отъ-того, что имя мадамъ Батальёръ напомнило Эсэири игорный домъ, котораго она очень боялась, но къ которому влекло ее что-то необъяснимое.

Любопытству же было нѣсколько причинъ. Эсэирь знала, что между этой мадамъ Батальёръ и Сарой были различныя тайны. У нея не было столько искусства и хитрости, чтобъ угадать то, что скрывала Сара; но Сара не всегда была скромна и часто открывала свои секреты Эсэири, чтобъ легче уговорить ее.

Мадамъ Батальёръ была агентшей Малютки; но обязанности ея трудно было опредѣлить: она ни отъ чего не отказывалась и безпрекословно исполняла всевозможныя порученія.

Воображенію Эсэири, незнавшей лично этой женщины, но слышавшей часть исторіи ея жизни, она являлась какимъ-то фантастически-романтическимъ существомъ.

Имя ея всегда служило прологомъ къ какой-нибудь странной исторіи. У Сары мадамъ Батальёръ играла такую же роль, какую играютъ въ старинныхъ комедіяхъ хитрые лакеи.

Очень-пойнятно, какъ должна была изумиться Эсэирь, услышавъ, что и Ліа будетъ играть роль въ безконечной исторіи мадамъ Батальёръ.

Сара продолжала рассказывать, а графиня внимательно слушала.

— Я была у мадамъ Батальёръ по небольшому биржевому дѣлу... У меня очень-много акцій на ея имя... Узнай, кого я встрѣтила у нея въ лавкѣ?

— Лію?... проговорила Эсэирь.

— Какъ ты догадлива! вскричала Малютка съ дѣтской досадою: — именно, Лію... Лію, нашего чистаго ангельчика, пришедшую за письмомъ отъ своего возлюбленнаго!

— Стало-быть, мадамъ Батальёръ?..

— Вотъ этого ты бы никогда не придумала! Ліа была дружна съ нами не болѣе двухъ недѣль, но и въ это время я успѣла прекрасно распорядиться... не знаю еще, однакожь, къ-чему это мнѣ послужить; я познакомила ее съ скромною и услужливою мадамъ Батальёръ... Света ее туда для покупокъ кружевъ и дорогій очень-искусно рассказала ей о всѣхъ прекрасныхъ качествахъ моей добрей мадамъ Батальёръ... Наша умница слушала очень-внимательно и, казалось, не пропустила ни одного слова изъ моего рассказа, ибо на другой же день Ліа одна отправилась въ Тамбль.

— На другой же день?

— Увы, да!.. Она отыскала лавку торговли и съ румянцемъ дѣвственной стыдливости на щекахъ рассказала ей какую-то длинную исторію... про какого-то кузена, гонимаго родителями ея и покровительствуемаго ею... Ложь, чистая ложь!..

— Ахъ, Боже мой! проговорила графиня: — кто бы могъ подумать!..

— Всегда надобно думать... Словомъ, она подала мадамъ Батальёръ, услужливѣйшей женщинѣ въ цѣломъ мірѣ, хорошенкѣй кошелькѣ, довольно-туго набитый золотомъ, прося ее притомъ принимать письма на ея имя. Разумѣется, мадамъ Батальёръ не откажется... Только, по полученіи перваго письма, изъ Франкфурта-на-Майнѣ, торговка смѣлась рассказала мнѣ про эту интригу... Въ конѣ же и принимать участіе, какъ не въ сестрѣ? Я приняла живѣйшее участіе въ этомъ дѣлѣ. Батальёръ хотѣла сначала поскромничать... но вѣдь она живетъ только мною. Благодаря мнѣ, у нея въ банкѣ около тридцати тысячъ экию; благодаря моему же капиталу, она съ честію содержитъ вгорный домъ въ улицѣ Пруверъ...

— Такъ это она содержитъ тотъ знаменитый домъ?.. вскричала Эсэирь.

— Не-уже-ли я тебѣ не говорила этого? спросила Малютка: — какъ я разсѣяна! А ты, можетъ-быть, думала, что у меня есть отъ тебя секреты... Именно, она... или, лучше сказать, я, подъ ея именемъ, содержу этотъ домъ.

Изумленіе выразилось во взглядѣ Эсэири.

— О! ты увидишь... продолжала Малютка:—я тебѣ сейчасъ все объясню, ты увидишь, что пёчего бояться... Мадамъ Батальёръ для собственной своей пользы скорѣе пойдетъ двадцать разъ въ тюрьму, нежели рѣшится меня выдать... Но возвратимся къ дѣлу. Около двухъ мѣсяцевъ она противилась моимъ просьбамъ и, наконецъ, когда показала мнѣ письмо таинственнаго любовника, тогда голубкамъ нашимъ, по-видимому, уже пёчего было говорить другъ другу... Второе письмо было еще глупѣе и пустее... Увидимъ, что скажетъ третье.

— Можетъ-быть, переписка прекратилась, сказала Эсэирь.

Малютка злобно улыбнулась.

— Съ одной стороны, можетъ-быть, возразила она:—тѣмъ болѣе, что голубокъ, вообще, довольно-равнодушень... но съ другой...

Она указала пальцемъ на окно въ павильонѣ Лін.

Эсэирь опять приставила лернетъ къ глазамъ.

Лучъ зимняго солнца, скользя между обнаженными сучьями деревьевъ, косвенно ударялъ въ окна флигеля и падалъ прямо на хорошенкѣе личико Лін.

Ясно можно было видѣть матовую близну блѣдныхъ щекъ ея. На длинныхъ, шелковистыхъ рѣсницахъ дрожало что-то блестящее...

— Она плачетъ, сказала Эсэирь.

— Плачетъ? вскричала Малютка съ насмѣшливымъ состраданіемъ:—бѣдная, невинная умница!.. Вотъ чему научила ее наша благодѣтельная тѣтушка Рахиль, принявшая христіанскую вѣру и обратившая домъ свой въ монастырь!..

Эсэирь невольно улыбнулась.

Слезинки, державшіяся прежде на рѣсницахъ бѣдной Ліи, катились теперь медленно по бѣдной щекѣ...

На письмѣ, лежавшемъ передъ Ліей, были видны слѣды слезъ. Вотъ содержаніе письма:

«...Несчастіе, меня поразившее, встрѣтило меня твердымъ, стальнымъ, потому-что совѣсть моя чиста: Священное дѣло, за которое теперь отяготѣть надо мною судъ людей, начато двадцать лѣтъ назадъ, и я надѣюсь, что Господь позволить мнѣ довершить его.

«Но когда я думаю о васъ, Ліа, мнѣ становится грустно, и совѣсть укоряетъ меня. По-временамъ, воспоминаніе о васъ утѣщаетъ меня въ моемъ уединеніи; я вижу ваши очаровательныя, кроткія черты! Я читаю въ вашемъ непорочномъ сердцѣ, и образъ вашъ улыбается мнѣ; но за то, въ другое время, воспоминаніе о васъ наполняетъ сердце мое горечью.

«О! зачѣмъ я встрѣтилъ васъ на пути своемъ! Зачѣмъ полюбилъ я васъ... зачѣмъ полюбили вы меня!

«Вы почти ребенокъ; черезъ нѣсколько лѣтъ, я буду старикомъ. Вы рождены для счастья; я съ молодости брожу по міру подъ тяжестію таинственнаго долга. Вы, Ліа, мой кѣжний другъ, не можете сообщить мнѣ своей радости, а я передалъ вамъ только тоску свою!

«Какъ прелестна ваша дѣтственная улыбка! Какъ я молодѣю, смотря на васъ, счастливую и безпечную птичку, порхавшую между душистыми кустами нашихъ горъ!

«Теперь въ вашихъ письмахъ я вижу слѣды слезъ. Вы спасли жизнь бѣдному изгнаннику, Ліа, а онъ — онъ превратилъ ваши радости въ печаль!

«Не смѣю сказать: «лучше бы я умеръ!» потому-что живу не для себя одного. Я долженъ исполнить долгъ свой. Но тысячу разъ предпочелъ бы заточеніе, въ которомъ нахожусь теперь!..

«Я страдалъ бы больше, но вы, по-крайней-мѣрѣ, были бы счастливы, какъ прежде.

«Забудьте меня, Ліа!.. Ліа, умоляю васъ, вообразите себя, что я умеръ и не думайте больше обо мнѣ... Слушайте... рука моя обгажена кровію!.. Что можетъ быть общаго между убійцей и вами?..

«Да, я убійца! Судьба моя влечетъ меня все впередъ, и Господь вложилъ въ руку мою мечъ кары!.. Прошу, умоляю васъ, не любите меня больше! Чтoby довершить начатое, мнѣ нужна непобѣдимая сила и непреклонная твердость воли... Не любите меня, потому-что я слабѣю при одной мысли, что могу быть счастливымъ...»

Ліа читала сквозь слезы; и душа ея исполнилась ужаса. Она трепетала, читая слова убійства, мести; но въ сердцѣ ея не было ни малѣйшаго упрека.

Человѣкъ, писавшій эти строки, былъ для нея божествомъ. Одна мысль о томъ, что онъ могъ поступать дурно, казалась ей святотатствомъ. Она любила его неограниченною, сильною, юною любовью.

Лиза бросила письмо на столъ, на которомъ лежало уже около десятка разбросанныхъ писемъ. Одни были писаны тою же рукою, какъ и письмо, отрывекъ изъ котораго мы сейчасъ прочитали; другія были некончены: вѣкъ начинала писать сама молодая дѣвушка.

Она не смѣла высказать всего тому, кого любила: онъ былъ нѣтъ несчастливъ! Она старалась удѣлять ему только свою радость. Когда сердце диктовало перу ея слишкомъ-печальныя слова, она бросала начатое письмо и старалась развеселиться.

Нѣсколько секундъ перебирала она молча письма, выбрала одно, читавшее болѣе другихъ, и слова принялась перечитывать его.

«...Говорилъ ли я вамъ, чтобъ вы перестали любить меня, Лиза?.. О, не врите мнѣ!.. я стараюсь обмануть самого-себя. Что будетъ со мною безъ вашей любви? Только она, она одна даетъ мнѣ силу бороться съ отчаянiемъ!

«Знавшiе меня, говорили нѣкогда, что душа моя тверда и что никакое несчастiе не поколеблетъ желѣзной моей воли; — они правы: воля моя осталась непоколебимою, и я убѣждаюсь, что могу умереть безъ жалобы...

«Но что такое смерть?.. Надобно умѣть жить!.. Надобно умѣть тщательно сберечь свою силу до часа борьбы; надобно умѣть страдать и не слабѣть; надобно умѣть скрыть въ глубинѣ души всю сѣньность чувствъ, чтобъ явиться съ нею въ день свободы, въ день торжества, и начать жить новою жизнью!..

«Вотъ въ чемъ заключается истинное мужество, истинная добродѣтель...

«Нѣсколько разъ уже затворялись за мною двери темницы; я былъ холодею, быть-можетъ, сильнѣе, и никогда не отчаявался. Во время заточенiя, придумывалъ я средства къ освобожденiю или обдумывалъ планъ битвы, когда мнѣ удастся, наконецъ, встрѣтиться лицомъ-къ-лицу съ моими врагами!

«И ни разу не ослабѣвалъ я, ни разу сомнѣнiе не подрывало убѣжденiя моего въ моей силѣ!.. Рука моя была тверда, умъ свѣтелъ; дорога моя была начертана: и въ самое то время, когда меня считали вѣчнымъ узникомъ, я шелъ уже свѣлыми шагами по широкому пути свободы...

«Не-уже-ли кровь моя остыла? Не-уже-ли я сталъ слабѣе, меньше-мужественъ? — Не знаю; но иногда, въ бессонныя ночи, сердце мое сжимается, и вся будущность моя покрывается погребальнымъ саваномъ...

«Не ничтожное мнѣнiе заставляетъ меня стремиться къ предназначенной цѣли. — Когда я былъ молодъ и счастливъ, я нѣсколько разъ рисковалъ жизнью за свободу Германiи... Огнѣй мой, праведный мужъ и неустрашимый воинъ, погибъ за родину.

«Насъ было три брата: мы пошли по слѣдамъ его.

«Въ то время, Лія, люди, которыхъ я теперь преслѣдую, убили только отца моего; въ послѣдствіи, они убили и сестру—кроткую, чистую женщину, Лія, походившую сердцемъ на васъ... и которую я любилъ почти столько же, какъ люблю васъ теперь!

«Не-уже-ли эти два преступленія могутъ остаться безъ наказанія?.. Но слушайте, Лія: еслибъ дѣло касалось только мщенія, можетъ-быть, я остановилъсь бъ на полпути. Я не простилъ бы убійцамъ; но переломилъ бы свой мечъ, предоставивъ правосудію Всевышняго судить ихъ...

«На мнѣ лежитъ другая обязанность.

«Въ Германіи нѣкогда существовалъ могущественный родъ, низвергнутый въ прахъ убійцами отца моего и сестры. Я хочу поднять этотъ родъ и поставить его на степень прежняго могущества. Пока я васъ не зналъ, вся любовь моя, вся моя преданность сосредоточивалась на единственномъ наследникѣ этого благороднаго дома. Теперь же, когда я полюбилъ васъ, Лія, сердце мое раздѣлилось на двѣ части; но твердость уцѣлѣла, и всѣ дѣйствія моей жизни принадлежатъ еще этому ребенку, сыну сестры моей.

«Долго старался я преодолѣть страсть, которая влекла меня къ вамъ. Совесть говорила мнѣ, что я не смѣю любить, не имѣю права отдавать сердца своего женщины, потому-что я рабъ долга!

«Но тщетны были всѣ усилія. Сердце мое не знало еще любви въ тѣ лѣта, когда другіе почти перестаютъ любить. Все, что другіе тратятъ, размельчаютъ въ одиодневныхъ прихотахъ, сохранилось въ сердцѣ моемъ нераздѣлимо, цѣлостно... Я увидѣлъ васъ, Лія, и увидѣлъ всѣ сокровища своего сердца въ васъ! Сердце мое пробудилось, я полюбилъ васъ, полюбилъ пламенно!..

«Благодарю Всевышняго, что онъ далъ мнѣ узнать, полюбить васъ! Ребенокъ, которому я замѣняю отца, найдетъ въ васъ другое Провидѣніе. Вы поддерживаете меня; вы моя сила, мое мужество!

«Когда я слишкомъ страдаю — тогда я призываю васъ; я вижу передъ собою вашъ ангельскій образъ, слышу вашъ нѣжный голосъ, произносящій слова утѣшенія...

«О! вы моя надежда! Безъ васъ, сомнѣніе овладѣло бы мною; потому-что руки мои связаны, и пока я стараюсь разорвать свои цѣпи, Богъ знаетъ, что случилось съ наследникомъ благородныхъ графовъ?..

«Живъ ли онъ? Враги его могущественны; можетъ-быть, теперь, въ эту самую минуту, онъ падаетъ подъ ударами ихъ!

«Боже, Боже! Не-уже-ли всѣ усилія мои тщетны? Не-уже-ли я напрасно тратилъ жизнь свою?..

«О, Лія! Вы говорите, что молитесь за меня... Молитесь и за него...

«Ваша молитва должна быть пріятна Господу; я люблю васъ

какъ ангела-хранителя, молитвы котораго призовутъ благословеніе небесъ на трудное дѣло мое.

«Любите меня, умоляю васъ! Вся моя надежда въ васъ! Я отчаяюсь, когда вашъ образъ покидаетъ меня; вѣрю въ счастье и успѣхъ; когда вижу его!..»

Ліа все еще плакала, но уже улыбалась сквозь слезы.

На прелестномъ лицѣ ея выражалась спокойная, благоговѣйная радость.

— Посмотри, Малютка! вскричала въ эту минуту Эсвиръ: — кажется, она теперь улыбается?

— Улыбается! повторила Сара: — жаль, что я читала самую незначительную часть переписки!..

— Она палуеть письмо! вскричала Эсвиръ.

Малютка вырвала у нея изъ рукъ зрительную трубку и стала смотрѣть съ жаднымъ любопытствомъ.

— Боже мой! да это просто упоеніе радости! проговорила она: — и нѣсколько минутъ спустя, она явится къ столу холодная, строгая, какъ монахиня... А, лицемѣрка!.. Хотя бы мнѣ стоило тысячу лундоровъ, а ужъ я достану все твои письма, мой ангелъчикъ! прибавила она, насупивъ брови: — и прочту ихъ отъ первой строки до послѣдней!..

VIII.

Искусительница.

Ліа не знала, что любопытные взоры слѣдили за всеми ея движеніями. Сердце ея было съ отсутствующимъ; она сосредоточивалась въ своей любви и забывала весь міръ.

Г-жа де-Морансъ была, въ-самомъ-дѣлѣ, несчастлива! Еслибъ она распечатала письмо, прочитанное нами, а не два незначительныхъ письма, то безъ труда угадала бы имя таинственнаго любовника.

Ліа любила это письмо болѣе всѣхъ другихъ; въ немъ проявлялась грусть, — но въ немъ же было столько и любви!

Въ другихъ письмахъ преодоливаемая страсть какъ-бы боялась выказаться наружу. — Онъ былъ человекъ твердый и новичокъ въ любви, трепетавшій подъ ея игомъ, но немѣвшей силы свергнуть съ себя это иго.

Въ послѣднемъ же письмѣ, онъ былъ счастливъ своею любовію и называлъ Лію своимъ ангеломъ-хранителемъ. Раскаяніе молчало. Онъ надѣялся, мечталъ о будущности, и Ліа была счастлива, потому-что была подкрѣпляема надеждою.

Когда взоръ ея остановился на послѣднемъ словѣ, она прижала письмо къ губамъ и напечатлѣла на немъ поцалуіи нѣжной привязанности!..

Сестры, подсматривавшія за нею, замѣтили этотъ поцалуй.

Но Ліа внезапно перестала улыбаться.

— Боже мой! проговорила она: — не-уже-ли онъ пересталъ любить меня?.. Три мѣсяца прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ я получила это осчастливившее меня письмо!.. Два другія, послѣдовавшія за нимъ, были кратки, холодны, написаны поспѣшно... А уже шесть недѣль я не получала ни одной строки!.. Сорокъ-два дня я жду... жду!

Трепетъ пробѣжалъ по всѣмъ ея членамъ.

— Омъ такъ много страдала! продолжала она: — что, если онъ палъ подъ бременемъ своихъ страданій?.. Если онъ боленъ?.. если...

Она не договорила, но щеки ея сдѣлались еще блѣднѣе; она опустила голову на грудь.

Глаза Ліа были сухи; блѣдныя губы медленно шевелились, творя молитву...

Эсэиръ и Сара вообразили, что она уснула въ сладостныхъ мечтахъ.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, Ліа скоро встала.

— Нѣтъ, нѣтъ! продолжала она, в лучъ надежды сіяль въ предстившихъ глазахъ ея: — Господь сжалятся надо мною!.. завтра я пойду къ этой женщинѣ и найду у ней письмо!.. О, на колѣняхъ буду я благодарить Бога!.. Пресвятая Дѣва! Сжалься надо мною!.. Одно письмо, одну строку, по которой я могла бы видѣть, что онъ не забылъ меня!..

Посреди стола стояла шкатулка; Ліа подошла къ ней, открыла и уложила въ нее всѣ письма, разбросанныя на столѣ. Складывая ихъ, она прочитывала въ каждомъ одну фразу, одно слово; напоминавшее ей содержаніе всего письма.

Она знала ихъ наизусть и, не смотря на то, безпрестанно перечитывала.

Внимая съ его письмами, она укладывала и свои, неконченныя. Она любила ихъ потому, что они напоминали ей его и служили возстановленіемъ ея мыслей.

Шкатулка была уже почти-полна, и на столѣ оставались только два или три письма, извѣтныя отъ ежедневнаго перечитыванія. Ліа взяла одно изъ нихъ и взглянула на первыя строки. То было черное письмо, давно написанное ею, мѣсяць спустя послѣ прибытія въ Парижъ.

Она не отослала этого письма, потому-что содержаніе его еще болѣе увеличило бы страданія того, кого она желала утѣшить.

Неволью стала она перечитывать забытыя строки, напоминавшія ея прежнюю грусть:

«...Я не знаю гдѣ вы теперь, и съ самаго отъѣзда своего изъ Германіи не получала отъ васъ писемъ.

«Отто! не-уже-ли вы, обѣщавшійся вѣчно любить меня, забыли

меня?.. Что вы дѣлаете теперь? Боже мой! какъ я страдаю въ разлуку съ вами!

«Я адресую свои письма на имя добраго Готлиба, крестьянина, давшаго вамъ убѣжище, въ окрестностяхъ Эссельбаха... Не знаю, дойдутъ ли они до васъ.

«Я въ Парижѣ, у отца моего, котораго едва знаю, съ сестрами, которыхъ не видала съ самаго дѣтства. Мы живемъ въ великолѣпномъ домѣ, и я окружена роскошью, къ которой не привыкла.

«Все прекрасно въ домѣ моего отца. Хотя домъ находится въ центрѣ столицы, но въ немъ есть и зелень и пѣвцы; въ немъ слышно даже пѣніе птичекъ... свободныхъ, веселыхъ, счастливыхъ!

«Изъ павильона, въ которомъ я пишу къ вамъ, видны высокія деревья, вѣтви которыхъ касаются моихъ оконъ,—и я плачу, смотря на нихъ, Отто, потому-что они напоминаютъ мнѣ другія деревья, свободно растущія на нашихъ горахъ и вѣтви которыхъ мы бедствовали...

«Какое счастье было написано на вашемъ лицѣ, когда вы смотрѣли на меня! Съ какою любовью цаловали вы мои руки!.. Боже мой! Я надѣялась, что ваша любовь никогда не угаснетъ: неужели я ошиблась?..

«Каждый вечеръ вижу я съ отцомъ своимъ; онъ добръ и, кажется, любитъ меня; я душевно его уважаю.

«У меня есть братъ, который посмотрѣлъ на меня въ лорнетъ, когда я пришла; онъ цалуетъ мнѣ руку, какъ чужой, и говоритъ мнѣ комплименты. Не знаю, любитъ ли онъ меня.

«У меня двѣ сестры. Еслибъ вы знали, Отто, какъ онѣ хороши! Я была разъ на балу и видѣла, какъ ихъ окружали толпы поклонниковъ. Я сама не могу смотреть на нихъ безъ восторга, когда прекрасныя плечи ихъ обнажены и голова украшена брилліантами.

«Всѣ мои родные исповѣдуютъ еврейскую вѣру; никто до сихъ поръ не препятствовалъ мнѣ исполнять обязанности христіанской религіи; но, по-видимому, это огорчаетъ моего стараго отца; два или три раза дѣлалъ онъ мнѣ кроткіе выговоры, и я не знала, что отвѣчать на нихъ...

«Братъ и средняя сестра не обращаютъ на это никакого вниманія.

«Старшая же сестра моя смѣется или шутитъ, когда ей говорятъ о религіи.

«Я свободна; никто не присматриваетъ за мною; мнѣ велятъ быть счастливою и наслаждаться жизнью. Я не знаю, куда дѣвать все деньги, которыми снабжаютъ меня. Не смотря на то, мнѣ грустно здѣсь, Отто, и я безпрестанно вспоминаю о скромномъ жилищѣ моей тѣтушкѣ Рахили. Мнѣ грустно не видѣть спокойнаго, всегда лица ея, неизмѣннаго кроткое лицо моей доброю матерю; мнѣ жаль своей комнатки, выходящей окнами на живописныя го-

ры, чистаго воздуха, обширнаго горизонта и знакомаго колокола ессѣдней церкви, напоминавшаго часы молитвы...

«Мнѣ жаль... но зачѣмъ мнѣ обманывать себя, Отто! Вы одни причиной моей грусти! Я тоскую въ разлукѣ съ вами, а не по предметамъ, которымъ только ваше присутствіе придавало столько прелести!..

«Я полюбила бы Парижъ, когдабы вы были со мною; еслибы васъ не было въ окрестностяхъ дома тѣтушки, я грустила бы тамъ столько же, какъ грущу здѣсь...

«Отто, вы никогда не хотѣли открыть мнѣ вашей фамиліи и не знаете моей... Мы остались чужды другъ другу, хотя и помѣнялись сердцами. Это пугаетъ меня; бываютъ дни, когда мнѣ хочется открыться вамъ вполне; мнѣ кажется, что это еще болѣе сблизитъ насъ!..

«Я безразсудная дѣвушка. По первому вашему знаку, я предалась вамъ всѣмъ сердцемъ. Я поступила дурно. Говорятъ, что родные мои благородны и могущественны; итакъ, лучше вамъ не знать фамиліи безразсудной, сдѣлавшейся вашей рабою. Если Господу угодно наказать меня, отнявъ у меня вашу любовь, то, по-крайней-мѣрѣ, безразсудство мое останется тайной для свѣта, и я не подвергнусь ни насмѣшкамъ, ни состраданію...

«Въ послѣдній разъ я видѣлась съ вами въ большомъ лѣсу, окружающемъ замокъ древнихъ торскихъ маркграфовъ. Я прѣехала верхомъ изъ Эссельбаха и мы вмѣстѣ гуляли по горной тропинкѣ, разговаривая о предстоящей намъ разлукѣ.

«Вы обѣщались воротиться черезъ мѣсяць; но тайный голосъ говорилъ мнѣ, что разлука наша будетъ продолжительнѣе. Незамѣтнымъ образомъ дошли мы до стѣнъ старой крѣпости.

«Отъ нея остались одиѣ развалины, и небо служитъ кровомъ огромнымъ заламъ, въ которыхъ укрывались могущественные рыцари... Но это развалины гордыя; мрачные валы говорятъ еще о битвахъ; высокая башня, уцѣлѣвшая вполне и высѣцающаяся на вершинѣ горы, подобна великому монарху, устоявшему на ступеняхъ рушившагося трона...

«Помню, что вы долго, въ молчаніи смотрѣли на громадныя остатки былой славы. Тихая грусть лежала на вашемъ челѣ, слеза дрожала на рѣсницѣ...

«Не я была причиной этой грусти, Отто; не о близкой разлукѣ плакали вы!.. Я знаю, что въ вашемъ сердцѣ первое мѣсто принадлежитъ не мнѣ... Но я не жалею, а усердно молю Всевышняго, чтобъ Онъ сохранилъ мнѣ хоть второе!..

«Не хочу мѣшать вамъ достигать вашей цѣли, потому-что эта цѣль должна быть благородна и справедлива; идите, идите впередъ, не думая о бѣдной дѣвушкѣ, васъ любящей; она была бы несчастлива, еслибы чѣмъ-нибудь остановила васъ!

«Смотря на торскія развалины, вы произнесли нѣсколько словъ.

и въ первый разъ угадала я, что вы служите падшему роду и предписали себѣ священный долгъ.

«Вы часто говорили мнѣ: «я не принадлежу себѣ!» Въ эту минуту я поняла значеніе этихъ словъ...

«Отто, я сама люблю того, кого вы любите; я сама готова посвятить ему всю жизнь свою. Трудитесь и не унывайте! Моя молитва будетъ всюду слѣдовать за вами. Но если вы восторжествуете, тогда подумайте обо мнѣ и возвратитесь...

«Обращайтесь ко мнѣ, какъ къ сердцу любящему, въ минуты унынія, тоски.

«Вотъ уже два дня, какъ это письмо написано, а я не могу зачитать его, потому-что не хочу увеличивать вашей грусти печальными словами.

«Не смотря на то, я продолжаю; когда я пишу ваше имя, мнѣ кажется, что вы со мною, слышите мои жалобы, и что вашъ пріятный голосъ утѣшаетъ меня.

«Мнѣ нужно поговорить съ вами о многомъ, Отто; мнѣ кажется, что я не буду счастлива въ этомъ домѣ. Вотъ уже два дня, какъ во мнѣ родились опасенія и я не смѣю никому повѣрить ихъ.

«Быть-можетъ, это ребячество. Вообще, таинственныя вещи происходятъ ночью и страхъ пробуждается во мракѣ... Но я слышу неистовѣйшія вещи днемъ; не могу объяснить ихъ, и онѣ утѣшаютъ меня.

«Почти цѣлый день провожу я въ павильонѣ, о которомъ я уже говорила вамъ. Изъ этого павильона есть ходъ въ оранжерею, простирающуюся во всю длину сада.

«Каждое утро, около половины девятаго, я слышу тяжелые, но осторожныя шаги чловѣка, какъ-бы спускающагося съ невидимой лѣстницы. Часто оглядываюсь я, потому-что шаги эти слышатся какъ-будто въ моей комнатѣ...

«Потомъ, подъ поломъ павильона отворяется дверь... Не думайте, чтобъ это была игра моего воображенія,—нѣтъ, я слышала все это болѣе двадцати разъ и все въ одно и то же время. Подъ поломъ шаги идутъ дальше. Если я остаюсь въ своей комнатѣ, то скоро шумъ этихъ шаговъ исчезаетъ въ отдаленіи, но часто я выходила въ оранжерею и слѣдила за нимъ.

«Невидимый чловѣкъ доходитъ до конца сада, гдѣ оранжерея приныкаетъ къ кіоску, въ который никто не ходитъ.

«Тамъ слышится звукъ другой отворяющейся двери и все утихаетъ...

«Вечеромъ, около пяти часовъ, возобновляется то же самое, но въ противоположномъ направленіи. Шумъ шаговъ слышится отъ кіоска и исчезаетъ на невидимой лѣстницѣ, находящейся возлѣ моей комнаты.

«Я спрашивала садовника, нѣтъ ли подвала подъ домомъ и оранжереей—онъ засмѣялся.

«Я расспрашивала горничную: она посмотрела на меня, как-то будто-бы не поняла моего вопроса.

«А между-тѣмъ, я не ошибаюсь. Что-то странное, необъяснимое происходитъ въ нашемъ домѣ...

«Уединеніе внушаетъ суевѣрный страхъ, а я всегда одна. Я не выхожу изъ павильона, потому что тамъ никто не беспокоитъ меня; но боюсь остарѣть въ немъ ночью и перенесла свою спальню въ другую часть дома...

«...Какъ я безразсудна! Умъ мой такъ странно настроенъ, потому-что мнѣ почти нѣ съ кѣмъ поговорить, нѣкому повѣрить своихъ ощущеній.

«Я познакомилась здѣсь съ молодою дѣвушкою моихъ лѣтъ, и чувствую, что могу полюбить ее. Она почти такъ же хороша, какъ мои сестры, и, судя по кроткому лицу, у ней должна быть прекрасная душа. Ее зовутъ Денизою. Съ перваго раза, какъ я увидѣла ее, я почувствовала къ ней невольное влеченіе и охотилась назвать бы ее другомъ своимъ.

«Но мнѣ кажется, она не любитъ моихъ сестеръ, и Малютка советовала мнѣ остерегаться ея.

«Малюткою всѣ здѣсь зовутъ мою старшую сестру. Я по-прежнему должна поговорить объ ней.

«Съ самаго моего пріѣзда, вторая сестра моя холодна и равнодушна ко мнѣ; Малютка же, напротивъ, всячески старается мнѣ угождать. Она съ удивительнымъ кокетствомъ старается заслужить мою довѣренность и дружбу. Сначала, мнѣ казалось, что она искренна.

«Чтобы лучше заслужить мою довѣренность, она стала разсказывать мнѣ свои секреты, и съ какими искусствами! Конечно, секреты эти довольно-незначительны: это невинныя приночи знатной, избалованной дамы...

«Она свела меня къ одной изъ тамбовскихъ торговекъ, мадамъ Бегальеръ, продающей съ уступкой разные женскіе наряды. Увидѣвъ, что эта прогулка и знакомство ни мало не испугала меня, она ступила еще шагъ впередъ и начала выхвалять эту женщину, занимающуюся разными сомнительными дѣлами, но отличающуюся примѣрною, неподкупною скромностью.

«Я была послѣ одна у этой женщины и заплатила ей, чтобы она получала ваши письма. — Она живетъ въ улицѣ Вербуа, № 8.

«Скоро ли получу я отъ васъ письмо по этому адресу?

«Старшая сестра моя долго разговаривала со мною. Я не понимала словъ ея, но улыбалась, потому-что она улыбалась...

«Наконецъ я поняла! Отто, какими словами передамъ я ужасное, преступное намѣреніе сестры!..

«Малютка почти вѣздъ старѣе меня; она должна бы служить мнѣ матерью, а между-тѣмъ, она же хотѣла погубить меня! По глазамъ ея скрыта ненависть, причинъ которой я рѣшительно не

могу постигнуть... Не знаю, преступна ли она сама, не могла ли она погубить...

«Она говорила мнѣ о невѣдомыхъ удовольствіяхъ и таинственныхъ наслажденіяхъ Коварное краснорѣчіе ея развивало предо мною тысячу обольстительныхъ картинъ.

«У себя въ комнатѣ я нашла книги, отъ которыхъ удалилась съ отвращеніемъ!.. Но довольно... краска стыда покрываетъ мои щеки и рука моя дрожитъ.»

Вечерѣло. Въ окнахъ павильона Лиз стало темно.

Эсмер и Малютка воротились къ камину и снова сдѣли одна противъ другой.

— Чего жь ты боишься, Эсмер?.. говорила госпожа де-Лорансъ:—я все предусмотрѣла; тамъ ты будешь болѣе въ безопасности, нежели подъ твоей вчерашней маской. Не-уже-ли ты думаешь, что я даромъ хлопотала?.. Давъ денегъ мадамъ Батальбъръ, сновавъ, такъ-сказать, этотъ шгорный домъ, я имѣла цѣлю быть въ немъ полновластной хозяйкой... Ты увидишь, какъ все искусно распложено. Возль банкومتъ устроена закрытая лонжа, на-ываемая посетителями *ложью принципсы*. Они узнены, что за ринеткой, задернутой кисейной занавѣской, знатная дама удовлетворяетъ свою страсть къ игрѣ... Говорать даже, что, въ случаѣ нечаяннаго вторженія полиціи, одно имя этой знатной дамы можетъ спасти ниную содержательницу.

Эсмер невольно улыбнулась.

— Съ нѣкотораго времени, продолжала Малютка:— Батальбъръ распустила другой слухъ между обычными посетителями... Она рассказываетъ, что въ ложь скрывается не принципсса, а знатная политическая особа... посланникъ, министръ... Ты понимаешь, что послѣ этого полиція не захочетъ беспокоить насъ.

— А въ ложь скрываешься ты? спросила Эсмер.

— Не всегда... лонжа служить мнѣ убѣжищемъ въ опасныхъ случаяхъ. Такъ-какъ игроки допускаются только съ моего разрѣшенія, то я всегда знаю напередъ, могу ли войти въ залу; если въ ней есть кто-нибудь знакомый, то я ухажу въ ложу, а нѣтъ—такъ сажусь на одно изъ кресель вокругъ зеленого стола; но, для болшей предосторожности, наряжаюсь довольно-эксцентрически, а голову свою отдаю на распоряженіе мадамъ Батальбъръ, которая убираетъ ее такъ, что меня трудно узнать...

— Какая драгоценная женщина эта Батальбъръ!..

— Сокровище, я тебѣ говорю! У зеленого стола начинается удивленіе, увлеченіе... Эсмер, вотъ ужъ десять лѣтъ, какъ я играю въ право, до-сихъ-поръ игра ни разу не недодала мнѣ!.. Что любовь въ сравненія съ наслажденіями игры!.. Впрочемъ, одно другому не мѣшаетъ. — Слушай!.. банкومتъ провозвѣститъ обычную формулу; затѣмъ слышится металлическій звукъ, выражающій нервы; кровь разгорячается, пульсъ бьется скорѣе... Зеленое сукно

исчезаетъ подъ слоемъ золота... вездѣ золото, одно золото! Большія испанскія монеты, англійскіе суверены, червонцы, лундоры! Золото изъ Лондона, Вѣны и Мадрита, золото изъ Петербурга, золото изъ Константинополя!.. Тасуютъ карты... всѣ ждуть... представляется шансъ... я играю: выигрываю... и все это золото кучей лежитъ передо мною!..

Грудь Малютки сильно волновалась; она говорила тихимъ, но проникающимъ голосомъ.

Эсмеръ опустила глаза; когда она подняла ихъ, въ нихъ сверкнула молнія.

Малютка скрыла свою радость.

— Ты придешь?.. проговорила она.

Эсмеръ не отвѣчала.

— Ты придешь, повторила Сара: — потому-что это высшее наслажденіе... наслажденіе вѣчно новое, никогда не утомляющее!

Она придвинулась ближе къ сестрѣ.

— Притомъ же, продолжала она еще болѣе вкрадчивымъ голосомъ:—туда влечетъ меня не одна игра!.. Вокругъ стола сидятъ люди богатые, дворяне... Они привезли свое золото изъ разныхъ странъ... Тамъ есть блондуры, здоровые Англичане, Итальянцы съ пламеннымъ взоромъ, задумчивые и серьезныя Нѣмцы, Русскіе атлеты, однимъ ударомъ способные разбить столъ въ дребезги...

Улыбка Малютки была жгуча какъ огонь, голосъ принялъ тихое, сладострастное выраженіе... Ротъ ея почти касался уха сестры...

Грудь Эсмеръ высоко подымалась; яркій румянецъ выступилъ на щекахъ.

— Фи! произнесла она дрожащимъ голосомъ:—Сара, Сара!

— Другъ мой, возразила Малютка:—намъ, кажется, нечего скрываться другъ предъ другомъ?..

— Въ свѣтъ... начала графиня.

— Въ свѣтъ!.. вскричала Малютка, нетерпѣливо толкнувъ ногою: — и ты же говоришь мнѣ объ опасностяхъ!.. Да въ свѣтъ-то и заключается самая большая опасность!.. Въ свѣтъ-то никакая тайна и не скрывается; я составила себѣ репутацію, отражающуюся и на тебѣ... Не повѣрь мнѣ, Эсмеръ, одного дуновения довольно, чтобъ затмить эту репутацію... малѣйшая интрига убьетъ ее... и мнѣ страшно за тебя всякій разъ, когда ты помотришь на мужчину!

Эсмеръ взглянула на сестру съ изумленіемъ.

— Да, мнѣ страшно за тебя, потому-что ты въ свѣтъ, продолжала Малютка: — потому-что всѣ взоры обращены на насъ; потому-что насъ окружаютъ сто женщинъ, завидующихъ намъ и ищущихъ только случая погубить насъ!

Она замолчала и пристально поглядѣла на сестру.

— Хочешь быть монахиней? спросила она внезапно.

— Разумѣется... я знаю... но...

Эсфирь не знала какъ и что отвѣчать на неожиданный вопросъ остры.

— Хочешь, да не можешь!.. вскричала Малютка: — ты молода, мороза; сердце твое говоритъ, чувства волнуются... Слушай же: свѣтъ огромная западня, въ которую какъ-разъ попадешься среди бѣлаго дня... Деньги управляютъ свѣтомъ; но и онъ не успѣлъ еще истребить всѣхъ предрассудковъ... Еслибъ мы принадлежали къ историческому роду, еслибъ предки наши на полѣ битвы отличились передъ арміями, которыми управляли, тогда я говорила бы съ тобой иначе; но за проступокъ, прощаемый герцогинѣ или маркизѣ, ошесорять дочь Жида!

— Но я графиня... начала Эсфирь.

— Графиня Лампюнь, чудная фамилія!.. Повѣрь мнѣ, моя милая, въ нашемъ положеніи мы должны имѣть двѣ тетивы у своего лука, двѣ дороги въ жизни: по одной мы идемъ смѣло, поднимая голову и съ открытымъ лицомъ, по другой втихомолку, когда никто не видитъ насъ; на одной мы должны быть холодны, строги, добродѣтельны; на другой можемъ дѣлать, что хотимъ... Я знаю двушку, которая всегда спитъ въ каретѣ, чтобъ придать себѣ тончайшую талью; задыхаясь приходитъ она на балъ и весьма-часто мать должна распускать ей шнуровку послѣ первой кадрили... Не лучше ли носить строгій корсетъ только въ свѣтъ, а дома быть на свободѣ, чтобъ легче перенести утомленіе бала?.. Ты похожа на эту двушку, Эсфирь: ты никогда не хочешь снимать корсета; онъ мучитъ, терзаетъ тебя и подъ непріятельскимъ взоромъ свѣта ты хочешь распустить шнуровку!..

— Я понимаю, что ты хочешь этимъ сказать, проговорила Эсфирь:—но...

— Но что?.. Въ свѣтъ, по другой дорогѣ, по которой мы идемъ съ закрытымъ лицомъ, сколько спокойствія, смѣлости, непринужденности! Люди, съ которыми встрѣчаешься, не знаютъ твоего имени... съ ними сойдешься, разойдешься и потеряешь ихъ изъ вида...

— Но они могутъ встрѣтить насъ...

— А развѣ отпереться нельзя?.. Милая моя, природа надѣлила насъ, женщинъ, хладнокровіемъ и присутствіемъ духа—для чего? Вероятно для того, чтобъ мы пользовались этими качествами!.. Можно отпереться, смѣло, рѣшительно, и если мы никогда не провалились предъ свѣтомъ, онъ же заступится за насъ... Онъ не признаетъ обвиненій, выходящихъ не изъ среды его; онъ не веритъ тому, чего не знаетъ; онъ считаетъ невозможными проступки, которыхъ не понимаетъ...

— Но, замѣтила еще Эсфирь, вполонину-убѣжденная: — если свѣтъ повѣритъ этимъ обвиненіямъ?..

— Такъ что же? Все-таки за цѣлую жизнь удовольствій, наслажденій, мы рискуемъ не болѣе, какъ рисковали бы за нѣсколько

Минуть радости, волнуемой страхомъ, схваченныхъ на лету и похожихъ скорѣе на пытку, нежели на наказание... Ты знаешь, сестра, что въ наказаніяхъ есть нѣтъ степеней: за легкій проступокъ онъ наказываетъ такъ же строго, какъ за преступленіе... и — ужь если заслуживать еднѣнбольшаго отстраненія, такъ лучше за дѣло, нежели за вздоръ... Но все эти рассужденія напрасны, ибо, во-первыхъ, свѣтъ ничего не узнаеть, а во-вторыхъ, не покарить...

— Одинокшъ, екадала Эсэиръ:—еслибъ Францъ захотѣлъ...

— Опять Францъ! съ сердцемъ воскричала г-жа де-Дорантъ: — Какой вѣсъ могутъ имѣть слова его? Притомъ же, все это дѣло исключеніе... Францъ служилъ у насъ на конторѣ... мнѣ следовало знать это... Я увидѣла его однажды въ игорномъ домѣ и — онъ мнѣ понравился! Въ жизнь свою не видала я болѣе-высокой и внезапной прихоти!.. Я забылась, и поступила неосторожно, приказавъ мадамъ Батальеръ привести его ко мнѣ въ комнату...

Малютка рассказывала это не краснѣя. Эсэиръ слушала довольно-спокойно.

— И этимъ ограничиваются всѣ твои возраженія! продолжала Сара. — Францъ! вѣчно Францъ!.. Клянусь тебѣ, моя маман, твой Францъ никогда не обвинитъ меня...

Слова Малютки были прерваны служанкой, вошедшей съ письмомъ.

— Отъ господина доктора, сказала она:

Сара взяла письмо; служанка удалилась.

— Какъ этотъ человекъ надоелъ мнѣ! проговорила Малютка, съ видимымъ отвращеніемъ распечатывая письмо.

Едва взглянула она на иерывы строки, какъ внезапная блѣдность покрыла ея щеки и брови судорожно сдвинулись.

Вотъ что заключалось въ письмѣ:

«Сударыня,

«Согласно вашему желанію, смѣшу васъ известить въ двухъ словахъ о результатахъ извѣстнаго вамъ изслѣдванія. Молодой Ф.... остался живъ и здоровъ; В.... опасно раненъ.»

Малютка опустила письмо и въ продолженіи минутъ оставалась какъ громомъ пораженная. Въ груди ея кипѣла ярость; въ глазахъ горѣла злоба.

— Имя не удалось! подумала она, судорожно стиснувъ зубы: — они не убили его!.. Да, я вижу, что мнѣ самой надобно будетъ выдѣлаться въ это дѣло!

И въ глазахъ ея, опущенныхъ къ полу, блеснуло то же грешное, жестокое выраженіе, съ которымъ она глядѣла на своего мужа, съ отчаяніемъ въ сердцѣ умолявшаго ее на колѣняхъ о пощаду...

ix.

Три имени.

Говоръ Сары продолжался около секунды. Эсфирь почти не застывала этого порыва бытности.

Малютка разорвала письмо на мелкіе куски и бросила ихъ въ каминъ.

Письма не истреблено еще бумаг; а на лицъ Сары опять уже появилась прежняя искусительная улыбка. Она умѣла побѣждать все свои страсти, скрывать все ощущенія.

При чтеніи записки, ее увлекъ порывъ гнѣва, потому — что новость немалюбо поразила ее; она даже не думала о возможности подобнаго результата.

Она сама проводила Франца, отправлявшагося на вѣрную смерть; противникъ его былъ искусный фехтовальщикъ, а тотъ не умѣлъ держать шпаги въ рукахъ.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ она пробудилась послѣ крѣпкаго и спокойнаго сна; она не иначе думала о Францѣ, какъ о покойникѣ; — даже, раза два или три, какъ-будто сожалѣла о прекрасной, сибиромъ, вселомъ юношѣ; замиравшемъ отъ любви въ ея объятія... Да, она сожалѣла о немъ! Проснувшись, она даже покачала прелестной головкой и сказала:

— Жаль!..

Во въ вѣстныхъ случаяхъ сожалѣніе тѣсно связано съ удовольствіемъ.

Сары была очень-весела: Францъ зналъ ея тайну; онѣ одинѣ зналъ ее и унесъ съ собою въ могилу. Итакъ, нечего было опасаться!..

Но теперь открывалось, что могила его была вырыта слишкомъ-равно. Францъ остался живъ; следовательно, и опасность; угрожавшая Сарѣ, не миновалась. А опасность эта была велика; потому-что Францъ зналъ многое...

Человѣкъ самый храбрый содрогнется, чувствуя, какъ остріе шпаги проникаетъ ему въ грудь... Отъ самаго храбраго человека можно требовать только того, чтобъ онъ всталъ еще послѣ полученнаго удара.

Малютка была героиня: она не только встала послѣ полученнаго ею удара, но даже улыбалась.

Увлечать за собою другихъ въ пропасть, въ которую сама стремилась, была потребностью ея натуры. Въ первую минуту гнѣва, она, конечно, не рассуждала, но истинникъ внушилъ ей, что не слѣдуетъ открывать извѣстія, сообщеннаго ей докторомъ Мирѣ. — Эсфирь колебалась еще; не надобно было давать ей повода отказаться.

Эсфирь была женщина слабая умомъ и увлеченная преобладав-

шимъ въ ней чувственнымъ элементомъ. Малиутка хотѣла, чтобъ она была еще хуже: она желала передѣлать ее на свой образецъ; ей казалось, что паденіе сестры уменьшить собственное ея паденіе, и ей на долю останется только половина позора.

Или, лучше сказать, она стремилась ко злу по склонности, по страсти; она старалась вредить съ тѣмъ же усердіемъ, съ какимъ другіе дѣлаютъ добро. Ничто не останавливало ея...

Даже въ эту минуту, какъ печальное, неожиданное извѣстіе поразило ее въ самое сердце, она не забыла начатаго искушенія.

— Письмо доктора! проворчала она, толкнувъ въ огонь послѣдній догоравшій лоскутокъ бумаги. — Я дала ему порученію, и онъ не стѣмъль его исполнить.

Она взяла руку графини и стала гладить ее.

— Такъ-какъ это будетъ въ первый разъ, продолжала она: — те мы пріймемъ всевозможныя предосторожности... сама Батадѣръ не будетъ ничего знать... Мы пройдемъ въ ложу и не выйдемъ оттуда... Ты увидишь, съ какимъ любопытствомъ подымутся все головы, когда услышатъ шумъ за рѣшеткой... «Принцесса, принцесса!» заговорятъ всѣ... Одинъ Англичанинъ предлагалъ пятьсотъ гиней мадамъ Батадѣръ за то, чтобъ она позволила ему подняться только одинъ уголъ занавѣски...

Сара остановилась, потомъ продолжала тихимъ голосомъ:

— Пойдешь ты со мною?

— Ты демонъ, Сара! проговорила Эсмиръ.

Малиутка засмѣялась, поцаловала сестру и сказала:

— Ты пойдешь, тѣмъ лучше!.. Боже мой, какъ тебѣ надобно упрашивать... Между-тѣмъ, я увѣрена, не пройдетъ и мѣсяца, ты не будешь знать, какъ благодарить меня... Ты придешь сегодня вечеромъ?

— Не могу!

— Отъ-чего?

— У меня есть дѣло.

— Свиданіе?

— Можетъ-быть.

— А! это другое дѣло. А нельзя ли узнать?... :

— Невозможно!

Малиутка опустила глаза и изъ-подлобья посмотрѣла на сестру.

— Бѣдненькая! проговорила она: — ты любишь таинственность... но я угадываю.

Эсмиръ покачала головой.

— Я увѣрена, что ты думаешь о баронѣ Родахъ! сказала Сара рѣзкимъ голосомъ.

Эсмиръ не отвѣчала; лицо ея приняло выраженіе мнительности.

— Странно, сказала она наконецъ иронически: — какъ тебѣ, остряца, занимаетъ этотъ баронъ Родахъ!

— Онъ занимаетъ меня только потому-что ты, моя идяла, безпрестанно о немъ думаешь!

Сказавъ эти слова веселымъ тономъ, Малютка вдругъ обратила спину къ стеклянной двери, ведущей въ корридоръ, изъ котораго былъ выходъ въ сѣни конторы.

— Что тамъ? спросила Эсирь.

— Мнѣ слышались шаги...

Объ стали прислушиваться; ничего не было слышно.

— Я ошиблась, сказала Сара по прошествіи нѣсколькихъ секундъ: — скоро насъ позовутъ къ обѣду... Милая, зачѣмъ же ты не хочешь признаться, что любила барона Родаха?

— Какой вздоръ!

— Берегись! я подумаю, что ты его и теперь еще любишь. Да и зачѣмъ отвараться? Я въ жизнь свою мало встрѣчала такихъ красивыхъ мужчинъ!

— Съ какимъ жаромъ ты говоришь о немъ! сказала графиня съ легкой ироніей.

— О! я откровенна, возразила Малютка: — а потому признаюсь, что обожала его!

— А!

— Только изъ любви къ нему вздѣла я въ послѣдній разъ въ Германію... Въ-продолженіе цѣлаго мѣсяца я забываю о картахъ.

— А теперь ты его не любишь?

— Нѣтъ, отвѣчала Малютка съ выраженіемъ искренности.

Эсирь посмотрѣла на нее нѣсколько минутъ, потомъ улыбнулась.

— Такъ и я буду говорить откровенно, Сара, сказала она: — только изъ любви къ нему я вздѣла въ Швейцарію... Но я не такъ счастлива, какъ ты, Сара: мнѣ кажется, что я еще и теперь люблю его.

— Что жъ тутъ худаго?

— Жюльенъ возвратился!

— Ба! небрежно провзнесла Малютка: — вообрази себѣ, что ви-контъ твой мужъ, — и дѣло съ концомъ!

Эти циническія слова были провзнесены нѣжнымъ голосомъ и со всѣмъ выраженіемъ свѣтскаго приличія.

Казалось, эти двѣ прелестныя женщины, веселыя, спокойныя, бесѣдовали о вечернемъ туалетѣ.

— Не знаю, какъ это объяснить тебѣ, продолжала Эсирь: — конечно, Жюльенъ мнѣ нравится... но я не могу преодолѣть страсти, влекущей меня къ барону Родаху; онъ только пьетъ и ягратъ, но...

— Какъ! прервала ее Малютка: — я никогда не видала его за картами.

— Онъ, вѣроятно, скрывается...

— Кромѣ того, я находила, что, какъ гейдельбергскій уроженецъ, онъ черезъ-чуръ умвренъ; но ужъ за то онъ неутомимый донъ-Хуанъ!

— Совсѣмъ нѣтъ! вскричала Эсирь.

— Дуэльствъ, волокита!

— Увѣряю тебя, что онъ не сдѣлалъ бы шага для преступной женщины въ мѣрѣ!

— Я описываю его такимъ, какимъ знала въ Гамбургѣ.

— А я такимъ, какимъ знала его въ Баденѣ и Швейцаріи... надѣюсь, что одинъ баронъ Родахъ!

— Ты видѣла его вчера въ маскаррадѣ; этого я знала.

— И я.

Малютка посмотрѣла на часы; было три четверти пятого. Она встала и поцаловала графиню въ лобъ.

— Не хочу отнимать его у тебя, милая сестрица, сказала она: — не-уже-ли ты думаешь, что я пожелаю быть твоей соперницей? Я хочу одного: чтобъ ты была такъ же счастлива, какъ хороша собою.

Нѣжная и бѣлая ручка съ кошачьей лаской гладила прерывисто волосы Эсэри.

— Я хочу, продолжала она: — слышишь ли? И ты будешь счастлива! Сегодня вечеромъ, послѣ обѣда, мы поговоримъ еще о своихъ дѣлахъ... Теперь мнѣ надобно переодѣться; я пришла сюда въ утреннемъ наглазѣ.

Она еще разъ поцаловала Эсэри, какъ-будто-бы страстно любила ее, и пошла къ стеклянной двери.

Она вышла. Въ то самое мгновеніе, когда она затворила за собою дверь, Эсэри, лѣниво растянувшейся въ креслахъ, послышался легкій крикъ въ корридорѣ.

...Сара выпрямилась съ испугомъ и уперлась уже обѣими руками на ручки кресла, чтобъ встать. Но такъ-какъ ничего не было слышно, то лѣнность взяла верхъ надъ безпокойствомъ; она опять опустилась въ кресло и, закрывъ глаза, погрузилась въ сладкій полу-сонъ.

Последній разговоръ съ Сарой обратилъ мысли ея къ барону Родаху; образъ красавца-Германца представлялся ей вообращеніемъ...

Сара вскрикнула отъ испуга, встрѣтившись въ корридорѣ съ какимъ-то мужчиной.

Въ корридорѣ было темно, но слабый свѣтъ изъ окна другой комнаты падалъ на лицо незнакомца, и Малютка съ перваго взгляда узнала въ немъ барона Родаха.

— Альбертъ! вскричала она испугавшись.

И испугъ ея былъ искренъ, потому-что эта женщина, рѣшавшаяся на все, дорожила мнѣніемъ толпы и въ-особенности хотѣла казаться добродѣтельной въ глазахъ своего отца. Домъ Гельдберга былъ для нея какъ-бы святилищемъ, за дверьми котораго она оставляла свою смѣлость.

Родахъ же узналъ въ ней женщину, съ которою встрѣтился наканунѣ возлѣ Тампля.

Мы уже рассказали, какимъ образомъ онъ попалъ въ корридоръ.

Подошедъ къ стеклянной двери, онъ услышалъ свое имя и не-

вообще сталъ слушать. Но сестры говорили тихо, она не могла различать всего разговора ить и готовилась уже удалиться, какъ г-жа де-Лорансъ неожиданно вошла въ корридоръ.

Не было никакой возможности уклониться отъ нея.

— Что вы здѣсь дѣлаете, Альбертъ? спросила она скоро и тихимъ голосомъ.

— Вы велѣли мнѣ прийти къ себѣ, отвѣчалъ баронъ: — я пришелъ.

— Какой неосторожность!.. Я звала васъ къ себѣ, а не въ домъ моего отца.

— Итанъ, вы не ради мнѣ? спросилъ баронъ, съ любопытствомъ смотря на нее.

— О, напротивъ, Альбертъ!.. Развѣ вы не знаете, какъ я люблю васъ!.. я вполне счастлива... но боюсь... чтобъ васъ не застали!

— Вы подвергались гораздо-большимъ опасностямъ, сударыня, — холодно возразилъ Родахъ.

Малютка пристально на него взглянула.

— Боже мой! сказала она послѣ краткаго молчанія: — какъ вы перемѣнились, Альбертъ!.. Вчера еще на вашемъ лицѣ играла веселая и безпечная улыбка, столько мнѣ нравившаяся... Сегодня вы такъ серьезны и голосъ вашъ совсѣмъ другой.

Родахъ хотѣлъ отвѣчать, но въ это же самое мгновеніе въ комнату шорохомъ корридоромъ послышался шумъ.

Малютка поблѣднѣла...

— Ради Бога! проговорила она: — не оставайтесь здѣсь, Альбертъ!.. Кто-то идетъ... О! я скорѣе пожертвую жизнью, нежели своимъ добрымъ именемъ, въ домъ отца моего!..

— Приказывайте... я готовъ скрыться... отвѣчалъ Родахъ.

Малютка смотрѣлась съ безвѣіемъ. Въ корридоръ была только двѣ двери; та, въ которую Родахъ вошелъ, и стеклянная.

За первую слышались приближавшіеся голоса.

Малютка колебалась около секунды, потомъ отворила стеклянную дверь.

— Каждый долженъ прежде всего заботиться о самомъ-себѣ!.. Ужъ коли обвинять кого-нибудь, такъ пусть лучше ея... а не Итанъ!.. Войдите сюда, шепнула она барону: — въ этой комнатѣ есть знакомая вамъ особа... Приходите завтра по мнѣ... я буду ждать васъ... прощайте!

Она пожала еще разъ руку Родаха и втокнула его въ павильонъ, потомъ убѣжала...

Графиня Эсенръ все еще лежала въ глубокомъ преслѣ; глаза ея были закрыты; она мечтала.

Шумъ растворявшейся двери заставилъ ее открыть глаза; она увидѣла неподвижный взоръ на соседнемъ... Изумленіе ея было такъ сильно, что она долго не могла произнести ни слова.

— Гдѣ! произнесла она наконецъ: — вы!.. здѣсь!.. зачѣмъ не дождались вы вечера?..

Первымъ движеніемъ Родаха было изумленіе и нерышительность. Судя по выраженію лица его, казалось, что онъ не зналъ графини и въ первый разъ видѣлъ ее.

Но онъ скоро успокоился и твердымъ шагомъ пошелъ къ камину.

На лицѣ графини выражались вмѣстѣ боязнь и удовольствіе.

— Вѣчно неосторожны! продолжала она съ ласковымъ упрекомъ: — о, Гёцъ, Гёцъ! не-уже-ли вы никогда не исправитесь?

Родахъ вѣжливо поклонился и поцаловалъ руку Эсенри, пристально на него смотрѣвшей.

— Но что это значить, сказала она, всмотрѣвшись внимательно въ черты его: — какъ вы сегодня серьёзны?.. Ужь не остепенялись ли вы со вчерашняго вечера, мой милый Гёцъ?

— На все есть свое время, сударыня, отвѣчалъ Родахъ: — чело-вѣкъ старѣется и...

Графиня громко захохотала.

— И какъ вы это серьёзно говорите! вскричала она: — что это значить «сударыня»? Развѣ вы не можете называть меня Эсенри?.. Не сердиты ли вы на меня?

Она встала и нѣжно оперлась на руку барона.

— Видите ли, какъ я васъ люблю, сказала она нѣжнымъ голо-сомъ: — ваше присутствіе въ этомъ домѣ подвергаетъ опасности мое доброе имя, а я и не думаю браить васъ!.. Мнѣ кажется, вы сегодня прекраснѣе обыкновеннаго... Но не-уже-ли вы за-были часъ, назначенный для нашего свиданія... что заставило васъ прийти сюда?

— Желаніе скорѣе увидѣться съ вами... отвѣчалъ Родахъ на удачу.

Эсенри нѣжно пожала ему руку и проговорила:

— Мой добрый Гёцъ!

Потомъ она прибавила очень-серьёзно и безъ проническаго или шутиваго намѣренія:

— Какъ жаль, что никогда нельзя узнать, въ трезвомъ ли вы видѣ или нѣтъ!

Родахъ поклонился улыбаясь.

— Не сердитесь на меня, мой милый Гёцъ, продолжала Эсенри: — вы знаете, что я люблю васъ, не смотря ни на что... я готова биться объ закладъ, что вы провели все утро со стаканомъ и картами въ рукахъ!

— Кто такъ нетерпѣливо ждетъ вечера, возразилъ Родахъ: — тотъ долженъ же какъ-нибудь убить время...

Эсенри посмотрѣла на него съ восторгомъ.

— Это изумительно! подумала она: — не смотря на довольно-беспорядочную жизнь, которую онъ ведетъ, все видно, что онъ истинный дворянин!.. Гёцъ,— прибавила она вслухъ: — не исправляйтесь никогда!.. Мнѣ кажется, я люблю васъ именно за ваши недостатки!

Она нѣжно взглянула на барона и подставила ему свой бѣлый лобъ. Родахъ очень-охотно поцаловалъ его.

Пробыло пять часовъ.

Эсепрь вздрогнула и поспѣшно отпустила руку барону.

— Боже мой! сказала она: — я такъ же безразсудна, какъ и вы!.. Смотря на васъ, я такъ счастлива, что совершенно забыла, гдѣ мы... Уйдите, Гѣцъ; мы увидимся сегодня вечеромъ.

— Я самъ не знаю, какъ попалъ сюда, возразилъ баронъ: — и боюсь, что не найду дороги...

Эсепрь указала на стеклянную дверь, но тотчасъ же опустила руку.

— Тамъ, подумала она: — онъ можетъ встрѣтить кавалера или доктора...

Она обратила взоръ къ другой двери.

— Отсюда приходятъ мой отецъ, Авель и Лиа...

Безпокойство, выражавшееся на лицѣ ея, возрастало.

— Но и здѣсь вамъ нельзя оставаться! вскричала она, всплеснувъ руками: — Боже мой, Боже мой! какъ быть?.. Зачѣмъ вы пришли сюда!..

Она вдругъ замолчала, потомъ вскочила.

— Слышите ли? произнесла она съ ужасомъ.

Легкій шумъ слышался за той дверью, въ которую вошла служавка съ запиской отъ доктора.

Эсепрь боязливо вслушивалась... Смущеніе ея составляло разительный контрастъ съ холоднымъ спокойствіемъ барона Родаха.

— Это мой отецъ! произнесла она наконецъ, съ отчаяніемъ всплеснувъ руками: — я узнаю шаги его!.. О, Гѣцъ, Гѣцъ! умоляю васъ, будьте осторожны хоть одинъ разъ въ жизни!.. Отецъ мой увидитъ насъ вмѣстѣ... и я умру со стыда!..

Она замолчала и опять стала прислушиваться. Шаги были очень-близки.

Обыкновенная лѣлость ея исчезла; однимъ скачкомъ очутилась она у стеклянной двери.

— Найдите какой-нибудь предлогъ вашему пребыванію въ этой комнатѣ, проговорила она поспѣшно: — скажите, что вы попали сюда нечаянно, отыскивая контору... скажите что хотите... что вамъ прійдетъ въ голову... только чтобъ отецъ мой не подозрѣвалъ...

Она не договорила... Хрустальная ручка большой двери повернулась.

Эсепрь исчезла...

Баронъ Родахъ стоялъ одинъ посреди комнаты в холоднымъ, спокойнымъ взоромъ глядѣлъ въ ту сторону, гдѣ ожидалъ увидѣть стараго Моисея Гельда.

Дверь медленно отворилась... тяжелый занавѣсъ распахнулся...

Вмѣсто морщинистаго лица стараго Жида, показалось ангельское личико молодой дѣвушки.

Въ это время, вся фамилія Гельдберга собиралась въ маленькой залѣ. — Было уже темно, а потому молодая дѣвушка изумилась, увидѣвъ въ залѣ одного только мужчину. Замѣтивъ же, что это не былъ никто изъ домашнихъ, она невольно отступила.

Но когда взоръ ея упалъ на лицо Родаха, она вскрикнула и въ нерѣшимости остановилась у двери... Она поблѣднѣла и вся дрожала.

Родахъ изумился и смутился болѣе ея; въ немъ нельзя уже было узнать прежняго холоднаго и спокойнаго барона Родаха: на лицѣ его выражалось сильнѣйшее внутреннее волненіе...

— Ліа! проговорилъ онъ едва-слышнымъ голосомъ.

Какъ-бы ожидая только этого призыва, молодая дѣвушка бросилась къ нему и обвила шею его обѣими руками.

Она смѣялась; она плакала.

— Ліа! милое дитя! говорилъ Родахъ, страстно прижимая ее къ своей груди.

И, проливая слезы радости, молодая дѣвушка повторяла:

— Отто!.. Отто!.. Боже мой, какъ я счастлива!..

ж.

Изгнанникъ.

Ліа фон-Гельдбергъ не было восемнадцати лѣтъ; одиннадцать лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ она лишилась матери.

Жена Моисея Гельда, прелестная Руѳъ, которую мы видимъ малькомъ; среди ея дѣтей, въ таинственномъ покровѣ Жидовской-Улицы, умерла вскорѣ послѣ переселенія мужа ея въ Парижъ.

Она была существо доброе, кроткое, непринимавшее ни когда ни малѣйшаго участія въ таинственныхъ предѣлахъ своего супруга. Быстрое обогащеніе Моисея Гельда не только не ослѣвляло, не даже устрашало ее. Она сожалѣла о мирной жизни первыхъ годовъ своего замужства и съ девольнымъ трепетомъ воспоминала иногда о неизвѣстномъ источникѣ богатства Моисея.

Моисей не открывалъ ей своей тайны, но часто, съ приближеніемъ ночи, становился мраченъ и часто произносилъ въ безпокойномъ снѣ странныя слова...

Нерѣдко крики его будили Руѳъ. Съ полураскрытыми глазами, блѣднымъ лицомъ и крупными каплями пота на лбу, боролся онъ противъ мученій тягостнаго сновидѣнія и твердилъ во снѣ:

— Господи! Господи! это для нихъ!.. я сдѣлалъ это для своихъ бѣдныхъ дѣтей!..

Руѳъ будила мужа, но не спрашивала его.

Она не хотѣла знать, но страдала, ибо угадывала невольно. И въ мое страданіе, никѣмъ необлегченное, медленнѣе изнурило ее.

Решенье, обружавшая Рузь, не могла ни ослабить, ни утѣшить ее. Она родилась для семейной жизни, съ душою кроткою и скромною; великолѣпіе и богатство были ей въ тягость и направляли мысли къ одной вѣчной задачѣ, которой она не могла разрешить:

— Гдѣ источникъ этого богатства?

Она удалялась отъ свѣта сколько могла, предоставивъ все удовольствія своимъ двумъ старшимъ дочерямъ и занявшись воспитаніемъ маленькой Ліи.

Рузь сосредотачивала все свои страданія въ самой-себѣ. Моисей Гельдъ всегда встрѣчалъ на ясномъ лицѣ ея спокойную улыбку; бесѣда съ нимъ успокоивала, утѣшала его, — ибо онъ не былъ счастливъ.

Кромѣ внутренняго страданія, походившаго на угрызеніе совѣсти, бывшій растомкнень вынужденъ былъ и другимъ горестямъ. — Онъ посвящалъ всю свою жизнь дѣтямъ; для нихъ трудился онъ днемъ и ночью, и собралъ по малому своей первой капиталъ; для нихъ онъ изгналъ изъ своего сердца всякое состраданіе и безчеловѣчно превращалъ рубашку нищаго въ золото. Онъ правду говорилъ во снѣ: преступленіе, тяготѣвшее на его совѣсти, было совершено для дѣтей... А теперь онъ сомнѣвался въ привязанности дѣтей своихъ!.. Сынъ и старшая дочь его составили противъ него заговоръ съ его компаньонами, его врагами...

У него хотѣли отнять управленіе домономъ... Его хотѣли удалить отъ дѣлъ... Онъ это угадывалъ, зналъ.

Конечно, они хотѣли слѣзать это подъ предлогомъ его преклоннаго лѣтъ; но пятьдесятъ лѣтъ прожилъ Моисей Гельдъ въ хитрости и обманѣ, следовательно, умѣлъ отличить правду отъ лжи.

Ужъ его, ослабевшій лѣтами, употреблялъ послѣднія силы, чтобъ убѣдить себя въ томъ, что онъ ошибался. Онъ самъ себя обманывалъ и, дышавшійся начальства надъ дѣлами, Моисей Гельдъ болѣе-и-болѣе привязывался къ мечтательнымъ радостямъ патриархальной семейной жизни, очеркъ которой мы представили въ началѣ нашего разсказа.

И когда дѣйствительность становилась слишкомъ-очевидною, когда равное сердце его обливалось кровію, онъ кричалъ самому-себѣ!

— Господи! прости мнѣ мои прегрѣшенія! Могу ли я жаловаться?.. Развѣ желанія мои не исполнились?.. Дѣти мои могущественны и богаты... да! я вѣсчастливый отецъ!

Иногда ему удавалось ослаблять себя мечтою, и онъ радостно улыбался своему обманчивому счастью.

Моисей игралъ свою роль въ семейной комедіи. Живое уваженіе, ему оказываемое, усыпляло его, какъ упоеніе опіума. Но пробужденіе было жестоко. Основаніемъ семейныхъ радостей должны быть искренняя добродѣтель и прямотушіе. Живое подражаніе порока всегда отвратительно.

Покройте грязь бархатнымъ ковромъ: грязь пробьетъ коверъ, какъ бы толстъ онъ ни былъ. И еще отвратительнѣе покажется грязь на красивомъ лоскѣ бархата...

Моисей Гельдъ мечталъ о невозможномъ. На лихонимствѣ и преступленіи хотѣлъ онъ основать будущность, доступную только человѣку честному, добродѣтельному.

Наказаніе его начиналось; надежды его рушились. Онъ продалъ свою душу, но не получалъ за нее платѣ.

Въ эти минуты горькаго разочарованія, когда надежда покидала его и дѣйствительность представлялась неумолимымъ сарказмомъ, онъ приходилъ къ Руей, кроткой женщицѣ, любившей его, когда онъ былъ бѣденъ. Руей утѣшала его, внушала ему новую надежду. Она давала ему цаловать маленькую Лію, милаге ангела, улыбка котораго не была обманчива...

Съ нею Моисей опять находилъ петерянное спокойствіе; онъ опять надеялся.

Но однажды бѣдная Руей слегла въ постель и уже не вставала съ нея.

Чувствуя приближеніе смерти, она удалила отъ себя Лію, неотходившую отъ нея, и велѣла позвать Моисея Гельда къ своему смертному одру.

— Я должна умереть, сказала она ему: — я бы желала еще остаться на землѣ, чтобъ утѣшать тебя, ибо знаю, что ты страдаешь... Но я не забуду тебя, Моисей, и на томъ свѣтѣ буду молиться за тебя, потому-что люблю тебя искренно...

Слезы текли по блѣднымъ щекамъ Жида.

— Послушай, Моисей, продолжала умиравшая, на спокойномъ лицѣ которой въ эту торжественную минуту блеснулъ лучъ прежней красоты: — ты никогда ни въ чемъ мнѣ не отказывалъ; не откажи же мнѣ и въ последней моей просьбѣ...

Моисей Гельдъ не могъ произнести ни слова; онъ только утвердительно кивнулъ головою.

Голосъ умиравшей слабѣлъ все болѣе и болѣе.

— Сестра моя, Рахиль Мюллеръ, живущая близъ Эссельбаха, продолжала она: — очень любила нашу маленькую Лію... Я бы желала удалить нашу милую дочь изъ этого дома и отдать ее на воспитаніе къ Рахили.

— Зачѣмъ? спросилъ Моисей.

Руей не отвѣчала: она боялась Сары, своей старшей дочери, сердце которой давно уже поняла; но она не хотѣла обвинить ее въ смертный часъ.

Моисей Гельдъ колебался.

— Богъ свидѣтель, сказалъ онъ наконецъ: — я не желаю бы отказать тебѣ въ этой просьбѣ, Руей, моя возлюбленная... но Рахиль христіанка...

— Лучше поклоняться Богу христіанъ, нежели духу зла, воз-

разила Руеъ едва-внятнымъ голосомъ:— Моисей, умоляю тебя, не откажи мнѣ въ этой послѣдней просьбѣ!

— Я отошлю Лію къ Рахилѣ, отвѣчалъ Жидъ.

— Пусть она останется у нея до того времени, когда научится сама управлять собою, прибавила Рахиль:— обьщай мнѣ, что Ліа не вернется въ Парижъ прежде, пока ей не исполнится семнадцать лѣтъ.

— Обьщаю именемъ Бога!

Руеъ взяла руку мужа и приложила ее къ своему бившемуся еще сердцу. Она уже не говорила, но во взглядъ ея выражалась признательность.

По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, сердце ея перестало биться, глаза остались полураскрытыми. Казалось, Руеъ уснула тихимъ, спокойнымъ сномъ.

Она умерла.

Лію отправили въ Германію.

Вскорѣ послѣ смерти жены, Моисей фон-Гельдбергъ, дотолѣ противившійся убьжденіямъ всей семьи своей, вдругъ уступилъ имъ и удалился отъ дѣлъ.

Въ-продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, онъ былъ мраченъ, молчаливъ и какъ-бы удрученъ горестію.

Но вдругъ, проходивъ однажды цѣлый день, онъ вернулся домой веселый. Старикъ, еще наканунѣ казавшійся близкимъ къ смерти, ожилъ внезапно.

На слѣдующій день, онъ не пришелъ къ общему, семейному завтраку. Таинственная, уединенная жизнь его, о которой мы уже говорили, началась, и съ-этихъ-поръ онъ каждый день аккуратно заирался въ своей комнатѣ въ половинѣ девятаго часа утра и оставался въ ней до пяти вечера.

Не смотря на общее любопытство, никто не зналъ, чѣмъ онъ занимался во все это время.

Онъ хотѣлъ быть одинъ: его не тревожили...

Между-тѣмъ, Ліа росла и хорошѣла; она приняла въру тѣтки, которую полюбила какъ родную мать.

Рахиль, вдова христіанина, по имени Мюллеръ, оставившаго маленькое состояніе, занимала маленькій домикъ за городомъ, по одну сторону Эссельбаха. Она была проста и добра, какъ Руеъ, и питала къ Ліи материнскую привязанность; но ограниченному уму ея не доставало средствъ для воспитанія молодой дѣвушки, вышедшей изъ дѣтства.

Ліа рано была предоставлена самой-себѣ. Ея прямая, умная, твердая натура не нуждалась въ другомъ руководствѣ для развитія всѣхъ своихъ добрыхъ качествъ.

Рахиль Мюллеръ вела весьма-уединенную жизнь. Она видалась только съ нѣкоторыми друзьями своего мужа, съ католическимъ сельскимъ священникомъ и бѣдными, которымъ иногда помогала. Ліа нисколько не жаловалась на это уединеніе, и когда добрая тѣт-

ка спрашивала ее, не хочет ли она идти въ Эссенбахъ принять участие въ увеселеніяхъ молодыхъ дѣвушекъ ея лѣтъ, она цѣлительно удивлялась тому, что Рахиль могла подумать, будто-бы ей чего-нибудь не достаетъ.

Какою ей дѣло до молодыхъ людей, которыхъ она не знала? Инстинктъ удалялъ ее отъ толпы, и она была вполнѣ счастлива въ своемъ уединеніи. Она любила тѣнистые лѣса, безконечныя поля и величайшимъ счастьемъ ея было скакать верхомъ по тропинкамъ окрестныхъ горъ.

Удалившись отъ селенія и шарочно заблудившись, она оставалась вала и съ наслажденіемъ любовалась незнакомымъ видомъ, при-вязывая лошадь къ дереву, садилась врозь и читала... Часто возвращалась она поздно вечеромъ къ обеспокоенной тѣткѣ.

Во время своихъ продолжительныхъ прогулокъ, Ліа мечтала; мечты ея не походили на меланхолическіе романы, созданныя молодыми дѣвушками съ помощію воспоминаній. Мечты ея были кратки, веселы; она радовалась оживающей природѣ и встрѣчающіе ее крестьяне съ душевнымъ удовольствіемъ любовались ослепительною, прелестною дѣвушкою.

Если эти поселенцы были богаты, Ліа равнодушно отклоняла на почтительный поклонъ ихъ; если они были бѣдны, она раскрывала свой кошелекъ и подаваніе ея не походило на милостыню.

Ее знали на нѣсколько миль въ окрестности. Вся радовалась, когда издали слышался топотъ любимаго коня ея. Огны и матери выходили съ дѣтми на порогъ, и всѣ приветствовали ее съ радостью, съ любовію.

Ліа Мюллеръ, — такъ называли ее, — была любима всѣми. Одушевленная ея пребуджала въ сердцахъ всѣхъ идею протеста, правды и доброты.

Маленькія дѣти любили ее какъ ангела-хранителя, улыбавшюся имъ играмъ; матери желали бы имѣть ее своею дочерью, и хотя она была еще очень-молода, но уже многіе молодые люди изъ Эссенбаха вздыхали, когда встрѣчались съ нею.

Но они вздыхали понапрасну. Ни одинъ любимый образъ не занималъ еще мѣста въ мечтахъ Ліи... Она была еще ребенокъ. Недавно минуло четырнадцать лѣтъ.

Однажды она воротилась домой задумчивая. Прежняя беззаботная веселость ея улетѣла. Въ первый разъ сердце ея забилось сильнѣе при видѣ мужчины, и воспоминаніе о немъ западо въ душу ея.

Она, по обыкновенію, рано утромъ вышла изъ дома и пошла по полямъ. Нечаянно, зайдя она далѣе обыкновеннаго и около полудня очутилась у подножія горы, на которой высился древній замокъ, обширный какъ городъ. Онъ былъ окруженъ лѣсами и развалинами.

Ліа остановилась; долго восхищалась она древнимъ зданіемъ, зуб-

четыре стѣны котораго рѣзно отдѣлялись краснымъ цвѣтомъ своимъ отъ прелестнаго лѣтнаго неба.

Ей не случалось еще видѣть такого гордаго, властительнаго и высокоположеннаго. Всѣ окружавшіе предметы говорили о величии и могуществѣ. Передъ нею шла въ гору извилистая, замушанная дорога къ главнымъ воротамъ замка, у которыхъ видны были еще остатки подъемнаго моста.

Принявъ крестьянина.

— Какой это замокъ? спросила молодая дѣвушка.

— Это былъ нѣкогда замокъ Блутгауптъ, отбѣчала крестьянинъ.

Имя Блутгауптъ поразило слухъ Ліи, какъ что-то знакомое. Ей казалось, что она слышала это имя еще въ дѣтствѣ. Но она была такъ молода, когда уехала изъ Парижа! И никто, даже Рахель Мюллеръ, не знала дома Гельдберговъ.

— А развѣ теперь онъ называется иначе? спросила опять Ліа.

Крестьянинъ утвердительно кивнулъ головою.

— Какъ же его зовутъ теперь? продолжала Ліа.

Крестьянинъ бросилъ грустный взглядъ на древнія башни, приподнялъ шляпу и удалился не отвѣчая.

Казалось, онъ не хотѣлъ осверкнуть замка именемъ, замкнувшимъ имя Блутгауптъ.

Ліа обвѣхала замокъ, надѣясь отыскать дорожку, на которой могла бы подъѣхать къ самому зданію.

Подъѣжая къ стѣнамъ его, она увидѣла человека, прислонившагося къ одному изъ деревьевъ аллеи и смотрѣвшаго на замокъ съ мрачною грустію. Этотъ человекъ былъ закутанъ въ длинный, широкій плащъ; вокругъ руки его обвилъ поводъ своего коня, сидѣно шипавшаго возлѣ него рѣдкую траву.

Ліа боялась помѣшать размышленію этого человека.

Она полюбовалась еще гордымъ величіемъ стараго замка, вѣтше начала спускаться съ горы и забыла про незнакомаго.

Въ двухъ или трехъ-стахъ шагахъ отъ замка, она услышала въ соседнемъ лѣсу топотъ нѣсколькихъ коней и, минутой спустя, мимо нея пронесся вихремъ отрядъ изъ семи или восьми прусскихъ солдатъ. Испуганная лошадь молодой дѣвушки встала на дыбы; тихо но Ліа старалась усмирить ее и пустилась во весь галопъ въ кустарникъ, покрывающій западный скатъ горы.

Но Ліа успѣла еще разъ оглянуться и увидѣла, что солдаты, выставивъ впередъ ружья, направлялись къ аллеѣ.

Незнакомецъ замѣтилъ ихъ, вскочилъ на лошадь и ускакалъ.

Ліа не видала ничего больше. Лошадь, закусивъ удила, несла ее прямо черезъ кустарникъ съ быстротою вѣтра, и, нѣсколько секундъ спустя, она очутилась на лошадѣ, по которой танула дѣлѣ рядъ высокихъ тополей.

Лошадь ея бѣжала прямо къ деревьямъ...

По площадкѣ проходили два или три крестьянина; они закричали съ ужасомъ, увидѣвъ направленіе коня.

Но Ліа не пугалась; она твердо сидѣла въ сѣдлѣ и спокойно ожидала, чтобъ лошадь ея усмирилась. Она была уже въ немногихъ шагахъ отъ тополей, когда незнакомецъ выѣхалъ изъ лѣса. Онъ далеко перегналъ прусскихъ солдатъ, и топотъ коней ихъ едва слышался вдали.

Ліа и незнакомецъ въ одно время прискакали къ тополямъ, но по разнымъ направленимъ: онъ ѣхалъ вдоль ряда деревъ, а она намѣревалась перерезать мѣшную аллею, по-видимому находившуюся между двумя рядами ихъ.

— Остановитесь! остановитесь! закричалъ незнакомецъ.

Ліа не знала, какая опасность угрожала ей, инстинктивно употребила еще усиліе, чтобъ удержать коня, но тщетно.

Незнакомецъ, проскакавшій уже мимо ея, оглянулся.

Увидѣвъ, что молодая дѣвушка не останавливала коня, онъ скоро соскочилъ на землю и сталъ за тополями.

Лошадь Ліа галопомъ неслась прямо на него.

Молодая дѣвушка испугалась; незнакомецъ стоялъ твердо.

Въ то самое мгновеніе, какъ лошадь набѣжала на него, онъ схватилъ ее за уздцы; лошадь рванулась, уздечка разорвалась... Быстрое движеніе коня вышибло Лію изъ сѣдла; она упала на траву. Лошадь же сдѣлала еще скачокъ впередъ и исчезла въ кустарникъ, закрывавшемъ пропасть, называвшуюся *Блумзунтскимъ Адомъ*.

Ліа, лежавшая на самомъ краю пропасти, поблѣднѣла отъ ужаса...

Въ то же время, изъ лѣса выѣхали прусскіе солдаты; незнакомецъ вскочилъ на своего коня и исчезъ...

Ліа наняла другую лошадь въ соседней фермѣ и воротилась домой. Во всю дорогу она думала, но не такъ, какъ прежде...

Она потеряла свою беззаботную, дѣтскую веселость.

И мысль ея не останавливалась на страшной опасности, отъ которой она спаслась какъ-бы чудомъ. Ліа была неустрашима: мысль о смерти не вызвала бы на лицо ея внезапной задумчивости. Она мечтала о своемъ спасителѣ, котораго мужественное, прекрасное лицо безпрестанно носилось передъ ея глазами.

Онъ стоялъ твердо, обратившись спиной къ пропасти; на полшага за нимъ была неминуемая смерть, а онъ стоялъ твердо, будучи убѣжденъ, что сильнѣйшій ударъ лошади не сдвинетъ его съ мѣста. Взоръ его былъ спокоенъ... онъ походилъ на олицетвореніе мужества и твердости.

Онъ слышалъ яснѣе и яснѣе приближеніе преслѣдовавшихъ его прусскихъ солдатъ... но оставался гордъ и холоденъ между двумя опасностями...

Образъ этого человека навсегда и глубоко запечатлѣлся въ сердцѣ молодой дѣвушки.

Прошелъ годъ.

Ліа вышла уже изъ дѣтства. Она болѣе и болѣе привязывалась къ своему уединенію, къ своимъ воспоминаніямъ. Она уже не улыбалась, и иногда, когда благоговѣнно преклоняла колѣни предъ образомъ сельской церкви, на глазахъ ея показывались слезы.

Она молилась за него, — за того, чье имя ей не было известно, но кому принадлежали всѣ ея мысли. Она призывала его душою, отдавала ему жизнь свою.

Въ недалекомъ разстояніи отъ деревни, почти возлѣ самаго дома г-жи Мюллеръ, находилась небольшая ферма, принадлежавшая доброму человеку, недавно поселившемуся въ томъ краю. Его звали Готтлибомъ. Говорили, что прежде онъ занималъ важную должность въ замкѣ старинныхъ графовъ блутгаутскихъ.

Онъ былъ бѣденъ, и часто Ліа помогала его большой женѣ и одѣвала полунагихъ дѣтей его.

Однажды, входя въ ферму, Ліа увидѣла мужчанину, скрывшагося за домъ.

Она узнала своего спасителя.

Ліа стала разспрашивать, но никто не давалъ ей удовлетворительнаго отвѣта. Ввроятно, дѣло было важное, коли его скрывали даже отъ нея. Хозяева говорили, что Ліа ошиблась, что никто не былъ у нихъ.

Ліа видѣла своего спасителя только одинъ разъ, но она думала о немъ каждый день, каждый часъ въ продолженіе года и нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и потому была увѣрена, что не ошиблась.

Въ странѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ гражданскихъ волненій, человѣкъ преслѣдуемый непременно долженъ быть преступникъ; но въ Германіи, гдѣ господствуетъ постоянный, такъ-сказать, заговоръ, — преслѣдуемый скорѣе всего можетъ показаться политическимъ изгнанникомъ.

Да и могъ ли благородный, прекрасный, великодушный незнакомецъ быть преступникомъ? Молодой дѣвушка это не приходило даже въ голову; онъ скрывался: следовательно, былъ изгнанникъ; ему угрожала опасность — надобно было охранять его.

Ліа сдѣлалась ангеломъ-хранителемъ своего спасителя; скрытно отъ всѣхъ берегла она его и, наконецъ, ей удалось спасти, если не жизнь, то по-крайней-мѣрѣ свободу его.

Однажды утромъ она вошла къ Готтлибу взволнованная, разстроенная.

— Они придутъ сюда, вскричала она: — и тотъ, кого вы скрываете, не будетъ имѣть времени спастись!.. Не говорите мнѣ, что вы никого не скрываете! продолжала она, повелительнымъ жестомъ заставивъ крестьянина молчать: — я знаю, что онъ у васъ, и хочу спасти его... Я изъ Эссельбаха, гдѣ случайно подслушала разговоръ солдатъ; они говорили, что знаютъ, гдѣ онъ скрывается, и теперь непременно поймутъ его... Они придутъ сюда съ разныхъ сторонъ, и теперь, можетъ-быть, ему уже недѣля бѣжать.

Готлибъ и жена его въ нерѣшимости глядѣли на Лію. Пока они придумывали отвѣтъ, дверь открылась, и незнакомецъ вошелъ въ комнату, со шляпой въ рукахъ.

— Я слышала ваши предостереженія и пришелъ благодарить васъ, сударыня, сказала она: — потрудитесь сказать еще, сколько часовъкъ намъ вѣрно упадетъ на меня?

Лія покачала головой, бросивъ печальный взоръ на щану.

— Я знаю, что вы мужественны, проговорила она: — но ихъ слышнень-много!

— Вамъ это извѣстно?.. Позвольте жь узнать...

— За что я хочу спасти васъ? съ живостию прервала Лія: — вѣдь я обречена вамъ жизнию...

На лицѣ изгнанника выразилось изумленіе.

Лія опустила глаза; слезинка заблестѣла на ея рясницѣ.

— Онъ забылъ меня! подумала она. — Онъ, вѣроятно, не взглянулъ даже на меня!..

— Послушайте, произнесла она вслухъ, вспомнивъ о близкой опасности: — теперь нѣкогда объяснять вамъ этого... но клянусь вамъ, что я говорю правду!.. Балибъ не вы, и погибла бы неминуемо... Но время проходитъ, а солдаты, вѣроятно, приближаются... Пойдемте, я скрою васъ!

Незнакомецъ съ невыразимымъ восторгомъ глядѣлъ на прекрасное лицо молодой дѣвушки.

— Гдѣ? спросилъ Готлибъ съ некоторою недоувѣрчивостію.

— У себя, отвѣчала Лія.

— Въ вашей комнатѣ! вскричали вмѣстѣ мужъ и жена.

Лія подошла къ изгнаннику и взяла его за руку.

— Пойдемте, сказала она съ прелестной и чистой, какъ душа ея, улыбкой.

къ

Привѣдѣніе.

Незнакомецъ вышелъ съ Ліей.

Четверть часа спустя, прусскіе солдаты вошли на ферму Готлиба, но не нашли уже на ней изгнанника, и ушли съ чѣмъ принесли.

Незнакомецъ нѣсколько дней скрывался въ домѣ Рахили Мюллеръ, потому сталъ искать другаго убжища. Но онъ не удался... и Лія прогуливалась по окрестностямъ уже не одна.

Приверженцамъ изгнанника, которымъ было много въ томъ краю, знала его подъ именемъ Отто. Онъ часто перемѣнялъ мѣсто жительства и куда ни являлся, всѣдъ принимали его съ почтительнымъ радушіемъ. Поляки прусская, австрійская и баварская соединенными силами преслѣдовали его, но онъ постоянно уклонялся отъ нихъ, и крестьяне того края скотно ему помогали.

У Лиа и негнаника были три мѣста свиданій въ самыхъ дикихъ, неприступныхъ мѣстахъ горы; тамъ они сходились.

Они любили другъ друга.

Въ любви ихъ было странное обстоятельство. Между-тѣмъ, какъ молодая дѣвушка предавалась своей любви со всемъ увлеченіемъ непреодолимой страсти, Отто, казалось, боролся съ чувствомъ; его увлекали. Казалось, онъ раскаивался...

Отто былъ прекрасенъ, какъ юноша. Ни одной морщинки не было на высокомъ челѣ его, ни одного серебрянаго волоска въ каштановыхъ кудряхъ; станъ его былъ строенъ и гибокъ; въ взглядѣ сохранялись блестящія искры, угасающія съ лѣтами.

Не смотря на то, онъ переступилъ уже за границы молодости. Двадцать лѣтъ прошло уже съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ выступилъ юношей на поприще жизни и боролся съ нею. Онъ могъ быть отцомъ Лиа.

И въ любви его было, по-временамъ, что-то отеческое. По крайней-мѣрѣ, онъ самъ такъ думалъ; онъ старался обмануть себя и ставилъ произвольныя преграды своей страсти, какъ-бы стращая ея силы.

Любовь его была подвержена измѣненіямъ; какъ всякое преодолимое чувство; иногда онъ былъ холоденъ, иногда немного увлекался съ нежностью, которую никакая сила не могла побѣдить.

Бѣдная Лиа не могла объяснить себѣ этихъ измѣненій. Она любила всегда, и всегда одинаково. Она всегда думала объ Отто; и какъ душа ея была дѣйствительна и чиста, то она и не могла знать расканія.

Она любила наввно, подъ защитой Всевышняго, которому посвящала все тайны своей привязанности.

Иногда она возвращалась домой со слезами на глазахъ; Отто былъ суровъ, холоденъ, и тщетно старалась она разогрѣть леденящую его холодность. Иногда, во всю дорогу, улыбка не сходила съ лица ея; сердце не могло удерживать радости, ее переполнившей. Отто говорилъ ей о любви, а въ устахъ Отто слова любви были жгучи, какъ огонь. Иногда голова молодой дѣвушки опускалась подъ тяжестью глубокихъ размышленій. Лошадь ея шла медленно, щипля траву по сторонамъ; Лиа не обращала никакого вниманія на знакомыя, любимыя виды; она подвизжалась въ дому тѣткѣ безсознательно. Въ эти минуты задумчивости своей, она припоминала слова Отто, исполненные грусти, печали. Она не знала тайны негнаника, не угадывала въ немъ долгихъ страданій, иронической покорности и неутомимой силы, незнающей отчаянія.

Не смотря на окружавшія его опасности, онъ шелъ твердо, съ гордо-поднятою головою; онъ начерталъ себѣ дорогу, по которой шествовалъ безъ страха и усталости; если смерть встрѣчалась ему на этомъ пути, онъ поручалъ душу свою Господу и смѣло шелъ на встрѣчу смерти.

Однакоже, Отто часто обманывалъ себя въ малодушіи; онъ посвя-

тилъ всю свою жизнь исполненію священнаго долга, и каждая потерянная минута казалась ему преступленіемъ, измѣной своей клятвѣ.

Онъ рассказывался еще въ томъ, что за всю пламенную и неограниченную любовь молодой дѣвушки, удѣлялъ ей только частицу своего сердца, принадлежаваго ему: оно было отдано великой обязанности, слѣдовательно, любовь могла занимать въ немъ только безпрестанно-оспориваемое мѣсто.

Отто былъ бѣденъ, изгнанникъ; скоро годы, тяжесть которыхъ еще гордо выносила его голова, преклонять ее; рука его не выпускала меча, и только пролитіемъ крови могъ онъ достигнуть своей цѣли.

Зачѣмъ же нарушать счастье и непорочность этой кроткой дѣвушки?

Жизнь его была буря; смѣетъ ли онъ заволочь мрачными тучами улыбающуюся и ясную будущность Лін?

Онъ хотѣлъ бѣжать далеко и навсегда...

Но впервые желѣзная воля его колебалась. Высшая сила побѣждала ее. Отто, никогда незнавшій преградъ въ своей жизни, былъ побѣжденъ невѣдомымъ вліяніемъ.

Онъ хотѣлъ бѣжать... но остановился; уже осѣдланый конь стоялъ у двери его убѣжища... онъ сѣлся на него и сказалъ къ горь, гдѣ ожидали его поцалуй и улыбка...

Онъ любилъ. То была его первая любовь.

Много женщинъ встрѣчалъ онъ на своемъ пути съ-тѣхъ-перть, какъ сердце его сдѣлалось доступнымъ страсти. Но холодно, равнодушно глядѣлъ онъ на ихъ красоту. Между нимъ и любовію была непреодолимая преграда — воспоминаніе, о смерти страшной смерти!

Чѣмъ прекраснѣе была встрѣчаемая женщина, тѣмъ болѣе напоминала она ему образъ, запечатанный въ его памяти... Страшное зрѣлище представлялось тогда ослабленному взору его: кровать съ старинными колоннами, и на ней блѣдная, умершая женщина...

Сестра его! сестра, которую онъ любилъ такъ страстно, что сердцу его не была доступна никакая другая любовь!.. Прочь радости, въ которыхъ проходитъ молодость другихъ людей!.. Ему было суждено бороться и истить. На свѣтъ былъ драгоценный залогъ обожжаемой сестры, ребенокъ, котораго надобно было сдѣлать изъ нашего могущественнымъ вельможей!

Было благородное имя, исчезнувшее съ лица земли, но которое надобно было поднять!

Было, кромѣ убіенія сестры, еще убіеніе отца!..

Этого было достаточно для цѣлой жизни человека: Отто весь предался своему долгу и не вѣрилъ въ любовь.

Долго и любовь не касалась его сердца; наконецъ она пробу-дилась, и твердая, желѣзная оболочка, которую Отто одѣлъ свое

сердце, распалась, какъ распадается и таетъ ледъ при первыхъ лучахъ солнца.

Чѣмъ болѣе онъ считалъ себя непобѣдимымъ, тѣмъ менѣе бралъ предосторожностей; любовь нечаянно проникла въ его сердце. Когда онъ захотѣлъ защищаться, было уже поздно... Въ груди его накопилось сокровище любви; онъ полюбилъ разомъ за всѣ годы холодности и равнодушія.

Но восторжествовавшая надъ сердцемъ его страсть не заставила его ни на минуту забыть свою обязанность; сердце его раздѣлялось на двое; умомъ его владѣли двѣ мысли.

Прошли мѣсяцы. Нѣмецкая полиція по-прежнему преслѣдовала Отто. Каждую недѣлю онъ удѣлялъ нѣсколько часовъ Ліа, шесть дней нетерпѣливо ожидавшей этой минуты невыразимаго счастья.

Во все прочее время, Отто стремился къ своей таинственной цѣли. Никто не зналъ, гдѣ онъ проводилъ время. Иные говорили, что онъ жилъ въ вѣльномъ городѣ Франкоуртъ-на-Майнѣ у богатаго банкира Цахеуса Неснера.

Однажды, будучи Ліа, съ радостной надеждой отправившаяся на мѣсто свиданія, тщетно прождала цѣлый день.

Черезъ недѣлю—то же самое: Отто не являлся.

Нѣсколько дней спустя, разнеслась вѣсть объ убійствѣ Цахеуса Неснера.

Ліа каждую недѣлю ходила на гору и все ждала Отто... Отто не являлся.

Молодой дѣвушкѣ минуло семнадцать лѣтъ.

Рахиль Мюллеръ получила письмо отъ стараго Моисея, въ которомъ онъ звалъ къ себѣ дочь свою.

Ліа уѣхала въ Парижъ, съ тяжкою грустію на сердцѣ.

Все показавшее ей чуждымъ въ большомъ, великолѣпномъ домѣ Гельдберга. Отрывокъ письма ея открылъ намъ уже первыя впечатлѣнія ея и смѣшенія съ сестрами.

Въ томъ же письмѣ, Ліа говорила и о Денізъ. Молодые дѣвушки полюбили другъ друга съ перваго дня знакомства, потому что были одинаково добры и непорочны; но къ дружбѣ Денізъ привыкалось какое-то странное, невольное-непріязненное чувство.

Прочіе члены семейства Гельдбергъ знавали ея инстинктивное отвращеніе. Она ходила къ нимъ только по принужденію, и лишь только дѣло коснулось брака ея съ кавалеромъ Рейнгольдомъ, какъ она совершенно перестала посѣщать домъ Гельдберга.

Ліа не отсылала этого письма, но написала другое, которое и дошло до Отто черезъ Готтлаба.

Отто отвѣчалъ, адресуя свои письма на имя мадамъ Батальёръ. Ліа получала всѣ письма его, исключая двухъ послѣднихъ, попавшихся въ руки г-жи де-Лорансъ.

Переписка ихъ походила на прежніе разговоры. Они почти не говорили о любви и хотя знали другъ друга сердцемъ, однакожь никогда не доверяли одинъ другому своего происхожденія.

Лиа знала только ими своего знакомца; Отто же думал, какъ и почти весь окрестные жители, что Лиа была дочь Ракли Мюллеръ

Цѣлыя шесть недѣль Лиа не получала никакихъ вѣстей отъ Отто. Цѣлые дни думала она объ немъ, но никакъ не наддалась и не воображала съ нимъ увидѣться.

Баронъ же Родахъ, увлеченный обаятельными, смѣняющимися со вчерашняго дня одне другимъ, не успѣлъ еще познакомиться съ мадамъ Батальеръ. Въ тотъ же вечеръ хотѣлъ онъ идти къ ней, чтобъ узнать о мѣстѣ жительства Лии.

Слѣдовательно, эта встрѣча была для него такъ же неожиданна, какъ и для молодой дѣвушки.

Но въ первую минуту, ни онъ, ни она не рассуждали и вполне предались блаженству свиданія послѣ такой долгой разлуки.

Родахъ любовался Лией, откинувшей нѣсколько назадъ голову, чтобъ смотрѣть ему въ глаза; ему казалось, что она была прелестью преняго. Блестящія глаза молодой дѣвушки не могли отъ него оторваться; съ восторгомъ, доверчивостью и любовью опустила она голову на грудь его.

— Я думала, что вы забыли меня, Отто! сказала она наконецъ. — Боже мой! какъ я страдала!.. Но вы здѣсь... вы вспомнили обо мнѣ... Какъ я счастлива!..

Родахъ поцаловалъ ее въ лобъ; онъ не говорилъ ни слова, но глаза его были краснорѣчивы.

Вдругъ Лиа высвободилась изъ его объятій.

— Вы все еще скрываетесь? спросила она:

— Да, отвѣчалъ Родахъ.

Она взяла его за руку и повела къ двери, въ которую только-что вошла.

— Пойдите со мною, сказала она: — эта зала наполнится черезъ нѣсколько минутъ, и люди, которые соберутся сюда, все знаютъ Германию.

Она увлекла за собою Родаха и повела чрезъ комнаты нижняго этажа, въ которыхъ въ это время никого не было. Она ввела его въ свой кабинетъ, заперла на ключъ дверь и сѣла возле Родаха на кушетку.

Она взяла его за руку и взоромъ, исполненнымъ любви, осмотривала съ головы до ногъ; Лиа была исполнена навѣной радости; ей и въ голову не приходило спросить его, какъ и зачѣмъ онъ пришелъ; она любовалась, восхищалась имъ, любила его!

Они сидѣли оба притивъ окна, возле фортепьяно Лии, на которомъ были разбросаны германскія мелодіи. Форма комнаты была точно такая же, какъ противоположнаго кабинета, въ которомъ ны слышали разговоръ Эсепри и Сары. Только украшения были другія. Лиа Гельдбергъ украсила свое любимое ублаженіе по своему вкусу.

Въ одномъ углу, на этажеркѣ съ рѣзными украшениями, лежали любимыя ея книги; близъ фортепьяно, маленькое бюро со вставными орнаментами изъ перламутра и розоваго дерева, было покрыто бумагами и незаконченными рисунками; передъ окномъ, выходящимъ въ садъ, на наклонномъ столѣ лежалъ альбомъ, на открытой страницѣ котораго послѣдніе лучи дневнаго свѣта освѣщали акварельный рисунокъ.

Онъ представлялъ видъ Германіи; извилистая тропинка, шедшая въ гору, была отбѣсна вѣковыми деревьями; подлѣ нея, на краю дороги, сидѣли мужчина и молодая дѣвушка; двѣ лошади были привязаны къ пию обрубленнаго тополя...

Далеко, вначатое вышиванье, зимніе цвѣты... словомъ, все, что можетъ развлекать удивленіе молодой дѣвушки.

Увеличивавшіяся сумерки бросали прозрачное покрывало на все предметы и славали ихъ въ гармонической полутѣни.

Все располагало къ изъяснѣмъ мечтамъ и разговорамъ о любви...

Но бѣдная Ліа не замѣчала одного страшнаго обстоятельства.

Сидѣлъ-перъ, какъ баронъ Родакъ, но притому довершилась геограріиства Ліа, вошелъ въ эту комнату, лицо его мало-по-малу смрачалось. Въмсто живой радости, которую онъ ощутилъ при первомъ свиданіи съ возлюбленной, имъ овладѣвало возростающее безразличіе, и онъ уже не отвѣчалъ на ласки молодой дѣвушки... Вооръ его былъ по-прежнему устремленъ на нее, но въ немъ замечалось болѣе-и-болѣе тягостное чувство.

Брови его насупились подлѣ вліаніемъ горестной мысли; губы его поблѣднѣли и горькая улыбка выступила на устахъ.

Бѣдная Ліа ничего не примѣчала и продолжала изъяснять свою радость.

Наконецъ, страданіе барона до того усилилось, что она не могла не замѣтить его, и вдругъ замѣчала наскрди весело-начатой ерзы.

— Чтѣ съ вами, Отто? спросила она беззаботно.

Отто долго не отвѣчалъ; но наконецъ, глухимъ, тихимъ голосомъ сдѣлалъ вопросъ, отвѣта на который страшнее болѣе смерти.

— Ліа, спросилъ онъ:—зачѣмъ вы въ этомъ домѣ?

Молодая дѣвушка посмотрѣла на него съ изумленіемъ, —потѣмъ робко улыбнулась.

— Правда, сказала она—вы не знаете, Отто... вы считали меня до-сихъ-поръ дочерью моей доброй тѣтушки Рахили...

Родакъ слушалъ, не переводя дыханіе.

— Еслибъ вы сказали одно слово, продолжала Ліа: — я даже смѣрила бы вамъ, кто я... Этотъ домъ принадлежитъ моему отцу.

Холодный потъ выступилъ на вискахъ Родака.

— Вы дочь Моисея Гельдберга? проговорилъ онъ съ усиленіемъ, какъ-будто каждое слово раздирало его сердце.

— Дѣ, отвѣчала Ліа, невольна опутивъ глаза при неподвижномъ, грозномъ взорѣ, устремленномъ на нее Родакомъ.

Баронъ сидѣлъ неподвижно на кушеткѣ; лицо его приняло устрашающе-холодное выраженіе...

Ліа взяла его за руку: рука была холодна какъ ледь.

Слезы выступили на глазахъ бѣдной дѣвушки.

— Отто! вскричала она:—Отто, умоляю васъ!.. скажите, что съ вами!

Взоръ Родаха, неподвижный и грозный, но-прежнему былъ устремленъ на Лію, но онъ не видѣлъ ея.

— Отто! продолжала молодая дѣвушка съ отчаяніемъ: — что я вамъ сдѣлала?.. Вы разлюбили меня!..

Грудь Родаха тяжело поднялась и взоръ обратился къ небу.

— О!.. произнесъ онъ съ горькимъ упрекомъ: — не-уже-ли я былъ слишкомъ-счастливъ!..

Ліа опустила передъ нимъ на колѣни; она хотѣла молиться, но слезы заглушали ея голосъ.

Отто прижалъ ее къ сердцу и поцаловалъ въ лобъ.

— Бѣдное дитя! произнесъ онъ печальнымъ голосомъ: — не говорилъ ли я тебѣ, что моя любовь принесетъ тебѣ несчастье?

— Но отъ-чего же, Боже мой! отъ-чего? проговорила Ліа, рыдая.

Родахъ смотрѣлъ на нее около секунды въ молчаніи; взглядъ его смягчился... она была такъ прекрасна!

— Что бы ни случилось, сказалъ онъ:—я не перестану любить васъ!

Ліа не понимала, но улыбнулась сквозь слезы, потому-что Отто обещалъ любить ее...

Вдругъ въ саду раздакъ звонъ большого колокола; Ліа испуганно вскочила.

— Зовутъ къ обѣду, сказала она: — и если я еще промедлю, за мной могутъ прійти...

Родахъ также всталъ. Онъ поступалъ безсознательно...

Онъ пошелъ къ двери, но въ то же мгновеніе кто-то снаружи сталъ отворять ее.

Ліа задрожала.

— Милая сестрица Ліа! произнесъ женскій голосъ въ коридоръ:—тебя ждутъ къ обѣду...

— Это моя старшая сестра! проговорила молодая дѣвушка: — спрячьтесь скорѣе, Отто... теперь темно... васъ не увидятъ...

Минутально, ни о чемъ не разсуждая, Родахъ послѣдовалъ за Ліей въ амбразуру окна и скрылся за окушенными занавѣсами.

— Что же, сестрица? повторилъ голосъ Сары, нарочно пришедшей заглянуть въ комнату младшей сестры.

Ліа отвѣчала нѣсколько словъ на удачу; потомъ, обратившись къ Родаху, прибавила шепотомъ:

— Я не запру за собою двери... Когда мы уйдемъ, вы можете выйти въ коридоръ, а оттуда въ садъ; изъ сада вы пройдете въ контору... Но скорѣе, одно слово: когда я васъ увижу?

Отто молчалъ.

Малютка нетерпеливо вскрикнула за дверью; Лиа должна была отпереть ей.

Малютка съ жаднымъ любопытствомъ быстрымъ взоромъ окинула комнату и — ничего не увидела. Она скрыла свою досаду подъ улыбкой и нѣжно поцаловала младшую сестру; потомъ взяла ее за руку, и оба удалились.

Родахъ простоялъ двѣ или три минуты неподвижно. Когда онъ вышелъ изъ-за занавѣса, выраженіе отчаянія уже исчезло съ лица его.

Не впервые приходилось ему страдать; ударъ, разрушившій весь его надежды, все мечты о счастьи, поразилъ его такъ неожиданно, что на минуту сердце его ослабло. Но испытанное мужество его опять пробудилось, и гордо поднялъ онъ чело, на которомъ страданіе наложило глубокую печать свою.

— Да защититъ и сохранитъ ее Господь! проговорилъ онъ, проходя черезъ комнату. — Я люблю ее всеми силами своей души... но кровь Блутгаупта должна быть отмщена!

Онъ произнесъ эти слова твердымъ, спокойнымъ голосомъ.

Комната Лии была еще освѣщена, хотя и слабо, двумя окнами; но лишь-только баронъ переступилъ за порогъ ея, его окружилъ непроницаемый мракъ корридора.

Онъ пошелъ впередъ на-удачу и вскорѣ коснулся стѣны.

За стѣною слышался глухой, ровный шумъ шаговъ, медленно приближавшихся.

Родахъ отвернулся; у него не было ни времени, ни охоты допытываться причины этого шума.

Но едва прошелъ онъ пять или шесть шаговъ въ другую сторону, какъ быстро оглянулся. За нимъ, на томъ самомъ мѣстѣ, отъ котораго онъ только-что отошелъ, отворилась дверь.

Корридоръ освѣтился, и странное привидѣніе представилось глазамъ Родаха.

Онъ увидѣлъ передъ собою отворенную дверь, и на порогъ ея старика, едва передвигавшаго ноги, закутаннаго въ длинный кафтанъ, обшитый вытертымъ мѣхомъ. Голова его была покрыта шапкой съ длиннымъ козырькомъ. Въ рукахъ держалъ онъ потаенный фонарикъ, который тотчасъ же погасилъ, лишь-только замѣтилъ барона Родаха.

И опять все погрузилось въ непроницаемый мракъ.

Послышался шумъ отпираемой и запираемой двери, и опять наступило молчаніе.

— Это, вѣроятно, самъ Моисей Гельдъ, проговорилъ Родахъ послѣ минутнаго молчанія и ошущью сталъ пробираться впередъ, стараясь отыскать дверь; но стѣна была вездѣ одинаково гладка и ровна. Долго ошущивалъ Родахъ стѣну, но тщетно...

Онъ пошелъ въ противоположную сторону, нашелъ дверь, отворилъ ее и очутился въ саду.

Пять минутъ спустя, онъ вышелъ на улицу.

Передъ крыльцомъ остановился великолѣпный экипажъ, въ которомъ только-что воротился кавалеръ Рейнгольдъ. — Родахъ обождалъ мигу и пошелъ далѣе, не будучи замѣченъ кавалеромъ.

Противъ крыльца, на одной изъ тумбъ троттуара, сидѣла блѣдая женщина, неподвижная, какъ статуя...

Лакеи кавалера Рейнгольда, запирая дверцы кареты, увидѣли блѣдную женщину и прогнали ее.

Она встала не говоря ни слова и медленно удалилась.

Отъ Предмѣстья-Сент-Онорé до Площади-Ротонды далеко. Блѣдной старушкѣ предстоялъ не ближній путь.

То была старуха Реньйо, въ безнадежномъ забытіи просидѣвшая до-сихъ-поръ на улицѣ, куда выбросила ее неумолимая жестокость ея сына...

хл.

Улицы Вербуа.

Семейный обѣдъ въ домѣ Гельдберга былъ, въ этотъ день, повсе обыкновеннаго; всѣ явились въ маленькую залу позже назначеннаго часа, включая Авеля, который, между прочими прекрасными качествами, обладалъ удивительною аккуратностью желудка.

Онъ первый вошелъ въ маленькую залу. За нимъ пришли докторъ и графиня; потомъ Малютка съ Лией.

Наконецъ, показался и бѣлый пальто кавалера Рейнгольда; не дождавшись еще биржеваго агента, г. де-Доранса, и стараго Моисея Гельдберга.

Но агентъ и не могъ явиться: Сара съ сожалѣніемъ объявила, что онъ опасно занемогъ.

Всѣ очень сожалѣли о бѣдной Сарѣ. И въ-самомъ-дѣлѣ, между двумя любящими супругами больной страдаетъ менѣе здороваго...

..Блѣдая Сара!..

Впрочемъ, биржевой агентъ весьма-часто не являлся къ семейному обѣду, по причинѣ своего слабаго здоровья; такъ, на отсутствіе его не обратили вниманія. Но тѣмъ болѣе удивляло всѣхъ отсутствіе главы семейства.

Каждый день, ровно въ пять часовъ, онъ выходилъ изъ своей комнаты и сходилъ въ верилльонъ; гдѣ его ждали дочери. Сегодня, часовая стрѣлка приближалась уже къ шести, а его еще не было.

..Этотъ безпримѣрный случай произвелъ сильное волненіе между всѣми членами дома Гельдберга.

Въ шесть часовъ безъ десяти минутъ, Малютка и Авель рѣшились идти къ старику. Она подошла къ двери его покоя, прислушивались, приложили глаза къ замочной скважинѣ, но ничего не слышали и не видѣли,

Они постучались. Дверь открылась.

Старикъ Моисей явился на порогѣ въ обыкновенномъ своемъ вечернемъ костюмѣ. Онъ употреблялъ все усилія, чтобъ казаться спокойнымъ, но лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго, и когда, спускаясь съ лестницы, онъ оперся на руку старшей своей дочери, она замѣтила, что онъ дрожалъ всеми членами.

Смушеніе его было такъ велико, что даже Авель, неодаренный особенною наблюдательностью, замѣтилъ его.

Никто не разспрашивалъ старика.

За обѣдомъ все молчали, все было озабочено; одна Малютка оставалась веселою и беззаботною посреди общаго смущенія.

Три компаньона размышляли о важныхъ происшествіяхъ того дня. Эсфирь думала, куда дѣвался Гецъ. Лія мечтала объ Отто: поступокъ его оставался для нея загадкой, но сердце ея сжималось при одномъ воспоминаніи о мрачной тучѣ, покрывшей внезапно чело ее возлюбленнаго, и безпокойство, котораго она не могла ни объяснить, ни побѣдить; безпрестанно росло въ груди ея. Она хотѣла радоваться въ глубинѣ души свиданію съ Отто, но тягестившее предчувствіе подавляло ея радость.

Старый Моисей сидѣлъ нѣмъ и недвижимъ на почетномъ мѣстѣ. Онъ не вѣлъ. Влскъ глазъ его угасъ. Смотря на лицо его, казалось, что ему безпрестанно представлялось страшное видѣніе.

Два или три раза въ продолженіе обѣда губы его шевелились; казалось, онъ хотѣлъ говорить...

Малютка каждый разъ прислушивалась, но тщетно; только въ третій разъ ей показалось, что старикъ проговорилъ невнятно:

— Я видѣлъ его... я его видѣлъ!..

И потомъ опять впасть въ прежнюю неподвижность.

Послѣ обѣда, когда все переходило въ гостиную, старый Гельдбергъ позвалъ къ себѣ кавалера и доктора.

Оба немедленно повиновались.

Моисей посадилъ ихъ возле себя такъ, что стулья ихъ касались его кресла, и безпокойнымъ взоромъ сканнулъ всехъ присутствующихъ, чтобъ убѣдиться, не можетъ ли кто услышать словъ его. Онъ принялъ важный и таинственный видъ чловѣка, хотѣвшаго открыть великую тайну.

Рейнгольдъ и докторъ ждали.

Молчаніе продолжалось минуты двѣ или три.

— Нѣтъ, нѣтъ! проговорилъ наконецъ Моисей, опустивъ глаза: — земля не выпускаетъ своей добычи!.. Умъ мой слабѣетъ... Я состарился...

Онъ замолчалъ.

Компаньоны помчали еще минуту, потомъ Рейнгольдъ заговорилъ.

— Достойный другъ нашъ, сказалъ онъ тихимъ и почтительнымъ голосомъ: — вы, кажется, хотѣли мнѣ что-то сообщить?

Старикъ посмотрѣлъ на него, потомъ на доктора и скоро началъ головой.

— Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ онъ:—что мнѣ вамъ сообщать?.. Прешедшее далеко... Я все забылъ... Прикажите Лін взять книгу и съестъ воевъ меня.

Компаньоны отошли, слегка пожавъ плечами.

Минуту спустя, Лія стала читать вслухъ.

Игорный столъ былъ поставленъ, но вмѣсто того, чтобъ приняться за партію трик-трака, Мирá и Рейнгольдъ должны были повиноваться знаку Сары, звавшей ихъ въ амбразуру окна.

Эсэиръ и мосѣ Авель сидѣли у камина. Имъ нѣ о чемъ было говорить, и они братски, симпатически скучали, зѣвая наперерывъ другъ передъ другомъ.

— Что онъ вамъ скавалъ?.. спросила Малютка компаньоновъ.

— Сударыня, отвѣчалъ Рейнгольдъ:— старикъ нашъ, по моему мнѣнью, сильно клонится къ ребячеству!.. Онъ вообразилъ, что имѣетъ сообщить намъ нѣчто чрезвычайно-важное, и недоваля насъ; но когда мы услыли воевъ него, онъ забылъ, о чемъ хотѣлъ говорить, или, лучше сказать, вспомнилъ, что ему нѣ о чемъ говорить.

— Правда ли? спросила Малютка, обратившись къ Хозé-Мирá.

Рейнгольдъ поклонился, вриятво улыбаясь за доказательство полнаго и совершеннаго къ нему довѣрія.

— Правда, отвѣчалъ Мирá холодно.

Малютка указала ему на стулъ, за которымъ онъ немедленно отправился. Малютка сѣла; кавалеръ и докторъ стояли передъ нею. Они начали говорить шопотомъ...

Воевъ камина не слышно было даже шопота ихъ. Только чистый, звѣжжый голосъ Лін прерывалъ тишину, господствовавшую въ комнатѣ...

Обыкновенно, старый Моисей внимательно слушалъ чтеніе, потому-что всегда выказывалъ особенную привязанность къ обрядамъ своей вѣры. Сегодня онъ былъ разсвѣжъ, озабоченъ, разстроенъ. Нѣсколько разъ голова его опускалась на грудь подъ бременемъ тягостной мысли; потомъ онъ быстро подымалъ ее и осматривался съ безпокойствомъ; губы его шевелились, не произнося ни малѣйшаго звука.

Г-жа де-Лорансъ и компаньоны разговаривали уже болѣе четверти часа; разговоръ ихъ былъ, вриятно, очень-занимателенъ...

— Кавалеръ, говорила г-жа де-Лорансъ тѣмъ рѣзкимъ и рѣшительнымъ тономъ, который она принимала въ дѣлахъ:— есть ли, нѣтъ ли опасности, но надобно начать снова!

— Сударыня, возразилъ Рейнгольдъ:— вы знаете, что я всегда готовъ къ вашимъ услугамъ; но гдѣ же мнѣ взять другаго Вердѣ!..

— И не нужно! сказала Малютка, презрительно пожавъ плечами:— другой Вердѣ еще болѣе испортить все дѣло... Ищите, господа, ищите другія, мѣже-пошлая средства!

— Когда произведеніе автора не имѣетъ успѣха, проговорилъ Рейнгольдъ: — все говорятъ о немъ дурно... Между-тѣмъ, какъ прежде оно казалось мастерскимъ произведеніемъ!.. Позвольте вамъ замѣтить, сударыня, что средство мое было совсѣмъ не такъ пошло, какъ вы изволите говорить... и еслибъ не долговязый незнакомецъ, о которомъ пишетъ Вердье, то...

— Конечно, насмѣшливо прервала его Малютка: — еслибъ ему удалось, такъ удалось бы... Я сама того же мнѣнія!

Рейнгольдъ могъ бы разсердиться, но онъ предпочелъ улыбнуться.

— Положимъ, что мое средство было пошло, если вамъ это угодно, сударыня, отвѣчалъ онъ:— потрудитесь же прискать лучшее.

Малютка посмотрѣла на брата и сестру, сидѣвшихъ къ ней спиною, возль камня; она хотѣла удостовѣриться, не подслушиваютъ ли они, будто-бы зѣвая отъ скуки.

— Предупреждаю васъ, сударыня, продолжалъ Рейнгольдъ: — что положеніе нашихъ дѣлъ, по моему мнѣнію, значительно измѣнилось... Долговязый незнакомецъ, такъ некстати ранившій Вердье, вѣроятно, не безъ цѣли и не для прогулки пришелъ такъ рано въ Булонскій-Лѣсъ... Я долго размышлялъ объ этомъ чертовскомъ дѣлѣ и вывелъ заключеніе, что у нашего молодого человѣка должны быть покровители.

— А у насъ есть деньги, сказала Малютка.

— Были... проворчалъ Рейнгольдъ.

Малютка пристально взглянула на кавалера.

— Къ-чему терять лишнія слова? сказала она:— я хочу, чтобы онъ умеръ!

— Я тоже, возразилъ Рейнгольдъ:—но...

— Докторъ! прервала его Малютка:—научите его, что дѣлать.

Португалецъ хранилъ до-тѣхъ-поръ холодное, важное молчаніе. Когда Малютка смотрѣла на него, онъ опускалъ глаза; когда Малютка отводила отъ него взоръ, онъ подымалъ глаза и устремлялъ на нее съ пламеннымъ, страстнымъ выраженіемъ.

Слова Сары были для него приказаніемъ.

— Есть средство, сказалъ онъ холоднымъ и недвѣтческимъ, свойственнымъ ему тономъ.

Малютка и кавалеръ удвоили вниманіе.

— Эсэвръ, говорилъ въ это время Авель, которому надевно молчать:—видѣла ли ты *Мимми*, мою линкольншейрскую лошадь?

— Нѣтъ, отвѣчала Эсэвръ.

— Гнѣдая... она выиграла призъ... Я купилъ ее за триста-пятьдесятъ гиней у лорда Пѣрси, наслѣдниковъ графа Джоржа Херринга.

— А!.. равнодушно произнесла Эсэвръ.

— Да... *Мимми* сынъ *Ватерлоо* и *принцессы Матильды*.

— Не-уже-ли?..

— Какъ же! У меня всѣ документы... *Ватерлоо*, какъ вамъ, вѣроятно, извѣстно, сынъ *Проблема* и *Чип-оф-зе-олд-блокс*.

— Это ижд не было извѣстно.

— Удивительно!... какъ этого не знать!... *Чип-оф-зе-олд-блокс* выиграла тридцать тысячъ гиней лорду *Честерфильду* въ 1819 году, на эскоттскихъ скачкахъ... а отецъ ея, знаменитый *Перришамп-тунникъ*...

Эсеиръ эвнула. Авель посмотрѣлъ на нее съ негодованіемъ и замолчалъ.

Докторъ Хозе-Мира, по обыкновенію своему, помолчалъ нѣсколько секундъ. Онъ былъ человекъ осторожный, взвѣшивавшій каждое свое слово.

Малютка и Рейнгольдъ вопрошали его взорами.

Заставивъ ихъ подождать, онъ опустилъ глаза и проговорилъ:

— Стоитъ только пригласить его на нашъ праздникъ...

Малютка поняла съ первыхъ словъ.

Рейнгольдъ не понималъ.

— На праздникъ?.. повторилъ онъ.

— Въ замокъ Гельдбергъ! нетерпѣливо отвѣчала Малютка: — тамъ мы у себя дома и не имѣемъ надобности въ посидицы!

Рейнгольдъ протянулъ руку къ Португальцу.

— Докторъ, сказалъ онъ:—вы говорите мало, но каждое ваше слово стоитъ золота!.. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что если намъ удастся завзять его въ замокъ Гельдбергъ, дѣло кончено... Но мы сами исключили его изъ нашей конторы: трудно будетъ найти предлогъ, чтобъ пригласить его.

— Это мое дѣло, отвѣчала г-жа де-Лорансъ: — ручаюсь, что онъ придетъ.

— Чудесно! вскричалъ навалеръ: — такъ надо послѣдить праздники.

— И принять напередъ всѣ нужныя мѣры, прибавилъ дикторъ:—потому что мы не найдемъ ни одного порядочнаго человека между тамошними жителями.

— И то правда! вскричалъ Рейнгольдъ. — Ахъ, докторъ! какой вы драгоценный человекъ!.. Я знаю одного молодца, который охотно возьмется...

— Одного мало.

— Я знаю женщину, сказала Сара: — которая можетъ рекомендовать намъ надежныхъ людей...

— Да и мой молодецъ приведетъ съ собою цѣлую ватагу, если нужно! сказалъ Рейнгольдъ.

Малютка встала.

— Когда же будетъ праздникъ? спросила она.

— Въ замокъ, вѣроятно, все ужь готово, отвѣчалъ навалеръ: — а мы будемъ свободны послѣ 10-го... Что жь касается до расколовъ, такъ само небо послало намъ добраго человека, который

нее беретъ на себя... Следовательно, можно рассылать приглашения.

— Рассылайте, сказала Сара: — тѣмъ скорее, тѣмъ лучше... а я займусь Французъ...

— Слегка кивнувъ головою своимъ сообщникамъ, она пошла къ камину.

Рейнгольдъ изъ-подлѣбя и съ насмѣшливой улыбкой посмотрѣвъ на Португальца.

— Докторъ! сказалъ онъ: — она знаетъ имя и адресъ молодого чело­вѣка и беретъ пригласить его... Имя его вы могли ей сказать... по адресъ?

Брови доктора насупились.

— Да, почтеннѣйшій докторъ! злобно сказала кавалеръ: — счастливы тѣ, которыхъ она любитъ!... Она еще удивительно-хороша собой!..

Малютка между-тѣмъ прониклась съ старикомъ.

— Я сегодня ухожу рано, говорила она: — но мнѣ казочно узнать, что дѣлаетъ мой бѣдный Леонъ...

Эти слова вызвали радостную улыбку на уста стараго Менеса; онъ поцаловалъ дочь въ лобъ и пожелалъ ей доброй ночи.

Когда она ушла, старикъ обратился къ Рейнгольду и доктору, подошедшимъ къ камину, и сказалъ:

— Какъ они любятъ другъ друга!

Докторъ холодно поклонился. Рейнгольдъ сказалъ какую-то пошлость.

Лешаде Малютки мчались экипажъ ея въ Прованскую-Улицу.

Четверть часа спустя, сидѣла она у изголовья постели своего мужа.

При немъ былъ врачъ.

Малютка горько жаловалась на патриархальный обычай, заставлявшій ее удалиться отъ мужа; обсыпала послѣдняго низкими ласками, и врачъ ушелъ съ неприятнымъ протавъ Г-на де-Лоранса чувствомъ за то, что онъ съ такою мрачною холодною внимательностью извѣщенія привязанности своей прелестной жены.

Едва онъ переступилъ за порогъ, какъ и Малютка вскочила, ушла въ другую комнату и переодѣлась.

Нѣсколько минутъ спустя, Сара вернулась разодѣтая; она была такъ очаровательно-хороша, что во взоръ большого сверкнула молнія.

— Прощай, Леонъ, сказала она небрежно: — тебѣ теперь гораздо-легче, другъ мой... я, можетъ-быть, зайду еще къ тебѣ, когда вернусь.

— Куда вы идете, сударыня? проговорилъ бѣдный мужъ, лицо котораго помылось смертною, сивозатою бѣдностью.

Сара улыбаясь кивнула ему головою и убѣжала, не отвѣтивъ на вопросъ.

Г. де-Лорансъ смотрѣлъ въ продолженіе минуты на дверь, какъ-

бы надвигалась, что жена его вернется... потому язык его тяжело опустился.

Страшно было взглянуть на него в эту минуту: лицо его было бледно; вокруг впалых глаз обрисовывались фиолетовые круги; морщины перерывали щеки по обимъ сторонамъ рта, концы котораго опустились внизъ съ выраженіемъ горькой усмѣлки.

Нѣсколько минутъ пролежалъ онъ неподвижно... вдругъ задрожалъ, стиснулъ зубы, и все лицо его искажилось въ судорожныхъ движеніяхъ.

Онъ страшно, отчаянно вскрикнулъ...

Прибѣжалъ камердинеръ и засталъ его въ ужасныхъ страданіяхъ. Онъ рыдалъ, какъ женщина, и, посреди рыданій, произнесъ имя Сары...

Сары, подливавшей ему каждый день по нѣскольку капель вѣрнѣйшаго и злѣйшаго яда — яда ревности!

Сары, убивавшей его шутя и съ улыбкой на лицѣ!..

Между-тѣмъ, Сара сошла внизъ, прошла черезъ контору, вышла на улицу, сѣла въ наемную коляску, и приказала ехать къ Тамплю.

Малютка опустилась въ уголокъ коляски, закутавшись въ теплую, лѣгонькую шубу.

Она мечтала... и ни малѣйшее угривеніе совѣсти не помрачало сладкихъ мечтаній ея.

На прелестномъ личикѣ ея выражалось совершенное спокойствіе; совѣсть была чиста; воображеніе рисовало ей прекрасную будущность.

Она была красавица... богата... Настоящая жизнь ея только-что начиналась...

Свернувъ съ бульвара у Сен-Мартенскихъ-Воротъ, коляска въѣхала въ узкую и дурно-освѣщенную улицу, мрачныя лавочки которой не имѣли рѣшительно ничего общаго съ блестящими магазинами центра Парижа.

Коляска проѣхала нѣсколько времени въ грязи, потомъ остановилась въ концѣ улицы Вербуа, ведущей къ Тамплю.

Малютка весело пробудилась отъ своихъ мечтаній и соскочила на узкій троттуаръ. Ножка ея только коснулась плиты, постоянно покрытой грязью, и другимъ прыжкомъ она очутилась въ мрачномъ пассажѣ, откуда пахнуло на нее погребною сыростью.

У входа въ этотъ корридоръ, Малютка остановилась и, обратившись къ извозчику, сказала:

— Жди меня тамъ!

Извозчикъ вообразилъ опять на козлы и увѣхалъ. Онъ часто прѣзжалъ сюда, и слово тамъ означало для него уголокъ улицы Феншпю.

Малютка ступила нѣсколько шаговъ, приподнявъ платье; ее окружали непроходимыя мракъ, но она знала дорогу, и вскоре нож-

ка ея вступила на первую ступеньку лѣстницы, достойной сосѣдки грязнаго пассажа.

Безъ особеннаго отвращенія взялась она за жирную, сальную веревку, замѣнявшую перила, и скоро стала подыматься по крутой лѣстницѣ.

У третьяго этажа она остановилась.

Тутъ начиналась роскошь.

Передъ дверью лежалъ коврикъ и ручка Малютки нашла въ темнотѣ красивую кисточку, кеторою оканчивался шнурокъ звонка.

Она позвонила. За дверью слышался шумный разговоръ, прерываемый громкимъ смѣхомъ.

Дверь открылась, и на порогѣ показалась старуха, голова которой была повязана клятчатымъ платкомъ; надъ головой держала она въ лъвой рукѣ свѣчу, чтобъ лучше рассмотреть ввѣнь-прибывшую. Эта старуха представляла собою типъ грозной привратницы; красные глаза, освѣщенные густыми бровями, носъ крючкомъ, довольно-длинные волоски надъ сжатыми губами, острый подбородокъ — вотъ отличительныя черты ея фязіономіи.

Сара дружески кивнула ей головой.

— Здравствуйте, мадамъ Гюффе, сказала она ей.

Мадамъ Гюффе почтительно присѣла.

— Мое почтеніе, сударыня, отвѣчала она.

— Дома мадамъ Батальеръ? спросила Малютка.

Мадамъ Гюффе опять присѣла и, пятясь назадъ, отвѣчала жеманнымъ голосомъ:

— Вамъ извѣстно, сударыня, что для васъ хозяйка моя всегда дома.

Малютка вошла. Мадамъ Гюффе провела ее черезъ комнату, въ которой ужасно нахло кухней; оттуда обѣ онѣ прошли въ другую комнату, меблированную съ изкоторою роскошью.

Въ этой комнатѣ сидѣла за столомъ мадамъ Батальеръ противъ молодатаго человека, лѣтъ двадцати, одѣтаго съ изысканностью и безукусіемъ, съ усами, загнутыми вверху и волосами, взбитыми какимъ-нибудь парикмахеромъ Тампльскаго-Квартала.

— Мадамъ Луаза изволела пошловать, доложила Гюффе, присѣвъ въ третій разъ.

Мадамъ Батальеръ утерлась салфеткой, встала и подала руку Малюткѣ, которая дружески почала ее.

XIII.

МАЛЮТКА.

Госпожа де-Лорансъ опустила вуаль, вошедъ въ комнату, гдѣ мадамъ Батальеръ обѣдала съ-глазу-на-глазъ съ тампльскимъ франтомъ. На вуаль Малютки было столько узоровъ, что онъ могъ

замануть массу. Франтъ, котораго звали москѣ Ипполитъ, несколько сконфузился и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на вездѣдную. Непроизносимый ауалъ скрывалъ лицо ея.

Москѣ Ипполитъ былъ малой здоровый, краснощекій, недурной собою, но съ огромными ручищами и ножищами. Сюртукъ изъ тонкаго сукна, отвратительно-плотно сидѣвшій на немъ, только безобразилъ его; онъ былъ бы красивѣе въ фуражкѣ и блузѣ.

Но видно было, что онъ очень важничалъ своимъ костюмомъ и обладалъ себя лѣвомъ съ головы до ногъ, къ которымъ часто опускался вѣрвь его, чтобы полюбоваться лакированными ботинками, сжимавшими бѣдные ноги его.

Общественное положеніе этого пріятнаго молодого человека было весьма-дѣстно: онъ состоялъ «другомъ» при мадамъ Батальёръ.

Онъ былъ, вѣроятно, очень интересенъ мадамъ съ собою; но видъ знатной дамы сконфузилъ его. Москѣ Ипполитъ покраснѣлъ, нахъ рѣкъ, забѣлъ волосы, закрутилъ усы и, не зная куда дѣвать руки, заперталъ ихъ въ карманы панталонъ.

Потомъ, инстинктивно понявъ, что это не было прилично, онъ скоро выдернулъ ихъ изъ кармановъ и сталъ ломать голову о томъ, что дѣлаютъ люди *en terre-à-fait* въ подобныхъ случаяхъ съ своими руками.

Мадамъ Батальёръ была женщина лѣтъ тридцати-пяти или сорока, свѣжая и недурная собою. Лице ея было полно, щеки румяны, глаза живые, зубы бѣлыя, волосы стро-блѣзурные; брови и коротенькія рѣсницы того же цвѣта.

Мадамъ Батальёръ цѣнила много сердце въ свое жизни, и теперь еще, веселая смѣлость, выражавшаяся на лицѣ ея, особенно нравилась военнымъ людямъ.

Но мадамъ Батальёръ принадлежала къ своему вѣку: она пренебрегала модою; ей нужны были *fonctionnaires*.

Туалетъ ея состоялъ изъ атласнаго, коричневаго цвѣта платья, зашнурованнаго отъ плечекъ до низа синими платчатыми перламутромъ, замаскированными жареными пятнами. Кругленькую шею ея обвивала золотая цепочка изъ фальшивыхъ камней. Голову укрывала дорогій блѣзурный поплинъ, обсаженный множествомъ лентъ огненнаго цвѣта. Изъ-подъ чепца видѣлись завитые стро-блѣзурные волосы.

Она безпрестанно и громко смѣялась, любила обходиться фамильярно и говорила голосомъ капрала.

Столъ былъ хорошо накрытъ; бѣлье чистое, посуда фарфоровая и серебряная. Только передъ нею и другомъ ея стояло по бутылкѣ того фиолетоваго вина, которое дѣлаютъ нестрѣбимыя пятна на скатертяхъ простонародныхъ кабаковъ.

Комната была обширна и меблирована какъ гостинная. Два кресла, крытыя краснымъ бархатомъ, диванъ, стулья около стѣнъ почти новы и не походили на вещи, купленныя по случаю;—комнату эту можно было принять за обыкновенную гостинную, случай-

не обращенную въ столовую, есалъ по стульямъ и столамъ не было разбросано множество самыхъ разнородныхъ вещей.

Туть валялись шубы, маха, куски блондъ, старыя перчатки, одиначныя въ мытцѣ, муфты, платья, корсеты и дюжина старыхъ шляпокъ.

Стѣны, обклеенныя обоями съ яркими, разноцвѣтными узорами, были увѣшаны множествомъ маленькихъ, ярко раскрашенныхъ литографій.

На каминѣ стояли великолѣпныя часы во вкусъ времениъ Лудовика XV, а по сторонамъ ихъ двѣ уродливыя фарфоровыя чашки.

Комната освѣщалась двумя желтыми салными свѣчами, всажеными въ дорогіе подсвѣчники.

Мадамъ Гюссѣ придвинула Малютку кресло и присѣла въ четверть разъ, вызвавъ на свое лицо пріятнѣйшую изъ своихъ улыбокъ.

Мосьѣ Исполить все еще думалъ, куда бы запрятать руки и на-свистывалъ національную польку, воображая, что такъ водятся въ парламентѣ обществъ.

Обѣдъ только-что начинался. Мадамъ Батальѣръ указала своему другу на дверь, сказавъ ласковымъ голосомъ:

— Уйди, Политъ, другъ мой!.. Отобѣдай въ трактиръ; я за-качу...

Политъ бросилъ унылый взглядъ на только-что принесенное вкусное блюдо; но надобно было повиноваться. Онъ всталъ не говоря ни слова, взявъ трѣсть съ набалдашникомъ, золотѣнымъ галаванопластическимъ способомъ, и исчезъ, неловко поклонившись.

Мадамъ Гюссѣ проводила его, успѣвъ присѣсть въ пятый разъ.

Малютка откинула вуаль.

Мадамъ Батальѣръ опять сѣла къ столу и стала подвязывать салфетку.

— Есть ли чего новаго? сказала она, безъ церемоніи принимаясь ѣсть.

— Есть, отвѣчала Сара: — мнѣ надобно о многомъ разспросить васъ, добрая мадамъ Батальѣръ.

Добрая мадамъ Батальѣръ налила себѣ цѣлый стаканъ фіолетоваго вина и, фамильярно кивнувъ головою г-жѣ де-Лорансъ, опорожнила его разомъ.

Въ Тамплѣ и, вообще, при постороннихъ, торговка умѣла держать себя въ почтительномъ разстройніи отъ знатной дамы; но на-единѣ люди, любящіе и уважающіе другъ друга, могутъ многое себѣ позволить.

— Не угодно ли вамъ выпить стаканчикъ? спросила Батальѣръ: — выпить?.. Ну, какъ хотите... Я выпью за ваше здоровье.

— Благодарю, моя добрая... Ахъ, не-уже-ли вы все еще знаете съ этимъ жалкимъ Исполитомъ?..

— Уже не говорите! отвѣчала Батальѣръ: — все жду, чтобъ онъ хоть разикъ надулъ меня... тогда ужъ я вытолкну его въ шею...

но онъ, разбойникъ, всегда такъ хорошо одѣвается, что я просто съ ума схожу отъ него.

Малютка спокойно выслушивала этотъ перекрестный огонь тривиальныхъ выражений. — На ея нѣжную натуру и аристократическія привычки не производила, по-видимому, никакого неприятнаго впечатлѣнія эта тварь въ атласномъ платьѣ, съ грубыми ухватками, которыхъ не могло исправить и богатство ея.

Батальёръ родилась Богъ-вѣсть отъ кого, въ какой-нибудь конурѣ рыбнаго рынка. Воспитаніе ея началось подъ сводами этого рынка и окончилось въ тампльской лавчонкѣ.

Послѣ сытнаго обѣда, въ ту минуту, когда добрыя сердца любить наливались наружу, мадамъ Гюффѣ говаривала, что ей, замѣдавшей въ свѣтъ болѣе-приличныя должности, весьма-прискорбно служить какой-нибудь мадамъ Батальёръ, не умѣвшей ни правильно изъясняться, ни обходиться какъ слѣдуетъ съ порядочными людьми, — ибо мадамъ Гюффѣ считала себя *порядочной* женщиною, не смотря на кавтчатый платокъ, невадышавшій ея голову.

Она служила некогда у сенатора имперіи и еслабъ казакъ, се обѣдствившій, не покинуть ея съ дикимъ вѣроломствомъ, то въ настоящее время она, вѣроятно, была бы почтенною матерью маленькихъ казачонковъ гдѣ-нибудь въ Украинѣ.

Сколько мадамъ Батальёръ была груба и безцеремонна, столько же старая служанка ея была вѣжлива и жеманна, и потому онѣ отъ всей души презирали другъ друга.

Что касается до Малютки, она успѣла уже привыкнуть къ ухваткамъ тампльской торговки, ибо эта торговка давно уже была ея повзренною.

Мадамъ Батальёръ пообедала плотно; допивъ свою бутылку, она принялась за бутылку бѣднаго Ипполита.

Малютка не мѣшала ей.

Когда принесли кофе, — какая тампльская торговка можетъ жить безъ кофе съ аккомпаньеманомъ нѣсколькихъ рюмочекъ французской водки! — Малютка пожелала разсмѣтрѣть счеты.

— Мадамъ Гюффѣ! закричала Батальёръ громовымъ голосомъ.

Старая служанка явилась и присѣла.

— Счетную книгу! сказала Батальёръ.

— Я сейчасъ буду имѣть честь принести ее, отвѣчала мадамъ Гюффѣ.

Торговка отодвинула въ одну сторону чашку кофе, въ другую погребецъ съ тремя графинчиками съ коньякомъ, смородиной апливкой и парфет-амуромъ, и, положивъ передъ собою счетную книгу, стала перебирать одной рукою пожелтѣлыя отъ времени листки, а другою болтать въ чашкѣ смѣсь кофе съ коньякомъ, вѣвственную подъ названіемъ *горіи*.

— Нечтѣ! говорила она: — дѣла шли порядочно въ послѣднее время въ улицѣ Пруверъ... Игра была жаркая... Съ одной, а именно съ правой стороны, мы маленько потеряли...

— Покажите, сказала Малютка: — я давно уже не справлялась съ книгой.

Она придвинула кресло и сѣла такъ близко къ мадамъ Батальёръ, что голова ея почти касалась головы торговки. Блестящія, каштановыя кудри ея перемѣшались съ тощими локонами, походившими на пробочники и висѣвшими изъ-подъ чепца торговки.

Между этими двумя женщинами былъ рѣзкій, совершенный контрастъ: одна была типомъ аристократической граціи и благородства, другая, съ лицомъ, раскрасившимся отъ вина и водки, была олицетвореніемъ грубыхъ и отвратительныхъ пороковъ людей, вынуждаемыхъ, по-временамъ, слѣпымъ случаемъ изъ послѣднихъ словъ черни.

Не смотря на то, знатная дама не показывала ни малѣйшаго отвращенія. — Быть-можетъ, она и не чувствовала его. — Запахъ *моріи* поражалъ ея обоняніе: она не обращала на то ни малѣйшаго вниманія, и флакончикъ спокойно оставался у нея въ карманѣ.

Батальёръ начала считать.

— Триста тысячъ франковъ записано на неаполитанскій банкъ, сказала она:—пятьсотъ тысячъ франковъ на мое имя записаны въ *мѣшнемъ* банкѣ... семьдесятъ тысячъ на руанскій... сто пятьдесятъ на орлеанскій... четыреста пятьдесятъ тысячъ...

— Итогъ, итогъ! прервала ее Малютка, у которой сверкали глаза. Батальёръ перевернула три или четыре страницы, исписанныя цифрами, и наконецъ дошла до того мѣста, гдѣ уже былъ подведенъ итогъ.

— Пять милліоновъ триста-пятьдесятъ тысячъ франковъ, сказала она.

— Сколько времени нужно было, чтобъ накопить этотъ капиталъ! проговорила Малютка какъ-бы про-себя.

Батальёръ всплеснула руками.

— Сколько времени! повторила она съ изумленіемъ:—помилуйте, да я постарше васъ, сударыня, и до-сихъ-поръ накопила не болѣе ста-тридцати тысячъ франковъ!

Малютка и не думала обижаться этимъ сравненіемъ.

Батальёръ глотнула *глоріи* и долила чашку новой порціей *коньяку*.

— Не прикажете ли сладенькой? сказала она, подавая Сарѣ *погребецъ*:—ахъ, извините! я и забыла, что вы не изволите употреблять!.. А я никакъ не понимаю, какъ можно обойтись послѣ обѣда безъ рюмочки *ликѣрца*!..

— Мнѣ кажется, сказала Сара:—въ прошедшій разъ итогъ былъ больше...

Мадамъ Батальёръ принялась ложечкой пить свой кофе.

— Сударыня, отвѣчала она:—вы вѣчно говорите одно и то же... Еслибъ мы не были такъ давно знакомы, я могла бы подумать, что вы подозреваете меня...

— Фи, какъ можно! вскричала Малютка съ ласковой улыбкой: — развѣ я не отдала всей своей будущности въ ваши руки?
— Да!.. все ваши дѣла у меня въ рукахъ! возразила торговка: — и хотя вы приняла свои штры, однакожъ вамъ пришлось бы *ожутко*, елибѣ мнѣ вздумалось *удрать!*..

Малютка хотѣла улыбнуться, но на лицѣ ея выразилось сильное безпокойство.

Батальёръ безъ церемоніи ударила ее по плечу.

— Не такъ ли? продолжала она, громко захохотавъ:— а мнѣ бы это доставило порядочный капиталъ... Но васъ я ни за что въ штры не *мадуо*: вы можете быть спокойны! Жозефина Батальёръ честная женщина; она неспособна *надуть* васъ...

Сара взяла своей маленькой ручкой, обтянутой перчаткой, красную ручищу торговки.

— Я вѣрю вамъ, другъ мой, сказала она.

— А! да вѣдь подите-ка, продолжала мадамъ Батальёръ, разгорячаясь:— поищите! скоро ли найдете другую мадамъ Батальёръ!.. Не тутъ-то было!.. Я, извольте видѣть, веду дѣла свои какъ слѣдуетъ и не боюсь сплетень... *вотъ-что!*..

— Добрая, милая мадамъ Батальёръ... начала было Малютка. Вѣроятно, всякому случалось встрѣчать людей, воспаляющихся болѣе и болѣе, когда никто имъ не противоречитъ. Подобные люди слѣпы и глухи; вы совершенно и безпрекословно соглашаетесь съ тѣмъ, что они говорятъ, а они выходятъ изъ себя, чтобъ убедить васъ.

Мадамъ Батальёръ была подвержена этому недостатку — после жосе. Впрочемъ, она имѣла полное право говорить о своей честности передъ Малюткой: ей никогда и въ умъ не приходило воспользоваться средствами, находившимися въ рукахъ ея. Она была женщина порочная, но сохранившая некотораго рода относительную честность.

Подобные ей люди часто встрѣчаются въ Парижѣ. Они рождаются Богъ-знаетъ гдѣ; растутъ въ грязномъ мраке низшей ступени общественной лѣстницы. Случай воспитываетъ ихъ; первый воздухъ, которымъ они дышатъ, напитанъ испорченностью и нищетою. Окружающіе ихъ страдаютъ и безпохульствуютъ.

Для некоторыхъ людей, правила человеческой нравственности замѣняютъ благодѣтельные законы религіи; но выше не знаютъ ни тѣхъ, ни другихъ; никто не говорилъ имъ: «Это хорошо, а это худо!» Вы разсѣивайте ихъ, если заговорите о будущей жизни... Они знаютъ только исправительную полицію и уголовный судъ...

Слѣдовательно, это еще счастье, когда эти люди только порочны. Съ той минуты, когда поученія философіи атеизма проникнуть въ нижніе слои общества, эти люди останутся навсегда преступниками...

Посреди вѣчнаго мрака, въ которомъ мадамъ Батальёръ всегда жила, исполняя всевозможныя сомнительныя порученія и торгуя

зломъ и добромъ, она случайно сохранила въ душѣ своей частицу правоты. Въ глубинѣ совѣсти ея осталось еще что-то, и въ этомъ она была гораздо-выше Малютки, которая подъ блистательною наружностью скрывала произвольный, неограниченный развратъ.

Впрочемъ, Малютка поняла свою агентку по тонкому и вѣрному такту, которымъ обладала въ высокой степени. Она знала, въ какой степени могла ввериться торговкѣ, имѣвшей всѣ дѣла ея въ своихъ рукахъ.

Мадамъ Батальѣръ была центромъ системы законныхъ обмановъ, съ помощью которыхъ Малютка ускользала отъ предписаній кодекса и-наживалась, между-тѣмъ, какъ мужъ ея разорялся. Все дѣлалось на имя мадамъ Батальѣръ. Она вела всѣ дѣла съ биржевыми агентами и маклерами.

Она была простая торговка, но никто не удивлялся тому, что она верочала сотнями тысячъ франковъ. Тампль — чистодѣше, въ которомъ торгошъ можетъ остаться на всю жизнь; но иногда онъ изъ него попадаетъ прямо на биржу.

Никто не знаетъ, сколько золота скрывается тамъ подъ лохмотьями. Тампль похожъ на нищаго въ рубищахъ на содѣженномъ тюфякѣ, набитомъ миллионами..

Должность агентки г-жи де-Лорансъ была не маловажна. Дѣлъ было множество, а мадамъ Батальѣръ владела необыкновенною дѣятельностью; она вела въ одно время и дѣла Малютки, и свои собственные. Сара хорошо платила ей, за то и мадамъ Батальѣръ вела свои счета съ удивительною точностью.

Она стоваривалась съ агентами, съ маклерами, распоряжалась по своему благоусмотрѣнію и подписывала контракты; днемъ успѣвала еще дѣлаться въ свою тампльскую лавку, а вечера проводила въ игорномъ домѣ.

Не смотря на множество занятій, она успѣвала, однакожь, съежонно пообѣдать и насладиться своей любимой *gloriette*.

— Ну то-то же! сказала она, когда Малюткѣ удалось успокоить ее:—я напрасно разгорячилась, потому-что отъ этого у меня какъ-разъ разболится голова, если я не выпью чего-нибудь похвѣщае.. Но воля ваша, я никакъ не могу понять, какъ можно жѣловаться при такомъ счастьи!.. Чего вамъ не достаетъ?.. Сколько жѣ вамъ, наконецъ, нужно?.. Да вы и этого никогда не истратите!..

Малютка глубоко вздохнула и придала своему лицу грустный видъ.

— Еслибъ это было для меня, моя добрая мадамъ Батальѣръ, проговорила она: — я не стала бы и хлопотать; но вѣдь я двадцать разъ ужъ говорила вамъ!..

— Пятьдесятъ, сто разъ, а не двадцать! прервала ее торговка:—это для маленькой дѣвочки, не такъ ли?

— Юдион! проговорила Сара.

— Да, да, да, знаю! сказала Батальѣръ, мигнувъ однимъ глазомъ:—дитяти любви и тайны!..

XIV.

ПѢСНЯ ДУРАЧКА.

Мадамъ Батальёръ нашла себѣ полчаски парфет - амура и, прихлебнувъ изъ ложечки, продолжала:

— Конечно, вы не разъ говорили мнѣ о дѣвочкѣ... но я все-таки ничего не понимаю... Гдѣ же, наконецъ, этотъ ребенокъ, для котораго вы лѣзете вонъ изъ кожи?

Сара никогда не обижалась грубыми выходками торговки.

— Моя дочь! произнесла она, поднявъ глаза къ небу:—моя бѣдная Юдионъ!.. Она далеко отъ своей матери и отдана на руки чужимъ людямъ... она страдаетъ...

— А зачѣмъ же она страдаетъ? прервала ее мадамъ Батальёръ.

— Увы! возразила Сара: — вы знаете, я сдѣлала все, что могла... я унизилась передъ своимъ мужемъ... просила, умоляла его... отъ него зависѣло сдѣлать меня кроткою и преданною женою...

Батальёръ, не умѣвшая скрывать своихъ чувствъ, сдѣлала недоумчивое движеніе головою.

— О! повѣрьте мнѣ, добрая Жозефина, продолжала Малютка:—я готова была любить его!.. Еслибъ онъ сжалился надъ моимъ бѣднымъ ребенкомъ, я отдалась бы ему на всю жизнь!..

Батальёръ покачала головой съ серьезнымъ видомъ.

— Надобно быть справедливымъ, сказала она:—подобныя вещи не дѣлаются!.. Онъ, бѣдненькій, любилъ васъ Богъ-знаетъ какъ. Какъ же вы хотите, чтобы онъ взялъ къ себѣ въ домъ ребенка?.. Да я бы на его мѣстѣ...

— О, не говорите этого! съ живостію вскричала Малютка.

Торговка коснулась единственной струны ея сердца, сохранившей еще нѣкоторую чувствительность.

— Не говорите этого! повторила Сара: — я призналась ему во всемъ... Онъ зналъ, что этотъ ребенокъ былъ плодъ коварнаго, гнуснаго обольщенія... Я была тогда еще слишкомъ-молода... Долженъ ли онъ былъ наказывать меня за чужое преступленіе?.. И должно ли было простираться его наказаніе на бѣдное существо, о которомъ я умоляла его?.. О, я ненавижу его за эту жестокость!.. Онъ не сжалился надъ невиннымъ ребенкомъ: за то и я не имѣю теперь къ нему, больному, умирающему, ни малѣйшаго состраданія.

Лицо Малютки приняло выраженіе неумолимой жестокости при одномъ воспоминаніи о мужѣ; но мадамъ Батальёръ трудно было испугать. Она пристально и смѣло посмотрѣла Малютку въ глаза и, прихлебывая свой ликёръ, сказала съ разстановкой:

— Конечно... чтобъ убить человѣка... надобно же... выдумать какой-нибудь предлогъ...

Сара поблѣднѣла; глаза ея засверкали.

— Не сердитесь, сударыня! продолжала Батальёръ очень-спокойно:— все это нимаю до меня не касается; но что жъ прикажете дѣлать, коли ужъ у меня такія понятія!.. Стѣдить только посмотреть на работниковъ... Когда работа слишкомъ-тяжела, они хватятъ рюмку водки и—пошла писать!.. Такъ и вы; только вы водки не пьете, а коли у васъ не хватаетъ духу, такъ и вспомните про ребенка... а на повѣрку выходить то же самое...

Прежняя краска опять выступила на щекахъ Сары; грубый, но здравый смыслъ торговки съ удивительною точностью угадалъ загадку ея совѣсти.

Все было ложно въ этой прелестной женщинѣ до такой степени, что и къ единственному чувству, способному еще заставить биться ея сердце, примѣшивался обманъ!.. Любовь къ дочери, о которой она такъ много говорила, существовала въ ней, но не походила на любовь другихъ матерей.

У нея она была какъ - бы отраженіемъ ненависти; она любила для того, чтобъ ненавидѣть.

Сара знала, что дочь ея несчастлива, и не помогала ей; она заставляла ее страдать, чтобъ имѣть право сказать:

— Я мицу за нее!..

Чтобъ имѣть право сказать:

— Только съ его смертію прекратятся ея страданія!..

Несчастія и страданія ребенка возбуждали общее участіе. Малютка, защищенная тайной, знала, видѣла это и... наслаждалась: зрѣлище страданій ребенка было постоянной побудительной причиною ея ненависти.

Точно, чтобъ убить человѣка, надобно же выдумать какой-нибудь предлогъ!..

Но Малютка успѣла заглушить голосъ своей совѣсти. Привыкнувъ обманывать другихъ, она научилась обманывать и себя и научилась распознавать въ себя любовь отъ ненависти. Каково бы ни было это чувство — оно было пламенно, глубоко. Она воображала себя, что любить — и любила страстно.

Слова торговки вдругъ освѣтили мракъ души ея. На минуту ей стало страшно самой-себя.

Потомъ холодный разсудокъ опять закрылъ глаза ея; она оттолкнула свѣтъ, усомнилась, потомъ отреклась и наконецъ оскорбилась несправедливымъ обвиненіемъ.

— Почтеннѣйшая мадамъ Батальёръ, сказала она презрительно и сухо: — вы не можете понимать этихъ вещей и я сожалею, что оскорбилась словами, произнесенными безъ всякаго знанія дѣла... О, вы не знаете, какъ я люблю ее! прибавила она съ внезапнымъ порывомъ страсти: — вы не знаете, какъ я люблю этого ребенка, мое единственное благо на землѣ, мою единственную ва-

дежду въ будущемъ!.. Повѣрьте мнѣ, я коплю все это золото для нея, для нея одной. Пусть она теперь страдаетъ, но за то сколько счастья готовлю я ей въ будущемъ!.. Какъ велика теперь ея нищета; такъ же велико будетъ и богатство. Она будетъ прелестна, потому-что будетъ богата... всѣ будутъ обожать ее... О, Боже мой, Боже мой! меня, меня обвиняютъ въ нелюбви къ моей дочери!..

Батальеръ вытирашила глаза; она еще сомнѣвалась, но была тронута. По щекамъ Малютки текли слезы.

— Не-уже-ли вы не замѣтили, продолжала она задыхающимся отъ слезъ голосомъ: — какъ нѣжно сжимала я въ своихъ объятіяхъ другаго несчастнаго ребенка, котораго встрѣчала иногда въ вашей лавкѣ!..

— Галифарду? спросила мадамъ Батальеръ.

— Не знаю, какъ ее зовутъ... Я знаю только одно: она однихъ лѣтъ съ моею Юдиною и похожа на нее... я знаю только, что люблю свою дочь всеми силами души!..

Она приблизилась еще къ мадамъ Батальеръ и кроткимъ голосомъ продолжала:

— Послушайте... я скажу вамъ, что намѣрена сдѣлать, когда г. де-Лорансъ умретъ.

Въ этой смѣси страстной чувствительности и холодной жестокости было нечто страшно-отвратительное... Кротко улыбающаяся женщина мечтала о счастливой будущности, которую основывала на убіеніи мужа...

Но торговка смотрѣла на это съ другой точки. Страстные выраженія Малютки обманули ее; здравый смыслъ ея, руководствуемый никакимъ нравственнымъ образованіемъ, сбивался съ прямого пути, когда сердце ея было тронуту; она думала только о страдающемъ ребенкѣ и бѣдной матери. Она раскаявалась въ своихъ словахъ, вѣрила въ пламенную любовь матери, и — у нея сами выступили на глазахъ слезы.

Сара увлеклась своимъ пылкимъ воображеніемъ; она уже не притворялась, не играла заученой роли.

— Я сдѣлаюсь свободною, продолжала она: — никто не будетъ имѣть права осуждать мое поведеніе... я возьму ее къ себѣ, дамъ ей приличное образованіе и... знаете ли? выдамъ ее за дочь г. де-Лоранса!.. Бѣдная Юдино! по-крайней-мѣрь, она сдѣлается наследницей чужого чина, заставившаго ее столько страдать!.. И повѣрьте, счастіе моя ни въ чемъ меня не упрекаетъ! Она будетъ со мною; видѣя ее защититъ меня отъ угрызений совѣсти... О, какъ я буду любить ее! какъ охотно буду я исполнять малѣйшія ея прихоти!.. Каждый день я буду придумывать для нея новыя удовольствія... Пройдетъ нѣсколько лѣтъ и сердце ея заговоритъ... о! клянусь, она будетъ женою того, кого сердце ея избересть, будь онъ нищимъ или принцемъ!..

— Ну, я вижу, что вы все-таки добрая женщина! сказала Бата-

дѣбрь, утирая слезы: — какъ это у васъ такъ все изъ сердца и льется!..

— Я желала бы удвоить, утроить свое богатство! продолжала Малютка: — и все будетъ мало, потому-что деньги эти для нея, для нея одной!..

Сара внезапно замолчала и съ испугомъ оглянулась. За нею послышались чьи-то шаги.

Всрѣчь ей встрѣтили некрасивую, сладко улыбающуюся фанзионную мадамъ Гюффѣ.

— Позвольте узнать, сказала она присѣдая: — могу ли я имѣть честь убрать со стола?

Въ глазахъ Малютки выразилось безакойство: давно ли вошла старая служанка въ гостиную?.. слышала ли она?..

Торговка раскраснѣлась отъ досады и вышла къ себѣ въ чашку съгатакъ ликѣра.

— Старая чертовка! вскричала она съ прибавкой еще болѣе выразительной брани: — кто тебя спрашиваетъ?.. Если ты войдешь въ другой разъ украдкой, когда тебя не зовутъ, такъ я выгоню тебя со двора какъ собаку!

Слова эти были весьма-жестки для женщины, которая могла быть супругою казака, еслибъ онъ не избивалъ ей.

— Честъ имѣю замѣтить вамъ... сказала она съ достоинствомъ.

Мадамъ Батальѣръ походила на разъяренную львицу.

— Убирайся! закричала она, схвативъ пустую бутылку за горлышко: — убирайся, старая чертовка! Или я размножу тебя голосу!..

Надобно было повиноваться, потому-что послѣ объѣда съ торговкой нельзя было шутить; мадамъ Гюффѣ наскоро присѣла и имѣла честь исчезнуть.

Сара встала. На лицѣ ея не было уже слѣда прежняго волненія; мы уже знаемъ, какъ она умѣла владѣть собой. Въ эту минуту ей не угодно было растрогаться.

— Мы наговорили много вздора, моя милая, сказала она небрежно: — между-тѣмъ, какъ мнѣ надобно переговорить съ вами о гораздо-важнѣйшихъ дѣлахъ; но я увижусь съ вами сегодня вечеромъ въ игорномъ домѣ... Однакожъ, скажите, пожалуйста, нѣтъ ли между вашими знакомыми добрыхъ людей, не слишкомъ-совѣстливыхъ, на которыхъ можно бы положиться...

— Въ родѣ Полита? спросила Батальѣръ улыбаясь.

— О, нѣтъ, отвѣчала Малютка: — подальше и посмѣлье... Обстоятельство весьма-важное... ихъ пошлютъ въ Германію... а тамъ имъ запладутъ все, что они потребуютъ.

Батальѣръ опустила глаза и покачала головою съ видимымъ отвращеніемъ.

— Мало ли въ Тамплѣ негодяевъ! отвѣчала она: — я знаю, что они собираются за Ротондой, въ трактирѣ подъ вывѣскою Четы-

речь Сыроей Эймона; но подобныя порученія мнѣ не по нутру; это не мое дѣло... а я не за свое братья не люблю...

Малютка поправила свой вуаль передъ зеркаломъ и пошла къ двери.

— Мы еще поговоримъ объ этомъ, сказала она: — вы знаете, что я не люблю, чтобъ мнѣ услуживали даромъ... Посвѣтите мнѣ.

Госпожа де-Лорансъ въ эту минуту неволью стала опять прежней дамой. Разстояніе, существовавшее между ею и мадамъ Батальёръ, исчезнувшее на минуту въ короткой, доверчивой бесѣдѣ, опять проявилось. Торговка сдѣлалась опять служанкой, не смотря на свое атласное платье и кружевный чепчикъ. Она взяла со стола свѣчу и проводила Малютку до лѣстницы.

— Въ которомъ часу увидимся мы опять?.. спросила она.

— Не знаю, отвѣчала г-жа де-Лорансъ.—У меня сегодня вечеромъ много дѣла... Ждите меня.

Она ушла; торговка воротилась къ себѣ, сняла свой засаленный передникъ и надѣла на чепчикъ шляпку самаго яркаго цвѣта; потомъ сама вышла, приказавъ мадамъ Гюффѣ посвѣтить.

Нѣсколько минутъ спустя послѣ ея ухода, въ гостиную вошла мадамъ Гюффѣ съ огромнымъ, толстымъ котомъ на рукахъ.

Она посадила кота на мѣсто Полита, а сама опустилась въ кресло своей хозяйки.

— Вотъ какъ все на свѣтъ дѣлается, моя киска! проворчала она, принимаясь ѣсть: — сперва я сама была барыней, а теперь должна служить чортъ-знаетъ кому!.. Хочешь телятинки, мумка?

Мумка хотѣлъ телятинки.

— Не только-что чортъ-знаетъ кому, продолжала мадамъ Гюффѣ: — а просто какой-то дрянн, киска!.. Но подожди!.. Вѣдь и намъ Богъ не даромъ далъ уши... Знаемъ и увидимъ! Не такъ ли, мумочка?

Котъ вытаращилъ на нее свои большіе желтые глаза.

Мадамъ Гюффѣ гораздо-болѣе любила своего кота, нежели мадамъ Батальёръ любила своего Ипполита. Ни для кого не рѣшилась бы она нанести ему такую обиду, какую торговка нанесла своему Политу.

Мадамъ Гюффѣ спокойно пообедала съ своимъ котомъ.

Между-тѣмъ, Сара прошла по грязному троттуару Улицы-Вербуа до тампльской ограды. Оттуда она пошла-было къ тому мѣсту, гдѣ ожидала ее коляска, но остановилась въ нерѣшимости; потомъ вернулась и пошла въ Улицу-Дюпти-Туаръ.

Тампль давно ужъ опустѣлъ.

Дѣятельность и жизнь перенеслась на другую сторону улицы, въ лавки и мастерскія позументщиковъ, гдѣ толпы бѣдныхъ женщинъ трудятся съ утра до ночи.

Малютка удалялась по возможности отъ этихъ лавокъ и шла по троттуару около тампльскихъ шалашей.

Дошедъ до Колодезной-Улицы, она увидѣла, при свѣтъ фонаря, стройный, красивый силуэтъ молодаго человека, шедшаго съ Пляшадь-Ротонды.

Малютка узнала Франца. Она удвоила шаги, чтобъ узнать, куда онъ пойдетъ.

Когда она повернула за уголъ, молодой человекъ уже исчезъ; но еще слышны были шаги его въ сосѣднемъ пассажѣ.

Малютка дошла до пассажа; это былъ тотъ самый, который велъ къ квартирѣ Ганса Дорна.

Она хотѣла было войти въ него, но услышавъ какое-то странное, невнятное пѣніе, глухо-раздававшееся подъ сводомъ, не осмѣлилась и воротилась назадъ подъ перистиль Ротонды.

Въ то самое время, какъ она повернулась, изъ пассажа вышелъ кто-то и послѣдовалъ за нею.

Госпожа де-Лорансъ остановилась передъ шалашомъ добряка Араби. По эту сторону Тайны не было ни души. Не смотря на то, Малютка осмотрѣлась съ боязливымъ видомъ человека, готовящагося совершить преступленіе.

Никого не было видно; ночную тишину прерывали только хриплые, отдаленныя возгласы, слышавшіеся изъ харчевни *Дуэль-Львовъ*, по ту сторону перистыля.

Малютка приложила глазъ къ одной изъ щелей между плохо сколоченными досками шалаша, изъ которой выходилъ слабый свѣтъ.

На старомъ матрацѣ, безъ одѣла, лежала бѣдная дѣвочка въ рубищахъ и дрожала отъ холода.

То была Ноно-Галифарда. Возлѣ нея, на полу, догоралъ маленький кусекъ сальной свѣчи.

Въ рукахъ она держала нѣсколько клочковъ бумаги, собранныхъ на улицѣ и замаранныхъ грязью. Пальцемъ свѣдила она за каждой буквой... Галифарда училась читать.

Голова ея была наклонена. Малютка не могла видѣть лица ея, почти-совершенно закрытаго спустившимися волосами; но по положенію ея можно было судить о томъ, съ какимъ вниманіемъ она читала.

Малютка смотрѣла на нее, блѣдная, дрожащая, съ искреннимъ чувствомъ состраданія. Сердце ея билось; ей было холодно; слезы безпрестанно мѣшали ей смотрѣть...

Свѣча, между-тѣмъ, догорала. Свѣтильня, коснувшись ужъ сыраго потолка, затрещала. Ноно-Галифарда скоро подняла голову и съ наивнымъ сожалѣніемъ посмотрѣла на свѣчу, готовую погаснуть... Ночи были холодныя, и несчастная дѣвочка долго не могла заснуть.

Поднявъ голову, она откинула назадъ свои густые, длинныя волосы; блѣдныя, страдальческія черты лица были слабо освѣщены догоравшей свѣчой... Сердце г-жи де-Лорансъ сжалось.

Ноно спрятала бумажки подъ подушку; потомъ съѣжилась, чтобъ

какъ можно было закрыться своимъ экспозиционнымъ ситуевымъ платанцемъ. Руки ея скрестились на груди, глаза поднялись къ небу; она творила тихую молитву.

Свѣча еще разъ вспыхнула... и все погрузилось въ мракъ.

Слезы текли по щекамъ Сары, и судорожныя рыданія вельмажи грудь ея. Она прижала руки къ доскѣ и, цалуя ее, провнесла тихимъ голосомъ:

— Юдней! Юдней, дитя мое!..

Потомъ прибавила съ отчаяніемъ:

— О, не умирай еще! надежды!.. Ему недолго осталось жить! тебѣ недолго страдать!..

Вдругъ она отскочила отъ шалаша съ невыразимымъ ужасомъ: въ двухъ шагахъ за нею послышалась дикій, хриплый смѣхъ...

Она оглянулась, но до того была испугана, что ничего не видѣла; только страннѣйшій голосъ пылъ за однимъ изъ столбовъ:

Сегодня чистый понедѣльникъ,
Они пришли за мамою Реньё,
Чтобъ посадить ее въ тюрьму,
Зачѣмъ она не платитъ денегъ.
А мама Реньё убѣжала;
А они завтра опять придутъ,
Да ужъ и поймартъ...
Вотъ тебѣ и праздникъ!

Глаза Малиутки привыкали къ темнотѣ; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя увидѣла она безобразное существо, сидѣвшее верхомъ на забытой скамьѣ и покачивавшееся со стороны на сторону.

Она убѣжала. Когда она переходила скорыми шагами черезъ Площадь-Ротонды, уродливое существо завѣло громче, и звуки голоса его достигли до слуха маленькой Галисарды; она задрожала, какъ-будто-бы страшась, что стѣны шалаша не защитятъ ее отъ жестокой злобы идиота Генъйолета.

Дрожь весть тѣломъ, Сара поспѣшно вскочила въ коляску.

Когда вешникъ спросилъ ее, куда ѣхать, она долго не могла дать отвѣта.

— Въ Улицу-Дофинь, сказала она наконецъ: — номеръ семнадцатый.

Это былъ адресъ Франца.

Было поздно.

Въ гостиницѣ Улицы-Сент-Онорé, въ одной изъ комнатъ, занятыхъ прїезжими, господствовало глубокое молчаніе и мракъ... только слышалось ровное дыханіе спящихъ...

По другую сторону двора освѣтилось окно и слабый свѣтъ проникъ въ темную комнату.

Тамъ на полу лежали широкіе дорожные плащи, саеги со шпорами, оружіе, а на таблѣткѣ каминна нѣсколько горстей золота.

На одномъ концѣ стояли вдоль стѣны три односпальныя кровати. На каждой изъ нихъ снаю по одному человеку.

Прошло девять часовъ. У изголовья одной кровати висѣли часы съ будильникомъ, который громко застучалъ.

Одинъ изъ спавшихъ скоро вскочилъ.

— Уже! проговорилъ онъ: — послѣ трехъ ночей, проведенныхъ безъ сна и въ заботахъ, двухъ часовъ сна очень-недостаточно!

Онъ протеръ глаза и протянулъ усталые члены.

Другіе двое, также проснувшись, потягивались подъ одеялами.

— Но каждая минута нашъ дорога, продолжалъ первый: — я долженъ дѣйствовать сегодня же вечеромъ; но прежде надобно предувѣдомить ихъ...

— Братъ! произнесъ онъ, возвысивъ голосъ.

Товарищи его въ то же мгновение вскочили, протирая глаза и ворча сквозь зубы.

— Братъ! продолжалъ тотъ, который проснулся первый: — приготовьтесь уѣхать завтра поутру.

— Уѣхать! вскричали оба вмѣстѣ.

Потомъ одинъ изъ нихъ прибавилъ:

— А я только-что открылъ удивительный игорный домъ, въ которомъ столъ и вино отличны!

— А я завелъ уже любовную интригу! прибавилъ другой.

— Я уже придумалъ, какія карты ставить...

— Мнѣ назначено свиданіе...

Первый однимъ словомъ положилъ конецъ ихъ жалобамъ.

— Это для него! сказалъ онъ.

— Къ чорту игра! вскричалъ игрокъ.

— Къ чорту женщины! вскричалъ влюбленный.

Потомъ они прибавили спокойнымъ, твердымъ голосомъ:

— Братъ! сегодня, какъ и всегда, мы готовы...

ПРОСТУПОКЪ ГОСПОДИНА АНТУАНА.

Романъ Жюста Занда.

=

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ И ШЕСТОДНЯЯ.

=

I.

Галюше.

Преспавъ двѣнадцать часовъ сразу, Галюше сохранилъ смутное воспоминаніе о происшествіяхъ, бывшихъ наканунѣ, и когда его позвали къ г-ну Кардоннѣ, у него оставалась только неясная досада на плотника. Къ-тому жь, онъ не чувствовалъ охоты хвалиться, что разыгралъ такую глупую роль въ самомъ началѣ своей дипломатической карьеры, и въ оправданіе своего позаняго прѣбужденія и изнеможеннаго вида сослался на жестокой мигрень.

— Я только успѣлъ осмотрѣться, отвѣчалъ онъ на распросы хозяина.—Мнѣ такъ нездоровилось, что я не имѣлъ возможности замѣтить многое. Могу васъ увѣрить въ одномъ только, что въ этомъ домѣ живутъ очень-непорядочно, обращаются по-пріятельски съ мужиками, и столъ тамъ очень-дурень.

— Во всемъ этомъ я не слышу ничего новаго, сказалъ г-нъ Кардоннѣ.—Не можетъ быть, чтобъ ты провелъ цѣлый день въ Шатобрѣнѣ, не замѣтивъ чего-нибудь особеннаго. Въ которомъ часу пріѣхалъ мой сынъ? въ которомъ уѣхалъ?

— Не могу навѣрное сказать, который былъ часъ... Ихъ старые стѣнные часы идутъ такъ дурно!

— Плохой отвѣтъ. Сколько часовъ онъ пребылъ тамъ? Примерно; я не требую у тебя строгаго счета минуты въ минуту.

— Часовъ пять или шесть, сударь. Я очень скучалъ. Г-нъ Эмиль по-видимому былъ не радъ, встрѣтивъ меня тамъ. Что же касается до дѣвушки, она просто дура. Жаръ у нихъ на горъ не-носный, и нельзя сказать двухъ словъ, чтобъ васъ не прерывалъ крестьянинъ.

— Это видно, потому-что ты не можешь сказать двухъ словъ связно сегодня, Галюшѣ. Какой же крестьянинъ?

— Плотникъ Жапплү, негодяй, скотина, который всѣмъ говорить ты, а называетъ васъ дядю Кардоннѣ, словно говорить о своемъ братѣ мужикъ.

— Миѣ это все равно; но что говорилъ съ нимъ мой сынъ?

— Господинъ Эмиль смется надъ его дурачествомъ, а мамзель Жильберта находить его прекраснымъ человѣкомъ.

— Не замѣтилъ ли ты какой-нибудь короткости между ею и моимъ сыномъ?

— Нѣтъ, сударь, ничего особеннаго. Старуха, которая точно ея мать, потому-что зоветъ ее дочкою, не отходитъ отъ нея ни на шагъ, и, должно быть, мудрено за нею волочиться: она что-то больша-спѣсива и держитъ себя принцессою. Нѣчего сказать, хороша принцесса въ этомъ нарядѣ и безъ копейки денегъ! Еслибъ миѣ ее даже навязывали, я не взялъ бы!

— Нужды нѣтъ, Галюшѣ; все-таки волочись за нею.

— Для смѣха, пожалуй, извольте!

— И для того, чтобъ заслужить награду, которой не получишь, если въ слѣдующій разъ не дашь миѣ отчета яснѣе и обстоятельнѣе; нынче ты гордишь какую-то чепуху...

Галюшѣ нагнулся надъ своей счетной книгой и цѣлый день болтался съ разслабленіемъ, которое слѣдуетъ за неумѣренностью.

Эмиль опять провелъ всю недѣлю за гидростатикой, не позволялъ себѣ никакихъ развлеченій, кромѣ свиданій по вечерамъ съ Жаномъ Жапплү, и какъ всегда старался навести разговоръ на Жильберту, до плотникъ однажды вдругъ сказалъ ему:

— Послушайте, господинъ Эмиль, вы очень любите про нее говорить, а это вижу. Знаете ли, что Жанилла считаетъ васъ влюбленнымъ въ ея дочку?

— Что за мысль! отвѣчалъ молодой человѣкъ, смущенный этимъ нечаяннымъ оборотомъ разговора.

— Мысль, какъ и всякая другая. Почему жъ бы вамъ и не быть влюбленнымъ?

— Разумѣется, почему миѣ не быть влюбленнымъ? отвѣчалъ Эмиль, приходя все больше и больше въ замѣшательство. — Но какъ вы, любезный Жанъ, вздумали такъ легко говорить о подобной возможности?

— Не я легко говорю, а развѣ вы, мой милый, потому-что вы отвѣчаете какъ-будто шутя. Ну, скажете ли вы миѣ всю правду? Отвѣчайте, или вовсе перестанемъ говорить объ этомъ.

— Жанъ, еслибъ я въ-самомъ-дѣлѣ былъ влюбленъ въ женщи-

ну, которую уважаю столько же, какъ мать свою, то и тогда не сказалъ бы ни слова своему лучшему другу.

— Знаю, что я не лучший вашъ другъ, однакожь, мнѣ хотѣлось бы слышать.

— Объяснитесь точнѣе, Жанъ.

— Объяснитесь сами-то вы поточнѣе; я жду.

— Долго же будете ждать, потому-что я не могу ничего отвѣчать на подобный вопросъ, не смотря на все мое уваженіе и дружбу къ вамъ.

— Коли такъ, вы должны будете на-дняхъ совершенно распротаться съ шатобрѣнскими, потому-что голубка Жаннелла не такая женщина, чтобъ долго не видала опасности...

— Это слово для меня оскорбительно; я не думаю, чтобъ отъ меня ожидали какой-нибудь опасности для дѣвушки, которой репутація и честь мнѣ столько жь дороги, какъ и родителямъ и избраннымъ друзьямъ ея.

— Вотъ это называтся говорить! Но вы все-таки не прямо отвѣчаете на мой вопросъ. Сказать ли вамъ кое-что? Въ началѣ прошедшей недѣли, ходилъ я въ Шатобрѣнъ взять у Антуана одинъ инструментъ, который мнѣ былъ нуженъ. Я нашелъ тамъ одну Жаннеллу; она ждала васъ. Вы не пріѣхали, и она все мнѣ рассказала. Такъ, мой милый, если она не приняла васъ дурно въ воскресенье, и если позволяетъ отъ времени до времени видаться съ ея дочкой, то вы мнѣ этимъ обязаны.

— Какимъ образомъ, любезный Жанъ?

— А такимъ, что я имѣю къ вамъ больше довѣренности, нежели вы ко мнѣ. Я сказалъ Жаннеллѣ, что если вы точно влюблены въ Жильберту, то женитесь на ней, и что я ругаюсь за васъ, какъ за самого-себя.

— Вы не ошиблись, Жанъ! вскричалъ Эмиль, схвативъ руку Дюгнника:—вы никогда не говорили ничего справедливаго.

— Да; но надо знать, точно ли вы влюблены, а вы не хотите сказать.

— Могу сказать это вамъ одному, если ужъ вы такъ меня допрашиваете. Да, Жанъ, я люблю ее, люблю больше моей жизни, и хочу на ней жениться.

— Пожалуй, отвѣчалъ Жанъ съ выраженіемъ восторженной радости;—по мнѣ, я готовъ васъ обвинять... Постоите, постоите! согласна ли будетъ Жильберта?

— А еслибъ случилось, что она спросила бы совѣта у тебя, добрый Жанъ, у тебя, ея друга и второго отца?..

— Я сказалъ бы ей, что она не могла сдѣлать лучшаго выбора, что вы мнѣ нравитесь, и что я хочу быть вашимъ свидѣтелемъ.

— Хорошо! Теперь, мой другъ, стонъ только получить согласіе родителей.

— О! за Антуана ругаюсь, если я вступаю въ дѣло. Онъ

горды-трие, не бойтесь, что вашъ отецъ не будетъ согласенъ; но ужъ и знаю, что ему сказать на это.

— Что же? что вы ему скажете?

— То, чего вы не знаете, и что я одинъ знаю. Покуда еще нѣтъ нужды говорить, потому-что не пришло время, и вамъ нѣчего думать о женитьбѣ прежде года или двухъ.

— Жанъ, откройте мнѣ вашъ секретъ, какъ я открылъ вамъ свой. Я вижу одно только препятствіе нашему браку: именно волю моего отца. Я рѣшился одолѣть это препятствіе, но не скрою отъ васъ, что оно велико.

— Хорошо же; если ты будешь откровененъ съ старикомъ Жаномъ, старикъ Жанъ будетъ откровененъ съ тобою. Слушай; дѣла: скоро твой отецъ разорится и не будетъ имѣть повода спѣситься передъ шатобрѣнскими.

— Если твоя правда, то, не смотря на огорченіе, какое потерпитъ отецъ мой, я благословляю твое странное предсказаніе... Есть другія причины, по которымъ я опасаться его богатства.

— Знаю, вижу твое сердце, и вижу, что ты желалъ бы обогатить другихъ прежде, чѣмъ самъ обогатиться. Все уладится по твоему желанію, предсказываю тебѣ. Мнѣ это грезилось болѣе десяти разъ.

— Если тебѣ только грезилось, мой бѣдный Жанъ...

— Постоите, постоите... Что это за книга, которую вы всегда носите подъ мышкой, словно наизусть учите?

— Я тебѣ сказывалъ: это ученый трактатъ о силѣ воды, о тяготѣннѣ, о законахъ равновѣсія...

— Именно, точно вы сказывали; но я вамъ говорю, что ваша книга все лжетъ, или что вы плохо поняли ее: иначе вы знали бы то, что я знаю.

— Что же именно?

— То, что вашъ заводъ невозможенъ, и что отецъ вашъ, упорно борясь съ рѣкою, которая его не боится, истратитъ деньги и ужъ поздно увидитъ свое безумство. Вотъ отъ-чего и такъ повеселитъ съ нѣкоторыхъ поръ. Я былъ печаленъ и скученъ, пока въ-рѣшь успѣху этого предпріятія; но у меня была одна надежда, которая все мнѣ приходила на умъ и съ которой я захотѣлъ раздѣлиться на-чисто. Я ходилъ, разсматривалъ, трудился, изучалъ... О, да! изучалъ, не нуждаясь въ вашихъ книгахъ, картахъ и прочей гарабарщинѣ; все увидѣлъ, все понялъ. Господинъ Эмиль! я просто бѣдный крестьянинъ, и вашъ Галюшѣ наплевалъ бы на меня, еслибъ емля; но могу васъ увѣрить въ одной вещи, которой вы даже не подозреваете, — именно: вашъ отецъ ничего не смысляетъ въ томъ, что дѣлаетъ; ему надавали дурныхъ совѣтовъ; и вы также не упѣете навести его на путь. Наступающая зима унесетъ все ваши работы, и каждая зима будетъ уносить ихъ, до-тѣхъ-поръ, пока господинъ Кардоннѣ броситъ въ воду послѣднія деньги. Запомните, что я вамъ говорю, и не пытайтесь убѣждать

своего отца. Это было бы для него новою причиною упорствовать разоряться, а онъ и безъ того разорится — если не вполне здѣсь, то въ другомъ мѣстѣ, потому-что я насквозь вижу вашего отца... Голова умная, согласенъ, — но безразсудная. Онъ воспаляется своими проектами до такой степени, что считаетъ ихъ безошибочными, а при такомъ характерѣ ни въ чемъ нельзя успѣть. Сперва я думалъ, что онъ ведетъ свою штуку; но теперь вижу, что дѣло становится серьезнымъ, потому-что онъ строитъ съизнова все, что разрушила послѣдняя дриба. До-тѣхъ-поръ у него были очень-большія вѣроятности: почему жъ и не такъ? вѣроятности дѣлаютъ насъ гордыми и самонадѣянными. Та же исторія съ Наполеономъ, котораго я видѣлъ восходившимъ и падавшимъ, подобно плотнику, который влѣзъ на кровлю дома, не поглядѣвъ, крѣпокъ ли фундаментъ. Будь какой угодно плотникъ, строй онъ какое угодно мастерское зданіе, а коли стѣна не устоитъ, — пиши пропало!

Жанъ говорилъ съ такимъ убѣжденіемъ, черные глаза его такъ сверкали изъ-подъ свѣдующихъ бровей, что Эмиль не могъ защититься отъ безпокойства. Онъ упрасивалъ его объяснить причины, заставлявшія его такъ говорить, и плотникъ долго отказывался. Наконецъ, побужденный настойчивостью Эмиля и немножко-затронутый его сомнѣніями, назначилъ ему свиданіе въ слѣдующее воскресенье.

— Въ Шатобрѣнъ вы поѣдете въ субботу или въ понедѣльникъ, сказалъ онъ:—а въ воскресенье мы отправимся на разсвѣтъ и пройдемъ по теченію рѣки до извѣстнаго мѣста, которое я укажу вамъ. Возьмите съ собою всѣ свои книги и снаряды, если хотите. Если они не подтвердятъ моихъ словъ, нужды нѣтъ: значить, наука солжетъ. Но не думайте дѣлать это путешествіе верхомъ или въ экипажѣ, и если не надѣнетесь на свои ноги, лучше вовсе отступитесь.

Въ субботу Эмиль отправился въ Шатобрѣнъ и, по обыкновенію, побывалъ прежде въ Буагиббѣ, не смѣя слишкомъ-рано прѣхать къ Жильбертѣ.

Приближаясь къ развалинамъ, онъ увидѣлъ черную точку у подошвы горы, и скоро черная точка оказалась Константиномъ Галюшнѣ, одѣтымъ въ черный фракъ, черные панталоны и перчатки, черный атласный галстухъ и жилетъ. Это былъ его деревенскій нарядъ зимою и лѣтомъ; не смотря ни на какой жаръ, ни на какую усталость, онъ никогда не выходилъ изъ селенія безъ этой непремѣнной одежды. Онъ побоялся бы, чтобъ его не сочли за крестьянина, если бъ, подобно Эмилю, онъ надѣлъ на себя блузу и сърую шляпу съ широкими полями.

Если городской костюмъ нашего времени можетъ быть названъ самымъ мрачнымъ, самымъ неудобнымъ и некрасивымъ, какой когда-либо изобрѣтала мода, то особенно въ деревнѣ оказываются наружу всѣ его невыгоды и все безобразіе. Въ окрестностяхъ большихъ городовъ онъ еще не такъ бросается въ глаза, потому-

что самая деревня тамъ углажена, разлнѣвана, усажена и построена въ систематическомъ вкусѣ, который отнимаетъ у природы всю ея прелесть и прихотливость. Можно иногда удивляться богатству и симметріи полей, подверженныхъ всѣмъ тонкостямъ цивилизации; но любить такую деревню мудрено. Настоящей деревни тамъ нѣтъ: настоящая деревня бываетъ въ глубинѣ странъ, отчасти покинутыхъ и дикихъ, гдѣ обработка не имѣетъ въ виду мелочныхъ прикрасъ и завистливыхъ размежевокъ, гдѣ земли смѣшиваются, и гдѣ собственность обозначена только какимъ-нибудь камнемъ или кустарникомъ, вверенными подъ защиту сельской добросовѣстности. Тамъ-то дороги, назначенныя только для пѣшеходовъ, верховыхъ или тележекъ, представляютъ тысячи живописныхъ видовъ; живыя изгороды, предоставленныя ихъ натуральному произрастанію, развѣиваются гирляндами, сплетаются въ бесѣдки, и убираются тѣми дикими растеніями, которыя подвергаются тщательному истребленію въ странахъ роскошныхъ. Эмиль вспоминалъ, что ходилъ за нѣскольکو лѣ въ окрестности Парижа, не имѣя удовольствія встрѣтить ни кустика крапивы, и живо чувствовалъ прелесть сельской природы, среди которой теперь находился. Бѣдность тамъ не пряталась, пристыженная и попираемая ногами богатства. Напротивъ, она весело и вольно выказывалась на почвѣ, гордо носившей ея эмблему—дикіе цвѣты и празднорастающія травы, смиренный мохъ и лѣсную землянику, крестъ на берегу потока безъ русла, и плющъ на скалѣ, которая въ теченіе столѣтій загораживала дорогу, не возбуждая заботливости полиціи. Любилъ онъ эти вѣтви, которыя торчатъ черезъ дорогу незатрогиваемыя прохожими, эти болотины, гдѣ квакаетъ зеленая лягушка, словно предупреждая путешественника; — эти ветхія стѣны, которыя обрушаются по краямъ и которыя никто не думаетъ чинить; эти могучіе корни, которые приподнимаютъ землю и вырываютъ пещеры у подошвы старыхъ деревьевъ; всю эту небрежность, которая составляетъ наивную природу, и которая такъ хорошо гармонируетъ съ суровымъ типомъ и простымъ, степеннымъ костюмомъ крестьянина.

Но пусть среди этой важной и величавой рамы, переносящей воображеніе во времена первобытной поэзіи, появится залетная муха, горожанинъ въ черномъ платьѣ, съ выбритымъ подбородкомъ, съ руками въ перчаткахъ, съ неловкими ногами, — и царь общества окажется здѣсь только смѣшною случайностью, неприятнымъ пятномъ на картинѣ. Что тамъ дѣлать на солнечномъ сіяніи вашимъ траурнымъ платьямъ, надъ которыми терны, кажется, нѣдвѣаются какъ надъ добычей? Вашъ стѣснительный и неуклюжій костюмъ тогда внушаетъ больше жалости, чѣмъ лохмотья нищаго: видно, что вы не на своемъ мѣстѣ на вольномъ воздухѣ, и что ваша ливрея душитъ васъ...

Никогда это замѣчаніе не представлялось уму Эмиля такъ живо, какъ при появленіи Гадюшѣ, который со шляпою въ рукахъ всхо-

двѣ на холмѣ, тягостно усиливаясь взбираться на высоту. Фалды его фрака смѣшно развѣвались отъ этихъ усилій; онъ безпрестанно останавливался, чтобъ счищать платкомъ слезы частыхъ ушибовъ... Эмиль сначала смѣялся, но потомъ гнѣвно спросилъ себя, зачѣмъ залетная муха вѣется около завѣтнаго улья?

Онъ пустилъ лошадь въ галопъ, проскакалъ мимо Галюшѣ, не подавая вида, что замѣтилъ его, и, явившись первый въ Шатобрёнъ, извѣстилъ Жильберту о Галюшѣ, какъ о неизбежной напасти.

— Ахъ, батюшка! сказала дѣвушка: — не принимайте этого неприятнаго чловѣка, умоляю васъ! не позволяйте оскорблять нашъ Шатобрёнъ и нашъ бытъ, нашу прекрасную простоту, присутствіемъ этого чужаго чловѣка, который не можетъ и не долженъ никогда сочувствовать намъ!

— Чтѣ же прикажешь мнѣ дѣлать? отвѣчалъ господинъ Шатобрёнъ въ затрудненіи. — Я пригласилъ его бывать у меня, когда ему вздумается, и не могъ предвидѣть, что ты, такая снисходительная и великодушная, почувствуешь предубѣжденіе противъ бѣднаго малаго за недостатки его воспитанія и жалкую фигуру. По мнѣ, эти люди жалки: я вижу, что всѣ ими гнушаются, и имъ скучно жить на свѣтѣ.

— Не думайте этого! сказалъ Эмиль. — Напротивъ, они очень довольны жизнью и увѣрены, что всѣмъ нравятся.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ отнимать у нихъ увѣренность, безъ которой имъ придется умереть съ горя? У меня на это не достанетъ духа, и не думаю, чтобъ добрая моя Жильберта посоветовала мнѣ это.

— О, добрый батюшка! сказала со вздохомъ Жильберта: — я также желала бы имѣть вашъ духъ, и, кажется, имѣю его; но это самодовольное и самоугодное существо, которое какъ-будто хочетъ меня оскорбить, когда глядитъ на меня, и которое называетъ меня просто по имени съ перваго же дня знакомства... нѣтъ, не могу его терпѣть и чувствую, что онъ дѣлаетъ мнѣ зло, потому-что располагаетъ меня къ презрѣнію и насмѣшкѣ наперекоръ моимъ инстинктамъ и обыкновенному характеру.

— Безъ сомнѣнія, г-нъ Галюшѣ позволить себѣ большую кротость съ вашей дочерью, сказалъ Эмиль графу Антуану: — и вамъ не разъ придется напоминать ему, чтобъ онъ былъ поучтивѣе. Если случится, что вы вынуждены будете прогнать его, вы почувствуете сожалѣніе, что принимали его слишкомъ доверчиво. Не лучше ли нынче же нѣсколько-холоднымъ приѣмомъ дать ему понять, что вы не позабыли грубостей, какія онъ позволилъ себѣ въ первое свое посѣщеніе?

— По-моему, лучше всего будетъ сдѣлать такъ, сказалъ г-нъ Шатобрёнъ:—вы пойдете гулять въ садъ съ Жаниллою, а я уведу Галюшѣ ловить рыбу, и вы избавитесь отъ него.

Предложеніе не очень понравилось Эмилю. Находясь подъ при-

смотримъ графа Шатобрёна, онъ могъ считать себя почти на-единъ съ Жильбертою, тогда-какъ Жаннлла была свидѣтелемъ очень-юрькимъ и дальновиднымъ. Жильберта, съ своей стороны, подумала, что было бы весьма-себялюбиво съ ея стороны оставлять отъ одного терпѣть всю тягость подобнаго визита.

— Нѣтъ, сказала она, обнимая Антуана:—мы останемся, чтобы ты могъ сердиться. Если мы отвернемся отъ тебя, ты сделаешься такъ ласковъ и добръ, что этотъ человѣкъ разъ-на-всегда сочтѣтъ себя очень-пріятнымъ для насъ гостемъ... Я знаю тебя, батюшка! ты не вытерпишь, ты скажешь ему это и пригласишь его ѣздить, а онъ опять нахъетъ! Лучше я останусь здѣсь, чтобы заставить его быть осторожнѣе.

— Ужь я за это берусь, сказала Жаннлла, слушавшая дѣтхъ-перъ безмолвно и вѣтерившая Галюшѣ съ того дня, когда она торговалась съ нею нѣтъ-за-десяти су, которые она потребовала у него за показываніе развалень.—Я не прочь, чтобы вы были все время съ пріятелями и людьми, вамъ пріятными; но вовсе не намѣрена тратить его на объѣзды, и какъ-можно-болше разведу вино ведою для г-на Галюшѣ... Тѣмъ хуже для васъ, графъ, потому-что вы не любите воды: не долго провидите за столомъ.

— Помилуй, Жаннлла, это тиранство! сказалъ г-нъ Антуанъ:—ты намѣрена посадить меня на воду? такъ ты хочешь умерить меня?

— Ничего, сударь, вы будете еще здоровѣе, а тѣмъ хуже для этого гостя, если ему не понравится!

Жаннлла сдержала слово; но Галюшѣ былъ такъ встревоженъ, что ничего не замѣтилъ. Онъ чувствовалъ себя очень-неудовольно при Эмиль, котораго глаза и усмѣшка все какъ-будто вопрошали его строго; а когда онъ хотѣлъ отплатить дерзостью, любезничая съ Жильбертою, то его любезности были принимаемы такъ плохо, что онъ не зналъ куда дѣваться. Онъ рѣшился остерегаться на счетъ шатобрёнскаго клерета и былъ очень-доволенъ, когда, послѣ перваго стакана, хозяинъ уже не уговаривалъ его выпить второй. Г-нъ Антуанъ, подавъ ему примѣръ на первомъ стаканѣ, какъ требовалъ долгъ деревенскаго хозяина, подавалъ въ себя вздохъ и бросилъ на Жаннллу укоризненный взглядъ за щедрость, съ какою она подлила воды. Шарассонъ, знавшій прольску старухи, захотѣлъ во все горло и получалъ сильный выговоръ отъ господина, который осудилъ его выпить за ужиномъ весь остатокъ невиннаго напитка.

Галюшѣ, убѣдившись, что былъ несносенъ Жильбертъ и Эмилю, рѣшился подвинуть впередъ свои заслуги передъ г-мъ Кардоннѣ и отважился на сватовство. Онъ отвелъ г-на Антуана въ сторону, и, напередъ увѣренный въ отказъ, предложилъ свое сердце, руку и двадцать тысячъ фряковъ его дочери. Галюшѣ не боялся рисковать, удвоивъ вымышленный капиталъ своего приданнаго.

Это состояніе, вмѣстѣ съ должностію, которая давала Галюшѣ тысячу-двѣсти франковъ въ годъ, немножко поразило г-на Антуана. Для Жильберты это была очень-хорошая партія, и она не могла надѣяться ничего лучшаго въ-отношеніи къ богатству: добрый деревенскій житель рѣшительно не имѣлъ средствъ дать ей какое-нибудь приданое, хотя бы отнялъ у себя послѣднія крохи. Не было на свѣтѣ человѣка безкорыстнѣе его; онъ достаточно доказалъ это въ-теченіе своей жизни. Но онъ не безъ прискорбія помышлялъ, что милая дочь его, за невозможностію встрѣтить человѣка, который полюбилъ бы ее для нея самой, будетъ, вѣроятно, осуждена на дѣвичество надолго, можетъ-быть навсегда!

«Какъ жаль, подумалъ онъ, что этотъ малой не любезенъ! что онъ честенъ и благороденъ — это видно; дочь моя ему нравится, и онъ не спрашиваетъ, есть ли за нею что-нибудь. Безъ-сомнѣнія, онъ знаетъ, что у нея ничего нѣтъ, и хочетъ отдать ей все, что самъ имѣетъ. Женухъ благонамѣренный, которому надо отказать честнымъ образомъ, съ лаской и дружбой.»

Не зная, какъ за это взяться, не смѣя навлечь на Жильберту подозрѣніе въ хвастовствѣ своимъ происхожденіемъ, или досады сердца, оскорбленнаго ея отвращеніемъ, онъ почелъ за лучшее отвѣчать ни да ни нѣтъ, и потребовать времени для того, чтобъ подумать и посоветоваться. Галюшѣ попросилъ позволенія прійти энить—не для того, чтобъ ухаживать за нею, но чтобъ освѣдомиться о рѣшеніи дѣла, и получилъ позволеніе. Бѣдный Антуанъ дрожалъ, давая ему этотъ отвѣтъ.

Онъ повелъ его на берегъ рѣки ловить рыбу, хотя Галюшѣ и не принесъ съ собою ничего для этого упражненія и очень желалъ остаться въ замкѣ. Антуанъ по-крайней-мѣрѣ водилъ его по берегу Крѣзы, указывая хорошія мѣста, и дорогою имѣлъ слабость и добродушіе извиняться передъ нимъ за грубости и насмѣшки Жана. Галюшѣ принялъ извиненіе съ величайшимъ удовольствіемъ, обратилъ всю вину на самого-себя, прибавивъ, однакожь (чтобъ показаться въ выгоднѣйшемъ свѣтѣ), что напился нечаянно, и что, если не былъ крѣпокъ на вино, то по привычкѣ къ большой воздержности.

— Слава Богу! сказалъ Антуанъ: — Жаннлла боялась, что вы не совсѣмъ-трезвый человѣкъ; но то, что съ вами случилось, конечно, доказываетъ противное.

Они довольно-долго разговаривали, и какъ Галюшѣ все не шелъ домой, хотя по безпокойству хозяина ясно видѣлъ, что тотъ не желалъ бы возвращаться съ нимъ въ замокъ, то оба они пришли назадъ, и Галюшѣ отвелъ въ сторону Жаннллу, чтобъ открыть ей свои намѣренія и дать Антуану время предупредить Жильберту. Онъ былъ увѣренъ, что раздосадуетъ ее, ибо, на этотъ разъ, не будучи пьянъ, очень-ясно замѣчалъ раздраженный видъ

Эмиля и чувства, какія Жильберта питала къ избранному ей защитнику.

«Ну, въ этотъ разъ» говорилъ онъ самъ себѣ: «г-нъ Кардоннэ не упрекнетъ меня, что я потерялъ даромъ время. Мои прекрасные любовники страшно на меня взбѣсятся, и г. Эмиль не утерпитъ, чтобъ не поссориться со мною.»

Галюшэ былъ не трусъ и хотъ не предполагалъ Эмиля способнымъ къ дуэли на кулакахъ, однакожъ съ нѣкоторымъ самодовольствомъ думалъ, что будетъ въ силахъ помѣряться съ нимъ. Что до настоящей дуэли, она не столько бы ему нравилась, потому-что онъ не умѣлъ владѣть благороднымъ оружіемъ, но могъ твердо надѣяться, что г. Кардоннэ успѣетъ предохранить его.

Пока онъ толковалъ съ Жаниллою, графъ Шатобрёнъ былъ съ дочерью и Эмилемъ въ саду и рассказалъ имъ все, что сейчасъ происходило между имъ и Галюшэ, употребивъ только нѣкоторыя ораторскія предосторожности.

— Вотъ, сказалъ онъ: — вы называете его глупцомъ и нахаломъ, но сейчасъ раскаетесь въ своей строгости; онъ истинно-достойный малой, и у меня есть тому доказательство. Это можно рассказать при Эмилѣ: онъ нашъ другъ, и даже еслибъ Жильберта захотѣла разобрать дѣло безъ предубѣжденія, то могла бы спросить у него кой-какихъ свѣдѣній на-счетъ этого молодого человека... Скажите, Эмиль, по чистой совѣсти, честный ли онъ человекъ?

— Безъ всякаго сомнѣнія, отвѣчалъ Эмиль. — Батюшка держитъ его при себѣ три года и неохотно бы расстался съ нимъ.

— Хорошаго онъ характера?

— Хотя въ прошлый разъ онъ показалъ себя здѣсь не такимъ, но я долженъ сказать, что онъ очень-смирень и совершенно-безобиденъ по обыкновенію.

— Не охотникъ напиваться?

— Нѣтъ, сколько я знаю.

— Значитъ, что же въ немъ худаго?

— Еслибъ ему не пришла фантазія сдѣлаться нашимъ собесѣдникомъ, я признала бы его чудеснымъ человекомъ, сказала Жильберта.

— А тебѣ онъ очень не нравится? возразилъ г. Антуанъ, оставаясь, чтобъ посмотреть ей въ лицо.

— О, нѣтъ, батюшка! отвѣчала она, удивленная такимъ торжественнымъ видомъ. — Не почитайте моего отвращенія до такой степени важнымъ. Я не въ силахъ никого ненавидѣть, и если общество этого молодого человека имѣетъ какую-нибудь пріятность для васъ, если онъ подалъ вамъ достаточную причину уважать его, избави меня Богъ лишать васъ его по какому-нибудь капризу! Я постараюсь пересилить себя, и можетъ-быть успѣю раздѣлить доброе мнѣніе, которое мой достойный отецъ имѣетъ объ немъ.

— Вотъ что называется говорить какъ слѣдуетъ доброй и умной

дѣвучкѣ; я узнаю мою Жильберту! Знай же, дочка, что ты меньше чѣмъ кто-нибудь должна гнушаться характеромъ этого молодца. Если ты не чувствуешь никакого къ нему влеченія, то по крайней мѣрѣ должна обращаться съ нимъ вѣжливо и отказать ему ласково. Угадываешь ты меня?

— Нѣтъ, батюшка.

— Боюсь, не угадываю ли я, сказала Эмиль, котораго щеки покрылись яркимъ румянцемъ.

— Хорошо, продолжалъ г-нъ Антуанъ: — предположимъ, что человекъ довольно-богатый въ сравненіи съ нами, замѣтилъ хорошенькую и добрую дѣвучку, очень-бѣдную, и, влюбившись въ нее съ перваго взгляда, являясь къ ея ногамъ съ самыми благородными предложеніями, — слыдуетъ ли грубо прогнать его, и захлопнуть отъ него дверь, сказавъ: «нѣтъ, сударь, вы очень-дурны собою»?

Жильберта покраснѣла не меньше Эмиля, и какія усилія на дѣла давала себою, чтобъ казаться смиренною, однакожь чувствовала себя такъ оскорбленною претензіями Галюшѣ, что не могла ничего отвѣчать и заплакала.

— Этотъ мерзавецъ солгалъ безстыдно, вскричалъ Эмиль: — вы можете прогнать его съ позоромъ. Онъ не имѣетъ никакого состоянія; отецъ мой, взявъ его къ себѣ, извелъ его изъ самой крайней бѣдности. Судите сами: онъ живетъ на мѣсть только три года, и развѣ г-нъ Галюшѣ вдругъ получилъ какое-нибудь таинственное наслѣдство...

— Нѣтъ, Эмиль, нѣтъ, онъ не солгалъ мнѣ; я не такъ слабъ и доверчивъ, какъ вы думаете. Я разспрашивалъ его, и знаю, что источникъ его небольшого состоянія чистъ и вѣренъ. Самъ отецъ вашъ даетъ ему двадцать тысячъ франковъ, чтобъ привязать его къ себѣ навсегда любовью и признательностью, въ случаѣ, если онъ найдетъ невѣсту въ нашей сторонѣ.

— Но, безъ сомнѣнія, сказалъ Эмиль неувѣреннымъ голосомъ: — мой отецъ не знаетъ, что онъ осмѣлился имѣть виды на графиню Шатобрѣнъ; иначе не одобрилъ бы его въ подобной надеждѣ.

— Напротивъ! возразилъ г-нъ Антуанъ, которому дѣло казалось очень-натуральнымъ: — вашъ батюшка услышалъ отъ него объ его склонности къ Жильбертѣ и позволилъ сослаться на свое имя, чтобъ просить руки ея.

Жильберта поблѣднѣла какъ смерть и взглянула на Эмиля, который потупилъ глаза, ошеломленный, униженный и растерзанный въ глубинѣ души.

II.

ВѢРЬВЪ.

— Ну, что случилось? сказала Жанилла, пришедши къ нимъ въ бесѣдку у входа въ садъ, гдѣ они сидѣли всѣ трое: — отъ-чего Жильберта такъ разстроена? отъ-чего всѣ вы молчите, когда я подхожу, словно умышляете какой-нибудь заговоръ?

Жильберта кинулась на грудь няни и залилась слезами.

— Что такое? что такое? возразила старуха:—отъ-часу не легче! Дочка моя въ горь, а я не знаю въ чемъ дѣло! Добьюсь ли я отъ васъ, г-нъ Антуанъ?

— Развѣ тотъ молодой человекъ ушелъ? сказалъ г-нъ Антуанъ, съ безпокойствомъ оглядываясь кругомъ.

— Какъ же, онъ простился со мною, и я проводила его до воротъ, сказала Жанилла.—Наслу отъ него отдалась. Онъ, видите, тяжело вѣ на объясненія! Ему хотѣлось остаться, я это замѣтила, но я дала ему понять, что такія дѣла не кончаются такъ скоро, что мнѣ надо поговорить съ вами, и что ему напишутъ, если пожелають съ нимъ видѣться за тѣмъ или за другимъ. Но, Бога ради, что же это съ моей дочкой? кто огорчилъ ее? Жанилла защититъ ее и утѣшитъ.

— О, да! ты поймешь меня, воскликнула Жильберта:—ты поможешь мнѣ защититься отъ обиды; я оскорблена и нуждаюсь въ тебѣ, чтобъ растолковать это батюшкѣ! Вообрази, что онъ слѣмался почти адвокатомъ Галюше.

— А! такъ ужъ ты знаешь обо всемъ? Значитъ, это семейныя дѣла! Мнѣ также надо съ вами потолковать объ нихъ; но все это будетъ скучно слушать г-ну Эмилю?

— Понимаю васъ, любезная мамзель Жанилла, отвѣчалъ молодой человекъ:—и знаю, что обыкновенныя приличія требовали бы, чтобъ я удалился; но я такъ заинтересованъ этимъ случаемъ, что не подчинюсь пошлымъ обычаямъ: можете говорить при мнѣ, потому-что я все знаю.

— Хорошо! если вы знаете, о чемъ идетъ дѣло, и если г-нъ Антуанъ заблагодарасудилъ объясниться при васъ (что, между нами сказать, не совсѣмъ бы годилось), пожалуй, я буду говорить какъ-будто-бы васъ тутъ не было. Во-первыхъ, Жильберта, не надо плакать: чѣмъ ты огорчаешься, дочка? Тѣмъ, что одинъ неучъ вообразилъ, будто стѣитъ тебя? Э! Боже мой, замужемъ ли ты будешь или нѣтъ, все не въ первый и не въ послѣдній разъ тебѣ придется смѣяться надъ людьми, много о тебѣ думающими: потому-что надъ этимъ надо смѣяться, дитя мое, а не сердиться. Молодецъ думаетъ, что онъ дѣлаетъ тебѣ честь и доказываетъ свое

уваженіе: прійми же это просто, скажи, или воли сказать ему очень-холодно, что ты его благодаришь, но что онъ тебѣ не по мысли. Я вовсе не понимаю, чѣмъ ты тутъ встревожилась; не-уже-ли ты думаешь, что я соглашусь ободрять его? Какъ бы не такъ! еслибъ онъ имѣлъ сто тысячъ франковъ, сто милліоновъ экую, все бы онъ не стоилъ моей дочки! Уродъ, съ выпученными глазами и довольнымъ видомъ, проваливай дальше! у насъ нѣтъ для него невѣсты! О! Жаннилла умѣетъ разбирать, и знаетъ, что въ букетъ не кладутъ крапивы подлѣ розы!

— Прекрасно сказано, добрая Жаннилла! вскричалъ Эмиль:—вы достойны назваться ея матерью!

— А вамъ-то что за дѣло, сударь? сказала Жаннилла, одушевленная и надменная собственнымъ краснорѣчіемъ: — зачѣмъ вы мѣшаетесь въ наши дѣлишки? Развѣ вы знаете что-нибудь дурное объ этомъ женихѣ? Не трудитесь намъ говорить; мы и безъ васъ его выпроводимъ.

— Полно, Жаннилла, не брани его! сказала Жильберта, ласкаясь къ старухѣ. — Миѣ весело слышать, что претензіи этого человѣка считаются для меня оскорбленіемъ, потому-что я чувствую себя униженною, какъ только вспомню о нихъ. Я въ жару, я больна. А батюшка ничего не видитъ! Батюшка считаетъ очень-лестнымъ для себя его сватовство и не сдумѣетъ сказать ему ничего, чтобъ меня отъ него избавить!

— Ха! ха! возразила Жаннилла, смѣясь:—все онъ виноватъ, какъ обыкновенно; экой злой человѣкъ! заставилъ расплакаться мою дочку! Смотрите, сударь, ужь не вздумалось ли вамъ играть здѣсь тирана? И не думайте: вѣдь голубка Жаннилла еще не умерла и не хочетъ умирать.

— Такъ и есть! подхватилъ г-нъ Антуанъ:—я вышелъ деспотъ, извергъ - отецъ! Хорошо, хорошо! щипайте меня, если это васъ утѣшаетъ. Потомъ, можетъ-быть, дочка скажетъ миѣ, кто ее обидѣлъ, и что я сдѣлалъ такого преступнаго?

— Добрый батюшка, сказала Жильберта, кидаясь ему на шею: —оставимъ эти скучныя шутки; откажи поскорѣе, навсегда, Галюшѣ отъ дома, чтобъ я вздохнула свободно, чтобъ я забыла этотъ непріятный сонъ.

— А! вотъ задача, отвѣчалъ г. Антуанъ:—спрашивается, что я буду писать ему? Объ этомъ надо намъ посоветоваться.

— Слышишь, мама? сказала Жильберта Жанниллѣ:—онъ не знаетъ, что ему отвѣчать; явно, что онъ не умѣлъ отказать ему.

— Полно, дятячко; отецъ твой не такъ еще виноватъ, отвѣчала Жаннилла:—вѣдь прекрасный вздохатель-то миѣ также говорилъ о своемъ предложеніи; я выслушала его спокойно и не сказала ему ни да, ни нѣтъ. Полно! полно! не сердись. Дѣла такъ не дѣлаются; посоветуемся спокойно. Нельзя же сказать этому молодцу: «вы намъ не нравитесь»,—такъ не водится. Нельзя также сказать:

«мы изъ хорошей фамилии, а вы прозываетесь Галюшэ», — это было бы жестоко и обидно.

— Да и не было бы основательно, сказала Жильберта. — Что намъ теперь въ дворянствѣ? Истинное благородство въ сердцѣ, а не въ пустыхъ титулахъ. Мнѣ противно не имя Галюшэ, а манеры и чувства человѣка, который его носитъ.

— Дочь моя говорить правду: имя, ремесло и состояніе тутъ ничего не значать, сказалъ г. Антуанъ. — И такъ, на это мы не можемъ сослаться. Нельзя также поставить человѣку въ вину его наружность. Всего лучше мы можемъ сказать, что Жильберта не хочетъ выходить замужъ.

— О нѣтъ, сударь! востойте! сказала Жаннлла. — Такъ не годится отвѣчать; потому-что если молодой человѣкъ начнетъ это разславлять (а онъ непременно будетъ разславлять), то не явится больше жениховъ, а я не намѣрена, чтобъ моя дочка шла въ монахини.

— Надо, однако, привести какую-нибудь причину, возразилъ г. Антуанъ. — Скажемъ, пожалуй, что она не хочетъ еще выходить замужъ, что она еще слишкомъ-молода.

— Да, да, именно такъ, батюшка! Вы придумали самую лучшую причину, и она справедлива; я еще не хочу идти замужъ, я слишкомъ-молода.

— Это неправда, подхватила Жаннлла. — Ты на возрастъ, и я желаю, чтобъ въ скоромъ времени ты нашла хорошенькаго, добраго мужа, который бы нравился тебѣ и всѣмъ намъ.

— Не думай объ этомъ, мамочка, возразила Жильберта съ пылкостью. — Клянусь тебѣ, батюшка сказалъ правду. Я еще не хочу идти замужъ и желаю, чтобъ всѣ это знали, чтобъ ни одинъ женихъ не являлся ко мнѣ. Ахъ, если вы будете меня мучить такими докуками, вы лишите меня всего счастья, которымъ я наслаждаюсь при васъ, и сдѣлаете молодость мою очень-печальною! Но вы будете терзать меня совершенно-понапрасну, потому-что я не перемѣню намѣренія, и скорѣе умру, нежели разлучусь съ вами.

— Кто жь тебѣ говоритъ о разлукѣ съ нами? сказала Жаннлла. — Человѣкъ, который полюбитъ тебя, не захочетъ тебя огорчить; да и ты сама не знаешь, какъ будешь думать, когда полюбишь кого-нибудь. Ахъ, дитятко! можетъ-быть, тогда придетъ наша очередь плакать; вѣдь сказано, что жена оставитъ отца своего и матеря для мужа, а тотъ, кто это сказалъ, зналъ женское сердце.

— О! воскликнулъ Эмиль: — это законъ повинновенія, а не любви. Человѣкъ, который истинно полюбитъ Жильберту, будетъ любить ея родителей и друзей, какъ своихъ собственныхъ, и не захочетъ разлучить ее съ ними, такъ же, какъ самъ не захочетъ отъ нихъ удалиться.

Тутъ Жаннлла примѣтила страстные взоры любовниковъ, искашіе встрѣтиться, и вся осторожность ея возвратилась.

— Помилуйте, сударь! сказала она въсколко-сухимъ тономъ: — вы вмешиваетесь въ дѣла, которыя до васъ не касаются, и, по моему, все наши объясненія при васъ неумѣстны; но если ужъ вамъ непремѣнно хочется ихъ слушать и если г. Антуанъ находитъ это очень-приличнымъ, то я вамъ скажу отъ себя, что запрещаю вамъ повторять и въ-особенности вѣрить тому, что дочка моя сказала сейчасъ въ порывѣ досады на вашего Галюше. Вѣдь не всѣ мужчины, слава Богу! скроены по этому образчику, и вовсе не нужно, чтобъ свѣтъ присудилъ ей оставаться въ двѣдцать за то, что она хочетъ мужа получше. Мы найдемъ ей славнаго мужа, не безпокойтесь,—и не думайте, что благо она бѣднѣ васъ, такъ и зачахнетъ въ одиночествѣ.

— Полно, полно, Жанилла! сказалъ г-нъ Антуанъ: — сама ты говоришь неумѣстныя слова. Ты какъ-будто хочешь досадить нашему другу... Ты слишкомъ заносишься! Говорятъ тебѣ, что онъ нашъ лучший другъ послѣ Жава, который имѣетъ право старшинства; и я объявляю, что въ-теченіе двадцати лѣтъ, когда я своею бѣдностью поставленъ въ возможность оцѣнить безкорыстныя чувства, никто не оказывалъ и не внушалъ мнѣ столько распродженія, какъ Эмиль. Отъ-того-то я говорю, что онъ никогда не лишній въ нашихъ домашнихъ секретяхъ. По уму своему, по благородству мыслей и образованію, онъ гораздо-старше своихъ лѣтъ и, можетъ-быть, нашихъ. Намъ не найти лучшаго совѣтника. Я гляжу на него, какъ на брата Жильберты, и ручаюсь, что еслибъ для нея нашлась выгодная партія, онъ пояснилъ бы намъ дѣло на-счетъ характера жениха, хлопоталъ бы о томъ, чтобъ состоялся бракъ, въ которомъ Жильберта можетъ быть счастлива. Твои привязки не имѣютъ здраваго смысла, Жанилла; если я довѣряю ему, то знаю, что дѣлаю: ты тоже обращаешься со мною черезъ-чуръ какъ съ ребенкомъ!

— Прекрасно, сударь! теперь вы хотите поссориться со мною! сказала Жанилла, сильно разгоряченная.—Хорошо, быть по-вашему! нынче пошло на правду, и я все скажу, благо меня вынуждаютъ. Говорю вамъ и г-ну Эмилю въ лицо, что онъ еще слишкомъ-молодъ для такой роли домашняго друга, и что эта дружба должна немощко остыть; иначе вы почувствуете ея невыгоды. Напримѣръ, даже сегодня оказывается тому примѣръ, судите сами. Является молодой человекъ свататься за Жильберту; намъ онъ не нравится,—очень-хорошо, и дѣло кончено; но кто запретитъ этому неуспѣвшему жениху думать и говорить, хотябъ для того, чтобъ немножко отместить за себя, что ему отказали изъ-за господина Эмиля, что мы надѣемся выдать Жильберту за богача, и что потому не хотимъ слушать ни о комъ другомъ? Не говорю, чтобъ г-нъ Эмиль способенъ былъ такъ думать,—я увѣрена въ-противномъ. Онъ знаетъ насъ такъ хорошо, что можетъ видѣть, какіе мы люди. Но глупцы подумаютъ это, и мы сами прослывемъ за глупцовъ. То-то хорошо будетъ! Мы откажемъ Галюше отъ дома, потому-

досадитъ, что наша дочка слишкомъ молода, а г-нъ Кардонне-сынъ будетъ ходить къ намъ каждую недѣлю, какъ-будто для него одного мы делаемъ исключеніе? Это не годится, г-нъ Антуанъ! А вамъ, г-нъ Эмиль, нечего такъ нѣжно поглядывать на меня, нечего становиться передо мной на колѣни и хватать меня за руки, словно собираетесь сдѣлать мнѣ признаніе... Дѣ, я люблю васъ, точно, и даже буду очень жалеть объ васъ; но тѣмъ не меньше исполню свой долгъ, благо только у меня одной и есть расудокъ, дальновидность и воля! Какъ быть! вы также перестанете ходить, голубчикъ, потому-что няня Жаннилла еще не выжила изъ ума.

Жильберта снова побѣдила какъ дѣла, и г-нъ Антуанъ сдѣлалъ сердитъ, чуть-ли не въ первый разъ въ жизни. Онъ находилъ Жанниллу несправедливою, и, не смѣя явно возмущаться, держалъ за ухо Сакрипана, который, замѣчая суровый видъ его, осмѣивалъ его ласками и давалъ себя терзать расвянной рукой его. Эмиль стоялъ на колѣняхъ между Жанниллою и Жильбертой; сердце его переполнилось, и онъ не могъ дольше молчать.

— Милая Жаннилла, вскричалъ онъ наконецъ въ порывѣ волненія:—и вы, почтенный и благородный Антуанъ, послушайте меня, и узнайте наконецъ мою тайну. Я люблю дочь вашу, люблю страстно съ перваго дня, какъ ее увидѣлъ, и если ей не противны мои чувства, прошу у васъ руки ея — не для Галюшэ и не для другаго приближеннаго отца моего, не для кого-нибудь изъ друзей своихъ, но для самого-себя. Я не могу жить безъ нея, и не оставу, пока не получу ея и вашего согласія.

— Обини меня! воскликнулъ г-нъ Антуанъ, вѣзъ себя отъ радости и восторга: — ты благородный малой; я зналъ, что нѣтъ ничего на свѣтѣ возвышеннѣе и прѣмѣ души твоей!

Онъ сжималъ въ своихъ объятіяхъ тоненькаго молодого человека, словно хотѣлъ задушить его. Жаннилла, расстроганная, закрыла глаза платкомъ; но вдругъ, пересиливъ слезы, вскричала:

— Вотъ ужъ глупости, такъ глупости, г-нъ Антуанъ, настоящія глупости! Уймитесь, не давайте столько воли своему сердцу. Конечно, онъ славный малой, и еслибъ мы были богаты, или еслибъ онъ былъ бѣдѣнъ, намъ никогда не найдти бы чловѣка лучше; но не забудете, что его предложеніе—дѣло несбыточное: родные его ни за что не согласятся; онъ составилъ себѣ романъ въ своей молоденькой головѣ... Еслибъ я не такъ васъ любила, г-нъ Эмиль, я стала бы бранить васъ, что вы разгорячаете воображеніе г-на Антуана, которое еще моложе вашего и способно принять не за шутку ваши грѣзы. Къ-счастью, дочка его расудительнѣе насъ съ вами. Она признательна вамъ и благодаритъ васъ за ваши добрыя намѣренія; но ей извѣстно, что вы не отъ себя зависите, что вы еще не можете обойтись безъ согласія батюшки, и что, еслибъ даже дѣта ваши позволяли почтительно настаивать на полученіи отъ него согласія, то сама она такъ благородна, что не захочетъ насильно войти въ семейство, которое ее отвергло бы.

— И то правда! сказалъ г-нъ Антуанъ, очнувшись какъ-бы отъ сна:—мы сумасбродимъ, бѣдныя дѣти! Г-нъ Кардоннэ ни за что не захочетъ породниться съ нами, потому-что мы не можемъ предложить ему ничего, кромѣ имени, которое онъ, конечно, считаетъ ничѣмъ, которымъ, въ добавокъ, мы сами мало дорожимъ, и которое не открываетъ намъ никакого пути къ богатству. Нѣтъ, Эмиль! перестанемъ говорить объ этомъ; иначе эти разговоры сдѣлались бы источникомъ огорченій. Будемъ друзьями, всегда друзьями! Будьте братомъ моей дочери, ея покровителемъ и защитникомъ въ случаѣ надобности; но не станемъ упоминать ни о бракѣ, ни о любви, потому-что въ наше время любовь—мечта, а бракъ—сдѣлка!

— Вы не знаете меня, вскричалъ Эмиль:—если думаете, что я подчинюсь и соглашусь когда-нибудь подчиниться уставамъ свѣта и рассчитаю выгоды! Не стану васъ обманывать; я поручился бы за согласіе матушки, еслибъ она была свободна, но отецъ мой не будетъ расположенъ къ этому браку. Однакожъ, отецъ любитъ меня, и когда испытаетъ твердость моей воли, то признаетъ, что въ этомъ случаѣ его воля не одержитъ верха. Можетъ-быть, онъ попробуетъ одно средство склонить меня—именно, лишитъ меня на нѣсколько времени выгодъ его богатства. О! тогда съ какою радостью буду я трудиться, чтобъ заслужить руку Жильберты, достигнуть до нея, сдѣлавшись достойнымъ почтенія, котораго не отдадутъ празднымъ людямъ, и которое заслуживаютъ тѣ, кто, подобно вамъ, г-нъ Антуанъ, перенесъ честное испытаніе! Мой отецъ смягчится со-временемъ, я увѣренъ; могу обѣщать вамъ это передъ Богомъ и передъ вами, потому-что чувствую въ себѣ всѣ силы любви непобѣдимой. И, увидѣвъ все могущество моей страсти, онъ—въ высшей степени умный и добродѣтельный человѣкъ, любящій меня больше всего на свѣтѣ и ужь конечно больше почестей и богатства, онъ отъ чистаго сердца откроетъ свои объятія и душу моей новѣств. Я знаю отца, знаю, что если онъ иногда и уступаетъ велѣнію судьбы, то безъ всякаго памятованія о прошломъ, безъ мелочной досады, безъ низкаго сожалѣнія. Вѣрте же, друзья, въ любовь мою, и надѣйтесь, подобно мнѣ, на помощь Божию. Для васъ нѣтъ ничего оскорбительнаго въ предразсудкахъ, съ которыми мнѣ надо будетъ бороться, и нѣжность моей матери, живущей только мною и для меня, втайнѣ вознаграждаетъ Жильберту за временныя предубѣжденія отца моего. О! не сомнѣвайтесь, не сомнѣвайтесь, умоляю васъ! Вѣра все можетъ, и если вы поддержите меня въ этой борьбѣ, я буду счастливѣйшимъ смертнымъ, когда-либо сражавшимся за чистую любовь и за женщину, достойную пожертвованія всей моей жизни!

— Ну, ну, та-та-та! вскричала Жавилла:—теперь онъ пошелъ говорить, какъ книга и, чего добраго, разгорячитъ голову моей дочкѣ! Замоштите ли вы, золотой языкъ! не хотимъ мы васъ слушать и не повѣримъ вамъ. Не смѣйте вѣрить, г-нъ Антуанъ! Вы не

знаете, какія бѣды это можетъ завлечь на васъ; и самая меньшая бѣда была бы та, что моею дочкѣ сдѣлалось бы невозможно найти себѣ сбыточную благоразумную партію.

Бѣдный Антуанъ не зналъ, кого слушать. Когда Эмиль говорилъ, онъ воспламенялся воспоминаніемъ своей собственной молодости, припоминалъ, что также любилъ; ничто не казалось ему благороднѣе, какъ вступить за любовь и ободрить такой прекрасный замыселъ. Но когда Жаннлла плескала воду на огонь, онъ признавалъ мудрость и благоразуміе своего ментора, и то съ нею говорилъ противъ Эмиля, то съ Эмилемъ противъ нея.

— Довольно же! сказала наконецъ Жаннлла, очень раздосадованная, что не видитъ никакого конца этимъ колебаніямъ:—ничего этого не слѣдовало бы говорить при дочкѣ. Что бы вышло, еслибъ у нея была слабая или вѣтренная голова? Къ-счастію, она не льстится на ваши рассказы и такъ-какъ очень-мало дорожить вашимъ золотомъ, то вѣрно будетъ имѣть столько достоинства, что не согласится ждать, пока вы будете властны располагать своимъ сердцемъ. Она своимъ распорядится какъ ей будетъ угодно, и, не лишая васъ уваженія и дружбы, попроситъ не компрометтировать ее своимъ посвѣщеніемъ. Ну, Жильберта, скажи твердое и умное словечко, чтобъ повершить всѣ эти вздорные толки!

До-сихъ-поръ, Жильберта молчала. Взволнованная и задумчивая, глядяла она то на отца, то на Жаннллу, а чаще всего на Эмиля, котораго пылкость и убѣжденіе воспламеняли ея душу. Теперь она вдругъ встала, и, опустившись на колѣни передъ отцомъ и нянею, которыхъ руки цаловала съ горячностью, сказала:

— Поздно требовать отъ меня холоднаго благоразумія и напоминать мнѣ расчеты самолюбія! Я люблю Эмиля, люблю столько же, какъ онъ меня любить, и еще не думая, чтобъ я когда-нибудь могла принадлежать ему, я поклялась въ сердцѣ не отдавать себя никому другому. Пріймите же мою исповѣдь, отецъ мой и мать моя, передъ Богомъ. Два мѣсяца притворяюсь я передъ вами и двѣ недѣли скрываю отъ васъ тайну, которая тяготитъ меня и которая будетъ первою и послѣднею въ моей жизни. Я отдала свое сердце Эмилю и поклялась ему быть его женою тотчасъ, какъ на то согласятся мои и его родители. До-тѣхъ-поръ, клялась я любить его съ твердостью и спокойствіемъ: клянусь еще разъ и призываю Бога и васъ во свидѣтели этой клятвы! Поклялась я также и опять клянусь, что если воля отца его останется непреклонною, мы будемъ любить другъ друга какъ братъ съ сестрою, и все-таки никогда не полюблю я другаго и не рѣшусь ни на какое дѣло безумства и отчаянія. Вѣрите мнѣ. Видите, я тверда и чувствую себя счастливѣе съ-тѣхъ-поръ, какъ поставила Эмиля между вами и наравнѣ съ вами въ своемъ сердцѣ. Не опасайтесь отъ меня ни жалобъ, ни печали, ни унынія, ни болѣзни. Черезъ десять лѣтъ я буду точно такова же, какъ теперь, почерная въ вашей любви утѣшенія, а въ своей—твердость, готовую на всѣ испытанія.

— Поздравляю! вскричала Жаннелла въ отчаяніи: — все мы прощали! Только этого не доставало! Дочка моя любить его и говорить это ему, говоритъ при насъ! Горе намъ, горе! Несчастный тотъ день, когда этотъ молодой человекъ вошелъ въ домъ нашъ!

Антуанъ, взнемогшій, только заливался слезами, прижимая къ сердцу дочь. Но Эмиль, одушевленный бодростью Жильберты, умѣлъ наговорить столько, что успѣлъ овладѣть этою душою, не способною защищаться. Сама Жаннелла была тронута, и дѣло кончилось тѣмъ, что приняли планъ, который любовники составили сами въ Крозаувъ; то-есть, рѣшились ждать (это не было большимъ облегченіемъ для Жаннеллы) и не видаться слишкомъ-часто (что, во-крайней-мѣрѣ, немножко успокоивало ее на-счетъ толковъ).

Они вышли изъ сада, и спустя нѣсколько минутъ вышелъ оттуда Галюшэ, но украдкою, и, никѣмъ непримѣченный, спрятался въ кустарники у забора, чтобъ тайкомъ выбраться на гаржилесскую дорогу.

Эмиль остался обѣдать, ибо ни Антуанъ, ни Жаннелла не имѣли духа заставить его сократить посвященіе, которое не должно было повториться до слѣдующей недѣли.

Мягкое и цѣнное сердце добраго деревенскаго жителя не могло устоять противъ ласокъ и нѣжныхъ рѣчей дѣтей его, и когда Жаннелла отвертывалась, онъ пускался раздѣлать съ ними надежды и благословлять любовь ихъ. Жаннелла старалась показывать имъ строгій видъ; горестъ ея была серьбана и глубока; но не бываетъ плана оболъщенія искуснѣе того, какой составляютъ себѣ любовники, когда хотятъ привлечь кого-нибудь на свою сторону. Оба они были такъ кротки, такъ покорны, такъ нѣжны, такъ замысловаты и болѣе всего такъ хороши съ лицами и взорами, сиявшими энтузіазмомъ, что тронули бы тигра. Жаннелла плакала сперва отъ досады, потомъ отъ огорченія, наконецъ отъ нѣжности; когда настала вечеръ и всѣ пошли сидѣть на берегу рѣки, при сладостномъ сіяніи луны, — всѣ четверо, связанные neodолжимою горячностью, составляли одну группу переплетенныхъ рукъ и сердецъ, бьющихся въ ладъ.

Особенно Жильберта сіяла радостью; сердце ея было легко и чище благоуханія растений, развивающагося при восходѣ звѣздъ и влетающаго къ звѣздамъ. Какъ ни уносенъ былъ Эмиль, однако онъ не могъ вполне позабыть трудность обязанностей, предъстоявшихъ ему для примиренія любви своей съ сыновнею привязанностью. Но Жильберта полагала, что всегда можно ждать и это лишь-бы любить, а чудо случается само собою, безъ великихъ усилій съ чьей бы то ни было стороны. Когда Эмиль, осмѣлившись поцаловать у нея руку при ея родителяхъ, удаленся, Жаннелла сказала ей со вздохомъ:

— Ну, теперь ты будешь горевать недѣлю! Опять твои глаза!

будутъ заплаканы, какъ часто бывали до вашей проклятой поезд-
ки въ Крозанъ. Прощай въ нашемъ домъ покой и счастье!

— Если я теперь буду грустна, мамочка, отвѣчала Жильберта: — то позволю тебѣ запретить ему прѣзжать сюда, и если теперь глаза мои будутъ заплаканы, я выколю ихъ, чтобъ не видать его больше. Но что ты скажешь, если я буду веселѣе и счастливѣе прежняго? Развѣ не чувствуешь, какъ спокойно мое сердце? На; приложи къ нему руку, пока еще слышенъ топотъ скачущей лошади! Развѣ я встревожена? Зажги лампу и погляди на меня хорошенько. Все та же ли я Жильберта, дочь твоя, которая живетъ только для тебя и для батюшки, и которая не можетъ ни на минуту соскучиться съ вами? Ахъ! если я тосковала, плакала, то отъ-того, что имѣла секретъ отъ васъ, и мучилась, что не могу вамъ открыть его. Теперь, когда я могу говорить и думать вслухъ, я отдохнула и чувствую одну только радость — радость существованія для васъ и съ вами. Развѣ ты не видала нынче вечеромъ, какъ всѣ мы были счастливы, что можемъ всѣ любить другъ друга безъ боязни и безъ стыда? Не-уже-ли ты думаешь, что когда-нибудь будетъ иначе, и что мы съ Эмилемъ будемъ счастливы, если вы оба не будете всегда и во всякое время съ нами?

— Увы! подумала со вздохомъ Жанилла: — нынче еще только первый день этихъ прекрасныхъ предположеній!

III.

Западня.

Эмиль рѣшился, не откладывая дальше, серьезно поговорить съ отцомъ и сказать ему не формальное и черезъ-чуръ поспѣшное признаніе своей любви, но родъ предварительной рѣчи, чтобъ постепенно приводить дѣло къ болѣе и болѣе рѣшительнымъ объясненіямъ. Но завтра утромъ плотникъ назначилъ ему свиданіе, и онъ рассудилъ, что если тотъ докажетъ ему все, что говоритъ, то онъ будетъ имѣть прекрасный случай завести разговоръ и показать г-ну Кардоннѣ невѣрность и тщету его плановъ обогащенія.

Конечно, Эмиль не слѣпо полагался на мнѣніе Жана въ подобномъ дѣлѣ; но онъ зналъ, что извѣстные выводы природной логики могутъ значительно пособлять ученому изслѣдованію, и отправился на разсвѣтъ, чтобъ сойтись съ пріятелемъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ условились они встрѣтиться. Наканунъ, онъ предупредилъ г. Кардоннѣ, что намѣренъ пойти осматривать теченіе воды на заводѣ, не сказывая, впрочемъ, какого проводника себѣ выбралъ.

Прогулка была трудна, но интересна, и по возвращеніи Эмиль спросилъ у отца особеннаго разговора. Онъ нашелъ въ немъ ка-

кой-то видъ торжествующаго спокойствія, который по-видимому не предвѣщаль добра. Однакожь, считая долгомъ увѣдомить его о томъ, въ чемъ самъ увѣрился, онъ немедленно приступилъ къ дѣлу.

— Батюшка, сказалъ онъ:—вы уговариваете меня убѣдиться въ вашихъ планахъ и предаться имъ съ тою же пылкостью, съ какою сами имъ предаетесь. Съ нѣкотораго времени, я всеми силами стараюсь служить вамъ своимъ умомъ сколько могу: и по тому довѣрю, которымъ вы меня удостаиваете, обязанъ вамъ сказать, что мы строимъ на песокѣ, и что, вмѣсто удвоенія вашего богатства, вы сыплете его въ бездонную пропасть.

— Что такое, Эмиль? отвѣчалъ г-нъ Кардоннѣ, улыбаясь: — приступъ очень-страшный; а я думалъ-было, что наука приведетъ тебя къ тому же результату, какой даетъ практика,—именно, что нѣтъ ничего невозможнаго для разумной воли. Кажется, ты изъ своихъ соображеній вывелъ противное заключеніе. Посмотримъ! Ты далеко ходилъ, и безъ-сомнѣнія глубоко изслѣдовалъ? Я также, прошлаго года, осматривалъ потокъ, который надо усмирить, и увѣрился, что успѣхъ возможенъ; ну, а ты что скажешь, дитя?

— Я скажу, батюшка, что вы не успѣете въ своемъ намѣреніи, потому-что для успѣха требуются издержки, которыхъ не можетъ сдѣлать частный человекъ, и которыя все-таки не покрылись бы относительною прибылью.

Тутъ Эмиль съ большимъ искусствомъ вошелъ въ объясненія, отъ которыхъ мы уволимъ читателя, но которыя клонились къ подтвержденію мыслей, что теченіе Гаржилессы представляло естественныя препятствія, непреодолимыя безъ употребленія капитала вдвѣтеро больше того, на какой рассчитывалъ г-нъ Кардоннѣ. Надлежало приобрести въ свое владѣніе нѣкоторыя части бассейна рѣки, чтобъ тутъ отвести въ сторону ея теченіе, тамъ расширить ее, видъ взорвать отроги горы, мѣшавшіе ея правильному теченію; наконецъ, если нельзя будетъ отвратить накопленіе и внезапный жестокой разливъ воды въ верхнихъ резервуарахъ, то подылатъ кругомъ завода плотины во сто разъ значительнѣе уже сдѣланныхъ; эти плотины будутъ отливать воду до такой степени, что она совершенно затопитъ окрестныя земли; а для этого надо будетъ купить половину общины, или имѣть въ своихъ рукахъ притѣснительную власть, невозможную во Франціи. Работы, уже исполненныя по приказанію г. Кардоннѣ, наносили сильный вредъ окрестнымъ мельникамъ. Вода, остановленная въ его пользу, заставляла, по выраженію туземцевъ, *полоскаться* ихъ мельницы, производя на ихъ колеса противное движеніе, прекращавшее ихъ круговращеніе въ извѣстные часы. Только вознаградивъ ихъ другимъ способомъ, и значительно повздержавшись на это, успѣлъ г. Кардоннѣ успокоить этихъ мелкихъ промышленниковъ, въ ожиданіи пока разоритъ ихъ или самъ разорится; ибо предложенныя имъ вознагражденія могли быть только временныя и должны были пре-

кратиться съ окончаніемъ его построекъ. Онъ купилъ за очень-дорогую цѣну у одного изъ сосѣдей каменоломную работу на полгода, у другихъ нанялъ всѣхъ ихъ лошадей, употребленныхъ на возку его матеріаловъ. Многихъ онъ убаюкалъ обманчивыми обещаніями, и простые люди, ослѣпленные кратковременною прибылью, закрывали глаза на будущее, какъ всегда бываетъ съ теми, чье настоящее тягостно.

Эмиль бѣгло миновалъ эти подробности, могшія скорѣе раздражить, чѣмъ убѣдить г. Кардоннэ, и началъ страшать его, будто самъ убѣжденъ, что ничего не преувеличиваетъ въ этомъ страхѣ.

Господинъ Кардоннэ выслушалъ его съ большими вниманіемъ, и когда Эмиль кончилъ, погладилъ его по головѣ съ совершенно-отеческимъ и ласковымъ видомъ, но съ улыбкою спокойной силы.

— Я очень-доволенъ тобою, Эмиль, сказалъ г. Кардоннэ: — вижу, что ты занимаешься, трудишься серьезно, и теперь не потратишь времени на то, чтобы рыскать изъ замка въ замокъ. Ты говорилъ очень-отчетливо и какъ молодой совѣстливый адвокатъ, который хорошо вникъ въ свое дѣло. Благодарю тебя за доброе направленіе, какое принимаютъ твои идеи, — и знаешь ли, что всего больше радуется меня? то, что ты пристращаешься къ своему занятію, чего я и ожидалъ отъ благотворности изученія. Вотъ уже ты заботишься объ успѣхѣ, испытываешь сильныя ощущенія, проходишь неизбежные кризисы страха, сомнѣнія, и даже временнаго унынія, которыя неразлучны въ геніи промышленника съ развитіемъ всякаго важнаго проекта. Да, Эмиль, вотъ что я называю зачинать и рождать. Это таинство воли не совершается безъ борьбы; съ головой мужчины бываетъ то же, что съ утробою женщины. Но теперь успокойся, другъ мой! Опасность, которую ты думалъ открыть, существуетъ только въ поверхностномъ обзорѣ вещей, и не на простой прогулкѣ могъ ты обнять все это. Я цѣлую недѣлю осматривалъ потокъ, прежде чѣмъ положилъ на его берега первый камень, и совѣтовался съ человѣкомъ поопытнѣе тебя. Нѣ, вотъ планъ мѣстности съ уровнями, измѣреніями и кубическимъ содержаніемъ. Разсмотримъ его вмѣстѣ.

Эмиль внимательно разсмотрѣлъ этотъ планъ и замѣтилъ въ немъ нѣсколько весьма-важныхъ ошибокъ. Полагали невозможнымъ, чтобы вода достигала извѣстныхъ возвышеній въ необычайныхъ случаяхъ и чтобы извѣстныя преграды могли оковать ее далѣе извѣстнаго числа часовъ. Работали по расчету случайностей, и самый недалній опытъ, слова незначительнаго свидѣтеля прежнихъ фактовъ были бы достаточны, чтобы уличить теорію во лжи, если бь обратять на нихъ вниманіе. Но гордость и недоверчивость не позволяли г. Кардоннэ рывиться на это. Онъ отдался, зажмуря глаза, на волю стихій, какъ Наполеонъ во время похода въ Россію, и, въ паденномъ упорствѣ своемъ, охотно велѣлъ бы, подобно Ксарксу, съъ розгами непокорнаго Нептуна. Совѣтникъ

его, хотя и очень-искусный человекъ, помышлялъ только о томъ, какъ бы угодить господину Кардоннэ, лстя его честолюбію, или самъ поддавался господству и вліянію этой пламенной воли.

— Батюшка! сказалъ Эмиль: — тутъ дѣло не въ однихъ гидростатическихъ выкладкахъ, и позвольте вамъ сказать, ваша безусловная вѣра въ спеціальныя работы ввела васъ въ заблужденіе. Вы смѣялись надо мною, когда, еще при началѣ занятій моихъ науками, я вамъ говорилъ, что все человѣческія знанія кажутся мнѣ въ тѣсной связи между собою, и надобно быть почти-универсальнымъ ученымъ, чтобъ быть безошибочну въ одномъ известномъ предметѣ; словомъ, частность не можетъ обойтись безъ синтеза, и прежде нежели знать механизмъ часовъ, не мѣшало бы знать механизмъ мірозданія. Вы смѣялись, еще и теперь смѣтаетесь этому, и отвлекли меня отъ звездъ, чтобъ обратить къ мельницамъ. Хорошо было бы, если бы, вмѣстѣ съ гидрографомъ, вы вѣдали себя въ совѣтники геолога, ботаниста и физика: они доказали бы вамъ то же самое, что я осмѣливаюсь утверждать теперь послѣ перваго обзора, за отсутствіемъ повѣрки со стороны людей болѣе меня свѣдущихъ: именно, что, благодаря направленію ущелья, куда врывается вашъ потокъ, благодаря направленію вѣтровъ, которые врываются туда вмѣстѣ съ нимъ, благодаря площадкамъ, откуда берутся эти ручьи и ихъ относительной высотъ, привлекающей все облака на эти возвышенные пункты, гдѣ даже образуются все зародыши бурь, — безпрестанные тромбы воды должны стремиться въ этотъ оврагъ и безпрестанно смывать въ немъ тщетныя препятствія, за исключеніемъ, какъ я уже сказалъ вамъ, такихъ работъ, которыхъ вы не можете предпринять, потому что онѣ превышаютъ средства одного капиталиста. Вотъ что, въ силу атмосферическихъ законовъ, сказалъ бы вамъ физикъ: онъ доказалъ бы безпрестанныя дѣйствія молвіи на скалы, ее привлекающія; геологъ показалъ бы вамъ свойства материковъ, мергельныхъ, или известковыхъ, или гранитныхъ, которые поочереды удерживаютъ, поглощаютъ или извергаютъ воду.

— А ботанистъ? сказалъ смѣясь господинъ Кардоннэ: — его ты забылъ?

— Ботанистъ, отвѣчалъ Эмиль улыбаясь: — онъ на голыхъ и крутыхъ скалахъ, гдѣ геологъ не могъ бы съ точностью определять прежняго пребыванія воды, замѣтилъ бы нѣсколько травинокъ, которыя достаточны для сужденія его собратій. «Это растеньице» сказалъ бы онъ имъ: «не росло тутъ одно: оно любитъ не такую мѣстность: видите, какъ оно здѣсь печально, въ ожиданіи, пока наводненіе, которое занесло его сюда, опять его смостъ, либо доставитъ ему товарищей».

— Bravo, Эмиль! нельзя ничего придумать замысловатѣе.

— И ничего справедливѣе, батюшка.

— Откуда ты набрался всего этого? не-уже-ли ты вдругъ сдѣ-

дѣлся гидрографомъ, механикомъ, астрономомъ, геологомъ, физикомъ и ботаникомъ?

— Нѣтъ, батюшка; вы принудили меня только схватить на-лету начала этихъ наукъ, которыя въ сущности составляютъ одну науку. Но есть известныя привилегированныя натуры, у которыхъ наблюдательность и логика замѣняютъ знаніе.

— Ты не очень-скроменъ!

— Я говорю не о себѣ, батюшка, но объ одномъ крестьянинѣ, гениальномъ человекѣ, который не умѣетъ читать, который не знаетъ имени жидкостей, газовъ, минераловъ или растеній; но который постигаетъ причины и слѣдствія, котораго зоркій глазъ или вѣрная память опредѣляютъ различія и схватываютъ характеры; словомъ, объ одномъ человекѣ, который, говоря языкомъ ребенка, указалъ мнѣ всѣ эти вещи и сдѣлалъ мнѣ ихъ очевидными.

— Скажи, пожалуйста, что это за невѣдомый гений, котораго ты нашелъ въ своей прогулкѣ?

— Человекъ, котораго вы не любите, батюшка, котораго вы считаете за безумнаго, и котораго имя я едва смѣю произнести передъ вами.

— А! понимаю! вашъ пріятель, плотникъ Жапплу, бродяга маркиза Буагьбѣ, колдунъ селенія, который лечитъ вывихи заговоромъ и унимаетъ пожаръ зарубая на матицѣ крестъ топоромъ своимъ.

Г-нъ Кардоннѣ, который, не будучи убѣжденъ, внимательно до-тѣхъ-поръ слушалъ сына, презрительно захохоталъ и сдѣлался расположенъ уже только къ насмѣшкѣ и презрѣнію.

— Вотъ, сказалъ онъ: — какъ безумцы встрѣчаются и ладятъ между собою! Признаюсь, мой бѣдный Эмиль, натура сдѣлала тебѣ грустный подарокъ, наливъ большимъ умомъ и воображеніемъ, потому-что вовсе не дала тебѣ шкворня хладнокровія и здраваго смысла. Теперь ты въ полномъ бреду, и отъ-того, что какой-то чудодѣй-крестьянинъ явился тебѣ романическимъ лицомъ, ты натягиваешь всѣ свои познания и всѣ способности на то, чтобъ подтвердить его удивительные выводы! Ты всѣ науки пустилъ въ дѣло, — и астрономія, и геологія, и гидрографія, и физика, и даже бѣдная ботаника, которая вовсе не ожидала такой чести, являются толпою подписывать дипломъ непогрѣшимости для мастера Жапплу. Пиши стихи, Эмиль, сочини романы! ни на что другое ты не годенъ; по-крайней-мѣрѣ, я сильно опасуюсь этого!

— И такъ, батюшка, вы презираете опытъ и наблюденіе? отвѣчалъ Эмиль, воздерживая свою досаду: — эти обыкновенныя основы умственного труда вы не удостоиваете даже своимъ вниманіемъ? а между-тѣмъ, сами смѣтаете надъ большею частью теорій! Чему же я повѣрю, если вы не позволяете мнѣ справляться ни съ теоріей, ни съ практикой?

— Эмиль, отвѣчалъ г-нъ Кардоннѣ: — напротивъ, я уважаю ту и другую, но съ условіемъ, чтобъ онъ обитали въ здоровомъ умѣ;

ихъ благодѣянія превращаются въ ядъ или дымъ въ головѣ безумца. Къ-несчастію, мнимые ученые принадлежатъ къ послѣднему числу, и вотъ почему я хотѣлъ предохранить тебя отъ ихъ хищеръ. Кто смѣшно легковѣренъ и легко дается въ обманъ, какъ не педантъ съ принятыми напередъ идеями? Прошлаго года пріѣзжалъ сюда одинъ антикварій: онъ вздумалъ искать здѣсь друидическихъ камней — и видѣлъ ихъ повсюду. Чтобъ потѣшить его, я показалъ ему одинъ старій камень, выдолбленный крестьянами чтобъ толочь въ пещь пшеницу, изъ которой они варятъ себя кашницу, и увѣрилъ его, что это урна, куда галльскіе жертвоприносители давали стекать человѣческой крови. Онъ непременно хотѣлъ увезти этотъ камень для департаментскаго музея. Вся гранитныя колоды для водопоя принималъ онъ за древніе саркофаги. Вотъ какъ распространяются самыя смѣшныя заблужденія! Отъ меня зависѣло, чтобъ какое-нибудь корыто или пещь пошли за драгоценныя памятники. А между-тѣмъ, этотъ господинъ цѣлые пятьдесятъ лѣтъ читалъ и учился... Берегись, Эмиль; можетъ прійти время, когда ты пузыри будешь принимать за фонари!

— Я исполнялъ долгъ свой, сказалъ Эмиль: — обязанъ былъ предупредить васъ, чтобъ вы не дѣлали новыхъ наблюденій надъ мѣстами, которыя я сейчасъ осматривалъ, и мнѣ казалось, недавній опытъ несчастій могъ это посовѣтовать вамъ. Но если вы отвѣчаете мнѣ шутками, я замолчу.

— Хорошо, Эмиль, сказалъ г-нъ Карлоннѣ послѣ минутнаго размышленія: — какой же выводъ изъ всего этого? и что лежитъ въ основаніи твоихъ прекрасныхъ предсказаній? Я очень понимаю, что Жанъ Жаппу, который сталъ жестокимъ врагомъ моего предпріятія, и который только и дѣлаетъ, что декламируетъ противъ дяди Кардоннѣ (даже въ твоёмъ присутствіи, а ты не говоришь мнѣ объ этомъ ни слова), — очень понимаю, что онъ хочетъ заставить меня покинуть здѣшнюю сторону, гдѣ, какъ видно, по-несчастію, мое присутствіе стѣсняетъ его. Но ты, мой ученый философъ, ты куда хочешь меня отправить? Какую колонію желалъ бы ты завести? въ какую американскую пустыню намѣренъ перенести благодѣянія своего социализма и моей промышленности?

— Можно бы ихъ перенести ближе, отвѣчалъ Эмиль: — и если бъ вы захотѣли серьёзно трудиться надъ цивилизаціей дикарей, то нашли бы ихъ подъ рукою; но я знаю, батюшка, что это не входитъ въ ваши планы, и только упоминаю теперь о предметѣ, уже исчерпанномъ нами. Я запретилъ себѣ всякое противорѣчіе на этотъ счетъ, и съ-тѣхъ-поръ, какъ я здѣсь, не думаю, чтобъ хоть на мигъ вышелъ изъ почтительнаго молчанія, которое вы мнѣ предписали.

— Полно, другъ мой, не говори такимъ тономъ. Именно всего-то больше сердитъ меня твоя немножко-лукавая скромность. Оставимъ споръ о социальныхъ вопросахъ; мы, пожалуй, воротимся къ нему въ будущемъ году, и, можетъ-быть, къ тому времени оба

уже сдѣлаемъ какіе-нибудь успѣхи, которые позволяютъ намъ лучше понимать другъ друга. Подумаемъ о настоящемъ. Вакансіи не вѣкъ продлятся: что желалъ бы ты дѣлать послѣ нихъ для своего образованія? чѣмъ бы ты хотѣлъ заняться?

— Я желаю бы только остаться при васъ, батюшка.

— Знаю, сказалъ г-нъ Кардоннѣ съ двусмысленной улыбкою:— знаю, тебѣ очень нравится здѣшняя сторона; но къ чему это поведетъ тебя?

— Если это поведетъ меня къ такому состоянію ума, какое нужно, чтобъ я былъ въ совершенномъ согласіи съ моимъ отцомъ, то я не сочту время потеряннымъ.

— Прекрасно сказано, и ты очень-любезенъ; но я не думаю, чтобъ это далеко подвинуло впередъ дѣла наши, если ты не предашься вполнѣ моему предпріятію. Ну, хочешь ли, чтобъ мы призвавали сюда лучшихъ совѣтниковъ и съизнова обозрѣли мѣстность?

— Отъ всего сердца желаю этого и продолжаю думать, что мой долгъ уговорить васъ сдѣлать это.

— Очень-хорошо вижу, ты боишься, чтобъ я не промоталъ твоего состоянія, и это мнѣ нравится.

— Нѣтъ, вы не угадываете чувства, которое я питаю на этотъ счетъ въ глубинѣ своего сердца, отвѣчалъ съ живостью Эмиль:— впрочемъ, прибавилъ онъ, усиливаясь воздержаться:— я бы желалъ, чтобъ вы толковали это въ такомъ смыслѣ, какой вамъ будетъ пріятнѣе.

— Ты большой дипломатъ, надо отдать тебѣ справедливость; но отъ меня не увернешься. Да, Эмиль, надо тебѣ рѣшиться на что-нибудь. Если, послѣ вторичнаго и внимательнѣйшаго изслѣдованія, которое мы предполагаемъ сдѣлать, наука и наблюденіе докажутъ, что вы съ Жапплѹ ошиблись, что заводъ можетъ докопчаться и процвѣтать, что мое и твое состояніе посѣяны здѣсь и должны расти и плодиться, согласенъ ли ты отдаться моимъ планамъ душою и тѣломъ, помогать мнѣ всѣми способами, руками и умомъ, сердцемъ и головою? Дай мнѣ клятву, что ты принадлежишь мнѣ, что ты не будешь имѣть другой мысли, какъ только пособлять мнѣ обогащать тебя; предоставь на мою волю средства, не разсуждая о нихъ; за то я, съ своей стороны, клянусь тебѣ, что де-ставлю твоему сердцу и твоимъ чувствамъ всѣ удовольствія, которыя будутъ въ моей власти, и которыя дозволить нравственность. Кажется, ясно?

— О, батюшка! вскричалъ Эмиль, стремительно вскочивъ съ мѣста:— взвѣсилъ ли вы то, что говорите?

— Очень-хорошо взвѣсилъ, и желаю, чтобъ ты также взвѣсилъ отвѣтъ свой.

— Я едва понимаю васъ, сказалъ Эмиль, опускаясь на стулъ.

Пламенное облако застлало глаза ему; онъ почувствовалъ дурноту.

— Эмиль, ты хочешь жениться? возразилъ г-нъ Кардоннѣ, то-ропясь воспользоваться его волненіемъ.

— Дѣ, батюшка, дѣ, хочу, отвѣчалъ Эмиль, нагнувшись на столъ, который разделялъ ихъ, и протягивая къ отцу руки съ умоляющимъ видомъ. — О! на этотъ разъ, не шутите со мною! иначе вы убьете меня!

— Ты не вѣришь моему слову?

— Какъ не вѣрить, если ваше слово сказано серьезно!

— Такъ серьезно, какъ когда-либо я говаривалъ въ жизни. Слушай, я суди самъ. У тебя благородное сердце и возвышенный умъ, — знаю это и видѣлъ тому доказательства. Но съ тою же искренностью, съ тою же увѣренностью скажу, что голова твоя слишкомъ-слаба и вѣсть слишкомъ-горяча, и что еще, можетъ-быть, двадцать лѣтъ, можетъ-быть всегда, Эмиль, ты не будешь уметь вести себя. Ты будешь безпрестанно въ чаду, никогда не будешь дѣйствовать хладнокровно, будешь воспаляться за или противъ людей и вещей безъ осторожности, безъ разбора, и голосъ необходимаго инстинкта самосохраненія не будетъ образумлять и предупреждать тебя въ глубинѣ твоей совѣсти. У тебя натура поэта, я напрасно бы старался я обманывать себя на этотъ счетъ, — все приводитъ меня къ прискорбному убѣжденію, что тебѣ нуженъ наставникъ и руководитель. Благодаря же Бога, что Онъ далъ тебѣ въ наставники и руководителя отца, твоего лучшаго друга. Я люблю тебя такого, какъ ты еси, хотя желалъ бы совершенно инаго, еслибъ могъ выбирать себѣ сына. Люблю тебя, какъ любилъ бы дочь, еслибъ натура не ошиблась поломъ... Довольно, чтобъ ты понималъ, что я страстно люблю тебя. Не жалуйся же на свою участь и не оскорбляй меня никогда своими упреками. Въ томъ положеніи, въ какомъ мы находимся относительно другъ друга, и которое теперь для меня несомнѣнно, я принесу огромныя жертвы твоему счастью и твоей будущности; преодолѣю свое отвращеніе, — а оно, признаюсь тебѣ, велико, — и позволю тебѣ жениться на незаконной дочери дворянина и служанки. Какъ я сказалъ уже, удовлетворю твое сердце и твои чувства, — но съ условіемъ, что твой умъ принадлежитъ мнѣ навсегда, и что я буду располагать тобою, какъ самимъ-собою.

— Возможно ли, Боже мой! вскричалъ Эмиль, ослѣпленный и вѣсть испуганный: — но какъ же вы это разумѣете, батюшка, и какой смыслъ даете этой моей зависимости?

— Развѣ я сейчасъ не сказалъ тебѣ это? Полно притворяться, будто не понимаешь меня. Послушай, Эмиль: я знаю весь твой романъ въ Шатобрѣнѣ, и могу рассказать его тебѣ отъ слова до слова, съ самаго твоего пріѣзда, въ одинъ бурный вечеръ, до Крозана, и съ Крозана до субботняго разговора въ саду г-на Антуана. Теперь я знаю все лица не хуже тебя, потому-что хотѣлъ видѣть ихъ собственными глазами, и вчера, пока ты осматривалъ берега рѣки, я, подъ предлогомъ подкрѣпленія сватовства Констана Га-

люше, былъ въ Шатобрэнъ и долго толковалъ съ мамзель Жильбертой.

— Вы, батюшка!

— Что жь мудренаго, что я захотѣлъ узнать ту, которую ты выбралъ безъ моего вѣдома, в которая, можетъ-быть, нѣкогда будетъ моею дочерью?

— О! батюшка! батюшка!..

— Я вѣдѣю, что она мила, прекрасна, скромна, смиренна и горда въ то же время, хорошо говоритъ, ловко держитъ себя, имѣетъ хорошія манеры, отличается воспитаніемъ, особенно разсудкомъ! Она отказалась отъ жениха, котораго я предлагалъ ей, и отказалась съ большимъ приличіемъ. Да, право, въ ней есть прелесть, скромность и достоинство! Я былъ очень-доволенъ ею. Больше всего мнѣ понравилось въ ней ея благоразуміе, осторожность, и власть, какую она имѣетъ надъ собою, потому-что, признаюсь тебѣ, я пробовалъ цѣмножко задѣть ее, даже оскорбить, чтобъ видѣть основаніе ея характера. Отца не было дома, но мать,—эта маленькая старушонка, которой ты мечтаешь быть затемъ,—такъ рассердилась на мои разсужденія о ихъ недостаточномъ состояніи и о выгодности брака съ Галюше, что отдала меня порядкомъ: назвала меня мѣщаниномъ, и какъ я настаивалъ нарочно, чтобъ вывести ее изъ терпѣнія, она, пристуниувъ кулакомъ, сказала, что ея дочка слишкомъ-хорошей фамиліи и не можетъ выйти за слугу фабриканта, что даже, еслибъ явился сынъ фабриканта, то они еще подумали бы не разъ прежде, чѣмъ рѣшились на такой недорвнй бракъ... Она очень забавляла меня! Но Жильберта все исправляла своимъ спокойнымъ, твердымъ видомъ. Увѣряю тебя, она отлично держитъ слово, которое дала тебѣ—терпѣть, ждать и все переносить изъ любви къ тебѣ.

— О! такъ вы очень мучили ее? вскричалъ Эмиль внѣ себя.

— Да, помучилъ—таки, отвѣчалъ спокойно г-нъ Карденн: — и очень-радъ этому. Теперь я знаю, что она съ характеромъ, и буду радъ имѣть подлѣ себя такую женщину. Въ хозяйствѣ это очень-полезно; нѣтъ ничего хуже, какъ имѣть женою существо страдающее и упрямое вмѣстѣ, которое умѣетъ только вздыхать и молчать, какъ... многія, которыхъ я знаю. Мнѣ бы очень-приятно иногда поспорить съ невѣсткой, и видѣть, что она имѣетъ вѣрный взглядъ на вещи, твердую волю и способна давать тебѣ добрыя совѣты... Ну, Эмиль, прибавилъ промышленникъ, протягивая сыну руку:—ты видишь, я не ослѣпленъ в, надѣюсь, справедливъ; видишь, что я желаю обратить въ пользу положеніе, въ которое ты меня поставилъ.

— О, Боже мой! если вы согласны на мое счастье, батюшка, я заключаю съ вами договоръ и дѣлаюсь вашимъ повѣреннымъ, вашимъ управителемъ, вашимъ работникомъ на все число лѣтъ, пока вы будете признавать меня неспособнымъ распорядиться самимъ-собою. Я подчинюсь всѣмъ вашимъ желаніямъ, отдамъ вамъ трудъ

всякой моей минуты, и никогда не пожалуюсь, никогда не воспро-
тивлюсь ни малѣйшей вашей волѣ...

— И не потребуешь отъ меня жалованья? прибавилъ смѣясь г-нъ Кардовнѣ.— Полно, Эмиль! я вовсе не то разумю, и такое ремесло слуги оскорбляло бы природу. Нѣтъ, дѣло не въ томъ, чтобъ дать мнѣ промѣнъ, и я не такой человѣкъ, чтобъ обманулся на-счетъ сущности твоихъ намѣреній. Я еще не совсѣмъ разорился; у меня есть средства нанимать управителя, и думаю, что хуже тебя не могъ бы никого найти для сношенія съ рабочими. Я хочу, чтобъ ты былъ вторымъ мною, чтобъ ты помогалъ мнѣ въ голо-
воломныхъ трудахъ, чтобъ ты учился за меня, передавалъ мнѣ свои идеи, предоставляя мнѣ право обсуживать ихъ и измѣнять; словомъ, чтобъ ты изыскивалъ и изобрѣталъ средства къ обогащенію, которыя я буду исполнять, когда найду ихъ хорошими. Такимъ образомъ, твои безпрестанныя ученые занятія, твое пло-
довитое воображеніе пособятъ мнѣ удесятерить твое состояніе. Но для этого, Эмиль, недостаточно трудиться равнодушно и безкоры-
стно, какъ ты трудился двѣ недѣли. Меня не провело это вре-
менное послушаніе, условленное съ Жильбертою, чтобъ выманить мое согласіе. Я хочу покорности цѣлой жизни, хочу, чтобъ ты былъ готовъ отправляться въ путешествія (пожалуй, съ женою!), для наблюденія за успѣхами промышленности и для разузнаванія, если потребуется, секретовъ нашихъ совмѣстниковъ; хочу, однимъ словомъ, чтобъ ты подписалъ не на бумагѣ у нотариуса, а на мое-
й головѣ кровью твоего сердца и передъ Богомъ—условіе, кото-
рое бы уничтожало все твое прошедшее съ его грѣзами и химерами, и обязывало бы твое убѣжденіе, твою волю, твои вѣрованія, твое будущее, твою преданность въ пользу моего дѣла.

— А если я не вѣрую въ ваше дѣло? сказалъ Эмиль, поблѣднѣвъ.

— Долженъ будешь повѣрить; иначе, если оно неосуществимо, я первый перестану вѣрить въ него. Но не думай увернуться отъ меня этою уловкою. Если намъ прійдется покинуть предпріятіе здѣсь, я перенесу его въ другое мѣсто, и не останавлиюсь ничѣмъ, кромя смерти. Гдѣ бы я ни былъ, что бы я ни дѣлалъ, ты долженъ слѣдовать за мною, поддерживать меня и жертвовать мнѣ всеми своими системами, всеми грѣзами...

— Какъ! даже моею мыслью, моею вѣрою въ будущее? воскликнулъ Эмиль съ ужасомъ. — Батюшка, вы хотите узнать меня въ собственныхъ глазахъ моихъ!

— Ты отступаешься?.. Э! да ты даже не влюбленъ, мой бѣдный Эмиль! Но бросимъ этотъ разговоръ. Довольно пока тревоги для твоей бѣдной головы. Возьми срокъ подумать. Не отвѣчай мнѣ дотѣхъ—поръ, пока я опять не спрошу тебя. Посовѣтуйся съ снлюю своей страсти, посовѣтуйся съ своею возлюбленною. Бывай въ Шатобрённѣ, бывай ежедневно, ежечасно: Галюшѣ тамъ не встрѣтишь. Расскажи Жильбертъ и ея родителямъ результатъ нашего объясне-

нiя. Не скрывай отъ нихъ ничего. Скажи, что я даю согласiе обвѣщать васъ черезъ годъ, съ условiемъ, что нынче же ты дашь мнѣ клятву, которой я отъ тебя требую. Пусть твоя любовница знаетъ это въ точности, — я хочу этого; и, если ты не расскажешь ей всего, то я самъ прiиму на себя эту обязанность, — потому что теперь знаю дорогу въ Шатобрѣнъ!

— Понимаю, батюшка, сказалъ Эмиль, глубоко оскорбленный и растерзанный: — вамъ угодно, чтобъ она ненавидѣла меня, если я покину ее, либо презирала, если куплю ее цѣною своего униженiя и отступничества. Благодарю васъ за выборъ, къ которому вы меня принуждаете, и удивляюсь вашему изобрѣтательному генiю.

— Ни слова больше, Эмиль! холодно отвѣчалъ г-нъ Кардоннѣ. — Вижу, твое безумство упорно, и любовь не скоро побѣдитъ его. Желаю, чтобъ Жильберта сдѣлала это чудо; по-крайней-мѣрѣ, ты не будешь упрекать меня, что я помѣшалъ твоему счастью.

IV.

Страданiя и радости любви.

Эмиль, запершись въ своей комнатѣ, провелъ два часа въ жесточайшихъ терзанiяхъ. Мысль владѣть Жильбертою безъ борьбы, безъ битвы, минуя страшную необходимость растерзать сердце отца, которую дотолъ предвидѣлъ онъ съ ужасомъ и болью, — эта мысль приводила его въ совершенное упоенiе. Но тотчасъ же мысль унизиться въ собственныхъ глазахъ безчестною клятвою повергала его въ горькое отчаянiе. И среди этихъ смѣнь радости и страданiя, онъ ни на что не могъ рѣшиться. Осмѣлиться ли было ему упасть къ ногамъ Жильберты и признаться во всемъ? Онъ надѣялся на ея твердость и на великость души ея. Но значило ли исполнить передъ нею долгъ любви, если, вмѣсто того, чтобъ скрыть отъ нея страшную жертву, которую могъ принести молча, онъ сдѣлалъ бы ее участницею своихъ мученiй? Не твердилъ ли онъ ей, въ Крозапъ, что для нея, для обладанiя ею, онъ готовъ на все и ни передъ чѣмъ не оробѣетъ? Но тогда онъ не предвидѣлъ, что мрачный генiй отца призоветъ на помощь силу его любви для искушенiя и погубленiя души его, что отецъ поразитъ его неожиданнымъ ударомъ, отъ котораго онъ потеряется и обезоружится. Двадцать разъ порывался онъ возвратиться къ г-ну Кардоннѣ, чтобъ по-крайней-мѣрѣ взять съ него слово не дѣйствовать и скрыть отъ шатобрѣнскаго семейства свои намѣренiя до-тѣхъ-поръ, пока онъ самъ на что-нибудь не рѣшится. Но неодолимая гордость удерживала его. Послѣ презрѣнiя, выказаннаго ему отцомъ, который считалъ его до того слабымъ, что даже и не надѣялся отъ него подобнаго отступничества, — долженъ ли Эмиль пойти къ нему и обнаружить

свою неръшимость, выставить на показъ сердце, взволнованное страстью?

Но кто будетъ незаслуженнѣе несчастливъ, онъ или Жильберта, если честь возьметъ въ немъ верхъ надъ любовью? Онъ былъ виноватъ передъ нею дѣломъ — именно тѣмъ, что нарушилъ ея спокойствіе роковою страстью и увлекъ ее раздѣлить съ нимъ пустыя надежды. Чѣмъ бѣдная Жильберта, кроткая и благородная дѣвушка, заслужила, чтобъ ее похитили у спокойствія ея чистой жизни, и тотчасъ же принесли въ жертву суровому долгу? Не слишкомъ ли поздно было замѣчать опасность, въ какую онъ вовлекъ ее? Не надлежало ли скорѣе самому погибнуть, чтобъ спасти ее, и совѣсть его имѣла ли право отречься отъ самыхъ крайнихъ пожертвованій, когда навѣки обязалась передъ Жильбертою?

Далѣе, если Жильберта отвергнетъ столь великую жертву, месть ли отъ-того будетъ Эмиль опозоренъ въ глазахъ ея родителей? Г-нъ Антуанъ, любившій и соблюдавшій равенство по инстинкту, по сердечной потребности, пойметъ ли, что Эмиль, въ его лѣта, сдѣлалъ это равенство своимъ догматомъ, и что идея могла въ немъ взять верхъ надъ чувствомъ, надъ данной клятвою? А Жаннела? что подумаетъ она о малѣйшемъ колебаніи съ его стороны, — она, которая въ своемъ низкомъ состояніи питала такіе странные аристократическіе предразсудки и пользовалась у своихъ господъ привилегіями равенства, отнюдь не вѣруя въ права всеобщаго равенства? Она сочтетъ его жалкимъ безумцемъ, либо еще подумаетъ, что онъ схватился за этотъ предлогъ, чтобъ отречься отъ даннаго слова, и съ гнѣвомъ прогнать его изъ Шатобрёна. Какъ знать, не успѣетъ ли она со-временемъ взять верхъ надъ умомъ Жильберты столько, что и Жильберта раздѣлитъ ея презрѣніе и негодованіе?

Не чувствуя силы отважиться лично на такое жестокое испытаніе, Эмиль попробовалъ писать къ Жильбертѣ. Онъ начиналъ и раздиралъ множество писемъ; наконецъ, не могли рѣшить загадочнаго своего положенія, вздумалъ открыть сердце пожалому другу своему, маркизу Буагидо, и попросить его совѣта.

Между-тѣмъ, г-нъ Кардоннѣ, дѣйствовавшій въ подноці сидѣ и свободѣ своихъ жестокихъ вдохновеній, также писалъ къ Жильбертѣ письмо слѣдующаго содержанія:

• Милостивая государыня,

• Вчера я долженъ былъ вамъ показаться несноснымъ и не очень-вѣжливымъ. Спѣшу просить у васъ прощенія и признаться въ небольшомъ притворствѣ, котораго, надѣюсь, вы извините мнѣ, когда узнаете мои намѣренія.

• Сынъ мой любитъ васъ, я знаю это; знаю также, что и вы удостоиваете одобрять его чувства. Радуюсь и горжусь этимъ, особенно теперь, узнавъ васъ. Но найдете ли вы сами позволительнымъ, что прежде, чѣмъ рѣшусь на что-нибудь въ-отношеніи къ столь важному вопросу, я желаю видѣть собственными глазами и немножко испытать характеръ особы, которая располагаетъ сердцемъ моего сына и будущностью моего семейства?

• Теперь, милостивая государыня, спѣшу принести извиненіе, и сказать вамъ, что при такой красотѣ и любезности, какими вы обладаете, можно обойтись безъ многого, даже безъ состоянія, чтобъ вступить въ богатое и почтенное семейство.

• Въ-слѣдствіе того, прошу позволенія явиться къ вамъ вторично, чтобъ сдѣлать вашему батюшкѣ формальное предложеніе отъ имени моего сына, какъ скоро сынъ уполномочитъ меня на это. Последнее выраженіе требуетъ нѣкотораго объясненія, которое слѣдуетъ:

• Я полагаю одно условіе счастья моего сына, и это условіе клонится только къ тому, чтобъ сдѣлать его счастье полнѣе, чтобъ упрочить его до всевозможной степени: требую, чтобъ онъ отсекся отъ крайностей въ своихъ мнѣніяхъ, которыя могли бы нарушать наше доброе согласіе и повредили бы, въ-послѣдствіи, его состоянію и значенію въ свѣтѣ. Я увѣренъ, что умъ вашъ не допуститъ мечтательныхъ ученій, при помощи которыхъ мой любезный Эмиль надѣется съ своими молодыми пріятелями перевернуть свѣтъ въ непродолжительномъ времени; надѣюсь, что слова: «человѣческое братство», «равное распределеніе наслажденій и правъ», и-множество другихъ техническихъ терминовъ юной школы, совершенно вамъ непонятны. Не думаю, чтобъ Эмиль когда-либо докучалъ вамъ своими философскими разглагольствіями, и никакъ не пенялъ бы, еслибъ онъ, съ этими сужденіями, имѣлъ счастье вамъ понравиться. Такииъ-образомъ, не сомнѣваюсь, что онъ согласится покинуть цѣль навсегда и отречься отъ полюбившаго безумства. На этомъ условіи, лишь бы онъ обязался мнѣ свободнымъ, но священнымъ словомъ, я согласенъ отъ всей души утвердить счастливый выборъ, имъ сдѣланный—выборъ женщины столь совершенной, какъ вы. Прошу васъ, милостивая государыня, изъявить своему батюшкѣ сожалѣніе мое, что я не выдалъ его, и не могъ сообщить ему содержаніе этого письма.

• Пріимите увѣреніе въ чувствахъ глубокаго почтенія и исполнѣ родительской симпатіи, съ которыми встрѣю вамъ участь моего сына и свою собственную.

• Викторъ Кардонне. •

Пока слуга въ ливрѣ съ золотыми галунами, верхомъ на красивой подручной лошади, возилъ это письмо въ Шатобрёнъ, Эмиль, обремененный недоумѣніями, шелъ пѣшкомъ въ паркъ Буагисбѣ.

— Ба! сказалъ маркизъ, крѣпко пожимая ему руку:—я не ожидалъ васъ до будущаго воскресенья; думалъ, что вчера вы позабыли обо мнѣ, а вотъ какой пріятный сюрпризъ! Благодарю васъ, Эмиль. Время идетъ очень-медленно съ тѣхъ-поръ, какъ вы такъ пристально трудитесь для своего батюшки. Могу только хвалить вашу покорность, хотя съ нѣкоторымъ страхомъ спрашиваю самъ себя, не заведетъ ли она васъ съ нимъ и съ его правилами дальше, нежели вы думаете... Но что съ вами, Эмиль? вы блѣдны, встревожены... Не упали ль вы съ лошади?

— Я пришелъ пѣшкомъ, но упалъ съ гораздо-большей высоты, отвѣчалъ Эмиль:—и чуть ли не пришелъ къ вамъ умереть. Выслушайте меня, другъ мой; я намѣренъ просить у васъ или силы встрѣтить смерть, или секрета остаться живымъ. Безумное счастье, ужасное несчастье борются въ моемъ бѣдномъ сердцѣ, въ моей измученной головѣ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ мы знакомы, я ношу въ себѣ тайну, которую не смѣлъ и не могъ открыть вамъ, но о которой уже не

въ-силахъ молчать дольше. Не знаю, поймете ли вы ее; не знаю, найдется ли въ васъ сочувствіе съ моимъ страданіемъ; но знаю, что вы любите меня, что вы умны, просвѣщенны, обожаете правду. Не можетъ быть, чтобъ вы не дали мнѣ спасительнаго совѣта.

Молодой человекъ разсказалъ старику всю свою исторію, тщателью стараясь не называть никого по имени, не упоминать никакого мѣста, по которому бы тотъ могъ догадаться, что дѣло шло о Жильбертъ и ея семействѣ. Онъ боялся слѣдствія его личныхъ предубѣжденій, и желая, чтобъ ничто не имѣло вліянія на сужденіе маркиза, изъяснялся такъ, чтобъ тотъ подумалъ, что предметъ любви юноши совершенно незнакомъ ему и живетъ въ Поаттѣ или въ Парижѣ. Такая скромность на-счетъ имени любимой женщины не могла не показаться г-ну Буагивбѣ весьма-похвальною.

Кончивъ, Эмиль очень удивился, что не нашелъ въ своемъ суровомъ другѣ той стоической твердости, которой ожидалъ и вмѣстѣ страшился. Маркизь вздохнулъ и опустилъ голову; потомъ, подвигъ ее къ небу, сказалъ:

— Истина вѣчна!

Но тотчасъ же снова склонилъ голову на грудь, примолвивъ:

— И однакожь, я знаю, что такое любовь!

— Вы, мой другъ? сказалъ Эмиль:—значитъ, вы понимаете меня, и я могу надѣяться, что вы меня спасете?

— Нѣтъ, Эмиль; я не въ силахъ избавить васъ отъ горькой чаши. На что бы вы ни рѣшились, испейте ее до дна; надо только разобрать, на которой сторонѣ честь, потому-что о счастьи не должно быть помына: оно навсегда для васъ потеряно.

— Я ужъ это чувствую, отвѣчалъ Эмиль:—и изъ свѣта жизни и упоенія перехожу въ мракъ смерти. Знаете ли, какое глубокое, неисправимое зло нахожу я на днѣ всего, на какую бы жертву ни рѣшился? Вездѣ вижу, что сердце мое охладѣло къ отцу, и вотъ уже нѣсколько часовъ мнѣ кажется, я пересталъ любить его, не боюсь уже его огорчать, во мнѣ нѣтъ къ нему ни уваженія, ни почтенія... О, Боже мой! избави меня отъ страданія свыше силъ моихъ! До-сихъ-поръ, вамъ извѣстно, не смотря на все зло, которое онъ мнѣ дѣлалъ и на страхъ, который внушалъ мнѣ, я еще любилъ его и собиралъ всѣ силы души, чтобъ вѣрить въ его привязанность. Я всегда чувствовалъ себя сыномъ и другомъ до глубины души, а теперь мнѣ кажется, что узы крови навсегда роторгнуты, и я борюсь съ постороннимъ для меня повелителемъ, который угнетаетъ меня, который тяготитъ мою душу, какъ страшный призракъ! Ахъ, помню одну грезу, видѣнную мною въ первую ночь, которую провелъ я въ здѣшней сторонѣ! Мнѣ чудилось, будто отецъ мой налегалъ на меня и старался задушить!.. Это было ужасно, и теперь страшная греза осуществляется: отецъ мой давить грудь мою, хочетъ вырвать изъ нея совѣсть, или сердце. Онъ роется въ моей внутренности, ища слабаго мѣста... Его увлекла ужасная выдумка и убійственное замѣреніе. Возможно ли, чтобъ

страсть къ золоту и стремленіе къ успѣху внушали отцу подобныя намѣренія противъ сына? Еслибъ вы видѣли, съ какой торжествующей улыбкой объявлялъ онъ мнѣ внезапное влѣхновеніе своего страннаго великодушія! То былъ не совѣтникъ и покровитель, а врагъ, разставившій сѣти и хватающій свою добычу съ предательскимъ смѣхомъ! «Выбирай», казалось, говорилъ онъ мнѣ: — «если же не перенесешь этого, что за бѣда? все-таки я буду побѣдителемъ». Боже мой, это ужасно! осуждать, не любить роднаго отца!..

Бѣдный Эмиль, убитый горестью, бросился лицомъ въ траву, на которой лежалъ, и оросилъ ее горячими слезами.

— Эмиль, сказалъ г-нъ Буагибо:—вамъ нельзя ни отречься отъ отца, ни измѣнить любимой женщины. Послушайте, очень ли вы дорожите истиною? въ силахъ ли вы лгать?

Маркизь попалъ въ цѣль. Эмиль стремительно приподнялся.

— Нѣтъ, сказалъ онъ:—вы знаете, я не въ силахъ лгать. И къ чему служить ложь подлецамъ? Какое счастье, какое спокойствіе можетъ она имъ упрочить? Когда я поклонюсь отцу, что отрекаюсь отъ своихъ убѣжденій, что вѣрю въ невѣжество, въ заблужденіе, въ неправду, въ безуміе, что отрицаю Бога въ человѣчествѣ, отрицаю человѣчество въ самомъ-себѣ, развѣ во мнѣ произойдетъ какое-нибудь чудовищное диво? развѣ я буду убѣжденъ? развѣ я вдругъ преобразусь въ покойнаго и надменнаго эгеиста?..

— Быть-можетъ, Эмиль! въ злѣ труденъ только первый шагъ, и кто обманулъ людей, тому удастся обмануть и самого-себя. Это нередко случалось, и не невѣроятно.

— О, въ такомъ случаѣ, прочь ложь! я сознаю себя человѣкомъ и не могу добровольно превратиться въ звѣря. Отецъ мой, со всею его прозорливостію и силою, ослѣпленъ на этотъ счетъ. Онъ вѣритъ въ то, чему хочетъ заставить меня вѣрить, и еслибъ его принуждали принять мои вѣрованія вмѣсто своихъ, онъ не могъ бы. Никакой интересъ, никакая страсть не заставили бъ его сдѣлать это, а онъ воображаетъ, что самъ не сталъ бы презирать меня, когда бъ я унизился до подлости, къ которой онъ себя считаетъ неспособнымъ? Не-уже-ли ему нужно презирать меня и погубить, чтобъ самому утвердиться въ своихъ безчеловѣчныхъ вѣнтіяхъ?

— Не обвиняйте его въ такой противоестественности: онъ чловѣкъ своего времени, — что я говорю? чловѣкъ всѣхъ временъ. Фанатизмъ не разсуждаетъ, а вашъ отецъ фанатикъ; онъ еще готовъ жечь и пытать ересь, думая дѣйствовать во славу истины. Развѣ многія попятія, насъ окружающія, умнѣе и чловѣчнѣе? Сильный чловѣкъ, говорящій бѣдняку рабочему или несчастному художнику: «служи мнѣ, и я обогачу тебя», развѣ не думаетъ, что дѣлаетъ милость и оказываетъ благодѣяніе?

— Но это развращеніе! воскликнулъ Эмиль.

— Пожалуй! возразилъ маркизь:—но чѣмъ же управляется нынѣшній свѣтъ? на чѣмъ утверждено общественное зданіе? Надо

быть очень-сильнымъ, Эмиль, чтобъ протестовать противъ всего этого; иначе, должно рѣшиться принести себя въ жертву.

— Ахъ, еслибъ я одинъ былъ жертвою! сказалъ молодой человекъ съ горестью: — но она! она, бѣдное и чистое созданіе, не-уже-ли тоже должна быть принесена въ жертву?

— Скажите, Эмиль, еслибъ она посовѣтовала вамъ лгать, продолжали ли бы вы любить ее?

— Не знаю! думаю, что да! Могу ли я предвидѣть случай, когда перестану любить ее, если теперь люблю?

— Любите, я вижу. Увы, я также любилъ!

— О! скажите мнѣ, пожертвовали ли бы вы честью?

— Можетъ-быть, еслибъ меня любили!

— Что за слабыя созданія мы люди! вскричалъ Эмиль. — Божѣ мой, не-уже-ли же я не найду опоры, руководителя, помощи въ моихъ несчастіяхъ? Не-уже-ли никто не дастъ мнѣ силы? Силы, Господи, молю у Тебя со слезами! и никогда не молился я съ такимъ жаромъ и вѣрою: пошли мнѣ силу!

Маркизь приблизился къ Эмилю и прижалъ его къ сердцу. Слезы текли по щекамъ старика; но онъ молчалъ и не подавалъ помощи.

Эмиль долго плакалъ на груди его и чувствовалъ, что любимъ этого человека, который при каждомъ опытѣ являлся ему болѣе-чувствительнымъ, нежели истинно-твердымъ. За это онъ любилъ его еще сильнѣе, но скорбѣлъ, что не находитъ въ немъ крѣпкаго и могучаго содѣльника, на котораго было-надѣялся. Онъ расстался съ нимъ передъ наступленіемъ ночи, и маркизь только сказалъ ему:

— Прѣзжайте завтра; мнѣ надо знать, на что вы рѣшитесь. Я не усну, пока не увижу васъ спокойнымъ.

Эмиль выбралъ самую длинную дорогу для возвращенія въ Гаржильесъ; онъ сдѣлалъ крюкъ, который дозволялъ ему проходить въ небольшомъ разстояніи отъ Шатобрѣна по густымъ дорожкамъ, укрывавшимъ его отъ взоровъ, и когда увидѣлъ развалины вблизи, то остановился истерзанный, помышляя, какъ должна была страдать Жильберта послѣ жестокаго посвященія отца его, и не осмѣливаясь явиться къ ней съ лучшими вѣстями, изъ страха потерять всю твердость и всю добродѣтель.

Онъ находился тутъ нѣсколько минутъ, не могши ни на что рѣшиться, какъ вдругъ услышалъ, что его зовутъ тихимъ голосомъ, съ удареніемъ, которое заставляло его вздрогнуть. Взглянувъ въ дубовую рѣщцу, на краю дороги, вправо, онъ увидѣлъ въ темнотѣ платье, мелькавшее за деревьями. Онъ кинулся туда, и когда вышелъ въ чашу столько, чтобъ не могъ уже бояться никакого свидетеля, Жильберта обернулась и опять кликнула его.

— Послушайте, Эмиль, сказала она, когда онъ очутился подлѣ нея. — Намъ некогда терять ни минуты... Мой отецъ на лугу, близокъ отсюда. Я привѣтила васъ, узнала, когда вы спускались на эту дорожку, и узнала ничего не говоря, пока онъ толкуетъ съ

цесарями. Я получила письмо отъ г-на Кардоннэ; ночь мнѣ пааетъ вамъ прочесть его, но я расскажу вамъ его почти слово-въ-слово. Я затвердила его на-изусть.

И прочитавъ ему на память все письмо, Жильберта сказала:

— Теперь, объясните мнѣ, что это значить... Кажется, я понимаю, но мнѣ нужна въ васъ, чтобъ узнать.

— О, Жильберта! вскричалъ Эмиль:— у меня не доставало духа явиться къ вамъ, чтобъ рассказать все; но Богу угодно, чтобъ вы встрѣтились и чтобъ судьба моя рѣшена была вами. Скажите, моя Жильберта, моя первая и послѣдняя любовь! знаете ли вы, почему я люблю васъ?

— Вѣроятно, отвѣчала Жильберта, оставляя ему свою руку, которую онъ прижалъ къ губамъ своимъ:— потому-что вы угадали во мнѣ сердце, способное помогать вамъ.

— Можете ли вы, моя единая подруга, мое единое благо въ этомъ мѣрѣ, сказать, почему ваше сердце отдалось мнѣ?

— Да, могу, другъ мой: потому— что, съ перваго взгляда, вы показались мнѣ благородны, великодушны, просты, челоуѣколюбивы, — словомъ добры, а это для меня величайшее достоинство.

— Но есть страдательная доброта, которая какъ-бы исключаетъ благородство и возвышенность чувствъ,—мягкость и слабость, которая можетъ составлять прелесть характера, но въ трудныхъ случаяхъ отступаетъ отъ долга и измѣняетъ интересамъ челоуѣчества, чтобъ пощадить отъ страданія нѣкоторыхъ и самого-себя?

— Понимаю, и не называю добротою слабости и робости. По моему, нѣтъ истинной доброты безъ твердости, безъ достоинства и особенно безъ самопожертвованія. Если я уважаю васъ до такой степени, что смѣло и не стыдясь говорю вамъ, что люблю васъ, Эмиль, — это потому-что знаю васъ за челоуѣка высокаго духомъ и сердцемъ. Вы состраждаете несчастнымъ и думаете только о способахъ помочь имъ, не гнушаетесь никѣмъ, страдаете чужимъ горемъ, готовы бы отдать все свое, даже всю свою кровь, для облегченія бѣдныхъ и отверженныхъ... Вотъ какъ я поняла васъ, когда вы говорили при мнѣ и со мною; вотъ почему я сказала сама-себѣ: «Его сердце сочувствуетъ моему. Его благородныя мысли возвышаютъ мои собственные и подтверждаютъ мнѣ все, что я предчувствовала; въ его умѣ, меня очаровывающемъ, я вижу свѣтъ, за которымъ принуждена слѣдовать и который ведетъ меня къ самому Божеству.» Вотъ почему, Эмиль, позволивъ себѣ полюбить васъ, я не чувствовала въ дуплѣ ни страха, ни угрызенія. Мнѣ казалось, что я исполняю долгъ свой, и нисколько не перемѣнила своихъ чувствъ, прочитавъ насмѣшки вашего отца надъ вами.

— Милая Жильберта, вы знаете мою душу и мои мысли; только ваша несравненная доброта причла мнѣ въ великую заслугу чувства, которыя мнѣ кажутся такъ сродными и неизбѣжными въ людяхъ по истиннѣ, данному имъ отъ Бога, что я стыдилась бы не имѣть ихъ. Однакожъ, эти чувства, которыя вамъ должны ка-

заться точно такими же, потому — что вы носите ихъ въ себя съ такую простотой и чистотою, — многимъ представляются нелѣпностью и отвергаются какъ опасное заблужденіе. Есть люди, которые не терпятъ ихъ и презираютъ, потому — что сами лишены ихъ... Есть другіе, которые, по странной аномаліи, владычествуютъ ими до известной степени, но не могутъ терпѣть ихъ логическаго вывода и необходимыхъ послѣдствій... Но, Боже мой, я боюсь, что не могу выразиться ясно!

— Ничего, я васъ понимаю. Жанвила добра до чрезвычайности; но, по невѣжеству или по предразсудку, отвергаетъ также мои понятія и старается убѣдить меня, что я могу любить, сожалѣть и утѣшать несчастныхъ, не переставая считать ихъ ниже себя по природѣ.

— Да! благородная Жильберта, отецъ мой зараженъ такими же предразсудками, какъ Жанвила, только смотритъ на вещи съ другой точки. Она вѣритъ, что рожденіе должно давать права на силу, а онъ убѣжденъ, что ловкость и энергія даютъ права на богатство, и что нажитое богатство должно возрастать безконечно, во что бы ни стало, и продолжать свой путь въ будущемъ, никогда не позволяя слабымъ быть счастливыми и независимыми.

— Но это ужасно! вскрикнула простодушно Жильберта.

— Таковъ предразсудокъ, Жильберта, и такова страшная сила привычки... Я не смѣю осуждать отца; но скажите, когда онъ требуетъ съ меня клятвы, что я раздѣлю съ нимъ его заблужденіе, раздѣлю его честолюбивую страсть и надменную нетерпимость, — долженъ ли я ему повиноваться? И если ваша рука поставлена въ такую цѣну, если я поколебался на минуту, если глубокой ужасъ овладѣлъ мною, если я боюсь сдѣлаться недостойнымъ васъ, отрекшись отъ своего вѣрованія въ будущность человечества, не заслуживаю ли я нѣкотораго сожалѣнія отъ васъ, ободренія, утѣшенія?

— О, Боже мой! сказала Жильберта, всплеснувъ руками: — вы не понимаете, что съ нами дѣлается, Эмиль! Вашъ отецъ не хочетъ, чтобъ мы когда —нибудь были соединены, и его поведеніе исполнено притворства и хитрости. Онъ знаетъ, что вы не можете перемѣнить сердца и головы, какъ перемѣняютъ платье или лошадь; и будьте увѣрены, онъ самъ презиралъ бы васъ и былъ бы въ отчаяніи, еслибъ добился отъ васъ того, чего требуетъ. Нѣтъ, нѣтъ, Эмиль! онъ такъ хорошо васъ знаетъ, что не вѣритъ этому, и нисколько не опасается; но посредствомъ этого онъ достигаетъ своихъ цѣлей: удаляетъ васъ отъ меня, старается поссорить насъ, приписывая себѣ все право, а вамъ всю вину. Но это ему не удастся, Эмиль; нѣтъ, клянусь вамъ; ваша твердость увеличитъ мою любовь къ вамъ... Ахъ, да! я понимаю все; но я выше такихъ жалкихъ козней, и никогда ничто не разъединитъ насъ.

— О; моя Жильберта! воскликнулъ Эмиль: — укажите же мнѣ, что я долженъ дѣлать; я вполне принадлежу вамъ. Если вы ве-

лите, я силюю голову подъ иго; для васъ я готовъ на всѣ неправды, на всѣ преступленія...

— Надюсь, что нѣтъ! отвѣчала Жильберта съ кроткой гордостью:—я не любила бы васъ, еслибъ вы перестали быть самимъ-собою, и не хочу мужа, котораго бъ я не могла уважать. Скажите своему батюшкѣ, Эмиль, что я никогда не отдамъ вамъ руки на такихъ условіяхъ, и что, не смотря на все свое пренебреженіе, какое онъ пытается ко мнѣ въ глубинѣ сердца, буду ждать, пока онъ откроетъ глаза на правду, а душу чувствамъ болѣе-достойнымъ насъ. обоимъ. Я не буду наградою извѣсны.

— Благородная дѣвушка! вскричалъ Эмиль, упавъ къ ногамъ ея и обнимая ея колѣни:—поклоняюсь вамъ какъ божеству и благо-словляю васъ какъ провидѣніе! Но у меня нѣтъ вашей твердости... что съ нами будетъ?

— Увы! сказала Жильберта: — мы перестанемъ на нѣсколько времени видѣться другъ съ другомъ. Такъ надо! письмо вашего батюшки получено при отцѣ моемъ и Жаниллѣ. Мой бѣдный отецъ былъ внѣ себя отъ радости, и ничего не понималъ въ заключительныхъ оговоркахъ. Онъ ждалъ васъ цѣлый день и будетъ каждый день ждать, до-тѣхъ-поръ, пока я скажу ему, что вы не прійдете. Тогда я надюсь оправдать ваше поведеніе и ваше отсутствіе. Но Жанилла долго не проститъ вамъ; она уже удивляется, тревожится и раздражается тѣмъ, что вы мѣшкаете, и что отецъ вашъ какъ-будто ожидаетъ вашего полномочія, чтобъ пріѣхать съ предложеніемъ о бракѣ. Если бъ вы теперь сказали ей то, чего я отъ васъ теперь требую, она прокляла бы васъ и навсегда запретила бы мнѣ быть съ вами.

— Боже мой! воскликнулъ Эмиль: — не видать васъ больше! нѣтъ, это невозможно!

— Но, другъ мой, что жъ переменится между нами? развѣ вы разлюбите меня отъ-того, что не будете меня видѣть нѣсколько недель, можетъ-быть нѣсколько мѣсяцевъ? Развѣ мы прощаемся навѣкъ? Развѣ вы перестанете вѣрить въ меня? Развѣ мы не предвидѣли препятствій, страданій, разлуки?

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ Эмиль:—я ничего не предвидѣлъ; я не могъ подумать, что такъ случится; до-сихъ-поръ еще не вѣрю!..

— Милый Эмиль! не теряйте силы, когда я нуждаюсь во всей моей силѣ. Вы поклялись побѣдить упорство своего отца, и побѣдите его. Вотъ мы уже отразили одно изъ самыхъ могучихъ его нападений. Онъ напередъ былъ увѣренъ, что вы не согласитесь на безчестіе, а думаетъ, будто васъ такъ легко привести въ уныніе! Онъ не знаетъ васъ; вы будете продолжать любить меня и говорить это ему, доказывать безпрестанно. Видите: самое трудное уже сдѣлано, потому-что онъ знаетъ все и, вмѣсто того, чтобъ негодовать и огорчаться, принимаетъ борьбу шута, какъ партію игры, въ которой считаетъ себя сильнѣйшимъ. Не теряйте же бодрости; я не ослабну. Не забудьте, что нашъ союзъ — дѣло

нѣсколькихъ лѣтъ постоянства и труда. Прощайте, Эмиль; я слышу голосъ батюшки; онъ идетъ сюда. Оставайтесь здѣсь, и продолжайте свой путь только тогда, когда мы будемъ далеко.

— Не видать васъ больше! повторялъ Эмиль:—не слышать васъ, и не терять твердости!

— Если у васъ не достанетъ ея, Эмиль, значитъ, вы любите меня не столько, сколько я васъ, и союзъ нашъ не сулитъ вамъ столько счастья, чтобъ вы могли рваться на борьбу упорную и продолжительную.

— О! я буду твердъ! вскричалъ Эмиль, одушевленный энергіею благородной дѣвушки.—Я съумѣю страдать и терпѣть. Вы увидите, Жильберта, таково ли счастье, которое сулитъ мнѣ будущее, чтобъ я не могъ перенести всего въ настоящемъ. Но послушайте! не-уже-ли мы не будемъ встрѣчаться иногда, случайно, какъ нынче, на-примѣръ?

— Почему знать? сказала Жильберта. — Положимся во всемія на Провидѣніе.

— Но можно иногда помогать Провидѣнію! Развѣ нельзя найти средствъ сноситься, извѣщать другъ друга... письменно?

— Можно, но надо обманывать тѣхъ, кого любишь!

— Итакъ, что жь дѣлать, Жильберта?

— Я подумаю; теперь же я должна уйти.

— Уйти, не обвѣщая мнѣ ничего!..

— Вашъ отдана моя вѣра и душа моя, — развѣ этого для васъ мало?

— Идите же! сказалъ Эмиль, дѣлая жестокое усиліе, чтобъ разъединить руки, упорно обхватившія гибкій станъ Жильберты:— я счастливъ еще, отпуская васъ! Дѣ, я люблю васъ, вѣрю въ васъ и въ самого-себя!

— Вѣрите въ Бога, сказала Жильберта:—Онъ защититъ насъ!

И она скрылась за вѣтвями.

Эмиль долго оставался на мѣстѣ, ею покинутомъ, лобызалъ траву, которую едва приняли ея ноги, дерево, къ которому прикасалось ея платье, и долго, лежа въ этомъ пролѣскѣ, таинственнымъ свидѣтель его послѣдняго счастья, насилу могъ изъ него выйти. Жильберта побѣжала за отцомъ, который возвращался къ развалинамъ и быстро шелъ впередъ ея. Вдругъ, онъ обернулся и, идучи назадъ, сказалъ престолашню:

— Ахъ, дитя мое! я шелъ-было искать тебя.

— То-есть, батюшка, шлѣ, покинувъ меня позади себя, отвѣчала Жильберта, силясь улыбнуться.

— Нѣтъ, нѣтъ... не говори этого; Жанилла скажетъ, что это разсѣянность! Я именно думалъ о тебѣ; письмо господина Кардонне не выходитъ у меня изъ головы. Можетъ-быть, дома насъ ждетъ Эмиль, — почему знать? вѣрно, онъ не могъ быть раньше; можетъ-быть, его задержалъ отецъ. Пойдемъ скорѣе; я увѣренъ, что онъ у насъ!

Добрѣкъ доврѣчиво удвоилъ шаги. Жаннелла была въ несносномъ раположеніи духа: она не могла объяснить себѣ мышкачности Эмиля и сильно безпокоилась. Жильберта старалась разсѣять ея безпокойство и во время ужина казалась спокойною и почти-веселою.

Но едва она очутилась одна въ своей комнатѣ, какъ упала на колѣно, прижавъ лицо къ постели, чтобъ заглушить рыданія, надрывавшія грудь ея.

V.

Утѣшенія.

Жильберта покорилаь судьбѣ съ отчаяніемъ въ сердцѣ. Эмиль былъ, можетъ-быть, не столь обезнадѣженъ, потому-что въ глубинахъ души еще не былъ покоренъ. Ежеминутно безпокойство его возобновлялось, и чѣмъ болѣе Жильберта оказывалась великою и достойною любви его, тѣмъ сильнѣе эта любовь давала ему чувствовать свое неодолимое могущество. Подошедши уже къ самому селенію, онъ вдругъ воротился назадъ, желая увѣрить себя, что плетъ въ Шатобрѣнъ; прошедши же нѣсколько минутъ, пристѣлъ на скалу, подперъ голову руками, и почувствовалъ себя болѣе-слабымъ, болѣе-влюбленнымъ, болѣе-человѣкомъ, нежели когда-нибудь.

— Еслибъ г-нъ Буагнбѣ видѣлъ и слышалъ ее, думалъ онъ: — онъ понялъ бы, что я не могу колебаться между ею и собою, и что долженъ владѣть ею, хотя бы цѣною жи! Боже мой, Боже мой, просвѣти меня! Ты послалъ мнѣ эту любовь, и если далъ силу чувствовать ее, вѣрно не захочешь дать силу разорвать ее.

— Ва! господинъ Эмиль! что вы тутъ дѣлаете? сказалъ Жанъ Жаппу, котораго приближенія Эмиль не замѣтилъ, и который сѣлъ подлѣ него. — Я искалъ васъ, потому-что привыкъ болтать съ вами вечеромъ, и когда не вижу васъ, поработавъ день-деньской, мнѣ чего-то не достаетъ. Что съ вами сдѣлалось? голова что ли у васъ болитъ, что вы держите ее обѣими руками, словно боитесь потерять?

— Теперь ужь поздно терять, мой другъ, отвѣчалъ Эмиль: — моя бѣдная голова навсегда потеряна.

— Такъ вы крѣпко влюблены? Ну! когда же свадьба?

— Скоро, Жанъ, когда мы захотимъ! вскричалъ Эмиль, котораго эта мысль повергла въ родъ безумія. — Отецъ мой согласенъ, я женюсь на ней; да, женюсь, слышишь ли? потому-что, иначе, мнѣ надо умереть... Не правда ли, я долженъ на ней жениться?

— Чортъ побери! какъ не жениться! еще бы вы задумались.

хоть на минуту! Ужь вѣрно не я похвалилъ бы васъ, есмь бы вы ее обманули, и кажется, мой милый, я принудилъ бы васъ насильно, хотя бы пришлось и кулаками.

— Да, не правда ли? вѣдь это мой долгъ?

— Еще бы!.. Да вы словно сомнѣваетесь? У васъ какой-то разстроенный видъ, когда вы говорите это.

— Да, я разстроенъ, точно; но что же за бѣда! теперь я знаю долгъ свой, и ты утвердилъ меня въ моемъ лучшемъ намѣреніи. Пойдемъ вмѣстѣ въ Шатобрёнъ!

— Такъ вы туда шли? Прекрасно; пойдемъ скорѣе; ужь поздно. Дорогою вы расскажете мнѣ, какимъ образомъ отецъ вашъ вдругъ рѣшился поступить такъ умно; я считалъ его сумасшедшимъ!

— Мой отецъ въ-самомъ-дѣлѣ сумасшедшій, сказалъ Эмиль, взявъ за руку плотника и идя подлѣ него съ волненіемъ:—совершенно сумасшедшій! Онъ соглашается, на томъ условіи, что я прийму на себя ложь, которой онъ не повѣритъ. Но для него торжество, истинная радость заставить меня солгать!

— А что? сказалъ Жапплѹ: — вы не выпили? нѣтъ! съ вами, кажется, этого не бываетъ! Однакожь вы что-то завираетесь. Говорятъ, что любовь опьяняетъ какъ вино: видно такъ, потому-что вы говорите вещи, въ которыхъ нѣтъ ни склада, ни лада.

— Отецъ мой самъ сумасшедшій, продолжалъ Эмиль внѣ себя: —и меня хотѣлъ сдѣлать сумасшедшимъ; и вотъ, видишь, ему это удастся! Онъ требуетъ, чтобъ я ему сказалъ, что дважды-два—четыре, даме чтобъ поклялся ему въ этомъ,—и я, какъ видишь, согласенъ! Что мнѣ за важность польстить его сумасшествію, лишь бы жеманиться на Жильбертъ!

— Не по сердцу мнѣ всѣ эти рѣчи, Эмиль! сказалъ плотникъ: —я ничего въ нихъ не понимаю, и готовъ разсердиться. Если вы рехнулись, я не хочу, чтобъ Жильберта шла за васъ: образумьтесь немножко; остановимся здѣсь. У меня нѣтъ охоты вести васъ въ Шатобрёнъ, когда вы городите такой вздоръ, мой милый!

— Жанъ, я очень - нездоровъ, сказалъ Эмиль, снова садясь: —у меня голова дурна. Постарайся понять меня, успокой, помоги мнѣ понять самого-себя. Ты знаешь, я думаю не такъ, какъ мой отецъ; ну, а отецъ мой хочетъ, чтобъ я думалъ, какъ онъ, и все тутъ! Это невозможно: но лишь бы говорить по его, что нужды!

— Да что именно говорить? чортъ возьми! вскричалъ Жанъ, который, какъ извѣстно, не отличался торпѣливостью.

— Что? равныя глупости! отвѣчалъ Эмиль, въ которомъ холодная дрожь промежутками сдѣлала жгучій жаръ.—На-примѣръ, что для бѣдныхъ большое счастье, когда на свѣтъ есть богатые.

— Это вздоръ! сказалъ Жанъ, пожавъ плечами.

— Что чѣмъ больше будетъ богатыхъ и бѣдныхъ, тѣмъ лучше будетъ на свѣтъ.

— Пустяки!

— Что самъ Богъ велить быть этой борьбѣ, и что богатые должны идти на нее съ радостью.

— Напротивъ, Богъ не велить!

— Что умные люди счастливыѣ, нежели слабые умомъ, потому-что такъ судило Провидѣніе.

— Тысячу громовъ! вретъ онъ! вскричалъ Жанъ, ударивъ по скалѣ своей палкою. — Полпоте повторять всѣ эти глупости; я не могу ихъ слышать. Самъ Богъ сказалъ, что блаженны нищіе духомъ.

— Не въ томъ дѣло! возразилъ Эмиль: — дѣло идетъ объ васъ съ Жильбертою. Мнѣ некогда не увѣрить отца, что онъ ошибается. Надо, чтобъ я говорилъ по его, Жанъ, и тогда я могу жениться на Жильбертѣ; онъ самъ поведетъ просить ее для меня у г-на Антуана.

— Право? но развѣ онъ не понимаетъ, что вы не по доброй совѣсти будете повторять его нелѣпицы? А! теперь ужъ я вижу ясно, что у него голова не на мѣстѣ, и это самое васъ огорчаетъ, Эмиль? у васъ тяжело на сердцѣ, мой милый!

Эмиль заплакалъ, и слезы облегчили его. Пришедши снова въ полный разсудокъ, онъ яснѣе рассказалъ плотнику обо всемъ, что происходило между имъ и отцомъ.

Жанъ слушалъ, потупя голову; потомъ, подумавъ нѣсколько времени, взялъ его за руку и сказалъ:

— Эмиль, не надо сожалѣться на такую ложь; это недостойно человека. Да, онъ больше хитеръ, чѣмъ безуменъ; ему мало будетъ двухъ-трехъ словъ на вѣтеръ, какъ говорятъ иногда, чтобъ успокоить человека, который черезъ-чуръ напился и съ которымъ обходятся какъ съ малымъ ребенкомъ. Когда вы солжете, когда обещаете то, чего не можете сдержать, отецъ не дастъ вамъ отдыха, и если вы попробуете опять сдѣлаться человекомъ, онъ скажетъ вамъ: «Помни, что ты вѣдь ничто!» Онъ жестокъ и гордъ, я его знаю; онъ не дастъ вамъ одного дня въ недѣлю думать какъ вамъ захочется, и въ добавокъ сдѣлаетъ вашу жену несчастною. Онъ заставитъ васъ краснѣть передъ нею и поведетъ дѣло такъ ловко, что наконецъ она будетъ васъ стыдиться. Плюньте на ложь и недобросовѣтныя обещанія! Боже васъ сохрани отъ нихъ, Эмиль!

— Но Жильберта!

— Жильберта скажетъ то же, что я, и Антуанъ также, и Жаннилла... Ну, Жаннилла пусть говоритъ, что хочетъ. Я, я не хочу, чтобъ ты лгалъ! Никакая Жильберта въ свѣтъ не заставитъ меня лгать!

— Значитъ, я долженъ отказаться отъ нея? не видать ли съ нею?

— Да, это несчастіе, сказалъ Жанъ твердымъ тономъ: — но когда на насъ пришло несчастіе, надо умѣть переносить его. Поидайтесь съ г-мъ Буагибб, онъ скажетъ вамъ то же, что я; судя по всему, что вы объ немъ мнѣ рассказывали, онъ человекъ справедливый и съ добрыми мыслями.

— Жашъ, я видѣлъ г-на Буагидо, и онъ понимаетъ, что эта жертва свыше силъ моихъ.

— Онъ знаетъ, что вы любите Жильберту? Вотъ какъ! вы скажи ему это?

— Я говорилъ, что люблю, но не называлъ кого.

— И онъ совѣтуетъ вамъ лгать?

— Ничего не совѣтуетъ.

— Ну, такъ и онъ рехнулся! Коли такъ, Эмиль, послушайте меня, потому-что я говорю правду. Я не богатъ, не ученъ; не знаю, лишаетъ ли это меня права ѣсть до сыта и спать въ постели; но знаю, что когда я молюсь Господу Богу, то никогда отъ Него не слышалъ: «субирайся прочь»; и когда спрашиваю у Него, что правда и что ложь, худо или добро, Онъ всегда указывалъ мнѣ это, и никогда не отвѣчалъ: «ступай учиться въ школу»... Ну, давайте разсуждать. Намъ на землѣ множество бѣдныхъ и немного богатыхъ, потому-что, еслибъ всѣ имѣли большія доли, земли бы не достало. Мы очень мѣшаемъ другъ другу, и что ни дѣлай, не можемъ другъ друга любить: доказательство, что пужбы тюрьмы и взъисканія, чтобъ мы уживались вмѣстѣ. Можетъ ли это быть иначе, — не знаю. Вы говорите на этотъ счетъ прекрасныя вещи, и когда заводите такую рѣчь, я готовъ бы слушать васъ день и ночь: столько мнѣ нравится, какъ вы все это улаживаете въ своей головѣ. За то я васъ и люблю, мой милый; но никогда не говорилъ вамъ, что надѣюсь дожить до этого. Оно мнѣ кажется очень-далеко, если даже возможно, и я, привыкшій вѣчно трудиться, прошу у Бога только оставить насъ такъ, какъ мы теперь, не позволяя важнымъ богачамъ отягощать больше нашу участь. Я знаю, что еслибъ всѣ были таковы, какъ вы, какъ я, какъ Антуанъ и Жильберта, мы всѣ ѣли бы одинъ супъ и за однимъ столомъ; но вижу также, что всѣ прочіе не захотѣли бы слышать про такой порядокъ, и что пришлось бы слишкомъ-много говорить и дѣлать для убѣжденія ихъ. Я самъ гордъ и умѣю обойтись безъ того, что гнушается мною: вотъ моя мудрость. Я не ломаю головы надъ политикою, ничего въ ней не смыслю; но не хочу, чтобъ меня съдали, и не терплю людей, которые говорятъ: «сожремъ все». Вашъ отецъ одинъ изъ такихъ обжоръ, и еслибъ вы были похожи на него, я скорѣе раскрылъ бы вамъ голову топоромъ, нежели позволилъ бы думать о Жильбертѣ. Богу угодно было, чтобъ вы родились добрымъ человѣкомъ, и чтобъ правда казалась вамъ хорошею вещью; берегите же ее, эту правду, потому-что она единственная вещь, которую злые люди не могутъ стереть съ земли. Пусть отецъ вашъ говоритъ: «это такъ, это мнѣ нравится, и я хочу, чтобъ это такъ было!» Пусть его говорятъ: онъ силенъ, потому-что богатъ, и намъ съ вами не остановить его; но коли онъ такъ упрямъ и золъ, что хочетъ еще васъ заставить говорить, будто это хорошо, и будто Богу пріятно все, что дѣлается... стой! Прогивно религіи говорить, что Богу пріятно зло, а мы, кажется, христіане!

Вѣдь вы крещены? и я также крещень, отрекался отъ сатаны; по-крайней-мѣрѣ, за меня отрекались, и я за другихъ отрекался, когда бывалъ воспріемникомъ. Следовательно, мы не должны ни давать ложныхъ клятвъ, ни богохульствовать; а говорить, будто вся люди не одинаковы при рожденіи, и не все достойны счастья, значитъ говорить, будто есть такіе, которые осуждены на вѣчную муку прежде ихъ рожденія. Я все сказалъ, Эмиль! Вы не солжете, и заставите отца отступить отъ его прекраснаго условія!

— Ахъ, мой другъ! еслибъ мнѣ видѣть Жильберту хотя разъ въ недѣлю! еслибъ я не былъ обезчещенъ передъ ея отцомъ и изгнанъ изъ ихъ дома, я не терялъ бы ни надежды, ни твердости!..

— Обезчещенъ передъ Антуаномъ? Вотъ еще! за кого же вы его считаете? Не-ужь-то вы думаете, что онъ захотѣлъ бы имѣть затѣмъ отступника и лицемеря?

— О! еслибъ онъ понималъ, какъ вы, Жанъ! Но онъ не пойметъ моего поведенія.

— Антуанъ пороха не выдумаетъ, я согласенъ. Онъ никогда не могъ взять въ толкъ квадратъ интениузы, который я понялъ въ пять минутъ, только-что поглядѣлъ, какъ его дѣлалъ подмастерье. Но вы считаете его ужь слишкомъ-недалекимъ. На счетъ чести и добрыхъ чувствъ, старикъ смыслить все, что надо смыслить. Не думаете ли вы, что надо быть больно-хитрымъ и ученымъ, чтобъ понимать, что дважды-два—четыре, а не пять? По-шоему, для этого не нужно перечитать цѣлую комнату толстыхъ книгъ, какъ старикъ Буагиббъ, и всякій несчастный на этомъ свѣтѣ очень-коротко понимаетъ, что участь его несправедлива, когда онъ не заслуживалъ ея. Что жъ! развѣ другъ Антуанъ также не страдалъ и не терпѣлъ? Развѣ богачи не отворачивались отъ него, когда онъ обвинялъ? Развѣ онъ можетъ оправдать ихъ передъ собою, никогда-неимѣвшимъ куска хлѣба безъ того, чтобъ не отдать другимъ трехъ четвертей его, а иногда и всего? И еслибъ вы не были благомыслящій человекъ, развѣ вы привязались бы къ нему? Развѣ влюблись бы въ его дочь до того, что захотѣли на ней жениться; еслибъ вы рассуждали подобно отцу своему? Нѣтъ, вы не взглянули бы на нее, или обольстили бы ее; вы подумали бы, что у нея нѣтъ приданаго, и повинили бы подлымъ образомъ. Полно, Эмиль, не унывайте, голубчикъ! Честные люди всегда будутъ уважать васъ, и я ручаюсь вамъ за Антуана; ужь это мое дѣло. Если Жаннелла закричитъ, я также закричу, и посмотримъ, у кого нѣтъ насъ съ нею голосъ громче и языкъ бойче. Что же до Жильберты, поверьте, она всю жизнь будетъ любить васъ и будетъ вамъ благодарна за вашу прямоту. Другаго не полюбятъ, но бойтесь! Я ее знаю; эта дѣвушка не умѣетъ перемѣнять слова: не придетъ время, когда вашъ отецъ перемѣнитъ свои мысли, — именно тогда, когда будетъ въ своей очередь несчастнымъ, а я предсказываю вамъ, что это непременно случится.

— Онъ не вѣритъ.

— Такъ вы сказали ему, что я думаю о его заводѣ?

— Я долженъ былъ сказать.

— Наврасно; но дѣлать нечего, — чему быть, то будетъ... Ну, Эмиль, воротитися въ селеніе и ложитесь спать; я вижу, что у васъ дрожь, лихорадка. Полно, мой милый, не мучься такъ и надѣйся на Господа Бога! Я завтра утромъ побываю въ Шатобрённѣ; самъ буду говорить, и меня послушаютъ. Ручаюсь тебѣ, что по-крайней-мѣрѣ съ ними ты не поссоритишься изъ-за того, что исполнилъ долгъ свой.

— Добрый Жанъ! ты утѣшаешь меня! ты даешь мнѣ силу, и съ-тѣхъ-поръ, какъ ты говоришь со мною, мнѣ лучше.

— Отъ-того, что я иду прямо изъ дѣлу и не затрудняюсь пустяками.

— Такъ завтра ты будешь въ Шатобрённѣ? завтра же? не смотря на то, что завтра рабочій день?

— О! завтра я работаю даромъ и могу начать работу, когда мнѣ вздумается. Знаете ли, на кого я завтра работаю, Эмиль? Ну, угадайте: это усиліе поможетъ вамъ разсѣяться.

— Не отгадаю. На г. Антуана?

— Нѣтъ. У бѣдняжки Антуана теперь нечего дѣлать: онъ одинъ управителъ; но у него есть сосѣдъ, у котораго всегда есть работа и который не думаетъ считать расходовъ на рабочихъ.

— Кто же такой? Г-нъ Буагиббъ развѣ помирился съ твоей омурой?

— Нѣтъ, сколько мнѣ извѣстно; но онъ никогда не запрещалъ своимъ мызникамъ давать мнѣ работу. Онъ не такой человѣкъ, чтобъ сталъ мнѣ вредить, и одни его домашніе знаютъ, что онъ сердитъ на меня, если только онъ сердитъ... чортъ развѣ пойметъ, что тутъ такое! Я, видите, работаю на него такъ, что онъ и не замѣчаетъ; вѣдь вы знаете, что онъ объѣзжаетъ свои мызы много-что развѣ въ годъ. Оно далекоюшко отъ насъ; но, благодаря нашему батюшкѣ, работники стали такъ рѣдки, что оттуда пришла за мною; и я не заставлялъ просить себя, хотя имѣлъ въ другомъ мѣстѣ работу изъ спѣху. Мнѣ пріятно работать на этого старика! Но, какъ вы можете представить, платы я не возьму. Я порядочно ему долженъ послѣ того, что онъ для меня сдѣлалъ.

— Онъ не потерпитъ, чтобъ ты работалъ на него даромъ.

— По-неволѣ потерпитъ, потому-что не будетъ ничего знать. Развѣ онъ знаетъ, что дѣлается на его фермахъ? Онъ сводитъ счеты гуртомъ въ концѣ года и вовсе не входитъ въ подробности.

— А если его мызники поставятъ ему на счетъ твою работу, какъ-будто заплатили за нее?

— Надо, чтобъ они были бездѣльники, а совсѣмъ напротивъ, они честные люди; вѣдь люди бываютъ тѣмъ, чѣмъ ихъ сдѣлаютъ. Старика Буагиббъ никто не обрадываетъ, хотя нѣтъ ничего легче, какъ обокрасть его; но какъ онъ никого не притѣсняетъ и не об-

ременяетъ, то никто и не имѣетъ надобности его обманывать и брать съ него больше, чѣмъ слѣдуетъ. Это не то, что вашъ отецъ. Онъ считаетъ, соображаетъ, надзираетъ, а его обкрадываютъ, — и ничего-то не слѣдуетъ онъ лучшаго во всю свою жизнь!

Жанъ успѣлъ развлечь и утѣшить Эмиля. Прямой, смѣлый, твердый характеръ крестьянина имѣлъ благотворное на него вліяніе, и онъ уснулъ покойнѣе, взявъ съ Жана обѣщаніе, что завтра вечеромъ онъ извѣстятъ его, въ какомъ расположеніи на его счетъ будутъ родители Жильберты. Плотникъ брался открыть имъ глаза касательно основанія его поведенія и поведенія г-на Кардоннѣ. Печаль дѣлаетъ насъ слабыми и доврчивыми, и когда твердость покидаетъ насъ, мы не можемъ сдѣлать ничего лучшаго, какъ вѣрить свою участь въ руки какого-нибудь дѣятельнаго и рѣшительнаго человѣка. Если онъ не развяжетъ такъ легко, какъ ожидаетъ, трудностей нашего положенія, то по-крайней-мѣрѣ соприкосновеніе съ нимъ укрѣпляетъ, одушевляетъ насъ; его увѣренность нечувствительно передается намъ и дѣлаетъ насъ способными помочь самимъ-себѣ.

— Этотъ крестьянинъ, котораго отецъ мой презираетъ, думалъ Эмиль засыная: — этотъ неучъ, бѣднякъ, простой сердцемъ, сдѣлалъ однако мнѣ больше добра, нежели г-нъ Буагиббъ; и когда я просилъ у Бога помощи, избавителя, Онъ послалъ мнѣ своего бѣднѣйшаго и смиреннѣйшаго слугу, чтобъ возложить мнѣ мою обязанность въ двухъ словахъ. О! сколько силы имѣетъ истина въ устахъ этихъ существъ съ прямыми и чистыми инстинктами! И какъ пуста наша наука въ сравненіи съ наукою сердца! Батюшка! батюшка! больше чѣмъ когда-нибудь чувствую, что вы ослѣплены, и урокъ, который я получилъ отъ этого крестьянина, — сильнѣйшее на насъ осужденіе!

Хотя покойнѣе прежняго духомъ, Эмиль страдалъ въ эту ночь жестокою лихорадкой. Среди жестокихъ волненій духа, мы забываемъ беречь тѣло; дозволяемъ себѣ томиться голодомъ, пренебрегать и промокать, когда всѣ въ поту или въ жару; не чувствуемъ физической болѣзни, и когда она постигаетъ насъ, мы находимъ въ ней нечто въ родѣ облегченія отъ душевныхъ терзаній; надеемся, что не перенесемъ продолжительнаго несчастія, не умирая отъ него, а считать себя слишкомъ-слабымъ для вѣчнаго страданія есть уже облегченіе.

Г. Буагиббъ прождалъ своего молодаго друга весь день, и сильное безпокойство овладѣло имъ подвѣчерь, когда онъ не дождался его пріѣзда. Маркизъ крѣпко привязался къ Эмилю; далеко не выражая ему всего, что чувствовалъ, онъ уже не могъ обойтись безъ его бесѣды. Онъ исполненъ былъ признательности къ благородному юношѣ, который не чуждался его холодности и унылости, и который, добившись того, что заглянулъ ему въ душу, свято держалъ передъ нимъ обѣщаніе сыновней преданности. Печальный старикъ, прослышавшій такимъ несноснымъ и отъ ушамъ

самъ себя преувеличивавшій свои невольные недостатки, нашелъ друга въ то время, когда уже думалъ только умереть одиноко, не оставивъ никакого по себѣ сожалѣнія. Эмиль почти примирялъ его съ жизнью, и онъ предавался иногда сладкой мечтѣ — быть отцомъ, видя, что молодой человекъ осваивается у него въ домъ, раздѣляетъ его степенные досуги, устраиваетъ его библиотеку, просматриваетъ его книги, катается на его лошадяхъ, даже занимается его дѣлами, чтобъ избавить его отъ важнѣйшей скуки; словомъ, находить удовольствіе у него и съ нимъ, какъ-будто натура и привычка цѣлой жизни изгладили между ними неравенство лѣтъ и различіе вкусовъ.

Долго въ старикъ возобновлялись сомнѣнія, и онъ старался понять Эмиля по своей системѣ странной мизантропіи; но ему не удавалось. Онъ пытался дня три убѣдить себя, что бездѣлье и любопытство заводятъ къ нему этого гостя, страстнаго до серьезнаго разговора и философскихъ разсужденій; но когда видѣлъ опять въ своемъ уединеніи это веселое лицо, искреннее и невинное въ своей снѣжности, то чувствовалъ, что съ нимъ возвращалась къ нему надежда, и замѣчалъ, что не-шутя любить его, подъ страхомъ быть еще несчастнѣе, когда возвратится сомнѣніе. Словомъ, проведши всю жизнь, и особенно послѣднія двадцать лѣтъ въ совершенномъ отчужденіи отъ чувствъ, которыя раздѣлять уже не считалъ себя способнымъ, онъ поддавался ихъ власти и уже не могъ переносить мысли о томъ, что можетъ ихъ лишиться.

Онъ тревожно ходилъ по всѣмъ аллеямъ своего парка, поджидая у всѣхъ воротъ, вздыхая на каждомъ шагу, вздрагивая при всякомъ шорохѣ; и наконецъ, измученный окружающимъ его молчаніемъ и одиночествомъ, терзался мыслью, что Эмиль страдаетъ печалью, которой онъ не облегчалъ, маркизь вышелъ въ поле и пошелъ по дорогѣ въ Гаржилесь, все надеясь увидѣть вороную лошадь, скачущую ему на встрѣчу.

Очень-рѣдко случалось, что г-нъ Буагиббó выходилъ такъ далеко за предѣлы своего обширнаго парка, и онъ не могъ рѣшиться идти по протореннымъ дорогамъ, боясь встрѣтить какое-нибудь лицо, къ которому не привыкъ. Поэтому онъ шелъ все прямо, по дугамъ, не теряя однако изъ вида дороги, гдѣ долженъ былъ проѣзжать Эмиль. Онъ двигался медленно, поступью, которая могла назваться нетвердою, но которую благоразуміе и привычная осторожность его дѣлами тверже, нежели она казалась съ вида.

Приближаясь къ рукаву рѣки, которая, вышедъ изъ его парка, называлась въ долину, онъ слышалъ стукъ топора, и нѣсколько голосовъ привлекли его вниманіе. Обыкновенно онъ всегда удалялся отъ шума, обличающаго присутствіе человека, и дѣлалъ обходъ, чтобъ избѣжать всякой встрѣчи; но онъ имѣлъ также одну заботу, которая на этотъ разъ заставила его поступить иначе: онъ страстно любилъ деревья и не позволялъ своимъ арендаторамъ срубать ихъ, если только деревья не совершенно высохли. Стукъ

топора всегда заставлялъ его наострять слухъ, и тогда онъ не могъ воздержаться отъ искушенія посмотреть собственными глазами, не нарушалось ли его запрещеніе.

Такимъ-образомъ; онъ рыпительно вошелъ на лужайку, гдѣ работали крестьяне, и съ навнымъ чувствомъ горести увидѣлъ десятка три прекрасныхъ деревьевъ, въ полномъ листѣ, лежащихъ на землѣ, и уже частію разрубленныхъ. Одинъ мызникъ съ своими работниками укладывалъ бревна на телегу, запряженную волами. Топоръ, работавшійся съ такою дѣятельностью в будничій весь отголоски долины, находился въ досуженныхъ рукахъ Жана Жапплу.

Г-нъ Буагибѣ не похвасталъ, когда сказалъ Эмилю мертвеннымъ тономъ о себѣ, что былъ очень-вспыльчивъ. Это была опять одна изъ неправильностей его характера. При видѣ плотника, котораго лицо и даже одно имя всегда причиняли ему болезненное ощущеніе, онъ поблѣднѣлъ; потомъ, замѣтивъ, что Жанъ рубить его прекрасныя деревья еще свѣжія и совершенно-неповрежденные, вздрогнулъ отъ гнѣва, покраснѣлъ, забормоталъ невнятные слова и бросился къ нему съ стремительностью, къ которой никто бы не считалъ его способнымъ, кто видѣлъ бы его за минуту предъ тѣмъ, какъ онъ шелъ мѣрными шагами, опершись на свою трость съ фигурнымъ набалдашникомъ.

VI.

ПРИКЛЮЧЕНІЕ.

Порубка, которая такъ живо огорчила г-на Буагибѣ, сдѣлана была на берегу рѣчки, и стройныя тополи, старыя ивы, величавыя ольхи, падая какъ-попало, образовывали словно мостъ изъ зелени на этомъ узкомъ потокѣ. Между-тѣмъ, какъ быки вытаскивали нѣкоторыя изъ нихъ веревками и ташли къ телегамъ, приготовленнымъ для перевозки, здоровый плотникъ, бѣгая по срубленнымъ стволамъ, лежавшимъ еще на рѣкѣ, обрубалъ ихъ переплетшіяся вѣтви, которыя затрудняли усилія животныхъ. Пылкій въ работѣ и страстный къ разрушенію, котораго обращается въ пользу ремесломъ его, онъ выказывалъ свою смѣлость и ловкость почти съ восторгомъ. Рѣчка была глубока и быстра въ этомъ мѣстѣ, и положеніе Жана было такъ опасно, что никто другой не посмѣлъ бы раздѣлать его занятія. Бѣгая съ легкостью и расторопностью молодаго человѣка до самой гибкой оконечности дерева, лежавшихъ поперегъ воды, онъ оборачивался иногда, чтобъ обрубить самый стволъ, на которомъ держался въ равновѣсїи, и въ тотъ мигъ, когда трескъ увѣдомлялъ его, что опора готова рушиться подъ ногами, онъ проворно перескакивалъ на соседнее

дерево, подстрекаемый опасностью и удивленіем товарищей. Его блестящій топоръ сверкалъ около него молніею, и звучный голось его поощрялъ прочихъ рабочихъ, съ шумленіемъ находившихъ столь легкую работу, которую смышленность и энергія одного человека руководила, упрощала и сокращала словно чудомъ.

Еслибъ г-нъ Буагиббъ сохранилъ хладнокровіе, онъ подивился бы въ свою очередь, и даже почувствовалъ бы нѣкоторое почтеніе къ человеку, приносящему силу генія въ эту грубую работу. Но видъ прекраснаго растенія, волнаго сока и жизни, срубленнаго желззомъ въ средній своего развитія, раздражалъ его и раздражалъ ему сердце, какъ-будто онъ присутствовалъ при смертоубійствѣ, и, когда дерево принадлежало ему, онъ обыкновенно вступался за него словно за члена своего семейства.

— Чтѣ вы дѣлаете, невѣжи, негодяи? закричалъ онъ фистульнымъ голосомъ, который отъ гнѣва становился рѣзкимъ и пронзительнымъ какъ свистокъ. — А ты, палачъ! крикнулъ онъ на Жана Жаппу:—или ты поклялся безпрестанно огорчать и оскорблять меня?

Крестьянинъ вообще туго на ухо, а беррійскій крестьянинъ недавно. Воловники, разогрѣтые непривычнымъ усердіемъ, не расслышали голоса господина, тѣмъ больше, что скрипъ веревокъ, трескъ стволовъ и громкіе распорядительные крики плотника покрыли его тонкіе звуки. На дворъ собиралась гроза; горизонтъ подернулся фіолетовыми тучами, которыя быстро возрастали. Жанъ, облитый потомъ, удержалъ всѣхъ на мѣстѣ, сказавъ, что наде кончить это дѣло прежде дожда, который подниметь воду въ рѣкъ, а вода можетъ унести срубленные деревья. Что-то похожее на неистовство овладѣло имъ, и, не смотря на набожность, господствовавшую въ глубинѣ его сердца, онъ ругался какъ язычникъ, словно думая тѣмъ удесятерить свои силы. Кровь клокотала у него въ ухахъ; воли ярости и восторга вылетали у него при каждомъ подвигѣ его дюжей руки и смѣшивались съ раскатами грома. Порывы сильнаго вѣтра облекали его въ листья и взвѣвали на голевъ серебрястыя пряди его грубой прически. Съ блѣднымъ пятномъ лица, съ сверкающими глазами, въ кожаномъ фартукѣ, съ высокимъ, сухощавымъ станомъ, обнаженной и вооруженной рукою, онъ походилъ на цыклопа, нарубающаго на скатъ Этны запасъ дровъ для своей подземной печи.

Между-тѣмъ, какъ маркизъ истощался въ безсильныхъ крикахъ, плотникъ, пересѣкши послѣднее препятствіе, бѣгомъ возвратился по круглому стволу молодаго клена, съ ловкостью, которая сдѣлала бы честь любому аиробату, прыгнулъ на берегъ, и, подхвативъ веревку упряжи, хотѣлъ-было присоединить избытокъ своей атлетической силы къ силѣ усталыхъ быковъ, какъ вдругъ почувствовалъ, что на спинѣ его, покрытой одною толстою рубашкой, вытянулся довольно-плотно гибкій и крѣпкій камышъ г. Буагиббъ.

Плотникъ подумалъ, что его хлещула вѣтвь, какъ и часто слу-

чалось съ нимъ въ этомъ сраженіи съ зелеными сучьями. Онъ произнесъ страшное проклатіе, и, живо обернувшись, пересыкъ пополамъ трость маркиза топоромъ своимъ, сказавъ: «Ну, теперь ты ужъ никого не ударишь!»

Едва произнесъ онъ эту формулу истребленія, какъ глаза его, подернутые какъ-бы омыливіишемъ отъ работы, вдругъ прояснились и, при свѣтѣ сильной молніи, онъ увидѣлъ передъ собою своего благодѣтеля, блѣднаго какъ призракъ. Маркизь еще держалъ въ дрожащей рукѣ своей золотой набалдашникъ и обрубокъ трости. Этотъ обрубокъ былъ такъ коротокъ, что Жанъ чуть-чуть не отсыкъ руки, опрометчиво на него поднатой.

— Пятьсотъ тысячъ чертей! г-нъ Буагидо! вскричалъ онъ, кидая топоръ: — если это ваша тѣнь пришла мучить меня, я закажу по васъ обѣдню; но если это вы сами, съ плотью и кровью, откликнитесь мнѣ, потому-что я не терплю лжи съ выходцами того свѣта.

— Что ты здѣсь дѣлаешь? зачѣмъ ты губишь мои деревья, глупая скотина? отвѣчалъ г-нъ Буагидо, — котораго ни мало не усмирила опасность, меновавшая его какими-то чудомъ.

— Извините, возразилъ Жанъ, озадаченный этими словами: — вы, кажется, разсердились! Такъ это вы деретесь? Вы горячи въ сердцахъ, и не предупреждаете о себѣ. Ну! впередъ будьте осторожище; еслибъ вы не оказали мнѣ такой важной услуги, я перерубилъ бы васъ на-двое какъ вербу.

— Хозяинъ, хозяинъ, простите! сказалъ мызникъ, прерывно покинувъ управленіе волами, чтобъ стать между плотникомъ и маркизомъ: — это я просилъ Жана срубить наши деревья. Нѣтъ такого мастера, какъ онъ; онъ одинъ дѣлаетъ за десятерыхъ. Посмотрите, сколько онъ наработалъ. Съ полудня до сей поры онъ поволазилъ тридцать деревьевъ, распилалъ ихъ, какъ видите, и пособлялъ намъ вытаскивать ихъ изъ воды. Не сердитесь на него, хозяинъ! Онъ лихой работникъ, и не усерднѣе бы работалъ даже для са-мого-себя.

— А зачѣмъ онъ рубитъ мои деревья? кто ему позволилъ рубить?

— Это деревья, которыя дриба испортила, хозяинъ; они начали желтѣть; еще одна дриба, и вода унесла бы ихъ съ корнемъ. Извольте посмотреть сами!

Маркизь успѣлъ уже столько успокоиться, что взянулъ кругомъ себя и увѣрлся, что июньское наводненіе точно покачнуло эти деревья на бокъ; широко-размытая земля и обнаженные корни подтверждали истину словъ мызника. Но, еще не довольствуясь свидѣтельствомъ собственныхъ глазъ, онъ сказалъ:

— А зачѣмъ вы не подождали моего приказанія срубить ихъ? не сто ли разъ я запрещалъ вамъ заносить топоръ хоть на одно дерево, не спросясь меня?

— Разъ вы не помните, что я приходилъ докладывать вамъ

объ этомъ поврежденіи на другой же день послѣ дрибы? а вы еще сказали мнѣ; «Кози такъ, надо ихъ снять долой и посадить дру- гія»? Теперь самая пора сажать, и я спѣшилъ очистить место, тѣмъ болѣе, что тутъ есть славныя деревья на лѣстницы, и я не допустивъ бы васъ потерять ихъ. Если вамъ угодно зайти на нашъ дворъ, вы увидите, что съ дюжину ихъ прибрано недѣль на- вѣсь, а затѣ переташимъ туда и остальные.

— Хорошо! отвѣчалъ г-нъ Буагибб, стыдась своей опрометчи- вости. — Точно, помню, я самъ позволилъ вамъ... Я позабылъ: мнѣ давно бы надо прійти посмотреть.

— Вы такъ рѣдко выходите со двора, хозяинъ! сказалъ добрый крестьянинъ. — Намедни, однакожь, я встрѣтилъ г-на Эмиля, когда онъ вѣхалъ къ вамъ; я показывалъ ему порчу и просилъ вамъ напомнить. Развѣ онъ позабылъ?

— Вѣроятно, сказалъ г-нъ Буагибб: — нужды нѣтъ. Ступайте домой; на дворъ ночь и гроза.

— Но вы замочаетесь, хозяинъ; пожалуйста къ намъ переждать дождикъ.

— Нѣтъ, сказалъ маркизъ: — онъ, пожалуй, долго будетъ идти, а я такъ близко отъ себя, что успею воротиться до дождя.

— Гдѣ жъ вамъ успѣть! ужъ накрапываетъ, и пойдетъ сильнѣе.

— Ничего, ничего, благодарю, ужъ это мое дѣло, сказалъ мар- кизъ.

Онъ повернулся и пошелъ прочь, между-тѣмъ, какъ его мызникъ съ своими волами тронулся въ путь по домамъ.

— Это не больно-хорошо для пожилаго человѣка, какъ онъ! сказалъ мызникъ сыну, смотря вслѣдъ маркизу, шедшему тѣмъ же медленнѣе, что онъ лишенъ былъ опоры своей трости.

— Еслибъ онъ согласился потерпѣть, отвѣчалъ молодой крестья- нинъ: — можно бы сбѣгать за его каретой. Гей, гей! Гальяръ! Шо- вѣ! закричалъ онъ своимъ воламъ: — дружныѣ, ребята! Кишь! на- задъ! повертывай, голубчикъ!

Помышляя уже только объ управленіи своей рогатой упряжкой, тяжело тащившейся по мокрымъ лугамъ, отецъ и сынъ скрылись за кустарниками въ сопровожденіи всѣхъ рабочихъ, не безпокоясь болѣе о старомъ своемъ хозяинѣ. Такова природная безпечность крестьянина.

Г-нъ Буагибб добрѣлъ до оконечности луга, по которому при- шелъ, и, собираясь перелѣзть черезъ изгороду, оглянулся и увидѣлъ Жана Жапплѣ, который продолжалъ сидѣть на цѣпъ среди своей порубки, какъ сидѣлъ бы побѣдитель въ грустномъ раздумьѣ на полѣ битвы. Весь жаръ, вся веселость дюжого рабочаго вдругъ исчезла; онъ оставался неподвиженъ, равнодушенъ къ дождю, ко- торый начиналъ смѣшиваться на его голову съ трудовымъ потомъ, и, казалось, погруженъ былъ въ глубокую печаль.

— Мнѣ какъ-будто назначено вѣчно оскорблять этого человѣка,

и встрѣчаться съ нимъ только за тѣмъ, чтобъ самому страдать, сказалъ себѣ г-нъ Буагиббѣ.

Онъ долго колебался, борясь между наивнымъ раскаяніемъ и жестокимъ отвращеніемъ; наконецъ, рѣшился сдѣлать ему знакъ подойти, но Жанъ, казалось, не видалъ его, хотя еще не совсѣмъ смерклося; кликнувъ его голосомъ, котораго діапазонъ уже не выходилъ гнѣвомъ, но Жанъ, казалось, не слыхалъ.

— Нечего дѣлать, сказалъ самъ-себѣ г-нъ Буагиббѣ: — ты виноватъ и долженъ наказать себя.

И онъ прямо пошелъ къ плотнику.

— Что ты здѣсь сидишь? сказалъ онъ, хлопнувъ его по плечу.

Жанъ вздрогнулъ, и, словно опомнясь отъ сна, сказалъ грубо и отрывисто:

— А! что вамъ еще отъ меня надо? Не опять ли пришли вѣшать меня? На-те, вотъ обрубокъ вашей трости! Я хотѣлъ отнести его къ вамъ завтра поутру, чтобъ напомнить вамъ, что съ вами случилось нынѣ вечеромъ.

— Я виноватъ, сказалъ г-нъ Буагиббѣ, заикаясь.

— Легко сказать «виноватъ», возразилъ плотникъ: — этимъ словомъ мы думаемъ все поправить, когда мы богаты, стары и зовенся маркизомъ.

— Какого же удовольствія ты отъ меня хочешь?

— Вы знаете, что я не могу требовать никакого. Я перешибъ бы васъ однимъ щелчкомъ .. да, сверхъ-того, я еще вашъ должникъ. Но въ жизнь не прощу вамъ того, что вы сдѣлали мнѣ признательность унизительною и тягостною. Я никогда не думалъ, чтобъ это могло случиться со мною, потому-что сердце у меня не алѣе, чѣмъ у кого другаго, и я уже покорился тягости не благодарить васъ. Ну, а теперь лучше пойду въ тюрьму, или начну опять бродяжничать, нежели потерплю палочные удары. Подите прочь, оставьте меня въ покоѣ! Я только-что началъ образумиваться, а вы опять меня сердите. Мнѣ нужно себя увѣрить, что вы не въ полномъ умѣ, чтобъ не сказать вамъ чего-нибудь хуже.

— Да! твоя правда, Жанъ, я не въ полномъ умѣ, отвѣчалъ горестно маркизъ: — и не въ первый разъ случается мнѣ терять рассудокъ изъ-за пустяковъ. По этой-то причинѣ я живу одинъ, нигде не выхожу и почти ни съ кѣмъ не вижусь. Развѣ я мало наказанъ?

Жанъ не возразилъ ни слова; грустное признаніе маркиза зазвучало въ немъ гнѣвъ жалостью.

— Скажи же мнѣ, чѣмъ я могу загладить свою вину, продолжалъ г-нъ Буагиббѣ дрожащимъ голосомъ.

— Ничего не нужно, отвѣчалъ плотникъ: — я прощаю васъ.

— Спасибо, Жанъ. Не хочешь ли у меня работать?

— Затѣмъ, если я ужъ здѣсь работаю для васъ? Мое лицо вамъ непріятно, и въ вашей волѣ было не видать его. Я не шелъ къ вамъ. Кромѣ того, вы захотѣли бы платить мнѣ за работу, а ко-

гда я работаю на вашихъ мызниковъ, вы не можете принудить меня взять съ нихъ деньги.

— Но твоя работа приноситъ мнѣ пользу, потому-что остается приобрѣтеніемъ для моего имѣнія. Жанъ, я не хочу, чтобъ это такъ было!

— А! вы не хотите? Да мнѣ-то какое дѣло? Вы не можете помѣшать мнѣ расквитываться такимъ способомъ; а благо вы обругали меня и ударили, я расквитаюсь съ вами, — непременно! чтобъ васъ взбѣсить. Васъ это унижаетъ, не правда ли? Прекрасно; это мое мнѣніе!

— Мсти иначе.

— Какъ же иначе? Ударить васъ? Мы не будемъ квиты, я останусь въ долгу у васъ, а я не хочу быть вамъ обязанъ.

— Хорошо! расквитывайся, если тебѣ угодно, если ты такой гордецъ и упрямецъ, сказалъ маркизъ, вышедъ изъ терпѣнія. — Ты ослабленъ и золъ, потому-что не видишь моего страданія. Еслибъ ты понималъ его, ты видѣлъ бы, что ты отищенъ; но тебѣ хочется грубаго и жестокаго мнѣнія: ты хочешь дойти до нищеты и изморить себя трудомъ, чтобъ заставить меня краснѣть и плакать всю жизнь.

— Если вы такъ это принимаете... сказалъ Жанъ, въ половину побѣжденный: — я не злой человѣкъ, и могу простить вамъ вѣтреность. Чортъ возьми! у васъ голова еще горяча и рука скоро, какъ у молодаго чедовѣка! Кто бы это подумалъ?... Ну, полно объ этомъ; повторяю вамъ, я васъ прощаю.

— И соглашаешься на меня работать?

— За половинную цѣну. Сдѣлаемъ уговоръ, и кончено.

— Нѣтъ никакой соразмѣрности между твоимъ и моимъ положеніемъ. Еще меньше ея будетъ между твоей работой и жалованьемъ; поступи же великодушно: это будетъ лучшимъ и полезнѣйшимъ мнѣніемъ. Работай на меня, какъ на всѣхъ работаешь; позабудь, что я оказалъ тебѣ услугу, вовсе нечувствительную для моего кошелька, и такимъ образомъ заставь меня быть твоимъ должникомъ, потому-что ты пріймешь, въ оплату за незгладимое оскорбленіе, самое жалкое изъ удовлетвореній — деньги.

— Какой оборотъ вы даете дѣлу, я ни крошки не понимаю... Ну, тамъ увидимъ, поладимъ ли мы. Но если я прійду къ вамъ, и моя фигура опять васъ разсердитъ? По-крайней-мѣрѣ, скажите, что такое имѣли вы противъ меня столько лѣтъ? Это вы обязаны сказать! Вѣрно, я, самъ того не зная, похожъ на кого-нибудь, кто сдѣлалъ вамъ зло. Въ такомъ случаѣ, онъ долженъ быть не изъ здѣшнихъ, потому-что въ нашей сторонѣ на меня похожа только старая лошадь кюзьфонскаго священника.

— Не спрашивай меня! Я не могу тебѣ отвѣчать. Думай, что я подверженъ припадкамъ помѣшательства, и любя меня изъ состраданія, благо я не могу быть любимъ иначе!

— Г-нъ Буагубо, сказалъ плотникъ съ участіемъ: — не говорите

такъ; это значитъ не отдавать себя справедливости. Вы имѣете недостатки, правда,—лишнюю вспыльчивость, капризы; но, въ сущности, вы очень знаете, что васъ нельзя не уважать, потому-что у васъ правдивое сердце, вы любите добро и никогда не сдѣлали никого несчастнымъ; въ добавокъ, у васъ есть идеи... которыя вы взяли не только изъ вашихъ книгъ, идеи, которыя рѣдко бываютъ у богатыхъ людей, и которыя сдѣлали бы свѣтъ счастливымъ, еслибъ свѣтъ согласился думать по-вашему. Чтобъ имѣть эти идеи, мало быть учену и разсудительну,—надо горячо любить всѣхъ людей, какіе только есть на землѣ, и не имѣть камня вмѣсто сердца; поэтому-то видно, что тутъ дѣло не обходится безъ Бога. Не говорите же, что васъ можно любить изъ одной жалости; вамъ стѣдуетъ только захотѣть быть любимымъ, и требуется немного перемѣны въ себѣ, чтобъ успѣть въ своемъ желаніи.

— Чтò же, по-твоему, надо сдѣлать для этого?

— Надо только не мѣшать тѣмъ, кто расположенъ любить васъ.

— Когда же я мѣшалъ?

— О, сколько разъ! Станемъ ужъ говорить объ одномъ мнѣ, потому-что есть другіе, которыхъ, вѣроятно, вы еще не хотите слышать имени...

— Говори о себѣ, Жанъ... сказалъ г-нъ Буагибò съ болѣзненной торопливостью:—или лучше... приходи нынче ужинать ко мнѣ и вочевать. Я хочу, чтобъ съ нынѣшняго дня мы совершенно помирились, но на извѣстныхъ условіяхъ, которыя, можетъ-быть, я скажу тебѣ... и которыя не касаются до повода нашей ссоры. Дождь усиливается; эти вѣтви уже не защищаютъ насъ.

— Нѣтъ, нынче я къ вамъ не пойду, сказалъ плотникъ:—но провожу васъ до дома; потому-что находить жестокая туча, и, немножко спустя, не хорошо будетъ идти. Послушайте, г-нъ Буагибò, накиньте на плеча мой кожаный фартукъ; онъ не красивъ, но до него ничто не дотрогивается, кромѣ дерева (мое ремесло опрятно, и за это всегда нравилось мнѣ); при томъ же, онъ не боится воды.

— Напротивъ, я хочу, чтобъ ты покрылся этимъ фартукомъ; ты весь въ поту, и хотя называешь меня старикомъ, а самъ не моложе меня, пріятель: полно, безъ перемоній, я хорошо одѣтъ; не простужайся для меня; вспомни, что я нынче тебя ударилъ.

— Какой же вы хитрецъ! Ну, пойдите! Дá, я ужъ не молодецъ, хотя считаю себѣ еще и не очень-много лѣтъ! А знаете ли, я развѣ десятью годами моложе васъ? Помните вы время, когда я строилъ вашъ деревянный домикъ въ паркѣ... вашу сырню, какъ вы называете? Вѣдь, въ прошлый ивановъ-день минуло девятнадцать лѣтъ, какъ я кончилъ эту работу!

— Дá, правда, только девятнадцать лѣтъ! Мнѣ казалось больше. Впрочемъ, домикъ крѣпко выстроенъ, въ немъ мало найдется починокъ. Не хочешь ли взяться за нихъ?

— Если есть почики, почему не такъ! Эта работа стѣдила мнѣ

въ свое время много хлопотъ. Сколько разъ я глядѣлъ на ваши проклятыя картинки, чтобъ сдѣлать его похожимъ.

— Это твое мастерское произведеніе; оно тебя занимало.

— Да, бывали дни, когда очень занимало; я даже становился бѣлѣе отъ этого; но когда вы еще приходили и говорили мнѣ: «Жанъ, это не такъ, ты ошибаешься...» чортъ возьми! то-то вы сердили меня!

— Ты сердился и чуть не прогонялъ меня!

— И въ то время вы все мнѣ спускали. Я ни за что бы не повѣрилъ, что, имѣя столько терпѣнья со мною въ-продолженіе такого долгаго времени, вы вдругъ разсердитесь на меня и не скажете даже за что. Ну, что же теперь надо дѣлать въ деревянномъ домику?

— Одна дверь перестала затворяться.

— Дерево осыло. Когда мнѣ прійдти?

— Завтра. Затѣмъ-то ты и ночуешь у меня; погода такая дурная, что тебѣ нѣчего возвращаться нынче въ Гаржилесъ.

— Правда, темно хоть глаза выколи. Смотрите, куда вы идете: тутъ ровъ! Но какъ бы ни была дурна погода, я все-таки пойду почевать дома.

— Такъ у тебя есть важныя дѣла?

— Да... Я хочу повидаться съ моимъ Эмилемъ Кардоннѣ; мнѣ надо кое-что сказать ему.

— Эмилю? Ты видѣлъ его сегодня?

— Нѣтъ, я ушелъ изъ селенія такъ рано, что мнѣ было некогда имъ заниматься. Еслибъ вы были не такой чудакъ, можно бы это рассказать вамъ, потому-что сущность его исторіи вы знаете.

— Не думаю, чтобъ онъ имѣлъ отъ меня секреты; но если онъ тебѣ довѣрилъ что-нибудь больше нежели мнѣ, я не хочу знать.

— Не беспокойтесь, я тоже не хочу сказать.

— И не можешь даже дать мнѣ вѣстей о немъ? Я за него очень беспокоюсь. Я надѣялся видѣть его нынче и вышелъ-было именно для того, чтобъ его встрѣтить.

— А! коли такъ, теперь понимаю, почему вы, никогда не выходя изъ своего парка, зашли такъ далеко. Но вы напрасно шли по лугамъ. Они пересѣкаются ручьями не очень-то мелкими, такъ что я теперь самъ не знаю, куда мы попали. Экой дивень, тысяча милльоновъ чертей! точнѣхонько такая погода, какъ была въ тотъ вечеръ, когда Эмиль пріѣхалъ въ нашу сторону. Я встрѣтилъ его подъ однимъ большимъ камнемъ, куда онъ пріютился, и тогда не догадывался, что найду въ немъ друга, настоящаго человѣка, сущій кладъ.

— Такъ ты очень привязанъ къ нему? Онъ часто заговаривалъ со мною о тебѣ...

— А вы не хотѣли слушать? Я думаю, что такъ. Да, онъ такой же человѣкъ, какъ вы, не гордѣе васъ въ душѣ, и также готовъ отдать жизнь и кошелекъ для несчастныхъ. Только онъ не

сердится по пустякамъ, и коли сказалъ кому доброе слово, тому нечего бояться, чтобъ онъ выткнулъ его палкой по спинѣ.

— О! я знаю, что онъ гораздо лучше и особенно ласковѣе меня! Если увидишь его нынче вечеромъ или завтра утромъ, привеси мнѣ отъ него извѣстіе; скажи, чтобъ онъ побывалъ у меня; я мучусь его горемъ.

— И я тоже; но у меня есть надежда получше его и вашей. Впрочемъ, еслибъ я былъ такъ богатъ, какъ вы...

— Что бы ты сдѣлалъ?

— Не знаю, но деньги все уладятъ съ людьми такого сорта, какъ старикъ Кардоннѣ. Что бы вамъ заманить его въ какую-нибудь выгодную сдѣлку и пожертвовать нѣсколько сотенъ тысячъ франковъ,—вамъ, у котораго есть три или четыре милліона денегъ и нѣтъ дѣтей! Вѣдь онъ не такъ богатъ, какъ кажется съ виду! Можетъ-быть, онъ дѣлаетъ себѣ доходъ больше вашего, но капиталъ его не болѣе великъ, сколько мнѣ сдается!

— Такъ ты советовалъ бы купить у него свободу его сына?

— Есть люди, которые никогда не даютъ даромъ и продаютъ то, что они должны... Но, чертъ побери! мы попали въ прудъ! Стойте, стойте! это не земля, а вода; мы взяли слишкомъ-вправо; и однакожъ, мы не пьяны. Какъ же намъ выбраться отсюда?

— Не знаю. Давно ужъ мы идемъ; пора бы прійти въ Буагивбѣ.

— Погодите, погодите! я опознаюсь, отвѣчалъ плотникъ.—Вотъ за нами свѣтитъ огонекъ подлѣ толстаго дерева... подождемъ молнимъ, глядите хорошенько... вотъ она: такъ и есть. Это домикъ тѣтки Марло. Чертъ возьми! Тамъ больные, двое дѣтей—въ гнилой горячекъ, говорятъ! Все равно; она добрая женщина, и притомъ на всѣхъ вашихъ земляхъ вы можете смѣло надѣяться хорошаго приѣма.

— Да, эта женщина моя наемница, если не ошибаюсь.

— И платить вамъ мало, и рѣдко, я думаю! Пойдемте, дайте мнѣ свою руку.

— Я не зналъ, что у нея больныя дѣти, сказалъ маркизь, входя на дворъ хижины.

— Гдѣ жъ вамъ знать! вы не выходите изъ дома, и никогда не бываете такъ далеко. Но другіе позаботились объ этомъ, видите: вотъ одноколка съ лошадыю, знакомыя мнѣ; это намъ пригодится.

— Что же это за дама? сказалъ маркизь, глядя въ окно хижины.

— Развѣ вы не знаете ея? сказалъ плотникъ въ волненіи.

— Не помню, чтобъ когда-нибудь видѣлъ, отвѣчалъ г-нь Буагивбѣ, рассматривая пристальнѣе внутренность домика.—Вѣрно какая-нибудь челоуѣколюбивая особа, которая исполняетъ при несчастныхъ долгъ, пренебреженный мною.

— Это сестра кюзьйонскаго священника, возразилъ Жанъ Жауплѣ:—добродѣтельная душа, молодая вдова очень-челоуѣколюбивая,

какъ вы говорите. Погодите, я предупрежу ее о вашемъ приходѣ, потому-что знаю ее: она немножко застѣнчива...

Онъ вбѣжалъ въ хижину, шепнулъ проворно нѣсколько словъ на ухо старой женщины и Жильбертъ, которую сейчасъ преобразилъ въ сестру священника; потомъ явилась за г-номъ Буагидо и ввелъ его, говоря:

— Пожалуйста, маркизъ, пожалуйста! Вы никого не потревожите. Больнымъ лучше, и вы найдете тутъ добрый огонекъ, обсушитесь.

VI.

Печальный ужинъ.

Погода ли была очень-дурна, или маркизъ безсознательно подчинился какому-то таинственному влиянію, только онъ рѣшился на подвигъ, т. е. на встрѣчу съ незнакомой особой. Онъ вошелъ, и, поклонившись мнимой вдовѣ съ робкой вѣжливостью, подошелъ къ огню, куда старуха поспѣшила кинуть новаго хвороста, разсыпаясь въ сожалѣніяхъ на-счетъ измокшей одежды ея стараго господина.

— Ахъ, батюшки! возможно ли? какъ вы перемокли, господинъ маркизъ! Право, я не узнала бы васъ, еслибъ Жанъ не предупредилъ. Погрѣйтесь, погрѣйтесь, баринъ; въ ваши лѣта этакъ долго ли простудиться до смерти!

Думая оказать услужливость и внимательность своими зловѣщими опасеніями, добрая женщина, въ-попыхахъ отъ необыкновенности подобнаго визита, чуть не сожгла своего камина.

— Нѣтъ, моя любезная, сказалъ маркизъ:—я очень-плотно одѣтъ, и едва чувствую дождь...

— О! еще бы вамъ не быть хорошо-одѣтымъ! подхватила она, думая сдѣлать ему лестный комплиментъ:—слава Богу, у васъ есть средства хорошо одѣваться!..

— Не въ томъ дѣло, возразилъ маркизъ:—я хотѣлъ сказать, чтобъ вы не тревожились столько и не покидали своихъ больныхъ для меня. Мнѣ здѣсь очень-хорошо, а жизнь такого старика, какъ я, не столь дорога, какъ жизнь дѣтей. Давно ли они больны?

— Двѣ недѣли, сударь. Но опасность миновалась, слава Богу!

— Зачѣмъ же, когда у васъ есть больные, не пришли вы ко мнѣ?

— О! какъ можно! я не посмѣла бы. Я боялась бы досадить вамъ. Мы люди простые, складно говорить не умѣемъ, а просить совѣстимся.

— Я бы самъ долженъ освѣдомляться о вашихъ бѣдахъ, сказалъ маркизъ со вздохомъ:—и вижу, что души болѣе-дѣятельныя и болѣе-сострадательныя дѣлаютъ это вмѣсто меня!

Жильберта держалась въ глубинѣ комнаты. Онъ вѣвъ отъ испуга и не смѣя согласиться на уловку плотника, она старалась укрываться за грубыми занавѣсами постели, гдѣ лежалъ младшій изъ дѣтей. Она желала избѣжать всякаго разговора, и, сама приготовляя теплое питье, прятала свое лицо отворачиваясь къ стѣнѣ, и надергивала свою маленькую шаль на плеч. Косынка изъ грубаго чернаго кружева, подвязанная подъ шею, закрывала, или по-крайней-мѣрѣ потемняла золотистость волосъ ея, которые маркизъ могъ бы узнать, если когда-нибудь замѣтилъ ихъ цвѣтъ и пышность. Но только два раза г-нъ Буагиббъ встрѣчалъ Жильберту подъ руку съ отцомъ. Онъ издали узнавалъ г-на Антуана и отворачивался въ сторону. Еслибъ онъ принужденъ былъ сойтись съ нимъ лицомъ-къ-лицу, онъ зажмурился бы, чтобъ не увидѣть страшныхъ чертъ этой дѣвушки. Такимъ-образомъ, онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія объ ея наружности, физиономіи и манерахъ.

Жанъ умѣлъ солгать такъ удачно и такъ твердо, что маркизу не приходило въ голову сомнѣваться. Фигура Сильвена Шарассона, свернувшася какъ кошка у камня и крѣпко заснувшася, могла быть не столько ему незнакома, потому-что шатобрѣнскій пажъ, отчаянный мародѣръ по природѣ, вѣроятно, множество разъ бывалъ имъ заставаемъ около заборовъ въ упражненіи надъ деревьями, покрытыми плодами; но маркизъ такъ мало дѣлалъ вопросовъ, прилагалъ напротивъ такое тщательное стараніе ничего не видать и ничего не знать изъ того, что переходило за стѣну его парка, что отнюдь не зналъ ни имени, ни званія этого мальчика.

Такимъ-образомъ, не питая ни малѣйшей недověрчивости, и еще, въ-слѣдствіе нравственнаго и физическаго волненія, испытаннаго въ тотъ вечеръ, чувствуя себя наклоненъ обыкновеннаго къ общительности, онъ отважился слѣдовать взорами за движеніями чело-вѣколюбивой дамы, и даже подойти къ ней съ кой-какими вопросами на-счетъ больныхъ ея. Немножко-дикая скромность этой утѣшительницы бѣдныхъ внушала ему особенное почтеніе, и онъ находилъ весьма-благороднымъ и порядочнымъ, что, отнюдь не думая величаться передъ нимъ своими добрыми дѣлами, она, казалось, была смущена и недовольна тѣмъ, что ее застали при от-правленіи должности сестры милосердія.

Жильберта до того боялась быть узнаною, что не смѣла подать звука своего голоса, и, какъ-будто органъ ея не былъ столь же незнакомъ маркизу, какъ и лицо, ожидала, чтобъ крестьянка отвѣчала за нее на вопросы. Но Жанъ, опасавшійся, что старуха не сумѣетъ сыграть свою роль и измѣнить, по неловкости, инкогниту Жильберты, всегда совался впередъ и отталкивалъ ее къ камню, дѣлая ей страшные глаза всякій разъ, какъ маркизъ отворачивался въ сторону. Тѣтка Марло, дрожа отъ страха и не понимая, что у нея происходитъ, не знала, кого слушать, и молила Бога, чтобъ съ прекращеніемъ дождя могла освободиться отъ новыхъ гостей.

Наконецъ, Жильберта, нѣсколько ободренная ласковымъ голосомъ и вѣжливыми манерами маркиза, осмѣлилась отвѣчать ему, и, какъ онъ все винилъ себя въ небрежности, сказала:

— Я слышала, сударь, что вы очень-слабого здоровья и много читаете. Понятно, что ваши занятія не позволяютъ вамъ исполнять такія разнообразныя обязанности. Мнѣ нѣчего лучше дѣлать, и я живу такъ близкѣ отсюда, что съ моей стороны не велика заслуга навѣщать больныхъ нашего прихода.

Она взглянула при этихъ послѣднихъ словахъ на плотника, какъ будто давая ему замѣтить, что наконецъ вошла въ характеръ своей роли, и Жанъ, чтобъ придать больше вса ея набожной фразѣ, успѣшилъ прибавить:

— Сверхъ того, это необходимость и долгъ званія. Кому же стараться о бѣдныхъ, какъ не сестрѣ священника?

— Я бы нѣсколько помирился съ своей совѣстью, сказалъ маркизъ: — еслибъ вы, сударыня, согласились адресоваться ко мнѣ, когда мнѣ случится не знать или забыть свои обязанности. Чего не сдѣлаетъ мое усердіе, то замѣнялось бы по-крайней-мѣрѣ моею доброю волею, и между-тѣмъ, какъ на васъ оставалась бы благороднѣйшая и труднѣйшая должностъ лично ухаживать за больными, и могъ бы деньгами пополнять слишкомъ-ограниченныя средства священника. Дайте мнѣ слово принять меня въ участники своихъ добрыхъ дѣлъ, умоляю васъ, сударыня, или, если вамъ не угодно сдѣлать мнѣ эту честь, прикажите всѣмъ своимъ бѣднымъ обращаться ко мнѣ. Простая рекомендація отъ васъ сдѣлаетъ мнѣ ихъ священными.

— Я знаю, что они не имѣютъ въ этомъ нужды, господинъ маркизъ, отвѣчала Жильберта. — Знаю, что вы помогаете имъ гораздо-больше, нежели я въ силахъ помогать.

— Однако вы видите, что совсѣмъ-нѣтъ; я попалъ сюда случайно, а вы пріѣхали нарочно.

— Я также не угадала, что они имѣли во мнѣ надобность, отвѣчала Жильберта. — Эта бѣдная женщина сама пришла за мною; иначе, я точно также ни о чемъ бы не знала.

— Напрасно вы хотите уменьшить свою заслугу, чтобъ ослабить вину мою. За вами приходять, а ко мнѣ не смѣютъ обратиться; вотъ гдѣ мое осужденіе и ваша честь.

— Чортъ возьми, Жильберточка! сказалъ плотникъ, отведши въ сторону дѣвушку:—мнѣ сдается, что вы творите чудеса и, пожалуй, сдѣлали бы ручнымъ стараго филина, еслибъ захотѣли попытаться. Ну, нешто! какъ говорить Жанилла, — дѣло идетъ на ладъ, и если вы будете поступать и говорить по-моему, ручаюсь, вы помирите его съ отцомъ своимъ.

— О, еслибъ я могла! Но, увы! батюшка взялъ съ меня слово, даже клятву, никогда не стараться объ этомъ.

— А самъ однако умеръ бы отъ радости, еслибъ это удалось! Видите, если онъ взялъ съ васъ слово, то потому, что считалъ

невозможнымъ очень-возможное теперь... не завтра, можетъ-быть, а именно нынѣшній вечеръ! Надо ковать желѣзо, пока горячо, а вы видите, какая сдѣлалась чудесная перемѣна; мы съ нимъ пришли сюда вмѣстѣ, и онъ разговариваетъ со мною по-пріятельски.

— Какъ же сдѣлалось такое чудо?

— Трость на моей спинѣ сдѣлала это чудо; послѣ я расскажу вамъ. А покамѣтъ, старайтесь быть любезны, немножко смѣлы, замысловаты, словомъ, походите во всемъ нынѣшній вечеръ на вашего друга Жана. Слушайте, я начинаю!

Быстро отвернувшись отъ дѣвушки, Жанъ подошелъ къ старику.

— Знаете ли, сказалъ онъ: — о чемъ эта добрая дама говорила со мною на-ухо? Она непременно хочетъ довести васъ домой въ своемъ экипажѣ. Ну! г-нъ Буагибб, вы не можете отказать дамѣ; она говоритъ, что дороги очень — испорчены и вамъ нельзя идти пѣшкомъ, вы очень измокли и не можете дожидаться здѣсь своего экипажа, у нея кабріолетъ съ доброй лошадкою, настоящей священнической кобылицею, которую ничѣмъ не разсердишь и не испугаешь, и которая бѣжитъ довольно-скоро, когда рука нелинива и на кнутѣ есть хвостикъ. Черезъ четверть часа вы будете дома, тогда — какъ пѣшкомъ вамъ надо добрый часъ тащиться по грязи и по камешкамъ.

Господинъ Буагибб разсыпался въ искренней благодарности передъ прекрасною вдовою и не хотѣлъ принять ея предложенія; но Жильберта сама настаивала съ непобѣдимой прелестью.

— Умоляю васъ, господинъ маркизъ, сказала она, обративъ на него свои прекрасные глаза, еще неуспокоенные отъ испуга, какъ глаза голубки, не совсемъ сдѣлавшейся ручною: — не огорчайте меня отказомъ; мой экипажъ некрасивъ, бѣденъ и загрязненъ, лошадь моя также; но я одноколка и лошадь покойны. Я хорошо умѣю править, а Жанъ проводитъ меня домой.

— Но эта повозка слишкомъ задержитъ васъ, сказалъ маркизъ: — дома станутъ объ васъ беспокоиться.

— Ничего! подхватилъ Жанъ: — вотъ пажъ священника, который прислуживаетъ ему за обѣдней и звонитъ въ колоколъ; шалунъ съ твердыми ногами, бойкими глазами, которому, какъ лягушкѣ, вода ни по чемъ. У него на лапахъ дубовые башмачки потверже вашихъ, и въ Кюзьйонѣ онъ пойдетъ такъ же проворно, какъ пала въ сосновую тесницу. Онъ скажетъ, чтобъ не беспокоились, что сестрица священника съ добрыми людьми, что старикъ Жанъ проводитъ ее домой, и все тутъ! Слушай ты, разиня, сказалъ онъ Шарассону, который звалъ во весь рогъ и глядѣлъ съ остолбенѣлымъ видомъ на г-на Буагибб: — поди-ко, я провѣтрю тебя на вольномъ воздухѣ и выведу на дорогу.

Онъ вытащилъ Сильвена почти на рукахъ за нѣсколько шаговъ отъ хижины, навкинулъ ему на плечи свой кожаный фартукъ, и, дергая его немножко-крѣпко за уши, чтобъ тверже впечатлѣть свои слова въ памяти, сказалъ:

— Бѣги въ Шатобрёнъ и скажи г-ну Антуану, что Жильберта повзала со мною въ Буагидо; пусть онъ не беспокоится: у насъ все благополучно, и что, еслибъ даже она не ночевала дома, ему нѣчего тревожиться. Слышалъ? понимаешь?

— Слышать-то слышу, только не понимаю, отвѣчалъ Сильвѣнъ.

— Пустите ли вы мои уши, старый негодяй Жанъ?

— Я еще тебя вытану ихъ, если ты будешь разсуждать; а коли худо исполнишь мое порученіе, завтра совсѣмъ ихъ оторву.

— Хорошо; будетъ; пустите меня.

— Если завграешься дорогою, бѣда тебѣ!

— Вотъ еще! такова погода, чтобъ играть!

— А если потеряешь у меня фартукъ!..

— Не бойсь, что я за дуракъ, съ фартукомъ мнѣ же лучше!

Мальчикъ пустился бѣгомъ къ развалинамъ, находя въ потьмахъ дорогу кошачьимъ инстинктомъ.

— Теперь, сказалъ Жанъ, выводя старую кобылу съ тачкою изъ-подъ навѣса:— поговоримъ съ тобою, бравая Лантерна! А! мосьё Сакританъ, не гнѣвайтесь, это я! Вы провожали свою молодую госпожу, — прекрасно; но маркизъ не смотритъ только на людей: на собакъ онъ не боится глядѣть и можетъ узнать васъ. Не угодно ли отправляться въ слѣдъ за вашимъ пріителемъ Шарассонемъ? Очень-жалъ, что вы воротитесь домой пышкомъ.

Вытанувъ пару плотныхъ ударовъ кнутомъ бѣдному животному, онъ принудилъ его пуститься бѣгомъ по слѣдамъ Сильвена.

— Пожалуйте, маркизъ, я жду васъ! закричалъ плотникъ.

Побѣжденный настояніями Жильберты, маркизъ вошелъ въ сѣдѣлку, помѣстившись промѣжду дѣвушкой и Жаномъ Жаппу.

Звѣзды небесныя не видали этого страннаго сближенія, потому что густыя тучи закрывали ликъ ихъ, а тѣтка Марло, единственная свидѣтельница такого неслыханнаго приключенія, была такъ озабочена, что не могла предаваться долгимъ толкованіямъ. Маркизъ опустилъ ей въ руку кошелекъ, выходя за порогъ ея домика, и она провела остатокъ ночи, считая красивые эю, заключавшіеся въ кошелекъ, ухаживая за дѣтьми и приговаривая:

— То-то милая дѣвица; она принесла намъ счастье!

Маркизъ взялъ возжи, не желая допустить, чтобъ его любезная спутница сама трудилась править. Жанъ вооружился кнутомъ, чтобъ люжей рукою поощрять усердіе бѣдной Лантерны.

Жильберта, которую Жанилла, въ опасеніи грозы, снабдила широкимъ зонтикомъ и старымъ отцовскимъ плащомъ, отпуская на привычное отправленіе челолюбивыхъ обязанностей, завялась тѣмъ, чтобъ предохранять отъ дождя своихъ спутниковъ, и какъ вътеръ оспоривалъ у ней плащъ, то она одной рукою прикрыла плащомъ плеча маркиза, а другою держала изъ всѣхъ силъ зонтикъ, защищая голову старика съ дѣтской заботливостью. Маркизъ былъ такъ тронутъ этою великодушною внимательностью, что забылъ всю свою робость и выразилъ ей благодарность въ самыхъ неж-

ныхъ словахъ, какія только почтеніе позволяло ему. Жильберта трепетала при мысли, что съ минуты на минуту эта симпатія могла превратиться въ ярость, а старый Жанъ посмѣивался тайкомъ, поручая все на волю Провильніа.

Хотя было не позже девяти часовъ вечера, въ замкъ Буагибѣ всѣ спали, когда пріѣхали туда наши путешественники. Никогда никто, кромѣ стараго Мартена, не занимался господиномъ по закатѣ солнца, и въ этотъ вечеръ Мартенъ, заперевъ паркъ, когда маркизь ушелъ въ свою сырню, вовсе не подозревалъ, что барниъ вышелъ и рыскалъ по полямъ подъ дождемъ и молніею, въ сопровожденіи стараго плотника и молоденькой дѣвушки.

Жану не очень-то хотѣлось вѣзжать въ замокъ съ Жильбертою, ибо невозможно было, чтобъ, живя такъ близко отъ Шатобрёна, если не всѣ, то хоть нѣкоторые изъ слугъ не знали въ лицо прекрасной дѣвушки, и первое восклицаніе ихъ открыло бы истину.

Между-тѣмъ, дождь все шелъ, и не было никакой порядочной причины высадить у наружныхъ воротъ маркиза или Жильберту, тѣмъ-болѣе, что господинъ Буагибѣ рѣшительно требовалъ, чтобъ его спутники вошли къ нему въ домъ подождать у комелька окончанія такого упорнаго и холоднаго дождя. Впрочемъ, Жану смертельно хотѣлось воспользоваться этимъ предлогомъ, чтобъ продлить сближеніе; но Жильберта со страхомъ отказывалась войти въ мрачный замокъ Буагибѣ: несомнѣнно было, что это дѣло опасное...

Къ-счастью, эксцентрическія привычки маркиза сдѣлали ему невозможнымъ попасть въ замокъ. Напрасно нѣсколько разъ звонилъ онъ въ колоколъ: вѣтеръ яростно вылъ и далеко относилъ звонъ. Ни одинъ слуга, ни одна служанка не проводили ночи въ этой части замка, гдѣ систематически царствовало страшное уединеніе; что жъ до стараго Мартена, составлявшаго единственное исключеніе изъ правила, глухота мѣшала ему слышать и колоколъ и грозу.

Господинъ Буагибѣ былъ очень-огорченъ, что не могъ оказать гостепримства, къ которому все его обязывало, и сильно досадовалъ на себя, что не предвидѣлъ случившагося. Гнѣвъ его готовъ былъ снова вспыхнуть и обратиться на стараго Мартена, который ложился спать съ закатомъ солнца. Но, вдругъ какъ-будто рѣшившись на что-то, онъ сказалъ:

— Видно, я долженъ отказаться отъ намѣренія войти къ себѣ домой; безъ пушекъ, которыми бы могъ я взять свой замокъ приступомъ, не разбужу я никого; но если вы, сударыня, не боитесь посѣтить келью отшельника, у меня есть другой домъ, отъ котораго ключъ всегда при мнѣ, и тамъ мы найдемъ все нужное, чтобъ отдохнуть и согрѣться.

Съ этими словами, онъ повернулъ лошадь на дорогу къ парку, сошелъ у рѣшетки, самъ отперъ ее и ввелъ одноколку, ведя подъ

узды Лаутерну, между-тѣмъ, какъ Жанъ пожималъ руку дрожащей Жильберты, ободряя ее отважиться на приключеніе.

— Убей меня Богъ! сказалъ онъ ей шопотомъ: — онъ ведетъ насъ въ свой деревянный домъ, гдѣ всякую ночь вызываетъ чорта. Не бойся, Жильберта, я съ тобою, и нынче-то мы ужъ выживемъ отсюда сатану.

Господинъ Буагиббѣ, заперевъ за собою рѣшетку парка, велѣлъ плотнику вести лошадь и слѣдовать за нимъ до строеньца въ родѣ садовничьяго сарая, гдѣ Эмиль часто ставилъ своего *Воронка*, когда прѣвзжалъ или намѣревался поздно уѣхать; пока Жанъ занимался устанавливаніемъ подъ крышу бѣдной Лаутерны и тачки г. Антуана, маркизъ подалъ руку Жильбертѣ.

— Очень-жалъ, сказалъ онъ:—что принуждаю васъ пройти нѣсколько шаговъ по песку; но вы не успѣете промочить обувь, потому-что моя пустынька здѣсь близѣхонько, вотъ за этими скалами.

Жильберта дрожала всѣмъ тѣломъ, входя въ сырню съ страшнымъ старикомъ, котораго всегда считала помѣшаннымъ и который велъ ее въ потьмахъ. Однакожъ, она нѣсколько ободрилась, когда онъ отворилъ вторую дверь и когда она увидѣла корридоръ, освѣщенный лампою, которая поставлена была въ ниши, убранной цвѣтами. Это жилище, не смотря на свою деревенскую наружность и стиль, изящное и комфортное, понравилось ей чрезвычайно, и молодое воображеніе ея, страстное до поэтической простоты, какъ-будто очутилось въ одномъ изъ тѣхъ дворцовъ, которые она множество разъ видала во снѣ.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ Эмиль получилъ доступъ въ таинственный домикъ, тамъ произошли значительныя улучшенія. Онъ представилъ старику, что стовческія привычки, которыми тотъ протестовалъ противъ собственнаго богатства, начинали становиться черезчуръ суровы для его лѣтъ, и хотя г. Буагиббѣ не страдалъ еще никакою важною немощью, однако сознавался, что сильно терпѣлъ отъ холода въ ненастную пору. Эмиль самъ принесъ изъ стараго замка ковры, обои, плотныя занавѣсы и спокойную мѣбель, часто затоплялъ обширный каминъ, чтобъ умѣрять сырость дождливыхъ ночей, и маркизъ поддавался удовольствію видѣть себя предметомъ попеченій, — удовольствію чисто-нравственному, въ которомъ онъ видѣлъ доказательство внимательной и нѣжной привязанности. Молодой человекъ также устроилъ и убралъ комнату, гдѣ они съ старикомъ часто ужинали по вечерамъ. Онъ сдѣлалъ изъ нея родъ гостиной, и Жильберта съ восхищеніемъ, въ первый разъ отъ роду, чувствовала подъ ногами богатыя медвѣжьи шкуры и любовалась на мраморныхъ консоляхъ прекрасными вазами стариннаго севрскаго фарфора, съ самыми рѣдкими цвѣтами.

Каминъ, наполненный сухими сосновыми шишками, вспыхнулъ словно волшебствомъ, когда маркизъ кинулъ въ него зажженный листъ бумаги, и восковыя свѣчи, отражаясь въ зеркалъ съ дубо-

вой рамою, изогнутой и странно-вырванной, скоро наполнили комнату сіяніемъ, ослѣпительнымъ для глазъ дѣвушки, привыкшей къ свѣту маченькой лампы, куда Жанилла бережливо подливала масла.

Господинъ Буагибѣ, первый разъ въ жизни, употребилъ нѣкоторое кокетство на пріемъ въ своей сырнѣ такой милой гостыи. Онъ съ наивнымъ удовольствіемъ видѣлъ, какъ она разсматривала его цвѣты и любовалась ими, и общалъ, что завтра же пришлетъ ей всѣ ихъ черенки и сѣмена на подновленіе *священническаго сада*. Возвратясь на минуту къ живости молодыхъ лѣтъ, онъ ходилъ во всѣ стороны за разными рѣдкими бездѣлушками, которыя привезъ изъ своего путешествія по Швейцаріи, и предлагалъ ихъ ей съ простосердечной радостью; когда же она, краснѣя, отказывалась принять ихъ, онъ схватилъ корзинку, въ которой она привезла сиропы и варенья больнымъ своимъ, и наполнилъ ее хорошецькими деревянными вещицами, рзанными во Фрейбургѣ, образчиками горнаго хрустала, агатами и сердоликами, ограненными въ печатики и перстни; наконецъ, всѣми сортами цвѣтовъ, находившихся въ вазахъ, связавъ ихъ какъ умѣлъ искуснѣе въ огромный букетъ.

Трогательная грація, съ которою Жильберта въ смущеніи благодарилъ старика, ея наивные вопросы о путешествіи въ Швейцарію, о которомъ г-нъ Буагибѣ сохранялъ восторженное воспоминаніе (выражавшееся немножко-классическими терминами), участіе, съ какимъ она его слушала, ея умныя замѣчанія, когда она успѣвала ободриться, очаровательный звукъ ея голоса, изящество ея: простыхъ и натуральныхъ манеръ, отсутствіе кокетства и смѣсь страха съ увлеченіемъ, разлитая въ ея осанкѣ и чертахъ и придававшая красотѣ ея характеръ еще пѣвнѣе обыкновеннаго; ея одушевленный цвѣтъ лица, глаза, увлажненные усталостью и волненіемъ, грудь, стѣсняемая страннымъ томленіемъ, ангельская улыбка, какъ-будто молившая о помилованіи или защитѣ, — все это такъ живо проникло маркиза и такъ быстро овладѣло имъ, что онъ вдругъ почувствовалъ себя влюбленнымъ до глубины души, — влюбленнымъ свято, не позорнымъ посяганіемъ старика на юность и красоту, но родительской любовью къ чистому, прелестному дитяти. Когда плотникъ припелъ къ нимъ, самъ ослѣпленный и очарованный удовольствіемъ, что очутился въ такой свѣтлой и теплой комнатѣ, онъ едва вѣрилъ ушамъ, слыша, что г. Буагибѣ говорилъ Жильбертъ:

— Подвиньте ноги къ камину, милое дитя мое; я боюсь, чтобъ вы не простудились нынѣшней вечеръ; въ жизнь не простылъ бы я себя-этого!

Увлекаемый необычайною внимательностью, маркизъ обратился къ плотнику, протянулъ ему руку и сказалъ:

— Поди и ты сюда, присядь съ нами у огня.— Бѣдный Жанъ! ты былъ едва одѣтъ и промокъ до костей! Опять-таки моя же вина;

еслибъ ты не пошелъ провожать меня, ты ушелъ бы на ферму и былъ бы тамъ до-сихъ-поръ; пуше всего ты пеужиналъ бы; вѣдь ты еще ничего не ѣлъ!.. Какъ бы мнѣ накормить тебя? я увѣренъ, что ты до смерти голоденъ!

— Дá, правду сказать, г-нъ Буагибó, отвѣчалъ плотникъ, усмѣхаясь и ворочая свои саботы въ горячей золь: — мнѣ ни по чемъ дождь, но голодъ—не свой братъ. Вашъ деревянный домикъ сделанъ чертовски-хорошъ съ-тѣхъ-поръ, какъ я не бывалъ въ немъ; но еслибъ нашелся кусокъ хлѣба въ которомъ-нибудь изъ этихъ шкаповъ, куда я когда-то вставлялъ полки... они показались бы мнѣ еще лучше. Съ полудня до сумерекъ я рубилъ во всю голову, и теперь я слабѣ мухи!

— Ахъ! да-бишь! вскричалъ г-нъ Буагибó, — вѣдь я также не ужиналъ, я совсѣмъ забылъ объ этомъ, а здѣсь должно быть приготовлено что-нибудь; только не знаю гдѣ. Помощемъ, Жанъ, поможемъ и найдемъ!

— Стучите и отворится вамъ! весело сказалъ плотникъ, дергая за ручку внутренней двери.

— Не тамъ, Жанъ! сказалъ живо маркизь: — тамъ нѣтъ ничего, кромѣ книгъ.

— А! такъ эта-то дверь испортилась! подхватилъ Жанъ:— сама попала подъ руку. Завтра мы поправимъ ее: надо только немножко подстрогать дерево на верху, чтобъ задвижка приходилась. Такъ вашъ старый Мартенъ и этого-то не умѣетъ сдѣлать? Правда, онъ всегда бывалъ неловокъ и недогадливъ!

Будучи одинъ сильнѣе обохъ стариковъ, Жанъ притворилъ дверь, не искушаясь на малѣйшимъ любопытствомъ, и маркизь былъ ему благодаренъ за эту безпечность, потому-что пристально и съ нѣкоторымъ безпокойствомъ наблюдалъ за нимъ, пока онъ держался за ручку.

— Обыкновенно здѣсь бываетъ столикъ совершенно-накрытый, возразилъ г-нъ Буагибó: — не понимаю, куда онъ дѣвался; развѣ Мартенъ позабылъ обо мнѣ нынѣшній вечеръ!

— О! если только вы не перевели ихъ, старые часы его мозга ходили исправно, сказалъ плотникъ, съ удовольствіемъ припоминавшій все подробности быта маркиза, нѣкогда столь знакомыя ему: — что тутъ такое за ширмами? Вотъ оно! Сдается, вещи лакомыя и питательныя!

Отодвинувъ ширмы, онъ вытащилъ столикъ съ жареною курицей, бѣлымъ хлѣбомъ, тарелкою земляники и бутылкою бордосскаго вина.

— Прекрасное угощеніе для дамы, г-нъ Буагибó!

— О! еслибъ только ей угодно было принять мою маленькую закуску! сказалъ маркизь, подкатывая столикъ къ Жильбертъ.

— Отъ-чего жъ вѣтъ? еще бы! сказалъ Жанъ, подшучивая. — Бьюсь объ закладъ, что ея добрая душа подумала о другихъ прежде, чѣмъ о питаніи собственнаго тѣла. Видите, она отвѣдаетъ

землянички, вы, г-нъ Буагибô, возьмете на свою долю это бѣлое мясо, а я ужъ удовольствуюсь мяконькимъ хлѣбцомъ да этииъ темныиъ виномъ.

— Мы будемъ ужинать, какъ должны бы ѣсть всѣ люди, отвѣчалъ маркизъ; — всякій по своему аппетиту, и оныиъ, я увѣренъ, покажетъ намъ, что слишкомъ-большая доля, приготовленная одному, будетъ достаточна для нѣсколькихъ. Сдѣлайте милость, сударыня, доставьте мнѣ счастье угостить васъ.

— Миѣ вовсе не хочется ѣсть, сказала Жильберта, которая уже нѣсколько дней была такъ разстроена и неспокойна, что не могла сохранять аппетита:—но, чтобъ заохотить обоиъхъ васъ ужинать, я также отвѣдаю чего-нибудь.

Г-нъ Буагибô сѣлъ подлѣ нея и усердно подчивалъ. Жанъ отговорился тѣмъ, что очень загрязнился и считаетъ неприличнымъ сидѣть рядомъ съ ними; когда же маркизъ началъ настаивать, онъ признался, что находилъ очень-неудобнымъ сидѣть на такихъ мягкихъ и низкихъ стульяхъ, выдвинулъ деревянную скамью, уцѣлѣвшую отъ прежней деревенской мѣбели, и, усѣвшись подъ навѣсомъ каминна, чтобъ высушиться съ ногъ до головы, принялся ѣсть съ большой охотою. Его доля была очень-изобильна, потому что Жильберта только отвѣдала земляники, а маркизъ отличался примѣрной воздержностью. Притомъ, есливъ даже маркизъ чувствовалъ аппетитъ больше обыкновеннаго, то съ радостью отказалъ бы себѣ въ пользу человека, котораго за два часа передъ тѣмъ ударилъ, и который прощалъ ему съ такимъ чистосердечiemъ.

Крестыиный обыкновенно ѣсть медленно и молча: для него ѣда не есть удовольворенiе прихотливой и быглой потребности, а родъ торжественнаго дѣла; вбо часъ ѣды въ то же время есть часъ отдыха отъ дневныхъ работъ и размышленiя. Жанплу сдѣлался очень-степененъ, методически отрзывая хлѣбъ крошечными ломтиками и посматривая на сосисовыя шпиксы, вылавшiя въ каминѣ. Г-нъ Буагибô почти истощалъ съ Жильбертою все, о чемъ можно разговаривать съ незнакомой особю, и также впалъ въ свой обычный законизмъ, а Жильберта, изнуренная нѣсколькими ночами бессоницы и слезъ, почувствовала, что теплота огня, смѣшивъ холодъ грозы, повергала ее въ неодолимое усыпленiе. Она боролась сколько могла; но бѣдняжка, такъ же какъ и другъ ея плотникъ, не привыкла къ мягкимъ кресламъ, шеховымъ коврамъ и блеску восковыхъ свѣчъ. Усиливаясь отвѣчать и улыбаться на слова маркиза, становившiяся болѣе и болѣе рѣдкими, она словно подчинилась влiяию магнетизма; прекрасная голова ея нечувствительно прислонилась къ спинкѣ кресла, стройная ножка протянулась къ каминну, и ровное, чистое дыханiе вдругъ обнаружило рѣшительную небвду сна надъ ея волею.

Г-нъ Буагибô, видя, что плотникъ погружился въ родъ самоуглубленiя, началъ всматриваться въ черты Жильберты пристальнѣе, нежели до-тѣхъ-поръ осматривался, и какая-то дрожь овладѣла

вмѣ, когда подъ черной сѣткою, полуспавшей съ головы ея, увидалъ онъ роскошныя блестящія русые волосы. Но плотникъ вывелъ его изъ созерцанія, сказавъ ему тихимъ голосомъ:

— Г-нъ Буагиббъ, быось объ закладъ, что вы никакъ не ожидаете того, что я хочу вамъ сказать? Вглядитесь хорошенько въ эту миленькую даму, а потомъ я скажу вамъ, кто она такая!

Г-нъ Буагиббъ поблѣднѣлъ и уставилъ остолбенѣлые глаза на плотника.

VIII.

Неизвѣстность.

— Ну, что, г-нъ Буагиббъ? вглядѣлись ли вы? сказалъ плотникъ лукавымъ и довольнымъ тономъ: — отгадаете ли сами-по-себѣ, что васъ должно всего больше интересоватъ въ ней?

Маркизь привскочилъ и тотчасъ же опять опустился на стулъ. Лучъ свѣта мелькнулъ наконецъ въ умъ его, и его пронизательность, столь долго обманываемая, вдругъ зашла дальше, нежели желалъ Жанъ. Онъ какъ-будто догадался и вскричалъ голосомъ исполненнымъ жестокаго негодованія:

— Теперь она не пробудетъ здѣсь ни минуты дольше!

Нечаянно-разбуженная, испуганная, Жильберта увидѣла передъ собою гнѣвное лицо маркиза, сочла себя пропавшею, и съ отчаяніемъ думая, что, вмѣсто сближенія отца съ г-нъ Буагиббъ, она послужитъ причиною еще сильнѣйшей вражды между ними, помышляла только о томъ, чтобъ взять всю вину на себя и испросить прощеніе г-ну Антуану. Упавъ на колѣни съ граціозностью цѣтка, склоняющагося подъ вѣтромъ бури, она схватила дрожащую руку маркиза, и, задыхаясь отъ волненія, опустила свою предестную головку и прислонила къ рукъ старика чело, подернутое смертною блѣдностью.

— Эхъ! эхъ! сказалъ плотникъ, ухвативъ другую руку маркиза и сильно потрясая ее: — не грѣхъ ли вамъ, г-нъ Буагиббъ, испугать до такой степени это дитя? Или на васъ опять нашла хандра? Не-ужь-то, наконецъ, я долженъ буду разсердиться?

— Кто она? возразилъ маркизь, силясь оттолкнуть Жильберту, но смѣшномъ ослабѣвъ отъ судорожнаго сжатія всего существа своего: — скажи мнѣ, кто она, я хочу знать!

— Вы ужь знаете, вотому-что вамъ было сказано, отвѣчалъ Жанъ, пожимая плечами: — она бѣдная и неизвѣстная сестра сельскаго священника. Не отъ-того ли вы обходитесь съ нею такъ сурово? Или хотите, чтобъ она знала объ васъ то же, что я знаю? Опомнитесь; не показывайте ей своихъ недостатковъ, г-нъ Буагиббъ; видите, что вашъ злой видъ заставляетъ ее умирать со страха!

Хороша манера принимать и угощать гостей у себя въ домѣ! Могла ли она ожидать этого, видѣвъ столько ласки отъ васъ? а все-го-то хуже, что я не могу сказать ей, на кого вы сердитесь, потому-что самъ на этотъ разъ ничего не понимаю!

— Не знаю, смѣтаете вы надо мною, или нѣтъ, сказалъ маркизъ совершенно встревоженный: — но что вы хотѣли сейчасъ сказать мнѣ?

— Одну вещь, которая принесла бы вамъ удовольствіе, но которой теперь не скажу, потому-что вы ужь не въ полномъ разсудкѣ.

— Жанъ, говорите, объяснитесь; я не могу выносить этой неизвестности!

— Я также не могу ее выносить, сказала Жильберта, заливаясь слезами: — не знаю, Жанъ, что вы сказали или хотѣли сказать обо мнѣ; не знаю, что здѣсь за положеніе мое, но оно невыносимо. Уйдемъ отсюда!

— Нѣтъ... нѣтъ... подхватилъ маркизъ съ нерѣшительностью и стыдомъ: — на дворѣ еще дождь, погода ужасная, я не пушу васъ.

— Хорошо; зачѣмъ же вы сейчасъ хотѣли прогнать ее? возразилъ Жанъ съ презрительнымъ спокойствіемъ: — кто пойметъ ваши капризы! Я отказываюсь понимать ихъ, и уйду.

— Я не останусь здѣсь безъ васъ! вскричала Жильберта, бросаясь къ плотнику, который дѣлалъ видъ, будто собирается уйти.

— Сударыня... извините; я не знаю, кто вы, сказалъ г-нъ Буагибб, остановивъ ее и удерживая также плотника: — сдѣлайте милость, выслушайте меня, а если вы чужды мрачному безпокойству, которое меня мучить въ эту минуту, простите мое волненіе, которое должно вамъ казаться очень-смѣшнымъ, но которое, повѣрьте, очень-тяжело! Я обязанъ объяснить вамъ его. Мнѣ намекнули, что вы не та, за кого я васъ принималъ... что вы другая особа... которую я не хочу ни видѣть, ни знать... Боже мой! не знаю, какъ бы вамъ это сказать... Или вы вполне понимаете меня, или вовсе не можете понять...

— А! теперь я понимаю, наконецъ, сказалъ хитрый плотникъ:— и сейчасъ скажу за васъ то, чего вамъ не удастся объяснить... Мадамъ Роза, примолвилъ онъ, обращаясь къ Жильбертѣ и смѣло называя ее именемъ сестры кюзійонскаго священника:— вѣрно, вы знаете дѣвицу Жильберту де-Шатобрёнъ, вашу молоденькую сосѣдку? Ну, такъ вотъ! господинъ маркизъ за что-то очень сердитъ на нее, какъ видно; надо полагать, что она нанесла ему какую-нибудь тяжкую обиду; а какъ я собирался молвить ему кой-что на-счетъ васъ съ г-мъ Эмилемъ...

— Что ты говоришь? вскричалъ маркизъ:—что Эмиль?..

— Не ваше дѣло, возразилъ Жанъ:— вы теперь ничего не узнаете, я говорю съ мадамъ Розой... Да, мадамъ Роза, г-нъ Буагибб

не терпитъ дѣвицу Жильберту; ему вообразилось, что вы — Жильберта; вотъ почему онъ хотѣлъ чуть не выкинуть васъ въ окно.

Жильберта чувствовала смертельное отвращеніе поддерживать эту странную и дерзкую шутку; въ-продолженіе нѣсколькихъ минутъ она была исполнена живой симпатіи къ маркизу и упрекала себя за то, что злоупотребляла его заблужденіе и подвергала его волненіямъ, отъ которыхъ онъ по-видимому страдалъ столько же, сколько она сама. Она рѣшилась мало-по-малу вывести его изъ заблужденія, и поступить еще смѣлѣе своего замысловатаго сообщника, подвергаясь слѣдствіямъ гнѣва г-на Буагибѣ.

— По крайней-мѣрѣ, сказала она съ благородной увѣренностью: — въ томъ, что я слышу — для меня есть загадка. Не могу постичь, за что Жильберта Шатобрѣнъ служить предметомъ отверженія для столь справедливаго и столь почтеннаго человѣка, какъ г-нъ Буагибѣ. Такъ-какъ я не знаю о ней ничего, что могло бы оправдать подобное отвращеніе, и какъ для меня важно знать, чего должно держаться на ея счетъ, то я покорнѣйше прошу г-на маркиза сказать мнѣ все, что онъ знаетъ объ ней худаго, для того, по-крайней-мѣрѣ, чтобъ она могла оправдаться передъ честными людьми, которые съ ней знакомы.

— Я желалъ бы, сказалъ маркизъ съ глубокимъ вздохомъ: — чтобъ имя Шатобрѣна при мнѣ не произносилось...

— Такъ это имя заклеено позоромъ? возразила Жильберта съ порывомъ неодолимой гордости.

— Нѣтъ... нѣтъ... я совсѣмъ не говорю этого, отвѣчалъ маркизъ, котораго гнѣвъ такъ же быстро угасалъ, какъ воспламенялся. — Я не обвиняю никого, ни въ чемъ не упрекаю кого бы то ни было. Я въ ссорѣ съ упоминаемой вами особой; не хочу, чтобъ со мной говорили о ней, и самъ также не говорю... зачѣмъ же предлагать мнѣ бесполезные вопросы?

— Бесполезные вопросы! повторила Жильберта. — Напрасно вы считаете ихъ бесполезными, г-нъ маркизъ. Очень-странно, что такой человѣкъ, какъ вы, въ ссорѣ съ молоденькой дѣвицей, которой онъ не знаетъ, никогда не видалъ, можетъ-быть... Значить, она сдѣлала какой-нибудь недостойный поступокъ, или сказала какое-нибудь слово противъ него; вотъ-что я желаю узнать и умоляю васъ сказать мнѣ, для того, чтобъ, если Жильберта Шатобрѣнъ не заслуживаетъ ни уваженія, ни вѣры, я остерегалась всякихъ сношеній съ такой опасной дѣвушкой.

— Вотъ-что называется говорить! вскричалъ Жанъ, хлопая въ ладони. — Да! я также не прочь бы узнать, въ чемъ дѣло; потому-что какъ бы то ни было, эта Жильберта дѣлала мнѣ добро, попла, кормила меня, когда я бывалъ голоденъ, прjala шерсть мнѣ на платье, когда мнѣ было нечего надѣть. Я всегда видѣлъ ее сострадательною, кроткою, нѣжною къ родителямъ, примѣрно-честною дѣвушкой! Теперь, если она виновата въ какомъ-нибудь безчестіи.

поступкѣ, я буду самъ себя стыдиться, что обязывался ей, и впередъ ничѣмъ не стану одолжаться.

— Ваши нелѣпныя объясненія подняли всѣ эти пустые толки! сказалъ маркизъ плотнику. — Откуда вы взяли такіе вздоры, какіе мнѣ приписываете? Я въ ссорѣ издавна съ отцомъ этой дѣвушки, а не съ нею; я не знаю ея и не могу сказать о ней ничего, рѣшительно ничего...

— И, однакожь, вы прогнали бы ее отъ себя, еслибъ она осмѣлилась сюда явиться! сказала Жильберта, смотря на маркиза, котораго замѣшательство начинало совершенно успокоивать ее.

— Прогналъ бы!.. нѣтъ; я никого не прогоняю! отвѣчалъ онъ: — но мнѣ показалось бы немножко-обиднымъ, немножко-страннымъ, еслибъ она вздумала бы прійти сюда.

— А! а она много разъ думала объ этомъ, сказала Жильберта: — я это знаю, потому-что мнѣ извѣстны ея мысли; я могу повторить вамъ то, что она говорила мнѣ...

— Зачѣмъ же? сказалъ маркизъ, отворачиваясь: — стоить ли такъ долго заниматься порывомъ, которому я поддался не подумавъ? Я былъ бы въ отчаяніи, еслибъ слова мои поселили въ чѣмъ-нибудь умѣ дурное мнѣніе объ этой дѣвушкѣ... Я не знаю ея, повторяю вамъ, и не могу упрекнуть ея ни въ чѣмъ. Одного только желаю, чтобъ слова мои не были повторяемы, искажаемы, преувеличиваемы... Слышите, Жанъ? вы беретесь толковать восклицанія, которыя у меня вырываются, и дѣлаете это очень-дурно. Пожалуйста, если въ васъ есть какое-нибудь ко мнѣ расположеніе, прибавилъ маркизъ съ горькимъ усиленіемъ: — не произносите никогда моего имени въ Шатобрёнъ, и не упоминайте обо мнѣ ни по какому поводу. Васъ также, сударыня, прошу избавить меня отъ всякаго непрямаго соприкосновенія, отъ всякаго косвеннаго объясненія, — словомъ, отъ всякаго рода сношеній съ этой фамиліей; и если, для сохраненія спокойствія своего на этотъ счетъ, я долженъ остеречься отъ того, что было необдуманнаго въ моей вспыльчивости, то готовъ протестовать противъ всего, что могло бы въ моей мысли быть вредосудительнаго для репутаціи и характера дѣвицы Шатобрёнъ.

Маркизъ выговорилъ это съ мѣрною холодною, которая возвратила ему все приличіе и достоинство его обыкновенной роли. Жильберта предпочла бы новый порывъ гнѣва, за которымъ могла бы надѣяться смягченія и слабости. Она не имѣла духа дальше настаивать, и, понимая по вдругъ-оледенѣвшимъ манерамъ маркиза, что была вполнину разгадана и что въ немъ зародилась непобѣдимая недовѣрчивость, почувствовала себя въ такомъ неловкомъ положеніи, что желала бы тотчасъ ухватъ; но Жанъ былъ отнюдь не доволенъ оборотомъ этого объясненія и рѣшился нанести послѣдній ударъ.

— Хорошо, сказалъ онъ: — пусть будетъ, какъ угодно г-ну Буагибб. Опъ добръ и справедливъ по сердцу, мадамъ Роза; перестанемъ же тревожить его, поведемъ домой! Но напередъ, я желаю

бы, чтобъ вы съ нимъ объяснились иначе... Ну, будьте поостереженнѣе! Вы покраснѣете, забраните меня, заплачете, можетъ-быть... Но я знаю, что дѣлаю, знаю, что такого случая, какъ теперь, не встрѣтится, можетъ-быть, никогда, и надо уметь перенести кой-какое замѣшательство, чтобъ поддержать и утѣшить тѣхъ, кого любишь... Что вы глядите на меня съ такимъ изумленнымъ видомъ? развѣ не знаете, что г-нъ Буагибѣ лучший другъ нашего Эмиля, владѣетъ его полной довѣренностью, и, не зная, что дѣло идетъ объ васъ, коротко знаетъ весь его страданіе и ваши? Да, г-нъ Буагибѣ, мамамъ Роза... та самая! понимаете? Ну, поговорите же съ нею, ободрите ее, скажите, что Эмиль хорошо сдѣлалъ, такъ же, какъ и она, не поддавшись хитрости дяди-Кардоннѣ. Вотъ, что я хотѣлъ вамъ сказать, когда вы перервали меня своей вспышкой на счетъ дѣвицы Шатобрѣнъ, о которой я и не думалъ!

Жильберта пришла въ такое смущеніе, что г-нъ Буагибѣ, начинавшій глядѣть на нее съ участіемъ и вмѣстѣ съ бездѣйствіемъ, былъ тронутъ и пустился ободрять ее. Онъ взялъ ее за руку, и, посадивъ снова въ кресла, сказалъ:

— Не смущайтесь передо мною; вѣдь я старикъ, и другой старикъ измѣняетъ вашимъ секретамъ. Конечно, у него очень-рѣзкая, очень-необыкновенная манера дѣйствовать; но какъ намѣренія его добры и какъ его оригинальный характеръ заслужилъ дружбу чело­вѣка, который насъ съ вами интересуетъ больше всего на свѣтѣ, то постараемся преодолѣть свое взаимное замѣшательство, и будемъ въ-самомъ-дѣлѣ пользоваться случаемъ...

Но Жильберта, потерявшись отъ рѣшительности плотника и ужаснувшись, что тайна ея сердца предана въ руки чело­вѣка, внушавшаго ей больше страха, чѣмъ довѣрія, закрыла лицо руками и молчала.

— Ну! сказалъ плотникъ (котораго ничто въ свѣтѣ не могло сбить съ того, на что онъ рѣшился, — шло ли дѣло о преодоленіи стыда или о срубкѣ дѣса): — она совсѣмъ растерялась, и теперь на меня будутъ дуться за нескромность! Но еслибъ Эмиль былъ тутъ, онъ не осудилъ бы меня. Онъ былъ бы радъ, что г-нъ Буагибѣ увидѣлъ собственными глазами, умѣстно ли его чувство, и завтра будетъ гордиться, когда г-нъ Буагибѣ скажетъ ему: «Я ее видѣлъ, знаю, и ничему больше не удивляюсь!» Не правда ли, г-нъ Буагибѣ, вы скажете ему это?

Г-нъ Буагибѣ не отвѣчалъ. Онъ все глядѣлъ на Жильберту, колеблясь между могущественнымъ влеченіемъ и ужаснымъ подозрѣніемъ. Онъ нѣсколько разъ прошелся по комнатѣ, чтобъ побѣдить въ себѣ жестокое волненіе, и послѣ многихъ вздохѣвъ и внутренней борьбы снова подошелъ къ Жильбертѣ и взялъ ее за обѣ руки.

— Кто бъ вы ни были, сказалъ онъ: — вы располагаете участію благороднѣйшаго юноши, какаго только старость моя могла желать себѣ въ опору и въ утѣшеніе. Я скоро умру, и покину землю, не испытавъ на ней ни минуты счастья, если не оставлю Эмиля въ

ладу съ самимъ-собою. О! умоляю васъ, — васъ, которая должна имѣть на всю его будущность такое великое вліяніе... столь благо-творное или столь пагубное!.. Сохраните для истины это сердце, достойное служить ей святилищемъ. Вы очень-молоды: вы еще не знаете, что значить любовь женщины въ жизни такого человѣка, какъ онъ! Вы, можетъ-быть, не знаете, что отъ васъ зависить сдѣлать изъ него героя или низкаго человѣка, мученика или отступника! Увы! того, что я говорю вамъ, въ эту минуту, навѣрное, вы не понимаете во всей обширности значенія... Нѣтъ, вы слишкомъ-молоды; чѣмъ больше гляжу на васъ, тѣмъ больше вы кажетесь мнѣ ребенкомъ! Молоденькое созданіе, безъ опытности и безъ силы, вы готовитесь располагать сильною душою, и можете сокрушить ее, или возвысить... Простите, что я говорю это вамъ: я очень встревоженъ и не умѣю находить приличныхъ словъ... Не желаю ни огорчать васъ, ни приводить васъ въ затрудненіе; но я опечаленъ, испуганъ, и чѣмъ вы прекраснѣе и невиннѣе, тѣмъ сильнѣе я чувствую, что душа Эмиля не принадлежитъ мнѣ больше!

— Извините, г. маркизъ, отвѣчала Жильберта, отирая слезы: — я очень васъ понимаю, и какъ я ни млада въ-самомъ-дѣлѣ, но чувствую великость своей отвѣтственности передъ Богомъ. Дѣло не обо мнѣ: не себя хочу я защищать и оправдывать передъ вами, но Эмиля, его благородное сердце, въ которомъ вы, кажется, сомнѣваетесь. Успокойтесь! Эмиль не солжетъ ни передъ людьми, ни передъ вами, ни передъ отцомъ, ни передъ самимъ-собою. Не знаю, хорошо ли я понимаю важность его идей, и глубину вашихъ; но я боготворю истину. Правда, я не философа, не ученая; но вѣрую, воспитана въ правилахъ Евангелія, и не могу толковать ихъ въ смыслъ, противоположномъ тому, который Эмиль даетъ имъ. Я понимаю, отецъ его требуетъ, чтобъ онъ имѣнціалъ евангельскому ученію, и еслибъ я считала Эмиля способнымъ согласиться на это, я стыдилась бы, что такъ грубо обмолвилась, полюбивъ человѣка безъ вѣры и совѣсти! Но со мною не случилось такого несчастія. Эмиль найдетъ силы отречься отъ меня, если нужно, и отречется отъ меня скорѣе, чѣмъ отъ самого-себя; я съ своей стороны съумѣю сохранить твердость, еслибъ до-временамъ его твердость ослабѣвала... Однакожь, я не боюсь этого; знаю, что онъ страдаетъ и сама страдаю; но буду достойна его привязанности, какъ онъ достоинъ вашей, и Богъ поможетъ намъ перенести все, потому-что Онъ не оставляетъ тѣхъ, кто страдаетъ изъ любви къ Нему и во славу Его имени.

— Славно сказано! вскричалъ плотникъ: — желалъ бы я умѣть такъ говорить. Но все равно, я думаю точно такъ, и Господу это столько же пріятно.

— Да, ты правъ, сказалъ г. Буагибо, котораго поразило убѣжденіе, отзывавшееся въ энергической выходкѣ плотника: — я не

зналъ, Жанъ, что ты можешь быть для Эмиля такимъ вѣрнымъ другомъ и едва-ли не полезнѣе меня-самого.

— Не скажу этого, г-нъ Буагибó; я знаю, что Эмиль почитаетъ васъ какъ настоящаго отца, вмѣсто того недобраго отца, котораго дала ему судьба; но я также немножко другъ ему и, кажется, вчера вечеромъ мнѣ удалось его образумить, такъ же, какъ нынче утромъ я образумилъ другихъ... Вотъ она-такъ, сказалъ онъ, указывая на Жильберту: — она ни въ комъ не нуждается. Я такъ и ожидалъ! Съ первой же минуты, ея рѣшеніе было готово, и мнѣ сдается, что въ ея лѣта не худо имѣть столько силы, хотя вы, кажется, и не обращаете на это большаго вниманія.

Маркизь медлилъ отвѣтомъ и опять прошелся по комнатѣ, не говоря ни слова; потомъ остановился у окна, отворилъ его и сказалъ, подходя къ Жильбертѣ:

— Дождь прошелъ; я боюсь, чтобъ ваши родные не стали объ васъ беспокоиться. Я... не смѣю удерживать васъ дольше нынѣшній вечеръ... но... мы увидимся, и я буду больше въ духъ поговорить съ вами... потому-что имѣю многое сказать вамъ.

— Нѣтъ, маркизь, отвѣчала Жильберта, вставая: — мы никогда не увидимся: пришлось бы опять васъ обманывать, а я не въ состояніи... Случай далъ мнѣ встрѣтить васъ, и я думала исполнить долгъ, оказывая вамъ кой-какія неважныя услуги, которыя предписывало мнѣ сердце. До-тѣхъ-поръ, я не была виновна, ставлю самихъ васъ судьбою: надо было лгать, чтобъ заставить васъ принять мои услуги; сверхъ же того, отецъ мой взялъ съ меня клятву, что я никогда не потревожу васъ его горестью, его раскаяніемъ въ обидѣ, которую онъ вамъ нанесъ и которой я не знаю,—его привязанностью къ вамъ, которая уцѣлѣла въ видѣ болѣзненной язвы въ его сердцѣ!.. Въ дѣтскихъ грѣзахъ своихъ, я часто замышляла пойти упасть къ вашимъ ногамъ и сказать: «Отецъ мой страждетъ; онъ несчастенъ отъ васъ. Если онъ оскорбилъ васъ, примите въ искупленіе вины его мои слезы, мое униженіе, мою покорность, мою жизнь, если угодно! но подайте ему руку и растопчите меня ногами: я все буду благословлять васъ, если вы снимете съ сердца отца моего горе, которое его гложетъ и преслѣдуетъ даже во снѣ». Дá, такой мечтою убаюкивалась я нѣкогда! Но я отреклась отъ нея, потому-что это приказалъ мнѣ отецъ, полагая, что я только раздражу гнѣвъ вашъ; теперь же отрекаюсь больше чѣмъ когда-нибудь, увидѣвъ нынѣшній вечеръ вашу холодность и отвращеніе, какое внушаетъ вамъ мое имя. Удаляюсь, не моля васъ за него, проникнутая глубоко-прискорбнымъ убѣжденіемъ, что отецъ мой — жертва величайшей несправедливости съ вашей стороны! Но я приложу всѣ старанія разсвѣтъ его отъ этой печали и утѣшить. Чтò же до васъ, господинъ маркизь, я подаю вамъ средства наказать меня за певинную хитрость, на которую я рѣшилась нынче, желая предохранить здоровье и, можетъ-быть, жизнь того, кого такъ любилъ отецъ мой. Выдаю вамъ

свою тайну, которую вамъ открыли противъ моей воли, но за которую не стыжусь, что вы ее узнали: это тайна гордой души и любви, которую благословилъ Богъ, потому-что самъ внушилъ ее. Не опасайтесь, что увидите меня опять, маркизъ; не опасайтесь также, чтобъ Жанъ, неосторожный, но великодушный другъ, который подвергся вашему гнѣву для примиренія насъ съ вами, — потревожилъ васъ когда-нибудь напоминаніемъ о насъ: я уговорю его... Я удостоилась нынѣче вашего гостепріимства, маркизъ, и позвольте мнѣ никогда не забывать этого. Вамъ нѣ о чемъ будетъ жадать, потому-что вы не останетесь обмануты ложью, и если нужно, для облегченія вашей вражды, выдете еще способъ прогнать съ безчестіемъ изъ своего дома дочь Антуана Шатобрѣна!

— Посмотрѣлъ бы я! вскричалъ Жанъ Жапплѹ, ставъ подлѣ нея и взявъ ее подѣ руку: — я одинъ во всемъ виноватъ; я противъ ея воли выдумалъ всю эту ложь; мнѣ запало на умъ, что она можетъ свести васъ съ отцомъ... Вы упрямы, г-нъ Буагибѣ; но, клянусь всеми чертями! вы не осмѣлитесь нанести обиду моему Жильбертъ; не то... я вспомню, что нынѣче пересѣкъ поподамъ вашу палку!

— Ты забываешься, Жанъ, холодно отвѣчалъ г. Буагибѣ. — Сударыня, сказалъ онъ, обращаясь къ Жильбертъ: — позвольте предложить вамъ руку проводить васъ до экипажа.

Жильберта съ трепетомъ согласилась; но она почувствовала, что рука маркиза трепетала еще сильнѣе. Онъ молча помогъ ей сѣсть въ экипажъ; потомъ, замѣтивъ, что на дворѣ было еще очень-холодно, хотъ небо и прояснилось, сказалъ:

— Вы вышли изъ очень-теплаго мѣста, а одѣты довольно-легко; сейчасъ я принесу вамъ, чѣмъ укрыться.

Жильберта поблагодарила его, показавъ, что съ нею былъ плащъ ея отца.

— Но онъ мокрый, а это хуже чѣмъ ничего, возразилъ маркизъ.

Онъ возвратился въ сырню.

— Чортъ бы побралъ стараго дурака! сказалъ Жанъ, съ досадою хлестнувъ кобылу: — надозль онъ мнѣ. Я на него сердитъ; ничто не удалось, и мнѣ хочется поскорѣе выбраться изъ его берлоги. Никогда въ нее ногъ не поставлю. Отъ одного взгляда на этого челоуька можно простудиться. Уѣдемъ; чѣго его ждатель!

— Напротивъ, лучше подождать, и не принуждать его бѣжать за нами, сказала Жильберта.

— Э! вы думаете, онъ очень заботится, чтобъ вы не простудились? Да онъ ужъ и забылъ; посмотрите, что не воротится! Уѣдемъ!

Но, подѣхавъ къ рѣшеткѣ, они увидѣли, что она была заперта; ключъ остался у г-на Буагибѣ, и необходимо было дожидаться его или воротиться къ нему за ключомъ. Жанъ ругалъ его вслухъ, когда маркизъ вдругъ появился съ узломъ, который полежаилъ на колѣни Жильбертъ, сказавъ:

— Я нештожко задержалъ васъ; нескоро могъ найти то, чего искалъ. Прошу васъ оставить это въ своемъ распоряженіи, такъ же, какъ и бездѣлки, которыя вы позабыли съ корзинкой. Не слѣзай, Жапплѹ; я отворю рѣшетку.

Отворивъ, онъ прибавилъ:

— Завтра ожидаю тебя, мой милый.

Онъ протянулъ плотнику руку, которую тотъ мѣшкалъ пожать, ровно ничего не понимая въ беспорядочныхъ движеніяхъ столь тревожной и взволнованной души.

— Графиня Шатобрёнъ, проговорилъ маркизъ слабымъ голосомъ: — пожалуйста мнѣ свою ручку на прощаніе!

Жильберта легко спрыгнула на траву, сняла перчатку и взяла руку старика, которая страшно дрожала. Увлеченная порывомъ почтительной жалости, она поднесла ее къ губамъ своимъ.

— Вы не хотите простить Антуану; по-крайней-мѣрѣ простите Жильбертъ!

Глубокій стонъ вылетѣлъ изъ груди старика. Онъ сдѣлалъ движеніе какъ-будто хотѣлъ поцаловать въ лобъ Жильберту, но съ ужасомъ отшатнулся; потомъ взялъ ее голову, пожалъ руками, словно хотѣлъ раздавить, наконецъ поцаловалъ ея русые волосы, уронивъ на нихъ слезу, холодную, какъ капля воды, падающая съ ледника, и вдругъ, оттолкнувъ ее съ силою, убѣжалъ, закрывъ лицо платкомъ. Жильбертъ слышалось рыданіе, терявшееся вдали съ шумомъ его неровныхъ шаговъ по песку и съ шелестомъ вѣтра въ осиновыхъ листьяхъ.

IX.

Свадебные подарки.

Было что-то страшное и раздражающее душу въ странномъ прощаніи г-на Буагибб, которое такъ расстрогало Жильберту, что она снова начала плакать.

— Ну, что такое? сказала Жанъ, когда они выѣхали на шатобрёнскую дорогу:—или вы хотите выплакать глаза нынѣшній вечеръ? Вы чуть-ли не такая же безумная, какъ и этотъ старикъ, Жильберта; то вы расудительны и говорите такъ, что заслушаешься, то вдругъ падаете духомъ и плачете какъ ребенокъ. Знаете ли что? Г-нъ Буагибб предобрый человекъ; но, навѣрное, что бы ни говорили Эмиль и отецъ вашъ, умъ его расстроены. На него нельзя надѣяться, точно такъ же, какъ никогда нельзя отчаяваться въ немъ. Не мудрено, что вы въ цѣлую жизнь о немъ не услышите, такъ же какъ не мудрено, что въ одинъ прекрасный день онъ ки-

вѣтъ на шею вашему отцу, если встрѣтитъ его въ добрую минуту. Смотри по погодѣ!

— Не знаю, что о немъ думать, отвѣчала Жильберта: — мнѣ кажется, въ-самомъ-дѣлѣ, я также сошла бы съ ума, еслибъ жила съ нимъ. Онъ наводитъ на меня невыносимый страхъ, и однако я чувствую къ нему порывы неодолимой вѣжности. Точно то же онъ внушалъ Эмилю при началѣ ихъ знакомства; наконецъ, Эмиль полюбилъ же его и пересталъ бояться. Значитъ, доброта въ немъ беретъ верхъ надъ причудами болѣзни.

— Скажу вамъ свое мнѣніе послѣ, возразилъ плотникъ: — надо будетъ непременно ходить къ нему и разсмотрѣть его поближе.

— Но ты его такъ коротко зналъ прежде! стало быть, прежде онъ не былъ такимъ?

— О! прежде онъ былъ гораздо-лучше! Обыкновенно, онъ былъ вѣжливъ и задумчивъ, иногда немного-вспыльчивъ. Но это скоро проходило, и потому онъ дѣлался добрее. Теперь то же самое; только, кажется, то, что съ нимъ случалось разъ или два въ годъ, нынче случается разъ или два въ день, и онъ сталъ добрее и даже вѣжше.

— Какъ онъ кажется несчастенъ! сказала Жильберта, подавленная воспоминаніемъ о рыданьи, которое она слышала и, котораго отголосокъ сохранился въ ея слухъ.

Жанилла и Антуанъ ожидали Жильберту съ пламеннымъ нетерпѣніемъ. Извѣстіе Шарассона поразило ихъ изумленіемъ, и думая, что онъ перевралъ что-нибудь, или лгалъ, чтобъ скрыть какой-нибудь неприятный случай, повстрѣчавшійся съ Жильбертою, они бѣжали къ тѣткѣ Марло, чтобъ облегчить свое безпокойство. Разсказъ старухи успокоилъ ихъ, но ничего не объяснилъ. Жанилла бѣсилась на плотника и не ждала ничего добраго отъ его безумной выдумки. Антуанъ также боялся съ нею, и вдругъ, согласно своей доверчивой натурѣ, предавался отраднымъ мечтамъ и строилъ тысячи воздушныхъ замковъ.

— Жанилла, говорилъ онъ: — наша дочка вдвоемъ съ нашимъ другомъ Жаномъ сдѣлаетъ чудеса. Что ты скажешь, если они воротятся къ намъ съ Буагибо?

— Ахъ, вы, сумасбродъ! отвѣчала Жанилла. — Вы забываете, что это невозможная вещь, что старый хитрецъ скорее свернетъ шею нашей дочкѣ, нежели послушаетъ чьихъ-нибудь убѣжденій. Да и какія оправданія могутъ приводить люди, которые не знаютъ ровно ни о чемъ?

— Именно потому-то я и надѣюсь. Буагибо больше всего боится, чтобъ мы не открыли дѣла нашимъ ближнимъ; оскорбленная гордость столько же, какъ, увы! нарушенная дружба, дѣлаетъ его такимъ болзливимъ и несчастнымъ. Бѣдный маркизъ! можетъ-быть, невинность нашей дочки и честность Жапа смягчатъ его. О, еслибъ онъ простиалъ мнѣ то, чего я никогда не забуду!

— Вы еще горюете, когда у васъ есть такое сокровище, какъ

Жильберта! Но не ожидайте, чтобы она его смирила. Нѣтъ, онъ такъ же не воротится въ Шатобрёнъ, какъ красавчикъ Карлошнэ, и наши развалины никогда не увидать ни того, ни другаго.

— Эмиль воротится съ согласіемъ отца, либо не воротится, я далъ тебѣ слово, Жаннилла; но, покаместъ, его поведение похвально: Жанъ доказалъ намъ это давеча утромъ.

— То-есть, вы ровно ничего не поняли, такъ же какъ и я, но, по слабости, сдѣлали видъ, будто убѣдились! Вы вѣчно такъ дѣлаете, и не догадываетесь, что, выхваляя прекрасное поведение этого негодного мальчишки, разгорячаете воображеніе нашей дочки. Лучше бъ вы отвращали ее отъ него, доказывая, что онъ сумасшедшій, или что вовсе не любитъ ея.

Споръ ихъ былъ прерванъ шумомъ рыси Лантерны, которая, бѣжа по скалѣ, производила очень-знакомый кадансъ. Они кинулись встрѣчать Жильберту, и когда ввели ее въ павильонъ, среди поспѣшныхъ разспросовъ однихъ и прерывистыхъ отвѣтовъ другихъ, узелокъ, который маркизъ отдалъ Жильбертѣ и который она не подумала развязать, бросился въ глаза Жанниллѣ.

— Это что такое? вскричала она, развертывая богатую индійскую шаль небесно-голубаго цвѣта, вышитую золотой гладью: — да это мантия королевы!

— Ахъ, праведный Боже! воскликнулъ Антуанъ, дотронувшись до шали дрожащею рукою и поблѣднѣвъ: — я узнаю эту шаль!

— А тутъ что за коробка? сказала Жаннилла, открывая ящикъ, выпавшій изъ шали.

— Кажется, въ немъ минералы, отвѣчала Жильберта: — монбланскіе кристаллы, которые онъ самъ собралъ во время путешествія.

— Нѣтъ, нѣтъ, ошибаетесь! сказалъ плотникъ: — это блещетъ иначе; посмотрите-ка!

Жильберта съ изумленіемъ увидѣла потокъ крупныхъ брильянтовъ ослѣпительнаго блеска.

— Боже мой! Боже мой! я узнаю все это, лепеталъ графъ Шатобрёнъ въ страшномъ волненіи.

— Да замолчите, сударь, сказала Жаннилла, толкая его локтемъ: — вы знаете брильянты и кашмирскія шали, что жъ мудренаго? въ свое время вы были такъ богаты, что могли много ихъ видѣть. Развѣ это резонъ говорить такъ громко и мѣшать намъ разсматривать ихъ? Ай-да, дочка! не даромъ ты потратила время! Тутъ, можетъ-быть, есть на что выстроить вновь нашъ замокъ. Г-нъ Буагибб не такой скряга, какъ я думала!

Жильберта, выдавшая очень-мало брильянтовъ въ своей жизни, продолжала думать, что ожерелье было изъ граненаго горнаго хрусталя; но г-нъ Шатобрёнъ, посмотрѣвъ на фермуаръ и каменья, положилъ ихъ въ ящичекъ, сказавъ съ грустной разсѣянностью:

— Тутъ слишкомъ на сто тысячъ франковъ брильянтовъ. Г-нъ Буагибб даетъ тебѣ приданое, дочка!

— Сто-тысячь франковъ! вскричала Жаннилла:—сто-тысячь франковъ! Понимаете ли вы, что говорите? возможно ли дѣло?

— Эти свѣтлыя зернышки стоють столько денегъ? сказалъ Жаннлу съ навизнымъ удивленіемъ, чуждымъ всякой зависти:—и беругтса такъ въ коробкѣ, не служа ни къ чему?

— Ихъ носятъ, сказала Жаннилла, надѣвая ожерелье на шею Жильберты:—и надѣюсь, это придаетъ красоты! Надѣнь-ко эту шаль на плеча, дочка! Не такъ! И видала въ Парижѣ дамъ, которыя носили эти шали,—но хоть убей не припомню, какъ онѣ ихъ надѣвали.

— Оно очень-красиво, но очень-неудобно, сказала Жильберта:—мнѣ кажется, будто я въ маскарадномъ костюмѣ въ этой видійской шали и брильянтахъ. Уложите и свяжите все это, и отошлемъ къ г-ну Буагибѣ. Вѣрно, онъ ошибся: онъ искалъ ошущю и думалъ, что даетъ мнѣ бездѣлки, а отдалъ свадебныя подарка, кеторые, вѣроятно, дѣлалъ женѣ своей.

— Да, сказалъ плотникъ:—онъ, навѣрное, ошибся, потому-что обноски покойницы не дарятъ чужимъ. Онъ былъ такъ встревоженъ, бѣдняжка! Не вы одни бываете разсвѣяны, господинъ Антуанъ!

— Нѣтъ, онъ не ошибся, сказалъ г-нъ Антуанъ. — Онъ зналъ, что дѣлаетъ, и Жильберта можетъ оставить у себя подарка.

— Вотъ хорошо! Надѣюсь, можетъ! сказала Жаннилла. — Вѣдь онъ ея полная собственность, не такъ ли, г-нъ Антуанъ? Все это принадлежитъ ей законнымъ образомъ... потому-что г-нъ Буагибѣ дарить ей это!

— Не можетъ быть, батюшка! Мнѣ они не пужны, сказала Жильберта:—на что они мнѣ? Смѣшно, еслибъ я вздумала развѣзжать въ вашей тачкѣ и въ этихъ ситцевыхъ платьяхъ, нарядившася въ брильянты и кашмирскую шаль.

— Да! вы потѣшили бы людей! сказалъ плотникъ:—завшнія дамы изныли бы отъ бѣшенства. Но всѣ жучки слетались бы на ваши брильянты, потому-что они безъ ума кидаются на все, что блестятъ; въ этомъ они похожи на людей. Если г-нъ Буагибѣ хотѣлъ дать вамъ приданое, чтобъ показать, что онъ мирится съ г. Антуаномъ, лучше бы онъ подарилъ которую-нибудь изъ своихъ маленькихъ мызъ съ хорошенькимъ тягломъ въ восемь воловъ!

— Все такъ, сказала Жаннилла:—но изъ этихъ блестящихъ камешковъ можно сдѣлать деньги, увеличить павильонъ, выкупить земли, составить себѣ двѣ-три тысячи ливровъ дохода, и прискаты мужа, у котораго будетъ столько же. Тогда живи-себѣ покойно цвѣлый вѣкъ, и плюй на г-дѣ Кардоннѣ, на отца съ сыномъ!

— Точно, сказалъ г-нъ Антуанъ:—теперь твоя жизнь обезпечена, дочка... Какъ г-нъ Буагибѣ умѣетъ благородно мстить! Я зналъ, что говорилъ, когда защищалъ его противъ тебя, Жаннилла! Еще ли ты будешь утверждать, что онъ гадкій и злой человекъ?

— Наня, сударь, ниш! въ немъ есть добро, я согласна. Ну, теперь вы, господа, расскажите же, какъ это все случилось!

Разговоры продолжались до полуночи: припоминались малѣйшія обстоятельства, шли толки и догадки о будущемъ поведеніи маркиза относительно Антуана. Жанъ Жапелу, запоздавъ воротиться въ селеніе, ночевалъ въ Шатобрёнъ. Г-нъ Антуанъ уснулъ въ счастливыхъ мечтахъ, Жаннилла въ грезахъ и богатствъ. Она позабыла Эмиля и недавнія непріятности.

— Все пройдетъ, говорила она: — а сто-тысячь франковъ останутся. Мы будемъ имѣть дѣло уже не съ какимъ-нибудь Галюше, когда сдѣлаемся владѣльцами хорошенькой деревни.

Она уже пересчитывала въ своей головѣ всѣхъ сосѣднихъ молодыхъ людей, могшихъ искать руки Жильберты.

— Если явится разношвецъ, думала она:— пусть-ко онъ покажетъ по-крайней-мѣрѣ двѣсти-тысячь франковъ чистаго капитала!

Она положила подъ изголовье ключъ отъ шкапа, куда спрятала приданое Жильберты.

Жильберта, взнуривая чрезвычайною усталостью, также наконецъ уснула, рывившись въ умъ на что-то весьма-важное. Поутру, она долго разговаривала съ отцомъ безъ вѣдома Жанниллы, потомъ сарсасалась у нея взять подарки г-на Буагяббъ къ себѣ въ комнату, чтобъ хорошенько полюбоваться на нихъ. Старуха отдала ихъ безъ всякой недоуверчивости, ибо Жильберта на этотъ разъ увидѣла себя въ необходимости притворяться передъ своей упрямой гувернанткой; потомъ написала письмо, которое показала отцу.

— Все, что ты дѣлаешь, хорошо, дочка, сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ:— но беда съ Жаннелло, когда она узнаетъ!

— Не бойтесь, папечка, отвѣчала дѣвушка; — мы не скажемъ ей, что вы были за одно со мною, и вся ея досада обрушится на одну меня.

— Теперь, возразилъ г-нъ Антуанъ:— надеждемъ нашего друга Жана, потому-что нельзя довѣрять такія вещи шалуну Шарасону.

Жильберта ожидала прихода плотника тѣмъ нетерпѣливѣе, что надѣялась получить черезъ него вѣсти отъ Эмиля. Она не знала, что Эмиль лежалъ боленъ. Но, при мысли о его печали, она чувствовала тоску, которая не дозволяла ей думать о самой-себѣ, и дни разлуки, которые она надѣялась перенести съ такою твердостью, казались ей столь дѣшны и мрачны, что она съ ужасомъ спрашивала себя, какъ выдерживаетъ ихъ Эмиль. Она утѣшалась мыслью, что онъ найдетъ способъ писать къ ней, хотя и не давала ему на то позволенія, или, по-крайней-мѣрѣ, что плотникъ сумеетъ передать ей малѣйшія слова своего съ нимъ разговора.

Но плотникъ не приходилъ, и вечеръ всталъ, не принесши никакого облегченія тоскѣ дѣвушки. Дѣйствительное безпокойство присоединялось къ ея тайному горю. Г-нъ Антуанъ начиналъ колебаться на счетъ рѣшенія, принятаго Жильбертою и одобреннаго

ниѣ сначала, — рѣшенія отказаться отъ подарковъ г-на Буагибб. Ежеминутно онъ грозилъ совѣтоваться съ Жанвиллою, безъ которой никогда ничего не дѣлать въ теченіе двадцати лѣтъ, и Жильберта трепетала, чтобъ самовластное veto ея старой воспитательницы не воспрепятствовало положенному возвращенію подарковъ.

На другой день, Жанъ также не приходилъ. Вѣроятно, онъ работалъ у господина Буагибб, и Жильберта удивлялась, что, находясь въ такомъ близкомъ разстояніи, онъ не угадывалъ потребности, какую она имѣла повидаться съ нимъ, хотя бы на минуту. Неопредѣленное безпокойство влекло ее въ ту сторону. Она собралась идти въ хижину тѣтки-Марло, и, по обычаю, наполнила корзинку скромными лакомствами, которыя для больныхъ отнимала у себя отъ обѣда. Но, въ то же время, боясь, чтобъ въ ея отсутствіе господинъ Шатобрёнъ не открылъ сердца Жаниллѣ и чтобъ вещи не попали подъ замокъ гувернантки, она завернула каменья и шаль, спрятала ихъ на дно корзинки и рѣшилась разстаться съ ними не иначе, какъ отдавъ ихъ по назначенію.

Живя въ деревнѣ больше чѣмъ въ скромномъ состояніи, Жильберта привыкла ходить одна по окрестностямъ своего жилища. Вѣдливость увольняетъ отъ этикета, и кажется, будто добродѣтель богатыхъ дѣвухекъ слабѣе или дорожѣ, нежели бѣдныхъ, потому что имъ не дають ступить шага безъ прѣводныхъ. Жильберта ходила одна пѣшкомъ такъ же безопасно, какъ любая молодая крестьянка, и на самомъ дѣлѣ еще меньше подвергалась какой-нибудь опасности, потому что была знаема, любима и почитаема всеми, кого могла встрѣтить. Она не боялась ни собаки, ни коровы, ни ужа, ни убѣжавшаго жеребца. Деревенскіе уроженцы умѣютъ предохранять себя отъ этихъ мелкихъ опасностей, которыхъ легко избежать съ небольшимъ присутствіемъ духа и хладнокровіемъ. По этому, она брала съ собою своего деревенскаго пажа и ѣздила въ семейной тачкѣ развѣ тогда только, когда грозилъ несчастіе, или когда сама спѣшила воротиться домой. Въ этотъ вечеръ, солнце блистало еще на ясномъ небѣ, дороги были сухи, и она пустилась легкимъ шагомъ по луговымъ тропинкамъ. По этой дорогѣ, хижина тѣтки-Марло находилась въ одинаковомъ разстояніи отъ Шатобрёна и Буагибб.

Дѣти бѣдной женщины окончательно выздоравливали. Жильберта пробыла съ ними недолго. Марло рассказала ей, какъ г-нъ Буагибб оставилъ ей сто франковъ во время встрѣчи ихъ въ ея хижинѣ, и уведомила, что Жанъ работалъ въ паркѣ надъ деревяннымъ домикомъ. Она видѣла его издали, когда онъ проходилъ туда по утру съ разными инструментами.

Жильберта подумала, что, въ такомъ случаѣ, она могла надѣяться встрѣтить плотника, когда онъ будетъ возвращаться въ Гаржилесъ, и рѣшилась ожидать его на дорогѣ, гдѣ онъ долженъ былъ проходить тотчасъ по закатѣ солнца. Но, боясь быть примѣчною и узнавшею по близости парка, она взяла, подъ предлогомъ вечерней свѣжести и маленькаго нездоровья, грубую шерстяную ман-

тилью у тётки-Марло, подняла капишомъ на свои русые волось, и, окутавшись такимъ образомъ, пошла прямо и промелькнула какъ лань сквозь кустарники до самой рѣшетки парка, выходящей на гаржилесскую дорогу. Тутъ она укрывалась за ивами на берегу рѣчки, неподалеку отъ того мѣста, гдѣ прокрадывалась по опушкѣ парка, и увидѣла, что рѣшетка была еще отперта: доказательство, что г-на Буагиббъ въ паркѣ не было, ибо тотчасъ, какъ онъ входилъ туда, всѣ ворота тщательно запирались, — эта дикая привычка помѣщика была хорошо извѣстна всему краю.

Ободравшись, Жильберта подошла вилоть къ самой рѣшѣткѣ, надѣясь увидѣть Жана Жапплю. Кровля сырни бросилась ей въ глаза, потому-что была близко отъ рѣшетки. Аллея была темна и пуста. Осторожно подвигаясь впередъ, Жильберта, легкая какъ птица, могла успѣть убѣжать и, переодѣтая, не быть узнаанною. Вѣроятно, Жанъ былъ тутъ, и если онъ одинъ, то она знакомъ подзоветъ его къ себѣ и удовлетворитъ мучительное свое нетерпѣніе — услышать что-нибудь объ Эмиль.

Домикъ былъ растворенъ; не видно ни души; столярные инструменты валялись разбросанные по полу. Жильберта вошла на цыпочкахъ и ползнула на столъ узелокъ и письмо, которые принесла съ собою. Потомъ, разсудивъ, что такія дорогія вещи могли находиться въ опасности въ мѣстѣ столь худо охраняемомъ, окинула глазами вокругъ, схватилась за ручку двери, показавшейся ей дверью шкафа, и увидѣвъ, что замокъ былъ спятъ, основательно заключила, что Жанъ занимался его починкою; безъ-сомнѣнія, онъ скоро вернется прикрѣплять его, и всего лучше будетъ ей положить свою ношу подъ-руку вѣрнѣйшаго изъ друзей. Но, отворяя минимй шкафъ, чтобъ сузить туда свертокъ, она очутилась у входа въ беспорядочный кабинетъ, насупротивъ женскаго портрета.

Жильбертѣ не нужно было долго разсматривать картину, чтобъ узнать оригиналъ одного миньютюрнаго портрета, который она видѣла въ рукахъ отца своего, и въ которомъ всегда подозрѣвала портретъ *неизвѣстной* матери, произведшей ее на свѣтъ. Еслибъ даже сходство не было замѣтно съ перваго взгляда за разницею размѣровъ того и другаго портрета, то поза, костюмъ и та голубая шаль, которую Жильберта какъ нарочно держала въ рукахъ, дали бы ей понять, что миньютюра была писана въ одно время съ большимъ портретомъ, или точнѣе была его сокращенною копией. Она вскрикнула отъ изумленія, и какъ ея чистое воображеніе не постигало супружеской невѣрности, то она убѣдилась, что въ силу какого-нибудь тайнаго брака, какіе встрѣчаются въ романахъ, она могла быть близкою роднею, племянницею или внучкою г-на Буагиббъ. Въ это мгновеніе, ей послышались шаги въ верхнемъ этажѣ; въ испугѣ, она бросила свертокъ на каминъ и убѣжала съ быстротою лани.

X.

Исторія одного, разсказанная другимъ.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ бѣгства Жильберты, Жанъ возвратился прикрѣплять замкъ къ двери кабинета, вѣсть съ г-номъ Буагибб, который ждалъ только его ухода, чтобъ велѣть запереть паркъ. Плотникъ замѣтилъ безпокойство, съ которымъ маркизъ наблюдалъ всѣ его движенія, пока онъ работалъ надъ этой дверью; досадуя, что въ немъ предполагали такое нескромное любопытство, онъ приподнял голову и сказалъ съ своей обыкновенной прямою:

— Чортъ возьми! г-нъ Буагибб, вы очень боитесь, чтобъ я не поглядѣлъ на то, что вы тамъ прячете! Подумайте только, что я видѣлъ бы все уже съ часъ назадъ, еслибъ хотѣлъ; но мнѣ это не приходило въ голову, и лучше бы вы мнѣ сказали: *зажмури глаза*, чѣмъ сторожить меня такъ, какъ вы сторожите.

Г-нъ Буагибб перемѣнился въ лицѣ и нахмурилъ брови. Онъ бросилъ взоръ въ кабинетъ, и увидѣлъ, что потокъ воздуха срывалъ большое зеленое полотно, которымъ онъ довольно-неискусно завѣсилъ портретъ, и Жанъ, если только не былъ слѣпъ, непременно долженъ былъ увидѣть его. Тогда онъ рѣшился, отворилъ дверь настежь, и сказалъ съ принужденнымъ спокойствіемъ:

— Тамъ ничего не спрятано; можешь глядѣть, если хочешь.

— О! я вовсе не любопытенъ до вашихъ толстыхъ книгъ, отвѣчалъ смѣясь плотникъ: — я не знаю въ нихъ толку и не понимаю, зачѣмъ нужно было написать столько словъ о томъ, какъ должно вести себя. Но вотъ портретъ вашей покойницы! узнаю ее, точь-въ-точь она .. Такъ вы велѣли перенести сюда портретъ? Въ мое время, онъ висѣлъ въ замкѣ.

— Я велѣлъ перенести его сюда, чтобъ видѣть его безарестанно, сказалъ маркизъ печально:—и, однакожь, съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ тутъ, почти не взглянулъ на него. Я стараюсь какъ-можно-рѣже входить въ этотъ кабинетъ, и если боялся, чтобъ ты его не увидѣлъ, то потому-что самъ боялся его увидѣть... Мнѣ всегда становится дурно... Затвори дверь, если тебѣ не нужно, чтобъ она была отворена.

— И также боитесь, чтобъ съ вами не заговорили о вашемъ горѣ? Я это понимаю, и послѣ того, что вы мнѣ сказали, ручаюсь, что вы до-сихъ-поръ не утѣшились въ смерти жены своей! Точно какъ я же въ смерти моей покойницы; можете не стыдиться меня на этотъ счетъ, г-нъ Буагибб; самъ я какъ ни старъ... а тутъ словно сердце раскалывается на-двое, когда подумаешь, что я одинъ на свѣтѣ! Между-тѣмъ, я веселаго характера, и никогда не былъ

счастливы въ своемъ семействѣ... Да что прикажете дѣлать! на это не достаетъ у меня силы: я любилъ ее, покойницу... самъ чортъ не помѣшалъ бы мнѣ любить ее!

— Другъ мой! сказалъ г-нъ Буагибо, тронутый и перенесшись прискорбною мыслью къ самому-себѣ:—ты былъ любимъ; не жалуйся слишкомъ! Притомъ же, ты былъ отцомъ; куда дѣвался сынъ твой? гдѣ онъ?

— Въ землѣ, вмѣстѣ съ покойной женою, г-нъ Буагибо!

— Я не зналъ этого... зналъ только, что ты вдовецъ... Бѣдный Жанъ! прости, что я напомнилъ тебѣ твое горе! Жалѣю тебя отъ всей души! имѣть сына и потерять!

Маркизъ положилъ руку на плечо плотнику, наклонившемуся къ поду для работы, и вся доброта его сердца отразилась на лицѣ его. Жанъ выронилъ изъ рукъ инструменты, и, прислонясь къ его колену, сказалъ съ увлечениемъ:

— Знаете ли, г-нъ Буагибо, я былъ несчастнѣе васъ? Вы не подозреваете и половины того, что перенесъ я!

— Расскажи мнѣ, если это облегчитъ тебя; я пойму все!

— Да, я скажу это вамъ; вы человекъ ученый и судите о дѣлахъ здѣшняго свѣта лучше всякаго, когда у васъ духъ спокоенъ. Скажу вамъ то, что въ нашемъ мѣстечкѣ многіе знаютъ, но о чемъ я никогда ни съ кѣмъ не говорилъ. Жизнь моя была нелѣпа, да! я любилъ, а не былъ любимъ: имѣлъ сына, а не былъ увѣренъ, что я отецъ его!..

— Что ты! Нѣтъ, не говори этого! никогда не надо говорить о такихъ вещахъ! сказалъ маркизъ въ совершенномъ разстройствѣ.

— Правда ваша, пока дѣло еще продолжается! Но въ наши лѣта можно говорить обо всемъ, и вы человекъ, непохожій на тѣхъ глауццовъ, которые находятъ только смѣхъ въ величайшемъ несчастіи, какое можетъ случиться съ ближнимъ. Вы не насмѣшникъ и не злой человекъ! Хорошо! скажите жъ мнѣ, правъ ли я былъ или виноватъ, хорошо или дурно велъ себя, поступалъ ли какъ человекъ или какъ скотина, и такъ ли бы вы съѣздили на мое мѣсто, — потому-что въ ту пору меня почти все осуждали, и не будь у меня дюжей руки да горячаго нрава, каждый сталъ бы смѣяться мнѣ въ глаза. Вотъ, слушайте! Жена моя, моя бѣдная Нанни, любила одного моего пріятеля, красиваго парня, добраго товарища, нечего сказать!.. однако и меня также любила. Ужъ не знаю, какъ это съѣздалось, только мой сынъ вдругъ очутился гораздо-похожее на Пьера; чѣмъ на Жана. Въ глаза кидалось, судари! Бывали минуты, когда мнѣ хотѣлось исколотить Нанни, задудить ребенка и снести голову Пьеру... А потомъ... потомъ... ничего и не скажешь! Я плакалъ, молился Богу... А! какъ я мучился! былъ жену подъ предлогомъ, что худо заботится о домѣ; дралъ за уши мальчишку, будто за то, что онъ шумитъ; ссорился съ Пьеромъ за кегли, и чуть не перешибъ ему ногу шаромъ. А когда все плакали, я тоже плакалъ и считалъ себя за злодѣя.

Я выросъ ребенка и плакалъ по немъ; похорошилъ жену и до сихъ поръ плачу; остался въ дружбѣ съ пріятелемъ и все люблю его... Вотъ какъ было со мною; что вы скажете?

Г-нъ Буагиббъ не отвѣчалъ. Онъ тяжелыми шагами ходилъ по помпату, такъ-что полъ скрипѣлъ у него подъ ногами.

— Я увѣренъ, вы находите, что я поступаю очень-глупо и очень-подло? сказалъ плотникъ, приподнимаясь: — по-крайней-мѣрѣ, вы видите, что ваше горе далеко отстало отъ моего!

Маркизъ удаля въ кресла и молчалъ. Слезы медленно катились по щекамъ его.

— Что, г-нъ Буагиббъ, о чемъ вы плачете? возразилъ Жанъ чистосердечно: — или хотите, чтобы я заплакалъ съ вами? этого не будетъ! я въ то время пролилъ столько слезъ отъ горя и досады, что, увѣренъ, во мнѣ не осталось ни слезинки. Подните! подните! вооружитесь терпѣніемъ противъ прошедшаго и поручите Богу настоящее; вѣдь есть же люди, которымъ горче вашего, сами видите. Ваша жена была прекрасная дама, добродѣтельная, воспитанная, кроткая... Можетъ-быть, она васъ не столько ласкала и голубила, какъ меня моя жена; но за то она не обманывала васъ: значитъ, вы могли быть спокойны за нее, коли отпускали ее безъ себя въ Парижъ, когда ей было угодно; вы не ревновали, не ищали причины ревновать! А я... я мучился какъ въ аду съ утра до ночи: подстерегалъ, подсматривалъ, скрывалъ свою ревность, стыдился ея; а самъ мучился, и чѣмъ больше подстерегалъ, тѣмъ больше видѣлъ, что меня ловко обманываютъ. Никогда мнѣ не удавалось ничего застать. Нанни была хитрее меня, и когда, бывало, потрачу время на подсматриванье за нею, она же заведетъ со мной ссору за то, что я въ ней сомнѣваюсь. Когда ребенокъ только подростъ, что началъ походить на кого-нибудь и когда я увидалъ, что онъ похожъ не на меня... что вы думаете? я чуть не сошелъ съ ума; но привыкъ любить его, ласкать, работать для его воспитанія, дрожать, когда онъ сдвигаетъ себя шишку на головѣ, видѣть, какъ онъ прыгаетъ около моего верстака, садится верхомъ на мои бревна и зазубриваетъ мои инструменты. Только онъ одинъ и былъ у меня! Я воображалъ, что онъ мой, другихъ у меня не родилось... я не могъ обойтись безъ ребенка! Ея мальчишка такъ любилъ меня, такъ ластился ко мнѣ, былъ такой умный!.. Когда же я бранилъ его, онъ плакалъ такъ, что душа его раздиралась. Наконецъ, я успѣлъ забыть все подозрѣнія и увѣрить себя, что я его отецъ, такъ-что когда пуля убила его у меня въ армию, я самъ едва не убилъ себя. Онъ былъ такой красавецъ, молодецъ, лихой работникъ и лихой солдатъ. — и виноватъ ли онъ, что былъ не мой сынъ? Онъ сдѣлалъ бы мою жизнь счастливою, помогалъ бы мнѣ въ работѣ, и я старался бы не одиноко. Мнѣ было бы съ кѣмъ поспать, поболтать вечеромъ послѣ работы, было бы кому ходить за мною, когда я боленъ, укладывать меня, когда я полягу, говорить со мною объ его матери, о которой я съ каждою

не смѣю завести рѣчь, потому — что всѣ, кромѣ его, знали мое несчастіе... Полноте, полноте, г-нъ Буагибб; вы столько не вытерпѣли, какъ я! У васъ не родилось наследника не отъ вашей крови, и если вы не имѣли этой выгоды, то не имѣли и позора!

— И не имѣлъ бы той заслуги, какую ты имѣлъ! сказалъ маркизъ. — Жанъ, отвори дверь, дай мнѣ поглядѣть на портретъ маркизы. Ты придалъ мнѣ бодрости. Спасибо тебѣ! Я былъ безразсуденъ въ тотъ день, когда прогналъ тебя отъ себя. Ты не допустилъ бы меня сдѣлаться слабымъ и безумнымъ! Я думалъ, что удалялъ врага, а лишался друга!

— Но съ коего чорта считали вы меня врагомъ? сказалъ плотникъ.

— Ты ничего не знаешь? спросилъ маркизъ, вперивъ въ него пронзительные глаза.

— Ничего, отвѣчалъ плотникъ твердо.

— Клянешься честью? возразилъ г-нъ Буагибб, пожимая ему руку съ силою.

— Клянусь мнѣмъ вѣчнымъ спасеніемъ! отвѣчалъ Жанъ, съ достоинствомъ поднимая руку къ нему. — Надѣюсь, наконецъ, вы скажете это мнѣ!

Маркизъ, казалось, не слышалъ этого энергическаго и искренняго воззванія. Онъ чувствовалъ, что Жанъ говорилъ правду, и снова сѣлъ на свое мѣсто. Потомъ, повернувъ кресла къ двери кабинета, которую Жанъ отворилъ, съ глубокой грустью всматривался въ черты жены своей.

— Что ты продолжалъ любить жену, сказалъ онъ: — что ты простилъ невинному ребенку, я понимаю... но что ты могъ видѣть и терпѣть пріятеля, который измѣнялъ тебѣ, вотъ чего я не могу понять!

— Ахъ, г-нъ Буагибб! въ — самомъ — дѣлѣ, это было мнѣ всего труднѣе! тѣмъ больше, что это не былъ долгъ, и что всѣ одобрили бы меня, еслибъ я переломалъ ему ребра. Но знаете ли, что меня обезоружило? Я видѣлъ, что онъ сильно раскаявался и горевалъ непритворно. Пока горячка любви владѣла имъ, онъ пошелъ бы черезъ мой трупъ къ своей любовницѣ... Она была хороша, какъ майская роза; не знаю, видѣли-ль вы и помните ли ее; но знаю, что Нанни, въ своемъ родѣ, была не хуже г-жи Буагибб. Я любилъ ее безъ ума, и онъ также! Онъ отрекся бы отъ всего для нея, и я былъ готовъ на всѣ глупости. Но когда молодость начала проходить, я увидѣлъ, что они перестали любить другъ друга и стыдились своего грѣха. Жена опять стала любить меня, видя, что я былъ добръ и великодушенъ, а онъ такъ мучился въ душѣ грѣхомъ своимъ, что, когда мы пивали вмѣстѣ, онъ всегда хотѣлъ исповѣваться мнѣ, но я не допускалъ этого; иногда онъ, нѣвинный, становился на колѣни передо мною и кричалъ, какъ сумасшедшій: «Убей меня, Жанъ, на, убей! я заслужилъ это и буду радъ!» Проспавшись, онъ не помнилъ ничего, но далъ бы себя из-

рубить въ куски за меня, — и нынче онъ, послѣ г-на Антуана, мой лучший другъ. Предмета нашихъ страданій уже нѣтъ на свѣтъ, дружба уцѣлѣла. Изъ-за него-то я поссорился съ начальствомъ и бродяжничалъ нѣсколько времени. Что жъ! онъ работалъ на моихъ заказчиковъ, чтобъ сохранить ихъ мнѣ, отдавалъ мнѣ деньги и передалъ потомъ опять всѣхъ заказчиковъ; все, что у него есть, принадлежитъ мнѣ, и какъ онъ моложе меня, то, надѣюсь, онъ же и закроетъ мнѣ глаза. Онъ обязанъ это сдѣлать; а все-таки, мнѣ кажется, я люблю его за то зло, которое онъ мнѣ сдѣлалъ, и за твердость, которую я имѣлъ простить ему!

— Увы! увы! сказалъ г-нъ Буагиббъ: — можно быть великимъ, когда не боишься быть смѣшнымъ!

Онъ тихо притворилъ дверь кабинета, и когда воротился къ камину, увидѣлъ наконецъ свертокъ и письмо, адресованное на его имя:

Господинъ маркизъ,

Я обѣщала вамъ, что вы впередъ не услышите обо мнѣ; но вы сами принуждаете меня напоминать вамъ о своемъ существованіи, и я сдѣлаю это въ послѣдній разъ.

Или вы ошиблись, отдавъ мнѣ вещи значительной цѣны, или хотѣли подать мнѣ милостыню.

Я не постыдилась бы принять помощь отъ вашей сострадательности, еслибъ нужда довела меня просить помощи; но вы ошиблись, маркизъ, если считали меня въ крайности. Наше положеніе довольно-хорошо, если принять въ соображеніе наши потребности и привычки, которыя скромны и просты. Вы богаты и щедры; я поступила бы дурно, принимая благодѣянія, которыя вы можете обратить на многихъ другихъ: это значило бы обкрадывать немущихъ.

Отрадно бы мнѣ было, и я отдала бы жизнь свою, чтобъ получить отъ васъ слово забвенія и прощенія, слово дружбы для отца моего. Ахъ, господинъ маркизъ! вы не знаете, какъ тяжело сердцу дочери, когда она видитъ, что отца ея обвиняютъ несправедливо, и не имѣетъ средствъ оправдать его! Вы не хотѣли дать мнѣ эти средства, потому что упорно умолчали передо мною о причинѣ своего гнѣва; но какъ же вы не разсудили, что, въ этомъ положеніи дѣлать, я не могу принять вашихъ подарковъ и воспользоваться вашею добротою?

Впрочемъ, удерживаю у себя сердоликовое колечко, которое вы надѣли мнѣ на палецъ, когда я была у васъ подъ чужимъ именемъ. Это вещь безъ всякой цѣны, сказали вы мнѣ, воспоминаніе вашихъ путешествій... Оно мнѣ дорого, хотя дано не въ залогъ примиренія съ вашей стороны; но оно будетъ напоминать сладкую и тяжкую минуту, когда сердце мое рвалось къ вамъ и когда исчезли тщетныя надежды. Между-тѣмъ, я должна бы ненавидѣть васъ, потому что вы ненавидите отца, котораго я обожаю! Не знаю, почему я возвращаю вамъ ваши подарки безъ чувства оскорбленной гордости и отказываюсь отъ вашего участія съ глубокой скорбію.

Пріймите, господинъ маркизъ, увѣреніе въ чувствахъ почтенія къ вамъ

Жильберты де-Шатовренъ.

XI.

ВОЗСТАНИЕ ИЗЪ МЕРТВЫХЪ.

— Ты, Жанъ, принеси этотъ свертокъ съ письмомъ! сказалъ г-нъ Буагибб.

— Нѣтъ, сударь, я ничего не приносивъ, и не знаю, что это такое, отвѣчалъ плотникъ съ правдивымъ выраженіемъ.

— Какъ тебѣ вѣрить, возразилъ маркизь:—если, третьего-дня ты лгалъ такъ твердо, представляя мнѣ одно лицо подъ именемъ другаго?

— Третьего-дня я лгалъ, но не сталъ бы божиться; теперь, я божусь. Никто при мнѣ не входилъ сюда; не знаю, кто это принесъ. Но благо вы первый заговорили о томъ, что случилось третьего-дня; я бы не осмѣлился съ своей стороны... Позвольте же мнѣ сказать вамъ, что бѣдное дитя плакало всю дорогу, думая объ васъ, и что...

— Сдѣлай милость, Жанъ, не говори мнѣ объ этой дѣвушкѣ, ни объ отцѣ ея! Я далъ тебѣ слово, что самъ заговорю съ тобою о нихъ, когда будетъ нужно, и на этомъ условіи ты обещалъ не мучить меня. погоди, пока я тебя спрошу!

— Быть такъ! Но если вы заставите меня ждать черезъ — чуръ долго и я потеряю терпѣніе...?

— Можетъ-быть, даже никогда не заговорю, и ты всегда тоже будешь молчать, сказалъ маркизь тономъ явнаго неудовольствія.

— Посмотримъ еще! возразилъ плотникъ. — Этого не было въ нашихъ условіяхъ!

— Полно, убирайся! сказалъ г-нъ Буагибб сухо. — Твоя работа сегодня кончена, ужинать ты у меня не хочешь, и вѣрно Эмиль ждетъ тебя съ нетерпѣніемъ. Скажи ему, чтобъ онъ не унывалъ, и что я скоро навѣщу его... можетъ-быть, завтра же!

— Если вы обойдетесь съ нимъ какъ со мною, не захотѣте говорить съ нимъ и слушать отъ него про Жильберту, что ему толку, въ вашемъ посѣщеніи? Этимъ его не выдечите.

— Жанъ, ты надобдаешь мнѣ, разстроиваешь меня! Убирайся же!

— Ну! погода переѣнилась! подумалъ плотникъ. — Подождемъ, пока опять проглянетъ солнце!

Онъ надѣлъ свою куртку и пошелъ вонъ изъ парка. Г-нъ Буагибб шелъ за нимъ, чтобъ самому запереть послѣднюю калитку. На дворъ еще не смерклося. Маркизь примѣтилъ на пескѣ, недавно расчищенной граблями, двойной слѣдъ маленькой женской ноги, отпечатавшейся въ двухъ направлеціяхъ, которыя Жильберта принимала, идя къ домику и возвращаясь назадъ. Онъ не сообщилъ этого замѣчанія плотнику, а тотъ самъ не обратилъ вниманія на дорожку.

Между-тѣмъ, Жильберта ожидала дольше, нежели надѣялась. Солнце уже минутъ съ десять съдо, и время казалось ей нестерпимо-долго. Приближеніе ночи и боязнь встрѣтить кого-нибудь изъ жителей замка, кто могъ бы узнать ее, увеличивали ея безпокойство и нетерпѣніе; она отважилась выйти вонъ изъ мѣста, гдѣ скрывалась, и пройти немного по теченію рѣки, чтобъ все держать въ виду плотника. Но не ступила она трехъ шаговъ по открытому полю, какъ услышала, что за нею кто-то идетъ, и, торопливо оглянувшись, увидѣла Констана Галюшэ съ удочкой въ рукъ, пробравшагося на гаржилесскую дорогу.

Она опустила капюшонъ на лицо, но не такъ быстро, чтобъ довецъ пискарей не примѣтилъ пряди русыхъ волосъ, голубыхъ глазъ, розоваго личика. Притомъ же, мудрено было, чтобъ онъ не узналъ Жильберты, идя за нею въ такомъ близкомъ разстояніи. Походка ея ни мало не походила на походку крестьянки, и грубая мантилья была не такъ длинна, чтобъ могла закрывать подолъ тонкаго платья и хорошенькую ногу, обутую въ прочный, уютный полусапожекъ. Любопытство Констана Галюшэ сильно подстрекнулось этой встрѣчею. Онъ такъ презиралъ крестьянокъ, что не сталъ бы волочиться за ними на прогулкѣ; но видъ переродтой барышни затронулъ его аристократическій вкусъ, и смутное предчувствіе, что эти русые волосы, которые столь трудно было скрыть, принадлежали Жильбертѣ, побудило его идти за нею.

Онъ пустился за нею слѣдомъ, идя то непосредственно позади, то рядомъ съ нею, замедляя или ускоряя шагъ, чтобъ отыгратъся отъ маленькихъ уловокъ, по которымъ она отставала и давала обгонять себя, останавливаясь, когда она останавливалась, нагибаясь къ ней до прикосновенія, и съ дерзкимъ любопытствомъ заглядывая подъ капюшонъ.

Жильберта, въ страхъ, искала глазами какого-нибудь дома, гдѣ бы укрыться; но не видя никакого, продолжала идти впередъ по дорогѣ въ Гаржилесь, въ надеждѣ, что плотникъ догонитъ ее и освободитъ отъ докучнаго провожатаго.

Но не видать было никого, и она, не могши долѣе терпѣть провожанья, нагнулась къ своей корзинкѣ, дѣлая видъ, какъ-будто что-нибудь забыла или потеряла, и тотчасъ, обернувшись назадъ, пошла по направленію къ парку, полагая, что Галюшэ, которому не было никакого предлога идти за нею въ ту сторону, не осмѣлится догонять ее.

Но было поздно: Констанъ узналъ ее, и чувство низкаго мщенія взяло въ немъ верхъ.

— Эй! хорошенькая крестьяночка! сказалъ онъ, кидаясь къ ней: — чего это вы ищите съ такой таинственностью? Нельзя ли пособить вамъ найти?.. Вы не отвѣчаете? Понимаю; у васъ тутъ назначено свиданіе, и я вамъ мѣшаю! То — то и бѣда для двушекъ, которые ходятъ однѣ по вечерамъ: онѣ рискуютъ встрѣтить одного молодца вмѣсто другаго, а отсутствующіе всегда виноваты. Под-

жете, не обращайтесь на это большаго вниманія ; ночью всѣ кошки съры, дайте мнѣ вашу ручку. Если не найдемъ того, кого вамъ нужно, постараемся замѣнить его безъ большой потери!

Испуганная грубыми рѣчами, Жильберта ударилась бѣжать. Будучи проворнѣе и тоньше Галюшэ, она кинулась въ деревья, проскользнула сквозь самую чащу, и скоро считала себя въ безопасности; но какое-то бѣшенство овладѣло Галюшэ, когда онъ увидѣлъ, что она такъ ловко увернулась. Въ три прыжка, нѣсколько ушибившись и оцарапавшись объ вѣтви, онъ снова очутился подлѣ нея, противъ самой рѣшетки парка Буагибб.

Тутъ онъ схватилъ ее за мантилью и сказалъ:

— Я хочу посмотреть, стоите ли вы труда, чтобъ я такъ гнался за вами! Если вы нехороши, вамъ нечего бѣжать, голубушка, я не погонюсь за вами; если же вы молоды и недурны, ужъ я распалую васъ, моя красавица!

Жильберта бодро оборонялась, ударяя по лицу и по рукамъ Галюшэ своей корзиною; но силы были слишкомъ-неравны; рискуя оцарапать ее застежкой мантильи, онъ съ бѣшенствомъ тащилъ капюшонъ.

Въ эту минуту два человека показались у рѣшетки парка, и Жильберта, вырвавшись съ отчаяннымъ усиленіемъ, бросилась къ нимъ подъ защиту того, кто первый попался ей на-встрѣчу. Она очутилась въ объятіяхъ г-на Буагибб.

Чувствуя дурноту отъ страха и негодованія, она скрыла лицо на груди старика, и ни маркизъ, ни плотникъ не успѣли узнать ее; но, при видѣ убѣгавшаго Галюшэ, весь прежній гнѣвъ Жана вспыхнулъ, и онъ кинулся за нимъ въ погоню. Прикащикъ г-на Кардоннэ былъ толстъ и приземистъ, и, не смотря на лѣта, Жанъ имѣлъ надъ нимъ перевѣсъ ростомъ и проворствомъ. Видя себя почти настигнутымъ, Галюшэ положился на свою силу и обернулся. Между ними завязалась борьба, и Галюшэ, крѣпкій собою, выдержалъ довольно-удачно первую схватку; но Жанъ былъ атлетъ и скоро повалилъ его на краю воды.

— А! тебѣ мало ремесла шпиона? сказалъ онъ, придавивъ ему козломъ грудь и сжавъ горло такъ сильно, что побѣжденный принужденъ былъ опустить руки: — еще ты обижаешь женщинъ, гадкій холопъ! Я бы долженъ раздавить такое зловредное животное, какъ ты; но ты такъ подлъ, что, пожалуй, накличешь мнѣ процессъ! Хорошо же! не будетъ тебѣ этого удовольствія: ты выйдешь изъ моихъ рукъ безъ всякой царапины, на которую бы могъ указать; я ограничусь только тѣмъ, что вымою тебѣ рожу мыломъ, достойнымъ тебя.

Подобравъ горсть черной грязи съ берега, плотникъ вытеръ ею лицо, рубашку и галстухъ Галюшэ; потомъ пустилъ его и, стоя передъ нимъ, сказалъ:

— Попробуй тронуть меня, такъ я еще накормлю тебя грязью! Галюшэ сейчасъ имѣлъ такой жестокой опытъ силы плотника,

что не смѣлъ вновь ей подвергаться. Онъ порывался пустить ему камень въ голову, когда тотъ спокойно отвернулся; но разсудилъ, что дѣло могло выйдти не шуточное, и что, если онъ не спшибетъ его разомъ съ ногъ, то ему прійдется дорого поплатиться. Онъ рѣшился ретироваться, изрыгая ругательства и угрозы на него и на дуру, за которую онъ вступился; но не смѣлъ назвать Жильберту, ни дать замѣтить, что узналъ ее. Онъ не былъ твердо увѣренъ, что она не сдѣлается невѣсткою его хозяина, потому-что, въ-продолженіе нѣсколькихъ дней, какъ Эмиль лежалъ больнъ, господинъ Кардоннѣ казался ужасно разстроены и нерешителенъ.

Жильберта и маркизъ не видали этой сцены. Дѣвушка едва переводила духъ и почти въ безпамятствѣ позволила себя вести въ сырню. Г-нъ Буагигбѣ былъ въ большомъ затрудненіи отъ такого приключенія; но рѣшась благородно помочь оскорбленной дамѣ, не смѣлъ ни заговорить съ нею, ни дать ей понять, что узналъ ее. Недовѣрчивость его возобновилась; онъ спрашивалъ себя, не подготовлена ли эта сцена, чтобъ бросить ему на грудь трепещущую голубку; но когда она упала въ обморокъ на порогъ дома и когда онъ увидѣлъ ея блѣдность, потухшій взоръ и посинѣлыя губы, имъ овладѣло нѣжное состраданіе и жестокой гнѣвъ на человека, способнаго оскорбить беззащитную женщину. Потомъ онъ вспомнилъ, что благородная дѣвушка подверглась этой опасности отъ-того, что пришла къ нему для гордаго и безкорыстнаго поступка... Онъ поднялъ ее, отнесъ на кресла, и, потирая ея охладѣвшія руки, сказалъ:

— Ободритесь, успокойтесь, ради Бога! вы здѣсь въ безопасности; вы здѣсь желанная гостя.

— Жильберта! вскричалъ плотникъ, когда узналъ ее, воротившись:—дочь Антуана, моя Жильберта! Боже правый! возможно ли? Ахъ! если бъ я зналъ, не пошадилъ бы этого мерзавца! Но онъ не далеко: пойду убью его!

Видъ себя отъ ярости, онъ готовъ былъ пуститься въ погоню за Галюшѣ, но маркизъ и Жильберта, нѣсколько пришедшая въ память, удержали его. Дѣло обошлось не безъ труда; Жанъ самъ-себя не помнилъ. Наконецъ, маркизъ намекнулъ ему, что для пользы репутаціи дочери графа Шатобрѣна ему не слѣдовало дальше простирать свое мщеніе.

Однакожь, въ маркизѣ все замѣтно было какое-то принужденіе съ Жильбертою. Она хотѣла отправиться домой, онъ въ глубинѣ сердца желалъ, чтобъ она осталась подольше, и не могъ рѣшиться сказать ей это иначе, какъ только ссылаясь на то, что она имѣла еще надобность отдохнуть и успокоиться отъ своего волненія. Но Жильберта боялась опять встревожить родителей и увѣрала, что чувствовала себя въ силахъ идти. Маркизъ предлагалъ экипажъ, предлагалъ спиртъ, искалъ стѣянку и не находилъ, суетился около нея, придумывалъ больше всего, что сказать ей въ отвѣтъ на

письмо и поступокъ ея, и хотя не видѣлъ недостатка ни въ свѣтлости, ни въ развязности, разъ рѣшившись на нихъ, но былъ не ловче и принужденіе школьника, впервые вступившаго въ свѣтъ, — когда его мучила тягостная нерѣшительность его характера.

Наконецъ Жильберта встала, собираясь идти съ Жаномъ, который хотѣлъ проводить ее до Шатобрёна. Онъ также всталъ, взялъ шляпу, и, схвативъ свою новую трость съ рѣшительнымъ видомъ, заставившимъ плотника улыбнуться, сказалъ:

— Позвольте мнѣ также проводить васъ. Этотъ негодяй, можетъ-быть, притаился гдѣ-нибудь и ждетъ; а два кавалера все лучше одного.

— Пусть его идетъ! шепнулъ Жанъ Жильбертъ, которая хотѣла-была отклонить его услужливость.

Всѣ трое вышли изъ парка и сначала маркизъ держался позади въ некоторомъ разстояніи, или шелъ впередъ въ видѣ авангарда. Потому онъ очутился рядомъ съ Жильбертой, и замѣтивъ, что она обезсиѣла и шла съ трудомъ, рѣшился предложить ей свою руку. Мало-по-малу, онъ вступилъ съ ней въ разговоръ, и мало-по-малу также почувствовалъ себя вольнѣе. Сперва онъ говорилъ объ общихъ вещахъ, потомъ объ ней-самой въ-особенности, спрашивалъ о ея вкусахъ, занятіяхъ, чтеніи, и хотя она отвѣчала съ скромной скрытностью, однакожъ онъ скоро замѣтилъ, что она была одарена возвышеннымъ умомъ и имѣла весьма-прочную основу образованія.

Пораженный такимъ открытіемъ, онъ пожелалъ знать, гдѣ и какъ она приобрѣла столько свѣдѣній, и она призналась, что наилучшую часть этихъ свѣдѣній почерпнула въ библиотекѣ зайка Буагидо.

— Очень-радъ! сказалъ маркизъ:—предлагаю все мои порядочныя книги къ вашимъ услугамъ. Надѣюсь, вы пришлете ко мнѣ за ними, если только не позволите мнѣ выбирать ихъ для васъ и присылать къ вамъ каждую недѣлю. Жанъ вѣрно не откажется быть вашимъ комиссіонеромъ, пока Эмиль снова возьметъ на себя эту должность.

Жильберта вздохнула: по страшному молчанію Эмиля, она не смѣла даже надѣяться, что такое благополучное время когда-нибудь возвратится.

— Обопритесь же на мою руку, сказалъ маркизъ: — вы, какъ видно, нездоровы, а не хотите принять моей помощи.

Когда они дошли до подошвы шатобрёнскаго холма, г. Буагидо, довелъ не-видимому позабывшійся, началъ обнаруживать признаки волненія и безпокойства, какъ пугливая лошадь. Вдругъ онъ остановился и тихо вынулъ руку Жильберты изъ-подъ своей, чтобъ передать ее подъ руку плотнику.

— Оставляю васъ у воротъ вашего дома и съ преданнымъ дружесъ, сказалъ онъ.—Я вамъ больше не нуженъ, но беру съ собою ваше обещаніе пользоваться моими книгами.

— О, если бь я могла пригласить васъ идти дальше! сказала Жильберта умоляющимъ голосомъ:—я согласилась бы не раскрывать ни одной книги въ жизнь свою, хотя бь это было для меня великимъ лишеніемъ!

— Къ-несчастью, это мнѣ невозможно! отвѣчалъ онъ со вздохомъ:—но время и случай приводятъ неожиданныя встрѣчи. Надѣюсь, сударыня, что прощаюсь съ вами не навсегда; такая мысль была бы мнѣ очень-прискорбна...

Онъ откланялся ей и пошелъ запереться въ своей сырнѣ, гдѣ провелъ часть ночи въ томъ, что писалъ, укладывалъ бумаги и глядѣлъ на портретъ покойной маркизы.

По-утру, г. Буагибѣ надѣлъ свое зеленое платье, спитое по модѣ времямъ имперіи, самый свѣтлый парикъ, перчатки и лосинные панталоны, гусарскіе сапоги съ кисточками и короткими серебряными шпорами въ формѣ лебединой шеи. Слуга, въ парадной ливрѣ конюшаго, подвелъ ему лучшую лошадь его конюшни, и, вскочивъ самъ на лошадь почти столь же прекрасную, поѣхалъ за нимъ рысцою по дорогѣ въ Гаржилесь, держа на рукѣ пристегнутую ремнемъ шкатулку.

Велико было удивленіе жителей мѣстечка, когда они увидѣли маркиза, ѣхавшаго прямо и стойко на своей бѣлой лошади, подобно старинному учителю верховой ѣзды, въ парадномъ платьѣ, въ золотыхъ очкахъ съ хлыстикомъ, который онъ держалъ вверхъ, какъ свѣчу. Лѣтъ десять г-нъ Буагибѣ не вѣзжалъ никуда, ни въ городъ, ни въ селеніе. Ребятишки бѣжали за нимъ вслѣдъ, прельщенные пышностью его поѣзда; женщины толпились на порогѣхъ домовъ, и мужчины съ тяжестями на плечахъ останавливались въ изумленіи посреди улицы.

Маркизъ шагомъ вѣзжалъ на крутую мостовую, и точно также съѣхалъ внизъ къ заводу Кардоннѣ, какъ искусный ѣздокъ не забываясь рисками, и потомъ поднявшись въ рысь, чтобъ вѣхать на дворъ; онъ правилъ лошадь въ такой вѣрный кадансъ, что ея движенія походили на качанія маятника хорошихъ часовъ. Наружность его была еще не дурна, и женщины говорили:

— Какъ же онъ не колдунъ! не постарѣлъ ни крошечки въ тѣ десять лѣтъ, что его здѣсь не видали!

Онъ потребовалъ, чтобъ его проводили къ г-ну Эмилю Кардоннѣ, и нашелъ молодаго человека въ его комнатѣ, сидящимъ на диванѣ, между отцомъ по правую и докторомъ по лѣвую сторону. Г-жа Кардоннѣ сидѣла напротивъ и глядѣла на него съ заботливостью.

Эмиль былъ очень-блѣденъ; но положеніе его уже не угрожало никакой опасностью. Онъ всталъ и пошелъ на встрѣчу господину Буагибѣ, который, обнявъ его съ нежностью, низко поклонился госпожѣ Кардоннѣ и нѣсколько-умѣреннѣе господину Кардоннѣ. Въ-продолженіе нѣсколькихъ минутъ, разговоръ шелъ только о здоровьѣ больнаго. Эмиль перенесъ довольно-сильный припадокъ

горячки; нажавунъ ему пускали кровь; ночь прошла спокойно, и утромъ слѣды горячки совершенно исчезали. Ему совѣтовали выехать прогуляться въ кабриолетъ, и онъ намѣревался съѣздить къ г. Буагибб, когда маркизъ вошелъ въ его комнату.

Маркизъ слышалъ всѣ подробности этого нездоровья отъ плотника, который тщательно скрывалъ его отъ Жильберты. Не было больше никакихъ поводовъ къ опасенію. Докторъ объявлялъ, что больной можетъ объѣхать, и удалился, сказавъ, что побываетъ на другой день единственно для очистки совѣсти.

Господинъ Буагибб, во время разказа этихъ подробностей, внимательно наблюдалъ лицо господина Кардоннэ. Онъ примѣтилъ въ немъ выраженіе скорѣе торжества, нежели радости. Безъ-сомнѣнія, промышленникъ трепеталъ мысли потерять сына; но когда страхъ разсѣялся, побѣда была одержана: Эмиль могъ перенести горе.

Господинъ Кардоннэ, съ своей стороны, глядѣлъ на странную посадку маркиза и находилъ ее въ высшей степени смѣшно. Его важность и мѣшкатность въ разговорѣ выводили его изъ терпѣнія, ибо г. Буагибб, больше смущенный на дѣлѣ, нежели сколько старался обнаруживать, говорилъ одни общія мѣста съ глубоко-мысленнымъ видомъ. Вскорѣ промышленникъ откланялся ему и ушелъ заниматься своими дѣлами. Тогда г-жа Кардоннэ, угадывая по безпокойству Эмиля, что онъ желалъ поговорить наединѣ съ своимъ старымъ другомъ, оставила ихъ однихъ, посовѣтовавъ сыну не утомлять себя разговоромъ.

— Ну! сказалъ Эмиль маркизу, когда они остались одни: — можете надѣть на меня мученической вѣнецъ! Я вытерпѣлъ испытаніе огнемъ; но Богъ не оставляетъ призывающихъ Его, и я вышелъ цѣлъ, безъ явной обжогъ: немножко-разбитъ, правда, но спокоенъ и полонъ вѣры въ будущее. Нынѣче утромъ, я объявлялъ отцу, въ совершенномъ разсудкѣ и спокойствіи духа, то, что объявлялъ въ волненіи и, можетъ-быть, въ бреду горячки. Теперь онъ знаетъ, что я ни за что не отступлюсь отъ своего мнѣнія, и никакая игра моей страстью не доставитъ ему побѣды. Онъ по-видимому очень-доволенъ, потому-что воображаетъ, будто ему удалось отворотить меня отъ брака, котораго онъ страшился больше, чѣмъ пылкости моихъ убѣжденій. Еще сегодня говорилъ онъ, что хочетъ развлечь меня, послать путешествовать, отправить въ Италію. Я сказалъ ему, что не желаю покидать Францію и даже здѣшнюю сторону, если только онъ не прогонитъ меня изъ родительскаго дома. Онъ улыбался, и, по причинѣ вчерашняго кровопусканія, не хотѣлъ мнѣ противорѣчить; но завтра заговоритъ строгимъ другомъ, послѣ-завтра раздраженнымъ отцомъ, а на слѣдующій день самовластнымъ господиномъ. Не безпокойтесь за меня, другъ мой, у меня достанетъ твердости, спокойствія и терпѣнія. Осудитъ ли онъ меня на изгнаніе, или оставитъ при себѣ, чтобъ меня мучить, я покажу ему, что любовь очень-сильна,

когда она внушена энтузіазмомъ истины и поддерживается идеаломъ.

— Эмиль, сказалъ маркизъ: — черезъ вашего пріятеля Жана я знаю все, что случилось между вами и отцомъ вашимъ, и также все, что произошло великаго и побѣдоноснаго въ вашей душѣ. Вдучи сюда, я былъ покоенъ.

— О, другъ мой! я слышалъ, что вы помирились съ этимъ простымъ, но удивительнымъ человекомъ. Онъ сказывалъ мнѣ, что вы собираетесь навѣстить меня; я ждалъ васъ.

— Не говорилъ онъ ничего больше? сказалъ маркизъ, пристально вглядываясь въ Эмиля.

— Нѣтъ, больше ничего, клянусь вамъ, отвѣчалъ Эмиль съ увѣренностью правды.

— Хорошо, что онъ сдержалъ слово, возразилъ господинъ Буагиббó: — вы были такъ ослаблены горячкой, что не перенесли бы новыхъ ощущеній. Я самъ перенесъ много сильныхъ волненій стѣхъ-поръ, какъ мы не видались; но доволенъ результатомъ и покажу вамъ его... Только не теперь, Эмиль; вы еще очень блѣды, и я самъ не довольно увѣренъ въ себя. Не пріѣзжайте ко мнѣ сегодня: мнѣ надо кое-гдѣ побывать, и можетъ-быть уже вечеромъ, мимоходомъ, я повидаюсь съ вами. Общаете ли вы мнѣ до-тѣхъ-поръ обѣдать, быть покойнымъ, словомъ, выздоравливать?

— Обѣщаю, мой другъ. Ахъ, еслибъ я могъ извѣстить ту, которую люблю, что, пришедши снова въ полное употребленіе жизни и способностей, я ощутилъ свою любовь пламеннѣе и рѣшительнѣе прежняго въ моемъ сердцѣ!

— Что жъ, Эмиль, напишите ей нѣсколько строкъ, не утомляя себя: я заду вечеромъ; и если она живетъ не слишкомъ-далеко, возьмусь доставить ей ваше письмо.

— Увы, другъ мой, я не могу сказать вамъ ея имя! Но еслибъ Жанъ взялся... теперь, когда за мною не глядятъ ежеминутно и когда возвратились мои силы, я могъ бы написать письмо.

— Такъ напишите, запечатайте и не выставляйте адреса. Плотникъ работаетъ у меня, и письмо будетъ въ его рукахъ прежде вечера.

Пока молодой человекъ писалъ, господинъ Буагиббó вышелъ изъ его комнаты и пожелалъ видѣться съ господиномъ Кардоннѣ. Ему отвѣчали, что онъ сейчасъ куда-то уѣхалъ въ кабриолетъ.

— Не извѣстно ли, гдѣ я могу догнать его? спросилъ маркизъ, полу-вѣря въ это отсутствіе.

Онъ не сказалъ, куда ѣдетъ, но полагали, что въ Шатобрёнъ, потому-что повхалъ по этой дорогѣ и потому-что уже вздѣлъ туда на прошедшей недѣль.

При этомъ отвѣтѣ, господинъ Буагиббó обнаружилъ удивительную живость, воротился къ Эмилю, взялъ его письмо, пошувалъ

ему пульсъ, нашель, что онъ немножко взволнованъ, съѣзъ на лошадь, выѣхалъ изъ селенія точно такъ же, какъ вѣхалъ въ него, но пустился небольшимъ галопомъ, когда очутился въ полѣ.

XII.

ПРОЩЕНІЕ.

Между-тѣмъ, г. Кардоннѣ пріѣхалъ въ Шатобрѣнъ и уже находился въ присутствіи Жильберты, ея отца и Жавиллы.

— Г. де-Шатобрѣнъ, сказалъ онъ, садясь съ самоуверенностью между этими особами, встревоженными посѣщеніемъ, которое предвѣщало имъ новыя огорченія: — безъ-сомнѣнія, вамъ извѣстно все, что произошло между моимъ сыномъ и мною по поводу вашей дочери. Сынъ мой имѣлъ умъ и вкусъ избрать ее своей невестою. Она и вы, сударь, имѣли чрезвычайную доброту принять его сватовство, не увѣрившись, одобрю ли я его...

Тутъ Жанилла сдѣлала гнѣвный жестъ, Жильберта потупила глаза, блѣднѣя, а Антуанъ покраснѣлъ и раскрылъ ротъ, чтобъ прервать г. Кардоннѣ. Но тотъ не далъ ему произнести ни слова и продолжалъ:

— Сначала я не одобрялъ этого союза, признаюсь вамъ; но я пріѣхалъ сюда, увидѣлъ вашу дочку, и согласился. Согласіе мое давалось на условіяхъ очень-мягкихъ и очень-простыхъ. Мой сынъ, по мнѣніямъ своимъ — вольнодумецъ, а я умѣренный консерватистъ. Я опасаюсь, что запальчивыя мнѣнія разстрожатъ умъ и кредитъ Эмиля. Требую, чтобъ онъ отрекся отъ нихъ и возвратился къ благоразумію и приличію. Я полагалъ, что легко получу отъ него это пожертвованіе, радовался напередъ, извѣстивъ васъ объ этомъ, какъ о несомнѣнномъ дѣлѣ, въ письмѣ, адресованномъ на имя вашей дочери. Но, къ великому моему удивленію, Эмиль упорствуетъ въ своей восторженности и приноситъ ей въ жертву любовь, которую я было-считалъ глубже и самоотверженнѣе. Я принужденъ сказать вамъ, что нынче утромъ онъ безвозвратно отдался отъ руки вашей дочери, и я счелъ долгомъ увѣдомить васъ немедленно, чтобъ, зная въ точности его и мои намѣренія, вы не могли обвинять меня въ нерѣшительности и неблагоразуміи. Если теперь вамъ угодно ободрять его чувства и снисходить его исканіямъ, это ваше дѣло; я умываю руки...

— Г. Кардоннѣ, отвѣчалъ Антуанъ, вставая съ мѣста: — знаю все это; знаю также, что у васъ всегда найдутся прекрасныя фразы для подшучиванія надъ нами; но если вы такъ хорошо все знаете, то потому-что подсылали шпионовъ въ домъ нашъ, и лажеевъ, чтобъ оскорблять насъ обидными претензіями на руку моей дочери. Вы уже много мучили насъ своей дипломатіей, и мы васъ

просимъ перестать. Мы не такъ просты, чтобъ не понимали, что вы ни подъ какимъ видомъ не хотите соединить свое богатство съ нашей бѣдностью. Намъ не провели ваши извороты, и когда хитрой выдумкой поставили вы своего сына въ необходимость выбирать между моральнымъ подчиненіемъ, невозможнымъ когда идетъ дѣло о мнѣніяхъ, и бракомъ, на который вы все-таки не согласились бы, еслибъ онъ рѣшился на ложь, — тогда мы съ своей стороны поклялись избавить его, васъ и себя-самихъ отъ всякой лжи и всякаго притворства. Повѣрьте, мы очень знаемъ, что намъ дѣлать; я умѣю сохранять честь и достоинство своей дочери такъ же хорошо, какъ вы богатство своего сына, и въ этомъ отношеніи не имѣю нужды ни въ чьихъ совѣтахъ, ни въ чьихъ наставленіяхъ.

Проговоривъ это съ твердостью, которой г. Кардоннэ отнюдь не ожидалъ отъ стараго пьяницы Шатобрѣна, г. Антуанъ снова сѣлъ и глядѣлъ прямо въ лицо промышленнику. Жильберта чувствовала, что ей дурно, но сочла долгомъ подкрѣпить свою гордость справедливую гордость отца. Она также подняла глаза на г. Кардоннэ, и взоръ ея, казалось, подтверждалъ все, что сказалъ Антуанъ.

Жанилла, вышедшая изъ себя, вмѣшалась въ разговоръ.

— Не безпокойтесь, сударь, сказала она: — обойдутся и безъ вашего имени. Тутъ есть имя, которое стѣнитъ вашего; а что до денегъ, мы имѣли больше чести потерять тѣ, которыя у насъ были, нежели вы приобрѣсти тѣ, которыхъ у васъ не было.

— Знаю, мамзель Жанилла, отвѣчалъ Кардоннэ съ притворнымъ равнодушіемъ глубокаго презрѣнія: — знаю, что вы очень тщеславитесь именемъ, какое графъ Шатобрѣнъ доставилъ вашей дочери. Я не столько бы гордился имъ и закрывалъ бы глаза на нѣкоторыя неправильности рожденія; но понимаю, что состояніе разнѣннца, нажитое трудомъ, кажется презрѣнно въ глазахъ особы, рожденной, подобно вамъ, вѣроятно, въ роскоши праздности. Мнѣ остается только пожелать всякаго счастья всѣмъ вамъ и попросить прощенія у мамзель Жильберты, что причинилъ ей маленькую неприятность. Вина моя была совершенно-невольная; но надѣюсь заглядить ее добрымъ совѣтомъ, именно: молодые люди, которые берутся располагать волею своихъ родителей, иногда бываютъ больше ослѣплены мимолетною прихотью, нежели проникнуты сильною страстью. Поведеніе Эмиля служить, я думаю, тому доказательствомъ, и я немножко стыжусь за него.

— Довольно, г. Кардоннэ, довольно, слышите ли? сказалъ Антуанъ, вышедъ изъ себя въ первый разъ въ жизни: — я стыдился бы имѣть столько ума, сколько вы, еслибъ употреблялъ его на такія недостойныя вещи, какъ оскорбленіе дѣвушки и вызовъ отца въ ея присутствіи. Надѣюсь, вы меня понимаете, и...

— Г. Антуанъ! мамзель Жанилла! вскричалъ Сильвенъ Шарассонъ, очутившись однимъ скачкомъ среди комнаты: — г. Буагн-

бо ѣдетъ къ вамъ! Ей-Богу! точно, г. Буагибó! Я узналъ его по бѣлой лошади и по желтымъ очкамъ!

Нечаянная новость такъ потрясла графа Шатобрёна, что онъ забылъ весь свой гнѣвъ, и, вдругъ поддавшись дѣтской радости съ примѣсью страха, кинулся нетвердыми шагами навстрѣчу старинному другу.

Но въ ту минуту, какъ онъ собирался упасть въ его объятія, его оледенилъ страхъ и какъ-бы окаменнлъ холодный видъ и грустно-вѣжливый поклонъ маркиза. Трепещущій, растерзанный въ глубинѣ сердца, Антуанъ судорожно схватилъ руку дочери, не зная подвести ли ее къ г. Буагибó, какъ залогъ примиренія, или удалить, какъ тяжкое доказательство вины своей.

Жанилла, растерявшись, низко присѣдала маркизу, который кинулъ на нее разсѣянный взглядъ и едва-замѣтно кивнулъ ей головою.

— Г. Кардоннѣ, сказалъ онъ, очутясь на порогѣ квадратнаго павильйона лицомъ-къ-лицу съ промышленникомъ, который шелъ позади всѣхъ: — кажется, вы уѣзжаете, а я пріѣхалъ именно за тѣмъ, чтобъ васъ видѣть. Вы уѣхали изъ дома въ самое то время, какъ я искалъ васъ, и я пустился за вами слѣдомъ. Сдѣлайте одолженіе, останьтесь еще нѣсколько времени, и удалите мнѣ немного вниманія.

— Мы поговоримъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, если вамъ угодно, господинъ маркизъ, отвѣчалъ Кардоннѣ: — здѣсь я не могу оставаться долѣе; но если угодно сойти со мною пѣшкомъ съ этой горы.

— Нѣтъ, сударь, нѣтъ, извините мою настойчивость. То, что я имѣю сказать вамъ, довольно-важно, и лица, здѣсь находящіяся, должны это слышать. Кажется, я пріѣхалъ поздно и не успѣлъ предупредить неприятыя объясненія; но вы дѣловой человекъ, г. Кардоннѣ, и знаете, что въ иныхъ случаяхъ собираются на совѣтъ, чтобъ хладнокровно разсуждать о важныхъ вопросахъ, даже когда въ глубинѣ души таятъ немножко страсти. Графъ Шатобрёнъ, прошу васъ удержать г-на Кардоннѣ: это совершенно-необходимо. Я старъ, слабъ, не найду, можетъ-быть, въ себѣ достаточно силъ, чтобъ пріѣхать опять. Вы молодой человекъ въ сравненіи со мною; прошу же васъ имѣть немножко терпѣнія и обязательности, чтобъ избавить меня отъ большого труда; не-уже-ли вы откажете?

На этотъ разъ, маркизъ говорилъ съ увѣренностью и граціей, дѣлавшими его человекомъ совершенно-отличнымъ отъ того, котораго г. Кардоннѣ видѣлъ часъ назадъ. Промышленникъ почувствовалъ любопытство, нечуждое участія и уваженія. Г-нъ Шатобрёнъ успѣшилъ пригласить его остаться, и они всѣ вошли въ павильйонъ, за исключеніемъ Жаниллы, которой г. Антуанъ сдѣлалъ знакъ, и которая пошла за дверь кухни подслушивать.

Жильберта колебалась, войти ей, или удалиться; но г. Буаги-

бѣ очень-вѣжливо подалъ ей руку, и, подведши ее къ кресламъ, самъ сѣлъ подле нея въ нѣкоторомъ разстояніи отъ отца ея и отъ Эмиля.

— Чтобъ приступить къ дѣлу надлежащимъ порядкомъ и согласно уваженію, какимъ мы обязаны дамамъ, сказалъ онъ: — обращаюсь, во-первыхъ, къ дѣвицѣ Шатобрёнъ. Сударыня, я сдѣлалъ завѣщаніе въ прошлую ночь, и пріѣхалъ объявить вамъ его пункты и условія; но желалъ бы, на этотъ разъ, не получить отказа, и не иначе рѣшусь прочесть вамъ эту бумагу, какъ взявъ съ васъ слово не обижаться. Вы также назначили мнѣ условія въ письмѣ, которое со мною и которое надѣлало мнѣ много огорченія. Однакожь, я нахожу ваши условія справедливыми, и понимаю, что вы не захотѣли принять ни малѣйшаго подарка отъ человѣка, котораго считаете врагомъ своего батюшки. Значить, чтобъ умилостивить васъ, эта вражда должна прекратиться, и батюшка вашъ долженъ простить меня въ томъ, въ чемъ я виноватъ передъ нимъ. Графъ Шатобрёнъ, — сказалъ онъ, вставая съ героической рѣшимостью: — вы нѣкогда оскорбили меня; я отплатилъ вамъ также оскорбленіемъ, отнявъ у васъ свою дружбу безъ всякаго объясненія. Намъ слѣдовало или драться, или простить другъ другу. Мы не дрались, но двадцать лѣтъ были чужды одинъ другому, что гораздо-важнѣе для людей, очень-любившихъ другъ друга. Теперь я прощаю вашу вину, простите ли вы мнѣ мою?

— О, маркизъ! воскликнулъ г-нъ Антуанъ, бросаясь къ нему и становясь на одно колено: — вы никогда не были ни въ чемъ виноваты предо мною; вы были моимъ лучшимъ другомъ, замѣняли мнѣ отца, — а я смертельно оскорбилъ васъ... Я подставилъ бы вамъ открытую грудь, еслибъ вы захотѣли пронзить ее ударомъ шпаги, и ни за что не поднялъ бы на васъ руки. Вы не хотѣли отнять у меня жизнь и наказали меня гораздо-больше, отнявъ у меня свою дружбу. Теперь, вы даруете мнѣ прощеніе; принимаю его на коленяхъ, въ присутствіи друзей моихъ и непріятелей, потому-что это униженіе — единственное возмездіе, какое могу предложить вамъ. А вы, г. Кардоннэ, сказалъ онъ, поднимаясь и мѣряя промышленника съ головы до ногъ: — вы можете смѣяться надъ вещами, которыхъ понять не въ состояніи; но я не всѣмъ подставляю свою грудь и безоружную руку: скоро вы это узнаете!

Г. Кардоннэ также поднялся, бросая на г. Антуана грозные взгляды. Маркизъ сталъ промежду ними и сказалъ Антуану:

— Графъ, не знаю, что произошло у васъ съ г-номъ Кардоннэ; но вы сейчасъ предложили мнѣ возмездіе, котораго я не принимаю. Хочу думать, что наши вины были взаимны, и не у ногъ, а въ объятіяхъ моихъ хотѣлъ бы я васъ видѣть. Но какъ вы считаете себя обязаннымъ изъяснить мнѣ покорность, на что даютъ мнѣ право лѣта мои, то прежде, нежели обнимемся, я требую, чтобъ вы помирились съ г-мъ Кардоннэ и первый подали ему руку.

— Не могу! вскричалъ Антуанъ, судорожно сжимая руку мар-

киза и волнуясь между радостью и гнѣвомъ: — онъ сейчасъ говорилъ съ моею дочерью оскорбительнымъ образомъ.

— Нѣтъ, быть не можетъ! возразилъ маркизъ: — это какое-нибудь недоразумѣніе. Я знаю образъ чувствованій г-на Кардоннѣ; его характеръ несовмѣстенъ съ низостью. Г-нъ Кардоннѣ, я увѣренъ, что вы понимаете честь не хуже любаго дворянина, и сейчасъ въ вашихъ глазахъ двое дворянъ, которые жестоко оскорбили другъ друга, помирились, не стыдясь взаимныхъ уступокъ. Будьте же великодушны и докажите намъ, что не имя условливаетъ благородство. Я пріѣхалъ къ вамъ съ словами мира и особенно съ средствами соглашенія. Позвольте мнѣ положить вашу руку въ руку графа Шатобрѣна. Вы не можете отказать старику, стоящему на краю могилы. Мамзель Жильберта, будьте моею помощницею, замолвите слово вашему батюшкѣ...

Средства соглашенія ясно прозвучали въ слухъ г-на Кардоннѣ. Его дальновидный умъ уже отгадалъ часть истины. Онъ разсудилъ, что слѣдуетъ уступить и лучше сохранить военныя почести, нежели подвергнуться крайностямъ капитуляціи.

— Мои намѣренія были такъ далеки отъ того, что предполагалъ г. Шатобрѣнъ, сказалъ онъ: — и въ душѣ я всегда столько почиталъ и уважалъ его достойную дочь, что охотно отрекаюсь отъ всего, что могло быть превратно истолковано въ словахъ моихъ. Покорнѣйше прошу мамзель Жильберту не сомнѣваться въ этомъ и подаю ея батюшкѣ руку, какъ залогъ клятвы, которую даю теперь...

— Довольно, сударь; не будемъ говорить объ этомъ! сказалъ г. Антуанъ, протягивая ему руку: — расстанемтесь безъ вражды. Антуанъ де-Шатобрѣнъ никогда не умѣлъ лгать.

— Правда, подумалъ г. Буагибѣ: — еслибъ онъ притворялся ловчье, я ничего бы не замѣтилъ... и былъ бы счастливъ подобно столькимъ другимъ!

— Теперь, сказалъ онъ ему дрожащимъ голосомъ: — благодарю тебя, Антуанъ: обнимемся!

Лобзаніе графа было горячо и восторженно; лобзаніе маркиза пристойно и принужденно. Онъ игралъ роль свѣше силъ своихъ — поблѣднѣлъ, задрожалъ и опустился на стулъ. Антуанъ сѣлъ рядомъ съ нимъ, едва удерживая дыханіе. Жильберта упала на колѣни передъ маркизомъ и, также плача отъ радости и призвательности, осыпала поцалуями его руки.

Чувствительная сцена была не по сердцу промышленнику, который глядѣлъ на нее гордо и холодно и ожидалъ *средствъ соглашенія*.

Наконецъ, г. Буагибѣ вынулъ ихъ изъ кармана и прочелъ чистымъ и внятнымъ голосомъ.

Въ краткихъ и точныхъ словахъ изъяснялъ онъ, что имѣетъ состоянія четыре мильона пятьсотъ тысячъ ливровъ, изъ которыхъ отдаетъ по контракту въ полную собственность два мильона

дѣвицѣ Жильбертъ Шатобрёнъ, съ условіемъ, что она выйдетъ замужъ за г. Эмиля Кардоннэ; а два милльона г. Эмилю Кардоннэ, съ условіемъ, что онъ женится на дѣвицѣ Жильбертъ Шатобрёнъ. Въ случаѣ исполненія условія, бракъ долженъ заключиться не позже, какъ въ-теченіе полугода, и г. Буагибё предоставлялъ себѣ пожизненное пользованіе имѣніемъ, но передавалъ во владѣніе и полное распоряженіе пятьсотъ тысячъ ливровъ будущимъ супругамъ со дня ихъ свадьбы... Эта сумма, впрочемъ, оставалась полною собственностью дѣвицы Шатобрёнъ, если она и не выйдетъ за г. Эмиля Кардоннэ.

За дверью послышался слабый крикъ: Жанилла упала съ радости въ обморокъ на руки Сильвена Шарассона.

- XII -

Соглашеніе.

Жильберта не понимала, что съ нею случилось, не давала себѣ никакого отчета въ томъ, что значили четыре милльона состоянія, и подобное бремя для жизни столь простой и столь счастливой, какъ ея жизнь, скорѣе испугало бы ее, чѣмъ обрадовало; но она видѣла возвращеніе возможности союза съ Эмилемъ, и, будучи не въ силахъ говорить, судорожно сжимала руку г-на Буагибё въ своихъ рукахъ. Антуанъ совершенно обезумѣлъ, видя дочь такою богатою. Богатству онъ радовался не больше ея, но тутъ его поразило столь огромное доказательство великодушнаго прощенія маркиза, что онъ все это считалъ за сонъ и уже не находилъ словъ для выраженія.

Одинъ Кардоннэ понималъ, что значило соединить четыре съ половиною милльона на его будущихъ внукахъ. Однакожъ, онъ не потерялся, выслушалъ чтеніе завѣщанія съ безстрастнымъ видомъ, и, не желая явно склониться подъ могуществомъ золота, сказалъ хладнокровно:

— Вижу, что г-нъ Буагибё непременно желаетъ наклонить родительскую волю передъ волею дружбы; но отнюдь не бѣдность дѣвицы Шатобрёнъ казалась мнѣ главнымъ препятствіемъ къ этому браку. Есть другое препятствіе, которое гораздо-больше затрудняетъ меня, — именно то, что она побочная дочь, и что, по всему видно, ея мать... не назову ея... занимаетъ довольно-низкое мѣсто въ обществѣ...

— Ошибаетесь, г-нъ Кардоннэ! отвѣчалъ маркизъ съ твердостью: — мамзель Жанилла была всегда безупречнаго поведенія, и, мнѣ кажется, вы неправы, презирая женщину столь вѣрную и столь преданную предметамъ ея привязанности. Увѣрю васъ, что дѣвица Шатобрёнъ чистой, благородной крови, если вы придаете этому

цѣну. Скажу вамъ даже, что я коротко зналъ ея мать, и что она была столь же хорошей фамилія, какъ и я самъ. Теперь, г. Кардоннѣ, можете ли вы еще возразить что-нибудь? Полагаете ли, что характеръ дѣвцы Шатобрѣнъ можетъ внушать кому-нибудь отвращеніе и недоверчивость?

— Конечно, нѣтъ, г. маркизъ, отвѣчалъ Кардоннѣ: — однако, я еще колеблюсь. Мнѣ кажется, власть и достоинство отца оскорблены подобнымъ контрактомъ; согласіе мое какъ-будто куплено цѣною золота, и тогда-какъ я имѣлъ одно честолюбіе въ-отношеніи къ своему сыну, именно, чтобъ онъ прибрѣлъ состояніе своимъ трудомъ и дарованіемъ, — вдругъ его возносятъ на верхъ богатства, готовя ему въ будущемъ бездѣйствіе и праздность.

— Надѣюсь, этого не будетъ, сказалъ г. Буагиббѣ. — Если я избралъ Эмиля своимъ наслѣдникомъ, то именно въ увѣренности, что онъ нисколько не будетъ походить на меня и сдѣлаетъ лучше моего употребить мое состояніе.

Кардоннѣ искалъ только повода уступить. Онъ рассуждалъ, что, отказавшись, навсегда отчудить отъ себя сына, а согласясь добровольно, успѣетъ еще опять взять столько вліянія надъ нимъ, что выучитъ его употреблять богатство по своему разумѣнію, т. е. рассчитывалъ, что съ четырьмя милліонами можно современемъ имѣть сорокъ, и былъ убѣжденъ, что никто въ свѣтъ не могъ не пристраститься къ богатству, сдѣлавшись вдругъ обладателемъ четырехъ милліоновъ. «Сначала, онъ будетъ сумасбродничать» думалъ онъ: «исстратитъ часть сокровища; а увидѣвъ убыль, такъ испугается, что захочетъ пополнить недостатокъ; потомъ — подобно тому, какъ аппетитъ возрождается у тѣхъ, которые соглашаются ѣсть, пожелаетъ удвоить, удесятерить, усотерить... При моемъ пособіи, мы можемъ современемъ сдѣлаться царями финансовъ!»

— Я не имѣю права отречься отъ состоянія, отдаваемого моему сыну, сказалъ онъ наконецъ. — Я отрекся бы, еслибъ могъ, потому что все это противно моимъ мнѣніямъ; но собственность — вещь священная. Съ той минуты, какъ сынъ мой получаетъ такой даръ, онъ владѣтель. Я ограбилъ бы его, еслибъ не согласился на предложенныя условія. Итакъ, я долженъ молчать обо всемъ, что несогласно съ моимъ убѣжденіемъ въ этой странной сдѣлкѣ, и ужъ если мнѣ приходится уступить, по-крайней-мѣрѣ я сдѣлаю это охотно... тѣмъ больше, что красота, умъ и благородный характеръ дѣвцы Шатобрѣнъ льстятъ моему эгоизму, суля счастье нашему семейству.

— Итакъ, все условлено, сказалъ г-нъ Буагиббѣ, вставая и дѣлая знакъ въ окошко:—теперь я попрошу мамзель Жильберту, которая, подобно мнѣ, любитъ цвѣты, принять свадебный букетъ.

Вошелъ слуга маркиза и поставилъ на столъ маленькую шкатулку, которую привезъ съ собою. Г-нъ Буагиббѣ вынулъ великолѣпный букетъ самыхъ рѣдкихъ и самыхъ предѣстныхъ цвѣтовъ, —

старый Мартёнъ больше часа увязывалъ его ученымъ образомъ. Но, вмѣсто ленты, букетъ былъ перехваченъ брильянтовой цѣпью, отъ которой Жильберта отказалась, и, вмѣсто кашмирской шали, которую маркизъ заблагоразсудилъ не выставлять на видъ, онъ привезъ два ряда ожерелья.

«Двѣсти или триста тысячъ франковъ прибавки къ контракту!» подумалъ Кардоннѣ, глядя на брильянты съ притворнымъ равнодушіемъ.

— Теперь, сказалъ г-нъ Буагибô Жильбертъ: — вы уже не можете отказываться, потому-что я исполнилъ вашу волю. Не угодно ли съѣсть съ вашимъ батюшкой въ экипажъ, въ ту самую тачку, которая была мнѣ такъ полезна и которая доставила мнѣ счастье познакомиться съ вами. Поѣдемте въ Гаржилесъ; вѣроятно, г-нъ Кардоннѣ желаетъ представить невѣстку своей супругѣ, а мнѣ хочется отрекомендовать ей мою наслѣдницу.

— г-нъ Кардоннѣ съ удовольствіемъ принялъ предложеніе, и они собирались ѣхать, какъ вдругъ явился Эмиль. Онъ узналъ, что отецъ поѣхалъ въ Шатобрёнъ и побоялся какого-нибудь новаго умысла противъ его счастья и спокойствія Жильберты. Онъ вскочилъ на лошадь, и, забывъ недавнее кровоусканіе, лихорадку и обѣщаніе маркиза, примчался дрожащей, запыхавшейся, терзающей самыми горькими опасеніями.

— Ну, Эмиль, вотъ твоя жена; она ужъ убрана къ вѣнцу, сказалъ г-нъ Кардоннѣ, тотчасъ угадавшей причину его безразсудства.

Онъ показалъ ему Жильберту, стоявшую въ цвѣтахъ и брильянтахъ, подъ руку съ г-номъ Буагибô.

Эмиль, котораго нервы были страшно напряжены и разстроены, остолбенѣлъ отъ чудесъ, вдругъ на него хлынувшихъ. Онъ хотѣлъ что-то сказать, зашатался и упалъ безъ памяти на руки г-на Антуана.

Счастіе рѣдко убиваетъ. Скоро Эмиль возвратился къ жизни и упоенію. Жанилла терла ему виски уксусомъ; Жильберта отогрѣвала его руку въ своихъ рукахъ, и, для полноты радости, мать его очутилась тутъ, когда онъ открылъ глаза. Недавно изъ бреда Эмиля свѣдавъ страсть его къ Жильбертъ, она разсиросила обо всемъ у Галюшѣ, и услышавъ, что мужъ отправился въ Шатобрёнъ, что сынъ, не смотря на то, поѣхалъ верхомъ, и предвидя какую-нибудь страшную бурю, сама прискакала въ экипажъ, впервые отваживаясь на гнѣвъ мужа и на дурныя дороги, даже не помысливъ о нихъ. Она полюбила Жильберту съ первыхъ словъ, которыми онъ обвинялся, и если дѣвушка со страхомъ вступала въ семейство, котораго Кардоннѣ былъ главою, то по-крайней-мѣрѣ могла найти вознагражденіе въ нѣжномъ сердцѣ и кроткомъ характерѣ жены его.

— Благо мы теперь все собрались, сказалъ г-нъ Буагибô съ граціей, которой никто бы въ немъ не подозрѣвалъ: — надо же намъ провести день вмѣстѣ и обѣдать гдѣ-нибудь. Насъ такъ много, что

здѣсь мы надѣлали бы хлопотъ мамзель - Жаниллѣ, а возвращеніе въ Гаржилесъ также можетъ заставить врасплохъ повара г-на Кардоннѣ. Если вамъ всѣмъ угодно сдѣлать мнѣ честь пожаловать въ Буагибѣ, которое притомъ же и ближе, тамъ мы найдемъ, я полагаю, что пообѣдать. Можетъ-быть, господину Кардоннѣ будетъ пріятно познакомиться съ имѣніемъ его дѣтей: тамъ мы составимъ плацъ ихъ брачнаго контракта и назначимъ день свадьбы.

Это новое доказательство полнаго обращенія маркиза принято было съ удовольствіемъ. Жанилла потребовала только пять минутъ, чтобъ нарядить *барышню*, потому-что считала долгомъ принять церемонный тонъ, приличный обстоятельству; но Жильберта встрѣтила горячимъ поцалуемъ то, что называла шуткой своей милой мамы.

Въ-продолженіе сборовъ, семейство Кардоннѣ осмотрѣло развалины, а г-нъ Буагибѣ вошелъ съ г-номъ Антуаномъ въ квадратный павильонъ отдохнуть... Никто не слышалъ ихъ разговора. Никто, ни другой никогда не упоминали, что было его содержаніемъ. Послѣдовали ль между ними шекотливый и почти-невозможныя объясненія—это едва-ли вѣроятно. Условливались ли они на будущее время не дѣлать ни малѣйшаго намека на ихъ долговременную ссору и продолжать старинную дружбу именно съ того, на чемъ она остановилась, — вѣрно только то, что съ этой минуты они говорили другъ съ другомъ о прошедшемъ безъ горечи и припоминали свои прежніе голы съ удовольствіемъ, не чуждымъ иногда умиленія и веселости. Но было замѣтно, что эти припоминанія о самихъ-себѣ никогда не переходили за извѣстную эпоху, за эпоху брака г-на Буагибѣ, и что имя маркизы никогда не произносилось между ними. Какъ-будто она никогда и не существовала.

Когда Жильберта появилась, наряженная столько, сколько могла и хогѣла нарядиться, Эмиль съ восторгомъ увидѣлъ, что она надѣла лиловое платье, которое отъ послѣдняго мытья Жапиллы стало почти розовымъ, и которое, въ силу чудеса ея экономіи и мастерства, казалось еще мало-поношеннымъ. Она завила свои длинные волосы, висѣвшіе до земли, и въ этой роскошной небрежности напоминавшіе счастливому жениху знойный день въ Крозапѣ. Изъ подарковъ г-на Буагибѣ она удержала на себѣ только букетъ и сердцѣвкое колечко, которое показала маркизу съ нѣжной улыбкой. Она кокетничала съ маркизомъ,—кокетничала, такъ сказать, сердцемъ, и оказывая г-ну Кардоннѣ почтеніе и внимательность нѣсколько-принужденныя, позволяла себѣ простодушнo обходиться съ маркизомъ, какъ-будто-бы онъ былъ отцомъ Эмиля.

Въ минуту отъѣзда, г-нъ Буагибѣ взялъ руку Жаниллы и пригласилъ ее обѣдать къ себѣ съ такою възлостью, какъ-будто она была мать Жильберты. Вовсе не смущаясь тѣмъ, что онъ вѣдетъ другъ друга *мамою* и *дочкою*, онъ за эту короткость возымѣлъ большее уваженіе и тайную признательность къ старой дѣвушкѣ, которой легче было перенести столько сплетень и пересу-

довъ, чѣмъ открыть кому бы то ни было, даже другу Жапплѣ (котораго маркизь такъ долго считалъ повѣреннымъ и посредникомъ Антуана), тайну рожденія Жильберты.

Г-нъ Кардоннѣ не удержался отъ презрительной улыбки, услышавъ это приглашеніе.

— Господинъ Кардоннѣ, сказалъ ему шопотомъ маркизь, примѣтившій его улыбку: — вы узнаете и оцѣните эту женщину, когда увидите, какъ она будетъ нянчить вашихъ влупчатъ.

Такимъ-образомъ, паркъ Буагибѣ въ первый разъ съ самаго своего существованія отворился для гостей, приглашенныхъ и радушно-принятыхъ хозяиномъ Сырня также была отворена, за исключеніемъ кабинета, котораго дверь на этотъ разъ, благодаря Жапплѣ, притворилась плотно.

Величавая унылость замка, интересная красота мебели, великолѣпіе парка и духъ *хорошаго дома*, разлитый во всемъ хозяйствѣ, породили некоторую досаду въ Кардоннѣ. Онъ у себя въ Гаржилесѣ дѣлалъ все возможное, чтобъ не выказывать въ домашнемъ порядкѣ замашекъ выскочки, и, чувствуя себя важнымъ человекомъ среди развалинъ Шатобрѣна, былъ тамъ въ своей тарелкѣ; но вдругъ почувствовалъ себя очень-мелкимъ среди величавой смеси пышности и умеренности, отличавшей Буагибѣ. Онъ старался *либеральными* разсужденіями помѣшать маркизу думать, что его ослѣпила старинная дворянская пышность. Г-нъ Буагибѣ, довольно-тонкій, не смотря на свою пеловкость, и выжидавшій этой минуты, чтобъ предложить ему самое суровое изъ своихъ требованій, отвѣчалъ спокойно и чрезвычайно-здравомысленно. Кардоннѣ очень удивлялся, ибо на ряду со всѣми думалъ, что маркизь сохранялъ всю надменность своей касты и всю смѣшную сторону понятій реставраціи. Замѣтивъ, что Кардоннѣ не могъ скрыть своего удивленія, г-нъ Буагибѣ сказалъ ему съ кротостью:

— Вы не знаете меня, господинъ Кардоннѣ; я такой же, какъ и вы, врагъ отличій и привилегій. По-моему, всѣ имѣютъ равныя права и достоинства, если только честны и добры.

Въ эту минуту доложили, что кушанье подано, и когда всѣ пошли за столъ, мастеръ Жанъ Жапплѣ, чисто-выбритый и одѣтый по-праздничному, вышелъ изъ сырни, и, весело оттолкнувъ Эмиля, взявъ Жильберту подъ руку и повелъ къ столу.

— Это мое право, сказалъ онъ: — вы знаете, Эмиль, что я обѣщанъ быть вашимъ свидѣтелемъ и шаферомъ!

Всѣ приняли плотника съ восхищеніемъ, кромѣ г-на Кардоннѣ, который, однако, не отважился отстать въ этомъ случаѣ отъ стараго маркиза въ либеральности и только улыбнулся, видя, что крестьянинъ садится за фамильный обѣдъ. Онъ покорился всему, обобщая себя перемѣнить тонъ, когда бракъ совершится.

Обѣдъ, устроенный подъ тѣнью парка, былъ роскошенъ цвѣтами, изысканъ блюдами; и старый Мартенъ, предупреденный господиномъ съ раняго утра, превзошелъ самъ себя въ оффиціант-

скихъ распоряженіяхъ. Сильвенъ Шарассонъ удостоился чести служить въ этотъ день подъ его руководствомъ и вѣкъ о томъ не забудеть.

Первыя минуты прошли довольно-холодно. Но мало-по-малу, какъ число счастливыхъ далеко превышало число недовольныхъ, — потому-что недовольнымъ былъ только Кардоннэ, и то вполонину, — то бесѣда оживилась, и за десертомъ господинъ Кардоннэ улыбался говорилъ Эмилю: «*Наша братья маркизы...*»

Описывать ли счастье Эмиля и Жильберты? Счастье не описывается, и сами любовники не находятъ словъ для его выраженія. Когда настала ночь, господинъ и госпожа Кардоннэ сѣли въ карету и ласково разрѣшили Эмилю проводить невесту въ Шатобрёнъ, съ условіемъ, что онъ возьметъ кабриолетъ отца и не поѣдетъ больше верхомъ въ этотъ день. Господинъ Антуанъ, увлекшись веселымъ разговоромъ съ своимъ другомъ Жаномъ, заблудился въ паркѣ, а Жанилла, начинавшая скучать ролью барыни, удовлетворила свою потребность дѣятельности, помогая Мартену все убирать и приводить въ порядокъ. Тогда господинъ Буагигбъ взялъ руки Эмиля и Жильберты, повелъ ихъ на скалы, гдѣ въ первый разъ открылъ душу своему юному другу, и сказалъ:

— Дѣти, я сдѣлалъ васъ богатыми, потому-что это было необходимо для устраненія препятствій, которыя васъ разлучали, потому-что это было единственнымъ средствомъ сдѣлать васъ счастливыми. Завѣщаніе мое написано давно, и въ прошлую ночь я передѣлалъ его по формѣ. Намѣренія мои остаются тѣ же; надѣюсь, Эмиль знаетъ, и Жильберта уважитъ ихъ. Я желаю, чтобы, въ-послѣдствіи, это большое помѣстье послужило началомъ общины, и, въ первомъ завѣщаніи, старался изложить ея планъ и основанія. Но мой планъ могъ быть недостаточенъ, основанія мои шатки; я не пожалѣлъ своего труда, потому-что всегда чувствовалъ его несовершенство, и потому-что самъ я человекъ меньше всѣхъ способный организовать и осуществить его. Провидѣніе помогло мнѣ, пославъ Эмиля, чтобы заступитъ мое мѣсто въ примѣненіи къ дѣлу этого плана, и, въ послѣднее время, я уже назначилъ его своимъ душеприкащикомъ, исполнителемъ своего завѣщанія. Но подобный актъ сдѣлалъ бы невозможнымъ согласіе господина Кардоннэ, и я истребилъ его, рѣшившись соединить васъ. Офіціальныя акты не имѣютъ той силы, какую имъ приписываютъ, и гражданскія постановленія никогда не находили средства оковать чью либо совѣсть. Отъ-того я гораздо покойнѣе теперь, когда объявляю вамъ свою волю и беру съ васъ объявленія, нежели когда связывалъ бы васъ такими непрочными узамъ, какъ статьи духовнаго завѣщанія...

«Не отвѣчайте мнѣ, дѣти! Я знаю ваши мысли, читаю въ сердцахъ вашихъ. Вы подвергались самому жестокому изъ всѣхъ испытаній, испытанію отказать отъ всякой надежды быть соединенными, или отречься отъ своихъ вѣрованій; вы перенесли это испытаніе съ торжествомъ; я теперь увѣренъ въ васъ, и отдаю

будущее въ вашу волю. Вы, Эмиль, намѣрены приняться за практическія занятія; даю вамъ орудія къ нимъ; но это еще не значитъ, что вы имѣете средства.

«Вамъ нужна новая наука, а она можетъ быть только результатомъ долгаго труда; къ этому труду приступите вы съ помощью силъ, которыя вѣкъ вашъ, — уже не мой вѣкъ, — разовьетъ болѣе или менѣе-быстро, болѣе или менѣе-улачно, какъ Богу будетъ угодно. Можетъ-быть, не вы, а дѣти ваши увидятъ плоды моихъ плановъ; но, передавая вамъ свое богатство, я передаю вамъ свою душу и свою вѣру. Вы передадите другимъ, если сами проживете такую фазу человѣчества, которая не дозволитъ вамъ ничего основать съ пользою. Эмиль сказалъ мнѣ одно слово, которое поразило меня. Разъ, когда я спрашивалъ, что сдѣлалъ бы онъ изъ имѣнія, подобнаго моему, онъ отвѣчалъ: «Я попробовалъ бы!» Пусть же онъ попробуетъ, и пусть, обдумавъ хорошенько, изучивъ дѣйствительность, онъ, всегда мечтавшій о спасеніи человѣческой семьи чрезъ организацію и развитіе земледѣльской науки, пусть поощретъ средствъ къ переходу, — средствъ, которыя воспрепятствуютъ разорваться цѣни прошедшаго съ будущимъ.

«Полагаюсь на его умъ, потому-что умъ у него истекаетъ изъ сердца. Да пошлетъ Богъ тебѣ силу, Эмиль, и да наградитъ ею и твоихъ современниковъ! ибо геній одного человѣка — почти ничто. Мнѣ остается только мирно уснуть въ могилѣ. Если мнѣ суждено прожить еще нѣсколько дней съ вами, я начну жить только наканунѣ смерти. Но я жилъ не вотще, какъ ни былъ лѣнивъ, малодушенъ и бесполезенъ, если нашелъ человѣка, который могъ и долженъ былъ дѣйствовать вмѣсто меня.

«Прошу васъ сохранить до своего брака, и даже до новаго и полнаго воспитанія, которому долженъ подвергнуть себя Эмиль, — тайну моего взрванія и нашихъ плановъ. Желаю видѣть васъ самостоятельными и сильными, чтобъ умереть покойно.

«Наконецъ, дѣти, на что бы вы ни рѣшились, какую бы ошибку ни сдѣлали, или какой бы успѣхъ ни увѣнчалъ вашихъ усилій, признаюсь вамъ, не могу опасаться за будущность человѣчества. Вотще будетъ гремять буря надъ поколѣніями, которыя рождаются или рождаются; вотще ложь и заблужденіе будутъ стараться продлить страшный безпорядокъ, который у иныхъ людей, взротно въ насмѣшку, называется порядкомъ, — вѣчная истина дождется своего времени здѣсь, долу. И если черезъ нѣсколько вѣковъ, можетъ возвратиться сюда тѣнь моя если она посѣтитъ это обширное наслѣдіе и спустится подъ сѣнь ветхихъ деревьевъ, насажденных моею рукою, — она увидитъ людей совѣстливыми, справедливыми, мудрыми и счастливыми! Развѣсистые пологи деревъ, подъ которыми я мыкалъ столько тоски и горя, куда я съ ужасомъ бѣжалъ отъ нынѣшнихъ людей, тогда будутъ пріосвѣнять, подобно сводамъ пышнаго храма, многочисленное семейство, простертое на молитву и на благословеніе Вишновика природы и Отца чело-

вѣковъ! Это будетъ садъ общины, ея гинекей, ея зала торжествъ и пиршествъ, ея театръ и храмъ... Не говорите мнѣ о тѣсныхъ пространствахъ, гдѣ камень и известъ замуравливаютъ людей и мысль; не говорите о вашихъ богатыхъ колоннадахъ и великолѣпныхъ помѣстахъ въ-сравненіи съ этимъ природнымъ зодчествомъ, исходящимъ изъ рукъ горняго Творца! Я измилъ въ деревья, въ цвѣты, въ ручьи, въ скалы и дуга всю поэзію души моей. Не отнимайте же у престарѣлаго вертоградаря мечты его, если это мечта! Онъ еще вѣруеть, что Творецъ повсюду, и что природа храмъ Его!»

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

КОЧУЮЩИЕ И ОСЪДЛО-ЖИВУЩИЕ ВЪ АСТРАХАНСКОЙ- ГУБЕРНИИ ИНОРОДЦЫ.

Ихъ исторія и настоящій бытъ.

Статья перераб.

Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
Племень, нарѣчій, состояній!

А. С. Пушкинъ.

Ни одна изъ великороссійскихъ губерній не отличается столькими особенностями, какъ Астраханская. Необозримыя степи, служащія паствою стадамъ и табунамъ племенъ кочующихъ; *Каспійское-Море*—путь торговли съ Азїей и обширное поприще для промысловъ рыбнаго и тюленьяго, множество соляныхъ озеръ и, наконецъ, *Вола*—другой восточно-богатый источникъ рыболовства, — суть местные особенности сѣверо-западныхъ прибрежій Каспія и притомъ причины стеченія туда самаго разнообразнаго народонаселенія и условія его благосостоянія.

Но степь и море — естественныя особенности местности; ими почти въ равной мѣрѣ одарена Новороссійскій-Край щедрая къ нему природа.

Если степи его плодородны, за то моря Азовское и Черное и впадающія въ нихъ рѣки не вознаграждаютъ усилія ловца столь обильной добычей, какъ Каспійское-Море и Волга. Соляныя озера есть и въ Крыму и въ Саратовской-Губерніи; въ Оренбургской уральскія рыбныя ловли значительны. Однакожь, Каспійское-Море хотя снабжаетъ рыбой Уралъ и Эмбу, принадлежитъ къ особенностямъ Астраханской-Губерніи уже потому, что завѣдывается ея начальствомъ, которое содержитъ на всемъ пространствѣ его, отъ эмбенскихъ водъ до острова Чечня и отъ устій Волги до береговъ трухменскихъ и персидскихъ, полицейскіе развѣды, выдаетъ билеты на право ловли и собираетъ пошлану за привезимыхъ тюленей и рыбу.

Особенность самая разкая и исключительно принадлежащая Астраханской-Губерніи есть разнообразный составъ ея народонаселенія.

При бѣгломъ взглядѣ на карты Россіи, кажется, что Астраханская-Губернія одна изъ самыхъ бѣдныхъ по числу жителей (1), что на обширныя пустынные земли ея можно перевести и водворить тысячи крестьянъ изъ малоземельныхъ губерній; безъ этого многихъ столѣтій еще нужно будетъ для оживленія степей, которыхъ не касался еще плугъ земледѣльца.

Но надо замѣтить, что народонаселеніе Астраханской-Губерніи — осѣдлое и кочующее; что первое расположено по берегамъ Волги, а второе занимаетъ ея обширныя степи.

Волга уже выше Царицына дѣлится на два рукава: Старую-Волгу и Ахтубу, которые, по мѣрѣ приближенія къ морю, дробятся на множество вѣтвей и протоковъ.

Вдоль этихъ протоковъ, на побережьѣ, ежегодно удобряемъ ихъ весеннимъ разливомъ, издавна приотидось все осѣдлое народонаселеніе Астраханской-Губерніи. Предусмотрительные Татары, некогда бывшіе хозяевами края, предпочтительно избирали для кочеванья эти мѣста, гдѣ стада ихъ находили сочныя травы и водопой. Это доказываютъ развалины батыевой ставки за Волгой, въ казенномъ селеніи Солитренномъ, и начало Астрахани въ XIV столѣтіи (2).

Вдоль этихъ волжскихъ протоковъ, ознаменованныхъ грабежами и разбоями, стали появляться, съ 1731 года, казачьи станицы, заведенныя потомками стрѣльцовъ, переселенцами донскими и казанскими. Въ чертѣ основаннаго въ 1627 году города *Чернаго-Яра* (3), также около устроеннаго въ 1655 году на *Красномъ-Яру* (4) укрѣпленія для охраненія восточныхъ протоковъ Волги отъ марскихъ хищниковъ и подѣ прикрѣпленіемъ *Енотаевской-Крѣпости*, выстроенной въ 1741 году для удержанія Калмыковъ отъ набѣговъ, — приотидись трудъ и промышлень: вотъ не-

(1) Астраханская-Губернія на пространствѣ 3,219 квадрат. миль (16,429,771 дес. 213 саж.) содержитъ 311,429 обоого пола жителей.

(2) Съ 1318 года. Ср. Хозяйств. Опис. Астраханской-Губерніи, стр. 169.

(3) Заложенная тамъ въ 1626 году крѣпость названа была *Черноярскимъ Новымъ Острогомъ* (Путешествіе по Россіи академика Рихмана, т. II стр. 31).

(4) Яръ значитъ бугоръ, возвышающійся, другой берегъ.

чаю образованія тамошнихъ городовъ. Это поволжское народонаселеніе увеличилось въ прошломъ столѣтій водвореніемъ на прибрежномъ пространстве между городами и ставицами крестьянъ казанскихъ (1) и поманичныхъ (2).

Итакъ, въ настоящемъ его положеніи, народонаселеніе, оседло расположенное вдоль протоковъ Волги, составляетъ: живущіе въ ставицахъ казаки, крестьяне казанскіе и поманичныя (последнихъ очень мало) и Татары-мусульмане; да сверхъ того жилили уездныхъ городовъ: Чернаго-Яра, Кизятевска, губернскаго города Астрахани и расположеннаго на одномъ изъ ближайшихъ къ морю протоковъ города Краснаго-Яра съ уездомъ. Народонаселеніе уездныхъ городовъ составлено почти исключительно изъ Русскихъ: чиновниковъ, торговцевъ и ремесленниковъ, кромѣ немногихъ Калмыковъ, занимающихся въ работѣ, и Киргизовъ, поступающихъ въ распухи. Въ губернскомъ же городѣ, большинство народонаселенія и вмѣстѣ съ тѣмъ торгующаго класса составляютъ Армяне, Татары-горюжаны и торговцы, Персіяне, Грузины, Францы, испольно Индійцы и безпрестанно-связывающія толпы Калмыковъ, Киргизовъ, Каракалпаковъ и Татаръ разныхъ наций. Они приключиваются и отключиваются, и поводы къ этому: сбытъ шель, покупка русскихъ изделий — торгъ и мѣна. Эти толпы разнообразятся еще иногда временнымъ пребываніемъ въ Астрахани Хивидцевъ, Бухарцевъ, Трухмевъ и Караногайцевъ. Прибавьте къ этому, что городъ Астраханецъ есть средоточіе военнаго, морскаго и гражданскаго управленія всего этого обширнаго степнаго края, и тогда представится вамъ живая картина столкновенія Европы съ Азіей, самыя быстрыя толпы народа. Среди ихъ всего больше Азіатцевъ: они живутъ на стиральномъ водухѣ, на базарахъ, у дверей мясостей и входа лавокъ, на дворахъ каравансараявъ и на исдахъ (3). Тамъ случается видѣть армянскаго салтанчика рядомъ съ калмыцкимъ жрецомъ, казана подлѣ Персіянина, татарскаго князя или муллу, важно толкующаго съ Киргизомъ; Армянина, предлагающаго товаръ свой губернскому франту, одѣтому въ пальто; шегрелю-купчиху подлѣ курвосою Калмычки; персидскаго консула, возвращающагося съ окаты веркомъ въ сопровожденіи пукровъ (4) и оставающихся поговорить съ губернскимъ чиновникомъ, пока на нихъ смотрятъ изъ окна чернаго Армянка въ своемъ живописномъ народномъ костюмѣ; а Татарка, покрытая бѣлою чадрой, робко крадется вдоль стѣны, пробравшись на персидскій дворъ, между-тѣмъ, какъ сынчекъ ея, быстроглазый Татарчонокъ, догоняетъ ее, играя недоспальнымъ арбузомъ какъ мячикомъ...

При первомъ взглядѣ на подобное сборище, приходитъ на память стихъ Пушкина:

(1) Съ 1757 года.

(2) Съ 1785 года.

(3) Кизяте не называются въ Астраханн иныяе и рыбное риды: назывіе татарскіе.

(4) Конокотъ.

Какая снѣсь одѣждъ и лицъ,
Цѣмень, нарѣчій, сословіій!..

И действительно: гдѣ, въ какомъ краю Европы, въ какомъ углу Россіи найдете вы разноплеменность, которая ближе бы подкочила къ взаимному смѣшенію! Разница та, что тамъ никто не понималъ другъ друга, а здѣсь Русскій сговорится со всякимъ. Пока Калмыкъ вытѣсняется перодъ русскими торговцами какою-то предлинною фразою, составленную изъ словъ русскихъ, калмыцкихъ, татарскихъ и армянскихъ, Русскій уже понялъ его, перебиваетъ, дознается его рачъ знаками, и оба расходятся, довольные другъ другомъ. Навѣдъ такъ сильно не пережала себя сметливость моихъ сопотечественниковъ, природный умъ народа, способность къ изученію языковъ и то, что такъ верно назвала последица «краснотая русскаго человека заднимъ умомъ», — какъ въ городахъ Астраханской-Губерніи, на ветагахъ рыбнпромышленниковъ, на ярмаркахъ и базарахъ, также во время разъездовъ по устьямъ Волги и вепорю. Изъ Армянъ немногіе говорятъ чистымъ русскимъ языкомъ; Татары и Персіане также не скоро ему выучиваются, Калмыки обыкновенно знаютъ лишь несколько русскихъ словъ, — и это отъ-того, что Армяне видють свои рды лавокъ, Татары живють особыми слободами и торгують на своихъ базарахъ, куда съѣзжаются Киргизы, Тухменцы, Каракалпакы и Ногайцы, обмѣняемые съ Татарами обществомъ проихожденія, вары и нарѣчія; Персіане же болышею частію пріѣзжаютъ на-время въ Астрахань, а Калмыки работаютъ артелями на рыбныхъ промыслахъ и солонныхъ озерахъ, при чемъ однакъ изъ нихъ слышывается за всѣхъ съ промышленникомъ.

Описавъ осадное, также временное народонаселеніе расположенныхъ вдоль волжскихъ протоковъ станицъ и селеній, городовъ узаныхъ и губернскаго, мы должны обратитъ вниманіе на другой отдѣлъ астраханскаго народонаселенія — *многочиселъ кочующихъ*.

Теченіе волжскихъ протоковъ отъ Царадына до впаденія ихъ въ море семидесятью-двумя устьями, разделяетъ Астраханскую-Губернію на двѣ обширныя степи.

Одна изъ нихъ лежитъ направо отъ Волги и простирается по *мнорной* ея стороне до доискихъ предѣловъ, оканчиваясь тамъ хребтомъ Эртенѣ, и далее къ югу до рани Кумы; а оттуда до селеній Кавказской-Области (*). Это степь *Калмыцкая* (**).

Другая степь, лежащая лѣво отъ Волги и простирающаяся по лу-

(*). Собственно, естественныя и географическія границы Астраханской-Губерніи на югъ—рѣка Кума, а на юго-западъ—рѣка Манычъ; но въ числѣ земель, Высочайше дарованныхъ Калмыкамъ, состоящимъ въ вѣдомствѣ астраханскаго начальства, отданы земли за рѣкою Манычемъ подъ кочевье двухъ дербетовскихъ улусовъ до разнораздѣльныхъ дачъ Кавказской-Области: такимъ образомъ, астраханскіе Калмыки занимають степи Волги и Маныча.

(**) Кроме этой обширной степи, исключительно занимаемой Калмыками, двумя улусамъ дозволяется перекочевывать на незначительное пространство лѣвой (дуговой) стороны Волги.

южной ея стороны до рѣкъ Бѣлаго и Малаго Узеной, есть степь Кир-
мизская.

Названія эти, — впрочемъ, произвольныя, — обозначаютъ лишь кочую-
щихъ на томъ и другомъ пространствахъ иноземцевъ.

Калмыки, со времени прихода своего въ Россію (XVII столѣтія) и
постепенныхъ увеличеній ихъ орды прикочевками ихъ единородцевъ
изъ Монголіи, занимали кочевьемъ своимъ все пространство отъ Ура-
ла до Волги и отъ Саратова до Астрахани. Но слѣдующія событія
уменьшили число калмыцкаго народа въ означенныхъ пределахъ:

Въ 1701 году, въ слѣдствіе распріи въ семействѣ калмыцкаго хана,
15,000 кибитокъ (*) Калмыковъ, перешелъ за Уралъ, послѣдовавъ за
сыновьями хана въ Анію, — и съ-тѣхъ-поръ выбылъ изъ подданства
Россіи.

Въ 1710 году, 10,000 Калмыковъ, зашедшихъ за Донъ, утвердились
кочевьемъ въ Землѣ-Войска-Донскаго и были подчинены тамошнему
начальству.

Въ 1744 году, слишкомъ 3,000 Калмыковъ были окрещены и пере-
ведены въ Симбирскую-Губернію, въ городъ Ставрополь, и чрезъ это
отдѣленіе подчинились ставропольскому начальству, принявъ названіе
Ставропольскихъ Калмыковъ.

Окрещенные въ-послѣдствіи въ разное время, Калмыки переведены бы-
ли, въ 1764 году, въ числѣ 200 кибитокъ, на Терекъ и подчинены мо-
здокскому полковому начальству; это — *Моздокскіе Крещеные Калмыки*.

Въ 1771 году, самая значительная часть орды, перейдя за Уралъ,
выбыла изъ подданства Россіи. Оставшіеся за этими событіями въ Ас-
траханской-Губерніи Калмыки остались обладателями степнаго простран-
ства, далеко несоразмѣрнаго съ ихъ числомъ и действительными нуж-
дами. Калмыки эти перебрались тогда за Волгу и расположились коче-
вьемъ въ степи *при-волжской*, выше сего названной *калмыцкою*. Этихъ
Калмыковъ, которые многочисленностью своею далеко превосходятъ и
донскихъ или бѣзовыхъ, и ставропольскихъ, и моздокскихъ, называютъ
всегда *Волжскими Калмыками*. Въ Астраханской-Губерніи на офици-
ально, ни частно не употребляется это прилагательное. Когда идетъ
рѣчь или переписка о Калмыкахъ, то они просто называются *Калмы-*
ками. Сами они себя никакимъ прилагательнымъ не отличаютъ, кро-
мѣ названія улуса, къ которому тотъ или другой изъ нихъ принадлежитъ.
Такъ говорятъ, напр., Калмыки Эраетеновскіе, Хоншоутевскіе. Названія
поколений Торгоутовъ, Дербетовъ и т. п. остались достоинствомъ народ-
ной исторіи и преданій, сохранившихся между владѣльцами и жрецами.
Эти доводы, равно какъ и то, что всѣ эти Калмыки, въ числѣ ихъ и
кочующіе на земляхъ Кавказской-Области, подчинены учрежденному
надъ ними въ Астрахани особому порядку управленія и суда; притомъ,
убѣжденіе, что, напр., тѣхъ изъ нихъ, которые кочуютъ по равнине

(*) На кибитку калмыцкую обыкновенно полагается по 2 души мужскаго и по 3
женскаго пола.

Кумь и Маньчу, живут и умирают не вдали Волги, неудобно называть Волжскими Калмыками, — вся эти совокунные причины побуждают назвать их *Астраханскими Калмыками*, для отличія отъ ихъ единоплеменниковъ, называемыхъ также, по мѣсту ихъ пребыванія и средоточію ихъ управленія, ставропольскими, моздокскими и т. п. (*) Астраханскіе Калмыки, послѣ описанныхъ происшествій, довольствовались кочевьемъ вправо отъ устьи Волги, и нѣкоторые улусы переходили лишь нарядка на лѣвное кочевье за Волгу. Вся эти земли, не исключая и временнаго завожскаго кочевья, составляющія въ совокупности 10 милліоновъ десятинъ, отданы были Высочайшею грамотою Императора Павла (1800) въ общее владеніе калмыцкому народу. Понинъ все это обширное пространство земель, обильное подножьемъ кормомъ для стада и табуновъ, потравляется ими отъ начала весны до занесенія степи снегомъ. Лишь сойдеть первый снѣгъ, Калмыкъ навьючиваетъ свое кочевое жилище и хозяйство на верблюдовъ и лошадей, углубляется въ степь, отыскиваетъ мѣсто, удобное для корма своихъ животныхъ, располагается на немъ въ войлочномъ шатрѣ и, благоденствуя при изобиліи баранины, кобылатины, молока, кумыса и приготовляемыхъ изъ нихъ водки и вина, наслаждается чувственно или остается въ созерцаніи величественно-пустынной степной прароды, пока не замѣтитъ, что онъ *иссякъ* (**) на этомъ мѣстѣ, что уже не достаетъ корма его скоту, и что пора перебраться на другое мѣсто.

Киргизы, кочующіе вправо отъ Волги, въ степи, названной выше *Киргизскою*, заняли ее, когда Астраханскіе Калмыки, уменьшившіеся въ числѣ, утвердились кочевьемъ на Высочайше-пожалованныхъ имъ въ 1800 году земляхъ. Киргизы эти, жившіе дотѣль за Ураломъ, перешли за черту его въ 1800 году, подъ предводительствомъ султана Бука, которому вместе съ ними отдана Высочайшею грамотою Императора Павла съ означеніемъ *вользовольи* степь между Ураломъ и Волгою. Въ послѣдствіи, по ограниченіи этого пользованія на востокъ рѣками Большой и Малый Узенины, даны были Киргизамъ другіе участки губерній Саратовской и Оренбургской. Такимъ образомъ, ныне эти Киргизы, называющіеся *буковскими* или *Буковскою Ордою*, по имени ихъ предводителя (принявшаго ими въ послѣдствіи съ званіемъ хана), также *Киргизъ-Калмыки Внутренней Орды* (***), кочуютъ на земляхъ трехъ губерній: Оренбургской, Саратовской и Астраханской; занимавъ въ послѣдней наибольшее предъ прочими пространство, и потому хотя подчинен-

(*) Говоря о единоплеменникахъ Калмыковъ, нельзя пройти молчаніемъ Бурятъ, кочующихъ въ Сибири и, подобно имъ, преданныхъ ламайскому языческому закону. Двинувшись вмѣстѣ съ Калмыками изъ Великой-Монголіи къ Алтайскимъ Горамъ, племя Бурятъ расположилось кочевать тамъ, пока ихъ соотечественники продолжая отдорожаніе свое къ Уралу и Волгѣ и становились извѣстны тамъ Русскимъ подъ именемъ «Калмыковъ».

(**) Т. е. пробылъ, прожилъ, не снявъ кибитки, не вочуя. О такомъ временномъ пребываніи на извѣстномъ мѣстѣ говорить, что на немъ Калмыки *сидели* съ кибиткою.

(***) Для отличія отъ зауральскихъ Большой, Средней и Меньшой Орды.

ны собственно оренбургскому начальству, однакожь находятся въ некоторой зависимости отъ астраханскаго.

Какъ послѣдствіе естественныхъ особенностей края, положившихъ начало промысламъ его жителей, и безпрестанныхъ сношеній поволжскаго русскаго народонаселенія съ племенами азіатскаго происхожденія, являются въ Астрахани *диалектическія особенности*, т. е. тамъ введены издавна въ общее употребленіе слова, возникшія при занятіяхъ промыслами рыбнымъ, тюленьимъ и солянымъ, имѣющія лишь мѣстное значеніе, и множество словъ, заимствованныхъ у Армянь, Персіянь, Татаръ и Калмыковъ, что объясняется численнымъ преобладаніемъ племенъ азіатскихъ надъ народонаселеніемъ русскимъ. Время-отъ-времени они свыклись съ рѣченіями, чрезъ посредство которыхъ начались и поддерживаются ихъ торговля сношенія съ иногородцами, и слова у нихъ занятыя, перешли въ употребленіе и у Русскихъ между собою. Такимъ образомъ, подъ именемъ *исады* каждый разумѣтъ въ Астраханской-Губерніи мясные и рыбные ряды; такъ называютъ сосѣда—*шаберъ*, старика—*бабай*, мальчика—*малайка*, волка—*бурюкъ*, огородъ—*бахча*, зимній ловъ—*трома*, лѣтній—*жаркой ловъ*, рѣчной протокъ—*ерикъ*, заливъ—*култукъ*, колодезь—*копань*, *худукъ*, и т. п.

Показавъ естественныя особенности мѣстоположенія астраханскаго края, выгоды, которыя онъ представляютъ его народонаселенію и разнообразіе элементовъ, изъ которыхъ оно составлено, бросимъ взглядъ на разкія противоположности въ климатѣ и температурѣ, также въ образѣ жизни, обычаяхъ, нравахъ, понятіяхъ и наклонностяхъ разноплеменныхъ жителей Астраханской-Губерніи.

Климатъ сѣверо-западныхъ прибрежій Каспійскаго-Моря чрезвычайно непостояненъ и представляетъ самыя противоположныя явленія, происходящія отъ силы и направленія вѣтровъ. Изъ нихъ сѣверные и сѣверо-восточные (въ просторѣчій не различаются и называются вѣтромъ *верховымъ*, какъ имѣющимъ направленіе отъ верховій Волги) понижаютъ температуру до 30° и 40° мороза; при глубинѣ снѣга, степныхъ буранахъ и шурганахъ (мятелейхъ), они наносятъ гибель скотоводству номада. Тогда, внезапно-подувшій юговосточный или восточный вѣтеръ (въ просторѣчій называемый *моряна* отъ-того, что дуетъ *съ моря*) приноситъ ясную и теплую погоду, между-тѣмъ, какъ онъ же лѣтомъ упорно палитъ землю полуденнымъ зноемъ, при чемъ температура остается не только по нѣскольку сутокъ сряду, но и по цѣлымъ недѣлямъ возвышенною до 29° и 30°, а въ степи и до 40° въ тѣни, пока внезапное дуновеніе сѣвернаго вѣтра не нарушитъ на-время удушливости жаровъ. Оно даетъ вдругъ нѣсколько прохладныхъ, а изрѣдка и холодныхъ дней. Лѣто обыкновенно сопровождается *засухой*, но въ иной годъ лѣто бываетъ самое дождливое. Морозы начинаются то въ октябрѣ, то въ ноябрѣ; а иногда до декабря и января, дурька и въ-продолженіи всего зимняго времени не бываетъ ни сильныхъ морозовъ, ни снѣга. Съ покрытіемъ устій Волги льдомъ начинается зима, а весна со вскрытіемъ льда. Но волжскія устья затираются льдомъ то въ началѣ ноя-

бря, то въ декабрѣ, а вскрываются то въ началѣ февраля, то въ мартѣ мѣсяцъ; вѣрняка же и во все зимнее время не бываетъ льда.

Противоположности, встречаемыя въ самой почвѣ земли, также весьма-замѣчательны. Такъ, на-примѣръ, правый берегъ Енотаевскаго, Астраханскаго и южныя части Красноярскаго Узловъ состоятъ изъ кружей песка, солончака и соляныхъ грязей, между-тѣмъ, какъ земли, прилегающія къ Кавказской-Области и къ Землѣ Войска-Донскаго, представляютъ земледѣльцу почву производительную; тамъ, равно какъ на лѣвомъ берегу Ахтубы и на волжскихъ островахъ, нередко попадаются черноземы.

Отъ противоположностей климата и земляной почвы сѣверо-западныхъ береговъ Каспійскаго-Моря, обратимся къ противоположностямъ, происходящимъ отъ различій въ образѣ жизни, понятіяхъ, нравахъ и наклонностяхъ разноплеменныхъ обитателей этого края. Богатство, изобиліе, въ которомъ живетъ рыбный промышленникъ, является здѣсь рядомъ съ жалкимъ положеніемъ Калмыка — *байнуша* (*), вышедшаго изъ степи и готоваго идти, вужды-ради, изъ-за куска хлѣба въ тяжелую работу на рыбные промыслы или соляныя озера; но нищенское положеніе этого же самого Калмыка поразить еще болѣе, если его сравнить съ довольствомъ, которымъ наслаждается предприимчивый русскій ловецъ, возвратившійся изъ моря, нагруживъ свою лодку легкой и обильной добычей и сбывшій ее въ Астрахани за выгодную цѣну. Ловцы болѣею частью — люди *сержоме* (**). Дорогая плата, снимаемая легкой добычей, заставляетъ ихъ заживаться въ Астрахани. Эти-то ловцы, а съ ними и *волжскіе бурлаки* (***) въ память разгульной жизни, которую ведутъ они тамъ, прозвали Астрахань *Разбалуй-городъ*. — Еще противоположности: барское хлѣбосольство рыбопромышленниковъ, мелочная расчетливость богатѣйшихъ изъ Армянъ, затворническая жизнь ихъ семействъ, скромный домашній бытъ вѣрнаго долгу чиновника, образованность некоторыхъ изъ русскихъ купцовъ и глубокое невѣжество всей азіатской черни, особенно Калмыковъ, преданныхъ язычеству.

Различіе образа жизни, понятій и наклонностей этихъ разноплеменныхъ жителей оставляетъ противоположности и въ исторіи края. Калмыки уже два столѣтія кочуютъ съ стадами своими по обширнымъ степямъ и, въ-слѣдствіе такой полудикой жизни, не оставили тамъ никакихъ памятниковъ гражданственности. Двухъ-кочевое пребываніе свое на обширномъ степномъ пространствѣ обозначили Калмыки развѣ только постройкой нѣсколькихъ непрочныхъ молитвенныхъ домовъ; — между-тѣмъ, какъ множество мечетей, выстроенныхъ Татарами, обширныя персидскія дворы — останутся на будущія времена слѣдами ихъ благо-

(*) Такъ называются Калмыки бѣдные, лишившіеся чрезъ падежъ скота, или суrowость зимъ своего степнаго хозяйства.

(**) *Верхоомы* людьми называются тамъ всѣ прибывшіе изъ губерній, лежащихъ отъ Астраханской къ сѣверу, т. е. болѣе или менѣе близкіе къ верховьямъ Волги.

(***) Такъ называется тяга и великій рабочій на волжскихъ судахъ.

устроеннаго быта и торговли въ Астраханской-Губерніи, точно такъ же, какъ теперь опуставшій индійскій караванъ — сарай напоминаетъ о торговыхъ оборотахъ Индійцевъ въ Астрахани. Несравненно въ большей мѣрѣ воздвигла себя тамъ памятники торговая предприимчивость Армянъ и ихъ утонченное искусство торговать выгодно. Ими выстроено множество церквей и всѣ лучшіе каменные дома въ Астрахани. Вообще говоря, столкновение различныхъ понятій, образа мыслей, нравовъ, обычаевъ, вѣрованій, предразсудковъ и наклонностей, порождаетъ неисчислимыя противоположности; со-временемъ, она будутъ все болѣе и болѣе взгляиваться, а пока уже настало постепенное сближеніе общей массы Армянъ, Грузинъ, даже нѣсколькихъ киргизскихъ и калмыцкихъ владѣльцевъ и купцовъ изъ Персіанъ и Татаръ съ бытомъ Русскихъ — и чрезъ то подчиненіе условіямъ европейскаго образа жизни.

Сильное нравственное вліяніе Русскихъ видимо преобладаетъ въ этомъ отдаленномъ краю; но замѣчательнъ взглядъ на него русскаго человека. Блужи въ Астрахань, я не измѣнилъ своей наклонности заводить на пути разговоры съ крестьянами. Смышлѣная рѣчь ихъ, какъ вѣрно отраженіе жизни народа, всегда была въ глазахъ моихъ полна высокаго, самобытнаго значенія. Такъ, на пути въ Астрахань, случилось мнѣ часто спрашивать у ямщиковъ, изъ тамошнихъ ли они жителей? — и обыкновеннымъ отвѣтомъ было: «нѣтъ, я не здѣшній, я изъ Россіи». Какъ изъ Россіи? — «Да, баринъ, изъ Тамбовской (или другой какой-нибудь) губерніи...» — А развѣ здѣсь не такая же губернія? — «Куда, баринъ, такая же... не вишь что ли, что здѣсь все Татара да Калмыки?»

Одна изъ причинъ, рѣшившихъ мою повѣзку въ Астраханскую-Губернію, было желаніе изслѣдовать, изучить на мѣстѣ ея особенности. Я провелъ тамъ годъ въ разъѣздахъ по городамъ, селеніямъ и станицамъ, по степямъ калмыцкимъ и киргизскимъ, обозрѣвалъ соляныя озера и ватаги рыбопромышленниковъ, расположенныя по устьямъ Волги и взморью. Наблюденія очевидца были свѣряемы и дополняемы чтеніемъ всего того, что было писано (*) и печатано въ-продолженіи почти двухъ столѣтій объ астраханскомъ краѣ и его жителяхъ.

Здѣсь слѣдуетъ изображеніе ихъ настоящаго быта и положенія въ связи съ ихъ прошедшимъ и, какъ послѣдствія этого прошедшаго — ихъ обычаи, понятія, нравы, наклонности занятія, порядокъ управленія и суда. — Первое мѣсто въ этомъ изложеніи принадлежитъ *Калмыкамъ*, о которыхъ всего менѣе печатныхъ свѣдѣній, и новѣйшія изданы тому уже одиннадцать лѣтъ. Предпочтеніе это основано еще на давности пребыванія ихъ въ Астраханской-Губерніи (съ начала XVII столѣтія), на сравнительной обширности занимаемыхъ ими степей (10,000,000 десятинъ) и на томъ, что не говоря о Калмыкахъ, нельзя говорить о Киргизахъ Внутренней Орды, перешедшихъ въ началѣ текущаго столѣтія на степь, оставшуюся впустъ послѣ ухода большей части Калмы-

(*) Подъ этимъ разумѣть должно архивы губернскаго и калмыцкаго управленія, также дѣла текущія и нѣсколько частныхъ рукописей.

ковъ за Уралъ. Итакъ, за Калмыками послѣдуютъ *Киргизъ-Кайсаки Внутренней Орды*, память о переходѣ которыхъ въ Астраханскую-Губернію столь тѣсно связана съ исторіей пребыванія Калмыковъ въ Россіи. За описаніемъ этихъ двухъ народовъ послѣдуетъ изображеніе прочихъ племенъ инородцевъ, живущихъ осѣло, полу-осѣло или чисто-кочующихъ, именно:

Татарь,—городскихъ, т. е. Татаръ агрыжанскаго, гиланскаго и бухарскаго дворовъ, и Татаръ, живущихъ осѣло или полуосѣло въ уездахъ, какъ-то: Татаръ юртовскихъ, смешныхъ, кундровскихъ и казанскихъ;

Грузиень осѣдлыхъ и кочующихъ;

Каракулпакоевъ.

Эти описанія заключены будутъ изображеніемъ живущихъ въ Астраханн *Армянь, Грузиень и Грековъ*, также взглядомъ на пребывающихъ тамъ *Персіанцъ, Индійцевъ, Бухарцевъ и Хивинцевъ.*

КАЛМЫКИ,

ИХЪ СТЕПНОЙ ВЪТЪ И ПРАВЫ, УПРАВЛЕНІЕ И СУДОПРОИЗВОДСТВО.

«Изыскать надежнѣйшія мѣры къ водворенію въ калмыцкомъ народѣ незыблемой тишины, правосудія и устроеннаго хозяйства, дабы въ пустынныхъ кочевьяхъ его процвѣтало совершенное благоденствіе, утвержденіе коего для Его Величества предметъ сердечной попечительности и источникъ живѣйшаго удовольствія.»

(Высочайшій указъ 2 авг. 1827 г.)

1.

Прикочеваніе Калмыковъ въ Россію; отношенія къ ней и взглядъ на ихъ родину. Союзъ Ойратовъ; сѣзды ихъ владѣльцевъ для утвержденія общихъ законовъ. Событія, устранившія прямое участіе Калмыковъ въ дѣлахъ ойратства; принятіе ими подданства Россіи и увеличеніе ихъ ордъ новыми прикочевками. Земли, занятыя Калмыками; льготы имъ дарованныя. Время самовластия калмыцкихъ хановъ въ степяхъ Урала и Волги. Отношенія Калмыковъ къ правительству; порядокъ ихъ внутренняго управленія и суда. *Найманы-Зарид*. Увеличеніе ордъ новыми прикочевками и уходъ части ихъ въ Азію. Замѣчанія Олгарія, Гмеллина и Палласа.

Калмыки, находящіеся нынѣ въ Астраханской-Губерніи, по малочисленности своей суть незначительный остатокъ предковъ ихъ, которые въ началѣ XVII столѣтія утвердились кочевьемъ на степныхъ долинахъ Урала и Волги. Скопища этихъ азіатскихъ пришельцевъ те производили опустошительныя набѣги на границахъ Россіи, то употребле-

ны были ею на усмирениі непріязненныхъ ей сосѣднихъ народовъ. Въ-продолженіе XVII столѣтія и до 1762 года, число Калмыковъ въ Россіи постепенно увеличивалось новыми приночевками ихъ единоколенниковъ, а къ 1765 году многіе изъ нихъ по разнымъ обстоятельствамъ покинули степи Волги и Урала; наконецъ, самая значительная убыль послѣдовала въ 1771 отъ ухода большинства улусовъ въ Среднюю-Азію; и тогда въ предѣлахъ Астраханской-Губерніи едва осталась $\frac{1}{4}$ часть прежней орды.

Весь періодъ отъ прихода Калмыковъ въ Россію до этого событія резко отличается отъ временъ послѣдующихъ характеромъ отношеній этого народа къ русскому правительству. Калмыки были въ-продолженіе этого столѣтія скорѣе плохіе союзники, чѣмъ безпокойные подданные Россіи; правительство почти не входило въ ихъ внутреннее управленіе, которое предоставляло то хану, то намѣстнику ханства, словомъ — ихъ народному начальнику, и съ нимъ уже вело переговоры — сношенія скорѣе дипломатическія, чѣмъ властелинскія.

Это время по справедливости можно назвать временемъ самовластии хановъ, къ ограниченію котораго принимаемы были мѣры; но всѣ онѣ оказывались малоуспѣшными.

За самовластіемъ хановъ послѣдовало отдѣльное завѣдываніе улусами со стороны ихъ владѣльцевъ; взаимныя ихъ неудовольствія, самоуправство и злоупотребленія власти побудили правительство принять ближайшее участіе въ управленіи калмыцкимъ народомъ; строптивые союзники сдѣлались въ-слѣдствіе этого покорными подданными, и единственнымъ слѣдомъ прежней страсти ихъ къ набѣгамъ осталась наклонность къ отгонамъ табуновъ и стадъ.

Для изображенія событій, сопровождавшихъ первое столѣтіе кочеванія Калмыковъ въ Россіи, необходимо бросить взглядъ на ихъ родину и обстоятельства, побудившія ихъ оставить ее.

Восточная сторона (Чжунь-гарь) или *Чжуньгарія* (*) (Зюнгарія, Songarey, la Dzoungarie **) лежитъ на юго-востокъ отъ границъ Томской-Губерніи за Алтаемъ, и обитающіе ее Монголы называются *Калмыками*. Въ XIV столѣтіи, борьба Китайцевъ съ Монголами и ихъ собственныя междусобія были поводомъ къ тому, что три поколѣнія, занимавшія Чжуньгарію: *Чоросъ*, *Хошотъ* и *Торготъ*, признавъ власть чоросскаго хана, составили оборонительный союзъ подъ названіемъ *Ойратовъ* (союзниковъ); а въ-послѣдствіи соединились съ поколѣніемъ *Элютовъ*. Оно многочисленностью своею превосходило прочія, и отъ-того всѣхъ Калмыковъ стали называть *Чжуньгарскими Элютами*. Когда же, въ XVI столѣтіи, чоросскій ханъ Эсэнъ отдалъ старшему сыну своему особый удѣлъ, называвшійся *Дурботъ*, то политическое назва-

(*) Описаніе Тибета, Чжуньгаріи и Восточнаго Туркестана, перев. съ китайскаго монаха *Іакинва*. С. П. б. 1828 и 1829 г.

(**) *Adrien Balby*, Abrégé de la Géographie, Paris 1838, p. 780. La Dzoungarie et le Pays des Torgots ou Haut-Nil.

ніе Ойратовъ имѣялось на *Дурбань-Ократъ* (четыре-союзные, ибо въ союзъ участвовали уже не три, а четыре отдѣльныхъ поколѣнія: *Чоросъ, Хошаты, Торюты* и *Дурботъ* (1).

Чжуньгарскіе Элюты, кочуя съ стадами своими, не имѣли ни селеній, ни земледѣлія. Занятія Элютовъ составляли скотоводство и звѣриный промыселъ. Выдѣлкой маловажныхъ издѣлій и незначительнымъ мѣновымъ торгомъ съ сосѣдями выражались вся скудная потребности суровой пастушеской жизни; но простоту ея разнообразили представлявшіеся Элютамъ случаи выказывать склонности ихъ къ хищничеству, корысти и вѣроломству. Послѣдователи буддаической язъческой вѣры, Элюты имѣли свое писъмо; но, не смотря на это, законы ихъ заключались лишь въ обычаяхъ, сохраненныхъ преданіемъ и служившихъ основною словесному судопроизводству (2).

Въ началѣ XVII столѣтія, главой Ойратовъ былъ честолюбивый чоросскій ханъ *Хара-Хула* (3), который, сосредоточивъ силы Чжуньгаринъ, предпринялъ вмѣстѣ съ союзниками своими расширеніе ойратства на земляхъ сосѣднихъ народовъ: часть Элютовъ, *Хошаты*, обратясь на юго-востокъ, заняла *Тангутъ, Хухунору* и *Тибетъ*; а *торютскій* владѣлецъ *Хо-Урлюкъ* растянувъ свои кочевья по вершинамъ рѣкъ *Ишима, Тобола* и *Эмбы* и, кажется, выжидавъ тамъ случая утвердить гдѣ-нибудь независимое владѣніе; по-крайней-мѣрѣ, пробывъ пятнадцать лѣтъ на самой границѣ Сибири, перешелъ около 1630 года на астраханскія степи, орошаемыя Ураломъ и Волгою, проложивъ себѣ путь къ югу войною съ Ногайцами, чжембулудскими Татарами и мангышлякскими Туркменцами (4).

Между-тѣмъ, уже главою Ойратовъ былъ, послѣ *Хара-Хулы*, сынъ его *Баторъ-Хонъ-Тайцзи* (5), который замыслилъ продолжать дѣло, успешно начатое его отцомъ. Для внутренняго благоустройства Чжуньгаринъ, онъ сталъ строить укрѣпленія, производить опыты земледѣлія и, вѣроятно, съ цѣлію политическою, составилъ изъ древнихъ степныхъ обычаевъ суда, по возможности, полное уложеніе. Предположеніе это доказывается тѣмъ, что съѣхавшіеся къ нему въ то время (1640 г.) ойратскіе вожди—владѣльцы чжуньгарскіе, халкаскіе и хухунорскіе, въ томъ числѣ и прибывшій изъ астраханской степи *Хо-Урлюкъ* съ сыномъ *Шукуръ-Дайчиномъ*, общимъ согласіемъ утвердили и приняли къ руководству уложеніе чоросскаго хана (6).

(1) Историч. Обзорѣніе Ойратовъ, сочин. монаха Іакинва. С.П.б. 1834 г. стр. 11—18 и 24; Записки о приволжскихъ Калмыкахъ, соч. Професс. Новова. С.П.б. 1839 г. стр. 6.

(2) Историч. Обзорѣніе Ойратовъ, стр. 127—130 и 225.

(3) Тамъ же стр. 21, 24, 44, 45 и 140.

(4) Истор. Обзорѣніе Ойратовъ, 30, 41, 42, 46, 61, 62, 141—150 и 154. Хозяйств. Описан. Астрахан. Губерніи С.П.б. 1809 г. стр. 176. Свѣд. о Волжскихъ Калмыкахъ Неедѣева, С.П.б. 1834, стр. 17 и 18.

(5) Обзорѣніе Ойратовъ, стр. 45.

(6) Обзорѣніе Ойратовъ стр. 60, 61 и 152. Бытность Хо-Урлюка съ сыномъ на себѣ доказывается самымъ предисловіемъ къ этому уложенію, въ которомъ ве-

Будучи усвоено потребностямъ времени и кочевого быта племень кочующихъ, при наклонности къ скотоводству и назадамъ, содержаніе этого законоположенія — преимущественно уголовное. Изъ 166-ти статей, заключающихся въ немъ, двадцать суть постановленія вѣнскихія; за тѣмъ, около пятидесяти статей чисто-уголовнаго содержанія, также нѣсколько духовныхъ постановленій. За каждое преступленіе положена извѣстная мера взысканія скотомъ. Такимъ-образомъ, ст. 8-ю опредѣлено брать съ убійцы великій штрафъ—1000 овецъ, ст. 9-ю за кражу скота—81 скотину; а смертная казнь полагается со всей семьей и внуками только тому, кто, зная о приближеніи непріятеля, не объявитъ о томъ (ст. 16). За отцеубійство—лишеніе жены, дѣтей и всего имѣнія (ст. 41). Сверхъ-того, положены взысканія жестокими оштрафованіями (*), платьемъ; наказаніе нитью ударами плети за разные преступленія, какъ-то: за пьянство, грабежъ, безчестіе, побой, уходъ отъ владѣльца, поджогъ, прелюбодѣйство, скотоломство, кражу и преступленія общественныхъ должностей;—статьею 113-ю полагается отдача головою немущаго вора; ст. 156-ю совершенное разореніе уличеннаго въ трехъ кражахъ, и ст. 155-ю *оштрафованъ персты у десятскаю, который скрестъ ворастее*.

Законы эти были дополнены въ 1654 году, указомъ *Галдамы-Хонь-Тайца*, сына и преемника Батора, и вошли до насъ въ письменномъ переводѣ подъ именемъ: «*Право мунгалскихъ и калмыкскихъ народовъ*». Въ это время, Ойраты, соединенные дѣйствіями Баторъ-Хонь-Тайца и его преемника полъ единство власти и законовъ, были обладателями обширныхъ странъ въ Азіи отъ Алтая на западъ до Каспійскаго-Моря, а на югъ до предѣловъ Индіи: ибо *Хошоты* владѣли Тангутомъ, Хухунорой и Тибетомъ; а *Торюты* поработали берега Каспія и Урала. Но замыслу, который могли имѣть Ойраты,—воскресить времена Чингис-Хана (**), воспрепятствовали скоро возникшія между ихъ владѣльцами междоусобія и хитрая политика пекинскаго кабинета. Онъ искусно поддерживалъ эти междоусобія, вышвырнулъ въ нихъ до половины XVIII столѣтія болѣе или менѣе удачно, но разъ пытался воднять утвердившихся кочевьемъ въ Россіи потомковъ Хо-Урлюка на ихъ чжунгарскихъ единоплеменниковъ, и наконецъ, одолевъ Элютовъ не столько силой, сколько хитростью, совершенно подчинилъ себя Чжунгарію въ 1758 году (**).

именованы всѣ владѣльцы, лично его утвердившіе. Фактъ этотъ противорѣчитъ предположенію, что междоусобія побудили Хо-Урлюка оставить Чжунгарію, а напротивъ, подтверждаетъ догадку, что, отключаясь къ предѣламъ Россіи, онъ дѣйствовалъ въ воинственномъ духѣ ойратства и стремился къ расширенію его владѣній.

(*) Т. е. пачирыми, латами и др. принадлежностями воинскаго одѣянія, которыми теперь уже вовсе не въ употребленіи у Калмыковъ.

(**) Обозрѣніе Ойратовъ, стр. 10 и 150.

(***) *Мемуары, Указаніе о бывшей войнѣ у Китайцевъ съ Зенгерцами. Selby, Abr. de Geogr. p. 776. P. de Tchikatoff, Voyage scientifique dans l'Altaï oriental et les parties adjacentes des frontières de la Chine. Paris, 1845, p. 42. — Extirmination des Eleutes au XVIII siècle. — Монаха Лажинца, Обозрѣніе Ойратовъ, стр. 195—199.*

Итакъ, въ-продолженіи-одномъ столѣтіи, Элисты, действуя въ воен-
ственной дукѣ обратства, явилась сперва на политическомъ горизонтѣ
завоевателями, потомъ ослабляясь междуусобіями; наконецъ, подвласти-
лась Китаю, и съ каждымъ такимъ переворотомъ изменялась въ напе-
терныхъ отношеніяхъ отношенія къ Россіи единоплеменныхъ Элистовъ
Калмыковъ, зашедшихъ въ ея пределы: сперва Калмыки и не думали
о томъ, чтобы вступить въ подданство Россіи; но ослабленіе обратства
междуусобіями заставило Калмыковъ, далеко отпочевавшихъ отъ роди-
ны, оглохнуть хотя на время отъ союза съ единоплеменниками и при-
нять покровительства Россіи. Между-тѣмъ, связь съ нами поддержи-
ваются, и вѣнчуютъ освободить однородцевъ отъ-недѣ власти Китая въ-
продолженіи почти двадцати лѣтъ после въ побѣжденія крѣпостяхъ
астрahanскихъ Калмыковъ, и выражается перекочевками ихъ за Уралъ.
Подробное изложеніе событий покажетъ это яснѣе.

Хо-Урлюкы привели въ Россію Калмыковъ поименно Торгоулы, адъ
Торгоутовъ. Число ихъ доходило до 50,000 кибитокъ (1). На этотъ
разъ, выборъ мѣстопребыванія могъ казаться Хо-Урлюку весьма-удач-
нымъ. Обширныя степи около низовій Урала и Волги представляли мно-
го удобствъ для произвольнаго почевья Калмыковъ. Стада ихъ находили
тамъ обильнѣйшій подлужный кормъ (2) на докнахъ, порослыхъ ржан-
комъ и другими злаками, выюками травами, корневыми растеніями,
всесонными тюльпанами, стручковой травой, катушкой, ковылемъ, солот-
новымъ корнемъ, полынью, а на солонцахъ разными видами солян-
ки; словомъ, многообразными естественными травами, большую частію съчлѣ-
ны и ароматическими. Кроме того, соль въ озерахъ и горахъ, необиліе
рыбы въ рѣкахъ, сайгаки, серны, множество пернатыхъ и произвольныя
водопон обезпечивали на этихъ степяхъ вренитаніе новыхъ пришель-
цевъ и поддержаніе ихъ стадъ и табуновъ, которыми берега рѣкъ,
обросшіе кустарникомъ и густымъ камышемъ (3), могли служить на зи-
му надежнымъ убжищемъ. Но всѣхъ этихъ условій благоденствія бы-
ло мало для дикой орды Торгоутовъ. Еще не отдохнули они отъ насил-
ій своихъ надъ Ногайцами (4), какъ ихъ стала прельщать легкая добычя

(1) Это число всюду показывается одинаково. Срав. Рычкова Топографію Орен-
бургск. Губер. Ч. I, стр. 125; Геогр. Слов. Росс. Госуд. ст. Калмыки; Нефедова
Сбл. о Волжскихъ Калмыкахъ, стр. 17 и 18; Лакина Обзорніе Ойратовъ, стр. 60 и
149; Пандо Запѣч. о Приволжскихъ Калмыкахъ, стр. 4.

(2) Олеарій былъ въ Астрахани въ 1636 году и въ описаніи своего путешествія
(*Voyage du Sieur Adam Olearius, traduit par Wisquefort, Amsterdam, 1727*) упомина-
етъ о хорошихъ пастбищахъ между Волгой и Янкомъ (стр. 454) и объ обиліи
тамъ дичи; о гусахъ и красныхъ уткахъ, которыхъ ловятъ балабанами и астреба-
ми; о дикихъ сайгалахъ и кабаняхъ (стр. 455, 478 и 479).

(3) Естественныя произведенія этихъ мѣстъ подробно описаны академикомъ Гме-
линымъ и Палласомъ.

(4) На-уральной степи до прихода Калмыковъ кочевали Ногайцы; отъ-чего она
и называлась тогда Ногайскою. Ср. Искать изъ Невольскаго-Пріяна Астраханскій
Выходокъ (Акты Историческіе, собраныя и издаваемыя Археографическою Комис-
сіею, Т. IV, 1646—1676, Сиб. 1842 г.).

въ селлахъ и городахъ поволжскихъ: начались хищничества, набеги и грабежи Калмыковъ (1), которые грозили опасностью даже Астрахани; но въ 1643 г., при отраженіи ихъ скопницъ, Хо-Урлюкъ былъ убитъ, и послѣ него власть его перешла къ старшему (2) сыну его, *Шухурь-Дайчину*. Этотъ владѣлецъ личною бытностью въ Чжуньгаріи (3) могъ убѣдиться, что отъ распадавшагося союза Ойратовъ ему нельзя было ждать опоры на отдаленномъ кочевьѣ, гдѣ, между-тѣмъ, покровительство русскаго правительства должно было принести ему выгоды и становилось почти необходимою. Вотъ почему, должно полагать, *Шухурь-Дайчинъ*, вмѣстѣ съ прочими калмыцкими владѣльцами и народамъ, добровольно и безусловно вступилъ въ подданство Россіи въ 1655 году (4), обязываясь служить противъ ея непріятелей, съ ними въ сношеніе не входить, отъ грабежей, набеговъ и оныхъ всякъ презимитъ неправа отстать.

Въ это же время устроено на Красномъ-Яру укрѣпленіе для охраненія восточныхъ протоковъ Волги отъ хищничества Калмыковъ. Эта предосторожность была действительнѣе присяги буйнаго кочеваго владѣльца. Калмыкамъ загражденъ былъ доступъ въ тѣ мѣста, гдѣ отцы ихъ, подъ предводительствомъ Хо-Урлюка, предавались неистовствамъ; но Дайчинъ, не стѣсняясь данною присягой, обратилъ своихъ владѣльческихъ на другія мѣста за добычей. Онъ сталъ дѣлать своихъ людей въ помощь крымскому хану и входить съ ними въ дружескія сношенія (5). Они должны были возбудить опасенія правительства, которое могло признавать по этому Дайчина ненадежнымъ подданнымъ; посему-то, должно полагать, при жваніи Дайчина, сынъ его *Бунчукъ Тайша* въ 1661 году возобновилъ его присягу, бывъ приведенъ къ ней на урочищѣ Баренетъ бояриномъ и воеводою княземъ Григоріемъ Черкасскимъ;

(1) Олсериѣ, на стр. 424 и 459 своего путешествія, говоритъ, что Калмыки кочуютъ между Астраханью и Саратовомъ, частью живутъ и за Яикомъ; производятъ частые грабежи и нападенія, и что для отраженія ихъ употребляютъ въ Саратовѣ стрѣльцовъ, а подлѣ Астраханью Татаръ, снабжая ихъ для этого на лѣтнее время вооруженіемъ изъ царскаго арсенала.

(2) Обзоръ Ойратовъ, стр. 184 и 189; Мурзы Едисанскіи Татаръ, въ слѣдствіе неудачливости съ астраханскимъ воеводою, перешли въѣзды съ ними свое кочевье подлѣ Астраханью и отошли къ Калмыкамъ. Это случилось въ концѣ правленія Хо-Урлюка, и когда послѣ того астраханскіе воеводы вѣсколько лѣтъ съ ряду вели переговоры съ Дайчиномъ-Тайшей и мурзами о возвращеніи Едисанскихъ Татаръ на прежнее кочевье, то Дайчинъ просилъ астраханскаго воеводу *отдать ему кости отца его Урлюка-Тайша*. Сынъ Дайчина, Бунчукъ, въ 1661. присягалъ уже за своихъ Татаръ точно такъ же, какъ и за подданныхъ ему Калмыковъ. (Историческіе Акты Археогр. Комис. Т. IV №№ 32, 40; 69 и 234).

(3) Шухурь-Дайчинъ ходилъ въ Тибетъ для принятія благословенія Далай-Дамы и былъ въ Чжуньгаріи (Обзоръ Ойратовъ стр. 154 и 155).

(4) Шертная записъ, по которой калмыцкіе владѣльцы клялись въ вѣрности русскому царю за всѣхъ улусныхъ людей (И. С. З. Р. И. Т. I. № 145 и въ слѣдующихъ томахъ: II—X, заключаются записи, граммати и договорныя статьи, которыя служатъ подтвержденіемъ шертной записи).

(5) И. С. З. Р. И. Т. I. № 316.

причемъ клялся въ вѣрности Россіи за отца своего, за себя, за всѣхъ владѣльцевъ и Калмыковъ, также за подвластившихся имъ ногайскихъ, эдисанскихъ и другихъ Татаръ (*).

Калмыки пришли въ Россію, имѣя свою языческую вѣру, свои основанія суда и расправы, свои понятія о войнѣ, дикой свободѣ и степномъ удалствѣ, свои склонности къ скотоводству и звѣриному промыслу. Съ Калмыками пришли караванами ихъ жрецы съ кочевыми монастырями, навьюченными на верблюдахъ, и пока калмыцкіе наездники то грабили возникавшее тогда поволжское населеніе, то дѣлали опасности и воинскую добычу съ крымскими Татарами, то клялись съ своими тайшами въ вѣрности русскому царю, жрецы ихъ, поклонники Далай-Ламы, предавались, на новомъ кочевьѣ, жизни празднои и созерцательной, давая религіозное значеніе величественнымъ созданіямъ, въ которыхъ проявлялась предъ ними окрестная пустынная природа. Такъ, гора Богдо и Баскунчатское соляное озеро сдѣлались съ-тѣхъ-поръ предметами суевѣрнаго поклоненія Калмыковъ. Гору эту назвали они *Богдо* (святая), потому-что жрецы ихъ распустили слухъ, обратившійся въ преданіе, будто ее перенесли изъ Монголіи два праведника (хутукту), будто на этой горѣ обѣдалъ Далай-Лама, и изъ остатковъ солянаго кушанья, которые онъ вылилъ къ подошвѣ горы, образовалась тамъ обширное соляное озеро (Баскунчатское). Чуждые такимъ-образомъ по религіи, понятіямъ и преданіямъ всѣмъ новымъ сосѣдямъ своимъ: русскимъ торговцамъ, стральцамъ и мухаммеданамъ, какъ-то Ногайцамъ, чжамбулудскимъ и эдисанскимъ Татарамъ, Туркменцамъ и Киргизамъ, и разлученные съ своими единовѣрцами силою обстоятельствъ, Калмыки удержали, далеко откочевавъ отъ родины, свои вѣрованія и основныя черты своего народнаго характера. Тѣ и другія поддерживались въ-продолженіе правленій Дайчина, и Бунчука время отъ времени сношеніями Калмыковъ съ ихъ единоплеменниками (**), которые боролись между-тѣмъ съ Китаемъ, и посольствами въ Тибетъ—мѣстопребываніе земнаго божества Буддаистовъ, Далай-Ламы. По-этому, увеличеніе калмыцкой орды въ Россіи приходомъ въ предѣлы ея еще 3,000 кибитокъ *Хомотъ* (***) (т. е. чжуньгарскихъ Элютовъ, — поколѣнія, нынѣ называемаго хешоутовскимъ) и послѣдовавшія за симъ прикочеванія уже должно приписывать столько же распрямъ, происходившимъ на ихъ родинѣ, и угнетеніямъ со стороны китайскаго правительства, сколько предварительнымъ взаимнымъ соглашеніямъ между владѣльцами чжуньгарскими и собственно калмыцкими.

Въ это время, большая часть губерній Тамбовской, Пензенской, Саратовской и Астраханской состояла изъ обширныхъ степей, заселенныхъ очень-мало, или совсѣмъ-незаселенныхъ; слѣдовательно, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, подданство Калмыковъ могло быть весьма-полезно для

(*) Н. С. З. Р. И. Т. I. № 316.

(**) Обзоръ Ойратовъ, стр. 139.

(***) Свѣд. о Волжскихъ Калмыкахъ стр. 26.—Замѣч. профессор. Номова, стр. 5.

Россіи, какъ народа, который могъ ограждать границы ея, и потому имъ оказано было, какъ тогда, такъ и въ-послѣдствіи времени, особенное покровительство: назначены для кочевья степи на луговой сторонѣ Волги, по рѣкѣ Ахтубѣ (1); разрѣшено ѡздить въ Нерчинскъ для торговли (2), присылать въ Москву табуны лошадей для продажи безъ взятія по дорогѣ мостовщины (3), торговать товарамъ безошлинно (4), рубить лѣса тамъ, гдѣ кочуютъ (5), а вмѣстѣ съ тѣмъ указаны мѣры къ обращенію Калмыковъ въ христіанскую вѣру и опредѣленію ихъ на службу (6).

Но Калмыки, считая себя лишь въ союзничествѣ съ Россіей, вовсе не удовлетворяли назначенію, которое правительство полагало дать имъ; скопища ихъ продолжали производить набѣги и обращали ихъ даже на войско донское и земли губерній Симбирской, Тамбовской, Пензенской, Оренбургской и Казанской (7).

Хитрый и непокойный преемникъ власти Бунчука, внукъ Шукуръ-Дайчина (8), Аюка, то измѣняя, то покорствуя Россіи, пять разъ возобновлялъ присягу своимъ предъшественникамъ (9), и даже послѣдняя, данная въ 1710 году, не была имъ вполне соблюдена. Аюка правилъ калмыцкимъ народомъ съ 1670 по 1724 годъ, т. е. слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ. Воспитанный въ Чжунгаріи чоросскимъ ханомъ Баторъ-Хонъ-Тайнци, законодателемъ Ойратовъ, Аюка былъ приготовленъ съ юныхъ лѣтъ къ владычеству надъ народомъ полудикимъ, буйнымъ въ своихъ перекочевкахъ, хищнымъ въ набѣгахъ. Калмыки привыкли имѣть начальника, который бы раздѣлялъ съ ними все опасности ихъ степнаго своеволія и удамства, и Аюка своею личною отвагою, корыстолюбіемъ, жадной добычи и страстью къ навадамъ удовлетворялъ этимъ условіямъ и могъ казаться въ то время идеаломъ калмыцкаго народнаго вождя. Въ началѣ правленія Аюки (1670 г.), число подвластныхъ его увеличилось приходомъ изъ Чжунгаріи 3 т., а въ-слѣдъ за ними (около 1674 г.) еще 4 т. кибитокъ *Дурботъ*, т. е. Калмыковъ дербетовскаго поколѣнія. Въ это время, Калмыки, усиливаясь числомъ и пользуясь разбоями

(1) П. С. З. Р. И. Т. II. № 1245.

(2) Тамъ же, Т. IV, № 1822 стр. 31.

(3) Тамъ же Т. I, № 540; Т. II, №№ 672 и 990; Т. V, № 2958 и 3046.

(4) Тамъ же Т. V, № 3314, и Т. X, № 7733.

(5) Тамъ же, Т. VII, № 4316.

(6) Тамъ же, Т. I, № 540; Т. II, №№ 672 и 990; Т. III, № 1591; Т. III, № 2207 и 2291; Т. V, № 2702, № 3301 и 3082; Т. VII, №№ 4437, 4492, 4693, 4784, 4795 и Т. VIII, № 5444.

(7) Обзоріе Ойратовъ, стр. 167.

(8) На стр. 5 Запѣч. о Приволжскихъ Калмыкахъ сказано, что Аюка былъ старшій сынъ Пунчука или Бунчука, а на стр. 24 Свѣд. о Волжскихъ Калмыкахъ, что Пунчукъ былъ отецъ Аюки; но этому противорѣчить шертная записъ, которую Аюка-Тайма далъ въ 1673 г. (П. С. З. Р. И. Т. I, № 540, стр. 923, 924 и 926) и въ которой онъ самъ неоднократно называлъ себя сыномъ Мочака Тайма и внукомъ Шукуръ-Дайчина; также въ шертныхъ записяхъ 1677 и 1683 г. (П. С. З. Р. И. Т. II, №№ 672 и 993).

(9) Въ 1673, 1677, 1683, 1708 и 1710 годахъ.

Т. XLV II. — Отд. II.

Стеньки Разина, вместо того, чтобъ быть оплотомъ дашей границы съ Азіей, производили грабежи по Волгѣ и приняли даже участіе въ башкирскомъ бунтѣ (1). Эти беспорядки прекращены были въ 1677 году на время приведеніемъ Аюки къ присягѣ и взятіемъ отъ него тысячной калмыцкой конницы, употребленной, вмѣстѣ съ русской ратью, въ походъ противъ Турковъ подъ Чагаричъ; а съ 1681 года возобновились опустошительные набѣги. Калмыки стали ходить съ Башкирцами войною на города казанскіе, уфимскіе и украинскіе, разоряя села, деревни, учуги и промыслы по Волгѣ, уводя съ собою Русскихъ и Черемисъ, разбойничая по дорогамъ, отгоняя стада и табуны. Вся эти неустройства длились два года, до произнесемія Аюкою новыхъ клятвъ и обещаній *вѣчнаго подданства и послушанія на ерми неотступно* (2). Тогда оружіе Калмыковъ обратилось на Киргизъ-Кайсаковъ и мангышляцкихъ Туркменцевъ (3), и этимъ Калмыки стали выполнять назначеніе свое въ Россіи. Между-тѣмъ (въ 1686 г.), орда *Чермыкъ Калмыковъ*, прикочевавшая изъ Средней-Азіи, принята была въ подданство Россіи, и вмѣстѣ съ подвластными Аюки, утвердилась кочевьемъ на луговой стороне Волги при рѣкѣ Ахтубѣ (4). Во все это время, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, Аюка почти постоянно дѣйствовалъ соответственно вѣдямъ правительства, почему и дано ему было вмѣстѣ съ еге подвластными право производить набѣги на заграничные народы, независимые отъ Россіи, какъ-то: Бухарцевъ, Каракалпаковъ и Киргизовъ, ходить войною въ Крымъ и на Кубань, причемъ обещана въ помощь артиллерія (5). Потомъ, во время смутеній, произведенныхъ стрельцами, Аюка принесъ пользу тѣмъ, что настигъ и разбилъ мятежниковъ, обратившихся на Царицынъ; но въ 1707 году Аюка не выставилъ обещанной имъ трехтысячной конницы противъ Чеченцевъ, Кумыкъ и Ногайцевъ (6): взволновавшій эти племена бунтъ Башкирцевъ былъ поводомъ къ переходу Калмыковъ на правый берегъ Волги и къ опустошенію его. Калмыки сожгли болѣе 100 деревень, ограбили нѣсколько городовъ тамбовскихъ и пензенскихъ, увели въ свои улусы много людей и цѣлые стада и табуны (7). Аюка вѣрно вознаградить убытки. Возобновленные имъ при этомъ случаи обещанія (8) повноваться вскоре подтвердились какъ

(1) Въ шертной записи Аюки, 15 января 1677 года, заключаются указанія на эти нарушенія въ 1675, 1676 и 1677 годахъ прежней шерты.

(2) П. С. З. Р. И. Т. II, № 908.

(3) Обзоръ Ойратовъ, стр. 170.

(4) П. С. З. Р. И. Т. II. № 1245. Грамота ближнему боярину князю Голицыну.

(5) П. С. З. Р. И. Т. III. 1697 г. № 1591.

(6) П. С. З. Р. И., Т. IV № 2307, § 6.

(7) П. С. З. Р. И., Т. IV. № 2307 §§ 3—5.

(8) Тамъ же. Договорная статья 1708 года. Для Архива Астраханскаго Калмыцкаго Управленія за время бытности въ Казани и Астрахани губернаторомъ Петра Ивановича Араксинна, заключаются въ себя подробныя извѣстія о буйствахъ Калмыковъ, объ опасеніяхъ и предосторожностяхъ по причинѣ ихъ вторженствъ и представляютъ рядъ обстоятельствъ смутныхъ, неустроенныхъ и для астраханскаго начальства трудныхъ.

участіемъ Калмыковъ въ войнѣ съ Швеціей (1), такъ и выставкой пятидесятичной калмыцкой конницы противъ Башкирцевъ (2). Въ 1710 году Аюка въ пятый разъ обещалъ быть вернымъ правительству и отрядилъ для охраненія доческихъ предѣловъ отъ Неграковцевъ десять тысячъ Калмыковъ дербетовскаго поколѣнія (3), которые съ того времени остались въ Землѣ-Войска-Донскаго, а въ 1731 году подчинены ея управленію. Однакожъ, между-тѣмъ, раздоры въ семействѣ Аюки, сшавшіяся его съ Чжуньгаріей (4) и Китаемъ (5), каролюмшее увѣдомленіе хивинскаго хана о походахъ князя Бекевича-Чернасскаго и возбужденіе Кубанцевъ (6) къ двумъ набѣгамъ на низовья Волги, были поводами къ тому, что, по представленію астраханскаго губернатора А. П. Волинскаго, назначено быть при Аюкѣ драгунскому эскадрону и присланъ капитанъ Беклемишевъ для того, чтобъ быть управляющимъ калмыцкими делами и крѣпость (7). Эти мѣры были действительныя прожвхъ, и въ 1722 году Петръ-Великій, проходя съ войсками своими Астраханскую-Губернію, явился къ Аюка-хану покорнаго подданаго. Выставленная имъ казачья конница (8) употреблена была тогда же на усмиреніе Лезгинцевъ, действовавшихъ въ пользу Персіи.

Послѣ смерти Аюки (въ 1734 году) (9), раздоры въ его семействѣ представили правительству удобный случай присвоить себѣ право назначенія правителя калмыцкому народу. Переносенка его сопровождалась

(1) П. С. З., Т. V, № 3062.

(2) Въ Архивѣ дѣло 1710 года за время управленія коменданта ближняго стольника Михаила Черныкова объ усмиреніи мятежниковъ Башкирцевъ и «разбореніи мѣст за киргизы и серосетью». Также въ П. С. З. Р. И., Т. IV, № 2391.

(3) Въ Архивѣ дѣло о дѣйствіяхъ Искатія Шекрасова съ Заверженцами.

(4) Аюка самъ былъ въ Чжуньгаріи; ср. Обзоръ. Ойратовъ, стр. 177.

(5) Путешествіе китайскаго посланника къ калмыцкому Аюка-хану. С.П.б. 1782 и 1788 г.

(6) П. С. З. Р. И., Т. V, № 3062.—Въ Архивѣ дѣло о томъ, что крымскій ханъ и кубанскій султанъ идутъ на русскіе города и селенія войною.

(7) Въ Архивѣ Калмыцкаго Управленія дѣла 1720 и 1721 годовъ.

(8) На этотъ фактъ есть указанія въ *Запискахъ объ Астрахани*, стр. 118, въ *Свод. о Волжскихъ Калмыкахъ*, стр. 43, и въ *Хозяйств. Опис. Астрах. Губерніи*, стр. 179 и 291. Тамъ говорится о выставкѣ Аюкой 4000 конницы; но этому противорѣчатъ *Обозрѣніе Ойратовъ* и *Журналъ Соймонова*. Въ первомъ на стр. 187 сказано, что, послѣ переговоровъ съ Петромъ-Великимъ, Аюка далъ ему 5000 конницы для персидскаго похода; а въ журналѣ тайнаго совѣтника Соймонова, дополненномъ академикомъ Миллеромъ (*Опис. Кавк. Морд. С.П.б. 1783 г.*), на стр. 65 сказано, что въ персидскомъ походѣ участвовало 20,000 Калмыковъ, 9000 конницы и 5000 матросовъ, а на стр. 90 и 102, что 4000 Калмыковъ подъ начальствомъ атамана Красношакара (о которомъ идетъ рѣчь и въ *Хозяйств. Опис. Астрах. Губер.*) и вмѣстѣ съ 1000 человекъ доискихъ казаковъ учинили нападеніе на жилища утманскаго султана Махмуда и Усѣя хайтакскаго, таркинскихъ владѣльцевъ. Въ *Описаніи персидскаго войнѣ съ 1722 по 1734 г.* соч. Д. П. Бутурлина (*Военная Исторія Походовъ Россіи въ XVIII столѣтіи*, Т. IV, С.П.б. 1828 г.), сказано только, на стр. 11, что кромѣ 9000 конницы, командированы были въ Дагестанъ многочисленныя отряды казакоръ, Татаръ и Калмыковъ.

(9) Ср. въ П. С. З. № 3099: Жалованная Грамота Императрицы Анны Іоанновны Черны-Дондуку.

буйствами, и русское войско съ пушками стерегло берега Волги. Назначенъ былъ надъ всеми калмыцкими улусами и владѣльцами ханомъ *Доржи Назаровъ*; онъ приведенъ Волынскимъ къ присягѣ, получилъ подарки отъ двора, сына его взялъ къ себѣ Волынскій въ аманаты; но этотъ выборъ оказался неудачнымъ. Доржи не сумѣлъ согласить владѣльцевъ и прекратить ихъ раздоры: ими воспользовались Киргизы и Каракалпаки, перешедъ за Яикъ въ числѣ 10,000 человекъ и напавъ на подвластныхъ Доржи (1). Почему, въ томъ же 1724 году, правительство замѣнило его сыномъ Аюки, *Черенъ-Дондукъ*. Назначеніе его *камыштинскомъ Ханствѣ Калмыцкомъ* (2) было, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, замѣчательнымъ событіемъ, обѣщавшимъ правительству упроченіе вліянія его на Калмыковъ и обузданіе независимаго управленія ими; но ожиданія эти оправдалъ лишь преемникъ Черена.

Нигдѣ нѣтъ слѣдовъ, чтобъ Шукуръ-Дайчинъ, дѣдъ Аюки, или предшественникъ сего послѣдняго, Бунчукъ, носили въ Россіи званіе хановъ: Урюкъ, Дайчинъ, Бунчукъ и Аюка (до 1708 года) называемы были въ актахъ правительственныхъ *тайшами*; но званіе это присвоиваемо было и другимъ владѣльцамъ (какъ, напр., Мончаку, отцу Аюки), которые никогда не были во главѣ управленія калмыцкимъ народомъ; притомъ же, монгольское званіе *тайши* отнюдь не заключаетъ въ себѣ идея главнаго господства. О Дайчинѣ известно, что онъ взялъ въ Тибетъ за благословеніемъ Далай-Ламы; это могло быть дѣйствіемъ набожности, и нѣтъ положительнаго основанія думать, чтобъ оно въ этомъ случаѣ имѣло политическое значеніе; но Аюку наименовалъ ханомъ Далай-Лама, приславъ ему въ 1690 году на это достоинство печать (3).

Императрица Анна Іоанновна объявила сына его, послѣ шестилѣтняго управленія, *ханомъ* (въ 1731 году) (4). Такимъ-образомъ, если не считать кратковременное и отрицательное правленіе Доржи, то можно сказать, что Черенъ-Дондукъ былъ первымъ дѣйствительнымъ ханомъ Калмыцкой Орды, возведеннымъ въ это достоинство русскимъ правительствомъ; но въ 1735 году онъ смѣненъ былъ за то, что *ослушался*

(1) Въ Архивѣ Калмыцкаго Управленія, въ числѣ дѣлъ 1724 года, переписка въ переплетѣ, № 2, заключающая въ себѣ любопытныя свѣдѣнія о раздорахъ въ калмыцкомъ народѣ и наблюденія за нимъ со стороны губернскаго начальства; тамъ же инструкція Волынскому, чтобъ онъ лично на мѣстѣ ввелъ Доржу на ханство и прочо согласилъ раздоры.

(2) П. С. З. Р. И. Т. VII, № 4476: Шертная записъ 1724 г., по которой Черенъ-Дондукъ клялся служить русскимъ государямъ какъ *вѣрному подданному надлежитъ*, и тамъ же, № 4660: Граммата Императрицы Екатерины I 22 февраля 1725 года.

(3) Свѣдѣнія о Волжскихъ Калмыкахъ, стр. 28; однакожь въ 1697 году бояринъ князь Борисъ Голицынъ, договариваясь съ Аюкой на рѣкѣ Камышонкѣ, не назвалъ его ханомъ (П. С. З. Р. И., Т. III, № 1891) и изъ уполномоченныхъ русскимъ правительствомъ лицъ, казанскій и астраханскій губернаторъ Апраксинъ, первый назвалъ Аюку ханомъ въ договорныхъ статьяхъ, написанныхъ на съѣздѣ съ нимъ въ 1708 году на урочищѣ рѣчки Даниловки близъ Волги (П. С. З. Р. И., Т. IV, № 2307).

(4) П. С. З. Р. И., Т. VIII, № 5699.

съ владѣльцами въ бой и съ улусы свои потерялъ. Назначенный на его мѣсто *Дондукъ-Омбо* названъ сперва надъ всеми калмыцкимъ народомъ *главнымъ управителемъ*, а въ-послѣдствіи всеиждивѣйше пожалованъ *закономъ калмыцкимъ* и знаками этого достоинства за *знатные поиски надъ неприятели нашими Кубанцями* (1).

Высочайшими грамотами, данными въ это время Калмыкамъ (2), утверждаемы были преемники Аюки въ правахъ управленія народомъ съ обязанностию *содержать его въ добромъ согласіи, а къ Ея Императорскому Величеству въ должной вѣрности*, при чемъ приводимы были къ присягѣ уполномоченными на то лицами, вручавшими имъ грамоты (3).

Калмыки состояли тогда изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ поколѣній, коихъ-то или *улусовъ* (4), которыми завѣдывали владѣльцы. Изъ нихъ, торгоутовскіе, какъ начальники самаго многочисленнаго поколѣнія, постоянно назначаемы были въ правители калмыцкаго народа. Такимъ образомъ, внукъ Аюки, *Дондукъ-Даші*, съ 1742 года былъ намѣстникомъ ханства, а въ 1757 году онъ Высочайше пожалованъ былъ Императрицею Елисаветою Петровною въ ханы; сынъ же его *Убуши* объявленъ преемникомъ его власти и намѣстникомъ ханства.

Глава калмыцкаго народа имѣлъ, въ-продолженіе этого времени, для управленія Калмыками (5) советъ, называвшійся *Заргѣ* и состоявшій изъ восьми членовъ, которыхъ назначалъ ханъ изъ числа подвластныхъ ему *зайсанговъ* и духовныхъ. *Заргѣ* (собственно слово-въ-слово по-калмыцки значить *судъ*) имѣлъ значеніе правительственнаго совета въ томъ смыслѣ, что ханъ совѣщался съ своими совѣтниками (*заргачі*) по дѣламъ внутренняго завѣдыванія калмыцкою ордою и по предмету сношеній ея съ правительствомъ. По числу членовъ, *Заргѣ* назывался *Найманы* (6) *Заргѣ*, в, руководствуясь *духовнымъ закономъ* и *обычаями* (7),

(*) Въ Архивѣ Калмыцкаго Управленія дѣло 1737 г. № 7, на 25 листахъ, заключающее въ себѣ подробныя свѣдѣнія о походѣ Дондукъ-Омбо на Кубань и дѣйствіяхъ его; также и въ дѣлѣ того же года, № 9, на 240 листахъ, и № 14 состоятъ на 19хъ листахъ о войнѣ Калмыковъ съ Кубанцами.

(*) Грамоты 1731, 1735, 1736 и 1737 годовъ П. С. З. Р. И., Т. VIII, № 5629; Т. IX, № 6705 и 7027; Т. X, № 7191.

(*) Напримѣръ грамота 3 марта 1737 г. объявлена была Дондукъ-Омбѣ чрезъ обер-штер-кригс-коммисара Соймонова (П. С. З. Р. И., Т. X, № 7191).

(*) *Улусъ* значить на калмыцкомъ языкѣ, во-первыхъ, народъ, люди; въ этомъ смыслѣ говорятъ *олунъ улусъ*, т. е. множество людей; во-вторыхъ, улусъ означаетъ особое поколѣніе Калмыковъ, орду въ маломъ видѣ, множество кибитокъ,—то же, что у Татаръ множество юртъ. Улусы дѣлились тогда на *отоки* и *аймаки*. Отоки были аймаки въ большомъ размѣрѣ и представляли изъ себя цѣлый родъ Калмыковъ, значительную часть улуса, которою завѣдывало нѣсколько зайсанговъ, назначенныхъ улуснымъ владѣльцемъ. *Зайсаны*—владѣльцы аймаковъ. Теперь въ дѣловыхъ бумагахъ выраженіе *отокъ* замѣнено словомъ *родъ*, подъ которымъ разумѣется отъ 100 до 500 кибитокъ или семей.

(*) До 1719 года они были въ главномъ вѣдѣніи Посольскаго-Приказа; а отъ того времени Коллегіи-Иностранныхъ-Дѣлъ. См. П. С. З. № № 3062 и 3314.

(*) *Найманы* значить по-калмыцки *восемь*.

(**) Инструкція главному приставу при Калмыкахъ, Кумыкахъ и мирныхъ Чеченцахъ полковнику Ахвердову § 2.

производилъ съвѣсно разборъ тяжбъ и неудовольствій, возникавшихъ въ народѣ, налагалъ возмездія на виновныхъ, причѣмъ большая часть дѣлъ оканчивалась присягою. Но ханы, управляя Калмыками самовластно, поступали произвольно въ утвержденіи рѣшеній Зарго. Необходимость участія правительства въ ближайшемъ завѣдываніи Калмыками становилась тѣмъ нужнѣе, что неопредѣленность правъ ханъ и владѣльцевъ не разъ подавала поводъ къ взаимнымъ ихъ неудовольствіямъ; но участіе правительства въ управленіи Калмыками выражалось въ продолженіи всего этого періода лишь временными мѣрами. Безпрестанно тревожное состояніе народа не позволяло предпринимать ничего рѣшительнаго и побуждало правительство дѣйствовать дипломатически, прибѣгать то къ увѣщаніямъ, то къ угрозамъ, пока неуспѣшность ихъ не заставляла дѣйствовать всенной силой. Такъ, въ 1727 г., въ правленіе Черенъ-Дондука, послѣдовала *отдача по землямъ Калмыковъ въ пользованіе ихъ водъ для лову рыбы, дабы чрезъ отплату не озлобить этотъ народъ* (1), и въ то же время отношенія калмыцкихъ владѣльцевъ съ крымскимъ Бакты-Гиреемъ султаномъ и намеренія ихъ идти съ нимъ войною на Кубанцевъ, представляютъ рядъ предосторожностей вѣстнаго начальства изъ опасенія для *исударства вреда отъ согласія и соединенія Калмыковъ съ Бакты-Гиреемъ* (2); но и войско, посланное къ Черенъ-Дондуку, не можетъ удержать Калмыковъ отъ похода на Кубань, въ Крымъ и разныя турецкія владѣнія, гдѣ *осквернѣнныя ихъ провозвоятъ хищничества*. Эти дѣйствія Калмыковъ приняты за наиху изъ Россіи, и на нихъ жалуются правительству турецкій султанъ, объясняя, что *буйствомъ Калмыковъ нарушается заключенный Россіей съ Портою миръ* (3). Тогда назначено войско *противъ Калмыковъ, кои дѣлаютъ зло междуусобно и, нарушая присягу подданства, грабятъ Русскихъ, пленяютъ и убиваютъ; при чемъ весьма такихъ Калмыковъ вышати; а въ 1728 году Высочайшею грамотою, данною на имя Черенъ-Дондука, по случаю возобновленія грабительства Калмыковъ и несправедливыхъ дѣйствій ихъ какъ въ Россіи, такъ и въ соседствѣ владѣній, запрещено Калмыкамъ *спосъ нападать на русскіе города и села, которые они предъ тѣмъ грабили, людей убивали, брали въ плѣнъ и имущество увозили, подъ опасеніемъ поступленія какъ съ несправедливыми за возобновленіе такового зла* (4). Но безпорядки, утихая лишь на*

(1) Предписаніе генерал-фельдмаршала князя Голыцина въ дѣлѣ 1727 г., № 2, Архивъ Калмыцкаго Управленія.

(2) Тамъ же.

(3) Трактатъ вѣчнаго мира между Россіей и Турціей, заключенный въ Константинополѣ 3-го ноября 1725 года, § 9: «Ежели народъ Калмыцкій, показавъ несправедливости, учинитъ убытки во вредъ народу Крымскому, принадлежащему Благотѣльной Портѣ, такожъ и народамъ Ногайскому и Черкескому, принадлежащему Крыму, и между оными Калмыки не имѣютъ обрѣтаться никто изъ Россійскихъ, ниже подданныхъ Россійскій: равносвенно и Крымцы такожъ и Татары подъ отговоркою Калмыцкою не имѣютъ чинить убытковъ и вредъ Россійскимъ и землямъ ихъ; а ежели учинятъ какіе вредъ и убытки между обими странами, подлежатъ наказываться и удерживать накрѣпко тѣхъ злыхъ людей, долженствуя возвращать съ обихъ стравъ *воинъ и скотъ похищенные*». (П. С. В. Р. И., Т. VI, № 3571).

(4) Въ Архивѣ Калмыцкаго Управленія дѣло 1728 г. № 1.

время, продолжалось болѣе или менѣе открыто, при чемъ все дѣйствіи правительства клонялись всегдѣ болѣе къ тому, чтобъ удерживать Калмыковъ на луговой сторонѣ Волги, т. е. на лѣвомъ ея берегу, гдѣ удобнѣе можно было наблюдать за ними и не допускать ихъ на нагорную сторону, ибо тамъ имъ всегда предстала возможность входить съ Крымцами къ сношенію дружескія или непріязненныя, равно опасныя для Россіи; тамъ предстояли подговоры крымскаго хана къ примѣнію турецкой протекціи и къ уходу въ турецкія владѣнія (1), и тамъ же Калмыки приходили приманку къ хищничествамъ, которыя возбуждали неудовольствія турецкаго султана противъ Россіи. Въ 1731 году, учреждены были *составныя команды*, для пресѣченія своевольствъ Калмыковъ въ владѣльцевъ, намѣревавшихся перекочевать съ луговой на нагорную сторону Волги и явля къ морю кочевать съ Черкесами и къ Азову (2); въ 1733 году усилено русское войско нѣсколькими полками по Волгѣ, начиная отъ Царицына до моря (3); а въ слѣдующемъ году разставлены *черпосты* съ пушками по Волгѣ по случаю самовольной перекочевки Черенъ-Дондука на нагорную сторону рѣки, чему онъ поставилъ причинами: безжордану, гибель скота отъ жестокой зимы; нищету Калмыковъ и шендоусобія владѣльцевъ (4). Внутренніе раздоры и неустройства утихли, когда власть надъ Калмыками перешла къ Дондукъ-Омбю, особенно когда ему разрѣшено было съ частью подвластныхъ ходитъ на Кубань, а другая отряжена въ Крымъ къ генерал-фельдмаршалу Миниху (5). Но возобновившіеся въ 1740 году набыги и перекочевки Калмыковъ на правый берегъ Волги были поводомъ къ построенію на немъ въ 1741 году *Евстафьевской-Крѣпости*, которая вмѣстѣ съ *Саратовскою, Царицынскою, Чернокрѣпскою-Острогомъ* (на томъ же берегу), да твердынями *Астрахани* и *Красноярскими укрѣпленіями* на луговой (лѣвой) сторонѣ рѣки, представляла съ того времени рядъ мѣсть, недоступныхъ для грабительствъ калмыцкихъ наездниковъ. Калмыкамъ оставалось сдѣлаться рѣчными пиратами; и дѣйствительно, не имѣя болѣе доступа къ берегамъ Волги, они вскорѣ избрали ее какъ поприще для исканія добычи: по всему теченію Волги отъ Саратова и Царицына, Калмыки стали производить (въ правленіе Дондукъ-Данши) значительныя грабежи по Волгѣ (6), развѣжая въ лодкахъ, скрываясь между острововъ въ камышахъ и кустарникахъ; почему въ 1747 году поручено *сбдаты кал-*

(1) Въ Архивѣ Калмыцкаго Управленія, въ дѣлахъ 1729 г. 1-й столбъ, и 1732 года 1-й столбъ.

(2) Въ Архивѣ Калмыцкаго Управленія, въ дѣлахъ 1731 г. NN° 1 и 3.

(3) Тамъ же, въ дѣлахъ 1733 г., столбъ 8-й.

(4) Въ Архивѣ Калмыцкаго Управленія, въ дѣлахъ 1734 г., столбъ 1-й.

(5) Въ дѣлахъ того же года, столбъ 12-й, гдѣ на 381 л. заключаются свидѣнія о домогствіяхъ съ 1734 по 1741 г.

(6) Сенатскій указъ 10 августа 1746 года о поедоуженіи Калмыковъ къ ловлѣ рыбы въ астраханскихъ казенныхъ промыслахъ, состоявшійся по доносенію Камер-Коллегіи, что Калмыки ловятъ рыбу въ казенныхъ учтахъ и по морскимъ горловинамъ; ловцовъ грабятъ, убиваютъ.

мыцкія дѣла комендантамъ съ Саратовъ, Царицынъ и Екѣтаесскъ, споспѣвъ съ астраханскимъ губернаторомъ и начальниками войскъ. Но, при предоставленіи, въ-продолженіе всего этого времени, внутренняго завѣдыванія ордою хану, и разбора неудовольствій Калмыковъ въ его суда (Заргѣ), обязанности астраханскаго губернскаго начальства, также учрежденной еще въ началѣ XVIII столѣтія въ Астрахани *Команды Калмыцкія и Татарскія Дѣла* и особенныхъ доверенныхъ лицъ (*), которыя назначаемы были для завѣдыванія калмыцкими дѣлами, состояли преимущественно въ ближайшемъ политическомъ наблюденіи за дѣйствіями Калмыковъ, въ недопущеніи ихъ на правый берегъ Волги и въ отвращеніи сношеній ихъ съ непріятелями Россіи. Тогда каждое движеніе Калмыковъ, несоответственное видамъ правительства, порождало временныя мѣры, которыя оканчивались или измѣнялись согласно съ обстоятельствами. Цѣльнѣе рядомъ предосторожностей и мѣръ временныхъ подготавливалось въ-продолженіи слѣшкомъ полукая подчиненіе правительству самаго внутренняго управленія калмыцкою ордою, увеличившейся между-тѣмъ приходомъ въ 1761 году еще 10,000 кибитокъ изъ поколѣній *Хонгоутовъ, Дербетовъ* и *Хойтъ*, приведенныхъ владѣльцемъ *Церемъ-Ташемъ*, ушедшимъ съ ними изъ Чжунгаріи, въ то время подвластной Китаю.

Самовластіе хановъ, назначавшихъ членами Заргѣ людей, или безусловно преданныхъ, которые содѣйствовали имъ въ сношеніяхъ съ непріязненными Россіи народами и въ поддержаніи междуособій ихъ съ владѣльцами, было, какъ кажется, причиною тому, что Императрица Екатерина II, не утвердивъ владѣльца *Убуши* ханомъ, а оставивъ его и послѣ смерти отца (въ 1761 г.) при аваніи намѣстника ханства калмыцкаго, ограничила права *Убуши* относительно назначенія или членовъ Заргѣ. — Грамматкою, дарованною по сему случаю (12 августа 1762

(*) Съ 1708 г. казанскій и астраханскій губернаторъ Апраксинъ, имѣя главный надзоръ надъ калмыцкими народами и Аюкѣ-Ханомъ, переписывается съ нимъ дружески или на словахъ и скоро рѣшаетъ затрудненія по завѣдыванію народомъ. Въ 1717 году, по просьбѣ Аюки, сенатъ разрѣшилъ назначить комендантомъ въ Саратовъ Дмитрія Бахметова, чтобы помогалъ Аюкѣ и оборонялъ его. Съ 1719 г. Астраханской-Губерніи генерал-адъютантъ гвардіи полковникъ Арт. Петр. Волынский имѣетъ главное завѣдываніе Калмыками и въ 1721 году назначенъ капитанъ Беклемішевъ *управляющимъ вообще калмыцкими дѣлами* и при ханѣ: онъ остается и въ-послѣдствіи въ зависимости отъ другихъ начальниковъ этого края: генерал-майора *Измайлова* (1731 г.) [N° 5639 П. С. З.], князя *Борятинскаго* (1733) и т. д.; а въ 1737 онъ воеводой въ Саратовъ (N° 7228) и продолжаетъ завѣдывать Калмыками при астраханскомъ губернаторѣ *Татищевѣ* (1743 г.) [N° 9316]. Съ 1744 г. въ Царицынѣ завѣдываетъ калмыцкими дѣлами генерал-лейтенантъ и кавалеръ *Ерошкинъ*, и у него находится при калмыцкихъ дѣлахъ подполковникъ *Тыцынъ*. Въ 1746 *Ерошкинъ* уволенъ отъ управленія калмыцкими дѣлами, и они поручены по-прежнему въ вѣдомство и управленіе астраханскому губернатору (N° 9316), что повторено и въ 1764 году (N° 21,198), съ подчиненіемъ ему и тому народа командира полковника *Китинскаго*. Этихъ достаточно доказывается, что въ тотъ періодъ времени, завѣдываніе Калмыками со стороны правительства, такъ-какъ и самое стѣнное ихъ управленіе, не заключали въ себѣ прочихъ основаній, и что учрежденія, въ которыхъ они являлись, были порожденіемъ обстоятельствъ или необходимости.

г.) (*), повелено, чтобъ изъ опредѣленныхъ къ засѣданію въ Заргѣ зайсанговъ и духовныхъ было отъ намѣстника ханства не болѣе трехъ, а остальные отъ прочихъ калмыцкихъ владѣльцевъ; чтобъ притомъ Заргѣ рѣшалъ дѣла по большинству голосовъ; въ случаѣ же равенства ихъ для несогласія, представлялъ *намѣстнику и находящемуся при калмыцкихъ дѣлахъ чиновнику*; а сіи обязаны разрѣшать сомнѣнія или доводить о томъ до Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Ей предоставлено право перемѣнять избранныхъ владѣльцами членовъ Заргѣ, которымъ въ той же грамотѣ назначено производить жалованья въ годъ по 100 руб. каждому.

Такое ограниченіе правъ, вмѣстѣ съ учрежденіемъ военныхъ линій по Уралу, и поселеніе казаковъ вдоль устій Волги — сдѣлались предметомъ толковъ для неблагонамѣренныхъ калмыцкихъ владѣльцевъ, старавшихся съ завистью на Убушѣ, также рассказы Церенъ-Тайши о Чжунгаріи напомнили Калмыкамъ ихъ родину и возбудили въ нихъ желаніе освободить ее изъ-подъ власти Китая (**).

Въ это же время хошутовскій владѣлецъ Замьянъ вызвался провести опытъ поселенія своихъ Калмыковъ. Правительство, хотя признало, что изъ кочевого образа жизни Калмыковъ взлелеяетъ большую пользу, что ихъ частыя перекочевки удерживаютъ въ страхѣ пограничные народы, *которые никогда не знаютъ настоящаго ихъ мѣстопребыванія и на большой или малый улусъ попасть могутъ*, что Калмыки еще весьма-преданы своимъ древнимъ обычаямъ, легкомысленны, недоварчавы, и пока они еще въ такомъ положеніи, что по самымъ маловажнымъ причинамъ тревожатся и обеспокоены посягательства на ихъ веру и обычаи, приведеніе ихъ къ осѣлости не принесетъ пользы; но дозволило Замьяну сдѣлать въ этомъ отношеніи опытъ, причѣмъ Убушѣ и Заргѣ послана высочайшая грамота съ объясненіемъ, что дозволеніе это дается Замьяну по собственному его желанію и прошенію (**).

И это распоряженіе, какъ и предшествовавшія, было перетолковано и возбудило ропотъ.

Присяга въ вѣрности кочевыхъ азіатскихъ племенъ въ глазахъ ихъ-самыхъ не заключаетъ въ себѣ ничего святаго. Она для нихъ легкое средство къ достиженію предполагаемыхъ выгодъ и нарушить ее при первомъ удобномъ случаѣ имъ ничего не значитъ. Еще въ 1701 году, въ-слѣдствіе распріи въ семействѣ Аюки, 15,000 кибитокъ ушли съ сыномъ его въ Чжунгарію и оттуда не возвращались. Въ 1724 году, вдова Аюки

(*) Грамоты этой нѣтъ въ П. С. З. Р. И., а содержаніе ея, какъ и всѣ вышеназванныя свѣдѣнія, заимствовано изъ дѣлъ Архива Калмыцкаго Управленія. Не смотря на то, что Убушѣ не былъ дѣйствительно ханомъ, Калмыки и теперь иначе его не называютъ, какъ Убушѣ-Ханъ. Они произносятъ имя это кратко, такъ-что выходитъ «Убий Ханъ».

(**) Замѣч. профес. Попова о Приволжскихъ Калмыкахъ, стр. 9.

(***) Высочайше утвержденный 3 іюля 1764 года докладъ Госуд. Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

Дарма-Бала, склоняла все калмыцкіе улусы оставить Россію и возвратиться на родину; но какъ тогда, такъ и въ 1745 году, когда обнаружены были новыя попытки къ тому старой ханши, — къ исполненію ей замысла не было общаго сочувствія и движенія. За то, въ 1770 году, на призывъ калмыцкихъ владѣльцевъ, отозвались ихъ подвластные, подготовленные къ этому ложными слухами и, къ сожалѣнію должно сказать, терпѣвшіе угнетенія отъ приставовъ, пользовавшихся простотою Калмыковъ и отдаленностью отъ средоточія правленія (1). Подговоренный своими сообщниками къ побѣгу, Убушій, въ началѣ 1771 г., съ 30,000 кибитками Калмыковъ (2) перешелъ за Уралъ; но тутъ потерпѣли онъ много бѣдствій отъ жестокости зимы и отъ встрѣчъ съ Киргизами и Бурутами, такъ-что весьма незначительная часть бѣжавшихъ Калмыковъ достигла прежняго отечества, гдѣ подпала подъ власть китайскаго правительства, которое, подчинивъ этихъ Калмыковъ строгому надзору, расселило ихъ по своимъ владѣніямъ и обязало заниматься хлѣбопашествомъ (3). Преслѣдованія были тщетны и почти-невозможны. Лицкіе ханска, которые могли бы настичь бѣглецовъ, въ то время были уже въ сильномъ волненіи (4) и какъ-бы выжидали появленія самозванца, чтобъ произвести общее продолжительное возмущеніе на всемъ протяженіи восточной границы Россіи.

Послѣ ухода Убушія, въ предѣлахъ Россіи остались одни улусы, кочеваншіе на южной сторонѣ Волги, которые или не хотѣли слѣдовать за Убушій, или не могли съ нимъ соединиться, потому-что Волга въ то время не покрывалась льдомъ. По объявленію оставшихся въ Россіи калмыцкихъ владѣльцевъ, число подвластныхъ ихъ не заключало болѣе 43,000 кибитокъ (5).

(1) Истор. Пугачев. Бунта. Ч. I, стр. 9; Обзоріе Ойратовъ, стр. 229—236; Замѣч. профес. Попова о Приволжскихъ Калмыкахъ, стр. 9.

(2) Въ Архивѣ Калмыцкаго Управленія «Дѣло секретное объ умыслѣ Калмыковъ къ уходу отъ российской протекціи», на 296 листахъ. Между Калмыками до-сихъ-порѣ гласитъ преданіе, что съ Убушій-Ханомъ ушло не 30,000, а 70,000 и даже 100,000 кибитокъ. Бѣгство Калмыковъ подробно изображено въ «Описаніи Киргиз-Кайсацкихъ ордъ и степей» СПб. 1832 г. Т. II, на стр. 249—259, въ «Свѣд. о Волжскихъ Калмыкахъ» на стр. 68—73 и въ «Описаніи Чжунгаріи» СПб. 1829, стр. 188.

(3) Обзор. Ойратовъ, стр. 238 и 289.

(4) Истор. Пугачев. Бунта, стр. 8.

(5) Неедѣева, Свѣд. о Волжскихъ Калмыкахъ, стр. 73.

Въ Обзоріи Ойратовъ *малого Талика*, на стр. 241, сказано, что осталось болѣе 20,000 кибитокъ; но неясно, откуда заимствовано это свѣдѣніе. Слѣдующій расчетъ подходит довольно-близко къ объявленію, свѣдѣнію владѣльцами. По дошедшимъ до насъ численнымъ свѣдѣніямъ извѣстно, что Калмыковъ прибыло съ 1630 года по 1762, всего слѣшкомъ 70,000 кибитокъ; а именно:

1) Хо-Урлюкъ привезъ съ собою.	50,000 кибитокъ.
2) Къ Бунчуку пришло изъ Чжунгаріи.	3000 —
3) Къ Амукъ пришло изъ Чжунгаріи въ 1670 году.	3000 —
4) Къ нему же.	1674 году. 4000 —
5) Къ нему же, въ 1686, пришла орда Черныгъ Калмыковъ, о которой нѣтъ численныхъ свѣдѣній.	
6) Къ Убушій пришло изъ Чжунгаріи.	40,000 —

И того слѣшкомъ . . . 70,000 кибитокъ.

Въ-слѣдствіе этого событія, которымъ оканчивается періодъ самовластія калмыцкихъ хановъ въ степяхъ Урала и Волги, упразднены были въ 1771 году (*) званія хановъ и намѣстниковъ ихъ, и повелѣно, *чтобы каждый владѣлецъ своими людьми правилъ независимо, судилъ ихъ по древнимъ правиламъ и обыкновеніямъ*; сомнѣнія же и несогласія предоставлено разрѣшать губернатору, которому имѣть при себѣ трехъ депутатовъ отъ Калмыковъ и наблюдать за владѣльцами.

Съ упраздненіемъ званій хана и намѣстника, упраздненъ и Заргѣ; а дѣла Калмыковъ поступили въ вѣдомство *Астраханскаго Калмыцкаго Правленія*.

Въ-заключеніе этого обзора остается замѣтить, что въ 1769 году объѣзжалъ восточную границу Россіи знаменитый естественный академикъ Палласъ, для произведенія ученыхъ изысканій. Изъ яцкаго городка (Уральска) Палласъ неоднократно въздилъ въ степь и наблюдалъ Калмыковъ, которые расположились тамъ въ то время на лѣтнемъ кочевьѣ (**), между-тѣмъ, какъ бѣльшая часть ихъ орды была на Кубани. Въ сочиненіи, которое Палласъ издалъ въ 1770 году (***), онъ подробно описалъ степной бытъ и хозяйство Калмыковъ, ихъ наружность, жилища, занятія, нравы, религію, повѣрья и обычаи; но, къ-сожалѣнію, въ этомъ сочиненіи не достаеетъ точнаго изображенія управленія ордой, и нѣтъ никакихъ даже приблизительныхъ свѣдѣній о числѣ народа; о *льствѣ его кочевья* Палласъ говоритъ, что Калмыки со стадами своими кочуютъ зимою въ полуденной сторонѣ волжской степи и вдоль Каспійскаго-Моря, но всегда въ некоторомъ отдаленіи отъ рѣки Яика, при которой тогда кочуютъ ихъ вѣчные враги—Киргизы; о *любовностиахъ Калмыковъ*—что они отдають своимъ владѣльцамъ ежегодно 1/10 часть своего скота; о *судѣ и расправѣ*, что владѣлецъ можетъ подвергать подвластныхъ своихъ разнымъ тяжелымъ наказаніямъ, рвать имъ носъ, уши, руки, но только не можетъ ихъ явно казнить, что, однакожъ, дѣлается; о *правѣ наследственномъ*—что дѣти раздѣляютъ между собою

Изъ этого числа вышло по разнымъ обстоятельствамъ съ 1701 по 1771 годъ слишкомъ 58,000 кибитокъ; а именно:

1) Въ 1701 году въ Чжунгарію.	15,000	кибитокъ.
2) Въ 1710 — на Донъ.	10,000	—
3) Въ 1744 — въ Ставрополь.	3,000	—
4) Въ 1764 — на Терекъ.	200	—
5) Въ 1771 — въ Чжунгарію.	30,000	—

И того. . . 58,200 кибитокъ.

Значитъ, за вышедшими изъ предѣловъ Астраханской-Губерніи, въ 1771 году осталось въ чертѣ ея 12,800 кибитокъ Калмыковъ, которыя съ ордою Черныхъ Калмыковъ могли простираться отъ 13 до 14,000 кибитокъ.

(*) Указъ 19 октября 1771 года на имя астраханскаго губернатора Бекетова.

(**) Калмыки перебирались въ *Рыи-Пески*—лучшее урочище луговой стороны Волги, располагались тамъ кочевьемъ во время разлива рѣки, а потомъ, лѣтомъ, снова возвращались къ Царышину и Астрахани (П. С. З. Т. XIII, № 9640).

(***) Путешеств. по Россіи Сиб. изд. 1809 г., стр. 485—525.

улусъ владыцъ, если отецъ не сдѣлалъ другаго распоряженія и нѣкоторые изъ нихъ не вступили въ духовный чинъ, и что дѣлежъ этотъ бываетъ между ними неровный; а о *богатствѣ Калмыковъ*, т. е. о количествѣ ихъ скота, Палласъ говоритъ лишь весьма-относительно, упоминая, что есть Калмыки, которые имѣютъ по тысячу лошадей и больше. Тотъ же недостатокъ численныхъ указаній ощутителенъ и въ сочиненіи академика Гмелина, изданномъ въ 1777 г. (*). Онъ путешествовалъ въ 1769 и 1770 годахъ и видѣлъ Калмыковъ на берегахъ Волги. Онъ описалъ ихъ, какъ естественсбытатель; подробную исторію Калмыковъ и Индійцевъ полагалъ онъ издать въ послѣдствіи времени, но не издалъ, и единственными указаніями на тогдашнее управленіе Калмыками и участіе въ немъ правительства остались стр. 57 и 133 путешествія Гмелина, гдѣ онъ упоминаетъ о *калмыцкомъ приставѣ*, говоря, что этотъ приставъ живетъ въ Енотаевскѣ, когда не кочуетъ съ Калмыками въ степи, и что въ старомъ губернаторскомъ домѣ въ Астрахани находятся его секретная и калмыцкая экспедиція. Первое указаніе важно, доказывая, что въ то время принято было называть «приставами» тѣхъ, которымъ ввѣренъ былъ ближайшій надзоръ за калмыцкимъ народомъ, хотя это званіе оффиціально присвоено имъ, какъ будетъ показано далее, лишь въ 1801 году.

БАРОНЪ Ф. ВЮЛЕРЪ.

(*) Путешествіе по Россіи для изслѣдованія трехъ царствъ природы. Сиб. 1777 г. Т. 2.

ОЛИВЕРЪ КРОМВЕЛЛЬ.

Статья третья и послѣдняя.

Кромвелль — глава англійской республики.

Послѣ уорчестерской битвы, торжествующій кальвинизмъ является раздѣленнымъ на двѣ партіи: на пуританъ-воиновъ, въ главѣ которыхъ стоитъ Кромвелль, и на законниковъ, поддерживаемыхъ пресвитеріанами и парламентомъ.

Долгій парламентъ продолжалъ засѣдать. Побѣдитель при Донбара, Уорчестеръ и Треда, воплощенный кальвинистъ и первый пуританинъ Англій, увидѣлъ противъ себя около сотни членовъ парламента, у которыхъ было довольно и мужества, и мудрости, и дарованій. Пока сульба его совершалась на поляхъ битвъ, эти люди могущественно правили государствомъ и приобрѣли уваженіе во мнѣніи общества: они составляли высшую власть въ государствѣ.

Но въ самыхъ достоинствахъ ихъ не было ничего царственнаго, составляющаго принадлежность законной монархической власти. Философъ Годвинъ (*) и еще недавно Форстеръ (**) слишкомъ ихъ прославили. Ни одинъ изъ нихъ не достигалъ этой высоты: ни тяжелый Бульстродъ, исполненный педантическихъ тонкостей, довольный своей чиновной важностью и своей судейской мантией; ни старый адвокатъ Сент-Джонъ «курносый, говорившій прерывисто», мрачный фанатикъ и въ старости скряга; ни метафизикъ Ванъ, ловкій строитель химеръ, переносившій въ дѣйствительную жизнь любовь свою къ отвлеченностямъ и страсть ума къ тонкостямъ, болѣе затрудняющимъ жизнь практическую, нежели служащимъ ей пособіемъ; ни самый блестятельный и могучій изъ нихъ, Генрихъ Мартинъ, который, нравясь всѣмъ и даже внушая страхъ, никого не

(*) См. его «Исторію Республики» (3 тома).

(**) «Государственные Дѣла Республики» (6 томовъ).

могъ руководить или заставить себя повиноваться по недостатку достоинства, привычки къ власти и уваженія. Онъ имѣетъ некоторое сходство съ Камиллемъ Демуленомъ и, мимоходомъ сказать, принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ и кроткихъ лицъ этой важной и страшной эпохи. Поэтъ, человекъ съ умомъ, съ твердымъ и живымъ характеромъ, этотъ маленькій человечекъ, про котораго современники рассказываютъ, что онъ «всегда держался прямо и носилъ узкія платья», одной кстати-сказанной шуткой переменялъ направленіе парламентскихъ преній; живые каданбурсы его пережили два столѣтія. Но могъ ли онъ быть главою государства?

16 сентября 1651 года, послѣ уорчестерской битвы, Кромвелль пріѣзжаетъ въ Лондонъ и находитъ парламентъ, который долженъ былъ прекратить свои засѣданія еще до апрѣля 1649, но который отыскивалъ прекрасное средство продолжить свое существованіе, собираясь каждую среду, чтобъ ничего не дѣлать, или, какъ выражается Генрихъ Мартинъ, «чтобъ разсуждать о томъ, что нужно будетъ дѣлать». Народъ, называвшій Кромвелля только генераломъ, далъ этимъ недвижнымъ обломкамъ мѣняе-лестное имя: онъ прозвалъ его задомъ. Чтобъ остановить ложные слухи, по внушенію Кромвелля, это собраніе опредѣляетъ, что оно продолжить свое существованіе еще на три года. Въ немъ-то, въ теченіе тридцати мѣсяцевъ, бродятъ и стараются соединиться безпорядочно-набросанные элементы государственной жизни. Военные хотятъ учредить республику и сдѣлать главою ея Кромвелля; законники требуютъ правленія смѣшаннаго, кто бы ни былъ его главою. Кромвелль назначаетъ нѣсколько совѣщаній, въ которыхъ, какъ обыкновенно бываетъ, много говорятъ и ничего не рѣшаютъ; онъ не за республику, ни противъ нея, только не хочетъ имени Стюартовъ и представляетъ необходимость правительства сильнаго и централизованнаго.

Между-тѣмъ, страшные пуританскіе матросы вселяютъ уваженіе къ національному флагу и возбуждаютъ въ народъ чувство славы и гордости; законники и комиссары продаютъ конфискованныя имущества роялистовъ и взъискиваютъ насильственные пени со всѣхъ джентльменовъ; служившихъ королю Карлу. Изъ этихъ взъисканій дѣлаютъ злоупотребленія; примѣшивается алчность и, благодаря крючкотворству законниковъ, не одинъ честный мѣщанинъ смѣшанъ съ роялистами; изъ общаго ужаса дѣлаютъ спекуляцію; каждый изъ членовъ парламента принимаетъ утромъ по тридцати и сорока просителей. Тогда начальники войска, двигатели парламента подаютъ Кромвеллю жалобу на эти обломки парламента и требуютъ совершеннаго измѣненія въ образъ правленія. Просьбы мѣшаются съ угрозами въ этомъ странномъ актѣ, испугавшемъ защитниковъ парламента. «Дѣло опасно», сказалъ Бульстроудъ Кромвеллю: «обратите на это вниманіе, остановите это.» Кромвелль ничего не остановилъ, напротивъ. Эта воинственная сила, его поддержка и орудіе, готовилась уничтожить въ его пользу говоруну парламенту: Онъ поручилъ президенту ихъ, Локталлю, поблагодарить сенаторовъ, и Карлалль, никогда неупускающій случая попеначить, говорить, адресуясь къ несчастному президенту: «Ваша рѣчь, милостивый государь,

вероятно была вамъ столько же пріятна, какъ добруму ослу, когда ему даютъ есть чертополохъ колючій!»

Парламентъ понимаетъ народное неудовольствіе, предвидитъ свою судьбу и, проработавъ мѣсяцы и годы съ процессіональною медленностью надъ учредительнымъ актомъ государства, вдругъ пребудается и хочетъ постановить законъ въ ту же минуту. Надобно удовлетворить всѣхъ: дѣло трудное. Пресвитеріане хотѣли бы снова получить власть, законники удержать ее, пуританскіе офицеры прежде всего требуютъ чистаго кальвинизма и свободы религіознаго толкованія; имъ соединиться трудно, и билль, который бы всѣмъ имъ понравился — мечта несбыточная. Соглашаются только въ одномъ, на одномъ пунктѣ, одинаково-пріятномъ всѣмъ членамъ парламента, именно, что самъ онъ, преобразовавшись въ избирательный комитетъ, будетъ судить о правильности избранія — лояльное средство продолжать и увязковывать свое существованіе. Новыя собранія происходятъ у Кромвелля, и тамъ офицеры, ставшіе смѣлѣе, клянутся подъ носомъ находящихся тамъ членовъ парламента, что задъ будетъ истребленъ. Генералъ молчитъ; онъ ждетъ, зная, что дѣло можетъ кончиться только въ его пользу. — Мы на 20-мъ апрѣля 1653 года.

Судья Бульстроудъ, возвратившійся наканунѣ домой «съ слезами на глазахъ», приходитъ утромъ къ Кромвеллю и находитъ его въ гостиной, «въ черномъ платьѣ и сѣрыхъ нитяныхъ чулкахъ», въ ожиданіи членовъ парламента, которые должны были имѣть новое совѣщаніе съ офицерами. Они не идутъ; они рѣшились постановить свой билль и дать ему силу закона. Пока они спѣшатъ окончить этотъ актъ, который долженъ уничтожить Кромвелля и войско, Кромвелль, едва вѣря тому, что ему рассказываютъ, велитъ привести роту мушкетеровъ его подка, восклицаетъ: «это не честно; нѣтъ, въ этомъ нѣтъ самой обыкновенной добросовѣстности», и идетъ прямо въ палату. Ее составляли всего пятьдесятъ-три члена; шли пренія о билль, который готовились утвердить, когда вошелъ Кромвелль и сѣлъ на обыкновенномъ своемъ мѣстѣ. Эта сцена полнена новымъ историкомъ кой-какими, впрочемъ весьма ничтожными фактами.

Слушая несколько времени споры, онъ сдѣлалъ знакъ Гаррисону, который подошелъ и сталъ возле него. Съ четверть часа онъ молчалъ; но когда начали балотировать вопросъ о томъ: «пройдетъ ли билль?» онъ сдѣлалъ знакъ Гаррисону, и сказалъ: «теперь время; это должно; я это сдѣлаю». Потомъ онъ всталъ, положилъ шляпу на столъ и говорилъ сперва довольно-долго въ пользу парламента; потомъ, измѣнивъ тѣмъ, напомнилъ ему о его ошибкахъ, о его несправедливостяхъ, о его эгоизмѣ и всякаго рода низостяхъ, и разгорячился до того, что сталъ говорить вещи обидныя. Сэръ Петеръ Вентвортъ напомнилъ ему о пріимчиви. «Такой языкъ», сказалъ онъ, «страненъ, не слыханъ въ стѣнахъ парламента и со стороны человека, который имѣлъ наше довѣріе, котораго мы такъ высоко почтили, который...» — Довольно! довольно! закричалъ генералъ на всѣхъ разомъ: — довольно съ насъ; я это тотчасъ окончу и вставлю молчать болтуновъ — и вышелъ на средину залы; нагнувъ шляпу и стуча ногою въ полъ, сказалъ: «Вы не должны болѣе засѣ-

дать здесь; уступите ваши места лучшимъ людямъ; вынести ихъ!» И, по командѣ Гаррисона, тридцать мушкетеровъ, страшныхъ ветерановъ междоусобной войны, выстроиваются въ двѣ шеренги и отдають честь. Ярость Кромвелля продолжаетъ вырываться наружу: «Вы называетесь парламентомъ!» говоритъ онъ нѣтъ: «вы не парламентъ; я повторю вамъ: вы не парламентъ; между вами есть вѣшницы!»—и взглядъ его устремляется на бѣднаго мистера Чалонера. «Между вами есть волокиты!»—и онъ обращается на маленькаго Генриха Мартина, который соединилъ въ себѣ и качества поета и привычки фаена. «Между вами есть лихоицы!»—и онъ посмотрѣлъ на Бульстрода: «люди безстыдные, которые недостойны называться людьми евангельскими! Какъ же вамъ быть парламентомъ богомъбраннаго народа! Подите! ступайте! чтобъ объ васъ не было и слышно! во имя Госнода, ступайте!»

Вся члены встали, и генералъ, поднявъ серебряную палицу, лежавшую на столѣ, священную эмблему власти нижней палаты, сказалъ: «Что намъ дѣлать съ этой грушкой? унесите ее!»—и отдалъ ее мушкетеру. Потомъ, замѣтивъ, что президентъ или ораторъ Денталль не сходять съ мѣста, сказалъ, обратясь къ Гаррисону: «Заставь его сойти.»—Я уступаю только силъ!»—«Хорошо!» возразилъ Гаррисонъ: «я дамъ вамъ руку!»—Остальное извѣстно; это 18 брюмера было описано нѣсколько разъ, и сходство описаній въ малѣйшихъ подробностяхъ не позволяетъ сомнѣваться въ ихъ справедливости. Говорили, что Кромвелль въ этомъ случаѣ разыгралъ комедію. Кажется, онъ просто былъ възнесенъ за то, что его хотѣли предупредить и обмануть. Бѣшенство его было велико, и нельзя предполагать, чтобъ оно было лицемерно; достоверно по-крайней-мѣрѣ то, что члены парламента исчезли, какъ сонъ, что о нихъ пропалъ и слухъ, и что народъ нѣсколько не принялъ ихъ стороны. «При уходѣ ихъ», говорилъ Кромвелль, смѣясь своимъ серьёзнымъ смѣхомъ, который былъ такъ страшенъ: «я не слыхалъ, чтобъ собака залаяла!»

Онъ успокоился, когда была одержана эта страшная победа; въ тотъ же день, 23 апреля 1653 года, онъ занимался уже мѣстными выгодами тѣхъ болотъ, которыхъ былъ владѣльцемъ въ своей юности, и собственноручно написалъ слѣдующее письмо, найденное Карлиемъ въ подлинникъ въ архивахъ *Sergeant's Inn*, въ Лондонѣ. Онъ велѣлъ продолжать въ своей провинціи высушиваніе земель и насыпи (new Bedford level), которыя оканчиваются теперь англійскими инженерями и о которыхъ мы уже говорили; онъ даже вступалъ съ собственнымъ каштеломъ въ компанію антрепренёровъ (adventurers), принявшую на себя эти работы. Владѣльцы смежныхъ земель, понесшіе убытки отъ разрытія поверхности, требовали вознагражденія убытковъ и оцѣнки ихъ; парламентъ обѣщалъ удовлетворить ихъ просьбу и заставилъ дожидаться; измученный этими проволочками, народъ возмутился, уничтожилъ траншеи, разрушалъ работы и разогналъ работниковъ. Этого не хотѣлъ терпѣть Кромвелль. Вышедши изъ нижней палаты, отъ которой ключъ онъ положилъ «себѣ въ карманъ», онъ написалъ:

«Мистеру Паркеру, агенту компаніи антрименеровъ для высушки болотъ.

«Уиксгалл, 23 апрѣля, 1653.

«Мистеръ Паркеръ!

«Я слышалъ, что нѣсколько безпорядочныхъ людей надѣлали значительныхъ поврежденій въ графствѣ Кембриджъ, около Сватома и Ботсхема, что они разрушили работы, начатыя антрименерами и угрожали работникамъ, которыхъ употребляли въ этихъ мѣстахъ. Прошу васъ послать туда одинъ изъ моихъ полковъ, подъ командою капитана, который долженъ употребить все средства, чтобъ возстановить между жителями порядокъ, который имъ скажетъ, что никто не долженъ возбуждать смятеній, что это не будетъ терпимо; но, если антрименеры кого-либо обижаютъ, то должно жаловаться: въ этомъ случаѣ будутъ приняты мѣры, которыхъ потребуетъ справедливость, и всякому будетъ отдано должное. Остаюсь

«вашъ добрый другъ

«Оливеръ Кромвелль»,

Вслѣдъ за тѣмъ сто-сорокъ пригласительныхъ писемъ разосланы къ знатнѣйшимъ пуританамъ, на которыхъ Кромвелль и его офицеры могли полагаться, и которые все почти, за исключеніемъ двухъ, отвѣчали на приглашеніе; никто не возразилъ,—до того сошлись его личные виды съ действительными началами гражданского кальвинизма. «Въ числѣ ихъ» говоритъ Кларендонъ: «были люди достойные уваженія и земельные владѣльцы».—«Многіе изъ нихъ» прибавляетъ Бульстродъ (одинъ изъ членовъ разогнаннаго парламента) знали дѣло и имѣли состояніе». Въ числѣ этихъ—то людей засѣдалъ кожевникъ *Бербонъ (Barbone)*, человѣкъ богатый, строгихъ правилъ, котораго магазинъ былъ посѣщаемъ болѣе другихъ, находившихся на Флит-Стритъ. Злые языки, искажая его имя, звали его *Barebone* (сухія кости) и дали это прозвище парламенту, въ которомъ онъ былъ членомъ. Тамъ находились и другіе пуритане, въ свое время пользовавшіеся большимъ значеніемъ, а именно Иртонъ, Джефрей изъ Абердина, Сунитонъ изъ Эдмборга, знаменитый адмиралъ Блекъ, духовный поэтъ Русъ, превотъ Итна, котораго старыя гимны еще до-сихъ-поръ поются въ глуши Шотландіи, и вмѣстѣ съ ними Эшлей Куперъ, сдѣлавшійся потомъ лордомъ Шефтсбѣри, Чарльсъ Гоуаръ и полковникъ Эдуардъ Монтегю, которые все трое сдѣлались родоначальниками знатныхъ семействъ; потомки этихъ республиканцевъ въ настоящее время — пары Англіи.

Парламентъ-сухія-кости, изъ презрѣнія названный такъ исторіею, собирается и длится только пять мѣсяцевъ. Не соглашаясь въ началахъ, утомленный зависимостью отъ воли Кромвелля и своимъ униженнымъ положеніемъ, этотъ парламентъ разрушается самъ-собою и громкими криками требуетъ короля. Пятидесяти-четырехъ лѣтъ фермеръ-пуританинъ, «котораго каштановые волосы начинали отсвѣчивать сѣвною», какъ говорятъ Медстонъ, торжественно получаетъ званіе лорда-протектора трехъ соединенныхъ королевствъ. Все замолкаетъ, все успокоит-

зается, все утихаетъ, кромѣ нѣсколькихъ темныхъ тавернъ, гдѣ остатки анархическаго мистицизма шевелются въ глухой ярости. Шестьдесятъ актовъ одинъ за другимъ выходятъ изъ канцелярїи протектора. Съ иностранными государствами заключаются мирные трактаты. Франція, даже Испанія шлютъ пословъ. Голландія, Швеція, Данія, Португалія признають Кромвелля въ званїи протектора. Онъ покидаетъ «Шудалье Генриха VIII» и поселяется въ Уитгалла, въ самомъ дворцѣ Стюартовъ. Въ это время онъ пишетъ Ричарду Майору, который предлагалъ ему выгодную покупку земли, слѣдующее письмо:

«Моему доброму брату Ричарду Майору, скоттру, въ Герслекъ, въ Гайпширъ, это письмо.

«Уитгалла, 4 мая 1654.

«Любезный братъ!

«Я получилъ ваше милое письмо и благодарю за него. Еслибъ мнѣ было прилично продолжать это дѣло, то оно стоило бы вамъ однихъ трудовъ; но не издержекъ, потому-что я употребилъ бы на это «свою землю, что въ Эссексъ, и кой-какія деньги, которыя теперь у меня въ рукахъ».

«Но, право, я чувствую отвращеніе отъисканія богатствъ сего міра, когда Господь удостоилъ меня столькихъ милостей, которыхъ я «не просилъ, и мнѣ непрїятно возбудить въ людяхъ мысль, что я «гоняюсь за этими вещами; а это непременно подумаютъ, если только вы «хоть немного ввяжетесь въ это дѣло (потому-что тѣмъ или другимъ «способомъ они объ этомъ узнаютъ); мнѣ это до того противно, что, «право, я не смѣю по этому дѣлу ни дѣйствовать, ни вмѣшиваться въ него. Такимъ-образомъ я обнажилъ передъ вами мысль свою. Прїимите «увѣреніе, вы и сестра, въ моей вѣрной дружбѣ; благословенія моя и «поклонъ милой Доротей и ея ребенку; мой поклонъ всѣмъ».

«Остаюсь любящій васъ братъ,

«Оливеръ Кромвелль».

Между-тѣмъ, англійскій пуританизмъ, кормиломъ котораго править Кромвелль, благоденствуетъ. Приступаютъ къ первому въ-продолженіи сорока лѣтъ правильному избранію. Оно даетъ парламенту четыреста членовъ, изъ которыхъ тридцать Шотландцевъ и тридцать Ирландцевъ; большинство держится началъ пресвитеріанскихъ и конституціонныхъ. Давъ присягу, Кромвелль открываетъ этотъ парламентъ. — «Вы собраны», говоритъ онъ членамъ нижней палаты: «для величайшаго дѣла, которое когда-либо видѣла Англія. У васъ на плечахъ интересы трехъ великихъ націй и всѣхъ владѣній, отъ нихъ зависящихъ... могу сказать безъ преувеличенія. Эти слова служатъ введеніемъ къ рѣчи, въ которой онъ требуетъ отъ депутатовъ «сохраненія Англія», съ одной стороны «благочестія», съ другой «дисциплины». Онъ однимъ разомъ порицаетъ и тиранство пресвитеріанизма, который вздумаетъ силою подчинить совѣсти одному и тому же закону, и анархическій мистицизмъ, который можетъ предать общество утопіямъ ме-

читателей. «Въ старой системѣ» (пресвитеріанскаго однообразія), говоритъ Кромвелль: «было слишкомъ-много строгости и суровости... да, слишкомъ много тираніи надъ совѣстью, духъ, не похожій на духъ христіанства во всякое время, тѣмъ-болѣе въ наше.» Уничтоживъ деспотизмъ и нетерпимость пресвитеріанизма, Кромвелль обращается къ крайнимъ лабердамъ, анархистамъ, съ которыми обходится не такъ жестоко: большая часть изъ нихъ — его старые пріятели. «Это заблужденіе болѣе утонченное, въ которое впало много людей чистыхъ и достойныхъ, много людей чистосердечныхъ... Ихъ духовныя притязанія весьма-велики, они ожидаютъ царства Христова на землѣ, когда святой духъ превозможетъ, взглянуть всякое земное беззаконіе и когда вѣчная и совершенная справедливость будетъ управлять міромъ. Еслибъ они держали свои мысли и свои теоріи (*notions*) про себя, ихъ оставили бы въ покоѣ. Но когда ихъ хотѣтъ осуществлять, то время вышатайся въ это дѣло судьба. Если, сверхъ-того, употребляютъ вся усилія, чтобъ поставить вверхъ дномъ вся отношенія, семейство противъ семейства, мужа противъ жены, родителей противъ дѣтей; когда только и повторяютъ: разрушайте, разрушайте, разрушайте (*overturn, overturn, overturn*)... о! тогда, я говорю, врагъ общественный бодрствуетъ и въ дѣло долженъ вышатайся судья!» Таково вообще политическое краснорѣчіе Кромвелля.

Когда онъ окончилъ эту рѣчь, говоритъ одинъ старый журналъ: «члены парламента сказали ам! (*) и выразили свое одобреніе и добольство страннымъ образомъ». Это взаимное согласіе было не продолжительно. Едва собравшись, парламентъ пустился въ жаркія разсужденія «отъ восьми часовъ утра» говоритъ Гибонъ Годдаръ: «до восьми часовъ вечера, ежедневно, о томъ, имѣетъ ли онъ право засѣдать, и кому принадлежитъ власть, одному ли человеку или нѣсколькимъ и въ какой мѣрѣ. Этими разрушалось установленіе протекторатства въ самомъ его основаніи и, безъ сомнѣнія, не нравилось тому, чью власть колебали такимъ образомъ». «Спусти восемь дней послѣ открытія камеръ», и хотѣлъ» говоритъ одинъ изъ членовъ (тотъ же самый Гибонъ Годдаръ, оставившій послѣ себя любопытныя записки) «идти въ Вестминстеръ и Нашелъ, что двери въ палату депутатовъ заперты: перелъ ними стояли часовые. — Нельзя пройти, сказали мнѣ:—если вы членъ парламента, то ступайте въ писаную комнату, гдѣ будетъ протекторъ. — Я пошелъ туда. Между девятью и десятью часами, онъ пріѣхалъ со свѣтою изъ офицеровъ, аллебарщиковъ и телохранителей, сѣлъ съ покрытою головою подъ балдахинъ и говорилъ полтора часа».

Теперь обращаемся къ новой части труда Карлава: къ собранію и вѣраюму возстановленію рѣчей, публично произнесенныхъ Кромвеллемъ,—прекрасному труду, представляющему пуританскаго фермера, политическую главу Англій, совершенно въ новомъ видѣ. Эти импровизованныя рѣчи, которыя Кромвелль никогда не пересматривалъ и не поправлялъ, были напечатаны безъ знаковъ препинанія, невѣрно, съ

(*) Parliamentary History, XX, 318, 36.

вставками и смѣшными комментаріями, которыми *reporters* украсили оригиналь и совершенно его обезобразили. Карлиль принялъ въ соображеніе регистры палаты, современные памфлеты, рукописныя замѣчанія некоторыхъ членовъ парламентовъ, бывшихъ во время протектората, и возстановилъ подлинникъ съ величайшимъ тщаніемъ. Изъ этой работы оказывается, что двусмысленныя отступленія, приписывавшіяся Кромвеллю, ни мало ему не принадлежатъ.

Эти рѣчи очень-просты и не носятъ на себѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ лицемерія или шарлатанства. Онъ не скрываетъ своего происхожденія; онъ солдатъ и считаетъ себя воиномъ Божиимъ. Главныя черты его рѣчей состоятъ въ великой энергіи, въ совершенной ясности, въ сильномъ и часто лишнемъ желаніи его заставить понять себя и выставить въ осязательномъ видѣ мысль свою, въ частыхъ повтореніяхъ словъ. Онъ нерѣдко затрудняется въ выраженіи того, что онъ думаетъ; мы видимъ работу ума, стремящагося понять самого-себя, чувствуемъ, что ремесло оратора затрудняетъ его; чѣмъ глубже, чѣмъ страннѣе или возвышеннѣе мысль, его тревожащая, тѣмъ чувствительнѣе муки ея рожденія на свѣтъ. Напрасно приписываютъ затрудненіямъ въ выраженіяхъ и перифразахъ этого фермера-мистика, удивленнаго своимъ могуществомъ, намѣренную темноту: подобная тонкость необъяснима. Темнота другаго рода происходитъ отъ частаго повторенія библейскихъ выраженій, которыя онъ въ особенности заимствуетъ у Давида, Исаіи и Іереміи и которыя придаютъ рѣчамъ его совершенно-восточный характеръ. Такъ въ залѣ Уинтегалла, прислонясь къ окошку, съ офицерами по правую и лѣвую руку, передъ зеленымъ столомъ, окруженнымъ знатнѣйшими пуританами, имъ созванными, вычисляяетъ онъ рядъ чудесъ Провидѣнія, котораго онъ былъ орудіемъ, и вдругъ, какъ на полѣ донбарской битвы, запѣваетъ торжественный гимнъ. «Да!» восклицаетъ онъ: «побѣда чрезвычайно-велика, и то, что совершилъ Господь, чрезвычайно-велико. Конецъ этого гимна бьетъ мнѣ въ сердце и я увѣренъ, онъ также ударяетъ и въ ваши сердца; Богъ громитъ горы такъ же какъ холмы, и онъ трепещутъ... Самъ Богъ имѣетъ свой холмъ, возвышенный подобно холму Башана, и возницъ Божіихъ двадцать тысячъ и ангеловъ болѣе тысячи, и Богъ будетъ всегда пребывать на этомъ холмѣ!»

Потомъ онъ продолжаетъ съ фамильярностью челоука, вышедшаго изъ народа: «мнѣ очень-жаль, что я говорилъ вамъ такъ долго въ такой тѣсной комнатѣ, гдѣ очень-жарко!» Не смотря на то, предшествовавшія слова очень-краснорѣчивы, точно такъ же какъ и стихи гимна, который «поражаетъ въ сердце Кромвелля и тѣхъ, которые его слушаютъ» (*It closeth with my heart*).

Когда онъ хочетъ объяснить свое возвышеніе и показать, по какой роковой связи событій достигъ онъ верховной власти, онъ говоритъ: «Я челоукакъ (вы это знаете; я, разумѣется, объ этомъ помню), который «постепенно возвышался и былъ возводимъ въ должности, требовавшія «большой довѣренности. Сперва, будучи кавалерійскимъ капитаномъ, я «трудился какъ только могъ, и Господу угодно было оказать мнѣ покро-

«вительство. Мнѣ пришла простая и счастливая мысль, которую весьма-великіе и весьма-умные, даже весьма-честные люди считали пошлюю и почти-глупою, — мысль заставить помогать себя орудіа, у которыхъ «были бы такіе же взгляды, какъ и у меня. Я скажу вамъ всю правду: «тогда у меня былъ другъ, человекъ весьма-почтенный, — чрезвычайно-благородный, котораго память, я увѣренъ, дорога для всѣхъ, — мистеръ «Джонъ Гампденъ. Когда мы начали это дѣло, я увидѣлъ, что нашихъ «людей всюду бьютъ. Я это видѣлъ и просилъ, чтобъ прибавили нѣ- «сколько полковъ къ арміи милорда Эссекса; я сказалъ ему, что могу «дать ему нѣсколько людей, въ которыхъ, по моему мнѣнію, есть духъ, «необходимый для того, чтобъ подвинуть дѣло. То, что говорю вамъ, «вполнѣ справедливо: Богъ знаетъ, что это справедливо! Ваши солда- «ты, сказалъ я ему, по-большой-части старые лакеи, трактирные слу- «жки и подобные имъ люди; наши же непріатели дѣтя джентльменовъ, «младшіе сыновья семействъ, люди знатные, и не-уже-ли вы думаете, «что мужество подобныхъ людей устоитъ противъ храбрости и рѣши- «мости кавалеровъ? По-истинѣ, я представилъ это ему по совѣсти и «сказалъ ему: надобно, чтобъ ваши люди были проникнуты духомъ, — «не принимайте въ худую сторону словъ моихъ, — духомъ, который по- «шелъ бы такъ же далеко, какъ далеко могутъ идти эти джентльмены, «безъ чего вы будете побиты, всегда побиты! Дѣйствительно, я это «сказалъ ему. Это былъ человекъ умный и почтенный, и онъ отвѣчалъ «мнѣ, что мнѣ пришла хорошая мысль, но осуществить ее на дѣль не- «возможно. Я возразилъ ему, что въ этомъ могу немного ему помочь, и «сдѣлалъ это. И, право, я долженъ наконецъ сказать это, — приписывай- «те кому хотите! — мнѣ удалось набрать людей, у которыхъ передъ «глазами былъ страхъ Божій и которые дѣйствовали добросовѣстно, и «съ этого времени донынѣ они ни разу не были побѣждены, но всегда «побѣждали, лишь только вступали въ дѣло. По-истинѣ, есть за что бла- «годарить Бога, и это можетъ научить васъ выбирать тѣхъ, которые ре- «лигиозны и благочестивы. А между ними столько тихихъ, честныхъ, «готовыхъ жить подъ устроеннымъ правленіемъ, повиноваться начальни- «камъ и властямъ, по закону евангельскому! Безъ духа порядка и дис- «циплины, что бы ни говорили, можетъ быть только духъ дьявольскій, «демонскій, выходящій изъ пучинъ сатаны!»

Такъ говоритъ Кромвелль парламенту о событіяхъ своей жизни. Ни- что не можетъ быть яснѣе. По его мнѣнію, онъ достоинъ власти и достигъ ея, потому-что вложилъ душу въ протестантскую армію и создалъ духъ своего ополченія. Онъ до конца жизни будетъ под- держивать, съ одной стороны, порядокъ и дисциплину, съ другой каль- винизмъ.

По поводу этой мнимой темноты съ трудомъ импровизировавшихся рвчей Кромвелля, Томасъ Карлиль сравниваетъ на пяти длинныхъ стра- ницахъ выработанныя искусствомъ риторическія фразы съ выраженіями убѣжденія, медленно обличающаго себя посреди шаткости и неопредѣ- ленности неопытной рчи. «Ораторское искусство!» восклицаетъ стран- ный комментаторъ: «ораторское искусство! двуногій риторическій призракъ!

выродокъ природы! поди прочь! Уступи мѣсто понятливости, правдивости этихъ словъ, блеску истины и геройской глубинѣ этого челоука, который говоритъ и у котораго есть что сказать! А ты, риторъ, не заглядывай своимъ косымъ взглядомъ. Ты не проникнешь до глубины!» Какъ бы ни были сужденія объ этой шутковской выходкѣ, остается доказаннымъ, что Кромвелль, разкій въ употребленіи дерзкой хитрости, былъ откровенецъ въ стремленіи къ своей цѣли и убежденъ въ фаталистической необходимости своего призванія.

На ораторскій талантъ Кромвелль не имѣетъ ни малѣйшаго претензія; онъ знаетъ, чего ему не достаетъ, онъ признается въ затрудненіяхъ, которыя встрѣчаетъ, и въ своей неловкости на этомъ пути. «Я не изучалъ» говоритъ онъ парламенту: «реторическаго искусства; я не состою въ большинствѣ согласія съ риториками и съ ихъ товарищомъ (what they deal with)... *словами*. Правда, господа, правда, что наше дѣло говорить здѣсь о *дѣлахъ* (*speak things*). Первое дѣло, о которомъ я долженъ говорить — *сохраненіе*... право существовать, природное право... надобно сохранить Англію. Какъ мы сохранимъ ее? какъ мы будемъ существовать? Это намъреть я разсмотрѣть. Какъ бы ни была груба или безвѣрна фразеологія, закрывающая подобныя мысли, — это чисто-политическое краснорѣчіе, краснорѣчіесообразное съ обстоятельствами. Онъ всегда попадаетъ въ цѣль.

Итакъ, собравъ парламентъ, виновный, по его мнѣнію, въ томъ, что онъ вздумалъ колебать его новую власть, изыскивая съ слишкомъ-большимъ любопытствомъ ея основанія, онъ говоритъ ему весьма-просто, что его «возвели на тронъ, что его просили принять его, что теперь ведѣзъ уже отступать»; послѣ торжественнаго возведенія и окончательнаго рѣшенія, поздно уже спорить объ основаніяхъ существующаго правительства. И потому нѣсколько-педаггическій парламентъ, неблагоразумно возбуждающій подобныя вопросы, долженъ остерегаться; распустить его недолго... Между-тѣмъ, какъ «правленіе Кромвелля, по словамъ *Брюссельскаго Корреспондента*, дѣлается страшнѣе и важнѣе, нежели оно когда-либо было въ глазахъ всѣхъ націй», позволить ли Кромвеллю, постоянно остающійся главою своей арміи, существовать этому парламенту, который не увеличиваетъ силы націи, — парламенту, который забавляется тѣмъ, что строитъ на бумагѣ, который сжигаетъ одного или двухъ еретиковъ (дѣло само-по-себѣ довольно-безполезное) и не даетъ денегъ, вещь необходимую? Нѣтъ. Онъ говорить имъ это очень-прямо, довольно-грубо и вовсе не ораторски:

«Не я предавалъ себя на это мѣсто. Повторяю: не я призвалъ себя на это мѣсто. Богъ мнѣ въ этомъ свидѣтелемъ, и у меня много свидѣтелей, которые поручатся жизнью и засвидѣтельствуютъ это. Нѣтъ, не я призвалъ себя на это мѣсто! И когда я нахожусь на немъ, не я одинъ свидѣтельствую о себѣ и о своей должности; Богъ и народъ этихъ націй также свидѣтельствовали за мою должность и за меня. Если Богъ меня предавалъ для цѣли и если народъ за меня свидѣтельствуешь, Богъ и народъ у меня отнимутъ ее; иначе я ее не оставлю! Я нарушилъ бы за-

логъ, вваренный мнѣ Богомъ, и выгоду народа, еслѣбъ ее оставилъ.

«Что я не самъ призвалъ себя на это мѣсто, вотъ мое первое положеніе.

«Что я не самъ о себѣ свидѣтельствую, но что у меня много другихъ свидѣтелей, вотъ мое второе положеніе. Я беру смѣлость говорить вамъ подробности объ этихъ двухъ предметахъ. Чтобъ сдѣлать свои положенія яснѣе и понятнѣе, позвольте мнѣ обратиться нѣсколько назадъ.

«Я былъ природный джентльменъ и жилъ ни въ большомъ блескѣ, ни въ забвеніи. Я былъ призываемъ націю ко многимъ должностямъ, служилъ въ парламентъ и въ другихъ должностяхъ, и, входя въ другія подробности, старался исполнять во время служенія обязанности честнаго челоука въ-отношеніи къ Богу, на пользу его народа и въ-отношеніи къ обществу (commonwealth); въ это время я имѣлъ достаточное одобреніе въ сердцахъ людей и получилъ нѣкоторыя тому доказательства: Не хочу описывать всѣ эпохи, обстоятельства и случаи, которые, волею Божіею, призывали меня служить Ему, на явленія и благословенія Божія, свидѣтельствовавшія о томъ.

«Имѣвъ нѣсколько случаевъ видѣть, съ моими братьями и соотечественниками, счастливый конецъ вашихъ жестокихъ войнъ и нашихъ упорныхъ преній противъ общаго врага, я надѣялся въ частной жизни собрать вмѣстѣ съ братьями своими плоды и вознагражденія за наши труды и опасности, которыми мы подвергались,—именно, насладиться миромъ и свободою, правами христіанина и челоука, почти равнаго съ другими, столько, сколько Богу угодно было бы мнѣ это позволить. Когда, говорю я, Богъ положилъ конецъ нашимъ войнамъ, или, по-крайней-мѣрѣ, довелъ ихъ до результата, позволяющаго надѣяться, что онъ скоро кончатся,—послѣ уорчестерской битвы,—я пріѣхалъ въ Лондонъ, чтобъ, по обязанности, изъяснить почтенію собранному тогда парламенту, въ надеждѣ, что всѣ умы будутъ расположены сдѣлать то, чтѣ казалось Божіею волею, именно: дать миръ и покой народу Божію и особенно тѣмъ, которые пролили наиболѣе своей крови въ дѣлахъ военныхъ. Я былъ обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ; конецъ былъ не таковъ. *(Глухой ропотъ Брайшау и его партіи)*. Не смотря на всѣ шарлатанства и ложныя представленія, конецъ былъ не таковъ... былъ не таковъ.

«Могу сказать въ простотѣ души своей, я не люблю, я не люблю, — я не хотѣлъ сказать этого въ своей прежней рѣчи, — говорю, что я не люблю рыться въ ранахъ, раскрывать наготу. Хочу сказать только, что я для себя надѣялся получить позволеніе удалиться въ частную жизнь. Я просилъ, чтобъ меня освободили отъ моей обязанности; я просилъ опять и опять, и пусть Богъ судить меня со всѣми людьми, если въ этомъ случаѣ говорю неправду. Многие знаютъ, что я говорю правду въ-отношеніи къ фактамъ; но если я говорю неправду сердцемъ, стараясь представить вамъ то, чего не было въ моемъ сердцѣ,—этому пусть будетъ судьбою Господь. Пусть люди безъ милосердія, которые мѣрятъ другихъ на свой аршинъ, думаютъ какъ хотятъ. Относительно фактовъ, я правъ. Что же касается до искренности и правоты моего сер-

ца, въ которомъ было это желаніе, то предоставляю судить о томъ верховному судья!—Но я не могу получить того, о чемъ просилъ, о чемъ вздыхала душа моя, и справедливость требуетъ сказать, что многіе были того мнѣнія, будто просьбы моей нельзя удовлетворить.»

Теперь, когда ему дали власть и сдѣлали его тамъ, что онъ есть, онъ не покинетъ своего мѣста. Онъ требуетъ, чтобъ тѣ, которыхъ онъ созвалъ, признали власть, ихъ создавшую, и продолжатъ:

«Мнѣ жаль, мнѣ жаль, мнѣ смертельно жаль, что есть къ этому поводъ; но есть поводъ, есть поводъ, и если вы не сдѣлаете того, что у васъ благоразумно просятъ, а съ своей стороны сдѣлаю то, что долженъ сдѣлать по своей обязанности, и спрошу совѣта у Бога. Вотъ что (онъ показалъ исписанный пергаментъ) будетъ вамъ представлено, и, надѣюсь, будетъ для васъ достаточно послѣ того, что я говорилъ.

«Объявите въ этомъ отношеніи свое мнѣніе, согласившись и подписавъ; это будетъ вашимъ приступомъ къ дѣламъ парламента, имѣющимъ цѣлю благо народа. Этотъ пергаментъ, когда вамъ его покажутъ и вы его подпишете, какъ я сказалъ, окончить нареканіе, и это можетъ дать парламенту счастливое существованіе и хорошій конецъ.

«Я внутренно подумалъ, что не будетъ ни безчестно, ни неприлично, ни противно свободѣ парламентской, если, по избраніи парламента, какъ это было съ вами въ силу власти правительства и сообразно съ этимъ правительствомъ, отъ васъ потребуютъ, прежде вступленія вашего въ камеру, чтобъ вы признали свое избраніе и власть, васъ посылающую. Вы отказались отъ этого; то, отъ чего я сперва удерживался по справедливой довѣренности, къ тому въ настоящее время вы меня принуждаете. Видя, что власть, васъ избравшая, мало уважена, что она презрѣна, я дѣйствую; — до-тѣхъ-поръ, пока вы не выложите подобнаго манифеста и онъ не будетъ объявленъ, до-тѣхъ-поръ, пока вы не признаете вашего посланія, я приказалъ не допускать васъ въ камеру парламента.»

Этотъ парламентъ долженъ былъ жить пять мѣсяцевъ, до 3 февраля, и вѣроятно Кроувелль очень поминалъ это число, когда задумалъ распустить его 22 января, двенадцатью днями ранѣе законнаго срока, посредствомъ одного изъ тѣхъ хитрыхъ насмѣй, которыхъ дѣйствіе всегда было вѣрно, и которыя такъ часто встрѣчаются въ жизни главы какой-либо партіи. Онъ упрещаетъ палату депутатовъ въ томъ, что она дѣлаетъ для него невозможнымъ принять конституцію и управлять государствомъ. — «У меня были, милостивые государи» говоритъ онъ имъ: «весьма-утѣшительныя надежды, что Богъ обратитъ въ благословеніе созваніе этого парламента и, да будетъ Господь свидѣтелемъ! я желалъ привести къ этому концу дѣла народа. Это благословеніе, до котораго мы добивались съ такимъ трудомъ,—это истина, справедливость, миръ. Я надѣялся все улучшить. Я сдѣлался тѣмъ, что я теперь, по вашей просьбѣ; вы, обращаясь къ прежней конституціи, убедили меня принять мѣсто протектора. Ни одинъ живій человекъ не можетъ сказать, чтобъ я искалъ этого мѣста! вѣтъ, не скажетъ этого ни одинъ человекъ, ни одна женщина, поворачивая ногами английскую землю! Но видя печальное

положеніе, изъ котораго выходила наша нація послѣ междуусобной войны, чтобъ насладиться пяти или шестилѣтнимъ миромъ, я думалъ, что она считала себя счастливою. Вы обратились ко мнѣ, вы просили меня, чтобъ я принялъ на себя правленіе, бремя слишкомъ-тяжкое для всякаго: это была просьба ко мнѣ со стороны собранія, имавшаго тогда законодательную власть, и, разумеется, я думалъ, что тѣ, которые построили заданіе, сдѣлаютъ его для меня удобнымъ. Я могу это сказать передъ Богомъ, передъ которымъ мы—бѣдные пресмыкающіеся муравьи: я былъ бы счастливъ, еслибъ могъ жить въ углу моего лѣса и пасти стадо овецъ!..» — Не похоже ли это на пассажи въ Шекспира, за исключеніемъ идеала поэзіи? И такъ, въ письмахъ, столько же какъ въ рѣчахъ, душа Кромвелля видна насквозь; и если въ ней являются тучи и мракъ, если въ ней видны темныя нечеловѣческія затѣвкіи, тѣмъ она навнѣше: она является въ своемъ настоящемъ свѣтѣ, ничего не скрывая. Къ-тому же, цѣль и смыслъ этой рачи—необходимость: «Если вы будете управлять, Англія пропала, потому-что вы не управляете. Что касается до меня, котораго вы слѣтали протекторомъ, я не могу пачтаться назадъ; я останусь на томъ же мѣстѣ, на которомъ стою, и прогоню васъ.» Онъ говоритъ это безъ перифразъ и самымъ грубо-краснорѣчивымъ образомъ. «Находясь въ настоящемъ моемъ положеніи и на этомъ мѣстѣ, я не могу его оставить. Пусть прежде нежели я соглашусь на это, меня низвергнуть въ гробницу и погребутъ съ безчестіемъ.»

Между 1655 и 1656 годами онъ пытается управлять Англіею посредствомъ генерал-майоровъ, которые всѣ пуритане, можно сказать маршалы пуританизма; они преданы Кромвеллю и его дѣлу; между ними онъ раздѣляетъ Англію. Конституціонное правленіе для него не годилось: онъ хотѣлъ ввести произволъ и вводить; никто не жалуется: платятъ подати; порядокъ водворяется; судьи снова садятся на свои мѣста въ ассизныхъ судахъ; голландскіе журналы съ ѣдкою извѣщаютъ, что въ Лондонѣ начинается возрождаться торговля.

Этотъ образъ управленія принесетъ прекрасные плоды: Кромвелль наблюдаетъ за Америкой, сносится съ протестантами цѣлой Европы, защищаетъ пьемонтскихъ кальвинистовъ; наконецъ, однимъ актомъ касательно сокращенія судебныхъ сроковъ и сокращенія надержекъ судопроизводства, онъ привязываетъ къ себѣ всѣ сердца и удовлетворяетъ интересамъ средняго сословія. Онъ видѣлъ въ этомъ средство къ пріобретенію огромной популярности, дѣйствительное благодѣяніе для бѣдныхъ классовъ и средство подавить и наказать адвокатовъ и законниковъ, на которыхъ давно точила зубы его армія. Адвокаты противятся; Бульстродъ и Вилдриконтонъ, ученые юристы, отвѣчаютъ, что они «не смѣютъ» повиноваться приказанію, не утвержденному парламентомъ. Архивариусъ, Девталъ, этотъ Брутъ, котораго Гаррисонъ заставилъ сойти съ мѣста, когда онъ председательствовалъ въ парламентѣ, восклицаетъ: «Я никогда не соглашусь на это; прежде меня повѣсятъ у дверей архива!» Онъ не былъ повѣшенъ и остался на своемъ мѣстѣ... Вилдриконтонъ и Бульстродъ оставили свои мѣста съ восклицаніемъ: «мы терпѣть ты-

сячу фунтовъ дохода». «Между-тѣмъ, однако» прибавляетъ Бульстродъ, рассказывающій этотъ анекдотъ: «протекторъ, чувствуя, что онъ намъ повредилъ, въ вознагражденіе сдѣлалъ насъ комиссарами казны.» Такимъ-образомъ, ловкостью, твердостью и терпѣніемъ, Кромвелль достигъ сана вѣроятнаго, пересилилъ эту крикливую и обиженную толпу, уменьшилъ ея доходы, и она замолчала. «Кромъ того» прибавляетъ Бульстродъ: «ничтожными ласками, ничего-незначащими, онъ привлекалъ къ себѣ сердца весьма-многихъ и далъ обѣдъ, на которомъ былъ очень-весель...» Мимоходомъ сказать, на этотъ обѣдъ Бульстродъ приглашенъ не былъ. Эти ласки, что бы ни говорили, много значатъ. Дружеское расположеніе къ тѣмъ, которые насъ любятъ, суровость къ тѣмъ, которые противятся, щедрость для тѣхъ, кто приноситъ пользу, благосклонность для всѣхъ, открытая дорога для великодушныхъ и вѣрныхъ—это такія достоинства, по которымъ узнается величіе честолюбія.

Кромвелль имѣлъ эти достоинства, и цѣлая Европа уважала ихъ въ немъ; его адмиралы Блекъ, Пеннъ и Гудсонъ, всегда побѣдоносные, пресѣдовали Испанцевъ; шведскій чрезвычайный посолъ поздравлялъ его въ торжественной аудиенціи, въ сопровожденіи своихъ телохранителей «въ зеленыхъ мундирахъ съ черными бархатными отворотами»; всѣ южные народы обнималъ ужась при его имени. Онъ хотѣлъ воспользоваться случаемъ, чтобъ окончательно устроить большой сѣверный союзъ, приготовленный домомъ нассаускимъ, союзъ протестантскаго сѣвера; но еще не пришло время, еще не созрѣли событія. Вильгельму III суждено было окончить это ужасное дѣло, котораго первыя нападки почувствовалъ Лудовикъ XIV, а послѣдніе удары — Наполеонъ.

Между-тѣмъ, Ирландія волновалась, и сынъ Кромвелля долженъ былъ подавлять въ ней и мятежъ, и анархію, и слишкомъ-справедливыя жалобы. Протекторъ писалъ ему слѣдующее:

«Сыну моему Генри Кромвеллю, въ Дублинѣ, въ Ирландію.

Уитсгалль, 21 ноября 1655.

«Сынъ мой,

«Я видѣлъ письмо твое къ г. секретарю Турло и подѣлъ изъ него поступки нѣкоторыхъ лицъ, тебя окружающихъ, какъ въ-отношеніи къ тебѣ-самому, такъ и въ-отношеніи къ дѣламъ общественнымъ.

«Я увѣренъ, что могутъ быть нѣкоторые не очень-довольные настоящимъ положеніемъ дѣлъ, которые охотно пользуются случаемъ, чтобъ выразить свое неудовольствіе; но это не должно бы на тебя слишкомъ-сильно дѣйствовать. Время и терпѣніе могутъ привести ихъ къ лучшему расположенію духа и заставить ихъ признать то, что въ настоящее время, кажется, нѣтъ неизвѣстно; особенно, если они увидятъ твою умѣренность и любовь къ нимъ въ то время, какъ они питаютъ къ тебѣ противоположныя чувства. Я серьезно поручаю тебѣ обратить на это вниманіе; употреби для этого всѣ свои усилія. Я и ты, мы вмѣстѣ соберемъ плоды твоего образа дѣйствія, каковъ бы ни былъ конецъ его и заключеніе.

«Что касается до помощи, о которой ты просишь, я давно обѣ

этомъ думаю и непременно пошлю тебя въ советъ новое подрывленіе, лишь-только найдутся люди, которые могутъ годиться для подобной должности. Думаю также и о томъ, какъ бы послать тебя человека, способнаго командовать на сверь Ирландіи—въ странъ, которая, какъ я думаю, въ этомъ очень нуждается; думаю такъ же, какъ и ты, что Треворъ и полковникъ Мервинъ люди весьма-опасные, которые могутъ сдѣлаться предводителями новаго мятежа. Потому-то советую тебя перемѣнить мѣстопробываніе совета, чтобъ онъ былъ подъ защитою какой-нибудь выгодной позиціи; чѣмъ дальше будутъ эти люди отъ мѣста ихъ жительства, тѣмъ лучше.

«Поручаю тебя Господу и остаюсь любящимъ тебя отцомъ.

«Оливеръ П.»

Терпѣніе, умѣренность, твердость, терпимость, но также бдительность и предусмотрительность, — вотъ качества, которыхъ протекторъ требуетъ отъ своего сына. Впрочемъ, онъ самъ подаетъ ему примѣръ и прощаетъ всѣхъ, кого можетъ спасти безъ опасности для себя и для государства. Прелестный поэтъ Клевлендъ, авторъ столькихъ сатирическихъ стиховъ на пуританъ и самого Кромвелля, человекъ блестящій и остроумный, Тиртей своей партіи, котораго привелъ къ нему капитанъ Гайнъ, былъ обязанъ ему спасеніемъ жизни. Сочиненія его, въ небольшомъ изданіи (въ двадцатую долю листа), безъ всякаго сомнѣнія, бывали въ карманѣ не одного кавалера и возлились съ поля сраженія въ таверну, между Уорчестеромъ и Эджиллемъ. Вѣднѣй поэтъ очень «уналь» въ 1655 году, «очень постаралъ, но все былъ одѣтъ блестящимъ образомъ»; онъ скрывается въ Норичъ, у одного джентльмена, котораго учить литературу «за тридцать лунъ въ годъ» — единственное средство существованія, оставшееся этому воспитаннику Кембриджскаго Университета, замѣчательному адвокату, который былъ въ то время славенъ больше Мильтона. Его музъ, то сладострастной, то грубой, принадлежитъ знаменитая пѣсня, которую кавалеры такъ часто пѣвали въ своихъ походахъ...

Глава этихъ пуританскихъ кавалеровъ, Давидъ Лесли, взявъ Клевленда въ плѣнъ при Ньюмаркѣ, и отослалъ его, сказавъ: «Пустите эту дрянъ; пусть онъ поетъ свои пѣсни гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ!» Кромвелль сдѣлалъ то же и былъ великодушенъ не менѣе Лесли.

Наблюденіе за абабаптистами, папистами, заговорщиками, направленіе дѣйствій Блска, Монтегю и адмираловъ, покровительство пьемонтскимъ протестантамъ не мѣшали Кромвеллю приводить въ порядокъ свои денежныя дѣла, продавать и покупать, устроить свои имѣнія такъ же, какъ и въ то время, когда онъ жилъ въ Сент-Айвсѣ. Онъ хотеть продать помѣстье свое Ньюгаль и пишетъ сыну своему, Ричарду, какъ будущему наследнику:

«Моему доброму сыну, Ричарду Кромвеллю, сквайру, въ Горслей, это письмо.

Уитсталль, 29 мая 1656.

«Сынъ мой,

«Ты знаешь, что я всегда желалъ продать Ньюгалль, потому-что вотъ уже четыре года, какъ онъ приноситъ мало или вовсе не приноситъ дохода, и что я никогда не слыхалъ отъ тебя, чтобъ онъ тебя нравился какъ мѣсто для житья.

«Кажется, находится покупатель, который дастъ за него 18,000 фунт. стерл. Я помашу эти деньги куда ты хочешь, къ мистеру Уаллону или въ другое мѣсто, и деньги будутъ отданы на руки фиденкомиссаріа, которому поручено будетъ помѣстять ихъ такимъ образомъ; или отдамъ тебѣ Брѣлей, который приноситъ около 1,300 фунтовъ (*) въ годъ, кромѣ лѣса. Уатергоузъ расскажетъ тебѣ всѣ другія подробности.

«Остаюсь любящимъ тебя отцомъ,

«Оливеръ П.»

Ньюгалль не былъ проданъ. Содержаніе протектора сделалось весьма-значительно, и въ 1658 году онъ могъ располагать въ пользу своего семейства двѣнадцатю помѣстьями, которымъ списокъ, съ означеніемъ доходовъ, представилъ Ричардъ по смерти отца: Дальби съ 989 фунт. стерл. 9 шилл. 1 д. дохода; Брутонъ—533 ф. ст. 8 шилл. 8 д.; Коуэръ—479 ф. ст.; Ньюгалль—1,200 ф. ст.; Чинсталль—559 ф. ст. 7 ш. 3 д.; Магоръ—448 ф. ст. 16 ш. 6 д.; Тиденгамъ—3,121 ф. ст. 9 ш. 6 д.; Вуластонъ—664 ф. ст. 16 ш. 6 д.; Чаультонъ—500 ф. ст. 8 д.; Борлей—4,236 ф. ст. 12 ш. 8 д.; Окамъ—326 ф. ст. 14 ш. 11 д.; Эгльтонъ—79 ф. ст. 11 ш. 6 д. Эти значительныя суммы достаточно показываютъ, что Кромвелль, великодушный въ-отношеніи къ республикѣ, которой онъ служитъ, знаетъ, однако, что нельзя долго держаться на высотѣ, не имѣя въ рукахъ вещественной дѣловой силы, и что онъ умѣлъ пользоваться дарами своего парламента и плодами войны. Черное время можетъ воротиться, Ирландія еще не спокойна.

«Генри Кромвеллю, генерал-майору арміи въ Ирландіи.

Уитсталль, 29 августа 1656.

«Сынъ мой Гарри,

«Насъ извѣщаютъ со многихъ сторонъ, что старый врагъ имѣетъ намѣреніе напасть на Ирландію и на многіе другіе пункты государства (*commonwealth*), и что онъ, такъ же, какъ Испанія, дѣятельно переписывается съ некоторыми значительными Ирландцами, чтобъ внезапно поднять возстаніе въ этой странѣ.

«По-этому, мы считаемъ для тебя необходимымъ употребить всевозможныя старанія и расположить войска такимъ образомъ, чтобъ они

(*) Надъ этой суммой написано: 1,200 фунтовъ.

были въ состояніи встрѣтить всякое въ этомъ родѣ событіе, — сосредоточить всѣ ирландскіе гарнизоны и имѣть въ полѣ дѣйствующую армію, раздѣливъ ее на два или на три корпуса, которые должны быть расположены въ мѣстахъ самыхъ выгодныхъ для дѣйствія, если къ тому представится случай; заботься также какъ-можно-больше во всѣхъ дѣлахъ о томъ, чтобъ разстроить дѣйствія и соображенія непріятеля и помѣшать имъ. Особенно должно наблюдать за свѣромъ, гдѣ, безъ всякаго сомнѣнія, недовольные и мятежники стараются возбудить новыя смѣтенія. Я ни мало не сомнѣваюсь, что ты сообщишь это письмо полковнику Куперу, чтобъ онъ удвоилъ бдительность, дѣятельность и отвратилъ эту опасность.

«Остаюсь любящимъ тебя отцомъ,

«Оливеръ Кромвелль.»

Съ Ирландіей справились; собирается новый парламентъ. Кромвелль, небольшая парламентовъ и безъ труда ломающій ихъ, открываетъ его. Речь его этому новому собранію содержитъ въ себѣ не менѣе пятидесяти страницъ; она заслуживала бы, чтобъ ее перевести всю, столько въ ней ясности и силы въ логической послѣдовательности мыслей и фактовъ. «Испанія, католицизмъ — необходимыя, вѣчные враги наши» говоритъ онъ. «Германія, Данія, Швеція имѣютъ одну выгоду съ нами. Безъ сомнѣнія, есть Англичане паписты; но это Англичане обманавшіеся; они больше не Англичане; они враги ваши». Какъ въ первой рѣчи, о которой мы говорили выше, отъ папистовъ переходить къ мистикамъ, къ квакерамъ, къ утопистамъ, которыхъ онъ на этотъ разъ щадить нѣсколько меньше; сильная иронія его стѣбитъ быть уномянутою. «Мнѣ жаль говорить вамъ о нѣкоторыхъ заоблачныхъ идеяхъ... Это мечты очень-скудныя и очень-малоцѣнныя!» И онъ продолжаетъ, ломая все на пути своемъ и неоспоримо доказывая, что свѣрхный кальвинизмъ требуетъ главы и этой главою должна быть Англія. Такія мысли, обличающія высокую политику, льются потокомъ, безъ порядка и грамматики, иногда съ трудомъ, но всегда краснорѣчиво.

Однако, онъ очищаетъ свою палату депутатовъ и изъ четырехъ-сотъ выбранныхъ членовъ оставляетъ въ парламентъ только съ небольшимъ триста. Это исключеніе, совершенно-произвольное, совершенно-беззаконное, не производитъ ни малѣйшаго ропота въ народъ, который видитъ, какъ триумфально вѣдутъ изъ Портсмута въ Лондонъ тридцать-восемь возовъ, наполненныхъ деньгами, отнятыми Блекомъ у Испанцевъ, какъ они проѣзжаютъ по улицамъ столицы, еще довольно-плохо вымощеннымъ, и складываютъ добычу въ подвалы крѣпости. Генерал-майоры, начинавшіе дѣлать роялистамъ невыносимыя притѣсненія, отозваны, и протекторъ держится тверже, нежели прежде. Его не колеблютъ два или три попытки убить его, — напротивъ! Въ глазахъ кальвиниста-мѣщанина и даже въ глазахъ устрешеннаго кавалера, примѣрный правитель, необходимый правитель — протекторъ. Что же касается до парламента, то, поработенный незаконной рукою властителя, онъ дѣдается послушенъ, любезенъ, униженъ и предупредителенъ.

Только для того, чтобы чья-нибудь заняться, эти четыреста человек судят въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ съ половиной одного квакера, бѣднаго дурака, по имени Нейлера... Повѣсить ли его, изжарить, изуродовать, запереть въ тюрьму, заклеить, высечь? Сто-десять засѣданій посвящены разрѣшенію этого вопроса, «который доказываетъ», говоритъ довольно-зло Шотландецъ Карлайль, «глубину и бездонную пропасть безсмыслия»... Бѣдняка Нейлера присуждаютъ «посадить на «осла, задомъ напередъ, съ головою обращенною къ хвосту животнаго, «— заклеить въ плечо, — проколоть ему языкъ, — къ содержанію на «хлѣбъ и вода, — и къ вѣчной каторжной работѣ». Кромвелль, безъ сомнѣнія, недовольный этимъ приговоромъ, и находя опаснымъ наказывать такъ строго квакеровъ, даже и сумасшедшихъ, а также не желая, чтобы палата присвоивала себѣ судебную власть, посылаетъ президенту или оратору (*speaker*) Виддрингтону, «ловкому говоруну», говорить джукъ дэ-Креки въ одномъ письмѣ, — слѣдующее посланіе:

Нашему многолюбимому и многоглаголюющему сэру Томасу Виддрингтону, президенту (speaker) парламента, для сообщенія парламенту.

О. П.

«Многолюбимый и многоглаголюющий,
«Съ нашей стороны привѣтствіе.

«Замѣтивъ приговоръ, произнесенный вами (парламентомъ) надъ однимъ Джемсомъ Нейлеромъ, — хотя мы отвращаемся и страшимся мысли оказывать или позволять оказывать какое-либо покровительство людямъ, оказывающимъ подобныя мнѣнія и подобныя дѣйствія, или которые находятся подъ тяжестью преступленій, вообще приписываемыхъ этому лицу, — не смотря на то, мы, которымъ вѣрено въ настоящее время правленіе для блага народа этихъ націй, не зная до чего могутъ простереться послѣдствія сужденія, предпринятаго совершенно безъ насъ, — мы желаемъ, чтобы палата извѣстила насъ на основаніи какихъ началъ и по какимъ причинамъ она дѣйствовала.»

«Дано въ Уинтегаллѣ 25 сентября 1656.»

Бѣдный парламентъ униженно просилъ прощенія и не судилъ больше квакеровъ. Впрочемъ, и для Кромвелля не было дѣломъ легкимъ удерживать, заглушать или прекращать мистическія выходки пуританизма и осуждать на покой и неподвижность живой и дѣятельный элементъ новаго британскаго общества. Начало личнаго изслѣдованія, низвергшее папистическую іерархію, продолжало волноваться и выражалось тысячами «нелѣпостей». Всякій молящійся былъ убѣжденъ, что въ немъ Духъ Святый, и этимъ оправдывали его дѣйствія, каковы бы она ни были. Таково начало квакерства, секты мирной, подвергавшейся сперва преслѣдованіямъ и всѣми презрѣнной. Джонъ Дэви, прозванный *Теауро Джомъ* (*Theauro John*), т. е. божественное дыханіе, вошелъ однажды въ палату депутатовъ съ обнаженною шпагою, сталъ колотъ и рубить и воскликнулъ: «Что вы здѣсь дѣлаете? Богъ это запрещаетъ!» Болше-тѣкій и

кроткій, сапожникъ Джорджъ Фоксъ повиновался, по его мнѣнію, божественному велѣнію гораздо тягчайшему. Онъ покидаетъ свою лавку и тихо сходитъ въ прекрасную долину Бевера или Бельвуара, «гдѣ вѣчная твердь небесная покрываетъ и защищаетъ бѣдныя соломенныя кровли, а гдѣ ропшущій вѣтерокъ едва колышетъ дымовой столбъ, поднимающійся съ этихъ кровель». Изъ этихъ хижинъ онъ слышитъ кроткіе голоса, взывающіе къ нему: «Спаси наши души, спаси насъ!» и онъ продолжаетъ идти, покорный этимъ голосамъ; онъ входитъ въ хижины, проповѣдуетъ ученіе о божескомъ вдохновеніи, о святомъ духѣ, котораго надобно слушать, — и основываетъ націю квакеровъ. Такъ, рядомъ съ католическимъ спиритуализмомъ Рима, развивается спиритуализмъ кальвинистскій, который вскорѣ производитъ удивительныхъ чудовищъ.

Протектору Кромвеллю предоставлено подавить ихъ, хотя они возрождаются какъ лернейская гидра и хотя этотъ геркулесовскій трудъ не безъ опасности: кальвинизму нельзя рубить собственные свои корни. Кромвелль показываетъ себя довольно-милостивымъ. Колъ, веревка и топоръ, которые парламентъ хочетъ употребить противъ матежниковъ, кажутся ему излишними: онъ не убиваетъ и не увѣчитъ; по немъ довольно тюрьмы и легкаго штрафа. За то Буніанъ, кальвинистскій солдатъ-кашеваръ, и Фоксъ, «нашедшій весьма-важныя души въ долине Беверъ», продолжаютъ свои мистическіе крестовые походы; время-от-времени запираютъ ихъ въ тюрьму, а они продолжаютъ идти своей дорогой. Въ октябрѣ 1655 года, восемь мужчинъ и женщинъ, изъ которыхъ одинъ, верховъ, съ двумя женщинами, державшими за удила его лошадь, человекъ сильный, пятидесяти лѣтъ, съ длинными желтоватыми и гладкими волосами, падавшими ниже щекъ его, съ толстыми и сжатыми губами, молчаливый и мрачный, съ надвинутою на глаза шляпою» проходятъ торжественно Бристоль. Пятеро другихъ, верховъ и пѣшкомъ, поютъ духовныя пѣсни, и на предлагаемыя имъ вопросы отвѣчаютъ только пѣніемъ. Ихъ не останавливаютъ ни жестокий дождь, ни грязь на дорогѣ; они все поютъ «свои мелодіи» какъ говоритъ Бугларъ, до-тѣхъ-поръ, пока начальство останавливаетъ триумфальное шествіе квакеровъ и отсылаетъ ихъ въ Лондонъ, гдѣ ихъ будетъ судить парламентъ.

Эти симптомы ужасны. Мистическій кальвинизмъ, враждебный Раму, возмущается противъ власти Кромвелля. Фокса, не смотря на его тихій нравъ, берутъ подъ стражу въ Лейчестерширѣ; высшіе полиційскіе чиновники переводятъ его изъ одной тюрьмы въ другую; онъ часто принужденъ ночевать въ погребѣ или подъ открытымъ небомъ; «при чемъ ему были очень-полезны» (онъ самъ признаетъ это въ своемъ журналь) «кожаные панталоны, въ которыхъ онъ ходилъ всю жизнь и которые шилъ въ началѣ своего поприща».

Среди всѣхъ этихъ преслѣдованій, онъ нашелъ средство написать къ протектору и попросить у него свиданія. Кромвелль согласился. Это было утромъ; протектора одѣвали, когда вошелъ квакеръ: «Да будетъ миръ въ этомъ домѣ!» вскричалъ онъ. — «Благодарствуй, Джорджъ,» тихо отвѣчалъ Кромвелль. — «Я пришелъ увѣщевать тебя» возразилъ

Джорджъ: «оставаться въ страхъ Божиємъ, что можетъ извести на тебя премудрость Божию, столь необходимую для тѣхъ, которые управляютъ. Аминь.»—И онъ слушалъ меня очень-хорошо, продолжаетъ Фоксъ (1): — я ему долго и безъ страха говорилъ о Богѣ и Его нынѣшнихъ служителяхъ, о жизни и смерти, о безграничномъ мірѣ, о лучѣ и свѣтѣ, и протекторъ часто прерывалъ меня, говоря: *очень хорошо, правда*, и обошелся со мной очень-кротко и умеренно. — Какъ было Кромвеллю и не симпатизировать Джорджу Фоксу, бывшему именно въ такомъ же состояніи умственныхъ способностей, въ какомъ некогда находился сент-айвскій фермеръ, подъ влияніемъ своихъ черныхъ мыслей? Эти мистическія понятія открывали въ немъ источникъ волненій его юности. «Глаза его сдѣлались влажны, и такъ-какъ вошло въ комнату нѣсколько человекъ изъ тѣхъ, которые называли себя благородными и господами, то онъ взялъ меня за руку и сказалъ: *прийди еще ко мнѣ; води, ты и я, если проведемъ вмѣстѣ часъ, очень сблизимся. Я столь же мало желаю тебѣ зла, какъ и собственной душѣ моей.*»—Внимай же Богу! сказалъ я ему, уходя. — Капитанъ Друри просилъ меня остаться и отобдѣать съ тѣлохранителями Оливера. Я отказался. — Такимъ-то способомъ, такимъ-то смѣшеніемъ жалости, сочувствія и уваженія, лечилъ Кромвелль болѣзнь и злоупотребленія кальвинизма.

Еще нѣтъ исторіи сношеній Мазарини съ Кромвеллемъ, и, безъ сомнѣнія, монографія, которая сведетъ вмѣстѣ Сициліанца, управлявшаго Франціею, и ноттингемпширскаго фермера, сдѣлавшагося правителемъ Англіи, будетъ весьма-занимательна. Ихъ сблизжалъ общій интересъ, опасеніе Испаніи. Мазарини, плохой католикъ, и Кромвелль, глава кальвинизма, сходились какъ-вельзя-лучше, чтобъ узавзять испанское владычество и остановить возрастаніе этой великой католической монархіи, владычицы половины Европы и всего новаго-свѣта. У Кромвелля и Мазарини были общіе шпіоны, тайныя козни, планы, которые могло привести въ дѣйствіе одно взаимное ихъ содѣйствіе; и тотъ и другой старались поссорить обонхъ Стюартовъ, Карла и Іакова, и слѣдующее секретное письмо, котораго подлинность неопровержима, показываетъ, до какой степени короткости достигли наконецъ ихъ сношенія.

«Его эминенціи кардиналу Мазарини.

«Обязательства и многочисленные знаки привязанности, которые я получилъ отъ вашей эминенціи, поставляютъ мнѣ долгомъ отвѣчать на нихъ согласно съ вашимъ достоинствомъ; но въ настоящихъ обстоятельствахъ и при нынѣшнемъ положеніи моихъ дѣлъ, не смотря на ранимость, которую я принялъ въ душѣ, очень можетъ быть (2) (могу ли я сказать вамъ, что это необходимо?), что я не исполню вашего ходатайства о терпимости (въ-отношеніи къ католикамъ).

«Я говорю, что не могу только въ-отношеніи публичнаго выраженія

(1) Fox's Journal, 1636; Leeds, I, 285.

(2) I may not (shall I tell you, I cannot?).

моихъ чувствъ въ этомъ отношеніи; но думаю, что ваша эминенція менѣе можетъ жаловаться на притѣсненія католиковъ въ-отношенія ихъ совѣсти, нежели во время парламента, ибо я имѣлъ состраданіе къ некоторымъ изъ нихъ; а эти некоторые—многочисленны; я дѣлаю между ними различіе. По истинѣ (и я могу сказать это въ присутствіи Бога, который свидѣтель въ моей душѣ истины того, что я говорю), я сдѣлалъ между ними различіе, и, по словамъ Іуды «многихъ изъ нихъ спасъ отъ огня»,—отъ пожирающаго огня преслѣдованія, которое тиранило ихъ совѣсти и незаконно отнимало у нихъ имущество. И въ этомъ, лишь только освобожусь отъ препятствій и дамъ, тягость которыхъ давить меня, я намѣренъ идти далѣе и выполнить обѣщаніе, которое я далъ по этому предмету вашей эминенціи.

«Теперь я долженъ благодарить васъ за хорошій выборъ человека, которому вы вѣрили самое важное дѣло наше,—дѣло, касающееся до вашей эминенціи, но не столь серьезно и глубоко, какъ до меня. Я долженъ признаться, что имѣлъ нѣкоторыя сомнѣнія въ успѣхъ, пока Провидѣніе не разсѣяло ихъ послѣдствіями. По-истинѣ, и говоря откровенно, я былъ въ некоторомъ сомнѣніи, и мнѣ не стыдно было сообщить вашей эминенціи причины, заставившія меня сильно сомнѣваться. Я боялся, что Беркей неспособенъ вести это дѣло и привести его къ хорошему концу и что герцогъ (1) охладѣетъ въ своемъ преслѣдованіи, или уступитъ брату. Я боялся также, чтобъ инструкція, которая я послалъ съ 290 (2), вложена не довольно-ясно; кой-какія дѣла здѣсь лишали меня возможности принять всѣ предосторожности, которая я принялъ бы въ другихъ случаяхъ. Если я не ошибаюсь на счетъ характера герцога, то, огласно съ извѣстіями, сообщенными мнѣ вашей эминенціею, не нужно раздувать огонь, разгорѣвшійся между ними, чтобъ онъ оживился и продолжалъ гнѣть; но я сообщу вашей эминенціи черезъ Локгарта о моемъ мнѣніи на счетъ того, что еще необходимо сдѣлать въ этомъ отношеніи.

«Теперь я похваляюсь передъ вашей эминенціей своимъ совершеннымъ спокойствіемъ, основанномъ на вѣрѣ въ Господа, потому-что не сомнѣваюсь, если будутъ увеличивать эту холодность (3) и поддерживать это несогласіе осмотровельнымъ выборомъ людей, которымъ вѣрять дѣло, — не сомнѣваюсь, что эта партія унизится окончательно въ глазахъ цѣлаго міра.

«Если я занялъ у вашей эминенціи этимъ письмомъ слишкомъ-много времени, припишите это радости моей о счастливомъ окончаніи этого дѣла. Заключу увѣреніемъ, что я никогда не останусь назади, и докажу вамъ, какъ прилично брату и союзнику, что я остаюсь вашимъ слугою.

«Оливеръ П.

(1) Герцогъ Йоркъ, братъ Карла II.

(2) Это цифра вмѣсто «инструкція»; вѣроятно, ключъ къ ней потерялъ.

(3) Ссора двухъ братьевъ и раздѣленіе партій роялистовъ,—раздѣленіе, которое поддерживалъ Мазарини.

Довольно-вероятно, что кардиналъ надѣялся обмануть пуританина, и, безъ сомнѣнія, этотъ остроумный министръ имѣлъ все нужное для того, чтобъ оставлять въ дуракахъ другихъ. Казалось, тяжелая грубость Кромвелля легко поддастся. 23 марта 1656 года, былъ подписанъ трактатъ, которымъ французскій король обязался выставить двадцать тысячъ войска, Кромвелль десять тысячъ и флотъ; эти соединенныя силы должны были напасть на Испанію съ слабой стороны ея, съ Фландрію, взять Гравелинъ, который долженъ остаться за Франціею, Дюнкерхенъ и Мардикъ, которые должны были перейти Авгліи, очень желавшей имѣть подобныя приморскія владѣнія. Десять тысячъ кромвеллева войска высаживался въ Булонь, «въ совершенно-новыхъ красныхъ мундирахъ», говорить одинъ памфлетъ; молодой Лудовикъ XIV долженъ сдѣлать имъ смотръ, — безъ сомнѣнія единственный смотръ, сдѣланный имъ англійскимъ войскамъ. Между-тѣмъ, кардиналъ, немножко боящійся Кромвелля и трактата, уклоняется отъ его исполненія, направляетъ армію на Монмедя и Камбре и пренебрегаетъ или притворяется, что забылъ Дюнкерхенъ и Мардикъ, на которые обращено вниманіе союзника. Дворъ и Мазарини находятся въ Пероннѣ; вдругъ Локартъ, человекъ умный, посланникъ Кромвелля, находясь вмѣстѣ съ Мазарини, получаетъ два слѣдующія жаркія письма, писанныя протекторомъ въ одинъ и тотъ же день: такъ онъ былъ сердитъ и рѣшительнъ!

«Сэру Вилліаму Локарту, нашему посланнику во Франціи.

Уттенгалъ, 31 августа 1657.

«Милостивый государь,

«Я видѣлъ послѣднее письмо ваше къ г. секретарю, точно такъ же, какъ и многія другія, и хотя не сомнѣваюсь ни въ вашемъ рвеніи, ни въ способностяхъ вашихъ, чтобъ служить намъ въ этомъ важномъ дѣлѣ, но совершенно убѣжденъ, что кардиналъ исполняетъ свое дѣло недобросовѣстно. И еще болѣе увеличивается наше неудовольствіе въ этомъ отношеніи отъ принятаго съ нашей стороны намѣренія сдѣлать скорѣй болѣе, нежели меньше того, къ чему мы обязались договоромъ. И хотя мы никогда не были такъ просты, чтобъ повѣрить, будто Французы и ихъ выгоды во всѣхъ дѣлахъ составляютъ одно съ нашими, однако въ-отношеніи къ Испанцамъ, которые во вся времена были самыми неумолимыми врагами Франціи, мы никогда не могли предполагать, до заключенія трактата, чтобъ при такихъ отношеніяхъ они могли взмѣнить намъ, какъ взмѣнили.

«Говорить о томъ, что намъ дадутъ внутри гарнизоны, въ залогъ того, что сдѣлаютъ для насъ въ будущемъ, говорить о томъ, что должно дѣлать въ слѣдующую кампанію, — всѣ эти слова годятся для дѣтей. Если они хотятъ дать намъ гарнизоны, пусть отдадутъ Кале, Діеппъ и Булонь, что они, я думаю, столько же расположены сдѣлать, какъ и отдать намъ, согласно ихъ обещанію, одну изъ береговыхъ испанскихъ крѣпостей. Я рѣшительно думаю то, что говорю вамъ: они опасаются, чтобъ мы не заняли позиціи по-ту-сторону моря, хотя бы она была и испанская.

«Прошу васъ сказать отъ меня кардиналу, что, по моему мнѣнію, если Франція желаетъ сохранить свою территорію, или, еще лучше, занять землю Испанцевъ, то исполненіе договора способствовать этому съ нами будетъ гораздо-больше, нежели вся другія намѣренія его, которыя мнѣ извѣстны. Хотя у насъ нѣтъ претензій на такія войска, какія она имѣетъ, однако полагаемъ, что, пользуясь возможностью усилить и обезопасить ея осаду со стороны моря и увеличить, если захотимъ, силы ея на морѣ, тогда-какъ непріятель будетъ не въ состояніи подать осажденнымъ какую-либо помощь,—мы лучше всего сдѣлаемъ, если нападешъ *теперь же*, въ-особенности, если примемъ во вниманіе, что непріятельская кавалерія можетъ опустошать Фландрію, что нельзя подвезти осажденнымъ никакого вспоможенія, и что французская армія такъ же, какъ и наша, будетъ постоянно и безпрепятственно получать столько вспоможеній, сколько могутъ доставлять Англія и Франція, — да притомъ еще въ настоящее время Голландцы очень заняты на югъ.

«Прошу васъ сообщить ему, что Англичане очень опытны въ экспедиціяхъ. Они увѣрены, что если Испанцы останутся въ полѣ, то будутъ не въ состояніи противиться осадѣ, ни напасть на Францію, ни доставить себѣ возможность ретироваться. Въ такомъ случаѣ, что значать вся эти *промедленія*, какъ не то, что они даютъ Испанцамъ средство подкрѣпиться и заставляютъ нашихъ солдатъ служить Франціи еще другое лѣто, безъ малѣйшей надежды на взаимность и безъ малѣйшей для насъ выгоды?

«А потому, если этого не хотятъ слышать, я желалъ бы, чтобъ они взвѣсили вещи и удовлетворили насъ за огромныя издержки, употребленныя нами на нашу морскую силу и въ другихъ случаяхъ, — издержки, которыя мы взяли на себя съ благороднымъ и честнымъ намѣреніемъ — исполнить принятія на себя обязанности. Наконецъ, можно принять въ соображеніе, какимъ-образомъ устроить, чтобъ намъ возвратили нашихъ солдатъ, которыхъ мы надѣемся употребить съ большею пользою, нежели какую они приносятъ, оставаясь тамъ, гдѣ теперь находятся.

«Желаю знать, что скажетъ Франція и что она сдѣлаетъ въ этомъ отношеніи: мы всегда готовы, съ помощію Божіею, сдѣлать все, что съ благоразуміемъ отъ насъ ожидать можно. Сверхъ-того, скажите кардиналу, что мы намѣрены, такъ же, какъ и прежде, оказать вся зависящія отъ насъ услуги для того, чтобъ подвинуть впередъ общіе наши интересы.

«Считая нужнымъ, чтобъ эта депеша дошла до васъ скорѣе, посылаемъ ее съ нарочнымъ.

«Вашъ искренній другъ,

«Оливеръ П.»

И тотчасъ потомъ онъ берется за перо и пишетъ:

«Сэръ Вилліаму Локарту, нашему посланнику во Францию.

Уитталль, 31 августа 1657.

«Послѣ письма, которое мы вамъ написали, желаемъ, чтобъ цѣлю

лучше былъ Дюнкирхенъ, нежели Гравелинъ, и очевь желаемъ этого; но лучше одинъ изъ двухъ, нежели оставить это такъ.

«Мы непременно пошлемъ туда, на счетъ Франціи, два старые полка наши и двѣ тысячи человекъ пехоты, когда этого потребуетъ необходимость, — если целью будетъ Дюнкирхенъ. Полагаю, что если армія хорошо окопалась и если къ ней прибавить пехотный полкъ де-ла-Ферте, то мы можемъ предоставить большей части французской конницы имѣть наблюдёніе за Испанцами, оставивъ ея столько, сколько необходимо для прикрытія инфантеріи.

«Это движеніе, вѣроятно, поманястъ Испанцамъ помочь Карлу Стюарту во всякомъ покушеніи противъ насъ, и будьте увѣрены, что если сколько-нибудь основательнымъ образомъ можно рассчитывать на содѣйствіе Французовъ, то мы, съ своей стороны, сделаемъ все, чего только потребуетъ отъ насъ благоразуміе; но если Французы дѣйствительно такъ коварны въ отношеніи къ намъ, что не хотятъ позволить намъ утвердиться по-ту-сторону залива, — тогда, прошу васъ, такъ же, какъ въ прежнемъ письмѣ нашемъ, сделайте все, чтобъ насъ удовлетворили за понесенныя нами издержки и чтобъ войска наши возвратились домой.

«Прошу васъ, милостивый государь, принять на себя больше съестности и свободы въ своеніяхъ вашихъ съ Французами касательно этихъ предметовъ.

«Вашъ искренній другъ,

«Оливеръ II.»

Не смотря на Кромвелла и Мазарини, Испанія и Стюарты еще поднимаютъ голову. Донъ-Хуанъ-Австрійскій обѣщаетъ десять тысячъ войска; голландскіе купцы, кальвинисты по убѣжденіямъ, но завидуя распространенію англійской торговли, даютъ двадцать два корабля. Хотятъ употребить все средства, чтобъ возвратитъ Карлу Стюарту престолъ его отца и низвергнуть пуританство и Кромвелла. Нужно только, чтобъ лондонскіе кавалеры готовы были подняться за короля. Какой-то человекъ, похожій на фермера, пріѣзжаетъ изъ Фландріи «въ шляпѣ, покрытой навощеннымъ полотномъ, съ колпакомъ на головѣ и съ небольшимъ чемоданомъ, привязаннымъ сзади на лошади», скачетъ отъ Кольчестера до Стратфорда на Боу, останавливается въ самыхъ бѣдныхъ гостиницахъ, «всѣгъ съ фермерами горячій эль, играетъ съ ними въ триктракъ» и не возбуждаетъ никакого подозрѣнія. Онъ пріѣхалъ за тѣмъ, чтобъ поднять Англію за короля Карла: это герцогъ Ормондъ, правая рука и первый советникъ Карла Стюарта. Онъ «краситъ себя волосы» и останавливается весьма-скрытно «у одного паписта-церюльника, живущаго въ Дрюриленъ». Немногіе подозреваютъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ въ Лондонъ; Кромвеллу и его шпіонамъ все известно какъ-вельза-лучше. Герцогъ Ормондъ скрывается уже недѣли двѣ, какъ вдругъ протекторъ встречаетъ въ паркѣ лорда Брогилла и начинается съ нимъ разговоръ слѣдующими словами: «Здѣсь одинъ изъ вашихъ старыхъ друзей — герцогъ Ормондъ; онъ живетъ теперь

въ Дюринленъ, у паписта-дирюльника. Онъ хорошо сдѣлаетъ, если уйдетъ; скажите это ему». Лордъ Брогилль, ничего не знавшій, очень удивился, собралъ свиданіа, убѣдился въ истинѣ и сообщалъ разговоръ свой съ Кромвеллемъ герцогу Ормонду, который не заставилъ повторить себя два раза, и опростетью поскакалъ изъ Лондона въ Дувръ; тамъ сѣлъ на корабль и пріѣхалъ въ Брюгге, гдѣ нашелъ претендента. «У Кромвелля много враговъ» сказалъ онъ ему: «но низвергнуть его посредствомъ возстанія роялистовъ — мечта несбыточная!» Впрочемъ, Карлъ на это и не надѣялся. Чистосердечными союзниками его были только Римъ и Испанія, — союзники опасные, потому-что ихъ глупо ненавидѣло кальвинистское народонаселеніе. Мазариновская Франція поддерживала Кромвелля, и Карлу не оставалось ничего больше делать. Изъ англійскихъ роялистовъ, люди благоразумные складывали руки и молчали; другіе собирались въ тавернахъ, замыслили убійства, составляли безумные планы, подготавливались неждочь крапость, овладѣть городомъ (City), съ величайшимъ трудомъ и величайшимъ шумомъ возбуждали смутенія и, какъ всегда бываетъ въ дѣлахъ подобнаго рода, въ самую минуту исполненія, ихъ брали подъ арестъ. 22 мая 1658 года, Баркстедъ, губернаторъ крапости, въскочилъ въ Сити крупнымъ галопомъ въ сопровожденіи пяти пушекъ (*drakes*), «производившихъ страшный шумъ», обратилъ матешниковъ въ бѣгство, перехваталъ начальниковъ, и этимъ все кончилось.

Крови было пролито какъ-нельзя-меньше. Пало нѣсколько роялистовъ... Кромвелль позволялъ многимъ уйти, другихъ простилъ. Дюнкерхенъ былъ вырванъ изъ рукъ Испанцевъ; победы славовали за побѣдами. Англійская-Республика завоевала въ ряду европейскихъ государствъ такое же мѣсто, какое въ 1802 году Бонапарте занялъ для Французской-Республики. Надежды Карла II рухнулись; самъ испанскій министръ донъ-Лудовикъ де-Гаро обнаруживаетъ недоуверчивость, когда ему говорятъ о восстановленіи Стюартовъ; Мазарини, довольный этимъ результатомъ для самого-себя, хотя Кромвелль взялъ на свою часть львиную долю, а собрату оставилъ льсью, — встрѣчаетъ Ормонда на большой дорогѣ и говоритъ ему мимоходомъ: «Нѣтъ больше надежды!» — Племянникъ его пріѣзжаетъ въ Лондонъ и ѣдетъ въ разолоченномъ экипажѣ поздравить «самого непобѣдимаго изъ государей», и англійскіе журналы говорятъ даже (что, однако, вовсе невярно), что юный Лудовикъ XIV пріѣхалъ бы вмѣстѣ съ нимъ, еслибъ не былъ остановленъ осною. Пуританская Англія, возвеличенная непобѣдимымъ сент-айвскимъ фермеромъ, — Англія, стоящая «опираясь ногою на католическую Испанію, держа въ одной рукѣ Библію, а въ другой мечъ», — выразительный символъ, поставленный Кромвеллемъ на Темплъ-Баръ, — принимаетъ посланника Креки, а красавецъ Фоконбергъ, знаменитость кромвеллева двора, тотъ самый, котораго дядя былъ обезглавленъ за участіе въ заговорѣ, ѣдетъ верхомъ на встрѣчу посланника Мазарини и поздравляетъ его съ пріездомъ въ Лондонъ передъ изумленной толпою.

Посреди такихъ успѣховъ, Кромвелль не ослабляетъ своей дѣятель-

ности, и въ одномъ изъ самыхъ замѣчательныхъ писемъ уже бросаетъ взоры на Гибралтаръ:

«Насъ извѣщаютъ, что Испанцы отправили всѣ войска, которыми только могли располагать, на шести или семи корабляхъ, въ Западную-Индію, въ прошломъ мартѣ мѣсяцѣ. Мы знаемъ также и то, что всегда было признаваемо, т. е. что Испанцы всего болѣе имѣютъ недостатокъ въ людяхъ, такъ же, какъ теперь въ деньгахъ. Вы можете знать, сколько войска находится въ Кадиксѣ и его окрестностяхъ. Мы говоримъ только о вѣроятномъ. Не удостоите ли вниманія своего вы-сами, или не обсудить ли вашъ совѣтъ слѣдующихъ вопросовъ: нѣтъ ли возможности съечь или какимъ-нибудь другимъ образомъ истребить флотъ, который теперь у нихъ въ Кадиксѣ; достаточно ли укрѣплены Пунталь и бастионы, чтобъ заставить отказаться отъ подобнаго предпріятія; нельзя ли напасть на самый Кадиксъ и помѣшать доставленію припасовъ черезъ мостъ въ городъ съ острова, на которомъ онъ расположенъ, такъ-какъ этотъ островъ во многихъ мѣстахъ очень-узокъ; нѣтъ ли другаго мѣста, на которое можно было бы напасть, особенно нельзя ли напасть на городъ и замокъ Гибралтаръ? и, если бѣ мы могли захватить его и удержать, то не будетъ ли это выгодно для нашей торговли и невыгодно для Испанцевъ? а это не дастъ ли намъ возможности, поставивъ тамъ шесть легкихъ фрегатовъ, дѣлать больше зла Испанцамъ, не держа при этихъ берегахъ такого значительнаго флота и уменьшивъ наши надѣржки?

Указаніе на большія колоссныя Англіи, даже начало ихъ, устройство Флансовъ, союзъ и дружба съ Франціею, разбитіе Испанцевъ, покореніе морей, обузданіе всѣхъ враговъ протектора, достаточно показываютъ, что Кромвель пользовался полною властію. Тогда, въ 1657 году, когда дѣйствительная власть давно уже была въ его рукахъ, Ваддингтонъ, отъ имени парламента, предлагаетъ ему королевскій титулъ; «перо на шляпу», только, какъ самъ онъ говоритъ генераламъ, которые предупреждаютъ его, что народъ Божій будетъ оскорбленъ, если онъ сдѣлается королемъ. «Я уже король» отвѣчаетъ онъ имъ на сто-двадцати страницахъ, шестью рядами и огромнымъ количествомъ словъ. «Что касается до этого титула, я не знаю, принять ли его». Изъ предложенія Кромвеллю королевскаго титула, сдѣлалъ дѣло слишкомъ-важное; онъ ужъ имѣлъ въ рукахъ королевскую власть; титулъ придавалъ только опасность его положенію. Онъ долго колеблется между этой опасностью и своимъ честолюбіемъ, между страхомъ взволновать народъ и раздражить солдатъ; слѣды этого колебанія видны во всѣхъ безконечныхъ доводахъ его речей, которыя считали крайнимъ выраженіемъ лицемерія. Онъ былъ только въ большомъ затрудненіи. Торжественное теченіе республики продолжается. Но приходитъ старость, и тонъ Кромвелля, въ двухъ послѣднихъ рядахъ, печаленъ.

«...Сказать вамъ правду, я былъ нездоровъ; и потому не смѣю говорить вамъ долго; хочу только довести до вашего свѣдѣнія, что я прямо и откровенно объявилъ положеніе, въ которомъ находится наше дѣло, и что приобрѣло оно усиліями и трудами этого парламента, когда

онъ собрался въ послѣдній разъ. Я буду счастливъ, если положу свои кости рядомъ съ вашими, и сдѣлалъ бы это съ радостью и отъ чистаго сердца въ самомъ низкомъ положеніи, какое я когда-либо занималъ, служа парламенту.

«Если, какъ я надѣюсь, Богъ дастъ вамъ... Онъ уже далъ вамъ, потому-что о чемъ же другомъ говорилъ я, какъ не о томъ, что вы сдѣлали? Онъ далъ вамъ силу сдѣлать то, что вы сдѣлали, и если Богъ благословитъ васъ въ трудъ вашемъ и осчастливитъ настоящій парламентъ въ этомъ отношеніи, — вы все будете названы благословенными отъ Господа. Будущія поколѣнія благословятъ васъ. Вы будете «исправителями проломовъ и путями, въ которыхъ надобно жить», и если есть въ этомъ мірѣ труднѣйшее дѣло, которое могутъ исполнить смертные, то, признаюсь, я не знаю его.

«Я сказалъ вамъ, я боюсь. Не могу дольше говорить съ вами; но я просилъ почтеннаго члена, который сидитъ здѣсь рядомъ со мною, поговорить нѣсколько-подробнѣе о томъ, что можетъ быть прилично для этого случая и для этого собранія».

Твердые и смѣлые виды политика видны въ послѣдней рѣчи, гдѣ «его святость», говоритъ Кариль: «озирая будущее и прошедшее, внѣшнія отношенія и положеніе самой страны, и взвѣсивъ все это, выражается съ истиннымъ благородствомъ».

«Милорды и господа двухъ камеръ парламента,

«(потому-что такими я долженъ признавать васъ)! Въ васъ, такъ же какъ во мнѣ, лежитъ законодательная власть этихъ націй! Мысль о тяжести этихъ дѣлъ и этихъ интересовъ, для которыхъ мы собрались, такова, что я по совѣсти не могу быть доволенъ собою, если не положу вамъ на некоторыхъ опасеній своихъ на-счетъ положенія дѣлъ этихъ націй и не предложу вамъ въ то же время средство, которое полезно было бы употребить противъ опасностей, угрожающихъ намъ въ эту минуту.

«Полагаю, что благосостояніе, самое существованіе этихъ націй въ настоящее время находится въ опасности. Если Богъ благословитъ это собраніе, нашъ миръ и спокойствіе наше могутъ продолжаться; если будетъ иначе, то — окончивъ рѣчь, я предоставляю вамъ рассмотреть и обсудить, есть ли для насъ, въ томъ, что касается чести, возможность исполнить тяготящую на насъ обязанность — обезпечить сохраненіе и спокойствіе этихъ націй! Когда я выскажу вамъ мысли, представляющіяся уму моему, тогда предоставляю вамъ произвестъ на ваши сердца такое впечатлѣніе, какое угодно будетъ Богу всемогущему.

«Считаю это главною обязанностью моей должности; смотрю на себя, какъ-будто я поставленъ на сторожевой башнѣ, чтобъ видѣть, что можетъ послужить къ общественному благу этихъ націй, что можетъ воспрепятствовать злу, — и чтобъ такимъ образомъ совѣтами мудраго и великаго собранія, въ которомъ сосредоточены жизнь и духъ этихъ націй, можно было, говоря человѣчески, достигнуть этого блага и отвратить это зло, каково бы оно ни было.

«Настоятельно прошу васъ обратить вниманіе на внутреннія дѣла;

посмотрите, въ какомъ они положеніи! Я увѣренъ, что вы всѣ, — допущаю, что вы всѣ люди добрые, честные и достойные, и что между вами нѣтъ ни одного, который бы не желалъ, чтобъ его считали добрымъ патриотомъ—я увѣренъ, что вы всѣ желаете этого. Мы иногда любимъ хвалиться тѣмъ, что мы есть, и разумеется, для насъ не стыдно быть Англичанами;—но это должно быть для насъ поводомъ дѣйствовать по-англійски и имѣть въ виду действительное благо и пользу этой націи. — Но спрашиваю васъ, до чего дошли у насъ дѣла? — Съ своей стороны объявляю, что не знаю, съ чего начать и чѣмъ кончить въ подобномъ дѣлѣ, — я ничего этого не знаю; но я долженъ вамъ сказать, съ чего бы ни начинали, трудно выйти изъ тяжкаго положенія, о которомъ говорю вамъ. Мы полны несчастій и разногласій между собою на-счетъ духа, который долженъ оживлять людей, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; однако, благодаря Божескому провидѣнію, провидѣнію чудесному, удивительному, которому нельзя довольно удивляться, мы еще въ мирѣ! А битвы, которыя мы вынесли! а победы, которыя мы одержали! — Да, по-истинѣ, мы, собравшіеся здѣсь, мы составляемъ удивленіе свѣта, и принимая въ соображеніе, какъ мы устроены, или лучше, какъ мы разстроены, это величайшее чудо, которое когда-либо совершилось надъ сынами человеческими, что мы обратились къ миру. И кто попытается нарушить его, да искоренить его всемогущій Богъ изъ вѣдръ этой націи! И Онъ сдѣлаетъ это, какіе бы тамъ ни были предлоги!..

Нарушающіе миръ думаютъ ли, къ чему ведутъ насъ? Имъ должно бы обратить на это вниманіе. Тотъ, кому нѣтъ дѣла до беременной женщины въ этомъ народѣ, до грудныхъ младенцевъ, неумяющихъ отличить правой руки отъ левой (а такими людьми, сколько я знаю, столица наша такъ же полна, какъ некогда, говорятъ, была полна Ниневія); тотъ, кому нѣтъ дѣла до этихъ существъ и до плодовъ, которые принесутъ живущія и которые надобно къ намъ прибавить, — тотъ, кому нѣтъ дѣла до всего этого, долженъ имѣть сердце Кана, который былъ заклеименъ и сдѣлался врагомъ всѣхъ людей, его враговъ! Да, гнѣвъ и Божеское правосудіе будутъ преслѣдовать такого человѣка до могилы, если не до ада!..»

Изъ своихъ старыхъ генерал-майоровъ, этихъ маршаловъ кальвинизма, Кромвелль дѣлаетъ лордовъ и устроиваетъ свою палату перовъ. Первое засѣданіе парламента оканчивается довольно-хорошо; второе начинается довольно-худо для Кромвелля. Онъ не колеблется, призываетъ членовъ въ Уинтегалль и кассируетъ палату. «Если бъ они просидѣли еще два или три дня», говорятъ Самуилъ Гартлибъ въ одномъ письмѣ: «вспыхнуло бы роялистское возмущеніе, и Лондонъ былъ бы облитъ огнемъ и кровью».

Кромвеллю шелъ шестидесятый годъ. Онъ былъ еще кряпокъ, но утомленъ: Богъ поразилъ его въ семействѣ многими ударами, следовавшими одинъ за другимъ; онъ провелъ четырнадцать дней у смертнаго одра своей дочери Елизаветы Клайполь, и колоссальная энергія его, въ-продолженіи двадцати лѣтъ несшая бремя «слишкомъ-тягостное для

человѣка», — бремя, о которомъ онъ говоритъ такъ часто, ослабѣвала и давала предчувствовать свой упадокъ. Тогда-то явился къ нему въ послѣдній разъ квакеръ Джорджъ Фоксъ съ просьбою о прекращеніи гоненія противъ квакеровъ. Не смотря на свою снисходительность къ мистическимъ сумасбродствамъ, Кромвелль не позволялъ нарушать общественнаго порядка. Въ Мьюсь взяла и посадила въ тюрьму нѣсколько «большихъ шлябъ», хотѣвшихъ проповѣдывать на площади и слишкомъ-послушныхъ своему вдохновенію; Джорджъ Фоксъ имѣлъ ту же участь; «Божіе могущество поддѣйствовало однакожь на гонителей» — ихъ скоро выпустили. Однако онъ хотѣлъ сдѣлать протектору нѣсколько упрековъ, и когда Кромвелль, «въ своей большой каретѣ, окруженный стражею, катался вечеромъ въ Гайд-Паркъ», Фоксъ подошелъ къ нему; его сперва не допустили; Кромвелль опустилъ стекло и принялъ его весьма-радушно. На другой день, въ Уитегалл, когда Фоксъ былъ увѣренъ въ успѣхъ своего дѣла, сцена перемѣнилась; Кромвелль (говоритъ квакеръ) «нѣсколько посмѣялся надо мною... онъ сѣлъ на край стола... говорилъ мнѣ смѣшныя вещи... и обошелся со мной легкомысленно». Это естественно; Кромвелль понималъ его слабую сторону. «Онъ сказалъ мнѣ, что моя чрезмѣрная увѣренность въ себя-самоу, то-есть въ Бога, который во мнѣ, составляетъ одно изъ моихъ замѣчательнѣйшихъ качествъ (*)». Квакеръ ушелъ недовольный, и на другой день, говоритъ онъ: «я взялъ лодку и отправился по Темзѣ до Кингстона, откуда пошелъ въ Гамптонъ-Куртъ, чтобъ сказать протектору о страданіяхъ друзей. Я встрѣтилъ его въ паркѣ; онъ былъ верхомъ, передъ своими тѣлохранителями; прежде, нежели я увидѣлъ его, я замѣтилъ и почувствовалъ дуновение смерти, которое летѣло къ нему по воздуху, и когда я къ нему подошелъ, онъ былъ блѣденъ какъ смерть. Когда я объяснилъ ему страданія друзей и предупредилъ его, какъ мнѣ было приказано Богомъ, онъ сказалъ: «прійав ко мнѣ завтра...» На завтра мнѣ сказали, что онъ боленъ, и я больше не видалъ его».

Дѣло Кромвелля было кончено. 20 августа онъ занемогъ, перешагнулъ изъ Гамптонъ-Курта въ Лондонъ и уже не вставалъ съ постели. Какимъ мы видѣли Кромвелля-фермера въ сент-айвскомъ уединеніи, мечтателемъ, мистикомъ, раздираемымъ гамлетовскими сомнѣніями,—такимъ же встречаемъ его и при смерти. Въ молодости онъ не имѣлъ никакой причины притворяться фанатикомъ; умирая, не имѣлъ надобности продолжать скрыватьсь подъ маскою. «Дѣти мои», говорилъ онъ, приподнимаясь: «живите христіанами. Дставляю вамъ для пропитанія душъ вашихъ союзъ съ Господомъ!»—Три дня его предсмертныхъ страданій, во время которыхъ разразилась страшная буря, была для него продолжительною и таинственною мукою, борьбою съ Богомъ, выражавшеюся стономъ, рыданіями и безпрерывными молитвами.

Кромвелль оставилъ Англію не только цвѣтушкою, но и наполненною

(*) Журналъ Фокса, I, 381, 2.
Т. XLVII. — Отд. II.

сменами, изъ которыхъ развилось съ величїе въ теченіе двухъ послѣдующихъ столѣтій. Этому величїю не признаетъ Карлайль; по его мнѣнію, Англія должна бы остаться пуританскою и сохранить въ виду законъ *ковчана*. Онъ не только сожалеетъ о той эпохѣ, но и порицаетъ времена, которыя за нею слѣдовали, не щадя ни XVIII вѣка, ни XIX-го. Онъ думаетъ, что развитіе Англіи со времени Кромвелля должно считать ни во что: Индія, торговля, богатство, промышленность—ничто по его мнѣнію.

Въ этомъ упрекѣ, въ этомъ сужденіи, въ этомъ притязаніи, нѣтъ ни ума, ни философіи. Горячее состояніе, развивающее силы народа и оплодотворяющее его будущность сосредоточенностью желанія и порывами энтузіазма, — это абнормальное и непродолжительное состояніе должно уступить мѣсто фазамъ не столь блестящимъ, но и не столь бурнымъ; по окончаніи кризиса, силы обыкновенно пользуются своимъ обновленіемъ и жизнь обычная начинаетъ идти своей чередою.

КОЧУЮЩЕ И ОСЬДЛО-ЖИВУЩЕ ВЪ АСТРАХАНСКОЙ- ГУБЕРНИИ ИНОРОДЦЫ.

Степная степь.

КАЛМЫКИ,

ИХЪ СТЕПНОЙ БЫТЪ И ПРАВЫ, УПРАВЛЕНІЕ И СУДОПРОИЗВОДСТВО.

«Изискать надлежащія мѣры къ водворенію въ казанскомъ народѣ кочующей тѣмъ, правосудію и устройству его хозяйства, дабы въ пустынныхъ кочевьяхъ его процвѣтало совершенное благоденствіе, утвержденіе коего для Его Величества предметъ сердечной попечительности и источникъ живѣйшаго удовольствія.»

(Высочайшій указъ 2 августа 1827 г.).

(Продолженіе.)--

II.

Отдѣльное завѣщаніе улусами со стороны владельцевъ. Характеръ управленія и судопроизводства въ это время. Проекты. Путешествіе графа Потемкина. Дарованіе земель въ общіе владѣнія народу. Возстановленіе званія намѣстника и Зарго. Неопредѣленность властей. Назначеніе главнаго пристава. Окончательное упраздненіе званія намѣстника и ограниченіе правъ Зарго. Недостаточность древнихъ законовъ и пересмотръ ихъ въ Зинзидинскомъ Соборѣ.

«Впрочемъ, вы не оставьте употреблять всѣ благопріятныя способы къ приисканію тамошнихъ народовъ, отдавая отъ нихъ не токмо притѣсненія, но и все, что можетъ имъ непріятно быть въ образѣ умственного ихъ понятія о вещахъ, покольку то соемство съ пользою службы Нашей и съ безопасностью того края, и стараясь приводить въ ближайшее знакомство и тѣснѣйшую связь съ прочими Нашими подданными.»

(Именной указъ, данный 9-ю мая 1785 года генерал-поручику Потемкину.)

Отъ Калмыковъ, оставшихся въ Россіи, правительство уже не могло ожидать той пользы, которую приносила ему прежде многочисленная

орда, громившая Кубанцевъ, Крымцевъ, ходившая съ войсками нашими въ Лифляндію и Польшу, посылавшая къ Москвѣ для продажи *многихъ лошадей* (1)...

Конечно, ополченія Калмыковъ выполняли свое назначеніе на границахъ Россіи, но не всегда; торгъ скотомъ могъ быть значителенъ; но за то сколько трудностей въ надзоръ за кочевыми дикарями, разбросанными на обширномъ пространствѣ отъ Урала до Дона и отъ Саратова до Кавказа! сколько безнаказанныхъ своевольствъ самихъ владѣльцевъ калмыцкихъ: сколько убытковъ отъ облова въ казенныхъ водахъ и отъ расхищенія озерной соли!.. (2)

При такихъ обстоятельствахъ нельзя было предпринимать рѣшительныхъ мѣръ къ введенію порядка и дѣйствовать на нравы и понятія ордынцевъ можно было только исподоволь, и то не на общую массу, а на некоторыхъ въ частности. Такъ, которыхъ въ то время удавалось крестить, отсылали въ Ставрополь (тогда Оренбургской, нынѣ Симбирской-Губерніи) для утвержденія въ вѣрѣ Христовой и приученія къ хлѣбопашеству: жизнь, исполнъ обезпеченная и счастливая, привлекала туда охотниковъ; но принужденій креститься—не было (3); также, когда кто изъ владѣльцевъ изъявлялъ желаніе селиться, ему позволялось; но позволеніе это не вынуждало прочихъ оставлять жизнь кочевую (4); словомъ, правительство, держась политики — не озлоблять народъ калмыцкій и его владѣльцевъ (5), не входило во внутреннее, степное управленіе орды, не предпринимало ничего рѣшительнаго для произведенія переворота, какъ въ управленіи, такъ и въ образѣ жизни и нравахъ Калмыковъ.

Почему же, когда они уменьшились численно и остатки прежней орды уже не обѣщали правительству прежней пользы, оно осталось вѣрнымъ прежнему образу дѣйствій и, хотя неоднократно имѣло въ виду разные проекты преобразованія управленія и быта этого народа, не привело, однакожъ, ни одного изъ нихъ въ исполненіе, а напротивъ, щедро надѣляло Калмыковъ землями, угольями, оставило свободными отъ податей, подтверждало безпрепятственное отправленіе обрядовъ вѣры, возстановило прежній порядокъ управленія и суда?

Этому было много причинъ, и изъ нихъ важнѣйшая—убѣжденіе, что не жила бы Калмыки на степяхъ астраханскихъ, то пришла бы туда изъ-за Урала Киргизы—Кайсаки, съ которыми было бы труднѣе ладить, потому — что надъ ними пришлось бы возобновлять все то, что было связано въ-продолженіе цѣлаго столѣтія для обузданія Калмыковъ; а вмѣстѣ съ Кайсаками, нахлынули бы несметныя орды Азіатцевъ, что, при тогдашней неслеложности линіи, могло казаться дѣйствительно она-

(1) П. С. З. Р. И. №№ 540, 672, 990, 2207, 2958, 3046, 7191 и 9256.

(2) Тамъ же №№ 2207, 3330, 7229, 8316, 9640, 10229 и 12698.

(3) Тамъ же №№ 4883, 5444, 7228, 7536, 7549, 7733, 7800, 8393, 8394, 8647, 9110 и 21025.

(4) Тамъ же № 12,198.

(5) Тамъ же №№ 2702 и 3082.

связи; Калмыки же, заходя кочевьемъ на уральскую степь (6), охраняя нашу восточную границу отъ этихъ же самыхъ Киргиз-Кайсаковъ и участвовали въ походахъ нашихъ войскъ. Политика беречь Калмыковъ, какъ народъ полезный, обратилась въ щедроты и льготы неизсчислимыя, когда къ сознанию выгодъ отъ подданства Калмыковъ присоединилась надежда возвращенія изъ Китая на прежнія кочевья улусовъ, ушедшихъ изъ Россіи.

Убунші, уходомъ своимъ за границу, не сокрушилъ образъ древняго управленія Калмыками (7), ибо онъ заключался въ управленіи владѣльцевъ, а не въ самоуправствѣ хановъ, или намѣстниковъ ихъ, и не въ произвольныхъ рѣшеніяхъ *Найма-Зарю*. Глава орды и его совѣтъ составляла въ описанномъ уже нами періодѣ лишь центръ внутренняго, степнаго управленія калмыцкаго народа; но *Астраханское Калмыцкое Управленіе* уже существовало въ первой половинѣ XVIII столѣтія и стало только действовать самостоятельное, когда въ 1771 году вмѣстѣ съ астраханскимъ губернаторомъ явилось во главѣ управленія Калмыками и централизовало его въ Астрахани; на мѣстѣ же кочевья, ими продолжали звѣдывать непосредственно владѣльцы, независимое управленіе которыхъ составляетъ любопытный періодъ степнаго феодализма.

И Шукуръ-Дайчинъ, и Вунчукъ, и Аюка были такіе же тайши (8), какъ и прочіе калмыцкіе владѣльцы, но, какъ начальники многочисленнѣйшаго поколѣнія Калмыковъ, входили въ сношенія съ русскимъ правительствомъ и шертовали за всѣхъ улусныхъ людей. Аюка личною отвагою, богатствомъ и вліаніемъ на умы пріобрѣлъ большую силу и получилъ отъ Далай-Ламы достоинство хана; но, не смотря на это, не могъ удерживать калмыцкихъ владѣльцевъ въ повиновеніи, и они, безъ его вѣдома, ходили войною на русскіе города и села (9); а въ-послѣдствіи, изъ преемниковъ Аюки, хановъ и намѣстниковъ ханства, ни одинъ не умѣлъ пользоваться этою властью,—властью безъ дѣйствительнаго значенія и безъ предѣловъ. Въ-продолженіе десятилѣтняго правленія Черен-Дондока, междоусобія безпрестанныя и оканчиваются тѣмъ, что онъ терзаетъ всѣ свои улусы; потомъ, походъ на Кубанцевъ отвлекаетъ на время калмыцкихъ владѣльцевъ отъ кровавыхъ распрій между собою, которыя, возобновясь въ послѣдствіи времени, упорно длятся нѣсколько лѣтъ сряду. При Дундук-Дашѣ орда спокойна, и причины этому надо искать какъ въ личныя миролюбивыя свойства этого хана, такъ и въ томъ, что въ это время калмыцкіе владѣльцы стали

(6) Во время ясной воды, т. е. весенняго разлива Волги, Калмыки заходили кочевьемъ въ Рын-Пески, привольное урочище на луговомъ, лѣвномъ берегу Волги (ср. П. С. З. № 9640).

(7) Какъ это сказано на стр. 240 Обзорѣнія Ойратовъ.

(8) Значеніе достоинства тайши, съ которымъ могла быть соединена идея дѣлазнаго, независимаго, но отнюдь не исключительнаго — общаго господства, пояснено уже въ предшествующей главѣ.

(9) П. С. З. № 2207. Аюка-ханъ увѣряетъ губернатора Апраксина, что тайши Чеметъ Батафъ и Мундотемаръ провозглаш. безъ его вѣдома набѣгъ на пензенскіе и тамбовскіе города и села, 100 деревень повызгали и проч.

привыкать видѣть надъ собою главу — хана. Сынъ его Убушии почитался его преемникомъ; но, лишь-только не стало Дундук - Дашіи, возобновились между Калмыками распри и *колебанія, обыкновенныя при перемѣнѣ или начальникомъ, и безъ подкрѣпленія правительства, Убушии не заступилъ бы мѣста отца (10)*. Но преемникъ этотъ былъ слабъ, и куда повела его эта слабость, и какъ ею воспользовался Церен - Тайши, уже известно.

И такъ, образъ древняго правленія заключался не въ томъ, чтобъ во главѣ владѣльцевъ былъ одинъ съ званіемъ хана или намѣстника ханства, съ своимъ совѣтомъ (Заргѣ), съ правомъ входить въ непосредственное сношеніе съ правительствомъ, а въ томъ, чтобъ каждый владѣлецъ правилъ своимъ улусомъ самостоятельно, и этотъ образъ правленія, существовавшій у Калмыковъ во времена ойратства и прихода ихъ въ Россію (какъ видно изъ калмыцкаго уложенія 1640 г.), только обновился въ 1771 году. Это подтверждается и тѣмъ, что пока у Калмыковъ были ханы или намѣстники ихъ, то междоусобія и распри длились по цѣлымъ годамъ: ханъ притѣснялъ владѣльцевъ, владѣльцы возставали противъ него, шлѣ на него войною, мстили ему и считали себя правыми, потому-что власть его не была въ глазахъ ихъ освящена преданіемъ, а возникала сама-собою изъ обстоятельствъ; потому же, послѣ ухода Убушии, источникомъ распрей, сдѣлавшихся общими на всемъ протяженіи степей астраханскихъ, было соблазнительное для каждаго владѣльца желаніе—усвоить себѣ званіе, которое, по-видимому, ни къ чему не обязывало, но съ которымъ было сопряжено значительное содержаніе (11) и некоторыя наружныя почести. Тогда каждый владѣлецъ калмыцкій началъ домогаться ханскаго званія, выставялъ свои достоинства, клеветалъ на другихъ (12)... Спокойствіе водворилось прочно только когда утвердилось убѣжденіе, что Калмыкамъ не имѣть уже ни хановъ, ни намѣстниковъ ханства. Дѣятельность каждаго владѣльца обратилась тогда на его родовое достоинствѣ, и отсутствіе власти, бывшей до того посредникомъ между правительствомъ, владѣльцами калмыцкими и народомъ, доставило правительству возможность ближе ознакомиться съ управленіемъ владѣльческимъ, отличить произволъ отъ того, что издавна осмыслили преданіе и обычай, и наконецъ, утвердить это управленіе на основаніяхъ законныхъ.

Пояснимъ это самымъ изложениемъ хода событій.

Въ началѣ 1771 года, остались въ Россіи калмыцкіе улусы, зимовавшіе на *южной* сторонѣ Волги. Отъ 40 сличкомъ тысячъ кибитокъ осталось 13 тысячъ; изъ 18-ти владѣльцевъ осталось 12 (13). Для ко-

(10) В. С. З. Р. И. Т. XVI, № 12198.

(11) Ханамъ и намѣстникамъ ханства, а иногда и всему семейству ихъ отпускаясь денежное жалованье, мука, сѣнѣцъ, пороховъ, какъ это видно изъ дѣлъ Архива Астраханскаго Калмыцкаго Управленія и некоторыхъ грамотъ, заключающихся въ В. С. З. навр. №№ 3314, 7027 и 7774.

(12) Замѣчанія проф. Попова о Приволжскихъ Калмыкахъ. Свѣд. 1839 г., стр. 40.

(13) Свѣдѣнія о Волжскихъ Калмыкахъ, стр. 73.

чевья ихъ подвластныхъ весьма-достаточно было степи, простирающейся по правому, нагорному берегу Волги до донскихъ земель и отъ Царицына до Кумы, тѣмъ болѣе, что по волжскому берегу отъ Царицына до Астрахани только-что возникшая осѣдлость представляла мало прочныхъ жилищъ (14). Въ-слѣдствіе этого, степное пространство влѣво отъ Волги до Урала осталось впустъ (15). Киргиз - Кайсаки и прежде уже порывались къ переходу на эти мѣста; но правительство ихъ къ *тому не допускало, опасаясь сближенія ихъ съ кубанскими однозаконными имъ народами* (16); притомъ, тогда еще казалось возможнымъ возвращеніе на прежнее кочевье Калмыковъ, покинувшихъ его. Лишь въ 1783 году высказывается мысль дать новое назначеніе степи уральской; предположено уважить желаніе Ногайцевъ переселеніемъ ихъ на степную равнину *между Волюю и Ураломъ и спустъ-лежащія земли по лѣвой сторонѣ Волги, по рѣкамъ Большому и Малому Иртызу, и далье*,—причемъ новороссійскому генерал-губернатору князю Потемкину поручено назначить команды для препровожденія Ногайцевъ, и какъ на это, такъ и на возвращеніе ихъ на уральской степи отпущено 200 тысячъ рублей (17); но прошло два года, Ногайцы не были переселены туда, и этой суммѣ дано другое назначеніе (18). Между-тѣмъ (въ 1785 г.), разрѣшено было перевести часть астраханскихъ Калмыковъ на луговой берегъ Волги, *тѣмъ наче, что сіе сверхъ выгоды ихъ собственной можетъ еще олужить къ обузданію Киргизовъ*. Въ-связь съ тѣмъ велѣно: Калмыковъ *притисать къ уздамъ по способности ихъ обитанія и стараться поселять ихъ, сближать съ Русскими и обезопасить край отъ грабежей устройствомъ почтовыхъ дорогъ отъ Царицына до кавказской линіи и отъ линіи до Черкаска, и заселеніемъ сихъ дорогъ* (19). Тогда, какъ и въ послѣдствіи времени, Калмыки отправляли *кордонную стражу* (20), ограждая Саратовскую и Кавказскую-Губерніи и Астраханскую-Область отъ Киргиз - Кайсаковъ, заходявшихъ кочевьемъ по-сю-сторону Урала (21); почему, въ-послѣдствіи, вновь подтверждено склонить большую часть Калмыковъ къ переходу на луговую сторону Волги, а между-тѣмъ, кордонную стражу ихъ перевести отъ рѣки Ахтубы къ рѣки Узени, *дабы*

(14) П. С. З. Т. XXII, Именной указъ, данный 9 мая 1783 года генерал-поручику Потемкину п. 10.

(15) Тамъ же, Т. XXI, № 15830. Именной указъ, данный 41 сентября 1783 года новороссійскому генерал-губернатору князю Потемкину.

(16) Тамъ же, Т. XVI, № 12198, Высочайше утвержденный 5 июля 1764 года доклад Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

(17) Тамъ же, № 15830.

(18) Тамъ же, Т. XXII, № 16239. Именной указъ, данный 13-го августа 1785 года генерал-фельдмаршалу князю Потемкину.

(19) Тамъ же, № 16194. Именной указъ, данный 9 мая 1785 года генерал-поручику Потемкину.

(20) Ежегодный шарадъ состоялъ изъ 500 человекъ. Ср. стр. 40—41. *Состолніе Калмыцкаго Народа*, соч. Н. Страхова. Спб. 1810.

(21) П. С. З., Т. XXII, № 16810. Именной указъ, данный 18 октября 1789 года генерал-фельдмаршалу графу Салтыкову.

через то сократить цѣпь, закрыть Эльтонское и друія соляныя озера и ближайшую составить сользъ съ уральскимъ войскомъ (22). Желая перевести большую часть Калмыковъ на лѣвую сторону Волги, правительство имѣло въ виду очистить мѣста на наторной для дербетовскихъ Калмыковъ, зашедшихъ въ 1710 году на Донъ и оставшихся тамъ, которыхъ тогда казалось удобнымъ соединить съ общей массой народа калмыцкаго (23).

Бросимъ взглядъ на то, какъ имъ завѣдывали родовые его владѣльцы. Привооль ихъ и самоуправство утверждены были на давности времени и обратились въ обычай. Владѣльцы облагали сборами своихъ подвластныхъ (24), брали съ нихъ неограниченную подать скотомъ и деньгами (25), а тѣхъ, отъ которыхъ не могли добиться ни того, ни другаго, продавали (26) или подвергали жестокииъ истязаніямъ, награждали зайсанговъ (27), которые, имѣя непосредственный надзоръ за аймакамъ, содѣйствовали владѣльцамъ въ угнетеніи подвластныхъ и облагали ихъ непопулярными поборами, причемъ в себя не забывали (28); тѣхъ же зайсанговъ, которые не умѣли угождать имъ, владѣльцы лишали званія зайсангскаго и родовыхъ аймаковъ; на ихъ мѣста назначали престолюдиновъ, выслужившихся угожденіями, жаловали имъ аймаки и зайсангское званіе; судъ и расправу производили подъ вліаніемъ обстоятельствъ, личныхъ выгодъ и страстей своихъ; наказанія налагали свирѣпыя — отнятіе членовъ, клейменіе, и т. п. (29) и сохранили прежній обычай не только родовыхъ Калмыковъ своихъ, но и зайсанговъ, какъ за ихъ продержности, такъ и по причинѣ злобы, тайнымъ образомъ предавать смерти: задавить или зарыть; иногда же и отбирать скотъ ихъ и пожитки (30).

Въ числѣ владѣльцевъ калмыцкихъ, былъ тогда одинъ крещеный — доковникъ князь Дондукъ, сынъ Дондук-Омбы и правнукъ Аюкь-Хана. Онъ не управлялъ своими улусами, а получалъ съ нихъ определенный доходъ, живя въ Енотаевскѣ. Послѣ смерти его, два родовые улуса его были уступлены родною его племянницею, дочерью его брата, въ казну (31), и чрезъ эту уступку правительству представился случай преобразовать управление Калмыками, примѣнивъ его къ Учрежденію о Губер-

(22) П. С. З. Р. И. № 17118. Именной указъ, данный 19 апрѣля 1793 года разданскому, тамбовскому и кавказскому генерал-губернатору Гудовичу, пунктъ 3.

(23) Тамъ же (т. е. № 17118).

(24) Тамъ же, № 9110, пунктъ 7.

(25) В. Страхова, Состояніе Калмыцкаго Народа, Сиб. 1810 г. стр. 37.

(26) П. С. З. №№ 7438 п. 6 и № 30328.

(27) Владѣльцы или правители аймаковъ, т. е. частей улуса, зависящіе отъ главныхъ владѣльцевъ улусныхъ.

(28) Состояніе Калмыцкаго Народа, стр. 27.

(29) Инструкція, данная 13 іюля 1806 г. отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ главному при калмыцкомъ народѣ приставу: тамъ заключаются нѣкоторыя указанія на злоупотребленіе владѣльцами ихъ власти.

(30) П. С. З. Р. И., Т. XII, № 9110.

(31) Изъ дѣлъ Совѣта Калмыцкаго Учрежденія.

нихъ. По-этому, въ 1786 году предложено было: отпрѣлѣть вновь Зарѣкъ, обратитъ его въ Нижнюю Расправу и подчинитъ апелляціи Верхней Расправы, обложивъ притомъ Калмыковъ податью, рекрутскою повинностью и определяя комплектъ духовенству калмыцкому (32); но проектъ этотъ не былъ приведенъ въ исполненіе; а въ Енотаевскъ образована между-тѣмъ *Калмыцкая Канцелярія* (33) изъ русскихъ чиновниковъ и калмыцкихъ зайсанговъ; но въ-продолженіе этого времени, обязанности этой канцеляріи и офисеровъ, которые назначались по-временамъ для надзора за улусами, не были определены съ точностью никакимъ законоположеніемъ; даже некоторые тажебные случаи предвидѣны, и разбираемость ихъ поручено въ улусахъ емскимъ засѣдателямъ: ни въ какомъ *обширности по часту тѣхъ селенія, которыя съ калмыцкими кочевьями смежны.*

За проектомъ 1786 года послѣдовалъ въ 1788 году другой — переселитъ верхъ Калмыковъ въ разныя мѣста во внутреннія губерніи (34); что полученное въ-сдѣлѣ за тѣмъ съ китайскихъ границъ извѣстіе о намереніи бѣданныхъ Калмыковъ возвратиться въ Россію, отсрочило надолго всякую рѣшительную мѣру въ-отношеніи преобразованія управленія и быта астраханскихъ Калмыковъ. На случай возвращенія ихъ единственному изъ Китая, ведано на первый разъ дать имъ убежище въ Козьмодемьянскій-Губерніи (35); а для поощренія ихъ къ возврату въ Россію востанавливается въ возможной полнотѣ и единствѣ прежнее управленіе надъ Калмыками, оставшимися въ Россіи, и даруются имъ различныя льготы.

Прежде, чѣмъ будемъ говорить о благоприятныхъ событіяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ началось для русскихъ Калмыковъ XIX-вѣстолатіе, обратимъ вниманіе на замѣчательнаго путешественника, который въ 1797 году совершилъ путешествіе. Графъ Иванъ Потоцкій, одинъ изъ ученыхъ и просвѣдителей минувшаго вѣка, дѣлалъ обширныя историческія и географическія изысканія касательно происхожденія и средства славянскихъ племенъ въ между вѣрами, предпринялъ въ это время путешествіе по берегамъ Чернаго и Каспійскаго-Морей для того, чтобъ на мѣста поварить сказанія Геродота о Скиѣи и ея обитателяхъ (36). Онъ видѣлъ Калмыковъ, можно сказать, случайно, — потому-что ихъ не касались его ученые

(32) Заключение Кавказскаго Намѣстническаго Правленія 30 іюня 1786 года.

(33) Въ Архивѣ Калмыцкаго Управленія дѣло 1787 года 14 марта по сообщенію обер-коменданта и астраханскаго областного начальника бригадира Бакина «что гг. сенаторы графъ Александръ Романовичъ Воронцовъ и Алексій Васильевичъ Нарышкинъ непремѣнно имѣютъ быть въ Калмыцкую Канцелярію для осмотра и теченія дѣлъ и на законѣ основаніи та Калмыцкая Канцелярія учреждена».

(34) Обзоръіе Ойратовъ, стр. 241.

(35) Именной указъ, данный 27 января 1791 года генерал-майору Штрандману.

(36) Описание его путешествія было наложено подъ названіемъ: «Voyage dans la Russie méridionale et dans les pays du Caucase» и результатомъ его былъ другое сочиненіе: «Histoire primitive des peuples de la Russie». Они соединены вмѣстѣ въ изданіи Клавротомъ: *Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase, Histoire primitive des peuples qui ont anciennement habité ces contrées*, Paris. 1829 2. vol.

исладившим, — идеалъ на берегу Волги и у приморья, по дорогамъ отъ Царицына до Астрахани и оттуда до Кизляра; но всюду, где встречалъ ихъ, обращалъ на это полудикое племя все вниманіе любознательнаго и остроумнаго наблюдателя. Вотъ краткій очеркъ тогдашняго положенія края и нѣкоторыя указанія на бытъ Калмыковъ, который заимствуемъ изъ сочиненія графа Потюкаго: Калмыки кочуютъ лѣтомъ между рѣкою Егорлыкомъ и Сарпюю, осенью приближаются къ Волгѣ, зимою же занимаютъ степь отъ рѣки Маныча до казаческихъ селеній (37); на луговую сторону Волги заходятъ рѣдко: туда дѣлаютъ набѣги Киргиз-Кайсаки и ограбленныхъ или торговцевъ и пастуховъ продаютъ въ Хиву (38); Калмыки вообще любятъ принадлежать, и только тѣ изъ нихъ, которые не имѣютъ скотоводства, занимаются въ работы въ Царицынѣ, Сарептѣ и другихъ мѣстахъ (39); русскіе купцы и Татары отправляютъ значительные караваны въ степи для снабженія Калмыковъ вещами, нужными въ ихъ степномъ бытѣ (40), протомъ и суровомъ, да и на калмыцкомъ базарѣ (Kalmitzkoï bazar ou ména) близъ Астрахани, поддерживается торговля Русскихъ, Армянъ и Татаръ съ Калмыками: они гоняютъ туда для продажи стада и табуны свои (41); воспитаніе ихъ составляетъ единственный предметъ степнаго хозяйства Калмыковъ; птичья охота — любимая ихъ забава (42); одеждою они похожи на Киргизцевъ (43), нравами — совершенные дикари: адать падаль (44), тела умершихъ оставляютъ безъ погребенія (45) и держатся разныхъ нелѣпыхъ поверій (46); духовенство калмыцкое чрезвычайно многочисленно (47), но полезно своею ученостью: ламу своего Калмыки считаютъ неизменною истинною мудрости и образцомъ святости (48); прочие жрецы занимаются идоолслуженіемъ, обучаютъ Калмыковъ грамотѣ, лечатъ больныхъ (49); живя на-счетъ престолоудинцовъ и даже владельцевъ, жрецы отъ тѣхъ и другихъ отличаются тучностью, видомъ здоровыхъ и свежихъ (50); многоженство дозволяется Калмыкамъ, по примѣру его вѣтъ (51); при всей своей варотеримности (indifférentisme religieux), Калмыки привязаны къ своей религіи; изученіе догматовъ ее сохранилось между жрецами довольно-правильно, не смотря на рѣдкія

(37) Тамъ же I сочиненія гр. Потюкаго стр. 32 и приложенная къ нему карта.

(38) Тамъ же, стр. 43, 44, 46 и 87.

(39) Тамъ же, стр. 22.

(40) Тамъ же, стр. 24.

(41) Тамъ же, стр. 83.

(42) Тамъ же, стр. 74.

(43) Тамъ же, стр. 20.

(44) Тамъ же, стр. 22.

(45) Тамъ же, стр. 22.

(46) Тамъ же, стр. 22 и 79.

(47) Тамъ же, стр. 67.

(48) Тамъ же, стр. 89.

(49) Тамъ же, стр. 89.

(50) Тамъ же, стр. 59.

(51) Тамъ же, стр. 61.

сообщения съ Тибетомъ (52)—настопробываніемъ Далай-Ламы; духовныя книги ихъ, писанныя на языкъ тагутскомъ или тибетскомъ и чтенію которыхъ доступно некоторымъ владѣльцамъ (53), заключаютъ много любопытнаго въ-отношеніи исторіи, степной медицины, философіи, астрономіи, рядъ генеалогическихъ таблицъ и много повѣстныхъ разсказовъ (54). Изъ владѣльцевъ калмыцкихъ одинъ Замьянъ выстроилъ себѣ домъ на нагорномъ берегу Волги и зимовалъ въ немъ (55); его привѣру слѣдуетъ его насыннокъ, владѣлецъ Тюмень-Джиргалъ, кочуи только лѣтомъ (56); онъ и сынъ его Сербе-Джапъ свободно выражаются на русскомъ языкѣ и гостепривѣнны (57), между-тѣмъ, какъ другіе калмыцкіе владѣльцы, па-бримъ, Мукюкенъ и Саджи-Убуши не говорятъ по-русски и совершенно-чужды понятій о жизни благоустроенной, гражданской (58); Тюменью принадлежитъ самый малочисленный улусъ—Хосортоновскій; въ немъ только тысяча кибитокъ и 220 жрецовъ (59); подвластные Тюмени повинуются ему подобострастно; при графѣ Потоцкомъ онъ произвелъ разборъ дошедшей до него жалобы, и приказаніе владѣльца наказать виновнаго было немедленно исполнено... (60)

Не смотря на все достоинства этого сочиненія, въ немъ повторяется тотъ же недостатокъ, который замѣченъ уже у Гмелина и Палласа: нѣтъ членовыхъ данныхъ о всей массѣ калмыцкаго народа, его способствъ, и общихъ взглядовъ на порядокъ тогдашняго управленія Калмыками.

Съ 1200 года начинаются въ немъ значительныя перемѣны: Калмыки, пребывавшіе на Дону, соединены съ астраханскими, и надъ ними восстановлена прежній порядокъ управленія.

Приведемъ, что назначеннымъ въ 1710 году 10 тысячъ кибитокъ большедербетовскаго поколѣнія Калмыковъ для охраненія границъ войска домскаго, остались съ того времени кочевать на земляхъ войска; что въ 1734 году они были подчинены его управленію, и что въ 1793 году предложено было склонить этихъ Калмыковъ къ обратному возвращенію на прежній мѣста Астраханской-Губерніи для соединенія съ прочими Калмыками. Но въ 1799 году этотъ проектъ еще не былъ приведенъ въ исполненіе, и только въ порядкѣ завѣдыванія Большедербетовцами произведены некоторыя перемѣны (61); а въ 1800 году даны имъ слѣдующія привилегіи:

(52) Тамъ же, стр. 67.

(53) Тамъ же, стр. 80.

(54) Тамъ же, стр. 81.

(55) Тамъ же, стр. 38.

(56) Тамъ же, стр. 87.

(57) Тамъ же, стр. 88.

(58) Тамъ же, стр. 86.

(59) Тамъ же, стр. 89.

(60) Тамъ же, стр. 79.

(61) Слѣдующее начальство, завѣдывавшее ими, призвано неуживчивъ; оно заключено Прислѣблемъ, составленнымъ обще съ владѣльцемъ той орды изъ одного генерал-майора и одного штаб-сержанта; имъ вѣдѣно наблюдать за владѣльцами и Калмыка-

- 1) *Избирать себя начальником;*
- 2) *Быть независимыми отъ Донцовъ;*
- 3) *Зависеть прямо отъ Государя;*
- 4) *Переписываться прямо съ нимъ;*
- 5) *По дѣламъ имѣть сношеніе съ Иностранною Коллегіею, какъ это прежде было;*
- 6) *По землямъ и прочимъ надобностямъ съ генерал-прокуроромъ (62).*

Въ-сладъ за тѣмъ, назначенъ чиновникъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ къ дѣламъ Калмыковъ, Кабардинцевъ, Трухменцевъ, Ногайцевъ и другихъ азіатскихъ народовъ, въ предѣлахъ Астраханской-Губерніи и въ близости ея коочующихъ: по соглашенію съ астраханскимъ военнымъ губернаторомъ о мѣстѣ пребыванія, идя удобнѣе и ближе окажется къ пребыванію тѣхъ орды, вѣрнѣе большую часть времени быть ему безотлучно, — атому чиновнику должно относиться съ своими доносчиками по гражданской части, въ чемъ надобность потребуетъ, къ астраханскимъ военному и гражданскому губернаторамъ; а имъ предписано о вспоможеніи ему въ снабженіи его мѣстными свѣдѣніями (63).

Между-тѣмъ, большедербетовскіе и малодербетовскіе Калмыки были уже соединены на одномъ кочевьѣ въ Астраханской-Губерніи (64), и имъ съ владѣльцами ихъ, какъ и другимъ калмыцкимъ ордамъ владѣльцамъ съ жардодомъ ихъ, Всемилостивѣйше пожалованы указомъ 27 сентября 1800 года во владѣніе есъ земли отъ Царицына по рѣкамъ Волга, Сарыкъ, Сала, Манжи, Куме и саморы, словомъ, — есъ тѣ мѣста, на которыхъ до ухода ихъ за рѣчку Калмыки имѣли кочевье свое, исключая тѣхъ, кои, по ухолоу ихъ, именными указами другимъ пожалованы (65).

За тѣмъ послышались дѣя грамматы Императора Павла I отъ 14-го октября того же года.

Первою, дѣною дароу калмыцкому (66), восстановлено къ лицу малодербетовскаго владѣльца Чучер Тайши Тундутаю прежнее званіе наместника и дозволено калмыцкимъ владѣльцамъ и духовенству имѣть по-прежнему для судопроизводства *содеть, именуемый Дардъ*, который составляетъ снова пять 8-ми членовъ: трети дѣя зайсанговъ и духовныхъ

ни, защищая ихъ по смежности съ войскомъ донскимъ и Астраханско-Губерніею. Правленіе это, подчиненное Донской Войскою Канцеларіи, обязано было: дасть Большедербетовцамъ начальниковъ изъ Калмыковъ же, приучать ихъ къ службѣ и повиновенію, разбирать и рѣшать всѣ между ними споры, жалобы и искн. (П. С. З., Т. XXV, № 18260).

(62) 1800 г. августа 11 дня (П. С. З., Т. XXVI, № 19511).

(63) Именной указъ, данный 29 августа 1800 года Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

(64) Именной указъ, данный сенату 27 сентября 1800 года.

(65) П. С. З., Т. XXVI, № 19575.

(66) «Вѣрноподанному орды Малого Дербета владѣльцу Чучер Тайши Тундутаю и прочимъ Ноюнамъ: Торгоутовымъ, Дербетовымъ и Хошеутовымъ, ихъ зайсангамъ, духовенству и всему калмыцкому народу. — Эта грамота первая, въ которой владѣльцамъ названы Ноюнами. Слово: Ноюна, Ноюна или Ноюна означаетъ на калмыцкомъ языкѣ — посредникъ, владѣлецъ. Палласъ и графъ Покоткинъ называютъ владѣльцевъ Ноюлами (Ноюлы). См. стр. 484 и 84 изъ сочиненій».

по назначенію наместника, и являть отъ врозныхъ владѣльцевъ. Стяги *зарячалъ*, которымъ положены прѣмніе оклады, предоставлено рѣшать народныя дѣла по большинству голосовъ, *во всемъ по правамъ и на основаніи ихъ духовнаго закона и обыкновеній*. Намѣстнику вслѣно рѣшать разногласіе съ вѣдомъ опредѣленнаго по сему предмету и для прочитъ *надобностей* чиновника, или представлять на разрѣшеніе Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и Императорскаго Величества, при чемъ наместнику вызвано въ обязанность *поступать по предписаніямъ, какія будутъ полагать, калмыцкій народъ содержать въ порядкѣ и каждому праведіемъ довольствоваться*. Сверхъ того, этою грамотою (67) утверждены слова въ Калмыками вся земля, поименованныя въ указѣ 27 сентября 1800 г.

Другою грамотою, данною калмыцкому ламѣ Собяну — Башигъ, онъ утвержденъ въ этомъ достоинствѣ *по дознанной ею къ Престолу старости и преданности*, и повелѣно ему: *Калмыковъ держати въ усердномъ подаянствѣ Государю и всякъ обрадами по закону ихъ безпрятствескии довольствовати* (68).

Замѣтимъ, что земля, пожалованная Калмыкамъ, простиралась по *каюрной* сторонѣ Волги, и что *лучшая* ея сторона, оуставшая въ 1771 году, въ то время еще лежала впустъ. Дать ей полезное назначеніе представлялся тогда удобный случай: ханѣйство киргизъ — кайсацкаго султана Букелъ о допущеніи его съ подѣластными на эту степь было уважено, и Высочайшимъ указомъ 11 марта 1801 года дозволено было *буковскимъ* Киргизамъ кочевать между Ураломъ и Волгою (69).

Въ-слѣдствіе возстановленія въ калмыцкомъ народѣ достоинства наместника и Заргѣ, *Калмыцкое Ироленіе* въ Астрахани было упразднено (70), и народъ калмыцкій выбылъ на время изъ вѣдомства губернскаго начальства (71). Заргѣ учрежденъ при главной ставкѣ наместника въ его родовомъ младодербетовскомъ улусѣ и сталъ разбирать дѣла Калмыковъ на прѣмнѣмъ основаніи.

Императоръ Александръ I именнымъ указомъ, даннымъ 29 октября 1801 года Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, подтвердилъ права и прѣмущества, присвоенныя Императоромъ Павломъ калмыцкому народу, также зависимость его единственно отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и далъ ему *особою главною приставою* (т. е. отдѣляя Калмыковъ въ порядкѣ ближайшаго заглаженія отъ Кабардинцевъ, Трукменцевъ, Ногайцевъ и другихъ кочевыхъ Азіятцевъ) *для подаянствъ, защиты и лучшаго охраненія пользы народныя* (72).

За симиъ, въ слѣдующемъ 1802 году, при приведеніи въ исполненіе указа 27 сентября и грамоты 14 октября 1800 года въ-отношеніи земель, оказалось, что изъ тѣхъ, гдѣ Калмыки кочевали до ухода сво-

(67) П. С. З. Р. И. Т. XXVI, № 19599.

(68) Тамъ же, № 19600.

(69) Тамъ же, Т. XVII, № 22135.

(70) Тамъ же Т. XVI, № 19921. Именной указъ, данный Совету.

(71) Тамъ же, № 30,927. Именной указъ, данный Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ.

(72) Тамъ же (№ 20927).

ого изъ Россіи, многія уже рождены и засеяны, и потому велико оц-
нестъ по пространству отъ Царицына до Каспійскаго-Мора количество
земли, нужное для пастбы скота и табуновъ тахъ, чтобы разныя орды
съ коневодъ своими стлысены не были, и чтобы къ удалены землямъ кал-
мыцкимъ отдалены всякое приплывающае постороннихъ людей. Тогда же
предписано начальствамъ губерній Астраханской и Саратовской, чтобы
вмѣстѣ съ калмыцкимъ приставомъ назначенъ Калмыкамъ земли и
чтобы «по дѣламъ Калмыковъ во всехъ присутственныхъ мѣстахъ по-
ступавемо было со всякимъ безпристрастіемъ и принимавемо было за нихъ
ходатайство главнаго пристава и другихъ находящихся при нихъ чи-
новниковъ во всехъ требованіяхъ, основанныхъ на закона и справед-
ливости; тяжбы же Калмыковъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ не про-
изводить, а отсылать въ Заргѣ, куда и истецъ долженъ являться, или
къ главному приставу; дѣла же, по которымъ Калмыки будутъ истцами
на другихъ подданныхъ русскихъ, разбирать въ обыкновенныхъ при-
сутственныхъ мѣстахъ» (73).

Въ это же время *свередкомался противъ наместника земли орды
владычества и присоедине непринадлежащей имъ власти были признаны
разныя между ними несогласій и жалобы* (74). Этимъ объясняются по-
единичныя ходатайства наместника Тайши Тундутова о подтвержде-
ніи его права и драваніе ему двухъ Высочайшихъ грамотъ въ-точе-
ніе одного года.

Первою изъ нихъ, данною 2-го мая 1800 года, Императоръ Александръ
подтвердилъ права Заргѣ и духовенства калмыцкаго, при вступленіи на-
местнику поступавша со собою по императорскимъ указамъ, управленію
народомъ съ кротостью, такъ, чтобы они находили подѣ сою начальствомъ
правый судъ и поведенье своимъ достоинствамъ владыки; а другою грамма-
тою, данною 13 октября того же года, Тундутовъ своимъ утвержденъ въ
званіи наместника, причемъ подтверждены права и обязанности Заргѣ
чинить расправу со *окупренными дѣлами Калмыковъ*; обозначены зави-
симость и отношенія калмыцкаго народа къ правительству согласно
кремля 14 октября 1800 года съ дозволеніемъ наместнику въ нуж-
ныхъ случаяхъ требовать помощи и защиты отъ главноуправляющаго
тогда въ Астрахани гражданскомъ частію генерал-лейтенанта Коор-
ригга; подтверждена обязанность главнаго пристава быть въ ночовныхъ
калмыцкихъ для непосредственной защиты и охраненія пользы народныхъ
и снова утверждено право владыки землями, пожалованными въ 1800
году (75).

Но земли эти еще не были отведены Калмыкамъ, и мѣстное началь-

(73) Императорскій указъ, данный Сенату 1802 г. апрѣля 28 дня (И. С. З. Т. XXVII, № 20248).

(74) Инструкція, данная 13 юля 1806 г. главному приставу § 2, въ которой заклю-
чается некоторая свѣдѣнія о происхожденіяхъ прежнихъ годовъ.

(75) Этихъ двухъ грамотъ 1802 года въ И. С. З. нѣтъ; а содержаніе ихъ заимство-
вано изъ свѣдѣ Астраханскаго Совета Калмыцкаго Управленія.

ство было поставлено въ затрудненіе (76) тѣмъ, что Калмыки, безная часть, гдѣ прежде ихъ имѣло кочевье, стали предъявлять извѣстныя притязанія, вовсе несоотвѣтственныя тогдашнему числу народа и его действительнымъ нуждамъ; а начальство, не имѣя достовѣрныхъ свидѣній о пространствѣ земель, на которыхъ издавна кочевали Калмыки, не могло удовлетворить ихъ требованія. — Въ 1803 году, для изслѣдованія сего вопроса на мѣстѣ, отправленъ былъ въ калмыцкія степи генерал-маіоръ Заваляевъ. Сведенія, имъ доставленныя, перешли въ Положеніе, Высочайше утвержденное 19 мая 1806 года (77), которымъ приведено въ извѣстность — сколько нужно Калмыкамъ земли по числу кибитокъ, для пастбищъ и для перемѣны кочевья сообразно времени года. Астраханскій губернаторъ созвалъ владельцевъ и отобралъ отъ нихъ согласіе на неокрѣпленное назначеніе земныхъ кочевьевъ, *которыя они, полюбаво между собою раздѣлюють, учинили о томъ яснѣнкое постановленіе*. При составленіи Положенія 1806 года, правительство имѣло въ виду приведеніе въ извѣстность земель калмыцкихъ и на обмежеваніе ихъ ассигновало 10,000 руб. Въ-слѣдствіе чего земли эти положены на планъ окруженны чертами; а свѣдѣніе о внутрѣшней ситуациі предоставлено времени. — Положеніемъ 1806 г. позволено каждому одному изъ владельцевъ по очереди и съ общаго согласія, переходить ягомъ за рѣки Волгу и Мазанъ (§ 2 Положенія); за недостаткомъ водопоевъ въ калмыцкихъ степяхъ, предписано нанимать Калмыкамъ въ казенныхъ дачахъ прегоны до Волги (§ 3), и разрѣшено имѣть зимовку на тахъ мочагахъ (78), которыя имъ въ часть частнаго владѣнія не состоятъ (§ 9); приказано отвести Калмыкамъ удобныя мѣста въ дачахъ казенныхъ и владельческихъ земель на зимнее время (§ 10) и въ видѣ вознагражденія за запашки, которыя казенныя, помѣщичьи крестьяне и казаки уже имѣли въ калмыцкихъ степяхъ (§ 11). На земляхъ, отводимыхъ Калмыкамъ во владѣніе, дозволено имъ заводить селенія (§ 16).

Между-тѣмъ, званіе намѣстника Калмыцкой-Орды, возстановленное въ 1800 году Императоромъ Павломъ I-мъ и утвержденное Императоромъ Александромъ I-мъ въ лицѣ малодербетовскаго владельца Чучея Тайши Тундугова, упразднено было съ его смертію въ 1803 г., и съ-тѣмъ-варъ все домогательство калмыцкихъ владельцевъ на возстановленіе этого званія были отклонены. Зарѣдъ, и послѣ упраздненія званія намѣстника, оставался въ малодербетовскомъ улусѣ, продолжалъ разбирать словесно дела и, по обычаю калмыцкому, имѣлъ засѣданія въ кибиткахъ, а въ зимнее время засѣданія прекращались. Рѣшенія право-

(76) Имперскій указъ, данный Сенату 23 апрѣля 1803 года; именный же указъ, данный въ май 1806 года саратовскому гражданскому губернатору Бѣляеву, и Высочайше утвержденное 1806 года мая 19 для положенія объ отводѣ земель кочевымъ народамъ Астраханской-Губерніи и пр. (И. С. З. Р. И. Топы: XXVII, NN° 20248; 20778, 20793, и XXIX N° 22, 135).

(77) И. С. З. Р. И., т. XXIX, N° 22135.

(78) Топкія, названныя прибрежья каспійскаго приморья, объявляя густымъ камышомъ.

длись въ исполненіе съ согласія главнаго при казынскомъ порадѣ пристава (79), который тогда же, вмѣстѣ съ судьей Заргѣ, подчинивъ астраханскому губернатору, бывъ до того въ непосредственномъ вѣдомствѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ (80). Въ то же время введено главному приставу въ помощь несколько чиновниковъ въ видѣ улусныхъ частныхъ приставовъ, и ему велѣно распределять ихъ по кочевьямъ кадышскимъ въ тѣ мѣста, куда онъ сочтетъ нужнымъ (81).

Главный приставъ, въ действіяхъ своихъ по ближайшему завѣданію Калмыками и въ сношеніяхъ съ Заргѣ, руководствовался инструкціями, которыми ихъ снабжала Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ. Главному приставу (82) поручалось наблюдать, чтобъ Заргѣ рѣшала дела по правиламъ и на основаніи духовнаго закона и обыновеній, *съ познаніемъ которыхъ приставу велѣно тщательно слѣдить, дабы тамъ-удебилье могъ давать мнѣніе свое въ случаѣ равенства голосовъ и несогласія* (83). Но уже намѣстникъ Тундуговъ всподвизнѣе просилъ о дозволеніи приступить къ исправленію законовъ. Заняться этимъ поручено было тогда Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ; а между-тѣмъ велѣно приставу наблюдать, чтобъ по угоднымъ дѣламъ осужденные въ Заргѣ преступники не наказывались отнятіемъ членовъ и калѣченіемъ, но отсылались въ ближайшіе земскіе суды для отиравленія на поселеніе или въ каторжную работу (84). Въ 1806 году, предписано было *въ случаѣ недостаточности кадышскаго закона и обыновеній, руководствоваться законами русскими, угодными для производить съ строжайшимъ наблюденіемъ истины на гласъ закона; объявляемыхъ содержать подъ стражею; а осужденныхъ отсылать въ земскія правленія* (85). Дѣла же Калмыковъ съ Русскими предоставлено разбирать главному приставу, на правахъ, присвоенныхъ словеснымъ судамъ (86).

Замѣчательнъ отзывъ, которымъ въ 1810 году характеризовалъ тогдашній главный приставъ Калмыковъ ихъ судъ и расправу. «Недостатокъ древнихъ узаконеній (87) и несообразность ихъ съ нынѣшними нравами и понатіями народа», писалъ главный приставъ, «замѣняются въ одной только памяти оставшимися *обычаями*, которые по-калмыцки называются *исунъ*. Судья приводитъ эти *обычаи* какъ будто бы свѣдѣнія мѣста изъ узаконеній, но нимъ рѣшать участка и на нихъ основываютъ опредѣленія. Не рѣдко *выдумываютъ и шакія, какиятъ со-*

(79) Дѣло по канцеляріи астраханскаго воеводскаго губернатора о проектѣ Казимичаго Управленія, стр. 277.

(80) Высочайшій указъ, данный Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ 26 октября 1803 г. также указъ Пр. Сената 14 марта 1816 г. (П. С. З. Р. И. Т. XXVII, № 20,011).

(81) § 1 инструкціи, данной 13 іюля 1806 года Коллегіею Иностран. Дѣлъ главному приставу при Калмыкахъ и пр.

(82) Съ 1802 года.

(83) § 5 Инструкціи, данной главному приставу 5 мая 1802 г. и § 2 инструкціи, данной приставу 13 іюля 1806 г.

(84) Инструкція 1806 года, § 12.

(85) § 2 инструкціи 1806 года.

(86) § 10 Инструкціи 1802 и § 4 Инструкціи 1806 года.

(87) Т. е. «Права мунгалскихъ и калмыцкихъ народовъ», или уложенія 1640 года.

«*судомъ не бывало*. У Калмыковъ ихъ *искусн* столько же сильное слово, какъ у пивогорцовъ бывало *самъ сказали*, а у Поляковъ *непозволили*. *Ихъ судей* духовные вмашиваютъ въ судопроизводство въкоторыя *справки вѣры*, которыя у Калмыковъ составляютъ какъ-будто духъ *свѣдѣній*, но законодательной власти духовенства. Лѣность, отвлекающая отъ подробнаго и тонкаго изслѣдованія дѣйствій человѣческихъ, ввела въ калмыцкое судопроизводство *присягу* и по такимъ дѣламъ, въ которыхъ находятся доказательства и свидѣтели; калмыцкій *судья*, которому захочется или спать (88), или есть, нимаго не выикая въ *дѣло*, кричать *шакетъ*, т. е. *присяга*, въ чемъ и прочіе ему послѣдую, развѣзжаются по своимъ кибиткамъ. Въ народномъ совѣтѣ или *судѣ*, называемомъ *Заргѣ*, находится восемь членовъ, избираемыхъ *владѣльцами улусовъ* изъ подвластныхъ имъ *зайсанговъ* и духовенства. Образъ судопроизводства заключается въ томъ, что, по выслушаніи жалобъ истца и по отобраніи отъ отвѣтника противу доказательствъ, обстоятельства разсматриваются не продолжительно, *опредѣленіе о дѣлѣ помѣщается на самръ*, которая ничто иное, какъ выкрашенная черною краскою дощечка величиною въ нашъ листъ бумаги. *Намазавъ* оную *саломъ* и золою, пишутъ прутикомъ *опредѣленіе*, которое прочтатъ *истцу* и отвѣтнику, даютъ правому отъ суда *ерачей* или *помощника опредѣленія*, потомъ все съ *самры* стираютъ и *преддаютъ дѣло* вѣчному забвенію. Выигравшій тяжбу платитъ *ерачею* учрежденную плату, называемую *эдишникъ эльчи*, т. е. *плата посланскому*.

Такимъ-образомъ, степное судопроизводство Калмыковъ не представляло въ это время ничего утѣшительнаго въ-отношеніи точнаго, внимательнаго и добросовѣстнаго разбора тяжбъ; да и въ-продолженіе послѣдующихъ годовъ дѣла производились въ *Заргѣ* беспорядочно, или вовсе не производились. Напримѣръ, 27-го апрѣля 1816 года, главный приставъ доносилъ астраханскому гражданскому губернатору, что «*фа нѣмънѣиетъ дѣла* всѣ члены *разъѣхались*», и хотя онъ просилъ ихъ ежемѣсячно уведомлять его о теченіи дѣлъ, «*но съ декабря мѣсяца* не получалъ *никакаго* *уведомленія*». О мѣстопребываніи *Заргѣ* главный приставъ доносилъ тогда же, что «*часто перемѣняетъ мѣсто*; но, *находясь* *всегда* въ центрѣ *кочевья* Калмыкъ, не удаляется отъ Астрахани *далше* 100 или 250 *верстъ*». О сношеніяхъ своихъ съ *Заргѣ* главный приставъ объяснялъ, что *передаетъ* въ этотъ *судъ* *поступающія* къ нему *просьбы* и *утверждаетъ* *рѣшенія*, *постановленныя* *большинствомъ* *голосовъ* (89). Если *рѣшенія* суда *Заргѣ* записывались, то это *дѣлалось*,

(88) Гр. Потоцкій, говоря о Кавказскихъ Трухменцахъ или Туркменахъ, описываетъ, на стр. 195 и 201 Тома 1-го своего сочиненія, собраніе шестидесяти ихъ *шродныхъ* старшинъ, которые подъ конецъ *засѣданія* *почти* *все* *заснули*. Можно съ *досто-вѣрностію* *предположить*, что *то* же *случилось* и съ калмыцкими судьями (*заргатами*).

(89) Въ Архивѣ Калмыцкаго Управленія дѣло о доставленіи раздѣлыхъ *свѣдѣній* о Калмыкахъ по случаю *подчиненія* *главнаго* *пристава* астраханскому гражданскому губернатору.

какъ отзываются старожилы, вероятно на калмыцкомъ языкѣ; но достоверно во всякомъ случаѣ то, что ни одно изъ нихъ не сохранилось (90). Эти утраты объясняются безпрестанными перекочевками и беспечностью, свойственною Калмыкамъ, а всего болѣе самымъ способомъ записыванія рѣшеній на *самръ*, если, какъ съ вероятностью можно полагать, этотъ обычай сохранился и послѣ 1810 года. Уже выше было сказано, что главный приставъ передавалъ въ судъ Заргѣ поступившія къ нему просьбы и давалъ, въ случаѣ надобности, этому суду предложенія; но, кромѣ указаній на этотъ порядокъ, нельзя отыскать въ актахъ никакихъ слѣдовъ его. Подъ дѣлами, производившимися у главныхъ приставовъ, не оставалась отнуска съ ихъ предложеній (91), и по книгамъ исходящихъ бумагъ видно, что, напримѣръ, въ 1816 году въ числѣ 1338 бумагъ, отправленныхъ главнымъ приставомъ, было только 35 предложеній суду Заргѣ. Изъ нихъ въ январѣ, февралѣ и мартѣ было дано только четыре, остальные въ июнѣ, июлѣ и августѣ, а въ теченіе слѣдующихъ мѣсяцевъ ни одного.

Въ 1821 году, Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, назначая новаго пристава къ Калмыкамъ, замѣчало, что, сколько изъ дѣлъ, поступавшихъ на его разрѣшеніе, видно, *судъ Заргѣ не имѣетъ определенныхъ правилъ и часто произноситъ противорѣчающія рѣшенія, действуя по вліянію владѣльцевъ, которые избираютъ членовъ этого суда. Министерство не имѣло положительнаго удостовѣренія, въ чемъ заключаются древнія права и преимущества калмыцкаго народа, отъ какой степени составляетъ онъ къ владѣльцамъ своимъ и до какой степени простирается власть ихъ, признанная обычаями ихъ: почему, поручая главному приставу обследовать этотъ предметъ, министерство снабдило его переводомъ древняго калмыцкаго уложенія и предписало: удостовѣрившись, точно ли оно заключаетъ законъ, какимъ Калмыки издревле руководствовались, пополнить недостатки его, по совѣщаніи съ владѣльцами и духовенствомъ, и представить на разсмотрѣніе министерства (92).*

Въ 1822 году, калмыцкіе владѣльцы, ламы, духовенство и зайсанги собраны были въ селеніи Зинзили (на берегу Каспійскаго-Моря) и составили дополненіе къ древнему уложенію; но и тутъ между ними возрѣдился несогласіе, два владѣльца дали особыя мнѣнія, и дѣло это приведено къ окончанію лишь въ 1827 г., въ слѣдствіе особыхъ настояній.

Въ заключеніе обзорнія этого втораго періода управленія Калмыками, въ продолженіе котораго оно предоставлено было имъ-самимъ, при болѣе или менѣе значительномъ, смотря по обстоятельствамъ, участіи правительства, слѣдуетъ замѣтить, что Калмыки оставались въ это время свободными отъ всякаго сбора въ казну, и всѣ повинности ихъ въ отношеніи къ правительству ограничивались выставкой по-вре-

(90) Въ Архивѣ Калмыцкаго Управленія находятся дѣла суда Заргѣ лишь съ 1826 года.

(91) Въ Архивѣ Калмыцкаго Управленія—дѣла главныхъ приставовъ.

(92) Инструкція, данная главному приставу 22 августа 1821 г. № 483, §§ 3—6.

намъ отличеній, которыя связывать обязанъ былъ Зарго (93). Такимъ-образомъ, наприм., въ 1789 году, Калмыки приняли участіе въ крымскомъ походѣ (94), потомъ выставили по 500 человекъ для кордона противъ Киргизъ-Кайсаковъ; а съ 1807 по 1814 годъ состояло въ русской арміи два пятисотенные конные калмыцкіе полка.

III.

Особое учрежденіе для завѣдыванія Калмыками; очеркъ управленія и судопроизводства съ 1825 по 1836 годъ и положеніе народа въ это время. Сенаторъ Энгель. *Положеніе, нынѣ дѣйствующее и дополненіе его отдѣльными учрежденіями. Съѣзды о Калмыкахъ, изданныя монахомъ Іакимомъ, гг. Страховымъ, Нефедьевымъ, Поповымъ и Геллиемъ.*

Калмыкъ слѣпо покоренъ волѣ высшихъ; гордость или надменность, столь же какъ и униженіе, восточнымъ народомъ свойственными, среди Калмыковъ, исключая владѣльцевъ, кажется, вовсе незнакомы. Бѣднѣйшій изъ нихъ принимается въ кибиткѣ богатаго наравнѣ съ другимъ... Бѣднѣе Калмыки, при всей крайности, не имѣютъ привычки бродить за милостынею и всегда находятъ средства жить въ своихъ хатонахъ, около людей избыточныхъ.

Нефедьевъ.

Управленіе владѣльцевъ, какъ свойственное быту племенъ кочующихъ и близкое къ ихъ понятіямъ, пустило глубокіе корни и у Калмыковъ. Ночнувшись подобострастно и безусловно своимъ родовымъ ноёонамъ, они не роптали на притѣсненія, занимались своимъ степнымъ хозяйствомъ, и народъ кочевалъ привольно на обширномъ пространствѣ отведенныхъ ему земель. Былъ посредникъ между владѣльцами калмыцкими и народомъ съ одной стороны и правительствомъ съ другой — *лаемъ ариманъ*; но власть, ему вѣренная, не заключала въ себя существенной полноты, дѣйствительныхъ границъ и опредѣлительности. Необходимость дать иной видъ управленію Калмыковъ, утвердивъ его на тѣхъ основаніяхъ, которыя бы содѣйствовали постепенному введенію его въ составъ общаго губернскаго управленія, становилась настоятельною, и съ этою цѣлю, по представленію главноуправлявшаго Грузіей, Кавказскою-Областью и Астраханскою-Губернію, генерала Ермолова, Высочайше утверждены были 10 марта 1825 года и приведены въ дѣйствіе

(93) Инструкція, данная главному приставу 13 іюля 1806 года, § 2.

(94) Въ Архивѣ Калмыцкаго Управленія дѣло № 18: «Нарядъ Калмыковъ въ крымскій походъ князя Потемкина».

Правила для управления Калмыками (1). Оно разделено на 1) *Временное*; вверенное Министерству Внутренних Делъ, — 2) *Областное* *веруемой Комиссiи Калмыцкихъ Делъ*, облеченной властью распорядительною, полицейскою и судебною, составленною изъ начальника губернии, вице-губернатора, главного пристава при калмыцкомъ народе, губернскаго прокурора, заисага и ламы, — послѣднiе по выбору, одинъ отъ владельцевъ, другой отъ духовенства (§ 10). 3) *Окружное* возложено на *Заргд*, составленный изъ восьми членовъ, двухъ духовныхъ и депутатовъ отъ 6 улусовъ, выбираемыхъ на 3 года (§§ 31 и 38). Наблюденiе за правильнымъ теченiемъ дѣлъ возложено на помощника главного пристава (§ 32). 4) *Улусное* составлено изъ *частныхъ приставовъ, улусныхъ судовъ*, (на правахъ словесныхъ судовъ) и *самыхъ владельцевъ*, съ обязанностями полицейскими, судебными и хозяйственными (§§ 42, 51 и 53).

Въ порядкѣ судопроизводства, изъ улусныхъ судовъ поступали въ судъ *Заргд* иски, предметъ которыхъ превышалъ 200 руб. (§§ 33, 35, 54, 55). Дѣла на сумму свыше 400 руб. переходили на сужденiе Комиссiи Калмыцкихъ Делъ (§ 34); министерство же рассматривало тяжбы на сумму свыше 1000 руб. ассигнациями (§ 3, п. б и в). По дѣламъ уголовнымъ, Калмыки подчинены общимъ присутственнымъ мѣстамъ и законамъ (§§ 16, 37); но съ такимъ, однакожъ, ограничениемъ, что суду *Заргд* предоставлено рѣшать окончательно случаи, *несоставляющiе тяжести преступленийъ у Калмыковъ*, какъ то: угоны скота, захваты имущества, отлучки или самовольные переходы отъ одного владельца къ другому и воровство на сумму не свыше 400 руб. асс. и до трехъ разъ (§§ 35 и 36).

Такой порядокъ управления Калмыками предположено было ввести на время (§ 3 правилъ 1825 г.). Учреждая въ Астрахани Комиссiю Калмыцкихъ Делъ и подчиняя ей судъ *Заргд* (§ 13), правительство имѣло въ виду достиженiе предполагаемыхъ выгодъ отъ введенiя Калмыковъ постепеннымъ образомъ въ составъ общаго гражданского управленiя (§ 10). Комиссiя вмѣнено въ обязанность представлять арестъ губернатору на соображенiе главноуправляющаго всея имперiей относительно нововведенiй, ограниченiя и отмены принятыхъ для управленiя Калмыками правилъ (§§ 8 и 29), заяться, во-первыхъ, разсмотрѣнiемъ древняго законоположенiя Калмыковъ и, по совѣщанiи съ владельцами и духовенствомъ, по возможности приспособить это уложенiе къ общимъ правамъ, дополняя недостатки законами русскими, — и во-вторыхъ, собрать приблизительныя свѣдѣнiя о числѣ калмыцкаго народа по сословiямъ и о взаимныхъ между ними отношенiяхъ (§§ 27 и 28). По введенiи въ извѣстность и тщательномъ разсмотрѣнiи древнихъ калмыцкихъ законовъ, обычаевъ и обрядовъ, предлагалось ихъ перевести на калмыцкомъ языкѣ съ переводомъ для всеобщаго между Калмыками свѣдѣнiя и руководства (§§ 29 и 58); а между-тѣмъ предписано въ об-

(1) И. С. З. Р. И. т. XL, № 30, 200 и въ 2 т. Св. Зак., изд. 1832 г. ст. 3858—3712.

судились предоставлены по казымскому управлению, «которые не предвидены въ древнемъ актѣ уложения», руководствоваться приличными статьями Высочайше утвержденного въ 1822 г. устава для управления иноземцами въ Сибирѣ иворадцами (§ 20) (2).

Именно, на основаніи Высочайше утвержденного въ 1825 г. порядка управления, существовавшая обязанность Комиссии Казымскихъ Дель, какъ присутственнаго мѣста, состояла въ разсмотрѣніи жалобъ на судъ Зарго и въ наслѣдствѣ за сохраненіемъ благоустройства въ казымскихъ улусахъ. Вспервадѣльная и хозяйственная часть предоставлена главному приставу съ помощникомъ его начальнику губерніи, а частное полицейское управленіе — улуснымъ приставамъ.

Время и опытъ указали разные неудобства въ такомъ порядкѣ управленія. Казымцами, именно: 1) Председатель и члены комиссіи, бывъ ограниченны мѣстами, независимо отъ занятій по комиссіи, не могли действовать съ успѣхомъ въ исполненіи возложенныхъ на нее обязанностей. Въ слѣдствіе этого вкралась медленность въ производствѣ дѣлъ, которая поступая во вредъ и по запущенности своей требовала значительныхъ соображеній. 2) Главный приставъ пользовался властью, которой не возложено было твердыхъ ограниченій, и имѣлъ возможность употреблять ее во все дѣйствіе то приотчетливо, то опрометчиво. Медленность въ производствѣ не комиссіи была поводомъ къ неудовольствію, а произвольнымъ и несоответственнымъ видамъ правительства дѣйствія. Главнымъ приставамъ возбуждали въ Казымкахъ страхъ и недоуверенность къ мѣстному начальству. Самый порядокъ учрежденнаго надъ ними управленія оказался неудобнымъ въ примѣненіи, несогласнымъ съ характеромъ народа, ни съ предразсудками его, временемъ укоренившимся. Неправильностью власти владѣльцевъ, пагубнымъ вліяніемъ пороковъ, ихъ корыстолюбіемъ, упадкомъ нравственности и значительными потерями скота въ теченіе нѣсколькихъ суровыхъ зимъ, вращаясь безъ отдыха до крайняго разстройства; ограниченіе правъ суда Зарго и вмешательство въ управленіе Казымками властей, имъ до того чуждыхъ, означательное пришло управленіе этими инородцами въ совершенное замечательство. Возникли жалобы и съношенія, которыя были поводомъ къ крайнему мѣру для приведенія Казымковъ къ благополучію.

Указомъ 2 августа 1827 г., Высочайше повелено было сенатору Энгельсу отправиться въ Астраханскую Губернію и, по тщательнѣйшему соображенію дѣлъ казымскаго народа въ саняхъ и шайкахъ его, отсудить и отлучить приличныя указы его и известность издежничанія и рыкъ дозорцевъ къ нему казымской вѣнчаной, правосудія и устройства до дѣйствія, дабы въ казымскихъ мѣстахъ его процвѣтало совершенное благоденствіе, утвержденіе котораго для Его Величества предсметъ сердечной попечительности и источникъ живѣйшаго удовольствія».

(2) Въ Пол. С. З. Р. И., подъ № 29126, въ т. XXXVIII; перешло въ 5 т. Свод. Законовъ, издаваемыхъ въ Москвѣ, въ т. 1—173. О-сибирскихъ же Киргизахъ въ П. С. З. Р. И. № 29127, а въ Св. Зак. статьѣ 173—330.

Въ бытность свою въ Астрахани и Енотаевскѣ, сенаторъ Энгельсъ завѣщала съ Коммиссіею Калмыцкихъ Дѣлъ и самими владѣльцами по предмету Высочайше возложеннаго на него порученія.

Между-тѣмъ, грамматою 24 апрѣля 1828 года, Государь Императоръ снова подтвердилъ калмыцкому народу свое о немъ повеленіе, оставивъ въ прежней силѣ и дѣйствіи древнія народныя права, а въ числѣ учрежденій по управленію—Заргѣ. Суду этому повелено состоять подъ прасвѣдательствомъ одного изъ воиновъ—владѣльцевъ «по Высочайшему назначенію» и предоставляемо содержать калмыцкій народъ въ порядкѣ, при чемъ Заргѣ пожалованъ золотомъ печатію съ императорскимъ гербомъ.

Заргѣ, поступившій съ 1825 года въ совершенную подчиненность учрежденной надъ нимъ, въ видѣ высшей инстанціи, Коммиссіи Калмыцкихъ Дѣлъ, оставленъ бытъ тогда, по заключеніи ея (3), въ Малодербетовскомъ Улусѣ, продолжалъ имѣть засѣданія въ кибиткахъ и вращалъ ихъ совершенно на зимнее время, такъ-что дѣла оставались безъ рѣшенія (4)! Постановленія, заключающіяся въ §§ 31 и 32 Правилъ, Высочайше утвержденныхъ въ 1825 г., чтобъ Заргѣ имѣлъ пребываніе какъ-можно-ближе къ средоточію кочевокъ и чтобъ за усвѣданнымъ и ворадочнымъ ходомъ дѣлъ Калмыковъ, рѣшаемыхъ въ семъ судѣ по законамъ и обычаямъ, племенъ ихъ свойственнымъ, имѣлъ наблюденіе помощникъ главнаго пристава, оставался безъ должнаго исполненія. При судѣ Заргѣ не было помощника главнаго пристава; коммиссія не видѣла со стороны Заргѣ «и тѣмъ выполненія возложенныхъ на него обязанностей», — дѣлопроизводство его было въ совершенномъ замѣшательствѣ.

Посему, когда, для объѣзденія Высочайшей граммоты, избраны были въ Енотаевскѣ члены Заргѣ, калмыцкіе владѣльцы и духовенство, Коммиссія Калмыцкихъ Дѣлъ постановила: суду Заргѣ имѣть постоянное пребываніе въ Енотаевскѣ, предоставлявъ членамъ его имѣть засѣданія лѣтомъ, по ихъ обычаю, въ кибиткахъ; но продолжать разборъ дѣлъ и въ зимнее время.

Между-тѣмъ, Коммиссія Калмыцкихъ Дѣлъ, запрещенная сенаторомъ Энгелемъ о томъ, исполнено ли ею возложенное на нее порученіе—исправить древнее калмыцкое уложеніе (5), — представила сенатору (15 октября 1827 г.) списокъ этого уложенія, въ которомъ, согласно отзывамъ, данныхъ въ 1822 году калмыцкими владѣльцами въ с. Завала, исправлены были статьи, несоответствующія переизмѣнѣ, происшедшимъ въ народѣ съ 1640 года и, по разсмотрѣніи коммиссіею, исключены учрежденія вѣнскихія и постановленія уголовныя, — послѣднія потому-что съ 1825 года Калмыки подчинены въ этомъ отношеніи дѣйствию русскихъ законовъ.

По возвращеніи сенатора Энгеля въ Санктпетербургъ, всѣ предполо-

(3) Журналъ Коммиссіи 27 іюля 1826 г.

(4) То же, 5 мая 1828 г.

(5) Проектъ его, имѣющій съ заключеніемъ Коммиссіи Калмыцкихъ Дѣлъ, находится въ Архивѣ Калмыцкаго Управленія.

женія его касательно преобразованія калмыцкаго народа Высочайше повелѣно было разсмотрѣть въ особомъ комитетѣ, составленномъ изъ гг. управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, действительнаго тайнаго совѣтника Ланскаго, вице-канцлера графа Нессельроде, сенатора Энгеля и статс-секретаря Дашкова. По соображеніи комитетомъ предположеній сенатора Энгеля съ имѣвшимися въ Министерствахъ Внутреннихъ и Иностранныхъ Дѣлъ свидѣніями, открылось, что главнѣйшими причинами замеченнаго въ калмыцкомъ народѣ разстройства были: «а) ограниченность власти калмыцкихъ владѣльцевъ, безусловная и слѣпая покорность ихъ подвластныхъ, и—какъ слѣдствіе неопредѣленности отношеній — произвольныя дѣйствія, притѣсненія и неумѣренные поборы; б) сильное и пагубное вліяніе чрезвычайно-умножавшагоса духовенства калмыцкаго, которое, для собственной пользы и содѣйствуя виднѣе владѣльцевъ, содержитъ народъ въ суевѣрїи, предрасудкахъ и совершенномъ невѣжествѣ, отворачивая его внушеніями своими отъ всякъхъ полезныхъ нововведеній и постепеннаго образованія, разоряя его вымогательствами и обманами и поселяя раздоры вмѣшательствомъ своимъ въ дѣла общественныя и частныя; в) нравственный развратъ въ народѣ, происшедшій отъ невѣжества и бѣдности; г) порядокъ управленія, начала коего не соответствовали ни положенію его, ни предрасудкамъ, временемъ укоренившимися, и т. п.». Разсуждая такимъ образомъ, Комитетъ находилъ, что «Калмыки, при всей способности къ постепенному образованію, имѣютъ, какъ народъ младенчествующій, столь ограниченныя понятія, что надобно еще много времени для того, чтобы съ удобностію и пользою приспособить ихъ къ общему составу государственнаго управленія, между-тѣмъ, какъ нынѣ страшатся они судовъ, формъ и правилъ коихъ не постигаютъ, и всякое дѣйствіе судебнаго или правительственнаго мѣста и лица, къ нимъ относящееся, внушаетъ въ нихъ чувства недоувѣренности».

Итакъ, для возстановленія благосостоянія калмыцкаго народа, комитетъ призналъ нужнымъ измѣнить учрежденный надъ нимъ порядокъ вѣстнаго управленія и преобразовать его такъ, «чтобъ онъ, съ устраненіемъ всякаго вліянія стороннихъ властей и лицъ на дѣла калмыцкія, соответствовалъ древнимъ обычаямъ народа и дозволялъ дѣйствовать исподволь на постепенное образованіе Калмыковъ ирами кроткими и не прямо противоположными понятіямъ и предрасудкамъ ихъ» (6). Комитетъ, принявшись въ точности къ Высочайшей волѣ, изъявленной въ указѣ, данномъ 2-го августа 1827 года на имя сенатора Энгеля, изложилъ предварительныя правила для преобразованія калмыцкаго управленія, подносилъ ихъ на Монаршее усмотрѣніе, съ такимъ примѣтомъ предложеніемъ, чтобъ калмыцкое управленіе перенести изъ Астрахани въ Енотаевскъ.

(6) См. у о. Іакнича въ «Обозрѣніи Ойратовъ» на стр. 230, который заимствовалъ эти свѣдѣнія изъ «Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» 1828 г. книжки 3 стр. 482.

По этому поводу Государь Императоръ Высочайше повелѣть дозволилъ составить проектъ управленію, съ тѣмъ, чтобъ приняты были въ основаніе начала и правила, Комитетомъ введѣнныя.

Имѣя въ виду такія основанія, Государственный Советъ (8-го декабря 1830 года) мнѣніемъ положилъ: «поручить астраханскому военному губернатору составить полный проектъ управленія калмыцкими народомъ, придерживаясь указанныхъ началъ».

Сообразивъ на мѣсть установленный для Калмыковъ порядокъ судопроизводства, военный губернаторъ Пяткинъ нашелъ слѣдующее: «Калмыки по дѣламъ уголовнымъ судятся въ российскихъ присутственныхъ мѣстахъ, а по дѣламъ тяжбымъ въ судъ Зарго и улусныхъ правленіяхъ. Такой распорядокъ въ-отношеніи дѣлъ уголовныхъ представляется затруднительнымъ къ исполненію дѣлъ для русскихъ оудовъ, ибо все производство въ оныхъ отправляется на русскомъ языкѣ, молду-тѣмъ, какъ многіе изъ Калмыкъ не знаютъ сего языка; а потому присутственныя мѣста и принуждены довольствоваться однимъ переводомъ, тогда-какъ переводчикъ можетъ иногда перевести вопреку судьи и отвѣты подсудимаго съ отступленіемъ отъ точнаго и прямого смысла оныхъ. Что же касается до суда Зарго и улусныхъ правленій, то судилища сіи, какъ составленныя изъ Калмыкъ, казались бы совершенно соответствовали обычаямъ калмыцкаго народа; но примары показываютъ противное; ибо въ дѣлопроизводствѣ по онымъ, преобладаютъ чрезвычайная медленность, а въ рѣшеніяхъ весьма-часто несправедливость. Такимъ образомъ Калмыкъ, имѣя дѣло въ народномъ оудѣ судилища, долженъ терпѣть волокиту и еще, въ добавокъ къ тому, не получать ожидаемаго правосудія. Медленность и несправедливость въ рѣшеніяхъ происходятъ отъ двухъ главнѣйшихъ причинъ: 1) что судья, по свойственной Калмыкамъ наклонности къ лени, долго не заботится о исполненіи возложенныхъ на нихъ обязанностей и следовательно даже отлучаются отъ должностей; и 2) что они или по невольному или же по неумѣстному пристрастію, что не рѣдко случается, искажаютъ и дѣло и самые законы, на коихъ основывается приговоръ. Частыя жалобы, приносимыя Калмыками на судъ Зарго и улусныхъ правленій, могутъ служить убѣдительнымъ доводомъ, что они не совсемъ довольны своими народными судилищами. Изъ опытовъ же извѣстно, что Калмыки, подобно и нашимъ русскимъ крестьянамъ, боятся не суда и формъ оного, но волокиты въ дѣлахъ и несправедлія, и что они охотнѣе прибѣгаютъ къ покровительству гражданскаго начальства, нежели къ своимъ судилищамъ, въ надеждѣ получить отъ него справедливую и скорую управу.» Основываясь на этихъ данныхъ, военный губернаторъ Пяткинъ признавалъ необходимымъ, для устраниенія встрѣчаемыхъ Русскими затрудненій въ производствѣ о Калмыкахъ дѣлъ уголовныхъ, и для успѣшнаго и правильнаго движенія дѣлъ тяжбыныхъ, составить уголовныя и гражданскіе суды изъ русскихъ чиновниковъ, сообразно

отъ Калмыкии; потому и предположилъ учредить судъ Зарго какъ среднюю судебную инстанцію, на правъ палатъ уголовного и гражданского суда, изъ председателя, двухъ совѣтниковъ (изъ русскихъ чиновниковъ) и двухъ ассесоровъ изъ калмыцкихъ зайсанговъ. Назначеніе двухъ совѣтниковъ изъ русскихъ чиновниковъ признавалось нужнымъ «сколько для десятилетняго теченія дѣлъ, столько для соблюденія порядка и ясности въ производствѣ ихъ», ибо тогда уже опытомъ было дознано, «что Калмыки небрегутъ о исполненіи судейскихъ обязанностей и нередко запутываютъ и искажаютъ дѣла, причиняя тѣмъ и другимъ волокиту и зашумъ въ гажущихся справедливыи работѣ».

Слѣдствіемъ такихъ соображеній со стороны военного губернатора Ниткина было составленіе подѣ его руководствомъ новаго положенія, Высочайшее его утвержденіе 24 ноября 1834 года, приведеніе въ дѣйствіе съ 1 января 1836 года и введеніе въ подлежащіе томы двухъ частей: Свода Законовъ (7).

На основаніи этого положенія, управленіе Калмыками сосредоточено въ Астрахани, мѣстное завѣдываніе учреждено въ главныхъ ставкахъ улусовъ. Выращенное ближайшему надзору астраханскаго военного губернатора управленіе это состоитъ:

а) *въ Сопыта Калмыцкаго Управленія*, на правахъ губернскаго правленія, на члѣ предводительствомъ *главногo попечителя калмыцкаго народа* (8).

б) *Суда Зарго*, соединяющаго въ себя обязанности уголовной и гражданской палатъ и суда совѣстнаго, и потому подчиненнаго въ порядкѣ высшаго завѣдыванія Министерству Юстиціи.

в) *Дамайскаго Духовнаго Управленія* (въ видѣ консисторіи), зависящаго отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

г) *Улусныхъ судовъ*, на правахъ уездныхъ.

Въ каждомъ изъ семи улусовъ—особый *улусный попечитель* съ помощникомъ; улусы раздѣляются на *аймаки*, а аймаки, на *хотоны*; Калмыки, зимующіе на приморьѣ въ мочагахъ, состоятъ тамъ въ вѣдомствѣ *мочажнаго смотрителя*, а торгующіе подѣ Астраханью скотомъ—поставлены въ зависимость отъ *смотрителя калмыцкаго базара*. На мѣсть степнаго кочевья, аймаками завѣдываютъ *зайсаны*, а хотонами *хотонны старшины*. Это управленіе Калмыки обязаны содержать на свой счетъ и для того платятъ 84,300 руб. ассиг. въ годъ. Въ трехъ улусахъ учреждены, по положенію 1834 года, три ярмарки, кромѣ *калмыцкаго базара* подѣ Астраханью и тѣхъ базаровъ, которые существуютъ въ каждомъ улусѣ. Для распространенія между Калмыками оспопрививанія, преподаны правила Астраханской Врачебной Управы, а обязанности предупрежденія и пресѣченія заразительныхъ болѣзней, падежей ско-

(7) Въ изданіи 1842 г. слѣдующіе томы заключаютъ въ себя различныя уставы по управленію калмыцкимъ народомъ: II, III, IV, IX, X, XIII, XIV и XV.

(8) Съ 1837 г. обязанности его соединены въ лицѣ предсѣдателя Астраханской Палаты Государственныхъ Имуществъ и вмѣстѣ съ тѣмъ калмыцкій народъ и его управленіе поступили тогда въ вѣдомство Министерства Государственныхъ Имуществъ.

та и проч. раздѣлены между управой, главнымъ попечителемъ и совѣтомъ управленія.

Это учрежденіе, по мнѣнью надобности, было по-временамъ, дополняемо до второй половины 1837 года; но вступленіи же тогда калмыцкаго управленія и народа изъ ведомства Министерства Внутреннихъ Дѣлъ въ ведомство Министерства Государственныхъ Имуществъ, призвано было нужнымъ рассмотреть: какія измѣненія и улучшенія могутъ быть допущены въ существующемъ о Калмыкахъ положеніи, и вообще «на какихъ началахъ можетъ быть устроено надъ ними управленіе съ существенною пользою и для народа и для правительства» — вочему обсужденіе всѣхъ предположеній касательно преобразованія калмыцкаго управленія составляетъ нынѣ предметъ особенной заботливости Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Между-тѣмъ, тотъ порядокъ управленія и суда, который съ 1836 года существуетъ надъ Калмыками и нынѣ еще въ полномъ дѣйствіи, имѣлъ много благотворныхъ послѣдствій для народа, и важнейшее изъ нихъ — обузданіе власти владѣльцевъ и поставленіе ея въ опредѣленные границы. Чтобы обсудить въ полной мѣрѣ полезное вліяніе учрежденій 1834 года на народъ калмыцкій, необходимо войти въ подробное рассмотрение его настоящаго положенія, состава, житейскихъ средствъ, и сравнить соразмѣрность льготъ, дарованныхъ Калмыкамъ, съ пользою, ими приносимую.

Но, прежде изслѣдованія всѣхъ этихъ вопросовъ, считаемъ нелишнимъ заключить обзораніе непрерывныхъ попеченій правительства о калмыцкомъ народѣ въ теченіе послѣдняго двадцатилѣтія, указаніемъ на тѣ свиданія, которыя съ 1810 понынѣ изданы были о Калмыкахъ.

Г. *Страховъ*, завѣдывавшій въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ этими инородцами, имѣлъ случай дѣлать надъ ними близкія наблюденія и общилъ въ своей брошюрѣ: *Нынѣшнее Состояніе Калмыцкаго Народа (Спб. 1810 года)* нѣсколько краткихъ, но вѣрно-схваченныхъ и разко-переданныхъ замѣтокъ о наклонностяхъ калмыцкаго народа, его словіяхъ и ихъ отношеніяхъ между собою.

Монахъ *Іакимовъ*, въ изданномъ имъ *Обзорнѣи Очертѣи или Калмыковъ съ XV столѣтія по настоящее время (Спб. 1834 г.)* раскрылъ судьбы калмыцкаго народа еще внѣ предѣловъ Россіи, всѣ подробности его продолжительной борьбы съ Китаемъ, описаніе которыхъ и занимаетъ двѣ трети его книги: самъ онъ называетъ ее въ своемъ предисловіи собраніемъ матеріаловъ для исторіи калмыцкаго народа.

Въ 1832 и 1833 годахъ, г. *Нефедьевъ*, командированный въ калмыцкіе улусы, имѣлъ случай, испытывая всѣ неудобства кочевой жизни, вполне ознакомиться съ степнымъ бытомъ Калмыковъ, и изданная имъ книга: *Подробныя Свиданія о Волжскихъ Калмыкахъ, собранныя на мѣстѣ (Спб. 1844 г.)* представляетъ рядъ драгоценныхъ статистическихъ и этнографическихъ подробностей, добытыхъ внимательнымъ наблюденіемъ надъ калмыцкимъ народомъ, его образомъ жизни, нравами, обычаями и свойствами. Въ-отношеніи Калмыковъ, это сочиненіе столь же

замѣчательно, какъ въ отношеніи Киргизъ - Кайсаковъ составленное г-мъ Левшинимъ описаніе ихъ ордъ и степеней.

Въ 1839 году, профессоръ Императорскаго Казанскаго Университета Поповъ издалъ въ небольшой брошюрѣ на 32 страницахъ (*Краткія Замѣчанія о Прииолажскихъ Калмыкахъ. Спб. 1839 г.*) наблюденія свои надъ Калмыками во время разъѣздовъ по ихъ улусамъ. Эти наблюденія особенно замѣчательны потому, что представили случай одному изъ ученѣйшихъ ориенталистовъ сравнить нарѣчіе тибетское съ калмыцкимъ, языкъ книжный съ разговорнымъ и пояснить перемены, происшедшія въ нарѣчій калмыцкомъ, вліяніемъ, которое имѣли на него съ XV столѣтія сношенія Чжуньгарцевъ съ ихъ данниками, восточными Туркестанцами, а съ XVII вѣка сношенія Калмыковъ съ разными татарскими племенами, въ томъ и другомъ случаѣ вліяніемъ элемента тюркскаго. За сими, въ брошюрѣ г. Попова заключаются весьма замѣчательныя извѣстія о вѣроученіи Калмыковъ и ихъ хозяйствѣ, на которые мы еще не разъ будемъ имѣть случай ссылаться.

Наконецъ, г. Гелль издалъ, тому три года, свое живописное путешествіе по Южной-Россіи («*Xavier Hommaire Hell, Les steppes de la mer Caspienne, le Caucase, la Crimée et la Russie meridionale, voyage pittoresque, historique et scientifique. Paris. 1843*»); но въ немъ рисунки, представляющіе отправление духовныхъ обрядовъ Калмыковъ, ихъ празднества, домашній бытъ и изображенія ихъ боговъ гораздо замѣчательнае самаго текста, заключающаго въ себя большую часть лишь былыхъ замѣтокъ путешественника.

Изучивъ всѣ сказанія о калмыцкомъ народѣ, начиная отъ олеаріевыхъ до тѣхъ, которые, семь лѣтъ назадъ, сообщилъ профессоръ Поповъ, сообразивъ ихъ съ свѣжими статистическими данными, свидѣніями историческими и административными, собранными какъ въ Астрахани, такъ и въ самыхъ кочевьяхъ калмыцкихъ, на берегахъ Волги, Сарны, Кумы, Маныча и каспійскаго приморья, мы имѣли въ виду изобразить настоящее положеніе калмыцкаго народа въ связи съ его прошедшимъ, такъ, чтобъ последнее могло служить постояннымъ поясненіемъ первому.

IV.

Постепенное раздробление Малымской Орды на улусы; причины и стоявшие къ числу. Подразделение улусовъ. Сословія. Вліяніе на образъ жизни народа. Общность вѣры и образа жизни. Число народа. Причины и послѣдствія немнѣй переписи. Новинности. Домашній бытъ. Скотоводство и торговля. Работы на балагахъ и солидомняхъ. Источники и послѣдствія наклонности къ гравежамъ и отгонамъ скота. Ногдѣ больше преступленій и отъ чего? Перетавриваніе скота и известность воровъ народу. Печаль, удивленія, обрядъ свадебный. Болѣзни, соединенныя съ кочевымъ бытомъ. Отсутствие обряда погребенія. Сословія сладильцевъ и зайсановъ, степени ихъ образованности, занятія, взаимныя отношенія, обязанности, прежнѣе и настоящее значеніе. *Духовенство* и проповѣдуемая имъ вѣра. Пронскожденіе ихъ догматовъ и показаніе прѣдоставленія ихъ. Составъ духовенства, прежнѣе и настоящее его положеніе, отношенія къ народу и образъ жизни. *Гелюмъ-амчи* (жрецы-врачи), *идолослуженіе*, *Гелюмъ-зуртачи* (жрецы-астрологи), астрочисленіе. Вредное вліяніе жрецовъ на народъ, богатство ихъ и уменьшеніе числа жрецовъ въ послѣдній время.

Горсть кочующихъ, помудившихъ Монгодовъ, брошенная въ среду народа осѣлаго, отдаленная степными угодьями и сохранившая свой образъ жизни, свои нравы, обычаи, составляетъ политическо-статистическій элементъ, результаты котораго интересны и даже важны для наблюденія.

Ст. Н. 3-ья (*).

Народъ калмыцкій, по мнрѣ постепенныхъ прикочевовъ въ Россію, составилъ изъ чуныгарскихъ выходцевъ поколѣній *торгоутовскаго*, *дербетовскаго*, *хошоутовскаго* и *хойтъ*. Послѣдніи два слились въ одно (1) и образовали улусъ Хошбутовскій, между-тѣмъ, какъ прочіи, переходя отъ хановъ и владѣльцевъ къ ихъ потомству, раздробились на нѣсколько улусовъ. По смерти Аюки-Хана (1724 г.), владѣшаго торгоутовскимъ поколѣніемъ Калмыковъ, оно раздѣлилось на улусы между наследниками хана. Изъ нихъ, внукъ его Дондукъ-Омбо, бывшій ханомъ съ 1737 года, владѣлъ улусами багадохуровскимъ и эркетеневскимъ, которые послѣ Дондука-Омбо наследовалъ его сынъ, полковникъ князь Дондуковъ, и которые отъ этаго послѣдняго перешли къ племянницѣ его, уступившей ихъ въ казну. Остальные затѣмъ Торгоутовцы составили четыре улуса, назвавшіеся по именамъ родоначальниковъ ихъ

(*) «Оточ. Записки» за 1844 г. Т. XXXV. статья: «Ставропольскіе Калмыки».

(1) Замѣчанія профессора Попова. Спб. 1839 г., стр. 8: чрезъ замужство вдовы хойтскаго владѣльца Дечжита съ хошоутовскимъ владѣльцемъ *Замылаемъ*, который объявилъ своимъ наследникомъ пасынка своего *Тюмень-Джырала*.

владельцев: Яндыка, Икицохура, Харахуса и Эрдени-Цаган-Кичика, улусами: Яндыковскимъ, Икицохуровскимъ, Харахусовскимъ и Эрдени-Цаган-Кичиковскимъ. Но раздѣленія эти были дѣйстви́емъ времени и обстоятельство.

По правиламъ 1825 года (2) объ управленіи Калмыками, всѣ эти четыре улуса стались подъ именемъ одного Торгоутовскаго (владельческаго); остальные Калмыки того же поколѣнія составляли улусы казенные: Багацохуровскій и Эркетеневскій; Калмыки же дербетовскаго поколѣнія составляли тогда два владѣльческіе улуса: Большой и Мѣлый Дербетовскіе, — а Хошоуты и Хойты одинъ владѣльческій улусъ — Хошоутовскій. Следовательно, въ 1825 г. считалось всего шесть улусовъ; но въ 1834 году (3), въ-слѣдствіе раздѣленія Торгоутовскаго-Улуса на Яндыковскій и Харахусовскій, калмыцкій народъ состоялъ изъ 7-ми улусовъ. Изъ нихъ

казенныхъ 2:	}	поколѣнія торгоутовскаго.
1. Багацохуровскій,		
и 2. Эркетеневскій.		
владѣльческихъ 5:		
3. Яндыковскій,		
4. Харахусовскій,		
5. Больше-Дербетовскій,		
6. Мало-Дербетовскій,	}	— дербетовскаго.
и 7. Хошоутовскій.		

По отсужденіи же, въ 1844 году (4), въ казну улуса Яндыковскаго (заключающаго въ себя и улусъ Икицохуровскій), изъ остальныхъ частей Торгоутовскаго Улуса нынѣ принадлежатъ владѣльцамъ только два: Харахусы и Кичики, называемые въ дѣлахъ калмыцкаго управленія улусами Харахусовскимъ и Эрдени-Цаган-Кичиковскимъ, а прежде разумѣвшіеся подъ общимъ названіемъ улуса Харахусовскаго.

Такимъ-образомъ, калмыцкій народъ дѣлится теперь на *девять улусовъ*. Изъ нихъ

казенныхъ 4:	}	поколѣнія торгоутовскаго.
1. Багацохуровскій.		
2. Эркетеневскій.		
3. Яндыковскій.		
4. Икицохуровскій.		
владѣльческихъ 5:		
5. Харахусовскій.		
6. Кичиковскій.		
7. Больше-Дербетовскій.	}	— дербетовскаго.
8. Мало-Дербетовскій.		
9. Хошоутовскій.		

Въ-отношеніи завѣдыванія со стороны мѣстнаго управленія, Яндыковскій и Икицохуровскій улусы соединены въ одинъ, подобно тому,

(2) Свод. Зак. Т. II (изд. 1832 г.) ст. 3656—3712.

(3) Свод. Зак. (изд. 1842 г.) Т. II, ст. 331.

(4) Указъ Правит. Сената (7 Департамента) 12 Января 1844.

как в улусы Харахурскій и Качиновскій; почему улусные суды и попечители остаются по-прежнему (5) въ числѣ семи.

Каждый улусъ, какъ казенный, такъ и владѣльческій, кочуетъ отдельно на определенной ему землѣ, составляетъ въ маломъ видѣ орду, и потому въ просторѣчин улусы иногда называются ордани. Улусы раздѣляются на *аймаки*, составленные изъ Калмыковъ одного родо-происхожденія (6), а аймаки на отдельные кочевки или *хотоны*. Аймаки заключаютъ въ себя до 50, 100 и 200 кибитокъ или семействъ, а хотоны отъ 10 до 15 и 20-ти.

Калмыцкій народъ дѣлится на четыре класса: *нойоновъ* или правительные *койновъ-владѣльцевъ* (7), *зайсанговъ*, *духовныхъ* и *простолюдиновъ*. Нойны и зайсанги считаются благородными по происхожденію и называются *бѣлымъ костью* (цаган - ясынъ). Первые суть потомки торгоутовскихъ, дербетовскихъ и хошуотовскихъ вождей, приведшихъ калмыцкій народъ въ Россію, бывшихъ изъ числа ихъ хановъ и наместниковъ Калмыцкой Орды. Нойны-владѣльцы эти управляютъ каждымъ своимъ родомъ въ улусѣ; ближайшее заведѣваніе аймаками предоставляется зайсангамъ при зависимости отъ нойновъ, а хотонами — хотоновымъ старшинамъ, избираемымъ изъ простолюдиновъ. Зайсанги суть потомки простыхъ Калмыковъ, получившихъ отъ Далай-Ламы, калмыцкихъ хановъ или владѣльцевъ свободу отъ подати и пожалованныхъ аймаками. Последние называются зайсангами *аймачными*, владѣютъ и управляютъ ими какъ родовымъ достояніемъ, а неимѣющіе аймаковъ называются *безаймачными* и призываются къ управленію аймаками за недостаткомъ аймачныхъ зайсанговъ. Въ казенныхъ улусахъ мѣсто нойна-владѣльца заступаетъ *правитель* изъ лицъ владѣльческаго званія, неимѣющихъ полного улуса, или изъ зайсанговъ, который управляетъ имъ, какъ нойны управляютъ своими улусами, при содѣйствіи мѣстныхъ властей. Наконецъ, сословіе духовныхъ составляетъ изъ поступающихъ съ малолѣтства въ званіе *манжи* (учениковъ въры) простолюдиновъ. Последние, въ противоположность нойнамъ и зайсангамъ, называются чернымъ народомъ (*хара-кюнъ*, *хара-улусъ*), или *чернымъ костью* (*хара-ясынъ*).

Отдѣльному разсмотрѣнію cadaго сословія, преимуществъ и правъ, прежде и нынѣ съ ними сопряженныхъ, необходимо предпослать общее обозрѣніе всей массы народа.

Вся Калмыки суть язычники буддѣйскаго или ламайскаго закона (8), начала котораго, бывъ занесены ихъ предками съ Тибета (9), нынѣ во

(5) Свод. Зак. (изд. 1843 г.) Т. II, ст. 530 и 531.

(6) Напр. родъ Гурбуль-Зуръ, Баруновъ родъ, Керетовъ родъ и т. п.

(7) Въ императорскихъ гимназіяхъ 1800—1827 г. значится «Нойоны», въ воложскомъ 1834 г. «Нойоны»; но Калмыки говорятъ: «Нойны». Нойны значитъ господина; действомъ называютъ они и государя, прибавляя къ слову Нойны-Цаган-Ханъ, т. е. государь-бѣлый-царь.

(8) Калмыки въ наказаніяхъ предъ судомъ ищутъ, что они въры далай-ламайскаго.

(9) Переводъ монаха Іакинфа съ китайскаго «Описаніе Тибета», Спб. 1828 г. и «Описаніе Чжунгаріи» 1829 г. стр. 187.

многимъ измѣнились. Вся Калмыки ведутъ жизнь кочевую на земляхъ, Высочайше дарованныхъ имъ въ Астраханской-Губерніи и Кавказской-Области.

Число калмыцкаго народа извѣстно лишь приблизительно отъ-того, что производить формальную перепись Калмыкамъ запрещено (10), «а владыцы и зайсанги, но особеннымъ своимъ видамъ, стараются скрывать отъ начальства настоящее число кибитокъ или семействъ, поставляя тому предлогомъ, будто-бы древними ихъ обычаями и преданіями (словесными, однакожъ, а не письменными), возбраняется вести счетъ людемъ» (11). Между-тѣмъ, чтъбы со стороны простолюдиновъ не открылся путь къ исчисленію ихъ, владыцы и духовные, по чрезвычайному своему влиянію на народъ, утвердили въ немъ страшное убяжденіе, что за переписью непосредственно послѣдуетъ ихъ гибель, что ихъ перемереть множество (12). Калмыки безотчетно боятся смерти и мертвыхъ, страшатся болзней и всякаго бядствія. Коснуться этой струны ихъ слабостей, при томъ влияніи, которое владыцы и духовные имаютъ на умы простолюдиновъ, значило бы надолго, если не навсегда отдалить возможность поголовной переписи. Калмыки не понимаютъ, что вся болзния и бядствія, постигавшія ихъ въ предѣлахъ Россіи, имѣли источникомъ ихъ безпечность, отсутствіе предусмотрительности и самый ихъ образъ жизни. Появлялась ли оспа въ улусахъ, погибалъ ли скотъ въ суровую зиму отъ дѣйствія выюги и шургановъ (13), Калмыки не отдавали себѣ отчета въ томъ, что сами отклонялись отъ освоприняванія и не заготовляли зимнихъ кормовъ и камышевыхъ загоновъ для скота, а покорствуя внушеніямъ своихъ жрецовъ, относили всякое увеличеніе смертности или падежъ скота къ гнѣву негодующихъ бурхановъ (14) и орликовъ (15); при чемъ отдавали послѣднее свое достоиніе на хурулъ (16). Въ новѣйшее время, народъ напуганъ совершенно-неосновательнымъ слухомъ, что если ему произведена будетъ поголовная перепись, то за нею послѣдуетъ обложеніе Калмыковъ рекрутскою и денежною повинностями наравнѣ съ крестьянами. Но произведеніе переписи почти невозможно при кочевомъ образѣ жизни, и до-сихъ-поръ правительство имѣетъ о числѣ калмыцкаго народа лишь приблизительныя свѣдѣнія, основанныя на объявленіяхъ владыцельцевъ и зайсанговъ. Сравненіе свѣдѣній прежнихъ лѣтъ съ объявляемымъ нынѣ числомъ кибитокъ обнаруживаетъ недостоверность послѣдняго, ибо невозможно при-

(10) § 185 Высоч. утвержденнаго положенія 24 ноября 1834 г. о управленіи Калмыками, перешедшій въ ст. 684 Учрежд. о Управленіи Инородцами, Т. II Свода Законовъ (изд. 1842 г.).

(11) Изъ дѣлъ Калмыцкаго Управленія.

(12) Другіе кочующіе народы, на-прим. Киргизы, имѣютъ то же убяжденіе.

(13) Такъ называются мятелы въ астраханскихъ степяхъ.

(14) Боговъ.

(15) Злыхъ духовъ.

(16) Т. е. иждолслуженіе или тѣтѣе жрецамъ, для которыхъ оно всегда составляетъ предметъ обогащенія.

Есть за фактъ, что если оставшіеся послѣ уюда Убуши въ 1771 г. въ пределах Россіи Калмыки были въ числѣ 13,000 кибитокъ, то число ихъ не болѣе 14,000. Не было никакихъ чрезвычайныхъ благодѣйствъ въ смертности, которыя, уменьшая народонаселеніе, могли довести его до того, чтобъ оно въ продолженіе 75 лѣтъ почти вовсе не увеличилось.

Въ 1803 году оффиціальныи счетъ кибитокъ доходитъ лишь до 14,198; но начальство Калмыковъ, основываясь на ревизіонахъ и наблюденіяхъ, принимало за достоверное, что число кибитокъ простиралось до 20,000 (17).

Въ 1825 году правительство полагало, по приблизительному счету, что число Калмыковъ простирается до 25,000 кибитокъ (18).

Въ 1833 году, военный губернаторъ Петровъ утверждалъ, что во всѣхъ улусахъ, по всей веротности, должно находиться до 20,000 кибитокъ (19); но оффиціально считалось тогда лишь 11,026 кибитокъ, по свѣдѣніямъ, издавна доставленнымъ владѣльцами и правителями (20).

Въ 1836 году, число кибитокъ показывалось въ улусахъ: казенныхъ 2357, владѣльческихъ 10,610, всего 12,967.

По собраннымъ же въ 1840 и 1841 годахъ свѣдѣніямъ, дополненными въ 1842 г. новыми свѣдѣніями, число кибитокъ оказалось въ улусахъ: казенныхъ 2762, владѣльческихъ 11,573, всего 14,335.

Слѣдовательно, въ улусахъ казенныхъ число кибитокъ противъ свѣдѣній 1836 г. уменьшилось 405 кибитками, а въ улусахъ владѣльческихъ также уменьшилось 963 кибитками; значитъ, во всемъ народѣ 1368 кибитками. Прибыль оказалась въ двухъ казенныхъ и въ пяти владѣльческихъ, т. е. урочъ Ходнотурскаго и Бодьшелербетовскаго; ибо, по указанію владѣльца и опекуна этихъ улусовъ, уменьшилось число кибитокъ въ обоихъ только до 74. Причиной этого уменьшенія поставили она, какъ и прежде, принятіе некоторыми изъ нихъ волостныхъ св. крещенія и смерти престарѣлыхъ, число которыхъ осталось малозначительныя дѣла и явленія, неизмѣнившая ни силъ, ни возможности приобретать и вносить плоды ярыкъ до совершенности дѣлѣй мужского пола. За отчисленіемъ же въ 1844 году: въ владѣльческаго въ казенное владѣніе улусовъ: Ялыкманскаго съ 1910 и Ичичауровскаго съ 1170 кибитками, всего 3080 киб., составилось тогда число кибитокъ въ улусахъ: казенныхъ 5842, владѣльческихъ 8493, всего 14,335.

Этотъ число, основанное на свѣдѣніяхъ, собранныхъ въ 1840, 1841 и 1842 годахъ, служило до 1845 года мѣрою для раскладки сбора съ Калмыковъ. Тогда были истребованы отъ правителей и владѣльцевъ новыя численныя свѣдѣнія, по которымъ оказалось въ улусахъ: казен-

(17) Состоин. Калм. Народа, Спб. 1810 г. стр. 17—19.

(18) § 5 Высочайше утвержденныхъ 10 мая 1823 г. Правилъ для управленія Калмыками.

(19) Донесеніе г. министру внутреннихъ дѣлъ 23 февраля 1833 г. № 42; во владѣльческихъ улусахъ до 16,000 г. и въ казенныхъ до 2,000 кибитокъ.

(20) Свод. о Волжскихъ Калмыкахъ, 1834, г. стр. 89.

ныхъ 5995, владѣльческихъ 8414, всего 14,309,—значить, съ 1842 по 1845 годъ число Калмыковъ въ улусахъ казенныхъ увеличилось 53 кибитками, во владѣльческихъ уменьшилось 93 кибитками. Замѣчательно, что еще въ 1842 г. мѣстное начальство полагало, что во всѣхъ улусахъ должно быть до 18,506 кибитокъ.

Если принять объявляемое правителями, владѣльцами и зайсангами число 14,309 кибитокъ за достовѣрное и положить на каждую кибитку, какъ сами владѣльцы считаютъ, по 4 души (2 мужскаго и 2 женскаго пола), обнаружится, что настоящее число Калмыковъ состоитъ по приблизительному счету слишкомъ изъ 60,000 душъ обоего пола (57,236) особенно, если прибавимъ сюда: владѣльцевъ съ ихъ семействами 46, зайсанговъ 907, духовныхъ 2472, всего 3415.

Кромѣ того, что настоящее число Калмыковъ остается правительству неизвѣстно, покибиточный или посемейный счетъ, предоставленный народнымъ правителямъ, имѣетъ еще два важныя неудобства:

1) Преступникъ всегда можетъ свободно присоединиться къ другому семейству, переимѣнивъ прежнее имя, и затруднять розысканія мѣстныхъ властей.

2) Накопляются на некоторыхъ улусахъ недоимки, которыя могли бы быть приблизительно пополнены сборомъ съ прочихъ улусовъ, если бы онъ шилъ въ основу вѣрное исчисленіе душъ.

Обязанные лишь содержаніемъ установленнаго надъ ними управленія, Калмыки изъята отъ платежа общихъ податей, а изъ натуральныхъ повинностей несутъ кордонную, пикетную и подводную.

На содержаніе калмыцкаго управленія, Калмыки казенныхъ улусовъ обязаны вносить по 7 р. 50 к. с., а владѣльческіе по 44 к. с., при чемъ послѣдніе платятъ албанъ (оброкъ) нойнамъ-владѣльцамъ по 7 р. 14 к. с., а всѣ вообще Калмыки, какъ казенные, такъ и владѣльческіе въ доходъ завѣдывающихъ ими зайсанговъ по 57 к. с. Сборы эти взимаются покибиточно (21). Въ 1844 году, числилось въ недоимку на улусахъ Бугацохурбаскомъ, Эркетбѣевскомъ и Икицохуровскомъ 2794 руб. сер. Почти вся она состояла на первомъ по причинѣ его крайней бѣдности и уменьшенія въ немъ народонаселенія съ 1836 по 1841 годъ.

Въ землѣ государственныхъ податей, Калмыки, въ числѣ 205 человекъ, ежегодно командруемые къ астраханскому казачьему войску, отбываютъ кордонную повинность; въ улусы, для предупрежденія хищничества назначаются внутренніе пикеты изъ 240 человекъ, которые состоятъ подъ начальствомъ зайсанговъ, совместно съ астраханскими казаками, командруемыми къ улуснымъ попечителямъ. За тѣмъ отправленіе подводной повинности со стороны Калмыковъ заключается въ выставку верблюдовъ, кибитокъ и лошадей при прозвѣдъ въ улусы чиновниковъ калмыцкаго управленія.

Калмыки свято хранятъ перешедшій къ нимъ отъ предковъ обычай кочевой жизни. Какъ тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ глубинѣ сте-

(21) Сюда Законовъ (изд. 1842) Т. V, ст. 628.

пей, такъ и прикочевывающіе въ города и селенія для найма въ работы, перевозятъ съ собою съ мѣста на мѣсто войлочные шатры, или *кибитки*, и, располагаясь въ нихъ на жилье, находятъ подъ сѣнію ихъ ненадежное убѣжище отъ ненастья и стужи. Оставъ кибитки составляютъ деревянныя рѣшетки, прутья и колья. Утверждая ихъ на землѣ, Калмыки обставляливаютъ ихъ постылками изъ камыша или чакана, набрасываютъ на верхъ войлочную покрыву и оставляютъ лишь сверху отверстіе для свѣта, воздуха и выпуска паровъ, скопляющихся подъ войлочнымъ сводомъ отъ дымящагося среди кибитки котла. Огонь въ немъ раскладывается и поддерживается камышомъ и кизякомъ. Внутри кибитки разставляются сундуки съ добромъ хозяевъ, деревянная посуда; но все это въ крайнемъ беспорядкѣ и нечистотѣ, и рѣдко случается найти кибитку, гдѣ бы настланы были кошмы (постылки изъ войлока); также не у многихъ Калмыковъ сохранился обычай предковъ имѣть у входа въ кибитку привѣшенный къ шести доскутокъ цвѣтной матеріи, исписанный тангутскими буквами. Этими доскутками снабжали Калмыковъ ихъ жрецы для охраненія кочевого жилища отъ злыхъ духовъ (эраиковъ); но теперь стали продавать эти эмблемы усвоивши за саникомъ-дорогую цѣну. Большая часть Калмыковъ спитъ на голой землѣ, небрежетъ чистотой тѣла, одежды и жилья; а совмѣстное жительство многочисленнаго семейства подъ войлочнымъ сводомъ дышной кибитки поддерживаетъ въ ней дурной воздухъ; словомъ, на каждомъ шагѣ въ домашнемъ быту Калмыковъ замѣтны прямыя противорѣчія съ требованіями народной гигиены. Такимъ-образомъ, говоря о цѣломъ народѣ вообще, Калмыки ведутъ жизнь простую и даже суровую, которая въ понятіяхъ поселеннаго можетъ казаться сопряженою съ огромными лишеніями; но Калмыки, не смотря на неудобства, соединенныя съ кочевымъ образомъ жизни, чрезвычайно къ нему привязаны. Наклонность эта проистекаетъ, быть-можетъ, отъ привычки жить на открытомъ воздухѣ, приобретаемой каждымъ Калмыкомъ съ дѣтства и укореняющейся въ немъ по мѣрѣ достиженія зрѣлыхъ лѣтъ.

Стада служатъ главнѣйшимъ обезпеченіемъ существованія Калмыковъ и составляютъ почти единственную вѣтвь ихъ хозяйства. Поэтому, пища Калмыковъ состоитъ изъ молока, мяса и будана—мучной похлѣбки, вареной на маслѣ. Калмыки пьютъ особеннаго рода чай, называемый калмыцкимъ, или жирничнымъ,—чрезвычайно питательный (22), но приготавливаютъ его, какъ вообще всю пищу свою, неопратно и въ томъ же котлѣ, къ которому домашній скотъ имѣетъ безпрятственный доступъ. Изъ кобыльаго молока (кумыса) гонятъ Калмыки крепкую водку, называя первую гонку *арза*, а вторую *аркѣ*, также пьютъ вино (*чимаки*); но главнѣйшее наслажденіе доставляетъ имъ куреніе табака, которому равно преданы мужчины и женщины, даже младенцы. Хлѣбъ добы-

(22) Замѣчательны вообще черты сходства, которыя астраханскіе Калмыки представляютъ въ отношеніи образа жизни, пищи и одежды съ своими сибирскими единоплеменниками (ср. *Voyage dans l'Altai oriental*, Paris, 1845 p. 29, 45, 46 и 141.)

вается Калмыками въ весьма-ограниченномъ количествѣ изъ собственныхъ ихъ засѣвовъ, а всего чаще пріобрѣтается покупкою въ ближайшихъ городахъ и селеніяхъ, впрочемъ употребляется преимущественно лишь въ зимнее время. Въ отдаленныхъ степныхъ мѣстахъ много Калмыковъ, которые отъ роду не видали никакихъ огородныхъ овощей, ни арбузовъ, ни дынь, ни винограда, которыми изобилуетъ приволжье.

Одѣяніе Калмыка составляетъ обыкновенно кафтанъ изъ русскаго сукна или овчинная шуба.

Простота и суровость домашней жизни происходятъ не столько отъ бѣдности, сколько отъ привычки, такъ-сказать наследственной, и отъ степныхъ нравовъ; ибо многіе изъ простыхъ Калмыковъ, не говоря уже о владѣльцахъ и зайсангахъ, имѣють у себя довольно-значительные капиталы, посредствомъ которыхъ могли бы безъ всякаго затрудненія улучшить домашній бытъ свой; но эти капиталы расточаютъ они безъ пользы и расчета, всего чаще на хурулы, къ чему духовенство всегда умѣетъ склонять зажиточныхъ Калмыковъ.

Разведеніе скота составляетъ издавна единственную хозяйственную склонность Калмыковъ. За неимѣніемъ другихъ численныхъ данныхъ объ этой вѣтви хозяйства за время прикованія Калмыковъ въ Россію, могутъ служить указаніемъ нѣкоторыя статьи уложенія, составленнаго калмыцкими владѣльцами въ 1640 году. Положеніе взысканій по 1,000 овецъ (23); по 134 (24), по 100 скотинъ (25) и т. п., обнаруживаетъ, какъ богато было тогда скотоводство у Калмыковъ. Затѣмъ, до начала текущаго столѣтія, нѣтъ численныхъ данныхъ объ этомъ важномъ предметѣ въ жизни Калмыковъ, — а между-тѣмъ скотоводству должно было бы способствовать обширное пространство занимаемыхъ ими степей. Но сравненіе этихъ данныхъ, выведенное въ слѣдующей таблицѣ, обнаруживаетъ, весьма-богатое скотоводство въ началѣ нынѣшняго столѣтія (1803 г.), потомъ упадокъ его (къ 1827 году), въ слѣдующее десятилѣтіе совершенное разстройство, а съ 1840 г. и по 1845 постепенное возстановленіе и размноженіе.

У Калмыковъ показывалось:

	За 1803 г.	За 1809 г.	За 1827 г.	За 1837 г.
Верблюдовъ	60,452	57,463	46,438	7,377
Лошадей	238,330	230,106	160,990	19,024
Рогатаго скота	166,628	157,562	124,690	33,308
Овецъ) простыхъ	767,398	734,254	459,936	168,999
) тонкорунныхъ	"	"	"	"
Козъ	"	"	13,144	6,733
Свиней	"	"	"	"
Итого	1,232,808 (а)	1,179,385 (б)	805,105 (в)	235,421 (г)

(а) Сост. Калмыцкаго народа, стр. 18.

(б) Хозяйств. Описаніе Астраханской-Губерніи, стр. 180.

(в) Свѣдѣнія о Волжскихъ Калмыкахъ, стр. 251 и 262.

(г) Статист. свѣд., собранныя въ Канцеларіи Астраханскаго Военнаго Губернатора.

(23) Ст. 8 Древнихъ Калмыцкихъ Постановленій.

(24) Тамъ же, ст. 89. (25) Тамъ же, ст. 88.

	За 1840 г.	За 1841 г.	За 1842 г.	За 1843 г.	За 1844 г.
Верблюдовъ	9,115	16,602	30,834	17,001	18,163
Лошадей	24,980	11,222	11,746	35,425	46,769
Рогатаго скота	62,519	119,558	96,743	95,309	128,247
Овецъ } простыхъ	334,207	378,663	509,495	625,631	725,917
} тонкорунныхъ	"	"	"	3,179	3,758
Козь	12,712	9,601	14,090	26,343	35,694
Свиной	"	281	351	659	237
Итого	483,543 (А)	537,927	664,069	803,548	958,885

(А) Численныя данныя о скотоводствѣ Калмыковъ въ 1840 и послѣдующихъ годахъ заимствованы изъ официальныхъ свѣдѣній.

Чрезвычайный упадокъ скотоводства почти въ-продолженіе 30 лѣтъ объясняется рядомъ суровыхъ зимъ, въ-теченіе которыхъ калмыцкій скотъ много пострадалъ отъ стужи, шургановъ и глубины снѣга; а возстановленію скотоводства съ 1840 года содѣйствовало то, что зимы были умеренныя, особенно съ 1841 г., и что притомъ Калмыки, испытавъ всю невыгоду свойственной имъ безпечности, стали запасаться на зимнее время сѣномъ и камышомъ.

Положеніемъ 19 мая 1806 г. о калмыцкихъ земляхъ § 10 допускается вкочевка Калмыковъ въ дачи владѣльческія въ случаѣ суровости зимы, — но эта предосторожность, для исполненія которой испрашивается всегда разрѣшеніе мѣстнаго начальства, Калмыками прежде почти вовсе не соблюдалась; а между-тѣмъ, въ 1828 и 1832 г. были зимы самыя холодныя, которыя остались памятны Калмыкамъ потерю ббльшей части ихъ скота.

Бывшая въ Астрахани Коммиссія Калмыцкихъ Дѣлъ (26), желая дать Калмыкамъ средства къ сбереженію и на будущее время скота ихъ отъ жестокости зимъ, требовала отъ владѣльцевъ и правителей мѣстнаго, какія надежнѣйшія средства можно предпринять къ огражденію калмыцкаго народа отъ претерпѣваемыхъ имъ зимою бѣдствій? Отзвѣвы были слѣдующіе:

1) Торгоутовскій (кичиохуровскій и яндыковскій) владѣлецъ Церенъ Убушій и правитель Кичиковскаго и Харахусовскаго Улусовъ просили о воспрещеніи кочевать на калмыцкихъ земляхъ астраханскимъ Татарамъ и вѣдомства кавказскаго: крещенымъ Калмыкамъ (шоздокскимъ), Трухменцамъ, Караногайцамъ и Ногайцамъ, которые, самовольно вкочевывая на зимовья калмыцкія, еще до наступленія стужи вытравляютъ ихъ и сожигаютъ камыши, лишая чрезъ это калмыцкій скотъ зимняго продовольствія и пріютовъ.

(26) Управленія въ 1836 году.

2) Правитель Багацохуровскаго Казеннаго Улуса просилъ о прибавкѣ земли изъ луговой (лѣвой) стороны Волги.

3) Большедербетовскій владѣлецъ капитанъ Очиръ Хапчуковъ отзывался, что состояніе скотоводства его подвластныхъ улучшится, если правительство разрѣшитъ имъ устроить осѣдлыя поселенія, подобно государственнымъ крестьянамъ.

4) Хошоутовскій владѣлецъ, полковникъ Тюмень объяснялъ, что «до ухода большей части Калмыковъ въ Китай, народъ сей кочевалъ по нагорной сторонѣ Волги (27): отъ Астрахани вверхъ до Царицына и оттуда же внизъ по мочагамъ (28), а по луговой сторонѣ Волги (29): отъ Астрахани до Царицына, Камышина, Саратова до Урада, а оттолъ по морскимъ косамъ (30) до Астрахани. Тогда народонаселеніе другихъ людей въ семь край было весьма-незначительно, а потому и не представляло въ кочевьѣ никакого стѣсненія, и Калмыки находили вездѣ свободныя убожища въ камышахъ. Нынѣ же, съ умноженіемъ народонаселенія, всѣ мѣста, служившія убожищемъ для Калмыковъ, заняты русскими селеніями, также Киргизами и Татарами, отъ-чего въ кочевьѣ вообще стѣснены» — почему при такихъ условіяхъ Тюмень полагалъ допущеніе вкочевки на зиму въ селенія и станицы необходимымъ.

5) Малодербетовскій владѣлецъ Тундутовъ описывалъ потери своего улуса, говоря, что отъ рогатаго скота и овецъ осталось отъ 100—четыре и едва-ли пять штукъ, находилъ допущеніе вкочевки необходимымъ, причемъ просилъ довести до свѣдѣнія высшаго правительства о бѣдственномъ положеніи его подвластныхъ, о необходимости купить и развести для нихъ скотъ, отзываясь, что самъ помочь имъ не въ состояніи.

Изъ всѣхъ этихъ объясненій могли быть уважены только два: необходимость воспретить непринадлежащимъ къ астраханскому вѣдомству иностранцамъ кочевать на земляхъ калмыцкихъ и допущеніе зимней вкочевки въ стороннія дачи; а касательно ползнаго предположенія владѣльца Хапчукова, подвластные его отозвались, что никогда не изъявляли желанія или согласія селиться. Въ-слѣдствіе принятыхъ мѣръ, кочеваніе кавказскихъ иностранцевъ на калмыцкихъ земляхъ воспрещено, а на зимнюю вкочевку Калмыковъ въ стороннія дачи калмыцкое начальство стало ежегодно просить особыхъ разрѣшеній при наступленіи каждой зимы. Между-тѣмъ, пока еще бѣдствіе было свѣжо послѣдствіями (въ 1832 г.), Коммиссія Калмыцкихъ Дѣлъ, независимо отъ отзывовъ владѣльцевъ, съ своей стороны признала необходимымъ составить улусныя денежныя капиталы, на которые можно было бы покупать скотъ и раздавать его наиболѣе-потерявшимъ Калмыкамъ, и для того постановить сборъ съ каждой кибитки по 3 р. асс.; а чтобы капиталъ, такимъ-образомъ составленный, не оставался безъ приращенія, Коммиссія заключила отсылать деньги въ Заемный Банкъ. Предположенія о

(27) Т. е. по правому берегу.

(28) Морскіе низменные берега.

(29) Лѣвый берегъ.

(30) Мысы.

введеніи этого сбора были Высочайше утверждены (31), съ тѣмъ, чтобъ, по общей уравнительности раскладки, начать его въ Малодербетовскомъ и Багацохуровскомъ Улусахъ, какъ потерпѣвшихъ наибольшій уронъ скота, лишь по истеченіи трех-годовой льготы, определенной для поправленія скотоводства въ этихъ улусахъ. При дальнѣйшемъ обложеніи калмыцкаго народа (съ 1834 г.) повинностями на содержаніе его управленія, трех-рублевый сборъ обнаружился отяготительнымъ; между-тѣмъ, по неприведенію въ извѣстность числа нуждающихся въ пособіи, собранная сумма оставалась безъ употребленія. Въ-слѣдствіе этихъ соображеній, Высочайше повелѣно было въ 1836 году: «трех-рублевый сборъ прекратить и, не назначая срока для возобновленія онаго, предоставить министру внутреннихъ дѣлъ войти о томъ съ новымъ представленіемъ, когда положеніе калмыцкаго народа до того улучшится, что къ усиленію лежащихъ на немъ повинностей не будетъ никакихъ особыхъ затрудненій (32).

Въ 1838 году, скотоводство Калмыковъ еще вовсе не поправлялось; напротивъ, отъ необыкновенной засухи и повальныхъ болѣзней оно приходило еще въ болѣе разстройство. Тогда были дѣлаемы предположенія объ употребленіи накопившагося отъ трех-рублевого сбора капитала на поощреніе Калмыковъ къ осѣдлости; но предположенія эти не состоялись. Между-тѣмъ, принятыя предосторожности допущеніемъ вкочевки и большая предусмотрительность со стороны Калмыковъ содѣйствовали поправленію главнѣйшей вѣтви ихъ хозяйства, а въ 1841 и 1842 г. зимы были для кочующихъ племенъ самыя благодѣтельныя: Калмыки не видали снѣга; стада и табуны ихъ находили всюду по степи обильный кормъ.

Предусмотрительность со стороны Калмыковъ заключалась въ изготовленіи сѣна и камыша; перваго изготовлено Калмыками, кочующими въ степяхъ, въ 1842 году — 1844, въ 1843 году — 2882 стога, а камыша собрано было заранее кочующими въ мочагахъ Калмыками въ 1842 году — 80,000, въ 1843 — 180,000, а въ 1844 году Калмыками вообще собрано было 3,459 стоговъ, 180,000 сноповъ. Умѣренностью зимъ и заблаговременными предосторожностями, къ которымъ, по приведеннымъ даннымъ, видна усиливающаяся склонность, скотоводство Калмыковъ постепенно пришло въ удовлетворительное положеніе и по числу головъ разнаго скота начинаетъ доходить до 1 милліона. Между-тѣмъ, были падежи скота, на-примѣръ, въ Малодербетовскомъ Улусѣ въ 1840 и 1842 годахъ, въ Хошоутовскомъ въ 1843 году, — но непродолжительные и въ общей массѣ калмыцкаго скотоводства незначительные, кромѣ жестокой зимы 1844 года, причинившей ему много вреда.

Торговля скотомъ не только даетъ Калмыкамъ способъ къ удовлетворенію домашнихъ потребностей, но издавна составляетъ и главнѣй-

(31) Положеніе Комитета Министровъ 3 января 1833 года.

(32) Положеніе Комитета Министровъ 29 сентября и 13 октября 1836 года.

шую ихъ промышленность. Въ началѣ XIX столѣтія, Калмыки ежегодно продавали скота, сала, шерсти, войлоковъ, мѣховъ и пр. болѣе, нежели на 500,000 р. асс. (33); а въ 1834 году утверждено было, что скотоводство ежегодно приносятъ Калмыкамъ болѣе *полутора мильона* рублей (34). И нынѣ они продаютъ скотъ свой ежегодно въ большомъ количествѣ и на значительныя суммы, сбывая его частью на *Калмыцкомъ-Базарѣ* (по-сю-сторону Волги, въ 7 верстахъ отъ Астрахани), на весеннихъ базарахъ въ самыхъ кочевьяхъ своихъ прїѣзжающимъ туда изъ верховыхъ губерній гуртовщикамъ, на ярмаркахъ въ улусахъ: Малодербетовскомъ, Большедербетовскомъ, Хошоутовскомъ и въ городахъ: Черномъ-Яру, Царицынѣ и Ставрополѣ. Для безопасности проѣзда торговцовъ на ярмарки, дается имъ воинское прикрытіе изъ наряжаемыхъ для того пикетовъ (35). Ввозъ горячихъ напитковъ на ярмарки запрещенъ (36). Для разбирательства тяжбъ, возникающихъ во время производства ихъ, учреждаются въ улусахъ словесные суды изъ улуснаго попечителя, двухъ зайсанговъ и двухъ торговцовъ, которые рѣшаютъ дѣла по большинству голосовъ, предоставляя недовольнымъ обращаться въ улусные суды (37).

Въ 1843 году на ярмарку, бывшую въ Хошоутовскомъ Улусѣ, привезено было товаровъ на сумму 1,952 р. 10 к. серебромъ. Изъ того числа продано на 559 р. 54 $\frac{1}{2}$ к. серебромъ. Калмыками на ярмарку было пригнано: лошадей 81, рогатаго скота 483. Изъ того числа на ярмаркѣ продано: лошадей 27, рогатаго скота 130, итого 157 штукъ. За проданный скотъ Калмыками выручено: за лошадей 585 р. 40 к., за рогатый скотъ 1,390 р. 62 к., итого 1,976 руб. 2 коп. серебромъ. Въ 1844 году на ту же ярмарку, бывшую съ 30 августа по 13 сентября, привезено было товаровъ на 491 р. 28 $\frac{1}{2}$ к. сер. Изъ этого числа продано на 230 р. 28 к. сер. Калмыками на ярмарку было пригнано: лошадей 80, рогатаго скота 371, верблюдовъ 24 и изъ числа ихъ продано: лошадей 19, рогатаго скота 169, итого 188 штукъ; за продажу ихъ выручено: за лошадей 331 р. 7 к., а за рогатый скотъ 1,471 р. 85 к., итого 1,802 р. 92 к. сер. На постоянные базары, существующіе почти въ каждомъ улусѣ, въ-теченіе 1843 года было ввезено товаровъ для продажи всего на 131,705 р. 28 $\frac{1}{2}$ к. серебромъ. Изъ того числа продано Калмыкамъ товаровъ на сумму 85,792 р. серебромъ. Калмыками прїѣзжающимъ торговцамъ, на *Калмыцкомъ-Базарѣ*, также въ соседнихъ городахъ и ярмаркахъ продано скота: верблюдовъ 487, лошадей 875, рогатаго скота 10,495, овецъ 62,474, козъ 1,631, итого 75,962 головъ. Исключая скота, Калмыки продали своихъ произведеній, какъ-то: сырыхъ кожъ, шерсти, овчинъ и проч. на 5,931 р. 28 $\frac{1}{2}$ к. Въ 1844 году, на тѣ же базары привезено было товаровъ на сумму

(33) Сост. Калмыцкаго Народа, стр. 19.

(34) Свѣд. о Волжскихъ Калмыкахъ, стр. 259.

(35) Свод. Зак. (изд. 1842 г.) Т. XI, ст. 2578—2582.

(36) Тамъ же, ст. 416, 417, 2585 и 2587.

(37) Тамъ же, ст. 2588 и 2589.

176,400 р. 28¹/₂ коп. сер.; продано на 106,861 р. сер.; а на *Калмыцкомъ-Базарь*, также въ сосѣднихъ къ кочевьямъ городахъ и селеніяхъ, въ-теченіе того же года, продано: верблюдовъ 231, лошадей 823, рогатаго скота 7,434, овецъ 53,936, козъ 3,277; тамъ же Калмыки продали своихъ произведеній на 7,047 р. 89¹/₄ к. сер. Вообще продано, въ 1844 г., 61,950 штукъ разнаго скота на сумму 181,699 р. 55 к. сер.; въ-теченіе же 1845 года продано 39,090 головъ на 112,825 р. 13 к. сер.; значить, противъ 1844 года менше 21,860 шт. в 68,874 р. выручки, что объясняется падежомъ скота отъ продолжительной и жестокой зимы съ 1844 на 1845 годъ.

До 1836 года, т. е. до приведенія въ дѣйствіе положенія, Высочайше утвержденного въ 1834 г. объ управленіи Калмыками, торговля въ улусахъ производилась свободно. Но тогда мѣстное начальство, основываясь на дополнительномъ постановленіи объ устройствѣ гильдій, 14 ноября 1824 г. Высочайше утвержденномъ, распубликовало, что никто изъ иногородныхъ купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ не долженъ торговать въ улусахъ безъ установленныхъ свидѣтельствъ. Въ послѣдствіи времени, министръ финансовъ разрѣшилъ ходатайство царицынскихъ купцовъ дозволеніемъ имъ производить торговлю припасами и вѣдлѣями безъ свидѣтельствъ, примѣняясь къ § 46 Уст. объ Управ. Сибирскими Иногородцами.

Между-тѣмъ, по мѣрѣ возрастанія значительности улусной торговли, потеря дохода для казны увеличилась и въ самыя обороты стали вбрѣдываться злоупотребленія. По этому поводу, въ 1843 г. мѣстное начальство признавало необходимымъ подчинить улусную торговлю общимъ правиламъ, причемъ находимо было, что «постоянная торговля не только не можетъ быть полезна Калмыкамъ, но скорѣе еще послужитъ ко вреду имъ, доставивъ средства вѣдаться въ разорительныя издержки; ибо, не зная цѣны вещамъ, Калмыки обыкновенно платятъ то, что произвольно запрашиваютъ съ нихъ, или мѣняютъ на товары скотъ свой, по однимъ торговцовъ; притомъ, предоставленіе иногороднымъ купцамъ права постоянной торговли въ улусахъ можетъ подорвать обороты астраханскихъ промышленниковъ, потому-что Калмыки, покупающіе теперь вещи, нужныя для ихъ быта, въ Астрахани и въ городахъ, сосѣднихъ съ кочевьями, будутъ уже миновать это, находя все нужное у иногородныхъ торговцовъ въ своихъ улусахъ». Но въ бытность мою тамъ въ 1844 году, иногородные купцы еще продолжали заниматься безъ свидѣтельствъ мелочною торговлею въ улусахъ.

Что жъ касается до самихъ Калмыковъ, то не было до-сихъ-поръ примѣра, чтобы кто-нибудь изъ нихъ занимался, какъ купецъ, постоянною торговлею какими-нибудь товарами, или, подобно русскому крестьянину, отлучался въ дальній край для найма въ работы. Это происходитъ: 1) отъ привязанности къ степной жизни и недостатка дѣятельной предприимчивости, которая, способствуя развитію и расширенію торговли, составляетъ отличительное свойство промышленнаго класса, и 2) отъ-того, что Калмыки имѣютъ возможность выгодно сбывать свой

скотъ и наниматься въ работы, не отлучаясь далеко отъ своего ко-чевья.

Та изъ Калмыковъ, которые не имѣютъ скотоводства, составляютъ бѣдный классъ народа. Привычка ихъ къ суровой жизни, крепость тѣла, способность переносить тяжелые труды и всякаго рода лишения дѣлаютъ изъ Калмыковъ самыхъ надежныхъ и неутомимыхъ работниковъ на астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ и солеломняхъ. Эти работы издавна доставляютъ пропитаніе немущимъ Калмыкамъ (байгушѣ).

Принимая за достоверное, что на рыбные промыслы и ватаги нанимаются лишь Калмыки несостоятельные, такъ-называемые *будигуши* (бѣдные, немѣющіе скотоводства), любопытно замѣтить, что если такихъ Калмыковъ поступаетъ теперь въ работы до 9,000 человекъ, то за сто лѣтъ предъ симъ на тѣ же работы употреблялось до 13,000 Калмыковъ (38). Такимъ-образомъ, теперь число немѣющихъ скота составляетъ $\frac{1}{3}$ часть мужскихъ (39), а прежніе 13,000 рабочихъ, если они также состояли изъ немущихъ, должны были относиться въ гораздо умѣреннѣйшей пропорціи къ прежнему народонаселенію, большая часть котораго состояла изъ зажиточныхъ Калмыковъ, у которыхъ скотъ размножался, не терпя недостатка въ кормѣ и находя на зиму убѣжище въ камышахъ (40). На ватагахъ и мореходныхъ судахъ, Калмыки исключительно употребляются какъ рабочіе (музуры), а не для ловли рыбы и боя тюленя. Эти Калмыки отличаются тѣмъ отъ степныхъ, что употребляютъ въ пищу рыбу и особенно предпочитаютъ сома.

Нанимаясь для ломки соли изъ озеръ, во время лѣтнихъ жаровъ, Калмыки подвергаются дѣйствию зноя, находясь въ то же время по колѣно въ соляной влагѣ. Крепость сложенія ихъ и принимаемая ими предосторожности (41) отчасти предохраняютъ отъ болѣзней, которыя могутъ быть послѣдствіемъ трудовъ усиленныхъ и тяжелыхъ. По самой трудности добыванія соли не было примѣра, чтобъ крестьяне-туземцы или верховые (42) брались за эту работу. Имъ представляютъ рыбныя ловли легкій трудъ и обильную добычу, между-тѣмъ, какъ бѣдный классъ степныхъ Калмыковъ исключительно усвоилъ себѣ соляной промыселъ на озерахъ Астраханской-Губерніи. При производствѣ соляной операціи, ломщики изъ Калмыковъ раздѣляются на артели, которыя обыкновенно состоятъ изъ десяти человекъ. На каждого изъ нихъ полагается платы по 3 к. ас., почему на каждого причитается въ-теченіе лѣта до

(38) Въ 1741 г. нѣяно было 13 астраханскими рыбопромышленниками для работъ 6400 кибитокъ Калмыковъ (въ Архивѣ Калмыцкаго Управленія «Книга, въ которую записывались указы и вѣдомости о рыбной ловлѣ и о прочемъ 1741 г. на 83 листахъ»). 6400 кибитокъ значить 12,800 душъ мужеска пола, полагая по двѣ души мужеска пола на каждую кибитку.

(39) Все народонаселеніе полагается состоящимъ изъ 14 тысячъ кибитокъ; если считать на каждую изъ нихъ по двѣ души мужеска пола, число ихъ составитъ 28 тысячъ душъ мужеска пола.

(40) Ср. выше отзывъ владѣльца Тюмени.

(41) Они надѣваютъ *базила*—кожаные чулки до колѣна, и *портики*—родъ лаптей.

(42) Т. е. временные выходцы изъ губерній, близкихъ къ верховьямъ Волги.

100 р. асс. Следовательно, трудная работа Калмыковъ въ-теченіе лѣта вознаграждается прибыльнымъ возмездіемъ.

Кромѣ этихъ работъ, составляющихъ главнѣйшій способъ пропитанія для бѣдныхъ Калмыковъ, нѣкоторые изъ нихъ поступаютъ въ работу къ обывателямъ Астраханской и Саратовской Губерній, Области Кавказской и Земли Войска Донскаго, другіе же въ гребцы на судахъ, получая за это отъ 80 до 150 р. асс. и болѣе.

Въ-продолженіе 1842 года, 8,258 Калмыковъ работали на рыбныхъ промыслахъ, а 1307 занимались выломкою соли и другими работами.

Приобрѣтено въ томъ году продажею скота и работами 232,738 руб. 22 к. сер.

Въ 1843 году нанимались въ работы 9,720 Калмыковъ, которые выручили тамъ 60,000 р. с.; въ 1844 году отъ найма въ работы на рыбные промыслы получено Калмыками 85,000 руб. сер.

Труды эти представляютъ исключеніе изъ общей массы, потому-что Калмыки, вообще говоря, лѣнны и безпечны. Дашь разстройство скотоводства и совершенное обядненіе могутъ побудить ихъ къ снисканію себѣ благосостоянія предусмотрительностью и трудомъ. Калмыки, нанимающіеся въ работы у рыбопромышленниковъ, сближаются съ Русскими, но сближеніе это не всегда обращаютъ въ свою пользу. Они скорѣе перенимаютъ дурныя наклонности ловцовъ и вообще рабочаго класса, который, получая плату по мѣрѣ уловиваемой рыбы, безъ особеннаго труда добываетъ ее въ болѣебольшемъ количествѣ и, приѣзжая въ городъ, ведетъ жизнь безпорядочную, тратя деньги безъ счета. Чаше случается, что рабочіе Калмыки чуждаются обихода Русскими. Это, быть-можетъ, отъ-того, что нанимающіеся въ ловцы по устьямъ Волга суть пришельцы изъ разныхъ отдаленныхъ губерній, проводящіе въ Астрахани лѣшь время лова. Имъ чудно видѣть полудикарей, каковы суть по наружности почти всѣ Калмыки. Незнаніе ими русскаго языка, неправильное произношеніе нѣсколькихъ словъ, заученныхъ въ степи, безотвѣтность и покорность, всегдашнія свойства нуждающагося Калмыка, бывають поводомъ къ насмѣшкамъ или грубому обхожденію со стороны ловцовъ; а Калмыкъ, всегда вѣрный первому непріятному впечатлѣнію, начинаетъ удаляться отъ нихъ и ограничиваетъ свои отношенія къ нимъ безмолвнымъ выполненіемъ ихъ требованій. Даже сами промышленники, не говоря уже о лоцманахъ и прикащикахъ, часто обращаются сурово съ Калмыками, утомляютъ ихъ работами и не всегда вознаграждаютъ тяжкій трудъ ихъ. Впрочемъ, бывали примѣры, что Калмыки, сближаясь съ Русскими, усвоивали себѣ ихъ понятія, измѣняли степнымъ наклонностямъ и оставляли язычество (43).

Потомки наездниковъ, то содѣйствовавшихъ Россіи въ усмиреніи непріязненныхъ пограничныхъ племенъ, то входившихъ съ ними въ

(43) Объ этомъ подробнѣе въ слѣдующей главѣ, когда будемъ говорить о обращеніи Калмыковъ въ христіанскую вѣру.

дружественныя отношенія и тамъ возбуждавшихъ опасенія правительства,—Калмыки теперь измѣнили во многомъ первоначальнымъ склонностямъ привольной кочевой жизни. Если Калмыки всегда отличались безусловною покорностью своимъ владѣльцамъ, то теперь такую же почти покорность встрѣчаетъ въ нихъ ближайшее ихъ начальство. Если распоряженія его не всегда скоро прививаются къ понятіямъ Калмыковъ, это происходитъ отъ сильнаго вліянія духовенства калмыцкаго, или во владѣльческихъ улусахъ отъ владѣльцевъ. Какъ имъ, такъ и духовнымъ выгодно оставлять народъ въ невѣжественномъ, полудикомъ состояніи. Отважная предпримчивость и готовность къ принятію нововведеній — равно чужды быту Калмыковъ. Оставаясь всегда подъ первыми впечатлѣніями дѣтства, они коснѣютъ въ невѣжество, и при поверхностномъ взглядѣ на степныхъ Калмыковъ кажется, что они живутъ лишь инстинктивною, животною жизнью. Надо ли имъ обсудить что-нибудь, они собираются въ кучу, выслушиваютъ мнѣніе богатаго или жреца, и обыкновенно съ нимъ соглашаются. Но по-временамъ лишь въ хищныхъ набѣгахъ, въ допросахъ, при производствѣ слѣдствій, Калмыкъ дѣйствіями своими и отвѣтами осторожно и искусно умѣетъ отклонить отъ себя опасность и обнаруживаетъ свойственныя его племени хитрость, проницательность и недоувѣрчивость.

Праздность, неразлучная съ кочевымъ бытомъ, нераданіе о заблаговременномъ обезпеченіи своихъ потребностей, остатокъ удалства и наездничества, а весьма-часто страсть къ скотоводству и неимѣніе его — суть главныя причины производимыхъ Калмыками отгоновъ скота, воровства и грабежей. Такъ, въ 1841 году, было доведено до свѣдѣнія начальства о сорока случаяхъ отгоновъ скота. Самый значительный составилъ въ угонъ у Караногайцевъ 250 лошадей. Въ 1842 году отгоновъ было 44. Въ 1843 году примѣровъ отгона было 36, а въ 1844 году 33. Въ преступленіяхъ этого рода весьма-часто виновные не отыскиваются. Причиною тому: 1) Тѣсная дружба Калмыковъ между собою и страхъ подвергнуть единоврѣца наказанію, простирающійся до того, что сами завѣдывающіе Калмыками родоначальники способствуютъ виновнымъ въ укрывательствѣ и, принимая вѣдь, будто-бы содѣйствуютъ розыску и открытію виновныхъ, затрудняютъ дѣйствія мѣстнаго начальства; 2) Обширность степей, связи Калмыковъ съ Трухменцами, Караногайцами и другими кочующими народами представляютъ вся удобства къ поспѣшному сбыту угнаннаго скота, и 3) Отдаленное кочеваніе нѣкоторыхъ хотоновъ отъ главной ставки (гдѣ находится улусныя попечитель и судъ) бываетъ часто причиною тому, что хозяева отогнаннаго скота, зная связи и побужденія своихъ единоврѣцевъ къ сокрытію отгонщиковъ, отправляются сперва сами для розыска, и уже за безуспѣшностью его, иногда мѣсяць спустя, подають о томъ явки попечителю.

Преступленія эти поддерживаются между Калмыками самымъ ихъ образомъ жизни и низкою степенью ихъ нравственнаго развитія, а мѣры, принимаемыя противъ дѣлаемыхъ Калмыками безпорядковъ, затрудняются не только укрывательствомъ воровъ со стороны самихъ Кал-

мыковъ, но и безпрестанными неудобствами среди обширныхъ степей, гдѣ нельзя найти ни свидѣтелей, ни доказательствъ.

Кромѣ отгоновъ скота и грабежей, часто содѣйствуютъ разоренію Калмыковъ наклонность къ пьянству и страсть къ карточной игрѣ.

Весною, отъ сочности степныхъ травъ, которыя лѣтомъ высыхаютъ, палимыя зномя, коровы, овцы, козы и кобылы богаты молокомъ густымъ и питательнымъ. Тогда въ улусахъ появляется изобиліе выгононяемыхъ въ кумыса чигана и водки. Слѣдствіемъ неумѣреннаго употребленія ихъ бываютъ ссоры, драки. Притомъ, въ то время, при раскочеваніи и сближеніи улусовъ, что повторяется и осевью, число отгоновъ и грабежей увеличивается. Угнанный скотъ, отбитые лошади, верблюды и вещи переходятъ изъ рукъ въ руки, такъ что если преслѣдованіе не сдѣлано по горячимъ слѣдамъ, похищенное теряется невозвратно.

Хотя каждый владѣлецъ, заводчикъ, или достаточный Калмыкъ имѣетъ особенное клеймо или *тавро*, которое выжигается раскаленнымъ желѣзомъ подъ гривой лошадей, на верблюдахъ и на рогатомъ скотѣ; но скотъ похищенный, тотчасъ же по отгонѣ, *перетавриваютъ* и этимъ средствомъ представляютъ новое затрудненіе къ розыскацію и опознаванію похищеннаго.

Въ каждомъ улусѣ народу и жрецамъ извѣстны отважнѣйшіе отгонщики; но если жрецы не выдаютъ ихъ, они побуждаются къ этому выгодой, извлекаемой изъ похищенія, а народъ боится какъ ихъ, такъ и мщенія самихъ преступниковъ или ихъ сообщниковъ. Между-тѣмъ, воровъ бѣдныхъ, побуждаемыхъ къ преступленію нуждою, Калмыки мѣтуть, надразывая или совершенно отразывая имъ ухо.

Въ народѣ кочующемъ и полудикомъ, у котораго единственное богатство — стада и табуны, страсть къ отгонамъ составляетъ принадлежность его быта. Что у Калмыковъ такъ велось издавна, въ томъ свидѣтельствуетъ ихъ древнее уложеніе, §§ 9 и 80 котораго положены строгія взысканія за кражу скота (44) и исчислены все ея виды. Но уложеніе это давно потеряло свою силу, и въ-послѣдствіи времени, при упадкѣ скотоводства, не было уже возможности взыскивать огромныя штрафы по 100 и по 134 скотныи, какъ это волагалось уложеніемъ. За тѣмъ, отгоны и воровства до того сроднились съ бытомъ Калмыковъ, что эти преступленія стали считаться «несоставляющими тяжкихъ преступленій между Калмыками»; безнаказанность же за воровство менѣе трехъ разъ могла содѣйствовать увеличенію въ народѣ наклонности къ отгонамъ (45), потому-что если случалось обличать Калмыка въ кражу, то у него всегда готовъ былъ способъ ускользнуть отъ наказанія за преступленіе, подъ предлогомъ, что оно совершено имъ въ первый разъ; а невозможность поимки Калмыка въ троекрат-

(44) А о троекратномъ воровствѣ въ § 136 древнихъ калмыцкихъ постановленій сказано: «сежели кто приидитца въ трехъ кражахъ, и за те оного совѣмъ разорить».

(45) Изъ дѣлъ Калмыцкаго Управленія.

номъ воровствѣ при утонченныхъ хитростяхъ къ скрытію самыхъ слѣдовъ его, утверждала мало-по-малу въ народѣ увѣренность въ безнаказанности и придавала ему отваги; при случаѣ допроса предъ судомъ, у Калмыковъ одинъ отвѣтъ: *меткиши!* «знать не знаю!»

Списокъ содержащихся подъ стражею Калмыковъ по дѣламъ, производившимся въ судѣ Зарго, и ведомость о ходѣ ихъ, могутъ также служить вѣрными статистическими указаніями на тѣ преступленія, къ которымъ наиболее склонны Калмыки. Преступленія эти заключаются: въ самовольной откочевкѣ, угонъ лошадей и рогатаго скота, развратномъ поведеніи зайсанга и кражѣ имъ коровы, убійствѣ и ограбленіи Калмыка Калмыками же; бродяжествѣ и предъявленіи фальшивыхъ вѣдомъ, отгонъ рогатаго скота у казенныхъ крестьянъ, въ побѣгѣ отъ владѣльца, кражѣ у него вещей и т. п. Всего же производилось въ судѣ Зарго со времени открытія его на новомъ основаніи (съ 18-го августа 1836 г.) по 1-е августа 1844 года дѣлъ о кражахъ 677 и о грабежахъ 300.

Такии наклонностями Калмыковъ объясняется крайняя бѣдность многихъ изъ нихъ и вообще непостоянство народнаго богатства. Если въ этихъ преступленіяхъ остались слѣды прежняго навазничества, то они же поддерживаютъ въ народѣ невѣжество. Кочевой бытъ ихъ представляетъ обширное поприще изслѣдованій, много любопытнаго и новаго для наблюдателя, но мало утѣшительнаго...

Самое поверхностное образованіе чуждо простолюдинамъ: рѣдкій изъ нихъ обучается грамотѣ у жрецовъ; большая часть проводитъ время праздно, сидя на травѣ подлѣ кибитки и грѣясь на солнцѣ. Лишь извѣстіе объ угонѣ стада и внезапное нападеніе могутъ вывести Калмыка изъ созерцательнаго положенія. Поспѣшно садится онъ на степную лошадь, съзываетъ сосѣдей и скачетъ съ ними въ догоню за угонщиками. Удастся ли ему, или не удастся отбить похищенное, самый случай отгона остается на долго предметомъ бесѣды семьи подлѣ дымнымъ сводомъ кибитки, гдѣ дѣти, согрѣваясь около походнаго тагана, внимаютъ бесѣдѣ отцовъ съ свѣщниками и заранее свѣчаютъ съ слухами о воровствѣ и грабительствѣ.

Весьма-немногіе изъ Калмыковъ занимаются слѣсарною, столярною и токарною работами, причѣмъ ограничиваютъ ее выдѣлкою вещей, нужныхъ въ кочевомъ быту: деревянныхъ чашекъ, сѣделъ, трубокъ и т. п. Вся работы по домашнему хозяйству, шитье платья, сапоговъ, выдѣлываніе кошметъ, гонка водки, чигана, и приготовленіе нащи, составляютъ обязанность женскаго пола.

Не смотря на безпрестанно-близкое и часто жестокое обращеніе съ животными, Калмыки не перестаютъ предполагать въ нихъ существованіе душъ почившихъ ближнихъ. Степные Калмыки, особенно закисившіе въ предразсудкахъ и фанатически-преданные неразгаданной ими религіи, не рѣшаются ѣсть мясо и предпочитаютъ ему пацаль, говоря, что «то самъ бурханъ бакші приготовилъ» (46), или, закалывая живот-

(46) О бурханѣ Бакші выше сего.

ное, оставляютъ его среди степи, пока оно не испуститъ духа среди ужасныхъ мученій. Дѣйствуя такъ, Калмыкъ убѣжденъ, что остается правъ передъ бурханами, и готовъ спорить и увѣрять, что скотина убита не имъ, между-тѣмъ, какъ нанесенный ей ударъ былъ неизбежно смертельный. Калмыки, часто прикочевывающіе въ города и вообще близкіе къ нимъ по мѣсту кочевья, во многомъ измѣнили этимъ степнымъ повѣрьямъ; а жрецы, находя свой расчетъ въ томъ, чтобъ богатые скотохозяева угощали ихъ бараниной, часто разрѣшаютъ имъ мясную пищу. Изъ домашнихъ животныхъ, Калмыки всего болѣе берегутъ собаку и лошадь, даютъ имъ названіе «друга, спутника и охранителя». Издалека слышенъ лай степныхъ церберовъ при приближеніи къ калмыцкому кочевью; но по мѣрѣ вѣзда въ хотонъ, не раскрывается предъ путникомъ та живая, разнообразная картина, которую представляетъ видъ селенія, украшеннаго зеленью и нивами, слѣдами жизни и дѣятельности. Здѣсь, напротивъ, степь, предъ которой нѣ на чемъ отдохнуть глазу; ничего впереди, кромѣ бродящихъ стадъ и плохихъ жилищъ номада; а ночью, едва-видное сквозь покрыву кибитки пламя зажженнаго камыша не свѣтитъ путнику такъ отрадно, какъ огонекъ селенія. Подъ съѣю дымной кибитки вы не найдете радушныхъ привѣтствій со стороны хозяевъ: они впускаютъ васъ къ себѣ, обороняютъ отъ нападеній сторожеваго пса, дадутъ молока, баранины; но этимъ и ограничиваются выраженія степнаго гостепріимства. Калмыкъ не встаетъ предъ гостемъ: поклоны не въ обычаѣ у Калмыковъ; лишь предъ своими владѣльцами они выражаютъ покорность наклоненіемъ головы, при чемъ касаются обѣими руками земли. На первый взглядъ, Калмыки угрюмы и молчаливы. Если же они замѣчаютъ со стороны бесѣдующаго съ ними желаніе пріобрѣсть ихъ довѣренность, они окружаютъ его съ дикимъ любопытствомъ, сами стараются поддержать разговоръ, но въ отвѣтахъ своихъ всегда сметливы, осторожны, часто наивны и оригинальны, изъ чего можно вывести заключеніе, что при благонамѣренныхъ руководителяхъ и поощреніи умственнаго развитія, народъ калмыцкій можетъ со-временемъ достигнуть степени гражданскаго образованія.

Къ числу слѣдовъ прежняго удалства должно отнести физическія упражненія, составляющія предметъ забавы и народнаго увеселенія. Калмыкъ съ семи лѣтъ научается сидѣть крѣпко въ сѣдлѣ и почти съ того же времени привыкаетъ бороться по всемъ правиламъ степнаго единоборства. Растать по обширному пространству, обгонять другъ друга на коняхъ, при ободрительныхъ возгласахъ старцевъ: «сэинь! мергень! баатырь!» (хорошо, молодецъ или удалецъ, богатырь!) — составляетъ верхъ удовольствія для молодыхъ Калмыковъ. Пустятся на всемъ скаку въ табунъ степныхъ жеребцовъ, наброситъ одному изъ нихъ на шею арканъ, стянуть его и привлечь къ себѣ дикаго скакуна — минутное дѣло для Калмыка. Пока лошадь мечется во все стороны, бьетъ передними и задними ногами, становится на дыбы, — одинъ изъ удалцовъ садится на нее безъ сѣдла и удерживаясь лишь за гриву. Освободившись отъ аркана, лошадь старается освободиться и отъ сѣдока; но усмія напри-

сны — всадникъ и не пошатнется. Наконецъ, когда конь и всадникъ равно утомились, распорядители скачки пускаютъ ихъ въ догоню. Одинъ изъ нихъ подъязжаетъ такъ близко къ степному коню, что укротителю его удается въ одинъ мигъ пересѣсть къ подоспавшему на помощь его распорядителю скачки. Лишь ухватится за плечо его наездникъ, какъ онъ уже пересѣлъ на спину его лошади, возвращается съ нимъ на весь скаку къ зрителямъ и приветствуется ихъ рукоплесканіями, между-тѣмъ какъ степной жеребецъ, освободившись отъ ноши, бѣжитъ въ табунъ, который встрѣчаетъ его веселымъ ржаніемъ. Если въ скачкѣ обнаруживается необыкновенная отвага, а вмѣстѣ съ нею ловкость и хладнокровіе, противопоставленное опасности, то калмыцкое единоборство отличается тѣ же свойства Калмыковъ. Оно продолжается неопредѣленно, часто поддерживаемое равносильнымъ отпоромъ и пока одному изъ составляющихся не удалось ловкимъ движеніемъ положить другаго о-земь на спину. Слѣдствіемъ этихъ народныхъ игръ, сопровождающихъ владѣльческія пиршества (47) и составляющихъ необходимую принадлежность перекочевки и всякаго праздника въ быту замѣтныхъ Калмыковъ, бывають часто травматическія поврежденія головы, ушибы и вывихи. Не смотря на это, забавы идутъ своимъ чередомъ. Калмыки увѣрены въ искусствѣ своихъ костоправовъ, и оне действительно такъ замѣчательно, что заставляютъ предполагать въ этихъ самоучкахъ хоть невольное, истинно-знаніе системы расположенія костей.

Борьба составляетъ принадлежность празднованія браковъ. Сватовство (кельгынгъ) дѣлается посредствомъ отцовъ и родственниковъ безъ ведома невесты, а иногда и жениха. За сватовствомъ слѣдуетъ сговоръ или рукобитіе (шаагаты), которое празднуется въ кибиткѣ родителей невесты. Женихъ привозитъ ей подарки (калымъ) и такъ-сказать покупаетъ ее у отца, который беретъ у ней подарки, раздаетъ кому хочетъ, или употребляетъ на угощеніе созванныхъ по этому случаю родственниковъ и сосѣдей. Тутъ же, подруги невесты уводятъ лошадь жениха, разсѣдываютъ ее и стараются задержать его въ кругу будущихъ родственниковъ. За тѣмъ можетъ пройти пять-шесть месяцевъ, даже годъ до празднованія свадьбы. Всегда неизвѣнный въ данномъ словѣ, Калмыкъ является за невестой въ назначенный срокъ. Тогда въ кибиткѣ ея отца начинается празднованіе свадьбы (хуримъ). Молодыхъ сажаютъ рядомъ на бѣлую коню, жрецъ даетъ имъ въ руки баранью кость, какъ эмблему богатства, размноженія стада, и читаетъ молитву на непонятномъ простолюдинамъ тавгутскомъ языкѣ, — послѣ чего чиганъ (водка) и маханъ (мясо) составляютъ все угощеніе. Подъ конецъ его, мужъ зоветъ къ себѣ жену; но подруги ея изъясляютъ сватованіе о разлукѣ съ нею. Дѣло доходитъ иногда до борьбы. Въ нее

(47) Астраханскій губернаторъ Жилинъ въ журналѣ своемъ описываетъ, какъ онъ въ 1758 году объявлялъ Дондуку-Дашѣ о пожалованіи его въ ханы, и упоминаетъ, что послѣ обѣда, на который пригласилъ его ханъ, «проходила обыкновенная въ калмыцкомъ народѣ, при ихъ празднествахъ и торжествахъ, борьба».

вызываются пріятелью молодого Калмыка и, взявъ жену съ боя, онъ садаетъ ее на свою лошадь и увозитъ въ свой хатонъ. При такомъ случаѣ, отецъ, снабжая сына своего новой кибиткой и всѣмъ нужнымъ въ кочевой жизни, такъ-сказать, отдѣляетъ его, между-тѣмъ, какъ для отца Калмычки свадьба составляетъ предметъ спекуляціи. Самое отдаленное родство со стороны отца служить препятствіемъ къ браку. Изъ древняго калмыцкаго уложенія видно (§ 45), что въ то время между Калмыками допускалось двоеженство. Теперь никто изъ Калмыковъ не только не держитъ двухъ женъ, но и не имѣетъ въ памяти ни одного примѣра двоеженства (48). Они теперь утверждаютъ, что по закону ихъ болѣе одной жены имѣть нельзя. Древнимъ уложеніемъ поощрялось супружество. Каждая 40 кибитокъ должны были непременно въ-теченіе года женить четырехъ человекъ (49). Теперь число холостыхъ чрезвычайно размножилось, примѣры безплодія также очень-часты. Прежде, оно имѣло прямымъ послѣдствіемъ разрывъ брачнаго союза; и теперь случается, что по этой причинѣ супруги расходятся, причѣмъ мужъ воленъ жениться снова, а жена выйти за другого. Но безплодіе уже не ставится въ укоризну Калмычкѣ, и при такомъ безплодіи, въ случаѣ взаимной склонности, супруги продолжаютъ жить вмѣстѣ. При рожденіи ребенка, ему считаютъ годъ, т. е. считают не отъ рожденія, а отъ зачатія. Родившемуся за несколько дней или наканунѣ новаго-года (зудъ) считаютъ два года (50), ибо принято праздновать этотъ день, какъ общій день рожденія. Ребенку даютъ произвольно имя, заимствуя его отъ названій людей, животныхъ, встрѣтившихся отцу, бабкѣ или махери послѣ родовъ, или отъ перваго предмета, привлекшаго ихъ вниманіе. Такимъ образомъ объясняются некоторыя названія Калмыковъ: Могодъ (змея), Убуши (отшельникъ), Баатыръ (богатырь), Ноходъ (собака), Мажикъ (духовный, ученикъ вары), Майоръ, Приставъ, Есаулъ, Урдникъ и т. п.

Калмыки, занимающіеся рыбною ловлею, также работающіе въ приволжскихъ еленіяхъ на рыболовныхъ промыслахъ, ватагахъ и въ мочагахъ, будучи по-новосъ или по-горло въ вода съ утра до вечера, не имея ни достаточнаго закупа бѣлья, ни снокойныхъ пріютовъ, и питающіе единственно рыбою въ-продолженіе цѣлаго лѣта, подвергаются особеннаго рода болѣзнямъ. Морская горькосоленая вода развѣдываетъ ихъ кожу, превращаетъ ее въ слѣтныя, кровоточащія язвы, обезображиваетъ лицо и голову, обезсиливаетъ и истощаетъ тѣло. Скучная пища этихъ

(48) Дондукъ-Омбодъ былъ женатъ на мамикѣ своей; разведясь съ нею, онъ вступилъ во второй бракъ (не съ ламанткой впрочемъ, а съ мусульманкой); онъ при двухъ живыхъ женахъ намѣревался еще жениться на своей бабкѣ, вдовѣ Аюки-Хана, которая сама его въ этому склоняла, обѣщая доставить ему званіе хана калмыцкаго; но правительство не допустило ихъ до этого (Срав. *Геогр. Словарь Росс. Государства*, Москва, 1804 г. Ч. III, стр. 138, — также *Сельднія о Волжскихъ Калмыкахъ*, стр. 45 и 48.)

(49) Древняго уложенія § 47, п. 10.

(50) По суду Зарѣдъ дѣло о зайсангѣ Сантанѣ Мажиковѣ (1841 г.): — но обмѣчана Калмыковъ, родившіяся наканунѣ зудъ считается уже двудлѣтнимъ.

трусениковъ, полусырая, недовареная рыба, поступающая въ желудокъ, производятъ дурные соки. Воздухъ, зараженный смрадомъ жирокопъ, поступающая въ легкія, огниляетъ ихъ и довершаетъ общее худосочіе. Безпрестанно-мокрая одежда, по неимънію перемъны бѣлья, бѣдная кровь чаканной кибитки, пробиваемый дождемъ и вѣтромъ, поддерживаютъ первыя неблагопріятныя вліянія самой работы. Такимъ-образомъ, рѣдкій Калмыкъ, занимающійся нѣсколько лѣтъ рыбною ловлею, доживаетъ до старости. Работы эти суть источникъ развитія господствующей между Калмыками болъзни—скорбута. Если отъ него всего болъе страдаетъ работающій классъ, то скорбуть есть и въ степи между Калмыками кочующими, только несравненно въ легчайшей степени. Тамъ происходитъ онъ не отъ употребленія въ пищу рыбы, а отъ неумъренного употребленія вина, выгоняемаго изъ молока и падали. Наравнъ съ скорбутомъ стоятъ золотуха, проявляющаяся какъ въ золотушномъ расположеніи, такъ въ опухоляхъ и язвахъ. Сидячая праздная жизнь, недостаточность въ пищу здоровыхъ, питательныхъ частей, ослабляютъ дѣятельность лимфатической системы и железъ ея и производятъ остроту самой лимфы. Онъ являются какъ спутники внутреннихъ болъзней и какъ болъзни самостоятельныя. Чаше другихъ показываются лихорадки перемежающіяся, простудныя и желчныя. Въ Калмыкахъ, кочующихъ ниже мочаговъ около Бѣлаго-Озера и вообще около всѣхъ озеръ и рѣкъ, содержащихъ въ себѣ соленую воду, зимъчается болъшее ослабленіе кишечнаго канала; они страдаютъ общимъ изнуреніемъ тѣла и слабѣе другихъ Калмыковъ. Коровы, питаясь солонцеватыми травами и водою, даютъ соленое молоко. Здѣсь встръчаются всѣ условія къ развитію болъзней кахетическихкихъ, — худосочныхъ. Знойный климатъ въ степи, употребленіе дурнаго молочнаго вина производятъ развитіе печени, обильное отдѣленіе желчи. Отсюда берутъ свое начало хроническія воспаленія печени и желтуха. Накожныя сыпи—слъдствіе неопрятности и худосочія—встръчаются разныхъ родовъ и весьма-часто. Свобода обращенія мужскаго пола съ женскимъ, вѣшателство жрецовъ (гелюнговъ) въ дѣла семейныя, леченіе *гелюнами-эмчи* (лекарями) женщинъ тайственно, безъ свидѣтелей, и давно между многими Калмыками распространенійся венерическій ядъ размножаютъ болъзни сифилитическія, проявляющіяся въ формахъ изумительныхъ. Черпанье воды изъ глубокихъ худуковъ (51) кожаными ведрами на длинныхъ шестахъ, отъ непрестаннаго тренія въ локтевомъ, кистевомъ и коленномъ сочлененіяхъ, производятъ въ нихъ ужасныя костоуды. Особенно-многочисленны между Калмыками глазныя болъзни. Воспаленія простыя, рожистыя, катарральныя, золотушныя, слезотеченія, нарывы, язвы, свѣтлоблѣзнь, слабость зрѣнія и темная вода, проявляются въ разныхъ степеняхъ и формахъ. Причины, производящія эти болъзни: непрестанный дымъ въ кибиткахъ, нечистоты желудочныя, жаркій климатъ, простуда, приливы къ головѣ, пыль и песокъ, разносимые вѣтромъ по степи. Душевныхъ болъзней между

(51) Такъ называются колоды въ степи.

Калмыками почти не встрѣчается; чахотки рѣдки; чаще водяныя отъ брюшныхъ заваловъ и неумѣреннаго употребленія калмыцкаго чая.

О возможности уменьшенія или постепеннаго прекращенія господствующихъ между Калмыками болѣзней, врачъ калмыцкаго управленія отзывается слѣдующимъ образомъ: «Пока Калмыки, особенно бѣдные, живущіе въ мочагахъ и занимающіеся рыбною ловлею, не найдутъ себя «другихъ работъ, могущихъ доставить имъ дневное пропитаніе вдали «отъ моря, на сушѣ, пока не переимѣнятъ мѣста кочевьевъ своихъ, пока «не заведутъ повсемѣстнаго хлѣбопашества и не увеличатъ стадъ, — дотолѣ «всякія мѣры къ прекращенію скорбута и золотухи будутъ недействительны. Прекратить скорбуть на сушѣ, въ степи, можно только усиленіемъ «хлѣбной торговли, употребленіемъ здоровой пищи и питья и возможною «опрятностью, которая совершенно чужда калмыцкому быту. Прекращеніе «лихорадокъ, хроническихъ воспаленій печени и желтухи, можетъ быть «проведено при переимѣнѣ образа жизни Калмыковъ, при удержаніи ихъ «отъ пьянства и объеденія, при строгомъ наблюденіи за ихъ нравственностью. Удаленіе сыпей возможно только отдаленіемъ въ особую кибитку пораженнаго ими. Совершенное уничтоженіе сифилитическихъ «болѣзней, по причинѣ значительнаго ихъ распространенія, заразительнаго свойства и неполной довѣрчивости къ русскимъ врачамъ, — весьма «трудно. Можно зараженныя семейства заставлять кочевать вдали отъ «здоровыхъ, прибывая при семъ къ пособію медицинскому. Число глазныхъ болѣзней можно только уменьшить, но не уничтожить. Безпрестанный дымъ въ кибиткахъ зимою и лѣтомъ, пыль, песокъ, неопрятность, составляютъ въ этомъ случаѣ слишкомъ-много совокупно-дѣйствующихъ препятствій».

Эти подробныя замѣчанія о болѣзняхъ Калмыковъ и средствахъ врачеванія замѣствованы мною изъ медицинскихъ отчетовъ врача Калмыцкаго Управленія, г. Данкова. Этотъ молодой человекъ нѣсколько разъ объѣзжалъ улусы; съ сознаниемъ своего назначенія и любовью къ наукѣ, неутомимо подвизался онъ на этомъ новомъ для него поприщѣ, и, безъ сомнѣнія, со-временемъ, при частыхъ разъѣздахъ по кочевьямъ Калмыковъ, много бы принесть имъ пользы; но смерть оторвала его отъ прекрасныхъ начинаній, которымъ предавался онъ съ юношескимъ жаромъ и увлеченіемъ. Замѣчанія его о болѣзняхъ Калмыковъ помѣщены здѣсь цѣлкомъ въ томъ убѣжденіи, что рано или поздно пригодятся. Дополняемъ ихъ еще нѣсколькими строками, въ которыхъ Данковъ живо описалъ свой образъ дѣйствія въ степяхъ и высказалъ взглядъ свой на призваніе врача, примѣняющаго свои познанія къ племени кочевому и невѣжественному:

«Чтобъ быть полезнымъ полудикому народу въ его болѣзняхъ и страданіяхъ, чтобъ грубаго Калмыка увѣрить въ возможности помочь ему, чтобъ заслужить его къ себѣ довѣренность и вѣру въ средство, ему предлагаемое, чтобъ убѣдить его исполнить совѣтъ принять лекарство — мало быть просто медикомъ; сверхъ варныхъ, положительныхъ медицинскихъ званій, надо имѣть терпѣніе въ высшей степени, терпѣніе христіанское; надо быть медикомъ, философомъ, христіаниномъ и ора-

«торомъ. Но для многихъ весьма-мало в этого. Калмыку нуженъ фактъ, «смыслъ, доказательство успѣховъ европейской медицины, или онъ ровно «ничему не коварить и на предлагаемое врачомъ средство не согласит- «ся совершенно. Благодаря Провидѣнію, мнѣ удалось въ Багацохуров- «скомъ Улусѣ гелюргу Осуру, въ Эркетевскомъ простому Калмыку «Дорин Очирову и очень-многимъ другимъ согнать съ глазъ *раппит*; «и слухи о возвращеніи зрѣнія, о доставленіи *божія свѣта*, какъ они «выражаются, пронеслись по степи, обратили ко мнѣ всѣхъ, сначала «страждущихъ глазными болезнями, а вскорѣ и всѣми, какія только «была во время менѣхъ разяздовъ по калмыцкимъ кочевьямъ. По при- «родѣ боясь крови и только въ весьма-рѣдкихъ случаяхъ обращаясь къ «цѣлканью, простымъ разязданью кожи и ничтожному кровопусканію (во «всей степи производимому только двумя оспопрививателями: эркетев- «скимъ Маломъ-Тонко-Джалевымъ и багацохуровскимъ Джиргаломъ «Отеевымъ), Калмыки уступали убжденіямъ и соглашались пустить по- «требное количество крови, но съ тѣмъ, чтобъ самъ врачъ пускалъ «кровь, а не фельдшеръ. Такимъ-образомъ, убждалась ласковымъ съ ни- «ми обращеніемъ, кротостію, терпѣніемъ, видимымъ превосходствомъ «европейской медицины надъ шарлатанствомъ гелюгуровъ, а также без- «денежною раздачею лекарствъ изъ дорожной аптеки Калмыцкаго Упра- «вленія, свободнымъ, всяковременнымъ доступомъ ко врачу и скорымъ «удовлетвореніемъ ихъ требованій, доставился случай узнать характеръ «и сущность болезней ихъ ближе, вѣрнее, основательнее.

«Пользуясь случаемъ, ведя ежедневный журналъ, записывая имя каж- «даго больного, его болезнь, лѣтъ и способъ врачеванія, занимаясь на- «укою съ любовью,—я замѣтилъ, что неслорченная никакими медик- «ментами натура Калмыка требуетъ полной отчетливости и строгой об- «думанности въ выборъ и вприсавіи средствъ для излеченія какой бы «то ни было болезни. Такъ, рвотное, слабительное, потогонное пропи- «сывать надобно рѣшительно въ самыхъ малыхъ приѣмахъ, иначе рвот- «ное слабитъ, слабительное рветъ, потогонное обезсилятъ до изнемо- «женія.

«Кровопусканіе, по причинѣ худосочнаго сложенія, производилось съ «необыкновенною осторожностію и въ весьма-маломъ количествѣ. Тамъ, «гдѣ русскому крестьянину можно пустить, на-примѣръ, въ горячку, въ «разное время въ-продолженіе болезни, три-четыре тарелки крови, Кал- «мыку можно пустить только одну, и то въ два раза.

«Лучше всего оказываетъ на Калмыковъ свое дѣйствіе холодная во- «да. Строгий послѣдователь метода Присница, я увѣрился опытомъ, что, «при леченіи гемороя, заваловъ, разстройствъ нечечи, во всѣхъ видахъ «лихорадокъ, холодная вода для Калмыковъ средство спасительное. Въ «болезняхъ этихъ ставили больнымъ изъ холодной чистой ключевой «воды клистиры, оканивали сквозь рѣшето изъ устроенной мною жестя- «ной ручной ванны, въ видѣ дождя, и дѣлали примочки. Но жаль, что «не во всѣхъ улусахъ можно найти греефенбергскую воду. Только въ «Большомъ, особенно въ Маломъ Дербетовскихъ, и то весьма въ немно- «гихъ ключахъ, есть вода, содержащая въ себѣ не такъ много посто-

«роннихъ примѣсей; въ прочихъ же улусахъ худучная вода (52) изъ ко-
«паней, содержитъ въ себѣ соли, известъ, желѣзо и проч.»

Страхъ, наводимый на вольныхъ чадъ степей видомъ страданій ближ-
няго и его смерти, неизвѣстность будущей судьбы, ослабляющая вѣра
въ проповѣдуемый гелюнгами законъ метампсихозы, — вотъ, кажется,
причины того, что Калмыки не умѣютъ оплакивать прахъ ближняго,
а тотчасъ послѣ его смерти снимаютъ кабитку и отрочевываютъ въ
отдаленное мѣсто, оставляя трупъ на съѣденіе хищнымъ птицамъ и
звѣрамъ (53), или бросивъ его въ воду. Оба эти способа обывать мер-
твые тѣла, заражая воздухъ и воду, были поводомъ къ строгимъ мѣ-
рамъ и преслѣдованіямъ со стороны улусныхъ начальствъ; но, по расла-
женію кочевьевъ на обширномъ пространствѣ, по отдаленности главной
ставки отъ многихъ хановъ и по причинѣ топкости и шаткости при-
брежій моря (мочаговъ), улуснымъ попечителямъ и мечажному смотри-
телю съ ихъ незначительными казачьими командами не всегда удается
преслѣдовать зло: и до-сихъ-поръ прозжающему по калмыцкимъ сте-
памъ случается видать разсыянно-лежащія черепа и кости...

Какъ въ-отношеніи браковъ, увеселеній, борьбы, такъ и обраде по-
гребеній, Калмыки уже много измѣнили своимъ единоплеменникамъ, Ти-
бетцамъ (54).

Въ сословіяхъ владальцевъ и зайсанговъ лучше сохранились древніе
обряды, и это отъ-того, что состояніе этихъ лицъ дѣлаетъ имъ болѣе
сродство къ обличенію съ религіей и къ строгому выполненію ея тре-
бованій. Если, впрочемъ, при рожденіи младенца, въ семействахъ владаль-
ческаго, неморожденному даютъ также иногда имя какого-нибудь пред-
мета, то здѣсь болѣе допускается произволъ, а всего чаще имена даютъ
ся тибетскія или монгольскія, замѣствуемыя жрецами изъ ихъ духов-
ныхъ книгъ. Въ обоихъ случаяхъ, въ именахъ, даваемыхъ владальцамъ,
является что-то поэтическое. Такииъ-образомъ, Менкѣ Насунъ значитъ
многолѣтняя жизнь, Бадма—цѣлюкъ, Церенъ—Норбо—вѣчная драгоцен-
ность, Эльюнцохъ—верхъ благополучія, Утпала—астра, Эрдені—со-
кровище, Баатырь—Убуши, Богатырь—отшельникъ. Затѣмъ есть имена
весьма-звучныя, какъ на-примѣръ, Очиръ, Заигбо, Сербе-Джапъ, Дон-
докъ, Очирта, — значеніе которыхъ не соглашаются посвящать даже тѣ
лица, которыя носятъ ихъ, отзывалось, что эти имена замѣстуются въ
тибетскихъ книгъ, употребляемыхъ при богослуженіи, и потому соста-
вляютъ принадлежность религіи, о которой говорятъ, считаясь за смер-
тный грѣхъ.

Лица владальческаго и зайсангскаго происхожденія обучаются съ-дет-
ства гелюнгами грамотѣ калмыцкой; изученіе языковъ тибетскаго и
монгольскаго замѣтно ослабѣваетъ въ сословіи пойноръ. Обучаются рус-

(52) Т. е. вода, добываемая изъ худуковъ—козеловъ или козачей.

(53) Замѣчательно, что въ 1797 г., когда Графъ Потоцкій описывалъ Калмыковъ, они
поступали такимъ же образомъ, и что то же дѣлаютъ, по замѣчанію г. Чкалова,
(Voyage dans l'Asie Orientale p. 47) ихъ сибирскіе единоплеменники.

(54) Ср. Описаніе Тибета, стр. 132, 154—162.

ской грамотъ они имѣютъ всегда случай отъ улусныхъ попечителей, томачей или казачьихъ урядниковъ. Если въ родъ владѣльцевъ Тундутовыхъ и Тюменей издавна ведется изученіе русскаго языка, то оно ограничивается лишь самыми необходимыми въ практической жизни свѣдѣніями, и Церенъ-Норбо-Тюмень, управляющій Хошоутовскимъ Улусомъ за старостью брата, представляетъ единственный примѣръ калмыцкаго владѣльца, пишущаго по-русски не только безошибочно, но и съ некоторою изысканностью слога, который образовался у Церена чтеніемъ выписываемыхъ имъ журналовъ, историческихъ книгъ и сочиненій о сельскомъ хозяйствѣ. Послѣднихъ много въ библіотекѣ Церена, и ему уже не разъ случалось съ успѣхомъ примѣнять заключающіяся въ нихъ наставленія къ завѣдыванію Хошоутовскимъ Улусомъ. Большая часть владѣльцевъ и зайсанговъ по образу жизни отличается весьма-немногимъ отъ простолюдиновъ (55), именно тѣмъ, что носятъ платье изъ тонкихъ суконъ, горскіе чекмени, обшиваемые позументами, или шелковыя халаты, имѣютъ столовую посуду, серебряныя приборы и т. п. Какъ зайсанги, такъ и владѣльцы привыкаютъ съ-дѣтства къ кочевому образу жизни, любятъ суровую степную пищу и курятъ простой табакъ изъ калмыцкихъ трубокъ съ коротенькими чубуками. Тундутовы и Тюмени представляютъ и тутъ исключеніе, но не полное. Если они являются въ казачьихъ мундирахъ, живутъ въ домахъ, имѣютъ русскихъ поваровъ, то этимъ требованіямъ европейскаго быта хошоутовскіе и малодербетовскіе владѣльцы покоряются лишь временно, или по случаю принятія пріѣзжающихъ къ нимъ гостей, или на зиму, между-тѣмъ, какъ лѣтомъ владѣльцы эти кочуютъ, какъ и прочіе, съ своими подвластными. Дорогія ружья и пашки составляютъ принадлежность убранства владѣльческихъ кибитокъ и покоевъ. У нѣкоторыхъ владѣльцевъ сохранились и берегутся, какъ древность, панцыри калмыцкихъ хановъ, тайшей и наездниковъ. Это латы изъ узкихъ желѣзныхъ пластинокъ, кольчатые или изъ цѣпочекъ, совершенно-такіе, какія повинны употребляются Тибетцами (56). Страсть къ разведенію стадъ и табуновъ развита въ высшей степени у богатыхъ владѣльцевъ и проявляется иногда въ желаніи облагородить калмыцкую породу лошадей, въ поддержкѣ конскихъ заводовъ и т. п. Увеселенія владѣльца составляютъ зѣриная и птичья охота, верховая ѣзда, скачки лошадей и верблюдовъ, также борьба или гладиаторскія игры подвластныхъ ему Калмыковъ. Значительность какъ владѣльца, такъ и зайсанга опредѣляется между ними не столько превосходствомъ образованія и ума, сколько богатствомъ. Военныя заслуги и вознагражденіе ихъ со стороны правительства также придаютъ много вѣса владѣльцу. Подвиги его дѣла-

(55) Г. Чихачевъ нашелъ то же между сибирскими Калмыками. Ср. стр. 66 его «Voyage dans l'Asie».

(56) Срав. Описаніе Тибета, стр. 134. Такими панцырями и оружіями любовался въ 1897 году гр. Потемкинъ (ср. 77 стр. его путешествія) у хошоутовскаго владѣльца Тюмень-Джиргала, и почти полѣтка спустя мы нашли ихъ въ домѣ его сына, полковника Серба-Джапа-Тюмени въ его оружейной комнатѣ.

ются предметомъ народныхъ повѣстей и пѣсень, особенно, когда трудности похода раздѣляли съ владѣльцемъ подвластные ему Калмыки (57). Смерть владѣльца на полѣ брани обращается въ славу его семейству (58), и это ведется такъ изстаря, въ-свидѣствіе образа мыслей, занесеннаго съ Тибета (59). Смерть владѣльца въ кругу родственниковъ повергаетъ ихъ въ уныніе. Трупъ нойна, а иногда и зайсанга погребается или сожигается. Какъ тотъ, такъ и другой обрядъ не столько сообразуется съ мнимыми гаданьями жрецовъ-астрологовъ (гелюнга-зурхачи), сколько съ ихъ расчетомъ. Сожженіе трупа требуетъ большихъ приношеній на хуруль, прахъ складывается въ урну и хранится въ капищѣ. На поминаловіе отпускаются деньги и дѣлаются подарки гелюнгамъ, которые, принимая ихъ отъ родственниковъ умершаго, утѣшаютъ ихъ, говоря, что хурульные молитвы будутъ содѣйствовать переселенію его души «въ человека». Наружные знаки прискорбія выражаются со стороны членовъ владѣльческаго семейства тѣмъ, что они не надѣваютъ въ-продолженіе нѣкотораго времени богатаго платья, дорогаго оружія, золотыхъ и жемчужныхъ серегъ и т. п. Обрядъ погребенія совершается рѣже. Прежде, надъ прахомъ лицъ новнскаго или зайсангскаго происхожденія возвыгались въ степи памятники (бумбѣ или цацѣ). Они дѣлались изъ простыхъ камней и устроивались съ отверстіемъ съ одной стороны, такъ-что въ нихъ съ небольшимъ трудомъ можно было войти. Внутри ихъ развѣшивались изображенія бурхановъ (60), писанныя на китайской бумагѣ или въ видѣ мѣдныхъ и деревянныхъ встукановъ; но теперь большая часть этихъ кургановъ опустошена проезжавшими въ улусы посторонними лицами, охотниками до древностей, и хотя этотъ обрядъ погребенія выводится между Калмыками, однакожь случается видѣть, что они преклоняются предъ цацами и какъ-бы молятся надъ ними, показывая тѣ знаки подобострастія и уваженія, которые проявляются въ ихъ отношеніяхъ къ владѣльцамъ при ихъ жизни.

Нойны, составляя высшее сословіе (потомство хановъ или состоявшихъ съ ними въ родствѣ владѣльцевъ), правила въ древности каждый праведнымъ имъ въ Россію поколѣніемъ Калмыковъ или доставшимся ему улусомъ почти-независимо отъ главы Калмыцкой Орды. Владѣтельство хановъ представляетъ рядъ междоусобій ихъ съ владѣльцами. Взаимныя набѣги, общее неустройство и замѣшательство властей доказываютъ, что границы правъ не были опредѣлены съ точностью, и что уложеніе 1640 г., которое есть не что иное, какъ политическій договоръ между ойратскими и монгольскими вождями, не соблюдалось съ точностью. Это подтверждается домогательствами на господство, о которомъ въ этомъ уложеніи и рѣчи не было, и отсут-

(57) Примѣръ тому: премьер-майоръ Тюмень-Джиргалъ и полковникъ Сербе-Джалъ Тюмень.

(58) Геройская смерть Баатыра-Убуши Тюмена подъ Остроленкой извѣстна почти каждому Калмыку.

(59) Ср. Описаніе Тибета, стр. 161.

■ (60) Божества ламантовъ. Ср. Описаніе Тибета, стр. 131.

ствіемъ единодушія, которое этимъ уложеніемъ признавалось необходимымъ. Хо-Урлюкъ былъ предводитель Торгоутовъ, приведенныхъ имъ въ Россію; сынъ его Шукуръ-Дайчинъ и внукъ Бунчукъ, оба тайши, а не ханы, вели переговоры съ русскимъ правительствомъ за весь народъ; наконецъ, Аюка, наследовавъ ихъ права, присоединилъ къ нимъ званіе хана. Такимъ-образомъ возникла новая власть, безъ границъ, безъ предѣловъ. Въ послѣдствіи времени, хотя преемники Аюки утверждались въ своемъ достоинствѣ императорскими грамотами, а съ другой стороны тибетскимъ Далай-Ламой и Богдо-Ханомъ, желавшимъ возвратити Ойратовъ подъ свою власть; хотя калмыцкіе ханы не разъ водили калмыцкій народъ къ побѣдѣ надъ Кубанцами и Туркменцами, но ханы были только обладателями многочисленнѣйшаго поколѣнія Ойратовъ, — торгоутовскаго, и, не пользуясь на-самомъ-дѣлѣ большою властью, хотѣли ей придать значеніе, подвластивъ себѣ вполне прочихъ владѣльцевъ. Злоупотребленія власти съ одной стороны, зависть, гордость и упорство съ другой, — вотъ источники распри и раздоровъ, раздражавшихъ Калмыцкую Орду междоусобіями. Они утихли, когда, по ухodu Убуші, постановлено было, чтобъ каждый владѣлецъ правилъ своими людьми независимо (1771); но возстановленіе (въ 1800 г.) званія намѣстника Калмыцкой Орды въ лицѣ малодербетовскаго владѣльца тайши Тундутова, неопредѣленность его вліянія на владѣльцевъ, пріобрѣвшихъ между-тѣмъ неограниченную власть надъ Калмыками своихъ улусовъ, произвели распри и неудовольствія между намѣстникомъ и владѣльцами, послѣдствіемъ которыхъ были частыя всеподданнѣйшія просьбы намѣстника о подтвержденіи его правъ, о исправленіи древнихъ законовъ, недостаточность которыхъ для тогдашняго положенія орды Тундутовъ понималъ и, по неопредѣленности своихъ отношеній къ владѣльцамъ, выраженныхъ въ грамотахъ лишь общими словами, могъ желать ожидая отъ исправленія древнихъ законовъ опредѣленія мѣры своего вліянія и ограниченія власти владѣльцевъ. Но Тундутовъ умеръ въ 1803 г. Съ упраздненіемъ, по смерти Тундутова, званія намѣстника, владѣльцы стали пользоваться снова властью безъ границъ. Съѣздъ ихъ въ Зинзисталахъ (въ 1822 г.) для исправленія древняго уложенія, не повелъ къ достиженію предположенной цѣли, а возбудилъ лишь несогласія между владѣльцами. Власть ихъ осталась неопредѣленною, — а между-тѣмъ (въ 1825 г.), калмыцкій народъ подчиненъ особому управленію, составленному изъ губернскихъ властей, обще съ депутатами отъ калмыцкихъ владѣльцевъ, зайсанговъ и духовенства. Хотя учрежденной въ Астрахани Комиссія Калмыцкихъ Дѣлъ и вмянено въ обязанность наблюдать за управленіемъ улусами со стороны владѣльцевъ, за сборами доходовъ въ пользу ихъ и зайсанговъ (61), но въ то же время внутреннее управленіе улусами предоставлено самимъ владѣльцамъ при внушеніи прекращать вся несогласія и притязанія какъ между ихъ подвластными, такъ и между зайсангами ихъ улусовъ (62); ближайшимъ блюстителемъ полиціиска-

(61) Правилъ Высочайше утвержденныхъ 10 марта 1825 г., § 13, п. 2 и 3.

(62) Тамъ же, § 51.

го порядка въ улусахъ, частнымъ приставамъ, предписано не входить въ ихъ внутреннее управленіе (63), а между-тѣмъ ни степень власти владѣльцевъ надъ подвластными имъ, ни мѣра зависимости послѣднихъ, ни отношенія зайсанговъ къ владѣльцамъ — еще не были приведены въ извѣстность (64). Вопросы эти, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ предложенные главному приставу, вѣроятно, не были имъ пояснены; по крайней-мѣрѣ, при введеніи въ дѣйствіе управленія Калмыками по правиламъ, Высочайше утвержденнымъ въ 1825 году, — свидѣнія эти поручалось собрать открытой тогда въ Астрахани Коммиссіи Калмыцкихъ Дѣлъ. Злоупотребленія владѣльцевъ состояли въ томъ, что, пользуясь беспредѣльною властью надъ простолюдинами, кой-коіе стали входить въ неоплатные долги, а для удовлетворенія кредиторовъ облагали народъ непомѣрными поборами (65), въ чемъ владѣльцамъ содѣйствовали и зайсанги. Вся мѣра, принятая мѣстнымъ начальствомъ къ начертанію правилъ — какъ оградить Калмыковъ отъ разоренія по дѣлаемымъ ихъ владѣльцами займамъ, — не имѣла никакого успѣха, пока сенаторъ Энгель, въ бытность свою въ Астрахани въ 1827 г., не постановилъ, обще съ Коммиссіею Калмыцкихъ Дѣлъ, временныя правила (въ-послѣдствіи обратившіяся въ законъ), при чемъ вся калмыцкіе владѣльцы дали сенатору подписку въ томъ, что, по уплатѣ прежнихъ долговъ, никто изъ нихъ не будетъ впредь взимать съ своихъ подвластныхъ болѣе 25 руб. асс. съ кобитки. Послѣ сдѣланныхъ такимъ-образомъ ограниченій, никакой новый долгъ не можетъ пасть на общество калмыцкое, неучаствующее въ займахъ, а взъяскивается съ лица, которое выдало актъ или поручилось въ платежъ по этому акту (66).

(63) § 45 Правилъ Высочайше утвержденныхъ 10 марта 1825 года.

(64) Тамъ же, § 28.

(65) Вотъ что г. Страховъ говоритъ въ своей брошюрѣ: *Иныишнее Состояніе Калмыцкаго Народа, Слѣд. 1840 г.* о томъ, какъ тогда въ-которые калмыцкіе владѣльцы особенно изыскали способамъ разоренія своихъ подвластныхъ: «Занимая у Армянъ, Татаръ и Донцовъ деньги, владѣльцы всегда пишутъ заемныя обязательства на имена богатыхъ подвластныхъ, а сами подписываются и прикладываютъ свои печати къ роду свидѣтелей о ихъ займахъ. Если дѣло доходитъ до взысканія денегъ, тогда владѣлецъ не только остается неприкосновененъ, но какъ правитель улуса и свидѣтель, заступающійся за свое сиоручительство, домогается заимодателю утѣснять подписавшихся въ займъ той суммы, которую самъ онъ взялъ и промывалъ. Отъ сего зловреднаго способа разорять подвластныхъ, понуишь съ цѣлыхъ улусовъ продолжаютъ взыски тѣхъ неизмѣрныхъ долговъ, которые разными владѣльцами были взяты и издержаны. Разореніе подвластныхъ тѣмъ еще болѣе умножается, что владѣлецъ, занимая деньги, ни мало не заботится о процентѣхъ, а торопится и притуждаетъ подвластныхъ скорѣе выдать деньги и подписаться подъ заемными писемными. Отъ сего происходитъ, что Армяне, Татары и Донцы берутъ неизмѣрныя проценты. Владѣлецъ, получивъ деньги, даже и о томъ ни мало не заботится, что съ подвластнаго по незнанію и простотѣ его вторично и третично взыскиваютъ за вложенныя имъ деньги и что таковыя взысканія дѣлаютъ по мнѣванію слишкомъ 10-ти, а иногда и 17-ти лѣтъ. Для уплаты долговъ, продажа скота за безцѣнотъ довершаетъ разореніе».

(66) Высочайше утвержденныя 6 августа 1828 г. Правила о калмыцкихъ займахъ, — и Св. Зак. Т. IX (изд. 1842) ст. 1248.

Въ составъ преемствъ, которые были составляемы съ 1827 по 1834 г., входили дальнѣйшія предположенія сенатора Энгеля, Азіатскаго Комитета и астраханскаго военнаго губернатора объ ограниченіи власти владѣльцевъ; по незадолго до изданія нынѣ-дѣйствующаго положенія, т. е. въ 1834 г., владѣльческое управленіе представляло слѣдующія противоположности, свидѣнія о которыхъ заимствуются изъ описаній очевидцевъ (66): «Яндыковскимъ Улусомъ управляетъ владѣлецъ Церенъ-Убуныи, Болшедербетовскимъ владѣлецъ капитанъ Очиръ Хапчуковъ. Оба они въ чрезвычайномъ почтеніи и уваженіи у своихъ подвластныхъ. Первый собираетъ албанъ смотра по состоянію каждаго семейства и не свыше положенныхъ 25 руб. асс., даже менше; а Очиръ Хапчуковъ беретъ албанъ только съ богатыхъ по 200 р. асс. съ каждаго; но на отягощеніе сею повинностью жалобъ не слышно. Вообще же, видна бѣдность. Скотоводство весьма-незначительное и одни остатки отъ прошедшей гибели во время мнувшихъ жестокихъ зимъ. У рѣдкихъ есть отъ 100 до 300 или 400 головъ разнаго скота. Много нуждающихся въ пропитаніи, кое поддерживаютъ себя, у кого есть рогатый скотъ, — мелоконъ и приготавливаемыи изъ него съestyными припасами; остальные же питаются падшимъ скотомъ.» — Если теперь калмыцкій народъ вообще находится въ лучшемъ протаву прежняго положенія, то къ числу причинъ, содѣйствовавшихъ улучшенію его, должно отнести постановленіе правъ владѣльцевъ въ опредѣленные границы.

Калмыцкіи уложеніемъ 1640 года, § 45, опредѣлено было: «отецъ дѣлитъ имѣніе свое между сыновьями по обыкновенію». Что значило дѣлить по обыкновенію, неизвѣстно; но должно полагать, что обыкновеніе было соблюдено въ 1724 г., когда, по смерти Аюки-Хана, торгоутское поколѣніе Калмыковъ раздѣлилось между сыновьями Аюки: Дондукомъ-Дашіи и Гюнджи, на два улуса: Яндыковский и Икицохуровскій (68). Если таково было обыкновеніе въ древности, то въ послѣдствіи времени оно не соблюдалось. Нѣкоторые владѣльцы предоставляли улусы во всей цѣлости старшему въ родѣ, а другіе раздѣляли ихъ между близкими родственниками, руководствуясь въ томъ и другомъ случаѣ собственнымъ произволомъ (69). Были также примѣры оставленія улуса по духовному завѣщанію (70) и дарственной записи (71).

Съ 1836 года, т. е. со времени введенія въ дѣйствіе положенія объ управленіи Калмыками; Высочайше утвержденнаго въ 1834 г., улусы не раздробляются, а переходятъ нераздѣльно къ старшему въ родѣ въ случаѣ смерти владѣльца или поступленія его въ духовное званіе (72).

(67) Донесенія 1834 г. августа мѣсяца, — чиновниковъ, командированныхъ въ улусы военнымъ губернаторомъ.

(68) Изъ дѣлъ суда Зарго.

(69) Донесеніе астр. военнаго губернатора Паткина министру внутреннихъ дѣлъ отъ 23 февраля 1833 г. № 42.

(70) и (71) Объ этомъ будетъ говорено далѣе при подробномъ разсмотрѣніи древнихъ судебныхъ обычаевъ Калмыковъ.

(72) Св. Зак. (изд. 1842 г.) Т. II, ст. 1283 и 1284.

Каждый улусъ, исключая казенныхъ, завѣдываемыхъ правителями (73), управляется самимъ владѣльцемъ (74), который имѣетъ въ непосредственной своей подчиненности всѣхъ зайсанговъ и простыхъ Калмыковъ его родового улуса, и нойнское достоинство котораго распространяется на его потомство.

Подвластные нойну Калмыки благоговѣютъ предъ нимъ и изъявляютъ ему всячески свою покорность; однакожь нойнъ не имѣетъ правъ крепостнаго владѣнія Калмыками своего улуса: онъ не можетъ ни продавать, ни закладывать, ни дарить ихъ (75), а въ доходъ съ нихъ взимаетъ не болѣе какъ по 7 р. 14 к. съ каждой кибитки (76).

Хотя нѣкоторые изъ нойновъ именуютъ себя князьями, какъ напримѣръ: Тюменъ и Тундутовы, но ни одному изъ нихъ титулъ этотъ не подтвержденъ официально. Собственно права нойновъ-владѣльцевъ заключаются въ слѣдующемъ: тѣ изъ нихъ, которые не имѣютъ орденовъ или чина, дающаго потомственное дворянство, пользуются правами лачныхъ дворянъ; всѣ же принадлежащія къ владѣльческимъ родамъ принимаются въ службу наравнѣ съ дворянами; судятся въ судъ Зарго и изъяты отъ телеснаго наказанія (77). Завѣдывающіе улусами нойны-владѣльцы имѣютъ право рѣшать словесно по калмыцкимъ обычаямъ дѣла спорныя между своими подвластными (78), председательствуютъ въ улусныхъ судахъ съ званіемъ улусныхъ судей (79), отлучаются изъ Астраханской-Губерніи не иначе, какъ съ разрѣшенія военнаго губернатора, и на время отсутствія поручаютъ управленіе улусомъ одному изъ родственниковъ, который не долженъ быть моложе 25 лѣтъ (80).

Зайсани составляютъ сословіе, хотя подчиненное нойнамъ-владѣльцамъ, но отличающееся преимуществами. Еще до прихода въ Россію, нѣкоторые изъ простыхъ Калмыковъ получили отъ тибетскаго Далай-Ламы грамматы, которыми пожаловано имъ было съ потомствомъ званіе зайсанговъ. Нѣкоторыя изъ этихъ грамматъ сохранились повнѣ. Изъ нихъ видно, что пожалованіе это сопряжено было съ нѣкоторыми преимуществами и правами владѣнія. По приходѣ Калмыковъ въ Россію, ихъ ханы возвели нѣсколькихъ простолюдиновъ въ званіе зайсанговъ

(73) Правителей въ казенныхъ улусахъ Багацоуровскомъ и Эркетеневскомъ по одному. Соединеннымъ управленіемъ вновь отсужденныхъ въ казну улусовъ Яндыковскаго и Икпцоуровскаго завѣдываютъ опекуны впредь до назначенія правителей.

(74) За малолѣтствомъ или дурнымъ поведеніемъ владѣльца, управленіе улусомъ вѣрится опекунамъ. На-прим. Большедербетевскій Улусъ состоитъ въ управленіи опекуна, за устраненіемъ отъ сего владѣльца Джиргала. Объ учрежденіи опеки ст. 621 II Т. Св. Зак. (изд. 1842 г.).

(75) Св. Зак. (изд. 1842 г.) Т. IX, ст. 1254.

(77) Тамъ же, Т. II., ст. 592 и IV, ст. 628, 630—632.

(77) Тамъ же (изд. 1842 г.) Т. II, ст. 1229, 1261, 1255 и 1256.

(78) Тамъ же, Т. X, ст. 3519. О томъ, какъ они пользуются этимъ правомъ, скажется при разсмотрѣніи древнихъ судебныхъ обычаевъ, въ слѣдующей главѣ.

(79) Тамъ же (изд. 1842 г.) Т. II, ст. 540.

(80) Ст. 1260 Т. IX Св. Зак. (изд. 1842 г.) и примѣчаніе.

при пожалованіи аймаками (81) и освобожденіи отъ повинностей. Изъ пришедшихъ съ Калмыками въ приволжскія степи зайсанговъ и изъ возведенныхъ въ это званіе ханами простолюдиновъ образовалось сословіе. — Заргачі, т. е. члены Заргò, назначаемы были ханами изъ числа зайсанговъ торгоутовскаго поколѣнія, составлявшаго родовое достояніе хановъ; но злоупотребленія, бывшія послѣдствіемъ безусловной зависимости этихъ судей отъ хана, были поводомъ къ тому, что правительство въ 1762 году признало необходимымъ назначеніе въ Заргò зайсанговъ, подвластныхъ прочимъ калмыцкимъ владѣльцамъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, уходъ Убуші въ Россію (въ 1771 году) былъ поводомъ къ Высочайшему повелѣнію, чтобы каждый владѣлецъ своимъ улусомъ правилъ независимо. Если предположить, что до этого времени въ составъ владѣльческихъ улусовъ были зайсанги, предки которыхъ возведены были въ это званіе до прихода Калмыковъ въ Россію, то съ 1771 г. предоставленіе независимаго управленія владѣльцамъ могло быть поводомъ къ возведенію ими некоторыхъ изъ подвластныхъ имъ Калмыковъ въ зайсангское званіе, при освобожденіи ихъ отъ повинностей и пожалованіи аймаками. Какъ на возведеніе въ званіе зайсанга, такъ и на сопряженное съ нимъ иногда владѣніе аймакомъ, нойны-владѣльцы давали грамоты или письма за своею подписью и печатью (тамга) (82). Это дѣлали иногда владѣльцы, удовлетворяя ходатайству простолюдиновъ, избравшихъ изъ среды себя зайсанга для управленія ихъ аймакомъ. Такъ-какъ возведеніе въ званіе зайсанга не всегда было сопряжено съ пожалованіемъ аймака, то зайсанги раздѣляются на «аймачныхъ» и «безаймачныхъ». Владѣльцы, присвоивъ себѣ право жаловать званіе зайсанга, стали и низводить съ этого званія пожалованныхъ ими по своему усмотрѣнію, при чемъ отбирали у нихъ аймаки и передавали другимъ зайсангамъ.

Въ 1833 г., мѣстное начальство находило, что «весьма-полезно было бы воспретить владѣльцамъ возводить въ званіе зайсанга безъ утвержденія высшаго правительства и лишать аймаковъ безъ приговора суда, ибо некоторые владѣльцы, по личному пристрастію или въ слѣдствіе прискосковъ людей недостойныхъ, предоставляютъ имъ званіе зайсанговъ, а съ другой стороны иногда лишаютъ этого званія людей благонамѣренныхъ; почему, слѣдствіемъ этой зависимости бываетъ, что въ желаніи войти въ милость владѣльца и опасенія потерять ее, зайсанги дѣлаются рабскими угодниками своего властелина и вѣрными орудіями его къ притѣсненію простыхъ Калмыковъ» (83).

Но въ составъ Высочайше утвержденнаго въ 1834 году положенія объ

(81) Донесеніе военнаго губернатора Пяткина министру внутреннихъ дѣлъ отъ 23 февраля 1833 г. № 42.

(82) Древнѣйшая изъ сохранившихся нойнъ владѣльческихъ грамотъ относится къ 1778 г. и подтверждаетъ изъясненное предположеніе, что владѣльцы начали возводить въ званіе зайсанговъ съ того времени, когда, не имѣя надъ собой ни хана, ни намѣстника, стали управлять независимо каждый своимъ родовымъ улусомъ.

(83) Ср. далѣе въ V главѣ: «Обычай возведенія въ зайсангское званіе».

управленіи Калмыками, не вошло означенное предположеніе, — а между тѣмъ зайсангамъ аймачнымъ присвоены права — потомственныхъ, а безаймачнымъ — личныхъ почетныхъ гражданъ (84). Первымъ предоставлено управленіе ихъ родовыми аймаками и заниманіе съ каждой кибитки по 57 коп. сереб., какъ въ казенныхъ, такъ и владѣльческихъ улусахъ (85); изъ сословія зайсанговъ избираются засѣдатели въ улусные суды (86), а, за недостаткомъ лицъ владѣльческаго происхожденія, и ассессоры въ Советъ Калмыцкаго Управленія и судъ Зарго.

Къ обязанностямъ зайсанга, кромѣ ближайшаго завѣдыванія его аймакомъ, принадлежить заниманіе сборовъ и нарядъ Калмыковъ на кордонную службу.

Владѣніе многими аймаками основано на преданіи и не подкрѣпляется никакими грамотами, владѣльческими письмами или другими документами. Есть между зайсангами очень-бѣдные, напримеръ: опекувъ Яндыковскаго Улуса, кромѣ дохода съ завѣдываемаго имъ аймака, не имѣетъ почти никакого богатства, ни одного верблюда: у него есть лишь несколько головъ рогатаго скота и одна лошадь. Этимъ объясняется то, что зайсанги бывають иногда замѣшаны въ грабежи, отгоны, или сами безъ сообщниковъ покушаются на воровство. Сословіе зайсанговъ образовалось изъ простолюдиновъ; имѣя ближайшее завѣдываніе надъ ними и будучи въ безпрестанно — близкихъ съ ними отношеніяхъ, зайсанги вовсе не пользуются со стороны народа тѣмъ уваженіемъ, которое оны воздають войнамъ, представителямъ сословія самостоятельнаго и могущественнаго. Не всѣ зайсанги грамотны и рѣдко можно найти между ними такого, который бы правильно говорилъ и писалъ по-русски.

Имѣя въ виду начать образованіе калмыцкаго народа съ высшихъ сословія, мѣстное начальство признало полезнымъ открыть со-временемъ въ Астрахани училище для дѣтей владѣльцевъ и зайсанговъ.

Среднее сословіе, но самое значительное по вліянію своему на владѣльцевъ и простой народъ, притомъ весьма многочисленное, составляетъ *духовенство калмыцкое*. Провѣдываемая имъ въра — буддизмъ, который занесенъ Калмыцкиа (Ойратами) изъ Чжунгаріи и съ Тибета. Пребывающій тамъ *Далай-Лама* (87) есть верховный жрецъ и блюсти-

(84) IX Т. Св. Зак. (изд. 1842 г.) ст. 1236.

(85) II и IV Т.

(86) II Т. Св. Зак. (изд. 1842 г.) ст. 340.

(87) *Китайскій дворъ въ 1751 году встрѣилъ верховное управленіе Тибетомъ Далай-Ламъ, и тѣсная связь его съ Монголіею на долго обезпечиваетъ ему такое шрешество. Тибетцы почитаютъ его воплощеннымъ божествомъ (стр. 201 и 205 Опис. Тибета, перев. съ китайскаго. Спб. 1828 г.). Вотъ, что въ 1797 году писалъ графъ Нотоцкій о Ламѣнтской іерархіи: «Le Bogdo-Lama (patriarche auguste) reside dans le couvent de Djhacht-loumbo près de Jigatsé. Les Tibétains l'appellent *Baintchin Kintchoktsé* (l'envoyé vénérable) et les Mongols lui donnent encoré le nom de *Bogdo-basintchany* et *Bogdo-gheghen*. Cette incarnation divine est plus ancienne que le *Dalai-Lama*; mais les Kalmouks estiment le dernier beaucoup plus. Les sectateurs de Dalai Lama portent le nom *doulan sallats* (bonnettes rouges). Toutes les tribus mongoles appartiennent à cette secte. Ceux du Bogdo Lama sont appelés *chara malachai* (bonnets jaunes). Autrefois leur croyance était la dominante au Tibet; mais, quand le Bogdo-*

тель догматовъ буддайской вѣры, которая называется такъ потому, что въ понятіяхъ ламантовъ санскритское слово *будда* выражаетъ верховный разумъ или духъ и частицы его, являющіяся подъ видными формами въ міръ. *Будда*—чистый разумъ или духъ; *номъ*—проявленіе его въ словъ, и *лама*—орудіе распространенія слова — суть *три селенныя драгоцѣнности* (гурбанъ—эрдени), составляющія какъ-бы нераздѣльную единицу и сосредоточивающіяся въ *буддъ*. Это краеугольный камень вѣрованія (88) и первое требованіе его: возвышеніе духа, совершенное отрѣшеніе его отъ матеріи побѣдою надъ страстями и соединеніе съ верховнымъ началомъ — *буддой*. Но частицы этого разума или духа, заключенныя въ существа, соединяются съ нимъ, перерождаются во вѣръ очищенія своего изъ низшихъ существъ въ высшія, и вмѣстѣ съ тѣмъ приобретаютъ способность дѣйствовать для пользы существъ, еще подавленныхъ матеріею; такія-то частицы вѣчнаго разума называются *бурханами*. Они могутъ являться въ то время, когда люди, забывъ свое назначеніе, вдаются въ пороки,—словомъ, когда вѣра приходитъ въ упадокъ. Уже переходя къ Чжунгарцамъ, религія эта, въ началѣ своемъ чисто-философская, потеряла высокую простоту своихъ догматовъ и должна была приворочиться къ грубымъ понятіямъ степныхъ Монголовъ. Пока сношенія Калмыковъ съ Тибетомъ поддерживались, Далай-Лама снабжалъ ихъ духовными книгами, идолами (89), всѣми принадлежностями богослуженія и присылалъ въ астраханскій степи жрецовъ ученыхъ, которые утверждали, если не въ цѣломъ народѣ, то по крайней мѣрѣ въ классѣ духовныхъ, правильныя понятія о догматахъ буддизма; но бдѣтельный уходъ Наместника Убуши навелъ страхъ на Калмыковъ, оставшихся въ приволжскихъ степяхъ; притомъ, правительство заграждало Калмыкамъ путь въ Азію: сношенія съ Тибетомъ стали рѣже, просьбы Калмыковъ о дозволеніи имъ отправлять по-прежнему посылства на поклоненіе Далай-Ламѣ не были принимаемы въ уваженіе (90),

Lama et son clergé commencèrent à conférer des dignités ecclésiastiques à des femmes, et s'y forma un schisme violent qui occasionna des guerres sanglantes et finit par la nomination du Dalai-Lama à *Hlassa*. Actuellement la discordance entre les deux divinités est tout-à-fait terminée: elles se visitent pour se donner l'une à l'autre des bénédictions. Quoique le clergé Kalmouk révere plus le Dalai-Lama que Bogdo-Lama, ses membres les plus éclairés ne nient pas que le dernier soit plus ancien et plus vénérable. — Après le Dalai-Lama *7 gousse*, en mongol *khoutoukhidou*, tiennent le premier rang dans la hiérarchie lamaïque. Six d'eux résident dans le Tibet, et le 7me nommé en mongol *Ghelgen-khoutoukhidou* et en tibétain *Djrodjan-tamba-gousse* a son siège dans l'*Ourga*, situé sur la riv. *Tola* et au pied de la montagne *Khan-pols*. — Après les *khoutoukhidou* viennent les *Tsordji-lama*, en tibétain *Tchoidjèh-lama*, puis *Radjamba* (qui savent tout) et les *Gabdjou-lama*. Les prêtres de ces trois classes sont les seuls qui portent chez les Kalmouks le titre de lama, tandis que les Mongols le donnent aussi à des ecclésiastiques d'un rang inférieur. *Ghelong* est le nom de tous les prêtres ordonnés. (Voyage dans les steps d'Astrakhan et du Caucase, Paris, 1829, p. 86.)

(88) Замѣчанія проф. Пепова, стр. 24.

(89) Т. е. изображеніями *бурхановъ*.

(90) § 5 инструкціи, данной 13 июля 1806 г. отъ Коллегіи Индѣстр. Дѣлъ главному приставу при Калмыкахъ, Кумыкахъ и мирныхъ Чеченцахъ.

и если теперь остались какія-нибудь сношенія, то они происходят тайно, редко и лишь чрезъ посредство богатѣйшихъ владѣльцевъ. Такимъ образомъ, время-отъ-времени пошатнулись основные догматы вѣрованія; оно лишилось своей поэтической стороны и мистическихъ гиперболъ. Толкованія духовныхъ наставниковъ Калмыковъ до того исказили ученіе буддѣйской вѣры, что оно теперь посяется ими равно въ каждомъ улусѣ. Общія черты ученія заключаются въ томъ, что Калмыки чувствуютъ чувственные образы и исполняютъ наружные обряды, поклоняясь бурханамъ (божествамъ) добрымъ и злымъ, имѣющимъ прямое вліяніе на міръ. Каждый изъ этихъ бурхановъ облеченъ особою властью, завѣдуетъ какою-нибудь стихіею и явленіями міра физическаго или нравственнаго. Калмыки вѣрятъ воздаянію за добрыя и дурныя дѣла, полагая для этого различныя степени, въ числѣ которыхъ отъ однихъ допускается постепенное очищеніе душъ и возвращеніе къ высшему духовному началу, въ другихъ возвращеніе на землю, для одушевленія другихъ людей, или для принятія образовъ животныхъ, и наконецъ, въ-третьихъ, большіе грѣшники осуждаются на вѣчное мученіе.

Изъ всѣхъ бурхановъ наибольшимъ уваженіемъ пользуется *Шакджи-Мюни-Гейнъ*. Въ названіи этомъ узнается испорченное имя Индійца Сазга-Муни, основателя брахманской вѣры, которая есть корень тибетской, монгольской и фоевской (китайской) религіи. Его по-тибетски зовутъ Сягцзя-Туба, по-монгольски Шагя-Муни, а по-китайски Шягя или Ши-Цззи-Мони (91). Единоплеменные съ Калмыками Буряты, вышедшіе съ ними изъ Монголіи къ предѣламъ Сибири и оставшіеся тамъ на кочевья, называютъ этого бурхана Шакджи-Муни. Вообще говоря, последователи его вѣрятъ, что онъ родился въ 1031 г. (до Р. X.), представляютъ рожденіе его, дѣянія и смерть рядомъ чудесъ. Они поклоняются ему «яко всѣми добродѣтелями украсившемуся, вѣрою безплотнымъ уподобившемуся, три существа въ себя вмѣстившему и обо всемъ владѣнію и самодержавную власть получившему (92)...» причѣмъ полагаютъ, что онъ переселился на небо для принятія божественныхъ заповѣдей и низшелъ на землю (93) для наученія смертныхъ, распространенія и сохраненія между ними истины, въ то время, когда они забыли законъ и уклонились въ развратъ; убѣждены притомъ, что когда, въ-слѣдствіе новыхъ отступленій отъ вѣры, люди постигнуты будутъ несчастіями, прійдетъ съ неба новый посланникъ и наставитъ грѣшниковъ на истинный путь (94). Монголы приняли это ученіе въ IV вѣкѣ до Р. X.—Теперь у Калмыковъ осталось убѣжденіе, что Шакджи-Мюни былъ великій пророкъ — его называютъ также бурханъ-бакши (богъ-учитель), но боготворятъ они его лишь временно, полагая, что чрезъ

(91) Опис. Тибета, стр. 208.

(92) Предисловіе къ древнему мунгальскому и калмыкскому уложенію 1640 г.

(93) Ср. далѣе о праздникѣ *Холумд-Сард*.

(94) Опис. Тибета, стр. 209.

несколько тысячъ лѣтъ его замѣнить бурханъ Маадри. Они изображаютъ этихъ двухъ бурхановъ, равно какъ и Манушари, Зункоба (95), Авидиѣ-бурхана и другихъ на китайской бумагѣ или въ видѣ литыхъ истукановъ. Тайны религiи собственно доступны только духовенству и некоторымъ владѣльцамъ, знающимъ монгольскiй и тавгутскiй языки (96). На послѣднемъ отправляется богослуженiе и читается духовныя книги. Не зная этого языка, народъ остается безучастенъ къ вѣрѣ и даже къ внѣшнимъ обрядамъ, не имѣетъ доступа въ капища и ходитъ только вокругъ нихъ во время идолослуженiя. Лишь у владѣльцевъ и богатыхъ зайсанговъ есть живописныя или литыя изображенiя бурхановъ; но вывѣшиваются они или выставляются только въ праздничныя дни (97), между-тѣмъ, какъ капища (сюмэ) или кибитки, въ которыхъ отправляется духовный обрядъ (бурханн-эргѣ, т. е. мѣстопробыванiе боговъ), обыкновенно наполнены бурханами всѣхъ величинъ и наименованiй. Духовенство калмыцкое чествуетъ ихъ дисгармоническими звуками трубъ и барабановъ, оглашая притомъ своды капища или кибитки однотоннымъ нѣиёмъ (98), причеиъ безпрестанно повторяется слова: «Омъ-ма-ни-бад-ме-хумъ», символическое значенiе которыхъ берется пояснять одни лишь ученѣйшiе ориенталисты (99).

Духовенство калмыцкое, увѣряя простолюдиновъ, что они спасутся его молитвами, оставляетъ ихъ въ совершенномъ невѣжествѣ, даже въ отношенiи къ религiи. Прежде было у Калмыковъ нѣсколько ламъ (верховныхъ жрецовъ), которые были возводимы въ этотъ санъ тибетскимъ Далай-Ламой; а въ 1800 году послѣдовалъ первый примѣръ утвержденiя калмыцкаго ламы въ этомъ достоинствѣ русскимъ правительствомъ (100). По обычаямъ калмыцкимъ допускалось въ каждомъ улусѣ быть одному ламѣ; но въ 1834 году было ихъ два: одинъ въ Харахусовскомъ Улусѣ, другой въ Багацохуровскомъ, и оба они были назначены русскимъ правительствомъ; а теперь одинъ только лама, который утвержденъ въ этомъ званiи Высочайшимъ указомъ, съ обязанностью председательствовать въ Ламайскомъ Духовномъ Правленiи, завѣдывать духовенствомъ и духовными дѣлами Калмыковъ. Лама имѣетъ постоянное

(95) На Тибетѣ его называютъ Цаункоба.

(96) Тибетцы употребляютъ тавгутское письмо (стр. 140 Опис. Тибета).

(97) Такъ дѣлается и въ Тибетѣ (стр. 131 Опис. Тибета).

(98) На Тибетѣ почти то же (стр. 210).

(99) Профессоръ Поповъ утверждаетъ, на стр. 24 своихъ Замѣчанiй о Калмыкахъ, что по новѣйшимъ изслѣдованiямъ знатоковъ санскритскаго языка и буддйскихъ древностей, съ вѣроятностiю доказано, что эта молитва значитъ: *драгоценность* — омъ (божественная триада, изображенная тремя буквами а, у, м), во истину находится въ баддѣ (lotus). Известно, что всѣ Будды рождаются изъ баддѣ, и что они изображаются сидящими или стоящими на бадмакъ или бадмовыхъ листьяхъ. Владѣльцы Тюмени и нѣкоторые изъ духовныхъ, спрошенные мною объ этомъ послѣднiи, отозвались, что оно недостаточно; однакоиъ не согласились опредѣлить точное значенiе этой молитвы. Ламаиы придаютъ ей сверхъестественную силу и думаютъ, что тогъ, кто прочтетъ ее 100,000,000 разъ, получитъ блаженство буддйцiи жизни.

(100) П. С. З. Р. И. Т. XXVI, № 19600.

местопребываніе въ 7 верстахъ отъ Астрахана, по-сю-сторону Волги, на Калмыцкомъ-Базарѣ, и отключиваетъ летопись въ степь. Въ каждомъ улусѣ множество духовныхъ, даже пять айцака, гдѣ бы не было нѣсколькихъ кибитокъ ихъ, которыя, отдавши-взвѣты, называются *кюрэ* (101); а въ обществѣ своего *жана*. Духовенство калмыцкое, называемое вообще *журакъ* (102), подразделяется на множество степеней. Въ каждомъ улусѣ есть *басиди* (учитель веры), набравшій нѣз числа *жюмоновъ* (жрецовъ). Последние Калмыки называютъ не *жюмонъ* или *жюмонъ* (103), какъ это названіе употребляется въ бумагахъ калмыцкаго управленія, а *жюмонъ*; участвуютъ же ихъ, служатъ и надирателей за порядкомъ и до-служеніемъ—не *жюмонъ*, а *жюмонъ*, не *жюмонъ*, а *жюмонъ*, не *жюмонъ*, а *жюмонъ*. Это первоначально-тибетскія названія, которыя неизмѣнены вре-менемъ и повѣдствомъ. Тамъ слова *жюмонъ* и *жюмонъ* (104) сохранили свое значеніе; а у Калмыковъ многія духовныя званія, какъ-то: *убуши* и *убушица* (отшельникъ и отшельница), которыя были у нихъ во время прихода въ Россію (105), теперь вовсе не существуютъ, между-тѣмъ, нѣкъ на Тибетѣ еще остались въ прежнемъ почетѣ (106). Русскіе разумѣютъ обыкновенно нѣкъ жюмонъ *жюмонъ* всѣхъ вообще калмыцкихъ жрецовъ. Отдавая ему это значеніе, слѣдуетъ замѣтить, что, считая себя проповѣдниками желто-краснаго (107) закона, гелюнгы употребляютъ эти два цвѣта въ своемъ одеяніи, и что обязаны вести жизнь безбрачную.

Въ 1803 году, главный калмыцкій приставъ находилъ, что духовные составляютъ между Калмыками *десятую часть народа*, обогащаютъ себя обманывая его, ведутъ себя нечестиво и нагло, присвоивъ себѣ право *сирѣчь* *бездѣлю*, вмешиваются во всѣ дѣла, тяжбы и ссоры, принимаютъ въ свое ерсловіе всѣхъ молодыхъ людей, забѣгающихъ трудомъ и службы, собирая за это много денегъ. «Число тунеядцевъ и про-неколящихъ отъ-того народное изнуреніе» писалъ главный приставъ: «умножается наиболее тѣмъ, что для обезпеченія празднои жизни духовенства, жемановныя калмыцкія владѣльцы отдаютъ въ присауду и для доходовъ *журоловъ* въ вѣчное ихъ владѣніе цѣлыя *жотонны* подвластныхъ, которые съ того времени называются *шабинерами* (монастырскими), никакихъ податей не даютъ и ни малѣйшихъ повинностей не исправляютъ... Ихъ между Калмыками едва-ли не *пятая часть*... Слѣдовательно, духовные и приписанные къ нимъ составляютъ *большую половину* калмыцкаго народа.»

Въ 1834 году, мѣстное начальство отзывалось о калмыцкомъ духовенствѣ слѣдующимъ образомъ: «Классъ духовенства, время отъ-времени

(101) На Тибетѣ — *кюрэ* (стр. 212 Описанія Тибета).

(102) По-монгольски, *журакъ* (тамъ же, стр. 12).

(103) По-персидски Ценовъ *жюмонъ* ихъ по-монгольски *жюмонъ*.

(104) Опис. Тибета (стр. 213).

(105) Какъ это видно изъ древнихъ калмыцкихъ писемъ, датированныхъ 1640 и 1655 годовъ.

(106) Опис. Тибета на той же стр.

(107) Опис. Тибета (стр. 82). Названіе это происходитъ отъ одеянія, которымъ отличаютъ себя въ Меккѣ поклонники Далай-Ламы отъ поклонниковъ Богдо-Ламы.

«больше-и-больше размножается, съ одной стороны потому, что вступившіе въ духовное званіе освобождаются отъ всѣхъ уже повинностей и пользуются уваженіемъ ирмянъ, наслаждаясь вмѣстѣ съ тѣмъ праздною жизнью; а съ другой потому, что высшее духовенство, чрезъ предоставленіе духовнаго сана, извлекаетъ для себя немалыя выгоды; ибо рядскій посвящается безъ того, чтобъ не принести денежной благодарности. «Духовенство, для котораго не назначаются положительно никакихъ суммъ, «содержитъ себя доходомъ изъ добровольныхъ пожертвованій, которыя «не только обезпечиваютъ содержаніе онаго, но и превышаютъ далеко «мѣру ирмяныхъ и существенныхъ надобностей въ жизни. Духовенство «калмыцкое, за исключеніемъ весьма-немногихъ, вмѣсто того, чтобъ «служить образцомъ доброй нравственности для народа, подаетъ собою «особаительный примѣръ въ жизни. Пьянство, карточная игра, воло- «китство, суть отличительная черта почти каждаго духовнаго лица. Раз- «сирять наиболее замѣтенъ между гелюнгамъ, которые, безпрестанно отлу- «чаются отъ своихъ хуруловъ (108), скитаются по хотонамъ, аймакамъ (109), «сосѣдственнымъ селамъ и городамъ, рассказываютъ нелпыя новости, «послаютъ раздоры и несогласія между Калмыками, подстрекаютъ сво- «ими советами къ недѣльнымъ тяжбамъ, пишутъ ябедническія просьбы, «принимаятъ на себя званіе ходатаевъ по присутственнымъ мѣстамъ, «створяются въ поередники или примирители по домашнимъ ссорамъ, и «свидаютъ себя за лекарей, употребляя при леченіи больныхъ разнаго «рода шарлатанства. Вмѣшательство гелюнговъ и вообще духовенства «въ дѣла свѣтскія имѣетъ въ виду одну цѣль, именно — пріобрѣтеніе безъ «труда денегъ, дабы употребить оныя на распутство.»

Если въ-продолженіе протекшаго десятилѣтія были принимаемы мѣры къ уменьшенію числа гелюнговъ: не дозволялись имъ отлучки отъ определеннаго кочевья и вмѣшательство въ дѣла гражданскія, то съ другой стороны никогда не было обращено вниманія на то, что каждый Калмыкъ, имѣющій трехъ или болѣе сыновей, непременно посвящаетъ одного въ Манжкі (ученіи веры) (110). Это постоянно содѣйствуетъ размноженію духовенства, и вліяніе его на народъ въ-теченіи послѣдняго десятилѣтія осталось въ прежней силѣ, при чемъ отличительныя черты этого класса составляютъ понынѣ корыстолюбіе, алчность, тунеядство и нахальство.

Гелюнга свободны отъ всякаго сбора и живутъ на счетъ приношеній владѣльцевъ, зайсанговъ и народа. Приношенія эти дѣлаются скотомъ, вещами и деньгами и отдаются на *хурулъ*, т. е. на капище, или точнѣе, на богослуженіе. Столь же невѣжественные и грубые, какъ большая часть народа, Гелюнга удерживаютъ его въ суевѣрной зависимости, и она до того велика, что если гелюнгъ, надутый азіатскою спр-

(108) Слово *хурулъ* означаетъ собственно це-калмыцкаго богослуженія обрядъ; но мѣстное калмыцкое управленіе давно уже употребляетъ его для обозначенія капища или кочевыхъ монастырей калмыцкаго духовенства.

(109) Отдѣльными кочевки, изъ которыхъ составляется улусъ.

(110) Восточные Калмыки. Народъ, стр. 23 и Свѣд. о Волжскихъ Калмыкахъ, стр. 24.

сью, сближаясь съ чернью (хара-кюнь) только въ случаѣ надобности, скажетъ слово простому Калмыку или подастъ ему совѣтъ, то слово это для него становится ненарушимъ и свято.

Кромѣ того, что аменемъ бурхановъ требуютъ отъ народа приношеній на хурулы, гелюнгъ находятъ еще средства къ обогащенію — въ своемъ причудливомъ врачеваніи. Не смотря на неудачи, которыми оно обыкновенно сопровождается, больные оказываютъ *ислюнами-эмчи* (лекарямъ) предпочтеніе предъ врачомъ калмыцкаго управленія. Это объясняется тѣмъ, что онъ только разъ въ годъ обязывается улусы, а гелюнга Калмыкъ имѣетъ всегда подъ рукою. Заболѣетъ онъ — и призванный на помощь гелюнгъ начинаетъ поить его *мулюномъ* (отваромъ мяса) или водой, причемъ беретъ у Калмыка послѣднее его добро, подъ предлогомъ необходимыхъ для его выздоровленія жертвоприношеній бурханамъ. Если заболѣлъ богачъ, то множество гелюнговъ принимается за его леченіе, забираетъ весь его драгоценности, стада и табуны, наконецъ и самую кибитку — на хурулы! а между-тѣмъ, безпрестанныя рвотныя и жесточайшія слабительныя истощали больного, онъ умираетъ и семейство его изъ зажиточнаго становится нищенскимъ (111).

По этимъ причинамъ, состояніе гелюнговъ, хуруловъ и самого народа весьма-различно. Въ богатыхъ улусахъ, хурулы обладаютъ стадами верблюдовъ, табунами лошадей, сотнями коровъ и тысячами барановъ. Для пастбы ихъ, гелюнга пользуются вѣсть съ народомъ отведенною ему землею. Вообще говоря, духовенство составляетъ послѣ владальцевъ самый достаточный классъ, и это отъ-того, что слѣпая довѣренность народа доставляетъ гелюнгамъ безпрестанные случаи къ обогащенію. Кибитки ихъ отличаются прочностью. Пищу и питье гелюнговъ, кромѣ развѣ *мацаковъ* (дней поста), ежедневно составляютъ: калмыцкій чай, чиганъ (вино), маханъ (масло), особенно баранина. Они пренебрегаютъ въ этомъ случаѣ общимъ повѣрьемъ Калмыковъ, что вѣсть животныхъ грѣшно, потому-что въ нихъ переселяются для очищенія души отжившихъ. Какъ необходимый спутникъ праздности, развратъ постоянно проявляется въ жизни гелюнговъ. Манжани, которые съ восьмилѣтняго или двѣнадцатилѣтняго возраста готовятся въ гелюнга, перенимаютъ у своихъ наставниковъ все дурное и еще болѣе употребляютъ во зло уваженіе народа къ ихъ званію.

Все занятіе гелюнговъ составляетъ идолослуженіе. Подъ удары барабана и звуки трубъ они собираются въ бурхані-эргѣ, садятся рядами, начинаютъ идолослуженіе дикимъ бормотаніемъ, сопровождаютъ его звономъ колокольчиковъ, бряцаніемъ мѣдныхъ тарелокъ, барабаннымъ боемъ, оглушительнымъ ревомъ огромныхъ трубъ, санствомъ кларнетовъ и раковинъ. Но все это дѣлается безотчетно, и молитвы твердятся на тангутскомъ языкѣ, между-тѣмъ, какъ большая часть гелюнговъ его не знаетъ. Разговоры о религіи съ ними завести всегда трудно, а на во-

(111) Изъ свидѣній, доставленныхъ бывшимъ врачомъ калмыцкаго управленія, Давыдовымъ.

просы простолюдина, который отдаёт последнее свое имущество гелюгамъ, они всегда отвѣчаютъ, что *о предметахъ вѣры говорить тръшино*.

Простолюдины покорствуютъ гелюгамъ не разсуждая, потому-что это такъ изстари ведется и что между гелюгами сохранились еще слѣды нѣкоторой учености и превосходства надъ чернью. Это превосходство заключается въ знаніи немногими изъ гелюговъ монгольскаго и тангутскаго языковъ, въ обученіи ему манжиковъ (учениковъ вѣры) и въ веденіи лѣтосчисленія. Весьма-рѣдки примѣры, чтобъ гелюгъ училъ простолюдина калмыцкой грамотѣ (112). Особое значеніе имѣютъ между духовными *гелюми-зурхачи*. На нихъ обязанности лежатъ веденіе лѣтосчисленія и составленіе календарей (лѣтъ). Лѣтосчисленіе Калмыковъ занесено ихъ жрецами съ Тибета (113) и сохранилось между ними лучше, чѣмъ самые догматы вѣры. По принятому между буддаистами обычаю, хронологія ихъ ведется шестидесятилѣтними циклами и не начинается съ определенной эпохи. Годы называются по именамъ одного изъ двѣнадцати животныхъ, къ которымъ прибавляется названіе одной изъ пяти стихій. Животныя эти суть: холгуна (мышь), укюрь (корова), барсь (барсь), туула (заяцъ), лу (драконъ), мого (змѣя), шоринъ (лошадь), хонинъ (овець), мечинъ (обезьяна), така (кураца), ноход (собака) и гаха (свинья). Для обозначенія года, къ названію одного изъ этихъ животныхъ прибавляется названіе одной изъ стихій: могоунъ (дерево), галъ (огонь), шорд (земля), темиръ (жельзо) и усунъ (вода). Такимъ-образомъ, названія стихій повторяются нѣсколько разъ въ теченіе шестидесяти лѣтъ; но въ-продолженіе ихъ соединяются только разъ съ названіемъ одного и того же животнаго; такъ на-примѣръ, годъ модунъ-лу (дерева и дракона), соответствуя 1544 году нашей эры, повторялся лишь черезъ шестьдесятъ лѣтъ, именно: въ 1604 и т. д. въ 1664, 1724, 1784 и 1844 г. Счисленіе это лунное. Годъ имѣетъ 13 мѣсяцевъ. Начало его (новый годъ—зуло) соответствуетъ то ноябрю, то декабрю; но такъ-какъ буддаисты увисокосили нѣкоторыя числа, то случается, что въ иномъ мѣсяцѣ, изъ которыхъ каждый заключаетъ въ себя 30 дней и имѣетъ названіе какого-нибудь животнаго,—или удвоится число или пропадетъ, такъ-что, по окончаніи года, счисленіе буддаистовъ уравнивается съ общепринятымъ. Такъ ведется и понынѣ у Тибетцевъ. У нихъ, если первое число мѣсяца было високось, то не бываетъ второго, а считаютъ третье; или, если въ мѣсяцѣ отнять первое и второе числа, то выпускаютъ ихъ изъ счета: если, на-примѣръ, отнять 27 число, то слѣдующее за 26 будетъ 28-е (114). Мѣсяць не раздѣляется на недели, а Калмыки празднуютъ 8-е, 15-е и 30-е числа, называя ихъ *мацакь*. Кромѣ этихъ дней, по выводимому гелюгами счисленію, Калмыки имѣ-

(112) Письмена явились у Калмыковъ въ XVII вѣкѣ и суть съ немногими измѣненіями монгольскія. Они замѣчательны тѣмъ, что строки пишутся сверху внизъ и располагаются отъ лѣвой руки къ правой.

(113) Опис. Тибета, перев. съ китайскаго. Сиб. 1828 г. стр. 120—123.

(114) Срав. Опис. Тибета, стр. 121.

ють слѣдующіе праздники въ теченіе года: 1) *Цаѣнъ Сарѣ* (бѣлый мѣсяць), въ память «сотворенія бурханомъ Бакши (Шакажи-Мюни) различныхъ чудесъ и знаменій для распространенія и сохраненія истины», празднуется по калмыцкому счисленію съ 1 по 16 число мѣсяца *дѣ-сарѣ* (мѣсяць дракона), соответствующаго февралю. 2) *Урюс* празднуется въ память «принятія божественнаго имени бурханъ-Бакши» съ 8 по 15 число овечьаго мѣсяца (хонинъ или хонинъ-сарѣ), который соответствуетъ маю. Затѣмъ празднуется по одному дню въ теченіе мѣсяцевъ, соответствующихъ июлю и октябрю, именно: 3) четвертое число мѣсяца така-сарѣ (курицы) въ воспоминаніе «начала введенія закона естественнаго и преданія» и 4) 22 число мѣсяца мыши (холгунъ-сарѣ) въ память «переселенія бурхана Бакши на небо, принятія тамъ заповѣдей и сошествія на землю» (115). Гелюнгы-зурхачи, занимаясь веденіемъ счисленія, пріобрѣтаютъ уваженіе своихъ собратій и имѣютъ чрезвычайное вліяніе на народъ. Отъ зурхачей зависитъ некоторымъ образомъ совершеніе браковъ и назначеніе обряда погребенія. Родители жениха и невесты спрашиваютъ гелюнговъ-зурхачей — можетъ ли состояться предположенный бракъ? Если открывается по изслѣдованіямъ зурхачей, что невеста родилась въ годъ дерева-и-дракона, а время рожденія жениха относится къ году огня-и-барса, то предвѣщаютъ несчастія, отзываясь, что огонь истребитъ дерево; напротивъ того, если невеста родилась подъ созвздіемъ воды-и-змеи, то утверждаютъ, что бракъ возможенъ, ибо вода потушитъ огонь. Оставленіе труповъ умершихъ въ степи на съѣденіе хищнымъ птицамъ, вверженіе тѣла въ воду или соженіе, зависитъ также отъ гаданій гелюнговъ. Но толкованія эти почти-всегда произвольны, зависятъ отъ большаго или меньшаго числа барановъ, пожертвованныхъ на хурулъ, и суть въ сущности лишь ухищренные способы пользоваться суевѣріемъ простолюдиновъ и жить въ изобиліи на ихъ счетъ.

Но, кромѣ этихъ средствъ, являющихся послѣдствіемъ обфдненія народа, — вредное на него вліяніе гелюнговъ заключается еще въ томъ, что они толкуютъ простолюдинамъ по-своему распоряженія начальства, нередко даютъ въ хурулахъ убѣжище преступникамъ, учатъ ихъ отвѣчать на допросы *меткишь* (знать не знаю) и избавляются такимъ образомъ отъ наказанія. Гелюнга составляютъ вообще самый вредный классъ въ народѣ, ибо внушеніями своими всегда удерживаютъ его на пути ко всякому полезному нововведенію, находя въ настоящемъ положеніи вещей удовлетвореніе своей корысти и вся избытки кочевой жизни.

Богатство духовенства собственно неизвѣстно, и если о причинахъ на хурулы собираются ежегодно официальные свѣдѣнія, то, будучи основаны на объявленіяхъ самихъ гелюнговъ, они не могутъ быть приняты за совершенно-достоверныя. Такимъ-образомъ, приведено въ не-

(115) Изъ свѣдѣній, доставленныхъ Астраханскимъ Лашайскимъ Превосходителемъ, и разговоровъ съ ламой Джамбѣ-Намгеновымъ.

вѣстность, что къ 1845-му году на весь вообще хурулы скотомъ, платьемъ и деньгами поступило приношеній на сумму 4,378 руб. сереб. Хурулы (кочевые монастыри) раздѣлены по штату на большіе и малые; первыхъ считается 30, вторыхъ 46, — всего 76. Въ числѣ ихъ, 12 капищъ (сюмъ): въ Хошоутовскомъ Улусѣ владѣльца Тюмея каменныхъ 3, деревянныхъ 6; въ казенныхъ улусахъ Багацохуровскомъ 2, а въ Эрденя-Паган-Кичиковскомъ 1, деревянные. Скотоводство хурульное къ 1845 году состояло, изъ верблюдовъ въ числѣ 512, лошадей 1,984, рогатаго скота 4,293, овецъ 19,786 и козъ 141 — всего 26,716. Замѣчательно, что и въ Астрахани и въ одномъ изъ уездныхъ городовъ Астраханской-Губерніи нѣтъ калмыцкаго капища, между-тѣмъ, какъ тамъ бываетъ постоянно множество Калмыковъ. Близайшее къ городу Астрахани сюмъ находится въ 7 верстахъ оттуда, по-сю-сторону Волги, на мѣстѣ, называемомъ *Калмыцкій-Базаръ*.

Безпрестанное употребленіе до зло довѣренности и покорности народа со стороны духовенства обращало на себя издавна вниманіе правительства, которое къ уменьшенію этого вреднаго класса дало содѣйствіе въ дамъ. По штату, составленному имъ въ 1838 году, духовенству положено состоять изъ 2,651 человека (116); но съ 1838 года до 1840 годъ включительно изъ избытка 48, такъ-что осталось 2,603 человека, и за умершими (35), выбывшими или исключенными изъ духовнаго званія (12) считалось въ теченіи 1843 года — 2,506 человекъ; въ 1844 году, за выбытіемъ по разнымъ случаямъ 60 человекъ, оставалось въ 1845 году 2,472; столько же и къ 1846 году. Обзорніе, сделанное дамою хуруламъ, испытаніе имъ духовныхъ, обращеніе въ простодушны гелюцговъ, обличенныхъ въ развратной жизни, внушеніе духовенству отдаваться при своихъ хурулахъ и довольствоваться добродѣтельными приношеніями — были поставлены въ особенную заслугу дамъ, который награжденъ въ 1843 году золотою медалью съ надписью «за усердіе» для ношенія на шеѣ на андреевской лентѣ. Получивъ этотъ знакъ Монаршаго вниманія въ самый калмыцкій праздникъ дѣдѣй-сара, дама Джамбб-Намкаевъ (117) прислалъ астраханскому военному губернатору: «Таковая милость Императора была мною принята съ великимъ восторгомъ; сверхъ того, этой милости радуется духовенство, и калмыцкій народъ дѣлаетъ также торжество. Теперь я, послѣ таковой милости Монарха моего, долженъ просить бурхана Шакжі-Мини-Герѣ только о здравіи моемъ, чтобъ быть во всякое время усерднымъ и могущимъ по силѣ моей къ службѣ, съ тѣмъ вмѣстѣ молить Всемогущаго Создателя о долгоденствіи Его Императорскаго Величества».

ВАРОНЪ Ф. БЮЛЕРЪ.

(116) При большихъ хурулахъ по 50, а при малыхъ по 25 духовныхъ.

(117) Онъ происходитъ изъ рода торгоутовскихъ пойнговъ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ПЕТРА-ВЕЛИКАГО.

Между старинными рукописями, хранящимися въ моей библіотекѣ, есть путевой журналъ, современный Петру I. Начало его можно приписать самому императору, потому-что въ немъ нѣсколько разъ говорится о Петрѣ въ первомъ лицѣ, и именно въ такихъ случаяхъ, гдѣ, судя по «Дѣяніямъ», составленнымъ Голицынымъ, дѣйствующимъ лицомъ былъ самъ государь; но далье участіе Петра-Великаго въ сочиненіи журнала дѣлается сомнительнымъ, ибо всѣ историка этого монарха утверждаютъ, что онъ, послѣ перваго путешествія своего въ Голландію, похвалъ изъ Амстердама въ Лондонъ, а по находящимся у меня запискамъ, авторъ-путешественникъ отправляется въ Италію, гдѣ Петръ I, вопреки его пламенному желанію, не успѣлъ побывать ни разу во все продолженіе жизни своей. Изъ числа приближенныхъ Петра, сколько мы знаемъ по исторіямъ того времени, одинъ только бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ путешествовалъ по Италіи, заезжалъ во все лучшіе города ея и возвратился домой черезъ три года, передъ началомъ войны Русскихъ со Шведами. Время выѣзда Шереметева изъ Россіи почти совпадаетъ съ временемъ отправленія за границу великаго посольства; начальный путь боярина проходилъ по тѣмъ мѣстамъ, чрезъ которыя проѣзжали и самыя послы (*). Изъ любви къ познаніямъ, этотъ достойный сподвижникъ великаго государя осматривалъ все любопытное, встрѣчавшееся ему на пути, и, безъ-сомнѣнія, составилъ записки о поздкѣ своей въ Италію, сколько, можетъ-быть, по собственному побужденію, столько же и для того, чтобъ дать по нимъ подробный отчетъ въ путешествіи своемъ Петру-Великому. Собирая эти обстоятельства, мы имѣемъ причину думать, что предлагаемый здѣсь журналъ могъ быть написанъ и Шереметевымъ, по-крайней-мѣрѣ, съ 24-го параграфа, начинающагося словами: «Изъ Амстердама поехали въ Италію»; но и здѣсь встрѣчается противорѣчіе: Миллеръ, авторъ біографіи Шереметева, говоритъ, что этотъ бояринъ воротился изъ Италіи въ Россію чрезъ Мальту, а сочинитель

(*) Lebensbeschreibung Scheremetew's, von Müller. St. Petersburg. 1789.

находящагося у меня журнала ѣхать изъ Венеціи въ обратный путь чрезъ Голландію и германскія владѣнія. Дальнѣйшія справки со многими историческими книгами петрова времени не открыли мнѣ имени не-извѣстнаго автора путеваго журнала, чѣмъ, однако, ни мало не уменьшается важность этого историческаго матеріала, проливающаго яркій лучъ свѣта и на степень образованія Русскихъ, жившихъ въ первые годы царствованія Петра, и на современное этой эпохѣ сужденіе о разныхъ вещахъ, интересное теперь для насъ въ высшей степени. Нельзя безъ улыбки читать здѣсь о предметахъ самыхъ обыкновенныхъ, однакожъ, внесенныхъ въ записки, будто великая рѣдкость; нельзя не любоваться наивнымъ простодушіемъ, съ которымъ трактуется въ этомъ журналѣ о вещахъ небывалыхъ, даже нелѣпыхъ. Впрочемъ, въ образѣ такого сужденія нѣтъ ничего удивительнаго. Приписавъ хотя одно начало этихъ записокъ Петру, мы должны припомнить, что первое путешествіе великаго монарха за границу началось въ 1697 году, следовательно, было первымъ шагомъ его къ европейски-наглядному образованію. Само собою разумѣется, что, окруженный со всѣхъ сторонъ новыми, еще невиданными предметами, жадный къ наукъ умъ Петра впитывалъ въ себя такое множество разнородныхъ впечатлѣній, что по-неволѣ долженъ былъ развлечься этою пестрою панорамой и, въ глубокомъ удивленіи, на-слово повѣрить своимъ чичероне, которые обыкновенно и теперь любятъ прихвастнуть при всякомъ удобномъ случаѣ. Со-временемъ, когда глаза великаго государя уже присмотрѣлись къ заморскимъ ликованкамъ, онъ, вѣроятно, спросилъ о нихъ у своего необъятнаго ума и, можетъ-быть, жалѣлъ, что долженъ былъ стереть съ каждой вещи по нѣскольку радужныхъ красокъ, которыми покрыли ихъ живое воображеніе самого наблюдателя и преувеличенные рассказы другихъ.

Не знаю, былъ ли когда-нибудь этотъ журналъ напечатанъ; по-крайней-мѣрѣ, я не встрѣчалъ его до сей поры ни въ особо-изданныхъ книгахъ, ни даже въ ссылкахъ историковъ Петра I. Предположивъ, что онъ и былъ уже въ старые годы подъ гнетомъ типографскаго станка, я все-таки остаюсь убѣжденнымъ въ его библиографической рѣдкости и увѣренъ, что тѣ изъ читателей «Отечественныхъ Записокъ», которыхъ интересуется все относящееся къ Великому Преобразователю Россіи, съ удовольствіемъ прочтутъ его на страницахъ этого изданія.

Если Голиковъ сколько-нибудь заботился придать современнѣйшій колоритъ описанной имъ эпохѣ, то для меня кажется непонятнымъ, какъ этотъ путевой журналъ могъ ускользнуть отъ его внимательныхъ розысковъ и не попалъ въ составъ матеріаловъ для «Дѣяній Петра-Великаго»? (*) Можно думать, что эти записки или отысканы послѣ Голикова, или же, бывъ извѣстными и въ его время, оказались ему не-

(*) Въ числѣ историческихъ матеріаловъ, которыми пользовался Голиковъ, упоминаются «Посольскій Журналъ»; но этотъ журналъ и предлагаемый теперь мною, хотя и принадлежатъ къ одному времени, однако же составляютъ двѣ совершенно различныя вещи.

живущими исторической важности. Первое предположение во всякомъ случаѣ должно быть вѣроятнѣе послѣдняго, потому-что Голиковъ, человекъ довольно-умный и довольно-добросовѣстный, не могъ бы отрицать въ нихъ прекраснаго матеріала, составляющаго важное пособие для изученія эпохи, съ которою онъ, посредствомъ «Дьявій», знакомилъ своихъ читателей. Но положивъ, что Голиковъ зналъ этотъ «Журналъ» и отвергъ его, какъ незаслуживающей вниманія, мы, конечно, не въ правѣ будемъ, подобно ему, безъ особаго разбора отрицать въ немъ какія-либо достоинства, тѣмъ-болѣе, что намъ извѣстно, съ какою безотчетностью авторъ «Дьявій» мѣнялъ одинъ матеріалъ на другіе, часто противорѣчащіе другъ другу, и никогда не указывалъ причинъ, на которыхъ основывался въ этомъ предпочтеніи. Вотъ разительный примѣръ такой безотчетной мѣны. Въ предисловіи къ «Дьявіямъ», Голиковъ именуется въ числѣ избранныхъ имъ матеріаловъ рукописную «Лѣтопись о зачатіи и рожденіи Государя Императора Петра Перваго» — лѣтопись современную и, конечно, заслуживающую во многихъ частяхъ полнаго довѣрія (*). Сначала онъ слѣдуетъ ей въ текстѣ «Дьявій» съ большою точностію; потомъ начинаетъ отступать, сперва въ числахъ, далѣе въ именованіяхъ, а наконецъ и въ цѣлыхъ фактахъ, вырывая эти несходныя съ «Лѣтописью» мѣста то изъ «Записокъ Крекшова», то изъ «Житія Петра Великаго», написаннаго Грекомъ Катифоромъ и перевѣденнаго Царевымъ. Почему же именно было дано Голиковымъ предпочтеніе которому-либо изъ этихъ матеріаловъ передъ другими — по уваженію ли къ авторитету, или по оцѣнкѣ, основанной на изустныхъ разсказахъ современниковъ Петра I, къ числу которыхъ принадлежали знакомцы автора «Дьявій»: Мордавиновъ, Ненюевъ, Нечасъ, Голыцынъ и другіе — это покрыто для насъ совершенною неизвѣстностію. Но такъ-какъ мы привыкли уважать въ Голиковѣ трудолюбиваго собирателя матеріаловъ, безъ всякаго сомнѣнія драгоценныхъ и даже необходимыхъ будущему историку Петра, и рѣшительно не признаемъ въ авторѣ «Дьявій» гениальнаго человека, который могъ бы ввести съточъ строгой критики въ груды собранныхъ имъ записокъ, книгъ и актовъ, умѣть набрести и заклеить печатью отверженія тѣ, которые были плодомъ досужаго воображенія или поддѣлкою, и изъ остальныхъ образовать величественную картину, достойную описываемаго предмета, — то не въ правѣ ли мы думать, что между историческими матеріалами, не только частію, но даже и цѣликомъ отвергнутыми Голиковымъ, есть и такіе, въ которыхъ будущій историкъ Петра-Великаго найдетъ не крупицу, а большой самородокъ золота и, очистивъ его отъ мусора, дастъ ему приличное мѣсто въ отечественной сокровищницѣ нашей! Сверхъ-того, до-сихъ-поръ никто не сомнѣвался, что Россія ждетъ еще своей исторіи; что наши Титы-Ливіи, Робертсоны, Гиздъ и Тьеры — еще въ будущемъ; что лучшая мѣзъ нашихъ исторій — не-

(*) У меня есть старинный списокъ этой «Лѣтописи»; со временемъ я сообщу его редакціи «Отечественныхъ Записокъ».

забвенный для потомства труд Карамзина — еще очень-далека отъ совершенства, и что мы живемъ въ такое время, когда каждый изъ насъ обязанъ, по силамъ своимъ, трудиться надъ собраніемъ матеріаловъ въ ожиданіи великаго зодчаго, который, выбравъ изъ нихъ лучшіе, соборудуетъ полное зданіе во славу прошедшаго времени и на память въкамъ грядущимъ.

Всѣ эти убѣжденія заставляютъ меня постепенно передавать мои историческіе матеріалы редакціи «Отечественныхъ Записокъ», которая уже не разъ съ лестною для меня снисходительностью принимала ихъ и давала имъ мѣсто на страницахъ своего журнала (*). Руководствуясь тою же увѣренностію въ сочувствіи къ моимъ мнѣніямъ со стороны редакціи, я и теперь отсылаю на ея разсмотрѣніе списокъ съ моею рукописи, ни мало не заботясь о возгласахъ тѣхъ близорукихъ критиковъ, которые цѣнятъ важность историческихъ матеріаловъ не иначе, какъ только по точному сходству съ известными имъ старопечатными книгами, и думаютъ, что сочиненіе дѣтскихъ повѣстей, плохихъ басенокъ и историческаго романа, умершаго въ день своего рожденія, даетъ имъ полное право быть законодателями во всѣхъ областяхъ человеческого знанія.

Списокъ представляемаго мною путеваго журнала отмѣченъ 1724 годомъ; следовательно, онъ переписанъ за годъ до смерти Великаго. По небреженію прежнихъ хозяевъ, нѣсколько послѣднихъ листовъ этого списка оторвано и затеряно, такъ-что онъ кончается выездомъ автора изъ Амстерлама въ обратный путь къ Москвѣ, т. е. 3 числомъ января 1699 года. Почеркъ списка — обыкновенный старинный, съ буквами, склонившимися на лѣвую сторону и съ огромными разрисованными дѣтерами въ началѣ каждаго параграфа. Самое письмо изобилуетъ титлами и недописками, которыя, впрочемъ, ни мало не затемняютъ смысла. Что касается до собственныхъ именъ, то они чрезвычайно исковерканы малограмотнымъ переписчикомъ: объ иныхъ можно догадаться только по созвучію съ названіями известныхъ городовъ и рекъ; большую же часть географическихъ именъ нельзя отыскать ни на какой ландкартѣ, ни въ какомъ землеописаніи. Возлѣ первыхъ я ставилъ въ скобкахъ настоящія названія, а изъ остальныхъ наиболее-сомнительныя отмѣтилъ вопросительными знаками. Чтобъ облегчить трудъ будущаго рецензента этого «Журнала», я счелъ необходимою сварить его, пока было можно, съ «Двѣяніями Петра-Великаго», составленными Голицынымъ и означить въ выноскахъ тѣ мѣста, въ которыхъ они несходны между собою. Весь наличный текстъ рукописи разделенъ на 92 параграфы, переименованныхъ славянскими цифрами; нѣкоторые изъ этихъ параграфовъ такъ малы, что заключаются въ двухъ или трехъ строчкахъ; я волею судьбы этому раздѣленію, перемѣнивъ только славянскія цифры арабскими. Желая дать читателямъ понятіе о право-

(*) Убѣдительно прошимъ доставить намъ эти матеріалы: они всегда найдутъ себѣ почетное мѣсто въ «Отеч. Запискахъ».

писании моего списка, я оставил одинъ только первый параграфъ въ его настоящемъ видѣ; во всѣхъ же слѣдующихъ правописание изменено мною на нынѣшнее, что, на мало не вреда дѣлу, значительно облегчаетъ чтеніе.

Разсказывать о цѣли, которую имѣлъ Петръ-Великій при учрежденіи перваго посольства въ иностранныя государства, какую взялъ онъ на себя роль въ этой экспедиціи, равно какъ и о составѣ самого посольства — я считаю совершенно-лишнимъ, потому-что каждый изъ образованныхъ читателей нашихъ, безъ сомнѣнія, давнымъ-давно знаетъ объ этомъ лучше иной учебной книжки, метящей болѣе на число, чѣмъ на пользу покупателей, — и прямо перехожу къ «Журналу», изложеніе котораго составляетъ главный предметъ настоящей статьи моей.

ЖУРНАЛЪ.

КАКО ШЕСТВИЕ БЫЛО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, ГОСУДАРЯ ПЕТРА-ВЕЛИКАГО.
ПИСАНЪ ВЪ СЕЙ КНИЖИЦѢ 1724 ГОДУ, НА ПАМЯТЬ ВУДУЩИХЪ РО-
ДОВЪ, ОТЪ НЫНѢ И ДО ВѢКУ.

1.

Смсквы мая въ 1 день (1) чрезъ клянь тверь и торжекъ велики новъ градъ а отоле внарву іюня въ 2 дня изнарвы іюня . въ 11 день караблемъ влюбекъ іюня въ 23 день (2) тутъ видѣлъ вцеркви престолъ изирамора резанъ zelo изрядно морганы вкоторыхъ одна труба шеснатцать аршинъ.

2.

Изъ Любека въ Гамбургъ (Гамбургъ) въ 25 день іюня. Тутъ видѣлъ бочку, въ которую входитъ полусильныхъ бочекъ сто-двадцать (3). Изъ Гамбурга въ Бемень (Бремень), оттоль въ Іеронигенъ (Грешингенъ); а оттоль въ Транбургъ (Страсбургъ?), въ Дакумъ, въ Лызвартъ (Лейварденъ?), Варкумъ (4); изъ Варкума моремъ на галиотъ переплыли пять миль въ четыре часа въ Неусень (Нейгаузенъ?); оттоль на почтовой телегѣ въ Гарлемъ; оттоль въ трехъ искутахъ въ Перьморентъ (Пармонъ?) и въ Коніедамъ (?), въ Босклогъ, а оттоль въ Амстрадамъ,

(1) У Голикова, «Дѣлній» т. 1 стр. 109 и Дополн. къ 1 т. стр. 306, изд. 2, посольство отправилось изъ Москвы марта 9, 1697 года.

(2) По Голикову, въ Любекъ былъ посланъ дворянинъ Богданъ Приставъ съ личными гостями и людьми, а посольство и царь поѣхали сухимъ путемъ въ Берлинъ (Дополн. къ 1 т. стр. 354). О томъ, что Петръ I заѣзжалъ въ Кёнигсбергъ, Берлинъ, или Ригу, въ журналъ не говорится ни слова.

(3) Голиковъ говоритъ, что эта бочка видѣна Петромъ въ грешингенскомъ курьерскомъ замкѣ. (Дополн., стр. 358).

(4) По Голикову — Вуркумъ. (Дополн., стр. 378).

(июля въ 1 день (5). Во Амстердамъ былъ въ домъ, гдѣ собраны злата и серебряныя руды, и какъ рождаются алмазы, изумруды, яхонты, кораллы и всякіе камни и морскія всякія вещи, и какъ золото течетъ изъ земли отъ великаго жару. Во Амстердамъ же видѣлъ младенца женскаго пола, полутора году: мохната вся сплошь и толсто гораздо лице, поперекъ двѣ четверти; привезена была на ярмарку. Тутъ же видѣлъ слона великаго, на которомъ арапъ, и игралъ на немъ и трубилъ по-прусски и по-цесарски, и стрѣлялъ изъ пушки, и многія вещи дѣлалъ: имѣть быть съ собакою, которая непрерывно при томъ была. На ярмаркѣ видѣлъ метальниковъ, который черезъ трехъ человѣкъ перескоча, на лету обернется головою внизъ и встанетъ на ногахъ. Видѣлъ у доктора анатоміи (6) кости, жилы, мозгъ человѣческой, тѣла младенческой, и какъ зачинается во чревъ и рождается; видѣлъ сердце человѣческое, легкое, почки, и какъ въ почкахъ рождается камень, и вся внутреннія разная: и жила та, на которой печень живетъ, горло и кишки, и жила та, на которой легкое живетъ, подобно какъ травища старая: жилы тѣ, которыя въ мозгу живутъ; видѣлъ 50 талесъ младенскихъ въ спиртусахъ отъ многихъ лѣтъ нетлѣнны; видѣлъ же какъ мужское и женское четырехъ лѣтъ возраста нетлѣнны: и кровь звать, и глаза цѣлы, и тѣла мягки; а лежатъ безъ спиртусовъ; у женскаго полу внутреннія: сердце, печень, кишки, желудокъ — все нетлѣнно. Видѣлъ кожу человѣческую, выдѣлана толще барабанной, которая на мозгу у человека живетъ: вся въ жилахъ; косточки маленькія, будто молоточки, которыя въ ушахъ; животныя многія отъ многихъ лѣтъ собраны и нетлѣнны въ спиртусахъ: мартышки и звѣри индійскіе маленькіе, и змѣи предивныя, и лягушки, и рыбы многія дивныя, и птицы разныя, зѣло дивны, и крокодилы, се змѣи съ ногами, голова долга; и змѣи о двухъ головахъ. Звѣрька тутъ же видѣлъ, который рождается чрезъ естество: собою съ большую мышь, безъ шерсти, и родитъ отъ себя подобное себѣ сквозь спинну, и видѣлъ тутъ маленькихъ половинна вышла, а большихъ съ двадцать; тутъ же жуки предивные и бабочки зѣло великія, собранныя весьма изрядно.

3.

Во Амстердамъ жъ видѣлъ мужика безрукаго, который дѣлалъ предивныя вещи: въ карты игралъ, изъ пиццали стрѣлялъ и набивалъ, самъ у себя бороду брилъ; ляжетъ на столъ и выскочить ногами; поставитъ на столъ на самый край стулъ, и подъ столъ поставитъ рюмку, и самъ станетъ зубами рюмку брать, встанетъ и опять поставитъ; съ шагами станетъ танцовать; въ стану броситъ шагаю зѣло прытко; писалъ ногою.

(5) У Голицкова Петръ I пріѣхалъ въ Амстердамъ четырнадцатю днми ранѣе посылства, т. е. 12 августа. О проживаніи царя въ Саардамъ и занятіяхъ его кораблестроеніемъ «Журналъ» совершенно умалчиваетъ.

(6) Віролатио, у Гюйшен, котораго кабинетъ былъ купленъ въ послѣдствіи царемъ.

4.

Пріѣхали въ Гагу съ послами сентября 15 дня (7); встреча была за два версты до города: встречали два человека Штатъ, а по насъ пріѣзжало было 50 каретъ о шести лошадей, а въ кареты сѣли по два человека. Я (8) сидѣлъ съ княземъ Алексѣемъ Голицынымъ; какъ пріѣхали въ городъ на посольскій дворъ, пріѣхали два человека, стали поздравлять посольское величество въ добромъ пріѣздѣ. Къ обѣду пріѣхали звать семь человекъ Штатъ, а въ нихъ одинъ президентъ, и потчивалъ за столомъ. Пріѣхали въ каретахъ о шести коняхъ; мы встречали у каретъ, посла на крыльцо, и долго президентъ не шелъ изъ кареты, что посла не сошли на нижнее крыльцо. На другой день пріѣхали потчивать господинъ Витсенъ да два человека Штаты, и по всякій день были у стола по два человека Штатъ.

5.

Послѣ аудіенціи была на пріѣздѣ у Штатъ; ѣхали въ каретахъ по два человека о шести коняхъ: Францъ Яковлевичъ и Федоръ Алексѣевичъ (9), за ними Прокофій Возняцынъ, царевичъ миланскій, да Александръ Кикинъ, Федоръ Плещеевъ, да иностранецъ Петръ Лефортъ, да вриставъ; и со княземъ Алексѣемъ Голицынымъ; лакеевъ было 25 человекъ, и шли передъ каретою наеи 10 человекъ около кареты назади и напереди; на всѣхъ были алые кафтаны съ кружевами. Какъ пріѣхали къ намъ на дворъ, солдатъ стояло 40 человекъ; встречали два человека Штатъ, а Штаты все были и сидѣли за столомъ 37 человекъ (10). Нашихъ пословъ посадили посерединѣ стола; а мы стоимъ за ними. Прежде рать говорилъ большой посолъ, потомъ другой, послѣ Прокофій Возняцынъ грамоту подалъ; и поехали мы на посольскій дворъ; провожало насъ два человека Штатъ къ намъ на дворъ, а Францъ Яковлевичъ былъ въ русскомъ платьѣ. На пріѣздѣ изъ Гаги ѣздилъ въ

(7) У Голицына сказано (т. I, стр. 419), что государь, олучась отъ посольства въ Амстердамъ и проживъ въ этомъ городѣ вѣсколько дней, опять соединился съ русскими послами за два версты отъ Гаги, куда и въѣхалъ сентября 15 числа съ посольствомъ, еще неосѣшавшимъ Амстердама; въ этотъ же городъ посла первый разъ ѣздилъ послѣ 23 октября; съ ними былъ тогда и Петръ I (т. I, стр. 421). Въ «Дополненіяхъ» къ 1 т. «Дѣяній» сказано, напротивъ, что 16 сентября бывъ въ Амстердамѣ соединился съ послами бывшіе тамъ двора, въ числѣ которыхъ былъ и самъ монархъ, и того же числа въѣхали въ Амстердамъ (Дополн. къ 1 т. Д. стр. 378 и 379), не бывши прежде въ Гагѣ, въ которую посла нѣсли публичный въѣздъ уже въ 15, а 17 сентября (idem, стр. 393); словомъ, по «Дѣяніямъ» посольство въѣзжало прежде въ Гагу, а потомъ въпрямую въ Амстердамъ, а въ «Дополненіяхъ» оно, побывавъ въ Амстердамѣ, оттуда уже ѣдетъ въ Гагу. Это лишио противорѣчіе и въ фактахъ, и въ числахъ.

(8) По Голицыну, съ княземъ Голицынымъ сидѣлъ самъ царь («Дѣяній» т. I, стр. 419).

(9) Головинъ, второй посолъ, генерал-кригс-комисаръ и намѣстникъ сибирскій.

(10) Въ «Дѣяніяхъ» (т. I, стр. 419) показано Штатовъ тоже 37 человекъ, въ «Дополненіяхъ» же къ 1 тому «Дѣяній» (стр. 399) какъ уже 40. Сверхъ-того, можеть быть, и по ошибкѣ корректора, всѣ эти иностранскія показаны датѣи по въ 1696 годъ, тогда-какъ они были въ 1697 году, о чемъ сказано и въ текстѣ «Дѣяній Петра Великаго.»

Лейденъ и былъ во анатоміи, и видѣлъ зѣло предивныя ихъ вещи многія, и о всѣхъ тахъ вещахъ взаты писанія на латинскомъ языкѣ. Къ нашимъ посламъ пріѣзжали послы отдала визитъ: сперва пріѣхалъ посолъ шведскій въ трехъ каретахъ о шести коняхъ (11), всѣ въ черномъ платьѣ; на другой день былъ посолъ бранденбургскій въ четырехъ каретахъ о шести коняхъ; тогожъ дня былъ посолъ англійскій въ девяти каретахъ, пять о шести коняхъ, а четыре кареты о четырехъ коняхъ; на третій день датскій былъ посолъ въ четырехъ каретахъ о шести коняхъ; цесарскаго посла была жена у обѣднн нашей со многими дѣвицами, зѣло изрядными.

6.

Въ Гагъ Францъ Яковичъ ѣздилъ въ сады въ своей каретѣ, которая дана 1,800 червонныхъ, восемь лошадей было, шлем бархатный вызолочены; я сидѣлъ съ нимъ въ каретѣ; еще было три кареты о шести коняхъ, въ которыхъ дворяне наши сидѣли. А какъ свѣдали, что мы поѣхали за городъ, многія посланническія жены нарочно выѣхали за городъ, все о шести лошадахъ, въ каретахъ.

7.

Послѣ того дважды ѣздилъ въ комедію, которая нарочно для насъ сдѣлана; пока ѣхали изъ комедіи, ночью, несли передъ каретою двадцать свѣчь большихъ восчаныхъ. У цесарскаго посла былъ я одинъ: палата оббита подосатыми матеріями, другая шпалерами изрядными, третья оббита бархатомъ краснымъ и по швамъ все кружева золотыя, самыя изрядныя, зѣло богато. Ганшпанскій посолъ былъ въ 26 каретахъ о 6 коняхъ.

8.

Амстердамская ратуша въ длину 50 саженей, въ ширину 45. Пословъ нашихъ дарилъ Штаты голландскіе: большому послу цѣпь золотая весомъ 10 фунтовъ, съ гербомъ голландскаго государства; другому послу цѣпь восемь фунтовъ; дяку Прокофію Возницыну пол-шеста фунта; дворянамъ цѣпи по сту по двадцати золотыхъ (12). Во Амстердамѣ октября 28 числа триумфъ былъ: огненны потѣхи зѣло изрядны предъ всякими вороты; во всемъ Амстердамѣ огни горѣли великіе и ракеты пускали зѣло предивныя; за одну ночь, чаю, сколько сотъ тысячъ пущено огня: не видать было неба. И все то на радости, что миръ сотворился у всѣхъ европейскихъ государей съ французскимъ королемъ. Во Амстердамѣ жъ видѣлъ рѣзныя штуки изъ бумаги: рѣжетъ дѣвка и можетъ персону человеческую вырѣзать, и многія персоны королевскія рѣжетъ и продаетъ за великую цѣну. Во Амстердамѣ жъ видѣлъ стек-

(11) У Голикова (Дополн. къ I т. Дѣяній» стр. 403 изд. 2), Шведскій посолъ баронъ Лулепротъ пріѣзжалъ со своей святой только въ четырехъ каретахъ.

(12) У Голикова, подарки, полученные русскими посольствомъ отъ Генералъштабъ Штатовъ Голландіи, совершенно-сложны, по качеству и величинѣ, съ описанными здѣсь; но развѣстъ объ нихъ замѣтается авторомъ «Дѣяній» въ «Журнала Посольства», который, какъ уже разъ сказано мною, не имѣетъ никакого родства съ «Журналомъ», въ этой статьѣ наложеннымъ.

ло зажигательное: въ малую четверть часа растопить ефимокъ. Во Амстердамъ жь видѣлъ церкви жидовскія и въ нихъ великое богатство и церкви изрядныя и книги мойсеевы зело украшены. Во Амстердамъ жь былъ въ церкви у квакеровъ, которые, собравшись въ церковь, сидятъ часа три съ великимъ смиреніемъ, никакого слова никто не молвить, всякій ожидаетъ на себя освященія; познавши кто себя, мужъ или жена, встанетъ и учить людей; а въ то время молчать, хотя велику досаду дѣлать, не противятся и отнату не дѣютъ.

9.

Во Амстердамъ жь былъ на дворъ, на которомъ собраны разныхъ родовъ птицы, и видѣлъ птицу превеликую безъ крылъ и перья нѣтъ, только будто щетина; тутъ же многія изрядныя индійскія птицы да мыши индійскія, одна красная, а другая бѣлая, какъ горностаѣ, гораздо малы. Видѣлъ же кита, который выпоротъ изъ брюха, понеже еще не родился, пята сажень. Зайца морскаго видѣлъ: одна затылочная кость полторы сажени. Рыбу видѣлъ морскую съ крыльемъ, которая можетъ летать.

Во Амстердамъ жь былъ гдѣ въ домъ сидятъ съумасброжденные люди: которые совершенно безъ ума; всякому сдѣланъ особій чуланъ и ходятъ на простъ, непрестанно смотрятъ за ними, поятъ и кормятъ, чистятъ и берегутъ; а которые не дерутся, тѣ просто ходятъ по двору, а съ двора не спускаютъ.

10.

.....

11.

Казнь была во Амстердамъ: двухъ человекъ смертію казнили, пытавши, и какъ повинились въ убійствъ, привели ихъ предъ Штаты и сказали имъ смерть. За день до казни и въ тотъ вечеръ былъ имъ столъ, подчивали ихъ всамъ довольно. Какъ пришло время то, что казнять, привели ихъ предъ бургомистровъ и спрашивали еще о томъ совершеннѣйшия вины ихъ, и они сказали, что винны, и сказали правду. Бургомистры пошли къ Штатамъ и спрашивали, казнять ли ихъ; и Штаты приказали еще спрашивать, и спрашиваны они трижды. И послѣ того сошла Штаты и всѣ стали кругомъ на колѣнкахъ, и виновныхъ тутъ же

поставили, и молилися Богу со слезами о тѣхъ винахъ и судъ своемъ, и вывели на тотъ одръ и поставили на колъняхъ, и падачь отсыкъ головы обоямъ палашомъ; а пасторы непрестанно при нихъ были. И одного изъ нихъ отдали Штаты во анатомію, и разрѣзали голову и мозгъ, и внутреннюю всю при мизъ; а разрѣзалъ профессоръ, которой даетъ науку анатомическую докторамъ, а было при томъ зело много докторовъ и лекарей. Прежде обирали голову, содрали кожу съ черепа, потомъ пилюю растеръ черепъ и поднялъ, и вынулъ мозгъ; послѣ всперолъ грудь, и смотрѣли сердце и легкаго, какъ дежить, діафрагмою опредѣлено; а внутренняя подобно какъ у барана; потомъ желудокъ и кишки, все вынимали и почки осматривали до всѣхъ субтельныхъ вещей. Тутъ же тотъ профессоръ изъ того разрѣзаннаго челоуѣка сдѣлалъ нѣкоторую часть его тѣла живу.

12.

Змью видѣлъ, полчетверти сажени отъ переграды (?) одинъ кусокъ; трубу видѣлъ зрительную чрезъ которую смотрятъ, и можно видѣть, что есть на мѣсяцъ озера и горы; а мѣроу та труба десять аршинъ.

13.

— Зажигательное стекло видѣлъ, чрезъ которое можно растопить серебро и желѣзо; тѣмъ же стекломъ топили камень самый крапкій, и изъ того камня выжгли будто хрусталь, и тѣмъ хрусталемъ рѣзали стекло, будто алмазъ; тѣмъ же стекломъ зажгли древо подъ водою: воды было пальца на четыре налито, вода выкипѣла и древо зажгли; сѣномъ растопится какъ можно *Отче нашъ* проговорить; тѣмъ же стекломъ топили камень подобно янтарь.

14.

Въ Амстердамъ жѣ былъ и видѣлъ главу челоуѣческую, сдѣлану деревянную, которая говоритъ челоуѣческимъ голосомъ; заводять ее какъ часы и, заведя, молвятъ какое слово, она такожде молвитъ. Тутъ же видѣлъ сдѣланы двѣ лошади деревянные на колесъ и садятся на нихъ, и ѣздить зело скоро, и снимаютъ кольца копьемъ. Всѣхъ церковей въ Амстердамъ разныхъ вѣръ пятнадцать.

15.

Въ Амстердамъ жѣ былъ у челоуѣка, у котораго собраны разные деньги древнихъ кесарей и тѣ сребреницы тутъ же, на которыхъ Христосъ отъ Иуды проданъ: вѣсомъ будетъ противъ восьми копеекъ русскихъ, а печать на одной сторонѣ персоны челоуѣческой, а на другой имя и подпись надъ персоною изрядные. У тогожъ челоуѣка смотрѣлъ комедію: куклы скакала и танцовали зело-изрядно.

16.

Во Амстердамъ жѣ видѣлъ бабу, которая ходитъ по улицамъ и играетъ на скрипкѣ; передъ нею ходятъ три собаки; какъ замреть на скрипкѣ, а онѣ передъ нею танцуютъ на заднихъ ногахъ.

17.

Въ Амстердамъ жѣ былъ у Жидовъ въ церкви и смотрѣлъ образъ, какъ образуютъ младенца. Прежде молятъ сотворить, а потомъ положить младенца и возметъ крайнюю плоть и ущемитъ щипцами

серебряными и ображать не мало; послѣ возьметъ реискаго въ ротъ тогѣ кто рѣжется и припадетъ ко младенцу, и возьметъ крайнюю плоть и сосетъ кровь; тою жъ кровью и виномъ мажетъ у младенца уста.

18.

Обычали въ Амстердамѣ на большомъ винкорѣ или на постояломъ дворѣ десятникъ (13) и нослы; такъ всѣхъ было тридцать два человека, и заплатилъ денегъ 297 сѣмковъ.

19.

Въ Амстердамѣ жъ былъ у торговаго человека и видѣлъ хамелеона живаго, который отъиисеть цвѣтъ: на который цвѣтъ взойдетъ, того цвѣта и самъ кажется.

20.

Какъ приѣхалъ десятникъ въ Амстердамъ, потѣха была на морѣ: была нарочно наряжены два вице-адмирала со изрядными фрегатами и съ ахтами воинскими; съязжались промежь собой и стрѣляли изъ пушекъ, какъ на бою; а всѣхъ судовъ и смотральщиковъ съ десять тысячъ.

21.

Изъ Амстердама ѣздилъ въ Роттердамъ, а ѣхали на Лейденъ, въ Лейденъ былъ во академіи и смотрѣлъ многихъ вещей; изъ Лейдена въ Дельфъ: тутъ смотрѣли церковь большую, гдѣ погребаются оранскіе князи; изъ Дельфа въ Роттердамъ; въ Роттердамѣ церковь же большую смотрѣли и тутъ же видѣли славнаго человека ученаго персону, изъ неба вышита; подобно человеку, и книга мѣдная въ рукахъ, и какъ двѣнадцать ударить, то перекинетъ листъ; а имя ему — Эразмусъ.

22.

Въ Амстердамѣ былъ на дворѣ, гдѣ травили быковъ собаками; при мнѣ загнали троихъ, а два устояли и многихъ собакъ побилъ до смерти: оныя зѣло-больно проколоты рогами; и которые быки устояли, а на тѣ быки положили короны и орудья изрядные изъ бумаги сдѣланные, за то, что выдержали, и въ триумфъ повели по городу, а передъ ними два человека съ трубами шли и трубили. Въ Амстердамѣ жъ былъ гдѣ собираются дважды на недѣлю ученые люди и диспутуются промежь собою о разныхъ вещахъ богословскихъ и философскихъ. Въ Амстердамѣ жъ видѣлъ рыбу, у которой шла на носу, величиною та рыба съ небольшую бѣлугу; тутъ же видѣлъ рыбу, которая корабль останавливаетъ: маленькая, прилипаетъ ко дну множество, отъ того корабль останавливается; рыбу видѣлъ живую, зѣло-предянну, называютъ ее телешномъ морскимъ, гораздо толста да коротка, губы превеликіи висать.

23.

.....

(13) Петръ I, желая совершить путешествіе за границу никогда, принялъ на себя званіе десятника (унтер-офицера) Петра Михайлова («Дополн. къ Дѣян.» т. I. стр. 397).

24.

Изъ Амстердама поехали въ Италію апреля 1 числа, а ѣхали на почта; первый городъ Муанъ, изъ Муана въ Нардестъ; тутъ смотрѣемъ славную фортификацію (крѣпость): изрядно. На дорогѣ смотрѣли дворъ загородный князя оранскаго: сады и фонтаны предивны. Ночевали въ Нармена, на рѣкѣ; изъ Нармена въ Намвегенъ, на рѣкѣ Навасъ; изъ Намвегена въ Ранбургъ (?), оттоль въ Кляушъ. Тутъ смотрѣли курортъ браденбургскаго двора его и садовъ: по одну сторону двора его рѣка Воаль; за рѣкою построены фонтаны изрядные и перспективны на горы фонтаны же; съ горы сходы слѣзаны и чрезъ рѣку въ садъ мостъ каменный; по другой сторонѣ гора превеликая кругомъ. Въ рощахъ просѣчено двадцать дорогъ; со всякой дороги видно, какъ въ рощу пауцено заерей: оленей и лосей; вдругъ ста три ихъ покажется. Въ горахъ фонтаны бьютъ изрядно; а величиною та роща кругомъ четыре часа ходу.

25.

Изъ Кляуша въ Сантентъ (?). Тутъ смотрѣли церкви католицкой: кругомъ ее высѣчены страсти спасителей изъ алебастра; на одной сторонѣ распятіе, на другой сторонѣ когда молвдса Сыръ да мимовдетъ наша сія, и прочія всѣ страсти на оной церкви высѣчены. Изъ Сантента въ Ренберикъ (?), оттоль въ Орендигвъ (?), а оттоль во Узлемъ (Везель?). Тутъ смотрѣли церкви католицкой, а мѣрою та церковь 120 ступеней.

26.

Изъ Узлема въ Куленъ (Кельнъ). Тутъ былъ у езуитовъ; въ церкви ихъ превеликое украшеніе, святые иконы изрядна письма, цанкаждо серебрянное гораздо-велико, чеканной работы, притча евангельская: пять мудрыхъ дѣвъ съ негасимыми лампады, пять корольвиыхъ съ лампады безъ огня; у нихъ же въ библ. обтекъ (библіотекъ) превеликое собраніе разныхъ книгъ съ изряднымъ тцаніемъ.

27.

Тутъ же былъ въ монастырѣ у капуциновъ: ходять на колодкахъ босыми ногами; головы обрѣты, кругомъ оставлено на палець; носятъ черное платье, подпоясаны веревкою. Церквей разныхъ законодъ много въ Куленъ: будетъ съ двадцать.

28.

Тутъ же были въ монастырѣ, гдѣ тысяча десять дѣвницъ постриженыхъ; въ томъ монастырѣ видѣлъ камень спасителя гроба, кубшанъ, въ которомъ Христосъ претворилъ въ Канѣ галлейстемъ воду въ вино; ширю полведра, матерія камня благо, фигура, какъ видѣшь тымакъ (14); тутъ же жезлъ апостола Фомы: достъ точеная до конца.

29.

Въ Куленъ на ярмаркѣ видѣлъ младенца о двухъ головахъ; тутъ же

(14) По Годикомъ, зертъ видѣшь младца Иисръ А въ магдебургской церкви св. Марція, еще на дорогѣ къ Амстердаму («Дондц. къ 1 т. Мѣсяцъ, стр. 208»).

видалъ тележка о двухъ головахъ; въ Кулена жъ видалъ въ аптеку крокодила двухъ сажень. Изъ Кулена поехали водою вверхъ лошадами. Первый городъ Бонъ, другой Андернахъ; оттолъ въ Коблесъ (Кобленцъ), отъ Коблеса въ Нусъ (?).

30.

На другой сторонъ рѣки тотъ славный цесарскій городъ; построенъ на горахъ каменныхъ зяло-высоко, а внизу рѣка Рейнъ, тутъ же впа-ла рѣка Мазе (Мозель?); по рѣкѣ всё горы каменные, зяло-высокиа, по горамъ всё винограды. Оттолъ поехали въ Бохаромъ (?) и Френфельдъ-Синтъ (?); говорить, тутъ у городовыхъ воротъ ошейникъ мѣд-ный, и кто впервые прійдетъ, повиненъ положить тотъ ошейникъ на шею и стоять малое время; потомъ купаютъ, а кто не хочетъ купать-ся, дасть денегъ сколько можетъ на ренское кампанейскимъ людямъ и имя его напишется въ книгу, что тотъ былъ. Оттолъ въ Менскъ (Майнцъ); изъ Менска здалъ смотреть, гдѣ натуральные колодези горячіе. Въ одномъ безъ жары горяча: не можно рукъ терпеть; другой— не такъ горяча. Построенъ великій домъ и палаты изрядныя; сдѣлано мѣсто гдѣ купаются: палата каменная сажень пяти, сводъ изъ досокъ сдѣланъ, написаны планеты въ сводъ; сдѣланы двѣ трубы для того, что паръ непрестанно идетъ отъ воды; посередкѣ сдѣлано мѣсто, гдѣ ходить въ воду, выкладено камнемъ краснымъ изряднымъ, глубиною по шею человѣку; около перилъ сдѣланы да маленькіе чердаки и ступени въ воду, сколько хочетъ ступить, и сидѣть подманы лавки въ вода, и плавать можно вдоль сажени съ три, поперегъ полторы; а вода непрестанно течетъ; тутъ проведена труба великая, а другою трубою вода идетъ, и вода въ колодезяхъ солена.

31.

Изъ Менска поехали водою рѣкою вверхъ лошадами, было впряжено въ лямку 10 лошадей нѣмецкихъ; судно было великое, а людей было въ немъ 160 человѣкъ. Во Франъ-Фуртъ (Франкфуртъ) пріехали въ самую ярмарку, апрѣля 10 числа, и видалъ товаровъ столько, что въ Амстердамъ столько не видалъ, а больше всего серебра да алмазныхъ вещей и запонъ: у жидовина одного была цѣлая лавка навѣшено за-повъ, крестовъ, перстней, всё алмазные. Тутъ же видалъ Жидовокъ въ жидовскомъ платьѣ: на шеѣ изъ полотна собраны были склады, на го-ловѣ будто рога изъ полотна жъ, на плечахъ епанечка бархатная съ кружевомъ чернымъ.

32.

Изъ Франкфурта поехалъ каретою; первый городъ Ганавъ (Ганану); карету наняли самъ-четверть до Азбурха (Аугсбурга), дали восемь ефим-ковъ отъ человека. Оттолъ въ Клендастратъ (Клейнъ-Дармштадтъ?), который построенъ въ одну улицу, съ одну сторону рѣка Менъ (Майнъ), по другую же сторону горы каменные, такъ круты, что невозможно взой-ти, кромѣ тахъ мѣстъ, гдѣ подманы лѣсницы, да сверхъ городокъ изрядный. Въ немъ смотрали статуса (домъ правительства): зяло-из-рядно въ середкахъ, лучше амстердамскаго домъ, писыма изрядныя, рѣзба предивная вызолоченая вся, а жарою лучшая палата 25 ступе-

ней въ длину, а въ ширину 14; въ сѣнахъ подпоры изъ столбовъ мраморовыхъ, вышиною одного камня 2 сажени; подъ исподомъ плиты изъ фонтановъ.

33.

А въ городѣ улицы всѣ мощены были камнемъ; по всякой улицѣ текутъ воды живыя, всё изъ фонтановъ. Дѣвки носятъ на головахъ косы прелевкія иныхъ волосовъ; а печальное платье у нихъ особое; другія шелковыя косы имѣютъ, а у нѣкихъ на головахъ великіе щиты изъ полотна, на шеѣ крылья, платье долгое собрано, какъ соянь (?). Жены носятъ шапки великія, подобно горлатнымъ, только больше.

34.

Тутъ же былъ въ церкви католицкой: зѣло-великъ одинъ придѣлъ и сдѣланъ великимъ богатствомъ. Гора (хоры?) сдѣлана изъ мрамора, вверху горы ангелъ стоитъ и держитъ сосудъ въ рукахъ; ниже стоитъ Исусъ Сынъ Божій на колыняхъ и проситъ, дабы, еще возможно, чаша сія да мимоидеть; апостолы стоятъ на горѣ розно.

35.

Тутъ же былъ въ изрядной аптекѣ и видѣлъ зѣло-много натуральныхъ вещей: рудъ золотыхъ, серебрянныхъ, и какъ рождаются разные камни, и многія дѣревеса благовонныя, которыя лекарствомъ служатъ; а паче украшена аптека вся головами турецкими, какъ война была подъ Вѣною: на многихъ головахъ ранъ по 12, а на иныхъ больше ранъ и 20, палашами, и многіе пріѣзжаютъ для смотрѣнія того украшенія.

36.

Оттогда поѣхали каретою самъ-четверть, наняли извозчика до Венеціи, и обѣдать, и ужинать, ренскаго по кружкѣ—все его, дали отъ человека по 12 золотыхъ; а на дорогѣ были 11 дней. Первый городъ Лиспурхъ (?), за тѣмъ Инспрухъ (Инспрукъ), промежъ страшными горами великими. Въ Инспрухъ пріѣхали въ великую пятницу; тутъ былъ въ монастырѣ у езуитовъ: зѣло великій монастырь; библіотека сажень пяти вдоль; всѣ стѣны сплошь наполнены книгами разными; всѣмъ подѣланы шкафы безъ дверей; ярыжи висятъ надъ всякою шкафою подписаны, какія въ той шкафѣ книги; посрединѣ стоитъ столъ и инструменты лежатъ зѣло-изрядно убраны. Тутъ же былъ въ церкви, смотрѣлъ цесарскихъ мужескихъ и женскихъ персонъ лѣтыя изъ мѣди, которые погребены въ той церкви, а мѣрою противъ человека, самаго изряднаго мастерства, и поставлены по обѣ стороны церкви.

37.

Тутъ же видѣлъ статусъ славный, который крытъ золотыми досками; мѣрою та кровля сажени полтретья въ длину, а вверху сажени полторы, поперегъ полсажени; придѣланъ къ стѣнѣ.

38.

Тутъ же былъ у доминикановъ: зѣло-изрядное строеніе; на крыльцѣ церковномъ высѣчено два льва каменные изъ мрамора, дѣльной работы.

—Отъ Трента ѡшли на гору каменную восемь часовъ; такая гора, что невозможно было смотреть внизъ; а дорога такая узкая, что во многихъ мѣстахъ было отъ колеса меньше полуаршина, а тамъ такая пропасть, что неподобно сказать. Наверху на тѣхъ горахъ великій снѣгъ въ самое лѣто не сходитъ, а внизу промежъ тѣми горами рѣка страшная и быстрая. Изъ сторонъ тѣхъ горъ текутъ источники волные по ущельямъ, кои будто великія двери отворены; на тѣхъ источникахъ поставлены многія мельницы пильныя.

39.

А горы тѣ каменныя; во многихъ мѣстахъ ѡшли подъ камень: виситъ надъ дорогою сажень по 500 каменная гора и часто отрывается и побиваетъ много людей. Самая нужная ѡзда и страхъ великій. А камень передъ тѣмъ упалъ и задѣлъ на самую дорогу: просѣкала подъ него лмы и клали порохъ, и его во многихъ мѣстахъ просверливали и порохомъ посыпали, чтобъ разорвало. А мы въ ту пору ѡшли и дѣр-ту свою на рукахъ съ великою нуждою передвинули; то мѣсто потому работники не успѣвали отъ рваного камня очищать. А называются тѣ горы Тирольскія, а ѡшли тѣми горами 10 дней отъ Трента берегомъ примулярно. Многія горы такія высокія, что облака ниже ходятъ.

40.

Въ Венеціи былъ въ церкви, которая сдѣлана вся изъ мрамора бѣлаго; образъ Пресвятыя Богородицы высѣченъ изъ бѣлаго жѣ мрамора, держитъ младенца; предивной работы; надъ нею сдѣлано изъ стекла, подобно какъ солнце сіяетъ. Тутъ былъ въ монастырѣ и слышалъ музыку, какой николѣже не слыхалъ во всей Европѣ: пѣли дѣвки, на органахъ и на всѣхъ инструментахъ играли онъ же. Въ церкви католической видѣлъ процессію: былъ князь венеційскій и ѡдѣлъ на море; судно подъ нимъ великое, рѣзное, вызолочено все и покрыто бархатомъ краснымъ, вышитымъ золотыми гербами венеційскими; въ томъ суднѣ сперва князя видѣлъ и по обѣ стороны его многіе люди. Патріархъ въ особомъ суднѣ подѣхалъ къ его судну и освятилъ воду, и ту святую воду ѡдѣлъ въ море; а музыка пѣла предивная; и потому князь ихъ, перстень алмазный взявъ, бросилъ въ море, и изъ судна пошелъ въ церковь чиномъ, по праву сторону посоль папинъ, по лѣвую посоль французскій; напередъ шли по два чловѣка; а процессія была мад. 1 числа и по ихъ обыкновенію ежегодно бываетъ. Въ то время у нихъ носили машкоры лучшіе люди и жены и дѣвцы всѣ, чтобъ невозможно другъ друга знать. Тутъ же видѣлъ птицу строфокамила, съ небольшою лошадей. Въ Венеціи былъ въ монастырѣ у святаго Георгія: церковь великая, внутри все строено изъ мрамора бѣлаго, полъ залозраднаго украшенія изъ разныхъ мраморовъ, лампы превеликія висятъ серебряныя, десять лампадъ.

41.

Тутъ же былъ въ библіотекѣ: залозрадно украшена, и собрано разныхъ книгъ множество; глобусы превеликіе, въ косую сажень. Въ томъ

же монастырь былъ въ садахъ: зѣло-нарядные, кругомъ все посажены кипарисы и винныхъ ягодъ дерева многія.

42.

Въ Венеціи церковь соборная святаго евангелиста Марка, и въ той церкви зѣло-предливная надъ дверьми рѣзба изъ мрамора бѣлаго; надъ тою рѣзбою поставлены четыре лошади мѣдныя безъ уздъ, вызолочены на-красно; а поставлены на знакъ вольности веницейской.

43.

Предъ церковью соборною площадь великая; кругомъ той площади дѣны прокураторскіе зѣло-великіе, наряднаго строенія; на той же площади стоитъ три столба каменные изъ одного камня вверхъ восемь сажень; на верху тѣхъ столбовъ, на одномъ стоитъ гербъ ихъ, левъ съ крыльемъ, во образъ евангелиста Марка, на другомъ столбѣ образъ святаго Осодора, змія закалающаго, на третьемъ столбѣ образъ Пресвятыя Богородицы съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, что писалъ Лука евангелистъ, мѣрою четверти въ три, мастерства средняго. Процессія была въ Венеціи мая 9. Патріархъ служилъ со всѣмъ соборомъ; выслуга обидно, патріархъ съѣлъ на своемъ мѣстѣ, а князь веницейскій тутъ же свѣдѣлъ съ своимъ снѣглитомъ, и потомъ началась процессія: всѣ соборы пошли сквозь ту церковь; прежде шли 6 челоуѣкъ съ скрипницами, и какъ прошли всѣ соборы, всталъ патріархъ и поднималъ сакраментъ и пошелъ въ ходъ; его повели владыки, за нимъ пошелъ князь веницейскій, съ правой стороны папінъ посолъ, по лѣвую сторону посолъ французскій; за княземъ шли лучшіе его сенаторы, а съ тѣми сенаторами шли по правую сторону изъ убогихъ домовъ; а дорога та, гдѣ шла, покрыта вся холстами, и по обѣ стороны горѣли востковыя свѣчи.

44.

Въ соборной церкви св. ев. Марка мѣско Пресвятыя Богородицы въ склѣпницѣ, власы Пресвятыя Богородицы русые; тутъ же въ церкви звѣзды, которымъ прибито было тѣло на крестъ Спасителя Бога нашего; терноваго вѣнца часть; часть столпа, у котораго Творца нашего бичевали; риза Пресвятыя Богородицы; евангеліе св. Марка; камень тотъ, изъ котораго въ пустынь Моисей воду источилъ. Изъ Венеціи ѣздивъ въ Муранъ, моремъ съ версту будетъ, гдѣ стекла зеркальныя дѣлають и суды всякіе изъ камня, а камень толкутъ и топять. Въ Венеціи сенаторы и жены ихъ ѣздятъ въ *гундалахъ* (гондолахъ): дошки большія, покрыты сукномъ чернымъ, стекла большія хрустальныя въ оконцнахъ, а гребутъ стоячи нарядные зѣло гребцы въ бархатныхъ кафтанахъ; а у пословъ и посланниковъ разныхъ государствъ гундалы черныя, вызолочены мѣстами на-красно, выбиты бархатомъ, а гребцы въ золотыхъ кафтанахъ.

45.

Въ Венеціи на площади мужикъ дѣлалъ: два гвоздя желѣзные въ мось забилъ и на тѣхъ гвоздяхъ на веревкѣ молотовъ поднимаетъ одинъ

надцать; онъ же камень въ и воды выпилъ ушатъ большой; еще привязывалъ къ волосамъ камень пудъ шести и носилъ.

46.

Въ Венеціи смотрѣлъ какъ играютъ сенаторы: мячъ кожаный великій, надутый духомъ и инструментомъ гораздо крѣпко бьютъ его руками, а на рукахъ у нихъ, которые играютъ, въ то время надѣты точенныя деревянныя до самаго локтя колодочки, будто лукошко. Во всей Италіи славный кастратъ Мулгасъ Неогаспопита, другая дѣвка Маргарита, третья Катранъ Картуна, четвертая Гастаркъ Почипана, пятая дѣвка Сесалия, шестая дѣвка Катина. На карнаваль одному кастрату даютъ найму по тысячь червонныхъ и больше. Въ Венеціи былъ на дворѣ, гдѣ варятъ сахаръ: заводы превеликіе.

47.

Въ Венеціи оперы зачали играть сентября съ 26 дня и комедіи, а кто хочеть, вольно въ тѣ дни по вечерамъ машкары носить. Въ Венеціи церковь греческая во имя св. великомученика Георгія украшена зѣло-изрядно: поникадила серебрянныя великія, подсвѣчники серебряныя же; у церкви начальникъ владыко (епископъ), зѣло-ученый человекъ, породы греческія; прихожане Греки, которые живутъ въ Венеціи, а священниковъ 20 человекъ, да діаконовъ 4 человека. Въ Венеціи, которые бывають солдаты на корабляхъ и на каторгахъ (каторгахъ?), тѣ въ городѣ николи не живутъ, а сдѣланъ домъ великій на острову и каменная ограда великая, и какъ прійдетъ корабль или каторга, тотчасъ всѣхъ соберутъ на тотъ дворъ и запрутъ, и корабль крѣпко всегда стоитъ; а какъ кораблямъ и каторгамъ идти въ море, съ того двора отпускають, а больше того свѣту не знаютъ, какъ на службу живутъ; и много того живетъ, что волею отдаются Туркамъ отъ безмѣрнаго мученія.

48.

Изъ Венеціи поехали въ Римъ мая въ 20 день; первую ночь ночевали въ Кезѣ; отъ Кезы поехали рѣкою вверхъ; обѣдали въ Лоретта 21 дня; ночевали въ мѣстечкѣ венецейскомъ, гдѣ рѣка, а по одну сторону рѣки земля папина, по другую же венецейская.

49.

Того жъ числа обѣдали и ночевали въ городѣ Ферраре (Феррарѣ) подъ властію папиною; въ городѣ начальникъ деньги переманилъ венецейскія на тамошнія. 23 числа ночевали въ монастырѣ отъ Болоніи 10 верстѣ и видѣли на поляхъ ночью множество превеликое мухъ, власно какъ свѣчи горять. 24 числа ѣхали до Болоніи рѣкою прокопью (каналомъ) на гору; вода была выше трехъ сажень, заперта слюзами. Тутъ же видѣлъ въ саду деревья обрѣзаны: растутъ будто лошади и люди. 25 числа пріѣхали въ Болонію и были у торговаго человека: восемь палатъ, наверху убрано зѣло-изрядно; лучшее убраніе и письма предавныя въ одной палатѣ: тамъ пять столовъ, доски каменныя, ноги деревянныя

и вызолочены, какъ жаръ горять; у него жь семь погребовъ съ пятьсмъ флоренскимъ. Какъ были въ Болоніи, въ то время былъ праздникъ и ходъ со кресты: въ церкви было обито все камками и развязано флерами и лентами; улицы покрыты холстами, а стѣны обиты камками и развязаны лентами зѣло-изрядно, и по всѣмъ стѣнамъ повѣшены писма предивныя, и камчатныя изъ всякаго дому вывѣшены матеріи изрядны и шпалеры; на окошкахъ поставлены серебряные суды съ цѣттами. Тутъ же былъ у кардиналова племянника въ домъ: домъ превеликій; сады на палатахъ; убранныхъ палатъ будетъ 30; постель въ тѣхъ палатахъ, а въ большой палатѣ паникадло изрядно деревянное; на всякомъ стремена висать шандалы тройныя.

50.

Тутъ же въ домъ видѣлъ палату круглую съ двумя потолками; первый потолокъ не весь сдѣланъ: вырѣзано вверху облака, во облакахъ голубь держитъ вѣнчикъ, кругомъ ангелы. А изъ Болоніи поехали верхами черезъ горы; ночевали въ Лулянъ (Loiano); 27 дня пріѣхалъ во Флоренцію ночевать. Флоренція городъ великій; по улицамъ нечисто; дома великіе изряднаго строенія; окончины бумажныя, рѣдко и стеклячныя.

51.

Въ церкви былъ у св. Іоанна: строеніе изрядное; въ одномъ приделѣ неугасимыхъ свѣчъ и лампадъ 60, подсвѣчниковъ серебряныхъ 50; ангелы по стѣнамъ серебряные со свѣщами; потолокъ рѣзной весь вызолоченъ. Тутъ же Пресвятая Богородицы церковь пределькая, съ изрядныхъ мраморовъ. Тутъ же видѣлъ церковь, которую строятъ 96 лѣтъ, а еще недостроена; половина все изрядныхъ мраморовъ и сіяше все; тутъ камень въ камень врязано и такая работа, что невозможно вѣрить: одну лѣтеру вырѣзываютъ по три недѣли; а стала до сего времени въ 22 милліона штукотъ (скуди) или ефимковъ. Тутъ же былъ у сенатора въ домъ: домъ превеликій; пять палатъ убраны письями предивными, 15 палатъ обиты камками красными, двѣ шпалерами, 5 бархатами, 15 палатъ обиты камками цѣтными, постели двѣ, убранныя бархатами махровыми, одна лучшая, рѣзная вызолоченная. Въ стѣнахъ стекла зеркальныя, по нихъ писано изряднымъ мастерствомъ, мѣрою сажени полторы. Библіотека предивная: въ ней два глобуса прорѣзные превеликіе, вырѣзано и вызолочено.

52.

Тутъ же во Флоренціи былъ на дворѣ государевъ, гдѣ лошадей учать; еще былъ на дворѣ, гдѣ всякіе звѣри разные, львы и барсы страшныя; у флоренскаго князя былъ на дворѣ, гдѣ всякія вещи собраны, называютъ тотъ домъ—Гомерія.

53.

Первую штуку въ Гомеріи видѣлъ: престолъ, сдѣланъ изъ разныхъ мраморовъ въ тую церковь, что строятъ 96 лѣтъ; палата съ письями

(картинами) предивными, другая съ порценолемъ (фарфоромъ), палата жъ со инструментами математичными: два глобуса преслакіе; еще палата съ псымами; тутъ же столъ круглый, который дѣлалъ 15 человекъ 30 лѣтъ; пищаль видѣлъ со стволомъ златымъ; шкатула золотомъ оправлена со изумрудами и съ яхонты; два стола яшмовые, на нихъ стоятъ суды костяные предивной работы. Въ той же палатѣ поставецъ съ хрустальными судами и съ яшмовыми, золотомъ оправлены. Тутъ же въ палатѣ изумруды съ землею, какъ родятся отъ патуры; тутъ же бирюза съ кулакъ: сдѣлана персона Нерона царя; пять палатъ оружейныхъ; алмазъ славный во всемъ свѣтъ, въсомъ 148 кратъ (каратъ). У престола доска золотая съ каменемъ, зѣло-богата; поставецъ тутъ же великій и въ немъ суды золотые. У князя флоренскаго у самого на дворѣ лежитъ камень магнитъ сажень двухъ кругомъ, вверхъ въ поясъ чловѣку. Въ саду у него былъ, и садъ превеликій, строеніе изрядное; по горамъ сажены кипарисы, фонтаны изрядные; подъ водою фонтанная чаша изъ одного камня 15 сажень кругомъ. Тутъ же въ саду былъ, гдѣ птицы разныхъ собраны, а межъ ними строфокашиловъ пять великихъ. Тутъ же видѣлъ лошадь, которая имѣла гриву одиннадцати сажень въ длину: сами мѣряли мы.

54.

Изъ Флоренціи поѣхали въ Римъ 29 дня. Первую ночь ночевали въ Сиень 30 числа; обѣдали въ городѣ Тосванелль того жъ числа; въ Римъ прѣѣхали юлія 3 дня. Тутъ былъ въ церкви апостоловъ святыхъ и при насъ былъ папа, а при немъ были три кардинала; передъ ними ѣхали шляхты на лошадяхъ, въ шляпахъ, съ копьями; а папу несли люди въсемъ чловѣкъ въ бархатныхъ кафтанахъ; носилки сдѣланы деревянныя, какъ возокъ зиппій; обиты бархатомъ махровымъ. Передъ папою несли крестъ; кругомъ шли солдаты въ бархатныхъ кафтанахъ, съ алебардами; каретъ было за ними съ 50. Того жъ дня былъ въ церкви Петра и Павла: мѣрю та церковь въ длину 160 ступеней, попереки 100 ступеней.

55.

Въ то время, какъ мы были, церковь была вся обита красными камнями, по швамъ кружевами золотыми. Мощи св. апостолъ Петра и Павла лежать посреди церкви; на полу сдѣланъ кіотъ и двѣ лѣстницы, кругомъ горятъ сто-восемнадцать лампадъ; тѣла ихъ подъ спудомъ. Въ той же церкви папы кладутся: тѣла ихъ лежать въ гробахъ мраморовыхъ, а надъ гробами ихъ персоны изъ мѣди вылиты, иные изъ мраморовъ высѣчены и поставлены. Въ той же церкви былъ и смотрѣлъ, гдѣ лежать мощи апостоловъ подъ церковью; все ходили.

56.

Въ церкви былъ сколизонта (?), лѣстница каменная мраморовая, по которой Иисусъ веденъ былъ на судъ предъ Пилата, и гдѣ писалъ, въ тѣхъ мѣстахъ кресты начѣчены, а ходять по ней на козлахъ и на

всякой ступени говорятъ молитву. Въ павильныхъ полатахъ были: многія обиты камками красными и бархатомъ, счетомъ тѣхъ палатъ 160 и всѣ убраны. Всякій павиль придѣлываетъ на память свою сколько палатъ. Тутъ же переходъ въ садъ, мѣрою 260 сажень; потолокъ вырезанъ и вызолоченъ; по обѣ стороны садъ и фонтаны; на правой сторонѣ гора выкладена каменная, на верху ея неяснѣе-птица сидитъ, и изъ зоба у нея течетъ вода великая; подъ горою прудъ, а на водѣ корабль, и вмѣсто парусовъ изъ дерева текутъ воды; 24 пушки, а изъ пушекъ все вода стрѣляетъ: по концѣ тѣхъ переходовъ фонтаны наверху.

57.

Въ томъ же домѣ три палаты, а въ нихъ на 60 человекъ всегда готовы латы и оружіе всякое; тутъ же библиотека превеликая, по 12 и по 15 палатъ кругомъ все наполнены книгами. У кардинала былъ въ домѣ; такого богатства нигдѣ не видалъ: домъ превеликій, палатъ बहुतъ со стѣн, спальныхъ его палатъ восемь, все въ золото сплошь; по срединѣ двухъ палатъ креслы бархатные, обиты не бѣкамъ золотыми кружевами.

58.

Въ церкви былъ у Пресвятыя Богородицы, что евангелистъ Лука писалъ; тутъ млеко Пресвятыя Богородицы, риза спасителя, которая была во время распятія, красная; крестъ животворящаго древа въ четверть аршина; въ церкви Іоанна-Предтечи видалъ столъ, на которомъ сотворилъ Христосъ со учениками тайную вечерю: доска будетъ близко сажени, покрыта была серебромъ, а нынче серебра нѣтъ, только знатъ тѣ гвозди, чѣмъ серебро было прибито.

59.

Тутъ же ковчегъ завѣта Господня; столпъ каменный, у котораго Спасителя бичевали; жезлъ аароновъ, жезлъ моисеевъ—оба пестрые; тюрьму видалъ, въ которой сидѣлъ апостолъ Петръ; земляная, окна вверхъ; желѣза, которыми былъ онъ связанъ, тутъ же. У езуитовъ былъ въ монастырѣ: церкви строенія изряднаго, гдѣ писма видалъ вверху, будто окошки. Въ томъ монастырѣ 2000 учениковъ.

60.

Домъ видалъ Нерона, царя и мучителя, гдѣ мучилъ разнымъ мученіемъ святыхъ и зверьми травилъ; въ монастырѣ былъ у францискановъ и видалъ финиково дерево; клещи видалъ, которыми рвали тѣла святыхъ мучениковъ.

61.

Въ церкви Петра и Павла видалъ копіе, которымъ прободено отъ лонна на крестъ живоносное ребро Спасителя Христа нашего; видалъ образъ перукотворенный спасителя, что убрूसъ привезла Вероника и терла лицо Спасителя и преобразилась persona божественная; мѣрою будетъ больше четверти; онъ въ той церкви, которая
нынѣ всѣхъ святыхъ; зало-великая, круглая.

62.

Въ монастырѣ былъ, гдѣ лежатъ мощи Алексѣя-человѣка-Божіа; крыльцо выдѣлъ, подъ которымъ Алексѣй-человѣкъ-Божій жилъ. У гвишпанскаго посла быдъ, на дворѣ выдѣлъ четыре кареты, цѣна имъ 2000 червонныхъ.

63.

У принца былъ на дворѣ у Калумка (?); въ палатахъ его обои шиты по бархату малиновомъ, а шито золотомъ.

64.

Какъ пріѣхали въ Римъ, того жъ дня отъ папы пришелъ къ намъ бояринъ Урбанъ Рочъ и сказалъ, что папа изволилъ прислать куда вамъ подлежатъ ѣхать и смотреть надобно, и посадилъ въ карету и возилъ по городу и казалъ всѣ вещи, которыя надлежатъ смотрѣнію; пріѣзжалъ по всякій день по дважды.

65.

Въ саду были у князя Бургеца (Боргезе): садъ великій, нѣтъ версты кругомъ; въ саду палаты превеликія, убраны письями изрядными; лучшее убраніе — персоны цесарскія: много славныхъ владѣтелей и учителей изъ мраморовъ разныхъ высѣчены; палатъ будетъ 30, убраны великимъ богатствомъ; стояли шкатулы и чаши великія изъ разныхъ мраморовъ. Противъ тѣхъ палатъ сдѣланы подземныя, покрыты сѣткою желзною, а въ нихъ напущено птицъ разныхъ, и водятся тутъ; посередкѣ тѣхъ палатъ фонтаны для птицъ. Въ томъ же саду пруды превеликіе. Тутъ же въ саду звѣри разные: оленей, козъ и иныхъ разныхъ напущено и водятся тутъ; на годъ убиваютъ звѣрей по сту и больше молодыхъ для того, что злы-много родятся. Въ томъ же саду двѣ рощи, гдѣ зайцы водятся и птицъ разныхъ множество: павлиновъ бѣлыхъ, строфокамиловъ и иныхъ дивныхъ. У него же былъ въ деревнѣ, отъ Рима будетъ версты 12, называется Врешкаты (Фраскати): палаты превеликія, а сверху будетъ покоевъ 130; сады превеликіе, кругомъ версты по шести; фонтаны стрѣляютъ власно какъ изъ пушекъ. Въ той деревнѣ три дома его; дороги въ садахъ обсажены превеликими деревьями и всѣ обрѣзаны по веревкѣ.

66.

Въ тѣхъ же Врешкатахъ у другаго князя былъ у Панфилія (?) и обѣдалъ у него. Домъ его построенъ въ горахъ превеликихъ; съ пріѣзду къ палатамъ садъ великій; крыльцо на обѣ стороны сажень по пяти, на крыльцахъ по 12 фонтановъ; посреди сѣней фонтаны великіе; на другомъ входѣ въ палаты перилы великіе, а на перилахъ стоятъ всѣ деревья. Противъ заднихъ дверей палатъ его сдѣланы стѣны каменные, а въ тѣхъ подѣланы фонтаны. Посреди стоятъ апостолъ, на головѣ держитъ глобусъ, изъ-подъ-глобуса течетъ вода великая и изъ глобуса кругомъ вода течетъ, будто звезда. Выше той звезды лѣсница каменная, а по лѣсницѣ течетъ вода великая; выше той лѣсницы двѣ

столба влікіе, сажени по тры; ізъ столбовъ бьютъ воды и текутъ по столбамъ по всему тому мѣсту; выше тѣхъ столбовъ вода великая течетъ изъ фонтановъ на лѣсницу; по сторонѣ той лѣсницы, двѣ маленькія узкія лѣсницы, по обѣ стороны отъ обнѣхъ лѣсницъ фонтаны тонкіе противно бьютъ, кажутся, будто большая лѣсница покрыта водою сверху. На низу, по — осторонѣ того фонтана, мужикъ каменный великій лежитъ и въ рукахъ держитъ флейту, и какъ пустятъ воду, а онъ заиграетъ на флейтахъ безмырно-хорошо. Другая фонтана: мужикъ на лошади въ рогъ зоветъ. Передъ тѣми фонтанами еще три фонтана превеликіе сдѣланы изъ-подъ крыльца; а всѣхъ его фонтановъ будетъ 40, коли не больше. Еще сдѣлана палата тутъ же навизу, въ той палатѣ фонтана великая: гора каменная великая, и изъ горы воды текутъ, а на горѣ девять дѣвокъ лежатъ, у всякой флейта въ рукахъ, за горою органы великіе, не видать ихъ; какъ пустятъ воду, всѣ дѣвки заиграють на флейтахъ, и органы заиграють; и то мѣсто славное во всемъ Римѣ.

67.

Изъ Рима поѣхали іюня въ 7 день въ Ливорну; наняли двѣ коляски, дали 20 золотыхъ, а ѣхали тою дорогою, что ѣхали изъ Флоренціи до Рима. Пріѣхали въ Ливорну 14 дня. Въ то время былъ праздникъ св. Іоанна: по всемъ улицамъ горѣли огни, изъ пушекъ стрѣляли и процессія была. Городъ великій; стоитъ на морѣ, на самомъ берегу.

68.

У корабельнаго пристанища сдѣланъ столбъ каменный; на столбѣ высѣченъ стоитъ каменный князь ихъ флоренскій, а подъ столбомъ четыре человека Турокъ мѣднѣхъ вылиты превеликіе, руки завязаны назадъ и прикованы къ столбу на цѣпяхъ; подъ ногами у князя чалма турецкая; лукъ и палашъ. А полونا турецкаго въ городѣ 3000 человекъ, ходятъ днемъ по волю, а ночью въ тюрьмѣ, и торгуютъ многіе. Изъ Ливорны поѣхали моремъ на кораблѣ въ Женутъ (Геную) іюня 11 дня; ночь тую стояли, но вскорѣ поѣхали поутру; въ морѣ были четыре дня и опасеніе велие шло отъ Турокъ. Въ Женутъ пріѣхали 22 дня. Городъ великій; стоитъ на самомъ морѣ; портъ невеликій; какъ мы были, въ то время было кораблей 20, которыхъ восемь всегда готовы стоять для Турокъ; на нихъ есть араны и тутошніе люди за винну.

69.

Князь у нихъ выбирается изъ сенаторовъ и сидитъ по два года только. Дома превеликіе зряднаго строенія гораздо любятъ сенаторы. Жень ихъ носятъ люди, по двадцати человекъ, сдѣланы носилки будто возокъ маленькій; нныя жъ вѣзять на мулахъ, въ такнхъ же возкахъ.

70.

Тутъ же былъ въ саду у князя: построены у самаго моря; фонтаны превеликіе: три лошади, на нихъ мужикъ стоитъ, у средней лошади изъ язына вода течетъ, а у тѣхъ изъ ноздрей; кругомъ тѣхъ лошадей ребята маленькіе изъ мрамора высѣчены сидятъ и воду бьютъ; иже

тѣхъ ребятахъ орлы двѣнадцать каменные, въ ногахъ у нихъ птицы и животныя, изъ нихъ все воды текутъ.

71.

Изъ Женута ѣхали въ Миланы (Миланъ) горою, наняли коляску, дали 65 червонныхъ на три дни. Въ гишпанскихъ горахъ на осмотрѣ такъ не пропускають. Въ городъ Тортона, владѣнія гишпанскаго короля, ночевали; обѣдали въ Вагаръ, городъ гишпанскомъ.

72.

Въ монастырѣ былъ у бенедиктинцовъ: церковь Благовѣщенія, строенія изряднаго; рашотки мѣдныя по всей церкви; зѣло-богата: доходу черницу по сту рублевъ на годъ.

73.

Библиотска — изрядное строеніе: писма предивныя; образъ спасителя писанъ на мѣди; рождество спасителя писано на камени, мастерства дивнаго; тутъ же образы шитые добры-зѣло. Дивно, что у нихъ въ великую рѣдкость и диковинку образъ Саваоа и Рождества Спасителя. Тутъ же садъ и деревья обрѣзаны: люди и животныя, изъ нихъ же фонтаны текутъ.

74.

Юня 27 дня пріѣхалъ въ Миланы, гишпанскій городъ великій; въ рядахъ были и видѣли судовъ хрустальныхъ, яшмовыхъ зеленыхъ и агатовыхъ, оправлены золотомъ, множество; чаша, лаханы великія съ ружомойндками, кувшины великіе: такихъ нигдѣ нѣтъ и не видалъ. Въ церкви былъ зѣло-великой.

75.

Изъ Миланъ поѣхалъ горою; за коляску дали по 4 золотыхъ въ Павлу (Падуу); ночевали въ Лоди: рѣка тамъ зѣло-быстра; обѣдали въ астеріи; ночевали въ городѣ венеційскомъ Мантуя, близъ гдѣ славное ружье дѣлають. Провѣхали городъ Пекера (?), построень зѣло-изрядно и фортисенкаціи на озера; пріѣхали обѣдать въ городъ Веронію (Верону); городъ великій венеційскій, рѣка Енчъ (Эчь); люди въ томъ городѣ на все поля пускають воду изъ садка, какъ дождя нѣтъ. Юля въ 4 день пріѣхали въ Павлу, гдѣ главная академія; городъ великій.

76.

Видѣли гдѣ воды горячія: тотъ партошь (?) отъ Павды пять верстъ; воды безмярно-горячія, мясо сварить можно; ключи превеликіе; отъ воды царь великій; изъ каменья текутъ; а гдѣ моются, палатки маленькія; творила выкладены камнемъ бѣлымъ; напускають и выпускають воду; вода соленая; купаются отъ бользни.

77.

Тутъ же былъ въ академіи, гдѣ учатся великихъ наукъ, что изъ мрамора предивныя дѣлають вещи въ церкви. Былъ гдѣ лежать тела свѣдѣтелей Луки и Маттея: церковь великая, строенія изряднаго.

Тутъ же видѣлъ органы предивныя: такихъ нигдѣ не видѣлъ голосами; тутъ же видѣлъ въ Павдѣ садъ вейнцийскаго сенатора зѣло-изрядный. Изъ Павды поухали водою.

78.

Въ Венецію поухали июля 6 дня прокошною рѣкою на лешадахъ; приѣхали въ Венецію тогожь дня ввечеру. Въ Венеціи поставили одного челоуька изъ простыхъ въ шляхты, взяли въ казну съ него 100,000 дукатовъ; и тотъ день въ Венеціи вся породныя шляхты-мужчины надѣвають женское платье да харю, а жены мужское и харю; воля такая, какое хочеть платье надѣваетъ и харя. Приходить къ тому челоуьку всѣмъ вольно, и я въ томъ домѣ былъ, а приѣмъ для всѣхъ зѣло хорошій и не мало стбюцій. И кто похочеть шляхтою изъ мужичества быти, повиненъ дать въ казну деньги, и поставятъ въ тотъ чинъ: приводятъ ко кресту и дасть деньги кто сколько можетъ, тысячъ и по пѣтдесяти, и по тридцати, и по двадцати тысячъ же дукатовъ золотыхъ, и то уже отъ самыхъ бѣдныхъ.

79.

Юля 30 дня праздникъ былъ въ Венеціи; былъ мостъ черезъ каналъ шокрытъ холстошъ, развязанъ тафтами и флорями зѣло-изрядно; церковь была оббита камками красными, а столбы баркатами и кружевами золотыми по швамъ увпты; кувшины съ цвѣтами великіе ставили на окошкахъ серебрянные; за церковью поставецъ былъ сдѣланъ превеликій: поставлено было сахару и всякихъ фруктовъ межъ письмами изрядными. Музыка пѣла въ церкви лучшая, что есть лучшихъ въ Венеціи кастратовъ, и на инструментахъ играли на скрипичахъ, на всякихъ пѣтеры органахъ было двадцать челоуькъ; а всѣхъ было пѣвчихъ и музыкантовъ 65 челоуькъ. А лучшимъ дано было двумъ челоуькамъ, кастрату да скрипачу по 40 червонныхъ на одинъ праздникъ. Въ Венеціи былъ на дворъ, гдѣ дѣлають корабли каторги, называется Варсоновъ (?); оружейныя палаты видѣлъ превеликія, зѣло убрано хорошо; пушекъ, можжеровъ (мортиръ?) всякихъ зѣло-много; тутъ же пушка кожаная.

80.

Августа 7 числа праздникъ былъ въ Венеціи въ лавичьемъ монастырѣ, музыка играла на всѣхъ инструментахъ разныхъ, а пѣли черницы; тутъ же двѣ дѣвки пѣли похвалу Пресвятыи Богородицы такъ, что вся Венеція удивилась, и мы не слышали во всей Италіи такого пѣнія.

81.

Августа 27 дня въ церкви у Захарія пророка музыка играла князя веницейскаго, 40 челоуькъ; на хорахъ стояло у пѣтерыхъ органовъ 20 челоуькъ кастратовъ да 20 челоуькъ со скрипичицы, и одинъ на скрипичицѣ игралъ съ басомъ, что удивасеніе достойно.

82.

Въ Венеціи, въ греческой церкви, конклюдія была: ученика одного свидѣтельствовали нашей вѣры греческой, достойнъ ли философа. Мѣсто было сделано великое, оббито камкою красною, поставлено противъ церковныхъ дверей; сидѣлъ тутъ ученикъ, близко его сидѣлъ владыко греческой церкви, противъ владыки прокураторамъ мѣсто, около сидѣли 10 человекъ духовнаго чина Римлянъ, лучшіе ученые люди; у всѣхъ въ рукахъ печатные листы, о чемъ свидѣтельствованъ будетъ тотъ ученикъ, и многіе изъ тѣхъ ученыхъ людей съ тѣмъ ученикомъ диспутовались, всѣмъ отвѣтъ давали.

83.

Въ Венеціи былъ у сенатора въ домъ и смотрѣлъ у него зѣло-натуральныхъ много вещей дивныхъ: рука человѣческая, кость одна, была нѣсколько лѣтъ въ морѣ и окаменѣла вся: знать въ середкахъ кость, а около камень; доски человѣческія тутъ же окаменѣлыя, и зубы знать; руки каменные, отъ природы зѣло-великія.

84.

У него жъ видѣлъ змаю о двухъ головахъ, курицу видѣлъ о четырехъ ногахъ; у него жъ видѣлъ василиска, который умертвить человека арміямъ можетъ.

85.

Въ Венеціи сентября 17 дня зачалися кулачные бои; бьются на мостахъ каменныхъ, перво одинъ-на-одинъ; промежду нимъ выбраны судьи по два человекъ, на сторонѣ тутъ же стоятъ, а капитановъ по три человекъ на сторонѣ тутъ же стоятъ въ красныхъ кафтанахъ; а бьются нагишамъ; кто перво зашибетъ до крови, или съ мосту сбросить, тотъ и правъ; и заклады великіе кладутъ промежь собою сенаторы, какъ сторона на сторону идетъ. Въ то время ходятъ въ машкаратахъ, а бьются мѣсяць одинъ по воскресеньямъ и по праздникамъ.

86.

Въ Венеціи смотрѣлъ, какъ травать быковъ собаками. Площадь превезшая; собакъ было со сто, быковъ было тринадцать; поставятъ по одному быку и вдругъ вводятъ собакъ по пяти и покидаютъ; собакъ и быковъ держатъ Эфианцы; сами въ золотыхъ кафтанахъ.

87.

Въ Венеціи наказаніе было одному человекъ за крадежъ; руки заверня назадъ, и поднимали къ верху сажени съ три; поднявши вверхъ и опустили вдругъ на землю; и такъ трижды поднимаютъ и опускаютъ, до земли не допускаютъ съ поларшина.

88.

Во градѣ Назаретъ церковь была Пресвятыя Богородицы; въ той церкви домъ Богородицы, гдѣ благовѣстилъ архангелъ Гавріилъ Дѣву о воплощеніи Сына-Божія; тотъ домъ принесемъ изъ Назарета и поста-

влезъ въ церкви, и сосуды тѣ, изъ которыхъ питала Сына своего Пресвятая Богородица.

89.

Изъ Венеціи поѣхалъ къ Москвѣ на Амстердамъ октября 8 дня; ночевалъ въ Тревизиѣ. Наняли коляску, дали по 8 червонныхъ отъ персоны до Спурха (Аусбурга?); поклажи на персону по 70 фунтовъ по 8 волловъ (?); а ѣхали тою же дорогою, что ѣхали изъ Амстердама въ Венецію.

90.

А изъ Спурха наняли карету, дали отъ челоуѣка до Франъ-Форты (Франкфурта) по три червонныхъ; а ѣхали 6 дней. Изъ Франкфурта поѣхали водою рѣкою; нанялъ лодку; дали 28 сѣмковъ, отъ персоны по 4 сѣмка, до Кулена (Кельна). Обѣдали въ Франкфуртѣ, заплатали по сѣмку отъ персоны, а ѣсть было: салатъ, гусь жаркой, три курицы въ росоль, потрохъ гусиный, алады приженыя, мануста съ масломъ, дрозды жаркіе да фруктовъ блюдо; и ужиналъ и ночевалъ, заплатали по червонному отъ персоны.

91.

Отъ Франкфурта въ Досендорфъ (Дюссельдорф?), удаленный городъ; а тамъ Дюсберхъ (?), Рудолфъ (?), Римберхъ (?), Везель, Заидаль (?), Ревель (?), Ренъ (?), Шанкамъ (?), Шандгузень (?), Стрехтъ (Утрехтъ?).

92.

Изъ Стрехты поѣхали въ Амстердамъ водою; въ Амстердамъ приѣхали ноября 18 дня. Изъ Амстердама поѣхалъ къ Москвѣ января 3 числа на голландской...

=

Здѣсь означивается моя рукопись; остальные листы ея, какъ уже сказано мною, оторваны и затеряны; но, судя по содержанию четырехъ послѣднихъ параграфовъ, число этихъ недостающихъ листовъ было очень невелико: одинъ или два, не болѣе. Авторъ-путешественникъ замѣтно соскучился продолжительнымъ волежьемъ и сѣзшилъ къ роднымъ пенатамъ, едва удостоивая взглядомъ мѣста, лежащія на пути его. Вѣроятно, по этой причинѣ онъ посвятилъ описанію обратнаго путешествія изъ Венеціи до Амстердама не болѣе двадцати строчекъ, отвѣщаясь тѣмъ, что уже разъ ѣхалъ по этой дорогѣ; описаніе же пути отъ столицы Нидерландовъ до Москвы, конечно, занимало еще больше мѣста въ дневникѣ его, потому-что онъ не нашелъ тамъ ничего для себя любопытнаго даже въ началѣ поѣздки и удовольствовался только отысканіемъ въ путевомъ журналѣ новеллатуры известнѣйшихъ городовъ,

безъ особыхъ замечаній о которомъ-либо изъ нихъ; авторъ дѣлается путешественникомъ-наблюдателемъ уже въ самомъ Амстердамѣ.

И каково же это наблюденіе? Оно сдѣлано болѣе чѣмъ хладнокровно, мимоходомъ, поверхностно; словомъ сказать, такъ, какъ только могъ сдѣлать его русскій путешественникъ XVII столѣтія. Давъ первое мѣсто въ своемъ журналѣ радостямъ и предметамъ точныхъ наукъ, нахвѣдывшимся въ кабинетахъ Голландіи и Италіи, авторъ-путешественникъ съ видимымъ удовольствіемъ вспоминаетъ потомъ музыку и пѣніе итальянскихъ капеллъ, о другихъ же предметахъ упоминаетъ только слегка, будто опасаясь, чтобъ его не упрекнули въ неполнотѣ записокъ. По-этому, музыка и пѣніе наши въ немъ болѣе сочувствія, чѣмъ художества пластическія, высокими образцами которыхъ онъ былъ окруженъ на каждомъ шагѣ пути своего. Такъ и должно быть, потому-что художества звука, сильно говоря чувствамъ слушателей и возбуждая ихъ страсти, легко производятъ восторгъ въ душахъ людей, стоящихъ на низшей степени образованія; но чтобъ наслаждаться выходящимъ въ пластикѣ, нужно имать особое эстетическое чувство, которое не всегда бываетъ даромъ природы, а по-большей-части пріобрѣтается воспитаніемъ. Посмотрите, какъ наслаждался нашъ путешественникъ художественными произведеніями Италіи. Онъ пріѣзжаетъ въ Римъ. Первый выходъ его въ «вѣчномъ-городѣ» посвященъ обзорѣнью Собора св. Петра. Какую же мысль навѣялъ на душу его видъ этого зданія, надъ которымъ истощило геній свой множество первоклассныхъ художниковъ? Онъ окинулъ взоромъ эту пышную громаду мрамора и прехладнокровно отмѣтилъ въ своемъ журналѣ мѣру длины и ширины ея; потомъ вошелъ во внутренность святилища и, можетъ-быть, глядя на дивное «Преображеніе» Рафаэля, съ такою же олегиною записалъ цвѣтъ и качество обоевъ, которыми, по случаю праздника, были увѣшаны стѣны храма. О Колізеѣ, трайновомъ-столбѣ и другихъ монументальныхъ памятникахъ древности, составляющихъ настоящее богатство Рима, путешественникъ не говоритъ ни слова; въ Ватиканѣ, подъ именемъ «папныхъ палатъ», онъ замѣтилъ только число комнатъ и ихъ убранство. Изъ Рима путешественникъ ѣдетъ въ Геную; тамъ онъ осматриваетъ садъ и находитъ фонтанъ, который описываетъ такими словами: «фонтаны превеликія: три лошади, на нихъ мужикъ сидитъ; у средней лошади изъ языка вода течетъ, а у тѣхъ изъ ноздрей; кругомъ тѣхъ лошадей ребятки маленькіе изъ мрамора лезутъ, сидятъ и воду пьютъ». А между-тѣмъ, этотъ фонтанъ — одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній великаго Буонаротти; этотъ «мужикъ» — высокая апогеоза божеской силы, олицетворенной Микеланжеломъ въ статуѣ Нептуна; дѣло въ томъ, что приотливная вода художника дѣлала бога морей его даровыхъ атрибутовъ — и онъ не вѣдалъ въ «мужики». Невозможно было бы перечислить подобныя промахи путешественника: какъ встрѣчается по-нескольку на каждой страницѣ его записокъ; но между-тѣмъ, эта ошибка пріятна эстетика на малое не-правильно: пазаному интересу мужикаго журнала, какъ парваго ошита, сдѣланнаго Русскимъ на новомъ для него поприщѣ изученія Евро-

пы; сверхъ-того, в самое путешествие автора, можетъ-быть, еще помнѣ-шаго ту эпоху, когда соотечественники его называли иностранцевъ не иначе, какъ «басурманами» и бѣгали ихъ, какъ чумы, — самое путеше-ствие это, вѣроятно, совершенное не ex-officio, а изъ любопытства, изъ жажды знаній, служить яснымъ доказательствомъ того чрезвычайнаго влѣнія, которое имѣлъ Петръ I на своихъ современниковъ: сдѣлать такой крутой и быстрый переломъ въ нравахъ и обычаяхъ русской аристократіи, известной до того времени упорною привязанностью къ старинѣ, возможно было только гевію этого великаго императора.

Такъ-какъ въ приведенномъ мною «Журналѣ» упоминается о приѣмѣ посланца Петра I въ Гагъ, то считаю приличнымъ помѣстить здѣсь и грамату, посланную даремъ къ правительству Соединенныхъ Штатовъ изъ Кѣнигсберга, въ которой онъ извѣщаетъ начальниковъ республики о скоромъ приѣздѣ своего посольства и изъявляетъ желаніе на-счетъ благосклоннаго приѣма его въ Голландіи. Эта грамота списана мною изъ старинной, хранящейся у меня рукописи, и помѣщается здѣсь нѣко-ле потому-что, имѣетъ некоторую разницу съ грамотой о томъ же предметѣ, приведенною Голицынымъ въ его «Дѣяніяхъ Петра Великаго». Чѣмъ, сдѣлать сличеніе обѣихъ грамотъ болѣе-удобнымъ и не заста-вить читателей рыться для этого въ пыльныхъ фоліантахъ, я вышину здѣсь и ту и другую, отдавъ первое мѣсто голицынской.

1.

Божією милостію, Мы, Пресвѣтлѣйшій и Державнѣйшій Великій Го-сударь, Царь и Великій Князь Петръ Алексѣевичъ, всея Великія, Малыя и Малыя Россіи Самодержецъ (сладуетъ большой царскій титулъ), Вы-сокомочнымъ Господамъ Штатамъ, Генераламъ славныхъ одновла-дѣтельныхъ вольныхъ соединенныхъ Нидерландовъ, сосѣдственно и дру-желюбно чинимъ въдомо.

По древней нашей дружбѣ изволили Мы Великій Государь, Наше Царское Величество, послать къ Вашей Высочочности Нашии вели-чавыи и полномочныи Пословъ, Генерала и Адмирала и Намѣстника Новгородскаго Франца Яковлевича Лефорта, Генерала и воинскаго Комиссара и Намѣстника Сибирскаго Федора Алексѣевича Головина, Ду-наго Дѣла и Намѣстника Болховскаго Прокофія Богдановича Возницкаго, которые по Нашему Царскаго Величества указу уже въ пути обратились; дога ради Мы Великій Государь Наше Царское Величество, грамотою своею уведомляемъ васъ, которую воспримъ съ пошты; благо-волите гдѣ Нашии величавыи и полномочныи пословъ, когда они прибавутъ до владѣнія земель вашихъ со истины при нихъ будущими дѣлами, принята честию, по посольскому обыкновению, съ удовольствіемъ вашимъ духъ, и проводить до Вашей Высочочности безъ задержанія; При семъ Мы Великій Государь, Наше Царское Величество, Ваше Вы-сокомочество да охраненіе Господу Богу Всемогущему преданъ. На-сѣдъ государятвѣи нашего во дворѣ, въ царствующемъ величавомъ градѣ Москвѣ, лѣта отъ созданія міра 7205 (1697), мѣсяца марта 8-го дня,

государствованія нашего 15-го года. «Петръ». (Дополн. къ I-му тому «Даяній», изд. второе, стр. 337).

2.

Божією милостію Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Петръ Алексіевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержецъ и проч., и проч., и проч. Высокомочнымъ Господамъ Генералъ-Штатамъ достохвальныхъ, одновладѣтельныхъ и вольныхъ соединенныхъ провинцій Нидерландскихъ, сосѣдно и дружественно всякихъ благъ желаемъ.

Да будетъ вамъ извѣстно и свѣдомо, что Мы, питаючи къ Вашему Высокомочію всегдашнюю сосѣдскую любовь и нелицемѣрное пріятельство, за благо разсудили нынѣ, для ради вѣчнаго утвержденія таковыхъ дружелюбныхъ чувствій, послать къ Вамъ нашихъ великихъ и полномочныхъ пословъ: Генерала Адмирала Франца Яковлевича Лефорта, Намѣстника Новоградскаго; Генерала и Генералъ-Кригскоммисара Федора Алексіевича Головина, Намѣстника Сибирскаго, да душнаго дѣка, Тайнаго Совѣтника Прокопія Богдановича Возницына, Намѣстника Болховскаго, кои уже по нашему указу и отъѣхали въ вашу славную землю. И такъ, высококомочные господа Штаты, царское наше величество желаетъ, дабы какъ сія наша граммата честно принята, такъ и оныи немнѣ, Великаго Государя Послы и при нихъ находящіеся люди, по прибытіи къ границамъ вашимъ, съ надлежащею знаменитію ихъ честию и удовольствіемъ встрѣчены, во всемъ контентованы, и къ вашему высококомочію немѣзкотно допущены были, а требованіе ихъ вами благосклонно выслушано, и аще возможность есть, то и исполнено было, чѣмъ наше обоеудное дружелюбіе подкрѣпиться долженствуетъ. За тѣмъ Мы, Великій Государь, нашего царскаго величества молитвами, предаемъ васъ, высококомочные господа Генералъ-Штаты, въ защищеніе Всемогущаго Господа Бога. Дана въ царствующемъ градѣ нашемъ Москвѣ, лѣта отъ сотворенія міра 7205, царствованія же нашего пятиго-надесять года. «Петръ».

Сличая объ эти грамматы, мы видимъ, что послѣдняя написана въ болѣе-ласковомъ тонѣ, чѣмъ первая, въ которой, кромѣ начальныхъ словъ: «по древней нашей дружбѣ», все холодно и сухо. А такъ-какъ мы знаемъ, что Петръ I-й, замышляя сближеніе Россіи съ Европою, имѣлъ сильныя причины искать дружескаго расположенія сосѣдственныхъ державъ, и особенно Нидерландовъ, любимыхъ имъ болѣе другихъ государствъ, то и можно предполагать, что, для выполненія этихъ великихъ намѣреній, державному дипломату не за чѣмъ было скупиться на ласковыя выраженія, ни мало не унижающихъ его высокаго званія и очень-лестныхъ для правителей Голландіи. И штаты, какъ это можно было предвидѣть, не дешево оцѣнили дружбу царскую, потому-что выполняли все желанія Петра I-го: они съ честию встрѣтили пословъ, угощали ихъ роскошными обѣдами, уважили якогнито царя, скрывшагося подъ именемъ десятника Петра Михайлова, и не помышляли ему нанять и отправить въ Россію большое число мастеровыхъ,

способствовавшихъ въ-послѣдствіи къ водворенію и развитію многихъ полезныхъ ремеслъ въ нашемъ отечествѣ. Такимъ-образомъ, цель обѣихъ сторонъ была вполне достигнута: Петръ I-й ласкою пріобрѣлъ то, въ чемъ, можетъ-быть, ему было бы отказано при другомъ образѣ сношеній, а Голландская-Республика взаимною въжлвостію укрѣпила за собою дружбу царя, что для нея было и лестно и выгодно. Не въ правѣ ли мы послѣ этого думать, что та изъ двухъ разсматриваемыхъ нами грамматъ, въ которой болѣе выражена современная потребность, можетъ имѣть и болѣе притязаній на подлинность? Взглянемъ еще на нѣкоторыя несходства этихъ грамматъ въ частности. Читая титулы пословъ въ первой грамматѣ, мы видимъ подлѣ имени Феодора Алексѣевича Головина званіе «воинскаго комиссара»; во второй же, этотъ посолъ наименованъ генерал-кригскомиссаромъ. Какая разница! Генералъ Головинъ, намѣстникъ Сибири, одинъ изъ важнѣйшихъ военныхъ сановниковъ при Петрѣ I и вмѣстѣ «воинскій комиссаръ» — это чрезвычайная несообразность, потому-что и въ петрово время военные комиссары были мелкіе чиновники, заботившіеся о продовольствіи войска и о снабженіи его нужными для службы вещами. Недале, какъ черезъ три страницы, Голиковъ исправляетъ промахъ граммати и даетъ Головину нескладный титулъ «генерала комиссарівъ» (Дополн. къ I т. «Дѣяній» стр. 347, изд. 2.): въ этомъ названіи хотя мало смысла, за то по-крайней-мѣрѣ есть сходство съ настоящею обязанностию Головина по службѣ, очень-вѣрно выраженною во второй грамматѣ словомъ «генерал-кригскомиссаръ». Эта ошибка, непростительная въ бумагѣ такой важности, какъ царская грамматка къ правительству иностранной державы, едва-ли возможна еще и по другой, чисто-дипломатической причинѣ: извѣстно, что уваженіе одного государства къ другому всегда почти измѣряется важностію пословъ, къ нему отправляемыхъ; принявъ это правило за постоянное, уже-ли можно допустить, чтобъ Петръ I, жившій очень-близко того времени, въ которое этикетки были въ Европѣ такъ же священны, какъ теперь въ Китаѣ, упустилъ придать болѣе важности одному изъ русскихъ пословъ, перемѣнивъ въ своей грамматѣ законно-принадлежавшее ему высокое званіе на другое, для него унижительное?.. Чтобъ еще болѣе запутать вопросъ о должностномъ званіи Головина, въ самомъ текстѣ «Дѣяній», при наименованіи пословъ, Голиковъ называетъ его просто «тайнымъ совѣтникомъ» (т. I. стр. 108). Далѣе, при имени третьяго посла Возницына, который, мимоходомъ. сказать, пожалованъ посломъ только въ текстѣ «Дѣяній», а въ дополненіи къ I тому (стр. 303) уступаетъ эту честь думному дьяку, намѣстнику болховскому, Емельяну Игнатьевичу Украинцову, что, можетъ-быть, случилось и по винѣ корректора,—при имени Возницына въ первой грамматѣ пропущены слова «тайнаго совѣтника», упомянутыя во второй и служащія необходимымъ поясненіемъ никакаго для иностранцевъ тогдашняго русскаго чина: думный дьякъ. Наконецъ, во второй грамматѣ гораздо-яснѣе, чѣмъ въ первой, опредѣлена цель посольства словами: «а требованіе ихъ вами благосклонно выслушано, и аще возможность есть, то и исполнено было», между-тѣмъ, какъ тахішимъ же-

ланий царя, судя по первой грамматѣ, было только скорое допущеніе послѣвъ къ правителямъ Нидерландовъ.

Изложивъ все эти обстоятельства, предаю достоинства обѣихъ грамматъ суду людей, болѣе меня опытныхъ въ дѣлѣ археологической критики: пусть они дадутъ палачу преимущества той изъ нихъ, которая имѣетъ на это болѣе права.

9 декабря 1843.

Гамбургъ.

ИМЯТЬ В.Л. П-ВЪ.

III.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА МАЙ 1846 ГОДА.

I. ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (ИЗМѢНЕНІЕ И ДОПОЛНЕНІЕ СОСТАВА И ПРАВЪ ИХЪ).

— По предмету объ акцизѣ за право куренія табаку въ трактирныхъ заведеніяхъ и портерныхъ лавкахъ, постановлено: 1) Установленныя Высочайше утвержденнымъ 30 апрѣля 1845 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта свидѣтельства на право разничной продажи табаку и сигаръ для употребленія на мѣсть въ трактирныхъ заведеніяхъ, выдавать впередъ, начиная съ будущаго 1847 года, по новой цѣнѣ: а) для трактировъ, кафе-ресторантовъ, гостинницъ, рестораций, кофейныхъ домовъ и буфетовъ: въ столицахъ въ 20 руб., въ губернскихъ и портовыхъ городахъ въ 15 руб., а въ уездныхъ и заштатныхъ, равно въ мѣстечкахъ и селеніяхъ въ 5 руб. сер. и б) для харчевенъ и корчемъ, въ столицахъ въ 15 руб., въ губернскихъ и портовыхъ городахъ въ 10 руб., а въ уездныхъ и заштатныхъ, также въ мѣстечкахъ и селеніяхъ въ 5 руб. сер.; кухмистерскіе же столы и кандинтерскія, какъ не пользующіеся по закону правомъ продажи приготовляемыхъ въздѣлій для употребленія на мѣсть, изъ числа заведеній, въ коихъ дозволено куреніе табаку и сигаръ, исключить. 2) Допустить куреніе табаку и сигаръ на мѣсть собственно въ тѣхъ портерныхъ, пивоварамъ принадле-

Т. XLVII. — Отд. III. 1/2 1

жашихъ лавкахъ въ Санктпетербургѣ, въ которыхъ разрѣшена распивочная продажа питей, для чего и выдавать содержателямъ, по примѣру трактирныхъ заведеній, свидетельства въ 15 руб. сер., начавъ выдачу оныхъ съ изданія настоящаго постановленія и обязавъ содержателей наблюдать правила, въ Уставъ объ Акцизѣ съ Табаку постановленныя (Ук. Прав. Сен. 30 апрѣля).

— Высочайше утвержденъ Уставъ Сберегательной Кассы Курляндскаго Кредитнаго Общества. Представляемъ краткое извлеченіе. Эта касса учреждается при Курляндскомъ Кредитномъ Обществѣ, и цѣль ея состоитъ въ облегченіи способа недостаточнымъ лицамъ преимущественно изъ крестьянскаго сословія Курляндской-Губерніи, помѣщать, съ надлежащею благонадежностью, принадлежація имъ малыя денежныя суммы на приращеніе процентами и тѣмъ содѣйствовать установленію въ семъ сословіи благоразумной бережливости и распространенію промышленности. Вклады должны быть не менѣе двухъ и не болѣе ста руб. сер. Вносимыя денежныя суммы раздаются въ ссуды: 1) подѣ кредитныя билеты курляндскіе, ливляндскіе и эстляндскіе, и подѣ билеты Государственнаго Коммерческаго Банка; 2) подѣ облигаціи и закладныя частныя лицъ, выданныя съ нижеозначенными залогами, по которымъ, однакожъ, во всякомъ случаѣ должны быть устранены вся могущія быть претензіи лицъ женскаго пола по проданнымъ имуществамъ, равно какъ и вся другія негласныя закладныя, какъ-то: а) съ залогомъ фонде-комиссныхъ имѣній на условіи, чтобъ капиталъ, а также годовое количество процентовъ были обезпечены и покрыты безспорною первоначальною суммою, платимою владѣльцами таковыхъ имѣній при вступленіи во владѣніе, или такъ-называемою вступною цѣною; б) съ залогомъ другихъ помѣстій, городскихъ сѣнокосовъ, равно какъ и застрахованныхъ отъ огня каменныхъ домовъ, принимая ихъ въ половину противъ цѣны ихъ, съ возможною точностію определенной и всегда съ тѣмъ условіемъ, чтобъ взятый капиталъ оставался единственнымъ долгомъ; чтобъ обремененіе ихъ всякими другими залогами было не действительно и чтобъ обезпечена была и выручка процентовъ въ случаѣ потери ихъ; 3) подѣ ручныя заклады, состоящіе въ вышеозначенныхъ кредитныхъ билетахъ, въ билетахъ Коммерческаго Банка и другихъ благонадежныхъ денежныхъ документахъ, волиа обезпечивающихъ данный взаимны капиталъ съ процентами по день платежа, съ тѣмъ, чтобъ, въ случаѣ неплатежа, таковыя заклады, безъ дальнѣйшаго судебнаго разбирательства, буде нужно по бланковнымъ передаточнымъ надписямъ, тотчасъ могли быть взяты въ полное распоряженіе Сберегательной Кассы.

— Впредь до изданія общаго положенія о городскомъ хозяйствѣ, дозволено министру внутреннихъ дѣлъ оставлять въ городахъ, состоящихъ въ отношеніи ихъ хозяйства на общемъ основаніи, тѣ изъ допущенныхъ въ нихъ городскими установленіями сборовъ въ своей силѣ было основано на соглашеніи съ мѣстными начальствами и на примѣненіи, сообразно съ мѣстными обстоятельствами, къ правиламъ, взима-

нія сборовъ, постановленнымъ въ изданныхъ частныхъ положеніяхъ (Ук. Прав. Сен. 1 мая).

— Обнародовано Высочайше-утвержденное положеніе объ акцизно-откупномъ комиссіонерствѣ для продажи съ 1847 по 1851 годъ казеннаго вина и другихъ питей въ сибирскихъ губерніяхъ.

II. Губернскія учрежденія (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— Повелѣно городскую полицію въ г. Мелитополь, Таврической-Губерніи, учредить согласно штату 29 мая 1836 года таковыхъ же полицій въ другихъ уездныхъ городахъ Имперіи.

— Повелѣно принять за правило, чтобъ всѣмъ вообще воинскимъ чинамъ, властвующимъ домами, если они сами живутъ въ нихъ и участвуютъ въ постоянной повинности наравнѣ съ обывателями, производимы были и квартирныя деньги.

— Срокъ существованія Виленской Центральной Ревизіонной Комиссіи продолженъ еще на одинъ годъ, по 1 января 1847 года.

— Повелѣно: 1) для установленія законнаго порядка въ нѣкоторыхъ посадахъ Черниговской Губерніи, вмѣющихъ значущее населеніе, учредить, по усмотрѣнію тамошняго генерал-губернатора, полицейскія управленія, на тѣхъ самыхъ основаніяхъ, на какихъ они существуютъ въ заштатныхъ городахъ; 2) опредѣленіе въ таковыя посады полицеймейстеровъ, преимущественно изъ состоящихъ по арміи и кавалеріи, предоставить главному начальнику губерніи, съ утвержденія министра внутреннихъ дѣлъ; другихъ же полицейскихъ чиновъ опредѣлять мѣстному губернскому начальству на общемъ основаніи; 3) въ полицейскіе служители набирать наймомъ ограниченное число изъ отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ нижнихъ воинскихъ чиновъ; 4) всѣ издержки для таковыхъ полицейскихъ управленій обращать на общественные сборы съ жителей тѣхъ посадовъ, въ которыхъ сіи управленія будутъ учреждены, и 5) мѣру сію привести въ дѣйствіе въ видѣ опыта на три года.

— Учреждены въ г. Семеновъ Нижегородской-Губерніи двѣ ярмарки: одна съ 2 по 10 число іюля, а другая съ 6 по 16 декабря.

III. Законы относительно службы гражданской.

— Должность бухгалтера Почтоваго Департамента отнесена по росписанію должностей гражданской службы къ VII классу.

— Постановлено: 1) казначеевъ отдѣленій Московскаго Попечительства о Бѣдныхъ, на все время состоянія ихъ въ этихъ должностяхъ, увольнять отъ городской службы по выборамъ, не воспрещая однакожъ имъ поступать въ оную по собственному желанію; 2) правомъ этимъ дозволять пользоваться не болѣе, какъ десяти лицамъ и притомъ тогда только, если кто изъ казначеевъ отдѣленій сказаннаго попечительства

примѣрнымъ усердіемъ, или пожертвованіями своими сдѣлается особенно полезнымъ для дѣйствій Попечительства и сверхъ-того изъявить желаніе принять на себя такіа по вѣдомству онаго обязанности, исполненіе которыхъ можетъ быть не менѣе общепользовымъ, какъ и самая служба по выборамъ.

— Повелѣно: тѣмъ лицамъ гражданскаго вѣдомства, которыя отнынь временно будутъ отправляемы за границу, съ производствомъ имъ содержанія по заграничному положенію, выдавать присвоенные имъ въ Россіи штатные оклады жалованья и столовыхъ вдвое, не касаясь, впрочемъ, квартирныхъ и всякихъ другихъ окладовъ, подъ особыми наименованіями существующихъ, кои отпускать, по прежнему, въ одинакомъ количествѣ и не распространяя сего правила на находящихся нынѣ за границею лицъ, которымъ производится уже ихъ оклады по существовавшему досель размѣру.

IV. Законы гражданскіе.

— Постановлено, чтобы представляемыя куда слѣдуетъ въ залоги по подрядамъ, поставкамъ и откупамъ оцѣночныя описи дворянскимъ имѣніямъ въ тѣхъ уѣздахъ Закавказскаго Края, гдѣ нѣтъ предводителей дворянства, вмѣсто ихъ были удостовѣряемы, по-крайней-мѣрѣ, шестью состоятельными и неопороченными въ обществѣ и дѣлахъ помѣщиками того же уѣзда, въ которомъ заключается описанное имѣніе. (Ук. Прав. Сен. 30 апрѣля).

— Правило, помѣщенное въ примѣчаніи къ статьѣ 1351 т. X., Свода Зак. Гражд. взд. 1842 г. (Прод. IV) о томъ, что свидетельства на части домовъ и другихъ строеній, для представленія ихъ въ обезпеченіе по откупамъ, подрядамъ и поставкамъ, отнюдь не должны быть выдаваемы, — распространено и на Закавказскій Край.

— Повелѣно: 1) общій законъ о десятилѣтней давности, со всѣми поясненіями и дополненіями, послѣдовавшими въ 1845 году, распространить на тѣ подвѣдомственныя гражданскому управленію части Закавказскаго-Края, гдѣ законъ сей еще не дѣйствуетъ; 2) для введенія этого закона въ силу, назначить срокомъ 1 января 1847 года; 3) дѣла, которыя уже возникли или возникнутъ до этого срока, рѣшать безъ соображенія съ давностью; 4) правила сіи распространить какъ на споры частныхъ лицъ между собою, такъ и на иски ихъ съ казною и обратно; 5) давность не распространять на населенныя имѣнія, находящіяся во владѣніи частныхъ лицъ на правахъ бекскихъ, впредь до изданія особаго о сихъ имѣніяхъ постановленія (Ук. Прав. Сен. 30 апрѣля).

— Обнародованъ трактатъ о торговлѣ и мореплаваніи, заключенный между Его Императорскимъ Величествомъ и его величествомъ королемъ сардинскимъ 30 ноября (12 декабря 1845 года и три отдѣльныя статьи къ сему трактату.

— Постановлено: въ видъ извѣтій, разрѣшается російскимъ судамъ, отправляющимся за границу изъ балтійскихъ и балморскихъ портовъ,

получать до 1851 года таможенные паспорта, хотя бы на судах сихъ были иностранные шкипера и штурмана, а матросовъ иностранныхъ находилось до трехъ частей экипажа; для судовъ же, отплывающихъ изъ портовъ черноморскихъ, дунайскихъ и азовскихъ, могутъ быть выдаваемы таможенные паспорта до 1849 года, когда на судахъ будутъ иностранные шкипера и штурмана, и до 1850 года, хотя бы на судахъ имълось иностранныхъ матросовъ и болѣе трехъ частей экипажа (Уд. Прав. Сен. 20 мая).

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА МАЙ 1846 ГОДА.

— *Народное Просвѣщеніе.* Въ Императорской Академіи Наукъ послѣдовало пятнадцатое присужденіе демидовскихъ премій слѣдующимъ лицамъ: полныя преміи въ 5,000 руб. асс.: 1) г. профессору Санктпетербургскаго Университета Савичу за изданное имъ «Приложеніе Практической астрономіи къ географическому опредѣленію мѣстъ»; 2) г. профессору Казанскаго Университета Ковалевскому за изданный имъ «Монголо-Русско-Французскій Словарь»; 3) г. профессору того же Университета Клаусу за химическое изслѣдованіе остатковъ уральской платиновой руды и металла рутенія; второстепенныя преміи въ 2,500 руб. асс.: 4) статскому совѣтнику Ивашковскому за Русско-Латинскій Словарь, представленный въ рукописи, и сверхъ-того 3,500 руб. асс. на напечатаніе этого творенія; 5) старшему учителю Ревельской Гимназіи, Видеманну, за Грамматку Черемисскаго языка, представленную въ рукописи, и сверхъ-того на напечатаніе оной 1,500 руб. асс., съ обязательствомъ однако напечатать также и составленную имъ Грамматку Зырянскаго языка, которая при одномъ изъ предшествовавшихъ конкурсовъ была удостоена почетнаго отзыва; 6) профессору Рихельевскаго Лицея Гейнриху Бруну, за изданное имъ «Руководство къ Политической Арифметикѣ». Сверхъ-того, удостоены почетнаго отзыва: 1) Коммерческая Статистика, статскаго совѣтника Небольсина; 2) Руководство для служащихъ на военныхъ морскихъ пароходахъ, капитан-лейтенанта Скаловскаго; 3) «Энциклопедическій Медицинскій Лексиконъ», медиковъ Лея, Тарасова и Стрѣлковскаго; 4) *Der livländische Strafprocess etc.*, статскаго совѣтника Рихтера; 5) *Principia Gramatices Neo-Persicae cum metrorum et dialogis persicis*, профессора Гельсингфоргскаго Университета Гейтлина; 6) «Нумизматическіе Факты Грузинскаго-Царства», князя Баратаева. Золотыя медалями за представленіе разборовъ конкурсныхъ сочиненій, удостоены: большими въ 12 червонныхъ: г. Кнорре, за разборъ сочиненія г. Савича; г. профессоръ Дерптскаго Университета Варвинскій, за разборъ «Медицинскаго Энциклопедическаго Лексикона» г. Лея, и малую

въ 8 червоныхъ г. докторъ Готвальдъ, за разборъ сочиненія г. Торнау «О Магометавскомъ Законовѣдѣнїи».

— Высочайше повелѣно: три низшіе класса Рязанской Гимназіи раздѣлить на два отдѣленія каждый, съ предоставленіемъ добавочнымъ учителямъ пользоваться преимуществами, предоставленными учителямъ гимназій, сообразно преподаваемымъ ими предметамъ.

— Повелѣно: третій и четвертый классы Кіевской 1-й Гимназіи и пятый классъ 2-й Гимназіи раздѣлить каждый на два параллельныя отдѣленія, съ тѣмъ, чтобъ вновь-опредѣляемые для сего учителя пользовались преимуществами младшихъ учителей гимназій, кромѣ учителя рисованія, которому предоставитъ права, учителямъ сего искусства въ гимназіяхъ присвоенныя.

— *Блаотворительность.* Отъ розыгрыша 4-й лотереи московскихъ дѣтскихъ пріютовъ получено за розданные билеты 3,017 руб., и сверхъ того пожертвовано при семь случаевъ 700 руб. сер.

— Почетный гражданинъ Иванъ Андреевичъ Аверинъ пожертвовалъ въ пользу Петербургской Частной Школы Дѣтскаго Патріотическаго Общества разныхъ вещей цѣною на 130 руб. сер.

— Высочайше утверждены правила Общества Посвященія Бѣдныхъ Просителей въ Санктпетербургѣ. Сообщаемъ извлеченіе изъ сихъ правилъ. Для ближайшаго удостовѣренія въ настоящемъ положеніи такихъ жителей Санктпетербургской столицы, которые, по крайней бѣдности, вынуждаются обращаться съ просьбами о пособіи къ разнымъ благотворительнымъ лицамъ, — учреждается здѣсь особое Общество, имѣющее своею цѣлю посвящать сказанныхъ просителей, входить въ посредничество между благотворителями и нуждающимися, и содѣйствовать, чтобъ благотворенія достигали своей цѣли. — Общество находится подъ покровительствомъ попечителя, и составляется изъ лицъ разнаго званія, изъявившихъ желаніе содѣйствовать къ улучшенію участи крайне нуждающихся. — Поступающія въ составъ Общества лица, сообразно занятіямъ, на нихъ возложеннымъ, раздѣляются: а) на почетныхъ членовъ, б) благотворителей, в) посѣтителей и г) распорядителей. Въ почетные члены избираются нѣкоторые лица изъ среды Общества, съ обязанностію два раза въ теченіи года ревизовать весь дѣйствіи Общества. Благотворителями именуется тѣ, которые пожелаютъ содѣйствовать занятіямъ Общества посредствомъ приношеній, не принимая на себя ни какихъ отдѣльныхъ обязанностей. — Обязанность посѣтителей заключается въ томъ, что каждый изъ нихъ, одинъ день въ мѣсяцъ, находится въ распоряженіи Общества, и по указанію его посѣщаетъ лично бѣдныхъ, для собранія о нихъ надлежащихъ свѣдѣній. Число посѣтителей не опредѣляется, и они назначаются сообразно съ надобностію и развитіемъ круга дѣйствій Общества. — На обязан-

ность распорядителей возлагается приведение въ исполненіе предположеній Общества, по соображеніи свидѣній, доставленныхъ посетителями; для чего каждый изъ распорядителей, по очереди, одинъ разъ въ неделю, находится въ Конторѣ Общества не менѣе двухъ часовъ. Число распорядителей также не опредѣляется, но оно не можетъ быть менѣе семи. — Всѣ распорядители одинъ разъ въ мѣсяцъ обязаны собираться для сужденія о дѣлахъ Общества, и для такихъ собраній избирается ежегодно, по балотировкѣ, изъ членовъ Общества, председатель.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА ІЮНЬ 1846 ГОДА.

I. Государственныя учрежденія (Измѣненіи и дополненіи состава и правъ ихъ).

— Для облегченія и расширенія вѣдшей торговли и внутренней промышленности, понижены отпускныя пошлины съ нѣкоторыхъ россійскихъ произведеній и провозныя съ матеріаловъ, потребныхъ россійскимъ фабрикамъ, равно и съ тѣхъ товаровъ, которыхъ привозъ облегченъ быть можетъ безъ вреда самъ послѣднимъ, и въ—слѣдствіе сего Высочайше утверждена составленная въ сихъ видахъ дополнительная къ дѣйствующему тарифу роспись. (Высочайшій указъ за собственноручнымъ подписаніемъ Государя Императора, данный Правительствующему Сенату въ 1-й день іюня).

— Срокъ полюбовнаго размежеванія повельно продолжить еще на четыре года, считая оный съ 13 іюля 1846 года. (Высочайшій указъ 5 іюня).

— Высочайше утвержденъ временный штатъ Люстраціонной Комиссіи при Второмъ Департаментѣ Государственныхъ Имуществъ. (Высочайше повелѣніе 25 мая).

— Высочайше утверждены гербы для городовъ Курляндской-Губерніи.

— Высочайше утверждены правила о производствѣ лицъ, служащихъ въ морскомъ вѣдомствѣ, въ первый гражданскій чинъ. Общія правила производства заключаются въ слѣдующемъ: § 1. Нижніе чины унтер-офицерскихъ званій, при выслугѣ узаконенныхъ лѣтъ для производства въ офицерскій чинъ и доброй нравственности, производятся въ первый гражданскій чинъ не иначе, какъ по выдержаніи опредѣленнаго настоящимъ положеніемъ спеціальнаго испытанія, или же испытанія, опредѣленнаго для канцелярскихъ и другихъ низшихъ служителей и не клас-

сныхъ должностныхъ лицъ гражданскаго вѣдомства. § 2. Выслуга лѣтъ всѣмъ чинамъ унтер-офицерскихъ званій по различному роду ихъ происхожденія и службы, остается та же, какъ определена существовавшими доннынъ постановленіями, за изытіями, въ настоящемъ положеніи изъясненными. § 3. Всѣ лица унтер-офицерскихъ званій, желающія, по выслугѣ установленныхъ сроковъ, продолжать службу въ классныхъ должностяхъ при прежнихъ мѣстахъ служенія ихъ, подвергаются особому специальному испытанію, сообразно роду занятій, для которыхъ лица тѣ предназначаются. § 4. Желающіе опредѣляться въ гражданскую службу, должны выдержать испытаніе, для гражданскихъ вѣдомствъ установленное, на основаніи существующаго для оныхъ порядка. § 5. Выдержавшіе удовлетворительное испытаніе представляются къ производству, на имя начальника Главнаго Морскаго Штаба Его Императорскаго Величества, ежегодно къ 1-му числу мая. При производствѣ, старшинство въ чинѣ отдается имъ со дня выслуги срока, установленнаго для удостоенія къ оному. Производятся они не иначе, какъ на имѣющіяся вакансіи. § 6. При неимѣніи вакансій, удостоеннымъ къ производству предоставляется: а) или получить чинъ коллежскаго регистратора въ отставку; б) или остаться на службѣ кандидатами, до открытія вакансій, въ прежнемъ унтер-офицерскомъ званіи. Сими послѣднимъ предоставляются слѣдующія преимущества: 1) имъ дается на лѣвый рукавъ золотая или серебряная нашивка, по цвѣту пуговиць; 2) имъ назначается, вмѣсто обыкновеннаго, удвоенный окладъ получаемаго унтер-офицерскаго жалованья; 3) они освобождаются отъ телеснаго наказанія; 4) они во всякое время могутъ получить отставку, съ чиномъ коллежскаго регистратора. § 7. Нижніе чины унтер-офицерскихъ званій, выдержавшіе экзаменъ и удостоенные производства въ коллежскіе регистраторы, но добровольно-отказавшіеся отъ производства и оставшіеся на службѣ, пользуются тѣми же преимуществами, какія предоставлены выше, § 6-мъ, нижнимъ чинамъ унтер-офицерскаго званія, зачисленнымъ кандидатами до открытія вакансій. § 8. Если испытуемые не выдержатъ испытанія, то могутъ подвергнуться оному на слѣдующій годъ еще одинъ разъ; но къ третьему испытанію они уже не допускаются.

II. Губернскія учрежденія (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

— Осташковскому Общественному Банку Савина разрѣшено производить ссуды подъ залогъ деревянныхъ домовъ въ городѣ Осташковѣ, отъ огня застрахованныхъ, въ половину противъ оцѣнки городского магистрата, на сроки отъ одного года и не далѣе трехъ лѣтъ включительно, съ соблюденіемъ притомъ правилъ, вообще для ссудъ подъ каменныя строенія въ уставѣ Банка постановленныхъ.

— На посадь Клявцы и фабрику почетнаго гражданина брестскаго первой гильдіи купца Петра Семенова Исаева, въ Черняговской-Губер-

ни, распространено помѣщенное въ ст. 96—140 Св. Зак. т. XI Постановленій о Фабричной Промышлености, Высочайше утвержденное 24 мая 1835 г. положеніе объ отношеніяхъ между хозяевами фабричныхъ заведеній и мастеровыми, поступающими къ нимъ по найму.

— Для возстановленія въ Вышневолоцкомъ Земскомъ Судѣ, Тверской-Губерніи, надлежащаго порядка по дѣлопроизводству, прибавлены въ составъ его, срокомъ на два года, два засѣдателя отъ дворянства, одинъ столоначальникъ, одинъ его помощникъ и два писца.

— Въ ратушу Павловскаго-Посада, Московской-Губерніи, опредѣлены, въ видѣ временной мэры, два канцелярскіе служителя средняго и низшаго разряда.

— Жители Архангельской-Губерніи, узловъ Кольскаго, Кемьскаго и Онежскаго, посадовъ Непохоцкаго, Упскаго и Лудскаго и казенныхъ волостей Золотницкой и Мудьнежской освобождены отъ платежа пошлины съ трески, привозимой ими какъ къ портамъ и пристанямъ Балморскимъ (въ томъ числѣ въ Кемь и Сутскій-Посадъ), такъ и въ Колю.

— Высочайше повелѣно: 1) допущенное въ пользу купцовъ и мѣщанъ города Ялты освобожденіе, въ теченіе пяти лѣтъ, первыхъ отъ платежа повинности за право торговли, а послѣднихъ отъ взноса въ казну подушной подати, продолжать еще на пять лѣтъ, считая срокъ сей для лицъ, поступившихъ уже въ окладъ, съ 1 января 1847 года, а для состоящихъ еще на льготѣ—со дня окончанія оной. 2) Купцовъ, которые построятъ или приобретутъ въ Ялтѣ дома, лавки, заводы, фабрики и тому подобныя заведенія, освободить на 1847 годъ отъ платежа уомянутой повинности, причисляя владѣльцевъ таковыхъ недвижимыхъ имуществъ, стоющихъ по оцѣнкѣ отъ 500 до 1,500 руб., къ 3-й гильдіи; отъ 1,500 до 3,000 руб. — ко 2-й, а отъ 3,000 руб. сер. и выше — къ 1-й гильдіи. 3) Такое же освобожденіе отъ платежа подушной подати и въ теченіе такого же срока распространить и на мѣщанъ, когда они построятъ или приобретутъ въ томъ городѣ зданія и заведенія, стоющія по оцѣнкѣ не менѣе 300 руб. сер.

III. Законы гражданскіе.

— По вопросу объ опредѣленіи болѣе-точной оцѣнки незаселеннымъ землямъ, для принятія ихъ въ залогъ по подрядамъ и поставкамъ, постановлено: 1) незаселенныя земли принимаются впрелѣ въ залогъ по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ на правлахъ, въ 1339 и 1340 ст. Св. Зак. Гражд. (т. X, изд. 1842 г. в Первое и Второе Продолженія къ нему) постановленныхъ, и за тѣмъ разрѣшенный въ послѣднее время (тамъ же, примѣчанія къ ст. 1362) приемъ таковыхъ земель въ увеличенной цѣнѣ отмѣняется. 2) Равномѣрно отмѣняется и содержащееся въ ст. 1361 того же свода постановленіе относительно удостовѣренія гражданскихъ губернаторовъ о дѣйствительной стоимости представляемыхъ къ залогоу незаселенныхъ земель. 3) Въ случаѣ подложности представленнаго въ казну залога, вмѣстѣ съ присутственными мѣстами

и должностными лицами, участвовавшими въ выдачѣ фальшивыхъ свидѣтельствъ владѣльцамъ, подвергаются равномѣрно ответственности какъ хозяинъ залога, такъ и представившій оный въ казну, когда они обличены будутъ въ участіи въ подлогѣ. (Высоч. утв. 6 мая мн. Гос. Сов.)

— Постановлено: торговымъ депутатамъ и вообще всѣмъ тѣмъ, на кого возлагается повѣрка торговли, вмѣнить въ обязанность, чтобы, по обнаруженіи неправильнаго производства оной, въ то же время подробно объявляли постановленія свои, съ подписками, сами или чрезъ мѣстную полицію, лицамъ, въ таковой торговлѣ обвиняемымъ, такъ-какъ по силѣ Высочайше утвержденнаго въ 30 день апрѣля 1845 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, со дня формальнаго объявленія сихъ постановленій считается четырехнедельный срокъ на подачу жалобы на торговые депутации. (Ук. Прав. Сен. 18 апрѣля.)

IV. Законы уголовныя.

— По вопросу относительно расторженія браковъ лицъ, обращенныхъ за преступленія въ солдаты, постановлено: 1) Въ разрѣшеніе возникшихъ при дѣйствіи нынѣшнихъ узаконеній вопросовъ объяснять, что браки лицъ, обращенныхъ по приговорамъ, на основаніи существующихъ уголовныхъ законовъ, въ солдаты, а равно и тѣхъ, кои впродѣ, по тѣмъ же законамъ, до времени, когда восприметъ дѣйствіе новое Уложеніе о Наказаніяхъ, отданы будутъ за преступленія въ военную службу, остаются въ своей силѣ и не могутъ быть расторгаемы по просьбамъ о томъ женъ. 2) Принять за правило, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда кто-либо по новому Уложенію о Наказаніяхъ будетъ присужденъ къ ссылке въ Сибирь на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, и только въ замѣнъ сей ссылки обращенъ, на основаніи ст. 78-й помѣнутаго Уложенія, въ солдаты безъ выслуги, все сіе было именно объясняемо въ судебныхъ приговорахъ, съ означеніемъ, что виновный отдается въ военную службу лишеніемъ *всѣхъ правъ состоянія*. 3) Женамъ людей, которые по новому Уложенію о Наказаніяхъ будутъ приговорены къ ссылке въ Сибирь на поселеніе, и въ замѣнъ оной, по ст. 78-й означеннаго Уложенія, обращены въ солдаты безъ выслуги, дозволяется просить о расторженіи брака тогда только, когда отданный въ военную службу преступникъ лишенъ *всѣхъ правъ состоянія*. Впрочемъ, и въ снѣмъ случаяхъ примѣняется сила заключающагося въ ст. 31-й Уложенія правила, въ коемъ постановлено, что если осужденные будутъ по Монаршему милосердію прощены, или по новому приговору суда найдены невиновными и возвращены на прежнее мѣсто жительства, а супруги ихъ не просили между тѣмъ о расторженіи брака, то сіи браки признаются оставшимися въ своей силѣ (Высоч. утв. 22 апр. мн. Гос. Сов.).

— По вопросу касательно порядка производства слѣдствій о преступленіяхъ глухонемыхъ, Высочайше утвержденнымъ 6 мая мнѣніемъ Государственнаго Совѣта постановлено: 1) Если глухонемой, впавшій въ

преступленіе, обученъ грамотъ и можетъ на предлагаемыя ему письменные вопросы дать письменные же отвѣты или отзывы, то сльдствіе производится надъ нимъ по общимъ формамъ и обрядамъ, въ законахъ установленнымъ, и потомъ передается на разсмотрѣніе совѣстнаго суда.

2) Надъ глухонѣмыми, незнающими грамотъ, судъ и сльдствіе производятся съ сльдующими въ общихъ правилахъ судопроизводства измѣненіями: а) допросы имъ дѣлаются или въ мѣстѣ ихъ жительства, или въ мѣстѣ совершеннаго ими преступленія, подлежащими чиновниками градской или земской полиціи, при бытности уезднаго стряпчаго и депутата по званію подсудимаго. Допросы сіи производятся чрезъ посредство одобренныхъ въ поведеніи и непркосновенныхъ къ дѣлу лицъ, привыкшихъ, по соотношеніямъ съ обвиняемымъ, понимать съ точностію выражаемыя имъ знаками мысля. б) Для передачи отвѣтовъ глухонѣмаго не допускаются дѣти по дѣламъ родителей и вообще родственниковъ по прямой восходящей линіи, а равно родители по дѣламъ дѣтей и прочіяхъ нсходящихъ по прямой линіи, супруги по дѣламъ другъ друга, и родные братья и сестры по дѣламъ сестеръ и братьевъ, а равно и всѣ прямые наследники подсудимаго. в) Лица, чрезъ которыя производится допросъ глухонѣмому, приводятся предварительно къ присягѣ въ томъ, что сообщать обвиняемому показываемое на него и передадутъ отвѣты его по истинѣ, ничего не убавляя и не прибавляя. г) Если сльдствіе производится въ томъ мѣстѣ, гдѣ находятся институты, учрежденные для воспитанія глухонѣмыхъ, то, сверхъ упомянутыхъ выше лицъ, для передачи показаній глухонѣмаго употребляются и наставники сихъ институтовъ. д) Объясняющіеся съ глухонѣмымъ знаками, должны вмѣстѣ съ тѣмъ говорить предъ сльдователями то, что они объясняютъ ему. е) Въ случаѣ несознанія подсудимаго въ преступленіи, дѣлается ему, по силѣ 1043 ст. Законовъ Уголовныхъ (Св. Зак. т. XV) чрезъ тѣ же лица, духовное увѣщаніе, съ указаніемъ Животворящаго Креста, Евангелія или св. иконы; иновѣрцы же увѣщаются по обрядамъ ихъ вѣры. ж) Глухонѣмымъ производится медицинское освидѣтельствованіе для удостовѣренія, не подвержены ли они какому-либо особымъ еще недостаткамъ, пмѣющимъ вліяніе на умственные и нравственные ихъ способности. Освидѣтельствованіе сіе принимается судомъ къ соображенію при постановленіи о подсудимомъ приговорѣ. з) Родители и родственники неграмотнаго глухонѣмаго допускаются, согласно съ 1588 статьею тѣхъ же Уголовныхъ Законовъ, къ прочтенію составленной изъ дѣла записки и рукоприкладству подъ оною установленнымъ порядкомъ. Записка сія, сдѣлана ли будетъ или нѣтъ означенное рукоприкладство, повѣряется съ дѣломъ губернскимъ уголовнымъ дѣлъ стряпчимъ, который принимаетъ всѣ подлежащія мѣры для удостовѣренія въ степени вѣны подсудимаго. и) Въ рѣшеніи дѣлъ о глухонѣмыхъ, не получившихъ ихъ чрезъ воспитаніе, ни чрезъ сообщество съ другими никакого понятія о обязанностяхъ и законѣ, судъ руководствуется точною силою 104 статьи поваго Уложенія о Наказаніяхъ. і) Въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшенія не подлежатъ ревизіи Правительствующаго Сената, приговоръ объявляется подсудимому чрезъ посред-

ство лицъ, могущихъ передать ему содержаніе сего приговора. к) Если подсудимый изъявитъ на оный удовольствіе, то, по утверженіи его отъѣзда употребленными для объясненія съ нимъ лицами и членами суда, или того мѣста, гдѣ приговоръ объявленъ, приводится оный въ исполненіе; если же, напротивъ, подсудимый изъявитъ на рѣшеніе неудовольствіе, то, на основаніи 1321 ст. Законовъ Уголовныхъ (Св. Зак. т. XV), предоставляется ему право апелляціи съ подачею отъѣзда въ установленный 1325 статьею тѣхъ законовъ мѣсячный срокъ чрезъ посредство узеднаго стряпчаго, безъ внесенія установленныхъ пошлинъ, и за снѣмъ дѣло представляется на ревизію Правительствующаго Сената съ тѣмъ, что если жалоба будетъ признана незаслуживающею уваженія, то наказаніе подсудимаго ограничивается приговоренною судомъ мѣрою, не подвергая его възисканію штрафа за неправильную апелляцію.

=

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА ІЮНЬ 1846 ГОДА.

—

Народное Просвѣщеніе. — Высочайше утвержденъ Уставъ Румянцеваго Музеума. Представляетъ краткое извлеченіе. Музеумъ заключаетъ въ себя собраніе печатныхъ книгъ, рукописей, гравюръ, монетъ, минераловъ, изваяній и разныхъ рѣдкостей, назначенныхъ для общественнаго употребленія. Онъ открытъ ежедневно отъ 10 часовъ утра до 3 по полудни, кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней и всего іюля мѣсяца, определяемаго для вакацій. На входъ имѣютъ право лица всякъ свободныхъ состояній, являющіяся въ благопристойной одеждѣ. Каждый поведѣльникъ желающіе могутъ осматривать весь музеумъ. Въ прочіе дни допускаются тѣ посѣтители, которые намѣрены заниматься чтеніемъ или выписками. Музеумъ находится подъ управленіемъ директора Императорской Публичной Библіотеки и ближайшимъ заведываніемъ помощника его. Въ Музеумъ полагается три библіотекаря, смотритель за домами (онъ же исправляющій должность писмоводителя) и писецъ высшаго разряда. Въ библіотекари могутъ быть определяемы только лица, хорошо знающія языки: русскій, латинскій, греческій, немецкій и французскій; но въ замѣнъ греческаго языка, можетъ быть допущено знаніе авглійскаго или какого-либо восточнаго языка. Чиновники

музеума пользуются всеми преимуществами государственной гражданской службы.

— Ученый Комитетъ Министерства Государственныхъ Имуществъ предложилъ для конкурса на 1844—45 годъ къ разрѣшенію слѣдующія три задачи :

1) Написатьъ разсужденіе о причинахъ неудовлетворительнаго состоянія скотоводства (разумѣя собственно рогатый скотъ); о средствахъ къ улучшенію и распространенію онаго, къ усовершенствованію мѣстныхъ породъ, и ко введенію правильнаго ухода.

2) Составить описаніе сельскихъ промысловъ извѣстнаго края (въсколькихъ губерній), съ показаніемъ, какіе изъ сихъ промысловъ и до какой степени развиты, какія требуютъ поощренія, и какія на этотъ конецъ могли бы быть приняты мѣры.

3) Написатьъ разсужденіе о крестьянскихъ постройкахъ самыхъ удобныхъ, дешевыхъ, прочныхъ и наиболее безопасныхъ отъ огня, изъ матеріаловъ недорогихъ и наиболее подручныхъ, обращая преимущественно вниманіе на риги, овины, крыши на строеніяхъ, печи въ избахъ, на устройство колодезей и водопольемныхъ къ нимъ приводовъ.

Срокъ для присылки отвѣтовъ на сіи задачи былъ назначенъ не дѣлье 1 іюля 1845 года.

На означенныя задачи было прислано въ Комитетъ, къ назначенному сроку, 52 рукописи, изъ которыхъ не могли войти въ конкурсъ пять рукописей, подписанныхъ авторами, и одна, написанная на польскомъ языкѣ, вопреки условіямъ программы.

Такимъ-образомъ, оставалось для разсмотрѣнія 46 разсужденій, изъ которыхъ:

По первому вопросу	16	рукописей.
По второму —	4	—
По третьему —	15	—
По всемъ тремъ вмѣстѣ	8	—
По первому и второму	1	—
По первому и третьему	1	—
По второму и третьему	1	—

Изъ предложенныхъ Ученымъ Комитетомъ задачъ, первая и третья наиболее обратили на себя общее вниманіе, какъ должно заключить по числу доставленныхъ отвѣтовъ. Но Комитетъ нашелъ съ сожалѣніемъ, что ни одна изъ предложенныхъ имъ задачъ не была разрѣшена вполне и совершенно удовлетворительно. Признавая, что разрѣшеніе подобнаго рода задачъ, въ примѣненіи къ хозяйственнымъ условіямъ Россіи, представляетъ большія трудности, какъ по недостаточному еще распространенію у насъ основнхъ къ тому знаній, такъ и по малому еще запасу у насъ своихъ, своеобразныхъ наблюденій и опытовъ, на основаніи которыхъ тотъ или другой вопросъ могъ бы разрѣшаемъ быть въ примѣненіи къ мѣстнымъ и климатическимъ условіямъ разныхъ полей Россіи, Комитетъ, при всемъ стараніи своемъ отличать по справедливости всякій полезный трудъ, не считъ возможнымъ удостоить ни

одного изъ доставленныхъ разсужденій первостепенной награды, т. е., большой золотой медали.

Между-тѣмъ, въ числѣ присланныхъ отзывовъ, Комитетъ не могъ не отличить тѣхъ, которые, хотя не вполне удовлетворяютъ всѣмъ требованіямъ программы, тѣмъ не менѣе содержатъ въ себѣ болѣе или менѣе основательныя соображенія, требовавшія обширныхъ познаній и продолжительнаго труда, или служить полезнымъ указаніемъ на мѣстные обстоятельства, доказывающимъ наблюдательность и практическія свѣдѣнія, или наконецъ сочинителя которыхъ съ особеннымъ тщаніемъ и некоторымъ успѣхомъ обработали ту или другую часть вопроса.

Изъ свѣхъ отзывовъ, Комитетъ призналъ достойными второстепенной награды, а именно малой золотой медали въ 50 червонцовъ, слѣдующія два разсужденія: одно на нѣмецкомъ языкѣ, съ девизомъ: «Das grosse Geheimniss, wenn man in der Zucht glücklich seyn will, besteht darin, einen Stamm zu wählen, der dem Boden und dem Klima angemessen ist». О причинахъ неудовлетворительнаго состоянія въ Россіи скотоводства, и о мѣрахъ къ его улучшенію. (на 360 стр. in 4°); другое на русскомъ языкѣ, съ девизомъ: «Видимые хорошіе образцы поучительнѣе всякихъ разсужденій». О состояніи и мѣрахъ къ лучшему направленію сельскихъ промысловъ въ Новороссійскомъ-Край (на 140 стр., in folio).

Награды серебряными медалями Комитетъ призналъ достойными два разсужденія:

1) Съ девизомъ: «Wer den Zweck will, muss auch die Mittel wollen». О скотоводствѣ въ Псковской и Витебской Губерніяхъ, на нѣмецкомъ языкѣ (на 79 стр. in folio).

2) Съ девизомъ: «Ohne Müh und Fleiss, wird kein Mensch auf Erden gross; Ehre fördert Schweiß». О хозяйственныхъ отношеніяхъ Кіевской-Губерніи, на нѣмецкомъ языкѣ (на 108 стр. in folio).

Кромѣ этихъ четырехъ сочиненій, двѣнадцать рукописей, ниже помѣнованныхъ, которыя менѣе предъидущихъ соотвѣтствуютъ требованіямъ предложенныхъ задачъ, но заключаютъ въ себѣ некоторыя описанія, факты или мысли, заслуживающія вниманія, удостоены Комитетомъ почетнаго отзыва.

Вышеизложенныя заключенія Ученаго Комитета о разсмотрѣнныхъ имъ соискательныхъ сочиненіяхъ, утверждены г. министромъ государственныхъ имуществъ 24 апрѣля сего года.

На семъ основаніи, Комитетъ, въ особомъ засѣданіи, 27 апрѣля, для присутствія въ которомъ были приглашены всѣ члены-корреспонденты Комитета, въ столицѣ находящіеся, вскрылъ пакеты съ именами авторовъ сочиненій, удостоенныхъ золотыми и серебряными медалями и почетными отзывами. При семъ оказалось:

1) Удостоенное малой золотой медали, въ 50 червонцовъ, сочиненіе, съ девизомъ: «Das grosse Geheimniss, wenn man in der Zucht glücklich seyn will, besteht darin, einen Stamm zu wählen, der dem Boden und dem Klima angemessen ist». О причинахъ неудовлетворительнаго состоянія скотоводства въ западныхъ губерніяхъ, и о мѣрахъ къ его улучшенію, на нѣмецкомъ языкѣ, принадлежить исправляющему дол-

жность практическаго агронома Горыгорьцкой Земледѣльческой Школы, Беригарду Андреевичу Михельсону.

2) Удостоенное малой золотой медали, въ 50 червонцевъ, разсужденіе съ девизомъ: «Видимые хорошіе образцы поучительныя всякихъ разсужденій», О состояніи промысловъ въ Новороссійскомъ Краѣ, на русскомъ языкѣ, принадлежитъ помѣщику Екатеринославской-Губерніи, Александровскаго-Уѣзда, надворному совѣтнику Константину Буницкому.

3) Удостоенное серебряной медали разсужденіе съ девизомъ: «*Wer den Zweck will, muss auch die Mittel wollen*», О скотоводствѣ въ Псковской и Витебской-Губерніяхъ, на нѣмецкомъ языкѣ, принадлежитъ впртембергскому подданному, графу Карлу Рейшахъ-Риту.

4) Удостоенное серебряной медали разсужденіе съ девизомъ: «*Ohne Müb und Fleiss wird kein Mensch auf Erden gross*», О хозяйствѣ Киевской-Губерніи, на нѣмецкомъ языкѣ, принадлежитъ садовнику ботаническаго сада Университета-св.-Владимира, Іоанну Гейриху Гохгуту.

5) Двѣнадцать сочиненій, удостоенныхъ почетнаго отзыва, принадлежатъ:

а) Съ девизомъ: «Простыя средства бываютъ лучше многихъ сочиненныхъ, мудреныхъ и вычурныхъ другихъ», О скотоводствѣ въ губерніяхъ Могилевской, Витебской, Смоленской и сѣверныхъ уѣздахъ Черниговской, на русскомъ языкѣ, — коллежскому ассессору Ивану Ивановичу Сердюкову, помѣщику Могилевской-Губерніи, Мстиславскаго-Уѣзда.

б) Съ девизомъ: «Что у кого болятъ, тотъ про то и говорить; что горюхъ—то порохъ, что деревня—то обычай», О сельскомъ хозяйствѣ на Кавказѣ, на русскомъ языкѣ, — младшему землеару Ставропольскаго-Округа, Агааггелу Петровичу Архипову.

в) Съ девизомъ: «Громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится», О скотоводствѣ въ Малороссіи, на русскомъ языкѣ, — казаку Ивану Владимірову сыну Скоку, жителю мѣстечка Броварей, Черниговской-Губерніи, Остерскаго-Уѣзда.

г) Съ девизомъ: «Спасябо скажетъ мнѣ крестьянинъ, коль я по долгу христіанинъ», О земледѣліи и земледѣльческой промышленности въ сѣверной части Россіи, на русскомъ языкѣ, — крестьянину дѣйствительнаго статскаго совѣтника Любимова, Николаю Петрову Щукареву, конторщику учебно-практическаго хутора Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства.

д) Съ девизомъ: «*Sine labore nil erit in ore*», Объ улучшеніи туземныхъ породъ рогатаго скота въ Россіи, на русскомъ языкѣ, — старшему ветеринарному врачу одесскаго таможеннаго округа, Петру Кондратьевичу Порохову.

е) Съ девизомъ: «*Rien n'est beau que le vrai, le vrai seul est aimable*», Описаніе сельскихъ промысловъ Новороссійскаго-Края, на русскомъ языкѣ, — жительствовавшему въ Одессѣ Григорію Житухину.

ж) Съ девизомъ: «*Utilitati publicae*», Объ улучшеніи устройства хлѣвовъ для скота, въ губерніяхъ Эстляндской, Лифляндской, Курлянд-

ской, Ковенской и Виленской, на немецкомъ языкѣ, — старшему ветеринарному врачу въ Митавѣ, члену-корреспонденту Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ, Вильгельму Гевриху Адольфи.

з) Съ девизомъ: «Хорошее и прочное строеніе въ-продолженіе времени обойдется гораздо дешевле худаго, частыхъ поправокъ и перестроекъ требующаго», Объ улучшеніи крестьянскихъ построекъ, на русскомъ языкѣ,—орловскому и калужскому помѣщику, гвардіи штабс-капитану Александру Алексѣевичу Бурнашеву.

и) Съ девизомъ: «Не слава хата углами, а пирогами», Объ улучшеніи крестьянскихъ построекъ, — херсонскому помѣщику, члену-корреспонденту Ученаго Комитета Министерства Государственныхъ Имуществъ, 7 класса Ивану Ивановичу Гулаку.

і) Съ девизомъ: *Video proboque meliora, deteriora sequor*, Объ улучшеніи крестьянскихъ построекъ, на русскомъ языкѣ съ польскимъ переводомъ, — радомскому губернскому архитектору, Лудовику Ковковскому.

к) Съ девизомъ: «*Faite du bien, voilà mon but*», Объ улучшеніи крестьянскихъ построекъ, на русскомъ языкѣ,—учителю уезднаго Костюковицкаго Училища Могилевской-Губерніи, Климовицкаго-Уезда, губернскому секретарю Аванасію Ивановичу Кисловскому.

л) Съ девизомъ: «Огъ небольшихъ началъ могутъ быть важныя послѣдствія», Объ улучшеніи крестьянскихъ построекъ, на русскомъ языкѣ,—помѣщику Торопецкаго-Уезда, Исковской-Губерніи, артиллеріи подпоручику Семсну Васильевичу Круковскому.

Промышленность. — Выданы привилегіи: 1) иностранцу Клевеландъ Шольмеру на новозобрътенную машину для приготовленія буравовъ, употребляемыхъ для сверленія дерева и другихъ веществъ; 2) титулярному совѣтнику Дейхману на изобрѣтенную имъ золотопромывальную машину, подъ названіемъ золотопромывочнаго винта; 3) иностранцу Гольсту на новозобрътенную табачную бумагу. Въ представленномъ описаніи Гольстъ изъяснилъ, что вмѣсто табаку и бумага, изъ которыхъ приготовляются такъ-называемые папирасы, можно употреблять бумагу, приготовляемую слѣдующимъ образомъ: обработать табачные листья, точно такъ же, какъ обыкновенное бумажное тряпье, посредствомъ галандера въ сплошную массу, или тѣсто, кладутъ оную въ формы, превращаютъ въ бумагу, и высушивъ надлежащимъ образомъ, выглаживаютъ дѣйствіемъ двухъ металлическихъ цилиндровъ. При изготовленіи этой курительной массы употребляются, какъ и при обыкновенномъ табакѣ, различные соусы, соответствующіе различнымъ сортамъ табаку; 4) иностранцамъ Тесьеру и Триа на гребенія вертикаль-

ныя лопатки, для приведенія въ движеніе морскихъ и рѣчныхъ судовъ. Изъ представленнаго просителями описанія изобрѣтеннаго ими двигателя снаряда для морскихъ и рѣчныхъ судовъ, къ коему приложенъ чертежъ, видно, что снарядъ этотъ состоитъ изъ нѣсколькихъ гребныхъ лопатокъ или веселъ, вертикально повѣшенныхъ въ воду, и составленныхъ изъ двухъ подвижныхъ крыльевъ, соединенныхъ шарнирами, устроенныхъ такимъ образомъ, чтобъ онѣ могли послѣдовательно отворяться и затворяться, дабы представлять дѣйствию воды иногда цѣлую поверхность, а иногда одно только ребро. — Онѣ могутъ быть расположены по обѣимъ сторонамъ судна, на мѣстахъ колесъ съ лопатками, въ одинъ или нѣсколько рядовъ, также спереди и сзади судна; въ двухъ послѣднихъ случаяхъ ихъ располагаютъ такъ, чтобъ онѣ могли дѣйствовать попеременно, и всегда по два; такъ, на-примарь, если лопатокъ будетъ восемь, то ихъ располагаютъ въ четырехъ углахъ квадрата, вписаннаго въ кругъ, описываемомъ рукоятками, приводящими ихъ въ попережное круговое движеніе. — Нужно замѣтить, что закрываніе и открываніе сочлененныхъ лопатокъ производится само собою, безъ всякаго посторонняго механизма; изъ восьми лопатокъ, шесть постепенно производятъ полезное дѣйствіе, тогда какъ двѣ остаются закрытыми для обратнаго пути; и такъ, двѣ находятся въ совершенномъ дѣйствіи для производства хода судна, двѣ другія окапчиваютъ это дѣйствіе, а двѣ послѣднія его начинаютъ. — Изъ разсмотрѣнія чертежей, приложенныхъ къ привилегіи, усматривается, что весь двигательный снарядъ, и самый движитель, располагаются въ задней части такимъ образомъ, что лопатки находятся снаружи, и даже за рулемъ совершенно погружены въ воду, при всѣхъ занимаемыхъ ими положеніяхъ въ попережное круговомъ движеніи. — Вообще это расположеніе представляетъ удобство соединеніемъ силы веселъ съ круговымъ движеніемъ колесъ. — Такъ-какъ двѣ послѣднія лопатки должны дѣйствовать только въ особенныхъ случаяхъ, и следовательно сообщать небольшую скорость, то понятно, что онѣ будутъ совершенно-достаточны для производства сего дѣйствія. — По объявленію изобрѣтателей, система новаго двигательнаго снаряда съ вертикальными гребными лопатками можетъ быть употреблена съ успѣхомъ при морскомъ и рѣчномъ судоходствѣ, и снарядъ этотъ, въ сравненіи съ гребными колесами и съ архимедовымъ винтомъ, представляетъ многія преимущества: 1) устройство лопатокъ въ задней части судна не потребуетъ никакого измѣненія въ парусахъ, такелажѣ и вооруженіи. — 2) Примѣненная къ судамъ, плавающимъ по рѣкамъ и каналамъ, она допускаетъ ихъ плоскостность и измѣненіе глубины ихъ сидѣнія въ водѣ. — 3) Вертикальныя гребныя лопатки могутъ дѣйствовать, не смотря на то, какъ бы сильно ни кренило судно въ бурную погоду. — 4) Онѣ не представляютъ того сильнаго сопротивленія, какъ колеса и архимедовъ винтъ, при ходѣ подъ парусами. — 5) Глубина лопатокъ зависитъ отъ размѣра судна; такимъ-образомъ, если паровой движитель достаточно силенъ, то лопатки дѣлаются лишьше, и такимъ-образомъ получается болѣе-сильная точка опоры. — 6) Лопатки, въ случаѣ нужды, могутъ замѣнять руль, и

наконецъ, изъ того, что весла постоянно остаются въ водѣ, въ положеніи мало отходящемъ отъ вертикальнаго, слѣдуетъ, что они обнаруживаютъ болѣе полезнаго дѣйствія; и все показываетъ, что поверхность, на которую дѣйствуютъ эти весла, сравнительно гораздо-меньше, нежели та, на которую дѣйствуютъ лопатки колесъ, при одной и той же определенной силѣ.

IV.

ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.

ОБЪ УРОЖАЪ.

Господамъ помѣщикамъ земледѣльческихъ губерній весьма-хорошо извѣстно, что одні и тѣ же земли, при совершенно-одинаковой степени обработки, въ два послѣдовательные посѣва какого-нибудь хлѣба, на-примѣръ ржи, даютъ въ иной годъ урожая отъ 10 и болѣе четвертей съ десятины; а въ другой едва возвращаютъ сѣмена.

Причиною этого обыкновенно полагаются разнаго рода благопріятныя и неблагопріятныя вліянія климата на производительность почвы; но, рассуждая о томъ безъ всякаго предубѣжденія къ обычнымъ нашимъ понятіямъ, нельзя не согласиться, что результаты урожая въ весьма-редко не только не соответствовали казавшимся намъ полезнымъ или вреднымъ къ тому обстоятельствамъ, но даже редко совершались какъ-бы наперекоръ этимъ, по общему мнѣнію, господствующимъ причинамъ. Такъ, на-примѣръ, иногда виды на урожай не только при всходахъ, или при начальномъ ростѣ хлѣбовъ, но даже и въ дальнѣйшіе потомъ періоды, бывали очень-удовлетворительны, — никто не жаловался на излише-

ство жаровъ, ни на недостатокъ дождей, ни на прочія случайности погоды; а дѣло кончалось тѣмъ, что урожай были до чрезвычайности плохи. Столь же нерѣдко случалось и наоборотъ, т. е. что при разныхъ казавшихся неблагоприятными дѣйствіяхъ погоды надо было ожидать непремѣнныхъ неурожаявъ, однакожь урожай случались не только изрядны, но даже иногда и весьма-удовлетворительны.

Существованіе обѣихъ возможностей всего лучше доказывается принятою въ земледѣльческомъ классѣ поговоркою: «у Бога всего много», т. е. что урожай могутъ совершаться какъ-бы наперекоръ всевозможнымъ благоприятнымъ и неблагоприятнымъ обстоятельствамъ погоды. Еслибъ не было упомянутыхъ случаевъ, то безъ сомнѣнія не могла бы составиться и поговорка въ томъ значеніи, какое она имѣетъ въ народѣ.

Въ-слѣдствіе выражающагося въ этой пословицѣ народнаго вѣрованія о причинахъ неурожая, иной годъ не предвидѣли хорошаго или дурнаго урожая, и это изъясняютъ тѣмъ, что зима стала поздно, или рано, а весна началась рано, или поздно, — что дождей было много, или мало, и проч. и проч.; а въ другой точно такой же годъ объясняли тѣми же самыми причинами, но только въ обратномъ видѣ. При этомъ весьма-нерѣдко случается слышать, что въ двухъ смежныхъ губерніяхъ, уѣздахъ, или селеніяхъ, имѣвшихъ урожай въ противоположной степени, причины того или другаго случая изъясняются совершенно-одинаково, т. е. что въ одной мѣстности урожай, а въ другой неурожай, относятся къ тому, на-примѣръ, что осень была весьма-дождлива, а весна очень-суха. Когда же бываетъ, что благоприятствовавшая урожаю погода была такъ хороша, что жаловаться на нее было бы грѣшно предъ Богомъ и совѣстно предъ людьми, то случаи неурожая въ всѣхъ хлѣбовъ вообще, или какого-нибудь хлѣба исключительно, обыкновенно относятся, если не къ вредному вѣтру, то къ морозу, или наконецъ къ росѣ, въ простонародіи называемой мѣдьяницею.

Впрочемъ, къ этимъ послѣднимъ причинамъ обыкновенно прибѣгаютъ только въ крайнихъ случаяхъ, при невозможности обвинить погоду, почему эти случаи и числятся дѣйствительными причинами не долге, какъ до того времени, когда въ народной памяти воспоминанія о минувшемъ дѣлаются такъ темны, что всякаго легко становится увѣрить наперекоръ той дѣйствительности, которой кто-либо былъ свидѣтелемъ. Съ наступленіемъ же этого, впрочемъ, весьма-скоро наступающаго времени (потому-что наблюденіе за природою, по достолюдиному къ ней уваженію, преимущественно производится такъ-сказать всегда изъ-подъ руки), объясненіе неуро-

жая обыкновенно кончается заключеніемъ, что погода во весь годъ была неблагопріятна, и какъ на мнѣніе народа апелляціонныхъ дистанцій не существуетъ, то резолюція эта и передается къ свѣдѣнію потомства въ качествѣ неопровержимой истины.

Если въ настоящее время спросить кого бы то ни было изъ жителей губерній, претерпѣвшихъ неурожай въ 1859 году, то вслѣдствіе будетъ отвѣчать, что весна, или лѣто, были весьма-неблагополучны, — а это неблагопріятство кончилось тѣмъ, что все вообще огородныя овощи и яровые хлѣба отлично уродились. Но развѣ подобныя урожаи могутъ быть при неблагопріятной погодѣ?

Надо еще замѣтить и то достойное наблюденія обстоятельство, что во всѣ неурожайныя годы поля, засѣяныя хлѣбомъ, представляются въ видъ уборовъ, въ которыхъ есть нѣсколько постепенностей, — отъ отличнѣйшихъ хлѣбовъ до совершенно-пропавшихъ, и все это иногда представляется на пространствѣ одной и менѣе квадратной версты. Не-уже-ли дѣйствіе климата можетъ раздробиться на такія ничтожныя пространства? Въдѣ это точки сравнительно съ пространствомъ, въ которомъ должно являться, по известнымъ законамъ, различіе климатическихъ дѣйствій! Но, не смотря на это, вліяніе погоды безошибочно обвиняется и за противоположность урожаевъ на двухъ сряду десятинахъ!..

Казалось бы, что общепринимаемыя мнѣнія о причинахъ неурожая, при существованіи объясняемыхъ нами противорѣчій, должны были бы приниматься разсудительными людьми не болѣе, какъ только за довольно-интересные факты, изъ которыхъ можно вывести заключеніе о дѣйствительныхъ причинахъ неурожая; но они до того всеобщы, что едва-ли былъ когда-нибудь примѣръ сомнѣній въ несомнѣтельности этого мнѣнія съ той несомнѣнно-дознанной и всеми положительными науками доказанной истины, что въ цѣлой вселенной нѣтъ ни одного явленія, которое совершалось бы случайно, или наперекоръ тѣмъ всегда гармонически-дѣйствующимъ законамъ природы, по коимъ размноженіе и существованіе человечества — такая же необходимость, какъ и существованіе цѣлаго міра.

А можетъ ли человечество быть обезпечено, не только въ своемъ будущемъ размноженіи, но и въ настоящемъ числѣ своемъ, если только допустить, что главнѣйшія его нужды исключительно зависятъ отъ случайности климатовъ?

Имѣя рѣшимость достигнуть сколько-нибудь удовлетворительныхъ объясненій всѣхъ относящихся къ тому вопросовъ, я счелъ необходимымъ въ основаніе своихъ мнѣній, вѣдѣ кабинетныхъ оцѣнокъ, обыкновенно принимаемыхъ для изясненія вліянія природы на плодородность растительной почвы, принять тѣ самыя явленія, которыя она сама въ себѣ совершаетъ. Эта лабораторія

природы совѣтъ не то, что лабораторія ученаго: все, происходящее въ ней, неоспоримо—вѣрно; явленія же, производимыя искусственными опытами ученыхъ, весьма—нерѣдко могутъ быть и неправильны.

Чтобъ сдѣлать искусственный громъ, молнію, дождь, произвести салать, или что—нибудь другое,—для этого, при извѣстныхъ химическихъ препаратахъ, весьма—достаточно имѣть лишь нѣсколько часовъ времени; природа же, для произведенія своихъ явленій, бываетъ въ необходимости, въ весьма—многихъ мѣстахъ своего ученѣйшаго кабинета, иногда подождать нѣсколько столѣтій. Въ расчетахъ времени ея лѣтосчисленій, наши годы не годятся даже и въ секунды... Поэтому я и позволилъ себѣ увѣренность, что открыть истинныя причины непостоянства урожая въ не иначе можно, какъ въ кодексѣ собственныхъ опытовъ природы.

Но я слишкомъ уже отклонился отъ своего намѣренія—сказать, что урожай хлѣбовъ подвержены такимъ же несомнѣнно и постоянно дѣйствующимъ законамъ, какъ и то обстоятельство, по которому еще отъ сотворенія міра ни разу не случилось, чтобъ солнце взошло съ запада,—а вѣдь оно ходитъ иногда, повидимому, безъ всякаго закона.

Еслибъ, вмѣсто того, чтобъ наблюдать и разсматривать цѣлое небо, гг. астрономы ограничились только произведеніемъ различныхъ опытовъ искусственнаго движенія тѣлъ по кругамъ и эллипсамъ, какіе бы можно было для того придумать, то едва-ли бы они къ этому времени успѣли дойти до возможности доставить астрономію не только на высшую степень ея совершенства, но даже и открыть то, что не солнце, а земля вертится...

При очевидности столь разительнаго преимущества—указывать природу не по искусственнымъ, а по ея собственнымъ опытамъ, можно ли сомнѣваться и въ успѣхъ открытія причинъ, такъ—сказать, внутри нашего собственнаго дома совершаемыхъ ею дѣйствій?

Думая такъ, я, наконецъ, постояннымъ вліяніемъ этихъ думъ на мой слабый умъ и еще болѣе—ограниченныя познанія, дедумался до той степени безпримѣрной смѣлости, что, вопреки всеобщему мнѣнію о причинахъ неурожая въ, позволяю себѣ сказать, что мнѣніе, будто производительность растительной почвы исключительно зависитъ отъ вліянія климата, или погоды,—такая же ошибка, какъ и минувшая увѣренность въ движеніяхъ около земли всего звѣзднаго міра.

Доказать это, конечно, дѣло нелегкое; я даже не полагаю въ себѣ столько силы мышленія, чтобъ объяснить означенную ошибку, какъ дважды-два—четыре; но если я стремленіемъ моимъ достигну хотя возможности представить свое мнѣніе въ видѣ, заслуживаю-

ищемъ вниманію, — то употребленное мною на это размышленіе и сопряженныя съ нимъ наблюденія, въ теченіи 12-ти лѣтъ жизни, сочту за благословеннѣйшій даръ, какимъ только судьба меня удостоила. Итакъ, съ надеждой на снисхожденіе, переходу къ доказательствамъ о неосновательности мнѣній, будто-бы урожай хлѣба исключительно зависитъ отъ вліянія климата.

Какой бы ни былъ дѣятель природы, но для условнаго проявленія его дѣйствій необходимо, чтобъ то, въ чемъ должно, или изъ чего можетъ совершиться проявленіе, заключало въ своей сущности всѣ средства, къ предполагаемому проявленію необходимыя. На этомъ всемірномъ законѣ природы основано все, что мы видѣть, чувствовать и понимать можемъ; ни свѣтъ, ни теплота, ни другіе основнѣйшіе дѣятели природы не въ состояніи произвести никакого проявленія безъ причаяъ, къ тѣмъ проявленіямъ необходимымъ.

Планеты, обращающіяся около солнца, могли бы силою его въ одно мгновеніе опять расплавиться въ первоначальный эфиръ; но, отъ противодѣйствія только отдѣляющихъ ихъ отъ солнца разстояній, солнце не въ состояніи даже (во многихъ мѣстностяхъ нашей планеты) воспроизвести и того, что можно иногда исполнить дѣйствіемъ человека. Слѣдовательно, производимость природы заключается не въ сущности ея творчества, а въ существованіи причинъ, могущихъ воспринимать эти дѣйствія.

Вѣчность и протяженіе, конечно, не силы, — не тѣ, чѣмъ должны воспроизводиться жизнь и явленіе всего существующаго въ природѣ; но безъ нихъ и жизнь и явленія не имѣли бы возможности проявиться.

Чтобы произошли, напримѣръ, періоду развитія нашей планеты до теперешнихъ видовъ ея растительнаго царства, сколько нужно было пройти времени, — независимо отъ вліянія на послѣдовательность происхожденія растительныхъ организмовъ, — сколько нужно было пройти времени, чтобъ почвы усвоили себѣ тѣ необходимыя для нихъ элементы, безъ которыхъ не только въ наилучшихъ мѣстностяхъ тропическаго климата не могло бы существовать то, что теперь тамъ существуетъ, но даже и растенія сѣверныхъ полей, не одѣтая еще временемъ въ растительный слой земли. Пустыни Аравіи и пески Африки, находясь подъ вліяніемъ могущественнѣйшихъ климатовъ, и теперь еще равно не производящи.

Совокупно во всемъ дѣйствующія средства и время природы, произведя раздѣленіе климатовъ по ихъ географическимъ мѣстностямъ, хотя по многимъ причинамъ и не подчинили ихъ математически-точнымъ дѣйствіямъ, но установили тотъ несомнѣнно-вѣр-

ный законъ, что все мѣстно — случающіяся отступленія климата отъ ихъ основнѣйшихъ характеровъ не иначе могутъ совершаться, какъ въ предѣлахъ, соответствующихъ этимъ характерамъ отступленій.

Тропическій, умеренные и холодные поясы ни при какихъ мѣстныхъ случайностяхъ, не дойдутъ до возможности быть одинаковыми по климату; всякое сколько-нибудь значительное отклоненіе въ основныхъ свойствахъ каждаго непремѣнно должно привести соответствующія тому измѣненія во всѣхъ прочихъ.

Сила этого закона до того непреложна, что и климаты мѣстностей въ тропическомъ поясѣ съ свойствами умеренныхъ, а къ умеренныхъ съ свойствами тропическихъ, или полярныхъ, равно и всѣ мѣстныя особенности въ климатахъ каждой части свѣта необходимо должны слѣдовать его очевидно-господствующему въ дѣйствіяхъ ихъ преимуществу. Слѣдовательно, какія бы ни предположить возможные по свойствамъ мѣстностей случайности въ климатахъ, на-примѣръ, Европы, — никогда нельзя дойти не только до того положенія, чтобъ восточные климаты могли производить то, что производится въ южныхъ и западныхъ, или чтобъ въ этихъ мѣстностяхъ могли совершаться постоянные процессы сѣверныхъ мѣстностей; но даже и того, чтобъ растенія береговъ Рейна могли произрастать на берегахъ Вислы, или чтобъ флора Пруссіи могла сдѣлаться флорою Италіи. При неизмѣненномъ же вліяніи этого закона на сохраненіе въ климатахъ ихъ отличительнѣйшихъ характеровъ, никакого не можетъ быть сомнѣнія и въ томъ, что еслибы была возможность отыскать въ слѣдахъ ископаемаго царства, хотя бы за цѣлое столѣтіе, произведеніе флоры всѣхъ вообще климатовъ Европы, предпологая раздѣленіе ихъ по отличительнѣйшимъ свойствамъ естественныхъ произведеній, то типическія особенности каждой флоры представлялись бы въ видѣ ненарушаемаго во всемъ постоянства; и если въ послѣдніе годы столѣтія въ какой-либо флорѣ встрѣтилось отступленіе отъ ея прежняго вида, то безъ сомнѣнія и во всѣхъ флорахъ оказалось бы соответственное тому измѣненіе.

Конечно, обвиненіе природы этому закону не доказано еще разысканіями послѣдователей до осязаемой истины; но развѣ доказанный ими математическій порядокъ и гармонія цѣлей вселенной, равно какъ открытыя истины въ сущности организма собственно нашей жизни, менѣе должны быть убѣдительны, чѣмъ тѣ многообразныя средства, которыми, безъ сомнѣнія, будущее человечество до очевидности докажетъ, что дѣйствіе климатовъ не шифровано, какъ и дыханіе нашего тѣла?

Но могло ли бы существовать постоянство производительности

природы даже и въ томъ только видѣ, какъ оно теперь намъ известно, какою дѣйствіемъ климатовъ совершились въ степени сколько-нибудь значительнаго несовершенства? Тогда производительность ихъ не могла бы имѣть никакого оправдательнаго свойства, и царство растеній было бы перемѣшано до того, что растенія, на-примѣръ, южныхъ климатовъ Россіи, могли бы прорастать въ восточныхъ, и въ западныхъ губерніяхъ, и наоборотъ. Но какъ этого нигдѣ не замѣчено, не найдено даже и того, чтобъ флоры и не очень-отдаленныхъ губерній были совершенно-одинаковы, то климатъ, по вліянію его на производительность земли, для настоящаго времени, долженъ быть признаваемъ за совершенно-постояннаго дѣйствителя лишь въ той степени уклоненія отъ его нормальнаго состоянія, какъ о томъ будетъ сказано ниже.

Но если и допустить по какимъ-либо причинамъ возможность значительнаго уклоненія климатовъ отъ ихъ основнѣйшихъ характеровъ, то такіе годы отступленій должны относиться къ такому же рода событіямъ, какъ и совершающіеся иногда вулканическіе и плутоническіе процессы; а потому возможность этихъ годовъ (въ вопросѣ дѣйствія климатовъ на производительность земли, настоящаго времени) должна быть почитаема возможностью, неимѣющею ничего общаго съ судьбою современнаго человѣчества, подобно тому прочимъ случающимся на землѣ разительнѣйшимъ ея катаклизмамъ.

И такъ, климатъ всякой мѣстности, начиная, на-примѣръ, въ Россіи съ Крыма, на востокъ, сѣверъ, западъ и центръ ея, по вліянію своему на производительность земли, долженъ быть почитаемъ дѣйствителемъ только постоянной единицы, т. е., если совокупная особенность атмосферическихъ вліаній, обнаруживающихся въ теченіе года въ какой-либо значительно-обширной мѣстности, по метеорологическихъ изысканіямъ опредѣляется въ степени известнаго дѣйствія, то это дѣйствіе будетъ постоянно-неизмѣнимымъ до тѣхъ поръ, пока, по какимъ-нибудь отъ природы или человѣка зависящимъ причинамъ, не изменится до невозможности быть прежнею единицею. Но такого рода неизмѣненія обыкновенно совершаются такъ медленно, что достигающая изъ того часть на долю настоящаго времени не составитъ даже и казенныхъ процентовъ на капиталъ климата, мѣстности свойственнаго.

Въ этомъ несомнѣнномъ распредѣленіи даровъ Провидѣнія по свойствамъ мѣстностей, сила и средства творчества природы, необходимо должны быть и нѣкоторыя уклоненія отъ нормальнаго ихъ дѣйствія, безъ-самодѣія соответствующія тѣмъ, какія открыты въ суточныхъ и годовыхъ движеніяхъ земли по ея орбитѣ, а также и принимаю основными ея законамъ, т. е. тѣмъ, въ-сущности

которых жизнь ее должна быть не механически только существованіемъ, но непремывною жизнью; тѣмъ-образомъ воѣ совершающіяся въ этой жизни уклоненія, — не болѣе и не менѣе тѣхъ, какія непрерывно совершаются въ собственномъ нашемъ организмѣ.

Кровь не движется постоянно, мысль не думаетъ одинаково; но признаемъ ли мы эти совершающіяся въ насъ явленія какимъ-либо безпорядкомъ, или непостоянствомъ, и былъ ли бы правъ тотъ умствователь, который бы сталъ утверждать, что механизмъ жизни здороваго человека дѣйствуетъ неправильно?

Отъ-чего же мнѣніе это не признается правильнымъ? отъ-того, безъ-сомнѣнія,—будетъ всеобщимъ на то отвѣтомъ,—что неравномѣрность движенія крови или неодинаковость дѣйствія мысли въ спокойномъ состояніи человека есть дѣло естественной необходимости, и уклоненія эти такъ незначительны, что они не въ состояніи произвести въ отправленияхъ нашего тѣла какого-либо существеннаго измѣненія.

Но развѣ непостоянство климатическихъ дѣйствій по сравненію жизни и отравленій нашего организма съ жизнью и отравленіями природы болѣе-значительно?

Не-уже-ли, въ опроверженіе этого положенія, могутъ быть принимаемы за достаточныя доказательства вышеприведенные примѣры мнѣній о случающихся неурожаяхъ?

Позволяя себѣ увѣренность, что приводимыя мною доказательства постоянного вліянія климата растительнаго на производительность земли достаточно убѣдительны, — для большаго убѣжденія гг. хозяевъ считаю полезнымъ поставить на видъ и то известное въ хлѣбородныхъ губерніяхъ обстоятельство, что весьма-хорошія земли, имѣющія возможность произвести отличнѣйшую пшеницу, ни въ какой урожайный годъ не произведутъ хорошаго урожая конопли; почему, безъ-сомнѣнія, и принято за правило для посѣва этого растенія имѣть особенныя участки, весьма-сильно и почти ежегодно удобряемыя; а земли, производящія очень-хорошіе урожаи ржи, или овса, не въ состояніи произвести и посредственнаго урожая пшеницы, льна или мака, чѣмъ несомнѣнно и доказывается, что случающіяся уклоненія климатовъ отъ ихъ нормальнаго дѣйствія, никогда не бываютъ значительны.

Если принять въ соображеніе, что изъ двухъ остальныхъ дѣятелей земледѣлія — труда и почвы, участіе труда, въ общихъ результатахъ, не иначе можетъ быть признаваемо, какъ также въ видѣ постоянного дѣйствителя, то вліяніе почвъ на жизнь растений, какъ дѣйствіе, неимѣющее возможности (по всеобщимъ

извѣстнаго на то причинами) быть постоянными, — должно признаваться исключительное влияние постоянности урожая.

Что почвы отъ произведеній какихъ бы то ни было растений съ самаго начала ихъ распашки во всѣхъ, безъ-смыслия, климатахъ подвержены, смотря по ихъ качествамъ, болѣе или менѣе значительному измѣненію, — въ этомъ, я полагаю, никто не можетъ сомнѣваться; но въ чемъ заключаются эти измѣненія, — объ этомъ, по плану моей статьи, считаю необходимымъ объяснить слѣдующее:

Главнѣйшее измѣненіе почвъ происходитъ: а) или отъ уничтоженія въ нихъ долговременными посѣвами естественныхъ свойствъ ихъ прежняго плодородія, — до той уже степени истощенія, что эти качества не иначе имъ могутъ быть возвращены, какъ только удобреніемъ; б) или, такъ-сказать, въ поглощеніи изъ почвы сильными урожаями тѣхъ образующихся въ ней отъ климатическаго вліанія подготовительныхъ для процесса растенія элементовъ, безъ которыхъ и довольно-сильныя земли, при самыхъ благопріятныхъ дѣйствіяхъ климата, не въ состояніи произвести удовлетворительнаго урожая.

Несомнѣнность этого втораго измѣненія почвъ положительно доказывается признанною необходимостью имѣть въ полеводствѣ особенное паровое поле, для возвращенія землѣ тѣхъ свойствъ, которыя утрачиваетъ она отъ хорошихъ урожаевъ; въ противномъ случаѣ, то-есть при неувѣренности въ этой истинѣ, трех-польная система, постоянно господствующая почти въ цѣлой Европѣ, не сдѣлалась бы всеобщей и неизмѣнною.

Многолѣтніе опыты, произведенныя надъ этой системою, доказываютъ: *первое*, что подготовительные элементы почвы, о которыхъ сказано выше, не составляютъ какой-либо постоянной принадлежности ея видимыхъ свойствъ; иначе, почвы, не истощенныя и весьма-хорошія по составнымъ частямъ своимъ, могли бы производить средю три, четыре, или болѣе довольно-удовлетворительныхъ урожаевъ; *второе*, что элементы эти усваиваются почвою зата и дѣйствіями климата, но въ условно-необходимое для того по излности время; и наконецъ, что эти производительные элементы, послѣдовательно образующіеся въ періодъ каждаго оборота трех-польной системы, достаточны для произведенія двухъ средю урожаевъ, извѣстному качеству почвы соответствующихъ.

Если бы означенныя уничтожающіеся въ почвахъ элементы при каждомъ урожаѣ образовывались въ одинаковой степени, не болѣе и не менѣе того, какъ необходимо для среднихъ урожаевъ, то, безъ-смыслия, не было бы ни очень-хорошихъ, ни дурныхъ урожаевъ, а были бы урожай вполнѣ качеству почвы, климату и

труду соответствующимъ, съ необходимыми лишь ослаблениями съ постепеннаго затощанія въ почвахъ основнаго плодородія.

Но какъ всѣ случающіеся урожая въ перевѣсъ средняхъ не значе могутъ совершиться, какъ чрезъ соответственное тому уничтоженіе преизводительныхъ въ почвахъ элементовъ, то чѣмъ больше урожай, тѣмъ больше и означенное уничтоженіе; а потому результатомъ каждаго урожая и должно быть то неизбежное явленіе, что послѣ всякаго произведеннаго почвою урожая въ большемъ или меньшемъ количествѣ противъ урожая средняго по мѣстности, атъ какихъ бы то ни было причинъ — отъ вліянія ли на то климатическихкихъ уклоненій, или отъ различнаго рода благоприятныхъ и неблагоприятныхъ случайностей труда, — послѣдующій урожай долженъ быть на столько противъ средняго меньше или больше, на сколько предшествующій былъ больше или меньше. Но если случится, что и послѣдующій за тѣмъ урожай по тѣмъ же причинамъ будетъ больше или меньше средняго, то третій урожай неизбежно долженъ быть на столько меньше или больше средняго, на сколько оба предшествовавшіе, взятые вмѣстѣ, были больше или меньше его.

Не полагаю, чтобъ была возможность на одномъ и томъ же полѣ произойти двумъ сряду урожаямъ выше средняго, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда почва такъ ужъ сильна, что образующіеся въ ней во время пара подготовительные элементы для произведенія двухъ урожаевъ сряду могутъ являться въ большей степени, нежели сколько для того нужно. Къ такимъ почвамъ можно отнести всѣ въ первый разъ распаханныя нови во всѣхъ губерніяхъ, имѣющихъ особенно-плодородную пѣчу; или пѣчи, искусствомъ производимыя, какъ-то огороды, конопляники, и проч.

Эти послѣднія почвы до того сильны, что первые на нихъ урожаи, за исключеніемъ конопли, мака, и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ пшеницы, не иначе могутъ дать хорошій наливъ зерна, какъ при неблагоприятныхъ климатическихкихъ уклоненіяхъ; въ противномъ случаѣ послѣдуетъ то, что навываается переродомъ.

При этомъ надо принять въ соображеніе, что совершающіеся въ почвѣ подготовительные процессы имѣютъ возможность совершаться не только во время пара, но и во всякое удобное къ тому время, какъ-то осенью послѣ снятія ржи, и весной до позднихъ посѣвовъ; по-этому на всѣхъ подобныхъ почвахъ, при очень-предсказательной осени или ранней веснѣ, могутъ происходить сряду два урожая выше тѣхъ средняхъ, какіе на нихъ, по свойству мѣстности, произойти могутъ.

Но это мисколько не можетъ относиться къ плодородію такихъ почвъ, которыхъ средніе урожая не превъщаютъ самъ-тре-

той, самъ-летвертъ и болѣе; потому-что образующіеся въ нить подготовительные элементы для произведенія зерна урожаевъ, но только по причинѣ медленнаго дѣйствія участвующихъ въ томъ процессовъ не могутъ быть больше того, сколько нужно для произведенія двухъ сряду урожаевъ; но эти процессы даже едва-ли въ состояніи воспринять въ почвахъ и то условное количество, какое для упомянутыхъ урожаевъ необходимо. Но положимъ, что производительные элементы, образующіеся въ почвахъ, въ каждый періодъ ствооборота въ трех-польной системѣ всегда являются соответственно двумъ среднимъ урожаемъ, — то и тогда едва-ли эти урожаи могутъ быть въ равной степени, если только первый изъ нихъ былъ значительно больше среднего, потому-что, для достиженія этого равенства (по причинѣ уничтоженія въ почвѣ первымъ урожаемъ много-больше половины производительныхъ элементовъ) необходимо, чтобъ въ годъ втораго урожая дѣйствія климата были еще болѣе благотворны, чѣмъ при первомъ урожае; въ противномъ случаѣ, урожаи никакъ не могутъ быть равны.

Не находя возможности, по недостаточности точныхъ фактовъ, доказать, что отклоненія климата для произведенія втораго условнаго урожая случаются только въ годы особенныхъ крайностей; я предположу, что подобные годы довольно-нерѣдки: но при этомъ предположеніи, законъ дѣйствія почвъ нисколько не теряетъ изъ правъ своихъ, потому-что второй урожай, по недостаточности въ почвѣ производительныхъ элементовъ, тогда только возможенъ, когда вліаніе климата воспроизведетъ въ ней тѣ же процессы, которые она можетъ извлечь только насильственнымъ дѣйствіемъ и которые, по ея свойствамъ, а также и по основному характеру мѣстнаго климата и труда, должны были бы въ ней сохраниться для произведенія будущаго за тѣмъ очереднаго урожая. Такимъ-образомъ, этотъ будущій урожай долженъ уже быть на столько прѣтвѣ средняго меньше, на сколько оба предшествующіе были больше.

Считая свои доказательства исключительнаго вліанія почвъ на растительную производительность земли довольно-удовлетворительными, тѣмъ болѣе, что въ общемъ расчетѣ плодородія какого-либо значительнаго пространства, какъ, на-примѣръ, цѣлой губерніи или нѣсколькихъ уѣздовъ, относительное количество сильныхъ почвъ къ слабымъ весьма-незначительно (чему служитъ доказательствомъ и то, что въ хлѣбородивѣйшихъ губерніяхъ, за исключеніемъ очень немногихъ, средній урожай не превышаетъ самъ-пять), я позволяю себѣ предполагать, что чрезъ дальнѣйшее развитіе высказывающагося изъю лѣтній, можно будетъ, по предшествующимъ урожанамъ, при видномъ знаніи въ каждой мѣстности среднихъ урожаевъ, опреде-

дать почти съ математическою точностью первый будущій урожай послѣ двухъ предшествовавшихъ.

Чтобы объяснить это еще болѣе, нагляднѣе считаемъ представить слѣдующій примѣръ.

Предположимъ, что въ уездѣ или въ губерніи А средній урожай, въ двадцати-лѣтней сложности озимаго хлѣба, 6 четвертей, а ярового и именно овса 10 четвертей съ десятины, и что въ 1843 году урожай озимаго хлѣба въ этой губерніи былъ 8 четвертей, а овса въ 1844 году по 12 четвертей съ десятины: по этимъ даннымъ предполагается опредѣлить, каковъ въ этой губерніи долженъ быть урожай озимаго хлѣба въ нынѣшнемъ 1846 году?—Вопросъ о нынѣшнемъ годѣ дѣлается потому, что въ губерніи вся поля, находившіяся подъ озимымъ и яровымъ хлѣбами въ означенные годы, не иначе могутъ поступить по сѣвообороту трех-польной системы, какъ на текущее лѣто.

Основываясь на моемъ убѣжденіи, что климатъ и трудъ для значительныхъ мѣстностей должно принять за постоянныхъ дѣйствующихъ факторовъ, можно замѣтить, что случившіяся въ губерніи два сразу на однихъ и тѣхъ же поляхъ урожанъ выше средняго не иначе произошли, какъ отъ уничтоженія въ этихъ поляхъ, уклонами климата въ благопріятную для урожая сторону, тѣхъ же средствъ дѣйствій, которыми они должны были бы, въ теченіе 1845 года, воспроизводить въ себѣ необходимые имъ элементы для произведенія озимаго хлѣба на 1846 годъ.

Но могли ли эти элементы образоваться въ достаточномъ для того количествѣ, когда значительная часть процессовъ, долженствовавшихъ совершаться въ пользу означеннаго урожая, совершилась уже въ пользу предшествовавшихъ урожаевъ? По этому и полагаю, что если климатъ губерніи А и въ 1845 году сдѣлаютъ отклоненіе отъ нормальнаго своего состоянія, то и тогда, безъ весьма-значительнаго отклоненія, — чего, впрочемъ, по приведеннымъ выше доказательствамъ предполагать невозможно, — онъ не въ состояніи обыкновенными своими средствами, при уничтоженіи въ почвѣ значительной части собственныхъ силъ, приготовить будущій урожай. И такъ, урожай озимаго хлѣба въ 1846 году въ губерніи А, и не долженъ быть удовлетворительнымъ урожаемъ, т. е. равнымъ среднему; урожай же меньше средняго на нѣсколько четвертей въ каждой десятинѣ для весьма-многихъ губерній — составляетъ уже значительный неурожай.

Для предположенія же возможности и этому урожаю быть выше средняго, необходимо предположить такое же отклоненіе климата, при которомъ годовая температура губерніи А оказалась бы, сравнительно съ прежними ея годовыми температурами, на градусъ бо-

лѣе; а подобныя уклоненія климатовъ даже и въ меньшей степени, по извѣстнымъ въ настоящее время метеорологическимъ наблюденіямъ, нигдѣ не замѣчены. Безъ увеличенія же температуры, весьма-хорошихъ послѣдствій на урожанъ ни отъ какихъ атмосферическихъ случайностей ожидать невозможно; потому-что и самая лучшая изъ всѣхъ случайностей въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, — дождь, не произведетъ выгодныхъ послѣдствій, если въ то же время не будетъ стоять соответственно-теплая погода. Но и въ количествѣ дождей, выпадающихъ каждый годъ на большія пространства, едва-ли можетъ быть значительная разница, — и все кажущееся въ этомъ непостоянство должно заключаться не болѣе, какъ въ томъ, что если въ губерніи А. количество дождя, долженствующаго выпасть на ея пространство въ теченіе, положимъ, мая, въ степени единицы, — то нѣкоторыя доли этой единицы могутъ упасть частию въ предшествующемъ, а частию въ послѣдующемъ мѣсяцѣ, — а это по свойству климата всей средней полосы Европейской Россіи весьма-естественно. Продолжительныя засухи не только для южныхъ губерній, но и для уѣздовъ едва-ли возможны, — тому могутъ служить доказательствомъ объясненные мною выше случаи, т. е. что во всякій неурожайный годъ поля этихъ губерній представляются въ шахматномъ видѣ; а этого никакъ не могло бы быть, если бы существовали тѣ засухи, о которыхъ нѣрѣдко гласить молва. Засухи же, иногда бывающія въ южныхъ губерніяхъ Россіи, нисколько не выходятъ изъ характера тамошняго климата; по этой-то, безъ-сомнѣнія, причинѣ, Провидѣніе и надѣлало этотъ край такими особенно-сильными почвами, которыя могутъ достаточно противодѣйствовать очень-продолжительнымъ засухамъ.

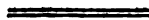
Все сказанное мною о возможности по двумъ предшествующимъ въ уѣздѣ или губерніи урожаямъ опредѣлить, на тѣхъ же самыхъ поляхъ, слѣдующій урожай, еще болѣе вѣрно въ примѣненіи къ мѣстностямъ нѣсколькихъ губерній; при этомъ нелишнимъ считаю сказать, что для приблизительнаго опредѣленія въ какой-либо губерніи урожая озимаго хлѣба въ этомъ 1846 году, нѣтъ никакой надобности дѣлать справки о предшествующихъ урожаяхъ, а достаточно принять въ соображеніе бывшія среднія цѣны въ каждой губерніи послѣ урожая 1843 и 1845 годовъ; ибо цѣны выше среднихъ очевидно доказываютъ, что урожай былъ ниже средняго, а меньше среднихъ, что урожай былъ выше средняго, и тѣмъ болѣе окажется разность въ цѣнахъ за каждый годъ съ средними цѣнами, тѣмъ болѣе, по соотвѣтственности, надобно положить и большую степень превышенія или уменьшенія бывшихъ урожаевъ сравнительно съ средними; а по этому легко уже сдѣлать заключеніе и объ урожаѣ на нынѣшній годъ.

Законъ рассматриваемаго нами дѣйствія почвъ можетъ быть примененъ и къ каждому частному извѣнью; но чѣмъ больше извѣнне в чѣмъ менѣе производится въ поляхъ извѣненія, тѣмъ зѣрвѣе можно опредѣлять будущій урожай. Такое примененіе въ частныхъ извѣннѣхъ должно дѣлаться для каждаго поля особо; ибо средняя производительность полей по различнымъ топографическимъ и другимъ причинамъ можетъ представлять значительную разницу, при чемъ надо принимать въ соображеніе, что чѣмъ менѣе средний въ извѣннѣ урожай, тѣмъ законъ вліянія почвъ на урожай долженъ зѣрвѣе выразиться, — даже и при незначительной разницѣ въ предшествующихъ урожаяхъ; но въ поляхъ, дающихъ средний урожай озимаго хлѣба 8 или 10, а яроваго до 15 четвертей, законъ этотъ тогда только можетъ быть примененъ, когда произойдутъ урожай, весьма-много превышающіе средний урожай, ибо на подобныхъ земляхъ нерѣдко можетъ случиться три сряду урожая, нѣсколько превышающіе средний.

На особенно же сильныя почвы, о которыхъ сказано выше; зависимость урожаевъ отъ вліянія почвъ обнаруживается по изложеннымъ нами причинамъ.

Само собою разумется, что вліяніе этого закона не можетъ также распространяться и на почвы достаточно удобряемыя; ибо производимое въ нихъ извѣненіе сильными урожаями въ то же время компенсируется соответствующимъ, а иногда еще и большимъ вознагражденіемъ.

— ВЪ.

ОТЧЕТЪ, ЗА ОДИННАДЦАТЬ ЛѢТЪ, О ХОДѢ И ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ВОЛХОВСКАГО ХОЗЯЙСТВА.

Ч А С Т Ъ В Т О Р А Я.

Статья вторая (*).

ЯРОВАЯ РОЖЬ И ЯЧМЕНЬ.

О необходимости сѣять яровую рожь, выборѣ почвы и времени для посѣва; время для посѣва и уборки ячменя; явные дровяны, барда; нѣсколько словъ о свободномъ винокурении ивольной продажѣ вина.

ЯРОВАЯ РОЖЬ.

Въ болховскомъ хозяйствѣ яровая рожь, въ періодъ времени, за который мы представляемъ отчетъ, высѣвалась только три раза (см. вѣдомость № 3-й) (**); особенно былъ кстаи сдѣланъ посѣвъ

(*) Первая статья второй части напечатана въ XLV и XLVI томахъ «Отч. Записокъ» 1846 года.

(**) Вѣдомость № 3-й.

Годы.	Я р о в о й р о ж и .						Я ч м е н я .											
	Урожай на десятины за включеніемъ сѣмень.			Цѣны за четверть.			Сумма дохода съ десятины.			Урожай на десятины за включеніемъ сѣмень.			Цѣны за четверть.			Сумма дохода съ десятины.		
	Четв. мѣр. гар.			Руб. Коп.			Руб. Коп.			Чет. мѣр. гар.			Руб. Коп.			Руб. Коп.		
1832.	Н									Н	е	с	ѣ	я	л	сн.		
1833.		е							6	4	1	15			97	85		
1834.			с						15	4		11	55	179	2			
1835.				ѣ					5	6		8		46				
1836.					я				23	7	1	4	50	107	50			
1837.						л												
1838.							а		Н	е	с	ѣ	я	л	с	я.		
1839.								с										
1840.	13	5		35			476	87	25	4		10		285				
1841.	1	4		11	50		17	25	2	1		8		16	12			
1842.	7	5	7	8			61	87	11	2		5		56	35			
Кругл. числомъ.	7	4	7	18	16		185	33	12	7	1	8	86	108	26			

этого хлѣба въ первый разъ въ 1840 году, когда озимая рожь почти пропала, и цѣны на нее были столь велики, что каждая десятина яровой ржи принесла чистаго дохода сумму неизвѣстную — 476 р. 87 к. ассигнаціями. Больше этого дохода отъ ржи съ участка земли, равнаго нашей десятинѣ, кажется, нельзя получить и въ Англіи.

На случай неурожая озимаго хлѣба, яровая рожь — истинное благодѣяніе для земледѣльца. Съ помощію этого хлѣба, превосходно родившагося въ означенномъ бѣдственномъ году (*), мы имѣли возможность прокормить своихъ крестьянъ чистымъ хлѣбомъ, а небольшой сборъ озимой ржи употребить единственно для заѣва крестьянскихъ и господскихъ полей. Къ—сожалѣнію, въ—последствіи, урожай яровой ржи были чрезвычайно—скудны (такъ—что въ 1841 и 1843 году едва возвратились сѣмена), не смотря на то, что мы ежегодно высѣваемъ эту рожь на одинаково—тучныхъ земляхъ.

Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что яровая рожь на почвахъ, однокачественныхъ съ нашею, родится удовлетворительно только въ весьма—благопріятныя и дождливыя весны; иначе она не кустится, выходитъ рѣдка и тоща колосомъ и соломою; почему урожай этого хлѣба не всегда благонадеженъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что на почвахъ, содержащихъ въ себѣ вска въ большой пропорціи, тяжелая земля Белгородскаго—Уѣзда, яровая рожь будетъ родиться посредственно. Въ Калужской—Губерніи, ее воздѣлываютъ съ давняго времени и въ довольно—значительномъ количествѣ.

Хотя этотъ истинно—благодѣтельный хлѣбъ, истощающій почву менѣе озимой ржи (ибо онъ стоитъ на корнѣ не столь долго, какъ послѣдняя), и не можетъ, по—видимому, высѣваться съ одинаковою выгодною на всякой почвѣ; но не смотря на столь важное неудобство, мы осмѣливаемся совѣтовать сельскимъ хозяевамъ, *особенно тѣмъ, которые воздѣлываютъ озимую пшеницу*, сѣять ежегодно хоть понемногу этой ржи, чтобъ всегда имѣть запасъ сѣменъ ея на случай совершенной неудачи озимой пшеницы и ржи, которыя тогда перепахиваются и пересѣваются яровою рожью. Упомянутый запасъ *долженъ состоять изъ количества сѣменъ, достаточнаго на обмененіе*, по—крайней—мѣрѣ, половины всего озимаго клѣна.

Яровую рожь, нѣсколько лѣтъ пролежавшую безъ употребленія,

(*) Въ 1840 году, яровая рожь, послѣдняя у насъ по пропавшей пшеницѣ, совершенно вознаградила потерю сей послѣдней. Весело было въ то время смотрѣть на роскошный ростъ этой ржи, которая одна подавала надежду и утѣшала, какъ самого хозяина, такъ и крестьянъ его, обезкураженныхъ жалкимъ состояніемъ озимыхъ посѣвовъ.

можно обратить въ муку, которая изъ этой ржи выходитъ бѣлѣе и лучшаго качества, чѣмъ изъ озимой (*).

Но какъ ни полезна яровая рожь, однакожь, странно было читать, въ прошлыхъ годахъ, публикаціи о продажѣ этой ржи на фунты и золотники и по цѣнѣ чрезвычайно-высокой, какъ какого-нибудь рѣдкаго и необыкновеннаго хлѣба.

О времени посѣва яровой ржи.

Подъ яровую рожь назначаютъ обыкновенно достаточно-тушную землю. Мы полагаемъ, что яровую рожь хороше высѣвать и по снятіи пшеницы, если земля для послѣдней была богато удобрена, или послѣ картофеля. Рожь эту принято за правило сѣять вмѣстѣ съ самыми ранними посѣвами овса, чтобъ она, пользуясь весеннею влажностью земли, успѣла до наступленія большихъ жаровъ раскуститься и отѣнить землю. Однакожь, не смотря на отступленіе отъ этого очевидно-раціональнаго правила, яровая рожь родилась въ нашемъ хозяйствѣ отлично въ 1840 году, имѣнно тогда, когда, по обстоятельствамъ, она досѣяна по пропавшей пшеницѣ весьма-поздно, 3-го мая. Въ послѣдствіи, мы сѣяли яровую рожь, по обыкновенію, очень-рано; но теперь, послѣ многихъ неудачъ, хотимъ попробовать опять сѣять ее въ маѣ мѣсяцѣ. Вообще, этотъ хлѣбъ сѣютъ подъ соху, на землѣ предварительно вздвоенной и поднятой съ осени, употребляя сѣмень немного — менѣе противу озимой ржи, ибо яровая мельче первой. Уборка и жолотьба яровой ржи производятся точно такъ же, какъ и озимой, почему мы и не станемъ повторять того, что уже говорили выше о уборкѣ озимыхъ хлѣбовъ.

Ячмень (**).

Ячмень, какъ хлѣбъ скоро созрѣвающій (въ двѣнадцать недѣль), кажется, созданъ преимущественно для холодныхъ странъ. И дѣйствительно, въ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ онъ прибыленъ и воздѣлывается съ успѣхомъ въ большомъ количествѣ. Вообще, тамшніи супѣсчаныя или каменистыя почвы, при удобреніи позѣмомъ, привольнѣе для него, нежели почвы черноземныя, и чѣмъ низменнѣе, сыръе и кислѣе черноземныя почвы, тѣмъ хуже онъ для ячменя.

Употребленіе ячменя многоразлично: изъ него пекутъ вкусный

(*). Потому что зерно яровой ржи имѣетъ кожу тоньше, нежели зерно озимой.

(**). Въ болховскомъ хозяйствѣ воздѣлывается только одинъ изъ видовъ ячменя, именно: двурядный съ зерномъ въ кожѣ (*Hordeum distichon*).

хлѣбъ, готовятъ солодъ для пива и кваса, дѣлаютъ крупу для каши, и кормятъ имъ лошадей вмѣсто овса; отпускъ за границу ячменя довольно-великъ. Следовательно, въ сѣверныхъ нашихъ губерніяхъ, гдѣ посѣвъ озимаго неблагонадеженъ и незначителенъ—ячмень хлѣбъ необходимый; а то обстоятельство, что изъ него готовится вкусная каша, заставляетъ высвѣзть ячмень въ небольшомъ количествѣ и въ средней полосѣ Россіи, гдѣ проса съется по-немногу, а греча весьма-ненадежна и часто оставляетъ православныхъ безъ любимой каши.

Сказавъ все, что было можно сказать въ похвалу ячменя, укажемъ и на некоторые недостатки этого хлѣба и неудобства, сопряженные съ его воздѣлываніемъ.

1) Ячмень требуетъ почвы тучной или отъ природы, или отъ удобренія, а удастся рѣже овса, и въ сложности за нѣсколько лѣтъ принесетъ прибыли не болѣе этого хлѣба, хотя бы и высвѣзался на лучшихъ десятинахъ яроваго клна. Для ячменя вредны весеннія засухи и утренніе морозы (*), отъ которыхъ онъ оправляется съ трудомъ; овесъ же переноситъ подобныя невзгоды, скорѣе оправляется, и можетъ родиться даже на скудныхъ почвахъ.

2) Ячменная солома и мякина не такъ хороши для корма скота, какъ солома и мякина овсяныя, — а это не бездѣлица тамъ, гдѣ яровая солома составляетъ значительную часть фуража.

3) Ячмень требуетъ поспѣшной уборки съ корня; иначе, онъ скоро перезрѣваетъ, и тогда колосья его начинаютъ ломаться и падать: въ такомъ состояніи ячмень жнется весьма-мѣшкато и съ потерю зерна (когда онъ не совсѣмъ созрѣлъ, то его можно и косить). Хлѣбъ этотъ молотится труднѣе овса.

4) Важное, совершенно мѣстное препятствіе къ воздѣлыванію у насъ ячменя въ большомъ видѣ, состоитъ въ томъ, что въ здѣшнемъ краю мало пивоваренныхъ заводовъ и требованіе на ячмень ничтожно, — ибо ячмень отпускается за границу изъ ближайшихъ къ балтійскимъ портамъ губерній, гдѣ его посѣвы значительны, и нашему ячменю не-подъ-силу соперничать съ своимъ сѣвернымъ собратомъ. Здѣсь, въ иные годы, ячмень продается немногимъ-дороже овса, и даже бываетъ трудно сбыть большое его количество:

(*) Довольно-значительная прибыль, принесенная намъ ячменемъ въ сложности по 108 руб. 26 коп. съ десятины (вѣдомость № 3-й), можетъ ввести въ заблужденіе на счетъ доходности этого хлѣба, а потому мы считаемъ необходимымъ объяснить, что ячмень съется, въ нашемъ хозяйствѣ, въ небольшомъ количествѣ, на самыхъ плодородныхъ десятинахъ; иначе, доходъ, прилеженный этимъ хлѣбомъ, не былъ бы значительнѣе валоваго дохода, полученнаго нами отъ овса, который отчасти сѣялся и на посредственной почвѣ.

по выше приведеннымъ причинамъ, въ Болховскомъ-Уездѣ вообще сѣютъ ячменя немного.

О посѣвѣ ячменя.

Въ болховскомъ хозяйствѣ высѣваютъ его обыкновенно около 15-го мая, когда можно надѣяться, что морозовъ значительныхъ не будетъ. Посѣвъ производится по землѣ предварительно вздоенной и запахивается сохами; о приготовленіи земли подъ яровые посѣвы мы будемъ говорить подробно въ статьѣ объ овсѣ.

О свободномъ винокурении и вольной продажѣ вина.

Выше мы упомянули, что спросъ на ячмень у насъ невеликъ, потому-что здѣсь мало пивоваренныхъ заводовъ; слѣдовательно, и нѣтъ въ продажѣ *пивной дробины*, которая могла бы служить дешевымъ и хорошимъ кормомъ для рогатаго скота. Впрочемъ, *виновая барда* въ этомъ отношеніи еще лучше пивной дробины.

Въ настоящее время, весьма-важный вопросъ обращаетъ на себя вниманіе соотечественниковъ: *чѣмъ достигнуть возжеланнаго возвышенія и, главное, уравненія цѣны на хлѣбъ?* Многіе полагаютъ, что вольная выкурка вина есть единственное къ тому средство. Но эта мѣра будетъ бѣдственна для Россіи!—А какъ мы коснулись винокурения, то уже кстатѣ выскажемъ о немъ посильное наше мнѣніе.

Конечно, въ мѣстахъ, гдѣ винокурение свободно, *барда*, способствуя разведенію скотоводства, доставляетъ сельскому хозяйству не мало добраго позема; скажемъ болѣе: винные заводы приносятъ пользу земледѣлю и тѣмъ, что, скупая большія массы хлѣба, возвышаютъ на него цѣну (*). Но, не смотря на всѣ эти выгоды, Боже насъ упаси соблазновать о томъ, что у насъ мало винныхъ заводовъ, равно какъ и желать, чтобъ число ихъ увеличилось и водка продавалась по вольной цѣнѣ!

Эти заводы будутъ приносить истинную пользу только тогда, когда станутъ выдѣлывать спиртъ для заграничнаго отпуска, или для освѣщенія домовъ посредствомъ приспособленныхъ къ тому лампъ,—а не какъ напитокъ для мѣстнаго употребленія,—напитокъ пагубный для нашихъ простолюдиновъ (**).

(*) Разумѣется, тамъ, гдѣ вино не все потребляется на мѣстѣ, а составляетъ предметъ отпускной торговли.

(**) Подъ словомъ *простолюдины*, мы разумѣемъ не однихъ господскихъ крестьянъ и дворовыхъ людей, но и крестьянъ казенныхъ и городскихъ мѣщанъ; послѣдніе еще болѣе преданы пьянству, потому-что за ними надзоръ не столь близокъ, какъ за первыми. Здѣсь должно присоветовать, что большая часть

Кто желает преуспѣнія въ нравственности, вещественнаго довольства и богатства своимъ соотечественникамъ, тотъ, конечно, не можетъ порадоваться распространенію и процвѣтанію винныхъ заводовъ, — какъ прямому слѣдствію возрастающаго потребленія вина. И что значать всѣ упомянутыя нами выгоды, доставляемыя земледѣлію винокурениемъ, въ сравненіи съ тѣмъ вредомъ, который водка причиняетъ человѣчеству! Могутъ ли винные заводы до такой степени увеличить плодородіе земли и возвысить цѣны на хлѣбъ, чтобъ прибыль, отъ этого происходящая, вознаграждала тѣ издержки и безразсудное мотовство (необходимое слѣдствіе пристрастія къ хмельному), которыя неминуемо увеличатся въ соразмѣрности съ усиленнымъ добываніемъ вина? или лучше сказать: какая можетъ быть прибыль отъ винокурения, когда производители и вмѣстѣ продавцы хлѣба сами же обратятся покупателями своей хлѣбъ въ видѣ водки? Натурально, что здѣсь возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ падетъ тяжкимъ бременемъ на нашихъ простолюдиновъ, лакомыхъ до сивухи — этого источника нищеты и разврата...

Можно сказать смѣло, что въ Россіи вольная выкурка вина, не принесла никакой пользы, *произведетъ неисчислимый вредъ и усилитъ бѣдность рабочаго класса.* У насъ, увеличеніе этой выкурки будетъ только свидѣтельствовать, что производители хлѣба сдѣлались безнравственнѣе и расточительнѣе. А мы и безъ того безпрестанно видимъ, какъ многіе старшины крестьянскихъ хозяйствъ (у которыхъ, къ несчастію, страсть къ пьянству развивается съ лѣтами) въ короткое время пропиваютъ все, что приобрѣли долготѣнимъ и тяжкимъ трудомъ съ помощію своихъ трудолюбивыхъ семействъ. Нерѣдко видимъ и такія семьи, которыя бесполезно трудятся и радѣютъ о земледѣліи, потому — что одинъ нетрезвый членъ этого семейства разоряетъ его и дѣлаетъ тщетными всеобщія усилія обзавестись порядочнымъ хозяйствомъ.

ОВЕСЪ.

РАЗЛИЧНОЕ УПОТРЕБЛЕНІЕ ОВСА; ПРЕИМУЩЕСТВО АНГЛІЙСКАГО ОВСА ПЕРЕДЪ ПРОСТЫМЪ; ПОЧЕМЪ ПРИГОДНЫМЪ ДЛЯ ОБОИХЪ ВИДОВЪ ОВСА; ОБРАБОТКА ЗЕМЛИ И ВРЕМЯ ДЛЯ ПОСѢВА; НЕВЫГОДЫ ОЧЕНЬ-РАНИЯГО СѢВА; ПЕРЕКЛИМЫВАНІЕ ИЛИ ПЕРЕНАХИВАНІЕ ОВСА; УБОРКА И ХРАНЕНІЕ ЭТОГО ХЛѢБА.

Въ болховскомъ хозяйствѣ воздѣлываютъ два вида овса: простой,

случающихся у насъ буйствъ, покражъ и преступленій всякаго рода дѣлается въ пьяномъ видѣ. Кто наблюдаетъ нашихъ простолюдиновъ, или живетъ въ деревнѣ, тотъ знаетъ, какія бывають послѣдствія каждой цопойки или праздника, и съ какимъ страхомъ сельскіи хозяинъ ждетъ наступленія этихъ дней.

русскій овесъ и такъ называемый англійскій (*). (или, по сходству его съ ячменемъ, — ячменный), отличающійся отъ перваго бѣлизною кѣрны, болѣе крупнымъ и круглымъ зерномъ и наконецъ большою мушкетерстостью и тѣплотворностью (**).

Овесъ — необходимый и вмѣстѣ выгодный хлѣбъ въ нашихъ хозяйствахъ. Онъ можетъ постоянно родиться на почвахъ хорошихъ и посредственныхъ (разумеется, кромѣ сыпучихъ песковъ), возвышенныхъ, низменныхъ и кислыхъ, — на которыхъ не вся хлѣба удаются. Кромѣ большого потребленія этого хлѣба въ каждомъ хозяйствѣ, на него всегдашнее требованіе, а следовательно — и сбытъ.

Въ годы неурожая на рожь и гречу, изъ овса оталичиваютъ крупу для кашцъ, а изъ овсяной муки въ смѣси съ ржаной пекутъ здоровый и сытный хлѣбъ. Последнее обстоятельство придаетъ еще болѣе цѣнности овсу, какъ хлѣбу *подсобному и спасительному во время голода*. Въ этомъ отношеніи, овесъ, конечно, лучше и благонадѣжнее прославляемаго *картофеля*, котораго посадка, уборка и сохраненіе несравненно-затруднительнѣе посѣва, уборки и храненія овса. Притомъ, этотъ хлѣбъ приноситъ значительный и постоянный доходъ хозяйству (въ нашей экономіи въ теченіе 11 лѣтъ на разѣ не было совершеннаго неурожая овса; см. введе-

(*) Вѣдомость № 4-й.

Годъ.	Овса англійскаго.						Овса простаго.							
	Урожай на десятинахъ за исключеніемъ сѣмянъ.			Цѣна за четверть на ассигн.			Урожай на десятинахъ за исключеніемъ сѣмянъ.			Цѣна за четверть на ассигн.				
	Четк.	Штр.	Гар.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Четк.	Штр.	Гар.	Руб.	Коп.	Руб.	Коп.
1832.								12	5		3		37	86
1833.								6	3		7		46	90
1834.	12	5	3	7	10	89	96	13	4		6	60	89	10
1835.	8	6	6	5		44	22	6	6	3	4		27	19
1836.	14	5		4		56	50	13	2		3		40	25
1837.	13	7	6	4		55	87	15	2	2	3	50	53	59
1838.	9		4	3	40	30	81	8	5	2	3		26	35
1839.	11	6		8		94		7	5	4	7	50	57	65
1840.	22	5	6	7		159	2	17	4	2	6	50	113	95
1841.	9		3	6	50	53	60	3	3	1	6		20	33
1842.	21	2	4	4		85	25.	16	1		3	50	56	43
Кругъ, числомъ	13	6	1;	5	44	75	13;	11		3	4	87	51	78

(**) Сѣмена этого овса вывозятся къ намъ изъ Шотландіи и продаются нашими сѣменными торговцами по большой цѣнѣ; въ 1833 и 1843 годахъ, мы въ Могилѣ платили за пудъ этого овса по 3 рубля серебр. Впрочемъ, чтобы имѣть зерениа сѣмена, денегъ жалѣть не должно, потому что они въ послѣдствіи вознаграждаются съ лихвою.

ность № 4-й), и мякина и солома его служат хорошимъ кормомъ для скота.

Изъ двухъ нами упомянутыхъ видовъ овса, мы предпочитаемъ *англійскій овесъ*, который питательнѣе какъ пища, и въ продажѣ дороже простаго овса отъ 50 к. до 1 р. на четверть. Круглымъ числомъ въ 11 лѣтъ, у насъ англійскій овесъ превышалъ цѣнность простой 57 копейками на четверть, и принесъ намъ съ десятины дохода 23 р. 35 к. болѣе простаго овса.

Здѣсь нужно замѣтить, что англійскій овесъ, въ нашемъ хозяйствѣ, сваялся частію на лучшихъ земляхъ; но будь это иначе, то-есть, высѣвай мы оба сорта овса на совершенно-одинаковыхъ почвахъ — отъ-чего, натурально, и урожай обоихъ были бы равны (*), — то и тогда перевѣсъ въ доходности все-таки остался бы за англійскимъ овсомъ, потому-что онъ продается дороже простаго овса. Да и кромѣ этого обстоятельства, доброму хозяину надлежитъ стараться разводить у себя тѣ виды хлѣбовъ, которые болѣе обыкновенныхъ доброты и питательны, съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобъ эти хлѣба, подобно англійскому овсу, могли уживаться въ нашемъ климатѣ и имѣли постоянный сбытъ и цѣнность. Чтобъ хозяину безошибочно опредѣлить: выгодно ли ему сѣять англійскій овесъ, — нужно прибѣгнуть къ сравнительнымъ опытамъ, нѣсколько разъ повторяемымъ, и потомъ безпристрастно вывести изъ нихъ заключеніе.

Вотъ въ чемъ обвиняють англійскій овесъ тѣ, которые не хотятъ воздѣлывать его на своихъ поляхъ:

1) *Будто бы онъ родится, сравнительно, хуже русскаго овса.*

Въ болховскомъ хозяйствѣ, гдѣ этотъ овесъ разводится 11 лѣтъ, подобнаго недостатка въ немъ не замѣчено. Натурально, англійскій овесъ, какъ и всякій другой хлѣбъ, родится тѣмъ лучше, чѣмъ тучнѣе почва, на которой онъ посѣянъ; но на одинаковыхъ почвахъ, урожай обоихъ сортовъ овса бываетъ почти одинаковый: конечно, простой овесъ даетъ нѣсколько-болѣе умолета изъ кошвы, но за то англійскій овесъ нажинистѣе и приноситъ болѣе копенъ, а потому зерновой урожай обоихъ выйдетъ равный.

На почвахъ очень-тучныхъ, или заливныхъ, нѣсколько-сырыхъ и кисловатыхъ, англійскій овесъ родится лучше, нежели простой, который не можетъ роста такъ высоко и неспособенъ образовать такіе твердые стебли, какъ первый; почему на означенныхъ почвахъ обыкновенный овесъ часто вылегаетъ. Чѣмъ жирнѣе земля

(*) Мы нарочно нѣсколько разъ высѣвали овесъ обоихъ видовъ на одинаковой почвѣ, и всегда отъ посѣвовъ получали одинаковые урожай какъ того, такъ и другаго овса.

подъ англійскимъ овсомъ, тѣмъ онъ растетъ роскошнѣе и тѣмъ значительнѣе приносить урожай зерна и особенно соломы: намъ случалось снимать этого овса по 41²/₄ копенъ (или 2,171 снопъ) съ десятины. Въ тѣхъ хозяйствахъ, гдѣ много упомянутыхъ земель, разводить англійскій овесъ необходимо.

2) Англійскій овесъ вырождается и требуетъ безпрестанной перемѣны сѣмянъ.

Это обвиненіе отчасти — справедливо. Дѣйствительно, англійскій овесъ черезъ нѣсколько лѣтъ перерождается въ простой овесъ, вѣроятно отъ свойства нашей почвы и, главное, отъ климата; но это перерожденіе произойдетъ не такъ скоро, если сѣмена для посѣва ежегодно выбираются самыя тяжеловѣсныя, добротныя и тщательно-оберегаемыя отъ смѣшенія съ сѣменами другаго овса. Вообще, при выборѣ сѣменъ должно поступать такъ, какъ мы говорили объ этомъ въ главѣ о ржи. Впрочемъ, чтобъ имѣть всегда хорошія сѣмена англійскаго овса, необходимо года черезъ два покупать у сѣменщиковъ небольшое количество этого овса, привезеннаго прямо изъ Англійи и высѣвать его на лучшихъ земляхъ, отъ которыхъ можно ожидать богатаго урожая. Поступая такимъ образомъ, хозяйство всегда будетъ имѣть готовые сѣмена для перемѣны начинающихся уже вырождаться, или лучше сказать: старыя сѣмена *неподоль* будутъ замѣняться новыми, *болѣе-добротными сѣменами*. Незначительная надержка, дѣлаемая хозяйствомъ на пеньку вышесказанныхъ сѣмянъ, конечно, съ избыткомъ будетъ вознаграждена вышешю цѣною овса, поступающаго въ продажу.

Въ настоящее время, здѣшніе торговцы хлѣбомъ преимущественно покупаютъ англійскій овесъ для отправки въ Москву. А было время (и очень недавно, въ 1835 году), что эти торговцы не соглашались заплатить мнѣ соразвѣрно вышешю цѣны за мой англійскій овесъ, увѣряя, что имъ такого овса нѣкуда сбыть, и что мѣстные покупатели не заплатятъ имъ за полноувѣсный и крупный англійскій овесъ дорожю цѣны, существующихъ на овесъ обыкновенный.

3) Солома англійскаго овса гораздо-крупнѣе въ комлѣ и длиннѣе соломы простаго овса; почему, какъ кормъ для скота, она не такъ дешева и хороша.

Справедливо, что въ некоторыхъ случаяхъ солома англійскаго овса бываетъ толще и длиннѣе соломы овса обыкновеннаго; но это болѣе потому, что первый преимущественно сѣютъ на самыхъ плодородныхъ почвахъ (или по заливамъ, гдѣ другой овесъ и устоять не можетъ), а на нихъ и простой овесъ вырастаетъ крупнѣе соломою, нежели на тощихъ земляхъ. Слѣдовательно, различіе въ соломѣ зависитъ преимущественно: отъ почвы, отъ ея подо-

жестя, бѣды или медѣе возвышеннаго и осѣняемаго солнцемъ, и отъ погоды, — а не отъ сорта воздѣлываемаго овса.

Но согласимся, что дѣйствительно солома англійскаго овса бываетъ *всегда крупнее и длиннее* соломы простаго, то и въ этомъ мы не видимъ бѣды, а, напротивъ, видимъ пользу для хозяйства. Можетъ-статься, что толстые комли такой соломы не вкусны скотинѣ (*); но кто жь мѣшаетъ ей скушать только $\frac{1}{4}$ части этой соломы, то-есть, верхнюю тонкую часть ея, которая, натурально, длиною и толщиною равняется съ короткою соломою простаго овса, — а остальной за тѣмъ $\frac{1}{4}$ части не кушать? тогда, эта оставшая часть толстыхъ соломенныхъ комлей, несъеденныхъ скотомъ, пойдетъ вмѣсто подстилки, и такимъ-образомъ составитъ чистый барышъ въ-отношеніи къ короткой соломѣ простаго овса; а известно, что въ соломѣ, въ какомъ бы она видѣ ни была, никогда нѣтъ излишества въ хоршемъ сельскомъ хозяйствѣ.

Обработка земли подъ овесъ.

Земля подъ овесъ обрабатывается въ болховскомъ хозяйствѣ слѣдующимъ образомъ:

Ряканде жниво вспахиваютъ съ овени сохами и не заборонкою-ное оставляютъ подъ зиму. Весною, когда земля стала обсохнуть, что не лишнетъ изъ боронамъ, эту пашню боронуютъ и потомъ, по наступленіи времени посѣва, засеваютъ и запахиваютъ сѣмена съ боронами; дѣй черезъ пять или шесть (судя по погодѣ и теплу), когда зарна впрорастутъ, овесъ перепахиваютъ сохами съ боронами, какъ, какъ говорится здѣсь, — *перелаживаютъ*.

Если сѣмена были много отбваны, то въ-последствіи рѣдко встрѣчается надѣбность прожаривать овесъ, что въ болховскомъ хозяйствѣ: никогда пента и не дѣлается.

Осеннюю вспашку земли подъ яренне хлѣба мы считаемъ не-основательно-полезною и даже необходимою по слѣдующимъ причинамъ:

А) Земля, запаханная подъ осень, отъ дѣйствія на нее морозовъ, при наступленіи весны, *разрыхляется* сама собою, и поверхность ея *обсыхаетъ* скорѣе поверхности неспаханной земли (а также той, которая запахана весною), отъ-того легко и хорошо *боронуютъ*

*) Кажется, питательность соломы не столько зависитъ отъ ея объема или площади, какъ отъ вида хлѣба, которому она принадлежитъ, и отъ большей или меньшей сѣвѣрности и перестоя на корнѣ самой соломы: на качество ея имѣютъ вліяніе и то, въ какую погоду созрѣвалъ и убирался хлѣбъ.

ся (*) и можно рвать, во времена, поступить подъ дробленіе или прямо подъ носъ семянъ. Притомъ; возделанная почва глубже пропитывается снеговою и дождевою водою и удобнѣе вбираетъ въ себя плодотворныя вещества, какъ въ ней, такъ и въ воздухѣ находящіяся.

Земля же, вспаханная подъ яровое въ первый разъ весною, необходимо нѣсколько времени до боронованія плеваться въ поковъ, чтобы достаточно обезлужить и проветриться, безъ чего нельзя ее и передвонать. А какъ весною не всегда можно начинать рано пахать отъ сырости и вязкости почвы, которая въ такомъ состояніи падается весьма - дурно и тяжело для упряжи (въ какомъ состояніи и въ какую погоду земля лучше воздѣлывается, мы объяснили уже въ статьѣ о земледѣльствѣ), то, въ ожиданіи благопріятной поры для паханья, проходитъ много времени и посѣвъ отлагивается до наступленія сильныхъ жаровъ или ветровъ. Говоря вообще, осенній взлѣтъ ржаного клина облегчаетъ и ускоряетъ больше, нежели на педью, осеннюю обработку ярового поля; а въ русскомъ хозяйствѣ — недвѣя времени въ весеннюю или лѣтнюю пору нѣбѣтъ большую цѣну.

В) Въ теченіе осени, у крестьянъ много свободнаго времени; тогда нѣтъ изнурительныхъ и силовыхъ работъ для ихъ лошадей, — почему лошади бывають сытѣе и крѣче, нежели весною, и безъ изнуренія могутъ изнедожить пахать землю подъ яровое. Весною же, по неразсчетливости крестьянъ и вообще по недостатку корма, лошади ихъ худы и малосильны; следовательно, въ это время каждая трудная и длинная работа приходится совершенно не кстатѣ. Въ нашихъ хозяйствахъ, гдѣ въ весьма-короткое время необходимо успѣть переделать и обработать всѣмъ господскія и крестьянскія поля, лошади крестьянъ никогда такъ не изнуряются работою и близоручней, какъ въ весенніе посѣвы: во время возки далазовъ, подвозки корма, уборки, а еще болѣе во время возки хлеба, когда луга уже опашены и вступили подъ пашенце.

О посѣвѣ овса.

Съ нѣкотораго времени, у насъ безпрестанно толкують о невоз-

(*) Чѣмъ глинистѣе, вязче или плотнѣе почва, тѣмъ необходимѣе ее пахать съ осени; а земли песчаныя и вообще легкія и рассыпчатыя могутъ, безъ вреда для урожая, подыматься и весною; нѣкоторые изъ нихъ даже будутъ весьма-оразувно подыматься съ осени, и тѣмъ совершенно лишитъ ихъ послѣдней влажности и силъ.

можно-раньше посеять овса, отъ котораго единственно, будто-бы, зависитъ хорошій урожай этого хлѣба. Многие хозяева, увлеченные подобными толками, дотога простерли свое усердіе и стараніе сѣять все ранѣе и ранѣе, что наконецъ достигли до совершенно-противоестественныхъ посѣвовъ, то-есть, — *бросаютъ сѣмена или въ мерзлую землю, или въ липкую и вязкую грязь*. Что подобныя посѣвы едва-ли не хуже самыхъ позднихъ, въ томъ мы убеждены и собственнымъ опытомъ, и теми волями не выѣру рано посеяннаго овса, которыя видали въ другихъ экономіяхъ.

Вредныя слѣдствія очень-раннихъ посѣвовъ — *завдующія: земля, обрабатываемая въ холодное и сырое время, воздѣлывается дурно, аскарь слѣзается, твердится и образуетъ массу, неудобопроницаемую какъ кореньями, такъ и воздухомъ*. Въ такой землѣ овесъ всходитъ медленно и *растетъ туго и вяло*; а потому сорныя травы (которыя не истребишь и частымъ полотвемъ) имѣютъ время развиться и заглушить слаборастущій хлѣбъ: подобныя овсы обыкновенно бываютъ очень-рѣдки и травяны до чрезвычайности, отъ чего нива засоряется и теряетъ бесполезно свое плодородіе.

Разсказываютъ, что рано-сѣянный овесъ, обыкновенно, бываетъ зерномъ лучше позже-сѣяннаго, но что послѣдній даетъ болѣе соломы. Мы не можемъ подтвердить этого замѣчанія. Наблюдая и сравнивая нѣсколько разъ овсы, въ разное время посеянные, мы убѣдились, что *добротность зерна зависитъ не отъ числа, въ которое хлѣбъ посеянъ, а отъ почвы, и отъ болѣе или менѣе благоприятной и дождливой погоды, какъ во время начальной роста овса, такъ и во время налива зерна*; почему овсы, лучше зерномъ, бываютъ иногда ранняго сѣва, а иногда поздняго.

Странно слышать, какъ многіе наши агрономы хвалятся тѣмъ, что у нихъ ежегодно посѣвъ овса начинается до праздника Свѣтлаго Воскресенья, или что этотъ посѣвъ совершенно оканчивается у нихъ непременно къ извѣстному времени, — *какъ-будто праздникъ Пасхи приходится всегда въ одинакъ числахъ, а погода, тепло, дожди и состояніе, въ какомъ находится почва, могутъ быть совершенно-одинаковы въ извѣстное время каждаго года?* Поиснимъ примѣромъ, какъ у насъ неодновременно наступаетъ весна:

Въ 1839 году, до 1-го мая, поля еще не покрывались зеленою, а на деревьяхъ, рано распускающихся, едва показались листовыя почки; земля же была холодна и сыра. Напротивъ, въ 1837 году, 14-го апрѣля (съ этого числа, мѣстами, начали сѣять овесъ) скотъ уже выгоняли въ поле, гдѣ появилась зелень, и берѣзы начали одѣваться листомъ; слѣдовательно, весна въ эту пору была уже въ полномъ своемъ развитіи и уборствѣ, а земля, согрѣтая солнечными лучами, готова къ развитію въранныхъ ей сѣяній.

Во время праздника Пасхи, различіе (*) въ погоду бываетъ еще разительнѣе. Въ 1834 году, когда онъ случился 22-го апрѣля, наступили уже теплые и прекрасные дни, и природа ожила, а въ 1844 году праздникъ Пасхи былъ 26 марта, совершенно какъ-бы въ зимнюю пору; во весь этотъ праздникъ отличный санный путь не прекращался, и рѣки были покрыты льдомъ. Прошу же въ такую весну начинать сѣять овесъ съ страстной недѣли!

Конечно, не должно опаздывать посѣвами овса (то-есть, сѣять его такъ поздно, какъ это дѣлаютъ нерадивые крестьяне, часто невмѣющіе въ готовѣ сѣмена), ибо необходимо воспользоваться какъ влажностью земли, навитанной снѣговой водою, такъ и умереннымъ тепломъ весеннихъ дней, которые, вмѣстѣ способствуя скорому всходу и быстрому росту овса, даютъ ему возможность, до наступленія сильныхъ жаровъ, укорениться и отбѣить землю.

Но здѣсь, какъ и во всемъ, должна соблюдаться надлежащая мѣра и умеренность. По нашему мнѣнію, лучшими признаками, что время, благопріятное для посѣва, наступило, служатъ: 1) состояніе почвы, *холодна и сыра она, или нѣтъ* (**); 2) *степень развитія растительности*, которая познается *по росту травъ и по величинѣ листьевъ и почекъ на породахъ деревь, рано распускающихся*, и 3) *по тому, былъ ли градъ или нѣтъ* (***)).

(*) Въ болховскомъ хозяйствѣ принято за правило, при записываніи въ шнуровую книгу извѣстій объ урожаихъ посѣвовъ различнаго хлѣба, обозначать: на какомъ полѣ, послѣ сколькихъ перепаханекъ и котораго числа былъ сдѣланъ посѣвъ, какими сѣменами (послѣдняго урожая или старыми) и по скольку ихъ высѣяно на десятинахъ; промѣ этого, тутъ же въ особой графѣ отиѣчается: *въ какомъ состояніи во время посѣва находилась почва, погода, растительность и наконецъ, термометръ и барометръ*. Осмѣливаемся совѣтовать каждому сельскому хозяину какъ завестись этими инструментами (особенно барометромъ, необходимымъ во время покосовъ), такъ и вносить въ свои урожайныя книги, отиѣтки, о которыхъ мы упоминали выше. Эти отиѣтки кажутся намъ необходимыми, потому-что по нимъ сельскій хозяинъ съ вѣстоюрою достовѣрностью можетъ дѣлать заключеніе, — каковъ вліяніе на урожай его хлѣбовъ имѣло то или другое обстоятельство, и чего въ послѣдствіи надлежитъ ему избѣгать: иначе, безъ такихъ отиѣтокъ, трудно сохранить въ памяти всѣ обстоятельства, сопровождавшія ежегодные посѣвы различныхъ хлѣбовъ, и невозможно составить себѣ опытныхъ замѣчаній для руководства на будущее время.

(**) Крестьяне наши знаютъ способъ, и безъ помощи термометра, испытывать, достаточно ли согрѣлась земля для посѣва; но мы не смѣемъ объяснить читателямъ, въ чемъ состоитъ этотъ способъ, удобный только для однихъ не весьма-застѣнчивыхъ крестьянъ.

(***) Замѣчено, что травы начинаютъ сильно расти, а деревья одѣваться листьями только тогда, когда прекратилъ первый градъ съ молніей. Прежде этой поры, не смотря на дождь и теплые, свѣтлые дни, растенія развиваются

Когда почва достаточно обожалась и обветривалась, такъ-что падаетъ легко и рассыпчато, и столько нагревалась солнцемъ, что замерзавшая трава дали пользу, а вода разогретьюю листовыя почки, тогда наступила пора сѣять овесъ, и къ посѣву должно приступить немедленно, не смотря на то, въ какомъ мѣсяцѣ и какого числа пришла эта пора, и послѣ или прежде известныя признаки она наступила. Если же, напротивъ, состояніе погоды и почвы неблагоприятно развитію сѣменъ и растительности, — и если такое время продолжится хотя до 1-го мая, то и тогда сѣять еще рано (*).

Въ болховскомъ хозяйствѣ принято за правило высѣвать овса по три четверти на десятину, а англійскаго нечистого-мѣся, и начинать посѣвъ, когда черемуха возоммется чашками, а на бережкахъ развертываются листовыя почки (**). А потому, при обыкновенномъ ходѣ весны, посѣвъ овса оканчивается около 1-го мая и переламывается весь къ 9-му числу сего же мѣсяца. Самый ранній опытъ былъ у насъ для опыта въ 1837 году апрѣля 12-го (овесъ этого сѣва родился чрезвычайно-худо) и самый поздній въ 1839 году, мая 13-го. Возьмъ среднія числа этихъ двухъ крайностей, мы увидимъ, что лучшая пора для посѣва овса есть промежутокъ времени между 23 апрѣля и 6 мая, — съ небольшимъ 10 дней (***) . Къ означенному времени необходимо приготовить землю подъ посѣвъ, и въ 10 дней успѣть обсеять господскія и крестьянскія поля. Кажется, труда довольно? А потому русскому хозяину, чтобъ совладать въ-время съ посѣвами, нужны и большая сметливость и умѣнье распорядиться полевыми работами.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о двухъ известныхъ способахъ сѣять овесъ: его сѣютъ или прямо по неудобной землѣ и потому

медленно и слабо. Мы боимся отнести это явленіе къ вліянію одного воздушнаго электричества, которому доселѣ господа ученые не приписывали столь сильнаго дѣйствія на растительность.

(*) Когда земля холодна и излишне-сыра, то сѣмена, въ нее брошенные, долго не всходятъ, а иногда и вовсе сгниваютъ. Мы часто видали, какъ при наступленіи благоприятной погоды всходятъ въ одно время овсы, посѣянные недѣлю (и даже двумя) раньше однихъ другаго. Слѣдовательно, здѣсь ранній сѣвъ не только не приноситъ пользы, но можетъ причинить вредъ.

(**) Случается, что и въ время цвѣта черемухи внезапно наступаетъ стужа и падаетъ снѣгъ; но подобныя явленія и несвоевременныя перемены погоды, человекъ предупредить не можетъ: бо съ семѣньи, вѣроятно, что хорошая погода безъ морозовъ установится въ май, когда земля уже оттаяла и деревья начали распускаться, а не въ половинѣ апрѣля, затѣ, по удрученію календаря, весна уже и наступила.

(***) Естественно, въ тѣхъ мѣстахъ Россіи, которыя лежатъ юднѣе Болховскаго уѣзда, или на земляхъ черноземныхъ и вообще легкихъ, рассыпчатыхъ, толстыхъ и открытыхъ дѣйствію солнца, овесъ надлежитъ сѣять раньше, нежели на почвахъ глинистыхъ и сырыхъ, чтобъ воспользоваться весеннею влагою, быстро испаряющеюся изъ черноземныхъ открытыхъ степей, и молодые всходы овса не подвергнуть рано-вступающимъ сильнымъ жарамъ. Въ сѣверныхъ же губерніяхъ, къ веснѣ начинается морозъ, слѣдуетъ и сѣвъ овса начинать позже, нежели у насъ.

посѣвъ переламываютъ (то-есть, перепашиваютъ), или сѣютъ по двѣ-ль уже двоеной весной, и въ-последствіи посѣва не переламываютъ.

Мы полагаемъ, что переламывать овесъ полезнѣе на почвахъ глинистыхъ и вообще тяжелыхъ, тяжелыхъ или обладающихъ въ высшей степени свойствомъ удерживать въ себѣ влагу (микроскопическую), и наоборотъ, на земляхъ песчаныхъ или рыхлыхъ, лучше сѣять овесъ прямо посѣвомъ, а иногда и вовсе не двой земли по первому заборонванному взмѣту.

Объяснимъ причины, заставляющія насъ отдать преимущество этому способу: переламывая овесъ, вы уничтожаете этимъ дѣйствіемъ тѣ всходы сорныхъ травъ, которые могли показаться въ періодъ времени между посѣвомъ и переламываніемъ (*); и, этимъ вторичнымъ перепашиваніемъ разрыхляя землю (особливо въ дождливую весну, когда глинистая земля плотно сдвигается), вы исправляете недостатки перваго паханія и способствуете разпространенію корней, ровному всходу и быстрому росту овса. Весьма-важно и то обстоятельство, что рассматриваемый нами способъ даетъ возможность въ пору и дружно сѣять всѣ овсяные посѣвы и тогда воспользоваться наступившею благоприятной погодой и состояніемъ почвы, легкимъ и удобнымъ для обработки (**): при этомъ способѣ вы бросаете овесъ въ землю непосредственно по заборонванію перваго взмѣта (не дожидаясь, пока земля передвонтается) и до слѣдующаго переламыванія или троенія нивы, которое, по времени, придется съ посѣвомъ овса, если его высѣвать по землѣ, весной вдвоенной,—овесъ вашъ не дожидетъ праздника въ амбарѣ, а уже прозябаетъ въ почвѣ.

Не скроемъ и невыгодъ описываемаго нами способа. Если въ ту пору, когда нужно перепашивать посѣянный овесъ, случатся сильные засухи и вѣтры, то отъ переламыванія земля болѣе иссушается и вывѣтривается, а нѣкоторые, тогда еще низкие, ростки

(*) Нельзя въ точности опредѣлить, во сколько дней прорастаетъ овесъ; это зависитъ отъ погоды и состоянія почвы: въ хорошую и теплую погоду онъ пускаетъ ростъ на 5-й и 6-й день посѣва, а въ другомъ случаѣ и черезъ полторы недѣли. Переламывать же овесъ надлежитъ только тогда, когда онъ пустилъ ростки и корневые точки; если бы эти ростки и выросли очень-велики, то и тогда отъ переламыванія вреда не будетъ: въ 1840 году мы переламывали овесъ, имѣвшій длинные и уже веленые ростки, и въ этомъ году нѣкоторые десятины принесли намъ по 41½ копы большой вязи.

(**) Когда овесъ сѣется по способу, о которомъ мы говоримъ, то земля до посѣва не двонтается, а потому и нѣтъ надобности начинать паханіе, когда почва еще очень-сыра и вязка, — а слѣдовательно и обрабатывается дурно. При посѣвѣ же овса по вдвоенной землѣ, неизбѣжно начинать пахать рано, чтобъ успѣть передвонть и забороновать всѣ овсяные клѣны; и потому здѣсь приходится орать землю еще сырую и вязкую; погрѣшности такой обработки не исправитъ и вторая перепашка (запахиваніе сѣмянъ), которая должна слѣдовать вскорѣ за двоеніемъ, ибо иначе опоздаешь съ посѣвомъ. Въ статьѣ о земледѣльствѣ (въ 1-й части нашего отчета), мы уже объясняли, почему дурно и вредно для роста хлѣбовъ несвоевременная обработка земли.

овса, вывероченные на поверхность почвы боронами, могут засохнуть и пропасть вовсе.

Свойства почвы и прочія соображенія должны рѣшить выборъ сельскаго хозяина, которымъ изъ *двухъ* упомянутыхъ способовъ выгоднѣе ему сѣять овесъ; но однажды рѣшившись, надлежитъ умно постоянно употреблять одинъ изъ этихъ способовъ; иначе, сѣя попеременно то такъ, то сякъ, рискуешь подвергнуть свои посѣвы невыгодамъ, свойственнымъ каждому способу, не пользуясь годами, ими приносимыми.

О УБОРКѢ И ХРАНЕНІИ ОВСА.

Овесъ въ зрѣломъ краю обыкновенно снимаютъ съ корня косями; жнуть же его только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда онъ повалится и перенутается, или бываетъ чересмѣрно-высокъ. Вообще же, жать овесъ и низкій и рѣдкій, какъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ нашихъ сѣверныхъ губерніяхъ (!) — значить бесполезно отагощать жнецовъ утомительною работою (тѣмъ ниже хлѣбъ, тѣмъ труднѣе жать) и терять золотое время.

Овесъ не должно допускать на корнѣ до перезрѣлости, ибо тогда онъ сильно осыпается и затрудняетъ кошение; также и вязать въ снопы этотъ хлѣбъ слѣдуетъ только по совершенной его просушкѣ на рядахъ: овесъ, недостаточно высушенный и сложенный въ скирды, легко сгорается, отъ-чего портится какъ его зерно, такъ и солома — столь необходимая въ нашихъ хозяйствахъ.

Овесъ молотится легче и скорѣе овинныхъ хлѣбовъ, но передъ мелоченіемъ требуетъ хорошей просушки на солнцѣ или въ овинѣ; иначе, этотъ хлѣбъ слегаается и не можетъ сохраниться въ амбарахъ. Для овса, который намѣрены сохранять долго, просушка на солнцѣ недостаточна, а надлежитъ сушить его хорошенько въ овинахъ; вообще, сыромолотный овесъ скоро портится и цѣнится дешевле овиннаго.

Мыши, въ свою очередь, много вредятъ овсу, находящемуся въ скирдахъ, особливо въ годы изобильные этими вредными тварями: — тогда онѣ переѣдаютъ не только снопы съ зернами, но и овсяную вымолоченную солому; почему и опасно оставлять овсяные скирды на нѣсколько лѣтъ немолоченными, а благосадежнѣе хранить хорошо-высушенный овесъ зерномъ въ житницахъ.

(*) Тамъ жнуть овесъ (и чрезвычайно-низко, чтобъ не потерять соломы) подъ тѣмъ предлогомъ, что почва камениста и коса будетъ цѣплять за камни. Но косить овесъ можно, по надобности, и выше и ниже, а большіе камни не должны валиться по нивамъ; лучше употребить на уборку этихъ камней тѣ лишніе труды и время, которые бесполезно расточаютъ на житво овса, весьма-легко и удобно снимаемаго косомъ.

У.

К Р И Т И К А.

СВОРНИКЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ И СТАТИСТИЧЕСКИХЪ СВДЕНІЙ О РОССИИ И НАРОДАХЪ ЕЙ ЕДИНОВѢРНЫХЪ И ЕДИНОПЛЕМЕННЫХЪ. Т. I. Изд. Д. В. Москва. 1845. Девъ части въ одной книгѣ, съ эпиграфомъ: «...Она сложена въ по-вѣйшее время; въ ней есть *какая-то восточная безмыслица, нѣтъ-ющая свое поэтическое достоинство*».

А. Пушкинъ. «Путешествіе въ Арзрумъ», стр. 161.

Мысль издавать историческія и статистическія свѣдѣнія о Россіи и народахъ, соединенныхъ съ нею единствомъ національности и религіи — прекрасна и заслуживаетъ полное одобреніе. Въ нашей литературѣ, теперь уже довольно-богатой свѣдѣніями о Россіи, но скудной извѣстіями о ея единовѣрцахъ и единоплеменникахъ, такая попытка соединить и, такъ сказать, сопоставить тѣ и другія, чуть ли не первая. Какъ важно для объясненія русской исторіи, особливо древней, сравненіе ея съ исторіею другихъ славянскихъ народовъ, — для нашей церковной исторіи сравненіе ея съ исторіею другихъ церквей восточныхъ — все въ извѣстно, и объ этомъ мы не ставемъ долге распространяться. Не рано ли у насъ такое предпріятіе? хотѣли мы было спросить: оно не можетъ разсчитывать на большинство читающихъ, ибо предполагаетъ обширную ученую публику... Но объ этомъ трудно спорить. Издатель, вѣроятно, имѣлъ цѣлью распространить въ нашей публикѣ вкусъ къ подобнаго рода чтеніямъ, и столько же научить, сколько

возбудить интересъ. Во всякомъ случаѣ, это его дѣло. Наше — оцѣнить предпріятіе по мысли и по исполненію.

Итакъ, повторяемъ, мысль и нова, и прекрасна.

Но въ какомъ направленіи, въ какомъ духѣ составленъ сборникъ? Въ наше время, какъ всѣмъ извѣстно, фактъ самъ-по-себѣ ничего не значитъ. Все его значеніе въ мысли, которую онъ освѣщаетъ. Мы утратили пластическій, художественный смыслъ древнихъ, которые на все смотрѣли такъ, какъ оно есть. Сознательно или безсознательно, признавая или не признавая владычества мысли и разума, всѣ приступаютъ къ фактамъ съ различными взглядами, съ противоположными теоріями, и потому придаютъ однимъ и тѣмъ же фактамъ самыя разнообразныя значенія. Отъ-того, отъ направленія все зависитъ, а въ нашей еще молодой литературѣ направленіе вновь выходящей книги — великое дѣло! Въ обществахъ зрѣлыхъ направленіе сразу находитъ повѣрку въ наукѣ, въ большихъ фактическихъ свѣдѣніяхъ публики. Не успѣло оно явиться, какъ оно уже обсуждено, обсмотрѣно со всѣхъ сторонъ и опредѣлено его значеніе. Но въ обществахъ, гдѣ воображеніе развито еще на счетъ разсудка, гдѣ свѣдѣнія бѣдны, какъ бѣдна сумма извѣстныхъ истинъ, нажитыхъ опытомъ долгой и богатой жизни, въ такомъ обществѣ направленіе — все. У насъ, на-примѣръ, оно больше самыхъ фактовъ воспитываетъ юныя поколѣнія и przygotowляетъ будущее. Ошибка фактическая можетъ быть исправлена; но ложный взглядъ, ложное направленіе растутъ какъ гидра...

Все это потому пришло намъ въ голову, когда мы открыли «Сборникъ», что съ недавняго времени въ нашей литературѣ начали раздаваться страшные голоса... Съ восторгомъ превозносимъ все славянское, особенно древнее, возмѣщая несуществующую славянскую на-

уку, многіе съ большимъ или меньшимъ предубѣжденіемъ отзываются обо всемъ европейскомъ. Блестящая исторія Европы, ея великое настоящее, ея высокая цивилизація, ея наука, созданная вѣками — для нихъ какъ-будто не существуютъ. Опираясь на никому-неизвѣстное будущее, и съ торжествомъ указывая на фактически-неизвѣстное, и по результатамъ бѣдное прошедшее славянскаго міра, они провозносятъ тяжкій приговоръ романогерманскимъ народамъ и всѣмъ возможнымъ средствами хотѣли бы предохранить славянской міръ отъ всякаго прикосновенія съ Западомъ... Для всякаго, кто поприслушался къ этимъ мнѣніямъ и, не смотря на то, сохранилъ способность прямо смотреть на вещи, дѣло само-по-себѣ ясно и не допускаетъ двухъ толкованій: что станетъ съ европейскими народами и ихъ цивилизаціей, это по-крайней-мѣрѣ неизвѣстно. Другой науки, кромѣ той, которая развита и выработана въ Европѣ, доселѣ не имѣется. А такъ-какъ у славянскаго міра нѣтъ откуда такой науки, то естественно, что онъ довольствуется тѣмъ, что приготовили его западные собратья. Если славянское племя даровито и призвано къ всемірно-историческому дѣйствованію, оно развившись, возмужавъ, усвоитъ себѣ эту науку, придастъ ей свой національный отпечатокъ, можетъ-быть поведетъ ее дальше и выведетъ на болѣе широкую дорогу, какъ сдѣлалъ новый міръ съ древней греко-римской наукой. Все это можетъ быть; но откуда этого нѣтъ, откуда мы и неопытны и юныя. Геній, оригинальность, дѣйствознаніе на пользу человечества не иривыжаются нарѣканіями на другихъ и непопулярнымъ самомиѣненіемъ; они даются. Настанетъ время, обозначится духовная физіономія славянскаго племени, и такъ-какъ оно въ-самомъ-дѣлѣ включаетъ въ себѣ великія нравственныя силы, онѣ скажутся, за это нечего бояться. И скажутся онѣ не въ разсужденіяхъ о томъ, какое племя лучше, и какъ бы такъ сдѣлаться вели-

нимъ и создать новую науку, и какъ-тогда погибнуть другія цѣлены: онѣ прямо и просто обнаружатся въ самомъ дѣйствіи, какъ обнаруживается все великое. Можно даже предположить съ достовѣрностію, что когда это случится, тогда не будетъ въ Славянѣхъ ни самохвальства, ни ненависти къ другимъ народамъ, потому что все истинно-великое и сильное блаженно въ себѣ, исполнено любовью, и стремится все приобщить къ своей любви и своему блаженству.

Такъ думаетъ всякій здравомыслящій и безпристрастный человѣкъ. Тѣмъ же менѣе странныя мнѣнія, о которыхъ мы сейчасъ говорили, вырываются въ книгахъ, журналахъ, брошюрахъ, газетахъ, и находятъ послѣдователей. Читая заглавіе разбросанной нами книги, хотя къ нему и нѣтъ ничего особеннаго, кромѣ славяно-церковнаго шрифта, который отвѣчательно слово: *Сборникъ*, мы какъ-то почти невольно подумали: не составленъ ли онъ подъ вліяніемъ такихъ предубѣжденій? Внимательное чтеніе отчасти оправдало, отчасти опровергло нашу мысль, и оставило по себѣ такое же неопредѣленное впечатлѣніе, какое производятъ, хоть на-прим., славянский міръ, или о немъ хоть сколько-нибудь подумать. Отъ-того мы считаемъ себя обязанными представить читателямъ нѣсколько-подробный обзоръ всѣхъ статей, содержащихся въ «Сборникѣ».

Вышедшій томъ дѣлится на двѣ части. Изъ предисловія предисловіе и введение. Какъ опредѣляющія направленіе сборника, они должны быть рассмотрѣны прежде всего.

Предисловіе составлено издателемъ «Сборника», покойнымъ г. Валуевымъ. Смерть постигла его въ самыхъ нѣжныхъ лѣтахъ. Съ юношескимъ, благороднымъ самоотверженіемъ, онъ весь отдавался науцѣ, и безпрерывныя занятія успоразли его преждевременную кончину. Г. Валуевъ умеръ очень очень молодъ, когда силы, неураженныя опытомъ и строгою дѣйствительностію, бьютъ сильнымъ клю-

чомъ, ища себѣ удовольствія; когда дѣйствительное и возможное, настоящее и будущее, сливаются въ однообразномъ цѣлѣ, и самодовольное воображеніе чаруетъ человѣка, обманываетъ его, расширявая мечту красками сущестственности. Какъ многіе, и онъ не былъ чуждъ нѣкоторыхъ «странныхъ» мыслей и предубѣжденій. Но его благородная, любящая натура, положительный складъ его ума рѣзко имъ противорѣчили и не давали имъ развиться до послѣднихъ выводовъ въ его головѣ и сердцахъ. Въ послѣдніе годы, онъ посвятилъ себя исключительно однимъ положительнымъ розысканіямъ, и немногія послѣдованія, имъ оставленныя, показываютъ, что потеряла въ немъ наука. Мы уже говорили въ прошломъ году о его изслѣдованіяхъ о мѣстичествѣ. Другаго подобнаго труда по части русской исторіи мы не знаемъ. Съ рѣдкой добросовѣстностію онъ высказалъ въ этой статьѣ результаты, прямо противорѣчившіе его общему взгляду! Да! онъ не игралъ исторической истиной, не шутилъ ею, какъ нѣкоторые! Другіе труды его, изъ которыхъ отрывки помѣщены въ «Сборникѣ» (о нихъ мы скажемъ ниже), обнаруживаютъ огромную начитанность и показываютъ, что онъ въ занятіяхъ своихъ все болѣе и болѣе становился положительнымъ. А это добрый знакъ!..

Читатели извинятъ насъ за это отступление. Оно было необходимо для поясненія предисловія къ «Сборнику».

Это предисловіе написано за годъ до кончины автора. Въ немъ, въ этомъ предисловіи, благородный, добросовѣстный, но отчасти дожно-предубѣжденный авторъ высказался всѣми своими сторонами. Основная мысль его вотъ какая: зданіе русскаго государства, основанное Петромъ-Великимъ въ началѣ XVIII вѣка, со славою и блескомъ завершено въ первой четверти настоящаго столѣтія. Въ этомъ колоссальномъ подвигѣ сосредоточились всѣ силы русской жизни; отъ-того и всѣ выраженія ея, во всѣхъ отрасляхъ,

отъ него получили характеръ. Государство создавалось и создалось по европейскому типу; вмѣстѣ съ тѣмъ Россія начала усваивать себѣ все европейское—науку, нравы, бытъ, вообще цивилизацію. Это заимствование было для нея благотѣтельно, необходимо, для возбужденія ея нравственныхъ силъ. Самыя условія, при которыхъ оно совершилось, были для насъ очень благоприятны, потому-что оно было добровольное и, слѣдовательно, удобоотрицаемое въ своихъ крайностяхъ (другое представляютъ Германцы, водворившіеся на римской почвѣ). Въ наше время, настаетъ для русской жизни новая эпоха. Отъ заимствованій извнѣ мы начинаемъ обращаться къ самимъ-себѣ. Появленіе, при содѣйствіи Россіи, нѣсколькихъ православныхъ государствъ въ Европѣ, устройство внутреннего быта и постепенное возвращеніе къ національности—вотъ явленія, въ которыхъ обнаруживается это новое направленіе русской жизни. Съ одной стороны, возникновеніе Греціи, какъ самостоятельнаго государства; появленіе трехъ православныхъ княжествъ: Сербіи, Молдавіи и Валахіи, соединеніе Армянъ восточнаго исповѣданія въ одну область, воссоединеніе Уніи съ православною церковью, проповѣдь Евангелія язычникамъ, живущимъ въ отдаленнѣйшихъ краяхъ Россіи, заведеніе православныхъ школъ на востокѣ; съ другой—составленіе Свода Законовъ, изданіе полнаго ихъ собранія, полюбовное размежеваніе чрезполосныхъ владѣній, изданіе источниковъ нашей исторіи и *вооруженія русскихъ войскъ*—воссоздаваемаго наглядно, пластически, древнюю Русь; возвращеніе архитектуры свѣтской и церковной къ древне-русскому и византійскому стилямъ, постепенное введеніе русскаго языка въ высшихъ слояхъ общества, которые было забыли его; наконецъ, появленіе національныхъ русскихъ поэтовъ въ лицѣ Пушкина и Гоголя—вотъ событія, которыя г. Валуевъ привѣтствуетъ какъ зачатки обновленія Россіи и высту-

пленія ея на новое поприще дѣятельности. Только наука, по его мнѣнію, не вослѣдовала общему движенію, особенно наука исторіи. Ея великое призваніе—познакомить слои общества, воспитанные подъ исключительнымъ вліяніемъ Запада, съ тѣми, которыхъ почти не коснулась реформа Петра Великаго; познать Россію съ ея единотѣрцами и единоплеменниками, разбросанными по всему свѣту, и тѣмъ дать ей возможность узнать самую-себя. Только подъ условіемъ такого знанія возможно въ Россіи появленіе самостоятельной, національной, исторической науки, которая разрешитъ намъ вопросъ о томъ, что мы такое, къ чему призваны, и осѣтитъ новыми свѣтомъ исторію западно-европейскихъ народовъ, имъ самимъ не столько понятную, какъ постороннему, безпристрастному наблюдателю. Всѣ эти причины и побудили г. Валуева издавать «Сборникъ».

Вотъ въ немногихъ словахъ основная мысль и цѣль издателя. Мысль сама-по-себѣ не нова, но выражена оригинально. Каждый, разумеется, вправе судить о ней какъ ему угодно, особенно потому-что она беретъ главные свои аргументы изъ будущаго, никому неизвестнаго. Что до насъ касается, мы не гадаемъ о будущемъ. Думаемъ и увѣрены, что наше знакомство съ бытомъ и исторіею нашихъ единотѣрцевъ и единоплеменниковъ очень-хорошо, для насъ очень-мелкое, какъ и всякое знаніе. А что выйдеть изъ этого знакомства въ будущемъ—мы право не знаемъ.

Но зачѣмъ же, во имя будущаго, переводить направленныя на западный міръ и науку? А такихъ напрасныхъ нѣтъ, къ сожалѣнію, но одну находимъ въ предисловіи. На страницѣ 2-й авторъ говоритъ, что Россія было необходимо познакомиться съ просвѣщенными европейскими міромъ, а въ выносѣ прибавляетъ:

«Мы понимаемъ здѣсь просвѣщеніе въ томъ общемъ, неопредѣленномъ значеніи, которое обыкновенно даютъ ему. Если же

воспитать подъ просвѣщеніемъ не одинъ вещественныя улучшения въ быту человѣка, усовершенствованія науки, художества и видное благоустройство общества, а то совокупное умственное и нравственное движеніе, которое должно соединять народы въ единство братолюбивой жизни и осуществлять въ обществѣ чистую мысль христіанства, во сколько она осуществима въ человѣкѣ;—то во всякомъ случаѣ еще останется подъ сомнѣніемъ, кого съ большею справедливостію можно назвать просвѣщенной — Россію ли XV и XVI вѣка, или ей современную католическую и протестантскую Европу?

Развѣ двѣ напраслины! Во-первыхъ, неправда, что «вещественныя улучшения въ быту человѣка, усовершенствованія науки, художества и благоустройство общества» шли въ Европѣ своей дорогой, а нравственное и духовное развитіе — своею. Во-вторыхъ, не правда, что въ XV и XVI вѣкѣ Европа была ни чуть не лучше, а можетъ-быть и хуже, современной ей Россіи. Развѣ науки, художества, общественный бытъ—привлекая вѣнца? Въ нихъ выражаетъ народъ глубочайшія задушевныя вѣрованія свои, мысли, стремленія; онъ въ нихъ живетъ; это плоть и кровь его. Науки, художества и общественный бытъ имѣли въ Европѣ своихъ подвижниковъ, которые цѣною жизни и страданій покупали каждый или сдѣланный шагъ впередъ. Эти люди, конечно, не развигрывали роли, когда шли на неволею смерть или на кестры низменціи! Страну, въ которой любовь къ вѣсти такъ выражалась — вы думаете, нельзя упрекнуть въ недостаткѣ умственного и нравственнаго развитія... Странно, задумывая создавать свою науку и свое художество, смотрѣть на европейскую науку, на европейское художество, какъ на ремесло или фиглярство! Скажите, что онѣ всѣ не вполне удовлетворяютъ—это еще можно понять! Но если вы имъ не сочувствуете — тѣмъ хуже для васъ. Какъ же, не имѣя къ другимъ народамъ симпатій, вы толкуете о всемірно-историческомъ дѣйствованіи? Только

такой взглядъ на отношеніе науки, общественности и искусства къ духовному и нравственному развитію могъ сдѣлать возможнымъ сравненіе между Европою и Россіею XV и XVI вѣка! Народъ, создавшій свою благоустроенную общественность, свою науку, свое художество, не могъ быть ни дикаремъ, ни варваромъ!

Въ другомъ мѣстѣ (стр. 12), говоря о томъ, какъ сильно дѣйствуетъ на насъ западный міръ, и какъ бѣдна передъ нимъ наша жизнь и наше прошедшее, авторъ опять взводитъ напраслины на европейскую науку:

«Ибо чего просить прежде всего большеинство людей, называющихъ себя просвѣщенными и приобрѣтшихъ право прозирать и учить своихъ непросвѣщенныхъ братьевъ, какъ не громкихъ словъ и именъ, блеска и мишуры жизни, наполняющихъ ту пустоту существованія, которая составляетъ неотъемлемую принадлежность просвѣщеннаго большинства; а чего требуетъ оно отъ самой жизни, какъ не наслажденія всѣмъ умственнымъ, нравственнымъ и вещественнымъ комфортомъ, который готовится для него услужливымъ просвѣщеніемъ? Но, къ сожалѣнію, нерѣдко и лучшіе умы, — чего они ищутъ въ этой наукѣ, искусствѣ и самомъ просвѣщеніи, которому служить? Часто, если и безознательно, они ищутъ того же комфорта, усыпленія мыслей и силъ души въ ограниченности той или другой системы мнѣ рутинъ, — удовлетворенія всѣмъ новымъ изъсканнымъ требованіямъ просвѣщеннаго существованія и его нравственнаго сибаритства... И наконецъ не было ли такое развитіе всесторонняго комфорта, удовлетворяющаго всѣмъ потребностямъ человѣка, основною задачею всего западнаго просвѣщенія и всей жизни западнаго человѣчества? Таковы, по крайней мѣрѣ, его собственные, если и не совсѣмъ сознанные выводы и новыя стремленія жизни, которыя уже не видятъ иной задачи для человѣчества, кромѣ обобщенія того же комфорта».

А въ выводкѣ прибавляетъ:

«Такъ католицизмъ, дающій готовое разрѣшеніе на всѣ потребности христіанской души и совѣсти, въ живомъ представителѣ духовной истины на землѣ и протѣ-

стантизмъ, дающій право каждой личности на саморазрѣшеніе всѣхъ требованій своей совѣсти и духовнаго убѣжденія, не суть ли это, въ извѣстномъ смыслѣ, два видоизмѣненія одной общей религіи нравственной безтревожности? (комфорта).—Туже задачу не разрѣшенную въ области вѣры, беретъ на себя систематизмъ въ наукѣ, формализмъ въ обществѣ, мода въ гостиниѣ и т. д.»

Итакъ, болѣе или менѣе утонченный материализмъ, нравственное и умственное усыпленіе или равнодушіе — вотъ цѣль просвѣщеннаго общества, даже лучшихъ умовъ; вотъ основная задача западнаго человѣчества и европейскаго просвѣщенія! Признаться, этого мы покуда не знали! Но чего жъ вы хотите, если художество и общественность только выдуманнаго правлаго воображенія, а наука — китайская формалистика?.. Однако, мы хотѣли бы знать, отъ чего комфортъ и стремленіе къ наслажденію употреблены какъ слова почти неприличныя? Мы думаемъ, что наслажденіе — цѣль всего живущаго. Иной наслаждается молитвою и постомъ, другой — исполненіемъ долга, третій — наукой, четвертый — искусствомъ, пятый — побѣдой надъ низкими страстями, шестой — самими лишениями. Все наслаждается и все стремится насладиться. Сама природа, вся ея разнообразная жизнь, есть непрерывный пиръ, непрерывное наслажденіе. Можетъ быть, автору не нравится исключительно-утилитарное направленіе нашего времени? Но отъ-чего жъ не видѣть въ немъ реакціи противъ, можетъ-быть, слишкомъ исключительно-спиритуальнаго направленія, которое ему предшествовало? Всему свое: свое тѣлу, свое духу.

Всѣ эти неправды внушены автору воображеніемъ, которому онъ далъ полный просторъ. Сердце въ нихъ не участвовало; мы представили на это неопровержимыя доказательства, а покуда, скрѣпя сердце, послѣдуемъ за нимъ въ его выводахъ.

Онъ отправляется отъ мысли, что рано или поздно непременно должна

создаться въ Россіи самостоятельная русская наука, которая освѣтитъ намъ наше прошлое и будущее и даже броситъ совершенно-новый свѣтъ на событія европейской исторіи. О характерѣ этой будущей науки авторъ нигда въ прямо не высказывается; но изъ того, что онъ безпрестанно и во всѣхъ отношеніяхъ противопоставляетъ Европу Россіи и славянскому міру, — изъ общаго тона предисловія можно думать, что, по его мнѣнію, эта русская наука должна быть противоположна европейской. Впрочемъ, авторъ чрезвычайно остороженъ. Онъ былъ такъ добросовѣстенъ, такъ образованъ, что не могъ говорить рѣшительно въ дѣлѣ столько темномъ! Онъ какъ-будто колеблется... Нетерпѣніе скорѣе видѣть осуществленіе своихъ любимыхъ надеждъ гонило его, и вотъ онъ видитъ, что время созданія этой науки уже наступаетъ, что является заря золотаго будущаго, — и потому онъ опять становится робкимъ передъ голосомъ дѣйствительности: онъ понимаетъ эту науку только какъ возможную или только какъ имѣющую быть. Погружаясь въ будущее, онъ тяготится настоящимъ отношеніемъ европейскаго міра къ славянскому; ему кажется, что западная наука заслоняетъ насъ; возвращаясь къ взгляду болѣе-практическому, болѣе-дѣйствительному, онъ чувствуетъ, какъ благотѣльно и необходимо было для Россіи вліяніе Европы, онъ примиряется съ реверсомъ Петра. Оба направленія — дѣйствительное и недѣйствительное, вытекающее изъ исторіи и опирающееся на надежду, высказались въ предисловіи, въ странномъ смѣшеніи, непримиренныя, несогласныя между собою. Отъ-того, рядомъ съ мыслью вѣрною мы находимъ мысли рѣшительно-ложныя; часто въ одной фразѣ уживаются выраженія двухъ совершенно-равнородныхъ порядковъ мыслей... Мы не станемъ впадать въ подробный разборъ всѣхъ мѣстъ, въ которыхъ выразились оба направленія, потому-

что это завлекло бы насъ слишкомъ-далеко. Ограничимся обзоромъ однихъ самыхъ рѣзкихъ и выскажемъ добросовѣстно наше мнѣніе и о предполагаемой славянской или русской наукѣ, и о нашемъ отношеніи къ европейскому міру.

До Петра-Великаго, не было у насъ ни науки, ни искусства. Мы были заключенные въ ложномъ, очарованномъ кругу восточныхъ привычекъ и обычаевъ... Чудныя предсказанія о великомъ царѣ, который все пересоздастъ и все переставитъ, сопровождавшія рожденіе Великаго Преобразователя, показываютъ, какъ настроены были умы, какія тревожныя ожиданія наполняли дѣтъхъ. Явился Петръ-Великій: Хотя-вѣ-хотя мы стали усвоивать себѣ европейскую науку, искусства, обществственность, — все то, что мы теперь называемъ общимъ именемъ цивилизаціи, Чѣмъ далѣе, тѣмъ эти заимствованія шли быстрѣе и быстрѣе, обхватывая собою всю необозримую Русь. Нуженъ былъ толчокъ: скоро побужденія стали не нужны. Мы сдѣлались подражателями, поклонниками, учениками Европы. Въ этой совершенной преданности, въ этой горячности было много юношески-благороднаго; если хотите, было и много смѣшнаго. То и другое совершенно выражало нашу нравственную, духовную юность. Но мы хорошо сдѣлали, что такъ ею воспользовались. Скажемъ безпристрастно: самоотверженіе, съ которымъ мы принялись учиться и образовываться, отсутствіе ложнаго самолюбія, которое мы обнаружили, отбрасывая свои національные и историческіе предрасудки и строго судя самихъ-себя, много говорятъ въ нашу пользу. Эпохѣ русской жизни съ Петра-Великаго уже по одному этому принадлежать лучшія страницы русской исторіи. Впрочемъ, съ самаго начала реформы, обозначающей новое направленіе нашей жизни, и до нашего времени, были люди, которые, идя по пути, указанному Петромъ-Великимъ, сохранили оригиналь-

ность ума и взгляда; были также такіе, которые только слабо прикрывали свои привычки и понятія наружнымъ лоскомъ европейской образованности. Вездѣ всякихъ довольно бываетъ!

Наконецъ, около нашего времени, этотъ жаръ, эта дѣятельность мало-по-малу начали остывать и истощаться. Несравненно-болѣе, ближе, основательнѣе знакомясь съ Европой и всѣмъ европейскимъ, нежели прежде, мы перестали безусловно всему удивляться, всему вѣрить на слово, какъ сначала. Дурно поймутъ насъ тѣ, которые подумаютъ, что ближайшее знакомство съ Европой было тому причиной, что мы разочаровались въ полутора-тѣхъ дѣятельности. Ежедневный фактъ, совершающійся у насъ подъ глазами, разительнѣе опровергаетъ тѣхъ, которые такъ думаютъ. Никогда европейское просвѣщеніе не разивалось такими широкими струями по всей Руси, какъ въ наше время; никогда сношенія наши съ Европой не были такъ дѣятельны; никогда столько европейскихъ идей и свѣдѣній — результатовъ европейской науки, — не вращалось въ Россіи. Просто, мы возмужали и пришли къ тому возрасту, когда и человекъ и народъ начинаютъ отдавать отчетъ себѣ въ томъ, что онъ сдѣлалъ и дѣлаетъ. Отъ того мы стали строже и къ себѣ и къ другимъ; мы стали пытливѣе и вѣдѣвѣрчивѣе. Словомъ, наступило время разсудка, анализа, критики.

Этотъ поворотъ въ нашей жизни начался полнымъ отрицаніемъ, сомнѣніемъ во всемъ, даже въ нашихъ юношескихъ силахъ, и очень-немногіе поняли настоящей смыслъ этого явленія. Въ литературѣ, въ отдѣльныхъ мнѣніяхъ послышалась тогда (хоть это было и очень-недавно) та странная, пестрая развогосица, то смѣшеніе языковъ, которыя наполнили собою послѣднее десятилѣтіе и которыхъ замирающіе отзвуки слышатся еще и до-сихъ-поръ. Большинство не вынесло общаго скепсиса, овладѣвшаго всѣмъ

и всѣми. Оно испугалось той видной пустоты, которую въ немъ оставляло скептическое направленіе времени, и отъобщаго кораблекрушенія преданій, готовыхъ убѣжденій, непередуманныхъ вѣрованій каждый свисался куда могъ и какъ могъ. Отъ дѣйствительности, кто бѣжалъ въ прошедшее и на немъ успокоивался, разумѣлся, подражая ему по своему крайнему разумію; кто бѣжалъ въ будущее и въ него перенесъ все то, чего не доставало въ настоящемъ. Самое незначительное число осталось при настоящемъ, смотрѣло на него прямо и старалось разгадать его разумныя требованія. И оно было право, потому что осталось вѣрными дѣйствительности.

Скептическое направленіе—необходимый результатъ отжитаго прошедшаго, необходимый прологъ къ возрождающемуся будущему—произвело на насъ благодѣтельное дѣйствіе. Недавно еще высказывалось оно рѣзко, отвлеченно, а теперь мы можемъ уже отчасти проводить его результаты сквозь хламъ и соръ, которыми еще завалена наша литература. Такъ мы быстро идемъ впередъ! Оно, какъ медицинскіе яды, съѣло, сожгло въ насъ гнилые соки и очистило кровь. Когда ложныя понятія, взгляды, стремленія, чувства, вся эта формалистика недавняго прошедшаго, въ которомъ оно силнось увѣковѣчиться, мало-по-малу были растапаны и разрушены, туманъ исчезъ изъ головы, и прежнія аксіомы сдѣлались по-крайней-мѣрѣ теоремами,—что оставалось дѣлать? Отбросить всѣ великіе и узенькіе взгляды, всѣ изношенные чувствія, служившія теперь лишь для пріятнаго, но совершенно-безполезнаго препровожденія времени; отказать отъ предубѣжденій, предрасположеній къ прошедшему и будущему, и серьезно приняться за дѣло, ища одной истины и ничего больше. Такъ и начинается у насъ быть. Посмотрите, какъ во всемъ замѣтно это новое направленіе! Теперь ужъ нѣтъ у насъ такихъ помѣшкочковъ, которые пріерейское или бельгійское хозяйство

дѣлкомъ вводили бы въ своихъ невосскихъ или вологодскихъ помѣстьяхъ; нѣтъ художничковъ, которые только рабски передавали бы произведенія европейскихъ искусствъ; нѣтъ профессоръ, которые бы слово-въ-слово читали по заграничнымъ курсамъ. Обращаясь въ особенности къ наукѣ и преподаванію, мы видимъ, что историческое изученіе начинаетъ у насъ вытѣснять догматико-схоластическое, привнесшее готовые взгляды въ науку, и, слѣдовательно, непремѣнно предразсудки и предубѣжденія.

Изъ всего сказаннаго мы заключаемъ вотъ что: безусловное заимствованіе европейской цивилизаціи и ученическое отношеніе къ западному міру, характеризующія эпоху русской исторіи отъ Петра до первой четверти XIX вѣка, было, конечно, не случайное, а необходимое, когда она такъ долго поглощала наши силы безъ всякой вышней необходимости. Россія вошла въ число *европейскихъ* государствъ, тѣсно соединила съ ними свою судьбу и, кажется, ей нечего стыдиться этого новаго братства. Какъ-бы то ни было, исторія скрѣпилась его болѣе и болѣе. Узелъ, однажды завязанный, стягивается все крѣпче, и ужъ его теперь ничѣмъ не развязать. Что мы начинаемъ становиться какъ-то повозмужалѣе, начинаемъ выходить изъ-подъ безусловнаго авторитета европейской цивилизаціи, что есть у насъ какое-то еще неопредѣлившееся стремленіе къ самостоятельности—это добрый признакъ, показывающій нашу способность къ развитію. А если мы захотимъ говорить о нашемъ дальнѣйшемъ развитіи просто, безъ загибъ, мы должны будемъ къ каждому слову прибавлять *можетъ-быть, весьма-вѣроятно*, и т. п. По этому мы не можемъ ничего заключать ни о будущей самобытной русской наукѣ, ни о противоположномъ, или какомъ бы то ни было отношеніи ея къ европейской. Все это будутъ фразы и фразы. Будетъ съ насъ покуда, если мы выучимся добросовѣстно заниматься наукой какакая есть, если

обогатить себя основательными знаніями по источникамъ, а не пазъ вторыхъ и третьихъ рукъ, и мало-по-малу приучились прямо безъ предразсудковъ смотрѣть на вещи. Одного этого дѣла ставить съ насъ на долго. А тамъ... посмотримъ, что будетъ.

Не такъ понималъ вещи авторъ предисловія. Съ юности жаромъ онъ вѣрилъ въ будущее, созданное его воображеніемъ. Вотъ нѣсколько мѣстъ изъ предисловія, въ которыхъ онъ высказалъ свои убѣжденія о нашихъ національных, самобытныхъ элементахъ и ихъ отношенія къ европейской наукѣ и западному міру. Говоря о Западѣ, авторъ рассуждаетъ такъ (стр. 3):

«Своими опытами жизни и даже своими заблужденіями онъ не менѣе припесъ въ общее достояніе человечества и служилъ ему, чѣмъ сколько служилъ Христіанству, высшему и конечному единству всего человѣческаго, другіе народы и земли своимъ страдательнымъ и робкимъ бездѣйствіемъ;—которое, можетъ быть, одно дѣлало возможнымъ въ недозрѣвшемъ духовно человѣкѣ сохраненіе въ чистотѣ его духовнаго завѣта».

Здѣсь прямой намѣкъ на славянскій міръ. Оправданіе не хорошо! Страдательнымъ и робкимъ бездѣйствіемъ нельзя служить истинѣ; тѣмъ менѣе можетъ оно сохранять въ чистотѣ духовный завѣтъ въ духовно-недозрѣвшемъ человѣкѣ; ибо незрѣлость производитъ недѣятельность и робость, а недѣятельность и робость поддерживаютъ незрѣлость. Тутъ круговая порука, изъ которой мы въ правѣ только заключить, что славянскій міръ еще слишкомъ-молодъ, слишкомъ-юнъ,—больше ровно ничего. А какіе его духовные дары—этого изъ его робости и бездѣйствія нельзя заключать.

Далѣе, авторъ говоритъ (стр. 11):

«Не мудрено впрочемъ, если Западный міръ часто убиваетъ въ насъ нашу собственную самостоятельность, повергая въ незаконную дремоту всѣ лучшія создающія силы души, и невольно заслоняя передъ нами тотъ внутренний міръ мысли, образовъ и убѣжденій, который нераздѣ-

ленъ съ духовною личностью каждаго народа.—Едва сознанный или только угадываемый робкою наукою, бѣдный художествомъ слова, нищій дарами искусства, онъ не можетъ не исчезать и не теряться передъ яркими красками, въ которыя облеченъ міръ Западный; онъ остался доселѣ чуждъ всему, что бы облекло его въ ту красоту образовъ, дано его явленіямъ ту осязательность, передъ которыми только и можетъ преклоняться большинство; и потому мудро ли, если для этого большинства, онъ не можетъ не исчезать передъ обаяніемъ, которое раздвигаетъ вокругъ себя міръ Западный,—передъ могуществомъ его воспоминаній, изъ которыхъ каждое уже облечено въ краснорѣчивую ранку романа или драмы, величіемъ и гордостью его громкаго многоглаголиваго прошедшаго,—всѣмъ блескомъ и соблазномъ его настоящей кипучей и волнующейся жизни... И такъ прекрасны всѣ наши первые молодые мечты о немъ, такъ онъ гордо увѣнчанъ передъ нами всѣми красотами поэзіи, природы и искусства—и такъ бѣдна и скудна передъ нами наша жизнь и даже наше прошедшее, слишкомъ строгое и однообразное, чтобъ быть увлекательнымъ и слишкомъ простое, чтобъ быть доступнымъ для многихъ, что наше увлеченіе понятно и извинительно даже тамъ, гдѣ оно переходитъ, по видимому, за должныя границы».

О томъ, убиваетъ ли въ насъ западный міръ наши нравственныя силы или нѣтъ, мы скажемъ послѣ. Теперь нѣсколько словъ о нашемъ «внутреннемъ мірѣ мысли, образовъ и убѣжденій», его простотѣ и однообразіи. Страшная вещь! Въ ежедневному быту, встрѣчая человѣка одвообразнаго, который никогда и ни въ чемъ не выражаетъ ни своихъ чувствъ, ни своихъ мыслей, мы говоримъ: что за несносный, скучный человѣкъ! отворачиваемся отъ него и забываемъ, что онъ существуетъ. Встрѣчая такого же одвообразнаго, во въ добавокъ страшнаго говоруна, который твердитъ намъ чужія мысли и чувства, мы бѣжимъ отъ него какъ отъ чумы, и ужъ никогда не придетъ намъ въ голову, что въ немъ есть хоть что-нибудь оригинальное, самобытное, но обольщенное и задавленное

чужимъ добромъ. Наконецъ, встрѣчая точно такихъ же, но еще очень-молодыхъ людей, мы ихъ судимъ снисходительно — конечно, не потому, что ихъ безграничное молчаніе, или неспособный говоръ намъ нравится: единственно потому-что эти очень-молодые люди могутъ развиться и сдѣлаться людьми порядочными, умными и оригинальными. Такова житейская, простая, очень-здоровая логика, и съ ней никто не споритъ, такъ она очевидно-вѣрна. Только-что мы начинаемъ судить о народѣ и государствѣхъ — глядь, у насъ ужь совсѣмъ другая логика! А казалось бы — дважды-два вездѣ и всегда четыре. Если нашъ «внутренній міръ» выражаетъ только «робкая наука», которая «едва сознаетъ или только угадываетъ его»; если онъ и «бѣденъ художествомъ слова и вещъ дарами искусства», что же при этомъ намъ съ нимъ дѣлать? — Имъ восхищаться, наслаждаться — нельзя. Но автору хотѣлось заставить насъ полюбить его... Такой внутренній міръ долженъ быть или крайне бѣденъ, или еще очень-неразвитъ. Будь онъ богатъ или арѣтъ, онъ непремѣнно въ чемъ бы нибудь да выразился: въ наукѣ, въ искусствѣ, въ практической жизни, словечко, въ чемъ-нибудь.

Что значатъ слова: «слишкомъ строгое и однообразное, чтобъ быть увлекательнымъ и слишкомъ простое, чтобъ быть доступнымъ для многихъ»? Строгая и однообразная вѣщность тогда велика, когда она есть выраженіе и условіе глубокаго, сознательнаго содержанія. Иначе она просто смуща и несозна. Простота не есть необходимая спутница строгости и однообразія; мы часто видимъ ее и въ разнообразіи. Глубина содержанія придаетъ ей цѣну. Вездѣ него и она не добродѣтель...

По поводу изданія *Вооруженія Русскихъ Войскъ* авторъ замѣчаетъ (стр. 14):

«Эта книга впервые облекла для насъ въ образы и лица нашу забытую старину; мы узнали, по крайней мѣрѣ, въ чемъ жили наши предки, какой видъ имѣли наши древніе города и села, и то уже

много для перваго начала. Теперь только начинается быть возможнымъ для поэта романъ или драма изъ нашей древней жизни, — живописцу картина, ваятелю статуя.

«Если бы средніе вѣка не оставили по себѣ столько живыхъ слѣдовъ и гордыхъ памятниковъ прошедшаго, которые на каждомъ шагѣ воскрешаютъ его для Западнаго человѣка, едва ли бы былъ возможенъ романъ Вальтеръ-Скотта, или Фаустъ Гете. Мы не были такъ счастливы, какъ Западъ; отъ нашего прошедшаго уцѣлѣли одни немногіе остатки, разбросанные по всему безграничному пространству Россіи. Въ томъ, разумѣется, столько же виноваты мы, сколько отцы наши и дѣды, но болѣе всего виновато то неуваженіе и невниманіе къ своей исторической жизни, которое вообще замѣтно вездѣ, гдѣ жизнь народная еще преобладаетъ надъ жизнью Государственной.»

Со всѣмъ этимъ нельзя согласиться. Что *Вооруженіе Русскихъ Войскъ*, изданіе чрезвычайно-важное для древней русской исторіи, и въ-особенности для русской археологіи, это совершенно бесспорно, и никто, конечно, въ этомъ не сомнѣвается. Но можетъ ли оно служить матеріаломъ для русскаго народнаго романа, для русской народнои драмы? это другой вопросъ. Для того и другаго нужны прежде всего лица, характеры, нужна жизнь съ глубокими нравственными интересами, съ всемірными вопросами, въ какой бы формѣ они не являлись... На западѣ лицо, человѣкъ, съ самаго начала на первомъ планѣ. Отъ-того среднее-вѣковая жизнь и оставила послѣ себя столько живыхъ воспоминаній, столько гордыхъ памятниковъ. И отъ-того эти воспоминанія такъ живы, эти памятники такъ горды, что на нихъ неизгладимая печать творческаго гениа человѣка. Создай ихъ человѣкъ, подавленный природою и непосредственностью всякаго рода, тогда они стали бы ниже всякой былинки, ниже червика, вышедшаго изъ рукъ природы. Но еслибы эти памятники западной жизни и исчезли отъ времени, отъ случайныхъ причинъ, — жизнь, ихъ создавшая, сохранилась бы

и безъ того въ цѣломъ послѣдующемъ бытѣ европейскаго человѣчества. Отъ того не правъ авторъ, когда онъ говоритъ, что только эти налитники, эти воспоминанія сдѣлали возможными романы Вальтера Скотта и Фауста Гёте. Нѣтъ сдѣлали возможнымъ среднѣвѣковая жизнь Европы. Для романа и драмы мало одной формы, нужно содержаніе, а его нельзя выдумать и называть прошедшему... На счётъ причинъ, почему не многое уцѣлѣло отъ нашего прошедшаго (хоть это и не софистично справедливо), мы готовы согласиться съ авторомъ; только выразились бы иначе... Только то для человѣка и народа дорого, что онъ сознательно создавалъ и дѣлалъ, и дѣйствительно, только то и имѣетъ цѣну, въ чемъ выказался мыслящій и чувствующій человѣкъ, или народъ. Предшествующее его состояніе только по отношенію къ этой эпохѣ интересно и любопытно знать, но не болѣе, какъ любопытно. Величье не было Петра и теперешней Россіи, если бы въ глубинѣ нашего сердца не было какого-то чаянія великаго будущаго, котораго, впрочемъ, нельзя вполне предугадывать, то вся древняя русская исторія не имѣла бы того интереса, какой мы въ ней находимъ.

Въ этихъ и другихъ мѣстахъ авторъ не прямо выразилъ свою задуманную мысль, что славянскій міръ ничуть не бѣднѣе, даже богаче западнаго, только онъ не призналъ, потому что не высказался, не выразилъ воли сокровищъ, которыя въ немъ скрываются. Мысль, какъ мы показали, очевидно-ложная, не историческая; но она опредѣлила и взглядъ автора на отношеніе этихъ двухъ міровъ. Онъ считаетъ ихъ противоположными; онъ не прямо высказываетъ, что между ними не можетъ быть познаго сочувствія, братства; что міръ западный неблагоприятно дѣйствуетъ на насъ и подавляетъ наши нравственные силы. Вотъ въ доказательство нѣсколько мѣстъ:

«Мы должны помнить, что такое даровое богатство (т. е. западная наука, нами

усвоенная), на чѣмъ не купленное, развѣ утратили изъ своей внутренней жизни. — непрочное; — что это просвѣщеніе, хотя и принятое къ намъ, не могло перейти въ кровь и сокъ самой жизни и передать ей своего прошедшаго, своихъ вѣрованій и надеждъ, въ которыхъ вся его сила и живое могущество. Оно принято къ намъ, но пока остается въ насъ какъ-то комодункомъ, — чѣмъ-то совершенно чуждымъ и лишнимъ всему нашему естественному существованію, какимъ-то темлечивымъ растеніемъ, оторваннымъ отъ своего корня и родимой почвы, и потому лишенымъ всѣхъ своихъ живыхъ соковъ и по видимому *необъщательнымъ никакою живаго младъ»* (стр. 3 и 4).

«Развѣ не такъ же простодушно убѣждены мы, что другихъ путей для мысли, науки или жизни болѣе нѣтъ и быть не можетъ и не должно; и что намъ, за одно съ послѣдующими поколѣніями Запада, остается и возможно только продолжать или оканчивать нѣтъ начатое? Не оканчивать свое дѣло и привести свое просвѣщеніе къ его послѣднимъ общественнымъ и индивидуальнымъ итогамъ можетъ только самъ Западъ, *довершая назначенный ему кругъ жизни.* Мы же, раздѣленные съ нимъ всѣмъ нашимъ прошедшимъ и всѣмъ, что есть въ насъ своего и живаго, продолжать его дѣла не можемъ; а въ Западъ въ помощникахъ и продолжателей себя не нуждаемся, и мы безразличны и непроницаемы дѣлателямъ въ дѣлѣ чужомъ, — въ насъ только лишніе!»

«Уже время подумать и о томъ, чтобы какъ самими и изъ себя выработать внутренній начала своей нравственной и умственной жизни, принявъ на себя и всю отвѣтственность въ ней, умѣя дать въ ней отчетъ себѣ и другимъ — и связать ее съ своимъ народнымъ прошедшимъ и будущимъ; — а недовольствоваться, — въ пустотѣ своей внутренней жизни, — одними убѣжденіями, взятими на прокатъ, вмѣстѣ съ послѣдней модой изъ Парижа, или системой изъ Германіи, — посылками безъ вывода или выводами безъ данныхъ, изъ силлогизма, прожитаго или переживаемаго другимъ міромъ... Если же не предвидимъ для себя въ будущемъ ничего, кромѣ тщетной задачи связать себя со всею полнотою Западной жизни; не имѣемъ другой надежды, кромѣ повышенія изъ учениковъ его въ его подмастерья или работники; то заранѣе обрекаемъ себя на

всегдашнюю посредственность и умищенное несовершеннѣе передъ Западомъ, — который самъ же первый осудить и презрительно осмѣять всѣ наши непрощенныя жертвы и подвиги и тощѣ плоды напрасно растраченной жизни».

«Напрасно думаютъ, что можетъ быть перенесенъ съ одной почвы на другую весь внутренній міръ чловѣка. Переносятся одни формулы его и наглядныя выводы, но уже лишеныя всѣхъ зачатковъ внутренней жизни. Такъ созрѣлый плодъ, который, повидимому, уже окончилъ свою растительность, падаетъ семенемъ на родную почву и вырастаетъ въ новое дерево, и тотъ же плодъ, перевозимый на заморскій рынокъ, служить только прихоти немногихъ и дорогимъ аристократическимъ лакомствомъ».

Этихъ выписокъ, кажется, достаточно, чтобъ показать какъ авторъ смотрѣлъ на отношеніе европейскаго и славянскаго міра. Силлогизмъ простой: между нами нѣтъ ровно ничего общаго. Сближеніе ихъ только паружное. Каждый изъ нихъ эгоистически развиваетъ свою жизнь, и славянской міръ, братаясь съ западнымъ, долженъ быть себѣ-на-умѣ: попользоваться отъ него всѣмъ, чѣмъ можетъ, что ему нужно и полезно, а потомъ расстаться и идти своею дорогою, какъ шель прежде, до Петра. Въ періодъ реформы онъ слышнѣе увлеченъ, слышнѣе отдался своему влеченію ко всему западному: впередъ ему нужно быть осторожнѣе и стараться сколько возможно исправить свою ошибку.

Странная мысль! Особенно странная въ наше время, когда всѣ народы стремятся сблизиться и узнать другъ друга; когда сама исторія иногда невольно соединяетъ теперь ихъ жизнь въ одну общую судьбу, приготовляя къ союзу въ любви и истинѣ. Требованіе самостоятельности, самодѣятельности, самомышленія — очень-справедливо и разумно. Покуда чловѣкъ или народъ самъ не передумаетъ того, чему онъ выучился, что онъ занимовалъ — все это ему не впрокъ, для него не существуетъ, или существуетъ какъ пустая фраза, безсмысленный звукъ. Слѣдо-

вательно, все дѣло въ усвоеніи, въ глубокомъ сознаніи какъ чужаго, заимствованнаго, такъ и своего собственнаго; ибо какъ постороннее не принадлежитъ намъ, пока мы имъ не овладѣли, такъ и свое, непередуманное, несознанное, не существуетъ для насъ. Но какъ заключать отсюда о необходимости особенной русской или славянской науки, противоположной европейской науцѣ? Цѣль науки — истина, а истина одна. Поэтому не можетъ быть двухъ наукъ, какъ не можетъ быть двухъ истинъ. Въ наше время, науки самыя разнородныя, неимѣющія по-видимому ничего общаго, начинаютъ мало-по-малу сближаться, узнавать и признавать другъ друга, сливаться въ главныя своихъ основаній, и понимать себя какъ отрасли одной науки. Всякій знаетъ, какъ много всѣ онѣ выиграли чрезъ это взаимное сближеніе: какъ онѣ начали дополняться и объясняться одна другою; сколько ошибокъ исправлено, сколько ложныхъ взглядовъ устранено, какой просторъ открыли для мысли. Также должно понимать и развитіе науки у различныхъ народовъ. Наука Греціи, Рима, Франціи, Англіи, Германіи — не различныя науки, враждебныя между собою, или по-крайней-мѣрѣ не имѣющія ничего общаго: онѣ только различныя способы пониманія и выраженія одной и той же истины, и потому связаны необходимымъ единствомъ. Каждый народъ смотритъ на одну и ту же истину съ своей, ему свойственной точки зрѣнія. Чѣмъ больше такихъ различныхъ точекъ зрѣнія, тѣмъ различныя способовъ пониманія — тѣмъ лучше, тѣмъ полнѣе, многостороннѣе открывается истина. Оттого — посмотрите: теперь каждый народъ образованный, или стремящійся къ образованію, учится у всѣхъ другихъ, старается познакомиться съ результатами ихъ наблюденій, съ ихъ точкой зрѣнія, — словомъ, съ ихъ наукою, чтобъ самому смотрѣть безпристрастнѣе, глубже и шире понимать истину. Такая замѣна національной исключительности, ложнаго самолюбія и са-

монадѣнности братскихъ общеніемъ, въ дѣлѣ науки уже принесла и ежедневно приносить обильные плоды. Кто ихъ исчислитъ? И наука и народы, отложившіе ложную сѣсь, много выиграли. Непосредственному чувству русскаго человѣка была доступна эта истина. Изъ ежедневнаго опыта, изъ практической жизни, онъ тотчасъ позналъ, что умъ хорошъ, а два лучше. А мы теперь думаемъ, какъ бы намъ жить, да жить однимъ умомъ!...

Если авторъ предисловія признавалъ возможность исключительно славянской или русскаго науки, противоположной наукѣ европейской, — мудро ли, что ему показалось, будто западный міръ убиваетъ нашу самостоятельность. Допустивъ одно, можно допустить и другое. Пріймите на одну минуту, что есть особенная, исключительно нѣмецкая наука, особенная, исключительно китайская: вы, во-первыхъ, дойдите до результата, что нѣтъ никакой науки, какъ субъекта пониманія одной истины; а потомъ единство міра и человѣческаго рода для васъ утратится; народы и племена распадутся въ вашихъ глазахъ на отдѣльныя массы, ничѣмъ несвязанныя между собою, кромѣ случая, или какого-то необъяснимаго, страннаго, Богъ-знаетъ почему и зачѣмъ существующаго, истинита. Тогда-то вы получите право не шутя спросить: зачѣмъ нѣмецкій истинникъ сталъ вліять на славянской? Можетъ-быть, онъ подавляетъ его! Помилуйте, помилуйте! Да развѣ наука, чья бы она ни была, не есть прежде всего взглядъ человѣка на истину? Не предубѣжденіе ли не умѣть въ Нѣмцѣ, Французѣ, Англичанинѣ видѣть человека? Что западная наука убьетъ въ насъ исключительно национальный взглядъ — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія... Но подавить въ насъ нравственныя и духовныя силы, нашу самостоятельность, наше самомышленіе? Такъ не дѣйствуетъ никогда истина, въ какой бы формѣ она ни явилась. Напротивъ, она ведетъ и всегда развиваетъ умъ, возбуждаетъ въ дѣятельности дремлющія силы, а не губитъ

ихъ. Намъ, можетъ-быть, привести въ примѣръ учениковъ, которые какъ-будто подавлены умомъ и знаніями своего учителя, такъ-что они стали тупыми и глупыми, — и если мы не ошибаемся, это хотѣлъ сказать авторъ, говоря, что западный міръ убиваетъ въ насъ самостоятельность и оригинальность. Но тутъ что-нибудь изъ двухъ: или ученикъ бездарный — и въ такомъ случаѣ отсутствіе всякаго ученія и учителя не спасло бы его отъ умственного и нравственнаго ничтожества; или онъ даровитъ и уменъ: тогда непременно, рано или поздно, онъ освободится изъ-подъ нравственнаго авторитета своего учителя, сдѣлается оригинальнымъ и самостоятельнымъ. Это вовсе не значитъ, что онъ будетъ думать и говорить прямо-противоположно съ своимъ учителемъ, или непременно слово-въ-слово то же, что учитель. Онъ только будетъ говорить и думать свое, а не чужое. Иное онъ дополнитъ, другое измѣнитъ, третье докажетъ новыми доводами. Сравненіе учителя и его бывшаго ученика покажетъ, что между ними тѣсная, необходимая, внутренняя связь; что послѣдній продолжалъ дѣло перваго, какъ бы ни были, повиданному, различны ихъ взгляды и понятія. А покуда этотъ умный и даровитый ученикъ не сдѣлался оригинальнымъ и самостоятельнымъ — просто значить, что онъ еще молодъ, что его нравственныя силы еще не окрепли, что ему не съ чего подняться. Если это такъ — прежде времени не советуйте ему, чтобъ онъ сталъ самостоятельнымъ, что ему нечего повторять слова и мысли учителя. Вы его испортите. Съ вашихъ советомъ онъ начнетъ думать о себѣ Богъ-знаетъ что, и, пожалуй, сдѣлается хвастливымъ мальчишкой съ безплодными претензіями на оригинальность. Это будетъ чловѣкъ погибшій для науки и истины.

Впрочемъ, *comparaison n'est pas raison*. Цѣлый народъ не такъ-то скоро собьешь съ толку, какъ отдѣльное лицо, особенно русскій народъ, одаренный большимъ практическимъ смысломъ.

Ложный совѣтъ своротить съ прямого пути нѣсколько людей, а то не очень-талантливыхъ. Они станутъ мечтать о какой-то несуществующей славянской или русской оригинальной наукѣ; одинъ, учась и занимаясь, дойдутъ до нелѣпныхъ выводовъ; другіе не станутъ ничему учиться, и тѣмъ больше будетъ ихъ заносчивость, ихъ претензіи. И тѣ и другіе сдѣлаются смѣшны и странны. Мимо нихъ пройдетъ равнодушное, но безпристрастное большинство; еще немного времени — и ихъ совершенно забудутъ. Тѣмъ все и кончится. Останется въ немногихъ сожалѣніе, что эти люди могли бы быть относительно-полезны и провалились какъ устоупы...

Если мы однажды приобщились къ жизни Европы, в нашей полуторавѣковой исторіи со временъ Петра, и испроваемъ сочувствіемъ ко всему европейскому, даже до пожертвованія исключительною національностью — нечего и думать объ эгоистической отдѣльности, равнодушіи. Съ реформы Петра Великаго все у насъ съ Европой общее, а съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе; ея силлогизмы, ея стремленія стали нашими; ея дѣло — нашъ дѣломъ, ея наука — наша наука. Вспомнимъ, что не одніи истинныя, частныя, исключительно-историческія интересы Европы мы перенесли на свое плечу. Подъ европейской формой мы усвоили и усвоиваемъ себѣ чуждое, равно близкое и родное всѣмъ племенамъ: истина старая, новая, къ сожалѣнію, сдѣлалась часто отгадкой у насъ въ тѣни. Отрицаніе исключительно — національнаго европеизма, замѣшаннаго нами, конечно, придетъ со временемъ; будетъ надѣяться; но прежде всего предоставимъ это исторіи. Не достигнувъ полной самостоятельности въ мышленіи, въ дѣйствованіи, мы далеко не въ состояніи опредѣлять, что изъ принимаемаго нами съ запада обще-человѣческое, и что исключительно-историческое, принадлежащее одной Европѣ. Съ послѣднимъ мы стали бы теперь отрицать и первое. Массово заставляясь насъ такъ думать...

Вотъ все, что мы считали нужнымъ сказать в предисловіи. Можетъ быть, насъ удержатъ за то, что мы разбирали его такъ подробно. Мы съ своей стороны думаемъ, что всякое добросовѣстное убѣжденіе имѣетъ право на внимательную оцѣнку, и чѣмъ оно ошибочнѣе, тѣмъ большее имѣетъ право на такую оцѣнку. Мнѣнія, высказанныя авторомъ, были благородны, хотя и ложны. Слова его согрѣты искреннею любовью къ истинѣ и наукѣ. Не смотря на односторонность взгляда, онъ умѣлъ сохранить себя чистымъ отъ грѣха нетерпимости къ противоположнымъ мнѣніямъ, понималъ ихъ важность, и чувствовалъ все обаяніе западнаго міра. Нѣсколько послѣднихъ выписокъ изъ предисловія докажутъ это:

«Учителю же и просвѣтителю нашему (т. е. Западу) мы обязаны многимъ, и не можемъ не быть благодарны ему за все, что онъ за насъ выработалъ, пережилъ и претерпѣлъ, и что досталось намъ даромъ, безъ труда, безъ пота и крови, — за добро и зло, истину и ложь, которыя онъ вынесъ изъ своего долгаго трудового вѣка. На Западѣ впервые были подняты и пробуждены всѣ вопросы науки и жизни къ мировой дѣятельности, и во всемъ живомъ многообразіи ихъ развивавшейся и ими развиваемой личности; у западнаго человѣка достало мужества, чтобъ не останавливаться ни передъ однимъ вопросомъ, и не испугаться ни одной крайности утилитарнаго или нравственнаго міра. И потому обвинять ли его въ этихъ крайностяхъ? Онъ былъ лишь неизбежными спутниками его духовной отваги и страстной дѣятельности» (стр. 3).

«Такой взглядъ во многомъ, можетъ быть, вовсе не раздѣляетъ многими изъ участниковъ въ изданіи, какъ въ томъ можно убѣдиться изъ многихъ статей, неизданныхъ въ первомъ томѣ, — а потому не должно быть смѣшиваемо одно съ другимъ. Всякій взглядъ и всякое представленіе фактовъ могутъ быть болѣе или менѣе ошибочны, но факты остаются тѣ же, какъ бы не было односторонно ихъ представленіе (если только оно добросовѣстно); и самое заблужденіе, если не прямо, то противодѣйствіемъ, которое оно вызвало или вызоветъ, одинаково вырабатывается то истинное познаніе или ту

истину, которая должна окончательно утвердиться въ наукѣ и сдѣлаться ея общими достояніемъ. Ошибаться можемъ и мы, болѣе или менѣе, такъ же какъ и другіе; всякое возрѣніе выработывается окончательно только временемъ и только временемъ освобождается отъ всего дичаваго и случайнаго. — Но только наука и добросовѣстное наученіе ея во всёхъ ея многостороннихъ направленіяхъ и во всей односторонности каждаго изъ нихъ можетъ окончательно разоблачить вопросы отъ всего ихъ случайнаго и навсегда утвердить на неизмѣнной почвѣ. Для такой же послѣдней задачи и цѣльскія науки и всякаго свѣдѣнія одинаково служатъ и всякое заблужденіе и даже не рѣдко болѣе, чѣмъ недозрѣлая, недодуманная или недосказанная истина» (стр. 20).

Языкъ предисловія хорошъ, мѣстами превосходитъ.

За тѣмъ слѣдуетъ введеніе, или статья *смысла введенія* г. А. Хомякова. Определить ея содержаніе трудно. Это очеркъ послѣднихъ судебъ древняго міра, начала новаго и расселенія племенъ, преимущественно славянскихъ. Кой-гдѣ указаны важнѣйшія событія въ исторіи послѣднихъ, кромѣ Россіи — все въ самыхъ краткихъ чертахъ. Впрочемъ, дѣло вовсе не въ содержаніи. Какъ редакторъ принялъ такую статью въ «Сборникъ», почти исключительно посвященный Славянамъ, и напечаталъ вмѣсто введенія, которое, какъ всѣмъ извѣстно, должно быть выраженіемъ духа и направленія цѣлой книги, мы понять не можемъ! Тутъ, вѣроятно, какое-нибудь недоразумѣніе между редакторомъ и авторомъ.

Статью открываетъ игра историческими фактами и весомѣнными историческими истинами, словомъ, игра въ исторію; заключаетъ — иронія надъ всѣмъ славянскимъ міромъ, его прошедшимъ и будущимъ.

Сначала, ничего не подозревая, мы хотѣли-было добросовѣстно разобрать статью; но уже на второй страницѣ наголкунулись на слѣдующее мѣсто:

«Налѣтъ Великихъ Гунновъ переиначилъ направленіе движенія Германскаго. Кто

бы ни были эти воинственные выходы при-Волжья — послѣдствіе ихъ паденію (и) лето. Удары Аттилы были направлены болѣе на область Германскую, чѣмъ на Римъ. Византию онъ оставилъ въ совершенномъ покоѣ, и Западная Имперія кажется налекла его гнѣвъ только тѣмъ, что подала помощь и убѣжище Германцамъ. Ослабленные и испуганные Готы, Бургунацы, Свевы, Алапы бросились всѣ на Западъ. Даже послѣ смерти великаго завоевателя они не смѣли или не могли возвратиться къ странамъ восточнымъ, откуда налетѣла на нихъ Гунская буря, и оселились навсегда въ новопокоренныхъ ими областяхъ».

Это насъ вѣскольکو смутило. Мы было хотѣли сказать: вотъ взглядъ совершенно новый на движеніе народовъ въ V столѣтіи! Мы знали Аттилу великимъ завоевателемъ, губителемъ государствъ и народовъ, которому подобныя являютъ только въ исторіи монгольскаго племени; г. Хомяковъ называетъ его съ другой, доселѣ неимѣченной стороны. Его Аттила глубокомысленный политикъ, предвидящій будущія событія, — оскорбленія, которыя Славянамъ суждено было вынести отъ Германцевъ. Вотъ объясненіе всей дѣятельности, всѣхъ походовъ гунскаго царя. Признаемся откровенно, такіа мысли не могли бы прійти въ голову настоящему историку, привыкшему вѣрить только свидѣтельству источиниковъ. О планахъ, приписанныхъ Аттилѣ и его враждѣ къ германскому міру, *или ли одною слова имъ въ одномъ современномъ источникѣ*. Тѣмъ болѣе славы г. Хомякову: тамъ, гдѣ умолчалъ скромный голосъ науки, поднялъ онъ свой голосъ. Силою поэтическаго прозрѣнія, онъ угадалъ не только сокровенный смыслъ событій, доселѣ явившихся намъ въ другомъ видѣ, но даже тайныя мысли Аттилы. Онъ знаетъ, чѣмъ именно налекла на себя его гнѣвъ Западная Имперія: она подала помощь и убѣжище Германцамъ — аное дѣло! Не охватывая своимъ взглядомъ массы событій, г. Хомяковъ, разумеется, не всегда обращаетъ вниманіе на подроб-

ности. Ему позволительно пренебрегать той математической строгостью, которая, по его же прекрасному выражению, хотя и «составляет лучшую отраду въ жизни ученыхъ мужей», однако не «совершенно необходима для человѣческаго просвѣщенія». Обреченные на трудъ болѣе-скромный, мы позволяемъ себѣ указать на нѣкоторые мелочи, незамѣченныя авторомъ. Во-первыхъ, Аттила не оставилъ Византии въ совершенномъ покоѣ. Онъ опустошалъ ее ежегодными набѣгами до самаго вступленія на византийскій престолъ императора Маркіана: Гунны обратили въ безлюдную степь земли, лежащія между Дунаемъ и Балканомъ. Византийцы рѣдко прибѣгали къ открытому сопротивленію, откупались отъ большей бѣды данью, а иногда прибѣгали и къ худшимъ средствамъ, какъ на-примѣръ къ отравѣ. Феодосій II покушался на жизнь Аттилы. Ссылаемся на признаніе самихъ византийскихъ писателей, въ-особенности на ритора Приска, который ѣздилъ съ извиненіями къ царю Гунновъ. Во-вторыхъ, въ числѣ «испуганныхъ» и загнанныхъ Аттилою на западъ германскихъ племенъ, г. Хомяковъ называетъ Бургундовъ, которые жили около Рейна, когда о Гуннахъ еще не было въ слуха, — и Алановъ, которые, по всей вѣроятности, были Славяне. Въ-третьихъ, г. Хомяковъ говоритъ, что Германцы, отброшенные Аттилою на западъ, не смѣли или не могли возвратиться на родину даже по смерти завоевателя. Не смѣли? Врядъ ли такъ! Германскія племена Ост-Готы и Гепиды наиболѣе содѣйствовали къ паденію Гуннскаго Царства. А другихъ, испуганныхъ Аттилою Германцевъ, которыхъ онъ загналъ въ Галлію, Испанію и Италію, лучшія страны Юго-западной Европы, даже богатыя остатками римской цивилизаціи, вѣроятно, не слишкомъ мамила навадъ болотистая и дѣсная родина...

Все это мы было-хотѣли сказать г. Хомякову, какъ вдругъ насъ озарила

яркая мысль... Мы поняли, что дались въ обманъ, и невольно покрасѣли. Потому мы ужъ съ наслажденіемъ прочитали слѣдующія строки:

(На стр. 3). «Семьи, болѣе удаленныя отъ римскихъ предѣловъ, сохранили съ большою частотой семейное начало и характеръ человѣческій. Такимъ въ особенностяхъ Саксонцы, которыхъ впрочемъ ни по языку, ни по обычаямъ, ни по религіи не должно считать за чистыхъ Германцевъ. Къ несчастію, именно тѣ семьи, которыя были покорены римской власти, которыя утратили уже многое изъ своей народности и первобытныхъ достоинствъ въ наемной службѣ чужеземцу, въ наслажденіяхъ развратнаго и роскошнаго Рима... заняли первое мѣсто въ жизни Западной Европы. Покоривъ Галлію, Франки, удержанные съ юга Готами, а послѣ того непобѣдимую силою Аравитанъ, опрокинулись снова на востокъ... Германія искажалась возвратомъ въ ея вѣдра уже искаженной стихіи германской...»

«Норманны, бездомные, безсемейные и бездушные, передъ судомъ людей, безпристрастно оцѣнивающихъ животное мужество и животную доблесть, Норманны разрушили старую Англію и перенесли въ нее весь гнусный развратъ и весь безчеловѣчный бытъ, которому научились они во Франціи, и которому Франки учили всю Европу.»

Что за забавная игра—игра въ исторію! Факты въ ней, какъ стеклышки въ калейдоскопѣ: стоятъ кверху ногами, а что-то выходитъ! Разумѣется, никто не дастъ статьи г. Хомякова прочитать молодому человѣку, который вовсе незнакомъ съ исторіей, потому-что послѣ ему бы и въ жизнь не выучиться исторіи. А прочитать ее такъ, знаете ли, для курьеза, пріятно! Кто не знаетъ, что вся новая образованность Европы вышла изъ соединенія римскаго, или, въ болѣе-обширномъ смыслѣ, античнаго начала съ началомъ германскимъ? Кто не знаетъ, какую роль играли при этомъ соединеніи Франки? Они были главными изъ племенъ германскихъ. Они отстояли для Западной-Европы полученное ими въ наслѣдіе отъ Рима христіанство и об-

разованность противъ двойкаго патиска язычества и ислама. Г. Хомякову тотчасъ представилось: а что выйдетъ, если Фрянковъ выдать и развратными и развратившими Германію? Я-чай, многие посмѣются? И точно, смѣшно до слезъ! Франкъ Карль-Мартелль побѣдою 732 года удержалъ вторженіе ислама въ Европу, а г. Хомяковъ тотчасъ выворотилъ этотъ фактъ наизнанку, и говоритъ, что Арабы удержали вторженіе Франковъ въ Южную Европу... Франкъ Карль-Великій, покореиенъ Саксовъ положилъ конецъ политическому значенію язычества въ Европѣ, а г. Хомяковъ хулить и Римъ, изъ котораго взято христіанство Франками, и Франковъ, которые утвердили его въ Европѣ. Фактъ дознанный совокупными розыскавіями всѣхъ знаменитѣйшихъ историковъ и филологовъ, что Саксы — коренное германское племя, которое только жило въ сосѣдствѣ съ Славянами; а г. Хомяковъ, продолжая игру въ исторію, говорить, что саксонское племя мѣшавое... Что это за милая игра, право! Исландскія саги и стройныя государства, основанныя Норманнами, даютъ намъ высокое поэтическое понятіе объ этихъ завоевателяхъ, этихъ странствователяхъ по морямъ, а г. Хомяковъ представляетъ ихъ животными... да, животными, людьми бездушными, съ животнымъ мужествомъ и животною доблестью!..

Дивная игра въ исторію! Знаете что, читатель? Когда, послѣ жирнаго обѣда, или въ другое время, вы будете чувствовать себя неспособнымъ ни къ чему дѣльному и серьезному, возьмите нѣсколько бумажекъ, ровно обрѣзанныхъ, и напишите на каждой имя какого-нибудь историческаго лица, названіе мѣста, города, рѣки или области; какой-нибудь глаголъ, на-пр. *развратилъ, побѣдилъ, внесъ, налетѣлъ, опрокинулъ, прибавьте дикій бытъ*, какое-нибудь прилагательное, на-прим. *тупый, развратный, бездомный, бездушный*. Перешивайте потомъ все это хорошенько и выньте наугадъ. Будутъ

Т. XLVII. — Отд. V.

выходить уморительныя вещи, на-пр. что Александръ - Великій на Мысль-Доброй-Надежды драся съ Эскимосцами, или что Гунны загнали Бургундовъ на западъ Европы—какъ вышло у г. Хомякова. Вотъ вамъ и весь секретъ игры въ исторію! Она очень смѣшна, и потому содѣйствуетъ пищеваренію, прогоняетъ сплннь; въ добавокъ она даетъ незамѣтно пройти времени, котораго нельзя порядочно употребить. Чудная игра!

Въ ироніи вадъ Славянами, г. Хомяковъ превзошелъ самого-себя. Посмотришь съ-проста, г. Хомяковъ, кажется, хвалитъ Славянъ до-невестья, а послѣ, глядъ, все насмѣшки, да еще какія! Въ томъ-то вся и сила. Что въ-самомъ дѣлѣ за иронія, которая съ-оника бросается въ глаза?..

Сначала, г. Хомяковъ такъ и разсыпается въ похвалахъ Славянамъ. И не «выселялись-то они въ чужую область», а все дома сидѣли; и «не развращали они своей внутренней жизни соблазнительнымъ преступленіемъ завоеваній», и общины-то ихъ были «безъискусственны» и пр. и пр... А какія похвалы! Все насмѣшки и неправды. Сказано, на-пр., что у Славянъ процвѣтало земледѣльство и торговля, а не сказано, и умыленно, что Венды-Поморяне были страшные разбойники и въ этомъ не уступали бездушнымъ Норманнамъ. Разумѣется, игра не имѣетъ никакого историческаго достоинства: вся сила ея — въ ироніи. Но такъ-какъ это не всякій съ-разу пойметъ, а иной, пожалуй, приметъ статью и за чистыя дебри, то г. Хомяковъ спохватился, правда въ-время, и чѣмъ дальше, тѣмъ яснѣе иронизируетъ, такъ-что и не очень-догадливыи и тотъ догадается. Тамъ похвалитъ Славянъ за то, что ихъ обманывали и угнетали; здѣсь скажетъ, что всякій встрѣчный-поперечный употреблялъ ихъ, какъ «орудіе своихъ завоеваній». Въ другомъ мѣстѣ, они, кроткіе и миролюбивые, рѣжуютъ у него между собою мало-что за себя, за другихъ; на

1/2

5-й страницѣ онъ похвалилъ ихъ, да и сказалъ, будто ненарокомъ, что, принадлежа къ восточной церкви, западные Славяне не замѣчали различія ея съ католической; на страницѣ 7-й опять похвалилъ, и опять-мимоходомъ замѣтилъ, что одинъ изъ дружныхъ братьевъ славянской семьи «выговорилъ себѣ у чужеземца-Тевтона право безнаказанно губить своихъ братьевъ». Одинъ серьезный и добросовѣстный, но, какъ видно, недалекій человекъ замѣтилъ намъ, что, по словамъ г. Хомякова, «Германія при св. Генрихѣ съ трепетомъ ожидала своего паденія отъ побѣдъ Славянъ; а откуда это извѣстие, Богъ-извѣст! Насъ досада взяла при этомъ замѣчаніи. Какъ, кажется, не понять, что весь интересъ не въ исторической истинѣ, а въ ироніи? Человекъ дочитался до конца статьи, и не могъ этого замѣтить!

Въ заключеніи, г. Хомяковъ изъ ироническаго, смѣющагося тона, вдругъ переходитъ въ высоко-комическій. Онъ становится возвышеннымъ сатирикомъ. Вотъ что онъ говоритъ:

«Быть можетъ, Провидѣніе, не благословившее праведныхъ подвиговъ земля Виздской, спасло стяхію славянскую отъ искаженія. Завоеватели области Германской, — Славяне повторили бы въ исторіи міра тѣ же самыя явленія, которые сопровождали торжество Тевтоновъ надъ Римомъ и исказили въ нихъ начало человеческое».

«Долго страдавшій, но окончательно спасенный въ роковой борьбѣ, болѣе или менѣе искаженный чуждою примѣсью, но нигдѣ незаклейменный наследственно печатью преступленія и несправедливаго стяжанія, славянскій міръ хранить для человечества если не зародышъ, то возможность обновленія».

Какая насмѣшка надъ внутренними силами славянскаго племени! Какая иронія въ словахъ: «если не зародышъ, то возможность обновленія». На все будущее Славянъ ими брошенъ врачный свѣтъ! Кто не знаетъ, что гдѣ нѣтъ зародыша, тамъ нѣтъ и возможности?..

Талантъ автора несомнѣненъ. Особенно пріятно было намъ видѣть, что

г. Хомяковъ принадлежитъ къ тому малому избранному числу русскихъ писателей, которыхъ удачныя опыты вставляютъ пяти впередъ, развѣиваться. Мы съ большимъ удовольствіемъ прочли первый историческій трудъ г. Хомякова — *Царствованіе Теодора Иоанновича*; второй — *Двадцать лѣтъ царствованія Иоанна Грознаго* несравненно-выше. Третій, который мы разбирали, — верхъ совершенства...

Слѣдующія за тѣми статьи «Сборника» могутъ быть раздѣлены на двѣ категоріи: одні изъ нихъ чисто-ученыя, чуждыя всякихъ умствованій и разглагольствованій, и просто разсказывающія намъ факты и выводы изъ нихъ. Другія проводятъ направленіе и наполнены «взглядами»... Первыми цѣль и назначеніе «Сборника» достигаются вполне. Онѣ даютъ положительныя свѣдѣнія о предметахъ мало-извѣстныхъ, и потому заслуживаютъ большаго вниманія и благодарности. Достоинство ихъ, разумѣется, неодинаково, что, однако, не мѣшаетъ всѣмъ имъ быть очень-интересными, особливо для занимающихся славянскимъ міромъ и Славянами. Вотъ эти статьи:

Юридическій бытъ Силезіи и Лужицъ и введеніе въ эти земли Нѣмецкихъ Колонистовъ. Статья, составленная по книгѣ Цшоппе и Штенцеля: *К. Кавелинымъ*. Послѣ очень короткаго очерка національно-славянскаго юридическаго быта въ Силезіи и Лужицахъ (Лавицѣ), разсказаны причины введенія сюда нѣмецкихъ колонистовъ, и представлены права и устройство нѣмецкихъ общинъ.

Исторія древняго наследственнаго права (по закону) у Славянъ. Превосходное сочиненіе г. Губе, удостоенное преміи Юридическимъ Факультетомъ Варшавскаго-Университета, съ дополненіемъ, составленнымъ переводчикомъ этого сочиненія на нѣмецкій языкъ. Переводъ на русскій языкъ сдѣланъ г. А. Бакулнымъ.

Объ опеки и наследствѣ по Русской Правдѣ г. А. Попова. Факты, относящіяся къ наследованію и опеки въ эпо-

ху Русской Правды такъ исчерпаны, что трудно сказать о нихъ что-нибудь новое. Нужно бы сравнить ихъ съ древними постановленіями прочихъ Славянъ и подробно изучить наследованіе и опеку въ русскихъ княжескихъ владѣтельныхъ родахъ. Для перваго кое-что сдѣлано авторомъ; для втораго — ничего.

О земледѣліи, промышленности и вообще богатствѣхъ Польши въ XV и XVII вѣкѣ. Статья, составленная по книгѣ Суворецкаго. Въ ней говорится о цвѣтущемъ состояніи земледѣлія, городовъ и торговли въ Польшѣ, и причинахъ ихъ упадка. Авторъ долженъ былъ съ тѣмъ виѣстѣ коснуться юридическаго быта Польши. И то и другое очень любопытно.

Волинь, Іомсбургъ и Винета. Историческое изслѣдованіе г. Т. Гравовскаго, профессора исторіи среднихъ вѣковъ при Московскомъ Университетѣ. Ученое, превосходно-записанное разсужденіе о городахъ или поселеніяхъ на островѣ Волинь, которые слились въ преданіяхъ въ одинъ баснословный славянскій городъ Винету. Изслѣдователь (какъ извѣстно нашимъ читателямъ изъ отчета нашего объ этомъ сочиненіи, изданномъ особою брошюрою въ прошломъ году), доказываетъ въ своемъ сочиненіи, что Волинь вендское поселеніе, Іомсбургъ — крѣпость, основанная Норманнами близъ Волина; Винета — городъ, никогда не существовавшій. Это разсужденіе писано г. Гравовскимъ на степень магистра, и въ минувшемъ году, на публичномъ диспутѣ, подало поводъ къ жаркимъ преріямъ...

Извлеченіе изъ письма Рабби Хисдай Бенъ Ицхака къ царю Хозарскому, переведенное съ еврейскаго г. К. Коссовичемъ. Не понимаемъ, какъ оно попало въ «Сборникъ»; въ немъ нѣтъ ничего о Славянахъ. Разъ только упоминается о Руссахъ и Болгарахъ, да и то такъ, что изъ этого извѣстія ничего нельзя вывести.

О любочныхъ картинахъ Русскаго народа, нашего извѣстнаго достопочтеннаго археолога И. М. Снегирева. Сначала, эта статья была напечатана въ «Москвитянинѣ» и заслужила лестныя отзывы знаменитаго Я. Гримма. Послѣ, сочинитель передѣлалъ ее вновь, дополнивъ многими любопытными подробностями, и въ этомъ видѣ вошла она въ составъ «Сборника». Мы прочли ее съ большимъ наслажденіемъ. Авторъ служить русской исторіи не словомъ, а дѣломъ. Нигдѣ онъ не хвалитъ, нигдѣ не бранитъ, а только разсказываетъ любопытнѣйшія вещи, которыя достались ему не даромъ, требовали большихъ усилій и предполагаютъ близкое знакомство съ бытомъ простаго народа. Сколько ума, остроты, ироніи въ русскомъ челоуѣкѣ! Какъ онъ уменъ и даровитъ отъ природы! Жаль, что «странные» взгляды мѣшаютъ покойно и вдоволь имъ насладиться.

О значеніи слова «черный» въ древнемъ Русскомъ языкѣ и преимущественно о черномъ борѣ Новгородскомъ. Эта статья принадлежитъ г. С. Соловьеву, профессору русской исторіи при Московскомъ Университетѣ, — тому самому, съ которымъ мы уже имѣли случай весьма-пріятнымъ образомъ познакомиться при разборѣ его сочиненія объ отношеніи Новгорода къ великимъ князьямъ. Статья дѣльная, прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ. Начитанный и добросовѣстный авторъ доказываетъ, что слово «черный», равно какъ и «двйный», значило у насъ прежде *общій, неопредѣленный, остальной, прочій, къ известному разряду лицъ или вещей непрінадлежащій, ничей*. Ех contrario «бѣлый» означало *опредѣленный, ясный, кому-либо принадлежащій*. Толкованіе, какъ намъ кажется, поразительно-вѣрное. Множество техническихъ словъ въ нашей древней терминологіи, особенно юридической, объясняются имъ какъ нельзя-лучше, напр. слово *объявить*, которое встрѣчается въ различныхъ смыслахъ, по-видимому противорѣчащихъ другъ другу. То же безпристрастіе, то

же чисто-историческое направление, которое замѣтили мы въ диссертации, нашли здѣсь. Два примѣчанія, означенныя звѣздочками, составляютъ исключеніе. Но они принадлежать не автору, а издателю (*).

Христіанство въ Абиссиніи. Статья 1. Авторъ ея—покойный издатель «Сборника», г. Валуевъ. Послѣ краткаго введенія, въ которомъ доказывается, что Кельты принадлежали первоначально къ восточной, а не римской церкви, и что первые ихъ просвѣтителіи были восточные проповѣдники, авторъ переходитъ къ главному предмету статьи и доказываетъ, что Абиссинія до XIII вѣка принадлежала къ православной восточной церкви. Въ то время, эта страна официально приняла коптское исповѣданіе, оставаясь на дѣлѣ православною, и ужь съ паденіемъ Византійской Имперіи начала распространяться въ Абиссиніи католическая религія.

Не смотря на то, что въ этой статьѣ высказываются мѣстами историческія пристрастія и ненависти автора, она обнаруживаетъ огромную начитанность и страсть къ своему дѣлу. Мы можемъ сообщить за достовѣрное, что покойный г. Валуевъ ничего не щадилъ для уваженія всего, что было писано по этому предмету, и даже все время пребыванія своего за границей, когда здоровье уже требовало отъ него иныхъ заботъ, исключительно посвятилъ на собираніе матеріаловъ для большаго сочиненія, изъ котораго только небольшой отрывокъ помѣщенъ въ «Сборникѣ». Мы не станемъ разсуждать о томъ, хорошо ли

авторъ употребилъ свои силы. Но нельзя не пожалѣть о потерѣ человека, который умѣлъ такъ исполнѣть, такъ безгранично жертвовать собою для любимой мысли. Мало у насъ такихъ людей!

Всю вторую часть «Сборника» занимаетъ сочиненіе извѣстнаго А. Рейца (бывшаго профессора Дерптскаго-Университета): *О политическомъ устройствѣ и правахъ прибрежныхъ острововъ и городовъ Далмаціи въ средніе вѣка.* Здѣсь подробно говорится какъ о политическомъ, такъ и объ административномъ устройствѣ городовъ и острововъ Далмаціи, о финансахъ, сословіяхъ, гражданскомъ и уголовномъ правѣ.

Прочія статьи «Сборника», здѣсь не упомянутыя, принадлежать всѣ, болѣе или менѣе, къ числу такихъ, въ которыхъ проводится извѣстное направленіе, извѣстная мысль, и которыя, слѣдовательно, по принятому нами раздѣленію, относятся къ второй категоріи. Издатель говоритъ въ предисловіи, что въ первомъ томѣ «Сборника» много статей, которыхъ направленіе несогласно съ взглядомъ, имъ высказаннымъ. Послѣ внимательнаго чтенія, мы не нашли ни одной такой статьи. Всѣ, въ которыхъ только высказано какое-нибудь направленіе, гласятъ то же, что и предисловіе. Питая глубокое уваженіе ко всякому положительному, добросовѣстному фактическому изслѣдованію, каковъ бы ни былъ его предметъ, каковы бы ни были его результаты, мы страхъ-какъ не любимъ статей и сочиненій, написанныхъ съ задними мыслями, статей,—въ которыхъ ложные, ничѣмъ—недоказанные, изношенные взгляды прятуются за факты, часто урода ихъ. А потому, хотъ это и скучненько, рассмотримъ статьи «Сборника», написанныя съ направленіемъ, со взглядами. Къ-частію, ихъ только четыре. Вотъ онѣ по порядку:

Города нѣмецкіе и славянскіе. Статья издателя. Она составляетъ объясненіе и дополненіе статьи о юридическомъ бытѣ Силезіи и Лужицъ, выбранной г. Кавелинымъ изъ сочиненія Штенце-

(*) Въ предисловіи издатель именно говоритъ, что примѣчанія, означенныя двумя звѣздочками, принадлежать ему, а не сочинителямъ статей. Одно изъ заподозрѣнныхъ нами примѣчаній дѣйствительно отмѣчено двумя звѣздочками, другое одной. Но мы уполномочены самимъ авторомъ, г. Соловьевымъ, объявлять, что это опечатка, и что примѣчаніе принадлежитъ не ему, а издателю «Сборника».

ли и Цшовпе. Несогласный съ мнѣнiемъ германскихъ ученыхъ, что вѣмцевъ колонiи привнесли въ славянскiя земли улучшенное земледѣлiе, ремесла и искусства, вѣстѣ съ лучшимъ общественнымъ устройствомъ и городо-вымъ правомъ, издатель излагаетъ свое собственное. Онъ думаетъ, что общинное устройство, безъ различiя городовъ отъ селъ, было искони въ славянскомъ племени, устройство несравненно высшее германскаго, безъ мовополiй, кастъ, цеховъ и гильдiй; что, напротивъ, у Германцевъ, преданныхъ одной войнѣ, община была сначала невѣдѣтна; первыи типомъ для ихъ городского устройства послужили римскiя муниципiи, и уже потомъ развился у нихъ общинный бытъ, не ранѣе XII и XIII вѣка. Какъ же объяснить фактъ колонизацiи Нѣмцевъ въ славянскихъ земляхъ? Г. Валуевъ объясняетъ это особенностiю исторической судьбы лехитскаго племени. Оно, по географическому своему положенiю, вызвано было на постоянную борьбу съ иновѣдцами и воспнтало въ себѣ, конечно по необходимости, дружинное начало, совершенно несвойственное миролюбивымъ Славянамъ. Это именно и развратило Славянъ-Лехитовъ. Дружинникъ давилъ своего собрата-поселянина всѣми силами. Низшiе классы или были истреблены, или такъ раздавлены, что стали ни къ чему не способны. Общинное начало исчезло. Тогда нужно было прибѣгнуть къ вѣмцевымъ колонистамъ.

О такихъ серьезныхъ вопросахъ, какъ общинное и дружинное начало, затронутыхъ авторомъ и рѣшенныхъ неправильно, трудно говорить въ нѣсколькихъ словахъ: нужны цѣлыя сочиненiя. Впрочемъ, для всякаго, кто только просто, безъ увлеченiя смотритъ на вещи, всѣ аргументы г. Валуева ровно ничего не доказываютъ. Противъ фактовъ трудно спорить! У Славянъ были общины, да исчезли, даже тамъ, гдѣ жизнь развивалась безъ чуждаго влiянiя, какъ наприм. у насъ въ Россiи; у Германцевъ не было вовсе общинъ — онѣ оставались и процвѣ-

тали, достигнувъ до высокаго, даже политическаго значенiя. Германецъ вынесъ дружинное устройство, а Славяне не вынесли его. Выведемъ ли изъ этого заключенiя въ пользу Славянъ и противъ Германцевъ? Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. Изъ всѣхъ Славянъ одни только Русскiе умѣли создать государство, и вывели его. Можно ли вѣнчать всѣмъ прочимъ славянскимъ племенамъ въ достоинство, что имъ было чуждо государственное начало? Опять нѣтъ. Вѣсто того, чтобъ спорить противъ исторiи, или досадовать на нее, и за неудачи, несчастiя Славянъ несправедливо порочить Германцевъ, не гораздо ли лучше было бы стараться вникнуть и понять глубокознаменательный смыслъ всѣхъ этихъ историческихъ явленiй? Только тогда и принесутъ плоды наши историческiя разисканiя, когда мы перестанемъ отрицать факты, а прийдемся безпристрастно объяснять ихъ глубокiя, органическiя причины...

Розысканiя Кладѣна о Славянахъ, въ импiиной (Браниборской) Бранденбургской Области.

Эта статья открывается слѣдующимъ четверостишиемъ:

«Иновѣдецъ, иновѣрецъ,
Пасъ разрознилъ, разлучилъ;
Тѣхъ обеззачинилъ (?) Нѣмецъ,
Этихъ Турокъ разгромилъ.»

Кому принадлежитъ этотъ блистательный стихотворный отрывокъ — не знаемъ. Скромный авторъ скрылъ свое имя. Къ-чему стоитъ здѣсь это четверостишие: для того ли, чтобъ напередъ возбудить читателя къ благоговѣйному чувству, или это оглавленiе статьи — мы тоже не знаемъ. Послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ понять таинственное назначенiе дивныхъ стиховъ, мы отложили попеченiе...

За тѣмъ статья. Послѣ такого вступленiя вы думаете, что и ни вѣстѣ какiя истины открыты, какiе вопросы рѣшены? Ни чуть не бывало! Мы находимъ, что на мѣстѣ, гдѣ стоитъ те-

перь Берлинъ, было, когда-то прежде, значительное славянское поселеніе; что Бранденбургская-Марка не только не была безлюдной пустыней до поселенія въ ней Нѣмцевъ, но была наполнена Вендами-Славянами, даже была населеннѣе, нежели теперь. Все это приправлено разными и равными похвалами Вендамъ и выходками противъ Германцевъ. И въ томъ и въ другомъ много правды, много и неправды. Изъ того, что Славяне были отличные земледѣльцы, что земля ихъ, сама-по-себѣ неплодородная, сдѣлалась почти земнымъ раемъ отъ ихъ трудовъ, авторъ выводитъ, что Славяне были сначала просвѣщеннѣе Германцевъ. Какъ одно съ другимъ клеветя, право не знаемъ. Въ заключеніе онъ говоритъ:

«Таковъ голосъ истины, который подаетъ намъ современная нѣмецкая наука въ ея безкорыстныхъ и честныхъ труженникахъ. А мы современники этой науки и потомки или родные братья этихъ Вендовъ, язычниковъ (которыхъ нельзя не признавать просвѣщенными въ сравненіи съ современнымъ ему варваромъ Нѣмцемъ, хотя и наследникомъ римскаго христіанства и просвѣщенна), доселѣ продолжаемъ съ первыми нашими понятіями объ исторіи, только что не краснѣть за варварство своихъ предковъ и свое славянское происхожденіе — безотчетно преклоняясь передъ исконнымъ просвѣщеніемъ Германица и его исконнымъ превосходствомъ надъ нами» (стр. 246).

Стоило ли изъ всего этого расточать столько хулы, предпосылать плохое четверостишіе, столько взводить напраслинъ на Германцевъ, заподозривая ихъ превосходство надъ тогдашними Славянами, не смотря на способность послѣднихъ къ землѣдѣлю и всѣхъ ихъ патріархальныя добродѣтели?

Статья составлена, какъ кажется, самимъ издателемъ.

Славянское и Православное населеніе Австріи. Статья I. Статистическое обозрѣніе движенія двухъ народонаселеній Нѣмецкаго и Славянскаго въ Германіи и преимущественно въ Австріи.

Намъ мало удавалось читать статей, такъ превосходно написанныхъ. Къ несчастію, тоя и направленіе ея такъ же пристрастны, какъ и первой. Послѣ общаго взгляда на значеніе Австріи въ средѣ европейскихъ государствъ, — взгляда вѣрнаго и мастерски-написаннаго, — авторъ опредѣляетъ статистическими цифрами отношеніе Славянъ и не-Славянъ въ Германіи, преимущественно въ Австріи. По этому случаю онъ говоритъ вообще объ отношеніяхъ Германцевъ къ Славянамъ въ прежнія времена, о томъ, какъ первые угнетали послѣднихъ и почти не считали ихъ за людей. Разумѣется, дѣло при этомъ не обошлось безъ замѣчаній, очень-непріятныхъ для Нѣмцевъ и очень-лестныхъ для Славянъ. Потомъ авторъ переходитъ къ настоящему времени. Тутъ, прежде всего, страдаютъ нѣмецкіе статистики; за дѣло или безвинно — не умѣемъ сказать, только страдаютъ. Сочинитель статистическими данными доказываетъ, что въ Австріи конечно половина, если не болѣе половины народонаселенія — славянская; что нравственность Славянъ гораздо чище; наконецъ, что славянское народонаселеніе возрастаетъ въ несравненно-большей прогрессіи, чѣмъ нѣмецкое. Авторъ заключаетъ свою статью слѣдующими словами (стр. 257):

«Какъ бы то ни было, эти числа во всякомъ случаѣ многозначительны, особливо возрастающее число умершихъ къ поворожденнымъ въ Нѣмецкомъ населеніи Австріи. — Мысль невольно наводитъ на замѣчаніе Буэ объ Европейской Турціи: «Если бы не новые переселенцы изъ Азіи», говоритъ онъ, «можно было бы съ математическою точностію опредѣлить то время, когда долженъ вымереть послѣдній Турокъ въ Турціи».

Здѣсь нельзя не замѣтить важной ошибки. Буэ говоритъ такъ о Европейской - Турціи, потому-что въ ней турецкое народонаселеніе дѣйствительно уменьшается ежегодно. Въ Австріи же, по-крайней-мѣрѣ, покуда неславянское народонаселеніе увели-

чивается, только не въ одной прогрессинъ съ славянскимъ. Разница большая!

Мы не можемъ отказать читателямъ и себѣ въ удовольствіи привести здѣсь нѣсколько строкъ изъ этой статьи, — такъ онѣ хороши. Рѣчь идетъ о Петрѣ-Великомъ:

«На великомъ далекомъ Сѣверѣ, мужала и крѣпла Россія, внезапно облеклась въ грозный образъ Петра, могуществомъ воли и мысли покорившаго Россію, наперекоръ своему народу и всему прошедшему славянской семьи, — понятію Государства, во всей его исключительной строгости. Петръ понялъ (тѣмъ если и не сознательно) нымъ понимаемъ, которое даво бываетъ великимъ дѣятелемъ исторіи), что лишь такимъ полнымъ торжествомъ Государственного начала могъ его народъ навсегда упрочить за собою то вѣщественное могущество, и то мѣсто среди другихъ народовъ, которые были необходимыми для спокойнаго и свободнаго развитія его внутреннихъ духовныхъ силъ; — и вмѣстѣ навсегда упрочить будущность всей великой семьи, которой дотолѣ всюду и во всѣ вѣка окончательно доставались на долю одни страданья, униженье и рабство. — Онъ заковалъ старую привольную Русь въ строгое и тяжелое зданіе государства и новая государственная Россія взшла грозною тучею на небосклонъ Европы» (стр. 254).

Мысль исторически чрезвычайно выразенная и удивительно-художественно выраженная! Только сравненіе Россіи съ грозною тучею намъ не понравилось...

Вотъ какими мыслями издатель (ибо ему принадлежитъ эта статья) выкупалъ свои пристрастія и предубѣжденія! По этому-то мы такъ и уважаемъ его, имѣя право многого отъ него ожидать, и искренно сожалѣемъ о его потерѣ. Такихъ мыслей много разсѣяно въ его статьяхъ, помѣщенныхъ въ «Сборникъ».

Наконецъ, переходимъ къ послѣдней статьѣ, написанной въ томъ же духѣ, какъ и двѣ первыя. Заглавіе курьезно:

Историческая наука славянскою міра въ последнее пятилѣтіе. Статья 1.

Еслибъ Нѣмецъ издалъ книгу и на первомъ ея листѣ написалъ Историческая наука Германскаго Міра, — мы бы очень удивились. Что такое историческая наука? Мы знаемъ историческія науки, которыя такъ называются въ отлічіе отъ другихъ. Историческая наука мы не знаемъ. Впрочемъ, у насъ такія вещи ни по чемъ съ рукъ сходятъ. Чтожъ бы, вы думали, скрывается подъ такимъ великолѣпнымъ заглавіемъ? Перечень книгъ о Славянахъ, преимущественно ихъ исторіи въ послѣднее пятилѣтіе. И только? — Только! Къ заглавіямъ книгъ приложены коротенькія рецензій, и въ нихъ-то попадаются презабавныя вещи. Особенно странны показались намъ двѣ рецензій, — обѣ, какъ нарочно, подписаны одинакими буквами В и П., хоть мы и ручаемся, что не одинъ и тотъ же рецензентъ писалъ ихъ. Одинъ изъ г-дъ В. П., какъ удостоверяетъ насъ издатель въ выпискѣ русскій путешественникъ по славянскимъ землямъ (вѣроятно, изъ остзейскихъ губерній). Другой — вавѣрно какой-нибудь западный Славянинъ. Мы сейчасъ докажемъ это. Одинъ нѣмецкій ученый *Гейтеръ* издалъ въ 1843 году неважную книжку подъ громкимъ заглавіемъ: *Der Weltkampf der Deutschen und Slawen seit dem sechsten Jahrhundert* (Міровая борьба Германцевъ съ Славянами съ VI столѣтія). Въ этой книжкѣ онъ филистерски выхваляетъ Нѣмцевъ насчетъ Славянъ, что съ нѣмецкой точки зрѣнія такъ же не хорошо и ограниченно, какъ съ русской выхвалять Славянъ насчетъ Нѣмцевъ. Между прочимъ о Славянахъ онъ говоритъ вотъ что (стр. 264 и 265).

«Весьма сложна природа Славянина, удивительная смѣсь добродѣтели и порока, достоинствъ и недостатковъ. Отъ природы онъ флегматикъ, любитъ покой и отдыхъ, довольствуется малымъ, не думаетъ о будущемъ, о сбереженіи своего достатка, объ улучшеніи своего состоянія, объ украшеніи своего быта. И себя и своихъ онъ спокойно оставляетъ въ нуждѣ и бѣдности. Онъ добродушенъ, привѣтливъ, набоженъ, гостеприменъ, веселъ,

любить особенно музыку, пѣвнѣ, поэзію, къ которой имѣетъ необыкновенный даръ; съ другой стороны часто легкомысленъ, безразсуденъ, вешельчивъ, упрямъ, сварливъ, жаждетъ брани и распри даже съ ближними, и въ своей запальчивости способенъ на всякое насиліе, всякое мщеніе, всякую жестокость. иногда онъ являетя услужливъ и вѣжливъ ко всякому отъ кого можетъ ожидать что-либо... При всей своей скромности онъ съ жадностію смотритъ на чуждое достояніе, не только своихъ земляковъ и соплеменниковъ, но и чужестранцевъ. Онъ склоненъ къ корысти. гордый своею народностію, онъ презираетъ чужбину и твердо стоитъ за свое. Онъ любить свой народъ и своихъ соплеменниковъ, и всѣмъ сердцемъ ненавидитъ того, кто его побѣдитъ и надъ нимъ властвуетъ; любить свой языкъ; знать не хочетъ о томъ, которыми говорятъ его побѣдители, любить свои нравы и обычаи, свою вѣру, и презираетъ чужія верѣдки до крайности.

Потому и распри между Славянами есть старая распри, и неумѣрять ее просвѣщеніе новѣйшихъ временъ. Идетъ ли дѣло о правахъ его отчизны, онъ жертвуетъ достоинствомъ и жизнию, онъ мужественъ и смѣлъ. Но вездѣ ему мѣшаетъ его любовь покоя и бездѣйствія, онъ не имѣетъ постоянной твердой воли, его горячіе, — всыпка зажженной соломы. Откроются ли ему какіе выходы на корысть и прибыль, онъ готовъ тотчасъ измѣнить своему, отдаетъ себя легко во власть другаго.

Онъ не пользуется своими способностями, не развиваетъ ихъ изъ себя, для этого ему нужны побужденія извнѣ, примѣры другихъ и нужда — Ко всему этому присоединяется преданность пьянству, мертвящему духовныя и тѣлесныя силы, препятствующему успѣхамъ, труду, благу, просвѣщенію, разрушающему порядокъ домашней и общественной жизни!

А рецензентъ прибавляетъ: «Какая удивительная характеристика! И какая смѣсь противурѣчій, которыхъ и выставлять нечего, такъ они очевидны.

По нашему мнѣнію, эта характе-

ристика не такъ плоха, какъ кажется рецензенту. Мода характеризовать народы эпитетами *скулой*, *умный*, *траврый* и проч., теперь уже прошла. Во всемірно-исторической дѣятельности народовъ, въ ихъ цѣлостномъ и нравственномъ развитіи рѣко обозначаются тѣ преобладающія отличительныя черты, которыя составляютъ главную основу, верно ихъ національнаго характера. Отъ-того съ одной стороны характеристика народовъ стала проще, но однимъ необходимымъ, а не случайнымъ признакамъ; съ другой — черты ея стали не такъ рѣзки, непосредственны, за то глубже и многостороннѣе; тѣ, которыми опредѣляются достоинства и недостатки частнаго человѣка, въ приложеніи къ народамъ должны получить совершенно-иной, верѣдко противоположный смыслъ, одухотвориться. Все это такъ въ-отношеніи къ народамъ, которые заняли уже извѣстное мѣсто въ исторіи человѣчества, которые развились и высказались вполне. По чтѣ прикажете сказать о народахъ, которые живутъ еще до-историческую жизнью, или только выступаютъ на сцену? Опредѣленнаго умственнаго и нравственнаго направленія они еще не успѣли высказать, — и остается, характеризовать ихъ, брать черты изъ ихъ домашней и ежедневной жизни. Въ этомъ виноваты народы, а не тотъ, кто ихъ описываетъ, или лучше сказать, никто не виноватъ. Такъ описывалъ Тацитъ Германцевъ, такъ теперь Германецъ описываетъ какого-нибудь Босняка и Черногорца. Поэтому, не мудрено, если въ описаніи послѣдняго вы, между прекрасными чертами, найдете и дурныя черты. Всякій человѣкъ и всякій народъ есть смѣсь добра и зла, пока просвѣщеніе не освободитъ его отъ непосредственности, давая точку опоры противъ врожденныхъ и привычныхъ пороковъ, средства и побужденія развивать добродѣтели. Продолжая нашу мысль, мы скажемъ, что характеристика Славянъ Гефтера самая лучшая и *безпристрастная*, ка-

кую иностранецъ могъ только сдѣлать, руководясь наглядкой, — а больше ему нечего было руководиться. Хорошимъ сторонамъ Славянна отдава должная справедливость: замѣчена необыкновенная способность его къ музыкѣ, пѣвию, поэзи — важная черта для нашего будущаго развитія, о которой много можно было бы сказать, если бы ужъ не было говорено такъ много, такъ много... Что касается до дурныхъ сторонъ, то и онѣ вѣрны. Большая часть изъ помннутыхъ дурныхъ сторонъ не принадлежитъ славянской натурѣ — въ этомъ нѣтъ почти никакого сомнѣнія, и Гефтеръ правъ, говоря, что просвѣщеніе новѣйшихъ временъ не умѣритъ распрей между Славянами. Но не трудно при этомъ замѣтить, что и многія изъ такъ-называемыхъ добродѣтелей Славянъ должны необходимо измѣниться съ временемъ, и мы не думаемъ, что въ этомъ именно будетъ состоять темная сторона нашего просвѣщенія. Наконецъ, рецензента поражаютъ противорѣчія въ характеристикѣ? Но народъ, еще неразвитый, самъ-по-себѣ исполненъ противорѣчій; случайное перемѣшано въ немъ съ необходимымъ, такъ-что и различить нельзя. Какъ у всякаго народа, еще очень-юнаго, у насъ не выработаны ни воля, ни сознаніе. Отъ-того вѣдшее и случайное дѣйствуетъ на насъ чрезвычайно-сильно, и въ томъ, что мы дѣлаемъ, мы не всегда узнаемъ себя и принадлежимъ себѣ. Между-тѣмъ, объективно, эти дѣйствія, противорѣчающія нашей природѣ, существуютъ. Никто не можетъ отрицать ихъ. Вотъ откуда неизбежны противорѣчія въ характеристикѣ Славянъ, даже для насъ самихъ, не только для иностранца.

Впрочемъ, это еще ничего. Славянъ каждый въ правѣ понимать какъ ему угодно: Гефтеръ по-своему, г. В. П. по-своему. Но вотъ что очень-хорошо: одинъ ограниченный Нѣмецъ, истинный филистръ, Коле, преважно доказываетъ превосходство Нѣмцевъ надъ

Славянами тѣмъ, что они, т. е., разумѣется, Нѣмцы никогда не терпятъ никакой пораженія. Г-нъ В. П., недовольный характеристикой Славянъ Гефтера, вспоминаетъ пошлую фразу Коля, и такъ опровергаетъ ее: «Никогда», говоритъ онъ, не были Германцы поражаемы. «когда въ-продолженіе четырехъ вѣковъ они боролись съ разслабленнымъ, давно уже убитымъ Римомъ; ни въ то время, когда Гунны съ огнемъ и мечемъ прошли всю Германію; ни тогда, когда Мадьяры опустошили ее отъ среднихъ береговъ Дуная до верховьевъ Леха; ни въ то время, когда Собѣскій спасалъ Вѣну отъ Турковъ, ни во время грозы наполеоновской, когда ихъ столько разъ спасала Россія,—никогда они не были побѣждены.»

Ясно, что, какъ мы сказали, г. В. П., рецензентъ этой статьи, западный или германскій Славянинъ. Будь онъ Русскій — онъ бы только посягнулся на Колема Наши воинскія доблести такъ очевидно доказаны, такъ единогласно признаны всеми первоклассными судьями въ военномъ дѣлѣ, что намъ, право, не для чего спорить за нашу военную репутацию, особливо по первому слову какого-нибудь нѣмецкаго писателя, который не понимаетъ дѣла. Но въ западномъ Славяннѣ такая запальчивость понятна: ея объясненіе въ исторіи...

Другая рецензія, написанная тоже г. В. П., но не западнымъ Славяниномъ, а русскимъ изъ оствейскихъ губерній путешественникомъ по славянскимъ землямъ, тоже очень-замѣчательна. Ее вызвала книга, вышедшая въ Лейпцигѣ въ 1833 году, подъ заглавіемъ «Slawen, Russen und Germanen» (Славяне, Русскіе и Германцы). Языкъ этой рецензіи немного страненъ, такъ-что какъ ни читай — ничего не поймешь. Мы читали и разъ и два и три — и все-таки ничего не поняли. Наконецъ, мы хотѣли-было кое-что выписать изъ нея, для примѣра — и не могли. Нужно было выпи-

сывать все, а все такъ длинно, такъ длинно, такъ скучно! Мы и оставили. Жаль человѣка, о книгѣ котораго можно писать такія рецензіи, и еще въ видѣ писемъ!

Когда мы окончили разборъ и закрыли книгу, нами овладѣла невыразимая грусть. Во-первыхъ, намъ тяжело было думать объ издателѣ, который отдался весь своимъ—скажемъ безпристрастно—безплоднымъ убѣжденіямъ. Онъ писалъ кровью; въ его перо по каплямъ сочилась его молодая, драгоценная жизнь. Чтѣмъ же вызвало его на такое самопожертвованіе? Великія идеи? Нѣтъ! Желаніе поправить историческую ошибку, доказать превосходство давно-исчезнушаго и забытаго Вена надъ Германцемъ. Можно ли было на такіе вопросы расточить столько силъ? Стѣбуютъ ли они человѣческой жизни?.. Грустно стоять у гроба еще недавно цвѣтущаго юноши, исполненнаго силъ и стремленій, умаго, благороднаго, образованнаго, и думать: вотъ на что истратилась эта жизнь! — Потомъ, намъ прискорбно было думать и о книгѣ съ такимъ направленіемъ. Сама-по-себѣ она очень-полезна — кто объ этомъ спорить? Но зачѣмъ въ ней столько предубѣжденій противъ европейскаго міра и западной науки, столько пристрастій къ славянскому? Напиши ее нѣмецкій Славянинъ въ Германіи — мы могли бы по-крайней-мѣрѣ извинить, если не оправдать автора.

Въ самомъ началѣ своего историческаго поприща, Германцы приняли въ себя просвѣщеніе всего древняго міра. Потомъ климатическія условія... На западѣ и югѣ Европы человѣкъ не могъ не развиваться шире и быстрѣе, чѣмъ на востокѣ. Долго ли это превосходство останется за Европой? На этотъ вопросъ отвѣчать трудно. Мы имѣемъ многія основанія думать, по-край-

ней-мѣрѣ надѣяться, что недолго; но до-сихъ-поръ нельзя ничего сказать утвердительно. Исторія рѣшить.

Намъ Русскимъ все это гораздо-яснѣе представляется, чѣмъ прочимъ Славянамъ: послѣдніе, по своему положенію, не могутъ прямо смотрѣть на историческія событія. Мы между всеми Славянами любимыи судьбы. Наше политическое положеніе, единственноре въ славянскомъ мірѣ, ставитъ насъ выше національных предубѣжденій. Способность, общую всемъ Славянамъ быть безпристрастными къ самимъ-себѣ, мы доказали всей нашей жизнью со временъ Петра: исторія дала намъ возможность быть совершенно безпристрастными къ другимъ. Славяне никогда не чуждались иностранцевъ... Все, кажется, должно поставить насъ лицомъ-къ-лицу съ истинной, особенно въ исторіи. И что же? Въ 1845 году является у насъ книга, изданная Русскимъ, и проникнутая чувствами германскихъ Славянъ, съ примѣсю разныхъ другихъ предубѣжденій. И во имя чего же? Во имя историческихъ ошибокъ, умысленныхъ и неумысленныхъ?..

Мы далеки отъ мысли, что историческіе вопросы о славянскомъ мірѣ, поднятые въ наше время—не важны. Мы имъ сочувствуемъ всѣмъ сердцемъ... и кто можетъ отказать имъ въ сочувствіи, когда въ наше время, въ лицѣ славянскаго племени, выступаетъ новый дѣятель на сцену всемірной исторіи; когда оно готовится къ разумной, созвательной жизни. Мы только глубоко убѣждены, что пристрастіе не можетъ вестъ къ разрѣшенію этихъ историческихъ вопросовъ. Передъ нами времена давно-минувшія, событія вполне окончены. Вражда, которою они сопровождалась, должна сдѣлаться предметомъ исторіи, а не вдохновенія современныхъ изобрѣдителей. Наука, какъ великоблагородный судья, какъ художникъ, должна воссоздать передъ нами этотъ отжившій ширъ во всей его

животрепещущей непосредственно-сти; приговоръ ея долженъ состоять въ уразумѣнн, въ приведеніи къ сознанию органическихъ причинъ великихъ историческихъ событій, какъ судьба необходимыхъ, неизбежныхъ въ сущности, случайныхъ лишь по внѣшней обстановкѣ. Порочить племена — ниже ея задачи. Историческій фактъ, многіе вѣда повторяющійся подъ различными формами, не можетъ быть случаемъ. Этимъ охлаждается, умѣряется всякая раздражительность, потому что только случайное невыносимо.

Правда, давнишняя вражда между Германцами и западными Славянами, основанная на глубокомъ національномъ различіи и воспитанная долгими непріязненными столкновениями, перешла и въ науку и должна была исказить историческую истину. И тѣ и другіе не были великодушны и справедливы другъ къ другу, но ихъ нельзя обвинять въ этомъ. Германцы были дикі и грубы; національное различіе съ Славянами, не сглаженное союзомъ разноплеменныхъ народовъ и образованіемъ, мѣшало имъ понимать и уважать Славянъ. Славяне западные не могли прежде имѣть того глубокаго сознанія своего достоинства, которое одно дѣлаетъ насъ безпристрастными къ побѣдителю. Теперь, когда народныя пристрастія начинаютъ замирать передъ голосомъ истины, передъ уваженіемъ къ *человѣку*, не смотря на народъ и племя, наука не можетъ и не должна оставаться заповѣдальнымъ органомъ прошедшаго. Ей предстоитъ трудная, но великая задача снять съ событій покрывало, сотканное вѣками изъ предрасудковъ. Она должна быть совершенно безпристрастна и осторожна въ своихъ выводахъ. Въ западной германославянской Европѣ застарѣлыя предубѣжденія еще я до-сихъ-поръ замедляютъ появленіе такой науки, хотя и тамъ съ обѣихъ сторонъ раздался уже не одинъ благородный, безпристрастный, примирительный голосъ.

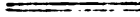
Мы, Русскіе, чуждые пристрастія, посторонніе свидѣтели чужой вражды, призваны довершить начатое многими, воссоздать прошедшее въ его настоящемъ свѣтѣ, не дружа никому. Въ самомъ дѣйствованіи, въ практической жизни, раздражительность и мелкія страсти въ наше время все болѣе и болѣе уступаютъ мѣсто холодной разсудительности, или возвышеннымъ страстямъ, которыхъ источникъ — безграничная любовь къ истинѣ, безграничное уваженіе къ *человѣческому* достоинству: тѣмъ болѣе мы въ правѣ требовать спокойствія и безпристрастія отъ историка и Русскаго: передъ нимъ факты уже совершившіеся, надъ которыми сама судьба произнесла судъ свой!

Кто упрекнетъ насъ за эти слова въ равнодушіи къ прочимъ Славянамъ, тотъ поступитъ несправедливо. Все связываетъ насъ съ Славянами. Какъ болѣе-счастливые между ними, мы должны содѣйствовать ихъ развитію, подать имъ руку помощи въ ихъ стремленіи къ образованію. Книга о Славянахъ, выходящая въ наше время въ Россіи съ противоположнымъ направленіемъ, доказываетъ только, что каждый по-своему понимаетъ еще у насъ роль, которую судьба указала намъ въ исторіи славянскаго племени. Но люди не предубѣжденные; которые не знаютъ, какъ и откуда взялось у насъ на Руси такое направленіе, съ перваго взгляда станутъ смотрѣть недоувѣрчиво на книгу. Кого жъ въ-самомъ-дѣлѣ можно теперь увѣрить, что Славяне были просвѣщеніе Германцевъ, и что европейская наука никуда не годится? Отъ книги недоувѣріе перейдетъ незамѣтно на самый предметъ. Вмѣсто того, чтобъ возбудить любовь и участіе къ Славянамъ, такое направленіе возбудитъ къ нимъ еще большее систематическое равнодушіе... Въ глазахъ образованныхъ Русскихъ, мало знакомыхъ съ славянскимъ міромъ, дѣло Славянъ проиграно, если болѣе безпри-

страстный взгляд, если нныя историческія изслѣдованія не освѣтятъ у насъ новымъ свѣтомъ славянскаго вопроса, который имѣетъ столько неотъемлемыхъ правъ на вниманіе и сочувствіе. А до-тѣхъ-поръ, страницы журналовъ по необходимости будутъ

наполнять пустые споры, безплодная логомакія объ истинахъ, давно исѣмъ и каждому извѣстныхъ...

Отъ души желаемъ полнаго успѣха «Сборнику», и полнаго неуспѣха его направленію.

ДОПОЛНЕНИЯ КЪ АКТАМЪ ИСТОРИЧЕСКИМЪ, собран-
ныя и изданныя Археографическою Коммиссією. Томъ I и II. Санкт-
петербургъ. 1846.

При учрежденіи Археографической Коммисіи, правительство сдѣлало распоряженіе о передачѣ ей старинныхъ актовъ изъ губернскихъ и областныхъ архивовъ, и рукописей, принадлежащихъ монастырскимъ, церковнымъ и казеннымъ библіотекамъ. По собраніи множества матеріаловъ, Коммиссія, не ожидая окончательной высылки актовъ изъ разныхъ вѣдомствъ, приготовила къ изданію собраніе памятниковъ древняго законодательства, администраціи и дѣлопроизводства, и въ 1841—1842 годахъ выдала ихъ въ 5-ти томахъ, подъ заглавіемъ: *Акты Историческіе*; ожидаемые же документы положила напечатать въ видѣ «Дополненій». — Большую часть вышедшихъ нынѣ «Дополненій» составляютъ грамматы, доставленныя изъ разныхъ присутственныхъ мѣстъ; сверхъ того, сюда вошли: 1) грамматы, извлеченныя изъ рукописей, хранившихся въ библіотекахъ: Императорской Публичной, Академіи Наукъ, Румянцовскаго Музеума, Синодальной, и въ архивахъ: Сенатскомъ, Московскомъ Иностранныхъ Дѣлъ, Оружейной Палаты, въ некоторыхъ монастырей и проч.; 2) коллекція списковъ съ подлинниковъ госу-

дарственнаго Столгольмскаго Архива, составленная корреспондентомъ Археографической Коммисіи, г. Соловьевымъ во время путешествія его по Швеціи въ 1838—1840 годахъ; и 3) грамматы, заимствованныя изъ архивовъ частныхъ лицъ.

Къ важнѣйшимъ историческимъ памятникамъ, вошедшимъ въ составъ перваго и втораго тома «Дополненій» относятся: 1) уставъ великаго князя Владиміра Святославича, о церковныхъ десятинахъ, судѣ, мѣрахъ и проч. (напечатанный по харатейному номоканону XIII вѣка). 2) Уставныя грамматы XII вѣка. 3) Чинъ вѣчанія на царство Іоанна Васильевича, 1547, и Бориса Феодоровича, 1598 года. 4) Грамматы о помѣстьяхъ, судѣ и управленіи, 1555—1556 г. (а). Первые принадлежатъ къ древнѣйшимъ памятникамъ нашего помѣстнаго права; остальные же восполняютъ недостатокъ свѣдѣній о порядкѣ суда и расправы въ XVI вѣкѣ. 5) Матеріалы для исторіи смутнаго періода, съ 1611—1613 года (b). 6)

(a) Допол. къ Акт. Ист. Т. I. № 47, 49, 50—83, 85—112, 150.

(b) Ibid. № 160—179, 231.

Материалы для истории Новгорода во время занятия его Шведами, 1613—1616 года (с). 7) Известие о началѣ патриаршества въ Россіи и о возведеніи въ санъ патриарха ростовскаго митрополита Филарета; соборная грамота объ этомъ іерусалимскаго патриарха Теофана, и чинъ поставленія Филарета, 1619 г. (d). 8) Документы, относящіеся къ исторіи постепеннаго открытія Сибири въ XVII столѣтіи, и грамоты объ управленіи тамошнимъ краемъ, 1638—1645 годовъ (e). 9) Слова и посланія митрополита Фотія, 1410—1431 годовъ. 10) Духовное завѣщаніе царя Іоанна Васильевича, и множество другихъ замѣчательныхъ документовъ.

Всѣ эти акты, числомъ 333, объясняютъ разные факты русской исторіи съ X до половины XVII вѣка. Хотя они сами-по-себѣ не открываютъ ничего новаго въ русскомъ историческомъ мірѣ, однакожъ такое обильное собраніе самыхъ вѣрныхъ источниковъ даетъ иной колоритъ многимъ событіямъ, вызываетъ новые взгляды на происшествія, извѣстныхъ доселѣ только въ общихъ, неопредѣленныхъ чертахъ, измѣняетъ нѣкоторые выводы нашихъ прежнихъ историковъ, которые черпали извѣстія изъ источниковъ не совсемъ достоверныхъ, и даетъ возможность произнести окончательный приговоръ о политическомъ характерѣ русской общественной жизни въ первой половинѣ XVII вѣка.

Сначала мы постараемся показать, въ какой мѣрѣ историческіе акты, помѣщенные въ «Дополненія», способствуютъ уясненію вопросовъ: а) о политическомъ кризисѣ Россіи въ 1611—1613 году; б) вопроса новгородскаго и с) вопроса о Сибири.

Материалы для исторіи смутнаго

(e) Дополненіе къ Акт. Ист. Т. II. № 3—5, 9, 11—15, 18—24, 31, 32, 40, 42—44, 46, 47.

(d) Ibid. № 76.

(e) Ibid. № 67—68, 71, 73, 81—83, 85—101.

времени, здѣсь помѣщенные, состоятъ большею частію изъ разныхъ «отписокъ», посвящающихъ второстепенныя событія; важнѣйшее изъ нихъ должно почитать отписку воеводѣ князю Дмитрію Трубецкаго, Дмитрія Пожарскаго и государственной земской думы новгородскому митрополиту Исидору, заключающую въ себѣ официальное извѣстіе о пораженіи гетмана Хотькивица и выгнѣсеніи Поляковъ изъ Москвы и о созваніи въ столицу выборныхъ земскихъ чиновъ для избранія государя. Въ отпискѣ нѣтъ подробнаго описанія пораженія Поляковъ, но мы встрѣчаемъ здѣсь вѣрныя данныя о тогдашнемъ расположеніи умовъ въ столицѣ.—Митрополитъ Исидоръ еще до этого предлагалъ Москвѣ приступить къ избранію на русское царство шведскаго королевича, князя Карлуса Филиппа Карлусовича, но предложеніе это не было принято. Однакожъ, чтобъ не раздражить Швецовъ, Трубецкой и Пожарскій, уведомляя Исидора объ изгнаніи Поляковъ, между прочимъ, просятъ его съотстоять шведскаго королевскаго вельможицества воеводѣ Якову Понтусовичю Делгардію, чтобъ онъ былъ со всеми московскимъ государствомъ въ советѣ и въ любви». Советъ и любовь, по политикѣ Москвитчей, состояли въ томъ, чтобъ Яковъ Понтусовичъ ничего не предпринималъ противъ Москвы и особенно, чтобъ не подвигалъ своихъ войскъ слишкомъ близко къ предѣламъ Московскаго Государства. На предложеніе же Исидора, Москва отвѣчаетъ: «А что ты, великій господинъ, пишешь къ намъ.... чтобъ московскому государству быти съ вами подъ единымъ кровомъ государя королевича Карлуса Филиппа Карлусовича, и намъ нынѣ такого великаго государственнаго и земскаго дѣла, не обслася и не учиня советъ и договору съ казанскими и съ астраханскими и съ сибирскими и съ нижегородскими государствомъ, и со всеми городами російскаго царствія учинити недѣля». Предвидя, однакожъ, что это

не понравится партіи, поддерживавшей шведскую сторону, Трубецкой и Цолярскій просятъ Исидора извѣстить ихъ о прибытіи въ Новгородъ шведскаго принца: «и мы тогда, съ еями государствомъ российскаго царства содѣть учина, пошлемъ къ королевичу пословъ, съ полными доверомъ о государственныхъ и о земскихъ дѣлѣхъ». Между тѣмъ, какъ въ самомъ-то дѣлѣ они хотѣли знати о прибытіи въ Новгородъ Карла-Фидиппа для того только, чтобъ заблаговременно приготовиться къ его отъезду, въ случаѣ, еслибъ онъ вздумалъ направиться къ Москвѣ.

Въ числѣ памятниковъ, относящихся къ исторіи смутнаго періода, Археологическая Коммиссія помѣстила также въ первомъ томѣ «Дополненій»: «Письма матерей и женъ къ некоторымъ смоленскимъ дворянамъ, находившимся въ царской службѣ во время Польской войны и осады Смоленска» (Сигизмундомъ въ 1609 году). Хотя въ письмахъ этихъ нѣтъ ничего историческаго, но они не менѣе замѣчательны, какъ самый вѣрный отпечатокъ семейнаго быта нашего провинціального мелкаго дворянства въ XVII вѣкѣ. Замѣчательно также и то, что во время оно существовала форма, какъ жены должны писать къ своимъ мужьямъ. Форма эта соблюдена въ каждомъ письмѣ съ величайшею точностью. Вотъ одно изъ такихъ писемъ: «Государю моему Тимошею Григорьевичю семейшка твоя. Мастася человекъ бѣтъ. Були, государь мой, здоровья на государевой службѣ, а мнѣ бы твое, государя своего, здоровья слышучи радовати; а немалуюсь, государь мой, про меня вспросишь, и я, милостию Божію и твоимъ государя своего здоровьемъ и жалованьемъ, дажь Богъ здоровья на Овнежичинъ день, а впряди Богъ доливъ; а моли твои государевы и престылие здоровья жъ, а въ брата твоего у Юрья Григорьевича нездорово, по грѣхомъ у него дочь преставилась Цологая, а Цологая Володими-

ровна болна, въ концы живота лежить, и со всеми дѣтми и людьми, а живутъ въ Смоленску; а рожь у тебя государя посылели, а сѣмена покупили, а купили на два рубля, а своей ржи не жали, потому что ничово было жать, а еровою, государь, въ полѣ середнею; а мы въ городъ поѣхали о Семенѣ днѣ, и при мнѣ еровою ни одново овина не малачивали; а что ты, государь мой Тимошей Григорьевичъ, поставилъ у стрѣльца рожь, и стрѣлецъ мнѣ ржи не далъ ни одново зерна; да писалъ ты, государь мой, въ своей государевой грамотѣ, что ко мнѣ будто ся писалъ грамоту твою Твери, и та ко мнѣ грамотка твоя, государь, а домена не дохаживала; да писши, государь мой Тимошей Григорьевичъ, ко мнѣ о своемъ государевѣмъ здоровьи по чести, какъ тебе государя моего Богъ милуетъ на государевой службѣ; а къ тебѣ, государю моему, мала пишу, а много человекъ бѣю до лица немалого». Этихъ нѣсколькихъ строкъ весьма достаточно для филологій русскихъ барынь XVI и XVII столѣтій...

Но обратимся къ вопросу новгородскому, для рѣшенія котораго находимъ здѣсь всѣ средства. Одною изъ непростительныхъ ошибокъ политики Шуйскаго было, въ особенноти, призываніе Шведовъ, которые не только ничего намъ не помогли, но, напротивъ, истощили и безъ того скудные финансы Московскаго Государства, да, въ добавокъ, стѣбли Россіи Ниргіи и Карелии.—Послѣ пораженія подъ Клушинымъ (1640 г.), Шведы изъ невѣрныхъ союзниковъ обратились въ явныхъ враговъ. Делегарди съ остатками войска, отступая отъ Торжма мимо Новгорода, раздѣлилъ свое войско на двое: Делавила съ отрядомъ послалъ оны въ Ладогѣ, а самъ направился къ устью Невы, въ намереніи соединиться съ Врангелемъ, который уже около трехъ мѣсяцевъ безуспѣшно осаждалъ Новгородъ. Но Лисовскій перерѣзалъ сообщеніе между шведскими полководцами; Делегарди обратился къ Ко-

режѣ и осадилъ ее. Ладога тоже сда-
лась Делагавлю. Наконецъ, послѣ нѣ-
которыхъ неудачъ, Шведы очутились
въ Новгородѣ, и, пользуясь расположе-
ніемъ умовъ Новгородцевъ, низверже-
ніемъ съ престола Шуйскаго и недора-
зуміемъ, происшедшимъ между Мос-
квитянами и Поляками, рѣшились вну-
шить Новгороду мысль объ избраніи,
какъ на новгородское, такъ и на все
русское государство одного изъ сыно-
вей шведскаго короля Карла IX. Уже
при завладѣніи Новгородомъ, Делагарди
успѣлъ въ своемъ намѣреніи: Нов-
городцы целовали крестъ въ томъ, что
шведскаго короля Карла IX признаютъ
своимъ оборонителемъ и защитникомъ,
а сына его Карла-Филиппа государемъ
Новгорода. Однакожъ, Шведы хотѣли
еще больше. По ихъ прошеканъ, Нов-
городцы выслали своихъ людей къ Мос-
квѣ дѣйствовать въ пользу шведскаго
принца. Но изъ совокупности актовъ,
помѣщенныхъ во 2-мъ томѣ «Домо-
нодій», мы видимъ, что мысль предло-
жить русскій престолъ одному изъ сы-
новей короля шведскаго и безъ того
возникла уже въ московскихъ пол-
кахъ, гдѣ состоялся о томъ приговоръ
въ іюль или въ началѣ іюля 1611 года.
Въ концѣ декабря, представители Нов-
города, митрополитъ Исидоръ и во-
евода князь Одоевскій, вмѣстѣ съ зем-
скими чинами, положили отправить въ
Стокгольмъ посольство съ уполномо-
ченіемъ предложить русскій престолъ
одному изъ шведскихъ принцевъ. Въ
предложеніи этомъ мы между прочимъ
встрѣчаемъ слѣдующее: Новгородцы
въ оправданіе своего выбора прибавля-
ютъ, что «и прежніе государи наши и
корень ихъ царьской отъ нихъ же Ва-
режскаго княженя, отъ Рюрика и до
великаго государя царя и великаго
князя блаженныя памяти Федора Ива-
новича всеа Русіи, былъ» (*). 8 апрѣля
1612 года, получено въ Новгородѣ из-
вѣстіе о кончинѣ Карла IX и о согла-
сіи новаго короля Густава-Адольфа на

отправленіе брата его Карла-Филип-
па въ Россію. Между-тѣмъ, въ іюль,
Новгородцы пригласили ярославскую
земскую думу участвовать съ ними въ
избраніи на престолъ шведскаго прин-
ца, на что хотя она и согласилась, но
высылку отъ себя уполномоченныхъ
отложила до пріѣзда королевича въ
Новгородъ. Князь Трубецкой и Пожар-
скій, по изгнаніи Поляковъ изъ Мос-
квы, въ отвѣтъ на предложеніе Новго-
родцевъ объ этомъ предметѣ (*), согла-
шались также на избраніе шведскаго
королевича и требовали, чтобъ Новго-
родцы предварительно заключили съ
ними договоръ о безопасности моско-
вской границы отъ вторженія Шведовъ,
появившихся въ Бѣжецкой Пятицѣ. Не-
извѣстность о пріѣздѣ въ Россію коро-
левича породила важныя недоразумѣ-
нія. Въ Москвѣ, въ февралѣ 1613 года,
совершилось избраніе на престолъ Ми-
хаила Феодоровича Романова. Это об-
стоятельство сначала, какъ видно, сла-
бо подѣйствовало на Шведовъ, одна-
кожъ Карлъ-Филиппъ посѣщалъ прі-
ѣздомъ въ Выборгъ. Онъ прибылъ ту-
да 9 іюля 1613 года. Въ то же время,
явилось къ нему новгородское посоль-
ство; но королевичъ, недовольный под-
данствомъ однимъ Новгородцевъ, объ-
явилъ ему, что онъ приметъ русскій
престолъ не иначе, какъ съ общаго
согласія всего государства. Между-
тѣмъ, правленіе Михаила начало дѣй-
ствовать на тогдашнее расположеніе
умовъ. Походъ князя Трубецкаго къ
Бронницѣ, появленіе московской рати
на Мстѣ и Ловати, возмущенія противъ
Шведовъ въ Гдовѣ и Тихвинѣ и обна-
ружившаяся къ нимъ неприязнь даже
въ самомъ Новгородѣ, были причиною
крутаго переворота шведской полити-
ки. Въ началѣ 1614 года, Делагарди
обратилъ вниманіе Густава-Адольфа на
перемѣну обстоятельствъ въ Россіи,
угрожающую опасностію Шведамъ.
Тогда послѣдовало внезапное возвра-
щеніе въ Стокгольмъ принца Карла-

(*) Дополн. къ Ист. Акт. Т. I, стр. 284.

(*) Писанномъ въ ноябрѣ 1612 г.

Филиппа, и—обнаружились тайные замыслы Шведовъ. Эвертъ Горизъ, смѣнившій Делагарди въ званіи шведскаго полководца въ Россіи, въ томъ же году объявилъ Новгородцамъ, что король, по случаю отреченія брата своего отъ русскаго престола, намѣренъ, отдѣливъ Новгородъ отъ Россіи, соединить его съ Швеціею на такомъ же основаніи, какъ Литва соединилась съ Польшею, и требовалъ, чтобъ Новгородцы, въ знакъ своего согласія, присягнули въ вѣрности шведскому королю. Новгородскіе земскіе чины, ссылаясь на данную уже ими присягу князю Карлу-Филиппу, вѣроятно, чтобъ выиграть время, испросили позволеніе отправить въ Москву нарочное посольство для убѣжденія бояръ покориться королевичу, на основаніи договора, заключеннаго съ Делагарди въ 1611 году. Это происходило въ 1615 году, въ то время, когда Михаилъ Теодоровичъ царствовалъ уже болѣе двухъ лѣтъ. Предложеніе Новгородцевъ, какъ и должно было ожидать, отвергнуто въ Москвѣ съ негодованіемъ. Тогда Горизъ началъ опять настаивать о присягѣ, и Новгородцы принуждены были дать ее въ концѣ мая. Въ мартѣ 1616 года, дѣловыя бумаги исходили изъ новгородскихъ судобныхъ мѣстъ уже съ именемъ Густава-Адольфа, а не Карла-Филиппа. Къ-счастью, бѣдствія Новгорода вскорѣ прекратились столбовскимъ миромъ, заключеннымъ въ февралѣ 1617 года.—Всѣ эти обстоятельства довольно-важны; они подробно объясняютъ зародыши политическаго раздора между Россіею и Швеціею, кончившагося только побѣдою подъ Полтавою. Акты, объясняющіе событія, изложенныя выше, открыты въ стокгольмскомъ Государственномъ Архивѣ г-мъ Соловьевымъ, путешествовавшимъ по Швеціи въ 1838—1840 годахъ съ археологическою цѣлью.

По избраніи на царство Михаила Теодоровича, бѣдствія Россіи еще не прекратились. На сѣверѣ и югѣ бунтовали еще мятежники; вѣдшіе же враги, Поляки и Шведы, въ свою очередь

не давали ей покоя. Чтобъ окончательно отдѣлаться отъ вѣдшихъ враговъ, Михаилъ рѣшился уступить имъ нѣсколько пограничныхъ областей. Уступка эта была слишкомъ-чувствительна для интересовъ Россіи, но того требовали обстоятельства... Къ-счастью Россіи, вскорѣ прибылъ на помощь юному царю отецъ его, ростовскій митрополитъ Филаретъ, находившійся въ плѣну у Поляковъ. Со времени пріѣзда своего по самую кончину, Филаретъ дѣйствовалъ подъ именемъ сына и своимъ, какъ государь самодержавный. Вся политика его обращена была на администрацію и улучшеніе финансовыхъ мѣръ Россіи. Помышлять о возвращеніи отнятаго Поляками и Шведами было невозможно; поэтому вся дѣятельность Филарета направлена была на востокъ; здѣсь-то онъ хотѣлъ вознаградить потери, понесенныя на западъ, подвинуть восточныя границы государства какъ-можно-дальше, изслѣдовать источники богатства Сибири и извлечь изъ нихъ самыя высокіе проценты, чтобъ нѣтъ возможности оживить дѣятельность ослабѣвшей Россіи. Однакожъ, къ-счастью, Филаретъ едва-только приступилъ къ осуществленію своего намѣренія относительно Сибири, какъ вдругъ смерть прервала всѣ предварительныя его дѣйствія по этому предмету. Умирая, онъ предоставилъ сыну исполнить важныя политическія проекты его. Уже съ 1627 года, мы постоянно встрѣчаемъ грамоты правительства сибирскимиъ воеводамъ объ отысканіи и положеніи въ ясаки неясачныхъ инородцевъ, объ открытіи новыхъ земель и приведеніи ихъ въ подданство русскому царю. Не смотря на то, въ-теченіе цѣлыхъ 10 лѣтъ послѣ 1627 года сдѣлано по этому предмету весьма-мало. Наконецъ, въ 1638 году, правительство приступило къ дѣлу рѣшительно. Оно избрало толковитыхъ воеводъ Головина и Глѣбова, дало имъ пространныя наставленія, какъ они должны дѣйствовать, и отправило ихъ на Лему, которая, въ то время,

была почитаема предѣломъ русскаго владычества на востокѣ, или, точнѣе сказать, предѣломъ нашихъ ясачныхъ сборовъ. По прибытіи своемъ на Лену, воеводы занялись ревизіею ясачной казны и, въ 1639 году, прислали въ Москву отчетъ о состояніи дѣлъ въ Сибири. Послѣ этого, они приступили къ рекогносцировкѣ края и къ наращенію экспедицій по разнымъ направлеціямъ въ Сибирь. Въ то самое время, когда экспедиціи отнюдь скисывали непокоренныхъ еще туземцевъ и собирали справки о земляхъ отдаленныхъ, воеводы дѣлали свои распоряженія по сбору дѣка и приведенію въ извѣстность туземнаго народонаселенія. Первая экспедиція наращена была (1640) на Лену и Байкалъ подъ начальствомъ служиваго человека Козлова. Главный результатъ былъ болѣею частію изученіе мѣстности. Въ томъ же году, посылаемъ былъ цисьменный голова Бахтѣаровъ для осмотра соляныхъ источниковъ, находящихся въ прибрежьи рѣки Илима и показавъ, что источники эти, по причинѣ низкаго положенія мѣстности, не могутъ быть раздѣляемы. Въ то же почти время, еще сейскіе служилые люди Ивановъ и Дадаревъ совершили экспедицію по рѣкамъ Индигирѣ и Янгѣ для ясачнаго сбора и открытія новыхъ земель. Ивановъ дѣшелъ до земли Юкагирова слѣдующимъ путемъ. Онъ отправился изъ якутскаго острога на Янгу; до Янги шелъ онъ черезъ Камень, потомъ внизъ по Янгѣ до кочевій Якутовъ 4 недѣли; на вершинѣ Янги, онъ нашелъ Тунгусовъ, именемъ Ламутковъ, ясачныхъ. Въ слѣдующемъ году, Ивановъ пошелъ съ Янги вверхъ по рѣкѣ Толстану въ Индигирку, а Индигиркою въ юкагирскую землю. Онъ шелъ по Толстану чрезъ земли ясачныхъ Тунгусовъ Ламутковъ, потомъ внизъ по Индигиркѣ до земли Юкагирова 4 недѣли. Прибывъ сюда, онъ взялъ аманатовъ и ясачъ и съ тѣмъ возвратился во своемъ. Вотъ показаніе Иванова передъ воеводами о юкагирской землѣ: Юкагирская де

землица людна, и Индигирская де рѣка рыбна, а больше про тѣ землицы сказать не умѣю; будетъ де государь, впередъ на Индигирской рѣкѣ въ Юкагирской землицѣ и сто человекъ служивыхъ людей, и тѣмъ людямъ можно сытими быть рыбою и зеремъ, безъ хлѣба; и въ Юкагирской землицѣ соболой много; и въ Индигирку рѣку многіе рѣки впади, а по всѣмъ тѣмъ рѣкамъ живутъ многіе ибшіе и олениные люди, а собола и зѣвря всякаго много по всѣмъ тѣмъ рѣкамъ и землицамъ; да у Юкагирскихъ же людей серебро есть, а глѣ де они серебро емлютъ, того не вѣдаю, и про нынѣ многія землицы Юкагиры ниѣ сказывали, а подлинно про тѣ землицы рассказать не умѣю, потому, что Юкагирскаго языка не знаю. Въ слѣдствіе такого показанія постничка Иванова воеводы рѣшились послать его опять къ Юкагирамъ; для сбора ясака, пріиска и приведенія въ покорность новыхъ земель и для открытія серебряной руды. Между тѣмъ, экспедиція, посланная къ устью рѣки Куленги и Онги, доставила воеводамъ нѣкоторыя свѣдѣнія о земляхъ, прилежащихъ Байкалу. Глава экспедиціи, *Васка Витязевъ* съ товарищами усѣялъ вывѣдать отъ тунгусскаго князя Межеула о Бурятахъ, Байкалѣ озерѣ, которое Бурята называютъ Ламою, верховьяхъ Тунгуски, рѣкѣ Шилѣ и о Витинскихъ-Вершинахъ. Межеулъ и его улусные люди объявили слѣдующее: по рѣкѣ Иголиктѣ и по Лѣиской вершинѣ живутъ не ясачные Тунгусы Камчагиры; что Лѣиска Вершина отъ Иголикты не далеко, но сколько именно ходу отъ этой рѣки до верховьевъ Лѣны, Тунгусы не скавали. Лѣна вытекаетъ изъ ключей, прилежащихъ Ламѣ. По Ламѣ живутъ неясачные Тунгусы Кумчагиры, Чинчагиры и другіе роды, которыхъ народонаселеніе съ точностію неизвѣстно, но соболой у нихъ много. На Ламѣ же находится островъ Ойконъ, а ходу до него *судовою* день; на островѣ этомъ живутъ Бурята весьма-зажиточные.

Съ острова Онхона на другую сторону Ламы судового хода тоже день. На другой сторонѣ Ламы живутъ Буряты *кочные* и Тунгусы *оленные*. Въ правую сторону отъ Бурятъ по Байкалу къ вершинамъ Енисея живутъ Точали *скотные*. Рѣка Енисей, называемая также Тунгускою и Ангарию, вытекаетъ изъ Байкала въ видѣ небольшой и мелкой рѣчки. Вода въ Ламѣ стоячая прѣсная; здѣсь водятся рыба всѣхъ родовъ и *звѣрь морской*, но гдѣ Лама впадаетъ въ море, того Тунгусы не видятъ. Въ Ламу впадаетъ рѣка Оленга 12-ю устьями, по правой сторонѣ ея, идучи отъ Ламы, живутъ Монголы кочевые, которые вверхъ по Селенгѣ ходятъ въ китайское государство, въ 10 дней. По лѣвой сторонѣ Селенги идетъ дорога на другую рѣку, текущую въ китайское государство, которой имени Тунгусы не знаютъ; на ней Монголы добываютъ серебряную руду; у руды этой стоитъ пограничный китайскій городъ. Буряты вымѣниваютъ серебро у Монголовъ на соболи. Къ устью Селенги примыкаетъ вершина Витинская; отсюда кочевые Тунгусы переходятъ на Шилку въ дни 5 и въ 6, на оленяхъ. Рѣка Шилка впадаетъ въ большое море; на ней тоже живутъ Буряты *скотные*. — По доставленіи воеводами въ Москву извѣстій о мѣстности всего-почти покореннаго края, правительство приказало доставить ему подробнѣе свѣдѣнія, какія именно мѣста по рѣкѣ Ламѣ удобны къ хлѣбопашеству и къ поселенію крестьянъ. Въ-слѣдствіе этого, воеводы отправляли экспедицію для обозрѣнія мѣстности по рѣкѣ Илину и рѣчкамъ, въ нее впадающимъ, до Ленскаго Волока. Начальники экспедиціи Баладицъ, Ермолицъ и Павловъ, по возвращеніи своемъ, подали воеводамъ отчетъ объ обозрѣніи Ленскаго Волока и смету мѣстамъ, удобнымъ къ хлѣбопашеству, вычисленнымъ въ десятинахъ. По сметѣ этой, отъ Верхняго Илинскаго Порога до Ленскаго Волока, на 3-хъ линияхъ, по обѣ стороны рѣки Илина *нашею мѣстою* въ полѣ 553 десятины

съ третью, *а въ дву по тому же*. На устьѣ же рѣки Куты, по рѣкѣ Ленѣ, по сметѣ Родионова, пашенныхъ мѣстъ 60 десятинъ, отъ Куты внизъ по Ленѣ, до устья рѣки Киренги, Тунгусскаго Волока и до устья рѣки Целедуга оказалось много мѣстъ, удобныхъ къ хлѣбопашеству, на которыхъ, по сметѣ экспедиціи, могло быть поселено до 600 крестьянъ и болѣе; ходу же отъ устья Куты до Киренги 5 дней; отсюда до Тунгусскаго Волока одинъ день; а отъ этого послѣдняго до рѣки Целедуга 5 дней, а отъ Целедуга до якутскаго острога, спускаясь внизъ водою, полтретья недѣли. На устьѣ рѣки Киренги и вокругъ Тунгусскаго Волока, по обѣ стороны рѣки Лени, по мнѣнію экспедиціи, могло быть поселено до 200 душъ крестьянъ и болѣе. Якутская земля, по показанію промышленниковъ и казаковъ, къ хлѣбопашеству неспособна, потому что не раставляетъ даже и среди лѣта. О всѣхъ этихъ результатахъ экспедиціи, воеводы довели до свѣдѣній государя, въ-слѣдствіе чего въ Москвѣ вызываемы уже были охотники для заселенія самой отдаленной части Сибири. Притомъ, воеводы прислали въ Москву донесеніе объ уснѣхъ экспедиціи, снаряженной въ 1661 году отъ кутскаго устья вверхъ по рѣкѣ Ленѣ къ независимымъ Бурятамъ для приведенія ихъ въ подданство Россіи. Экспедиція, взявъ нѣсколько независимыхъ улусовъ, старалась вытѣснить отъ туземцевъ нѣсколько статистическихъ извѣстій о земляхъ, прилежащихъ Байкалу со всѣхъ сторонъ. Она узнала, что съ устья Байкалури до Ламы вѣды три дня; что Лама устья не имѣетъ, что изъ нея вытекаетъ рѣка Тунгуска; что въ Ламѣ есть много рыбы и *звѣрь морской леира*; что Мунгалы живутъ за Ламой вверхъ по Селенгѣ, князецъ у нихъ Контайша, городовъ и острожковъ у нихъ нѣтъ, *а бой у нихъ думлой*; вѣды къ нимъ 10 дней. Экспедиція узнала также, что серебро Мунгалы получаютъ изъ Китая; а отъ нихъ оно идетъ къ Бурятамъ и въ Другіи орды, что выше Тунгуски находятся солонны

ключи, изъ которыхъ Буряты добываютъ соль.

Въ этомъ же году воеводы успѣли уже поселить на Ленѣ, Кутѣ и Илимѣ нѣсколько пахатныхъ крестьянъ и писали въ Енисейскій-Острогъ къ воеводѣ Веревкину о вызовѣ охотниковъ для заселенія мѣстъ, лежащихъ по этимъ рѣкамъ, на извѣстныхъ условіяхъ съ казною.

Возвратившаяся въ это же время вилуйская экспедиція сообщила воеводамъ, что на Вилуѣ ясачныхъ и неясачныхъ Якутовъ и Тунгусовъ до 3000; изъ нихъ дающихъ асаѣ весьма немного; что если во ясачныхъ туземцевъ привести въ покорность, то ясачный сборъ можетъ быть болѣе ста-сороковъ соболой въ годъ; что для удержанія туземцевъ въ страхъ и повиновеніи надобно построить острогъ и держать въ немъ не менѣе пятидесяти казаковъ; что по рѣкѣ Вилуѣ есть много соболой, которые гораздо-лучше левскихъ.

Последнія экспедиціи, посланныя въ этомъ году для открытія новыхъ земель, были: посланна Васильева къ верховьямъ Лены для постройки острога близъ устья Кулеги, и Телицына на рѣку Юганду. Выправивъ ихъ, воеводы донесли царю объ открытіи новыхъ земель по рѣкамъ Витиму, Цыперу и другимъ, и о слухахъ объ инородцахъ, обитающихъ по Шилѣ, на границѣ китайскаго государства. Енисейскій казакъ Перфильевъ, ходившій на Витимъ, узналъ отъ нѣсколькихъ пойманныхъ имъ независимыхъ Тунгусовъ, что на рѣкѣ Витимѣ живетъ даурскій князь Ботога; ходу до него отъ устья Котомары по Витиму, мѣсяцъ; что Ботога живетъ на одномъ мѣстѣ, улусами, въ юртахъ *рублемас*; что скота и соболой у него множество, и что онъ имѣетъ серебро и ведетъ торгъ на Шилѣ съ княземъ Лодкоемъ. Отъ Ботога вверхъ по рѣкѣ Витиму до озера Ярвана живутъ Дауры *коники*,

стрѣляютъ изъ луковъ, *языкѣ-де у нихъ свой съ якутскими и тунгускими не сходится.* Отъ Ботога же на Шилку ходу три дня съ половиною. По теченію Шилки живутъ Дауры, занимающіеся земледѣіемъ. На этой же рѣкѣ, при впаденіи въ нее рѣки Угры, находится серебряная руда; изъ нея даурскіе князьки добываютъ серебро, вымѣниваютъ на него въ улусахъ соболы, которые въ свою очередь промѣниваютъ Китайцамъ на разные товары; сверхъ того, на Шилѣ находится много мѣдной и свинцовой руды; отъ мѣдной руды до устья Шилки внизъ, ходу пять или шесть дней. Рѣка Шилка впадаетъ въ Ламу, которую туземцы называютъ моремъ; при самомъ устьѣ Шилки живутъ Килорцы, торгующіе съ Китайцами, которые прѣзжаютъ къ нимъ съ Ламы на судахъ. Килорцы имѣютъ свою грамоту и мечети. Огнестрѣльнаго оружія нѣтъ ни у Китайцевъ, ни у туземцевъ, обитающихъ по Ламѣ и Шилѣ. У Дауровъ земледѣіе находится въ первушемъ состояніи; они ведутъ внутренній торгъ хлѣбомъ разнаго рода, продавая его на соболы. По рѣкѣ Гилу, впадающей съ лѣвой стороны въ рѣку Шилку, тоже живутъ Якуты и Тунгусы. Отъ захваченныхъ Тунгусовъ Перфильевъ узналъ, что за Камнемъ находится рѣка Цыперъ, вытекающая изъ озера и впадающая въ Витимъ; ходу до Цыпера съ устья Котомары, гдѣ зимовалъ Перфильевъ, вверхъ по Витиму, четыре днища. На озерѣ, изъ котораго вытекаетъ Цыперъ, живутъ неясачные Тунгусы: Шунильцы, Чипчигильцы и другіе роды, болѣе 200 человекъ; у нихъ много соболой, которыхъ они частью мѣняютъ на хлѣбъ и на скоть, частью жъ продаютъ на серебро Тунгусамъ, живущимъ по Шилѣ. Въ-слѣдствіе этихъ показаній, Перфильевъ ходилъ вверхъ по рѣкѣ Витиму до Цыпера (восемь дней); потомъ вверхъ по Цыперу до большаго цыперскаго порога (девять дней); но онъ не могъ продолжать своей экспедиціи по недостатку съѣстныхъ припасовъ.

Вмѣстѣ съ этимъ донесеніемъ, воеводы уведомляютъ государя объ экспедиціи, которая была ими наряжена вверхъ по рѣкѣ Чаѣ, для открытія новыхъ неясчныхъ земель. Посылаемые для этой цѣли казаки нашли на рѣкѣ Чаѣ неясчныхъ Тунгусовъ: Наедеровъ, Книдигирповъ, да сверхъ того поймали нѣсколько Тунгусовъ, живущихъ на рѣкѣ Ангарѣ, которые показали, что ходу до Ангары, отъ того мѣста, гдѣ ихъ взяли, восемь большихъ дней, а до Ламы ходу съ Ангары двѣ недѣли; что по Ангарѣ живутъ Тунгусы, а подлѣ Ламы Буряты. Получивъ эти извѣстія, воеводы сдѣлали свои распоряженія для приведенія въ покорность Россіи самыхъ отдаленныхъ Бурятъ и Тунгусовъ, обитающихъ возлѣ Байкала, и отправили туда казачій отрядъ подъ начальствомъ Епалея Бахтеярова, давъ ему для устрашенія туземцевъ одно орудіе: притомъ, воеводы, снабдивъ Бахтеярова самою подробною инструкціею, какъ онъ долженъ дѣйствовать, велѣли ему сдѣлать чертежъ Витиму и рѣкамъ въ нее впадающимъ, также озера Чибиря и рѣки Шилки, и сверхъ того доставить точное свѣдѣніе, какія по этимъ рѣкамъ обитаютъ племена, о ихъ населеніи, въ какихъ именно мѣстахъ находятся серебряная, жѣзная и свинцовая руды, и наконецъ, о пути въ китайское государство.

Дѣятельные воеводы не ограничились этими поисками; въ 1642 году, они отправили казацкаго пятидесятника Бузу на рѣку Индигирку для открытія рѣки Нероги, впадающей въ Сѣверный-Океанъ, о которой они узнали отъ аманатовъ, взятыхъ Бузою у Юкагировъ. Аманаты сообщили, что рѣка Нерога прилегаетъ своею вершиною къ Индигиркѣ и Янѣ; ходу же отъ Индигирки къ Нерогѣ на оленяхъ одна недѣля, а отъ верховьевъ Яны одинъ мѣсяцъ; что Нерога впадаетъ въ море; что на ней, недалеко отъ устья, въ утѣсѣ, принадлежащемъ къ рѣкѣ, находится серебряная руда, за которою

вверхъ по рѣкѣ живетъ племя Натла; юрты у него сдѣланы въ землѣ. Племя это имѣетъ много серебра; лошадей же и оленей у него вовсе нѣтъ.

Въ-слѣдъ за этимъ была отправлена другая экспедиція на рѣку Оленекъ, для пріиска новыхъ земель и приведенія въ подданство тамошнихъ шородцевъ.

Не смотря на успѣшный ходъ дѣлъ въ Сибири, между воеводами возникло несогласіе; первый изъ нихъ, Петръ Головинъ, посадилъ товарища своего, втораго воеводу, Матвѣя Глѣбова, вмѣстѣ съ дьякомъ Евфиміемъ Филатовымъ, подъ стражу, сталъ угнетать туземцевъ и русскихъ промышленниковъ, заключивъ послѣднихъ доста человекъ въ тюрьму. Правительство, узнавъ о разныхъ безачинствахъ Головина, рѣшилось отозвать его *съ товарищами* въ Москву, а на мѣсто его назначило воеводами на Лепу Василия Пушкина и Кириллу Супонова, придавъ къ нимъ дьяка Петра Стеншина. Правительство дало новымъ воеводамъ самый подробный наказъ объ управленіи сибирскимъ краемъ, укрѣпленіи нѣкоторыхъ мѣстъ и порядкѣ асачнаго сбора, поручивъ Пушкину, вмѣстѣ съ тѣмъ, разобрать дѣло Головина.

На этомъ событіи прекращаются историческіе памятники, относящіеся къ *сибирскому вопросу*, помѣщенные во второмъ томѣ «Дополненій». Важность этихъ памятниковъ въ области исторіи и географіи Сибири неоспорима. Изъ нихъ виденъ быстрый, хотя и несистематическій процессъ расширенія русскаго владычества на сѣверо-востокѣ Азіи. Воеводы, гонясь за асакомъ и приводя къ шертѣ туземцевъ, не сознавали, что они этимъ дѣлали исполняющіе шаги въ политическомъ развитіи Московскаго Государства. Не надобно также забывать, что всѣ извѣстія объ отдаленныхъ странахъ Сибири, встрѣчаемыя въ этихъ памятникахъ, были первыми положительными

свѣдѣніями въ Европѣ о сѣверѣ Азіи. Сохраненіемъ этихъ сокровищъ, невѣствующихъ въ наше время никакого болѣе значенія, по имѣвшихъ важное вліаніе въ половинѣ XVII и даже XVIII вѣка, мы обязаны трудолюбивому Миллеру, привезшему все это въ Москву еще въ прошедшемъ столѣтіи.

Вотъ три главныхъ вопроса, объясняющіеся въ извѣстныхъ отношеніяхъ историческими матеріалами, помѣщенными въ «Дополненіяхъ». Обратимся теперь къ памятникамъ, рѣшающимъ отчасти другіе историческіе вопросы. Хотя памятники эти въ «Дополненіяхъ» и помѣщены на первомъ планѣ, но по нѣкоторымъ причинамъ мы видимъ въ нихъ только второстепенную важность.

Первый историческій памятникъ, помѣщенный во главѣ перваго тома «Дополненій». — *Уставъ великаго князя Владимира Святославича о церковныхъ десятинахъ, судѣ, мѣрилахъ, и проч.* Съ полною признательностью принимая всѣ драгоценныя изданія Археографической Комиссіи, мы позволяемъ себѣ думать, что этотъ памятникъ въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ находится на первой страницѣ «Дополненій», едва ли подвигаетъ вопросъ о законодательствѣ св. Владимира. Причина тому, если не ошибаемся, слѣдующая. Издавая памятникъ, уже давно извѣстный всякому, кто хоть немного знакомъ съ отечественною исторіею, — памятникъ, вовсе необъясненный критикомъ и отчасти сомнительный, притомъ, издавая его въ такомъ видѣ, какъ онъ перепечатанъ уже нѣсколько разъ, редакція, по нашему мнѣнію, немного неправа передъ наукою. Занимаясь въ теченіе дѣлѣхъ пятнадцати лѣтъ изученіемъ самыхъ древнѣйшихъ памятниковъ русской письменности, редакторъ имѣлъ полную возможность сдѣлать то, что у насъ никому почти невозможно: здѣсь ему представлялся случай также выказать свою историческую эрудицію: памятникъ возстановить его въ томъ

видѣ, въ какомъ онъ вышелъ изъ первыхъ рукъ, — а это достигается только критико-филологическими объясненіями, подобно тому, какъ Шафарикъ и Палацкій объяснили древнѣшіе памятники чешской письменности, считавшіеся долгое время сомнительными. Все это могъ сдѣлать и г. Бередниковъ, какъ главный редакторъ, или просто какъ любитель отечественной исторіи; но почему-то онъ этого не сдѣлалъ, и тѣмъ самымъ изданіе «Устава» не достигло своей цѣли; оно не прибавило ничего новаго къ суммѣ нашихъ свѣдѣній о «политикѣ» великаго князя Владимира.

«Уставъ Владимира» напечатанъ въ «Дополненіяхъ» по характерному помоканону, писанному въ исходѣ XIII вѣка. Первый разъ онъ былъ помѣщенъ въ «Древней Россійской Визлоседѣ» (*), но по списку гораздо позднѣйшему; второй разъ напечатанъ въ «Исторіи Государства Россійскаго» (**) и третій разъ въ «Описаніи Кіево-Соборнскаго Собора» митрополита Евгенія (**). Г. Бередниковъ спрашиваетъ: *Истинный список (по помоканону) не служилъ ли образцомъ всѣмъ последующимъ?* Кому же причитается было рѣшить этотъ вопросъ, какъ не тому, кто въ четвертый разъ издавалъ этотъ памятникъ? Издавая «Уставъ св. Владимира» по списку помоканона XIII вѣка, слѣдовало бы сравнить его со всѣми прежними изданіями, — и тогда не осталось бы загадокъ, не этотъ ли экземпляръ «Устава» служилъ образцомъ для прочихъ? — Потомъ г. Бередниковъ прибавляетъ: «Книжники XV и XVI столѣтій не переводили ли его съ древняго наръчія на современное, не доводили ли ихъ вставками и проч., подобно лѣтописцамъ и другимъ памятникамъ древней нашей словесности?» Едва ли нужно гадать о томъ, что можно рѣ-

(*) Томъ VI, стр. 1—9, и въ *Продолженіи ея*, томъ III, стр. 3—8.

(**) Томъ I, прим. 506.

(***) Прибавленіе стр. 5—7.

шить, иѣтъ подъ рукою все къ тому необходимое. Сличите всѣ изданія «Устава Владиміра» и увидите, что въ нихъ вставлено, что дополнено, что сохранилось прежняго, и озарите свѣтомъ своею зрѣніемъ то, что для насъ осталось темнымъ и до сей дне. Сдѣлавъ нѣсколько догадокъ о разныхъ редакціяхъ «Устава св. Владиміра», г. Бередииковъ излагаетъ свои догадки и объ источникахъ «Устава». Онъ говоритъ: «Источникомъ Уставу Владиміра, безъ сомнѣнія, служилъ греческій номоканонъ, принятый, по введенію христіанства въ Россію, въ болгарскомъ переводѣ (сверхъ полныхъ списковъ, встрѣчаемыхъ въ рукописяхъ, мы знаемъ этотъ номоканонъ въ видѣ различныхъ сводовъ и сокращеній). Имѣя подъ рукою всѣ почти доселѣ извѣстные номоканоны и зная самый древній изъ нихъ, можно было бы показать, въ чемъ именно греческій номоканонъ служилъ источникомъ Устава Владиміра»; и не нужно было бы порѣшить этотъ важный вопросъ словами: *безъ сомнѣнія*. Въ «Уставѣ» ясно сказано, что основаніемъ ему служилъ «Номоканонъ»; по этому, тутъ ужъ вовсе не имѣеть мѣста *безъ сомнѣнія*. Далеѣ, г. редакторъ «Устава» продолжаетъ: «Нѣтъ сомнѣнія, что Уставъ Владиміра имѣлъ силу закона въ Великой, Западной и Черной Руси». Намъ кажется, это слѣдовало бы рѣшить положительно, въ чемъ именно имѣлъ силу, потому что намековъ объ этомъ въ наше время было много и прежде. Замѣчанія г. Бередиикова объ «Уставѣ Владиміра» заключаются слѣдующими словами: «И такъ, иѣвнѣ *мько-торыхъ* (?) о подложности Устава Владимірова несправедливо»; вотъ тому доказательство г-на Бередиикова: «ибо могла ли русская церковь выдумать монаха XIII вѣка (Карамз. томъ I, прим. 473 и 506) придать силу закона и руководствоваться ложью въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій». Конечно, это иѣвнѣ гораздо-дѣльнѣе, но это только иѣвнѣ, а не доказательство; которое пытаеца одними лишь факта-

ми. Въ слѣдъ за тѣмъ, г. Бередииковъ, для опроверженія иѣвнѣ Карамзина, прибавляетъ: «тѣмъ болѣе, что Уставъ извѣстенъ былъ и прежде XIII вѣка, какъ видно изъ грамоты князя Ростислава Мстиславича 1150 года. Хотя сей Уставъ дошелъ до насъ и безъ очевидныхъ признаковъ подлинности: но это не доказываетъ, чтобъ онъ былъ подложень и чтобъ утраченнаго подлинника вовсе не существовало». Читаемъ грамоту Ростислава Мстиславича и находимъ то мѣсто, которое, по иѣвнѣ г. Бередиикова, должно служить доказательствомъ, что «Уставъ Владиміра» извѣстенъ былъ и прежде XIII столѣтія. Ростиславъ, исчисливъ всѣ епископскіе доходы, заключаетъ свою грамоту словами: *И се и еще и Холмс даю Святѣи Богородици и епископу, яко же дано дѣдомъ моимъ Володимеромъ Симеонови прежде епископу, строить народъ церковный и утверженье*. Прозвоня окончательный приговоръ, что даже въ «Уставѣ Владиміра», по списку XIII вѣка, нѣтъ очевидныхъ признаковъ подлинности, какъ полезно было бы представить тому доказательства историко-филологическія, разложить языкъ «Устава» анатомически, дать отчетъ въ смыслѣ каждаго слова, сличивъ «Уставъ» со всѣми другими памятниками нашей письменности, относимыми къ самымъ древнѣйшимъ временамъ! Такой комментарий «Устава» сообщилъ бы молодому поколѣнію, занимающемуся историческими изслѣдованіями, плоды долговременныхъ изысканій г. Бередиикова въ области русской археологіи и филологіи. Археологія нынче стоитъ въ Европѣ на высшей степени: намъ должно слѣдить за ея развитіемъ. Древнѣе говорили: *exempla trahunt*, по примѣры Копытара, Шафарика, Вука Стефановича, Липде, Востокова, Павскаго и Прейса немногихъ у насъ увлекаютъ! Въ-самомъ-дѣлѣ, многіе ли между нами обнаруживаютъ страсть къ историческимъ занятіямъ, то-есть, критическимъ изслѣдованіямъ? — а кто-то сказалъ: «тамъ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ и успѣха».

Печатая «Уставъ Владимира» новѣйшимъ русскимъ шрифтомъ, редакторъ вноситъ иногда церковныя буквы: Ѡ (отъ), Ѹ (укъ), Ѧ и ѧ (я), Ѡ и ѡ (онъ), і (і), ы (ы), ꙗ (іе), также знакъ ѿ, не оговаривъ, съ какою цѣлю это было дѣлаво, и что читателю должно заключить: если вмѣсто о или отъ передъ нимъ стоять ѡ или Ѡ. Мы думаемъ, что изъ подобныхъ археографическихъ отличій нельзя себѣ составить понятіе о характерѣ нашей древней орфографии. Едва ли кому-нибудь могутъ пригодиться самыя тщательныя воспроизведенія ошибокъ полуграмотнаго переписчика древнѣшаго акта ..

Бросимъ бѣглый взглядъ на «Уставъ Владимира» и слѣваемъ содержаніе его нѣсколько-понятнѣе. Весь «Уставъ» состоитъ, можно сказать, изъ 7 частей. Первая часть заключаетъ въ себѣ вступленіе: великій князь Владиміръ говорить: «Я князь Василій, нарицаемый Владиміромъ, сынъ Святослава, внукъ Игоря и блаженныя кнѣгини Ольги, восприимъ святое крещеніе отъ греческаго цара и отъ патріарха цареградскаго Фотія, взявъ перваго митрополита для Кіева, Леова, который крестилъ всю землю русскую». Намъ кажется нѣсколько-страннымъ, зачѣмъ Владиміръ начинаетъ свой уставъ повѣствованіемъ о своихъ дѣяніяхъ. Вѣрно «Уставъ» этотъ сочинилъ греческій священникъ, имѣвшій въ виду при этомъ случаѣ передать дѣяніа Владимира самому отдаленному потомству? Ко второй части «Устава» мы относимъ слѣдующій очеркъ: «Потомъ, по истеченіи многихъ лѣтъ, я воздвигнулъ церковь св. Богородицы, десятинную, опредѣливъ ей десятину изъ всей земли русской: изъ княжескаго суда десятую векшу, изъ торго десятую недѣлю, также давать ежегодно чудному Спасу и чудной его матери десятую часть изъ домовъ, стадъ и хлѣба». Въ третьей части Владиміръ излагаетъ, отъ-чего именно онъ отдастъ судъ надъ церковными людьми въ руки духовенства и запре-

дѣсть свѣтскимъ властямъ вмѣшиваться въ дѣла его. Вотъ слова Владимира: «Потомъ, раскрывъ греческій номоканонъ и нашедши въ немъ, что не подобаетъ этимъ дѣламъ и тяжбамъ судить князю, ни его боярамъ, ни судьямъ, и поразмысливъ вмѣстѣ съ своею княжною и Анною съ дѣтьми и передалъ тѣ суды духовенству (церквамъ, митрополиту и всѣмъ епископіямъ русской земли). По этому не надобно вмѣшиваться въ дѣла людей церковныхъ и ихъ суды, ни дѣтямъ мопить, ни вучатаемъ, ни всешуроду моему на вѣки, въ городахъ, погостахъ и слободахъ, гдѣ только есть крестьяне; приказываю также и тиунамъ своимъ не вмѣшиваться въ церковный судъ, ни судить безъ епископскаго (владычня) намѣстника». Изъ этого видно, что греческое духовенство старалось навести Владимира на мысль передать судъ надъ церковными людьми въ руки самого духовенства. Выраженіе «и по свободамъ, идѣ къ сущь христіане» явно показываетъ, что все непринадлежащее церковному вѣдомству подлежало суду свѣтскому; выраженіе же «ни судити безъ владычня намѣстника» должно быть отнесено къ судамъ смѣшаннымъ, которые непремѣнно должны были существовать при такомъ порядкѣ вещей. Въ четвертой части излагается, что ценно имѣлось въ преступленіе и подчинилось суду церковному, а именно: «роспуть, свѣльное, заставанье, пошибанье, умычка между мужемъ и женою, о животь, женитьба въ племени или сватствѣ, вѣдство, зеленничество, потвори, чародѣяніа, волхвованія, урѣканія три, бляднею и зельемъ, сретичества, зубобѣжа, если сынъ отца побьетъ или мать, или дочь, или сноха и свекровь, когда братья или дѣти глжуются о задницу, церковная татьба, если мертвецовъ обдерутъ, крестъ срубятъ или на стѣнахъ рѣжутъ скотъ или псы, или потки безъ нужды ведуть, или иное что неподобное церкви сдѣлають, или два друга стануть драться за одну женщину и одинъ другаго убьетъ, или кого заставутъ съ четвероноживою, или кто мо-

лится подъ овинномъ или въ роуцѣ или у воды, или дѣвка родитъ дитя; всѣ эти преступленія судятся духовенствомъ; князю, боярамъ и судьямъ ихъ въ суды эти вѣшываться не должно. На эту часть «Устава», намъ кажется, должно было бы обратить особенное вниманіе, и, сличивъ ее съ помокановомъ, объяснить окончательно, потому что безъ этого она не многимъ понятна. Но этого не сдѣлано... Въ пятой части, Владиміръ гарантируетъ свой «Уставъ», слѣдующими словами: «А кто нарушитъ нашъ уставъ, тѣмъ непрощенымъ быть отъ Бога, и горе себѣ наслѣдуютъ. Тѣмъ же своимъ приказываю суда церковнаго не обижать и съ суда (т. е. съ свѣтскаго) давать дѣла частой князю, а тѣмъ на святой церкви. Кто же обидитъ судъ церковный, тотъ долженъ заплатить собою, и отвѣчать въ томъ передъ Богомъ на страшномъ судѣ, передъ тѣмъ ангеловъ, гдѣ открываются дѣла каждаго добраго и злаго, гдѣ никто и ничто болѣе не поможетъ, только одна правда избавитъ отъ второй смерти, вѣчной муки, огня неугасаемаго» и т. д. Въ шестой части, великій князь Владиміръ говоритъ: «Такимъ образомъ установлено отъ Бога, то и мы поручаемъ святымъ епископамъ блюсти всѣ городскіе и торговые мѣрила, пуды, вѣсы и ставила; не уменьшать ихъ, ни увеличивать, потому что во всемъ этомъ они должны дать отчетъ въ день суда великаго, какъ и о душахъ человѣческихъ». Въ седьмой части составитель «Устава» счелъ необходимымъ пояснить, что именно надобно разумѣть подъ именемъ *церковныхъ людей*. Онъ говоритъ: «*церковные люди* суть: игумень, попъ, діаконы, дѣти ихъ, попадя, и кто въ кляросѣ, игуменья, чернецъ, черница, прокурница, паломникъ, дѣвецъ, прощенникъ, задущный человѣкъ, сторонникъ, слѣпецъ, хромецъ, находящіеся въ монастырѣ, въ больницѣ, гостинницѣ, странничницѣ, богадельнѣ; между всѣми этими людьми чинить судъ въ обидѣ, которѣ, враждѣ и задницѣ—интро-

полить или епископъ. Если же выйдетъ дѣло между церковнымъ человекомъ и не церковнымъ, то судъ долженъ быть *общій*». Наконецъ, въ заключеніе «Устава», Владиміръ передаетъ проклацію всякаго, кто бы осмѣлился вѣшываться въ судъ церковный или нарушить его.

Рѣшить окончательно вопросъ объ «Уставѣ Владиміра» у насъ есть теперь всѣ средства; слѣдуетъ только сличить между собою всѣ древнѣйшіе памятники нашей словесности для объясненія гѣхъ словъ «Устава», значеніе которыхъ, въ наше время, частью затеряно, частью темно и сомнительно. Сдѣлавъ историко-филологическія наблюденія надъ формами нашего древнаго языка, мы въ состояніи будемъ отыскать въ дошедшемъ до насъ «Уставѣ» признаки его древности. Послѣ этого должно будетъ изучить исторически и самый греческій помокановъ, чтобы убѣдиться, въ чемъ именно Владиміръ ему послѣдовалъ при изданіи своего «Устава». Безъ этого, сколько бы разъ ни перепечатывался «Уставъ Владиміра», дѣло все-таки не поведется впередъ, — тѣмъ болѣе, что послѣднія двѣ части «Устава», именно о вѣсахъ, мѣрилахъ и церковныхъ людяхъ, заставляютъ сомнѣваться въ ихъ подлинности, и кажутся намъ позднѣйшимъ развитіемъ «Устава» въ рукахъ греческаго духовенства, желавшаго усвоить себѣ большую часть княжеской власти.

Кромѣ «Устава Владиміра», въ «Дополненіяхъ» напечатано еще нѣсколько древнѣйшихъ памятниковъ нашей юридической письменности, давно уже намъ извѣстныхъ. Жаль, что памятники эти напечатаны тоже безъ критико-филологическихъ замѣчаній, слѣдовательно, едва-ли прибавятъ что-нибудь новое къ массѣ нашихъ историческихъ свѣдѣній. Мы жалѣемъ объ этомъ тѣмъ болѣе, что о грамматахъ XII столѣтія писалъ каждый изъ нашихъ капитальныхъ историковъ, да сверхъ-того о

двухъ назъ нихъ шла продолжительная полемическая тяжба между сыномъ Шейнера, профессоромъ Московскаго Университета и современными ему московскими археологами. Назъ множества мнѣній объ этихъ памятникахъ можно было бы назвать дѣйственную мысль и подѣлиться ею съ публикою, взявъ и то во вниманіе, что новому поколѣнію почти неизвѣстны мелочныя историко-критическія изслѣдованія, разбѣяныя въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ конца прошедшаго и начала текущаго столѣтія. Слѣдовательно, новое изданіе означенныхъ памятниковъ, сообщивъ молодому поколѣнію дѣльный разборъ цѣлаго ряда мнѣній объ этомъ важномъ предметѣ, оказало бы довольно-значительную услугу.

Въ числѣ грамматъ, относящихся къ началу XVI столѣтія, встрѣчаемъ одну довольно-оригинальную: это посланіе Елеазарова-Монастыря игумена Цамфила къ псковскимъ властямъ, о запрещеніи народныхъ игръ въ день рождества св. Іоанна-Предтечи. Не смотря на то, что христіанская вѣра была введена во Псковъ еще въ X столѣтіи, нѣкоторые обряды язычества оставались до самаго XVI вѣка, и въ особенности обрядъ правновать вечеромъ наканунѣ рождества св. Іоанна-Предтечи. Хотя въ празднествахъ этихъ не видно ничего особенно-идолопоклонническаго, но блгительное духовенство рѣшилось искоренить и память о народныхъ играхъ, совершавшихся въ этотъ вечеръ. Въ доказательство того, что вечеръ этотъ правновали не иначе, какъ и теперь русский народъ празднуетъ масляннику, день Пасхи и Рождества Христова, приведемъ слова самаго Цамфила, описывающаго эти празднества со всею подробностью.

• Еда бо приходитъ велий праздникъ день Рождества Предтечева, и тогда, во свягую ту ночь, мало на весь градъ вмятается и възбѣсится, бубны и со-

пѣніи (свирѣльни) и гудѣніемъ струнными, и вскими неподобными играми сотоянскими, плесканіемъ и плясаніемъ, и того ради двинется и всака встанеть непріязвенная угода.... встучить бо градъ сей и възграть въ немъ людеи си беззаконіемъ и погибелью лютою, злымъ прельщеніемъ предъ Богомъ, стучать бубны и гдасъ сопѣлій и гудуть струны, жемамъ же и дѣвамъ плесканіе и пласаніе, и главамъ ихъ наживаніе, устамъ ихъ непріязненъ кличъ и вопль, всекаверненныя пѣсни, бѣсовская угода свершахуся, и хребтомъ ихъ вихдѣвіе, и ногамъ ихъ скаданіе и топтаніе; ту же есть мужемъ же и отрокомъ великое прельщеніе и паденіе, но яко мажевское и дѣвическое шатаніе блудно и вѣрваніе, тако же и женамъ нужатымъ беззаконное оскверненіе, то же и дѣвамъ растлѣніе. Далѣе игумень Пафутій прибавляетъ: «Плесканицы въ той святый день рождества великаго Івана Предтечи, исходятъ обавницы, мужи и жены чаровницы, но лугамъ и по болотамъ, въ пути же и въ дубравы, ищуще смертныхъ травы и привѣта чревоотравнаго зелья, на пагубу челоуічеству и скотомъ, ту же и дивіа копають ковереніа на потвореніе и на безуміе мужемъ; сіа вся творятъ съ приговору дѣйствомъ діаволимъ.... И сіи ли Христомъ избра, и тако ли естѣ христіанамъ православнымъ вѣра и чинъ, и сіа ли естѣ христіанская лѣвота изаконъ, играніемъ, пласаніемъ, и блудомъ, чародѣяніемъ и бѣсовскими пѣснями, лудами же и бубны, веселіемъ сотоны самого день роженія великаго Предтечи почитати и правновати, яко некрестьяномъ сущимъ, глумомъ безлѣпотнымъ? (*)»

Въ числѣ актовъ XVI столѣтія мы встрѣчаемъ также и «Духовное Забѣщаніе Грознаго». Кто можетъ равнодушно взглянуть на это послѣднее

(*) Допол. къ Ист. Акт. Т. I. Актъ нумеръ 22.

дѣйствіе царя Іоанна? Вѣроятно, всякій съ особеннымъ любопытствомъ обратится къ духовной, въ надеждѣ найти въ этихъ послѣднихъ словахъ царя результатъ полувѣковой борьбы его съ людьми и съ самимъ собою, борьбы, оставившей на Россіи кровавыя пятна, утучнившія почву для будущей жатвы? Вы хотите найти въ завѣщаніи Іоанна IV его душевную предсмертную физиономію, внять послѣднему его слову... Но завѣщаніе это писано не въ часъ, предшествовавшей смерти, а на досугѣ, вѣроятно, въ одну изъ тѣхъ мимолетныхъ минутъ, когда Іоанну приходила мысль о смерти. Къ сожалѣнію, въ этомъ завѣщаніи не отразилась личность Грознаго. Здѣсь нѣтъ ничего характеристическаго и оригинальнаго. Іоаннъ показываетъ, что онъ будто кается въ грѣхахъ своихъ, завѣщаетъ сыновьямъ Ивану и Фёдору жить и дѣйствовать по внушенію вѣры, въ согласіи и мирѣ, а потомъ расписываетъ все, что должно принадлежать Ивану, какъ царю, и Фёдору, какъ удѣльному князю. По этому, завѣщаніе Грознаго болѣе важно въ статистико-географическомъ отношеніи, чѣмъ въ психическомъ.

Вотъ начало завѣщанія: «Се азъ многогрѣшный и худый рабъ Божій Іоаннъ пишу сіе исповѣданіе своимъ цѣлымъ разумомъ. Но понеже разума нищетою содержимъ есмь, и отъ убогаго дому ума моего не могохъ представить трапезы пици ангельскихъ словесъ исполненной, понеже умъ убо оступился, тѣло взнеможе, болѣзнуеть духъ, струпи тѣлесны и душевны умножишася, и не сущу врачу испѣляющему мя, ждахъ, же со мной поскорбѣть, и не бѣ, утѣшающихъ не обрѣтохъ; воадаша ми алая во благая, и ненависть за возлюбленіе мое. Душою убо оскверненъ есмь и тѣломъ

окалахъ» (*). За этимъ слѣдуютъ разсужденія богословскія, въ которыхъ у Грознаго недостатка не было.

Наконецъ, что сказать объ остальныхъ трехъ-стахъ грамотахъ, составившихъ два тома «Дополненій»? Это атомы, въ которыхъ какъ-бы разсыпалась по всей Руси политика нашихъ князей великихъ и удѣльныхъ; она лишена теперь силы сцѣпленія и обратилась въ инфузорию, составившія почву нашей новѣйшей общественной жизни. До-сихъ-поръ, грамоты наши составляютъ необычайный хаосъ; до-сихъ-поръ нѣтъ человека, который бы умѣлъ управиться съ ихъ несметнымъ множествомъ, и изъ этихъ разнородныхъ и разноцвѣтныхъ частей составилъ мозаичную картину нашего древняго юридическаго быта... Требования нашего общества еще не вызываютъ генія на поприще исторіи русскаго права. Мы не только не умѣемъ взяться за этотъ предметъ, но не умѣемъ даже къ нему подойти, чтобы порядкомъ взглянуть на него. Все, что сдѣлано по предмету исторіи русскаго права, такъ недостаточно, что едва-ли заслуживаетъ какого-нибудь вниманія. Къ-несчастью, этотъ важный предметъ попадался въ руки самыхъ бездарныхъ труженниковъ или людей слишкомъ-мечтательныхъ, которые, не углубившись въ него, сочли достаточнымъ отдѣлаться общими модными фразами, и дѣло осталось въ прежнемъ положеніи. Русскому человеку трудно найти свою оригинальную точку опоры въ умственной дѣятельности. Закуривъ сигару, мы начинаемъ думать—и думаемъ, какъ дѣльные люди, перебираемъ въ умѣ всѣ вопросы, увлекаемъ

(*). Допол. къ Ист. Акт. Т. I. Актъ номеръ 222. стр. 371.

двухъ изъ нихъ шла продолжительная полемическая тяжба между сыномъ Шлёгера, профессоромъ Московскаго Университета и современными ему московскими археологами. Изъ множества мнѣній объ этихъ памятникахъ можно было бы извлечь дѣльную мысль и подѣлиться ею съ публикою, взявъ и то во вниманіе, что новому поколѣнію почти неизвѣстны мелочныя историко-критическія изслѣдованія, разбѣянные въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ конца прошедшаго и начала текущаго столѣтія. Следовательно, новое изданіе означенныхъ памятниконъ, сообщивъ молодому поколѣнію дѣльный разборъ цѣлаго ряда мнѣній объ этомъ важномъ предметѣ, оказало бы довольно-значительную услугу.

Въ числѣ грамматъ, относящихся къ началу XVI столѣтія, встрѣчаемъ одну довольно-оригинальную: это посланіе Елеазарова-Монастыря игумена Памфила къ псковскимъ властямъ, о запрещеніи народныхъ игрищъ въ день рождества св. Іоанна-Предтечи. Не смотря на то, что христіанская вѣра была введена во Псковъ еще въ X столѣтіи, нѣкоторые обряды язычества оставались до самаго XVI вѣка, и въ особенности обрядъ праздновать вечеръ наканунѣ рождества св. Іоанна-Предтечи. Хотя въ празднествахъ этихъ не видно ничего особенно-идолопоклонническаго, но блгительное духовенство рѣшилось искоренить и память о народныхъ игрищахъ, совершавшихся въ этотъ вечеръ. Въ доказательство того, что вечеръ этотъ праздновали не иначе, какъ и теперь русскій народъ празднуетъ масленицу, день Пасхи и Рождества Христова, приведемъ слова самаго Памфила, описывающаго эти празднества со всею подробностью.

• Еда бо приходитъ великъ праздникъ • день Рождества Предтечева, и тогда, • во свягую ту ноць, мало не весь градъ • вмягнется и възбѣдится, бубны и со-

• пѣли (сварьѣли) и гудѣніемъ струн- • нымъ, и всякими неподобными игра- • ми сотонинскими, плесканіемъ и пла- • саниемъ, и того ради двинется и вся- • ка встанеть неприязвенная угода.... • встучить бо градь сей и възгремятъ • въ немъ людіе си беззаконіемъ и по- • гибелью лютою, злымъ прельщеніемъ • предъ Богомъ, стучать бубны и гдасъ • сощѣли и гудуть струны, женамъ • же и дѣвамъ плесканіе и пласаніе, • и главамъ ихъ пакиваніе, устами ихъ • неприязненъ кличь и вопль, всесквер- • венныя цѣсви, бѣсовская угода сдер- • шахуса, и хребтомъ ихъ виданіе, и • ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе; ту • же есть мужемъ же и отрокомъ вели- • кое прельщеніе и паденіе, но яко на • женское и дѣвическое шатаніе блуд- • но и възрѣніе, тако же и женамъ ну- • жатымъ беззаконное оскверненіе, то- • же и дѣвамъ растлѣніе. Далѣе игу- • менъ Памфутій прибавляетъ: • Плеско- • вичи въ той святый день рождества • великаго Івана Предтечи, исходятъ • обавицы, мужи и жены чаровницы, • по лугамъ и по болотамъ, въ пути- • же и въ дубравы, ищуще смертныя • травы и привѣта чревоотраиннаго зе- • лѣа, на пагубу челоуічеству и ско- • томъ, ту же и дивіа копають ко- • реніа на потвореніе и на безуміе • мужемъ; сія вся творять съ прагого- • ры дѣйствомъ діамолимъ.... И сія • ли Христосъ вѣбра, и тако ли ествъ • христіанамъ православнымъ вѣра и • чинъ, и сія ли ествъ христіанская дѣ- • шота незаконъ, играніемъ, пласаніемъ, • и блудомъ, чародѣніемъ и бѣсовски- • ми цѣснями, дудами же и бубны, ве- • селіемъ сотоны самого день роженіа • великаго Предтечи почтати и празд- • новати, яко неирестельномъ сущимъ, • глаголюмъ бездѣлнымъ? (*) •

Въ числѣ авторовъ XVI столѣтія мы встрѣчаемъ также и «Духовное Заѣщаніе Грознаго». Кто можетъ равнодушно взглянуть на это послѣднее

(*) Дожол. къ Ист. Акъ. Т. I. Акъ нумеръ 32.

дѣйствіе царя Іоанна? Вѣроятно, вслѣдствіе съ особеннымъ любопытствомъ обратится къ духовной, въ надеждѣ найти въ этихъ послѣднихъ словахъ царя результатъ полувѣковой борьбы его съ людьми и съ самимъ собою, борьбы, оставившей на Россіи кровавыя пятна, угучившія почву для будущей жатвы? Вы хотите найти въ завѣщаніи Іоанна IV его душевную предсмертную физиономію, внять послѣднему его слову... Но завѣщаніе это писано не въ часъ, предшествовавшей смерти, а на досугѣ, вѣроятно, въ одну изъ тѣхъ мимолетныхъ минутъ, когда Іоанну приходила мысль о смерти. Къ сожалѣнію, въ этомъ завѣщаніи не отразилась личность Грознаго. Здѣсь нѣтъ ничего характеристическаго и оригинальнаго. Іоаннъ показываетъ, что онъ будто кается въ грѣхахъ своихъ, завѣщаетъ сыновьямъ Ивану и Ѳедору жить и дѣйствовать по внушенію вѣры, въ согласіи и мирѣ, а потомъ расписываетъ все, что должно принадлежать Ивану, какъ царю, и Ѳедору, какъ удѣльному князю. По этому, завѣщаніе Грознаго болѣе важно въ статистико-географическомъ отношеніи, чѣмъ въ психическомъ.

Вотъ начало завѣщанія: «Се азъ многогрѣшный и худый рабъ Божій Іоаннъ пишу сіе исповѣданіе своимъ цѣлымъ разумомъ. Но понеже разума нищетою содержимъ есмь, и отъ убогаго дому ума моего не могахъ представить трапезы пищи ангельскихъ словесъ исполненной, понеже умъ убо оструился, тѣло изнеможе, болѣзнуеть духъ, струи тѣлесны и душевны умножишася, и не сущу врачу испѣляющему мя, ждахъ, же со мною поскорбѣть, и не бѣ, утѣшающихъ не обрѣтохъ; воздаша ми злая во благая, и ненависть за возлюбленіе мое. Душою убо оскверненъ есмь и тѣломъ

окалахъ» (*). За этимъ слѣдуютъ разсужденія богословскія, въ которыхъ у Грознаго недостатка не было.

Наконецъ, что скажете объ остальныхъ трехъ-стахъ грамматахъ, составившихъ два тома Дополненій? Это атомы, въ которыхъ какъ-бы разсыпалась по всей Руси политика нашихъ князей великихъ и удѣльныхъ; они лишены теперь силы сгѣбленія и обратились въ инфузорию, составившія почву нашей новѣйшей общественной жизни. До сихъ-поръ, грамматы наши составляютъ необычайный хаосъ; до сихъ-поръ нѣтъ человека, который бы умѣлъ управиться съ ихъ несметнымъ множествомъ, и изъ этихъ разнородныхъ и разноцвѣтныхъ частей составилъ мозаичную картину нашего древняго юридическаго быта... Требования нашего общества еще не вызываютъ генія на поприще исторіи русскаго права. Мы не только не умѣемъ взяться за этотъ предметъ, но не умѣемъ даже къ нему подойти, чтобы порядкомъ взглянуть на него. Все, что сдѣлано по предмету исторіи русскаго права, такъ недостаточно, что едва-ли заслуживаетъ какого-нибудь вниманія. Къ-несчастью, этотъ важный предметъ попадался въ руки самыхъ бездарныхъ труженниковъ или людей слишкомъ-мечтательныхъ, которые, не углубившись въ него, сочли достаточнымъ отдѣлаться общими модными фразами, и дѣло осталось въ прежнемъ положеніи. Русскому человеку трудно найти свою оригинальную точку опоры въ умственной дѣятельности. Закуривъ сигару, мы начинаемъ думать—и думаемъ, какъ дѣльные люди, перебираемъ въ умѣ всѣ вопросы, увлекаемъ

(*). Допол. къ Ист. Акт. Т. I. Актъ номеръ 222. стр. 371.

ся великими истинами науки, сочувствуемъ великимъ интересамъ общественнымъ, рѣшаемся страдать для того только, чтобъ мыслить, — наконецъ сигарка докурилась и мы незамѣтно спускаемся въ свою прежнюю сферу бездѣйствія и равнодушія ко

всему безъ исключенія. Тогда и на древнѣйшія грамматы, которыя слѣшкомъ-дорого окупилась археологу, смотримъ какъ на полустлѣвшую бумагу, къ которой какъ-то страшно подступиться...

VI.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

І ю н ъ.

220) ПИТЕРБУРГСКІЯ ВЕРШИНЫ, описанныя Я. Бутковымъ. Книга вторая. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. Н. Греча. Въ 8-ю д. л. 189 стр.

Еслибъ г. Бутковъ былъ устарѣлый, да притомъ еще безталантный писатель, мы не сочли бы нужнымъ распространяться о новомъ его произведеніи. Сочиненія такихъ писателей похожи на шѣные птицъ: всегда выходятъ, что бѣдные сочинители производили ихъ какъ-будто для собственнаго удовольствія. Чего искать въ нихъ публики? Современнаго интереса въ нихъ, разумеется, не можетъ быть: поддѣлка подъ современность никогда не удается; исторической важности они также не могутъ имѣть, какъ произведенія людей безсильныхъ, и потому не пользовавшихся успѣхомъ и въ свое

время. Слѣдовательно, странно было бы и критикѣ обращать на нихъ серьезное вниманіе: пусть плачеть себѣ старый филинъ на развалинахъ того, о чемъ не стоитъ жалѣть, — пусть чирикаетъ пожилая малиновка все такъ же вѣчно, какъ въ первую весну своей пустой жизни, пусть каркаетъ сѣдая ворона, хоть бы даже съ тѣмъ, чтобъ заглушить соловья, — кому они и шлютъ? кто ихъ слушаетъ? кому до нихъ дѣло? Развѣ такимъ же птицамъ, какъ они сами, да и то рѣдко...

Г. Бутковъ писатель молодой, съ притязаніемъ на современность, одаренный довольно-оригинальнымъ талантомъ, въ томъ родѣ, въ которомъ особенно нуждается наше общество. Слѣдовательно, критика обязана разсматривать его произведенія и опредѣ-

дять выражающіяся въ нихъ силы со всевозможною строгостью. Постараемся исполнить эту обязанность столько, сколько позволяютъ предѣлы библиографической статьи и необходимость приведенія выписокъ изъ подлинника.

Главный признакъ младевческаго общества — малочисленность потребностей и недостатокъ поприщъ для разнообразныхъ талантовъ, — недостатокъ, который имѣеть слѣдствіемъ для наждаго отдѣльнаго лица или ложное сознаніе или совершенное незнаніе своихъ силъ. Талантъ рвется наружу; но можнли ожидать, чтобъ онъ неврѣтпно нашелъ правильную дѣятельность и принесъ здоровые плоды тамъ, гдѣ слишкомъ-мало явленій, которыя въ состояніи пробудить въ немъ ясное сознаніе всѣхъ оттѣнковъ его силы, и слишкомъ-мало сочувствія именно къ тому, для чего создала его природа? — Нѣтъ; ему предстоитъ или остаться въ бездѣйствіи, или проявиться въ дѣятельности неопѣненной, или наконецъ, — пойти по такому пути, который хотя и несвойственъ его натурѣ, однако пробить уже другимъ и вестъ къ нѣкоторому вліянію на общество.

Въ нашемъ, какъ и во всякомъ другомъ цивилизованномъ или цивилизуемомъ обществѣ, можно опредѣлить эпохи преобладанія всѣхъ трехъ случаевъ. Не пускаясь въ подробное изслѣдованіе этого вопроса въ исторіи допетровской Россіи, мы можемъ принять за несомнѣнное, что у насъ въ бездѣйствіи много должно было погибнуть такихъ людей, которые въ иные времена были бы предметомъ общаго уваженія и восторженнаго сочувствія. Въ настоящее же время, мы стоимъ на той степени развитія, когда всего чаще повторяется третій случай. Это уже важный шагъ впередъ; но неужели же мы имъ ограничимся?

Знакомство съ людьми, посвящающими себя у насъ наукѣ и искусству, необходимо приводитъ къ заключенію, что эти люди весьма-часто и даже болышею частью выбираютъ себя по-

прище съ совершеннымъ пожертвованіемъ своихъ настоящихъ талантовъ. Винить ихъ было бы совершенно-несправедливо; надо винкнуть въ ихъ *обстоятельства*. Главное изъ этихъ *обстоятельствъ* — однообразіе вопроса, а слѣдовательно и *однообразіе и рода славы и источниковъ денежной обозначенности*. Изъ всѣхъ родовъ ученой и художественной дѣятельности, славу и дѣвги, или вмѣстѣ или порознь, приносятъ—изящная литература, портретная живопись и архитектура. Наука у насъ составляетъ до-сихъ-поръ еще столь малую потребность и такъ мало вошла въ нашу жизнь, что ученые занятія крайне-невыгодны не только въ отношеніи къ репутаціи, но и въ отношеніи къ деньгамъ: исключеніе въ послѣднемъ отношеніи составляетъ болѣе или менѣе преподаваніе въ учебныхъ заведеніяхъ, съ нѣкотораго времени помѣщеніе статей въ журналахъ; но и для того и для другаго количество трудящихся, или лучше сказать, готовыхъ трудиться слишкомъ-огромно въ сравненіи съ спросомъ. Это фактъ слишкомъ-извѣстный въ Россіи, особенно въ Петербургѣ. — Какія же послѣдствія всего этого? Послѣдствія тѣ, что и ученые и художественные таланты совращаются съ естественныхъ путей своихъ. Что молодой человекъ съ расположеніемъ къ исторической или ландшафтной живописи начинаетъ писать портреты, это еще меньшее зло; но хуже то, что, можетъ-быть, онъ слѣдѣется архитекторомъ, или начеветъ писать повѣсти и стихи. Болышею же частью всѣ кидаются на изящную литературу. Но пусть бы это дѣлали люди съ художественными талантами; разумѣется, нельзя ожидать, чтобъ тотъ, кого природа сдѣлала живописцемъ, могъ быть когда-нибудь великимъ поетомъ: каждое искусство требуетъ силъ оригинальныхъ; все-таки по средству искусствъ въ аномальныхъ такого рода могутъ попадаться здоровыя мѣста. Но вотъ что хуже всего: на изящную литературу бросается у насъ множество людей съ дарованіями для

науки—и безъ всякаго художественнаго таланта. Когда бы это дѣлалось съ сознаниемъ и, какъ говорится, съ толкомъ, тогда наводненіе издѣлной литературы произведеніями талантовъ до преимуществу династическихъ, могло бы принести пользу обществу распространеніемъ и укрѣпленіемъ идей, — словомъ, могло бы породить у насъ беллетристику, въ которой мы такъ нуждаемся. Беллетристъ въ истинномъ смыслѣ слова, протѣй между беллетристами у насъ одинъ: это авторъ романа «*Кто виноватъ?*», подписывающій статьи свои псевдонимомъ: *Меландеръ*. Будучи человекомъ по преимуществу мыслящимъ, слѣдовательно рожденнымъ для науки, и усвоивъ себѣ все доброе современной науки, онъ принялъ ее такъ близко къ сердцу, такъ энергически прочувствовалъ истину, что для него жизнь и наука составляютъ совершенное тожество: наука омысливаетъ для него жизнь; жизнь, въ свою очередь, сообщаетъ плоть и кровь его наукѣ. Но все-таки въ повѣсть своихъ онъ несравненно болѣе поражаетъ умомъ, чѣмъ художественностью, такъ-что на всю его художественную дѣятельность мы не можемъ смотрѣть иначе, какъ на средство выраженія его идей въ самой популярной формѣ, возводимой иногда наблюдательностью до художественности. Мы убѣждены, что онъ самъ лучше всѣхъ знаетъ свои силы, потому-что никогда не употребляетъ ихъ несвойственно, никогда не натягиваетъ своего таланта, умѣетъ управлять имъ, какъ искусный полкъ управляетъ покорнымъ войскомъ. Въ этомъ самосознаніи и самообладаніи—вся тайна успѣшной беллетристической дѣятельности: чуть-только беллетристъ задумаетъ надѣяться на высоту таланта, чуть захочетъ творить, широкую воображенную способность творчества, — дѣло его проиграно: — или хорошаго беллетриста онъ дѣлается никогда художникомъ и произведетъ много неприятное впечатлѣніе на читателей. Нѣтъ ничего несправедливѣе, чѣмъ судить о величьи человека въ по-

словеніи предпринятаго имъ труда,—а оно не скрывается и отъ того, кто самъ, можетъ-быть, еще бессильнѣе. Повторю, встрѣчая въ беллетристическомъ произведеніи мѣста, гдѣ авторъ беретъ за задачу художника, вы такъ живо почувствуете вдругъ отсутствіе творчества и такъ живо представите себѣ черты, которыми истинный художникъ передалъ бы тотъ же предметъ, что въ васъ-самыхъ пробудится стремленіе пересоздать или досоздать образы, употребленные въ дѣло беллетристомъ. Но если сами вы не художникъ, то, разумѣется, стремленіе ваше должно остаться безплоднымъ и перейти въ тошленіе. Вотъ причина того тягостнаго чувства, которое невольнѣ овладѣваетъ вами при чтеніи беллетристическаго произведенія съ сильными покушевіями на искусство. Если угодно, тутъ положеніе читателя довольно смѣшно и жалко: можетъ-быть, взявшись за перо, самъ онъ написалъ бы гораздо хуже беллетриста, на котораго до-скажетъ, можетъ-быть, даже не умѣлъ бы и ничего написать; но во время чтенія ему кажется, что онъ гораздо выше того, кто такъ плохо выполнилъ свою задачу, и что онъ, читатель, слѣдовалъ бы дѣло несравненно-лучше, еслибъ захотѣлъ. Въ то же время изъ этого слѣдуетъ, что беллетристъ не долженъ поддаваться подъ художественное творчество: пусть даже приморъ искусства употребляетъ онъ тѣ, которые доступны творчеству ума и наблюдательности, пусть остается онъ, одинокъ словомъ, въ предѣлахъ своего таланта, — его будутъ читать съ удовольствіемъ и цѣнить такъ же высоко, какъ и всякаго другаго талантливаго человека, если только въ-самомъ-дѣдѣ есть у него умъ свободный, широкій, гибкій, обогащенный плодотворными познаніями, и значительная степень наблюдательности. Если къ этому нечисленною свойствъ присоединить еще одно, немалозначное выше, — именно, отчетливое сознаніе своихъ силъ, то мы получимъ полное опредѣленіе истиннаго беллетриста. Посмотримъ, можетъ

ли оно быть приписано къ произведеніямъ г. Буткова... Но мы совсѣмъ-было забыли, что вопросъ о талантѣ его еще вовсе не рѣшенъ: — можетъ быть, онъ и не беллетристъ по природѣ; можетъ-быть, онъ художникъ?..

Наше мнѣніе таково, что природа одарила г. Буткова почти всѣми свойствами беллетриста и самую малую степень художественнаго творчества. Не достаетъ ему, однакожъ, двухъ важныхъ условій — вѣрнаго сознанія своихъ силъ и богатаго вѣшняго содержания для ума, матеріаловъ для выработки идей, — однимъ словомъ, науки, которую нельзя замѣнить наблюдательностью... Для оправданія этого мнѣнія, разберемъ всѣ три разказа, помѣщенные во второй части «Петербургскихъ Вершинъ».

На одномъ изъ неказистыхъ пунктовъ «петербургскихъ вершинъ» жили когда-то коллежскіе секретари Евтѣй Евсѣевичъ и Евсѣй Евтѣевичъ:

«Евтѣй, получившій университетское образованіе, былъ писецъ по должности и глубокий мыслитель въ душѣ. Переписываніе онъ считалъ тяжкою для себя обидою. Напрасно просилъ онъ для себя занятія нѣсколько благородіе, увѣряя, что можетъ сочинять бумаги самъ не хуже, а можетъ быть и лучше столоначальника, напрасно онъ употреблялъ въ защиту своихъ притязаній неотразимый аргументъ, что онъ въ состояніи производить таковыя сочиненія въ потребномъ количествѣ («съ важною для казны выгодой»), ничто не помогало! Въ канцеляріи считали его, какъ выше сказано, глубокимъ мыслителемъ, и въ этомъ качествѣ не находили его способнымъ даже къ должности помощника столоначальника!

«Евсѣй, напротивъ, еще въ дѣтствѣ, сѣдя за азбукою, мечталъ о блаженствѣ переписыванія. Сама судьба готовила его къ этому званію, давъ ему весьма красивый почеркъ и отказавъ даже въ малѣйшей частицѣ дѣлопроизводительной способности; но тотъ же рѣшитель челоуѣческаго жребія—слѣпой случай, который сдѣлалъ Евтѣя писцомъ, далъ Евсѣю, недоучкѣ приходской школы, важную должность помощника столоначальника, возлагавшую на него обязанность сочинять

отношенія и рапорты. Тщетно онъ съ глубокимъ смиреніемъ докладывалъ кому слѣдуетъ, что ему было бы очень дешево переписывать готовое, что онъ учился только въ приходской школѣ, да и отецъ его былъ Сенатскій конистъ, сорокъ лѣтъ упражнявшійся въ подшивкѣ старыхъ бумагъ, или, говоря канцелярскимъ слогомъ, въ приобщеніи ихъ къ прочимъ таковымъ же, — на эти объясненія не обращалось вниманія. Въ качествѣ помощника столоначальника онъ долженъ былъ сочинять самъ, и, покорясь обстоятельствамъ, сочинялъ, правда, нескладно, съ тяжкимъ трудомъ, но сочинялъ, и былъ очень несчастливъ.» (Стр. 7 и 8).

Однимъ словомъ, Евтѣй былъ чловѣкъ ученый, не ладившій съ дѣйствительностью; а Евсѣй—невѣжда, который умѣлъ съ нею справляться не разсуждая, а дѣйствуя. Евтѣй жаловался на бѣдность и проматывалъ въ канцелярскихъ въ первое число каждаго мѣсяца половину своего жалованья, пресправшагося всего-на-все до десяти рублей серебромъ. Евсѣй, напротивъ, умѣлъ копить деньги изъ двѣнадцати рублей серебромъ ежемѣсячнаго дохода. Евтѣй развилъ въ себѣ то, что называется расточительностью, Евсѣй — то, что называется скупостью.

Два статскіе совѣтника помемани безъ вѣдома другъ друга одной дѣвицей въ первой молодости. Дѣвица, сдѣлавшись матерью и желая дать своему ребенку имя, обратилась къ обонимъ покровителямъ порознь съ просьбой доставить ей мужа. Одинъ статскій совѣтникъ доставилъ Евтѣя, который согласился на этотъ бракъ, доказавъ себѣ теоретически его необходимость; другой статскій совѣтникъ доставилъ Евсѣя, который воспользовался предложеніемъ по денежнымъ расчетамъ. Дѣвица называлась Евтѣю Анной Алексѣевной, а Евсѣю Каролиной, принимала къ себѣ въ равное время того и другаго и обонимъ подавала надежды. Перваго числа одного мѣсяца коллежскіе секретари и друзья, лежа по утру въ постеляхъ и расцѣптая сердца отъ мысли, одинъ о десяти, другой о двѣнадцати рубляхъ.

серебра, признались другъ другу въ своихъ намереніяхъ относительно брака. Евтѣй признался Евсѣю, что онъ женится на Аннѣ Алексѣевнѣ; Евсѣй признался Евтѣю, что женится на Каролинѣ. Того же числа обнаружился характеръ обоихъ друзей въ употребленіи жалованія. Евтѣй донесъ свои десять рублей до Невскаго-Проспекта и рѣшился было миновать соблазнительныя его кандистерскія; но потомъ поволокъ себя вродитись одинъ разъ отъ Полицейскаго-Моста до Анчикина, не заходя никуда, а наконецъ, довольный тѣмъ, что первый опытъ достаточно доказалъ присутствіе въ немъ свободной воли, зашелъ-таки въ кандистерскую, гдѣ разговаривая съ каинишъ-то цинникомъ, разрушившимъ розовыя понятія его о разныхъ житейскихъ дѣлахъ, и промотавъ пять рублей серебромъ. Евсѣй поступилъ иначе: онъ не гулялъ по Невскому-Проспекту, а прямо изъ департамента пришелъ домой, расплатился за квартиру, и обложившись въ такъ-называемую *партикулярную пару*, пошелъ къ Каролинѣ съ тѣмъ, чтобъ сдѣлать ей *рѣшительное предложеніе*. Но, о ужасъ! судьба привела въ квартиру Каролины коллежскаго секретаря Евтѣя Евсѣевича именно въ то время, когда другъ его дѣлалъ свое рѣшительное предложеніе. Евтѣй слышалъ все. Онъ выбѣжалъ изъ квартиры Анны Алексѣевны (Каролины тожъ) и прибѣжалъ домой.

«Долго глядѣлъ онъ на старыя, почерпѣвшія стѣны своей квартиры, на всѣ предметы, составлявшіе ея украшеніе, ветхіе, разрушающіеся, всегда нависшіе на него безотчетную тоску своимъ врачьинымъ, мертвымъ видомъ. Новый приливъ бѣшенства и неукротимой злости начиналъ терзать его... Предъ глазами его, въ темномъ углу лежалъ на стулѣ старый вице-мундиръ. Этотъ вице-мундиръ, казался Евсѣю, дразнилъ его, казалось говорилъ ему: «Я, бѣдный, безмысленный вице-мундиръ, сшитый по надлежащей формѣ, не нуждаюсь ни въ житейскомъ-полотнѣ, ни въ жалованьи, ни въ женитьбѣ, ни даже въ первомъ числѣ! Я живу себѣ счастливо и самобытно. А ты

—хотя ты и важная персона—Коллежскій Секретарь, нуждаешься во всемъ этомъ и не можешь жить независимо и самобытно, какъ я!» Евтѣй съ живостью подбѣжалъ къ коварному вице-мундиру, схватилъ и бросилъ его въ печь; потому сѣвъ на прежнее мѣсто, съ странною улыбкою смотрѣлъ какъ горѣлъ вице-мундиръ.»

Приходитъ Евсѣй. Оба коллежскіе секретаря въ отчаяніи: одинъ отъ-того, что его обманули другъ и невѣста; другой отъ-того, что сожгли его вице-мундиръ съ деньгами.

Евсѣй восклицаетъ:

«Такъ-то, ты погубилъ меня! Ты съелъ меня! О, мои деньги!»

«Да, ты уничтожилъ меня! сказалъ Евтѣй — ты уничтожилъ и меня и мои начала. О! мои начала!»

«Они разомъ захохотали такъ сильно, что губернская секретарша, сидя въ своей коморкѣ, вскрикнула отъ испуга и бросилась къ дворнику.»

«Коллежскіе Секретари нутнулись танцовать что-то въ родѣ «адскаго вальса.» Долго и бѣшено танцовали они; полъ трещалъ подъ ихъ ногами; стулья были разбиты въ щепки; кровати съ ископаемыми одѣялами опрокинуты; у дверей комнаты стояли безмолвные и удивленные дворники, водонось, хозяйка квартиры и нѣсколько постороннихъ старухъ. Никто не смѣлъ остановить веселости Коллежскихъ Секретарей, и они все быстрѣе и быстрѣе кружились въ дружескихъ объятіяхъ. Глаза ихъ становились мутнѣе и страшнѣе; черты лица искажались гримасами.»

«Евтѣй Евсѣевичъ и Евсѣй Евтѣевичъ повалились на полъ.»

«На другой день, корпусъ ступасшедшихъ укомплектовался двумя новыми лицами.....»

Вотъ содержаніе разсказа «Первое Число». Что авторъ этого разсказа чело-вѣкъ умный, это видно, во-первыхъ, изъ выписанной нами параллели характеровъ Евтѣя и Евсѣя, довольно-хорошо оправданной въ продолженіи всего разсказа; во-вторыхъ, изъ самого того, какъ онъ уладилъ всѣ подроб-

ности повести, пригнавъ ихъ къ развязкѣ... По вопросу: обнаруживается ли въ «Первомъ Числѣ» художественный талантъ и тотъ умъ, котораго дѣятельность выражается не въ умѣнн придумать завязку и развязку анекдота, а въ совнаніи идеи и въ умѣнн провести ее сквозь рядъ дѣйствительныхъ явленій? Самая хитросплетенность разсказа уже предубѣждаетъ читателей противъ художественнаго таланта г. Буткова. Читая «Первое Число», вы убѣждаетесь на каждой шагъ, что все въ этомъ разсказѣ натянуто авторомъ безъ всякаго сочувствія къ изображаемому. Характеры Евста и Евста довольно ясны; но нѣтъ въ этихъ характерахъ ни одной черты, которая сближала бы съ ними и автора и читателей: факты подведены вѣрно, логически; но нѣтъ между ними ни одного, который бы могъ подѣйствовать на чувство, могъ бы вселить любовь къ дѣйствующимъ лицамъ или хотя отвращеніе отъ нихъ. Евста — наивный школьникъ; Евста — чѣловѣкъ исключительно — практическій; дѣйствія ихъ совершенно-сообразны съ ярлычками, наклеенными на нихъ авторомъ. Но, читая ихъ похождения, вы постоянно находитесь на точкѣ безразличія, и имѣете во время самаго чтенія возможность слышать — вѣрно ли подобраны факты для исполненія предположенной задачи. Евста и Евста — не люди, а идеи г. Буткова, постоянно оправдывающія самихъ себя, и больше ничего. Кровнаго же интереса они въ васъ никакого не могутъ возбуждать; чтобъ интересоваться челоѣкомъ, надо чувствовать, что онъ въ сущности то же, что и мы, — другими словами, надо хоть въ чемъ-нибудь ему *сочувствовать*; а можно ли сочувствовать такимъ людямъ, въ которыхъ вы не видите ничего, ровно ничего, кромѣ ихъ односторонности и особенности, — людямъ, которые сочинены, а потому не похожи на другихъ людей?.. Словомъ, созданія въ «Первомъ Числѣ» нѣтъ никакого. Посмотримъ, можетъ-быть, въ немъ есть идея, если

не художественная, такъ дидактическая?

Начиная читать этотъ разсказъ, мы подумали, что авторъ хочетъ осмелить его на той мысли, которая преглядываетъ уже въ описаніи характеровъ Евста и Евста, что онъ выставитъ преимущества и недостатки двухъ взглядовъ на жизнь — школьнаго и практическаго. Но прочитавъ его до конца и пересмотрѣвъ вновь, мы убѣдились, (какъ, вѣроятно, убѣдятся и всѣ имѣющіе прочесть вторую часть «Петербургскихъ Вершинъ», или по крайней мѣрѣ представленный нами скелетъ «Перваго Числа»), что у автора не было и мысли о томъ, чтобъ повесть его навела кого-нибудь на какія-нибудь заключенія о упомянутыхъ взглядахъ. Вся она состоитъ изъ поясненія обоихъ характеровъ; все время Евста мыслитъ и мечтаетъ, а Евста дѣйствуетъ, коптитъ деньги и устраиваетъ себѣ карьеру. И все это, наконецъ, приводитъ къ тому, что оба погибаютъ, отъ случайныхъ и весьма-неожиданно придуманныхъ обстоятельствъ. Что же изъ этого слѣдуетъ? что это доказываетъ? Ровно ничего. Конечно, если бы на «Первое Число» можно было смотрѣть какъ на художественное произведеніе, то мы не позволили бы себѣ предлагать такихъ вопросовъ: мы не только не требуемъ отъ художника развитія дидактическихъ идей, но даже предубѣждены противъ всякаго дидактизма въ искусствѣ. Не находя же въ разсматриваемой повѣсти и тѣмъ того, что называется поэтическимъ созданіемъ, мы готовы были бы оправдать автора, какъ беллетриста, а не какъ поэта, тѣмъ, что онъ имѣлъ въ виду развить *въ популярной формѣ* мысль, которая не могла бы до большинства публики, если бы г. Бутковъ надумалось изложить ее въ настоящей логической формѣ. Къ сожалѣнію, мы должны убѣдиться, что и дидактической идеи нѣтъ въ «Первомъ Числѣ». Считаемо, однакожъ, справедливымъ указать на эпизодъ, заключающій въ себѣ исторію женщины, введенной въ завязку разсказа: эта

исторія написана просто, вѣрно и съ оживленіемъ, несколько не отъступающей отъ реализма. Этотъ элементъ нѣсколько сдерживаетъ все «Первое Число», неуклоннѣйшій изъ всѣхъ до-сихъ-поръ извѣстныхъ разсказовъ г. Буткова, и принадлежитъ къ числу тѣхъ искръ, которыя появленіемъ своимъ въ Петербургскихъ Вершинахъ убѣждаютъ, что авторъ ихъ не лишенъ нѣкотораго художественнаго таланта, совершенно-достаточнаго для безълетриста при существованіи другихъ условій.

Въ разсказахъ: *Хорошее Мѣсто* и *Пертикулярная Пара* много большеэстетическихъ достоинствъ, особенно много природнаго ума, чрезвычайно-гибкаго и находчиваго; замѣтна и наблюдательность; наконецъ, есть даже и идея, не не художественная, а дидактическая, въ чемъ еще нѣтъ никакой потери, если только идея сириведлива логически: — при инъялѣторномъ раздѣлѣ художественнаго таланта, гораздо-лучше негоняться за творчествомъ...

Переходя къ разсказу «Хорошее Мѣсто», выписываемъ его начало, которое можетъ служить доказательствомъ того, что у г. Буткова несравненно-больше ума, чѣмъ всякаго другаго таланта, и которое вѣстѣ съ тѣмъ избавляетъ насъ отъ обязанности подробно разсказывать самую повѣсть.

«Ограниченная поверхность нашей планеты устлана свѣтлыми точками, къ которымъ стремятся мечты, самолюбіе, зависть и всѣ страсти и страстишки человѣческія. Тѣ точки суть *горнила* жизни, тѣ мѣста самобиты, независимы ни отъ физическихъ, ни отъ политическихъ потрясеній міра; онѣ имѣютъ свои степени и подраздѣленія: есть такіа мѣста, которыя сообщаютъ своимъ обладателямъ силу и величіе боговъ олимпійскихъ и возвышаются надъ другими, тоже хорошими мѣстами, какъ заоблачныя вершины Гималая надъ Валдайскими Горами; есть и такіа, которыя доставляютъ отшельникамъ, занимающимъ ихъ, всѣ средства, не только къ ежедневному образу, но даже къ куренію конячьихъ сигаръ. Вообще хорошее мѣсто адъ и рай,

мука и блаженство для бѣднаго животнаго, горделиво называющагося человѣкомъ, даже чиновникомъ, даже *царемъ* Природы, — какъ будто эта природа выраститъ, по его велѣнію, *хорошее* мѣсто, котораго жаждетъ его эгоизмъ, или *какое нибудь* мѣсто, безъ котораго онъ можетъ умереть съ голода, какъ будто этотъ жалкій царь Природы имѣетъ собственное, личное значеніе среди тысячи милліоновъ другихъ, подобныхъ ему царей, если не занимаетъ хорошаго мѣста.

«Послѣ этого, какой онъ, въ самомъ дѣлѣ, царь Природы, этотъ человѣкъ, чиновникъ, бѣднякъ самолюбивый! Онъ на самобитенъ подобно хорошему мѣсту; онъ абсолютное ничто, если не имѣетъ этого мѣста, а если «какими нибудь судьбами» добудетъ его, уседется на немъ, онъ — ничто, фактъ, а не мечта, аксіома, а не гипотеза, однимъ словомъ: «человѣкъ, занимающій хорошее мѣсто!»

«Земля и на ней хорошія мѣста созданы прежде человѣка; потомъ созданъ человѣкъ, и онъ занялъ, безъ всякаго соперничества, хорошее мѣсто — въ Эдемѣ; но скоро сатанинская интрига столкнула перваго человѣка съ перваго хорошаго мѣста; а когда *человѣчество* размножилась, оно увидѣло, что можетъ существовать безъ горя и заботъ только въ той благодатной атмосферѣ, которая искони свойственна однимъ хорошимъ мѣстамъ, и стало грызться, рѣзаться, даже подличать, стремясь въ эту атмосферу. Но увы! сколько оно ни грызется, ни рѣжется, ни подличаетъ, для всѣхъ людей, чиновниковъ, царей Природы не достаетъ хорошихъ мѣстъ!»

Повѣсть, написанная на эту тему, заключаетъ въ себѣ приключенія пройдохы, украинскаго выходца Терентія Якимовича Лубневскаго, который долго искалъ въ Петербургѣ хорошаго мѣста и не находилъ его до-тѣхъ-поръ, пока не вдумалось ему отправить свою хорошенькую жену къ одному важному лицу съ убѣдительною просьбой о помощи. При содѣйствіи супруги, Терентій Якимовичъ немедленно получилъ прекрасное мѣсто по особымъ порученіямъ, которыя, замѣтьте, онъ долженъ былъ исполнять неуклонно въ шесть часовъ вечера и съ этой дѣтью уходить изъ дома.

«Однажды, въ осенній вечеръ, побѣдѣ отличю, Терентій Якимовичъ предлеж притной дремотѣ и еще болѣе приятнымъ мечтаніемъ, столь плодотворно и обильно раждающимся послѣ обѣда. Дождь стучалъ въ окна; на улицѣ холодъ и прахъ; въ его кабинетѣ теплота и свѣтъ, разливаемый прекрасною усовершенствованною лампою. Взглянуть въ окно, онъ внезапно почувствовалъ неоціненную выгоду своего положенія. Сколько тамъ, на улицѣ, бродить чиновниковъ того же класса, какъ и онъ, мучимыхъ потребности хорошаго мѣста, ищущихъ его всюду, на улицѣ, въ грязи, на тротуарахъ, подъ воротами домовъ, подъ балконами, въ чужихъ переднихъ, въ чужихъ кабинетахъ, даже въ чужихъ спальняхъ!

Мало по малу, отъ постороннихъ интересовъ онъ перешелъ къ собственнымъ своимъ. Вспомнивъ время, которое онъ проводилъ на огородахъ (въ качествѣ смотрителя), куда заживалъ въ такую же, какъ теперь погоду, голодный, оборванный, съ отчаяніемъ въ душѣ, онъ преданъ невозможному увлеченію блаженства, ощущаемому при одномъ сравненіи прошедшаго съ настоящимъ, и воскликнулъ:

«— Хорошее мѣсто!

И будто въ отиѣтъ ему раздался легкій, благозвучный бой шести часовъ. Онъ вздрогнулъ. Впервые этотъ бой отозвался не въ ушахъ, а въ сердцѣ его. Онъ потерялъ пріятное расположеніе духа и, прислушавшись къ жужжанію дождя, впервые почувствовалъ тяжесть обязанности, неудобства хорошаго мѣста. Теперь ему хотѣлось бы остаться дома, и вмѣсто того, чтобы тащиться, Богъ вѣсть, куда и зачѣмъ въ такую Петербургскую погоду, сидѣть возлѣ себя и даже у себя на колѣняхъ свою хорошенькую жену, которая стала еще лучше съ тѣхъ поръ, какъ хорошее мѣсто, доставленное мужу, избавило ее отъ горя, отъ заботъ, отъ нищеты...

Вдругъ раздался звонокъ въ передней. Терентій Якимовичъ, торопливо накинувъ на себя пальто, схвативъ шляпу и скорчивъ гримасу неопредѣленнаго смысла, бросился изъ кабинета, и въ дверяхъ поострился съ своимъ милостивцемъ.

«Бава только онъ совсѣлъ съ лѣстницы, какъ дождь окатилъ его будто изъ

ведра. Онъ хотѣлъ было остановиться у подъезда собственной квартиры, но долговъ генералъ ему повелительно, какъ Вѣчному Жиду: иди, иди, иди! И онъ пошелъ подъ сильными вліяніемъ идущаго дождя и прешедшей встрѣчи. Онъ торопился въ кадилитерскую или въ трактиръ, но ни той, ни другаго не было вблизи, а дождь все усиливался и наконецъ помылъ въ такомъ развѣрѣ, что все шедшее и бѣжавшее по улицѣ пошло подъ ворота домовъ. Терентій Якимовичъ то же приоткрылъ, съ толпою кухарокъ, мужиковъ и чиновниковъ подъ воротами.

— Велико дѣло! воскликнула одна лютая баба, покрывъ своимъ голосомъ нечѣе звучныя выраженія прочихъ сообщниковъ, велико дѣло—хорошее мѣсто! Нѣтъ, выходитъ, хорошее мѣсто, такъ ужъ ни за что въ свѣтъ не пойдешь изъ катеры въ такую погоду!

«Взоръ!» сказалъ Терентій Якимовичъ громко и рѣшительно, такъ что вся толпа смолкнула, обратила на него вниманіе, и въ ту же минуту изумясь самъ своему невольному увлеченію, онъ бросился изъ-подъ воротъ.»

Въ художественнополъ отношеніи, и въ этой повѣсти нѣтъ почти никакихъ достоинствъ. Лицо Терентія Якимовича—такое же отвлеченіе, какъ Евсѣй и Евсѣй въ «Первомъ Числѣ». Онъ—абсолютный поллецъ и, кромѣ подлости, не замѣтно въ немъ ни одной черты, которая дѣлала бы его живымъ существомъ; вы не назовете его подлымъ человекомъ: онъ не человѣкъ, а метафизическое понятіе подлости, не модифицированное никакими условіями, — словомъ, такой же абстрактъ, какъ и *добродѣтельный человекъ* старинныхъ романовъ. Пусть былъ бы въ повѣсти намекъ на какия-нибудь другія стихіи его личности; пусть видѣли бы мы, что онъ былъ онъ рожденъ подлецомъ, но сдѣлался нѣтъ отъ обстоятельствъ, или воспитанія, или дальнѣйшаго развитія. Начуть не бывало: хоть и рассказывается въ началѣ, что въ Украйнѣ безпрестанно слышались онъ блестящіе мнѣны о городѣ Санктпетербургѣ, гдѣ «родятся, дѣлаются» и откуда «на весь міръ рассылаются губернаторы», хотъ

и упоминается там же объ отцѣ его, который вѣчно бредилъ полученіемъ хорошаго мѣста, — на первый разъ хоть губернаторскаго; — однакожь, все это можетъ объяснить только, какимъ образомъ развилась въ немъ мысль о возможности получить хорошее мѣсто и неукротимая жажда добиться этого счастья, — два начала, въ которыхъ еще нѣтъ ничего подлаго. Если угодно, и то и другое поясняетъ пружину искательства Терентія Якимовича; но было ли въ этомъ манекѣ что-нибудь, кромѣ такой пружины, — этого все-таки не объяснить вамъ авторъ. Терентій Якимовичъ дѣлаетъ подлости безъ всякой борьбы, точно такъ, какъ наука испускаетъ изъ себя паутину; даже и на позоръ жены своей онъ не *ршился*: г. Бутковъ не считалъ нужнымъ одраматизировать этотъ поступокъ хоть тѣпью борьбы подлости съ какими-нибудь другими силами. Для доказательства выписываемъ эту сцену:

«Возможно сдѣла Пелагея Петровна у постели Терентія Якимовича. Еще не зная практически той жизни, на которую обрекаются люди одного зрѣнія съ ея мужемъ, она понимала, что сдѣлалась причиною его страданій, его несчастія. Слезы покатылись изъ глазъ ея; но она поспѣшила отереть ихъ. — Въ эту минуту мужъ глядѣлъ на нею.

— Что ты плачешь? О чемъ ты плачешь? спросилъ онъ сурово. — Пожалуй, могутъ сказать, что я тирама твой. Чего добраго! Для меня только этого недоставало!

«Я думаю, отвѣчала Пелагея Петровна, дрожащимъ голосомъ, глотая слезы: я думаю, что мы очень несчастливы! Ты больной, всегда расстроенный... какъ же мнѣ не плакать!»

— Слезами тутъ ничего не поможешь... Онъ не кончилъ своего замѣчанія, но видному развѣченнѣйшему внезапную мыслью. Пристально и задумчиво глядя въ лице жены своей, онъ, казалось, развивалъ на немъ свою идею, свои новые замыслы. Черезъ нѣсколько минутъ глаза его оживились, лице потеряло страдальческое выраженіе, онъ поднялся съ постели, и не говоря ни слова Пелагея Петровна стала сочинять какое-то письмо...

«Быть у него милостивецъ... (Слѣдуетъ описаніе милостища.)

«Свѣтлая мысль блеснула въ умѣ Терентія Якимовича и исполнила душу его животворящею надеждою. Долго сочинялъ онъ свое письмо, наконецъ сочинилъ, переписалъ его тщательно на тонкой почтовой бумагѣ, и зачехаталъ въ конвертъ, обратилъ къ женѣ своей:

— Послушай, душевнѣка! сказалъ онъ ей ласково: Еще недавно ты плакала, а я, больной отъ горя, лежалъ на постель, съ которой и встать не думалъ. *Теперь Богъ послалъ мнѣ мысль, которую я считаю счастливою.* Очень можетъ быть, что предложеніе наше поправится. Я вспомнилъ объшаніа одного важнаго человека, который о сю пору не исполнилъ ихъ—знаю почему! знаю, что онъ за человекъ, и на что я рѣшаюсь... (онъ произнесъ послѣднія слова съ особеннымъ выраженіемъ). Но, говорить пословица: съ волками жить — по волчьему быть. Не я одинъ! Я почти увѣренъ, что если ты согласишься къ нему съ этимъ письмомъ, то онъ скажется — не надо мною, такъ иди твоею. Расскажи ему о нашей крайности... Я прошу его въ этомъ письмѣ содѣйствовать мнѣ, «по причинѣ жены», къ полученію хорошаго мѣста. Ты попроси его отъ себя. Больше люди всегда внимательны къ женщинамъ, и ты не бойся обременить его своими просьбами. Нашъ братъ, мужчина—дѣло другое. Только будь съ нимъ любезнѣе. Въ этомъ ничего учить тебя. Я говорю для твоего соображенія». Неважакъ съ Богомъ, душевнѣка! Я на тебя надѣюсь!»

«Пелагея Петровна повиновалась» (стр. 115—118).

Вотъ и все. Ясно, что Терентію Якимовичу ничего не значило продать свою жену милостищу: онъ только привелъ въ исполненіе свою счастливую мысль и тѣмъ нисколько не возмужалъ въ себѣ никакого чувства. Соглашается, что такіе люди, пожалуй, могутъ быть и есть; но мы понимаемъ ихъ и сожалѣемъ о нихъ только тогда, когда знаемъ исторію ихъ подлости и видимъ въ ихъ душахъ другія, подавленные стороны. А г. Бутковъ не потрудился и намекнуть намъ на эти стороны. Знаемъ и исключаемъ, что бѣдность есть всепожирающая сила, что

читать мораль нищему — глупо и плохо; но никто не уступает нищеть без борьбы, если не приведенъ къ слабости другою какою-нибудь могучею силою, сокрушившею его прежде встрѣчи съ голодною смертью. Вотъ эту-то силу и ссыль отъ пльз авторъ «Хорошаго Мѣста», и потому мы не можемъ почувствовать его герою и не причисляемъ его къ художественнымъ созданіямъ. Замѣтимъ, что жена его остается для васъ еще болѣею загадкою: съ нею г. Бутковъ рѣшительно не хотѣлъ знакомить своихъ читателей и показалъ ее только въ выписанной нами сценѣ.

Достоинство повѣсти — чисто-лагер-ротическое, и описание мытарствъ, скитовъ которыхъ прѣбывалъ себѣ дорогу Терентій Яковичъ, *занимательно*, какъ глава изъ отличной статистики. Умъ и наблюдательность г-на Буткова даже заставляютъ забывать неудачныя попытки его на гигантскую задачу — *окаменѣть*, иными словами, *художественно изобразить подлеще*. Не приводить *пятидесяти* выписокъ изъ этой части, потому что пришлось бы выписать большую часть повѣсти.

Что касается до идеи, она очень проста. Г. Бутковъ подсмѣивается надъ иждивателями хорошихъ мѣстъ (т. е. надъ всѣмъ человѣчествомъ вообще), на томъ основаніи, что и хорошія мѣста имѣютъ свои неудобства, какъ, напр., то, что иному обладателю хорошаго мѣста нельзя сидѣть дома въ северную погоду. Но такъ-какъ эта же мысль служить основой и послѣдней повѣсти, помѣщенной во второй части «Петербургскихъ Вершинъ», то мы поговоримъ о ней разомъ, сказавъ напередъ нѣсколько словъ о «Партикулярной Парѣ».

Жилъ-былъ въ Петербургѣ камер-юнкерскій чиновникъ Петръ Ивановичъ Шляпкинъ, человѣкъ совершенно-доходный собою, своимъ положеніемъ въ обществѣ и своими денежными средствами, которые состояли, кромѣ казеннаго жалованья, въ доходѣ отъ продажи конвертовъ изъ казенной бумаги. Конверты эти поставилъ онъ въ

разныя купеческія конторы, изъ которыхъ всѣхъ важнѣе была контора гг. братьевъ Гельзака и Компаніи, сосредоточенныхъ въ маленькой, суровой особѣ negociанта Карла Христофоровича Гельзака. Печальный случай натолкнулъ его на знакомство съ семействомъ Гельзака, состоявшемъ изъ жены и хорошенькой дочери — Маріи. Сначала, Петръ Ивановичъ посѣщалъ ихъ по утрамъ, запросто, въ вицмундирѣ. Само собою разумѣется, что бѣдный чиновникъ не остался равнодушнымъ къ прелестямъ дѣвницы Гельзака; по это не мѣшало ему быть довольнымъ судьбою. Вдругъ ничтожное по-видимому обстоятельство чуть не повергло его въ бездну отчаянія. Однажды дѣвица Марія Гельзака лично пригласила его на балъ, который долженъ былъ дать ей отецъ по поводу ея именины, и взяла съ него слово танцевать съ ней на этомъ балѣ наизуку. Тутъ только Петръ Ивановичъ почувствовала, что онъ самый несчастный человѣкъ въ мірѣ, потому-что у него не было *партикулярной пары*. Она нечетъ во всѣ концы, чтобы занять денегъ на покупку чернаго фрака съ принадлежностями; но всѣ старанія напрасны; наступилъ день, назначенный для бала, а *партикулярной пары* нѣтъ-какъ-нѣтъ...

«Десять часовъ вечера. Небольшой домъ въ Морской былъ ярко освѣщенъ.

Толпа народа Русскаго, Чуконскаго и Нѣмецкаго, мастеровыхъ, кухарокъ и чиновниковъ, стояла наизутокъ этого дома, наблюдала дѣйствіе въ немъ происходившее, и бросала на вѣтеръ и въ назиданіе проходившимъ окаменѣлыя истины; очень хорошо быть богатымъ человѣкомъ: богатоу все возможно, даже то, что и присниться не можетъ бѣдному человѣку! и проч.

«Богатый человѣкъ можетъ имѣть каждый день новую *партикулярную* пару и новое счастье. Онъ можетъ мѣнять свое счастье по послѣдней модной картинкѣ! сказалъ Петръ Ивановичъ такимъ голосомъ, въ которомъ выражалась странная торжествен-

ночь и клубокъ убавленію. Острые на это маршченія были громкій смѣхъ толпы.

«Вдругъ раздались глухіе звуки большой музыки. Петръ Ивановичъ кинулся на другую сторону улицы къ самому дому... Игралъ мазурку... Онъ поглядѣлъ въ окно, въ окно второго этажа, и ему покѣшлось, будто она ждётъ его тутъ же у окна, будто она спрячется на него. . . .

Очень легко и весело стало на душѣ Петра Ивановича. Насыщенная мазурку, танцовальнымъ шагомъ шёлъ онъ къ Синеми Мосту. Тутъ онъ остановился у перилъ и оглянулся: длинный тѣни ложился отъ высокихъ домовъ. Въ тѣхъ домахъ, думалъ онъ, живутъ Петербургскіе люди, несчастливцы, подобные ему; тамъ обитать, какъ и въ его близкой комнатѣ, въ этой горѣ, шутливое множество радости, которую судьба даруетъ страданью для того, чтобъ житье, мучительнѣе чувствовала онъ отсутствіе счастья; такъ же оно?

«Петръ Ивановичъ взглянулъ на небо, и оно сіяло вѣчною, мирною красотой, миллионами звѣздъ, которыхъ мерцаніе служило какъ бы маякомъ для измученнаго души, отблескивающихъ на томъ свѣтѣ. Онъ откинулъ взоръ къ Мойкѣ, и она, въ другомъ полу громада, мутная, какъ жизнь обитателей Петербургскихъ вершинъ, теперь отражала въ себѣ тѣ же звѣзды, те же небо... то же счастье!

На небѣ все прекрасно...

На небѣ горя вѣтъ!

Подумалъ Петръ Ивановичъ, и твердо рѣшившись окончить злополучную жизнь свою въ мутныхъ струяхъ Мойки, опрометью побѣжалъ къ плоту.

Въ то же мгновеніе Нѣвскій шарманщикъ; возвратившійся съ семьёю изъ долгаго музыкальнаго странствованія по Петербургскимъ улицамъ на своей убогой чердакѣ, въ Глухомъ Переулкѣ, заигралъ, для собственного удовольствія, любуемую обывателями Петербургскихъ вершинъ пѣсню Торопки: «Ужъ какъ вѣтеръ вътерокъ!». Его жена, высокая и тощая Пѣмка, ведшая на суркѣ десятковъ голодныхъ собакенковъ, драпированныхъ ветхыми досками краснаго сукна, зашла эту пѣсню пронзительнымъ голосомъ. За ними бѣжали шло четверо оборванныхъ мальчишковъ, каждый съ двумя утенками обезьянами на плечахъ.

«Извозники, стоявшіе у моста и шестопидаты, торговашіе тамъ же сайками и свѣчками, не выходя въ этотъ день изъ малѣйшаго снособа къ пріятному пропровожденію времени въ свѣтломъ заведеніи, развлеклись этою сценою, забыли свое горе, и дружно принялись смѣяться надъ бѣднымъ артистами.

«Петръ Ивановичъ, такъ философически рѣшившійся бѣжавшійся изъ этого міра; пошлымъ путемъ чрезъ Мойку, въ міръ лучший, внезапно потерявъ свою рѣшимость, когда сарка его несуюломъ рѣшымъ «вътерокъ» и смѣхъ извозниковъ. Бросивъ взглядъ на живую картину нищеты, переносимой терпѣливо, по крайней мѣрѣ, безъ неистовыхъ порывовъ отчаянія, онъ былъ отвлеченъ отъ собственнаго горя къ филантропическому сочувствію толпѣ музыкантовъ, олимпіеотряпшихъ по слову: «Нужда скачетъ, нужда пляшетъ; нужда пѣсенки поетъ». Потому, возвратившись къ самому себѣ, онъ вспомнилъ, что мучимый заботомъ о партитулярной парѣ, онъ не обладалъ два дня сряду, и что по этой причинѣ не худо бы зайти куда нибудь; а когда, произведя въ карманахъ тщательный розыскъ, онъ нашелъ въ одномъ изъ нихъ трехрублевый и четыре копѣйки, забылъ и партитулярную пару, и балъ, и дежузель Гельдзакъ, и мазурку. Въ радостномъ предчувствіи уйдя, онъ снова сталъ спешковатѣе и отбѣгалъ, и теропиды ида на Вересковскому Проспекту въ трактиръ, думалъ: «какъ мало нужно человеку для счастья» (стр. 190—194).

Всю первую заключаетъ разговоръ «Партитулярная Пара», написанный почти отъ начала до конца одного пера, начиная тамъ, какъ бы въста сабсавано; но иному нѣмѣю, писатъ г. Вугиловъ. Въ «Партитулярной Парѣ» онъ совершенно небѣжалъ (можетъ быть, и случайно), тѣхъ тамъ, которыя составляютъ камни преткновенія для его таланта — именно тамъ великоогочасникъ. Не заботясь о личности своихъ героевъ, онъ придаетъ имъ занимательность вѣрной картиною ихъ внѣшней обстановки, что, при помощи ума и наблюдательности, удастся ему исполнить. Съ Петромъ Ивановичемъ Шлап-

кинуть, какъ съ личностью, вы, конечно, иногда не забывайте: это не то, что какой-нибудь господинъ Голлякинъ-старшій, который такъ же развителенъ и шибетъ съ тѣмъ такъ же общъ, какъ какой-нибудь Чичиковъ или Маниловъ. Голлякиными называюте вы большую часть нашихъ знакомыхъ, — а подъ-часть и себя; отъ фамиліи Голлякина вы не могли не произвести прилагательнаго: голлякинскій; инокенць, теперь вамъ досадно — зачѣмъ такъ не складно выходитъ существительное, въ которомъ у васъ есть насущная потребность и которое существовало бы существительному чичиковщина, маниловщина. Фамилія Шлякинъ не сдѣлается нарицательнымъ именемъ. Это такъ; но обстоятельство этого чиновника такъ близки каждому, такъ умно и вѣрно очеркнуты г. Вутковымъ, что, во неизмѣннѣйшій личности, г. Шлякинъ не можетъ не возбуждать участія, какъ жертва слиткомъ-общихъ человечеству волю. Сверхъ-того, въ «Партикулярной Парѣ» есть очень-занимательный абрисъ петербургскихъ купеческихъ конторщиковъ высшаго полета—русскихъ и немцевскихъ: это одна изъ самыхъ ловкихъ физиологій петербургскаго общества.

Но что сказать объ идеѣ «Партикулярной Пары»? Мы уже упоминали выше, что идея эта совпадаетъ съ идеєю «Хорошаго Мѣста». Г. Вутковъ хочетъ доказать положительно и отрицательно, что бѣдность совсѣмъ не такое зло, какъ мы воображаемъ, потому-что, во-первыхъ, богатство имѣетъ свои неудобства, во-вторыхъ, бѣдность имѣетъ свои утѣшительныя стороны. Таковой образъ мыслей есть не что иное, какъ оптимизмъ, — страннѣйшее, на которое мы считаемъ обязанностью указать всегда, въ какихъ бы видахъ оно ни вышло... Въ прошломъ мѣсяцѣ, говоря о выходѣ въ свѣтъ «Руководства по Всеобщей Исторіи» профессора Лоренца, мы имѣли случай сказать нѣсколько словъ объ оптимизмѣ въ исторіи, и старался ука-

зать на его источникъ. Теперь не можемъ не упомянуть объ оптимизмѣ въ политической экономіи, въ современномъ вопросѣ о богатствѣ и бѣдности. Цѣль беллетристическаго произведенія — популяризирование идей, важныхъ для общества; а потому въ-каждъ идеѣ и должна обращать на себя вниманіе критики болѣе, чѣмъ въ другіе аспекты.

Въ наше время, вопросъ о бѣдности и богатствѣ вызвалъ во всѣхъ европейскихъ литературахъ множество беллетристическихъ произведеній, имѣвшихъ и имѣющихъ значительное вліяніе на умы. По матеріалу, «Петербургскія Вершины» могутъ быть безосновочно отнесены къ разряду этихъ произведеній. Но духъ оптимизма оптимизма у нихъ ту важность, которую онъ могъ бы имѣть при иномъ направленіи.

Писать о бѣдности еще не значить быть современнымъ по своимъ идеямъ. Всякій вѣкъ имѣлъ свой взглядъ на матеріальное благосостояніе; если же въ наше время вопросъ о его вліяніи на человѣка применъ важнѣйшимъ изъ всѣхъ общественныхъ вопросовъ, то причина этого заключается въ томъ, что современный взглядъ на бѣдность и богатство диаметрально-противоположенъ тому, который выражается въ разсматриваемыхъ нами повѣстахъ г. Вуткова. Современная наука признаетъ бѣдность какъ непреодолимое препятствіе къ развитію человѣка и общества, какъ начало волю частныхъ и общественныхъ. Ею довано, что для того, чтобы быть просвѣщеннымъ, цивилизованнымъ, и частный человѣкъ и цѣлый народъ должны прежде всего жить въ довольствѣ. Не пускаясь въ запутанный вопросъ о свободѣ воли, можно рѣшительно сказать, что одинъ только героизмъ можетъ соединять нравственное достоинство съ бѣдностью: слѣдовательно, въ массахъ такое явленіе чрезвычайно. Этими очень-просто и ясно опредѣляется слабость многихъ мнрѣ противъ вліянія бѣдности, которые состоятъ не въ

возвышенія богатства и не въ прие-
деніи его въ нормальное отношеніе къ
труду. Въ глазахъ современной науки
довольно темны вообще тѣ проекты,
по которымъ должно ожидать спасенія
въ прирученіи нищихъ къ бережливости
(когда имъ нѣчего вѣсть!), въ уве-
личеніи ихъ нечтательныхъ политиче-
скихъ правъ (когда у нихъ нѣтъ правъ
на матеріальную обеспеченность) и т.
и. Еще менѣе современенъ оптимисти-
ческій взглядъ на богатство и бѣдность,
какъ взглядъ диаметрально-противопо-
ложный современному понятію о про-
грессѣ. Зачѣмъ желать богатства, за-
чѣмъ стремиться выйти изъ нищеты?
Богатые люди нѣкогда свои страданія,
неисправима бѣдность, а бѣдные съ
своей стороны могутъ находить сча-
стіе въ томъ, на что богатые смотрятъ
равнодушно. Мало того: и богатство и
бѣдность — понятія относительныя и
основаны на сравненіи средоты: не
много такихъ богатей, которые могли
бы считать себя удовлетворенными,
потому что почти всегда найдутъ они
людей еще богаче ихъ, и не много та-
кихъ бѣднѣе, которые не могли бы
утѣшать себя мыслью, что есть много
людей еще бѣднѣе. Вотъ политиче-
ская эволюція оптимистовъ! Опровер-
гать ее съ нѣмецкою важностью было
бы слишкомъ наивно. Намъ остается
только сожалѣть, что она вошла въ
произведенія г. Буткова, и постараться
опредѣлить источникъ его заблужде-
ній.

Мы зачѣтали уже въ началѣ рецен-
зій, что однимъ изъ замѣчайшихъ недо-
статковъ г. Буткова — отчужденность
его отъ науки. Еще въ первой части
«Петербургскихъ Вершинъ» намекнулъ
онъ на свою антипатію къ некоторымъ
идеямъ изъ области современнаго про-
свѣщенія, — антипатію, неимѣющую
ничего общаго съ сознательнымъ отри-
цаніемъ. Вторая часть совершенно пре-
даетъ въ руки критика это нера-
сположеніе: не желая знакомиться
съ наукой въ ея современномъ разви-
тіи, г. Бутковъ начинаетъ писать по-
двѣсти съ идеями, уничтоженными ею

въ правѣ: кто въ проигрышѣ отъ это-
го — наука, или г. Бутковъ — пусть рѣ-
шать читатели. Мы скажемъ только,
что бельетристы съ ложными или
устарѣлыми идеями есть не кто иной,
какъ распространители этихъ ложныхъ
и устарѣлыхъ идей. Единственное
средство для г. Буткова избѣжать это-
го титула — познакомиться съ современ-
ными идеями не изъ какихъ-нибудь
газетъ, а прямо изъ произведеній со-
временной науки. Особенно, полезно
было бы ему заняться основательнымъ
изученіемъ экономическаго міра, ко-
торый онъ часто такъ вѣрно наблюда-
етъ и такъ занимательно описываетъ.
Еслибъ талантъ г. Буткова былъ та-
лантъ по преимуществу художествен-
ный, и тогда мы готовы были бы по-
дать ему такой же совѣтъ, хотя ху-
дожнику часто удается обходиться и
безъ науки; но такъ-какъ мы считаемъ
умъ и наблюдательность преобладаю-
щими силами его личности, то какъ
же не посоветовать ему укрѣпить то и
другое единственною здоровою пищею,
которая... вы сами знаете, какъ назы-
вается?

221) Московскій Литературный
и Ученый Сборникъ. Москва. Вѣ-
стн. Августа Семена. 1846. Въ 8-ю д.
л. 579 стр.

Сборники нашего времени отлича-
ются отъ прежнихъ альманаховъ дву-
мя характеристическими чертами:
внѣшнею и внутреннею. Всѣ они изъ
миньютурныхъ книжечекъ преврати-
лись въ толстыя книги, въ книжиды:
вотъ ихъ внѣшнее отличіе. Нѣкото-
рые изъ нихъ проиницуютъ особен-
нымъ направленіемъ: вотъ ихъ отли-
чіе внутреннее. Въ первомъ отноше-
ніи, «Невскій Альманахъ» похожъ на
«Новоселье», «Петербургскій Сбор-
никъ» на «Московскій». Во второмъ
отношеніи, «Невскій Альманахъ» еще
болѣе похожъ на «Новоселье», пото-
му что оба они не имѣютъ никакого
литературнаго направленія, а «Петер-
бургскій Сборникъ» вовсе не похожъ
на «Сборникъ Московскій», потому

что каждый из них ищет свое, особенное литературное направление. Высшее сходство ничего не значит: это — дело случайности; но внутреннее различие важно: это — следствие намьренной мысли. Какая нужда, что столь трещить подъ «Петербургскимъ Сборникомъ», какъ граціозно выразился «Москвитянинъ»? что иѣмѣютъ руки отъ «Сборника Московскаго», какъ выразимся мы въ параллель «Москвитянину»? Не рѣдкѣ замѣчательны оба Сборника: замѣчательны они тѣмъ, что «Петербургскій» столько же не похожъ на «Московский», сколько «Московский» не похожъ на «Петербургскій».

Это несходство обнаруживается даже оглавленіемъ статей. Два стихотворенія г. П. Языкова, три вѣ. Вяземскаго, одноой, нѣсколько г. П. Аксакова, О современномъ направле-ніи искусствъ пластическихъ (А. Попова), О Работахъ Русскихъ Художниковъ въ Римѣ (письмо О. Чацова), Мнѣніе Русскихъ объ Иностранцахъ (письмо А. Хомякова), О родовыхъ отношеніяхъ между князьями древней Руси (С. Соловьева), Кралеворская Рукопись (переводъ Н. Берга), Нѣсколько словъ о нашемъ правописаніи (К. Аксакова), Объ имени человѣкъ (М. Максимовича), Вукъ Степановичъ Караджичъ (И. Срезневскаго), Два письма изъ Вѣны (Н. Ригельмана), Отрывокъ изъ Семейной Хроники (. . . ва), Гдѣ потеряешь, не чаешь; гдѣ найдешь, не знаешь (рассказъ Луганскаго), Объ окончателномъ отиѣненіи Хлѣбныхъ Законовъ въ Англіи (Я. Ливовскаго), Критика на Тарантасъ (М. З... К...) — ни одного изъ тѣхъ именъ, которыя мы видѣли въ «Петербургскомъ Сборникѣ», точно такъ же, какъ въ «Петербургскомъ Сборникѣ» ни одного изъ тѣхъ интересовъ, которыя мы пропитанъ «Сборникъ Московскій». Какіе это интересы, угадать не трудно даже изъ оглавленія пьесъ, даже изъ именъ ихъ авторовъ. Если отдѣлить стихотворенія князя Вяземскаго, рассказъ Луганскаго, да стади гг. Со-

ловцова и Дидривскаго, то что-то нечи-сто останется тотъ отдѣлъ словесности, которому г. Кирѣвскій посвятилъ не-конченныя статьи свои въ «Москвитянинѣ» — отдѣлъ славянофильства.

Статья г. Попова: *О современномъ направленіи искусствъ пластическихъ*, не смотря на сжатость, заслуживающаю видныя точность изложенія, образованннхъ вкусомъ и значительнымъ количествомъ фактовъ. Авторъ ведетъ начало возрожденію новой художе-ственной дѣятельности отъ Вицель-мана и Рафаэля Мозеса: рассматриваетъ поочередно въ главныя предст-авители новѣйшія произведенія живописи, эллипа и водчества, и дово-дитъ до того результата, что: въ наше время болѣе вкуса, болѣе утонченія и даже художественности, но художественности страдательной, которая ничею не можетъ произвести самостоя-тельного. — Все содержаніе (продол-жаетъ авторъ), вся творческая сила художества принадлежитъ прошлому: новое время стоитъ передъ нимъ съ вѣрною оцѣнкою его дѣла, съ сопере-живаніемъ самоу художественной, но безвальной техники, и съ высокими требованіями, нисколько не удовлетво-рляемыми новыми искусствами. — Это-му полагаетъ авторъ дѣлъ принятыя недостатки художественнаго начала въ самой жизни и высокое требованіе художественнаго вопроса. Въ рѣши-тіи не находя художественнаго сре-доточія, распадается оно на безам-сленныя, мелкія и несамостоятельныя направленія (стр. 43). Ни одна изъ формъ религіи, раздѣляющихъ западъ (включаютъ авторъ) не удовлетво-ряетъ требованіямъ современнаго искус-ства, точно такъ же, какъ не удовле-творяетъ ни требованіямъ науки, ни требованіямъ жизни (стр. 45). Почему же именно формы религіи на западѣ? Искусство и у насъ находится въ такомъ же отношеніи къ религіи. Но авторъ какъ-бы противопоставляетъ что-то еще новѣе, но пред-чувствуемое — безвальной попыткамъ искусства на западѣ. Видите ли, въ

честь дѣло: на западѣ и наука, и жизнь, и искусство въ разладѣ съ религіею, а вопросъ объ искусствѣ — говоритъ авторъ: «разрѣшится только вмѣстѣ съ разрѣшеніемъ вопросовъ науки и жизни; новое искусство возникаетъ только тогда, когда въ самую жизнь войдетъ новое животворное начало, но существующее въ ней, или до-сихъ-поръ не вызванное къ жизни и не естественное, но сильно предчувствуемое» (стр. 45 и 46). — Если это начало природы не въ религіи, иначе оно было бы не ново; но какими же образомъ въ религіи оно можетъ быть осуществимымъ, когда, по словамъ автора, ни одна изъ западныхъ формъ религіи не могла оживить возмѣшлага искусства? Нѣтъ сомнѣнія, что искусство получаетъ свое направленіе и живитъ отъ религіи: греческая живопись и скульптура овладѣваютъ одна въ другой въ нашемъ представленіи; древнѣйшія произведенія египетской живописи непосредственно вытекаютъ изъ христіанства. Но отъ развитія живописи была иная судьба, чѣмъ съ развитіемъ греческаго ваянія. Первоклассныя греческія ваятели не имѣли древнеустарѣлыя типы божествъ, а возвели ихъ до идеала. Напротивъ того, типы христіанскіе отъ древнѣйшихъ своихъ чертавіи, безъискусственныхъ и лшечныхъ жизни, сначала перешли къ мечтательнымъ, но не естественнымъ изображеніямъ полъ кистью Фра-Беато-Анджелико, Луки Синьорелли, Мазаччіо, или къ идеальнымъ, но однообразнымъ фигурамъ Перуджино, и потомъ уже сошлись съ дѣйствительностью, совершенно измѣнились, и только своею силою возвели природу до выраженія христіанскихъ идеаловъ. У Рафаэля или Леонардо Винчи не ищите византійскихъ типовъ, — за то найдете высокое просвѣтленіе природы христіанскимъ вдохновеніемъ. Сила христіанства такъ велика, что изученіе природы не могло повредить христіанской живописи: даже въ самыхъ портретахъ видно

сильное вліяніе того животворнаго начала, которое воззвало къ новой жизни живопись въ средніе вѣка. Замѣчательно, что и древнее и новое искусство отъ религіознаго направленія мало-по-малу переходило къ портретному. Римляне, утратившіе теплоту убѣжденія религіознаго, возсоздавшіаго скульптуру греческую, не могли произвести ни одного пластическаго идеала, однако улачно копировали греческія статуи и метко снимали портреты. И въ наше время, съ утратой средневѣковаго энтузіазма, замѣчается только одно самостоятельное направленіе въ искусствѣ — именно копированіе, т. е. пейзажъ и портретъ. Но во сколько христіанство выше древнихъ вѣрованій, и христіанская живопись выше скульптуры, во столько и портретъ живописный выше скульптурнаго: ибо только христіанство даю возможность человеку заглянуть въ глубину его души и познать его личность, — а въ этомъ-то и состоитъ достоинство портрета. Чтò въ послѣдствіи выйдетъ изъ этого портретнаго направленія искусства — не знаемъ. Движеніе современной поэзіи, возбужденное гениемъ Вальтера Скотта и питаемое современными интересами жизни и глубокимъ сочувствіемъ къ малѣйшимъ пружинамъ всѣхъ тайныхъ побужденій души человеческой, рѣшительно противорѣчитъ мнѣнію г. Попова, будто въ современной жизни нѣтъ художественнаго начала. Искусства чередуются. Когда въ Италіи созрѣла художественная жизнь въ лицѣ представителя ея гениальныхъ живоисцевъ, поэзія итальянская далеко отстала отъ живописи: въ сравненіи съ мощными созданіями Рафаэля, Доминикино, Гвидо-Рени — какъ влѣки кажутся октавы Тасса и какъ мелки похощенія Неистоваго Орланда Ариосто!

— *Письмо о работахъ русскихъ художниковъ въ Римѣ, г. О. Чицова, разстлано на 86 страницахъ. Сначала познакомимся съ личными убѣжденіями автора. Онъ одушевленъ благороднѣй-*

нимъ чувствомъ—любовью къ Россіи; но, къ-сожалѣнію, не довольно управляетъ своимъ чувствомъ и, превознося свое, увлекается какимъ-то нерасположеніемъ ко всему чужому, особенно къ Нѣмцамъ: «Нѣмцы болѣе всего падали къ деньгамъ»—вотъ слова, которыми снѣ заключаетъ свое посланіе. Не мудрено, если ему вездѣ представляются какіе-то враги и недоброжелатели... «Москва! Москва!» восклицаетъ онъ: «при имени братій ты невольно приходишь на сердце и на мысль. Сколько погубило у насъ прекрасныхъ надежд! сколько блестящихъ умовъ сдѣлалось добычею праздныхъ бесѣд! сколько доблестнаго отнято у твоей матери Россіи! Пора намъ одуматься; пора показать нашимъ врагамъ и завистникамъ (?), что имѣя силы противустать неспріятелю, мощно владея полміромъ, русскіе имѣютъ силу овладѣть и сами собою». Помилуйте! У насъ, благодаря Бога, тихо и мирно. Что же касается до завистниковъ, то мы ихъ отъ души жалѣемъ. И вотъ «пока мы гнѣнимся», говоритъ г. Чижевъ: «а враги лѣзутъ (?), обираютъ насъ, пользуются нашею беззаботною юностью и послѣ объ насъ же говорятъ съ презрѣніемъ и надменностью: отъ славянской крови не ждите ничего ни добраго, ни прекраснаго.—Видите ли, куда заводитъ пристрастіе? Ну, кому охота говорить такъ не логически? Если Славяне не сдѣлали ничего, или мало сдѣлали для науки и искусства, то отсюда не слѣдуетъ, что они не могутъ сдѣлать, а слѣдуетъ только то, что они не сдѣлали. И чѣмъ же славянская кровь хуже нѣмецкой, или нѣмецкая хуже славянской? Если такъ-называемые вами *лѣзущіе* и *обирающіе* враги такъ неосновательно рассуждаютъ, то не бойтесь ихъ: они не стѣдуютъ того.

Странно также, какъ г. Чижевъ, написавъ такое длинное посланіе о русскихъ художникахъ, не сказалъ главнаго,—именно, что современной живописи русской у насъ нѣтъ; иными словами, что наши живописцы, воспитанные въ

Римѣ, по образцамъ итальянскимъ, столько же принадлежатъ намъ Русскимъ, какъ и всей Европѣ. И дѣйствительно—переберите произведенія русскихъ художниковъ: тотъ подражалъ Тициану, тотъ Гвидо-Рени, другой Доминикино. Русская живопись не составляетъ особой самостоятельной школы, не смотря на прекращеніи свои произведенія: она есть дополненіе къ современной живописи обще-европейской.

Если мы согласимся съ мнѣніемъ г. Попова, что въ настоящее время живопись въ упадкѣ, то какъ же помиримся съ убѣжденіемъ г. Чижева? Или в Русскіе, вслѣдъ за народами Запада, должны отказаться отъ надежды создать что-либо изящное? или же только мы, Русскіе, одни мы можемъ создать что-либо великое, потому-что на западѣ всѣ покушенія къ тому остались тщетными? Дилемма рѣшается легко: если мы заодно съ западомъ, то и у насъ искусство не возможно—по статьѣ г. Попова; если же западъ самъ-по-себѣ, а мы сами-по-себѣ, то зачѣмъ русскіе художники учатся на западѣ и явно подвергаютъ себя его участи...

Въ заключеніе должны мы сказать, что слогъ г. Чижева не вездѣ правиленъ, весьма неровенъ и отзывается еще непривычною работою, неопытною.

— Тѣмъ, которые не читаютъ иностранныхъ газетъ и журналовъ, рекомендуемъ статью г. Ливовскаго: *Объ окончательномъ отпущеніи гильбныхъ законовъ въ Англіи*. Она довольно-богата фактами, написана ясно, съ изложениемъ обстоятельствъ, предшествовавшихъ проекту Роберта Пила, и послѣствій, приготовляемыхъ уничтоженіемъ запретительной системы. Портать статью два пункта: внимательнѣе авторской личности въ сферу столь важнаго дѣла, каково дѣло свободной торговли, и присоединеніе къ фактамъ собственныхъ рассужденій автора, частію лишнихъ, частію странныхъ и несправедливыхъ. По поводу этого мы

должны сами войти въ нѣкоторыя разсужденія.

Вопросъ о свободной торговлѣ — самый важный, самый плодотворный вопросъ нашего времени. Въ немъ выражается отлѣчительное свойство текущей эпохи, ея превосходство надъ вѣками прошедшими. Древнѣе съ гордостью могутъ указать на свою литературу, на произведенія искусства своихъ; но удивительныя произведенія творчества и плоды ремеслъ были удѣломъ небольшого числа лицъ привилегированныхъ. Избранные судьбою утопали въ довольствѣ и наслажденіяхъ; цѣлыя націи коснѣли въ нищетѣ и нравственной задрѣлости. Христіанская религія осватила права человечества; но еще многое остается намъ сдѣлать для совершеннаго исполненія простыхъ и вмѣстѣ высочайшихъ истинъ Евангелія.

Чѣмъ больше увеличиваются потребности, тѣмъ больше усиливается необходимость сношеній между народами и тѣмъ быстрее развивается цивилизація: послѣдняя условливается первыми, т. е. сношеніями. Мудрое Провидѣніе не даромъ распредѣлило многообразныя дары свои въ различныхъ климатахъ: оно тѣмъ самымъ указало важность свободной мѣны даровъ своихъ. Слѣдовательно, успѣхи свободной мѣны тѣсно связаны съ успѣхами образованія, точно такъ же, какъ успѣхи образованія тѣсно связаны съ успѣхами нравственнаго возвышенія. Дѣло первой, т. е. мѣны, не есть дѣло чисто-матеріальное, удовлетвореніе однихъ только житейскихъ потребностей, но вмѣстѣ дѣло образованія и нравственности. Бѣдные люди въ Англіи не въ состояніи образовывать свой умъ и сердце, когда они принуждены работать цѣлый день для пріобрѣтенія только насущнаго хлѣба. Дѣтямъ ихъ некогда учиться въ школахъ: дѣти работаютъ по двѣнадцати часамъ въ сутки на фабрикахъ! Всѣ заботы ихъ поглощаются заботой обезпечить мало-мальски физическое свое существованіе. За кусокъ хлѣба они отдадутъ любую книгу.

Т. XLVII. — Отд. VI.

Уничтоженіе хлѣбныхъ законовъ есть, слѣдовательно, уничтоженіе того, что несобственно называется покровительствомъ и что слѣдовало бы назвать стѣсненіемъ: ибо они покровительствуютъ наименьшему числу гражданъ, а стѣсняютъ наибольшее. Въ свободной торговлѣ — путь къ безпрепятственному развитію человечества: она выражаетъ собою то, что готовить будущее...

Лига поняла это очень-хорошо и опредѣлила свою задачу рядомъ слѣдующихъ силлогизмовъ: чтобъ облегчить бѣдность рабочихъ классовъ, надобно продавать хлѣбъ по дешевой цѣнѣ; чтобъ продавать хлѣбъ по дешевой цѣнѣ, надобно допустить свободный ввозъ заграничнаго хлѣба; чтобъ допустить свободный ввозъ заграничнаго хлѣба, надобно уничтожить такъ-называемые хлѣбные законы; а чтобъ уничтожить хлѣбные законы, надобно создать себѣ большинство въ палатахъ, перевести на свою сторону избирателей, собрать денегъ, убѣдить гражданъ. Для рѣшенія положенной задачи, для осуществленія ея въ жизни, лига пошла путемъ обратнаго умозаключенія: начала съ убѣжденія, кончила уничтоженіемъ хлѣбныхъ законовъ — дѣло, обезсмертившее имя Роберта Пила. Остаются слѣдствія уничтоженія, не только ближайшія — дешевизна хлѣба и облегченіе бѣдности рабочихъ классовъ, — но и дальнѣйшія — повсемѣстный разливъ матеріальнаго довольства, успѣхи умственнаго образованія, возвышеніе нравственнаго быта, короче: полное, гармоническое развитіе человекомъ всѣхъ даровъ человѣческихъ.

Здѣсь-то и начинается главный вопросъ: исполнятся ли въ дѣйствительности тѣ надежды, которыя въ теоріи, не стѣсняемой людскимъ произволомъ, такъ ясно вытекали изъ посылокъ? Проектъ Роберта Пила уничтожаетъ исключительныя привилегіи землевладельцевъ, крайне-тяжелыя для бѣдныхъ, прекращаетъ монополію въ торговлѣ хлѣбомъ, повижаетъ значеніе класса землевладельцевъ въ

Англия: событие важное, причисляющее имя английскаго министерства къ именамъ историческимъ. Но сдѣлаетъ ли этотъ проектъ чувствительное влѣяніе въ участи бѣдныхъ классовъ общества? обеспечиваются ли этимъ выгоды рабочимъ людямъ? Надежно ли, продолжительно ли такое обезпеченіе?—вотъ вопросъ. Понятно, что отъ реформы выиграютъ фабриканты, мануфактуристы; но что выиграютъ земледѣльцы и работники на фабрикахъ и мануфактурахъ? Въ Англіи, гдѣ большинство народонаселенія живетъ заработною платою, гдѣ необходимость работать превышаетъ требованія на работу, гдѣ машины замѣняютъ живую силу, гдѣ заработная плата едва-едва достаточна для покупки съѣстныхъ припасовъ — много ли значить пониженіе цѣнъ на издѣлія хлопчатой бумаги? много ли значить пониженіе цѣнъ на хлѣбъ? Народъ уже давно принужденъ питаться картофелемъ; для того, чтобы могъ онъ питаться хлѣбомъ, надобно, чтобы цѣна хлѣба не превышала существующей цѣны на картофель; надобно, сверхъ того, чтобы заработная плата осталась такая же, какъ и теперь, не подвергаясь пониженію, пропорціональному пониженію цѣнъ на жизненные припасы. Коротче: хлѣбные законы уничтожатся, но можетъ явиться другое злоупотребленіе въ средѣ куческаго класса. Аристократическій феодализмъ можетъ уступить мѣсто феодализму торговому, промышленному, феодализму капиталистовъ. Богачамъ будетъ отъ этого лучше; но пролетарии не останутся ли въ томъ же положеніи, т. е. порабощеніе землевладѣтельской аристократіи принесетъ ли имъ существенную пользу: не станутъ ли они работать другой аристократіи, новой по имени, старой по системѣ дѣйствій? Вотъ почему одинъ англійскій журналъ предостерегаетъ рабочіе классы отъ убѣжденій меркантильной логики. Онъ говоритъ, что истинное желаніе работника должно стремиться къ свободной работѣ, а не къ свободной торговлѣ

только; что работники тогда только будутъ покоены, когда онъ освободится отъ произвола землевладѣльцевъ и фабрикантовъ, выйдетъ изъ-подъ влчательной зависимости отъ тѣхъ и другихъ; что, следовательно, свободная торговля не есть исходный пунктъ дѣйствій, полезныхъ бѣднымъ классамъ, а должна быть слѣдствіемъ дѣйствій, выходящихъ изъ другаго, общаго положенія, — не функцией, а только членомъ функций; что, наконецъ, уничтоженіе хлѣбныхъ законовъ тогда только сдѣлается истиннымъ благодѣяніемъ для народа, для земледѣльцевъ и фабричныхъ, когда доставитъ работѣ прочное обезпеченіе, когда удѣлитъ часть своихъ выгодъ всѣмъ классамъ общества, не отдавъ всѣхъ выгодъ купцамъ и мануфактуристамъ. Самъ г. Ливонскій приводитъ мнѣніе нѣкоторыхъ публицистовъ, которые думаютъ, что теперешняя власть и вліяніе аристократіи на дѣла государственныхыя перейдетъ нечувствительно къ куческому сословию: вся Англія сдѣлается странною исключительно-меркантильною, и нѣсколько манчестерскихъ фабрикантовъ будутъ управлять судьбами сильнѣйшаго государства, котораго политика сосредоточится тогда лишь въ одномъ усиленіи торговли и въ накопленіи капиталовъ (стр. 331). Онъ самъ былъ свидѣтелемъ, какъ эта же мысль выразилась въ энергической выходкѣ какого-то нищаго противъ Брейта, брата лиги (стр. 532 и 533):

«Я помню, какъ однажды въ Кельзо, членъ лиги Брейтъ, передъ толпою народа, доказывая необходимость отмены хлѣбныхъ законовъ, началъ, увлеченный порывомъ страсти, рѣзкими словами испадать на англійскихъ вельможъ, трусить надъ ними, а самыми черными красками выставилъ ихъ эгоизмъ, безнечность и равнодушіе къ бѣдѣстѣямъ народа. Вдругъ среди толпы поднимается шумъ. Карѣ-то высокій, бѣлый мужикъ, съ растрепанными волосами, весь запачканный углемъ, въ оборванномъ платьѣ, взлезаетъ на скамью, махаетъ руками, и повелительнымъ голосомъ останавливаетъ Брейта.

Но оба насъ вынудили ты думать, что-де ты еси оратору, не наша горькая участь тебе бездочекъ: у еяшей братьи еси другая дѣла, ты ея скрывашь, но я читаю ея во глубинѣ души твоей. Ты желаешь на развалинахъ древней благородной аристократіи основать аристократію денегъ, ты желаешь подавить прежнія, хотя безблестныя, но безкорыстныя побужденія, и на ихъ мѣсто водворить холодный инстинктъ и расчетъ. Мы знаемъ всѣ фабрикашоры. Немилосердо выгоняете вы насъ изъ нашихъ заводовъ, предвечитая намъ свои машины, оставляете насъ равнодушно безъ всякихъ средствъ къ пропитанію, а между тѣмъ бравите старинныхъ нашихъ лордовъ, которые хотя и горды были и прижимали насъ, но которыхъ не чужды были чувства любви и состраданія, для насъ всѣхъ незаконныхъ.»

И что же? вмѣсто того, чтобы, послѣ убитого инстинкта публицистовъ, послѣ энергической выходки Фидьяка, изложить, какія выгоды и невыгоды для Фидьяка классовъ могутъ произойти отъ уничтоженія хлѣбныхъ законовъ, въ какое положеніе стаетъ купеческое сословіе относительно пролетаріата и высшаго сословія, г. Инновскій взялся утѣшеніемъ англійской аристократіи и въ словахъ нищаго видѣть только голосъ народнаго почтенія въ Иельножамъ, которые были горды и прижимали Фидьяка:

«Что насчетъ нашего инстинкта, мы не думаемъ, чтобы англійскіе великожы могли совершенно лишиться, прежнихъ своихъ правъ и вліянія на политическія дѣла. Ни въ какомъ государствѣ въ Европѣ аристократія не имѣетъ такого обширнаго историческаго значенія, какъ въ Англіи. Нигдѣ не пользуется она такою властью, скажу болѣе такимъ всеобщимъ уваженіемъ, какъ въ Великобританіи. Народъ хранитъ чувство глубокаго почтенія ко всѣмъ древнимъ государственнымъ постановленіямъ, къ стариннымъ своимъ преданіямъ и обычаямъ. Онъ съ особеннымъ уваженіемъ отзывается о заслугахъ, подвигахъ, даже правахъ своихъ лордовъ. Самые радикалы и хартисты, какъ ни болѣвнудны въ своихъ требованіяхъ, рѣдко однакожъ касаются тѣхъ коренныхъ постановленій, которыя составляютъ сущность англійской конституціи, и ко-

торыми она столь же дорожить, сколько и консервативная партія» (стр. 531 и 532);

«Это заботливое обсужденіе того, что тарантъ землевладѣльцы отъ провѣки и чѣмъ они могутъ вознаградить потерю, не только страшно, но даже забавно»:

«Долго и долго будетъ еще существовать, по нашему мнѣнію, въ Англіи аристократія; но она должна измѣнить свой прежній характеръ, она должна идти впередъ съ духомъ времени, получить высшее призваніе, и тогда только будущіе она не тагостна, а украшеніемъ общества» (стр. 533).

Въ чемъ же будетъ состоять это высшее призваніе высшаго сословія?

«Быть сдѣланнымъ обществомъ, направлять его въ высшія, прекраснѣя и благороднѣя побужденія. Кто можетъ лучше ихъ (аристократовъ) развивать въ обществѣ вкусъ къ изящному, и изъ среды безпрерывныхъ расчетовъ увлечь его въ миръ искусства, въ миръ прекраснаго. Кому легче, если не имъ, углубляться въ тайны науки, и приобретеныя сдѣлать прилагать къ общественной пользѣ, ко благу государства? Кому наконецъ приличнѣе, если не имъ, распространять между людьми чувства христіанской любви, быть примѣромъ доблестей семейныхъ и общественныхъ, служить охорою народнои славы и величія, и контролировать постоянно родъ членствъ изъ высшихъ и благородныхъ побужденій, быть не только по рожденію, но и по личнымъ заслугамъ аристократомъ, то есть лучшимъ (ἀριστος)» (стр. 536).

Но спрашивается: кто же мѣшалъ до-сихъ-поръ дѣлать все это? развѣ до-сихъ-поръ эти люди не имѣли средствъ развивать въ обществѣ вкусъ къ изящному, углубляться въ тайны науки, распространять чувства христіанской любви? Если подобныя дѣяствія противорѣчили сущности англійской аристократіи до уничтоженія хлѣбныхъ законовъ, почему же они сдѣлаются принадлежностію той же аристократіи послѣ уничтоженія законовъ? Или не замѣчаетъ г. Инновскій, что, говоря о будущей англійской аристократіи, онъ уничтожаетъ сущность

предмета вообще, следовательно, говорить не объ этомъ предметѣ, а о чемъ-то другомъ?... Тѣ благородныя обязанности, которыя возлагаетъ онъ съ 1846 года на англійскихъ аристократовъ, должны быть приняты обязанностями каждого истиннаго человѣка: по-крайней-мѣрѣ, мы не постигаемъ, почему англійскимъ аристократамъ приличнее, нежели кому-либо другому, распространять чувства христіанской любви. Происхожденіе слова ничего не доказываетъ. Первоначальное его значеніе стоитъ иногда въ противоположности съ настоящимъ значеніемъ предмета и противорѣчить, если угодно, собственнымъ словамъ автора, который на стр. 480 говоритъ:

«Высшее сословіе живетъ трудами низшаго. Оно считаетъ себя въ полномъ правѣ требовать, чтобъ другое сословіе работало для него, поддерживало его значеніе, удовлетворяло его требованіямъ, а иногда прихотямъ. Другихъ отношеній быть не можетъ, утверждаетъ оно, это законъ необходимости; providѣнію угодно было назначить это отношеніе съ тѣмъ, чтобы упрочить общественное благо, подчиняя слабыхъ людей сильнѣйшимъ, образованнѣйшимъ.»

Едва-ли вѣрно понимаетъ г. Ливовскій и будущее состояніе предмета, когда утѣшаетъ его тѣмъ, что противорѣчить его стремленіямъ. Утѣшеніе, вытекающее не изъ сущности предмета, огорчаетъ предметъ, обижаетъ его. А если предметъ способенъ утѣшиться тѣмъ, что прежде было бы ему наказаніемъ—это значить, что онъ перешелъ въ сферу другихъ предметовъ, отрекся отъ себя, отъ своей сущности. Говорить о немъ въ смыслѣ прежняго его значенія, значить или говорить о другомъ предметѣ или напрасно тратить слова.

— Г. Ригельманъ, авторъ *Дуэль Писемъ изъ Вѣны*, не хочетъ ни передавать голыя впечатлѣнія путешествія, что было бы крайнею самонадѣянностью, ни разлагать элементы жизни народной, на что не достало у него времени: онъ заранѣе отказывается и отъ блиста-

тельной извѣстности Дюма, и отъ пречистой славы Гумбольдта: его ташекая натура (стр. 374) противорѣчить легкому способу путевыхъ замѣтокъ и дорожнаго журнала. Но когда онъ очутился на полѣ славянства, такъ обильно засѣлиномъ вернами будущаго развитія, зародышами новой всемірной эпохи, тогда онъ почувствовалъ, что надобно отложить самолюбіе въ сторону. «Было бы грѣшно Русскому, знакомому съ элементами новой славянской жизни, не выкинуть въ нее глубже, нѣмъ на то время и способности. Было бы грѣшно, выкинувши, тѣмъ про себя сознаніе ея великаго значенія и не присоединить своего голоса къ тѣмъ немногимъ голосамъ, которые говорили уже о ней въ нашъ отечествѣ, заглушаемые громомъ несвѣдущихъ, близорукихъ и недоброжелателей» (стр. 374).

Такъ-какъ мы имѣемъ честь принадлежать именно къ тѣмъ Русскимъ, которые никакъ не могутъ удовольствоваться голыми фразами, а непременно требуютъ убѣжденія, какъ единственнаго способа раскрыть истинное значеніе предмета, то обѣими руками ухватились за статью г. Ригельмана, погрузили нашъ умъ и сердце въ каждую строку его двухъ писемъ, чтобъ увидѣть верна будущаго развитія, зародыши новой всемірной эпохи, элементы новой славянской жизни, чтобъ сознать ея великое значеніе. — и каково же было наше отчаяніе, когда мы пришли къ тремъ послѣднимъ строкамъ статьи: «Но довольно и Вѣнѣ. Въ слѣдующемъ смыслѣ перейду къ предмету, къ которому давно уже стремится моя мысль» (стр. 402). Какъ же это? Стало-быть, г. Ригельманъ говорилъ о Вѣнѣ, а все прочее отложилъ до слѣдующаго письма! Гдѣ жъ оно напечатается? Во второй книжкѣ Московскаго Сборника? Но когда же выйдетъ эта вторая книжка? Притомъ, авторъ общается въ слѣдующемъ письмѣ только *перейдти* къ предмету: начнетъ ли онъ говорить о немъ—женѣство. Можетъ быть, раз-

говоръ отложится до третьяго, послѣ-
сѣдующаго пьесы. А между-тѣмъ —
чего добраго? — все издавие первой
книжки «Московского Сборника» рас-
купится, нужно будетъ готовить новое
издавие въ большемъ количествѣ эк-
земпляровъ... Издателю хорошо, да
намъ-то каково съ нашими ожиданіи-
ями!

Утѣшьтеся, читатели: Вѣна осталася
за нами. Побѣдите въ Вѣну. Здѣсь мы
отдаемъ справедливость автору: вѣн-
ская жизнь, какъ центръ австрійской
жизни, анализирована имъ основатель-
но и справедливо. Вотъ что между про-
чимъ говоритъ онъ:

«Гдѣ можно найти столько легко жи-
вущихъ людей, какъ въ Вѣнѣ, столько
беззаботности, довольства самимъ собою и
всѣмъ окружающимъ,—истиннаго земнаго
блаженства? Едва Вѣнецъ проснется, какъ
бросается къ окну смотрѣть, какова по-
года, потомъ онъ серьезно занимается
рѣшеніемъ вопроса: какимъ образомъ упо-
требить день, на какое собраніе отпра-
виться. Рѣшивъ эту трудную задачу, онъ
вылетаетъ какъ птица изъ кѣтки, съ
свободою, воспримчивою душою, не тре-
вожимый высшими побужденіями, и воз-
вращается домой около полуночи, развѣ
только жалуетъ на 3 крейцера шперг-
гельда, которые послѣ 10 часовъ должно
взвѣсить дворнику.

«Не думаю, чтобы гдѣ нибудь среднее
состояніе столько веселилось, или чтобы
гдѣ болѣе было праздности, какъ въ
Вѣнѣ. Надо нарочно воспитать людей, на-
вѣстнымъ способомъ откормить ихъ, чтобы
довести до этой степени умственной без-
заботности, и отдать во власть матеріаль-
нымъ инстинктамъ.—Правда, что для до-
стиженія этого употребляются всѣ сред-
ства; дурныя и самыя похвальные, самыя
человѣческія, не имѣютъ кажется другой
цѣли.—Мелкія блаженства Вѣнской жизни,
удобства развѣянности, виллы забавы и
дешевый развратъ составила извѣстность
этого города, достигнутою малыми сред-
ствами, или лучше, соединеніемъ посред-
ственнымъ. — Зимою, это безчисленные
танцевальныя вечера за деньги — редуты,
гдѣ платится за входъ около цѣлковаго,
балы въ залахъ Одеона, Шперля, въ трак-
тирахъ, корчмахъ — исходящіе въ цѣнѣ
де гривенника. Кромѣ того, такъ назы-

ваемые Abend-Unterhaltung, гдѣ подъ зву-
ки вальсовъ и кадрили слушатели пьютъ
пиво, закусывая ветчиной и вюрстелями.
Съ наступленіемъ карнавала, продолжаю-
щагося отъ праздника Рождества до на-
чала поста, число этихъ увеселеній умно-
жается постепенно до невѣроятности; при-
ходишь въ изумленіе при видѣ безчислен-
ныхъ объявленій, покрывающихъ всѣ уг-
лы улицъ, и замлекающихъ прохожихъ
цѣнтами своего краснорѣчія, объявая все-
гда ein brillantes Fest; при чемъ упомина-
ется, что приложена особенная забота
о кухнѣ, столъ имѣется отличный и не
оаминитъ дешевыя цѣнныя.—Можно ска-
зать, что Вѣнцы только въ этомъ отно-
шеніи послѣгаютъ на грандіозное; гдѣ дѣ-
ло идетъ объ увеселеніи извѣстной бу-
блики, тутъ являюся антрепренеры, рис-
кующіе цѣлыми капиталами на учрежде-
нія подобнаго рода, тутъ же неудачи и
банкротства не отбиваютъ охоты на но-
выя попытки» (стр. 395 и 396).

Говоря объ авторѣ-акторѣ, Нестрой,
г. Ригельманъ заключаетъ:

«Можно пожалѣть, что Нестрой явился
въ Вѣнѣ; въ этой тяжелой атмосферѣ,
гнетущей со всѣхъ сторонъ, онъ долженъ
былъ остаться паяцемъ низшаго класса;
поприще, на которомъ движется его піе-
сы, очень стѣснено, и все, что принадле-
жить достоинству комика въ высшихъ сло-
яхъ, ему недоступно» (стр. 400).

Наковецъ на стр. 401:

«Присутствуя въ вѣнецкой, такъ назы-
ваемой высокой комедіи, я не разъ дивился
тому, что даже въ произведеніяхъ фантазіи
Вѣнцы никогда не покидаютъ обиход-
ныхъ примычекъ своей домашней жизни;
на сценѣ точно также ѣдятъ, точно так-
же пьютъ пиво и говорятъ всякой вздоръ,
какъ бываетъ въ дѣйствительности; тѣ-же
естественно-скупныя отношенія лицъ и
положеній; но нигдѣ нѣтъ жизни и твор-
ческой силы, которыя совокупаютъ все
въ художественное созданіе. Ихъ комедіи
писаны какъ-бы отжившимъ старикомъ:
сидитъ онъ въ халатѣ спешно въ сво-
ихъ креслахъ, да забавляется разсказаніи
о разныхъ людяхъ, которыхъ встрѣчалъ
когда-то, о случаяхъ изъ своей жизни, ино-
гда набросаетъ хорошо характеръ, узна-
емый долгодѣйнымъ знакомствомъ, есте-
ственно представить сцену—но въ сущно-

сти все это занимательно только для него, а для посторонних совѣмъ не заслуживаетъ такого подробнаго изображенія. — Сочинитель трагедіи напротивъ является всегда мыслящю головою (denkender Kopf), которая, понатужась, высылаетъ передъ вами вдругъ все высокое и глубокое, ею начитанное, слышанное, выученное, помечтаетъ, поэсентиментальничаетъ; но души, но электрическаго тока, претворяющаго все въ одну живую массу, вы не найдете.

— Мы сначала удивились, какъ такая вовсе не маляманачная статья, какъ К. Аксакова: *Москва какъ слово о нашихъ провинціяхъ*, могла попасть въ *Московский Сборникъ*. Столько же удивились мы, прочитавъ «Отрывокъ изъ семейной хроники» (.....ова), любопытный единственно для г.ова и для его семейства. Но потомъ увидѣли, что эти статьи, не интересныя сами по-себѣ, оправдываются тою идеей, которой онѣ служатъ. Вы уже догадываетесь, какаа это идея... Но чтобы вступаться за народность, надобно имѣть гораздо болѣе чувства къ народу, чѣмъ сколько замѣтно въ статьѣ г. Аксакова. Онъ, на-примѣръ, недоумѣваетъ, отъ-чего пишутъ и говорятъ въ женскомъ родѣ *облаки*, *облаки*, и предписываетъ употреблять и въ женскомъ, какъ въ мужскомъ: *облаки*. Но вѣдь въ народѣ говорится *облаки*, точно такъ же, какъ и удивительная форма *амал*, вмѣсто *амы*. Если просклонять *облаки*, то и выйдетъ *облаки*, *облаки*, и т. д. Не вѣдало бы также строить предложенія болѣе-правильнымъ образомъ. Авторъ говоритъ: «что дѣлать при названіи городовъ иностранныхъ?» тогда какъ видимо хотѣлъ сказать: «что дѣлать при иностранныхъ названіяхъ городовъ?» — Въ *Отрывкѣ изъ семейной хроники*, г.ова, съ грустною воспоминаніемъ о давно-прошедшемъ времени, выставляетъ между-прочимъ прекрасную черту своего дѣдушки, который самъ наказывалъ винаватаго мужика, не прибѣгая къ капитану-исправнику. Нечего сказать: прекрасная

черта!.. Автору кажется дикимъ сочетаніемъ словъ въ названіи *Оренбургская-Губернія*. Богъ-знаетъ, говоритъ онъ: — какъ и откуда зацѣлъ тутъ *бури*!.. Такъ же, мы думаемъ, какъ зашло и слово *губернія* и множество другихъ не-русскихъ словъ. Въ этомъ отношеніи, авторъ можетъ простереть свое надушіе еще дальше и пролить его еще долѣе. Онъ можетъ указать на имена: *Асиратаи*, *Крымъ*, *Казань* — имена татарскія, започинающія времена ига. Чѣмъ же татарскія имена родитъ латинскихъ или нѣмецкихъ? Чѣмъ пріятнѣе для слуха слѣдующіе слова: *Каратобинская-тюба* (волость), *Ковалева*, *Бугуруслапъ*, *Малыгъ*, *Нельшъ*, или *башкирское*: «бачка», или наконецъ общеупотребительное, но не русское: «колпакъ»? Сверхъ-того, при нѣтъ-нѣтъхъ успѣхахъ филологіи, куда ни обернись, — вездѣ ли санскритское, или по-крайней-мѣрѣ древне-персидское слово. Чѣмъ же Индійцы и Персы ближе къ намъ европейскихъ народовъ? При неясныхъ понятіяхъ о народности и при известномъ сожалѣніи о старинѣ можно съ успѣхомъ извѣщать названія картъ и карточной игры, столько у насъ распространенной. Вотъ мы и услышимъ: вишневый хлапъ, жлудова краля, тузъ бубней, и проч. Какъ же назвать *преферансъ*?.. Разумѣется *предпочтеніемъ*, или, пожалуй, *любочайшимъ предпочтеніемъ*. Начнемъ-те играть въ *любочайшее* предпочтеніе: какъ это будетъ хорошо и, главное — народно!

— Литературное попури г. Хомякова, или другими словами: *Мнѣнія Русскихъ объ иностранцахъ (письмо къ приятелю)*, занимаетъ ровно *младшею* страницъ. Это — распространеніе статьи, помѣщенной въ 4-ю № *Москвитинна*: «Мнѣнія иностранцевъ объ Россіи». Тамъ та же, только увеличилось число варьяцій. Тамъ задана статьями г. Кирѣвскаго, варьяціи прибавляетъ г. Хомяковъ, и все на одинъ годось, и даже не задумавшись. Въ первой статьѣ, авторъ отдалъ отчетъ въ чувствахъ,

которые цитають къ намъ западъ, и показываютъ, какъ онъ говоритъ, историческій ходъ новѣйшей науки и ея развитія въ Россіи. Во второй, по русской поговоркѣ: долгъ платежомъ красенъ, онъ даетъ отчетъ въ своихъ собственныхъ чувствахъ къ западу, и потомъ продолжаетъ показывать историческій ходъ науки и ея развитія въ Россіи. Ясно, что первая часть обѣихъ статей—дѣло прибавочное, второстепенное, и что тамъ и адѣсь главное дѣло—исторія новѣйшаго образованія нашего отечества, съ того времени, какъ началось у насъ истинное образованіе, т. е. со времени Петра-Великаго. Объ объективности историческихъ изслѣдованій автора можно судить по двумъ статьямъ, помѣщеннымъ въ «Библиотекѣ для Воспитанія»: «Іоаннъ-Грозный» и «Федоръ Іоанновичъ», въ которыхъ, на переноръ всѣмъ фантазмъ, всѣмъ документамъ, всѣмъ историческимъ и логическимъ соображеніямъ, доказывается, что Федоръ Іоанновичъ былъ — великій государь, а Іоаннъ-Грозный — вовсе не великій государь.

Что жъ г. Хомяковъ видитъ въ историческомъ ходѣ науки и ея развитія въ Россіи? Онъ видитъ «инородное начало этой науки, ея исключительность и необходимое послѣдствіе ея односторонняго развитія, — глубокий и досаднѣе-поръ венецѣлемый разрывъ въ умственной и духовной сущности Россіи, разрывъ между ея самобытною жидкою и ея приваннымъ просвѣщеніемъ. Отъ этого разрыва произошли въ жизни безсознательность и неподвижность, въ наукѣ бессиліе и безжизненность» (стр. 150). Выпущемъ еще нѣсколько мѣстъ, въ которыхъ высказываются результаты широковѣщательнаго посланія:

«Всѣ наши познанія, всл наша умственная живость остаются безъ плода. Я не говорю уже, что они безплодны до сихъ поръ для человѣчества, безплодны для народа, которому они совершенно чужды, но они остаются безплодны для самой науки» (стр. 151). «Тяжело налегло на насъ просвѣщеніе, или, лучше сказать, знаніе. Много

подавлено подъ нимъ (разумѣется, подавлено на время) сѣмянъ истиннаго просвѣщенія, добра и жизни» (стр. 161). «Средней или Великой Руси предстоитъ борьба съ иноземнымъ просвѣщеніемъ и съ его рабскою подражательностію. Принявъ въ себя познанія во всей ихъ полнотѣ, она должна достигнуть и достигнетъ самобытности въ мысляхъ. Къ счастью время не ушло, — и не только борьба возможна, но и побѣда несомнѣнна» (163 и 164). «На Западѣ, образованность плодъ жизни, и она жива; у насъ она заносная, не выработанная и не заслуженная трудомъ мысли, и мертва. Соперничество между историческою жизнью съ одной стороны и прививною образованностію съ другою было неизбежно. Такія два начала не могли существовать въ одной и той же землѣ, и оставаться другъ къ другу равнодушными: каждое должно было стараться побороть или переломать стихію, ему противоположную. Отъ жизни оторвался всѣ ея высшіе представители, весь кругъ, въ которомъ замыкается и сосредоточивается вся внутреннее движеніе общественнаго тѣла, въ которомъ выражается его самосознаніе. Разрозненная жизнь ослабла, и сопротивлялась напору ложной образованности только громадою своею неподвижной силы. Гордая образованность, сама по себѣ ничтожная и безсильная, не вѣчно черпающая изъ живыхъ источниковъ западной жизни и мысли, — дела борьбу неутомимо и сознательно, губя мало по малу лучшія начала жизни и считая свои гибельные успѣхи истиннымъ благодѣаніемъ, вѣря своей непогрѣшимости и пренебрегая жизнью, которой не знаетъ и знать не хотеть» (167 и 168).

Вотъ до какихъ результатовъ дошли, когда оставишь факты вверхъ ногами, или когда задашь себѣ вопрѣшеніе, къ которому насильно натягиваешь факты! Послѣ выводовъ г. Хомякова, намъ остается, для исцѣленія разрыва между жизнью и образованіемъ, не только мысленно поставить, но и дѣйствительно водворить у себя, въ настоящую эпоху, до-петрово время русской исторіи, — время, о которомъ г. Давидіевъ пудовыми дуктилными вздыханіемъ въ «Московскихъ Эстетикахъ», наилучшимъ образомъ украшающихъ «Москитинивъ».

— время столовъ дубовыхъ и лавокъ, когда куръ, вѣрчено, вращено съ лукомъ услаждали вкусъ, занимали умы и веселили сердца нашихъ предковъ... И къ чему столько потрачено пороха, безъ всякой пользы, изъ пустой, празднои цѣли? Для чего пригоды всѣ эти знанія, всѣ эти разсужденія, въ которыхъ, конечно, видны таланты автора и его начитанность? Для того, чтобъ факты объяснить по своему, чтобъ на явленіе, которое представляется намъ только такъ, а не иначе, посмотреть Богъ-знаетъ съ какой стороны. Какая беада придуманныхъ парадоксовъ! Вся статья — заблужденіе, замѣчательное только по своей оригинальности.

— На стр. 157 авторъ говоритъ: «каждый народъ представляетъ такое же живое лицо, какъ и каждый человекъ». Но въ развитіи каждаго человека бываетъ время внутренняго раздора между жизнію и его умственнымъ образованіемъ, — время, когда или развивающаяся жизнь требуетъ новаго, высшаго просвѣщенія, или сообщенное человеку просвѣщеніе не удовлетворяетъ его жизнію и стремится покорить ее своимъ началамъ. Это значить, что, въ первомъ случаѣ, просвѣщеніе, стоящее на известной степени и пригодное для известнаго времени, отжило вѣкъ свой, и что, во второмъ случаѣ, жизнь должна возвыситься до просвѣщенія, чтобъ стать съ нимъ въ уровень. Но никто не позволитъ называть того и другаго просвѣщенія естественнымъ, противозаконнымъ, портящимъ сущность человека. Истинное просвѣщеніе (или просвѣщеніе просто) — одно для всѣхъ людей и народовъ, если народъ хочетъ сдѣлаться народомъ человѣческимъ, всемірнымъ, а человекъ проявить въ себѣ все высоко-человѣческое. Сущность такого единственно-нужнаго просвѣщенія состоитъ въ томъ, что оно уничтожаетъ въ народахъ и отдѣльныхъ людяхъ различія, какъ помѣхи сближенію, и соединяетъ людей и народы въ сходствѣ общечеловѣческаго. Просвѣще-

ніе идетъ по восходящимъ степенямъ: смѣшно остановиться на одной какой-нибудь и считать ее безусловно-достаточною во вѣки-вѣковъ; но величайшая важность въ томъ, чтобы направить народъ и человека по той дорогѣ, которая, какъ мы сказали, должна приводить къ сходству въ общечеловѣческомъ, которая должна внушать намъ гордость (если только здѣсь у мѣста слово «гордость») человѣческую, такъ ясно выраженную древнимъ поетомъ: я человекъ, и мнѣ доступно все человѣческое! Великій Петръ то и сдѣлалъ: онъ презрѣлъ исключительное, особенное, мелкое образованіе, которое разобщаетъ людей и вадолго, или навсегда запираетъ имъ входъ въ сятинище всемірнаго достоинства, всемірнаго значенія, и обратился къ образованію общечеловѣческому, которое до-сихъ-поръ еще называется у насъ по праву европейскимъ (будетъ время, когда оно назовется общимъ, всемірнымъ). Не европейское осталось частію въ Европѣ (у Турковъ); любители такого образованія могутъ еще съ надеждою обратить свои взоры на Китай и Японію. Передайте язычнику высшія нравственныя правила христіанской религіи: что выйдетъ въ началѣ? разрывъ между его жизнію и сообщеннымъ ему правиломъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ жизнь должна была чуждаться мнѣнъ-принятаго: напротивъ, она обязана восходить и взойти на высоту христіанской нравственности. Не вдругъ также достигаютъ человекъ должной высоты умственнаго образованія; но его прямая обязанность — стремиться къ достиженію. Если часть народа усвоила себѣ всю полноту европейскихъ вѣдъ, а другая, несравненно-большая часть, пребываетъ въ невѣдѣніи — это нисколько не заставляеть жалѣть первыхъ и нисколько не заставляеть отчаиваться за вторыхъ: пусть многообразныя сближаются съ необразованными, возвыша ихъ до себя, но не понижая себя до необразованности.

Впрочемъ, каждая статья г. Хомяко-

ва непрежѣнно выйдеть удивительно-оригинальною и скажетъ вамъ такія вещи, которыя никому и въ голову не приходили... Но вотъ нѣсколько строкъ изъ 5 нумера «Москвитянина»:

«Это боецъ, который стоитъ при вхождѣ арены, и увѣренный въ силу своей руки, бросаетъ перчатки всякому встрѣчному и поперечному—Математику и Публицисту, Юристу и Историку, Агроному и Художнику, и показывается гордымъ презрѣніемъ только робкое низкоклоничество....»

Тутъ и разгадка тайны! вотъ гдѣ источникъ оригинальности, длинноты статей, изъ-рукъ-вопъ парадоксовъ, искаженія фактовъ, историческихъ, философическихъ и литературныхъ нуфовъ! Та умственная жизнь, въ которой упрекаетъ г. Хомаковъ всѣхъ Русскихъ, — она не между Русскими, а въ авторѣ; это не нашъ, а его субъективный недостатокъ, его отличительная принадлежность. Вы видите: онъ защищаетъ одно, вооружается противъ другого, — не думайте, чтобы защита вытекала изъ сочувствія, а противодѣйствіе изъ несочувствія. Онъ говоритъ это такъ, для того, чтобы поговорить съ своей публикой. У него главное — желаніе спорить, обязанность не соглашаться; наслажденіе — самонаслажденіе спора, не въ жизни, а на словахъ. Даже мирская сходка, въ которой онъ видитъ идеалъ общественнаго устройства, плѣняетъ его не какъ идеалъ, а какъ богатое средство спорить—спорить много и со многими. Бѣда вамъ, если вы съ нимъ согласитесь; ему нужна не покорность доказанной мысли или всѣми признанной истинѣ, а противорѣчіе всякой мысли, всякой истинѣ. Но бѣда и ему, если то братское согласіе и духовный миръ, которые поетъ онъ въ своихъ стихотвореніяхъ (тоже для спора), водворятся наконецъ на землѣ! Что будетъ онъ дѣлать, когда упряднится споръ, какъ противоположность согласію и миру?

—Статья М... З. К...Тарантасъ» вызываетъ мастера писать, чедовѣка,

налагающаго свои мысли съ рѣдкою логическою послѣдовательностью. Но основная мысль сочиненія должна: это—идея г. Хомакова, идея г. Чижова, идея г. Попова... короче, идея славянства, или, точнѣе, славянофильства. Развитие воззрѣнія на «Тарантасъ» таково: сперва авторъ анализируетъ Василія Ивановича и Ивана Васильевича, объясняя причины тѣхъ состояній, въ которыхъ они находятся, и потомъ показываетъ, что припривеніе этихъ двухъ натуръ, созданное фантазіей гр. Соллогуба, нисколько не соотвѣтствуетъ понятію объ идеальной Руси — понятію, которое вытекаетъ изъ разсматриванія прошлаго и настоящаго ея быта. Вотъ краткое содержаніе статьи М. З. К.: Василій Ивановичъ и Иванъ Васильевичъ — два русскіе челоѣка, изъ которыхъ одинъ — произведеніе самородное, явленіе жизни, непосредственной сознаниемъ, непроницаемой для идеи, а другой—оторванный иллюстраннымъ воспитаніемъ и образомъ жизни отъ русской дѣйствительности. Иванъ Васильевичъ старается понять дѣйствительность и не можетъ, ибо онъ въ ней не живетъ; Василій Ивановичъ до того въ нее погружился, что и понимать ее не хочетъ. Василію Ивановичу не достаетъ одного: сознанія; Иванъ Васильевичъ — лицо, совершенно-отрѣшенное отъ русской дѣйствительности, развившее въ себѣ отвлеченное сознаніе: ему не достаетъ жизни. Въ лицахъ Василія Ивановича и Ивана Васильевича представляеть раздоръ между жизнью и сознаниемъ: Василій Ивановичъ—это жизнь безъ сознанія, Иванъ Васильевичъ — это отвлеченное сознаніе безъ жизни. Тамъ и здѣсь, жизнь и сознаніе въ раздорѣ. Но они должны примириться, сознаніе съ жизнью, жизнь съ сознаниемъ, узвать другъ друга, слиться въ единство крѣпкой, сознаниемъ просвѣтленной жизни. Отсюда начинается вторая часть критики—критика послѣдней главы «Тарантаса». Мы уже сказали, что «Московский Сборникъ» ею недоолегаетъ: онъ хвалитъ умный анализъ современнаго

общества, ясное изображение ограниченности двух воззрѣній, истекающихъ изъ раздора, но не дозволенъ ихъ примиреніемъ; его не утѣшаютъ виды на будущность, открытыя во снѣ.

Кого жь они и могутъ утѣшить? Дѣло въ томъ, что авторъ «Тарантаса» имѣетъ право потребовать отъ автора критической статьи того же, чего требовалъ отъ него критикъ. Послѣдній говорить, что въ «Тарантасѣ», кромѣ части, отрицающей ограниченность двухъ воззрѣній, должна быть часть полагающая — примиреніе воззрѣній. Авторъ «Тарантаса» имѣетъ право сказать, что въ критикѣ на «Тарантасъ», кромѣ части, отрицающей примиреніе воззрѣній, должна быть часть полагающая — указаніе того, чѣмъ замѣнить неудовлетворительное примиреніе. Вася не утѣшаютъ виды на будущность, открытыя Ивану Васильевичу въ фантастическомъ снѣ: откройте намъ виды утѣшительныя... Но итъ, г. критикъ, это трудно, очень-трудно, гораздо-труднѣе, чѣмъ вывести причину раздора изъ составленныхъ и любимыхъ идей! Последняя глава «Тарантаса» столько же не утѣшительна, сколько поразительна. Книга должна была кончиться или такъ, или никакъ: изъ снѣданія такихъ двухъ натуръ, каковы! Иванъ Васильевичъ и Василій Ивановичъ, что могло бы выйти, кромѣ фантастическаго сна, хотя забавнаго, но нисколько не утѣшительнаго? Въ будущаго князѣ мы видимъ тоже Ивана Васильевича и Василья Ивановича, съ тою только разницею, что каждый изъ нихъ, самъ по себѣ, былъ кое-что, а въ совокупности вышли они Богъ-знаетъ что. Дайте сознанію Ивана Васильевича жизнь: выйдетъ такой человекъ, который не удовлетворитъ насъ, потому-что его сознаніе во многомъ ложно. Дайте жизни Василья Ивановича благородное, просвѣщенное сознаніе: вы увидите, что онъ отречется отъ своей жизни, потому-что она была ложна. Для чего же примирять чуждо-ложное сознаніе съ много-

фальшивою жизнью? Надо бы и жить иначе и сознать иначе. Конечно, для многихъ людей и Василій Ивановичъ недоступная высота; много и такихъ, которые въ жизни Василья Ивановича найдутъ весьма-удовлетворительное состояніе; наконецъ, третья откроютъ въ немъ идеалъ будущаго человека, лишь бы дать ему сознаніе, — но да забавитъ насъ Богъ отъ такихъ недосигаемыхъ высотъ, удовлетворительныхъ состояній и желанныхъ идеаловъ! Мы имѣемъ о совершенствѣ человека достойнѣйшее понятіе...

Въ критикѣ есть одно мѣсто, поразительное своею глубокою истиною. Выпишемъ его:

«Наконецъ, онъ (князь) служить застѣвливелью: «ибо, находясь тамъ на службѣ, онъ не отвлекаетъ отъ выгоднаго занятія или ремесла бѣднаго чиновника, который бы долженъ былъ занимать его должность. Охраненіе законовъ не дѣлается источникомъ беззаконности» (стр. 279 Тарантаса). Именно такъ. Добрый князь! какъ долженъ быть ему благодаренъ тотъ бѣдный человекъ, котораго, благодаря самопожертвованію князя, перестанутъ наконецъ отягачать отъ выгоднаго ремесла! Все это кажется очень трогательное, а все-таки соразче какъ будто не доираетъ князю; отъ-того ли, что трудно примкнуть къ новому порядку и раздѣлиться съ старыми предубѣжденіями, — а слышится въ этихъ словахъ старая неизлѣчная гордость сословія. Какимъ образомъ она мирится съ тою любовью, съ тѣмъ смиреніемъ, о которомъ было говорено такъ много, этого мы не въ силахъ объяснить» (стр. 376).

Ни мы тоже. Но извѣстная доктрина соединяетъ гордость съ смиреніемъ такъ же удовлетворительно, какъ сливаются жизни Василья Ивановича съ сознаніемъ Ивана Васильевича. По извѣстной доктринѣ, униженіе выходитъ паче гордости: смиренный человекъ выпараиваетъ вамъ глаза, если вы осмѣлитесь быть смиреннѣе его, если задумаете перещеголять его въ добродѣтели.

— Нѣсколько словъ о стихотвореніяхъ

• Московскаго Сборника. При повзрѣвшей старости поэтическаго таланта, снѣжно требовать отъ него глубокаго содержанія, оригинальныхъ идей: довольстуйтесь формой или по-крайней-мѣрѣ высокопарными выраженіями, въ родѣ слѣдующихъ: «Онъ (Карла-мичъ) далъ намъ книгу книжъ!» Книгоу-кингъ называется «Исторія Государства Россійскаго». Стихотвореніе написанное г. Н. Языковымъ: больше прибав-лять нечего. — Въ стихотвореніяхъ г. Н. Алексюка, стихи, для перваго дебюта, недурны; но мы не видимъ въ нихъ никакого, опредѣленнаго содержанія, никакой новой мысли: молодой стихо-творецъ дослѣдуетъ что-то таинствен-ное, мистическое, предчувствуемое на-бравными. Повѣя не можетъ ожидать ничего добраго отъ такого направ-ленія:

— Наконецъ, остановимся на пре-вращенной статьѣ г. Соловьева: *О родо-выхъ отношеніяхъ между князьями дре-вней Руси*. Эта статья, какъ и все, написанное г-мъ Соловьевымъ, отличается не-сомнѣнными достоинствами: чисто-ис-торическимъ тономъ, отсутствіемъ всякихъ предубѣжденій, которыя, начи-ная уже съ Карамзина, мѣшала и мѣша-ютъ намъ нашу древнюю, а потому и самую исторію, и представляютъ въ ней много въ ложномъ, неестественномъ видѣ; наконецъ—добросовѣстнымъ со-браніемъ фактовъ и ясныхъ, отчетли-выхъ изложеніемъ.

Содержаніе статьи г. Соловьева мо-жетъ быть передано въ немногихъ сло-вахъ. Ея главная задача—опредѣлить отношенія между удѣльными князья-ми: Эти отношенія основаны на родо-вомъ началѣ, т. е. началѣ крови, род-ства, во сколько оно, при своей есте-ственной шаткости, можетъ установить отношенія между людьми, пока не по-лучитъ юридическаго опредѣленія. Съ одной стороны, власть старшаго въ ро-дѣ надъ младшими родичами почти безусловна, неограниченна; съ другой—она, какъ не сознавая, не юридиче-ская, не представляетъ ничего тверда-го, вѣчнаго, и потому мѣнитъ не

обещанна. Если старшій родичъ, ве-ликій князь, не заботится объ интере-сахъ младшихъ князей, или имъ это такъ показается—власть его истощаетъ, и онъ долженъ отступить ее силой. Кто же изъ князей считался старшимъ? Этотъ вопросъ разрѣшенъ г-мъ Соло-вьевымъ превосходно. Сначала стар-шимъ считался, разумѣется, тотъ кто былъ старѣе по рожденію и званію. Для быль старше племянникъ, пер-вый сынъ старше втораго, и т. д. По-томъ это понятіе о старшинствѣ нѣ-сколько измѣнилось. Когда отецъ уми-ралъ, старшій его сынъ вступалъ мѣ-сто отца для младшихъ своихъ брать-евъ. Но онъ былъ вмѣстѣ отцомъ и для своихъ дѣтей. Италѣ, племянники ста-ли братьями своимъ дядямъ. Но поми-ни? Старшими или младшими? Споръ младшими; старшинство принадлеже-ло дядямъ. Но потомъ старшій сынъ старшаго брата, т. е. старшій племян-никъ получалъ первенство надъ дяд-ямъ, на слѣдующемъ основаніи: стар-шій сынъ старшаго брата отецъ сво-ихъ братьямъ, а какъ дяди считались тоже его братьями, то онъ сталъ от-цомъ и для нихъ. Старшинство людей надъ племянниками господствовало въ древнѣйшей Россіи до Монголовъ, пер-венство старшаго племянника—въ Сѣ-верѣ-Восточной-Россіи.

Вотъ содержаніе превращенной статьи г. Соловьева. Этотъ взглядъ на отноше-нія князей у насъ еще новъ. На него, правда, намекали иногда, но какъ-буд-то нечаянно, бессознательно, и отъ-того русская исторія чрезъ это имѣла ничего не выиграла. Заслуга г. Соло-вьева въ томъ, что у него родовые от-ношенія удѣльныхъ князей поставлены на первомъ планѣ, чрезъ что имъ во-вращено ихъ настоящее, глубокое, рѣ-шительное значеніе въ судьбѣ древней Россіи,—значеніе, которое эти отноше-нія имѣли въ жизни, но не имѣли въ наукѣ. Такая заслуга геральдо-важнѣе, нежели можетъ показаться съ перваго взгляда. Когда, наконецъ, обратится въ необходимую истину, что весь древній бытъ Россіи, не только частный, но и

государственный (если только его можно так назвать), вращался около одного родственного, кровного начала, которыми первоначально болѣе или меньше живутъ всѣ независимые народы, — мы пойдемъ много въ русской исторіи, чего до-сихъ-поръ не понимаемъ. Первые времена ея потеряютъ тогда таинственное, но обманчивое обаяніе, которое придалъ имъ Карамзинъ. Теперь наследователя русской старины какъ-то немного влечетъ въ туманную даль прошедшаго, и чѣмъ дальше, тѣмъ кажется она привлекательнѣе. Хочется узнать обстоятельно не только, что было во времена Рюрика, но даже до Рюрика. Въ эти отдаленныя времена вглядываемся съ увѣренностью найти что-то необыкновенное, невиданное. Воображеніе рисуетъ чудныя картины, невозможное и необычное существованіе, какъ нѣкогда Греки въ чудныя, райскія казались земли, о которыхъ до нихъ доходили одни темныя слухи. Отсюда выходить и вышло со временемъ большое зло. Возрѣніе на исторію потеряло историческую почву и стало совершенно-отвлеченнымъ, прикрывая себя фактами. Этотъ недостатокъ ощущителемъ въ Карамзинѣ. Характеры у него создавалъ, а не воспроизвелъ, событія освѣщены неестественнымъ свѣтомъ. Отъ-того нѣтъ никакой возможности понять, какъ же все это дѣлалось въ старину и зачѣмъ дѣлалось? Отъ-чего послѣ варяжскаго періода наступилъ удѣльный, а потомъ именно московскій? Историческіе дѣтели разныхъ временъ и эпохъ какъ въ панорамахъ проходятъ одинъ послѣ другаго въ одной хронологической, а вовсе не внутренней исторической преемственности. Въ этомъ царствѣ безплотныхъ тѣней всѣ эпохи, лица, событія такъ похожи другъ на друга, что нѣтъ никакой причины не представлять себѣ Россіи задолго до Рюрика стройно-организованныю, съ развитымъ общественнымъ бытомъ и цивилизаціей. Какое же былъ этотъ бытъ? Онъ неизвѣстенъ, слѣдовательно, былъ, конечно, гораздо-лучше, выше послѣду-

ющего. Это обыкновенный выволъ, который дѣлаетъ человекъ, лица Эльдорадо, воплощенія своихъ мечтаній и отвлеченныхъ требованій въ действительномъ мірѣ. Чѣмъ менѣе фактовъ, тѣмъ больше разгула и простора для фантазіи. Нашъ дѣйствительный міръ исполненъ зла: стало-быть было или будетъ когда-нибудь хорошо. Въ ложности такого рассужденія трудно убѣдить. Изъ него прамымыя путемъ вытекаютъ и оптимизмъ и пессимизмъ — оба равно ложныя, потому-что ищутъ неапаго воплощенія идеаловъ въ действительности, одинъ въ будущемъ, другой въ прошедшемъ. Но пессимизмъ хуже оптимизма тѣмъ, что послѣдній по крайней-мѣрѣ ищетъ и поддерживаетъ силы и дѣятельность, а первый заставляетъ человека сложить руки, высасываетъ изъ него всѣ живыя соки и дѣлаетъ его истникомъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, можетъ ли что-нибудь быть безплоднѣе убѣжденія, что въ мірѣ все идетъ къ худшему, что, развизався и живя, человекъ надеетъ? Вы скажете: да онъ и не существуетъ, я согласенъ. Да развѣ непременно нужно предположить то или другое? Развѣ нельзя уже никакъ обойтись безъ этихъ двухъ возрѣтій? Исторія непрерывно рождаетъ новые вопросы и находитъ на каждый изъ нихъ свой отвѣтъ. И вопросы и отвѣты идутъ одинъ за другимъ, не повторяясь никогда, и въ такой постепенности, что послѣдующее всегда предполагаетъ предыдущее и можетъ только тогда возникнуть, когда предыдущее разрѣшено. Послѣдовательность, цѣлость, единство всего существующаго такъ естественны, такъ въ порядкѣ вещей, что человекъ все можетъ свести, кромѣ тупой, бессмысленной случайности, и, принявъ ее за основной законъ жизни, ищетъ силы и энергіи. Отъ того-то, чтобъ повѣять исторію, не должно ни на минуточку сходиться съ почвой дѣятельности. Вѣрный взглядъ на факты непременно дастъ отвѣтъ, почтену за такой-то эпохой слѣдовала такая-то, и перестановка ихъ въ самой наукѣ слѣ-

дается невозможною. Вы думаете, что древнее время было лучше, а слѣдующее хуже: исторія докажетъ вамъ, что это ошибка, обманъ, можетъ-быть, очень-добросовѣстный, но все же обманъ. Слѣдующая эпоха въ фактахъ представляетъ вамъ самую строгую, вполнѣ истерзающую критику предъидущаго, даже въ томъ, что, казалось бы, не подлежитъ никакому разложению и признавалось за первоначальную, нереложную, основную истину. Для этого нужно только смотрѣть на исторію просто, безъ заднихъ мыслей, что намется очень-легко, а на дѣлѣ очень-трудно. Въ статьѣ г. Соловьева мы именно находимъ такой взглядъ, хоть онъ и не высказанъ. Древняя Русь такъ мало имѣла въ себѣ зачатковъ гражданственности, что до XIII вѣка и далѣе не только частный, но и общественный, гоударственный бытъ ее неопредѣлялся на однихъ кровныхъ, родственныхъ отношеніяхъ и опредѣлялся ими. Нужно было много вѣковъ, чтобъ вырваться ей изъ этого до-историческаго состоянія. Одно это отнимаетъ всякую возможность и охоту пускаться въ изслѣдованіе о до-юриковскомъ періодѣ русской исторіи. Этого мало: ужасы юаннова царствования, періодъ самозванцевъ, такой страшный, общенациональный временъ Кошкина, реформа Петра и всѣ такіе явленія въ русской исторіи покажутся естественными, понятными, законными; а теперь они—еще необъяснимыя загадки, іероглифы, къ которымъ страшно подступиться. Мы поймемъ, что въ древней Россіи самое даже юридическое опредѣленіе родственныхъ отношеній было важнымъ шагомъ впередъ. Прежде нежели они исчезли, какъ начало, опредѣляющее весь нашъ древній бытъ, они должны были перейти въ полное сознаніе, такъ-сказать, осѣсться, уложиться въ извѣстныя формы. Мѣстничество съ его техническимъ языкомъ появилось отъ-того не при Ярославѣ, а уже гораздо-позже, и въ Москвѣ обработано классически, сколько можно было въ то время.

Вотъ все, что мы имѣли сказать о статьѣ г. Соловьева. Она вполнѣ округлена, окончена по мысли автора, и потому съ нашей стороны не подлежитъ дальнѣйшей критикѣ. Нѣкоторые недосмотры есть; на-примѣръ, на стр. 204-й говорится, что младшіе обязанности были идти исюду по первому зову старшаго. Мѣсто, приведенное изъ Ипатьевской Лѣтописи, показываетъ, что это выраженіе не совсѣмъ-точно, можетъ-быть даже не довольно-обще. Далѣе, тамъ же, въ числѣ обязанностей младшихъ въ-отношеніи къ старшимъ упоминается особенно обязанность перваго *слотаря* на послѣднего. Это выраженіе также принято слишкомъ-буквально и не объяснено. Право старшаго *судить* ограничивалось только *разборомъ споровъ между младшими*. На стр. 215 сказано, что князья, выбравшіе себѣ старшаго, назывались въ отношеніи къ нему ратниками, а изъ цитаты этого не видно. Можно толковать, что подъ ратниками здѣсь разумѣлись князья, но толкованіе будетъ произвольно. Впрочемъ, эти недосмотры очень-неважны и почти не заслуживаютъ упоминанія.

Одно позволимъ мы себѣ высказать, не въ видѣ требованія, а только въ видѣ желанія: мы желали бы видѣть въ статьѣ г. Соловьева не одно изложеніе фактовъ, а найдти и ихъ объясненіе. Такое объясненіе не только возвысило бы достоинство и безъ того прекрасной статьи, но даже, какъ мы думаемъ, способствовало бы во многомъ и самымъ изслѣдованіямъ автора; нѣкоторые факты освѣтились бы съ другой стороны, а вмѣстѣ съ тѣмъ, быть-можетъ, иначе были бы и изложены. Г. Соловьевъ подробно излагаетъ всѣ факты, въ которыхъ выразилось отношеніе старшихъ и младшихъ князей между собою; но начала, изъ котораго проистекли эти факты, не опредѣляетъ. А когда рѣчь идетъ объ отношеніяхъ, начало едва-ли не всегда первое, главное. Были ли эти отношенія строго-опредѣленныя, юридическія, или нѣтъ? авторъ объ этомъ не говоритъ. Именно

потому, приступая къ прошедшему съ настоящими понятіями, мы идемъ отъ предположенія, что эти отношенія были юридическія, хотя и основанныя на началахъ кровныхъ, родственныхъ. Какъ же странно читать слѣдующее мѣсто въ статьѣ: «старшій въ родѣ до тѣхъ только поръ сохранялъ неограниченную власть, пока самъ свято исполнялъ свои отеческія обязанности, т. е. пока не отдалъ своимъ интересамъ въ интересахъ цѣлаго рода, пока не переставалъ смотрѣть на каждаго младшаго, какъ на собственнаго сына, не дѣлая ни малова различія между ближними и отдаленными родичами, сохраняя между ними строгую справедливость. Какъ же скоро старшій въ родѣ пренебрегалъ своими отеческими обязанностями, какъ-скоро предпочиталъ собственные выгоды или выгоды дѣтей своимъ интересамъ цѣлаго рода, то онъ терялъ свое значеніе старшаго, отца; всѣ его права, равно какъ обязанности младшихъ къ нему, рушились, его власть замѣнялась или общими родовыми совѣтомъ, или, въ случаѣ разногласія князей, каждый изъ нихъ дѣйствовалъ, защищая свои права, какъ умѣлъ и какъ могъ».

Итакъ, юридическія понятія и отношенія мы прежде почти не имѣли. Ничто не судилъ и не разбиралъ старшихъ и младшихъ въ родѣ, ничто не произносило противъ великаго князя приговора, лишавшаго его значенія отца? Слѣдовательно, не было и никакихъ ручательствъ, что отношенія были всегда таковы, какъ представляетъ ихъ авторъ статьи, ибо отъ произвола зависѣло признавать ихъ, или не признавать. Такъ и было. Отношенія были въ-самомъ-дѣлѣ чрезвычайно-произвольны, весьма-часто случайны, до и предлогомъ къ нимъ точно служила большая частью отношенія кровныя, родственныя, потому-что о другихъ отношеніяхъ не было и понятія.

Еслибъ г. Соловьевъ обратилъ вниманіе на это важное обстоятельство въ исторіи древнѣйшей Россіи, именно

на это почти-свершившее отсутствіе юридическаго элемента, онъ не сказалъ бы (на стр. 215), что отношенія и воля князей князей прежде на томъ основаніи, что битва, по вѣстнымъ древнимъ понятіямъ, считалась за судъ Божій. Вопросы, которые рѣшались войнами, были тогда, какъ и теперь, такъ важны, рѣши такъ велики, а способъ рѣшенія такъ случаенъ, что человекъ необходимо долженъ былъ убѣдиться въ напращеніи такого рода дѣла Божескою силою; но, угнѣтая себя мыслью, что битва — судъ Божій, человекъ никогда не могъ подвести въ себѣ мысли, что хотя и побѣжденный, онъ правъ, и всегда снова отдалъ дѣло на несовершенство того же суда Божія, т. е. войны, какъ-скоро представлялся къ тому удобной случай. Слѣдовательно, нельзя сказать, что война могла лишить князя права; она только на время или навсегда отнимала у него возможность осуществитъ свои требованія. Безспорно, въ тогдашнихъ войнахъ еще несовершенство было юридическихъ элементовъ, чѣмъ даже теперь. Войны князей въ періодъ удѣловъ могутъ служить лучшимъ доказательствомъ справедливости нашихъ словъ.

Точно также авторъ не объяснилъ основнаго начала родовыхъ отношеній и различныхъ положеній, нѣтъ ихъ произостававшихъ, равно какъ и тѣхъ измѣненій, которыя со-временемъ произошли въ этихъ отношеніяхъ. Намъ кажется, что чрезъ тѣ и другія проходитъ одна мысль, которая связываетъ ихъ въ одно цѣлое, объясняетъ переходъ удѣльной Россіи въ московскую, и такимъ образомъ даетъ единство древнѣйшей русской исторіи. Эта мысль или движущее начало, есть постепенное вытѣсненіе рода семьей. Какъ извѣстно, родъ отъ семьи существенно тѣмъ отличается, что въ немъ, т. е. въ родѣ, счетъ идетъ отъ родоначальника. Кто по родственности иному ближе, тотъ и старше. Поэтому, родъ можетъ обнимать безконечное число членовъ, связанныхъ между са-

бою родствомъ, и въ немъ дяди имѣютъ всегда преимущество передъ племянниками. Напротивъ, въ семьѣ, которая ведетъ свой счетъ отъ отца и обнимаетъ однихъ нисходящихъ родственниковъ, число послѣднихъ необходимо менше, сравнительно съ родомъ; первенство принадлежитъ сыновьямъ, а не дядямъ, нисходящимъ, а не боковымъ. Въ этомъ заключается и причина, почему семья есть то начало, которое становится всегда въ противоположность съ родомъ, отрицать и разлагаетъ его по естественному закону распаденія кровнаго союза и заживленія его, мало-по-малу, гражданскими, юридическими; и у насъ семья вытѣснила наконецъ родъ, какъ семья, въ свою очередь, была въ послѣдствіи вытѣснена лицомъ. Враждебное отношеніе рода и семьи появляется у насъ очень рано, и изъ борьба съ большимъ и большимъ преимуществомъ семьи наполняетъ собою весь періодъ удѣловъ. Такой взглядъ, сколько мы понимаемъ, не только не противорѣчитъ основнымъ началамъ г. Соловьева, но, напротивъ, доводитъ ихъ. Понятнымъ становится, почему вымыслено было старшинство старшаго племянника надъ дядями; почему племянники не могли быть совладѣльцами съ дядями (стр. 212); почему старшіе племянники не считались братьями своимъ дядямъ, если отецъ ихъ умеръ еще при жизни своего отца, а ихъ дѣда. Наконецъ, самое избраніе князя «за отца и брата» — чуждого рода — фактъ естественный — объясняется весьма просто совершеннымъ упадкомъ родового начала, много разъ побѣжденнаго семьей. Родъ обратился какъ-бы въ союзъ гражданскій, но еще проникнутый прежними родовыми понятіями.

Въ заключеніе пожелаемъ, чтобы въ нашей исторической литературѣ не являлось небольшого числа статей, на подобіе разсужденія нашего. Если это желаніе скоро исполнится — время вѣстойнаго пониманія русской исторіи недалеко.

222) Записки Русскаго Географическаго Общества. Книга 1. Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1846. Въ 8-ю д. л. 145 стр.

Изъ прошлагодишкхъ выижекъ «Отч. Зап.» читателямъ нашимъ извѣстно объ учрежденіи въ Петербургѣ новаго ученаго общества, подъ названіемъ Русскаго Географическаго, подъ предѣлательствомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича. Временной уставъ его былъ помѣщенъ у насъ въ отдѣлѣ Современной Хроникѣ Россіи; следовательно, также долженъ быть знакомъ читателямъ. Общество открыло свои засѣданія 19 сентября прошлаго года, и съ-тѣхъ-поръ по 8 мая нынѣшняго года имѣло восемь общихъ собраній; предметомъ занятій его было чтеніе сочиненій, составленныхъ и некоторыми изъ его членовъ, между-тѣмъ, какъ Съѣздъ Общества, въ особыхъ засѣданіяхъ, занимался основательнымъ устройствомъ внутренняго управленія дѣлами Общества и собственно-учеными трудами. Относительно этихъ ученыхъ трудовъ, въ только-что издавшагося нынѣ первой книжкѣ «Записокъ» Общества, сказано слѣдующее:

«Къ ученымъ трудамъ Съѣзда слѣдуетъ отнести разсмотрѣніе представленныхъ Отдѣленіями предположеній о будущихъ занятіяхъ каждаго изъ нихъ, также плана нѣсколькихъ экспедицій и предположеннаго изданія отъ Общества нѣкоторыхъ замѣчательныхъ сочиненій.

«Объ особенныхъ замѣткахъ каждаго Отдѣленія будетъ говорено въ слѣдующей книжкѣ Записокъ Географическаго Общества.

«Предположенное изданіе нѣкоторыхъ рукописей, хотя и составляло предметъ сужденій въ тѣ засѣданія, о коихъ здѣсь говорится, не такъ какъ окончательное постановленіе состоялось уже въ слѣдующія собранія, то и этотъ предметъ долженъ быть отнесенъ ко второй книжкѣ Записокъ.

«Затѣмъ здѣсь остается сказать только о предложенныхъ экспедиціяхъ:

«Этнографическое Отдѣленіе предлагало на 1846 годъ небольшую экспедицію въ

Остзейскія Губерніи, которая, не требуя ни продолжительнаго приготовления, ни значительныхъ издержекъ, касается предмета самой неотлагательной надобности въ ученѣмъ отношеніи.

«Въ Ливоніи и Курляндіи живетъ небольшой остатокъ Ливовъ, потомство первобытныхъ обитателей края, отъ коихъ Ливонія получила свое названіе. Племя это съ году на годъ уменьшается и въ 1839 году было въ Ливоніи только 17 человекъ, которые еще знали языкъ Ливскій. Чтобы изслѣдовать въ этнографическомъ отношеніи этотъ остатокъ цѣлаго народа и сохранить для исторіи хотя нѣкоторыя свѣденія о его языкѣ, обычаяхъ, повѣрьяхъ, отличительныхъ чертахъ лица и проч., Отдѣленіе Этнографіи полагало отразить на счетъ Географическаго Общества въ Ливонію академика Шегрена, въ сопровожденіи портретнаго живописца. Г. Шегрени, который посвящалъ всю жизнь свою на изученіе финскаго племени, изъявилъ совершенное согласіе на предложеніе Отдѣленія, тѣмъ болѣе, что онъ желалъ изслѣдовать въ теченіе лѣта 1846 года остатокъ Креванговъ въ Курляндіи и Шведовъ, разсѣянныхъ на берегахъ и во близъ-лежащихъ островахъ Ливоніи и Курляндіи. Советъ, утвердивъ планъ предполагаемой экспедиціи, опредѣлилъ выдать г. Шегрену на издержки путешествія 1200 руб. сер. изъ суммъ Географическаго Общества.

«Отдѣленіе Русской Географіи въ докладѣ Совету изложило мысли свои о занятіяхъ, коимъ въ началѣ существованія Общества, должна быть въ особенности посвящена его дѣятельность. Оно полагало необходимыми выбрать для этого такой предметъ, о коемъ мы знаемъ уже столько, что изслѣдованіе его возбудитъ всеобщее участіе, но который притомъ столь мало извѣстенъ, что наблюденіе по оному будетъ имѣть всю заманчивость новости. Съ этою цѣлью Отдѣленіе Русской Географіи обратило вниманіе свое на сѣверное протяженіе Урала, какъ на предметъ изслѣдованія, соединяющій эти два условія и который, сверхъ того, имѣетъ преимущественно близость отъ насъ самихъ мѣстъ. Объ уральскомъ хребтѣ извѣстно уже столько, что мысль, будто онъ постепенно понижается къ сѣверу и наконецъ теряется въ однообразныхъ, незаслуживающихъ вниманія болотахъ, почитается нынѣ баснею. Поѣздка на сѣверъ горныхъ инженеровъ

и путешествіе Кейзерлинга и Крузенштерна доказали, напротивъ того, что Уралъ продолжается непрерывно до 63° широты, принимая видъ болѣе и болѣе дикій и альпійскій. Далѣе, продолженіе той же цѣпи составляетъ высокія горы, о коихъ упоминаетъ полковникъ Поповъ, затѣмъ горы Обдорскія, достигающія, по словамъ профессора Эрмана, замѣчательной высоты въ 5000 футовъ и наконецъ эта цѣпь доходитъ до Ледовитаго Моря у скалистаго мыса Менмеса, на коемъ былъ спутникъ Палласа Зуевъ. Леманъ видѣлъ другую отрасль Уральскаго хребта при Вайгачскомъ проливѣ, а Шренкъ слѣдилъ за нею отъ моря до самаго соединенія съ главнымъ хребтомъ.

«Основываясь на этихъ наблюденіяхъ, Отдѣленіе Географіи Россіи представило, что Русское Географическое Общество могло бы разрѣшить окончательно важную географическую задачу, касательно разграниченія Европы и Азіи, поручивъ нѣсколькимъ опытнымъ и знающимъ лицамъ изслѣдовать геологическія и географическія сѣверную часть Урала, которая до сего времени означается на картахъ наудачу. Затѣмъ, Отдѣленіе, полагая нужнымъ составить полную программу подобной экспедиціи, съ изложеніемъ всего, что слѣдовало бы ожидать отъ нея, указало вкратцѣ на главныя послѣдствія предлагаемаго предпріятія, важныя для науки и для правительства. Въ первомъ отношеніи экспедиція на Уралъ могла бы доставить многія данныя по важнымъ вопросамъ науки, каковы напримѣръ: 1) по нынѣшней теоріи цѣпи горъ одновременнаго возстанія слѣдуютъ всегда параллельно одна другой. Посему отклоненіе горъ Обдорскихъ отъ общаго направленія Урала, безъ замѣтнаго измѣненія въ минералогическомъ отношеніи или составѣ, есть совершенно исключительное явленіе, которое получаетъ еще большую сложность отъ противоположнаго факта, а именно, что Уралъ продолжается чрезъ Вайгачскій проливъ на Новой Землѣ. Основательное изслѣдованіе того и другаго принесло бы, безъ сомнѣнія, пользу для теоріи строенія земл. 2) Наблюденія надъ границей вѣчныхъ снѣговъ, полярными явленіями, остатками допотопныхъ животныхъ и т. п., касаясь предметовъ ученыхъ розысканій, самыхъ общихъ въ настоящее время, также могутъ доставить замѣчательныя данныя.

«Исследование Урала оказало бы также пользу правительству во многих отношениях, на прим. разграничение земель между Самоёдами и Зырянками может быть окончено съ основательностью только при подробномъ знаніи мѣстной гидрографіи; — граница Тобольской и Архангельской губерній можетъ быть опредѣлена только послѣ подробнаго изслѣдованія Урала; тогда же можно будетъ судить о протяженіи на сѣверъ золотопосной полосы Урала и изслѣдовать указанія туземцевъ о каменномъ углѣ на западномъ склонѣ его, и т. д.

«По прочтеніи доклада по сему предмету г. управляющій Отдѣленіемъ, академикъ Струве, присовокупилъ словесно: 1) что желательно бы соединить въ помянутой экспедиціи розысканія по всѣмъ отраслямъ географическихъ наукъ, не ограничиваясь одними математическими изслѣдованіями, и 2) что успѣхъ ея, какъ вообще всѣхъ подобнаго рода предпріятій будетъ преимущественно зависѣть отъ того лица, кому поручено будетъ завѣдываніе всею экспедиціею. Въ первомъ отношеніи г. Струве полагалъ отправить на Уралъ нѣсколько лицъ спеціально приготовленныхъ для работъ, чисто астрономическихъ, топографическихъ, также для изслѣдованій минералогическихъ, зоологическихъ и ботаническихъ, съ тѣмъ, чтобъ эти лица трудились подъ главнымъ руководствомъ ученаго географа. Въ отношеніи сего послѣдняго г. Струве объявилъ, что извѣстный ученый путешественникъ графъ Кейзерлингъ изъявилъ согласіе принять начальство надъ экспедиціею, если она будетъ предпринята по окончаніи имъ трудовъ по изданію послѣдняго путешествія его на сѣверъ, но что это вѣроятно послѣдуетъ не прежде, какъ черезъ годъ. Г. Струве присовокупилъ, что въ случаѣ участія г. Кейзерлинга можно быть увѣрену въ блестящемъ успѣхѣ экспедиціи. Переходя къ расчету потребныхъ на предположенное путешествіе суммъ, г. академикъ представилъ соображенія свои о необходимыхъ издержкахъ, кои должны бы приблизительно составить около 3 т. р. сер. въ годъ, съ тѣмъ, что все путешествіе могло продолжаться около двухъ или трехъ лѣтъ. Г. Управляющій Отдѣленіемъ заключилъ, что за это пожертвованіе Общество можетъ разрѣшить важный вопросъ современной географіи, получить притомъ вѣр-

ное описаніе страны неизвѣстной, хотя и близкой къ намъ и доставить обильныя данныя для будущихъ трудовъ ученыхъ. Совѣтъ, вполне одобрилъ предположенную экспедицію и полагая назначить ее черезъ годъ, опредѣлилъ, просить между тѣмъ гг. членовъ Вера, Берга, Брандта, Врангеля, Гельмерсена, гр. Кейзерлинга, Миддендорфа и Струве 2-го, составить, подъ предсѣдательствомъ г. Управляющаго Отдѣленіемъ Географіи Россіи, комиссію, для развитія во всей подробности сказанныхъ предположеній, и начертанія полной программы оной и инструкціи путешественникамъ и наконецъ нынѣ же начать приготовительныя работы.

«Въ одномъ изъ засѣданій Совѣта читана выписка изъ письма генерал-адъютанта Литке къ исправляющему должность помощника предсѣдателя, изъ Палермо, отъ 3, января 1846 года, заключающая предположенія Ф. П. Литке объ отправленіи экспедиціи, для географическихъ и этнографическихъ изслѣдованій и наблюденій, къ Берингову морю и на острова Алеутскіе и Курильскіе, какъ мѣста мало извѣстныя, но замѣчательныя во многихъ отношеніяхъ. Между прочимъ г. Литке указываетъ на необыкновенную вулканическую дѣятельность на островахъ Алеутскихъ, которую до сего времени еще никто не наблюдалъ, на шатанія различія, которыя въ тѣхъ мѣстахъ многочисленны, но о коихъ мы имѣемъ только неполное и отрывчатое свѣдѣніе и наконецъ вообще на ходъ современныхъ происшествій въ тѣхъ странахъ. Совѣтъ, созная всю важность подобнаго предпріятія и пользу отъ него для науки, поручилъ г. Управляющему Отдѣленіемъ Общей Географіи составить комиссію для подробнаго разсмотрѣнія и развитія предположеній ген.-адъют. Литке, и опредѣленія средствъ, нужныхъ для такой экспедиціи и проч.»

Русское Географическое Общество существуетъ всего-на-все семь мѣсяцевъ; слѣдственно, только еще устроивается, — и всѣ труды его должны быть пока предположеніями; но такими предположеніями едва-ли начиналось у насъ какое-либо общество. Одна экспедиція на Уралъ, долженствующая рѣшить чрезвычайно-важную задачу въ

ученомъ и правительственномъ отношеніи, — экспедиція, которая, при средствѣхъ Географическаго Общества, несомнѣнно рѣшить эту задачу удовлетворительнымъ образомъ, — уже можетъ принести славу и Обществу и ученымъ дѣятелямъ его. А что еще можетъ совершить оно въ будущемъ, при сочувствіи, которое, дастъ Богъ, встрѣтитъ въ просвѣщенныхъ соотечественникахъ, должествующихъ, для чести науки, для чести Россіи, содѣйствовать ему всѣми своими средствами. Россія — мѣръ-государство, и этотъ-то мѣръ Общество предположило изслѣдовать въ географическомъ и статистическомъ отношеніи... Тутъ работы станетъ на цѣлые вѣка, не только на годы, — а Общество еще не изжило и первого года своего существованія: будемъ ему благодарны и за прекрасныя его намѣренія.

Въ первой книгѣ его «Записокъ», кромѣ «Устава Общества», «Дополнительныхъ Постановленій» его Совѣта, и отчета о занятіяхъ его съ сентября 1845 по май 1846 года, помѣщены статьи, читанныя въ общихъ его собраніяхъ: г. Струве — «Обзоръ географическихъ работъ въ Россіи»; г. Арсеньева — «Историческо-статистическое обозрѣніе монетнаго дѣла въ Россіи»; г. Савича — «Извлеченіе изъ отчета г. Фреймана о владѣніяхъ Гудонбайской Компаніи»; г. Бера — «Объ атмографическихъ изслѣдованіяхъ вообще и въ Россіи въ особенности»; и г. Волотова — «Взглядъ на современное состояніе геодезическихъ и топографическихъ дѣйствій». Всѣ эти статьи весьма-интересны, особенно же статьи гг. Струве и Бера: рекомендуемъ читателямъ ознакомиться съ ними въ самой книгѣ.

223) Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. Засѣданіе 27 апрѣля 1846 года. № 4. Москва. Въ университетской тип. 1846. Въ 4-ю д. л.

Первое мѣсто въ № 4 «Чтеній Исто-

рическаго Общества» занимаетъ изслѣдованіе г. Вѣльева «О сторожевой, станичной и полевой службѣ на Польской Украинѣ Московскаго Государства, до царя Алексѣя Михайловича». Авторъ въ своемъ изслѣдованіи показываетъ начало и постепенное развитіе пограничныхъ укрѣпленій, которыя устраиваемы были на границахъ Сѣверо-восточной Руси, сосѣднихъ при-волжскимъ, при-донскимъ и даже при-днѣпровскимъ степамъ, незащищеннымъ природою и подверженнымъ частымъ и опустошительнымъ набѣгамъ ордынцевъ. Московскіе государи еще въ XIV вѣкѣ завели здѣсь настоящую стражу, которая наблюдала бы за движеніями непріятелей и обо всемъ извѣщала пограничныхъ воеводъ и даже самихъ государей. Первое извѣстіе о такой стражѣ относится къ 1566 году по Р. Х. Съ распространеніемъ границъ Московскаго Государства на югъ и востокъ, сторожи противъ Татаръ стали увеличиваться и мало-по-малу принимать видъ линіи вѣствующихъ укрѣпленій на всемъ протяженіи юго-восточныхъ границъ государства. Особенное развитіе эти укрѣпленія получили въ царствованіе Іоанна IV, который поручилъ своему боярину, князю Михаилу Ивановичу Воротыиному, составить общее уложеніе или уставъ сторожевой пограничной службы. Этотъ драгоценнѣйшій памятникъ отечественнаго законодательства, издаанный 16 февраля 1571 года, съ царскаго утвержденія, въ продолженіе 275 лѣтъ общепринятый временемъ и доселѣ никому неизвѣстный, авторъ считаетъ священнѣйшею обязанностью представить (и представлять) въ своемъ изслѣдованіи, безъ всякихъ замѣчаній, въ томъ видѣ, какъ онъ сохранился до настоящаго времени. Премини Іоанна усердно продолжали слѣдовать по проложенному пути: украинскіе города годъ-отъ-году выдвигались впередъ, и цѣль правительства достигалась. Вѣгодные набѣги Крымцевъ и Ногайцевъ стали ограничиваться большею частію частнымъ грабежомъ, такъ-что нако-

петь во все продолженіе царствованія Михаила Феодоровича, Крымцы не могли сдѣлать ни одного значительнаго нападенія на нашу Украину.

«Исторія Русовъ или Малой Россіи», свч. Георгія Конискаго, архіепископа бѣлорускаго, замѣчательная какъ по своему содержанію, такъ и по самому изложенію, приведена, въ этой книжкѣ «Чтеній», къ окончанію. Это статья во всѣхъ отношеніяхъ драгоценная.

Въ отдѣленіи «Матеріаловъ Иностранныхъ» г. Бодянский помѣстилъ «Винодольскій законъ 1280 года» въ сѣрбской подлинникѣ и съ своимъ переводомъ, а также съ краткою грамматикою и словаремъ къ нему. Винодольскій въ древнее время называлась та часть Хорватской Земли, которая находится при морѣ между Сегеемъ и Рѣкой. Въ 1280 году, собралось нѣсколько умныхъ старѣйшинъ отъ каждой винодольской общины и *продали письму* на своемъ языкѣ всѣ древніе законы и обычаи, наследованные ими отъ ихъ отцовъ и предковъ. Все это очень хорошо. Не хорошо только то, что г. Бодянский, не любя и потому не употребляя оборотнаго з, которымъ въ нѣкоторыхъ словахъ не за чѣмъ гнушаться, выворачиваетъ его такъ, какъ никто еще не выворачивалъ. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ буква *e* произносится какъ *he, je*, онъ пишетъ свое выворотное *ě*, какъ будто это очень нужно, и всякій грамотный человѣкъ безъ его поповывороченной буквы не произнесетъ *добрые, умные, глупые*, какъ *добрыѣ (he, je), умныѣ (he, je), глупыѣ (he, je)*. Если же г. Бодянский любитъ выворачивать буквы, пусть ужъ онъ выворотитъ также какъ-нибудь букву *и*, которая тоже въ нѣкоторыхъ словахъ произносится какъ *ии, ji*, напр свои (*ии, ji*). Чего добраго. Такъ, современемъ кто-нибудь выворотитъ и всю русскую азбуку!

Въ «Смѣси» помѣщены слѣдующія статьи: «Современная запись о сидѣвшихъ въ осады Троицкаго Сергіева Монастыря», г-на Ундольскаго; «Юснѣвъ Тризна, редакторъ Патерика Печер-

скаго»; «Краткая историческая записка о монастырѣ рускомъ Св. Великолученна Пантелеймова, находящемся на св. Аѳонской Горѣ», его же; «Нѣсколько историко-филологическихъ замѣтокъ къ Словарю г. Дявде по буквѣ К», соч. г. Макарова... Между прочими своими замѣтками, г. Макаровъ дѣлаетъ одну довольно-любопытную. Онъ предлагаетъ производить Перуна, это древнее божество язычниковъ-Славянъ, отъ *пиръ, пирумъ, пирушка, пиронъ*, смыслаясь, въ подтвержденіе этого производства, на то, что слово «перъ» означаетъ на многихъ языкахъ отца, да и наше русское дитя называется хлѣбъ пѣпоку (отцомъ). Слово *калачъ* онъ производитъ отъ глагола колотить, колочу. — За тѣмъ слѣдуютъ въ «Смѣси»: «Сличеніе двухъ великоиужескихъ несудимыхъ грамотъ», г. Иванчина-Писарева; «Историческія замѣтки», г. А. Бычкова; «Списокъ и краткое содержаніе всѣхъ грамотъ и вообще всѣхъ бумагъ, заключающихъ въ себѣ сношенія Россіи съ Венеціанскою Республикою», состав. Ф. Чижевскимъ; «Посланіе Елеазарова Монастыря игумена Памфила псковскимъ намѣстнику и властямъ о прекращеніи народныхъ игрищъ въ день рождества св. Иоанна Предтечи», сообщ. г. Дубенскимъ, и протоколъ засѣданія общества 23 марта 1846 года. Къ этой книжкѣ приложены: 1) чертежъ городовъ, сторожъ и станичныхъ разъѣздовъ на степной Украинѣ Московскаго Государства, и 2) снимокъ съ глаголитской рукописи винодольскаго закона, гравированные на камнѣ.

224) Исторія Смутнаго Времени въ Россіи, въ началѣ XVII вѣка. Д. Вутурлина. Часть третья. Санктпетербургъ. 1846. Въ 8-ю д. л. 262 и 247 стр.

«Исторія Государства Россійскаго», какъ извѣстно, доведена только до избранія на царство Михаила Феодоровича Романова; на этомъ остановился Карамзинъ, и съ-тѣхъ-поръ до 1839 года не было по-

пытки продолжить трудъ его въ томъ же объемѣ. Наконецъ, въ 1839 году, появился первый томъ «Исторіи Смутаго Времени». Авторъ ея, Д. П. Бутурлинъ, известный еще прежде своими историческими сочиненіями, по-видимому, рѣшился продолжить «Исторію Государства Россійскаго», по приступилъ къ этому предпріятію безъ малѣйшей огласки (въ противоположность прежнимъ нашимъ исторіямъ — Татищеву, Щербатову и Карамзину); напротивъ, онъ началъ свой трудъ почти тайнѣ. Тѣмъ не менѣе, появившійся первый томъ его «Исторіи Смутаго Времени» обратилъ на себя всеобщее вниманіе, ибо каждому было пріятно видѣть государственнаго мужа, посвящающаго свои досуги еще занятіямъ литературнымъ. Онъ началъ продолженіе труда Карамзина не съ того именно мѣста, на которомъ остановился исторіографъ, но гораздо-раньше, именно: *положеніемъ дѣлъ по смерти Грознаго*. Д. П. Бутурлинъ, по всему замѣтно, былъ недоволенъ карамзинскимъ изложеніемъ періода смуть: онъ видѣлъ, что Карамзинъ не совсѣмъ постигалъ причины этого великаго явленія въ лѣтописяхъ русскаго народа, и убѣдился, что исторіографъ болѣе старался быть картиннымъ (въ своихъ описаніяхъ), чѣмъ выказать свой взглядъ историка и политика. Д. П. Бутурлинъ передѣлалъ самый конецъ «Исторіи Карамзина и даетъ ему другую фивіономію, бросивъ новый взглядъ на разнообразныя событія конца XVI и начала XVII вѣка и вывода изъ всего этого вѣрное заключеніе о характерѣ смутаго времени. Одна эта мысль, одно это намѣреніе придаетъ уже много вѣса сочиненію г. Бутурлина и составляетъ ему много преимуществъ предъ Карамзинимъ.

Въ исторической жизни русскаго народа есть три событія, потрясшія весь его организмъ и влившія въ него новую жизнь, — это: смутное время, явленіе Петра-Великаго, и нашествіе Наполеона.

Русь до начала XIV вѣка, подъ вла-

стію Татаръ, представляла картину жизни весьма однообразной. Всѣ тогдашніе политическіе интересы удѣльныхъ князей сосредоточивались въ томъ, чтобы добыть киевскаго великокняжескаго престола, между-тѣмъ, какъ старшіе роды рюрикова дома старались удержать это право исключительно за собою. При такомъ направленіи нашей внутренней политики, весь капиталъ тогдашней общественной жизни раздроблялся на мелкія части, изъ котораго всѣ почти проценты доставались Татарамъ. Слѣдовательно, и въ самомъ удѣльномъ періодѣ весьма-мало пришло на долю русской политической исторіи: о первомъ же періодѣ и говорить нечего. Наконецъ, съ XIV столѣтія, Россія, раздробленная и обезсцененная Татарамъ, должна была образовать нѣсколько политическихъ группъ: на сѣверѣ утвердилось сильное и независимое Новгородское Государство, которое, подъ скромною фирмою Новгородскаго Княжества, выказывало характеръ чего-то въ родѣ муниципаліи; западные княжества Руси, составившія некогда Великое Княжество Киевское, подпали подъ власть Литвы, удержали многое изъ прежней русской жизни, сохранили много удѣльныхъ правъ и образовали особенный міръ, известный въ-послѣдствіи подъ именемъ Великаго Княжества Литовскаго. На сѣверо-востокѣ усилилась Москва—колонія древняго Великаго Княжества Киевскаго. Это незавидное сначала достояніе князей Долгорукихъ вскорѣ послѣ своего зародыша обнаруживало въ себѣ много самостоятельности, хотя въ сущности своей оно было смѣсью нѣсколькихъ чудскихъ племенъ, совершенно-чуждыхъ политическаго характера. Въ умѣ великаго князя московскаго Іоанна-Калиты была уже мысль образованія монархіи; мысль эту поддержалъ въ-особенности Іоаннъ III, а Грозный осуществилъ, и былъ уже почитаемъ настоящимъ царемъ московскимъ. Москва въ-теченіе 200 лѣтъ успѣла сдѣлать съ своимъ существованіемъ всю внутренность Рос-

си на западъ до Днѣпра, на югъ до Дона, на востокъ до Волги, а на сѣверъ до Бѣлаго-Моря. Всѣ народы, населявшіе это огромное пространство, были обобщены Грознымъ въ особенной политической системѣ, свойственной ему одному исключительно. Наложивъ на нихъ свою тяжелую руку, онъ уничтожилъ ихъ частныя и общественныя интересы, стеръ всѣ оригинальности, искоренилъ на вѣчныя времена понятія племенности и удѣльности и на все это наложилъ печать московской политики. Однимъ словомъ, Грозный не образовалъ, а такъ сжать *срубилъ* Московское Государство. Обустроивъ государство такимъ-образомъ, Іоаннъ IV смотрѣлъ на него, какъ на свою вотчину и управлялъ имъ очень-просто, какъ помѣщикъ. Съ такими формами, Московское Государство не могло приобщиться къ семь образованнымъ европейскимъ государствамъ. Между-тѣмъ, существовать отдѣльно отъ Европы, надеясь о-боихъ съ пѣю, было невозможно. Итакъ, чтобъ приготовить Москву къ сближенію съ Западомъ, необходимо было сперва предварительный переворотъ; его-то внесли въ Россію Нолаки вмѣстѣ съ самозванцемъ, и онъ произвелъ свое дѣйствіе.

Однакожь, не такъ думалъ Карамзинъ, сочиняя «Исторію Государства Россійскаго»; не такъ думали и думаютъ его послѣдователи. Карамзинъ не объявлялъ, какъ историкъ, ни крутыхъ мѣръ Іоанна IV, ни смутнаго періода. Углубившись въ описаніе однообразной русской жизни и раздѣливая ее, чтобъ не показаться скучнымъ, — онъ до того былъ пораженъ явленіемъ Грознаго, что упустилъ изъ вида историческую необходимость волевого явленія для радикальнаго изведенія удѣловъ и удѣльныхъ вѣнчій, еще кружившихъ въ умахъ тогдашней аристократіи, т. е. въ умахъ прежнихъ нашихъ такъ-называемыхъ *большихъ людей*. Онъ не видѣлъ также, что вторженіе самозванца въ руссіе предѣлы было вторженіемъ къ намъ Запада. Какъ въ

первомъ, такъ и во второмъ фактахъ, историографъ видѣлъ одну только казнь судьбы, посылаемую Россіи въ слѣдствіе причинъ непонятныхъ.

Между-тѣмъ, по нашему мнѣнію, смутное время есть результатъ всей предыдущей жизни русскаго народа. Къ этому времени сошлись концы нашей общественности, которые нужно было или развязать, или завязать. Годуновъ рѣшился на послѣднее, и завязалъ *московскій узелъ*. Іоаннъ-Грозный, желая окончательно слить отдѣльныя части Руси въ одно цѣлое, губилъ безпоощадно не только удѣльныхъ князей, но и отдаленнѣйшихъ ихъ потомковъ, между-тѣмъ, какъ въ то же самое время упустилъ изъ вида важнѣйшій политическій вопросъ, именно: прочное опредѣленіе отношеній между землевладѣльцами и крестьянами. Въ удѣльный періодъ, крестьяне не зависѣли безусловно ни отъ земли, ими занимаемой, ни отъ землевладѣльца; отношеніе ихъ къ владѣльцу было условное: крестьянинъ могъ въ извѣстное время переимѣнить мѣсто своего пребыванія; если условія, возлагаемыя на него помѣщикомъ, казались ему стѣснительны или тягостны, онъ отправлялся къ другому и искалъ условій выгоднѣйшихъ, но ни въ какомъ случаѣ не могъ удалиться за предѣлы своего удѣльнаго княжества, которое считалось какъ-бы государствомъ самостоятельнымъ. Помѣщики, сообразуясь съ этимъ преимуществомъ крестьянскаго состоянія для своей же выгоды, не стѣсняли крестьянъ, сдѣвшихъ на ихъ земляхъ, и потому переходы были рѣдки и незначительны. По слитіи же всѣхъ удѣльныхъ княжествъ въ одно Московское Государство, на отношеніе крестьянъ къ помѣщикамъ не обращено никакого вниманія. Въ это время, крестьяне не только стали получать большія выгоды изъ своихъ преимуществъ, но, напротивъ, подъ-конецъ употребляли ихъ даже во зло: многіе изъ нихъ проводили значительную часть времени въ бродяжествѣ. Кругъ дѣйствія ихъ раздвин-

нулса; недовольный своим помѣщикомъ въ Тверскомъ Княжествѣ искалъ работы въ предѣлахъ Смоленска, Воронежя и т. д. При такомъ положеніи дѣлъ, правительство находилось въ необходимости приступить къ мѣрамъ рѣшительнымъ для прекращенія бродячества; но долго оно не знало, какъ за это взяться. Наконецъ, Годуновъ, взошедъ на престолъ и желая расположить въ свою пользу мелко дворянство, страдавшее отъ перехода крестьянъ съ его земель на новозавоеванныя приволжскія земли, розданныя первѣйшимъ вѣдѣющимъ въ царствованіи Іоанна Грознаго и Федора Іоанновича, рѣшился укрѣпить крестьянъ за тѣми, во владѣніи которыхъ они находились въ самое послѣднее время. Онъ и не воображалъ, что то самое средство, къ которому онъ прибѣгнулъ, чтобъ удержаться на престолѣ, сведеть его съ престола. Въ одно и то же время, Годуновъ воздвигнулъ противъ себя крестьянъ и богатыхъ владѣльцевъ, которыхъ привожскія земли остались неосвоенными. Итакъ, въ самомъ началѣ царствованія Бориса, мы находимъ, что большая часть Русскихъ была имъ недовольна. При такомъ всеобщемъ расположеніи умовъ, нужно только было предположить, чтобъ низвергнуть Годунова. На эту бѣду явился самозванецъ. Онъ былъ только отголоскомъ негодования народныхъ. Народъ поддерживалъ самозванца не потому, чтобъ видѣть въ немъ истиннаго царевича, — нѣтъ, ему хотѣлось только паденія Бориса; онъ думалъ, что новый царь возвратитъ ему прежнія его права. Недовольный народъ былъ поддерживаемъ недовольнымъ дворянствомъ, которое, въ свою очередь, не терпѣло Годунова по разнымъ причинамъ...

Вовводя на престолъ самозванца, Русскіе имѣли въ виду одинъ личный выгоды, но на помощь вышло, что всѣ ихъ надежды не исполнились. Крестьяне, ожидая отъ самозванца возстановленія прежнихъ ихъ правъ, оставлены были за помѣщиками; дворян-

ство же видѣло, что самозванецъ не только презираетъ ихъ права, но гнушается всѣми русскими обычаями и обыкновеніями, отдавая преимущество всему иностранному, т. е. польскому. Въ этомъ отношеніи, самозванецъ нанесъ первый, сильнѣйшій ударъ народной русской гордости. Административныя распоряженія самозванца были не только рѣзки и явно вызвали оппозицію. Все это вмѣстѣ приготавливало его паденіе. Русскіе, обманутые въ своихъ надеждахъ, съ удивленіемъ видѣли профессіонисъ слухамъ о появленіи другихъ самозванцевъ, которые востребовали другъ друга, не достигнувъ еще престола. Однакожъ, послѣ низверженія Отрѣпьева, Москва избрала царемъ Василія Шуйскаго, ограничивъ нѣсколько самодержавіе; между тѣмъ, въ столицѣ, поддерживала сторону новаго самозванца, Тушинскаго Воря — не потому, чтобъ были убѣждены, что онъ дѣйствительно первый самозванецъ, но чтобъ продлить настоящій порядокъ вещей — безначаліе и независимость. Наконецъ, Русскіе противень былъ уже и Шуйскій; нѣкоторые изъ нихъ рѣшились видѣть на престолѣ древнихъ своихъ царей — иноземца и избрала Владислава, сына короля польскаго Сигизмунда III. Притѣръ Москва имѣла вральное вліяніе и на другія области Россіи; тогда Новгородъ заблаговременно отдался отъ Москвы, слѣдствіемъ самостоятельнымъ губернаторства и съ удовольствіемъ принялъ предложеніе Шведовъ взять въ государя все Россіи шведскаго принца Карла-Филиппа, брата царствовавшего тогда короля Густава-Адольфа; но вышедше при этомъ со стороны Карла недоразумѣніе передало Подгородъ въ руки самого короля. Въ это время, прочіе города Россіи не заботились уже ни о царѣ, ни о дѣлахъ отечества, и старались удержать свою самостоятельность. Такъ думали не только во Псковѣ, но и въ городахъ украинскихъ и поманискихъ. Словомъ, Московское Государство начало уже ощущать послѣднее

сдѣлать анархію — распавеніе на части. Но въ это самое время, когда все предвѣщало его паденіе, на театрѣ политическихъ дѣйствій является *духоводство*. Ему Россія обязана своимъ спасеніемъ, тогда, когда на то не было уже никакой надежды. Оно начало дѣйствовать съ чрезвычайной энергіей, разбудило уснувшій патриотизмъ и сдѣлало воззваніе ко всеобщему ополченію противъ враговъ отечества. Явился Мининъ, спасшій цѣлость Россіи...

Въ смутное время, Русскіе впервые пришли въ столкновение съ идеями Запада, которыя, если и не проникли въ наше тогдашнее общество, то по крайней мѣрѣ сильно его поразили. Илеи эти не могли къ намъ привиться, потому что онѣ были встрѣчены въ лицѣ враговъ, и притомъ происходили изъ вѣчнаго источника, — ибо, хотя Польша и не отставала отъ Запада, но духъ ея аристократіи и вліаніе іезуитовъ искажали все западное и давали ему, иной разъ, совсѣмъ другое значеніе; Русскіе же болѣе всего болысь нововведеній, приносимыхъ къ нимъ католиками, звали, что на западѣ, т. е. въ Польшѣ, на всемъ почти лежитъ печать католицизма. Какъ бы то ни было, но въ смутное время, иностранцы въ первый разъ нанесли сильный ударъ обычаямъ и понятіямъ нашихъ предковъ: католики входили въ православныя церкви; во время царскаго стола гремѣла музыка; Дмитрій давалъ балы и маскарады; ходилъ въ бавю рѣдко, во все не наблюдая установленныхъ для того дней; не соблюдалъ постовъ; требовалъ, чтобы русскіе вельможи подражали во всемъ Полякамъ; отдавалъ преимущество всему иностранному передъ русскимъ; жену Маринку одѣвалъ по-европейски и т. д. Все это въ глазахъ русскаго народа было такъ ново, такъ дико и вѣчно, такъ возмущало русскій духъ, что самозванцу вельзев было долге остаться на престолѣ. Однакожь, наніе Запада и по смерти Димитрія не уничтожилось.

Незаконное воцареніе Бориса, Же-

дмитрія и Шуйскаго было такъ пагубно для народнаго мнѣнія, что нѣкоторые изъ Русскихъ, хотя и не многіе, соглашались видѣть на своемъ престолѣ даже принца люневскаго, исповѣдующаго другую вѣру, другой образъ мыслей.

Въ то время, когда Россія стала стремиться къ окончательному паденію, въ народѣ пробудилась мысль о самосохраненіи. Мысль эта выразилась въ Мининѣ, который, ратуя за сохраненіе отечества, ратовалъ за прежній порядокъ вещей. По возстановленіи спокойствія, приступили къ возстановленію законной власти. Московскіе большіе люди и народъ общимъ голосомъ избрали царемъ княго Михаила Феодоровича Романова.

Послѣ смутнаго времени, Московскому Государству предстояла новая жизнь, новый порядокъ вещей, и если до Петра мы не встрѣчаемъ ни того, ни другаго, то это потому только, что Михаилъ Феодоровичъ и Алексій Михайловичъ теченіемъ обстоятельствъ принуждены были поддерживать прежній порядокъ вещей. Это было необходимо для возможности явленія реформы въ лицѣ Петра-Великаго. Послѣ ужасныхъ политическихъ бурь, Россія сто лѣтъ жила подобно тому, какъ она жила при Іоаннахъ III и IV, и хотя въ теченіе этого времени ее уже посѣщали нѣкоторыя нововведенія, но они были или малозначущи или почти-независѣтны. Наконецъ явился Петръ, и Русскіе опять приведены въ сопркосновеніе съ Западомъ. Многое, что въ смутное время такъ сильно ихъ возмущало, при Петрѣ было усвоваемо безропотно, но воли царя законнаго. Народныя предразсудки и предубѣжденія были уничтожены самымъ царемъ безопасно...

Начиная съ Петра-Великаго, правительство поставило себѣ въ обязанность сближать болѣе и болѣе Россію съ Западомъ. Такъ было до самаго конца текущаго столѣтія, когда Россія опять въ третій разъ пришла въ сильное сопркосновеніе съ Западомъ. Но

здѣсь уже дѣло шло не объ обобщеніи идей, а о совершенномъ слитіи ея частныхъ интересовъ съ общими интересомъ Европы, которой представителемъ былъ тогда Наполеонъ. Онакожь, Русь довольно имѣла силы для сопротивленія врагамъ; она сознавала уже свое достоинство, постигала возможность отдѣльнаго, самостоятельнаго существованія, не находясь въ тягостной зависимости отъ Европы.

Въ такой мѣрѣ изъ сочиненія Д. П. Бутурлина видѣнъ характеръ и значеніе *Смутнаго Времени*.—Г. Бутурлинъ, намъ кажется, вполне постигъ свою тему. Приступая къ рѣшенію ея, онъ разсматриваетъ положеніе дѣлъ въ Россіи по смерти Грознаго, анализируетъ всѣ дѣйствія и страсти Бориса, слѣдить самозванца на всякомъ шагѣ, поясняетъ характеръ участія въ этомъ дѣлѣ Польши, и, описывая событія какъ-можно-точнѣе и подробнѣе, даетъ возможность изучить въ совершенствѣ всѣ изгибы русской народности. Борисъ у г. Бутурлина близокъ къ тому, каковъ онъ вѣроятно былъ на-самомъ-дѣлѣ. Характеръ Самозванца очерченъ метко, рѣзко, правдоподобно. Читатель видитъ, что всѣ дѣйствія его лишены вѣчной нравственной опоры, и обуславливаются только обстоятельствами совершенно случайными. Политика его свивается между неопытностью и крайностью, и такъ же логика, какъ и его убѣжденія.

Но такъ-какъ критика ни въ какомъ случаѣ не должна быть пристрастна, то мы считаемъ необходимымъ сдѣлать на трудъ г. Бутурлина нѣкоторыя замѣчанія. Первый томъ *Исторіи Смутнаго Времени* авторъ писалъ съ большимъ душевлеченіемъ, чѣмъ остальные два; всѣ мелкія событія группируются, въ первомъ томѣ, около главныхъ, составляющихъ опору смутнаго періода. Принявъ этотъ образъ изложенія фактовъ, г. Бутурлинъ много выигралъ предъ Карамзинимъ. Онъ такъ описываетъ теченіе дѣлъ, что читатель постепенно готовится къ встрѣчѣ событій, рѣшающихъ окончательно из-

вѣстные вопросы. Мало того, читатель самъ предугадываетъ напередъ, что должно слѣдовать послѣ такихъ-то и такихъ-то политическихъ явленій. Это обстоятельство придало много популярности и самому слогу г. Бутурлина. Его тонъ гораздо-естественнѣе и приличнѣе предмету, чѣмъ риторская рѣчь Карамзина. Всѣ общіе выводы въ 1-мъ томѣ *Исторіи Смутнаго Времени* весьма-удачны. Авторъ предлагаетъ также нѣсколько счастливыхъ и довольно-удачныхъ мыслей о мѣстичествѣ, укрѣпленіи крестьянъ Борвисомъ, о характерѣ его политики, представляетъ окончательный (и прочемъ, недовольно-подкрѣпленный) выводъ, что Борисъ именно содѣйствовалъ убіенію царевича Дмитрія, и что первый самозванецъ былъ Отрепьевъ. Г-нъ Бутурлинъ рѣдко опровергаетъ Карамзина,—всего только семь разъ, и между-прочимъ доказываетъ, что онъ въ-особенности представилъ неясно характеръ и главную цѣль мѣстичества.

Остальные два тома *Исторіи Смутнаго Времени* весьма-рѣзко отличаются отъ перваго. Имѣя подъ рукою множество источниковъ, неслучайныхъ Карамзину, авторъ старался всѣ событія, описанныя историографомъ, изложить гораздо-обширнѣе и полнѣе, и этимъ далъ совершенно другой колоритъ прочимъ частямъ труда своего. Заботясь о подробномъ изложеніи событій, г. Бутурлинъ вноситъ въ описаніе ихъ много предметовъ второстепенной важности. Второй томъ въ-особенности слишкомъ растянутъ. Здѣсь авторъ упускаетъ изъ вида общность событій, а группируетъ ихъ воколѣ различныхъ фокусовъ, и поэтому цѣлое распадается у него на мелкія части. Характеръ дѣйствующихъ лицъ послѣ смерти перваго самозванца, до самаго паденія Шуйскаго тоже не взятъ авторомъ во вниманіе. Русскіе и чужеземные полководцы обѣихъ сторонъ постоянно мелькаютъ на театрѣ политическихъ дѣйствій, такъ - что читатель не въ-силахъ составить себѣ вѣрной идеи ни о Ходковичѣ, ни о Лисовскомъ,

ни о Заруцкомъ. Дѣйствія ихъ излагаются прерывисто: сказавъ нѣсколько словъ о Сапѣгѣ, авторъ внезапно переходитъ къ Лисовскому, потомъ къ Скопину-Шуйскому, тамъ опять къ Москви, и наконецъ въ Тушину. Обзоръ-вая такъ быстро театры частныхъ событий, авторъ самъ изнемогаетъ, и прикинуть къ одному какому-нибудь пункту военныхъ дѣйствій, отдыхаетъ надъ подробностями незначительныхъ боевыхъ стычекъ и т. д. Невольно жалѣешь, что общій интересъ принесенъ въ жертву частностямъ. Въ третьемъ томѣ почти тотъ же способъ изложенія, что и во второмъ, съ чрезвычайино-малыми изъятіями. Предъ глазами нашими разыгрывается множество разнообразныхъ сценъ, въ которыхъ участвуетъ множество разныхъ лицъ, необозначенныхъ рѣзкими чертами. Это до того утомляетъ читателя, что онъ, наконецъ, задаетъ себѣ вопросъ, къ чему же все это ведетъ, и что изъ этого слѣдуетъ? Однакожъ, вопросъ о смутномъ времени и здѣсь еще не рѣшается. Поэтому намъ остается ожидать, что въ четвертомъ томѣ авторъ обобщитъ всѣ описанія частныхъ событий и опять броситъ на все это нѣсколько меткихъ взглядовъ, подобныхъ тѣмъ, которые мы встрѣтили въ первомъ томѣ его историческаго труда. Тогда только увидимъ, что именно выиграла наша общественная жизнь въ смутное время, и что она потеряла, — и какъ послѣ всего этого необходимо было явленіе Петра-Великаго. Просимъ автора не замедлить окончаніемъ этого важнаго историческаго труда.

225) Критическое Исследование значенія Военной Географіи и Военной Статистики. Д. Милютина, *Генеральнаго Штаба подполковника, профессора Императорской Военной Академіи. Санктпетербургъ. 1846. Въ военной тѣл. Въ 8-ю д. л. 70 стр.*

Есть люди совершенно предубѣжденные противъ всѣхъ безъ исключенія трактатовъ о размежеваніи наукъ вообще и общественныхъ въ-особен-

ности. Такое предубѣжденіе — крайность; но въ основаніи его много истины. Едва-ли найдется во всей ученой литературѣ, особенно нѣмецкой, тема, на которую было бы написано столько вздора! Причина этого факта проста. Во-первыхъ, нѣтъ нужды прочно усвоивать себѣ науку для того, чтобы пронавести нѣсколько очень-остроумныхъ идей о томъ, чѣмъ бы она должна была быть и чѣмъ не должна, что хорошо было бы отъ нея урѣзать и отдать другой наукѣ, и что пріятно было бы отнять у другихъ отраслей познанія въ ея пользу. Всѣ науки такъ же тѣсно связаны между собою, какъ и части міра, который онѣ изслѣдуютъ, и потому два человѣка съ равными умственными силами могутъ вести другъ съ другомъ безконечную войну, напримѣръ, за границы правъ уголовного, государственнаго и гражданскаго: одинъ умный человѣкъ можетъ очень — убѣдительно доказывать всю свою жизнь, что уголовное право, какъ наука, имѣющая предметомъ дѣйствія частныхъ лицъ — преступленія, должна входить въ составъ гражданскаго или частнаго права; другой, не менѣе умный человѣкъ, можетъ съ такимъ же успѣхомъ опровергать мнѣніе перваго на томъ основаніи, что уголовное право разсматриваетъ не одни преступныя дѣйствія частныхъ лицъ, но и наказанія за преступленія, дѣятельность общественной власти, которая составляетъ предметъ изслѣдованій государственнаго права. Можетъ найдтись и третій ученый, который не хуже двухъ первыхъ, который заблаговременно отброситъ мнѣнія того и другаго и доказывать, что такъ-какъ оба они правы, каждый съ своей точки зрѣнія, то всего лучше не смѣшивать уголовное право ни съ частными, ни съ публичными и слѣлать его отдѣльною, самостоятельною наукой. Наконецъ, пожалуй, явится и такой критикъ, который, не смотря на эти три равно доказанные мнѣнія, пробьетъ себѣ путь къ оригинальности хоть, напримѣръ, такимъ соображе-

иёмъ: «Зачѣмъ, скажете онъ, дѣлать то, что сопротивляется дѣленію, подчиняясь нѣсколькимъ противоположнымъ: — не лучше ли слить всё три права, и публичное, и частное, и уголовное въ одну общую теорію права, въ одну науку, исчерпывающую отношенія общественной власти къ членамъ общества, и на-оборотъ? Что жъ? чѣмъ худо? Почему бы не принять хоть этой системы... и не остановиться на ней, чтобъ наконецъ на чѣмъ-нибудь остановиться и приняться за дѣло? Принять-то можно, но кто поручится намъ, что завтра же не явится новый наследователь, который докажетъ побѣдоноснѣе всѣхъ предшественниковъ, что всѣ они заблуждались, а справедливъ одинъ только его взглядъ на предѣлы политическихъ наукъ, взглядъ, по которому вся область права раздѣляется на двѣ провинціи или частныя науки: — одна изслѣдуетъ положительное дѣйствіе власти на общество посредствомъ развитія всѣхъ силъ послѣдняго, другая отрицательное, т. е. вѣры къ удаленію всего, что препятствуетъ атому развитію. Немного познаний въ правѣ нужно для того, чтобъ продолжать и никогда не окончить этой остроумной заставки, этого безконечнаго переставленія однихъ и тѣхъ же предметовъ такъ, чтобъ изъ нихъ всегда выходилъ новый красивый и отменно-хитрый узоръ. Конечно, для составленія его необходимо удерживать рядный запасъ логики; но это-то обстоятельство и завлекаетъ человѣка въ игру; онъ же и обманываетъ его: надержавъ довольно умственной силы на свою безплодную работу, онъ сохраняетъ воспоминаніе о понесенномъ трудѣ, объ усердіи, съ которымъ устроивалъ и слаживалъ свои силлогизмы, о тѣхъ приятныхъ часахъ, которые провелъ въ изложеніи ясно-созранныхъ мыслей, — и не вѣрится ему, чтобъ вся эта задуманная, сладкая, блестящая и *благодарная* работа пропала даромъ, безъ поддержки для другихъ, безъ содѣйствія къ усвоенію истины!

Вы скажете, что слова эти относятся въ тѣмъ мертвымъ и *эксцентрическимъ* созданіямъ, у которыхъ не хватаетъ жизни и крови, чтобъ противодействовать навожденію схоластики, чтобъ почувствовать родство науки и дѣйствительности, чтобъ не принятъ скелета за организмъ и не преклониться передъ мертвымъ, принявъ его за живое? Приговоръ будетъ несправедливъ. Нѣтъ ничего обольстительнѣе и коварнѣе любимаго труда: это первый, истинный врагъ порядочнаго человѣка, и нѣтъ ничего легче, какъ подчиниться его дѣйствіямъ внушеніямъ, добровольно, съ упоеніемъ отдать себя въ кабалу этому искусному деспоту, и отдалить себя отъ міра Пристрастившись къ какой-нибудь наукѣ и не будучи въ состояніи дѣйствовать въ той сферѣ, гдѣ она воплощается въ практическую жизнь, мы начинаемъ сосредоточивать на ней все обиліе своей любви и невольно слѣзимъ въ привязанности къ ней; намъ начинаетъ казаться невѣроятнымъ, чтобъ существовала въ мірѣ предельная обольстительнѣе ея предели, интереса важнѣе ея интереса. Равнодушіе общества, въ которомъ дано намъ жить, къ тому и другому — дѣлается для насъ рѣшительно невѣроятнымъ: страстному натуралисту кажется, что весь міръ только и думаетъ объ его открытіяхъ, только того и ждетъ, чѣмъ-то кончится исторія зернышка, посаженнаго имъ въ удивительный составъ, имъ придуманный; страстный философъ съ замираніемъ сердца помышляетъ о томъ, что люди бросили думать о деньгахъ и повышеніяхъ въ тревожномъ ожиданіи его отвѣта на заданный имъ себѣ вопросъ о сущности жизненной силы, и т. д. Такая любовь непрестанно влечетъ за собою непомѣрную рачительность въ ученыхъ трудахъ. Мы начинаемъ ухаживать за наукой, какъ страстный садовникъ ухаживаетъ за садомъ; является неугомонная забота о содержаніи ея въ безукоризненной чистотѣ и совершенной чѣстности; мы, обвиняясь, бросаемся на убійственныя

труды для отысканія какого-нибудь факта, ей принадлежащаго, не затерянаго другими или отлаганнаго чуждыми науками; входима въ страшныя надержимыя собственныя средства на войну и на войну съ противниками: мало-по-малу воснаемъ въ себѣ, по поводу такой возни, всё страсти, въ которыхъ способны вылиться запасъ данной намъ жизни, и тогда уже умоаемся ими безостановочно, безвозвратно, крутятся въ водоворотъ до-тѣхъ-поръ, пока не настанетъ нашествіе и смерть, которую встрѣтимъ мы неминуемо съжалѣніемъ о томъ, что не успѣли досказать міру всего, что можно было бы сказать блестящаго, не пустаго, а еще чаще и просто-пустаго... Однимъ словомъ, нужемъ сильный напоръ дѣйствительности для того, чтобы обратить человѣка отъ шольныхъ и бесплодныхъ страстей въ жизни, чтобы во-время выхватить его изъ этой бедны, наполненной ничтожными, но увлекательными призраками.

Но этотъ взглядъ на нежную сторону годковъ и споры о значеніи и предѣлахъ разныхъ наукъ нисколько не мешаютъ намъ, безъ всякаго противорѣчія собственнымъ словамъ, признать въ нихъ и то, что важнее намъ дѣлать и важнымъ.

Большая разница — спорить о значеніи и предѣлахъ науки изъ страсти къ какому-то формальному порядку, или изъ заботы о сохраненіи того свойства, которое можно назвать *коллектою* (слово, служащее синонимомъ и опредѣленіемъ другаго мета-опредѣлительнаго — *совершенство*).

Миръ, доступный нашему познанію, вовсе не похожъ на складную картинку, какою воображаютъ его схоластики, претендующіе на возможность отыскать на поверхности его тѣ вѣчныя диніи, которыя, по ихъ понятіямъ, обрисовываютъ фигуру каждой изъ легко-разнимающихся и складывающихся частей его. Рассмотрите на эту уродно часть этого стройнаго организма — вы найдете въ ней тѣ же эле-

менты, какіе и во всѣхъ остальныхъ, только въ другияхъ отношеніяхъ одного къ другому. Поэтому, напрасно было бы ломать голову надъ задачею переработаннаго, однообразнаго раздѣленія наукъ, послѣдующихъ различныя составныя части міра. Но изъ этого не слѣдуетъ еще, чтобы всякое поимѣе о значеніи и предѣлахъ каждой науки было непогрѣшимо и чтобы не была на свѣтѣ мѣста истинныхъ и ложныхъ погребамъ на этотъ предметъ. Самое то, что всё безъ исключенія части существующаго заключаютъ въ себѣ каждая одна и тѣ же основныя элементы подъ разными различнаго отношенія ихъ одного къ другому, — самое это обстоятельство уже ведетъ насъ къ заключенію, что изученіе части можетъ быть полное и, слѣдовательно, удовлетворительное, если она исчерпываетъ всѣ существенныя элементы, или *коллектою*, т. е. *неудовлетворительное*, если упускаетъ изъ виду нѣкоторыя изъ нихъ. Въ этомъ можно прибавить еще, что поимѣе о полнотѣ точно такъ же исключаетъ изъ множества, какъ и недостатковъ: *человѣкъ съ тремя руками* — такое же неполное существо, какъ и *однорукій*. Поэтому истинный взглядъ на значеніе и предѣлы науки не допуститъ и того, чтобы одна изъ элементовъ изучаемаго предмета быть показана въ ней не въ томъ объемѣ, въ какомъ существуетъ она въ дѣйствительности.

При такомъ *радикаломъ* взглядѣ на раздѣленіе наукъ, сообразное съ ихъ предметомъ, нѣтъ никакихъ средствъ власти и въ схоластическую болтовню, въ переливаніе изъ пустата въ порожнее. Этому взгляду, какъ мы увидимъ далѣе, держится авторъ дѣльной брошюры о значеніи военной географіи и военной статистики. Мы считаемъ нужнымъ опредѣлить достоинство сочиненія, съ содержаніемъ котораго нехотѣны познакомиться читателей.

Брошюра раздѣлена на четыре параграфа, объединяющіе собою рѣшенія двухъ специфическихъ вопросовъ — 1) о статистикѣ и географіи вообще, 2) о воен-

ной географіи и военной статистикѣ въ особенности. Оба рѣшенія равно замѣчательны по своей логичности и простотѣ.

Прежде всего авторъ излагаетъ и разсматриваетъ критически мнѣнія о военной географіи тѣхъ писателей, изъ которыхъ одни полагаютъ, что военная географія должна заключать въ себѣ подробное топографическое описание каждаго государства, — другіе смотрятъ на нее какъ на извлеченіе изъ общей географіи, примененное къ потребностямъ военныхъ людей. Разсчетъ съ тѣми и другими короткій и окончательный. Первымъ, авторъ напоминаетъ, что знаніе мѣстности въ той подробности, какая необходима для тактическихъ соображеній, недоступна памяти, и что какъ тщательно ни старается правительство въ мирное время собирать свѣдѣнія подобнаго рода о соседнихъ странахъ, однако передъ начатіемъ военныхъ дѣйствій и въ продолженіе ихъ необходимо должно еще производить рекогносцировки, обзорнія, также снимать маршруты, планы позицій и т. п. (стр. 7 и 8).

Нѣкоторые полагаютъ (говоритъ г. Милютинъ), что въ Военной Географіи не только должны быть описываемы всѣ подробности мѣстности, но что притомъ необходимо разсматривать ихъ въ примененіи къ самымъ дѣйствіямъ военнымъ. Опытъ подобнаго рода представляетъ и Вестурини (*). Но есть ли какаянибудь возможность уловить всѣ случаи, при которыхъ каждая черта топографіи можетъ имѣть вліяніе на тактическія подробности военныхъ дѣйствій? одинъ и тотъ же мѣстный предметъ можетъ имѣть совершенно противоположное значеніе въ двухъ разныхъ случаяхъ, смотря по связи обстоятельствъ, разнообразной до безконечности. Опредѣлять заблаговременно всѣ пути для движенія колоннъ, позицій для боя, лагерныхъ мѣстъ, — значило бы гоняться за химерою, болѣе чѣмъ избыточною, незаслуживающею опроверженія.» (Стр. 8).

(*) Авторъ сочиненія: *Lehrbuch der militärgeographie der Oestlichen Rheinländer.*

Что касается до писателей второго рода, т. е. тѣхъ, которые смотрятъ на военную географію какъ на извлеченіе изъ географіи общей, примененное къ потребностямъ военныхъ людей, то авторъ весьма основательно замѣчаетъ, что нѣтъ никакой причины относить такую выписку къ области наукъ военныхъ. Сверхъ того географія говоритъ онъ: *«меньше всякаго другаго предмета можетъ образоватъ какую-либо специальную науку; ибо она сама не имѣетъ опредѣленную значенія, а состоитъ изъ данныхъ самыхъ разнородныхъ, относящихся ко всемъ отраслямъ знаній. Географія есть обширный запасъ данныхъ, служащихъ матеріаломъ для всехъ наукъ; сама же не какъ науки особой составятъ не можетъ. Если географія излагается въ систематическихъ учебникахъ и преподается въ школахъ, — то исключительное только ее разсматривать и значеніе предмета элементарнаго, котораго изученіе необходимо каждому образованному человеку. Следовательно, если бы и Военная Географія должна была состоять только изъ фактическихъ свѣдѣній, извлеченныхъ изъ общей географіи, — то такой случай и она имѣла бы также быть только элементарнымъ учебникомъ, применяемымъ въ военныхъ школахъ, или же просто свогинномъ для справокъ, подобно словарямъ.»* (стр. 14).

Второй параграфъ разсужденія заключаетъ въ себѣ превосходный разборъ тѣхъ сочиненій, въ которыхъ выразились попытки разныхъ писателей дать военной географіи характеръ самостоятельной науки, занимающейся критическимъ изслѣдованіемъ мѣстныхъ данныхъ въ отношеніи стратегическомъ. Вотъ заключеніе автора:

«Если подобно съ этнологическимъ и обще-принятымъ значеніемъ слова, Военная Географія должна ограничиваться тѣми данными, которыя относятся къ виду земной поверхности, то очевидно, что она не можетъ входить въ стратегическія изслѣдованія, и должна по необходимости оставаться простымъ сборникомъ

фактических свидѣній, подобно большей части нѣмецкихъ сочиненій, выходящихъ подъ этимъ именемъ; въ такомъ случаѣ, конечно, она не можетъ и составить отдѣльнаго, самостоятельнаго предмета изученія. Еслижъ, напротивъ того, предполагаемая цѣль должна состоять не въ приобрѣтеніи однихъ фактическихъ свидѣній, а въ критическомъ изслѣдованіи театровъ войны или цѣлыхъ государствъ въ отношеніи стратегическомъ, то необходимо уже значительно распространить кругъ соображеній, принявъ въ основаніе ихъ, кромя мѣстности, и всѣ тѣ данныя, которыя въ каждомъ государствѣ вообще опредѣляютъ его средства и способы къ веденію войны, выгоды и невыгоды географическаго, топографическаго и политическаго положенія, въ отношеніи къ общимъ военнымъ соображеніямъ; а черезъ это изслѣдованіе распространятся почти на весь составъ государства и будутъ вести уже къ общей цѣли: *из опредѣленію силы и могущества государства въ военномъ отношеніи*. Подобная цѣль можетъ дѣйствительно составить особый и весьма важный предметъ изученія; но собственно мѣстныя данныя, опредѣляющія стратегическія выгоды и невыгоды государства, сильныя и слабыя его стороны, войдутъ въ эти изслѣдованія только какъ часть обширнаго цѣлага; а слѣдовательно, въ такомъ случаѣ уже нельзя назвать подобный родъ изученія *Военною Географіею*, и причтите и правильте ему дать названіе *Военной Статистики*» (Стр. 31—32).

Уничтоживъ такимъ образомъ самостоятельность и общей и военной географіи, авторъ переходитъ къ изслѣдованію значенія общей и военной статистики. Здѣсь по-необходимости встрѣчается онъ съ знаменитымъ вопросомъ объ отдѣленіи статистики отъ географіи и исторіи, о которомъ такъ много писано въ разные времена и который до-сихъ-поръ не рѣшенъ. Странно! Есть много статистическихъ сочиненій, которыя признаются единогласно отличными, а между-тѣмъ, всякіи судить о значеніи и объемѣ статистики по-своему, и нѣтъ согласія въ опредѣленіи ея! Гдѣ источникъ такой путаницы? Г. Миллюинъ видитъ его въ про-

тивоположности фактическаго и теоретическаго изученія. Онъ полагаетъ, что всѣ заблужденія статистиковъ могутъ быть приведены къ тому, что одни изъ нихъ, ограничиваясь простыми изученіемъ фактовъ, грубыхъ матеріаловъ науки, низводятъ ее на степеніи географіи, т. е. на степеніи сборника, памятной книжки, календаря; другіе же, напротивъ того, возносятъ ее до высшихъ сферъ отвлеченія, до грани науки, занимающейся выводомъ и послѣдованіемъ общихъ законовъ явленій. Истинный взглядъ на статистику заключается, по мнѣнію автора брошюры, въ соединеніи этихъ двухъ *крайностей*.

«Въ политическихъ наукахъ прежде всего надобно различить двѣ существенно различныя цѣли изученія: какъ цѣлое государство или общество гражданское, въ полномъ его объемѣ, въ проявленіи всѣхъ его жизненныхъ силъ, такъ и каждое изъ этихъ проявленій особенно, могутъ быть изучены — *совершенно*, теоретически (или догматически), съ тою цѣлью, чтобъ вывести законы, по которымъ всякое государство развивается и должно развиваться для достиженія своихъ цѣлей, или же *эвсторыи*, — въ дѣйствительномъ, фактическомъ проявленіи и развитіи, съ цѣлью изслѣдовать, какъ именно въ томъ или другомъ государствѣ, въ той или другой части рода человѣческаго, гражданская жизнь развивалась и развилась. Первая цѣль изученія образуетъ рядъ наукъ теоретическихъ, догматическихъ, или еще точнѣе — *деонтологическихъ*; вторая цѣль рождаетъ два способа изученія гражданской жизни человѣчества: или въ развитіи ея послѣдовательною, хронологическомъ — изученіе *историческое*, или въ проявленіи ея въ одинъ данный моментъ — изученіе *статистическое*.

«Такимъ образомъ, *статистическое* изученіе государства, съ одной стороны обнимаетъ всѣ разнообразнѣйшія явленія сложнаго организма политическаго тѣла; съ другой же — *предѣл*ъ ея опредѣляется цѣлью изученія, состоящаю не въ выводѣ общихъ законовъ, по которымъ всякое государство и всегда должно развиваться, а въ указаніи степеней дѣйствительнаго развитія того или другаго государства,

ной географіи и военной статистикѣ въ особенности. Оба рѣшенія равно замѣчательны по своей логичности и простотѣ.

Прежде всего авторъ излагаетъ и разсматриваетъ критически мнѣнія о военной географіи тѣхъ писателей, изъ которыхъ одни полагаютъ, что военная географія должна заключать въ себѣ подробное топографическое описаніе каждаго государства, — другіе смотрятъ на нее какъ на извлеченіе изъ общей географіи, примѣненное къ потребностямъ военныхъ людей. Разсчитъ съ тѣми и другими короткій и окончательный. Первымъ, авторъ напоминаетъ, что знаніе мѣстности въ той подробности, какая необходима для тактическихъ соображеній, недоступна памяти, и что какъ тщательно ни старается правительство въ мирное время собирать свѣдѣнія подобнаго рода о соседнихъ странахъ, однако передъ начатіемъ военныхъ дѣйствій и въ продолженіе ихъ необходимо должно еще производить рекогносцировки, обзвѣркіи, также снимать маршруты, планы позицій и т. п. (стр. 7 и 8).

Нѣкоторые полагаютъ (говоритъ г. Милютинъ), что въ Военной Географіи не только должны быть описываемы всѣ подробности мѣстности, но что притомъ необходимо разсматривать ихъ въ примѣненіи къ самымъ дѣйствіямъ военнымъ. Опытъ подобнаго рода представляетъ и Вестурини (*). Но есть ли какая нибудь возможность уловить всѣ случаи, при которыхъ каждая черта топографіи можетъ имѣть вліяніе на тактическія подробности военныхъ дѣйствій? одинъ и тотъ же мѣстный предметъ можетъ имѣть совершенно противоположное значеніе въ двухъ разныхъ случаяхъ, смотря по связи обстоятельствъ, разнообразной до безконечности. Опредѣлять заблаговременно всѣ пути для движенія колоннъ, позицій для боя, лагерныхъ мѣстъ, — значило бы гонаться за химерою, болѣе чѣмъ избыточною, незаслуживающею опроверженія.» (Стр. 8).

(*) Авторъ сочиненія: *Lehrbuch der militärischen Geographie der Oestlichen Rheinländer.*

Что касается до писателей второго рода, т. е. тѣхъ, которые смотрятъ на военную географію какъ на извлеченіе изъ географіи общей, примѣненное къ потребностямъ военныхъ людей, то авторъ весьма-основательно замѣчаетъ, что нѣтъ никакой причины относить такую выписку къ области наукъ военныхъ. Сверхъ того «географія» говоритъ онъ: «меньше всякаго другаго предмета можетъ образовати какую-либо специальную науку; ибо она сама не имѣетъ опредѣленнаго значенія, а состоитъ изъ данныхъ самыхъ разнообразныхъ, относящихся ко всемъ отраслямъ знаній. Географія есть обширный запасъ данныхъ, служащихъ матеріаломъ для всѣхъ наукъ; сама же не какъ науки особой составити не можетъ. Если географія излагается въ систематическихъ учебникахъ и преподается въ школахъ, — то исключительнаго только ее размѣра и значенія предмета элементарнаго, которая изученіе необходимо каждому образованному человеку. Слѣдовательно, если бы и Военная Географія должна была состоять только изъ фактическихъ свѣдѣній, извлеченныхъ изъ общей географіи, — это такіе случаи и она могла бы также быть только элементарнымъ учебникомъ, примѣненнымъ къ военнымъ школамъ, или же просто словаремъ для справокъ, подобно словарямъ» (стр. 14).

Второй параграфъ разсужденія заключаетъ въ себѣ превосходный разборъ тѣхъ сочиненій, въ которыхъ являлись попытки разныхъ писателей дать военной географіи характеръ самостоятельной науки, занимающейся критическимъ изслѣдованіемъ мѣстныхъ данныхъ въ отношеніи стратегическомъ. Вотъ заключеніе автора:

«Если спобрано съ этимологическимъ и обще-принятымъ значеніемъ слова, Военная Географія должна ограничиваться тѣми данными, которыя относятся къ виду земной поверхности, то очевидно, что она не можетъ входить въ стратегическія изслѣдованія, и должна по необходимости оставаться простымъ сборникомъ

фактических свидѣній, подобно большей части нѣмецкихъ сочиненій, выходящихъ подъ этимъ именемъ; въ такомъ случаѣ, конечно, она не можетъ и составить отдѣльнаго, самостоятельнаго предмета изученія. Великъ, напротивъ того, предположенная цѣль должна состоять не въ приобритеніи однихъ фактическихъ свидѣній, а въ критическомъ изслѣдованіи театровъ войны или цѣлыхъ государствъ въ отношеніи стратегическомъ, то необходимо уже значительно распространить кругъ соображеній, признавъ въ основаніе ихъ, кромѣ мѣстности, и всѣ тѣ данныя, которыя въ каждомъ государствѣ вообще опредѣляютъ его средства и способы къ веденію войны, выгоды и невыгоды географическаго, топографическаго и политическаго положенія, въ отношеніи къ общаимъ военнымъ соображеніямъ; а черезъ это изслѣдованія распространяются почти на весь составъ государства и будутъ вести уже къ общей цѣли: *къ опредѣленію силы и мощи государства въ военномъ отношеніи*. Подобная цѣль можетъ дѣйствительно составить особый и весьма важный предметъ изученія; по собственнымъ мѣстнымъ даннымъ, опредѣляющимъ стратегическія выгоды и невыгоды государства, сильныя и слабыя его стороны, войдутъ въ эти изслѣдованія только какъ часть обширнаго цѣлаго; а слѣдственно, въ такомъ случаѣ уже нельзя назвать подобный родъ изученія *Военною Географіею*, и приличнѣе и правильнѣе ему дать названіе *Военной Статистики*» (Стр. 31—32).

Уничтоживъ такимъ-образомъ самостоятельность и общей и военной географіи, авторъ переходитъ къ изслѣдованію значенія общей и военной статистики. Здѣсь по-необходимости встрѣчается онъ съ знаменитымъ вопросомъ объ отдѣленіи статистики отъ географіи и исторіи, о которомъ такъ много писано въ разныя времена и который до-сихъ-поръ не рѣшенъ. Страшно! Есть много статистическихъ сочиненій, которыя признаются единогласно отличными, а между-тѣмъ, всякій судитъ о значеніи и объемѣ статистики по-своему, и нѣтъ согласія въ опредѣленіи ея! Гдѣ источникъ такой путаницы? Г. Миллюгнъ видитъ его въ про-

тивоположности фактическаго и теоретическаго изученія. Онъ полагаетъ, что всѣ заблужденія статистиковъ могутъ быть приведены къ тому, что одни изъ нихъ, ограничиваясь простымъ изученіемъ фактовъ, грубыхъ матеріаловъ науки, низводятъ ее на степеня географіи, т. е. на степеня сборника, памятной книжки, календаря; другіе же, напротивъ того, возносятъ ее до высшихъ сферъ отвлеченія, до грани науки, занимающейся выводами и послѣдованіемъ общихъ законовъ явленій. Истинный взглядъ на статистику заключается, по мнѣнію автора брошюры, въ соединеніи этихъ двухъ *крайностей*.

«Въ политическихъ наукахъ прежде всего надобно различить двѣ существенно различныя цѣли изученія: какъ цѣлое государство или общество гражданское, въ полномъ его объемѣ, въ произлеженіи всѣхъ его жизненныхъ силъ, такъ и каждое изъ этихъ проявленій *особенно*, могутъ быть изучаемы — *конкретно*, теоретически (или догматически), съ тою цѣлью, чтобъ вывести законы, по которымъ всякое государство развивается и должно развиваться для достиженія своихъ цѣлей, или же *свободно*, — въ дѣйствительномъ, фактическомъ проявленіи и развитіи, съ цѣлью изслѣдовать, какъ именно въ томъ или другомъ государствѣ, въ той или другой части рода человѣческаго, гражданская жизнь развивалась и развивалась. Первая цѣль изученія образуетъ рядъ наукъ теоретическихъ, догматическихъ, или еще точнѣе — *деонтологическихъ*; вторая цѣль рождаетъ два способа изученія гражданской жизни человѣчества: или въ развитіи ея послѣдовательномъ, хронологическомъ — изученіе *историческое*, или въ проявленіи ея въ одинъ данный моментъ — изученіе *статистическое*.

«Такимъ образомъ, *статистическое* изученіе государства, съ одной стороны обнимаетъ всѣ разнообразнѣйшія явленія сложнаго организма политическаго тѣла; съ другой же — предѣлъ ея опредѣляется цѣлью изученія, состоящаю не въ выводѣ общихъ законовъ, но кониъ всякое государство и всегда должно развиваться, а въ указаніи степени дѣйствительнаго развитія того или другаго государства,

въ одинъ лишь данный моментъ (чаще принимаемый за сорожающую точку.) При такомъ опредѣленіи статистики разрѣшается и всѣ прочіе вопросы частные, относящіеся къ опредѣленію ея объема, способовъ изслѣдованія, формы, и проч. и проч. Такимъ образомъ статистика займетъ среднее мѣсто, между крайностями двухъ школъ, дающихъ ей два совсѣмъ различныхъ значенія: она не спускается на степеніи простаго описанія данными или данныхъ, ибо она должна использоваться аналитически, съ опредѣленною цѣлью; съ другой же стороны, она не переходитъ въ разрядъ наукъ теоретическихкихъ, предоставляя другимъ отраслямъ политическихъ наукъ вывести общіе законы. Но если она, съ одной стороны не восходитъ до негнѣй отвлеченныхъ, неизмѣнныихъ, то съ другой не ограничивается исключительно видами практичскими, непосредственными приложеніями къ различнымъ нуждамъ администраціи; а между тѣмъ и въ томъ и въ другомъ отношеніи можетъ быть полезною, служа необходимою и для вывода теоретическихкихъ, и для приложенія практическаго.» (Стр. 42—44).

Такое опредѣленіе статистики кажется намъ чрезвычайно-вѣрнымъ: оно совершенно удовлетворяетъ той потребности, которая вызвала эту науку, и въ то же время сообщаетъ статистическимъ фактамъ ту полноту значенія, которой они не могутъ имѣть, если не разбирать ихъ критически и не разсматривать какъ признаки, живописующіе состояніе государства. Если же не замѣтить, что самое умное и самое живописное изображеніе еще не составляетъ науки въ строгомъ смыслѣ, т. е. изслѣдованія общнхъ, непреложныхъ законовъ чего бы то ни было, то на это можно возразить, что такое изслѣдованіе вовсе не удовлетворило бы помянутой потребности. А между-тѣмъ, догма закону не запрещаетъ обобщать статистическія описанія до какой угодно высоты, лишь бы только обобщалъ ихъ не съ тѣмъ, чтобы не потребить эти описанія, какъ предметъ, но и нѣкую въ некоторыхъ синтетиковъ, недостойный вниманія мыслящаго человѣка. Пора понять, что одни только

голые факты, безпутно сваленные въ груду, не составляютъ знанія. Лишь только мысль дала имъ какое-нибудь внутреннее единство, они перестаютъ быть матеріаломъ и составляютъ собою цѣлое, котораго построеніе дѣлаетъ честь всякому уму, а изученіе достойно всякаго мыслящаго человѣка. Прошло уже то время, когда можно было просить великихъ умовъ за умѣние довести знаніе до крайнихъ предѣловъ отвлеченности: мы поняли наконецъ, что неглупому человѣку стѣнать только хорошо пообѣдать и закурить хорошую сигару для того, чтобы на досугѣ самые дубовые факты преобразить въ самую вирную теорію. Представимъ себѣ, напримѣръ, что кто-нибудь задумалъ подвергнуть атому процессу статистическіе факты, собранные разными труженниками, чернорабочими науки. Начинаемъ съ того, что приводимъ ихъ въ группы по предметамъ: вотъ факты, относящіеся къ Россіи, къ Франціи, къ Германіи и т. д. Вотъ факты астрономическіе, геологическіе, ботаническіе, зоологическіе, антропологическіе и проч. Вотъ факты политическіе, экономическіе, педагогическіе и т. д. Выясивъ эти группы, мы увидимъ, что въ каждой изъ нихъ выражается небольшое количество однихъ и тѣхъ же силъ, сообщающихъ явленіямъ уже весьма-стройное единство. Силы эти суть вліанія, означенныя Гердеромъ — *космическое, генетическое и историческое*, т. е. вліаніе вѣшной природы, вліаніе племени и вліаніе судьбы, — не въ смыслѣ слѣплаго случая, но въ смыслѣ необходимыхъ событій, неизмѣющихся начала въ вѣдрахъ того общества, на долю котораго они достаются. Синтетическое развитіе мысли можетъ идти еще далѣе: эти три силы могутъ быть приведены еще къ большому единству: можно доказать, что все — и вѣстннй міръ, и сила племени, и сила исторіи (въ тѣсномъ смыслѣ) суть проявленія одной силы — необходимости, зависимости, вѣстности, однимъ словомъ, того начала, которое противоположно свободному развѣтню

человѣка и всего живущаго. Такимъ образомъ, на крыльяхъ синтеза можно взлѣтъ на такую высоту, гдѣ стынетъ кровь и жернетъ тѣло человѣческое, на такую высоту, какой не достигалъ ни одинъ воздухоплаватель, но куда, съ сигарой въ зубахъ, возносились десятки тысячъ ученыхъ. Отдадимъ долгъ уваженія и благодарности тѣмъ изъ нихъ, которые первые показали намъ путь синтеза; но нисколько не удивляемся тѣмъ, которые думаютъ, что сдѣлали удивительное дѣло, повторивъ чужой подвигъ, давно уже обратившійся въ разрядъ обыкновенныхъ пріемовъ. По современнымъ понятіямъ, истинное достоинство ученаго произведенія заключается никакъ не въ томъ, чтобы мы видѣли въ немъ или безконечное множество фактовъ, добытыхъ терпѣливою эрудиціей, или безстрашный взлетъ мысли на ту высоту, съ которой весь міръ съ микроскопическимъ разнообразіемъ его явленій представляется ей собраннымъ въ одну неразлагаемую эссенцію, заключенную и запечатанную въ маленькомъ пузырькѣ съ латинскою надписью. Мы требуемъ, чтобы оно удовлетворило той потребности, которой авторъ его предположилъ удовлетворить, и потому современная логика допускаетъ всѣ степени отвлеченія (разумѣется, за исключеніемъ тѣхъ, которыя выхлѣбятъ изъ предѣловъ познавательной способности). По этому-то мы не только не потребуемъ отъ ученаго, предположившаго ознакомить насъ съ современнымъ положеніемъ государства, чтобы онъ возвысился до изслѣдованія общихъ законовъ тѣхъ явленій, которыя будутъ внесены имъ въ его картину, но даже не похвалили бы его, еслибъ онъ, напримеръ, вмѣсто отчета о современныхъ отношеніяхъ капитализма и рабочихъ въ Англіи, задумалъ отделиться отъ насъ общетворію этихъ отношеній. Изъ этого, однакожъ, не слѣдуетъ, чтобы мы отвергали политическую экономію, науку, представляющую высшую степень синтеза, нежели та, которую условились на-

зывать статистикой. Все дѣло въ томъ, что она удовлетворяетъ другой потребности, что мы не хотимъ пшеничной муки въ такой хлѣбъ, который требуетъ ржаной: вѣдь это еще не значитъ, чтобы мы не признавали достоинства и даже, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, преимуществъ пшеничной муки передъ ржаной.

Этимъ соображеніемъ устраняется уже множество различныхъ недомыслий въ вопросѣ о значеніи статистики. Ясно, что тѣ, которые не хотятъ ограничиваться обработкою ея по способу, описанному г. Милютинымъ, могутъ возводить ее до какихъ имъ угодно предѣловъ отвлеченія, лишь бы не называли оныя ея статистикой, потому-что это слово уже занято. Эта простая, но, по нашему мнѣнію, весьма-благоразумная мѣра, уняла бы много споровъ и сохранила бы много силъ и времени на труды болѣе-полезныя и занимательныя.

Другой источникъ споровъ о значеніи въ предѣлахъ статистики заключается въ стремленіи отдѣлять ее отъ географіи. Г. Милютинъ съ своей стороны отдѣляетъ ее уже тѣмъ, что смотритъ на нее какъ на *науку прагматическую, исключительно политическую, то есть, посвященную гражданской жизни государствъ* (стр. 34); между тѣмъ, какъ въ географіи, *какъ въ общемъ резервуарѣ, находятъ себя мѣсто въ свѣдѣнія о поверхности земной, безъ разбора цѣлей и намѣреній, съ коими собираютъ эти собираются, безъ различія отраслей наукъ, къ которымъ оныя могутъ относиться* (ib. выше). Мы согласны, съ своей стороны, что статистика—наука политическая, наука, посвященная изображенію и изслѣдованію состоянія государствъ въ данный моментъ ихъ бытія. Но, относительно географіи, намъ кажется, что авторъ далъ ей роль слишкомъ-жалкую, роль, изъ которой она легко можетъ быть выведена, и должна быть выведена для объясненія выше полноты знаній человѣческихъ.

Если статистика беретъ на свою

часть изучение земного шара, как территории человеческих обществ; то спрашивается: — куда же отнесём мы изучение его 1) как планеты, составляющей часть солнечной системы; 2) как органического тѣла, составляющего собою самостоятельное цѣлое; 3) как жилища безконечнаго множества другихъ, органическихъ существъ? До-сихъ-поръ это составляло предметъ географіи астрономической и физической, и потому самому уже нельзя сказать, чтобы географія и въ настоящее время своемъ развитіи была сборникомъ фактовъ, сваленныхъ безъ связи, безъ общей идеи, словомъ, безъ внутреннего единства. Правда, обыкновенные географическіе учебники представляютъ собою въ этомъ отношеніи печальное зрѣлище; но, во-первыхъ, астрономическая и физическая географія и въ нихъ часто излагается довольно-сносно, по-крайней-мѣрѣ довольно-связно; во-вторыхъ, что касается до такъ-называемой политической географіи, то нѣтъ никакой причины и существовать ей, когда есть статистика: странно, и болѣе чѣмъ странно было бы терять совѣстливчество двухъ наукъ одного и того же содержания, изъ которыхъ одна излагаетъ его въ видѣ картины, одушевленной единствомъ мысли, а другая — въ видѣ сброды фактовъ, свесенныхъ въ нестройную груду! И такъ, пусть статистика описываетъ состояніе человѣческихъ обществъ, существующихъ на землѣ; это нисколько не мѣшаетъ географіи описывать самую землю, которая, конечно, лучше и гармоничнѣе нашихъ обществъ уже и потому, что она — созданіе Высшей Силы, а не мое и не ваше.

Правда, этимъ нѣсколько стѣсняется программа статистики, которая, по господствующимъ понятіямъ, должна заключать въ себѣ все замѣчательное и занимательное, оставляя географіи питаться остающимся отъ того соромъ. Но въ этомъ стѣсненіи программы изключается добро. Мы полагаемъ даже, что и тотъ объемъ статистики, кото-

рый даетъ ей, между прочими издателями, авторъ разбираемой брошюры, не поспѣетъ ни одному изъ извѣстныхъ современныхъ ученыхъ, хотя между ними и много принимающихся за выполнение программъ еще болѣе обширныхъ. Если изъ всѣхъ элементовъ государственной жизни взять въ соображеніе, на-прим., одинъ элементъ экономическій (въ тѣсномъ смыслѣ), то для вполне удовлетворительнаго изложенія одной экономической статистики не всѣхъ, а однихъ только европейскихъ государствъ, требуется уже такая обширная эрудиція и столько критическаго таланта, что того, кто не сдѣлалъ бы съ одной этой задачей, мы не могли бы не называть весьма-замѣчательнымъ человекомъ и по трудолюбію, и по учености, и по таланту. Вспомнимъ только, что такой трудъ требуетъ прежде всего основательнаго знанія политической экономіи и совершенно-увоеннаго взгляда на эту науку. Иначе статистикъ не можетъ быть судьей въ дѣлѣ матеріальнаго благосостоянія народовъ: избранная система политической экономіи такъ же необходима для него, какъ эстетическій принципъ для критика изящнаго произведенія. А нѣтъ нужды доказывать, какъ трудно быть хорошимъ политико-экономомъ въ наше время, когда вопросъ о богатствѣ получилъ столько разнообразныхъ рѣшеній и когда политическая экономія, подобная всѣмъ другимъ наукамъ, перешла изъ области кабинетнаго умозрѣнія въ сферу опыта — и какого опыта (!) По этого мало: разсуждая безъ всякаго идеализма, нельзя не признать, что статистикъ, посвятившій себя изображе-

(*) Извѣстно, что вывести заключеніе изъ фактовъ общественной жизни несравненно-труднѣе, чѣмъ изъ явленій вѣстной природы уже и потому, что послѣднія могутъ быть повторены по произволу, между-тѣмъ, какъ наблюдатель общественнаго явленія долженъ постигнуть жизнь въ самомъ ея процесѣ, или пользоваться достоверными свидѣтельствами другихъ наблюдателей, которыми знаніе достается не меньшимъ трудомъ.

нiю и изслѣдованiю матеріальнаго благостоянiя государствъ, не можетъ ограничиваться знанiемъ общихъ экономическихъ принциповъ и долженъ, сверхъ-того, приобрести *основательныя свѣдѣнiя* и въ частныхъ знанiяхъ этого рода — въ технологiи, въ сельскомъ хозяйствѣ, въ коммерціи. Изъ этихъ наукъ вѣтъ возможности научить первыхъ двухъ безъ помощи наукъ естественныхъ... Но довольно: страшно подумать, какъ и безъ пятой части всѣхъ этихъ знанiй, тысяча людей берутся за статистическіе труды, а изъ этихъ тысячь цѣлыя сотни задаютъ огромныя творенiя, изъ которыхъ многiя объясняютъ собою Богъ-знаетъ сколько государствъ, разсмотрѣнныхъ *во всемъ отношенiяхъ!* Понятно, какъ мастерятся эти статистики: *по источникамъ...* Источники! великое слово, великій секретъ ученой славы значительной части людей, занимающихъ видныя мѣста въ павтсонѣ ученыхъ знаменитостей и полузнаменитостей, по праву талантливаго шарлатанства! Всамошъ-дѣль, не учитесь ничему основательно, не ищите никакого творчества для ученой дѣятельности, но получите отъ природы надежный талантъ шарлатана, присмотритесь къ какимъ-нибудь наукамъ, схвативъ прежде всего общіе взгляды на значеніе и объемъ ихъ и, ознакомившись уже нѣсколько-подробсовѣстнѣе съ исторiей нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ (особенно изъ разряда нерѣшенныхъ). —ваша репутация можетъ быть сдѣлана прекрасно при помощи источниковъ, то-есть сочиненiй тѣхъ наивныхъ людей, которые находятъ нужнымъ итти истинный талантъ и истинную эрудицію для того, чтобъ писать и издавать учебныя книги. Согласитесь, что нѣтъ иныхъ средствъ въ наше время (т. е. пока еще энциклопедическая ученость — синонимъ учености поверхностной) написать удовлетворительную статистику; такъ-что на такой трудъ можетъ рѣшиться только тотъ, кто не понимаетъ за что берется.

Не будемъ доказывать подробности
Т. XLVII. — Отд. VI.

этой мысли, очень-хорошо сознанный въ наше время въ теорiи, но встрѣчающей множество противорѣчій на практикѣ. Изъ сказаннаго можно уже заключить, что даже тотъ объемъ, который опредѣленъ для статистики въ брошюрѣ г. Милютина, слишкомъ-обширенъ для одного лица. Но такъ-какъ онъ объемлетъ собою правильно-очеркнутое цѣлое, составъ котораго совершенно удовлетворяетъ понятiю полноты, то мы, не итти ничего сказать противъ его опредѣленiя, считаемъ себя въ правѣ замѣтить только, что въ настоящее время добросовѣстная, самостоятельная обработка статистики требуетъ весьма-дробнаго раздѣленiя труда. Самъ авторъ держится такого же мнѣнiя объ этомъ предметѣ.

Вотъ, что говорить онъ на страницахъ 48—51:

«...Никакъ не можемъ согласиться съ тѣми, которые ограничиваютъ цѣль статистики только одною какою либо стороною государственной жизни, —или однимъ внутреннимъ развитiемъ, или даже только матеріальнымъ благоденствiемъ народа... и т. д. Итти, такой ограниченный взглядъ на статистику былъ бы столь же одностороннимъ и тѣснымъ, какъ изученіе въ теоретическихъ наукахъ только одной какой либо стороны государственной жизни, безъ всякаго вниманiя къ прочимъ. Какъ въ теорiи должны быть разсматриваемы попеременно всѣ цѣли, коихъ государство должно достигать, и какъ сама наука должна разграничиваться соответственно различiю сихъ цѣлей и способотъ къ ихъ достиженiю, такъ точно и статистика должна въ своихъ изслѣдованiяхъ обнимать всѣ разнородныя цѣли и способы государства въ дѣйствительномъ ихъ проявленiи въ данный моментъ. Только тогда статистика, подобно теоретическимъ наукамъ, можетъ получить полноту, связь и единство.

«Однакожъ, должно сознаться, что черезъ это, при настоящемъ сложномъ механизмѣ государствъ, при многообразiи и дѣятельности проявленiя различныхъ силъ ихъ, статистика сдѣлалась бы столь обширною и разнообразною, что изученіе даже одного какого либо государства со всѣхъ точекъ зрѣнiя было бы столь же

трудным, как соединеніе въ одно цѣлое всѣхъ наукъ теоретическихъ.

«Мы уже многократно замѣтили, что въ статистическомъ изученіи каждаго государства должно быть столько же нераздѣлений, сколько и въ теоріи; каждая часть его должна также составлять особую спеціальность, хотя и повторяемъ, что статистика тогда только будетъ одностороннею, когда будетъ обнимать всѣ стороны государственной жизни, всѣ цѣли и способы ея. Но для того, чтобъ когда нибудь она могла осуществиться въ подобныхъ раздѣлахъ, необходимо, чтобъ ей была приготовлена къ тому нуть, посредствомъ отдѣльнаго разработыванія каждой ея части. Подобно тому, какъ, въ изученіи тѣла человеческого, надобно начать съ отдѣльнаго разбора различныхъ органовъ, а потомъ уже перейти къ совокупному и взаимному ихъ дѣйствованію, — такъ точно и при изученіи тѣла политическаго, надобно сперва изслѣдовать особо каждый органъ его. Вотъ почему теоретическая часть наукъ политическихъ никогда не двинулась бы впередъ, еслибъ по прежней оставалась единою сплошною массою изысканій разнородныхъ, еслибъ она не раздробилась на особыя науки, изъ коихъ каждая сдѣлалась предметомъ изученія людей спеціальныхъ. Эпоха, съ которой началось это направленіе ума человеческого, такъ сказать, къ раздѣленію труда въ наукахъ, весьма не далека еще отъ насъ; мы еще теперь находимся въ этомъ періодѣ изученія; мы должны еще обработывать части отдѣльно, спеціально; пока не явится другой періодъ наукъ, когда всѣ эти части начнутъ сближаться между собою, когда нужно будетъ изыскивать уже не границы между ними, а напротивъ того, точки соприкосновенія, тѣ общія идеи, которыя должны когда нибудь слить высшія политическія науки въ одно стройное цѣлое; ибо предметъ ихъ общій — человечество въ жизни гражданской, государство.

«Та же участь въ нашъ вѣкъ должна пасть и на статистику; она не можетъ двигаться впередъ, пока будетъ оставаться единымъ цѣлымъ. Сколько на было предлагаемо разными авторами системъ для ея изложенія, всѣ онѣ болѣе или менѣе были односторонними. Большею частью за основаніе этихъ системъ принималась классификація предметовъ ея содержанія, то есть по родамъ данныхъ,

входящихъ въ ея составъ. Пека статистика была только описательна этихъ данныхъ, естественно, слѣдовало ей и въ порядкѣ описанія основываться на признакахъ описываемыхъ предметовъ; но потому-то каждый родъ данныхъ, описываемый особо, изображался только съ односторонней точки зрѣнія, только въ тѣхъ именно подробностяхъ и частностяхъ, которыя болѣе интересовали лично самого статистика. Одни описывали каждый родъ данныхъ такъ, какъ будто въ государствѣ люди соединялись только для того, чтобы удобнѣе жить, лучше ѣсть и одѣваться; другой смотрѣлъ на всѣ предметы, какъ на колеса, приводящія въ движеніе стройный механизмъ; наконецъ, нѣкоторыя стороны и дѣла государственной жизни совсѣмъ оставались безъ вниманія статистиковъ, упоминавшихся о предметахъ къ тому относящихся, только мимоходомъ.

«Къ числу такихъ пропусковъ въ статистическихъ изслѣдованіяхъ, можно указать и на военную силу государства.»

Отсюда авторъ переходитъ къ содержанию и объему военной статистики; изслѣдованіе это занимаетъ послѣдній параграфъ его брошюры. Но объ этомъ спеціальномъ предметѣ мы не будемъ высказывать свое мнѣніе при вхождѣ въ свѣтъ того сочиненія, къ которому брошюра г. Милюткина служитъ введеніемъ. Сочиненіе это, какъ сказано въ концѣ брошюры, будетъ заключать въ себѣ обзоръ «современнаго положенія замѣчательнѣйшихъ европейскихъ государствъ во военномъ отношеніи». Въ ожиданіи начала этого труда, мы имѣемъ въ виду при извѣщеніи разборѣ повѣдомить читателей съ общими идеями о наукѣ, которой является онъ столь надежнымъ поборникомъ. Если же и было сказано кое-что по поводу его взгляда на избранную имъ часть, то мы допустили это только потому, что слова г. Милюткина о военной географіи и военной статистикѣ могутъ служить образцомъ воззрѣнія его и на другія отрасли этихъ наукъ.

226) Описание Суражскаго Уѣзда Черниговской Губерніи; составленное

Еспимоновскимъ, Санктпетербургъ. Вѣщип. Министерства Государственныхъ Имуществъ. 1846. Въ 8-ю д. л. 2 части. Въ I-й — 83; во II-й — 118 стр.

Сочиненіе г. Еспимоновскаго было въ 1844 и 1845 году напечатано въ Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ, а теперь вышло отдельной книгой. Авторъ безспорно принадлежитъ къ тому небольшому у насъ числу хозяевъ, которые такъ же хорошо владѣютъ сохою, какъ и перомъ. Его хозяйственное описаніе Суражскаго-Уѣзда — весьма замѣчательное произведеніе, которое близко знакомитъ читателя съ положеніемъ земледѣлія и земледѣльца въ этомъ любознательномъ краю и можетъ служить прекраснымъ образцомъ для хозяйственно-статистическихъ описаній губерній.

Сочиненіе раздѣлено на двѣ части; въ первой описывается крестьянское хозяйство, во второй хозяйство помѣщичье.

Говоря о крестьянскомъ хозяйствѣ, авторъ весьма-подробно и съ явнымъ дѣломъ описываетъ весь порядокъ производства земледѣльческихъ работъ и представляетъ вѣрное изображеніе всѣхъ занятій, на которыхъ опирается крестьянская промышленность въ Суражскомъ-Уѣздѣ. Въ заключеніе онъ дѣлаетъ подробный расчетъ того, что крестьянинъ зарабатываетъ, и что ему нужно на обыкновенныя и самыя необходимыя расходы; по этому расчету выходитъ, что среднему крестьянскому семейству не хватаетъ доходовъ сравнительно съ расходами въ годъ болѣе 7 рублей асс. - Италъ, замѣчаетъ авторъ: «при благополучномъ урожаѣ, при порядочномъ образѣ жизни, при правильномъ содержаніи своего хозяйства, суражскій крестьянинъ однимъ хлѣбовашествомъ существовать не можетъ; а такъ-какъ промышленности никакой нѣтъ и заработать денегъ нѣгдѣ, то казенныя подати остаются неуплаченными, и крестьяне вполнѣ году питаются кое-какъ и кое-чѣмъ. Если же, сохрани Боже, постигнетъ неурожай или градъ, то состояніе крестьянъ

становится чрезвычайно-тяжелымъ: пойдутъ займы хлѣба за немнѣрыя проценты, подѣ залогъ, продажа одѣжи и необходимѣйшаго скота. Въ одинъ недобрый годъ дѣлается такое рѣзкое обстоятельство, что и десять благополучныхъ не поправятъ. Отъ этого на уѣздѣ лежатъ неоплатныя недоимки.»

Эта печальная, хотя и вѣрная картина приводитъ автора, естественнымъ образомъ, къ изысканію средствъ для намѣненія къ лучшему быта суражскаго крестьянина; но эти средства, въ выраженіи самого автора, слишкомъ трудны, столько и многообложны; поэтому не поставивъ ему въ упрекъ, если онъ и не разрѣшилъ задачи, *fecit quod potuit; faciunt meliora potentes.*

Во второй части, авторъ представляетъ плоды своихъ долготѣныхъ наблюденій надъ положеніемъ помѣщичьего хозяйства въ Суражскомъ-Уѣздѣ, разсматриваетъ происхожденіе помѣщичьей собственности, положеніе и величину усадебъ, силы помѣщичьихъ имѣній, состояніе почвы, ея воздѣлываніе и сѣвообороты, намѣненія, принимаемыя для перехода къ плодочеремьному хозяйству; содержаніе скота, вскармливаніе телятъ, болѣзни скота, светлотныя овецоводства, чело-волонина и въ некоторыхъ другихъ отрасляхъ хозяйства, винокуренія, стеклосахарнаго производства и другихъ фабричныхъ производствъ, которыми занимаются суражскіе помѣщики. Факты, представляемые авторомъ, любопытны сколько для практическаго хозяина, столько же и для публициста, которому они могутъ подать поводъ къ важнымъ соображеніямъ. Что вывести изъ того факта, что десятина, вѣсящая на рожию, при трехпольной системѣ, и въ странѣ, гдѣ полевая работа производится барщиной, дастъ всего дохода 12 руб. 80 коп. асс., а обработка этой десятины наимомъ обходится 14 руб. асс.? Изъ представленнаго авторомъ очерка сельскаго хозяйства Суражскаго-Уѣзда видно, что оно дѣлѣе не процвѣтаетъ. Какимъ же тому

причина? Пусть ее объяснит самъ авторъ:

« Не оскорбляя никого, надобно сказать, что въ Суражскомъ Уѣздѣ мало помѣщиковъ хозяйствъ, которые бы воспитаніемъ были подготовлены къ своему дѣлу. Въ эпоху нашего воспитанія, т. е. дѣтъ тридцать пять или сорокъ назадъ, полужительными науками занимались молодые люди бѣднаго состоянія, готовившіеся быть или преподавателями въ училищахъ, или иѣвшіе специальное направленіе. Весь же цвѣтъ дворянства стремился на военное или на дипломатическое поприще; знаніе иностранныхъ новѣйшихъ языковъ и ихъ литературы было дѣломъ первостепеннымъ. Курсъ Лагарпа была настольною книгою у всѣхъ молодыхъ людей. Стыдно было не знать наизусть нѣсколькихъ трагедій изъ лучшихъ французскихъ трагедій и нѣсколькихъ торжественныхъ одъ Ломовосова и Державина. Разложеніе же почвъ, свойства туковъ, физиологія растений и анатомія человѣка и животныхъ привели бы всякаго деликатнаго юношу въ наступленіе. Таковъ былъ духъ времени. Самые достойнѣйшіе изъ нашихъ воспитателей (Богъ да проститъ имъ ихъ согрѣшенія) не только не старались намъ внушить, но никогда даже и не упоминали намъ, до какой степени естественное необходимо для всякаго, въ особенности же для Русскаго дворянина, который, заплативъ свой долгъ отечеству, трудомъ и кровію, обязанъ наконецъ пещись о благѣ своихъ крестьянъ и объ устройствѣ и улучшеніи своихъ иѣній, что составляетъ звено государственнаго благосостоянія. Вступивъ въ распоряженіе иѣніемъ съ одними литературными познаніями, но неволѣ надобно было подчиниться введенному однимъ разъ порядку — учиться всему у старостъ и войтовъ, и въ теченіе 20 и 30 лѣтъ, сродниться съ ихъ методомъ, взглядомъ на хозяйство, и наконецъ съ ихъ предрассудками, тѣмъ болѣе, что въ теченіе этого времени все знаніе современныхъ происшествій ограничивалось «Московскими Вѣдомостями», выписываемыми складчикою. По этикъ причинамъ сельское хозяйство вообще оставалось въ застояхъ. »

Что хозяйство съ-тѣхъ-поръ движилось впередъ, или по крайней-мѣрѣ го-

товы матеріалы для такого движенія, доказываетъ появленіе самаго сочиненія г. Есиповтоскаго. Вѣрный практическій взглядъ, соединенный съ наблюдательностью, простота и ясность изложенія — составляютъ отличительный характеръ прекраснаго труда этого хозяина, который приобрѣлъ имъ почетное мѣсто въ ряду нашихъ агрономовъ-писателей.

227) Основные Формы Уголовныхъ Слѣдствій, вообще принятыя при ихъ производствѣ. Собралъ Д. Долговъ. Санктпетербургъ. Вѣтъ. военно-учебныхъ заведеній. 1846. Въ 16-ю д. л. 66 стр.

Книжка, весьма полезная въ житейскомъ быту и заставляющая жевать, чтобъ и остальные части нашего законодательства были изложены такими образамъ. Однакожъ, цѣна ея кажется намъ слишкомъ-высокою: рубль серебромъ за печатный листъ текста, конечно, чрезвычайно-дорогаго, однакожъ, весьма-легко выписываемаго изъ Свода Законовъ!

228) Новое Общественное Устройство Санктпетербурга. Составлено во Временномъ Отдѣленіи Хозяйственной Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ. Санктпетербургъ. 1846. Въ 8-ю д. л. 68 стр.

Между внутренними преобразованіями, совершенными по волѣ царствующаго нынѣ Государя Императора, безъ сомнѣнія, важное мѣсто займетъ въ исторіи улучшеніе общественнаго устройства городовъ, — довершеніе великаго дѣла, начатаго Императрицею Екатериною II. Высочайше утвержденное 13 февраля нынѣшняго года Положеніе о новомъ общественномъ устройствѣ Санктпетербурга, есть начало этого улучшенія, которое, съ постепеннымъ распространеніемъ на прочіе города Имперіи, безъ сомнѣнія, дастъ имъ новую жизнь.

Хотя въ Отдѣлѣ Современной Хроникѣ Россіи («Отеч. Зап.», томъ XLVI), мы упомянули уже о преобразованіи

въ общественномъ управленіи столицы, но предметъ этотъ самъ-по-себѣ такъ важенъ и такъ близко касается интересовъ многихъ изъ нашихъ читателей, что считаемъ долгомъ еще разъ поговорить о немъ, по случаю статьи, изданной на дняхъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Предварительно бросимъ бѣглый взглядъ на русскіе города въ старину, до Петра-Великаго, и посмотримъ, какая была разница въ устройствѣ этихъ городовъ и нынѣшнихъ.

Въ Актахъ Археографической Экспедиціи находимъ слѣдующее мѣсто (томъ IV, № 38): въ 1649 году, выборные отъ городовъ: столяники, страпчіе, дворяне московскіе и дѣти боярскіе, гости, гостинной, суконной и черныхъ сотенъ и слободъ и городовые торговые посадскіе выборные были челомъ царю Алексѣю Михайловичу на самовольное занятіе разными помѣщичьими людьми *государевой искони вѣчной выюнной земли*, въ Москвѣ и другихъ городахъ, и на безошлянный торгъ въ городѣ разныхъ уѣзляныхъ людей, отъ чего они, *служилые и тѣлые люди*, обѣдѣли; челобитчики говорили, что при прежнихъ государяхъ, на Москвѣ и въ городахъ всего Московскаго Государства того ничего не бывало, а вездѣ на Москвѣ, и въ городахъ, въ посадахъ были все *государевы люди*, а потому просили, чтобъ *государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Руси пожаловалъ бы ихъ, велѣлъ учинить противъ прежняго, какъ бывало во всемъ Московскомъ Государствѣ, на Москвѣ и по городамъ, при прежнихъ государяхъ, чтобъ вездѣ было на Москвѣ и въ городахъ все государево...*

Въ этихъ словахъ высказывается тогдашнее понятіе о городѣ. Городъ былъ соединеніемъ государевыхъ людей, служилыхъ и тяглыхъ, жившихъ на государственной искони вѣчной землѣ. Люди служилые, люди разныхъ званій, разныхъ состояній, занимавшіе блуду, свободную отъ податей государеву землю — это мѣстныя власти, духовенство, разные виды дворянства, нако-

пецъ низшіи разрядъ людей служащихъ: стрѣльцы, пушкари, пищальники, казенные кузнецы, плотники, кирпичники, и проч. Остальное население города состояло изъ людей тяглыхъ, жившихъ на землѣ черной, обложенной опредѣленною податью. Тяглымъ назывался также и тотъ человекъ, который хотя и не занималъ тяглаго двора, но производилъ въ городѣ промыселъ, за который платалъ государю подать. Такъ — какъ люди всѣхъ званій могли занимать тяглые дворы и производить промыселъ, то и тяглое населеніе города состояло изъ лицъ всѣхъ состояній; даже духовные, если имѣли промыселъ, входили въ разрядъ тяглыхъ городскихъ людей (*). Разуется, большинство въ этомъ разрядѣ государевыхъ людей составлялъ низшіи классъ народа, который находилъ въ черной землѣ и въ городскихъ промыслахъ средства своего пропитанія. Подобно тому, какъ крестьянамъ помѣщичьимъ запрещенъ былъ переходъ съ господской земли, и эти люди не имѣли права *сходить съ города*; это были, можно сказать, государственныя городскіе крестьяне, и въ грамотахъ того времени, дѣйствительно, названіе посадскихъ людей не рѣдко смѣшивается съ названіемъ крестьянъ (**). Они занимались мелочною торговлею въ городѣ, ремеслами, земледѣіемъ, черною работою.

(*) А которые (сказано въ царской грамотѣ 1648 г. новгородскому воеводѣ Хилкову; Акты Арх. Эксп., т. IV, № 24), поповы и діаконны или діячковы и слуги монастырскихъ дѣти, или сами поны или діяконы или діячки, торгуютъ большими промыслами и въ лавкахъ сидятъ, и въ бытѣхъ естѣхъ сельми вѣзати въ посады и въ тѣло обложити.

(**) Устюжны Желѣзные посадскіе люди, говоритъ Судная Грамота Устюжны-Желѣзнопольской, 1614 г. «и старосты и цѣловальники, и соцкіе, и десятскіе, и все крестьяне лутчіе и середніе и молодчіе люди отъ волостелина суда и отъ его пошлянныхъ людей оставлены...» (Акты Арх. Эксп., т. III, № 36.)

Таковъ былъ составъ городского населенія. Почему же, спросить насъ, не упоминаемъ мы о купечествѣ, которое безспорно существовало на Руси? У насъ были гости, люди гостинной и суконной сотенъ. Они пользовались большими преимуществами предъ простыми городскими или посадскими тяглыми людьми, какъ относительно правъ личныхъ, такъ и правъ торговыхъ. Они могли вести торгъ въ обширномъ размѣрѣ по всему царству Русскому. Но они не входили въ составъ общаго городского населенія. Ихъ мѣсто было въ Москвѣ; богатѣйшіе, лучшіе посадскіе люди, за услуги, оказанныя правительству при исполненіи ими разныхъ общественныхъ обязанностей, вызывались царскими указами въ Москву въ гостиную и суконную сотни, и, переселяясь туда, должны были продавать въ мѣстѣ прежняго жительства свои тяглые дворы и промыслы. Въ Москвѣ, оставаясь по-прежнему людьми торговыми, они вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли назначеніе служебное: изъ нихъ по-очередно избирались головы и товарищи головъ по разнымъ казеннымъ сборамъ, таможеннымъ, путейнымъ и проч. Слѣдовательно, этотъ торгово-служебный классъ былъ чистомѣстный и, кромѣ Москвы, не можетъ быть причисляемъ къ общему населенію городовъ, о которомъ мы говоримъ и къ которому опять обращаемся.

Городъ не имѣлъ еще самобытнаго, органическаго, внутренняго устройства; еще нельзя назвать его отдѣльнымъ семействомъ въ государствѣ, имѣющимъ свою собственность, свое особое хозяйство, — потому-что все въ немъ государево. Еще не видимъ мы городовыхъ общественныхъ учрежденій, которыя олицетворяли бы въ себѣ городъ, которыя составлялись бы лицами горожанамъ изъ среды ихъ и заботились о всѣхъ частяхъ городского благоустройства, о всѣхъ его нуждахъ и мольбахъ: попеченіе объ этомъ принадлежитъ государю. Но уже есть нѣкоторыя дѣла мѣстнаго управленія,

завѣдываніе которыми правительство поручаетъ самому городу, и мы видимъ, что люди для отправленія этихъ дѣлъ городъ избираетъ *всѣмъ міромъ*...

Нельзя не обратить особеннаго вниманія на это участіе всего міра въ выборѣ людей для отправленія мирскихъ должностей, — участіе, отъ котораго не устраняется ни одинъ мирянинъ. Оно составляетъ характеристическую черту древней Руси. Начало этого обычая относится, безъ сомнѣнія, къ тѣмъ отдаленнымъ временамъ, когда племя славянское дробилось на мелкія общества, въ которыхъ всѣ равно считали себя вправе участвовать въ общественныхъ собраніяхъ, на вѣчахъ. Освященный христіанскою религіею, повелѣвающею въ каждомъ человѣкѣ призывать его человѣческія права, этотъ обычай слился съ духомъ народа и проявляется во всѣхъ періодахъ старинной жизни нашего отечества. Онъ проглядываетъ въ разсказахъ о старыхъ русскихъ городахъ, будто - бы существовавшихъ еще до прихода варяжскихъ князей, и въ которыхъ долго, и по утверженіи власти княжеской, держались вѣча, гдѣ соединились для сужденія о дѣлахъ общественныхъ всѣ граждане, безъ исключенія. Важнѣйшій представитель этихъ старыхъ городовъ, долѣ другихъ сохранившій формы первобытнаго устройства ихъ, Новгородъ, даже въ ту эпоху, когда классы его жителей уже рѣзко отдѣлялись другъ отъ друга, на своихъ собраніяхъ представлялъ соединеніе всѣхъ горожанъ: и бояръ, и житыхъ людей, и купцовъ, и чернаго городского населенія. Ту же черту духа народнаго замѣчаемъ мы и въ городахъ новыхъ, возникшихъ во времена удѣловъ и царства, хотя она является уже въ другой формѣ. Постепенно смолкли вѣча народныя; постепенно исчезло то сознаніе, которое еще въ 1176 году заставляло Владимірцевъ говорить: *мы есмо вольнии* (Нес., стр. 238); въ городахъ, какъ говоритъ вышеприведенный актъ 1649 г., уже все *сдѣлалось государевымъ*. Образовались со-

отонія, отдѣленные одно отъ другаго болѣе или менѣе опредѣлительными чертами. Но вмѣстѣ съ тѣмъ не исчезла мысль, что въ дѣлахъ общихъ нѣтъ различія между сословіями, что тамъ, гдѣ власть верховная предоставляет дѣйствовать самому народу, народъ долженъ дѣйствовать всѣмъ *міромъ*. И вѣрные этой мысли, горожане, по предоставленному имъ верховною властію праву, избрали всѣмъ *міромъ* излюбленныхъ людей, которые производили надъ ними судъ и расправу, или независимо отъ властей, завѣдывавшихъ цѣлымъ краемъ, или совокупно съ ними. Всѣ губныя и уставныя грамматы свидѣтельствуютъ объ этомъ равномерномъ участіи жителей всѣхъ состояній, въ выборѣ общественныхъ должностныхъ лицъ. Прочтите, напр. царскую граммату 1627 г. новоторжскому воеводѣ Свѣзеву о выборѣ въ городѣ Торжкѣ губнаго старосты (судья по дѣламъ о воровствѣ и разбояхъ), (Акты Истор., т. III, № 1627): вы тамъ увидите, что этотъ выборъ предоставляется архимандритомъ и игуменомъ и протопопомъ и попомъ и дякономъ, и деорланомъ и дѣтемъ болгарскимъ, и прикащикомъ и старостамъ и цѣловальникамъ и крестьяномъ и Новоторжцамъ посадскимъ людемъ... Еще яснѣе это видно въ губной бѣлозерской грамматѣ 1539 г., гдѣ предоставляется право судить и казнить разбойниковъ всѣмъ жителямъ Бѣлозерской Губы, безъ исключенія, начиная отъ князей и нисходя до псарей, рыболововъ, оброчниковъ и борщниковъ. Само правительство требовало, чтобъ жители выбирали *всѣ за одинъ*, выбирали людей, которые были бы *всѣмъ лобы*, и присылали выборы (выборные акты), за своими и за отцовъ ихъ духовныхъ руками, въ Москву. (Акты Арх. Эксп., т. II, № 52).

Сдѣлавъ теперь сводъ всего сказаннаго нами: городское общество въ старину состояло изъ всѣхъ тѣхъ городскихъ жителей, которые несли государеву службу или государеву тягло; всѣ члены этого общества участвовали въ выборѣ людей для отправленія дѣлъ

мѣстнаго управленія, предоставленныхъ обществу.

Отсюда видно все различіе устройства городского общества въ древней Руси отъ устройства нынѣшняго, начало котораго относится къ царствованію Петра Великаго. При немъ, городъ потерялъ свой коренной обширный смыслъ, какъ соединеніе на известномъ пунктѣ лицъ разнаго состоянія, обязанныхъ государю службою или тяглою, и принялъ значеніе болѣе-тѣсное. При немъ только известный разрядъ городскихъ обывателей получилъ названіе горожанъ. Известны причины, побудившія Великаго Преобразователя къ этому намѣненію. Промышленность въ городахъ и внѣ ихъ была въ крайнемъ упадкѣ. Стѣсняемая безчисленными монополіями, тягостными казенными поборами, лихоимствомъ мѣстныхъ властей, она едва существовала. Тяглый городской народъ, составляя низшій классъ населенія, былъ въ пренебреженіи, и жизнь этихъ людей была такъ тяжела, что они сбѣгали въ деревни и записывались въ помѣщичьи крестьяне. Въ актахъ, собранныхъ Археографическою Коммиссіею, найдете вы много указовъ о воспрещеніи этихъ побѣговъ и возвращенія бѣглыхъ на мѣста ихъ прежняго жительства. Города пустыли; число пустыхъ тяглыхъ дворовъ въ нихъ увеличивалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивались и тягости остальныхъ людей, потому-что они должны были платить подати не по числу валичныхъ плательщиковъ, а по числу вообще тяглыхъ дворовъ. Купцовъ высшаго разряда, гостей и людей гостинной и суконной сотенъ было мало: Кошкнхивъ, въ своемъ сказаніи о Россіи въ царствованіе Алексія Михайловича говоритъ, что гостей было только 30 человекъ, а людей гостинной и суконной сотенъ около 200. Какъ ни значительны были преимуществва, дарованныя этому классу людей, посадскіе поступали въ него неохотно, и вотъ причина: *а будетъ который гость, или иной человекъ, будучи у сбору (казеннаго), передъ старыми*

годами прибыли соберет меньше промлаю года, своимъ нераднѣемъ, пулякѣмъ или пѣлствомъ: и тою прибыль, которой было быть въ которомъ году, считчи противъ иныхъ городовъ прибылей, берутъ на нихъ на самихъ; да сверхъ тою бываетъ наказаніе клутомъ. (Кошихинъ, о Россіи въ цар. Ал. Мих., стр. 111). Посадскіе, боѣе всего боясь службы, боясь начета, не желая разстаться съ родимымъ городомъ, перѣдко уклонялись отъ чести стать нѣскольکو-повыше своего жалкаго состоянія, — и вотъ почему въ царской грамматѣ 1630 г. чердынскому воеводѣ о выдачѣ царскому псыльщяку двухъ посадскихъ людей съ братьями, назначенныхъ въ Москву, въ гостиную и суконную сотни, мы находимъ слѣдующія слова: *а будетъ они ухоронятел, и ты бѣ для розсылки велѣлъ дать Максиму (псыльщяку) пушкарей и розсылщиковъ, сколько человекъ приюже.* Итакъ, военною сплюю тянули тогда въ купечество!.. Въ этомъ воплѣтъ высказывается положеніе промышленнаго развѣяла людей.

Чтобъ возвысить промышленность, нужно было возвысить самый классъ людей промышленныхъ, слить городскихъ крестьянъ съ купечествомъ въ одно состояніе, дать ему устройство самобытное, поставить вѣвъ вліянія иѣстныхъ властей. И вотъ, усмотрѣвъ, что купецкіе и ремесленные люди во всѣхъ городахъ обрѣтаются не токмо въ презрѣиіи, но паче отъ всякихъ обидъ, нападковъ и отягощеніи песносныхъ, едва не всѣ раззорены, отъ-чего омыхъ весьма умалплось и уже, то есть, не безъ важнаго государственнаго вреда, Петръ-Великій восознааетъ эту *разсыпанную грамину*. Онъ образуетъ, устроиаетъ среднее или собственно городское состояніе. Стремясь поставить русскіе города на ту же степень торговаго развитія, какую видѣлъ онъ въ городахъ нѣмецкихъ, онъ даетъ имъ устройство этихъ городовъ, даетъ созданному имъ среднему состоянію такое же значеніе, какое получило оно въ Западной Европѣ въ-слѣдствіе историческаго хода

тамошней жизни. И вотъ наши города преобразуются по образцу купеческо-ремесленныхъ германскихъ общинъ, по образцу оствейскихъ городовъ, въ которыхъ средневѣковыя формы какъ-бы окаменѣли и остаются неизмѣнными и тогда, какъ тамъ, откуда онѣ вышли, уже все приняло другой видъ.

Городское общество составляетъ исключительно изъ лицъ торговыхъ, и хотя къ нему относятся также ученые и художники, но, по малочисленности этихъ людей, характеръ общества все-таки остается торговымъ. Члены этого общества, граждане, раздѣляются на двѣ гильдіи: къ первой принадлежатъ банкиры, знатные купцы, которые иѣють отъѣажіе большіе торги и которые торгуютъ въ рядахъ разными товарами, ученые, художники, шкипера купеческихъ судовъ, золотари, серебрянники, суконщики; ко второй — мелочные торговцы и ремесленники, подраздѣляющіеся на цувѣты или цехи. Все это общество избираетъ изъ среды себя людей для завѣдыванія городскими дѣлами. Сочиняются магистраты, которымъ предоставлено право суда и расправы надъ гражданами, содержаніе полиціи и надзоръ за нею, сборъ пошлинъ и податей съ городскихъ обывателей, учрежденіе городского домостроительства, экономіи, торговли, ремесла и художества. Однимъ словомъ, магистратамъ предоставлена въ городѣ власть судебная, полицейская и собственно-правительственная. Надъ городскими магистратами возвышается Главный Магистратъ въ Санктпетербургѣ.

Безспорно, это преобразование принесло благодѣтельные плоды; оградивъ сословіе среднее отъ вліянія иѣстныхъ властей, оно дало болъшую свободу промышленности, оживило ее. Но, при всемъ удивленіи къ гелію творца новой Россіи, нельзя не признаться, что это преобразование не согласовалось съ значеніемъ нашихъ городовъ, не согласовалось съ коренными началами нашей народности. Не торговля, не промышленность

положили основаніе большей части нашихъ городовъ: они учреждаемы были правительствомъ преимущественно въ видахъ или военныхъ или правительственныхъ. Назначеніе ихъ — или служить обороною отъ непріятелей, или центромъ управленія окрестною странюю. Отсюда та разнородность городского населенія, о которой говорили мы выше, и которая однако не мѣшала этому населенію составлять единодушное общество, когда власть верховная предоставляла ему часть мѣстнаго управленія. При Петрѣ-Великомъ города остались по-прежнему пунктами административными; населеніе ихъ представляло прежнюю разнородность. Даруя городу жизнь самобытную, не лучше ли, кажется, поручить управленіе имъ одной части населенія, исключая всѣ остальные, между-тѣмъ, какъ и на нихъ простиралась, на-прихѣръ, полицейская власть города, между-тѣмъ, какъ и онѣ не освобождались отъ нѣкоторыхъ городскихъ повинностей? Зачѣмъ уничтожать это вѣковое, слившееся съ духомъ народнымъ обыкновеніе, чтобъ въ дѣлахъ, касающихся всего *міра*, участвовалъ весь *міръ*?

Все привинное, даже и полезное, если оно не средно съ духомъ народнымъ, со-временемъ падаетъ. Быстрое развитіе гражданственности, плодъ испанскихъ усилій Петра - Великаго, содѣйствовало паденію ввсеснаго имъ въ русскую жизнь германскаго начала. Нѣсколько десятковъ лѣтъ безпрерывно мѣняясь въ частностяхъ, городское устройство получило новый видъ въ царствованіе Императрицы Екатерины II.

Не разрушая правъ, дарованныхъ Петромъ торговымъ людямъ, точнѣе опредѣливъ эти права, великая Екатерина съ тѣмъ вмѣстѣ отиѣнила исключительное право промышленныхъ сословій составлять городское общество; по Городовому Положенію, (21 апрѣля 1785 г.), всѣ обыватели, вмѣшющіе въ городъ недвижимую собственность, или производящіе промыселъ, введены въ составъ общества, которое раздѣле-

но на шесть сословій: а) настоящихъ городскихъ обывателей, т. е. тѣхъ, которые имѣютъ въ городѣ домъ, строеніе, мѣсто или землю; 2) купцовъ; 3) ремесленниковъ; 4) иногородныхъ и иностранныхъ гостей; 5) именитыхъ гражданъ, и 6) посадскихъ. Каждому изъ этихъ сословій предоставлено право избирать изъ среды своей гласныхъ для составленія Общей Городской Думы, вѣдѣнію которой предоставляемы всѣ предметы, касающіеся городского хозяйства и благоустройства. Общая Дума для постоянного отправленія дѣлъ избираетъ изъ среды своей Думу Шестигласную, въ которой засѣдаютъ отъ каждаго изъ шести сословій, составляющихъ городское общество, по одному гласному. Предсѣдатель думы и глава всего городского общества есть городской голова.

Таковы были главныя черты преобразования, совершеннаго Екатериною II въ городскомъ устройствѣ. Хотя преемникъ ея измѣнилъ это устройство, хотя въ 1798 и 1799 годахъ управленіе столичныхъ городовъ сосредоточено было въ ратгаузахъ, соединявшихъ въ себѣ характеръ учреждений судебныхъ и хозяйственныхъ, и подчиненныхъ комиссіямъ о снабженіи столицъ припасами, распорядкомъ квартиръ и прочихъ частей, до полиціи относящихся, — но эта отиѣна Городоваго Положенія была не продолжительна. Манифестомъ 2 апрѣля 1801 года императоръ Александръ возстановилъ его во всей силѣ, и повелѣлъ признавать *однимъ изъ главныхъ, непреложныхъ и непркосновенныхъ государственныхъ постановленій*. Это возстановленіе Городоваго Положенія осуществилось, однакоже, не вполне. «Обычай», говоритъ рассматриваемая нами статья, «вкоренившіеся въ продолженіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, подъ вліяніемъ прежняго, хотя и чуждаго для насъ учрежденія, породили разныя уклоненія отъ истиннаго разума Городовой Грамоты. Притомъ, нѣкоторыя позднѣйшія узаконенія измѣнили прежнее раздѣленіе сословій:

одни совершенно исчезли, какъ-то: сословія гостей и именитыхъ гражданъ; другія лѣзли въ язовъ, на-примѣръ, сословіе почетныхъ гражданъ. Въ то же время необыкновенное развитіе, вѣтченіи вышшняго столѣтія, всѣхъ государственныхъ силъ породило новыя отрасли управленія, новыя виды и стороны правительственной дѣятельности. Все это было поводомъ къ тому, что не только составъ городского общества, но и самое значеніе общественнаго управленія, представили въ дѣйствіи существенныя отступленія отъ кореннаго закона: съ одной стороны, дѣла города сосредоточились въ нѣкоторыхъ только сословіяхъ; съ другой, городскія правительственныя учрежденія ограничили главнѣйше свои заботы одними дѣлами этихъ сословій и нѣкоторыми денежными операціями.

А между тѣмъ, городская жизнь вѣтченіе этого столѣтія становилась все шире и шире. Какъ ередоточіе всѣхъ властей и мѣсть административныхъ, какъ ередоточіе общественныхъ заведеній всякаго рода, особенно учебныхъ, города привлекали и безпрерывно привлекаютъ разнородное населеніе. Удобства, удовольствія общественной жизни, дѣлаютъ постоянными жителями городовъ и тѣхъ людей, которые не прикрѣплены къ нимъ никакими необходимыми связями. Города сдѣлались вполне, какъ говоритъ г. Неводиль (Исслѣд. о Гор. Русск. Журн. *Журн. Вл. Д.* 1845 г.), ередоточіемъ духовной и вещественной жизни въ государствѣ, мѣстомъ жительства благороднѣйшихъ, богатѣйшихъ, образованнѣйшихъ людей въ государствѣ. Отсюда возникла потребность окончательно привести въ дѣйствіе великую мысль Екатерины II о сліяніи всѣхъ коренныхъ, постоянныхъ горожанъ въ одно общество, — потребность дѣть городамъ устройство, сообразное съ значеніемъ ихъ и современными соотношеніемъ гражданственности. И вотъ Высочайшая воля даруетъ новое городское положеніе Санктпетербургу, ко-

торое и составить еру въ исторіи нашихъ городовъ.

Не нѣтъ возможности изложить здѣсь это положеніе во всей подробности, мы считаемъ полезнымъ представить, по крайней мѣрѣ, главные его основанія.

Санктпетербургское городское общество составляетъ изъ жителей, причисляемыхъ къ нему по праву *состоянія* или по праву *собственности*. По праву состоянія, къ обществу принадлежатъ тѣ столичные жители, которые приписаны къ городу и несутъ по оному казенныя подати и прочія повинности, причисляясь, на основаніи закона, къ среднему или собственно-городскому сословію. По собственности, принадлежатъ къ обществу тѣ владельцы недвижимыхъ имѣній въ чертѣ города, которые, не принадлежатъ ни къ городскому, ни къ другимъ податнымъ сословіямъ, несутъ, однакожь, по своимъ имѣніямъ разныя городскія повинности. На этомъ основаніи въ составъ общества входятъ лица слѣдующихъ сословій: 1) потомственные дворяне, владеющіе въ городѣ недвижимою собственностью; 2) личные дворяне, почетные граждане и разночинцы (ученые, художники, артисты и т. п.), владеющіе такою же собственностью; 3) мѣстные купцы (записанные въ одну изъ трехъ гильдій); 4) столичные мѣщане (не записанные въ цехи); 5) столичные ремесленники (или мѣщане, записанные въ ремесленные цехи на неограниченное время, т. е. вѣчнопеховые). Слѣдовательно, городское общество составляетъ изъ двухъ сословій владѣльческихъ и трехъ сословій промышленныхъ. Эти сословія считаются коренными членами общества, и потому одни пользуются во всей полнотѣ правами и преимуществами общественными. Прочіе городскіе обыватели, какъ-то: иногородные промышленники, иностранные ремесленники, и ваенные служители и рабочіе, хотя и причисляются къ обществу, но на особыхъ правахъ и положеніи.

Составленное такимъ образомъ об-

щество участвует въ дѣлахъ общественныхъ посредствомъ своихъ уполномоченныхъ или гласныхъ. Для выбора этихъ уполномоченныхъ, оно черезъ каждые три года, по распоряженію мѣстнаго начальства, имѣетъ общественныя собранія. Право голоса при выборѣ предоставляется только тѣмъ лицамъ, который достигли требуемаго общимъ закономъ совершеннолѣтія, пользуются добрымъ и безпорочнымъ именемъ, получаютъ съ собственности недвижимаго или торгового, находящейся въ чертѣ города, постоянный доходъ не менѣе 100 руб. сер. въ годъ, и наконецъ принадлежать къ обществу, т. е. владѣютъ недвижимымъ имѣніемъ, или приписаны къ городу, не менѣе двухъ лѣтъ сряду. По открытіи общественныхъ собраній для выборовъ, каждое сословіе собирается отдѣльно, и по порядку, существующему вообще для выборовъ, по общему согласію или по-драйвей-мѣрѣ по большинству голосовъ, избираетъ отъ 100 до 150 человекъ и столько же кандидатовъ, на случай выбытія первыхъ изъ должности. Эти гласные избираются изъ числа лицъ, которые сами имѣютъ право голоса въ своемъ сословіи и притомъ не моложе 25 лѣтъ отъ рода.

Будемъ продолжать, держась текста статьи, данной отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, дозволяя себѣ мѣстами сокращенія.

Избранные Гласные составляютъ Городскую Общую Думу, которая дѣйствуетъ отъ лица общества во всякъ случаѣ, когда участіе еяго послѣднее въ дѣлахъ управленія, требуется закономъ. Кромѣ того Гласные, принадлежатъ каждому изъ пяти сословій, составляютъ особое въ Общей Думѣ Отдѣленіе, которое дѣйствуетъ, точно такъ же, въ частныя и непосредственныя дѣлахъ своего сословія, отдѣльно и самостоятельно. На этомъ основаніи, по всѣмъ сословіямъ дѣлается или по каждому порознь (смотря по роду дѣла), Гласные: а) избираются на всѣ общественныя должности, и б) дѣлаютъ постановленія, имѣющія силу общественныхъ приговоровъ. При Городской Общей Думѣ находится, изъ ея

среды составленное, Депутатское Собраніе, для приведенія въ извѣстность лицъ, принадлежащихъ къ обществу, и признанія ихъ общественныхъ правъ. По выбору Общей Думы, осуществляется выборъ Распорядительнаго Думнаго, который является исполнительною властью въ городѣ. Въ общихъ Думахъ, какъ Общей, такъ и Распорядительной, представляются Городской Голова, который признается, на семь основаній, главнымъ уполномоченнымъ отъ всего городского общества въ совокупности и начальникомъ всего общественного управленія. Но какъ, кромѣ того, каждое изъ трехъ торговыхъ сословій (кушечское, ильчанское и ремесленное) имѣетъ, по предоставленному ему праву промысла, свое особенное устройство, то, для внутренняго управленія ими, составляются по выбору соответствующихъ Отдѣленій Общей Думы, три Управы: Кушечская, Мѣшанская и Ремесленная, которыя подпадаютъ общему отдѣленію Распорядительной Думы. Въ каждомъ Отдѣленіи Общей Думы, равно какъ и въ соответствующей Управѣ, представляется Старшина Гласныхъ, который представляется отъ дѣлахъ сословія ту же власть и то же значеніе, какія принадлежатъ Головѣ въ дѣлахъ всего общества. Сверхъ того: 1) иногороднымъ промышленникамъ, временно приписаннымъ къ одному изъ торговыхъ сословій, предоставляется имѣть особые представители въ Управѣ того сословія; 2) иностраннымъ ремесленникамъ, составляющимъ особое сословіе, составляется, изъ числа себя, особую Управу со своимъ принадлежащимъ къ ней, по общему порядку, чинами и учрежденіями, подъ главенствомъ вѣдѣніемъ и начальствомъ Городской Думы (*); 3) наименее служителями и рабочею управляютъ также Управы, составленные частію изъ чиновниковъ, опредѣляемыхъ правительствомъ, и частію изъ гражданъ или коренныхъ членовъ городского общества, избираемыхъ на особомъ основаніи.»

Послѣ этого общаго обзоренія городскихъ общественныхъ учрежденій,

(*) Для выбора должностныхъ лицъ, какъ иногородные промышленники, такъ иностранные ремесленники имѣютъ свои частныя собранія.

перейдемъ къ болѣе-подробному изложению ихъ состава и предметовъ вѣдомства.

«Городская Общая Дума представляетъ собою, какъ сказано выше, цѣлое городское общество; а каждое Отдѣленіе ея — то городское сословіе, изъ среды котораго избираемо. На этомъ основаніи Отдѣленія Общей Думы, по числу сословій суть: 1) Отдѣленіе владѣльцевъ недвижимой собственности изъ потомственныхъ дворянъ; 2) Отдѣленіе владѣльцевъ изъ личныхъ дворянъ и почетныхъ гражданъ; 3) Отдѣленіе Купеческое; 4) Отдѣленіе Мѣщанское; 5) Отдѣленіе Ремесленное.

«Предсѣдатель Думы, Городской Головы, избирается всѣми Отдѣленіями Общей Думы изъ лицъ, имѣющихъ право голоса въ собраніяхъ городского общества, съ слѣдующими ограниченіями: а) званіе Головы можетъ быть предоставлено только почетнѣйшимъ лицамъ изъ дворянъ, почетныхъ гражданъ, или купцовъ 1-й гильдіи; б) онъ долженъ быть не моложе тридцати лѣтъ отъ роду; в) его собственность, въ недвижимомъ имѣніи (въ чертѣ города) или въ купеческомъ капиталѣ, должна составлять не менѣе пятнадцати тысячъ рублей серебромъ. Изъ двухъ кандидатовъ, которые представляются губернскимъ начальствомъ, чрезъ Министерство: Внутреннихъ Дѣлъ, на Высочайшее благоусмотрѣніе, одинъ утверждается, волю Государя Императора, въ званіи Городского Головы на шесть лѣтъ; впрочемъ, по прѣшествіи половины сего срока можетъ просить объ увольненіи отъ должности. Предсѣдатель Отдѣленій, Старшины сословій, избираются каждымъ Отдѣленіемъ изъ своихъ Гласныхъ, съ тѣмъ, однакожь, чтобы принадлежащая имъ въ городѣ собственность, недвижимая или торговая, составляла, по принятымъ для оцѣнки правиламъ, не менѣе шести тысячъ рублей серебромъ. Изъ двухъ избранныхъ кандидатовъ, одинъ утверждается главнымъ начальникомъ губерніи, срокомъ на три года. Изъ остальныхъ Гласныхъ, которые суть члены Отдѣленій, назначаются еще, по выбору, нѣсколько человекъ для содѣйствія Старшинамъ по управленію дѣлами Отдѣленія. Лица эти подъ названіемъ Старшинскихъ Товарищей, утверждаются Гражданскимъ Губернаторомъ, срокомъ на два года. Наконецъ при Общей Думѣ находятся Почетные Члены, —

лица, занимающія съ одобреніемъ общества, должности Городского Головы, Сословныхъ Старшинъ, Членовъ Распорядительской Думы и Бургомистровъ въ Магистратѣ. Для производства дѣлъ общественныхъ состоитъ при Думѣ Городской Секретарь, избираемый Думою (по вѣдѣн Отдѣленіемъ) изъ чиновниковъ, желающихъ занять это мѣсто, и утверждаемый Главнымъ Начальникомъ Губерніи.

Занятія Городской Общей Думы, какъ упомянуто выше, заключаются: во-первыхъ, въ выборахъ, и, во-вторыхъ, въ дѣлахъ совѣщательныхъ. По первому предмету, каждое Отдѣленіе Общей Думы, или нѣкоторыя изъ нихъ, или всѣ вмѣстѣ, занимаютъ: а) всѣ исполняемыя по выбору должности Городского Общественнаго Управленія, то-есть Распорядительской Думы и трѣхъ Управъ (Купеческой, Мѣщанской и Ремесленной) съ состоящими при нихъ установленіями, и б) прачія, занимаемыя отъ городского общества-должности по судебной и полицейской части Городского и Губернскаго Управленій, а также по части кредитной. Въ этихъ выборахъ участвуетъ одно или нѣсколько Отдѣленій Общей Думы, смотря по тому: одному или нѣсколькимъ сословіямъ предоставлено замѣненіе должности. Такъ, по всѣмъ городскимъ мѣстамъ, комъ вѣдомство распространяется на однѣ лица городского состоянія (Магистратъ, Сиротскій Судъ и пр.), должнѣсти замѣщаются отдѣленіями торговыхъ сословій, а по кредитной части, выборы должностныхъ лицъ отъ города, предоставляемый-закономъ одному купечеству, производится однимъ купеческимъ отдѣленіемъ. Сроки выборовъ располагаются такимъ образомъ, чтобы въ одно время сдѣлалась только часть чинныхъ, принадлежащихъ къ одному мѣсту или установленію, дабы общему переѣздомъ служащихъ по выбору лицъ не произвесть замѣнительства въ теченіи дѣлъ. Каждое Отдѣленіе Общей Думы замѣняетъ свои должности не иначе, какъ изъ лицъ того сословія, коему принадлежитъ каждая должность, и при этомъ можетъ выбирать какъ самихъ Гласныхъ, такъ и прочихъ гражданъ.

«Изъ дѣлъ совѣщательныхъ, сужденію и рѣшенію Общей Думы, по одному изъ Отдѣленій, или же по нѣсколькимъ, или наконецъ по всѣмъ вмѣстѣ, подлежатъ: а) Представленіе правительству о нуж-

дахъ и пользахъ общественныхъ; б) Рассмотрѣніе предложеній начальства о дѣлахъ, до общества относящихся; в) Утвержденіе городской обывательской книги, по которой признаются общественныя и гражданскія права столичныхъ жителей, а также окончательная повѣрка списка лицъ, имѣющихъ право голоса въ собраніяхъ; г) Постановленіе приговоромъ объ устраненіи отъ выборовъ людей порочныхъ и несостоятельныхъ; д) Составленіе приговоромъ о введеніи новыхъ общественныхъ сборовъ и складокъ, на основаніи закона; е) Рассмотрѣніе предложеній о приобрѣтеніи или отчужденіи городской собственности, а также о лучшемъ употребленіи оной; ж) рассмотрѣніе и повѣрка смѣтныхъ названій и отчетовъ по общественной казнѣ; з) назначеніе жалованья служащимъ по выбору лицамъ; и) выдача похвальныхъ листовъ, въ знакъ одобренія общества, тѣмъ изъ нихъ, кои отличили себя усердіемъ къ общей пользѣ и отличными исполненіемъ обязанностей; і) всѣ вообще случаи, когда законъ требуетъ общественнаго постановленія или приговора.

«Въ сужденіяхъ о каждомъ изъ помнѣванныхъ дѣлъ участвуетъ только то Отдѣленіе Общей Думы, до котораго самое дѣло, по существу своему, относится. Ни одно Отдѣленіе не можетъ входить въ сужденіе о предметахъ, не касающихся его сословія. Напротивъ того, всякое дѣло, относящееся до нѣкоторыхъ сословій вмѣстѣ, разрѣшается не иначе, какъ по согласію соответствующихъ Отдѣленій Общей Думы.

«Общая Дума не дѣлаетъ отъ себя непосредственно никакихъ распоряженій. Всѣ постановленія оя передаются въ Думу Распорядительную для надлежащаго исполненія. Если послѣдняя затруднится приведеніемъ въ дѣйствіе сказаннаго постановленія въ дѣйствіе сказаннаго постановленія, то ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права сама собою она отступить, но или предлагаетъ о причинѣ своего несогласія, чрезъ Городскаго Голову, разсужденію Гласныхъ, или представляетъ о томъ Гражданскому Губернатору, который, если не успѣетъ согласить производимаго разномыслія, вноситъ дѣло, съ своимъ заключеніемъ, на рѣшеніе Главнаго Начальника Губерніи.

«Городское Депутатское Собраніе, состоящее при Общей Думѣ, раздѣляется, по-

добно ей, на пять Отдѣленій. Въ каждое изъ нихъ назначается соответственнымъ Отдѣленіемъ Думы по пяти Гласныхъ, срокомъ на одинъ годъ. Предсѣдательство въ Депутатскомъ Собраніи принадлежитъ тѣмъ же лицамъ, которые предсѣдательствуютъ и въ Общей Думѣ, то есть Городскому Головѣ въ случаѣхъ важныхъ и во время общаго собранія Депутатовъ всѣхъ сословій, или же Старшинамъ—каждому по своему сословію. Депутатское Собраніе (по Отдѣленіямъ) ведетъ: во-первыхъ, городовую обывательскую книгу, составляемую въ основаніи 1,501 ст. Зак. о Сост., и, во-вторыхъ свѣсокъ лицъ, имѣющихъ право голоса въ общественныхъ собраніяхъ.

«Распорядительная Дума составляется, подл предсѣдательствомъ Городскаго Головы, изъ опредѣленнаго Числа Членовъ по выбору отъ каждаго изъ городскихъ сословій, именно: трехъ—отъ помѣщичьихъ дворянъ, трехъ—отъ личныхъ дворянъ, почетныхъ гражданъ и разночинцевъ, трехъ—отъ купцовъ, и трехъ—отъ мѣщанъ и ремесленниковъ. Члены эти избираются соответственными Отдѣленіями Общей Думы, и утверждаются въ должности Гласныхъ Начальникомъ Губерніи, срокомъ на четыре года (*). Кромѣ того, для упроченія вышшняго порядка въ дѣлопроизводствѣ Думы, Правительство признало нужнымъ назначать еще отъ себя одного отвѣтственнаго чиновника, который, подл названіемъ Члена отъ Коронъ, будетъ опредѣляемъ, по представленію Главнаго Начальства Губерніи, Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, срокомъ на три года. На него возлагается ближайшее и исключительное заведываніе Бухгалтеріею и Контролемъ для обезпеченія правильности счетоводства, которое лежало до-сихъ-поръ на отвѣтственности самаго Головы и всѣхъ членовъ. Въ дѣлахъ-же совѣщательныхъ и распорядительныхъ, чиновникъ этотъ участвуетъ по иначѣ,

(*) Городской Голова, какъ лицо, непосредственно слѣдующее, въ порядкѣ мѣстнаго управленія, за Гражданскимъ Губернаторомъ, полагается за урядъ въ V классѣ (наравнѣ съ Вице-Губернаторомъ), если не имѣетъ высшаго чина. Всѣ Члены Распорядительной Думы считаются въ VI классѣ (наравнѣ съ Совѣтниками Губернскаго Правленія).

какъ въ общемъ присутствіи, вмѣстѣ съ избранными отъ общества членами.

Предметы вѣдомства Распорядительной Думы весьма обширны и объемяютъ всѣ важнѣйшія отрасли правительственнаго управленія столицей. Сюда относятся: а) *Дѣла внутренняго благоустройства*, какъ-то: попеченіе о правильномъ составленіи общества, охраненіе общественныхъ правъ и преимуществъ, распоряженія по выборамъ, охраненіе тишины и порядка въ сословіяхъ, и проч. б) *Дѣла общаго благоустройства*, а именно: попеченіе о народномъ хозяйствѣ вообще и о продовольствіи города въ особенности, о расширеніи торговли и промышленности, о водвореніи и поддержаніи въ нихъ должнаго порядка и проч. в) *Общественное хозяйство*, въ составъ коего входятъ разныя недвижимыя имущества и движимыя бумажы, городу принадлежащія. Кроме того Дума предостойтъ оказывать должное содѣйствіе казенному управленію, посредствомъ ближайшаго надзора за дѣйствительными подвѣдомственныхъ Управъ при сборѣ податей и исправленіи разныхъ повинностей.

По всѣмъ этимъ предметамъ вѣдомства, Распорядительная Дума дѣйствуетъ отдѣльно отъ Губернскаго Правленія и подчинена: въ общемъ порядкѣ управленія — Прасительствующему Сенату, а въ мѣстномъ — Начальникамъ Губерній.

Въ вѣдѣніи Распорядительной Думы состоятъ: а) *Городская Торговая Полиція*: для повѣрки торговыхъ правъ всѣхъ продавающихся въ городѣ лицъ (Торговые Депутаты) и для наблюденія за порядкомъ торга (Торговые Смотрители и Старосты). б) *Городская Хозяйственная Полиція*: для присмотра за городскими имуществами (Хозяйственные Смотрители или Приставы), для переоцѣнки имѣній, подлежащихъ поземельному налогу (Оцѣночные Депутаты), наконецъ для сбора городскихъ суммъ и вообще для исполнительныхъ дѣлъ по общественной казнѣ (Хозяйственные Комиссары); в) *Городскія Прислужныя Службы*: для свидѣтельственной дѣловъ (Нотариусы и Миллеры); для публичной описи и оцѣнки частныхъ имуществъ (Дворобойственныя Свидѣтели и Экспоненты) и для аукціонныхъ продажъ (Аукціонная Клемера).

Внутреннее управленіе городскихъ сословій составляется, какъ уже сказано, изъ 1) Купеческой Управы, 2) Мѣшач-

ской Управы, 3) Ремесленной Управы, 4) Управы иностранныхъ ремесленныхъ цеховъ и 5) Управы наемныхъ служителей и рабочихъ. Сіи учрежденія состоятъ въ равной степени и, не завися одно отъ другаго, подчиняются одной Распорядительной Думѣ. Купеческая, Мѣшачская и Ремесленная Управы состоятъ подъ предсѣдательствомъ Старшины соотвѣствующаго Отдѣленія Общей Думы, изъ опредѣленнаго числа Членовъ, избранныхъ теми Отдѣленіями, и Засѣдателей отъ иногородныхъ.

Вѣдомству ихъ подлежатъ: а) *Внутреннее устройство сословій*, какъ-то: дѣла о причисленіи и увольненіи лицъ, выдѣла шашпортовъ и выдѣлы, раздѣленіе сословія на цехи, участки и пр., охраненіе общественныхъ правъ, распоряженія по выборамъ, поддержаніе порядка и тишины въ сословіи, и проч. б) *Дѣла общественнаго благоустройства*, именно: попеченіе о правильномъ и законномъ производствѣ промысловъ, призваніе большихъ и мелкихъ, а также словесный разборъ належащихъ споровъ и жалобъ, не подлежащихъ, по существу своему, судебному разсмотрѣнію. г) *Отправление повинностей*, государственныхъ, городскихъ и общественныхъ, куда принадлежатъ: распоряженія по раскладкѣ податей и разныхъ сборовъ, вниманіе оныхъ установленнымъ порядкомъ, отсылка собранныхъ денегъ по принадлежности, выдѣла торговыхъ свидѣтельствъ или удостовѣреній на полученіе оныхъ (смотря по сословію), распоряженія по исполненію рекрутской повинности и проч. д) *Распоряженія по недвижимымъ имуществамъ и движимымъ суммамъ* каждаго сословія. Кроме того, Управамъ предостойтъ особенно оказывать дѣятельное содѣйствіе *Полицейскому Управленію* города, посредствомъ исполненія его распоряженій, доставленія справокъ и вообще домашняго наблюденія за подвѣдомственными лицами. По дѣламъ казеннымъ, Упра выносятся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Казенною Палатою и другими мѣстами и лицами, до концы сіи дѣла относятся. Управы положены въ равной степени съ указанными мѣстами. Въ вѣдѣніи ихъ, каждой по принадлежности, состоятъ: а) Старосты съ Помощниками и Десятскими, для завѣдыванія гальдіею, участкомъ или цехомъ въ порядкѣ исполнительно-полицейскомъ. б) Сборщики съ Помощниками, для вниманія податей и

разныхъ сборовъ. Кромѣ того, въ вѣдѣніи Управъ по ремесленнымъ цехамъ, находится: а) Собраніе Присяжныхъ Мастеровъ, для испытанія въ ремесленномъ искусствѣ, разрѣшенія дѣлъ, до сего некусава относящихся, оцѣнки ремесленныхъ издѣлій и проч. б) Цеховые Реме-сленные Маклеры, для завѣдѣльствованія актовъ о личномъ наймѣ и для веденія письменныхъ дѣлъ по цехамъ.

«Что касается до устройства цеховъ служебныхъ и рабочихъ, то оно устанавливается на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ: а) Цехи эти составляются изъ всѣхъ людей, промыслающихъ въ городѣ всякимъ выдѣломъ наемныхъ работъ и услугъ. Тамъ нѣтъ, кой приписаны къ столичному городу или нѣбютъ по закону право приписаться къ своему, вступаютъ въ цехъ подѣ именемъ вѣчно-цеховыхъ; всѣ же прочія лица, то-есть погородные мѣщане, крѣстьяне разныхъ наименованій, вольно-отпущенные немѣщобные еще постоян-ной оубѣдлости, крѣпостные люди, отпу-щенные по паспортамъ и т. п., приписываются къ цехамъ на правѣ еременно-цеховыхъ. Въ обоихъ случаяхъ, вступле-ніе въ цехъ совершается самымъ про-стымъ образомъ, безъ предварительнаго согласія цеха, по распоряженію его непосредственнаго Начальства. Вслѣдствіе сего, приписавшіеся отвѣчаютъ лично за исправность платежа податей и исполне-нія другихъ повинностей, безъ цѣлкой въ томъ отвѣтственности со стороны цеха. б) Число цеховъ устанавливается сообразно съ числомъ принадлежащихъ къ одному людей; сіи цехи учреждаются по роду промысла, и кромѣ того, по частямъ города, въ случаѣ многочисленности приписав-шихся; они открываются по предѣленію Управы, съ разрѣшенія Гражданскаго Гу-бернатора. Цехи могутъ быть подраздѣля-емы на артели, которыя обставляются, съ вѣдомъ и разрѣшенія цеховаго началь-ства, изъ людей, имѣющихъ однородное занятіе и принимающихъ круговое другъ-за-друга ручательство, по примѣру изда-на существующихъ биржевыхъ артелей. в) Изъ числа вѣчно-цеховыхъ наемныхъ служителей и рабочихъ, Распорядитель-ная Дума выбираетъ ежегодно пятиле-тніе членовѣкъ, не моложе двѣнадцати-одно-го года, неопоротенныхъ души, имѣ-ющихъ добрую нравственность, и пре-имущественно изъ людей достаточныхъ. Эти пятидесять выборныхъ составляютъ

Собраніе, которому предоставляются: во-первыхъ, выборы по своему внутреннему управленію, и во-вторыхъ, рассмотрение своихъ общественныхъ дѣлъ, которыя, по прочимъ сословіямъ, вѣдаются въ надлежащихъ Отдѣленіяхъ Общей Думы. Это Собраніе созывается, въ случаяхъ, зако-номъ опредѣленныхъ, или вслѣдствіе осо-быхъ приказаній Начальства, подѣ пред-сѣдательствомъ одного изъ Членовъ Управы, и составляетъ приговоры, по волеѣ дальнѣйшее исполненіе, предоставленіе Начальства и прочее, принадлежитъ той же Управѣ. г) Управа, завѣдывающая це-хами наемныхъ служителей и рабочихъ, составляется изъ Предсѣдателя и опредѣ-леннаго числа Членовъ. Предсѣдатель вы-бирается Распорядительною Думою (изъ числа чиновниковъ); Члены избираются, частью тою-же Думою (изъ чиновниковъ-же), а частью — Собраніемъ вѣчно-цехо-выхъ, о которомъ упомянуто выше (изъ числа коренныхъ членовъ городского об-щества). Предсѣдатель утверждается въ должности Главнымъ Начальникомъ Гу-берній; Члены-же — Гражданскимъ Губер-наторомъ. Управа можетъ быть раздѣле-на, для большаго удобства въ дѣятельнѣ, на нѣскольکو Отдѣленій. д) Предметы за-ватей сей Управы суть тѣже самыя, какіе отнесены къ обязанности прочихъ со-словныхъ Управъ. На нее-же возлагается выдача билетовъ для жительства, кото-рыя назывались доселѣ адресными. е) Въ вѣдѣніи Управы состоитъ, на общемъ ос-нованіи, Цеховые Старосты и Маклеры (а если пужно и особые Сборщики) по выбору вѣчно-цеховыхъ наемныхъ служителей и рабочихъ, назначенныхъ для се-го Распорядительною Думою.

Таковы главные основанія преобрѣ-зованія въ управленіи столицы. Заключимъ нашу статью тѣми же словами, которыми оканчивается и рассмотрѣ-ная нами брошюра:

«Общее благо можетъ быть достигнуто только при единодушныхъ усиліяхъ всѣхъ и каждаго. Итакъ, да истребится всѣ частные виды и расчеты между со-гражданами, которыми милосердіе Мос-варка указываетъ обширнее и возвышеннее поприще! Себялюбивое нерадіе къ де-лу общественному столь-же глубоко и преступно, какъ и самоартаваніе престо-ки въ дѣлахъ управленія.

«Отъ высшихъ государственныхъ сословій ожидается благій примѣръ, ибо по подобнымъ ли примѣрамъ должно поддерживаться и возвыситься паричаніе благородное, истекающее отъ качества и добродѣтели предковъ.»

«Отъ сословій среднихъ, поддерживающихъ вещественное развитіе Государства, зависить нынѣ, благороднымъ соревнованіемъ въ общемъ дѣлѣ, утвердить то сословіе, которое, по словамъ Мудрой Государыни, истекаетъ изъ труда и добрыхъ нравовъ.»

«Вѣрныя поначеніе о городскихъ нуждахъ и пользахъ дружному содѣйствію всѣхъ призваній къ сему сословію, Правительство впослѣдствіи найдетъ, что это важное дѣло, которому должно быть положено прочное и вѣрное основаніе, совершится со всею законностію и правдивостію, со всѣмъ достоинствомъ и искренностію, которыхъ настоятельно требуетъ и частная польза и благо общее.»

229) О Гольдсмитѣ и его Твореніяхъ. *Санктпетербургъ. 1846. Въ тѣхъ. Штѣба Отд. Корп. Внутр. Стражи. Въ 8-ю д. л. 68 стр.*

Переводъ біографіи, составленной Вальтеромъ Скоттомъ изъ сочиненій біографа Пріора. Она не лишена занимательности не только по отчетливому изображенію личности Гольдсмита, но и по довольно-искусному очерку нравовъ его времени. Жаль только, что сочиненіе это слишкомъ-отрывочно. Не можемъ сказать навѣрное, что послужило ему поводомъ: вѣроятно, переводъ «Векфильдскаго Священника», гдѣ эта самая біографія помѣщена въ весьма-неудовлетворительномъ извлеченіи. Не лучше ли было бы, вмѣсто извлеченія, помѣстить тамъ всю нынѣ-изданную брошюру: и изданіе «Векфильдскаго Священника» было бы полнѣе, и брошюра не вышла бы въ нашей литературѣ такого одинокаго вида, какъ теперь. Впрочемъ, что дѣлать? *Случай смисль такой...* Вотъ ужъ что касается до языка, который переведена біографія, на это нѣтъ извиненій, и за него нельзя поблагодарить переводчика: языкъ нестерпимо-дуренъ!

«Безъ сомнѣній» (говоритъ переводчикъ) «демонъ гордости вдохнулъ въ сотоварищей коллегій нашихъ пошлую мысль пользоваться при обѣдахъ и въ собраніяхъ службою бѣдныхъ дѣлаемыхъ, которые, бывъ томины жадной къ простѣшанію, пользуются милостивыми вкладками, и пр. (Стр. 17, въ выносѣхъ.)»

«Новый знакомецъ удержалъ Оливьеру провести съ нимъ ночь... (Стр. 24.)»

«Вопросъ о томъ, чтобы Оливьеру предназначить какое либо званіе... (Тамъ же.)»

«Впечатлѣнія, произведенныя въ Оливьерѣ Шотландіею, и язвительно выражены въ письмѣ его къ другу, жившему въ Баламагопѣ, показываютъ, къ чему Гольдсмитъ въ эту эпоху жизни направляетъ умъ и привычки свои къ наблюденіямъ (вмѣсто наблюдательности).» (Стр. 25.)

Очевидно, переводчикъ, — что бы онъ ни былъ, Русскій или иностранецъ, — долженъ позаняться русскими языкомъ съ первыхъ страницъ грамматики.

230) Священныя Псаломныя Древняго Стона, или *стигаторитскіе переложеніе псалмовъ, составляющихъ Псалтирь. Изданіе Кораблева и Сыркова. Санктпетербургъ. 1846. Въ тѣхъ. Фишера. Въ 8-ю д. л. 350 стр*

Многіе изъ нашихъ поэтовъ, отъ Ломоносова до г. Языкова включительно, переводили псалмы Давида, и все-таки нашъ церковно-славянскій переводъ остался и навсегда останется превосходнѣйшимъ переложеніемъ Священныхъ Псаломныхъ. На это есть двѣ причины: одна заключается въ духѣ неизвѣстнаго виновника церковнаго перевода; другая — въ свойствахъ языка, на которомъ онъ сдѣланъ. Мы полагаемъ, что въ первые вѣка христіанства, да притомъ еще у народа, по самому издѣчеству своему чистаго отъ тягости многообразныхъ земныхъ помысловъ и грѣховныхъ дѣлъ, благодатный свѣтъ священныхъ псаломныхъ несравненно-легче могъ проникать въ сердца и возбуждать въ нихъ то живое сочувствіе въ священнымъ письменамъ, безъ котораго такое переложеніе не можетъ быть *явно* въ настоящемъ смыслѣ слова

Какъ бы ни былъ силенъ върою чело-
вѣкъ нашего времени, никогда не пре-
взойдетъ ему... что мы говоримъ, ни-
когда не сравнится ему съ первыми
христианами въ той святой неомра-
ченности чувствъ, которая украшала
ихъ души, свободныя отъ бремени
мудрствованій и сомнѣній. Таково, чело-
вѣкъ, что ничто пережитое не уни-
чтожается съ корнемъ въ его умѣ и
сердцѣ! Таково и человѣчество въ сво-
емъ вѣчномъ развитіи: никакая мысль,
обхватывшая умы, никакое чувство,
двигавшее народы въ извѣстный пери-
одъ времени, не исчезаетъ безъ слѣ-
довъ, безъ осадка, часто почти неви-
димаго, но ничѣмъ не истребимаго!
Этотъ-то осадокъ за-одно съ новыми
элементами жизни, непрерывно умень-
шается въ немъ сочувствіе ко многимъ
предметамъ, имѣвшимъ въ свое время
силу по-видимому несокрушимаю. Раз-
витіе матеріальныхъ благъ и свободна-
го мышленія — вотъ что съ каждымъ
днемъ удаляетъ насъ отъ той безгрѣ-
ховной чистоты, которая, въ первые
времена христіанства, приводила бла-
гостыню въ сердца юныхъ народовъ,
въ сердца неотягченныя обиліемъ ве-
щественныхъ нуждъ и сомнѣніями
кличаваго разума. Тогда притекали
къ ней съ младенчески-пламенною лю-
бовію; нынѣ — съ трепетомъ погрѣшив-
шихъ. Итакъ, помянутое живое сочув-
ствіе умалено въ насъ тяготою прожи-
тыхъ опытовъ и новыхъ суетныхъ
стремленій.

Вотъ первая причина, по которой
преимущественно выдѣлительной силы (въ
той мѣрѣ, какъ она должна быть въ
переводчикѣ) всегда останется за
церковно-славянскимъ переложеніемъ
Псалтири. Всѣмъ извѣстны многіе пре-
красные переводы псалмовъ, суще-
ствующие на русскомъ языкѣ; но если
разобрать ихъ со вниманіемъ, нельзя
не замѣтить въ нихъ того недостатка
сочувствія, о которомъ мы упоминали;
прочтешь новый переводъ, полюбишь-
ся въ некоторымъ красотами (большею
частью несвойственными предмету и
принадлежащими личности и эпохѣ

Т. XLVII. — Отд. VI.

переводчика) — и вспомнишь о церков-
но-славянскомъ текстѣ, какъ о высотѣ
недостигаемой. Но никогда не случа-
лось намъ такъ сильно убѣждаться въ
неподржаемой красотѣ его, какъ те-
перь, при чтеніи *Селщенныхъ Пѣснопѣ-
ній Древляно Сиона*. Такъ все въ этой
книжѣ холодно, сухо, что мы давно уже
не встрѣчали стиховъ болѣе-прозраче-
скаго свойства. Вотъ, на-примѣръ, XIV
псаломъ, тотъ самый, который былъ
уже переведенъ г. Языковымъ («Кому,
о Господи, доступны Твои Сионскіи вы-
соты» и пр.): каково читать его вотъ
въ такомъ видѣ:

«Кто, Господи, въ Твоемъ жилищѣ го-
лворится,
Кто на святой горѣ Твоей посмѣетъ жить?
Тотъ, кто есю жизнь свою бытъ испо-
рочнымъ тищится,
Кто правду, истину, въ души своей
хранитъ,
Языкъ отъ клеветы удерживаетъ умъетъ,
Зла ближнимъ не творитъ, и въ срамъ
не вводитъ ихъ;
Тотъ, кто крамольниковъ лукавыхъ пре-
зираетъ,
Болящимся Творца честь любитъ возда-
вать,
Клянется ближнему, и въ спль не из-
мѣлляетъ;
Сребра въ ростъ никому не смѣетъ от-
давать,
И не беретъ даровъ невинному въ обиду,
Кто поступаетъ такъ, неколебимъ во
сплькъ.

И на всѣхъ трехъ-стахъ-тридцати
страницахъ «Священныхъ Пѣснопѣ-
ній» нѣтъ ни одного стиха, который
не поражалъ бы насъ такою же проза-
ичностью. Подтверждать этого сужде-
нія выписками невозможно, ибо въ
немъ нѣтъ и тѣни преувеличенія, такъ
что подтвердить его вполне можетъ
только самая книга, — въ ней триста-
тридцать страницъ...

Вторая причина превосходства цер-
ковно-славянскаго перевода Псалтири,
какъ сказано выше, заключается въ
языкѣ. Во-первыхъ, языкъ, на кото-
ромъ написаны наши церковныя кни-
ги, какъ рѣчь народа, еще недостиг-

Ъ

шаго периода подчас развитіи умственных силъ, поражаетъ обаяніемъ живописныхъ образовъ, еще незамѣдившихся отвлеченными терминами, условными іероглифами. Нѣтъ нужды доказывать, что такой языкъ вообще заключаетъ въ себя болѣе поэзіи и въ особенности удобствъ нашего новаго языка для передачи восточнаго характера формы святыхъ чувствъ и мыслей псалмопѣвца. Во вторыхъ, созвывая сказанное выше о сочувствіи къ священнымъ пѣснопѣвіямъ, мы не можемъ не ощущать какой-то удивительной гармоніи между ихъ предметомъ и древнимъ нарѣчіемъ, отжившимъ вмѣстѣ съ чистотою чувства, мыслей и стремленій младенческихъ обществъ первыхъ временъ христіанства.

Новѣйшіе переводчики псалмовъ болѣею частью ложно понижаютъ прелесть древняго церковно-славянскаго языка. Нѣкоторые даже и вовсе не понижаютъ ея, полагая, что стоитъ только употребить обстоятельныя формы рѣчи и стихотворные обороты для того, чтобъ приблизиться къ дивной красотѣ нашего церковнаго перевода. Вѣроятно, что такъ думаетъ и авторъ книги, меланной гг. Кораблевымъ и Свирковичемъ: его языкъ блѣднѣе и волиитъ до усыпительности; слѣдовательно, напрасно было бы искать въ немъ и тѣни близости къ языку церковно-славянскому. А между-тѣмъ, языкъ новаго редактора переполненъ устарѣлыми формами русскаго языка и русской версификаціи, и нельзя не догадываться, что чело-вѣкъ, издавшій свои стихотворенія въ текущемъ 1846 году, впадъ въ такую странность единственно отъ плохаго уразумѣнія сущности красоты, подъ которой объяснилъ себя иначе стихи, подобныя слѣдующимъ:

«Съ Тобой, мой Богъ, меду я стѣны
предлажу», (Стр. 33).

«Меня обидѣи ясы, мной злыя овладѣ-
ди», (Стр. 43).

«Сосѣднѣ стѣны мы въ косячннхъ
повосно. (Стр. 176).
«О Боже! отъ меня нелицись не уда-
ляйся». (Стр. 153).

Самую тяжесть стиха авторъ, кажется, считалъ весьма-приличною предмету, и потому уснажалъ свое преложеніе стихами, подобными слѣдующимъ:

«Не вѣдомъ ничего съ собой самъ, уми-
раетъ»

«И слава въ сѣдѣхъ въ ннхъ въ ннхъ
на ннхъ ннхъ»

«Пока живи, есди ето возмощи, убла-
жай». (Стр. 108).

Или:

«Ты землю утѣраешь, наша буди на
сннхъ»

«Добы ео еси и еи еси еи на волнѣхъ
балесъ». (Стр. 227).

Или:

«Великъ Іегова Царь царей, Богъ надъ
бсннхъ»

«Горы есннхъ, концы земли еи въ ру-
на». (Стр. 208).

Послѣ этого спрашивается, чѣмъ новый переводъ 1846 года лучше перевода, сдѣланнаго Сумароковымъ восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ? Для тѣхъ, кому не случалось читать этой статьи, выписываемъ переводъ Сумароковича мѣсто, на-примѣръ, въ XXI псалма:

Волы Васански ми объяли,
На мя свирепы львы рычать,
Лукавства множи возсѣла,
Законы правды молчатъ;
Но я надѣюсь на Бога;
Цнѣтъ ели и сара и убаса;
Надѣюсь твердо на него;
Пускай влѣтъ лодъ и адоба
И мнѣ отвори дверь гроба,
Гони изъ свѣта мя сего.

Мя львомъ тигръ окружишь,
И разорать мана хотѣи,
Горька мена учтишнхъ
И блану моему чнстятъ;
Дѣлатъ ели мнѣ одежды.

Стремись лишить мя всей надеждой;
Но Богъ отъ нихъ меня спасаетъ,
И скоро Ангелъ мнѣ повелитъ,
И свирѣй мечъ на шею промахнетъ,
Междъ несемшею возмашетъ (*).

А вотъ то же мѣсто въ изданіи гг. Короблева и Сиракова:

Насохла силы всѣ, какъ черецъ онѣ-
мѣли;
Языкъ привалнулъ къ устамъ; Ты въ
персть привелъ меня;
Моя обрѣла пель, моей адымъ саладѣи,
Прощади руки мнѣ и ноги, не щади.
И всѣ оми мои пересчитали кости:
Глядять, и зрѣдше мнѣтъ дѣлать мнѣ
мечя;
Одежды по себѣ дѣлать, и жребій не-
чуть.
Но Ты меня, Господь, въ сиротствѣ не
оставь.
Будь въ попомъ мнѣ: пусть адымъ
людей мочашъ уибууть;
Междъ жь, мой Богъ, отъ нея и отъ ме-
ча избавь.
Отъ буйволы роговъ, отъ пасты адымъ
прѣбавь.
Тебя я въ сомнѣшяхъ средѣ братьевъ
исновѣмъ. (Стр. 43).

Новая орфографія; а языкъ и вер-
бенишникія совершенно сумароков-
скіе!...

234) Курсъ Англійскаго Языка.
Составленъ преподавателемъ англійскаго
языка при Императорскомъ Александровскомъ Лицеѣ Н. Броунъ. Часть I.
Санктпетербургъ. Во французской тип.
1846. Въ 8-ю д. л. 394 стр.

Этотъ курсъ дѣлится на три части.
Вотъ что говоритъ самъ г. Броунъ о
тѣхъ раздѣленіи:

«Въ первой (части) содержатся: Алфубка,
въ ней названія буквъ выражены по воз-
можности близко русскими; легкія пред-
ложенія съ англ. разговоромъ и басни,
черезъ нихъ учащіеся знакомятся съ про-
стымъ разговорнымъ языкомъ, проводя-
ющимъ наиболѣе отъ Саксонскаго, и за-

учиваютъ употребительнѣйшія слова; на-
конецъ анекдоты, расположенныя, отно-
сительно трудности, въ строгой постепен-
ности. Съ анекдотами начинается слогъ
повѣствовательный; расположеніе ихъ на
вопросы и отвѣты заимствовано у Роберт-
сона, какъ успѣшное средство въ упра-
вленіи учащихся разговоромъ, болѣе про-
исходящимъ отъ нормандскаго, или фран-
цузскаго языка. Въ концѣ сей части по-
мѣщенъ словарь, содержащій нѣмъ истрѣ-
чающіеся въ ней слова съ значеніями
соотвѣствующими подлиннику; почему
учащіеся и безъ помощи преподавателя
могутъ одни упражняться въ переводѣ
предложенныхъ статей.

«Вторая часть заключаетъ полную Грам-
матику Англійскаго Языка. Она много
облегчаетъ иностранцевъ: ибо въ ней по-
мѣщены всѣ формы неизмѣннѣй глагола
въ спряженіи, чего не находятъ ни въ
одной еще Англійской Грамматикѣ.

«Третья часть составляетъ статьи для
перевода съ русскаго языка. Онѣ распо-
ложены, относительно трудности, въ томъ
порядкѣ, какъ и статьи первой части, и
служатъ для упражненія въ конструкціи
языка. При ней находится словарь, въ
которомъ значенія словъ выставлены со-
отвѣтственные смыслу подлинника.»

Программа эта очень хороша; не ве-
роятно объяснить себѣ, почему грам-
матика англійскаго языка помѣщена
во второй, а не въ первой части.

235) Сводъ Россійско-Латинско-
Французскаго Словаря, изданный
ишьямъ-мисаремъ, ишьярными ошьями-
камъ Исаиошъ Федоровишъ. Часть I:
А—Н. Казань. 1846. Въ университет-
ской тип. Въ 8-ю д. л. 429 стр.

Въ предисловіи въ своему словарю;
г. Федоровъ говоритъ слѣдующее о мѣ-
стѣ его составленія и изданія:

«Составляя Сводъ Россійско-Латинско-
Французскаго Словаря, я имѣлъ въ виду
три мѣли: 1) доставить обучающемуся
юношеству лучшій способъ къ приоб-
рѣтенію ашьямъ ишьярннхъ двухъ язы-
ковъ, — а почему и Россійскій Словарь
составленъ сообразно употребительнѣй-
шимъ (словарямъ?); — 2) по сходству по-
слѣднихъ двухъ языковъ, болѣе, или луч-
ше сказать, извѣдннхъ образцовъ при-

(*) Синонимъ съ текста втораго (новиков-
скаго) изданія «Сочиненій Сумарокова»
(томъ I, стр. 23).

взечь къ замятію оными;—и 3) соединивъ три языка въ одинъ общій словарь, дать возможность приобрести вмѣсто двухъ словарей одинъ.»

Первой цѣли мы рѣшительно не понимаемъ, потому-что, при объясненіи ея, или самъ составитель, или (что вѣроятнѣе) наборщикъ «Словаря» пропустилъ какое-то существительное, безъ котораго прилагательное «употребительнѣйшимъ» неизвѣстно къ чему относится. Что же касается до пунктовъ втораго и третьяго, то нельзя не согласиться, что цѣль, ими опредѣляемая, весьма-похвальна.

Достоинство «Свода» также опредѣлено предисловіемъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Я вполнѣ увѣренъ, что этотъ словарь для начинающихъ обучаться будетъ довольно удовлетворителенъ, и надѣюсь, что они найдутъ въ немъ для себя все нужное къ обогащенію предварительныхъ познаній въ этихъ двухъ языкахъ.»

Разсмотрѣвъ первую часть «Словаря», не можемъ не сказать, что и мы увѣрены въ томъ же, въ чемъ увѣренъ г. Федоровъ.

233) Методическія Приготовительныя Таблицы Всковщій Исторіи и Географіи, составленныя для облегченія приобщеній къ экзаменамъ: а) на полученіе класснаго чина по программѣ подъ лит. А; б) въ юнкера на службу по программѣ Высочайше утвержденной, и в) въ учебныя заведенія. Къ геніемъ Добролюбовымъ. Выпускъ первый. Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Отд. Корп. Внутр. Стражи. 1846. Въ 4-ю д. л. 39 стр.

Эти таблицы составлены подъ вліаніемъ принятыхъ руководствъ къ преподаванію исторіи и географіи. Разсматривая ихъ съ настоящей точки зрѣнія, т. е. какъ программы для экзаменовъ, исчисленныхъ въ вышесказанномъ заглавіи, нельзя не сказать, что онѣ могутъ быть употреблены съ пользою при повтореніи пройденнаго.

234) Сокращенная Назка Практическаго Пчеловодства, заключающая въ себя простыя, но странныя способы къ успешному размноженію пчелъ и сохраненію ихъ отъ урона; съ описаніемъ новѣйшихъ открытій, орудій и приемовъ по сей промышленности. Соч. Н. Витвицкинъ. Съ 9 картинками. Санктпетербургъ. Въ тип. Губернскаго Правленія. 1846. Въ 12-ю д. л. XII и 246 стр.

Г. Витвицкій много писалъ о пчелахъ и медѣ, много печаталъ сочиненій и большихъ и небольшихъ, и толстыхъ и тонкихъ. Наконецъ, вида, что число его твореній слишкомъ разнужилось, вознигнулъ мысль выжать изъ всего имъ когда-либо написаннаго и напечатаннаго сокъ, и заключить его въ небольшой книжечкѣ, съ употребленіемъ на ея напечатаніе оберточной самой строй бумаги, чтобы книжечка была дешовенькая. Цѣль не дуриа; но что же въ томъ пользы, когда книжка плоха, когда въ ней самымъ страннымъ образомъ перемѣшиваются вещи дѣльныя съ вымыслами самого автора, внушенными ему воображеніемъ? Одинъиъ словомъ, мы по поводу и этого новаго сочиненія господина Витвицкаго должны съ сожалѣніемъ повторить то же, что всегда говорили о твореніяхъ этого пчеловода, что «науку» пчеловодства едва-ли кто увидѣтъ изъ его книжечки.

235) Ручная Книга Русской Опытной Ховяйки (.) составленная изъ сорокалѣтнихъ опытовъ и наблюдений доброй хозяйки русской К. Авдѣевой. Изданіе пятое. Въ 2-хъ частяхъ. Санктпетербургъ. Въ тип. военн.-учебныхъ заведеній. 1846. Въ 12-ю д. л. Въ 1-й части XIII и 226, во 2-й — 215 стр.

Пятое изданіе!.. и притомъ замѣтите, что первое изданіе вышло въ свѣтъ въ 1842 году: значитъ, въ четыре года пять изданій!.. Что же къ этому прибавить? Г-жа Авдѣева приобрѣла въ русской мушкетерской литературѣ первое мѣсто послѣ русскаго Кароля—доктора

Пуза. Самъ докторъ Пуза не откажетъ ей въ правѣ на такое содѣяство, потому-что если творенія доктора Пуза приравлены острою философіей, то и сочиненіе г-жи Авдѣевой написано весьма пріятнымъ, лакомымъ слоюзомъ, и снабжено предисловіемъ, въ которомъ даже есть въ нѣкоторомъ родѣ философія,—конечно, кухонная, но это самая здоровая безвредная философія. Впрочемъ, о книгѣ г-жи Авдѣевой мы уже говорили не разъ, по поводу первыхъ изданій, а теперь можемъ только прибавить, что пятое изданіе весьма-опрятно и недорого.

236) Хозяйка-Экономка. *Собраніе новыхъ опытовъ и наблюденій въ домашнемъ хозяйствѣ*, К. Авдѣевой, сочинительницы *Ручной книги Русской опытной хозяйки*. Санктпетербургъ. Вѣтп. военно-учебныхъ заведеній. 1846. Въ 12-ю д. л. 144 стр.

Это собраніе новыхъ опытовъ и наблюденій служитъ дополненіемъ къ первымъ четыремъ изданіямъ Ручной Книги Русской Опытной Хозяйки; — книга полезная, какъ потому, что содержитъ въ себѣ дѣльные наставленія, такъ и потому-что иллюстрируетъ одно изъ первыхъ четырехъ изданій Ручной Книги Русской Опытной Хозяйки. избавляетъ отъ надобности покупать пятое изданіе.

237) Записки для Городскихъ и Сельскихъ Хозяекъ, содержащія въ себѣ свѣдѣнія о скотоводствѣ, птицеводствѣ, садоводствѣ, огородничествѣ и разныхъ хозяйственныхъ предлѣтлахъ, какъ-то: мышь, блекнѣ, чмшцнн, прнштовленнн домашнихъ снадобовъ и пр. Собранны К. Авдѣевой. Изданы второе, дополненное. Санктпетербургъ. 1846. Вѣтп. военно-учебныхъ заведеній. Въ 12-ю д. л. 354 стр.

Мы уже говорили объ этой книгѣ при выходѣ ея первымъ изданіемъ. Теперь можно только прибавить, что второе изданіе сдѣлано весьма-опрятно и тщательно, и сверхъ того дополнено разными новыми статьями.

238) Руководство къ вытапливанію и очищенію сала, дѣланію салмыхъ, стеариновыаъ, восковыаъ и друаыхъ свѣчей и варенію асъаъ сортовъ мыла. Составилъ А. А.—въ. *Съ чертѣжами. Санктпетербургъ. Въ тип. Фишера. 1846. Въ 12-ю д. л. 169 стр.*

Приготовление свѣчей—весьма-важный предметъ, на который у насъ еще мало обращено вниманія. Хорошее освѣщеніе сохраняетъ зрѣніе и доставляетъ комфортъ, котораго не знаютъ люди, употребляющіе у себя гадкія, плавущія и вонючія салныя свѣчи. Сверхъ того, приготовленіе свѣчей—фабрикація весьма простая, которая доступна средствамъ нашихъ помѣщиковъ и могла бы составить для нихъ полезную отрасль промышленности, доставивъ имъ выгодный сбытъ сала и воска. Въ этомъ случаѣ, изданное г. А. А.—вымъ наставленіе можетъ служить довольно-хорошимъ руководствомъ, потому-что оно составлено весьма-добросовѣстно и съ достаточною полнотою. Оно раздѣлено на три главы. Въ первой говорится о салѣ: здѣсь изложены свѣдѣнія о составныхъ частяхъ и химическихъ свойствахъ сала, о салѣ въ сыромъ видѣ, о сортированіи, вытапливаніи и очищеніи сала. Конечно, о салѣ говорится здѣсь преимущественно по отношенію къ приготовленію свѣчей и мыла; впрочемъ, здѣсь есть нѣсколько полезныхъ замѣчаній, могущихъ служить руководствомъ собственно къ добычанію сала, и съ этою цѣлью помѣщена въ концѣ статья о сбытѣ сала.—Во второй главѣ говорится о приготовленіи свѣчей; здѣсь перечислены всѣ роды свѣчей, и извѣстныя и неизвѣстныя въ Россіи, какъ-то: салныя разныхъ родовъ, стеариновыя (описаніе выдѣлки которыхъ не очень-полно), восковыя, спермацетовыя, свѣчи съ свѣтлыми древесными (кашкхъ у насъ и не выдано еще), свѣчи съ свѣтлыми подвѣжными, и пр. Лучшая часть этой главы—приготовление салныхъ свѣчей, изложенное обстоятельно и довольно-подробно. Последняя глава занимается мыловареніемъ и содер-

жить въ себѣ указаніе способъ приготовления мыла, какъ простаго, такъ и благовоннаго разныхъ сортовъ.

Книга полезная, и, по уваженію къ этому, преидемъ молчаніемъ о томъ, что языкъ ея не вездѣ безукоризненъ.

239) Практическая Медицина. Лекціи частно-терапевтическія профессора Лустина Давыдовскаго, изданныя Козьмою Лебедевымъ. Книги 4 и 5. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 3-ю д. л. Въ 4-й — 181, 192 и 100, въ 5 — 101—230 стр.

Въ четвертой книжкѣ окончены болѣзни лихорадочныя и начаты не лихорадочныя, которыя въ пятой продолжаютъ.

Вместо Предисловія къ пятой книжкѣ (статья вторая) содержитъ въ себѣ отвѣтъ издателя «Современнику» и «Отеч. Запискамъ». Отвѣтъ его нашему журналу показывается, что у отвѣтчиковъ иногда заходитъ умъ за разумъ. Но мы за это не сердимся...

Рассмотримъ симптомы отвѣта. Началъ издатель съ того, что рецензію «Отеч. Зап.» (книж. 3) привелъ въ искаженныя (по его мнѣнію: ясныя) мысли.

На-примѣръ, мы сказали: «антиэмпирическое направленіе медицины оказывало вредное вліяніе на учащихъ тѣмъ, что вселило въ нихъ презрѣніе къ чужимъ трудамъ вообще, иностраннымъ въ особенности». Г. Лебедевъ отвѣчалъ: эпиграфъ заключаетъ въ себѣ смыслъ болѣе обширный, а теперь говоритъ, что мы открыли въ эпиграфѣ иностранцевъ! Какая удивительная логика! Отъ-чего смыслъ эпиграфа могъ распространиться отъ введенія въ него понятія объ иностранцахъ, когда эпиграфъ говорилъ о всякомъ умоположеніи? Обширнымъ понятіемъ называется то, которое объемлетъ больше предметовъ: а *иностранный* всегда останется тѣснѣе *всякаго*, какъ бы г. Лебедевъ ни увѣрялъ насъ въ противномъ.

Издатель презабавно доказывалъ необходимость и важность русской медицинской литературы. Доказатель-

ства его слѣдующія: 1) врачи, живущіе въ городахъ, отдаленныхъ отъ столицы, по отдаленности разстоянія не имѣютъ возможности выписывать книгъ изъ-за границы; 2) врачи, перѣдко по незнанію иностранныхъ языковъ, терпятъ большой недостатокъ въ медицинскихъ книгахъ (какова логика: врачи, по незнанію иностранныхъ языковъ, терпятъ большой недостатокъ въ медицинскихъ книгахъ!), т. е., по-русски: не имѣютъ возможности читать иностранныя книги; 3) языкъ есть одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ, могущее соединить въ одно неразрывное цѣлое различныя племена, обязанная быть подданными одного и того же государства; 4) деньги, употребляемыя на покупку русскихъ книгъ, остаются въ отечествѣ; слѣдовательно, русская медицинская литература имѣетъ большую важность въ отношеніи къ государственной экономіи. Что можетъ быть страннѣе этихъ доказательствъ? Мы отвѣчали: на первое доказательство, что иностранныя книги продаются для всѣхъ мѣстъ Россіи тамъ же, гдѣ и русскія — въ столицахъ; на второе, что незнаніемъ языковъ отговариваться нельзя: правительство требуетъ и отъ поступающихъ въ университетъ и въ medico-хирургическую академію, знанія латинскаго и одного или двухъ новыхъ языковъ; на третье, что смѣшна претензія русской Французской литературы обладать въ одно цѣлое различныя племена, тѣмъ болѣе, что русскія медицинскія книги болышею частію пишутся сложными словами; на четвертое, что деньги, употребляемыя на покупку хорошихъ книгъ иностранныхъ, всегдаграмматятся съ избыткомъ темъ пользою (и общественною и вещественною), которую онѣ приносятъ.

Теперь, изъ нашего опроверженія такихъ доказательствъ, г. Лебедевъ выводитъ, что мы заключаемъ о бедности русской медицинской литературы!! Откуда жъ это взялъ онъ? Смѣшны доказательства ея нужды, пользы, важности, а не смѣшна ея нужда

и важность. Если что-нибудь ска-
зано: арифметика необходима, потому-
что показывает законы языка, то,
разумеется, каждый мѣлъ бы право
сказать: это не ея дѣло. Однакожъ, въ
этихъ словахъ нѣтъ ни малѣйшаго до-
казательства безпольности арифмети-
ки. Такъ и г. Лебедевъ говоритъ: рус-
ская медицинская литература важна,
потому-что есть плохіе врачи, что
трудно покупать иностранныя книги,
что деньги за русскія медицинскія кни-
ги остаются въ Россіи, что русскій ме-
дицинскій языкъ связываетъ въ одно
цѣлое разныя племена!! Вѣдь это то
же, что арифметика учить правильно
писать, а грамматика считать. Доводы
г. Лебедева напоминаютъ расказы объ
одномъ докторѣ, большомъ знатокѣ ло-
гики, который вмѣсто *киндеръ-бальзама*
прописалъ *бальзамъ Киндера*, принявъ
последнее слово за имя изобрѣтателя.
Виновать ли здѣсь нѣмецкій языкъ, не-
знакомый доктору? Виновать ли док-
тора, незнавшаго нѣмецкаго языка и
медицины?

Благодаря намъ за пожалованіе по-
койнаго Дальковскаго *вышедшимъ изъ*
толпы, г. Лебедевъ прибавляетъ, что
этимъ мѣняемъ, если не уничтожается
совершенно, по-крайней-мѣрѣ весьма-
много смягчается прежнее мнѣніе От.
Зап.: «прочныхъ и обширныхъ въ немъ
(т. е. Дальковскомъ) знаній не было». *Гдѣ*
же и когда мы это говорили? Пере-
именачиваніе г. Лебедева выходитъ
изъ предѣловъ и пускается въ край-
ность, — а крайности, какъ извѣстно,
сходятся. Припомнимъ слова наши,
которымъ выписаны самимъ издате-
лемъ: «антиэмпирическое направле-
ніе медицины оказывало вредное влія-
ніе на учащихъ тѣмъ, что вселяло въ
нихъ преаріе къ опыту, занятіямъ,
чужимъ трудамъ вообще, иностран-
нымъ въ-особенности, и въ замѣнъ
всего этого, давало имъ искусственное
сплетеніе силлогизмовъ. Прочныхъ и
обширныхъ знаній не имѣлось, за то
было буйство разума». Ясно, что здѣсь
говорится о учащихъ, что здѣсь нѣтъ
слова: въ немъ, что г. Лебедевъ пере-

строилъ смыслъ по-своему, согласно
требованіямъ своей логики.

Мы сказали: «русскія медицинскія
книги пишутся *большою частію* язы-
комъ тяжелымъ, книжнымъ». Г. Лебе-
девъ выводитъ отсюда, что мы сказали
такъ: «русскія медицинскія книги пи-
шутся языкомъ тяжелымъ, книжнымъ».
Гдѣ же *большою частію*? Развѣ *вся и*
большая часть—одно и то же? Если ка-
кой-нибудь докторъ вмѣсто *большей ча-*
сти лекарства прикажетъ больнымъ
принять *все* лекарство—что изъ этого
выидетъ?... Г. Лебедевъ ссылается на
отзывъ нашъ о книгѣ г. Кораблева, ко-
торая, по словамъ нашимъ, написана
правильнымъ и чистымъ языкомъ. От-
зывъ справедливый: *кромѣ большою ча-*
сти медицинскыхъ книгъ, есть *меньшая*
часть, и въ числѣ этой меньшей части
завлючается книга г. Кораблева. И та-
кія вещи кажутся г. Лебедеву проти-
ворѣчіемъ, затрудняютъ его!

Мы сказали: «гдѣ теперь *доморощен-*
ная анатомія Мухина?». Г. Лебедевъ от-
вѣчаетъ: «г. Мухинъ былъ человекъ
почтенный, патриотъ, любитель и по-
кровитель наукъ; онъ служилъ глав-
нымъ врачомъ въ Московской Голи-
цынской Больницѣ; онъ оставилъ при
Московской Медикохирургической
Академіи четырехъ русскихъ казен-
ныхъ воспитанниковъ». Очень хоро-
шо; но мы говорили объ его «Анато-
міи»: гдѣ же здѣсь анатомія?.. Опять
особенная логика!

Г. Лебедевъ говоритъ: «отъ чего
Отч. Зап., будучи отечественными,
возстаютъ противъ отечественнаго».
Это что значитъ? Не-уже-ли назвать
«Анатомію» г. Мухина плохую, филосо-
фію г. Зацѣпина потѣшнюю, а сочине-
нія г. Лебедева ничтожными и логику
его ни съ чѣмъ несообразною, значить
возставать противъ отечественнаго!..

Онъ же, г. Лебедевъ, удивляется,
что «Отечеств. Записки» безпрерывно
выставляютъ иностранныхъ знамени-
тыхъ современниковъ и ни слова не
говорятъ о людяхъ русскихъ: Голицы-
нѣ, Сперанскомъ и др. Это удивленіе
показываетъ только, что, съ одной сто-

роны, г. Лебедевъ не такъ понимаетъ, что такое исторія и биографія, въ современномъ ихъ значеніи, а съ другою — что онъ читаетъ только тѣ книжки От. Зап., въ которыхъ похваляются его сочиненія.

Слушайте дальше: «а некоторыхъ (т. е. русскихъ людей) даже стараются осмѣять. Алахъ-керимъ! ости его своею благодатью! Пусть г. Лебедевъ скажетъ намъ, гдѣ мы смѣялись надъ русскими людьми — если только слова его не забавная, безсильная выдумка! Мы смѣемся только надъ своими кривыми, какъ говаривалъ Дьяковский, надъ людьми въ родѣ тѣхъ, которые вмѣсто *киндеръ-бильдана* прописываютъ *бильдана* Киндера».

240) Каротинъ, романъ Поль-де-Кока. Переводъ Ивана Бобровскаго. Часть первая. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. К. Крайя. Въ 12-ю д. л. 148 стр.

241) Персиваль Кинъ. Романъ Мерриэта. Переводъ съ англійскаго А. Горкавенко. Четыре части. Санктпетербургъ. Въ тип. Морскаго Корпуса. 1846. Въ 12-ю д. л. 189 стр.

Каротинъ — безграмотный переводъ бѣднаго романа Поль-де-Кока; *Персиваль Кинъ* — грамотный переводъ сказки, выданной за романъ охотникамъ до анекдотовъ.

«Я оборачиваюсь и узнаю щемля изъ оркестра, который, въ самомъ дѣлѣ, кажется, намеренъ броситься ко намъ! Это заставляетъ меня смѣяться».

«Со всѣмъ тѣмъ, такъ какъ я лишился моей прекрасной незнакомки, то я долженъ утѣшить себя и вотъ лучшее средство на то — заняться другою.»

Вотъ какимъ языкомъ переведенъ «Каротинъ».

Романъ Мерриэта не только въ переводѣ, но и въ подлинникѣ лучше романа Поль-де-Кока: въ немъ есть довольно-хорошо развитая мысль о вліяніи любви и жестокости воспитателей на воспитанника (известно, что Мерриэтъ каждый свой романъ начинаетъ исто-

ріей воспитанія героя); а ужь если беллетристъ хоть мимоходомъ разсуждаетъ довольно-удачно какую-нибудь важную мысль, это можно назвать заслугой.

242) Двѣнца Отшельница, водевилъ г. Григорьева 1-го. Два Рода Безумія, драматическія сцены въ 2-хъ отдѣленіяхъ А. П. Славина. Санктпетербургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. 1846. Въ 16-ю д. л. 153 стр.

Господа Григорьевъ и Славинъ два писателя совершенно-противоположныхъ свойствъ. Г. Григорьевъ не имѣетъ никакихъ претензій на творчество: онъ просто и скромно переводитъ или передѣлываетъ французскіе водевилы; напротивъ-того, г. Славинъ стремится къ дѣятельности высоко-оригинальной и производить такіа чудныя, такіа вообразимыя, такіа ослѣпительныя драмы, что нѣтъ ему соперника въ нашей драматической литературѣ, исполняющей нейтральностию. По этому-то, не считая нужнымъ говорить что-нибудь о «Двѣнцѣ Отшельницѣ», водевилѣ, переведенномъ съ французскаго г. Григорьевымъ, какъ и вложенъ, ни мало не выходящешъ изъ обыкновеннаго теченія дѣлъ человѣческихъ и петербургскихъ, мы не въ силахъ прейти молчаливѣе новое твореніе г. Славина, вышедшее въ свѣтъ подъ заглавіемъ: «*Два Рода Безумія, драматическія сцены въ 2-хъ отдѣленіяхъ*».

Первое отдѣленіе называется «*Блжественство Безумія*»; второе «*Страдания*».

Подымается завѣсъ. Анна Алексеевна, жена бѣднаго малара Кирилла Кприловича, глядитъ платье и разсуждаетъ сама съ собою довольно-просто и вправо, по-крайней-мѣрѣ такъ, что вы не можете заключить, чтобы она была не въ своемъ умѣ; потомъ является Петровичъ: «*входитъ медленно, задумавшись, — одѣтъ странно; въ рукахъ у него табакерка; онъ нюхаетъ табакъ, не замѣчая Анны Алексеевны*». «Странная вещь» говоритъ онъ: «до»

«Снѣ-портъ я думала, что я китайскій императоръ, и вдругъ на меня надѣ-ваютъ тогу римскаго цесаря». Уви-давъ Анну Алексѣевну, онъ *рисуется* и *говоритъ гордо*: «а! вотъ одна изъ по-вѣсть моихъ вѣршала; это прищесса Кальпурнія, у ней въ ногу внаше ре-пейнику...» Мазъ этого вы замечаете, что Петровичъ—того! Но гдѣ жь тутъ *блаженство* безумія? Развѣ въ томъ, что Петровичъ, неся вѣлѣницу, пони-маетъ еще и водку? Надо думать, что г. Славинъ именно эту идею и хотѣлъ развить передъ публикой. Еслибъ цѣлю его было изображеніе безумія, какъ единственнаго, радостнаго выхо-да изъ канихъ-нибудьгорькихъ обстоя-тельствъ, то мы могли бы узнать изъ его «драматическихъ сценъ», отъ-чего рехнулся Петровичъ, а этого-то въ нихъ и не узнаете.

Во второмъ отдѣленіи, являютя но-выя лица, между прочимъ Дольская, молодая дама, жена значительнаго че-ловѣка, живущая въ роскоши и мечта-ющая о балахъ и пикникахъ, лежа на роскошномъ патѣ съ кипсекомъ въ ру-кахъ (непремѣнно съ кипсекомъ!) Ма-ло-по-малу оказывается, что она дочь той самой женщины, которая являлась на сцену въ первомъ отдѣленіи съ утю-гомъ. Стыдись своего происхожденія, Дольская не признаетъ своей родите-льницы, и родительница начинаетъ го-ворить невообразимыя вещи, на-при-мѣръ:

«Затнись солнце! падай въ звѣздамъ! Ли-куй, хохочи адъ! тебѣ готовится славная жертва! дочь хочетъ торговать именемъ матери, хочетъ купить отверженіе отъ святыхъ правъ матери, на которыя я бла-гословлена Богомъ и которыя выстрада-ла при ея рожденіи...» (Стр. 125).

Или вотъ что:

«Распадись въ дробелги черемъ! сохни мозгъ! вы, вы выдумывали, вы учили не-счастную мать, какъ ласкать, какъ веди-чать ее, дочь преступную, когда она со-сала грудь мою, — отнѣйте руки — вы вржижали ее къ сердцу! поблѣднѣй серд-

це! воадъ тебя отогрѣта эта змѣя!» (Стр. 127).

А наконецъ, ужь и вотъ что:

«Говорить, что змѣя, жабы, мыши и скорпіоны дочери? не вѣрьте этому, не-правда! дочь всегда дочь, и должна быть дочерью... и у меня была дочь!.. я вѣ-рила этому .. но теперь не вѣрю, — при-шлалъ кто-то и обратилъ ее въ змѣю... и посмотрите сколько она высосала у меня жизни!..» (Стр. 143).

«Громы, молнии, вѣтри, бури, заража-тельный воздухъ, слушайте и судите ея! она была дочь и сдѣлалась жабой!» и проч.

Довольно! Теперь вы понимаете и второй родъ безумія...

243) *Дѣтская Азбука Граждан-ская и Церковная съ примѣрами по-степеннаго чтенія и молитвами. Состав-лена для сельскихъ школъ Дн. Д. Санкт-петербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1846. Въ 16-ю д. л. 27 стр.*

244) *Руководство къ Овученію Дѣтей Чтенію по Дѣтской Азбукѣ, составленной для сельскихъ школъ. Спб. Въ тип. Императорской Академіи На-укъ. 1846. Въ 12-ю д. л. V и 14 стр.*

Насъ иногда упрекають въ излиш-ней снисходительности къ вздорнымъ книжкамъ. Правда, отъ многихъ мы от-дѣльваемся шуткою въ двухъ словахъ, потому-что большаго онѣ и не отбѣтъ; но это случается почти-всегда съ книжками для взрослыхъ; взрослый прочтетъ глупую книжку, скажетъ «взоръ!»—и дѣло съ концомъ. Книги для дѣтей и особен-но для дѣтей крестьянскихъ — другое дѣло; бѣдный ребенокъ, читая вздоръ, вѣрнѣе ему, потому-что этотъ вздоръ находится въ его книжкѣ, данной ему родителемъ или учителемъ, тѣмъ бо-лѣе, что такая книжка иногда состав-

заетъ всю библиотеку крестьянскаго мальчика. Къ такому роду валора нельзя быть довольно строгимъ; здѣсь шутки не-у-мѣста: сельское образование у насъ еще новость, а неумное обучение можетъ отвратить ребенка отъ учения; ложныя попятія могутъ искажать дѣтскій умъ надолго, если не навсегда; празднословіе, лишь звучное для взрослого и образованнаго человека, гибельно для ребенка, особенно для крестьянина, ибо затѣиваетъ природную способность мыслить, и на мѣсто читательскихъ истинъ ставитъ безплодную фантазмагорію.

Нѣсколько времени у насъ существовало убѣжденіе, что дѣтскія и народные книжки писать очень-легко, что ихъ писать всякій можетъ; вѣдь это книжки для дѣтей, или для крестьянъ, которые тѣ же дѣти по своей неразвитости, — а много ли для дѣтей нужно? что-нибудь и какъ-нибудь; дѣти критиковать не будутъ! Въ этомъ сладкомъ убѣжденіи находятъ еще многие сочинители и издатели дѣтскихъ и будто-бы народныхъ книжекъ, не говоря уже объ изданіяхъ нашей книжной промышленности. Между-тѣмъ, голосъ здраваго критика, теоретическія статьи нѣкоторыхъ просвѣщенныхъ и опытныхъ педагоговъ нанесли жестокий ударъ этимъ доморощеннымъ надѣламъ досужества. Распространяется другое грозное для празднословія убѣжденіе, а именно, что педагогія есть наука, — наука трудная и обширная; что этой наукѣ нужно учиться и въ теоріи и на практикѣ; что только глубоко-изучившій эту науку человекъ, и притомъ *опытно самъ, лично* занимавшійся преподаваніемъ, можетъ написать хорошую дѣтскую книгу; что старыя вѣдѣныя методы должны быть замѣнены методами рациональнѣйшими, основанными на познаніи природы человека и сообразными съ общимъ ходомъ наукъ, въ-особенности же съ постепеннымъ усовершенствованіемъ самой педагогіи.

Такая неожиданная, неожиданныя новость не привезла въ сужденіе нашихъ сочинителей дѣтскихъ книжекъ: равныя достоинства съ прежними, падаетъ очень-спокойно, съ тою только разницею, что теперь онѣ похваляются съ удивительными притязаніями: къ азбукѣ присоединяются мурованія о важности азбукъ, о необходимости обогащать дѣтскую память полезными свѣдѣніями, о необходимости приучать человека съ малолѣтства мыслить и рассуждать, и проч., — словомъ, все то, о чемъ настаиваетъ критика. Но, из-сжалѣнія, критика сама не пишетъ дѣтскихъ книгъ, — это не ея дѣло, и сочинители учебниковъ, выписавъ всѣ эти фразы, должны сами, безъ ея помощи, исполнять всѣ ея требованія на дѣлѣ. Задѣсь и начинается бѣда: мурованія остаются сами-по-себѣ, — а методы, выдумываемыя сочинителями, или остаются тѣми же, чѣмъ были прежде, только съ прибавкою нѣкотораго празднословія, или просто нелѣпы и къ дѣлу непримѣнныя.

Къ дѣтскимъ книжкамъ съ претензіями принадлежатъ двѣ брошюры, которыхъ заглавія мы выписали въ началѣ статьи. Эти книжки весьма-зачтеными; иногда еще не случалось намъ встрѣчать такой жестокой критиктуры на новѣйшія требованія педагогіи.

«Азбука» г-на Д. Д., — впрямую, для отличія отъ прежнихъ старомодныхъ, — начинается буквами не въ обыкновенномъ ихъ порядкѣ: а, б, в, г, и пр.; нѣтъ въ ней прежде помѣщены гласныя, а за ними, неизвѣстно почему, ж, ш, щ; потомъ уже идутъ б, в, г, д, ж, и проч.

Спрашивается: какая польза отъ такого нововведенія? Если вы начинаете азбуку съ изученія буквъ, то вѣдь попросту не сохранили прежняго, стариннаго порядка буквъ, который вовсе

не безъ смысла и не безъ пользы, хотѣ въ томъ отношеніи, что на этомъ старинномъ порядкѣ буквъ основывается возможность въ теченіе жизни легко справиться со всякимъ словаремъ, энциклопедіей, и пр. т. п.

Но мы ошиблись: въ «Руководствѣ» (стр. II) находимъ, что первое, за что должны приняться наставники: «какъ можно скорѣе показать дѣтямъ пользу изученія азбуки». Прошу не шутить! Ничто подобное этой мысли вы найдете у Песталоцци, у Стефани, у Крауса и еще въ недавнихъ статьяхъ «Отечественныхъ Записокъ» и «Библіотеки для Воспитанія». Любопытно было бы, въ психологическомъ отношеніи, узнать, какъ пришла эту мысль сочинитель новой азбуки и какъ онъ думаетъ применить эту мысль къ дѣлу?

Вы хотите прежде всего показать дѣтямъ пользу изученія азбуки, — но какъ вы ее имъ покажете на самомъ дѣлѣ?

Теоретически? — невозможно: для того, чтобъ понять теоретически пользу азбуки, надобно напередъ знать азбуку.

Практически, т. е. привлекая дѣтей занимательностью читаемаго? — оцѣнить невозможно, ибо для этого ребенку надобно уже уметь читать.

Чего же требуетъ сочинитель отъ наставника? Едва-ли это понятно самому сочинителю! А между-тѣмъ, и Песталоцци, и Стефани, и Краусъ, и «Библіотека для Воспитанія», и «Отеч. Записки» правы, тысяча разъ правы!

Предоставляемъ разрѣшenie этой загадки читателямъ; въ ней заключается разительный примѣръ, къ чему легко перенести мысль и между-тѣмъ вовсе не понимать ее.

Какой иллюстраціей образъ въ «Руководствѣ» прибавлено: «съ сею цѣлію»

(т. е. чтобъ какъ-можно-скорѣе показать дѣтямъ пользу изученія азбуки) «послѣ перахъ же следуютъ въ азбукѣ буквы, походящія на Д(ѣтской) А(збуки) для чтенія слова изъ слоговъ въ азбукѣ».

Посмотримъ далѣе въ «Руководствѣ». На стр. 3-й совѣтуется учителю овладѣть-иное, а именно: учить въ слѣдующемъ порядкѣ (послѣ гласныхъ): *ма, ша, ца, бе, ве, се, де*, и проч.

Заглянемъ въ «Азбуку» (стр. 4); тамъ еще инов — тамъ буквы слѣдующихъ порядкѣ (отд. II): *б, в, ь, е*, и проч., а *к, ж, ш, ц* разжалованы изъ первыя въ послѣднія...

Какъ же долженъ дѣйствовать учитель? чему вѣрить? А между-тѣмъ, порядокъ буквъ — дѣло весьма-важное при обученіи азбуки, и едва-ли не главнѣйшее.

Сведя эти разнорѣчія, не въразѣ ли мы спросить: да понимала ли самъ сочинитель «Азбуки», чего ему хочется отъ учителя?

Въ отдѣленіи II-мъ «Азбуки» (стр. 4) мы находимъ, что дѣтя, эммуцивъ предварительно заучивающія начеченія: *ба, бо, би, бѣ, бу, би, ба, бо, бл*, — достигаютъ наконецъ до вождѣннаго счастья произнести слово: *баба*. Да что жь тутъ новаго, ради Юпитера? куда же дѣвалась новая метода? Это метода въ старинномъ букварѣ для народныхъ школъ, съ тою разницею, что въ означенномъ букварѣ выборъ словъ гораздо-благопримичиѣе.

Дѣло въ томъ, что вся эта претензія на новую методу есть не иное что, какъ неудачная выдержка изъ «Таблицы Сладковъ», употребленной въ дѣтскихъ прикатахъ, и составленной имелемъ Одоевскимъ; но въ этой таблицѣ каждая буква присоединена къ слогу, имѣющему смыслъ, такъ-что дѣтя, эммуцивъ всего-на-все двѣ или три буквы

изъ азбуки, тотчас же может принять ихъ къ дѣлу, т. е. читать слова, изъ тѣхъ буквъ составленныя, и, слѣдственно, на самомъ дѣлѣ видѣть пользу азбуки. Объ этой истодѣ можно спорить, но она понятна и сообразна съ предположенной ей цѣлью. Правда и то, что, вѣроятно, эта таблица стоила автору продолжительной работы, послѣ многолѣтнихъ опытовъ. А стоить ли такъ трудиться для дѣтей! Написалъ что-нибудь, прибавилъ нѣсколько напыщенныхъ фразъ — и дѣло въ шляпѣ!

Само собою разумѣется, что въ азбукѣ г-на Дм. Д. съ такими претензіями нѣтъ и помина о старыхъ названіяхъ нашихъ буквъ, какъ-то: *азз, буки, веди*, — и проч. Какъ это можно! Вѣроятно, для сообразности съ современными требованиями науки, буквы называются: *бе, ве, ге, де*, и проч. Спрашивается, что отъ-того выиграли дѣти? Возмущались, и правильно, противъ названій *буки, веди, глаголь*, потому-что дѣйствительно ребенку трудно произносить: *ба*; но испытайте на дѣлѣ: какъ произнесетъ ребенокъ *бе* и *а*? Она произнесетъ *беа*, а отнюдь не *ба* — въ этомъ можете быть увѣрены. Слѣдственно, дѣло совсѣмъ не въ томъ, чтобы на мѣсто *буки* поставить *бе*, а въ какомъ-то новомъ способѣ обученія буквамъ...

Впрочемъ, за перестановку буквъ въ алфавитѣ преподаватели чтенія будутъ очень-благодарны г-ну Дм. Д.: онъ открываетъ имъ дорогу къ такой же точно славѣ, какую имѣетъ стяжать самъ въ педагогическомъ мірѣ. Пусть одинъ учитель поставитъ, на-примѣръ, Г послѣ Д, другой П послѣ Ш, третій О послѣ У, или какъ-нибудь иначе, все равно — и вотъ каждый изъ нихъ можетъ уже считать себя преобразователемъ русской педагогикѣ! Конечно, на оторванъ г. Дм. Д. есть еще изобрѣтеніе разговоровъ съ дѣтьми послѣ урока, — разговоровъ, которые, какъ онъ говоритъ, «обогащаютъ память дѣтей полез-

ными свѣдѣніями, приучаютъ ихъ съ малолѣтства основательно мыслить и разсуждать». Но не думайте, чтобы эти разговоры были очень-трудны, чтобы они въ-самомъ-дѣлѣ должны были обогащать память дѣтей полезными свѣдѣніями и приучали ихъ основательно мыслить и разсуждать. Прочтите одинъ изъ разговоровъ самого изобрѣтателя и разувѣритесь. Для разговоровъ съ дѣтьми есть у него особенный секретецъ, который вслѣдъ можетъ очень-легко переимать. Дѣло въ томъ, что г. Дм. Д. послѣ всякаго объясненія какихъ бы то ни было понятій, худо ли оно или хорошо, считаетъ нужнымъ замѣтить дѣтямъ, что придетъ-де время когда и вы, милые дѣти, будете понимать то, чего теперь не поняли. Такой, право, шутникъ!

А между-тѣмъ, въ-самомъ-дѣлѣ, разговорено было педагогами мнѣніе, что *азбука должна быть для ребенка умственной гимнастикой*. Эта мысль сначала привела въ тунникъ нашихъ сочинителей азбуку. Что тутъ за аллегорія такая?.. Говорилось также о необходимости заставлять дѣтей говорить. Это показалось понятнѣе, — и на таковомъ основаніи въ азбукахъ стали появляться примѣры разговоровъ съ дѣтьми.

Примѣры разговоровъ съ дѣтьми въ «Руководствѣ» г. Дм. Д. есть верхъ совершенства и показываютъ, какъ глубоко сочинитель извѣдалъ природу ребенка, и какъ терпѣливо изучалъ дѣтскій языкъ и ходъ дѣтскихъ понятій.

Съ первой строки толкуется о *души* и *тѣлѣ* — т. е. о самыхъ отвлеченныхъ философскихъ вопросахъ, и какъ сидѣтъ на голову падаетъ объявленіе о томъ, что «человѣкъ составленъ изъ души и тѣла» (Руков. стр. 7).

Не правда ли, что дѣти съ разу, безъ всякихъ предварительныхъ приготовленій, поймутъ такую бездѣлицу? Кто жь не знаетъ, что человѣкъ соста-

влень изъ души и тѣла? Но за то имъ, въ утѣшеніе говорится, что *когда они будутъ умнѣе, то поймутъ лучше что такое души*, а теперь говорить сочинитель: *умѣйте только отличать душу отъ тѣла* (только! не больше!..) и помните, что каждый человекъ состоитъ изъ двухъ главныхъ частей: изъ души и тѣла: (стр. 7).

Мы заставили мальчика лѣтъ семи, уже умѣющаго читать, прочитать приводимую нами страницу: мальчикъ весьма-мнѣю обратилъ къ намъ съ вопросомъ: *что такое часть?* а потомъ: *что такое главная?* голова что ли? — Вотъ какихъ критиковъ нажилъ себѣ г. Дм. Д.! построже насъ!

Вѣроятно, чтобъ умиловить этихъ придурчивыхъ критиковъ, сочинитель (въ примѣрахъ для разговора!) обращается къ нимъ съ слѣдующимъ воззваніемъ: *Дѣти! Природа представляеть неисчерпаемый источникъ для нашей любознательности. Все, что васъ окружаетъ достойно внимательнаго разсмотрѣнія*. (стр. 9 Рук.в.).

Вообразите себѣ оживленно несчастнаго дитяти, въ которому обращена эта величавая фраза! Не забудьте къ тому, что книга назначается для *сельскихъ школъ!!*

Слѣдите внимательно за ходомъ развитія растенія съ того времени, какъ оно въ видѣ маленькаго стебелька появляется изъ земли... (Рук. стр. 11).

Представьте себѣ также и фигуру деревенскаго мальчика, отъ котораго требуется: *слѣдѣть за ходомъ развитія растенія!* Что для него значить: *слѣдѣть?* что такое *развитіе?* что такое для дитяти: *ходъ развитія?*..

Все это не мѣшало сочинителю въ концѣ книжки помѣстить слѣдующія фразы:

Учащимъ должно непремѣнно внимать все, что читаетъ.

Избѣгать отвлеченныхъ идей бесполезныхъ для дѣтскаго возраста (стр. 14. Рук.в.). — Какая горькая насмѣшка!

Кто прочтетъ только эту страницу, или только предисловіе сочинителя, тотъ полумаетъ, что сочинитель преглубокій и опытный педагогъ, ибо въ этихъ словахъ дѣйствительно заключается истина. Но сказанна имъ фраза, какъ мы видѣли, взяты на-прокатъ; — и осталсь фразами, — а пустошь въ книгѣ осталась пустошью; ея дѣло егора!

До-сихъ-поръ мы рассматривали себѣ книжки г-на Дм. Д. въ предположеніи, что если уже кто принимается писать азбуку, тотъ по-крайней-мѣрѣ долженъ въ русскомъ языкѣ, знать значеніе словъ, различіе между оборотами и прочія подробности, известныя каждому порядочному гимназисту въ шестомъ классѣ. Но, дочитавъ книжку до конца, мы принуждены были отнестись и отъ этого блистательнаго предположенія.

Г. Дм. Д., взявшій на себя обязанность учить *дѣтей грамотѣ*, въ брошюрѣ, изъ 14 страницъ состоящей, пишетъ слѣдующія вещи:

«Вся верхняя часть нашего тѣла обтянута кожей» (Рук. стр. 7). Какъ *верхняя?* т. е. только голова и грудь? Сочинитель не замѣтилъ еще различія въ русскомъ языкѣ между *верхнимъ* и *наружнымъ*? Неудурно!

«Положаніе водою вымоетъ крошки изъ рта» (Рук. стр. 8). Какова конструкция фразы? Русская ли она? Вода можетъ *очищать ротъ*, *вымолакивать крошки*, *уносить съ собою*, — словомъ все, что вамъ угодно, только не *вымоетъ*. Выгоняются или изгоняются изъ училищъ лишь безтолковыя и безграмотныя книги.

«Подумайте: одно маленькое верное»

• шию, брошенное въ землю, произво-
• дить зеленое дерево... (Рус., стр.
9). Во-первыхъ, бросать въ землю — не
народное русское выраженіе; она сдѣ-
дится въ землю, или съется на землѣ,
или по землѣ; бросаютъ — на землю.
Во вторыхъ, кто кого произведетъ: ош-
ра — дерево, или дерево — ошра? варо-
дцы членовъ загадываютъ, но дитя
признаетъ отца, а деревенскій нади-
цель и земледѣлецъ, благодаря пренеде-
нцула языка, который не уиѣтъ со-
здавать съ наделями.

• Когда растеніе достигаетъ извѣст-
• ной зрѣлости, тогда образуются на
• немъ цвѣтки, которые ошавши, выпуска-
• ютъ се наружу и плоды. (Рус., стр. 11).
Не говоривъ уже о сивѣишней поточло-
сти въ описаніи столь извѣстнаго явле-
ніа: изъ ошлечности выраженіа: из-
ошавша зрѣлости, о томъ, что извѣст-
на зрѣлости не имѣетъ никакого смѣ-
сла (надлежаю сказать, разумѣется,
въ въ дѣтской книгѣ, извѣстна ст-
оль зрѣлости); не кто слышалъ на Руси
напримѣніа: извѣстна се наружу? и
ошра? членовъ не се извѣстна: цѣл-
ки или плоды? — Что за безграмот-
ность!

Восмотри на «Азбуку».

(Стр. 12) «...изъ книгъ узнаете вы
• много того, чего никогда не узнали
• бы, не уиѣ читатъ». Во-первыхъ, гал-
лицанитъ; во-вторыхъ много того — вар-
варизитъ; по-русски должно бы сказать:
много такого.

(Стр. 15) «Въ одинъ день» (по-русски
однажды) «отецъ и мать Федя позволи-
• ли ему играть съ своими товарища-
• ми». Съ чини? спроситъ невинный
ребенокъ: съ товарищами отца и ма-
тери? — Ребенокъ правъ: волюю г. со-
чинителю «Азбуки» не знать употребле-
ніа иѣстоименій!

(Стр. 16) «...Катя имѣла большой по-
• рокъ...» — самый неосмысленный изъ галли-

цизмовъ! По-русски говорится: «у Ка-
• ти былъ большой порокъ».

Та же стр. «Вы видите изъ притѣра
• Катя, что кромѣ ерда для шала, око
• (обшорства) новело въ непослушанію
• матери...» Какое оборотъ! съ разу
никакъ не доберешься здѣсь до смѣ-
сла; всего правдоподобіе, что у Катя
была непослушная мать.

(Стр. 17) «Добро, непослушное и при-
• лажное дитя въ любви и ласкѣмъ».
Каликъ шниваетъ написала такую
фразу, то его никакъ бы не пересели
въ слѣдующій классъ. Г. сочинитель
«Азбуки» ошибается даже въ согласо-
ваніи надоме съ глаголомъ? Право, ужъ
это въ-руки-вошь!

Не забудьте, читатели, что все это въ
«Азбуки», что все эти гораніа ошибки
противъ языка находятъ тогда на че-
тырехъ страничкахъ (ибо все состав-
ныа заветы буквами, ошладана и на-
таана), и что мы еще не все выписали,
пропустивъ ииіе что-ошрогрое-
честіа ошибки, какъ, на примѣ: «уи-
лѣиѣ шни» (Азб., стр. 9) и проч. г. и.

На по-правной-иѣрѣ неможе ли не-
пользоваться хотя молитвами, закла-
щимися въ «Азбуки», въ пошаритъ, по-
ошлатіа, г. Ди Д. не може отъ себя
чего прибавитъ?

Цошратъ ли читатели, что г. Ди
Д. даже молитва не перечислатъ при-
мѣна, — молитва, которая ребенокъ
долженъ учить наизусть, которая не-
обходима для развитія въ немъ рели-
гіознаго чувства, для его нравственна-
го улучшенія? И какъ пошмаетъ, что
сочинитель называетъ свою книгу
для ошловнаго шала... Неиростител-
но! Здѣсь каждая буква важна: молит-
ва — дѣло святое; здѣсь ничто не мо-
жетъ извинитъ издателя: ни неосмо-
трительность, ни доспѣшность.

Почитай народное воспитаніе въ
этомъ отношеніи предметомъ высшей

важности, как и сама терминология: дасть вам «Азбуку», назначенную сочинителем для первоначальной для обучения школы, и выписываемъ лишь несколько примечаній.

Въ «Десяти Заповѣдяхъ» (Азб. стр. 13), вмѣсто: Не сотвори себѣ кумира, напечатано: Не сотвори **ТЕБѢ** кумира; вмѣсто: Субботній — Субботи **ЛН**.

Въ «Молитвѣ Господней» (въ славянскомъ текстѣ Азб., стр. 21—22), —

вмѣсто:
на небесѣхъ
на небеси
якоже и мы
должникомъ

напечатано:
на неВесѣхъ.
на небесН.
якоже и мы.
должинВомъ.

Въ «Молитвѣ Возставъ отъ Сна», стр. 22:

вмѣсто:
въ Тебя
рабу

напечатано:
Бъ Тебя.
рТбу.

Въ «Молитвѣ Отхода ко Сну» (стр. 23), —

вмѣсто:
достигнуть
Твоей руки
благодарное

напечатано:
достигнутЪ.
Твоей руВн.
благоРарное.

Въ «Молитвѣ Передъ Обѣдомъ» (стр. 23 и 24), — вмѣсто: благовременіи, напечатано: БлагоКременіи.

(Стр. 25). Въ словѣ: Владыко, вмѣсто **В**, напечатано **Б**; вмѣсто: отъ лукаваго, напечатано отъ *лукава О*.

Въ «Псалмѣ Н» (стр. 26), —

вмѣсто:
языкъ
благоволиши
Іерусалимскія

напечатано:
языВъ.
благовоДлиши.
ІерусалимсВія.

Въ «Символѣ Вѣры» (стр. 27):

вмѣсто:
небу
свѣта
быша

напечатано:
неБу
сВѣта.
Выша,

въ словѣ **Дѣвы**, — вмѣсто **В**, напечатано: **Б**

Что думаютъ читатели о такого рода опечаткахъ въ «Азбуку», которую сочинителемъ предлагается для употребленія въ сельскихъ школахъ? .. Мы оставимъ этотъ вопросъ безъ отвѣта, но надѣмся, что всѣ благомыслящіе люди скажутъ намъ спасибо за наше предостереженіе и за эту скучную, утомительную, но *необходимую* работу, — ибо ребенокъ читаетъ *каждую букву* въ словѣ, — а заѣсь слова молитвы!..

Смотря на эти несчастныя книжки, мы считаемъ нужнымъ, отъ добраго сердца, совсѣмъ не въ шутку, дать многимъ составителямъ подобныхъ дѣтскихъ и народныхъ книжекъ, а между прочими г. Дм. Д., слѣдующіе совѣты:

1) Не почитать составленія дѣтскихъ и народныхъ книжекъ за дѣло легкое.

2) Изучить педагогію, какъ науку специальную, отъ Песталоцци до нашихъ временъ, и для того прочесть сотни чetyре книгъ, приготовившись къ этому чтенію изученіемъ психологіи, логики, физиологіи, естественной исторіи и прочихъ тому подобныхъ предметовъ.

3) Вѣрить, что скудости положительныхъ знаній и размышленія — нельзя замѣнить никакимъ празднословіемъ, съ какою бы доброю цѣлью оно ни было предпринято, и что въ дѣлѣ педагогіи одно вѣрное: указанія науки и опыта, а не просто одно доброе желаніе. Наконецъ:

4) Знать отечественный языкъ столько, чтобы самому писать по-русски чисто, безъ ошибокъ, могущихъ ввести дѣтей въ заблужденіе, — и

5) знать грамотѣ столько, чтобы умѣть по-крайней-мѣрѣ продержатъ корректуру съ печатной книги.

Въ случаѣ несоблюденія этихъ условій, совѣтуемъ составителямъ дѣтскихъ

вниманъ воздерживаясь отъ писанія, а
покупателямъ воздерживаться отъ по-
купки подобныхъ изданий: для дѣт-
скаго же употребленія довольствоватъ-
ся Букваремъ, издавна печатаемымъ
при Святейшемъ Синодѣ, ибо этотъ

Букварь, не смотря на свою краткость,
есть дѣйствительно лучшая у насъ азбука,
которая легко можетъ быть принята
во всякомъ методѣ преподаванія, смотря
по способностямъ и познаніямъ учи-
теля.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

І ю л ь.

245) Стихотворенія Юліи Жадовской. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. Э. Праца. Въ 4-ю д. л. 64 стр.

Содержаніе «Стихотвореній» г-жи Жадовской вполне выражаетъ собою общій характеръ и общественное положеніе женщины, и потому заслуживаетъ уже полного вниманія людей мыслящихъ, независимо отъ таланта новаго поэта. Темой всѣхъ ея стихотвореній служитъ внутренняя борьба женщины, которой душа развита природой и образованіемъ, со всѣми тѣми, что противодѣйствуетъ этому развитію и что не можетъ съ ними ужиться. Это познаетъ, хотя и краткая исторія женской души, исполненной стремленія къ нормальнымъ условіямъ жизни, но встрѣчающей на каждомъ шагу противорѣчія и преграды своему стремленію не въ однихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ, но и въ собственныхъ недоразумѣніяхъ, колебаніяхъ и самообольщеніяхъ.

Судьба всякаго разумнаго существа, призваннаго къ развитію, исполнена драматическаго интереса, потому что всякій переходъ отъ одной ступени развитія къ другой совершается въ слѣдствіе борьбы новыхъ идей и новыхъ потребностей съ основными сти-

хями прошитаго періода. Эта внутренняя борьба предшествуетъ борьбѣ внѣшней, борьбѣ съ тѣми явленіями общественной жизни, которыя начинаютъ производить на развивающееся существо впечатлѣнія противоположныхъ тѣмъ, которыя они же производили на него до роковаго кризиса.

Первый періодъ развитія индивидуума — періодъ непосредственности, періодъ бездѣйствія свободныхъ силъ души. Въ этомъ періодѣ, человекъ находится въ совершенной зависимости отъ всего внѣшняго, разумъ подъ этимъ словомъ не только то, что называется внѣшнимъ міромъ или внѣшнею природою, но и вообще все несозданное и неусвоенное его самодѣятельностью, все, принимаемое безъ отчета, безъ повѣрки, безъ критики; на-прим., общепринятыя идеи, или чувства и стремленія, возникающія въ слѣдствіе этихъ неанализированныхъ идей и т. п.

Пробужденіе свободныхъ силъ души, пробужденіе самодѣятельности обнаруживается слѣпымъ и абсолютнымъ отрицаніемъ непосредственности, какинъ-то отчаяннымъ восстаніемъ противъ всего, что держало человека подъ гнетомъ своей жадной мощи... Отри-

цаніе принципа, который долго поглощалъ нашу личность, не можетъ не быть инымъ: надо остыть отъ перваго негодованія, возбуждаемаго мыслью о томъ растительномъ ничтожествѣ, въ которомъ провели мы первый отдѣлъ времени, даннаго намъ на прожитокъ. Но пока это негодованіе сохраняетъ свою силу, мы живемъ мыслью въ полномъ разладѣ съ непосредственностью или дѣйствительностью: она кажется намъ чѣмъ-то мертвымъ, подавляющимъ, и потому презрѣннымъ. Мы употребляемъ всѣ силы души, чтобъ избѣжать всякаго прикосновенія съ этою дѣйствительностью; но такъ-какъ уйти отъ нея нельзя, то огромный запасъ изобрѣтательности издерживается на то, чтобъ дать различнымъ ея явленіямъ произвольный, условный смыслъ, вмѣняющій ихъ въ нашихъ глазахъ, готовыхъ на этотъ разъ принять какой угодно обманъ, только бы не увидать факта. Это — періодъ призраковъ, періодъ мнѣйскаго созерцанія, періодъ самообольщеній, — словомъ, комическій періодъ *романтизма*.

Само-собою разумѣется, что такое натянутое расположеніе не можетъ навсегда овладѣть человѣкомъ. Какъ часть дѣйствительности, онъ не можетъ въ самомъ дѣлѣ оторваться отъ дѣйствительнаго міра и создать себѣ міръ противоположный, въ которомъ природа его находила себѣ удовлетвореніе. Въдѣ не можетъ же творчество человѣка driходитъ въ дѣятельность безъ возбужденія со стороны дѣйствительнаго міра, безъ матеріаловъ, ощутимыхъ для нервовъ: созданіе человѣческой фантазіи и человѣческаго разума — ни болѣе ни менѣе, какъ пересозданіе дѣйствительности, которое можно назвать продолженіемъ или дополненіемъ ея, если оно законно. Самая отвлеченная мысль, самый многообъемлющій идеалъ необходимо разлагаются на простыя впечатлѣнія вѣщности, которыми обусловлено ихъ рожденіе. Слѣдовательно, стремленіе отрѣшиться отъ вѣщнаго дѣйствительности, отъ родственнаго общенія со всѣми ея частями и частями,

сами, само въ себѣ носить зародыши уничтоженія, какъ претензія, противорѣчащая законамъ человѣческой природы, и, слѣдовательно, тягостная для самого того, кто нѣтъ несчастіе ея поддаться. Единственная живая сторона романтизма заключается въ пробужденіи самодѣятельности души, о которомъ мы упомянули, какъ о первой силѣ, исторгающей человѣка изъ непосредственности. Пока еще не прошелъ первый порывъ его негодованія на условія, подъ которыми развивался онъ въ первый сонный періодъ своей жизни, — въ этотъ краткій промежутокъ времени, романтизмъ имѣетъ еще и некоторую жизненность, потому-что проявляется въ живомъ чувствѣ разумнаго существа. Но нельзя долго негодовать на то, что, какъ сейчасъ было сказано, составляетъ условіе самаго нашего существованія, и къ чему неотразимо влекутъ насъ наши потребности. И потому, человѣкъ не можетъ оставаться долго романтикомъ въ душѣ: романтизмъ его скоро переходитъ въ пустыя великолѣпныя фразы, въ звучимыя стихи безъ общепонятнаго содержанія, въ натянутыя трактаты, заключающіе въ себѣ развитіе, или лучше сказать, раздѣленіе идей, недоступныхъ сознанію, и человѣкъ нечувствительно, какъ-бы втайнѣ отъ самого-себя, возвращается къ первому періоду. Этими объясняется фактъ существованія многихъ людей, толкующихъ о презрѣніи всего дѣйствительнаго, о прелестяхъ жизни мечтательной, о необходимости для каждаго человѣка съ умомъ и сердцемъ создать себѣ свой отдѣльный, невидимый міръ и тому подобныхъ призракахъ, и въ то же время непресыщающихся на самомъ дѣлѣ ни тѣлесныхъ наслажденій, ни почестей, ни богатства, ни даже темныхъ путей къ достиженію всѣхъ этихъ по-видимому вѣдываемыхъ ими пріятностей.

Каждый развивающійся человѣкъ проходитъ этотъ комическій періодъ; но естественно, что на немъ не вслѣдствіи одужденъ останавливаться не только дѣ-

понятияхъ и чувствахъ, но и въ дѣятельности. Для многихъ приходитъ пора третьего періода — пора положительности, которую никакъ не слѣдуетъ смѣшивать съ непосредственностью. Положительность есть разумное признаніе дѣйствительности, какъ единственной сферы дѣятельности, къ которой влекутъ человѣка требованія и способности его природы. Быть положительнымъ, значитъ — заключить себя въ пределы міра *существующаго* и отрешиться ни къ чему иному, какъ къ полному наслажденію настоящему, *величайшей* жизнью. Слѣдовательно, ни свободная фантазія ни мало не исключаются изъ сферы положительности, потому что они такъ же дѣйствительны, какъ и все, существующее въ природѣ. Вообще, нѣтъ никакой причины смотреть на положительнаго человѣка, какъ на какую-то сухую, выморенную почву, которая *только-что существуетъ, а не живетъ*, какъ выражаются романтики: напротивъ, онъ-то и живетъ...

За *этотъ* періодомъ положительноности не можетъ быть никакого другаго, кромѣ періода постепеннаго ослабленія жизненности. Но мы уже не будемъ разсуждать объ этомъ печальномъ явленіи; оно не имѣетъ значенія въ нашемъ разборѣ: мы имѣемъ дѣло съ женщиной, выражающей собою скорѣе всего недовершившійся процессъ женскаго развитія: слѣдовательно, говорить о томъ, что слѣдуетъ за апогеемъ жизненности, было бы неумѣстно.

Переходы отъ одного изъ трехъ численныхъ нами фазисовъ къ другому и въ мужчинѣ и въ женщинѣ не могутъ не сопровождаться одинаковыми явленіями борьбы человѣка съ самимъ собою и съ окружающимъ его міромъ. Но все-таки женское развитіе имѣетъ свои особенности, происходящія отъ большей слабости отрицанія и отъ меньшей возможности облегчать тягость борьбы внутренней борьбою внѣшнею. Надо сознаться, что и мужчидѣ сила отрицанія часто дѣлается *бременемъ* невыносимо-мучительнымъ,

до-тѣхъ-поръ, пока оно не развѣетомъ въ массу, въ большинство, чему примѣромъ можетъ служить Байронъ; для женщины же, какъ для существа, организованнаго для созданія, оно еще мучительнѣе: она легко принимаетъ новую мысль, легко пересоздается для положительной дѣятельности въ новой открывающейся передъ нею сферѣ; но разрушать прежнее, отречься отъ него навсегда, рѣшительно и спокойно — этого она, кажется, совѣтъ не въ силахъ сдѣлать. Ею непремѣнно овладѣетъ забота — согласить и то, во что вѣруетъ она вполне, и то, во что расположено не вѣрить, но съ чѣмъ *именно* не можетъ разстаться. Понятно, какой тяжкій хаосъ долженъ всегда опрочать понятія умной, постоянно развивающейся женщины. Понятно также, почему она всегда готова противорѣчить самой-себѣ, обнаруживая, въ крайнемъ удивленіи мужчинъ, множество убѣжденій, взаимно противорѣчащихъ другъ другу: само-собою разумѣется, что о всякомъ предметѣ, у нея, точно такъ же какъ и у мужчинъ, какое-нибудь одно рѣшительное убѣжденіе; противоположное же ему — одна *иллюзия*; соблазненно говоря, его *даже* уже у нея нѣтъ, но женщина не рѣшается и, можетъ-быть, никогда не рѣшится прогнать даже самой-себѣ изъ томъ, что въ глубинѣ души отреагировано отъ него *назадъ*...

Вторая особенность женскаго развитія заключается въ особеннѣйшей склонности для борьбы съ личностью, съ слабостями, противорѣчащими ей взгляду на вещи. Для мужчины *внѣшняя* борьба составляетъ самый отраднѣйшій исходъ страданія: этикъ онъ отводитъ душу, утѣляетъ *мужду*. Но можно-ли доказывать, что женщина, частью и по натурѣ своей, частью и по *неизбѣжнѣ* *есть* не *обстоятельствами* *личности* этого утѣланія?..

Единственный выходъ страданій женской души, способной къ постоянному развитію — искусство. По-крайней-мѣрѣ, въ немъ находитъ она выраженіе своихъ *недоумаживаній*, а *боль-*

ней частью и вовсе — неуважением страданиямъ. Это ужъ все-таки что-нибудь да значить для того, кому тяжелый камень заваленъ путь къ нормальнымъ условиямъ жизни.

Много особенностей представляет и художественная дѣятельность женщины, и всѣ онѣ выражаютъ собою особенности ея развитія. И многое, что непростительно (мы хотимъ сказать, противно) въ произведеніи художника, совершенно-извинительно въ произведеніяхъ художницы. Главные недостатки женскаго искусства — отсутствіе единства въ направленіи идей, непрерывное колебаніе и склонность къ выраженію чувствъ и понятій, неясныхъ самому автору. Сказанное выше освобождаетъ насъ отъ обязанности пояснять эти недостатки изслѣдованіемъ ихъ происхожденія.

«Стихотворенія» г-жи Юліи Жадовской прежде всего поравняли насъ со стороны своего содержанія тѣмъ, что всѣ онѣ какъ-будто-бы принадлежать къ различнымъ періодамъ развитія поэта. Но скоро это самое обстоятельство шлошило въ нашихъ глазахъ большую занимательность: мы увидѣли передъ собою живое изображеніе идеи развитія женской природы, совершенно согласное съ представленнымъ нами эволюціею его исторіи. Въ этихъ стихотвореніяхъ и непосредственность, и романтизмъ, и даже положительность, въ ея высочайшемъ значеніи, повидимому, такъ необыкновенно, но въ сущности такъ естественно, такъ характеристически-дружно не уживаются, но составляютъ между собою, что только жемъ автора и объясняетъ намъ такое явленіе. Выстъ съ тѣмъ, это самое и придаетъ стихотвореніямъ г-жи Жадовской силу полнаго психологическаго интереса. Приглашаемъ читателей прослѣдить съ нами по наданному ею собранію стихотвореній исторію ея спѣховъ. Вотъ стихотвореніе «Въ Сумерки»: (стр. 19)

Я въ позднѣи сумерки часто
Сажу у окна и въ дракъъ

Ново заунывыми пѣсни,
Налъ думаю странная думы,
Налъ на домъ сосѣда възрѣю,
И вижу: мгновешно въ лѣтъ окна
Свѣтлѣють, и свѣчи мелькають;
Мелькають вѣтомъ и головки,
Вечернюю жизнь начиная...
Порою мнѣ грустно бываешь;
Порою же, лучъ свѣта ко мнѣ пробиваясь,
Счастьемъ тихимъ меня облаешь.

Не правда ли, это еще чистая неомедальность, хотя не чуждая поэзии? Вотъ еще стихотвореніе того же періода, отличающееся квантностью и граціей: (стр. 22)

Солнце ужъ сѣло; зарю пурпурною
впасть зажегся,
Небо свѣтло и прозрачно. Люблю въ это
время снайтъ я
Передъ открытымъ окномъ, и смотрѣть на
вечернюю зорю,
Какъ она съ каждой минутой блѣднѣетъ,
и звѣзды
Въ небѣ далекою одна за другой зами-
гаются ярко.
Думаю рады онѣ удаленію жаркаго сол-
на —
Весело мнѣ и привольно мерцать безъ не-
го на свободѣ:
Люди ихъ видать, любятъся ими... Но
тише и тише
Шумъ на землѣ, и заря золотая потгела,
а звѣзды,
Съ каждой минутой яснѣй и яснѣе, бли-
стають на небѣ,
Тихо и сладостно дышитъ ночной ате-
рокъ, навѣвая
Мысли отрадныя! какъ мнѣ пріятно садъ-
дѣть у окошка.
Воздухомъ теплымъ дышать, любоваться
чудесною ночью!
Всего же пріятнѣе — думать, мой другъ,
о тебѣ.

Спать еще всѣ; но ужъ утро въ окно
мое смотритъ привѣтно.
Алой зарею востоку, какъ порфирѣй, сажа-
ся, и звѣзды
Гаснутъ поспѣшно одна за другой... Я съ
укромнаго ложа
Тихо встаю, отряхая съ очей моихъ маки
Морея;
Въ садикъ зеленый окошко спѣшу отво-
рять: какъ вродладно

Утренній воздухъ нахнулъ на меня! — и
природа чего-то
Ждетъ съ нетерпѣніемъ! Рано по утру
люблю на Востокъ я
Съ душою свѣтлой гладить — какъ онъ съ
каждой минутой все больше
Золотомъ чуднымъ горитъ; но я лучше
всего, милой другъ мой,
Въ эту минуту думать люблю о тебѣ!..

Но романтизма гораздо-больше въ
стихотвореніяхъ г-жи Жадовской, чѣмъ
непосредственности: съ стѣсненнымъ
сердцемъ должны мы признаться, что
какъ ни противно намъ это направле-
ніе, однакожъ оно все-таки составляетъ
собою успѣхъ въ развитіи, какъ пере-
ходъ къ положительности, т. е. къ жи-
зненности. Притомъ, романтизмъ въ
женщинѣ гораздо-сноситъ чѣмъ въ
мужчинѣ, ибо сфера жизни дѣйстви-
тельной, отмежеванная ей, — конечно, не
природой, — къ-несчастію слишкомъ тѣ-
сна для ея дѣятельности... Сверхъ-то-
го, идея положительности обыкновенно
доходитъ до сознанія женщины въ
какомъ-то страшномъ, обезображен-
номъ видѣ: онъ поневолѣ принимаетъ
его за то начало, которое проявляется,
на-примѣръ, въ замужствѣ по расчету,
въ накопленіи капиталовъ съ пожерт-
вованіемъ жизни, въ брави съ горнич-
ными и лакеями, въ френетическомъ
соленіи огурцовъ, и т. п. Гдѣ нигъ
узнать жизнь во всей ея красотѣ, осо-
бенно до замужства, когда онъ только
и слышать, что наставленія въ *мораль-
номъ* тонѣ, да сужденія непосредствен-
ности? Приходится довольствоваться
опіумомъ романтизма... Въ разбирае-
момъ собраніи встрѣчается много пьесъ,
подобныхъ слѣдующей: (стр. 63)

Любовь усыплю я, пока еще время хо-
лодной рукою
Не вырвало чувства изъ трепетной груди!
Любовь усыплю я, покуда безумно своей
клеветой,
Святую ея не увидели люди.

Любовь усыплю я; пусть чувства свя-
тато
Ничто недостойное здѣсь не коснется!
Ее усыплю я для міра земнаго —
Пусть въ небесахъ она сладко проснется!

Особый, третій родъ оды напе-
тъ стихотвореніи, которыя вырбож-
собою борьбу положительности съ ро-
мантизмомъ и переходъ отъ воспѣва-
го къ первой. Посмотрите, сколько дра-
матизма, на-примѣръ, въ небольшой
пьесѣ «Искушеніе»: (стр. 34)

Все спать вокругъ меня спокойнымъ,
сладкимъ сномъ;
Не сплю лишь я одна въ безмолвіи ноч-
номъ!
Полна томительныхъ съ самой собою битъ,
Напрасно я ищу спасительныхъ молитвъ,
Напрасно ихъ зову на грѣшныя уста—
Душа моя земнымъ, ничтожнымъ замята!
Ей грустно, тяжело! Есть слезы на очахъ;
Но я ихъ лью... не о грѣхахъ!

Наконецъ, въ собраніи стихотворе-
ній г-жи Жадовской встрѣчается нѣ-
сколько такихъ, которыя и по со-
держанію и по формѣ могутъ быть на-
званы прекрасными: въ нихъ нѣтъ уже
и тѣни романтизма, чувство полно и
ясно; стихъ лышетъ истинно-худож-
ственной простотою. Таково, на-при-
мѣръ, стихотвореніе безъ названія,
напечатанное на страницѣ 17-й:

Ты скоро меня позабудешь,
Но я не забуду тебя;
Ты въ жизни разлюбишь, полюбишь,
А я, — никого, никогда!
Ты новыя лица увидишь.
И новыхъ друзей изберешь;
Ты новыя чувства узнаешь,
И, можетъ быть, счастье найдешь;
Я — тихо и грустно свершаю,
Безъ радостей жизненный путь;
И какъ я люблю и страдаю,
Узнаетъ могла одна!

Вообще, романтизмъ и мистицизмъ
(несистематическій) не мало препят-
ствуютъ поэтическому таланту г-жи
Жадовской выразиться въ полномъ его
объемѣ: они вредятъ всему — и же-
ности идей, и неподдѣльности чувствъ,
и художественной вѣрности, и нако-
нецъ даже стиху, который часто дѣ-
лается подъ ихъ вліяніемъ валъ, кат-
нуетъ и прованченъ.

Зато, лишь-только удержится она отъ
всякаго романтическаго и мистическа-

шей час
страдан
нбу,
же
7

Страдания
должны
случаться
иногда

85

эти восемь стиховъ въ цѣлой груды романтическихъ и мистическихъ произведеній. Вотъ они: (стр. 6)

Какъ хорошо! въ безмѣрной высотѣ
Летать рядами облака, чернѣя,
И свѣжій вѣтеръ дуесть мнѣ въ лице,
Передъ окномъ цвѣты мои качая.
Вдали гремить, и туча, приближаясь,
Торжественно и медленно несется...
Какъ хорошо! передъ величьемъ бури
Души моей тревога утихаетъ.

Какъ это просто, вѣрно и симпатично! Кажется, такъ и чувствуешь бурю!

Но довольно. Изъ всего выписаннаго читатели могутъ заключить, что новый поэтъ одаренъ и талантомъ и способностью къ дальнѣйшему развитію. Надо только пожелать ему больше любви къ жизни и какъ-можно-меньше любви къ призракамъ.

246) Троянъ и Ангелица. *Повесть, рассказанная Свѣтлой Девницей Ясному Мъслацу*. А. Вельтманъ. Москва. Въ тип. Н. Стоянова. 1846. Въ 8-ю д. л. 54 стр.

Фантазія г. Вельтмана всегда найдется что-нибудь выдумать, облечетъ это что-нибудь въ пріятную форму, и пуститъ гулять по свѣту. Добрые, незвѣдательные читатели съ распростертыми объятіями принимаютъ гостью, не влюбуются ея уму-разуму, но нарадуются на ея милую, блестящую болтовню и даже повизниваютъ у нея кой-какимъ нравственнымъ урокомъ, который она передаетъ намъ не въ видѣ сухой морали, а въ легкомъ, пріятномъ, красивомъ нарядѣ сказки. Она, на-примѣръ, никогда не станетъ приводить различныя логическія доказательства въ подтвержденіе

и выражаетъ его эстетически очень хорошо. Вѣтъ при этомъ можетъ не казательства, ил. Приближенію мнѣнью,

въ цѣлой груды романтическихъ и мистическихъ произведеній. Вотъ они: (стр. 6)

ію той великой истины, что должно безпрекословно исполнять волю родителей, и что нарушение этой воли влечетъ за собою гибельныя послѣдствія, а выдумаетъ какую-нибудь сказочку, расскажетъ ее позанимательнѣе, и будьте увѣрены, что всякій благовоспитанный человѣкъ, прочтавъ эту сказку, непременно слѣзается самымъ покорнѣйшимъ сыномъ. Если родители изберутъ для своего сына такую невесту, которая не соответствуетъ его склонностямъ, съ которою онъ сомнѣвается провести жизнь счастливо, и если онъ, на основаніи этихъ причинъ, рѣшится отказаться отъ подруги, избранной его родителями, въ такомъ случаѣ онъ непременно долженъ прочитать сказку г. Вельтмана: тогда его рѣшимость исчезнетъ какъ сонъ; онъ увидитъ, что значить въ эту важнѣйшую эпоху жизни всякаго человѣка прекословить родителямъ, какія ужасныя несчастія могутъ его постигнуть, если онъ отвергнетъ избранную для него родителями жемую и осмѣлится имѣть на этотъ счетъ свой собственный образъ мыслей и свою собственную волю. Нѣтъ, онъ непременно женится на той, которую беретъ не его сердце, а мамашка съ маменькой; иначе фантазія г. Вельтмана разлетится какъ прахъ, и тогда горе этому неукоренному сыну, на котораго не подѣйствуетъ его сказка! Г. Вельтманъ приготовитъ ему судьбу еще плачевнѣе судьбы Трояна и Ангелицы, потерявшихъ именно за то, что отецъ ихъ женился не на той, которую избрала для него мать, а на той, которую указало ему сердце. Вы, можетъ-быть, скажете, чѣмъ же виноваты они, когда вся вина должна бы пасть только на нихъ отца? Объ этомъ не намъ съ вами рассуждать. Такъ распорядилась фантазія г. Вельтмана... Послушаемъ лучше, какъ объ этомъ бесѣдуютъ Свѣтлая Девница или, по-просту, — зоря съ Яснымъ Мъсяцемъ.

Слушай, расскажу я, подѣлюся горемъ: Красень и разумъ Мокиръ Владыко,

Силою и могучь онъ, мудръ да не со-
вѣтливъ,
Свою волю ставитъ выше воли Божьей.
Молодъ онъ остался послѣ отца Князя,
Молодъ вода державу принялъ Государ-
ство.

Когда же вступалъ онъ въ возрастъ, мать
царица

Любимому сыну избрала невѣсту;
Но онъ не послушалъ материнской воли.
Не хоту сказалъ онъ я твоей невѣсты,
Самъ сыщу невѣсту по душѣ и праву.

Нашъ кажется, добрая, разсудитель-
ная мать не должна бы была сердиться
за такой образъ мыслей своего сы-
на. Ей бы нужно было подумать, что
не она будетъ жить съ женой сына, а
онъ, и следовательно онъ имѣетъ по-
лное право избирать себѣ супругу « по
своей душѣ и по своему праву ». Ея дѣ-
ло только въ томъ, чтобъ сынъ не на-
бралъ себѣ такой жены, которая
уже известна по своему дурному ха-
рактеру и сердцу. Такъ нѣтъ!

Накиселась горе у матери въ сердцѣ,
Перешло съ завѣтомъ въ наследіе сыну;
На одрѣ предсмертномъ она увѣщала:
« Слушай, сынъ мой милый, мать свою
родную.

Волюби невѣсту избранную мною,
Если не желаешь, чтобъ твое потомство
Растаяло воскомъ, облакомъ изсякло ».

Итакъ, мать ни за что, ни про что,
за то единственно, что сынъ не испол-
нилъ ея каприза, проклинаетъ его, и
изъ него одного, но даже и его потомство.
Неужели это сильная, истинно-мате-
ринская любовь? Какое благословеніе
перекрестъ она предъ послѣднимъ мо-
ментомъ своимъ! Но сынъ, не смотря на
это, избираетъ себѣ подругу по сердцу
и женится на ней. Первымъ плодомъ
этого проклятаго брака былъ Троянъ.
Онъ родился такъ блѣдъ — блѣде свѣга,
въ лицѣ ни кровинки. Призвали зна-
харя. Вотъ что говорилъ знахарь :

« Это тебѣ, Княже, Божье наказаніе!
Народился чуденъ и душой и тѣломъ
Сынъ твой словно вылитъ изъ яраго воску,
Воскомъ и растаетъ онъ отъ яркаго солн-
ца! »

Чтобъ избавить его отъ такой напа-
сти, придумали скрыть его отъ Божь-
яго свѣга. Но вотъ онъ выросъ. Захо-
тилось погулять ему въ чистомъ полѣ.
Отецъ позволилъ ему, не только по-
чтью. Между-тѣмъ, у Мошира роди-
лась дочь, « была какъ пѣва, въ лицѣ
ни кровинки, облачное что-то, точно
свѣтлый приракъ среди темной по-
чи ». Опять призвали знахаря; знахарь
сказалъ, что Ангелицѣ не опасно солн-
це, а опасна искра, « что въ очахъ та-
ится у юношей красныхъ ». Ее заклю-
чили также въ замокъ, чтобъ она не
видала мужскаго лица. Ангелица вы-
росла. Захотѣлось и ей, какъ Трояну,
погулять, да на мѣсяцъ посмотреть.
Разъ она вышла на балконъ. Въ это
время ее увидѣлъ Троянъ и полюбилъ,
полюбила и она его. Онъ похитилъ ее
изъ замка. Но на дорогѣ его застигло
солнце. Вотъ онъ чувствуетъ, что та-
еть, и крѣпче прижимаетъ къ своему
сердцу Ангелицу. Ангелица также
чувствуетъ, что горитъ, и прижимает-
ся крѣпче къ сердцу Трояна. Въ та-
комъ положеніи они приѣзжаютъ въ
домъ отца:

И къ крыльцу примчался конь, и всталъ
какъ вкопавъ.

Ждетъ — съдокъ соскочитъ, пуститъ его
къ корму.

Но съдокъ ни съ мѣста, къ сѣдлу какъ
прикованъ,

Держитъ себѣ дѣву; точно надъ уснувшей
И самъ уснуть сладко. Князь и Николай
Изумились... видятъ, на рукахъ Трояна
Невонтеръ дѣва. Всѣ бѣгутъ къ полѣвѣду
Гостей съ честью встрѣтить, подъ руки
принять ихъ,

Провожать съ почтеніемъ въ свѣтлыя
палаты.

Подошли и обьялъ всѣхъ невольный
ужасъ:

Нѣтъ ни на Троянѣ, ни на юной дѣвѣ,
Какъ на привидѣньяхъ, образа и лика.

Но чуткое сердце матери узнало
Кровь свою родную въ юности и дѣтѣ.

— Слыть мой! Ангелица! дочь моя! и столю-
валъ

Голосъ Николай. Моширъ. какъ сумракъ,
Стоитъ, какъ затѣнье царей страшнѣй
бурей,

Взоры неподвижно устремилъ на жертвы.
Надъ челою высокимъ плавно ходятъ
тучи...
Вдругъ взмелось какъ вихремъ, закипѣло
въ шдрахъ,
Изъ очей блеснули молнии и страшно
Загремѣлъ оны: Боже! совершилось слово!

Этимъ страшнымъ словомъ Денница оканчивается сказку г. Вельтмана; изъ за горъ показывается золотое солнце; ясный мѣсяцъ блѣднѣетъ и таетъ въ небесахъ лазурныхъ, какъ сказка блѣднѣетъ и таетъ передъ истиной.

247) Смерть Ляпунова. Драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ. Соч. С. А. Гедонова. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. Въ 8-ю д. л. 115 стр.

Въ нынѣшнемъ году, на Большомъ Театрѣ давали оперу г-на Николая «il Tempéragio», которая довольно понравилась публикѣ, не смотря на совершенное отсутствіе творческаго дара, самобытности, не смотря на безчисленныя подражанія... Въ авторѣ замѣтна была ловкость, образованность, музыкальная начитанность, если можно такъ выразиться; оны не впасть ни въ одну грубую ошибку... Точно такими же достоинствами отличается драма г-на Гедонова, о которой мы обѣщали поговорить на досугъ, разбирая третій томъ «Новоселья», гдѣ она напечатана. Исполняемъ теперь это обѣщаніе тѣмъ охотнѣе, что въ прошломъ мѣсяцѣ появилось мало бельетристическихъ произведеній, на которыя стоило бы обратить особенное вниманіе.

Драматическое искусство, какъ и вообще всё искусства в художества, занесено было въ Россію извнѣ, но, благодаря нашей благодатной почвѣ, принялось и пустило корни. Театръ у насъ уже упрочилъ за собой сочувствіе и любовь народную; потребность совершеннаго собственной жизни возбуждена въ Русскихъ—отъ высшихъ до низшихъ слоевъ общества; но до сихъ поръ не явилось таланта, который бы

сумѣлъ дать нашей сценѣ необходимую ширину и полноту. Мы не станемъ повторять уже не разъ высказанныя на страницахъ нашего журнала мнѣнія о «он-Визитѣ, Грибоѣдовѣ и Гоголѣ»: читатели знаютъ, почему первые два не могли создать у насъ театра; что же касается до Гоголя, то оны сдѣлалъ все, что возможно сдѣлать первому начинателю, одинокому гениальному дарованію: оны продолжилъ, оны указалъ дорогу, по которой со-временемъ пойдетъ наша драматическая литература; но театръ есть самое непосредственное произведеніе цѣлаго общества, цѣлаго быта, а гениальный человѣкъ все-таки одинъ. Сѣмена, посеяныя Гоголемъ—мы въ этомъ укрены—безмолвно врѣются теперь во многихъ умахъ, во многихъ дарованіяхъ; прійдетъ время—в молодой дѣсокъ выростетъ около одинокаго дуба.. Десять лѣтъ прошло съ времени появленія «Ревизора»; правда, въ теченіе этого времени мы на русской сценѣ не видѣли ни одного произведенія, которое достоинство было бы причислить къ гоголевской школѣ (хотя вліяніе Гоголя уже замѣтно во многихъ), но изумительная перемѣна совершилась съ-тѣхъ-поръ въ нашемъ сознаніи, въ нашихъ потребностяхъ...

Исторія искусства и литературы у насъ на Руси замѣчательна своимъ особеннымъ дѣйственнымъ развитіемъ. Мы начинаемъ съ подражанія чужеземнымъ образцамъ; люди съ талантомъ чисто-внѣшнимъ, говорливые и дѣятельные, представляютъ въ своихъ произведеніяхъ, лишенныхъ всякой живой связи съ народомъ, одни лишь отраженія чужаго таланта, чужой мысли—что имъ не мѣшаетъ самоодольно толковать объ оригинальности, о народности; ихъ современники, увлеченные весьма-простительнымъ тщеславіемъ, называютъ ихъ великими писателями, великими художниками, ставятъ наравнѣ съ извѣстными именами... Такъ Сумарокова величали русскимъ Волтеромъ!! Между-тѣмъ, слышно и тихо совершается перево-

ротъ въ обществѣ; иноземныя начала перерабатываются, превращаются въ кровь и сокъ; благословенная русская природа, какъ-бы ожидавшая этого вліянія, развивается, растетъ не по днямъ, а по часамъ, идетъ своей дорогой,—и со всею трогательной простотой и могучей необходимостью истины возникаетъ вдругъ, посреди бесполезной дѣятельности подражанія, дарованіе свѣжее, народное, чисто-русское,—какъ возникнетъ со-временемъ русскій, разумный и прекрасный бытъ, и оправдаетъ наконецъ довѣріе нашего Великаго Петра къ неустойчивой жизненности Россіи.

Но если въ иныхъ отрасляхъ искусства и совершился такой благодѣтельный переломъ, за то въ другихъ мы должны еще пока питаться надеждами и безпрестанно встрѣчаться съ произведеніями, изъ которыхъ лучшія тѣмъ только и хороши, что они не худы,—и бороться съ крикливыми мнѣніями людей, которыхъ скорѣе и основательнѣе всякой критики убѣдило бы появленіе истиннаго таланта... Лучшая рецензія на романы г-на Булгарина — «Мертвыя Души»; всякая рецензія еще напоминаетъ разбираемое сочиненіе, признаетъ по-крайней-мѣрѣ его существованіе, а «Мертвыя Души» заставили преспокойно позабыть г-дъ Выжигиныхъ и Кошп.—Нравственно-сатирическіе и историческіе романы стараго поколения убиты; но историческія драмы существуютъ... И потому-то мы должны заняться «Смертью Липунова» г-на Гелесова.

Историческій романъ, историческая драма... Если cadaго изъ насъ такъ сильно занимаетъ вѣрное изображеніе развитія самаго обыкновеннаго чело-вѣка (*), то какое впечатлѣніе должно

производить на насъ воспроизведеніе развитія нашего роднаго народа, его физиономіи, его сердечнаго, его духовнаго быта, его судьбы, его великихъ дѣлъ?—Вспомните драматизированныя хроника Шекспира, «Гѣца фон-Берлингенъ», романы Вальтера Скотта, наконецъ даже хроника Витѣ и Мери-мѣ. Кто рѣшается—не смиренно и терпѣливо пересказать судьбы своего народа, слѣдя современнымъ бытописаніемъ, но въ живыхъ образахъ и лицахъ воссоздать своихъ предковъ, избѣгнуть холода аллегорій и не впасть въ сухой реализмъ хроника, дѣйстви-тельно представить нѣкогда-дѣйстви-тельную жизнь, тому мало даже большаго таланта: если въ сердцѣ его не кипитъ русская кровь, если народъ ему не близокъ и не понятенъ прямо, непосредственно, безъ всякихъ разсужденій, пусть онъ лучше не касается святыни старины... Но великія дѣла тѣмъ и отличаются отъ малыхъ, что они кажутся легкими для всѣхъ, хотя дѣйствительно легки для весьма-немногихъ; отъ-того-то такое множество людей у насъ и берется за историческія драмы...

Оно понятно и съ другой стороны. Кому не дорогъ успѣхъ, кому не хочется рукописескавій? Въ сердцѣ Русскаго живетъ такая горячая любовь къ родинѣ, что одно ея священное имя, пропавшее передъ публикой, вызываетъ клики одобренія и участія. Но, кажется, пора бы замѣнить патриотическіе возгласы дѣйствительнымъ драматическимъ интересомъ и не присвоивать своему таланту выраженія чувствъ, не имъ возбужденныхъ...

Липуновъ уже не разъ удостоился двусмысленной чести быть героемъ русской исторической драмы. Въ изображеніи его характера до-сихъ-поръ слѣдовали Карамзину. Со всѣмъ уваженіемъ къ знаменитому историографу мы осмѣливаемся думать, что онъ,—такъ же, какъ изъ лица Грознаго,—слѣдалъ изъ Липунова лицо фантастическое. Липуновъ былъ чело-вѣкъ замѣ-

(*) Покойный Полевой говоритъ въ своихъ «Замѣткахъ Русскаго Книгопродавца», что «на русскомъ языкѣ записокъ появилось мало; но какія появлялись, всѣ почти раскупались хорошо и принадлежали къ самымъ ходкимъ книгамъ».

чательный, честолюбивый и страстный, буйный и непокорный; злые и добрые порывы съ одинаковой силой потрясли его душу; онъ знался съ разбойниками, убивалъ и грабилъ—и шелъ на спасеніе Москвы, самъ погибъ за нее... Такіе люди появляются въ смутныя, тяжелыя времена народныхъ бѣдствій какъ бы на вторыхъ планахъ картины; какъ люди второстепенные, они исчезаютъ переазъ честной доблестью, яснымъ и свѣтлымъ равномъ истинныхъ вождей; но ихъ двойственная, страстная природа привлекаетъ драматическихъ писателей... Шекспиръ любилъ изображать такіа лица. Отъ-того выборъ Ляпунова, какъ главнаго дѣйствующаго лица драмы, намъ всегда казался удачнымъ: мы не разъ мечтали о той яркой, подвижной картинѣ, которую писатель съ дарованіемъ сумѣлъ бы провести передъ нашими глазами... Вѣсто мучительной однообразности, или натянутой, еще болѣе мучительной пестроты условныхъ фразъ, условныхъ восклицаній, условныхъ эффектовъ, слышать голосъ истины, еще болѣе трогательный и потрясающій въ прошедшемъ, чѣмъ въ настоящемъ... Обравнися же къ драмѣ г. Гедеенова.

Г. С. А. Гедеевъ человѣкъ образованный и начитанный, — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія: начитанность его выказывается во множествѣ заимствованій, которыми онъ обогатилъ свое произведеніе. Слогъ его гладкій и чистый, — слогъ образованнаго русскаго человѣка... Какъ человѣкъ образованный и со вкусомъ, онъ не впалъ ни въ одну грубую и явную ошибку; планъ «Смерти Ляпунова» именно такой, какого и ожидать слѣдовало; словомъ, какъ произведеніе электическое, драма г. Гедеенова показываетъ, до какой степени, при образованности и начитанности, можно обходиться безъ таланта.

Истинный талантъ создаетъ школу: но до появленія этого таланта обыкновенно въ отрасли словесности, ожида-

ющей подобнаго возобновленія, обравуется цѣлый ложный родъ, который въ ней существуетъ, не смотря на свою внутреннюю живость. Въ нашей литературѣ упрочилась именно такого рода драма, благодаря стараніямъ покойнаго Полеваго, гг. Кукольника и Ободовскаго. Г. Гедеевъ не вышелъ изъ колеи, проложенной его предшественниками; но онъ отличается отъ нихъ совершеннымъ отсутствіемъ самобытности. Въ «Смерти Ляпунова» легко отыскать и указать слѣды вліянія Шекспира, Загоскина, Шиллера, новѣйшихъ французскихъ мелодрамъ, Гёте, Гоголя, Кукольника, и т. д. Эта мозаичность составляетъ въ одно и то же время и недостатокъ и достоинство драмы г. Гедеенова: недостатокъ — потому-что только живое насъ завинаетъ, а все механически-составленное—мертво: достоинство—потому-что безпѣтное подражаніе все же лучше плохой самостоятельности, уже потому лучше, что не можетъ получить никакого вліянія.

Приступимъ къ изложенію содержанія «Смерти Ляпунова».

Первое дѣйствіе начинается въ мѣстѣ Заруцкаго. Казаки пьютъ. «Какъ!» — говоритъ первый атаманъ: «чтобъ честные казаки поддались московскому мужичько? да, не будь я Остаивъ Кукубенко...

«Заварзинъ. Ну, ну, успокойся, чертовъ сынь!.. Да нѣтъ-то оттого не легче: погибъ кривой Малыайко!

1-й Атаманъ. Кривой Малыайко былъ хорошій казакъ!

Заварзинъ. А какъ же! ходилъ со мною въ Туречину, побывалъ и въ Натолін, съѣсть Поляка, закусить Татаринномъ; подѣ Дубномъ ему стрѣлою глазь выколело; былъ славный казакъ!

Заварзинъ (пѣтъ). Погибли еще Тарасенко да Вертиханствъ...

Тарасъ Бульба замѣчательное произведеніе, не правда ли, читатель?...

Казаки, разъяренные самоуправствомъ Ляпунова, клянутся погубить его. Заруцкій сообщаетъ свои планы

своему наперснику. Является гонецъ съ извѣстіемъ о прибытіи Марины. Вся эта сцена писана слогомъ «маленько-шумицикимъ», развалистымъ, какъ оно и прилично тогдашнимъ казакамъ; но въ слѣдующей сценѣ Марина говоритъ уже вотъ какъ: «Москва! Москва! какъ грустно и какъ весело смотрѣть на тебя!». А спутникъ ея, влюбленный въ нее юноша, Симоонъ Вольскій, нѣчто среднее между Максомъ изъ «Валентина» и Франкомъ изъ «Генца фон-Верлихингенъ» отвѣчаетъ ей: «развѣ часть твоего свиданія съ Москвою не страшный часть нашей вѣчной разлуки?.. О! кто отдастъ мнѣ Коломву, кто отдастъ мнѣ эти двѣнадцать свѣтлыхъ дней моей жизни?». Марина требуетъ отъ него, чтобъ онъ примирилъ ее съ Ляпуновымъ. Симоонъ увѣряетъ ее, что это было бы для него «не земное, а райское счастье!». Марина называетъ его ребенкомъ, а онъ восклицаетъ: «О, зачѣмъ онъ (Ляпуновъ) тебя не видитъ, зачѣмъ онъ тебя не слышитъ, очаровательница! Какъ какъ желѣзная кора не падетъ передъ могучимъ словомъ этихъ алыхъ устъ? какой ледъ не растаетъ отъ лучезарныхъ очей твоихъ? Марина! мой разумъ нѣмѣетъ передъ твоей волею..»

«Марина. Симоонъ, я буду любить тебя!

Симоонъ. Ты! ты будешь царицею, ты забудешь меня!

«Марина. Ребенокъ!.. Иди, Симоонъ. Симоонъ. (Уходитъ и возвращается) Марина! ты не любишь Заруцкаго?

«Марина. Я презираю его!

«Симоонъ. О! я люблю тебя! (Убѣгаетъ въ боковую дверь.)»

Марина. (Одна) «Тебя любить! нѣтъ, Симоонъ! Марина тебя не любитъ, и не будетъ любить! Бѣдный, жалкій человекъ!.. Цѣль твоей жизни, твоихъ дѣйствій — поцѣлуй женщины: правда — эта женщина — царица, а эта царица — я!»

Намъ особенно нравится то обстоятельство, что влюбленного юношу называютъ Симоономъ. Это славянское, въ обыкновенной рѣчи неупотребительное имя такъ и даетъ намъ чув-

ствовать, что вы находитесь въ области условнаго, и что до истины тутъ дѣла нѣтъ никакого. Приходитъ Оленицкій, посолъ Голышевскаго, и Заруцкій. Оленицкій говоритъ свысока; Марина тоже; но уходъ посла, Заруцкій снимаетъ личину и «отдѣлываетъ» Марину. Разговоръ происходитъ между ними слѣдующій:

«Марина. Не знаю, что значитъ заблудиться? (Отъ Ляпунова.)

Заруцкій. Известное дѣло (дѣлаетъ знакъ убійства). Какая ты стала не понятливая!.. Ну а какъ Ляпуновъ намъ петлю на шею надѣнетъ?

Марина. (сбѣясь и схватившись обѣими руками за шею). Моя шея не слѣзла для нечестнаго палача!

Заруцкій. Знаешь! она сдѣлана для живыхъ объятий!..

Марина. Заруцкій!

Заруцкій. (Беретъ ее за руку). Ну, ну! успокойся! безумная!»

Заруцкій уходитъ, Марина восклицаетъ: «О вѣчное правосудіе! Ляпуновъ падетъ отъ Заруцкаго! Ляпуновъ, эта высокая божественная сила, это соединеніе всего прекраснаго и великаго!..» и потомъ объявляетъ, что: «Заруцкій правъ. Прочь сожалѣніе, прочь добродѣтель! Пусть дѣйствуетъ Провидѣніе: я ему не помѣха.»

Первый актъ кончается.

Эти сцены до того напоминаютъ слогъ, манеру, всѣ замашки тѣхъ историческихъ драмъ, которыя дюжинами появляются на сценѣ Porte St. Martin и Galté, что кажутся переводомъ Королева Маргарита въ Tour de Nesle, г. Галльардэ, родная сестра Маринъ г. Гедеонова.

Второе дѣйствіе начинается длиннымъ разсказомъ Ржевскаго своему наперснику о томъ, какъ Ляпуновъ его оскорбилъ и какъ онъ ему мститъ намѣренъ. Къ удивленію читателя, Ржевскій вдругъ потомъ является самымъ жаркимъ поклонникомъ Ляпунова и даже гибнетъ вмѣстѣ съ нимъ. Потомъ собираются казаки и русскіе воины; является писарь Лыкинъ, «высѣченный», говоритъ кудреватю, по-

носить Ляпунова; ляпуновские его бить хотеть, трубедкие защищают... Ну, однимъ словомъ, читатели, вспомните появленіе капуцина въ Лагерѣ Валленштейна. Приходитъ Заруцкій, держитъ рѣчь, начинаетъ такъ: «Вотъ въ разсужденіи того теперь илетъ рѣчь». (*Тарасъ Бульба* — прекрасное произведеніе...) Понемногу онъ преклоняетъ весь народъ на свою сторону. «Я, панове, держу эту рѣчь» повторяетъ онъ: «не для того, чтобъ въ чемъ обидѣть Проконія Петровича Ляпунова; онъ у насъ такой воевода, какиихъ не найти въ цѣломъ свѣтѣ... And Brutus is an honourable man» (*). Но les beaux esprits se repentent... Толпа, подстрекаемая Заруцкимъ, бросается къ дому Ляпунова. Онъ выходитъ... все, разумѣется, умолкаетъ и трепещетъ. Ляпуновъ говоритъ имъ разныя горькія истины и уходитъ. Сцена эффектная.

Второй актъ кончается.

Въ третьемъ дѣйствіи, мы опять видимъ Марину, но уже не съ Симеономъ, а съ наперсницей. Марина говоритъ ей: «Помнишь ли, Юзефа, Самборъ, съ его зелеными, съ его темными, роскошными садами, съ его каштановыми аллеями, гдѣ разлавался такъ часто звонкій смѣхъ двухъ безвѣстныхъ и счастливыхъ красавицъ! Помнишь ли эти внезапные переходы отъ дѣтскаго смѣха къ непостижимой, чудной грусти, когда наша грудь волновалась отъ неизвѣстныхъ желаній, и лицо горѣло?» — Вотъ слогъ такъ слогъ! А потомъ, когда вся Польша бросила свое гордое ювшество къ ногамъ Сендомирской жемчужины! Все читало участь свою въ этихъ глазахъ, въ улыбка въ этихъ пламенныхъ устахъ!.. И я играла любовью!» — Юзефа отвѣчаетъ ей, что «въ человѣческомъ сердцѣ есть другія струны». Приходитъ слуга и доноситъ, что Ляпуновъ бѣжалъ. Ма-

рина разочаровывается, но Заруцкій приходитъ, объясняетъ все дѣло къ собственному стыду, и къ чести Ляпунова — и Марина сперва объявляетъ Заруцкому, что онъ рабъ ея воли, на что Заруцкій отвѣчаетъ, что онъ пойдеть домой и выпьетъ горьлки, а сама илетъ къ Ляпунову. «Да!» говоритъ она: «бываютъ такіа природы! въ нихъ все молчитъ, въ нихъ глѣбеть сокровенное пламя — доколѣ! (о, доколѣ! какъ это доколѣ — хорошо!) чужое дыханіе не оживитъ и не разбудитъ его! Марина стоитъ полтроиа! Рѣшево! я иду, иду за шапкой Мономаха!»

Мы въ избѣ Ляпунова. Онъ бѣсѣдуетъ съ старцемъ Аврааміемъ, объясняетъ ему забавить Ермогена, съидетъ Москву. Старецъ удаляется. «Что», говоритъ Ляпуновъ: — наша храбрость воинская въ сравненіи съ смиренною твердостью сего мужа? Мы легли въ сраженіе на борзыхъ коняхъ, покрытые сталью... Звуки трубъ, дышъ пороха, алая кровь... все наполниеть душу отвагой... а онъ!» По поводу этой тирады мы не можемъ не замѣтить, что такъ — называемыя общія мѣста дѣлятся на избитыя и неизбитыя; неизбитыя ни чѣмъ не лучше избитыхъ. Являются боляре; начинается споръ, какъ и слѣдовало ожидать; князь унижаютъ Ляпунова, одинъ даже предлагаетъ ему выйти съ нимъ на бой по старинному русскому обычаю; однако все приходитъ въ порядокъ, и воеводы расходятся друзьями. Ляпуновъ молится. Входитъ Марина. «Одинъ, и молится!» говоритъ она: «я этого не люблю». Начинается разговоръ между ними. Марина оправдываетъ свое поведеніе. Ляпуновъ ей что-то не вѣритъ, однако трогается ея судьбою. Марина старается его ободолить, сулитъ ему венецъ, говоритъ ему: оставь убійственное сомнѣніе... «Зиѣя, жиѣя», шепчетъ въ сторону Ляпуновъ: «я повиная тебя...» Марина продолжаетъ съ возрастающимъ жаромъ: «Любилъ ли ты когда, Ляпуновъ? слышалъ ли когда признаніе страстной, могучей любви изъ устъ женщины —

(*) А Брутъ честный человѣкъ.

Изъ рѣчи Антонія въ «Юліи Цезарь» Шекспира.

не безчувственной, раскрашенной куклы, каковы ваши русскія жены, а женщины одаренной умомъ и душою? Что, еслибъ нашлась такая жена, и она взяла бы тебя за мощную руку, и взглянула бы въ твои свѣтлыя очи и сказала тебѣ: другъ, я люблю тебя! Сверхъ-того, Марина предлагаетъ Ляпунову престолъ, а сына своего хочетъ удалить... Ляпуновъ негодуетъ и осыпаетъ Марину проклятiami и укоровнами. «Если же ты пришла сюда искать себѣ мужа» говорить онъ ей, вдохновясь Шекспиромъ: «есть у меня холостъ назъ Татаръ: я пожелалъ тебѣ его уступлю: быть можеть, онъ согласенъ быть супругомъ твоимъ». Марина выхватываетъ кинжалъ, кричить: о Боже! и падаетъ на землю. Ляпуновъ сперва насмѣшливо глядитъ на нее, потомъ уходитъ.

Третій актъ кончается.

Мы въ станѣ Русскихъ. Войны сидятъ въ живописномъ беспорядкѣ и готовятся къ приступу. Старый воинъ научаетъ молодого не бояться неприятеля. Но вотъ является Симоонъ и говорить очень отрывисто. Союзъ его съ Ляпуновымъ разорванъ! «Да восклицаетъ онъ: «не будь ты мой Ляпуновъ... я убилъ бы тебя, мой Прокопъ, и назвалъ бы Марину своею!» Является Ляпуновъ: узнаетъ, а la Валленштейнъ, стараго солдата, остается наединѣ съ Симоономъ и окончателно превращается въ Валленштейна: «Ты стоишь подлѣ меня, какъ моя молодость» говоритъ онъ Симоону; «Er stand neben mir wie meine Jugend...» говоритъ Валленштейнъ о Максѣ... Regent qui ante nos nostra dixerunt!—Ляпуновъ спрашиваетъ Симоона о причинѣ его грусти, узнаетъ, что онъ любить чужеземку, и перестаетъ быть Валленштейномъ; говоритъ, что въ Пѣмечинѣ женщины съ обнаженною грудью предаются бѣсовскимъ увеселеньямъ и разврату заморскому; потомъ переходитъ къ Маринѣ и объявляетъ свое намѣреніе залуцать ее собственными руками. Симоонъ, услышавъ такіа слова, беретъ одной рукойъ

за кинжалъ, другою касается груди Ляпунова: «Прокопъ Петровичъ, ты уже въ кольчугѣ?—Ляпуновъ уходитъ. Симоонъ свѣситъ къ Маринѣ.

Мы переходимъ въ пѣту Маринны. Марина толкуетъ съ Заруцкимъ о своемъ намѣреніи послать подложное письмо отъ Ляпунова къ Гонсѣвскому, черезъ Волынскаго; въ этомъ письмѣ Ляпуновъ намѣняетъ отечеству; Волынскій попадетъ въ плѣвъ; Гонсѣвскій его отпустить, а Волынскій съ письмомъ возвратится въ думу боярскую, обвинитъ Ляпунова,—въ слѣдствіе чего Ляпуновъ неминуемо погибнетъ. Хотя читатель не понимаетъ, какимъ образомъ Волынскій можетъ вдругъ сдѣлаться такимъ отъявленнымъ негодяемъ, и почему Гонсѣвскій выдастъ Симоону письмо Ляпунова, но въ знаменитыхъ драмахъ г. Бушарди такіа ли еще бывають несообразности! Заруцкій сомнѣвается въ возможности уговорить Волынскаго. «Онъ меня любить» отвѣчаетъ Марина; Заруцкій все еще не убѣжденъ; «онъ любитъ меня» повторляетъ Марина и подчѣркиваетъ слово: *меня!* Заруцкій болѣе не сомнѣвается и уходитъ... Марина остается одна... но всю слѣдующую сцену невозможно не вымыслить...

«Марина. (Одна, въ ней нѣтъ ничего живаго (*). Она говоритъ глухимъ гробовымъ—но твердымъ голосомъ). Ко мнѣ, ко мнѣ зми адскіа! Ко мнѣ черное шenie!

Совершается дѣло неслыханное! дѣло

(*) Это замѣчаніе автора о состояніи души Маринны напоминаетъ намъ замѣчаніа автора другой исторической драмы, исполненной высокими... комическими достоинствами. Изъ-сжалости, мы позабыли название этой драмы; герой перебрасываетъ съ руки на руку голову своего соперника — а сочинитель въ выносѣ замѣчаетъ: «Страшно!». Въ этой же драмѣ мѣсто дѣйствія одной сцены описано слѣдующимъ образомъ: «На право кусть и лужайка; на лѣво великій князь въ богатѣйшемъ нарядѣ.» Но въ сочиненіи г-на Гедесона нѣтъ ничего комическаго.

темное и кровавое, отъ котораго Божьи ангелы отараиваютъ лице свое!

Ты сама виновата Проконъ Петроича! Я шла къ тебѣ съ любовью, съ надеждою и молитвой. Ты отвернула меня! ты отдала руку свою отъ Марии. Ты могъ и не захотѣлъ измочить ея изъ бездны позора и преступленія!

Какъ онъ былъ хорошъ въ своемъ гнѣвѣ! Какъ благороденъ! Какъ я чувствовала, что могу любить его! Но жалости онъ не знаетъ! Не пожалѣютъ и о немъ. Убийство и смерть — торжествуютъ! *есе прекрасное убийство! Добро есть зло, а зло есть добро!*

Я покажу тебѣ умю ли мстить за обиду! Былъ у тебя другъ; ты его нѣжно любилъ; тебя другъ твой предастъ, ты падеши отъ ножа его! — Ты любишь свою Русь, безумно любишь ее? Русь назоветъ тебя измѣнникомъ и позднѣе лѣтописцы проклянутъ твою имя! Не правда ли, я умю мстить?

Я слышу его! Онъ идетъ! *Кто мнѣ змѣю оденетъ! Кто мнѣ черныя перчатки!*

Входитъ Симеонъ.

Симеонъ. Марина!

Марина. Это ты Симеонъ тебѣ, что предикель! Не бойся! Я призвала тебя не за кровавою мстью! Вчерашнія оскорбленія забыты! Я хотѣла увидать еще разъ, еще въ послѣдній разъ того, кто любилъ меня...

Симеонъ. О Боже! мы расстаемся!

Марина. Навсегда! Я ѣду въ дальнѣйшій путь, Симеонъ!

Симеонъ. Я не хочу понимать тебя! но мнѣ страшно!

Марина. Могъ ли ты думать, что я соглашусь быть вѣнчанною Ляпузова? Что отчаяннѣе и слезами я захочу увеличить его торжество? Могъ ли ты думать, что я повесу на сравную плаху преступниковъ мою вѣнчанную голову? У меня есть дядь, Симеонъ!

Симеонъ. Ты не упрешь!

Марина. Ты не любилъ меня! Исполни же послѣднюю волю мою! Когда на башилькѣ Кремлевскихъ раздается побѣднѣе Русское ура и гордый возгласъ войдетъ въ царскія палаты — меня уже не будетъ! — Мой сынъ въ Колодеи! Спаси его, сокрой его! Не дай лютому врагу ухнуть невзвѣнную кровью младенца!

Симеонъ. Ты не упрешь!

Марина. Ребенокъ! не ты ли спасешь меня? Поѣхъ мнѣ, все кончено: я пока-

рюсь судьбѣ своей. Заручи́й меня оставиеть! Онъ слишкомъ дорого продавалъ мнѣ защиту свою: онъ требовалъ этой руки! Я бросилась къ Ляпузову: Ляпузовъ отвернулъ меня! ты видишь, добрый другъ, я должна умереть!

Симеонъ. О Боже мой!

Марина. Куда бѣжать? Отъ чего ждать спасенія? Ляпузовъ клался меня погубить; а ты знаешь, умѣеть ли онъ держать свои клятвы!

Симеонъ. Я убью его!

Марина. О Симеонъ! онъ твой другъ...

Симеонъ. Я его ненавижу!

Марина. Онъ спаситель, надежда твои Русь...

Симеонъ. Что мнѣ Русь, что мнѣ дружба, что мнѣ весь свѣтъ въ сравненіи съ однимъ твоимъ взглядомъ! Я живу тобою, дышу тобою! Пусть все гибнетъ, все рухнетъ вокругъ меня, лишь бы ты моя царица улыбулась рабу твоему! (падаетъ на колѣна.)

Марина. (Беретъ его за руку) О Боже мой! Эта жизнь такъ прекрасна! быть такъ любимой — и умереть!

Симеонъ. Я спасу тебя! в этотъ моментъ вырву у него сердце изъ груди! Я спасу тебя, слышишь ли?

Марина. Возмиски! изъ гроба ты зымаешь меня къ жизни! Не забудь, что ты дѣлаешь! Не забудь, за что ты берешься!

Симеонъ. Я сдержу свое слово!

Марина. Еще не поздно, ты можешь вернуться! Судьба моя тяжела! Горе тому, кто захочетъ ее раздѣлить!

Симеонъ. Я рѣшился!

Марина. Вспомни, что я требую шаниго, славаго вознаграенія! Вспомни, что, кто любить Марину, для того мнѣ ии друга, ии отчизны, ии вѣры! Онъ долженъ жить моею жизнью, мыслить моею мыслию, любить моимъ сердцемъ!

Симеонъ. Для тебя, я убью роднаго отца.

Марина. Хорошо же. (Торжественно.) Откажи ты мой рабъ, слабой исполнителъ воли моей!

Симеонъ. Царица, повелѣвай!

Марина. Слушай же! Я не хочу, что бы Москва была азата въ эту ночь!

Симеонъ. Я могу измѣнить!

Марина. Вотъ письмо: приложи къ нему печать Ляпузова. Возьми его съ собою да приступи. Ты падеши вероломную

другицу. Подляки сдѣлають вылазку; отдайся въ плѣнъ тому, кто скажетъ тебѣ мое имя. Завтра ты будешь свободенъ; завтра ты отдашь это письмо боярямъ.

Симеонъ. Это письмо....

Марина. Ты видишь, оно писано Ляпуновымъ; онъ объявляетъ Гонсвекону, что королевскіе поляки: онъ забылъ трюха нечестно продать! Ты полюбилъся! Ты блѣднѣешь! Отдай мнѣ письмо! Я разорву его!

Симеонъ. Оставь! Ляпуновъ отжилъ свой вѣкъ.

Марина. (Опираясь на плечо Симеона и почти обнимая его.) Я буду тебя ожидать. Приходи завтра: скажи мнѣ: ты свободна: боюсь тебя болѣе некого... И не случится ли какой-нибудь награды. (Цѣлуя его и уходя.)

Симеонъ. О дѣлаю ли я до утра?..

Отъ сибиряка къ великому тоже шагъ одинъ, какъ и отъ великаго къ сибиряку. Адедгейдъ, въ Гёцъ фон-Верлихингенъ, говоритъ Францу при прощаніи: «und der schönste Lohn wartet dein...» а Французъ отвѣчаетъ: «O werd' ich bis zum Morgen leben...»

Кто жь говорилъ, что Гёте не зналъ русскаго языка?..

Дѣйствіе пятое. — Ляпуновъ въ отчаяніи, приступъ не удался. Симеонъ исчезъ безъ вѣсти. Приходятъ Ржевскій и уведомляетъ Ляпунова объ мѣстѣ Симеона. Ляпуновъ опять въ отчаяніи. Дѣлается бояре. Зовутъ Ляпунова на судъ. Онъ идетъ. Авторъ нашъ переноситъ на подиумъ передъ домомъ Масальскаго. Народъ толкуетъ объ цѣнѣ Ляпунова. Занятный встаетъ, что поцѣлуетъ наши писатели старой школы, съ легкой руки г. Загоскина, заставляютъ говорить народъ русскій какимъ-то особеннымъ языкомъ съ шуточками да съ прибаутками. Но русскій человекъ говоритъ такъ, да не всегда и не всегда: его рѣчь замѣчательно проста и умна... Это намъ напоминаетъ рассказы Пушкина о томъ, какъ онъ въ Кавказѣ встрѣтилъ персидскаго посла, заговорилъ съ нимъ по-восточному, и какъ былъ пристыженъ, услышавъ его простой, здѣшный языкъ. — Итакъ, народъ тол-

куетъ; является коридорный, — это странное лицо, безъ котораго не обходится ни одна русская драма, — и, какъ бы дитя, ибоязливо да неосторожно словами предсказываетъ и предчувствуетъ бѣду. Какъ «украшение, въ сочиненіи приѣтное», это лицо уже слишкомъ небыто; умѣе же представлять коридорнаго каніемъ-то всевозможнаго существомъ, не смотря на его безуміе, доказываетъ странную утѣренность въ нравственности: безсознательнаго злоключенія малъ простыми заранѣе разсудкомъ. Въ русскія времена Иванушка-дурачокъ, попарому все улетаетъ, «собошь-неглухъ». — Приходятъ Марина «разстрошенная», нечестно войдетъ въ светъ, тащить на себѣ юродиваго... забѣгаетъ Ляпуновъ, на смерть раненный. Марина встаетъ передъ нимъ. Ляпуновъ благодаритъ ее и прощаетъ. «А я проклинаю тебя!» кричитъ юродивый и убѣгаетъ. Симеонъ «продирается сквозь толпу» и зоветъ Марину съ собой, проситъ Ляпунова сказать ей, что онъ его съмы, и что онъ его вернулъ. Онъ съ ума сошелъ, какъ вообще въ оперѣ всегда содѣлать съ ума примадонны и теноры въ затруднительныя минуты... Это сумасшествіе очень-удобно для джентльнскихъ композиторовъ. Но Моцартъ не заставлялъ домашнюю Анну при видѣ убитаго отца припоминать дѣла дѣла въ прощаніи, какъ это дѣлаютъ оперные сумасшественіе. — Марина себя обманываетъ во всевозможныя; народъ бросается на нее съ крикомъ... Ляпуновъ ее спасаетъ; предсказываетъ Пюмарскаго и умиряетъ.

Изъ подробнаго обзора драмы г. Геденова, читатель можетъ усмотрѣть, справедливо ли наше мнѣніе объ этомъ произведеніи. Повторяемъ: образованному человеку написать такую драму очень-легко; но qu'est-ce que cela prouve? какъ говорилъ д'Аламбера. Обогатила ли она нашу душу хотя однимъ живымъ и теплымъ словомъ, по-эвончила ли она насъ съ новыми, побывальнымъ воображеніемъ талантливаго человека на русскую жизнь, русская

сердце, русскую старину? Легко представлять доблестных вождей, «соединенія всего прекраснаго и великаго», коварных и честолюбивых женщинъ, прызывающихъ «черныхъ амбій», влюбленныхъ юношей Симеонъ и проч.; легко заставить эти бездушныя и безиронныя лица говорить языкомъ новейшей французской пьесы... та речё? какъ спрашиваетъ графъ Алмазива. Мы возстаемъ и возстаемъ противъ злоупотребленія патриотическихъ фразъ, которая такъ и сыплется на усть героев нашихъ историческихъ драмъ, — возстаемъ и возстаемъ отъ-того, что желали бы найти въ нихъ больше истиннаго патриотизма, роднаго смысла, пониманія народнаго быта, сочувствія къ жизни предковъ... пожалуй, хоть и народной гордыни, — а это всякому дано ощущать, но не всякому дано выразить. Образцами такого рода драмы могутъ служить «Геррихи» и «Ричарды Шенсвра». «Старая Англія» (Old England) знаетъ и дышитъ въ этихъ безсмертныхъ произведеніяхъ... Кто вамъ доставить наслажденіе поглядѣть на нашу древнюю Русь? Не-уже-ли не лятся, наконецъ, талантъ, который возьмется хоть за этихъ двухъ раванскихъ дворянъ, Прохона и Захара Ляпунова, и покажетъ намъ, наконецъ, Русскихъ, живыхъ людей, — говорящихъ русскимъ языкомъ, а не слогомъ, — ахъего тѣхъ странныхъ существъ, которыя подъ именами историческими и вымышленными такъ давно и такъ безотрадно мелькаютъ передъ нашими глазами? Или, въ pendant Малороссу Тарасу Бульбѣ, намъ все еще должно удовлетвориться русскими Чичиковыми?

Да, русская старина намъ дорога, дороже, чѣмъ думаютъ иные. Мы стараемся понять ее ясно и просто; мы не превращаемъ ее въ систему, не втягиваемъ въ полемику; мы ее любимъ не фантастически-вычурною, старческою любовью; мы изучаемъ ее въ новой связи съ дѣйствительностью, съ нашими настоящими и нашими будущими, ко-

торое совѣтъ не такъ оторвано отъ нашего прошедшаго, какъ оныя-таки думаютъ иные. Но, повторимъ: пусть истинный талантъ, — какія бы ни были его теоретическія, историческія убѣжденія — передастъ намъ нашу старину... за нашими рукописными дѣло не станетъ. Что же касается до «Смерти Ляпунова» г. Гедюсова, то вотъ наше послѣднее слово объ этой драмѣ: мы ее не даромъ сравнили въ началѣ статьи съ оперой: она — не что иное, какъ оперное либретто.

248) Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета 15 июля 1846 г. Москва. Въ университетской тип. 182 стр.

Въ книжкѣ, издавонной подъ этимъ заглавіемъ, содержатся двѣ рѣчи, и краткій отчетъ о состояніи Московскаго Университета за 1845—1846 академическій годъ. Рѣчь г. профессора Рѣдкина: *Каковъ общее образованіе требуется современностію отъ русскаго правовѣдца, во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ особеннаго вниманія.* Сначала, авторъ оправдываетъ выборъ темы и тѣсною связью ея съ предметомъ юридической энциклопедіи, которую онъ преподаетъ, и другимъ доводомъ, который еще важнѣе — современными потребностями Россіи. Упомянувъ о великихъ событіяхъ послѣдняго двадцатилѣтія въ-отношеніи къ законодательству и праву, объ изданіи Полнаго Собранія Законовъ, Съезди Законовъ и возрожденіи юридическихъ факультетовъ (въ 1835 году), авторъ говоритъ (стр. 10):

«Сознавать обычное право и законодательство, приводить ихъ къ дѣйствію, развивать ихъ соотвѣтственно современнымъ требованіямъ науки и жизни, возводить ихъ ко всеобщимъ началамъ права, — все это достается въ удѣлъ особенному словию правовѣдцѣ. Результатомъ ихъ образованія и дѣятельности является право юриста. Оно составляетъ ту ступень

развитія положительнаго права, съ которой послѣднее восходитъ къ философскому и вѣдѣтъ съ нимъ становится предметомъ полнаго сознанія въ наукѣ и полнаго осуществленія этого сознанія въ жизни. Право юристовъ составляетъ потому существенную принадлежность третьяго, цѣлѣбнаго періода государственной жизни.»

И далѣе (стр. 11):

«Мы имѣемъ свое самостоятельное, къ сожалѣнію, мало еще изслѣдованное обычное право. Наше законодательство продолжаетъ развиваться, особенно съ нашего времени, когда оно собрано и заключено въ сводъ съ тѣмъ, чтобы составить основу для уложеній. Чего не доставало намъ? Юристовъ, которые бы, будучи образованы наукою соотвѣтственно требованіямъ современности, явились, въ своей дѣятельности, органами развитія полнаго сознанія права.

«Съ возрожденіемъ юридическихъ факультетовъ, послѣдовавшимъ въ наше время, должно зародиться, какъ это вездѣ бывало, и сословіе русскихъ юристовъ, призваніемъ котораго будетъ созвать вполнѣ право, преимущественно отечественное, при посредствѣ современной науки, и дѣйствовать для отечества, согласно съ современными требованіями жизни.»

Все это очень-справедливо и основательно, исключая мысли, что мы будто-бы имѣемъ «свое самостоятельное обычное право». Обычай—да, бесспорно; обычного права у насъ нѣтъ.

Послѣ того, авторъ опредѣляетъ вкругъ дѣятельности русскихъ юристовъ (стр. 13):

«Особенная чреда нашей дѣятельности — народъ русскій, великій, юный, которому, можетъ быть, суждено имѣть великую будущность: такъ широка и воспримчива, такъ могуча и величава его натура, *оценималла прошедшимъ*. Общая сфера нашей жизни — современное человѣчество, въ которомъ совершается броженіе великихъ идей, способныхъ обновить міръ, и выходятъ отсюда, что наше образованіе тогда будетъ удовлетворять современнымъ требованіямъ науки и жизни, когда мы воспитаемъ въ себѣ вѣдѣтъ людей и правовѣдцевъ Русскихъ.»

Т. XLVII. — Отд. VI.

Образованіе, необходимое для Русскаго и правовѣдца, какъ человѣка, есть *общее*, а относящееся къ особенностямъ его званія, какъ члена сословія юристовъ,—*спеціальное*. Предметъ рѣчи — только первое. Такимъ-образомъ, авторъ приступаетъ къ своей задачѣ и разрѣшаетъ ее, постепенно переходя отъ науки къ наукѣ.

Первое мѣсто между ними принадлежитъ тѣмъ, которыхъ предметъ *религія*. Авторъ обозрѣваетъ весь кругъ этихъ наукъ, останавливается особенно на той, которая ближе всего относится къ юристамъ, именно на церковномъ правѣ, потому-что въ немъ соприкасаются богословскій и юридическій элементы,—и весьма-основательно заключаетъ, что одинъ изъ существенныхъ недостатковъ современнаго юридическаго образованія состоитъ въ недостаточномъ отдѣленіи элемента религіознаго отъ элемента юридическаго, — отдѣленіи, возможномъ и доступномъ только для юриста, глубокаго знающаго свой предметъ и науки, ка сающіися религіи:

«Въ наше время должна завершиться та, можно сказать, секуляризація наукъ, которая началась съ такъ называемаго ихъ возстановленія, совпадающаго съ переходомъ средневѣковой жизни въ новую исторію, когда наука стала снова самостоятельною, когда вновь найдено было ей собственное начало, безъ котораго она не могла бы далѣе развиваться, и потому не дошла бы до тѣхъ результатовъ, которыми наше время можетъ такъ гордиться передъ прошедшимъ.» (Стр. 16).

Какъ рѣдкое и замѣчательное исключеніе, авторъ приводитъ заслуги юриста-богослова Томазія:

«Сколько важныхъ заслугъ оказалъ этотъ преобразователь правовѣдѣнія именно съ помощію своихъ богословскихъ познаній! Онъ первый придавъ челоюдную самостоятельность философіи права, какъ наукѣ юридической, различивъ ее отъ нравственнаго богословія особымъ нагляднымъ началомъ, для права имъ впервые поставленнымъ, началомъ принудительности, которое и теперь занимаетъ важ-

ное мѣсто въ правовѣдѣніи, хотя и не признается уже болѣе верховнымъ началомъ. Онъ первый открыто поставилъ началомъ государственнаго права верховную государственную, свѣтскую власть, не зависящую ни отъ какой внѣшней власти на земли, а именно отъ власти папской, и тѣмъ вызвалъ науку государственнаго права къ самостоятельной жизни. Въ своихъ лекціяхъ о Гуго Гроціи онъ смѣло высказалъ новое основаніе союзъ государства, независимое отъ средневѣковой связи ихъ, основанной на единствѣ папской власти и тѣмъ придалъ народному праву еще большую самостоятельность. Въ уголовномъ правѣ онъ является основателемъ новой системы утраченной, которая, не смотря на свою односторонность, будучи приведена въ связь съ общимъ началомъ Томазіевой философіи права, съ началомъ принудительности, придаетъ уголовному праву философскій и вѣдѣтъ самостоятельный характеръ. Кроме того, и въ той части науки уголовного права, которая теперь называется обыкновенно особенною частію, Томазіи провѣлъ свѣтлую мысль, восторжествовавшую надъ прежними предрассудками, надъ религиознымъ фанатизмомъ. Преимущественно ратуя противъ процесовъ о колдовствѣ и противъ пытки, способствуя къ значительному уменьшенію числа первыхъ и подвигнувши Пруссію изгнать пытку изъ своего законодательства, онъ явился великимъ практическимъ криминалистомъ. Вообще, всю жизнь свою, исповѣданную тревогъ и гоненій, Томазіи посвящая за истину; нещадно преслѣдовалъ предрассудки, лицемеріе, ханжество, поданство; смѣло оставилъ беззачетальную рутину, которая унижала изученіе правовѣдѣнія до безсмысленной ремесленности, и не придерживаясь смѣло никакаго чужаго авторитета, подвергалъ все собственному своему изслѣдованію.» (Стр. 24).

Отъ наукъ богословскихъ авторъ переходитъ къ наукамъ въ собственномъ смыслѣ слова, основаннымъ исключительно на естественномъ человѣчествѣ вѣдѣніи. Взглядъ на науку вообще очень вѣренъ и современенъ:

«Всегда почти выполненіе предшествуетъ созерцанію, а слѣд., говоря вообще,

практика старѣе теоріи. Большею частію практика доставляетъ матеріалъ теоріи, которая его очищаетъ и приводитъ въ порядокъ. Сколько ни противится практика теоріи, сколько ни стоитъ на томъ, что она будто бы имѣетъ свои собственные законы, слѣдуетъ своимъ правиламъ, практика не можетъ долго отвергать теоріи, ибо только теорію практика возводитъ къ сознанію. Не разъ случалось, что долговременная практика, оказавшись, наконецъ, противною истинѣ, должна была свернуть съ любимой дороги и взойти на новую указанную теорію. Успѣхи человѣчества на томъ и основываются, чтобы практика все болѣе и болѣе проникалась и преобразовывалась теорію, ибо высочайшая полнота человѣческой жизни состоитъ именно въ единствѣ теоріи и практики, науки и жизни, мышленія и дѣятельности. Вещественную пользу приносить наука, улучшая и умножая средства къ удовлетворенію нуждъ и потребностей жизни, содѣйствуя ириобрѣтенію имуществъ, предотвращая физическое зло, словомъ способствуя вещественному благосостоянію народа. Хотя за вещественнымъ благосостояніемъ не слѣдуетъ необходимо духовное, однако же смѣло можно утверждать, что безъ вещественнаго благосостоянія невозможно значительное духовное развитіе народа. Бѣдность и нищета, сопровождаемая множествомъ золъ, подавляютъ духъ народный, а достигнувъ высокой степени, портятъ и народную нравственность; а потому способствовать вещественному благосостоянію значить пролагать путь духовному.» (Стр. 25).

Научная дѣятельность есть философская, историческая или положительная и филологическая. Въ области философіи авторъ особенно останавливается на философіи права, опредѣляетъ ея различіе отъ такъ называвшейся прежде теоріи положительнаго законодательства и указываетъ на послѣдствіе ихъ смѣшенія — односторонніе взгляды на право, породившіе въ своей крайности двѣ противоположныя школы юристовъ: историческую и философскую. Какъ извѣстно, главнымъ предметомъ, на которомъ выказалась противоположность этихъ школъ, было составленіе общаго уложенія для

Германія тотчасъ же послѣ освобожденія ея отъ власти Наполеона.

«Тогда было славное время для Германіи! Такія времена вообще рѣдки въ исторіи человѣчества. Къ нимъ-то въ особенности приложимо Горациево: «*saprediet*». Тогда обратились германскія правительства къ народу, съ которымъ давно уже никто не говорилъ, какъ замѣтилъ знаменитый германецъ Эйхгорнъ. Сколько было возбуждено желаній, надеждъ, теплой вѣры въ будущность!..

«Тогда (говоритъ Самуэль, въ предисловіи къ позднѣйшему изданію своего сочиненія «О призваніи») снова стало возможнымъ публично говорить о дѣлахъ общественныхъ, слѣдуя своему свободному убѣжденію, и вниманіе, вездѣ возбужденное пережитыми событіями, придадо особенную привлекательность такому публичному сужденію. Такого рода трудъ сталъ благодаритѣ, нежели какъ это бываетъ въ обыкновенное время. Тогда-то знаменитый правовѣдецъ Табо предложилъ составить общее гражданское (т. е. частное и уголовное) уложеніе для Германіи, и тѣмъ способствовать какъ единенію Германцевъ, столь важному въ политическомъ отношеніи, такъ и совершенствованію судопроизводства и правосудія» (стр. 31).

Въ заключеніе статьи объ участіи философіи въ общемъ образованіи юристовъ, авторъ дѣлаетъ слѣдующее глубоко-вѣрное замѣчаніе:

«Мы должны признаться, что философское образованіе еще не довольно насъ проникло. Мы не можемъ еще пока похвалиться тою истинно-научною дѣятельностію, которая всегда есть плодъ философіи. Всѣ наши свѣдѣнія какъ-то мало между собою соединены внутреннею связью, не глубоко коренятся въ общихъ началахъ, не могутъ вывести полной философской критики. Жизнь наша не представляетъ полного отправления внутреннего нашего сознанія; напротивъ, мы часто двоимся въ жизни теоретической и практической, частной и общественной. Мы не свыкли съ основною мыслию философіи, что для естественнаго человѣческаго вѣдѣнія истинно только то, что вмѣстѣ оправдывается и разумомъ и исторіею, и природою и опытомъ; что становящееся, живущее и есть истина. Мы любимъ или

плавать безъ компаса, безъ руля и безъ якоря, въ океанѣ отвлеченной отъ жизни науки, или же погружаться во всѣ мелочи грубой эмпириі, которую мы называемъ жизнію. Наука и жизнь у насъ разъединены. Мы еще не можемъ вполнѣ уразумѣть, что философическая и положительная дѣятельность снимается въ единствѣ высшаго понятія о наукѣ, что философскія и положительныя науки дѣиютъ одно и то же содержаніе, одну и ту же методу, одно и то же начало; что это начало, метода и предметъ заключаются въ человѣческомъ мышленіи, которое развивается и въ наукѣ и въ жизни» (стр. 50).

Потомъ, авторъ переходитъ къ области наукъ положительныхъ, или историческихъ въ обширномъ смыслѣ слова. Сперва вниманіе его обращаетъ на себя, разумѣется, исторія права, какъ ближайшая для юристовъ. Находя, что много уже сдѣлано для всеобщей исторіи права, но что она еще не представляетъ цѣлаго, оконченнаго званія, а существуетъ, такъ-сказать, лишь въ матеріалахъ, авторъ справедливо замѣчаетъ, что на русскихъ юристахъ лежитъ великое призваніе участвовать въ созиданіи всеобщей исторіи права особливо въ наше время, когда и для насъ начинается наступать періодъ самопознанія.

«Сперва Россія жила отдѣльною живію отъ всеобщей исторіи, живію только народною. Тогда она не принимала дѣятельнаго участія въ судьбахъ всемірной исторіи. Впрочемъ уже и тогда она втишкѣ готовилась къ своему великому всемірно-историческому призванію. Такова была Россія временъ до Петровскихъ. Петръ Великій, силою своею гемія, осуществилъ на дѣлѣ давно-созрѣвшую въ народѣ мысль. Онъ рѣшительно ввелъ Россію во всеобщую исторію. Исключительная народность сдѣлалась въ общей жизни человѣчества. Теперь, начиная сознавать себя, свое особенное — народное и всеобщее — человеческое значеніе, мы снова возвращаемся къ нашей собственной, народной жизни, но уже снимая въ нашу народность общечеловѣческую жизнь. Теперь начинается входить и всеобщая исторія въ русскую. Такъ и для насъ, народа всемірно-историческаго, начинается едине;

ние жизни общечеловѣческой съ нашей народною.

«Этимъ объясняются всѣ современныя явленія исторической нашей жизни; все равномысліе представителей нашей современности въ частностяхъ и согласіе ихъ въ общемъ; внутренній порядокъ въ наружномъ безпорядкѣ; дѣйствительное начало въ кажущемся отсутствіи начала; созиданіе новаго безъ разрушенія стараго и разрушеніе стараго безъ созиданія новаго; разобщеніе безъ борьбы и борьба безъ противоположностей; значеніе личностей безъ признанія со стороны всеобщаго, и отсутствіе всеобщаго, признанное личностями. Словомъ, мы живемъ во время того кризиса, который есть вѣрный признакъ перехода исторической жизни народа въ новый періодъ» (стр. 84).

Въ такомъ же порядкѣ обобщаетъ авторъ участіе въ общемъ образованіи русскихъ юристовъ вспомогательныхъ историческихъ наукъ, наукъ политическихъ и камеральныхъ.

«До сихъ поръ русскіе юристы болѣе посвящаютъ себя занятіямъ по части администраціи, а одною изъ главныхъ отраслей администраціи является хозяйственное управленіе. Преимущественно въ наше время, оно получило такую важность для государственной жизни, что въ вопросахъ, касающихся хозяйственнаго управленія, скрываются всѣ почти современныя политическіе вопросы.

«Извѣстно, что французскую революцію открыло, можно сказать, само правительство, по поводу хозяйственныхъ вопросовъ; что въ Англіи всегда развивалась государственная жизнь въ неразрывной связи съ развитіемъ хозяйственной дѣятельности; что все участіе въ государственномъ правленіи законодательныхъ собраній на самомъ дѣлѣ держится правомъ субсидій, предоставленнымъ имъ основными законами; что всѣ новыя теоріи о образованіи настоящаго гражданскаго быта преимущественно основываются на новыхъ же теоріяхъ о хозяйственномъ управленіи; что, наконецъ, нашъ вѣкъ есть по преимуществу вѣкъ промышленный.

«Итакъ современность требуетъ отъ всякаго образованнаго человѣка, не равнодушнаго къ дальнѣйшему развитію общественной жизни, особенно же отъ юриста,

поставленнаго въ ея среду самими своими званіемъ, обратить особенное вниманіе на изученіе наукъ камеральныхъ» (стр. 73).

Далѣе, подробно рассмотрѣно отношеніе химіи къ правовѣдѣнію, судебной медицины, медицинской полиціи и математики. Въ заключеніе авторъ обобщаетъ большой отдѣлъ наукъ такъ - называемыхъ филологическихъ, въ примѣненіи къ образованію юристовъ: герменевтику, критику и языки древніе и новыя, изъ послѣднихъ особенно французскій, нѣмецкій и англійскій. Опѣнка латинскаго языка и его важное участіе въ образованіи русскихъ правовѣдовъ подаетъ автору поводъ къ замѣчанію, съ которымъ нельзя не согласиться:

«Латинскій языкъ сродняетъ насъ прямо съ тѣми великими римскими писателями, которыхъ слова еще и теперь часто приносятся публично, особенно въ той странѣ, которая имѣетъ въ своемъ практическомъ тактѣ, въ своемъ политическомъ возрѣніи, столько сходства съ древнимъ Римомъ, а именно въ Англіи. Эти писатели возбуждаютъ въ насъ множество великихъ мыслей, вызываютъ насъ изъ среды мелочной жизни въ тотъ великій міръ великаго народа, гдѣ сильно бьется наше сердце ко всему достойному человѣка. Подобно развалинамъ древняго Рима въ Римѣ новомъ, они говорятъ намъ, на всемирномъ языкѣ, какъ жила и дала великій народъ, — возвышая наши мысли, облагораживая наше сердце, придавая намъ всю силу чувства собственнаго человѣческаго достоинства. Въ этомъ отношеніи, польза латинскаго языка едва ли уступаетъ греческому. Хотя Греки учителя Рима, но они не имѣли въ исторіи того широкаго поприща, той истинно-всемирной дѣятельности, какъ Римляне. Доконченная художественность произведеній греческаго искусства, возвышенность и самостоятельность ихъ философскаго мышленія, даже политическая свобода ихъ ильскихъ республикъ не искупаютъ тѣмъ бы вѣншаго круга ихъ дѣятельности, который у Римлянъ такъ широкъ, такъ величественъ, такъ многозначителенъ. Если, въ политическомъ значеніи, сравнить Грецію съ Англіею, не имѣющею почти ничего общаго съ развитіемъ всего континента»

мента, заключенною въ себя самой: то Римъ сравнить можно съ Франціею, которой жизнь бьется общимъ пульсомъ, которой исторія также отзывается во всѣхъ концахъ новата міра, какъ отзывалась вѣкогда исторія Рима во всѣхъ концахъ древняго. И языкъ Французовъ въ дипломатическомъ мірѣ имѣетъ тоже космополитическое значеніе, какое въ учебномъ мірѣ имѣетъ и теперь языкъ Римлянъ» (стр. 98).

Наконецъ, изложена необходимость для юриста не только глубоко-практически знать отечественный языкъ, но быть основательно знакомъ съ его теоріей и исторіей литературы. Вообще, какъ читатели могутъ уже судить по выпискамъ, рѣчь г. Рѣдкина представляетъ много любопытнаго, разрѣшаетъ задачу вполнѣ, можетъ-быть даже слишкомъ-подробно, и обнаруживаетъ большую начитанность, равно какъ и близкое знакомство съ современнымъ состояніемъ юридическаго образованія въ европейскихъ государствахъ. По своему содержанию и тону, она представляетъ планъ организаціи юридическихъ факультетовъ сообразно съ современными нашими требованіями и скорѣе относится къ юристамъ-теоретикамъ, нежели юристамъ вообще.

Послѣ рѣчи г. профессора Овера, на латинскомъ языкѣ, «de Arduo Medici officio» (Какъ трудно званіе медика), проникнутой гуманностью и религиознымъ сознаніемъ святыхъ и великихъ обязанностей врача, слѣдуетъ краткій отчетъ о состояніи университета. Изъ него видно, что въ минувшемъ году изъ среднихъ учебныхъ заведеній поступило въ университетъ 118 студентовъ, число которыхъ вообще простиралось до 922. Самый большой факультетъ по числу студентовъ — юридическій, въ которомъ считается 340 учащихся. Всѣ предметы, назначенные по уставу, преподавались въ минувшемъ году въ университетѣ, кромѣ философіи, восточныхъ языковъ, технологіи и архитектуры. Сверхъ того, были читаны 4 публичные курса: тех-

нической химіи ординарнымъ профессоромъ Гейманомъ, зоологін экстра-ординарнымъ профессоромъ Рудь, сельскаго хозяйства и сравнительной исторіи Франціи и Англіи до 1625 года—исправляющими должностями экстра-ординарныхъ профессоровъ Липовскимъ и Грановскимъ. Въ бібліотекѣ университета поступило 1941 сочиненіе въ 4526 томахъ. Зоологическій кабинетъ обогатился присоюдиненіемъ къ нему музея бывшей Московской Медико-Хирургической Академіи, въ числѣ 15,665 видовъ звѣрей, птицъ, гадовъ, рыбъ, насѣкомыхъ и проч. Большой и учебный минералогическіе кабинеты, ботаническій садъ, анатомическій кабинетъ, кабинетъ сравнительной анатоміи и физиологін, также получили значительныя приращенія. Въ университетской типографіи отпечатано въ годъ 7,267,205 листовъ. Число студентовъ, окончившихъ курсъ ученія, простиралось до 118, въ томъ числѣ кандидатовъ 31. Изъ разсужденій, поданныхъ студентами, 5 удостоены золотыхъ медалей; одна изъ этихъ медалей изготовлена на счетъ профессоровъ 1-го отдѣленія философскаго факультета, по ихъ добровольному вызову; два разсужденія получили серебряныя медали.

249) *Нравы, Обычаи и Памятники Всѣхъ Народовъ Земнаго Шара. Изданіе А. Семена и Стойковича, украшенное множествомъ рисунковъ, отпечатанныхъ и раскрашенныхъ въ Парижѣ. Москва. Въ тип. А. Семена. 1846. Въ 8-ю д. л. 470 стр.*

Въ ноябрьской книжкѣ «Отч. Записокъ» прошлаго года, мы говорили объ этомъ изданіи и помѣстили въ него статью, которую, вѣроятно, еще не забыли читатели — «Вѣрованія Индусовъ». Общественная книга вышла теперь въ свѣтъ и оправдала наше ожиданіе. Все, что можетъ изобрѣсти типографская роскошь, — рисунки, полициажки, даже шрифтъ и бумага, — все соединено въ этомъ изданіи, которое издатель предположилъ сдѣлать ура-

пеніемъ русскихъ библиотекъ; у насъ оно можетъ считаться рѣдкимъ, какъ по наружному дѣятельству, такъ и по внутреннему своему достоинству. Бава-ля нужно говорить, какъ интересно для каждаго образованнаго человека изображеніе тѣхъ обширныхъ земель, которыми неограниченно властвуетъ Ост-Индская-Компанія, и это изображеніе живое, полное, находится теперь передъ глазами читающей публики въ книгѣ гг. Седона и Стойковича. Въ статьяхъ, ее составляющихъ, видно знаніе дѣла, начитанность составителей и до известной степени умѣнье владѣть языкомъ; если въ нѣкоторыхъ сужденіяхъ замѣтна односторонность и если встрѣчаются недосмотры или неполноты, то они не очень-значительны въ сравненіи съ достоинствами цѣлаго труда. Постараемся вкратцѣ представить содержаніе этого интереснаго и, во всякомъ случаѣ, весьма-полезнаго изданія.

Вся книга составляетъ два большіе отдѣла: *Индустанъ*, г. Тютчева, и *Западный-Полуостровъ*, г. Стойковича, который, вмѣстѣ съ тѣмъ, и редакторъ всего изданія. Второй томъ, на который обвѣзана подписка, будетъ служить продолженіемъ первому, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самъ-по-себѣ составитъ нѣчто цѣлое, независимое по содержанию: въ немъ представлено будетъ описаніе Японіи и Китая.

Статья, которою начинается *Индустанъ*, содержитъ въ себѣ «*Географическія Свѣдѣнія*» объ Индіи. Это правдивый, сжатый очеркъ *Индустана*, который можно упрекнуть только за излишнюю краткость, и напрасно говорить авторъ:

«Мы должны были рассчитывать на несходимость и торіише читателя при составленіи этого географическаго очерка. Подробности его какъ ни сухи, тѣмъ не менѣе совершенно необходимы, и мы надѣемся, что внимательный читатель, слѣдя за нашими словами на картѣ, убѣдится, что означенныя нами границы установлены не нашими произволомъ, но при-

родомъ, и что главныя дѣленія страны вытекаютъ сами собою изъ ея нѣстнаго образованія.»

Еслибъ онъ, съ его знаніемъ дѣла, нѣсколько распространилъ эту статью, она составила бы одну изъ лучшихъ статей книги и богатый матеріалъ для географіи Индіи, еще далеко неполной.

Мы также не совсѣмъ согласны съ редакторомъ относительно раздѣленія Индіи. Оставляя двумъ полуостровамъ Южной-Азіи названіе *Ост-Индіи*, онъ, слѣдуя Бальби и Мальтбрёну, дѣлитъ Индію на *Индустанъ* и *Западную-Индію*; послѣднюю онъ называетъ (стр. 394) *Западный-Полуостровъ* и отбрасываетъ совершенно названіе *Индіи*; названіе «*Западный-Полуостровъ*», составленное по примѣру названій «*Скандинавскій*», «*Пиренейскій*», едва-ли можетъ войти въ употребленіе, потому-что въ Европѣ полуострова получили названіе свое отъ горъ, или проходящихъ по нимъ или составляющихъ ихъ границу, а здѣсь оно должно происходить отъ рѣки, вовсе не составляющей границы, потому-что Гангъ, какъ замѣчаетъ самъ авторъ, не пограничная рѣка; и большая часть провинцій Аллабада, Багара и Бенгаліи пересѣчена этими священными потокомъ Индусомъ. Такимъ-образомъ, неправильность въ словѣ *Западный-Индія* останется и въ названіи «*Западный-Полуостровъ*». А такъ-какъ вліяніе западнаго полуострова *Ост-Индіи* на восточный такъ велико, что авторъ сохраняетъ имъ общее названіе «*Ост-Индіи*», то мы думаемъ, что можно было бы вести названія, употребляемыя нѣмецкими географами для обозначенія обоихъ полуострововъ, т. е. *Передняя-Индіа* (*Vorder-Indien*) для западнаго, и *Задняя-Индіа* (*Hinter Indien*) для восточнаго: тогда исчезнетъ ложное понятіе, которое невольно соединяется съ словомъ «*Западный*», и неопытные не отнесутъ западной границы *Задней-Индіи* по сторону Гангеса, а помнутъ ее на

картъ. Намъ кажется также, что Среднюю-Индію можно раздѣлить не на три части, какъ раздѣлили ее авторъ, а на двѣ: *Индустанг-собственно до Винайскихъ Горъ, и Деканъ*—въ югу есть эти горы, тѣмъ болѣе, что въ этихъ двухъ отдѣлахъ существуетъ определенное различіе климата и почвы. Разумѣется, раздѣленіе, принятое авторомъ, ни мало не вредитъ ясности географическаго очерка: онъ былъ бы только опредѣленнѣе и менѣе сложенъ.

Между произведеніями Индустана, важнейшими подробно, слѣшкомъ мало сказано о *тѣловомъ деревѣ* (тессаца *tesona grandis*); упоминавъ о твердости его и крѣпости для построения судовъ (стр. 20 и 397), не мѣшало бы упомянуть и о томъ, что одною изъ причинъ прочности этого дерева и, можетъ-быть, самою главною служитъ ядовитый сокъ его, препятствующій зарожденію въ немъ тѣхъ безчисленныхъ насѣкомыхъ, которыя уничтожаютъ внутренность крѣпкаго дуба; къ этому можно было бы присовокупить, что жители добываютъ изъ листвы тѣковаго дерева краску краснаго цвѣта и окрашиваютъ ею свои ткани.

Исчисляя произведенія по царству минераловъ, авторъ упоминаетъ о мѣстательныхъ богатствахъ Голконды, которая такъ долго пользовалась въ Европѣ незаслуженною славой:

«Читатель ожидаетъ, послѣ этого, интереснѣхъ подробностей о знаменитыхъ алмазныхъ присакахъ Голконды? Изумительное богатство ихъ прогремѣло по всей Европѣ; кто изъ насъ въ дѣтствѣ своемъ не читалъ, не внималъ чуднымъ рассказамъ про этотъ міръ ослѣпительнаго блеска? Въ какой курь географіи не перешли статистическія отмѣтки о добываемыхъ въ Голкондѣ драгоцѣнныхъ камняхъ? И что же! теперь достоверно доказано, что эти присаки обязаны своею всемірною славой лишь щедрому воображенію поэтовъ и услужливости стоустой молвы, и что въ дѣйствительности этихъ присаковъ, этихъ алмазныхъ рудъ никогда въ Голкондѣ не существовало! Ученые ан-

глійскіе минералоги изрѣзали эту провинцію по всѣмъ направленіямъ, прокопали ея почву, изслѣдовали ея геогнозію, вопрошали сказанія туземцевъ, перерыли всѣ архивы Серингатнама, — и не подлежащимъ никакому сомнѣнію окончательнымъ выводомъ изъ всѣхъ этихъ розысканій было достоверное извѣстіе, что въ Голкондѣ никогда не было ни малѣйшаго слѣда алмазовъ.»

Послушайте, какое богатство животнаго царства; вотъ какъ говорить о немъ одинъ англійскій офицеръ, описывающій внутренность лѣса, близъ рѣки Карери:

«Шумъ приближенія нашего подымалъ на каждомъ шагу ланей, павлиновъ, теремовъ; огромные вопри ломали кусты, тигры пронеслись вдали, а иногда просыпаясь вразгъ и убѣгалъ огромный слонъ. Стаи обезьянъ слѣдили за нами и опережали насъ, перескакивая съ гримасами и крикомъ по верхушкамъ деревьевъ. Число и шумъ ихъ часто пугали насъ, и мы воображали, что вблизи неприятели. Животное царство въ такомъ изобиліи играло около насъ, что неволью переносило воображеніе къ ковчегу Ноя. Вокругъ насъ возвышались громадные памятники дѣйствительной природы. Столѣтніе тѣки, побѣлѣвшіе отъ времени, съ обмороженными корнями и какъ пошло налегшіе на другія деревья, ясно свидѣтельствовали, что топоръ никогда не блестялъ въ этомъ таинственномъ мракѣ.»

Далѣе слѣдуютъ «Этнографическія Свѣдѣнія». Статью эту авторъ раздѣлил на пять отдѣловъ; въ первомъ помѣщены Индусы; во второмъ мусульмане, въ третьемъ Сейки, въ четвертомъ коренные жители, въ пятомъ иноплеменники. Первому отдѣлу, авторъ, увлеченный интересомъ жизни Индусовъ, посвящаетъ въ сочиненіи своемъ болѣе страницъ, чѣмъ четверть послѣднихъ; прочемъ, это очень понятно: едва ли какой народъ можетъ представить такое разнообразіе жизненной дѣятельности, пробудившейся за столько тысячелѣтій и оставившей по себѣ вѣчные памятники въ тѣхъ колоссальныхъ завівяхъ, которыя приводятъ въ изумленіе путешественника,

встрѣчающаго ихъ по всему протяженію Передней-Индіи. Жалѣемъ, что предѣлы Библиографической Хроники не позволяютъ намъ отдать подробный отчетъ объ этомъ отдѣлѣ, который живо заинтересовала насъ; мы ограничимся указаніемъ на тѣ статьи, которыя показали намъ лучшими и въ доказательство, какъ владеетъ перомъ авторъ, представимъ вѣскольکو выписокъ. Къ такимъ статьямъ мы относимъ «Вѣрованія народа въ настоящее время»; здѣсь лучше всего описаніе буддизма, о которомъ у насъ нѣтъ таково смѣшное и ложное понятіе (см. стр. 66 и 67). Въ статьѣ «Касты» содержится подробное описаніе страшнаго сѣкты *тойговъ* или *туговъ*. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи сообщить читателямъ часть этого описанія:

«До 1830 г., существованіе этого страшнаго братства было тайною не только для Европейцевъ, но даже и для туземныхъ правительствъ. Прежде (съ 1816 года), попадались, правда, нарѣдка въ руки правосудія нѣкоторые изъ членовъ его, — по всѣмъ расказамъ о немъ, всѣ открытія, дѣлаемыя англійскими офицерами, казались преувеличенными, приписывались воображенію изслѣдователей, и поэтому не могли обратитъ на себя общаго вниманія. А между-тѣмъ, съ каждымъ годомъ, эта общественная чума губила большее и большее число жертвъ, таясь, подобно гремучей змѣѣ, во мракѣ и охватывая своими смертоносными кольцами все народонаселеніе Индустана, отъ подошвы Гиммалаевъ до мыса Коморина, отъ Кутша до Асама... Ужасъ объялъ всю Индію, когда, въ 1830 году, въ-слѣдствіе признанія, сдѣланнаго однимъ изъ главныхъ предводителей тойговъ, по имени Ферингеа, устройство этой адской машины сдѣлалось извѣстнымъ. Нельзя было уже болѣе сомнѣваться въ страшнѣйшей истинѣ; доказательства были на-лицо: въ день своего допроса, Ферингеа, которому пощадили жизнь, подъ условіемъ полнаго доноса на всѣхъ соучастниковъ, показалъ судьямъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла ихъ палатка, тринадцать труповъ, находившихся въ разной степенн гніенія; кругомъ онъ брался отрыть безчисленное множество жертвъ, на-

шихъ подъ ударами его собратьевъ... Но и тогда еще многіе боялись вѣрнѣе сказать глазамъ: въ такой кровавой наготѣ предстало зло... Въ самомъ дѣлѣ, начальники многихъ туземныхъ областей могли похвалиться тѣмъ, что малѣйшее преступленіе въ ихъ округѣ, самая ничтожнаго кража не укрывалась отъ ихъ зоркой бдительности, а ни одинъ изъ нихъ не зналъ, не могъ даже вообразитъ себѣ, чтобъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мѣста, гдѣ правительство сторожило общественную безопасность, гнѣздилась колоссальная шака убійца, насладившись отпращивающихъ свое «ремесло», чтобъ сотни, тысячи путешественниковъ невидѣно гибли подъ ея ударами...

«Главная причина этого неопостижнаго ужаса тойговъ заключалась въ томъ, что они не походили на обыкновенныхъ разбойниковъ, убивали не изъ одной корысти. Въ своемъ «ремеслѣ» они видѣли призваніе, цѣль жизни, средство спасенія. Грабежъ становился для нихъ дѣломъ второстепеннымъ, побочнымъ и былъ презираемъ ими, если съ нимъ не соединялось убійство. Богиня *Балаки*, во имя которой они дѣлались членами одной семьи, усыновленными дѣтми *Бомбата*, любилъ смерть, потому-что ненавидитъ родъ чело-вѣчскій; закланіе людей — самая пріятная жертва для нея, и кто чѣмъ больше принесъ ей этихъ кровавыхъ жертвъ, чѣмъ больше истребитъ подобныхъ себѣ, тѣмъ вѣрнѣе попадетъ онъ въ рай, гдѣ ожидаютъ его вѣчно-прекрасныя жены и вѣчноновыя душевныя и чувственныя наслажденія. Тойгъ умерщвляетъ безъ востановленія и остревѣнія, спокойно, какъ-будто дѣлая доброе дѣло; умерщвляетъ и старика, и женщину, и младенца, друга и врага, единственно въ угоду своей дикой богинѣ... «Вы находите» говорилъ одинъ изъ этихъ убійцъ своимъ судьямъ: «большое удовольствіе въ преслѣдованіи дикаго звѣря въ его логовищѣ, въ нападеніи на кабана, на тигра, потому-что съ этимъ соединены опасности, которыя надо предлѣвать, потому что для этого нужны сила, мужество. Подумайте же, какъ должна услаждаться прелесть этой охоты, когда вы вступаете въ борьбу не съ звѣремъ, а съ человѣкомъ, котораго надо во что бы то ни стало уничтожитъ. Вмѣсто упражненія одной душевной способности, мужества, здѣсь приводятся въ дѣйствіе всѣ разныя: храбрость, хитрость, предвидѣніе;

краснорѣчію, вкрадчивость. Сколько дружинъ нужно привести въ дѣйствіе, сколько средствъ развить! Играть со всѣми страстями, трогать даже струны любви и дружбы, чтобъ завлечь жертву въ теветы: это слабая, уповительная охота!

«Время основанія общества тойговъ неизвѣстно. Но ихъ словамъ, оно современно сотворенію міра. Баавани думала иѣ-когда истребить все человечество, кромѣ послѣдователей ея ученія; но, занимаясь внимъ, она съ удивленіемъ замѣтила, что изъ крови убитыхъ ею творческая сила природы произвела новыхъ поколѣній. Тогда она собрала своихъ учениковъ и показала имъ, какъ можно убивать безъ пролитія крови, посредствомъ удавливанія, объявивъ при этомъ, что она приметъ на себя заботу о скрытѣхъ труповъ. Но одинъ изъ тойговъ, видно полюбопытнѣ другихъ, вздумалъ подсмотреть, какъ будетъ она дѣлать это, и разгнѣванная богиня съ тѣхъ поръ отказалась отъ исполненія своего обѣщанія, предоставивъ убійцамъ самимъ хлопотать о скрытѣхъ своихъ жертвъ» (стр. 98 — 101).

Къ числу столь же интересныхъ статей причислить можно «Музыка и Танцы», «Игры и Увеселенія»; изъ послѣдней выписываемъ о фокусникахъ:

«Игра нѣсколькими десятками книжаловъ, тарелокъ, пудовыхъ шаровъ — да еще такъ, что изъ всего этого составляютъ вѣйки, цѣпочки и вьюты вокругъ головы или рукъ штукаря, глотанье шпагъ по самый вѣсь, прогулка по горящимъ угольямъ — это пустяки для индійскаго фокусника, которые онъ и посоветится показывать «почтеннѣйшей публикѣ», а если и покажетъ, то въ видѣ вступленія къ продѣлкамъ болѣе-удивительнымъ, изъ которыхъ состоитъ его представленіе, даваемое обыкновенно на открытомъ воздухѣ, посреди городской площади, въ бѣдной деревушкѣ, и вездѣ, гдѣ есть праздные люди, готовые заплатить за его искусство. Весь скарбъ его бродячаго театра — въ иѣшкѣ, который онъ таскаетъ съ собою и откуда, по его мановенію, являюся чудеса, одно другаго удивительнѣе. Вотъ нѣсколько изъ нихъ: фокусникъ беретъ большую палку, ставитъ ее на полъ, взбирается на кончикъ ея и усаживается поджавъ подъ себя ноги; потомъ, надѣвъ на голову вѣшокъ, начи-

наетъ вертѣться и кладесть между тѣмъ по ящпу въ пѣтаю каждой высшей веревочки гѣнка; быстро и быстро кружится онъ, такъ что зритель видитъ около него только бѣлый кругъ ящпъ; наконецъ штукарь снимаетъ ихъ одно за другимъ и послѣ нѣсколькихъ поворотовъ слѣзаетъ съ своего воздушнаго сѣдалаща. Подобную же продѣлку повторяютъ индійскіе фокусники съ козами или собаками, участвующими иногда въ представленіяхъ. Одинъ изъ нихъ ложится на землю, кладесть себѣ на грудь высокую пирамиду изъ маленькихъ камней и на верхушку ея устанавливаетъ животное. Послѣ нѣсколькихъ штукъ, между которыми особенно замѣчательна та, когда на грудь лежащей женщины кладутъ пальмовый листокъ и съ размаху разсѣкаютъ его саблею. Фокусникъ проситъ кого нибудь изъ зрителей назначить, какое дерево хочетъ онъ видѣть передъ собою, тотъ назначаетъ, фигляръ бросаетъ въ землю зерно, произнося разныя заклинанія и черезъ нѣсколько секундъ показывается желаемое дерево: банановое, пальмовое, какое угодно. Дерево быстро поднимается; видно, какъ оно растетъ, какъ увеличивается объемъ его ствола, листьевъ, какъ появляются на немъ плоды; красивые птицы сидятъ на вѣтвяхъ его и поютъ: обвороженіе полное. Мало этого: фокусникъ срываетъ съ вѣтвей плодъ и подучетъ имъ зрителей! И вдругъ одно его, слово и ничего, ни растенія, ни птицъ какъ не бывало.

«Одинъ изъ самыхъ удивительныхъ, самыхъ непостижимыхъ фокусовъ — сидѣнье на воздухѣ. Штукаръ ставитъ небольшую скамеечку съ отверстіемъ, въ которое втыкаетъ бамбуковину съ двумя желѣзными завитками на концѣ, и беретъ въ руки палку, обшитую козлиной шкурой. Его накрываютъ шалью и минутъ черезъ пять, когда шаль отдернуть, онъ являетъся въ такомъ видѣ, какъ представляешь на рисунокѣ, то есть, лишь слегка придерживаясь одной рукой за перекладину, вложенную въ желѣзную вьемку, а остальнымъ всѣмъ тѣломъ вися на воздухѣ. Ловкіе фокусники могутъ пробывать въ этомъ положеніи около получаса; послѣ сидѣща накрываютъ опять шалью, и онъ сходитъ на землю.

«Представленіе часто оканчивается слѣдующею мастерскою штукою: жонглеръ вводитъ въ кружокъ зрителей маленькаго

мальчика, раздвигает его почти до-вага и разсердявшись бросает въ новую плетушку, которую закрывает платкомъ. Деть просят о пощаду, но фокусникъ колебъ его нѣсколько разъ книжаломъ: милютка испускаетъ предсмертный крикъ, кровь лется изъ-подъ плетушки... опытные зрители въ страхъ, думая, что совершилось ужасное преступленіе, и вдругъ черезъ нѣсколько минутъ мальчикъ бросается къ нимъ совершенно одѣтый, такой же здоровый, какъ прежде и начинаетъ собирать съ публики награду за доставленное ей удовольствіе.

« Мало важъ всѣхъ этихъ дѣвъ: являютъ колдуны, настоящіе колдуны, не съ рѣшетомъ и ковшемъ воды, а съ змѣями, которыя въ ихъ рукахъ смиренны какъ овечки. Эти заклинатели змѣй, присоединяются явогда къ страстующимъ фокусникамъ и показываютъ свое искусство, но окончаніи «спектакля», т. е. достаютъ изъ ящика нѣсколько десятковъ пресмыкающихся, съ которыми не весело встрѣтаться въ лѣсу, начинаютъ пѣть и играть на дудочкѣ: змѣи шипятъ, свиваются въ кольца, но ярость ихъ постепенно утишается волшебною силою пѣсней заклинателя. Онъ беретъ ихъ голыми руками, заставляетъ прыгать около себя, дѣлаетъ изъ нихъ чалму вокругъ своей головы, бьетъ — и змѣи покорны его волѣ. Нѣкоторые изъ заклинателей обладаютъ тайною вызывать змѣй изъ лѣса какимито «кабалистическими словами и заставлять ихъ слѣдовать за собою куда угодно. Какія это слова, они не открываютъ ни за что, потому что, не ихъ устремію, заклинаніе потерпѣтъ тогда всю свою силу; оно можетъ быть передано одному лицу и то лишь при смерти. Разумѣется, тутъ нѣтъ ничего сверхъестественнаго, «дарованнаго волею боговъ», какъ говорятъ они; это тайна природы, которую Индусъ умѣетъ подсмотреть у нея, одна изъ тѣхъ разнообразныхъ силъ, которыя человекъ по великому покоряетъ себѣ, и которыя мы, Европейцы, знаемъ едва ли болѣе Индусовъ (Стр. 148—151).

Истинно-изумительно, если только путешественники, которыми руководствовался авторъ, не прибавили чего-нибудь отъ себя для явншаго удовольствія читателей; приводимыя имъ продолженія съ змѣями поразительнѣе

всего, тѣмъ болѣе, что невѣжественные Индусы умѣли открыть тайны природы, о которыхъ не имѣютъ понятія всѣ мудрецы Европы.

Статья «Погоды» замѣчательна сколько по описанію этихъ явленій, столько и по изяществу рисунковъ; нѣкоторые явленія такъ легки, такъ много представляютъ гармоніи во всѣхъ частяхъ, что могутъ служить образцами европейскимъ художникамъ - архитекторамъ.

Въ статьѣ «Мусульмане» вкратцѣ невѣрность въ числѣ жителей: по словамъ автора, число мусульманъ въ Индіи, подвластныхъ англійской королевѣ, простирается до 16 милліоновъ и далеко превосходитъ число ихъ, находящееся подъ властію турецкаго султана, — тогда какъ извѣстно, что въ Европейской-Турціи число жителей простирается до 10 милліоновъ, а въ Азіатской до 12, и если исключить число подданныхъ не мусульманъ, то и тогда цифра эта будетъ ниже цифры, которою обозначится число поклонниковъ ислама, обитающихъ во владѣніяхъ Абдула-Меджида.

Историческій очеркъ Индустана принесетъ много пользы, потому что исторія этихъ странъ вообще мало извѣстна, какъ мало извѣстны географія и статистика Задней-Индіи. Второй отдѣлъ книги, принадлежащій самому редактору, есть истинная услуга для занимающихся географіею: въ немъ собрано все, что только извѣстно объ этомъ краѣ, и изложеніемъ оное не уступаетъ Индустану.

Въ заключеніи отчета объ этомъ полезномъ изданіи, замѣтимъ, что, при описаніи состоянія Индіи подъ управленіемъ Компаніи, авторъ смѣлкомъ увлекся авторитетомъ Варрена, который, какъ Французъ, черезъ-чуръ-черными красками изобразилъ правленіе Англичанъ, и что если ему можно слѣдовать въ его прекрасныхъ описаніяхъ мѣстности, жителей, ихъ нравовъ и обычаевъ, то невозможно довѣрять во всемъ, касающемся до Англичанъ: на Англичанъ онъ смотритъ

стѣ національною ненавистью, отъ которой ни одинъ Французъ освободиться не можетъ. Зачѣмъ же авторъ «Индустана», описывая корыстолюбіе англійскихъ правителей, восклицаетъ: «Бѣдная Индія!» (стр. 282). Мы скажемъ ему въ отвѣтъ: люди — вездѣ люди; во всѣхъ странахъ земнаго шара богатство имѣетъ страшное вліяніе на человѣческую натуру; и что бы ни говорили поряцатели Англичанъ, а въ наше время только подлѣхъ управленіемъ можетъ существовать Индія; попробуйте оставить ее туземнымъ властителямъ, и вы увидите, что они будутъ только уничтожать другъ друга; а слѣдствіемъ этого будетъ грубость и невѣжество, несравненно-сильнѣе тѣхъ, которыя въ настоящее время замѣтны во многихъ классахъ жителей. Последнее совнаѣтъ и авторъ (стр. 335), говоря, что «прежній міръ Индіи пропалъ безвозвратно».

250) Объ Окончателномъ Отмѣненіи Хлѣбныхъ Законовъ въ Англіи. Соч. Ярослава Липовскаго. Москва. Въ тип. А. Семена. 1846. Въ 8-ю д. л. 122 стр.

Мы говорили объ этомъ сочиненіи, рассматривая «Московскій Сборникъ». Теперь оно издано отдѣльно, равно какъ и другія статьи того же сборника: «Краледворская рукопись»; «Гдѣ потеряешь, не чаеть» (Дуганскаго), «Отрывокъ изъ Семейной Хроники», «Вукъ Стефановичъ», «Объ имени человѣкъ». — Нѣкоторыя статьи «Москвитянина» испытываютъ ту же участь отдѣльнаго изданія; мы видѣли «Обозрѣніе Успѣховъ спеціального межеванья» (г-на Иванова) и «Отвѣтъ Кирова». Дай Богъ имъ успѣха получше того, какимъ онѣ пользуются въ славянскомъ журналѣ!

251) Дополненія къ Актамъ Историческимъ, собранныя и изданныя Археологическою Коммиссіею. Т. I и II. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. II Офиц. Собр. Е. И. В. Канцеляріи и Э.

Праца. Въ 4-ю д. л. Въ I-мъ томѣ III, 460 и 18; во II-мъ—279 и 7 стр.

252) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей, изданное по Высочайшему повелѣнію Археологическою Коммиссіею. Томъ первый. I. II. Лаврентіевская и Троицкая Лѣтописи. Санктпетербургъ. Въ тип. Э. Праца. 1846. Въ 4-ю д. л. XX и 267 стр.

Нынѣшній годъ ознаменованъ появленіемъ важнѣйшаго изданія Археологической Коммиссіи — такъ называемой Лаврентіевской Лѣтописи, по древнѣйшему доселѣ-нѣвѣстному списку. Внимательное рассмотрѣніе этого драгоценнаго изданія потребуетъ времени, и потому мы отлагаемъ подробный отчетъ объ этой книгѣ на нѣсколько мѣсяцевъ, и тогда надѣемся представить читателямъ, можетъ-быть, на одну статью о ней. — Что же касается до двухъ томовъ «Дополненій къ Актамъ Историческимъ», вышедшихъ вмѣстѣ съ «Лаврентіевскою Лѣтописью», — отчетъ о нихъ находится въ этой же книжкѣ нашего журнала, въ отдѣлѣ Критики.

253) Разсказъ объ Италіи Алевксандра Бехтѣва, двора Его Императорскаго Величества камергера, действительнаго статскаго совѣтника и разнаго орденовъ кавалера, издаваемый для руководства предпринимающимъ это путешествіе. Москва. Въ тип. А. Семена. 1846. Въ 8-ю д. л. 228 стр.

«Ожиданія увидѣть скоро страну чудесную, во многихъ отношеніяхъ адмиральную и для меня совсѣмъ новую, навели на меня разсѣянность при началѣ моего путешествія и я безъ всякаго примѣчанія проѣхалъ всю дорогу до Ульма, гдѣ былъ, такъ сказать, внезапно пораженъ видомъ огромной соборной церкви въ готическомъ вкусѣ, построенной въ 1377 году. Перемѣна почтовой кареты задержала меня въ Ульмѣ нѣсколько часовъ, что дало мнѣ возможность прогуляться по берегу Дуная, размышляя о пользахъ соединенія сей рѣки съ Рейномъ».

Такъ начинается г. Бехтѣевъ свой *Разсказъ объ Италіи, изданный для руководства предпринимающимъ это путешествіе*. Нельзя не признаться, что начало этого разсказа не слишкомъ много, чтобъ не сказать, слишкомъ-мало говорить въ пользу сочиненія. Намъ кажется, что едва-ли найдутся охотники изъ предпринимающихъ путешествіе въ Италію записаться таковыя руководства, которое написано какииъ-то странными, тяжелыми, неправильными языкомъ, очень-мало похожимъ на русскій. Авторъ довольно-часто отстываетъ отъ грамматики, и потому впадаетъ въ довольно-грубыя и забавныя ошибки, въ родѣ слѣдующей: *«прохажь Валдзѣ, идѣ виднѣтъ обширній ютичскій замокъ, природа становится разнообразіе»*. Мы совершенно-далеки отъ той мысли, чтобъ авторъ не зналъ, что природа ни въ какомъ случаѣ не можетъ ѣздить (равумѣется, природа неодушевленная), и что отъ этой невозможной ѣзды она также не можетъ становиться разнообразіе; но тутъ нужно было бы позаботиться о томъ, чтобъ и другихъ, которые возьмутъ въ руководство такой разсказъ, не вводитъ въ заблужденіе; этого авторъ могъ достигнуть не иначе, какъ точнымъ, яснымъ, правильнымъ, сообразнымъ съ требованіями русской грамматики, выраженіемъ своихъ мыслей. Вотъ еще одинъ періодъ, чрезвычайно-занимательный по своему странному построению: *«Первый предметъ занимавшій насъ по выѣздѣ изъ Рима были древніе водопроводы, на аркахъ по обѣимъ сторонамъ дороги видные, а подвѣзжал къ городу Альбано, большая развалина, которую почитаютъ гробницею Гораціевъ и Куріаціевъ»*. Если разобратъ по частямъ этотъ періодъ, могутъ представиться довольно-странныя вещи. Впрочемъ, подобныхъ иѣсть можетъ довольно-много встрѣтитъ въ «Разсказахъ объ Италіи» г. Бехтѣева всякій, кто, предпринимая путешествіе, вздумаетъ записаться этой книгой.

234) Краткій Очеркъ Исторіи Лейбъ-Гвардіи Финляндскаго полка или матеріалы въ воспоминаніяхъ (!) и разсказахъ для полной исторіи полка, съ портретами и планами Бородинскую и Лейпцигскую сраженій. Составлена служившимъ въ баталіонъ и полку съ 1808 по 1820 году А. Мариннымъ. Книжка вторая. Санктпетербургъ. Въ тип. Академіи Наукъ. 1846. 157 и 3 стр. Съ пятью литографированными портретами.

Почтенный авторъ исторіи подиговъ 1.-г. финляндскаго полка кончилъ эпиграфомъ ко второй книгѣ своихъ воспоминаній слѣдующіе стихи:

Запоётъ про сине море,
Иль про матушку-руку,
Про кручвшушку и горе,
Про сердечную тоску,
Да какъ гаркнетъ: «эй кална!»
Не ш(ш)уми, дремучій боръ!
Чуешь р(Р)уси — исполни! —
И раздолье и просторъ!
Русь и въ пѣснѣ-то могуца!
(Нѣвскій Ал(ь)мо(а)нахъ).

Послѣ этихъ выразительныхъ и прекрасныхъ стиховъ, слѣдуютъ извлеченія изъ послужныхъ списковъ г. офицеровъ и чиновниковъ, служившихъ въ финляндскомъ полку до 1820 года, съ означеніемъ ихъ вѣста жительства въ настоящее время.

Кромѣ того, на страницѣ 47, мы прочитали слѣдующее: «Николай Васильевичъ Ртщевъ разсказываетъ о происшествіяхъ, во время похода случившихся: 1) о томъ, какъ въ эпоху русской Иліады варили кашу въ селовыхъ лубкахъ; 2) какъ ушли изъ Вильны жиды, которыхъ надо было взять подъ караулъ; какъ русскіе солдаты иѣли пѣсню: «Веселъ я тогда бываю, когда мылый мой со мной» и какъ за то князь Кутузовъ награждалъ ихъ деньгами; 3) о взятіи въ плѣнъ вагенбурговъ всѣхъ почти гвардейскихъ полковъ съ казенными ящиками и бывшими при нихъ офицерами, кромѣ 1.-г. финляндскаго полка; 4) какъ за Рейномъ русскій цвѣ-

рюльвикъ просилъ у старой Француженки горячей воды (*мистернакс ессерс колене*), и какъ старуха думала, что ее хотять сварить въ кипаткѣ, и думала такъ все по навѣтамъ Французовъ...; какъ за то сдѣланъ былъ цирюльнику выговоръ, и какъ рассуждалъ цирюльникъ о трудности изученія иностранныхъ языковъ, 5) о томъ, какъ наказанъ былъ фухтелеми, а на другой день передъ полкомъ, фурлейтъ, украсившій, во время фуражировки во Франціи, платье у бѣдной женщины (стр. 47-62).

Не лишены также интереса рассказы гг. Казина, протоіерея Сицилицкаго, П. И. Греча и и. др.

Въ концѣ книги приложена Письма л. г. ф. полка о сраженіи въ с. Госты 4-го октября 1813 г., которой не выписываемъ...

Портреты гг. Купреянова, Тулубьева, Ртищова, Озюбишина и Марина малютографированы очень-хорошо, а о сходствѣ предоставляется рѣшить читателямъ, лично знакомымъ съ достойными ветеранами 1812 гола.

255) Духовно-Врачебное Ученіе (,) собранное Павломъ Аригольдтомъ (,) издаваемое въ пользу сиротъ Ивана и Николая А. Санктпетербургъ. Въ тип. Фишера. 1846. Въ 3-ю д. л. 215 стр.

«Для образованія тѣлеснаго состава необходима(ы) пища, питье, воздухъ, теплота, свѣтъ и прочія вещества. Но чтобъ преобразовать сии вещества въ тѣлесный составъ, душа должна имѣть силы, которыя бы преобладали силами веществъ міра (?) и, измѣняя ихъ свойства, преобразовали бы тѣлесный составъ человѣческой. Жь сего ясно (?), что душа должна имѣть силы обладать внѣшними веществами.»

Такое сужденіе г. Аригольдтъ основываетъ на текстѣ, кн. Бытія Ч. II, VII: «Человѣкъ сотворенъ въ душу живу. Предоставляемъ читателямъ заключить, къ-чему можетъ привести подобное толкованіе.

Послѣ этой тирады, достаточно обнаруживающей основную мысль автора, на которой онъ видитъ всю свою

науку «духовнаго врачеванія», намъ оставалось, не смотря на прекрасное чувство, которымъ видимо проникновенъ авторъ и на филантропическую цѣль изданія, напомнить г. Аригольдту слова апостола Іакова: *не мнози учили бывайте, братіе моя, видяще, яко болшее осужденіе приемемъ...* Притомъ вѣра—дѣло не отъ міра сего; для укрѣпленія человѣка въ вѣрѣ есть книги Писанія, алтари курящіеся ошманомъ, мощи св. отцевъ, чудотворныя иконы, боговдохновенныя пастыри, и наконецъ самое таинство, невидимо ниспосылающее на человѣка благодать и премудрость, ибо *Господь умудряетъ младенцевъ...*

Но никакъ нельзя умолчать объ одномъ, весьма-важномъ, по нашему мнѣнію, недостаткѣ этого сочиненія. Мы вовсе не находимъ полезнымъ нарушать цѣлость священнаго текста и представлять читателямъ наборъ изрѣченій изъ библіи, святыхъ отцовъ и проч., въ какомъ-то новомъ, систематическомъ порядкѣ, при чемъ многія мѣста божественной мудрости, переищанная съ суетными словесами человѣческими, хотя, можетъ-быть, и внушенными набожностью и страхомъ Божиимъ, только утрачиваютъ свою разительность и наставительную силу, отнюдь не приобретаая очевидности, отягощаютъ вниманіе читателя и повергаютъ такимъ образомъ душу въ рующаго и невѣрующаго въ томительное положеніе невѣдѣнности...

Время схоластическихъ умствованій миновало и теперь религіозныя формулы могутъ имѣть благое прииѣненіе только въ устахъ краснорѣчиваго и любящаго проповѣдника. Если онъ умѣетъ помирить человѣка съ дѣйствительностью, заставить его полюбить жизнь, дарованную ему природою, уважать ея на мудрость и благоотъ этой природы, прииѣнить безусловную мудрость Писанія къ прехолящимъ явленіямъ жизни, съ которыми часто бываетъ трудно ладить и вѣрующему человѣку,—то цѣль его достигнута; въ противномъ случаѣ,

трудъ его, словесный и письменный, будетъ только правдымъ словопреніемъ.

Къ чему, въ-примѣръ, привелъ автора «собственные его» размышленія, въ родѣ слѣдующаго:

«И не заботьтесь душою вашею, что вамъ ѣсть? и что вамъ пить? или во что одѣться? не заботьтесь о завтрашнемъ днѣ; ибо завтрашній день будетъ заботиться о своихъ нуждахъ: довольно для каждаго дня своей заботы; а потому, обяываетъ насъ сія заповѣдь исполнять дневныя свои обязанности безъ лѣности, съ усердіемъ, не унывая въ печали и заботахъ о завтрашнемъ днѣ, ибо Богъ печется о всѣхъ» (стр. 110).

Дѣйствительно, въ книгѣ Евангелія Матѣ., гл. 6, ст. 25—33 говорится подобнымъ образомъ, хотя смыслъ этого поученія очевидно тотъ, что человѣкъ не долженъ безусловно подчиняться мелочнымъ житейскимъ нуждамъ, но мужественно переносить всѣ труды и невзгоды, видѣть въ трудѣ не самоистязаніе, а источникъ наслажденія, необходимое условіе правильной органической жизни. Подобно тому, какъ упоминая о «лиліяхъ» и «птицахъ небесныхъ», божественный учитель доказываетъ ученикамъ ничтожество нѣкоторыхъ противоестественныхъ стремленій, происходящихъ отъ неправомерности между человѣческими отношеніями, — между-прочимъ, о склонности «нѣкоторыхъ людей» въ возмутительной роскоши, показывая въ то же время, что по мудрости и богатству природы, всякое существо можетъ невозбранно пользоваться всеми дарами ея, для поддержанія своего существованія.

Самыя слова: «не печитесь душою вашею, что ѣсте, или что пите» и проч., скорѣе напоминаютъ другія слова Спасителя: *видите, яко близъ есть царство божье* (М. гл. XIV, ст. 33); иныя слова: *близорукій взоръ обыкновеннаго человѣка ставоченъ единственно дѣлами завтрашняго дня, тогда-какъ должно располагать своею дѣятельностью такимъ образомъ, чтобъ обстоятельство несправедливо-отдаленнѣйшій*

былъ обусловленъ нашими поступками въ настоящее время.

Да и не подтверждается ли эта мысль текстами, которые г. Арнольдъ приводитъ ниже:

«Доколѣ, о лѣннве, лежиши? когда же отъ сна возстанешь? или ко мравію, о лѣннве, и поремужу, видѣть пути его, и буди онаго мудрѣйшій; онъ бо готовится къ жатву пшшу, и многое въ лѣто творитъ уготованіе; или мди къ пчелѣ и ужалу, коль дѣлательница есть, дѣламъ же колѣ честное творитъ. На лѣннваго князюу приходитъ гибель, расчѣненіе и сокрушеніе неиспѣльное» (Притч. VI, 9, 6, 7, 15).

Эти слова достаточно поясняютъ, оправдывается ли библейскимъ правученіемъ кѣтннзл и самоуничиженіе... Нѣтъ, человѣкъ долженъ постоянно соображаться въ поступкахъ своихъ съ собственной природою и природою лицъ его окружающихъ, помнить о томъ, какъ неразрывно связана его судьба съ судьбою ему подобныхъ... Укажемъ на муравья и пчелу; великихъ организаторовъ между бессловесными; св. писаніе научаеъъ челоѣвѣа блюсти общее дѣло, любить братій своихъ, готовить имъ обильную жатву, предупреждать общій голодъ, и въ шумѣ великой машины общества поставлять высшую добродѣтель своею первую обязанностью.

Вообще, книга г-на Арнольда не согрѣта тѣмъ чувствомъ, которое составляетъ необходимое условіе подобныхъ сочиненій. Видно, что авторъ не только не друженъ съ жизнью, не только не умѣетъ изъ ежедневныхъ превратностей и земныхъ страданій извлекать краснорѣчивые, полные любви уроки, способные утѣшить и наставить челоѣвѣа въ борьбѣ съ обстоятельствами, но даже чуждъ того нравнаго энтузіазма и набожнаго аскетизма, которыми дышатъ поученія нѣкоторыхъ католическихъ духовныхъ писателей, и потому имѣютъ условное достоинство. Характеристическая черта «Духовно-врачебнаго Учѣнія» — унылое повтореніе тѣхъ печальныхъ истинъ,

которые, не будучи подвержены по-
равнительнымъ примѣрой или, по-
крайней-мѣрѣ, вдохновеннымъ изоб-
раженіемъ картинъ міра невидимаго,
способны и пламенно-вѣрующаго че-
ловѣка повергнуть въ тягостное разду-
мье.

Впрочемъ, въ концѣ книги, мы, ка-
жется, отыскали причину этого мрач-
наго, безотраднаго возвращенія автора на
жизнь, и даже разгадали причину изда-
нія «Духовно-врачебнаго Ученія». На
последнихъ страницахъ помѣщено сти-
хотвореніе подъ заглавіемъ: На кон-
чину единственнаго моего друга
и сына Поручика Корпуса Жан-
дармовъ Николая Ивановича Ари-
гольбата, скончавшагося 13 октяб-
ря 1845 года на 27 году отъ рож-
денія, Курской губерніи въ селѣ
Черемошномъ, на пути въ Полта-
ву, и похороненнаго противъ ал-
таря св. Николая Чудотворца.

За заглавіемъ слѣдуетъ траурная
виньетка, изображающая могилу, че-
репъ и другіе атрибуты печали... На
слѣдующей страницѣ, въ черной рам-
кѣ напечатано самое стихотвореніе,
вполнѣ объясняющее скорбь родителя
объ уtratѣ благоправнаго сына. Вотъ
какъ самъ г. Аригольдъ отзывается о
добрыхъ качествахъ своего дитяти:

Онъ былъ отрадою души моей:
Примѣрною любовью своей,
Святою вѣрностью престолу,
Покорностью начальству, Богу,
Рядушимъ сырымъ непомощемъ
И благонравнымъ поведениемъ.

Въ заключеніе, авторъ помѣстилъ
письмо священника, который увѣдо-
милъ его о кончинѣ Н. И. А.:

«Богъ удостоилъ меня напутствовать сы-
на вашего Николая Ивановича въ жизнь
вѣчную, въ Царство Небесное, и въ по-
следніе дни жизни его принять въ духов-
ная свои члѣда. Онъ съ чистосердечнымъ
сокрушеніемъ принесъ покаяніе, и предъ
принятіемъ Святыхъ Таинъ самъ читалъ
молитву: Вѣрую Господи и исповѣдую и
проч., ничего не говорилъ, ни о чемъ ка-
жется и не думалъ, а только молился и

просилъ Бога, чтобы Господь привялъ его
душу въ Царствіе Небесное. Повторяя
безпрестанно сіи слова: Помани мя Господи
во царствіи Твоемъ; передъ кончиною
произнесъ сіи слова: Благодарю Ваше
Высочество Михаилъ Павловичъ, что Вы
меня воспитали, опредѣлили мнѣ службу и
произвели въ О(о)фицеры; прошомъ свидѣль-
ства прошайте мои любезные родители, — ма-
ма — дѣти — родственники, и болѣе уже
ничего не говорилъ.»

И болѣе мы не находимъ ничего ска-
зать о «Духовно-врачебномъ Ученіи».

256) Теорія Словесности. *Тет-
радь IV. Москва. Въ тип. А. Семена,
1845. Въ 8-ю д. л. 201 и XI стр.*

Въ этой тетради содержится третій
и четвертый отдѣлы общей части тео-
ріи поэзи: трактатъ о музыкальности
языка поэтическаго и трактатъ объ
одушевленіи языка поэтическаго чув-
ствомъ. Въ первомъ показываются;
разныя условія, отъ которыхъ зависитъ
музыкальность языка, звукоподража-
тельность языка русскаго, выраженіе
звуками различныхъ состояній души,
какофонія и средства избѣгать ея, и
фигуры, основывающіяся на игрѣ зву-
ковъ. Во второмъ объясняются: оду-
шевленіе поэта, чувствительность и
саутиментальность и особенныя фор-
мы, въ которыхъ проявляется чувство.

257) Бесѣды Русскаго Купца о
Торговлѣ. *Практическій курсъ коммер-
ческихъ знаній излагаемый въ Санктпе-
тербургѣ публично по порученію Импе-
раторскаго Вольнаго Экономическаго Об-
щества и издаваемый подъ покровитель-
ствомъ оного, членомъ его Фридрихсгам-
скимъ первостатейнымъ купцомъ Ива-
номъ Вавиловымъ. Часть II, Санктпе-
тербургъ. 1846. Въ тип. Шт. Отд. Корп.
Внутр. Стр. Въ 8-ю д. л. 193 стр.*

При выходѣ въ свѣтъ первой части
«Бесѣдъ», мы довольно-подробно из-
ложили свое мнѣніе о принятой г. Ва-
виловымъ методѣ *бесподобанія*. Мы до-
казали, при помощи выписокъ, что
главный недостатокъ его сочиненія
происходитъ отъ-того, что онъ самому-

себѣ не потрудился уяснить цѣли своего благонамѣреннаго труда и опредѣлить потребности публики, съ которою предпринялъ бесѣдовать о торговлѣ. Въ то же время мы замѣтили, что Бесѣды Русскаго Купца могутъ быть замѣательны по разсѣяннымъ въ нихъ историческимъ и статистическимъ замѣткамъ.

Вторая часть посвящена кредиту и бухгалтеріи. Сверхъ-того, въ видѣ эпизода, г. Вавиловъ разсказываетъ вкратцѣ исторію промышленности, торговли и образованности въ Россіи съ древнѣйшихъ временъ до нашего вѣка. Изложеніе всѣхъ этихъ предметовъ кажется намъ удовлетворительнѣе всего, содержащагося въ первой части, ибо заключаетъ въ себѣ много фактовъ, интересныхъ для cadaго образованнаго человѣка, и много практическихъ свѣдѣній, необходимыхъ собственно для русскаго купечества. Особенно достойно похвалы то, что г. Вавиловъ приложилъ къ своему курсу образцы актовъ по кредитнымъ сдѣлкамъ и образцы бухгалтерскихъ книгъ.

Остается надѣяться, что въ цѣломъ своемъ составѣ Бесѣды Русскаго Купца составятъ книгу, полезную для справокъ по нѣкоторымъ предметамъ общаго интереса, а частью и для практической дѣятельности русскаго купеческаго сословія. Можетъ-быть, г. Вавиловъ рѣшится также подумать нѣсколько о полнотѣ и единствѣ своего курса и постарается дать ему форму сколько-нибудь систематическую. Мы изъявляемъ это желаніе вовсе не изъ страсти къ формальности: система необходима не для выполненія установленнаго узора, а для ясности и полноты идей и фактовъ, заключающихся въ изложеніи.

Сожалѣемъ, что языкъ второй части Бесѣдъ такой же, какъ и языкъ первой.

258) Правила Скотоводства, относящіяся къ разведенію, содержанію, употребленію и пользованію рогатаго скота. Сочиненіе А. Блока. Перевелъ съ

альмецкаго С. Усовъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Э. Праца. 1846. Въ 8-ю д. л. 218 и XV стр.

Сочиненіе Альбрехта Блока: *Mittheilungen landwirthschaftlicher Erfahrungen, Ansichten und Grundsätze* пользуется, или, лучше сказать, пользовалось, лѣтъ десятокъ назадъ, большимъ уваженіемъ. Оно вышло первымъ изданіемъ въ 1830 г., а вторымъ въ 1837 году, въ Бреславлѣ. Хотя науки и не дѣлаютъ столь быстрыхъ успѣховъ, чтобъ въ какія-нибудь десять лѣтъ сочиненіе устарѣло, тѣмъ не менѣе дѣятельность германскихъ сельскихъ хозяйствъ въ послѣдніе годы такъ успѣлась, что, послѣ появленія сочиненія Блока, было издано въ Германіи довольно-много трактатовъ о скотоводствѣ, которые должны быть поставлены выше блокава, какъ основанныя на болѣе-новыхъ и болѣе-точныхъ наблюденіяхъ. — Притомъ, сочиненіе Блока принадлежитъ, можно сказать, къ той школѣ агрономическаго ученія, для которой окончательная цѣль розысканій — цифра. Взгляните на страницы этого писателя: онъ всѣ, сверху до низу, унизаны цифрами, таблицами, расчетами. Не отвергая важности расчета въ сельскомъ хозяйствѣ, мы скажемъ только, что подобныя сочиненія, весьма-полезныя той мѣстности, для которой они писаны, всего менѣе доступны для перевода, т. е. всего менѣе способны для перенесенія ихъ въ другую страну, для примѣненія къ инымъ мѣстнымъ условіямъ. Общія законы, главныя начала вездѣ одни и тѣ же, — хозяйственные расчеты въ каждой мѣстности должны быть свои.

Эти мысли, кажется, не руководили переводчика, когда онъ предпринялъ перевести на русскій языкъ одну главу изъ означеннаго сочиненія А. Блока, а именно о скотоводствѣ; изъ этого выходитъ, что польза, какую можетъ принести его переводъ, будетъ весьма-ограниченна. Чтобъ доказать наше мнѣніе, войдемъ въ нѣкоторыя подробности.

Первая глава содержитъ въ себѣ об-

ція мысли о свойствахъ, племенныхъ качествахъ и усовершенствованіи рогатаго скота. — Здѣсь болѣею частію находятся вещи, которыя есть въ каждомъ курсѣ скотоводства, даже въ изданныхъ на русскомъ языкѣ. Можемъ, однакоже, замѣтить, что описаніе разныхъ породъ или племенъ скота здѣсь такъ коротко и невольно, что русскаго хозяина оно не удовлетворитъ. Блокъ повсюду имѣетъ въ виду силезскихъ хозяевъ и къ нимъ обращается. Хотя г. Усовъ и увѣряетъ, въ своемъ предисловіи, что мѣстные обстоятельства и условія силезскихъ хозяйствъ очень близко подходятъ къ обстоятельствамъ и условіямъ хозяйствъ Русскихъ, но мы съ этимъ совершенно не согласны. Во-первыхъ, какія *хозяйства русскія* разсматриваетъ здѣсь г. Усовъ? Хозяйства русскія простираются отъ «Перми до Таавриды, отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды». Неужели г. Усовъ полагаетъ, что мѣстные обстоятельства и условія маленькой земли — Силезіи, съ ея какими-нибудь 700 кв. милями пространства, *близко подходятъ* ко всѣмъ видоизмѣненіямъ русскаго хозяйства на огромномъ протяженіи 90,000 кв. миль, на которомъ оно раскинулось? Изъ уваженія къ имени переводчика, не можемъ допустить такого предположенія. Но къ какому же уголку Россіи хочетъ г. Усовъ примѣнять условія силезскія? онъ этого не объяснилъ; а мы съ своей стороны скажемъ, что и ни къ какому уголку Россіи силезскія условія не могутъ *подходить близко*. Если и есть въ Россіи мѣстности, которыя представляютъ сходство съ Силезіею по климату и почвѣ, то этимъ и ограничивается все сходство. Между-тѣмъ, не одинъ климатъ и почва имѣютъ вліяніе на хозяйственные расчеты. Современное положеніе земледѣлія, образъ примѣненія рабочихъ силъ къ землевоздѣлыванію, сбытъ сырыхъ продуктовъ, цѣна на земледѣльческія произведенія — вотъ условія, имѣющія болѣе вліянія на хозяйственные расчеты, чѣмъ самый климатъ и почва. А въ-отношеніи къ

этимъ условіямъ, ни одна мѣстность Россіи не только *близко*, да и совсѣмъ не подходитъ къ Силезіи.

Въ хозяйствѣ, вся сущность состоитъ въ томъ, *выгодно* ли то или другое производство въ данной мѣстности, а на этотъ расчетъ *выгодности* дѣйствуютъ столь разнородныя условія, что выгодное въ Силезіи можетъ быть невыгодное въ Витебской или Псковской Губерніи, и наоборотъ.

Въ доказательство того, какъ указанія Блока мало къ намъ примѣняются, приведемъ только слѣдующій примѣръ. На стр. 25 перевода, онъ разсматриваетъ: «Какъ велика полагается, въ рогатомъ скотѣ, ежегодная потеря отъ болѣзней или несчастныхъ случаевъ?» и отвѣчаетъ:

«Въ хорошо содержимомъ стадѣ достаточно было бы оцѣнивать ежегодную потерю отъ несчастныхъ случаевъ и смерти въ 3 со ста, но вообще вѣрнѣе считать ее въ 5 со ста. Заразы, истребляющія скотъ цѣлыми стадами, не принимаются въ этотъ расчетъ, потому что полицейскія учрежденія, въ Силезіи, въ такомъ порядкѣ исполняются, что даже обыкновеннаго скотскаго падежа опасаться не надобно. Если же и это возможное *заключеніе* ввести въ расчетъ, то достаточно, включая всѣ несчастные случаи скотской заразы, оцѣнить ежегодную потерю въ 6 со ста.»

Скажете, къ какой губерніи Россіи можетъ примѣняться этотъ расчетъ? Въ какой губерніи не погибаетъ ежегодно, не говоря уже о повальныхъ болѣзняхъ, а просто отъ болѣзней, происходящихъ въ-слѣдствіе дурнаго содержанія скота, по-крайней-мѣрѣ 20 или 25 со ста? А повальныхъ болѣзней, а чума рогатаго скота, которой въ Силезіи не знаютъ, и которая рѣдкій годъ не посѣщаетъ какой-нибудь болѣе или менѣе обширной полосы Россіи?.. Уровнь отъ подобныхъ надеждъ входитъ страшною цифрою въ расчетъ о выгодности у насъ скотоводства; онъ - то заставляеть держать во многихъ губерніяхъ скотъ худой породы, дешевой, къ которому уже вовсе не примѣняются вы-

водимые Блокомъ расчеты о доходахъ отъ скота.

Глава вторая посвящена *содержанію, уходу, откармливанію и вырешиванію рогатаго скота*, и здѣсь-то указанія Блока всего менѣе могутъ относиться къ русскимъ хозяйствамъ, при настоящемъ ихъ положеніи. Это г. Усовъ, важется, и самъ чувствовалъ, потому что у Блока, который, какъ практический хозяинъ, вездѣ ищетъ въ виду оцѣнку *выгодности*, всѣ опредѣленія, — чего, на-примѣръ, стоить содержаніе коровы или теленка, — выведены на рожь. и затѣмъ, во существующимъ въ Силезіи цѣнамъ, на деньги, а г. Усовъ удержалъ оцѣнку на рожь и выкинулъ оцѣнку на деньги. При этомъ г. Усовъ впалъ въ непонятный промахъ: онъ выкинулъ блокову оцѣнку въ деньгахъ, а между-тѣмъ оставилъ принятымъ нѣтъ расчетъ рожью. По Блокъ рассчитываетъ содержаніе скота на рожь, сравнивая всѣ кормовыя вещества съ рожью не по питательному ихъ достоинству, а по средней рыночной цѣнѣ ихъ въ Силезіи. Такъ, онъ принимаетъ, что 1 фунтъ ржи равенъ цѣною, существующею въ Силезіи, 15 фунтамъ клевера, $3\frac{1}{2}$ фунтамъ сѣна, 6 фунтамъ соломы, и т. д. Но естественно, что эти отношенія совершенно-нѣстныя, и потому всѣ расчеты, на нихъ основанные, къ намъ не примѣняются. При существующихъ у насъ цѣнахъ на разныя сельско-хозяйственныя произведенія, весь расчетъ долженъ измѣняться, и самъ Блокъ, если бы онъ хозяйничалъ, на-прим., въ Тульской или Орловской Губерніи, можетъ быть, совершенно измѣнилъ бы свои правила о кормленіи скота и затѣмъ передѣлалъ бы и свои расчеты.

Блокъ основываетъ кормленіе рогатаго скота зимою на сѣнѣ и кормоводныхъ растеніяхъ. Но во что обойдется такое кормленіе у насъ? Вотъ, для примѣра, расчетъ одного тульского хозяина, г. Рудольфа: «Если по рациональнымъ опытамъ доказано, что сто фунтовъ зеренъ ржи (сыромолотыхъ, содержащихъ въ себѣ отъ 5 до 10 про-

центовъ воды или невареной влаги) при употребленіи въ кормъ скоту, нѣтъ одинаковую питательность съ тремя-стами фунтами лугового сѣна посредственной доброты, въ нѣдѣ или передъ самымъ расцвѣтеніемъ естественнаго и необоленнаго отъ дождя и дурной уборки, и если не считать, существовавшихъ въ началѣ 1845 г. въ Тульской-Губерніи, четверть ржи въ 8 пудовъ съ фунтами, продававшаяся по 1 р. с., а сѣно по 15 коп. ассиг. за пудъ, то что выгоднѣе скармливать скоту, а что выгоднѣе продавать? Вотъ расчетъ: 8 пуд. 10 фун. ржи стоить 3 р. 50 к. асс.: стало-быть, пудъ стоить $42\frac{1}{2}$ к., между-тѣмъ, какъ равное ему питательностью 3 пуда сѣна стоить 45 к. асс. . И такъ, если у насъ есть 300 пудовъ сѣна, то, продать его за 45 р. асс., и скорнивъ, вмѣсто того, 100 пуд. ржи на 42 р. 50., вы получите выгоды 2 р. 50 к. асс. Между-тѣмъ, вѣрите, что сѣно, сравнительно, дороже ржи, — у насъ во многихъ мѣстахъ и весьма-часто случается. Оливия сенокосъ, отношеніе между цѣнами ржи, сѣна, кормоводныхъ растеній, и т. и. у насъ совершенно-иное, нежели въ Силезіи, а потому и расчеты Блока о томъ, чѣмъ выгоднѣе кормить скотину, къ намъ вовсе не примѣняются. Къ тому же, Блокъ говоритъ о сѣнѣ силезской, а этотъ сѣнъ нѣтъ среднимъ счетомъ бойнаго, чистаго сѣна — вороха до 14 пудъ, а вошь до 17 пудъ, а у насъ, на-прим., во всей Бѣлоруссіи, нельзя принять и 8 пуд. для коровы и 10 пуд. для вола за средній бойный мѣръ. При этомъ различіи въ мѣрѣ, естественно, и лача корма должна быть иная, что опять-таки приводитъ къ тому заключенію, что всѣ эти расчеты, хотя и переведенные на русскій языкъ, останутся для русскихъ хозяевъ недостаточными.

Совершенно то же должны мы сказать о главѣ третьей, въ которой рассматривается доходъ отъ рогатаго скота молокомъ, работою воловъ, откармливаніемъ на убой, приплодомъ и иловозомъ. На-примѣръ, Блокъ выводитъ,

что годовою удой молока отъ хорошей дойней коровы составляетъ цѣнность равную 2000 фунтамъ ржи. Какъ признать къ себѣ это указаніе русскій хозяинъ въ помѣсть, удаленномъ отъ большаго города, и гдѣ, слѣдовательно, молоко не имѣетъ рыночной цѣны? У насъ молоко, въ исключеніи немногихъ мѣстностей по близости большихъ городовъ, не продается, а если гдѣ и продается, то равнѣ отношеніе цѣны его у насъ таково, что годовою удой коровы равенъ цѣнѣ 2,000 фунтовъ или 6 четвертей ржи? Если признать, на-примѣръ, четверть ржи въ 3 р. сер., то выйдетъ, что по расчетамъ Блока, корова, молокою своимъ, дастъ дохода 18 р. сер. Подите жь, скажите это помѣщику, увѣрьте его, что ему корова дастъ однимъ молокою 18 р. сер.; да онъ вамъ по этой цѣнѣ отдастъ и самую корову!

Четвертая глава, въ которой описаны болѣзни рогатаго скота, ихъ пользованіе и предохранительныя отъ нихъ средства, содержитъ въ себѣ указанія, которыя могутъ быть полезны и нашимъ хозяевамъ, хотя Блокъ самъ признается, что онъ скотоврачебнымъ искусствомъ почти не занимался. Дѣйствительно, указанія его по этой части ограничиваются немногими самыми простыми болѣзнями скота; а какъ у него скотъ хорошо содержится и весьма-рѣдко заболѣваетъ, то онъ имѣлъ мало случаевъ дѣлать наблюденія надъ болѣзнями скота.

Итакъ, въ общемъ итогѣ, наше мнѣніе о переводѣ сочиненія Блока слѣдующее: сочиненіе это состоитъ болѣею частью изъ числовыхъ расчетовъ, которые вообще, а еще болѣе въ томъ видѣ, въ какомъ они переданы переводчикомъ, къ намъ почти вовсе не могутъ примѣняться; и некоторыя изъ числовыхъ указаній, которыя занимаютъ меньшую часть книги, дѣйствительно могутъ быть полезны для тѣхъ русскихъ хозяевъ, которые умѣютъ являть воученіе изъ наставленій, непрямо относящихся къ ихъ мѣстности. Самый переводъ г-нъ Усовымъ сдѣ-

ланъ вѣрно; но переведчикъ часто употребляетъ выраженія неточныя и не-правильныя. На-прим., «корова даетъ полное молоко» (стр. 19), вмѣсто полнѣй удой; «молочинистый кормъ» (стр. 19) вовсе не есть переводъ нѣмецкаго слова *milchergiebige Fütterung*, которое означаетъ кормъ, содѣйствующій молочности коровы. «Варенный кормъ» (стр. 57) слово вовсе нигдѣ не употребляющееся и дикое. «Сытная скотина» (стр. 119)—выраженіе, показывающее, что переводчикъ позабылъ различіе между словами *сытный* и *сытый*; говорить сытная пища, сытѣйшій кормъ, сытнѣйшій обѣдъ, — и сытая скотина, сытнѣйшій человѣкъ. «Утолять жаръ» (стр. 208) не говорится; говорить: утолять жажду, и умѣрять или унимать жаръ.

Примѣчанія самого переводчика, помѣщенные на двухъ послѣднихъ страничкахъ, весьма-коротки; но все же о чемъ стоить упомянуть: Блокъ, въ своемъ сочиненіи, состоящемъ, какъ мы уже сказали, болѣею частью изъ цифръ и расчетовъ, вездѣ опредѣляетъ мѣръ прусскими фунтами; переводчикъ, чтобы не задать себѣ огромной работы, на которую, можетъ-быть, нужно времени болѣе, чѣмъ на весь переводъ, оставилъ показаніе фунтовъ какъ у Блока, но нигдѣ не говоритъ, что это не русскіе фунты, а прусскіе; мало того, онъ самъ такъ увѣренъ, что это русскіе фунты, что приводитъ ихъ иногда въ пуды, считая на пудъ по 40. Но не-уже-ли г. переводчику неизвестно, что Блокъ, писавъ для Пруссакъ, употребляетъ въ своей книгѣ прусскій, а не русскій фунтъ, а этотъ прусскій фунтъ равенъ только 0,87508 долямъ русскаго, или другими словами, въ одномъ прусскомъ фунтѣ заключается 1,1421 доля русскаго. Между-тѣмъ, русскій читатель, находя въ переводѣ г-на Усова перемѣшанными фунты и русскіе пуды, въ правѣ думать, что это фунты русскіе; а это заблужденіе весьма-важно, особенно въ книгѣ, которая почти вся состоитъ изъ числовыхъ расчетовъ. Легко себѣ представить, что такое смѣшеніе мѣръ весьма-

ма затруднить русскаго читателя въ приѣмленіи указаній перевода, и потому тѣмъ, которые захотятъ имъ воспользоваться, мы бы посоветовали записаться также и нѣмецкимъ подлинникомъ.

259) Опытъ Ученія о Пональныхъ Болѣзняхъ между домашними животными. *Сочиненіе Всеволода Всеволодова, Императорской Медико-Хирургической Академіи академика и заслуженнаго профессора, статскаго совѣтника и проч. Второе умноженное и исправленное изданіе. Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Отд. Корн. Вн. Стражи. 1846. Въ 8-ю д. л. XIV и 846 стр.*

Всякій увѣренъ въ пользу скотоводства; оно необходимо для поддержанія первыхъ нашихъ нуждъ; но жаль, что эта важнѣйшая отрасль народнаго богатства перѣдко остается въ небреженіи. Въ пользу скотоводства убѣждены всѣ, но способы къ улучшенію породъ и сбереженію скота доселѣ обращаютъ на себя мало вниманія. Въ такомъ случаѣ, появленіе сочиненія, содержащаго въ себѣ наставленіе, основанное на началахъ науки и указывающее надлежащій уходъ за домашними животными, дѣлаетъ честь тѣмъ ученымъ, которые посвящаютъ досугъ и знанія этому полезному предмету. Впрочемъ, весьма справедливо ожидать подобныхъ сочиненій отъ людей, занимающихся академическимъ преподаваніемъ ветеринарной науки. Отъ внимательства же такъ-называемыхъ писакъ-хозяевъ въ дѣлѣ подобнаго рода происходитъ только запутанность и—еще болѣе—вредъ для домашнихъ животныхъ. Что книги дѣльныя, содержащія въ себѣ ясное изложеніе предмета, находятъ у насъ хорошіи приѣмъ, доказательствомъ служитъ второе изданіе «Опыта Ученія о Пональныхъ Болѣзняхъ» академика Всеволодова. Этотъ успѣхъ объясняется тѣмъ, что въ-слѣдствіе присужденія книгѣ г. Всеволодова полной преміи отъ конкоренціи Медико-Хирургической Ака-

деміи и въ-слѣдствіе почетнаго обѣной отъ Академіи Наукъ, принята она не только Медико-Хирургическою Академіею, но даже университетами Московскимъ и Харьковскимъ на руководство для учащихся. Въ этомъ второмъ изданіи «Опыта Ученія о Пональныхъ Болѣзняхъ» между домашними животными находятъ значительное исправленіе слога и измѣненіе мыслей о нѣкоторыхъ предметахъ (между прочимъ «О пональномъ воспаленіи легкихъ» § 44, стр. 105—108), и кромѣ этого, прибавленіе—описаніе новой болѣзни, недавно замѣченной у лошадей и названной случною немощю и приобретенныхъ новыхъ опытовъ и средствъ къ предохраненію домашнихъ животныхъ отъ болѣзней и удобнѣйшему леченію послѣднихъ. Особенно превосходно описана второмъ чума рогаго скота; изложенныя при этомъ мысли объ этомъ издежѣ скота основываются не на умственномъ только созерцаніи, но на опытѣ или на помощи дѣлѣ. Мы вѣримъ этому, ибо г. академикъ Всеволодовъ, бывъ семь лѣтъ инспекторомъ врачебной управы во Псковѣ, имѣлъ случай видѣть, наблюдать и лечить чуму рогаго скота, который ежегодно въ большихъ гуртахъ прогоняется чрезъ Псковскую-Губернію въ Санктпетербургъ и Ригу. Чтобъ судить объ ужасѣ, причиняемомъ стадамъ рогаго скота чумою, довольно взглянуть на историческія извѣстія объ этомъ скотскомъ издежѣ (стр. 641—653). Ужь это одно убѣждаетъ въ пользу сочиненія, въ которомъ, послѣ обстоятельнаго изложенія сущности болѣзни, предлагаются средства къ ея предотвращенію и леченію. Авторъ по справедливости требуетъ, чтобъ врачи и хозяева обращали должное вниманіе на эту повальную болѣзнь; первые, по званію своему, обязаны изучить ее, а послѣдніе должны ознакомиться съ предохранительными отъ нея мѣрами для того, чтобъ не лишиться своего достоянія. Но не одна чума рогаго скота описана со всею подробностію: точно такъ-

же излагаются и прочія появляющіяся между домашними животными повальныя болѣзни, на-прим., *мытцъ, сая, лщуръ, лихой* у лошадей, *блшество собачье, сибирская язва*, и проч. Послѣ указанія сочиненій о повальных болѣзняхъ, авторъ приложилъ къ своей книгѣ рецепты или формулы (числомъ 67) лекарствъ, употребительныхъ въ повальныхъ болѣзняхъ между домашними животными. Въ числѣ рецептовъ замѣчательнъ № 66: это способъ Маньковскаго отъ чумы рогаго скота. Ветеринары и хозяева будутъ за это очень обязаны автору, ибо до-сихъ-поръ на русскомъ языкѣ еще не было основательныхъ рецептовъ лекарствъ, даваемыхъ домашнимъ животнымъ, и мы удивляемся, какъ доселѣ у насъ обходились безъ нихъ. Издавъ *Курсъ Скотоводства* (въ двухъ частяхъ), *Зоохигиену* (въ трехъ частяхъ), *Осмотръ Домашнихъ Животныхъ* (экстерьеръ), *Зоопатологію, Опытъ ученія о повальныхъ болѣзняхъ между домашними животными*, г-нъ Всеволодовъ теперь печатаетъ *Анатомію домашнихъ животныхъ*. Это почти цѣлый курсъ ветеринарныхъ наукъ, написанный однимъ человекомъ... Замѣчательный примѣръ трудолюбія, заслуживающій подражанія!

260) Водолечебное Заведеніе въ Видницѣ. *Сочиненіе (?) доктора Мейера. Съ двумя планами и двумя видами. Санктпетербургъ. Въ тип. Э. Праца. 1846. Въ 8-ю д. л. 89 стр.*

Водолечебніе (идриатрія), столько прославившееся въ новѣйшее время, увлекло многихъ больныхъ, такъ-что они пренебрегаютъ всѣми прочими способами леченія, — крайность, къ-сожалѣнію, опаснѣйшая, нежели самыя болѣзни. Впрочемъ, счастливое исцѣленіе многихъ больныхъ, тщетно употребившихъ всѣ извѣстныя фармацевтическія срдства, достаточно убѣждаетъ, что *идриатрія* можетъ имѣть мѣсто наравнѣ съ другими терапевтическими способами врачеванія. Само-по-себѣ разумѣется, что водолечебніе должно быть направляемо сообразно со-

стоянію и характеру болѣзни; словомъ, оно не можетъ быть вѣдъ предѣловъ, предписываемыхъ каждой методѣ леченія. Такимъ образомъ, надлежащее опредѣленіе правилъ, руководствующихъ въ водолеченіи, и хотя приблизительно вѣрное означеніе болѣзней, составляютъ главное основаніе при употребленіи холодной воды. Избѣгая подробностей касательно содержанія больныхъ, когда они лечатся водою (въ идриатическомъ заведеніи), скажемъ одно, что это леченіе до невѣроятности однообразно и такъ просто, что при немъ ненужно особенно соблюдать правила діеты — этой *тлжкой обязанности*, которой необходимо подчиняются больные при всякой другой методѣ леченія. Что же до болѣзней, которыя наиболѣе могутъ быть исцѣлены холодною водою, то число ихъ чрезвычайно-значительно; но мы означимъ только тѣ, которыя, будучи упорны и продолжительны, не уступаютъ никакимъ способамъ леченія. Болѣзни этого рода суть: золотуха (въ видѣ одухолей, железъ и открытыхъ язвъ съ костюдою), наклонныя сыни (лишайнаго, венерическаго и проч. свойства), цинготныя язвы, худосочіе (кахексія), параличъ членовъ, завалы (обструкціи) брюшныхъ внутренностей, водяная болѣзнь, сведеніе сухихъ жилъ, ломота, застарѣлый ревматизмъ, и проч. Въ доказательство полезнаго дѣйствія холодной воды въ исцѣленіи отъ сказанныхъ болѣзней, можно привести, кромѣ многихъ заведеній для водолечебнія, устроенныхъ въ разныхъ странахъ Европы, такое же заведеніе, открытое (въ 1841 г.) въ Ораніенбаумскомъ-Уѣздѣ, въ деревнѣ Лопухинкѣ: мы могли бы даже представить извлеченіе изъ оффиціальнаго отчета объ успѣхахъ леченія холодною водою въ идриатическомъ военномъ полугоспиталѣ, что въ Лопухинкѣ... Выше сказали мы, что нельзя лечить всѣхъ болѣзней безъ исключенія холодною водою, но надъ застарѣлыми недугами, неуступающимъ фармацевтическимъ средствамъ, должно испытывать дѣйствіе этой про-

стой, но полезной жидкости. Конечно, не всегда и не для всѣхъ идиатрія бываетъ совершенно-надежна; случается даже, что болѣзнь появляется вновь; но если въ этомъ послѣднемъ отношеніи взглянемъ на дѣйствіе минеральныхъ водъ, то смѣло можемъ отдать преимущество *идиатрії*. Кромѣ того, не представляется ли водолеченіе болѣшихъ выгодъ предъ леченіемъ минеральными водами уже и потому, что послѣднія можно употреблять едва-только два мѣсяца въ году; *идиатрія* же ничто не препятствуетъ въ продолженіи цѣлаго года. Прибавимъ еще, что въ холодной водѣ открыто средство къ леченію такъ-называемаго брюшнаго тифа — болѣзни слишкомъ распространеннейшей въ послѣднее время и почти замѣнявшей всѣ формы прочихъ болѣзней. Водолечебное заведеніе въ Вененѣ, описанное, но не *сачиненное* докторомъ Мейеромъ, есть весьма-полезный пріютъ для больныхъ, особенно живущихъ въ Англіи. Докторъ Мейеръ обстоятельно описываетъ дѣйствіе воды, діету, разные способы леченія водою, какъ-то: *попльнѣ, ванны общія, частныя, и пр., и пр.* Подъ конецъ приводится исчисленіе болѣзней, въ которыхъ полезно употребленіе воды. Книга доктора Мейера одно изъ лучшихъ сочиненій объ *идиатрії*; но, вѣроятно, она переведена не подъ надзоромъ врача и отъ-того многое въ ней неясно и нетолково — недостатокъ важный, иногда даже важнѣе недуга.

261) О полезныхъ и вредныхъ свойствахъ пищи и напитковъ. Соч. Д...ра Гайна. Пер. В...ръ Х...въ. Издаде книгопродавца В. Полюкова. Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. К. И. Жерякова. Въ 42-ю д. л. 228 стр.

Въ предисловіи къ этой книгѣ сказано, что «каждому образованному человеку слѣдовало бы ознакомиться съ предметами общественнаго продовольствія, гдѣмъ болѣе, что діетика съ каждымъ днемъ приобретаетъ болѣе цѣны

и *достоинства* (?). Въ томъ же предисловіи читаемъ, что сочиненіе «о полезныхъ и вредныхъ свойствахъ пищи и напитковъ д...ра Гайна имѣетъ цѣлью разсѣять господствующіе между просвѣщенными людьми предрассудки и противорѣчащія мнѣнія о питательныхъ веществахъ и дѣйствіи ихъ». Но по разсмотрѣніи самой книги нельзя не убѣдиться, что непосредственная *практическая* польза вошла въ соображеніе автора уже тогда, какъ принялся онъ сочинять свое предисловіе. Иначе, онъ не ограничился бы химическимъ изслѣдованіемъ питательности растительныхъ и животныхъ веществъ, а главное, не умалчалъ бы о дѣйствіи ихъ на различныя натуры. Мы никакъ не сомнѣваемся, что для всего человечества существуетъ одна логика и одна эстетика, но никакъ не вѣрнѣе въ дѣйствительность общихъ діететическихъ рецептовъ. Изслѣдовать питательность веществъ еще не значитъ опредѣлить всѣ полезныя и вредныя ихъ свойства. Иногда самая питательность ихъ можетъ повредить слабому или разстроенному здоровью. Сверхъ-того, питательность не составляетъ еще всеобъемлющаго діететическаго достоинства пищи и напитковъ. А въ книгѣ д...ра Гайна только и рѣчи что о питательности. Изъ этого нельзя не вывести двухъ заключеній, противорѣчащихъ заглавію и предисловію книги: во-первыхъ, было бы гораздо-лучше назвать ее трактатомъ о химическомъ составѣ веществъ, употребляемыхъ въ пищу; во-вторыхъ, свѣтскій человекъ, не посвященный въ таинства медицинскихъ наукъ вообще и діететики въ-особенности, извлечетъ изъ сочиненія Гайна самыя шаткія понятія о томъ, чѣмъ слѣдуетъ ему питаться и чего избѣгать въ пищѣ; а шаткость принциповъ въ дѣлахъ желудка значитъ по-крайней-мѣрѣ то же, что и во всѣхъ дѣлахъ человеческихъ.

Впрочемъ, переводъ г. В...ра Х...на можетъ быть употребленъ съ пользою людьми, занимающимися органическою

химію и медициной. Языкъ довольно-грамотенъ.

362) Вѣгладъ на Животный Магнетизмъ *въ отношеніи къ леченію болѣзней*. Сочиненіе О. П. Вейнтрауба. *Читаніе въ засѣданіи Императорскаго Московскаго Физико-Медицинскаго Общества, 7 мая 1845 года. Москва. Въ тип. Лазаревскаго Инст. Восп. Языкова. 1846. Въ 8-ю д. л. 94 стр.*

Самые опасные враги магнетизма — приверженцы магнетизма. Тѣ, которые не признаютъ существованія этой силы природы, приносятъ еще мало вреда: непризнаваніе какого-нибудь предмета не служитъ еще доказательствомъ несуществованія предмета. Но люди, желающіе доказать что-нибудь и доказывающіе плохо, подрываютъ сильно предметъ своего заступничества. Приверженцевъ магнетизма можно раздѣлить на два сорта. Одни безпаркетно служатъ своей доктринѣ и обманываются сами на-счетъ своихъ убѣжденій; они съ непомятымъ удовольствіемъ слушаютъ разсказы о явленіяхъ магнетизма, какъ о вѣснѣ необыкновенномъ; во время своихъ дѣйствій, приходятъ сами въ некое-то странное восторгъ, — и стоятъ только вспомнить исторію знаменитой леопольдической, сокращенно-изложенную въ одномъ изъ первыхъ годовъ «Библиотеки для Читанія», чтобъ убѣдиться, до какой негнѣности въ состояніи; на-прим., дойдя немецкое фантазирова, когда оно къ чему-нибудь приваляется. Другіе хватаются за магнетизмъ съ карьерною цѣлью и считаютъ убѣжденіе въ истинѣ дѣломъ второстепеннымъ, если не совсемъ-ненужнымъ: такихъ приверженцевъ надобно бы изгнать изъ храма науки тѣмъ же, чѣмъ выгнаны были еврейскіе торгаша...

Прочитавъ брошюрку г. Вейнтрауба, мы съ чувствомъ сожалѣнія въ наукѣ подумали: такъ ли должно говорить о предметѣ, столько же важномъ, сколько и малозвѣстномъ? То, что называемъ мы «сверхъестественнымъ», или «необыкновеннымъ», болѣею ча-

стію принадлежитъ къ необыкновеннымъ предметамъ не потому, что оно рѣдко бываетъ, а потому — что мы дѣйствительно-существующее не видимъ, бывающее не хотимъ замѣчать. Чтобъ поставить на видъ невидимое слабыми глазами, доказать бытіе дѣйствительно-сущаго въ природѣ, надо особенное искусство, особенное знаніе. Всего меньше нужны здѣсь фразы, пустыя обращенія къ публикѣ и докторамъ, стихи, эпитафии и тому подобныя приваляности ученаго штукмейстерства, а не строгой науки. Г-нъ Вейнтраубъ щедрою рукою, вѣдето убѣдительныхъ доказательствъ, слышать стихи Шиллера и Гёте, Гёте и Шиллера, Сенеки, Марціала, Овидія, наконецъ свои собственныя! Для чего нужны послѣдніе, право не знаемъ; развѣ для приведенія больного въ магнетическій сонъ... И эти стихи знаменитыхъ поэтовъ (за исключеніемъ собственныхъ виршей автора) идутъ къ маленькимъ, тощимъ главамъ брошюры такъ же кстати, какъ шлемъ великана идетъ къ головѣ двухлѣтняго ребенка. Такъ, напр., маленькое отдѣленіе, названное историческою частью и помѣщенное всего на двѣнадцати страничкахъ, украшено великолѣпнымъ эпитафиемъ изъ Шиллера: «Исторія міра есть судъ міру». Къ чему это, скажите? Не возбуждаетъ ли это заблаговременно сильныхъ требованій со стороны читателя, который, послѣ важнаго эпитафия, натурально, желаетъ видѣть важную статью? Что же, если онъ не найдетъ въ статьѣ никакой важности?

Мы думали, что послѣ столькихъ трудовъ иностранныхъ врачей о магнетизмѣ, послѣ нѣсколькихъ очень-умныхъ статей о томъ же, помѣщенныхъ въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ (припомните прекрасную статью г. Волкова въ «Отеч. Зап.» прошлаго года), г. Вейнтраубъ представить хоть краткое, но согласное съ современнымъ состояніемъ науки изложеніе магнетизма. Но съ первыхъ страницъ его брошюры мы разочаровались самымъ не-

приятнымъ образомъ. Онъ хочетъ говорить языкомъ общепонятнымъ, а не языкомъ науки — это бы ничего, это имѣетъ свою очень-полезную сторону; но онъ хочетъ говорить языкомъ общепонятнымъ по той причинѣ, что ему предстоитъ убѣждать и бабушекъ и тѣтушекъ, которыя, по большей части, имѣютъ диктаторскій голосъ на семейныхъ совѣтахъ (стр. 11). Какъ! сочиненіе, читаемое въ засѣданіи Московскаго Физико-Медицинскаго Общества, передъ лицомъ ученаго сословія, имѣетъ цѣлью убѣждать и бабушекъ и тѣтушекъ?.. Развѣ аргументы, нужные для убѣжденія лицъ, имѣющихъ диктаторскій голосъ на семейныхъ совѣтахъ, значатъ что-нибудь для меня, для него, для всѣхъ другихъ, требующихъ убѣжденія спціентифическаго? Чтò отъ этого выиграетъ магнитизмъ, наука? На такихъ ли убѣжденіяхъ должна держаться вся медицина? Одно изъ двухъ: или медикъ не приглашенъ лечить больного, или приглашенъ. Если приглашенъ, то пусть онъ лечитъ больного и, если можно, выключитъ тогда бабушки и тѣтушки непременно убѣдятся. Если жь онъ не приглашенъ — о чемъ ему хлопотать? Не доказывать же ему необходимости своего визита, дѣйствуя на головы тѣтушекъ и бабушекъ. Въ слѣдствіе подобной-то странной цѣли, сочиненіе г. на Вейнтрауба доказываетъ существованіе магнитизма такими доводами, которые извѣстны всему мало-мальски образованному міру (не говоря уже о ученыхъ): я думаю даже, что эти доводы извѣстны большей части бабушекъ и тѣтушекъ. Кто не знаетъ вліянія взгляда хищныхъ птицъ на другихъ слабѣйшихъ? кто не знаетъ, что есть люди, усмиряющіе кровожадныхъ вѣррей, и проч.? Но вотъ чего не знали мы до г. Вейнтрауба: что изъ числа магнитическихкихъ дѣйствій относится каждое дѣйствіе воли одного человѣка на волю другого, хотя бы его дѣйствіе было слѣдствіемъ разумаго убѣжденія, и что, по-этому, къ магнитизерамъ принадлежатъ высокіе прощыва-

нны, великіе герои и краснорѣчивыя ораторы (стр. 32 и 33). Всего страше, что въ числѣ благодѣтельныхъ помѣненій нормальнаго состоянія, производимыхъ магнитизерами, заключаются ощущеніе какъ-бы ползанья по тѣлу мурашекъ, появленіе ампутатъ и увеличеніе нормальныхъ отдѣленій. Итакъ, послѣ рѣчи краснорѣчиваго оратора, который есть тоже магнитизеръ, въ слушателяхъ появится ампутатъ и увеличатся нормальныя отдѣленія, а послѣ рѣчи великаго героя, напр., полководца, великаго воиска на битву, воины ощутятъ ползанье мурашекъ по тѣлу!! Иногда одно слово помѣняетъ человѣку, показывая ясно, что онъ не умѣетъ вѣстаться за предметъ.

Въ исторической части, авторъ употребовался нѣсколькими анекдотами, изъ которыхъ одинъ взятъ изъ «Макбета» и приложенъ прямо на англійскомъ языкѣ (вѣроятно, для убѣжденія бабушекъ и тѣтушекъ): эти анекдоты всѣмъ уже извѣстны. Гораздо бы лучше было, воспользовавшись двумя исторіями магнитизма, хотя и французскимъ языкѣ, составить изъ этого систематическую конволюцію. Г. Вейнтраубъ раздѣляетъ историческую часть на два отдѣленія: 1) магнитизмъ эмпирическій и 2) магнитизмъ какъ наука; но что же онъ сдѣлалъ тамъ и здѣсь? Тамъ нѣсколько анекдотовъ, здѣсь исчислилъ нѣсколько именъ и сочиненій, а на стр. 26, говоря о состояніи магнитизма со временъ Месмера, онъ расхвалилъ Францію и Англію и расхвалилъ Германію, аи, вѣрнѣе, школу Кизера, къ которой самъ имѣетъ честь принадлежать. Тутъ странная похвала и порицаній не оказывается состояніемъ магнитизма въ Европѣ со временъ Месмера. Вотъ какъ пишется ученые рассужденія!

Умъ человѣка убѣждается только разумнымъ; но если хотятъ доказать ему что-нибудь недоказываемое, повторить его чѣмъ-нибудь безсилнымъ и неосновательнымъ, тогда онъ долженъ только удивляться автору, который дѣлаетъ въ число своихъ доводовъ на

предположений несообразное съ наукой. Мы не понимаемъ, на чемъ основанъ слѣдующій совѣтъ г. Вейнтрауба: «Магнитизировать не должно глазъ на глаза, но всегда должна присутствовать во время сеансовъ третья особа, принимающая особенное участіе въ больномъ: мать, отецъ, или кто-нибудь изъ родственниковъ» (стр. 49). Откуда слѣдуетъ это не должно или это обязательно? Чѣмъ доказана необходимость или обязанность присутствія третьей особы? Изъ чего видно, что эта третья особа должна принимать особенное участіе въ больномъ? Полобные совѣты, по моему мнѣнію, унижаютъ магнитизмъ до продолжковъ древнихъ жрецовъ; другими словами: они выводятъ его изъ области науки и помѣщаютъ въ сѣру необычайныхъ таинствъ. Книга, въ которой встрѣчаю я такіа строки, лишается, на мои глаза, всякой научной цѣны, всякаго серьезнаго значенія.

Еще меньше понимаемъ мы (если только могутъ быть степени въ совершенно-непонятномъ и всегда-непонятномъ) слова г. Вейнтрауба на стр. 50: «Магнетизеру нужна направленная къ добру сильная воля и твердая рѣшимость дѣйствовать согласно съ вѣроисповѣданіемъ и правилами для блага ближняго. Съ слабыми и дурными наклонностями человекъ неспособенъ быть магнетизеромъ». Это было хорошо въ то время, когда послѣдователи Месмера желали чѣмъ-нибудь прикрыть безсильныя дѣйствія магнитизма, сваливая ихъ хоть на злыя наклонности магнетизированныхъ. Это было хорошо въ то время, когда предсказанія оракуловъ не исполнялись и оракулы объясняли неисполненіе особенными, тайными, ужасными преступленіями вопрекавшимъ. Но зачѣмъ это теперь, въ наше время, когда не доказано никакого соотношенія между наклонностями и дѣлами, между твердостью рѣшимостью и искусствомъ леченія? Мы не хотимъ и не должны принимать епитетъ за голосъ науки; мы

не повѣримъ этому, еслибъ услышали это отъ самой ясновидящей.

Многіе совѣты г. Вейнтрауба, кромѣ тайныхъ, ничего-неговорящихъ указаній, отличаются высокимъ отрицательнымъ достоинствомъ; онъ не говоритъ: дѣлай то-то, но большею частію совѣтуетъ не дѣлать того-то; напр., не магнитизируй здоровыхъ (какъ-будто отъ этого слѣзается легче больнымъ!), не магнитизируй просто для опыта, для любопытства; не магнитизируй, если ты не понимаешь магнетизма, не прекращай вдругъ магнетизированія, не старайся прозводить чудеса, не рассказывай ясновидящему о томъ, что онъ говорилъ во снѣ, и проч., — все не да не, которыхъ цѣлая согна хуже одного да въ наукѣ. Многія мѣста брошюры показываютъ ясно, что г. Вейнтраубъ отъ общаго дѣла науки переходитъ къ сужденіямъ на случай. Такъ, на примѣрѣ, у него есть нападки противъ тѣхъ, которые говорятъ, что магнетизмъ не дѣйствуетъ безъ магнетическаго сна. Вотъ какъ онъ выражается: «Чего хотите вы, мои милые ратные товарищи, похожіе на мародѣровъ, чего хотите вы, безгласные поклонники магнетизма? Забавы или испѣленія большого магнетизмомъ?» (стр. 87). Или: «Чего же хотите отъ тебя, мой любезный магнетизмъ? Сна, сна и все сна! Я чувствую, къ тебѣ несправедливы, жестоки» и пр. (стр. 89). Что за тонъ! Это ли голосъ серьезной науки? Такъ ли должно выражаться въ ученномъ сочиненіи?..

Магнетизмъ ждетъ еще достойныхъ воздѣльвателей! Еще много остается ему, чтобъ занять достойное мѣсто въ сферѣ науки и въ кругу леченія. Досихъ-поръ, онъ былъ болѣе претендентъ для дѣйствій въ практическомъ быту, для самихъ магнетизеровъ...

О языкѣ брошюры (во многихъ мѣстахъ поразительномъ) ни слова: г. Вейнтраубъ не Русскій, слѣдовательно, можетъ писать нехорошо по-русски. Но въ такомъ случаѣ, надобно бы прибѣгнуть къ человеку, знающему русскій языкъ...

263) *Всобщая Географія, приспособленная къ преподаванію въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Выпускъ 4-й. Москва. Въ университетской типографіи. 1846. Въ 8-ю д. л. 401—560 стр.*

Въ этомъ выпускѣ окончены государства Европы и представлено описание государствъ и земель Азии, слѣдующій, послѣдній, выпускъ будетъ включать въ себѣ описание государствъ и земель Африки, Америки и Океаніи. Тогда мы дадимъ отчетъ обо всемъ наданіи.

264) *Чтеніе для Юношества, въ пользу учебныхъ заведеній Московскаго Учебнаго Округа. Девъ части. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1846. Въ 8-ю д. л. Въ 1-й части 308, во 2-й 357 стр.*

Сборники статей, назначаемыхъ для чтенія юношеству, можно раздѣлить на спеціальныя и общія (энциклопедическія), принимая за основаніе дѣленіе количество предметовъ знанія. Спеціальныи сборникъ заключаетъ въ себѣ статьи, относящіяся къ одной наукѣ; таковы, на-прим., сборники статей историческихъ, географическихъ, астрономическихъ и т. д. Энциклопедическій обнимаетъ всѣ предметы наукъ: это энциклопедія знанія. И тотъ и другой сборники подраздѣляются потому на основаніи различныхъ точекъ зрѣнія: одни смотрятъ на различныя возрасты дѣтей; другіе обращаютъ вниманіе на различіе ихъ пола; третьи на различіе будущаго назначенія учащихся; четвертые на различіе языка и слога, которыми статьи написаны.

Энциклопедическій сборникъ, или энциклопедія многоразличныхъ свѣдѣній, отъ богословія до ремеселъ включительно, имѣетъ особенныя требованія, которыя составитель сборника долженъ непремѣнно выполнить. Такихъ требованій, или непремѣнныхъ условій, четыре: 1) полнота предметовъ подаваемыхъ, чтобъ въ области вѣдѣнія не оставалось для дитяти незнакомой стороны, о которой онъ не имѣлъ бы хотя поверхностнаго понятія; 2) надлежащее распредѣленіе матеріала,

такъ, чтобы собранныя статьи и мысли каждой статьи занимали относительно другъ друга правильныя мѣста; 3) современная истина каждаго знанія, чтобъ учащійся видѣлъ его на той степени, на которую оно возведено послѣдними трудами ученыхъ; 4) хорошій слогъ статей, ибо языкъ есть общее выраженіе всякой дѣятельности человека. Изъ этихъ четырехъ требованій видно, какъ трудно составить хорошій энциклопедическій сборникъ: онъ долженъ быть богатъ по содержанию и выраженію, краснъ внутренно и наружно, т. е. одесдой и слесей, а не наданіемъ, которое, одякожь, чѣмъ обратнѣе выйдетъ, тѣмъ приличнѣе будетъ для дѣтей. Отсюда видно также, какія обязанности предстоятъ автору энциклопедіи: въ немъ должны соединиться человекъ знающій и человекъ пишущій: знающій современную науку, пишущій хорошииъ языкомъ.

Чтеніе для Юношества, названное въ пользу учебныхъ заведеній Московскаго Учебнаго Округа, удачно удовлетворяетъ, по нашему мнѣнію, самымъ требованіямъ, почему мы и рекомендуемъ его публикѣ. Въ немъ каждая часть подраздѣляется на четыре отдѣла: 1) природа, 2) исторія и географія, 3) технологія, промышленность и хозяйство, 4) литература. Кругъ знаній довольно-полный, хотя можно бы принять и другое распредѣленіе, держась одного и того же исходнаго пункта — внутренняго содержанія. Такъ въ торговле, сводя всю дѣятельность человека къ тремъ отдѣламъ: уму, промышленности и художеству, раздѣлили и энциклопедію на три части. Другіе опираются на числѣ известныхъ наукъ и предлагаютъ различныя свѣдѣнія, изъ которыхъ извлекается потомъ общее понятіе о каждой наукѣ. Третьи (на-прим. Дистервергъ) дѣлятъ сборники, по предметамъ знанія, на три отдѣла: религія, природа и человекъ; или, какъ Гауптъ, на пять, присоединяя къ тремъ первымъ искусство и науку. Относительное распредѣленіе статей

въ «Чтеніи для Юношества» короше; только мы, въ первой части, не замѣтили бы «общаго понятія о мануфактурахъ», отвеся его къ концу всего изданія, когда учащійся получитъ о каждомъ ремеслѣ, о каждой отрасли промышленности специальное понятіе: идти отъ частнаго къ общему (а не наоборотъ) — главный законъ дидактики; не помѣстили бы мы тоже, въ первой части, въ отдѣлѣ «Природа», исторіи допотопнаго міра, которая узнаётся гораздо-легче послѣ знакомства съ міромъ животныхъ настоящихъ: ибо другой, главный же законъ дидактики предписываетъ идти отъ болѣе-невѣстнаго къ менѣе-невѣстному, отъ ближайшаго къ отдаленному. Впрочемъ, эти два замѣчанія ни сколько не оскорбляютъ достоинства «Чтенія», — книги очень-полезной для юношества. Языкъ ея чистый, правильный, что очень-важно. Желаемъ участіа дѣльному изданію, которое безъ сомнѣнія не ограничится двумя частями. Книги, назначаемыя собственно для чтенія (хотя съ этимъ непременно соединяется и изученіе предмета, только не классное, не какъ особенный предметъ особеннаго учителя) должны выходить постепенно и безостановочно.

265) Карманный Словарь Французско-Русскій (*Dictionnaire de poche français-russe*). Въ двухъ частяхъ. Составленъ по руководству лучшихъ должнъ извѣстныхъ словарей. Москва. Въ университетской типографіи. 1846. Въ 16-ю д. л. Въ 1-й части 303, во 2-й — 128 стр.

Сколько можетъ вмѣстить въ себѣ карманный словарь въ 16-ю долю листа, на 430 страницахъ, напечатанныхъ не совсѣмъ-убористымъ шрифтомъ, столько, конечно, этотъ словарь вмѣщаетъ. Карманные словари, до-сихъ-поръ существующіе, тѣмъ неудобны, что они, какъ выражается предисловіе, составлены какъ-бы для гигантовъ, дамо исчезнувшихъ съ лица земли, припроблены въ карманы допотоп-

ныхъ жителей земли; но какой теперь карманъ вмѣститъ хоть два тома Олдекопа или два тома Рейфа? Каждая вещь обязана исполнить свое назначеніе, которое указывается иногда самимъ изданіемъ: словарь называется «Карманнымъ», слѣдовательно, онъ долженъ быть изданъ для «кармана» — это ясно. Роль человѣческой становится часть-отъ-часу мелочь, съ нимъ вмѣстѣ мелѣютъ карманы, слѣдовательно, должны мелѣть и карманные словари. Опять ясная истина, подтверждаемая всеми карманами, которые намъ случалось видѣть. Цѣна, соотвѣтственно мелкости кармановъ, тоже мелкая — одинъ рубль серебромъ. Какой ученикъ не въ состояніи заплатить этихъ денегъ за словарь, легко умѣщаемый даже въ дѣтскомъ карманѣ?

266) Новый и Полный Французско-Русскій-Нѣмецкій Словарь, составленный по лучшимъ и новѣйшимъ словарямъ. Въ двухъ частяхъ. Изданіи второе. (NOUVEAU DICTIONNAIRE FRANÇAIS-RUSSE-ALLEMAND, composé sur les meilleurs dictionnaires nouveaux. Deux tomes. Seconde édition.) Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. И. Глазунова и Кож. Въ 8-ю д. л. 1842 стр.

267) Нѣмецкая Книга (?) въ пользу Россійскаго Юношества, составленная систематически и грамматически по легкой и понятной методѣ Зейденштикера съ прибавленіемъ анекдотовъ, къ чему (?) присоединена первая часть нѣмецкой грамматики. Изданіи Д-мъ Йенсеномъ. (DEUTSCHE LEBENSBUCH FÜR DIE RUSSISCHE JUGEND, nach einer leichten und fasslichen Methode des Seidenstücker systematisch und grammatisch geordnet, nebst einem Anhang von Anekdoten, und dem ersten Theile der deutschen Grammatik; herausgegeben von Dr. H. Jensen). Санктпетербургъ. 1846. Въ тип. Карла Крайля. Въ 8-ю д. л. 158 стр.

Книге ежемѣсячной фабрикаціи, книги, на которыхъ зарежь будетъ имѣть силу до самыхъ тѣхъ поръ, пог-

да «россійское юношество» не будет учиться никакимъ языкамъ, кромѣ языковъ племени славянскихъ. Все это, однакожь, не имѣло бы «Словарю» быть пополицѣ, выбрать себѣ поудобнѣе форматъ и перестать именоваться *россійскимъ*, но той весьма — простой причинѣ, что россійскаго языка не бывало и нѣтъ на свѣтѣ.

268) Курсъ Скорописанія по методу Карстера, принятой въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. Составленъ В. Ходоровскимъ. Санктпетербургъ. 1846. Въ тѣхъ. Э. Праца. Въ 4-ю д. л. 49 стр.

«До сихъ поръ, главная цѣль его (обученія письму) состояла исключительно въ достиженіи красиваго почерка. Но какъ достигали этой цѣли? Обыкновенно рабскимъ копированіемъ или каллиграфическимъ рисованіемъ съ прописей. Это копірованіе спорно есть замедлитель, нежели средство къ достиженію желаемой цѣли. Въ этомъ убѣдиться легко, стоитъ только сообразить: какимъ трудностямъ подвергается вообще дѣти, обучающіяся письму по подобной методѣ. Преподаватель, заставляя ихъ писать съ прописей, непременно требуетъ, чтобъ они рабски копировали шрицы, весьма различные другъ отъ друга — не обращая вовсе вниманія на основныя начала хорошаго почерка и забывавая, что между учениками найдутся и такіе, которые уже умѣютъ писать, но почеркомъ нечеткимъ и некрасивымъ. Настойчивость каллиграфовъ состоитъ въ томъ, чтобъ ученики непременно слѣдовали ихъ почерку и ихъ разнообразнымъ прописямъ, несправедлива (?), потому что она принуждаетъ иногда ученика оставлять свой прежній почеркъ во всѣхъ отношеніяхъ лучший и болѣе сообразный съ настоящею цѣлію письма. Все это происходитъ отъ того, что не многіе понимали сущность красиваго почерка и чистописаніе смѣшивали съ скорописью, или правильнѣе сказать, что до сихъ поръ никому не вдалуалось учить собственно скорописанію, столь необходимому для каждого» (стр. 3—6).

Мысль въ высшей степени справедливая, заслуживающая полного вниманія педагоговъ. Пора подумать о положеніи бѣдныхъ дѣтей въ первые го-

ды ихъ ученической жизни! Впрочемъ, каждый изъ читателей еще помнитъ мудрыя изреченія, которыми онъ подвергался въ классахъ до той возмѣтной поры, когда одеваѣлъ рѣшено всевозможныхъ треугольниковъ, изучивъ разнообразныя привѣтствія на трехъ языкахъ, и годы рожденія царей отъ Нимрода до Ирода и отъ Ирода до нашихъ дней, — освобождался, наконецъ, отъ еженедѣльнаго черченія классическихъ ушей и носовъ, и рисовыванья кудрявыхъ буквъ; помнитъ, такъ же, какъ потомъ онъ не успѣвалъ своимъ ребяческимъ почеркомъ записать первыя, чрезвычайно-пріятныя левціи о чистотѣ и благородствѣ слога, или трактаты о нравѣхъ и справедливости, какъ юношеское сердце его билось, лоя каждое слово краснорѣчиваго профессора... какъ терзался и запутывался онъ въ своихъ аббревиатурахъ и титлахъ, и потомъ самъ не могъ разобрать эти сокровища мыслей, — и все отъ-того, что по-престу не умѣлъ писать скоро и четко. Неужели съ паденіемъ варварскихъ юкабуловъ, геометріи Войтъховскаго и всего прича учебниковъ оного времени, не отыщется менѣе-нескопимый способъ учить дѣтей писать, точно такъ, какъ скоро ли перестанутъ поселать въ дѣтяхъ отвращеніе къ искусству монотоннымъ растушевываніемъ головокъ Юлія Цезаря, Паллады и т. п., что рѣдко бываетъ по душѣ маленькимъ ученикамъ? А между-тѣмъ, едва-ли на какой предметъ употребляютъ столько времени въ писанинѣ классахъ, какъ на изготовленіе къ и замену живописныхъ прописей и растушевываныхъ ликовъ, исторгающихъ слезы умленія у родителей и восмѣщанія у почетныхъ гостей!

«Въ Америкѣ, Карстеръ замѣтилъ неудовлетворительность результатовъ поспѣшество существующаго способа обученія письму. Онъ видѣлъ, что рабское копированіе съ прописей хотя и приучаетъ глазъ къ правильности формъ буквъ, но зато дѣлаетъ почеркъ вялымъ, тяжелымъ и насколько не выучиваетъ скорописанію, а

торое нужно каждому, нежели чистописание... Сколько было прищрфовъ, что учащійся, послѣ усиленнаго старанія выучился хорошо писать, полагалъ, что онъ не имѣетъ къ тому способности, тогда какъ эта мнимая неспособность есть скорѣе слѣдствие неправильной методы обученія.

«Карстерь доказалъ своими постепенными упражненіями, что только тѣмъ учащимся, у которыхъ есть физическія поврежденія въ правой рукѣ, трудно достигнуть требуемаго усѣха; всѣ же прочіе легко и скоро выучиваются писать» (стр. 7—8).

Главныя условія скорописанія—былостъ письма, зависить, по мнѣнію автора, отъ положенія пишущаго, отъ держанія пера и писанія по темцамъ, или начертанія буквъ въ извѣстное число приемовъ, сообразно съ фигурою буквы. Всѣ правила изложены въ книгѣ отчетливо и ясно. Для приобрѣтенія почерка бѣлаго, ровнаго и щеголеватого, ученикъ, прежде, нежели приступитъ къ дѣйствительному письму, занимается начертаніемъ разнаго рода прямыхъ и кривыхъ линій (входящихъ въ составъ разныхъ буквъ) безъ прижатія пера. Эти упражненія устраняютъ принужденность, неизбежную при изображеніи утолщеній или толстыхъ чертъ буквъ, когда рука еще не приобрѣла надлежащей подвижности.

Судя по приложеннымъ образцамъ упражненій, видно, что авторъ основательно изслѣдовалъ предлагаемую имъ методу Карстера и уже на практикѣ удостовѣрился въ преимуществѣ ея предъ общепринятыми методами каллиграфіи. Нѣтъ сомнѣнія, что опытный и старательный учитель, при пособіи книги г. Ходоровскаго, найдеть возможность съ большою легкостію и наименьшею потерей времени выучить многочисленный классъ четкому, красивому письму; но собственно, книга эта, какъ всѣ вообще самоучителя, требуетъ внимательнаго пересмотра со стороны самого автора, многияхъ упрощеній и улучшеній, для того, чтобъ, какъ онъ самъ говоритъ: «каждый учитель каллиграфіи, каждый пишущій четко и красиво, и ослѣпъ

• отецъ семейства, могли съ успѣхомъ обучать дѣтей».

269) О Настоящемъ Состояніи Хозяйства у Крестьянъ, съ показаніемъ причинъ, препятствующихъ его развитію, съ указаніемъ средствъ къ обращенію тѣхъ причинъ, и съ присовокупленіемъ краткихъ правилъ земледѣлія, для средней полосы Россіи. Сочиненіе А. А. Москва. Въ тип. Лаз. Нест. Восточн. Языковъ. 1846. Въ 12-ю д. л. 83 стр.

Не смотря на длинное предисловіе, рѣдко говорящее въ пользу, а большую частію противъ тѣхъ книгъ, къ которымъ пишутся эти предисловія, — книжка г. А. А. высказываетъ часто довольно-дѣльные замѣчанія о хозяйственномъ бытѣ русскихъ крестьянъ, хотя и не слишкомъ для нихъ вѣрныя. Простымъ, русскимъ, понятнымъ для всякаго православнаго нарѣчіемъ, въ то же время печуждымъ нѣкотораго юмора, авторъ излагаетъ вкратцѣ всю исторію жизни русскаго мужика, вооружается противъ безпечности, неоправности, противъ его крѣпкой надежды на *авось*, отъ которой проеходить всѣ бѣды, и, въ заключеніе, предлагая нѣкоторыя средства улучшить хозяйственное состояніе крестьянъ, составляетъ для нихъ катихизисъ или краткія правила.

270) Бричка, или обратный путь съ Парисса (Басни много манера и комедія на другую стать). Сочиненіе писателя, желающаго остаться неизвѣстнымъ. Обнаружены читающей публикѣ Павломъ Ваненко. Изданіе первое. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1846. Въ 16-ю д. л. 140 стр. Съ эпиграфомъ: «Члмъ длиннѣе заглавіе, тѣмъ заманчивѣе книга».

Есть особаго рода дарованія, которыхъ никакъ не могутъ себѣти съ дороги, указанной имъ природою. Полобныя дарованія находится и въ области творчества, обнаруживаясь особеннымъ поэтическимъ направленіемъ. Тамъ, гдѣ одно произведеніе фантазій

прямым образом высказывает мысль автора, другое высказывает ту же мысль или прямо, но въ каррикатурных образахъ, или показательно, помощью аллегорій. Последний способъ представленія хотя принадлежитъ къ нижней области искусства, но требуетъ тоже таланта: оригинальная басня, замысловатая каррикатура имѣютъ свое неотъемлемое достоинство, какъ и все неподдѣльно-хорошее, оригинально-замысловатое. Басня Крылова выше многихъ поэмъ и драмъ, а журналъ «Charivari» выше многихъ вѣлыхъ сатиръ. Да мы и не хотимъ здѣсь входить въ разсужденіе объ относительной важности разныхъ словесныхъ родовъ: мы хотимъ только сказать, что есть писатели, которые, по свойству личнаго таланта, прибѣгаютъ всегда къ особенному роду представленія своихъ мыслей: они, на-прим., не изображать въ романѣ, повѣсти или драмѣ своихъ воззрѣній на людей и природу, но прикроютъ свои воззрѣнія покровомъ аллегорій, или создадутъ образы лицъ и предметовъ каррикатурные. Часто притворяться однимъ и тѣмъ же трудно, едва-ли возможно. Если мы видимъ въ разные времена одинаковые способы творческаго дѣйствія — значитъ, что это дѣйствіе не зависящее, а въ природѣ дарованія лежащее. Не только въ манерѣ фантазіи, но и въ слогѣ поддѣльваться трудно, точно такъ же, какъ отъ своего слога трудно отказываться. Сказываютъ, что Марлискій и простые писатели писали завитками, кудреватыми фразами, а Гоэманъ и въ трезвомъ и въ пьяномъ видѣ едва-ли писалъ бы что-нибудь иное, кромѣ фантастическихъ повѣстей.

Иванъ Ваненко — неподдѣльное дарованіе, и въ прозѣ и въ стихахъ принадлежитъ именно къ тѣмъ дарованіямъ, которыя выбираютъ по врожденному указанію аллегорическій способъ мыслепредставленія или которыя, по крайней мѣрѣ, не скажутъ слова просто, не создадутъ образа просто, а создадутъ, и въ стилѣ и въ поэтическомъ

представленіи, въ томъ шуточномъ (burlesque), или странно-выгурномъ (grotesque). Новое сочиненіе его: «Вричка», служить тому доказательствомъ. Оно все аллегорическое, и въ стихахъ и въ прозѣ. Часть первая, или поэзія, называется: «Наблюденія на скотномъ дворѣ, или различные чувствованія нѣкоторыхъ животныхъ»; часть вторая, или проза: «Явленія въ кукольной лавкѣ, или нравозъяснительные разговоры нѣкоторыхъ куколъ». Немного нужно слышленности, чтобъ видѣть, кого авторъ разумѣетъ подъ животными и кулаки: это такъ-называемые люди, въ числѣ которыхъ находимся, можетъ-быть, я, смиренный рецензентъ, и вы, мой почтенный читатель. Самыя названія стихотвореній состоятъ изъ двухъ половинъ: аллегорической и объясняющей аллегорію; послѣдняя указываетъ на содержаніе пьесы, первая на способъ представленія содержанія. Исчислимъ нѣкоторые пьесы: «Собачьи воспоминанія, или о томъ, какъ пріятно мечтать о прошлыхъ чувствахъ», «Восторгъ селезня, или о томъ, какое удовольствие быть вѣстѣ съ любимымъ предметомъ»; «Ослиный доволъ, или о томъ, что о вкусахъ спорить не должно»; «Кошачья хандра, или о томъ, что въ старости глаза видятъ иначе», и проч. И все это для того, чтобъ въ стилихъ образахъ и смѣшнымъ образомъ посягнуть надъ истинно-смѣшнымъ въ человеческой природѣ. Вотъ, для примѣра, одна пьеса, составляющая очень-удачную народію на другую, всѣмъ извѣстную пьесу. Г. Иванъ Ваненко смѣется надъ романтизмомъ, который думалъ, что на землѣ можно пытаться одними мечтами и презиралъ все такъ-называемое земное, стремился къ такъ-называемому небесному. Идеально-романтическая дѣва представляла въ видѣ коровы:

Коровы важности,

или о томъ, что семилетнимъ чрептвованіемъ не дималомъ анкетамъ.

Чье слышно тошное мычанье,
Кто тосковалъ?...

То юный быкъ свое страданье
Такъ выражалъ:

«О днесь рекъ, о участь злаа!
Умыль мой духъ...

Гдѣ ты буренка молодая,
Гдѣ ты, мой другъ?»

Нѣтъ, ты не другъ уже мнѣ нынѣ,
Любая предметъ;
Ты извѣтила — и въ поминѣ
Меня чай нѣтъ!..

Я съ нею рсть, еще теленкомъ
Ее любилъ...
Какъ хороша была буренка —
Я не забудь!..

Намъ съ нею вѣстѣ кормъ давался
И водошой;
Я съ ней такъ нѣжно обращался,
Она — со мной...

Да, такъ любили мы другъ друга!
Дѣлалъ овецомъ,
Я дѣлалъ нѣжную услугу
Всегда пригомъ:

То дзыкомъ ей за ушами
Я положу,
То подъ бокомъ слегка рогамъ
Ей почешу...

Она же такъ бывало мило
Себя ведетъ;
Глядитъ, глядитъ — и прямо въ рыло
Меня лизнетъ!

Въ чемъ мнѣ искать теперь отрады?
Душа пуста;
Буренушку угнали въ стадо,
Я — сирота!

Кому теперь разсѣять нужно
Мою печаль?
Кто промычитъ со мною дружно:
«Тебя мнѣ жаль!»

Но что мнѣ болѣе обидно,
И что грустнѣй:
Мнѣ отецъ, отецъ мое видно
Извѣну въ ней...

Я видѣлъ — сердце запылало
Мое огнемъ!
Она охотно побижала
За вѣстухомъ...

Я повѣлъ и — сказать боюсь —
Потерявъ другъ!..

Не звукъ рожка ей сталъ по вкусу,
Не ревъ подругъ:

Ее бычине недостойнымъ
Плѣнилъ.. Увы!

Я не могу теперь спокойно
Щипать травы!

Вонъ, есть въ хлѣбу овесъ янтарный,
Но что мнѣ въ томъ?
Не заманить неблагодарной
И калачомъ!

У! вспомнить жалко мнѣ и больно!
А почему?

Я такъ любилъ ее... довольно...
Му-му! му-му!»

И такъ мычаньемъ заглушая
Тоску безъ слезъ,
Помолъ мой быкъ подъ сѣнъ сараю
Добѣтъ овесъ.

271) *Моя — или ничья! или клатва
двухъ соперниковъ. Повесть (1769 —
1772). Соч. Ф. Г. Девъ части. Санкт-
петербургъ. 1846. Въ тип. Губ. Правл.
Въ 16-ю д. л. 381 стр.*

Дѣйствіе этого романа или повѣсти
происходитъ во времена польской кон-
федераций. Авторъ въ маленькомъ пре-
дисловіи весьма-краснорѣчиво описы-
ваетъ эти времена, въ которыхъ, какъ го-
ворить онъ: «успѣхи, ими (конфедера-
тами) одержанные, преисполняли ихъ
самонадѣянности и были причиною
тысячи глупостей. Разъ они, послѣ
одного важнаго успѣха, сами разоря-
ли города, били мужиковъ, грабили
жидовъ... волочили въ дамы, тан-
повали». По мнѣнію автора, волочить-
ся за женщиной — глупость и разоритъ
города — тоже глупость, не болѣе. Ав-
торъ, какъ видите, человекъ строгій и
наравнѣ преслѣдуетъ всѣ человѣче-
скія слабости. Зато тамъ онъ примѣр-
но точенъ въ своихъ обязанностяхъ.
Посмотрите, на-примѣръ, съ какою
тщательностью выставилъ онъ на за-
главномъ листкѣ годы, отъ котораго
по которымъ происходило дѣйствіе его
повѣсти. Прочтите историческія при-

мѣчанія его винау въ некоторыхъ страницъ и увидите, какъ онъ старался не заставлять читателя ни о чемъ догадываться. На первой страницѣ романа говорится, на примѣръ, что дѣйствіе происходитъ въ замкѣ графовъ Бржечинскихъ, который находится неподалеку отъ Краковскаго Замка, и тотчасъ же въ примѣчаніи объяснено, что знаменитый Краковскій Замокъ стоялъ на возвышеніи, командующемъ городомъ и у подножія котораго протекаетъ Висла. Впрочемъ, въ послѣднемъ случѣ, мы упрекнемъ автора въ неясности, которая не мало вредитъ его строгой репутаціи основательнаго сочинителя. Намъ приходится самымъ догадываться, у чьего подножія протекаетъ Висла, у подножія ли города, который находился подъ командой у возвышенія, или у подножія возвышенія, командующаго городомъ. И это еще не единственный промахъ г. Ө. Г. Зато г. Ө. Г. великій мастеръ описывать подробности характеровъ и происшествій. Ужъ не думайте, чтобъ онъ позабылъ рассказать вамъ какого роста его герой и какіе у него волосы, что ѣли на шире у такого-то пана и кто съѣлъ больше... Не знаемъ только, поясняютъ ли что-нибудь эти подробности.

Содержаніе романа не многосложно, рассказано коротко, и это, можетъ быть, его единственное достоинство, потому что не обременяетъ памяти читателя безусловною нитью разныхъ мелкихъ вводныхъ приключеній, и не истощаетъ его терпѣнія. Вотъ оно — почти собственными словами автора.

Графъ Бржечинскій задалъ пиръ, какъ говорится, на весь міръ — по-славянски. Такъ хотѣла его дочка, панна Марія, а у ней на то были свои причины. Чего не было на этомъ правдикѣ. Все, начиная съ жареной баранины до любимаго графскаго оазана, котораго онъ приказалъ на блюдо и котораго на поварахъ убрали, какъ невѣсту къ вѣнцу. Какъ же послѣ этого не веселится графскимъ гостямъ, тѣмъ болѣе, что тихая погода, осѣжаемая

дуновеніемъ зефира; этотъ прекрасный, обширный садъ, дѣйствіе въ которомъ происходило; изобиліе во всемъ, все это дѣлало правдикъ особенно пріятнымъ.

Въ одномъ уголку сада панъ-экономъ замка рассказывалъ разной дворовой челяди о томъ, какъ одинъ русскій офицеръ, князь Чергалскій, спасъ графскую дочку отъ беззаконной страсти графа Левшинскаго, и въ свою очередь влюбился самъ въ красивую панну; какъ за это графъ откавалъ ему отъ дому, какъ онъ такимъ образомъ, по замѣчанію одного изъ слушателей, съѣлъ трибы, появившись, однажды, обладать Маріей. *Моя или ничья!* сказалъ онъ. Левшинскій тоже у себя дома вихомолку провнесъ подобную клятву. Этотъ рассказъ развеселилъ слушателей. Она же притомъ не забывала въ антрактахъ прибѣгать къ бутылкѣ, такъ-что къ концу рассказа одинъ уланъ, безпрестанно погружающій длинные свои усы въ любимую свою влагу, почему съ предлинныхъ усъ (усовъ) волна катились крупныя капли живой воды, какъ съ мокрыхъ, еще не выжатыхъ тряпокъ, и образовали на столѣ порадочную лужицу, этотъ уланъ выпился какъ зюзя и разѣсиглъ губы.

Изъ этого рассказа вы можете заключить, что Чергалскій и Левшинскій, два соперника, провнесши страшную клятву, помогли автору дать названіе для его романа.

Между-тѣмъ, въ залѣ графа Бржечинскаго балъ былъ въ самомъ разгарѣ: красивыя панны, самыя вѣнчатыя, и прелестнѣйшія панненки, самыя наряжныя, очаровательнѣе всѣхъ гурій пророка, одѣтъ изъ тѣхъ воспитательныхъ идеальныхъ красавицъ, которыя существуютъ только въ живописи или на пьедесталѣ, настоящія Венеры Медицейскія, съ букетомъ фиалокъ на груди, съ улыбкой на устахъ, дѣлали выразительные знаки головою для любовниковъ и отрицательныя осанки для мужей. Послѣ этого не мудрено, что любовь, которая,

но слазить автора, «взятая въ особенномъ смыслѣ этого слова. Безспорно есть самое живое, нѣжное чувство, которое и въ самомъ небѣ не поспрашивать своихъ избранныхъ. эта любовь не маловажную роль играла въ балной залѣ богатаго пана. Мало того, она была причиною маленькой вспышки между двумя юными героями, изъ которыхъ одинъ рѣшился *заслонить* дорогу другому къ панѣ Маріи. Марія была лучше всѣхъ: у ней былъ голосъ сладостно льющійся въ слухъ и юныя перси, трепетавшія, какъ двѣ горлицы, пойманныя рукою жестокаго охотника. Хотя она и была ко всѣмъ глуха, какъ волны океана, жестока, какъ желѣзо на наковальнѣ, но у ней все-таки было столько жениховъ, сколько не было ихъ у самой Гипподамін, за которую Далифы подрались съ Кентаврами. Но свѣжая и благоуханная, какъ только-что лишь распустившаяся роза, Марія на балу присутствовала только наружно, а мыслію была далеко съ Чергалъскимъ, съ милымъ ей Владиміромъ. Вдругъ раздался въ саду пронзительный свистъ. Марія задрожала, весь составъ (чей или чего?) пришелъ въ волненіе, которыми обваружилась бездна жизни, страха, радости и еще болѣе любви. Свисталъ, какъ въ послѣдствіи оказалось, Владиміръ Чергалъскій, который прокрался въ садъ для свиданія съ Маріей. Марія не заставила ждать себя, опрометью бросилась въ садъ, воскликнула двукратно «Владиміръ!» и ушла на грудь своего любезнаго. Владиміръ посмотрѣлъ въ ея небесныя очи, ждала впрочемъ въ нихъ свою жизнь и свою любовь — и узналъ, что Марія было безъ него душно и грудь ея было что растреснулась, что она металась въ стороны въ сторону, рвала на себѣ одежду» в проч. При этихъ сладостныхъ словахъ Владиміръ «едвазл минутное обожрвіе (то-есть, просто, поглядѣлъ, не подслушиваетъ ли ихъ кто-нибудь), и рассказавъ, что онъ съ своей стороны плакалъ какъ ребенокъ, «спрашивая у себя: гдѣ онъ будетъ

жить и съ кѣмъ? но на эти вопросы были отвѣтомъ только кровавыя слезы. О чемъ бы тутъ, кажется, плакать? Вопросы эти такъ невинны, такъ просты, — но романтическіе герои непременно плачутъ, и плачутъ какъ дѣти. Иначе они не были бы героями. Гордое, безмолвное страданіе какого-нибудь Печорина не по ихъ натурѣ: оно слишкомъ-просто, слишкомъ-безъэффектно. Но поидемъ далѣе. Владиміръ предлагаетъ Маріи бѣжать; добрая дочь не рѣшается оскорбить родителя. Обоюдные упреки. Марія чуть не въ обморокъ. Владиміръ, увидя на лицѣ ея слезы, катившіяся съ силою тающего снѣга, текущаго съ горъ, жалился, запечатлѣвъ поцалуй на поблекшихъ устахъ Маріи, отъ чего жизнь внезапно встрепенулась въ груди ея.»

Между-тѣмъ, предательство скрывалось возлѣ нихъ въ густомъ раке(и)тнякѣ. Блѣдная луна освѣтила отвратительную рожу, привставшую на ципочки. Эта-то отвратительная рожа и было предательство, привставшее на ципочки. Привставъ на ципочкахъ, оно вздумало *за десятокъ другой черволицевъ* предать любовниковъ. Но вдругъ мужественный юноша, какъ ангелъ смерти, внезапно предсталъ изумленному предательству и срубилъ его отвратительную рожу. Однакожъ другое предательство (ихъ было два) успѣло убѣжать и повѣстить кого слѣдуетъ: но прекрасный юноша предостерегъ любовниковъ, и они спокойно разошлись: Марія отправилась домой, а Владиміръ пошелъ искать приставища въ лѣсу, каковое и нашель у патера Виконича: *тощато іезуита съ любуююльною физиономіей*. Здѣсь встрѣтилъ онъ своего соперника, пана Лешинскаго, болѣе чѣмъ средняго роста, высокаго челоуѣка, для котораго существовала только одна истина: владычество чувственности. Этотъ болѣе чѣмъ средняго роста высокій челоуѣкъ прихотилъ къ іезуиту посоуѣтоваться о томъ, какъ бы ему опять увести Марію. При видѣ Владиміра, злодѣй бросился на

него, но Владиміръ ранилъ его и выпрыгнулъ въ окно, потому-что вдругъ было напала на него куча графской челяди Жидъ Израиля помогаетъ Левшинскому увезти Марію, но какъ онъ ненавидитъ его сіятельство, потому-что оно когда-то обольствовало Сусанну, дочку Израиля, то немедля уведомляетъ Владиміра о похищеніи Маріи. Чергалъскій съ другомъ своимъ Евгениемъ отправляется въ замокъ Левшинскаго, и въ ту самую минуту, когда графъ говоритъ бѣдняжкѣ Маріи, что любить ее болѣе, чѣмъ солнце землю, и хочетъ преступными устами впитать въ открытую часть прелестѣйшаго тѣла, чтобы укупатить ее своимъ палачиши поцалуемъ, Владиміръ является, какъ ангелъ мщенія. Левшинскій убѣгаетъ, объявивъ предварительно, что достигъ того, что такъ долго волновало его желанія. Владиміръ роняетъ изъ рукъ мечъ, и Марія сходитъ съ ума. Владиміръ съ горя отправляется въ мѣстечко Сталовичи, около котораго стояли канцедераты. Происходитъ маленькое сраженіе. Левшинскій беретъ въ плѣнъ раненнаго Владиміра, сажаетъ его въ тюрьму, объявляетъ, что Марія выздоровѣла и что онъ, дескать, вовсе не достигъ того, что такъ долго волновало его желанія. Въ добавокъ ко всему этому онъ хочетъ убить Владиміра, но является Евгенийъ, какъ ангелъ мщенія (третій ангелъ!), и Левшинскаго связываютъ.

Черезъ нѣсколько времени, праздновали свадьбу Маріи съ Владиміромъ. На этомъ празднествѣ былъ между прочимъ Суворовъ, который сказалъ молодой супругѣ неправильно написанный авторомъ, слѣдующій французскій комплиментъ: «je ne me sens pas assés fait pour me défendre contre vos charmes» (Ч. II, стр. 64). И дѣйствительно, трудно было устоять противъ прелестей Маріи, ибо «бывъ прежде дѣвочкой съ живою поступью, теперь она была женщина съ величественнымъ выходомъ» (Ч. II, стр. 82; такъ-что самъ Владиміръ, но ух-

дѣ гостей, немедленно объявляя ей, что онъ ея, ея до послѣдняго удара пульса, ея жизни.

Между тѣмъ, Левшинскій не дремалъ. Онъ подкупилъ егеря Чергалъскаго, Ягеллу, который доведетъ Владиміру, что къ женщинѣ съ величественнымъ выходомъ, т. е. къ паннѣ Маріи, ѣдетъ прекрасный юноша панъ Слупинскій (помните, тотъ, что былъ ангеломъ смерти для отвратительной рожки предательства). Владиміръ дѣйствительно застаётъ прекраснаго юношу у своей жены. На то онъ и прекрасный юноша, чтобъ его заставали у чужихъ женъ съ величественнымъ выходомъ! Но Владиміру не нравится, что Марія называетъ его милымъ Владиславомъ. Вѣдѣнный супругъ ранитъ саблей жену, а Владиславъ нука. Они падаютъ безъ чувствъ. Ягелло извѣщаетъ о случившемся графа Левшинскаго. Левшинскій является въ замокъ Чергалъскихъ, объявляетъ себя по праву родства наследникомъ бездѣтнo-умершихъ супруговъ — и немедленно велитъ ихъ похоронить въ семейномъ склепѣ. Ихъ всѣ считаютъ умершими и относятъ въ склепъ. Тамъ, холодный воздухъ скоро привелъ Владиміра въ чувство. Душа его въ будущемъ пригляднѣ и отгляднѣ жизни, то сжималась во внутренность, то на нѣсколько мгновеній простаралась по наружнымъ органамъ. Наконецъ, Владиміръ,—должно-быть въ то время, когда душа его простерлась по наружнымъ органамъ, — увидѣлъ Марію, которая, какъ прозрачная маргаритка, сорванная прежде времени «неблагоразумною рукою дѣвушки», потеряла ровы красоты своей. Нѣтъ, не слыхашо, чтобъ красивѣйшая изъ женъ умерла, воскликнулъ Владиміръ. Въ-самомъ-дѣлѣ, Марія тоже скоро очнулась и расказала мужу, что Слупинскій ея родной братъ, плодъ тайной любви ея матери, которой она дала слово скрыть тайну до гроба, и теперь открываетъ ее только потому-что лежитъ въ гробѣ. (Всѣ романтизмъ, такъ романтизмъ!) Владиміръ говоритъ ей, что онъ не сердитъ

на нее, что она все-таки была чистым элементом в лампаде его жизни.

Слушавший выводит их из склепа и падает с ними в залу, где Левшинский впрямь уже их тризна. Гости разбѣжались. Левшинский, ограбленный метельными Жидомъ, совершенно терлетъ рассудокъ при видѣ Чергалскихъ, которыхъ считаетъ за покойниковъ, и давить патера Елиовича, принявъ его за Владимира. Злодѣя Ягеллу убиваетъ Евгений. Половина героев перебита. Черезъ два мѣсяца Чергалскій, вѣзжая въ Петербургъ, говоритъ Маріи: «ты моя, моя»; а Марія отвѣчала: «я твоя, твоя!»

Излагае плохо, соответственно содержанию и достоинству романа.

272) *Имѣть и Быть. Романъ. Сочиненіе моего знакомаго. Москва. Въ тип. А. Седова. 1846. Въ 16-ю д. л. Въ 1-й части 249, во 11-й — 154 стр.*

Что такое этотъ романъ? почему онъ носить на себѣ такое оригинальное названіе? какую мысль хочетъ выразить этимъ глубоконаменательнымъ именемъ? какое содержаніе этого романа или сочиненія и есть ли въ немъ какое-нибудь содержаніе?—вотъ вопросы, на которые трудно или вовсе-невозможно отыскать отвѣтъ въ романѣ «Имѣть и Быть». Замѣтно, впрочемъ, что авторъ что-то говоритъ, но что именно, этого не разрѣшить ни одинъ мудрецъ въ свѣтѣ. Можно даже примѣтить, что автору очень хочется держаться юмористическаго направленія, но видно также, что оно ему никакъ не поддается. И чему обязанъ этотъ романъ своимъ существованіемъ? очень-любопытно узнать. Однажды авторъ возвратился съ прогулки съ головою болью, постоянно безпомощнее его въ деревнѣ. Во время грозы почувствовалъ онъ, будто что-то повернулось въ головѣ, а въ августѣ, какъ гора мышью, благополучно разрѣшилась она романчикомъ. Не даромъ говорятъ, что отъ искры дѣлается пожаръ! Въ-самомъ-дѣлѣ, вапой пустой, ничтожный случай далъ начало хоть и пустому, но

все-таки роману или романчику! Если бѣ авторъ не былъ въ деревнѣ, если бѣ онъ не возвратился съ прогулки, еслибъ у него не болѣла голова, еслибъ никогда не было грозы, во время которой у автора въ головѣ что-то повернулось, — свѣтъ не увидѣлъ бы, разумѣется, и романчика. Конечно, въ этомъ еще не было бы большой обиды, но все бы не было и романчика, и романчикъ этотъ не назвали бы «Имѣть и Быть», еслибъ автору не захотѣлось посмотреть на свой романчикъ въ печати. А такъ-какъ онъ очень-скромный, то ему никакъ не желалось выставать себя на показъ всѣмъ. Для избѣжанія этой огласки, онъ употребилъ маленькую хитрость. Хитрость эта, впрочемъ, довольно-обыкновенная: она заключается въ томъ, что авторъ пустилъ въ свѣтъ свой романчикъ подъ именемъ своего знакомаго. Впрочемъ, «какихъ бы онъ ни вымышлялъ пружинъ», результатъ выходитъ одинъ, именно, что «Имѣть и Быть» есть не что-иное, какъ романчикъ, и больше ничего, въ которомъ довольно грамматическихъ ошибокъ, и больше ничего.

273) *Стенька Разинъ, разбойникъ волжскій. Драматическія картины, въ четырехъ актахъ, съ хорами, пѣснями и плясками. Быль XVII вѣка. Сочиненіе С. Любецкаго. Москва. Въ университетской тип. 1846. Въ 8-ю д. л. 106 стр.*

Вотъ «Стенька Разинъ» будетъ по-занимательнѣе. Здѣсь по-крайней-мѣрѣ есть разбойники. Впрочемъ, эти разбойники ни чуть не страшны: это все люди очень-добрые, благородные, великодушные. И самъ атаманъ такой хорошій человекъ...

274) *Странствующій Жидъ. Романъ Ежена Сю, автора Парижскихъ Тайнъ. Переводъ съ Французскаго. Части: X, XI, XII и XIII. Москва. Въ университетской типографіи. 1846. Въ 12-ю д. л. Въ X-й части—50, во XI—68, во XII—88, во XIII—100 стр.*

Что-то медленно тянется это довольно хорошее издание. Всё-таки книжечка, как слышно, будет 24 А между-тѣмъ, печатается въ Москвѣ третій переводъ знаменитаго романа Сю. Такъ и быть должно: успѣхъ подобныхъ литературныхъ произведений столько же бываетъ блистательнъ, сколько и всемеренъ.

276) Лето въ Клаузъ или на который-то номеръ съствъ?... *Фарсъ-водевилль въ двухъ дѣйствіяхъ* А. П. Са—на. Санктпетербургъ. 1846. Въ прилженированной тит. Фишера. Въ 18-ю д. л. 53 стр.

275) Сценны Префранса. *Римотореніе Н^о*. Санктпетербургъ. 1846. Въ тит. К. Крайя Въ 24-ю д. л. 38 стр.

Есть люди, которымъ еще не придумали приличнаго названія, но которыхъ можно бы, пожалуй, назвать несчастными людьми. Этотъ жалкія созданія, на которыхъ каждый шагъ впередъ, сдѣланный обществомъ, отъзывается самымъ неприятымъ образомъ. На-примѣръ, всякому извѣстно, какой успѣхъ сдѣлала въ наше время критика, безпощадный анализъ жизни. Люди поняли наконецъ, какъ важно знать и понимать все, что совершается у нихъ передъ глазами, угадывать великій смыслъ *простыхъ* явленій ежедневности. Господъ, о которыхъ мы говоримъ, смекнули это по своему, и дѣло вышло такъ худо, что критика нажила себѣ страшную обувь отвѣтственности за школьничество лжекритики...

Эти люди вотъ какого свойства. Они смекаютъ, что на платьѣ бываетъ иногда прорѣха, что въ рѣчи попадаютъ отъ времени до времени нехорошія слова, что страсти проявляются подчасъ грязновато, что нѣкоторые обычаи дикіи и нерациональны, и т. п. Но особенность ихъ загнала состоитъ въ томъ, что со всѣми уродливими явленіями жизни дѣйствительной сторговываются они за самую дешевую цѣну. Ихъ утопія, ихъ идеалъ общества, воз-

вышается на пол-линии отъ того, что въ самомъ дѣлѣ существуютъ. Существенное содержаніе общественной жизни ихъ не заботитъ. Имъ противенъ азартъ, если человѣкъ проиграетъ казенныя деньги или часы, занятые у пріятеля, потому-что въ первомъ случаѣ самому проигравшему предстоитъ большая неприятность, а во второмъ — прійдется плохо и ему и доверчивому пріятелю. Но, по ихъ разумствію, отъ-чего бы не рискнуть въ банчишку, если еще въ немнѣшій вѣкакой-то фальшъ, и что можетъ быть благороднѣе, какъ загнать и мажнать-четыре луста послѣдніе рубли, проиграть, расплатиться съ нѣкоторою изжностью, или съ приличнымъ сожалѣніемъ собрать чужую мелочь, не размышляя о потерянномъ времени, ни о положеніи проигравшагося пріятеля, который по-меньшей-мѣрѣ испортилъ себѣ сонъ и желудокъ, а который необходимо расположить мстовать съ выигравшимъ очень-неделикатно, но слерживается условными правилами приличія... Возмутительно пьяство, особенно если подумавши о несчастныхъ посѣтителяхъ черной харчовни, услаждающихся водрѣвской *калгрой* и другими горящими во рту *калгками*. Но отчего не кутать на благородную ногу — въ какомъ-нибудь клубѣ, гдѣ ужъ курятъ не жуковщину, а «богосовскіе папирасы», или, пожалуй, и сигары среднихъ цѣвъ, гдѣ не ловятъ дамъ за платья во время танцевъ, какъ ловилъ Ноздрѣвъ, гдѣ играютъ въ преферансъ, никогда не заглядывая въ прищучку и даже безъ «важничанія»? — Нельзя не замечать, смотря на бѣднаго ювону, умищающагося около эманципированной красавицы Невскаго-Просвѣка:а... Но можно ли смотрѣть, господа, безъ снисходительности или даже безъ зависти на итрижки съ Лансою, которая состоитъ подъ покровительствомъ знатнаго лица, посѣщающаго ее три раза въ недѣлю, которая въ то же время нѣжно любитъ своего кузана, да двухъ компаніоновъ, заходящихъ къ ней въ небытность у нея главнаго покровите-

ля, которая, сверхъ-того, симпатизируетъ двумъ атлетамъ въ вентрикахъ и азимутахъ бешметовъ, не оставляя притомъ своею благосклонностью одного очень-скромнаго, но истомленнаго молодого человѣка, пребывающаго въ ея будуарѣ подъ названіемъ *der Kiste*...

По эскимъ понятіямъ, общественныя немощи — что-то такое вишнее, олу-чайное, прилипающее, что снять ихъ такъ же легко, какъ перешибить сюр-тукъ или заштонать рукавъ, раскрыв-шійся не шву. А между-тѣмъ, люди, обогащенные такими плеями, льнутъ къ людямъ движенія, и—о ужась!—пу-скаются въ литературу. Понятно, какія *quârsquo* выходятъ изъ того, что многіе принимаютъ описанныхъ здѣсь господъ за настоящихъ аналитиковъ!

Сочиненія, которыхъ заглавіе здѣсь выписано, принадлежатъ къ порожденіямъ quasi-аналитическаго направле-нія.

Въ водевилѣ г. Сл-на глупый маль-чешка, жалкой писецъ какой-то кан-целярш, получаетъ 150 р. жалованья, завиваетъ по воскресеньямъ волосы коминами, ходитъ фертикомъ и, въ до-вершеніе бѣдствія, любитъ еще глу-пѣйшую дѣвочку, дочь также какого-то чиновника, котораго, къ-счастью, ав-торъ оставилъ въ покоѣ и не вывелъ на сцену. Дѣвочка сѣтуетъ, что роди-тель не согласенъ выдать ее за негѣ-паго мальчика, жалуется на свою до-лю, указывая на дочерей другихъ чи-новниковъ, которыя ѣдятъ на изво-щикахъ и, по ея словамъ, пьютъ чай на Крестовскомъ въ русской гостини-цѣ. Въ небытность родителей дома, будущая чета вступаетъ въ разговоръ, сначала черезъ пересордку, а потомъ и глазъ-на-глазъ. За обычныя сѣто-ваніемъ, молодой человѣкъ поетъ ку-плеты, въ родѣ слѣдующаго:

Я не могу вамъ рассказать,
Что въ сердцѣ у меня твердится,—
Лягушка будто, какъ сказать,
Тамъ у меня все шевелится.
Зачѣмъ роготитъ вами такъ мила,
(Дышитъ губами поцалуй);

Зачѣмъ, какъ звѣздочка, глаголю(е)ки?
Зачѣмъ вышь взглядъ меня плѣнилъ,
Зачѣмъ такой вы ангелочикъ?..

Нѣтъ, сила ужъ не достанетъ ждать!
(Плачетъ.)

О, еслибъ вы моли все знать... (*)

Вѣдь не въ терпѣжь мнѣ, такъ сказать!
(На колымажѣ, драматически:.)

Пойми меня!.. Ты можешь понимать!..

Совѣсть неправдоподобно... Авторъ, кажется, и невагадывалъ въ бытъ про-стодушныхъ бѣдняковъ, которыхъ ему вдумалось *оставить въ комедію* по слу-чаю бенефиса (**). Ни подъ какимъ вы-домъ канцелярскій служитель Сережа не станетъ такъ удало вести себя съ дѣвицею Анной Андревной: это *сочинилъ* г. Сл — нъ: въ дѣйствительности такъ не бываетъ. Ромео Петербурга и тому-подобныхъ странъ извѣстны сво-ею застѣнчивостью и склонностью вы-ражаться отборными словами; такиѣ трагическыя и уродливыя характе-ровъ между ними не встрѣчается: въ присутствіи дамъ они молчаливы и большею частью пребываютъ въ созер-цавіи своего сюртучка, сомкнутаго въ талии стальной застежкой *по-военному*, или ловко налаженныхъ штрипокъ, или бумажныхъ иѣжнаго цвѣта перча-токъ... Любовь у этихъ бѣдныхъ лю-дей выказываетъ робко, безъ экста-зовъ, и мальчикъ съ 150 р. жалованья, можетъ-быть, лучше смотритъ на бу-дущую тягогу семейства, нежели тотъ, кто безжалостно науродовалъ его тус-клую личность и ввелъ на него не-былицы. Такъ, на-примѣръ, г. Сл—нъ представилъ намъ комнату молода-го чиновника въ крайнемъ беспоряд-кѣ, тогда-какъ эти 18-лѣтніе фамил-листы отличаются крайнею аккурат-ностью и опрятностью, и въ ихъ хо-

(*) На этотъ стихъ авторъ видимо раз-считывалъ; онъ долженъ былъ произвести эффектъ, и актѣру его поставили на видъ.

(**) На заглавномъ листѣ водевиля ска-зано, что онъ «представленъ въ первый разъ въ С. Петербургѣ, въ бенефисъ г-на Марковацкаго, 1846 г. 10 мая».

достой уголку какъ разъ нагляднѣе зародышъ будущей многоликой семьи со всѣми драганами и мелочгой, смѣлѣтствующими о безконечномъ счастьи страдальца, который давно безропотно покорился своей незавидной долѣ...

Молодой человѣкъ, который началъ уже выдумываться и познавалъ естественную цѣль своего существованія, т. е. женитьбу, не позволилъ себѣ вырешеній въ родѣ слѣдующихъ:

«Славно бы зажили! да вотъ старейшій другъ, отецъ-то ея не соглашается...»

Или:

«Не вижу васъ — готовъ умереть съ горю; увижу — тотчасъ растлунуться съ радостью... Право, такая у меня тутъ (показывая на сердце) происходитъ катавасія... Вчера вечеромъ я легъ спать, такъ мнѣ такія рожи во снѣ представлялись — страшно сказать... вскопчилъ да перекрестился!.. а то показалось, что я всегиз тармашкой смеюсь съ колокольни, да представляю, попалъ на колъ, и сижу на колъ-то да верчу такъ — и туда и сюда, очень приятно... а вѣдь все это происходитъ отъ любви къ вамъ...» (стр. 18).

О. остроуміе!!!

Далѣе, молодые люди сѣтуютъ о томъ, что у нихъ нѣтъ денегъ, и нельзя имъ убѣжать, что было бы гораздо выгоднѣе, чѣмъ такъ жениться...

Сережа напѣваетъ своей Джульеттѣ, что онъ, коли на то пошло, утопится, зарыжется, или просто блевени обжестся... Потомъ оба плачутъ. Является утѣшительница-няня, лицо тоже безцвѣтное и неправдоподобное, которая поетъ вотъ-какой куплетъ (стр. 21):

И я была молода
И тоже любила,
И признаться, иногда
Въ дѣвухнахъ шала...
Вышла замужъ — у меня
Былъ мужъ Пантелейтъ,
И его любила я,
А онъ — ерофейка!..
и т. д.

Однако дѣло все не ладится, и вотъ наконецъ выходитъ на сцену лицо не-

бывавшее, совершенно фантастическое, и ни къ чему непримыкающее Сережа, Анна Андревна, няня бывающая, хоть и не такіе, какъ ихъ воображалъ г. Сл — въ, но что такое «г — въ Фортъ Маргафонъ, уемъ изъ Парижа»? Такихъ не знаемъ: Этотъ господинъ, — котораго, какъ оказывается изъ хода всей пьесы, нельзя ни за что другое принять, какъ за бывалаго плута и негодая, притомъ весьма-глупаго и безъ всякой дрессировки, обычной всѣмъ вороватымъ людямъ, — совѣтуетъ Сережѣ играть въ лото и везетъ его на дачу въ какой-то клубъ. На дорогу, возлюбленная даетъ ему на счастье пятачокъ (несчастный виновникъ всей пьесы) и разволнованный любовникъ убѣгаетъ съ восклицаніемъ: *пятачокъ! душка, сиручка!*.. Первое отдѣленіе водевиля кончилось.

Во второмъ отдѣленіи, выведены шулера, пьяницы, игроки въ лото и весь причетъ трактирнаго населенія. Вся эта честная компанія поднота на ноги г. Сл — вымъ, вѣроятно съ цѣлію довести до свѣдѣнія читателя о томъ, что бывають иногда въ грязныхъ загородныхъ клубахъ такіе молодцы, которые, собираясь играть въ лото, набираютъ въ третью часть человѣкъ съ десять, какъ пошляку, и никогда не выигрываютъ, если бы и выигрышь пальцемъ... Дѣйствительно, важное открытіе: Есть и такіе люди, съ которыми поступаютъ совершенно безъ церемоній, вотъ какинъ образомъ (стр. 44):

Всѣ (Чубукевичу).

Помилуйте! это невозможно! это никакъ! принимать въ долю и не отдавать выигрывать!

Г. Слѣвая карта.

Это не благородно.

Г. Третья доля.

За это на черную доску.

Г. Пополанъ.

Въ шею изъ клуба.

Г. На ставку.

Въ частный домъ.

Г. Тиражъ.

Въ Урагу Благоденія.

И такъ даѣе.

Слѣвая карта (сердце).

Подлицо!

Третья доля.

Мерзавцы!

Поползай!

Штимиора!

На ставву (подходитъ къ нему
тордо, ллюсть и рас-
тираетъ коюю).

Вы... соть что, то-сть...

Ограничиваемся этими выписками. и предоставляемъ читателямъ дополнить воображеніемъ всё обыкновенныя водевильныя красоты: какъ трогательно выбѣгаетъ Сережа съ 360 пѣльковыми, какъ благодарить г. Маргафона, какъ просить публику себѣ въ посажонные отцы... Неперечестъ всёхъ пріятностей этой пьесы!

Что можетъ быть безобразнѣе этого сочетанія дуры и дурака! И откуда взялъ г. Сл—изъ, что такъ совершаются браки у чиновниковъ, которыхъ милосердая природа надѣлила дочерями? Вѣроятное ли лѣло, чтобъ тысяча рублей развязали руки глупому мальчику и вели за собою несомнѣнную жевитьбу? Нѣтъ, быть бѣдныхъ людей—иной, и есть тому краснорѣчивыя доказательства: они проходятъ тяжкую школу, разительны бываютъ ихъ добрыя качества и страшенъ характеръ ихъ недостатковъ... И какъ трогать бѣдняка и его юдольную жизнь! Какъ не испугала автора тѣнь бѣднаго Акакія Акакіевича, которому вѣтеръ надулъ смерть въ грудь, незащищенную шинелью?.. Какъ не померещился ему Макаръ Алексѣевичъ въ трагиче-

скій моментъ объясненія съ директоромъ? Какъ не умирала фантазію г. водевильста траги-комическая поза этихъ гигантовъ міра, скорбящихъ и вънутреннихъ труженниковъ!...

И что за исключенію, что за нестерпимый, ни изъ чему неведущій частный случай избралъ г. Сл—изъ для своего водевиля? Не мѣнье влохо повалъ г. Сл—изъ и значеніе внезапно - привалившаго нищему счастья, хоть бы то былъ и выигрышъ въ лото! Иначе поражаетъ бѣдняка подобная неожиданная перемѣна въ обстоятельствахъ... Скорѣе помутится бѣдный умъ его, скорѣе онъ залячетъ глупымъ образомъ, а не покажетъ, какъ Сережа, кулакъ первому подвернувшемуся плуту... Такой милый положительности нельзя допустить въ 18-лѣтнемъ юношѣ, собирающемся жевитьеся...

Сцены Преферанса дѣйствительно не стихи, а *романтвореніе*... Авторъ видимо любитъ играть въ карты, но, какъ человекъ бывалый, знаетъ, что иногда можно прислужиться, сыгравъ партію, а иногда и повредить себѣ, помѣшая играющему въ критическую минуту...

Кромѣ того, у автора есть какадто *aggrège-raisée*: онъ хочетъ утѣрить читателя, что смекаетъ кое-что, умѣетъ воострить и отпустить острое слово; но кто разберетъ его экивоки и остроуы, унизанныя таинственными точками!..

КНИГИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССИИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

13) *Beitrag zur Geschichte der orientalischen Pest, von D-g Maximilian Heide* (Способія для составленія исторіи восточной чумы). *Санктпетербургъ. 1846. Въ 8-ю д. л. 109 стр.*

Докторъ Гейне, одинъ изъ издателей газеты: *Medicinische Zeitung Russ-*

lands. (Нѣмецкая Медицинская Газета, издаваемая въ Россіи), извѣстенъ публикѣ какъ самый дѣятельный медицинскій писатель. Въ книгѣ, которой заглавіе здѣсь показано, содержатся: 1) *Письмо доктора Гейне къ доктору Симону-Младшему изъ Гамбургъ, касательно мліянія Парижской Меди-*

циской Академіи о восточной чуме». 2) «Чума въ Одессѣ 1837 года». 3) «Нѣчто о чумѣ въ Турціи по собственному наблюденію». и 4) «Хронологическое обозрѣніе извѣстных чумныхъ эпидемій». Всѣ эти статьи извѣстны публикѣ, именно «Письмо къ Симоу-Младшему» уже въ русскомъ переводѣ было напечатано въ «Другѣ Заравія» въ высшемъ году; вторая статья, составленная изъ оффиціальныхъ актовъ, сообщенныхъ г-ну Гейне-Медицинскимъ Департаментомъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, была напечатана въ «*Medicinische Zeitung Russlands*», а третья статья въ IV части «Трудовъ Общества Русскихъ Врачей». Извлекаемъ изъ книги хронологическое обозрѣніе извѣстныхъ чумныхъ эпидемій, которое весьма любопытно. До рождества Христова впервые появилась чума въ Аоніахъ въ 430 г. и въ Африкѣ въ 125 г. По рождествѣ Христовѣ, въ 100 г. въ Африкѣ и въ 164 г. въ Сиріи, въ 225 г. въ Александріи, въ 531 въ Константинополѣ; въ 823 г. распространилось чумное повѣтріе во всей Германіи; въ XI столѣтіи было оно тамъ же шесть разъ; въ XII столѣтіи въ Италіи, и двадцать пять лѣтъ сряду свирѣствовало въ Германіи, куда было занесено опять крестовосцами въ XIII столѣтіи. Чумная эпидемія часто появлялась въ Германіи въ XIV столѣтіи; такъ что въ 1311 году вымерло 90,000 человекъ; въ 1349 году была чума въ Страсбургѣ; въ 1357 году въ Кельвѣ; въ 1338 г. въ Лейпцигѣ; въ 1368 г. въ Дрезденѣ. Въ XV и XVI столѣтіяхъ, свирѣствованіе чумы было самое жестокое; тогда въ Данцигѣ вымерло 30,000 человекъ, въ Лондонѣ 20,000 чел., въ Барселонѣ 10,000 въ Лионѣ 50,000, въ Мессинѣ 40,000 чел., а Верхняя-Италія почти была опустошена. Великій разъ чума была переносима изъ Константинополя. Въ XVII столѣтіи, она причинила ужаснѣйшее опустошеніе въ Европѣ: тогда въ Провансѣ изъ 10,000 жителей осталось только 1,500; въ Лондонѣ умерло 70,000 (въ одну ночь 4,000), въ Вѣнѣ 140,000. Въ XVIII столѣтіи, замѣча-

тельная чумная эпидемія была въ Москвѣ, гдѣ умерло 36,872 человекъ; въ Марокко и Фепѣ 100,000 человекъ. Въ XIX столѣтіи, она появилась, въ 1802—1803 годахъ, въ Сиріи, и отъ нея погубило множество солдатъ Французской арміи; въ 1812 году была чума въ Константинополѣ, гдѣ умерло отъ нея 12,000 человекъ; изъ Константинополя перешла она, въ 1813 году, въ Одессу, гдѣ изъ 28,000 жителей умерло 3,000. Въ 1813 году, она прокралась въ Бунаресть и похитила 60,000 человекъ. Въ этомъ же году проникла она изъ Александріи въ Мальту, и тамъ сдѣлалась ея жертвою 6,000 человекъ. Въ это же время была чума на нѣкоторыхъ греческихъ островахъ. Въ 1815 и 1816 годахъ, чума появилась въ Найѣ, въ Неаполитанскомъ-Королевствѣ; но строгія мѣры прекратили ея свирѣствованіе, такъ-что умершихъ было только 729 человекъ. Въ 1820 году, чума разилась на Балеарскихъ-Островахъ: тогда на островѣ Майоркѣ умерло отъ нея 2,000 человекъ, на Пальмѣ 8,000. Въ 1827 и 1828 годахъ чума была въ Греціи, на сѣверномъ берегу Африки и особенно въ Тангерѣ; въ 1828 въ Молдавіи и Валахіи, въ 1829 въ Булгаріи (особенно въ Варшѣ) и въ Румелии (особенно въ Адрианополѣ); въ 1835 г. въ Египтѣ и въ 1837 въ Одессѣ. Изъ оффиціальныхъ актовъ видно, что съ 1830 года въ Марсели было 40 чумныхъ случаевъ. Полагали до-сихъ-поръ, что строгое соблюденіе карантинныхъ мѣръ спасаетъ Францію и Европу отъ чумы, но Парижская Медицинская Академія недавно объявила чуму незаразительною и карантинныя мѣры ненужными. Это—задача, которую рѣшить можетъ только опытъ. Мнѣніе Парижской Медицинской Академіи о чумѣ особенно удивляетъ нашихъ врачей, потому-что даже и турецкое правительство, убѣдившись въ пользѣ карантинныхъ мѣръ, ввело у себя карантинную систему! Если же точно докажется, что чума не переносится въ товарахъ и карантинны сдѣлаются ненужными, какое это будетъ благотель-

ное открытіе для промышленности, которая очевидно терпитъ стѣсненіе отъ нынѣшнихъ мѣръ, доселѣ повсюду признаваемыхъ необходимыми!

14) *VERHANDLUNGEN der Russisch-Kaiserlichen Mineralogischen Gesellschaft zu St. Petersburg* (Записки Императорскаго Минералогическаго Общества, за 1845—46 годъ). Съ картою и десятию литографированными таблицами. Санктпетербургъ. 1846. Въ тит. К. Края. Въ 8-ю д. л. 234 стр.

Труды Санктпетербургскаго Минералогическаго Общества пользуются въ ученномъ мірѣ заслуженною извѣстностью. Это общество, съ самаго его учрежденія, стало въ ряду тѣхъ немногихъ ученыхъ сословій, которыя дѣятельностью своихъ сочленовъ, руководимыхъ дѣйствительнымъ знаніемъ дѣла и любовью къ наукѣ, не смотря на ограниченность средствъ, умѣютъ быть истинно-полевыми.

Изданный нынѣ томъ «Записокъ» этого Общества составляетъ значительное дополненіе къ скудному запасу свѣдѣній, который собранъ у насъ нынѣ объ ископаемыхъ произведеніяхъ и формаціяхъ Россіи.

Книга начинается обширною статьею г. Блѣде (Gottlob von Blöde) о формаціяхъ Царства-Шольскаго и смежныхъ съ нимъ странъ. Сочиненіе это составляетъ продолженіе подобнаго же труда того же автора о Европейской Россіи, напечатаннаго въ первой книжкѣ нынѣшняго года «Записокъ» Московскаго Общества Испытателей Природы. Въ настоящемъ случаѣ, важнымъ пособіемъ для автора служили: «Геогностическое Описаніе и Палеонтологія Польши», Пуша (Geognostische Beschreibung von Polen, so wie die übrigen Nordkarpatenländer. 1833. Po-

lens Paleontologie, 1837). Г. Блѣде придалъ своему сочиненію особенный интересъ, какъ собственными изысканіями, такъ и сближеніемъ мнѣній и указаній повѣйшихъ изслѣдователей, Цейшнера Фоя-Карнала, Бейриха и др.

Докторъ С. С. Куторга, директоръ Минералогическаго Общества, помѣстилъ два любопытныя изслѣдованія о свойственныхъ Россіи нитчаткахъ (ковферахъ) и о силурійскихъ и девонскихъ пластахъ окрестностей Гатчины. Первая изъ этихъ статей уже отчасти янакома публикѣ, потому что была напечатана, въ сокращеніи, въ Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества 1845 года. Здѣсь, авторъ далъ ей болѣе-подробное и болѣе-ученое развитіе, и приложилъ сверхъ-того искусно-сдѣланный рисунокъ микроскопическаго изображенія нитчатокъ.

Далѣе встрѣчаемъ химическій анализъ фосфорно-кислой извести, заключающейся въ мѣловой формаціи средней полосы Россіи, изслѣдованной гг. Языковымъ, Мурчиссономъ, Вернейлемъ и графомъ Кейзерлингомъ. Небольшое, но прекрасно-изложенное разсужденіе графа Кейзерлинга о доманниковомъ сланцѣ, и нѣсколько другихъ болѣе или менѣе важныхъ статей по палеонтологіи, геогнози и ориктогнози, изъ которыхъ особенно замѣчательны: статья доктора А. Фольборта о русскихъ сферовитахъ и гг. Вёрта и Ходнева, химико-минералогическія изслѣдованія мѣсаскаго хіолита.

Въ концѣ книги приложенъ списокъ должностныхъ и новопоступившихъ членовъ въ 1845 и 1846 году, и списокъ присланныхъ въ даръ Обществу книгъ и минераловъ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Сличеніе покойнаго Н. А. Полеваго: *Обозрѣніе Русской Исторіи до еди-
нодержавія Петра-Великаго*, на кото-
рое собиралась подписка въ пользу
его семейства, вышло изъ типографіи
и разсылается г-мъ подписавшимся.
Къ этой книгѣ, состоящей изъ трид-
цати печатныхъ листовъ, приложены,
какъ и было обѣщано, гравированный
портретъ автора и снимокъ съ его руко-
писи. Гг. здѣшніе и иногородные под-
писчики, внесшіе пренумерационныя
деньги редактору «Отеч. Записокъ»
или въ Контору этого журнала, полу-
чатъ своимъ экземпляры прямо изъ этой
Конторы; прочіе же благоволятъ обра-
титься за книгою къ тѣмъ лицамъ, отъ
которыхъ они получили билеты и ко-
торымъ посланы экземпляры ея по
числу проданныхъ ими билетовъ.

—

Четвертая и послѣдняя часть перва-
го выпуска *Романовъ Вальтера Скот-
та*, содержащая въ себѣ одинъ пол-
ный романъ *Гей-Мэнриксъ*, выйдетъ
изъ типографіи въ первыхъ числахъ
августа.

Занимательный романъ Поля Фен-
ля: *Сынъ Тайны* (le Fils du Diable), ко-
торого мы напечатали уже четыре ча-
сти, замѣстивъ его изъ «Бѣльетовой
газеты «l'Éroque», пока остановились
на томъ, что помѣщено въ этой книж-
кѣ «Отеч. Записокъ». Продолженіе
обѣщано съ первыхъ чиселъ августа,
и мы не замедлимъ представить его
читателямъ. Независимо отъ этого, съ
будущаго мѣсяца мы начнемъ печата-
ніе новаго романа Шарля Бернара:
«le Gentilhomme Campagnard». Сверхъ-
того, получивъ первыя двадцать-двѣ
главы новаго романа Эжена Сю «Mar-
tin l'Enfant Trouvé, ou les Mémoires
d'un Valet de Chambre», издаваемаго
особымъ прибавленіемъ при газетѣ «le
Constitutionnel», предполагаемъ слѣ-
жать подаркомъ читателямъ «Отеч. За-
писокъ», начать помѣщать его въ сво-
емъ журналѣ съ слѣдующей же книж-
ки и неизмѣнно держась однажды-на-
всегда принятаго нами правила—пред-
ставлять новѣйшія произведенія ино-
странной бѣльетристики *только*, не
передѣлывая и не сокращая ихъ, по-
тому-что считаемъ всякую передѣлку
подобныхъ произведеній литературы
неумѣстною и вредною для впечатлѣ-
нія, которое должны производить они.

VI.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ИСТОРИЧЕСКИЯ СОЧИНЕНІЯ.

Мы въсколько разъ имѣли случай замѣчать изобиліе въ иностранныхъ литературахъ, особенно въ англійской и французской, записокъ, мемуаровъ и вообще историческихъ произведеній всѣхъ родовъ, подъ разными названіями. Безъ сомнѣнія, этому богатству много способствуетъ столько же развитіе ученаго сословія, сколько участіе публики въ серьезныхъ занятіяхъ ученыхъ и склонность ея къ серьезному чтенію. Но есть еще причина и можетъ-быть одна изъ самыхъ рѣшительныхъ, какъ справедливо замѣчаетъ одинъ французскій журналъ, почему такъ часто появляются сочиненія историческаго содержанія, которыя, не составляя ни источниковъ, ни пособій къ изученію исторіи, содер-

Т. XLVII. — Отд. VII.

жатъ въ себѣ, однако, или собраніе фактовъ, или взгляды ихъ авторовъ на исторію той или другой страны, того или другаго народа. Во Франціи, въ настоящее время, литература стоитъ высоко въ общественномъ мнѣніи; на это мнѣніе писатель, даже и не журналистъ, всегда можетъ имѣть большее или меньшее вліяніе. Званіе литератора (homme de lettres), доставляя часто не только безбѣдное существованіе, но и богатство, пользуется всеобщимъ уваженіемъ. Многие предаются ему изъ денежныхъ выгодъ, нѣкоторые по призванію, наконецъ, другіе, изъ честолюбія. Во французской администраціи есть мѣста, которыя занимаются людьми болѣе или менѣе достойными. Но достоинство не порука за извѣстность, а извѣстность идетъ въ общественномъ мнѣніи часто прежде достоинства. Какое же средство при-

обрѣсть эту соблазнительную известность для человѣка, котораго судьба не сдѣлала ни министромъ, ни ораторомъ, ни даже предводителемъ парламентской партіи? какъ выйти изъ ряда и отнѣсти имя свое такъ-сказать въ адрес-календарѣ французской бюрократіи? Стоитъ только написать книгу. Образованность сдѣлала это средство доступнымъ для каждаго сколько-нибудь воспитаннаго человѣка. Только бы не ошибиться въ выборѣ предмета. Не всѣ роды литературы доступны и приличны человѣку, занимающему значительное мѣсто, человѣку солидному, съ нѣкоторымъ весомъ въ обществѣ. Философія требуетъ ученія долгаго и постояннаго, часто смѣлости въ сужденіяхъ, могущихъ показаться и рѣзкими и неблаговидными; чтобъ писать стихи и романы, надобно родиться поэтомъ или романистомъ, не говоря уже о томъ, что послѣдняго рода литература представлена особому классу писателей, работающихъ подѣнно, для фельетоновъ и почти исключительно изъ денегъ; спеціальныя сочиненія требуютъ спеціальныхъ занятій и кругъ ихъ читателей слишкомъ ограниченъ. Остается одно—выбрать исторію. Изъ сочиненій отечественныхъ и иностранныхъ, изъ монографій, историчковъ, всегда можно составить книгу, иногда весьма-хорошую, на которой авторъ оставитъ свое имя, которую похвалятъ журналы министерскіе или оппозиціонныя, гдѣ даже, при сужденіи о чужомъ государствѣ, можно высказывать свое мнѣніе о домашнихъ дѣлахъ и намекнуть на преобразованія, могущія, по мнѣнію сочинителя, обезпечить будущность родной страны. Всѣ эти разсужденія отчасти могутъ быть прилижны къ одному изъ вновь вышедшихъ сочиненій, подъ названіемъ:

PRINCIPES DE L'HISTOIRE DES ETATS UNIS D'AMERIQUE, depuis leur colonisation jusqu'à ce jour, par le comte Pelet de Lozère, pair de France (На чертѣ-

нѣ Исторіи Соединенныхъ Сѣвероамериканскихъ - Штатовъ графа Пеле де-Лозера, пэра Франціи).

Мы говоримъ отчасти, потому-что этой книгѣ нельзя отказать въ нѣкоторыхъ достоинствахъ, особенно же при совершенномъ недостаткѣ на французскомъ языкѣ сочиненій объ Американскихъ-Штатахъ, о которыхъ французскіе государственные люди и литераторы до-сихъ-поръ еще почти съ голоса Токвилля, автора знаменитой книги de la démocratie en Amérique. Главный недостатокъ исторіи графа Пеле де-Лозера — отсутствіе всякаго философскаго взгляда, хотя она, по-видимому, и написана съ политическою цѣлю. Читатель не найдетъ въ ней ни новыхъ документовъ, ни новаго взгляда на это общество, ставшее въ нѣсколько лѣтъ на ряду съ первоначальными государствами, общество, — которое своими учрежденіями, народонаселеніемъ и промышленнымъ богатствомъ привлекаетъ вниманіе всѣхъ публицистовъ, возбуждаетъ болѣе или менѣе основательное удивленіе, но которое, если его не укрѣпитъ единство мнѣній, интересовъ, чувствъ и цѣлей, поколеблется при первомъ сотрясеніи и кончитъ тѣмъ, что исчезнетъ въ общей анархіи, уже пустившей въ немъ глубокіе корни.

Г. Пеле писалъ неполную исторію Сѣверной-Америки; онъ не занимается ни правами, ни обычаями, ни учрежденіями, ни промышленностями первоначальныхъ жителей страны, которую Англія и Франція населили жертвами религіозной нетерпимости. Онъ упоминаетъ даже о первыхъ ея колоніяхъ, о главнѣйшихъ учрежденіяхъ англійскихъ колоній, сношеніяхъ ихъ между собою и съ метрополіею, о ихъ торговлѣ съ старыми свѣтомъ и съ дикими, о развитіи промышленности, сохраненіи и приложеніи ремеслъ, перенесенныхъ изъ Европы, наконецъ, объ идеяхъ независимости и соединенія, послѣднихъ и распротраненныхъ между племенами европейскаго промѣ-

команды. Читатель может подумать, что причиной революции, отбывшейся в Англии, были только торговля чаем, и что, если бы Англия отменила законы о пошлинах на чай, то шурь продолжалась бы дольше. Какъ престою разсказываетъ, оны вычисляетъ жалобы Американцевъ на притязанія Англіи; средства, которыми Американцы отбивали посланных противъ нихъ войска, устраивали восстаніе и прѣготовили полную и совершенную независимость колоній. Успѣхи и неудачи Американцевъ и Англичанъ, пріавіа о конститутіи Соединенныхъ-Штатовъ и общія ея основанія изложены подробно и съ особенной точностью. Авторъ указываетъ причины, по которымъ Франція, Испанія и Голландія должны были признать Соединенные-Штаты, и приводитъ насъ къ ряду битвъ то на американскомъ материкѣ, то на островахъ, океанѣ, перелѣ Гибралтаромъ и даже на Индійскомъ-Морѣ между Англичанами съ одной стороны, Американцами, Французами, Испанцами и Голландцами съ другой, — битвъ, окончившихся признаніемъ колоній государствомъ самостоятельнымъ и независимымъ.

Здѣсь останавливается, можно сказать, первая часть исторіи Соединенныхъ-Штатовъ. Съ миромъ начинается для Американцевъ новое существованіе, и новыя затрудненія ожидаютъ ихъ. Независимость ихъ признана, но ея надобно упрочить постоянными учрежденіями. Учрежденіе федеративное достаточно было для соединенія различныхъ штатовъ во время войны, но оказалось недостаточно, когда опасность иновладства ограниченіе взаимныхъ предѣловъ обиды, издержки на улучшеніе судостроенія по рѣкамъ, торговля, налоги и сборы войска, торговые трактаты съ иностранными государствами, тарифы для союза и взаимныя товарныя — вотъ вопросы, которые не могли разрѣшить единственно штаты конфедерации. Каждая область имѣла въ виду свою частную выгоду и не хотѣла слышать о

выгодѣ общей. Одобренные съезженными штатами, съ гильдами и презрѣніемъ отвергаемые южнныи, акты конгресса оставались безъ дѣйствія и производили во всей конфедерации страшное раздраженіе, ставившее молотую республику на край гибели. Штаты воевали другъ съ другомъ посредствомъ тарифовъ и разрушали и внутреннюю торговлю союза и торговлю съ Европою. Это продолжалось три года. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, нѣсколько членовъ конгресса созвали конвентъ, для начертанія новой конституціи, которую авторъ описываетъ такъ же тщательно, какъ и бывшія по этому поводу пренія.

Съ этого времени управленіе Соединенными-Штатами идетъ правильнѣе. Являются на сцену Вашингтонъ и главнѣйшія административныя дѣйствія его: признаніе общаго долга, учрежденіе банка Соединенныхъ-Штатовъ, политія его во время войны Франціи съ Англіею послѣ французской революціи; за нимъ слѣдуютъ Джонъ Адамсъ, Джефферсонъ, Мадисонъ, Монроэ, Джонъ Кинси Адамсъ и Джексонъ. Авторъ разсказываетъ замѣчательнѣйшія дѣйствія всѣхъ этихъ лицъ, занимавшихъ должность президента Соединенныхъ-Штатовъ. Онъ разсказываетъ политическія и торговыя сношенія Америки съ Франціею и Англіею, внутреннія междусобія разныхъ штатовъ по случаю запрещенія торговли съ Англіею и Франціею, показываетъ всѣ выгоды, которыя получили Соединенные-Штаты отъ пріобрѣтенія Нового-Орлеана и Луизианы, отдавшихъ въ ихъ власть теченіе и устья Миссиссипи, отъ пріобрѣтенія Флориды, утвердившей за ними весь восточный берегъ Сѣверной-Америки. Мы видимъ, какъ образуются новые штаты, какія жаркія пренія возбуждаются на конгрессѣ предложеніе о пріятіи стѣны новыхъ провинцій въ конфедерацию; съ любопытствомъ слѣдимъ за американскою политикою во время борьбы независимыхъ колоній, за

сильнымъ сопротивленіемъ ихъ правительства внимательству европейскихъ державъ и за союзами Соединенныхъ Штатовъ съ молодыми республиками Южной-Америки. Потомъ идетъ описание возстанія Южной-Каролины противъ тарифовъ и пошлинъ на привозимые товары, установленныхъ конгрессомъ; ссора Соединенныхъ-Штатовъ съ Франціею по случаю требованія ими вознагражденія за американскіе торговые корабли, захваченные французскимъ флотомъ; споры конгресса съ президентомъ Джаксономъ о возобновленіи привилегіи банка Соединенныхъ-Штатовъ, наконецъ негоднатиі между Англіею и республикою о правѣ взаимнаго осмотра и о границахъ между Америкою и Канадою.

MÉMOIRES DU BARON DE PORTAL, grand croix de la légion d'honneur, pair de France, ministre de la marine et des colonies et ministre d'Etat sous les rois Louis XVIII et Charles X, contenant ses plans d'organisation de la puissance navale de la France. (Записки барона де-Портала, бывшаго морскимъ министромъ при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X).

Пьерръ-Бартелеми Порталь родился около Монтобана 31 октября 1766 года, отъ почтеннаго протестантскаго семейства, которое, несмотря на свою многочисленность, имѣло весьма-недостаточное состояніе. Восемнадцати лѣтъ послали его въ Бордо, къ поставщику корабельныхъ вещей; двадцати-четырехъ лѣтъ онъ былъ во главѣ торговаго дома, занимавшагося поставкою вещей, необходимыхъ для снаряженія судовъ. Разоренный во время революціи, онъ, около 1796 года, снова принялъ составлять себѣ состояніе. Во время консульства, онъ былъ то членомъ торговаго совѣта въ Бордо, то судьей коммерческаго суда, то пономщикомъ мэра. Во времена имперіи, пріѣхалъ онъ однажды въ Парижъ, чтобъ предстательствовать у правительства по нѣкоторымъ требованіямъ

качества города Бордо. Къ величайшему его изумленію и горести, императоръ назначилъ его докладчикомъ въ государственномъ совѣтѣ. Напрасно онъ отказывался отъ этой разорительной чести: онъ долженъ былъ присягнуть, и только въ 1813 году получилъ позволеніе удалиться. Впрочемъ, онъ недолго пользовался свободою. Назначенный гражданскимъ комиссаромъ при арміи маршала Сульта, онъ опять долженъ былъ вступить по-неволѣ въ эту должность. Послѣ отреченія Наполеона, онъ удалился-было въ Туринъ, къ своему семейству, но и тамъ не могъ скрыться отъ востечей, которыми убѣгалъ. Людовикъ XVIII сдѣлалъ его государственнымъ совѣтникомъ. По возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы, онъ льстилъ себя надеждою, что его забыли. Вдругъ узнаеть онъ, что императоръ хочетъ назначить его членомъ своего государственнаго совѣта. Онъ спѣшилъ въ Парижъ и упрашиваетъ Рено де-сен-Жан-д'Анжелъ обойтись его. Черезъ два дня онъ получаетъ приказаніе явиться въ Тюльери. «Вы хотите объявить мнѣ войну?» отрывисто спрашиваетъ его императоръ. Порталь старается извинить свой отказъ, проситъ позволенія жить въ деревнѣ, и разсерженный Наполеонъ отсылаетъ его, сказавъ: «Ступайте; вамъ дадутъ паспортъ; но васъ будутъ искать въ виду.» Черезъ два дня онъ былъ назначенъ мэромъ города Бордо — и откавался.

Вторичное возстановленіе Бурбоннаго не позволило барону Порталу наслаждаться довольствомъ и покоемъ въ вѣтрахъ его семейства. Людовикъ XVIII умножилъ нѣсколько разъ возлагалъ на него многія важныя порученія, когда избирательное собраніе Монтобана выбрало его въ депутаты. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ и въ палагѣ сѣлъ на правомъ центръ. Черезъ нѣсколько дней послѣ отаргнтіи закланій, онъ былъ назначенъ, оидтъ противъ его желанія, морскимъ министромъ. По обыкновенію, онъ отказался, но король повелъ его въ Тюльери. «Что же? сказалъ онъ ему: — вы не хоти-

те ни служить? Онъ подробно изложилъ всѣ причины, которыя заставляли его уклоняться, и наставлялъ на свои наирѣннн. Тогда король, вынувъ изъ кармана табатерку и сильно ударилъ ею по дубовому столу, сказалъ слѣдующее: «Меня предупредили, что ниѣ надобно будетъ употребить силы иѣры, господинъ Порталь. Я приказываю вамъ принять портфель морскаго министерства; если черезъ нѣсколько мѣсцевъ и послѣ испытанія вы останетесь при тѣхъ же мысляхъ, мы подумаемъ, кѣмъ замѣнить васъ; сегодня это невозможно, надобно кончить.» —Государь, я покоряюсь, отвѣчалъ онъ: — но прошу ваше величество вспомнить, что мое согласіе—не болѣе, какъ покорность.—Разувѣрьтесь, возразилъ король, займитесь дѣломъ и все пойдетъ хорошо. —Я вышелъ, прибавляетъ баронъ Порталь, кончая этотъ рассказъ, и могу сказать, что никогда не чувствовалъ такой горести, видя, что на меня возложено подобное бремя. — Несмотря на то, онъ продолжалъ жертвовать собою требованіямъ своего положенія и принялъ власть съ цѣлю употреблять ее для блага Франціи и короля. Слѣвавшисъ министромъ, онъ занялся не обезпеченіемъ и укрѣпленіемъ себя на этомъ мѣстѣ, а созданіемъ для Франціи морской силы. Въ запискахъ его подробно описаны и затрудненія, которыя онъ встрѣтилъ, и побѣда, которую одержалъ. Между-тѣмъ, контр-революціонное направленіе шло впередъ. Лудовикъ XVIII нѣсколько разъ говорилъ барону Порталю слова, приводившія его въ трепетъ. Къ несчастію, Порталь прекратилъ свои личныя (какъ онъ ихъ называетъ) записки въ то время, какъ передалъ свой портфель Видалю. «Ступайте!» сказалъ ему Лудовикъ XVIII: «вы не успеете, но будете, сколько ниѣ извѣстно, первымъ министромъ, который предложилъ и получилъ позволеніе передать свой портфель другому для того только, чтобъ оназать услугу своему королю и отечеству; но я не сержусь, что эта честь принадлежитъ вамъ.»

Важнѣйшую часть мемуаровъ барона Портала составляютъ свѣдѣнія, относящіяся до состоянія французскаго флота, и планъ предложенныхъ имъ преобразованій. На эту часть мы сохотуемъ обратить вниманіе людямъ спеціальнымъ, которые, если и не согласятся съ мыслями автора, то по крайней-мѣрѣ оцѣнятъ практическія его замѣчанія — результаты долговременной и трудолюбивой жизни.

TESTAMENT D'UN VIEUX DIPLOMATE, par André Delrieu (Завѣщаніе стараго Дипломата, соч. Андрѣ Дельрьѣ).

Г. Андрѣ Дельрьѣ, нынѣшній сотрудникъ журнала *Siècle*, какъ онъ увѣряетъ, былъ нѣкоторое время секретаремъ у знаменитаго Талейрана. Незнаемъ, до какой степени это справедливо; но книга его, приваллежащая къ разряду мемуаровъ, читается легко и пріятно, благодаря хорошему слогу, живости разсказа и множеству анекдотовъ. Она обнимаетъ самое интересное и самое тягостное для Франціи время, когда союзники, низвергнувъ колосса вѣйшей исторіи, съ торжествомъ вошли въ униженную Францію. Изъ анекдотовъ приведемъ слѣдующій:

Во время посѣщенія Императоромъ Александромъ Талейрана, тѣмъ находился знаменитый воспитатель глухонѣмыхъ, аббатъ Сикаръ. Изъ скромности онъ стоялъ позади всѣхъ, и любопытныхъ, и честолюбцевъ. Императоръ его замѣтилъ.

— Что это за аббатъ съ такимъ кроткимъ и серьезнымъ видомъ? спросилъ государь у Талейрана.

— Аббатъ Сикаръ, отличный роялистъ, жертва террора, который избобрѣлъ глухонѣмыхъ, отвѣчалъ острый дипломатъ.

Государь подошелъ къ аббату и сказалъ ему нѣсколько словъ; какъ пораженный громомъ, аббатъ Сикаръ не отвѣчалъ ни слова.

— Какъ? произнесъ императоръ, обратясь къ Талейрану: — не-уже-ли это

тотъ аббатъ, про унз котораго столько говорятъ?

— Ваше величество, отвѣчалъ князь Беневентскій: — у него унз приличный его занятіямъ. — унз глухой и нѣмой.

ESSAI HISTORIQUE SUR LES DEUX PITT, par le baron Louis de Viel-Castel (Историческій очеркъ обоихъ Питтовъ, барона Вьель-Кастеля).

Это сочиненіе было напечатано, въ видѣ журнальныхъ статей, въ *Revue des deux Mondes*. Перепечатывая, авторъ нѣсколько растарилъ его, особенно выписками изъ рѣчей Питта. Въ журналѣ, статьи барона Вьель-Кастеля назывались *Опытная парламентской исторіи* и это названіе едва ли не приличнѣе самой книгѣ, хотя, чтобъ волюнъ оправдать его, автору слѣдовало бы гораздо-болѣе распространить объемъ ея. Для опыта парламентской исторіи она слишкомъ коротка, какъ биографія—слишкомъ обширна. Часто оба Питта совершенно исчезаютъ за другими лицами, и вообще палата лордовъ и палата депутатовъ занимаютъ слишкомъ много мѣста. На французскомъ языкѣ еще не было сочиненія, которое обнимало бы періодъ англійской исторіи со времени революціи 1688 года до нашего времени. Историческій очеркъ обоихъ Питтовъ восполнить отчасти этотъ недостатокъ, пока не явится *Парламентская Исторія Англій*, надъ которой давно уже трудится Дювержье-де-Горанъ. Дотѣхъ-поръ, книга барона Вьель-Кастеля будетъ любопытнымъ и полезнымъ источникомъ, къ которому смѣло могутъ обращаться всѣ желающіе получить понятіе объ исторіи Англій восьмидесятаго столѣтія, во вѣнчившіе возможности, по незнавію языка, читать англійскихъ писателей объ этомъ предметѣ. Это трудъ прекрасный и добросовѣстный.

HISTOIRE DE LA FRONDE, par le comte de Sainte-Aulaire, *membre de*

l'Académie Française, pair de France, ambassadeur à Londres (Исторія Фронды, соч. графа Сент-Олера).

Время фронды принадлежитъ къ числу эпохъ французской исторіи, в которыхъ всего болѣе было писано и много мнѣе сказано справедливаго. Человѣческой жизни едва достаточно, чтобъ прочесть всѣ книги, мемуары, письма, памфлеты и пѣсни объ этомъ интересномъ времени. Но число защитниковъ фронды такъ малочисленно, что едва прійдется одинъ панегиристъ на двадцать хулителей. До-сихъ-поръ, еще много видать въ фрондѣ только жалую народію лиги; начальниковъ ея, возбуждающихъ большее или меньшее участіе, клеймить именемъ крамольниковъ, вовсе незаботившихся о благѣ общенъ. Говорятъ, что во все это время злобу и дѣйствовали женщины легкаго поведенія, распутная аристократическая молодежь и глухие чиновники, которыми двигалъ кардиналъ Ришельё вовсе не набожный. Естественно, что фронда нашла множество хулителей при дворѣ Людовика XIV и встрѣтила самую убійственную изъ всѣхъ критикъ—презрѣніе и забвеніе. Когда побѣдитель партій на ихъ разважинахъ основываетъ свое могущество, отъ него нельзя ожидать ни справедливыхъ сужденій, ни даже вѣрныхъ свидѣній о времени, которое ему предшествовало. Правда, фронда имѣла вождей крамольниковъ и незаботившихся о благѣ общественномъ, и это, можетъ-быть, самая слабая сторона ея; правда, для того, чтобъ сохранить уваженіе къ Кондѣ и Тюренну, надобно вспомнить, что есодальны понятія еще не совершенно уступили мѣсто чувству общаго отечества. Имена Кондѣ и Тюренна, храбрѣйшихъ и искуснѣйшаго изъ полководцевъ тогда, стоятъ великихъ именъ лиги, в которой также были вожди-крамольники. Не лучше ли было перейти на сторону Испаніи, подобно Кондѣ, чѣмъ забиваться французскаго престола, подобно герцогу Гизу? Кто благодаритъ — Кондѣ, принцъ крови, первый джордановъ

королевства, остающийся постоянно вранымъ судей наследственной ненависти къ адвокатамъ, мѣщанству и народу, или герцогъ де-Гизъ, сходящій на площадь и дѣлающийся явнымъ предводителемъ мятежной черни? Правда, кардиналъ Рець былъ плохой духовный; онъ былъ назначенъ въ духовное званіе въ дѣтствѣ, въ-слѣдствіе семейныхъ распоряженій; но нельзя не признать, что онъ имѣлъ мужество, умъ, смѣлость и даже глубокомысліе. Между женщинами легкаго поведенія подобно отличить принцессу Кондѣ и герцогиню Бульйонъ. Къ-тому же, предъ нами эпоха, когда всякій, и предводитель партій и герой романа или исторіи, долженъ былъ непременно быть влюбленъ и имѣть свою даму. Маршалъ Гоненкуръ писалъ герцогинѣ Момбазонъ: *Peronne est à la belle des belles*. Князь Марсильякъ говорилъ герцогинѣ де-Лонгвилль:

Pour meriter son coeur, pour plaire a ses beaux yeux,
J'ai fait la guerre au roi: je l'aurais faite aux dieux.

А между-тѣмъ, этотъ князь Марсильякъ былъ въ-слѣдствіи герцогомъ Ларришеуко, авторомъ знаменитыхъ *Махишекъ*. Наконецъ, изъ тогдашнихъ чиновниковъ были люди мужественные, неравнинные, которыхъ всѣ качества какъ-бы созрелотечились и воплотились въ суроломъ лицъ президента Моле.

Странно: изъ числа людей, неправильно смотрѣвшихъ на Фронду, которую такъ краснорѣчиво и такъ основательно защищаетъ графъ Сент-Олеръ, принадлежить знаменитый историкъ Мишлѣ. Вотъ какъ онъ отзывался объ этой эпохѣ: «Въ самый годъ заключенія славнаго вестфальскаго мира возникла самая смѣшная изъ всѣхъ революцій. Фронда, эта дѣтская война, справедливо названная именемъ дѣтской игры, въ сущности была возмущеніемъ законниковъ противъ закона. Парламентъ вооружился противъ королевской власти, отъ которой онъ

происходилъ; привоцъ себя власть генеральныхъ штатовъ и объявилъ себя депутатомъ націй, которая ничего объ этомъ не знала. Въ это самое время, авглійскій парламентъ, настоящій парламентъ въ политическомъ значеніи этого слова, умертвилъ своего короля; неанолитанская чернь одѣлала своего королемъ рыбака. И такъ, нашъ парламентъ, составленный изъ людей, покушавшихъ свои вѣста, хотѣлъ бороться не съ аристокріею, не съ монархіею вообще, но только съ королевскою властію... Во время Ришельё, парламентъ и члены его понурили голову; подаявъ ее и почувствовать, что она еще у нихъ на плечахъ, они увидѣли, что властелинъ умеръ, одушевились смѣлостью, заговорили громко. Это была веселая и живая выходка шюаблинговъ въ промужитѣ двухъ строгихъ учителей, между Ришельё и Людовикомъ XIV, между насиліемъ и силой. Въ этой трагикомедіи, самыя замѣчательныя лица, послѣ французскаго Марса, — такъ называли тогда Кондѣ — предводители двухъ противоположныхъ партій въ парламентѣ: неподвижный президентъ Моле, простой отрубкомъ желѣза, на котораго не дѣйствовалъ ни одинъ человекъ, ни какая идея; съ другой стороны, олицетворенная джжимность, коадьюторъ, знаменитый кардиналъ Ретцъ. Этотъ выскіи молодой человекъ началъ тѣмъ, что семнадцати лѣтъ отъ роду написалъ *Исторію Заговора Фиски*; потомъ, соблнная теорію съ практикой, самъ вступилъ въ заговоръ противъ кардинала Ришельё. Онъ очень былъ доволенъ, когда его возмыслили маленькимъ Катилиномъ. Входя въ парижскій сенатъ, онъ выставилъ книжку изъ кармана. Прочитавъ, что у Цезаря были долги, онъ надѣлалъ долговъ. Какъ Цезарь, онъ оставилъ комментаріи; ему не доставало только своего Фарсала.»

Не смотря на это рѣзкое сужденіе и заслуженный авторитетъ писателя,

г. Сент-Олеръ весьма-умно и основательно защищающъ и коадьютора и президента Моле и особенно эпоху, которой такъ несправедливо отказываютъ во всякомъ смыслѣ и значеніи. Нельзя отвергать, говоритъ онъ, что весьма-часто интриги, то ничтожныя, то преступныя, коадьютора служили во вреду партіи, которую онъ защищалъ; но было бы несправедливо думать, что онъ не имѣлъ никакого патриотскаго или употреблалъ безъ различія всевозможныя средства для удовлетворенія своего честолюбія. Въ сочиненіяхъ его видны твердыя мнѣнія о политикѣ, которымъ онъ большею частію слѣдовалъ въ своихъ дѣйствіяхъ. «Но», продолжаетъ онъ: «при видѣ Матьё Моле, одного изъ благороднѣйшихъ и самыхъ суровыхъ людей позѣйшаго времени, не слѣдуетъ обращать большаго вниманія ни на интриги герцога Бюфюра, ни на любовныя продѣлки г-жи Лонгвилль». По мнѣнію графа Сент-Олера, мнѣнію, основанному на глубокомъ изученіи описываемой имъ эпохи, знаменитая декларация 24 октября 1648 года, выраженная у правительницы парижскимъ парламентомъ при солдѣтствіи многихъ знатныхъ дворянъ и всего средняго сословія, была настоящимъ конституціонною хартіею. «Ограничить королевскую власть» говоритъ авторъ: «и поручить сохраненіе правъ своихъ общинамъ (compagnies): такова была цѣль фронды, таково былъ планъ, предложенный лицами, принадлежавшими къ магистратурѣ, когда они, въ августѣ 1648 года, собрались въ палатѣ св. Лудовика. Нельзя сказать, что парижскіе мѣщане возмущались сами не зная для чего, когда они дрались подъ знаменами своихъ начальниковъ для завоеванія себѣ подобныя правъ, или для защиты ихъ.

• La Renaissance. — Roland, ou la Sève de la vie, par M. E. J. Delecluze (Роландъ или Рыцарство, соч. Ж. Делеклюза).

• Подъ этимъ названіемъ г. Делеклюзъ хочетъ издать большое сочиненіе о

возстановленіи наукъ (renaissance) въ Европѣ. Съ любовью изучая этотъ предметъ, авторъ въ самомъ началѣ своего труда долженъ былъ встрѣтиться съ рыцарствомъ, которое судить довольно-строго: «Но» говоритъ онъ: «чтобъ имѣть право гдѣ въ наше время, описывая это установленіе, надобно имѣть такой же поэтической даръ, каковой получили отъ природы Аріостъ и Тассо; а я только историкъ, ищущій одной истины.»

За монархическимъ единствомъ, которое стремился утвердить Карлъ-Великій въ христіанской Европѣ, выступила анархія, произведенная отдельными прамленіями множества небольшихъ владѣтелей. Отсюда произошелъ феодализмъ, изъ феодализма рыцарство, установленіе необходимое для огражденія правъ, которыхъ основаніемъ служили только храбрость и сила ихъ защитниковъ. Стало-быть, въ началѣ, рыцарство было установленіемъ чисто-воинскимъ, имѣвшимъ въ виду преимущественно защиту частныхъ интересовъ одного сословія. Почти въ одно время съ основаніемъ въ Европѣ этого рыцарства, возникло откуда является другое рыцарство, баснословное, отличающееся странностями, — рыцарство романтическое. Оно съ необыкновенной быстротою вселается въ умы и нравы всѣхъ европейскихъ народовъ, даже сближается съ ихъ религіозными вѣрованіями. Самые крестоносныя войска не могутъ защитить себя отъ этого вліянія, и тогда, чтобъ спасти настоящее рыцарство, ему придаютъ религіозный характеръ, устанавливаютъ ордена госпиталитовъ, тамплеровъ, тевтонскихъ рыцарей. Тутъ рыцарство достигаетъ своей апогеи, производитъ величайшій эффектъ завоеваніями Тевтоновъ и получаетъ первый ударъ въ процессѣ рыцарей храма. Страсть къ крестовымъ походамъ начинаетъ остывать. Рыцари возвращаясь изъ Палестины, возбуждаютъ къ себѣ ненависть и презрѣніе своею гордостью, распускомъ, своимъ

чрезвычайными притязаниями. По недостатку занятий, составляющих ремесло людей военных, они посещают турниры, стараются блеснуть на них или обогатиться, волочатся за дамами, беспокоят мужей и начинают подвергаться насмѣлкамъ въ литературныхъ произведеніяхъ той эпохи. Но въ то время, какъ рыцарство дѣлается бесполезнымъ и терлетъ свой прежній блескъ, романтическіе рассказы о подвигахъ Карла-Великаго, Роланда, Артура Ланцелота и другихъ героев распространяются болѣе и болѣе. Выдумываютъ невѣроятныя басни о томъ, на-прим., что султанъ Саладинъ хотѣлъ, чтобы его плѣнникъ Гюгъ Табарійскій посвятилъ его въ рыцари; наконецъ, думаютъ возвысить рыцаря, приписывая ему небывалыя права, ставятъ его непосредственно послѣ священника, говорятъ, что онъ можетъ вооруженный входить въ церковь и останавливать всякаго, нарушающаго божественную службу. Между-тѣмъ, Филиппъ-Красивый приказываетъ судить тампьеровъ и выдаетъ указы противъ судебныхъ поединковъ. Одежды и оружіе измѣняются; заводятся королевскія арміи, въ которыхъ никто не можетъ командовать безъ воли короля. Прежнее рыцарство уже не существуетъ; чтобы отплатить у него послѣдній остатокъ вліянія, государи устанавливаютъ новые рыцарскіе ордена и дѣлаются ихъ великими магистрами. Духъ стараго рыцарства встрѣчаетъ хулителей въ философяхъ и во всѣхъ людяхъ замѣчательныхъ. Англійскій король Генрихъ IV не признаетъ картеля, которую посылаетъ ему Лудовикъ, герцогъ орлеанскій; рыцари унижаются до роли искателей приключеній, и вскорѣ все рыцарство дѣлается въ Европѣ однимъ театральнымъ фарсомъ. Оно еще блеснѣтъ какимъ-то ложнымъ свѣтомъ въ царствованіи Карла V в Франциска I, но потомъ переходитъ въ придворное волокитство и перерождается въ дуэль. Послѣдній поединнокъ, дозволенный прежними законами, былъ поединнокъ Жарнака съ Шатеньере; поединнокъ Келюса

и д'Антрага открываетъ рядъ незаконныхъ дуэлей, заставляющихъ рыцаря, преслѣдуемаго и законани и правами, сдѣлаться бретѣромъ. Въ новѣйшее время, почти повсемѣстное признаніе правъ гражданъ и оставленіе обычая носить оружіе въ мирное время, нанесли сильный ударъ въ этому послѣднему выраженію рыцарства. Дуэль еще не уничтожена, но съ каждымъ днемъ становится рѣже и рѣже.

Иложивъ, такимъ-образомъ, въ главнѣйшихъ чертахъ, исторію рыцарства, г. Делеклюзъ задаетъ себѣ вопросъ: что же оставило намъ это установленіе? По его мнѣнію, оно произвело два великія дѣла: рыцарей госпиталитовъ и рыцарей теитоническихкихъ. Но оно было вредно для усовершенствованія военнаго искусства, часто перерождалось въ разбой, соотвратило европейскія литературы съ истиннаго пути на ложный, и, какъ говоритъ г. Делеклюзъ, «оставило намъ не честь, а щекотливость чести (point d'honneur), дуэль и волокитство, три недуга современнаго намъ Европы.»

Мы не кончили бы, еслибъ задумали перечислять всѣ замѣчательныя сочиненія, сборники и изданія по части исторіи, которые появились во французской книжной торговлѣ въ послѣднее полугодіе. Не можемъ однако пропустить важнѣйшихъ изъ нихъ, извѣстныхъ интересъ столько же всеобщій, сколько современный. Таки книгопродавецъ Гетцель, уже извѣстный многими прекрасными предпріятіями и въ томъ числѣ изданіемъ заманчиваго и роскошнаго сборника «le Diable à Paris», предпринялъ изданіе «Нармаментской Исторіи Французской Революціи» (Histoire parlementaire de la révolution française, seconde édition, revue, corrigée et entièrement remaniée par l'auteur. En collaboration de MM. Jules Bastide, E. S. de Bois-le-Comte et A.

Оц). Когда въ первый разъ появилось это сочиненіе, назадъ тому около двѣнадцати лѣтъ, на французскомъ языкѣ еще не было ни одной сколько-нибудь замѣчательной исторіи событій съ 1789 по 1805 годъ. Издатель его, г. Бюше, собралъ всѣ акты, относившіеся до политическихъ дѣйствій и законодательныхъ работъ того времени и издалъ ихъ въ сорока томахъ. Не смотря на чрезвычайную дороговизну и несовершенство изданія, эта комилляція была до нашего времени единственнымъ источникомъ официальныхъ свѣдѣній, не искаженныхъ личнымъ взглядомъ автора на событія. Она была раскуплена въ короткое время и г. Бюше прежде новаго изданія съелъ додгождъ пересмотрѣть свой трудъ, сократить его размѣры, сдѣлать его болѣе доступнымъ для большинства читателей. Съ этою цѣлію, онъ присредложилъ къ себѣ сотрудинокъ, изъ которыхъ каждый взялъ на себя пересмотръ и отдѣлку какой-нибудь одной изъ частей этого изданія. Оно будетъ издаваться въ 24 томахъ, удобнаго и красиваго формата и стоить на наши деньги около 25 рублей серебромъ.

Не только для тѣхъ, которые занимаются изученіемъ французской исторіи по источникамъ, но и для всѣхъ образованныхъ людей, не чуждыхъ историческимъ свѣдѣніямъ, мы рекомендуемъ также издавіе Фирмена-Дюдо: *Bibliothèque des mémoires, relatifs à l'histoire de France pendant le dix-huitième siècle par M. F. Barrière*. Мемуары, касающіеся исторіи Франціи въ теченіе восемнадцатаго столѣтія. Этотъ сборникъ мемуаровъ объ интереснѣйшемъ явленіи французской исторіи, составляетъ дѣльно и съ строгимъ выборомъ. Вся исторія этого вѣка, начиная съ регентства, будетъ помѣщена въ запискахъ и наблюденіяхъ современниковъ въ этомъ изданіи, которое должно состоять изъ двѣнадцати томовъ. Изъ читателей, которыхъ мемуары войдутъ въ составъ ихъ составъ, или по частямъ

въ это собраніе, г. Баррьеръ упоминаетъ о дѣвицѣ Делондѣ, маркизѣ д'Аржансонѣ, Дюбло, матери регента, Сел-Симонѣ, госпожѣ де-Госсе, баронѣ Цезенвалт, госпожѣ Ролландъ, госпожѣ де-ла-Рошжакленъ, Дува, Риуфъ, Ришльѣ, Мореллѣ, Риваролѣ, Шаффордѣ, графѣ Прованскомъ, герцогинѣ Ангилемской, герцогѣ Монпансѣ. Мы хотимъ составить свою бібліотеку, говоритъ онъ въ предисловіи къ этому изданію, изъ замѣчательнѣйшихъ образцовъ въ своемъ родѣ мемуаровъ, одобряемыхъ утонченными вкусомъ, чтеціе ихъ поучительно и доставляетъ удовольствіе; они читаются и молодежью и людьми зрѣлыми; въ нихъ литераторъ находитъ для себя образцы, воспитанная женщина—ощущенія... Мы принуждены были избирать не только сочиненія хорошо написанныя, но и тѣ, которыя, въ хронологическомъ порядкѣ событій, простолупнымъ описаніемъ или свѣдѣніемъ открытіемъ лучше другихъ изображаютъ людей, нравы, обстоятельства, великія послѣдствія, порожденные виновными причинами, и даютъ читателю возможность видѣть въ одно и то же время и кудисы, и сцену, и актѣровъ.

Уже около двухъ лѣтъ общество ученыхъ и литераторовъ издаетъ сочиненіе о городахъ Франціи, подъ редакціею г. Гильбера: *Histoire des villes de France, par M. Guilbert, et une société de membres de l'Institut, de savants, de magistrats, d'administrateurs et d'officiers des armées de terre et de mer*. Въ немъ должна быть видна вся исторія Франціи и провинцій, вошедшихъ въ составъ ея, съ ихъ преданіями, повѣрьями, памятниками, природою, правами, обычаями, языкомъ, — словомъ со всею ихъ живностію, на которую историки, исключительно занимающіеся обстоятельствами и событіями, касавшимися до цѣлаго государства, досихъ-поръ мало обращали вниманія. Нынѣче этого изданія вышло только три тома. Въ нихъ описано двадцать девять провинцій и въ каждой провин-

ни въ сколько-нибудь замѣчательные города ея, которыхъ для перваго тома набралось до ста. Исторія этихъ городовъ во-большей-части не только не была написана, но и самыя источники ея лежали забытые въ истинныхъ архивахъ. Можно себѣ представить, какихъ невѣроятныхъ трудовъ, усилій, изысканій стоило авторамъ воскресить, такъ сказать, прошлую жизнь городовъ Франціи и представить ея въ томъ блестящемъ и слогомъ и мыслию видѣ, въ какомъ она представляется теперь публикѣ, украшенной всею роскошью иллюстрированнаго изданія. Подобные труды можно предпринимать только тамъ, гдѣ мысль автора служить отвѣтомъ на задушевное требованіе публики, сочувствующей всякому ученому изслѣдванію, особливо если оно касается жизни и исторіи отечества.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

Éléments de l'économie politique ou Exposé des notions fondamentales de la science, par Joseph Garnier. (Основанія Политической Экономіи, Жозефа Гарнье).

Быстрое развитіе въ европейскихъ государствахъ земледѣлія и мануфактуръ придало политической экономіи высокое значеніе. Во Франціи, она считается въ числѣ наукъ, необходимыхъ для молодыхъ людей, приготовляющихъ себя къ коммерческимъ занятіямъ, и въ скоромъ времени, по всей вѣроятности, будетъ введена въ число предметовъ, составляющихъ такъ-называемое второстепенное обученіе. Еще въ восемнадцатомъ вѣкѣ, когда появилось уже много ученыхъ изслѣдованій по части этой науки, она составляла исключительную принадлежность сановниковъ, посѣдѣвшихъ на службѣ государству, и нѣкоторыхъ писателей, которые со-

чиненіями своими приобрѣли себѣ право разсуждать объ общественныхъ и частныхъ интересахъ. Движеніе идей, начавшееся во французскихъ обществахъ въ послѣднихъ годахъ предшествовавшаго столѣтія, усилило наученіе политической экономіи. Нѣсколько писателей, тогда еще незнакомыхъ, движимые благороднымъ стремленіемъ отыскать начала, на основаніи которыхъ общества достигаютъ силы и благоденствія, принялись изслѣдывать, какимъ образомъ производится, расширяются и потребляются богатства. Они-то въ тишинѣ и забвеніи разработали дикое поле, на которомъ со временемъ должно возникнуть и развиться матеріальное благоденствіе народовъ. Съ самаго начала нынѣшняго столѣтія и нѣкоторымъ образомъ подъ руководствомъ Адама Смита и Жана-Батиста Сэ, множество писателей утвердили науку на прочномъ основаніи и освѣтили ее вновь-открытыми истинами. Безирравныя усилія завоевали для нея почетное мѣсто въ ряду другихъ наукъ, и въ скоромъ времени и судья, и государственный человѣкъ, и купецъ, и ремесленнику необходимо будетъ знать по-крайней-мѣрѣ ея основныя начала. Но до-сихъ-поръ, число людей, способныхъ безъ предварительнаго приготовленія читать сочиненія и слушать лекціи о политической экономіи, весьма-ограничено. До-сихъ-поръ, ни одинъ изъ учебниковъ политической экономіи, болѣею частью одностороннихъ, не облегчитъ этой трудности для приступающаго къ ея изученію. Гарнье, профессоръ политической экономіи въ королевскомъ Атевѣ и одинъ изъ сотрудниковъ *Журнала Экономистовъ*, возымѣлъ близкую мысль составить руководство, которое бы, вмѣщая въ себѣ общепринятые начала науки, дѣлая ихъ доступными большинству, въ то же время облегчало чтеніе ученыхъ и специальныхъ сочиненій по этой части, болѣею частью недоступныхъ для народа. Въ его книгѣ нѣтъ ничего новаго: это не больше, какъ извлеченіе изъ всѣхъ руко-

водствъ и сочиненій, издаваемыхъ до сихъ поръ по этой части.

Г. Гарнэ раздѣляетъ политическую экономію на два главные отдѣла: съ одной стороны, на произведеніе, съ другой на распредѣленіе и потребленіе богатствъ. Во множествѣ вопросовъ, которые онъ одинъ за другимъ разсматриваетъ, излагая предварительно общія о нихъ понятія и ясныя ихъ опредѣленія, онъ съ особенной любовью останавливается на нѣкоторыхъ, приводитъ возраженія противъ нихъ ученыхъ и разрѣшаетъ нелюбимыя сообразно тѣмъ началамъ, которыя самъ исповѣдуетъ. Къ числу такихъ вопросовъ принадлежитъ вопросъ о произведеніи богатствъ и о трехъ главныхъ дѣятеляхъ въ произведеніи: трудѣ, капиталѣ, землѣ.—вопросъ, затеянный спорами писателей разныхъ школъ, но одинъ изъ самыхъ интересныхъ и самыхъ важныхъ по своему вліянію на общество. За нимъ слѣдуетъ теорія народонаселенія, созданная въ прошедшемъ вѣкѣ Мальтусомъ, которую защищали и опровергали знаменитѣйшіе экономисты: съ одной стороны, Жанъ-Батистъ Сэ, Шарль Контъ, Росси, — съ другой Годвинъ, Сисмонди и большая часть французскихъ экономистовъ; далѣе говорится о раздѣленіи труда—этою великою прибавицею новѣйшей промышленности, котораго пользу и важность авторъ выставляетъ съ особенною силою. Отъ него онъ переходитъ къ машинамъ, показывая все огромное вліяніе ихъ на умноженіе производеній, сбереженіе рукъ и издержекъ производства, на пониженіе цѣнъ потребляемыхъ предметовъ и возможность пользоваться ими самымъ бѣднымъ классамъ народа. Г. Гарнэ приверженецъ системы, ищущей разрѣшенія всѣхъ вопросовъ и исцѣленія всѣхъ болѣзней современной общественной жизни въ свободѣ торговли, въ неограниченномъ раздѣленіи труда между народами, сообразно мѣстнымъ обстоятельствамъ и условіямъ существованія каждаго изъ нихъ. Не смо-

трянъ на тѣсноту объема, необходимо ограничивающаго сочиненія подобнаго рода, авторъ приводитъ нѣсколько возраженія противъ свободы торговли и опровергаетъ ихъ съ своей точки зрѣнія. Во второй части говорится о распредѣленіи и потребленіи богатствъ, о доходахъ съ труда, капитала и земли, о потребленіи частнымъ и общественномъ, о налогахъ, займахъ и кредитѣ. Мы ни мало не преувеличимъ похвалы, если скажемъ, что книга эта есть самое полное, основательное и лучшее изъ всѣхъ доселѣ изданныхъ руководствъ къ изученію политической экономіи.

ANNUAIRE DE L'ÉCONOMIE POLITIQUE POUR 1846. (Ежегодникъ политической экономіи.

Общество политико-экономистовъ, издающее *Journal des Économistes*, и ежегодный альманахъ политической экономіи, съ каждымъ годомъ придаетъ послѣднему изданію болѣе разнообразія и занимательности. Онъ начинается обзорѣніемъ, въ политико-экономическомъ отношеніи, прошедшаго 1845 года и состоитъ изъ 38 статей, написанныхъ живо, кратко, ясно, и какъ-нибудь больше соответствующихъ цѣли изданія—распространенію и популяризированію началъ политической экономіи. Къ лучшимъ статьямъ принадлежатъ статьи: о банкахъ Франціи, о сберегательныхъ кассахъ, о финансахъ Франціи, о ея вѣдѣній торговлѣ, объ англійской лигѣ противъ законовъ, о хлѣбѣ, и всѣ статьи, имѣющія предметомъ положеніе рабочаго класса.

На послѣдній вопросъ обращено въ настоящее время вниманіе и государственныхъ людей и ученыхъ. Усилія частныхъ лицъ и предпріятыя правительствомъ оффиціальныя изслѣдованія открыли страшную бѣду, которую время и развитіе промышленности, соединенныя съ возвышеніемъ одного

класса народа на счетъ другихъ, вырвала передъ Франціею и Англіею. Положение нищяго, рабочаго класса въ обомъ государствахъ превосходить все, что только можетъ представить себѣ самое смѣлое воображеніе. Никто уже не отрицаетъ этого факта, да и отрицать его было бы невозможно. Наука изобрѣла названіе для этого страшнаго зла, наводняющаго тюрьмы, дома разврата и госпитали бесчисленными множествомъ жертвъ, доводимыхъ до послѣдней степени физическаго и нравственнаго паденія бѣдностью и голодомъ. Это названіе — *пауперизмъ*. Какъ его уничтожить? какія мѣры принять, чтобы трудъ, — первый и самый важный изъ всѣхъ родовъ собственности, получалъ должное вознагражденіе? какъ оградить работника отъ произвола предпринимателя промышленности, сбавляющаго задѣльную плату по мѣрѣ уменьшенія собственныхъ доходовъ, или немилосердо отсылающаго его отъ себя во случаю прекращенія производства? — вотъ вопросы, которыми занимаются въ настоящее время, — одни въ теоріи, другіе на практикѣ, — и публицисты и государственные люди. Множество системъ ежедневно появляется на свѣтъ, но ни одна изъ нихъ, сколько намъ извѣстно, не разрѣшила еще, даже приблизительно, роковой задачи, не нашла средствъ, какъ помочь злу, по-видимому неизбежному. Мы надѣемся въ скоромъ времени подробнѣе поговорить объ этомъ предметѣ, такъ же какъ и объ одной изъ лучшихъ книгъ по части политической экономіи, вышедшихъ въ послѣднее время и касающихся того же предмета. Пока ограничимся указаніемъ на тѣ сочиненія, изъ которыхъ читатели сами могутъ почерпнуть свѣдѣнія о главнѣйшихъ мнѣніяхъ и системахъ, занимающихъ нынѣ общественное мнѣніе Франціи.

Въ *Recherches sur les causes de l'indigence* («Исслѣдованія причинъ бѣдности»), авторъ, г. Клеманъ, полагаетъ,

что свобода промышленности должна остаться неприкосновенною. Частныя мѣры, каковы: учрежденіе общественныхъ кассъ, развитіе въ низшихъ классахъ образованности и привычки къ бережливости, лучшее распредѣленіе налоговъ и т. п., могутъ, по его мнѣнію, уничтожить самыя причины бѣдности и улучшить положеніе рабочаго класса.

Observations sur l'état des classes ouvrières, par M. Théodore Fix («Замѣчанія о положеніи рабочихъ классовъ») упоминаютъ также о многихъ средствахъ, могущихъ если не уничтожить бѣдность, чего авторъ, кажется, не надѣется, то, по крайней-мѣрѣ, облегчить ея ужасныя дѣйствія. Замѣчательно мнѣніе г. Факса, что бѣдность не есть послѣдствіе современнаго развитія промышленности, но что она существовала во всѣ времена и во всѣхъ положеніяхъ общества, — мнѣніе, подтверждаемое имъ множествомъ доказательствъ.

Другіе писатели идутъ дальше. Луи Бланъ, извѣстный историкъ, въ сочиненіи (*Organisation du travail*), изданномъ назалъ тому нѣсколько лѣтъ и перепечатанномъ въ концѣ прошедшаго года, предлагаетъ цѣлый планъ преобразованія, если непримѣнимый на практикѣ, то отличающійся остроуміемъ и теплымъ чувствомъ. Къ тому же разряду теоретиковъ принадлежитъ Барбѣ въ своей *Système social et responsabilité de l'homme* («Система общественнаго устройства и отвѣтственность человека»), сочиненіи, столько же отличающемся благонамѣренностью, какъ и стараніемъ сохранить въ отвлеченной теоріи практическое направленіе и сдѣлать ее удобною въ приложеніи.

Но изъ вышедшихъ по этому предмету сочиненій особенно замѣчательное одно, переведенное съ англійскаго дѣвицею д'Авиньей, подъ заглавіемъ:

Les droits des travailleurs; essai sur les devoirs des maîtres envers leurs subordonnés, traduit de l'anglais sur la seconde édition, à laquelle est ajouté un essai sur les moyens d'améliorer la santé, et d'accroître le bien-être des classes laborieuses; par mademoiselle Louise Boyssieu d'Arigny («Права работников; опыт начертания обязанностей хозяевъ къ нимъ подчиненнымъ»). Вся эта книга проникнута совершенно-правдивымъ началомъ. Цѣль ея — доказать, что при настоящемъ положеніи нѣмецкаго класса во Франціи и Англии, участь работника можетъ улучшиться только тогда, когда въ сношеніяхъ его съ хозяиномъ взаимное чувство обязанности вступитъ нѣкто личныхъ интересовъ. Думали помочь злу возвышеніемъ платы за трудъ; но это еще не все: есть много вещей, много требованій, которыхъ нельзя купить ни за какія деньги. Когда у подчиненнаго нѣтъ довѣренности къ высшему, то онъ на одинъ шагъ бѣтъ неуваженія къ нему... Примѣръ великаго дѣла. Кто мало заботится о собственномъ достоинствѣ, тому нѣтъ дѣла и до нравственнаго достоинства другихъ. — Книга начинается описаніемъ самыхъ обыкновенныхъ, такъ-сказать, ежедневныхъ отношеній, отношеній между господиномъ и слугою. Отъ общихъ разсужденій авторъ переходитъ къ положенію чистаго реда работниковъ, именно: работниковъ на мануфактурахъ. Онъ слѣдуетъ за ними въ мастерскія, въ школу, гдѣ учатся дѣти, на лугъ, гдѣ они гуляютъ, вдыхалъ въ себя чистый воздухъ послѣ душной фабричной атмосферы. Особенно любопытно описаніе доковъ и частей города, занимаемыхъ въ Англии рабочимъ классомъ. Бѣда можно представить себѣ все униженіе, всю страшную бѣдность, до которыхъ доведено человѣчество въ богатѣйшей изъ всѣхъ европейскихъ націй. Вторая часть сочиненія посвящена описанію способовъ, какъ улучшить здоровье и физическое благосостояніе рабочихъ классовъ. Всѣ частныя мѣры, ведущія къ этому резуль-

тату, изложены, рассмотрѣны съ основательностью и любовью. Царевскими присоединила въ концѣ свое заключеніе, которое доказываетъ, что жизнь на не только скорѣе и ярче нужды открываетъ современнѣйшія страданія, но что, кромѣ того, въ ней всегда есть самое искреннее желаніе выжить изъ.

ÉTUDES SUR L'ANGLAISME, par Léon Faucher (Очерки Англіи, Леона Фомэ).

Сочиненіе г. Фомэ, имѣетъ съ интересомъ современности и науки, соединяетъ въ себѣ интересъ чисто-литературный: оно написано прекраснымъ слогомъ, живо, занимательно. Авторъ не только ученый и литераторъ, но и наблюдательный туристъ. Онъ изучалъ Англию; нѣкогда «веселую Англию» (merry England), на нѣтъ, бродилъ во уллицамъ главнѣйшихъ городовъ ея въ разное время дня и ночи, входилъ въ разговоры съ мануфактуристами и рабочими, съ купцами и полнейшими чиновниками; собственными глазами видѣлъ описываемыя имъ сцены, могъ по сказанью, повѣрилъ на нѣтъ искусство сочиненій о своемъ предметѣ, перечиталъ всѣ оффиціальныя изслѣдованія о положеніи различныхъ классовъ и различныхъ отраслей промышленности, предпринятія въ послѣдніе годы по распоряженію парламента, и всеъ всего этого составилъ книгу, интересомъ своимъ занимающую одно изъ первыхъ мѣстъ въ литературѣ настоящаго времени. Благодаря этой книгѣ, съ которой мы надѣемся ближе познакомиться читателей, легко видѣть съ быль стороны этого морскаго волноса и то, что составляетъ истинное его могущество. Г. Фомэ беспристрастенъ, отдаетъ каждому должное, и если иногда ошибается, то ошибается добросовѣстно. Описательная часть составляетъ основу и важнѣйшую часть книги; разсужденія и собственныя предположенія автора, по счастью, занимаютъ

новый-новый шти. Многие выводы его отличаются яркостью; многія предположенія дѣйствительно могутъ быть приведены въ исполненіе съ большою пользою. Говоря о вредномъ вліяніи на народонаселеніе мануфактурной промышленности, онъ съ особенною любовью останавливается на мысли о сельскихъ мануфактурахъ (manufacture gale). Двѣ изъ нихъ, принадлежащія Аштону и братьямъ Ашвортамъ, описаны имъ съ большою подробностью. Удаленіемъ мануфактуръ изъ городовъ, гдѣ скопленіе народонаселенія и присутствіе всѣхъ соблазновъ портятъ и здоровье и нравственность работника, онъ думаетъ уничтожить тѣ вредныя послѣдствія, которыя привело съ собою чрезвычайное развитіе этого рода промышленности. Описаніе положенія, въ которомъ находится рабочій классъ въ Англіи, поразительно: нищета ведетъ его къ разврату, преступленіямъ, безумію. А нищета эта зависитъ отъ столькихъ внѣшнихъ обстоятельствъ, едва-предвидимыхъ и болѣею частію неотвратимыхъ въ настоящемъ положеніи общества, что, при малѣйшемъ потрясеніи этого рода, цѣлыя толпы мужчинъ, женщинъ, дѣтей идутъ на улицу безъ работы, безъ хлѣба, часто готовыя на все, чтобы утолить пожирающій ихъ голодъ! Банкъ Соединенныхъ-Штатовъ прекратилъ платежи—въ коммерческомъ мірѣ сматеніе, банкротства; въ мірѣ мануфактурномъ то же самое: мануфактуристъ закрываетъ фабрику или работаетъ на ней два дня въ недѣлю; половина работниковъ распущена, плата за трудъ упала; цѣлыя семейства, жившія прежде въ довольствѣ, продаютъ и закладываютъ все, что можно заложить или продать, удаляются въ грязныя, нездоровыя жилища, погребя, какъ въ Ливерпулѣ, гдѣ скопленіе народа порождаетъ тифусъ, смѣшеніе

половъ и возрастовъ — развратъ, гдѣ часто для цѣлаго семейства, состоящаго изъ четырехъ или пяти человѣкъ, приходится одна кровать, на которой спать вмѣстѣ старики, женщины и дѣти, больные и здоровые... У англійскаго рабочаго нѣтъ семейства; онъ женится, правда, лишь-только видя къ тому возможность; жена его идетъ работать на фабрику, проводитъ тамъ иногда четырнадцать часовъ за дѣломъ, часто тяжелымъ и всегда утомительнымъ; для семейной жизни, для тихихъ домашнихъ радостей остается немного времени, но и то употребляется иначе. Лишь-только наступилъ вечеръ и на мануфактурахъ прекратились работы до слѣдующаго утра, какъ открываются блестящіе газонъ и убранствомъ дома, гдѣ собираются толпы народа, даже женщины и дѣти, гдѣ гремитъ музыка, даются театральныя представленія и — продаются джинъ, виски и другіе крѣпкіе напитки. Туда идетъ работникъ, усталый, безпечный, особенно по субботамъ, когда имъ раздаютъ плату за трудъ цѣлой недѣли, и проводитъ тамъ большую часть ночи, которая такъ нужна ему для успокоенія истощеннаго работой тѣла. А между-тѣмъ, приходитъ кризисъ, падаетъ задѣльная плата, работы нѣтъ, — онъ безъ жалости покидаетъ жену и дѣтей на произволъ судьбы и переходитъ изъ одного города въ другой, часто вовсе оставляетъ отечество и ѣдетъ селиться подъ другимъ небомъ, на другой землѣ, болѣе благодарной. Смертность между бѣднымъ и рабочимъ классомъ ужасна: въ нѣкоторыхъ кварталахъ Лондона, среднее продолженіе жизни не восходитъ выше 17 лѣтъ; въ другихъ мануфактурныхъ городахъ оно еще ниже, — вообще, не превышаетъ 21—22 лѣтъ отъ рода. Смертность между дѣтьми еще поразительнѣе. Но при всѣхъ этихъ бѣдствіяхъ, встрѣ-

чается замѣчательная черта, дѣлающая честь англійскому характеру: многіе предпочитаютъ умереть голодною смертью, или, когда уже нѣтъ для нихъ никакой надежды, лишиться себя жизни, нежели покуситься на развратъ и преступленіе. Чувство долга и соб-

ственного достоинства поддерживаетъ ихъ въ испытаніяхъ жизни и возвышаетъ надъ другими націями; за то лишь-только оно потеряно,—Англичанинъ падаетъ такъ низко, какъ едва ли можетъ падѣть человекъ другого племени.

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

HISTOIRE DES PROGRÈS DE LA CIVILISATION EN EUROPE depuis l'ère chrétienne jusqu'à nos jours, par M. Roux-Ferrand (Исторія цивилизаціи въ Европѣ, отъ Р. Х. до нашего времени, соч. М. Ру-Феррана).

Достигнуть цѣли, которую предположилъ себѣ г. Ру-Ферранъ,—дѣло не легкое. Исторія цивилизаціи Европы — это исторія жизни человѣчества въ лучшихъ и благороднѣйшихъ его представителяхъ, исторія наукъ и искусствъ, вѣрованій и учрежденій, исторія націй съ ихъ образованностью, судьбою, страданіями, раздорами, нравственными и политическимъ состояніемъ; наконецъ, исторія разума со всѣми его завоеваніями, и съ длиннымъ путемъ заблужденій, черезъ которыя человѣку суждено доходить мало-по-малу до истины. За подобную исторію, въ обширномъ размѣрѣ, сколько извѣстно, еще никто не принимался. Нельзя сказать, чтобы для нея вовсе не было собрано матеріаловъ, хоть также нельзя сказать, чтобы тѣ матеріалы, которые собраны, были безусловно годны для постройки здания и не требовали переработки, дополненія, новыхъ, часто трудныхъ изслѣдованій. Начиная отъ гѣтонис-

цевъ, длинная цѣпь историковъ-повѣствователей представила намъ непрерывный рядъ фактовъ, выясненныхъ археологами и ежечасно болѣе и болѣе выясняемыхъ. Съ другой стороны, писатели-философы освѣтили эти факты своими взглядами, правда разнообразными, несходными и часто противорѣчивыми, но которые тѣмъ не менѣе далеко двинули впередъ науку исторіи и навсегда обезпечили ея будущность. Конечно, еще до-сихъ-поръ безпристрастный наблюдатель бываетъ пораженъ, видя сивозъ приему со-временнаго историческаго изложенія, что по одному слову Кекроуса или Ро-мула, въ Аттікѣ распространяется земледѣліе, Лаціумъ дѣлается воинственною странною, что въ Спартѣ, Аѣвнахъ, Римѣ, то проповѣтають свобода, добродѣтели, образованіе во времена Ликурга или Солона, Брута или Валерія Публикола, Тита или Траяна, Антонина или Марка-Аврелія, то вопаряется раз-вращеніе и рабство съ Пизистратомъ и Перикломъ, Тарквиніемъ и Тиберіемъ, Клавдіемъ и Нерономъ, Домицианомъ, Коммодомъ и Калигулою. До-сихъ-поръ еще исторія судитъ о нравственности народа по нравамъ отдѣльныхъ лицъ: о его добродѣтеляхъ по жизни нѣкоторыхъ философовъ, о его

общественныхъ учрежденіяхъ по отрывкамъ изъ законовъ, переданныхъ письму или оставшихся въ народной памяти; о его свободѣ по свободѣ патриціевъ; о положеніи цѣлой націи по немногимъ фактамъ ея жизни; о земледѣліи по свѣдѣніямъ горсти богатыхъ патриціевъ или нѣкоторыхъ извѣстныхъ агрономовъ; о красотѣ языка по нѣсколькимъ рѣчамъ, дошедшимъ до насъ, по нѣсколькимъ книгамъ, прекрасно написаннымъ; о богатствѣ общественномъ по огромному состоянію Красса или Лукулла; о народныхъ жилищахъ по дворцамъ, вырытымъ изъ породъ разваливъ городовъ; о понятіяхъ общественныхъ по мыслямъ гениальныхъ людей, и почти всегда о состояніи образованности цѣлаго государства по образованности большихъ городовъ, а объ нихъ по сочиненіямъ мудрецовъ или по подвигамъ какого-нибудь полководца. Мемфисъ, Тиръ, Сидонъ, Ниневія, Вавилонъ, Эвфрата, Афины, Спарта, Коринтъ, Римъ, Карфагенъ, Нуманція, Сагунтъ, принимаются мѣрилою развитія общественной жизни въ древнейшій Египтъ, Финикію, Ассирію, Вавилонію, Мидію, Грецію, Италію, карфагенской Африкѣ, Галлію и Испанію. Даже въ наше время, не смотря на ежедневное противорѣчіе фактовъ, современные историки расчитываютъ и опредѣляютъ цивилизацію нынѣшнихъ государствъ по Парижу, Лондону, Берлину, Петербургу, Флоренціи, Риму, Неаполю, Мадриту. А между тѣмъ, не очевидно ли, что большіе города составляютъ только исключеніе въ общемъ уровнѣ цивилизаціи націй? Какъ же не прійти послѣ этого и историкамъ и философамъ къ ложнымъ заключеніямъ! То, что составляетъ сущность, зерно цивилизаціи народной, отъ нихъ ускользаетъ совершенно. И потому ученому міру, однажды привидѣвшему за общій законъ случайность, за исключеніе въ жизни народа, невольно кажется, что государства и народы вращаются въ обширномъ кругѣ, гдѣ каждое и каждый поочередно становится на самое возвышенное положеніе,

чтобы потомъ съ большимъ или меньшимъ шумомъ пасть къ другому концу оси и предоставить другимъ блескъ въ свою очередь своею свѣжею молодостью.—Подобный взглядъ на исторію совершенно-ложень. Этого мало; онъ ведетъ къ отчаянію, отнимаетъ у общества будущность, у человека цѣль на землѣ, у всего созданія его причину. Нѣтъ, образованность вполнѣ общественная и народная не проходитъ; искусство въ полевыхъ работахъ или ремеслахъ и фабричныхъ надѣлѣхъ не пропадаетъ, не терется! Напротивъ, они усовершенствуются временемъ; плоды трудовъ и преданій, они передаются, можно сказать, съ кровію; чудное искусство слова, нравы, религиозныя вѣрованія непрерывно очищаются съ теченіемъ столѣтій. До-сихъ-поръ и исторіи и философы заявляли иногда объ усовершенствованіи, въ извѣстныхъ эпохахъ, нѣкоторыхъ отраслей знанія; но они и признавали ихъ вѣчнаго источника и первоначальной причины—закона постепеннаго усовершенствованія рода человѣческаго. Нашъ вѣкъ, утомленный наконецъ громомъ битвъ и преподобаніемъ безъ пользы, съ нетерпѣніемъ ожидаетъ гевія, который бы возстановилъ для него прошедшее и, рядомъ съ подробностями сраженій, указывалъ на забвенные труды поколѣній. Тогда первобытный человекъ явился бы намъ въ своемъ настоящемъ видѣ. Мы увидѣли бы его не на вершинѣ цивилизаціи, какими представляютъ намъ его католицизмъ и нѣкоторые школы, не образцомъ совершенства, съ возможностью только пасть и унываться, а не идти выше, — но преланимъ грубымъ истинникамъ, истиннымъ жестокимъ, суевѣрнымъ, боязливымъ, злобнымъ, незнакомымъ съ первыми началами самой грубой нравственности и неважущимъ другаго права, крѣмъ силы или хитрости; мы увидѣли бы его одинокимъ, лишеннымъ самыхъ необходимыхъ средствъ жизни и создающимъ себя въ своемъ шаламѣ, силою ума, рукъ и воли первыми основаніями языка, земледѣлія и промышлен-

ности, религии, права и нравственности. Весь миръ, отъ самаго его начала, представился бы намъ тогда совершенно въ другомъ видѣ.

Г. Ру-Ферранъ не придавъ своей исторіи цивилизаціи философскаго взгляда. Онъ не внесъ свѣта въ темныя извилины прошедшаго. Онъ слѣдовалъ старымъ образцамъ и старымъ примѣрамъ, всячески стараясь держаться въ проведённыхъ издавна границахъ. Книга его—ученая и умная компиляція изъ сочиненій, до него издававшихся, обширная сцена, на которой, въ теченіе восемнадцати вѣковъ, другъ за другомъ появляются, но не дѣйствуютъ народы Европы. Авторъ собиралъ матеріалы для своего сочиненія всюду, у историковъ древнихъ и новыхъ, летописцевъ, отцевъ церкви, поэтовъ, философовъ, публицистовъ, моралистовъ, богослововъ, начиная съ послѣднихъ временъ римской имперіи до нашего вѣка. Сочиненіе начинается исторіею такъ называемыхъ счастливыхъ временъ Рима; потомъ слѣдуетъ, съ большими подробностями, исторія Рима во времена императоровъ и исторія европейскихъ народовъ въ теченіе трехъ первыхъ вѣковъ по Р. Х. Древній миръ, со всеми своими атрибутами выступаетъ на сцену. Здѣсь римская цивилизація, отражающая философію и литературу Грековъ; рядомъ Галлія и Иберія; дальнѣе варварская Германія; британскіе острова и кочевья орды Сѣвера. Громъ битвъ и оглушительные звуки оружія племенъ, встрѣчающихся у подножія Альповъ и Апеннинъ, на берегахъ Рейна и Сены и на богатой землѣ Испаніи, смѣняется занимательная картина умственнаго состоянія различныхъ народовъ до окончательнаго покоренія ихъ христіанствомъ. Новоплатоники, фарисеи, эссеяне, садукеев, терапевты, геродиане, гностики, манихеи, николаиты, ариане, пелагиане, несторіане являются намъ со всеми отгнѣнками и разпостями ихъ религіозныхъ мнѣній; мы встрѣчаемъ также друидизмъ и религію сѣверныхъ народовъ; эту картину заключаетъ церковь

съ ея внутреннею организаціею, догматами, монашествомъ, постановленіями соборовъ, съ изложеніемъ причинъ этихъ соединеній, съ ея внутренними раздорами и ересями. Содержаніе, а часто и выписки изъ рѣчей и книгъ замѣчательнѣйшихъ писателей и ораторовъ даютъ полное понятіе объ усліяхъ ума человѣческаго, чтобы освободиться отъ ига, наложеннаго на него католицизмомъ. За исторіею церкви слѣдуетъ исторія политическихъ и общественныхъ учрежденій у различныхъ народовъ. Отъ римскихъ муниципій мы переходимъ къ городамъ Галловъ и воинственнымъ поселеніямъ сѣверныхъ народовъ. Взглядъ на учрежденія французскаго народа кончаетъ этотъ отдѣлъ, которому не мѣшало бы, по важности предмета, придать болѣе-широкіе размѣры. Въ этой картинѣ жизни европейскихъ народовъ, умственное развитіе ихъ занимаетъ также не послѣднее мѣсто. Сперва идетъ философія съ ея школами, греческими, римскими, французскими, итальянскими, англійскими, шотландскими, нѣмецкими, испанскими, рождавшимися и умиравшими въ теченіе восемнадцати вѣковъ, которые обнимаетъ эта книга. Каждая изъ нихъ является съ своими мнѣніями, доказательствами, основателями и главнѣйшими учениками; за нею слѣдуютъ поэзія, краснорѣчіе, исторія и положеніе народнаго образованія въ различныя эпохи. Если присоединить къ этому картину общественной жизни, обычаевъ и нравовъ духовенства, дворянства и нѣкоторыхъ сословій народа всѣхъ европейскихъ націй, исторію искусствъ и школъ, прославившихся въ архитектурѣ, скульптурѣ, живописи и гравированіи, исторію земледѣлія и промышленности и описаніе матеріальнаго положенія различныхъ народовъ во всѣ эпохи, то мы будемъ имѣть нѣкоторое, хотя далеко-неполное понятіе о предметахъ, составляющихъ содержаніе «Исторіи Цивилизаціи». Этой книгѣ, какъ выше замѣчено, не достаетъ одного — философскаго взгляда. Не-

достатокъ, правда, капитальный, но тѣмъ не менѣе сочиненіе г. Ру-Феррава имѣетъ множество великихъ достоинствъ. Оно стѣдуетъ быть прочитаннымъ, и чтеніе его въ высшей степени занимательно. Множество примѣчаній и приложений, помѣщенныхъ въ концѣ каждаго изъ шести томовъ, придаютъ еще большую цѣну этому замѣчательному труду.

VOYAGE DANS L'INDE ET DANS LE GOLFE PERSIQUE, par l'Égypte et la mer Rouge, par M. V. Fontanier (Путешествіе въ Индію и Персидскій-Заливъ черезъ Египетъ и Красное-Море, соч. Фонтанье).

Г. Фонтанье, французскій консулъ въ Бассорѣ, уже извѣстенъ какъ путешественникъ умный и занимательный. Онъ издавалъ, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, свое «Путешествіе на Востокъ», потомъ нанечаталъ одинъ томъ сочиненія о Малой-Азій, оставшагося неоконченнымъ, и, мало-по-малу, съ значительными промежутками времени между появленіемъ каждаго тома, выдалъ въ свѣтъ свое настоящее путешествіе. Какъ чиновникъ, принадлежащій къ министерству иностранныхъ дѣлъ, авторъ при всякомъ удобномъ случаѣ нападаетъ на французское морское министерство. Если ему вѣрить, — а не вѣрять трудно, потому что мнѣнія его всегда подкрѣплены фактами, — во французскихъ владѣніяхъ въ Индіи все идетъ чрезвычайно-плохо. Французскіе читатели могутъ утѣшиться однимъ, именно: что въ Англійской Индіи еще хуже. Политическій образъ мыслей путешественника невольно кидается въ глаза: онъ ненавидитъ парламенты и желалъ бы, чтобъ во вѣдѣніяхъ вся власть была предоставлена одному королю. Впрочемъ, описаніе его путешествія наполовину негодною политикою. Довольно часто встрѣчаются интересныя описанія, сцены, рассказы. Эта книга уже обратила на себя вниманіе англійскихъ журналистовъ

и можетъ служить полезнымъ дополненіемъ къ извѣстному сочиненію Варрена объ Англійской Индіи, съ которой знакомы наши читатели изъ статей «Отечественныхъ Записокъ».

LES STEPPES DE LA MER CASPIENNE, LE CAUCASE, LA CRIMÉE ET LA RUSSIE MÉRIDIONALE, voyage pittoresque, historique et scientifique, par M. Xavier Hommaire de Hell (Стѣпи Каспійскаго-Моря, Кавказъ, Крымъ и Южная-Россія, соч. Бсавье Оммера де-Гелла).

Въ 1838 году, г. Оммеръ де-Гелль прѣхалъ изъ Константинополя въ Одессу съ цѣлю изслѣдовать геогностическое положеніе Крыма и Новороссіи, чтобъ потомъ, на основаніи положительныхъ данныхъ, способствовать разрѣшенію великаго вопроса о равринѣ Босфора. Вскорѣ онъ по необходимости долженъ былъ расширить театръ своихъ изслѣдованій и изучать всѣ обширныя страны, простирающіяся между Дунаемъ и Каспійскими-Моремъ, до подножія сѣвернаго хребта Кавказа. Это заставило его пробыть въ Россіи пять лѣтъ, которыя онъ провелъ въ безпрерывныхъ путешествіяхъ, верхомъ или пѣшкомъ, по теченію рѣкъ и рѣчекъ, а также по берегамъ морей Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго. Наше правительство съ своей стороны оказало ему всякое содѣйствіе для споспѣшествованія его ученымъ занятіямъ и даже удостоило его нѣкоторыхъ вооруженій, за которыя онъ былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра. Такимъ образомъ, путешествіе, которое, по первоначальному плану, должно было ограничиться чисто-спеціальными предметами, вышло изъ своихъ предѣловъ, и, говоря словами заглавія, сдѣлалось живописнымъ и историческимъ. Собственно геогнозіи посвящена одна первая часть и атласъ; двѣ другія до ступни и непосвященнымъ.

Въ этихъ двухъ томахъ, исторія и статистика ловко переижданы съ описаніемъ

саніями мѣстности, нравовъ и обычаевъ различныхъ племенъ, населяющихъ Южную-Россію. Путешествіе начинается съ Одессы, которая г-жѣ Оммеръ-де-Гелль, сопровождавшей своего супруга и редижировавшей по большей-части остальные два тома путешествія, очень не нравится за ея грязь и пыль. Двѣ главы заняты описаніемъ торговли и мореплаванія по Черному-Морю. Потомъ наши путешественники постепенно посѣщаютъ Николаевъ, Очаковъ, Херсонъ, наблюдаютъ различные феномены южной зимы, занятія мѣстныхъ жителей, ихъ удовольствія, празднества. Наконецъ, температура теплѣетъ, снѣга таятъ и съ весною начинается настоящее путешествіе. Отъ Чернаго-Моря путешественники направляются къ Астрахани. Но прежде они посѣщаютъ Екатеринбургъ, двѣпровскіе пороги, Молошныя-Воды, Мариуполь, Таганрогъ, Ростовъ, Азовъ, Новочеркасскъ, Сарепту и пр. Каждая изъ этихъ мѣстностей составляетъ предметъ особой главы, гдѣ г-жа Оммеръ-де-Гелль рассказываетъ обыкновенно свои впечатлѣнія при видѣ новыхъ людей и новыхъ предметовъ, а мужъ ея занимается статистическимъ и историческимъ описаніемъ Татаръ или казаковъ по тѣмъ даннымъ, какія онъ могъ собрать во время своего путешествія. Во второмъ томѣ, г-жа Оммеръ переѣзжаетъ Волгу и ведетъ своихъ читателей черезъ песчанныя степи къ берегамъ Каспійскаго-Моря; она въ-теченіе нѣсколькихъ недѣль живетъ съ своимъ мужемъ въ палаткѣ, доѣзжаетъ до источниковъ Маныча, потомъ, повернувъ къ Кавказу, посѣщаетъ Владиміровку, Георгіевскъ, Пятигорскъ, Кисловодскъ, Ставрополь и черезъ Ростовъ и Таганрогъ возвращается въ Одессу. Все это путешествіе было наполнено для госпожи Оммеръ-де-Гелль сильными ощущеніями. Ей непрерывно кажется, что жизнь ея въ опасности, что на нихъ непременно нападетъ хищническая толпа Калмыковъ или Черкесовъ и уведетъ ее въ

свои аулы или неприступныя ущелія. Однако можно ко всему привыкнуть. Пришло время, когда г-жа Оммеръ пожалѣла о своемъ странствованіи по калмыцкимъ степямъ: «А между-тѣмъ прибавляетъ она: «право, странно спать въ палаткѣ, въ шесть футовъ длиною, посреди безплодной равнины; слышать, какъ верблюды щиплютъ траву въ нѣсколькихъ шагахъ отъ вашей головы; чувствовать какъ собаки высовываютъ морды подъ полотно, которымъ вы отдѣлены отъ нихъ; быть окруженною со всѣхъ сторонъ полудикимъ народомъ, которому вы, въ случаѣ нападенія, можете противопоставить только дрянное оружіе и дюжину людей довольно-сомнительной храбрости. Тогда въ головѣ происходятъ странныя феномены; начинаете сомнѣваться въ собственной самости и спрашивать себя, ужъ не Калмыкъ ли вы, ужъ не сонъ ли эти воспоминанія о жизни другаго рода? Особенно поддерживается душу въ этой странной настроенности легкость, съ которою привыкаешь ко всему, что есть необыкновеннаго въ подобномъ положеніи. Вѣтеръ воетъ и провазетъ васъ холодомъ; но вы этого не чувствуете; собаки воютъ надъ вашими ухомъ, верблюды наполняютъ воздухъ своимъ жалобнымъ ревомъ, и вы не дрожите отъ страха. Не знаю, потому ли ничего не бояшся, что на все готовишься; но размышляя о томъ, что я чувствовала въ подобныхъ случаяхъ, я еще не могу объяснить себѣ равнодушія, съ которымъ смотрѣла на дѣйствительность и на вѣроятныя возможности.»

Какъ бы то ни было, какии бы возможными опасностями ни подвергалась наша путешественница, но и она и мужъ ея благополучно возвратились въ Одессу, провели тамъ зиму, и въ послѣднихъ числахъ апрѣля отъправились въ Крымъ. Они посѣтили Балаклаву, Монастырь-св.-Георгія, Севастополь, Бахчисарай, котораго дво-

рецъ прекрасно описанъ даровито путешественницею, Симферополь, Королень, Байдаръ, Ялиту, Судаку и Кафеу. Мы уже выше замѣтили, что изложеніе двухъ (второй и третьей) частей путешествія, куда не вошли геологическія изслѣдованія, принадлежить почти исключительно супругѣ ученаго путешественника. Съ своей стороны, онъ помѣстилъ въ этихъ томахъ, кромѣ изслѣдованій о Татарахъ и казакахъ, четыре статьи чисто-ученаго содержанія, а именно: обзоръ исторіи Калмыковъ (*), о положеніи Русскихъ на Кавказѣ, исторію политическихъ и торговыхъ переворотовъ, бывшихъ въ Тавридѣ, и наконецъ историческій очеркъ Бессарабіи. Геогностическія изслѣдованія г. Оммера-де-Гелля были признаны Французскимъ Географическимъ Обществомъ, удостоившимъ путешественника большою преміи. Но иносенные труды и полученная награда не удержали неутомимаго геолога отъ дальнѣйшихъ изысканій. Едва вышло въ свѣтъ его путешествіе, какъ онъ уже началъ приготовляться на новый подвигъ, намѣреваясь, на этотъ разъ, проникнуть до Бухары. Что касается до спутницы г-на Оммера, то она намѣрена остаться въ Парижѣ, гдѣ, почти вмѣстѣ съ появленіемъ въ свѣтъ путешествія ея мужа, изданы были ея стихотворенія, внушенные ей могучею и разнообразною природою, которую она видѣла въ Россіи. Мы поговоримъ о нихъ въ своемъ мѣстѣ.

ÉPREUVES SOCIALES DE LA FRANCE depuis Louis XIV jusqu'à nos jours, par Alexis Dumesnil (Общественныя Испытанія Франціи со времени Людовика XIV до нашего времени, соч. А. Дюмениля).

(*). Сидѣнія, доставляемыя Геллемъ о Калмыкахъ, отчасти рассмотрѣны въ статьѣ «Кочующіе и осѣдо-живущіе въ Астраханской Губерніи Иеродоты», помѣщенной въ этой же книгѣ «Отеч. Записокъ».

Сочиненіе г. Дюмениля столько же отличается прекраснымъ изложеніемъ, сколько благородствомъ чувствованія, внушившихъ автору много страстныхъ полныхъ праведнаго негодованія пороки и развращеніе описываемымъ времени. Г. Дюмениль видѣвъ вблизи много политическихъ дѣятельствъ, много страшныхъ событій, душа его мало-по-малу переполнилась гнѣвомъ и презрѣніемъ. Оборотившись назадъ, онъ сталъ искать въ исторіи первоначальной причины того, что онъ называетъ общественными испанціями Франціи. Онъ остановился на царствованіи Людовика XIV, душой найдти тутъ эту причину, которая, по его мнѣнію, заключается въ уничтоженіи общественной нравственности, уничтоженіи, произведенномъ развратомъ двора. Перехода отъ семнадцатаго вѣка къ восемнадцатому, г. Дюмениль бѣгло хлещетъ неутомимымъ бичомъ своимъ по временамъ регентства. Въ эту эпоху, приобрѣтшую жалкую извѣстность, всюду рвутъ другъ у друга секреты величайшаго развращенія, всюду стараются превзойти одинъ другаго въ возмутительныхъ привычкахъ и низкихъ прихотяхъ, и, къ величайшему несчастію, духовенство первое служить для всѣхъ примѣромъ. Таковы его нравы, нравы вашихъ прелатовъ, вашихъ князей церкви, что даже во времена цесарей древній римскій пурпуръ не скрывалъ страстей болѣе низкихъ, злодѣйствъ болѣе ужасныхъ... Говорить ли, что въ эти дни проклятія яеса монаха сѣздалася вывѣскою безстыдства и грубаго по рока? что женскіе монастыри превратились въ мѣста разврата и служили для удовольствій вельможъ? Бѣ-несчастію, въ этой картинѣ нѣтъ ничего преувеличеннаго, и должно замѣтить, что ее писалъ ревностный католикъ. Это послѣднее качество заставляетъ г. Дюмениля быть слишкомъ строгимъ философомъ восемнадцатаго вѣка. Люди, которые, вмѣсто того, чтобы спокойно заснуть посреди подобныхъ меръ

зостей, вали на себя опасное дѣло съ ними бороться, не всегда могли направлять удары свои прямо на непріятеля. Въ войнѣ есть своего рода необходимости, за которыя должны отвѣчать возбуждшіе ихъ. Въ зажженномъ городѣ огонь пожираетъ и храмы и дворцы вмѣстѣ съ гнилыми развалинами.

Г. Дюмениль не забылъ царствованія Лудовика XV. Заклеймивъ придворныхъ, способствовавшихъ разврату, авторъ продолжаетъ: «.....Тѣмъ не менѣе Лудовикъ XV, такъ же какъ Лудовикъ XVI и регентъ, имѣлъ странное пристраіііе быть кородемъ христіаннѣйшимъ (le roi très-chrétien). Онъ хочетъ, чтобъ его считали добрыми и ревностными католикомъ, какъ то впрочемъ неоспоримо доказываютъ множество кровавыхъ казней и толпа государственныхъ преступниковъ, отправляемыхъ въ Бастилію на арестъ или виселицамъ. Всего любопытнѣе щекотливость его совѣсти. Онъ не только строго наблюдаетъ честные дни, но не смѣетъ ѣсть нѣкоторыхъ морскихъ птицъ, которыхъ считаютъ постными кушавьемъ, не утѣрпѣвъ прежде, что въ нихъ холодная кровь. Злоупотребляя религію, онъ имѣаетъ ее въ свои оргіи, зоветъ на помощь своимъ ворогамъ и охотно заимствуетъ изъ библіи нѣкоторыя сравненія, дѣлающія еще болѣе развѣтльнымъ его поведеніе.»

Лудовика XVI авторъ судитъ не такъ строго. Онъ упрекаетъ его только въ томъ, что онъ не умѣлъ прекратить безпорядки дворянства и преступныя интриги своихъ приближенныхъ. За то онъ рѣзко отзывается о большей части знаменитостей Конституціоннаго Собранія. Поразительно сходство его мнѣнія съ мнѣіемъ Робеспьера объ этой толпѣ потерявшихъ репутацію вельможъ, которые готовы измѣнить еще отечеству, какъ они недавно измѣнили довѣренности и дружбѣ короля... Далѣе, г. Дюмениль судитъ съ чистосердечіемъ честнаго человека вар-

тію жирондистовъ, потомъ скипище гебернистовъ, дантонистовъ, названное также партіею снисходительныхъ, не потому чтобъ въ политическихъ дѣйствіяхъ ея было менѣе жестокости, но потому-что она, такъ же какъ и ея предводитель, имѣла правиломъ смотрѣть сквозь пальцы на всѣ преступленія, полагать руку всѣмъ злодѣямъ. Кромѣ нѣсколькихъ незначительныхъ подробностей, авторъ справедливо оцѣниваетъ страшную *Гору* (Montagne), на которую до нашего времени такъ злобно клеветали многіе историки. Не смотря на свою приверженность къ монархическимъ началамъ, авторъ преклоняется передъ безстрашными республиканцами, шапшани на эшафотѣ термидора.

«Наконецъ», говоритъ онъ: «въ заключеніе этого долгаго ряда искупленій, приходитъ очередь тѣхъ, которые, казалось, должны были управлять судьбами республики. Два-лишь осмѣлились произнесть изъ страшныхъ именъ, какъ новое изгнаніе порождаетъ предводителей гордой партіи, этихъ гордыхъ трибуновъ, непростительный характеръ которыхъ никогда не могъ совмѣститься съ гордостью или алчностью партій.»

«Въ-самомъ-дѣлѣ, сколько разъ тѣ, которыхъ называли *Горой*, въ полномъ собраніи обвиняли этихъ *снисходительныхъ*, этихъ безправственныхъ, которые безпримѣрными преступленіями безчестили и Конвентъ и республику! Какъ часто случалось этимъ неутомимымъ членамъ Конвента ускорять осужденіемъ самыхъ шепчущихъ кортесеевъ черни, которыхъ нимъ стыдно было называть своими собратьями! То Робеспьеръ, съ высоты трибуны, восклицаетъ всю всѣи силы, обратясь къ подлинникамъ истовой демагогіи: *Перестаньте губить государство своими безумными ученіями. Развѣстои илушествомъ шлема и астильная любовь къ свободѣ не рождаетъ втотчасъ. То ученіе его Сен-Жюсть обращается къ самому*

• Ковенту съ слѣдующими словами:
 • Крамольники — революціонеры въ смыслѣ
 • преступленія! вы должны быть рево-
 • люціонерами въ смыслѣ честности и
 • законодательства.

• Между тѣмъ, приходитъ послѣдній
 • часъ самого Робеспьера. Ни сила его
 • слова, ни отчаянное и непреклонное
 • мужество Сен-Жюста не могутъ ути-
 • шить бури, поднявшейся противъ нихъ
 • посреди Ковента. Съ высоты могуще-
 • ства, Робеспьера и его горныхъ от-
 • правляютъ на эшафотъ. И кто же? не-
 • чистые обломки всѣхъ побѣжденныхъ
 • партій, гнусные остатки самыхъ
 • преступныхъ интригантовъ, изъ ко-
 • торыхъ наскоро составила партія
 • термидора. Прикрываясь ложною
 • умѣренностью, термидорцы продол-
 • жаютъ роковое дѣло террора; и, пре-
 • давъ смерти самыхъ страшныхъ
 • враговъ своихъ, изгнавъ или умерт-
 • вивъ часть Ковента, они, на слѣдую-
 • щій день, готовятся къ новымъ убій-
 • ствамъ страшною казнью семидесяти-
 • одного члена думы (comptine).

Понятно, съ какимъ презрѣніемъ дол-
 женъ говорить авторъ о директоріи,
 о всѣхъ дворянахъ, о всѣхъ мнимыхъ
 республиканцахъ, толпившихся въ пе-
 редней Барраса. Эпоха имперіи и зна-
 менитый ея основатель съ своими алч-
 ными маршалами также подвергаются
 обвиненіямъ, весьма-часто заслужен-
 нымъ. Съ неменьшею строгостію опи-
 сана эпоха возстановленія Бурбоновъ.
 Г. Дюмениль не щадитъ ни лицъ, состав-
 ляющихъ правительство, образовав-
 шееся въ июльскую революцію; онъ
 сожалеетъ о томъ, что въ настоящее
 время предоставлено такое широкое
 поле алчности и всѣмъ низкимъ стра-
 стямъ человѣческимъ.

При видѣ, въ какую грязь и какъ
 охотно спускаются нѣкоторые люди,
 г. Дюмениль доходитъ до того, что от-
 вергаетъ совершенствованіе человѣ-
 ческой природы. Грустное и неспра-
 ведливое заключеніе! Чтѣ было бы на
 свѣтѣ съ благородными людьми, ес-
 либъ у нихъ не было вѣры въ лучшіе

дни, если не для себя, то для будущихъ
 поколѣній? Даже самый бѣглый очеркъ
 прежняго времени, представляемый
 намъ г. Дюмениль, показываетъ
 много гнусностей, которыя не суще-
 ствуютъ и не могутъ существовать въ
 наше время. Не есть ли усійхъ уже и
 то, что нынѣ зло принуждено скры-
 ваться подъ формами, изъ которыхъ оно
 нѣкогда не нуждалось? Что болѣе
 еще свѣдѣствуетъ, въ этомъ нѣтъ
 сомнѣнія; но не всѣ же большіе ули-
 раютъ...

Du commerce des peuples de
 l'Afrique septentrionale dans
 l'antiquité, le moyen-âge et les
 temps modernes, par M. Maingou (O
 торговля народовъ Сѣверной-
 Африки въ древности, въ средніе вѣки
 и въ наше время, соч. Моруа).

Торговля народовъ Сѣверной-Афри-
 ки, начиная съ древнѣйшихъ временъ
 донынѣ, испытала много различныхъ
 переворотовъ. Извѣстно, что около V
 вѣка до Р. X. Картагелане совершили
 двѣ морскія экспедиціи, изъ которыхъ
 объ одной, подъ начальствомъ Ганни-
 лона, направившагося къ сѣверу Ев-
 ропы по берегамъ Испаніи и Галліи,
 едва упоминаютъ древніе. О второй,
 начальникъ ея, Ганнионъ, составилъ
 описаніе, положенное имъ въ Картаге-
 нѣ, въ храмѣ Сатурна, которое потомъ,
 будучи переведено съ финикійскаго
 языка на греческій, сохранилось до на-
 шего времени. Изъ этого драгоценнаго
 памятника, составленнаго въ формѣ
 морскаго журнала, видно, что экспе-
 диція, состоявшая изъ шестидесяти
 кораблей, на которыхъ было тридцать
 тысячъ человѣкъ мужчинъ и женщ-
 инъ, мивовала Геркулесовы-Столпы,
 основала нѣсколько колоній на афри-
 канскомъ берегу и, остановившаяся не-
 достаткомъ съѣстныхъ припасовъ, во
 мнѣнію однихъ, дошла только до мыса
 Болдора, по мнѣнію же другихъ, до-
 стигла Сенегамбіи. Послѣдняяго мнѣнія
 держится и г. Моруа, приводящій изъ

рассказа Ганнона много обстоя-
тельствъ, совершенно-сходныхъ съ
описаніями новѣйшихъ путешествен-
никовъ.

Какъ бы то ни было, по достовѣрно
извѣстно, что Картагенъ, вся полити-
ка котораго, какъ справедливо замѣ-
тилъ Гееренъ, состояла въ томъ, чтобы
отыскивать и скрывать отъ другихъ
страны богатыхъ драгоценными метал-
лами, былъ въ частыхъ сношеніяхъ
съ народами Средней Африки; даже
при пособіи Геродота почти отыска-
на дорога, по которой приходили въ
этотъ городъ караваны изъ глубины
Аравіи. По уничтоженіи картагенскаго
владычества, можно почти-утвер-
дительно сказать, хотя мы имѣемъ объ
этомъ очень-мало свѣдѣній, что тор-
говля этихъ странъ ничего не потеря-
ла при Римлянахъ, проникавшихъ, ка-
жется, до границъ Бурну. Что касает-
ся до преемниковъ ихъ, Вандаловъ, то,
едва ли г. Моруа не ошибся, предста-
вивъ ихъ дѣятельными купцами, от-
правлявшимися за амброю къ предѣ-
ламъ Германіи. Эти народы, которыхъ
владычество едва продолжалось одно
столѣтіе, которыхъ обогатили грабежи
Гима и острововъ Средиземнаго-Моря,
вовсе не думали предаваться торговлѣ;
какъ всѣ варвары, вторгавшіеся въ
предѣлы Римской-Имперіи, они дол-
жны были смотрѣть на нее съ глубо-
чайшимъ презрѣніемъ.

Въ VII вѣкѣ, страны Сѣверной Афри-
ки, составившія потомъ области Три-
ноли, Тунисъ, Алжиръ и Марокко, бы-
ли завоеваны Арабами и названы ими
Магрибъ или *Закатъ*. Вскорѣ правите-
ли, которыхъ посылали туда халифы,
объявили себя независимыми власти-
телями, и ихъ возмущеніе сдѣлало эту
страну на нѣсколько вѣковъ теа-
тромъ кровопролитныхъ войнъ — Не
смотря на то, когда миръ началъ во-
дворяться и береговые города (кото-
рые, какъ на-пр. Бона, пали во власть
сицилійскаго короля Рожера) были
завоеваны обратно,—государи Магри-
ба старались войти въ сношенія съ

христіанскими народами и въ-особен-
ности съ Италіей. Пизанцы первые
получили право поселиться въ ихъ
владѣніяхъ, чтобы заниматься торгов-
лею, и, какъ видно изъ подлинныхъ
документовъ, хранящихся въ архивахъ
Флоренціи, съ половины XII вѣка они
жили цѣлой колоніей на земляхъ Туни-
са и Бужіи, служившихъ тогда скла-
дочнымъ мѣстомъ для торговли Евро-
пы со внутреннюю Африкою. Вскорѣ
соперниками Пизанцевъ явились Ге-
нуэзцы, съ которыми они часто всту-
пали въ сшибки, а въ 1200 году одер-
жали надъ ними побѣду въ самой ту-
нисской гавани. Къ Генуэзцамъ при-
соединились Каталанцы и Венеціане.
Тогдашняя терпимость мусульман-
скихъ госуларей представляетъ рази-
тельный контрастъ съ фанатизмомъ на-
родовъ, населяющихъ въ наше время
эти страны Африки. Христіане могли
строить церкви и монастыри, публич-
но отправляли богослуженіе и основали
нѣсколько колоній. Въ сношеніяхъ съ
иностратцами они соблюдали величай-
шую добросовѣстность; даже были об-
щю крейсеры, состоявшіе изъ мусуль-
манъ и христіанъ, для защиты коммер-
ческихъ судовъ отъ европейскихъ и
африканскихъ пиратовъ. Эти торговые
сношенія, возбуждаемыя ежедневнымъ
развитіемъ европейскаго мореплаванія,
продолжались до вторженія Тур-
ковъ въ эти страны; для которыхъ оно
было роковымъ ударомъ. Съ этой эпо-
хи до завоеванія Алжира, исторія от-
ношеній Европы и въ-особенности
Франціи къ варварійскимъ владѣніямъ
представляетъ длинный рядъ грабе-
жей и разбоевъ, часто наказывавших-
ся, но безпрерывно возобновлявшихся.

Г. Моруа, не смотря на его увѣренія,
рѣдко справлялся съ источниками и
большую частію основывался на ав-
торитетахъ новѣйшихъ писателей объ
избранномъ имъ предметѣ. Впрочемъ,
въ-отношеніи къ среднимъ вѣкамъ, ему
служило руководствомъ прекрасное
сочиненіе Ма-Латри (Mas-Latrie), напе-
чатанное въ оффиціальныя изданія

военнаго министерства. Не смотря на то, благодаря занимательности предмета и многим важным свидѣніямъ, перепечатаннымъ и въ самомъ текстѣ и въ примѣчаніяхъ, эта книга можетъ быть прочитана не только съ удовольствіемъ, но и съ пользою.

HISTOIRE DES ÉTATS-GÉNÉRAUX DE FRANCE, par E. J. B. Rothery (Исторія генеральныхъ штатовъ Франціи, соч. Ротери).

HISTOIRE COMPLÈTE DES ÉTATS-GÉNÉRAUX et autres Assemblées représentatives en France, depuis 1302 jusqu'en 1626, par M. A. Boullé (Полная исторія генеральныхъ штатовъ и другихъ представительныхъ собраній во Франціи съ 1302 г. до 1626, соч. Буллэ).

Предметъ сочиненій гг. Ротери и Буллэ былъ задачею, которую предложила въ 1840 году Академія Нравственныхъ и Политическихъ Наукъ для желающихъ состязаться на получение премии. Написать исторію представительныхъ собраній значило написать исторію всѣхъ политическихъ учреждений Франціи. Извѣстно, что первое собраніе, которое можно назвать именемъ генеральныхъ штатовъ, было созвано въ 1302 году, при Филиппѣ-Красивомъ, по поводу ссоры этого короля съ папою Бонифациемъ. Ово не обмануло ожиданій Филиппа и согласно его желанію обязалось защищать независимость короны противъ притязаній папскаго престола. Вліяніе штатовъ съ каждымъ днемъ увеличивалось, смотря по важности вопросовъ, предлагавшихся на ихъ разрѣшеніе. Въ 1317 году, при востшествіи на престолъ Филиппа-Долгаго, штаты объявили, что женщины не имѣютъ права наследовать престолъ, и этимъ остановили междоусобную войну, готовую разразиться. Во время плѣна короля Жана, они выдались, подъ руководствомъ Этьенна

Марсея, Жана де-Кроа и Роберта Леккока провозвестъ въ пользу народа революцію, неудавшуюся отъ соперничества провинцій съ Парижемъ. Сдѣлавшись, въ правленіе Карла VI, орудіями партій, раздѣрвавшихъ Францію, а въ царствованіе Карла VII и Людовика XI доведенные до того, что они давали только ивѣнія свои объ уменьшеніи налоговъ и прекращеніи злоупотребленій,—ивѣнія, которые никто не слушалъ,—генеральные штаты блеснули на нѣкоторое время, собравшись въ 1484 г., во время малолѣтства Карла VIII. Читая протоколы этого собранія, знаменитаго въ лѣтописяхъ французской исторіи, съ удивленіемъ замѣчаешь, какъ ушли впередъ идеи въ продолженіе одного вѣка. Нѣкоторые ораторы безстрашно разивали теоріи до того свѣтлыя, что они могли быть приняты въ дѣлу только триста лѣтъ спустя: такъ Филиппъ Нб, депутатъ бургонскаго дворянства, осмѣлился сказать, что королевская власть есть «должность, а не наследство». Но несчастію, духъ истиннаго соперничества, провинціальными ненавистями дави мую волю интригамъ, и дворъ, добившись назначенія денежныхъ мессобій, посвѣтилъ распусти собраніе. Созванные два раза въ царствованіе Людовика XII, штаты, о которыхъ в рѣчи не было при Францискѣ I, снова появляются во времена междоусобныхъ войнъ, ознаменовавшихъ вторую половину XVI вѣка. Въ послѣдній разъ передъ революціей, они были собраны въ 1614 году, во время малолѣтства Людовика XIII; но они представляли въ это время жалкое зрѣлище, и, вспоминая всякаго рода униженія, которыми дворянство и духовенство ежедневно подвергали представителей средняго сословія, везольно надобно перенестись мыслію къ другому времени, къ штатамъ 1789 года. Дѣйствительно, съ 1614 года, правительство получило непреодолимое отвращеніе къ генеральнымъ штатамъ. Болились роковаго часа, когда, по предсказанію президента Мирона, изъ желѣзныхъ

огарковъ долженъ былъ наконецъ сдѣлаться молотъ .

Хронологическая исторія генеральныхъ штатовъ занимаетъ большую часть мѣста въ обоихъ сочиненіяхъ. Труды авторовъ были значительно облегчены множествомъ изданій, касающихся этого предмета, начиная съ 1788 года. Но г. Ротери постоянно пользовался оригинальными источниками, между тѣмъ, какъ г. Булле прибѣгалъ по-большой-части къ новѣйшимъ историкамъ или къ писателямъ, давно потерявшимъ свое значеніе, какъ напр. Анктилю и Велля. Оба они изслѣдовали *форму и принадлежности генеральныхъ штатовъ*. Этотъ вопросъ составляетъ занимательнѣйшую часть въ книгѣ г. Ротери. Вотъ въ краткихъ словахъ результаты его изслѣдованій.

Право созывать генеральные штаты принадлежало королю, регенту или генерал-лейтенанту королевства. Это созваніе дѣлалось за два или за три мѣсяца до дня, назначеннаго для открытія штатовъ, посредствомъ циркулярныхъ писемъ къ баронамъ и сенешаламъ, содержавшихъ въ себѣ изложеніе причинъ, по которымъ считали необходимымъ собраніе штатовъ. Эти причины были обыкновенно: нужда въ деньгахъ, искорененіе злоупотребленій, упроченіе народнаго благоденствія, искорененіе ереси. Дворянъ и духовныхъ увѣдомляли каждого отдѣльно; среднее сословіе было извѣщаемо все вмѣстѣ, при звукахъ трубъ, афешинами или чтеніемъ вслухъ призывныхъ грамматъ, и тутъ для него начинался въ каждомъ городѣ и въ каждой деревнѣ рядъ избирательныхъ операцій. Эти операціи имѣли цѣлю выборъ депутатовъ, которые обязаны были представить общему собранію каждаго округа (baillage) тетради съ изложеніемъ нуждъ и требованій каждой отдѣльной мѣстности. Это собраніе, гдѣ дворянство и духовенство подавало голоса непосредственно, избирало наконецъ депутатовъ для штатовъ и соединяло въ одну съ представленными тетрадями. Голоса

подавались по-большой-части наустиво, по мѣрѣ переключки, произвольной регистраторомъ. При дверяхъ запертые на ключъ ящики, назначенные для возраженій. Впрочемъ, не было ничего опредѣленнаго — ни числа избирателей и депутатовъ, ни условій для того, чтобы быть избирателемъ или избираемымъ. Женщины, владѣвшія феодами, могли подавать голосъ посредствомъ повѣренныхъ. Некоторые должности, между прочимъ судебныя, считались несовмѣстными съ званіемъ адвоката.

Передъ днемъ, назначеннымъ для королевскаго засѣданія, депутаты могли заниматься предварительными трудами, какъ-то: повѣркою полномочій, принятіемъ присяги и пр. Но большую частію на этихъ предварительныхъ собраніяхъ все время проходило въ смѣшанныхъ спорахъ объ этикетѣ. Такъ въ 1560 году очень-важно спорили о томъ, нести ли герцогу Гизу маршальскій жезлъ обративъ его къверху и не будетъ ли обидно для штатовъ, если онъ будетъ держать его иначе.

Черезъ день послѣ королевскаго засѣданія, три сословія начинали, каждое отдѣльно, составленіе своихъ тетрадей о нуждахъ набравшихъ ихъ мѣстъ. Въ работахъ не было никакого единства. По окончаніи ихъ, они отправляли депутатовъ къ королю, чтобы узнать когда ему угодно принять ихъ. Засѣданіе, въ которое принимались тетради, было окончательнымъ: король всякій разъ благосклонно отбѣчалъ на представленіе, и собраніе было распускаемо безъ всякой гарантіи, что обѣщанное будетъ исполнено; развѣ какиа-нибудь важныя обстоятельства заставляли дать временное удовлетвореніе на представленіе сословій.

Обыкновенно послѣ, а иногда и прежде засѣданія, возникалъ между избирателями и депутатами вопросъ, который такъ часто возбуждаетъ пренія въ наше время — вопросъ о вознагражденіи,

нин представителей каждого сословія. Это вознагражденіе для представителей среднего состоянія назначалось отъ 4 до 10 и до 15 ливровъ въ день и было предметомъ особаго налога. Хотя вообще было принято правиломъ вознаграждать депутатовъ, но это вознагражденіе всегда сопровождалось весьма неприятными спенами для тѣхъ, которые его требовали. Въ 1573 году, штаты Бургоньи отказали въ немъ депутатамъ подъ предлогомъ, что имъ ничего не слѣдуетъ за прекрасное дѣло, которое они сдѣлали.

Не смотря на достоинства сочиненія Ротери, удостоеннаго Французскою Академією прешіа, въ немъ находятся многія важныя опущенія. Общихъ взглядовъ въ немъ вообще мало, или они заимствованы у новѣйшихъ писателей; сверхъ того, авторъ, кажется, слишкомъ кратко говоритъ о назначеніи податей, о парламентскомъ краспорѣчьи и въ-особенности о чрезвычайномъ вліаніи, которое должны были имѣть штаты, въ разныя эпохи на общественное мнѣніе.

Saint-Domingue, étude et solution nouvelle de la question haïtienne, par M. R. Lepelletier de Saint-Remy (Св. Доминго, соч. Делпельтье де-Сен-Ремі).

Поводомъ къ изданію этой книги были послѣднія происшествія на Сен-Доминго, въ которыхъ приняли участіе Соединенные Штаты, Англія и Франція. Авторъ, однако, не ограничился одною политикою и представилъ своимъ читателямъ всю исторію Сен-Доминго современн открытія его до настоящей эпохи, написанную, какъ говорятъ, по источникамъ. Для тѣхъ, которыхъ интересуютъ политическіе вопросы второстепенной важности, — а къ нимъ мы причисляемъ и вопросъ гангскій, — книга г. Сен-Ремі будетъ истинной находкой; она будетъ прочитана съ удовольствіемъ и тѣми неутомимыми путешественниками, которые лю-

бить, не вставая со стула, переноситься въ отдаленныя страны и раздѣлять впечатлѣнія описывающихъ ихъ туристовъ. Г. Сен-Ремі, какъ надобно полагать, хорошо изучилъ островъ Сен-Доминго и говорить о его климатѣ, почтѣ и пр. какъ очевидецъ.

Recherches historiques sur la principauté française de Morée. — Le lien de la Conquête (1203—1333), ms. de la bibliothèque des ducs de Bourgogne, publi pour la première fois par Buchon (Историческія изслѣдованія о государствѣ, основанномъ Французами в Морей. — Книга завоеванія (1203—1333), манускриптъ, извлеченный изъ библіотеки герцога Бургонскихъ Бюшономъ).

До-сихъ-поръ, исторія почти не знала феодальнаго государства, основаннаго около половины тринадцатаго вѣка въ Морей французскими крестоносцами. Благодаря трудамъ и изслѣдованіямъ г. Бюшона, стоявшимъ ему жизни, этотъ краткій, но тѣмъ не менѣе любопытный періодъ средневековой исторіи объясненъ совершенно. — Известно, что 18 іюля 1203 года французскіе и испанскіе крестоносцы взяли Константинополь, и послѣ того Французы отправились въ Іерусалимъ. Въ 1204 году, двѣнадцать франкскихъ избирателей предложили корону Дандоло, который отказался, вотомъ Боуину Фландрскому. Онъ пріявлъ, и тогда Бенифацию дали королевство Фессалоникское, а Дандоло три восьмыхъ части имперіи. Вскорѣ Михаилъ Палеологъ сдѣланъ былъ императоромъ. Тогда Боуинъ убѣжалъ въ Грецію и болѣе тридцати фамилій французскихъ и фламандскихъ поселились въ Морей, Вся эта часть Греція покорилась мечу и законамъ рыцарей. Политическое управленіе страны, не смотря на возмущенія, войны и разныя преслѣдованія, оставалось въ ихъ рукахъ почти до 1400 года.

Объ этомъ-то пребываніи французскихъ крестоносцевъ въ Коринѣ, Ја-

кедемонъ и Аргосъ разсказываетъ, со множествомъ занимательныхъ подробностей, анонимная хроника. Любопытно видѣть феодальное рыцарство, предоставленное самому-себѣ въ горахъ и долинахъ Греціи, гдѣ не могли контролировать его ни монархическая власть, ни духовенство, ни парламенты. Видя, что у нихъ руки развязаны, рыцари предаются страстямъ, между которыми блестятъ иногда черты великодушія и воинской доблести. Попадается ли подъ руку королевство, они берутъ его безъ зазрѣнія совѣсти. Иногда для подобныхъ приобрѣтеній употребляются средства не совсѣмъ-рыцарскія. Жофруа де-Брюйеръ, племянникъ, вдругъ начинаетъ страдать коликою и увѣряетъ, что ему можетъ помочь только вода колодезя, вырытаго въ замкѣ его покойнаго дяди. Его несутъ въ замокъ; онъ тамъ располагается, приказываетъ запереть ворота, созываетъ своихъ приверженцевъ и оставляетъ замокъ за собою. Когда рыцарямъ нужны деньги, они обважняютъ мечъ и наполняютъ свои кошельки на чужой счетъ, ни мало не совѣстясь. Какой-нибудь благородный рыцарь Лилекеркъ (или Лейдекеръ) выбиваетъ два зуба и отнимаетъ нѣсколько тысячъ франковъ у Грека, попавшагося ему въ горныхъ ущелияхъ. Но если рыцари жестоки въ войнѣ, за то влюбчивы, даже слишкомъ, потому что, не довольствуясь своими женами, они увозятъ чужихъ женъ. Между многими довольно-наивными анекдотами, характеризующими какъ-нибудь лучше эпоху, замѣчательнъ подвигъ, приписываемый калабрскому рыцарю Рожеру де-Лоріа. Съ тридцатью когаблями отправился онъ къ берегамъ Романіи, чтобъ посмотреть, какъ говоритъ хроника, страну, и можетъ быть что-нибудь добыть. Высадившись на берегъ, онъ встрѣчаетъ въ Наваринѣ рыцаря Жана де-Турне, который сбиваетъ его съ лошади; люди Рожера, подоспѣвшіе къ нему на помощь, берутъ въ плѣнъ самого де-Турне и отводятъ на галеру. Тамъ между

обоними рыцарями происходитъ сцена, которой позавидовалъ бы Шекспиръ. Имъ обонимъ приносятъ мантіи цуруроваго цвѣта, и, потолчковавъ о подвигахъ отцовъ, Рожеръ говоритъ своему гостю: «Я очень доволенъ, что меня «сбилъ съ лошади храбрѣйшій дворянинъ и рыцарь, каковой только есть на «свѣтѣ. Я считаю для себя величайшею честью, что сразился съ такимъ «человѣкомъ, какъ вы. Кстати, женаты ли вы?—Женатъ на дочери графа «Ричарда Кефалонійскаго.—Клянусь, «я объ этомъ сожалею. Еслибъ вы не «были женаты, я отдалъ бы за васъ «свою дочь и доставилъ бы вамъ такія «выгоды, что вы сдѣлались бы богатѣйшимъ владѣтелемъ въ Сициліи... «Но такъ-какъ у васъ есть жена, то я «хочу сдѣлать вамъ честь и учтивость, «какъ это обыкновенно дѣлается въ «отношеніи къ людямъ, имѣющимъ велишши достоинства. Изъ уваженія къ «вамъ, я предоставляю вамъ самимъ «назначить свой выкупъ. Я поступлю «какъ вы прикажете. — Сто тысячъ «разъ благодарю васъ, отвѣчалъ Жанъ «де-Турне: за ваше великодушіе и за «честь, которую вы дѣлаете вашему «плѣннику. Я ее вовсе не заслужилъ. «Но такъ какъ вы позволяете, чтобъ я «самъ назначилъ условія своего выкупа, то прошу, чтобъ васъ отвезли въ портъ Кларамъ, гдѣ мы найдемъ «деньги, которыя намъ должно будетъ «внести за себя.—Разумѣется, я согласенъ; все будетъ сдѣлано какъ вы желаете. — Теперь назначьте, какую «сумму каждый изъ насъ долженъ «внести за себя. — Я собралъ самыя «точные свѣдѣнія о вашемъ состояніи, «отвѣчалъ Рожеръ: «я знаю, что вы «очень-бѣдны и очень-расточительны: «Но Гюй де-Шариньи, сынъ стараго «Бартелеми де-Шариньи, у котораго «такъ много денегъ, богаче васъ. Онъ «отсчитаетъ мнѣ сполна десять тысячъ «лерионовъ (тогдашняя греческая монета); изъ этихъ десяти тысячъ я дамъ «вамъ двѣ тысячи, чтобъ вы заказали «себѣ вооруженіе съ моимъ гербомъ, «которое вы будете носить въ память

обоихъ. Вы съ своей стороны дадите мнѣ двѣ тысячи перирокъ, и я велю на нихъ сдѣлать вооруженіе съ самыми гербами, которое буду носить въ знакъ любви моеѣ къ вамъ. Сверхъ того, прешу васъ принять отъ меня въ даръ свободу вашего брата Оттона де-Турне и всѣхъ людей вашихъ. — Хроника Морен представляетъ нѣсколько сценъ домашней жизни рыцарей, пріятно разнообразныхъ вѣчную исторію битвъ и воиуженій. — Маршалъ Николь де Сент-Оверъ, человекъ съ большими умомъ, влюбился въ жену великаго конетабля Ахайн, Жаана Шодрова; по смерти его, онъ воспѣшилъ предложить свою руку молодой и прекрасной вдовѣ и женился на ней. Къ несчастію, она была отъ природы ревнива, и не давала ему покоя и только-что ссорилась съ нимъ. Видя, какъ сперва терпѣлъ, былъ вѣренъ ей въ продолженіе трехъ лѣтъ, и, наконецъ, провидная женщина вообще, въ особенности же свою жену, оставилъ свой замокъ, чтобъ какъ-нибудь разсѣять одолевшую его меланхолю. Наврасно старался онъ успокоить свою ревнивую супругу, давалъ ей страшныя клятвы, что со времени женитбы онъ не зналъ ни одной женщины и представляя, что она можетъ заставить его разорвать гнетущія его окопы, которыя опять на него надѣтъ будетъ очень-трудно. Готовый умереть отъ тоски, онъ разсудилъ, что гораздо-лучше будетъ, если умереть его жена, и умереть отъ любви, то-есть отъ той самой ревности, которою столько его мучила. «Любить женщину низкаго состоянія» сказалъ онъ своимъ друзьямъ: «не стоитъ труда; знатная дама будетъ для меня лучше; Гиллерна объ этомъ узнаетъ, и такъ-какъ это уже дѣло рѣшеное, то я обращусь къ самой знатной дамѣ въ нашей сторонѣ, къ графинѣ Мата-Гриффоне, родной сестрѣ ахайской принцессы и родственницѣ моеѣ жены, которой будетъ это еще болѣе досадно. Планъ былъ выполненъ какъ-нельзя-лучше маршаломъ. Вскорѣ по всей странѣ толкъ и говорили, что объ изгнѣ-

его съ Мата-Гриффоне. Розанна Гиллерна сидѣла одна въ своей комнатѣ, и смотрѣла на стѣны, какъ мужъ ея задвигъ на охоту и рыбную ловлю, веселился и пилъ медъ своей какъ только могъ за скуку, которую онъ вынесъ. Мужъ предпочтенной красавицы, графъ Мата-Гриффоне въ молчаніи переносилъ стѣны, не смѣя явно возстать противъ такого знатнаго рыцаря. Наконецъ, онъ соединился съ братомъ покойной, графомъ Кефаловио, который любилъ и привыкъ смотрѣть на поведеніе своего зятя. Однажды ночью, когда маршалъ отправлялся въ Коринвъ, захватилъ по обыкновенію къ графинѣ Мата-Гриффоне, зять его приказалъ перевести свою сестру на его галеру, и она съ зятѣмъ отправилась въ Коринвъ. Тамъ шли приготовленія къ большому турниру, на которомъ должны были присутствовать герцога венискій, принца ахайскій и множество ессалымитъ бароновъ. Ихъ хотѣли избрать посредниками для умирненія домашней ссоры...

Въ числѣ героевъ, подвига которыхъ описываетъ хроника, привлекаетъ на себя особенное вниманіе рыцарь изъ Шампани, Жофруа де Бриера; это совершенный Французъ въ древнѣмъ смыслѣ слова: живой, откровенный, острый, храбрый и волюнтат. Анекдотъ, который разсказываетъ о немъ лѣтописецъ, даетъ понятіе о привадахъ тогдашней рыцарской чести. Дѣло въ томъ, что греческому императору Михаилу Палеологу очень хотѣлось отдѣлаться отъ непріятныхъ соседей и для этого онъ употребилъ всѣ уловки византійской хитрости. Вдвинули въ предѣлы Греческой-Имперіи войска Виллегардуэна, племянника знаменитаго маршала, какъ шпиона, посланный Палеологомъ, прокрался по французскій лагерь; рыцари взяли его въ плѣнъ, но онъ обманулъ ихъ ложными извѣстіями. Въ испугѣ они не знали что дѣлать, полагая, что окружены

двумя значительными армиями, без всякой возможности отступить, и что только бѣгство можетъ спасти ихъ отъ конечнаго истребленія. Изъ пришла на мысль весьма-низкая продѣлка, до-казывающая по-крайней-мѣрѣ глубокое презрѣніе къ низшему классу. Рыцари согласились тайно оставить лагерь, покинуть своихъ воиновъ на произволъ мечей непріятельскихъ и поклонилися на евангеліи не выдавать никому секрета. Одинъ Жофруа де-Врьюмеръ возсталъ-было сперва противъ подобной низости. «Мы говоримъ однимъ языкомъ, мы братья нашихъ солдатъ», сказалъ онъ: «мы должны умереть вмѣстѣ съ ними, какъ братья ихъ». Его не послушали. Онъ воротился весьма-печаленъ въ свою палатку, которой вершина поддерживалась деревянными столбами; тамъ дожидались его рыцари. Чтoby предупредить своихъ спутниковъ о замышленной измѣнѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ остаться вѣрными своей клятвѣ, онъ прибѣгъ къ слѣдующему средству. Съ копьемъ въ рукѣ подошелъ онъ къ столбу, ударилъ его копьемъ и потомъ, обратясь къ нему, сказалъ: «Столбъ моей палатки! до-сихъ-поръ ты мнѣ служилъ хорошо и вѣрно; еслибъ я измѣнилъ тебѣ и оставилъ тебя въ рукахъ непріятеля, это было бы низко. Не хочу быть виноватъ передъ тобою; слушай же: я и военачальники должны оставить вышедшею ночью лагерь и бѣжать вмѣстѣ. Я клялся, что не скажу объ этомъ ни одному живому человеку; а какъ ты не мужчина и не женщина, то я говорю это тебѣ и клянусь, что это правда». Рыцари приняли это къ свѣдѣнію и предупредили войско, которое сбѣжалось и не позволило своимъ начальникамъ укрыться отъ общей опасности. Правда, они были разбиты, но въ-послѣдствіи отместили за поражение, и Жофруа своимъ безкорыстнымъ поступкомъ приобрѣлъ себѣ только больше славы. Это былъ какой-то герой галло-греческаго феодальнаго рыцарства. Въ хроникѣ онъ почти безпрерывно является на сцену.

Снискавъ себѣ воинскими подвигами прозваніе храбрѣйшаго рыцаря Романа, онъ влюбился въ жену одного изъ своихъ рыцарей, сира Караба. Мужъ смотрѣлъ на эту связь сквозь пальцы, и Жофруа наконецъ увезъ свою красавицу въ Италію, подъ предлогомъ путешествія къ святымъ мѣстамъ для исполненія даннаго обѣта. Все это надѣлало много шума и дошло до короля Неаполя и Сициліи Менфруа, котораго престолъ занялъ въ-послѣдствіи Карлъ д'Анжу. Прочитавъ ему личное наставленіе, король заставилъ виновнаго рыцаря выѣхать въ-теченіе восьми дней изъ его владѣній. Тогда Жофруа отправился къ своему дядѣ и сюзерену Гильому Виллегардуану. Тотъ принялъ его дурно и просталъ лишь благодаря заступничеству и просьбамъ феодалныхъ бароновъ, которые всѣ были его друзьями. Это прощеніе стоило ему увѣзительной сцены: онъ долженъ былъ надѣть веревку на шею и въ этомъ видѣ пасть къ ногамъ своего дяди. — Смерть Жофруа была для всѣхъ истиннымъ горемъ. «Что это было за человекъ! что за воинъ! восклицаетъ Грекъ-хроникѣръ. Цѣлая страна осиротѣла; самыя птицы плакали въ лѣсахъ, и между вѣтвями слышно было глубокое увы!» — «Онъ былъ великодушень» говорятъ тотъ же лѣтописецъ: «защищалъ угнанныхъ, помогалъ бѣднымъ, и никто изъ окружавшихъ его не былъ несчастливъ». — «Всѣ вдовы находили въ немъ мужа» прибавляетъ, можетъ-быть и не безъ намѣренія, позднѣйшіи переписчики.

HISTOIRE DES FRANÇAIS par J. C. L. Simonde de Sismondi; continuée, depuis l'avènement de Louis XVI jusqu'à la Convention des Etats - Généraux de 1789, par Amédée Renée. (Продолженіе Исторіи Французовъ Симонди де Сисмонди, со времени восшествія на престолъ Людовика XVI до созванія генеральныхъ штатовъ въ 1789 году, Амедее Рене).

Знаменитый Женевецъ не кончилъ своей «Исторіи Французовъ». Онъ не дописалъ одного тома и этотъ томъ приналъ на себя издать г. Рене, молодой историкъ, подающій большія надежды. Не смотря на то, что трудъ г. Рене входитъ въ составъ чужаго сочиненія, его можно разсматривать какъ отдѣльное произведеніе, оригинальное по мысли, взглядамъ и направленію, сочиненіе, подъ которымъ Сисмонди едва ли подписалъ бы свое имя: такъ оно во многомъ не согласно съ заветными мыслями республиканца-аристократа. Г-ну Рене предстояло изложить исторію только пятнадцати лѣтъ, но какихъ лѣтъ! Эти годы—предверіе французской революціи, это конецъ и начало французской исторіи. Общество дрожитъ въ своихъ основаніяхъ: тронъ Людовика XVI ломится отъ бури новыхъ идей. Еще до революціи пятнадцать лѣтъ, но она ужъ въ воздухѣ, уже дуется вѣтеръ 1789 года, встаетъ неизвѣстный метеоръ, котораго лучи освѣщаютъ первые годы новаго царствованія и падаютъ на ублещенныя головы Вольтера и Руссо. Уже родились люди, которые будутъ со-временемъ политическими дѣйствозателями, и что же въ это время представляетъ Франція? Съ одной стороны, правительство, утомленное долгой борьбою, безъ авторитета принципа, безъ авторитета какого-нибудь славнаго имени, свѣдаемое старою и неизлечимою раной въ финансахъ, безъ кредита и вѣнчиваго вліянія, тратящее остолахъ жизни и силы въ домашнихъ ссорахъ съ парламентами, мучимое настоящимъ, беззаботное о будущемъ. И когда же? Въ то время, какъ судьбу Англіи держатъ крѣпкія руки обонхъ Паттовъ, въ Пруссіи царствуетъ Фридрихъ-Великій, въ Россіи Екатерина-Великая, въ Австріи Іосифъ II. Съ другой стороны—общество, выросшее и образовавшееся въ школахъ свободнаго сужденія, приготоленное къ смѣлости дѣйствіи смѣлостью мыслей, жадное новостей и преобразованій и уже зовущее таинственную будущность, о ко-

торой одна мечта распаляетъ всѣ воображенія, кружить всѣ головы, заставляетъ биться всѣ сердца. Напрасно Франція и оружіемъ и политикою содѣйствовала независимости Соединенныхъ-Штатовъ: слабый версальскій кабинетъ не могъ извлечь изъ этого событія почти никакихъ результатовъ. Вотъ рама, которую долженъ былъ исполнить г. Рене.

Говорятъ, Сисмонди, умирая, очень сожалѣлъ, что не успѣлъ окончить своего огромнаго сочиненія. Безъ всякаго сомнѣнія, заслуженная репутація этого историка, его обширныя познанія и неоспоримый историческій талантъ составляютъ отчасти результаты это сожалеіе. Его занятія политической экономіей дѣлали его способнѣе многихъ другихъ сказать въ этомъ отношеніи рѣшительное слово о годахъ, предшествовавшихъ революціи. Въ царствованіе Людовика XVI, новая наука начинаетъ покидать школы и книги, виѣшиваться въ дѣла и приницать открытыя ею правила къ управленію государственными богатствами. Никогда, не исключая и настоящаго времени, финансовыя вопросы не занимали столько мѣста во французской исторіи, какъ въ тѣ несчастные годы, когда всѣ умы направлены были къ изысканію средствъ, чтобы поволнитъ огромный дефицитъ, оставленный въ финансахъ расточительностью предшествовавшихъ царствованій. Слѣптомъ недуга считали самымъ недугомъ и думали спасти все, если позволитъ деньгами кассы. Два единственно-замѣчательные человека, принимавшіе участіе въ дѣлахъ того времени, Тюрго и Неккеръ, были экономисты и въ-продолженіе ихъ управленія финансовыя планы занимали ихъ гораздо-больше, нежели политическія преобразованія. Сисмонди зналъ лично Неккера и безъ сомнѣнія могъ сказать много новаго объ этой бурной эпохѣ. Не говоря уже о томъ, что онъ лучше многихъ могъ обсудитъ различныя финансовыя системы, главнѣйшія пруж-

жины дѣйствию правительства. Въ этомъ отношеніи, книга г. Рене представляетъ значительныя несовершенства. Видна неопредѣленность въ понятіяхъ молодого автора о вопросахъ, составлявшихъ насущный интересъ современниковъ и изложенныхъ въ его исторіи слишкомъ-кратко и неполно.

Но съ другой стороны, едва-ли Сисмонди, какъ историкъ, былъ въ состояніи понять истинное значеніе французской революціи. Не смотря на всю его симпатію къ Франціи, онъ не понималъ французской цивилизаціи. Въ двадцати-деяти томахъ его исторіи, на каждомъ шагѣ проглядываетъ узкое и одностороннее сужденіе республиканца, и руководствуясь имъ онъ оцѣниваетъ дѣйствія королей, наиболее способствовавшихъ величію и единству государства. Въ усиліяхъ королевской власти, направленныхъ къ уничтоженію феодальной аристократіи или къ усмиренію эгоистическаго и крамольнаго ослушничества парламентовъ, онъ видитъ дѣйствія мелкаго самовластиа и произвола. Въ его описаніи французскихъ общинъ, даже въ его Исторіи Итальянскихъ Республикъ, вездѣ выкалывается у него ложная мысль, вездѣ онъ жертвуетъ благомъ цѣлаго, единствомъ и независимостью націй мѣстнымъ льготамъ, свободѣ провинцій, кантоновъ, муниципій. Въ этомъ отношеніи, г. Рене не безъ пользы заимствовалъ Сисмонди. Учрежденія, событія, люди представлены у него совершенно въ другомъ свѣтѣ. Онъ явно востаетъ противъ политической роли и мнѣнаго либерализма парламентовъ; онъ не смѣшиваетъ притязаній ревннвой корпораціи, вступающей за сохраненіе своихъ привилегій, съ дѣломъ цѣлой націи.

Первое мѣсто въ этой исторіи, естественно, принадлежитъ Лудовику XVI и Маріи-Антуанетѣ. Въ портретѣ Лудовика нѣтъ лести, не смотря на живое сочувствіе автора къ царственнымъ несчастливцамъ. Зато каждая черта

T. XLVII. — Отд. VII.

его основана на историческомъ документѣ Лудовикъ нѣкоторымъ образомъ самъ показываетъ себя въ своемъ журналѣ, гдѣ дни охоты отиѣчены какъ дни счастья, а противъ тѣхъ, въ которые онъ не охотился, означено: *ми-нью*. Одинъ изъ нихъ—день взятія Бастиліи. Къ Маріи-Антуанетѣ молодой историкъ свисходителнѣе. Тутъ задача его была труднѣе и вопросъ деликатнѣе. Не слагая съ себя правъ историка, онъ съ полною добросовѣстностью углубился во множество мелочей, повѣрилъ факты, завѣсилъ обвиненія, воздвигнутыя мнѣніемъ тогдашняго общества и современными ему сочиненіями противъ чистоты нравовъ Маріи-Антуанеты. Въ живыхъ и прекрасныхъ описаніяхъ представляетъ онъ читателямъ прелести Трианона, посреди которыхъ Маріи-Антуанета въ «пастушечьей шляпѣ и передникѣ, окруженная легкою толпою женщинъ, сама правила лодкой, дѣлалась молочницею бѣгала по луговинамъ». Или концерты, начинавшіеся ночью, на террасѣ, и вечера, о которыхъ такъ дурно отзывались въ публикѣ... Достаточно ли всего этого, чтобъ безусловно осудить Марію-Антуанету? Самое неблагоприятное ей не говоритъ ли въ ея защиту? Не больше ли заботилась бы она о наружности, еслибъ чувствовала себя виновною? По крайней-мѣрѣ, однажды, въ соблазнительной исторіи ожергеля, Маріи-Антуанета была оклеветана; такъ думаетъ г. Рене: не могла ли она быть оклеветана и во всемъ прочемъ? Но авторъ не говоритъ своего окончательнаго мнѣнія, онъ предоставляетъ каждому пронаести собственный приговоръ по тѣмъ даннымъ, которыя имъ собраны. Сисмонди, врагъ королей и королевъ, поступилъ бы въ этомъ случаѣ иначе: онъ осудилъ бы невозвратно.

За королеву и королевую идутъ люди, игравшіе главные роли въ эту эпоху: два брата короля, герцогъ орлеанскій, Моренъ, Верженвъ, Тюрго, Неккеръ, Калоннъ и кардиналъ де-Бриеннъ.

1/4 3

Всѣ эти лица представлены съ своею индивидуальностію каждому физиономіей. Молодой историкъ общается сдѣлаться замѣчательнымъ талантомъ, если судить по той жизни и рельефности, которую онъ умѣлъ придать имъ. Такъ графъ Морепанъ, старый министръ Людовика XVI, котораго смѣшивали въ исторіи съ самыми ничтожными агентами прежняго правительства, получилъ подъ перомъ г-на Рене оригинальность, даже сдѣлался замѣчательнымъ вѣтренностью своего характера, блескомъ и тонкостью своего ума, своею несокрушимую страстью къ стихамъ, пѣсенкамъ и эпиграммамъ. Но всего лучше очерчены Тюрго и Неккеръ, два представителя новыхъ идей въ совѣтъ Людовика XVI. Вотъ какъ авторъ описываетъ Тюрго:

Замѣчательный человекъ въ этомъ министерствѣ былъ Тюрго. Морепанъ звалъ его изъ одного интенданства и помѣстилъ сперва въ морское вѣдомство. Происходя изъ древней чиновничьей фамиліи, Тюрго сдѣлался начальникомъ отдѣленія по сбору податей (*maitre des requêtes*), прежде онъ былъ пріоромъ въ Сорбоннѣ, гдѣ со славою защищалъ богословскіе тезисы; но онъ не чувствовалъ въ себѣ никакого влеченія къ духовному званію. Не смотря на убѣжденія своего семейства, онъ покинулъ его и перешелъ отъ Сорбонны къ энциклопедіи. Онъ имѣлъ почти равную страсть ко всѣмъ отраслямъ человѣческихъ знаній и въ тишинѣ своего кабинета питалъ гордую мысль о возможности всевѣдѣнія. Это былъ умъ, по своему объему и требованіямъ принадлежавшій своему вѣку и школѣ свободныхъ мыслителей; вмѣстѣ съ тѣмъ это была душа великая и возвышенная, съ истинною страстью къ добру. Ни одинъ человекъ въ то время не питалъ болѣе Тюрго прекрасныхъ надеждъ на возможность общественнаго благоденствія, начинавшихъ только-что возрождаться, и не сдѣлалъ изъ своей жизни болѣе безкорыстнаго употре-

бленія. Онъ чувствовалъ, что рожденъ для науки и удивленія, а между-тѣмъ добродѣтельно сдѣлая своимъ началомъ, вступилъ въ жизнь практическую, дѣятельную. Онъ былъ знакомъ со всѣми науками, а между-тѣмъ никогда ни одинъ интендантъ не занимался такъ прилежно своими обязанностями. Поставленный, впрочемъ, умомъ ума своего, на высоту влеченія, онъ старался сойтись съ неслышанною любовью къ людямъ, изъ чистаго желанія быть полезнымъ. Есть чему удивляться, видя, какъ много сдѣлалъ Тюрго въ своей провинціи въ продолженіе десяти лѣтъ... Онъ сдѣлалъ въ этой провинціи роль Салента. За работою это былъ Февелонъ, съ живѣйшимъ чувствомъ дѣятельности, съ умомъ болѣе-твердымъ, рукою болѣе-мужественною. Начала его были новы, въ-особенности для администратора; но таково было влеченіе его личнаго характера, что онъ дѣйствовалъ на министровъ Людовика XVI, и они съ удивленіемъ и почтеніемъ пропускали его реформы.

Почувствительно вѣрнѣе этого мыслителя, бывшаго въ-некоторое время министромъ и принесшаго съ собою столько характера, такой обширный умъ и такое благородное сердце: удивительное и рѣдкое сочетаніе! А между-тѣмъ, чувствуешь, что не онъ великій человекъ, который былъ нуженъ правительству... Чего же еще не доставало Тюрго? Можетъ-быть, въ-некоторыхъ недостаткахъ, въ-некоторыхъ страстяхъ, составляющихъ для человека силы; къ его добродѣтелямъ нужно было бы честолюбіе. Онъ былъ бы великъ, еслибъ жизнь его была не такъ возвышена. Нужно было умѣть сходиться съ высоты и защищаться иногда отъ своего совершенства. Въ этой великой, безкорыстной душѣ были только два страсти: страсть къ наукѣ и страсть къ добру. Но для того, чтобы поддѣржаться противъ столькихъ непріязненныхъ усилій, нужно было любить власть; Тюрго не любилъ ее, онъ ее боялся. На его мѣстѣ ну-

• но было покоряться бездѣмъ мелочей,
• свисходить до хитростей, наблюдать
• всѣ мелкія пружины, посредствомъ
• которыхъ движутся люди. Безъ этого
• Тюрго возстановлялъ ихъ противъ се-
• бя и вредилъ дѣламъ. Все, что онъ
• видѣлъ въ Версали, оскорбляло его, и
• прекрасная фивіонія его сохранила
• на себѣ выраженіе презрѣнія. Онъ
• отворачивался, чтобъ предаваться
• идеямъ и не вѣрилъ ни въ какое дру-
• гое могущество, кромѣ могущества
• истины и справедливости. Приводимъ
• слова его, въ которыхъ онъ весь вы-
• сказывается: «Удивляюсь въ Хри-
• стофорѣ Колумбѣ, говорилъ онъ, не
• тому, что онъ открылъ новый свѣтъ,
• но тому, что онъ отправился отыски-
• вать его, основавшись на вѣрѣ въ
• идею.— Тюрго также предчувствовалъ
• новый свѣтъ и заслуживаетъ удивле-
• нія за то, что искалъ его; но для исто-
• ріи искать и найти — не одно и то
• же».

Не смотря на довольно-неопредѣлен-
ное заключеніе, которымъ Рене окан-
чиваетъ свою книгу, онъ не принадле-
житъ къ фаталистической школѣ исто-
риковъ, для которой въ исторіи все
благо и нѣтъ ничего заслуживающаго
порипанія: и цѣль и средства, и дѣла
Провидѣнія и дѣла страстей человѣче-
скихъ для нея безразличны, какъ фак-
ты дѣйствительности, выше которой
она ничего не знаетъ. Вѣчная цѣль, къ
которой стремится человѣчество, прав-
ственное достоинство человѣка для нея
не существуютъ. Но г. Рене не чуждъ
этихъ понятій; доказательство — самая
его книга, которая безъ этого не была
бы отраднымъ явленіемъ, общаю-
щимъ автору будущую извѣстность.

Французская историческая литера-
тура обогатилась многими замѣчатель-
ными переводами. Первое мѣсто изъ

нихъ занимаетъ переводъ «Исторіи
Швейцаріи» Іоганна Мюллера, сдѣлан-
ный Шарлемъ Монаромъ и Луи Вюлли-
меномъ. Трудолюбивые переводчики
не только исполнили добросовѣстно
свое дѣло и передали французской пу-
бликѣ знаменитое твореніе, но и дове-
ли его до нашего времени. Они надали
свой трудъ въ Парижѣ, подѣ слѣдую-
щимъ заглавіемъ: «*Histoire de la Confé-
dération Suisse, par Jean de Müller (1499),
Robert Glouitz-Blozheim (1517) et J. J. Hot-
tinger (1552); traduite de l'allemand, avec
des notes nouvelles et continuée jusqu'à
nos jours par MM. Charles Monnard et
Louis Vulliemin.* Продолженіе мюллера
ва творенія достойно его. Гг. Монаръ
и Вюллименъ не пощадили ни трудовъ,
ни времени для того, чтобъ прилатъ
своему сочиненію возможное совер-
шенство. Они сами все видѣли, какъ
Геродотъ, собрали всѣ преданія, пере-
рыли всѣ архивы, швейцарскіе и фран-
цузскіе, открытые для нихъ по распо-
ряженію правительства. Теперь мы
имѣемъ полную исторію Швейцаріи, и
эта исторія столько же грустна и пе-
чальна, сколько поучительна. Оба ав-
тора писали ее съ сердечнымъ жаромъ,
съ страстною любовію къ родинѣ, но
съ безпристрастіемъ историковъ, не
льстя ни одной партіи, не придер-
живаясь ни одного мнѣнія. Въ ихъ
исторіи нѣтъ философскаго взгляда
на жизнь и судьбу гельветической
республики; сочиненіе ихъ все изъ
фактовъ; но эти факты выяснены, опи-
саны съ точностію и живостію, такъ
что читатель безъ помощи авторовъ
видитъ постепенное движеніе цивили-
зации, ведущее Швейцарію, вмѣстѣ со
всею Европою, къ лучшей будущности.
— Г-жа Карловичъ перевела съ нѣмец-
каго «Исторію Поэзій Евреевъ» Гердера,
котораго до-сихъ-поръ Французы зна-
ли только по прекрасному переводу
Эдуара Кинэ его «Идей о Философіи
Исторіи Человѣчества». Доказатель-
ствомъ достоинства перевода, хотя сдѣ-
ланнаго женскою рукою, служить уже
то, что Французская Академія обратила
на него свое вниманіе.

Въ числѣ историческихъ новостей нельзя пропустить безъ вниманія прекраснаго и полезнаго изданія, предпринятаго книгопродавцемъ Паньерромъ. Подъ названіемъ Précis historiques, онъ намѣренъ издать исторію государствъ всего свѣта. Довынь вышли: Исторія Ирландіи, Англіи, Пруссіи, Австріи и Океаніи. Это популярное и чрезвычайно-дешевое изданіе ведется людьми, вполне знающими свое дѣло. Въ одномъ, много въ двухъ небольшихъ томикахъ они умѣютъ изложить исторію нѣлаго государства, — и изложить съ замѣчательнымъ мастерствомъ, не оставивъ ничего лишняго, не оцутивъ ничего существеннаго, такъ-что читатель изъ небольшой книжечки, названной, на-прим., Исторіей Пруссіи или Ирландіи, увидать гораздо-яснѣе и лучше судьбы этихъ государствъ, нежели изъ многихъ томовъ, написанныхъ съ претензіями на всякаго рода совершенства. Говорятъ также, что молодой и даровитый авторъ Исторіи Десяти Лѣтъ, Луи Бланъ, собирается издать Исторію Французской Революціи. Нельзя не пожелать скорѣйшаго появленія этой книги, зная талантъ и безпристрастіе ея сочинителя.

Кстати о переводахъ. Съ легкой руки г. Віардо, познакомившаго французскую публику съ лучшими произведеніями Гоголя, доступными для иностранной публики, — въ началѣ нынѣшняго года появился въ Парижѣ другой переводъ съ русскаго. Нѣкто Леузонъ ле-Дюкъ перевелъ часть Героя Нашего Времени, Лермонтова, которую онъ назвалъ Une Saison aux Bains de Caucase (Сезонъ кавказскихъ минеральныхъ водъ). Не знаемъ, почему переводчикъ не счелъ нужнымъ перевести сочиненіе Лермонтова вполне: въ предисловіи онъ говоритъ, что это скорѣе извлеченіе, нежели переводъ, и мы объ этомъ жалѣемъ отъ всего сердца. Романъ Лермонтова, не смотря на свои несовершен-

ства, заслуживалъ лучшей участи. Мы не видали такъ-называемаго перевода и не можемъ сказать объ немъ ничего рѣшительно; но иногда traduttore—traduttore, какъ говорятъ Итальянцы. Переводъ Лермонтова прошелъ почти незамѣченный во французской литературѣ, а этого вовсе не заслуживалъ самый романъ: несколько падаетъ доверіе на переводчика. — Другое дѣло г. Віардо. Ему, безъ всякаго сомнѣнія, мы много обязаны за переводы Гоголя. У насъ до-сихъ-поръ привыкли вѣрить авторитетамъ, особенно авторитетамъ иностранцамъ, и хотя слава Гоголя давно разнесла его имя, вмѣстѣ съ сочиненіями, по всей Россіи, во въ журналистикѣ не прекращались еще мелкія нападки на грѣхъ сальности, которыми, такъ казалось нѣкимъ литературнымъ цѣнителямъ, были наполнены его творенія. Только переводъ этихъ сальностей на иностранный языкъ и безпристрастная оцѣнка этого писателя иностранною критикою, которую въ этомъ случаѣ невозможно обвинить ни въ кумовствѣ, ни въ пристрастіи, заставили замолчать нашихъ доморощенныхъ критиковъ. Правда, вздумали-было распуścić слухи, что г. Віардо, какъ иностранецъ, не зналъ, что дѣлалъ, переводя Гоголя, что онъ былъ увлеченъ нѣкоторыми молодыми людьми, приверженцами какой-то литературной партіи. Но все это не помогло. Теперь г. Віардо печатаетъ въ Illustration прекрасный переводъ Капитанской Дочки, Пушкина. И этотъ выборъ, вѣроятно, внушили г-ну Віардо какіе-нибудь молодые люди, принадлежащіе къ какой-то литературной партіи! Но г-на Віардо уже болѣе было въ Россіи. Что онъ не забылъ нашего радушнаго гостепріимства, доказываютъ его переводы, которыми онъ знакомитъ своихъ соотечественниковъ съ лучшими произведеніями нашей литературы. Отъ души желаемъ, чтобъ г. Віардо продолжалъ лестные для насъ труды свои, руковод-

стваясь въ выборѣ произведеній для перевода однимъ собственнымъ оцененнымъ вкусомъ.

Оканчивая эту статью, мы прочли въ одномъ изъ французскихъ журналовъ извѣстie о выходѣ въ Парижѣ книги, въ двухъ томахъ, подъ названiемъ: *les Poètes russes* (Русскiе Поэты), гдѣ переведены въ стихахъ замѣчательнѣйшiя произведенiя русскихъ поэтовъ трехъ послѣднихъ вѣковъ (depuis trois siècles, какъ сказано въ означенномъ журналѣ). Переводы эти принадлежатъ покойному князю Е. П. Мещерскому, автору «*Roses Noires*», скончавшемуся въ Парижѣ въ прошломъ году. Вогъ, для образца, переводъ «Бородинской Годовщины» Пушкина:

Fétant Borodino, — souvenir éternel,
Jour géant! — nous disions au banquet fraternel:

«Quelle époque pour la Russie!

«Alors l'Europe entière arriva l'embraser,

«Alors Napoléon leva pour l'écraser

«Sa main aux conquêtes durcie!

«Pourtant dans notre sol enfonçant le talon,

«Opposant la poitrine au choc terrible et long,

«Nous n'en craignimes pas l'issue.

«Et la lutte inégale alors s'égalisa;

«Sur notre large sein Hercule se brisa,

«Nous abandonnant sa massue.

«Or, ils ont oublié ces leçons, ces revers,

«Oublié fièrement le froid de nos hivers

«Et de nos baïonnettes russes!

Voilà que de nouveau s'élèvent mille voix

Pour dire à la Russie et crier à la fois:

«Il nous plairait que tu mourusses!

Encor de nos cités on veut faire un brasier;

Encor le sang slave allèche leur gosier;

T. XLVII. — Отд. VII.

«Mais ils païront cher leur ivresse!
«Le vin cuvé, bientôt ils se rendormiront
«Près de ceux qui jadis enfouirent leur front
«Dans notre neige vengeresse!

«Que ne venez-vous pas? Arrivez-nous! voyons!

«Soyez les bien-venus! oui, nous vous couvions!

«Achevez l'orgie incomplète.

«Mais la Pologne, hélas! ne vous recevra plus,

«Sachez, sachez-le bien, ô convives goulus,

«Vous marcherez sur son squelette!

Nous disions vrai. Le jour du grand Borodino,
Vit un serpent de feu rouler son vaste anneau

Autour des murs de Varsovie.

L'assaut saisit au cou, dans son nid, l'aigle blanc,

Prosternée à nos pieds, la révolte en tremblant

Demanda grâce de la vie!

Nous ne frappons jamais et nous n'insultons point
Ceux de nos ennemis qu'abattit notre poingt.

Dieu fit les lions magnanimes!

Pitié pour les vaincus, pitié pour les morts!

Baïllonnons notre histoire, afin que le remords

Ne touche pas à nos victimes!

Nous ne brûlerons pas leur Varsovie, oh! non!

La truëlle rendra ce que prit le canon.

Paix, ô Némésis populaire!

Jamais poète russe en maniant son luth
Ne leur décochera, comme une flèche au but,

Un chant d'outrage ou de colère!

Mais vous, soyez honnis! vous, tribuns insensés!

Forgeurs de mots ardents, imprudemment lancés!

Vous, toscin de la populace!

Vous, de notre pays vils calomniateurs!

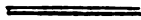
Emeutiers patentés, écrivains, orateurs,

Qui tuez sans bouger de place!

1/3

Vous savez à présent combien nous sommes forts:
 Guerre, peste, révolte, unissant leurs efforts,
 Rien ne nous blesse, et Dieu nous garde!

La Russie est debout, l'orage est loin.
 Voyez!
 Sur les murs polonais, les coudes appuyés,
 Voyez comme elle vous regarde!

VIII.

С М Ъ С Ъ.

КАИРСКИЯ ЖЕНЩИНЫ.—Сцены изъ египетской общественной жизни. (Статья Жерара де-Нералля).

I. Женщины подъ покрывалами.

Въ Каирѣ, болѣе нежели въ другихъ восточныхъ городахъ, женщины герметически закутываются покрывалами. Въ Константинополь, Смирнѣ, сивозъ бѣлую или черную кисею можно иногда видѣть черты прелестныхъ мусульманокъ; даже строжайшія запрещенія рѣдко заставляютъ ихъ закрываться плотнѣе. Но важный, благочестивый Египетъ остался по-прежнему страной загадокъ и тайнъ; тамъ, какъ и прежде, красота скрывается подъ двойными покрывалами, къ величайшей досадѣ легкомысленнаго Европейца; не пробывъ недѣли въ Каирѣ, Европеецъ покидаетъ его и спѣшитъ къ нильскимъ водопадамъ подвергаться другимъ разочарованіямъ, присасаемымъ ему наукой, но въ которыхъ онъ никогда не сознается.

Терпѣніе было величайшею добродѣтелью древнихъ мудрецовъ. Къ чему же спѣшитъ? Остановимся и постараемся приподнять одинъ уголокъ суро-

ваго покрывала богини Саиса. Впрочемъ, не пріятно ли видѣть, что въ странѣ, гдѣ женщины считаютъ пльницами, ихъ можно встрѣтить тысячами на базарахъ, улицахъ и въ садахъ, одѣтыхъ или только въ сопровожденіи ребенка?.. Право, наши европейскія дамы не пользуются такою свободою. Остается лишь покрывало, но и оно совсѣмъ не такъ непроницаемо и страшно, какъ думаютъ.

Между богатыми арабскими и турецкими костюмами, пощаженными еще реформой, таинственная одежда женщинъ придаетъ толпѣ, наполняющей улицы, веселый, правдивый видъ маскарада. Знатныя дамы скрываютъ свои тали подъ легкой тафтяной *халларой*; простыя же женщины драпируются граціозно въ простую синюю шерстяную или бумажную туннику (*камисъ*). Инкогнито лицъ женщинъ, непростирающееся на всѣ прелести ихъ, даетъ волю воображенію. Прелестныя руки, украшенныя перстнями - талисманами и серебряными браслетами и открытыя иногда до самыхъ плечъ, обнаженныя ноги въ легкихъ надушахъ, — вотъ чѣмъ можно любоваться, вотъ по чему можно дѣлать заключенія о прочемъ

безъ всякой обиды ревнивому мужу. Иногда развѣивающіяся складки бѣлоголубаго вѣтчатаго покрывала открываютъ продолговатую маску, навываемую *борютъ*, и выказываютъ прелестный лобъ, черные волосы, вьющіеся мелкими кудрями, какъ на бюстахъ Клеопатры, маленькое ушко съ привѣсками, сдѣланными изъ золотыхъ секиновъ или украшенными бирюзой.

Привидѣ подобныхъ прелестей, взоръ невольно останавливается на замаскированной Египтянкѣ, — а въ этомъ-то и заключается большая опасность. Маска состоитъ изъ узкаго, длиннаго кука волосаевой матеріи, простирающей ся отъ головы до ногъ и съ двумя отверстіями: изъ нихъ-то выглядываютъ два огненные глаза, вооруженные всѣми прелестями, какія только можно заимствовать у искусства. Бровь, орбита глаза, вѣки, даже самыя рѣсницы ожилены приличными красками и, право, не возможно лучше воспользоваться искусственными средствами.

Я сначала не понялъ всю привлекательность таинственности, которою окружаетъ себя прелестнѣйшая половина восточнаго народонаселенія; но нѣсколькихъ дней было достаточно для убѣжденія меня въ то, что женщина, замѣчающая, что она нравится, всегда найдетъ средство показать себя, если она хороша. Дурныя же плотвѣе запырываются — и за это нельзя на нихъ пенять.

Самый городъ, подобно своимъ обитательницамъ, мало-по-малу открываетъ свои прелестнѣйшія части и убѣжища. Въ день приѣзда моего въ Каиръ, я былъ смертельно унылъ и разочарованъ. Нѣсколько часовъ прогулки на ослѣ, въ сопровожденіи драгомана, показали мнѣ, что я проведу здѣсь скучнѣйшіе шесть мѣсяцевъ моей жизни, а между-тѣмъ все уже было устроено такъ, что я не могъ остаться ни одного дня менѣе.

— Какъ! Не-уже-ли это-то и есть городъ *Тысячи и Одной Ночи*, восклицалъ я съ отчаяніемъ; столица каліфовъ и чудаконъ?.. И я болѣе и болѣе углуб-

лялся въ сѣть узкихъ, пыльныхъ улицъ въ оборванныхъ толпы народа, перешагивающаго съ собаками, верблюдами и слонами... Вечерній иракъ быстро скакался на землю, по причинѣ пыльныхъ подымающей ся въ уровень съ высочайшими домами.

Чего добраго ждать отъ этого перепутаннаго лабиринта, равнаго по величинѣ Парижу или Риму, отъ этихъ дворцовъ и безчисленнаго количества мечетей?.. Конечно, не красиво и великолѣпно, но величаво это пережило тридцать повстаній: вездѣ камни рассыпаются, деревья гниютъ. Кажется, путешествуешь во сѣбѣ въ какомъ-нибудь городѣ ишувиннѣ вѣковъ, населенномъ не оживляющими его привидѣніями. Каждый кварталъ, окруженный каменными зубчатыми стѣнами, съ тяжелыми средне-вѣковыми воротами, сохранилъ еще фантомную, которую имѣлъ, вѣроятно, вѣремена Саладина; длинныя проходы на сводахъ ведутъ изъ одной улицы на другую, но чаще не имѣютъ никакихъ выходовъ.

Наступаетъ вечеръ. Мало-по-малу все запирается. Однѣ кофейни еще освѣщены, и курильщизы, сидя на пальмовыхъ кѣблкахъ, при неясномъ свѣтѣ, распространяемомъ зажженными поплавами, нававающими въ насъ, слушаютъ безконечную исторію, распространяемую гнусливыми голосами. Но вотъ замигаются *мушарабы*: это деревянныя рѣшетки замысловатой рѣзной работы, выдающіяся на улицу, закрывающія окна. Свѣтъ, распространяемый ими, недостаточенъ для освѣщенія пути прохожаго, а потому каждый запасается фонаремъ. Впрочемъ въ это время можно встрѣтить на улицѣ развѣ только Европейца или дозонныхъ.

Что касается до меня, я считалъ за лучшее лечь спать въ такое позднее время, десять часовъ вечера. Съ грустными чувствами размышлялъ я, лежа въ постели, о предстоящей жизни въ павшей столицѣ. Мой первый сонъ былъ неприятно прерванъ

какая женщина звуками волынки и дризой. Вьюсь, чувствительно раздражающая мои нервы. Эта упрямая музыка постоянно повторяла на разные тоны одну и ту же мелодическую фразу. Было ли это во снѣ или на дну? Сомнѣніе мое продолжалось нѣсколько времени. Наконецъ, шумъ этотъ до того усилился, что совершенно разбудилъ меня. Я вскоцилъ. Яркій свѣтъ, пробравшійся сквозь рѣшетку окна, объяснилъ мнѣ наконецъ дѣло. На улицѣ толпился народъ. Нѣсколько мужчинъ, почти совершенно нагихъ и похожихъ на древнихъ бойцовъ, съ тою только разницею, что они были вооружены шпагами и щитами, дрались посреди толпы. Я сначала испугался, но потомъ замѣтилъ, что они борются не дрались, а только ударили подъ музыку шпагами по щитамъ. Это театральное сраженіе повторялось послѣ каждыхъ десяти или пятнадцати шаговъ. Множество факеловъ и свѣчи, разставленныя пирамидами, несомыми дѣтми, освѣщали длинное шествіе мужчинъ и женщинъ. Что-то въ родѣ краснаго привидѣнія съ вѣнкомъ изъ драгоценныхъ камней медленно подвигалось между двумя важными старухами. Женщины, въ бѣлыхъ платьяхъ, заключали шествіе и при каждой остановкѣ выпускали странный, гортанный крикъ.

Это была свадьба. То, что я видѣлъ въ окно, только возбудило мое любопытство, и я рѣшился догнать процессію, чтобъ поблизи рассмотреть всѣ подробности ея. Драгоманъ мой, Абдалла, которому я сообщилъ свое намѣреніе, притворно ужаснулся и сталъ удерживать меня, что ночью чрезвычайно опасно ходить по улицамъ, и если Египтяне увидятъ Европейца, вмѣшавшагося въ ихъ увеселенія, то отъ отъ нихъ дешево не отдѣлается и можетъ даже заплатиться жизнью за свою дерзость. По счастью, я купилъ плащъ изъ верблюжьей шерсти, который называется *машалла* и въ который можно залуцаться съ плечъ до ногъ; боролу я уже прежде отлучивъ

себя, а потому оставалось только обвязать голову шарфомъ, и я превратился въ Египтянина.

II. Свадьба при факелахъ.

Труднѣе всего было догнать процессію, скрывающуюся уже въ лабиринтѣ улицъ и переулковъ. Драгоманъ повелъ съ собою бумажный фонарь, и мы бродили на удачу, слѣдуя только по направленію иврѣдка-раздававшихъ ся звуковъ волынки.

Наконецъ, мы вступили въ другой кварталъ, и намъ представилась длинная, ярко-освѣщенная улица, наполненная народомъ. У всѣхъ оконъ, даже на крышахъ толпились любопытные.

Процессія подвигалась весьма медленно, при заунывныхъ звукахъ инструментовъ, какъ-бы подражавшихъ упорному скрипу двери или несмазаныхъ новыхъ колесъ. Виновники этого шума двигались окруженные мужчинами, которые вооружены были кошками. За ними шли дѣти съ огромными панделабрами, распространившими яркій свѣтъ. Бойцы продолжали фехтовать; нѣкоторые изъ нихъ раскачивали на ходуляхъ, размахивая длинными палками; далѣе шли молодые люди со знаменами, которыя украшены были эмблемами и золочеными атрибутами, какъ въ римскихъ торжествахъ; наконецъ, другіе носли маленькія деревья съ гирляндами, лентами и свѣчами, на-подобіе ёлокъ. Въ широкихъ мѣдныхъ лоскахъ, накрытыхъ когнутыми украшениями и надписями и украшенныхъ на длинныхъ шестахъ, отражался свѣтъ факеловъ. Далѣе слѣдовали пѣвицы (*чаломы*) и плясуньи (*валези*) въ полосатыхъ шелковыхъ платьяхъ; у нѣкоторыхъ изъ нихъ открытыя лица были вымазаны румянами и ошьюкой, въ носдрахъ продѣты кольца; другія же оставались тщательно закутанными. Онѣ дѣли и плясали подъ звуками балъ, касланътокъ и бубновъ. Потомъ слѣдовали два ряда невольны-

новъ, съ лицами и коранями, въ которыхъ хранилось приданое молодой; дагье — гости, женщины, закутанныя въ черныя мантильи и въ бѣлыхъ маскахъ, посрединѣ и по сторонамъ мужчины въ богатыхъ костюмахъ; въ подобныхъ случаяхъ, говорилъ мнѣ мой драгоманъ, даже бѣдѣйшіе *феллахи* находятъ средства богато нарядиться. Наконецъ, посреди освѣтительнаго свѣта, разжигаемаго факелами, свѣчами и фонарями, медленно подвигалось красное привидѣніе, о которомъ я уже упоминалъ; то была новобрачная (*аль-аруса*) закрытая съ головы до ногъ богатой шалью. Ничто не можетъ быть страннѣе вида этой длинной фигуры, увеличенной еще пирамидальнымъ головнымъ уборомъ! Дѣвъ старухи, одѣтыя въ черномъ, поддерживаютъ новобрачную подъ локти, такъ-что кажется, будто она скользитъ по землѣ; четыре невольника несутъ пурпурный балахонъ надъ головою новобрачной, а за нею идутъ еще музыканты.

Вдругъ процессія опять остановилась, и дѣвъ разставили стулья, на которые сѣли отдыхать молодая и ея родственники. Пѣвицы продолжали пѣть, и толпа часто въ одинъ голосъ повторяла припѣвы. Я нечаянно выступилъ впередъ и по неволѣ долженъ былъ открывать ротъ вмѣстѣ съ прочими; но другая, болѣе-важная опасность угрожала мнѣ. Я замѣтилъ, что нѣсколько невольниковъ обходили толпу и разносили въ маленькихъ чашечкахъ какую-то жидкость. Долговязый Турокъ, въ красномъ платьѣ, — вѣроятно родственникъ новобрачныхъ, — наблюдалъ за равносвѣтими и съ важностію принималъ поздравленія толпы. Ему оставалось до меня не болѣе двухъ шаговъ, а я рѣшительно не зналъ, какъ ему поклониться, когда мнѣ поднесутъ напитокъ. По счастью, я успѣлъ еще посмотреть, что дѣлаетъ мой сосѣдъ, и когда мнѣ поднесли напитокъ, я поклонился и приложилъ правую руку сперва къ сердцу, потомъ ко лбу и наконецъ ко рту. Потомъ уже я имѣлъ право проглотить свѣтлую жидкость...

Но какое же было мое изумленіе, когда я увидѣлъ, что въ чашкѣ была ароматная вода! Можно ли было предположить, что на свадьбахъ музыкальные инструменты разносятъ враній напитокъ?...

Наконецъ, новобрачная встала и пошла дагье.

Весьма-довольный тѣмъ, что присутствовалъ какъ настоящий шедъ Каира на брачной церемоніи, я наконецъ подозвалъ къ себѣ своего драгомана, перебѣжавшаго на другое мѣсто, чтобъ получить еще чашку ароматнаго онъ и не смотрѣлъ на меня — вранійка начиналъ ему нравиться.

— Войдите за ними въ домъ, сказала дагье.

— А если со мною заговорятъ?

— Отвѣчайте: *такъобъ!* я дѣло съ концомъ. Впрочемъ, я не отойду отъ васъ.

Я уже прежде узналъ, что въ Египтѣ слово *такъобъ* было основой всего языка. Смотря по выраженію, прилагаемому этому слову, его можно сравнить съ англійскимъ *goddam* или съ французскимъ *ah bah!* Но оно также означаетъ: *очень-хорошо, прекрасно, извольте*; выраженіе и въ-особности жестъ придаютъ ему безконечныя отгѣнки.

Въ двери, украшенныя цѣпями и гирляндами, мы вошли на прекрасный дворъ, освѣщенный разноцвѣтными фонарями. Ярно-освѣщенныя покоевыя были уже наполнены гостями, такъ-что мы должны были остановиться подъ галереей. Послѣ я замѣтилъ, что только одна дѣва женщины входила въ домъ, гдѣ снимали свои покрывала.

Между-тѣмъ, какъ женщины были принимаемы новобрачною и ея родственницами, мужъ слѣзалъ на дворъ съ своего осла. На немъ былъ красивый костюмъ, вышитый золотомъ. Вступивъ въ галерею, онъ сталъ привѣщать мужчинъ и приглашалъ ихъ садиться вокругъ низкихъ столовъ, уставленныхъ блюдами въ видѣ пирамидъ. Каждый имѣлъ право сѣсть къ столу; поджавъ подъ себя ноги, вѣтъ дакъ

небудь блудо или чашу и есть пашани. Я остался из сторонъ, чтобъ не пачкаться себѣ *пашани* приличей. Притомъ же большее веселье было на дворѣ, гдѣ уже начались шумными плясми. Труна кубійскихъ плясунувъ выдѣлывала самыя странныя па въ кругу, образовавшемся зрителями; ихъ водила женщина съ опущеннымъ вуадемъ, въ желтой мантии и съ атаганомъ въ рукѣ, которыхъ она то нападала на плясунувъ, то защищалась отъ нихъ. *Уамамы* сопровождали пляски пѣніемъ, ударяя въ бубны. Оркестръ, составленный изъ самыхъ странныхъ инструментовъ, увеличивала шумоту. Въ антрактахъ между плясками, невольники разносили лакомства и разныя угощенія, изъ которыхъ одно было для меня совершенно-ново. Черные невольники брызгали на толпу чѣмъ-то изъ небольшихъ флаконувъ на подобіе перечнику. Нѣсколько капель унало мнѣ на бороду и щеки, и я узналъ, что это была розовая вода.

Минуту спустя, ко мнѣ подошелъ одинъ изъ значительнѣйшихъ гостей и сказалъ нѣсколько весьма-привѣтливыхъ, по-видимому, словъ; я отвѣчалъ драгоценно *таибѣ*, и онъ остался совершенно-доволенъ. Когда онъ отошелъ, я спросилъ драгоманна, чего онъ отъ меня хотѣлъ.

— Онъ пригласилъ васъ пожаловать въ домъ посмотреть на молодую, отвѣчалъ Абдалла.

Хоть я и принялъ приглашеніе, но такъ-какъ мнѣ предстояла только прогулка по комнатамъ, мно герметическимъ-закрытымъ женщинамъ, то я и не считалъ за нужное сдержать слово. Правда, новобрачная и подружки ея являются въ это время передъ гостями въ великолѣпныхъ костюмахъ, не видныхъ на улицѣ подъ черной мантией, но я не рѣшался войти въ домъ, опасаясь попасться въ пресакъ съ своимъ *таибѣ*. Вѣсть съ драгоманомъ вышла, и я къ воротамъ на площадь Эббекиѣ.

— Жаль! сказалъ драгоманъ: — вы посмотрѣли бъ хоть на зрѣлище.

— На какое зрѣлище?

— На комедію.

Я подумалъ, что зрѣлище это было не что иное, какъ знаменитый *Карагуецъ*, но — ошибся. Карагуецъ бываетъ только во время религиозныхъ празднествъ: это шествіе, символъ чрезвычайной важности. Свадебное же зрѣлище должно было просто состоять изъ маленькихъ комическихъ сценъ, сыгранныхъ мужчинами, для препровожденія времени послѣ того, какъ новобрачные удалятся съ родными на женскую половину.

Празднованіе этой свадьбы продолжалось уже недѣлю. Драгоманъ рассказывалъ мнѣ, что въ день подписанія контракта происходило закланіе барановъ на порогѣ дома, до выхода новобрачной; онъ говорилъ мнѣ еще о другой церемоніи, когда разламываютъ сахарный шаръ, изъ котораго вылетаютъ два голубя; — по полету этихъ птицъ дѣлаются разныя заключенія. Всѣ эти обряды имѣютъ, вѣроятно, связь съ преданіями древности.

Эта ночная сцена произвела на меня сильное впечатлѣніе. Какъ странно, что богатые и бѣдные справляютъ свои свадьбы съ одинакимъ шумомъ и блескомъ! Впрочемъ, мнѣ не нужно платить ни музыкантамъ, ни плясунамъ, ни шутамъ, потому-что эти люди болшую частію друзья ихъ, либо собираютъ подаваніе съ присутствующихъ. Костюмы имъ оложаютъ; каждый гость приноситъ съ собою свою свѣчу или факелъ; а діадема бѣднѣйшей новобрачной такъ же осыпана алмазами и рубинами, какъ и діадема дочери пашы. Гдѣ можно найти болѣе дѣйствительное равенство?... Эта молодая Египтянка, быть-можетъ, не хороша подъ своимъ покрываломъ, не богата, не смотря на драгоценную діадему, а между-тѣмъ и у ней есть свой день торжества и славы, когда цѣлый городъ любитъ ея и когда она идетъ пышная какъ царица, радостная какъ невеста, таинственная какъ

древняя богиня Нила. Только одинъ человекъ узнаеть тайну работы или безобразія ея, и въ вознагражденье даже случаю самолюбіе его не постраждеть, потому что безобразіе жены его останется тайною для всѣхъ; притомъ же, въ случаѣ разочарованія, каждый мужчина, въ этой блаженной странѣ, имѣеть право нѣсколько разъ возобновлять этотъ день благополучія или шлюзей!

III. Драгоманъ Абдалла.

Мой драгоманъ человекъ рѣдкій, но мнѣ кажется, единственнъ — важнѣйшій слуга для такого незначительнаго господина, каковъ я. Въ Александріи, на палубѣ парохода *Levyde*, онъ предсталъ предо мною во время своей бласвѣ, — приставъ къ пароходу въ сопровожденіи ослерннанаго негра, несшаго за нимъ трубку, и другаго, младшаго драгомана. На немъ была длинная туника, представлявшая рѣзкій контрастъ съ цѣлымъ его лицемъ, на которомъ пубійская борода разсыпалась ночью на маскѣ, ослѣдствіемъ какой-нибудь египетскаго селенія; тяжелыя золотыя кольца висѣли въ ушахъ его, и важная поступь съ перваго взгляда внушала къ нему уваженіе.

Между пассажирами не было ни одного Англичанина, и потому драгоманъ привезъ ко мнѣ, за неизбѣимъ лучшаго хозяина. Мы вѣстѣ перѣехали за берегъ; онъ навралъ четьрнадцать ослонъ, для себя, для своей свиты и для меня, и повезъ насъ прямо въ английскую гостиницу, гдѣ меня приняли въ милости, на шестьдесятъ піастровъ въ день; что же касается до негра, то онъ, также въ милости, удовольствовался половиной этой суммы для себя и ослонъ свиты.

Пропутивъ цѣлый день въ сопровожденіи этой важной свиты, я убѣдился въ неважности втораго драгомана и даже негрѣнка. Абдалла охотно согласился отпустить своего помощ-

ника; что же касается до маленькаго негра, то онъ оставилъ его при себѣ на свой счетъ, увеличивъ притомъ свое собственное жалованье десяткомъ піастрами въ день, такъ что мнѣ оставалось платитъ ему только двадцать, т. е. около пяти франковъ.

Прибывъ въ Каиръ, мы опять направились къ английской гостиницѣ на площади Эзбекиѣ. Я остановилъ своего ослонъ, узнавъ, что тамъ тѣ же шлюзы, какъ и въ Александріи.

— Такъ же угодно ли вамъ ѣхать въ гостиницу Вагнера въ Франкисонъ-Кварталѣ? спросилъ меня честнѣйшій Абдалла.

— Мнѣ угодно ѣхать въ не-английскую гостиницу.

— Тутъ есть французская гостиница Домѣрга.

— Вѣрно туда.

— Извольте, я привезу васъ, не оставятеъ тамъ не могу.

— Отъ чего?

— Потому что тамъ платятъ въ день сорокъ піастровъ. Это мнѣ не нравится.

— А меня, напротивъ, очень радуетъ.

— Вамъ, какъ иностранцу, это все равно; но я здѣшній и обыкновенно службу господанъ-Англичанинъ; слѣдательно, долженъ поддерживать свою честь.

Мнѣ, однакожъ, казалось, что и сорокъ піастровъ весьма порядочная цѣна въ странѣ, гдѣ все въ шестеро дороже, нежели во Франціи, и гдѣ работнику платятъ въ день одинъ піастръ, равный пяти французскимъ су.

— Впрочемъ, продолжалъ Абдалла: — я устрою это дѣло. Вы можете прожить два или три дня въ гостиницѣ Домѣрга; я буду навѣщать васъ какъ пріятель, а между-тѣмъ принуду вамъ квартиру въ городѣ, и тогда буду жить при васъ.

Узнавъ, что Европейцы, пріѣзжающіе въ Каиръ на продолжительное время, обыкновенно наемаютъ себѣ отдѣльные дома, я далъ Абдаллѣ по-

диръ владеть распоряжаться по его благоусмотрѣнiю.

Гостинница Домбрга находится въ параднѣ, выходящемъ на главную улицу Франческа-Квартала; гостинница эта очень опрятна и хорошо содержится. Маленькiй, квадратный дворикъ покрытъ легкой рѣшеткой, обвитой виноградными лозами. Въ верхней галереѣ дома устроилъ себѣ мастерскую французскiй живописецъ, человекъ добродѣтельный, хотя нѣсколько-глухой, и съ талантомъ, хотя приверженець дессертотипа. Онъ по-временамъ приводитъ къ себѣ торговцевъ эдепсынами и сахарными тростяниками, которыхъ служатъ ему *датурщиками*. Онъ охотно дозволяетъ ему рѣзать формы глянцѣйшихъ египетскихъ пламенъ, но не снимаютъ покрывала съ лица: это послѣднее убѣжище восточной скромности.

Слѣдя того, при французской гостинницѣ есть довольно-красивый садъ; общiй взглядъ ея довольно-усиленно представляетъ трудность разнообразить европейскiя кушанья въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни говядины, ни телатины. Этого обстоятельство и объясняетъ дороговизну англiйскихъ гостинницъ, гдѣ продолжаютъ привозную говядину и вельень. Англiчаннинъ, въ какой бы странѣ ни былъ, всегда остается вѣрнъ своему ростбифу, картофелю и портеру или адо.

За общимъ столомъ я встрѣтилъ полковника, епископа *in partibus*, живописцевъ, преподавателямицу азыковъ и двухъ Индiйцевъ изъ Бомбея, гувернёра и воспитанника. Вѣроятно, сильно-придравленные кушанья, подаваемые намъ, возмались мнѣ слащомъ-приторными, потому что они принесли съ собою серебряныя стаканы съ перцомъ и какою-то особенною горчицею, которыми усыпали всѣ блюда. Они предлагали мнѣ своей приправы. Мнѣ казалось, что я жевалъ раскаленные уголья.

Для полноты описанiя французской гостинницы, я долженъ сказать, что въ бывшій столъ ертенъвно, а въ нынѣшнѣе

жидкѣ биллярдъ. Изъ этого читателю могутъ вѣдать, что не стоило и выбѣжать изъ Марсели. По-моему, ужь коли жить въ Египтѣ, такъ жить совершенно по-восточному.

За триста пѣстровъ въ годъ (около 75 франковъ), можно имѣть прекрасный домъ въ нѣсколько этажей, съ дворомъ и садомъ. Абдалла показалъ мнѣ нѣсколько такихъ домовъ въ Греческомъ-Кварталѣ. Въ нихъ были великолѣпныя залы съ мраморными полами и фонтанами, галереи и лѣстницы, какъ въ герузскихъ или венецианскихъ дворцахъ; дворы, окруженные колоннадой, и сады съ драгоцѣнными, рѣдкими деревьями; тамъ можно было жить царицею, — стоило только населить эти богатые дома слугами и невольниками. Замѣчательно, что при всемъ этомъ великолѣпiи не было ни малѣйшаго удобства, ни даже стенокъ въ красивыхъ вычурныхъ оконныхъ рамахъ. Вездѣ либо душнo, либо дыро. Большая часть жителей живетъ такимъ образомъ въ Каирѣ, но за то они часто бываютъ наказываемы жестокии болѣзнями. Я не чувствовалъ ни малѣйшаго желанiя жить въ одномъ уголку, окруженномъ дворомъ, тѣмъ болѣе, ибо большая часть этихъ адалiй, принадлежавшихъ стариннымъ угасшимъ аристократическимъ семействамъ, гродитъ разрушенiемъ.

Наконецъ, Абдалла явилъ мнѣ домъ не столь обширный, но болѣе-удобный и безопасный. Англiчаннинъ, недавно жившiй въ немъ, вѣдѣлъ вставить стекла, и всѣ охотились смотрѣть на это, какъ на рѣдкость. Надобно было признать кварталнаго шенка, чтобъ заключить условiе съ хозяйкой, вдовою Копта. У этой женщины болѣе двадцати домовъ, записанныхъ только на ея имя, но принадлежащихъ большою частию иностранцамъ, немнѣющимъ права владѣть въ Египтѣ недвижимыми имуществомъ. Домъ, навѣтъ мною, принадлежалъ одному чиновнику англiйскаго консульства.

Условiе написано по-арабски. Я заплатилъ за него и доблестно и щедро

ка, судью и начальника сосѣдней караульна, далъ бачи (на водку) писарямъ и слугамъ и тогда только шепкъ вручилъ мнѣ ключъ. Этотъ инструментъ не походитъ на наши ключи: онъ состоитъ изъ простаго куска дерева, на концѣ котораго вбиты, какъ-бы на улачу, пять или шесть гвоздей; но расположение гвоздей расчитано по устройству замка и дыры въ двери; деревянный ключъ втыкають въ эту дыру, и гвозди его соотвѣтствуютъ маленькимъ внутреннимъ дырочкамъ, за которыми находится деревянная задвижка или щеколда. Ключъ въ карманъ класть невозможно: его носятъ за поясомъ.

Одного ключа было недостаточно для вступленія во владѣніе домомъ; надобно было запастись еще мебелью, соотвѣтственной внутреннему роскошному убранству. Но въ Каирѣ на мебель не прихотливы. Абдалла проводилъ меня на базаръ, гдѣ мы могли отыскать себѣ нѣсколько оконъ ваты и отрѣзать достаточный кусокъ персидскаго цвѣтнаго холста, изъ которыхъ обойщики въ нѣсколько часовъ соорудили намъ диваны, закрывающіе ночью постель. Деревянная мебель состоитъ изъ продолговатой крѣпкой, дѣлаемой при насъ изъ пальмовыхъ сучьевъ: это легко, гибко и прочно. Прибавьте къ этому круглый столъ, нѣсколько чашекъ и длинныхъ трубокъ — и можете смѣло принимать у себя лучшее общество города. Впрочемъ, чашки и трубка можно брать напрокатъ изъ ближайшей кофейной. Только у одного у насъ есть полная мебель: ковры, лампы, часы; но и у него она служитъ только для показанія любви къ искусствамъ, ремесламъ и европейскому прогрессу.

Мнѣ не доставало еще для роскошной мебелировки ковровъ и занавѣсокъ. На базарѣ я встрѣтилъ Жида, который очень-услужливо вышталс между Абдаллою и купцами, чтобъ доказать мнѣ, что меня обирали съ двухъ сторонъ. Жидъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ проводить меня до дому, и такъ безъ церемоній утѣлся на

одномъ изъ дивановъ; надобно было подать ему трубку и чашку кофе. Его зовутъ Юзефомъ; три мѣсяца въ году онъ занимается разведеніемъ шелководныхъ червей, а остальное время ходитъ смотрѣть зрѣютъ ли его деревья и будетъ ли прибыль. Съ путешественниками, и особенно съ Французами, онъ знакомится только для практики для усовершенствованія себя во французскомъ языкѣ.

Мой домъ находится въ улицѣ Баттаго-Квартала, близъ воротъ, ведущихъ къ шубрахскимъ аллеямъ. Противъ моихъ оконъ кофейная, немного оконъ станція ослонъ, называемая за одну пѣстръ въ часъ; даже, небольшая мечеть съ минаретомъ. Протяжный, чистый, звучный голосъ муэдзина, раздававшійся съ высоты башни послѣ солнечнаго заката, навелъ на меня въ первый вечеръ невыразимую тоску.

— Что онъ тамъ распевае? спросилъ я драгомана.

— Нѣтъ Бога, кромѣ Бога.

— *Ja Allahъ иль Аллахъ!*.. Это иреченіе я знаю; а еще что?

— О вы, отходящіе ко сну, поручите ваши души вѣчно-неусыпному!

Съ самаго пріѣзда моего въ Каиръ, я перебираю въ умѣ своемъ всѣ исторіи *Тысяча и Одной Ночи*, и мнѣ снятся всевозможные великаны и чудовища. Во Франціи много смѣются надъ демонами, порождаемыми сономъ, и видятъ въ этомъ одно слѣдствіе восторженнаго воображенія; но все-таки эти сновидѣнія происходятъ изъ насъ, и мы раздѣляемъ всѣ ощущенія дѣйствительной жизни. Въ такой жаркой странѣ, какъ Египетъ, сонъ часто чрезвычайно тяжелъ и непріятенъ, а потому, говорятъ у постели наши всегда стоятъ невольники, которому поручено будить его при малѣйшемъ признакѣ безпокойнаго сна.

Но не лучше ли просто поручить себя, съ усердіемъ и полною довѣренностью, Тому, — Кто вѣчно неусыпающъ!

IV. Невыгоды холостой жизни.

Я уже разсказалъ исторію своей первой ночи: и такъ весьма-подробно, что

я всталъ на другой день очень-поздно. Абдалла навѣстилъ меня о посѣщеніи шенна, приходившаго уже утромъ.

Этотъ почтенный старикъ съ длинной бѣлой бородой, ожидалъ моего пробужденія въ кофейной съ свеничь-сиретаремъ и негромъ. Терпѣливость его не удивляла меня: всякій Европеецъ не ремесленникъ и не купецъ считаетъ ся въ Египтѣ важной особой.

Шенкъ говоритъ; Абдалла переводилъ:

— Онъ принесъ вамъ назадъ деньги, заплаченные вами за заемъ дома.

— Отъ-чего? Зачѣмъ?

— Онъ говоритъ, что не знаетъ ни вашего образа жизни, ни вашей нравственности.

— Развѣ я веду себя дурно?

— Не то; онъ только говоритъ, что не имѣетъ о васъ никакихъ свѣдѣній.

— Такъ, стало-быть, онъ послѣ отдачи дома возмнѣлъ обо мнѣ дурное мнѣніе.

— Онъ думалъ, что вы будете жить съ женой.

— Да я не женатъ.

— Это не его дѣло; но онъ говоритъ, что у вашихъ сосѣдей есть жены, и они будутъ безпокоиться, если узнаютъ, что вы человекъ холостой. Таковъ ужъ обычай въ здѣшнемъ кварталѣ.

— Такъ чтѣ же мнѣ дѣлать?

— Выѣзжайте, или возьмите къ себѣ въ домъ женщину.

— Да скажи ему, что у насъ неприлично жить съ женщиной, съ которою мы не заключали брака.

Отвѣтъ старика на мое замѣчаніе былъ исполненъ отеческаго участія, котораго словами передать невозможно.

— Онъ даетъ вамъ совѣтъ; сказалъ Абдалла: — говорить, что такой господинъ (*эффенди*) не долженъ жить одинъ, и никакіе законы не могутъ запретить кормить женщину и дѣлать ей добро. Разумѣется, еще лучше содержать нѣсколькихъ женщинъ, но коли это воспрещаютъ законы вѣры, такъ должно довольствоваться и одною.

Разсужденіе старика тронуло меня;

однакожь, моя европейская совѣсть противилась совѣту, вѣрность котораго я повнѣлъ только въ-послѣдствіи, когда ближе познакомился съ положеніемъ женщинъ въ этой странѣ. Я просилъ шенка обождать и дать мнѣ посовѣтоваться съ друзьями на-счетъ того, чтѣ мнѣ дѣлать.

Я навнѣлъ домъ на шесть мѣсяцевъ, изблгивая его, былъ имъ очень-доволенъ и хотѣлъ только освѣдомиться о мѣрахъ для воспрепятствованія шенку нарушить условіе потому только, что я не женатъ. Долго колебался я, и наконецъ рѣшился просить совѣта у живописца, жившаго въ гостиницѣ Домѣрга и посѣтившаго меня уже въ таинства своего лагерротина.

Я отправился къ нему черезъ площадь Эзбеніе, но на углу улицы, заворачивающей во Франкскій-Кварталъ, я услышалъ радостныя восклицанія, раздававшіяся на обширномъ дворѣ, на которомъ провожали въ это время красивыхъ лошадей. Одинъ изъ проводниковъ вдругъ бросился ко мнѣ на шею и обнялъ меня: то былъ дюжій парень въ синемъ кафтанѣ и шерстяной чалмѣ желтоватаго цвѣта; всмотрѣвшись въ лице его, я вспомнилъ, что видѣлъ его на пароходѣ.

— *Тайбы! Тайбы!* кричалъ я всю всю мочи, стараясь высвободиться изъ объятій молодаго парня и осматриваясь, чтобъ позвать къ себѣ на помощь своего драгомана; но Абдалла скрылся въ толпѣ: ему, вѣроятно, совѣстно было показать, что онъ состоитъ при человекѣ, находящемся въ такой тѣсной дружбѣ съ простыми конюхоми. Почтенный мой драгоманъ, избалованный англійскими туристами, забывалъ, что самъ Мухаммедъ насъ верблюдовъ.

Молодой Египтянинъ потащилъ меня за собою на конюшенный дворъ египетскаго пашы, и тамъ я встрѣтилъ болѣе-приличнаго знакома, Сенда-Агу, только-что возвратившагося изъ Парижа, куда онъ отвозилъ лошадей въ подарокъ королю отъ пашы. Сенда-Ага также узналъ меня и, болѣе умѣренный въ своихъ изъясненіяхъ дружбѣ

посадила меня возле себя на деревянном диванѣ, предложилъ трубку и кофе. Какъ черту народного характера, я долженъ прибавить, что конюхъ счелъ себя въ эту минуту достойнымъ нашей компании, сѣлъ на землю, поджавъ подъ себя ноги, и также пролучилъ трубку и маленькую чашку самого горячаго кофе. Около насъ не замедлила образоваться толпа.

Абдалла, замѣтивъ, что я нашелъ болѣе-приличнаго знакома, наконецъ показавъ и помогъ намъ объясниться. Я зналъ уже, что Сеидъ-Ага добрый малой, и хотя мы во всю дорогу объяснились только пантомимой, я, однажды, быдъ съ нимъ уже въ таинхъ сношеніяхъ, съ могъ повѣрить ему свои дѣла и просить у него совѣта.

— *Мащаллахъ!* вскричалъ онъ:—шеникъ правъ; молодой человекъ ранилъ лѣтъ долженъ бы уже жениться нѣсколько разъ!

— Вы знаете, замѣтилъ я робко:— что по нашей религіи можно жениться только на одной женщинѣ, съ которою нельзя уже разставаться, а потому намъ надобно долго думать и выбирать, чтобъ не попасть въ просакъ.

— Ахъ, я не говорю о вашихъ руми (европейскихъ женахъ), возразилъ онъ, ударивъ себя по дѣу:—онѣ принадлежатъ всѣмъ, кромѣ насъ; онѣ, бѣдняжки, показываютъ голое лицо встрѣчному и поперечному. Повѣрите ли, продолжалъ онъ смѣясь и обратившись къ прочимъ Туркамъ, окружавшимъ насъ:— всѣ женщины безъ изысканія смотрѣли на меня такими глазами, что мнѣ самому становилось стыдно! А были и такія безстыдницы, которыя требовали, чтобъ я поцаловалъ ихъ!..

Замѣтивъ, что слушатели были скандализированы въ высшей степени, я счелъ долгомъ объяснить имъ, что, дѣрствителю, Сеидъ-Ага смѣшивалъ корыстолюбивое безстыдство нѣкоторыхъ женщинъ съ невиннымъ любопытствомъ большей части ихъ.

— Хотя бъ, продолжалъ Сеидъ-Ага, въ отъѣздъ на мое замѣчаніе, показавъ мнѣ только выраженіемъ надю-

важнаго самолюбія:— хотя бъ эти красавицы заслуживали того, чтобъ правозвѣрный пожелалъ дѣтъ поцаловать себя руку, а то куда! всѣ онѣ зиннія растерія, безъ цѣта и захака, болѣзненныя существа, проголодавшіяся, потому-что ничего не ѣдятъ, и съ талыни, которыя можно обхватить двумя пальцами. Тѣфу! А ужъ женятся на нихъ—слуга покорный! Онѣ такъ дурно воспитаны, что остаются сверху дномъ весь домъ и следуютъ съ ума смага кроткаго мужа. У насъ мужчины живутъ съ мужчинами, а женщины съ женщинами; только отмигъ способны и можно приобрести миръ и тишину въ домѣ.

— Но развѣ вы не живете въ своихъ гаремахъ съ женами? сказалъ я.

— Боже бессмысленный! вскричалъ онъ:—да есть ли возможность жить съ ними вмѣстѣ? Онѣ оглушаютъ насъ своей несносной болтовней!.. Развѣ вы не замѣтили еще, что здѣсь мужчины, которыми нѣчего дѣлать, гуляютъ или проводятъ время въ банѣ, въ кофейной, въ мечети, или въ гостяхъ? Гораздо-приятнѣе бесѣдовать съ друзьями, слушать исторіи или мечтать, курить трубку, нежели разговаривать съ женщинами, которыя заняты грубыми предметами, нарядами или злословіемъ?

— Но вѣдь вы обладаете же съ ними?

— Совсѣмъ-нѣтъ. Онѣ обладаютъ имѣстѣ или деревнѣ, какъ иныя заблагоразсудится, а мы особо, или, съ родными или друзьями. Правда, есть нѣкоторое число Турковъ, поступающихъ иначе; но ихъ не уважаютъ, потому-что они ведутъ жизнь нивкую и бесполезную. Обхожденіе съ женщинами дѣлаетъ мужчину жаднымъ, egoистомъ и жестокимъ; оно уничтожаетъ между нами братство и дружбу; оно бываетъ причиною ссоръ, несправедливостей и жестокостей. Пусть каждый живетъ съ подобными себѣ! Довольно и того, что въ часы отдыха или въ возвращеніи домой, хозяинъ встрѣчаетъ улыбающіяся лица, роскошныя формы, красивые ослѣтыя, или что, любясь тан-

жизни женщины, она может почти возноситься въ тропе небо, гдѣ обитаютъ метафизическія и чистыя дѣвы, которымъ одніе достойны сдѣлаться иконами подругами правды и истины!

Общее ли все мнѣніе Турковокъ — не знаю; но мнѣ кажется, что въ немъ не столько проявляется презрѣніе къ женщинамъ, сколько въ этомъ остаткѣ древняго педантизма, ставящемъ чистую любовь выше всего смертнаго. Обожжаемая женщина есть не что иное, какъ отвлеченный призракъ, какъ недовершенный идеалъ божественной женщины, которой суждено сдѣлаться женой подругой мусульманова.

Вотъ идея, заставившая полагать, что Турки отрываютъ душу въ женщинахъ; но теперь известно, что истинно-благомысливша мусульманинъ надѣются осуществить на томъ свѣтѣ идеалъ мужей своихъ. Религіозная исторія Турковокъ имѣетъ своихъ святыхъ женъ и пророкинь, и дочь Мухаммеда, слава ея Фатима, — царица этого женскаго рая.

Послѣ долгихъ разсужденій, Сидъ-Ага посоветовалъ мнѣ, наконецъ, пригласить мусульманскую вѣру; я поблагодарилъ его улыбаясь и общалъ по душамъ. Разставшись съ нимъ, я былъ еще въ большомъ затрудненіи; велели краше. Я рѣшился привести въ неподвижнѣ свое прежнее намѣреніе, т. е. идти посоветоваться съ глухими живущимъ, живущимъ въ гостиницѣ До-сифра.

V. Муски.

Задавленныя женщинами городъ начинаетъ оживляться. Бульваръ, обходящій вокругъ площади Эзбеніе, защищенъ отъ солнца аллею жалкихъ, тонкихъ деревьевъ; но на немъ рядъ большихъ и высокихъ домовъ рисуется на свѣломъ небѣ зигзагами. Мѣсто это обыкновенно шумно, многолюдно; въ вѣтхихъ закусочкахъ и переферектахъ видать торговли апельсинами, бананами и золотыми сахарными тростни-

комъ, который народъ жуетъ съ особеннымъ наслажденіемъ; тутъ же собираются пѣвцы, бойцы и псалмы съ огромными змѣями, обвитыми вокругъ шеи. Веселый старичокъ показываетъ кулаки на дружинахъ, кричащихъ ласково-неблагопрістойнымъ образомъ. Тема женщинъ, дѣтей и военныхъ машина апплодируетъ этой неприличной кукольной комедіи. Далѣе, усталая обезьяна защищаетъ палкою отъ себя, науськиваемыхъ на нее мальчишкановъ. Далѣе высится монастырь дервишской-токарей, дающихъ по вторникамъ публичные уроки; далѣе, на огромныхъ верстахъ рисуется большая чучела крокодила, служащая вытѣской ложа, изъ котораго отираются экипажи отъ Каира черезъ степи до Суэца. Экипажи эти весьма легки, съ большими отверстіями, въ которыя свободное дуеетъ вѣтеръ и валетаетъ пыль; но отверстія не могутъ быть меньше: иначе путешественники могутъ задохнуться.

Пойдемте далѣе. Вотъ направо европейскій кабакъ, т. е. обширный погребъ, гдѣ, вмѣстѣ прилава и столотъ, разставлены бочки. Передъ входомъ обыкновенно стоитъ человекъ съ красивымъ лицомъ и предлинными усами, величественный представитель Фраккоса. Неизвестно, откуда этотъ человекъ родомъ: изъ Мальты ли, Італіи, Испаніи, или Марсели? Презрѣніе его къ турецкому костюму и увѣренность въ превосходствѣ европейскихъ модъ заставилъ его создать себѣ довольно оригинальный костюмъ, состоящій изъ синяго сюртука съ петельками, давно уже, по-видимому, оловѣвшими отъ пуговицъ, — красныхъ панталонъ, поверхъ которыхъ надѣты сапоги съ кисточками и шпорами. Воротничокъ рубахи, опущенный вокругъ голой шеи, и бѣлая низкая шляпа смягчаютъ воинственный видъ усомъ, синяго сюртука и красныхъ панталонъ.

Почти напротивъ кабака, взоръ погружается въ узкій проходъ, гдѣ правитъ нищій съ обрубленными руками и ногами; этою несчастіемъ приближа-

еть къ человѣколюбію и сострадательности Англичанъ, безпрестанно тутъ проходящихъ, потому-что гостиница Вагхорна находится въ этомъ переулкѣ, ведущемъ еще къ каирскому театру и библіотекѣ для чтенія г. Бюссона съ большою выѣской, написанной на французскомъ языкѣ. Тутъ сосредоточиваются всѣ удовольствія цивилизаціи. Продолжая путь, вы встрѣчаете красивый домъ съ выпуклыми и раскрашенными арабесками. Потомъ улица образываетъ тупой уголъ, и шаговъ двадцать вы должны пробиваться сквозь толпу ослонъ, собакъ, верблюдовъ, торговкозъ огурцами и хлѣбомъ. Ослы прыгаютъ, верблюды вонзятъ, собаки не отходятъ отъ дверей трехъ мясниковъ. Этотъ уголокъ имѣлъ бы свою оригинальную арабскую цивилизацію, еслибъ въ двухъ шагахъ отсюда не бросалась вамъ въ глаза выѣска *трамплинъ*, наволакиваемой Итальянцами и Мальтійцами.

Тутъ развивается передъ вами въ полномъ блескѣ своемъ большая торговая улица Франческаго-Квартала, попросту называемая *Мускі*. Первая часть, выложенная покрывал холстомъ и досками, представляетъ два ряда красивыхъ лавокъ, гдѣ всѣ европейскія націи выставляютъ свои общепотребительнѣйшія проваженія. Англія переплетаетъ своими матеріями и посудой, Германія сукнами, Франція медами, Марсель приюстами, говядиной, сберегаемой впрокъ, и т. д. Я отдаляю Марсель отъ Франціи, потому-что на Востокъ воображаютъ, будто Марсельцы образуютъ отдѣльную націю.

Между лавками, въ которыхъ европейская промышленность завлекаетъ богатѣйшихъ жителей Каира, Турковъ-реформистовъ, Коптовъ и Грековъ и вообще людей, болѣе способныхъ сообразоваться съ нашими обычаями, есть англійская пивоварня, гдѣ можно, съ помощью портера, вля или мадеры противодействовать иногда ослабляющему дѣйствию воды Нила. Другое спасеніе отъ восточной жизни — аптека

Кастанайола, гдѣ весьма-часто бѣи, *мушеры* и *кашеры*, переселившіеся сюда изъ Парижа, сходятся побѣдствовать съ путешественниками и приобщить родню. Тамъ почти всегда можно встрѣтить сомнительныхъ Египтянъ, украшенныхъ брильянтовыми заплатами и читающихъ французскія газеты. Это обстоятельство можно еще объяснить сосѣдствомъ Франкской почты, находящейся въ проходѣ, ведущемъ изъ гостиницы Домерга.

Въ вечерѣ Кастанайола я увидѣлъ живописца - Француза, покупавшаго какіе-то препараты для своего лагеротика. Онъ пригласилъ меня идти съ нимъ съѣздить въ видѣзъ города; я отпустилъ своего драгомана, испещрившаго отгравиться въ англійскую пивоварню. Кажется, обхождение съ Англичанами заставило его крѣпко любить крѣпкое пиво и уиски.

Принявъ приглашеніе живописца, я составилъ слѣдующій планъ: отпрямиться въ незнакому мнѣ часть города, тамъ разстаться съ живописцемъ и пуститься бродить по городу безъ цѣли и провозагатаго. До-сихъ-поръ, я не могъ еще добиться этого, потому-что усердный Абдалла ни за что не хотѣлъ отпустить меня одного, а Каролеймы безпрестанно предлагали мнѣ вѣзть осмотрѣть достопримечательности города. Налобно путешествовать по югу, чтобъ понять смыслъ этого лицезрѣнаго предложенія.

Вы думаете, что услужливый соотечественникъ хочетъ быть вашимъ проводникомъ изъ угожденія вамъ? Ничего не бывало; ему самому нечего дѣлать, онъ смертельно скучаетъ, и вы же должны служить ему средствомъ препровожденія времени, развѣселивать; онъ вамъ ничего не покажетъ, потому-что самъ не знаетъ ни города, ни того, что въ немъ дѣлается; ему нужна собесѣдникъ, которому онъ надобѣдетъ слюшки разспросами и замѣчаніями. Впрочемъ, что такое красивый видъ, замѣчательный памятникъ, любопытная рѣка, если васъ нападуть на нее послѣ дождя, скучныхъ предисловіи?

Европейцы не могут перейти десяти шаговъ въ Кларъ: они восточно раздѣляются на ослухъ, потовыхыхъ проводниковъ. Ослы, впрочемъ, очень красивые; говорящихъ бѣжитъ рядомъ и прочищаетъ дорогу, крича: «*Gai! ai! мамляк! эмалак!*» (направо! налево!) На жившцынъ же потовыхъ кричитъ каждую минуту: «*Ja быны!*» (ой, жившцына!) повелительнымъ тономъ, въ которомъ ясно выражается превосходство мужского пола.

VI. Приключеніе въ Бевестанъ.

Мы съ живописцемъ ѣхали рядомъ, а за нами шелъ оселъ съ лагертотиковъ. Послѣ описанной мною улицы идетъ проходъ, крытый досками и установленный гальми блестящими произведеніями европейской коммерціи. Это родъ базара, который кончается Франкскій-Кварталъ. Мы повернули направо, потомъ налево, посредѣ безпрестанно-увеличивавшейся толпы, и выѣхали на длинную, чрезвычайно-неправильную улицу, въ которой нѣстами встрѣчаются мечети, фонтаны, монастырь дервишей и цѣлый базаръ англійскихъ желѣзныхъ и фарфоровыхъ произведеній. Послѣ тысячи поворотовъ и изгибовъ, улица становится пустынью, молчаливою; тамъ-сямъ встрѣчаются уже разваливающиеся мечети и дома, и тишина прерывается только бѣшеныхъ лаемъ собакъ, которыя преслѣдуютъ ослухъ и, въ особенности, наши черные европейскіе костюмы. По счастью, мы выѣхали чрезъ низкія ворота въ другой кварталъ, и собаки отстали отъ насъ, не переходя за границы своихъ владѣній.

Весь городъ раздѣленъ на пятьдесятъ-три квартала, окруженные стѣнами и принадлежащіе или Грекамъ, или Коптамъ, Туркамъ, Жидкамъ, Французамъ. Даже собаки, споймавъ бродячія по улицамъ и немигающія хозяевъ, знаютъ эти раздѣленія и не переходятъ изъ одного квартала въ другой. Но едва мы выѣхали изъ воротъ, какъ за нами послѣдовала новая ком-

вой собака, проводившій насъ до берега-канала, пересѣкающаго Кларъ и называющаго *Калива*.

Мы вступили въ родъ преливотія, отдѣленного каналомъ отъ прочіихъ частей города; коейши или казино устроены по одну сторону канала, а по другую таетомъ аллея запыленныхъ пыльныхъ дорожекъ. Вода въ каналѣ зеленая, почти стоячая; по рядъ бѣе-докъ, обитыхъ лианами и виноградными лозами, и находящихся за коейши, представляютъ пріятный, веселый видъ, оклеиваемый группами курьезниковъ, нестрые костюмы которыхъ отражаются въ водѣ.

Остановившись на минуту въ коейшой, мы переправились на противоположный берегъ Калива и установили сварадъ, съ помощію котораго свѣтло для заливается живописью. Развалины мечети съ красивыхъ вычурныхъ минеретокъ, красивая пальма, окруженная роскошными кустарниками, были выбраны первыми планомъ очаровательной картины. Товарищ мой былъ въ восторгѣ, и поза солнца рисуетъ на полированной металлической досочкѣ, и рѣшился вступить съ живописцемъ въ поучительный разговоръ. Глухота его заставала меня писать вопросы на бумажкѣ.

— Не жнитесь, вскричалъ онъ:—я, въ-особенности, не вступаю въ мухамеданскую вѣру! Чего отъ васъ требуютъ? чтобъ у васъ была жившцына? Большая важность! Я привожу ихъ къ себѣ десятками. Торговки апемоннами, въ синихъ туникахъ, съ серебряными браслетами и ожерельями, очень хороши собою. Форманы свои оиѣ совершенно египетскія статуи; грудь широкая, полная; плечи и руки преле-стыи; бедра мало выступаютъ; ноги тонки, сухи. Это чистая археология: нитъ только не достаетъ втичяго голубаго убора, ремешковъ вокругъ тѣла и жезла въ рукахъ, чтобъ походить на Ненду...

— Но вы забываете, сказалъ я:—что я не артистъ и что у этихъ жившцынъ есть мужья, родственники. Притомъ

же; лица у нихъ закрыты; нѣтъ угадать, хороши ли онѣ? Да и нѣтъ говорить съ ними? Я знаю только одно арабское слово.

— Волокитство и любовныя намеги строгойше запрещено въ Каирѣ, но любовь вездѣ позоледа. Вы встрѣчаете женщину: походна, тѣла, грація ея, или полуоткрывавшееся перышко не побываваютъ вамъ, что она молода, хороша собою, или желаетъ поправиться вамъ. Идите за нею, и если она пристально поглядитъ на васъ въ удобную минуту, смѣло поворачивайте назадъ и идите домой; ужъ она пойдетъ за вами. Въ отношеніи выбора женщины, счастію вамъ полагаться только на себя. Драгоманъ въ подобныхъ случаяхъ плохій помощникъ.

— Въ садахъ дѣлѣ, думалъ я, разставшись съ живописцемъ и оставивъ его за работою, окруженнаго почти тѣльной толпою, воображавшей, что онъ занимался магическими операціями:—отъ чего же мнѣ не стараться поправиться? Женскихъ лицъ не видно, но мое открыто. Мой европейскій цвѣтъ лица можетъ даже имѣть животорую прелесть въ этой странѣ загорѣлыхъ, смуглыхъ лицъ. Во Франціи я весьма молодой молодой человекъ, но въ Каирѣ я много дѣтъ сѣвера. Мой костюмъ, не нравящійся собакамъ, имѣетъ, по крайней мѣрѣ, то достоинство, что заставляетъ обращать на меня вниманіе, а это уже много.

Я воротился въ многолюдную часть города и пребывалъ въ толпѣ, съ изумленіемъ смотрѣвшей на Франка, гудящаго по арабской части города пѣшкомъ и безъ провожатаго. Я останавливался у дверей лавокъ и мастерскихъ, разсматривая все съ вѣчнымъ любопытствомъ и притворнымъ восторгомъ, въ который меня вознаграждали ласковыми улыбками.

— Онъ, вѣроятно, потерялъ своего драгомана, говорили одни.

— А можетъ—быть, у него нѣтъ денегъ, чтобъ нанять оскла, говорили другіе.

Я не понималъ ни слова, но замѣчалъ

только жесты смотрѣвшихъ съ сожалѣніемъ на меня, бѣднаго иностранца, заблудившагося въ толпѣ базаровъ, въ лабиринтѣ улицъ.

Я остановился передъ мастерской трехъ кузнецовъ, находившихся на бронзовыи статуи. Они пѣли арабскую пѣсню и подъ тактъ молотили по металлу, подетавляемому на начальною ребенкомъ. Я ужаснулся, подумавъ, что если одинъ изъ кузнецовъ печально обратится съ тапта и ранѣ или пошко спуститъ молотъ,—онъ раздробитъ ребенку руку. Двѣ женщины остановились за мною и смѣялись надъ моимъ любопытствомъ. Я оглянулся и во чернѣхъ тафтяныхъ мантильяхъ, но зеленѣхъ девагнинныхъ платьяхъ замѣтилъ, что онѣ не принадлежали къ классу торговки апельсинами. Я приблизился къ нимъ, но онѣ опустили зраки и скорѣе удалились. Я за ними и скорѣе вышелъ на длинную улицу, пересѣкающую весь городъ. Мы вступили подъ сводъ величественнаго вида, украшеннаго прелестными пестрыми арабскими. Это-то и есть, быть-можетъ, тотъ *базаръ Черкесовъ*, гдѣ происходила исторія, раскатанная коптскимъ купцомъ кашгарскому султану. Я такъ, а въ области *Тисли* и *Одлей Ночы*.. Зачѣмъ я не одинъ изъ тѣхъ молодыхъ купцовъ, которые показываютъ луну дамамъ богатыи материн, точно такъ, какъ *Бедреддинъ* показывалъ ихъ дочери эмира?.. Я бы сказалъ имъ, подобно молодому быгдадскому купцу:

«Покажи мнѣ свое лицо за эту матерію съ золотыми цвѣточками, и я не потребую другой платы!..»

Но моимъ двумъ дамамъ не нравятся ни бейрутскіе шелки, ни дамасскіи парчи: онѣ проходятъ мимо, презрительно качивая головою.

Моимъ красавицамъ непремѣнно хотѣлось константиновольскихъ матерій. Каиръ заимствуетъ моды изъ Константинополя. Имъ показали прелезверныи кисей съ цвѣточками, и купецъ произнесъ магическіи слова: *Жамамбольда* (потамбудольскіи)! Красавицы принявъ

въ костюмъ. Женщины, кажется, не-
дѣ однадесятъ...

Я подошла съ видомъ знатока, до-
ткнулась до желтой кисеи съ красны-
ми полосками и сказала: *Taiab!*

— Мое сужденіе; по-видимому, было
принято за авторитетъ, потому-что не-
знакомый выбралъ именно эту матерію;
мущезъ сибирязь, отрезалъ и поручилъ
мальчику нести уесть.

Вдругъ мнѣ показалось, что одна
изъ незнакомокъ пристально посмо-
трѣла на меня; притомъ же, онѣ смѣют-
ся, оглядываются, приподымаютъ по-
прыгаю, чтобъ посмотреть на меня,
словомъ, дѣйствуютъ такимъ образомъ,
какъ дѣйствуетъ въ маскарадѣ доми-
но, намѣреваясьеся плѣнить васъ.
Кажется, я могъ подумать, что кра-
сивцы мои не слишкомъ-суровы.
Итакъ настало время повернуться до-
мой; но увы! какъ найти дорогу?...
Въ Каирѣ улицы не имѣютъ названій,
на домахъ нѣтъ номеровъ, и каждый
кварталъ самъ-по-себѣ есть уже
страшный лабиринтъ. Не зная, на что
рѣшиться, я продолжалъ слѣдовать за
незнакомками. Мы вышли изъ шум-
наго, свѣтлаго базара, гдѣ все бле-
стятъ, пестрѣтъ, гдѣ роскошь выстав-
ленныхъ предметовъ образуетъ пораз-
ительный контрастъ съ величествен-
нымъ характеромъ архитектурныхъ
зданій и важностью мечетей,—и всту-
пили въ узкія, мрачныя улицы, надъ
которыми на каждомъ домѣ нависли
жѣлтыя, подобныя фонарямъ или кры-
тымъ балконамъ среднихъ вѣковъ. Од-
но изъ преимуществъ этихъ переул-
ковъ то, что до нихъ не проникаютъ
палачіе лучи солнца. Этимъ же объ-
ясняется блѣдно-матовый цвѣтъ лица
женщинъ, постоянно закрытыхъ вуа-
ляжи.

Но зачѣмъ мои незнакомки перехо-
дятъ какъ-бы безъ цѣли изъ улицы
въ улицу? Не ожидаютъ ли онѣ, чтобъ
я показалъ имъ дорогу?... Наконецъ,
мы вступили въ улицу, по которой я
проходилъ наканунѣ и которую вспоми-
нилъ преимущественно по благоуха-
нію, разпространенному высокимъ ку-

стариткомъ; переиздаивавшимъ чересъ
каменную ограду сада вѣтан, обильна-
ныя прелестными желтыми цвѣтами.
На углу ограды стоялъ низкій фонтанъ,
а дагѣ высился красивый домъ
съ рельефовыми украшеніями.

Незнакомки остановились у входа
дома, и одна изъ нихъ стала отпирать
дверь описаннымъ уже мною ключомъ.
Не думая, не разсуждая, я бросился
вслѣдъ за ними, прошелъ темный кор-
ридоръ и очутился на обширномъ, мол-
чаливомъ дворѣ, окруженномъ галле-
рейми...

VII. Опасный домъ.

Дамы встѣли на лѣстницѣ, идущей
вверхъ изъ темнаго корридора. Я
ошибился и разсудилъ, что лучше
выйти поскорѣе на улицу, но, вошедъ
въ корридоръ, увидѣлъ люжого; здоро-
ваго невольника, запиравшаго дверь из-
нутри. Я сталъ придумывать, какъ бы
ему объяснить, что я заблудился; не-
чаянно попалъ въ этотъ домъ; но слово
taiab, не смотря на всю свою много-
значительность, казалось мнѣ недоста-
точнымъ для выраженія всего того,
что я хотѣлъ сказать.

Между-тѣмъ, въ домѣ поднялась су-
жатоха; изумленные конюхи вышли
изъ конюшенъ; на террасахъ перваго
этажа показались красныя шапки, и
величественный Турокъ медленно при-
ближался по главной аллѣ.

Въ подобныя минуты не должно те-
рять присутствія духа. Я вспомнилъ,
что многіе Турки знаютъ французскій
языкъ, состоящій у нихъ изъ смѣси
всевозможныхъ южныхъ нарѣчій, ко-
торыя они повторяютъ до-тѣхъ-поръ,
пока не объяснятся, словомъ — это
языкъ Турковъ Мольера. Я припом-
нилъ всѣ знакомыя мнѣ итальяскія,
испанскія, провансальскія, греческія
слова и составилъ изъ нихъ весьма-при-
личную рѣчь.

— Во всякомъ случаѣ, думалъ я: —
намѣренія мои чисты; вѣроятно, одна
изъ моихъ незнакомокъ сестра или
дочь хозяина. Я женюсь на ней, на-

дѣлу чалну, и дѣло съ концомъ!... Судьбы своей не избѣгнешь.

Впрочемъ, величественный Турокъ казался добрякомъ, и въ лордонной энциклопедіи его не было ни мало жестокости. Онъ лукаво мигнулъ глазами, слушая, съ какимъ трудомъ я придумывалъ всевозможныя существительныя, чтобъ оправдаться; потомъ, протянувъ ко мнѣ полную руку, украшенную кольцами, сказалъ по-французски:

— Милости просимъ ко мнѣ; здѣсь не удобно разговаривать.

О, изумленіе! Величественный Турокъ былъ такой же Французъ, какъ и я!

Мы вошли въ красивую залу, окна которой выходили въ садъ, и усѣлись на диванѣ. Намъ подали кофе и трубки. Мы разговорились. Я сталъ объясняться, какимъ-образомъ попалъ къ нему, думая войти въ одинъ изъ многочисленныхъ проходовъ, пересѣкающихъ въ Каирѣ даже самые дома; но по улыбка его повялъ, что прелестныя незнакомки успѣли уже измѣнить мнѣ. Не смотря на это, мы, однакожъ, вскорѣ сѣдлались пріятелями. Въ турецкихъ странахъ иностранцы-соотечественники скоро сближаются.

Хозяинъ пригласилъ меня отобѣдать съ нимъ, и вскорѣ вошли въ столовую двѣ прекрасныя дамы, изъ которыхъ одна была жена его, а другая невѣстка. Это были мои незнакомки, и, къ крайнему стыду моему, обѣ Француженки. Онѣ долго подшучивали надъ моею прихотью прогуливаться по городу пѣшкомъ и безъ драгомана, надъ моимъ преслѣдованіемъ двухъ женщинъ, формы которыхъ были тѣснѣе закрыты и которыя могли быть старухи или негритянки. Онѣ ни мало не были польщены тѣмъ, что плѣнили меня; и въ-самомъ-дѣлѣ, черная *хабара* далеко не такъ привлекательна, какъ покрывало простыхъ дѣвушекъ; женщина въ хабарѣ похожа на свертокъ безъ всякой формы, а когда поддуваетъ еще вѣтеръ, то хабара придаетъ ей видъ полунадутаго пузыря.

Послѣ обѣда, изготовленнаго совер-

шено на французскій манеръ, мнѣ звели въ болѣе-богатую залу съ фарфоровыми расписанными стѣнами и рѣзными кедровыми карнизами. Мраморный фонтанъ выбрасывалъ тонкую струйку воды; кофры и венеціанскія зеркала довершали идеалъ арабской роскоши; но печальность, ожидавшая меня тамъ, вскорѣ завладѣла всѣмъ моимъ вниманіемъ. Вокругъ овальнаго стола сѣдѣли за разными руководѣльями восемь молодыхъ дѣвушекъ. Онѣ встали, поклонились, а двѣ младшія подошли, поцаловали мнѣ руку; я не сопротивлялся, ибо зналъ, что таковъ обычай въ Каирѣ. Въ этой очаровательной картинѣ болѣе всего поразило меня то, что цвѣтъ лица этихъ молодыхъ дѣвушекъ, одѣтыхъ по восточному, переходилъ отъ коричневаго къ оливковому, а у послѣдней былъ самаго темнаго шоколаднаго цвѣта. Передъ блѣднѣйшей изъ нихъ не неврядно было бѣ прочесть стихъ Гёте:

Kennst du das Land — wo die Citronen
blühen...

(Знаешь ли ты страну — гдѣ растутъ
лимоны...)

Не смотря на то, онѣ всѣ могли называться красавицами. Хозяйка дома и сестра усѣлись на диванѣ, громко смѣясь надъ моимъ изумленіемъ. Двѣ младшія дѣвушки принесли намъ ликѣръ и кофе.

Я былъ чрезвычайно-благодаренъ хозяину за то, что онъ ввелъ меня въ свой *заремъ*; но вмѣстѣ съ тѣмъ я думалъ, что Французъ никогда не будетъ хорошимъ Туркомъ, и что желанію пощеголять своими женами будетъ всегда сильнѣе ревности. Но я ошибался. Прелестныя, развощенныя пѣтки были не жены, а дочери хозяина. Онъ принадлежалъ къ доминантному поколѣнію, посвятившему всю жизнь свою службѣ Наполеону. Чтобъ не подчиниться новому правленію послѣ паденія своего героя, многіе храбрые солдаты предложили свои услуги владѣтелямъ Востока. Индія и Египетъ

привали многихъ изъ нихъ: въ этихъ двухъ странахъ сохранилась еще память славы французскаго оружія. Многие привали даже религію и обычаи народовъ, давшихъ имъ убѣжище... Большая часть этихъ ренегатовъ, родившихся во время революцій, не знали другой религіи, кромѣ теозоантропической или франк-масонской. Мухамеданизмъ ниѣтъ въ себѣ нѣчто величественное, таинственное, поражающее величайшихъ скептиковъ. Хозяинъ дома, въ который я попалъ такъ нечаянно, былъ еще очень-молодъ, когда набралъ себѣ новое отечество. Службой, талантами своими онъ дослужился до чина бѣл; сераль его образовался мало-по-малу изъ сеннаарскихъ, абиссинскихъ и даже араійскихъ красавицъ. Въ послѣдствіи, состарѣвшись, бѣи вспомнилъ европейскую семейную жизнь, женился на дочери консула и, подобно Солману, женившемуся на Роксоланѣ, распустилъ весь свой сераль, но дѣтей оставилъ у себя. Премо мною были дочери его; сыновья воспитывались въ военныхъ школахъ.

Я понялъ, что посрединѣ столькоихъ невѣсть, гостеприимство, предлагаемое мнѣ въ этомъ домѣ, ниѣло нѣкоторую опасность, и рѣшился быть осторожнѣе.

Вечеромъ, меня проводили домой, и я сохранилъ отъ этого приключенія самое пріятное воспоминаніе; но мнѣ казалось, что не стоило пріѣзжать въ Каиръ для того, чтобъ набрать себѣ жену во французскомъ семействѣ.

На другой день, Абдалла просилъ у меня позволенія проводить Англичаи до Суэза. Вся эта повѣдка должна была продолжаться не болѣе недѣли и на весьма-выгодныхъ для него условіяхъ. Я отпустилъ его тѣмъ охотиѣе, что онъ дулся на меня за то, что весь прошедшій день я пробродилъ безъ него по улицамъ Каира и обѣдалъ Богъ-нѣсть гдѣ. Абдалла представилъ мнѣ за себя одного изъ своихъ пріятелей, *барбарима* (простаго слугу) Ибрагима. Барбаримъ зналъ, кромѣ своего

природнаго языка, только нѣсколько мальтійскихъ словъ.

VIII. КОПТСКІЯ ВРАКИ.

Жидъ Юзееъ, мой базарный знакомецъ, заходилъ каждый день, чтобъ совершенствоваться во французскомъ языкѣ.

— Я узналъ, сказалъ онъ мнѣ: — что вамъ нужна жена и нашелъ вамъ *секилла*.

— Векля?

— Да; это значитъ посолъ, посланникъ; но въ настоящемъ смыслѣ это честный человекъ, которому поручаютъ вести переговоры съ родственниками невѣсты. Онъ можетъ привести ихъ къ вамъ, или васъ проводить къ нимъ.

— Ого! Какія же это невѣсты?

— Дѣвицы честныя; впрочемъ, теперь въ Каирѣ другихъ и нѣтъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ наша отправилъ нечестныхъ въ Эснѣ, что близъ перваго водовада.

— Вѣрю. Приведите же ко мнѣ вашего *секилла*.

— Я уже привелъ его; онъ дожидается внизу.

Векля — слѣпой, провожаемый сыномъ, здоровымъ и сильнымъ молодымъ человекомъ.

Намъ подвели ослонъ, и я не могъ не сѣсться, сравнивая слѣпаго векля съ Амуромъ, а сына его съ Гименеемъ. Жидъ, непонимавшій мисологическихъ эмблемъ, поучалъ меня дордогъ.

— Вы можете, говорилъ онъ: — жениться на четыре манера. Во-первыхъ, жениться на коптской дѣвушкѣ предъ *Туркомъ*.

— Что это за Турокъ?

— Это бѣднякъ, который за ничтожную плату пробормочетъ молитву, переговорить съ надѣемъ и замѣняетъ нѣкоторымъ образомъ моллу; эти нищія считаются здѣсь святыми; они не заботятся о вашей религіи: имъ все равно; — но на такой бракъ порядочная дѣвица не согласится.

— Такъ и я не соглашаюсь. Далѣе.

— Второй бракъ сѣрьбзый. Вы христіанинъ и Копты христіане; у нихъ есть священники, которые обязываютъ васъ съ тѣмъ условіемъ, чтобъ въ случаѣ развода вы заплатили женѣ извѣстную сумму.

— А велика ли сумма?

— О! это зависитъ отъ условій. Но менѣе 200 піастровъ дать нельзя.

— Пятьдесятъ франковъ! Рѣшено, женюсь по-коптски!

— Есть еще третій родъ брака съ дѣвницами знатныхъ или богатыхъ родителей. Васъ обязываетъ коптскій священникъ, и уже развестись нельзя.

— О! да это стоить вниманія...

— Пойдите, пойдите; для того, чтобъ вы не могли бросить жены, уѣхавъ изъ Египта, вы должны дать залогъ.

— Ну, а если я уѣду, тогда чтѣ?

— Тогда жена ваша свободна и вы тоже; но пока вы въ Египтѣ, разводъ невозможенъ.

— Это весьма-справедливо; а четвертый родъ?

— Объ этомъ я не совѣтую вамъ и думать. Васъ обязываютъ два раза: въ коптской церкви и въ францискаскомъ монастырѣ.

— Чтѣ же это за бракъ?

— Весьма-законный; если вы захотите уѣхать, то должны взять и жену съ собою; она имѣетъ право всюду за вами слѣдовать.

— Стало-быть, это неразрывный бракъ?

— Конечно; впрочемъ, и здѣсь можно вернуть крючокъ въ условіе... Особенно, если оно не засвидѣтельствовано у консула.

— Стало-быть, это европейскій бракъ?

— Именно. Если жъ васъ заставятъ идти къ консулу, такъ остается еще одно средство... но для этого надобно имѣть пріятеля или знакомаго при консульствѣ и упросить его не объявлять во Франціи о вашемъ бракѣ въ церкви, къ приходу которой вы принадлежите.

Глубокія поздравія разводителя шел-

ковичныхъ червей въ брачныхъ дѣлахъ чрезвычайно изумили меня; но онъ объявилъ мнѣ, что въ нему часто прибѣгаютъ за совѣтами въ подобныхъ случаяхъ. Онъ служилъ переводчикомъ велико, знавшему только арабскій языкъ.

Мы вѣхали почти въ конецъ города, въ ту часть Коптскаго-Квартала, которая ведетъ на площадь Эзбекіе. Свиданіе и переговоры должны были происходить въ домѣ довольно-малого наружности. Меня предувѣдомили, что этотъ домъ служитъ обыкновенно мѣстомъ свиданій.

— Вы увидите двухъ невестъ, сказала мнѣ Жидъ:— и если не останетесь довольны, такъ вамъ приведу еще другихъ.

— Прекрасно; только если онѣ не снимутъ покрывала, такъ я не женюсь.

— О! будьте спокойны; вѣдь здѣсь не то, что у Турковъ. Турки имѣютъ то преимущество, что если одна не понравится, такъ они женятся еще на другой и на третьей, и такъ далѣе.

— Разумѣется; это не малое преимущество.

Въ нижнемъ этажѣ дома лежали три или четыре человекъ въ синихъ кафтанахъ. Они притворялись спящими. Но это не обезпечило меня, потому что караульная находилась въ вѣснотныхъ шагахъ отъ дома. По каменной лѣстницѣ мы вошли на внутреннюю террасу, а оттуда въ комнату съ большими фонарями, выходившими на улицу и покрытыми красною рѣшеткою замысловатой рѣзной работы. Изъ этого фонаря-балкона видна вся улица въ обѣ стороны. Это мѣсто обыкновенно занимаютъ женщины. Теперь же меня посадили туда, между-тѣмъ, какъ великъ, сынъ его и Жидъ усѣлись на диванахъ.

Минуту спустя, вошла женщина съ вуалемъ. Это была *клатбѣ*, или сваха. Она поклонилась намъ и сказала, что дѣвницы одѣваются. Между-тѣмъ, намъ всѣмъ подали кофе и трубки. Комнатія наша увеличилась старикомъ съ сѣдой бородой и въ черной чалмѣ и

двумя старухами въ покрывалахъ, которыя были, вѣроятно, матери невѣсты.

Дѣло принимало серьезный оборотъ, и, признаюсь, ожиданіе мое было смѣшано съ нѣкоторою боязнію.

Наконецъ, обѣ дѣвушки вошли и поцеловали мнѣ руку. Я знаками приглашил ихъ сѣсть.

— Пусть стоятъ, сказала Жидъ: — онѣ ваши служанки.

Но, какъ Французъ, я не могъ согласиться съ этимъ. Тогда Жидъ заговорилъ и, вѣроятно, объяснилъ присутствующимъ, что у Европейцевъ есть странный обычай заставлять женщинъ садиться.

Невѣсты новъ успѣли наконецъ возлѣ меня.

На одной было тафтяное, а на другой кисейное платье съ узорами. Изъ-подъ головного убора, состоявшаго изъ краснаго тарбуха, обвитаго кисеей, ниспадало множество шелковыхъ лентъ; кисточки изъ серебряныхъ и золотыхъ монетъ, вѣроятно фальшивыхъ, совершенно скрывали волосы. Не смотря на то, я легко угадалъ, что одна была бронежка, другая блондинка. Первая стройная какъ пальма и съ черными глазами гавели, имѣла бистровый цвѣтъ лица; другая, болѣе-нѣжная и роскошная формами, была бѣлая, величественна и хороша собою, какъ дѣва, распустившаяся подъ солнцемъ сѣвера.

Послѣдняя особенно нравилась мнѣ, и я говорилъ ей разныя нѣжности, не забывая, однакожъ, и подруги ея. Между-тѣмъ, время проходило, а я все еще не рѣшался приступить къ главному предмету; тогда *кхатбѣ* подошла къ нимъ, открыла плечи ихъ и ударила по нимъ рукой, чтобъ показать, какъ они тверды. Я побоялся, чтобъ сваха не рѣшилась показать лицомъ весь товаръ свой, и смутился не менѣе дѣвушекъ, стыдливо закрывавшихъ положивши открытыя прелестей своихъ.

Наконецъ Жидъ спросилъ меня:

— Рѣшились ли вы?

— Одна изъ нихъ мнѣ очень нравит-

ся; но я хочу еще подумать; вѣдь съ перваго раза воспламениться нельзя; мы зайдемъ сюда въ другой разъ.

Присутствовавшіе ждали болѣе-положительнаго отвѣта. Кхатбѣ уговаривала меня порѣшиться. Но я всталъ, обѣщалъ подумать и зайти еще въ другой разъ. По лицамъ присутствовавшихъ я замѣтилъ, что они не слишкомъ вѣрили моимъ обѣщаніямъ.

Молодые дѣвушки удалились еще до этихъ переговоровъ. Проходя по террасѣ, я увидѣлъ ту изъ дѣвушекъ, которая мнѣ особенно понравилась. Она срывала цвѣты, взглянула на меня съ улыбкой и какъ-бы нечаянно уронила свой тарбухъ: на плечи ея посыпались роскошныя золотыя кудри, которыми солнце придавало красноватый отливъ. Это, довольно-понятное движеніе кокетства, одержало верхъ надъ моею осторожностью, и я велѣлъ объявить роднымъ красавицы, что пришлю подарки.

— Я бы охотно женился на блондинкѣ *передъ Туркомъ*, сказалъ я услужливому Израильянину, выходя съ нимъ изъ дому.

— Мать не захочетъ, отвѣчалъ онъ: — онѣ придерживаются коптскихъ обрядовъ. Это семья писаря: отецъ умеръ, молодая дѣвушка, которую вы предпочли, была замужемъ только одинъ разъ, хотя ей уже шестнадцать лѣтъ.

— Какъ! она овдовѣла?

— Нѣтъ, развелась.

— О-го! Такъ надо подумать!

Не смотря на то, я послалъ ей въ подарокъ кусокъ матеріи на платье.

Слѣпой и сынъ его съискали мнѣ еще другихъ невѣстъ, но церемонія представленія была одна и та же; этотъ смотръ прелестнаго пола начиналъ мнѣ нравиться и, благодаря маленькимъ подаркамъ, никто не обижался моими отказами.

IX. Розеттскій садъ.

Барбаринъ, котораго Абдалла представилъ ко мнѣ вмѣсто себя, завидуя,

вѣроятно, услугамъ Жида и велика, привелъ однажды ко мнѣ молодого чело­вѣка, прекрасно-одѣтаго, говорящаго по-итальянски и называвшагося Мухаммедомъ. Онъ предлагалъ мнѣ вступи­тить въ совершенно-приличный бракъ.

— Только, прибавилъ онъ: — надобно будетъ засвидѣтельствовать кон­трактъ у консула. Родители люди бо­гатыя, а дочери всего двѣнадцать лѣтъ.

— Молода для меня, подумалъ я: — но здѣсь, кажется, это единственная дѣв­ка, въ которую можно встрѣтить дѣ­вушку, невыходившую еще за-мужъ.

— Signor è vero; родители дѣвницы нетерпѣливо желаютъ видѣть васъ, по­тому-что вы занимаете домъ, въ кото­ромъ прежде жили Англичаве; слѣдо­вательно, о васъ имѣютъ весьма-высо­кое понятіе. Я сказалъ, что вы гене­ралъ.

— Да я совсѣмъ не генералъ.

— Все-равно! вы не ремесленникъ и не каваджа (купецъ). Вы ничего не дѣ­лаете...

— Правда, ничего.

— Ну, такъ по этому самому- вы здѣсь по-крайней-мѣрѣ на одной сте­пени съ генераломъ (*мирлицуа*).

Я зналъ, что въ Каирѣ и граждан­скія степени сравниваются съ военны­ми, а потому не считалъ за нужное спорить съ молодымъ чело­вѣкомъ.

Мы сѣли на ослонъ и направились къ улицѣ Муски. Мухаммедъ постучался у дома весьма-порядочной наружности. Негритянка отперла дверь и радостно вскрикнула; другая черная невольни­ца съ любопытствомъ глядѣла сверху, захлопала въ ладоши и засмѣялась; въ то же время послышались восклица­нія, въ которыхъ весьма-часто повто­рялось слово *мирлицуа*.

Въ первомъ этажѣ, ко мнѣ вышелъ на встрѣчу чело­вѣкъ, опротно одѣтый, въ чалмѣ изъ дорогой шали, посадилъ меня и представилъ высокаго молодого чело­вѣка, своего сына. Въ то же время, вошла женщина лѣтъ тридцати, но еще красавица; подали кофе и трубин, и переводчикъ сообщилъ мнѣ,

что хозяинъ этого дома уроженецъ Верхняго-Египта, почему имѣлъ пра­во носить бѣлую чалму.

Минуту спустя, вошла молодая дѣ­вушка въ сопровожденіи нѣсколькихъ негрятенокъ; послѣднія остались за дверьми, а молодая дѣвушка взяла изъ рукъ ихъ подносы и стала подчивать насъ вареньемъ. Предлагаемая мнѣ пе­вѣста была такъ мала и нѣжна, что я не могъ постигнуть, какъ родители мог­ли рѣшиться отдать ее за-мужъ. Фор­мы ея еще не вполне развились, но она такъ походила на мать, что по по­слѣдней можно было судить и о буду­щей красотѣ дочери. Она ходила въ французскую школу и знала уже не­много по-итальянски. Вся эта семья казалась мнѣ столь почтенною, что я раскаялся пришедши сюда безъ серьез­наго намѣренія. Они облаkali меня, и я ушелъ, обѣщавъ скоро прислать рѣ­шительный отвѣтъ. Тутъ надобно бы­ло хорошенько подумать.

На другой день, Жида праздновали Пасху, а христіане вербное воскресен­ье. Улицы были наполнены мальчиш­ками, бѣгавшими взадъ-и-впередъ съ пальмовыми вѣтвями. Я зашелъ въ ро­зеттскій садъ, прелестнѣйшее каир­ское гульбище. Это цвѣтущій оазисъ посреди пыльных домовъ, на грани­цѣ Коптскаго-Квартала и улицы Му­скі. По одну сторону находится два дома консуловъ и домъ доктора Клот-Бю; по другую нѣсколько франкскихъ домовъ; промежутокъ между ними по­крытъ густыми группами сикоморъ, фиговыхъ и апельсиновыхъ деревьевъ.

Не легко найдти доро­гу къ этому таинственному саду, неиз­вестному публичному входу. Надобно заплатить нѣсколько паръ слугамъ сардинскаго консула, чтобъ пройти черезъ домъ его и очутиться посреди садовъ и ого­роловъ, принадлежащихъ сосѣднимъ домамъ. Дорожка, раздѣляющая ихъ, ведетъ къ маленькой фермѣ, окружен­ной рѣшеткой, за которою прогули­ваются нѣсколько жирафъ, принадле­жащихъ доктору Клоту-Бю. На лѣво отъ дороги лежитъ густой апельсин-

ный дѣсь; на право шелковичныя деревья, между которыми посѣявъ мансъ. Потомъ дорога образуетъ уголъ, и предъ взорами открывается большая поляна, оканчивающаяся рядомъ пальмовыхъ и банановыхъ деревьевъ съ ярко-зелеными листьями. Тамъ есть павильонъ на высокихъ столбахъ: имъ прикрывается глубокой бассейнъ, вокругъ котораго почти всегда сидятъ группы женщинъ. По пятницамъ туда собираются мусульманки, всегда герметически-закутанныя; по субботамъ Жидовки; по воскресеньямъ христіанки. Въ два послѣдніе дня, покрывала гораздо менѣе скромны. Прохожіи смѣло могутъ зайти въ павильонъ, не опасаясь заставить женщинъ удалиться, какъ то случается по пятницамъ.

Я проходилъ мимо павильона; вдругъ ко мнѣ подошелъ молодой человѣкъ пріятной наружности, и я узналъ въ немъ брата послѣдней моей невѣсты. Я былъ одинъ. Онъ сдѣлалъ мнѣ вѣскольکو знаковъ, которыхъ я сначала не понялъ, но наконецъ догадался, что онъ просилъ меня подождать его въ павильонѣ. Десять минутъ спустя, калитка одного изъ саловъ, примыкающихъ къ домамъ, открылась, и изъ нея вышли двѣ женщины въ сопровожденіи молодаго человѣка. То были мать и сестра его. — Домъ ихъ выходилъ заднимъ фасадомъ на гульбище.

Мать и дочь сѣли возлѣ бассейна и подняли покрывала. Послѣ первыхъ привѣтствій, мы стали смотрѣть другъ на друга и разговаривать, каждый на своемъ языкѣ, не понимая одинъ другаго. Молоденькая дѣвочка ничего не говорила, вѣроятно изъ скромности; но, вспоминая, что она знала по-итальянски, я сталъ припоминать нѣкоторыя слова, на которыя она отвѣчала съ сильнымъ арабскимъ акцентомъ, совершенно неизвѣданнымъ слова.

Я изумлялся поразительному сходству дочери съ матерью. Первая была мнѣльтюрой второй. Неопредѣленныя черты ребенка рѣзко обозначались у

матери: между этими двумя крайностями можно было угадать среднюю пору... очаровательную!

Возлѣ насъ лежало пальмовое дерево, вѣроятно, недавно опрокинутое вѣтромъ; оковечности вѣтвей его погрузились въ воду бассейна. Я указалъ на пальму и сказалъ:

— *Oggi è il giorno delle palme* (сегодня день пальмъ — вербное воскресенье).

Копты придерживаются первоначальному церковному счисленію, а потому праздники ихъ не совпадаютъ съ нашими. Не смотря на то, молодая дѣвушка встала, обломила вѣтку и сказала:

— *Io così sono Romiti*. (въ такомъ случаѣ я Римлянка).

По мнѣнію Египтянъ, всѣ Фравки Римлянки. Слѣдовательно, я могъ принять слова эти за комплиментъ и намекъ о нашемъ будущемъ бракѣ. О гимназій, гимназій! Какъ я былъ близокъ къ тебѣ въ этотъ день. Конечно, по нашимъ европейскимъ понятіямъ, ты необходимо долженъ быть младшимъ братомъ Амура. Однакожъ, не пріятно ли слѣдить за развитіемъ избранной себя въ супруги, служить ей сперва отцомъ, а потомъ уже мужемъ?... Но какая опасная роль для мужа!... Разставшись съ моей невѣстой, я чувствовалъ необходимость идти посоветоваться съ своими каирскими пріятелями. Прежде всего я пошелъ къ Сенду-Агѣ.

— Женитесь же съ Богомъ! сказалъ онъ мнѣ.

Потомъ пошелъ къ живописцу въ гостиницу Домѣрга.

— Передъ консуломъ... не женитесь! зарезѣлъ онъ во все горло.

Какъ бы то ни было, а на Востоку у Европейца пробуждается религиозный предразсудокъ, особенно въ важныхъ обстоятельствахъ жизни. *Жениться по-коптски*, какъ говорятъ въ Каирѣ, дѣло весьма-обыкновенное; но жениться на молодой дѣвочкѣ, на ребенкѣ, — значить взять на себя трудную моральную отвѣтственность.

Когда эти идеи наиболее занимали

и волновали меня, Абдалла воротился изъ Суэза. Я объяснилъ ему дѣло.

— Ну, такъ! вскричалъ онъ: — я былъ увѣренъ, что воспользуются моимъ отсутствіемъ, чтобъ заставить васъ сдѣлать глупость. Я знаю это семейство. Справлялись ли вы о приданомъ?

— Къ-чему!.. Я знаю, что здѣсь дадутъ немного.

— Поговариваютъ о 20,000 піастрахъ (5,000 франкахъ).

— Ну, что жь? И это мнѣ пригодится.

— Пригодится? Да вѣдь вы же должны заплатить ихъ!

— Я?.. А! это другое дѣло!.. Такъ, стало-быть, здѣсь не получаютъ, а даютъ приданое?

— А вы какъ думали? Нѣчто вы не знаете, что это здѣсь обычай?

— Да вѣдь дѣло шло о европейскомъ бракѣ...

— Такъ; бракъ европейскій, да приданое-то турецкое.

Теперь только я понялъ, отъ-чего въ Египтѣ родители спѣшатъ такъ рано отдавать дочерей своихъ за-мужъ. Впрочемъ, эти добрые люди имѣютъ полное право требовать платы за то, что привели на свѣтъ и воспитали для васъ миленькаго, граціознаго ребенка. Приданое, минимум котораго я показывалъ выше, соответствуетъ красотѣ невесты и положенію родителей. Прибавьте къ приданому свадебные расходы, и вы увидите, что коптскій бракъ обходится весьма-дорого. Мнѣ жаль было, что послѣдняя предлагаемая мнѣ невеста обходилась такъ дорого...

Впрочемъ, Абдалла утѣшалъ меня, увѣряя, что за эту самую сумму можно купить цѣлый сераль на Невольничьемъ-Рынкѣ.

ЗАМѢЧАНІЯ О ЯКУТСКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Г. Врангель, въ своемъ Путешествіи по сѣвернымъ берегамъ Сибири и Ледовитому Морю, замѣтилъ, что о происхожденіи Якутовъ, ихъ обычаяхъ и образѣ жизни Русскіе вообще уже написали такъ много и такъ подробно, что послѣ того ему показались почти излишними умножать прежнія извѣстія своими замѣчаніями, — тогда-какъ намъ, на этотъ разъ, остается пожалѣть, что этотъ ученый путешественникъ ограничился, въ отношеніи якутскаго племени, только немногими этнографическими очерками; ибо на самомъ дѣлѣ мы не имѣемъ почти никакихъ положительныхъ свѣдѣній объ этомъ многочисленномъ племени. Подобно г. Врангелю, многіе ученые посѣщали эту отдаленную часть Россійской-Имперіи и въ своихъ сочиненіяхъ ограничились нѣкоторыми общими замѣчаніями о племенахъ, населяющихъ означенную страну, таковы: Крашенинниковъ и Геденштромъ, особенно же первый — въ своемъ «Описаніи Камчатки» далъ нѣкоторое этнографическое понятіе о якутскомъ языкѣ; но съ-тѣхъ-поръ почти ничего не прибавлено къ сообщеннымъ имъ свѣдѣніямъ, хотя послѣ Крашенинникова многіе посѣщали описанный имъ край. Не говорю здѣсь о Семивскомъ, Щукинѣ и друг., которыхъ любознательность простиралась въ этомъ случаѣ недалеко и не представила ничего достойнаго вниманія. Такимъ образомъ, почти приходится сказать, что этнографическое познаніе Сѣверовосточной Сибири у насъ еще не имѣло своихъ дѣлателей; но предоставимъ этотъ трудъ будущему и возложимъ надежды на Академію Наукъ, просвѣщенное покровительство которой должно открывать всякому возможность трудиться и приносить пользу.

Что же касается собственно-филологическихъ свѣдѣній о племенахъ, населяющихъ Сѣверовосточную Сибирь, то въ этомъ отношеніи неслѣдовательно

представляется поприще, еще совершенно не початое. Только въ 1843 году, въ Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland v. Ergman напечатанъ былъ небольшой сборникъ якутскихъ словъ, составленный, впрочемъ, безъ основательнаго знакомства съ языкомъ; но какъ единственный опытъ въ этомъ родѣ, онъ заслуживаетъ нѣкоторое вниманіе, однакожь долженъ быть употребленъ съ большою осторожностію. Много еще потребно усилій и времени для разработки этой любопытной отрасли историческаго познанія Сибири, и въ настоящее время на поприщѣ, столь мало обработанномъ, всякое приношеніе въ пользу науки можетъ быть не лишнимъ.

Приводя къ окончанію *Якутскій Словарь*, составленный мною въ Якутскѣ, я почтаю теперь уместнымъ предварительно ознакомиться съ языкомъ (*), изучающимъ мною, и дать нѣкоторое общее понятіе о его развитіи и составѣ.

Якутское племя, котораго численность, по свѣдѣніямъ современнымъ, простирается до 100,000 человекъ, разбросано на огромномъ пространствѣ Сѣверовосточной Сибири, между 60 и 75° сѣверной широты, отъ рѣкъ Хотанги и Анабары на юго-востокъ до береговъ Охотскаго-Моря, имѣя главнѣйшій пунктъ своего населенія въ Области Якутской, по рѣкамъ Ленѣ и впадающимъ въ нее Витинѣ, Олекмѣ, Алданѣ, Вилюю и другимъ.

Имѣя въ настоящее время въ виду только свѣдѣнія филологическія, ограничусь здѣсь общимъ замѣчаніемъ, что историческое происхожденіе якутскаго племени, подобно всѣмъ сѣверовосточнымъ племенамъ неимѣющаго письменности, не можетъ быть съ достовѣрностію опредѣлено до тѣхъ поръ, пока мы не будемъ знать языка, на которомъ говорятъ Якуты, и не по-

знакомимся короче съ ихъ образомъ жизни, нравами и обычаями. При этомъ нелишнимъ почтаю упомянуть о томъ, что познаніе этихъ племенъ весьма-важно для исторіи Средней-Азіи въ томъ отношеніи, что они должны быть остатокъ тѣхъ тюркскихъ народовъ, которые обитали въ Средней-Азіи еще въ первые вѣка по Р. Х.

Хотя г. Щукинъ въ своей *Поѣздкѣ въ Якутскъ* и рассказываетъ за достовѣрное сказку о происхожденіи Якутовъ отъ Оногды-Бай (правильно Оногдой-Бай), который, будто-бы, съ 150 человекъ отдѣлившись, по неизвѣстнымъ причинамъ, отъ родовичей своихъ—Татаръ, обитавшихъ въ южныхъ предѣлахъ Енисейской-Губерніи, пошелъ по рѣкѣ Енисею на востокъ, однакожь нельзя не подвергнуть этого разсказа сомнѣнію, тѣмъ болѣе, что подобныя преданія у Якутовъ весьма-много, таковы: Элей-Боатырь (богатырь Элей), который тоже появился изъ южныхъ предѣловъ Енисейской-Губерніи и плылъ внизъ по теченію Лены, встрѣчая по мѣстамъ своихъ соотчичей, поселившихся здѣсь раньше его; таковы сказки: Басынѣ-баатырь, Немей-Бай-тоѣъ и мн. др. Преданія и сказки Якутовъ весьма-разнообразны, и только изъ совокупнаго ихъ соображенія можно составить основательное понятіе о происхожденіи Якутовъ, не рискуя, подобно г. Щукину, впасть въ ошибку отъ излишней довѣрчивости къ разсказамъ. Но и тогда подобныя соображенія должны быть составляемы съ большою осторожностію, потому что преданія эти не имѣютъ никакихъ хронологическихъ указаній и совершенно неудовлетворительны въ отношеніи географическомъ.

Сказки якутскія, по своему содержанію, представляютъ не только богатый матеріалъ для исторіи Якутовъ, но могутъ также дать хорошее понятіе о ихъ языческихъ вѣрованіяхъ и преимущественно образѣ жизни: онѣ—то изображаютъ воинскіе подвиги своихъ героевъ, то воспѣваютъ любовь; нѣкоторыя изъ нихъ, выходя на сцену шамановъ, представ-

(*) Не говорю здѣсь о языкѣ тунгусскомъ, въ-отношеніи котораго также имѣю весьма-много любопытныхъ и доселѣ неизвѣстныхъ ученому міру свѣдѣній.

ляютъ любопытную картину ихъ религіозныхъ обрядовъ, таковы: Харылданъ Мохсогдъ, Эбирень-Эмелхсинъ, Кланнахъ — Кысъ баатыръ, названія которыхъ уже намекаютъ на ихъ любопытное содержаніе.

Сказки эти даже весьма-замѣчательны въ поэтическомъ отношеніи, какъ образецъ восточнаго разсказа, напоминающаго пламенное воображеніе южнаго жителя, всегда щедрого на сравненія и эпитеты; но для языковѣднѣ онѣ — единственный и богатѣйшій источникъ. Предполагая, послѣ обработки «Словаря», составить изъ этихъ сказокъ сборникъ, я буду имѣть случай говорить о нихъ подробно.

Языкъ якутскаго племени, весьма-небогатый въ настоящее время, раздробился въ нарѣчія вѣроятно оттого, что Якуты, разбросанные по обширнымъ тундрамъ и лѣсамъ Сѣверной Азіи, рѣдко имѣютъ возможность сталкиваться между собою и, подъ вліяніемъ христіанства, оставляя мало-помалу прежніе нравы и обычаи, забываютъ и прежнія формы языка, часто не имѣя въ немъ выраженія для новыхъ потребностей. Такъ можно заключить даже и потому, что часть этого племени, обитающая въ Якутской-Области по рѣкамъ Ленѣ, Витиму, Алдану, Вилюю и др., хотя говоритъ на одномъ языкѣ, во въ произношеніи словъ такъ много имѣетъ своеобразныхъ выраженій, что для окончательнаго изученія якутскаго языка во всѣхъ его нарѣчіяхъ потребно продолжительное знакомство на мѣстѣ со всѣми развѣтвленіями Якутовъ. Однакожь, предполагая центромъ населенія этого племени Якутскую-Область, можно съ достовѣрностію сказать, что господствующее, коренное нарѣчіе есть то, на которомъ говорятъ Якуты, живущіе въ Якутской-Области.

Безъ сомнѣнія, племя, обитающее въ столь неблагопріятной странѣ, какова сѣверная полоса Азіи, ограниченное немногими бѣдными потребностями, не можетъ быть богато мыслию и словомъ, однакожь въ «Словарѣ», состав-

ленномъ мною, заключается болѣе 2000 словъ.

Не называя своего собранія полнѣйшимъ, въ отношеніи къ языку, могу здѣсь замѣтить только, что единственное средство къ усовершенствованію этого труда есть изученіе сказокъ и преданій, въ которыхъ иногда встрѣчаются слова и выраженія, невошедшія въ составъ словаря. Что же касается собственно до разговорнаго языка, то едва-ли многое мною упущено.

Въ настоящее время, въ разговорномъ языкѣ встрѣчаются нѣкоторыя слова русскія, ибо Якуты, знакомясь съ потребностями новыми въ ихъ быту, не находили въ своемъ языкѣ выраженій для этихъ новыхъ понятій и по необходимости привыкали употреблять слова русскія, замѣняя ихъ на свой ладъ, при произношеніи, на-прим.: моста — полъ, мостки; надалахъ — сладобье; гулайдыръ — гулаеть; бумагы-харчи — ассигнація, и ми. друг. Есть, кромѣ того, въ якутскомъ языкѣ слова монгольскія, тоже нѣсколько замѣненныя, какъ, на-прим.: тангара (монгольское тенгрн) и тому подобныя, но число ихъ незначительно.

Приведемъ здѣсь кстати замѣчанія г. Шотта о сходствѣ якутскаго языка съ турецкимъ, какъ догадку весьма-основательную. Разсуждая Ueber die Jakutische Sprache (см. Archiv. f. Wissen. Kenntn. v. Rus. v. Erdman), онъ говоритъ, что въ якутскомъ языкѣ встрѣчаются нѣкоторыя турецкія слова, которыхъ, чрезъ отпаденіе гласныхъ или согласныхъ, сократились или замѣнились. Такимъ образомъ, произошли слова:

Турецкія:	Якутскія:
Отъ aqhul	ol
— atqur	or
— kungis	küimis
— elder, ilder	eder
— aral	ary
— mojun, bojun	moi
— moimis, boimis	mos, и пр.

Замѣчательны также отклоненія въ звукахъ S и Z:

Отъ sakis, sekis aqyз

— satsch	as
— saty	aty
— semis	emis
— sen	en
— sis	is
— singer	ingir
— su	u
— sünqük	unqoch.

Напротивъ, можно встрѣтить нѣкоторыя якутскія слова, сходныя съ турецкими, которыя измѣнились въ окончаніи прибавленіемъ гласныхъ, напр.:

отъ el	eli
— Bosch	Boscho.

Важныя также сдѣлавъ замѣчанія г. Шоттъ въ отношеніи замѣна однихъ буквъ другими, и проч.

Какъ бы то ни было, но, при настоящей необработанности предмета, подобный вопросъ требуетъ подробнаго, аналитическаго сближенія языковъ, основаннаго не на одномъ, можетъ быть, незначительномъ, случайномъ сходствѣ, но на грамматическомъ и логическомъ построеніи ихъ.

Касательно грамматическаго состава замѣчу слѣдующее:

Азбука якутскаго языка можетъ быть составлена изъ 21 буквы, которыя должно принять за коренныя, и, сверхъ того, допустить нѣсколько общепотребительныхъ измѣненій, могущихъ войти въ азбучный порядокъ. Такимъ образомъ, за недостаткомъ собственной письменности, принявъ для выраженія якутскихъ звуковъ буквы европейскія (*), можно будетъ составить слѣдующую азбуку:

1) а, напр. басъ, голова.

aa — хааса, бровь, край.

2) е (которую можно сравнить съ французскимъ е), напр. белѣмъ, пятно, знакъ.

ё — бѣгохъ, металлическія заплата.

э — эмѣ, еще. Двѣ первыя, встрѣчаясь въ началѣ словъ, непре-

мѣнно произносятся съ твердымъ удареніемъ.

3) о — бѣго, крѣпкій. Встрѣчается въ началѣ, среднѣ и концѣ словъ, не подчиняясь никакимъ особеннымъ условіямъ.

уо — уогъ, огонь. Употребляется болѣе въ началѣ словъ.

4) и — дирингъ, глубокий.

5) у — улусъ, округъ, деревня.

6) ю — тю, шерсть.

ю — юсь, три. Весьма сходна съ предъидущемою; но, встрѣчаясь въ началѣ словъ, произносится иначе, чѣмъ въ среднѣ и въ концѣ, сходно съ франц. и.

7) ы — тымы, холодный. Звукъ удобовыразимый изъ европейскихъ языковъ только на одномъ русскомъ.

8) я — юрюя, ручей.

за — эакъ, да. Звукъ этотъ, подобно

ю, также сходенъ съ своею предъидущемою, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣетъ особенное произношеніе (среднее между э и а); впрочемъ, встрѣчается довольно рѣдко.

9) б — бадаранъ, болото.

10) г — кулгахъ, ухо. Звукъ этотъ произносится весьма-твердо, какъ франц. g.

г — кѣгонъ, сѣрая утка. Въ этомъ случаѣ, звукъ г произносится какъ h, и вообще никогда не встрѣчается въ началѣ словъ.

11) д — догоръ, товарищъ.

дж — джѣ, домъ.

12) к — карагасъ, узкій.

кх — каетігѣкха, разговаривать.

Звукъ этотъ встрѣчается единственно въ концѣ глаголовъ, при выраженіи такъ-называемаго неокончательнаго наклоненія.

13) х — халланъ, небо.

14) л — лаида, морской берегъ.

15) м — масъ, дерево.

16) н — налагай, комаръ.

нг — тангара, Богъ. Этотъ звукъ

(* Замѣтимъ мимоходомъ, что для этой цѣли преимущественно способна русская азбука.

вообще встрѣчается въ срединѣ и въ концѣ словъ.

17) п — капрась, черемуха. Встрѣчается почти исключительно въ срединѣ словъ.

18) р — санаръ, скуба. Въ началѣ словъ почти не употребляется.

19) с — са, лукъ, оружіе, ружье.

20) т — тась, камень.

21) ч — чилэхъ, теплый.

При употребленіи словъ русскихъ, какъ мы замѣтили выше, необходимо вкравшись въ азбуку якутскую звуки ей чуждые, какъ напр. З (зарись—азартный), Ж (ножку—ложка) и др., однакожь вообще такихъ словъ весьма-немного, и вліяніе ихъ на якутскую азбуку совершенно незамѣтно.

Изъ сочетанія этихъ звуковъ происходящія слова бываютъ трехсложныя и болѣе, особенно въ нѣкоторыхъ грамматическихъ оборотахъ глаголовъ, и въ первомъ случаѣ сохраняютъ удареніе обыкновенно на послѣднемъ слога, какъ напр. въ словахъ двусложныхъ и тресложныхъ: абась, чорорь, а въ послѣднемъ удареніи бываетъ два: эскяабитимъ.

Относительно происхожденія и образованія, слова могутъ быть раздѣлены:

1. На *коренныя* или простыя, какъ напр.: Тангара—Богъ, тимирь—желѣзо, кысъ—дѣвушка, киси—человѣкъ, алджархай—бѣда.

2. *Производныя*, напр.: мостахъ—рогатый, тюлахъ—мохнатый, халланнахъ—небесный.

3. *Сложныя*, наприм.: агый-огусъ—наука, илинь-леки—востокъ, илинь-кисеръ—подвязка спереди, иди-тобога—желѣзные опилки, дѣ-сдохъ—безпамятный, тыѣ-огоньръ—медвѣдь, и проч.

Въ якутскомъ языкѣ два числа, единственное и множественное, которыя весьма-легко образуются, какъ напр.: Джактаръ—женщина, Джакталаръ—женщины, Джель—Джеллеръ, тоѣя—тоѣноръ, этию—этиолларъ, и проч.

Имена естественно можно раздѣлить

на существительныя, прилагательныя и числительныя, изъ которыхъ первыя и вторыя измѣняются въ правильномъ склоненіи, согласуясь между собою въ родѣ, числѣ и падежѣ. Числительныя же имена, переходя изъ количественныхъ въ порядочныя, нѣсколько измѣняются въ окончаніяхъ, напр.:

1. Бирь—первый, бастынъ (собственно, впрочемъ, знач. главный, отъ слова бастъ—голова),

2. Икки—второй иккисъ,

3. Юсь—третій игюсь,

4. Тертъ—четвертый тердюсь,

5. Бесъ—пятый бегисъ, и т. д.

Склоненіе именъ существительныхъ и прилагательныхъ совершается собственно по четыремъ падежамъ; они суть: именительный, родительный, дательный и творительный, напр.:

Число един.

Имен. ого—мальчикъ.

Род. огову.

Дат. огого.

Твор. огоиы.

Множ. число.

Имен. оголоръ и т. д.

Кромѣ того, можно признать существованіе падежа предложнаго, который составляется совершенно-особеннымъ способомъ, чрезъ прибавленіе къ слову, въ концѣ его, нарѣчія, выражающаго этотъ падежъ; напр.:

огонугъръ, къ мальчику,

огонутугъръ, у мальчика,

огонутусугъръ, объ мальчикѣ,

огонувигъръ, въ мальчикѣ,

огоодлюгъръ, на мальчикѣ и пр.

Само-собою разумѣется, что, при составленіи грамматики, склоненіе именъ представить разнообразныя измѣненія, зависящія отъ состава словъ и сочетанія звуковъ.

Мѣстоименія, существующія въ якутскомъ языкѣ, бываютъ:

1. Личныя: я—минъ

ты—эиъ

онъ—кииъ и проч.

2. Указательныя: сей—субу, бѹ.

3. Притяжательныя: мой, мибъ

твой, менѣ.

свой, беэмиенѣ.

4. Относительныя: самъ, беѣмъ.

Глаголы весьма-разнообразны и правильно измѣняются по временамъ, изъ которыхъ главныя: настоящее, прошедшее и будущее.

Здѣсь еще слѣдуетъ замѣтить одно важное обстоятельство, въ - отношеніи частицы отрицанія, именно, что она, присоединяясь къ глаголу, производитъ въ немъ измѣненія, по правильности своей весьма-замѣчательныя, напр.:

Асыбкха, эсть.

Настоящее время.

Я ѣмъ асыбынъ
Ты ѣшь асыгынъ
Онъ ѣсть асыръ
Мы ѣдимъ асабытъ и проч.

Настоящее время (съ частицей отрицанія).

Я не ѣмъ асабапынъ
асабаккынъ
асабата

Мы не ѣдемъ асабапытъ и т. д.

Нарѣчій и предлоговъ весьма-много, и они, какъ мы замѣтили выше, иногда сливаются съ самымъ словомъ, иногда полагаются особо, но ни въ какомъ случаѣ не измѣняются.

Междометій весьма-мало.

Заклучимъ этотъ грамматическій очеркъ нѣкоторыми якутскими словами:

I. Кимъ баръ буо- Кто можетъ, не
ла эрегѣ сохъ бары учась, говорить
тылынанъ капетаръ. на всѣхъ язы-
— — — ойдорана. какъ?—Эхо.

II. Тохъ тусагаръ Для чего лиси-
сасыль кянигаръ ха- ца оглядываетъ
асаръ ытъ батыста- ся назадъ, когда
гана? собаки гонятся
за ней?

Брагыванъ кини- Чтобъ видѣть,
танъ ытъ исаринъ. какъ далеко отъ
нея собаки.

III. Сола быллывиъ Сѣрый жере-
чогуръ амыръ баръ бець, пошибю-
юсю, атага сохъ ха- щій олъдовъ,
царъ юсю.—Ты. безъ ногъ хо-
литъ.—Берѣстан-
ная лодка.

IV. Балаганъ юрлю- На юртѣ кри-
гаръ калтагай ха- вая ложка ле-
мыяхъ сынгаръ юсю. жить.—Луна.
— — — — —ый.

V. Балаганъ юрлю- На юртѣ про-
гаръ чарпа тохтубугъ сыпаны сосно-
юсю. выля отруби.
— — —Солустаръ. —Звѣзды.

Е. Огородниковъ.

РАЗСКАЗЪ АРМЕЙСКАГО КАПИТАНА.

Верстахъ въ пятнадцать отъ моего имѣнія, Т*** Губерніи, есть маленькая деревенька Бабаевка; въ ней всего-на-все душъ двадцать съ небольшимъ. Владѣлецъ Бабаевки — Иванъ Федоровичъ Ковытовъ, теперь ужъ человѣкъ пожилой: ему за пятьдесятъ. Онъ лѣтъ пять какъ вышелъ изъ отставки и пріѣхалъ на покой въ деревню.

Иванъ Федоровичъ при концѣ своего воинскаго поприща служилъ капитаномъ въ одномъ изъ линейныхъ батальоновъ на Кавказѣ. Большую часть своей службы онъ провелъ въ какой-то крѣпости, и, можетъ-быть, долго бы пришлось служить ему въ той крѣпости, еслибъ Петру Николаевичу Кузовкину, родственнику Ивана Федоровича, не вздумалось умереть и оставить послѣ себя Бабаевку Ивану Федоровичу.

Получивъ вѣсть о смерти Кузовкина и объ оставленной Бабаевкѣ, Иванъ Федоровичъ разсудилъ, что ему гораздо-лучше будетъ отправиться на житье въ означенную деревню, тѣмъ болѣе, что онъ не могъ похвастаться своимъ счастьемъ по службѣ. Послѣ такого мудраго разсужденія, онъ подалъ въ отставку и, бывъ вскорѣ уволенъ майоромъ, отправился въ деревню.

Пріѣхавъ въ Бабаевку, Иванъ Федоровичъ зажилъ привѣваючи. Хозяиномъ большимъ онъ никогда не былъ, во-первыхъ, потому, что почти всю жизнь свою провелъ на Кавказѣ, а ужъ въ старости учиться какъ-то не приходится; а во-вторыхъ, собственно, Иванъ Федоровичъ больше любилъ совершенное спокойствіе и не любилъ входить въ разныя хлопоты по мѣнью.

Хотя Иванъ Федоровичъ вотъ уже почти пять лѣтъ живетъ въ деревнѣ, но до-сихъ-поръ никакъ не можетъ разстаться съ своими привычками: онъ до-сихъ-поръ ходитъ въ военномъ сюртукѣ и терпѣть не можетъ ни халатовъ, ни халатиковъ, нитулупчиковъ, ни разныхъ другихъ костюмовъ хозяйственнаго изобрѣтенія; курить онъ съ утра до вечера немилосердо, а по вечерамъ пьетъ пуншъ изъ французской водки, которую наши тѣхскіе купцы продаютъ за самый лучшій амайскій ромъ, приѣзжавшая въ нее различныя вещества. Иванъ Федоровичъ занимается обдѣлкой разныхъ вещей на черкесскій манеръ; онъ отлично-хорошо дѣлаетъ узелочки, плетни, ремни съ бляшками, обдѣлываетъ сѣдла,—и вы всегда увидите у него множество этой дряни, развѣшанной по стѣнамъ вмѣстѣ съ превосходною шашкою, книжонкою, пистолетами и прочаѣмъ оружіемъ. Иванъ Федоровичъ любитъ таин и выпить, но за столомъ онъ не слишкомъ гоняется, не роскошничаетъ на кушанья, и очень-доволенъ, если ему столъ приготовитъ какъ-нибудь. Онъ очень не прихотливъ: были бы ему щи, да баранина, да вода, да трубка, а объ остальномъ онъ не заботится.

Иванъ Федоровичъ холостой, дамъ вообще не жалуетъ и терпѣть не можетъ ихъ общества. Бѣда, если онъ какъ-нибудь попадетъ между дамъ: тутъ онъ совершенно сконфузится и не только самъ не завяжетъ никакого разговора, но даже не можетъ порядочно отвѣчать на дѣлаемые ему вопросы.

Иванъ Федоровичъ выѣзжаетъ изъ Бабаевки только въ самые торжествен-

ные случаи: на именины къ сосѣду, на выборы, на ярмарку, въ городъ за покупками и т. п.; а больше любитъ сидѣть дома и принимать гостей у себя. Онъ добрый старикъ,—нельзя сказать, чтобъ былъ слишкомъ-разговорчивъ и говоритъ много только тогда, когда его подстрекнуть рассказывать разные случаи и исторіи, какіе бывали съ нимъ во время его службы. И рассказы его бываютъ интересны. Какъ соберется къ нему человѣка три-четыре, да какъ начнетъ онъ рассказывать, такъ не увидишь какъ и время пролетитъ. Его, бывало, стѣнитъ только подзадорить, а тамъ какъ пойдетъ какъ пойдетъ, такъ и не остановишь!

Пріѣхавъ въ свое мѣстѣе, я познакомился со всѣми своими сосѣдами, въ томъ числѣ и съ Иваномъ Федоровичемъ, и бываю у него довольно-часто.

Разъ какъ-то я заѣхалъ въ Бабаевку; у Ивана Федоровича были на-ту-пору гости: Павелъ Петровичъ Карпуновъ, да Антонъ Антоновичъ Садковъ, оба помѣщики и сосѣди Ивана Федоровича.

Я пріѣхалъ къ нему уже полъ-ночь, этакъ часу въ шестомъ въ исходѣ. Подали чай.

— А что, какъ у васъ яровые убрали, Антонъ Антоновичъ? спросилъ Карпуновъ.

— Благодаренье Богу, пожаловаться не могу; весь хлѣбъ убрали счастливо, отвѣчалъ Садковъ.

— Ну, а какъ у васъ овесъ? По скольку мѣръ брали съ копны? спросилъ опять Карпуновъ.

— Овесъ необычайный-съ, необычайный. Вотъ уже слишкомъ пятнадцать лѣтъ хозяйничаю я въ деревнѣ, а еще ни разу не собиралъ по столько. Вообразите вы себѣ, по девяти мѣръ изъ копны выходило! отвѣчалъ Садковъ.

— Что вы это говорите, Антонъ Антоновичъ? Можетъ ли быть, чтобъ по девяти мѣръ?

— Эй-Богу такъ; просто невѣроятно.

— Дѣ, урожай нынче очень-хоро-

ше; хлѣба такая пропасть, что нѣкуда дѣвать.

— Какъ нѣкуда дѣвать? спросилъ я: — мнѣ кажется, что хлѣбу всегда найдется мѣсто, сколько бы его ни было.

— Мѣсту-то какъ не найдтись, мѣсто найдется, отвѣчалъ Карпуновъ: — да бѣда-то вѣдъ въ томъ, что деньги нужны: нужно платить подушное, проценты; хлѣбъ-то вѣдъ надо продавать, а поважайте-ка въ городъ, на базаръ, да поприщипаетесь-ка, поспросите-ка о цѣнахъ, такъ вѣдъ ротъ разинете, батюшка!

— Да, цѣны крѣпко упали.

— Какой же упали!.. Чтѣ вы это говорите, Антонъ Автоновичъ? Не упали, а скажите лучше, что нѣтъ цѣны, совсѣмъ нѣтъ, а не то, что упали. Какой же это упали, когда за четверть ржи двухъ рублей восьми гривенъ не даютъ?

— Можетъ ли это быть? вскричалъ Иванъ Федоровичъ:—чтѣ вы это говорите, Павелъ Петровичъ?

— Какъ чтѣ говорю!.. Да вы-то чтѣ говорите?.. Вѣдъ вотъ вы, съ позволенія сказать, силите въ своей Бабаевкѣ, какъ медвѣдь въ берлогѣ, да ничего не знаете, а вѣдъ тоже говорите: «можетъ ли быть!» А вотъ вы пошлите въ городъ узнать, если вамъ самимъ-то глѣнъ създантъ, такъ тогда не будете удивляться, да не скажете «можетъ ли быть»; а то—можетъ ли быть! навѣстно можетъ, если вамъ говорить.

— Чтѣ же это вы такъ расходились, Павелъ Петровичъ! Вѣдъ я говорю это такъ, отъ-того, что у насъ на Кавказѣ...

— Мало-ли чтѣ у васъ тамъ на Кавказѣ дѣлается! сказалъ Карпуновъ.

— Да ужъ осмѣлюсь вамъ доложить, что у насъ этого не было, нѣтъ... У насъ на Кавказѣ хлѣбъ всегда въ цѣнѣ; вотъ чтѣ другое такъ очень-дешево, хоть живность всякая, а особливо бараны—просто ни-почемъ; и скажу вамъ, что славные бараны; не то что здѣсь иногда попадется какой-нибудь ледащій,—тамъ все жиръ; славные бараны, а все отъ-того, что хорошия

пастбища. Да вотъ я помню, хоть и намъ въ крѣпость мирные Черкесы вѣдъ какова баранищу притащутъ и продаютъ за безцѣнокъ, просто ни-почемъ; а отъ-чего, вы думаете? отъ-того, что крадевой!.. Воруютъ ужасно. Вѣдъ мирной, кажется, а изъ нашихъ же русскихъ стадъ украдетъ, да намъ же и принесетъ продавать...

— А какія же это исторіи были? подхватилъ я, обрадовавшись случаю услышать отъ Ивана Федоровича какую-нибудь исторію.

— Мало ли какія исторіи! много съ ними исторій было; встѣхъ и не перескажешь, отвѣчалъ Иванъ Федоровичъ и, отпнувъ пушу, началъ курить, какъ-будто ничего не бывало, какъ-будто онъ ничего и не знаетъ. Иванъ Федоровичъ въ этомъ отношеніи имѣетъ маленькую слабость: никогда и ничего не начнетъ онъ рассказывать прямо, безъ того, чтобъ его не попросили порядкомъ; онъ любитъ сперва поважничать, и потомъ уже начнетъ рассказывать какъ-будто нѣхотя, а между-тѣмъ смертельно радъ, что есть слушатели для его исторій, и дѣлаетъ все это такъ только, для виду. Мы всѣ знаемъ эту слабость Ивана Федоровича, и потому сейчасъ же начали его упрашивать.

— Ну, да расскажите что-нибудь!.. Расскажите, Иванъ Федоровичъ!.. Вѣдъ это вамъ ничего не стѣдитъ, заговорили мы всѣ.

— Да чтѣ же вамъ рассказать?.. Вѣдъ вы, я думаю, давно все знаете, давно все читали въ вашихъ романахъ! сказалъ Иванъ Федоровичъ, улыбаясь иронически; онъ вообще не жалуетъ романовъ.—Да, чорта съ два есть правды въ нихъ, въ этихъ романахъ! И такіе я этикіе Черкесы... Вонъ, прочитайте-ка «Амалатъ - Бека», или какой-нибудь другой романъ, такъ вѣдъ вы подумаете, что это самый честнѣйшій и благороднѣйшій народъ, а вѣдъ все пустое, все вадоръ! Оно, конечно, можетъ-быть, въ романахъ такъ и надобно, я этого не знаю, а вотъ я вамъ не солгу, и скажу по истинной

правдѣ, что Черкесы на деньги надки- такъ, что просто бѣда, — отца родна- го проладутъ. Разбойники страшные! ни за что убьютъ человѣка, просто ни за грошъ. Да и добро бы рѣзали чу- жихъ, а то вѣдь своего рѣжутъ, и все попустому, чортъ знаетъ за что; конь ли пригланется ему у своего же Чер- кеса, онъ его гдѣ-нибудь испод- тишка и зарѣжетъ, оружiе ли, какая- нибудь этаная смазливенькая Черке- шенка,—тутъ бы плюнулъ, да и ото- шелъ бы отъ нея прочь, а онъ, че- ловѣка рѣжетъ... Однимъ хороши — смѣлы... ужъ въ этомъ они молодцы и дерутся славно.

Тутъ Иванъ Федоровичъ замолчалъ и затянулся нѣсколько разъ. Мы съ нетерпѣнiемъ ожидали какой-нибудь исторiи.

— А вѣдь какiе мстительные! началъ опять Иванъ Федоровичъ. — То-есть кто ихъ не знаетъ коротко, такъ про- сто не повѣрять, какъ поразсказать. Ахъ ты, Господи, какiе люди! Обидѣ- те въ его какъ-нибудь, такъ онъ васъ во всю жизнь не забудетъ и жить- то вѣдь будетъ для того только, чтобъ какъ-нибудь пырнуть васъ кни- жалищемъ, или подстрѣлить; за вся- ную дрянъ будетъ вамъ мстить. Да вотъ хоть, съ позволенiя вашего, жен- щины!.. Ну, что такое женщины? Сти- хотворцы пишутъ, что женщины— украшенiе рода человѣческаго, и ма- ло ли что еще они пишутъ, такъ на- то они стихотворцы; вѣдь они пи- шутъ, чтобъ деньги заработать; ну, а въ этакомъ дѣлѣ другой и сфальши- вить и не постоятъ за правду,—а въ са- момъ-то дѣлѣ разсудите-ка: ну, что та- кое женщина, а особливо Черкешенка? (Мы не хотѣли спорить съ Иваномъ Федоровичемъ, во-первыхъ, потому, что хотѣли скорѣе слышать исторiю, а во- вторыхъ и потому, что такого человѣ- ка, какъ онъ, не переустроишь.) Оно, конечно, есть у нихъ очень и очень- смѣзливый... то-есть, еслибъ можно, такъ вотъ такъ бы и поцаловалъ; ну, а нельзя, такъ шутъ ее побери! Стану я изъ-за дѣд рѣзаться, да на княжалъ

лѣзть, — да, чорта съ два! плюну да и отоиду прочь... А вѣдь вотъ Черкесы такъ нѣтъ: пригланется ему тамъ ка- кая-нибудь, такъ онъ всякаго человѣ- ка зарѣжетъ, кто будетъ ему мѣшать; драться будетъ не на животь, а на смерть, и ужъ тутъ ему не попадайся, ни за что пропадешь: убьетъ, непре- мѣнно убьетъ!.. Да вотъ я вамъ ска- жу, звалъ я тоже одного Черке- са, — и еще какого Черкеса, самаго лучшаго изъ всѣхъ, какихъ только я видѣлъ и какiе только есть, — а вѣдь изъ-за женщины какую исторiю затѣ- ялъ и сколько мѣрностей надѣлалъ!.. Да, была потѣха... Будь тутъ этакiй какой-нибудь сочинитель, такъ онъ бы цѣлый романъ написалъ.

— А что же у васъ такое было? спро- силъ я: — раскажите, пожалуйста, Иванъ Федоровичъ.

— Да что же рассказывать! отвѣ- чалъ онъ, выпустивъ цѣлое облако ды- ма, такъ-что совершенно исчезъ въ немъ.—Вѣдь это васъ, я думаю, не зай- метъ; тутъ ничего нѣтъ этакого, какъ въ романахъ, а просто по-нашему, по- кавказски, истинная правда.

— Потому-то и интересно, потому- то и хочется знать, что истинная прав- да. Ну, раскажите, пожалуйста.— По- мѣщики тоже начали упрасивать.

— Ну, ну, ладно... Слушайте, ска- залъ Иванъ Федоровичъ съ довольнымъ видомъ и началъ рассказывать:

Въ 18.. году, я былъ еще поручи- комъ въ *** линейномъ батальонѣ и служилъ въ крѣпостцѣ N. Верстахъ въ пятидесяти отъ насъ былъ аулъ Дже- го. Теперь этотъ аулъ мирной; его взяли уже давно, а когда я былъ еще поручикомъ, такъ, скажу вамъ, что тогда это былъ не аулъ, а просто крѣ- постъ, да еще такая крѣпость, что стоить трехъ. Вѣдь вотъ какое мѣсто было, что и поаступиться-то къ нему никакъ нельзя. Представьте вы себѣ со всѣхъ сторонъ горы страшнѣйшия, а въ серединѣ, на этакой маленькой долинкѣ, тутъ и есть аулъ. И преболь- шой былъ аулъ: какъ начали прибли- жать Черкесовъ со всѣхъ сторонъ, такъ

вотъ они и прячутся всѣ въ такаія мѣста. Къ этому аулу не было ни одной порядочной дороги, а были между собой какія-то маленькія лазейки: прошу покорно пройти въ такую лазейку съ войскомъ! И сколько разъ ходили на этотъ аулъ! Долго одолѣвали пролѣтаемое мѣсто; не было никакихъ средствъ взять, но наконецъ взяли-таки и расчистили порядкомъ.

Изъ этого-то самого аула выѣзжалъ съ своей шайкой Хаджукъ. Вотъ-такъ былъ наѣздникъ! Я на Кавказѣ служилъ слишкомъ двадцать-пять лѣтъ, а не видалъ такого удалца. Куда передъ нимъ всѣ эти уздени, просто дрянъ, мелюзга ничего нестоящая; онъ бы одинъ десятерыхъ убралъ. У него было восемь сыновей, всѣ уже взрослые, да наберетъ еще разныхъ охотниковъ, да абрековъ, и выѣзжаетъ съ этой шайкой грабить наши станицы; уговяютъ скотъ, лошадей, забираютъ людей и все, что ни попадетъ подъ руку, — просто отбою нѣтъ... Вышлютъ, бывало, противъ нихъ отрядъ, а они, кошеники, сейчасъ тягу въ горы, да въ аулъ, а тамъ поди лови ихъ, да бери приступомъ. Что вы будете дѣлать! просто одолѣли, проклятые. И вѣдь какая удивительная смѣлость!.. Вотъ хоть самъ Хаджукъ (ужъ мы его всѣ въ лицо знали, да не то, что въ лицо, а просто издали бѣлетъ, такъ ужъ прямо видно, что Хаджукъ), бывало, выѣдетъ изъ самой крѣпости, гарцуетъ тутъ, какъ-будто у себя въ аулѣ, и вызываетъ охотника попробовать съ нимъ силы. А конь-то! Фу ты дьявольщина, что за конь! О-сю-пору не могу забыть этого коня: такъ и прыгаетъ, такъ и кипитъ подъ нимъ, — просто заглядѣнье!.. Молодецъ былъ, нечего сказать! Представьте вы себѣ мужичище вершковъ десяти ростомъ, плечистый, здоровенный, и какъ ленокъ, наваль! какія штуки на лошади выдѣлываетъ! А рожица-то, рожица! ахъ, ты, Госноди, какая страшная рожа! черныи носъ какъ смоль, волосастый, да какъ еще въ буркѣ, да въ мохнатой шапкѣ, такъ просто бѣда, — настоящимъ

разбойникъ! Оружіемъ владѣетъ отлично; ужъ маху не дастъ, нѣтъ: рубнетъ шашкой, такъ вѣдь человѣка до сѣдла рассадить. Ужасная сила и ловкость!

• Только вотъ-съ, когда взяли это разбойничье гнѣздо, да разнесли, да перебили порядкомъ, такъ тутъ легли всѣ сыновья Хаджука и почти вся его шайка, но самъ онъ улизнулъ; ни слуху, ни духу объ немъ, какъ-будто въ воду канулъ. Мы думали, что онъ опять наберетъ удалцовъ, да начнетъ мстить за сыновей, однакожъ нѣтъ, угомонился. Ему, кажется, тоже пошало при взятіи аула, и даже многіе думали, что онъ убитъ.

• Между — тѣмъ, прошло нѣсколько лѣтъ: меня произвели въ штабс-капитаны, а потомъ и въ капитаны, а объ Хаджукѣ все ничего не слышно. Сижу я въ крѣпости, да иногда такъ думаю себѣ: гдѣ же это Хаджукъ? куда онъ дѣвался?..

• Надобно вамъ сказать-съ, что къ намъ въ крѣпость хаживали мирные Черкесы; такъ, знаете, продаютъ что-нибудь, или же и просто въ гости придутъ. Вотъ-съ разъ какъ-то прѣзжаютъ къ намъ двое Черкесовъ; одинъ старикъ, а другой молодой, такъ лѣтъ двадцати-трехъ-четырехъ не больше. Привели они трехъ или четырехъ барановъ, да и продаютъ нашимъ. Я сижу у овна, да и смотрю на нихъ. Вотъ началъ я всматриваться въ лицо старика; показалось мнѣ, какъ-будто что-то знакомое; взялъ я фуражку, вышелъ на дворъ и подхожу къ нимъ. Вспомниваюсь въ старика, — точно, что-то знакомое, а вспомнить никакъ не могу... Ба, ба, ба! да это старый приятель, это, кажется, Хаджукъ!.. да, точно онъ! только ужъ совсѣмъ не тотъ, что прежде былъ, и по лицу-то еле-еле признаешь. Вотъ я и говорю: Хаджукъ! Онъ оглянулся и молчитъ; а я опять:

— Хаджукъ! это ты?

— Я, говоритъ.

— Да какъ же ты заѣлъ?

— Да что жъ мнѣ? отъ-чего жъ не

прійдти сюда? Развѣ къ вамъ нельзя ходить вовсе?—и смотреть мнѣ прямо въ глаза, какъ-будто на въ чемъ не бывалъ.—Фу, чортъ поберн! думаю я, да что жь это оны?

— Да какъ же ты пришелъ сюда? Вѣдь я велю тебя схватить!.. говорю я.

— За что жь меня схватить? Что жь я такое сдѣлалъ, чтобъ меня схватить? Вѣдь я ужь давно мирной.

— Мирной!.. вотъ что! говорю я.— А какой мирной! по рождѣ вижу, что не мирной: рожа такая плутовская, разбойничья. Ну, мирной, такъ мирной, дѣлать нечего.

— А это кто съ тобой? говорю я.

— Это сынъ мой, Муратъ.

— У тебя и сынъ остался! А мы думали, что ихъ всѣхъ убили, помнишь ли, тогда-то?

— Нѣтъ, говорить:—одинъ остался.

— Вотъ мы съ нимъ разговорились; онъ мнѣ и рассказавъ, что вотъ, говорить, какъ взяли нашу аулу, такъ у меня всѣхъ сыновей убили, только одного оставилъ Аллахъ на поддержку моей старости. Чтò было, какое тамъ нищество — все пропало, такъ-что нѣтъ нечего, приходится торговать.

— А я ему говорю: вѣрно разбойничаешь, Хаджукъ?

— Онъ улыбается, да только головой потряхивается, какъ будто-бы нѣтъ.

— Какъ можно! говорить:— я мирной. Да и гдѣ мнѣ! ужь я старикъ, и силы-то нѣтъ...

— И точно, старъ сталъ и хилый такой сдѣлался; совсѣмъ не то, чтò прежде, и на лошади-то едва-едва сидятъ. При взятіи аула его таки починили порякомъ и сбавили годковъ десятокъ; по всей головѣ и по всему лицу шрамище преогромный. Такой хилый, старый сдѣлался... я думаю и шашки-то не подниметь; только рожа такая же разбойничья, да еще страшнѣе сдѣлалась отъ шрама.

— Вотъ-съ они стали частенько жаловать къ намъ въ крѣпость. Хаджукъ продаетъ барановъ и всякую мелюгу; а сынъ этакій, знаете ли, молодець,

просто красавецъ: глаза черные, такъ и блестятъ, такъ и хочутъ выскочить; только молодъ еще и не выросъ; а станомъ будетъ весь въ отца. Ужь теперь даже видно, что смилнца будетъ большая. На коня садеть, такъ просто картина... за стекло бы въ рамку вставилъ, да такъ бы все и любовался. Лицо вовсе не такое разбойничье, какъ у Хаджука; оно конечно, все же видно, что Черкесъ, и чернымъ такой же; но лицо такое красное, звае-те, и что-то этакое доброе въ лицѣ... Самъ же Хаджукъ сдѣлался настоящимъ Жидомъ: торгуешь разной дрянью, поддичаетъ, хитритъ,—чортъ знаетъ чтò такое,—и о наѣздничествѣ совсѣмъ забылъ; такая хитрая, подлая жидовѣ сдѣлался... и не посмотрѣлъ бы на него! А сынъ не выучился еще жидовскому ремеслу; такъ вотъ и видно, что ему не торговать и не съ баранами возиться, а на коня, да шашку въ руки, да княжалъ въ зубы! Такъ тутъ онъ будетъ на своемъ нѣстѣ.

— Вотъ-съ, мы съ ними сдѣлались кунаками, то-есть не то, чтобъ кунаками... чтò жь я буду дружитья со всякимъ встрѣчнымъ и поперечнымъ! а такъ, знаете, вѣдь въ крѣпости-то очень и очень-сучковато, такъ-что радъ всякому... Прійдутъ они, бывало, ко мнѣ: тары-бары, рассказываютъ что-нибудь, а время-то и уходитъ, я ихъ употчиваю, а тутъ что-нибудь и выйдаетъ.

— Муратъ былъ славный Черкесъ, те-есть такой Черкесъ, какихъ я не видалъ. Вѣдь мало ли ихъ есть тамъ удалыхъ и лихихъ наѣздниковъ, да все не то, чтò Муратъ; у него, кромѣ молодечества, что-то такое доброе въ лицѣ и безъ всякой хитрости и подлости, — Молодъ ли онъ еще и не успѣлъ еще выучиться вихней манерѣ, или ужь такъ онъ уродился, — Богъ его знаетъ, только хороший человекъ былъ. Да вотъ вамъ ужь на что, я, первѣйшій врагъ Черкесовъ, не люблю этихъ Азиатовъ; а вотъ Мурата такъ не могъ не полюбить, привязался къ нему ужасно... да вѣдь до чего привязался? что какъ

для три-четыре не прѣзжаетъ онъ въ намъ въ крѣпость, такъ мнѣ и скучновато дѣлается, точно какъ-будто влюбился въ такую какую-нибудь красавицу; ей-Богу, такъ... Въдь вотъ те шерь какъ вспомнишь, такъ и самому смѣшно; а что же будете дѣлать, коли хорошій человекъ! И не знаю, въ кого онъ такой вывелъ: въдь Хаджукъ, кромѣ хитрости да разбоя, врядъ-ли чему научить!

• Ужь мѣсяцевъ шесть слишкомъ ѣздили они ко мнѣ въ крѣпость; такъ все у насъ и шло... Наконецъ, начинаю я замѣчать, что мой Муратъ что-то не ладно, сталъ будто не веселъ; прѣдетъ въ крѣпость — ходитъ повѣся носъ и говорить мало, и все у него не такъ, какъ прежде; чортъ знаетъ, что съ нимъ сдѣлалось. Я разспрашивать сталъ:

— Что это ты, говорю ему, такой невеселый?

— Я?.. Я ничего... отвѣчаетъ онъ, да и улыбнется какъ-то грустно.

• Что за притча такая? думаю я: что это съ нимъ сдѣлалось такое? — Наконецъ я таки допытался, и въдь вышло самое пустое дѣло: ѣздилъ онъ въ аулъ Даргинъ; въ этомъ аулѣ жилъ мирной Черкесъ Мухаммедъ, у котораго была дочь Сулеймина; хороша ли, дурна ли не видалъ.

— Смотри, братъ, Муратъ! говорю я: не слобровать тебѣ! Въдь у Сулеймины есть братъ, а можетъ-быть есть и женихъ...

— Женихъ!.. крикнулъ онъ:— а для жениха у меня вотъ что есть! схватился за кинжалъ, да и смотреть на него. А рожу-то такую страшную сдѣлалъ, какой я на немъ никогда и не видалъ; глаза налились, да такъ и сверкають. • Сулеймина мол! • говорить.

— Да намъ же она твоя, когда тебѣ нечѣмъ заплатить калымъ? Въдь Мухаммедъ старый чортъ, человекъ корыстолюбивый и не отдастъ тебѣ Сулеймины безъ калыма.

— Я доставу калымъ, говоритъ онъ.

— А гдѣ же ты доставешь?

— Ужь я знаю, гдѣ доставу.

— Э..ге...ге, братъ! подумалъ я: —

Т. XLVIII. — Отд. VIII.

да гдѣ же ты доставешь-то? Тутъ что-нибудь да не ладно; хоть ты и хорошій человекъ, а больно надѣяться на тебя нельзя. А надо вамъ знать, что у меня былъ маленький капиталишка, отакъ тыщонки три слышкомъ; Муратъ звалъ, что у меня есть деньги: такъ долго ли до грѣха? въдь ни за что пропадешь. Вотъ я сталъ осторожище, не остаюсь съ нимъ наединѣ, а все при людяхъ. Знаете... хоть и хорошій человекъ, хоть даже можно сказать, я любилъ его какъ сына, или брата что ли, и онъ мнѣ очень по душѣ пришелся, да все, знатели, лучше; въдь не ровенъ часъ, со всякимъ человекомъ можетъ случиться, въдь Богъ его знаетъ, что у него на душѣ-то!... Только вотъ я ему и говорю: «Нехорошо, Муратъ, смотри, попадешься!»

— Ничего, не попадусь.

— Ну, будетъ же потѣха! подумалъ я.— Вотъ такъ все и было. Муратъ мой все ѣздитъ въ Даргинъ, да тоскуетъ, да думаетъ, какъ бы ему калымъ достать. — Жить не можетъ онъ безъ Сулеймины; подай ему Сулеймину, да и полно! Въдь такая дурь въ голову вошла, что и утѣпиться ни чѣмъ не можетъ и смотрѣть ни на что не хочетъ и не разговариваетъ ни о чемъ: Сулеймина да Сулеймина, и больше ничего. Спитъ и видитъ только Сулеймину, просто чуть въ петлю не лѣзетъ — такъ причаровала проклятая Черкешенка, сгубила молодца: все ему постыло, кромѣ Сулеймины. — Наконецъ, Муратъ совсѣмъ пропалъ и пересталъ ѣздить въ крѣпость, а Хаджукъ все еще торговалъ. Вотъ я разъ подхожу къ Хаджуку, да и спрашиваю:

— Куда это дѣвался Муратъ?

— А Аллахъ его знаетъ, отвѣчаетъ Хаджукъ:— я и самъ давно уже не видалъ его.

• Ну, подумалъ я, вѣрно онъ подрался съ кѣмъ-нибудь за Сулеймину, да и свернули голову молодцу. — Прошелъ мѣсяцъ, другой, — о Муратѣ ни слуху, ни духу, такъ-что наконецъ я сталъ забывать о немъ, а только, бывало, нерѣдка вспомнишь, что былъ-

моль хорошій человекъ и пропагъ ни за грошь. Только вотъ-съ около этого времени стало слышно, что Черкесы сильно разбойничаютъ вокругъ нашей крѣпости; гдѣ угонять скотъ, лошадей и все что можно взять, все забираютъ. Наконецъ, смѣлость ихъ дошла до того, что эти бездѣльники показались у самой крѣпости, снимали нашихъ часовыхъ и даже разъ какъ-то ночью ворвались въ самую крѣпость, да только мы славно ихъ отпугивали. Чтò тутъ будете дѣлать?.. Сталъ я поразвѣдывать и узналъ, что ихъ собралось до трехъ-сотъ самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ и изволятъ они потѣшаться подлѣ предводительствомъ какого-то удалца. — Узналъ я еще, что этотъ удалецъ изъ мирныхъ... каково вамъ покажется?.. Полагайтесь на нихъ послѣ этого!.. Вотъ-съ я думалъ-думалъ, чтò дѣлать? надобно унять разбойниковъ, а мнѣ съ своей командой ничего не сдѣлать; наконецъ, я донесъ начальству, что, молъ, такъ и такъ, грабятъ и разбойничаютъ, и нѣтъ никакихъ средствъ унять ихъ, просилъ подкрѣпленія. Вскорѣ точно прислали подкрѣпленіе, и я думаю себѣ: ну-тека, суньтесь теперь! и угощу васъ свинцовыми орѣхами. — На другой же день я съ своимъ отрядомъ отправился на то мѣсто, гдѣ паслись табуны, и всадились мы всѣ въ лѣсокъ за кусточками, такъ-что ни одного человека не видно, и стали ждать Черкесовъ. — Отдалъ я приказъ, чтобъ слушали всѣ: какъ только выстрѣлю я изъ ружья, такъ чтобъ сейчасъ же броситься всѣмъ изъ кустовъ, построиться на-скоро и выстрѣлить залпомъ въ Черкесовъ. Вотъ ждали мы, ждали, ужъ за полдень, а все никого нѣтъ; я такъ и думалъ, что бѣстін пронюхали, въ чемъ дѣло.

Часу въ шестомъ вечера я велѣлъ было уже собраться идти, какъ вдругъ показались Черкесы; подѣхали они ближе и начали обкашивать табуны. Ихъ всего было человекъ сто не больше; впереди скакалъ какой-то Черкесъ — ужъ издали видно было, что славный наѣздникъ и лихой рубака. Конь

подъ нимъ — такъ просто картина, вытянулся весь въ струну, да такъ и ложится, такъ и стелется по землѣ, самъ чортъ не догналъ бы этого коня. Эхъ, какой конь! Вѣдь я ужъ теперь старикъ, а какъ вспомню объ этомъ конѣ, такъ сердце вотъ такъ и запрыгаетъ. Посадите вы хоть когò-собьетъ, непременно собьетъ; гдѣ усидѣть на такомъ конѣ! А наѣздникъ-то былъ не таковъ, чтобъ сбилъ его какой-нибудь конь; крѣпко сидѣлъ онъ въ сѣдлѣ, только бурка развѣвалась за плечами. — Бросилъ онъ поводья; въ правой рукѣ шашка, въ лѣвой нагайка, въ зубахъ кинжалъ, да такъ и летитъ и пражмешенько мимо того куста, за которымъ я спрятался. — Вотъ, думаю себѣ, стой же, подѣдешь, такъ я тебя изъ собственныхъ рукъ удостою; взялъ я ружье, взвелъ курокъ, да и поджидаю, какъ онъ подѣдетъ поближе. — Наконецъ подѣхалъ онъ такъ, что его можно было разобрать въ лицо; и мнѣ ужъ время было стрѣлять; только вотъ-съ, какъ взглянулъ я на него, такъ руки и опустились, какъ-будто меня варомъ съ головы до ногъ окатило; стою какъ ошалѣлый и даже пошевеливаться не могу... Представьте вы себѣ кое удивленіе... какъ бы вы думали, чтò былъ этотъ Черкесъ?... а?... кто?... ну, скажите?... это былъ-съ Муратъ... а?... Вотъ, послѣ этого узнайте человека!.. Эхъ, какъ жаль мнѣ его стало! просто, бѣда... и стрѣлять вовсе не хочется; да и не сталъ бы стрѣлять, еслибъ можно, а то вѣдь никакъ нельзя: вся моя команда на меня смотреть, да только того и ждетъ, чтобъ я выстрѣлилъ. — Наконецъ, скрѣпился я кое-какъ, подналъ ружье, приложился и спустил курокъ, а самъ даже и взглянуть-то какъ-будто боюсь. — Вотъ, какъ думалъ-то поразнесло, посморѣлъ я на то мѣсто, куда стрѣлялъ, и увидѣлъ, что Муратъ мой цѣлехонекъ летаетъ на своемъ скакунѣ — я промахнулся и самъ не знаю отъ-чего: жаль ли мнѣ стало Мурата и лукавый подтолкнулъ подъ руку, или ужъ просто такъ промахнулся, не знаю; только не можетъ быть,

чтобъ такъ: я стрѣлокъ хорошій, и Богъ-знаетъ, что поставлю, еслибъ стрѣ-
дать въ цѣль на такомъ разстояніи. Между-тѣмъ-съ, Черкесы бросились
всѣ къ кучу и начали озираться во всѣ
стороны, а наши холодцы высыпали
изъ лѣсу, построились, дали залпъ изъ
ружей, ура!!!... и пошли въ штыки.—
Черкесы сначала тоже было-выпались
рубить въ шашки, да только видать,
что дѣло плохо, давай Богъ ноги и у-
рали. Однакожь многихъ, очень-мно-
гихъ ранили и положили на мѣстѣ.

•Когда дѣло кончилось, мы пришли
къ крѣпости и забрали съ собою всѣхъ
ранимыхъ. — Такъ вотъ какъ Муратъ
добываетъ себѣ калмык! подумалъ я:
подите послѣ этого повѣрите мнѣ хоть
на грошъ!

•Забрала меня сильно охота раз-
узнать, какъ Муратъ попалъ въ шай-
ку; хоть я ужъ и самъ зналъ, какъ, но
все же лучше узнать; пошелъ я по-
смотреть разсказанныхъ и выбралъ такого,
котораго только чуть опарала пулей.
Привелъ я его къ себѣ и начинаю раз-
спрашивать; только онъ-съ не сознаетъ-
ся ни въ чемъ и даже рѣшительно ни-
чего говорить не хочетъ, — только
головой мотаетъ; я его попробовалъ
пристращать нагайкой и пулей, — ни-
чего не помогаетъ, ничего нельзя до-
битья отъ чортова сына... Стой же,
думаю я, вычитая я мнѣ тебя все; ска-
жешь ты мнѣ, что у тебя за душою.
Отверъ я шпатулку и досталъ съ гореть
цѣлковыхъ и мелкаго серебра; подхо-
жу къ нему и говорю:

— Вотъ, если скажешь всю истинную
правду, такъ получишь все это и еще
отвущу тебя на волю... а? А вѣдь день-
ги-ко славыя, на, посмотри-ка; на
конѣ будешь опять ѣздить... а?... Ну,
говори же все!... Вѣдь что тебѣ? отъ-
чего не сказать? Смотрю: у моего Чер-
кеса глаза разбѣжались; однакожь все
же запирается.

— Да а, говорить, ничего не знаю.
•А-га! заговорилъ уже добрычонакъ!
намъ этого-то и нужно. Я положилъ
при немъ деньги въ шпатулку и гово-
рю ему: лучше скажи; поди-ка да по-

думай хорошенько, — и велѣлъ отвести
его назадъ.

•Часа черезъ полтора опять его при-
вели ко мнѣ; ну, что? говорю, надумалъ
ли?... а?

Смотрю, мой Черкес колеблется; за-
бираетъ его охота вырваться на волю
съ цѣлковиками; ужъ я по рожѣ сей-
часъ увидѣлъ, что отъ него можно те-
перь все узнать; и точно — онъ не вы-
держалъ и отвѣчалъ мнѣ на всѣ вопро-
сы. Вотъ, что я узналъ отъ него: Му-
ратъ хотѣлъ жениться на Сулейминѣ,
но калыма у него не было; думалъ онъ,
думалъ, и наконецъ махнулъ рукой, да
и рѣшился на разбойничье дѣло; со-
бралъ себѣ человѣкъ сорокъ абрековъ
(то-есть самыхъ отчаянныхъ головорѣ-
зовъ, которые безъ рѣзни да крови
жить не могутъ) и разныхъ охотниковъ,
нотрывать нужнй добыча, да и давай
грабить нашихъ... Мало-по-малу, все
приставали къ нимъ, и наконецъ со-
бралась порядочная шайка; вотъ они и
разбойничать. Муратъ и работалъ
на свою долю порядочно, да только въ
послѣднее время мнѣ больно не повез-
ло: вездѣ колотать ихъ, и ужъ плохо
имъ приходится.

•Послѣ этого происшествія, мы не ви-
дали больше Мурата: онъ на нашу крѣ-
пость не наѣхалъ; а слышно только
было, что его расколотали въ пухъ
и всю его шайку положили на мѣстѣ.

•Мѣсяць спустя послѣ этого, прихо-
дитъ къ намъ въ крѣпость Хаджукъ; и
къ нему:

— Какъ же ты, говорю, пришелъ
сюда? Вѣдь твой сынъ разбойничаетъ!

— А мнѣ что до сына? Я мирной.
Сына-то я и въ глаза ужъ давно не
видалъ.

— Врешь ты, говорю я: — вѣрно
разбойничаетъ вмѣстѣ съ сыномъ и
знаешь, гдѣ онъ теперь.

— Нѣтъ, я мирной; не знаю, гдѣ
Муратъ.

•Ну, нечего дѣлать: мирной, такъ
мирной; 'уличить' ни въ чемъ нельзя,
такъ и не трогай. Я повалъ Хаджука
къ себѣ; смерть какъ захотѣлось узнать
о Муратѣ... Начинаю расспрашивать,

только онъ говорить: не знаю, я его давно не видалъ. Я и такъ и сякъ, вѣтъ... мой Хаджукъ бонится, и ничего отъ него не добьешься, а меня такъ и разбираетъ. Вотъ, наконецъ, я успокоилъ его кое-какъ, попотчивалъ тѣмъ, другимъ: у старика языкъ-то и развязался.. Узналъ я отъ него все то же, что отъ шлѣннаго Черкеса, да кромѣ того еще вотъ что: самъ Хаджукъ ѣздилъ къ Мухаммеду сватать Сулеймину за сына; прѣѣхавъ къ нему, онъ нашелъ тамъ князя Джигичъ, который сваталъ ее за себя. Мухаммедъ польстился на богатый калымъ, который князь сулилъ ему дать за Сулеймину, и обѣщаль отдать за него дочь. Когда Хаджукъ пришелъ, то Мухаммедъ сказалъ князю, что вотъ-де тоже пришелъ сватать Сулеймину за сына. Князь человекъ горячій, не выдержалъ, вытолкалъ Хаджука въ шею и осрамилъ при всѣхъ. Когда Хаджукъ рассказавъ объ этомъ сыну, тотъ разсвирѣпѣлъ ужасно, былъ въ отчаяньи, рубилъ все, что ни попадало подъ руку, и поклялся вѣчною, непримиримою враждою и кровавою местию къ князю, — а это у нихъ значитъ, что оба они жить не могутъ, и что одинъ изъ нихъ долженъ отправиться къ дьяволу въ когти.

— Когда Хаджукъ ушелъ, я думаю-себѣ: ну, будетъ потѣха!.. Князя Джигича я тоже зналъ; онъ мирной и со мной кунакъ; нѣсколько разъ прѣѣзжалъ ко мнѣ въ крѣпость и я бывалъ у него...

— Какъ! не-ужь то вы у него были? перебилъ Садковъ.

— Да, былъ у него, отвѣчалъ Иванъ Федоровичъ.

— То-есть въ самомъ въ ихнемъ были, гдѣ они тамъ живутъ?

— Да-съ... какъ же! сколько разъ бывалъ у нихъ въ аулахъ.

— Да какъ же это вы, Иванъ Федоровичъ?.. и такъ-таки ничего и не боялись?

— Да чего же бояться-то?.. Помилуйте, чего тутъ бояться? Вѣдь они мирные, не обидятъ.

— Ну, какъ же они тамъ? такъ же какъ и мы, для какъ-нибудь особенно?

— Разумѣется, люди какъ люди; живуть-себѣ такъ же, какъ и всѣ живуть.

— Ну, и изба также есть?

— Да, и изба, и все, что нужно, все есть-съ; только изба-то у нихъ называется саклей.

— Саклей!.. вотъ что...

— Да полно вамъ, Антошъ Антоновичъ! сказалъ съ досадою Карпуновъ:— что это такое? и послушать ничего не даетъ. Ну, что же, Черкесы? извѣстно людямъ какъ люди; вѣдь не зѣбри же какіе въ-самомъ-дѣлѣ...

— Да что же, Павелъ Петровичъ, отвѣчалъ Садковъ:— вѣдь я, знаете, такъ только, любопытно знать, какъ тамъ такіе Черкесы; вѣдь Богъ ихъ знаетъ, какъ они тамъ!

— Ну, что же дальше, Иванъ Федоровичъ? спросилъ я.

— А вотъ что дальше: князя Джигича, какъ я вамъ уже сказалъ, я таки зналъ; дѣтина тоже не промахъ. Мужчина лѣтъ тридцати-пяти, молодецъ и ловкій такой; тоже считался у нихъ очень-хорошимъ наѣдинкомъ. Только жаль мнѣ стало Мурата: вѣдь пропадетъ ни за что человекъ. Эхъ-ма, жаль! право, жаль!

— Только вотъ-съ этотъ самый князь Джигичъ прѣѣзжаетъ въ крѣпость не-дѣль черезъ двѣ, и зоветъ меня на свадьбу. Я подумалъ: а!.. такъ вотъ гдѣ вся исторія-то!.. обѣщаль ему прѣѣхать, а между-тѣмъ ни слова о Муратѣ; ну, думаю, что будетъ, то будетъ; авось онъ тебя уладитъ.

— Ауль, въ которомъ была свадьба князя Джигича, былъ отъ крѣпости верстахъ въ десяти. Оправился туда; на всякой случай взялъ съ собой и шашку и пистолеты: она хотѣ и мирные, да вѣдь знаете, не ровнѣя часть, а особенно натянута пшаны; да и въ дорогѣ можетъ пригодиться. Прѣѣзжаю въ ауль, а тамъ ужъ народу тьма-тьмуца, наѣхало множество всякаго сброду; гостей не перечесть. Вотъ я поздоровался съ хозяиномъ и увидѣлъ Сулеймину... Ну, признаться сказать, хороша была: такая полновѣкая, румяная, просто прелесть,

хоть бы какой-нибудь графинъ или картинъ; глаза большіе, черные... Посмотрѣлъ я, посмотрѣлъ, да и отошелъ прочь, чтобъ дальше отъ грѣха. Стою-себѣ да поглядываю на всѣхъ; вдругъ слышу, что меня кто-то дернулъ сзади; оглядываюсь: Хаджукъ, только ужъ не тотъ Хаджукъ, что въ крѣпости продавалъ барановъ, да подличалъ, вѣтъ! я какъ взглянулъ на него, такъ даже страшно сдѣлалось. Представьте вы себѣ: глаза какъ у дьявола, такъ и блестятъ, налились кровью; такъ вотъ какъ-будто онъ хочетъ съѣсть ими человѣка; самъ весь трясется, кулаки сжаты, зубы такъ и ходять... Я говорю:

— Что ты?... что съ тобою, Хаджукъ?

— Ничего, ничего... онъ здѣсь?..

— Кто?.. Муратъ.

— Нѣтъ, князь...

— А, князь!... здѣсь; а что? говорю я.

— Ничего... Мой сынъ тоже будетъ здѣсь... сказалъ онъ, да такъ улыбнулся, что я даже не умѣю и рассказать вамъ, какъ онъ улыбнулся; просто какъ дьяволъ улыбнулся.—Ну, подумалъ я: — будетъ же тутъ потѣха; свадьба-то будетъ хуже похоронъ.

— Да вы бы, Иванъ Ѳеодоровичъ, предупредили князя, сказалъ Карпуновъ.

— Предупредить князя?... Чтѣ вы это, батюшка, Павелъ Петровичъ, заживо схоронить меня хотите, что ли?.. Да, сунься-ка я, такъ меня давно бы и въ живыхъ-то не было! Да и притомъ, мнѣ провалъ его возьми! ей-Богу, не пожалѣлъ бы, еслибъ Муратъ отправилъ его на тотъ свѣтъ.

• Вотъ-съ свадьба идетъ-себѣ обыкновеннымъ порядкомъ; мулла пробормоталъ какія-то ихнія молитвы, а потомъ началась гульба. Меня посадили также и потчуютъ... Черкесы мои такъ и тянутъ, не смотря на то, что имъ законъ запрещаетъ. Только я все поглядываю, не увижу ли гдѣ Мурата; однакожь его не было, да и Хаджукъ пропалъ. Охъ, не хорошо будетъ! подумалъ я: ужъ если поклялся

мстить, такъ онъ ужъ не отступится отъ своей клятвы и будетъ мстить пока живъ. Избейте вы его, израньте, такъ-что чуть дышать будетъ, а если только хватитъ силы поднять кинжалъ, такъ онъ ужъ приколеть васъ, непременно приколеть!

• Черкесы мои гуляютъ-себѣ, да и не думаютъ ни о чемъ. Начали плясать; молодая тоже пошла... Ахъ, ты, Господи, прости мое согрѣшеніе! вѣдь соблазнился-съ, глаза не могъ отвести отъ нея. Этакая полоненькая, хорошенькая... ну, чортъ съ ней! прибавилъ Иванъ Ѳеодоровичъ, да и рукой махнулъ. — Вотъ-съ, послѣ всего этого началъ опять Иванъ Ѳеодоровичъ: «вздумали они скачку; вышли всѣ изъ сакли и начали садиться на коней. Я думаю: да, чорта съ два, будете вы скакать! натянулись, да еще скакать хотятъ! Такъ вѣтъ-съ, вѣдь пьяны всѣ, а на коня сѣлъ такъ, какъ-будто ни въ чемъ и не бывалъ, и хмѣль прошелъ. Началась скачка—сперва въ догонку, кто кого обгонять, потомъ начали шапки съ пола поднимать на всемъ скаку...»

— Какъ?... Не-ужь-то съ земли на всемъ скаку? спросилъ Салковъ: — да какъ же это они не упадутъ?

— Эка, упадетъ!.. отъчалъ Иванъ Ѳеодоровичъ: — Да зачѣмъ же ему падать?... отъ-чего же ему упасть?... вѣдь на то онъ Черкесъ. Да это еще что! шапку-то ни по чемъ, а то бросьте вы дѣлковый, или какую-нибудь другую монету, такъ и ту подниметь.

— Тѣфу ты пропасть! однакожь, ловки бестія!

— Ну, а Муратъ-то чтѣ же, Иванъ Ѳеодоровичъ?

— А вотъ стойте, стойте, дойдетъ и до него очередь. Вотъ-съ, только я смотрю, да удивляюсь, какія они штуки выдѣлываютъ; началъ я приглядываться въ толпу, чтѣ на коняхъ-то, не увижу ли Мурата; смотрю, а онъ тутъ-какъ-тутъ, и Богъ его знаетъ, откуда взялся. Посмотримъ, думаю я, чтѣ дальше будетъ. Наконецъ начали они выѣзжать одинъ на одинъ.

— А какъ же это одинъ на одинъ? спросилъ Карпузовъ.

— А это вотъ какъ-съ: выѣзжаетъ одинъ какой-нибудь и вызываетъ себя противника; вотъ и начинаютъ они драться; натурально, дерутся они не въ-самомъ-дѣлѣ, а такъ только, для примѣра; стрѣляютъ холостыми зарядами, показываютъ разныя ловкости, ложатся на лошади съ боку и много разныхъ штукъ выдѣлываютъ.

«Вотъ-съ, князь Джигичъ, — молодой-то, — смотрѣлъ, смотрѣлъ и розобрало его, захотѣлось тоже показать своей удали. Выѣзжаетъ онъ на середину и зоветъ охотника помѣраться съ нимъ силою и ловкостью, а охотникъ-то тутъ и есть; смотрю: мой Муратъ. Ну, будетъ же теперь потѣха! думаю я: ужъ они подерутся не для примѣра. Вотъ начали они; князь поскакалъ, а Муратъ за нимъ; и начали сражаться, стрѣляли другъ въ друга, а настоящего дѣла все еще нѣтъ. Я ужъ думалъ: не ошло-жилъ ли Муратъ до другаго времени; только вотъ подкакалъ онъ къ князю, выхватилъ пашку и бросился на него. Князь, вмѣстѣ съ кобемъ отскочилъ вдругъ въ сторону, и Муратъ впронесся мимо. Тутъ начали они другъ на друга съ пашками и начали драться; я стою и смотрѣть не смѣю, и глазъ не открываю, — такъ мнѣ жаль стало Мурата: я такъ и думалъ, что князь его убьетъ. Наконецъ слышу крикъ, открываю глаза и вижу, что князь рубитъ Мурата; а онъ волочится головой по землѣ, а ноги въ стремяхъ...»

«Вотъ какъ пропалъ человекъ — чортъ знаетъ изъ-за чего!»

Владимиръ Скарятинъ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

ОТВѢТЪ Г. МОРОЗОВУ НА СТАТЬЮ ЕГО, ПОМѢЩЕННУЮ ВЪ ПЯТОМЪ НУМЕРѢ «МОСКВИТЯНИНА», ПОДЪ НАЗВАНІЕМЪ: «Отвѣтъ на галлманія Отца. Зап. на статью Борьба Дыгачева съ Христіанствомъ».

Отвѣтъ г. Морозова явился черезъ десять мѣсяцевъ послѣ библиографической статьи нашего журнала (*), — тогда, какъ мы успѣли уже забыть и брошюрку г. Морозова, и паши на нее замѣчанія, сабланныя въ свое время: стоитъ ли въ самомъ-дѣлѣ труда поминать разныя фантазіи брошюръ, обращаться мыслью къ мечтамъ, которыя умираютъ ежедневно въ глазахъ публики, равнодушной къ ихъ смерти? Не такъ думаетъ г. Морозовъ... Самолюбіе — болѣзнь души, а душевная болѣзнь въ нѣкоторомъ отношеніи то же, что тѣлесные недостатки: люди отъ тѣхъ и другихъ становятся раздражительными.

Отвѣтъ г. Морозова начинается забавной грамматической ошибкой; «въ № 10 Отечественныхъ Записокъ!». Это очень-кстати. Раздраженное самолюбіе, никогда не забывая критики, легко забываетъ основныя правила родной грамматики. Но мы охотно прощаемъ ему эту ошибку и обращаемся къ содержанію отвѣта. Въ доказательство того, что борьба язычества и христіанства продолжается *теперь, въ наше время*, г. Морозовъ спрашиваетъ: «Давно ли за имя Бога проливалась кровь на площадяхъ парижскихъ?». Отвѣчаемъ: *давно, очень-давно* — слишкомъ полстолятія. Новое время проживаетъ въ одинъ годъ больше, нежели прежде

(*) Библиографическая статья наша напечатана въ октябрѣ 1848, а отвѣтъ г. Морозова въ июнь 1846 г.

время проживало въ десять лѣтъ. Поголовнаго—это пятьсотъ лѣтъ прежнихъ, двавопрошедшее время, отъ котораго отдѣлены мы миллиономъ скончавшихся мыслей, миллиономъ мыслей явившихся. Ученіе Вольтера — то самое ученіе, которое нѣкогда ужасало испывавныхъ въ вѣрѣ и вѣроученіи, не въ силахъ поколебать теперь молодыхъ умовъ; отрывки изъ сочиненій, написанныхъ противъ софистическаго ученія философовъ XVIII столѣтія, стали теперь достояніемъ и украшеніемъ французскихъ хрестоматій, какъ матеріалъ для переводовъ. Вооружаться теперь противъ умершаго ученія значитъ не благоговѣть предъ мощнымъ торжествомъ религіи, значитъ давать высокому значенію идеямъ ей противнымъ.

Отъ дѣйствительной жизни авторъ переходитъ къ философіи. «Здѣсь», говоритъ онъ, «представятся вамъ бѣшенныя нападенія на христіанство, смѣло отражаемыя защитниками слова Божія. Не имѣлъ ли я послѣ этого права сказать: борьба язычества и христіанства не кончилась съ паденіемъ храмовъ» (*прибавьте: языческихъ*). Нѣтъ, не имѣли, потому что каждый предметъ долженъ называться своимъ именемъ; язычество есть язычество, а не философія нашего вѣка; философія есть философія, а не язычество. Изъ того, что прежде язычество боролось съ христіанствомъ, а теперь борются съ нимъ нѣкоторые философы, ни сколько не слѣдуетъ заключать ни о тождествѣ прежней и нынѣшней борьбы, ни о тождествѣ прежнихъ и нынѣшнихъ противниковъ христіанства. Три раза подвергалась Россія вражескому нашествію: отъ Татаръ, Поляковъ и Французовъ. Но кто дозволить сказать себѣ, что Пожарскій изгналъ изъ Москвы Татаръ, а не Поляковъ, и что въ 1812 г. мы сражались не съ Французами, а съ Татарами?

Не знаемъ, къ какому роду риторическихъ оборотовъ причислить слѣдующій: «Какъ истинный другъ родной стороны не щадить послѣдняго достоянія для ея защиты, такъ и вы

не пожалѣли послѣдней лепты для опроверженія мыслей, противныхъ нашему взгляду на вещи». Разложивъ этотъ сравнительный періодъ на соотвѣтствующія части его половинъ, видитъ, что истинный другъ родной стороны соотвѣтствуетъ автору замѣчаній на брошюру г. Морозова, защита родной стороны — опроверженію мыслей, противныхъ нашему взгляду на вещи, а мысли, противныя нашему взгляду, т. е. мысли г. Морозова—родной стороной!! Что жъ послѣ этого самъ г. Морозовъ?.. Вотъ до чего доводитъ самолюбіе сочинительское!..

Все это, однако же, не избавляетъ г. Морозова отъ обязанности повѣрнѣе представлять чужія мысли, хотя онѣ и противны его взгляду на вещи. Искаженіе вредитъ тому, кто искажаетъ, а не тому, что искажается. На страницахъ 195 и 196 читаемъ: рецензентъ заключаетъ утѣшительнымъ увѣреніемъ въ происхожденіи зла отъ Бога и въ тожествѣ его съ добромъ. Если не вѣрите мнѣ, прочтите: вотъ слова рецензента: «Онѣ не понимаютъ, эти ужившія совы, что и мракъ ночи и свѣтъ дня — созданія одного и того же Бога, что при Единомъ не можетъ быть противоположнаго двойства, что въ развитіи жизни и заключается истинная жизнь», — то есть мракъ и свѣтъ добро и зло все равно.—прибавляетъ отъ себя г. Морозовъ. Нѣтъ, не *то-есть!* Равнаго тутъ ровно ничего нѣтъ. Наше убѣжденіе есть убѣжденіе чистое и догматическое: мы знаемъ (не-уже-ли г. Морозовъ не знаетъ этого?), что безъ воли Божіей не падаетъ и волосъ съ головы человѣка, что безъ Него ничтоже бысть еже бысть, что Высочайшее Благо ведетъ все сотворенное къ благу. Допустить при Единомъ противоположное двойство, значитъ допустить двѣ творящія Причины, какъ и допускать послѣдователи дуализма. Но мы, благодаря Бога, не Персіяне. Мы предоставляемъ такое вѣрованіе ученикамъ Зороастра, которые столько же вѣруютъ въ Орму-

зда, сколько и въ Аримана. Для нихъ точно есть двойство. Для насъ, при вѣрованіи въ Единого, двойства быть не можетъ. То, что называемъ мы зломъ, условливаемое несовершенствами человѣческой природы, допускаемое Провидѣніемъ изъ особенныхъ видовъ, претворяется временемъ въ благо. Ко благу, къ лучшему, къ болѣе совершенному идетъ человѣкъ многоразличными путями, прямыми (добрыми) и косвенными (злыми), скорыми и медленными, матеріальными и духовными; но всѣ эти пути выходятъ на одну дорогу, примыкаютъ къ одной цѣли—къ осуществленію на землѣ идеала, который начертанъ въ душѣ нашей, къ возможной полнотѣ блага, къ желаемому совершенству человѣческаго развитія. Какъ же смѣшивать цѣль съ средствами? Средства безчисленны; цѣль одна, то-есть благо. Какъ противопоставлять море тѣмъ рѣкамъ, которыя въ него вливаются? Подчиненное не сопоставляется съ главнымъ; сопоставленіе имѣетъ мѣсто въ предметахъ равночленныхъ. Временное уклоненіе, то-есть зло, подчиняется цѣли, то-есть благу. Двойства нѣтъ и быть не можетъ.—Есть только единство. Неужели эта старая истина поражаетъ г. Морозова своею новизною?

Мы вооружились противъ Местра за его нетерпимость, противную сущности христіанской религіи. Мы упрекнули его ученіе въ томъ, въ чемъ упрекали его самые приверженцы, именно: Местръ хотѣлъ обновить міръ полками іезуитовъ и легіонами палачей. Г. Морозовъ утверждаетъ, что Местръ ничего не говорилъ подобнаго. Извольте послѣ этого разговаривать съ авторомъ брошюры! Онъ даже переставляетъ времена событій; по его исторіи выходитъ, что было действительно покушеніе обновить міръ легіонами палачей, но это покушеніе принадлежитъ *противникамъ философіи Местра, послѣдователямъ энциклопедистовъ. Въ 1793 году* точно работади легіоны палачей. Вы просите, какимъ образомъ явились въ

1793 г. противники философіи Местра, когда Местръ писалъ послѣ 1793 года?.. Не спрашивайте: мы и сами не постигаемъ такой возможности. Ответьте за объясненіемъ къ г. Морозову. Для него, можетъ-быть, это дѣло легкое... Онъ объяснитъ вамъ также, какимъ образомъ двѣ противоположныя системы, изъ которыхъ одна опирается на христіанство, а другая на мечтатія, промываемыя грѣховнымъ состояніемъ души, могли находиться *въ ежечасной борьбѣ*, представлять все множество мнѣній, *бышшихъ и бывшихъ* (стр. 198), когда христіанство существуетъ 1845 лѣтъ, а міръ стоитъ 7353 года.

Далѣе: Рецензентъ обвиняетъ меня за похвалу изгояемыхъ отсюда іезуитовъ. Я сказалъ, что Игнатій Лойола и Францискъ Ксавьѣ дѣятельно противоборствовали распространенію мнѣній, противныхъ христіанству, и это справедливо. Неужели должно судить людей не по дѣламъ ихъ, а по обществу, къ которому они принадлежатъ. Должно, — потому что эти люди не были насильственно приписаны къ обществу, а сами создали общество. Въ обществѣ, ими основанномъ, выразился характеръ ихъ ученія, точно такъ же, какъ изъ ихъ ученія могло выйти только такое, а не иное общество. Развѣ неизвестно г. Морозову, что въ послѣдней борьбѣ іезуитовъ съ французскимъ правительствомъ—борьбѣ, кончившейся торжествомъ законной власти—нига Лойолы служило знаменемъ незаконныхъ притязаній? Прочтите сочиненія той и другой стороны: тамъ Игнатій Лойола—исходный пунктъ нападеній или защиты; заѣсъ указываютъ на него, какъ на отдаленную причину честолюбивыхъ движеній, искони враждебныхъ истинному просвѣщенію, враждебныхъ развитію человѣка на пути вѣшняго и внутренняго совершенствованія...

Въ заключеніе, рецензентъ изъясняетъ желаніе не жить, а только

• взглянуть на міръ, обновленный уче-
 • ніемъ, защищаемымъ Шатобрианомъ,
 • Бональдомъ, Местромъ и Стурдзою.
 • Это желаніе легко исполнить. Загляни-
 • те въ любое христіанское семейство,
 • и вы увидите тамъ драгоценныя пло-
 • ды духа, евангельскую цѣлость всѣхъ
 • стихій челоѣческой природы, свѣ-
 • тлый умъ, чистое сердце и неразрушен-
 • ное страстями желаніе. Если мы изъяви-
 • ли подобное желаніе, то, разумѣется,
 • ради шутки. Кто же позволить себѣ ду-
 • мать, что міръ можетъ обновиться Ша-
 • тобрианомъ, Бональдомъ, Местромъ,
 • Стурдзою! Міръ обновляется или Пе-
 • бомъ, или великими посланниками Не-
 • ба. Странно поставилъ Стурдзу на ряду
 съ Шатобрианомъ; еще страннѣе на-
 зывать его и Шатобриана, Бональда и
 Местра—обновителями рода челоѣче-
 скаго! Местръ своею нетерпимостью
 противорѣчитъ сущности Христова
 ученія; сочиненія Шатобриана, имѣв-
 шія важное значеніе въ свое время,
 теперь не имѣютъ уже прежней цѣны:
 въ истинахъ, имъ развиваемыхъ (бы-
 тіе Бога, красота творенія, суще-
 ствованіе совѣсти, важность хри-
 стіанства, и проч.), убѣждены теперь
 всѣ; Бональдъ своими лекціями слу-
 жить извѣстной партіи; а Стурдза...
 Стурдза помѣщалъ иногда статьи въ
 «Москвитянинѣ»... Христіанскія се-
 мейства существовали и прежде, бу-
 дутъ существовать и послѣ этихъ об-
 новителей, независимо отъ нихъ тво-
 реній. Міръ обновленъ христіанствомъ:
 кто же дерзнетъ обновлять уже об-
 новленное? Жизнь добродѣтельная не
 вычитывается, но воспринимается.

Г. Морозовъ безпрестанно говоритъ
 о мысляхъ, противныхъ христіанству,
 о христіанской философіи. Но слова
 безъ мысли ничего не значатъ. Дѣло
 въ истинномъ, неприимѣнномъ, чи-
 стомъ значеніи христіанства и хри-
 стіанской философіи.

II.

О СТАТЬѢ Г. КИРОВА ВЪ ПЯТОМЪ
 НУМЕРѢ «МОСКВИТЯНИНА», ПОДЪ НА-
 званіемъ: *Отвѣтъ на рецензію От. Зал.*
Всобщаю Атласа.

«Москвитянинъ», посвящаящій боль-
 шую часть статей своихъ заботливому
 разбору «Отечественныхъ Записокъ»
 и выходящій противъ тѣхъ лицъ, не-
 торыя, по его мнѣнію, были, суть или
 будутъ ихъ сотрудниками, мѣсяцъ-
 отъ-мѣсяца вооружается на насъ силъ-
 шее.

Въ 5 № «Москвитянина» г. Н. Ки-
 ровъ напечаталъ самый кроткій, вѣж-
 ливый отвѣтъ на рецензію его «Атласа
 для преподаванія, по новому способу,
 Географіи Физической, Политической
 и Этнографической» (географіи этно-
 графической!), который атласъ, по его
 увѣренію «обратилъ на себя лестное
 одобреніе многихъ благомыслящихъ
 педагоговъ». Вотъ что объявляетъ г.
 Кировъ:

«Мнѣ извѣстно (???) что *трое* лицъ тру-
 • дились надъ составленіемъ полемиче-
 • ской статьи, которая дышитъ какою-
 • то *фанатическою ненавистью* къ тру-
 • ду автора; въ неприличныхъ, грубыхъ
 • ея выраженіяхъ, безстыдныхъ соиз-
 • ныхъ и *умышленныхъ искаженіяхъ*
 • смысла и *вразъ* полниника ярко от-
 • ражается *неблагородная страсть*, во-
 • лнвшая перомъ рецензентовъ». —
 Вотъ что называется авторское само-
 любіе! Три рецензента, фанатиче-
 ская ненависть, умышленные иска-
 женія, неблагородная страсть — все
 соединилось, чтобъ поразить этотъ
 трудъ, который «пріобрѣлъ лестное
 одобреніе многихъ благомыслящихъ
 педагоговъ». Три рецензента!.. да что
 же имъ было дѣлать, когда и одному-
 то дѣлать нечего съ «Атласомъ» г. Ки-
 рова? Г. Кировъ называетъ ихъ даже
 недостойными жрецами науки: — «что
 же общаго между «Атласомъ» для пре-
 преподаванія этнографической географіи
 и наукой?»

Послушаемъ далѣе: «Вся эта жур-
нальная выходка не стоить никакого
вниманія, и я пишу отвѣтъ только
для тѣхъ, которые, не принимая на
себя труда повѣрять рецензію, могли
увлечься ея пасмѣшливымъ и рѣши-
тельнымъ тономъ. Библиографическа
Хроника Отеч. Зап. похожа на аль-
бомъ какой-нибудь Ламсы; въ немъ
(т. е., въ Хроникѣ?) волею расписать-
ся всѣмъ, но всѣмъ стыдится подпи-
сать свое имя.

«Какой-нибудь поэтъ армейской,
въ немъ отпустилъ свой стихъ злодѣй-
скій».

Какъ двѣдцать выщипъ стихи Пушкина
подъ рукою издателя «Атласа»! Иронія
Пушкина обратилась у него въ желаніе
сказать что-то острое.

Мы не станемъ говорить о томъ,
что г. Кировъ заступается за буквы и
царды; у него жъ имъ старинная
страсть. Чтобы убѣдиться въ этомъ,
стоитъ вспомнить его «Исторію», въ
которой онъ раздѣлялъ величіе исто-
рическихъ лицъ и происшествій...
раздѣляя ихъ сортами шрѣта: круп-
нѣйшаго, крупнаго, средняго, мелкаго,
промелька, медальонаго, и т. д. Боже
мои! Ромулъ и Туль, вѣтіе Трои и па-
деіе Римской Имперіи — различен-
ныя посредствамъ заглавныхъ и про-
писныхъ буквъ, петита и цинеро!.. да
не являлись это величества? Однакожъ
эту величества г. Кировъ въ свое время
называлъ — *поэмымъ способомъ!*

Уступивъ также его превосходному
распределенію народовъ по алфавиту
и оставивъ въ числѣ народовъ «аръ-
чидъ», повѣримъ ему, что Арабы — опе-
чатка, хотя эта опечатка въ десяти
строкахъ попадется два раза: повара-
вилъ его съ задіемъ книга Берггоуза
и Гофмана, неизвѣстныхъ ого (трѣхъ)
рецензентамъ; вѣроятно, это знаніе
длежъ ему право иронически говорить
объ уваженіи рецензентовъ къ Маль-
брену и «Отечественныхъ Записокъ»
къ Гумбольдту. Здѣсь не мѣсто мен-
сать все, чѣмъ наука обязана этимъ

истинно-великимъ ученымъ, и не при-
знавать этого жалко и смѣшно... Мы
представимъ два мѣста, которые лучше
всего покажутъ, какъ умѣетъ защи-
щаться г. Кировъ.

Въ Ключѣ къ его Атласу, на стр. 22
смавано и выписано въ Библиографиче-
ской Хроникѣ «Отеч. Зап.»:

«Также и въ южной Россіи лавлетен
«подобный анюинный вѣтеръ, и при томъ
съ такою силою, что, по увѣренію Пал-
ласа, овцы отъ него падаютъ какъ му-
хи.» На это рецензентъ О. З. весьма
основательно замѣтилъ (№ 3, стр. 27):
«Не ужели свидѣтельство Палласа (а гдѣ
онъ свидѣтельствуетъ, авторъ не говоритъ)
естъ единственное? не ужели послѣ него
ни одинъ путешественникъ не подтвер-
дилъ такой диковаинной вещи, что въ
Южной-Россіи дуетъ вѣтеръ, отъ котора-
го овцы мрутъ какъ мухи?! Вѣроятно,
по мнѣнію г. Кирова, Южная Россія —
страна такая недоступная, что туда за-
дѣять одинъ разъ въ цѣлое столѣтіе, и
потому волею-неволею должно вѣрить раз-
сказамъ на-слово, не имѣя возможности
повѣрять ихъ на дѣлѣ.»

На это г. Кировъ отвѣчаетъ: «Ре-
цензенты требуютъ, чтобы я для по-
вѣрки этого свидѣтельства прокатна-
лся въ южную Россію». — Гдѣ жъ
это требованіе? да и зачѣмъ кататься
въ Южную-Россію? Развѣ матеріаловъ
о ней такъ мало, что это просто terra
incognita?

Вотомъ, на замѣчаніе ваше, что ав-
торъ «Ключа» (выписавшій изъ ста-
рыхъ изслѣдованій свою статью о то-
кахъ) ссылается на адмирала Клинта
и молчитъ о трудахъ гг. Вранге-
ла, Сарычова и Рейнеке, которые
изслѣдовали и опредѣлили Балтійское
Море такъ, какъ ни одно море еще не
было опредѣлено и изслѣдовано, г.
Кировъ отвѣчаетъ: «рецензенты воз-
стаютъ противъ авторитета адмирала
«Клинта; вмѣсто того, чтобы толковать
о дѣлѣ, они прячутся за имена по-
чтенныхъ нашихъ адмираловъ, не
спрося ихъ предварительно, захотятъ
ли они принять ихъ подъ свое покрови-
тельство». Это напечатано слово

въ слово въ отвѣтъ г. Кирова. Не правда-ли, что это забавно? По такой логикѣ ссылаться на труды ученыхъ, труды, извѣстные всей Европѣ, значить прятаться за имена адмираловъ, и (какая смѣлость!) не спрося ихъ предварительно о томъ! Стало-быть, тогда какъ эти ученые не были адмиралами, объ нихъ и говорить было нечего... Увидимъ ли г. Кирова, что онъ напрасно беспокоится: изъ трехъ его адмираловъ, одинъ только адмиралъ — г. Сарычевъ; другіе же двое: Врангель — былъ во время своего путешествія капитаномъ Корпуса Штурмановъ, а Рейнекс — капитаномъ 1-го ранга.

Но довольно. Отвѣтъ г. Кирова оставляетъ «Ключъ» въ его «Атласѣ» тѣмъ же, чѣмъ онъ былъ и до его отвѣта: «drift-curent» никогда не слѣзается «дрейфомъ», хотя бы онъ ссылался на всѣ возможные лексиконы; «теченіе» никогда не получитъ названія «тока»; бутылки и крапива будутъ сущими по прежнему; неясность изложенія «морскихъ токовъ» останется неясностью (*)...

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ЗАМѢТКИ ИЗЪ ГЕРМАНИИ.

(Изъ писемъ къ редактору) (**).

Дрезденъ, 24 іюня 1846 г.

Борнгольдъ Ауэрбахъ занимается романомъ, въ которомъ герой Лейбница. Если ему удастся скоро докончить это

(*) Не лучше ли бы было поучиться изложенію той же теоріи теченій хоть у Гумбольдта въ его «Космосѣ», вѣсто того, чтобъ смѣяться надъ тѣмъ, что «От. Зап.» гугутъ ениамъ ученому мужу.

(**) Авторъ этихъ писемъ — одинъ изъ замѣчательныхъ германскихъ литераторовъ, проведши въ Россіи нѣсколько лѣтъ, прилежно изучалъ русскую литературу и такъ хорошо выучился по-русски, что и теперь на роднѣ своей не позабылъ нашего язы-

твореніе, оно попадетъ въ самое удобное время. Вамъ, конечно, извѣстно, что теперь почти во всей Германіи готовятся торжества въ честь Лейбница, потому-что наступать день его рожденія. Уже со всѣхъ сторонъ объявлены рѣчи, чтенія, біографическія книжки, и тому подобное. Въ Ауэрбахѣ недавно лейпцигская газета модъ (Modenzeitung), думая сказать вѣчно очень-лестное, и приложивъ его портретъ, отозвалась, что онъ теперь у нѣмецкой публики въ модѣ болѣе другихъ извѣстныхъ и даже любимыхъ писателей. На это Ауэрбахъ очень разсердился. А между-тѣмъ, это правда. Его прежніе романы «Спидова», «Поэтъ и Купецъ» (Dichter und Kaufmann) хотя и изоблудуютъ нѣстами, въ которыхъ проглядываютъ высшія достоинства и поэтическія, и философически-моральныя, и историческія, — были хорошо приняты небольшимъ только числомъ литераторовъ, и не нашли общаго сочувствія въ Германіи. Явились его «Сельскія Повѣсти» (Schwarzwälder Dorfgeschichten), и онъ вдругъ прославился: его носили на рукахъ, онъ слѣдался любимцемъ нѣмецкихъ книгопродавцевъ, которые платятъ ему необыкновенный гонораръ, и — что, конечно, еще пріятнѣе, — любимцемъ дамъ, которыя восхищаются поэзіею крестьянской жизни, представленной не въ одномъ индивидуальномъ свѣтѣ, но и въ буряхъ страстей и бореній душевныхъ, во многихъ отношеніяхъ намекающихъ на жизнь нашу обществѣнную, политическую и религіозную. Къ этому надо присовокупить, что форма повѣстей Ауэрбаха, не смотря на всѣ краски швабско-крестьянскаго діалек-

ка и написалъ эти Литературныя Замѣтки по-русски. Мы рѣшились напечатать ихъ, съ легкими поправками, въ «Отч. Зап.», тѣмъ болѣе, что почтенный авторъ обѣщаетъ снабжать насъ постоянно свѣдѣніями обо всѣхъ новостяхъ германской литературы, которыя мы, съ своей стороны, обѣщаемся тотчасъ сообщать читателямъ.

та, очень-далека отъ чисто-народнаго характера, и едва-ли когда-нибудь крестьяне примутъ ихъ. Читать эти «Сельскія Повѣсти» съ тѣмъ, чтобъ погружаться въ сельскую жизнь, значитъ то же, что жить въ деревнѣ гостемъ у какого-нибудь хлѣбосольнаго барина: домъ богатый, паркъ преогромный, живешь-себѣ въ комнатахъ роскошно-облгороданныхъ, катаешься въ хорошемъ экипажѣ, играешь на фортепиано, окруженъ новыми романами, и т. д.—но вотъ въ воскресенье собираются дѣвки предъ барскимъ домомъ, начинаются хороводы, поютъ слѣпые пѣнцы, играютъ мужики... а вы потомъ скажете: «мы жили въ народѣ, съ народомъ!» Кто же можетъ противорѣчить?.. Таковы съ нѣкоторой стороны и повѣсти Ауэрбаха. Кажется, жизнь совершенно-деревенская; дѣйствующія лица — крестьяне; говорятъ они по-крестьянски. — а все-таки мы съ авторомъ живемъ внѣ понятий и вселенной жизни крестьянъ. Ауэрбахъ провелъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Веймарѣ и нигдѣ счастье быть почти постоянно при дворѣ его высочества принца веймарскаго. Отъ-того, кто-то, намекая на радикальное стремленіе Ауэрбаха, называлъ его придворнымъ демагогомъ (Hofdemagog)... Однакомъ, и хотѣлъ говорить о его *модности* Вѣрте мнѣ, я очень цѣню талантъ его и глубокое значеніе его «Сельскихъ Повѣстей», но съ другой стороны не могу не сказать, что этимъ неожиданнымъ успѣхомъ онъ больше всего обязанъ временнымъ обстоятельствамъ; къ-сожалѣнію, онъ теперь имъ слишкомъ поддается. Ему, кажется, не доставало критическаго самопознанія и пропнцательности, чтобъ въ дѣйствіи своей книги рѣзко опредѣлить границы между внутреннею силою мысли, истины, вообще достоинствомъ *поэтической* творенія, — и случайнымъ участіемъ публики, на которое дѣйствовали въ иное время романы «Зигвартъ» саптиментальнаго Миллера, въ другое «Les Mystères de Paris», хотя я думаю, что оба эти романа не могутъ служить об-

разцами художественнаго воспроизведенія жизни. Ауэрбахъ, и съ нимъ многіе, убѣдились, что онъ послѣднимъ своимъ произведеніемъ удовлетворилъ вкусъ публики, и тутъ начали хвалить его безотчетно, преувеличенно; о немъ толковали люди, толкующіе обо всемъ и особенно о поэзіи безъ пониманія ея, или по-крайней-мѣрѣ безъ убѣжденія; его и другихъ подстрекало желаніе пользоваться новымъ выраженіемъ эстетическихъ потребностей публики. Вступило на сцену множество дюжинныхъ повѣствователей, и всѣ таялись въ народные поэты ауэрбаховскаго разряда, въ сельскіе нувелисты, — хотя и шли своими путями дальше, хотъ и не пребрегали обломками уголовной поэзіи Эжена Сю. Итакъ, можно сказать, что Ауэрбахъ не только вошелъ въ моду, но и держится моды, коль-скоро и онъ начинаегъ кокетничать предметомъ, вызваннымъ у него сперва чистымъ вдохновеніемъ. Онъ, такимъ-образомъ, наконецъ слѣдуетъ не вышнему собственнаго своего генія, но временнымъ требованіямъ толпы, часто непонимающей и непризнающей правъ поэтической индивидуальности: онъ теряетъ свою независимость, и его оригинальность сдѣлается манерностью. До этого, однакомъ, слава Богу, еще не дошло; но Ауэрбахъ даетъ достаточный поводъ опасаться этого. Онъ особенно слабъ какъ критикъ. И здѣсь, по моему мнѣнію, увлекло его самолюбіе и взглядъ какой-то односторонне-радикальный, который нигдѣ и нкуда не годится въ искусствѣ. Видя, что можно произвѣсти художественное впечатлѣніе безъ поэтическаго спиритуализма, онъ готовъ почти отрицать все, что есть въ поэзіи идеальнаго, и иногда незаметно свирѣпствуетъ какъ яковинецъ противъ героевъ поэтической идеальности. Онъ тогда забываетъ высказанную гдѣ-то имъ-самимъ гораздо-умѣреннѣе мысль, что у Пегаса есть и крылья и ноги, что онъ и *летать* можетъ, и *долженъ стоять твердо* на землѣ. Я самому Ауэрбаху сказалъ, что сужденія его неволью приводить мнѣ на па-

нать тѣхъ фантастическихъ старолютеранцевъ, которые, убѣдившись, что въ самой простой перивы, безъ украшений, безъ живописи, словомъ, безъ всего дѣйствующаго на фантазію, человѣкъ можетъ чувствовать благословеніе глубокое, чистое, святое, и отъ-того уверно-твердящихъ, будто въ церкви великогѣпной, наподненной образами, при звукахъ плѣнительной музыки подобаго чувства питать невозможно!... О «Сельскихъ Повѣстяхъ» Ауэрбаха я скоро вамъ напишу статью подробную, критическую. Хотите вы описать его наружности? Вотъ оно въ двухъ словахъ. Онъ ростомъ малъ и — какъ выражался знакомый мнѣ профессоръ, — ему трудно отрубить голову, т. е. его голова очень-толста и сидитъ на шеѣ необыкновенно-короткой. Онъ говоритъ совершенно по-швабски, остритъ довольно — добросердечно и влѣяетъ какую-то задушевную простоту въ разговорѣ. Какъ человѣка благороднаго и даровитаго, я не могу не рекомендовать его господину Булгарину, автору «Ивана Выжигина» и сотруднику г. Греча...

Говоря о гг. Гречѣ и Булгаринѣ, кстати вспомнить о *Генрихѣ Кѣнигѣ*. Онъ все еще «мелкій чиновникъ», хотя и не въ Ганау. Не смотря на то, нѣмецкая публика очень его уважаетъ. Отъ него въ непродолжительномъ времени мы можемъ ожидать историческаго романа, для котораго нужны обширныя свѣдѣнія. Кѣнигъ надъ нимъ долго трудился, но утомляясь строгими историческими изысканіями, и частію плодомъ этихъ трудовъ можно считать изданные имъ въ прошломъ году мемуары генерала Эйкенейра.

И *Густавъ Кюне*, авторъ «Монастырскихъ Повѣстей» (Kloster-novellen), «Мятежниковъ Ирландіи» (Die Rebell-en von Irland) и др., готовитъ романъ большаго объема. Этотъ литераторъ, замѣчательный въ послѣднее время своими характеристиками и критическими монографіями германскихъ писателей, съ октября текущаго года приметъ на себя редакцію «Европы», жур-

нала, издаваемаго *Августомъ Левальдомъ*. При неоспоримомъ пониженіи бельетристическихъ журналовъ въ Германіи и недостаткѣ такихъ, которые бы живыми, дѣльными статьями могли заслужить вниманіе и уваженіе читателей и этимъ дѣйствовали на общественное мнѣніе, можно надѣяться, что Кюне, вступая вновь на давно-оставленное имъ поприще, принесетъ важную пользу литературы.

Послѣднюю повѣсть *Леопольда Шефера*: «Genevion von Toulouse» приняли въ Германіи довольно-холодно. Про нее почти не говорятъ. Это, можетъ-быть, отъ-того, что предметъ ея, заимствованный изъ давно-забытаго стараго разказа, не имѣетъ ничего особенно-привлекательнаго для нашего времени. Чтò, однакожь, касается до отдѣлки, то нельзя не замѣтить, что проза Шефера улучшилась во всѣхъ отношеніяхъ. Слогъ ясенъ, языкъ умягченъ и мысль выражена въ болѣе-пріятной формѣ.

Хорошо, что романъ опять занимаетъ большую часть поэтическихъ талантовъ Германіи. Ибо напрасно нынѣшніе истошались и теперь еще истошались силы свои въ драмѣ, для которой, какъ видно, нынѣшнее поколѣніе не имѣетъ ни художественной основы, ни этой особенной силы, обнаруживающей ходъ внутренней жизни въ пластической характеристикѣ и соединяющей объемъ поэтическихъ соображеній съ вдохновеннымъ выраженіемъ главной драматической мысли. О поэмѣяхъ (какъ наприм.: *Бауерафельда*, *Лаубе*, и др.) и говорить не стоить, а трагедіи даже лучшихъ писателей не достигаютъ органической цѣлости и необходимой свѣжести драматической жизни; если онѣ иногда и производятъ эффектъ, то эффектъ вышній, скоро-проходящій. На-дняхъ явилась трагедія *Ганса Кѣстера*: «Ulrich von Hutten», которая по предмету обратила на себя вниманіе не драматическаго театра, не публики, — а критиковъ.

Извѣстный *Вильгельмъ Дорровъ*, въ Галль, заслуживаетъ общую благодар-

ность за издanie сочиненія умершей *Елизаветы Штейнманн* (= *Eripferungen für edle Frauen*) вмѣстѣ съ письмами ея. Это драгоценное завѣщаніе возвышеннаго женскаго сердца, и мы можемъ смѣло сказать, что изъ многопишущихъ дамъ Германіи (не исключая, конечно, и фантастической Беттины, и графини Гауз-Гауз и мадамъ Пальцовъ) ни одна не можетъ сравниться съ Елизаветою въ чистомъ и вѣроятнономъ по самой простотѣ своей выраженіи женственности.

Лирики толпятся ежедневно то на вытопанной дорогѣ пѣвцовъ «весны и любви», то на обширномъ полѣ такъ называемыхъ тенденцій. Почти всѣ трубятъ и о нео-католицизмѣ, и о социализмѣ, и обо всемъ, чѣмъ полны политическія газеты. Но очень-мало такихъ, которымъ мы не могли бы право сказать прекрасное слово Шиллера:

Weil ein Vers dir gelingt in einer gebildeten Sprache,

Die für dich dichtet und denkt, glaubst du schon Dichter zu sein? (*)

Обращу ваше вниманіе на двухъ молодыхъ и еще мало известныхъ лириковъ въ Швейцаріи, *Каллеръ* и *Рейнхурта*, у которыхъ иногда проявляется и нѣжность и сила глубокаго поэтическаго чувства. *Амануэль Рейбелл* съ котораго времени живеть въ Дрезденѣ. *Карлъ Фель* своими послѣдними стихотвореніями «Пѣсни о бѣдѣ» (*Lieder vom armen Mann*) доказавъ, до какой степени можно дойти въ поэтической, слѣшкомъ возлагая на одну поэтическій *esprit*, и думая, что на счетъ разныхъ языковъ сердца достаточно имѣть талантъ въ родѣ Менцона. За исключеніемъ одного старѣека (*die alte Jungfer*) — почти все одно декламаторское пустословіе, которое

(*) Т. е. «Если тебѣ удастся одинъ стихъ въ дамскій обрешованіи, который тебѣ дасть и мысль и форму, ты ужъ можешь быть поэтомъ?»

не могло ослѣпить даже самыхъ ревностныхъ почитателей Бека. И объ этихъ пѣсняхъ я вамъ сообщу подробности своимъ мнѣніе. — Въ Лейпцигѣ вышло собраніе стихотвореній *Адольфа Бёттиера*, известнаго переводчика Байрона. Въ нихъ хвалятъ особенно музыкальность стиховъ. Мендельсонъ-Бартольдъ положилъ на музыку одну изъ этихъ пѣсень, живописецъ Бендеманнъ съ своей стороны иллюстрировалъ ея; можетъ-статься, одно это обстоятельство въ некоторыхъ кругахъ общества дастъ ходъ книжкѣ.

В. В.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

61) *Есвекет мат* (Шакъ и матъ), драма въ пяти дѣйствіяхъ, соч. гг. Октава Фелье и Пола Боккажи.

Пьеса эта имѣла огромный успѣхъ на сценѣ Одеона, который съ самаго своего возобновленія еще не ставилъ такой удачной пьесы. Правда, драма или, точнѣе, комедія гг. Фелье и Боккажи содержаніемъ немножко напоминаетъ *Доца Цезаря де-Базана*, а форму *Mademoiselle de Belle-Isle* и *Станка Воды*; но что за бѣда напоминать хорошія вещи! Дѣйствіе происходитъ въ Испаніи, при Филиппѣ IV. Мы въ самомъ дворцѣ Эскуриалъ, если только не въ замкѣ Аранкуафъ. Обидные слухи носятся при дворѣ на-счетъ молодой герцогини Сидоніи-Чели, которую званіе сироты должно бы обезпечивать отъ всякихъ обидъ. Чтобы прекратить это словіе, герцогъ Алабукерка, старый солдатъ рыцарскаго характера, дерется съ вѣдомымъ капитаномъ Рибасомъ, и владеть его въ

постель на три мѣсяца. Мало-того, добрый герцогъ дѣлаетъ еще больше: онъ жонится на еврейку, чтобъ она отняла шилье законную опору и защиту. А ей нужна опора и защита: самъ король влюбленъ въ нее! Эта страсть, ласкаемая услужливымъ шпикствомъ, графомъ-герцогомъ Оливарезомъ, человекомъ не очень-разборчивымъ на средства, угрожаетъ сокрушить все препятствія, и до того ослабляетъ короля, что онъ даже не видитъ, что одинъ изъ его подданныхъ, графъ Медіана, соединяется съ королевою заговоръ противъ его собственной чести. Герцогъ Альбуерка все это угадываетъ по своей омытлости. Отъ того, въ самый день свадьбы, онъ увезитъ жену въ одно изъ своихъ помѣстій, далеко отъ Мадрита, давъ Медіану, которому желаетъ добра, советъ быть осторожнымъ. Отъъездъ герцога не согласенъ съ волею короля, который, выдавая еврейку за суринку, надѣялся этимъ облегчить себѣ побѣду. Но онъ утѣшается мыслью, что по прошествіи недолгого мѣсяца супруги воротятся въ дворъ; однако отсутствіе ихъ длится дольше и дольше, и король прибѣгаетъ къ хитрости, чтобъ добиться успѣха. Онъ предписываетъ герцогу сдѣлать смотръ гвардіи въ Алакашъ, и въ то же время велитъ звать молодую герцогиню въ арагузской дворецъ отъ имени королевы. Къ счастью, Альбуерка разстрѣиваетъ умыселъ, пріѣхавъ раньше нежели его ожидали. Подъ предлогомъ не утомлять гвардіи на солнечномъ зноѣ, онъ сдѣлалъ смотръ на верѣ, и такимъ образомъ успѣлъ пріѣхать спасти свою голову. Черезъ тотъ же случай, онъ спасаетъ голову Медіаны, противъ котораго готовятъ обвиненіе, основанное на бантѣ ишневанаго цвѣта отъ шпана, найденномъ подъ однимъ изъ оконъ королевы. Чтобъ обвинить подозрѣннаго короля, герцогъ обвиняетъ свой бантъ золотымъ съ серебромъ на бантъ неосторожнаго влюбленнаго. Не этой поддѣлкой, которая замышляетъ обвинять его въ слѣпой слѣпости и непо-

зволенной страсти, онъ подаетъ Филиппу IV средство побѣдить смелѣвшаго герцогиню. Нужно бы только удавить его еще нѣсколько иррациемъ. Это бездѣлица, говоритъ Оливарезъ: я вѣдо его арестовать и посадить въ тюрьму! Въ-самомъ-дѣлѣ, вскорѣ кончатся Рибосъ, выздорѣвшій отъ раны, является къ герцогу Альбуеркѣ и показываетъ ему повелѣніе объ арестѣ. Но старый герцогъ какъ нарочно въ эту минуту переизстываетъ очень-любовитѣльскія записки, которыя напечатаны на парадной лѣтницѣ дворца, и которыя принадлежатъ этому самому Рибосу. Онъ доказываетъ жене два, что капитанъ негодуетъ; что онъ шибивитъ за королю въ пользу первого министра, за первымъ министромъ въ пользу короля, и за обоими въ пользу инквизиціи! У меня три случая провѣдать васъ на испанку, говоритъ герцогъ: — но я предлагаю вамъ слѣдующую сдѣлку: за каждую услугу, которую вы мнѣ окажете, я буду отдавать вамъ по страницѣ вашихъ записокъ... Согласны ли? Разумѣется, тотъ принимаетъ предложеніе съ осторожностію. Хорошо, продолжаетъ герцогъ: — съ этимъ бланковымъ повелѣніемъ, которое вамъ дамъ, ступайте сейчасъ арестуйте графа Медіану и подверните его подъ стражу до такого-то часа. Альбуеркѣ извѣстно, что за молодымъ человекомъ стануть подсматривать, — поддѣнный бантъ не обмануль Оливарева, — и хочетъ поитьтатъ ему явиться, но обыкновенію, подл балконѣ королевы. Между-тѣмъ, король, надѣясь безпрѣпятственно пріѣхать къ герцогинѣ, пріѣхавъ, и удивляется, что мужъ ея еще дома. Оливарезъ также въ изумленіи. Во что бы ни стало, надобно его удалить! говоритъ король. — Поищемъ средства... — Ваше величество, я придумалъ средство, и самое удачное... Но, можете-быть, вамъ оно покажется слишкомъ-рѣзкимъ. — Нужды нѣтъ! вотъ вамъ бланковый указъ. — Черезъ минуту, герцогъ облитъ раднымъ заревомъ; слышны отчаянныя крики. — Что такое? сдѣ-

шмиваетъ Альбукерка у авдшагося къ нему Рибоса.—Увы! ваша свѣтлость, вашъ дворецъ горитъ.—А! понимаю... Мы съ королемъ испанскимъ такъ богаты, что можемъ подшучивать другъ надъ другомъ... На-те, капитанъ, вотъ два листа вашего альбома; ступайте, зажгите ихъ подлѣ этихъ старыхъ обоевъ, которые сейчасъ отъ этого вспыхнутъ.—Но, ваша свѣтлость...—Исполняйте! я приказываю!—Вспыхиваетъ новый пожаръ; весь дворецъ въ смятеніи; какой-то молодой человекъ выноситъ на рукахъ королеву въ обморокъ, — испанскую королеву, къ которой воспрещено прикасаться подлѣ страха смертной казни. Кто жь ея избавитель, какъ не графъ Медіана? По королевскому повелѣнію, его берутъ подлѣ стражу, и не для формы только: Оливарецъ донесъ на него Филиппу IV, какъ на вздыхателя подлѣ балконовъ, а вѣтренные мужья иногда бываютъ самыми ревнивыми. Подписавъ смертный приговоръ графа, король возвращается къ своей любимой идеѣ: онъ успѣлъ отдѣлаться отъ Альбукерки. Оливарецъ вручилъ ему ключъ, которыми онъ можетъ отпереть комнату герцогини; на этотъ разъ, прелестнѣйшій и тѣтъ, торжество его несомнѣнно... Выходитъ напротивъ: этотъ неспособный герцогъ опять тутъ-какъ-тутъ! Неизбѣжно объясненіе, и оно слѣдуетъ. Наконецъ, утопившись, хотя не убѣдившись, Филиппъ IV обѣщаетъ прекратить свои преслѣдованія и даруетъ прощеніе графу Медіанѣ. Онъ готовъ подписать помилованіе, какъ вдругъ слышенъ залпъ... Но чувствительныя души могутъ успокоиться: исполненіемъ приговора распорядился капитанъ Рибосъ, и ружья заряжены были однимъ порохомъ. Графъ теперь на пути во Францію, куда къ нему отправится герцогъ и герцогиня Альбукерка. Я удовольствовался только *шахомъ* королю, говорить уѣжая герцогъ жень: — но видно, графъ Медіана далъ ему маму! — Драма ведена живо, разговоръ остроуменъ, въ авторахъ замѣтно большое знаніе сцены. Правда, пьеса по-

строена на мелкихъ средствахъ и представляется мало истинныхъ положеній; но недостатки выкупаются полною удачею въ публикѣ. Одеянъ не даромъ получилъ отъ палаты сто тысячъ франковъ вспоможенія!

62) LE VEUF DU MALABAR (Малабарскій Вдовецъ), комическая опера въ одномъ дѣйствіи, слова гг. Сиродена и Адриана Робера, музыка г. Доша.

Также удачная, остроумная пьеска Комической-Оперы. Во Франціи была извѣстна *Малабарская Вдова*, трагедія Лемьера, весьма-назидавшая, гдѣ сто назавъ, публику, которая съ удивленіемъ видѣла, что вдовы погребаются съ мужьями. Комическая-Опера вздумала перенести на мужей обычай индійской вѣрности, и исполнила дѣло слѣдующимъ образомъ. Лавердюреттъ—Французъ, поселившійся въ Малабарѣ. Онъ очень-доволенъ новымъ отечествомъ, гдѣ ему посчастливилось, промежъ лицами мѣднаго и шоколаднаго цвѣта, встрѣтить бѣленькую блондинку, мадамъ Потье, которая превратилась въ Индіянку подлѣ имени Джини. Встрѣтитъ на Малабарѣ хорошенькую блондинку—для Француза значило жениться на ней. Джини сбѣгалась мадамъ Лавердюреттъ. Супружеская жизнь текла бы какъ-мелзя-благополучіе, если бѣ Джину не мучило желаніе увидѣть Францію, о которой она слышала чудеса. Мосье Лавердюреттъ, немѣющій тѣхъ же причинъ къ любопытству, предпочитаетъ остаться въ Малабарѣ, не смотря на нѣкоего кузена Моссуля, къ которому жень кокется сбѣлать его ревнивымъ, чтобъ побудить его къ отъѣзду. Ревность не оказала потребнаго дѣйствія на миролюбиваго Лавердюретта, и Джини прибѣгаетъ къ другимъ средствамъ: она распускаетъ слухъ, что князюлась въ воду, — извѣстіе, которое, по законамъ страны обязываетъ мосье Лавердюретта кинуться въ огонь, потому что ни одинъ изъ соуруговъ не долженъ переживать другаго. Лавердю-

реть, не смотря на скорбь о потерѣ жены, не имѣетъ ни малѣйшей охоты изжариться въ знакъ отчаянія, и предлагаетъ все свое имущество офицеру, которому поручено завѣдывать этой неприятой церемоніей, если тотъ дастъ ему убѣжать и сѣсть на корабль, отплывающій въ Европу. Офицеръ, который — не иной кто, какъ перодѣтал Джина, безъ труда соглашается. Само-собою разумѣется, что Моссуль поѣдетъ съ нимъ. Когда судно отплыло миль на пятьсотъ отъ береговъ, Джина является въ своемъ настоящемъ видѣ. — Куплеты г-на Доша не щеголяютъ новостью, но очень милы.

63) LES FRÈRES DONDAINE (Братья Донданы), *водевиль въ одномъ дѣйствіи*, соч. Варѣна и Берпала Лопеза.

Братьевъ Донданъ двое, но они глупы за четверыхъ, глупы изъ-рукъ-вонъ! Фердинандъ, младшій братъ, считаетъ себя отъ роду всего восемь или девять люстровъ, и женатъ уже нѣсколько недѣль, потихоньку отъ старшаго брата, котораго бонлся какъ огня. Что скажетъ Іоахимъ, когда свѣдаеть про этотъ тайный бракъ? Фердинандъ не можетъ помыслить безъ содраганія! Онъ помѣстилъ жену у себя въ качествѣ экономки; но она вовсе не по-праву старшему брату, который хочетъ ее сослать. Іоахиму нуженъ только предлогъ: случай прислужился ему предлогомъ. Нѣкто Никомедъ приноситъ платокъ, уроненный изъ окна женщиною. Онъ увѣряетъ, что знаетъ эту женщину, что даже любимъ ею! Іоахимъ потираетъ руки отъ радости: за Софьей водятся интриги, — прекрасный поводъ сослать ее! Надо сказать, что тутъ вышло *quiproquo*, лица перемѣшаны: Софья скрываетъ у себя въ комнатѣ подругу, которая бѣжала изъ-подъ родительскаго крова, потому что ее хотѣли выдать насильно замужъ; эту-то бѣглянку, Элизу, видѣлъ Никомедъ въ окошкѣ. Можете представить отчаяніе Фердинанда при вѣ-

T. XLVII. — Отд. VIII.

сти, что онъ имѣетъ соперника и счастливаго соперника! Ревнивецъ готовъ пуститься во все крайности противъ Никомеда, когда Іоахимъ получаетъ письмо, гдѣ его увѣдомляютъ о побѣгѣ Элизы. Женихъ, за котораго не хочетъ вѣнчаться Элиза, есть самъ Іоахимъ. Ему пишутъ, что его невѣста бѣжала въ мужскомъ платьѣ. Съ него довольно, чтобы вообразить, что она-то и есть Никомедъ... Слѣдуетъ потѣшная сцена, гдѣ братья принимаютъ его за женщину и хотятъ добиться отъ него признанія, что его зовутъ Элизою. Наконецъ дѣло развязывается: каждый является въ собственной роли: Элиза съ Никомедомъ вѣнчавшимися любовниками; Фердинандъ съ Софьею приѣзжими супругами, а Іоахимъ великодушнѣйшимъ изъ братьевъ. — Пьеса имѣла въ виду талантъ Арналя, актѣра Водевильнаго-Театра, поэтому очень смѣшила публику и, вѣроятно, долго будетъ смѣшана.

64) LA VESTALE (Весталка), *трагедія въ пяти дѣйствіяхъ*, соч. Эли Соважы и Дюма.

Происхожденіе весталокъ относится ко временамъ Нумы-Помпилиа. Онъ избралъ извѣстное число дѣвицъ, которыхъ опредѣлялъ содержать на публичномъ иждивеніи. Онѣ были родомъ изъ Альбы и посвящались на служеніе Вестѣ, богинѣ, считавшейся душою міра. Вѣчный пламень, образъ этой души міра, горѣлъ на жертвенникѣ, и поддерживался посвященными дѣвами. Тѣ, которыя позволяли угасать священному огню или нарушали обѣтъ цѣломудрія, погребались за-живо. Въ вознагражденіе этихъ строгостей, опредѣленныхъ противъ весталокъ, имъ дарованы были значительныя привилегіи, воздавались пышныя почести. Онѣ занимали важный санъ въ государствѣ, жили въ роскоши, имѣли первое мѣсто въ театрѣ, ходили въ церемоніяхъ предшествуемыя ликторами. Лучшимъ ихъ правомъ было забавлять отъ казни

4

осужденнаго, котораго онѣ встрѣчали на дорогѣ; но требовалось, чтобъ одинъ только случай былъ виною такой встрѣчи. Съ нихъ брали клятву, что онѣ очутились тутъ безъ намѣренія. Не смотря на всѣ выгоды и преимущества, весталки не были счастливы, если вѣрить словамъ Сенеки: онѣ завидовали сладостямъ гимна. Нѣтъ сомнѣнія, что пышная и извѣщенная жизнь, которую онѣ вели, поклоненіе толпы, зрѣлища, на которыхъ онѣ присутствовали, были менѣе всего способны поддерживать ихъ во всѣхъ требованіяхъ ихъ должности. Тутъ, какъ во многомъ другомъ, Римляне являлись не очень послѣдовательны. Одежда ихъ не заключала въ себѣ ничего суроваго; судя по изображеніямъ медалей, она выставила наружу всю ихъ красоту. «Онѣ носили», говоритъ одинъ авторъ, «родъ тюрбана, спускавшагося не дальше ушей и открывшаго все лицо; тюрбаны онѣ украшали лентами; волосы ихъ, которые сначала обстригались и посвящались богамъ, въ послѣдствіи росли свободно и принимали всѣ прически и всѣ уборы, какіе могло изобрѣсти искусство и желаніе нравиться. Онѣ носили родъ египетскаго облаченія съ узкими рукавами изъ тонкаго подотна чрезвычайной бѣлизны, а сверху пурпуровую мантию, широкую и длинную, которая обыкновенно носилась только на одномъ плечѣ». Костюмъ, какъ видите, своею вольностью вызывалъ любовь, и любовь жестоко истила за себя. Авторы новой трагедіи Французскаго Театра, написанной вслѣдъ за гг. Понсаромъ, Понруа и Латуромъ, взяли за точку исхода право помилованія, принадлежавшее весталкамъ; поставили на пути прекрасной Фаусты Карвагенца Адрубала, котораго ведутъ на казнь; Адрубаль спасенъ и погубленъ въ то же время. Взоръ Фаусты заронилъ въ его сердце жестокой возненіе. Фауста, съ своей стороны, почувствовала незнакомое ей смущеніе. Мужественная наружность героя ослѣпила ее; Фауста не вѣдала любви, теперь узнала. Мудрено ли, что ее одинокія слезы, какъ слезы

той весталки, про которую рассказываетъ Цицеронъ, погасятъ священный огонь! Но Адрубаль не такой человѣкъ, чтобъ дать угаснуть священному огню въ одиночествѣ. Отважный юноша проникнетъ въ храмъ Весты и предстанетъ взорамъ задумчивой и печальной жрицы. Къ несчастію, одна завистливая женщина подсматриваетъ за Адрубаломъ. Кто жь это? — мать Фаусты, которая готова погубить дочь, чтобъ отомстить за себя любовнику. Побуждаемая бѣшеной ревностью, Сильвія велитъ захватить виновныхъ, рискуя опозорить своего благороднаго супруга, Валерія, такимъ безумнымъ поступкомъ: супруга наказана тѣмъ, что встрѣчаетъ соперницу въ родной дочери. Известно, что за участь ожидаетъ весталку съ слишкомъ иѣжными чувствами: ее отводятъ въ черномъ одеяніи отъ храма Весты, стоящаго на берегу Тибра, въ воротахъ Коллинскимъ, гдѣ находится холмъ, назначенный для страшныхъ возмездій за нарушенное жричество (*sceleratus sanguis*). Вотще мать Фаусты, въ слезахъ, мечется по римскимъ улицамъ и старается возмутить народъ своими воплями. Народъ глухъ: священный огонь угасъ, — это предвѣстіе великихъ бѣдствій. Вотще Сильвія надѣется, что Валерій, консулъ Валерій, не допуститъ дочь погибнуть; консулъ помышляетъ о Брутѣ. Фауста сошла въ мрачный склепъ, куда, словно въ насѣтку, ставили хлѣбъ, воду, молоко, масло, и зажигали лампаду. Но Адрубаль возмущилъ карвагенскихъ невольниковъ, обратилъ въ бѣгство жрецовъ и ликторовъ, приподнял камень съ могилы, купулся въ объятія весталки, чтобъ сейчасъ похитить ее... камень упадетъ, и она оба погребены живые. Тогда они отравляются, и мать Фаусты, которая сама приняла начальство надъ карвагенскими невольниками, прибѣгаетъ поздно спасти ихъ. Въ трагедіи есть еще эпизодическій характеръ суроваго, стараго Катона съ его девизомъ: *delenda Carthago*. — Хвалить въ шестъ достоинства слога, чувствъ, стиха, про-

стоту и благородство дѣйствій; находятъ и важные недостатки, именно значительную подражательность. Такъ послѣдній актъ сбивается на Ромео и Джульетту, даже на Германн. Характеръ Катона-цензора трактованъ авторами не въ томъ выгодномъ свѣтѣ, какой обыкновенно набрасываютъ на него. Впрочемъ, въ одобреніи пьесы больше или меньше согласны всѣ парижскіе фельетонисты, обыкновенно такіе разнорѣчивые.

65) *Жуанита (Хуанита), комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. Баяра и Комбрусса.*

Это комедія театра Gymnase, написанная или набросанная г. Комбруссомъ лѣтъ десять назадъ и подновленная г. Баяромъ для сцены Драматической-Гимназии, въблагораасудившей заплатить свою лепту Испаніи, которая на время вошла въ моду на парижскихъ сценахъ. Вотъ содержаніе пьесы. Де-Шарансѣ, французскій офицеръ, военноплѣнный въ Вильярреалѣ, давно преслѣдуется своей любовью синьору Хуаниту, жену дона-Допеза. Онъ пробирается къ ней черезъ садовую стѣну, но скоро выгнанъ. На дорогѣ на него нападаютъ гверильясы. Де-Шарансѣ ищетъ пріюта въ домѣ Хуаниты. Донъ-Допезъ, воротившійся изъ путешествія, приказываетъ все приготовить къ приему офицера. Хуанита закликаетъ де-Шарансѣ бѣжать, потому что мужъ узналъ про ихъ любовь. Шарансѣ соглашается. Хуанита хочетъ бѣжать съ нимъ вмѣстѣ; въ пять часовъ вечера онъ долженъ дожидаться ея у садовой калитки. Донъ-Допезъ напоминаетъ Шарансѣ, что спасъ ему жизнь въ сраженіи. Послѣ этого, вильярреальскій плѣнникъ жертвуетъ любовью признательности, и притворяется передъ Хуанитой повѣсою и игрокомъ, дѣлая себя героемъ одного похождения, принадлежащаго младшему брату дона-Допеза; но вскорѣ не можетъ устоять противъ страсти и признается во всемъ

Хуанитѣ. Жена дона-Допеза слѣдуетъ примѣру Шарансѣ и собирается съ мужемъ въ Мадридъ.

66) *Le Gantet l'Eventail (Перчатка и Опахало), комедія-водевиль въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. Баяра и Соважа.*

Тутъ г. Баяръ является на сценѣ Водевильнаго - Театра для реакціи водевильному роду г. Клервиля. Принцесса Амалия, вассалка одного нѣмецкаго княжества, воспитывалась въ монастырѣ съ хорошенькой канониссой Матильдой. Вышедъ изъ монастыря, подруги, естественно, стали помышлять о замужствѣ. Сердца ихъ не должны заниматься однимъ и тѣмъ же предметомъ: соперничества между ними быть не можетъ; множество германскихъ владѣтельныхъ князей ипугутъ руки Амалии. Незнатный молодой человекъ, секретарь принцессы, Лимбергъ, единственный претендентъ на руку канониссы. При дворѣ не слѣдуетъ опрометчиво показывать, что чувствуешь. Любовники условились о нѣмомъ языкѣ, полною прелести и тайны. Выдавъ только въ присутствіи своей государыни, они не могли разговаривать о любви. Благодаря ихъ замысловатой стратагемѣ, впередъ имъ можно будетъ говорить все и при всѣхъ. Когда опахало будетъ развернуто, слова, говоримыя принцессѣ, будутъ относиться къ секретарю; когда секретарь будетъ держать перчатку на рукѣ, то будетъ значить, что онъ обращается къ прекрасной канониссѣ. Первый опытъ любовнаго телеграфа, придуманнаго Матильдою, происходитъ въ глазахъ принцессы, которая ничего не замѣчаетъ. Условиваются о свиданіи въ восемь часовъ у цвѣточнаго навильйона во время совѣта; но Лимбергъ проболтался: сбѣлалось извѣстнѣе, что у него назначено свиданіе, и принцесса, уведоженная объ этомъ, немедленно призвала секретаря и приказала ему тотчасъ отправиться съ деваша-

ми къ принцу Генриху Гомбергскому. Тогда перчатка сказала: «я не поѣду, либо ворочусь къ сроку на свиданіе». Опахало отвѣчало: «буду ждать». Пока нашъ герой въ дорогѣ, надо вамъ сказать причину такого приказа принцессы: она просто-на-просто влюблена въ своего секретаря, и, пренебрегая всѣми владѣтельными женихами, рѣшилась возвысить его до себя. Она уже открыла бы это публично, еслибъ бумаги, освобождающія ее отъ обѣговъ, прибыли отъ папскаго престола. Чтобы совершенно убѣдиться на счетъ Лимберга, она посылаетъ канониссу въ цвѣточный павильонъ: ей хочется знать, явится ли на свиданіе Лимбергъ. Разумѣется, секретарь не преминулъ явиться; но его видѣли, любовники народо неосторожны! и принцесса извѣщена о продѣлкѣ своего любимца. Лимбергъ опровергаетъ всѣ обвиненія, явившись съ отвѣтомъ принца гомбергскаго. Ему легко было отгадать письмо, ибо тотъ, къ кому оно было адресовано, былъ одинъ изъ вѣдыхателей принцессы и скрывался въ квартирѣ секретаря подъ вымышленнымъ именемъ. Враги, заклвшіеся на погибель любовника канониссы, не ограничиваются этимъ: они доносятъ, что въ ихъ рукахъ есть женскій портретъ, потерянный Лимбергомъ. Принцесса желаетъ видѣть портретъ. Благодаря ловкости канониссы и перчаткѣ съ опухаломъ, портретъ Матильды подмѣненъ портретомъ Амаліи. При видѣ этого доказательства любви, принцесса бросаетъ всѣ сомнѣнія, и какъ, сверхъ того, бумаги изъ Рима присланы, рѣшается открыть свою страсть къ секретарю, котораго въ засѣданіи совѣта сейчасъ сдѣлала графомъ. Принцесса не можетъ объявить свою любовь, какъ всякая другая женщина: она диктуетъ письмо тому, кого любить. Какъ ни соблазнительна мысль быть любимымъ принцессою, какъ ни искусительна власть, Лимбергъ остается вѣренъ своей любовницѣ, притворяется, будто не понимаетъ, что письмо, диктованное Амаліей, относится къ нему, и вру-

чаетъ его принцу гомбергскому. Все улаживается, благодаря опухалу съ перчаткою. Празднуется свадьба принцессы Амаліи съ влюбленнымъ принцемъ, а перчатки съ опухаломъ.

67) Давид (Давидъ), опера въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. Александра Сумѣ (покойнаго) и Фелисьева Мальфила; музыка г. Мермѣ.

Сюжетъ весьма-неновый; но даровитые авторы умѣли сдѣлать его занимательнымъ и приличнымъ на сценѣ. Содержанія рассказывать нечего: это извѣстныя событія изъ жизни Давида до возведенія его на царство Крапки высоко-простаго повѣствованія соблюдены искусно. Музыка г. Мермѣ заслуживаетъ упреки въ монотонности, такъ же, какъ Королевская Академія Музыки заслуживаетъ упрекъ въ томъ, что растворила двери для перваго пришедшаго композитора наряду съ знаменитыми артистами.

8) BAVOARD, OU LE MÊNAGE D'UN DRAMATURGE (Баволаръ, или квартира драматурга), водевилъ въ одномъ дѣйствіи, соч. г-на Дюшатаара.

Мосьѣ Баволаръ — драматическій авторъ; онъ грезитъ только кровосмѣшеніями, помышляетъ только о преступленіяхъ, смертоубійствахъ, отравленіяхъ, — словомъ, о всѣхъ тѣхъ прелестяхъ, которыми театры Gaité и Ambigu каждый вечеръ угощаютъ своихъ посѣтителей. Привыкнуши распалать свой мозгъ, чтобы изобрѣтать ужасы всякаго рода, мосьѣ Баволаръ кончилъ тѣмъ, что сталъ видѣть преступленіе подъ собственной кровлей, началъ подозревать свою жену. — Двое мужчинъ ходятъ къ нему въ домъ, мосьѣ Вердѣ и мосьѣ Теодоръ. — Мосьѣ Вердѣ — редакторъ одного листка, которому послѣ многихъ усилій удалось собрать вѣстное число подписчиковъ: Бельфонторъ имѣетъ 33 подписчика, и

мосьё Вердѣ гордится своимъ успѣхомъ, беретъ своимъ вліяніемъ заставить театральныя дирекціи принимать всѣ пьесы его пріятеля Баболара, которыхъ до того никто не хотѣлъ принимать. — Мосьё Теодоръ, также хорошо принятый въ квартирѣ драматурга, есть молодой алертъ нотариуса, застѣнчивый, скромный, и не могъ бы внушить опасенія самому подозрительному Бартоло. — Подозрѣнія Баболара, однакожь, все растутъ и арѣютъ, и секретъ, подшепнутый редакторомъ *Бельфлюра*, докавалъ сердце драматурга. — Мадамъ Баболаръ отвергла страсть стараго сатира, и онъ изъ мщенія рѣшился возбудить подозрѣнія мужа. — Не открываясь никому, драматургъ бѣжитъ изъ-подъ суиружескаго крова, прощается съ своей вѣроломной половиной, не говоря, на долго ли удалется. Баболаръ хочетъ бѣжать въ какое-нибудь мрачное уединеніе, вдаль отъ людей, чтобы тамъ на своболѣ изобрѣтать и обдумывать одинъ драматическій планъ, который, по его мнѣнію, долженъ совершить переворотъ на Тампльскомъ-Бульварѣ. — Вердѣ проводилъ пріятеля до дилижанса, и потому тайно забрался въ домъ Баболара; едва онъ вошелъ туда, какъ появляется Теодоръ вмѣстѣ съ мадамъ Баболаръ. Преступная половина драматурга уводитъ молодого человека въ свой особенный покой; Вердѣ собирается вивуться за ними вслѣдъ, когда является Баболаръ. — Ревнивый мужъ возвращается домой съ парюю пистолетовъ: онъ только притворился уѣхавшимъ, чтобы лучше подстеречь жену, вводитъ курокъ пистолета... но онъ ужасенъ только въ своихъ пьесахъ. Пистолетъ осѣкается; жена выходитъ изъ своей комнаты: невинный Теодоръ приходилъ просить у нея руку дочери. — Этого водевилъ, равно какъ и слѣдующій, принадлежатъ театру Gymnase:

69) *Le Serpent sous l'herbe* (Змѣя въ травѣ), *водевилъ изъ одного дѣйствія*, соч. г. Дюрантена.

Змѣя — повѣса, молоденькій виконтъ, котораго дядя, маршалъ де-Бово, хочетъ слѣлать мальтійскимъ кавалеромъ; повѣса готовится къ своему благородному званію, образуя умъ и сердце въ Оперѣ, въ фехтовальныхъ залахъ и въ товариществѣ подобныхъ ему шалуновъ. — У себя въ семействѣ и въ свѣтѣ, Леонъ де-Гондркуръ слыветъ за образецъ всѣхъ добродѣтелей, поту-пляетъ глаза какъ новичокъ, имѣетъ всѣ манеры невинности. Подъ такой-то наружностью является онъ въ монастырь, гдѣ воспитана его кузина, мадмуазель Агнеса. — Дѣвушка обручена съ графомъ Шатлю; чрезъ нѣсколько дней, Агнеса будетъ графинею; но нашъ повѣса влюбленъ въ свою кузину и явился помѣшати браку. Онъ пускается разсказывать разныя исторіи: будто дядя противится браку, будто не пріѣдетъ на свадьбу, потому-что болѣвъ полагрою; но для вскорѣ пріѣзжаетъ, чтобы уличить его во лжи; тогда Леонъ принужденъ сбросить маску, падаетъ къ ногамъ кузины, открывается въ своей страсти, схватываетъ шпагу маршала и даетъ урокъ графу Шатлю: восхищенный его отвагой и храбростью, маршалъ узнаетъ въ немъ свою кровь и обручаетъ племянника съ дочерью. Леонъ получаетъ хорошенькую жену и въ приданое за нею отличный полкъ.

70) *La Baronne de Vignac* (Баронесса Блиньякъ), *водевилъ изъ одного дѣйствія*, соч. гг. Дюмануара и Пибна.

Полковникъ де-Нассе пріѣхалъ въ свой полкъ. — Естественно, онъ собралъ всѣхъ офицеровъ къ себѣ на завтракъ. — Много лилось шампанскаго и много толковалось о женщинахъ; каждый разсказывалъ свои любовныя похождения; наконецъ, съ общаго согласія, условились объявить письменно имена любимыхъ женщинъ. Полковникъ будетъ повѣреннымъ всѣхъ прочихъ. Мосьё де-Врезъ, кузенъ полковника, не отстаеетъ отъ другихъ,

также открываетъ имя той, которую любить. Каково же изумленіе и вѣсть гнѣвъ полковника, когда на всѣхъ семи бюллетеняхъ написано одно имя, имя баронессы де-Блиньякъ, полкъ которымъ его сестра пріѣхала къ нему въ полкъ.—Мосё де-Пассе бѣжитъ въ штабъ и требуетъ объясненія у своихъ офицеровъ; всѣ объявляютъ, что взяли первое имя, попавшееся на умъ.—Офицеры счастливо отдѣлались. Но не такъ благополучно обойдется дѣло съ де-Бреви: онъ знаетъ сестру полковника. Подобная обманка можетъ смѣяться только кровью. Но все уладить свадьба, восклицаетъ де-Бреви, и подписываетъ обѣщаніе жениться на маламъ де-Блиньякъ. Бѣдпаяка не знаетъ, что сдѣлалъ; лучше бы ему часть полка шпагою полковника... Хорошенькая Луиза, сестра де-Пассе, приняла чужое имя; собственно это имя принадлежитъ одной старой вдовѣ дѣтъ шести-десяти отъ рода. Вдова еще помышляетъ о супружескихъ узлахъ, и молодой поручикъ чрезвычайно ей по вкусу.—Луиза изобрѣтаетъ и приписываетъ настоящей баронессѣ де-Блиньякъ всѣ недостатки, всѣ пороки, всѣ возможные немощи. Помучивъ хорошенько свою жертву, прекрасная тигрица разрываетъ обѣщаніе, подписанное такъ опрометчиво, и даетъ поцаловать ручку молодому поручику. Черезъ нѣсколько дней, подложная баронесса Блиньякъ будетъ настоящею графинею де-Бреви.

71) La Savotte d'or (Золотая Морковка), *водевиль въ одномъ дѣйствіи*, соч. гг. Мельсвилля, Комбрасса и Антье.

Въ свое время мы рассказывали содержание удачной трехъ-актной пьесы Gumpase, *Капитанъ Корабля* (le Capitaine du Vaisseau), къ которой Carotte d'or служила прологомъ. Авторы пережѣстили этотъ прологъ на сцену театра Variétés, округливъ его въ особый водевиль, очень-забавный.

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

НОВЫЕ ФАКТЫ ИЗЪ СЕЛЕНОЛОГІИ.—Селенологія есть описаніе луны. Руководствуясь превосходными картами луны, составленными Лорманомъ, Баромъ и Медлеромъ, Бомонъ уиѣлъ открыть нѣкоторое соотношеніе между гористыми массами земли и кольцеобразными впадинами, замѣчаемыми на поверхности нашего спутника.

Эли-де-Бомонъ еще въ 1843 году представилъ Парижской Академіи сравнительныя измѣренія жерлъ или кратеровъ земныхъ вулкановъ и этихъ лунныхъ кольцеобразныхъ впадинъ, которыя Бомонъ признаетъ также за кратеры лунныхъ вулкановъ. Въ свое время мы сообщили читателямъ нашимъ извѣстіе объ этомъ остроумномъ сближеніи (смотри «Отеч. Записки», 1843 года, іюнь мѣсяцъ). Нижеслѣдующія наблюденія капитана Розе составляютъ какъ-бы продолженіе изысканій Эли-де-Бомона; они открываютъ намъ много новыхъ интересныхъ фактовъ относительно состава землаго спутника.

Очертанія большихъ полосъ сѣрватаго мѣста, называемыхъ обыкновенно морями, хотя и совершенно несправедливо, образуются дугами нѣсколькихъ пересѣкающихся окружностей. Эти очертанія представляютъ вертикальные круглые уступы, состоящіе изъ пѣнящейся массы; высота ихъ бываетъ слишкомъ 4000 аршинъ. Внутри этихъ морей или сѣрыхъ полосъ замѣчаются кольцеобразныя отверстія, совершенныя кольца, два вершка въ діаметрѣ. Многія моря представляютъ посредній возвышенія, немногимъ-выше окраинъ кольца

Сѣрыя полосы покрываютъ сѣверную, восточную и западную части поверхности луны. На южной части остается блестящее пространство, покрытое множествомъ колецъ различныхъ измѣреній. Эти кольца распо-

жены бывают отдѣльно, или соединяются между-собою по два, по три и болѣе; въ точкахъ касанія, очертанія ихъ бываютъ болѣею частію неправильны. Внутри большихъ колецъ находится почти-всегда ядльца меньшаго размѣра. Дно колецъ плоско; а очертанія ихъ повидному представляютъ круглыя волны, которыя поднимаются на поверхности жидкой массы.

Сѣрыя полосы представляютъ тѣ же самыя характеры. На всей поверхности луны мы не находимъ ничего подобнаго горнымъ цѣплямъ и долинамъ нашей планеты, и трещины, которыя замѣчаются на ней, вѣрнѣе всего сравнить съ кратерами поднятія.

Наблюдая наклоненія солнечнаго луча на различныя части луны, Розе подмѣтилъ, что луна состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ пластовъ—изъ массы, составляющей дно сѣрыхъ пятенъ, и изъ коры, поднимающейся надъ этимъ дномъ; толщина этой коры среднимъ числомъ 642 аршина.

Изъ всѣхъ этихъ фактовъ Розе вывести слѣдующія заключенія касательно нашего спутника:

1) Луна первоначально была въ расплавленномъ состояніи и медленно охлаждалась.

2) Во время образованія наружной коры, расплавленная масса была въ движеніи; въ ней было множество отдѣльныхъ вихрей, круговоротовъ, которые располагали охладѣвшіе куски по окружности и образовывали очертанія колецъ.

3) Сила этихъ вихрей уменьшилась съ отвердѣніемъ расплавленной массы на поверхности; во они продолжаютъ и теперь, хотя не въ такой степени.

4) Образованіе колецъ, какъ мы его себѣ представляемъ, включаетъ совершенно идею кратеровъ, подобныхъ кратерамъ нашихъ volcanovъ.

5) Когда поверхность нашего спутника перешла въ твердое состояніе, на

нее болѣе не отлагалось ни жидкихъ, ни твердыхъ частицъ, потому-что въ противномъ случаѣ исчезли бы маленькія ядльца. Это сохраненіе первобытной формы доказываетъ, что на поверхности луны и въ ея атмосферѣ не существовало никогда никакой жидкости въ значительномъ количествѣ.

6) Когда наружная оболочка луны совершенно окрѣпла, внутри подъ нею масса пребывала еще въ жидкомъ состояніи; она дѣйствовала на наружную оболочку и мѣстами разорвала ее. Въ эту эпоху кора луны была непремѣнно значительной толщины, потому-что эти трещины имѣютъ значительныя размѣры.

7) Такъ-какъ на лунѣ и въ ея атмосферѣ никогда не существовало жидкости въ значительномъ количествѣ, то изъ этого необходимо слѣдуетъ, что на ней не могли жить органическія существа, подобныя животнымъ или растеніямъ, населяющимъ нашу планету.

ДѢЙСТВІЕ ТЕЧЕНІЯ ОКЕАНА НА ТЕМПЕРАТУРУ АТМОСФЕРЫ. — Въ

одномъ изъ послѣднихъ номеровъ *Philosophical Magazine*, полковникъ Себейнъ помѣстилъ очень-интересное замѣчаніе о причинѣ сравнительно-вышей температуры послѣдней зимы во многихъ мѣстностяхъ Европы.

Средняя температура послѣдней зимы въ Лондонѣ была восьмью градусами выше температуры зимы 1844 — 1845 годовъ. Подобное же явленіе представляетъ зима 1821 года. Въ 1821 году, пишетъ полковникъ Себейнъ, теплое теченіе океана (*gulfstream*) доходило до береговъ Европы, а обыкновенно оно оканчивается у меридіана Азорскихъ-Острововъ. Это направленіе и положеніе теплаго теченія, полковникъ Себейнъ полагаетъ, есть причина высокой температуры в сравнительно болѣею теплоты зимы 1821 года; вода теплаго теченія перешла здѣсь за обыкновенныя свои границы и раз-

лилась на пространствѣ длиною въ 1,000 и шириною въ 600 миль. Она-то и согрѣла сосѣднія массы воды и ближайшіе слои атмосферы въ широтахъ сравнительно болѣе холодныхъ. Объясненіе полковника Себейна очень-правдоподобно; только у насъ нѣтъ положительныхъ доказательствъ, чтобъ въ нынѣшнемъ году теплое теченіе океана представляло подобное разлитіе.

ПРИГОТОВЛЕНІЕ ИСКУССТВЕННЫХЪ НАВОЗОВЪ ПО СПОСОБУ ЛИБИХА. *Навозы для хлѣбныхъ, бобовыхъ и корнеплодныхъ растений.* — Вотъ дополненіе къ статьѣ «Искусственное Удобреніе, изобрѣтенное профессоромъ Либихомъ», напечатанной нами въ прошломъ мѣсяцѣ, въ отдѣлѣ Сельскаго Хозяйства и Домоводства; мы изложили въ этой статьѣ теорію и употребленіе искусственнаго удобренія, но ни слова не сказали о способахъ его приготовленія; спѣшимъ теперь восполнить этотъ недостатокъ, заимствуя въкоторыя новыя данныя, касательно этого интереснаго предмета, изъ французскаго журнала Технологъ (Technologiste).

Въ этомъ журналѣ описаны способы приготовленія искусственныхъ навозовъ для растеній хлѣбныхъ, бобовыхъ и корнеплодныхъ. Прежде всего необходимо приготовить два состава, которые служатъ основаніемъ всѣмъ навозамъ и которые мы означимъ здѣсь названіями — первый и второй составы.

Составъ первый дѣлается слѣдующимъ образомъ: сплавляются въ котлѣ двѣ или двѣ-съ-половиною части углекислой извести (мѣла или известковаго камня) и одна часть обыкновеннаго поташа или одна часть воды и поташа, смѣшанныхъ поровну.

Для втораго состава сплавляется одна часть фосфорокислой извести (железныхъ костей), одна часть поташа и одна часть соды. Эти составы, прежде употребленія своего, толкутся или ме-

лются въ порошокъ. Теперь слѣдуетъ приготовленіе навозовъ.

Навозъ для ячменныя, ржи, ячменя, овса и другихъ хлѣбныхъ растеній. Берется шесть частей, по вѣсу, перваго состава, одна часть втораго состава, и смѣшиваются съ двумя частями гипса, одною частью жженыхъ костей, одною частью кремнекислаго кали и одною частью фосфорокислой магнезій и фосфорокислаго амоньяка.

Навозъ для бобовыхъ растеній. Берется четырнадцать частей, по вѣсу, перваго состава, двѣ части втораго состава и смѣшиваются съ двумя частями обыкновенной соли, небольшимъ количествомъ кремнекислаго кали, двумя частями гипса и одною частью фосфорокислаго амоньяка.

Навозъ для ржи, картофеля и другихъ корнеплодныхъ растеній. Берется двѣнадцать частей, по вѣсу, перваго состава, одна часть втораго состава, и смѣшиваются съ одною частію гипса и одною частію фосфорокислой магнезій и фосфорокислаго амоньяка.

ЯДОВИТОЕ ДѢЙСТВІЕ ЗЕЛЕННЫХЪ ОБОЕВЪ. — Нѣсколько лѣтъ назадъ. Гмелинъ замѣтилъ вредное вліяніе, которое оказываютъ зеленые обоев, содержащіе въ себѣ обыкновенно соли мышьяка и мѣди. Комиссія Народнаго Заравія великаго герцогства Баденскаго обратила вниманіе на этотъ вопросъ и поручила Гмелину точнѣе изслѣдовать его.

Въ нѣмецкой газетѣ «Лѣтописи Медицины» (Annalen der Staats-Arzneikunde) помѣщенъ рапортъ Гмелина означенной Комиссіи великаго герцогства Баденскаго. Гмелинъ приводитъ множество примѣровъ, подтверждающихъ вредное вліяніе зеленыхъ обоевъ. Заимствуемъ нѣкоторые изъ нихъ:

Кучеръ Унгольцъ спалъ съ своею женою въ-продолженіе трехъ лѣтъ въ комнатѣ, оклеенной зелеными обоями. На третій годъ въ этой комнатѣ обнаружился очень-сильный, непріятный за-

пахъ. Мужъ каждое утро просыпался съ головою болью и вообще чувствовалъ разстройство въ цѣломъ организмѣ; жена жаловалась на постоянный кашель; и тотъ и другой выздоравливали перешли въ спальню.

Одна служанка отравилась, обмелая зеленые обои.

Ясно, что непріятный запахъ, характеризующій комнаты, оклеенныя зелеными обоями, — говоритъ Гмелинъ въ заключеніе своего рапорта, — происходитъ отъ испаренія мышьяка, соединеннаго съ какимъ-нибудь органическимъ веществомъ, потому-что сама мышьяковисто-водородная кислота не имѣетъ запаха.

Итакъ зеленые обои, зеленые лаки, и преимущественно самаго высокаго травяно-изумруднаго цвѣта, содержатъ въ себѣ отраву. Это новое открытіе должно непременно ограничить употребленіе зеленой краски, которая до сихъ поръ считалась самою здоровою для глазъ и которую всегда выбирали особенно для спаленъ.

Мы съ своей стороны, если не на стаиваемъ совершенно противъ употребленія зеленыхъ обоевъ, то по-крайней-мѣрѣ советуемъ оклеивать ими комнаты, расположенныя на югъ, постоянно отопляемыя, съ хорошимъ притокомъ воздуха, и уничтожить эти обои, когда обнаружится запахъ мышьяка. Слуги же, которые чистятъ эти обои, и работники, которые наклеиваютъ или снимаютъ ихъ, должны себѣ закрывать носъ и ротъ мокрой губкой.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

НОВѢЙШІЯ ОТКРЫТІЯ И ИЗОБРЕТЕНІЯ.

— Въ Англіи недавно изобрѣтенъ снарядъ, извѣщающій о началѣ пожара въ домѣ. Онъ состоитъ изъ металлической гири, повѣшенной на такомъ снарядѣ, который перерывается, если обыкновенная температура дѣтнаго жара въ комнатахъ вдругъ возвышается, и тѣмъ даетъ знать о присутствіи огня въ домѣ. Гира въ это время упадетъ на заряженную порохомъ машинку, которая крѣпкимъ выстрѣломъ даетъ знать всѣмъ жильцамъ дома объ опасности.

— Господинъ Бенъ, изобрѣтатель электрическихъ часовъ, устроилъ такіе часы въ Глазгоу; маятникъ ихъ находится въ Эдинбургѣ, следовательно, на разстояніи 73 вилометровъ отъ Глазгоу. Часы находятся въ сообщеніи съ своимъ маятникомъ посредствомъ проволоки электрическаго телеграфа. Если всѣ города Великобританіи будутъ соединены между собою электрическими телеграфами, то г. Бенъ беретъ устроить совершенно одинаковый, секунда-въ-секунду, ходъ во всѣхъ англійскихъ часахъ, имѣющихъ одинъ общій центральный маятникъ, который долженъ быть помѣщенъ на Гринвичской - Обсерваторіи.

— Инженеръ Уистонъ, въ Фалькирхѣ, изобрѣлъ новую двигательную силу для морскихъ судовъ. Эта сила производится чрезъ сопротивленіе воды и воздуха, дѣйствующихъ другъ противъ друга въ пустыхъ цилиндрахъ, устроенныхъ вдоль боковъ корабля или парохода. Короче сказать, эта борьба воды и воздуха въ цилиндрахъ значительно помогаетъ дѣйствию машины парохода, а именно, что пароходъ въ десять лошадиныхъ силъ при упомянутыхъ цилиндрахъ увеличиваетъ дѣйствіе и силу своей машины ровно въ пять разъ.

— Въ Южной-Америкѣ недавно открыли, что масло, вытѣпливаемое изъ жира крокодиловъ (аллигаторовъ), гораздо-лучше и добротнѣе китоваго жира. На рѣкахъ Джонса и Блэк-Крикъ водятся миллионы крокодиловъ, и туземцы стрѣляютъ ихъ изъ ружей, какъ дичь. Дикія племена тамошнихъ Индейцевъ съ незапамятныхъ временъ употребляютъ въ домашнемъ быту аллигаторовое масло, которое горитъ бѣлымъ и блестящимъ огнемъ. Въ Америкѣ надѣются, что со-временемъ рѣчные крокодилы будутъ приносить жителямъ такую же пользу, какъ свиньи, потому-что кормъ какъ первыхъ, такъ и вторыхъ тамъ ничего не стоятъ.

— По увѣренію одного извѣстнаго химика въ Парижѣ, самымъ дѣйствительнымъ противоядіемъ при отравленіи мышьякомъ считается жженая магнезія.

— Въ Лондонѣ, въ Докъ - Викторіи (Victoria Dock) работаетъ землекопная паровая машина, называемая «американскимъ дьяволомъ». Эта переносная машина въ шестнадцать лошадиныхъ силъ имѣетъ длинное коромысло, на концѣ котораго утверждены четырехугольный деревянный ящикъ, снабженный желѣзными ковшами; эти ковши, разрывъ землю, кладутъ ее въ ящикъ. «Американскій дьяволъ», при помощи двухъ машинистовъ и трехъ работниковъ, исполняетъ работу за тридцать дюжихъ землекоповъ. Машина наполняетъ вырытую землю двѣсти большихъ телегъ (каждая телега въ шесть тоннъ) въ продолженіе одного дня.

— Извѣстно, что отъ неосторожнаго обращенія съ огнестрѣльнымъ оружіемъ происходитъ множество несчастій. Парижскій оружейникъ Амарантъ Руль изобрѣлъ новый сварадь къ ружьямъ, карабинамъ, пистолетамъ и проч., при которомъ вовсе невозможно нечаянный выстрѣлъ; слѣдовательно, съ заряженнымъ ружьемъ можно обходиться тамъ же безопасно, какъ съ обыкновенною палкою.

— Струнный фабрикантъ въ Хемницѣ выдумалъ приготовить изъ шелка струны для разныхъ музыкальных инструментовъ. Шелковыя струны можно натягивать въсколькими тонами выше, чѣмъ обыкновенныя височныя; притомъ же, первая гораздо прочнѣе вторыхъ и вовсе не боится сырости.

— Одинъ вѣвскій парикмахеръ выдумалъ употреблять въ дѣло оставшіяся отъ стрижки мужскихъ головъ короткіе волосы, которые обыкновенно бросаются, какъ соръ. Онъ прядетъ изъ нихъ эластическія матеріи, изъ которыхъ можно шить одѣяла, дорожные мѣшки, панталоны и пальто.

— Французскій физикъ Перине утврждаетъ, что воду можно сохранять совершенно-свѣжою и чистою въ бутылкахъ въ-продолженіе семи лѣтъ, если на 500 фунтовъ воды положить три фунта марганца (Braunstein, Schwarzes Manganoxid). Воду, такимъ образомъ приготовленную, можно возить по всѣмъ морямъ во всѣхъ широтахъ земнаго шара, не опасаясь, что она испортится.

— Докторъ Персонъ, въ Парижѣ, успѣшно лечитъ глазами бѣлымъ посредствомъ гальванизма. Единственный впускъ гальванической струи въ большую глазъ можетъ совершенно излечить его отъ бѣлмы. Этотъ способъ леченія, какъ извѣстно, изобрѣтенъ находящимся здѣсь въ Санктпетербургѣ докторомъ Круседемъ, который посредствомъ гальванизма также лечитъ ракъ, сифилитическія и другія язвы. Изобрѣтеніе доктора Круседа обратило уже на себя вниманіе многихъ ученыхъ обществъ.

— Непроницаемую бумагу для воздушныхъ шаровъ можно приготовить слѣдующимъ образомъ. Надобно наплатить каучукъ нашатырнымъ спиртомъ такъ, чтобъ первый изъ чернаго сдѣлался бѣлымъ, потомъ его вымыть въскольکو разъ въ чистой водѣ, высушить и распустить въ чистомъ скипидарномъ спиртѣ. Этимъ составомъ надобно намочить бумагу, высушить и

потомъ окунуть въ винный спиртъ. Приготовленная такимъ образомъ аэро-статная бумага не только не будетъ чрезъ свои поры пропускать воздуха, но даже водороднаго газа.

— Известно, что въ Остиндіи ледъ очень дорогъ и доступенъ только богатымъ. Тамашніе Англичане употребляютъ слѣдующее средство для охлажденія воды. Они обвертываютъ большіе глиняные кувшины съ водою намоченною хлопчатогоу бумагою, и вода цѣлый день бываетъ холодна и свѣжа. Въ Германіи поселяне въ жаркое время обвертываютъ кувшины съ водою мокрыми полотенцами.

— Если въ глазъ попадетъ пыль, соръ или другаго рода былинки, то, говорятъ, весьма-полезно пустить въ него нѣсколько капель арабійской камели (*gummi arabicum*). Известно, что желѣзные осколки и опилки, попавшіе въ глазъ, вытягиваются изъ него магнитомъ.

— Съ кустовъ земляники можно собирать плоды весною и осенью, если послѣ перваго сбора зелень кустовъ обрѣзать вплоть до земли, да и самую зелень покрыть землею. Молодые листы земляники, высушенные на солнцѣ, можно пить вмѣстѣ чаю.

— Недалеко отъ известнаго греебергскаго родолечебнаго заведенія, въ деревнѣ Ландевизе, живетъ простой поселянинъ Іоганнъ Шротъ, который не хуже Приспица лечитъ своихъ больныхъ самыми простыми средствами отъ многихъ болѣзней. Вся медицина Шрота огравививается прикладываніемъ къ тѣлу пациента полотенцевъ, намоченныхъ холодною водою, и строгимъ соблюденіемъ діаты. Натуральный врачъ даетъ ѣсть своимъ больнымъ только сухой хлѣбъ или сухари, размоченные въ красномъ винѣ, но, впрочемъ, запрещаетъ всякое питье и даже воду. Лечебная его метода называется *Durstkur*. Кто умѣренно ѣсть и пьетъ, тотъ, конечно, самъ себѣ помогаетъ во многихъ болѣзненныхъ случаяхъ, а кто живетъ просто, безъ рос-

коши, тотъ сберегаетъ не только деньги, но и здоровье.

— Въ домахъ всѣхъ важноточныхъ Англичанъ полы жилыхъ комнатъ покрыты коврами; но эта мода имѣетъ однакожъ вредное вліяніе на здоровье. Во-первыхъ, шерстяные ковры портятся комнатный воздухъ, распространяя въ немъ вредныя газы (угольную кислоту), что тотчасъ можно замѣтить, если посѣтитель войдетъ въ комнату, въ которой окна не были два-три два открыты. Во-вторыхъ, шерстяные ковры наполняютъ комнату облаками пыли, если по постилкѣ часто ходитъ прислуга, или въ комнатахъ дуетъ сквозной вѣтеръ. Хотя въ англійскихъ домахъ ковры часто выколачиваются на воздухъ, но все этого недостаточно, ибо пыль отъ разложенія въ коврахъ органическихъ веществъ и особенно вредно-испаряющихся красокъ, дѣйствительно портитъ комнатную атмосферу. Врачи увѣряютъ, что въ Англии, какъ отъ чрезвѣрнаго употребленія въ пищу пріяныхъ кореньевъ, такъ и отъ ковровъ, всегда множество людей страдаетъ чахоткою. Мы не упоминаемъ о моли, которая во множествѣ заводится въ шерстяной постилкѣ комнатъ и чрезъ то портитъ не только всю мѣбель, но и всякое шерстяное платье.

— Большею частью предпочитается бѣлый хлѣбъ полубѣлому и ситному; но одинъ англійскій врачъ доказалъ на дѣлѣ, что бѣлый хлѣбъ, особенно тотъ, въ тѣсто котораго приѣшиваются квасцы, гораздо-вреднѣе для употребленія въ пищу, чѣмъ обыкновенный полубѣлый и ситный. Если арестантъ, посаженный въ тюрьму, будетъ питаться только ржанымъ или полубѣлымъ хлѣбомъ и водою, то останется живъ и здоровъ. Дайте же ему самый лучшій бѣлый хлѣбъ—увизъ будетъ примѣтно хилѣть, и силы его въ нѣсколько дней совершенно ослабнуть. Обыкновенная крупчатая мука, т. е. полубѣлая или ржаная, содержитъ въ себѣ много питательныхъ частицъ; но въ чистой совершенно-бѣлой муцѣ — эти частицы большею частію уничтожены;

сѣдовательно, лучшій бѣлый хлѣбъ трудно переваривается желудкомъ. И такъ, бѣдный классъ не долженъ заводить людямъ жареному, которые ѣдятъ всегда бѣлый хлѣбъ. Бѣднякъ на жареномъ черномъ хлѣбѣ будетъ всегда здоровѣе и крѣпче богача, который не ѣстъ чернаго хлѣба.

— Венеціанскій химикъ Г. Виціо представилъ Парижской Академіи Наукъ диссертацию о пурпуровой краскѣ древесныхъ, выдѣлываемой, какъ извѣстно, изъ особаго рода улитокъ (*Murex Brandaris* и *Murex Trunculus*), находящихся на сирійскомъ берегу Средиземнаго-Моря, гдѣ была древняя Финикія. Красильная жидкость бѣловато-молочнаго цвѣта, но окисляется на воздухѣ, принимаетъ всѣ оттѣнки зеленого цвѣта и потомъ уже переходитъ въ настоящій пурпуровый цвѣтъ.

ТЕАТРАЛЬНЫЯ И МУЗЫКАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Знаменитая Рашель нашла себѣ соперницу въ талантливой дебютанткѣ Аральди, которая съ большимъ успѣхомъ играла уже на Первомъ Французскомъ Театрѣ Федру и Камиллу, въ трагедіи «Гораций и Куріацій». Говорятъ, что если критика поддержитъ этотъ превосходный талантъ, то Рашель должна будетъ подѣлиться своею славою съ Аральди. До этого времени, театральные рецензенты поступаютъ довольно-осторожно: они избѣгаютъ сравненій между обѣими актрисами—хвалятъ дебютантку, не унижая заслуженной славы Ращели.

— Въ Аграмѣ любители театральнаго представленія давали недавно новую оперу, написанную на кроатскомъ нарѣчій: «Любовь и Злоба» (*Ljubow i Zloba*). Музыку оперы написалъ Кратославъ Лисинскій, а либретто вѣкъ Дмитрій. Главную роль играла княгиня Эстергаси.

— Докторъ Спина, получившій въ наследство фортепьяно Бетховена, подарилъ его Францу Листу. Этотъ ин-

струментъ былъ также въ свое время подаренъ Бетховену Братуодомъ, первымъ англійскимъ фортепьяннымъ мастеромъ.

— Въ Парижѣ дадутъ на Театрѣ Водевильей съ большимъ успѣхомъ фарсъ подъ заглавіемъ *Femme électrique*. Эта пьеса наполнена каламбурами, остроуміемъ и прочими водевильными прибаутками. Электрическая женщина—настоящая юла, ни минуты не стоитъ на мѣстѣ, тапцуетъ и, электризуя другихъ, заставляетъ также неволью плясать вмѣстѣ съ нею. Актёръ Гриссо отлично играетъ въ этомъ фарсѣ главную роль.

— На-дняхъ кончалъ въ Парижѣ свое драматическое поприще извѣстный актёръ Перваго Французскаго Театра Жоанни (Joanpu). Настоящая его фамилія была Жанъ Бернаръ Бривбарръ. Онъ родился въ 1775 году, служилъ въ версальской гвардіи трубачомъ, потомъ сдѣлался живописцемъ, служилъ въ революціонныхъ войнахъ, былъ нѣсколько разъ равенъ въ сраженіяхъ. Въ послѣдствіи, онъ началъ писать стихи и наконецъ вступилъ трагическимъ актёромъ на сцену. Знаменитый Сенваль давалъ ему уроки въ декламации, Тальма былъ его другомъ. Жоанни превосходно игралъ въ трагедіяхъ роли героевъ.

— Извѣстный французскій водевильистъ Дюпень получилъ недавно орденъ почетнаго легіона за многочисленные свои драматическія произведенія. Онъ написалъ двѣ большія комедіи для Перваго Французскаго Театра, которыя выдержали слишкомъ по 100 представленій, вмѣстѣ съ Скрибомъ сочинилъ онъ 60 пьесъ, 25 написалъ одинъ и 100 съ другими сотрудиниками.

— На Придворномъ Театрѣ въ Гагѣ давали съ большимъ успѣхомъ новую оперу подъ названіемъ: «Der Slave des Sautoens», музыку которой написалъ принцъ Оранскій, сынъ короля. Извѣстно, что принцъ Альбертъ, наследный принцъ ганноверскій, герцогъ Кобургскій, князь Гогенцоллерн-Гехингенъ

также занимаются музыкальными композициями.

— На парижскомъ театрѣ Одеон играли на дняхъ съ успѣхомъ новую пятиактную драму подъ названіемъ: «Echec et Mat», которой содержаніе рассказано выше, въ Театральной Лѣтописи. — Эту пьесу сочинилъ молодой писатель, племянникъ г. Бокажа, директора Одеона. Директоръ, для вѣщаго успѣха новой пьесы, послалъ четыре акта драмы для просмотрѣнія Александру Дюма. Черезъ два дня послѣ того, Дюма возвратилъ поправленные два акта Бокажу съ запискою, что за такую работу слѣдуетъ ему заплатить 1,500 франковъ. Бокажъ съ кислою гримасою заплатилъ по счету. Послѣ того Дюма еще возвратилъ два акта, тоже съ счетомъ въ 1,500 франковъ. Второе требованіе такъ разсердило директора, что онъ хотя и заплатилъ еще 1,500 франковъ, но уже не хотѣлъ послать пятаго акта пьесы. Въ слѣдствіе этого, публика замѣтила, что пятый актъ драмы гораздо слабѣ первыхъ четырехъ. «On voit bien, говорятъ артисты Одеона, que M. Dumas n'a pas pasé par là.»

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

— На дняхъ открыта въ Вѣнѣ колоссальная бронзовая статуя австрійскаго императора Франца I-го. Она вѣситъ 37 000 миланскихъ фунтовъ и моделирована знаменитымъ ваятелемъ Мирчеви, а вылита изъ бронзы Вискарди. Монархъ представленъ въ богатой тогѣ съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ, правая рука приподнята, лѣвая держитъ скиптръ. По увѣренію знатоковъ, статуя Франца — одно изъ превосходѣйшихъ произведеній новейшей скульптуры.

— Брюссельскій книгопродавецъ Лакрессъ издаетъ коллекцію рисунковъ съ знаменитой рафаэлевой логии Ватикана, гравированныхъ фламандскимъ гравёромъ Мёльмесчеромъ подъ наблюденіемъ знаменитаго гравёра Ка-

ланаты, находящагося въ Парижѣ. Баронъ Рейншенбергъ, директоръ королевской библіотеки въ Брюсселѣ, составляетъ объяснительный текстъ для означенныхъ гравюръ.

— Въ Парижѣ, подъ предѣлательствомъ герцога немурскаго, составилось общество для поощренія ремесленниковъ къ работѣ. Члены состоятъ болѣею частью изъ богатыхъ мастеровъ всѣхъ ремесленныхъ цеховъ. Ремесленниковъ, особенно отличающихся нравственностію, прилежаніемъ и искусствомъ въ работахъ, общество награждаетъ золотыми, серебряными и бронзовыми медалями. Для присужденія премій назначены особые присяжные, jury. Капиталъ новаго общества состоитъ изъ 6,000 франковъ.

— Въ Парижѣ на рѣкѣ Сена стоитъ огромное желѣзное судно для полосканія и мытья бѣлья, теплое и закрытое отъ вѣтровъ и непогоды. Въ этомъ помѣщеніи находится два бассейна, въ которые протекаетъ безпрестанно чистая рѣчная вода; 200 прачекъ могутъ гутъ свободно мыть и полоскать бѣлье. Подлѣ прачешной, по нововозобрѣтенной методѣ, устроена сушильня, въ которой сохнетъ мокрое бѣлье въ продолженіи пяти минутъ.

— Шведскій повѣренный въ дѣлахъ во Флоренціи, г. Бергманъ, отыскавъ въ библіотекѣ маркиза Аццоллини множество собственноручныхъ писемъ шведской королевы Христины, съ которыхъ снявъ копіи послалъ въ Стокгольмъ. Христина отозвала по духовному завѣщанію все свое движимое имущество кардиналу Аццоллини, предку маркиза.

— Въ ботаническомъ саду въ Кью (Kew) въ Англіи построена обширѣйшая чугунная оранжерея для тропическихъ растений. Она имѣетъ въ длину 137 ф., въ ширину 100, а въ выпину 61. Сколько намъ извѣстно, это самое огромное зданіе въ Европѣ, на сооруженіе котораго не употреблено ни одного куска дерева. Оранжерея отличается самымъ изящнымъ фасадомъ.

— Въ Гултѣ дирекція желѣзной дороги намѣрена для комфорта своихъ пассажировъ устроить особый вагонъ для помѣщенія въ немъ подвижнаго café-restaurant, который будетъ находиться въ хвостѣ поѣзда. Каждый пассажиръ, дернувъ за проведенный шнурокъ къ звонку въ café-restaurant, можетъ потребовать, что ему угодно для своего продовольствія: служители кофейни могутъ свободно проходить во все вагоны.

— Французскіе рыбаки наловили по своимъ морскимъ берегамъ до 8 милліоновъ устрицъ въ нынѣшнюю весну; но на устричныхъ банкахъ еще есть въ запасѣ до 40 милліоновъ устрицъ, которыя ожидаютъ покупателей.

— 27 мая было въ Тидвилѣ, въ Англіи, торжество введенія въ употребленіе первыхъ паровозовъ за 40 лѣтъ предъ симъ. Въ 1806 году, инженеръ-механикъ Треветникъ (Trewethick) соорудилъ первый удивительную машину, дѣйствующую паромъ, которая начала перевозить сама-собою огромное количество каменнаго угля изъ угольныхъ копей въ гавань для нагрузки кораблей. Спустя послѣ того 9 лѣтъ, паровозы уже начали развѣзать по желѣзнымъ дорогамъ и возить пассажировъ.

— Въ Брюссельскомъ Музеумѣ сохраняется древняя египетская мумія, на саркофагѣ которой изображенъ магнитизёръ и сомнамбулъ; следовательно, леченіе посредствомъ магнетизма извѣстно уже было древнимъ Египтянамъ.

— Въ Бордо живетъ въ нищетѣ женщина по имени Катерина Ромеръ, которая нюхала порохъ не меньше самаго храбраго генерала. Она родилась въ Кольмарѣ, въ 1782 году, отъ гарнизоннаго сержанта и маркитантши. Потомъ 17-ти лѣтъ сама слѣзлась полковою маркитантшею и вышла за мужъ въ 1802 году за тамбур-мажора Жиро, была при осадѣ Сарагоссы, а въ ваграмскомъ сраженіи получила рану въ бокъ шкочю, находилась при занятіи

Вѣны Французами, также въ сраженіяхъ при Улогау, Люцентъ и Ваушофѣ. Въ Испаніи, при занятіи Героны, французская amazonка съ ружьемъ въ рукахъ дралась храбро съ испрітелемъ, какъ старый гренадеръ. Она также была съ войсками въ Россіи и съ первою дивизіею наполеоновской гвардіи переплыла счастливо Березинну. По отреченіи Наполеона, Катерина Ромеръ послѣдовала съ своимъ мужемъ на островъ Эльбу. Въ 1823 году, она была опять въ испанскомъ походѣ, гдѣ убили мужа ея Жиро. Въ 1825 году, она вышла за мужъ за сержанта саперовъ, пошла съ нимъ въ Алжиръ и находилась при осадѣ Маскары, Орана и Константины. Тамъ убили втораго ея мужа и сына, да и сама она была рана пулею въ ногу. Съ того времени она кончила свое военное поприще и поселилась въ Бордо.

— Высочайшею башнею въ Европѣ почитается колокольня Ульмскаго Собора, которая вышиною 452 парижскіе фута., страсбургская 440 фута., св. Стефана въ Вѣнѣ 415; Церковь св. Петра въ Римѣ 405; Флорентійскій Соборъ 361; Церковь св. Павла въ Лондонѣ 326; Колокольня св. Марья въ Венеціи 308; Колокольня Маріинской Церкви въ Берлинѣ 286; Собора Парижской Богородицы (Notre Dame) 225 футовъ.

— Въ послѣднемъ зазданіи Лондонскаго Общества Азіятскихъ Древностей, читано было изъ Пенджаба письмо сэра Клод-Уада о географіи Пенджаба: тамъ, между прочими рѣчками, находится, на озерѣ Равальпурѣ, семь плавающихъ острововъ, которые Индусами почитаются за предметъ священный. Каждый годъ тысячи пилигримовъ приходятъ на берега означеннаго озера и кидаютъ на плывучіе острова равнаго рода жертвы. Острова, замѣтивъ на берегу кучи народа, приближаются къ матеріку, чтобъ принять подарки богомольцевъ. Вѣроятно, индійскіе брашьяны употребляютъ какія-нибудь искусственныя

средства, чтобы эти острова приближались къ берегу.

— Трудно найти другой городок въ Европѣ, въ которомъ бы, сравнительно съ его величиною, было столько учебныхъ заведеній, какъ въ Готѣ. Въ этихъ германскихъ Лейпахъ находится гимназія, реальная гимназія, семинарія педагогическая, семинарная школа, четыре народныхъ школы, гарнизонная школа, одинъ мужской пансіонъ и семь женскихъ, воскресная школа для ремесленниковъ, школа для образованія женской домашней прислуги, двадцѣтскіе приюта и школа для торговыхъ приказчиковъ.

— Во Франціи 40,467 учителей, изъ которыхъ 7661 занимаются преподаваніемъ наукъ въ частныхъ домахъ, и 32,806 обучаютъ въ народныхъ школахъ. Учителя втораго разряда получаютъ отъ правительства отъ 250 до 300 фран. годоваго жалованья. Кромѣ жалованья, народные педагоги получаютъ съ учениковъ особую мѣсячную плату, но выстъ съ жалованьемъ доходовъ составляетъ среднимъ числомъ не болѣе 707 фран.

— Изъ многолѣтнихъ наблюденій повивальныхъ бабокъ и акушеровъ въ Европѣ оказывается, что всегда на двадцать дѣвушекъ родится двадцать одинъ мальчикъ. Изъ этого слѣдуетъ, что одинъ мальчикъ долженъ, за недостаткомъ невѣсты, вырасти, возмужать и умереть холостякомъ.

— Тіара или тройная корона, возлагаемая на главу папы при его возшествіи на престолъ, подарена была Наполеономъ папѣ Пію VII. Эта золотая корона подбита бѣлымъ бархатомъ, и тройной вѣнецъ ея украшенъ сафирами, смарагдами, рубинами, жемчугомъ и осыпанъ брилліантами. Верхушка тіары красуется большимъ смарагдомъ, на которомъ красуется брилліантовый крестъ. Тіара цѣнится въ 80,000 римскихъ талеровъ, или 200,000 австрійскихъ гульденовъ. Последній папа, Григорій XVI, сдѣлалъ на свой счетъ также богатую тіару, которая, выстъ съ прочими папскими регалиями и мит-

рами, хранится въ Замкѣ св.-Ангела. После коронаціи папы, всѣ такія драгоценности отсылаются для храненія въ означенную крѣпость.

— На послѣдней цвѣточной выставкѣ въ Парижѣ, камеліи одержали верхъ надъ всѣми другими цвѣтами. Собраніе равнаго рода камелій аббата Берлеза было куплено на выставкѣ за 30,000 фран. Цвѣтокъ, называемый Preniland, выращенный г. Сунье, возбуждалъ всеобщее вниманіе посѣтителей. Садовникъ Саломона Ротшильда получилъ первый призъ за превосходные цвѣты азалеи и рододендроны, а второй призъ достался виртембергскому графу Шейпергу, также за камеліи.

— Китай, снабжая всю Европу чаемъ, скоро будетъ высылать къ намъ особый родъ желтаго табака, называемого дамскимъ. Известно, что въ Китаѣ женщины курятъ табакъ повсемѣстно: и такъ можно надѣяться, что со временемъ желтый дамскій табакъ сдѣлается столь же выгоднымъ предметомъ торговли въ Европѣ, какъ и чай.

— Какой-то спекулянтъ въ Берлинѣ выдумалъ отпускать напрокатъ трубки съ табакомъ и теперь изъ курильщиковъ набираетъ для себя подписчиковъ. Онъ обзавается за 15 серебряныхъ грошей посылать на домъ курильщику каждый день трубку, набитую лучшимъ табакомъ, а за 3 талера въ мѣсяцъ девять трубокъ ежедневно. Трубки и чубуки всѣ новые, и каждый подписчикъ можетъ свою трубку замѣнить особымъ знакомъ, чтобы не случилось подмѣны. Выдумщикъ старается опять пустить въ моду трубки, которыхъ чуть совсѣмъ не уничтожили сигары.

— Эднбургское Человѣколюбивое Общество (Society of Humanity) наградило почетнымъ ошейникомъ ньюфаундленскую собаку, которая вытащила изъ рѣки утопанную женщину. Эта собака называется Бессъ и принадлежитъ г-ну Граунтову.

— Въ Парижѣ многія дамы, разумѣется изъ конетства, спрашивали

Ибрагима-Пашу, сколько платят за платили бы за них на александрийском базарѣ невольницъ. Сперва Ибрагимъ называлъ ихъ такую цѣну, которой онѣ дѣйствительно стоили. Но малоцѣнныя дамы обижаются отъ дешевой таксы простосердечнаго Египтянина. Наконецъ, паша догадался, что Француженки такъ же любятъ лести, какъ и египетскія женщины, а потому на вопросъ одной дамы сказалъ: «У насъ, сударыня, тѣло красавицы цѣнится по вѣсу, а глаза ея каратами; и такъ, ваши прелестныя очи стоють двухъ брилліантовъ той же величины». — Дворецъ *Elisée-Bourbon*, въ которомъ жилъ Ибрагимъ, осаждали портретныя живописцы, чтобъ снять съ него вѣрный портретъ, но паша не хотѣлъ и слышать ихъ предложенія, вѣроятно потому, что Алькоранъ запрещаетъ Османлисамъ снимать съ себя портреты. Одна знаменитая портретистка, г-жа Мирбель, обратила на себя особенное вниманіе паши, и онъ, вопреки Алькорану, далъ ей нѣсколько сеансовъ. Прелестный мнѣшатюрный портретъ Ибрагима, осыпанный алмазами, работы г-жа Мирбель, былъ подаренъ пашею французскому королю. Съ знаменитаго Египтянина также выдѣлалъ очень-похожую статуэтку извѣстный скульпторъ Давтанъ.

— Чарльзъ Диккинсъ, какъ извѣстно, счтается нынѣ первымъ романистомъ въ Англіи. Лондонскіе книгопродавцы платятъ ему за маленькіе романы по 5,000 фунтовъ стерлинговъ. За послѣдній его романъ *Убийца* заплатили ему 10,000 фунтовъ. Итакъ, Эжень Сю далеко отсталъ отъ Диккинса въ платѣ, получаемой имъ за литературныя труды.

— Въ Лейпцигѣ, у типографшица Брейткофа, печатается первая и единственная газета на болгарскомъ нарѣчій, подъ названіемъ *Булгарскій Орелъ*, подъ редакцію какого-то г. Андреева. Эта газета назначена для распространенія просвѣщенія между Бугарами. Г. Поповичъ, издатель сербской газеты въ Бѣлградѣ, очень хвалитъ «Бул-

гарскаго Орла», изъ котораго нѣсколько отрывковъ онъ уже нанечаталъ въ своей газетѣ.

— Парижская газета *l'Époque*, огромнѣйшая изъ всѣхъ французскихъ газетъ, издается въ духѣ министерскомъ, подобно *Journal des Débats* и *la Presse*. Сначала, редакція «Эпохи» состояла изъ гг. Гранье де-Кассаньяка, Солара и Богена; въ-послѣдствіи присоединилъ къ ней баронъ Ламберъ, которому очень-хорошо извѣстна финансовая часть Франціи. Главный редакторъ пишетъ свои статьи, «*premier Paris*», у себя дома и посылаетъ ихъ въ контору журнала, въ которой занимаются другіе редакторы, получающіе помѣсячно жалованье. Войдите изъ любопытства въ контору «Эпохи» въ два часа пополудни: тамъ вы обыкновенно найдете г. Шеле де-Граншанъ, который наполняетъ журналъ иностранными политическими извѣстіями. Красивый мужчина съ черною бородою, одѣтый въ бурнусъ, называется Артуръ Белито де-Бень: ему поручено составленіе статей объ Азіи. Г. Лефевръ, молодой человекъ, заведываетъ коммерціею; онъ приходитъ въ редакцію аккуратно въ 3 часа. Статьи «*fait Paris*» и «*Journal de l'enseignement*» поручены одному старому профессору, который также составляетъ отдѣленіе журнала подъ названіемъ «*Emploi de la journée*», и программы театровъ, подъ которыми не должно разумѣть простыя театральныя афиши, но нѣчто въ родѣ извѣстнаго театральнаго журнала «*l'Entracte*». Каждый частный редакторъ имѣетъ свои статьи въ готовности и ожидаетъ только прихода въ контору г-на Верньо, молодого человека, высокаго роста, черноволосаго, на которомъ лежитъ большею частію вся отвѣтственность редакціи; онъ главный составитель газеты, т. е. *redacteur en chef*. Верньо принимаетъ рукописи отъ всѣхъ сотрудниковъ «Эпохи», выбираетъ матеріалы для наполненія столбцовъ, назначаетъ статьи и объѣмъ, прочитываетъ множество иностранныхъ газетъ утреннихъ и вечернихъ, переви-

ску всѣхъ журнальныхъ корреспондентовъ и особенно наблюдаетъ, чтобъ не пропустить важнѣйшихъ извѣстій, и чтобъ въ газету не вошли статьи, противныя духу редакціи. Онъ также читаетъ послѣднюю корректуру листа. Словомъ, Верный—настоящій журнальный каторжникъ: онъ каждый Божій день работаетъ въ редакціи отъ 3 ча-

совъ пополуиди до 3-хъ ночи, потомъ идетъ домой и спитъ до втораго часа пополуиди. Ужасное занятіе, которое отчуждаетъ человека отъ всѣхъ обществъ: онъ не видитъ солнца и зелени и можетъ только прогуляться часокъ по пустымъ улицамъ Парижа, отправляясь на свой ночлегъ.

М О Д Ы.

Насилу мы дождались лѣта. Петербургскія дамы, вѣроятно, были въ отчаяніи, что до-сихъ-поръ не могли надѣть свои новые лѣтніе костюмы; но зато теперь каждая торопится носить ихъ, потому что времени для лѣтнихъ костюмовъ остается уже мало.

Вотъ чудесный нарядъ, который мы видѣли на одномъ балѣ. Платье изъ бѣлаго тарлатана съ греческимъ лифомъ, т. е. сборчатымъ напереди, внизу и немного на плечахъ; эти сборки на плечахъ перехвачены большими застѣжками изъ рубина; рукава очень-коротенькіе и безъ всякихъ украшеній; на рукахъ браслеты изъ такихъ же камней, какъ застѣжки у лифа; на головѣ три большіе розана. Точно такіе же цвѣты прищиплены на груди.

Также очень-мило платье изъ голубаго газа съ разрѣвами на бокахъ, которые обшиты бѣлыми маргаритками; точно такіе же цвѣты на рукавахъ и на головѣ.

Еще лучше платье изъ самаго свѣтло-зеленаго крепа, подобранное внизу съ двухъ сторонъ букетами розановъ; розаны на головѣ и на лифѣ.

Почти каждая дама на балѣ держитъ въ рукахъ вѣеръ, испанской или китайской, или какой-нибудь другой формы.

Для гулянья въ жаркій день со-

тветуемъ сдѣлать пеньюаръ, который очень-красивъ, покоенъ и кокетливъ. Нижняя юбка изъ тисвѣной кисеи съ античнымъ рисункомъ, обыкновенной длины, обшитая кружевами; верхняя юбка, или, лучше сказать, пеньюаръ, открытый напереди и весь кругомъ обшитый широкимъ воланомъ; но пеньюаръ долженъ быть гораздо-короче нижней юбки. Наверху небольшой воротничекъ, въ который вдернута лента; эта лента оканчивается бантомъ напереди; рукава широкіе, но не длинныя; подобно какъ въ воротничкѣ, въ нихъ продернута лента.

Шляпки удивительно-хороши изъ бѣлаго крепа съ зеленымъ, розовымъ или какимъ-нибудь другимъ подбоемъ. Крепъ чрезвычайно-прозраченъ, и потому цвѣтъ подбоя мѣшается съ цвѣтомъ шляпки — отливъ превосходный. Такія шляпки убираются какъ-можно-менѣе лентами, но болѣе всего цвѣтами, и то небольшими букетомъ, и перьями марабу. Поля почти-всегда обшиваются аграмантомъ. Соломенные шляпки также подбиваются разноцвѣтною матеріею розовою, зеленою, но болѣе всего пунцовою.

Буки по прежнему въ модѣ, не смотря на то, что лѣто уже началось. Впрочемъ, наше лѣто такъ коротко и такъ

не жарко, что имъ необходимо оо-
тавливать эту чудесную прическу.

ся, если имътъ платья не розовый, или
голубой, но какой-нибудь тѣмный.

Ботинки для гулянья дѣлаются оди-
накого имъта съ платьемъ,—разумѣет-

ся. Мантильи и визиты все тѣ же, равно
какъ и шарфы.

БИОГРАФІИ ЗНАМЕНИТЫХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

АЛЬФРЕДЪ ДЕ-ВИНЬИ.

Я твердо вѣрю, что какое-то неизрѣченное призваніе ниспослано мнѣ свыше, вѣрю по причинѣ безграничнаго состраданія, которое внушаютъ мнѣ люди, спутники мои въ юдоли бѣдствій, — также по причинѣ ощущаемаго мною пламеннаго желанія протягивать имъ руку и пестовать ихъ непрерывно словами сочувствія и любви.

С т а л л о .

За Елисейскими-Полями, въ одной изъ спокойнѣйшихъ улицъ Парижа, стоитъ домъ скромной наружности, къ которому разъ въ недѣлю направляется веселая фаланга молодыхъ и старыхъ, знаменитыхъ и безвѣстныхъ литераторовъ и артистовъ. Домъ этотъ обитаемъ самымъ граціознымъ, самымъ дѣвственнымъ изъ поэтовъ Франціи. Этотъ мыслитель съ широкимъ челомъ, съ кроткою рѣчью въ устахъ, съ благороднымъ и меланхолическимъ взглядомъ, погруженный въ самосозерцаніе, размышленіе и удивленіе, графъ Альфредъ де-Виньи.

Никто изъ осѣненныхъ даромъ поэзіи (говорить одинъ изъ его биографовъ) не служилъ музѣ своей съ чувствомъ болѣе-пламеннымъ, болѣе-чистымъ. Нашъ поэтъ не влачилъ музы своей по стогнамъ, *pour l'atteler hurlante au char des factions*, онъ не искажалъ ея, чтобъ бросить въ сѣдѣ для утоленія ежедневной алчбы; не вынуждалъ ея производить, и никогда не исторгалъ у нея силою холодныхъ восторговъ и бесплодныхъ ласкъ. Тѣмъ-

Т. XLVII. — Стл. VIII.

менѣ онъ не отвращалъ ея отъ настоящаго затѣмъ, чтобъ заключить ее въ ребяческое и эгоистическое созерцаніе. Онъ показалъ ей жизнь, но съ возвышенной точки, не желая, чтобъ муза запятовала о землю свои бѣлыя одежды. Онъ сказалъ ей: сложи слухъ свой къ тысячѣ отголосковъ вселившей и воспроизведи ихъ въ мелодической пѣснѣ, — и голосъ музы, сладостный и печальный, отозвался въ сердцахъ поэта, и пѣснь поэта раздалась такъ же печально, но она дышала печалью кроткою, спокойною, подобаясь отдаленному звуку, который становится чище, проходя черезъ двойное эхо.

Рискуеть ошибиться тотъ, кто захотѣлъ бы построить біографію де-Виньи при пособіи его книгъ, или выпытать у его жизни тайну мрачнаго колорита, составляющаго основу и прелесть его вдохновеній. Способность страдать въ другихъ—преимущество прекрасныхъ душъ и неисчерпаемый источникъ поэзіи. Въ твореніяхъ де-Виньи видно, что тотъ, кто такъ хорошо повялъ тяжкія лишенія поэта и скрытыя мученія воина, усвоилъ себѣ съ любовію чужія страданія; что онъ проходилъ воприще жизни болѣе какъ зритель, нежели какъ дѣйствующее лицо; но то былъ зритель внимательный, доступный всѣмъ впечатлѣніямъ, безмолвный, съ пламенною любовію къ ближнему, любившій страданіе такъ, какъ другіе любятъ радость, преданный душою и тѣломъ этому страданію, которое онъ изслѣдывалъ во всѣхъ его изгибахъ, наконецъ зритель, извлекавшій уже въ молодости своей, какъ говоритъ онъ самъ, изъ всего себѣ пользу для будущаго.

Графъ Альфредъ де-Виньи принадлежить къ старинному воинственному роду Беосской Провинціи; отецъ его, кавалерійскій офицеръ при Лудовикѣ XV и Лудовикѣ XVI, женился въ Турени на дочери адмирала Бародена, и въ прелестномъ городкѣ Лощъ (*Loches*) родился поэтъ, 27 марта 1799 года. Младенчество его протекло въ замкѣ Тронше, въ Беосской Провинціи.

Едва изъ колыбели, онъ былъ уже серьёзенъ и внимателенъ: «я всегда любилъ слушать», говорилъ онъ позже: «и когда былъ еще дитятей, рано пристрастился къ этому, сидя по обыкновенію на неравенныхъ колѣняхъ моего престарѣлаго отца; онъ показывалъ мнѣ войну въ своихъ ранахъ, войну на пергаментѣхъ и гербѣхъ своихъ предковъ, войну на огромныхъ портретахъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ стариннаго замка. Я смотрѣлъ на дворянство, какъ на огромное семейство наслѣдственныхъ воиновъ, и только о томъ и мечталъ, когда выросу, чтобъ сдѣлаться солдатомъ».

Къ исходу временъ имперіи, молодой Альфредъ де-Виньи былъ посланъ въ Парижъ и отданъ въ лицей. Здѣсь еще разъ предоставимъ говорить ему самому. «Я былъ» говорить онъ: «равнѣннѣйшимъ ученикомъ. Война стояла у насъ въ лицѣхъ; барабаны заглушали въ нашихъ ушахъ голосъ учителей, а таинственный голосъ книгъ говорилъ намъ холоднымъ и педантскимъ языкомъ. Догаряемы и тропы были въ нашихъ глазахъ только ступенями къ достиженію звѣзды почетнаго-легиона, прекраснѣйшей изъ небесныхъ звѣздъ для дѣтей...»

Молодой человекъ не долго оставался въ пансіонѣ; его семейство, испугавное этою пламенною страстью къ войнѣ въ эпоху, когда Франція начинала уже думать о покоѣ, вѣтрило его стараніямъ одного наставника и старалось, но тщетно, развлечь его отъ этой склонности; надо было наконецъ сдѣлать изъ него солдата. Между тѣмъ, наступили времена реставраціи, и едва 16-ти лѣтъ отъ-рода, молодой де-Виньи былъ опредѣленъ въ красные мушкетеры королевскаго двора. Въ этомъ качествѣ, онъ предпринялъ путешествіе въ Гентъ и сульба хотѣла, чтобъ въ-продолженіе четырнадцатилѣтней его службы это было первымъ и единственнымъ его походомъ. Въ 1816 году, по уничтоженіи полковъ красныхъ мушкетеровъ, онъ перешелъ

въ гвардейскую пѣхоту. Съ этихъ-то поръ начинается для воспостающаго юноши періодъ разочарованія; онъ мечталъ о полѣ битвы, и нашелъ Марсво-Поле; вѣсто лагеря, казарму, и парадъ вмѣсто сраженія. Будучи ребенкомъ, онъ воображалъ себѣ, какъ будетъ входить побѣдителемъ въ покоренные города; сдѣлавшись солдатомъ, онъ долженъ былъ влечить свою саблю въ ножахъ изъ гарнизона въ гарнизонъ.

Не находя въ военномъ ремеслѣ того, чего искалъ, — войны, де-Виньи обратился къ поэзіи, или лучше почувствовалъ съ-тѣхъ-поръ то, что выразилъ позже, то-есть, что онъ принялъ пламя юности за непреложное призваніе, что его карьера была невоинтѣмъ дѣломъ, что онъ внесъ въ совершенно-активную жизнь природу совершенно-созерцательную, что онъ родился поэтомъ, что онъ ошибся, сдѣлавшись солдатомъ; но, какъ бы то ни было, онъ выжидалъ еще долго, не осмѣливаясь изъ чести оставить шпагу, и боясь, чтобъ на другой день послѣ его отставки не началась кампанія. Въ 1823 году онъ перешелъ въ линейное войско, надѣясь, что ему будетъ наконецъ позволено поехать въ Испанію: но сульба отказала ему въ этой милости; единственный трофей, вывезенный имъ изъ Пиренеевъ, были дѣтъ изъ его поэзіи. *Долоридо* и *Потомъ*. Наконецъ, два года спустя послѣ своей женитьбы въ 1826 году, онъ рѣшился снать съ себя навсегда свои капитанскіе эполеты.

Тѣмъ временемъ подростилъ крылья музы, и стихи потекли изъ источника поэзіи. Въ 1822 году во всей французской арміи едва-ли нашелся бы двадцати-трехлѣтній офицеръ въ родѣ де-Виньи. Между-тѣмъ, какъ вся эта суетная, курящая, играющая, дерущаяся юность топилась въ эстампнѣ во-кругъ бильярдныхъ или въ другихъ мѣстахъ, серьёзный и задумчивый поэтъ уходилъ прогуливаться съ нѣкоторыми старыми офицерами имперіи, съ согбенною спиною, съ сѣдымъ усомъ—выслужившимися солдатами, съ шовдѣ-

ми собственного своего меча, молчаливыми и холодными, как трапписты, — в обществѣ этихъ высокообранныхъ и земечныхъ подпоручиковъ, но благосклонныхъ и разговорчивыхъ съ этими молодыми товарищемъ по оружію, который уважалъ ихъ мужественный характеръ, жадно вслушивался въ ихъ безыскусственные, но прекрасные истинною рассказами и любилъ ихъ, какъ Дездемона любила Отелло, всею величиною перенесенныхъ ими опасностей. Съ наступленіемъ вечера, де-Виньи возвращался въ свое уединенное убѣжище, раскрывалъ библію или Гомера, прочитывалъ въ полголоса отрывки изъ Андреа Шеньё, напечатанные Шатобрианомъ въ *Дуэль Христианства* (*Génie du Christianisme*); и по мѣрѣ того, какъ обожаемая имъ ночь покрывала небо, вдохновеніе исходило на душу поэта, изливалось гармоническими потоками, и онъ писалъ свои поэмы, — поэмы странныя для той эпохи, поэмы о которыхъ можно было бы сказать, что онѣ родились скорѣе подъ клубкомъ какого-нибудь молодого бенедиктинца, пламеннаго, наивнаго и мечтательнаго, нежели подъ шакомъ подпоручика. Нельзя сказать, чтобъ эти поэтическия произведенія не имѣли ни какого отношенія къ общему движенію, начавшему тогда увлекать умы на пути идеализма, нельзя сказать, чтобъ они не могли въ извѣстной степени быть связаны съ первыми вдохновеніями Ламартина и Виктора Гюго; но въ ихъ формѣ господствуетъ какой-то странный характеръ, какая-то умышленная небрежность, неопредѣленность, которая не насыщаетъ, но ижежно трогаетъ душу. За исключеніемъ нѣкоторыхъ поэмъ, каковы *Элоа*, *Моисей*, *Елена*, созданія полныя и законченныя, въ большей части произведеній де-Виньи видно, что вдохновеніе было обильно, но что поэтъ не хотѣлъ дать ему всего развитія, боясь, чтобъ оно не потеряло отъ-того своей свѣжести; это эпохею въ первоначальномъ видѣ, удивительные эскизы, но при всемъ томъ эскизы.

Слѣдствіемъ мнѣ быстрый обзоръ, по

старшинству ихъ позванія въ свѣтъ. *Симета* (*Symetha*), написанная въ 1818 году (поэтъ было тогда 16 лѣтъ), — греческая элегія въ родѣ Андреа Шеньё; это — воспоминаніе о *бывлой Неерѣ*.

Neere, ne vas pas te confier aux flots,
De peur d'être déesse, etc., etc.
сказалъ Шеньё;

Je vais mourir, hélas! Symetha s'est fiée
Aux flots profonds, l'Attique est par elle
oublée,

говорить де-Виньи; здѣсь также вѣсть античнымъ благоуханіемъ и отъ мысли и отъ формы, но это подражаніе: де-Виньи еще не самостоятеленъ; то же можно сказать о *Дриаду*, *Сомнамбулѣ* нѣкоторыхъ другихъ произведеніяхъ, написанныхъ въ эту первую эпоху жизни поэта. *Моисей* происходитъ изъ другаго источника вдохновенія. Не смотря на библейское заглавіе, Моисей — произведеніе психологическое, исполненное смѣлыхъ и глубокихъ чертъ. *Дочь Іеффа* (*La fille de Jephté*), огромная и великолѣпная сцена *Потопна*, *Блудница*, блестятъ этими обильными образами, свойственнымъ духу библіи. *Долориды* — лучшая изъ всѣхъ этихъ небольшихъ драмъ въ дѣйстви стиховъ, которыя такъ любитъ де-Виньи. *Долориды*, задуманная при подножіи Пиринеевъ, — ревнивая Испанка; мужъ обманываетъ ее, онъ у ногъ другой; она ждетъ его, онъ возвращается, чтобы прежде, чѣмъ умереть, вымолить себѣ прощеніе, потому-что онъ чувствуетъ, какое-то внутреннее пламя пожираетъ его; она безъ жалости вникаетъ ему, а онъ

Oh! parle; mon coeur fuit, quitte ce dur
langage.

Qu'un regard... Mais quel est ce blanc-
châtre breuvage

Que tu bois à longs traits et d'un air in-
sensé?

— Le reste du poison qu'hier je t'ai vér-
sé (*).

(*) Онъ говоритъ, умоляю тебя; сердце мое замираетъ; оставь эту жестокость; хоть одинъ взглядъ... Но что за блѣднѣйшій на-

Съ этою данною другіе составили бы претолстѣйшую книгу; де-Виньи написалъ прелестный мнѣяторъ, можетъ-быть неполный, потому-что переходы въ немъ отрывисты, но впрочемъ исполненный жизни и движенія, чистый, гармоническій, безукоризненный въ-отношеніи къ формѣ, за немногими исключеніями.

Въ томъ же 1823 году, написалъ де-Виньи свой поэтическій chef d'oeuvre: *Элоа*. Часто сравнивали *Элоа* съ *Мессіадою* Клопштока; но мы никакъ не можемъ повѣть, какое отношеніе между поэмою громадною, блистательною въ частяхъ, но неровною, лишеною единства и цѣлостности, исполненною мѣстами непостижимаго паэоса, и теряющеюся въ нескончаемыхъ длиннотахъ, — словомъ, между твореніемъ Клопштока и поэмою, которой не маюе достоинство состоитъ въ томъ, что она составляетъ одно цѣлое, дивно законченное въ маломъ объемѣ, произведение, выдержанное съ удивительнымъ искусствомъ отъ перваго стиха до послѣдняго, постоянно ясное и гармоническое по формѣ, постоянно логическое въ выводѣ идей, и столь счастливо соединяющее въ себѣ грацію, блескъ, теплоту и страсть. Фюсли не безъ основанія сказалъ, что первыя десять пѣсней «Мессіады» были лебединою пѣснью, а послѣднія десять — карканьемъ вѣрова. *Элоа* отъ начала до конца — лебединая пѣсня. Темнота — камень преткновенія для всѣхъ поэтическихъ произведеній, основанныхъ главнѣйше на внутреннемъ созерцаніи; и этого камня преткновенія не могъ избѣжать ни даже самъ Милтонъ. Въ-особенности этотъ недостатокъ проявляется въ описательной частн. И дѣйствительно, трудно изобразить съ ясностью то, что видишь только внутреннимъ окомъ. Человѣкъ —

ядшій ангелъ, который носитъ въ себѣ

питокъ пьешь ты такъ медленно и съ такимъ безумнымъ видомъ? — «Остатокъ яда, что я вчера подлила тебѣ.»

воспоминаніе о небѣ, сказалъ какой-то поэтъ; да; но это воспоминаніе очень смутно, какъ всякое воспоминаніе илленченскихъ гѣтъ, и когда человѣкъ говоритъ о немъ, и особенно, когда онъ берется описать его, тогда слова человѣка бываютъ часто смутны, нелогичны, несвязны, *velut aegri somnia*. Альфредъ де-Виньи вышелъ съ честью изъ этого затрудненія: описывая небо, онъ не пренебрегаетъ земными красками. *Элоа* — женщина, но женщина обожествленная. Отъ-этого де-Виньи написалъ религіозную поему, которая соединяетъ съ эпическими красотами самаго высшаго порядка весь интересъ простаго и трогательнаго разсказа.

Какъ поэтъ, творецъ поэмы «*Элоа*» стоитъ, безъ сомнѣнія, не ниже всего, что только есть во Франціи великаго въ этомъ отношеніи; и потому удивительно, что общее мнѣніе считаетъ его второстепеннымъ; ибо, надо сказать правду, стихи его далеко не такъ популярны, какъ стихи Виктора Гюгю или Ламартина; можетъ-быть, самый этотъ неуспѣхъ при вступленіи на поэтическое поприще былъ главнымъ поводомъ, обратившимъ къ прозѣ организацію очевидно — *религіозную*, если можно такъ выразиться. Эта холодность со стороны публики къ поэмамъ де-Виньи зависитъ, кажется, отъ многихъ причинъ, излагать которыя было бы слишкомъ-долго; удовольствуемся главнѣйшею изъ этихъ причинъ.

Въ 1824 году, въ эпоху появленія большей части поэмъ де-Виньи, направленіе спиритуальное и мечтательное было въ самомъ разгарѣ. Байронъ съ одной стороны и потомъ Ламартинъ породили и усилили это движеніе, но это направленіе все было исполнено индивидуализма; поэзія была задумчивая и личная; воспѣвали самихъ-себя или прямо, какъ авторъ *Méditations*, или не прямо, какъ авторъ *Чайльд-Гарольда* и въ ту самую минуту, какъ публики получала величайшій вкусъ къ этому аналитическому лиризму, къ этой поэтической психологіи, де-Виньи представилъ ей стихи, въ которыхъ самъ

поэтъ не былъ видимъ, а видна была только поэзія,—стихи, которыхъ страва и новая форма не зависѣла ни отъ кого, развѣ только отъ Шенье, и то въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ. И такъ, поэмы античныя, библейскія и новыя молодого поэта были вообще мало оцѣнены, за исключеніемъ нѣкоторыхъ избранныхъ кружковъ Парижа.

• Сев-Маръ (*Cinq-Mars*), начатый при подножіи Пиренеевъ, продолжаемый при переходахъ поэта изъ гарнизона въ гарнизонъ, пополненный съ помощью частыхъ путешествій въ Парижъ и продолжительныхъ посѣщеній королевской библіотеки, былъ изданъ въ 1826 г. Это произведеніе имѣло быстрый успѣхъ, и въ 1829 г. вышло его уже четыре изданія. Едва-ли кто могъ забыть очаровательное созданіе Маріи Гонзагъ, трогательный эпизодъ Урбана Грандье, величественную и благородную фигуру Де-Ту; легко, но вѣрно наброшенный эскизъ Анны-Австрійской, немного-преувеличенно изображенную, но прекрасную голову Сев-Мара; жалкое и слабое лицо Лудовика XIII. Сознаемся, что намъ менѣе всего нравится портретъ Ришльё; мы не слишкомъ доверяемъ этому портрету; и при этомъ случаѣ скажемъ, какимъ способомъ вообще де-Виньи поступаетъ съ исторіей. Онъ также обращается съ нею иногда очень-презрительно; онъ не преобразовываетъ ее сверху до низу, какъ дѣлаетъ часто Викторъ Гюгъ, но не довольствуется также и тѣмъ, чтобъ вырыть ее, подобно Вальтеру Скотту, во всей ея истинѣ, освѣтивъ поэзіей; онъ входитъ въ это святилище какъ человѣкъ, твердо-рѣшившійся передѣлать на свой ладъ всякую дѣйствительность, противорѣчащую его силовностямъ. Въ отличіе отъ школы фаталистовъ, Альфредъ де-Виньи проходитъ исторію съ инстинктивнымъ и сильнымъ отвращеніемъ ко всякому успѣху; онъ иногда не любитъ сильныхъ и побѣдителей; онъ любитъ слабыхъ и побѣжденных. Такое чувствованіе, до-

стойное великой души, будучи примѣнено къ созданьямъ чистой фантазіи, можетъ породить произведенія граціозныя, утѣшительныя, благодѣтельныя; но когда дѣло идетъ о воспроизведеніи исторической драмы со всѣми ея околичностями, о изображеніи фактовъ и людей, часто очень-близкихъ къ намъ, тогда, намъ кажется, нельзя позволить разсказчику употреблять во зло свое поэтическое челоуѣколюбіе и творить изъ малыхъ—великихъ и изъ великихъ—малыхъ. Первая красота всякой исторической страницы—истина; поэзія уже слѣдуетъ за нею. Въ сочиненіяхъ де-Виньи множество страницъ, которыя, кажется намъ, если не противны истинѣ, то просто невѣроятны. Такимъ-образомъ, не говоря уже о его Ришльё, на котораго онъ часто смотрѣлъ глазами Бассомпьерра и который столько же похожъ на настоящаго Ришльё, какъ и Ришльё Виктора Гюгъ, укажемъ, въ прилѣръ этого направленія все передѣлывать, украшать, умалять, и, слѣдовательно, искажать исторію, на страницу впрочемъ прекрасную по слогу и одушевленію, на которой де-Виньи разсказываетъ въ эпизодѣ капитана Рено (*Servitude et Grandeur militaires*) разговоръ между папою Пиемъ VII и Наполеономъ. Слова папы: *Commediants! tragedians!* очень эффектны въ разсказѣ, но ихъ надо было слышать, чтобъ повѣрить имъ.

То же можно сказать о многихъ сценахъ изъ эпизода Шенье въ *Стелло*, и въ особенности о сценѣ, происходящей у Робеспьерра. Назави Богъ, чтобъ мы хотѣли слѣлать изъ гг. триумфировъ гигантовъ: мы охотно допускаемъ, что убивать, чтобъ не быть убитымъ, было основаніемъ тогдашней политической науки; но этихъ людей, которымъ сознаніе ихъ собственнаго положенія должно было насильно придать нѣкоторое величіе, де-Виньи изображаетъ такими ничтожными, такими смѣшными, такими нелѣпыми, что по-истинѣ, если повѣрить поэту, то не будешь знать, какъ назвать ту націю,

которая допустила водить и истреблять себя-самою такимъ-глупымъ изверганъ!

Иногда случается, что де-Виньи, въ своемъ презрѣнн въ успѣху въ политикѣ, доводитъ до ребячества вольтерьянскую теорію *великихъ сладостей* и *малыхъ причинъ*. Напримѣръ, знаете ли почему побѣда осталась за членами Конвента въ знаменитый день девятаго термидора? казнимъ образомъ Таландъ и прочіе виспровергли кровавый триумвиратъ Робеспьера, Сен-Жюста и Кутова? Вы, можетъ-быть, приписываете этотъ важный результатъ ненависти, ищению, энергіи, возбужденной страхомъ, — всѣмъ этимъ страстямъ, ворячающимъ великими политическими событиями? Разочаруйтесь! Если судьбы Франціи измѣнились 9-го термидора, это потому, что догловяный и безстрастный канониръ Блеро (котораго портретъ, впрочемъ, прекрасно очерченъ), въ ту минуту, какъ надобно было стрѣлять изъ залы Лувра, и разсѣчь, или лучше сорвать ядромъ вопросъ, Блеро натывается колесомъ своего орудія на *забитый промтуаръ (petit tretoir usé)*, который иѣнасть ему надрвать орудія академически. Тогда онъ ложится на свою пушку, какъ обезкураженный артистъ, тушитъ фитиль, закуриваетъ трубку, и благодаря ему, *ему одному*, Конвентъ торжествуетъ надъ общиною. И вотъ де-Виньи дѣлаетъ воззваніе въ цѣлую страну Блеро, неизвѣстному великому человѣку! Все это очень-мало, очень живописно, очень-забавно; но такъ, какъ Стелло восклицаетъ: «Да, это, должно быть, происходило такъ!» то читатель, немножко озадаченный, очень-радъ, что наша дасть на отвѣтъ *чернаго доктора*. — «Моя исторія», говоритъ раскладчикъ: — «какъ всѣ людскія рѣчи: въ вихрь правды на половину». На половину! *черный докторъ* дѣлаетъ себѣ очень-много чести. Какъ бы то ни было, но намъ кажется, что во всякомъ случаѣ опасно злоупотреблять такимъ образомъ правомъ поэта изображать историческую дѣйствительность, осо-

бенно же, когда эта дѣйствительность такъ близка къ намъ, и когда она попадаетъ подъ руку такого таланта, какъ талантъ Альфреда де-Виньи. Этотъ презрительный фатализмъ, проповѣдуемый съ такой высоты, можетъ быть опаснѣе другаго; въ обычныхъ системахъ человечество не болѣе, какъ маріонетка: только въ одной, нити этой маріонетки держитъ слызъ судьбы; въ другой — первый встрѣченный шарлатанъ. Посреди всего этого, что становится съ сознаниемъ, разумомъ, свободнымъ произволомъ?

Въ 1828 году, де-Виньи перевелъ шекспирова «Отелло», который и былъ данъ на Французскомъ-Театрѣ 25-го октября 1829 года. Но эта попытка была не слишкомъ-удачна.

Маршалльша д'Анкръ, представленная въ 1830 году, имѣла очень ограниченныя успѣхы; мы не имѣемъ иѣста разбирать этотъ трудъ. Въ 1832 году, де-Виньи выпустилъ въ свѣтъ *Стелло*; отсюда онъ ввѣлъ эпизодъ Чаттертона, передѣлавъ его для сцены, и эта пьеса представлена была въ первый разъ на Французскомъ-Театрѣ 12-го февраля 1835 года. Потомъ, де-Виньи собралъ три прелестныя повѣсти, напечатанныя нитъ въ *Revue des Deux Mondes*, въ одну книгу, вышедшую въ свѣтъ подъ заглавіемъ: *Servitude et Grandeur militaires*.

Не имѣя возможности разбирать здѣсь воѣхъ произведеній Альфреда де-Виньи, удовольствуемся сказать нѣсколько словъ о *Чаттертонѣ*.

Вотъ что говорить объ этой пьесѣ очевидецъ:

«Эта драма имѣла огромный успѣхъ, и, по моему иѣнію, она — величественное созданіе. Никогда не забуду, какой эффектъ произвела на меня эта толпа, едва переводившая дыхаііе, жадно вслушивавшаяся въ слова, произносимыя актѣрами, — толпа, которую поэтъ служилъ расшевелить, тронуть, проникнуть страстью, поработить безъ треска, безъ шума, безъ великолѣвія, безъ помощи декоратора, костюмера, машиниста — един-

• ственно вліаніемъ простаго и трогательнаго созданія, облеченнаго языкомъ самымъ чистымъ, самымъ гармоническимъ ».

• Чаттертонъ • былъ мощною реакціею въ пользу идеи, которая умирала, задушаемая этими драмами, исполненными злою, прелюбодѣліи, кинжаловъ и сценической фантазмагоріи. Чаттертонъ, подобно всему прекрасному, не обошелся безъ порицаній. Одни даже стали отыскивать досконально біографію молодаго англійскаго поэта; они доказывали де-Виньи, съ доводами въ рукахъ, что Чаттертонъ не былъ ни великъ, ни великодушенъ, ни несчастенъ; что это былъ крикливый мальчишкѣ, писака остроумный, но недобросовѣстный, низкій и злой. Что онъ жертвилъ себя не отъ нищеты, но отъ припадка гордости; изъ всего этого они заключили, что драма грѣшила въ основаніи, и потому ничего не стоила.

Такое умозаключеніе вовсе не вѣрно; не подлежитъ никакому сомнѣнію, что поэтъ не имѣетъ права брать изъ исторіи то или другое лицо, извѣстное, опредѣленное, прославившееся добромъ или зломъ, чтобъ сдѣлать себя по произволу изъ героя—труса, изъ тирана—патріарха, изъ развратницы—вѣстальку; такимъ образомъ, искаженная исторія не ведетъ ни къ чему, она глтитъ и унижаетъ народъ, позволяющій уничтожить свою славу или давать себя такіе чудовищные предметы для удивленія. Альфредъ де-Виньи въ своихъ романахъ, правда не совершенно, безукоризненъ въ этомъ отношеніи, какъ мы и сказали, говоря о его манерѣ выводить на сцену нѣкоторые историческія лица; но здѣсь обвинять де-Виньи за то, что ему вспало на мысль нарисовать голову молодую, благородную, вдохновенную и прекрасную, и надписать надъ ней имя ребенка, едина только рожденнаго къ жизни, ребенка, котораго неизвѣстны съ точностію ни нравы, ни характеръ, и котораго талантъ и смерть одни, только не подлежатъ сомнѣнію,—это значитъ

хотѣть отнять у поэта всякую свободу и приковать его къ настоящему прокрустову ложу.

Альфредъ де-Виньи не довольствовался тѣмъ, что питалъ свой геній прошедшимъ и будущимъ; онъ былъ великимъ поэтомъ, но въ то же время челоувѣкомъ своей эпохи; видѣлъ вокругъ себя множество страданій, тѣмъ болѣе ужасныхъ, что они были гордо скрываемы. Будучи солдатомъ, онъ вывнзалъ все, что таилось на сердцѣ у солдатъ; возвратясь къ гражданской жизни, онъ слышалъ, какъ говоритъ онъ самъ, *выстрѣлъ уединенныхъ пистолетовъ (le bruit des pistolets solitaires)*; онъ содрогнулся предъ отвратительнымъ врѣлищемъ переполненнаго общества, которое неблагодарно къ челоувѣку, посвящающему ему на службу и свое разумнѣе и свой трудъ,—и тогда принялся говорить громко и за война и за поэта, которыхъ онъ называлъ двумя *новѣйшими паріями*, и говорилъ объ этомъ, какъ самый пламенный, самый страстный адвокатъ, приобретающій уже въ самой важности своей роли право быть нѣсколько-пристрастнымъ.

Теперь скажемъ, существуетъ ли зло или нѣтъ? и здѣсь, оставивъ въ сторонѣ военныя виды Альфреда де-Виньи, обратимъ вниманіе только на сдѣланную имъ апологію поэта (въ предисловіи къ *Чаттертону*); эта апологія стѣсняетъ вопросъ и дѣлаетъ его неразрѣшимымъ. Альфредъ де-Виньи требуетъ, чтобъ правительство давало хлѣбъ поэту, т. е. челоувѣку, пишущему стихи, котораго, по его словамъ, не должно смѣшивать ни съ *литераторомъ*, всегда выпутывающимся изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, ни съ настоящимъ *писателемъ*, который силенъ уже самъ-по-себѣ и не имѣетъ нужды въ состраданіи. Представляется первое затрудненіе; во-первыхъ, почти всѣ начинаютъ тѣмъ, что пишутъ стихи, дурные или хорошіе, и потому правительство должно заняться различіемъ дурныхъ и хорошихъ стиховъ. Къ-тому же, по каждому признаку отличить въ зародышѣ того, кого де-

Виньи навываетъ истиннымъ поэтомъ? здѣсь де - Виньи даетъ намъ какъ образчикъ, какъ терминъ сравненія, *Оду молодой пльниці* (*Ode à la jeune captive*). По истинѣ, если правительство обязано давать пенсіоны на содержаніе однимъ только настоящимъ или будущимъ *Андреамъ Шендэ*, то издержки его по этой части не будутъ обременительны. Сверхъ-того, Альфредъ де-Виньи говоритъ: «Но не-уже-ли вы думаете, что поэтъ вещь очень обыкновенная? Знаете ли вы, что всякая нація почтетъ себя счастливою и будетъ гордиться, имѣя да-же двухъ поэтовъ въ-теченіе десяти вѣковъ?» Два въ десяти вѣковъ! отвѣтитъ общество; но въ такомъ случаѣ, къ чему же платить такъ дорого за столько безплодныхъ опытовъ?

Намъ кажется, что поэтъ много бы выигралъ въ этомъ произведеніи, еслибъ развилъ предметъ свой шире и съ болѣе - высшей точнн вѣрнн. Во Франціи теперь ежегодно выходитъ изъ всѣхъ коллегій по-крайней-мѣрѣ до десяти тысячъ людей, получающихъ званіе *bacheliers ès-lettres*; многіе и многіе изъ нихъ не будутъ ни адвокатами, ни медиками, ни купцами, ни чиновниками, ни ремесленниками, ни земледѣльцами, а поступятъ въ ряды пишущей братіи, которая возрастаетъ со дня-на-день въ ужасающей прогрессіи: все это, по-большей-части, народъ очень и очень бѣдный, съ дарованіями часто посредственными, изрѣдка необыкновенными, но всегда съ огромнымъ запасомъ честолюбія. Болѣе-сильные или болѣе-счастливые изъ нихъ пристроятся какъ-нибудь въ литературѣ или въ журналистикѣ, но слабѣйшіе... что будетъ съ ними? «Что намъ за дѣло до слабыхъ?» говорятъ нѣкоторые экономисты: «они пристроятся какъ сумѣютъ; общество обязано дать имъ только свободный доступъ на конкурсъ жизни и ничего болѣе; жизнь — битва; *jure побѣжденнымъ!*...»

✱

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ РУССКАГО НА ВОСТОКЪ.

I.

Распоряженія Мехмеда-Али по гаремной части въ послѣднее время.

Въ Каирѣ у Мехмеда-Али два мѣсто-пребыванія: въ цитадели, внутри города, гдѣ его дворецъ, украшенный истинно по-царски, и въ Шубрѣ, на лачѣ, верстахъ въ пяти отъ Каира. Нататы его здѣсь, по простотѣ убранства, приличнѣе назвать не дворцомъ, а загороднымъ домомъ; но за то салъ шубринскій изукрашенъ и содержится во всевозможной чистотѣ и порядкѣ. Къ-сожалѣнію, прамыя, стриженныя, французскія аллеи даютъ ему видъ однообразія; но оно выкупается двумя замѣчательными кіосками, свидѣтельствующими о восточномъ вкусѣ и неблѣстительности сибарита-хозяина, но мыслямъ котораго Европеецъ-архитекторъ ихъ воздвигнулъ.

Одинъ изъ нихъ возвышается на довольно-высокомъ насыпномъ холмѣ, къ которому путь идетъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ по землянымъ узкимъ, покатымъ насыпямъ, такъ-что кіоскъ этотъ съ боковъ получаетъ видъ нашихъ ледяныхъ горъ съ двумя въ обѣ стороны спусками. Спуски, холмъ и самый кіоскъ густо одѣты цвѣтами и самою роскошною зеленью; внутренность кіоска убрана самымъ комфортабельнымъ образомъ и весь салъ съ своими пересѣкающимися въ равныхъ направленіяхъ аллеями представляется оттуда открытымъ, какъ на ладони. Другой кіоскъ — каменный, чисто отдѣланный, саженей въ двадцать, квадратный дворъ, помѣщается, съ однимъ входомъ и съ немногими окнами въ угловыхъ, нѣсколько выдавшихся наружу, зданіяхъ, которыя представляютъ четыре отдѣльныя просторныя комнаты, убранныя со всею роскошью и изысканностью Востока; золото и

шарча, мраморъ и ковры разсыпаны здѣсь щедрою рукою. Изъ этихъ четырехъ комнатъ двери во внутрь выходятъ на широкую, идущую вокругъ по всѣмъ четыремъ стѣнамъ крытую галерею, съ мраморными полами и мѣдными по стѣнамъ трубочками, для газоваго освѣщенія по вечерамъ. Тотчасъ за галереями во внутрь двора, квадратный, подъ открытыиъ небомъ, бассейнъ, выложенный мраморомъ со всѣмъ искусствомъ и тщательностью; съ боковъ идутъ въ него лѣсенки, а въ углахъ устроены красивые фонтаны. Наконецъ, въ центрѣ, мраморный квадратный островокъ, отдѣленный съ большимъ вкусомъ, съ грифонами по сторонамъ, бьющими фонтаномъ воду, и съ площадкою наверху для музыки и пѣвицъ, для цвѣтовъ и освѣщенія. Здѣсь-то, рассказываютъ, владыка Египта любилъ проводить вечерніе часы во время пребыванія своего въ Каирѣ. Здѣсь-то онъ, возлежа на бархатныхъ коврахъ и утопая въ дыму каальяна, любилъ смотрѣть на стаю своихъ одалыкъ, купавшихся въ бассейнѣ, — любовался ихъ играми въ водѣ при яркомъ газовомъ освѣщеніи, при шумѣ фонтановъ, при буйной музыкѣ, пѣньи и пляскѣ невольницъ.

Но кіоскъ этотъ теперь уже не бываетъ свидѣтелемъ подобныхъ праздниковъ египетскаго сатрапа. Уже нѣсколько лѣтъ старый паша остылъ къ гарему, забылъ своихъ одалыкъ, простился съ удовольствіями подобнаго рода!.. Вы сомнительно улыбаетесь, почтенный мой читатель?.. Но читайте дальше, и я вамъ расскажу, какъ это было.

Въ одной изъ моихъ статей, вы, вѣроятно, помните, какъ доктора убѣдили Мехмеда-Али отстать отъ вина, которое онъ порядкомъ пилъ въ свое время. Старикъ согласился, что напитокъ этотъ весьма вредилъ и его здоровью, в его репутаціи въ глазахъ Европейцевъ. Хотя и не тотчасъ, но онъ превозмогъ себя, оставилъ вино, и теперь подаютъ ему одно лишь старое бордо, ко-

торое весьма-уверенно и пополамъ съ водою пьетъ онъ только за обѣдомъ.

Одержавъ такую побѣду надъ нашою, доктора приступили къ новому завоеванію — убѣдить его оставить гаремъ... Турка оставить гаремъ!.. Слышанное ли это дѣло?.. Да это ему все равно, что разстаться съ лучшими отрами, лучшими наслажденіями и всѣми мечтами жизни, — все равно, что почти заживо готовить себя къ могилѣ, что половину себя закопать въ землю!.. Но очень-замѣтно было, что гаремныя удовольствія слишкомъ вредили здоровью престарѣлаго паша, крайне истощали его силы, и онъ самъ не могъ не замѣчать этого; а потому отклонить его отъ гарема было, противъ ожиданія, гораздо-легче, чѣмъ отъ соблазнительнаго напитка. Будучи убѣжденъ приводимыми ему доводами и чувствуя вполне справедливость ихъ на самомъ опытѣ, — онъ, безъ малѣйшаго вздоха, оставилъ гаремъ съ двумя стами молодыхъ красавицъ, въ числѣ которыхъ еще многія могли бы, вмѣстѣ съ Отанянкою Озюбишиной, смѣло и безукоризненно заплѣть на встрѣчу путника:

Прійди на тайный зовъ любви!
Прекрасна я, я перло юга,
Объятья пламенны мои,
И я еще не знала друга.

Большая часть одалыкъ покупалась для паша въ Стамбулѣ, и преимущественно изъ Черкешенокъ. Для этого и для равныхъ подобныхъ порученій, жилъ тамъ опытный въ этомъ дѣлѣ его довѣренный, не жалѣвшій на этотъ предметъ денегъ паша, облитыхъ потомъ и кровью при-нильскихъ земледѣльцевъ.

Любопытны подробности, какъ Мехмеда-Али распустилъ гаремъ свой. Вотъ краткіе рассказы, слышанные мною объ этомъ въ Каирѣ и Александріи. Когда доктора убѣдили пашу проститься съ гаремомъ, онъ, по обсужденіи этого дѣла отечески, заключилъ: оставить въ гаремѣ только женщинъ пожилыхъ и тѣхъ, которыя

дали ему дѣтей, — а всѣхъ молодыхъ женщинъ, невѣстныхъ отъ него дѣтей, или еще нераздѣлившихъ его ложа, — выдать занужь приличнымъ образомъ за людей, пользующихся вѣстнымъ значеніемъ въ свѣтѣ. Для этого онъ приказывалъ объявить по войскамъ, что полковники, майоры и адъютанты (которые считаются такъ выше капитановъ) могутъ просить себѣ жень изъ его гарема, и притомъ не только безъ установленной у мусульманъ платы за жень, но еще съ приданымъ отъ казны, смотря по достоинству жениха. Сакал-агасы, — то же, что у насъ камер-юнкеры, — изъ уваженія къ тому, что находатся при себѣ паша, хотя званіе ихъ соответствуетъ только капитанскому чину, также включены были въ число совскателей. Разумѣется, авилось много охотниковъ и въ особенности потому-что съ женой получалось важнѣйшее, подразумеваемое приданое — покровительство двора, а въ случаѣ бѣды, — къ которой всякъ такъ близокъ, — и вѣрвая выручка. Просьбы желающихъ передавались начальнику евнуховъ при гаремѣ, кизляр-агасы, на его благоусмотрѣніе и разрѣшеніе, и онъ, разумѣется, не пропускалъ этого случая, чтобъ порядкомъ набить себѣ карманъ отъ просителей назначеніемъ жень помоложе и покрасивѣе. Такимъ-образомъ, выдано въ то время занужь разомъ до двухъ-сотъ одалыкъ паша; а какъ на Востокѣ все преувеличивается, то иныя утверждали ииѣ, что число это простиралось даже до четырехъ-сотъ.

Для каждой изъ одалыкъ паша назначилъ приличное приданое, далъ каждой по двѣ невольницы и по одному евнуху, каждой купилъ по хорошему дому и его прилично убралъ. Покупка эта производилась, разумѣется, въ его духѣ, т. е., довѣренный его выбиралъ дома и назначалъ ииѣ цѣну по своему усмотрѣнію. Цѣну эту потомъ выдавали изъ казначейства хованину, хотя бы онъ и отовзался, что домъ его стоитъ втрое или вчетверо дороже, или что продавать его онъ вовсе не на-

мѣренъ. Смерть всего этого, паша тогда же назначилъ одалыкамъ своимъ пожизненные пенсіоны: вышедшимъ за полковниковъ — по пяти кисъ въ иѣ-сницъ, за майоровъ — по три, за адъютантовъ — по 800 египетскихъ піастровъ, а за сакал-агасы — по 500. Одна киса, т. е. иѣшюкъ, заключаетъ въ себѣ 500 піастровъ, а каждый египетскій піастръ соответствуетъ 22 нов. ассиг.; слѣдовательно, по этому расчету выходитъ, что полковникамъ назначено пенсіона въ иѣсницъ по 550 р. ассиг., майоршамъ — 330 р., адъютантамъ — 176 р., женамъ сакал-агасы — 110 р. ассиг. Пенсіонъ этотъ производится до-сихъ-поръ, хотя и съ проволочками, при настоящемъ крайнемъ недостаткѣ денегъ у паша. Ииѣющіе право на этотъ пенсіонъ обыкновенно получаютъ отъ казначейства таскерэ (квитанціи) о томъ, сколько оно должно ему, и эти квитанціи продаютъ, съ уступкою отъ 20 до 30 процентовъ, купцамъ, которые расплачиваются ими съ казною за покупаемые отъ паша товары.

Извѣстно, что выдаваемые за-нужь изъ гаремовъ женщины пользуются большою властію надъ мужьями, и въ домѣ уже не онъ, а она старше; иначе, она какъ-разъ найдетъ случай и предложъ обжаловать мужа своего при дворѣ, и ему ужъ конечно доставется на орѣхи. — Мужья-любители самовластья, вѣроятно, не совались съ просьбами своими о женахъ изъ гарема. Изъ нихъ замѣчу одного, нашего стараго пріятеля, назиря каврскаго военного госпиталя, Османа-Агу, съ которымъ познакомилъ я читателей въ одной изъ статей моихъ, помѣщенной въ «От. Зап.» 1844 года. Хотя чиномъ онъ былъ не болѣе, какъ капитанъ, но по личной его извѣстности правителю Египта и по прежнимъ кровавымъ заслугамъ, общали выхлопотать ему знатную жену. Однакожъ, старикъ нашъ, любя свободу и независимость въ своемъ гаремѣ, уклонился отъ этой чести, хотя и очень любить денежки.

Съ-тѣхъ-поръ, какъ паша рѣшился оставить гаремъ, ноги его такъ не бы-

ло. Однакожь, не думайте, чтобъ онъ рѣшительно и навсегда отказался отъ удовольствій этого рода. Одинъ изъ короткихъ моихъ знакомцевъ въ Каирѣ, докторъ Д., родомъ Французъ, но поселившійся тамъ, по-видимому, навсегда, и съ которымъ я часто сходился, — рассказывалъ мнѣ объ этомъ любопытныя и вмѣстѣ не всѣмъ извѣстныя подробности. Будучи жевать на уроженкѣ того края, имъ окрещенной и имѣющей въ городѣ большое знакомство, онъ знаетъ эти вѣсти почти изъ первыхъ источниковъ. Подробности эти передамъ я здѣсь читателямъ, какъ самыя свѣжія черты характера паша, его тайныхъ наклонностей и его жизни въ последнее время. Онъ, можетъ-быть, пояснитъ вамъ, почему паша такъ скоро согласился оставить гаремъ, этотъ, — по понятіямъ Востока, рай земной, эдатоку будущихъ награды праведниковъ.

Всѣмъ живущимъ въ Каирѣ извѣстно, что правитель Египта любить, при бытности своей въ этой столицѣ, проводить, отъ времени до времени, по нѣсколько дней у старшей своей дочери, вдовы дефтердара-бѣя, женщины довольно-пожилой, которую онъ весьма жалуетъ. — Не имѣя ни мужа, ни дѣтей и ведя жизнь безукоризненную, она всю любовь свою сосредоточила въ отцѣ, и угождать ему — вся ея отрада. Паша обыкновенно назначаетъ время, когда будетъ у ней, — и вотъ приемъ, ему здѣсь дѣлаемый.

При входѣ въ садъ, украшенный заботливою рукою искуснаго садовника всѣми тропическими ароматными растеніями и всѣми роскошными цвѣтами, — два ряда невольницъ всѣхъ цвѣтовъ, разряженныхъ въ лучшія платья и безъ покрывалъ, густо драпируютъ бока дорожки, по которой идти пашѣ, и площадку; гдѣ, полъ тѣнію розъ и бокановъ, миртъ и жасминовъ, приготовлена для него роскошная парчевая софа; здѣсь ожидаютъ его кофе, трубки, кальянъ, всѣ сласти, всѣ возможные прохладительныя.

Но мѣрѣ шестія старца, зашито-урученнаго тяжкимъ бременемъ восьмаго десятка лѣтъ, отягченнаго почти полстолѣтними тревожными и часто кровавыми управленіемъ нѣсколькихъ царствъ, изъ которыхъ осталось за нимъ теперь одно только, — невольницы осыпаютъ его цвѣтами, опрыскиваютъ духами изъ золотыхъ сосудовъ, курятъ передъ нимъ алое и курси (*); музыка буйно гремитъ, живая драпировка сада бьетъ въ ладоши подъ тантъ музыки, и лучшія, красивѣйшія невольницы поютъ и пляшутъ.

Тамъ мѣрѣ для чувствъ и ока!
Красавицы Востока,
Одна другой милѣй,
Одна другой резвѣй
Послушныя рабыни
Умрутъ съ нимъ каждый мигъ!...
Съ душой полубогини
Въ восторгахъ огневыхъ
Душа его сольется,
Заснетъ и вновь проснется,
Чтобъ снова утонуть
Въ лучнѣй наслажденья!
Тамъ пламенная грудь
Манитъ воображенье!
Тамъ бѣлая рука
Влечетъ его слегка...
.....
Прелестныя подруги,
Воздушны, какъ эфиръ,
Порхаютъ, стелютъ круги.
То вьются, то дрожатъ,
То быстро стануть въ рядъ...
.....

Упадку духа и обычной твердости ума престарѣлаго паша въ его болѣзненномъ состояніи способствовали также: а) извѣстныя ему и почти неисправимыя при настоящихъ обстоятельствахъ злоупотребленія и крайнее разстройство во всемъ составѣ государственной администраціи, достигшія въ послѣднее время высшей степени на счетъ несчастныхъ феллаховъ; б) истинно-бѣдственное положеніе чештелыковъ (казенныхъ фермъ и

(* Курси — особый родъ благовонно-курительнаго состава.

заведеть), безпрестанно оставленных рабочими, которые, не получая платы, безпрестанно дезертировали цѣлыми семействами, спасая себя от голодной смерти; и наконецъ с) крайній недостатокъ денегъ въ казначействѣ. Недостатокъ этотъ до того простирался, что, не говоря уже о неплатежѣ жалованья войскамъ за два года съ половиною, паша, послѣ описанной предъ симъ продѣлки, отправился въ Каиръ только съ 50,000 талеровъ, взятыми имъ тогда ночью изъ числа 200,000 съ военныхъ кораблей, имѣвшихъ его порученіе идти въ Сирію для закупки скота на эти деньги, между-тѣмъ, какъ ему было хорошо извѣстно, что у Ибрагима сундуки полны золотомъ. Владѣвъ вѣкогда десятками милліоновъ талеровъ, ему тяжело было видѣть себя въ такой нищетѣ, а дружественная ему Франція за годъ предъ тѣмъ отказала ему, какъ всѣ говорили, въ займѣ денегъ.

Читатели мои, конечно, помнятъ, какъ Мехмедъ-Али заперся во дворцѣ и преградилъ доступъ къ себѣ всѣмъ, кромѣ своего медика - Европейца и перваго драгомана, и что въ первыхъ порывахъ своего гнѣва до того доходилъ, что грозилъ Ибрагима отослать связаннаго по рукамъ и по ногамъ въ Каиръ и держать его тамъ въ неволѣ. Ибрагимъ и братъ его, Сандъ, тотъ самый, для котораго сестра привезла невѣсту, видѣть съ знатнѣйшими чиновниками, подали старику просьбу, въ которой увѣрили его въ своей преданности; но паша былъ непоколебимъ. Отѣзжая изъ Александріи, онъ не хотѣлъ видѣть сыновей своихъ и потому, на неотступныя ихъ просьбы представиться ему и говорить съ нимъ, велѣлъ объявить имъ, что онъ уже ничего не значить въ Египтѣ и отправляется въ Гаджасъ. «У меня есть измѣнникъ между моими ближними, до-бавилъ онъ: я оставленъ всѣми.. у меня нѣтъ больше ни генераловъ, ни чиновниковъ, ни дѣтей!.. Я хочу ѣхать въ Гаджасъ..»

Но Ибрагимъ очень-хорошо зналъ своего отца. Въ тотъ же день была къ нему общая нота консуловъ по этому предмету. Вечеромъ было у него большое засѣданіе, причѣмъ всѣ убѣждали его принять бразды правленія; положеніе его было очень-соблазнительное. Но онъ рѣшительно отказался, объявивъ, что не сдѣлаетъ этого до-тѣхъ-поръ, пока живъ его отецъ.

Изъ всего этого очень-понятны истинныя побудительныя причины настоящей поѣздки Ибрагима-паши въ Европу для леченія себя водами, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ останется здѣсь какъ-можно-долѣе. Притомъ же, въ Египтѣ очень-извѣстно, что онъ не только раздѣляетъ мысли отца относительно управленія и въ-особенности такъ-называемаго, или вѣрнѣе, — предполагаемаго преобразования Египта, и всѣ полагаютъ, что при будущемъ вступленіи своемъ въ управленіе этой страной, онъ, если не рѣшится разомъ уничтожить это преобразование, то конечно не станетъ его поддерживать, и оно не замедлитъ рушиться само-собою.

II.

Мусульманскій праздникъ мавлюд-эи-наби. Изувѣрство Арабовъ, оказанное надъ однимъ Коптовъ въ Дашкеттѣ и судъ Мехмеда-Али по этому дѣлу.

Возвращеніе богомольцевъ изъ Мекки возбуждаетъ общій интересъ во всѣхъ городахъ мусульманскихъ, чрезъ которые они проходятъ. Въ Каирѣ, на который направляется значительнѣйшая часть ихъ на пути въ свои мѣста, оно представляетъ цѣлый рядъ самыхъ шумныхъ народныхъ празднествъ, при которыхъ чернь доходить иногда до наступленія, до развѣхъ глупостей, и, еслибъ только не страхъ къ теперешнему правителю Египта, Мехмеду-Али, готова была бы сдѣлать всякое возможное оскорбленіе

каждому встрѣчному христіанину. Иногда она вырывается изъ предѣловъ этого страха и тогда предается всей своей необузданности, считая свои изувѣрскіе поступки даже прославленіемъ имени и ученія пророка, какъ это и случилось, не смотря на покровительство Мехмеда-Али всѣмъ націямъ и всѣмъ исповѣданіямъ, еще въ самое недавнее время, не далѣе какъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1845 года, въ Дамьеттѣ, надъ однимъ несчастнымъ Коптомъ.

Періодъ возвращенія поклонниковъ въ Каиръ ежегодно бываетъ во второмъ послѣ начала года, по мусульманскому календарю, мѣсяцѣ, саферѣ. Въ бытность мою тамъ, въ 1843 году, было это въ концѣ марта мѣсяца. Поклонники обыкновенно посѣщаютъ въ Каиръ къ годовому празднику — дню рожденія пророка, извѣстному подъ именемъ мавлюд-эн-наби. Они располагаются въ просторныхъ разноцвѣтныхъ палаткахъ, въ одной части Эзбекинской-Площади, и именно по дорогѣ, идущей вправо отъ Булакскихъ-Воротъ. Палатки разбиваются по одну и другую сторону дороги, и желтый цвѣтъ въ нихъ первенствуетъ предъ прочими цвѣтами. Тамъ, гдѣ дорога эта примыкаетъ къ городскимъ зданіямъ и гдѣ отъ нея идутъ другія дороги, образуется небольшая площадь; здѣсь-то главное сборище народа, который снуетъ у круглыхъ качелей (такихъ точно, какъ у насъ) и разбросанныхъ вокругъ безчисленныхъ подвижныхъ кофеевъ и крошечныхъ лавочекъ съ разными сластями и прохладительными напитками. Толпы Арабовъ осаждаютъ это мѣсто, и круглая шляпа здѣсь не показывается сколько изъ предосторожности, столько же и во избежаніе неприятности толкаться между чернью. Изъ любопытства, я былъ, впрочемъ, здѣсь два раза въ сопровожденіи нашего каваса — при саблѣ.

Религіозныя торжества происходятъ здѣсь послѣ установленныхъ часовъ молитвъ и въ-особенности ночью. Дервиши Саади, извѣстные подъ именемъ «воющихъ», представляются здѣсь глав-

ными дѣйствующими лицами. Собравшись въ кружокъ и пригласивъ постороннихъ, числомъ какъ-можно-побольше, раздѣлать ихъ торжество, они составляютъ, слетаясь руками, плотную, плечомъ-къ-плечу, полукруглую ленту; безъ усталы, скоро и непременно въ тактъ, колеблютъ, какъ-бы кланяясь, тѣло и голову впередъ и назадъ, при чемъ, по законамъ равновѣсія, упираются на одну и потомъ на другую ногу, изъ которыхъ правая обыкновенно впереди, гдѣя свади. При каждомъ такомъ движеніи, изъ глубины груди, съ напряженіемъ и съ выдыханіемъ всего воздуха изъ легкихъ, они проносятъ полныя басомъ, также въ тактъ, слово: *Алла-ла*. Въ срединѣ полукруга, находится одинъ изъ ихъ шенховъ; сначала онъ поетъ стихи изъ Корана, прославляетъ какого-то Шбрагима; потомъ переходитъ къ общеупотребительному вездѣ и при всѣхъ случаяхъ стиху: *Ла иллахъ иллаха, Мухаммедъ расуль Аллаха* (нѣтъ Бога, кромѣ Бога, а Мухаммедъ пророкъ его), а наконецъ просто повторяетъ вслѣдъ съ прочими *Алла-ла*. При нѣнн стиховъ и словъ, шенхъ двигается подобно прочимъ, наклонясь то на одну, то на другую сторону. Движеніемъ и голосомъ своимъ онъ даетъ тактъ всѣмъ прочимъ, въ нѣмъ попадаетъ въ общій тактъ. Хорошо зная свое дѣло, неутомимый и нещадающій себя при этомъ торжествѣ, онъ поощряетъ всѣхъ прочихъ собственнымъ примѣромъ, отъ времени до времени ускоряетъ движенія какъ голосомъ, такъ и бивеніемъ въ ладони; ворочаетъ голову и корпусъ, какъ-бы въ похвалу, въ ту сторону, гдѣ работаютъ лучше, а иногда и самъ становится въ рядъ съ прочими и именю между тѣми, гдѣ виднѣть болѣе жара и наступленія; другой же свѣжій шенхъ спѣшитъ занять его мѣсто въ кругу, и пошли снова работать, пока силы не откажутся служить долѣе. Потъ ручьями льетъ со всѣхъ, ротъ облегается пѣною, и нужно достаточно времени, чтобъ дать отдыхъ тѣлу послѣ такого насильственнаго движенія.

Чредко случается, что некоторые из участвующих, будучи истомлены до последней степени, дрожать всеми членами; лицо их покрывается мертвечиною блѣдностью; цѣна изъ рта бѣдет клубомъ; глаза помрачаются; въ судорожныхъ движеніяхъ они вырываются изъ круга и падаютъ на землю, какъ своихъ, почти за-мертво. А какъ послѣ такого чисельственнаго инаможденія тѣло естественно просится отдохнуть, то невытѣрающіе подобный обморочъ впадаютъ въ некоторый ромъ полу-сна, самаго отраднаго, самаго усладительнаго, и всѣ прочіе завидуютъ ихъ состоянію, котораго, какъ говорятъ они, Аллахъ удостоиваетъ своихъ избранныхъ за ихъ вѣру и усердіе въ прославленіи его имени. Торжество эти совершаются въ мечетахъ деревней Саади каждую пятницу; во время же праздника кашуд-эн-наби, каждую ночь на площади Эбекинской, промежду палатокъ поклонниковъ.

Но явленіе рѣдкое и замѣчательное представляютъ здѣсь деревни братства Риван, торжество которыхъ видѣть можно едва-ли не въ одномъ только Каирѣ. Прежде, чѣмъ приступить къ описанію этого торжества, наложу здѣсь тѣ свѣдѣнія, которыя слышалъ я отъ вѣрныхъ устъ о деревняхъ Риван.

Когда съ товарищами своими жилъ я въ каирскомъ военномъ госпиталѣ Касра-адъ-Айди, Клотъ-Бей, египетскій генерал-штаб-докторъ, часто называлъ насъ. Въ одинъ изъ его визитовъ, во время мусульманскаго праздника, о которомъ теперь идетъ рѣчь, зашелъ разговаривать о торжествахъ на Эбекинской-Площади и въ-особенности объ обрядахъ, совершаемыхъ деревнями-риван. Въ разговорѣ оговоривъ о Египтѣ, Клотъ-Бей только слегка коснулся этого обряда, не назвавъ по имени даже и селенія деревней. Желая лучше узнать объ основаніяхъ и условіяхъ этого братства, которыя, во-владѣмому, еще не были извѣстны ему извѣстны, охъ спросилъ у казира госпиталя, Омман-Али, жилъ ли въ селеніяхъ между при-

слугою кого-либо изъ риванъ. Наперва отвѣчалъ, что есть, и тотчасъ былъ показанъ одинъ Арабъ съ черной чалмой на головѣ. Долго Клотъ-Бей его разспрашивалъ и тутъ же переводилъ изъ его рѣчи.

Шенхъ Риван, во словамъ его послѣдователя, нашего рассказчика, жилъ послѣ пророка спуста лѣтъ 500. Происходилъ онъ изъ семейства Гуссейна, сына азіева, а Азіи, какъ извѣстно, былъ и любимецъ и близкій родственникъ пророка. Послѣдователи Риван носятъ черную чалму, а въ отлучіе отъ Контозъ, египетскихъ христіанъ, у которыхъ чалма черная бумажная, они носятъ ее шерстяную. Риван не живутъ въ одномъ мѣстѣ или монастырѣ, какъ деревни другихъ братствъ; но правленіемъ ихъ братства, женитба не воспрещается, а потому вслѣдствіи изъ нихъ живетъ своимъ домомъ, въ кругу своего семейства, и занимается своимъ промысломъ; при наступленіи же установленныхъ годовыхъ праздниковъ, онъ является въ извѣстное мѣсто участвовать въ торжествахъ и обрядахъ риванъ, если только того пожелаетъ, потому-что правила братства къ тому его не обязываютъ.

Торжество это, или церемонія, совершаемая въ извѣстныя въ году дни и въ извѣстныхъ мѣстахъ и именуемая досе, заключается въ слѣдующемъ странномъ обрядѣ. Пятьдесятъ, сто и болѣе человекъ деревней ложатся на землю плотно одинъ къ другому, лицомъ внизъ, и такимъ-образомъ составляютъ изъ тѣлъ своихъ поность, какъ-бы брезентовую мостовую. Помощь этого Арабы называютъ *супан* — ковромъ. Начальникъ риванъ, ихъ главный мѣстикъ, во совершеніи молитвъ въ мечети, направляется къ себѣ домой, верхомъ, въ сопровожденіи своихъ приближенныхъ, даетъ шпоры лошади и ѣдетъ по этому живому ковру, и потому его называютъ *шамъ-супан*, т. е. глава (старшина, начальникъ) ковра. Сопровождающіе шенха, изъ которыхъ одинъ ведетъ лошадь подлѣ уздцы, ступая на этотъ коверъ, снимаютъ, или

удажениа изъ его святости, башмаки и мнутъ по немъ боснонъ. Последователи этой секты дерзавшей говорить, что дошадъ шенха-суаи бываетъ въ этомъ случаѣ до того легка, что не причиняетъ никакой боли своею тяжестью и даже иногда испѣляетъ бодѣвни и немощи того, на кого наступить; а это, по ихъ словамъ, и служитъ блистательнымъ доказательствомъ угодности Богу и его пророчу этого братства. Лечь для составленія ковра могутъ только одни дерзавши-рифай, а иногда, съ дозволенія шенха-суаи, и постороннѣе; но при этомъ нужно, чтобъ сн послѣднѣе умѣли произносить слова, которыя скажетъ имъ шенхъ. Такихъ праведнѣтъ бываетъ въ Каирѣ въ теченіе года пять; но главное изъ нихъ то которое должно быть наканунѣ дня рожденія пророка, на Эзбекинской-Площади; прочія бываютъ въ другое время и въ другихъ мѣстахъ.

При всей святости этого торжества, должно думать, что оно или потеряло уже свою силу, или не всѣмъ одинаково-то дешево сходитъ съ рукъ; потому-что въ бывшую при мнѣ въ Каирѣ процессію, на которую смотрѣлъ я издали, дошадъ шенха-суаи препорядочно раздавала многихъ, а у одного мальчи-ка лѣтъ четырнадцати полилась кровь горломъ. Когда я замѣтилъ это нашему разсказчику, онъ съ важнымъ видомъ отвѣчалъ, что вѣроятно э.и бѣднякъ, не принадлежа къ братству рифаевъ, не сумѣвъ произнести словъ, сказанныхъ имъ шенхомъ!

Въ прочіихъ египетскихъ городахъ, праздникъ мавлюд-эи-доби проводится хотя съ меньшимъ торжествомъ, но за то народъ вознаграждаетъ себя плясками танцовщицковъ, разными грязными представленіями, изъ родѣ театральныхъ, и иногда посмѣшищами надъ христіанами. — Въ 1845 году, въ Дамьеттѣ, посмѣшніе это обнаружилось надъ однимъ шестидесяти-лѣтнимъ бѣднымъ Коптомъ и дошло до высшей степени ожесточенія. Объ этомъ дѣлѣ было помѣщено въ нѣкоторыхъ французскихъ газетахъ, но не-

вѣрно, неполно и неизменно, и потому болѣе, что прежде всѣхъ о немъ напечатано было въ столбцахъ тѣхъ газетъ, которыя на жалованьи у Мехмеда-Али для защиты его предъ свѣтомъ противъ печатныхъ нападений. Между-тѣмъ, дамьеттское происшествіе весьма стоить того, чтобъ быть извѣстнымъ въ настоящемъ своемъ видѣ. Мой добрый каирскій знакомый, нѣтъ молодой ориенталистъ, носящій тамъ имя Несибъ-Эфендіа, сообщилъ мнѣ о немъ интересныя подробности, которыя я передамъ здѣсь читателямъ.

Дѣло началось, говорить намъ Несибъ-Эфендіа, съ самыхъ пустяковъ: — соорору Ковта съ похощникомъ ослезу. Было это наканунѣ предшлага на-люд-эи-доби, въ тотъ самый день, когда въ Каирѣ бываетъ известное до-се. — Поговорятъ тотчасъ же отирались въ Мехмема, народное судилище, и обвинялъ Ковта въ томъ, будто онъ носилъ неприличными словами Мухаммеда и его религію. — Разумѣется, явился тотчасъ ложные свидѣтели. — Ка-ли потребовалъ въ судилище обвиня-емаго Ковта и притворилъ его къ неложному наказанію. — Едва притворъ былъ промывенъ, какъ толпа Ари-бова, опущавшая Мехмема, въ пера-вѣ фанатическаго восторга бросалась на Ковта и начала бить его чѣмъ по-пало: палками, руками, башмаками. Та же участь постигла и другаго Ковта; вмѣшавшагося въ это время въ толпу съ желаніемъ узнать, что сдѣлалось съ его товарищемъ.

Казалось бы, что этикъ дѣло и кон-чилось; но нѣтъ: начали толковать, и даже лица дамьеттской аристократіи, что за похощеніе пророка и его рели-гіи полагается смертная казнь. — Но-тому, на другой день, губернаторъ дамьеттскій составилъ у себя чрезвычай-ный совѣтъ изъ кадиевъ, членовъ и прочіихъ властей народа. — Въ самомъ началѣ было рѣшено, что одинъ изъ нихъ будетъ ходатайствовать въ пользу вышнѣнаго и выпросить, чтобъ смертная казнь, предписываемая зако-номъ, была замѣнена палочными на-

наказаніємъ. — Кади удовольствовался этимъ, но съ тѣмъ, чтобъ Контъ былъ подвергнутъ вторичному палочному наказанію изъ такого же числа ударовъ, какое получилъ онъ наканунѣ. — Къ выполненію приговора было тотчасъ приступлено; но въ этотъ разъ онъ выполненъ былъ съ несравненно-большимъ противъ прежняго остревѣніемъ и злостію ожесточенныхъ фанатиковъ.

Было это въ самый день праздника мавлюд-ей-наби. Дворъ судилища наполнился Арабами. Съ дикимъ остревѣніемъ спѣшили они сюда другъ передъ другомъ, какъ на праздникъ, чтобъ присутствовать при выслуціи. Кади палочные удары были отсчитаны, какъ тошны черни бросились на страдальца и овладѣли имъ, считая его уже своею собственностью и предоставивъ себѣ дополнить наказаніе, по ихъ мнѣнію, для вины очень-недостаточное.

Должно думать, что въ этомъ чернѣ была водстрекаема нѣкоторыми изъ лицъ высшаго званія или духовенства. Это тѣмъ болѣе правдоподобно, что въ дальнѣйшихъ поступкахъ своихъ она не была нѣмѣю остановлена, тогда какъ губернатору, кадию и нѣкоторымъ другимъ стоило бы это одного слова.

Чтобъ болѣе насладиться страданіемъ предполагаемаго виновнаго, — чернѣ эта, нѣмѣю не удерживавшая, нѣмѣю не остановленная въ своихъ кровожадныхъ порывахъ, изобрѣтала разныя поруганія, разныя страданія, и подвергала имъ свою несчастную жертву. Начала тѣмъ, что, обривъ Копту бороду, намотали на его шею бараньи кишки, называли лицо его всевозможною дрянью и къ головѣ привязали половую щетку. Раадѣтый до-нага, бѣдный страдалецъ былъ посаженъ верхомъ на буйвола, лицомъ къ хвосту. Къ спинѣ его, надрѣзанной двукратнымъ палочнымъ наказаніемъ, привязали крестъ, но обѣимъ сторонамъ шеи двѣ собаки и передъ нимъ снѣжую. Два человѣка съ обнаженными саблями шли по одну сторону и два другіе

съ заостренными шестами — по другую. Каждый изъ нихъ старался отличиться другъ предъ другомъ, воззая въ тѣло страдальца остріе оружія, которое нѣлъ въ рукахъ; но они воззаяли его не глубоко, съ цѣлю продлить жизни мученика и выстѣ свое удовольствіе. Бой барабановъ, знамена, — танцовщики и публичныя женщины — открывали поѣздъ. Этотъ ужасный, отвратительный поѣздъ, при шумныхъ восклицаніяхъ и радостныхъ крикахъ развѣренной черни, проходилъ такимъ образомъ по всѣмъ главнымъ улицамъ Дамьетты, при чемъ съ неистовствомъ и бѣшенствомъ раздавались крики: «Да увеличитъ Богъ могущество мусульманъ, и да погибнетъ въра христіанская!»

Между-тѣмъ, четыре палача, шедшіе съ боковъ, продолжали свое дѣло, и кровь текла ручьями съ головы и со всѣхъ членовъ невинной жертвы. Но этимъ еще не кончились ея страданія; поѣздъ проходилъ возлѣ одной лавки, у дверей которой кипятился на разложенномъ огнѣ дѣготъ для осмоленія лодки; хозяинъ лавки, въ порывѣ фанатизма, схватилъ съ огня горшокъ и весь кипятокъ дѣгтя вылилъ на несчастнаго Контъ. Стовъ его былъ заглушенъ восторженными криками торжествующихъ Арабовъ. Послѣ этого, поѣздъ двинулся далѣе, и наконецъ прибылъ къ судилищу, гдѣ Контъ былъ снятъ съ буйвола и брошенъ въ тюрьму. Въ это время, все тѣло его представляло одну сплошную рану. Но при этомъ рассказываютъ, что всѣ эти страданія несчастный старецъ выносилъ съ невыразимою кротостію и твердостію духа.

Освѣдомившись объ этомъ происшествіи во всей подробности, Мехмедъ-Али, какъ говорятъ, призадумался порядкомъ: онъ былъ озадаченъ имъ не на шутку и немедленно послалъ въ Дамьетту военнаго министра, Ахмета-Пашу, для надлежащаго изслѣдованія дѣла. Но, видя непрерывные визиты консуловъ всѣхъ державъ съ требованіемъ удовлетворенія, онъ не до-

ждался донесенія своего министра и послалъ туда къ нему свой фирманъ съ слѣдующимъ судомъ по этому дѣлу: губернатора дамыетскаго сослать на семь лѣтъ на галеры, кади отпрасить на годъ въ Танту, для служенія при мечети (въ городѣ Тантѣ гробъ одного мусульманскаго святаго, изъ Бедуновъ, единодушно уважаемаго во всемъ Египтѣ), а семейству копта дать вспомошествованіе. — Въ слѣдъ за тѣмъ былъ посланъ въ Дамьетту и новый губернаторъ.

При вновь-прибывшемъ губернаторѣ были сдѣланы мученику-Копту самыя блестящія, торжественныя похороны всенародно, предъ лицомъ его палачей. — Епископы греческій, коптскій и католическій, со всѣмъ ихъ синклитомъ и духовенствомъ, сопровождали страдальца къ послѣдному его жилищу!.. (*).

Вотъ каково преобразование Египта въ его нравственномъ отношеніи! Вотъ каковы еще до-сихъ-поръ фанатики-Арабы! Очень-ясно, что не уваженіе къ правамъ ближняго, а одинъ только страхъ къ имени Мехмеда-Али удерживаетъ фанатизмъ народа; не будь этого,—обиды, убійства, а при случаѣ

и неустовства, подобныя описанному нашимъ Несвѣдь-Эффендіемъ, повторялись бы, конечно, довольно-часто. Да и можетъ ли быть уваженіе къ правамъ ближняго въ душахъ такого униженнаго народа, каковы теперъ феллахи?..

А. У.—цъ.

✱

ПРОКЛЯТОЕ-ВОЛОТО.

Повесть Жоржа Занда.

I.

Авторъ къ читателю.

... Мнѣ пришло на мысль одно глубокосмысленное произведеніе Гольбейна. Гравюра представляетъ земледѣльца, ведущаго плугъ среди поля. Вдаль стелется обширное поле: видны бѣдныя хижинки; солнце садится за холмомъ. Это конецъ тяжкаго трудового дня. Крестьянинъ старъ, коренастъ, покрытъ лохмотьями. Четыре лошади, имъ погоняемыя, тощи, истомлены; сошникъ вонзается въ шероховатую и жесткую землю. Одно существо весело и довольно въ этой *сценѣ труда и пота* — фантастическое лицо, скелетъ съ длиннымъ кнутомъ, который бѣжитъ по бороздѣ подлѣ испуганныхъ лошадей и погоняетъ ихъ, служа такимъ-образомъ подпашникомъ старому земледѣльцу. Это смерть, призракъ которой Гольбейнъ аллегорически ввелъ въ цѣлый рядъ философскихъ и религиозныхъ сюжетовъ, печальныхъ и шуточныхъ вмѣстѣ, называемыхъ *изображеніями смерти*.

Въ этой коллекціи, или, точнѣе, въ этомъ обширномъ сочиненіи, гдѣ смерть, играя свою роль на каждой страницѣ, служитъ связью и господствующею мыслью, Гольбейнъ вывелъ

(*). Въ то время, какъ статья эта перепечатывалась, въ газетахъ была помѣщена новая фанатическая выходка Арабовъ въ самой Александріи, слѣдовательно, въ глазахъ самого Мехмеда-Али и всѣхъ представителей европейскихъ державъ. Выходка эта направлена была противъ двухъ коптскихъ монаховъ, прибывшихъ изъ Абиссиніи на пути въ Іерусалимъ, — подлѣ предлогомъ, будто они колдуны, и только заступничество французскаго генеральнаго консула, посѣщившаго посадить ихъ на пароходъ, спасло ихъ отъ оскорбленій черни, а можетъ-быть и самой смерти. Выходка эта Арабовъ противъ бѣдныхъ монаховъ сдѣлалась извѣстною потому только, что произошла въ столицѣ. Сколько же подобныхъ продѣлокъ бываетъ въ отдаленныхъ городахъ и деревняхъ и остается въ неизвѣстности!...

владыкъ, первосвященниковъ, любовниковъ, игроковъ, пьяницъ, прелестьницъ, разбойниковъ, бѣдняковъ, вѣрниковъ, жидовъ, путешественниковъ, всякаго рода людей его и нашего времени, — и повсюду призракъ смерти насмѣхается, гровить и торжествуетъ. Въ одной только картинѣ не видать его, — именно въ той, гдѣ бѣдный Лазарь, лежа на гноищѣ у дверей богача, говоритъ, что не боится смерти, безъ-сомнѣнія потому-что ему нѣчего терять и потому-что жизнь его есть преждевременная смерть.

Утѣшительна ли эта стоическая мысль полуязыческихъ вѣрованій эпохи возрожденія? удовлетворяетъ ли она религіозныя души? Честолюбецъ, плутъ, развратникъ, всѣ надменные грѣшники, которые злоупотребляютъ жизнью и которыхъ пугаетъ смерть, понесутъ, конечно, въ ней наказаніе; но слѣпецъ, нищій, юродивый, бѣднякъ вознаграждены ли за ихъ долги бѣдствія одной мыслью, что смерть не зло для нихъ? Нѣтъ! Невыносимая груеть, ужасающій рокъ тяготѣютъ въ произведеніи художника...

Да, это прискорбная сатира, истинное изображение общества, среди котораго жилъ Гольбейнъ. Преступленіе и бѣдствіе — вотъ что поражало его взоры; но мы, художники нваго вѣка, мы что будемъ изображать? Станемъ ли искать въ мысли о смерти утѣшенія современному человечеству? Призовемъ ли ее, какъ наказаніе неправды и награду за страданіе?

Нѣтъ, у насъ дѣло уже не съ смертію, а съ жизнью. Мы желаемъ, чтобъ жизнь была хороша, ибо желаемъ, чтобъ она была плодотворна. Лазарь долженъ некинуть свое гноище, чтобъ нищій уже не радовался смерти богача. Всѣ должны быть счастливы, чтобъ благоденствіе нѣкоторыхъ не было преступно предъ Богомъ. Пусть земледѣлецъ, сѣя свой хлѣбъ, знаетъ, что онъ трудится для жизни, а не радуется тому, что смерть бѣжитъ рядомъ съ нимъ. Смерть не должна нывѣче быть ни царю за благополучіе, ни отрадою въ бѣдствіи.

Богъ не назначилъ ее ни въ наказаніе ни въ награду жизни, ибо благоденствіе жизни, и могла не должна быть престоанщцемъ, куда бы можно отсыпалъ тѣхъ, кого не хотѣть сдѣлать счастливыми.

Нѣкоторые художники нашего времени, бросая взглядъ на то, что оужаетъ ихъ, пристращаются къ изображенію скорби, отверженной, нищеты, гноища лазарева. Это можетъ входить въ область искусства и философіи; но изображеніемъ нищеты, столь безобразной, столь униженной, многа столь порочной и преступной, достигается ли ихъ цѣль, и дѣйствіе, или производимое; столь ли благотворно, сколько желаютъ они? Не смѣемъ произносить рѣшительнаго мнѣнія на этотъ счетъ. Намъ могутъ возразить, что, показывая беззвуд, зарытую подъ шаткой почвой богатства, они устрашаютъ глаза богача, подобно тому, какъ, во времена макабрской аллегоріи, ему показывали его живущую могилу и смерть, готовую обвить его своими нечестыми руками. Нынѣче ему показывають вора, подлазывающаго его дверь, и убійцу, подстерегающаго сонъ его. Признаемся, мы плохо понимаемъ, какимъ образомъ примирять его съ человечествомъ, которое онъ презираетъ, какииъ образомъ сдѣлають его чувствительнымъ къ тяготамъ бѣдствія, котораго онъ боится, когда показывають ему этого бѣдняка въ видѣ бѣлаго каторжника и почнаго бродяги. Страшная смерть, скрежещущая зубами и играющая на скрипкѣ въ картинахъ Гольбейна и его предшественниковъ, не увидѣла, въ этомъ видѣ, обратитъ развращенныхъ и утѣшить жертвы. Наша нынѣшняя литература не поступаетъ ли въ этомъ отношеніи подобно художникамъ среднихъ вѣковъ и эпохи возрожденія?

Гуляки Гольбейна наливаютьъ свои кубки съ какимъ-то остервененіемъ, чтобъ отогнать мысль о смерти, которая, невѣримо для нихъ, служитъ имъ кравчимъ. Нынѣшніе злые богачи требуютъ укрѣпленій и пушекъ, чтобъ

удалить мысль о гробѣ, которую искусство представляеть скопляющеюся во иракѣ и ожидающую минуты, чтобъ разразиться.

Альбертъ Дюреръ, Микель-Анджело, Гольбейнъ, Калло, Гойя представляли жестокія сатиры на бѣдствія ихъ вѣка и страны. Труды ихъ — безсмертныя произведенія, безспорно драгоценныя историческія страницы; мы отнюдь не отрицаемъ у художниковъ права осмѣивать язвы общества и обнажать ихъ передъ нашими глазами; но нѣтъ ли вывѣче для нихъ другаго предмета завѣстїа, кромѣ картинъ ужаса и угрозы? Въ этой литературѣ «тайнъ», — таинственныхъ неправдъ, которую талантъ и воображеніе ввело въ моду, намъ больше нравятся кроткія и прїятныя фигуры, чѣмъ злодѣи, годные для драматическихъ эффектовъ. Первые могутъ имѣть въ виду обращеніе и достигать его; вторые пугаютъ, — а страхъ не только не исцѣляетъ эгоизма, но еще болѣе усиливаетъ его.

Мы думаемъ, что призваніе искусства — призваніе чувства и любви, что современный романъ долженъ бы замѣнить параболу и апологъ наивныхъ временъ, и что художнику предлежитъ болѣе-обширная и болѣе-поэтическая задача. Онъ не долженъ ограничиваться только предложеніемъ извѣстныхъ мѣръ благоразумія и примиренія, чтобъ уменьшить ужасъ, внушаемый его картинами: онъ долженъ стараться внушить любовь къ предметамъ его участія, и, въ случаѣ нужды, почему не позволить ему нѣсколько приукрашивать ихъ? Искусство — не снимокъ съ дѣйствительности; оно изображеніе идеальной истины, и *Вакфильдскій Свѣцельникъ* — книга болѣе-полезная и болѣе-здоровая для души, чѣмъ *Разраженныи Крестьянинъ* или *Опасныи Свѣцельникъ*.

Простите мнѣ эти размышленія, читатель, и благоволите принять ихъ въ видѣ предисловія. Ихъ не встрѣтите въ исторіи, которую я собираюсь разсказать вамъ и которая будетъ такъ коротка и проста, что мнѣ надо было из-

виниться впередъ, сказать вамъ свое мнѣніе объ ужасныхъ исторіяхъ.

Я увлеченъ въ это отступленіе по поводу земледѣльца намѣреннаго я разсказать вамъ и разскажу сейчасъ.

Долго и съ глубокой меланхолической разсматривалъ я земледѣльца Гольбейна, и вышелъ погулять въ поле, мечтая о сельской жизни, объ участіи хлѣбопашца. Безъ сомнѣнія, горестно истощать силы и время на то, чтобъ раздирать лоно ревнивой земли и завоевывать сокровища плодородія, когда кусокъ самаго чернаго и самаго грубаго хлѣба служить, полъ конецъ дня, единственною наградою и единственною прибылью, сопряженными съ такимъ тяжкимъ трудомъ. Богатства, покрывающія почву, жатвы, плоды, великолѣпный скотъ, тучнѣющіи среди сочныхъ травъ, суть собственность нѣкоторыхъ и орудія утомленія для наибольшаго числа людей.

Трудящійся человекъ такъ обремененъ, такъ напуганъ будущимъ, что не можетъ наслаждаться красотой полей и прелестями сельской жизни. Для него золотистыя нивы, прекрасныя луга, тучныя животныя представляютъ мѣшки денегъ, изъ которыхъ ему достается одна слабая часть, недостаточная на его нужды...

Между-тѣмъ, природа вѣчно юна, прекрасна и щедра. Она проливаетъ поэзію и красоту во всѣ существа, во всѣ растенія, которымъ даютъ волю развиваться въ ней. Она обладаетъ тайною счастья, и никто еще не похитилъ у нея этой тайны. Счастливейшій изъ людей былъ бы тотъ, кто, владея наукою своего труда и работая руками, почерпая благоденствіе въ упражненіи своей разумной силы, имѣлъ бы досугъ жить сердцемъ и умомъ, понимать свое дѣло и любить дѣло Божіе. Художникъ пользуется наслажденіями этого рода въ созерцаніи и воспроизведеніи красотъ природы; но, при видѣ скорби людей, населяющихъ этотъ земной рай, художникъ съ прямымъ и человеческимъ

сердцем смущается среди своего наслажденія. Счастье было бы тамъ, гдѣ ушь, сердце и руки согласно трудятся бы въ очахъ Провидѣнія, и святая гармонія существовала бы между щедротою Божию и восторгами души человеческой. Тогда вмѣстѣ плачевной и ужасной смерти, бѣгущей по бородахъ съ кнутомъ въ рукѣ, аллегорическій живописецъ могъ бы помѣстить подлѣ престыянна свѣтлаго ангела, обильно сѣющаго благословенный хлѣбъ на дымящейся бралахъ.

И мечта существованія сладкаго, поэтического, трудолюбиваго и простаго — для селянина не такъ несчастлива, чтобъ ее должно относить къ химерамъ! Унылое и нѣжное слово Виргилія: «Какъ счастливъ бы былъ селянинъ, еслибъ зналъ свое счастье!» — это слово сожалѣнія; но, подобно всякому сожалѣнію, оно — предреченіе. Придетъ время, когда земледѣлецъ получитъ возможность быть также художникомъ, если не для того, чтобъ выражать (да это будетъ и не важно тогда), по-крайней-мѣрѣ для того, чтобъ чувствовать извѣстное. Не думаете ли вы, что это таинственное намѣтеніе повѣи уже не находится въ немъ на степеніи инстинкта и безотчетливой мечтательности? У тѣхъ, кого нѣкоторое довольство пріосвѣляетъ даже нынче, и въ комъ избытокъ несчастія не подавилъ всякаго нравственнаго и умственнаго развитія, чистое, удобно-ощушаемое и оцѣняемое счастье находится въ элементарномъ состояніи; сверхъ-того, если изъ нѣдра скорби и страданія уже возвышался голоса поводовъ, почему же думать, что трудъ тѣлесный несовѣстливъ съ дѣйствіями души? Безъ сомнѣнія, эта несовѣстливость — общій результатъ непомѣрнаго труда и глубокаго бѣдствія; но пусть же не говорятъ, что когда человѣкъ будетъ трудиться умренно и здраво, тогда явятся только плохіе работники и плохіе поэты. Кто почерпаетъ благородныя наслажденія въ чувствахъ новѣи, тотъ истинный поэтъ, хотя бы

онъ въ жизнь свою не написалъ ни одного стиха.

Мысля мом пришла такое направленіе, и я не примѣчалъ, что утѣренность въ возможности воспитать селскаго человѣка угрѣждалась во мнѣ вѣшними вліяніями. Я шелъ по опушкѣ поля, которое крестьяне готовили подлѣ посѣвъ на слѣдующей недѣлѣ. Равнина была обширна, какъ на картинѣ Гольбейна; пейзажъ также былъ обширенъ и обнималъ длинныя полосы зелени, нѣсколько покрасѣвшей отъ приближенія осени, и темнобурое широкое пространство вспаханной земли, гдѣ недавніе дожди оставили, во нѣкоторыхъ боровадахъ, лянтіи воды. блиставшія на солнцѣ подобно тонкимъ серебрянымъ нитямъ. День былъ ясный, теплый, и земля, недавно разверстая остриемъ плуговъ, курилась легкими испареніями. Въ переднемъ концѣ поля старикъ, котораго широкая спина и суровая фигура напоминали старика гольбейнова, но котораго одежда не показывала нищеты, степенно гналъ свое орало старинной формы, тащимое парю смирныхъ быковъ свѣтлорыжей шерсти, настоящихъ патриарховъ пастбища, высокими ростомъ, немного тощихъ, съ длинными и низкими рогами, — тѣхъ старыхъ работниковъ, которыхъ долгая свычка слѣдала бравадами, какъ называютъ ихъ въ деревняхъ, и изъ которыхъ каждый, лишающійся своего товарища, не хочетъ работать съ новымъ товарищемъ и умираетъ съ горю. Люди, незнакомые съ деревенскимъ бытомъ, называютъ скажкою дружбу быка съ его ярмнымъ товарищемъ. Пусть они посмотрятъ въ стойлѣ на бѣдное животное, топчущее, исхудалое, ударяющее своими безпокойнымъ хвостомъ по високшимъ бокамъ, съ ужасомъ и презрѣніемъ вырывающее на кормъ, ему даваемый, не сводящее глазъ съ двери, или скребущее ногою порожекъ нѣсто рядомъ съ нимъ, обнюхивающее ярма и цѣпи котораго носилъ его товарищъ, и безпрестанно зовущее его горестнымъ

мычаниемъ. Мясникъ скажетъ вамъ: «Вара бычонъ пропала: одинъ братъ уморъ, а другой ужъ не станетъ богатъ. Чтобъ убить его, надо бы откормить; но онъ не ѣсть, и скоро умретъ съ голода».

Старый хлѣбонащецъ работалъ медленно, молча, безъ ненужныхъ усилій; его покорная упряжка, подобно ему, не торопилась; но, благодаря прилежному труду безъ развлечения и траты испытанныхъ и рассчитанныхъ силъ, борова его проводилась такъ же скоро, какъ и борова его сына, который, нѣсколько поодавъ, гналъ четвероухъ не столь дюжихъ быковъ по почвѣ болѣе твердой и болѣе-каменистой.

Но то, что далѣе привлекло мое вниманіе, было истинно-прекраснымъ зрѣлищемъ, благороднымъ сюжетомъ для живописца. На другомъ концѣ пашенной равнины, молодой человѣкъ статной наружности поговялъ волжкопѣдную упряжку: четыре пары молодыхъ жавотныхъ темной шерсти, съ черными, огнистыми отпѣтниками, съ короткими и кудравыми головами, напоминавшими еще-дикаго быка, съ большими вѣтрскими глазами, съ рѣзкими движеніями, съ судорожной и нервной работою, которая еще негодуетъ на него и жало и только вздрагивала отъ гнѣва повинуется недавно-наложенному на нее яру. Человѣкъ, управлявшій ими, рассказывалъ ключокъ земли, недавно отдававшійся подъ настибще и усѣянный вѣковыми пшяма, — атлетическій грудъ, на который едва достаточно было его энергіи, его молодости и силы его веселыи полуашихъ быковъ.

Мальчикъ лѣтъ шести или семи, хорошевыій какъ амуръ, покрытый по плечамъ поверхъ блузы бараньей шкурою, — шелъ по боровадъ, параллельной съ плугомъ, и показывалъ бока воловъ ливною легкою жералью съ не очень-острымъ наконечникомъ. Гордыя животныя вздрагивали подъ ручеюккой ребенка и скрипѣли ярмами и ремнями, привязанными на ихъ лбахъ, сильно дергая плугъ послѣ каждаго укола. Когда какой-нибудь корень ос-

танавливалъ плугъ, хлѣбонащецъ громко покрикивалъ, называя каждаго вола его кличкою, но покрикивалъ болѣе для того, чтобъ уиѣрять ихъ, нежели чтобъ побуждать; потому-что волы, раздраженные внезапнымъ препятствіемъ, явились, врывали землю широкими копытами, и винулись бы въ сторону помчавъ плугъ по полямъ, если бы, голосомъ и жаломъ, молодой человѣкъ не удерживалъ четверыхъ ближайшихъ, между-тѣмъ, какъ ребенокъ правилъ четырьмя другими. И онъ, кришка, также кричалъ голосомъ, который жезалъ слѣвать грознымъ и который оставался нѣженъ, подобно его прелестному личику. Все было извѣстно по силѣ или по границѣ—пейважъ, работникъ, мальчикъ, волы подъ ярмомъ; и не смотря на жестокую борьбу, гдѣ земля упорно побѣждалась, надъ всѣмъ царствовало чувство протеста и глубокаго омерзѣнія. Когда препятствіе одолѣвалось и упряжка снова вращивала свою ровную торжественную поступь, хлѣбонащецъ, котораго притворная горичность была только пробокъ силы и избытокъ дѣятельности, вдругъ возвращался къ истинности вротыхъ душъ и бросалъ взглядъ родительскаго удовольствія на своего ребенка, обращившись къ нему съ улыбкою. Потомъ, мужественный голосъ молодого отца сестобно заивалъ торжественную, унылую пѣсню; которую древнее преданіе страны заивцоваетъ не-вѣстъ хлѣбонащамъ безъ разбора, а только опытившимъ въ искусствѣ подстрекать и поддерживать усердіе рабочихъ воловъ. Эта пѣсня, которой происхождение, можетъ-быть, считалось священнымъ, и которой нѣкогда, вѣроятно, приписывалось таинственное вліяніе, еще донынѣ слыветъ въ обладоющую свойствомъ поддерживать бодрость животнаго, усмирять его негодование и услаждать тягость продолжительнаго труда его. Мало уиѣтъ хорошо править волами, борова совершенно-прямолинейную бороваду; мало облегчать ихъ трудъ, приподнимая или углубляя истати желѣзо плуга: тотъ не от-

личный хлѣбопашецъ, кто не умѣетъ пѣть быкамъ, а это—искусство, требующее особеннаго вкуса и особенныхъ средствъ.

Правда, упомянутая мною пѣсня не иное что, какъ речитативъ, прерываемый и продолжаемый по желанію. Ея неправильный складъ и фальшивыя интонаціи, съ точки зрѣнія музыкальных правилъ, дѣлаютъ ее непередаваемую. Но гнѣтъ не меньше она прекрасная пѣсня и такъ хорошо приспособлена къ труду, который она сопровождаетъ, къ поступи быка, къ тишинѣ сельскихъ мѣстъ, къ простотѣ людей, ее напѣвающихъ, что ни одинъ гевій, чуждый земледѣльческому труду, не могъ выудать ее, ни одинъ пѣвецъ, кромѣ *толкаю хлѣбопашца* этой страны не сумѣетъ повторить ее. Въ тѣ поры года, когда въ полѣ нѣтъ другой работы и другаго движенія, кромѣ земледѣльческаго, эта пріятная и могучая пѣсня посылаетъ какъ голосъ вѣтерка, съ которымъ даже имѣетъ нѣкоторое сходство по своей особой интонаціи. Особенная нота каждой фразы, выводимая и вытягиваемая съ безпрестанною лиричностью и крѣпостью дышанья, восходитъ на четверть тона, систематически фальшивая. Оно длино, но исполнено необорной прелестью, и когда привывишь слушать его, то не понимаешь, чтобы другая пѣсня могла раздаваться въ эти часы и въ этихъ мѣстахъ, не разогрѣвая ихъ гармоніи.

И вотъ, оказалось, что я имѣлъ передъ глазами картину, совершеннопротивоположную картинѣ Гольбеина, хотя сцена и была похожа. Въ это печальнаго старика—молодой и веселый юноша; вмѣсто тощихъ и изнуренныхъ лошадей—двѣ четверки здоровыхъ и горячихъ быковъ; вмѣсто смерти—хорошенькій ребенокъ; вмѣсто обрза отщепенія и идеи тлѣнія—архипеще энергии и мысли о счастьи.

Тогда-то стухъ *Виргилія*: «O fortunator... agricola» пришель мнѣ на память. Дѣла, какъ эта прекрасная чета, мужнина и ребенка, среди столь поэтическыхъ обстоятельствъ, съ такой

граціей и силой, совершаютъ трудъ, исполненный величія и торжественности, а ощутивъ глубокое социальное, смѣшанное съ незолотымъ почтеніемъ. Счастливыи земледѣлецъ! да, конечно, я былъ бы счастливъ на его мѣстѣ, еслибъ моя рука, слѣзавшая вдругъ здоровою, и грудь моя, ставъ крѣпкою, могли такимъ образомъ ослотворять и воспѣвать природу, еслибъ глаза мои не переставали видеть, а умъ понимать гармонію цвѣтовъ и звуковъ, тонкость тоновъ и грацію очертаній, — словомъ, таинственную прелесть предметовъ! Особенно же сердце мое не переставало бы находиться въ связи съ божественнымъ чувствомъ, которое управляетъ бессмертнымъ и высокимъ оладаніемъ!

Но, увы! этотъ человекъ никогда не постигалъ тайны прекраснаго, этотъ ребенокъ никогда не постигаетъ ее... Сохрани меня Богъ думать, что они не выше животныхъ, которыми не овладѣютъ, и что они не имѣютъ во временахъ нѣкотораго восторженнаго чувства, улаждающего трудъ ихъ и усыпляющего ихъ заботы! Я вижу на ихъ благодѣльныхъ лицахъ печать *Господа*, ибо они родились властителями отъ земли. Они чувствуютъ это, — ихъ не рвешь отъ ихъ земли; они любятъ почву, орошенную ихъ потомъ; истинный крестьянинъ умирится съ тоской по роднѣйшій вѣдѣ отъ поля, видѣннаго его рожденію. Но этому человеку не достаетъ доли наслажденій, которую я владѣю, наслажденій духовныхъ, которые по праву должны бы принадлежать ему, работнику обширнаго храма, которому только небо можетъ служить куполомъ. Ему не достаетъ сознанія своего чувства...

Что жъ! такъ, какъ она есть, недозрелый, въ дѣтской простотѣ своей, она все же лучше того, въ комъ знаніе погасило чувство.

Я знаю этого молодого человека и этого прекраснаго ребенка. Мнѣ была известна ихъ исторія, потому что и они имѣли исторію, какъ и всѣ имѣютъ, и каждый могъ бы заинтересовать рома-

номъ собственной жизни, еслибъ самъ почиталъ его... Одному престолявшему и простой хлѣбонашечъ, Жерменъ, со-зналъ свои обязанности и прилежанности. Онъ разназывалъ мнѣ ихъ зна-но, вою, и я слушала его съ участіемъ. Долго глядѣвъ на его работу, я подумала, почему бы его исторіи не быть интереснѣе, хотя это исторіи такъ же проста, такъ же права и такъ же непрекращена, какъ борода, проводящая его плутомъ.

На будущій годъ, эта борода насыплется и заростетъ новой бороною: Такъ отпечатывается и отражается слѣдъ большой части людей на нравѣ челоуѣчества! Небольшая зучна семан забываетъ его, и борода, нами неразрѣшима, нагляднѣе однѣ другамъ какъ мотыль на клѣбницѣ.

Видимъ же, если можно, отъ ничтожества и забыванія бороу Жермена, тонкая клѣбонашечка. Онъ не узнаетъ и не удивляется объ этомъ ничего; но мнѣ пріятно сдѣлать такую попытку.

II.

Жерменъ—тонкій хлѣбонашечъ.

— Жерменъ! сказалъ ему однажды токъ: — какъ хочешь, надо тебѣ жениться въ другой разъ. Скоро два года, какъ ты вдовецъ послѣ моей дочери; и потому старшему мальчику семь лѣтъ. Тебѣ скоро тридцать, братецъ; а ты знаешь, что за тридцать, въ нашихъ краяхъ, мужчина слыветъ старѣвать, которому ужъ не до женитьбы. У тебя трое хорошихъ дѣтвъ, и дожить-веръ они не были намъ въ тягость. Жена съ вѣдомымъ ухаживала за нами, намъ только умѣли, и любилъ ихъ, намъ должно. Маленькій Пьеръ ужъ почти на возрастѣ; ужъ онъ довольно ловко жмать быковъ, умѣетъ стеречь овцину на дугу, и можетъ водить лошадей на водной. Онъ-то намъ не помѣна; но два другіе, которыхъ, бѣднѣе, мы также любимъ, ты дашь Богу — задантъ намъ этотъ годъ

много работы. Невѣстка на-сносахъ, да еще у нея крошка на рукахъ. Когда родитъ, ей будетъ велика ухаживать за твоей Солажей, особенно за твоимъ Сильвеномъ, которому всего еще четвертый годъ, и отъ которыхъ ни день, ни ночь нѣтъ покоя. У него твоя горячая кровь: изъ него выйдетъ добрый работникъ; но ребенокъ онъ ужасный: моя старуха ужъ не уоуѣваетъ лезить его, когда онъ убѣгаетъ на-ру или издаетъ шодъ неги-свотнѣ. А какъ невѣстка родитъ, то ей теперешній меньшой самъ по-правдой нѣрѣ нагодъ упадетъ на руки моей старухѣ. Вотъ такъ-то твои дѣти теперь намъ стали въ работу и въ тягость. Мы не любимъ, чтобы за дѣтми не было ухода; а какъ подумаешь, сколько случаевъ можетъ приключиться отъ подосмотра, такъ сердце непокойно. Да, надо тебѣ другую жену, а мнѣ другую невѣстку. Подумай-ко, братецъ. Я уже не разъ тебѣ говорилъ: время идетъ, годы не будутъ тебя ждать. Мы хотимъ, чтобы все хорошо шло у насъ въ дошѣ: для дѣтей и для насъ ты долженъ поскорѣ жениться.

— Что мѣ, батюшка, отвѣчалъ зять: — если вы непремѣнно хотите, надо будетъ сдѣлать по вашему. Но не скрываю отъ васъ, что это тяжело для меня, и жениться въ другой разъ мнѣ такъ же бы не хотѣлось, какъ утопиться. Знаешь, кого потерялъ; а не знаешь, кого найдешь. Покойница у меня была красавица, тихая, бодрая, добрая къ отцу съ матерью, добрая къ мужу, къ дѣтямъ, хорошая работница что въ полѣ что дома, мастерица на дѣло, словомъ отличная жена, и когда вы ее выдавали за меня, когда я бралъ ее, мы не дѣлали уговора, чтобы я ее забылъ, если буду нѣтъ несчастіе терять.

— Твои слова идутъ отъ добраго сердца, Жерменъ, возразилъ ладъ-Морисъ: — знаю, ты любилъ мою дочь, дѣлалъ ее счастливою, и еслибъ могъ умереть вмѣсто ея, то Катерина была бы теперь жива, а ты былъ бы на клѣбницѣ. Она стояла такой любви,

и если ты не можешь по ней утѣшиться, то и мы также. Но я не говорю, чтобъ ты забыла ее. Господу Богу угодно было, чтобъ она покинула насъ, и не проходить дня безъ того, чтобъ молитвами, мыслями, словами и дѣлами мы не чтили ея память и не жалѣли объ ея кончинѣ. Но еслибъ она могла говорить съ тобою съ того свѣта и дать знать тебѣ свою волю, она велѣла бы тебѣ принесть мать свротамъ. Все дѣло въ томъ, чтобъ найти женщину, которая бы достойно замѣнила ее. Оно не легко, но возможно, и когда мы найдемъ ее тебѣ, ты полюбишь ее такъ же, какъ любилъ мою дочь, потому-что ты честный человекъ и будешь ей благодаренъ за услуги намъ и за любовь къ твоимъ дѣтямъ.

— Хорошо, дядя-Морисъ, сказалъ Жерменъ: — я исполню вашу волю, какъ всегда исполнялъ.

— Надо отдать тебѣ справедливость, ты всегда слушался дружбы и добрыхъ совѣтовъ твоего старшаго въ семьѣ. Подумаемъ же вмѣстѣ о выборѣ тебѣ новой жены. Во-первыхъ, моему, тебѣ не надо брать молоденькую: тебѣ нужно совѣтъ другое. Молодыя вѣтраны, а воспитывать троихъ дѣтей, особливо дѣтей отъ другой жены — бремя, и надо, чтобъ жена была добрая душа, разумная, кроткая и очень-наклонная къ работѣ. Если твоей женѣ не будетъ близко твоихъ дѣтъ, у нея не будетъ достаточной причины вѣваться за такую обязанность. Ты покажешься ей слишкомъ-старъ, а твои дѣти слишкомъ-молоды. Она будетъ жаловаться, а твои дѣти будутъ страдать.

— То-то меня и безпокоитъ, сказалъ Жерменъ. — Что, если моихъ крошекъ станутъ гнать, ненавидѣть, бить?

— Сохрани Богъ! возразилъ старикъ. — Но алыхъ женщинъ въ нашей сторонѣ меньше, чѣмъ добрыхъ, и кто не совершенно-глухъ, тому не мудрено сдѣлать пригодный выборъ.

— Правда, батюшка; есть добрыя дѣвушки въ нашемъ селеніи. Есть Луиза, Сильвена, Клодина, Маргарита...

— Постой, постой, братецъ, всѣ эти дѣвки слишкомъ-молоды, либо слишкомъ-бѣдны... либо слишкомъ-хороши собою; вѣдь и объ этомъ надо подумать. Красивая женщина не всегда бываетъ доброй хозяйкой.

— Такъ вы хотите, чтобъ я женился на дурншатѣ? сказалъ Жерменъ, и-сколько встревоженный.

— Нѣтъ! не на дурной, потому-что отъ этой жены у тебя будутъ другія дѣти, а нѣтъ ничего прискорѣе, какъ имѣть дѣтей дурныхъ, слабыхъ и хворыхъ. Но женщина еще свѣтлая, здоровая, не херонная и не дурная собою, очень бы годилась для тебя.

— Вижу, сказалъ Жерменъ, улыбаясь немножко-грустно: — что такой жецѣ, какую вы мнѣ желаете, надо бы родиться на-заказъ, гнѣмъ большаго, что бѣдной вы не хотите, а богатыхъ не легко доставать, особливо вдовцу.

— А еслибъ она также была вдова. Жерменъ, вдова безъ дѣтей, и съ хорошими достатками?

— Такой покуда я не знаю въ нашемъ околоткѣ.

— И я также; но есть такія въ другомъ мѣстѣ.

— У васъ есть кто-нибудь въ виду, батюшка; такъ скажите равнѣ.

— Да, есть кое-кто въ виду: именно Леонаръ, вдова Герома, которая живетъ въ Фуриѣ.

— Я не знаю ни этой женщины, ни этого мѣста, отвѣчалъ Жерменъ съ некорнностью, не становясь все печальнѣе.

— Ее зовутъ Катериною, какъ звали и твою покойницу.

— Катериною? Да, мнѣ было бы приятно называть это имя: Катерина! Однакожь, если я не могу полюбить ее столько же, какъ любилъ покойницу, мнѣ будетъ еще грустнѣе, потому-что чаще будетъ напоминать ее.

— Говорятъ тебѣ, ты ее полюбилъ. Она добрая женщина, женщина съ сердцемъ; я давно не видалъ ея, а тогда она была недурная дѣвка; но теперь ужъ не молода: ей тридцать-два года. Она изъ хорошаго дома, все славы...

люди, и имѣть тысячи на восемь или на десять франковъ земель, которыя съ охотою продасть, чтобъ купить друга въ томъ мѣстѣ, гдѣ поселится, — потому-что она также думаетъ выйти замужъ, и я знаю, что если твой характеръ придется ей по-мысли, она не найдетъ твоего положенія худымъ.

— Такъ вы уже все сладили?

— Да, все, кромѣ мыслей васъ двинуть; ужъ объ этомъ надо вамъ спросить другъ друга, познакомившись. Отецъ этой женщины немножко съродивъ мнѣ, и бывалъ очень друженъ со мною. Вѣдь ты знаешь его, дядю-Леонара?

— Какъ же! видѣлъ его съ вами на ярмаркахъ, и на послѣдней ярмаркѣ вы завтракали вмѣстѣ. Такъ объ этомъ-то вы такъ долго съ нимъ толковали?

— Разумѣется; онъ видѣлъ, какъ ты продавалъ скотину, и находилъ, что ловко дѣлаешь свое дѣло, что ты краивый парень, смысленъ и расторопенъ; а когда я рассказывалъ ему объ тебѣ все, какъ ты хорошо ведешь себя съ нами цѣлыя восемь лѣтъ, какъ мы вмѣстѣ живемъ и работаемъ, никогда не сказывалъ другъ другу ни словечка дурнаго, онъ и задумалъ женить тебя на своей дочери; мнѣ это также понравилось, признаюсь тебѣ, по доброй слави, какую она имѣетъ, по честности ея семьи и по ихъ зажиточности, которая мнѣ извѣстна.

— Вижу, дядя-Морисъ, вы таки дорожите зажиточностью.

— Конечно, дорожу. А ты развѣ не дорожишь?

— Дорожу, пожалуй, въ угоду вамъ; но вы знаете, что, съ своей стороны, я мало забочусь о томъ, что мнѣ достается или не достается въ вашихъ барышахъ. Я не мастеръ на расчеты людей, и голова моя не годится на эти вещи. Я знаю землю, знаю быковъ, лошадей, замяшки, посѣвы, уборку, сѣноуборку. Гдѣ касается овецъ, виноградника, огорода, мелкихъ прибылей и мелкихъ промысловъ, тамъ дѣло нашего сына, и я мало въ это вступаю. На деньги память у меня

плохая, и я лучше готовъ отъ всего отказываться, нежели спорить о носѣхъ и твоихъ. Я всегда боюсь ошибиться, потребовать того, что мнѣ не слѣдуетъ, и еслибъ наши дѣла не были просты и ясны, я никогда бы не взялъ ихъ въ толкъ.

— То-то и худо, сынокъ; за тѣмъ-то мнѣ и хочется, чтобъ у тебя была умница жена, которая замѣтила бы меня, когда меня не будетъ на свѣтѣ. Ты никогда не хотѣлъ хорошенько заниматься нашими счетами, а это можетъ ввести тебя въ ссору съ моимъ сыномъ, когда меня при васъ не будетъ...

— Дай Богъ вамъ долго еще поминуть, дядя-Морисъ! Но не беспокойтесь о томъ, что будетъ послѣ васъ: я никогда не заспору съ вашимъ сыномъ. Полагаюсь на Жана, какъ на самихъ васъ, и такъ-какъ у меня нѣтъ имѣнья, а все, что мнѣ приходится, досталось отъ вашей дочери и принадлежитъ нашимъ дѣтямъ, то я могу быть покоенъ и вы также: Жакъ не захочетъ обогрѣть сестриныхъ дѣтей въ пользу своихъ, потому-что любитъ почти равно тѣхъ и другихъ.

— Правда твоя, Жерменъ: Жакъ добрый сынъ, добрый братъ и любитъ справедливость. Но Жакъ можетъ уверить прежде тебя, прежде чѣмъ дѣти ваши вырастутъ,—а въ семействѣ надо всегда думать о томъ, какъ бы не оставить меньшихъ безъ старшаго, который бы совѣтовалъ имъ и мирилъ ихъ разногласія. Иначе, въ дѣло вступятся злопоники, поссорятъ ихъ и заставятъ совсѣмъ разориться въ тѣлѣ. Отъ-того мы не должны и думать о принятіи въ семью лишняго человѣка, мужчины или женщины, не имѣя въ виду, что со-временемъ этому человѣку, можетъ-быть, придется управлять недвижимымъ и дѣлами десятковъ трехъ дѣтей, виуковъ, зятьевъ и невольныхъ... Непозвѣстно, сколько можетъ прибавить семьи; а когда улей такъ положитъ, что надо роиться, каждая пчела старается увести медъ свой. Когда я взялъ тебя въ зятья, хотя дочь моя и была богата, а ты бѣденъ, я не осуждалъ ея, что

она тебя выбрала. Я видѣлъ въ тебѣ хорошаго работника и зналъ, что лучшее богатство для насъ деревенскихъ людей тавія руки и такое сердце, какъ твои. Когда мужчина приноситъ это въ семью, те приноситъ довольно. Но женщина— другое дѣло: ея трудъ въ домѣ хорошъ для того, чтобъ сохранять, а не для того, чтобъ наживать. Сверхъ того, теперь, когда ты уже отецъ и видишь жены, надо рассудить, что твои новыя дѣти, не имѣя никакой доли въ наследствѣ дѣтей отъ первого брака, останутся въ ожиданіи послѣ твоей смерти; если у твоей жены не будетъ никакого-нибудь своего имѣнія. Даваше: чего-нибудь да будетъ стоить кормить дѣтей, которыми ты увеличишь нашу семью. Еслибъ это падло на насъ единихъ, мы, разумеется, стали бы ихъ кормить, но жалуюсь на это; но инакъ достатокъ убавился бы тогда, и твои первыя дѣти потерпѣли бы ту же долю лишений. Когда семейства непомирно-разножачутся, а достатокъ не увеличивается въ соразмѣрности, — приходится бѣдность, какъ ни держишь бедро. Вотъ мои замѣчанія, Жерменъ; подумай объ нихъ и постарайся полюбитьсь вдовѣ Гербень; ея доброе поведение и деньги принесутъ намъ поддержку въ настоящемъ и безопасность въ будущемъ:

— Слушаю, батюшка; постараюсь ей полюбиться и полюбить ее:

— Коли такъ, надо тебѣ ее видѣть, съѣздить къ ней.

— Въ ея селеніе? Въ Фуршъ? Это далеко отсюда, не правда ли? Намъ некогда развѣзжать объ эту пору года.

— Когда дѣло идетъ о женитьбѣ по любви, надо быть готову тратить время; но когда рѣчь о женитьбѣ по раскладу между людьми, у которыхъ нѣтъ наживовъ и которые знаютъ чего хотѣть, дѣло рѣшается скоро. Завтра, суббота, ты уверотишь своей пахатный день, отправишься въ два часа послѣ обѣда, и къ ночи будешь въ Фуршѣ; вѣслицъ теперь свѣтитъ ярко, дорожки хороши, а пути всего три льѣ.

Это близко Маньѣ. Притомъ же, ты возьмешь лошадей.

— Но-ниб; лучше бы мнѣ избѣжить въ такую хорошую погоду.

— Да, но наша кобыла красива собою, и женихъ, пріѣхавшій на хорошей лошади, какъ-то глядитъ лучше. Ты надѣнешь новое платье и сделаешь добрый подарокъ дядѣ-Леонару. Пріѣдешь будто отъ меня, поговоришь съ нимъ, проведешь все воскресенье съ его дочерью, и веротишься съ согласіемъ или отъказомъ въ поведѣльничьхъ утѣрахъ.

— Хорошо, спокойно отаѣчалъ Жерменъ.

Однакожь, онъ не былъ совершенно-спокоенъ. Жерменъ всегда малъ воздержно, намъ живутъ трудолюбивые крестьяне. Женитиши двадцати лѣтъ, онъ любилъ одну только женщину въ своей жизни, и съ самаго вдовства, — хотя и былъ характера пыллаго, веселого, — не шутылъ, не балагалъ ни съ какой другою женщиной. Онъ вѣрно хранилъ истинную скорбь въ сердцѣ, и не безъ страха, не безъ печали поминался тестю. Но тесть всегда разумно правилъ семью, и Жерменъ, который былъ совершенно преданъ общему дѣлу, слѣдственно, и представлятелю его — главѣ семейства, Жерменъ не понималъ, чтобъ можно было вступаться противъ основательныхъ доводовъ, противъ общаго интереса.

Все-таки онъ былъ печаленъ: Рѣдце проходилъ день, когда бы онъ не шалкалъ тайно по женѣ, и хотя одиночество начинало тяготить его, онъ больше испугался вступленія въ новый союзъ, нежели желалъ развѣзжиться отъ своей сиуки. Смутно жалъ онъ, чтобъ любовь угѣшила его, лавившись непереконь, — ибо иначе любовь и не угѣшаетъ: ея не найдешь, когда ищешь; она приходитъ къ намъ, когда мы все ея не ожидаемъ. Холодный плащъ женитьбы, на который ухватывалъ ему дядя-Морисъ, незванкомъ не вѣста, даже, можетъ-быть, всѣ похвалы, воздаваемые ея уму и добродѣтели, заставляли его задумываться. И онъ

шелъ домой въ раздумь, какъ бывають въ раздумь люди, у которыхъ нѣтъ столько мыслей, чтобы онѣ могли бороться между собою, — то-есть, не составляя самому себѣ препятствій доводить упрямства и оговора, но страдая глухою печалью и не борясь противъ зла, которому надо было покоряться.

Между-тѣмъ, дядя-Морисъ воротился на яхту, покаивъ Жерменъ, послѣ заката солнца до наступленія ночи, употребилъ послѣдній часъ дня на то, чтобы ватыкать пролоны, которые бѣды надвигали въ заборъ ограды, соединенъ съ стеною. Онъ прибавилъ и подрѣзалъ терновые стебли; обсыпавъ ихъ бугорками земли, между-тѣмъ, какъ дровы щебетали въ ближнемъ устарѣннѣи и словно кричали ему, чтобы торопился, любопытствуя взглянуть на его дѣло тотчасъ, какъ онъ отойдетъ прочь.

III.

МАЛЕНЬКІЙ ПЬЕРЪ.

Дядя-Морисъ нашелъ у себя дома старую сосѣдку, которая, пришедши за жаромъ для своей печки; осталась поболтать съ его женою. Тѣтя-Гиллетта жила въ очень-бѣдной хижинѣ; на два ружейные выстрѣла отъ мызы. Но она была женщина смѣшная и острая. Бѣдный домишко ея содержался чисто и въ порядкѣ, и ея тщательнo-запущанное платье показывало уваженіе ея къ самой-себѣ не смотря на нищету.

— Вы пришли за огнемъ къ ужину, тѣтя-Гиллетта; сказала старикъ. — Но нужно ли вамъ еще чего-нибудь?

— Нѣтъ, дядюшка-Морисъ, отвѣчала она: — ничего покаивъ. Я не попрошайка, вы знаете, и не злоупотребляю доброты друзей моихъ.

— Правда; за то ваши друзья всегда готовы оказать вамъ услугу.

— Я было-разговаривала съ вашей женою и спрашивала у нея, рѣшается ли наконецъ Жерменъ жениться въ другой разъ?

— Вы не болтувыя, отвѣчала дядя-Морисъ: — при васъ можно говорить, не боясь слышать; скажу же моему женой вамъ, что Жерменъ совершенно рѣшился; завтра онъ отправляется въ Фуршъ.

— Въ добрый часъ! вскричала тѣтя-Морисъ. — Флоренца! Дня Богъ ему найдти жеву такую же добрую и упрямую, какъ онъ самъ!

— А! онъ отправляется въ Фуршъ? подхватила Гиллетта. — Скажите, жевы кстати! Я очень этому рада, и флага вы ей сейчасъ спрашивали, не нужно ли ей чего-нибудь, я скажу вамъ, дядюшка-Морисъ; какое одолженіе вы можете мнѣ сдѣлать.

— Говорите, говорите; мы готовы служить.

— Нельзя ли, чтобы Жерменъ попутался проводить жеву-дечу?

— Куда же? въ Фуршъ?

— Нѣтъ, не въ Фуршъ, а въ Орно; гдѣ она проживеть остатокъ года.

— Какъ! сказала тѣтя Морисъ: — вы расстаетесь съ дочерью?

— Ничего дѣлать; надо, чтобы она пошла въ услуженіе и заработывала что-нибудь. Мнѣ это очень-грустно и ей также; бѣдняжка! Мы не могли рѣшиться расстаться обь Ивановъ-дечу. Но настаетъ мартыновъ-день, и ей вѣрно хорошее мѣсто пастушки на орноскихъ мызахъ. Мызаникъ намедни проѣзжалъ мимо насъ съ ярмарки, увидѣлъ мою Марию, когда она вела своихъ трехъ барановъ на общинномъ лугу. «Вы совѣтъ безъ дѣла, дѣвочка» говоритъ онъ ей: «три барана на пастушку — какое это таинство! Хотите ли стеречь ихъ со мною? я возьму васъ къ себѣ. Наша пастушка захворала и возвращается къ своимъ роднымъ; если хотите придти въ намъ на-дняхъ, получите пятьдесятъ франковъ за остатокъ года до Фулуцаго Иваново-дня. Дѣвочка отказалась, но не пропустила этого безъ вниманія и рассказала мнѣ, когда, вернувшись вечеромъ домой, увидѣла, что я грущу на и затруднилась тѣмъ, какъ провести зиму, которая будетъ жестока и долга;

потому-что нынѣшній годъ журавли и дикіе гуси пролетѣли цѣлымъ мѣсяцемъ раньше обыкновеннаго. Мы съ нею пошарили, но потому ободрились. Подумали, что нельзя намъ оставаться вмѣстѣ, потому-что намъ влопочи земли насилу прокормить одного человѣка; а благо Марія подросла (вѣкъ ей шестнадцать лѣтъ), пусть же она не отстаетъ отъ другихъ, пусть заработываетъ себѣ хлѣбъ и помогаетъ бѣдной матери.

— Тѣтка-Гильетта, сказалъ старый хлѣбопашецъ: — еслибъ нужны были только пятьдесятъ франковъ, чтобъ утѣшить васъ отъ горя и набавить отъ необходимости посылать дочь въ чужое мѣсто, пожалуй, я бы нашелъ ихъ easily, хоть пятьдесятъ франковъ нынче и не бездѣлица для нашего брата. Но ведь надо слушаться разсудка наравнѣ съ дружбою. Спасишься отъ бѣдности въ эту зиму, вы не спасетесь отъ будущей бѣдности, а чѣмъ дольше ваша дочь будетъ медлить рѣшеніемъ, тѣмъ тяжелѣе вамъ съ нею будетъ разстараться. Марія выросла велика и здорова, а у васъ ей нѣчего дѣлать. Пожалуй, привыкнетъ къ бездѣлушничеству...

— О! за это я не боюсь! сказала Гильетта. — Марія у меня такая работящая, какъ только можетъ быть богатая дѣвка при большомъ хозяйствѣ. Она не сидитъ минуты сложа руки, и когда у насъ нѣтъ работы, чиститъ и натираетъ вашу бѣдную мебель, которую дѣлаетъ свѣтлою какъ зеркало. Эта дѣвочка стѣнитъ денегъ, и миѣ бы гораздо было пріятнѣе, еслибъ она у васъ опредѣлилась напушкой, чѣмъ ушла въ такую даль къ незнакомымъ людямъ. Вы бы взяли ее въ изановъ-день, еслибъ мы тогда могли рѣшиться; но теперь вы ужь навяли себѣ всѣхъ рабочихъ, и развѣ на будущій изановъ-день мы можемъ думать объ этомъ.

— Согласенъ отъ всего сердца, Гильетта! Миѣ будетъ очень-пріятно. А покуда она понаучится дѣлу и привыкнетъ быть въ услуженіи.

— Да, да, конечно; жребій брошенъ.

Ормосій шивиникъ опять присылалъ за нею нынче угрозы; мы отвѣчали да, и она должна идти. Но бѣдняжка не знаетъ дороги, и миѣ бы не хотѣлось посылать ее такъ далеко одну. Если вамъ зять отправляется завтра въ Фуринъ, онъ можетъ проводить ее. Кажется, что мыза, куда ей надо, тутъ же рядомъ; такъ миѣ сказывали, — сама я никогда тамъ не была.

— Да, радокъ, и зять мой, проводить ее непремѣнно; даже онъ можетъ послать ее позади себя на лошади: она меньше испочтетъ башмаки. Вотъ онъ идетъ уживать. Слышишь, Жерменъ, маленькая Марія тѣти Гильетты идетъ въ напушки въ Ормъ. Ты доведешь ее съ собою на лошади, не правда ли?

— Пожалуй, отвѣчалъ Жерменъ, который былъ разстроенъ, но всегда готовъ на услугу ближнему.

Въ нашемъ свѣтѣ, не пришло бы въ голову матери доверить шестнадцатилѣтнюю дѣвочку мужчине двадцативосьми лѣтъ, ибо Жермену въ-самомъ-дѣлѣ было только двадцать-восемь, и хотя, по понятіямъ его края, онъ слылъ старымъ для женитьбы, но былъ еще самымъ красивымъ мужчиною въ цѣломъ мѣстечкѣ. Трудъ не иссушилъ и не состарилъ его, какъ нѣсушасть и старитъ большую часть крестьянъ, которые пахали лѣтъ десатокъ. Онъ былъ въ состояніи пахать еще десять лѣтъ, и развѣ сильно-вкоренявшійся предрассудокъ на-счетъ лѣтъ могъ помѣшать молодой дѣвушкѣ замѣтить, что Жерменъ имѣлъ свѣжіи цвѣты, живые и голубые какъ майское небо глаза, алый ротъ, прекрасные зубы, стройный и гибкій станъ, какъ станъ молодого коня, который еще не покидалъ табуна своего.

Но чистота нравовъ — священное преданіе въ нѣкоторыхъ деревняхъ, удаленныхъ отъ развратной суеты большихъ городовъ, и между всѣми белерскими семьями, семья Мориса слылъ за честную и правдолюбивую. Жерменъ вѣхалъ сватать себѣ жену; Марія была такъ молода и такъ бѣдна, что онъ не могъ думать о пей въ этомъ отношеніи,

и, не будучи злым человеком, человеконенавистником, не могъ жить никакой преступной мысли, находясь подлѣ нея. Дядя-Морисъ отнюдь не безпечковался, зная, что онъ сажаетъ позадѣ себя эту хорошенькую дѣвочку; Гильетта небожалась бы обидѣть его, еслибъ стала поручать ему беречь ее какъ сестру. Марія сѣла на кобылу со слезами, двѣнадцать разъ обнявши мать и молодыхъ подругъ своихъ. Жерменъ, будучи самъ грустенъ, тѣмъ живѣе сочувствовалъ ея горю и похвѣлъ съ серьёзнымъ видомъ, между-тѣмъ, какъ сестра махала руками на прощанье бѣдной Маріи, не думая ничего худого.

Сѣрка была молода, статна и сильна. Она безъ напряженія везла свою двойную пошу, прижавъ уши и грызя удила, какъ и слѣдовало гордой, горячей кобылѣ. Проходя мимо сѣнокошаго луга, она увидѣла свою мать, которую звали старою Сѣркою, такъ же, какъ ее молодою Сѣркою, и заржала въ знакъ прощанья. Старая Сѣрка подошла къ загородѣ, гремя своими цѣпными путями, попробовала галопировать по окраинѣ луга, чтобъ слѣдовать за дочерью; потомъ, видя, что та пустилась крупной рысью, въ свою очередь остановилась, печальная, тревожная, вытупивъ шею, съ ртомъ набитымъ травой, которую ужъ не думала ѣсть.

— Бѣдная скотина не забываетъ своего отродья, сказалъ Жерменъ, чтобъ развлечь скуку Маріи. — Это напоминаетъ мнѣ, что я не простился съ моимъ маленькимъ Пьеромъ. Шалуна не было при отъѣздѣ! Вчера вечеромъ онъ хотѣлъ, чтобъ я обѣщалъ везти его съ собою, и цѣлый часъ проплакалъ въ постели. Еще нынче поутру чего-чего онъ не дѣлалъ, чтобъ убѣдить меня! О! какоймышленный и хитрый мальчишка! Но когда увидѣлъ, что ничего не добьется, наволилъ разгнѣваться: убѣждалъ въ поле, и я ужъ не видалъ его дней.

— Я его видѣла, сказала Марія, силась унять свои слезы. — Онъ бѣгалъ около прогѣска съ дѣтми Сула; я такъ и думала, что онъ давно ушелъ

изъ дома, потому-что былъ голоденъ и ѣлъ терновыя и тутовыя ягоды. Я дала ему своего хлѣба, и онъ мнѣ сказалъ: «Спасибо, Маріютаа: когда ты придешь къ намъ, я тебѣ дамъ пирога». Онъ преумный ребенокъ у васъ, Жерменъ!

— Да, преумный! возразилъ хлѣбопашецъ: — и я не знаю, чего бъ я для него не сдѣлалъ! Еслибъ его бабушка не была разсудительнѣе меня, я не удержался бы и вѣлъ бы его съ собою, когда увидѣлъ, что онъ плачетъ такъ крѣпко, что его сердечко готово было разорваться.

— Чтò жь! отъ-чего вы его не взяли, Жерменъ? Онъ не отаготилъ бы васъ; онъ такой смврный, когда дѣлаютъ по его желанію!

— Кажется, онъ былъ бы лишнимъ тамъ, куда я ѣду. По-крайней-мѣрѣ, такъ говорилъ дядя-Морисъ... Я однако думалъ бы, что, напротивъ, надо поглядѣть, какъ его пріймуть, и что такой умный ребенокъ не могъ не поправиться... Но домашніе говорятъ, не надо начинать съ того, чтобъ показывать семейныя тагости... Да зачѣмъ я говорю тебѣ объ этомъ, Марія? вѣдь ты ничего не понимаешь!

— Какъ не понимать, Жерменъ; я знаю, что вы ѣдете жениться; матушка сказала мнѣ это, не вѣдая говорить никому, ни у васъ, ни тамъ, куда я иду, и можете быть покойны: ни слова не скажу.

— Хорошо сдѣланы, потому-что еще ничего не рѣшено; можетъ-быть, я и не поправлюсь этой женщиной.

— Какъ не поправиться, Жерменъ! Отъ-чего жь бы вы не поправились?

— Кто знаетъ? У меня трое дѣтей, а это тагость для женщины, которая не мать мнѣ!

— Правда; не ваши дѣти не то, что другія дѣти.

— Ты думаешь?

— Они хороши, какъ ангелы, и такъ воспитаны, что не найдешь любви къ нимъ.

— Силаненъ не очень-снисхожденъ.

— Онъ еще кромша: какъ ему не

быть безпокойными за то какой умники!

— Правда, онъ не глупъ, и какой смѣлый! Не боятся ни король, ни вождь, и еслибъ дать ему волю, онъ уже карабкался бы на лошадей за старшими.

— А на лошадей вѣсть вала бы старшаго. Навѣрно, вась тотчасъ бы подюбидя за то, что у вась такой хорошенькій ребенокъ!

— Да, если эта женщина любить дѣтей; а если не любить?

— Развѣ есть женщины, которыя не любятъ дѣтей?

— Я думаю, такихъ немного; однажды есть, и доть что меня мучить.

— Такъ вы вовсе не знаете этой женщины?

— Во все вѣтъ, я боюсь, что не больше узнаю ее, посматрѣвши. Я не шутель. Когда маѣ говорить дасловныя слова, а вѣрно; но не развѣ маѣ приходилось расказаться, потому-что слова не дѣла.

— Говорить, она очень-хорошая женщина.

— Кто говорить? дядя-Морисъ?

— Да; тещъ вась.

— Прекрасно; но онъ знаетъ ее по больше моего.

— Такъ что жь! вотъ вы скоро ее увидите; посмотрите хорошенько, и авось не ошибетесь, Жерменъ.

— Знаешь что, Марія? маѣ будетъ очень-приятно, если ты выйдешь къ намъ со мною прежде, чѣмъ пойдемъ въ Ормъ; ты тогда, ты всегда выказывала умъ и на все обращаешь вниманіе. Если увидишь что-нибудь не совсемъ пригожее, шепнешь маѣ.

— О, вѣтъ, Жерменъ! этого я не сдѣлаю! Я побоюсь сама ошибиться; притомъ же, если слово, сказанное на вѣтеръ, отохотитъ вась отъ женитбы, ваши родные будутъ сердаться на меня, а у меня и базъ того довольно горя; какъ же маѣ навикать еще новое на мою матушку!

Пока они такъ толковали, Сѣрка пошатнулась въ сторону, наостривъ уши, потомъ воротилась и подошла къ ку-

старшаку, гдѣ что-то смѣчала и смущало ее. И что она теперь начинала ушисать. Жерменъ, взглянувъ въ кустарникъ, увидѣлъ во рау, подъ густыми и еще обѣими вѣтвями дуба, что-то такое, что онъ принялъ за лягушку.

— Скотина заблудшая, сказала онъ — либо мертвая, потому-что не шевелится. Можетъ быть, это — ибудъ ищеть ее; надо посмотреть!

— Это не скотина, вскрачала Марія: — это ребенокъ спитъ; вась маленькій Пьеръ!

— Вотъ хорошо! сказалъ Жерменъ, слѣвая съ лошади: — шалунъ уснулъ тутъ, такъ далеко отъ дома, и во рау, гдѣ его, пожалуй, укуситъ какая-нибудь змѣя!

Онъ взялъ на руки ребенка, который ему улыбулся, отирывъ глаза, и обвилъ его шею ручевками, говоря:

— Напа, возьми меня съ собою!

— Такъ и есть! вѣчно одна шѣсия! Что ты дѣлалъ тутъ, негодный?

— Я ждалъ, когда мама будетъ братьвать, сказала ребенокъ: — все глядѣлъ на дорогу, и заглядѣвшись, уснулъ.

— А еслибъ я прѣхалъ, не увидѣлъ тебя, ты оставался бы тутъ всю ночь, и волкъ съѣлъ бы тебя?

— О! я зналъ, что ты увидишь меня! отвѣчалъ маленькій Пьеръ съ утѣренностью.

— Ну, теперь, Пьеръ, поцалуй меня, прости со мною, и воротись скорѣе домой, если не хочешь, чтобъ поужинали безъ тебя.

— Такъ ты не возьмешь меня? вскричалъ мальчикъ, начиная утирать глаза, чтобъ показать, что сбирался плакать.

— Ты знаешь, что дѣдушка и бабушка не позволяютъ, сказала Жерменъ, укрываясь за власть старшихъ, какъ человекъ, не надвѣйся на собственную власть.

Но ребенокъ ничего не слушалъ. Онъ принялся плакать не на шутку, говоря, что если отецъ взялъ съ собою Марію, то можетъ взять и его. Ему возражали, что надо прѣзжать глухими дѣсомъ,

что тамъ много влукъ вѣтрѣй, которые свѣдаютъ дѣтей, что Сѣрка не хочетъ встать трѣхъ, что такъ она скакала при отъѣздѣ, и что къ той сторонѣ, куда они ѣхали, вѣтъ ни умина, ни постели для маленькиихъ. Все эти доводы не убѣдили Пьера: онъ упалъ на траву и катался по ней, крича, что папа его разлюбилъ, и что если не возьметъ его съ собою, то онъ не воротится домой ни днемъ, ни ночью.

У Жермена было отнюдьское сердце, столь же вѣрное и слабое, какъ сердце женщины. Смерть жены, печенія, какия онъ одиакъ принужденъ былъ предлагать о своихъ малюткахъ, также мысли, что бѣдныя впротки были между бытъ горячо любими, — все это сдѣлало его отнюдь слабымъ и вѣрнымъ, и внутри его произошла жестокая борьба, тѣмъ больше, что онъ стыдился своей слабости и усумнивался скрыть свою брешь отъ Маріи, — такая жестокая борьба, что потъ выступилъ у него на лбу и глаза одинились краснотою, готовое, также заплакать. Наконецъ, онъ надрободалъ было сердиться, но, обратясь къ Маріи, какъ бы для того, чтобы вѣсть ее въ свидѣтельница своей душевной твердости, увидѣлъ, что лицо доброй дѣвушки ометчено слезами: вся твердость его оставила, и онъ не могъ удерживать своихъ слезъ, хотя еще бранился и грозилъ.

— Какое же у насъ жестокое сердце, сказала наконецъ ему Марія, — я съ своей стороны не могла бы имъ за что такъ померечить ребенка, который расплакался. Помните, Жерменъ, возьмите его. Ваша любовь привыкла вонять двухъ человекъ съ ребенкомъ, а дѣлаемъ только — какъ вѣтъ съ женою, которая гораздо-потяжелее меня, ѣдять же да рымонъ по субботамъ съ нѣкъ мальчишкой на этой доброй скотинѣ. Можете посадить его на лошадь впереди себя; притомъ же, я лучше соглашусь идти одна вѣшкомъ, чѣмъ огорчать этого прощю.

— Зачѣмъ же! отъѣчалъ Жерменъ, вѣторону, смерть: хотѣлось дать, себя уговорить. — Сѣрка сильна и свезла бы

вазовъ больше, если бы вѣшлось мѣста на ее хребтѣ. Но что намъ дѣлать съ ребенкомъ дорогомъ? Онъ оаѣнетъ, проголодается, и кто уже и завтра будетъ укладывать его спать, ушивать и одѣвать? Я не смѣю обременять этимъ женщину, которой не знаю и которая, вѣрно, подумаетъ, что я чересчуръ не церемоненъ съ нею для начала.

— По ласкѣ или неудовольствію, что она оажетъ, вы тотчасъ ее узнаете, Жерменъ, повѣрьте мнѣ! Если же ода оттолкнетъ вашего Пьера, я берусь ходить за нимъ. Я прииду къ ней одѣть его и возьму съ собою въ поле, завтра; буду играть съ нимъ цѣлый день и поавбочусь, чтобы онъ ни въ чемъ не нуждался.

— Онъ надѣсть тебѣ, бѣдняжка! Онъ будетъ тебѣ въ тягость! цѣлый день, слишкомъ-долго!

— Напротивъ, отъ мнѣ доставитъ удовольствіе, ластъ мнѣ компанію, и пошѣиаетъ смучать первый день, который впрійдется мнѣ провести на чужой сторонѣ. Я буду воображать, что я еще дома.

Ребенокъ, видя, что Марія принимала его сторону, уцѣпился за ее юбку и держался такъ крѣпко, что безъ бола нельзя бы оторвать его рученка. Примѣтивъ, что отецъ соглашается, онъ схватилъ руку Маріи своими загорѣлыми отъ солнца рученками, обнялъ ее, прыгая отъ радости и таща ее къ лошади съ тѣмъ пыльнымъ ветерпѣишемъ, которое сопровождаетъ всѣ дѣтскія желанія.

— Поидеть! поидеть! сказала дѣвушка, поднимая его на руки: — уснеюномъ сердечко, которое прыгаетъ какъ птичка, и если оавнешь ночью, скажи мнѣ, голубчикъ Пьеръ, я заверну тебя въ свой плащъ. Обними оцна и попроси у него прощенья, что управился. Скажи, что впередъ никогда не будешь! слышишь, впріюгда!

— Да, да, лишь бы я всегда дѣлалъ во его волѣ, не такъ ли? сказала Жерменъ, утирая слезы малютки своимъ платкомъ. — Ахъ, Марія! ты у меня ба-

луешь этого шалуна!.. А право, ты предобрая дѣвушка, Марія. Не знаю, отъ-чего ты не пошла къ намъ въ на-ступки о прошломъ ивановомъ-днѣ. Ты ходила бы за мои дѣтьми, и мнѣ пріятнѣе было бы платить тебѣ хоро-шую цѣну за услугу мнѣ, нежели ѣхать сватать жену, которая, можетъ-быть, подумаетъ, что сдѣлаетъ мнѣ большую милость, если будетъ терпѣть ихъ.

— Не надо такъ глядѣть на вещи съ худой стороны, отвѣчала Марья, дер-жа узду лошади, пока Жерменъ усажи-валъ сына на передъ широкаго вьюч-наго сѣдла, покрытаго козьей шур-пой: — если ваша жена не будетъ лю-бить дѣтей, возьмите меня къ себѣ въ услуженіе на будущій годъ, и будьте покойны: я такъ стану забавлять ихъ, что они ничего не примѣтятъ.

IV.

Подъ старыми дубами.

— Дѣ-бишь, сказалъ Жерменъ, ког-да они сдѣлали нѣсколько шаговъ: — что подумаютъ дома, увидѣвъ, что па-рень-то не воротился? Родные встрево-жатся и стануть его вездѣ искать!

— Скажите десятскому, который вонъ тамъ работаетъ на дорогѣ, что вы берете его съ собою, и попросите извѣстить вашихъ.

— Правда, Марія, ты на все нахо-дишься! Мнѣ и въ голову не приходи-ло, что Жанни долженъ быть тамъ.

— Живетъ же онъ близехонько отъ мызы и непремѣнно исполнитъ ваше порученіе.

Взявъ эту предосторожность, Жер-менъ пустилъ вобылу рысью, и ма-ленькій Пьеръ былъ такъ веселъ, что сначала и не догадался, что еще не объ-далъ. Но движеніе лошади вытрясло ему желудокъ, и черезъ милю онъ на-чалъ звѣять, блѣднѣть и признался, что ему очень хочется ѣсть.

— Ну, началось! сказалъ Жерменъ. — Ужъ я видалъ, что мы не далеко про-ѣдемъ, какъ онъ запроситъ ѣсть или пить.

— Мнѣ и-нить хочется! сказалъ ма-ленькій Пьеръ.

— Хорошо! Заѣдемъ, пожалуй, въ харчевню тѣти-Ребекъ, въ Корлѣ, въ харчевню *Разсѣати*! Славная выѣзка, но заведеніе плохое! Ты, Марія, тамъ же выпьешь немножко вина.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ ничего не нуж-но, сказала она: — я буду держать ло-шадь, пока вы съ нимъ пойдете.

— Послушай, милая; ты поутру от-дала свой завтракъ моему Пьеру, а са-ма не ѣла; обѣдать съ нами дома так-же не хотѣла, а только плакала.

— О! мнѣ не хотѣлось ѣсть, мнѣ бы-ло очень-грустно! Божусь вамъ, что и теперъ еще совсѣмъ не хочется ѣсть.

— Надо принудить себя, милая; не-то захвораетъ. Дорога не близкая, а неловко же пріѣхать туда голодѣ-шенькимъ, чтобъ, не поздоровавшись еще, сиропить ѣсть. Я самъ подамъ тебѣ примѣръ, хотя не чувствую боль-шого аппетита; но я буду ѣсть, по-тому-что ѣлъ я самъ также не объ-далъ. Я видалъ, что вы съ матерью плачете; это надрывало мнѣ сердце... Полно, полно, привяжемъ Сѣрку у дво-рей; сдѣлай, я такъ хочу.

Они всѣ трое вошли къ тѣти-Ре-бекъ, и меньше, нежели въ четверта часа, толстая хромая старуха успѣла подать имъ довольно-взрачную яичи-цу, ситнаго хлѣба и вина клерета.

Крестьяне ѣдятъ нескоро, а малень-кій Пьеръ имѣлъ такой большой ап-петитъ, что прошелъ добрый часъ, пе-ка Жерменъ могъ подумать о продолже-ніи пути. Марія сначала ѣла изъ угоше-денія; потомъ, мало-по-малу, ей захотѣ-лось ѣсть, — потому-что въ шестнадцать лѣтъ нельзя долго поститься, и дере-венскій воздухъ требуетъ сытости. Ла-сковыя рѣчи, которыя говорилъ ей Жерменъ, чтобъ утѣшить и ободрить ее, также произвели свое дѣйствіе; она старалась утѣрить себя, что семь мѣся-цевъ промудтъ скоро, старалась думать о счастьи жить снова съ своей семьей и въ своей избѣ, потому-что дядя-Мо-рисъ и Жерменъ единогласно обеща-ли взять ее къ себѣ въ услуженіе. Но

когда она начала развеселиться и играть съ маленькимъ Пьеромъ, Жерменю вслаба несчастная мысль указать ей изъ окошка харчевни прекрасный видъ долины, которую всю видно съ этой высоты, и которая была такъ весела, зелена и плодородна. Марья взглянула и спросила, видны ли отсюда белерскіе дома.

— Разумѣется, сказалъ Жерменъ: — и наша мыза, и даже нашъ домикъ. Смотри, видишь сѣрую точку, недалеко отъ большого тополя Годаровъ, по-ниже колокольни.

— Ахъ, выжу! сказала дѣвочка, и опять залилась слезами.

— Напрасно я тебѣ напомнилъ это, сказалъ Жерменъ: — я сегодня дѣлаю только глупости! Ну, Марія, поѣдемъ, милая; дни нынче короткіе, и черезъ часъ, когда взойдетъ луна, будетъ не тепло.

Они пустились въ путь, проѣхали большую *пустошь*, и какъ, не желая утомлять дѣвушку и ребенка слишкомъ-крупной рысью, Жерменъ не очень погонялъ Сѣрку, то солнце уже сѣло, когда они покинули дорогу и вѣхали въ лѣсъ.

Жерменъ зналъ дорогу въ Манвѣ, но разочелъ, что будетъ ближе не вѣзжать въ шантелубскую аллею, а вѣхать черезъ Прель и Сепюльтюру, — путь, которымъ онъ не привыкъ вѣдять, когда отправлялся на ярмарку. Онъ сбился и потерялъ еще нѣсколько времени прежде, нежели вѣхалъ въ лѣсъ, да и вѣхалъ-то въ него не въ настоящемъ мѣстѣ, вовсе того не прикинувъ, — такъ-что очутился задомъ къ Фурушу и взялъ гораздо-выше въ сторону къ Арданту.

Осознавъ нѣшалъ ему туманъ, подвизавшійся съ наступленіемъ ночи, — одинъ изъ тѣхъ тумановъ, бывающихъ въ осенніе вечера, которые отъ сѣта луны становятся еще неопредѣленнѣе и обманчивѣе. Большія лужи воды, которыми усѣяны лѣсныя прогалины, испускали такія густыя испаренія, что когда Сѣрка проходила по нимъ, сѣдоки замѣчали это только по шлепанью

Т. XLVII. — Отд. VIII.

ея ногъ и по тягости, съ какою она вытаскивала ихъ изъ грязи.

Когда, наконецъ, попали на хорошую прямую аллею, и когда, проѣхавъ ее, Жерменъ постарался осознаться, то замѣтилъ, что заблудился, ибо дядя-Морисъ, толкну ему дорогу, говорилъ, что при выѣздѣ изъ лѣса ему надо будетъ спуститься съ очень-крутого берега, проѣхать широкій лугъ и дважды переѣхать рѣчку въ бродѣ. Онъ даже совѣтовалъ ему вѣзжать въ рѣчку поосторожнѣе, потому-что въ началѣ осени шли большіе дожди и вода могла порядочно прибить. Не видя ни спуска, ни луга, ни рѣчки, — ничего, кромѣ ровной и бѣлой какъ снѣгъ степи, Жерменъ остановился, поглядѣлъ, не видать ли какого-нибудь дома, подождалъ, не появится ли какой-нибудь прохожій, и не нашель ничего, по чему бы могъ узнать дорогу. Онъ воротился назадъ и вѣхалъ опять въ лѣсъ. Но туманъ сгустился еще больше, луна совершенно задержулась, дорога шла аринная, рытвины были глубоки. Два раза Сѣрка остуналась; навьюченная такою тяжестью, она теряла бодрость, и если еще сохраняла столько чутья, чтобъ самой не наткаться на деревья, то сидѣвшихъ на ней невольно вводила въ дѣло съ толстыми сучьями, загораживавшими дорогу вровень съ ихъ головами и подергавшими ихъ большою опасностію. Въ одной изъ этихъ встрѣчъ Жерменъ потерялъ шляпу и едва нашель ее. Маленькій Пьеръ уснулъ, и, оуставившись какъ нѣмокъ, такъ крепко удѣнился за руки отца, что Жерменъ уже не могъ ни держать узду, ни править лошадыю.

— Кажется, насъ обошелъ гнѣній, сказалъ наконецъ Жерменъ, оставаясь: — этого лѣса не такъ великъ, чтобъ въ немъ кто-нибудь могъ заблудиться, кромѣ нѣснаго, а вотъ ужь крайней-мѣрѣ два часа какъ мы кружимся и не можемъ выбраться. Сѣрка думаетъ объ одномъ, какъ бы воротиться домой, и она-то сбиваетъ меня съ толку. Если мы захотимъ поѣхать къ себѣ, намъ стѣбитъ только дать ей волю.

Но когда мы, можетъ-быть, въ двухъ шагахъ отъ мѣста, гдѣ должны почевать, главно воротаться назадъ и ѣхать опять такую дальнюю дорогу. Между-тѣмъ, ужь я не знаю, что и дѣлать; не вижу ни вѣи, и боюсь, чтобъ ребенокъ не схватилъ лихорадку, если мы останемся въ этомъ проклятомъ туманѣ, или чтобъ мы его не раздавили собою, если лошадь спотынется на переднія ноги.

— Надо покориться своей участи, сказала Марія. — Слѣземъ, Жерменъ; дайте мнѣ ребенка, я понесу его на рукахъ, а лучше вашего не доущу, чтобъ плащъ, снадая, оставилъ его открытымъ. Вы поведете лошадь за узда, и, можетъ-быть, мы лучше разглядимъ дорогу, когда будемъ ближе къ землѣ.

Эта мѣра успѣла только предохранить ихъ отъ падеья съ лошади, ибо туманъ разстилался и словно прилипалъ къ мокрой землѣ. Ходьба была трудна, и скоро они такъ устали, что остановились, нашедши наконецъ сухор мѣсто подъ старыми дубами. Съ Маріи потъ катился градомъ, но она не жаловалась и ничего не боялась. Занимаясь единственно ребенкомъ, она сѣла на песокъ и положила его къ себѣ на колѣни, между-тѣмъ, какъ Жерменъ осматривалъ окрестность, привязавъ узду Сѣрка къ сучку дерева.

Но Сѣрка, которой очень надѣло путешествіе, натужилась, порвала поводья, подпрыгну, и брыкнувъ подожину развѣ вадомъ выше своей головы, помчалась сквозь просѣки, доизывая ясно, что она одна умѣла найти дорогу домой.

— Вотъ-те на! сказала Жерменъ, поговорявшись за нею и не моймавъ ея: — теперь мы пѣние, и напрасно отыскали бы дорогу, потому-что намъ надо бы переѣзжать рѣку збродъ, и, смотря потому, какъ наводнены тропинки, можемъ быть увѣрены, что лугъ весь залитъ рѣкою. Другихъ дорогъ мы не знаемъ. Придется подождать, пока туманъ разсѣется; онъ не можетъ продолжаться дольше часа или двухъ. Когда будетъ можно видѣть, пошщемъ какого-

нибудь дома, первого, какой попадетъ на опушкѣ лѣса; но теперь намъ нельзя выйдти отсюда; перелѣзъ нами какой-то ровъ или прудъ, или не знаю что; а повали насъ также не умѣю сказать что такое, потому-что не понимаю уже, съ которой стороны мы прѣѣхали.

— Что жъ! возьмемъ терпѣніе, Жерменъ, сказала Марія. — Намъ не худо тутъ на пригоркѣ. Дождь не пробиваетъ листьевъ этихъ толстыхъ дубовъ, и мы можемъ развести огонь, потому-что я ощупываю старые пни, которые ни къ чему не годятся и такъ сухи, что будутъ горѣть. Вѣдь съ вами есть огонь, Жерменъ? Вы недавно курили трубку.

— Былъ со мною! кое-огниво было на сѣдлѣ въ мѣшкѣ съ дичью, которую я везъ повѣстѣ; но проплатая лошадь все унесла, даже плащъ мой, который теперь потеряетъ и исорветъ въ клочки объ сучья.

— Нѣтъ, Жерменъ; сѣдло, плащъ, мѣшокъ, все здѣсь на землѣ, у васъ подъ ногами. — Сѣрка оборвала подпруги и все съ себя сбросила.

— И то все дѣло! вскричалъ хлѣбопашецъ: — еслибъ намъ ощупью набрать хвороста, мы могли бы высушиться и обогрѣться.

— Это не мудроно, сказала Марія: — хворостъ вездѣ хруститъ подъ ногами; но прежде дайте-ко мнѣ сюда сѣдло.

— Что ты хочешь съ нимъ дѣлать?

— Сдѣлать постель ребенку. Нѣтъ, не такъ; положите наизнанку: онъ лучше не скатится; да оно же и нагрѣлось отъ спины лошади. Подложите мнѣ его съ обѣихъ сторонъ камнями, что тутъ валяются.

— Я не вижу ихъ! Не-ужь-то у тебя ищичьи глаза?

— Ну! вотъ и готово, Жерменъ! Дайте мнѣ вашъ плащъ завернуть ему ножки, а своимъ я одѣну его. Смотрите! не такъ ли жъ ему покойно, какъ дома на постели! Пошупайте, какъ онъ согрѣлся!

— Правда! ты мастерица ходить за дѣтми, Марія!

— Дѣло-то вовсе не мудреное. — Те-

перь доставайте огниво изъ мѣшка, а я складу дрова.

— Эти дрова никогда не загорятся: они слишкомъ-сыры.

— Вы во всемъ сомнѣваетесь, Жермень! Развѣ не помните, какъ бывали въ пастухахъ и разводили большіе огни въ полѣ, подь самымъ дождемъ?

— Дѣ, это искусство ребятъ, которые стерегутъ скотину; но я былъ погонщикомъ быковъ, какъ скоро началъ ходить.

— Отъ-того-то вы ловчѣе управляетесь руками, нежели пальцами. — Ну, вотъ, нашъ костеръ складенъ; поглядите, какъ онъ загорится! Дайте мнѣ огонь и горстку сухаго папоротника. Хорошо! Теперь раздувайте; вѣдь вы не слабогруды?

— Нѣтъ, кажется, сказалъ Жермень, дунувъ какъ кузничный мѣхъ.

Черезъ минуту, пламя вспыхнуло, бросило сперва красноватый свѣтъ, и наконецъ засверкало синими полосами полъ пологомъ дубовъ, борясь съ туманомъ и просушая мало-по-малу воздухъ шаговъ на десять вокругъ.

Я слыу подлѣ маленькаго, чтобъ на него не попали искры, сказала дѣвушка. — А вы подкладывайте дрова и раздувайте огонь, Жермень! Мы тутъ не озябнемъ и не простудимся, ручаюсь вамъ.

— Нѣчего сказать, ты умная дѣвка, сказалъ Жермень: — и умѣешь разводить огонь какъ ночная вѣдьма. Я теперь ожилъ и ободрился духомъ, потому-что съ ногами, взмоченными по колѣни и съ мыслью пробыть такъ до разсвѣта, я былъ сейчасъ очень не въ духѣ.

— А когда человѣкъ не въ духѣ, онъ ни на что не находится, — возразила Марія.

— Такъ ты никогда не бываешь не въ духѣ?

— Э, нѣтъ, никогда. За чѣмъ?

— Не годится она ни для чего, конечно; но какъ же отъ этого удержаться, когда есть горе? Богъ вѣдаетъ, что ты, однакъ, бѣдная, видѣла довольно

горя, потому-что никогда не жила счастливо.

— Правда, вы съ патушкой натерпѣлись горя. Намъ было грустно, но мы никогда не теряли духа.

— Я не потеряю духа на какую хочешь работу, сказалъ Жермень: — Но бѣдность была бы мнѣ тяжела, потому-что я никогда не зналъ нужды. Жена сдѣлала меня богатымъ, и я до-сихъ-поръ богатъ, и буду богатъ, меня буду работать на мнѣ... то-есть всегда, надѣюсь... Но у каждаго свое горе! я терпѣлъ другое.

— Дѣ, вы потеряли жену, а это большая жалость!

— Не правда ли?

— О! а по ней очень плакала, Жермень! Она была такая добра!.. Поцане, переставши объ ней говорить; я, пожалуй, опять заплачу: все мое прежнее горе приходитъ мнѣ на память.

— Точно, она очень любила тебя, Марія! она очень дорожила тобой и твоей матерью. — Ну! ты ужъ плачешь? Нѣтъ, милая, я такъ не хочу плакать.

— А сами плачете, Жермень! И вы плачете! Чтѣ за стыдъ человѣку плакать по женѣ? Не совѣститесь, полноте! я дѣлю поцанъ съ вами это горе!

— У тебя доброе сердце, Марія: — мнѣ пріятно плакать съ тобою. Однако подвинь свои ноги къ огню; ты также перемочила себя все платье, бѣдняжка! Я слыу вмѣсто тебя подлѣ ребенка, а ты погрѣйся хорошенько.

— Мнѣ довольно-тепло, сказала Марія: — ноги вы хотите съѣть тамъ, возьмите себѣ плащъ; мнѣ и такъ хорошо.

— Дѣ, вѣдь недурно, сказалъ Жермень, садясь возлѣ нея. — Только голодъ немножко бѣдненько мнѣ. Теперь часомъ девять вечера, четверное, а я такъ усталъ отъ ходьбы по степи гадкихъ дорогамъ, что весь ослабѣлъ. Не-ужь-то тебѣ также не хочется ѣсть, Марія?

— Мнѣ нѣтъ. Я не привыкла по вашему закусывать четыре раза въ сутки, и стоило разъ ложиться спать безъ

ужина, что одинъ лишній разъ вовсе для меня не рѣдкость.

— Ну! оно удобно для такихъ женщинъ, какъ ты,—не требуетъ расхода, сказалъ Жермень улыбаясь.

— Я не женщина, сказала наивно Марія, не примѣчая оборота, какой принимала мысли тонкаго хлѣбопашца. — Или вы гревите?

— Да, я думаю, что грежу, отвѣчалъ Жермень:—можетъ-быть, съ голода!

— Какой вы лакомка! возразила она, развеселяясь въ свою очередь: — что жь! если вы не можете пробыть пять или шесть часовъ безъ ѣды, развѣ въ нѣмшии съ вами нѣтъ дичи и огня, чтобъ ее изжарить?

— А что! славная мысль! но вѣдь это въ подарокъ будущему тестю?

— У васъ шесть куропатокъ и яицъ! чай, не все же это вы съѣдите?

— Но какъ ее жарить здѣсь, безъ вертела и безъ тагана? Она вся сгоритъ.

— Ни чуть нѣтъ, сказала Марія:— я берусь вамъ изжарить ее въ золѣ, такъ что она не будетъ отзывать дымомъ. Развѣ вы никогда не ловили жаворонковъ въ полѣ и не жарили ихъ на камняхъ? Ахъ! да-бишь, я забыла, что вы не бывали въ пастухахъ! Ну, щиплите эту куропатку! полегче: вы обдерете съ нея кожу!

— Ты щипли другую, и учи меня!

— Такъ вы хотите съѣсть двухъ? Нѣчего сказать, аппетитца! Ну, вотъ онъ ощишаны. Я стану ихъ жарить.

— Ты была бы чудесная харчевница, Марія! да жаль, у тебя нѣтъ харчевни, и мнѣ придется пить воду изъ этого болота.

— А вамъ хотѣлось бы вина? Не нужно ли еще кофее? Вы думаете, что вы на ярмаркѣ въ трактирѣ? Ближнѣе трактирщика:—ой, лихера конному беллерскому хлѣбопашцу!

— Ахъ, злодѣйка! ты подсмѣиваешься надо мною? — Развѣ ты не выпила бы вина, еслибъ оно было?

— Я? сегодня я пила его съ вами, у тѣтки Ребекъ, во второй разъ отъ рода; но если вы будете умны, я дамъ

вамъ бутылку вина почти молвую, да еще хорошаго!

— Какъ, Марія, такъ ты рѣшительно молдуешь?

— Развѣ вы слуху-то не спросили двухъ бутылокъ у тѣтки-Ребекъ? Одну выпили вы съ вашимъ ребенкомъ, а я только отвѣдала нѣсколько капель изъ той, которую вы поставили передо мною. Однакомъ заплатили вы за обѣ, не поглядѣвъ.

— Ну, что жь?

— Что жь! я убрала къ себѣ въ корзину ту, которая осталась невыпитою. Я думала, что вамъ либо вашему маленькому захочется пить дорогомю; вотъ она.

— Ты самая смышленная дѣвушка, какую я видалъ на свѣтѣ. Прошу покорно! А она еще плакала, бѣднажка, выходя изъ харчевни! слезы не помѣшали ей думать о другихъ больше, чѣмъ о самой-себѣ. Марія, кто на тебѣ женится, будетъ не дуракъ!

— Надѣюсь, потому-что я не пойду за дурака. Ну, кушайте своихъ куропатокъ: онѣ въ пору изжарились; а за недостаткомъ хлѣба, довольствуйтесь каштанами.

— Чортъ побери! да гдѣ ты взяла еще каштановъ?

— Велика мудрость! всю дорогу я рвала каштаны мимоѣдомъ и накладала ихъ въ карманы.

— И они также испечены?

— Гдѣ жь бы у меня была голова, еслибъ я не положила ихъ подъ огонь, какъ скоро онъ загорѣлся? Такъ всегда дѣлается въ полѣ.

— Хорошо, Марія, поужинаемъ виѣстѣ! Я хочу выпить за твое здоровье и пожелать тебѣ добраго мужа... такого, какого ты сама желаешь. Скажи мнѣ, какого бы ты желала?

— Мудрено сказать, Жермень,—потому-что я еще не думала никогда объ этомъ.

— Какъ, вовсе нѣтъ? никогда? сказалъ Жермень, начиная ѣсть съ аппетита хлѣбопашца, но отрывавая лучшіе куски для своей подружки, которая рѣшительно отказалась отъ нихъ

и удовольствовалась нѣсколькими каштанами. — Скажи, пожалуйста, Марія, продолжалъ онъ, вила, что она не отвѣчаетъ ему: — такъ ты еще не думала о замужствѣ? Однакожь, ты на возрастѣ!

— Можетъ-быть, сказала она:—но я очень-бѣдна. Надо по-крайней-мѣрѣ сто эю, чтобъ выйдти замужъ, а я должна работать пять или шесть лѣтъ, чтобъ накопить столько.

— Бѣдняжка! желалъ бы я, чтобъ дядя-Морисъ далъ мнѣ сто эю:—я подарилъ бы ихъ тебѣ.

— Спасибо, Жермень. Чтѣ же тогда заговорили бы обо мнѣ?

— Чтѣ же можно заговорить? всѣ знаютъ, что я старѣ, не могу на тебѣ жениться. Не стали бы, вѣрно, думать, что... что ты...

— Смотрите-ко, хлѣбопашецъ! вашъ ребенокъ просыпается, сказала Марья.

V.

Не смотря на холодъ.

Маленькій Пьеръ привсталъ и глядѣлъ вокругъ себя съ недоумѣвающимъ видомъ.

— А! онъ всегда такъ, когда слышитъ, что ѣдятъ! сказалъ Жермень:—пушкой не разбудишь его; но зашевели подлѣ него челюстями, онъ сейчасъ откроетъ глаза.;

— Вы тоже такой были въ его лѣта, сказала Марья съ лукавой улыбкою.— Чтѣ, мой Пьеръ, ты шцешь полага по-стели? Онъ нынѣшній вечеръ изъ зелени, голубчикъ; но твой отецъ все-таки ужинаетъ. Хочешь поужинать съ нимъ? Я не стала ѣсть твоей доли; такъ и думала, что ты за ней проснешься!

— Марья, я хочу, чтобъ ты ѣла, вскричалъ хлѣбопашецъ:—я самъ больше не ставу ѣсть. Я обжора, невѣжа; а ты отказываешь себѣ для насъ,—это несправедливо; мнѣ стыдно за самого себя. Дѣ, отъ одного этого мой голодъ прощель; я не позволю сыну ужинать, если ты не будешь ужинать съ нимъ.

— Оставьте насъ въ покоѣ, отвѣчала

Марья:—почему вы знаете наши аппетиты? У меня сегодня нѣтъ никакого, а у Пьера пребольшой, какъ у волчонка. Смотрите-ка, какъ онъ принялся! О! изъ него тоже выйдетъ здоровый хлѣбопашецъ!

Въ-самомъ-дѣлѣ, маленький Пьеръ скоро показалъ, чей былъ сынъ, и, едва проснувшись, не понимая ни гдѣ былъ, ни какъ туда попалъ, началъ уписывать. Потомъ, наѣвшись досыта, онъ показалъ больше обыкновеннаго ума, любопытства и разсудительности. Онъ спросилъ, гдѣ они были, и узнавъ, что въ лѣсу, немощко испугался.

— Есть злые вѣтри въ этомъ лѣсу? спросилъ онъ у отца.

— Нѣтъ, отвѣчалъ отецъ:—ни одного нѣтъ. Не бойся.

— Такъ ты лгалъ, когда говорилъ, что меня унесутъ волки, если я поѣду съ тобой въ лѣсъ?

— Смотрите, какой резонѣръ! сказалъ Жермень въ затрудненіи.

— Онъ правъ, подхватила Марья:—вы это говорили ему; у него хорошая память, и онъ вспомнилъ. Послушай, Пьеръ, знай, что отецъ никогда не лжетъ. Мы проѣхали большой лѣсъ, пока ты спалъ, а теперь мы въ маленькомъ лѣсу, гдѣ не водятся злыхъ вѣтрей.

— Далеко маленький лѣсъ отъ большаго?

— Довольно-далеко, да и волки не выходятъ изъ большаго лѣса. А если который зайдетъ сюда, отецъ убьетъ его.

— И ты также, Марья?

— И мы также; вѣдь ты поможешь намъ, Пьеръ? Вѣдь ты не трусъ? Такъ-то пойдешь колотить!

— Дѣ, дѣ, сказалъ польщенный ребенокъ, принимая геройскую позу:—мы ихъ убьемъ!

— Никто лучше тебя не умѣетъ говорить съ дѣтми и уговаривать ихъ, сказалъ Жермень Марья.—Правда, ты сама еще не такъ давно была ребенкомъ, и помнишь, чтѣ тебѣ говорила твоя мать. Я думаю, что чѣмъ человекъ моложе, тѣмъ лучше повинаетъ

маленькихъ. Я очень боюсь, что женщина въ тридцать лѣтъ, которая еще не бывала матерью, не выучится болтать и разсуждать съ дѣтми.

— Отъ-чего жь нѣтъ, Жермень? Вы что-то все худо думаете про эту женщину; послѣ сами будете жалѣть!

— Ну ее къ чорту! сказала Жермень.—Скажи лучше, что я жалѣю, зачѣмъ я къ ней ѣду. На чтѣ мнѣ жена, которой я не знаю?

— Папа, сказалъ ребенокъ:—чтѣ ты нынче все твердишь про твою жену? Развѣ отъ-того, что она умерла...

— Ахти! такъ ты не забылъ ея, бѣдную маменьку?

— Нѣтъ, вѣдь я видѣлъ, какъ ее клали въ большой ящикъ бѣлаго дерева, а бабушка подвела меня поцеловать ее и проститься!.. Она была такая бѣлая, такая холодная, и тѣтушка всмѣй вечеръ заставляеть меня молиться Богу, чтобъ Онъ отогрѣлъ ее у себя на небѣ. Тамъ ли она теперѣ?

— Надѣюсь, мой милый; но надо всегда молиться: по этому мама увидитъ, что ты ее любишь.

— Сейчас помолюсь, возразилъ ребенокъ:—я забылъ помолиться нынѣшній вечеръ. Но я не умѣю молиться одинъ; всегда невозможно сбиваюсь въ молитвѣ. Пусть Марія мнѣ поможетъ.

— Хорошо, Пьеръ, я тебѣ помогу, сказала дѣвушка. — Поди сюда, стань на колѣни на меня.

Ребенокъ сталъ на колѣни на платьѣ дѣвушки, сложилъ ручки и началъ читать молитву, сперва со вниманіемъ и усердно, потому-что твердо зналъ начало, потомъ мѣшкатиѣе и дѣвннѣе, и наконецъ едва повторялъ слово за словомъ то, чтѣ говорила ему Марія, когда дошелъ до того мѣста молитвы, котораго никогда не могъ выучить до конца, засыпая на немъ каждый вечеръ. И на этотъ разъ, трудъ вниманія и монотонія его собственнаго голоса произвели обыкновенное дѣйствіе: уже съ усиліемъ произнесъ онъ послѣднія слова, и то заставивъ повторить ихъ себѣ три раза; голова его отяжелѣла и опустилась на грудь Маріи; ручки

вытянулись, раздѣлились и упали раскрытыя къ ней на колѣни. При свѣтѣ бивачнаго огня, Жермень гладѣлъ на своего ребенка, заснуваго на груди дѣвушки, которая, поддерживая его руками и согрѣвая его русые волосы своимъ чистымъ дыханіемъ, также вдалась въ набожную задумчивость и мысленно молилась за упокой души Катерипы...

Жермень былъ тронутъ, искалъ что сказать Маріи, чтобъ выразить почтеніе и признательность, какія она ему внушала, но не находилъ вычего, чтѣ могло бы передать его мысль. Онъ подвинулся къ ней, чтобъ поцаловать сына, котораго она все держала на груди, и насилу оторвалъ уста отъ головы маленькаго Пьера.

— Вы слишкомъ - крѣпко палуете, сказала Марія, отталкивая тихо голову хлѣбопашца: — вы его разбудите. Дайте, я опять уложу его спать, благо онъ воротился къ райскимъ грезамъ.

Ребенокъ улегся, но, протягиваясь на ковсей шкурѣ сѣдла, спросилъ, на Сѣркѣ ли онъ спитъ. Потомъ, отерывъ большіе голубые глаза и впередъ ихъ съ минуту на вѣтви, казалось, грезяща на яву, или былъ пораженъ мыслию, заронившеюся въ его умъ въ-теченіе дня и прояснившееся только передъ сномъ.

— Папа, сказалъ онъ:—если ты хочешь дать мнѣ другую маменьку, пусть это будетъ Марія...

Не дожидаясь отвѣта, онъ закрылъ глаза и уснулъ.

Марія, по-видимому, не обратила вниманія на странныя слова ребенка и приняла ихъ за доказательство дружбы, тщательно окутала его, подложила дровъ въ огонь, и какъ туманъ, вистѣшій налъ сосѣднимъ болотомъ, насколько не разсѣявался, то она посоветовала Жермену прилечь у огня и вздремнуть.

— Я вижу, что ужь васъ клонитъ ко сну, сказала она:—вы уже не говорите ни слова и смѣтрите на жаръ точно такъ же, какъ сейчасъ смотрѣлъ вашъ

маленький. Сосните-ка; я присмотрю за ребенком и за огнемъ.

— Ты ели, отвѣчалъ хлѣбопашецъ: — а я буду стеречь васъ обоихъ, потому-что мнѣ нынче вовсе не хочется спать; шлези такъ и бродать у меня въ головѣ.

— Мысли: значить ихъ много, сказала дѣвочка съ нѣскольکو-насмѣшливымъ намѣреніемъ: — на свѣтѣ столько людей, у которыхъ и одной не бываетъ!

— Что жъ! если и у меня ихъ немного, за то есть одна, которая съ часъ не даетъ мнѣ покоя.

— Хотите, я вамъ скажу, что это за мысль, такъ же, какъ ту, которую вы мнѣли передать мнѣ?

— Хорошо! скажи, если угадываешь, Марія; скажи ее сама: мнѣ будетъ приятно слышать.

— Часъ назадъ, возразила она: — у васъ была мысль, какъ бы поѣсть... а теперь мысль, какъ бы соснуть.

— Марія, я только имѣю дѣло съ быками, а ты, право, принимаешь самого меня за быка. Ты насмѣшница; я вижу, что ты не хочешь разговаривать со мною. Спи; это будетъ лучше, чѣмъ сдѣлаться надъ человѣкомъ, которому не десдо.

— Если хотите, давайте разговаривать, сказала дѣвушка, подупривлеши вола ребенка и прислонивъ голову къ сѣдлу. — Вы расположены себя мучить, Жермень; для мужички въ этомъ мало твердости. Что жъ бы я должна дѣлать, еслибъ я всѣми силами не гнала прочь своего гора?

— Да, конечно; именно это и есть у меня въ головѣ, бѣдвизка! Ты будешь жить врознь съ матерью, въ гадкой старрнѣ пустошной и болотной, гдѣ хвораютъ осевинни дихорадками, гдѣ скоти-на плохо водится, что всегда огорчаетъ пастушку съ добрыми намѣреніями; будешь среди чужихъ, которые, можетъ-быть, будутъ неласковы съ тобою, не поймутъ тебѣ цѣны. Да, это меня огорчаетъ и трогаетъ больше, нежели могу тебѣ сказать, и мнѣ хотѣлось бы отвѣсти тебя назадъ къ матери, видѣсто того, чтобы ѣхать въ Фуршь.

— Вы говорите очень-добро, но не разсудительно, мой бѣдный Жермень: не надо быть равнодушну къ друзьямъ, и вмѣсто того, чтобы показывать мнѣ дурную сторону моей участи, вы бы должны показать хорошую, какъ вы дѣлали, когда мы закусывали у тѣтки-Ребекъ.

— Какъ быть! тогда мнѣ казалось такъ, теперь кажется иначе; лучше бъ ты вышла замужъ!

— Нельзя, Жермень, а вамъ говорила; а какъ нельзя, то я и не думаю.

— Ну, а еслибъ было можно? Можетъ-быть, если ты мнѣ скажешь, какого бы ты желала себѣ мужа, я придумаю бы кого-нибудь.

— Придумать не значитъ найти. Я ничего не придумываю, потому-что это напрасно.

— Не хотѣлось бы тебѣ богатаго мужа?

— Нѣтъ, разумѣется, потому-что я бѣдна какъ Іовъ.

— Но еслибъ онъ былъ человѣкъ достаточный, ты вѣдь не прочь бы хорошо жить, хорошо ѣсть, хорошо одѣваться и быть въ семьѣ добрыхъ людей, которые позволяли бы тебѣ помогать своей матери?

— О, конечно, да! Помогать матушкѣ все мое желаніе.

— А еслибъ это случилось, хотя бъ даже мужъ былъ не очень-молодъ, ты не стала бы слишкомъ разбирать?

— О! нѣтъ, Жермень! Именно этииъ я бы дорожила. Я не стала бы любить старика!

— Старина, конечно; но, напримѣръ, человѣка моихъ лѣтъ?

— Ваши лѣта для меня стары, Жермень; но мнѣ бы лучше лѣта Бастьяна, хотя Бастьянъ не такой красивый мужчина, какъ вы.

— Тебѣ больше нравится Бастьянъ-свинопасъ? сказала Жермень съ досадою. — Малой съ глазами, похожими на глаза той скотины, которую онъ пасетъ?

— Я не стала бы смотрѣть на глаза, за его восемнадцать лѣтъ.

Жермень почувствовалъ страшную ревность.

— А! сказалъ онъ:—вижу, что ты дорожишь Бастьяномъ. Забавная мысль, право!

— Да, была бы забавная мысль, отвѣчала Марія хохоча:—и забавный былъ бы мужъ. Его можно увѣрить въ чемъ хочешь. Напримѣръ, однажды я подняла томату въ саду у священника и сказала ему, что это спѣлое красное яблоко: онъ и кинулся на нее, какъ обжора. То-то надо было видѣть его гримасу! Боже мой, какой онъ былъ гадкій!

— Значить, ты его не любишь, коли смѣешься надъ нимъ?

— Ну, это бы еще ничего не значило. Но я его не люблю: онъ грубо обходится съ своей маленькой сестрой, и неопрятенъ.

— Хорошо! А другаго кого-нибудь не любишь?

— Вамъ что за дѣло, Жермень?

— Мнѣ ничего; я только такъ говорю. Ужъ я вижу, дѣвочка, что у тебя кто-то есть въ головѣ.

— Нѣтъ, Жермень, ошибаетесь, еще никого нѣтъ; можетъ-быть, со-временемъ будетъ; но какъ я выйду замужъ только тогда, когда немножко накоплю денегъ, то я положила себѣ идти замужъ поодио и за старика.

— Хорошо; такъ выходи за старика сейчасъ.

— Нѣтъ, когда я буду не молода, тогда мнѣ все равно: а теперь разница!

— Вижу, Марія, что я тебѣ не нравлюсь, ясно вижу, сказалъ Жермень съ неудовольствиемъ и не взглянувъ на нее.

Марія не отвѣчала. Жермень нагнулся къ ней: она спала; сонъ олодѣлъ ее вдругъ, какъ бываетъ съ дѣтьми, которыя уже спятъ, когда еще лепечутъ.

Жермень былъ радъ, что она не слыхала его послѣднихъ словъ; онъ спохватился, что сказалъ безразсудно, и повернулся къ ней спиною, чтобъ развлечься и переимѣнить мысли.

Но напрасно онъ старался: онъ не могъ ни уснуть, ни подумать о чемъ-либо другомъ, кромѣ того, о чемъ сейчасъ сказалъ. Двадцать разъ обходилъ онъ вокругъ огня, удалялся, возвращался; наконецъ, чувствуя себя словно начиненнымъ порохомъ, прислонился къ дереву, подъ которымъ спали дѣти, и сталъ глядѣть на нихъ.

— Какъ я до-сихъ-поръ не замѣтилъ, думалъ онъ:—что Марія самая красивая дѣвушка въ нашей сторонѣ! Она не очень румяна, но личико спѣженье, какъ роза шиповника. Что за хорошенькій ротъ! что за маленькій носикъ! Маловата ростомъ для ея лѣтъ, но сложена какъ перепелочка и легка, какъ забликъ. Не знаю, отъ-чего у насъ такъ дорожатъ большой и дорослой румяной женщиной. Моя покойница была скорѣе мала и блѣдна, а нравилась мнѣ больше всего на свѣтѣ. Эта тоже маленькая и худенькая, а между-тѣмъ здорова и на видъ прекрасна, какъ былая козочка. А что за проткая, что за честная наружность! Такъ и видишь ея доброе сердце въ глазахъ, даже когда они закрыты во снѣ! Ума у ней больше, чѣмъ было у моей милой Катерины, надо признаться,—и съ ней не соскучишься. Весела, скромна, трудолюбива, вѣжлива и забавна!.. Не понимаю, чего еще можно желать!... Но зачѣмъ и думаю обо всемъ этомъ? спохватывался Жермень, стараясь глядѣть въ другую сторону:—тестъ не захочетъ и слышать объ этомъ, и вся семья приметъ меня за сумасшедшаго. Да и сама она, блѣдняжка, не пошла бы за меня! Она сказала, что я кажусь ей старъ; а она безкорыстна, не горюетъ о своей бѣдности и трудахъ, не горюетъ, что носить худое платье и терпѣть голодъ два-три мѣсяца въ году, лишь бы современемъ уголить на свое сердце и выйдти за человѣка, который будетъ ей нравиться. Она права! Я на ея мѣстѣ то же бы сдѣлалъ, и теперь же, еслибъ могъ слушаться своей воли,—чѣмъ бы спохватился въ жевитьбу, которая мнѣ не

по сердцу, выбралъ бы дѣвушку по своему вкусу!

Чѣмъ больше Жермень старался образумиться и успокоиться, тѣмъ меньше успѣвалъ. Онъ отходилъ шаговъ на двадцать, скрываясь въ туманѣ, потомъ вдругъ оказывался на колѣняхъ подлѣ спящихъ дѣтей. Даже разъ хотѣлъ поцаловать своего маленькаго Пьера, который лежалъ обхвативъ одной рученкой шею Маріи, и такъ ошибся, что Марія, почувствовавъ, что губы ея обожгло, какъ огнемъ, горячимъ дыханіемъ, проснулась и поглядѣла на него съ остолбенѣлымъ видомъ, рѣшительно не понимая, чтѣ съ нимъ дѣлается.

— Я не разглядѣлъ васъ, бѣдные дѣти, сказалъ Жермень, спѣша прочь отъ нихъ. — Я было-упалъ на васъ и чуть не ушибъ.

Марія такъ была чиста душою, что повѣрила этому и опять заснула. Жермень перебрался на другую сторону кюстра и далъ себѣ клятву не шевельнуться, пока она проснется. Онъ сдержалъ слово, но не безъ труда... Онъ того и ждалъ, что сойдетъ съ ума.

Наконецъ, къ полуночи туманъ разсѣялся, и Жермень увидѣлъ звѣзды на небѣ сквозь деревья. Луна также выкатилась изъ-за тучъ, закрывавшихъ ее, и начала рассыпать брильянты по влажному мху. Стволы дубовъ оставались въ величавомъ мракѣ. Но нѣсколько-подалеке бѣлые стволы березъ казались рядомъ мертвецовъ въ саванахъ. Огонь отражался въ болотѣ, и лягушки, начавъ привыкать къ нему, выкрикивали изрѣдка дрожащія и робкія ноты. Извилистыя вѣтви старыхъ деревъ, обросшія заплесневѣлымъ мхомъ, вытягивались и переплетались, какъ огромныя ностлявыя руки, надъ головами нашихъ путешественниковъ. Мѣсто было прекрасное, но такое пустынное и унылое, что Жермень, уставъ скучать, началъ пѣть и побрасывать камнѣ въ воду, чтобъ разогнать страшную тоску удивленія. Онъ собрался также разбудить Марію, и когда увидѣлъ, что она вста-

ла и соображала время, предложилъ ей пуститься въ путь.

— Часа черезъ два, сказалъ онъ: — передъ разсвѣтомъ воздухъ сдѣлается такъ холоденъ, что намъ не согрѣться, не смотря на огонь нашъ. Теперь видно идти, и мы навѣрное найдемъ какой-нибудь домъ, куда насъ впустить, или по-крайней-мѣрѣ какой-нибудь овинъ, гдѣ проведемъ подъ крышею остатокъ ночи.

Марія не имѣла своей воли, и хотя ей еще очень хотѣлось спать, собралась идти за Жерменомъ. Онъ взялъ сына на руки, не будя его, и пригласилъ Марію подвинуться къ нему и прикрыться его плащомъ, потому-что она не хотѣла взять своего, которымъ былъ обернуть маленькій Пьеръ.

Почувствовавъ дѣвушку такъ близко себя, Жермень, успѣвшимъ-было развлечется и развеселиться, началъ опять терять рассудокъ. Раза два или три онъ вдругъ кидался отъ нея въ сторону и оставлялъ ее идти одну; потомъ, видя, что она не поспѣваетъ за нимъ, поджидалъ ее, съ живостью привлекая къ себѣ и жалъ такъ крѣпко, что она удивлялась и даже обижалась, не смѣя сказать ни слова.

Вовсе не зная, откуда пошли, они также не знали, куда шли. Оказалось, что они опять прошли весь лѣсъ, снова очутились передъ пустошью, воротились назадъ, и долго кружились, увидѣли огонекъ сквозь вѣтви.

— Ну, вотъ какой-то домъ, сказалъ Жермень: — и люди уже проснулись, огонь горитъ. Значитъ, очень-новдно.

Но то былъ не домъ, а огонь ихъ бивуака, который они потаскали, уходя, и который разгорѣлся отъ вѣтра. Они ходили два часа, и очутились тамъ же, откуда пошли.

VI.

Деревенская львица.

— Ну, теперь ужъ я отступаю! сказала Жермень, топнувъ ногою. —

Насъ обошло, это видно, и мы не выберемся отсюда, пока совершенно не разсвѣтетъ. Видно, такое проклятое мѣсто!

— Полно, полно, не сердитесь, сказала Марія: — лучше возьмемъ своимъ бры. Разведемъ огонь побольше; ребенокъ такъ окутанъ, что за него нечего бояться, а мы не умремъ отъ-того, что проведемъ ночь на дворѣ. Куда вы запрятали сѣдло, Жермень? Въ остролистникъ? Вътреникъ! Легко ли его достать оттуда?

— Подержи ребенка, возьми, а я выну его постельку изъ кустовъ; я не хочу, чтобы ты уколола руки.

— Ужь не надо; вотъ постелька; а уколы не сабельныя рапы, возразила смѣлая дѣвочка.

Она снова устроила постель маленькому Пьеру, который на этотъ разъ сдѣлал такъ крѣпко, что вовсе не примѣтилъ новаго путешествія. Жермень нагладъ столько дровъ въ огонь, что пѣды оварило кругомъ весь лѣсъ; но Марія измучилась, и хотя ни на что не жаловалась, а не могла стоять на ногахъ. Она была блѣдна и дрожала отъ холода и усталости. Жермень обнялъ ее, чтобы согрѣть; и безпокойство, состраданіе, порывы необоримой нѣжности такъ сильно овладѣли его сердцемъ, что заставили молчать чувства. Языкъ его развязался словно чудомъ, весь стыдъ исчезъ, и онъ сказалъ:

— Марія, ты мнѣ нравишься, и мнѣ очень-больно, что я тебѣ не нравлюсь. Еслибъ ты захотѣла взять меня въ мужья, то никакой тещи, никакіе родные, никакіе сосѣди, ни чьи совѣты не помѣшали бы мнѣ жениться на тебѣ. Я знаю, что ты сдѣлала бы счастливыми моихъ дѣтей, научила бы ихъ почитать память ихъ матери, и тогда совесть моя была бы покойна, и я бы могъ удовлетворять свое сердце. Я всегда былъ расположенъ къ тебѣ, а теперь чувствую себя такъ влюбленнымъ, что еслибъ ты потребовала отъ меня, чтобы я всю жизнь угождалъ твою волю, я сейчасъ бы далъ клятву.

Погляди, пожалуйста, какъ я тебя люблю, и постарайся забыть лѣта мои. Разсуди, что вѣдь это неправда, когда думаютъ, что человекъ въ тридцать лѣтъ старъ. Притомъ же, мнѣ только двадцать-восемь лѣтъ! Молодая дѣвушка боится пересудовъ, если выйдетъ за мужчину старше ея десятию или двѣнадцатю годами, потому-что такъ не водится въ нашей сторонѣ; но я слышалъ, что въ другихъ сторонахъ на это не смотрятъ; напротивъ, тамъ стараются давать молоденькимъ, для опоры, человека разсудительнаго и опытнаго, а не мальчика, который можетъ избаловаться и изъ добраго парня, какимъ его считали, сдѣлаться негодяемъ. Да и лѣта не всегда составляютъ старость или молодость. Все зависитъ отъ силы и здоровья. Когда человекъ изморенъ излишней работою и бѣдностью или худымъ поведеніемъ, онъ старикъ прежде двадцати-пяти лѣтъ. Тогда, какъ я... Но ты не слушаешь меня, Марія!

— Какъ не слушать, Жермень, слушаю, отвѣчала дѣвушка: — но я думаю о томъ, что мнѣ часто говаривала матушка: жена въ шестьдесятъ лѣтъ очень-жалка, когда мужу ея семьдесятъ или семьдесятъ-пять, и когда онъ не въ силахъ уже работать для ея пропитанія. Онъ становится дряхлъ, и она должна ухаживать за нимъ въ такія лѣта, когда сама начинаетъ чувствовать большую нужду въ отдыхѣ и покоѣ. Такъ-то доходятъ до того, что некуда голову приклонить.

— Старики правы, когда говорятъ это, я согласенъ, Марія, возразилъ Жермень: — но этапъ они пожертвовали бы все время молодости, лучшее время, на раздумыванье о томъ, что съ нами будетъ въ такія лѣта, когда мы ни къ чему не годимся, и когда все равно, такъ или иначе, покончить жизнь. Впрочемъ, мнѣ нечего опасаться умереть съ голода подъ старость. Я даже могу скопить кое-что, потому-что живу съ родными моей жены, работаю много и ничего не трачу. Сверхъ-того, я буду любить тебя такъ, что это не

дасть мнѣ состарѣться. Говорятъ, когда человекъ счастливъ, онъ сохраняется, и я чувствую, что я моложе Бастьяна для того, чтобъ любить тебя. Вѣдь онъ не любитъ тебя, онъ слишкомъ-глупъ, еще мальчикъ и не можетъ понимать, какъ ты хороша и добра, и создана затѣмъ, чтобъ тебя любили. Не пренебрегай мною, Марія; я не злой человекъ: Катерина была счастлива со мною; на смертномъ одрѣ своемъ она передъ Богомъ говорила, что никогда не видала отъ меня ничего, кромѣ радости, и просила меня жениться на другой. Видно, ея духъ говорилъ нынче вечеромъ съ ребенкомъ, когда засыпалъ онъ. Развѣ ты не слышала, что сказала Церь, и какъ губки его дрожали, между-тѣмъ, какъ глаза глядѣли въ воздухъ на что-то, чего мы не видали! Онъ видѣлъ покойницу-мать, повѣрь мнѣ, и она сама заставляла его говорить, что онъ хочетъ тебя въ замѣну матери.

— Жермень, отвѣчала Марія въ удивленіи и раздумьѣ:— вы говорите честнымъ образомъ, и все, что вы говорите, правда. Я увѣрена, что хорошо бы едѣла, подлюбивъ васъ, еслибъ это не очень рассердило вашихъ родныхъ: но какъ мнѣ быть? сердце ничего не говоритъ мнѣ за васъ. Я васъ люблю; но ваши дѣта, хотя они не дѣлаютъ васъ дурнымъ, пугаютъ меня. Мнѣ кажется, вы для меня словно дядя или крестный отецъ, что я должна почитать васъ, и что у васъ случается минуты, когда вы будете обращаться со мною скорѣе какъ съ дѣвочкой, нежели какъ съ вашей женой и ровней. Да и подруги стали бы смѣяться надо мною, и хотя глупо смотрѣть на это, но кажется, мнѣ было бы стыдно и немножко-грустно въ день свадьбы.

— Все это дѣтскія причины; ты говоришь какъ сущій ребенокъ, Марія!

— Ну, да! я ребенокъ, сказала она: — отъ-того-то я боюсь слишкомъ-разсудительнаго человека. Вы сами видите, что я слишкомъ молода для васъ, если вы не слишкомъ для меня стары,

потому-что вы уже упрекаете меня неразумительностью! Не могу я имѣть разсудка больше, чѣмъ позволяютъ мои лѣта.

— О! Боже мой, Боже мой! какъ я жалокъ, что такъ веловокъ и говорю такъ худо то, что думаю! вскричалъ Жермень. — Но вы не любите меня, вотъ въ чемъ дѣло; я вамъ кажусь слишкомъ-простъ и слишкомъ-грубъ. Еслибъ вы немножко любили меня, то не видали бы такъ ясно моихъ недостатковъ. Но вы меня не любите, вотъ что!

— Что жь! я въ этомъ невиновата, возразила дѣвушка, немножко-обиженная тѣмъ, что онъ пересталъ говорить ей ни:— я всѣми силами стараюсь слушать васъ; но чѣмъ больше пытаю себя, тѣмъ меньше могу видѣть въ голову, чтобъ вы годились быть мужемъ и женою.

Жермень не отвѣчалъ. Онъ опустилъ голову на руки и закрылъ лицо, и Марія не могла знать, плакалъ ли онъ, сердился, или заснулъ. Ея немножко тревожило, что онъ такъ мраченъ и что нельзя было угадать его мыслей; но она не посмѣла говорить больше, и какъ удивленіе отъ слышаннаго не позволяло ей уснуть, то она съ вѣтернѣишемъ ожидала дня, все хлопоча около огня и присматривая за ребенкомъ, о которомъ Жермень какъ-будто вовсе позабылъ. Однако, Жермень не спалъ, не размышлялъ о своей участи, не составлялъ ни ободреній себѣ, ни плановъ обольщенія. Онъ страдалъ; гора тоски давила грудь ему. Онъ желалъ бы умереть. Ему казалось, что все для него обращается въ худо, и еслибъ онъ могъ завлечь, то заплакалъ бы порядкомъ. Но немножко досады на самого-себя примѣнилось къ этой тоскѣ, и онъ танлъ ее, не имѣя ни силъ, ни охоты жаловаться.

Когда разсвѣло и деревенскій гулъ возвѣстилъ это Жермену, онъ отнял руки отъ лица и всталъ. Онъ замѣтилъ, что Марія также не спала ночь, но не умѣлъ ничего сказать ей, чтобъ выразить свою заботливость, и былъ рѣ-

нительно обезкураженъ. Снова спря- талъ онъ сѣдло Стрки въ кусты, пере- кинулъ мѣшокъ на плечо, и, взявъ за руку сына, сказалъ:

— Теперь, Марія, постараемся кон- чить наше путешествіе. Хочешь, я провожу тебя въ Ормѣ?

— Выйдемъ вмѣстѣ изъ лѣса, отвѣ- чала она: — а когда опознаемся, гдѣ мы, тогда пойдемъ каждый въ свою сторону.

Жерменъ не отвѣчалъ. Его обидѣло, что дѣвушка не просила проводить ее въ Ормѣ, а онъ не замѣчалъ того, что предлагалъ ей свои услуги тономъ, который какъ-будто требовалъ отка- за.

Дровосѣкъ, понавшіеся нѣтъ шаговъ черезъ дѣсти, вывелъ ихъ на настоя- щую дорогу, и сказалъ, что, прошедши большой дугъ, нѣтъ стѣитъ только взять одному на-право, другому на- лѣво, чтобъ добраться каждому до свое- го мѣста, хотя эти мѣста были, впро- чемъ, въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, что съ фермы Ормѣ ясно видѣлись до- мы Фурша, и наоборотъ.

Когда они поблагодарили дровосѣка и отошли отъ него на нѣсколько ша- говъ, онъ опять кликнулъ ихъ и спро- сивъ, не потеряли ль они лошадь.

— Я нашелъ, сказалъ онъ:—славную сѣрую кобылу у себя на дворѣ; вѣрно, волкъ загналъ ее туда. Мои собаки брехали ночью, и на разсвѣтѣ я уви- дѣлъ лошадь полъ налѣсомъ; она и теперь такъ. Пойдемъ ко мнѣ, и если вы ее увидите, возьмите.

Описавъ напередъ примѣты Стрки и убѣдившись, что это точно она, Жерменъ воротился взять сѣдло. Ма- рія предложила ему проводить ре- бенка съ нею въ Ормѣ, куда онъ при- шель бы за нимъ, когда ознакомится у невесты въ Фуршѣ.

— Онъ немножко-неопрятенъ по- слѣ ночи, какую мы провели, сказала она.—Я вычистю его платье, умою его хорошенькую мордочку, причешу его. и когда онъ будетъ молодцомъ, вы мо- жете представить его новымъ роднымъ своимъ.

— А кто тебѣ сказалъ, что я поѣду въ Фуршъ? отвѣчала Жерменъ съ не- удовольствіемъ. — Можетъ-быть, а не поѣду!

— Какъ нѣтъ, Жерменъ? вы должны ѣхать, вы поѣдете! возразила дѣ- вушка.

— Тебѣ очень хочется, чтобъ я же- нился на другой; ты боишься, что я буду тебѣ владѣть?

— Полно, Жерменъ, перестаньте ду- мать объ этомъ; такая мысль пришла вамъ въ голову ночью, потому-что на- ше худое приключеніе немножко раз- строило вашу расудокъ. Но теперь вы должны прійти въ полный умъ; я обѣщаю вамъ забыть, что вы мнѣ го- ворили, и никому не рассказывать.

— Эхъ! рассказывай-себѣ пожалуй. Я не привыкъ отступаться отъ словъ своихъ. То, что я тебѣ говорилъ, было справедливо, честно, и мнѣ нѣчего стыдиться.

— Да; но если бы ваша невеста узнала, что, ѣдучи къ ней, вы думали о другой, она разсердилась бы на васъ. Смотрите же, разбирайте слова, кото- рыхъ будете говорить теперь; не гляди- те на меня при людяхъ такъ, съ осо- беннымъ видомъ. Вспомните, что дядя Морисъ надѣется отъ васъ послушанія, и что онъ сталъ бы очень сердитъ- ся на меня, если бъ я помѣшала вамъ исполнить его волю. Прощайте, Жер- менъ; я уведу Пьера, чтобъ заставить васъ ѣхать въ Фуршъ. Пусть онъ оста- нется залогомъ.

— Такъ ты хочешь идти съ нею? сказалъ хлѣбопашецъ сыну, видя, что онъ уцѣпился за руку Маріи и рѣши- тельно не отставалъ отъ нея.

— Да, папа, отвѣчалъ ребенокъ, ко- торый слышалъ и понималъ по-своему то, что при немъ неосторожно говори- ли.—Я пойду съ моей Машенькой: ты, прійдешь за мною, когда женишься; но я хочу, чтобъ Марія была моей ма- мой.

— Видишь ли, и онъ хочетъ? ска- залъ Жерменъ дѣвушкѣ. — Послушай, Пьеръ, прибавилъ онъ:—я тоже хочу, чтобъ она была твоей мамой и не раз-

ставалась съ тобою. Да она не хочет. Упроси ее сдѣлать для тебя то, чего она для меня не дѣлаетъ.

— Не бойсь, папа: я добьюсь, что она согласится. Марія всегда дѣлаетъ, что я прошу.

Перъ и дѣвушка пошли прочь. Жерменъ остался одинъ, грустнѣе, нерѣшительнѣе прежняго.

Однакожь, когда онъ поправилъ безпорядокъ, причиненный путешествіемъ въ его платье и въ сбрую лошади, когда сѣлъ на Стрку и когда ему указали дорогу въ Фуршь, онъ разсудилъ, что пѣтаться поздно и что надо забыть эту тревожную ночь, какъ опасный сонъ.

Онъ нашелъ дядю-Леонара на крыльцѣ его выбѣленнаго дома, сидящимъ на скамейкѣ, выкрашенной свѣтло-зеленою краскою. Въ крыльцѣ было шесть ступенекъ, а это показывало, что у дома былъ подвалъ. Заборъ сада и конопляника выштукатуренъ известью съ пескомъ. Домикъ славный, чуть-чуть не городской.

Будущій тестъ пошелъ на-встрѣчу Жермену, и спрашивавъ его минутъ съ пять обо всѣхъ домашнихъ, прибавилъ фразу, освященную для вѣжливаго вопроса встрѣчнымъ о цѣли ихъ путешествія:

— *Такъ вы пріѣхали погулять въ нашу сторону?*

— Я пріѣхалъ видѣться съ вами, отвѣчалъ хлѣбопашецъ: — и предложить вамъ маленькій подарокъ дичи отъ моего тестя, а также сказать отъ его имени, что вы сами должны знать, съ какими намѣреніемъ я къ вамъ пріѣхалъ.

— Ха! ха! подхватилъ дядя-Леонаръ. смѣясь и трепля себя по тучному животу:—вижу, знаю, понимаю!

Подмигнувъ глазомъ, онъ прибавилъ:

— Вы не одни здѣсь поклонникомъ, молодой человекъ. Ужъ цѣлые трое ждуть такъ же, какъ вы. Я никого не удаю, и очень затруднился бы, кого выбрать, потому-что всѣ хорошія партіи. Впрочемъ, ради дяди-Мориса и ради земель, какія вы обрабатываете,

я лучше бы желалъ васъ, чѣмъ другаго. Но моя дочь совершеннолѣтняя и полная хозяйка своего имѣнія; стало-быть, она поступитъ, какъ ей угодно. Милости просимъ, познакомьтесь; желаю, чтобъ выигрышъ выпалъ на вашу долю!

— Извините, отвѣчалъ Жерменъ, очень-удивленный, что нашелъ другихъ тамъ, гдѣ надѣялся быть одинъ.— Я не зналъ, что у вашей дочки ужъ есть женихи. и пріѣхалъ не за тѣмъ, чтобъ оспоривать ее у другихъ.

— Если вы думали, что, крѣпъ васъ, не найдется ему ухаживать за моею дочерью, то вы, пріятель, badly ошиблись, отвѣчалъ, не теряя веселости, дядя-Леонаръ.— У Катерины есть чѣмъ примаанять жениховъ; затрудниться можно только въ выборѣ. Но войдите, милости прошу, и не теряйте духа. Она женщина, за которую стоитъ потагаться.

Втолкнувъ Жермена съ грубой шутивостью, онъ вскричалъ въ дверяхъ:

— Ну! Катерина, вотъ тебѣ еще одинъ!

Эта веселая, но грубая манера представленія жениха, въ присутствіи другихъ вздыхателей, довершила смущеніе и неудовольствіе хлѣбопашца. Онъ почувствовалъ себя неловкимъ и нѣсколько минутъ не смѣлъ поднять глазъ на красавицу и ея поклонниковъ.

Вдова Геренъ была недурна и довольно-свѣжа. Но у нея было выраженіе лица и жарлъ, которые съ перваго взгляда не понравились Жермену. Видъ ея былъ смѣлъ и самодоволенъ, головной уборъ обшитъ тройнымъ рядомъ кружевъ; фартукъ шелковой матеріи и черная блондовая косынка мало согласовались съ его повтіемъ о серьезной и благоправной вдовѣ. Отъ изысканности наряда и отъ развязныхъ манеръ, она показалась ему стара и дурна, хотя она вовсе не была ни дурна, ни стара. Онъ подумалъ про себя, что такой красивый нарядъ и такіа веселыя ухватки шли бы къ дѣтамъ и тонкому уму Маріи, но шутивость вдовы

Была тяжела и неразборчива, а богатый уборъ былъ ей вовсе не къ лицу.

Трое жениховъ сидѣли за столомъ, уставленнымъ винами и закусками и приготовленнымъ для нихъ на все утро воскресенья, потому что дядя-Леонаръ любилъ пощеголять своимъ богатствомъ и вдова также была не прочь показать свою хорошую посуду и похвастать угощеніемъ. Жерменъ, при всей своей простотѣ и довѣрчивости, замѣтилъ вещи довольно-пропищательно, и въ первый разъ пилъ съ осторожностью. Дядя-Леонаръ принудилъ его сѣсть вмѣстѣ съ соперниками, и, сѣвъ тамъ напротивъ его, подчивалъ его какъ можно-радушнѣе и занимался имъ предпочтительно. Привезенной въ подарокъ дечи, не смотря на вычетъ, какой Жерменъ сдѣлалъ изъ нея въ собственную пользу, было еще столько, что она могла произвести эффектъ. Вдовѣ это понравилось, а женихи бросили на него презрительный взглядъ.

Жермену чувствовалъ себя принужденнымъ въ этой компаніи и ѣлъ безъ аппетита. Дядя-Леонаръ началъ за то подшучивать надъ нимъ.

— Какъ вы стали угрюмы! сказалъ онъ: — за что вы коситесь на свой стаканъ? Не надо, чтобъ любовь отбивала аппетитъ; любовникъ на-тощакъ не умѣетъ найти такихъ красивыхъ словъ, какъ тотъ, который прояснилъ себѣ умъ доброй порціей вина.

Жермену было досадно, что его считали уже влюбленнымъ, и манерный видъ вдовы, потупившей глаза съ улыбкою, подобно женщинѣ, увѣренной въ своей побѣдѣ, внушалъ ему желаніе возразить вовсе противное; но онъ побоялся показаться невѣжливымъ, улыбулся и промолчалъ.

Вдыхатели вдовы всѣ трое показались ему болванами. Видно, они были богаты, что она терпѣла ихъ исканія. Одинъ былъ мужична лѣтъ за сорокъ и не товшее дядя-Леонара; другой хрипой и пилъ столько, что сосѣдъ опьянѣлъ. Третій молодой и недурень собою; но хотѣлъ щеголять умомъ и говорилъ такіа плоскости, что жалко

было слушать. Однако, вдова смѣялась, какъ-будто восхищалась всѣми его пошлостями, и этимъ показывала въ себѣ мало вкуса. Жерменъ сперва подумалъ, что она въ него влюблена; но скоро замѣтилъ, что самъ былъ въ особенности ободряемъ, и что отъ него желали больше уголивости. Это заставило его сдѣлаться и казаться холоднѣе и степеннѣе.

Наступилъ часъ обѣдни, и всѣ встали изъ-за стола, чтобъ идти вмѣстѣ въ церковь. Надо было идти въ Мерсъ, за добрыя пол-мили оттуда, а Жерменъ такъ усталъ, что очень бы желалъ напередъ вздремнуть. Но онъ не привыкъ пропускать обѣдню и пошелъ вмѣстѣ съ прочими.

Дороги были устѣяны народомъ, и вдова выступала гордо, провожаемая тремя своими женихами, давая руку то тому, то другому, приосамилаясь и высоко вздернувъ голову. Она очень желала бы выставить на видъ встрѣчнымъ и четвертаго, но Жермену показалось такъ смѣшно тащиться въ числѣ провожатыхъ передъ народомъ, что онъ держался въ приличномъ разстояніи, разговаривая съ дядею-Леонаромъ и находя средство развлечь его и заматъ столько, чтобъ они съ нимъ не казались принадлежащими къ компаніи.

VII.

Хозяинъ.

Когда они дошли до селенія, вдова остановилась, чтобъ подождать ихъ. Ей непремѣнно хотѣлось войти туда съ полной свитой; но Жерменъ, чтобъ не сдѣлать ей этого угожденія, покинулъ дядю-Леонара, оставившись съ равными знакомыми и вошелъ въ церковь другою дверью. Вдова обидѣлась.

Послѣ обѣдни, она однако съ торжествомъ явилась на дугу, гдѣ танцовали, и открыла танецъ съ своими тремя женихами попеременно. Жерменъ поглядѣлъ на нее и нашелъ, что она танцовала хорошо, но вычурно.

— Что жь! сказал Леонарь, удалив его по плечу: — что жь вы не танцуете съ моею дочерью? Вы ужь больно вастъичивы!

— Я не танцую съ-тѣхъ-поръ, какъ потерялъ жену, отвѣчалъ хлѣбопашецъ.

— Вотъ еще! коли сватаетесь за Другую, значить трауръ и въ сердцахъ кончился такъ же, какъ на платьѣ!

— Нѣтъ, это не резонъ, дядя-Леонарь; къ-тому жь, я устарѣлъ и разлюбилъ танцы.

— Послушайте, возразилъ Леонарь, отводя его къ сторонѣ: — пришедши ко мнѣ, вы обидѣлись, что крѣпость уже осаждена другими... Вы, я вижу, очень горды. Но это неразумительно, мой шильй. Дочь моя привыкла, чтобъ за нею ухаживали, особенно въ тѣ два года, какъ она окончила свой трауръ; вѣдь не ей же ухаживать за вами.

— Такъ ваша дочь уже два года собирается идти замужъ, а еще не сдѣлала выбора? подхватилъ Жермень.

— Она не хочетъ торопиться, и хорошо дѣлаетъ. Дорожъ-что у нея такой бойкій видъ и что она вамъ кажется, можетъ-быть, не очень-степенною, она женщина умная и очень знаетъ, что дѣлаетъ.

— Едва-ли! сказалъ Жермень протодушно: — при ней цѣлыя три жениха, и еслибъ она знала, чего хочетъ, то, по-крайней-мѣрѣ, двоимъ нашла бы лишними и попросила остаться у себя дома.

— Зачѣмъ же? Вы не понимаете дѣла, Жермень. Она не хочетъ ни старого, ни криваго, ни молодого, я почти ручаюсь; но если она имъ откажетъ, люди подумаютъ, что она намѣрена остаться вдовою, и не явится другихъ жениховъ.

— Вотъ что! такъ эти служатъ для выльѣски?

— Именно такъ. Что жь худаго, если имъ это нравится?

— У всякаго свой вкусъ! сказалъ Жермень.

— Вижу, что у васъ другой вкусъ; но авось можно уладить! Когда васъ

предпочтутъ, тогда можно очистить для васъ мѣсто.

— Дѣ, когда! А въ ожиданіи этого, сколько времени надо разноухивать?

— Это зависитъ отъ васъ, кажется: отъ того, умѣете ли вы говорить и убѣждать. До-сихъ-поръ, моя дочь прекрасно понимала, что лучшее время ея жизни будетъ то, пока за нею будутъ ухаживать, и она не спѣшитъ сдѣлаться служанкою одного мужчины, когда можетъ повелѣвать нѣсколькими. Стало-быть, пока эта забава ее тѣшитъ, пусть она потѣшается; но если вы понравитесь больше забавы, то забава прекратится. Только имѣйте терпѣніе. Пріѣзжайте каждое воскресенье, танцуйте съ нею, покажите видъ, что вы въ числѣ искателей, и если васъ найдутъ любезнѣе и пріятнѣе другихъ, вамъ навѣрное это скажутъ.

— Извините, дядя-Леонарь, ваша дочь въ правѣ поступать какъ знаетъ, и я не смѣю осуждать ея. Я, на ея мѣстѣ, поступалъ бы иначе: я былъ бы откровеннѣе и не заставлялъ терять время людей, которымъ вѣрва есть что-нибудь на свѣтѣ дѣлать получше, чѣмъ вертѣться около женщины, забавляющейся ими. Впрочемъ, если она находитъ въ этомъ забаву и счастье, — не мое дѣло. Только мнѣ пора сказать вамъ одну вещь, которую съ самаго утра затрудняюсь объяснить вамъ. Вы сами начали съ того, что ошиблись на счетъ моихъ намѣреній и не дали мнѣ отвѣчать вамъ, такъ-что вы и не воображаете, что такое. Звайте же, что я пріѣхалъ не свататься за вашу дочку, а купить у васъ пару воловъ, которыхъ вы погоните на ярмарку на будущей недѣлѣ, и которые понравятся моему тестю, какъ онъ увѣренъ.

— Понимаю, Жермень, сказалъ Леонарь очень-спокойно: — вы перемѣнили мысли, когда увидѣли мою дочь съ женихами. Какъ вамъ угодно! Видно, что прельщаетъ однихъ, то противно другимъ, и вы имѣете право попатиться назадъ, потому-что вы точно не говорили еще ни слова. Если вы не-шутя хотите купить у меня воловъ, пойдемъ

смотреть ихъ на пастбище; потолкуемъ, и сойдемся или вѣтъ въ торгу, вы все-таки отобѣдаете съ нами прежде, чѣмъ воротитесь домой.

— Нѣтъ, пожалуйста, не беспокоитесь, отвѣчалъ Жермень: — можетъ быть, у васъ есть дѣло, а мнѣ немножко-скучно глядѣть на танцы сложа руки. Я схожу, посмотрю вашу скотину и скоро увижусь съ вами у васъ въ домѣ.

Затѣмъ, Жермень ушелъ и отправился на луга, гдѣ Леонаръ въ-самомъ-дѣлѣ надавалъ указавъ ему часть своей скотины. Правда, дядя-Морисъ собирался прикупить воловъ, и Жермень разсудилъ, что если приведетъ домой пару ихъ за сходную цѣну, то ему охотнѣе простать добровольную неудачу поѣздки.

Онъ шелъ проворно и вскорѣ очутился въ близкомъ разстояніи отъ Ормб. Тутъ ему пришла охота пойдти поцаловать сына и даже повидать Марію, хотя онъ потерялъ надежду и прогналъ мысль быть обязану ей счастьемъ. Все, что онъ сейчасъ видѣлъ и слышалъ, — эта женщина кокетливая и тщеславная, этотъ отецъ хитрый и граниченный вѣсть, ободрившій дочь въ привычкахъ гордости и криводушія; эта городская роскошь, казавшаяся оскорбленіемъ для достоинства сельскихъ нравовъ; это время, потраченное на праздныя и глупыя рѣчи; этотъ домашній бытъ, столь отличный отъ его быта, и въ-особенности тяжкая невольность, которую чувствуетъ поселянинъ, когда выступаетъ изъ своихъ трудолюбивыхъ привычекъ, — вся скука и все смущеніе, какія вытерпѣлъ Жермень въ-продолженіе нѣсколькихъ часовъ, внушили ему желаніе очутиться снова съ своимъ ребенкомъ и съ своей молодой сосѣдкой. Еслибъ онъ и не былъ въ нее влюбленъ, то все-таки желалъ бы увидѣться съ нею, чтобъ развлекъ и войти въ свою обыкновенную тарелку.

Но напрасно поглядывалъ онъ по окрестнымъ лугамъ: не видать было ни Маріи, ни маленькаго Пьера. А между-

тѣмъ, была пора, когда пастухи обыкновенно находятся въ полѣ. На одномъ полѣ подъ паромъ гуляло большое стадо. Онъ спросилъ у мальчика, стерегшаго стадо, не съ фермы ли Ормб эти овцы.

— Да, отвѣчалъ мальчикъ.

— И ты пасешь ихъ? Развѣ въ вашихъ мѣстахъ мальчики стерегутъ шерстную скотину фермъ?

— Нѣтъ; я стерегу вынече, потому что пастушка ушла домой. Она захворала.

— Но вѣдь къ вамъ пришла сегодня новая пастушка?

— Какъ же! да она тоже ушла.

— Какъ! ушла? не было ль съ нею ребенка?

— Былъ, маленькій, и все плакалъ. Они оба съ нимъ ушли часа черезъ два.

— Ушли! куда?

— Видно, откуда пришли. Я у нихъ не спрашивалъ.

— Почему же они ушли? сказалъ Жермень, болѣе и болѣе тревожась.

— А я почему знаю!

— Въ цѣнѣ не сладимъ? Кажется, объ этомъ надо было уговориться впередъ.

— Не могу ничего вамъ сказать, я видѣлъ, что они пришли и потомъ ушли, и только.

Жермень пошелъ на ферму и сталъ разспрашивать работниковъ. Никто не могъ объяснить ему, въ чемъ было дѣло; известно только, что, поговоривъ съ фермеромъ, дѣвушка ушла, не сказавъ ни слова и уводя съ собой ребенка, который плакалъ.

— Развѣ обидѣли моего сына? вскричалъ Жермень, у котораго засверкали глаза.

— Такъ это вашъ сынъ? Какъ же онъ очутился съ этой дѣвочкой? Откуда же вы и какъ васъзовутъ?

Видя, что, по обычаю страны, на всѣ его вопросы будутъ отвѣчать другими вопросами, Жермень топнулъ ногой съ нетерпѣніемъ и рѣшился видѣть хозяина.

Хозяина не было дома. Онъ никогда не оставался цѣлымъ днемъ на фермѣ, ко-

гда прѣѣжалъ туда, и теперь также сѣлъ на лошадь и отправился вѣрно на которую-нибудь другую изъ своихъ фермъ.

— Однакожь, сказалъ Жермень въ сильномъ безпокойствѣ: — не знаете ли, что была за причина ухода этой дѣвочки?

Работникъ обмѣнялся странной улыбкой съ своей женою, потомъ отвѣчалъ, что не знаетъ ничего, что это не его дѣло. Все, чего могъ добиться Жермень, было только, что дѣвушка съ ребенкомъ пошла по дорогѣ въ Фуршъ. Онъ кинулся въ Фуршъ: вдова съ женами еще не возвращались, такъ же какъ и дядя-Леонаръ. Служанка сказала ему, что какая-то дѣвочка съ ребенкомъ приходила спрашивать о немъ, но что, не зная ихъ, она не пустила ихъ въ домъ и посоветовала имъ идти въ Мерсъ.

— Зачѣмъ же ты не пустила ихъ? сказалъ Жермень съ неудовольствіемъ.

— Не-ужь-то въ здѣшней сторонѣ такой недоувѣрчивый народъ, что не отворять двери ближнему?

— А какъ же! отвѣчала служанка: — въ такомъ богатомъ домѣ, какъ здѣшній, надо быть осторожнымъ! Я за все отвѣчаю, когда хозяевъ нѣтъ, и не могу впускать всякаго встрѣчнаго.

— Дурной обычай! сказалъ Жермень: — по мнѣ, лучше жить въ бѣдности, нежели по-здѣшнему въ страхѣ. Прощай! Нога моя не будетъ въ вашей гадкой сторонѣ!

Онъ освѣдомился въ сосѣднихъ домахъ. Видѣли пастушку съ ребенкомъ. Такъ-какъ мальчикъ поѣхалъ изъ Беле-ра невзначай, неодѣтый, въ худой блузѣ и въ овчинѣ; а Марія, по состоянію своему, была всегда очень-бѣдно одѣта, то ихъ сочли за нищихъ. Имъ подали хлѣба. Дѣвочка вяла кусокъ для ребенка, который проголодался, потомъ пошла съ нимъ очень-проворно и вошла въ лѣсъ.

Жермень подумалъ съ минутою; потомъ спросилъ, не заѣхалъ ли въ Фуршъ ормоскій фермеръ.

— Да, отвѣчали ему: — онъ проѣхалъ

верхомъ черезъ нѣсколько минутъ послѣ дѣвочки.

— Не гнался ли онъ за нею?

— А! такъ вы знаете его? подхватила, смѣясь, харчевникъ мѣстечка, къ кому онъ обращался: — да, нѣчего сказать, онъ лихой малой бѣгать за дѣвками! Но едва-ли пеймалъ эту... хотя правда, если увидѣлъ ее...

— Довольно, благодарю! сказалъ Жермень.

Онъ полетѣлъ, а не побѣжалъ на конюшню Леонара, накинулъ на Сърку сѣдло, вскочилъ и пустился во всю скачку по направленію къ Шантелубскому-Лѣсу.

Сердце дрожало у него отъ безпокойства и негодованія, потъ струился со лба. Онъ протолкалъ бока Съркѣ, которая, видя себя на дорогѣ къ родной конюшнѣ, сама очень-усердно бѣжала.

Вскорѣ Жермень очутился на томъ мѣстѣ, гдѣ провелъ ночь на берегу болота. Костеръ еще дымился; какая-то старуха подбираала остѣтки зааса сухихъ сучьевъ, которыхъ нагребла туда Марія. Жермень остановился разспросить ее, и она, не разслышавъ хоршенько его вопросовъ, отвѣчала:

— Да, голубчикъ, это Проклятое-Болото. Худое мѣсто; не надо подходить къ нему, не бросивъ туда напередъ три камня лѣвой рукою, а правую творя крестное знаменіе. Это отгоняетъ бѣсовъ. Иначе, несчастье случается съ тѣми, кто обойдетъ вокругъ болота.

— Я не о томъ спрашиваю, сказалъ Жермень, подошедъ къ ней и крича во всю голову. — Не видала ли ты въ лѣсу дѣвочки съ ребенкомъ?

— Какъ же! подхватила старуха: — тутъ утонулъ ребенокъ.

Жермень вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ; но, къ-счастью, старуха приколвила:

— Этому ужь давно; въ память случая поставили-было славный крестъ; но въ одну бурную ночь злые духи кинули его въ воду. Кончикъ его и теперь еще видѣнъ. Если кому понесчастливится остановиться здѣсь ночью, тотъ навѣрное не выйдетъ отсюда до разсвѣта. Сколько онъ ни ходи, прой-

дочь хотъ дѣвсти лѣ по лѣсу, а все очутится на томъ же мѣстѣ.

Воображеніе хлѣбопашца невольно поражено было слышаннымъ, и мыслъ о несчастіи, которое должно было случиться въ окончательное подтвержденіе словъ старухи, такъ овладѣла его умомъ, что онъ почувствовалъ холодъ во всемъ тѣлѣ. Отчаявшись добиться другаяхъ свѣдѣній, онъ сѣлъ опять на лошадь и поѣхалъ по лѣсу, клича вѣо всѣхъ силъ Пьера, свнца, хлопая кнутомъ, ломая вѣтви, чтобъ по всему лѣсу разносился шумъ его ходьбы, и прислушивался, не откликались ли гдѣ ему; но не слыхатъ было ничего, кромѣ звонковъ коровъ, разсѣянныхъ по просѣкамъ, да ликаго крика сивней, дравшихся межъ собой за жолудя.

Наконецъ, Жерменъ послышалъ позади себя топотъ лошади, сбѣжавшей по его слѣду, и мужчина среднихъ лѣтъ, черноватый, дюжій, одѣтый полу-горожаняиномъ, крикнулъ ему остановиться. Жерменъ никогда не выдывалъ орисагого фермера, но истиннйтъ бжженства тотчасъ внушилъ ему догадку, что это былъ онъ самъ. Онъ обернулся и, мѣрая его взглядомъ съ головы до ногъ, ждалъ, что тотъ скажетъ.

— Не видали ль вы, не проходила ли здѣсь молоденькая дѣвочка лѣтъ пятнадцати или шестнадцати съ маленькимъ мальчикомъ? сказалъ фермеръ съ притворнымъ равнодушіемъ, хотя явно встревоженный.

— А что вамъ отъ нея надо? отвѣчалъ Жерменъ, не стараясь скрыть гнѣвъ свой.

— Я могъ бы вамъ сказать, что это не ваше дѣло, пріятель; но какъ у меня нѣтъ причинъ скрыватьсѣ, то скажу, что это пастушка, которую я изнаглъ себѣ на годъ, не зная ея въ глаза. Когда она пришла на ферму, мнѣ показалася она слишкомъ-молода и жалосильна для работы. Я отказалъ ей, но хотѣлъ заплатить ей издержки ея маленькаго путешествія, а она рассердилася и убѣжала, пока я вышелъ на шинуту. Она такъ торопилася, что даже позабыла кой-какія вещицы и ко-

шелекъ, въ которомъ, чай, денегъ немного, нѣсколько су! Однакожь, какъ мнѣ слѣдовало проѣзжать здѣсь, то я надѣялся встрѣтить ее и отдать ей какъ то, что она забыла, такъ и то, что я ей долженъ.

Душа Жермена была такъ честна, что онъ готовъ былъ повѣрить этой исторіи, если не очень-правдоподобной, по-крайней-мѣрѣ возможной. Онъ устремилъ пристальный взглядъ на фермера, который выдерживалъ этотъ смотръ съ большимъ безстыдствомъ или равнодушіемъ.

— Не хочу, чтобъ это лежало у меня на сердцѣ, подумалъ Жерменъ, и, обуздывая волненіе, сказалъ:

— Эта дѣвушка изъ нашей деревни; я ее знаю; она должна быть гдѣ-нибудь здѣсь; поѣдите вмѣстѣ, вѣрно найдемъ.

— Правда ваша, сказалъ фермеръ: поѣдите! впрочемъ, если не найдемъ ея на концѣ аллея, я не поѣду дальше, потому-что мнѣ надо сверотить на дорогу въ Ардантъ.

— О! подумалъ хлѣбопашецъ: я отъ тебя не отстану, хотя бы пришлось цѣлые сутки кружить съ тобою около Проклятаго-Волота.

— Пойдите, сказалъ вдругъ Жерменъ, впервые глаза въ одинъ кустъ жимолости, странно колебавшійся.— Эй! гей! Пьеръ! не ты ли это?

Узнавъ голосъ отца, ребенокъ выскочилъ изъ кустовъ, какъ козленокъ; но, увидѣвъ съ нимъ фермера, остановился и сталъ въ недоумѣвіи.

— Не бось, Пьеръ, не бось, это я! вскричалъ хлѣбопашецъ, сирьгнувъ съ лошади, чтобъ взять его на руки:— а гдѣ же Марія?

— Она тутъ спряталася, она боится этого гадкаго чернаго человѣка; и я тоже боюсь!

— Ничего! будь покоенъ, я съ вами. Марія, Марія! это я!

Марія выползла изъ-подъ куста, и какъ-скоро увидѣла Жермена, за которыми близко слѣдовалъ фермеръ, то кинулась къ нему на шею, и, прибѣгая къ нему, какъ дочь къ отцу, сказала:

— Ахъ, мой добрый Жермень! вы защитите меня, при васъ я не боюсь!

Жермень вздрогнулъ. Онъ взглянулъ на Марію: она была блѣдна; платье ея было разорвано объ терны, мимо которыхъ она бѣжала, ища мѣста спрятаться, какъ лань, травимая охотниками. Но ни стыда, ни отчаянія не видѣлось на лицѣ ея.

— Твой хозяинъ хочетъ тебя видѣть, сказалъ Жермень, продолжая наблюдать черты ея.

— Мой хозяинъ? сказала она гордо: — онъ не хозяинъ мой и никогда не будетъ хозяиномъ. Вы, Жермень, мой хозяинъ! Возьмите меня къ себѣ. Я буду служить вамъ даромъ.

Фермеръ подвинулся впередъ съ притворнымъ нетерпѣніемъ.

— Послушай, голубушка! сказалъ онъ: — ты у насъ позабыла кое-что, такъ я тебѣ привезу.

— Вздоръ, сударь, отвѣчала Марія: — я ничего не забыла и ничего не хочу отъ васъ.

— Выслушай меня, подхватилъ фермеръ: — я тебѣ скажу кой-что. Полно, не бойся, только на два слова!

— Говорите вслухъ; у меня съ вами нѣтъ секретовъ.

— По-крайней-мѣрѣ, поди, возьми свои деньги!

— Мои деньги? Вы ничего не должны мнѣ, слава Богу!

— Я такъ и думалъ, сказалъ вполголоса Жермень: — но все равно, Марія; выслушай, что онъ будетъ говорить; мнѣ любопытно знать это; ты послѣ скажешь мнѣ, — такъ надо. Подойди къ его лошади, я не спущу съ тебя глазъ.

Марія ступила шага три къ фермеру, который, нагнувшись къ ней на лугу сѣдла и понизивъ голосъ, сказалъ:

— Дѣвочка, вотъ тебѣ лундоръ. Не сказывай ни объ чемъ, слышишь? А я скажу, что ты мнѣ показалась налосильна для работы на фермѣ. Не ставемъ и вспоминать объ этомъ! Я вѣду къ вамъ на-дняхъ, и если увижу, что ты ничего не сказала, подарю тебѣ еще что-нибудь; а тамъ, коли будешь

сговорчивѣе, скажи только слово, я возьму тебя къ себѣ, либо буду ѣздить выдаться съ тобою въ полѣ. Какой подарокъ велишь привезти тебѣ?

— Вотъ вамъ мой подарокъ! отвѣчала громко Марія, кинувъ ему его лундоръ въ лицо, и даже довольно-крѣпко. — Очень вамъ благодарна; сдѣлайте милость, когда будете проѣзжать мимо насъ, дайте мнѣ знать. Всѣ ребята нашей деревни выйдутъ встрѣчать васъ, потому-что у насъ очень любятъ горожанъ, которые хотятъ обманывать бѣдныхъ дѣвушекъ. Сами увидите, какъ васъ пріймутъ!

— Ты лгунья и болтунья! сказалъ раздраженный фермеръ, приподнявъ съ угрозою палку: — ты хочешь дать подумать то, чего нѣтъ на дѣлѣ; но не выманешь у меня денегъ: знаемъ мы вашу братью!

Марія отскочила въ испугъ; но Жермень кинулся, схватилъ лошадь фермера за узду, и, сильно потрясая ее, сказалъ:

— Понятное дѣло; видимъ теперь, что такое. Слѣзай-ка, пріятель; слѣзай! поговоримъ-ка!

Фермеръ не имѣлъ ни малѣйшаго желанія пускаться въ ссору; далъ шпоры лошади, чтобъ она рванулась, и хотѣлъ ударить палкою по рукамъ хлѣбопашца, чтобъ тотъ выпустилъ узду; но Жермень увернулся отъ удара, и, схвативъ его за ногу, стащилъ съ сѣдла и повалилъ на землю, хотя фермеръ векочилъ было на ноги и сильно оборонялся. Поднявъ его подъ себя, Жермень сказалъ ему:

— Трусъ, я могъ бы исколотить тебя, еслибъ захотѣлъ! но не люблю дѣлать зла; да и никакое наказаніе не исправитъ твою совѣсть. Однако, ты не пошевельнешься отсюда, не попросивъ на колѣняхъ прощенія у этой дѣвушки.

Фермеръ, которому этого рода дѣла были знакомы, хотѣлъ повернуть все въ шутку. Онъ говорилъ, что его грѣхъ не такъ тяжокъ, потому-что состоялъ въ однихъ словахъ, и что онъ, пожалуй, готовъ просить прощенія, съ ус-

ловіемъ, что дѣвушка дастъ себя поцаловать, что они зайдутъ распить пинту явна въ ближней харчевнѣ и разстанутся добрыми пріятелями.

— Ты мнѣ гадокъ! Отвѣчалъ Жермень, прикнувъ его лицомъ къ землѣ: — я спѣшу поскорѣе не видать твоей мерзкой рожи. Краснѣй же, если можешь, да не забудь выбрать *безчестную* дорогу (*), когда поѣдешь черезъ нашу деревню.

Онъ схватилъ остролистовую палку фермера, переломилъ ее объ колѣно, чтобъ показать ему силу рукъ своихъ, и съ презрѣніемъ отбросилъ обломокъ поодаль.

За тѣмъ, взявъ одной рукою сына, а другою Марію, онъ пошелъ прочь, весь треща отъ негодованія.

VIII.

Тетка-Морисъ.

Черезъ четверть часа, они проѣхали пустоши, мчались рысью по большой дорогѣ, и Стрва ржала при видѣ каждаго знакомаго ей предмета. Маленькій Пьеръ рассказывалъ отцу то, что могъ понять изъ случившагося съ Марією.

— Когда мы пришли, говорилъ онъ: — онъ прибѣжалъ разговаривать съ Маріей въ овчарнѣ, куда мы сперва зашли посмотреть хорошенькихъ овецъ. Я влѣвъ въ ясли играть, и этотъ человекъ не видалъ меня. Онъ подозрѣвался съ Маріей и поцаловалъ ее.

— Ты позволила поцаловать себя, Марія? спросилъ Жермень, дрожа отъ гнѣва.

— Я думала, что это учтивость, обычай въ ихъ сторонѣ здороваться съ пришлыми, какъ у васъ бабушка ца-

луется съ дѣвучками, которыя идутъ къ ней въ услуженію, чтобъ показать имъ, что принимаетъ ихъ какъ дѣтей и будетъ имъ матерью.

— А потомъ, продолжалъ маленькій Пьеръ, очень-довольный, что можетъ рассказать приключеніе: — онъ сказалъ тебѣ что-то худое, что-то такое, чего ты не велѣла мнѣ помнить и повторять: такъ я и забылъ тотчасъ. Однако, если папа велитъ сказать ему...

— Нѣтъ, нѣтъ, Пьеръ, я не хочу слышать, и тебѣ велю никогда не вспоминать.

— Коли такъ, я опять забуду, возразилъ ребенокъ. — А потомъ, онъ словно рассердился, когда Марія сказала, что уйдетъ отъ него. Онъ сказалъ, что дастъ ей все, что она захочетъ, хоть сто франковъ! И Марія тоже рассердилась; а онъ тутъ какъ кинется на нее, словно хотѣлъ ее бить. Я испугался, и бросился къ Маріи со слезами. Тогда онъ сказалъ:

«— Это чтѣ такое? Откуда взялся этотъ ребенокъ? Вонъ его отсюда.»

Онъ зѣмахнулся да меня палкою. Но Марія не дала ему драться и сказала:

«— Поговоримъ послѣ, хозяинъ; теперь я отведу этого мальчика въ Фуршъ, и прійду къ вамъ назадъ.»

А только-что онъ вышелъ изъ овчарни, Марія сказала мнѣ:

«— Убѣжнѣй, Пьеръ, скорѣе отсюда; онъ злой человекъ, и намъ нѣчего ждать отъ него добра.»

Мы пробрались позади овинновъ, перебѣжали лужокъ, и пришли въ Фуршъ искать тебя. Но тебя не было, а намъ не позволили тебя дожидаться. Глядимъ: онъ на черной лошади гонится за нами; мы побѣжали дальше и спрятались въ лѣсу. Онъ тожѣ сюда пріѣхалъ; но мы пританисъ, и онъ не видалъ насъ. Когда онъ проѣхалъ мимо, мы опять побѣжали домой; а потомъ ты пріѣхалъ и нашелъ насъ, — вотъ какъ все было. Не правда ли, Марія, вѣдь я ничего не забылъ?

— Ничего, Пьеръ, все точно такъ было. Теперь, Жермень, вы будете

(*) Такая дорога, которая отклоняется отъ главной улицы при вѣздѣ въ селеніе и идетъ съ боку селенія. Крестьяне предполагаютъ, что люди, боящіеся какого-нибудь заслуженнаго безчестія, проѣзжаютъ этою дорогою, чтобъ ихъ не видали.

свидѣтелемъ за меня, и скажете всѣмъ нашимъ, что если я не могла остаться тамъ, то не отъ малодушія и не отъ лѣни работать.

— А ты, Марія, сказала Жерменъ: — ты, пожалуйста, спроси сама у себя, точно ли, когда надо защитить женщину и наказать мерзавца, человѣкъ двадцати-восьми лѣтъ слишкомъ старъ? Поглядѣлъ бы я, какъ Бастильянь, или другой пригожій малой, десятью годами моложе меня, совладѣлъ бы съ этимъ человѣкомъ. Какъ ты думаешь?

— Я думаю, Жерменъ, что вы оказали мнѣ большую услугу, и я всю жизнь буду вамъ благодарна.

— И только?

— Папа, сказалъ ребенокъ: — я и забылъ сказать Маріи то, что общалъ тебѣ. Нѣкогда было; но я скажу ей дома, и скажу также бабушкѣ.

Посулъ ребенка заставилъ Жермена задуматься. Надо было объясниться съ родными, и, рассказавъ имъ свое неудовольствіе на вдову Геренъ, не сказывать, какія другія мысли расположили его къ такой дальновидности и въискательности. Когда человѣкъ счастливъ и доволенъ собою, твердость согласить на свое счастье другихъ кажется легка; но быть отвергнуто съ одной стороны, осуждену съ другой — не очень-то пріятное положеніе.

Къ счастью, маленький Пьеръ спалъ, когда они пріѣхали домой, и Жерменъ, не будя его, положилъ въ постель. Затѣмъ онъ приступилъ ко всѣмъ объясненіямъ, какія могъ дать. Дядя-Морисъ, сидя на своей скамеечкѣ въ три фута, у крыльца дома, важно слушалъ его, и, хотя былъ недоволенъ результатомъ поѣздки, однако, когда Жерменъ, рассказавъ систему кокетства вдовы, спросилъ у тестя, досугъ ли ему ѣздить пятьдесятъ-два воскресенья въ году любезничать, рискуя потомъ получить отказъ, — тесть отвѣчалъ, кивнувъ головою въ знакъ согласія:

— Ты правъ, Жерменъ. Это невозможное дѣло.

Далѣе, когда Жерменъ рассказывалъ, какими судьбами онъ былъ привуж-

денъ привезти Марію поскорѣе, чтобы изъавить ее отъ притѣсненій низкаго хозяина, дядя-Морисъ опять кивнулъ головою, сказавъ:

— Ты правъ, Жерменъ: такъ и должно было.

Когда Жерменъ кончилъ свой рассказъ и привелъ всѣ свои резоны, тесть съ тещею взглянули между собою и глубоко вздохнули съ видомъ покорности судьбѣ. Потомъ, глава семейства всталъ и сказалъ:

— Нѣчего дѣлать! да будетъ воля Божія! Насильно не полюбишь!

— Пойдемъ ужинать, Жерменъ, сказала теща. — Жаль, что дѣло не сладилось; но, видно, Богу не было угодно. Надо поискать въ другомъ мѣстѣ.

— Да, прибавилъ старикъ: — какъ жена говорить, поищемъ въ другомъ мѣстѣ.

Дальнѣйшихъ толковъ въ домѣ не было, и когда на другой день маленький Пьеръ проснулся вмѣстѣ съ жаворонками, на зарѣ, то, неподстреканный необычайными происшествіями предъидущихъ дней, снова впалъ въ апатію крестьянскихъ мальчиковъ его лѣтъ, позабылъ все, что шевелилось у него въ головѣ, и думалъ только, какъ поиграть съ братьями да показать себя болшими съ быками и лошадьми.

Жерменъ также старался позабыться, отдавшись весь работѣ; но сдѣлался такъ грустенъ и такъ разсѣянъ, что всѣ замѣтили въ немъ перемѣну. Онъ не говорилъ съ Маріей, даже не глядѣлъ на нее; а между-тѣмъ, еслибъ у него спросили, на какомъ дугу она была и какой дорогой прошла, онъ могъ бы сказать это въ любой часъ дня, еслибъ захотѣлъ отвѣчать. Онъ не осмѣлился попросить родныхъ взять ее на ферму зимою, однако впалъ, что она будетъ терпѣть вужду. Но она не терпѣла нужды, и тѣтка Гильетта никакъ не могла понять, какимъ образомъ ея крошечный запасецъ дровъ не убывалъ, и сарай ея оказывался поутру полнымъ, когда вечеромъ она оставляла его почти-пустымъ. То же было съ хлѣбомъ и картофелемъ. Кто-то лазилъ въ

слуховое окно амбара и высыпалъ на землю мѣшокъ, не будя никого и не оставяя по себѣ слѣдовъ. Старуха была обрадована и встревожена вмѣстѣ; она велѣла дочери молчать, сказавъ, что если узнаютъ чудо, которое у нея дѣлалось, ее сочтутъ за колдунью. Сама она подозрѣвала, что дѣло не обходилось безъ нечистой силы, но не тропилась поссориться съ нею и не призвала на домъ заклинанія приходскаго священника: она рассуждала, что еще успѣетъ сдѣлать это тогда, когда сатана явится къ ней требовать душу за свои услуги.

Марія лучше отгадывала истину, но не смѣла заговорить объ ней съ Жерменомъ, боясь, что онъ опять схватится за мысль о женитьбѣ, и притворялась передъ нимъ, будто ничего не замѣчаетъ.

Однажды, тѣтка-Мористъ, находясь одна съ Жерменомъ въ огородѣ, сказала ему дружескимъ тономъ:

— Бѣдный мой зять! кажется, вы нездоровы. Вы ѣдите меньше прежняго, не шутите, разговариваете все меньше да меньше. Ужь не огорчилъ ли васъ кто-нибудь у насъ, или мы сами, безъ вѣдома и намѣренія?

— Нѣтъ, матушка, отвѣчалъ Жерменъ: — вы всегда были добры до меня какъ родная мать, и я былъ бы благодаренъ, если бѣ пожаловался на васъ, или на вашего мужа, или на кого-нибудь въ домѣ.

— Коли такъ, мой голубчикъ, видно тоска по покойницѣ-женѣ воротилась къ вамъ. Вмѣсто того, чтобы проходить современемъ, ваша скука прибываетъ, и вы рѣшительно должны сдѣлать то, что тесть очень-умно совѣтовалъ вамъ. Женитесь.

— Правда, матушка; я бы не прочь; но женщины, на которыхъ вы совѣтовали свататься, не по сердцу мнѣ. Глядя на нихъ, я, чѣмъ бы забывать Катерину, только больше вспоминаю объ ней.

— Видно, мы не умѣли отгадать вашъ вкусъ, Жерменъ. Помогите же намъ вы сами, сказавъ намъ всю

правду. Вѣрно, есть гдѣ-нибудь женщина по душѣ вамъ, потому-что Господь Богъ не создаетъ никого, не приготовивъ ему счастья въ другой особѣ. Если знаете, гдѣ взять такую жену, какую вамъ надо, берите; хороша ли она или дурна, молода или стара, богата или бѣдна, мы съ молвою старикомъ рѣшились дать вамъ согласие; намъ наскучило видѣть васъ печальнымъ, и мы не можемъ жить спокойно, когда у васъ нѣтъ спокойствія.

— Матушка, вы добры и батюшка также, отвѣчалъ Жерменъ: — но ваше состраданіе не поможетъ моему горю: дѣвушка, которую я люблю, не пойдетъ за меня.

— Значитъ, она слишкомъ-молода? Неразсудительно вамъ привязываться къ молоденькимъ.

— Что жъ дѣлать! Да, матушка, я имѣлъ глупость привязаться къ молоденькой, и самъ себя браню за это. Всячески стараюсь выгнать ее изъ головы; но работаю ли я или отдыхаю, у бѣдны я или въ постели, съ дѣтми или съ вами, все думаю о ней, не могу думать ни о чемъ другомъ.

— Значитъ, вамъ выпала такая судьба, Жерменъ? Тутъ одно лекарство, чтобы дѣвушка перемѣнила мысли и выслушала васъ. Надо будетъ мнѣ всгупиться въ дѣло и посмотреть, возможно ли оно. Скажите мнѣ, гдѣ она живетъ и какъ ее зовутъ.

— Увы! не смѣю, матушка, сказалъ Жерменъ: — вы станете смѣяться надо мною.

— Ни чуть не стану, Жерменъ, потому-что вы горюете, а я не хочу огорчать васъ еще больше. Не Фаншетта ли?

— Нѣтъ, матушка, не она.

— Или Розетта?

— Нѣтъ.

— Скажите же; этакъ мнѣ никогда не кончить, если надо пересчитывать по именамъ всѣхъ дѣвушекъ въ нашей сторонѣ.

Жерменъ повѣсилъ голову и не рѣшался отвѣчать.

— Хорошо! сказала тѣтка-Мористъ: —

не пристаю къ вамъ сегодня, Жермень; можетъ-статься, завтра вы будете откровеннѣе со мною, или, можетъ-быть, ваша свояченица лучше меня выведаетъ отъ васъ.

Она взяла свою корзину и пошла развѣшивать бѣлье на кустахъ.

Жермень постуцилъ, какъ поступають дѣти, которые рѣшаются не прежде, какъ когда видать, что ими перестаютъ заниматься. Онъ пошелъ вслѣдъ за тѣщею, и наконецъ съ трепетомъ назвалъ ей *Лильетину Марию*.

Велико было удивленіе тѣтки - Морисъ: это имя никакъ не пришло бы ей въ голову. Но она имѣла деликатность не выкавать своего изумленія и рассуждала только мысленно, про-себя. Потомъ, видя, что ея молчаніе мучило Жермена, она подала ему свою корзину и сказала:

— Ну, развѣ это резонъ не помогать мнѣ въ работѣ? Несите это за мною, и давайте говорить. Обдумали ль вы, Жермень? твердо ли вы рѣшились?

— Увы, матушка! объ этомъ нечего говорить. Я рѣшился бы, если бѣ могъ ждаты успѣха; но меня не будутъ слушать, и я рѣшился только выгнаться, если можно.

— А если нельзя?

— Всякая вещь имѣетъ конецъ, матушка: когда лошадь везетъ череаъ силу, то падаетъ; когда быку нечего ѣсть, онъ издыхаетъ.

— Значитъ, вы умрете, если не успеете ни въ чемъ? Сохрани Богъ, Жермень! Я не люблю, когда мужчина, какъ вы, говорить такіа вещи; ужъ когда онъ говоритъ ихъ, онъ точно ихъ думаетъ. Вы человекъ твердый, а слабость опасна у твердыхъ людей. Полно; лучше надѣйтесь. Не понимаю, какъ дѣвушка въ нуждѣ, которой вы дѣлаете много чести свѣтааясь за нее, можетъ отказать вамъ.

— Однакожь, такъ есть; она отказываетъ.

— Какіе же резоны она приводитъ?

— Что вы всегда дѣлали ей добро, что ея семейство много обязано вамъ, и что она не хочетъ пойдти про-

тивъ васъ, помѣшавъ мнѣ жениться на богатой невѣстѣ.

— Если она это говоритъ, то показываетъ добрыа чувства и похвально дѣлаетъ. Но, говоря это вамъ, Жермень, она васъ не выгнываетъ, потому-что, вѣрно, говоритъ, что любитъ васъ, и что пошла бы за васъ, если бѣ мы согласились?

— То-то и бѣда! она говоритъ, что ея сердце не лежитъ ко мнѣ.

— Если она говоритъ не то, что у нея на умѣ, и хочетъ только удавить васъ отъ себя, она стѣнать, чтобъ мы ее любили и поглядѣли сквозь пальцы на ея молодость за ея добрый расу-докъ.

— Да, сказалъ Жермень, пораженный надеждою, которая еще не постигала его: — если такъ, это было бы очень-умно и очень-порядочно съ ея стороны! Но боюсь; можетъ-быть, она такъ расудительна отъ-того, что я не нравлюсь ей.

— Жермень, сказала тѣтка-Морисъ: — общайте мнѣ быть покойнымъ цѣлую недѣлю, не мучить себя, ѣсть, спать, быть веселымъ по-прежнему. А я переговорю съ моимъ старикомъ, и если уговорю его, тогда вы увидите настоящія чувства дѣвушки на вашъ счетъ.

Жермень далъ слово, и недѣля прошла, а дядя-Морисъ не сказалъ ему ни слова насчетъ и, казалось, не подозревалъ ничего. Хлѣбонаецъ усиливался казаться покойнымъ, но становился все блѣднѣе и тревожнѣе.

Наконецъ, въ воскресенье по утру, идя отъ обѣдни, тѣща спросила у него чего онъ добился отъ своей возлюбленной со времени разговора въ огородѣ.

— Ровно ничего, отвѣчалъ онъ. — Я и не говорилъ съ нею.

— Какъ же вы хотите убѣдить ее, коли не говорите съ нею?

— Я говорилъ съ ней только одинъ разъ, отвѣчалъ Жермень. — Именно, когда мы ѣздили въ Фуршъ; и съ-тѣхъ-поръ, она не слышала отъ меня ни слова. Ея отказъ такъ огорчилъ меня, что

лучше я не буду слышать, какъ она опять скажетъ, что не любитъ меня.

— Хорошо! теперь, сыночекъ, можете говорить съ нею: тестъ позволитъ вамъ это сдѣлать. Ну, рѣшайтесь! я вамъ говорю, и, коли нужно, велю; нельзя же вамъ оставаться въ сомнѣніи!

Жермень повиновался. Онъ пришелъ къ Гиллеттѣ съ поникшей головой и разстроеннымъ видомъ. Марія была одна дома, и такъ задумалась, что не слыхала его приближенія. Увидѣвъ его передъ собою, она отъ изумленія привскочила на стулъ и вся покраснѣла.

— Марія, сказалъ онъ, садясь подлѣ нея: — я пришелъ огорчать тебя и докучать тебѣ, самъ знаю: по *нашимъ старикамъ и старухамъ* велѣли мнѣ поговорить съ тобою и просить тебя выйти за меня замужъ. Ты не согласна? Я того и ждалъ.

— Жермень, отвѣчала Марія: — неужь-то вы точно любите меня?

— Тебѣ это непріятно, я знаю, но я не виноватъ: еслибъ ты могла переменить мысли, я былъ бы очень-радъ; но видно я не стѣю того... Послушай, Марія, развѣ я ужь очень-дурень?

— Нѣтъ, Жермень, отвѣчала она улыбаясь: — вы лучше меня.

— Не смѣйся; взгляни на меня поспиходительнѣе; всѣ волосы, всѣ зубы еще у меня цѣлехоньки. Мои глаза показываютъ тебѣ, что я тебя люблю. Погляди мнѣ въ глаза: въ нихъ написано, а всякая дѣвушка умѣетъ читать это письмо.

Марія взглянула въ глаза Жермену съ своей веселой увѣренностью; но вдругъ отворотилась и задрожала.

— Ахъ, Боже мой! я пугаю тебя, сказалъ Жермень: — ты глядишь на меня, словно на мызника Ормъ. Не бойся меня, пожалуйста; это меня убиваетъ. Я не скажу тебѣ ничего худого, не обвиню тебя противъ твоей воли, и когда ты захочешь, чтобъ я ушелъ вонъ, укажи мнѣ только на дверь. Что жъ! или мнѣ выйти, чтобъ ты перестала дрожать?

Марія протянула руку хлѣбашку,

но не поворачивая головы, наклоненной къ печкѣ, и не говоря ни слова.

— Понимаю, сказала Жермень: — ты жалеешь меня, ты добра, тебѣ больно дѣлать меня несчастливимъ; но ты не можешь любить меня?

— Зачѣмъ вы говорите со мною объ этихъ вещахъ? отозвалась наконецъ Марія: — или хотите, чтобъ я заплакала?

— Бѣда-яжка! у тебя доброе сердце, я знаю; но ты не любишь меня и причесь отъ меня лицо, отъ-того, что боишься показать мнѣ свое неудовольствіе и отвращеніе. А я не смѣю даже позвать тебѣ руку! Въ лѣсу, когда мой сынъ спалъ, и ты тоже спала, я было поцаловалъ тебя украдкою. Но я умеръ бы отъ стыда, а не попросилъ бы у тебя позволенія на то, и столько вытерпѣлъ въ ту ночь, сколько вытерпѣлъ бы человѣкъ, котораго жгли бы на медленномъ огнѣ. Съ-тѣхъ-поръ, а видѣлъ тебя во снѣ каждую ночь. Ахъ! какъ я цаловалъ тебя, Марія! А ты, въ это время, спала и ничего не видала во снѣ. Теперь, знаешь ли, что я думаю? что, еслибъ ты обернулась взглянуть на меня тѣми же глазами, какъ я на тебя, еслибъ ты прикоснулась твоимъ лицомъ къ моему, — кажется, я умеръ бы отъ радости. А ты, чай, думаешь, что еслибъ это случилось, ты умерла бы со стыда и досады!

Жермень говорилъ какъ въ забытіи, не понимая самъ, что говорилъ.

Марія вся дрожала; но, какъ онъ трепеталъ еще больше, то уже не примѣчалъ ничего. — Вдругъ она обернулась, вся въ слезахъ, и поглядѣла на него съ упрекомъ. Бѣдный хлѣбашецъ подумалъ, что это былъ послѣдній ударъ, и, не дожидаясь своего приговора, всталъ и хотѣлъ уйти. Но дѣвушка остановила его, обхвативъ руками, и, припавъ головою на грудь къ нему, сказала рыдая:

— Ахъ, Жермень! неужь-то вы не отгадали, что я васъ люблю?

Жермень сошелъ бы съ ума, еслибъ его сынъ, который искалъ его и вбѣжалъ въ хижины во весь галопъ на па-

нѣ, сопровождаемый маленькой сестрой, не образумилъ его. Онъ приподнял его на руки и, передавая на руки невѣстѣ, сказалъ:

— На! ты сдѣлала не одного счастливымъ на свѣтѣ, полюбивъ меня!

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТЪРЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

72) *Les Spéculateurs* (Спекуляторы), драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ прозѣ, соч. гг. Дюрантена и Фонтена.

Пьесы Французскаго-Театра, которую прежде авторы хотѣли назвать *Notariuzs* (*Un Notaire*). Дѣтъ съ десять, какъ романъ и комедія овладѣли лицомъ нотаріуса, представляли его злодѣемъ, способнымъ на величайшія преступленія, истощали на это важное, серьёзное, спокойное, почетное ремесло всё возможныя обвиненія и помпоснія; новая комедія какъ-будто старалась жестоко отомстить за благосклонность старой комедіи къ нотаріатству. Въ комедіяхъ Мольера, Реньяра, Лашоссэ, Дидро, нотаріусы вели самую пріятную и самую спокойную жизнь. Между-тѣмъ, какъ на подмосткахъ свирѣпствовалъ пламень, между-тѣмъ, какъ страсти сталкивались одна съ другою, между-тѣмъ, какъ любовь, тщеславіе, состоянія развѣхъ дѣйствующихъ лицъ ставились на карту, спокойствіе нотаріуса было ненарушимо. Онъ мирно оставался въ своей конторѣ, окруженный почтеніемъ своихъ клиентовъ и уваженіемъ сосѣдей, — счастливецъ, котораго тревожили только подъ исходъ драмы, когда перипетія приближалась къ концу, когда отецъ давалъ согласіе, когда всё примирялось, когда молодому человѣку и

молодой дѣвушкѣ оставалось только сдѣлаться счастливыми и приживать побольше дѣтей. Тогда, наконецъ, появлялось это милостивое и благотворное божество, съ своимъ портфелемъ темно-зеленаго цвѣта, цвѣта супружеской надежды. То были его лучшіе часы величія и торжества; тогда нотаріусъ былъ пристанью послѣ бури, и всё ошастливленные входили, на полныхъ парусахъ, въ его пріютную гавань. Затѣмъ, совершивъ свое дѣло, онъ уходилъ какъ пришелъ, спокойный среди привычныхъ триумфовъ, и если иногда насмѣшливая улыбка вызывалась встрѣчею съ докторомъ, пугаломъ старой комедіи, созданиемъ, подверженнымъ всемъ насмѣшкамъ, всемъ сарказмамъ, докторъ исчезалъ передъ лицомъ нотаріуса. *A tout seigneur tout honneur*. Итакъ, молодые авторы, поставившіе на французскій театръ новую драму, обязаны искренней признательностью измѣненному заглавію пьесы: *Спекуляторы*. Одинъ изъ этихъ спекуляторовъ — просто - на - просто парижскій нотаріусъ; обстоятельство прискорбное, но все-таки могущее случаться въ самыхъ завидныхъ положеніяхъ, и даже промежъ этими властями семейной жизни, эти ревностныя заступничьями общественной «фортуны», которые избрали справедливымъ девизомъ себѣ латинскій калямбуръ: *Lex est quodcumque notamus*. Дѣйствіе пьесы начинается со свадьбы одного молодого старшаго клерка, сына стариннаго нотаріуса, мосье Дельмара. Молодой Дельмаръ женится на мадамъзель Клотильдѣ, дочкѣ барона де-Флавивьи. Мадамъзель Клотильда хороша собою, молода, богата; жаль, что она нѣсколько черезъ-чуръ любитъ пышные наряды, богатые брилліанты, отличныхъ лошадей, всю роскошь туалета, и нѣсколько не долюбливаетъ мужа. При добромъ запасѣ здраваго смысла, старый нотаріусъ безпокоится не совѣтнъ-счастливыми наклонностями невѣстки; онъ желалъ бы расторгнуть бракъ, начинающійся роскошью, то-есть вмѣсто тѣмъ, чѣмъ браку дол-

жно развѣ оканчиваться. Но молодой Дельмаръ не хочетъ ничего слушать: отказаться отъ Клотильды въ его глазахъ все равно, что сдѣлаться деревенскимъ нотаріусомъ. И вотъ они съ нею соединены законными узами. Подождетъ только три года, трехгодичный медовый мѣсяць, и ясное небо супружескаго счастья подернется черной тучею. Можетъ ли быть иначе? Мамазель Клотильда оставалась вѣрна своимъ роскопнымъ привычкамъ и издержкамъ; балы и опера, и баснословныя сѣти, которыя модная торговка разставляетъ на каждомъ шагу, и эти безумства каждаго вечера, когда каждый бьющій часъ ударяетъ сигналъ какой-нибудь забавы, — причинили сильное опустошеніе карману Дельмара. Съ значительною должностію и женою по модѣ, безрассудному Дельмару было бы чѣмъ заниматься, не рискуя испускать фортуна тѣми страшными средствами, о которыхъ сплетни разносятся по городу, по-крайней-мѣрѣ, развъ годъ. Коротко сказать, Дельмаръ игралъ въ биржевыя обороты, покупалъ домы и перепродавалъ, торговалъ акціями, землями, игралъ во всѣ игры, воспрещаемыя честностію и здравымъ смысломъ, и, натурально, проигралъ. Еще, если бы онъ погубилъ одно свое состояніе, — но состояніе всѣхъ его кліентовъ поглощено той же бездною! И еще, если бы онъ потерялъ только состояніе своихъ кліентовъ, — но въ пагубной игрѣ развлеченія и виновной свиходительности, Дельмаръ теряетъ свою жену, по-крайней-мѣрѣ, чуть-чуть не теряетъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, мадамъ Дельмаръ отыскала кузена, котораго любила до брака и теперь любитъ всѣмъ сердцемъ. Подлѣ несчастнаго нотаріуса, авторы помѣстили плута-архитектора, отъявленнаго негодая, который только разрушаетъ домы, — мосье Минд. Этотъ Миндъ ускоряетъ всѣми силами разореніе Дельмара, ворочаетъ весь домъ верхъ-дномъ, беретъ обѣими руками, перемѣщаетъ, продаетъ, покупаетъ, пускаетъ по свѣту векселя; и однако его несчастный то-

варищъ, ослѣвленный мыслью обогащенія, хватается за все, что тотъ ему подставляетъ. Въ эту-то тажку пору бѣдный Дельмаръ замѣчаетъ, что между нимъ и женою заврался тотъ пошлый и древній змѣй, современный первому змѣю, котораго называютъ — кузеномъ. А между-тѣмъ, нотаріусъ долженъ уплатить сумму 100,000 франковъ, которую одинъ кліентъ отдалъ ему на сохраненіе. Что дѣлать? какъ быть? Дельмаръ убѣгаетъ въ свой кабинетъ, и возвращается съ фальшивой подписью Флавиньи! Тутъ авторамъ надо сдѣлать упрекъ: они слишкомъ честны и слишкомъ-наивны, въ драматическомъ смыслѣ, слишкомъ-прямо идутъ къ цѣли; они еще не знаютъ, что для достиженія потрашенія, жалости, ужаса, кривая линія всего лучше. Когда, помощью науки и опыта, они изучать труднѣйшее изъ искусствъ, искусство успѣха, когда научатся группировать людей вокругъ драматической идеи и узнаютъ всѣ тонкости и хитрости ума, которыхъ нельзя строго порицать, — тогда поймутъ, что человекъ, каковъ бы онъ ни былъ, не губить себя такъ отъ чистаго сердца, и что въ особенности герой трагедіи долженъ уметь противиться искушеніямъ. Интересы не достигаютъ беззаботными прыжками наивныхъ душъ; къ нему идутъ шагомъ болѣе-твердыми, болѣе-прямыми и оживленными. Не-уже-ли человекъ благородный, съ хорошимъ положеніемъ въ свѣтѣ, отецъ семейства, самъ сынъ живаго отца, должностное лицо въ должности открытой, для всѣхъ глазъ, можетъ такъ вдругъ уйти въ кабинетъ, и рукой, которая пишетъ законы, совершить самое низкое, безчестное и подлое мошенничество — фальшивую подпись! Слава Богу, что въ морали, что въ драмѣ, подобная вещь не дѣлается такъ просто. Можно бы также попротиворѣчить авторамъ на-счетъ роли жены, которая разорила и погубила мужа, не сознавая, что она первая вырыла бездну, куда упалъ несчастный. Что же до кузена, то сквозь всю пьесу чувствуешь

желаніе спросить у него, зачѣмъ же онъ не женился на своей кузинѣ. Архитекторъ Мино могъ быть хорошимъ этюдомъ современныхъ нравовъ; но слѣдовало обрисовать его потчательнѣе: не трудно было придать этому человѣку зоркій глазъ спекулятора, разсчитанную жадность человѣка опытнаго въ дѣлахъ, краснорѣчіе развратника, который убѣдилъ самъ-себя въ правотѣ своего дѣла, по очень-простой причинѣ, что рано или поздно привычки переходятъ въ нравы; но молодые авторы слѣдали изъ Мино родъ бульварнаго надувала, а это недостаточно. Прекрасная роль отца, стараго нотаріуса, преисполненнаго повятіями своей прежней должности, раба долга, одного изъ тѣхъ гражданскихъ дворянъ, которые равнодушно видѣли пролетавшими мимо нихъ самую жестокаго честолюбія, самую гразныя корысти, измѣны родныхъ родныхъ, самыхъ гнусныхъ и безжалостныхъ изъ измѣнъ. Къ-счастью, пятое дѣйствіе драмы искупаетъ всѣ недостатки; ужъ съ половины четвертаго акта пьеса пріобрѣтаетъ болѣе достоинства. Зритель такъ ясно поваль дѣйствіе, узелъ, сюжетъ басни; лица такъ обнажились, такъ рѣзко обозначились — одно плутомъ, другое безумцемъ, молодая жена кокеткою, старикъ отцомъ семейства, для котораго званіе честнаго человѣка есть высшее изъ достоинствъ, что авторы могли навлечь изъ своего печальнаго разсказа самая законныя послѣдствія. Когда является отецъ, и когда этому слѣдователю старшу надо открыть всю длинную цѣпь невостей, наконецъ, когда несчастный Дельмаръ видитъ несчастія, какія самъ себѣ навлекъ — жену, вышедшую за него въ роскоши и доведенную до крайности, ребенка, которому теперь остается оливо безславное имя, стараго слугу, котораго скопленное состояніе онъ промоталъ, галеры въ будущемъ, — что ему несчастному дѣлать между этими призраками его тщеславія, привязанности, любви? — Онъ убиваетъ себя, самъ-себя казнитъ по заступамъ. Не безпокойтесь за семей-

ство: жена его уже утѣшилась, отецъ скоро утѣшится.

73) *Oni ou Non* (Да или Нѣтъ), *водевиль въ одномъ дѣйствіи*, соч. гг. Жака Араго и Амедея Боплана.

Богатый Англичанинъ обѣщавъ жениться; онъ и жениться не прочь, и холостую жизнь любить. По настоятельнымъ вопросамъ будущей тѣщи, онъ пишетъ два письма: одно говорить *да*, другое *нѣтъ*. Слуга кидаетъ на письма жеребей и относить одно изъ двухъ посланій; другое должно быть сожжено; но одинъ соперникъ устраиваетъ дѣло такъ, что второе письмо также отправлено по адресу. Отсюда выходитъ, что соперникъ женится на невѣстѣ богатаго Англичанина, который съ своей стороны уже приникалъ себѣ другую невѣсту.

74) *Si j'étais Homme* (Если бы я была мужчиной), *водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ*.

Этотъ, какъ и предыдущій, водевилъ, принадлежатъ сценѣ Водевильнаго Театра. — Нѣкая молодецкая Альбертина встрѣчаетъ въ Гаврѣ ирѣсноводныхъ моряковъ, парижскихъ лодочниковъ. За ней хотятъ ухаживать, она сердится. «Ахъ!» восклицаетъ она: «если бы я была молодой женщиной двадцати лѣтъ!» — Въ томъ заключается первый актъ. Во второмъ актѣ, Альбертина называется мосьё Альберомъ, и парижскіе хваты считаютъ Альбера за мужчину. Сказано, сдѣлано. Мужчины приглашаютъ Альбера завтракать, женщины умилно поглядываютъ на него; надо играть, пить, курить, драться на дуэли и проч. — такъ-что мосьё Альберъ спѣшитъ слѣзаться по-прежнему мамзель Альбертиной. На сценѣ, благодаря переодѣваньямъ актриссы Кастелланъ, пьеса очень удалась.

75) *La Veuve de quinze ans* (Пятнадцатилѣтняя Вдова), *водевиль въ одномъ дѣйствіи*, соч. гг. Дювотіи и Сиродена.

Пяти лѣтъ отъ роу, прекрасная Ар-

темиза выдана замужъ за семилѣтняго маркиза де-Моранжа. — Послѣ вѣнчальнаго обряда, крошечная маркиза возвращена своимъ кукламъ, а маркизъ своимъ конфетамъ. Потомъ, супруги выросли. Маркиза пустилась играть въ воланъ, а маркизъ отправленъ въ армію играть въ солдаты. Однажды, не умѣвъ сказать послѣ какого знаменитаго сраженія, храброму капитану (въ тѣ времена рождались храбрыми капитанами) пришла фантазія увидѣться съ женою, и, покинувъ армію, онъ прилетѣлъ въ замокъ, который она занимала. Слухъ о кончинѣ война уже разнесся; вдова сочла долгомъ казаться безутѣшною, но всѣмъ было очевидно, что она уже предавалась радостямъ, сопровождающимъ завидное вдовье состояніе. Видя это, маркизъ заблагоразсудилъ явиться передъ своей половиной подъ чужимъ именемъ. — Принявъ имя своего кузена, виконта де-ла-Гуспильиоля, напѣ прерасный кавалеръ представляется маркизу; онъ восхищается, восхищенъ самъ; тогда является настоящій виконтъ де-ла-Гуспильиоля, который, свѣдавъ о кончинѣ кузена, уже имѣетъ претензіи на руку своей хорошенькой кузины. — Вдова въ великомъ затрудненіи: который же изъ двухъ обманщикъ? Жребій оружія рѣшитъ! восхищаетъ капитанъ; но настоящій ла-Гуспильиоля не чувствуетъ охоты играть силою и быть игрушкой случая: онъ отрекается отъ своего имени. — Оставшись господиномъ поля битвы, прерасный побѣдитель отгрызаетъ истину. Вдругъ входитъ лажей и докладываетъ маркиза де-Моранжа. Ла-Гуспильиоля заблагоразсудилъ принять, вмѣсто отбитаго собственнаго, имя своего кузена. Новое затрудненіе для вдовы: который же именно ея мужъ? — Тотъ, у кого ея портретъ; Моранжъ его потерялъ, и имъ завладѣлъ Гуспильиоля. — Критическое положеніе могло бы не скоро кончиться, если бы вдовствующая маркиза де-Моранжъ не подоспѣла, чтобъ возвратитъ каждому его настоящее имя.

76) *L'Éclaircissement* (Синьяльшаль), *водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ*, соч. п. Бригбарра и Лери.

Дама, по имени Амалия де-Ренньпонъ (такъ-что платокъ ея помѣченъ буквами А. Р.) пробирается однажды утромъ въ домъ мосьё Фредерика Мореля, комиссіонера въ *Mont-de-Piété*, куда закладываютъ вещи. Случайно, мужъ ея, узнавшій шаль жены, также заходитъ къ мосьё Морелю пристроить подъ закладъ свои часы. Пока его закладъ вписываютъ въ реестры, мосьё де-Ренньпонъ узнаетъ сначала зирекъ своей жены, благодаря шифру А. Р., а потомъ платокъ жены по запаху рееды; значить, его жена точно была здѣсь, значить, положила свои брилльянты, значить, ей нужны деньги. — Мосьё Ренньпонъ, очень - встревоженный, вдругъ вздумалъ дать у себя балъ, и вотъ мадамъ Ренньпонъ съ своей стороны очень-встревожена: брилльянты нужны ей въ этотъ же вечеръ, чтобъ прилично присутствовать на праздникѣ... О чудо! *Mont-de-Piété* ссужаетъ даромъ мадамъ Ренньпонъ ея брилльянты! Потомъ, по окончаніи бала, Ренньпонъ беретъ брилльянты къ себѣ, и жена признается, что въ-самомъ-дѣлѣ, желая спасти свою сестру отъ очень-худаго дѣла съ однимъ свѣтскимъ плутомъ, занимала въ *Mont-de-Piété* 10,000 франковъ. Мосьё де-Ренньпонъ въ восторгѣ отъ доброты и скромности своей великодушной половинны.

77) *L'Inventeur de la robe* (Изобрѣтатель пудры), *водевиль въ одномъ дѣйствіи*, соч. гг. Лефрана, Лабиса и Ниона.

Подобно предъидущему, этотъ водевиль принадлежитъ Пале-рувальскому Театру. Вотъ его содержаніе. — Владѣтельный князь Піомбина, Оморé XXXVI не можетъ терпѣть свѣтлыхъ волосъ и любить одни черные какъ смоль. Еслибъ его свѣтлость, по несчастію, встрѣтилъ прерасную любовницу Тиціана съ золотистыми кудрями, Оморé XXXVI-му сдѣлалось бы просто дурно. — Для супруги владѣтельнаго кня-

за этотъ вкусъ служить большимъ затрудненіемъ: она красавица собой, но имѣетъ волосы золотистаго цвѣта, который такъ нравился Виргилію, и бѣдняжка принуждена прибѣгать къ пособіямъ химіи. — Вскорѣ, увы! химикъ мадамъ Негрови похищенъ смертію, и волосы дамы начинаютъ рыжѣть въ знакъ траура по химикѣ. Бѣдная женщина! она погибла, если не найдется средства къ спасенію. — Въ то же время, Оморѣ XXXVI чувствуетъ потребность имѣть подлѣ себя какого-нибудь браво, бандита, убійцу лучшаго сорта; — это одна изъ фантазій добраго принца, и ему приводятъ... цирюльника Формово. Формово по обычаю цирюльниковъ, служить на всѣ стороны. — Я твой, говоритъ герцогиня цирюльнику. — Ступай, убей одного негодяя по имени Формово, говорятъ принцы. — Несчастный Формово, для сохраненія жизни принужденъ работать гребенкой и ножами. — Не зная, какъ приняться за пособіе герцогинѣ, онъ вдругъ видитъ въ саду зеленую яву и желтый сикоморъ, равно поблѣвшіе отъ снѣга. На другой день, придворные князя явились въ пудрѣ. — Нѣсколько ловкихъ сценъ дали успѣхъ этой шуткѣ, впрочемъ довольно-пустой между пустыми.

78) L'AMÉ EN PRINE (Неупоконная душа), опера въ двухъ дѣйствіяхъ, слова соч. де-Сен-Жоржа, музыка соч. де-Флоттова.

Г. Флоттовъ, извѣстный пріятными композиціями для гостивыхъ и миленькими комическими операми, отважился попытаться на поприщѣ большой оперной композиціи. Хвалятъ его музыку по частямъ, но въ цѣломъ упрекаютъ за отсутствіе единства и за самую пеструю смѣсь всѣхъ родовъ: то слышится Оберъ, то Веберъ, то Доницетти, то Россини, то Мейерберъ — сущій венегретъ изъ французской, вѣмецкой и итальянской музыки. — Сюжеты оперы и либретто прекрасны. — Дѣяніи Францъ влюбленъ въ Паолу, молоденькую сироту, которая еще ре-

бевкомъ поручена ему отъ умирашаго отца. Францъ не смѣетъ открыть своей страсти воспитавицѣ, а признается въ ней графинѣ Розенталь, молочной сестрѣ Паолы, которая, сверхъ того, его покровительница. Воспитавицы не имѣютъ обычая любить своихъ опекуновъ; такъ и молоденькая Паола предпочитаетъ Францу статнаго офицера, графа Леопольда, кузена графини Розенталь. У нихъ было назначено свиданіе, они любятъ другъ друга, будутъ счастливы; но вдругъ Леопольдъ принужденъ идти въ походъ съ полкомъ. Обиженныя кольца служатъ залогомъ взаимной любви и клятвою въ вѣрности. Францъ на верху радости; онъ назначенъ главнымъ дѣясничимъ по милости доброй графини, которая ввѣлась также говорить за него съ Паолою; она сама придетъ къ своей молочной сестрѣ. Паола одѣлась въ самое нарядное платье; все готово для приема графини; сельскій судья, который не пропускаетъ случая произнести ей маленькую рѣчь, ожидаетъ ее съ нетерпѣніемъ: онъ велитъ взойти кому-нибудь на мостъ ручья, откуда видно далеко въ поле, чтобы предупредить его перваго о прибытіи графини. Францъ, котораго любовь сдѣлала небрежнымъ въ исполненіи должности, не велѣлъ починить мостъ, который попорченъ бурями; потому, онъ не позволяетъ никому всходить на разрушенный мостъ, гдѣ снѣлъчакъ нашелъ бы неминуемую смерть. — Наконецъ, графиня пріѣзжаетъ; судья удается произнести рѣчь; крестьяне поютъ ей хоръ; Францъ принимаетъ ее въ своей хижинѣ. Вдругъ слышенъ пронзительный вопль, сопровождаемый зловѣщимъ шумомъ: неосторожная Паола, желая еще разъ взглянуть на Леопольда, который долженъ тутъ проходить съ полкомъ, вошла на мостъ потока, и мостъ обрушился подъ нею. Францъ падаетъ въ обморокъ. — Во второмъ дѣйствіи, снова является Леопольдъ, возвратившійся изъ кампаніи. На минуту опечаленный смертію Паолы, онъ скоро находитъ другую лю-

бовъ — влюбляется въ кувину: бракъ долженъ соединить ихъ. Что до лѣсничаго, то стоить печалиннра погибель Паолы въ то время, когда онъ воображалъ себя на верху желаній, готовился осчастливить ее на вѣкъ, поразила его какъ громомъ. Онъ все зоветъ свою Паолу; онъ помѣшанъ. — Надо сказать, что дѣйствіе происходитъ въ Штиріи. Старинное повѣрье страны приписываетъ святой Иренѣ чудесную возможность оживлять покойниковъ, которые будто въ день Ирены бывають видимы всѣми, любившими ихъ и еще любящими. Паола, или лучше сказать душа Паолы, является Леопольду, который проходитъ мимо ея и не замѣчаетъ. Онъ садится съ графинею, своей новой невѣстою, на скамью подъ тѣнью розовой бесѣдки, въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ, за два года предъ тѣмъ, слушала клятвы молодой сироты. Въ тотъ мигъ, какъ они въ свою очередь хотять помѣняться кольцами, душа является среди цвѣтовъ, раздвигаетъ вѣтви, беретъ кольцо Леопольда и отдастъ ему то, которое вѣкогда получила отъ него. Показывается Французъ; глава его устремляется на душу, хотящую удалиться; но онъ видѣлъ ее, и теперь не расстанется съ нею. Леопольдъ, изумленный при видѣ кольца Паолы, расширяваетъ лѣсничаго, который рассказываетъ ему, что онъ одинокъ былъ причиною ея смерти. Леопольдъ въ отчаяніи; наконецъ онъ ее видитъ, потому-что любить еще ее, хочетъ съ ней заговорить, но уже поздно: она приказываетъ ему жениться на графинѣ Роденталь и за тѣмъ улетаетъ на облакъ, съ однимъ, который остался ей вѣренъ, и который умеръ, чтобъ жить вѣчно съ нею.

79) Спорт въ Турѣ (Спортъ и Турфъ), *шутка* (gentilhomme) отъ *деуль дефестейлазъ*, соч. гг. Кларвилля и Сиродена.

Выставить на видъ смѣшныя стороны мнимыхъ спортсменовъ и quasi-дворянъ болѣе чѣмъ сомнительнаго производства, энергично бичевать юноше-

ство, которое гонится за дурачествомъ времени регентства, насказывать, шутя, примыхъ истинъ, — вещь, казалась бы, не трудная. Авторы дурали объ этомъ точно такъ, ибо они едва задали себѣ трудъ облумать и набросать нѣсколько сценъ. Они принекали двѣ-три комическихкія личности, и потомъ рассудили, что при заглавіи, дирекція не пощадитъ ничего для постановки пьесы на сцену. Дирекція точно сдѣлала свое, но авторы все-таки обманулись въ успѣхѣ; слишкомъ понадеявшись на легкость дѣла. Впрочемъ, нѣхъ шалость, по мѣстамъ остроумна и язвительна, хотя оставляетъ еще желать многого. Три смѣшныя роли пьески — Манкасаръ, лордъ Боксепиль и Суавита. Манкасаръ — парикмахеръ, сдѣлавшійся президентомъ дворянскаго клуба. Рано поутру, онъ отправляется во всѣмъ львицамъ; думаютъ, что онъ ходитъ на любовныя свиданія, а онъ просто ходитъ убирать волосы; вечеромъ, онъ держитъ сумасбродныя пари; во въ этомъ дворянскомъ клубѣ тысяча франковъ значатъ пять су. Лордъ Боксепиль, англійскій дворянинъ, любитъ удобное помѣщеніе, и потому не терпитъ гостинницъ. Онъ нанялъ себѣ ситадину и отправляетъ въ ней всѣ дѣйствія жизни: ѣздитъ въ ней, спитъ, обѣдаетъ, принимаетъ визиты, именно визитъ мамзели Грендоръ, молоденькой лоретки, которую привезъ изъ Парижа для собственнаго развлечения, и говорить все, что онъ хочетъ или чего не умѣетъ сказать. Лордъ Боксепиль поразженъ немощью: его преслѣдуетъ пѣсенка, которая того-и-гляди отравитъ его существованіе.

La dame blanche vous regarde,
La dame blanche vous entend—

звучитъ безпрестанно въ его слухѣ. Несчастный не можетъ сдѣлать шага безъ того, чтобъ бѣлая дама тутъ же вытирала: сущій кошмаръ! а пуще всего тревожитъ островитянина то, что Французы, по-видимому, не подвержены той же бѣдѣ. Суавита — женская роль, Французенка. Суавитою по-

вуть также кобылу лорда Боксепила, откуда выходитъ часто перемѣшаніе четвероногога съ двуногимъ. Партеръ театра Variétés находятъ это очень-забавнымъ.

80) LE CHATEAU DES SEPT TOURS (Семьбашенный Замокъ), драма въ пяти дѣйствіяхъ, съ прологомъ LES FRANÇAIS EN EGYPTE (Французы въ Египтѣ), соч. гг. Мальяна и Альбоаза.

Драма театра Galté объявлена была свачала подъ гораздо-страшнѣйшимъ заглавіемъ le Puits du Sang, *Кровавый Колодезь*. Изъ пролога узнаемъ любовь одного французскаго полковника къ молодой Марониткѣ, съ которой онъ познакомился во время пребыванія своего въ Египтѣ, гдѣ находился при арміи генерала Бонапарте. Важное порученіе дано ему отъ главнокомандующаго. Надо отправиться въ Константинополь съ предложеніемъ султану о разнѣнѣ плѣнныхъ. Паскаль, храбрый сержантъ, тѣломъ и душою преданный полковнику, потому-что они вмѣстѣ брали Бастилю, принимаетъ на себя обязанность беречь Маронитку до возвращенія полковника. Въ то же время, измѣнникъ и въ добавокъ ренегатъ Абдалла захватываетъ сержанта Паскаля, дѣвушку, и отправляетъ ихъ въ Константинополь, куда они пріѣзжаютъ невольниками. Въ Константинополѣ находятъ они полковника, который, схваченный, бѣжавшій и преслѣдуемый, отыскалъ себя убѣжище у Жиды Исаакъ. Скоро это убѣжище открыто измѣнникомъ, который имѣетъ особыя причины желать, чтобъ депеша генерала Бонапарте не дошла до свѣдѣнія султана. Чтобъ заставить предполагать полковника умершимъ, онъ поджигаетъ домъ Исаака, отсылаетъ Жиду на корсарское судно и заключаетъ полковника въ Семьбашенный Замокъ, гдѣ гибнуть отъ ужаснѣйшаго положенія больше тысячи французскихъ военноплѣнныхъ. Между-тѣмъ, одна мнимо-сумасшедшая отчасти разстроиваетъ планы Абдаллы. Эта женщина вовсе не сумасшедшая; если она

играетъ цѣлыя четырнадцать лѣтъ такую печальную роль, то затѣмъ, чтобъ пользоваться привилегіей, которую безумцы имѣютъ въ Турціи — входить куда хотятъ. За ея добродѣтель, мужъ ея заключенъ въ одну изъ самыхъ мрачныхъ и самыхъ сиродныхъ башенъ замка. Эта женщина на все отваживалась въ надеждѣ спасти мужа, котораго память она по-крайней-мѣрѣ оправдываетъ. Полковникъ узнаетъ отъ товарищеи своего плѣна, что имъ удалось вырыть подземелье въ кіоскѣ, гдѣ заключена молодая Маронитка. — Мы спасены! восклицаетъ онъ. «Вы погибли!» говоритъ измѣнникъ, который появляется въ сопровожденіи своихъ нѣмыхъ невольниковъ. На него кидается съ проклятіями безумная, которая въ этотъ разъ не боится снять маску; она узнала въ Марониткѣ свою родную дочь, съ которой теперь одна смерть можетъ разлучить ихъ. Измѣнникъ, спокойно и равнодушно выслушавъ проклятія безумицы, которой могъ велѣть отрубить голову, удаляется и приказываетъ заключить полковника въ «темницу крови», откуда еще никогда не выходили заключенные. Обѣ женщины отведены въ мраморную темницу, гдѣ неизбежная смерть также ожидаетъ ихъ. Полковникъ спокойнѣе и покоренѣе участи: онъ умираетъ за отечество. Двое нѣмыхъ открываютъ роковой подвалъ, который долженъ поглотить жертву. Полковникъ сейчасъ исчезнетъ въ безднѣ, — какъ вдругъ, о Провидѣніе! вмѣсто его туда брошенъ одинъ изъ палачей: Вѣрный другъ, завоеватель Бастилии, какъ онъ самъ себя называетъ, храбрый Паскаль, умѣлъ выдать себя за нѣмага, и его-то избрали для исполненія приговора надъ полковникомъ. Женщины также не погибаютъ. Поступки Абдаллы дошли до слуха султана, который соглашается на разнѣнѣ плѣнныхъ и осуждаетъ на смерть гнуснаго тирана. Мелодрама, разумѣется, стяжала большой успѣхъ, могущій сравниться развѣ съ успѣхомъ драмы театра Ambigu-Comique —

81) *Le Marché de Londres* (Лондонскій Рынокъ), драма въ пяти *действіяхъ и восьми картинахъ, съ прологомъ Les Ouvriers de la Cité* (Рабочіе Сити), соч. гг. Ад. Денпери и Поля Февали.

Сэръ Морисъ—лондонскій мануфактуристъ, который частью своего состоянія обязанъ генію Ричарда Дэвиса и его брата Симона. Ричардъ—изобрѣтатель одного механическаго спаряда, который даетъ пару больше силы, уменьшая въ то же время опасности взрыва. Сэръ Морисъ, хотя и изъ благородной фамиліи, преданъ демократическимъ идеямъ; потому, принявъ себя въ товарищи двухъ рабочихъ, по милости которыхъ дѣла его стали процвѣтать, онъ спѣшитъ женить ихъ на своихъ двухъ воспитанницахъ: миссъ Аинъ и Люси Стиндаль. Аина и Люси—два противоположные характера; первая надменна и вѣтрена; не рабочему быть ея мужемъ, она желала бы опираться на руку лорда Мортимера, молодого, ославленнаго шалуна, принадлежащаго, однакожъ, къ членамъ аристократическихъ клубовъ. Люси, напротивъ, въ восторгѣ отъ своего замужства; она раздѣляетъ либеральныя идеи своего опекуна: она была бы на верху счастья, еслибъ одно жестокое воспоминаніе, которое злоба завистниковъ пробуждаетъ въ сердцѣ молодой женщины, не возмущало ея благополучію. Тяжкія подозрѣнія омрачаютъ честь ея матери: леди Стиндаль вліяетъ въ увлеченіи одной преступной страстью, которой Люси будто-бы есть живой памятникъ. Подозрѣнія подтверждаются, когда записка лорда Мортимера извѣщаетъ ее, что у него въ рукахъ есть двадцать писемъ ея матери, гдѣ доказательство ея позора написано въ каждой строкѣ. Мортимеръ, родъ Ловеласа, раздраженнаго добродѣтелью Люси, дѣлаетъ послѣднюю попытку добиться отъ нея свіданія на-единѣ. Если она прійдетъ въ означенную таверну, письма будутъ ей возвращены, и тогда истребится всякое доказательство безчестія ея ма-

тери. Слышенъ стукъ подѣбающаго экипажа. Изъ него выходитъ Люси; она трепещетъ, она умоляетъ Мортимера отдать ей письма, умоляетъ на колѣняхъ; Мортимеръ не трогается слезами молодой женщины, и рѣшилъ, если она останется при своемъ упорствѣ, публиковать роковыя письма, которыя воображаетъ еще въ своихъ рукахъ, по которыя одинъ слуга, въ высшей степени Англичанинъ по своимъ торговымъ наклонностямъ, продастъ сэру Асли за довольно-хорошую сумму. Сэръ Асли отдаетъ ихъ мистриссъ Ричардъ, къ великому огорченію Мортимера, который вызываетъ на дуэль своего нестатна-услужливаго пріятеля. Асли принимаетъ вызовъ, радуясь случаю найдти въ этой дуэли смерть, которой давно желаетъ и которую рѣшилъ нанести самъ себѣ тотчасъ, какъ возстановитъ честную память леди Стиндаль. Ричардъ Дэвисъ ревнивъ. Приглашенный безъименнымъ письмомъ пожаловать въ таверну, гдѣ Мортимеръ назначилъ свиданіе Люси, онъ не мало удивленъ встрѣтивъ тамъ жену. Люси, смущенная вопросами мужа и принужденная объяснить свое пребываніе въ подобномъ мѣстѣ, заклинаетъ его именемъ ихъ любви не требовать отъ нея никакихъ объясненій. «Я невѣстная» говоритъ она: «со-временемъ вы это узнаете». Ричардъ соглашается не добиваться отъ нея секрета, но объявляетъ, что его ревность основана еще на одномъ любовномъ письмѣ, которое онъ нашелъ въ паркѣ и считаетъ за писанное къ ней. Въ дуэли, происходившей между лордомъ Мортимеромъ и сэромъ Асли, Мортимеръ тяжело раненъ противника. Молоденькая женщина, леди Алиса, на уединенной сантиментальной прогулкѣ за городомъ нашла несчастнаго Асли почти бездыханнымъ. Она велитъ отвезти незнакомца въ домъ своей кузины, миссъ Люси Ричардъ больному отведена комната. Между тѣмъ, Мортимеръ, больше и больше ожесточаясь сопротивленіемъ Люси, чтобы достигнуть цѣли, притворился

влюбленнымъ въ Анну, которая вѣрнѣе его любви; она живетъ въ одномъ домѣ съ Люси. Бьетъ полночь; Мортимеръ пробирается въ комнату mistress Анны черезъ окно, выходящее на Темзу; является Анна. Вдругъ слышатъ шумъ: это Асли, опять ищущій замысламъ своего противника. Онъ думаетъ, что онъ одинъ, и готовится, не смотря на рану, дать ему горячій отпоръ, какъ вдругъ схваченъ и увлеченъ людьми, которые кидаютъ его въ лодку и отплываютъ съ нимъ. Крики сѣра Асли были услышаны. Люси, привлеченная шумомъ, приходитъ въ ту самую минуту, когда мужъ Анны готовъ все открыть. Что дѣлать? Есть одно средство, обратитъ похитителя въ комнату Люси; она несогласна, но опасность не терпитъ; Анна пропала, если она не согласится, и наконецъ она соглашается. Мортимеръ спрячется въ ея комнату. Въ слѣдующей за тѣмъ сценѣ, мужъ Люси требуетъ у нея ключа отъ этой комнаты и находитъ тамъ записку, которую Мортимеръ оставилъ прежде, чѣмъ бѣжалъ. Mistress Анна молчитъ; наконецъ, на вопросъ мужа объявляетъ себя виновною отъ того, что вводитъ въ нее сестру; ищете мужа страшитъ ее; она не смѣетъ признаться въ своемъ проступкѣ. Ричардъ, пользуясь правомъ, какое старинный англійскій законъ даетъ мужьямъ продавать женъ на рынкѣ, ведетъ свою виновную жену на лондонскій рынокъ, гдѣ повѣрно навидываетъ ей веревку на шею. Мортимеръ предлагаетъ пролаву десять тысячъ фунтовъ, думая, что на этотъ разъ не встрѣтитъ никакого препятствія своимъ желаніямъ. Но онъ ошибся: слышатъ голосъ, набивающій цѣну за товаръ до 50,000 червонцевъ. Этотъ голосъ сѣра Асли, который не что иное, какъ родной братъ Люси. Асли объявляетъ Мортимеру, что онъ разорился, и потомъ восстанавливаетъ честь своей покойной матери. Но что будетъ съ Анною, столь виновною, и съ ея любовникомъ, еще болѣе виновнымъ? Будутъ ли они казнены, про-

даны, или станутъ жить все счастливо? На этотъ вопросъ авторы не сочли себя обязанными отвѣчать. Какъ бы то ни было, но пьеса удалась авторамъ и театру.

82) Les Quatre Reines (Четыре Королевы), *водеиль съ двухъ дѣйствительн., соч. гг. Польва и Лорансѣва.*

Четыре королевы, и еще какія королевы! Во-первыхъ, Катерина Медичи, потомъ Марія Стюартъ, Маргарита-Наваррская и Елисавета-Англійская. — Три молодя королевы замужемъ, но еще не отдали мужьямъ, которыхъ даже не знаютъ въ лицо, потому-дескать, говоритъ королева Медичи, что онѣ не довольно-свѣдуши въ политикѣ. — Молодыя королевы очень любовистствуютъ узнавать своихъ супруговъ и, при романтическихъ наклонностяхъ, думаютъ видѣть своихъ государей и повелителей въ каждомъ чужомъ мужчинѣ, который къ нимъ приближается. Имъ всакій день приносятъ матеріи для нарядовъ, и королевы всѣ влюблись въ молодого кувеческаго прикащика, который ходитъ къ нимъ съ тюкомъ матерій. — Онѣ замѣтили извѣстныя манеры статнаго прикащика, и не сомнѣваются, что это какое-нибудь знатное лицо является переодѣтымъ. — Безпрестанно отыскивая каждая своего мужа, онѣ воображаютъ, что прикащикъ-то и есть ихъ мужъ, — разумѣется, воображаютъ каждая про-себя. Слѣдуютъ три совершенно сходныя сцены. Королева № 1 объявляется въ любви; наущеніе молодого человѣка; въ залогъ любви данъ браслетъ; — изъясненіе королевы № 2, то же наущеніе, залогъ—маленькій портфель; — изъясненіе № 3, и пр., перстень. — Изъясненіе самой Катерины Медичи авторы не задумали сообщить намъ. — Забавляется этой любовною горячкою мадамъ Алонза, статс-дама ихъ величествъ: для нея-то приходитъ минимый король Испаніи, Франціи и Наварры, — ибо прикащикъ, торгующій шелковыми матеріями, не ждой кто, какъ Олимпіа де-Кастелью,

посланиникъ одного заговорщика, славнаго королевою. Такое положеніе не можетъ длиться всегда. Королевы увидяютъ свою ошибку, и ничто не сравнится съ ихъ гнѣвомъ: у прикащика отъ каждой изъ нихъ по залогу любви. Правильный ихъ величествами, Оливье признается, что отвѣчать;—наконецъ, признается, что его завела въ замокъ любовь къ одной женщинѣ.—Къ какой же именно? восклицаютъ королевы.—Трѣ слова начинаются. Алоиза, униже своего любовника, вступаетъ въ дѣло и объявляетъ, что любовь Оливье метитъ такъ высоко, что онъ не смѣетъ признаться.—Новая ошибка трехъ королевъ.—Всѣ три воображаютъ, что эта любовь обращена къ каждой изъ нихъ.—Опять три чувствительный сцены.—Наконецъ, графъ де-Понжабанъ, который долженъ жениться на Алоизѣ и который всемогущъ въ замкѣ, велитъ арестовать Оливье.—Добрашавший Катериною Медичи, молодой человекъ готовъ помѣнить себя; три королевы его спасаютъ; цѣтомъ, сдѣлать объясненія. Уже была одна дуэль и небольшая рана изъ-за всей этой исторіи; наконецъ, все улаживается. Понжабанъ приноситъ въ жертву, Оливье женится на Алоизѣ.—Мать-королевы объявляетъ, что дочери-королевы сдѣлались глубоко-искусными въ политикѣ. Завязь опускается.

83) LA FINE DU MONDE DE L'EAU (Штиржинна Фей), комедія - водевилъ въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. гг. Мишеля Массона и Фредерика Тома.

Послѣ одного богатаго человека осталась завѣщаніе, которое должно быть открыто только годъ спустя по его смерти. Сиприанъ и Клиньянкуръ, его пріятель наслѣдники; надѣются раздѣлить между собою наслѣдство. Клиньянкуръ не прочь взять все на свою долю, а остатокъ прелоставить кузену. Съ этой цѣлью, онъ заманиваетъ Сиприана на сѣмья безпутныхъ оргій и старается разорить его заблаговременно.—Одинъ влѣдѣль-пріятель (у кого жить ихъ-завѣщатель?) говоритъ Клиньянкуру,

что покойникъ на-чисто лишилъ его наслѣдства въ пользу кузена. Уже гдѣ тотъ превѣдалъ о содержаніи духовной, не извѣстно. А духовная заключаетъ въ себя дозволено-страшную статью. Любовный дялюшка, имѣвшій полную довѣрность къ честности предпочтеннаго посланиника, предвдѣлъ случай, что посланиникъ черезъ годъ сдѣлается изъ честнаго молодого человека негодеемъ.—Клиньянкуръ съ его достойнымъ другомъ основательно на этой статьѣ послѣдній лучъ надежды. Стоитъ волею Сиприана въ какое-нибудь преступленіе, и несчастный лишится правъ на наслѣдство.—Двумъ мерзавцамъ достаточно обмануть Сиприана на полсотни лувровъ, чтобы заставить его подѣлать блестящій банковый билетъ. Нѣтъ ничего естественнѣе, какъ обезчеститься для уплаты того, что зовутъ пуштокъ чести.—И такъ, Сиприанъ во власти своихъ враговъ, вручивъ имъ подѣланный билетъ,—не успокойтесь! подѣланный тайно подѣланы наслѣдникъ. Озабоченные плуты придумываютъ другое средство: Александръ, возлюбленный Клиньянкура, ищетъ ссоры съ Сиприаномъ, и Клиньянкуръ заражаетъ pistolеты такъ, чтобы не оставилъ ни малѣйшаго шанса смѣлкомъ-довѣрчивому кузену. Однако, Александръ, отличный стрѣлокъ, не попадаетъ въ противника въ пятнадцать шаговъ. Что жъ это за чудо? Какая-то таинственная руда обороняетъ Сиприана. Pistolеты, зараженный пулюю и приготовленный для предателя, отлетѣлъ Сиприану, великодушна отрезавшемуся употребить его. Превдѣлнню; хранящее Сиприана, есть прѣброшкан фел, королевская Анега, простая прачка по ремеслу, но одаренная несравненною добродѣтью. Сдѣлаетъ, конечно, бракъ мильонера съ бѣдной грязной.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

«СѢВЕРНАЯ ПЧЕЛА» ВЪ ІЮЛѢ 1846 ГОДА.

Юльскіе листы «СѢвѣрной Пчелы» заключаютъ въ себѣ много любопытнаго. Возвращеніе г. Греча изъ-за границы сообщило газетѣ замѣчательное движеніе: знаменитый блюститель чистоты русскаго языка обнаруживаетъ намѣреніе — оправдать въ глазахъ публики г. Булгарина... Въ 147 номерѣ «СѢвѣрной Пчелы» явился написанный г. Гречемъ разборъ «Воспоминаній» г. Булгарина. Чувствительнаго сердца, конечно, назидать не совсѣмъ логическую цѣль этой статейки, vznikнувъ въ источникъ ея. Полагаемъ даже, что она можетъ быть трогательна для многихъ не одною этою чертою. Нѣтъ! разборъ «Воспоминаній» г. Булгарина, написанный г. Гречемъ, не прибавилъ равно ничего къ неясностямъ читающей публики о достоинствахъ означеннаго сочиненія, выражаетъ во всемъ своимъ блескѣ намѣреніе его критика...

Многимъ не по сердцу частыя поѣздки Русскихъ за границу. Эти многіе боятся, чтобъ отлучки за предѣлы родины не истребили въ насъ чистаго славянскаго духа. Но вотъ пріѣхалъ изъ-за границы г. Гречъ; вотъ онъ пишетъ разборъ сочиненія г. Булгарина, котораго при всякомъ случаѣ называетъ своимъ другомъ, — прочтите его и подивитесь, какъ силенъ этотъ славянской духъ, ославянивающій даже и не-Славянъ...

Одна изъ существенныхъ сторонъ Славянна есть товарищество: товарищъ, по понятію настоящаго Славянина, — лицо, не подлежащее никакой безпристрастной оцѣнкѣ; товарища во что бы то ни стало надо отстаивать

во любви его похвалѣннѣе, и если оправдать его путемъ логики нѣтъ ни малѣйшаго средства, то *хорошій человекъ* да не жалѣетъ иныхъ средствъ!... Г. Гречъ, повторяющій всегда о своей двадцатипяти-лѣтней дружбѣ съ г. Булгаринимъ, разборомъ «Воспоминаній» вполне доказалъ, что понятія его объ обязанностяхъ къ товарищу остались во всей своей первоначальной чистотѣ, не смотря на столкновеніе съ идеями Запада, гдѣ люди, какъ вслѣдствіе извѣстно, стыдятся раздѣлять цѣлое человечество на *себя* и *чужихъ*.

Не будемъ доказывать выписками, что разборъ г. Греча вовсе не заключаетъ въ себѣ опроверженія всѣхъ обвиненій, вызванныхъ «Воспоминаніями». Публикѣ извѣстно, какъ неопровержимы были эти обвиненія; но не можемъ не выписать кое-чего изъ похвалъ и не похвалъ, расхваливающихъ въ этомъ разборѣ. Вотъ, на-примѣръ, опредѣленіе важности «Воспоминаній» г. Булгарина:

«Записки или мемуары составляютъ важную часть и великое пособіе *дѣйствительной* (*) Исторіи, знаками потомства въ подробности съ частными лицами, которыми безъ того потерянъ бы въ толпѣ, передавалъ ему нравы, обычаи, повѣрья, мѣтнія и заблужденія извѣстной эпохи. Важные историческіе акты даютъ намъ главный, общій очеркъ происшествій времени, строгій и холодный. Разказы современниковъ и очевидцевъ придаютъ этому очерку характеръ и краски. Что была бы, на-примѣръ, Исторія Франціи въ послѣдніе три вѣка, еслибъ зукія дипломатическія и военныя свидѣтельства, сохранившіяся въ оціяльныхъ документахъ, не были разцѣплены (?) записками современниковъ, Филиппа де Комина, Дю-Белле, Кастельно, Брантома, Сюлли, Кардинала Реца,

(*) Раздѣленіе исторіи на *дѣйствительную* и *не-дѣйствительную*, изъ которыхъ къ послѣдней г. Гречъ относитъ мемуары, замѣчательно: не произошло ли оно отъ тайнаго сознанія *недѣйствительности* этихъ историческихъ мемуаровъ?

Сенъ-Симона, Дюлло! — Упомянемъ объ Исаѣи Ж. Ж. Руссо, о Запискахъ Мармонтеля, Морелле, Сюара, Госпожи Кампанъ, Госпожи Жаклясъ, Герцогини Абравтской.»

Перейдти отъ упоминенія о мемуарахъ Сюлли, Ретца, Руссо и Сен-Симона — къ опредѣленію достоинствъ Воспоминаній г. Булгарина, — вотъ что значить *похвалить* товарища!

Нѣтъ ничего мудренаго, что такой панегиристъ не пойдетъ въ карманъ за словцомъ и тогда, когда *нужно* ему сказать недоброе слово о людяхъ, отъаживающихся на безпристрастный разборъ произведеній его друга.

«Говорить ли о легионѣ *мушкетеровъ и нестьждо*, рожденныхъ враговъ всякаго челоука съ умомъ и талантомъ? о толѣхъ *мнимочеловѣкахъ*, которые, окостенѣвъ отъ застѣваній на школьныхъ скамьяхъ, не могутъ понять, почему они остаются *дураками*, а этотъ питомецъ дворянскаго заведешія на лету схватилъ и смыслъ и дарованіе? Да и какое отрадное чувство рождается въ сердцѣ при мысли: я, *набитый болванъ*, не могу строки написать съ толкомъ, а могу разбранить челоука умнаго и даровитаго, могу оскорбить писателя, котораго читаетъ вся публика!

«Я *вызываю цѣлый табунъ враговъ* Булгарина написать десять такихъ интересныхъ, увлекательныхъ страницъ, какихъ онъ, въ этой книгѣ, написалъ болѣе шести сотъ.»

Говорите послѣ этого, что европейская цивилизація имѣетъ какое-либо вліяніе на русскихъ путешественниковъ!

Впрочемъ, причиною негодования «Сѣверной Пчелы» можетъ быть и другое обстоятельство...

Дѣло извѣстное: въ многочисленномъ обществѣ всегда отъишутся люди, которымъ не по праву общеніе съ новыми лицами, незаписанными въ ихъ касту, запечатлѣнную исключительностью и нетерпимостью, — касту, въ которой мѣсто и почетъ отведены только ровесникамъ, сотовари-

щамъ по ремеслу и т. и.... Эти господа не могутъ спокойно смотрѣть на быстрый ростъ и развитіе людей, о которыхъ еще недавно не было и поминна, которые въ одномъ весьма обыкновенномъ дѣлѣ назвались по имени и сказались въ обществѣ... а притомъ доложили о себѣ не такъ, какъ докладывали въ оно время господа, возсѣдающіе нынѣ, если не на куркульскихъ креслахъ, то на кипахъ журнальной бумаги. Въ позднемъ негодоміи, имъ хотѣлось бы осадить вожделѣннѣшаго претензію на занятіе мѣста и получившаго значеніе въ томъ кругу, гдѣ доголъ имъ однимъ былъ просторъ толковать о чести вѣдушаго и какъ пожелаеся.

И всего любопытнѣе въ этой встрѣчѣ людей непохожихъ другъ на друга ни по чину, ни по лѣтамъ, ни по образу мыслей, ни по біографіи, — то, что патентованные и увѣчаные витязи чрезвычайной-податливости на тѣ пріемы удобства и выгоды жизни, которые доставили имъ усилія преешнихъ ихъ на канонъ бы то ни было попрашѣ: они искусно молчатъ, пользуются новыми удобствами и улучшениями, которые выработали и отстаивали они, а новые, отнюдь въ нихъ неслухающіеся и почему-то чрезвычайныи имъ непріятные люди; они не замѣчаютъ (или не хотятъ замѣтить и лезть отмазываются), какъ, наперекоръ имъ самимъ, люди невпрошенные и незваные отводили ихъ не разъ отъ пропитковъ, забываютъ, что, благодаря вѣчному біенію живыхъ частей общественнаго организма, пробуждаются и ихъ косные члены!..

И имъ въ чемъ такъ хорошо не выражается законъ необходимости, какъ въ этомъ странномъ явленіи. Совершенно — натурально видѣть, какъ нахмурился челоукъ почтеннаго возраста, послушавъ живую рѣчь юности... Въ этой неовѣдѣ молодого челоука онъ чувствуетъ не совсѣмъ то пріятное напоминаніе о томъ, что ожидаетъ каждаго послѣ извѣстнаго числа холодныхъ зимъ, рѣ-

нынѣ подиговъ подъ разными знаменами, журнальныхъ схватокъ и пр.

Надо признаться, однако, что человечество, искушенное опытами, дошло, наконецъ, до той степени развитія, что въ просвѣщенныхъ обществахъ различіе возрастовъ не нарушаетъ добраго согласія между людьми, дѣйствующими на одномъ поприщѣ. Могутъ и даже должны существовать между ними разногласіе въ мнѣніяхъ, жаркій споръ за идеи, которыя тѣ или другіе вѣялись отстаивать; но вѣроятно ли, чтобы въ нашъ вѣкъ, — вѣкъ мудрой терпимости и всеобщаго благо-расположенія, — нашлись люди, готовые публично огласить себя неприличными выраженіями о журвалахъ, исторіа успѣховъ котораго всѣмъ извѣстна... Особенно интересны были попытки «Сѣверной Пчелы» въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ, — интересны въ томъ отношеніи, что онѣ показали, какъ хорошо сознаетъ она невозможность совиѣстничества съ журналомъ, который повсюду находитъ живое сочувствіе и множество читателей, — показали прекрасныя средства, какія готова употреблять эта газета противъ немилаго ей журвала...

Никогда еще, можетъ-быть, досада «Сѣв. Пчелы» не достигала своего пика въ той мѣрѣ, какъ въ № 151, гдѣ помѣщено письмо г. Булгарина къ г. Гречу.

Это дружеское посланіе начинается весьма-лестнымъ для обонхъ друзей сравненіемъ журналистовъ съ мореплавателями... Г. Булгаринъ обнаруживаетъ даже мечтательное желаніе *разбиться о благородную скалу*, предпочитая эту геройскую гибель неприятности вѣсѣть въ болотѣ, откуда, какъ извѣстно, легко можно вытащить неосторожнаго человѣка...

Потомъ г. Булгаринъ соѣзжаетъ г. Гречу во время плаванія по литературному морю обходить *суда съ мусоромъ*, которыя, по его собственнымъ словамъ: *имѣютъ весъ и могутъ попередить его легкой ладью*. «Бывало» говоритъ г. Булгаринъ, «встрѣчаясь съ ними, мы

кричали весело: *посторопись, мусоръ! а теперь совиѣтую самому посторокнуться...*»

Плохо же пришлось литературнымъ плавателямъ, и какъ не пожалѣть о томъ добромъ старомъ времени, когда отъ приговора няго журнала зависѣлъ сбытъ книгъ въ лавкѣ, когда настоящая критика еще не подымала своего могучаго рычага и не пошатнула журналовъ, въ блаженномъ спокойствіи устроившихъ свое благосостояніе и распорядившихся отзывами о книгахъ, какъ своею собственностью... «Видъ и мусоръ бываетъ иногда товаромъ» продолжаетъ г. Булгаринъ, «и на него «бываютъ охотники и покупатели!»

Дѣйствительно, жестоко должно быть неудовольствіе нѣкоторыхъ господъ на усиленную продажу сочиненій, которыя пришлось имъ не по праву, а главное отъ расхода журнала, который мѣшаетъ имъ даже наслаждаться теплымъ временемъ года, — журнала, который до такой степени сдѣлался несносенъ, что не затрудняются уже въ выборѣ выраженій, разсуждая о неприятныхъ свойствахъ литературнаго мусора, во главѣ котораго стоятъ совершенно-невыносимый для г. Булгарина—Гоголь. Ты увидишь въ морѣ множество судовъ, нагруженныхъ *мелмыцею*, подъ различными заманчивыми именами. А нѣсколько-ниже читаемъ: «Но самое важное то, что все это находимъ *«хвалителей»*. Такъ вотъ въ чепъ дѣло-то! Вотъ ужъ подлинно навязанье Божіе, что тутъ прикажете дѣлать, какъ увячь хвалителей? Приказать—нельзя, просить—просьба не беретъ... А между-тѣмъ: «бывало, мы *«однимъ ударомъ весла потопляли ихъ»*, говоритъ г. Булгаринъ...

Однако вотъ что значитъ умѣть мѣлать собою: г. Булгаринъ тутъ же прибавляетъ: «но теперь *нелѣпница въ подѣ «и ее надо беречь»*, то-есть нельзя теперь толковать обо всемъ съ плеча, по бивалому, и надобно иногда нѣмѣть въ виду и отзывъ, который можетъ воспослѣ-

ловать по поводу нѣкоторыхъ рѣзкихъ сужденій и несоблюденія кое-какихъ общепринятыхъ приличій, — какъ ниже увидимъ.

Далѣе, г. Бугаринъ широко разсказываетъ о тяжелой обязанности «соискательнаго» журналиста, *асреца исхустена* и *иникъ*, — о томъ, какъ неудобно такому *жрецу* вести храмъ, послѣ посѣщенія его профанами, и подчасъ перечитывать пренепрятную басню Крылова «Хавронья»; соболъзвуетъ о возвращеніи г. Греча «въ редакцію», и тутъ же вѣдчески утѣшаетъ его, напоминая даже о символическомъ значеніи его герба, въ которомъ между прочимъ аначится *яеро*, и старается поддержать мужество г. Греча напоминовеніемъ, что дѣтотъ «борзоницы» дѣлается, и потому г. Гречу почти нѣчего будетъ дѣлать; тутъ же, съ похвалою отзываясь о нъ *избранной имъ редици* (№ 151) — Лифляндіи, мимоходомъ рекомендуетъ жалающимъ сассапарельную эссенцію, которую пригождаетъ въ Гороховой аптекаръ Стефанцицъ, и при особіи которой г. Бугаринъ *исцалдил дитей* своихъ (*). Потомъ, г. Бугаринъ весьма-много и умекательно говоритъ о пріятностяхъ жизни въ Остзейскомъ Краѣ, и тутъ же, на слѣдующей (604) страницѣ того же номера, не вынасъ, своротилъ на добрый сюжетъ и занесъ новый ударъ «новымъ» русскимъ писателямъ, въ слѣдующихъ весьма-рѣзкихъ и энергическихъ выраженіяхъ:

«Главное препятствіе къ постоянно-му водворенію здѣсь (въ Лифляндіи) «Р(р)усскаго Я(я)зыка, есть *безграмотность новыхъ писателей* и вообще малое количество мыслей въ нашей литературѣ (?)...»

Тутъ оказывается маленькое недоразумѣніе: 1) безграмотность новыхъ

писателей должна бы вызвать шорохъ слѣдующихъ орловъ золотыхъ временъ «Выжигниныхъ» и «Побадки въ Германію», которые безъ сомнѣнія поправили бы дѣло и обрусили бы Лифляндію; 2) нѣтъ о «маломъ количествѣ мыслей въ русской литературѣ» несправедливо, потому что иначе нельзя объяснить тревожной дѣятельности и немолчнаго ропота «Съверной Пчелы», какъ потокомъ *новихъ*, но ея *нѣтъ ложныхъ*, слѣдовательно *современныхъ* и *самыхъ* мыслей, противъ которыхъ, хотъ бы для распространенія русскаго языка въ Лифляндіи, стоило бы г. Бугарину попробовать хотъ одинъ разъ написать (или попросить о томъ г. Греча) свое *нѣтъ* и изложить свою *profession de foi*...

Но оставимъ всѣ эти *школетныя* вспышки неблагорасположенія «Съверной Пчелы» къ «Отеч. Запискамъ», — вспышки, съ которыми такъ свылкась вся читающая публика, что давно признають ихъ за необходимое отправленіе гнѣвающейся редакціи, не принимая ихъ въ расчетъ при подпискѣ, какъ на журналъ, въ которомъ переводятъ Жоржа Завда и не хвалатъ сочиненій г. Бугарина, такъ и на газету, въ которой, сверхъ объявленій о вновь-выходящихъ книгахъ, помѣщаются такія остроумныя выходы противъ книгъ, возбуждавшихъ живое сочувствіе въ публикѣ, разныя неправдоподобныя извѣстія о журналахъ, и извѣщенія объ иллюминаціяхъ, фокусникахъ и вновь-открытыхъ лавочкахъ. Достаточно вспомнить, что нѣтъ и назначеніе каждаго изъ этихъ изданій опредѣлились давно, и что недоразумѣній по этому поводу возникнуть не можетъ: не разъ бывало это обстоятельство въ свое время и на своемъ мѣстѣ у насъ по надлежащимъ образомъ (*).

(*) Подобнымъ же образомъ, въ одномъ изъ нѣсколькихъ номеровъ «Сѣв. Пчелы» весьма-дѣстно отзываются о ченоданахъ, продающихся въ Средней-Мѣщанской, и о какой-то медвѣжьей или мѣдной лавкѣ.

(*) Любопытно было бы только знать, что должно разумѣть подъ таинственнымъ предѣшаніемъ г. Греча, который онъ утѣшаетъ своего друга: *есть яеро*

Въ томъ же номерѣ 151 «Сѣверной Пчелы», гдѣ г. Булгаринъ съ себя-извоинствомъ вспоминаетъ о лавло-манушентъ своемъ плаваніи «виѣстѣ съ г. Гречемъ по морю русскою литературы, ему вадумалось повторить обычнымъ ему *tour d'adresse*, — иными словами, рассказать небылицу, и притомъ небылицу ничѣмъ-незамаскированную, полагая, вѣроятно, что на морѣ куда ни шло, все съ рукъ сходять, и что ластовымъ судамъ не угнаться за ходной бригаantinoю— «Сѣверной Пчелой».

Продолжая разсуждать о томъ, какъ неудобно для иностранца изученіе русскаго языка, г. Булгаринъ выражается таинств-образомъ:

«Кого прикажете ставить въ образецъ Русскаго ума и языка? Ломоносова, Державина, Карамзина, Дмитриева, Жуковскаго, Ватюшкова, Пушкина? Посмотрите, какъ ихъ оцѣнили и какъ чествуютъ въ «Отеч. Запискахъ»!!! По мнѣнію этого журнала, это писатели устарѣлые, или по языку, или по образу мыслей, и годные для архива... Гоголь, съ своими *Мертвыми душами* — вотъ *святыло* Русской Литературы! Генинъ новой школы — это г. Некрасовъ и всѣ со-трудники «Отеч. Записокъ»!.. А *этотъ журналъ распространенъ, или, правильно сказать, НАВЯЗАНЪ почти всеми провинціальными чиновниками (??!!)*, которые почитаютъ г. Бѣлинскаго верховнымъ судьей въ литературѣ!!!!(!) Намъ все это кажется смѣшнымъ...»

Нѣтъ, г. Булгаринъ! намъ это кажется вовсе не смѣшнымъ!.. Подобное посягательство на репутацію журнала,

детъ со шкваломъ и будетъ и на нашей улицѣ праздникъ? Откуда будетъ шквалъ, кто нѣтъ разразится и что будутъ праздновать по именованію шквала? Не беремъ рѣшать загадочный смыслъ роковаго предвѣщанія.

настигнутое *en flagrant délit*, не можетъ быть оставлено безъ изслѣдованія, и мы чувствуемъ себя въ полномъ правѣ требовать отъ г. Булгарина объясненія, изъ какихъ источниковъ и при чемъ содѣйствіи почерпнулъ онъ свѣдѣніе о томъ, будто бы «Отеч. Записки» НАВЯЗАНЫ почти всеми провинціальными чиновникамъ? Если мнѣнію добросовѣстныхъ людей имѣеть какое-нибудь значеніе, то, вѣроятно, г. Булгаринъ не замедлитъ печатно называть неосторожнаго доброжелателя «Отечеств. Записокъ» и изложить причины, по которымъ онъ, г. Булгаринъ, привалъ на себя пріятный грузъ распространенія этой выдумки; въ противномъ случаѣ на него, какъ на «сочинителя» и притомъ какъ на редактора «Сѣверной Пчелы», должна пасть вся отвѣтственность за помѣщеніе такихъ новостей, клонящихся ко вреду современнаго изданія—въ статьѣ, преисполненной выражений, слишкомъ-ясно показывающихъ, что подвинуло редакцію «Сѣверной Пчелы» на такой поступокъ.

Еще разъ, мы считаемъ себя въ правѣ требовать помннутыхъ печатныхъ доказательствъ!..

«Ливонскія Письма» своимъ г. Булгаринъ оканчиваетъ извѣстіемъ, что 24-го июня текущаго года жители Дерпта приходили веселиться передъ его мызой для того, чтобъ отпраздновать фейерверкомъ, музыкой и рѣсвямъ *день рожденія его, г. Булгарина!!!* Вотъ какъ онъ о томъ разсказываетъ:

«... Есть въ жизни пріятныя минуты. Это испыталъ я въ день моего рожденія, 24-го Іюня. Почти третья часть жителей Дерпта пришли(а) веселиться, каждый на свой счетъ, на эспланаду передъ Карловымъ, и вся дорога черезъ поле въ городъ покрыта была народомъ. Явились и музыканты и пѣсенники, и къ вечеру Римскія свѣчи, Бенгальскій огонь и ракеты освѣтили воздухъ. Фейерверкъ принесла съ собою въ карманахъ. Я думаю, что, по крайней мѣрѣ, музыканты (не знаю, Прагскіе или городскіе) придуть за награжде-

нишъ. Ничего не бывало! Народъ вселелся на свой собственный счетъ» (№ 153, стр. 612).

Какъ понять этотъ разговоръ? Выходитъ, что достоинства г. Булгарина оценены цѣлымъ городомъ и начинаютъ подвигать цѣлыя массы народонаселенія къ изъявленіямъ восторга. Нельзя, однакожь, не вспомнить, что 24 июня есть такъ-называемый *иванковъ-день*, который празднуется в Русскихъ и преимущественно Нѣмцами совершенно независимо отъ соображеній важныхъ для г. издателя и редактора «Сѣверной Пчелы». Очень понятно, что жители города Дерпта проводить этотъ день im Grünen, ни мало не заботясь о томъ, когда родился г. Булгаринъ.

II.

ОПЯТЬ ЭКОНОМЪ!

(Письмо къ Редактору.)

Покорнѣйше прошу васъ, милостивый государь, дать мѣсто моему письму въ издаваемыхъ вами «Отечественныхъ Запискахъ».

Уже нѣсколько разъ и въ разныхъ журналахъ было доказано, каковыя-образомъ дается *Экономъ*, эта ховяственная общепользная библиотека, переходящая изъ однихъ рукъ въ другія; но, не смотря на это, позвольте и мнѣ, въ свою очередь, сдѣлать нѣсколько замѣчаній.

Получая почти всѣ русскія періодическія изданія, въ томъ числѣ «Экономъ» и «Посредникъ», газету промышленности и реальныхъ наукъ, издаваемую С. Усовымъ, я замѣтилъ, что «Экономъ» часто пользуется статьями «Посредника», особенно начиная съ

1846 года, и притомъ еще чаще не говорить, что взялъ эти статьи изъ «Посредника». Такъ въ номерѣ 6 «Экономи» не означено, что статья *Архангелъ* взята изъ номера 24 «Посредника» 1845 года. Замѣчательно при этой статьѣ, что редакторъ «Экономи», перечисляя всю существенную часть статьи *слово-изъ-слово* изъ «Посредника», придалъ къ ней начало своего собственного изобрѣтенія, безъ котораго статья ничего не потеряла бы,—напротивъ, была бы въ выигрышѣ. Въ номерѣ 17 «Экономи» статья *Средство противъ хлѣбной чумы*, взята изъ номера 3 «Посредника»; *Новый родъ дубленія кожъ* въ номерахъ 19 и 20 «Экономи» — изъ номеровъ 2 и 3 «Посредника»; *Признаки къ различенію кажущейся смерти отъ истинной* — въ номерѣ 20, изъ номера 8; *Чрезвычайный урожай* въ номерѣ 22, изъ номера 8; *Улучшеніе дубленія кожъ* въ номерѣ 24, изъ номера 6; *Большыя картофели въ Америкѣ* въ номерѣ 24, изъ номера 4... Подъ всѣми этими статьями не подписано, что онѣ взяты изъ «Посредника». На все это можно было бы сказать, что такъ-какъ эти статьи, по-видимому, заимствованы изъ иностранныхъ журналовъ, то весьма-нѣпріятно, что «Экономъ» и «Посредникъ» сходятся на однихъ статьяхъ и переводятъ ихъ въ свои листки, что очень-возможно. На это позвольте мнѣ отвѣчать слѣдующее:

Между разными иностранными журналами, получаю я также и *Echo de Monde Savant*. Я имѣлъ часто случай слычать съ нимъ «Посредникъ» и видѣлъ, что многія статьи изъ «Echo» не переводились, а *передѣлывались* для «Посредника», т. е. изъ большой и многоглаголивой французской статьи для «Посредника» составлялось маленькое извлеченіе, въ которомъ и содержалось все существенное большой статьи. На такой статьѣ, кажется, уже невозможно было «Эконому» сталкиваться съ «Посредникомъ»; но нѣтъ! чрезъ нѣсколько времени по выходѣ номеръ «Посредника» съ такимъ извлеченіемъ, оно появлялось и въ «Экономѣ», пере-

печатанное слово-въ-слово. Отъ-чего же это?.. Да къ-чему трудиться? «Экономъ» просто *перепечатывается* изъ «Посредника»; а такъ-какъ статья заграничная, то вѣдь читатели могутъ подумать, что «Экономъ» самъ перевелъ или извлекъ ее изъ иностраннаго журнала, потому-что не всѣ же читающіе могутъ имѣть у себя въ рукахъ всѣ журналы для очной ставки. При этомъ замѣчу, что еслибъ «Экономъ» и самъ переводилъ, то разница должна была бы быть между его статьями и статьями «Посредника», потому-что нѣтъ возможности двумъ постороннимъ лицамъ перевести статью одними и тѣми же словами.

Все это доказываетъ давно-извѣстную истину, что «Экономъ» печатаетъ чужія статьи, не означая, изъ какихъ русскихъ журналовъ беретъ ихъ, что, впрочемъ, было уже доказано въ одной изъ книжекъ «Отечественныхъ Записокъ» неоспоримыми фактами, и притомъ гораздо-прежде меня. Я взялъ за веро именно для того, чтобы поправить одно мѣсто въ номерѣ 24 «Эконома», гдѣ онъ присвоиваетъ себѣ то, что, по моему мнѣнію, врядъ ли ему когда написать.

Въ номерѣ 24 «Эконома», на стр. 190, въ отдѣлѣ Библиографіи, при разборѣ книги «Руководство къ вытѣцанию и очищенію сала, дѣланію салныхъ свѣчей» и проч., между-прочимъ сказано: «Относительно *мыловаренія* скажемъ, что въ «Посредникѣ» и въ «Экономѣ» по этому предмету была недавно помѣщена обширная и весьма практическая и удовлетворительная статья, которая лучше многихъ *Руководствъ* (*) можетъ научить этому дѣлу, важному въ хозяйственной технологіи». Надобно было бы тутъ по справедливости прибавить, что въ «Посредникѣ» была помѣщена, а въ «Экономѣ» *перепечатана*

печатана изъ него эта статья о мыловареніи; а то иной, пожалуй, можетъ подумать, что «Посредникъ» взялъ эту статью изъ «Эконома», или они оба сошлись на этой статьѣ, какъ я прежде и думалъ, пока не навелъ справки (что я и дѣлаю съ каждою статьею «Эконома», ибо онъ меня очень занимаетъ, но только въ одномъ этомъ отношеніи) и узналъ случайно, что статья написана самимъ издателемъ «Посредника». Такъ присвоивать себѣ чужую статью другой журналъ не рѣшится! Правда и то, что когда «Экономъ» перепечаталъ ее въ номерахъ 13, 14, 15 и 17-мъ изъ номеровъ 3, 4, 5 и 6 «Посредника», то написалъ внизу, что взялъ ее изъ послѣдняго журнала, но все-таки и въ этомъ случаѣ надобно было быть справедливымъ...

Небольшо подумаешь, какъ легко издавать журналъ, нисколько не трудясь надъ его издаваніемъ.

Пав...

Санктпетербургъ,
15 іюня 1846 г.

*

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПРЕВРАЩЕНІЕ МЕДУЗЪ.— Жизнь животныхъ, обитающихъ на поверхности земнаго шара, поражаетъ насъ своимъ разнообразіемъ. У однихъ, проявленія этой жизни очень-малочисленны, сфера ихъ физиологической дѣятельности ограничена; другія, напротивъ, представляютъ различныя способности; ихъ жизнь обнаруживается въ многоразличныхъ явленіяхъ. Чтобы выразить эти мнѣнія въ природѣ животныхъ, натуралисты принимаютъ въ организаціи и

(*) Полагая къ той числѣ и наши Руководства къ гребенному, роговому и пр. искусствамъ, г. редакторъ Эконома! — Прим. Авторъ.

въ жизни ихъ разныя степени совершенства; такимъ - образомъ, рыба — животное болѣе-совершенное, нежели устрица, потому-что организмъ рыбы сложнѣе и жизнь ея разнообразнѣе; но рыба не такъ-совершенна, какъ собака; а человекъ совершеннѣе всѣхъ животныхъ.

Животныя, которыхъ жизнь проста, представляютъ въ своемъ организмѣ одинаковое строеніе: всѣ его части одинаковы между собою; всѣ онѣ исполняютъ одни и тѣ же отправления, и жизнь всего животного слагается изъ одинаковыхъ явленій, которыя только повторяются въ различныхъ его органахъ. Это такъ справедливо, что есть животныя, которыхъ организмъ можно раздѣлить, разорвать на множество кусковъ, не уничтожая его жизни; напротивъ, каждый кусокъ продолжаетъ жить и перѣдко преобразуется въ животное, подобное тому, котораго онъ былъ составною частью.

Удивительныя созданія, извѣстныя въ естественной исторіи подъ именемъ гидръ или прѣсноводныхъ полиповъ, представляютъ это необыкновенное явленіе. Если разорвать ихъ на части, то каждая часть преобразуется въ новое животное и продолжаетъ жить, или точнѣе сказать, начинается жить новою самостоятельною жизнью.

Чтобы понять это явленіе, столь мало согласующееся съ фактами, которые представляетъ жизнь высшихъ животныхъ, необходимо прежде всего изслѣдовать организацію прѣсноводныхъ полиповъ. Микроскопъ открываетъ, что составъ организма ихъ всадѣ совершенно-однообразенъ: это студенистая масса, заключающая въ себѣ зернышки микроскопической величины и въ которой не замѣчаютъ никакого особеннаго органа. Но, какъ мы сказали, однообразіе въ строеніи организма предполагаетъ тождество въ его жизненныхъ отправленияхъ; отсюда слѣдуетъ, что у полиповъ всѣ части его должны исполнять одни и тѣ же отпривле-

нія; всѣ они принимаютъ совершенно-одинаковое участіе въ общей жизни животнаго, и потеря одной или многихъ этихъ частей не прерываетъ разнообразныхъ явленій жизни; мало того, если каждая часть организма этихъ животныхъ можетъ чувствовать, двигаться, питаться и воспроизводить существа себѣ подобныя, то понятно, что она также, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, можетъ существовать самостоятельною жизнью.

Впрочемъ, очень-немногія животныя представляютъ такое однообразное строеніе; подымаясь выше въ ряду органическихъ существъ и ближе подходя къ человеку, мы встрѣчаемъ организаціи болѣе-и-болѣе сложныя, и сначала каждое отпривленіе, потомъ каждый актъ отпривленія совершается въ особомъ органѣ; организмъ животный представляетъ частіи разнородныя, и по-мѣрѣ-того, какъ машина животная совершенствуется, физиологическая или жизненная работа болѣе-и-болѣе раздѣляется на отдѣльныя, самостоятельныя отпривленія.

Последній отдѣлъ царства животнаго содержитъ въ себѣ преимущественно организмы несовершенныя, которые носятъ общее названіе животныхъ лучистыхъ. Натуралисты, въ этой отдѣлѣ, издавна принимали двѣ различныя группы полиповъ, о которыхъ мы говорили, и акалеесъ или морскихъ крепыней; къ этой последней группѣ относится семейство медузъ.

Натуралисты называли медузами животныхъ преимущественно морскихъ, имѣющихъ сходство съ опрокинутымъ колоколомъ, или, еще лучше, съ грибомъ, у котораго, вмѣсто одной ножки, находится нѣсколько длинныхъ прибавокъ. Иногда этотъ необыкновенный организмъ бываетъ совершенно-безцвѣтенъ и прозраченъ, какъ хрусталь; иногда же онъ бываетъ украшенъ самыми яркими красками. Долгое время эти удивительныя созданія не обращали на себя вниманія натуралистовъ, которые видѣли въ нихъ

одна из животнообразных студей; тако-го типа была Реомюръ. Но наука новая, болѣе - наблюдательная, успѣла проникнуть темную организацию этихъ созданий. Дюмериль первый, помощьюъ молочныхъ инъекцій, нашелъ, что внутри этой студенистой массы находят-ся каналы, расположенные съ математическою правильностью. Эрнбергъ, знаменитый берлинскій микрографъ, открылъ у медузъ даже органы чувствъ, именно глаза.

Впрочемъ, семейство медузъ состоитъ изъ созданий, которыя въ организаціи представляютъ различныя степени совершенства; и рядомъ съ редуями, имѣющими организацию довольно-сложную, стоятъ реды, которыя не представляютъ прибавковъ, органовъ хватанія, и къ которымъ по всей справедливости можетъ быть приложено названіе оживотвореннаго студня.

Между этими двумя группами отъ-ла лучистыхъ животныхъ, — между полипами и медузами, — недавно найдено новое удивительное соотношеніе: именно, открытія Сара, Левена, Фан-Бенедена, Сибольда и въ особенности Дюжардена, которому мы обязаны послѣдними наблюденіями, показываютъ, что полипы рѣсноводные представляютъ только переходныя формы, и что въ эти формы облекаются нѣкоторыя медузы прежде, нежели достигнутъ полнаго развитія, то-есть, коротко сказать, наблюденія поименованныхъ натуралистовъ открываютъ, что полипы превращаются въ медузъ.

Но превращенія полиповъ не имѣютъ никакого отношенія, ничего общаго съ метаморфозами насекомыхъ. У насекомыхъ изъ каждаго зародыша, изъ каждаго личка, выходитъ личинка, которая и въ состояніи червя, куколки и бабочки сохраняетъ свойственную ей самостоятельность. У лучистыхъ животныхъ эти явленія представляютъ большую сложность. Яйцо медузы производитъ прежде всего овальную личинку, покрытую рѣсничками и очень-похожую на нѣкоторыхъ инфузорій. Потомъ, послѣ известнаго

прошествія времени жизни свободной, жизни самостоятельной, эта личинка припрѣляется къ какому-нибудь предмету, переніиаетъ форму, удлинняется и переходитъ въ стебелекъ рѣсноводнаго полипиа, на которомъ вырастаютъ, какъ листья, неопредѣленное количество полиповъ. Далѣе, по прошествіи известнаго времени, на этомъ стебелѣ полипийнѣ образуются новыя почки, которыя не представляютъ формы полиповъ, но принимаютъ постепенно характеры медузъ. Эти почки, въ заключеніе, отрываются отъ полипиа или стебля и, претерпѣвшія въ аялеѣ, начинаютъ двигаться; напротивъ, произшедшій изъ полипийнѣ продолжаетъ расти и образовывать новыя ветви.

Итакъ, у лучистыхъ животныхъ, занимающихъ насъ теперь, одинъ и тотъ же зародышъ, послѣ перваго преобразованія, производитъ животныхъ совершенно-разнородныхъ, изъ которыхъ одни всю жизнь будутъ привязаны къ мѣсту своего происхожденія, другія же, напротивъ, живутъ жизнью независимой, самостоятельной. Кто бы не удивился, елибъ изъ птичьяго, — куринаго, на-примѣръ, — яйца, вышло земноводное животное, которое потомъ породило бы изъ своихъ частей неопредѣленное количество рыбъ и птицъ? Развитие медузъ въ свою очередь таку-же чудесно, какъ невѣроятенъ фактъ, приведенный сейчасъ нами въ примѣръ.

Явленія эти, хотя происходятъ только у животныхъ низшихъ, не совершенно-организованныхъ, имѣютъ однакожь общій интересъ въ естественной исторіи.

Дюжарденъ выводитъ, какъ первое заключеніе изъ своихъ наблюденій, что до-сихъ-поръ понятіе о видѣ въ зоологіи не точно. Законодателя науки основываютъ опредѣленія и разграниченія видовъ преимущественно на сходствѣ недѣлимыхъ; мы видѣли сейчасъ, что въ семействѣ медузъ это сходство не существуетъ ни между потомствомъ и родителями, ни между

братьями, или членами одного потомства.

Такимъ образомъ, для опредѣленія вида, должна быть взята за основаніе идея биологическая наследственная, вмѣсто морфологической идеи тождественности характеровъ.

Къ этимъ результатамъ, которые касаются основныхъ вопросовъ зоологій, присоединяются еще болѣе общіе результаты. Ученые и не ученые всегда думали и думаютъ, что царство животное и растительное раздѣлены рѣзкими границами. Современные естественно - историческія изслѣдованія стремятся измѣнить эту вѣковую идею. Чѣмъ болѣе стараются ученые опредѣлять границы между обоими царствами, тѣмъ болѣе находятъ они связи, соотношенія, однородности между этими двумя главными отдѣлами живой природы.

Всѣмъ извѣстны такъ - называемые цвѣли или плесени - растительные организмы, покрывающіе гнилое дерево въ темныхъ, влажныхъ мѣстахъ.

Дютроше, одинъ изъ немногихъ ученыхъ, понимающихъ, какъ доходить до великихъ результатовъ наблюдая мелкія явленія, открылъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ изъ плесени образуется грибокъ обыкновенный. Это явленіе такъ же необыкновенно, какъ еслибъ на лубу выросла малина.

Открытие Дютроше совершенно-однородно съ фактами, замѣченными Дюжарденомъ. Грибокъ отдѣляетъ точно такъ же, какъ и медуза, часть воспроизводящую - вершилку или яичко, которое преобразуется въ инфузوریю. Эта инфузорія дѣлается неподвижною, производитъ полипъ; точно также вершилка, равняясь, образуетъ плесень. Подъ вліяніемъ извѣстныхъ обстоятельствъ, оба созданія сохраняютъ свою самостоятельность и только увеличиваются въ объемъ; но измѣните обстоятельства - изъ плесени возродится грибокъ, а полипъ произведетъ медузу. Итакъ, если въ-самомъ-дѣлѣ грибокъ есть цвѣтокъ плесени, то мы имѣемъ полное

право согласиться съ извѣстнымъ Дюжарденомъ, что медуза есть животный цвѣтокъ или плодотворное состояніе полипа.

ЗОДЧЕСТВО РЫБЪ. - Наблюденія образа жизни животныхъ различныхъ классовъ составляютъ важную часть зоологій; они лучше всего объясняютъ намъ и анатомическое строеніе и филогенетическія явленія, происходящія въ мѣрѣ животномъ.

Недавно г. Кость представилъ Парижской Академіи Наукъ свои наблюденія надъ истинникомъ рыбъ, которыхъ почитали до-сихъ-поръ такъ мало-развитыми въ нравственномъ отношеніи сравнительно съ животными позвоночными другихъ классовъ. Я помѣстилъ во Французской Коллегіи, въ пруду - пишетъ г. Кость въ доисловіи своемъ Парижской Академіи Наукъ, - нѣсколько хахалчей (*gasterosteus aculeatus*), именно въ то время, когда эти рыбы мечутъ икру. Нѣсколько дней спустя, замѣтилъ я, что нѣкоторыя самцы выбрали мѣсто своего пребыванія на лѣвѣ пруда, гдѣ между ними обнаруживалась необыкновенная дѣятельность. Я принялся наблюдать за ними, чтобъ опредѣлить, какая могла быть цѣль ихъ безпрестанныхъ движеній взадъ и впередъ, и замѣтилъ, что они собирали матеріалы для устройства себѣ жилища, въ созданію котораго прилагали всѣ механическія средства своего истинника.

- Всѣ самцы сносили въ опредѣленные мѣста траву и песокъ и изъ этихъ двухъ матеріаловъ первоначально образовали полъ, или основаніе жилища, связывая ихъ особою клейкою жидкостью, которую они выпускали изъ своей кожи. Далѣе, точно такимъ же образомъ трудолюбивые самцы выводятъ стѣны и вотолокъ или вровлю. Чобъ придать своему жилищу болѣе прочности, они безпрестанно ползаютъ на немъ и отдѣляютъ такъ изъ своей кожи большое количество связующей клейкой жидкости.

• Когда гнѣзда построены, каждый самецъ бросается въ стадо самокъ, чтобы обратить вниманіе самки, которая чувствуетъ потребность власти икру, и предлагаетъ ей убѣжище для ея потомства. Самка узнаетъ тотчасъ самца по блестящимъ цвѣтамъ кожи, и выражаетъ различными кокетливыми движеніями готовность слѣдовать за нимъ. Тогда самецъ бросается въ гнѣзду слоному, расширяетъ въ немъ приготовленное уже отверстие и впускаетъ туда самку, которая оставляетъ тамъ икру и выходитъ въ новое отверстие.

• Пока самка сидитъ въ гнѣздѣ, самецъ помогаетъ ей, гладитъ ее своею жордою и потомъ заступаетъ ея мѣсто.

• Самецъ такимъ образомъ приглашаетъ въ свое гнѣздо нѣсколько самокъ, которыя кладутъ здѣсь яички особыми кучками.

• Самецъ остается единственнымъ стражемъ своего потомства и оберегаетъ его отъ нападенія прожорливыхъ самокъ и другихъ самцовъ.

• Когда развитіе яичекъ значительно подвинулось, самецъ провертываетъ въ гнѣздѣ новыя отверстія, чтобы вода свободно протекала въ него. Наконецъ, когда дѣтеныши вылупятся изъ яицъ, самецъ держитъ ихъ въ гнѣздѣ, пока они войдутъ совершенно въ силу, чтобы доставить себѣ пищу и защищаться.

МЕХАНИЗМЪ ПЛАВАНІЯ РЫБЪ. —

Въ наше время, когда всѣ отрасли естествознанія разрабатываются съ такою тщательностью, животная механика также наравнѣ съ прочими частями физиологии пополняется новыми изслѣдованіями. Недавно мы представили читателямъ изысканія Сапѣ надъ механизмомъ летанія птицъ; теперь сообщаемъ имъ очень-интересныя наблюденія Іоганна Миллера надъ движеніемъ рыбъ.

Рыбы, подобно всѣмъ животнымъ, чувствуютъ равновѣсіе своего организма, и каждое малѣйшее измѣненіе этого спокойнаго состоянія стре-

мятся исправить движеніями произвольными, то-есть зависящими отъ ихъ воли и произвола и движеніями инстинктивными и безсознательными. Движенія безсознательныя особенно обнаруживаются въ глазахъ, и они бываютъ такъ постоянны, такъ ясны у рыбъ живыхъ, что можно даже судить о смерти этихъ животныхъ по прекращенію ихъ движеній.

Равновѣсіе организма рыбы не зависитъ отъ плавательнаго пузыря; этотъ органъ даже можетъ вредить имъ въ отношеніи равновѣсія. Равновѣсіе рыбы, ея горизонтальное положеніе спиною вверхъ зависитъ исключительно отъ дѣйствія плавниковъ и преимущественно плавниковъ вертикальныхъ.

Плавательный пузырь можетъ служить рыбѣ для увеличенія и уменьшенія ея тяжести. Рыба, выдавливая воздухъ, который находится въ этомъ пузырьѣ, опускается на дно воды; когда же она хочетъ подняться, выпрямляетъ только мускулы, которые служили для сжатія пузыря; впрочемъ, подобное же дѣйствіе можетъ происходить и отъ одного давленія воды на воздухъ, заключенный въ пузырьѣ.

Сжимая различнымъ образомъ переднюю или заднюю часть пузыря, рыба можетъ сдѣлать относительно легче по своему произволу переднюю или заднюю половину своего тѣла; рыба также помощью плавательнаго пузыря, можетъ принять косвенное положеніе, которое помогаетъ ей опускаться и подыматься въ водѣ. Карпы и харацины имѣютъ два пузыря, изъ которыхъ одинъ служитъ впереди другаго, и которые сообщаются узкимъ перешкомъ. Передній пузырь имѣетъ значительную упругость и гораздо-большую, нежели задній, и когда рыба подымается, тогда пузырь передній, какъ болѣе-упругій, увеличивается въ объемъ и рыба идетъ головою вверхъ. Совершенно-обратное явленіе происходитъ, когда рыба опускается внизъ.

НОВОЕ АВСТРАЛІЙСКОЕ ЖИВОТНОЕ. — Вотъ еще замѣчательное при-

бавленіе къ современной фаунѣ. Южная-Австралія, столь замѣчательная специфическими произведеніями царства животнаго, доставила наукѣ новый типъ животнаго позвоночнаго, съ которымъ зоологи, вѣроятно, не замедлятъ познакомиться насъ ближе. Это животное первоначально было найдено въ заливѣ Гесіанскомъ (Gesian). Туземцы первоначально приняли его за земноводнаго тигра. Его длина почти двѣнадцать футовъ; голова одна длиною футъ и, что замѣчательно, въ ней не находится ни ноздрей и никакихъ другихъ дыхательныхъ отверстій. Челюсти, очень-сильныя, содержатъ въ себѣ всего тридцать-два зуба—четыре клыка конические, длиною въ два дюйма; задніе или коренные зубы трехгранные; каждый состоитъ изъ трехъ частей, между которыми середина длиннѣе двухъ боковыхъ. Животное это имѣетъ тринадцать реберъ съ каждой стороны. Шерсть его на спинѣ черноватая, на брюхѣ и на бокахъ свѣтло-бураго цвѣта и испещрена черными полосами, какъ кожа тигра. Но замѣчательный характеръ представляетъ хвостъ этого животнаго; именно, хребтовый столбъ оканчивается длиннымъ копьевиднымъ отросткомъ, въ которому прикрѣпляется длинный хвостъ, имѣющій на каждой сторонѣ по три небольшіе крючка.

Вмѣсто конечностей, это животное представляетъ два крѣпкіе грудные лапа, но брюшныхъ или спинныхъ плавниковъ оно не имѣетъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ СВѢТОПИСИ КЪ ЗАПИСЫВАНІЮ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИХЪ НАБЛЮДЕНІЙ.—Еще въ 1844 году, г. Колленъ, посредствомъ обыкновенныхъ фотографическихъ процессовъ, преимущественно камеры-обскуры, успѣлъ получить свѣтописное указаніе измѣненій электрометра Вольты подѣ влияніемъ воздушнаго электричества. Успѣхъ перваго опыта заставилъ г. Коллена приложить этотъ новый способъ къ записыванію термометри-

ческихъ и барометрическихъ наблюдений.

Г. Колленъ употребляетъ для этого очень-чувствительную бумагу, которая можетъ имѣть неопредѣленную длину и которая, притомъ, гораздо-дешевле лаггерротипныхъ пластинокъ. Часовой механизмъ приводитъ въ движеніе эту бумагу и выдвигаетъ ее въ-продолженіе часа на вершокъ длины. Положа калотипной бумаги разбивается на двѣнадцать вершковъ, такъ-что на двухъ лоскуткахъ отмѣчаются наблюдения за цѣлыя сутки. Ночью употребляется искусственное освѣщеніе и преимущественно газовое.

Инструментъ, котораго показанія отмѣчаются, ставится между свѣтломъ и большимъ двойнымъ вынулнымъ стекломъ, имѣющимъ фокусъ короткій; это стекло проводитъ на свѣтописную бумагу изображеніе инструмента въ-сколько-увеличенное, на которомъ столбъ ртути выходитъ свѣтлымъ, а пустая часть стеклянной трубки, въ которой ртуть заключается, получается въ видѣ темной полосы отъ химическаго дѣйствія лучей свѣта на калотипную бумагу.

Для того, чтобъ отмѣчать показанія термометра или барометра, г. Колленъ ставитъ сзади инструмента перегородку, имѣющую прямую вертикальную щель, которая помѣщается противъ трубки, наполненной ртутью. Это расположеніе имѣетъ цѣлю придать изображенію болѣе ясности; оно устраняетъ также неправильности, которыя могутъ произойти отъ преломленія свѣта въ стеклянной трубѣ барометра или термометра.

Понятно, что такимъ образомъ можно графически отмѣчать показанія всѣхъ метеорологическихъ инструментовъ, которые только представляютъ видимое движеніе.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

**ПОВѢЩЕНІЯ ОТКРЫТІЯ И ИЗОБРѢ-
ТЕНІЯ.**

Въ Базелѣ, въ обществѣ тамошнихъ натуралистовъ, профессоръ Шёнлейбъ представилъ хлопчатую бумагу, такъ образомъ приготовленную, что она воспламеняется легче пороха, и, следовательно, можетъ замѣнять порохъ. Надъ этою бумагою сдѣланы были слѣдующіе опыты: зарядили ружье щепотью хлопчатой бумаги и свинцовою пулею. Ружье на разстояніи 58 шаговъ пробило двѣ толстыя доски; при другомъ выстрѣлѣ также въ 58 шагахъ пуля вошла въ каменную стѣну на $3\frac{1}{2}$ дюйма. При третьемъ, пуля въ $1\frac{1}{2}$ лота вѣсомъ отлетѣла на 200 шаговъ, пробивъ сосновую доску въ два дюйма толщиной. Если такую бумагу положить на наковальню и сильно ударить по ней молотомъ, то она произведетъ сильный трескъ, какъ гремучее серебро, но не воспламенится. Намоченная водою и послѣ высушенія хлопчатая бумага нимало не теряетъ своего свойства воспламеняться.

— Извѣстный исполнскій телеграфъ лорда Росса такъ приближаетъ луну, что на ней можно различить всѣ предметы отъ 100 до 60 футовъ вышиною. Посредствомъ его на лунѣ видно множество погасшихъ кратеровъ, огромныхъ скалъ и другихъ каменныхъ массъ, но доселѣ не открыто во-ѣ воды, какихъ-либо растений и жителей.

— Въ Берлинѣ слѣсарный мастеръ Винъ изобрѣлъ новую поливальную машину, или помпу, которая своимъ дѣйствіемъ превосходить всѣ возможные пожарныя трубы. Изобрѣтатель, посредствомъ своей помпы, въ нѣсколько часовъ совершенно осушилъ погребъ, затопленный водою. Его помпа особенно полезна при пожарахъ, потому что, поставленная на колеса;

занимаетъ мѣста только на три кубическихъ фута и можетъ каждую минуту выбрасывать отъ 60 до 80 квартъ воды на крыши самыхъ высокихъ домовъ, вытягивая воду изъ колодезя или изъ рѣки на 30-футовой глубинѣ. Эту машину легко ставитъ во время пожара на плоскія крыши домовъ и оттуда обливать горящее строеніе по всѣмъ направленіямъ.

— Профессоръ физики Бронинъ недавно показывалъ въ Кембриджѣ удивительный опытъ надъ произведеніемъ льда. Профессоръ взялъ платиновую чашку, которую раскалил до бѣла на рѣпкой спиртовой лампѣ, потомъ налилъ въ чашку холодной воды, принявшей въ ту же минуту отъ салнаго жира сферовидную форму; послѣ принималъ въ воду нѣсколько капель сѣрой кислоты, отъ-чего поднялся густой паръ. Снявъ желѣзными щипцами чашку съ огня, онъ перевернулъ ее вверхъ дномъ, и оттуда вышалъ кусокъ чистаго, прозрачнаго льда, который брали въ руки всѣ посѣтители его аудиторіи. Послѣ этого опыта, въ Кембриджѣ только и было разговоровъ, что объ лдѣ, произведенномъ посредствомъ огня.

— Въ нынѣшніе іюльскіе жары, когда петербургскіе лакомки истребляли столько мороженога, не худо рассказать исторію этого кушанья. Мороженое начали ѣсть въ Европѣ за 200 лѣтъ предъ симъ. Итальянцы, во время царствованія папы Урбана VIII, изобрѣли прохладительный лимонадъ, который такъ понравился публикѣ, что вскорѣ послѣ того это питье начали употреблять во всей Западной-Европѣ. Въ то же время, основаны были въ Италіи первыя кофейни, гдѣ продавали лимонадъ, кофе и другіе напитки. Эти кофейни были родоначальницами всѣхъ нынѣшнихъ кофейенъ, гостинницъ и трактировъ; потому что до того времени никто не видывалъ подобныхъ публичныхъ заведеній. Слустя нѣсколько лѣтъ послѣ изобрѣтенія лимонада, Флорентинецъ Проккопъ, въ Парижѣ, выдумалъ мороже-

ное; но тогдашнее правительство позволило публикѣ только ѣсть мороженое въ три жаркіе лѣтніе мѣсяца. Съ половины прошедшаго столѣтія, начали въ Парижѣ употреблять мороженое во всякое время года. Нынѣче, вмѣсто мороженого, кушаютъ въ Парижѣ «гранитъ», разумѣется не каменную гранитную массу, но пріятный, благовонный ледъ, легко таящій во рту. Гранитъ составляется изъ разныхъ плодовъ, эссенцій, съ примѣсью шампанскаго. Самый вкусный гранитъ называется *андалузскимъ*; онъ смѣшанъ съ виномъ *Respaldigo*, добываемымъ изъ крѣпкаго испанскаго винограда; оно введено въ употребленіе въ Парижѣ вдовствующею испанской королевою Христиною. Респальдиго, какъ извѣстно, есть любимой напитокъ Муикова, герцога Риварреса.

— Лѣтомъ обыкновенно ставятъ холстинныя маркизы на окнахъ и дверяхъ, для того, чтобъ онѣ не пропускали въ комнаты солнечнаго жара; но онѣ, напротивъ, мѣшаютъ проходить свѣжему воздуху въ комнаты и производятъ въ нихъ еще большую теплоту. Причина весьма-простая. Холстинная покрывка маркизъ, нагрѣвшись отъ солнечнаго зноя, пропускаетъ къ комнаты воздухъ не свѣжій, но сильно нагрѣтый, и отъ-того въ комнатахъ дѣлается еще жарче. Для предупрежденія этого неудобства, предлагаютъ весьма-простое средство: въ верхней части маркизы оконной стѣны дѣлать отверстія отъ одного до двухъ дюймовъ или приколачивать доску, пробуравленную во многихъ мѣстахъ. Въ эти отверстія или дырочки будетъ уходить весь воздухъ, нагрѣтый солнцемъ подъ маркизою, и въ комнатахъ повлется настоящая прохлада.

— Въ Берлинѣ замѣчено, что, вслѣдствіе постройки разныхъ желѣзныхъ дорогъ, почти прекратилась страшная гроза и громъ, случавшіеся прежде весьма-часто. Это происходитъ, какъ увѣряютъ финны, отъ желѣзныхъ шпиль, идущихъ въ разныхъ направленіяхъ отъ Берлина. Въ

другихъ мѣстахъ Германіи и Бельгіи, гдѣ соединяются разные желѣзные дороги, замѣчено то же.

— Англичанинъ Бруксъ (Brooks) сдѣлалъ новый свирядъ, которымъ чрезвычайно облегчается скрипичная игра. Свирядъ его состоитъ изъ клапановъ, которые, вмѣсто пальцевъ, должны прижимать струны на грифѣ скрипки. Посредствомъ этого изобрѣтенія, музыканты не будутъ уже натирать мозоли на пальцахъ, да и прижиманіе клапанами струнъ производится гораздо ровнѣе и тоны инструмента выходятъ чище и благозвучнѣе. Означенный свирядъ можно надѣвать на любую скрипку и отнимать отъ нея по произволу. Эта выдумка чрезвычайно полезна, конечно, не для виртуозовъ, но для любителей.

— Будущему зною балныя залы и вообще комнаты богачей будутъ освѣщаться не воскомъ и стеариномъ, но аллигаторовымъ или крокодиловымъ масломъ; найдено, что жиръ крокодила самый превосходный матеріалъ для дѣланія свѣчей, которые горятъ блестящимъ бѣлымъ огнемъ безъ малѣйшаго непріятнаго запаха.

— Вотъ изобрѣтеніе, важное для тѣхъ, которые сами брѣются. Теперь найдено, что алмазный порошокъ сильно дѣйствуетъ на сталь и сообщаетъ бритвамъ необыкновенную остроту. Алмазъ, какъ извѣстно, уничтожаетъ силу магнита, и если кусочекъ алмаза бросить въ растопленный чугунъ, то чугунъ превращается отъ-того въ сталь. Но никто еще до-сихъ-поръ не объяснилъ, почему алмазная пыль или порошокъ служитъ самымъ лучшимъ средствомъ для точенія ножей, бритвъ и проч.

— Англійскіе сельскіе хозяева, для удобренія плохой земли, совѣтуютъ сперва выжигать ее, набросавъ на почву оставшіеся отъ каменнаго угля коксы. Выгорѣвшую землю надобно собрать въ кучи и послѣ раскидать по полю, которое удобряется для пашни. На такомъ полѣ можно сперва посѣять рѣпу, картофель и проч. Приготовлен

ная такимъ образомъ зсѣя ставовит- ся вное плодородіе. Въ доказатель- ство приводятъ слѣдующій стихъ :
- Saep̄ etiam steriles incendere profuit agros .

— При пересадкѣ плодовыхъ деревь- евъ, и особенно когда ихъ перевозятъ изъ одного дальняго мѣста въ другое, корни ихъ легко высыхаютъ и ломают- ся; а потому новая посадка сопряжена съ большими затрудненіями; но, чтобы они принимались на новой почвѣ и сно- ва пустили въ землѣ корни, слѣдуетъ эти корни обвивать снизу мокрою фла- нелью или вообще намоченными шер- стяными тряпками, и потомъ уже са- жать въ землю. Шерсть будетъ притя- гивать къ корнямъ сырость изъ земли, и дерево, получая отъ-того новую пи- щу, примется какъ слѣдуетъ.

— Въ Лондонѣ одинъ извѣстный врачъ убѣдился на опытѣ, что гуано (птичій пометъ на островахъ Южнаго Океана) — самое дѣйствительное лекарство отъ чесотки и прочихъ кожныхъ сыпей. Этимъ средствомъ давно уже пользуютъ отъ чесотки въ Бразиліи. гдѣ боль- ныешринимаютъ даже гуано, какъ вну- треннее лекарство.

— Въ гальванопластическомъ инсти- тутѣ барона Гакевица, въ Пруссіи, на- значено всѣ чугуныя пушки покрыть мѣдью посредствомъ гальванопласти- ки. Прусское правительство ассигниро- вало на это 100,000 талеровъ. Также хо- тятъ гипсовую модель къ великолѣпно- му монументу Фридриха-Великаго об- лить мѣдью посредствомъ того же спо- соба.

— Локіумъ, или турецкій цементъ для каменныхъ построекъ извѣстенъ уже былъ въ глубокой древности, какъ лучшая смазка для водопроводныхъ камейныхъ трубъ и для подводныхъ каменныхъ фундаментовъ. Въ Констан- тинополѣ и понынѣ сохранились водо- проводныя трубы отъ временъ визан- тійскихъ императоровъ; онѣ смазаны

означеннымъ цементомъ и находятся нѣсколько столѣтій сразу въ совершен- ной исправности, безъ малѣйшей по- чинки. Вотъ рецептъ составленія локі- ума, который употребляютъ обыкно- венно турецкіе инженеры для смазки глиняныхъ или металлическихъ водо- проводныхъ трубъ. Надобно взять 160 фунтовъ гашеной извести въ порошокъ, 10 кварта чистаго коноплянаго масла и двѣ унци хлопчатой бумаги, потомъ въ известку подмѣшивать понемногу масла и хлопчатой бумаги, составивъ изъ этой смѣси роль тѣста, которое потомъ слѣдуетъ высушить и употреб- лять въ дѣло по мѣрѣ надобности, пред- варительно смочивъ такое тѣсто льня- нымъ масломъ, чтобы оно размякло. Смазанныя раза два или три локіумомъ водопроводныя трубы уже никогда не будутъ просачивать воду, и вовсе не боятся сырости. Можно также метал- лическія или каменные трубы встав- лять одна въ другую, герметически за- тыкая скважины ихъ паклею, насы- щенною локіумомъ, и потомъ скрѣпить трубы веревками, также напитанными этимъ составомъ.

— Извѣстно, что всякаго рода тонкій холстъ и полотно, выбѣляемые посред- ствомъ известки, весьма-непрочны въ носкѣ. Для узнанія такого свойства по- лотно, надобно кусочекъ его обмакнуть въ дубильный кожевенный растворъ, бывшій еще въ употребленіи. По- лотно, выбѣленное известкою, въ ту же минуту сдѣлается чернобурымъ, но вы- бѣленное другимъ способомъ, перемѣ- нитъ свой цвѣтъ въ растворѣ гораздо- послѣ, т. е. черезъ нѣсколько часовъ.

— Въ Лондонское Азіатское Общество представлень на-дняхъ большой листъ мѣдной лагуны, покрытый мѣловою бѣ- лою краской. Этотъ листъ составлялъ часть наружной обшивки парохода, пере- плывшаго въ разныхъ моряхъ до 100,000 миль, и обшивка его, покры- тая мѣломъ, нисколько не истерлась отъ напора волнъ и разныхъ непогодъ. Вотъ новое доказательство необыкно-

венной прочности мѣльной обшивки морскихъ судовъ, когда она выкрашена масляною мѣловою краскою.

— У Китайцевъ въ домашнемъ быту особаго сорта бумага, крѣпкая и тягучая, замѣняетъ холстъ и полотно. Португальцы такую бумагу называютъ *rapel de vento*, изъ которой въ Китаѣ дѣлаютъ ленты, шьютъ мѣшки; она также употребляется вмѣсто салфетокъ, скатертей, носовыхъ платковъ и проч.

— По части декоративной живописи, въ Парижѣ сдѣлано нынче улучшение въ томъ, что живописцы этого рода посылаютъ въ иностранные театры для образца не рисунки декораций, но модели самыхъ сценъ съ кулисами. Недавно въ Берлинѣ по такой модели приготовили декорации для оперы: Галеви «Королевины Мускетеры».

— Нѣсколько разъ случалось на разныхъ театрахъ, что газовыя платья актрисъ и танцовщицъ загорались отъ неосторожнаго приближенія къ закурленнымъ лампамъ. Для предупрежденія подобныхъ несчастій, совѣтуютъ всѣ лампы, которыми освѣщается задняя сторона кулисы, снабжать сѣтками, сдѣланными изъ тонкой желѣзной или мѣдной проволоки.

— Въ Карлскронѣ (въ Швеціи) устроена особая больница, подъ дирекціею знаменитаго химика Берцеліуса, для матросовъ, пьющихъ запоемъ. Въ этомъ заведеніи всякую пищу и питье матросы получаютъ не иначе, какъ съ подмѣсю хлѣбнаго вина и водки. Больной чрезъ эту подмѣсь получаетъ наконецъ такое отвращеніе къ горячимъ напиткамъ, что въ послѣдствіи рѣшительно бросаетъ пьянство. Тысячи самыхъ отчаянныхъ пьяницъ были вылечены этимъ простымъ средствомъ.

МЕЛОЧИ.

— По свидѣтельству известнаго германскаго писателя Гейнриха Литрова,

жившаго въ послѣднее время въ Италиі, драматическая поэзія находится тамъ въ упадкѣ. Изъ новѣйшихъ драматурговъ, которыхъ произведенія приглаголюютъ въ театрѣ публику, можно только назвать гг. Нога и Бона, у которыхъ въ комедіяхъ преобладаетъ чистый вкусъ и много итальянскаго юмора. Плодовитость г. Нога удивительна, и, не смотря на его уже зрѣлыя лѣта, талантъ его съ годами не уменьшается. Бонъ, бывъ прежде актѣромъ и вмѣстѣ сочинителемъ театральныхъ пьесъ, уже нѣсколько лѣтъ оставилъ свое драматическое поприще, и занималъ недавно должность директора театральной школы, въ Миланѣ; но такъ-какъ публика не поддержала этого разсудника драматическихъ талантовъ, то Бонъ отказался отъ директорства и сдѣлался снова актѣромъ. Онъ написалъ 52 весьма-удачныя комедіи, которыя всѣ имѣютъ типъ школы Гольдони; но между ними превосходными считаются «*Così faceva mio padre*» и «*Ludro e Zudoretto*». Теперь въ Италиі нѣтъ трагическихъ писателей, т. е. въ полной мѣрѣ заслуживающихъ это высокое названіе. Трагедіи Мавони «*Adelchi*» и «*Gargagnola*» по числу способныхъ актѣровъ вовсе не играютъ на сценѣ и предоставляемы только для чтенія публикѣ. Переводы Маффеи шиллеровыхъ пьесъ очень-посредственно играютъ итальянскими актѣрами, да и публика находятъ, что эти трагедіи для нея длинны и скучноваты. Г. Литровъ приводитъ между прочими причинами упадка драматическаго искусства въ Италиі и то, что тамъ очень-мало постоянныхъ труппъ, которыя бы играли пьесы въ одномъ городѣ и не переѣзжали безпрестанно изъ одного мѣста въ другое. Нынѣ находится во всей Италиі одна только постоянная драматическая труппа въ Неаполѣ, *Drammatica Campagnia Alberti*. Въ Туринѣ хотя содержится на счетъ правительства *Campagnia Rigbetti*, которой члены получаютъ отъ короля 30,000 франковъ жалованья, но эта труппа играетъ только въ году 6

мѣсяцевъ, а въ прочее время разѣзжа-
етъ по другимъ городамъ. Прочія же
группы, бродящія изъ города въ го-
родъ, безъ всякаго преувеличенія мож-
но причислить къ номаднымъ.

— Въ Берлинѣ вышла на-дпяхъ кни-
га подъ заглавiемъ «Gelehrtes Berlin» въ
которой помѣщена роспись всѣхъ пи-
сателей, живущихъ въ столицѣ Прус-
сiи, не считая помѣщающихъ отдѣль-
ныя и мелкія статьи въ журналахъ и
газетахъ. Первыхъ тамъ находится до
348 человекъ, а если причислить къ
этому и мелочь литературную, то число
всѣхъ увеличится до 500 человекъ. По
последнимъ известiямъ, въ Берлинѣ
считается болѣе 400,000 жителей, изъ
которыхъ число мужчинъ равняется по-
ловинѣ числа женщинъ. Если принять,
что въ числѣ 200,000 человекъ муже-
скаго пола найдется до 100,000 мла-
дenceвъ и юношей, то между 100,000
взрослыхъ мужчинъ можно считать на
каждыхъ 200 человекъ по одному пи-
сателю.

— Лейтенантъ Ваггорнъ, известныи
въ Европѣ ускоренною ѣздою остинд-
ской почты въ Англію, выдумалъ геи-
альный проектъ, который намѣренъ въ
скоромъ времени привести въ дѣйствіе.
Въ Лондонѣ для этого предмета уже со-
ставляется общество на акціяхъ въ нѣ-
сколько милліоновъ фунтовъ стерлин-
говъ. Проектъ состоитъ въ томъ, что
каждый путешественникъ, заплативъ
обществу въ день 11 франковъ, имѣ-
етъ право ѣхать куда ему угодно, не
заботясь уже ни о какихъ издержкахъ
и расходахъ въ дорогѣ, ибо все это
принимаетъ на себя означенное обще-
ство. Во всѣхъ значительныхъ горо-
дахъ материка Европы, Азии и Афри-
ки, общество будетъ имѣть своихъ
агентовъ, также на всѣхъ желѣзныхъ
дорогахъ, пароходахъ и на всѣхъ поч-
товыхъ трактахъ. Оно заключитъ кон-
тракты со всѣми значительными со-
держателями гостиницъ, трактировъ,
и проч., и въ силу этихъ контрактовъ
трактирщики обязаны путешествен-

никовъ, имѣющихъ контрамарки об-
щества, кормить и давать имъ постоя
безвозмездно. Все это исполнимое
предпріятіе можно было бы почесть за
басню, еслибъ оно не было почерпну-
то изъ достовѣрнаго источника. Если
вся Германія покроется сѣтью желѣз-
ныхъ дорогъ, тогда можно будетъ съ
помощію означеннаго проекта про-
ѣхать изъ Вiены въ Парижъ за 20 ав-
стрийскихъ гульденовъ, т. е. за 15 р.
серебромъ.

— Въ Лондонѣ учрежденіе город-
скихъ омнибусовъ можетъ почитаться
наилучшимъ и первѣйшимъ во всей
Европѣ. Паддингтонское общество
имѣетъ до 90 омнибусовъ, которые
ежедневно проѣзжаютъ 2,200 англій-
скихъ миль и получаютъ за то сбора
до 2,000 талеровъ. На биржахъ, гдѣ
стоятъ эти экипажи, ни одинъ пасса-
жиръ не дожидается отъѣзда ихъ бо-
лѣ трехъ минутъ, а утромъ въ дѣло-
вое время только полторы минуты.
Особые смотрители (time-keepers), на-
блюдаютъ за тѣмъ, чтобъ омнибусы
отъ 12 до 3 часовъ пополудни непре-
мѣнно отъѣзжали отъ своей стоянки
каждыхъ полторы минуты, а въ прочее
время дня въ каждыя три минуты. Ом-
нибусы такъ аккуратно пріѣзжаютъ
къ мѣсту своего назначенія, что чело-
вѣкъ, обязанный быть въ разныхъ ча-
стяхъ города, не опоздаетъ ни мину-
ты, проѣхавъ за одинъ разъ въ 10 или
15 разныхъ омнибусахъ. 55 омнибу-
совъ ѣздить по тѣмъ улицамъ, куда не
заглядываютъ омнибусы перваго об-
щества. Сверхъ-того, два общества съ
45 экипажами содержатъ сообщеніе въ
городѣ на разныхъ углахъ улицъ, у
въѣздовъ на мосты, у набережныхъ. Че-
твертое общество отвозитъ только пас-
сажировъ на станціи желѣзныхъ до-
рогъ. Центральное же общество всей
этой обширной системы водскихъ
сообщеній имѣетъ у себя двѣ омнибу-
совъ, которые каждый день въ назна-
ченные часы и минуты разѣзжаютъ
по главнымъ улицамъ Лондона. Всѣ
означенныя общества составляютъ од-

ну главную систему омнибусовъ и содержать непрерывное сообщеніе въ городѣ по всѣмъ направленіямъ. Вблизи лондонскаго банка, этой исполнисквой денежной биржи всего свѣта, есть еще особый центральный пунктъ, откуда тоже ѣздитъ омнибусы по разнымъ улицамъ. Всего же вообще считается въ Лондонѣ 1,400 омнибусовъ, которые возятъ пассажировъ во всѣ углы города и добываютъ каждый день за свои изъядки до 15,000 талеровъ.

— Въ Англии, благодаря трудамъ и старанію извѣстнаго Роланда Гилла, втрое уменьшена противъ прежняго плата за пересылку писемъ во всѣ концы свѣта; зато число пересылаемыхъ выиѣ по почтѣ писемъ учетверилось. Англійскій народъ за столь важную услугу сдѣлалъ Гилла національный подарокъ въ 100,000 талеровъ прусскихъ. Извѣстный членъ англійскаго парламента Кобденъ, за свои старанія объ отмене закона о хлѣбѣ, также заслужилъ всеобщую благодарность Англичанъ и особенно отъ бѣднаго класса людей, которые будутъ отнынѣ питаться дешевымъ хлѣбомъ. Народъ собираетъ теперь по подпискѣ сумму въ 100,000 фунтовъ стерлинговъ, т. е. въ 2 милліона 500,000 рублей, которую намѣренъ поднести въ подарокъ Кобдену.

— Розасъ президентъ, Аргентинской-Республики, самый кровожадный тиранъ между всѣми правителями южноамериканскихъ республикъ. Въ 1845 году, въ Монтевидео напечатана была брошюра, въ которой исчислены всѣ кровавые его подвиги. Онъ за политическія мнѣнія приказалъ отравить ядомъ 4-хъ человекъ, велѣлъ зарѣзать 3,765, развѣшать 1,398 и казнить на плахѣ 300 — всего 5,884 человекъ.

— Въ свѣдѣствѣ французскихъ королей прстарый ведется обычай, что принцы крови, кромѣ разныхъ наукъ, обучаются какому-нибудь ремеслу; такъ

Луи-Филиппъ знаетъ столярное ремесло Молодой графъ парижскій, наследникъ французской королевы, учится печатать книги, и дядево въ тюльрийскомъ дворцѣ устроена маленькая типографія. Многие изъ извѣстныхъ французскихъ бельетристовъ подражаютъ въ этомъ обычай королевской фамилии. Викторъ Гюго промѣнялъ лиру на столярный рубанокъ, и теперь болѣе строгаеетъ досокъ, чѣмъ пишетъ стиховъ. Альфредъ де-Виньи шьетъ башмаки и ботинки, и недавно изготовилъ одной прекрасной актрисѣ на-ру отличныхъ сафьянныхъ туфель. Жень Сю шлѣуетъ алмазы, какъ его Морель въ Парижскихъ Тайнахъ..

— Можетъ-быть, не было въ свѣтѣ женщины пристрастивъ къ модѣ и нарядамъ англійской королевы Елизаветы, скончавшейся въ 1598 году. Она каждый день надѣвала новый костюмъ, и послѣ ея смерти найдено въ ея гардеробѣ до 3,000 платьевъ, смитыхъ изъ драгоценныхъ матерій и унизанныхъ жемчугомъ и дорогими камнями. Одинъ германскій туристъ, Поль Генцеръ, былъ въ Лондонѣ въ 1597 году и видѣлъ тамъ Елизавету. Ей было тогда шестьдесятъ-пять лѣтъ отъ роду. Лицо имѣла она длиноватое, но красивое, хотя все въ морщинахъ. Она носила на головѣ рыжимъ парикъ и маленькую брильянтовую корону. Бѣлое атласное платье унизано было крупѣйшимъ жемчугомъ въ величину обыкновеннаго боба; мантилья чернаго атласа съ серебряными пѣтлями. Кофецъ длиннаго ея шлейфа несла придворная фрейлина. Всѣ присутствующіе на аудиенціи говорили съ королевою не иначе, какъ стоя на коленяхъ; въ которыхъ особѣ Елизавета поднимала съ колѣнъ въ знакъ особеннаго къ нимъ уваженія; выиѣ давала целовать свою руку, унизанную перстнями. Въ которую сторону королева ни обращала свой взоръ, всадъ все шло къ ней надало на колѣни.

— Французскій король Филиппъ-

Красивый поведѣль закономъ, чтобъ жители Парижа, безъ различія состояннй, не смѣли употреблять болѣе двухъ кушаний за обѣдомъ. Другимъ повелѣнїемъ запрещалось гражданамъ прогуливаться по улицамъ и бульварамъ: это право присвоено было только дворянамъ. Во время царствованія Франциска I-го, въ Парижѣ вовсе не было каретъ: въ каретѣ имѣлъ право ѣздить только король и его фаворитка, прекрасная Діана-Шуаттеская. Придворные и другіе знатные дворяне ѣздили только верхомъ на одномъ сѣдлѣ вмѣстѣ съ своими супругами. Также и въ Англіи до царствованія Карла II-го пэры и прочее дворянство ѣздили только верхомъ.

— Въ бывшей Венеціанской Республикѣ, когда дождь засѣдалъ въ совѣтѣ, къ ногамъ его клали ключи отъ арсенала, чтобъ, въ случаѣ народнаго бунта, венеціанское дворянство, присутствующее въ залѣ совѣта, могло въ минуту быть вооруженнымъ. Для этой цѣли нѣсколько сотъ карабиновъ и ружей находились въ арсеналѣ заряженными, а также надъ парадною лѣстницею Дворца-св.-Марка, гдѣ засѣдалъ совѣтъ, повѣшано было нѣсколько сотъ пикъ, топоровъ и мечей, а внизу у лѣстницы стояла жаровня съ 300 фитилями и съ двумя ружейными замками. Стоило только въ случаѣ опасности спустить ружейный курокъ жаровни, и всѣ фитили въ минуту загорались.

— Австралія — такая страна, въ которой по-преимуществу можно дѣлать еще какія-либо открытія, а потому англійскіе туристы особенно любятъ посѣщать эту отдаленную землю и рассказываютъ про нее такія исторіи, которыя очень-легко можно принять за басни. Извѣстный лордъ Стоке (Stokes) посѣщалъ Австралію съ ученою цѣлью и на одномъ изъ ея береговъ нашелъ неисчислимое множество околѣвшихъ черепахъ, которыя, вѣроятно, приходить сюда изъ многихъ странъ пятой

части свѣта, какъ на общее сборное мѣсто, чтобъ «отдать послѣдній долгъ природѣ», какъ говаривалъ Сумароковъ. Этотъ случай напоминаетъ намъ одно мѣсто въ Патагоніи, гдѣ гуанаки (ламы) имѣютъ общее кладбище и куда онѣ обыкновенно приходятъ умирать.

— Въ Голландіи находится въ цвѣтущемъ положеніи колонія нищихъ. Въ ней по 31 декабря 1845 года считалось 10,310 душъ, а послѣ того прибавилось еще 800 человекъ. Въ прошедшемъ году, эти колонисты приготовили 83,500 фунтовъ бумажной пряжи, 26,226 кусковъ бумажной матеріи и 485,000 мѣшковъ для кофе. Мѣшки эти назначены для отправленія въ Яву.

— Въ торговой метрополіи свѣта. Лондонѣ, всякаго рода таланты находятъ себѣ вѣрный кусокъ хлѣба. Между тамошними купцами одинъ добываетъ себѣ очень-порядочный доходъ единственно тѣмъ, что узнаетъ съ перваго взгляда доброту и прочія качества янлиго. За эту сортировку онъ получаетъ въ годъ до 10,000 талеровъ. Другой наживаетъ себѣ 35,000 талеровъ благодаря тонкому вкусу своего языка. Онъ только пробуетъ виноградный вина на биржѣ, и т. д.

— Въ Парижѣ особенное любопытство иностранцевъ обращаетъ на себя толкучій рынокъ, называемый le Temple, находящійся по сосѣдству павильонной тюрьмы, гдѣ заключенъ былъ несчастный король Лудовикъ XVI. Этотъ знаменитый рынокъ парижскихъ пролетаріевъ состоитъ изъ четырехъ главныхъ частей со множествомъ переходовъ и переулковъ. Въ немъ считается до 1,400 лавочекъ, которыя отдаются въ наемъ поведѣльно за 20 су. Главный рядъ лавочекъ называется «краснымъ», а другіе «черными». Мѣсто, гдѣ торговки торгуютъ разною мелочью, называется Palais Royal, а товары ихъ frivolités: тутъ продаются женскія поношенныя пла-

тъя, мытыя кружева, бахрама, туалетныя вещи для горничныхъ и кухарокъ и мытыя старыя перчатки. Въ Pavillon de Flore торгуютъ поддержавымъ бѣльемъ, изношеннымъ мужскимъ платьемъ, длинными перинами и матрацами. На площадкѣ, называемой Скачущая Бюга или Forêt noire (черный лѣсъ), мѣсто сборища парижскихъ гаменовъ и прочей сволочи, лежатъ для продажи цѣлыя горы разнаго тряпья, изношенныхъ сапоговъ, башмаковъ, порванныхъ шляпъ, стараго ломанаго желѣза, поддержаной посуды, и проч. Тампльскія торговли уже издали замѣчаютъ у проходящихъ покупателей, въ какомъ состояніи находятся ихъ сюртуки, панталоны и обувь. Такихъ посятителей въ разорванныхъ исполницахъ, въ сапогахъ безъ подметокъ, торговли сперва встрѣчаютъ ласково, привѣтливо, называютъ молодчиками, господами; но если босой покупатель пройдетъ безъ вниманія мимо ихъ лавочекъ, то тучи брани и ругательствъ обрушатся на его бѣдную голову. Изъ почтеннаго господина онъ вдругъ разжалуютъ его въ мошенники, а если такой прохожій еще безобразенъ лицомъ, то торговли сгоняютъ его со свѣта. Для наблюдательнаго фивіолога французскій толкучій рынокъ настоящій кладъ; тамъ онъ найдетъ множество самыхъ оригинальныхъ типовъ изъ простоваролія.

— Въ Сѣверо-Американскихъ-Штатахъ дѣвцы даже богатѣйшихъ семей имѣютъ полную свободу и очень мало подвергаются надзору своихъ родителей. Отъ этого, говорятъ, Американки очень-кокетливы, чрезвычайно любятъ наряды и, вышедъ замужъ, мало заботятся о домашнемъ хозяйствѣ, которое вообще поручается ихъ прислугѣ. Все это бываетъ слѣдствіемъ ихъ воспитанія въ женскихъ пансіонахъ, которыхъ множество во всякомъ большомъ городѣ. Дѣвцы изъ богатыхъ семействъ воспитываются въ нихъ до 20-ти лѣтняго возраста. Но, вмѣсто того, чтобъ воспитанницамъ

давать тамъ приличное ихъ полу образованіе въ наукахъ и нравственности имъ позволяютъ въ пансіонахъ принимать гостей, дѣлать визиты своимъ знакомымъ, давать балы и вечерники, присутствовать на всѣхъ публичныхъ гуляньяхъ, держать даже свои собственные экипажи и слугъ. Богатыя ученицы живутъ въ пансіонахъ, какъ въ публичныхъ гостиницахъ, и имъ позволено дѣлать все, что заблаговременно разсудятъ. Содержательницы пансіоновъ мало заботятся о нравственности своихъ воспитанницъ и стараются только получить исправно плату отъ родителей за ихъ содержаніе. Если воспитанницы захотятъ ѣхать на балъ, то директриса пансіона провозвѣститъ туда въ экипажѣ. Если молодая дѣвица влюбится на балу въ ловкаго таяпера, въ такомъ случаѣ директриса играетъ тутъ роль посредницы и мало помалу устроиваетъ эту партію, которая верѣлко кончается свадьбою молодой четы. Содержательницы гордятся тѣмъ, что воспитанницы ихъ пансіоновъ прямо идутъ подъ вѣнецъ. И такъ нельзя удивляться, что воспитанницы легче влюбляются и заводятъ интригу въ пансіонахъ, чѣмъ у себя дома. При этомъ надобно замѣтить, что программы такихъ пансіоновъ сочиняются весьма-хвастливо. Кромѣ десяти иностранныхъ языковъ, обучаютъ тамъ всѣмъ наукамъ, если вѣрны программы; но молодыя дѣвцы выходятъ изъ пансіоновъ незная даже названія этихъ наукъ. — Эти интересныя извѣстія о женскихъ пансіонахъ Америки почерпнули мы изъ путешествія одного нѣмецкаго барона, который судилъ о нихъ такъ строго вѣроотно по сравнению съ германскими женскими пансіонами.

— Чего не выдумываютъ для конфорты публики лондонскіе спекулянты! Вотъ, на-примѣръ: одинъ книгопродавецъ знаетъ, что всѣ корреспонденты обыкновенно сообщаютъ своимъ друзьямъ и знакомымъ въ провинціи разныя политическія новости. Чтобы

забавить ихъ отъ этого труда, онъ придумалъ на тоненькихъ доскуткахъ почтовой бумаги печатать разныя современные известія и новости лондонскія. Теперь такіе газетные доскутки продаются за бездѣлицу во всѣхъ лондонскихъ мелочныхъ лавочкахъ.

==

Просимъ читателей исправить весьма важную погрѣшность, вкрапшуюся въ июльской книжкѣ «Отеч. Записокъ». Въ самомъ началѣ критической статьи въ книгѣ «Сборникъ Историческихъ и Статистическихъ Свѣдѣній о Россіи

и народахъ ей единовѣрныхъ» (Отеч. Зап. т. XLVII, Критика, стр. 1), эпиграфъ, взятый изъ Пушкина, приписанъ разбираемой книгѣ, въ которой его вовсе нѣтъ: онъ принадлежитъ самой статьѣ и долженъ бы былъ стоять въ ея заглавіи. Впрочемъ, кто прочелъ со вниманіемъ статью, тотъ вѣрно самъ догадался, что издатель «Сборника» никогда бы не рѣшился выбрать эти строки эпиграфомъ къ своей книгѣ, и что, напротивъ, онъ могутъ быть приняты за тему всей статьи о «Сборникѣ». Повторяемъ здѣсь этотъ эпиграфъ: «Она сложена въ новѣйшее время; въ ней есть кака-то восточная безсмыслица, имѣющая свое поэтическое достоинство» (Путеш. въ Арзрумъ, стр. 161).

М О Д Ы.

Сколько разнообразія, вкуса и богатства въ нынѣшнихъ нарядахъ! Кажется, никогда еще не было столько роскоши въ костюмахъ, какъ нынѣшнимъ лѣтомъ. Впрочемъ, этотъ годъ—исключеніе; обыкновенно на лѣто всѣ раздѣжаются по деревнямъ, по дачамъ, чтобъ отдохнуть отъ зимнихъ баловъ и менѣе занимаются своимъ туалетомъ; но нынѣче, напротивъ, гулянья, балы, фейерверки, которые смѣняли другъ друга въ окрестностяхъ Петербурга пѣлый мѣсяцъ,—привлекли толпы нарядныхъ дамъ и мужчинъ, такъ-что мы едва успѣвали запоминать всѣ разнообразныя костюмы.

Вотъ удивительныя шляпки-капотъ тюлевые на кулисахъ, съ узенькими атласными рудъ и букетами изъ цвѣтовъ, или соломенныхъ шляпки, украшенныя овсяными колосьями или букетами цвѣтовъ ивы, окруженными густою зеленью; наконецъ шляпки, вышитыя соломой или шелкомъ, съ букетомъ засыхающихъ цвѣтовъ, съ пожелтѣвшей зеленью,—всѣ эти шляпки очень-оригинальны и милы. Наконецъ, очень-хороши вязитыя шляпки креповыя, украшенныя одною узенькой соломкой или букетомъ изъ краснаго полеваго мака или изъ васильковъ. Бастовыя шляпки необыкновенно-красивы съ букетомъ сериловыхъ цвѣтовъ или лентъ, у которыхъ концы съ бѣлой бахромой. Вообще, ленты на шляпкахъ носятя не иначе, какъ съ бахромой; цвѣты же большею частію съ густою зеленью.

Многія дамы на дачахъ носятъ па-стухескія шляпы. На шляпу этого фасона необходимо нужна гирлянда, но не букетъ цвѣтовъ. Мы видѣли шляпу

этого фасона изъ бѣлой басты съ гирляндой бѣлыхъ цвѣтовъ и съ большими бантами подъ полями изъ зеленыхъ и бѣлыхъ лентъ, перемѣшанныхъ кистей.

Зонтики, называемые маркизы, предпочитаютя больше для натаиванья въ экипажахъ; но для гулянья употребляютя довольно-большіе зонтики и очень-часто безъ бахрамы, совершенно гладкіе развѣ съ узенькой атласной каемкой. Цвѣта же предпочитаютя больше розовый, бѣлый, голубой и сѣрый. Палочка у зонтика дѣлается совершенно гладкая и очень-тоненькая и вѣтъ ни кистей, ни снурковъ у ручекъ.

Матеріи для платья большею частію употребляютя съ большимъ отливомъ и пепельный цвѣтъ съ бѣлымъ отливомъ чрезвычайно-эффектенъ при солнцѣ. Очень хороша для платья шелковая кисея: она легка и не скоро мнется; но барежъ все еще въ модѣ, хотя носитя только въ утреннемъ пеглижѣ.

Фасонъ платья нисколько не мѣняется. Лифы дѣлаются все еще сборчатые напередѣ и съ узенькимъ кушакомъ; отвороты бывають напередѣ и назадѣ. Открытые лифы очень-часто дѣлаются греческіе, т. е., немного-сборчатые на плечахъ и напередѣ, тѣмже совершенно-гладкіе съ бертой, которая иногда бываеть очень-велика, такъ-что напоминаетъ собою старинныя портреты испанскихъ женщинъ.

Многія щеголихи начали носить рукава полу-широкіе съ узенькой обшивкой у кисти. Форма этихъ рукавовъ не очень-граціозна, и право жаль, что продолжаютъ носить греческіе рукава, которые были такъ красивы и парадны

Въ Парижѣ, изъ котораго наши дамы получаютъ свѣдѣнія о модахъ, достаточно каприза одного какого-нибудь лица, чтобъ переимѣнить самый красивый нарядъ на безобразнѣйшій, или самый удобный на самый безпокойный.

Уборка платья состоитъ большую часть изъ нѣсколькихъ бѣ, которые лежатъ одинъ надъ другимъ въ семь и болѣе рядовъ; многія вырѣзываютъ эти бѣ круглыми воланами и обшиваютъ узенькой бахромой. Большія фалбалы все еще носятъ, какъ на шелковыхъ, такъ и на кисейныхъ платьяхъ. Пуговицы на платьяхъ вошли снова въ моду; въ Парижѣ появились пуговицы деревянные, разрисованныя. Не знаешь, есть ли у насъ такія же пуговицы, но если еще нѣтъ, то вѣрно скоро будутъ.

Вышивка на платьяхъ по-прежнему многимъ нравится и въ-самомъ-дѣлѣ вышитыя платья очень-красивы, особенно кисейныя бѣлыя, вышитыя бѣлымъ шелкомъ въ тамбуръ. Тюлевые платья чрезвычайно-граціозны съ буфами въ нѣсколько рядовъ, и еще лучше, если каждая буфа отдѣлена отъ другой узенькимъ атласнымъ рудомъ одинакаго цвѣта съ платьемъ; хотя другія дѣлаютъ на бѣлыя платья розовыя, голубыя и другаго цвѣта рудомъ, но это не очень-красиво; иногда, вмѣсто атласна-

го руда, употребляютъ узенькую соломку.

Бѣлыя креповыя платья дѣлаются въ двѣ юбки съ широкимъ рубцомъ на каждой, въ который задегивается атласная лента. Но цвѣты и кружева считаются уже необходимостью при всякомъ бальномъ нарядѣ. Лѣтняя прическа мало измѣнилась противъ зимней. Булки à la Sévigné въ большой модѣ; особенно онѣ идутъ къ блондинкамъ, которыя бывають иногда очаровательны въ этомъ вѣникѣ изъ булокъ.

Бандо не спускается низко на уши; но ихъ немного сбиваютъ и дѣлаютъ волнистыя, чтобъ они были вышиты подъ шляпами, у которыхъ поля довольно-отлоги внизу. Косу дѣлятъ на двѣ части: первую половину завручиваютъ и затыкаютъ гребенкой, другую же кладутъ вокругъ гребенки. Для бальмовъ прически тѣ же; только прибавляютъ кружева, ленты и большую частью цвѣты.

Платки носовые доходятъ до удивительной роскоши. Вотъ очень-оригинальный рисунокъ для платка. Рада въ три кругомъ платка сдѣланы четвероугольниками, и въ каждомъ четвероугольничкѣ вышиты цвѣтокъ; иногда эти четвероугольнички сдѣланы изъ тюля: тогда платокъ кажется еще красивѣе, потому-что на тюль виднѣе рисунокъ.

